

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ СXXXV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХХV.

1914

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“ . Эртелевъ, 13

1914

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ, 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. I—VII. М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	5
II. Записки графа Н. П. Игнатъева.	49
III. Старая фрейлина. (Историческiй разсказъ). Е. С. Шумигерскаго.	76
IV. Изъ воспоминанiй о дѣтствѣ императора Александра III. А. П. Бологовской.	96
V. Жестокое дѣло. (Разсказъ). П. Н. Потапенка.	103
VI. Всеволодъ Гаршинъ. В. Микulichъ.	121
VII. Встрѣчи и знакомства. А. П. Соколовой.	135
VIII. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. П. Г.	145
IX. Лжехристосъ-ростовщикъ. (Изъ недавняго прошлаго поволжскаго сектантства). П. Л. Юдина.	150
X. Казанская революцiя. Н. М. Лосицкаго.	165
XI. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). Б. Б. Глинскаго.	179
XII. Культурный праздникъ. (Къ столѣтiю со дня открытiя императорской публичной библиотекы). А. Е. Кауфмана.	221
XIII. Въ тихой обители. Б. А. Бракера.	234
<p>Иллюстраци: 1) «Святые» ворота.—2) Великая княгиня Александра Петровна, въ иночествѣ Анастасiя.—3) Великая княгиня Александра Петровна во время болѣзни.—4) Могила великой княгини Александры Петровны.—5) Кабинетъ великой княгини въ парадныхъ покояхъ.—6) Соборы: Николаевскiй (влѣво) и Покровскiй (вправо).—7) Хирургическая больница имени Императора Николая II съ церковью во имя св. Агапита-врача.—8) Собственный кабинетъ великой княгини въ хирургической больницѣ. На первомъ планѣ—кушетка, на которой почилъ ея вѣчичество.</p>	
XIV. На перевалѣ Сарыкъ-моголь. (Изъ скитанiй по горному Туркестану). Н. Корженевскаго.	250
<p>Иллюстраци: 1) Ущелье рѣки Кичикъ-алай.—2) Урочище Ой-каинъ.—3) Видъ съ устья р. Сарыкъ-моголь на Алайскiй хребетъ.—4) Гребень перевала Сарыкъ-моголь (14.000 футовъ надъ уровнемъ моря). Вѣчные снѣга.</p>	
XV. Иностранцы о Россiи.	259
XVI. Критика и библиографiя.	283
<p>1) Великiй князь Николай Михайловичъ. Донесенiя австрiйскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913. В. А. Алексѣева.—2) Власть всероссiйскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. П. Е. Казанскаго, ординарнаго профессора и декана юридическаго факультета императорскаго новороссiйскаго университета. Одесса. 1913. В. Грибовскаго.—3) Пятидесятилѣтiе Румянцовскаго музея въ Москвѣ, 1862—1912 гг. Историческiй очеркъ. Москва. 1913. И. С. Б.—4) Матеріалы военно-ученаго архива. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ первый. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Военныя дѣйствiя 1812 года. Томы XIX—XX. Спб. 1912. Л. И.—5) Н. Евренновъ. Исторiя тѣлесныхъ наказанiй въ Россiи. Спб. 1913. А. Б.—6) Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Москва. 1913. П. Майнова.—7) Горяновъ, С. Государственный архивъ. Разрядъ II.—«Дѣла, собственно до императорской фамилии относящiяся». Спб. 1913. М. И.—8) Записки отдѣленiя русской и славянской археологiи императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ IX. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. А. Мирнова.—9) А. С. Архангельскiй, заслуженный профессоръ. Изъ лекцiй по исторiи</p>	

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

русской литературы. Литература Московскаго государства (конецъ XV—XVII вѣвовъ). Казань. 1913. кн.—10) Профессоръ Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ.—Жизнь.—Личность.—Творчество. Изъинъ. 1914. вл. фонъ-штейна.—11) Евг. Кагаровъ. Культъ фетишей, растений и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913. б.—12) Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій. Спб. 1913. п. б.—13) Проф. А. Л. Погодинъ. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913. в. Мар—снаго.—14) В. Жирмундскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914. а. б.—15) La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Par Pierre Kouznetsov. Paris. 1912. н. в.—16) Библиографическій указатель русской этнографической литературы о вѣншемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 гг. Составилъ Д. Е. Зеленинъ. Спб. 1913. б. Данилова.—17) Извѣстія общества изученія Олонецкой губернии. 1913. № 1. Петрозаводскъ. 1913. а. м.—на.—18) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ Томъ XVIII. Юрьевъ. 1911. Томъ XIX. Юрьевъ. 1912. к.—19) Я. А. Канторовичъ. Конвенція между Россіею и Германіею для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1913. г. Гинса.—20) Свѣтъ тихій. Пьеса въ пяти актахъ Евгения Безмятова. Москва. 1913. г. Полилова.—21) Къ жизни новой. Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Томъ III. Одесса. 1913. м—о.—22) Balkanicus. Сербия и болгары въ балканской войнѣ. Спб. 1913. в. Мар—снаго.—23) Вашмаковъ, Александръ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб. 1913. в. Мар—снаго.—24) А. Невскій. Ленскія событія и ихъ причины. Спб. 1913. а. Фаресова.—25) Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Спб. 1913. в. Данилова.—26) М. Воронкинъ. Дядя зоветъ. Литературныя поминки по графѣ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ. Харьковъ. 1913. м.—27) Своеручныя записки внягини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генераль-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Спб. 1913. м. с. б.—28) Документы, относящіяся къ исторіи 1812 года. Первая часть 14 выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи». Съ высочайшаго соизволенія, подъ редакціей приватъ-доцента В. Смирнова. Спб. 1913. п. майнова.—29) Владимиръ Ивановичъ Дашъ въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ, составленный членомъ оренбургской ученой архивной комиссіи священникомъ Николаемъ Модестовымъ. Оренбургъ. 1913. д. м—ю.—30) Овидій. Баллады-посланія. Переводъ со вступительными статьями и комментаріемъ Ф. Зѣлинскаго. (Памятники мировой литературы). Москва. 1913. я. Бирюнова.—31) S. Graham Changing. Russia. London. 1913.—R. Reynolds. My russian Jear. London. 1913. а. б—а.—32) Н. Кадминъ. Философія убійства. Москва. 1913. п. б.

XVII.	Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измайлова.	327
XVIII.	Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника».	346
XIX.	Заграничныя историческія новости и мелочи.	350
	1) Стефанія Вогарнэ, великая герцогиня баденская.—2) Два корсиканца.—3) Людовикъ XVIII въ Гентѣ въ время ста дней.—4) Абдуль-Гамидъ и его дворець.—5) Театральная цензура въ эпоху реставраціи.—6) Къ исторіи Трианона.	
XX.	Смѣсь.	366
	1) Въ императорской академіи наукъ.—2) Торжественное засѣданіе въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности.—3) Тридцатипятилѣтніе высшихъ женскихъ курсовъ.—4) Пятидесятилѣтній юбилей профессора А. Л. Катанскаго.—5) Юбилей В. П. Лебедева.—6) Двадцатипятилѣтній юбилей А. П. Нечаева.—7) Юбилей А. И. Вильборга.—8) Чествованіе В. Д. Саволова.—9) Юбилей поэта-народника.—10) Юбилей профессора Л. Г. Велларминова.—11) Пятидесятилѣтній юбилей И. Я. Спригса.—12) Наслѣдіе Ф. В. Булгарина.—13) Первые военно-библиотечные курсы.—14) Новая ученая архивная комиссія.—15) Правила о присужденіи премій въ память А. С. Воронова.	
XXI.	Некрологи.	376
	1) Вырубовъ, Г. Н.—2) Гродековъ, Н. И.—3) Мартыновъ, Н. А.—4) Мордовцевъ, А. Л.—5) Мира, А.—6) Островскій, Н. С.—7) Поповъ, Р. С.—8) Епископъ Симеонъ.—9) Тарскій, А. І.	
XXII.	Замѣтки и поправки.	383
	Отвѣтъ А. Черняевой. Г. п. Федорова.	

Приложенія: 1) Портретъ графа Николая Павловича Игнатьева.—2) «Во дни Юліана Отступника», историческій романъ Дж. Эйсхофа, въ переводѣ А. Б. Михайлова.

Ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать пятый годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 34-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ» прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ годъ безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 40 р., за 1/2 стр. 25 р., за 1/4 стр. 15 р.; позади текста за страницу 25 р., за 1/2 стр. 15 р., за 1/4 стр. 10 р.

Для напечатанія въ 1914 г. редація располагаетъ слѣдующими литературными матеріалами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Г. Веселковой-Кильштетъ «На родной почвѣ». Романъ въ двухъ частяхъ.—**І. І. Ясинскаго** «Камаринскіе царевичи». Историческая повѣсть.—**И. Н. Потапенка** «Безкровное». Повѣсть изъ былыхъ временъ; «Человѣческое», «Жестокое дѣло», рассказы.—**П. П. Гнѣдича** «Смерть курьера Мамошила».—**А. А. Измайлова** «Подъ фіолетовой мантией». Мелочи архіерейской жизни.—**Е. С. Шумигорскаго** «Старая фрейлина». Историческій рассказъ.—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «На каюкахъ». Повѣсть изъ быта русскаго Сѣвера.—**С. И. Васюкова** «Давыдка и бурлаки». Посмертннй рассказъ.—**М. С. Васильевой** «Новые жильцы». Записки домовладѣлицы.—**В. В. Уманова-Наплуновскаго** «Унасы города». Человѣческіе документы.—**Г. Ольшанскаго** «Вѣдьма». Изъ типовъ русской деревни.—**Вл. Нарбута** «Солдатка». Изъ типовъ русской деревни.—**С. С. Окрейца** «Записки повѣшеннаго». Исповѣдь революціонера.—**А. В. Ториновича** «Талантливая личность». Рассказъ.—**С. П. Руднева** «Изъ жизни». Изъ записокъ судьбы.—**Е. Витковича** «Живая-мертвая». Рассказъ изъ временъ крѣпостного права.—**А. В. Волжина** «Въ поискахъ судьбы». Повѣсть.—**А. Микулиной** «Страшное дѣло». Рассказъ,—и другія произведенія.

ВОСПОМИНАНІЯ: Записки 1876—1877 гг. гр. **Н. П. Игнатьева**—Записки **Н. В. Исакова**.—Воспоминанія **А. Ѳ. Нони**.—**Е. Н. Андреевскаго** «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ».—Записки **Арк. Ник. Чичерина** 1866 г.—**Н. Н. Фирсова** (Л. Рускина) «Въ редакціи журнала «Русское Слово».—**Е. И. Жуковской** «Изъ воспоминаній шестидесятиницы».—**С. Н. Эфрона** (Литвина). «Кагалъ и кагальники».—**М. В. Шевлякова** «Изъ рассказовъ **П. И. Вейнберга**».—Воспоминанія **С. Д. Милокова**.—**В. Б. Бертенсона** «За тридцать лѣтъ» (Листки изъ воспоминаній).—**А. Е. Науфмана** «За кулисами печати» (Листки изъ архива стараго журналиста).—**М. Ф. Чулицкаго** «Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣателя».—**В. В. Бруснянина** «Домъ на костяхъ». Изъ семейной хроники.—**А. И. Соколовой** «Встрѣчи и знакомства».—**М. А. Щепкина** «Театральныя мелочи».—**К. И. Ванченко** «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**П. А. Россіева** «Силуэты».—**Г. Черенкова** «Годъ по тюрьмамъ».—**А. Ф. Рукевича** «Изъ воспоминаній стараго эриванца» (1832—1839 гг.).—**Я. Н. Колубовскаго** «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Г. Н. Потанина** «Воспоминанія о Д. Д. Минаевѣ».—**С. У.** «Мозаика» (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).—**В. З. Ткачука** «Въ царствѣ нефти» и мп. др.

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ: **Б. Б. Глинскаго** 1) «Развѣнчаные герои революціи 1906 года». а) о. Г. Гапонъ, б) Азефъ; 2) «Прологъ къ русско-японской войнѣ». (Архивныя матеріалы).—**П. Юдина** «Лжехристосъ-ростовщикъ».—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «Гибель «Фершампенуаза», «Корельскіе обряды».—**Е. С. Шумигор-**

снаго «Марія Антоновна Нарышкина».—**В. Теплова** «Али-паша Тешеленскій».—**П. П. Шубинскаго** «Убійство кн. М. А. Накашидзе».—**В. В. Данилова** «Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ». («Отечественныя Записки» П. П. Свинина).—**Т. А. Мартемьянова** «Комедія о царѣ Максимиліанѣ».—**Н. Н. Фирсова** «Императорскій посоль и дворянская опека».—**П. Головачева** «Евреи въ процессѣ декабристовъ».—**Е. Т. Смирнова** «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева».—**С. Россинскаго** «Въ котлѣ революціи».—**Свящ. І. Щелкунова** «Русскій самозванецъ Лже-Іоаннъ VI въ Даніи».—**К. А. Дворжицкаго** «Изъ прошлаго петербургской полиціи».—**А. А. Таннова** «Первый поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ».—**А. Панкратова** «Послѣдній петрашевецъ».—**В. И. фонъ-Штейна** «Русская меценатка въ Римѣ (Княгиня Э. А. Волконская)».—**Н. Н. Оглоблина** «Изъ ветлужскихъ впечатлѣній».—**А. А. Сигова** «На Сахалинѣ во время войны».—**А. Н. Серебрянниковой** «Возстаніе поляковъ за Байкаломъ въ 1866 г.» и мн. др.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СТАТЬИ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ (съ рисунками): **А. И. Фирсова** «По Днѣпру», «Коренная пустынь», «Вологодскій Спасо-Прилуцкій монастырь», «У могилъ двухъ поэтовъ».—**А. Сигова** «Городъ Гомель».—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ** «Уголокъ Бѣлаго моря».—**Вл. Анфилова** «Маловѣдомыя красоты» (Алтайскія замѣтки). **Н. Норженевскаго** «Изъ скитаній по горному Туркестану».—**А. Вязовскаго** «Столица Сибири».—**Вл. Н. Княжнина** «Два монастыря Псковской земли».—**В. Г. Вейденбаума** «Гагры», «По горному Алтаю».—**В. Сазонова** «По берегу Иссыкъ-куля».—**А. Я. Таранецъ** «По Забайкалью», «По сибирскимъ заходустьямъ», «Изъ туркестанской были», «Ходжентъ».—**В. В. Данилова** «Въ молдавскомъ монастырѣ».—**В. Грачева** «Смоленскія древнехранилища».—**Н. Ѳ. Анаимова** «Городъ Св. Николая».—**Затеряннаго** «Въ Переіи».—**Д. П. Богданова** «Боровскій Пафнутаевскій монастырь и могила Луппа Кленпева».—**Н. Максимова** «Ушь-Таганъ».—**А. Мощанскаго** «Военно-Сухумская дорога».—**Ф. Е. Зарина-Несвицкаго** «Пушкинскій уголокъ» и др.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ при участіи: проф. П. В. Безобразова, Д. А. Бочкова, А. М. Бѣлова, И. С. Бѣляева, проф. Б. В. Варнеке, В. В. Воронова, К. А. Военскаго, Г. К. Гинса, Б. Б. Глинскаго, П. П. Гнѣдича, проф. В. М. Грибовскаго, В. В. Данилова, В. В. Жерве, А. А. Измайлова, прив.-доц. М. В. Клочкова, В. Н. Княжнина, Я. Н. Колубовскаго, К. В. Кудряшова, В. К. Кузнецова, проф. М. Е. Красножана, Н. А. Лачинова, Н. О. Лернера, А. М. Ловягина, проф. А. І. Малейна, П. М. Майкова, Т. А. Мартемьянова, А. А. Миронова, А. М. Нечаевой, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, проф. И. И. Соколова, В. Э. Ткачука, А. И. Фаресова, А. Г. Фомина, В. И. фонъ-Штейна, С. В. фонъ-Штейна, Е. С. Шумигорскаго, проф. А. И. Яцимирскаго и др.

На отдѣлъ критики и библіографіи редакціей обращено особенное вниманіе. Въ каждой книжкѣ журнала рецензируется свыше 20 вновь вышедшихъ книгъ, по преимуществу по отдѣлу русской, всеобщей и древней исторіи, литературы, археологіи, исторіи права, искусствъ и др. отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 г. въ журналѣ открывается **новый отдѣлъ по обзорнiю отечественныхъ журналовъ**, а также **Книжный Листокъ**, гдѣ будутъ отмѣчаться всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціей европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ. «Историческому Вѣстнику» общали участіе, кромѣ перечисленныхъ авторовъ: **А. Н. Булицевъ**, **В. П. Буренинъ**, **В. В. Брусаянинъ**, **Юр. Д. Бѣляевъ**, **Л. В. Веселитская**

Микуличъ, А. Н. Витмеръ, А. Е. Заринъ, Ф. Е. Заринъ-Несвицкій, Е. П. Карповъ, А. Ф. Нони, В. С. Кривенко, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. А. Луговой, М. М. Марина, К. П. Медвѣдскій, Н. Н. Михайловъ, П. М. Невъжинъ, П. А. Россіевъ, П. И. Соколовъ, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскій, Вл. А. Тихоновъ, Г. П. Федоровъ, И. П. Ювачевъ, Н. А. Энгельгардтъ и др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1914 году будетъ напечатанъ историческій романъ Джона Эйскофа «Во дни Юліана Отступника» въ переводѣ А. Б. Михайлова.

Подписчикамъ «Историческаго Вѣстника» на 1914 г. предоставляется право приобрести за 10 руб. вмѣсто 18 руб. сочиненіе С. М. Соловьева

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

29 томовъ въ 7 книгахъ (съ указателемъ), полный текстъ 5800 стр. большого формата въ 2 столбца, портретъ и факсимиле автора.

Желающимъ приобрести это изданіе просятъ выслать въ контору журнала «Историческій Вѣстникъ» Невскій пр., д. № 40, десять (10) рублей. Стоимость пересылки (1 руб. 60 коп. для Европейской Россіи, 2 руб. 80 коп. для Западной Сибири и 4 руб. для Восточной Сибири) будетъ взыматься наложеннымъ платежомъ.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга

Б. Б. Глинскаго

**„Среди литераторовъ
и ученыхъ“**

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ИГНАТЬЕВЪ.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Тихій звонъ великопсестный...
Медленно-печальный звонъ.
Изъ кадила ладанъ росный
Вьется стружкой вдоль иконъ.

Ликъ угодниковъ безкровный
Озаряетъ пламя свѣчь.
Онѣмѣль языкъ грѣховный,
Силы нѣтъ мольбу изречь...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

БЫЛО БЕЗЪ десяти десять. Обѣдня въ православной церкви нѣмецкаго городка, гдѣ царствовала когда-то русская царевна, выданная замужъ за властителя небольшого германскаго государства, начиналась ровно въ половинѣ одиннадцатаго, а у Маруси еще ни оторванная наканунѣ завязка отъ шляпы не была пришита, ни отлакированы парадные ботинки.

— Батюшки!—спохватилась она,—что будетъ? Опять попадетъ отъ мамы.

Она тщетно рылась въ своемъ рабочемъ ящикѣ,—хоть бы одна иголка была налицо, а ножницы и наперстокъ тоже благополучно отсутствовали.

— Пойти къ Кирилловнѣ? Она, навѣрно, одѣваетъ бабушку. Только бы мама не услышала!

Дѣвочка на цыпочкахъ скользнула въ коридоръ и постучалась направо.

¹⁾ Настоящій романъ М. Г. Веселковой-Кильштетъ является продолженіемъ романа «Колычевская вотчина», напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1911 г. Однако романъ «На родной почвѣ» носить совершенно самостоятельный характеръ и читается независимо отъ перваго произведенія автора. Ред.

— Кто тамъ?

Сморщенная черноглазая старушка открыла дверь.

Маруся впорхнула въ комнату и повисла на шеѣ у другой полной, сѣдовласой старухи съ удивительно кроткимъ выраженіемъ лица.

— Бабушка, милая, можно Кирилловнѣ помочь мнѣ? а то мама опять разсердится. У меня лента оборвалась, а всѣ иголки и ножницы куда-то запропали. Я не знаю, что дѣлать... Сейчасъ ужъ ѣхать пора!..—говорила она шепотомъ, косясь на запертую дверь въ смежную комнату.

— Грѣшница ты, грѣшница! Все тебя покрывай!.. Никогда ни о чемъ ты во-время не подумаешь, мамы не пожалѣешь. Вѣчно одно и то же,—изъ дому ѣхать, а ты иголку разыскиваешь. Давай сюда! Въ чемъ дѣло?—покачала головой бабушка.

Сунувъ въ руки старушкѣ шляпу и ленту, Маруся снова выскользнула въ коридоръ и такъ же неслышно прокралась въ кухню къ Анхенъ. Толстая нѣмка только что положила мясо въ кастрюлю, какъ дѣвочка у нея повисла на шеѣ и шепнула:

— Отлакируйте, пожалуйста, мои ботинки! вы такъ хорошо это дѣлаете!

Хотя отъ Маруси по строго разъ навсегда установленной системѣ воспитанія требовалось, чтобы она все дѣлала сама, но и Кирилловна и Анхенъ постоянно тайкомъ ей помогали и услуживали, зная, что иначе на бѣлокурую головку двѣнадцатилѣтней дѣвочки обрушивались громы материнскаго гнѣва, и грѣшницѣ приходилось оставаться безъ лакомства и прогулки и списывать страницу изъ русской хрестоматіи или долбить наизусть длинные французскіе стихи.

Ея воспитаніе и обученіе шли по дневному расписанію. Ни секунды въ будни дѣвочка не имѣла въ своемъ распоряженіи, и только иногда по субботамъ, когда нездоровилось матери и на танцклассъ къ Сѣвскимъ ее сопровождала Анхенъ, она чувствовала себя свободной и дурачилась и шалила съ подругами. Но, увы! это случилось очень рѣдко! Знакомство у нихъ было весьма ограниченное, а въ школу, несмотря на совѣты окружающихъ, ея не отдавали.

Не прошло и десяти минутъ, Маруся уже щеголяла въ заново отлакированныхъ башмакахъ и завязывала пышнымъ бантомъ ленты подъ подбородкомъ.

— Бантъ прямо?—спросила она Анхенъ.

— О, да!

— На боку было бы красивѣе,—продолжала дѣвочка:—но мама не позволяетъ.

Она бросила бѣглый взглядъ въ зеркало и улыбнулась себѣ.

Изъ стекла на нее глядѣло задорное личико со вздернутымъ носомъ, большимъ ротомъ и темнокарими глазами. Маруся изучила

это лицо въ подробностяхъ и, несмотря на неправильность чертъ, любила его. Она знала, что если распустить ея туго-натуго, до боли въ вискахъ, заплетенныя косы и хорошенько тряхнуть головою, а затѣмъ потереть щеки и весело улынуться, это лицо окажется весьма привлекательно въ рамкѣ бѣлокурыхъ волнистыхъ прядей, а если въ нихъ сбоку завязать еще ленту или приколоть цвѣтокъ, то оно сразу станетъ похоже на ту головку, которая виситъ у Сѣвскихъ въ гостиной.

Эти опыты она производила не разъ, оставаясь одна съ заданнымъ урокомъ въ своей комнатѣ, когда мать уѣзжала на засѣданія педагогическаго кружка, а бабушка съ Кирилловной сидѣли въ спальнѣ и, стуча спицами, бесѣдовали о прошломъ, объ отошедшей навѣки жизни въ родовомъ Колычевѣ. Распустивъ волосы, разубравъ себя обрывками лентъ и лоскутками, дѣвочка складывала вѣеръ изъ бумаги и разыгрывала цѣлыя сцены, декламируя стихи и обращаясь вполголоса къ стульямъ. Это не были стулья,—это были живые люди — графы, князья, бароны, и всѣ они были влюблены въ нее и ухаживали за ней. Но она имъ равнодушно отвѣчала и только изъ снисхожденія соглашалась протанцовать туръ вальса. Но зато сама она охотно танцевала соло, то становясь на самые концы пальцевъ, то перегибаясь назадъ, чтобы ея пышные бѣлокурые волосы касались пола.

Урокъ, конечно, оставался недодѣланнымъ, но когда ее приходили звать пить молоко, она сидѣла надъ книгой хмурая, съ распущенными волосами и разгоряченными щеками. При малѣйшемъ шумѣ въ коридорѣ бантъ и вѣеръ исчезали, и балерина становилась прилежной Сандрильоной.

— Ужасно жарко!—жаловалась она:—и голова болитъ! Я поневолѣ распустила волосы...

Ни бабушкѣ, ни Кирилловнѣ не приходили въ голову никакія подозрѣнія, а возвращавшаяся къ девяти часамъ вечера мать заставала дѣвочку съ туго заплетенной на ночь косой, съ выпроستانными поверхъ одѣяла руками, мирно спящей.

Такъ было и вчера. Елизавета Ивановна Яшнева была на засѣданіи того «ферейна», въ который записалась ради дочери. Это было общество матерей, строго преслѣдующее разумность воспитанія; оно носило названіе «союза родителей—друзей педагогики», и состояло изъ женъ чуть ли не всѣхъ педагоговъ городка.

Хотя Марусю и воспитывали дома, но Лиза Яшнева считала своимъ нравственнымъ долгомъ прислушиваться къ современнымъ теченіямъ, чтобы не быть отсталой. Увы! какъ ни добросовѣстно посѣщала она эти засѣданія, какъ ни внимательно выслушивала пренія, стараясь впитать въ себя взгляды опытныхъ друзей педагогики, но на дѣлѣ съ Марусей всѣ эти новыя ученія и теченія оказывались почему-то непримѣнимыми.

«Нужно предупреждать возможность совершения ребенкомъ того или иного проступка...

«Нужно быть другомъ ребенка, а не карателемъ...»

«Во лжи и обманѣ виновато не дитя, а воспитатель...»

«Нравственное и умственное воспитаніе не должны идти въ ущербъ развитію тѣлесному; въ здоровомъ тѣлѣ и духъ здравъ...»

«Приглядывайтесь къ каждому отдѣльному индивидууму, направляйте въ русло его инстинкты, но не беритесь прививать кажущихся вамъ желанными свойствъ характера, дабы не исковеркать вложеннаго самой природою въ младенческую душу скрытаго до времени сокровища...»

«Противъ наслѣдственности есть только одно орудіе: неумолимая выдержка педагога...»

«Самостоятельность личности—основа человѣческаго достоинства и счастья...»

Весь этотъ сводъ краснорѣчивыхъ правилъ и изреченій шумно и подробно обсуждался на субботнихъ засѣданіяхъ кружка, куда женщины являлись съ рукодѣліями, а ихъ мужья съ книжками. Одна Яшнева сидѣла съ пустыми руками, но не пропускала ни слова. А въ это время ея дочь и питомица, предоставленная себѣ, наверхъ вала, какъ умѣла, дѣлую недѣлю «неутомимой выдержки» своей воспитательницы, члена «друзей педагогики».

Къ подъѣзду была подана парная наемная коляска, и дамы разсѣлись. Бабушка Александра Николаевна Сотова съ племянницей Елизаветой Ивановной Яшневой размѣстились на главныхъ сидѣньяхъ, а Кирилловна съ Марусей противъ нихъ. Кучеръ въ клеенчатомъ цилиндрѣ и синей съ краснымъ ливреѣ оглянулся и послѣ громкаго: «Darf man fahren?» щелкнулъ бичомъ. Изъ оконъ высунулись сосѣди и закивали головами сидящимъ въ громыхающей коляскѣ женщинамъ.

Ихъ всѣ знали въ околоткѣ. Всякое воскресенье, когда бывала служба, въ этотъ самый часъ тяжелый Zweispänner отвозилъ русскихъ дамъ въ православную церковь, «russische Kapelle». Это былъ почти единственный выѣздъ старухи Сотовой, плохо владѣвшей ногами. Съ доброй улыбкой отвѣчала она на поклоны. И знакомые и незнакомые встрѣчные невольно наклоняли головы при видѣ ея барской фигуры въ старомодномъ, когда-то цѣнномъ салонѣ и сѣдыхъ волосъ, обрамлявшихъ серебрянымъ ободкомъ полное, нѣсколько желтоватое лицо. Всякій чувствовалъ въ ней настоящую даму. Ее звали даже «russische Fürstin». Зато на племянницу кидали равнодушные взгляды. Каменные, цюгда не мѣнявшія выраженія черты къ привѣтамъ не располагали. Но Маруся съ ея живыми карими глазами, любопытно устремленными на Божій свѣтъ, на каждого встрѣчнаго человѣка, на каждый знакомый и не-

знакомый предметъ, вызывала или улыбку, или ласковое: «Grüß Gott, Kindchen!..»

Для дѣвочки поѣздки въ придворную церковь были немалой утѣхой. Во-первыхъ, уже самое катанье черезъ весь городъ было удовольствіемъ, а, во-вторыхъ, она попадала во дворецъ, роскошно обставленный, съ широкой парадной лѣстницей, съ вѣжливыми вымуштрованными лакеями. Она проходила черезъ полутемную аванзалу, гдѣ сквозь сумракъ блистали позолоченными рамами большія картины и бѣлѣли высокія вазы на мраморныхъ консоляхъ. Въ раскрытую направо дверь синими струйками вился навстрѣчу душистый ладанъ, озаренный косо падавшими лучами солнца, и каждый атомъ, каждая пылинка въ нихъ были полны свѣта, движенія, точно принимали участіе въ совершавшемся торжествѣ.

Онѣ входили вчетверомъ. Александра Николаевна передавала Кирилловнѣ деньги, и та покупала пять свѣчекъ, которыя ставились къ разнымъ образамъ, одна общая за упокой, а четыре за здравіе. Мать, толкнувъ дочь впередъ, становилась на коверъ у лѣваго клироса, рядомъ съ теткой; Кирилловна оставалась позади и тотчасъ же опускалась на колѣни.

У каждой изъ этихъ четырехъ женщинъ была своя особая манера молиться.

Александра Николаевна слѣдила за всякимъ словомъ священника и вкладывала въ свои кресты и поклоны всю теплоту сердца. Она молилась и за Государя, и за синодъ, и за палату, и за христіанское воинство, за плавающихъ, путешествующихъ,—къ которымъ причисляла себя, Лизу, Кирилловну и Марусю,—за недугующихъ и плѣненныхъ,—тутъ она глубоко вздыхала и неслышно шептала: «Царство ему небесное!» вспоминая грохотъ тройки съ жандармами и сидѣвшимъ между ними красивымъ брюнетомъ, отправляемымъ въ ссылку Лизинимъ мужемъ,—просила объ избавленіи отъ труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплемениковъ и междоусобныя брани, относя эти мольбы далеко, далеко за горы и рѣки, туда, на востокъ, гдѣ въ это время обѣдня уже отошла и народъ въ праздничныхъ нарядахъ сидитъ за воскреснымъ пирогомъ...

И рисовались ей невольно картины прошлаго,—массивная дубовая мебель столовой въ огромной казенной квартирѣ, и запахъ дымящейся кулебяки, и фигура ея ненагляднаго Simon, не успѣвашаго смѣнить своего вицъ-мундира со звѣздами послѣ официальной обѣдни въ церкви министерства, нервныя движенія его сухощавой руки, затыкавшей уголь салфетки за воротникъ туго накрахмаленной сорочки, и блики солнца на серебрѣ и хрусталѣ безукоризненно сервированнаго стола... Ей слышались разговоры, почтительный гулъ голосовъ сидѣвшихъ кругомъ приглашенныхъ чиновниковъ, которые послѣ завтрака у его превосходительства заходятъ въ кабинетъ, несмотря на воскресенье, за составленіе ка-

кихъ-то докладовъ, а она уйдетъ къ себѣ и будетъ ждать въ малиновой гостиной визитовъ, потому что воскресенье ея пріемный день...

И мысль улетала все дальше и приводила изъ этого полузабытаго далека вереницу людей такъ живо, такъ ярко, точно ихъ отдѣляло одно лишь вчера, а не десятки невозвратныхъ лѣтъ. И кресты становились все медленнѣе, и на добрыхъ блѣдныхъ губахъ мелькала милая улыбка, и голубые, старчески выпцвѣтшіе глаза не видѣли уже образовъ иконостаса, а глядѣли куда-то въ себя все умиленнѣе, все ласковнѣе.

Рядомъ съ ней высокая, сухощавая племянница Елизавета Ивановна Яшнева, бывшая Лиза Кольчева, держалась необыкновенно прямо. Ея обнаженная правая рука творила крестное знаменіе размѣренно-точнымъ движеніемъ, голова склонялась на возгласы священника, колѣни сгибались, и фигура опускалась въ строго установленное время на полъ, но глаза, устремленные неотступно впередъ, глядѣли жестко и сурово. Они слѣдили за стоявшей впереди дѣвочкой, и та чувствовала на себѣ ихъ инквизиторскій взглядъ и иногда нервно оборачивалась.

— Не вертись!— раздавалось сзади, и дѣвочка крестилась торопливымъ крестомъ, точно отгоняя искушеніе.

— Не маши такъ рукою!— слышалось снова...

Это была пытка, пытка для той и другой, и объ ее сознавали, но ни одна не понимала, что дѣлалось въ душѣ у другой.

Мать, давно потерявшая вѣру, ходила въ церковь для дочери. Она лицемѣрила передъ Богомъ, котораго отрицала, и передъ дочерью, которую, по ея убѣжденіямъ, все-таки надо было воспитывать въ религіи, и усиленно соблюдала всю внѣшность православія, кладя поклоны и ставя свѣчи, подавая каждую обѣдню за здравіе близкихъ и за упокой тѣхъ, кто лежалъ въ далекихъ могилахъ. И въ числѣ вписанныхъ въ бархатное поминаніе именъ стоялъ рабъ Божій Василій, ея покойный мужъ, отъ котораго она не приняла ни одного письма и которому не написала въ ссылку ни одного слова. Она была вѣрна ему, потому что быть невѣрной не представлялось и случая. Ни она никому, ни ей никто не нравился. Ея присутствіе наводило холодъ, холодъ пустоты и разрушенія. И какъ ни твердила она себѣ, что должна жить ради дочери, но она не жила, она стояла внѣ жизни всѣ эти тринадцать лѣтъ, а что изъ-за нея рушились и приносились въ жертву другія жизни оторванныхъ отъ родины женщинъ, она не сознавала и ни разу не спросила себя: «имѣю ли на это право?»

Маруся стояла, старательно слѣдя за собой. Какъ всегда въ присутствіи матери, всѣ ея мысли были направлены на внѣшнюю выправку. Никакого душевнаго умиленія у нея не было, но и она складывала пальцы для крестнаго знаменія, становилась въ нуж-

ное время на колѣни и наклоняла голову на возгласъ: «Главы ваша Господеви преклоните!»

Службу она знала на зубокъ. Лиза строго придерживалась институтской программы, и дѣвочка шла вровень со своими сверстницами въ далекой, никогда ею не виданной Россіи.

Но иногда и ея мысли отвлекались. Она искоса слѣдила за присутствующими въ церкви. Всѣхъ она знала или въ лицо, или по именамъ. Зимой составъ богомольцевъ не мѣнялся. Развѣ изрѣдка появлялся то одинъ, то другой иностранецъ. Съ любопытствомъ осматривались они по сторонамъ и съ наслажденіемъ прислушивались къ незнакомымъ напѣвамъ чуждаго богослуженія. Марусю они не интересовали. Ей нравились только русскіе, и именно дѣти. Ихъ она съ нынѣшней осени встрѣчала по субботамъ на танцклассѣ у старожила захолустной нѣмецкой резиденціи Ивана Алексѣевича Сѣвскаго, съ внучкой котораго Катей онѣ особенно дружили и всегда танцовали въ парѣ.

«Вонъ у Сони Долевой опять новая шляпа. Эта отъ Кнаца. У него въ окнѣ двѣ такихъ на прошлой недѣлѣ выставлено было. Опять банты спереди носятъ, и какіе большіе! А перья уже не въ модѣ... Когда я вырасту и буду одѣваться, какъ хочу, непременно стану носить все самое модное, чего еще ни у кого нѣтъ. А начнутъ носить другіе—брошу... Что-то тогда носить будутъ? Можетъ быть, опять такія же бархатныя шляпы съ большими полями... какъ ихъ? да! рембрандты съ длинными, длинными перьями. Я спущу свое до половины спины, буду ѣхать въ коляскѣ на своихъ лошадяхъ... на какихъ? сѣрыхъ или вороныхъ? Нѣтъ, лучше на рыжихъ, гольд-фуксахъ, какъ у консула, и кивать по сторонамъ, а перья такъ и будутъ колыхаться!...» Она кивнула и улыбнулась воображаемому встрѣчному.

— Что съ тобой? Чего ты головой трясешь?—раздалось за спиной.

Дѣвочка вспыхнула и сосредоточилась вновь, стараясь не пропустить условныхъ мѣстъ обѣдни.

А тамъ у дверей сморщенная, черная съ просѣдью, быстроглазая старушка клала кресты и поклоны, не сообразуясь ни съ ходомъ обѣдни, ни съ возгласами священника, не слѣдя за присутствующими.

Она вся ушла въ молитву. Усердно прижимая свои худые, высохшіе и все еще ловкіе и проворные пальцы то ко лбу, то къ груди, то къ правому, то къ лѣвому плечу, она шептала своему русскому Богу простыя русскія слова...

Она молилась и за старую барыню и за молодую... «рабу Твою Лизавету! Смири ты, Господи, гнѣвъ свой! утиши Ты горе ея! пошли Ты ей, Богородица, радости за всѣ муки ея!..» Той же «Богородицѣ Дѣвѣ-радуйся» поручала она и отроковицу Марію, молясь объ ея здравіи и о томъ, чтобы она утѣшала мать за долю горькую

вдовью, за рушенное счастье супружеское!.. А о себѣ, кланяясь и припадая къ дворцовому паркету, молила: «Дай Ты мнѣ, Господи, помереть въ родной землѣ! въ ней лежать, а не въ нѣмецкинѣ басурманской, а, впрочемъ, не моя воля, а Твоя, Господи!..»

Эти обѣдни въ басурманщинѣ были единственно отрадными часами для Кирилловны. За ними она чувствовала себя снова русской среди русскихъ, и церковныя слова и знакомые напѣвы хоть нѣсколько утишали тоску по родинѣ, по племяннику Арефію и внуку Митѣ, хозяйничавшимъ въ заброшенной барской вотчинѣ, по этому самому Колычеву, гдѣ осталось столько господскаго добра безъ призора, гдѣ давно, вѣрно, заросъ бурьяномъ дворъ и стоялъ заколоченный, ослѣпшій старый домъ съ мезониномъ, съ протекающей, поди, крышей, а въ заглохшемъ вѣковомъ саду высился могильникомъ бугоръ надъ страшнымъ подваломъ давно сгорѣвшей «бѣлой виллы», въ которомъ онъ, тотъ новый и столь полюбившійся ей красавецъ-баринъ, Лизанькинъ мужъ, готовилъ страшныя бомбы для государева убійства.

И когда ея быстрые глаза перебѣгали съ иконостаса на Лизу, глубокая скорбь кривила ея проваливавшіяся губы:

«Молодая... а гдѣ же эта молодость? Какъ цвѣтъ майскій, не по времени морозомъ сбитый... Супруга шестинедѣльная... невѣста неневѣстная!..»

II.

Травы лѣсныя,—травы цѣлебныя!..
Силы земныя,—силы волшебныя!
Строго вы тайну храните свою.
Тотъ, чья изныла душа молодая,
Тѣло чье губять болѣзни, съѣдая,
Пей этихъ соковъ струю!

(«Листы пожелтѣлыя». М. К.).

Обѣдня въ этотъ разъ какъ-то особенно утомила Александру Николаевну. Уже пятый годъ ноги ея плохо слушались.

У Кирилловны хранился старый рецептъ покойнаго Лизинаго мужа, бывшаго земскимъ врачомъ въ Колычевѣ, прописанный ей, когда она сама страдала отеками ногъ, и старушка давно заказала по немъ здѣсь мазь и растирала ею больныя ноги генеральши. Мазь помогла. Отеки опали. Но ноги все-таки оставались слабыми.

Призванный на совѣтъ нѣмецкій докторъ глубокомысленно покачалъ головой, прописалъ ванны, діету, какія-то воды, являлся аккуратнo дважды въ недѣлю, но Сотовой легче не становилось. Подсчитавъ сумму, уплаченную въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ видѣ гонорара нѣмцу, она рѣшила, что съ него довольно, бросила ле-

ченъе и стала терпѣть, какъ часто терпятъ русскія старушки разныя хворости, прибѣгая лишь въ дни обостренія болѣзни къ испытаннымъ домашнимъ средствамъ вродѣ припарокъ и настоекъ на за-вѣтныхъ травахъ.

За послѣднее время, однакожъ, съ приближеніемъ весны и тепла, Александра Николаевна чувствовала себя много бодрѣе. Она вмѣстѣ съ другими отлично отговѣла на первой недѣлѣ, а теперь снова въ это третье великопостное воскресенъе почти всю службу отстояла на ногахъ. Зато, сидя въ коляскѣ, она чувствовала такую ломоту въ колѣняхъ, такое онѣмѣніе въ голеняхъ, что со страхомъ думала о тѣхъ ступеняхъ, по которымъ придется подниматься въ квартиру.

Ни Лиза, ни Маруся не замѣтили ея утомленія. Но Кирилловна сразу насторожилась. Ея собачья преданность господамъ, съ которой она всю жизнь не разставалась, подсказала этой бывшей крѣпостной, что дѣло неладно.

— Что съ вами, матушка? Что это личико у васъ ровно осунулось?

Александра Николаевна попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалко-безпомощной.

Лиза повернула голову къ теткѣ.

— Напротивъ, Кирилловна, я еще радовалась на тетю въ церкви, какимъ она молодцомъ стояла, почти не садилась.

— Въ томъ-то и бѣда,—отвѣтила слабымъ голосомъ Сотова:— въ церкви стояла, а теперь ноги отнялись точно, не знаю, какъ выйду изъ коляски.

— Ничего, бабинька! я вѣдь сильная, я вамъ помогу,—заявила Маруся.—Я вчера въ вальсѣ такъ Катю поднимала, что у нея ноги иногда и до пола не хватали.

— Еще бы!—замѣтила мать:—ты безъ шалостей никогда обойтись не можешь. Вотъ надорвешься, тогда и узнаешь свою силу.

Но замѣчаніе матери на этотъ разъ Марусю не задѣло. Слишкомъ весело было у нея на сердцѣ. При развѣздѣ кузень Катю Сѣвской, Мика Нерадовъ, успѣлъ шепнуть ей, что не былъ вчера на танцклассѣ потому, что къ нему совершенно неожиданно пріѣхала мать изъ Россіи и что она собирается съ визитомъ къ ея, Марусиной, бабушкѣ и общала захватить и его съ собою. А она очень любила этого Мику, какъ любятъ дѣвочки братьевъ подругъ, нѣсколько иначе, чѣмъ этихъ самыхъ подругъ, съ отѣнкомъ женскаго кокетства, и предстоявшій визитъ волновалъ и радовалъ ее.

Да и кругомъ на знакомыхъ, вымощенныхъ аккуратными плитками улицахъ было такъ тепло, такъ ярко солнечно, воробы на жолобахъ крышъ задорно перекликались, за узорными рѣшетками садовъ пухло наливались почки и весело зеленѣли лѣтальные кустики травы, а окружныя горы были подернуты лиловой дымкой, и старый дворцовый паркъ уже просохъ, и теперь по усыпан-

нымъ въ первый разъ свѣжимъ пескомъ дорожкамъ шли чинными парами люди, кто изъ церкви, съ четками и молитвенниками въ рукахъ, кто просто гуляя. На многихъ уже пестрѣли весеннія шляпки. Кавалеры щеголяли въ вылощенныхъ цилиндрахъ и воскресныхъ пальто, всѣ выбритые, вычищенные и веселые, словно они вмѣстѣ съ буднями скинули не только рабочія блузы и вязаныя куртки, но и всякое житейское попеченіе о хлѣбѣ насущномъ и домашнемъ очагѣ.

Чистый городъ въ этотъ воскресный яркій полдень казался еще чище, еще прибраннѣе, и только сѣрые ставни магазиновъ, къ огорченію Маруси, портили дѣло. Очень ужъ любила она всѣ эти обыкновенно столь заманчивыя витрины съ такими нарядными и красивыми вещами. Особенно нравился ей выставленный у ювелира Штейна кофейный эмалевый *tête-à-tête*, съ пастушками и овечками въ разнымъ позахъ на такомъ же эмалевомъ подносѣ. Каждый разъ гуляя съ Анхенъ или Кирилловной, она разными хитростями увлекала ихъ въ Королевскую галерею и на нѣсколько минутъ останавливалась полюбоваться имъ. 800 марокъ стоитъ этотъ приборъ, и она мечтала, что для покупки его въ городѣ не окажется достаточнаго богача и онъ сохранится до ея замужества и достанется ей, такъ какъ другого свадебнаго подарка отъ жениха она и не пожелаетъ.

И теперь, проѣзжая мимо Штейна, она вздохнула и вдругъ плутовски улыбнулась.

Она скажетъ объ этомъ Микѣ. Онъ вѣдь вырастетъ и будетъ, конечно, за нею ухаживать. Онъ очень богатъ. Вѣдь его дѣдушка Андрей Петровичъ Нерадовъ миллионеръ. И отчего же ей не выйти за Микку? Въ Россію они не поѣдутъ, а будутъ жить здѣсь, въ его роскошной виллѣ, о которой ей рассказывала Катя Сѣвская.

Коляска между тѣмъ подъѣхала къ дому фрау Зелигъ, гдѣ уже двѣнадцать лѣтъ жили Сотовы, нанимая квартиру во второмъ этажѣ въ шесть меблированныхъ комнатъ.

Маруся выпрыгнула первая.

Александра Николаевна съ трудомъ привстала и сразу опустилась на сидѣнье.

— Что это вы, матушка? Аль ножки и впрямь затекли?— снова всполошилась Кирилловна.

— Не могу... не держать...

Кучеръ участливо обернулся.

— *Geht's nicht? Warten Sie mal... Ich helfe Eurer Durchlaucht.*

Онъ грузно спрыгнулъ съ козелъ и протянулъ обѣ закорючлыя руки генеральшѣ.

Сотова оперлась на нихъ и наконецъ съ помощью Лизы, Маруси и Кирилловны очутилась на тротуарѣ и сразу потеряла сознание. Изъ дома напротивъ выскочилъ шестнадцатилѣтній гимназистъ

Куртъ, пріятель Маруси, съ которымъ она иногда перекидывалась парой словъ, идя на прогулку. Онъ быстро перебѣжалъ улицу и тоже бросился на подмогу.

Кучеръ оглянулся еще разъ на смирно задремавшихъ клячъ и подхвѣтилъ Александру Николаевну подъ руки.

— Помогите-ка, мальчуганъ!—обратился онъ къ Курту, и они всѣ вмѣстѣ, какъ ребенка, подняли и отнесли ее наверхъ.

Анхень, давно уже открывшая двери на стукъ экипажа, такъ и всплеснула красными руками:

— Ахъ, Господи! Что жъ это такое?

— Доктора!—пробормотала Кирилловна.—Лизанька, матушка, мы тетеньку уложимъ, а ты за докторомъ поѣзжай! Хоть того старика долговязаго раздобудь. Скорѣе, матушка!..

Анхень и Кирилловна стали хлопотать около генеральши. Лиза, сдвинувъ еще напряженнѣе сросшіяся брови, сѣла снова въ экипажъ.

— Герцогская, 14!

Кучеръ щелкнулъ кнутомъ, и колымага покатила.

Доктора не оказалось дома. Лиза вернулась къ кучеру растерянная.

За эти тринадцать лѣтъ заграничной жизни она утратила всякую распорядительность. Никого въ городѣ, кромѣ Сѣвскихъ и двухъ-трехъ педагоговъ, она не знала и теперь совершенно потеряла голову, что дальше дѣлать.

— Нѣтъ дома?—спросилъ добродушный возница, замѣтивъ ея смущеніе.—Поѣдьте къ другому!

— Къ кому? Я никого не знаю.

— Ахъ, коли такъ, я свезу васъ къ доктору Вольфу. Можетъ быть, на наше счастье онъ и окажется дома.

И снова задержались клячи и застучали колеса.

Лиза взволновалась. Ей показалось ужаснымъ, невозможнымъ позвонить къ чужому человѣку,—еще не приметъ, откажется пріѣхать... Она уже хотѣла велѣть ѣхать къ Сѣвскимъ, чтобы отъ нихъ добиться помощи. Пусть они посылаютъ за докторомъ, они это сумѣютъ, но коляска остановилась, и кучеръ, перегнувшись съ козелъ, указалъ ей на калитку въ рѣшетчатой оградѣ.

— Прямо сперва, а потомъ во дворъ направо. Вамъ, сударыня, нечего беспокоиться. Господинъ Вольфъ поможетъ ея сіятельству.

Лиза собралась съ духомъ и храбрѣе, чѣмъ предполагала, пошла по указанной дорогѣ. На дворѣ, обсаженномъ еще оголенными группами кустовъ, бѣгали взапуски три мальчика съ двумя яростно лаявшими пуделями. Ноги мальчиковъ, обутыя въ туго натянутые черные чулки, бросились ей въ глаза своими мускулистыми икрами. Онѣ такъ и мелькали въ воздухѣ, а собаки, прыгая, норовили укусить ихъ.

Замѣтивъ чужую даму, всѣ трое бросились къ ней и обступили ее. Щеки у нихъ пылали, а глаза, у всѣхъ одинаково голубые, блестѣли веселымъ, здоровымъ задоромъ.

— Господинъ Вольфъ тутъ живетъ?—обратилась къ нимъ Лиза.

— Папа?—отвѣтили они разомъ.—Пожалуйте за нами, сударыня!

Ватага съ топотомъ и лаемъ взбѣжала по каменной лѣстницѣ во второй этажъ. У звонка мальчики чуть не передрались, и всѣ трое по очереди надавили пуговку.

— Дама тебя спрашиваетъ, папа!—ворвались они въ комнаты.

Дверь налѣво открылась. Лиза почему-то воображала этого Вольфа похожимъ на того долговязаго доктора-нѣмца,—передъ ней стоялъ невысокій, плотный и очень красивый блондинъ.

— Что прикажете?

Торопясь, она стала излагать свою просьбу. Докторъ, стоя, слушалъ ее. Мальчуганы, разинувъ рты, слушали тоже.

Собаки сидѣли, стуча обрубленными хвостами по лоснившемуся паркету.

— Прекрасно! Черезъ часъ я буду, а пока...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Нельзя ли сейчасъ, пожалуйста! У меня стоитъ извозчикъ... Увѣряю васъ, что я беспокою не по пустякамъ... Иначе бы я не рискнула...

Докторъ молча поклонился и черезъ двѣ минуты вернулся въ пальто. Мальчуганы съ пуделями степенно пошли сзади.

Кучеръ весело закивалъ Вольфу съ козелъ.

— А, старина! Ну, какъ здоровье сестрицы?

— Благодаря вамъ, господинъ докторъ, отлично!—радостно отозвался тотъ.

Сидя рядомъ съ Лизой, Вольфъ сталъ внимательно разспрашивать о болѣзни Александры Николаевны. Лиза подробно отвѣчала на его разспросы, а онъ искоса наблюдалъ ее. Отъ волненія она сперва покраснѣлась было, но краска быстро сошла, и лицо ея приняло свойственное ему тупое выраженіе ушедшей въ себя жизни.

Сама того не замѣчая, Лиза открывала этому впервые ее видѣвшему челоуѣку нѣкоторыя сокровенныя стороны своего существа, а онъ съ жадностью ученаго присматривался и къ ея неодинаково сузившимся зрачкамъ, и къ стеклянному взгляду, и чуть замѣтному дрожанію праваго вѣка и уголка губъ.

Это странное лицо съ окаменѣлымъ выраженіемъ интересовало его. Для него истеричность его сосѣдки была почти неоспорима, и ему захотѣлось испытывать надъ нею силу внушенія, къ которой онъ всегда прибѣгалъ съ нервными пациентами.

Онъ устремилъ взглядъ на голубой изгибъ жилки въ ея вискѣ, едва замѣтно бившійся подъ тонкой прозрачной кожей, и, сосредото-

точивъ волю и мысли, сталъ твердить про себя: «Направо... Направо... Направо...»

Голова женщины, какъ послушная голова марионетки, повернулась направо.

«Налѣво... налѣво...» приказывалъ властный взглядъ.

Лиза непроизвольно обернула къ нему каменное лицо, и глаза ея въ эту минуту были еще стекляннѣе...

Вольфъ, довольный результатомъ, провелъ рукою по воздуху и заговорилъ о погодѣ.

Лиза, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣчала. Она ровно ничего не замѣтила. Но чѣмъ ближе они подъѣзжали къ дому, тѣмъ все болѣе казалось ей, что она уже видѣла его гдѣ-то. Гдѣ?.. Не былъ ли онъ недѣлю назадъ на публичной лекціи въ ихъ кружкѣ, гдѣ профессоръ Глюбекъ читалъ о Максѣ Нордау, разбирая и комментируя его знаменитое «Вырожденіе?».

Она не утерпѣла и спросила его:

— Вы посѣщаете лекціи педагогическаго кружка? Мнѣ кажется, я васъ видѣла тамъ на прошлой недѣлѣ.

— Какъ же! Я былъ у Глюбека и даже собирался ему оппонировать, но не удалось. Лекція сильно затянулась, а у меня есть вечерніе визиты къ больнымъ, и пришлось поневолѣ уйти. А вы развѣ членъ «Друзей педагогики?»

— Да!

— Васъ такъ интересуетъ вопросъ о воспитаніи?

— Да, у меня есть дочь.

— А!.. и что же, вы раздѣляете взгляды этихъ людей?

Лиза прищурилась.

— Не знаю! Мнѣнія такъ противорѣчны, что я не знаю, какому слѣдовать, какая система лучше.

Вольфъ усмѣхнулся.

— Неужели вы полагаете, что система важна? У меня три сына и—никакой системы. И ничего, ребята славные! Сорванцы,— но вѣдь отъ мальчиковъ много и требовать нельзя.

Коляска остановилась. Вольфъ открылъ дверцу и предупредительно помогъ сойти Лизѣ.

— Я подожду васъ, докторъ!—крикнулъ ему вслѣдъ возница.

— Ладно!—отвѣтилъ Вольфъ и улыбнулся доброй, открытой, какой-то солнечной улыбкой, которую вдругъ замѣтила Лиза.

«Какой онъ красивый!» подумала она, когда на поворотѣ солнечный лучъ упалъ на него сбоку. «Точно самъ онъ—красное солнышко...»

У нея было удивительное чувство на душѣ. Она забыла, почему онъ здѣсь и идетъ въ ногу съ нею по этой старинной широкой дубовой лѣстницѣ съ точеными вычурными столбиками темныхъ отъ времени перилъ. Но какъ только открылась дверь прихожей

и выглянула испуганная Анхенъ, а слѣдомъ выставилось и встревоженно-любопытное личико Маруси, солнечный лучъ разомъ потухъ. Дѣйствительность ударила по сердцу, и тревога за больную снова охватила ее всю.

— Иди въ свою комнату! тебѣ нечего тутъ вертѣться,—строго по-русски обратилась она къ дочери.

Дѣвочка послушно исчезла за дверью.

Александра Николаевна пришла уже въ себя, но была страшно слаба, и ноги у нея не дѣйствовали... Осмотръ продолжался около часу. Лизѣ это показалось вѣчностью. Ея тревога росла, и по лицу забѣгала мелкая судорога, все выше поднимая правый уголокъ рта къ вѣку.

Вольфъ наконецъ отошелъ отъ постели.

— Можете вы выслушать меня спокойно?—обратился онъ къ Лизѣ вполголоса:—тогда пойдете.

Лицо ея задергалось еще сильнѣе.

«Тикъ!» замѣтилъ онъ про себя, словно занося этотъ новый симптомъ въ скорбный листъ молодой женщины.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ онъ вслухъ, когда они очутились въ комнатѣ съ чинно разставленной мебелью и букетами Маккарта по угламъ, неизбежной принадлежностью всякой нѣмецкой «Gute Stube»:—мнѣ надо серьезно поговорить съ вами. Придется ли старушкѣ вашей еще когда-нибудь владѣть ногами,—я впередъ сказать не могу. Это старческій параличъ. И хотя ей всего семьдесятъ лѣтъ, но организмъ ея разрушенъ такъ основательно, что сердце бьется только еще по инерціи. Никакимъ излишествами въ своей жизни она не предавалась, слѣдовательно, это состояние вызвано не физическими причинами, а нравственными. Вѣрно, ей пришлось, и именно за послѣдніе годы, вынести очень и очень много тяжелаго, и на душѣ у нея есть что-то, какое-то горе... Я скажу больше,—это горе корень ея болѣзни, ея причина. Поэтому, если бы нашлась малѣйшая возможность его облегчить, а еще лучше—устранить вызывающія его обстоятельства, то и организмъ оказался бы въ силахъ побороться съ возрастомъ. Но такъ... вы должны быть готовы ко всему.

Лиза подняла на него стеклянный взглядъ. Врачъ впился въ ея неодинаковые зрачки пристальными голубыми глазами. Ей было неловко, но она глазъ опустить не могла.

— Вы не плачете?—спросилъ онъ.

— Я никогда не плачу,—отвѣтила Лиза.

— Я такъ и зналъ, но мнѣ хотѣлось провѣрить себя,—бросилъ онъ точно вскользь.—Такъ вотъ что: если вы дорожите лишними днями жизни вашей тетушки, постарайтесь добиться, что такое ее угнетаетъ, и по мѣрѣ силъ и возможности устраните эти волнующія ее обстоятельства. Вы сдѣлаете воистину доброе дѣло. А теперь

дайте мнѣ перо и бумагу, я пропишу успокоительную микстуру. Да, да! только покой... полный физическій и душевный покой... Остальное не важно.

Лиза хотѣла заплатить за визитъ, но передумала и спросила:

— Вы еще заѣдете?

— Если васъ не разорять мои посѣщенія: моя такса десять марокъ.

Ее снова передернуло. Дѣловой тонъ профессионала, за деньги подающего совѣты и помощь, рѣзануль ухо. Онъ не вязался съ «краснымъ солнышкомъ».

— Мы не нищія и платить привыкли!—презрительно возразила она.

— Тѣмъ лучше,—совершенно покойно отвѣтилъ Вольфъ:—потому что мы-то не можемъ лечить всѣхъ даромъ. У меня и такъ много бесплатныхъ пациентовъ,—бѣдныхъ я лечу даромъ. И если бы вы заявили мнѣ сейчасъ, что у васъ нѣтъ средствъ, я рекомендовалъ бы вамъ своего ассистента, но не скрою, я самъ заинтересованъ вашимъ домомъ.

И онъ снова тѣмъ же испытующимъ взглядомъ старался заглянуть ей въ самую глубь зрачковъ.

— Скажите, кстати: а вы лично совершенно здоровы?

— Да,—отвѣтила Лиза.

— И сонъ у васъ хорошій?—продолжалъ онъ допытывать ее, и, какъ ей показалось, насмѣшливо при этомъ улыбнулся.

— Да!—рѣзко отвѣтила она.

Ее бѣсилъ этотъ человекъ съ голубыми пристальными глазами. Что онъ разумѣлъ, спрашивая про сонъ? Какое ему дѣло до моихъ сновъ?.. Нахаль! не надо было приглашать его. Надо выдумать предлогъ отдѣлаться отъ его посѣщеній.

Она достала золотой и протянула его доктору.

— Это успѣется!—отстранилъ онъ хладнокровно ее руку.—Я заѣду еще не одинъ разъ.

Поклонившись ей изысканно-вѣжливо, онъ вышелъ изъ гостиной.

«Очень и очень интересный случай. Замѣчательная воспримчивость. Навѣрно, истерія, граничащая съ сонambuлизмомъ. Непременно надо попробовать усыпить ее. Отличный объектъ для провѣрки опытовъ Шарко и Вильяма Джемса».

И, усѣвшись въ коляску, онъ закурилъ сигару.

«Интересно, на какой почвѣ?.. Очень характерные признаки...»

III.

Позабывъ про меня,
 Вы средь зимняго дня
 Расцвѣли красотою напрасною,—
 Я сгублю васъ, цвѣты!
 Размету васъ, мечты!
 Не впущу васъ я въ сердце безстрастное.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Сразу по отъѣздѣ врача Лиза на цыпочкахъ прокралась къ теткѣ. Въ комнатѣ со спущенными шторами было полутемно.

Въ глубинѣ у стѣны Александра Николаевна лежала на широкой старинной деревянной кровати изъ приданого фрау Зелигъ.

При входѣ Лизы сѣдая голова со свернутыми на макушкѣ въ узелокъ волосами слабо повернулась, точно перекадилась на сморщенной шеѣ съ отвислымъ мѣшечкомъ у подбородка, и опять было что-то такое безпомощно-жалкое въ этомъ движеніи, что Лиза такъ и прильнула къ лежащей поверхъ тонкой простыни бѣлой когда-то, а теперь желтой и по-старчески пухлой рукѣ.

— Что, Лизанька, что онъ сказалъ? Не встать мнѣ?

— Полно, теточка! успокойся... Онъ велѣлъ тебѣ просто полежать, а главное—не волноваться.

— Я и не волнуюсь!—промолвила старушка, и, словно въ опроверженіе, двѣ крупныя слезы скатились на наволочку думки.

— Не волнуешься, а сама плачешь! Нехорошо.

— Да, нехорошо!.. не легко калѣкою быть.

Въ эту минуту съ лѣстницы зазвенѣлъ звонокъ. Дверь отворилась, и послышался Марусинъ обрадованный голосъ.

— Дома! пожалуйста. Я сейчасъ мамѣ скажу.

— Кто это?

— Госпожа Нерадова съ сыномъ,—доложила вошедшая Кирилловна.—Иди, матушка-Лизанька, къ нимъ, а я съ тетенькой пока побуду.

Сердясъ въ душѣ и на непрошенныхъ гостей, и на впустившую ихъ дочь, Лиза вошла въ гостиную.

Маруся, какъ большая, расположилась на диванѣ и занимала высокую, стройную даму съ припудреннымъ лицомъ и подведенными бровями. Нарядный мальчуганъ въ синемъ костюмѣ съ отложнымъ крахмальнымъ воротникомъ и пестрымъ бантомъ галстука сидѣлъ напротивъ и, наклонившись впередъ и широко разставивъ ноги, вертѣлъ фуражку затянутыми въ рыжія лайковыя перчатки руками, явно подражая въ манерѣ кому-то изъ старшихъ. Лиза разомъ схватила и его позу, и улыбку его матери, и жеманно склоненную на бокъ голову Маруси.

— Lise!—вырвалось у гостей.—Я глазамъ своимъ не вѣрю. Неужели это ты?

Лиза остолбенѣла.

— Ольга?!

— Ну, да, Ольга Мезенцева *si-devant*, а теперь Ольга Львовна Нерадова. Представь себѣ, я только вчера утромъ пріѣхала къ моему beau père, слышу о какой-то танцклассной феѣ Марусѣ отъ этого лоботряса, онъ сразу пристаетъ ко мнѣ, чтобы я непременно ѣхала чуть не сейчасъ знакомиться съ ея бабушкой, самой важной дамой изъ русской колоніи, но о тебѣ ни полслова. И только сію минуту изъ разговора съ этой очаровательной дѣткой начинаю комбинировать сочетаніе двухъ фамилій: Сотовой-Яшневой, что-то знакомое, далекое... и входишь ты!.. вотъ судьба.

Лиза изумленно глядѣла на ту, которую сама назвала Ольгой. Она обрадовалась, было, институтской подругѣ, съ самаго выпуска онѣ не встрѣчались, но подведенное лицо смущало, и она не знала, какъ себя держать.

— Я тебя не узнала... Ты немного измѣнилась...

— Еще бы! четырнадцать лѣтъ... Вѣдь ты, вѣрно, слышала, что я сразу вышла замужъ?.. Къ сожалѣнію, мы съ мужемъ не сошлись характерами и съ прошлой осени разъѣхались окончательно. Своего единороднаго сыночка я отправила къ дѣду, ему тутъ лучше, да и мнѣ свободнѣе, а сама я вѣдь на сценѣ. Теперь я пріѣхала его навѣстить, пользуясь перерывомъ въ ангажементѣ, а съ іюня уѣзжаю на два года въ нашу благословенную провинцію, связалась новымъ и весьма для меня выгоднымъ контрактомъ. Мика останется у Андрея Петровича до совершеннолѣтія, и я очень за него рада, потому что его папенькѣ не до него, — у него уже давно заведена вторая семья и до моего сына ему дѣла нѣтъ.

Съ каждымъ словомъ подруги Лиза все болѣе и болѣе холодѣла. Ольга Львовна говорила совершенно просто и свободно о такихъ вещахъ, которыя въ ихъ домѣ, скромномъ и замкнутомъ, казались прямо чудовищными, и говорила въ присутствіи дѣтей.

— Ольга, *de grâces!*—остановила она ее, указывая глазами на Марусю.

Дѣвочка отвела любопытный взглядъ отъ гостей и, обернувшись къ Микѣ, вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Ахъ, да!.. Дѣти,—прервала Ольга:—пойдите-ка, милые, въ другую комнату! Намъ, маменькамъ, найдется о чемъ побесѣдовать, мы четырнадцать лѣтъ не видались.

Лиза сжала брови. Оставлять Марусю наединѣ съ мальчикомъ казалось ей верхомъ неприличія, она хотѣла остановить ее, но дѣти уже скрылись и даже плотно притворили за собою двери.

— Ты все та же,—строгая, дисциплинированная парфетка!—усмѣхнулась Ольга, замѣтивъ ея безпокойство:—ну, а я... Ахъ,

душа моя! увѣряю тебя, эти строгости только портятъ жизнь и характеръ. Надо быть снисходительнѣе. А скрывать правду отъ дѣтей?.. къ чему? Чѣмъ раньше они узнаютъ, что взрослые не ангелы, что на свѣтѣ много горя, что люди враги самымъ ближайшимъ ближнимъ,—тѣмъ лучше. И, наконецъ, къ чему лгать? Вѣдь не отъ меня, такъ отъ кого-нибудь другого Мика узналъ бы, почему я отослала его къ дѣду, почему, имѣя отца и мать, онъ обреченъ жить съ однимъ изъ нихъ врозь. Я знаю, онъ обожаетъ меня. Онъ вѣдь уже на половину мужчина, и знаешь, что онъ сказалъ мнѣ вчера?.. «Удивляюсь папа, какъ могъ онъ промѣнять тебя на кого бы то ни было: лучше и красивѣе тебя я женщины себѣ представить не могу...»

Лиза окончательно заледенѣла.

«Больше я Марусю къ Сѣвскимъ не пущу».

— Ну, а ты какъ поживаешь?—продолжала подруга.—Ты ужасно измѣнилась. Не знай я, что ты была замужемъ, я бы сказала: ты удивительно остародѣвилась. Да, да! я знаю... твоя исторія похуже моей. И что же, ты такъ о немъ больше и не слыхала. Что онъ живъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ... но прошу,—не говори!..

— Да, я понимаю, тебѣ тяжело. Вотъ этого я, пожалуй, дѣтямъ не сказала бы. Это ужасно! Хотя въ глазахъ моего beau рѣче это, конечно, ореоль... Ну, а твоя тетя? Маруся сказала, что она сегодня прихворнула.

— Да,—отвѣтила Лиза:—ей очень нехорошо. Сейчас только уѣхалъ профессор Вольфъ.

— Такой красивый блондинъ? Такъ онъ ѣхалъ отъ васъ! Мнѣ его Мика указалъ. Замѣчательный красавецъ. Что же онъ нашелъ?

— Онъ боится, что это параличъ... у тети отнялись ноги.

— Параличъ?—Ольга такъ и раскрыла подведенные глаза и вдругъ порывисто обняла Лизу.—Я сижу тутъ и болтаю, а ты... Бѣдная ты моя! Если бъ ты знала, какъ я сочувствую тебѣ!—у нея, дѣйствительно, стояли слезы подъ накрашенными рѣсницами.—Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь? Подумай, я все охотно сдѣлаю!

— Нѣтъ, чѣмъ же?

— Знаешь что? Я возьму съ собой твою Марусю. Въ домѣ, гдѣ больные, дѣти только мѣшаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты ошибаешься. Я Марусю никуда безъ себя не пускаю. А здѣсь она прямо нужна. Безъ нея бабушка скучать будетъ.

— Какъ хочешь... Однако я тебя отъ больной отрываю. Ужасно досадно, что я такъ некстати попала... Гдѣ же это Мика?

Обѣ матери пошли на поиски дѣтей. Онъ мирно бесѣдовали въ Лизиной комнатѣ. Маруся сидѣла въ красивой позѣ. Она откину-

лась на спинку кресла и, облокотясь на руку, бросала на Мику кокетливые взгляды.

— ...Въ конной гвардіи или кавалергардахъ, конечно, интереснѣе,—говорилъ мальчикъ:—но чертовски накладно, тутъ и дѣдушки, пожалуй, не хватитъ. Поэтому я, вѣроятно, пойду въ конно-гренадеры или синіе кирасиры, тамъ дешевле.

— А пока,—перебила Ольга,—пойдешь домой. Не слушай его, дѣтка!—обратилась она къ Марусѣ:—онъ фанфаронитъ и фантазируетъ. Никогда его дѣдушка въ военные не пуститъ. Онъ будетъ дипломатомъ, и я уже замолвила объ немъ словечко китайскому императору. Дай лучше поцѣловать себя. Удивительно у нея милый мордашонъ!—обернулась она къ Лизѣ. — Elle fera des conquêtes. И въ кого она съ этими золотыми локонами? Знаешь, она поражаетъ женственностью. Прямая противоположность...

Ольга осѣклась.

— Своей матери?—докончила Лиза.—Ты права, я никогда не умѣла кокетничать и терпѣть кокетства не могу. Къ сожалѣнію, моя дочь...

— Полно, полно! Ne fais pas la rigoriste... Это не кокетство... кокетство напускное, а это врожденное. Съ этимъ ты не справишься и ничего не подѣлаешь...

Проводивъ гостей, Лиза еще разъ подумала про себя: «Никогда больше Марусина нога въ домѣ Сѣвскихъ не будетъ. А къ Нерадовымъ я и сама не поѣду...» и тутъ же строго обратилась къ дочери:

— Уроки у тебя готовы? Конечно, нѣтъ! Изволь сейчасъ же за нихъ приниматься, а вечеромъ я съ тобой поговорю.

Дѣвочка приняла обычный лицемѣрно-скромный видъ и стала безъ возраженій разбирать книги у своего школьнаго стола. До вечера было далеко, но сердце у нея замирало заранѣе, предвкусывая предстоящую нотацию и ея послѣдствія.

«Какъ это я раньше не догадалась разузнать, кто такіе Нерадовы?—упрекала себя Лиза:—то-то ихъ фамилія казалась мнѣ такой знакомой. Виновата сама: не къ чему было соглашаться на эти дурацкіе танцклассы. А все тетя! Она и меня въ дѣтствѣ напропалую баловала, и Марусю находитъ слишкомъ забитой мною. Но съ ней иначе нельзя... Поневолѣ становишься «карателемъ». Если ее хоть чуточку распустить, она сейчасъ же покажетъ себя. Въ ней ужасно много отповскаго. Она бунтовщица въ душѣ, и только строжайшей дисциплиной ее и можно сдерживать. Тетя напрасно настояла на этихъ танцкласссахъ: они только хуже развиваютъ въ ней кокетство. Отвратительно! Дѣвочка въ двѣнадцать лѣтъ и уже кокетка!» Она вспомнила только что видѣнную позу Маруси и ея заигрывающіе съ Микой глаза. «Это нельзя допускать.. Это надо во что бы то ни стало искоренить. И въ кого она, дѣйствительно?»

Сидя у постели тетки, Лиза была всецѣло поглощена этими привычными о воспитаніи дочери мыслями.

Александра Николаевна проснулась и повернула къ ней голову.

— Лизанька, что сказалъ докторъ?.. Это ударъ?.. параличъ?..

— Что ты, теточка! Ничего подобнаго. Просто усталость отъ переутомленія въ церкви. Тебѣ только надо отдохнуть.

— Въ могилѣ отдохну... а вотъ какъ ты останешься?! Это меня такъ крушить...

— Тетя! не грѣшно тебѣ? При чемъ тутъ мысли о смерти?

— Охъ, милая! вѣдь мнѣ осьмой десятокъ... Какъ же о смерти не думать?.. Лизанька... а ты свое обѣщаніе помнишь?

Лиза повернула голову къ теткѣ и почувствовала, что все ея тѣло точно покрылось мелкими холодными росинками.

— Не надо, тетя, бросимъ эти разговоры!

— Нѣтъ, надо... надо!.. пока еще языкъ не отнялся и умъ не помутился... Помни, Лизанька,—здѣсь не хорони... Ты обѣщала, что туда отвезешь, въ Колычево, рядомъ съ дядей Simon положишь... Ахъ, если бы хоть однимъ глазкомъ мнѣ еще разъ на его могилку передъ смертью взглянуть! Да знаю, что нельзя!—И она снова закрыла глаза.

Лиза такъ и обмерла.

«Горе—корень ея болѣзни, ея причина... Постарайтесь добиться, что такое ее угнетаетъ... если вы дорожите лишними днями ея жизни... Неужели же это—разлука съ родной могилкой?.. Такое сильное тайное горе? Зачѣмъ же тетя скрывала бы его? Не можетъ быть...»

За эти годы она ни разу не выразила желанія вернуться на родину. Напротивъ, она постоянно говорила, что за границей лучше. Когда лѣтомъ становилось душно въ N., онѣ ѣздили для развлеченія и ради чистаго воздуха въ Швейцарію или на море въ Нормандію... Были не разъ и въ разныхъ бадахъ—въ Наугеймѣ, въ Карлсбадѣ, въ Вильдунгенѣ... но о Россіи и помину не было.

«Да развѣ мнѣ возможно туда вернуться?»—Она вся съежилась отъ одного представленія быть въ Россіи.

Постояннымъ усиленіемъ воли она приучила себя не думать ни о Россіи, ни о Колычевѣ, ни о своемъ покойномъ мужѣ. Но иногда у нея бывали сны, которыхъ она смертельно боялась, когда ей ясно до осязаемости рисовались комнаты и аллеи въ забытой усадьбѣ. Она вдругъ просыпалась отъ остраго толчка въ сердце и цѣлый день, а иногда и больше не могла отдѣлаться отъ чисто физическаго, непріятно сосущаго чувства въ груди.

Въ такіе дни она усиленно занималась съ Марусей, муча ее задачами и трудными переводами, чтобы только разсѣяться, опять стереть воскресія картины изъ памяти, и никогда не бывалъ такъ

жесткъ ея взглядъ, такъ рѣзокъ и оглушительнень ея голосъ, никогда Маруся не выслушивала замѣчаній строже, чѣмъ послѣ этихъ сновъ...

Но съ нѣкоторыхъ поръ начали сниться и другіе сны, еще ужаснѣе, еще мучительнѣе: это были *его* ласки и поцѣлуи, и что было самое страшное, невыносимое—она не оставалась равнодушной. Она отвѣчала *ему* такими же поцѣлуями и ласками...

Послѣ этихъ сновъ у нея цѣлый день ломило тѣло и болѣла голова. Она была рада отправить Марусю на танцклассъ и даже позволяла ей остаться обѣдать у Сѣвскихъ.

Анхепъ принесла микстуру. Тетя Саша открыла глаза. Лиза справилась съ собою и налила ложку лекарства. Александра Николаевна покорно его выпила.

— Горько!

— Ничего,—отвѣтила Лиза голосомъ, которымъ даже суровыя женщины говорятъ съ больными.—Теперь, теточка, постарайся покрѣпче уснуть: вѣдь сномъ всякая болѣзнь проходитъ.

— А если я вдругъ не проснусь?.. Лизанька, обѣдай еще разъ мнѣ... Ты знаешь...

Лиза опустила на свой стулъ и снова припала къ мягкой желтоватой рукѣ.

— Хорошо, теточка, если это можетъ тебя успокоить.

Старушка слабо кивнула головой и, всхлипнувъ совершенно по-дѣтски, вздохнула и покорно закрыла глаза.

IV.

Милосердныхъ рукъ усладой
Ты больную душу тронь
И немеркнущей лампадой
Въ ней затепли Твой огонь!

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

На смѣну пришла Кирилловна. Лиза уступила ей мѣсто и прошла въ свою комнату. Голова у нея опять начинала болѣть.

У школьнаго стола съ попитромъ Маруся сидѣла и что-то усердно писала. Мать вошла такъ тихо, что дѣвочка, увидѣвъ ее, даже вздрогнула и потомъ покраснѣла отъ страха. Она переписывала изъ книжки стихи, ничего общаго съ заданными уроками не имѣвшіе, ради собственнаго удовольствія. Стихи она любила за ихъ музыкальность. Въ ихъ домѣ никто никогда не пѣлъ, не игралъ, не было ни піанино, ни гитары, какъ у Кати, ни цитры какъ у Курта. Марусина мать не выносила музыки, а въ душѣ у Маруси жила потребность гармоніи и мелодіи, и всякій услышанный ею случайно мотивъ навсѣгда западалъ въ памяти и требовалъ

вылиться въ слова. И дѣвочка подбирала на него стихи изъ хрестоматіи. Это было ея любимымъ занятіемъ, но объ немъ никто и не подозрѣвалъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ рюмованныя строчки сами брались откуда-то въ головѣ, и если хромалъ смыслъ и рюма, то ритмъ былъ безупреченъ. Но ихъ Маруся не писала въ тетрадку. Избави Богъ, еще попадется матери! Она ихъ помнила всѣ наизусть и, оставаясь одна въ комнатѣ, декламировала вполголоса. Слезы навертывались у нея отъ восторга и радости, что это ея собственные, ниоткуда не списанные стихи, и она ихъ въ тайнѣ находила не хуже тѣхъ, которые отвѣчала за урокомъ матери. И сегодня, оставаясь такъ долго одна, она вытщила завѣтную тетрадку и стала вписывать. Въ душѣ у нея звучалъ мотивъ слышанной за обѣдней новой Херувимской. Она долго подбирала. Но стихи не подходили то по размѣру, то по смыслу. Наконецъ, она нашла и обрадовалась.

«Когда волнуется желтѣющая нива...»

писала дѣвочка... и подняла глаза. «Какъ это она волнуется?.. Странно! я ни разу не видала нивы... это вѣдь то же самое, что поле?.. я поля видѣла только изъ оконъ вагона... но какъ они волнуются? Ыдешъ такъ скоро, что они только мелькають...»

Въ эту минуту вошла мать и, къ удивленію и радости Маруси, не заглянувъ въ тетрадь, сразу и вышла. Дѣвочка быстро спрятала опасную работу въ пошпиръ въ самую глубину между ненужныхъ тетрадокъ и со вздохомъ принялась за катехизисъ.

«Вѣдь вотъ слова все самыя священные... а Богу молиться ими по-настоящему не хочется... Я думаю, Богъ совѣмъ не такой, какъ говорятъ... Онъ проще и, навѣрно, любитъ, чтобы съ нимъ говорили безъ этихъ «аще» и «иже...»

Лиза, пройдя черезъ столовую въ сосѣднюю гостиную, плотно притворила дверь и опустила на первый попавшійся стулъ. Ей надо было остаться совершенно наединѣ съ собою и обдумать что-то очень важное, что вдругъ пришло ей въ голову у постели тети Саши, когда постучалась Анхень.

Да, да... этотъ Вольфъ говорилъ съ ней не только о болѣзни тети...

Онъ спрашивалъ и ее о здоровьѣ и о томъ, каковъ у нея сонъ.

Ей было до физической боли нехорошо на душѣ. Что жъ это такое? Онъ какъ-то странно улыбался, спрашивая про сонъ. Значить, онъ догадывается, читаетъ у нея въ душѣ... читаетъ тѣ мысли, отъ которыхъ она напрасно отмахивается, такъ долго и тщетно ищетъ избавленія?..

Страшныя мысли, полная соблазна и искушенія... Онъ по убѣжденіямъ людскимъ исходятъ отъ дьявола... Онъ когда-то лишили первыхъ людей рая и низвели ихъ съ неба на землю... Если

бы такія мысли приходили ей до начала ея невѣрія, она бы ушла отъ нихъ въ монастырь и постомъ, веригами, неустанной молитвой поборола бы свою душу...

«Душу? Ха! ха! ха! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не душу, а плоть. Это она кричитъ Это мускулы, кровь, молекулы нервовъ и мозга работаютъ свою сокровенную независимую работу, потому что души нѣтъ. Есть сила матеріальная, физическая, а духовное начало только высшее, утонченное, усовершенствованное проявленіе той же физической природы».

И Вольфъ правъ... какъ это она раньше не догадалась? Всѣ эти мучительные, болѣзненно-раздражающіе сны—прямые слѣдствія или дурного пищеваренія, или кровообращенія, или обмѣна веществъ, а потому, конечно, докторскій совѣтъ далеко не лишній.

Завтра же, когда онъ пріѣдетъ, она обратится къ нему сама. Пусть онъ разберется, въ чемъ дѣло. И это глупости, что онъ читаетъ мысли. Просто по цвѣту лица или еще какимъ-нибудь лишь докторамъ извѣстнымъ признакамъ онъ догадался, что она нездорова... О подробностяхъ сновидѣній онъ врядъ ли и разспрашивать будетъ, но, какъ хорошій профессоръ и діагностъ, сразу пойметъ, гдѣ причина недомоганія.

«Непремѣнно посовѣтуюсь съ нимъ! Онъ, навѣрно, поможетъ? Ахъ, какое это будетъ счастье избавиться и отъ этихъ ночныхъ кошмаровъ, и отъ этого гнета послѣ нихъ днемъ!»

Она сжала голову ладонями.

— Ну, что?—раздался надъ ея ухомъ шопотъ Кирилловны.

Лиза такъ и вскрикнула: «Ай!..»

— Что ты, что ты! Господь съ тобою... Чего ты испугалась?

— Ты такъ незамѣтно вошла...

Маруся, услышавъ голоса, прокралась въ коридоръ и приложила ухо къ двери

— Я пришла поговорить съ тобою,—говорилъ голосъ Кирилловны.—Тетенька крѣпко спитъ, такъ я Аннушку за себя пока посадила.

Дѣвочка еще постояла минутку. Голоса за дверью понизились, словъ было уже не разобрать. Марусѣ уже съ самаго утра хотѣлось взглянуть на бабушку, но она отлично знала, что ни мать, ни Кирилловна ея къ больной не пропустятъ... Анхенъ дѣло другое... У той отказа не будетъ, и она тихонько по коридору пробралась въ спальню Александры Николаевны и надавила неслышно ручку замка.

Бабушка спала. Анхенъ сидѣла рядомъ и тоже дремала. Въ лампадкѣ горѣлъ огонекъ за краснымъ стекломъ стаканчика и освѣщаль комнату. Лицо у бабушки было спокойно, но голова въ ночномъ чепчикѣ, закрывавшемъ затылокъ и уши, склонялась на бокъ на подушку такъ тяжело, точно бабушка очень устала и никакъ не можетъ отдохнуть.

И вдругъ изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ на этомъ жалкомъ, утомленномъ лицѣ показались слезы. Скатилась одна направо прямо въ подушку, а другая сползла вдоль щеки къ губамъ.

Дѣвочка почувствовала, что и у нея слезы подступаютъ къ горлу, что сейчасъ она разрыдается... Она не могла сказать, почему ей стало вдругъ такъ безконечно жаль бабушку. Точно ее кто-то обижалъ, мучилъ, и она тихонько, никому не жалуясь, плакала про себя.

Анхень проснулась. Замѣтивъ Марусю, она строго покачала головой, но дѣвочка поманила ее рукою.

— Анхень,—на ухо сказала она ей:—вы не знаете, что сказалъ докторъ? Я не хочу спрашивать у мамы.

— Ничего! генеральша поправится... Господинъ Вольфъ отличный врачъ... Его кучеръ давеча такъ хвалилъ!.. Онъ его сестру параличную въ одинъ мѣсяцъ вылечилъ... Иди къ себѣ, дѣтка, тебя хватятся и еще накажутъ. Все будетъ ладно... Ты только помолись хорошенько... А Вольфъ хорошій врачъ.

Она провела ласково по Марусинымъ волосамъ, и дѣвочка снова по стѣнкѣ прокралась къ своему катехизису и, заткнувъ уши, стала усердно долбить тексты.

Черезъ столовую въ гостиной за плотно закрытыми дверями и спущенной портьерой продолжался разговоръ. Кирилловна, зная Марусину привычку подслушивать, вполголоса допытывала Лизу:

— Что же, что сказалъ онъ? Есть надежда? Это что—ударъ? Да что ты молчишь... Аль ужъ такъ плохо?.. Что онъ сказалъ—помреть?..

Лиза повернула къ ней каменное лицо. Въ комнатѣ было полутемно. Наступили сумерки, и сквозь кружевные спускныя шторы заглядывалъ весенній вечеръ.

Лицо Лизы, сидѣвшей спиною къ свѣту, было въ тѣни, но Кирилловна, стоя передъ окномъ, казалась при зеленоватомъ освѣщеніи блѣдной, какъ мертвецъ. Ея до сихъ поръ жгучіе черные глаза рѣзко выдѣлялись подъ морщинистымъ лбомъ. Она такъ и впибалась ими въ Лизу, точно торопяся еще до словъ прочесть въ ея лицѣ отвѣтъ на свой тревожный, захватывающій духъ отъ страха, вопросъ.

— Это кровоизліяніе въ мозгъ... если хочешь—ударъ,—отвѣчала Лиза.

— Помреть?—допытывала старуха.—Неужели помреть?..

— Онъ сказалъ, нѣтъ, если...—Лиза вдругъ схватила Кирилловну за руку и ближе притянула къ себѣ.—Слушай, онъ сказалъ, что ее что-то мучаетъ... горе какое-то... Оттого и болѣзнь... Ты не знаешь, что? Можетъ быть, она получила письмо какое-нибудь... или непріятность какая?.. Она тебѣ не говорила? Ты не знаешь?..

Кирилловна вздохнула.

«Не знаешь? Она не знает! Господи, да кто же, кромѣ нея, знать-то можетъ?!»

Низко склонилась ея чуть-чуть лишь посѣдѣвшая, несмотря на семьдесятъ два года, голова, но высоко поднялась сохлая, старая грудь и, опустившись, заняла боязно и больно.

— Что жъ ты молчишь?—прошептала Лиза.

— Молчу,—сказать не смѣю.

— Говори, что такое? Пойми, онъ сказалъ, что если ея что мучить,—непремѣнно узнать надо, а не узнаемъ—плохо для нея кончиться можетъ.

— Охъ, Лизанька, Лизанька! Да неужто ты сама еще не добежнлась, родная? Не видишь, не понимаешь, какъ она по родинѣ томится, какъ здѣсь ей умирать и лежать неохота?

Лиза сидѣла, отвернувшись къ окну. Небо окончательно погасло, и звѣзды, точно отраженія огоньковъ изъ долины, тоже мигали и переливались въ темной глубинѣ.

Прошла минута.

— Значитъ, ѣхать туда... въ Колычево, по-твоему?..

— Да, матушка!

Старушка стала передъ молодою на колѣни и поклонилась ей въ землю.

— Что ты! что съ тобою? Ты съ ума сошла! что ты дѣлаешь?—вскочила было Лиза, но Кирилловна, обнявъ ея ноги, припала къ нимъ головою и потомъ, не вставая съ колѣнъ, подняла къ ней мокрое, чуть видное въ сумеркахъ лицо.

— Кланяюсь! слову, сейчасъ тобою сказанному, кланяюсь... но ты назадъ его не бери... Знаю, все знаю! И какъ сейчасъ тебѣ тяжело, и какъ еще потомъ тяжелѣе будетъ, а только исхода другого нѣту... Лизанька, Лизанька... страдалица ты наша! Много ты муки уже приняла, много еще новой примешь, одному лишь вѣрь: кому Господь ношу тяжелую посылаетъ,—тому и силъ нести ее отмѣряетъ. Сверхъ силы человѣческой Богъ страданія не дастъ. А кто до конца ношу эту донесетъ, тотъ и самъ счастье свое заслужитъ и другимъ его дастъ!..

Она снова судорожно зарыдала, встряхивая худыми, сторбленными плечами, потомъ вытерла глаза свернутымъ въ комочекъ платкомъ и, перекрестившись, молодымъ и гибкимъ движеніемъ вскочила разомъ на ноги.

— Слава, слава тебѣ, Господи! Слава Тебѣ! Пойдемъ къ тенькѣ, матушка! обрадуй ея,—загоропилась она.—Можетъ быть, она уже проснулась?

— Что ты, что ты! Развѣ можно на ночь волновать больного человѣка? Прежде всего доктора еще спросить надо, позволить ли онъ везти ея такую даль. Еще и запретить можетъ, лечить откажется.

— А мы его не послушаемъ! Пусть отказывается, у насъ въ Россіи свои найдутся, аль забыла...

Она не договорила и даже закрыла рукою ротъ, чуть на радостяхъ не помянувъ имени Лизинаго мужа, котораго, несмотря на его окаянство, считала выше всѣхъ врачей въ мірѣ.

Но Лиза рѣшительно воспротивилась сообщать что-либо больной и сказала сухо:

— Найдеть, что нельзя, такъ мы и не поѣдемъ. Зачѣмъ же даромъ обнадеживать? Мы теперь безъ Вольфа шагу ступить не смѣемъ. Подожди до завтра.

— Ну, и подожду!—согласилась тотчасъ же Кирилловна. — Богъ и до завтра насъ не оставитъ. Столько лѣтъ ждали, одну ночь подождать недолго.

V.

По искалѣченнымъ корнямъ
Въ груди земной играютъ соки,
И вздохъ проносится глубокий
По мертвымъ рощамъ и полямъ.
Пестрѣютъ снова мхи и травы,
И каждый цвѣтъ, и каждый кустъ
Дыханьемъ благовоныхъ устъ
Слагаетъ солнцу гимны славы.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Когда на другой день пріѣхалъ Вольфъ, Лиза встрѣтила его въ передней. Она только что встала и, продежуривъ ночь у больной, чувствовала себя неважно.

Маруся, съ утра опять предоставленная себѣ, не выдержала и тоже выскочила на звонокъ.

— Это ваша дочь?—освѣдомился профессоръ, отвѣчая любезнымъ пожатіемъ руки на книксенъ дѣвочки.

— Да!.. Иди къ себѣ!—сурово обратилась къ ней по-русски Лиза—Что это за манера выбѣгать въ переднюю?..

— Славная дѣвочка! Только блѣдновата немного. Да что она у васъ взаперти сидитъ? Посмотрите, какая погода! Ей цѣлый день на воздухѣ быть слѣдуетъ. Въ эти годы движеніе и кислородъ прежде всего.

Лизѣ вспомнились здоровыя икры его сыновей...

Они прошли въ гостиную.

Выслушавъ отчетъ Лизы объ Александрѣ Николаевичѣ, Вольфъ остался, видимо, доволенъ.

— Отлично... Судя по всему, немедленной катастрофы пока ждать нельзя... Но за дальнѣйшее...

— Дальнѣйшее зависитъ отъ васъ. Вы настаивали, чтобы непремѣнно я доискала причину угнетеннаго духа тетушки? Мнѣ

сдастся, ей очень тяжело хворать здѣсь... Она боится умереть на чужбинѣ.

— Значить,—спокойно и весело добавилъ врачъ,—вы отвезете ее домой. Не сейчасъ, нѣтъ. Она для этого въ данную минуту слаба. Сперва надо возстановить ее силы, а тамъ—съ Богомъ!

Лиза опустила голову. Втайнѣ она послѣ разговора съ Кирилловной не теряла надежды, что Вольфъ не согласится на возвращеніе въ Россію, и онѣ поневолѣ останутся тутъ, но онъ, точно не замѣчая ее разочарованія, началъ вдаваться въ подробности и принялся обсуждать, какъ практичнѣе осуществить желаніе больной.

Лиза противъ воли слово за слово рассказывала ему о Колычевѣ, о старомъ домѣ и объ условіяхъ деревенской жизни въ Россіи.

Вывѣдавъ все, что его интересовало, онъ замѣтилъ:

— Вы говорите такъ отрывисто, что—простите, я буду, можетъ быть, нескромнень?—я вижу, лично для васъ возвращеніе на родину не только нежелательно, но и въ высшей степени тяжело. Но какъ бы то ни было, придется взять себя въ руки, нельзя быть эгоистомъ и думать въ данномъ случаѣ только о себѣ. Если дѣйствительно вѣпросъ этотъ такъ волнуетъ больную, необходимо принести себя въ жертву...

— Я и не думаю противорѣчить,—высокомѣрно отвѣтила Лиза:—миѣ кажется, вы стоите на ложной почвѣ. Напротивъ, я... я первая и подала вамъ мысль о нашемъ обратномъ переселеніи въ Россію...

— Значить, я поспѣшилъ со своимъ выводомъ,—извиняюсь. Но во всякомъ случаѣ повторяю, сейчасъ объ этомъ и рѣчи возникать не можетъ. Сперва я пошлю васъ въ К. на поправку, это въ трехъ часахъ ѣзды отсюда. Да и вамъ лично условія той мѣстности будутъ весьма благопріятны. Ваши нервы требуютъ серьезнаго ремонта.

«Опять!.. что ему за дѣло до моихъ нервовъ?» подумала Лиза и вслухъ добавила:

— Мои нервы въ полномъ порядкѣ.

— Нѣтъ,—совершенно спокойно возразилъ врачъ,—они очень и очень больны.

— Почему вы можете знать?

— Вы крайне раздражительны и волнуетесь много. Напримѣръ, вашъ тонъ съ дочерью. Онъ недопустимъ и достаточно выдастъ ваше нервное недомоганіе. Я уже слышу его второй разъ. Съ ребенкомъ такъ не говорятъ, особенно матери.

Лиза еще высокоомѣриѣ откинула голову и уставилась на него своимъ холоднымъ стекляннѣмъ взглядомъ.

— Вы опять ошибаетесь...

— О, нѣтъ! Но это не мое дѣло, не правда ли? И все-таки, какъ врачъ, я стою на своемъ, — вы нездоровы, и сами даже не подозреваете, насколько ваше состояніе серьезно и требуетъ особеннаго

вниманія. Моя священнѣйшая обязанность предупредить каждого находящагося въ опасности и предложить свой совѣтъ. Повѣрьте, мною руководить не корысть,—я предлагаю вамъ свою помощь въ счетъ той же повизитной платы, о которой мы вчера условились, и васъ настойчиво прошу подумать о моемъ предложеніи.

И хотя Лиза наканунѣ еще рѣшила сама обратиться къ Вольфу, но въ данную минуту онъ снова только бѣсилъ ее и своимъ невозмутимо-авторитетнымъ тономъ и пристальными глазами, такъ явно читавшими ея мысли.

— Благодарю васъ, едва ли это нужно!..—отвѣтила она и пошла по коридору въ комнату больной.

Александра Николаевна при одномъ намекѣ на Россію такъ и встрепенулась.

У нея даже слезы заблестали.

— А Лиза ... тоже поѣдетъ?—спросила она робко, какъ ребенокъ, робѣя, что вдругъ услышитъ отказъ.

— Само собою разумѣется!—отвѣтилъ Вольфъ.—Развѣ вы хотите ее тутъ оставить?

— Ей будетъ слишкомъ тяжело... я буду бояться за нее.

— Напрасно! ваша племянница-молодецъ, у нея очень много характера.

— Еще бы, она столько вынесла... Если бы вы знали все...

— Тетя!..—остановила Лиза.

Вольфъ поглядѣлъ на нее, но это не былъ взглядъ ученаго профессионала,—это былъ просто любопытный человѣческій взглядъ, съ большою долею симпатіи, и Лиза сразу почувствовала разницу. Снова, какъ тогда на лѣстницѣ, ее точно освѣтилъ яркій лучъ, и она подумала:

«Какой онъ красивый и, кажется, добрый... Чисто красное солнышко!..»

Маруся стояла у окна и смотрѣла на улицу, залитую солнцемъ.

По расписанію, висѣвшему въ простѣнкѣ, нужно было бы заниматься географіей, и еще съ прошлой пятницы была задана Южная Америка съ горами и рѣками.

Маруся водила пальцемъ по стеклу и машинально нараспѣвъ повторяла:

— Вершина Попока-те-пель... Озеро Ти-ти-ка-ха.. По-по-ка-те-пель... Ти-ти-ка-ха... — но ея мысли были далеки отъ всѣхъ американскихъ вершинъ и озеръ.

Весна окончательно настала. Ночью пролился первый теплый и обильный дождь, и согрѣтая имъ и напоенная земля сразу выбросила всѣ проснувшіяся въ ней былинки. Видныя изъ окна по ту сторону города и покрытыя густымъ лѣсомъ горы явно зазеленѣли. Во всѣхъ садахъ лужайки лежали геометрически правильными

изумрудно-бархатными фигурами между усыпанными свѣжимъ красноватымъ гравіемъ дорожками, и зимнія прикрывки изъ тростника и соломы исчезли съ кустовъ, кое-гдѣ уже одѣтыхъ тонкими и нѣжными листочками.

Маруся знала всѣ сосѣдніе сады наизусть. Она, закрывъ глаза, могла сказать наперечетъ, гдѣ у кого росъ майоликовый грибокъ, или стоялъ пестрый гномъ, или прятался въ зелени гипсовый раскрашенный олень, или даже сидѣлъ съ сигарой въ зубахъ арапъ въ яркой курткѣ, небрежно прислонясь къ спинкѣ скамейки. Пока эти затѣи нѣмецкаго «вица» еще отсутствовали, но уже въ клумбахъ копались хозяева, и заступы и мотыки взрывали отдохнувшую за зиму черную влажную землю.

Вонъ какъ разъ черезъ дорогу фрау Брикъ въ большомъ передникѣ и вѣчной шляпѣ съ выпѣвѣтшей лентой возится у оголенныхъ высокихъ штаббовъ.

Цѣлые дни она и обѣ ея дочки работаютъ, не покладая рукъ. Въ прошломъ году дѣвочки конфирмовались, и Маруся видѣла, какъ онѣ въ нарядныхъ бѣлыхъ платьяхъ пріѣхали изъ церкви въ коляскѣ настоящими барышнями.

Никто бы не могъ сказать тогда, что обѣ онѣ ходятъ дома въ затрапезкахъ, съ высоко подоткнутыми подолами и, оставивъ далеко для равновѣсія лѣвую руку, таскаютъ тяжелыя лейки и ведра, или вотъ какъ сейчасъ, взявшись вдвоемъ за ручки носилокъ, переносятъ изъ коровника навозъ для удобренія клумбъ.

Весело имъ... онѣ смѣются... Маруся отсюда видитъ ихъ широко открытые рты и бѣлые зубы... Мать имъ что-то крикнула... Онѣ не въ силахъ сдержать носилокъ, и Бертель опустилась отъ смѣха на землю. Мартель ее, видно, бранить и сама тутъ же тоже садится на дорожку, и обѣ хохочутъ, хохочутъ безъ конца.

Хорошо бы пойти къ нимъ и также подоткнуть подолъ и взять лопату или лейку! А тутъ,—Попака-те-пель и Ти-ти-ка-ха... И не все ли равно, какъ зовутся горы въ Америкѣ?

Мартель бросила лопату и одернула платье... Вѣрно, пришелъ Куртъ... Она къ нему равнодушна... «Удивительно—совершенно другая фигура стала. Какъ платье мѣняетъ человѣка! Мама этого не понимаетъ. Есть женщины, которымъ рѣшительно все равно, что и какъ на нихъ надѣто... Вотъ Микиной мамѣ не все равно. Она актриса и должна шикарно одѣваться...

«Хорошо быть актрисой! вездѣ въ магазинахъ выставлены портреты, и всѣ ихъ нарасхватъ раскупаютъ.. Я тоже буду актрисой... Нѣтъ, лучше танцовщицей... Мы обѣ съ Катей будемъ танцовать по очереди соло... Она съ кастаньетами, я съ шарфомъ, какъ наша мадамъ Тидле въ коротенькой тюникѣ на томъ портретѣ, который она подарила Катѣ»...

И Маруся длинными глissадами поскакала за ширму, сняла со стѣны полотенце и, мелко засеменявъ ножками, стала въ позу въ уголь, какъ вдругъ дверь открылась и вошла мать.

Дѣвочка такъ и обмерла. Комкая полотенце, она стала вытирать имъ руки, точно только что вымыла ихъ, но вмѣсто ожидаемыхъ громовъ изъ блѣднаго знакомаго рта матери раздалось вполне спокойно:

— Тебя бабушка зоветъ... Пойдемъ къ ней.

Маруся не вѣрила своимъ ушамъ. Она заторопилась и обернулась къ столу, гдѣ лежали раскрытыя книги и карты.

— А географія?

— Мы сегодня будемъ заниматься послѣ гулянья. Пока отдохни.

Дѣвочка окончательно растерялась. Слово «отдыхъ» было вообще вычеркнуто изъ ихъ домашняго словаря. Его замѣняли синонимы— «битье баклушъ», «лодырничанье», «валанданье» и тому подобныя живописныя выраженія, сокровенный смыслъ которыхъ сводится къ лѣни, и вдругъ мать сама говоритъ объ отдыхѣ и гуляньи?!

Бабушка, сѣденькая, осунувшаяся, лежала на высоко взбитыхъ подушкахъ. Маруся, идя по коридору, уже впередъ рисовала себѣ ея видѣнное вчера при свѣтѣ лампадки жалкое лицо, и слезы у нея снова были наготовѣ, но сегодня сіяло солнце, въ комнатѣ было совѣмъ свѣтло, и бабушка была совѣмъ другая.

Она улыбнулась, улыбнулась такъ весело, какъ всегда, и Маруся сама просіяла.

«Значитъ, Анхень была права, и Вольфъ отличный докторъ и вылечитъ скоро бабушку».

Или, можетъ быть, помогло то, что, проснувшись ночью и не видя матери на постели,—она дежурила у больной,—Маруся встала, нерочно ступая босыми ногами по холодному полу, чтобы было неприятно, и положила три земныхъ поклона передъ образомъ своего ангела, висѣвшаго въ углу, за «недугующую рабу боярыню Александру...»

Во всякомъ случаѣ бабушкѣ было лучше. Дѣвочка на цыпочкахъ подошла къ ея постели и поцѣловала ее сперва въ щеку, а потомъ въ руку.

— Вамъ лучше, бабинька?

— Лучше, дѣтка! Сядь сюда... Я хочу тебѣ какую новость хорошую сказать!

— Какую?

— Знаешь, мы куда лѣтомъ поѣдемъ?

— Въ Швейцарію?

— Нѣтъ, дальше...

— Въ Америку?

— Съ нами крестная сила!—перекрестилась Кирилловна, по понятіямъ которой, благодаря Марусѣ, показавшей ей Америку

на глобусѣ, эта часть свѣта находилась въ преисподней, гдѣ люди вверхъ ногами ходять.

— Въ Россію!—улыбнулась бабушка,—въ Колычево... Въ наше-милое старое Колычево!—прибавила она, и губы ея скривились, и снова двѣ тяжелыя слезы потекли по сморщенному лицу.

Кирилловна подошла и отерла ихъ платочкомъ, точно у маленькой.

— Что это, матушка, чего же вы такъ?

— Отъ радости, Кирилловна!.. А ты, Маруся, развѣ не рада?

Маруся смотрѣла на бабушку.

«Рада?» чему ей радоваться?.. Значить, придется разстаться съ Катей и Микой... съ танцклассомъ, со всей этой улицей, съ садами и городомъ... Надолго?

— А мы долго тамъ останемся?—спросила она.

Лиза, стоявшая у окна, вдругъ обернулась.

— Навсегда!—отвѣтила старушка.

— На-всег-да?—переспросила Маруся.—А что же мы тамъ дѣлать будемъ?

— Ты—учиться, а мы—хозяйничать,—отвѣтила Кирилловна.

— А мама?

— Мама? тебя учить!

Лиза вздохнула. Ей до физической боли было тяжело на душѣ. Марусины вопросы вызвали вдругъ картину ея собственнаго возвращенія изъ института въ родныя стѣны колычевскаго дома, ласковую игру солнечныхъ лучей черезъ кружево гардинъ, кроткій отблескъ зеленого огонька лампадки передъ стариннымъ образомъ въ гостиной и тотъ особенный запахъ, свойственный только уютнымъ и хорошо содержимымъ домамъ, который вдругъ такъ и пахнулъ на нее.

Зачѣмъ же она жила столько лѣтъ въ этомъ чужомъ домѣ, въ чужомъ городѣ? А тамъ... кто же жилъ тамъ, въ родномъ углу? Свои.. чужіе?.. Жили.. неужели жили и ходили, и ступали по той землѣ, которая одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ неотъемлемо принадлежала тетѣ, ей, Марусѣ?..

Ея дочь знала всѣ рѣчки земного шара и никогда не слыхала отъ нея имени Оболони, омывавшей старый колычевскій садъ. Дѣвочка наизусть чертила карты, но на картѣ Россіи мать ни разу не указала ей ту точку русской земли, на которую эта дѣвочка имѣла право собственности.

Что жъ это такое?.. Лиза точно просыпалась отъ тяжелаго многолѣтняго сна, но, и просыпаясь, не могла отдѣлаться отъ страннаго чувства, что просыпается не по своей волѣ. Кто-то будить ее. Жизнь?.. обстоятельства?.. или чья-то незримая рука, власть чьего-то пристальнаго взгляда? Не все ли равно? Надо, надо... проснуться!..

Маруся сидѣла, потупивъ гладко причесанную, «зализав-

ную», какъ она выражалась про себя, голову. Ее эта новость, къ удивленію Александры Николаевны и Кирилловны, вовсе не обрадовала.

Напротивъ!.. Она вспоминала разговоры за обѣдомъ у Сѣвскихъ и карикатуры на русскихъ, которыя красовались такъ часто въ витринахъ книжныхъ лавокъ этой! столицы маленькаго нѣмецкаго государства, меньшаго самой малой русской губерніи... Она повторяла про себя тѣ насмѣшки, тѣ отрывочныя сужденія, которыя удавалось ей схватывать на лету... Она еще недавно поссорилась съ Куртомъ за то, что онъ не досталъ ей книгу о Сибири, которую издалъ американецъ Кенанъ, гдѣ онъ описывалъ палачей и кнуты, которыми бьютъ ссыльныхъ преступниковъ...

И вотъ придется вернуться въ эту грубую, грязную Россію, и бабушка еще спрашиваетъ: «развѣ ты не рада?..»

Ее обняла знакомая холодная рука съ обручальнымъ кольцомъ, и голосъ матери, непривычно мягкій и ласковый, спросилъ тоже: — Развѣ ты не рада?

Это было такъ необычно, такъ не то, что она слышала всю жизнь, что ей стало неприятно на душѣ. Точно мать притворяется. «Ласки—вѣдь только телячьи нѣжности». Другого выраженія Маруся отъ нея никогда не слыхала... А теперь она сама подошла и обняла ее... И какая у нея тяжелая рука!..

Дѣвочка недовѣрчиво подняла голову. Странно... даже выраженіе у матери другое. Она ждала, что вотъ-вотъ задергается строгое лицо со сросшимися бровями, но оно не только оставалось вполне спокойнымъ, оно даже пыталось улыбнуться.

VI.

О, не пой за стекломъ
Ты, метель, о быломъ,—
Я повѣрила въ сны благодатные!
Эти чудные сны
О возвратѣ весны
Нашептали цвѣты ароматные...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Прошло около двухъ недѣль. У тети Саши сердце билось уже не только по инерціи. Мысль о возвращеніи домой подняла его дѣятельность, и Вольфъ позволилъ ей пересѣсть на кресло

Арефій былъ извѣщенъ о предстоящемъ переселеніи хозяекъ вотчины, и ему были посланы подробныя распоряженія.

Въ первый разъ за эти годы Лиза писала письмо по-русски и въ Россію. Фразы составляла она, мысли принадлежали Кирилловнѣ.

— Еще, матушка, напиши ты ему, чтобы онъ всю мебель на дворъ вытащилъ да выколотилъ, да чтобы сразу ея назадъ не ставилъ, а пусть бы дня три у него въ сараѣ отпертомъ постояла. А тѣмъ временемъ пусть бы въ домѣ мыли полы да двери да окна бы настержь открытыми держали... и печи бы, дровъ не жалѣя, топчили. И день бы солнечный выбрали и мебель бы, на дворѣ снова прогрѣвъ, обратно внесли... Чехлы бы пусть тоже выстирать даль... Не бойсь, расплзутся въ стиркѣ, столько лѣтъ не снимались!.. Ну, да у меня въ кладовкѣ запасные въ сундукѣ,—пріѣдемъ, сразу пероидѣну. Занавѣсы тоже вотъ убраны,—безъ меня и не найдуть... Напиши, чтобы раньше-то всего крышу хорошенько починили, на чердакъ бы влѣзли да оглядѣли. Вѣрно, течь дала... Небойсь, безъ хозяйскаго глаза все запустить успѣли... мышей, поди, развели... Кошку, напиши ему, чтобы на ночь туда запирали теперь, да мышеловку бы ставили... Тоже сбрую да коляску бы исправили... Хоть и заново все къ свадьбѣ дѣлано, а вѣдь за столько лѣтъ ремни-то и сопрѣли, того и гляди...

Въ своемъ хозяйственномъ возбужденіи она заговорила о томъ, что такъ тщательно обходила всѣ эти годы при Лизѣ.

Сидѣвшая тутъ же рядомъ Маруся подняла голову отъ книжки и спросила:

— Къ чьей свадьбѣ? Къ маминой?

— Учись! учись!—заворчала спохватившаяся старушка.—Не твоего ума дѣло.

Но Лиза спокойно отвѣтила:

— Да, къ моей!

За эти двѣ недѣли она все новыми усиліями воли заставляла себя думать о Колычевѣ, заранѣе пріучая свои нервы къ тѣмъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ, которыя не могутъ не нахлынуть при видѣ дорогихъ когда-то предметовъ...

«Глупости и все это глупости! Нечего распускаться... Надо держать себя въ рукахъ...»

Иногда это ей удавалось, но бывали дни, гдѣ становилось опять не по себѣ, гдѣ наступала безсонница, прерываемая страшными кошмарами.

Вольфъ продолжалъ наблюдать Лизу. Услугъ своихъ онъ ей болѣе не предлагалъ, а она все не рѣшалась обратиться къ нему сама. Наконецъ послѣ новой безсонно-кошмарной ночи вчера, когда ея лицо дергалось особенно сильно и голова разболѣлась до того, что она едва перемогла себя для присутствованія при осмотрѣ Александры Николаевны, она не вытерпѣла.

— Вы говорили какъ-то о моихъ нервахъ,—начала она, прощаясь съ докторомъ въ передней:—я хотѣла бы посоветоваться съ вами... Мнѣ сегодня нехорошо.

Онъ участливо повернулъ къ ней свое красивое лицо.

— Я это вижу.

— Почему?

— Вашъ тикъ сегодня еще ухудшился... Если вы серьезно готовы прибѣгнуть къ моей помощи, перейдемте въ гостиную, тамъ будетъ удобнѣе разговаривать.

Онъ пропустилъ ее въ двери и плотно закрылъ ихъ за собой.

— Я попрошу васъ раздѣться... Я долженъ выслушать васъ, ваше сердце прежде всего...

Лиза не разъ въ жизни подвергалась докторскому осмотру, но въ данное время обыкновенное неизбѣжное условіе всякой врачебной помощи показалось ей ужаснымъ. Это была попытка... Не желая сознаваться, насколько волновала ее мысль, что руки этого красиваго мужчины коснутся ея, она закусила губу и торопливо стала отстегивать пуговицы и крючки лифа.

Вольфъ, не касаясь руками, приложилъ ухо къ лѣвой сторонѣ груди...

— Ваше сердце въ полномъ порядкѣ!—заявилъ онъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.—Я почти увѣренъ, что ваши недомоганія ни отъ какихъ органическихъ причинъ не зависятъ... Но для осторожности я все-таки попрошу разрѣшить мнѣ и дальнѣйшій осмотръ...

Лиза рѣшила терпѣть до конца. По мѣрѣ того, какъ подвигалось изслѣдованіе, она становилась все спокойнѣе. Дѣловитость Вольфа, его опытность, его привычка имѣть дѣло съ нервными больными сказывалась и въ словахъ и въ осторожныхъ, едва ощутимыхъ движеніяхъ ловкихъ, небольшихъ и мягкихъ рукъ.

«Это врачъ не ради заработка или славы, это цѣлитель, ищущій больныхъ для того, чтобы своимъ знаніемъ дѣйствительно облегчить ихъ недуги, подать надежду отчаявшимся», думала Лиза, пока его руки, касаясь ея тѣла, не раздражали, а усыпляли и влияли покой въ бившіеся усиленно пульсы.

— Ваши внутренніе органы работаютъ вполне удовлетворительно, и весь организмъ не оставляетъ у меня больше сомнѣнія, что дѣло исключительно въ вашихъ нервахъ. Причина, вызывающая ихъ расстройство.—внѣшняя. Я не буду навязчивымъ, я не стану выпрашивать васъ и беречь тѣ обстоятельства, о которыхъ вы сами не пожелаете сообщить мнѣ, но что полная исповѣдь могла бы, конечно, облегчить мнѣ задачу,—вы, вѣрно, понимаете... Во всякомъ случаѣ для васъ у меня есть одинъ только методъ—леченіе внутреннимъ. Вы, конечно, слышали о немъ?

— Да!—кивнула головою Лиза.

— Разрѣшаете ли вы мнѣ при такомъ условіи прибѣгнуть къ нему? Я попытаюсь усыпить васъ и начну прежде всего съ прекращенія тика. Мнѣ кажется, онъ особенно донимаетъ васъ?

— Да, ужасно! Вѣдь неприятно не только испытывать его самой,

но сознать, какъ и постороннимъ противно глядѣть на такія конвульсіи.

— Не противно, а больно за васъ... Поэтому я и совѣтую вамъ не долго откладывать это рѣшеніе. Смотрите, какъ сводить ваши мускулы... Увѣряю васъ, этотъ искусственный сонъ вовсе не неприятенъ. Напротивъ...

Лиза колебалась. Ее смущало то, что она слышала о гипнотизерахъ. Она боялась подпасть подъ власть чужого человѣка. Богъ знаетъ, какъ онъ станетъ употреблять взятую надъ нею силу... Но, взглянувъ на его спокойное умное лицо, на эти голубые глаза и солнечную улыбку, она устыдилась своей тревоги.

— А если... я не вѣрю въ вашу силу... въ вашу способность покорить меня вашему вліянію? Развѣ можно ожидать успѣха?—попробовала она отшутиться.

— Я въ немъ не сомнѣваюсь,—отвѣтилъ врачъ.—Поэтому я очень прошу васъ, не сопротивляйтесь дольше и отдайтесь, или, вѣрнѣе, довѣрьтесь моей опытности... Хотите, мы начнемъ сейчасъ же?—Чѣмъ острѣе болѣзненные приступы, тѣмъ дѣйствительнѣе и примѣняемое леченіе. Давайте, попробуемъ?

Онъ осторожно взялъ ее за локоть и подвелъ къ креслу у окна.

— Прежде всего успокойтесь... Не думайте ни о чемъ... Дайте мнѣ вашу руку... Вотъ такъ...

Онъ говорилъ все болѣе мягкимъ, ровнымъ, убаюкивающимъ голосомъ.

Она протянула ему руку, хотя поднять ее почему-то было очень трудно,—рука была тяжелая, точно изъ чугуна.

— Отлично... теперь считайте: разъ... два... три... четыре...

Лиза повторяла счетъ за Вольфомъ. Съ каждымъ словомъ кровь ея обращалась все медленнѣе, сердце билось ровнѣе, на душѣ становилось спокойнѣе. Судорога въ лицѣ хотя и продолжалась, но конвульсивныя сокращенія вѣка и рта дѣлались рѣже и слабѣе. Наступало странное, полудремотное, полусознательное состояніе. Вѣки сожмулись. Она перестала считать.

Это все-таки не былъ сонъ. Она ясно сознавала, что сидитъ въ креслѣ напротивъ доктора, что его глаза пристально, въ упоръ глядятъ на нее, точно сквозь ея сомкнутыя вѣки пытаются проникнуть въ самый мозгъ, а рука ея зажата въ его мягкой и сильной ладони... На душѣ—ни страха, ни волненія. Напротивъ. Удивительное чувство безмѣрнаго покоя... Вѣкъ бы сидѣть такъ, чтобы эта властная, теплая мужская рука держала ея собственную, охраняя отъ малѣйшаго намека на горе, на разстройство... Такъ, вѣроятно, чувствуютъ себя люди въ первыя минуты небытія, унесенные отъ земныхъ заботъ и тревогъ избавительницей-смертью въ преддверія рая...

— Вы не будете больше дергать лицомъ... Ваше мускулы будутъ вполне подчиняться вашей волѣ...—медленно и раздѣльно

выговорилъ словно откуда-то издалека голосъ Вольфа. — Слышите?!

— Слышу!—черезъ силу вылетѣло изъ ея пытавшагося было снова скривиться праваго уголка губъ.

Что-то, словно протестуя, шевельнулось на секунду въ мозгу. Захотѣлось, сопротиворствуя, не поддаться этому приказанію, противостоять чужой волѣ.

«Что это? — онъ велитъ мнѣ... не хочу... онъ не смѣетъ...»

Но это была одна секунда, послѣдняя вспышка сознанія, и разомъ наступила онѣмѣлость всѣхъ чувствъ. Мысль оборвалась...

Лиза открыла глаза. Вольфъ стоялъ у настѣжь распахнутаго окна, черезъ которое лился цѣлой волною теплый аромать весенняго пригрѣва.

Она глубоко вздохнула и вобрала всей грудью ласкающую благовонную струю въ легкія.

— Какъ хорошо!—вырвалось у нея.

— Ну, вотъ видите!—улыбнулся Вольфъ. И опять, какъ тогда на лѣстницѣ, лучъ ярко зажегся на его лицѣ съ бѣлокурой остроконечной бородкой...

«Красное солнышко... красное солнышко!» твердила про себя Лиза, сама безсознательно улыбаясь давно позабытой улыбкой, преобразившей ея каменное, вдругъ помолодѣвшее лицо.

Она встала и, проводивъ его, вернулась на то же кресло.

Что-то давно забытое, когда-то уже разъ испытанное пронеслось въ памяти... запахъ пригрѣтой земли... пробужденіе отъ тяжелаго полусна... бѣгство спугнутыхъ свѣтомъ тѣней... блескъ солнца послѣ глубокаго, давящаго мрака... То, что осталось гдѣ-то далеко позади, отъ чего ее отдѣляла цѣлая вѣчность...

И, сжавъ ладонями виски, она тихо, раздѣльно прошептала:

— Цѣлая вѣчность... цѣлая вѣчность...

Съ этой минуты началось и окончательное пробужденіе Лизы. Она съ удивленіемъ вслушивалась теперь въ разговоры обѣихъ старушекъ и начинала соображать все величіе ихъ самопожертвованія.

Теплое чувство благодарности, не той заученной, затверженной, которая обыкновенно становится только фразой отъ частаго повторенія, а другой, настоящей, вызывающей желаніе приласкать человѣка и самой къ нему приласкаться, все чаще теперь появлялось у нея.

Среди ночи она, осторожно ступая въ войлочныхъ туфляхъ, подходила къ постели тети Саши и съ умиленіемъ разглядывала ея кроткія, знакомыя черты, а потомъ, вернувшись къ себѣ, оправляла съ улыбкой сползшее одѣяло Маруси.

Днемъ она вдругъ на ходу останавливала суетившуюся по хозяйству Кирилловну и, обнявъ давно забытымъ движеніемъ ея

сморщенную шею, цѣловала вялыя старушечьи щеки, а та, прижимаясь къ ея плечу, всхлипывая, произносила:

— Спасибо, матушка! спасибо тебѣ, Лизанька! Богъ награждаетъ тебя!

Обѣ понимали другъ друга... И у обѣихъ потомъ легче становилось на душѣ, и онѣ шли къ больной съ веселыми, улыбающимися лицами, и Лиза все смѣлѣе произносила:

— Когда мы вернемся въ Колычево, я буду непременно заниматься хозяйствомъ! Теперь ужъ моя будетъ очередь трудиться, а ты, теточка, отдыхай!.. Пора...

VII.

Каждый день они встрѣчались.
Онъ съ портфелемъ брелъ подъ мышкой,—
На урокъ она спѣшила
То съ тетрадкою, то съ кнпжкой.
Жизнь кругомъ чуть начиналась.
Было пусто, было рано.
Солнце медленно всплывало
Въ волнахъ сизаго тумана.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Одна Маруся чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе скучала.

Ея общенія съ людьми, и безъ того рѣдкія, теперь окончательно оборвались. Всѣмъ, за болѣзнью бабушки, было не до нея и, ради моціона, ее теперь отпускали ежедневно только по утрамъ на рынокъ съ Анхенъ.

Но эта площадь, обрамленная старыми домами готической архитектуры, съ фонтаномъ по середкѣ, съ балаганчиками и широкими зонтами торговыхъ вовсе не привлекала воображенія. Сновали хозяйки въ кокетливыхъ передничкахъ, окрестныя крестьянки въ пышныхъ чепцахъ, кухарки съ мѣшками и въ шляпкахъ, перешедшихъ на ихъ головы отъ барынь, слѣпо послушныхъ новымъ модамъ. Всѣ эти женщины въ пылу экономіи осаждали вражескій станъ толстыхъ торговыхъ съ неизмѣннымъ вязаньемъ въ рукахъ и оглушительно трещали, торговались, по десять разъ прицѣняясь къ провизіи, разложенной на столахъ и ручныхъ телѣжкахъ.

Марусю ничуть не интересовало, уступятъ ли осажденныя, или покорятся осаждающія, она только старалась не отставать отъ Анхенъ и переходила съ ней отъ стола къ столу, отъ телѣжки къ телѣжкѣ, пока та съ видомъ знатока и съ яростнымъ, чисто нѣмецкимъ увлеченіемъ рылась въ пучкахъ редиски и молодого салата, въ корзинахъ картофеля и земляныхъ грушъ или, оттопыря толстую губу, нюхала рыбу и лѣсныхъ куропатокъ.

Однѣ собаки въ упряжи достаивались вниманія Маруси.

На нихъ привозили на продажу молоко и овощи, и теперь онѣ отдыхали, то вытянувъ головы на лапы, то тяжело дыша и свѣшивая сквозь ремни намордниковъ длинные розовые языки. Собакъ дѣвочка очень любила и всегда жалѣла, что ихъ въ домѣ у нихъ не держали. Но ея мать, вычитавъ о возможности зараженія эхинококками, избѣгала всякихъ животныхъ, а Маруся вознаграждала себя каждое утро тѣмъ, что приносила въ карманѣ хлѣбъ и угощала четвероногихъ сотрудниковъ рыночной торговли.

— Komm, komm, Kind!—торопила Анхенъ, и, нагруженные товарами, онѣ спѣшили домой.

Навстрѣчу попадались школьныя дѣти съ книжками. Цѣлые пріюты одѣтыхъ въ одинаковыя сѣро-синія платица дѣвочекъ, съ аспидными досками и тетрадками подъ мышкою, шумно переставляли обутыя грубою обувью ноги и торопились въ низшія городскія школы. Имъ уступали дорогу другія, болѣе нарядныя барышни въ модныхъ шляпкахъ и жакеткахъ, тѣ, передъ которыми вѣжливо снимали фуражки щеголи-приманеры, бросая вслѣдъ замѣчанія и комплименты. Смѣхъ звенѣлъ въ отвѣтъ. Дѣвочки прибавляли шагъ и оглядывались съ улыбкой на стройныхъ, полувзрослыхъ юношей съ пробивавшимися усиками.

Марусѣ становилось еще грустнѣе.

Никогда, никогда она не ходила въ школу, не имѣла школьныхъ товаровъ, съ которыми, навѣрно, гораздо веселѣе и легче учить уроки и запоминать вершины и рѣки и французскіе стихи. Вѣчное одиночество теперь еще сильнѣе угнетало ее. Въ ней жила неудовлетворенная потребность товарищества, желаніе чужого сочувствія и дружбы.

Танцклассы она поневолѣ теперь пропускала. Къ Нерадовымъ мать ея такъ и не поѣхала, ссылаясь на болѣзнь Александры Николаевны, а оттуда и отъ Сѣвскихъ тоже никто не показывался, хотя записочками и справлялись о здоровьѣ генеральши и передавали Марусѣ поклонны отъ Кати.

Эта Катя была единственная внучка старика Сѣвскаго, дочь его покойнаго сына, умершаго два года назадъ, женатаго на дочери милліонера Нерадова, съ которой старикъ и жилъ теперь душа въ душу, вмѣстѣ ухаживая за дорогой могилой и за ребенкомъ, живымъ портретомъ отца.

Катю баловали напропалую. Ее наряжали, какъ куклу, возили въ циркъ и въ театры, брали на всѣ гулянья и выставки. Когда дѣду пришла мысль устроить внучкѣ танцклассы у отставной придворной балерины Тидле, сразу обнаружился недюжинный талантъ Кати.

Безо всякаго труда она стала выдѣлывать самые сложные фокусы ногами и восхищала и учительницу и родныхъ граціей и спо-

собностями. Но отдѣльные уроки ей прискучили, и тогда Сѣвскіе задумали устроить общіе танцклассы.

Отъ трехъ до пяти часовъ каждую субботу въ залѣ обширной квартиры раздавалось пиликанье двухъ скрипокъ и контрабаса, и подъ это тріо дѣвочки и мальчики почти всей русской колоніи вальсировали и танцевали кадрили и лансье, а Катя показывала свое искусство въ характерныхъ танцахъ.

Маруся на эти танцклассы попала не сразу. Ея мать, вѣчно боявшаяся развитія дурныхъ наклонностей въ свой дѣвочкѣ, сперва и слышать объ этомъ не хотѣла. Встрѣчаясь съ Сѣвскими и съ остальными въ церкви и въ городѣ, она церемонно обмѣнивалась поклонами и держала себя неприступно, никому не протягивая руки. Ея поневолѣ сторонились, и никто не рисковалъ завязывать съ ней знакомство, несмотря на ея долготѣнее пребываніе въ N.

Но старикъ Сѣвскій рискнулъ, потому что Марусю давно примѣтила Катя. Именно потому, что знакомство не завязывалось и Маруся на танцклассъ не пріѣзжала, балованная барышня ее облюбовала. Она настойчиво, чуть не крича и плача, требовала и приставала къ дѣду и къ матери:

— Да когда же вы познакомите меня съ бѣленькой дѣвочкой?

Дѣдушка въ одно изъ воскресеній послѣ такой сцены поѣхалъ къ Сотовой, сразу у него нашлись общіе знакомые въ Петербургѣ съ Александрой Николаевной, и даже оказалось, что онъ самъ служилъ почти полгода подъ начальствомъ Семена Михайловича.

Это привело въ восторгъ старушку, и она осталась совершенно очарована своимъ визитеромъ. На другой день явилась и его невѣстка, Зинаида Андреевна, съ Катей, и Марусю вызвали къ гостямъ.

Александра Николаевна тотчасъ же взяла ихъ сторону, и Лизѣ пришлось уступить, къ величайшему восторгу обѣихъ дѣвочекъ.

Съ перваго же урока «бѣленькая дѣвочка» завоевала всѣ сердца. Строго дисциплинированная дома, она точно выполняла все, что ей показывала отставная балерина.

Она становилась въ позиціи, дѣлала *battement* и *assemblées*, а скрытая музыкальность помогала ей попадать сразу въ тактъ, и вскорѣ она танцевала и вальсъ, и польку, и тѣ *pas de basques*, которымъ, особенно за границей, обучаютъ подъ именемъ мазурки. Она, навѣрно, сошлась бы и съ другими дѣтьми, но Лиза уклонилась отъ всякихъ дальнѣйшихъ знакомствъ, весьма неохотно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, разрѣшая Марусѣ оставаться обѣдать у Сѣвскихъ. Къ себѣ она никогда никого не звала. Она не знала, о чемъ говорить съ русскими, и страшилась каждаго малѣйшаго намека на прошлое, каждаго разспроса, что привело ихъ за границу, почему они живутъ въ N. и т. д.

Узнавъ о болѣзни Александры Николаевны, Сѣвскіе пытались дважды присылать за Марусей на танцклассъ, но Лиза благодарила каждый разъ за вниманіе и наконецъ прибавила, что при данномъ состояніи больной ни ей, ни ея дочери танцы на умъ не идутъ.

«Чего они пристають? Что имъ за дѣло до насъ? Одно вѣчное любопытство и эгоизмъ: ихъ ребенку скучно, а они лицемѣрятъ и прикидываются, что интересуются нами. Комедія пошлая!..»

И Маруся за весь постъ такъ и не была ни разу у Сѣвскихъ, и теперь, сидя съ книжкой у открытаго окна, она печально слушала разговоръ Кирилловны съ бабушкой о какихъ-то сундукахъ и расчеты, во что обойдется обратный переѣздъ въ эту скучную, ненавистную Россію...

Вдругъ по тихой улицѣ раздался топотъ лошадей и стукъ остановившагося подъ окнами экипажа.

Маруся высунулась до половины въ окно.

— М-ме Нерадова!—обрадовалась она.

Бабушка подняла брови.

— Нерадова?

Андрей Петровичъ былъ вдовъ, но при немъ жила управлявшая всѣмъ домомъ фрейлейнъ Аманде, про которую ходили слухи, что она имѣла всѣ права на руку стараго богача, и Александра Николаевна знала объ ней.

Лиза тотчасъ же догадалась, что это Ольга, и, объяснивъ, кто это такая, вышла ее встрѣтить.

— J'ai forcé la consigne!—начала та.—Дольше терпѣть я не въ силахъ. Я нарочно написала Вольфу и отъ него узнала, что дѣло у васъ идетъ на поправку, и съ его разрѣшенія me voilà! Подумай, мы четырнадцать лѣтъ не встрѣчались! Теперь живемъ въ двухъ шагахъ другъ отъ друга и не смѣемъ видѣться... Я пошла напроломъ...

Въ эту минуту въ двери выглянула Маруся.

— Бабушка велѣла просить тебя и m-me Нерадову къ себѣ,—доложила она, дѣлая за дверью свой реверансъ.

Черезъ минуту въ комнату больной уже входила Ольга въ преувеличенно стянутомъ жакетѣ и огромной на отлетѣ шляпѣ, какимъ-то, казалось Лизѣ, чудомъ державшейся на головѣ.

Александра Николаевна искренно ей обрадовалась и хотя и не узнала сразу, но припомнила институтъ и весело улыбнулась. А Ольга такъ душевно поздоровалась съ нею, такъ ласково кивнула Кирилловнѣ, что обѣ старушки почувствовали себя давно съ нею знакомыми.

Полились воспоминанія, разпросы... Въ квартирѣ, уставленной приданой мебелью нѣмецкой фрау Зелигъ, зазвенѣли отзвуки русской жизни. Чопорные стулья и зеркала услышали

разговоры о русской провинціи, о пережитомъ голодѣ, о страшной холерѣ и недоумѣвали, какъ послѣ такихъ ужасовъ, скопившихъ тысячи людей, существуютъ еще театры, куда поступаютъ одни на сцену, а другіе имъ аплодируютъ и подносятъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ денегъ вѣнки и букеты, приглашаютъ на роскошныя ужины, гдѣ летятъ шампанское и подаются аршинныя стерляди... И какъ весело живетъ въ этой голодной, измученной, истерзанной Россіи. Германія ей въ подметки не годится!.. Тутъ вѣчное, неотвязное чувство, что не такъ ступишь и полицейскій, стоящій, какъ изваяніе, на улицѣ, схватить за воротникъ и посадить подъ арестъ.

— Ненавижу за границу!—твердила Ольга, хмуря подведенныя глаза.—Такъ все вылизано, скучно, натянуто... То ли дѣло у насъ... Встаешь въ двѣнадцать часовъ, ложишься подъ утро... Ъшь, сколько хочешь и что хочешь. А тутъ одни ихъ шлеймузы и дамфнудели чего стоятъ!.. И люди всѣ какія-то машины бездушныя.

Александра Николаевна слушала съ восхищенной улыбкой.

— Вѣрно, матушка! Вотъ ужъ истинно правду говорить изволите!—поддакивала Кирилловна.

И Лиза невольно усмѣхалась, слушая разглагольствованія Ольги, а Маруся удивленно раскрывала каріе глаза.

«Какъ же это?.. Вѣдь до сихъ поръ всѣ остальные бранили Россію? А вотъ эта нарядная, такая веселая и, видимо, умная Микина мама хвалитъ ее?.. Кто же правъ въ такомъ случаѣ?»

— Ахъ, какъ хорошо, что васъ занесла къ намъ судьба! И какъ жаль, что это не случилось раньше. Вы бы, навѣрно, распевелили мою монахиню,—улыбнулась тетя Саша.

Ольга разсмѣялась.

— И то монахиня! Она и въ институтѣ, бывало, услаждала насъ духовными кантиками. Помнишь, Лиза?

И неожиданно высокимъ и звонкимъ груднымъ голосомъ она запѣла:

Vous savez bien, que je vous aime...

Лиза поблѣднѣла.

— Не надо... Ольга... Бога ради... я не могу...

Александра Николаевна вздохнула.

— Да... она не можетъ, она не выноситъ музыки. А помните...

— Тетя... Бога ради!..

Ольга сразу почувяла, что задѣла какую-то больную струну.

— Ахъ, Господи. Вѣдь вотъ болтаю всякую ерунду, а зачѣмъ заѣхала, и не сказала. Вольфъ мнѣ написалъ, что и ты не совѣмъ будто въ порядкѣ? Что онъ всѣхъ васъ собирается послать на чистый воздухъ. Такъ не хочешь ли сегодня подышать имъ? Я на-

рочно приѣхала за вами въ коляскѣ? Если не хочешь сама, отпусти Марусю. Вонъ она какая блѣдная...

Маруся такъ и зардѣлась. Тетя Саша взволновалась.

— Конечно, конечно, Лизанька! Дитя и то изъ-за меня все дома сидить. Да поѣзжай и ты. Поѣзжайте обѣ. Тебѣ тоже провѣтриться не мѣшаетъ... Охъ, Господи! всѣхъ-то я, калѣка, измучила!—и она уже собиралась заплакать, но Лиза, пересиливъ себя ей въ угоду, дѣланно веселымъ-голосомъ перебила:

— И прекрасно, пусть Ольга прокатить Марусю, а мнѣ неудобно,—черезъ полчаса приѣдетъ Вольфъ.

Лошади дробно стучали подковами по гранитнымъ плиткамъ мостовой, унося за предѣлы нѣмецкаго городка русскую коляску съ толстымъ кучеромъ въ зеленомъ русскомъ армякѣ на козлахъ, Маруся сидѣла рядомъ съ нарядной улыбавшейся красавицей и глаза ея такъ и сверкали отъ удовольствія. Сѣрыя ленты ея шляпы были завязаны пышнымъ бантомъ сбоку, и она и себя чувствовала богатой, нарядной и интересной.

Навстрѣчу попался Куртъ. Онъ удивленно раскрылъ глаза и, сорвавъ съ головы фуражку, остановился, глядя вслѣдъ.

Маруся покраснѣла отъ удовольствія и важно кивнула ему.

— Кто это?—спросила Ольга.

— Нашъ сосѣдъ, Куртъ Флиге.

— Мы къ нему неравнодушны? А?..—покачала головою Ольга.— Ой-ой-ой! а что мама скажетъ?

Маруся зардѣлась еще сильнѣе.

— Нисколько, увѣряю васъ! Онъ противный, все дразнить меня... Я его не терплю... Да онъ и нѣмецъ вдобавокъ...

— Какая патриотка! Сейчасъ видно дочку N—ской институтки.

Маруся весело улыбнулась.

— А вы тоже институтка? Вы были вмѣстѣ съ мамой въ институтѣ?

— Да, но только мама твоя была прилежная, послушная, парфетка, а я лѣнтяйка и «отчаянная», какъ у насъ говорилось.

— Нѣтъ, вы хорошая... вы очень, очень хорошая... и я васъ очень люблю... я васъ сразу полюбила,—продолжала дѣвочка, глядя съ восхищеніемъ на красивое, затаенное цвѣтной вуалеткой лицо Ольги. Та нагнулась и поцѣловала поднятую къ ней дѣтскую оживленную рожицу.

— И я тебя, дѣтка, тоже. И знаешь, зови меня тетей... Вѣдь я тебѣ не чужая,—ты мнѣ племянница по институту.

Маруся такъ и подпрыгнула.

— Ахъ, какъ хорошо! Да, да! вы мнѣ тетя... Вѣдь у меня, кромѣ мамы, бабушки и Кирилловны, никого на свѣтѣ родныхъ нѣтъ...

Тетя Оля, а вотъ вы хвалили Россію... а почему же у Сѣвскихъ всѣ ее бранять? Тамъ ее не любятъ...

— Не слушай ихъ, дѣтка, бранять потому, что любятъ, именно горячо любятъ. Вѣдь, навѣрно, и тебя дома бранять, а развѣ тебя не любятъ?..

— Не... не знаю... А только они всѣ говорятъ, что тамъ ничего хорошаго нѣтъ, одна грязь и люди всѣ гадкіе...

— Неправда, т.-е. про грязь, пожалуй, отчасти и правда, а вотъ люди русскіе не гадкіе, напротивъ... Люди у насъ съ душою, съ ними тепло. Вѣдь вотъ я же тебя нравлюсь, а я чисто русская... Да и сама ты только что сказала, что не любишь того Курта, потому что онъ не русскій... Почему же?

Маруся задумалась.

«Правда, почему?..»

Тѣмъ временемъ Александра Николаевна вспомнила визитъ Ольги и восторгалась ею.

Лиза пробовала возражать, указывая на пудру и ясные слѣды косметики на лицѣ подруги, но старушка не сдавалась.

— Ну, и пусть себѣ притирается и брови поддѣлываетъ. Что жъ изъ того? Душа у нея зато неподдѣльная... А что съ мужемъ врозь— такъ вѣдь мы не знаемъ, самъ-то онъ каковъ. У него вонъ семья на сторонѣ, а она собственнымъ лбомъ дорогу пробиваетъ въ жизни. Что жъ, ей въ гувернантки, что ли, итти, когда она пѣвицей родилась. Ну, и пошла на сцену... Что же, каждому свое, Лизанька. Такъ людей всѣхъ подъ одну мѣрку ставить нельзя...

.....

Прошла Страстная, за нею и Пасха. Ольга Нерадова заѣзжала все чаще къ Сотовымъ, и Марусю отпускали съ ней и кататься, и въ церковь, и къ Сѣвскимъ, потому что Александра Николаевна вся расцвѣтала отъ присутствія въ своей тихой квартиркѣ жизнерадостной женщины, болтовней словно переносившей ее въ далекую родную страну, и обидѣлась бы за нее, если бы Лиза ея услугъ не приняла.

Ольга забавно рассказывала о своей актерской средѣ, о русскихъ купцахъ и офицерахъ, объ исправникѣ, влюбившемся въ нее и помчавшемся за нею въ чужой уѣздъ, гдѣ, по разсѣянности, вздумалось ему наводить свои порядки, и какъ его тамъ чуть за это не забрали въ кутузку, и въ этихъ живыхъ рассказахъ передъ глазами старушки воскресали давно, давно забытыя подробности прежней жизни.

Лиза слушала эти рассказы и приходила въ ужасъ отъ бывшей подруги.

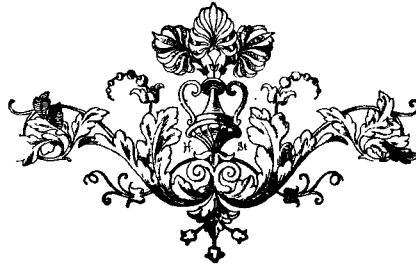
«Что за легкомысліе! Какъ можно такъ жить и еще рассказывать объ этомъ!..»

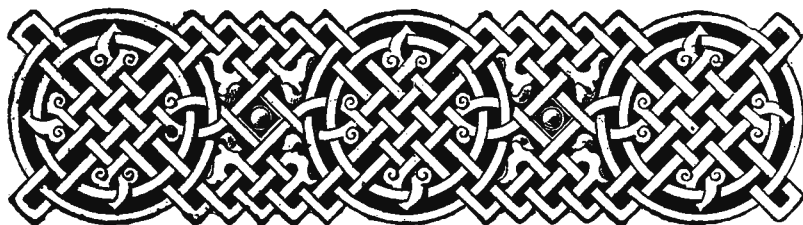
И ей эта женщина, курившая русскія пахитоски, веселая, нарядная, одѣтая всегда преувеличенно модно и все-таки небрежно, дѣлалась съ каждымъ днемъ все антипатичнѣе.

Маруся, напротивъ, все сильнѣе привязывалась къ подругѣ своей матери. Возвращаясь съ катанья, дѣвочка ничего не рассказывала, о чемъ онѣ бесѣдовали дорогой, но зато часто болтала теперь съ бабушкой и слушала ея рассказы о Колычевѣ съ большимъ интересомъ, чѣмъ прежде, до сближенія съ Нерадовой.

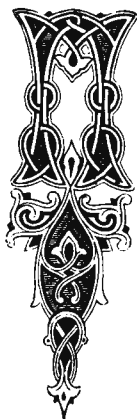
М. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФА Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾,

ВСТУПАЮЩАЯ къ печатанію «Записокъ» графа Н. П. Игнатъева о событіяхъ во второй половинѣ семидесятихъ годовъ на «Ближнемъ», славянскомъ Востокѣ, редакція «Историческаго Вѣстника» признаетъ за собою ту отвѣтственность передъ родиной, когда она съ ними выступаетъ.

По справедливому замѣчанію А. А. Башмакова, виднаго современнаго дѣятеля въ кругу славянскаго дѣла, съ примѣчаніями котораго «Записки» будутъ печататься въ нашемъ журналѣ, — «немногіе изъ нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, на постахъ первостепенныхъ посланниковъ и пословъ могутъ благодарить судьбу за то, что имъ удалось, кромѣ наслѣдія ихъ дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, хранящихся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, оставить потомству какую-либо цѣльную систему мышленія, могущую послужить стройною государственною программой. Н. П. Игнатъеву удалось закрѣпить въ рельефныхъ положеніяхъ главное опредѣленіе началъ, на которыхъ должна покоиться политика Россіи на Балканскомъ Востокѣ. Полное пренебреженіе этими реальными элемен-

¹⁾ Графъ Н. П. Игнатъевъ занималъ постъ директора азіатскаго департамента съ 1861 по 1864 г. г., а съ 14-го іюня 1864 г. по 15-ое января 1877 г. онъ являлся представителемъ Россіи въ Константинополь, сначала только въ рангѣ посланника (до 25-го марта 1867 г.), а засимъ въ званіи посла, постѣ того, какъ эта должность была учреждена

«истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. сжххв.

тами практической дѣятельности привело насъ быстрыми шагами къ нынѣшнему упадку и къ почти совершенной уtratѣ нашего вѣкового политическаго вліянія на Босфорѣ».

«Значеніе записокъ, къ которымъ вы поручили мнѣ сдѣлать примѣчанія, необходимыя для уразумѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ текста,—говорить далѣе въ своемъ письмѣ въ редакцію г. Башмаковъ,—весьма незаурядное. Многое изъ того, что сообщаетъ въ нихъ покойный дѣятель русской государственности, является совершенно новымъ, сенсационными разоблаченіями и будетъ сочтено именно за таковыя далеко за предѣлами Россіи. Эти «Записки», несомнѣнно, посодѣйствуютъ установленію безпристрастнаго и вѣрнаго облика Игнатьева въ исторіи» и, быть можетъ,—прибавимъ мы отъ себя,—послужатъ хорошей воспитательной школой для того, кому суждено судьбою стоять у руля нашей внѣшней политики.

Въ текущемъ году редація имѣетъ возможность предложить вниманію читателей только одинъ, хотя и обширный, отрывокъ изъ «Записокъ» графа. Въ слѣдующемъ году мы надѣемся дать второй отрывокъ, гдѣ пойдетъ рѣчь уже не о прологѣ, такъ сказать, русско-турецкой войны, а объ ея эпилогѣ у стѣнъ Санъ-Стефано.

Р е д.

I.

Съ перваго моего знакомства непосредственнаго съ славянами, передъ назначеніемъ меня директоромъ азіатскаго департамента и потомъ при исполненіи, въ послѣднемъ званіи, обязанностей помощника министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова въ направленіи нашей восточной политики, т.-е. съ 1861 по 1864 годъ, я усвоилъ себѣ убѣжденіе, что наша дипломатическая дѣятельность должна преслѣдовать три неизмѣнныя цѣли:

1) Уничтоженіе Парижскаго договора. Мы должны были удовлетворить честь и достоинство Россіи возстановленіемъ права собственности на черноморскомъ побережьи и первенства на черноморскихъ водахъ возвращеніемъ уступленныхъ въ 1856 году части Бессарабіи, Измаила и устья Дуная и прекращеніемъ стѣснительной не для одного султана, но и для Россіи коллективной опеки Турціи и гарантіи всей Европы ¹⁾.

¹⁾ Бессарабія, въ нынѣшнихъ ея границахъ была присоединена къ Россіи по трактату, заключенному въ Бухарестѣ 16-го мая 1812 года. Статьею четвертою этого договора граница опредѣлена по рѣкѣ Пруту «до соединенія ея съ Дунаемъ» и по лѣвому берегу Дуная (вдоль наиболѣе сѣвернаго его рукава)—«до устья Килійскаго и до моря». Затѣмъ, вся территорія дунайскихъ гирлъ была присоединена къ Россіи по трактату, заключенному въ Адрианополѣ 2-го сентября 1829 года. По статьѣ третьей

Съ 1841 года наши дипломаты допустили, — вопреки нашимъ вѣковымъ традиціямъ, — укорениться вредоносному принципу опеки, и гарантіи, связывающему, какъ на опытѣ было неоднократно доказано, лишь Россію, но которымъ вовсе не стѣсняется ни Англія — въ Египтѣ и Кипрѣ, ни Австрія — въ 1853 году (графъ Лейнингенъ), ни нынѣ въ Босніи и Герцеговинѣ. Князь Горчаковъ тоже стремился къ уничтоженію унижительныхъ условій Парижскаго договора, но коренное различіе нашихъ взглядовъ заключалось въ томъ, что онъ вѣрилъ въ Европу, «въ европейскій концертъ», жаждалъ конференцій и конгрессовъ, предпочитая громкія фразы и блестящія дипломатическія беллетристическія произведенія — настоящему практическому дѣйствію, не столь эффектному, но упорному, настойчивому и основательному. Я полагалъ, что мы должны прежде всего начать строить броненосцы на Черномъ морѣ и завести флотъ, а потомъ уже искать соглашенія непосредственнаго съ Турціею. ¹⁾

этого договора, наша граница проведена была вдоль наиболѣе южнаго рукава Дуная, т.-е. «по его теченію до впаденія Георгіевскаго гирла въ море». Эту территорію мы владѣли только съ 1829 года до 1856 годъ. По трактату, заключенному въ Парижѣ 18-го (30-го) марта 1856 года (ст. XX), новая граница проведена была по «Троянову валу» и отъ Болграда по рѣкѣ Ялпуху — уже къ верховьямъ Прута. Мы потеряли тогда южную Бессарабію и доступъ къ берегамъ Прута и Дуная. Наконецъ, по берлинскому трактату 1 (13)-го іюля 1878 года (ст. 45) — граница Россіи снова проведена по Пруту и Килійскому рукаву Дуная и только.

«Коллективная опека» надъ Турціею и «гарантія всей Европы», о которыхъ упоминаетъ графъ Игнатьевъ, заключаются въ слѣдующемъ.

Во всѣхъ, наиболѣе знаменательныхъ соглашеніяхъ съ Россіею (Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г.; Адрианопольскій 1829 года; Хункиаръ-Искелесскій трактатъ 1833 года) — Турція выступала какъ отдѣльный контрагентъ, безъ участія Европы. Въ особенности послѣднее соглашеніе (1833 года) вызвало глухое недовольство западныхъ державъ, поставившихъ себѣ цѣлью уничтоженіе тѣхъ правъ относительно турецкихъ проливовъ, которыхъ добилась Россія въ 1833 году. Лондонская конвенція «о проливахъ» 1 (13) іюля 1841 года, навязанная Россіи европейскимъ концертомъ, установила «воспрещеніе военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданелль и Босфора. Будучи по существу признакомъ несомнѣнной опеки Европы надъ Турціею, этотъ запретъ изложенъ въ видѣ акта «свободной верховной власти султана, гарантированнаго Европою, въ силу чего султанъ лишался, въ сущности говоря, права непосредственно договариваться съ Россіею. Это положеніе перешло затѣмъ безъ измѣненія въ составъ Парижскаго трактата 1856 года, подъ наименованіемъ «конвенціи о проливахъ», приобщенной къ трактату.

Кромѣ упомянутого вида «опеки», Турція подпала въ кабалу европейскихъ банкировъ вслѣдствіе серіи расточительныхъ займовъ. Этотъ періодъ, особенно усилившій реальную зависимость Турціи отъ европейскаго концерта державъ, начался именно въ царствованіе султана Абдуль-Меджида, вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира 1856 года.

А. Б.

¹⁾ Статью одиннадцатою Парижскаго трактата 1856 года «Черное море объявлено нейтральнымъ». Мы лишились права имѣть черноморскій военный флотъ, за исключеніемъ опредѣленнаго числа «легкихъ судовъ» — для нужныхъ по прибрежью распоряженій» (статья четырнадцатая) и «двухъ морскихъ судовъ у дунайскихъ устьевъ» (статья девятнадцатая).

А. Б.

4*

Соглашеніе это, могущее быть вынужденнымъ благоприятными намъ обстоятельствами, которыя намъ же слѣдовало готовить исподволь и выжидать, пользуясь европейскимъ замѣшательствомъ или войною, имѣло цѣлью опредѣленіе нашего права, самостоятельно, фактически уже возстановленнаго. Главное, чего мнѣ постоянно, и вопреки преданіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, хотѣлось достигнуть, — это непосредственнаго соглашенія съ Турціею, избѣгая новыхъ обязательствъ передъ другими державами, въ особенности Англіею и Австріею, въ отношеніи къ восточнымъ вопросамъ, и подтвержденія, хотя частнаго, Парижскаго договора, заключеннаго Россіею при самыхъ исключительныхъ и неблагоприятныхъ условіяхъ. Я глубоко не довѣрялъ Европѣ и европейскимъ конференціямъ, сознавая, что въ восточномъ вопросѣ всѣ державы болѣе или менѣе враждебны и что на этой почвѣ всего легче составляются противъ насъ коалиціи и союзы. Касательно Бессарабіи я полагалъ необходимымъ не рассчитывать ни на благоуміе румынъ, ни на добровольное согласіе Европы. Считаю полезнымъ опереться на существующее въ этомъ краѣ русское и болгарское населеніе и готовить исподволь воссоединеніе его съ Россіею, я хотѣлъ поддерживать неудовольствіе противъ румынской администраціи и конституціи, заручиться стремленіемъ большинства народонаселенія, возстановить румынъ противъ Австріи и, подготовивъ возможность столкновенія румынъ съ Турціею или Австріею, отобрать у нея Бессарабію, въ вознагражденіе оказанной Россіею Румыніи услуги и такимъ образомъ укрѣпиться на устьѣ Дуная.

Князь Горчаковъ ¹⁾, въ особенности же Гирсъ ²⁾ и Жюмини ³⁾, не придавали особеннаго значенія возвращенію Россіи Бессарабіи, что въ глазахъ не только моихъ, но и покойнаго императора Александра II, должно было смыть съ Россіи непривычное ей пятно уступки, по требованію враговъ, территоріи, входившей въ составъ имперіи, и служить осязательнымъ доказательствомъ Европѣ, что ни пяди земли русской не будетъ никогда уступлено съ бою навѣки никому изъ сосѣдей.

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1856 года, вице-канцлеромъ съ 1862 года, государственнымъ канцлеромъ съ 1867 года. Титулъ «свѣтлѣйшій» пожалованъ ему въ 1871 году. Умеръ въ 1883 году. А. Б.

²⁾ Николай Карловичъ Гирсъ былъ посланникомъ въ Персіи съ 1863 года по 1869 годъ, затѣмъ — въ Швейцаріи до 1872 года, въ Стокгольмѣ — до 1875 года; товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ съ 1875 до 1882 гг. и тогда же управлялъ азіатскимъ (первымъ) департаментомъ; былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1882 г. до 1895 г. Умеръ въ 1895 году. А. Б.

³⁾ Баронъ Александръ Генриховичъ Жюмини былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1856 года и временно-управляющимъ министерствомъ въ 1875 г. Умеръ въ 1888 году. А. Б.

2) Россіи тѣсно въ Черномъ морѣ, и она должна владѣть выходомъ, т.-е. проливами, посредственно или непосредственно, столько же для обезпеченія безопасности и благосостоянія своего Юга, сколько и въ видахъ политическихъ и экономическихъ. Россія вынуждена быть хозяиномъ въ Константинополѣ однимъ изъ двухъ способовъ: или забрать въ свои руки владѣтеля города и проливовъ, обезпечивъ свое исключительное вліяніе надъ существующею тамъ властью, или же—при противоборствѣ Европы и неподатливости мѣстнаго правительства,—завладѣть этимъ пунктомъ. Другого исхода нѣтъ для прочнаго огражденія русскихъ интересовъ и для совмѣстнаго съ ними разрѣшенія восточнаго вопроса. Оно можетъ быть мирное, безъ опасныхъ сотрясеній и европейскихъ осложненій, если бы намъ удалось установить выгодныя для Россіи отношенія съ турецкимъ правительствомъ, подобныя тѣмъ, которыхъ императорское посольство начало достигать съ 1871 по 1875 годъ.

Вліяніе наше должно быть первенствующее въ дѣлахъ Порты. Живя въ дружбѣ съ султаномъ и распоряжаясь министрами, мы могли бы подготовить автономію единоувѣрныхъ и обязанныхъ намъ христіанъ, сдѣлать Турцію для насъ безвредною и, пріобрѣтя право хозяйничать въ проливахъ, оставить султановъ въ Константинополѣ доживать свой вѣкъ. до той поры, пока можно будетъ безъ нихъ обойтись, пріскавъ такое радикальное разрѣшеніе восточнаго вопроса, которое, оставляя въ нашемъ безспорномъ владѣніи проливы и соотвѣтствующее вліяніе на болгаръ, грековъ, сербовъ и армянъ, казалось бы Европѣ наименѣе вреднымъ для интересовъ Англии, Франціи, Италіи, Австро-Венгріи и Германіи. Если же Австрія захочетъ распространиться на югъ, а англійскія и вообще европейскія интриги отдалять отъ насъ султана, продолжая обращать Порту въ враждебное намъ орудіе, съ цѣлью усиливать турецкими вооруженными силами количество нашихъ европейскихъ враговъ, то Россія должна сломить эти силы, сдѣлать ихъ для себя безвредными и, не дозволяя никому господствовать надъ выходами въ Средиземное море, овладѣть окончательно Царыградомъ и проливами. Для того, чтобы владѣніе это было прочно и не требовало бы постоянныхъ чрезмѣрныхъ напряженій съ нашей стороны, необходимо держать въ нравственномъ подчиненіи прилегающія области и обратить болгарское и греческое населеніе, съ одной стороны, а армянское, съ другою, въ послушное орудіе русской политики и въ постоянныхъ союзниковъ, уничтоживъ всякую возможность перехода ихъ во враждебный лагерь.

3) Расовая особенность славянъ, въ отличіе отъ германцевъ, заключается въ стремленіи каждаго племени, каждой отрасли того же семейства сохранить свою самостоятельность и разновидность, не подчиняясь другъ другу.

Объединиться могутъ они медленнымъ путемъ, при общемъ

литературномъ языкѣ, и лишь въ формѣ оборонительнаго союза, который соединилъ бы ихъ военныя силы противъ общаго врага и подчинилъ общему дипломатическому и экономическому направленію. Главною помѣхою разрѣшенія славянскаго вопроса—въ русскомъ смыслѣ и въ видахъ будущаго существованія славянъ, въ качествѣ естественныхъ нашихъ союзниковъ—служать поляки съ ихъ католическимъ фанатизмомъ, западничествомъ и латинскою ненавистью къ православію. Если бы Австрія могла перестать быть орудіемъ латинской пропаганды и германской политики и онѣмеченія, обезличенія славянскихъ народностей, если бы въ Вѣнѣ не первенствовали мадьяры, а между славянами—поляки, тогда намъ легко было бы сговориться и сойтись съ правительствомъ страны, въ которой численный перевѣсъ населенія находится на сторонѣ единокровныхъ намъ народностей. Старая Австрія—централистическая, усиливавшаяся сохранить свое прежнее положеніе въ Германіи и Италіи, могла легко сдѣлаться нашею союзницею. Но дуалистическая Австрія, стремящаяся къ Эгейскому морю, къ созданію Восточной имперіи Габсбурговъ и къ порабощенію славянскихъ народностей, съ предоставленіемъ первенства между ними мадьярамъ и полякамъ,—намъ прирожденный соперникъ и врагъ, съ которымъ намъ придется рано или поздно сразиться на смерть изъ-за первенства на Востокѣ, изъ-за единства и цѣльности Россіи, за возможность сохраненія и развитія историческаго положенія, вѣковыми трудами пріобрѣтеннаго и Всевышнимъ предназначеннаго Россіи—представительницѣ православія и самаго многочисленнаго и могучаго славянскаго племени. Славяне австрійскіе и турецкіе должны быть нашими союзниками и орудіями нашей политики, въ противоположность германству. Только для достиженія этой цѣли Россія можетъ приносить въ ихъ пользу жертвы и заботиться объ ихъ освобожденіи и усиленіи. Жертвовать же исключительно русскими интересами, принимая средства за цѣль, т.-е. имѣя лишь въ виду освобожденіе славянъ, предоставляя имъ затѣмъ служить враждебной намъ политикѣ и удовлетворяясь собственнымъ гуманитарнымъ успѣхомъ,—безразсудно и предосудительно.

Въ этомъ заключалась главная причина разногласія и недоразумѣнія между мною, въ качествѣ посла нашего въ Константинополь, канцлеромъ княземъ Горчаковымъ и его ближайшими совѣтниками, изъ которыхъ самый выдающійся въ западномъ направленіи былъ баронъ Жомини, а также и Е. П. Новиковъ ¹⁾, фанатично поддер-

¹⁾ Евгений Петровичъ Новиковъ, дипломатъ изъ ученыхъ славистовъ, извѣстный тѣмъ, что онъ доказывалъ родство реформы Гусса съ Кирилло-Меодіевскими и православыми традиціями. Онъ былъ секретаремъ нашей миссіи въ Константинополь при князѣ Лобановѣ (т.-е. до 1863 года); затѣмъ—исполняющимъ должность повѣреннаго

живавшій предоставленіе австрійцамъ несоразмѣрнаго вліянія на восточныя дѣла и судьбы славянства. Я предпочиталъ отложить всякую мысль о разрѣшеніи восточнаго вопроса, объ избавленіи Босніи и Герцеговины отъ турецкаго владычества, чѣмъ отдавать эти области во власть Австро-Венгріи и жертвовать будущностью сербскаго племени. Министръ же иностранныхъ дѣлъ (князь Горчаковъ) увлекался мыслью, что руками вѣнскаго правительства славяне турецкіе могутъ быть облагодѣтельствованы и что русскіе интересы нисколько не пострадаютъ отъ захвата Австріею Босніи и Герцеговины, опираясь на фразу: «Ce sera la robe de Nessus»¹⁾, т.-е. что избытокъ славянства въ предѣлахъ Австро-Венгріи обратится ей самой въ ущербъ. Я не раздѣлялъ этого мнѣнія, заявляя, что сербскому племени легче сохранить свою самобытность и избавиться отъ турецкаго ига, выжидая благоприятныхъ обстоятельствъ для Россіи и для себя, нежели свергнуть иго мадыарское, съ вторженіемъ германской культуры и латинской пропаганды. Мнѣ всегда казалось, что историческая миссія Россіи собирать и сохранять для себя славянъ, не уступая никому добровольно пяди славянской земли. Если бы Австро-Венгріи когда-либо удалось захватить въ свои руки, въ политическомъ, экономическомъ и военномъ отношеніи, сербовъ и болгаръ, усилить поляковъ, опирающихся на своихъ естественныхъ союзниковъ мадыаръ, и сблизить ихъ съ чехами, то Вѣна станетъ во главѣ враждебной намъ славянско-католической федераціи; роль Россіи тогда будетъ слѣта въ Европѣ, и возникнутъ серьезныя опасности на нашей западной границѣ: Польша будетъ восстановлена и включена въ австрійскую славянскую федерацію, съ поднятіемъ вопроса объ автономномъ положеніи Литвы и балтійскихъ провинцій, а можетъ быть и Малороссіи. Въ видахъ огражденія будущности Россіи, я считалъ необходимымъ, чтобы славянское знамя было исключительно принадлежностью царя русскаго и чтобы отнюдь не допускать усиленія вліянія никакой другой державы, въ особенности же Австро-Венгріи, на Балканскомъ полуостровѣ. Всѣ ошибки министерства

въ дѣлахъ, въ томъ же Константинополѣ, до 22-го іюля 1864 года, т.-е. до прибытія туда Н. П. Игнатъева. Впослѣдствіи Новиковъ былъ посланникомъ въ Аѣнахъ (до 1870 г.), въ Вѣнѣ (до 1879 г.), посломъ въ Константинополѣ (до 1882 г.), наконецъ— членомъ государственнаго совѣта. А. Б.

¹⁾ «Nessus» или «Nessos». Приведенное здѣсь изреченіе взято изъ греческой мифологіи. Гераклъ, или Геркулесъ, убилъ кентавра Несса, пытавшагося учинить насиліе надъ прекрасной Деянирой. Умирая, Нессъ подарилъ Деянирѣ плащъ, пропитанный ядовитой его кровью, увѣряя, что она этимъ плащомъ сможетъ привязать къ себѣ любимаго человѣка. Впослѣдствіи Деянира, желая привлечь къ себѣ чувства Геркулеса, подарила ему волшебный плащъ (la tunique de Nessus); но какъ только герой надѣлъ этотъ плащъ, ядъ проникъ въ его жилы и причинилъ ему ужасныя предсмертныя мученія. А. Б.

иностранныхъ дѣлъ и затрудненія, выпавшія на долю Россіи съ 1876 года, произошли отъ забвенія этой истины, отъ пренебреженія къ этой основѣ русской здоровой политики ¹⁾).

Всѣ мои дѣйствія съ 1861 года по 1877 годъ въ Турціи и между славянами были вдохновляемы означенными выше мыслями и клонились къ тому, чтобы Россія одна могла хозяйничать на Балканскомъ полуостровѣ и въ Черномъ морѣ, чтобы распространенію Австро-Венгрии былъ положенъ предѣлъ и чтобы восточныя народности, въ особенности же славянскія, обращали свои взоры исключительно на Россію, ставя свою будущность въ зависимость отъ нея, а не отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Въ этихъ видахъ я всѣми зависящими отъ меня средствами старался возстановить вліяніе наше на Босфорѣ, не пренебрегая никакими мелочами; сблизился съ султаномъ; парализировалъ англо-французско-австрійское соглашеніе 1856 года, направленное противъ насъ; поддерживалъ то одно посольство, то другое противъ остальныхъ, стараясь посѣять и вскормить сѣмена раздора между противниками нашими, нейтрализуя такимъ образомъ дѣятельность иностранныхъ агентовъ; завелъ сношенія со всѣми славянскими народностями, подготавливая ихъ къ самостоятельности. Минная работа, направленная противъ Парижскаго договора, западнаго и вообще иностраннаго вліянія на Босфорѣ и въ особенности противъ самой Турціи и Австро-Венгрии, должна была бы продолжаться до той поры, пока развитіе силъ Россіи и благопріятныхъ европейскихъ обстоятельствъ дозволили бы намъ предпринять самостоятельное разрѣшеніе восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ, т. е. съ образованіемъ единокровныхъ и единовѣрныхъ областей, связанныхъ съ Россіей узами неразрывными и съ предоставленіемъ проливовъ въ наше распоряженіе.

Въ 1866 году, при разрывѣ Германіи съ Австрією, я въ первый разъ возымѣлъ мысль бросить эту медленную и тяжелую работу, не желая пропустить психологическую минуту, когда всѣ карты давались намъ въ руки и главнѣйшіе наши противники на Балканскомъ полуостровѣ были фактически парализованы. Сознывая, что Прус-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ графъ Игнатъевъ прозорливо указываетъ, въ какомъ направленіи можетъ развиваться новая дѣятельность Австріи, направленная противъ Россіи и опирающаяся на идею славянства, группируемаго, какъ сила, враждебная православію. Въ наше время это осуществляется системою такъ называемаго «австро-славизма», которая должна, повидимому, служить и руководству будущаго австрійскаго императора Франца-Фердинанда. Идеиную защиту этой системы читатель найдетъ въ извѣстномъ сочиненіи шотландскаго писателя Seton-Watson, (онъ же «Scotus Viator»), озаглавленномъ: «The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy», London, 1911.

Вышелъ также нѣмецкій переводъ этой книги: «Die Sudslawische Frage im Habsburger Reiche». Berlin, 1913. А. Б.

сія, стремящаяся преобразиться въ мощную Германію, нуждается еще пока въ насъ, но что если мы дадимъ время ей опериться, а Австріи оправиться и сблизиться на восточной почвѣ съ недавними врагами, то исполненіе нашей исторической задачи крайне затруднится,—я предвидѣлъ, что война 1866 года дастъ такой сильный толчокъ вопросу о національностяхъ, что имъ орудовать будетъ то изъ европейскихъ правительствъ, которое наиболѣе проявитъ инициативы, настойчивости и менѣе стѣсняться будетъ въ выборѣ средствъ. Ограничиваться же выжиданіемъ и мирными средствами становилось невозможнымъ съ минуты, когда весною 1866 года германскіе агенты стали появляться въ Румыніи, Сербіи, Греціи и Черногоріи, стараясь мутить воду и предлагая нѣкоторымъ изъ нашихъ единоплемениковъ свой союзъ, независимость, увеличеніе территории даже на счетъ Австро-Венгріи (такое предложеніе было дѣлаемо князю Михаилу Сербскому ¹⁾ и черногорцамъ), какъ вознагражденіе за диверсію, противъ нея направленную.

Появленіе прусскихъ агентовъ, подъ видомъ путешественниковъ проѣзжавшихъ по Сербіи, Румыніи, Греціи и по островамъ съ греческимъ населеніемъ, Герцеговинѣ и Черногоріи, было тотчасъ замѣчено нами, и я объяснялся по этому поводу сначала съ прусскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потомъ и съ посланникомъ графомъ Брассье-де-Симонъ ²⁾, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ этихъ странствующихъ агентовъ оказался чрезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія его въ Сербіи въ свитѣ посланника и въ военной формѣ на торжественномъ пріемѣ дипломатическаго корпуса султаномъ, въ день его восшествія на престолъ. Когда я на это указалъ посланнику, то и этотъ послѣдній, равно какъ личность, сдѣлавшаяся мнѣ извѣстною, сконфузились въ первую минуту.

¹⁾ Сербскій князь Михаилъ Обреновичъ (сына Милоша) вступилъ на престолъ въ сентябрѣ 1860 года. Блестящихъ дарованій, образованный и преисполненный патриотическихъ намѣреній, онъ, несомнѣнно, является выдающеюся фигурой въ новѣйшей сербской исторіи. Сблизившись съ нашимъ посланникомъ Н. П. Игнатьевымъ и обнаруживая большую склонность слѣдовать его совѣтамъ, обратившись къ содѣйствію Франціи для организаціи сербскаго народнаго войска, Михаилъ былъ боготворимъ народомъ; въ немъ окрылялись надежды его страны. Онъ былъ убитъ въ Топчидерскомъ паркѣ въ окрестностяхъ Бѣлграда 29-го мая 1869 года. Народная молва обвиняла Александра Карагеоргиевича, а главное Австрію, въ подстроченіи этого преступленія.

А. Б.

²⁾ Полное имя этого дипломата—Brassier de Saint-Simon Vallade. Онъ родился въ 1798 году, въ Силезіи, въ прусской семьѣ французскаго происхожденія; служилъ въ Петербургѣ, Лиссабонѣ и Константинополѣ; въ 1853 году былъ, въ Туринѣ, въ близкомъ знакомствѣ съ Кавуромъ. Въ Константинополѣ Брассье-де-Симонъ былъ прусскимъ посланникомъ съ 1862 до 1869 года.

А. Б.

II.

Какъ только война вспыхнула ¹⁾, русское посольство въ Константинополь указало министерству на благопріятность обстоятельствъ для уничтоженія Парижскаго договора и на вліяніе, которое успѣхи итальянской и германской народностей неизбѣжно произведутъ на всѣ восточныя христіанскія народности, желающія послѣдовать ихъ примѣру и возсоздать свои идеалы. Какъ только вспыхнуло критское возстаніе ²⁾, мною тотчасъ было указано на необходимость воспользоваться этою случайностью, чтобы, поддержавъ греческія притязанія, вырвать Грецію изъ рукъ Запада и обратить грековъ въ союзниковъ Россіи и пособниковъ при освобожденіи славянъ, связавъ ихъ всѣхъ общимъ съ нами интересомъ.

Голосъ мой былъ сначала одинокимъ. Затѣмъ въ Петербургѣ мало-по-малу увлеклись желаніемъ сдѣлать что-нибудь для критянъ и грековъ, въ виду свадьбы великой княгини Ольги Константиновны ³⁾. Но министерство иностранныхъ дѣлъ продолжало терять время и упустило всѣ благопріятные случаи, добиваясь постоянно лишь соглашенія съ другими державами и европейскаго концерта, который всегда и вездѣ обращается въ ущербъ Россіи.

Удержавъ князя Михаила сербскаго и черногорцевъ отъ слѣдованія совѣтамъ германскихъ агентовъ, которые имѣли въ виду лишь компрометтировать нашихъ единовѣрцевъ въ отношеніи къ Австріи и втянуть ихъ въ диверсію, бесполезную для ихъ будущности, я старался воспользоваться общимъ возбужденіемъ восточныхъ народностей, чтобы сблизить ихъ между собою, устранить взаимныя недоразумѣнія и препирательства и подготовить оборонительно-наступательный союзъ между Сербією, Грецією, Черногорією и болгарами. Такъ какъ вѣрность намъ Михаила сербскаго и отчужденность его отъ Австріи не могли быть подвержены сомнѣнію, а болгары представляли пока лишь сырой матеріалъ, безъ достаточныхъ кадровъ для образованія самостоятельнаго княжества, то предполагалось всѣ сербско-болгарскія земли, которыя удастся освободить отъ турецкаго ига, воссоединить въ составъ сербско-болгарскаго государства подъ властью князя Михаила. Герцеговина пред-

¹⁾ Война между Пруссією и Австрією началась 5-го іюня 1866 года. Рѣшающее сраженіе было выиграно пруссаками 21-го іюня при Кениггрецѣ (или при Садовой). 11-го августа миръ подписанъ былъ въ Прагѣ. А. Б.

²⁾ Критское возстаніе началось народнымъ собраніемъ въ Сфакіи 11-го сентября 1866 года; на немъ было провозглашено «воссоединеніе острова Крита съ Греціей». Возстаніе подавилъ Омеръ-паша, при содѣйствіи египетскихъ континентовъ въ февралѣ 1869 года. А. Б.

³⁾ Свадьба произошла въ 1867 году. А. Б.

назначалась для Черногоріи, а Боснію желали, если обстоятельства дозвоятъ, присоединить къ Сербіи. Соглашеніе между греками, черногорцами и сербами и даже албанцами подвинулось въ теченіе осени и зимы 1866 и 1867 года настолько, что можно было съ увѣренностью рассчитывать на общее возстаніе христіанъ въ Турціи, если только критское возстаніе продержится успѣшно и Россія будетъ оказывать ему нравственную поддержку, обезпечивъ полное невмѣшательство другихъ европейскихъ державъ, въ особенности же Австро-Венгріи, въ эту борьбу.

Усмотрѣвъ наконецъ изъ донесенія посольства отъ 4-го (16-го) октября 1866 г. № 219, что дѣло принимаетъ серьезный характеръ, князь Горчаковъ, не признававшій никакого другого дипломатическаго дѣйствія, кромѣ европейской конференціи, въ которой онъ всегда надѣялся имѣть возможность блеснуть нѣсколькими громкими фразами и неожиданными выходками, долженствующими выставить его личность въ глазахъ Европы, пожелалъ наконецъ познакомиться поближе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ отвѣтъ на его запросы и замѣчанія я въ довѣрительномъ письмѣ отъ 27-го декабря 1866 года рѣшился обрисовать нѣсколько картину возможнаго будущаго, чтобы установить хотя нѣсколько правительственную программу въ Восточномъ вопросѣ. Возставая противъ сохраненія Россіею исключительно пассивнаго положенія и отреченія ея отъ руководящей роли въ пользу туманныхъ или вредныхъ намъ общеевропейскихъ воззрѣній, я настаивалъ на необходимости, избѣгая рискованнаго военнаго вмѣшательства, могущаго вызвать европейскую войну и повредить существеннымъ интересамъ Россіи, а также избѣгая необходимости несоразмѣрныхъ жертвъ и невыгодныхъ уступокъ Австріи, не оставаться въ то же время безучастнымъ, ограничиваясь выжиданіемъ конечныхъ результатовъ, которые могутъ быть крайне вредны намъ и единовѣрцамъ нашимъ. Результаты эти, по моему мнѣнію, нужно готовить искусною рукою, сознательно направляющею всѣ дѣйствія къ желаемой цѣли. Съ точки зрѣнія внутреннихъ интересовъ Россіи, при неудовлетворительности финансоваго положенія, отсутствіи стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и незаконченности предпринятыхъ реформъ, желательно было бы избѣгнуть всякаго внѣшняго потрясенія. Но событія обыкновенно не ждутъ нашей боевой и экономической готовности. Возникая внѣ нашей воли, они обяываютъ насъ съ ними соображаться, дабы извлечь изъ нихъ пользу для Россіи и отворотить вредный для насъ и непоправимый исходъ. Вниманію министра иностранныхъ дѣлъ представлено было, что никогда не слѣдовало бы терять изъ виду, что огражденіе нашихъ интересовъ при разрѣшеніи восточнаго вопроса и паденія турецкаго владычества въ Европѣ возможно лишь тогда, когда дѣятельность христіанскихъ народностей направляется исключительно

Россією и нисколько не зависить отъ вліянія другихъ европейскихъ державъ.

Въ противномъ случаѣ, то есть если возставшія противъ турокъ народности будутъ не у насъ въ рукахъ, а подпадутъ подъ западныя вліянія, тогда неизбѣжно (infailliblement) возникнетъ такое устройство дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, которое будетъ для Россіи несравненно вреднѣе (beaucoup plus funeste à notre influence), чѣмъ нынѣшнее положеніе (въ концѣ 1866 года) Турціи. Предсказаніемъ этимъ, сдѣланнымъ за 12-ть лѣтъ до Берлинскаго договора и за девять лѣтъ до злосчастнаго соглашенія съ Австро-Венгрією и Германією ¹⁾, министерство иностранныхъ дѣлъ, къ сожалѣнію, пренебрегло, какъ и многими другими усиліями русскаго представителя въ Царьградѣ, неоднократно пытавшагося направить ходъ дѣла на соотвѣтствующій выгодамъ, чести и достоинству Россіи путь. Единственныя усилія мои не могли предотвратить логическихъ послѣдствій легкомысленной политики. Вся изобрѣтательность лжи и клеветы, распространявшихся въ С.-Петербургѣ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ для оправданія своей опрометчивости и непредусмотрительности, не можетъ уничтожить этого историческаго предупрежденія и совершившагося факта.

«Наши враги и завистники, — писалъ я канцлеру князю Горчакову, — займутъ тѣ позиціи и захватятъ то вліяніе, которыхъ лишитъ насъ наше бездѣйствіе или наши уступки.

«Чтобы вернуть потерянное, нужны будутъ усилія и жертвы несравненно значительнѣйшія, нежели то, что намъ пришлось бы сдѣлать для косвенной поддержки и направленія нынѣшняго народнаго возстанія. Для опредѣленія наивыгоднѣйшей минуты и для осуществленія послѣдняго существуетъ лишь одинъ несомнѣнный признакъ большей или меньшей благопріятности времени для насъ: враждебность къ Россіи до того укоренилась въ дипломатическихъ преданіяхъ европейскихъ кабинетовъ, что путеводною нитью нашихъ интересовъ можетъ служить противоположность ихъ съ взглядами другихъ правительствъ.

«Западъ желаетъ нынѣ отерочки восточнаго вопроса. Франція согласилась съ Англією и Австрією считать нынѣшній кризисъ преждевременнымъ. Невольно тотчасъ является сомнѣніе: не благопріятенъ ли онъ Россіи? Всѣ убѣждены были, что мы воспользуемся австро-пруссско-итальянскою войною для разрѣшенія, въ нашемъ смыслѣ, восточныхъ дѣлъ.

¹⁾ Переговоры между Россією и Австрією, при содѣйствіи Германіи, происходившіе въ концѣ 1875 года и въ началѣ 1876 года, вплоть до Рейхштадтскаго соглашенія 26-го іюня 1876 года, подробно освѣщены, по матеріаламъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ С. М. Горяинова «Босфоръ и Дарданеллы», Спб., 1907 г., стр. 284—291.
А. Б.

«Западъ опасается оставлять за Россією свободу дѣйствій и рѣшеній. Когда намъ созданы будутъ затрудненія внѣ Турціи и когда почва будетъ подготовлена противъ насъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Европѣ, тогда лишь восточный вопросъ будетъ объявленъ открытымъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что тогда воскреснетъ старая мысль о созданіи славянско-венгерско-румынской конфедераціи подъ руководствомъ Запада. А до времени возникновенія этой группировки народностей всѣ средства будутъ пущены въ ходъ для уничтоженія и превращенія узъ, связующихъ восточныя народности съ Россією. Сама Турція можетъ выйти обновленною изъ нынѣшняго кризиса. Улучшаясь постепенно, турецкое правительство при всѣхъ своихъ недостаткахъ постоянно усиливаетъ и развиваетъ свои военныя средства, тогда какъ христіанскія населенія ослабѣваютъ и постепенно перестаютъ быть воинственными. Черногорія окаймляется укрѣпленіями, Кандія ими покрывается, а населеніе обезоруживается, босняки, курды, сирійцы, арабы и албанцы привлекаются къ участию въ военной службѣ на общемъ основаніи, чего прежде не было. Съ каждымъ годомъ турецкая армія дѣлается многочисленнѣе, лучше вооруженной, усовершенсвѣется, крѣпости усиливаются, военныя дороги и желѣзные пути, облегчающіе мобилизацію и сосредоточеніе войскъ и военныя дѣйствія, строятся. Турки принимаютъ обдуманныя мѣры для предупрежденія возстанія христіанъ и для ослабленія ихъ противодѣйствія; хотя отсрочка кровавой развязки даетъ возможность и христіанамъ лучше къ ней приготовиться, но усовершенствованія, вводимыя нынѣ въ европейскіхъ арміяхъ относительно вооруженія и средствъ отраженія непріятели, несравненно скорѣе и обширнѣе будутъ примѣнены въ турецкой арміи, нежели въ бѣдномъ христіанскомъ населеніи, не дисциплинированномъ и находящемся подъ строгимъ контролемъ мусульманъ. Слѣдовательно, отсрочка взрыва народнаго возстанія едва ли будетъ благопріятна для христіанъ. Если бы въ 1862 году сербы были вооружены такъ, какъ сегодня, то едва ли бомбардировка Бѣлграда окончилась бы такъ благопріятно для Турціи. Но въ будущемъ условія борьбы едва ли будутъ благопріятнѣе для нашихъ балканскихъ братьевъ, ибо съ теченіемъ времени они болѣе и болѣе отучаются владѣть оружіемъ и дѣлаются менѣе воинственными. Общественное развитіе, распространеніе образованія и возбужденіе матеріальныхъ интересовъ болѣе и болѣе ослабляютъ ихъ военную предпріимчивость, склоняя ихъ къ сближенію и знакомству съ Западомъ. Тамъ, а не у насъ, новое поколѣніе нашихъ единоплеменниковъ ищетъ удовлетворенія своихъ новыхъ нуждъ и обновленной формы общественной и даже политической жизни. Связи, основанныя на единовѣрїи, единокровности и прежнихъ благодѣяніяхъ Россіи, ослабляются съ исчезновеніемъ прежняго поколѣнія, претерпѣвшаго мусульман-

скія гоненія и бывшего свидѣтелемъ нашей упорной борьбы съ ихъ преслѣдователями. Новое поколѣніе имѣетъ уже иное направленіе и менѣе способно къ поднятію оружія. Идеи прогресса, забвеніе отеческихъ преданій и всеобщее стремленіе къ уравниенію людей проникаютъ въ массы и искажаютъ прежній типъ людей. Настоящее народное и здоровое развитіе можетъ воспослѣдовать лишь при образованіи, подѣ руководствомъ Россіи, самостоятельныхъ и единовѣрныхъ областей. До тѣхъ поръ нельзя исправить и направить образованіе юношества, мало приспособленное къ дѣйствительнымъ нуждамъ православныхъ народностей. Умы юношества направлены нынѣ не въ нашу сторону, а къ Западу. То, что совершилось уже въ Румыніи, произойдетъ и въ Сербіи и въ Болгаріи. Все, что намъ враждебно въ Европѣ, старается воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на христіанскія населенія Балканскаго полуострова и оттолкнуть отъ Россіи: пропаганда религіозная, католическая, монашескіе ордена и корпораціи, польскіе эмигранты, масонскія ложи, весьма распространенныя въ послѣднее время, и революціонные комитеты.

«Въ Сербіи мы можемъ вполне рассчитывать на преданность князя Михаила, представляющаго намъ исключительныя гарантіи. Его преемникъ можетъ быть намъ враждебенъ или не имѣть того авторитета въ глазахъ своего народа и славянъ, какъ нынѣшній владѣтель.

«По имѣющимъ свѣдѣніямъ, греческія населенія Турціи дѣятельно приготавливаются къ возстанію, которое будетъ поддержано Греціею. Если славяне останутся безучастными зрителями ожесточенной борьбы, надо предвидѣть два исхода: или греки будутъ побѣждены, и тогда западныя державы, которыя съ самаго начала противились критскому движенію, пріобрѣтутъ преобладающее надъ ними вліяніе въ Греціи и сосѣднихъ областяхъ Турціи, или же возстаніе удастся, греки получаютъ выгоды, а болгары и сербы будутъ обездолены въ будущихъ судьбахъ балканскаго государства, ибо какъ только успѣхъ грековъ обозначится, западныя державы тотчасъ же возьмутъ ихъ подъ свое покровительство, подѣ предлогомъ охраненія ихъ отъ мнимыхъ панславистическихъ вождедѣній. Оба конечные результаты противны русскимъ интересамъ. Въ видахъ будущаго мы не можемъ равнодушно относиться къ разгрому Греческаго королевства, точно такъ же, какъ мы не можемъ допустить пораженія нашихъ единовѣрныхъ братьевъ эллинизмомъ.

«Съ началомъ критскаго возстанія возникъ восточный вопросъ, требующій пракческаго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что впечатлѣніе вынесенныя посольствомъ Мариновича и Колокотрони изъ Петербурга, возбуждаютъ несомнѣнныя надежды на под-

держку Россіи и воспрепятствуютъ намъ оставаться безучастными ¹⁾).

«Для насъ весь вопросъ сводится къ тому, какое воздѣйствіе будемъ мы въ состояніи предпринять при вспыхнувшей на Балканскомъ полуостровѣ борьбѣ христіанъ съ мусульманами, не вызывая соперничающаго вмѣшательства другихъ державъ и не выходя изъ того наружнаго нейтралитета, который намъ такъ выгодно было сохранить, по внутреннимъ соображеніямъ.

«Мы не только должны избѣгнуть необходимости матеріальнаго вмѣшательства, но и помѣшать другимъ вмѣшаться. Но провозглашая и поддерживая принципъ невмѣшательства до той минуты, когда борьба на Балканскомъ полуостровѣ обратится въ общее возстаніе христіанъ, можно опасаться усилить нравственно турокъ и сразу подорвать надежды христіанъ на конечный исходъ неравной борьбы. Хотя вожди христіанъ, полагаясь на свои силы, иного мнѣнія, но темная масса нашихъ единовѣрцевъ рассчитываетъ главнѣйше на нашу матеріальную помощь.

«Что касается меня лично, то я глубоко убѣжденъ, что, предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ, христіанскія населенія не въ состояніи достигнуть своего освобожденія изгнаніемъ турокъ изъ Европы. Замѣчательно, что и турки нынѣ столь же настоятельно просятъ, какъ и сербы, о невмѣшательствѣ Россіи и Европы».

III.

Предлагая рядъ мѣръ, которыя бы способствовали лучшему успѣху возстанія христіанскихъ народностей, обезпечили бы единство дѣйствій и наше вліяніе, я совѣтовалъ сообразить ихъ съ общимъ европейскимъ положеніемъ такимъ образомъ, чтобы мы имѣли возможность не выходить официально изъ нейтральнаго положенія. Обращая главное вниманіе на Сербію, я предполагалъ способствовать заключенію обстоятельной и формальной конвенціи между нею и Греціею съ тѣмъ, чтобы Россія сохранила право подать свой голосъ при неизбѣжномъ появленіи антагонизма между греками и славянами. Выставляя на видъ славянскія притязанія, недавно возникшія на опредѣленіе будущности Царьграда, полезно для насъ лишь въ томъ отношеніи, чтобы при разрушеніи Турецкій имперіи имѣть возможность для отстраненія эллиновъ сослаться на сербскія,

¹⁾ Князь Горчаковъ, постоянно обрекая на бездѣйствіе русскаго посланника въ Константинополь, хотѣлъ лично красоваться патріотизмомъ передъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ пріѣзжающими въ Россію нашими единовѣрцами и славянами. Отдѣлываясь общими фразами и широковѣщательными обѣщаніями, онъ не хотѣлъ понять цѣны, придаваемой на Востокѣ словамъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и того истолкованія, которому они подвергнутся неизбѣжно. А. Б.

болгарскія и даже румынскія вождельнія, между которыми мы одни должны и можемъ соблюдать равновѣсіе. Что касается Румыніи, то недобвѣріе къ ней еще болѣе для насъ обязательно, такъ какъ нѣкоторые европейскіе государственные люди мечтаютъ посадить князя Карла Гогенцоллернскаго въ Константинополь въ случаѣ невозможности сохранить султана. Интересы румынскіе во многомъ противорѣчатъ славянскимъ. Необходимо, чтобы Сербія обезпечила за собою нейтралитетъ румынь; но желательно предупредить всякую территоріальную гарантію въ пользу Румыніи,—въ виду неизбѣжности предъявленія въ будущемъ нашихъ требованій касательно врата Бессарабіи.

Въ томъ же письмѣ моемъ указано было на Персію, какъ на средство произвести диверсію въ пользу нашихъ единовѣрцевъ и отвлечь часть турецкихъ силъ на азіатскую, обширную границу. Шахъ стремится приобрести Багдадъ и въ особенности святыя шіитскія мѣста Кербела и прочее. Надо противиться всѣми средствами осуществленію мысли, проводимой англичанами, въ видахъ созданія намъ затрудненій въ Азіи,—соглашенія между двумя мусульманскими державами и религіознаго сближенія суннитовъ съ шитами. Совѣтоваль я также обратить вниманіе на курдовъ и на горныхъ армянъ въ древней Киликіи, которыхъ легко было прибрать къ рукамъ и поднять противъ турокъ.

Зная, до какой степени турки опасаются распространявшагося на албанцевъ вліянія Россіи и какъ они извлекаютъ пользу изъ этого воинственнаго племени, всегда готоваго на борьбу и кровопролитіе, было обращено мною особенное вниманіе канцлера на то значеніе и тѣ извѣстныя связи, которыя имѣютъ греки между тосками (южными албанцами) и сербы между гегами (сѣверными). Наше содѣйствіе могло бы быть весьма легко оказано въ особенности въ Сѣверной Албаніи, гдѣ нѣкоторые изъ честолюбивыхъ вождей желали бы разыграть роль Скандербега и приобрести покровительство Россіи.

Все искусство наше должно заключаться въ томъ, чтобы, не возбуждая преждевременно христіанскія народности, избѣгая доставить другимъ державамъ поводъ вмѣшиваться непосредственно и намъ противодействовать открыто и не доводя до прямого разрыва съ Портою, держать въ нашихъ рукахъ нити возможнаго движенія балканскихъ народностей и, въ случаѣ проявленія его съ достаточною единовременностью, направить оное къ цѣли, которая, удовлетворяя по справедливости жизненнымъ потребностямъ каждой изъ нихъ, соотвѣтствовала бы интересамъ Россіи.

Я указываль, что положеніе, занимаемое нами въ восточномъ вопросѣ, должно зависѣть отъ правильной оцѣнки послѣднихъ. Цѣлью нашихъ тогдашнихъ усилій полагалось слѣдующее:

- 1) уничтоженіе Парижскаго договора, главнѣйше тѣхъ статей

его, которыя касались нейтрализаціи Чернаго моря и отнятой у насъ части Бессарабіи;

2) открытіе Россіи свободнаго выхода въ Средиземное море,

3) основаніе на Балканскомъ полуостровѣ такого порядка мѣстнаго, который бы представлялъ своею самобытностью достаточный отпоръ вмѣшательству и вліянію Запада, не угрожалъ бы спокойствію Востока и не вызывалъ бы матеріальнаго вмѣшательства европейскіхъ державъ.

Новыя княжества или государства, имѣющія возникнуть на развалинахъ Турецкой имперіи, должны, по своему строю и характеру, служить къ укрѣпленію, а не къ ослабленію народныхъ естественныхъ связей съ Россією. Нѣтъ сомнѣнія, что эта часть задачи самая трудная. Формула, вполне соответствующая нашимъ видамъ, еще не найдена. Противорѣчія племенные и историческія такъ многосложны на восточной почвѣ, что наша забота должна клониться къ устраненію крупнѣйшихъ затрудненій и недостатковъ, жертвуя тѣмъ, чего предупредить или отвратить нельзя. Можно предположить вообще, что намъ легче будетъ сохранить наше вліяніе въ областяхъ, имѣющихъ средства къ самобытному существованію, нежели въ слишкомъ многочисленныхъ и раздробленныхъ центрахъ, въ особенности же, если республиканская форма правленія въ нихъ будетъ преобладать.

Всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ о прекращеніи существованія Турецкой имперіи, два капитальныхъ европейскіхъ затрудненія представляются на разрѣшеніе: участь Царьграда въ новомъ политическомъ созданіи и положеніе Египта, связаннаго съ обезпеченіемъ сообщеній Великобританіи съ Индією. Главнѣйшій интересъ Россіи сосредоточивается въ первой задачѣ. Онъ сталкивается съ видами большинства другихъ державъ и противорѣчитъ имъ. Для Англіи, напротивъ, второй вопросъ наиважнѣйшій, приведшій ее уже къ соперничеству съ Франціей. До сихъ поръ при каждомъ возбужденіи восточнаго вопроса наши противники пользовались преувеличенными опасеніями, порождаемыми первою изъ означенныхъ двухъ европейскіхъ задачъ, чтобы тотчасъ сосредоточить на ней всѣ страсти и всю ревность великихъ державъ, направивъ исключительно противъ насъ европейское общественное мнѣніе и всѣ средства правительствъ. Не надо бы терять изъ виду, что значеніе Египта—какъ пути сообщенія съ Индією—усугубилось съ прорытіемъ Суэцкаго канала ¹⁾. А потому наше искусство должно нынѣ заключаться въ томъ, чтобы отвлечь отъ Константинополя вниманіе Великобританіи, давъ пищу честолюбивой озабоченности ея касательно обезпеченія сообщеній съ индійскими владѣніями. Желательно увеличить поводы къ столкновенію между различными европейскими

¹⁾ Открытіе Суэцкаго канала произошло 16-го ноября 1869 года.

«истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. xxxv.

интересами въ Египтѣ до такой степени, чтобы заботы о новомъ порядкѣ вещей на Босфорѣ показались на Западѣ Европы уже второстепенными. Даже при такомъ благопріятномъ оборотѣ дѣлъ рѣшеніе судьбы естественной столицы Европы и Азіи будетъ преисполнено для насъ затрудненій. Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ возможныхъ разрѣшеній этого вопроса, казалось бы, что созданіе восточнаго союза, наподобіе вызванной къ жизни княземъ Бисмаркомъ сѣверо-германской конфедераціи, было бы самымъ естественнымъ результатомъ разрушенія въ Европѣ Турецкой имперіи и наиболѣе соотвѣтствовало бы безпрепятственному дальнѣйшему развитію нашихъ интересовъ. Россія участвовала бы въ этомъ союзѣ балканскихъ государствъ, столицей котораго былъ бы Константинополь, объявленный вольнымъ городомъ, съ смѣшаннымъ гарнизономъ, въ составъ котораго входилъ бы и русскій отрядъ. Но надо предвидѣть, что остальные европейскія державы и даже греки будутъ противиться осуществленію подобной комбинаціи, считая оную равносильною присоединенію Царьграда къ Россіи. Затрудненія, встрѣченныя нами для осуществленія такого проекта, и жертвы, которыя отъ насъ потребуются, могли бы превысить непосредственныя выгоды, а потому намъ пришлось бы на первое время отказаться отъ мысли открытаго господства на Босфорѣ, ограничившись скрѣпленіемъ связей нашихъ съ новыми государствами сербско-болгарскимъ, греческимъ, румынскимъ и албанскимъ, посредствомъ заключенія политическихъ и коммерческихъ договоровъ, выговоривъ себѣ лишь право сильной морской станціи въ Дарданеллахъ. Для лучшей связи между единовѣрными намъ народностями и Россіею, можетъ быть, пригодно было бы доставить вселенскому патріарху дѣйствительно вселенскій, а не исключительно греческій, характеръ и возвысить его во всѣхъ отношеніяхъ, придавъ патріарху постоянный синодъ, составленный не изъ однихъ мѣстныхъ іерарховъ, а изъ представителей всѣхъ автокефальныхъ церквей: російской, греческой, румынской, сербской и болгарской (возстановивъ древніе престолы въ Тырновѣ, Инекѣ и Охридѣ¹⁾).

¹⁾ Охрида (или Охридъ) въ западной Македоніи сдѣлалась центромъ болгарской церкви передъ самымъ паденіемъ перваго Болгарскаго царства въ XI вѣкѣ. Изъ охридской архіепископіи выдѣлилась самостоятельная сербская церковь, въ 1219 году, когда св. Савва былъ посвященъ въ сербскіе архіепископы, съ мѣстопребываніемъ въ Жичѣ, откуда сербскій церковный центръ перенесенъ былъ черезъ двадцать пять лѣтъ въ Печь. Въ 1186 году, при возникновеніи втораго Болгарскаго царства возникла новая болгарская архіепископія въ Тырновѣ, какъ центръ болѣе самостоятельномъ отъ грековъ, нежели Охрида. Уничтоженіе всѣхъ епископскихъ кафедръ, когда-то автокефальныхъ славянскихъ церквей (въслѣдствіи патріаршіи) послѣдовало въ слѣдующіе года.

Тырновская болгарская патріаршая погнбла въ 1393 году, вслѣдствіе взятія турками города Тырнова. Затѣмъ въ 1766 году была уничтожена сербская патріаршая въ Печѣ; наконецъ въ 1767 году упразднена и охридская кафедра.

А. Б.

Казалось бы съ перваго взгляда, что всего проще обратить Константинополь въ самостоятельный вольный городъ, удовлетворяя такимъ образомъ потребности сохраненія равновѣсія, какъ между державами, такъ и различными восточными народностями. Но, вникая ближе въ мѣстные обстоятельства, приходишь къ убѣжденію въ неисполнимости такого предположенія. Многосложность интересовъ, сталкивающихся на берегахъ Босфора, разнообразіе въ составѣ населенія, антагонизмъ племенной, опирающійся на вѣковыхъ правахъ и преимуществахъ, утверждающихъ самобытность каждой части народонаселенія въ отношеніи къ другимъ, разнохарактерность множества отдѣльных городковъ и селеній, разбросанныхъ по обоимъ берегамъ Босфора и входящихъ въ составъ Константинополя, — затрудняютъ до чрезвычайности образованіе однообразнаго и самостоятельнаго городского управленія. Въ этихъ видахъ установленіе прочнаго порядка въ такомъ важномъ центрѣ было бы облегчено присоединеніемъ къ Константинополю всѣхъ тѣхъ ближайшихъ мѣстностей, которыя не вошли бы въ первую минуту въ образованіе новыхъ балканскихъ государствъ — славянскаго и греческаго. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы учредить въ Царьградѣ монархическое правленіе, разумѣется, при увѣренности, что престолъ будетъ предоставленъ исключительно одному изъ членовъ русской императорской фамиліи. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить въ Царьградѣ государя иновѣрнаго. При сомнительности успѣха объявленіе Константинополя вольнымъ городомъ временно отстраняло бы непосредственную для насъ опасность, не лишая насъ, однакоже, возможности сохранить заднюю мысль воспользоваться первымъ благоприятнымъ случаемъ для завладѣнія этимъ существенно для насъ важнымъ центромъ политическимъ, духовнымъ и торговымъ.

Можно предвидѣть, что при нынѣшней постановкѣ восточнаго вопроса рѣшеніе окончательной участи Царьграда не потребуетъ при самомъ началѣ борьбы. Соединенныя силы грековъ и славянъ не въ состояніи справиться сразу съ турками и вытѣснить ихъ изъ равнинной части Болгаріи, изъ большей части Македоніи и Фракіи. Оттоманское владычество продержится, по всей вѣроятности, въ этихъ частяхъ имперіи. Будетъ время осмотрѣться и придумать сообразно обстоятельствамъ ту или другую комбинацію, ограждающую наши интересы. На первое время намъ было бы небезвыгодно выставить проектъ обращенія Царьграда въ вольный городъ, на случай распадѣнія Турціи, хотя бы для того, чтобы умалить противодѣйствіе Европы нашимъ дѣйствительнымъ видамъ и отстранить осуществленіе явно враждебныхъ намъ предпріятій касательно проливовъ.

Разсматривая случайности общаго христіанскаго возстанія въ Турціи, озабочивавшаго тогда министра иностранныхъ дѣлъ, я

обращалъ вниманіе сего послѣдняго на то, что «на Востокѣ время соразмѣряется иначе, нежели въ Западной Европѣ. Быстрый ходъ событій и внезапныя измѣненія въ родѣ происшедшихъ въ Германіи невозможны на Балканскомъ полуостровѣ. Отсутствие признанныхъ и устроенныхъ центровъ среди христіанскаго населенія, а также какой-либо организаціи, способной подчиниться одному общему направленію, отсутствие правильныхъ и удобныхъ средствъ сообщенія всегда воспрепятствуютъ народному возстанію принять характеръ большихъ военныхъ дѣйствій, рѣшающихъ судьбу страны въ одну кампанію. Надо предвидѣть, напротивъ того, что если Европа, какъ мы должны желать и на томъ настаивать, не вмѣшается матеріально,—разрушеніе Оттоманской имперіи послѣдуетъ лишь постепенно. Вѣтхое зданіе обрушится не вдругъ, а по частямъ, давъ прежде всего трещины въ разныхъ направленіяхъ. Было бы сообразно русскимъ интересамъ придать разрушающему движенію христіанскихъ народностей наиболѣе силы и взаимодѣйствія, чтобы оно не кончилось безсильною попыткою и не осталось бесплоднымъ; но какъ бы успѣшны ни были наши усилія, мы не въ состояніи доставить христіанскому движенію достаточную крѣпость и силу, чтобы довести его до радикальнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Дѣло возрожденія нашихъ братій потерпитъ нѣсколько остановокъ и много задержекъ. Каждый шагъ, сдѣланный на этомъ пути, будетъ, конечно, представлять улучшение, цѣнное приобрѣтеніе для населенія. Но съ нашей исключительной точки зрѣнія мы не должны терять изъ виду, что въ періодъ передышки и отдохновенія могутъ всегда возникнуть комбинаціи, которыя были бы крайне для насъ неблагопріятны. Одновременно съ кровавою борьбою между христіанами и мусульманами политическая борьба между европейскими кабинетами возгорится. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ усилія будутъ главнѣйше направлены противъ Россіи. Выясненіе враждебныхъ намъ намѣреній можетъ вынудить насъ, въ теченіе борьбы, выйти изъ выжидательнаго положенія для ускоренія развязки и предупрежденія угрожающихъ намъ опасностей. Такимъ образомъ, мы можемъ быть вынуждены къ вмѣшательству. Стараясь по возможности отдалить эту минуту, мы тѣмъ не менѣе не можемъ исключить перехода къ дѣйствию изъ нашихъ соображеній.

«Оставаться въ бездѣйствіи будетъ для насъ невозможно при слѣдующихъ обстоятельствахъ, кромѣ уже вышеуказанныхъ:

«1) Морскія державы, подъ предлогомъ защиты имущественныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, могутъ выслать свои эскадры въ Салоники, въ проливы или въ другіе какіе-либо порты Турціи.

«2) Австро-Венгрія пожелаетъ захватить Боснію и Герцеговину. Для удовлетворенія честолюбія этой державы жаждущей приобрѣсть территоріальное вознагражденіе за потерянные въ Италіи области, слѣдуетъ предпочесть,—съ русской и славянской точки

зрѣнія,—предоставленіе ей, вмѣсто Босніи и Герцеговины, занять Молдаво-Валахію, опредѣливъ рѣку Сереть границею между нами и Австро-Венгерію ¹⁾.

«3) Ухудшеніе существующаго нынѣ положенія христіанскихъ народностей, вслѣдствіе успѣховъ оттоманскаго оружія.

«Говоря о военныхъ мѣропріятіяхъ, долженствующихъ быть заблаговременно принятыми на случай внезапнаго перехода изъ ожиданія къ дѣйствію, было указано, что первоначально необходимо поставить три обсерваціонныхъ корпуса на границахъ: одинъ у Галиціи; второй на южной береговой окраинѣ съ 30-тысячнымъ приготовленнымъ десантомъ, который можно бы вдругъ перебросить на Босфоръ на заранѣе законтракованныхъ пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли; самая главная многочисленная армія должна быть выставлена на Кавказѣ. Мы не должны терять изъ виду, что для нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи главный театръ и наша главная операціонная линія должны быть въ Азіи, а не въ Европѣ. Только со стороны Азіи дѣйствія нашихъ войскъ не могутъ быть стѣснены вмѣшательствомъ Европы и поведутъ къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ ²⁾. Успѣхи же наши въ Европейской Турціи возстановятъ противъ насъ всю Европу. Въ Азіи европейскія вооруженныя силы—при удачномъ выборѣ нашихъ операціонныхъ линій—были бы положительно въ невозможности воспротивиться непосредственно успѣхамъ нашего оружія, и мы могли бы нанести неотвратимый и рѣшительный ударъ въ сердце Турціи и сломить источникъ ея могущества».

Для этой цѣли я полагалъ перенести главную операціонную линію нѣсколько южнѣе, двинувъ не менѣе 60 тысячъ прямо изъ Эривани на Эрзерумъ и вглубь Малой Азіи. Уже и прежде того я обращалъ вниманіе военнаго вѣдомства и нашихъ агентовъ на всестороннее изученіе азіатскаго театра войны. Впослѣдствіи возвращаясь неоднократно къ этому предмету, я употреблялъ всѣ зависящія отъ меня средства для замѣщенія консульскихъ постовъ и агентовъ въ Эрзерумѣ, Карсѣ, Ванѣ, военными и въ подробномъ изслѣдованіи пути до Бруссы.

¹⁾ Такимъ образомъ и разрѣшился бы въ нашу пользу вопросъ о возвращеніи Бессарабіи, возлагая отвѣтственность въ глазахъ румыновъ за раздѣлъ Румыніи на Австро-Венгерію и Италію. Авт.

²⁾ Наканунѣ войны 1877 года я возобновилъ свои тщетныя настоянія въ этомъ смыслѣ, какъ предъ государемъ, такъ и военнымъ министромъ; послѣдній былъ постоянно противоположнаго мнѣнія. Этотъ же взглядъ высказывалъ постоянно и нашимъ военнымъ агентамъ въ Турціи: Г. А. Франклин, Зеленому, Духовскому, Маламѣ, Филиппову и пр. Авт.

IV.

Всѣми условіями посольства нашего, —какъ въ этомъ отношеніи, такъ и для поддержанія соглашенія между греками и сербами и возстанія критянъ, а равно для привлеченія грековъ на нашу сторону— пренебрегли въ Петербургѣ. Критское возстаніе было подавлено, и греки отъ насъ отшатнулись, сдѣлавшись орудіемъ Англій и стараясь сблизиться съ южною Турціей на почвѣ мнимыхъ либеральныхъ реформъ и противодѣйствій «панславизму».

Преждевременная смерть князя Михаила разстроила основаніе проекта самостоятельнаго возстанія балканскихъ народностей и созданія большого сербско-болгарскаго княжества, достаточно сильнаго для самобытной жизни и чтобы служить препоною къ движенію Австро-Венгріи въ южномъ направленіи и къ захвату ею Босніи и Герцеговины. Пришлось не разсчитывать болѣе на первенствующую роль Сербіи, которая могла быть сжата въ кулакъ Австро-Венгрією, а искать иныхъ комбинацій для достиженія той же цѣли при возрожденіи балканскихъ народностей. Пришлось пританцъ и ладить съ турецкимъ правительствомъ.

Событія 1871 года вызвали наступленіе благопріятныхъ обстоятельствъ для Россіи на Востокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили предостереженіемъ будущей стѣснительной для насъ роли Германіи, господству которой въ Европѣ мы безсознательно содѣйствовали. Казалось необходимымъ не пропустить удобнаго случая безъ войны и борьбы отдѣлаться отъ стѣснительныхъ условій Парижскаго договора и приобрести, подъ шумокъ великой войны, преобладающее положеніе въ Портѣ. Въ этомъ смыслѣ я началъ дѣйствовать, не теряя времени, и въ половинѣ августа уже довелъ разговорамъ своими и внушеніями верховнаго визиря и главнѣйшихъ турецкихъ саповниковъ до сознанія необходимости возвратитъ намъ Бессарабію и измѣнить, по обоюдному согласію, конвенцію объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, приложенную къ договору 1856 года. Довѣрительное сообщеніе такого благопріятнаго и неожиданнаго въ Петербургѣ оборота дѣлъ, а также осторожное предупрежденіе о желаніи Порты удовлетворить Россію, сдѣланное Али-пашою австро-венгерскому и англійскому посламъ, взволновали не заграничные кабинеты, а князя Горчакова, желавшаго приберечь эти вопросы для своей личной инициативы и славы и потому пренебрегавшаго предварительнымъ соглашеніемъ съ Портою, послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что оно возможно. Посланнику въ Константинополѣ запрещено было въ концѣ августа канцлеромъ касаться этого предмета въ разговорахъ своихъ съ турками и европейскими дипломатами. Чтобы выяснитъ въ Петербургѣ то ложное положеніе, которое создавало мнѣ подобныя распоряженія, я отпро-

сился въ сентябрѣ въ отпускъ, а 19-го октября внезапно послѣдовала непосредственно декларація, уничтожавшая простымъ заявленіемъ Россіи принятое ею въ 1856 году обязательство предъ Турціею и европейскими державами.

Переполохъ, произведенный въ Константинополь такимъ неожиданнымъ исходомъ благопріятныхъ довѣрительныхъ переговоровъ съ русскимъ представителемъ, и вызванное раздраженіе не только въ Портѣ, но въ особенности въ Англии и отчасти въ Вѣнѣ, доставили немало хлопотъ и заботъ нашему посольству. Вернувшись изъ отпуска, тотчасъ послѣ передачи повѣренныхъ въ дѣлахъ Стаалемъ Портѣ нашей деклараціи, мнѣ удалось, вопреки ожиданіямъ, успокоить умы, сговориться лично съ султаномъ и снова сблизиться съ Али-пашой и другими сановниками. Дѣло обошлось мирно и благополучно. На лондонской конференціи турецкій уполномоченный оказался самымъ благопріятнымъ для Россіи пособникомъ. Лондонскій договоръ ¹⁾ избавилъ насъ окончательно отъ стѣснительнаго условія въ Черномъ морѣ, но не касался Бессарабіи и подтвердилъ во всемъ остальномъ Парижскій договоръ.

Но, исполнивъ свою тяжелую обязанность, я не скрывалъ высказаннаго государю и министерству иностранныхъ дѣлъ мнѣнія, что лучше было приняться безмолвно, но дѣятельно, за постройку броненосной эскадры въ Черномъ морѣ и вступить въ непосредственное соглашеніе съ Турціею для измѣненія конвенціи, потерявшей значеніе, чѣмъ производить театральные эффекты деклараціею, пропустить удобный случай покончить съ бессарабскимъ вопросомъ и удовольствоваться такимъ ничтожнымъ, несоразмѣрнымъ возмездіемъ Германіи за 1871 годъ.

До 1870 года русскому послу приходилось бороться не столько съ политикою и интригами Австро-Венгрии, сколько съ враждебнымъ вліяніемъ Англии и Франціи, выступавшихъ постоянно противниками Россіи, православія и защитниками иновѣрцевъ. Со времени же разгрома Франціи очевидно стало, что ея пѣсня на Востокѣ спѣта на долгое время, что она не станетъ болѣе ломать копыя ни за папу, ни за поляковъ, и что она можетъ быть естественною нашею союзницею въ Средиземномъ морѣ. Съ осени 1871 года, воспользовавшись случайностью, я вступилъ въ косвенныя сношенія съ Тьеромъ ²⁾ и Ремюза ³⁾, стараясь доказать имъ, что Австрія—орудіе

¹⁾ Здѣсь разумѣется Лондонская конвенція 1 (13) марта 1871 года, отмѣнившая статьи 11, 13 и 14 Парижскаго трактата 1856 года, коими Россія была ограничена въ правахъ пользованія Чернымъ моремъ для плаванія военнаго флота. А. Б.

²⁾ Извѣстный государственный человѣкъ Франціи Адольфъ Тьеръ былъ посланъ послѣ паденія Наполеона III, въ сентябрѣ 1870 года, правительствомъ національной обороны къ лондонскому, вѣнскому, итальянскому и петербургскому двору съ просьбою о заступничествѣ за Францію. 17-го февраля 1871 года національное собраніе избрало его «главою исполнительной власти». А. Б.

³⁾ Charles Remusat, французскій государственный человѣкъ, также историческій писатель. Когда Тьеръ сдѣлался главою Французской республики въ 1871 году, онъ предоставилъ Шарлю Ремюза портфель министра иностранныхъ дѣлъ. А. Б.

германской политики и можетъ быть лишь во враждебномъ Франціи лагерѣ, а что единственный возможный союзникъ послѣдней въ будущемъ—Россія, но чтобы союзъ этотъ сдѣлался когда-либо возможнымъ, необходимо, чтобы Франція привыкла не противодействовать, а помогать намъ на Востокѣ и поддерживала бы неизмѣнно славянскіе интересы, противоположные во всѣхъ отношеніяхъ австро-германскимъ.

Въ періодъ съ 1871 до 1875 года установились у насъ такія отношенія съ Портою, которыя не заставляли желать ничего лучшаго и были предметомъ зависти для другихъ европейскихъ державъ и источникомъ существеннаго вліянія нашего на всѣ балканскія народности. Султанъ получилъ полное довѣріе къ русскому послу, и мы могли этимъ путемъ достигнуть мирнаго и постепеннаго устраненія вредныхъ намъ вліяній Запада, а равно подготовленія къ возрожденію нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ къ тому времени, когда Россіи будетъ выгодно возбудить Восточный вопросъ.

Одолѣли, опутали и умалили насъ на Босфорѣ не путемъ борьбы, оказавшейся въ то время непосильною Австро-Венгріи и Англии, а навязаннымъ намъ обязательнымъ соглашеніемъ съ австро-венгерскимъ и германскимъ правительствами по всѣмъ восточнымъ дѣламъ, до той поры ревниво охраняемымъ Россією отъ посторонняго вмѣшательства и касавшимся непосредственныхъ отношеній нашихъ съ Турцією.

Первый ударъ нашему положенію въ Константинополѣ былъ нанесенъ вмѣшательствомъ трехъ имперій въ довольно обыкновенное и ничего исключительнаго дотолѣ не представлявшее возстаніе нѣсколькихъ герцеговинскихъ округовъ, приграничныхъ Черногоріи.

Съ конца 1874 года обозначился рѣзкій разладъ въ направленіи между мною и нѣкоторыми дѣятелями нашими на почвѣ славянской политики—директоромъ азіатскаго департамента Стремоуховымъ ¹⁾, нашимъ посломъ въ Вѣнѣ и даже генеральнымъ консуломъ въ Рагузѣ и Черногоріи Юнинымъ ²⁾, прежде бывшимъ моимъ подчиненнымъ, пособникомъ и единомышленникомъ. Въ Рагузѣ и Петербургѣ преувеличивали до чрезмѣрности каждое черногорско-турецкое недоразумѣніе и столкновеніе, предполагая возможнымъ заставить турокъ искренно относиться къ Черногоріи; способствовать ея усиленію и разрѣшить вопросы сербскаго племени въ Тур-

¹⁾ Петръ Николаевичъ Стремоуховъ былъ директоромъ азіатскаго департамента съ 1864 по 1875 гг. А. Б.

²⁾ Александръ Семеновичъ Юнинъ, дипломатъ и писатель, былъ російскимъ консуломъ въ Рагузѣ, когда вспыхнуло герцеговинское востаніе 1875 года; впоследствии былъ генеральнымъ консуломъ въ Софіи и посланникомъ въ Южной Америкѣ. А. Б.

ціи въ пользу одного князя Николая, не затрагивая никакихъ другихъ христіанскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Петербургѣ и въ Рагузѣ, какъ и въ нашемъ вѣнскомъ посольствѣ, вообразили себѣ, что не Австрія нашъ вѣчный соперникъ на Балканскомъ полуостровѣ, а одна Порта; что Австро-Венгрія преобразилась, готова намъ помогать и что мы ея руками легче можемъ достигнуть нашихъ историческихъ задачъ, нежели самобытнымъ дѣйствіемъ въ Царьградѣ и непосредственнымъ вліяніемъ на Порту. Въ азіатскомъ департаментѣ судили о всемъ, что дѣлается въ Турціи и Константинополѣ съ предвзятыми мыслями и самолюбіемъ, отрицая дѣйствительность и не желая видоизмѣнять своихъ воззрѣній. По поводу раздутаго подгорицкаго дѣла, возбужденнаго влѣдствіе убійства нѣсколькихъ черногорцевъ мусульманами, что было дѣломъ довольно обычнымъ на границѣ при натянутости пограничныхъ отношеній между вооруженными и издавна враждебными населеніями,—Ионинъ подалъ зимою 1874—75 гг., по приглашенію Стремоухова, записку, въ которой старался доказать, что подгорицкое дѣло грозитъ возбудить на европейскомъ Востокѣ самыя опасныя столкновенія между турецкимъ и славянскимъ элементами и что сохраненіе status quo становится невозможнымъ, несмотря на самое нелицемѣрное содѣйствіе германской и особенно австро-венгерской дипломатіи. Указывая на хаосъ внутреннихъ дѣлъ и управленія въ Турціи, Ионинъ восхищался переворотомъ, происшедшимъ якобы въ Австріи, которая еще «недавно была въ самомъ критическомъ положеніи, а теперь замѣтно и неоспоримо выходитъ изъ него, главнымъ образомъ потому, что, убѣдившись въ искренности русской политики, она отказалась отъ лихорадочной и опасной подозрительности къ намъ, которая ей связывала руки». Увлекаясь своимъ воображеніемъ, нашъ генеральный консулъ въ Рагузѣ, подобно посольству нашему въ Вѣнѣ, выражалъ увѣренность, что Австро-Венгрія радикально измѣнила свою политику, какъ относительно Россіи, такъ и Черногоріи, «которыя могутъ отнынѣ на нее разсчитывать». Укоряя Турцію и ставя ей Австро-Венгрію въ примѣръ, достойный подражанія, Ионинъ замѣчаетъ, что, «когда христіанъ въ Турціи поддерживала одна Россія, турки были уступчивѣе и ихъ фанатизмъ былъ значительно болѣе робокъ ¹⁾, а теперь, когда представители трехъ имперій производятъ единодушное давленіе на Порту и мѣстные консулы не разногласятъ въ своихъ донесеніяхъ, Порта не поддается Европѣ, а слушается военной партіи, образовавшейся въ Турціи и руководимой

¹⁾ Ионинъ не подмѣтилъ, что онъ этимъ подтверждалъ всегдашнее мое мнѣніе, что Россія тогда только и сильна и могуча, когда она дѣйствуетъ одна и не связана своими мнимыми союзниками, парализирующими ея естественное вліяніе на Востокѣ.
Авт.

Гусейнъ-Авни-пашою ¹⁾). Разсчитывая на миролюбіе европейскихъ державъ, Турція желала бы поправить свое нравственное и матеріальное положеніе на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей». Ионинъ считалъ, что Австрія «находится лишь въ переходномъ состояніи, но что въ дальнѣйшую ея политику славяне войдутъ, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней», и что будто бы такое направленіе будетъ опасно для одной Турціи, которой необходимо раздавить сербское племя, «пока еще между этимъ самымъ живымъ элементомъ въ Турціи и южною частью Австріи не установилась еще такая общность отношеній, которая нравственно оторветъ отъ Турціи окончательно уголь ея территоріи, отдѣляемый чертою, проведенною отъ Виддина къ Скутари». Ионинъ полагалъ, что настоящая цѣль турецкаго правительства—уничтожить Черногорію и повергнуть Сербію въ хаотическое положеніе, «чтобы (не нашихъ союзниковъ надломить) такимъ образомъ лишить турецкихъ сербовъ всего живого, гдѣ бы австрійскіе славяне не нашли точки опоры». Слѣдовательно, главною заботою нѣкоторыхъ нашихъ дипломатовъ становилось: не сохранить для Россіи ея вѣковыхъ естественныхъ и единственныхъ въ Европѣ союзниковъ, оградивъ ихъ отъ тлетворнаго, разлагающаго австро-венгерскаго вліянія, а, напротивъ, подготовить поглощеніе турецкихъ сербовъ австрійскими славянами и вѣнско-пештскою политикою, отъ которой Россія можетъ ожидать въ будущемъ лишь искренности и содѣйствія. Ионинъ приходитъ къ заключенію, что при стремленіи Турціи постоянно увеличивать и усовершенствовать свои вооруженныя силы дружескія отношенія пословъ великихъ державъ въ Турціи не могутъ сдерживать мусульманско-военный фанатизмъ и что даже если уладится (раздутое въ Цетиньѣ и Рагузѣ) подгорицкое дѣло, то это будетъ только перемиріе и предвидитъ, что «человѣколюбивыя намѣренія государя умиротворить Черногорію» едва ли будутъ въ другой разъ обезпечены.

Несмотря на зловѣщее предсказаніе, которому повѣрили въ Петербургѣ, я заставилъ Гусейнъ-Авни-пашу принять предложенія посредничающихъ державъ и уладилъ дѣло миролюбиво. Князь Николай горячо благодарилъ меня за результатъ.

Не раздѣляя мнѣнія Новикова и Ионина касательно искренности отношеній Австро-Венгріи къ Россіи, Черногоріи, Сербіи и славянамъ вообще, я считалъ, что сносить иго турецкое легче и выгоднѣе для сербскаго племени, нежели попасть въ цѣпкія руки австро-венгерской бюрократіи. Долголѣтній опытъ доказалъ, что Порта и вообще турки съ большимъ вниманіемъ и робостью

¹⁾ Гусейнъ-Авни-паша, турецкій государственный дѣятель, родившійся въ 1819 году; былъ начальникомъ штаба Омеръ-паши во время Крымской кампаніи; былъ главнокомандующимъ турецкой арміей въ 1867 году, во время критскаго возстанія. Въ должности военнаго министра (сераскира), онъ реорганизовалъ турецкую армію. Онъ былъ въ числѣ враговъ Махмуда-паши, т.-е. виднымъ дѣвателемъ партіи, враждебной русскому вліянію.

относится къ представлѣніямъ русскаго представителя, когда онъ дѣйствуетъ одинъ, самостоятельно, нежели въ рамкахъ соглашенія съ нѣкоторыми другими державами. Причина сего кроется въ практической восточной прощительности турецкихъ министровъ, которые лучше, нежели наше министерство иностранныхъ дѣлъ, даютъ себѣ отчетъ въ истинныхъ побужденіяхъ нашихъ союзниковъ, связывающихъ насъ по рукамъ и по ногамъ, и въ коварствѣ двуличной политики Австро-Венгріи. Будучи убѣжденъ, что по внутреннему положенію Турціи и настроенію турецкихъ славянъ легкомысленно предполагать возможность разрѣшить, какъ надѣялись въ Цетиньѣ, Рагузѣ, Вѣнѣ и даже въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, одинъ герцеговинскій вопросъ или, лучше сказать, расширить, по рецепту Ионина, Черногорію, не возбуждая общаго христіанскаго вопроса въ Европейской Турціи, не подвергая нашихъ единовѣрцевъ мѣстной рѣзни и не отдавая Порту въ руки соперниковъ нашихъ, я противился преждевременному возбужденію вопросовъ объ отношеніяхъ Черногоріи къ окружающимъ ее турецкимъ сербамъ. Я считалъ лучшимъ для Россіи и наиболѣе выгоднымъ для нашихъ единоплеменниковъ поддерживать русское вліяніе на султана и Порту до той благопріятной поры, когда Россія будетъ въ состояніи поднять весь восточный вопросъ, во всемъ его объемѣ, и разрѣшить его въ смыслѣ своихъ интересовъ, не будучи въ необходимости удовлетворять ненасытное корыстолюбіе Австро-Венгріи.

Разсчитывая на установившіяся личныя отношенія свои съ султаномъ Абдуль-Азисомъ и большинствомъ турецкихъ сановниковъ, я полагалъ, что намъ легче сдержать воинственность турокъ и обуздать мечты панисламизма и юной Турціи, нежели возстановить мирнымъ путемъ однажды утраченное личное вліяніе въ Портѣ и справиться съ подпольными интересами австро-венгерскими и англійскими, въ особенности тогда, когда руки и ноги связаны у насъ мнимымъ соглашеніемъ съ союзниками и обязательствомъ не иначе дѣйствовать въ Константинополѣ, какъ въ согласіи и подъ постояннымъ контролемъ представителей Германіи и Австро-Венгріи, руководимыхъ графомъ Андраши.

За эти самостоятельныя воззрѣнія свои я прослѣлъ въ это время въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ за туркофила, въ чемъ меня обвиняли не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но даже въ Вѣнѣ.

Обстоятельства скоро доказали, что я стоялъ съ 1871 до 1875 г. на вѣрной точкѣ зрѣнія и что министерство иностранныхъ дѣлъ напрасно свело русское посольство въ Константинополѣ съ самостоятельной почвы на зыбкое поприще вѣнскихъ соглашеній, приведшихъ насъ къ войнѣ 1877—78 годовъ. **Гр. Н. П. Игнатьевъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРАЯ ФРЕЙЛИНА.

(Историческій разсказъ).

I.

ФРЕЙЛИНСКІЙ коридоръ Зимняго дворца, всегда чинный и спокойный, на этотъ разъ затихъ совсѣмъ. Мягкій свѣтъ масляныхъ лампъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ коридора, освѣщала предъ собою пустыню. Лишь изрѣдка изъ-за тихо скрипнувшей двери выходившихъ въ коридоръ фрейлинскихъ комнатъ выглядывала въ эту пустыню пара любопытствующихъ глазъ и вслѣдъ за тѣмъ быстро исчезала, да тихо, безшумно, какъ привидѣніе, скользила по мягкому ковру коридора вымуштрованная придворная прислуга. Не было слышно ни звука. А между тѣмъ въ этотъ коридоръ выходили помѣщенія больше двадцати фрейлинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и Елизаветы Алексѣевны, съ соотвѣтствующимъ количествомъ горничныхъ, и наступило время вечерняго чая, обычно столь оживленное въ этомъ самомъ населенномъ, верхнемъ уголкѣ царскаго жилища. Что же случилось?

Случилось то, что случалось уже не разъ. Въ коридоръ только что поднялся изъ своихъ апартаментовъ самъ чарующій, плѣнительный императоръ Александръ Павловичъ и, любезно кланяясь встрѣчавшимся ему на пути фрейлинамъ, прошелъ въ помѣщеніе фрейлины, княжны Туркестановой. Это была чуть ли не старѣйшая по возрасту фрейлина изъ всѣхъ, находившихся въ придворномъ штатѣ, но, несмотря на свои сорокъ три года, княжна, быть можетъ, съ помощью искусства, сохраняла моложавый видъ, и классическія

по правильности черты ея лица грузинскаго типа, увѣнчанныя открытымъ, высокимъ лбомъ, смягчались умнымъ и мягкимъ выраженіемъ прекрасныхъ черныхъ глазъ. Среди обитательницъ фрейлинскаго коридора, большею частью молодыхъ, жизнерадостныхъ дѣвушекъ, княжна Варвара Ильинична Туркестанова, считалась не только старѣйшею, но и умнѣйшею изъ фрейлинъ. Она много читала, еще болѣе видѣла въ своей долгой дѣвической жизни. Молоденькія фрейлины привыкли относиться къ ней съ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что никакая сплетня (а она такъ была возможна въ тотъ легкомысленный вѣкъ!) не смѣла коснуться личности княжны Варвары. Къ своимъ младшимъ подругамъ во фрейлинскомъ званіи она относилась съ нѣжнымъ участіемъ и добротой, стараясь смягчить всѣ неизбѣжныя для нихъ огорченія на скользкомъ придворномъ паркетѣ. «*La vertu, l'élévation d'esprit et de coeur*»,— вотъ что говорили о Туркестановой, даже кумушки петербургскаго большаго свѣта. Сирота, на двадцатомъ году жизни оставшаяся одна, безъ состоянія, на попеченіи родственниковъ, Варвара Ильинична уже пятнадцать лѣтъ находилась при дворѣ и сумѣла заручиться расположеніемъ даже императрицы Маріи Ѳеодоровны и старой ея подруги, графини Ливень, извѣстной своими строгими и непоколебимыми правилами. И когда въ прошломъ 1818 году императрица, собираясь въ путешествіе за границу, избирала себѣ лицъ свиты, она прежде всего остановилась на Туркестановой, подведя ее къ государю со словами: «*Sire, voilà quelqu'un de bien aimable en voyage!*» Но чего стоило княжнѣ это всеобщее вниманіе, какихъ усилій воли, какой ломки чувствъ и характера, объ этомъ знали только княжна Варвара и ея подушка.

Императоръ Александръ также обратилъ особенное свое вниманіе на княжну Туркестанову, особенно послѣ возвращенія ея изъ-за границы. Онъ всегда любилъ общество женщинъ, но послѣ 1812 года, вступивъ на путь мистическихъ исканій истины, отрѣшавшаяся отъ легкомысленныхъ увлеченій молодости, онъ любилъ бесѣдовать съ женщинами серьезными, умѣвшими проникнуть въ его внутренней міръ, дѣйствовать на его настроеніе. Княжна Туркестанова, со всѣмъ обаяніемъ женственности, обладала твердостью мужчины, и эта черта особенно привлекала къ ней Александра, мучившагося внутренними противорѣчіями и нерѣшительностію. Два раза въ недѣлю Александръ проводилъ у нея нѣсколько вечернихъ часовъ, отдыхая отъ тяжести своихъ занятій въ непринужденной бесѣдѣ съ княжной и извлекая отъ нея свѣдѣнія, какія обыкновенно не доходятъ до высоты престола. Руководители совѣсти императора Александра, Кошелевъ и князь А. Н. Голицынъ, въ своихъ религіозныхъ наставленіяхъ совѣтовали ему избѣгать женскаго общества, «*car cette manière de voir quantité de femmes toutes pour l'ordinaire bavardes ne menait à rien qu'à des commérages*».

Но и съ этой стороны княжна была неуязвима: она не была причастна ни къ какой партіи и ни къ какимъ интригамъ.

Апартаменты княжны Туркестановой состояли изъ трехъ комнатъ, и пріемная, въ которой она принимала государя, обитая зеленымъ штофомъ, блистала свѣжестью и чистотою, привлекавшей взоры. Въ любимомъ уголкѣ княжны стояло вольтеровское кресло предъ маленькимъ столикомъ краснаго дерева, рядомъ съ которымъ находилась этажерка съ книгами; въ другомъ креслѣ у столика садился обыкновенно государь въ тѣни, отбрасываемой абажуромъ лампы.

На этотъ разъ государь, поцѣловавъ у княжны руку, не сѣлъ въ предложенное ему кресло. Вглядываясь въ лицо княжны, онъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— У васъ нездоровый видъ, княжна. Хорошо ли вы себя чувствуете?

— Ваше величество, — отвѣчала княжна: — вы знаете, что со времени своего путешествія я испытываю упадокъ силъ и разстройство нервовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, княжна, — продолжалъ ласково государь, у васъ, должно быть, какое-либо горе, вы отъ меня не скроетесь. Скажите мнѣ правду: вы вѣдь знаете, что я вашъ другъ и навсегда?

— Ахъ, государь, — возразила княжна: — я ли этого не знаю, я ли не чувствую этого постоянно? Но, государь, я въ отчаяніи отъ всего, что связано съ вашей милостью ко мнѣ. Иногда я плачу по цѣлымъ почамъ. Вѣчно чувствую я себя рабою, прозябая во дворцахъ, вмѣсто того, чтобы жить въ тишинѣ и спокойствіи. Я замѣчаю по отношенію къ себѣ зависть, противъ меня, быть можетъ, затѣваются интриги; наконецъ, мнѣ приписываютъ то, въ чемъ я совершенно не причастна, и закрываютъ глаза на тѣ добрыя качества, которыя во мнѣ есть. Вотъ среда, въ которой я живу, и изъ которой я не могу выйти, пока Господу угодно будетъ продлить мое существованіе. Съ другой стороны, куда пойду я, если оставлю дворецъ? Чѣмъ буду жить? Увы, у меня нѣтъ состоянія. Быть приживалкой у кого-либо? Ни за что въ мірѣ я этого не сдѣлаю. Развѣ не ужасно это будущее, государь? — спросила наконецъ княжна, сжимая руки и смотря на Александра взглядомъ, полнымъ отчаянія.

— О, какъ я васъ понимаю, — вскричалъ государь. — Я самъ пережилъ многое, что вы сейчасъ сказали... Но, дорогая княжна, я не тиранъ, который думаетъ только о своемъ удовольствіи, чтобы быть съ вами! Мы сдѣлаемъ все, какъ вы захотите. Я устрою все, уѣзжайте путешествовать, возьмите съ собою кого хотите... Бѣдная, — прибавилъ онъ, цѣлуя у княжны руку: — сколько вы должны были перестрадать, чтобы рѣшиться высказать это мнѣ! Но я польщенъ, глубоко тронутъ вашимъ довѣріемъ, и докажу вамъ это. Наконецъ, положитесь на Бога, на Провидѣніе, которое не

оставить васъ, если вы не забудете о немъ,—продолжалъ государь, обращаясь къ иконѣ, висѣвшей въ любимомъ княжноу уголкѣ.

Туркестанова тихо заплакала, перекрестилась и сквозь слезы сказала:

— Знаете ли, что болѣе всего меня мучить?... Это недостатокъ покорности волѣ Божіей. Если мнѣ предопредѣлено было занимать положеніе, въ которомъ я нахожусь, развѣ я подчиняюсь этому безропотно, безъ вѣчнаго смутнаго не довольства? Когда я размышляю объ этомъ, я плачу неудержимо. Что бы ни случилось, государь, будьте увѣрены, что я далеко отъ счастья, какъ я его понимаю.

Александръ старался успокоить княжну, рисуя ей будущее свѣтлыми красками и обѣщая ей поддержать ее всей своей дружбой, на какую только онъ способенъ, и затѣмъ нѣсколькими вопросами перевелъ разговоръ на событія, которыя совершались при дворѣ и въ обществѣ. Княжна, успокоившись нѣсколько, сообщила государю, что графиня Софія Толстая выходитъ замужъ и графиня Остерманъ, ея тетка, «подарила ей по этому случаю 1030 душъ крестьянъ».

— Боже!—вскричалъ Александръ:—у меня сердце сжимается всякій разъ, какъ я слышу, что дарятъ подобныхъ себѣ, какъ мебель,—и, увлекаясь, началъ рассказывать Туркестановой, какимъ образомъ онъ надѣется добиться уничтоженія рабства въ Россіи и какія совершаются злоупотребленія помѣщицъей властью. Княжна слушала его сочувственно, но возразила, что есть же и добрые помѣщики въ Россіи, и рассказала при этомъ, что только что на дняхъ крестьяне Прасковьи Ивановны Мятлевой къ празднику Пасхи поднесли своей помѣщицѣ жемчужное ожерелье цѣною въ 50.000 руб.,—то самое, которое императоръ Павелъ подарилъ княжнѣ Гагариной и которое они купили у ся мужа для этой цѣли.

— Не вѣрьте, что они сдѣлали это по собственному побужденію,—возразилъ съ тонкой улыбкой императоръ.—Это сдѣлалъ мужъ ся, Мятлевъ, который приказалъ крестьянамъ купить это кольцо, объявивъ имъ, что это пустяки для нихъ сложится по десяти рублей на душу, а между тѣмъ такой подарокъ для ихъ госпожи будетъ пріятенъ. Вы представьте себѣ,—заклучилъ Александръ:—что крестьянъ заставили купить эти жемчуга помимо ихъ воли».

Затѣмъ императоръ долгое время говорилъ о безпорядкахъ, совершавшихся въ Западной Европѣ, объ усиливающейся въ Германіи агитаціи революціонеровъ, о только что свершившемся убійствѣ студентомъ Зандомъ русскаго агента Коцебу, но княжна, погруженная въ свои размышленія, только подавала реплики, едва слушая государя. Ей пришла на умъ извѣстная въ то время пѣсенка:

Qu'on se batte, qu'on se déchire,
Peu m'importe: ç'est un délire.

Но государь уже замѣтилъ утомленіе княжны и, общая ей прислать доктора своего Крейтона, протиснулся и тихо пошелъ по фрейлинскому коридору.

II.

«Какъ онъ добръ!—подумала Туркестанова по уходѣ императора.—И почему я не сказала ему всей правды? Нѣтъ, нѣтъ, у меня не хватило бы на это рѣшимости, нѣтъ, этого я не могу... Я не могу и потому, что я не вѣрю въ его сердечность, не люблю этой макиавеллистической улыбки, съ какой онъ говоритъ о людяхъ, о ихъ слабостяхъ, не понимаю его словъ, которыя рѣдко переходятъ въ дѣло. И, Боже мой, что онъ подумаетъ обо мнѣ, когда узнаетъ все!» съ отчаяніемъ говорила себѣ княжна, садясь въ свое вольтеровское кресло и закрывая себѣ глаза руками...

Но пробило шесть часовъ, и Варвара Ильинична поспѣшила встать. Старѣющая графиня Ливень очень скучала и не знала, какъ убить свое время. Императрица Марія Ѳеодоровна возложила тогда на княжну Туркестанову и графиню Самойлову, помимо фрейлинскихъ обязанностей, нелегкую задачу занимать старую статсъ-даму: графиня Самойлова, еще совсѣмъ молодая дѣвушка, должна была ходить къ Ливень, жившей также во дворцѣ, по утрамъ играть съ ней въ пикетъ, а княгиня Туркестанова—по вечерамъ для игры въ дураки по копейкѣ за партію. Эта «dougaquerie» съ Ливень была тѣмъ тягостнѣе для Варвары Ильиничны, что она не могла долго сидѣть, но она не хотѣла огорчать старую графиню, которую искренно любила, и должна была сидѣть у ней по три часа. Лишь въ девять часовъ возвратилась къ себѣ Туркестанова, но у себя она застала доктора Крейтона, присланнаго государемъ. Съ видимою неохотою встрѣтила княжна доктора, но онъ недолго ее безпокоилъ: предложивъ ей нѣсколько вопросовъ, докторъ объяснилъ, что самое важное для нея—успокоить нервы и чаще пользоваться свѣжимъ воздухомъ и что она будетъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо, если приметъ прописанныя имъ лекарства. Прощаясь, онъ просилъ позволенія навѣстить ее и на слѣдующій день. Послѣ его визита княжна едва успѣла добраться до своей кушетки и погрузилась въ глубокой сонъ.

Между тѣмъ докторъ Крейтонъ уже докладывалъ государю о болѣзни княжны Туркестановой, но чѣмъ далѣе говорилъ, упирая вниманіе государя на медицинскіе термины, тѣмъ менѣе понималъ его Александръ. Но намеки доктора становились явственнѣе и опредѣленнѣе, такъ что императоръ воскликнулъ наконецъ съ нетерпѣніемъ:

— Или я сошелъ съ ума, или вы говорите гнусную чепуху!

Но докторъ не утратилъ высочайшаго гнѣва и снова повелъ длинный докладъ. Императоръ слушалъ его внимательно, и только по временамъ улыбка, которую княжна называла макиавеллистической, озаряла его доброе, благостное лицо. И докторъ, снабженный инструкціями, давно уже ушелъ изъ кабинета государя, а Александръ все еще стоялъ у своего письменнаго стола и повторялъ: «Но это невозможно, какъ это могло случиться?» И многое вспомнилъ онъ изъ послѣдней бесѣды съ княжною.

Черезъ нѣсколько дней по фрейлинскому коридору распространилась вѣсть, что княжна Туркестанова заболѣла холерой и что, по высочайшему повелѣнію, ее помѣстили въ Эрмитажъ, въ тѣхъ комнатахъ, которыя лѣтомъ еще занималъ король прусскій. Доступъ къ больной, по требованію доктора Крейтона, былъ воспрещенъ всѣмъ, кромѣ него и избранной имъ сидѣлки. Но обитатели дворца и сами уже обѣгали Эрмитажъ, какъ чумное мѣсто. Друзья и знакомые Туркестановой могли получить свѣдѣнія о ней только отъ Крейтона. Императрица и графиня Ливень долгое время не могли успокоиться, узнавъ о болѣзни своей любимицы, и часто спрашивали о ней Крейтона. Но тотъ отвѣчалъ односложно: онъ извѣстенъ былъ своею несловоохотливостью.

Что же произошло съ Туркестановой и въ чемъ заключалось ея горе?

III.

Долгое время блистала княжна Варвара Ильинична при дворѣ, заглушая тѣ чувства, которыя она съ такимъ краснорѣчіемъ выразила въ бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ. Предъ ней преклонялись, но руки ея не искали: всѣмъ было извѣстно, что у нея всего двѣнадцать тысячъ рублей казеннаго фрейлинскаго приданаго. Да она и держала себя слишкомъ высоко надъ низменною толпою придворныхъ ловцовъ счастья: удивлялись ея уму, образованію, и называли Аеиной-Палладой. Быть можетъ, она сумѣла бы состариться въ этомъ міеологическомъ ореолѣ, привыкла бы къ пустотѣ и этикету будничной придворной жизни и даже обратила бы ее въ потребность своего сѣренькаго существованія, если бы не посѣщала часто дома пріятельницы своей, княгини Анны Александровны Голицыной. Братъ ея мужа, флигель-адъютантъ, князь Владимиръ Сергѣевичъ, сынъ знаменитой племянницы Потемкина, Варвары Васильевны, былъ почти на двадцать лѣтъ моложе княжны Туркестановой. Это былъ человѣкъ легкомысленный, но веселый, остроумный собесѣдникъ, хорошій товарищъ и отличный музыкантъ. Это и сблизило его съ княжною, которая, посѣщая домъ Голицы-

ныхъ, обыкновенно играла съ нимъ въ четыре руки. Мало-помалу сближеніе на этой почвѣ перешло у Туркестановой въ тихое, ровное чувство привязанности къ своему партнеру. Иначе отнесся къ этому князь Владимиръ Сергѣевичъ. Ему льстила мысль, что его отличила княжна Туркестанова, этотъ кумиръ двора и общества, и онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что она влюбилась въ него по-уши. Его товарищи, офицеры, часто поддразнивали его, поздравляя съ побѣдой надъ перезрѣвшей княжной, но увѣряли его, что дѣвственная Аюина-Паллада не допуститъ дальнѣйшаго сближенія съ нею. Голицынъ сначала отшучивался, но однажды, на товарищеской пирушкѣ, когда все были уже въ пьяномъ угарѣ, вышелъ изъ себя и сталъ хвастаться своей побѣдой надъ княжной.

— Аюина-Паллада будетъ моей Венерой, когда я этого захочу!— закончилъ онъ, разбивая бокаль о столъ.

— Полно врать, Голицынъ,—смѣясь, сказалъ ему бѣлокурый нѣмчикъ, ротмистръ Дершау:—хочешь пари?

— Идетъ, идетъ, милѣйшій! Противъ твоего жеребца, какъ его, Османа, что ли, своего Вѣтра ставлю,—кричалъ Голицынъ.

— Даю тебѣ полгода сроку, а мало—еще прибавлю,—продолжалъ смѣяться Дершау.

— Право, господа,—вмѣшался полковникъ Дружининъ:— для пари вы выбрали бы какой-либо другой предметъ... Ей-Богу, не стоитъ. И ты, князь, я скажу тебѣ по совѣсти, ты, конечно, добрый малый и товарищъ, дай я тебя поцѣлую, но очень большаи свинья, когда такъ говоришь о хорошей, почтенной женщинѣ. Ей-Богу, нехорошо,—повторилъ онъ, стараясь отвести Голицына въ сторону.

Какъ ни были нѣяны офицеры, но слова Дружинина, пользовавшагося среди товарищей большимъ уваженіемъ, произвели на нихъ впечатлѣніе. Многіе замолкли, а Дершау, готовясь уйти, сталъ пристегивать саблю. Но Голицынъ вырвался изъ рукъ Дружинина и, бросившись къ Дершау, крикнулъ:

— Такъ идетъ?

— Идетъ, отвязись ты отъ меня,—отвѣчалъ Дершау, уходя:— никогда я не думалъ, что ты такой... хвастунишка... Дѣлай, какъ знаешь.

Вслѣдъ за Дершау ушелъ и Голицынъ, сопровождаемый вѣчнымъ своимъ спутникомъ, юнымъ поручикомъ Аверьяновымъ, котораго въ полку звали не иначе, какъ Ваничкой.

Послѣ ихъ ухода среди присутствовавшихъ офицеровъ водворилась тишина.

— Да, господа,—прервалъ вдругъ молчаніе полковникъ Муравьевъ-Апостоль, блѣдное, энергическое лицо котораго удиви-

тельно напоминало собою портреты Наполеона:—вот вамъ наши баре, наша высшая аристократія! И это еще не худшій экземпляръ. Выросъ среди ужасовъ крѣпостного разврата и, развращенный съ младенчества, даже о порядочной, уважаемой женщинѣ говорить, какъ о крѣпостной своей наложницѣ! Если бы не боязнь скандала, который покроетъ позоромъ имя княжны и сдѣлаетъ ее басней города,—я его проучилъ бы, какъ сквернаго мальчишку.

— Никто, милѣйшій Сергѣй Ивановичъ, его и не оправдываетъ, — примирительно заговорилъ Дружининъ послѣ нѣкотораго молчанія.— Не онъ первый и не онъ послѣдній, однако, даже въ нашей офицерской средѣ. Я помню, что до двѣнадцатаго года почти все мы такіе были. Правда, нехорошо, что и говорить, очень нехорошо нашъ князьинка изволили говорить... Венера, Османъ... Ей-Богу, нехорошо!

И, сказавъ это, Дружининъ беззвучно разсмѣялся, заглядывая въ пасмурное лицо Муравьева-Апостола.

— Но проучить его все-таки нужно,—вскрикнулъ ротмистръ князь Гагаринъ:—онъ мараетъ нашъ мундиръ, наше общество. Я предложилъ бы не подавать ему руки и заставить его выйти изъ полка!

— Нашъ мундиръ!—медленно проговорилъ Муравьевъ:—слишкомъ много, князь, придаете вы значенія лоскуткамъ одежды. Скажите лучше, что Голицынъ унижаетъ человѣческое достоинство. Кто только не носилъ нашего мундира, чуть ли не самъ Аракчеевъ, а вѣдь ихъ не гнали изъ полка, а напротивъ... Даже теперь ему поклоняются, предъ нимъ гнуть спину. Съ Голицынымъ мы можемъ вообще обращаться какъ съ паршивой овцой, но пока, щадя княжну Туркестанову, оставимъ его въ покоѣ. Ну, а мнѣ пора надѣвать свои «глупости», какъ говорилъ нѣкогда нашъ почтенный Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,—добавилъ, смѣясь, Муравьевъ, отыскивая въ углу свою саблю, и затѣмъ простился съ товарищами.

— Тоже чудень, его и не поймешь,—сказалъ Дружининъ:—а мы, господа, скинемъ-ка наши мундиры, о которыхъ такъ непочтительно изъяснился Сергѣй Ивановичъ, да соорудимъ банчишко. Муравьевъ его не любитъ: навѣрно, пошелъ болтать къ Рылѣву. Охъ, не доведетъ его это до добра!

IV.

Лѣто 1818 года въ Петербургѣ было на рѣдкость теплое и пріятное. Въ то время коннаго передвиженія немногіе изъ петербургскаго общества уѣзжали на лѣто въ деревню или за границу, и дачная жизнь въ окрестностяхъ столицы была чрезвычайно развита: почти не было вельможи, который не жилъ бы на своей собственной дачѣ, гдѣ удобства деревенской усадьбы причудливо соединя-

лись съ затѣйливыми ухищреніями итальянскихъ виллъ и англійскихъ садовъ. Но наиболѣе населены были лѣтомъ невскіе острова, особенно Каменный, гдѣ наслаждался лѣтнимъ отдыхомъ императоръ Александръ со своей супругой, и Елагинъ съ прилегающей къ нему Старой деревней, такъ какъ въ елагинскомъ дворцѣ подолгу жила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Разумѣется, что поэтому и придворная знать любила жить на этихъ островахъ или вблизи ихъ. Сюда же стекалась по праздникамъ и петербургская бѣдность, чтобы провести день на свѣжемъ воздухѣ и посмотреть вблизи на императорскую фамилію.

На Каменномъ островѣ жила лѣтомъ 1818 года на своей дачѣ и другъ княжны Туркестановой, княгиня Анна Александровна Голицына, невѣстка князя Владимира Сергѣевича. Сопровождая императрицу Марію Ѳеодоровну въ Елагинскій дворецъ, княжна Варвара Ильинична считала себя счастливой, что могла по сосѣдству часто навѣщать свою подругу въ свободное отъ придворныхъ своихъ обязанностей время, а когда императрица уѣзжала погостить въ любимый свой Павловскъ, то обыкновенно оставляла свою фрейлину у Голицыной, зная, какое удовольствіе она доставляетъ этимъ Варварѣ Ильиничнѣ. Но и князь Владимиръ Сергѣевичъ также жилъ у своей невѣстки, ссылаясь на частыя дежурства свои у государя въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Всѣ лица, являвшіяся во дворецъ и бывшія знакомыми съ княгиней Анной Александровной, изъ дворца обыкновенно заѣзжали къ ней и проводили у нея на дачѣ день, а иногда и два. Оттого у Голицыной всегда можно было застать многочисленное и избранное общество, каждый день у нея былъ сплошной праздникъ. Жизнь мирно, но шумно протекала въ саду, въ паркѣ или во всевозможныхъ parties de plaisir. Къ услугамъ гостей была большая конюшня и красивая флотилія у дачной пристани на Малой Невкѣ. Иногда въ залитый огнями дачѣ давали музыкальные и танцевальные вечера. Но никто не стѣснялъ свободы гостей: всѣ проводили время, какъ кто хотѣлъ. Всѣ обязаны были только являться по удару колокола къ завтраку и обѣду.

Княжна Туркестанова любила жить у Голицыной потому, между прочимъ, что жизнь эта казалась ей полнымъ отдыхомъ отъ условностей придворнаго этикета, отъ вѣчной необходимости быть веселой и улыбающейся, какъ бы ни было горько у нея на сердцѣ, отъ невозможности оставаться наединѣ съ самой собою, потому что императрица даже по вечерамъ приглашала «chère princesse Varbe» съ собой на прогулки, чтобы любоваться луной, или отсылала ее къ графинѣ Ливенъ на партію «douxquetie». Притомъ пребываніе въ семьѣ Голицыныхъ создавало ей миражъ семейнаго счастья, семейной жизни, чего такъ жаждало изстрадавшееся сердце Варвары Ильиничны, почти съ колыбели оставшейся сиротою и вѣчно

чувствовавшей себя какъ на перепутьи, въ дорогѣ отъ гостиницы къ постоялому двору и наоборотъ, или на театральномъ представленіи, на которомъ терялась личность актеровъ, принужденныхъ играть тѣ или другія роли, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу Туркестановой. Велика была досада и грусть Варвары Ильиничны, когда Голицына, въ отвѣтъ на ея жалобы, смѣясь, замѣчала ей, что и она сама на этомъ театральномъ зрѣлищѣ играетъ не послѣднюю роль, но играетъ ее талантливо, не въ примѣръ другимъ, которые вѣчно остаются статистами или даже просто манекенами. Самыми счастливыми минутами для нея были тѣ, когда она уединялась въ двухъ комнатахъ павильона, отданныхъ ей для жительства въ саду Голицыной, и занималась чтеніемъ или писала свой дневникъ. Ему она довѣряла самыя сокровенныя свои тайны на французскомъ языкѣ, на которомъ грубыя мысли и предметы укладываются въ изящную и приличную оболочку. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, разбираясь въ душевномъ своемъ настроеніи, княжна писала въ дневникъ слѣдующее: «Je suis très décidée à combattre vigoureusement les mouvements de cette chair désolante. Бываютъ дни, когда я ощущаю въ себѣ героическое мужество, но иногда я чувствую постыдную слабость, и тогда я до такой степени чувствую себя обезоруженно, что для меня ничего не представляется утѣшительнаго. Мнѣ кажется, что я, какъ солдатъ на часахъ, должна вѣчно стоять на стражѣ противъ своего фатальнаго врага, и, между тѣмъ, могутъ думать, что мой возрастъ поставилъ меня внѣ его нападений, потому что въ сущности я молода только для Мятлева». (Мятлеву было въ то время свыше семидесяти лѣтъ). Написавъ эти строки, княжна задумалась и проговорила: «не права ли Annette, что я просто искусная комедіантка, вѣчно несущая одну и ту же маску добродѣтели?» Долго думала княжна, и затѣмъ, едва сдерживая слезы, вновь писала: «Бороться,—насколько возможно, вотъ въ чемъ заключается моя обязанность, и я должна ее исполнить, чтобы не пасть позорно, когда менѣ всего ожидаешь, и чтобы поддержать въ себѣ энергію, безъ которой человѣкъ дѣлается жертвою своихъ страстей».

Императоръ Александръ и императрица Елизавета, ежедневно прогуливаясь по Каменному острову, часто заходили къ Голицыной на короткое время, въ особенности императоръ, не скрывавшій интереса, который возбуждали въ немъ бесѣды съ княжною. Отъѣздъ изъ Россіи короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III, пріѣзжавшаго навѣстить дочь свою, великую княгиню Александру Теодоровну, супругу великаго князя Николая Павловича, освободилъ государя отъ мелочей этикета, занимавшихъ у него почти все время, и онъ съ удовольствіемъ возвращался, какъ объяснялъ онъ княжнѣ, къ старымъ своимъ привычкамъ. Придворные тщетно старались понять тайну этихъ бесѣдъ, о которыхъ сама княжна

сохраняла гордое молчаніе. Они не знали, что бесѣды эти сначала очень стѣсняли Туркестанову, и когда императоръ, замѣтивъ это, сталъ ласково упрекать ее, она рѣшилась объяснить ему свое чувство.

— Знаете ли, государь,—сказала она:—что всего болѣе стѣсняетъ меня вашъ санъ и ваше положеніе, и это сковываетъ мнѣ языкъ и то чувство, которое вы внушаете мнѣ. *On meurt d'envie de vous en faire part, et l'idée que cela peut vous paraître flagornerie oblige à reprimer l'expression.*

— О, будьте увѣрены,—возразилъ Александръ, пожимая Туркестановой руку:—что вы не найдете меня неблагодарнымъ. *L'accent de la verité en est un tout particulier et qu'il est difficile de s'y méprendre!* Я вамъ сознаюсь, что я никому не вѣрилъ и не вѣрю, думаю, потому, что никогда не былъ увѣренъ даже въ самомъ себѣ. Это доказываетъ, насколько мое довѣріе завоевано вами. *Et si vous saviez aussi le charme qu'on éprouve à être aimé véritablement!* Увы, я давно не испытывалъ этого чувства.

И Александръ сталъ рассказывать княжнѣ о своихъ обманутыхъ привязанностяхъ, о горькомъ разочарованіи, которое испытывалъ онъ съ ранней юности въ людяхъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Длинной вереницей прошли предъ глазами Варвары Ильиничны фигуры Екатерины II, Павла I, графовъ Кочубеевъ и Палена, Сперанскаго, графа Строганова и наконецъ обѣихъ императрицъ и Маріи Антоновны Нарышкиной. Нельзя было не сочувствовать Александру, когда онъ передавалъ подробности своихъ отношеній къ этимъ лицамъ съ дрожью въ голосѣ и со слезами на глазахъ. Наконецъ онъ закончилъ свой рассказъ словами:

— Я усталъ бороться съ людьми. И въ дѣлахъ я также давно почувствовалъ эту усталость. Лагарпъ говорилъ мнѣ не разъ: *«Le despote, homme de bien, peut et doit faire un excellent souverain»*. Mais je crois bien difficile d'être gouverné paisiblement par une collection d'hommes qui ont mille intérêts personnels croisés en sens contraire. Мнѣ не на кого опереться. Аракчеевъ—человѣкъ преданный, но это ничто болѣе, какъ ширма, орудіе. Ахъ, княжна, какъ мнѣ дороги ваша дружба, ваше участіе!

Быть можетъ, никогда еще Александръ не говорилъ съ такимъ жаромъ и искренностью, и Варвара Ильинична слушала его, затаивъ дыханіе: такъ неожиданна была для нея исповѣдь великаго человѣка, только что сокрушившаго Наполеона и освободившаго Европу! Но послѣдующія бесѣды съ императоромъ навѣвали на нее другія мысли, другія чувства: что-то безотрадное, тоскливое наполняло ее душу, когда она слышала отъ него одни саркастическіе, презрительные отзывы о людяхъ и видѣла его безсиліе выйти исходъ изъ заколдованнаго круга. И она не умѣла понять, какъ могъ при этомъ Александръ сохранять къ людямъ вѣчно ровное,

благоволительное отношеніе, говорить съ ними съ чарующей улыбкой, съ мягкимъ, благостнымъ взоромъ? Она хотѣла цѣнить страдающую душу государя, уловить ея противорѣчія, смягчить ихъ, но когда онъ удалялся отъ нея, то въ мысляхъ княжны вставалъ иногда страшный вопросъ: не самъ ли онъ виноватъ въ своемъ одиночествѣ? Она приходила къ тому заключенію, что у Александра чрезвычайно развита способность критики, но нѣтъ способности творчества. И неужели ей, бѣдной фрейлинѣ, суждено Провидѣніемъ послужить душевной опорой и даже руководительницей совѣсти величайшаго изъ государей?

Отношенія къ государю льстили уму и гордости Туркестановой, а между тѣмъ и сердце ея било тревогу. Въ послѣднее время она все чаще и чаще испытывала странное стѣсненіе въ обществѣ князя Владимира Сергѣевича Голицына. Князь, видимо, началъ дорожить ея вниманіемъ къ себѣ и даже, какъ это ни дико казалось княжнѣ, играть роль влюбленнаго. Участились музыкальныя развлеченія, поѣздки верхомъ и на лодкѣ,—до того, что, посѣщая княгиню Анну Александровну, Варвара Ильинична почти постоянно видѣла около себя Голицына. Онъ велъ себя почтительно и нѣжно по отношенію къ ней и однажды на ея вопросъ, сдѣланный вскользь, сказалъ даже, что чувствуетъ себя лучше въ ея обществѣ и что его перестали интересовать свѣтъ и казарменныя игрушки. Варвара Ильинична съ удивленіемъ спрашивала себя, не закралась ли любовь въ сердце молодого человѣка, съ негодованіемъ отвергала эту мысль, но въ то же время все ея существо трепетало отъ наплыва какого-то неизвѣданнаго чувства. И Голицынъ не лгалъ предъ нею, говоря, что онъ высоко цѣнитъ ея общество: его поверхностное, свѣтское образованіе, легковѣсная мораль гвардейскаго сердца не помѣшали ему поддаться вліянію ея характера и высокихъ нравственныхъ свойствъ. Большое значеніе въ глазахъ Голицына имѣло и вниманіе къ ней императора, слышавшаго среди гвардейскихъ офицеровъ за тонкаго знатока женщинъ, и перерѣвшаая красавица казалась блестящей цѣлью для юнаго флигель-адъютанта, жаждавшаго побѣдъ въ великосвѣтскомъ кругу. Именно въ то время въ высшемъ обществѣ, даже среди добродѣтельныхъ матерей семействъ, твердо укоренилось мнѣніе, что ничто такъ не образовываетъ и не полируетъ молодого человѣка, какъ связь съ дамой изъ общества. Голицынъ часто слышалъ эту практическую мораль отъ матери своей, а кому было лучше знать это, какъ не одной изъ племянницъ Потемкина? Къ чести его нужно сказать, что онъ не придавалъ значенія пари, заключенному въ веселую минуту съ Дершау, даже готовъ былъ взять обратно свое слово, но все-таки слова Дершау и его насмѣшки подстрекнули его самолюбіе, и обладаніе княжной сдѣлалось для него еще заманчивѣе. Его настойчивое ухаживаніе за Варварой Ильинич-

ной стало наконецъ такъ замѣтно для окружающихъ, что сама его невѣстка, княгиня Анна Александровна, не разъ говорила своей подругѣ, смѣясь, что она совсѣмъ вскружила голову сѣдному мальчику.

Княжна захотѣла наконецъ дать урокъ сдержанности своему поклоннику. Возвращаясь однажды въ теплый июльскій вечеръ изъ прогулки въ паркъ, куда сопровождалъ ее князь Владимиръ Сергѣевичъ, она заговорила о предстоящемъ ей путешествіи за границу въ свитѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и затѣмъ прибавила:

— Я надѣюсь, князь, что по возвращеніи въ Россію я найду васъ болѣе солиднымъ и вполне достойнымъ того положенія, которое вы занимаете при особѣ государя.

— Могу я узнать,—возразилъ Голицынъ, вспыхнувъ:—въ какомъ именно отношеніи желали бы вы найти во мнѣ перемену? Повѣрьте, я сдѣлаю все возможное.

— Я говорю вообще, милый Владимиръ Сергѣевичъ. Но, если хотите, я скажу вамъ, что вы еще слишкомъ молоды. Кутежи, ухаживаніе, излишняя впечатлительность,—все это даетъ вамъ легкомысленный видъ, а, между тѣмъ, я увѣрена, что въ дѣйствительности вы несклонны къ такому образу жизни. Это ваши товарищи увлекаютъ васъ по этой дорогѣ.

— Развѣ нынѣшнимъ лѣтомъ вы могли бы упрекнуть меня въ чемъ-либо подобномъ?—горячо возразилъ Голицынъ.—Все лѣто я или на службѣ, или здѣсь на дачѣ, у брата, и если ухаживалъ, то, правду говоря, только за единственной женщиной, вполне достойной обожанія и поклоненія, могу сказать это предъ всѣмъ свѣтомъ,—сказалъ онъ съ жаромъ.

Княжна смутилась.

— Я не хочу знать, о комъ вы это говорите,—проговорила она сухо:—и думаю, что вы оказали бы ей гораздо болѣе уваженія, не говоря такимъ голосомъ о ней ни здѣсь, ни въ обществѣ. Впрочемъ, я очень жалѣю, что повела съ вами этотъ разговоръ. Надѣюсь, что мы останемся друзьями.

«Крѣпость, которая вступаетъ въ переговоры, навѣрно, готова къ сдачѣ», подумалъ Голицынъ. Но онъ наклонилъ только голову, какъ провинившійся школьникъ, получившій выговоръ, и молчалъ.

Княгинѣ стало его жаль: ей показалось, что онъ огорченъ.

— Я вовсе не дурного о васъ мнѣнія,—сказала она ласково:—и даже позволяю вамъ ухаживать за кѣмъ хотите послѣ моего отъѣзда,—прибавила она, замолчавъ.

— Ахъ, княжна, какъ вы меня мучаете!—вскричалъ Голицынъ.— Я созналъ, какая пропасть лежитъ между мной и вами, но вы—мой идолъ, моя богиня, для васъ я готовъ все принести въ жертву,

начиная съ самого себя. О какой женщинѣ могу я думать, кромѣ васъ? Это было бы святотатствомъ.

И Голицынъ схватилъ руку княжны и горячо ее поцѣловалъ.

— Стыдитесь, князь,—говорила Туркестанова, вырывая у него свою руку.—Вы сумасшедшій человѣкъ, какъ вы смѣете!

Но Голицынъ уже ничего не слушалъ, что говорила ему княжна. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ увѣрялъ ее въ искренности своей любви къ ней, клялся посвятить ей всю свою жизнь и, наконецъ, упалъ къ ея ногамъ, цѣлуя у нея край платья. Страсть нарастала въ немъ какъ бы подъ вліяніемъ самовнушенія, и княжна увидѣла наконецъ необходимость бѣжать къ себѣ домой.

— Оставьте меня,—проговорила она поблѣднѣвшими губами, освобождая свое платье изъ его рукъ:—вы меня погубите...

— А я уже погибшій человѣкъ,—сдавленнымъ отъ волненія голосомъ произнесъ Голицынъ, вставая.—Варвара Ильинична, Варвара... а вы... вы ничего мнѣ не скажете?

— Оставьте меня, послѣ... послѣ,—шептала княжна и быстро двинулась къ голицынской дачѣ, оставивъ Голицына на дорожкѣ парка.

«Нѣтъ, Варя, прелесть моя, теперь ты отъ меня не уйдешь!» чуть не крикнулъ ей велѣдъ Голицынъ и, разстроенный, возбужденный, долго сидѣлъ на первой попавшейся ему скамейкѣ, вспоминая смущеніе какъ бы сразу похорошѣвшей княжны и ея едва слышныя: «послѣ, послѣ...»

V.

Долго не могла прійти въ себя княжна, возвратившаяся въ свою комнату. Она никакъ не могла разобраться въ чувствахъ, охватившихъ трепетомъ все ея существо. И стыдъ, и оскорбленная гордость, и необычайная, невѣдомая еще ей жажда жизни и, наконецъ, какая-то дикая радость, что она любима! *Son fatal ennemi*, о которомъ писала она въ дневникѣ своемъ, видимо, торжествовалъ свою побѣду. Она уже не думала, какъ ранѣе, «*combattre les monvements de cette chair désolante*», а, напротивъ, бросившись въ свое вольтеровское кресло и закрывъ лицо и глаза руками, переживала счастливыя минуты какого-то оцѣпенѣнія. Она уже не пошла, какъ обыкновенно, вечеромъ на дачу своей подруги, сославшись на нездоровье, долго о чемъ-то думала, улыбалась иногда сквозь слезы счастливой улыбкой и забылась лишь къ утру тревожнымъ, прерывчатымъ сномъ.

На другой день княжна вышла къ завтраку блѣдная, но спокойная. Княгиня Анна Александровна встрѣтила ее, по обыкновенію, ласково и радушно, но, взглянувъ ей въ глаза, вскричала:

— *Chère Barbe*, что съ вами, милая! Да вы сегодня у насъ кра-

савица! Прямо преображеніе какое-то! Боже мой, глаза-то у тебя просто свѣтятся!

— Хорошо сегодня выспалась, вчера легла рано,—солгала княжна, покраснѣвъ.—И прекрасно себя чувствую.

— Навѣрно, сонъ хорошій видѣла,—шутила Анна Александровна.—Въ самомъ дѣлѣ, что лучше было бы для васъ: Иванъ-Царевичъ или камеръ-фрейлинскій шафръ? Нѣтъ, такъ: сперва Иванъ-Царевичъ, а потомъ статсъ-дамскій портретъ. Ну, полно, полно, я пошутила,—говорила княжна, смѣясь и цѣлуя Варвару Ильиничну въ губы.

Къ завтраку явились изъ Петербурга и каменноостровскаго дворца обычные гости, а послѣ него пріѣхалъ князь Владимиръ Сергѣевичъ. Поцѣловавъ у княжны руку, онъ предложилъ, по обыкновенію, заняться съ нимъ игрою на клавесинѣ.

— Благодарю васъ,—сказала строго княжна:—но у меня сегодня нервы въ безпорядкѣ и, кромѣ того, я пойду сейчасъ къ себѣ, у меня есть работа.

— Не вѣрь ей, Woldemar, это капризь,—защебетала Анна Александровна:—она сама говорила мнѣ, что сегодня она прекрасно себя чувствуетъ.

— Я не смѣю уговаривать княжну,—замѣтилъ Владимиръ Сергѣевичъ.—Для музыки необходимо извѣстное настроеніе. Но тогда, княжна, позвольте мнѣ проводить васъ до павильона...

Варвара Ильинична лишь досадливо кивнула ему головой и вышла, не прощаясь. Князь шелъ за ней слѣдомъ.

Когда они сошли съ террасы въ садъ, княжна быстро повернулась къ Голицыну и сказала ему:

— Вы хотите, чтобы я наказала васъ за вчерашнюю дерзость? Что вамъ угодно?

— Я хочу, дорогая княжна, чтобы вы не прогоняли меня отъ себя.

— Вы должны дать мнѣ время забыть то, что случилось вчера. Мы не должны нѣкоторое время видѣться, и это дастъ мнѣ силы простить васъ потомъ,—возразила княжна.—Иначе я уѣду отсюда.

Говоря это, они подошли къ павильону, закрытому густыми кустами сирени. Взявшись за ручку двери, княжна сказала:

— Прощайте, князь. Идите и не грѣшите.

— И вы не протянете мнѣ руки на прощаніе?—взмолился Голицынъ, и красивое лицо его озарилось чувствомъ.

Княжна улыбнулась, но не успѣла она еще подать ему руку, какъ почувствовала себя въ объятіяхъ Голицына, который приникъ къ ея губамъ долгимъ поцѣлуемъ. Княжнѣ показалось, что она лишается чувствъ, показалось и та, что она также отвѣтила ему поцѣлуемъ. Черезъ нѣсколько секундъ она была уже у себя и заперла за собою дверь.

«Свершилось, чего я такъ боялась», было первую ея мыслью. «Боже мой, спаси меня и помилуй», говорила она, падая предъ иконой и плача слезами радости и горя.

Княжна не пришла къ обѣду, написавъ Аннѣ Александровнѣ коротенькую записку, что она нездорова и собирается на другой день утромъ ѣхать въ Павловскъ ко двору императрицы Маріи Ѳеодоровны для исполненія своихъ фрейлинскихъ обязанностей. Княгиня посѣщала навѣстить свою подругу, и она подтвердила ей свое рѣшеніе, высказывая опасеніе, что императрица будетъ недовольна, если она еще продлитъ свой отпускъ, а между тѣмъ ей уже предложено сопровождать вдовствующую государыню въ ея заграничномъ путешествіи. Объ этомъ Анна Александровна сообщила и своимъ гостямъ, среди которыхъ былъ и князь Владимиръ Сергѣевичъ.

— Я не понимаю,—отозвался онъ,—этихъ быстрыхъ рѣшеній княжны: она вѣдь еще сегодня утромъ ничего о нихъ не говорила.

— Милый мой,—возразила Анна Александровна:—нужно войти въ ея положеніе: у нея нѣтъ состоянія, и она во всемъ зависитъ отъ милостей императрицы. Сама Варѳе груститъ, что должна покинуть свой чудный, какъ она говоритъ, Каменный островъ. Я видѣла у нея на глазахъ слезы, когда она говорила о необходимости ѣхать въ Павловскъ, гдѣ должна жить на виду, слѣдить за каждымъ своимъ словомъ и движеніемъ. Въ ея возрастѣ и быть въ такой зависимости!—заключила Анна Александровна, вздыхая.

Голицынъ схватилъ свою каску и вышелъ въ паркъ.

«Что же это,—думалъ онъ:—моя красавица бѣжитъ? Она такъ подстроила, что я увижу ее только завтра, когда она будетъ садиться въ карету, а тамъ—прощай: сегодня она въ Павловскѣ, при дворѣ, а завтра за границей. Премилая, однако, и вкусная она женщина. Я чувствую, что она меня къ себѣ притягиваетъ. Въ неуклонную строгость ея добродѣтели въ такіе годы, положимъ, я не особенно вѣрю, но что она собирается оставить меня съ носомъ и разыграть роль оскорбленной невинности, это, думаю, несомнѣнно».

Въ это время замѣтилъ онъ у воротъ дачи Ѳеклушу, крѣпостную Голицыныхъ, исполнявшую обязанности горничной при княжнѣ, и подозвалъ ее къ себѣ.

— Что, красавица, княжна дома?—спросилъ онъ, ущипнувъ Ѳеклушу за щеку.

— Дома, дома, ваше сіятельство. Только онѣ хвораютъ малость. Кромѣ какъ княгиню, никого не велѣли принимать,—отвѣчала польщенная вниманіемъ князя молодая дѣвушка.

— Даже меня?—спросилъ озаренный новой мыслью Голицынъ.

— Сказали, что никого, потому—больна.

— А ты, моя милочка, умѣешь языкъ держать? Вотъ выбирай: золотой, видишь? или тебя выстригутъ да въ деревню назадъ пошлютъ коровъ гонять,—строго сказалъ Голицынъ.

— Невдомекъ мнѣ, что вы изволите говорить,—отвѣчала смущенная Оеклуша.

Голицынъ задумался, но потомъ тихо, но рѣзко сталъ объяснять дѣвушкамъ свои требованія. Та въ испугѣ, вытаращивъ глаза, слушала его, ахая и качая головой, пробовала что-то возражать, но наконецъ сказала ему:

— Воля ваша, господская, ваше сіятельство. Мнѣ—что! Не запру двери, а тамъ мнѣ ничего неизвѣстно. Не сумлѣвайтесь, никому не скажу, хоть разорви. Вотъ же Истинный!

— Такъ помни, ровно въ одиннадцать,—сказалъ Голицынъ, и отвернулся. Что-то жесткое, неумолимо-звѣрское блеснуло у него въ глазахъ.

Наступала ночь. Давно уже кончились бѣлыя петербургскія ночи, и мракъ окуталъ вѣчно зеленый Каменноостровскій паркъ, затихшій и безмолвный. Лишь изрѣдка съ Невы слышался плескъ веселья и заунывные звуки пѣсенъ: то возвращались съ взморья загулявшіе петербуржцы. На дачѣ Голицыныхъ все было тихо, въ окнахъ нигдѣ не было свѣта, всѣ спали, кромѣ чуткаго сторожевого пса, отзывавшагося иногда тихимъ ворчаніемъ на доносившіяся съ рѣки пѣсни. На колокольнѣ мальтійской церкви Іоанна Крестителя, въ дворцовомъ саду, пробило одиннадцать.

Въ это время отъ воротъ дачи, выходившихъ въ паркъ, отдѣлилась высокая, темная фигура и быстро, минуя кусты сирени, подошла къ павильону. Тотчасъ же, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, предъ ней отворилась дверь.

— Спать?—спросилъ Голицынъ шепотомъ.

— Легли, — отвѣчала Оеклуша почти однимъ движеніемъ чубъ.

— Уходи...

Оеклуша тотчасъ юркнула въ свою комнатку, находившуюся рядомъ со спальней Варвары Ильиничны. Положивъ голову на руки, она сѣла за столъ въ напряженномъ ожиданіи. Что-то злорадное и лукавое было въ ея застывшемъ взорѣ и во всей неподвижной фигурѣ.

— Кто здѣсь?—громко раздался вдругъ испуганный голосъ княжны.—Что?! Это вы?!.. вы?? О, о, о! Какой подл...

И въ комнатѣ княжны опять все затихло.

«Должно, обезпамятѣла, — подумала Оеклуша. — Да ништо ей! Пушай нашу сестру вспомнить! Вотъ те и княжна, царская авелина!»

VI.

На другой же день княжна Варвара Ильинична уѣхала въ Павловскъ, несмотря на всякіе уговоры княгини Анны Александровны, и тамъ по прїѣздѣ сильно заболѣла. Доктора нашли, что у нея потрясены нервы, и нашли, что предположенная поѣздка за границу принесетъ ей большую пользу. Никто не былъ такъ радъ этому рѣшенію докторовъ, какъ императрица Марія Ѳеодоровна, часто навѣщавшая свою любимицу и постоянно говорившая, что безъ нея она будетъ за границей какъ безъ рукъ. Не меньшее участіе выражала княжнѣ и графиня Ливенъ, подруга императрицы: она заявляла всѣмъ, кто желалъ ее слушать, что никто такъ восхитительно не умѣетъ играть съ ней партіи «un дуракъ», какъ Варвара Ильинична. Императоръ Александръ посылалъ нѣсколько разъ къ княжнѣ своего лейбъ-медика Вилліе и въ концѣ концовъ самъ навѣстилъ ее. Въ началѣ сентября Варвара Ильинична окончательно оправилась и скоро затѣмъ начала свое путешествіе въ свитѣ императрицы, въ одной каретѣ съ нею. Въ скоромъ времени новыя мѣста, интересные и знаменитые люди, являвшіеся къ императрицѣ чуть не со всѣхъ концовъ Европы, новая жизнь и новыя отношенія отвлекли умъ княжны отъ пережитыхъ на родинѣ впечатлѣній, и она лишь иногда съ ужасомъ вспоминала о послѣднихъ часахъ пребыванія своего на Каменномъ островѣ. Одно простое упоминаніе имени князя Владимира Голицына приводило ее въ дрожь. «Забудь все, какъ можно скорѣй»,—вотъ чего желала Варвара Ильинична, но именно этого забвенія ей не было дано.

Еще во время путешествія по Западной Европѣ княжна почувствовала, что скоро она будетъ матерью. Открылъ ей это одинъ изъ заграничныхъ докторовъ, когда она въ Берлинѣ обратилась къ нему за совѣтомъ, не открывая своего званія и личности. Съ этихъ поръ жизнь ея обратилась въ сплошное страданіе. По возвращеніи въ Петербургъ, поднявшись на 113 ступеней вверхъ въ Зимнемъ дворцѣ въ свой фрейлинскій коридоръ, княжна рѣшила какъ можно рѣже показываться въ обществѣ. «Что дѣлать, что дѣлать?»—часто шептала она въ ужасѣ. Она не ждала пощады отъ женской половины двора и много разъ порывалась объяснить все тому, кто называлъ себя ея другомъ и жадно добивался возможности быть ей полезнымъ, то есть императору. Но княжну удерживало нѣчто большее, чѣмъ женскій стыдъ: она не могла равнодушно даже представить себѣ той макіавеллистическо-презрительной улыбки, которая, по ея мнѣнію, должна была появиться у Александра, и въ то же время чувствовала, что обаяніе ея, какъ женщины, исчезнетъ въ глазахъ Александра навсегда. «И она также», скажетъ онъ съ своей обычной благостной улыбкой. Княжна не смѣла себѣ сознаваться, но въ са-

мыхъ глубокихъ тайникахъ ея сердца шевелилась увѣренность, дикая, бессмысленная, что Александръ будетъ оскорбленъ ея признаніемъ лично, какъ мужчина. Ей, повидимому, предстояло одно рѣшеніе: дать ребенку жизнь и затѣмъ покончить съ собою. Мысль эта долго зрѣла въ душѣ несчастной княжны. Что узнала она по прїѣздѣ въ Петербургъ о князѣ Владимирѣ Сергѣевичѣ, еще болѣе возмутило ее: послѣ неудачной попытки жениться на богатой наслѣдницѣ, княжнѣ Лопухиной, онъ испросилъ себѣ назначеніе командиромъ Егерскаго полка въ Тамбовъ и прожилъ тамъ жизнь, какъ говорили, со всѣхъ четырехъ концовъ. Ходили темные слухи, что уѣхать изъ Петербурга заставили его товарищи по полку, возмущенные его поведеніемъ. Голицынъ не подавалъ о себѣ изъ Тамбова никакихъ вѣстей даже княгинѣ Аннѣ Александровнѣ.

И вотъ, какъ бы чудомъ, послѣдовало вмѣшательство въ ея безпросвѣтную жизнь императора, обнаружившаго къ ней такое сердечное участіе и скрывшаго ея несчастіе отъ свѣта, и какого свѣта! Въ которомъ никогда ничто не могло остаться тайно, гдѣ сотни глазъ, сотни ушей слѣдятъ за самыми сокровеніями души человѣческой, за мельчайшими проявленіями ея жизни. Гордая душа Варвары Ильиничны была уязвлена, унижена деликатностью и снисходительностью своего друга, царственнаго Макиавелли, но зато какою неземною благодарностью наполнялось ея сердце къ нему, когда она держала въ рукахъ свою дочь-ребенка, которому она въ комнатахъ Эрмитажа дала жизнь. Крѣптымъ отцомъ этого ребенка былъ императоръ, и ему дано было имя Маріи.

Варвара Ильинична письменно благодарила государя за всѣ заботы его о ней, и онъ рѣшился посѣтить ее, когда Крейтонъ нашелъ это возможнымъ.

— Но только на пять минутъ, ваше величество,—сказалъ Александру докторъ.—Этимъ счастіемъ вы можете убить мою милую пациентку, если она начнетъ говорить и волноваться, а короткимъ посѣщеніемъ подѣйствуете какъ жизненный эликсиръ.

Войдя къ Туркестановой и блистая чарующей улыбкой, Александръ поцѣловалъ счастливую и въ то же время несчастную мать и сказалъ ей въ отвѣтъ на выраженіе ея признательности:

— Возблагодаримъ за все Провидѣніе и положимся во всемъ на Его святую волю! Если я могу быть недоволенъ вами, то только за недостатокъ вашего ко мнѣ довѣрія, за вашу скрытность. Но полно, полно,—продолжалъ онъ, когда Туркестанова, обливаясь слезами, потянулась поцѣловать у него руку,—вамъ нужно беречь себя прежде всего для вашей дочери, а потомъ для меня. И вы и дочь ваша всегда будете имѣть во мнѣ друга и защитника. Но, посмотрите, докторъ, кажется, собирается выгнать отсюда меня. Прощайте!

Поцѣловавъ руку Варвары Ильиничны, императоръ поспѣшилъ удалиться.

Послѣ посѣщенія государя здоровье ея стало быстро улучшаться. Крейтонъ началъ уже говорить о возможности для нея подышать чистымъ воздухомъ въ открытомъ эрмитажномъ садикѣ. Уже княжна вступила въ переписку съ родными и знакомыми; уже императрица Марія выразила желаніе посѣтить свою фрейлину, «une femme digne et respectable». Но въ числѣ полученныхъ княжною писемъ было одно анонимное, въ которомъ, подъ видомъ участія, сообщали ей о пари, которое держалъ Голицынъ съ Дершау, и предостерегали ее отъ Голицына. Письмо это переполнило чашу страданій Варвары Ильиничны, мѣру ея терпѣнія.

«Я не знала,—сказала она себѣ,—что жизнь есть такой адъ и что самый лютой звѣрь это—человѣкъ. Господи, прости меня, я не могу жить, не могу, не могу»...

Княжна Туркестанова приняла ядъ. Всѣ усилія Крейтона спасти ее не имѣли успѣха. Было объявлено, что больная страдаетъ коликами, и къ ней начали допускать самыхъ близкихъ къ ней людей. Въ воскресенье 20 мая Туркестанова исповѣдывалась, а затѣмъ въ теченіе дня она молилась и говорила о приближающемся концѣ своемъ съ величайшей покорностію. На слѣдующій день умирающую посѣтила императрица Марія Ѳеодоровна. Съ десяти часовъ утра до девяти вечера она не отходила отъ постели любимой своей фрейлины, утѣшая ее и читая ей Евангеліе. Императрица относилась къ ней какъ къ родной дочери и въ концѣ концовъ предложила ей причиститься, на что она согласилась съ радостію. Но послѣ этого силы ея стали падать, и послѣ отъѣзда императрицы Туркестанова въ часъ пополудни отдала Богу душу. Императоръ приказалъ выставить гробъ ея въ залъ Зимняго дворца, что являлось неслыханнымъ отличіемъ, и издержки по погребенію принять на личный свой счетъ. Туркестанова погребена была въ Александро-Невской лаврѣ.

Князь Владимиръ Сергѣевичъ, узнавъ о смерти Варвары Ильиничны, поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ и ходатайствовалъ, чтобы ему отдана была дочь покойной Марія, представивъ для доказательства своихъ правъ письмо покойной предъ отъѣздомъ за границу. Императоръ исполнилъ это желаніе Голицына, повелѣлъ дать Маріи фамилію Голицыной и присвоить ей всѣ права родной дочери Голицына. Впослѣдствіи Марія Владимировна Голицына вышла замужъ за А. И. Нелидова, но умерла въ молодости.

Е. Шумигорскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДѢТСТВѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

АВНО уже друзья уговаривали меня подѣлиться съ читающей публикой моими воспоминаніями о дѣтскихъ годахъ императора Александра III, но воспоминанія эти такъ мнѣ дороги, что жаль было предать ихъ гласности. Теперь же, на старости лѣтъ, закинутая судьбой въ глухую окраину, подъ свистъ и вой сибирскихъ метелей, невольно переносишься въ далекое прошлое, къ милому, чистому дѣтству, проведенному въ тѣнистыхъ паркахъ Царскаго Села и у свѣтлыхъ прудовъ Павловска,—въ этихъ мѣстахъ, полныхъ мечтательной поэзіи Александровской эпохи, можетъ быть, и сентиментальной, но красивой другою, давно минувшей прелестью. Мысленно переживаешь далекіе годы юности, когда я имѣла счастье почти ежедневно видѣть, въ самой интимной обстановкѣ, нашего незабвеннаго государя Александра II и его августѣйшихъ дѣтей: наслѣдника цесаревича Николая Александровича и великаго князя Александра Александровича.

Много людей ушло съ тѣхъ поръ, много воды утекло, и во мнѣ мало что напоминаетъ веселую хорошенькую дѣвочку съ большими черными, всегда непослушными локонами, хохотушку и большую шалунью, но воспоминанія мои такъ ярки и живы, словно вовсе не было тѣхъ долгихъ лѣтъ, которыя минули безвозвратно, украсивъ мою голову сѣдинами.

Я помню себя рано, но наиболѣе яркія воспоминанія относятся къ тѣмъ годамъ, память о которыхъ мнѣ наиболѣе дорога и мила.

Отецъ мой вышелъ въ армейскій полкъ, но на одномъ изъ смотровъ такъ поразилъ великаго князя Михаила Павловича своей образцовой ѣздой, что тутъ же по приказанію его высочества былъ переведенъ въ Кирасирскій его величества полкъ, гдѣ и прослужилъ всю свою жизнь до чина генерала включительно.

Жили мы всегда въ Царскомъ, гдѣ стоялъ полкъ отца.

Мои первыя воспоминанія о наслѣдникѣ, будущемъ императорѣ Александрѣ II, относятся къ тому времени, когда мнѣ было всего лишь шесть лѣтъ и я съ родителями въ 1847 году поѣхала въ Киссингенъ, гдѣ лечилась моя мать. Въ то же время туда пріѣхалъ и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ цесаревной Маріей Александровной и старшею ихъ дочерью маленькой великой княжной Александрой, скончавшейся въ 1849 году.

Я была единственная русская, подходящая по годамъ къ великой княжнѣ, и такъ какъ отецъ мой былъ лично извѣстенъ великому князю, то меня ежедневно водили играть съ великой княжной. Цесаревичъ обожалъ свою дочь и часто самъ принималъ участіе въ нашихъ играхъ. Игра въ лошадки была одна изъ самыхъ любимыхъ нашихъ игръ; въ особенности намъ доставляло удовольствіе, когда наслѣдника мы запрягали, а сами изображали кучеровъ и, нисколько не стѣняясь, хлопали его бичомъ; забавляло ставить его высочество въ стойло, которое устраивалось изъ стульевъ, обтянутыхъ шалами, а затѣмъ водить его на водошой, причемъ всегда упрашивали дать «настоящей воды», и въ концѣ концовъ сюртукъ великаго князя, а также полъ и все окружающіе предметы были изрядно облиты водой.

Иногда цесаревичъ сажалъ насъ къ себѣ на плечи и бѣгалъ по комнатамъ, а мы, крѣпко уцѣпившись за его шею, прямо визжали отъ восторга.

Великая княжна Александра было олицетвореніе кротости и доброты, и я всеми силами моей дѣтской души привязалась и полюбила ее и въ продолженіе шести недѣль, проведенныхъ въ Киссингенѣ, буквально жила съ ней одной жизнью, такъ какъ меня привозили къ ней утромъ и увозили только вечеромъ.

Послѣ отъѣзда изъ Киссингена я нѣсколько лѣтъ не имѣла случая видѣть наслѣдника цесаревича, и только впоследствии судьба снова побаловала меня, пославъ счастье приблизиться къ царской семьѣ.

Жили мы въ Царскомъ, гдѣ въ то время доступъ въ паркъ былъ свободенъ для всехъ и перѣдко въ какой-нибудь отдаленной аллеѣ можно было встрѣтить наслѣдника цесаревича, гуляющаго со своей любимой собакой, чернымъ сестеромъ Миллордомъ.

Теперь, когда вся голова моя убѣлена сѣдинами и никто не упрекнетъ меня въ кокетствѣ, я могу сказать, что была прехорошенькая дѣвочка съ черными большими выющимися локонами.

Характеръ мой былъ очень веселый, я всегда была готова пошалить и извести свою почтенную англичанку.

Однажды, гуляя по парку, я рѣшила убѣжать отъ англичанки и хорошенько напугать ее моимъ исчезновеніемъ. Выждавъ удобную минуту, я прыгнула за кустъ и затѣмъ стрѣлой помчалась въ лѣсъ, не обращая вниманія на отчаянные крики встревоженной миссъ Жаксонъ.

Вдругъ откуда-то выскочила на меня съ громкимъ лаемъ большая черная собака; я, конечно, испугалась, хотѣла бѣжать, оступилась, упала и залилась отъ страха горькими слезами. Въ ту же минуту около меня очутился военный, который началъ меня ласкать и успокаивать. Когда я пришла въ себя, то узнала цесаревича Александра Николаевича, котораго мы постоянно видѣли въ паркѣ и на музыкѣ и хорошо знали. Наслѣдникъ тоже узналъ во мнѣ киссингенскую подругу его дочери, дочь лично ему извѣстнаго полковника Золотницкаго, и началъ меня разспрашивать, куда и зачѣмъ я такъ стремительно бѣжала.

Цесаревичъ говорилъ со мной такъ ласково и просто, съ такой безпредѣльной добротой, что я тутъ же чистосердечно объяснила ему, что спасалась отъ своей англичанки, съ которой мнѣ скучно, такъ какъ она постоянно дѣлаетъ замѣчанія и не позволяетъ шалить. «А ты, должно быть, большая любительница пошалить,— замѣтилъ, улыбаясь, цесаревичъ:—но все-таки надо тебѣ отыскать твою англичанку». На мое замѣчаніе, что миссъ Жаксонъ, навѣрно, сердится на меня и я боюсь итти къ ней, наследникъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Пойдемъ вмѣстѣ, я ее попрошу, чтобы она тебя не бранила, но и ты должна обѣщать, что не будешь больше отъ нея убѣгать».

Послѣ этого я много разъ встрѣчала въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка цесаревича, всегда съ его собакой Милордомъ, съ которымъ послѣ перваго моего неудачнаго знакомства завязалась у меня самая тѣсная дружба. Отправляясь на прогулку, я постоянно брала съ собой для Милорда сахару или же бисквитъ, и, бывало, какъ только сестеръ завидитъ меня, бросается ко мнѣ со всѣхъ ногъ; однажды онъ такъ налетѣлъ на меня, что я, не выдержавъ толчка, упала и кубаремъ скатилась въ канаву; увидя такую смѣшную картину, цесаревичъ отъ души хохоталъ и самъ вытащилъ меня изъ канавы.

Вообще онъ очень любилъ дѣтей, и, встрѣчаясь съ нимъ въ паркѣ, мы всегда безстрашно подбѣгали къ нему и рассказывали про наши шалости и игры; нерѣдко можно было видѣть его высокоество идущимъ по аллеѣ, окруженнымъ цѣлой массой дѣтей.

Чтобы играть съ наследникомъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ, меня съ моимъ братомъ Николаемъ каждое воскресенье привозили во дво-

рець, а также Никса и Володю Адлерберговъ ¹⁾, Сашу Паткуля ²⁾ и Гоголя ³⁾.

Тѣ часы, которые мы проводили во дворцѣ, были для насъ прямо чѣмъ-то сказочнымъ.

Въ длинной галереѣ Большого царскосельскаго дворца были собраны всевозможныя игрушки, начиная съ простыхъ и кончая самыми затѣйливыми, и нашему дѣтскому воображенію представлялся тутъ полный просторъ. Помню, какъ сейчасъ, длинную вереницу всякихъ экипажей, приводившихъ насъ въ неописуемый восторгъ.

Однако, несмотря на обиліе, разнообразіе и роскошь игрушекъ, одной изъ любимѣйшихъ нашихъ забавъ была игра въ лошадки, а такъ какъ у меня, какъ я уже говорила, были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великій князь Александръ Александровичъ влеталъ въ мои локоны разноцвѣтныя ленточки, садился на козлы, и мы съ гикомъ летѣли вдоль всей галереи, причеиъ въ пылу игры великій князь нещадно хлесталъ «лошадей» по ногамъ; доставалось, конечно, и платью, къ великому негодованію моей чопорной англичанки, которой оставалось, однако, только кисло улыбаться.

Великіе князья были очень ласковыя и добрыя дѣти, и если замѣчали, что сдѣлали больно или же чѣмъ-либо обидѣли своихъ сверстниковъ, то сейчасъ же старались загладить свою вину и утѣшить.

Часто наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и цесаревна приходили смотрѣть на наши игры; помню, какъ однажды, въ присутствіи наслѣдника, великій князь Александръ больно ударилъ меня хлыстомъ, я разсердилась и безъ всякой церемоніи отвѣтила ему толчкомъ въ спину, а цесаревичъ замѣтилъ сыну: «и по дѣломъ тебѣ, Саша, не дерись».

Въ Царскомъ Селѣ около сѣтки была устроена по всѣмъ правиламъ искусства маленькая крѣпость для игръ и военныхъ упражненій наслѣдника цесаревича Николая и великаго князя Александра: были воздвигнуты бастіоны, выкопаны рвы, стояли пушки, и мы, дѣти постоянно играли въ войну, причеиъ мнѣ всегда приходилось изображать маркитантку. Помню, какъ одна изъ нашихъ игръ въ войну не окончилась трагически, только благодаря своевременному вмѣшательству воспитателя великихъ князей генерала Н. В. Зиновьева.

Дѣло было лѣтомъ, играли мы въ походъ, и я, конечно, изо-

¹⁾ Сыновья графа Александра Владимировича Адлерберга—министра двора.

²⁾ Сынъ личнаго адъютанта императора Александра II, потомъ бывшаго с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

³⁾ Сынъ генераль-адъютанта, воспитателя дѣтей Александра II.

бражала маркитантку, но въ чемъ-то провинилась и меня рѣшили судить военнымъ судомъ. Было устроено торжественное засѣданіе, на которое меня привели съ связанными руками и прочли мнѣ цѣлый рядъ обвиненій, послѣ чего я была единогласно приговорена къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Мнѣ завязали глаза, поставили къ стѣнкѣ и стали палить въ меня изъ деревянныхъ пистолетовъ. При первомъ залпѣ мнѣ было приказано упасть, что я и выполнила, конечно, въ точности, затѣмъ великіе князья рѣшили, что надо меня похоронить; не долго думая, схватили они меня за руки и за ноги и потащили къ копнѣ сѣна, гдѣ принялись устраивать мнѣ могилу, причемъ я, только что разстрѣлянная, также принимала въ этой работѣ самое дѣятельное участіе; когда же все было готово, меня столкнули въ яму и начали забрасывать сѣномъ, а для того, чтобы лучше утрамбовать, вся компанія усѣлась наверху. Въ началѣ мнѣ было весело и смѣшно, но вскорѣ я начала задыхаться, такъ какъ на мнѣ сидѣли два великихъ князя, мой братъ, Паткуль и два Адлерберга; двигаться я также не могла, такъ какъ была совсѣмъ придавлена тяжестью сидѣвшихъ наверху. Не знаю, чѣмъ бы окончилась наша затѣя, если бы не подоспѣлъ генераль Зиновьевъ, который вытащилъ меня оттуда полумертвой и, о, Боже, въ какомъ видѣ. Насъ всѣхъ за это выбрали и тотчасъ же увели по домамъ, но надо было видѣть, какъ на другой день великіе князья ласкали меня и радовались; они меня очень любили, потому что я была ужасный сорванецъ и никогда ни передъ чѣмъ не останавливалась.

Съ тѣхъ поръ во время нашихъ игръ всегда присутствовали гдѣ-нибудь по близости одинъ изъ воспитателей великихъ князей, и это было весьма кстати, такъ какъ прошло всего нѣсколько дней послѣ моихъ злосчастныхъ похоронъ, какъ генералу Гоголю пришлось снова наложить свое veto на затѣю нашу.

Играли мы какъ-то въ паркѣ въ лошадки, я и братъ изображали лошадей, наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Александръ Александровичъ—кучеровъ, и вотъ насъ повели поить къ фонтану «La gruche cassée», но тутъ кто-то изъ великихъ князей заявилъ, что надо всегда покупать лошадей для того, чтобы онѣ были здоровы, а поэтому рѣшено было выкупать меня всю, съ ногъ до головы. Моя несчастная англичанка пришла въ полное отчаяніе отъ такой затѣи и, забывъ все свое почтеніе, рѣшилась остановить насъ, но великіе князья ея не слушали, я же пришла въ такой дикій восторгъ отъ предстоящаго купанья, что со мной уже больше не было никакого ладу. Миссъ Жаксонъ, видя, что ея увѣщанія ни къ какому результату не приводятъ, рѣшила побѣждать къ дежурному воспитателю великихъ князей генералу Гоголю, и они вдвоемъ, къ ужасному нашему огорченію, успѣли помѣшать импровизированному купанью, которое сулило быть такимъ веселымъ

Однако насталь-таки день, когда мнѣ пришлось расплатиться за всѣ мои необузданныя выходки. Играли мы въ охоту, я изображала зайца, а всѣ мальчижи—гончихъ, и вотъ, по данному знаку, пустились мы бѣжать, но въ ту минуту, какъ я перепрыгивала черезъ канаву, откуда-то выскочилъ великій князь Николай Александровичъ и такъ неудачно толкнулъ меня, что я упала прямо въ канаву и повредила себѣ руку настолько сильно, что довольно продолжительное время носила ее на перевязи. Надо было видѣть отчаяніе наслѣдника, который самъ чуть не плакалъ, смотря на мои слезы.

Игра наша, конечно, прекратилась, меня отвезли домой, и я нѣсколько недѣль пролежала на кушеткѣ съ повязанной рукой.

Каждый день изъ дворца пріѣзжали узнавать о моемъ здоровьѣ, а наслѣдникъ присылалъ мнѣ конфеты и фрукты изъ царскихъ оранжерей.

Спустя много лѣтъ я снова имѣла счастье видѣть и говорить съ государемъ Александромъ II, уже будучи взрослой барышней, на свадьбѣ моей кузины Евгеніи Борисовны Дюклу, выходившей за конногвардейца Павла Александровича Кавелина, сына любимаго воспитателя государя. Его императорское величество былъ посаженнымъ отцомъ жениха. Увидя меня около Дюклу, государь узналъ и протянулъ мнѣ руку со словами: «Узнаю мою старую знакомую Ниночку, ты, я, надѣюсь, больше не шалишь, какъ прежде». Когда подходили съ шампанскимъ поздравлять новобрачныхъ, то государь опять обратился ко мнѣ и сказалъ: «Пожалуйста, не облей меня, какъ въ Киссингенѣ, помнишь, какой я всегда мокрый уходилъ съ водопоая».

Конечно, я страшно сконфузилась, а государь разсмѣялся и подошелъ къ моей матери, говоря, что уже пора представить меня ко двору.

Однажды лѣтомъ въ Красномъ Селѣ были мы въ театрѣ, въ ложѣ внизу, а въ первомъ ряду сидѣли государь Александръ II и великій князь Николай Николаевичъ; вдругъ дно кресла великаго князя провалилось, онъ упалъ и никакъ не могъ встать. Смѣяться, конечно, никто не смѣлъ, въ театрѣ стоялъ какой-то сдавленный стонъ, а государь, стоя надъ великимъ княземъ, хохоталъ до слезъ. Долго я сдерживала смѣхъ, но, къ великому ужасу моего отца, я наконецъ не выдержала и громко расхохоталась, а государь, обернувшись ко мнѣ, со смѣхомъ замѣтилъ: «А вѣдь онъ одинъ не выльзетъ, надо мнѣ его вытащить».

Спустя много лѣтъ, когда я была уже замужемъ за тверскимъ помѣщикомъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Бологовскимъ, я еще разъ имѣла счастье увидѣть наслѣдника цесаревича Александра Александровича, впоследствии императора Александра III, съ которыми были связаны самыя лучшія воспоминанія о проведенныхъ вмѣстѣ дѣтскихъ годахъ.

До насъ дошли слухи, что великій князь Александръ Александровичъ, будучи уже наслѣдникомъ, ѣдетъ по Волгѣ съ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ и остановится въ Твери.

Тверское дворянство рѣшило устроить высокимъ гостямъ торжественную встрѣчу и балъ въ дворянскомъ собраніи.

Я ѣхала на этотъ балъ съ замираніемъ сердца, такъ было радостно увидѣть наслѣдника цесаревича, съ которымъ было связано столько пріятныхъ воспоминаній и котораго я помнила еще маленькимъ мальчикомъ. Мнѣ было страшно при одной мысли, что его высочество не узнаетъ въ замужней женщинѣ веселую товарку своихъ дѣтскихъ шалостей.

О, счастье!.. Встрѣтись со мной въ залѣ, онъ прямо подошелъ ко мнѣ и, протянувъ руку, сказалъ:

— А помните, какъ мы съ вами шалили и какъ насъ постоянно бранили. Помните наши игры въ Царскомъ и какъ доставалось вашимъ локонамъ.

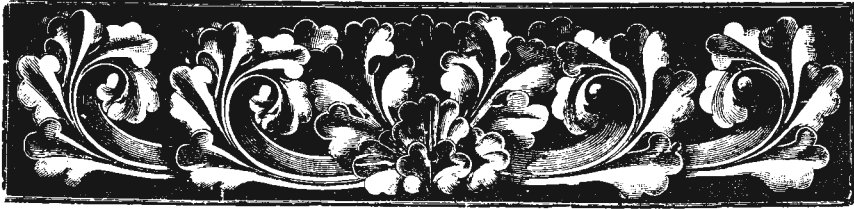
Я такъ была счастлива лаской наслѣдника, его памятью о прежнихъ дѣтскихъ беззаботныхъ дняхъ, что чуть не расплакалась отъ волненія. Да и теперь, уже дряхлой старухой, рѣшившись наконецъ предать гласности эти дорогія для меня воспоминанія, я не могу писать ихъ хладнокровно. Моя душа полна такой безграничной благодарности къ императору Александру II и его наслѣднику императору Александру III за ихъ безконечную ко мнѣ доброту.

Тѣ, кто имѣлъ счастье приблизиться къ этимъ двумъ обаятельнымъ личностямъ, поймутъ меня. На мою долю выпала нелегкая жизнь, много невзгодъ и ударовъ принесла мнѣ судьба, но каждый разъ, когда въ какомъ-либо несчастіи я рѣшалась обратиться за помощью сперва къ императору Александру II, а послѣ его мученической кончины къ государю Александру III, я ни разу не получала отказа, и доброта ихъ императорскихъ величествъ, какъ свѣтлый лучъ, озаряла всю мою тяжелую жизнь.

Я кончаю эти мои маленькія, но дорогія мнѣ воспоминанія. Пусть будутъ они лишнимъ цвѣткомъ, вплетеннымъ въ надгробный вѣнокъ тѣмъ, чья жизнь была дорога многимъ лицамъ, чье имя съ глубокой признательностью будетъ произносимо потомками.

А. П. Бологовская.

ЖЕСТОКОЕ ДѢЛО.

(Разсказъ).

I.

ВОГЪ ЗНАЕТЪ почему, его называли Шиломъ, хотя у него были имя и отчество и фамилія: Петръ Петровичъ Межеумовъ.

И въ глаза его, конечно, называли Петромъ Петровичемъ, но на обиходномъ семинарскомъ языкѣ онъ былъ не кто иной, какъ Шило.

Въ семинаріи онъ служилъ давно, лѣтъ уже съ двѣнадцать, и всегда былъ Шиломъ, потому что былъ такъ прозванъ при первомъ же своемъ появленіи. По службѣ онъ именовался «помощникомъ инспектора», а по дѣятельности былъ просто усердной денно-и-нощной ищейкой.

Вѣчно онъ шнырялъ по семинарскому коридору, заглядывалъ сквозь стеклянныя двери въ классы, подслушивалъ, а если замѣчалъ что-нибудь подозрительное, вдругъ внезапно появлялся въ самомъ классѣ и заставлялъ воспитанниковъ курящими.

Быстрымъ взоромъ привычной ищейки оглядывалъ онъ всѣхъ, мгновенно замѣчалъ виновныхъ и, какъ стрѣла, вылеталъ въ дверь и мчался, чтобы сейчасъ же сдѣлать изъ своихъ наблюденій надлежащее употребленіе,

Ночью онъ обыкновенно долго не ложился спать. Уже давнымъ-давно отошла молитва, и семинаристы поднялись наверхъ, гдѣ по-

мѣщались спальни, раздѣлись и улеглись въ кровати, а онъ бодрствовалъ. У него были свои ночныя занятія.

Когда, по расчету, въ дортуарѣ всѣ уже заснули, онъ поднимался наверхъ и тихонько, на цыпочкахъ, входилъ въ дортуаръ. При слабомъ свѣтѣ ночника казалось, что на всѣхъ кроватяхъ спятъ воспитанники, прикрытые сизовато-сѣрыми казенными одѣялами.

Но у него глаза были особенные, и, кромѣ того, онъ хорошо зналъ всѣ штуки семинаристовъ. Бѣглымъ взглядомъ онъ различалъ настоящихъ, живыхъ семинаристовъ и искусно свернутыя одѣяла, которыя, по замыслу ихъ временныхъ владѣльцевъ, должны были изображать спящихъ семинаристовъ.

Этимъ одѣяламъ придавалась такая форма, какъ будто подъ ними лежатъ нѣкто. У одного были ноги вытянуты во всю длину кровати, у другого поджаты.

Но Шило сейчасъ же познавалъ, что это не болѣе, какъ искусство, съ легкостью тѣни подходилъ къ кровати, накладывалъ руки на одѣяло, которое безпомощно и безъ малѣйшаго протеста пригибалось и сравнивалось съ тюфякомъ. Одинъ, другой, третій, сколько бы ни было, Шило складывалъ ихъ имена въ своей душѣ.

Онъ никогда не записывалъ. У него была особая память на зло. Можетъ быть, если ему когда-нибудь удавалось совершить доброе дѣло, онъ его заносилъ въ свою записную книжку, но когда онъ собирался сдѣлать зло,—книжка ему была не нужна. Память какъ нельзя лучше замѣняла ея.

Изъ дортуара онъ отправлялся въ семинарскій садъ и тамъ, около самой каменной ограды, которая отдѣляла садъ отъ улицы, бродилъ часъ и другой и третій, сколько понадобится.

Онъ зналъ, что отсутствующіе семинаристы, замѣнившіе свои тѣла на кроватяхъ искусно сложенными одѣялами, проводили время тамъ, за стѣной, или въ лежащей по сосѣдству пивной нѣмца Зауера, гдѣ они рѣзались на бильярдѣ, или въ другомъ, гораздо болѣе худшемъ мѣстѣ.

Онъ также былъ совершенно увѣренъ, что черезъ ворота имъ ни въ какомъ случаѣ не удастся проникнуть въ семинарскіе предѣлы, потому что тамъ всегда сидитъ отставной солдатъ Данила Чибрикъ, человекъ вѣрный и, главное, вполне раздѣлявшій педагогическіе взгляды его, Шила. И единственный путь для возвращенія преступныхъ семинаристовъ была каменная ограда саженн въ полторы вышиной, отдѣлявшая садъ отъ улицы.

И Воже, съ какимъ неподражаемымъ терпѣніемъ ходилъ онъ около этой ограды, отъ конца ея до другого конца, примыкавшаго къ зданію семинаріи. Семинаристы, прибѣгавшіе къ услугамъ ограды, возвращались домой иногда около двухъ часовъ ночи, но Шило нимало не смущался этимъ и самоотверженно бродилъ тамъ.

Наконецъ наступала минута его торжества: за стѣной слышался

сдержанный говоръ, онъ узнавалъ голоса. Конечно, это были тѣ самые, чьи одѣяла онъ ощупывалъ. Потомъ появлялась фигура на верхушкѣ ограды.

— Ага,—раздавалось тутъ же, но тихо, чтобы не вспугнуть.

Другая фигура, третья, всѣ, сколько ихъ тамъ было.

Этимъ актомъ педагогическія наблюденія заканчивались. Имена семинаристовъ запечатлѣвались въ его душѣ, семинаристы, не всегда трезвые, шли въ дортуаръ, а Шило съ сознаниемъ исполненнаго долга удалялся къ себѣ, въ свою мизерную казенную квартиру, помѣщавшуюся въ подворотнѣ.

Ужасная была квартира: двѣ миниатюрныхъ комнатки: одна темная, служившая ему спальней, другая съ узенькимъ окномъ, задрапированнымъ желѣзной рѣшеткой, выходившимъ на улицу,—эта служила для всего остальнаго.

У ректора, архимандрита, была огромная квартира во второмъ этажѣ, у инспектора, штатскаго, была тоже большая квартира, а Шило довольствовался двумя какими-то крысьими норами.

Трудно представить себѣ другого человѣка, который такъ самоотверженно старался бы и котораго такъ презирали бы. Что презирали его семинаристы, это понятно: онъ неукоснительно чинилъ имъ зло. Но его презирали также и ректоръ и инспекторъ, которые пользовались его услугами, и всѣ преподаватели.

Въ сущности, имъ онъ не сдѣлалъ никакого зла, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что не могъ. Но въ немъ какъ-то рѣшительно и даже демонстративно отсутствовало всякое чувство достоинства, его никакъ нельзя было обидѣть.

Можно было говорить ему въ лицо самыя ужасныя, самыя позорныя вещи, а онъ точно и не слышалъ. И оттого, должно быть, онъ пользовался всеобщимъ презрѣніемъ.

Кромѣ того, онъ какъ-то безотчетно, панически боялся ректора. Архимандритъ Досиѣеи былъ человѣкъ суровый, строгій и требовательный и пользовался большимъ вліяніемъ у архіерея. Ему ничего не стоило смести такого ничтожнаго человѣка, какъ Шило, съ лица земли. И Шило этого-то именно постоянно и непрерывно боялся.

Право на занятіе мѣста у него въ сущности было, хотя не особенно твердое. Онъ вѣдь кончилъ духовную академію, но кончилъ позорно, чуть ли не по третьему разряду. Никакихъ степеней у него не было и, на примѣръ, преподавателемъ онъ быть не могъ. Говорили также, кромѣ этого, что за нимъ изъ академическаго времени осталось какое-то несмыслаемое пятно: онъ тамъ проворовался, просто-напросто стащилъ у товарища часы и заложилъ ихъ. Благодаря ломбардной квитанціи, онъ и поймался. Дѣло, однако, было замято, но не ради его, а ради учебнаго заведенія, которое не хотѣли скандалить. Его не выгнали, но поставили надъ нимъ крестъ. Онъ вы-

шелъ по третьему разряду и съ четверкой за поведеніе, что для педагога слишкомъ мало.

И потому-то онъ и дрожалъ за свою судьбу и довольствовался двумя конурами, въ которыхъ не было ничего, кромѣ кровати, стола и двухъ стульевъ. Книгъ тоже тамъ не было. Онъ никогда ничего не читалъ и находился съ книгами во враждебныхъ отношеніяхъ. И когда онъ видѣлъ семинариста, читающаго какую-нибудь книгу, то сейчасъ же бралъ его подъ подозрѣніе.

Внѣшность у него была странная. Если разобрать, ни съ какой стороны онъ не былъ схожъ съ Шиломъ, но въ то же время, при взглядѣ на него, почему-то приходило на умъ именно шило.

У него была узкая остроконечная голова, и плечи и грудь тоже узкія, а книзу, начиная отъ живота, онъ какъ-то странно расширялся, и его коричневый пиджакъ топорщился и производилъ такое впечатлѣніе, будто тамъ, подъ подкладкой, напихано тяжелаго свинцу.

Житья не было семинаристамъ отъ Шида. Ректоръ, строгій монахъ, представлялъ собой нѣкое высшее начало. Онъ собственно ждалъ назначенія въ епископы и полученія епархіи и на ректорство смотрѣлъ, какъ на неизбѣжный стажъ. Предвкушая предстоящее ему высокое положеніе, онъ держался величественно и для воспитанниковъ былъ недоступенъ, какъ какой-нибудь далай-лама. Все активное было въ рукахъ инспектора, а онъ только утверждалъ и подписывалъ.

Инспекторъ же былъ челоувѣкъ призванія, посвятившій свою жизнь, какъ опредѣляли въ семинаріи, «неукоснительному истребленію семинаристовъ».

Безобразный лицомъ, походившимъ на морду огромнаго мопса, кривобокій, сутуловатый, онъ не нашелъ себѣ подруги жизни и остался холостякомъ, и, какъ кажется, мстилъ молодымъ людямъ за то, что они молоды, что спины у нихъ прямыя и лица приличныя. Но дѣлалъ онъ это все-таки «на законномъ основаніи», и ему всегда были нужны поводы, а поводы доставлялъ ему не кто иной какъ Петръ Петровичъ Межеумовъ, онъ же Шило.

Такъ они вмѣстѣ и орудовали: Шило неукоснительно слѣдилъ, улавливалъ, доносилъ, инспекторъ постановлялъ, а ректоръ утверждалъ.

И семинаристы то и дѣло вылетали вонъ изъ заведенія за самые ничтожные проступки.

Совершенно понятно, что злоба ихъ сосредоточилась главнымъ образомъ на Шилѣ, который постоянно между ними вертѣлся. Не будь Шида съ его нюхомъ и неустанной бдительностью, многое осталось бы незамѣченнымъ и не было бы «законныхъ поводовъ».

Поэтому семинаристы наяву и во снѣ мечтали о томъ, какъ бы обезвредить Шило. Въ особенности въ этомъ былъ заинтересованъ пятый классъ, или первый богословскій. Тамъ подобралась друж-

ная компанія молодцовъ, которые всё уже были на возрастъ, здоровые, сильные, и всёхъ ихъ тянуло къ жизни.

Классъ былъ небольшой, всего пятнадцать человекъ, но жили они дружно и терпѣть не могли сидѣть вечера въ стѣнахъ семинарскаго зданія.

Было бы несправедливостью сказать, чтобъ они проводили эти вечера какъ-нибудь предосудительно. Случалось, конечно, бывать имъ въ пивной Зауера и играть на бильярдѣ, изрѣдка бывали они и въ другихъ мѣстахъ, но большею частью они проводили время у знакомыхъ, въ семьяхъ духовныхъ особъ. Знакомые у нихъ были общіе у всего класса. Въ виду близости окончанія курса они подбирали для себя невѣсть, и у нѣкоторыхъ уже завелись романы.

И такъ какъ не было никакой возможности уходить изъ семинаріи всёмъ классомъ, то была установлена очередь: уходили по пяти человекъ, а остальные заботились о томъ, чтобы какъ-нибудь провести Шило.

Но Шило не допускалъ, что у семинаристовъ могутъ быть такія невинныя развлеченія, какъ посѣщеніе семейныхъ домовъ. Его воображеніе не знало иныхъ формъ, какъ только грязныхъ, и онъ былъ убѣжденъ, что семинаристы, покинувшіе спальное ложе, всегда сидѣли въ непотребныхъ мѣстахъ. И убѣдить его въ противномъ не было никакой возможности. Просто въ головѣ его не было такой крупинки мозга, которая могла бы воспринять эту простую мысль и понять ее.

Но когда семинаристы думали о томъ, какимъ образомъ ослабить вредоносность Шила, они становились втупикъ. У Шила, какъ казалось, не было никакой жизни. Онъ всего себя отдалъ на подсматриваніе, на подслушиваніе и вообще уловленіе семинаристовъ.

Онъ начиналъ свой день съ семи часовъ утра, когда семинаристы выходили изъ спальни, и до поздней ночи былъ при исполненіи обязанностей. Онъ даже обѣдалъ въ общей столовой. И если принять во вниманіе его добровольное дежурство около каменной ограды, гдѣ онъ бодрствовалъ иногда далеко за полночь, то у него едва оставалось нѣсколько часовъ на сонъ.

Знакомыхъ въ городѣ у него не было, и онъ никуда не ходилъ. О какомъ-нибудь театрѣ или циркѣ не могло быть и рѣчи. На это онъ не рѣшился бы просто изъ скупости.

Получая довольно скудное жалованье, онъ каждую минуту боялся, что его могутъ прогнать, и усердно копилъ деньги на черныи день.

Такимъ казался Шило—настоящимъ отшельникомъ. А между тѣмъ, когда смотрѣли въ его маленькіе масляные глазки, выглядывавшіе изъ глубокихъ впадинъ, и въ его рябое лицо, каждому чувствовалось, что этотъ человекъ не только не можетъ быть святымъ, но долженъ быть порочнымъ. Было что-то такое неуловимое

въ этихъ глазахъ и въ этомъ лицѣ, говорившее о скрытыхъ страстяхъ и вмѣстѣ о чемъ-то нечистоюплотномъ.

Но одного впечатлѣнія было недостаточно, и Шило, презираемый не только семинаристами, но и преподавателями, которые были въ сущности его товарищами, и даже высшимъ семинарскимъ начальствомъ, которому онъ доставлялъ «законныя основанія» для истребленія семинаристовъ, изъ года въ годъ продолжалъ улавливать, накрывать на мѣстѣ и доносить инспектору.

II.

Данила Чибрикъ, обязанности котораго заключались въ постоянномъ и неукоснительномъ охраненіи семинарскихъ воротъ, вслѣдствіе чего ему было присвоено семинаристами имя Цербера, хотя и пользовался репутацией непоколебимой вѣрности и дѣйствительно въ высокой степени обладалъ этимъ качествомъ, однако же допускалъ и изъятія.

Вѣрность его держалась только, какъ говорили семинаристы, до девяносто девяти копеекъ включительно, но еще одна копейка рѣшала дѣло въ противную сторону, иными словами, если у семинариста былъ въ карманѣ лишній рубль и онъ отдавалъ этотъ рубль Данилѣ Чибрику, то онъ въ какое бы то ни было позднее время ночи могъ расчитывать на семинарскія ворота.

Случаи эти, правда, были чрезвычайно рѣдки, ибо находеніе рубля въ карманѣ семинариста, да еще лишняго, не принадлежало къ часто повторяющимся событіямъ.

Но, охраняя входъ, Данила вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ и жилище Шила, такъ какъ оно находилось въ подворотнѣ у самыхъ воротъ. Поэтому семинаристы совершенно правильно умозаключали, что если у Шила водятся какія-нибудь погрѣшности, то онѣ могли прійти только извнѣ, и, слѣдовательно, о нихъ освѣдомленъ Данила.

Съ другой же стороны, легко было дойти и до той мысли, что если ночное отверзаніе воротъ можно было купить у Данилы за рубль, то за два или три онъ продастъ что-нибудь болѣе драгоценное и что, наконецъ, есть и такая цѣна, за которую онъ продастъ самого Шила.

Эта мысль пришла въ голову воспитаннику пятаго класса, молодому богослову Райскому. Это былъ красивый юноша съ смуглымъ лицомъ, любившій жизнь, веселье и смѣхъ.

Онъ былъ счастливѣе другихъ своихъ товарищей, такъ какъ его отецъ занималъ богатое мѣсто въ уѣздномъ городѣ и присылалъ ему порядочно денегъ, и деньги у него всегда водились, благодаря чему онъ никогда не рисковалъ переправляться черезъ каменный заборъ, а всегда входилъ въ ворота.

И такъ какъ онъ отлучался чаще другихъ и въ очередь и внѣ очереди, то Данилѣ Чибрику отъ него порядочно перепало и они были въ хорошихъ отношеніяхъ.

И вотъ однажды Райскій, вернувшійся наканунѣ довольно поздно, утромъ, передъ началомъ уроковъ, когда весь классъ былъ въ сборѣ, сообщилъ товарищамъ о невѣроятномъ открытіи, которое ему удалось сдѣлать.

Предварительно была плотно притворена дверь изъ класса въ коридоръ. Пятиклассники сомкнулись въ тѣсный кругъ, и Райскій держалъ рѣчь:

— Я, господа, могу сказать: эврика! Или, пными словами, у нашего Ахиллеса, онъ же Шило, нашлась пятя... Нѣтъ, вы слушайте да на усъ мотайте, благо у васъ у всѣхъ уже выросли усы. Вчера возвращаюсь часа въ два. Данила сидитъ за воротами и, вижу, пьяный. Что-то бормочетъ себѣ подъ носъ. Это онъ на мой рубль, который я ему далъ раньше за пропускъ. Прежде я никогда не видѣлъ его пьянымъ, да и вы тоже. Вотъ у меня и мелькнула мысль: воспользоваться и допросить его. Ткнулъ я ему еще цѣлковый и говорю: а что, нѣтъ ли какихъ гостей у нашего Шила? Онъ такъ смутно посмотрѣлъ на меня. Видно, въ головѣ копошилось еще сознаніе долга, но цѣлковый превозмогъ. Ухмыльнулся. «Можетъ, говорить, и есть, да вамъ зачѣмъ знать?» А такъ, говорю, изъ любопытства. «Ну, коли, говорить, изъ любопытства, такъ можно и сказать. У нихъ, говорить, у господина Шила,—такъ и сказалъ: господинъ Шило,—имѣется любезная. Морда, я вамъ скажу, преестественная, а имъ, господину Шилу, все единственно, потому у нихъ у самихъ тоже морда». Это все Данила говорить. «И ходитъ она къ нимъ черезъ эти самыя ворота почти что черезъ день. Придетъ такъ часовъ до восьми, когда еще ворота отперты, и сидитъ у нихъ. Они, господинъ Шило, еще за ужиномъ присутствуютъ, потомъ на молитвѣ, потомъ еще въ спальню заглядываютъ и въ саду вдоль забора прохаживаются, а она сидитъ у нихъ, дожидается. А наконецъ и они приходятъ и ужинаютъ вмѣстѣ, большею частью окорокъ кушаютъ, окорокъ-то они какъ купятъ цѣльный, такъ имъ на мѣсяцъ хватаетъ. Ну, а потомъ гасятъ... А такъ часовъ въ семь утра дама эта уходитъ». Вотъ что сказалъ мнѣ Данила.

Извѣстіе это до такой степени было сенсационно и такъ не вязалось съ установившимся представленіемъ о Шилѣ, что въ первую минуту ему не повѣрили и начали говорить, что пьяный Данила наболталъ всякаго вздору. Но, поразмысливъ, пришли къ заключенію, что въ сущности тутъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Почему же? Вѣдь Шило все-таки человѣкъ, а, слѣдовательно, ничто человѣческое ему не чуждо. Но и въ голову никому не пришло, что на этомъ можно постронть планъ обезвреженія зловреднаго Шила.

Раздался звонокъ, предупреждавшій о началѣ ученія. Пятый классъ былъ взволнованъ, и когда явился учитель греческаго языка, то всѣ отвѣчали ему разсѣянно и невпопадъ.

Но послѣ слѣдующей переменѣны впечатлѣнїе отъ разсказа Райскаго уже ослабѣло, и дальнѣйшія занятія шли, какъ всегда.

Только когда въ коридорѣ показывалась смѣшная фигура Шила, всѣ переглядывались. Онъ теперь всѣмъ казался какъ будто другимъ. Шило, у котораго есть «любезная». Нашлась на свѣтѣ женщина, которая, можетъ быть, даже любить его. Это казалось поразительнымъ.

И только послѣ обѣда, когда пятый классъ собрался, чтобы по обыкновенію вмѣстѣ готовить на завтра переводъ съ греческаго языка, кому-то пришла въ голову странная мысль:

— Послушайте. А что, если его взять, да и накрыть?

Всѣ растерянно посмотрѣли на изобрѣтателя этой идеи. Сначала не поняли, о комъ идетъ рѣчь, а когда выяснилось, что о Шилѣ, не поняли самой идеи.

— Какъ накрыть? Зачѣмъ? Какой будетъ толкъ?

Но изобрѣтатель развилъ свою мысль.

— Какъ какой толкъ? Великолѣпный, всеобъемлющій. Шило выдаетъ себя за цѣломудреннаго стратотерпца. Вы знаете, какъ на это смотритъ архимандритъ, — да, кромѣ того, въ казенной квартирѣ, оскверненіе семинарскаго зданія и дурной примѣръ воспитанникамъ. Да вѣдь онъ, Шило, боится архимандрита, какъ огня, а тогда будетъ бояться насъ. Ему и во снѣ въ видѣ кошмара будетъ сниться пятый классъ. А будемъ курсъ кончать, передадимъ это драгоценное достояніе слѣдующему пятому классу, и ужъ тогда Шило будетъ обѣгать пятый классъ за нѣсколько верстъ.

Мысль была въ сущности жестокая и по своему характеру прескверная. Но надо же принять во вниманіе, что это была вѣчная непрерывная война и что Шило разсматривался, какъ злѣйшій врагъ, противъ котораго всѣ средства хороши.

Кромѣ того, тутъ было и кое-что героическое. Вѣдь досаждалъ Шило не одному пятому классу, а всей семинаріи. А если онъ будетъ подъ вѣчнымъ страхомъ, то смирится для всѣхъ и всѣмъ будетъ легче.

И тогда начали разрабатывать подробности. Прежде всего были даны взаимныя клятвы держать дѣло въ глубокой тайнѣ и передавать только слѣдующему пятому, нынѣ четвертому классу съ тѣмъ, чтобы и онъ поступалъ такъ же.

Затѣмъ было покончено съ вопросомъ объ издержкахъ. Тутъ разумѣлся Данила, котораго непременно надо было привлечь къ пассивному участию, т. е. добиться, чтобы онъ во время нашествія сидѣлъ за воротами и дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ и не видитъ.

Устроили складчину. Богатый Райскій внесъ цѣлыхъ семь рублей, остальные кто сколько могъ, и набралось около двѣнадцати рублей. Сумма, способная отуманить голову Данилы Чибрика и совершенно парализовать его вѣрность и твердые педагогическіе взгляды.

Затѣмъ перешли къ самой щекотливой сторонѣ дѣла, къ вопросу о томъ, кто изъ пятнадцати товарищей возьметъ на себя исполненіе задуманнаго предпріятія. Нельзя же было приняться за дѣло всѣмъ классомъ.

Хотя всѣмъ классомъ въ равной степени владѣлъ героизмъ, тѣмъ не менѣе для всѣхъ было ясно, что дѣло сопряжено съ величайшимъ рискомъ. Была, конечно, большая надежда на то, что Шило струситъ, такъ какъ онъ по природѣ своей былъ величайшій трусъ. Но что, если онъ наберется храбрости и побѣжитъ къ инспектору или къ самому архимандриту? Самъ онъ тогда, конечно, пострадаетъ, а участники набѣга совсѣмъ пропадутъ.

Райскій, разумѣется, былъ осужденъ, такъ какъ отъ него исходила инициатива. Но нашлись еще три храбреца, которые прямо рвались въ бой и считали бы себя оскорбленными, если бы ихъ отстранили. Къ тому же они были по тѣлосложенію самые могучіе изъ всего класса: Рынинъ, Батуренко и Пегасовъ, три здоровенныхъ молодца, которые на всю семинарію славились своей силой. Райскій—юноша деликатнаго сложенія—передъ ними казался щенкомъ.

Эти четверо и были избраны для осуществленія предпріятія.

Нельзя сказать, чтобы планъ былъ разумно и тщательно разработанъ. Вѣдь не было возможности предвидѣть всѣ случайности. И къ тому же головы заговорщиковъ были отуманены романтизмомъ. Все-таки тутъ было что-то возвышенное на сѣромъ обиходѣ семинарскаго бытія?

Кромѣ того, успѣхъ въ сильной степени зависѣлъ отъ содѣйствія Данилы. На него возлагались великія надежды.

III.

И Данила ихъ оправдалъ. Въ качествѣ безсмѣннаго стража, онъ получалъ жалованье всего на всего четыре рубля въ мѣсяць и, кромѣ того, уголь въ темномъ и сыромъ подвалѣ, гдѣ жили всѣ семинарскіе служителя. Рублевый заработокъ при общей бѣдности семинаристовъ былъ чрезвычайной рѣдкостью.

И потому, когда ему посулили цѣлыхъ двѣнадцать рублей и даже показали эти деньги, онъ предвкусилъ возможность сдѣлаться Брезомъ. И ужъ тутъ всякія соображенія вѣрности мгновенно улетучились.

Къ тому же отъ него и требовалось немного. Онъ долженъ былъ, во-первыхъ, извѣстить пятый классъ о времени, когда дама явится къ Шилу и будетъ сидѣть въ его квартирѣ, во-вторыхъ, и это самое главное, когда Шило ночью вернется къ себѣ, Данила, который въ это время обыкновенно приносить ему воду для умыванія, долженъ, выйдя за водой, оставить дверь квартиры незапертой, и въ этотъ-то промежутокъ и произойдетъ событіе. А, въ-третьихъ, онъ долженъ во время событія отсутствовать и не вмѣшиваться въ дѣло.

И вотъ наступилъ день. Еще во время ужина, когда одинъ изъ пятиклассниковъ проходилъ мимо Данилы, тотъ многозначительно подмигнулъ въ сторону квартиры помощника инспектора и сказалъ себѣ подъ носъ: «уже сидитъ».

И черезъ нѣсколько минутъ объ этомъ знали уже весь пятый классъ, который въ столовой занималъ опредѣленный уголь.

Четыре избранные исполнители почувствовали, что для нихъ наступаетъ самый рискованный моментъ жизни. Въ сущности ставилась на карту вся карьера, и это пріобрѣтало особенно героическій характеръ, такъ какъ было чуть не наканунѣ окончанія курса.

И несомнѣнно, что наивысшій героизмъ проявлялъ Пегасовъ. Остальные трое учились кой-какъ и мечтали только о деревенскихъ приходахъ. Пегасовъ же былъ первый ученикъ и собирался въ академію.

Но не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было колебаніяхъ. Настроеніе было страшно приподнятое, и событіе такъ или иначе должно было произойти.

Послѣ ужина короткій отдыхъ. Затѣмъ молитва и отправленіе наверхъ, въ дортуаръ.

И когда наступилъ часъ обычнаго таинственнаго посѣщенія Шиломъ семинарской спальни съ цѣлью разоблаченія искусно сложенныхъ одѣялъ, изумленію Шила не было конца. Весь пятый классъ былъ на своихъ мѣстахъ. Всѣ пятнадцать коекъ, стоявшія рядомъ, въ одну линію. На всѣхъ были настоящія тѣла, и не было ни одного бутафорскаго.

Но такъ какъ изъ шестиклассниковъ отсутствовали двое, то Шило все-таки счелъ своимъ долгомъ отправиться въ садъ и занять тамъ свою обычную позицію.

Дѣло происходило въ мартѣ, когда ночи стояли уже довольно теплыя, и эта прогулка была не лишена пріятности.

Къ тому же шестиклассники, какъ люди солидные и близкіе уже къ жизненному поприщу, не засидѣлись слишкомъ долго въ гостяхъ. Они явились около полуночи, совершили переваль черезъ каменную ограду и отправились въ дортуаръ. А Шило, запечатлѣвъ ихъ имена въ своей душѣ, взялъ путь къ своей квартирѣ.

Несмотря на свои сыскныя способности, онъ все же не обладалъ тонкимъ нюхомъ собаки и потому не почувствовалъ, что за двумя

широкими колоннами, возвышавшимися при входѣ въ подворотню со стороны двора, затаивъ дыханіе, стояли четыре дюжихъ семинариста.

Онъ быстрыми шажками, очевидно, подгоняемый сладостными любовными предвкушеніями, прошелъ мимо обѣихъ колоннъ и, дойдя до дверей своей квартиры, кликнулъ Данилу.

Осторожно пріотворилась калитка, и Данила съ улицы вошелъ въ подворотню.

— Принеси-ка воды,—сказалъ ему Шило.

— Сича-асъ,—откликнулся Данила и вслѣдъ за нимъ вошелъ въ квартиру.

Черезъ минуту онъ вышелъ оттуда съ кувшиномъ, и было ясно по звуку, что онъ только притворилъ за собою дверь, но не заперъ ея.

Данила прошелъ мимо колоннъ и направился къ колодцу, чтобы зачерпнуть свѣжей воды.

И вотъ тутъ пришла минута, когда нужно было осуществлять задуманное дѣло. Четыре пятиклассника выдвинулись изъ-за колоннъ и соединились въ маленькій отрядъ. Осторожно ступая, они направились къ двери.

Она была чуть-чуть пріотворена. Сердце у каждого билось неистово, но никто не сообщалъ объ этомъ другимъ.

Они не произнесли ни слова, ни шепота, а дѣйствовали, какъ бы по какому-то наигію, въ сущности не зная, какъ все это произойдетъ.

Самый сильный изъ нихъ, Пегасовъ, по уговору долженъ былъ оставаться у двери изнутри, на случай покушенія со стороны Шила къ бѣгству.

И вотъ вошли. Миниатюрная передняя. Въ ней полумракъ, но видно, что дальше свѣтло.

Остановились. Услышали голосъ Шила. Въ отвѣтъ ему произнесъ какое-то невнятное слово женскій голосъ. Всѣ кивнули другъ другу головами.

Пегасовъ остался у двери, а остальные трое двинулись дальше и, войдя, остановились у порога, закрывъ своими фигурами дверь.

То, что они увидѣли, явилось передъ ними какъ бы въ нѣкоемъ туманѣ, потому что у всѣхъ отъ волненія глаза видѣли неясно.

За маленькимъ, ничѣмъ не накрытымъ столомъ сидѣла крупная женщина въ бѣлой исподней юбкѣ и въ рубашкѣ, недостаточно тщательно закрывавшей ея грудь.

На столѣ лежалъ копченый окорокъ, на половину уже истребленный. Рядомъ съ нимъ надломленная французская булка. Тутъ же стоялъ графинчикъ съ водкой и двѣ рюмки.

А около стола—Шило, успѣвшій снять только пальто и пиджакъ и разстегнуть жилетку.

Увидѣвъ троихъ пятиклассниковъ, выстроившихся у двери его квартиры, онъ въ первую минуту, должно быть, подумалъ,

«истор. вѣсти», январь 1914 г., т. сxxxv.

что это видѣніе, и даже поднялъ руку и провелъ ею по глазамъ.

— Что это?—спросилъ онъ:—вы зачѣмъ?

Женщина между тѣмъ, не дожидаясь отвѣта, вскочила со стула и, придерживая одной рукой рубаху на груди, быстро прошмыгнула въ темную комнату.

— А мы... мы въ гости...—послышался чей-то не особенно увѣренный голосъ.

— Какъ? Что такое? Что значить?—спрашивалъ Шило, и въ глазахъ его, раньше выражавшихъ изумленіе, появились признаки страха:—кто васъ впустилъ?

— Сами вошли...

— Убирайтесь вонъ!—произнесъ онъ и даже топнулъ ногой.

— Нѣтъ, не пойдѣмъ.

— Да что вамъ нужно? Что тебѣ нужно, Райскій?

Онъ выбралъ Райскаго, очевидно, потому, что у того былъ наименѣе угрожающій видъ.

Райскій не отвѣтилъ, но вмѣсто него Рынинъ, у котораго былъ бась, произнесъ:

— Гм... А у васъ женщина, Петръ Петровичъ!

— Что ты врешь? Какая женщина? Никакой женщины нѣтъ... совсѣмъ глупо,—сказалъ Шило.

— Нѣтъ, есть, мы видѣли женщину. Она тамъ, въ той комнатѣ... Мы пришли, чтобы видѣть это. И сейчасъ доложимъ отцу архимандриту.

— Что? Ар... архимандриту?—произнесъ Шило, и въ горлѣ у него что-то какъ бы загнулось.

Лицо его страшно поблѣднѣло, и оспенные знаки на немъ превратились въ бѣлыя пятна.

Въ головѣ у него пронеслась картина ужасающей возможности, что въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь изъ нихъ побѣжитъ наверхъ и доставитъ ректору, и ректоръ придетъ и увидитъ.

Эта картина до того потрясла его, что онъ почувствовалъ слабость въ ногахъ и опустился на стулъ.

— Что вы хотите? Что же вы хотите?

— Чего мы хотимъ?—вдругъ выступивъ впередъ, съ какой-то гнѣвной запальчивостью произнесъ Райскій:—мы хотимъ, чтобы вы перестали отравлять нашу жизнь своими доносами и вообще всякими мерзостями, изъ-за которыхъ многихъ уже выгнали и погубили... Мы требуемъ этого отъ васъ, мы на это рѣшились...

— Ну, хорошо. Ну, я не буду... Вотъ говорю вамъ—н... не буду...—жалостнымъ, почти плачущимъ голосомъ говорилъ Шило:—только вы уйдите... пожалуйте... Ну, видите, я пообщалъ, и не буду...

— Ну, нѣтъ, мы не такіе дураки: вы говорите не буду, а потомъ еще хуже зла надѣлаете,—сказаль Батуренко.

— Такъ что же вы хотите? Что? Пропустите ее! Пусть она уйдетъ,—произнесъ онъ, видя, что его дама, одѣвшись въ темной комнатѣ и закутавъ голову въ платокъ, подошла къ двери и, видимо, пыталась проскользнуть туда. Но семинаристы, сомкнувшись поплотнѣе, окончательно заслонили дверь и не пропустили ее.

— А вы напишите, что у васъ была женщина,—пробасиль Рынинъ.

— Какъ написать? Это написать? Да ни за что на свѣтѣ.

— Ну, тогда къ архимандриту. Намъ все равно. Мы уже рѣшились. Ужъ пропадать, такъ вмѣстѣ,—промолвилъ Батуренко.

— Нѣтъ, постойте, къ архимандриту... Зачѣмъ же къ нему? Какъ же я могу это написать? Что изъ этого будетъ?

— Пока вы будете исполнять обѣщаніе, бумага будетъ у насъ, а когда начнете попрежнему гадить...

— Это невозможно... Я не могу... Да что такое?—вдругъ съ необыкновенной храбростью воскликнулъ онъ и вскочилъ со стула:—убирайтесь вонъ! Мерзавцы, разбойники, ночные воры...

— Ну, позвольте, воры это не мы, а кто-то другой!—сказаль окончательно овладѣвшій собой Батуренко, такъ какъ онъ видѣлъ, что Шило совершенно перетрусилъ и только представляется храбрымъ:—пишите же, Петръ Петровичъ, а то, ей-ей, сейчасъ одинъ изъ насъ побѣжитъ наверхъ. Намъ надоѣло...

Шило издалъ глубокой и тяжкій вздохъ:

— Насильники... негодяи!—сказаль онъ жалобнымъ голосомъ и неровными шагами двинулся къ подоконнику, гдѣ у него лежала бумага и стоялъ пузырекъ съ чернилами.

— А еще въ іереи готовитесь... Что жъ я буду писать?

— А вы пишете,—говорилъ Батуренко:—ну, марта 16-го, 1878 года. Пришли ко мнѣ въ первомъ часу ночи семинаристы,—а ужъ какіе, это все равно,—этого не пишете,—и застали у меня полураздѣтую женщину, а самъ я былъ безъ пиджака, съ разстегнутымъ жилетомъ. Мы вмѣстѣ съ нею ѣли окорокъ и пили водку...

Шило, очевидно, потерявъ здравый смыслъ, покорно писалъ подъ диктовку Батуренка, не останавливаясь даже передъ такими глупостями, какъ то, что онъ ѣлъ окорокъ. Слабый духъ его совершенно отказался отъ протеста.

— Ну,—сказаль онъ:—я дописаль, а больше ничего?

— А теперь подпишитесь: Петръ Петровичъ Межеумовъ.

— Подписать?—какъ-то совсѣмъ бессмысленно взглянувъ на Батуренка, спросилъ Шило.

— Подпишите.

Онъ и это сдѣлалъ.

— Вотъ,—сказаль онъ и положилъ бумагу на край стола.

Батуренко отдѣлился отъ товарищей, приблизился къ столу, взялъ бумагу и внимательно прочиталъ ее.

— Такъ,—промолвилъ онъ, обращаясь къ Райскому и Рынину, и; свернувъ бумагу, положилъ ее себѣ въ карманъ:— а теперь прощайте, Петръ Петровичъ, желаемъ вамъ пріятнаго аппетита и спокойной ночи,—прибавилъ басомъ Рынинъ.

Они повернулись и вышли въ переднюю, гдѣ на стражѣ стоялъ Пегасовъ.

— Черти проклятые, мерзавцы, которыхъ надо повѣсить, — какимъ-то плаксивымъ голосомъ промолвилъ имъ вслѣдъ Шило, а затѣмъ изъ комнаты послышалось хныканье.

— Плачетъ,—сказалъ Райскій.

— А чортъ съ нимъ, пусть поплачетъ. Мы отъ него довольно наплакались,—замѣтилъ Батуренко, и они вышли въ подворотню, захлопнувъ за собой дверь.

Подъ воротами было темно. Калитка была наглухо затворена. Никакихъ признаковъ Данилы тамъ не было.

Семинаристы вышли во дворъ, потомъ осторожными шагами стали пробираться къ входу въ школьное зданіе.

Они молчали. Каждый переживалъ какое-то непонятное разочарованіе. Не было подъема, торжества, радости, напротивъ, какая-то подавленность.

Въ концѣ концовъ все-таки было противно то, что они совершили, какъ будто запачкали руки грязью и хотѣлось поскорѣе вымыть ихъ.

IV.

Пятый классъ, лежа въ постеляхъ, не спалъ весь поголовно и только когда пришли въ спальню четверо и въ краткихъ словахъ шепотомъ рассказали о достигнутомъ результатѣ, всѣ понемногу заснули.

А на другой день утромъ уже стало извѣстно, что Шило нездоровъ и совсѣмъ въ этотъ день не выйдетъ изъ квартиры. У него была головная боль. По крайней мѣрѣ кто-то видѣлъ его съ поттенцемъ, обвязаннымъ вокругъ головы.

Въ пятый классъ рѣшили, что едва ли то была настоящая боль, полагали, что просто Шилу неловко показать свой носъ въ семинарскомъ коридорѣ.

Во всякомъ случаѣ было ясно, что онъ примирился съ своей долей и побоялся о ночномъ происшествіи рассказать инспектору.

И этотъ день прошелъ. А на слѣдующій явился Шило. Онъ пришелъ въ обычный часъ на утреннюю молитву. Дѣлалъ перекличку, и казалось, что все было, какъ всегда.

Но пятиклассники видѣли, что у него въ лицѣ произошла зна-

чительная перемѣна. Это лицо какъ будто лишилось способности двигаться, всѣ мускулы на немъ точно замерли.

И еще замѣтили, что онъ не поднималъ глазъ и ни на кого не смотрѣлъ.

Въ теченіе дня Шило исполнялъ свои обычныя обязанности, прохаживался по коридору, заглядывалъ въ классы, присутствовалъ въ столовой.

Но вечеромъ, когда семинаристы легли спать, почему-то онъ не заглянулъ въ спальню, а Данила, получившій вчера свой заработокъ, наблюдалъ, что ночью онъ не ходилъ въ садъ и никого не подстерегъ.

И, къ изумленію семинаристовъ, стало имъ куда вольнѣе жить. Почти не приходилось прибѣгать къ услугамъ каменной ограды.

Данила, видя ослабленіе надзора, сталъ гораздо дешевле цѣнить свою вѣрность, и теперь можно было ночью возвращаться черезъ ворота за двугривенный, а иногда даже и даромъ.

Шило точно ослѣплъ, ничего не видѣлъ. Случалось, что поздно пришедшій воспитанникъ прямо натыкался на него, и онъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать ему, по крайней мѣрѣ, хоть замѣчаніе, отворачивался и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ.

И такъ шла жизнь въ семинаріи всю весну. Наступило время экзаменовъ. Семинаристы предавались зубрежкѣ, дни стояли жаркіе, а ночи душныя. Въ дортуарѣ нечѣмъ было дышать, и семинаристы вмѣсто того, чтобы подниматься наверхъ, послѣ вечерней м олитвы шли въ садъ и тамъ, раздѣлившись на группы, просижи вали долго за полночь.

Это было вполнѣ невинное отступленіе отъ правилъ, но въ прежніе годы оно считалось преступнымъ. Шило доносилъ инспектору, перечислялъ имена любителей свѣжаго воздуха и ночной прохлады, и виноватыхъ сажали въ карцеръ, объясняя ихъ поступокъ какими-нибудь гнусными побужденіями. Теперь Шило и этого не замѣчалъ.

И скучно было жить на свѣтѣ Шилу, по крайней мѣрѣ первое время. За двѣнадцать лѣтъ службы онъ уже привыкъ къ своимъ ищейнымъ обязанностямъ. А главное,—ему казалось, что инспекторъ укоризненно и даже подозрительно смотритъ на него. Что за перемѣна такая? Ничего преступнаго въ семинаріи не случается. И теперь онъ, привыкшій бояться, дрожалъ, что съ него взыщутъ и его прогонятъ за то, что въ семинаріи исчезла преступность.

Но мало-по-малу онъ сталъ привыкать къ новому положенію, и къ концу учебнаго года оно уже почти не беспокоило его. Но постоянно его грызла другая тревога: въ рукахъ у пятиклассниковъ была бумага, дикая, невѣроятная бумага, въ которой онъ собственноручно подписалъ свою гибель. Вѣдь эти сорванцы на все способны. Развѣ онъ можетъ поручиться за то, что они не вздумаютъ

отомстить ему за прежнее? И вотъ, однажды, можетъ быть, по окончаніи экзаменовъ, передъ отъѣздомъ на каникулы, они передадутъ ее архимандриту и что тогда будетъ, онъ даже боялся представить.

Въ сущности, когда онъ убѣдился, что ни инспекторъ, ни ректоръ не беспокоятся по случаю уменьшенія въ семинаріи преступности, ему даже какъ будто стало легче. Жизнь ищейки—безпокойная жизнь. Вѣдь онъ тогда вѣчно былъ въ тревогѣ, какъ бы не прозѣвать чего. А теперь ему такъ стало спокойно. И развѣ его усердіе дѣнили? Нѣтъ, ни капли. Тогда онъ не думалъ объ этомъ, ему казалось, что въ этомъ состоятъ его обязанности и внѣ этого его служба невозможна. А теперь видитъ, что совсѣмъ это не было оцѣнено.

Инспекторъ обращался съ нимъ грубо теперь, такъ же, какъ и тогда. Архимандритъ же совсѣмъ не обращалъ на него вниманія, не удостоивалъ. Ну, и пусть себѣ. Ради чего же онъ будетъ стараться?

Даже семинаристы какъ будто забыли прежнее зло и начали относиться къ нему не такъ враждебно. И все это было бы хорошо, но бумага, бумага. Она мѣшала ему спать. Вѣдь собственными его руками написана, и его подпись поставлена. Значить, не можетъ быть никакого сомнѣнія. А вдругъ... — и при этой мысли его бросало въ потъ.

Экзамены кончились. Весь пятый классъ перешелъ въ шестой, то-есть въ послѣдній.

И вотъ, передъ тѣмъ, какъ разѣзжаться, однажды въ классѣ собрались всѣ товарищи. И опять Райскій держалъ къ нимъ рѣчь:

— А знаете, господа, вѣдь Шило-таки исправился. Онъ сдержалъ слово.

— Еще бы не сдержалъ, когда бумага у насъ,—откликнулся кто-то.

— А не думаете ли, господа, что мы съ нимъ въ сущности порядочно-таки жестоко поступили?

— Жестоко? А онъ поступалъ не жестоко?

— Ну, это конечно. Но мнѣ его жаль. Вѣдь онъ, хотя и Шило, а все-таки человѣкъ, и, навѣрно, теперь вѣчно мучается, что у насъ бумага. А? Какъ вы думаете? Не довольно ли съ него? Не пора ли отдать ему бумагу?

Это было, повидимому, странное предложеніе. Оно противорѣчило первоначальному торжественному уговору—передавать бумагу изъ года въ годъ пятому классу. И тѣмъ не менѣе мысль Райскаго встрѣтила почти общее сочувствіе. Всѣ теперь вспомнили, что при встрѣчѣ съ Шиломъ ихъ что-то безпокоило, какъ-то было не по себѣ. Но поднялся въ классѣ споръ. Были и горячіе противники отдачи Шилу бумаги. Они доказывали, что, получивъ бумагу,

Шило, навѣрное, опять примется за свои прежнія штуки... Сто-ронники отдачи говорили, что если будетъ такъ, то его можно и вторично приструнить, но нельзя же вѣчно истязать человѣка.

И это мнѣніе-таки побѣдило. Было рѣшено вернуть бумагу Шилу и для этой миссіи были выбраны двое: Пегасовъ и Райскій.

Въ тотъ же день они улучили минуту, когда Шило сидѣлъ въ своей квартирѣ, и постучались къ нему. Это было въ часъ дня, незадолго передъ обѣдомъ,

Въ такой часъ въ квартиру Шила нерѣдко стучались по школь-нымъ дѣламъ воспитанники, и онъ не нашель въ этомъ ничего подо-зрительнаго.

Но когда онъ отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собою двухъ участниковъ того прежняго ночного событія, у него кровь отлила отъ сердца, и онъ даже слегка пошатнулся. На мгновеніе онъ вообра-зиль Богъ знаетъ что, и самъ не зналъ, что именно, но что-то страшное.

«Опять», мелькнуло у него въ головѣ. Но это сейчасъ же прошло, и онъ сообразилъ, что опять уже ничего не можетъ быть, и что это что-то другое.

— Что вамъ?—спросилъ онъ сурово и не глядя на нихъ.

— Мы къ вамъ по дѣлу, Петръ Петровичъ,—сказалъ Райскій, и въ голосѣ его звучало доброжелательство. Это произвело впечат-лѣніе на Шило, и онъ впустилъ ихъ.

— Ну?

— Мы отъ класса, Петръ Петровичъ. Намъ поручено, во-первыхъ, поблагодарить васъ за то, что вы исполнили свое обѣщаніе.

— Гм... обѣщаніе... изъ-подъ ножа!..

— И что классъ жалѣеть объ этомъ...

— Вотъ какъ! А гдѣ же доказательства?

— И надѣется, что впредь вы будете такъ же относиться, какъ въ эти три съ половиной мѣсяца.

— А онъ будетъ грозить мнѣ бумагой?..

— Нѣтъ, бумагу мы рѣшили вернуть вамъ...

— Вернуть?—вдругъ быстро поднявъ голову, воскликнулъ Шило:—въ самомъ дѣлѣ? А гдѣ же она?

— Вотъ эта бумага, Петръ Петровичъ,—сказалъ Райскій, вы-нувъ изъ кармана бумагу:—мы вамъ возвращаемъ ее.

Шило схватилъ бумагу и впился въ нее глазами. Та самая. Все такъ,—его рука, его подпись. Не поддѣльная. Онъ тотчасъ же разорвалъ ее на мелкіе кусочки и выбросилъ ихъ въ печку.

И послѣ этого у него вдругъ сдѣлался какой-то дикій припадокъ благодарности. Онъ бросился къ Райскому и Пегасову и началъ горячо пожимать имъ руки. А у самого его руки были потныя и холодныя, неприятныя руки. И такъ неудержимо весь трепеталъ онъ отъ радости, что имъ стало неловко. Они ушли.

Когда съѣхался послѣ каникулъ прежній пятый классъ, теперь шестой, въ началѣ года пристально слѣдили за Шиломъ. Но нѣтъ, онъ рѣшительно исправился. Боялся ли онъ повторенія подобнаго обстоятельства, или въ самомъ дѣлѣ ему больше нравилось спать спокойно, но не было и помина о прежнихъ подсматриваніяхъ и доносахъ. И отъ этого онъ самъ сдѣлался какъ -то приличнѣе и менѣе непріятенъ. Стали даже устанавливаться у него съ воспитанниками болѣе или менѣе довѣрчивыя отношенія.

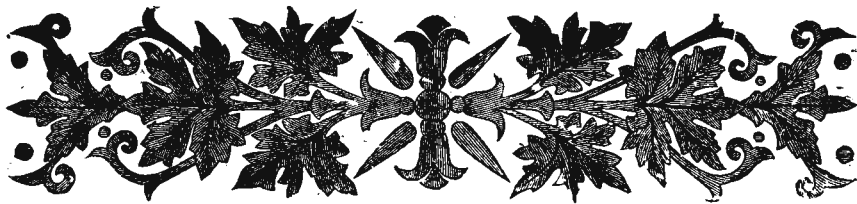
Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что онъ совсѣмъ не помнилъ зла и по отношенію къ богословамъ шестого класса былъ необыкновенно предупредителенъ и уступчивъ. Злоба по поводу ночного посѣщенія въ душѣ его померкла и заслонилась той великой радостью, которую дало ему возвращеніе письма.

А въ общемъ вся эта жестокая исторія послужила ему на пользу. Шило бросилъ скверныя привычки ищейки и мало-по-малу приобрѣлъ обликъ человѣческой, и это незамѣтно подѣйствовало на всѣхъ, и къ нему стали лучше относиться не только семинаристы, но и преподаватели, и даже, какъ это ни странно, инспекторъ и архимандритъ.

Но самое важное было то, что самъ онъ началъ уважать себя, — честь, какой прежде онъ себѣ не оказывалъ.

И. Потапенко.

ВСЕВОЛОДЪ ГАРШИНЪ.

АКЪ сейчасъ помню блестящее выступленіе въ литературѣ Всеволода Гаршина и успѣхъ его разсказа «*Четыре дня*».

Раненый русскій, забытый своими въ кустахъ, разсказываетъ о четырехъ дняхъ, проведенныхъ имъ подъ открытымъ небомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ убитаго имъ турка.

День смѣняется ночью. Въ небѣ блеститъ то солнце, то мѣсяць. Раненый лежитъ то въ забытіи, то въ сознаніи. Его мучитъ жажда, его томятъ мысли, воспоминанія. Невольно глядя на разлагающійся трупъ своего сосѣда, онъ спрашиваетъ себя: «За что я убилъ его?» Теперь онъ и самъ близокъ къ смерти.

День смѣняется ночью. Ночь смѣняется днемъ. Въ небѣ то солнце, то мѣсяць и звѣзды. Трупъ сосѣда становится все отвратительнѣе и ужаснѣе. Лица уже нѣтъ. Оно сползло съ костей. Передъ глазами убійцы страшная вѣчная костяная улыбка убитаго. Это—война!.. Этотъ скалящій зубы скелетъ въ мундирѣ со свѣтлыми пуговицами кажется ему изображеніемъ войны.

На пятый день солдаты находятъ и спасаютъ несчастнаго.

Всѣ кругомъ хвалили разсказъ, всѣ радовались появленію новаго таланта.

— А ты знаешь, кто авторъ?—сказала мнѣ сестра.—Племянникъ мужа, сынъ его сестры, Екатерины Степановны Гаршиной. Онъ принималъ участіе въ войнѣ добровольцемъ и былъ раненъ. Симпатичный славный юноша, но больной, къ несчастью. Онъ сидѣлъ уже у Фрея.

Я невольно вспомнила совѣты Достоевскаго начинающимъ писателямъ: «*Пострадать надо!*» Судьба, очевидно, заботилась о молодомъ талантѣ, открывая ему съ первымъ шаговъ такія области страданія, какъ война и домъ умалишенныхъ, *das schrecklichste der Schrecken!*

Прошло четыре года. Въ печати появилось еще нѣсколько разсказовъ Всеволода Гаршина. Зимой 1882 года къ сестрѣ пріѣзжала погостить племянница ея мужа, Таня А. Мы познакомились и подружились настолько, что стали переписываться, когда Таня вернулась къ себѣ въ имѣніе. И въ каждомъ письмѣ она писала мнѣ что-нибудь и о Всеволодѣ Гаршинѣ, который, послѣ вторичнаго пребыванія въ психіатрической клиникѣ, жилъ у нихъ въ Ефимовкѣ, на попеченіи отца Тани, Владимира Степановича А. Таня подробно писала мнѣ о здоровьѣ и о настроеніи Всеволода, о томъ, что они читаютъ, и вмѣстѣ, и порознь, писала и о невѣстѣ Всеволода, и о томъ, какъ мать его относится къ этой женитьбѣ, рассказывала о дружбѣ Всеволода съ семьей поэта Полонскаго и передавала цѣликомъ свои разговоры съ двоюроднымъ братомъ.

Въ іюнѣ Таня написала мнѣ, что Всеволодъ настолько поправился, что отваживается ѣхать въ Петербургъ. Онъ взялъ мой адресъ, чтобъ побывать у насъ, въ Царскомъ, до его отъѣзда въ Спасское къ Тургеневу.

И вотъ, какъ-то я сидѣла у себя на окнѣ съ любимой книгой, то читая, то отмахиваясь отъ пчель, которыя жужжали и кружились надъ резедой и левкоями, стоявшими въ ящикѣ на моемъ подоконникѣ. Передо мною было море зелени Царскосельскаго парка, большая дубовая аллея и входныя ворота, поминутно выпускающія и выпускающія гуляющую и катающуюся публику.

Въ то доброе старое время объ автомобиляхъ не было и помину. Велосипеды и тѣ казались диковиной и пугали непривычныхъ лошадей. Зато на фонѣ густой свѣжей зелени то и дѣло мелькали силуэты изящныхъ всадниковъ и стройныхъ амазонокъ.

Я читала разговоры Гете, собранные Эккерманомъ.

Подъ моимъ окномъ, на обтянутомъ парусиной балконѣ сидѣли гости княгини В., нашей командирши.

До меня долетали отдѣльныя французскія фразы, свѣтская интонація болтовни и здоровый добродушный смѣхъ отца-командира.

А еще ниже, въ широкомъ палисадникѣ, подъ присмотромъ англичанки и рыжаго француза, играли и бѣгали дѣти командира: три нѣжныя бѣленькія дѣвочки и три матросика. Седьмую и самую маленькую дѣвочку Лизу еще носили на рукахъ; всѣ остальные играли въ скачки. Дѣти выстраивались, выравнивались и по данному сигналу пускались вскачь. Маленькая Инночка, которую ставили впередъ для сокращенія разстоянія, услыхавъ сигналъ, теряла голову и

бѣжала въ обратную сторону, навстрѣчу сестрамъ, которыя сталкивались, падали, плакали, жаловались, пока братья, задыхаясь отъ быстрого бѣга, подбѣгали къ цѣли, покрикивая: «Я—Зворыкинъ! Я—Маличъ!..» Самый маленькій и самый бѣленькій изъ матросиковъ (будущій писатель и издатель «Сѣвернаго Курьера») проявлялъ наибольшій азартъ. Онъ подпрыгивалъ на мѣстѣ, хлопалъ въ ладоши и, напрягая звонкій дѣтскій голосокъ, съ одушевленіемъ выкрикивалъ: «Первый призъ—четверть яблока послѣ обѣда!..»

Счастливая красавица-мать наклонялась съ балкона, любясь семью свѣтлыми головками. Я тоже заглядывалась на ея дѣтей. Но, успокоившись насчетъ того, кто получитъ первый призъ—четверть яблока послѣ обѣда,—я снова принималась за чтеніе.

«Славное было время,—говорилъ Гете,—когда мы съ Меркомъ были молоды. Наша литература была еще бѣлымъ листомъ, на которомъ надѣялись написать много хорошаго. Теперь онъ до того исписанъ и испачканъ, что на него непріятно смотрѣть, и умный человѣкъ не знаетъ, гдѣ бы ему что-нибудь написать».

Я читала, а пчелы жужжали, и князь внизу смѣялся. Вошелъ денщикъ и остановился въ дверяхъ.

— Что тебѣ?

— Тамъ вольный человѣкъ пришелъ.

— Кто?

— Не могу знать. Такъ что вольный изъ Питера.

Я встала навстрѣчу гостю. Вошелъ скромно одѣтый молодой человѣкъ съ красивымъ и пріятнымъ лицомъ, съ довольно длинными волосами и темной бородкой.

— Гаршинъ,—сказалъ онъ.

Я обрадовалась и послала денщика искать мужа, написавъ ему наскоро:

«Иди скорѣе. У насъ Всеволодъ Гаршинъ».

Гость мой сѣлъ. Онъ былъ такъ молодъ, что, несмотря на свою даровитость и свой успѣхъ, не внушалъ мнѣ ни малѣйшей робости. Онъ былъ только двумя годами старше меня и притомъ свойственникъ. Мы заговорили о его дядѣ Владимирѣ Степановичѣ, о Танѣ и о ея здоровьѣ. У нея были слабыя легкія, и одну зиму ей уже пришлось прожить въ Каирѣ. Теперь ей хотѣлось поступить на Бестужевскіе курсы и поселиться у своей тетки Гаршиной, матери Всеволода. Я находила рискованнымъ ея переселеніе въ Петербургъ, но Всеволодъ утверждалъ, что она теперь совершенно здорова, а въ деревнѣ ей скучно. Рассказавъ о Танѣ, онъ сталъ рассказывать о себѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобъ заняться изданіемъ своихъ рассказовъ отдѣльной книжкой. Шесть рассказовъ и двѣ сказки; все, что онъ пока написалъ.

Я спросила о его литературныхъ знакомствахъ. Наканунѣ онъ провелъ цѣлый день въ Ораніенбаумѣ у Салтыкова. Онъ знакомъ

съ Салтыковымъ, съ Плещеевымъ и другими выдающимися сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ». Познакомился онъ и съ Тургеневымъ, который относится къ нему очень сочувственно и возлагаетъ на него надежды. Вообще его рассказы доставили ему много интересныхъ знакомствъ. И сейчасъ ему пишутъ, его посѣщаютъ зачастую совершенно незнакомые ему люди.

Я выразила опасеніе, какъ бы его не захвалили и не испортили.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, я вѣдь знаю, какъ я далекъ отъ того, что нужно настоящему большому писателю.

Мужъ мой все не шель, а вечеръ былъ такъ хорошъ, что жаль было сидѣть въ комнатахъ. Я предложила гостю пройтись въ паркъ и покататься на лодкѣ. Онъ охотно согласился.

Выходя изъ воротъ казармы, мы наткнулись на моего деверя, юнаго жизнерадостнаго подпоручика. Когда я назвала ему фамилію гостя, онъ просіялъ, радостно разсмѣялся и прошепталъ съ благоговѣніемъ:

— Вотъ такъ фунтъ!

Въ паркѣ мы взяли лодку. Гаршинъ сѣлъ на руль, я взяла весла, а деверь мой сѣлъ по срединѣ, скрестилъ на груди руки и гордо сказалъ:

— Ну, катайте меня, сочинители!

Свѣтлый прудъ, подернутый весело трепещущей на солнцѣ серебристой зыбью, отражалъ синеву неба, бѣлыя облака, зеленые островки и зеленые берега, павильоны, памятники, мостики и маленькую бѣлую мечеть съ позолоченнымъ куполомъ и тонкимъ златоверхимъ минаретикомъ. На водѣ было много пестрыхъ лодокъ и яликовъ съ гребцами-матросами и катающейся публикой; носились изъ конца въ конецъ озера и двѣ парусныя шлюпки. Бѣлые лебеди величаво прогуливались въ своихъ владѣніяхъ, не смущаясь приближеніемъ гребцовъ. Все это вмѣстѣ составляло яркую, веселую картинку, достойную нашего именитаго гостя.

Мы всѣ трое были молоды и веселы. Гаршинъ не подавлялъ насъ умомъ и серьезностью. Онъ могъ дружить съ Салтыковымъ и Тургеневымъ, намъ и горя было мало. Мы объ этомъ забывали и чувствовали себя съ нимъ такъ хорошо и просто, точно вѣкъ были знакомы.

Я гребла, но съ интересомъ присматривалась къ новому знакомому, слушая его разговоръ съ Вячеславомъ. Въ дѣтствѣ я не знала ни одного писателя, кромѣ нашего родственника старичка-поэта А. Н. Струговщикова. Позже, для того, чтобъ познакомиться съ Достоевскимъ, я стала бывать въ литературномъ салонѣ почтенной семьи Ш. Тамъ, кромѣ Достоевскаго, я встрѣчала Страхова, Май-

кова, Полонскаго, Аверкіева, Случевскаго, Берга, Загуляева и др. Всѣ они были много старше меня, и въ тѣ вечера, когда не бывало Достоевскаго, случалось иногда и позѣвывать отъ скуки. Теперь передо мной былъ писатель другого лагеря, мой сверстникъ, человѣкъ не свѣтскій, и я чувствовала, что онъ мнѣ гораздо, гораздо ближе и гораздо болѣе по душѣ, чѣмъ посѣтители салона Ш.

Оживленный близостью интереснаго человѣка, Вячеславъ безъ умолку острилъ и балагурилъ. Гаршинъ съ симпатіей и лаской поглядывалъ на юнца и самъ смѣялся молодымъ веселымъ смѣхомъ. Почему-то они помѣнялись головными уборами. Нахлобучивъ на голову черную шляпу гостя, Вячеславъ дѣлалъ гримасы и рекомендовался:

— Бѣдненькій штрюцкій! Шпачокъ!

А Всеволодъ, надѣвъ на бекрень стрѣлковую шапку-конфедератку, отороченную черной мерлушкой, тянулся черезъ бортъ къ водѣ, чтобъ взглянуть на свое отраженіе. Потомъ оба стали пробовать воду и пить прямо ртомъ изъ пруда, причемъ низко наклоняли лодку то въ одну, то въ другую старону. Я кричала, что они меня утопятъ, что я ихъ выброшу, потому что мнѣ своя жизнь дороже. Гаршинъ упрекалъ меня въ эгоизмъ. Онъ весь облился водой и замочилъ платье и бороду; а Вячеславъ заливался хохотомъ и отъ времени до времени, сквозь смѣхъ, бормоталъ:

— Бѣдный Всеволодъ Михайловичъ. Вернется домой, скажетъ: ну, и къ дуракамъ же я попалъ! Ну, и дураковъ же я посмотрѣлъ!..

Руль былъ преданъ забвенью. Красный шнурокъ его неожиданно очутился въ клювъ у лебедя, близко подплывшаго къ нашей лодкѣ.

Вячеславъ восхитился, увидѣвъ это:

— Тяни, тяни насъ, дружище, на буксирѣ. Потрудись, постань!

Лебедь обидѣлся и зашипѣлъ. Вячеславъ сталъ его передразнивать. Сейчасъ же три бѣлыя птицы торопливо подплыли на выручку къ товарищу и стали выражать намъ свое негодованіе. Поднялась перепалка. Лебеди шипѣли, волновались, хлопали крыльями и кричали, вытягивая длинныя гибкія шеи. А Вячеславъ дразнилъ ихъ. Я усиленно гребла, чтобъ уйти отъ нихъ, и Гаршинъ, видя мои старанія, замѣтилъ съ улыбкой:

— Какой сильный духъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ!

— Да я не духомъ гребу, а руками!

— Дай-ка, я духомъ погребу,—сказалъ Вячеславъ, отнимая у меня весла.

Двумя-тремя взмахами онъ сразу далеко отогналъ лодку отъ раздраженныхъ птицъ, которыя продолжали кричать и волноваться, но уже не преслѣдовали насъ.

Я сѣла рядомъ съ Гаршинымъ, который снова взялся за руль

и мы заговорили объ его рассказахъ. Вячеславу нравилась больше всего «Ночь», а мнѣ—«Художники».

— Вы сами видѣли этого Глухаря?

— Да, я былъ на заводѣ.

Я невольно подумала, что Глухарь и сейчасъ сидитъ въ томъ же котлѣ, подставляя грудь свою ударамъ тяжелаго молота, а мы вотъ на лодкѣ катаемся!..

Я не сказала этого, а только подумала; но по лицу Всеволода я увидѣла, что онъ видитъ, что я думаю.

Тогда я поспѣшила сказать, что люблю весь рассказъ, а особенно люблю этотъ бредъ художника, когда, оглушенный неистовыми стопами несчастнаго и неистовыми ударами, которые наносить Глухарю толпа, онъ хочетъ крикнуть: «Перестаньте, оставьте!..» и вдругъ съ ужасомъ видитъ, вглядываясь въ жалкое существо, что это «онъ самъ» и при этомъ видитъ еще, что другой «онъ самъ» замахивается, чтобъ нанести тяжелый ударъ...

— Это бредъ или философія?—спросилъ Вячеславъ.—Это страшно!..

— Это чудесно!—сказала я.

Гаршинъ улыбнулся:

— Вотъ вы только что выражали опасеніе, какъ бы меня не хвалили, а сами...

— Я не хвалю, а только радуюсь. Соловья никто не хвалитъ, его слушаютъ. И солнце никто не хвалитъ, но всѣ ему радуются...

— Канифоль твоя довольно канифолиста,—замѣтилъ Вячеславъ.

Онъ подвезъ насъ къ одному изъ островковъ, самъ скомандовалъ себѣ: «суши весла!» бросилъ ихъ, взялся рукой за вѣтку и поставилъ лодку въ тѣни склонившагося къ водѣ дерева, говоря:

— Тутъ удобнѣе побесѣдовать.

Но мы тутъ-то и замолчали. Пока Гаршинъ говорилъ, лицо его было пріятно и выразительно, и глаза свѣтились умомъ; когда онъ молчалъ или задумывался, въ лицѣ его проскальзывало что-то странное и жалкое, напоминающее объ его страшной болѣзни.

Деревья на островкѣ тихо шумѣли и, прислушиваясь къ ихъ шелесту, я невольно сказала:

— Вотъ моя любимая музыка.

Гаршинъ прилегъ въ лодкѣ и заглядѣлся на блестящую зыбь.

— Посмотрите,—сказалъ онъ:—какъ вода весело пляшетъ подъ эту музыку!

— Вотъ вамъ и балетъ и опера въ вашу честь!—сказалъ ему Вячеславъ.

— А вѣтеръ капельмейстеръ,—замѣтилъ Всеволодъ.—Вы не боитесь, что онъ унесетъ вашу шапку?

Вячеславъ уже успѣлъ для чего-то повѣсить свою шапку на сучокъ.

Мы заговорили о нашихъ корифеяхъ и сверстникахъ: Чеховъ и Надсонъ. Изъ разсказовъ Чехова Гаршину нравилась больше всего «Степь». Съ Надсономъ онъ тогда не былъ еще знакомъ, но любилъ его, какъ любило его все наше поколѣнiе. Пусть это не былъ великій поэтъ, это былъ нашъ поэтъ, нашего поколѣнiя. Мы его любили, цѣнили, знали и цитировали. Мы могли предпочитать ему и Пушкина, и Тютчева, и Фета, но когда мы влюблялись, мы не вспоминали ни Фета, ни Тютчева, мы вспоминали: «О любви твоей, другъ мой, я часто мечталъ» и т. д. или «Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою» и т. д. Всѣ мы декламировали: «Завѣса сброшена» и т. д. Эти стихотворенiя были молоды въ одну пору съ нами. Я лично не встрѣчалась съ Надсономъ, но уже много слышала о немъ отъ поэта Ф. А. Червинскаго, который успѣлъ познакомиться съ Мережковскимъ и Надсономъ и былъ подъ обаянiемъ послѣдняго. А какъ мы всѣ печалились объ его болѣзни! Какъ насъ обижали нападки на него!

— Всѣ мы больные,—съ виноватой улыбкой замѣтилъ Гаршинъ:—говорятъ, у Чехова тоже чахотка.

— Да. Вы знаете Виницкую?

— Какъ же. Сотрудница «Отечественныхъ Записокъ».

— Тургеневъ какъ-то сталъ при ней печалиться о хилости и хворости семидесятниковъ и сказалъ: «Посмотрите, какими богатырями мы были. Левъ Толстой вонъ до сихъ поръ косить и пашеть». А Виницкая ему на это сказала: «Да, вы выросли еще на тучной нивѣ крѣпостного права».

Къ Толстому Гаршинъ относился съ уваженiемъ и симпатiей, интересовался его религiозными исканiями, но не сказалъ намъ, что онъ бѣлъ у него. О Достоевскомъ онъ отозвался въ тонѣ «Отечественныхъ Записокъ» и статьи Михайловскаго «Жестокiй талантъ». Онъ прибавилъ, что Достоевскiй былъ безнравственный чело-вѣкъ.

Мы съ Вячеславомъ, какъ горячiе поклонники Достоевскаго, поспѣшили заступиться за него. Я сказала:

— А кто изъ насъ нравственный чело-вѣкъ? Кто имѣетъ право поднять руку, чтобы бросить камень?..

— Я не бросаю камня,—мягко сказалъ Гаршинъ:—но я слышалъ о такихъ фактахъ его жизни... Было бы лучше, если бъ ихъ не было.

— Можетъ быть, ихъ и не было.

Я спросила, читаетъ ли онъ Мопассана?

— Мало. Да что, онъ все похабшину пишетъ. Прочелъ «Maison Tellier», прочелъ «Boule de suif». Очень талантливо, но неужели нѣтъ другихъ темъ?

Изъ иностранныхъ авторовъ любимцемъ Гаршина оказался Диккенсъ.

Еще разъ помѣнявшись мѣстами въ лодкѣ, мы заговорили о войнѣ.

— Война—адъ.

Гаршинъ извѣдалъ это собственнымъ опытомъ.

— Зачѣмъ вы пошли на войну?

— Нельзя было не идти. Сидѣть на мѣстѣ и читать газетныя сообщенія было нестерпимо.

Всеволодъ и не жалѣеть, что поѣхалъ. Онъ узналъ войну и попутно узналъ столько удивительныхъ людей съ такими сердцами, съ такими характерами!.. Кажется, нигдѣ не встрѣчалъ онъ такихъ чудныхъ людей, какъ среди армейскихъ офицеровъ и солдатъ!

— И для васъ среда эта была новой? Раньше вы вращались исключительно среди интеллигентовъ?

Да. Но и среди интеллигенціи онъ знаетъ много чудныхъ людей, честныхъ, серьезныхъ, самоотверженныхъ!..

По поводу разсказа «Художники», къ которому мы нѣсколько разъ возвращались, онъ разсказалъ намъ о своемъ знакомствѣ съ Рѣпинымъ и другими художниками.

Выйдя изъ лодки, мы пошли вокругъ пруда. Гаршину нравилось въ Царскомъ, и онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Какъ здѣсь хорошо!

— Слишкомъ ужъ прилизано,—пожаловался мой деверь:—и потомъ вотъ это...—онъ съ презрительной гримасой кивнулъ въ сторону роскошнаго экипажа, въ которомъ полулежали модно одѣтыя и до нельзя приличныя муміи.

— Чѣмъ онъ тебя мѣшаютъ,—сказала я:—не смотри! Конечно, здѣсь хорошо. Я такъ рада, что живу у входа въ паркъ и могу совсѣмъ не знать города. И какъ хорошо у насъ осенью, когда все это запестрѣетъ всевозможными красками, созрѣетъ рябина, бѣлки прыгаютъ съ дерева на дерево, а въ травѣ и на дорожкахъ подъ ногой шуршатъ опавшіе листья. Вы любите деревья?

— Очень. Люблю тополи и ивы.

Гаршинъ любилъ югъ и, въ свою очередь, сталъ разсказывать намъ о томъ, какъ хорошо въ Ефимовкѣ, особенно весной, когда бѣгутъ ручьи и распускаются полевые тюльпаны.

— Ну, вотъ, мы и познакомились,—сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—положимъ, я и раньше зналъ васъ по вашимъ письмамъ къ Танѣ.

— И я васъ знала по ея письмамъ. Но я представляла себѣ васъ худымъ и блѣднымъ.

— Я и былъ такимъ; это ужъ въ Ефимовкѣ меня такъ раскормили.

— Странное дѣло,—замѣтилъ Вячеславъ:—отчего это съ инымъ

субъектомъ живешь Богъ знаетъ сколько лѣтъ, каждый день встрѣчаешься, разговариваешь, а что у него на душѣ, такъ и не узнаешь? А съ другимъ два часа поговоришь, и кажется,—вѣкъ его зналъ. Что значить узнать человѣка? Полюбить его, что ли?

— Узнать, что онъ любитъ и что думаетъ,—сказала Гаршинъ.

— И какъ онъ поступаетъ,—прибавила я.

— Это вытекаетъ изъ того, что онъ любитъ.

— Ну, не всегда. Обломовъ любилъ свою Ольгу, любилъ все возвышенное и прекрасное, а...

— Обломовъ любилъ спать и спалъ. Я вотъ люблю писать и пишу. А что вы любите?

— Не знаю. Кажется, больше всего я люблю слышать о какихъ-нибудь хорошихъ поступкахъ.

— Это легче, чѣмъ самой совершать ихъ,—насмѣшливо замѣтила мой деверь.

Поднимаясь на пригорочекъ, гдѣ стоитъ бронзовый бюстъ наследника цесаревича Николая Александровича, мы говорили о любви, о томъ, что надо любить всѣхъ, всѣхъ и все, всякую былинку, всякую букашку.

— Не трудно любить былинку; за что ея не любить? Трудно любить тѣхъ, кто причиняетъ зло существамъ, любимымъ нами.

— Да, это правда. Если я люблю *Глухаря*, какъ могу я любить тѣхъ, кто упряталъ его въ этотъ страшный котель?

— А кто же его туда упряталъ? Кто, какъ не мы сами?

— Конечно, мы сами создаемъ весь адъ, весь страданья нашей жизни.

— Мы поддерживаемъ зло тѣмъ, что терпимъ его...

Мы говорили то по очереди, то всѣ сразу, не слушая другъ друга, и говорили такъ громко, съ такимъ одушевленіемъ, что встрѣчные гуляющіе съ недоумѣніемъ и пренебреженіемъ поглядывали на насъ, но мы не смущались и продолжали кричать, что надо всѣмъ ополчиться на зло и любить, любить!

Солнце садилось и повѣяло свѣжестью. Серебристыя ивы, низко склонивъ надъ водой свои тонкія вѣтви, нашептывали торопливо пробѣгающимъ струйкамъ вечернія тихія сказки. Въ казармахъ проиграла зорю. И все озеро точно притихло и задумалось, прислушиваясь къ неожиданно пронесшимся звукамъ. Лебеди скрылись. Бѣлые паруса стоящихъ на якорѣ шлюпокъ стали какъ будто еще бѣлѣе, а темныя островерхія ели на противоположномъ берегу еще темнѣе.

Вылитый изъ бронзы мертвый царевичъ, скрестивъ на груди руки и поднявъ вверхъ прекрасное молодое лицо, задумчиво смотрѣлъ не на этотъ тихій поэтический уголокъ предназначавшагося ему земного царства, а куда-то выше и дальше. За его спиной,

въ двухъ шагахъ отъ него возвышался обширный старый дворецъ его предковъ, а надъ головой его въ вечернемъ небѣ загоралась первая маленькая свѣтлая звѣздочка.

Мы пошли дальше. На скамейкахъ около дѣвушки съ разбитымъ кувшиномъ сидѣло довольно большое общество нашихъ стрѣлковъ съ ихъ нарядными дамами. Мужъ мой отдѣлился отъ этой группы и вышелъ къ намъ навстрѣчу, говоря:

— Вотъ вы гдѣ? А я вездѣ искалъ васъ.

Я ихъ познакомила: Всеволодъ Владимировичъ, Всеволодъ Михайловичъ,—и вчетверомъ мы пошли дальше, уступая моему мужу честь говорить съ гостемъ.

По пути я показала Гаршину любимую скамейку моей бабушки, ея полуостровокъ.

— Вы здѣсь старожилокъ,—сказалъ онъ:—у васъ тутъ бабушкины уголки. Хорошо жить среди воспоминаній дѣтства.

Я сказала, что меня привезли въ Царское еще съ кормилицей, и здѣсь я начала себя помнить. Потомъ мы переѣхали въ Павловскъ, оттуда въ Петербургъ; а когда я вышла замужъ, я вернулась въ Царское и въ тотъ же домъ, въ которомъ жила въ дѣтствѣ.

Полуостровокъ Гаршину понравился, и мы тамъ посидѣли. Я сказала, что мечтаю о томъ, что когда-нибудь здѣсь поставятъ памятникъ Пушкину. Тогда я цѣлыми днями буду сидѣть здѣсь. Повѣшу свой гамакъ...

— Ея идеаль,—поспѣшилъ снова съязвить мой деверь,—лежать въ гамакѣ и смотрѣть на хорошіе поступки.

— Нѣтъ, мой идеаль еще хуже: лежать въ гамакѣ, смотрѣть на облака, слушать соловья, ѣсть черныя вишни и про себя декламировать Пушкина.

— А мой идеаль,—сказалъ Всеволодъ Гаршинъ:—лежать на клеенчатомъ диванѣ съ бутылкой пива и хорошей книгой.

Вячеславъ, смѣясь, замѣтилъ, что тутъ русскимъ духомъ пахнетъ. Лежать да лежать... Лежать умѣеть дикій звѣрь.

— Впрочемъ, и въ гамакѣ хорошо,—сказалъ Гаршинъ:—я вчера почти весь день пролежалъ въ гамакѣ у Салтыковыхъ.

И онъ снова сталъ намъ рассказывать о Салтыковѣ, о томъ, какъ, несмотря на свою болѣзненность и раздражительность, онъ добръ къ начинающимъ писателямъ, какъ онъ радуется ихъ успѣхамъ и удачамъ, какъ правдивъ и прямъ въ своихъ отзывахъ. Вчера, при Гаршинѣ, онъ сказалъ одному молодому поэту, доставившему въ редакцію стихотвореніе многостопнаго размѣра: «Развѣ это стихъ, голубчикъ? Это не стихъ. Это шесть голубей гу-нять».

Изъ парка мы вернулись домой, въ казармы, въ комнаты, къ лампѣ съ краснымъ абажуромъ, къ самовару и къ столу съ закуской.

За чаемъ оба Всеволода стали вспоминать минувшіе дни

«И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они».

А мы съ Вячеславомъ, какъ не битые, только заботились объ угощеніи и молча внимали ужасамъ войны.

Правдивыя, безхитростныя воспоминанія недавнихъ очевидцевъ и участниковъ приводили къ выводу, что война, какъ богъ Янусъ, нѣчто двуликое. Съ одной стороны дѣло какъ будто и святое, доблестное, возвышенное, съ другой—звѣрское, кровожадное, дьявольское... Смерть на войнѣ не хуже всякой другой. Можно умереть и отъ холеры, и отъ укуса мухи. Тяжела не смерть, а то, что «человѣка человѣкъ посылаетъ властнымъ взглядомъ» къ этому Анчару, напоенному ядомъ и порожденному въ день гнѣва.

Думаль ли Пушкинъ о войнѣ, когда писалъ это стихотвореніе? Конечно, война, этотъ грозный «часовой», и теперь стоитъ во всей вселенной такимъ же устрашающимъ призракомъ, какъ воспѣтый Пушкинымъ Анчаръ. Мы долго декламировали и разбирали по строчкамъ это стихотвореніе, помянувъ полутно и Тургеневское «Затишье». Да, бѣдные, бѣдные рабы, сложившіе головы у ногъ непобѣдимаго владыки съ тѣмъ, чтобъ дать ему его славу непобѣдимости и возможность и впредь разсылать гибель «къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы». Подлинное дѣло войны—губить и своихъ, и чужихъ.

Всеволодъ Гаршинъ былъ убѣжденнымъ противникомъ войны. Онъ признался, что пишетъ большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Люди и война», его протестъ противъ войны.

Мы порадовались этому:

— Какъ хорошо! какъ это нужно и дорого!

Онъ замолчалъ, задумался, потомъ сталъ улыбаться.

— Чему вы смѣетесь?

— Да вотъ я сказалъ вамъ свое заглавіе. Теперь это сочиненіе не будетъ напечатано. У меня есть вѣрная примѣта. Если я прежде времени проговорюсь кому-нибудь о заглавіи статьи, она не увидитъ свѣта.

— Вы вѣрите примѣтамъ?!

— Да, только своимъ собственнымъ.

Гость нашъ много говорилъ за чаемъ. Несмотря на свою молодость, онъ много видѣлъ, много пережилъ, и все, что онъ рассказывалъ, было такъ интересно и такъ непохоже на обыденные рассказы гостей. Въ его рѣчахъ и отзывахъ о людяхъ не только не было злобы, не было даже и тѣни ироніи или насмѣшливости. Намъ было очень хорошо съ нимъ, и онъ правился намъ все больше и

больше. Но къ симпатіи, которую онъ внушалъ своей душевной добротой и мягкостью, невольно примѣшивалась какая-то тревога за него. Нѣсколько разъ среди разговора онъ вскользь упоминалъ: «когда я былъ въ домѣ умалишенныхъ». Очевидно, онъ хорошо помнилъ это, и невольно становилось немножко жутко при видѣ человѣка, который говорилъ: «когда я былъ сумасшедшимъ», такъ же просто и спокойно, какъ другой сказалъ бы: «когда у меня была корь».

Бѣдный бывшій душевно-больной производилъ впечатлѣніе свѣтлаго, задушевнаго, благороднаго и необыкновенно милого существа, надъ головой котораго виситъ и колеблется какая-то таинственная, мрачная и тяжелая завѣса, которая вотъ-вотъ упадетъ и скроетъ его. И такъ всей душой хотѣлось отстоять, отвоевать, защитить его и не допустить, чтобы этотъ ужасъ вновь коснулся его.

Мы долго сидѣли за чайнымъ столомъ, замечтавшись о томъ, какъ все на свѣтѣ измѣнится къ лучшему. Войны и казней не будетъ. Это исчезнетъ, какъ исчезли уже пытки и человѣческія жертвоприношенія. Исчезнетъ и всякая несправедливость, всякая жестокость и насиліе. «Глухарь» уже не будетъ корчиться въ глубинѣ своего котла, принимая грудью удары тяжелаго молота. Надежда Николаевна перестанетъ называться Евгеніей, перестанетъ бѣлиться, румяниться, «хорошо» плясать скверныя танцы, а потомъ стоять въ мрачномъ отчаяніи у проруби, проклиная жизнь и развратное общество, среди котораго она не видѣла ни одного хорошаго человѣка ни до, ни послѣ своего паденія. Воръ-инженеръ, строящій свой «моль» на бумагѣ, будетъ поставленъ въ невозможность мошенничать и т. д. и т. д. Словомъ, все измѣнится. Любовь и жалость честныхъ сердець смоютъ всю грязь нашей жизни, и въ обновленномъ свѣтломъ мірѣ.

Радостно вздохнуть усталые рабы,

какъ сказалъ *нашъ* милый Надсонъ.

Мы мечтали и мечтали, а часовая стрѣлка мѣрно совершала свой кругъ, напоминая о близости послѣдняго поѣзда. Жаль было отпускать такого дорогого гостя, жаль было указывать ему на часы. Однако онъ самъ взглянулъ на нихъ, вскочилъ и сталъ прощаться. И онъ ушелъ. Дверь за нимъ закрылась. Скромная темно-сѣрая крылатка исчезла съ нашей вѣшалки. Голосъ Всеволода Гаршина пересталъ раздаваться въ нашихъ комнатахъ, напоминая о его доброй улыбкѣ. Но остался какой-то неуловимый легкій слѣдъ побывавшей здѣсь хорошей души.

Мы вернулись къ столу, съ котораго денщикъ уже убралъ самоваръ.

— Какой онъ хорошій!—сказала я о гостѣ.

— Да, очень симпатичный.

— И простой какой...

Таково было наше впервое впечатлѣніе.

Всеволодъ Гаршинъ уѣхалъ въ Спасское къ Тургеневу. Осенью въ Петербургъ прибыла Таня А., поступила на Бестужевскіе курсы и водворилась въ Саперномъ переулкѣ у своей тетки, Екатерины Степановны Гаршиной, съ которой я давно уже была знакома, какъ и съ младшимъ сыномъ ея Евгеніемъ Михайловичемъ. Съ переѣзда къ нимъ Тани я стала чаще бывать у нихъ. Здѣсь, въ уютной Таниной комнаткѣ я вторично встрѣтила Всеволода Гаршина по возвращеніи его изъ Спасскаго. Онъ выглядѣлъ бодрымъ, здоровымъ и былъ полонъ надеждъ и плановъ. Дѣла его шли прекрасно. Онъ издалъ свою книжку, получилъ занятія, сшилъ себѣ новую шубу, писалъ новый рассказъ и собирался жениться. Зимой онъ и женился, послѣ чего переѣхалъ отъ матери на отдѣльную квартиру. За время этихъ частыхъ встрѣчъ мое первое благопріятное впечатлѣніе только укрѣпилось; никакихъ разочарованій, даже въ мелочахъ, не пришлось испытать. Окружающіе его друзья и родные любили его и вѣрили ему. Надсонъ, познакомившійся съ нимъ приблизительно около этого же времени, записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Положительно влюбился въ Гаршина. Да, этотъ человѣкъ переживетъ себя. На немъ печать несомнѣнная, употребляя выраженіе X.»

Къ веснѣ бѣдная Таня слегла, расхворалась и уѣхала за границу. Съ ея отъѣзда я стала рѣже видѣться съ Гаршиными, но отъ общихъ родственниковъ всегда знала, какъ поживаютъ молодые. Жили, повидимому, благополучно. Медицинскія познанія молодой жены были не лишними для того, чтобы беречь больного мужа. Всеволодъ написалъ рядъ новыхъ цѣнныхъ рассказовъ: «Красный цвѣтокъ», «Записки рядового Иванова» и др. Мать жаловалась, что не знаетъ, чѣмъ его кормить, когда онъ приходитъ,—сдѣлался вегетаріанцемъ. Услыхавъ, что онъ собирается на Кавказъ, я искренно порадовалась за него, но радоваться не пришлось долго. Велѣдъ за этимъ сообщеніемъ пришло другое, тяжелое сообщеніе о его кончинѣ. Онъ бросился въ темный пролетъ лѣстницы изъ четвертаго этажа и разбился. Болѣзнь не пощадила. Смерть подстерегла. И не стало талантливаго писателя, не стало славы и надежды нашего блѣднаго, незадачливаго поколѣнія.

Когда, въ вечеръ нашего перваго знакомства, Всеволодъ ушелъ отъ насъ, намъ всѣмъ тремъ было грустно, что онъ ушелъ такъ скоро. Какъ же больно было думать, что онъ совсѣмъ и навсегда ушелъ изъ жизни, и ушелъ такъ неожиданно, такъ рано, не сказавъ

всего, что онъ могъ сказать! Что дѣлать? Любимцы боговъ умираютъ рано, и Всеволодъ скончался, если не ошибаюсь, тридцати трехъ лѣтъ.

Много лѣтъ уже прошло со дня его кончины. Читаетъ ли новое поколѣніе его рассказы? Останавливается ли на нихъ съ должнымъ вниманіемъ? Слышитъ ли вложенный въ нихъ вопль благородной души?

А міръ не обновился и не измѣнился къ лучшему. Всѣ научныя открытія и завоеванія коснулись только его вѣшняго облика. Люди же и при авіаціи, при телефонахъ, грамофонахъ и движущейся фотографіи все такъ же малодушны и коварны, безстыдны, злы, неблагодарны, какъ были и при бряцавшемъ на лирѣ Пушкинѣ, не дожившемъ до завоеванія воздуха. И сейчасъ попрежнему льются слезы, попрежнему льется кровь, царитъ ложь и властвуетъ обманъ.

Бѣдный «Глухарь»¹⁾ и посейчасъ, вѣроятно, сидитъ и корчится въ углу своего котла и подставляетъ грудь ударамъ. Бѣдная Евгения²⁾ (она же Надежда Николаевна) и посейчасъ бѣлится и румянится, хорошо пляшетъ свои скверные танцы въ скверномъ мѣстѣ, а потомъ стоитъ надъ прорубью... Она топится, изъ-за нея стрѣляются, какъ и прежде. Воръ-инженеръ, строящій свой молъ на бумагѣ³⁾, и посейчасъ воруетъ, роскошествуетъ и вкусно кушаетъ, и думаетъ о «заблудшихъ» инженерахъ, что *на то и мозги, чтобъ заблуждаться*. Словомъ, міръ во злѣ лежитъ, и мы ни на волосъ не подвинулись къ свѣтлому празднику примиренья, на которомъ радостно вздохнуть усталые рабы... Тѣ же дѣли впереди, но приблизились мы къ нимъ мало, очень, очень мало.

А все-таки хорошо оглянуться назадъ и вспомнить о томъ, какъ мы когда-то дружно и согласно мечтали и какъ покойный Всеволодъ Гаршинъ катался съ нами на лодкѣ и смѣялся молодымъ веселымъ смѣхомъ...

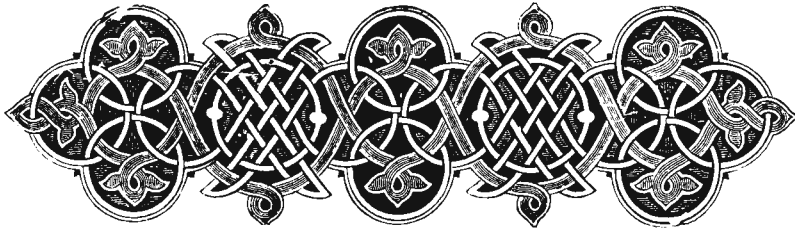
В. Мигуличъ.

¹⁾ Рассказъ Гаршина «Художники».

²⁾ Рассказъ Гаршина «Присшествіе».

³⁾ Рассказъ Гаршина «Встрѣча».

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Первый народный театр.—Состав труппы.—Неожиданный прїездъ государя въ Москву.—Назначеніе спектакля въ присутствїи высочайшихъ особъ.—Затрудненіе съ ролью Хлестакова.—Артистъ Орловъ.—Его затруднительное положеніе и удачный выходъ изъ него.—Царская награда.

ЗАСЛУГА извѣстнаго въ свое время артиста московскаго Малаго театра Ѳедотова несомнѣнна, въ смыслѣ созданія перваго народнаго театра въ Россїи, устроеннаго при политехнической выставкѣ.

Въ то время провинціальная сцена изобиловала талантами, незнакомыми столицамъ, и Ѳедотовъ задался мыслью познакомить столичныхъ жителей съ этими столпами русскаго искусства.

Онъ умѣло собралъ все, чѣмъ справедливо гордилась провинція, и составилъ труппу по истинѣ замѣчательную.

Тутъ были и гремѣвшій уже на всю Россїю Н. Х. Рыбаковъ, и входившій въ извѣстность Кирѣевъ, и Бергъ, котораго столица еще никогда не видала, но который успѣлъ своимъ участіемъ въ труппахъ составить состояніе не одного антрепренера, и очень еще молодой артистъ Макшеевъ, бывшій впослѣдствїи украшеніемъ образцовой группы московскаго Малаго театра, и высокоталантливый молодой артистъ на роли первыхъ любовниковъ В. И. Путята, и А. И. Стрѣлкова, создавшая роль свекрови въ пьесѣ Чаева, въ которой она не знала соперницъ, какъ и въ эпизодической, но отвѣтственной роли Пошлѣпкиной въ «Ревизорѣ». Тутъ былъ и старый артистъ, еще при Гоголѣ исполнявшій роль

Добчинскаго. Тутъ же были и молодыя артистическія силы въ лицѣ г-жъ Дюбюкъ, Погожиной, Серебряковой, и совсѣмъ еще молоденькой артистки Зориной, участвовавшей въ то время въ легкихъ дивертисментахъ, въ которыхъ она поочередно и танцевала, и пѣла малороссійскія пѣсенки, за что получала скромное вознагражденіе въ размѣрѣ восемнадцати рублей въ мѣсяцъ.

Это та самая Вѣра Васильевна Зорина, которая въ послѣдствіи была у насъ создательницей цыганскаго жанра, и которой въ созданныхъ ею опереточныхъ роляхъ съ восторгомъ аплодировали лучшіе французскіе артисты.

Такого Герцога въ опереткѣ «Скороспѣлки» (*Le petit duc*), по единодушному признанію всѣхъ иностранныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, не видала ни одна европейская сцена.

Такое скромное вознагражденіе не должно удивлять никого, ежели принять во вниманіе, что и веѣ приглашенные Федотовымъ артисты, сравнительно съ обычно получаемымъ ими жалованьемъ, на политехнической выставкѣ получали гроши.

Федотовъ сумѣлъ, со свойственной ему силой убѣжденія, доказать имъ всѣмъ, что театръ политехнической выставки для нихъ единственный случай блеснуть талантомъ не только передъ столичной публикой, но даже и передъ высокопоставленными лицами, пріѣздъ которыхъ ожидался на выставку.

Послѣднее условіе, между прочимъ, вызвало случай, далеко не всѣмъ извѣстный, но крайне характерный, который я и передамъ, такъ какъ онъ происходилъ почти у меня на глазахъ.

Первымъ изъ высокопоставленныхъ лицъ посѣтилъ выставку великій князь Константинъ Николаевичъ, очень любившій сцену, знавшій толкъ въ искусствѣ и высоко ставившій вопросъ о процвѣтаніи русскаго театра.

Онъ два раза смотрѣлъ «Ревизора» и остался въ восторгѣ отъ образцовой постановки и исполненія пьесы. Дѣйствительно, такого полного ансамбля, такого «оркестроваго» исполненія не запомнить ни одна изъ русскихъ сценъ, не исключая и столичныхъ. Довольно сказать, что второстепенную роль Земляники исполнялъ Николай Хрисановичъ Рыбаковъ... и какъ исполнялъ!..

Роль городничаго исполнялъ Бергъ, считавшій роль эту коронной въ своемъ очень и очень обширномъ репертуарѣ. Роль жены городничаго исполняла Очкина, въ послѣдствіи служившая у Корша, а въ роли Марьи Антоновны впервые выдвинулась молодая артистка Курова, по сценѣ Серебрякова, въ послѣдствіи занимавшая въ Коршевскомъ театрѣ съ громаднымъ успѣхомъ амплуа комическихъ старухъ.

Великій князь, оставшійся въ восторгѣ отъ исполненія «Ревизора», передалъ о вынесенномъ имъ впечатлѣніи государю, который сказалъ, что непременно самъ посмотритъ эту пьесу на выставкѣ.

Но время шло, наступила уже осень, близилось закрытіе выставки, а государь все въ Москву не ѣхалъ, и наконецъ разнесся слухъ, что высочайшій пріѣздъ отложенъ, и такъ какъ наступало открытіе театральнаго сезона на провинціальныхъ сценахъ, то начался и отъѣздъ артистовъ, законтракованныхъ провинціальными антрепренерами. Въ числѣ прочихъ уѣхалъ и исполнитель роли Хлестакова, не представлявшій собою въ этой роли, правда, ничего особеннаго, но все-таки исполнявшій ее вполнѣ удовлетворительно и прекрасно сыгравшійся съ остальными товарищами своими.

«Ревизоръ» послѣ его отъѣзда снятъ былъ съ репертуара, и вотъ въ эту-то минуту внезапно получено было извѣстіе о почти неожиданномъ пріѣздѣ государя въ Москву, гдѣ онъ располагалъ пробыть больше недѣли и гдѣ его присутствіе на политехнической выставкѣ являлось неизбѣжнымъ.

Всполюшились всѣ многочисленные директора выставки, которыхъ, въ общей сложности, насчитывалось до семи или восьми человѣкъ—и больше всѣхъ всхлопотался Ѳедотовъ, считавшій свой театральнй отдѣлъ однимъ изъ главныхъ.

Начались горячія совѣщанія о томъ, что поставить въ случаѣ посѣщенія театра государемъ...

Припомнили, что великій князь передавалъ императору о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ представленія «Ревизора», и, сопоставляя это съ отъѣздомъ исполнителя заглавной роли, пришли къ убѣжденію, что наскоро надо готовить другую боевую пьесу.

Среди всей этой суетни прибылъ въ Москву государь, и, къ неопisanному смущенію всей выставочной дирекціи, стало извѣстно, что его величество высказалъ непремѣнное желаніе посѣтить театръ выставки и видѣть на сценѣ именно «Ревизора»...

Что было дѣлать?..

Пригласить для исполненія заглавной роли артиста императорскихъ театровъ—не согласился министръ двора...

Выписать наскоро кого-нибудь изъ провинціи—времени было слишкомъ мало...

Оставалось одно: самому Ѳедотову выйти въ роли Хлестакова, на что онъ и рѣшился, но... и этому встрѣтилось существенное и непобѣдимое препятствіе...

Князь Долгоруковъ, вызвавъ Ѳедотова къ себѣ, сообщилъ ему, что онъ будетъ представленъ государю, какъ организаторъ и директоръ выставочной сцены, почему онъ и обязанъ лично встрѣтить государя при посѣщеніи имъ театра.

Тутъ наступилъ моментъ полнаго отчаянія и для Ѳедотова, и для всей труппы...

«Ревизоръ» безъ Хлестакова!..

Ничего подобнаго никогда еще не видала на подмосткахъ своихъ ни одна сцена! А Хлестакова налицо не было!!

Начали перебирать наличныя силы труппы и остановились на молодомъ и очень еще неопытномъ артистѣ Орловѣ, занятомъ всегда во второстепенныхъ роляхъ, никогда не выходившемъ изъ самой заурядной посредственности и не мечтавшемъ ни о какой отвѣтственной роли... Роль Хлестакова и не снилась ему, конечно, никогда, и при первомъ словѣ директора о передачѣ ему этой роли онъ пришелъ въ неописуемый ужасъ. Сначала онъ принялъ это за шутку, но когда, къ довершенію всего, узналъ, что исполнять эту отвѣтственную роль онъ будетъ въ присутствіи государя, то ужасъ его смѣнился непритворнымъ отчаяніемъ.

— Господи помилуй!.. Да что вы это?! Да какъ это возможно?! Да вы шутите!! Ей-Богу!.. И не грѣхъ вамъ надо мной такъ забавляться?!

Но времени терять было нельзя...

Назначенъ былъ день спектакля, роль была передана подневольному дебютанту, и начались мучительныя для него репетиціи...

Нечего и говорить, что по собственной инициативѣ у него изъ роли ровно ничего не выходило!.. Ни одной фразы не произносилъ онъ какъ слѣдуетъ. Очевидно было, что онъ не только самъ никогда не готовился и не могъ готовиться къ исполненію роли Хлестакова, но даже никогда не видалъ въ ней никого изъ серьезныхъ артистовъ...

Федотовъ принялся, что называется, «начитывать» ему роль...

Явленіе за явленіемъ, фраза за фразой, повторялъ онъ передъ нимъ, указывая ему каждую паузу, каждый жестъ... и какъ попугая заставляя его повторять слова за собою...

Ничто не помогало... и такой пародіи на Хлестакова, какую представлялъ собой злополучный Орловъ, никогда еще міръ не видалъ!..

А время все шло и шло... и день спектакля приближался...

Попробовали доложить министру двора, что спектакль необходимо измѣнить, такъ или иначе представивъ дѣло государю, но министръ наотрѣзъ отвѣчалъ, что это невозможно, и что спектакль, назначенный по высочайшей волѣ, никакимъ отмѣнамъ и измѣненіямъ не подлежитъ.

— Ну, такъ артисту императорской труппы разрѣшите играть, ваше сіятельство!..—растерянно умолялъ Федотовъ, обивавшій всѣ дни пороги министерской пріемной.

— И этого не могу!..—отвѣчалъ министръ.—Государю угодно видѣть ту именно труппу, которую видѣлъ великій князь и о которой онъ докладывалъ его величеству!

— Да вѣдь той труппы уже полностью нѣтъ!.. Часть ея распущена!..—въ отчаяніи восклицалъ Федотовъ.

— Я въ этомъ не виноватъ!.. Зачѣмъ распускали?..

И злополучный директоръ сцены вновь возвращался въ свой театръ, и вновь принимался за неудачнаго Хлестакова.

Находили на этого послѣдняго минуты просвѣтлѣнія, когда онъ какъ будто бы казался сноснымъ, но это были только проблески, и затѣмъ наступало прежнее апатичное равнодушіе, быстро смѣнявшееся припадками положительнаго отчаянія...

— Нѣтъ, Александръ Филипповичъ, вы и не выпускайте меня!.. И себя не конфузьте... и меня подъ бѣду неминуемую не подводите!.. Не стану я играть... Говорю вамъ, что не стану!.. Не выйду на сцену, да и только!.. Вѣрно вамъ говорю!..

— Заставлю выйти!..—горячился доведенный до отчаянія Федотовъ.

— Какъ это «заставите»?.. Волокомъ, что ли, вытащите?..

— Да хоть бы и волокомъ!..

— Ну, что жъ, тащите!.. А я все-таки ни слова не скажу!.. Вотъ упрусь, да и не скажу!.. Все равно, моя пѣсенка слѣта!.. Сибири мнѣ не миновать!

Наивный и отъ природы не особенно щедро одаренный умомъ, импровизированный «премьеръ» былъ не на шутку увѣренъ, что ему угрожаетъ Сибирь.

Въ отчаянномъ положеніи злополучнаго директора сцены приняли участіе и артисты труппы, и Н. Х. Рыбаковъ, всегда особенно добродушно относившійся къ «маленькимъ», посоветовалъ прибѣгнуть къ новой системѣ и начать окураживать и ободрять «премьера».

Советъ былъ принятъ единодушно, и «премьеръ» разомъ сдѣлался средоточіемъ вниманія всѣхъ товарищей.

Всѣ наперерывъ начали увѣрять его въ его несомнѣнномъ талантѣ, стали утверждать, что онъ прекрасно исполняетъ ввѣренную ему трудную и отвѣтственную роль, заранѣе благодарили его за то удовольствіе, которое получить государь отъ его исполненія, и за то благоволеніе, которое выпадетъ, благодаря ему, и на ихъ долю... Словомъ, вниманію и любезности товарищей нѣ было конца...

Но и это средство осталось недѣйствительнымъ, и Орловъ упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что въ присутствіи государя онъ не выйдетъ и ни слова на сценѣ не произнесетъ.

Наступилъ наконецъ и день спектакля.

Съ вечера отъ двора расписаны были всѣ почти билеты, ложи оставлены были для приглашенныхъ фрейлинь и для супруговъ сановниковъ, первые ряды креселъ цѣликомъ отведены были чинамъ дворцоваго вѣдомства и представителямъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ...

Оставшіеся затѣмъ билеты разбирались нарасхватъ, и въ то время, какъ Федотовъ съ гордостью внималъ разговорамъ обо всѣхъ приготовленіяхъ, злополучный Хлестаковъ пресерьезно увѣрялъ, что онъ начинаетъ забывать даже первыя слова ввѣренной ему роли.

Въ самый день спектакля назначена была утренняя репетиція, на которой Орловъ привелъ директора въ положительное отчаяніе.

Онъ, дѣйствительно, не зналъ ни слова изъ роли, только что передъ тѣмъ выученной имъ на зубокъ, безпрестанно обращался къ суфлеру и на тревожный вопросъ Федотова серьезно и наотрѣзъ отвѣтилъ:

— Я же вамъ напередъ сказалъ, что все забуду, ну, вотъ и на самомъ дѣлѣ забылъ!.. Теперь и дѣлайте со мной, что хотите!.. Забылъ, да и полно!.. Ни одного слова не помню!..

Федотовъ пришелъ въ неопишное отчаяніе...

Приуныли и всѣ артисты...

Спектакль угрожалъ полнымъ проваломъ.

За обѣдъ никто въ этотъ день не садился.

Не до обѣда было!...

На всѣхъ словно бѣда какая-то невидимая надвигалась...

Что касается самого Орлова, то онъ даже и волноваться пересталъ...

Имъ овладѣло какое-то мертвящее спокойствіе... то, что французы называются *le courage du désespoir!*

Въ театрѣ всѣ собрались далеко до назначеннаго часа, и зрительный залъ еще не былъ освѣщенъ, когда вся труппа въ костюмахъ была уже на сценѣ.

Все начальство было налицо... Всѣ городскія власти были тутъ въ полномъ составѣ, и залъ началъ наполняться блестящими гвардейскими мундирами...

Недоставало только персонала высочайшаго двора, который долженъ былъ прибыть одновременно съ самимъ государемъ.

Весь залъ былъ въ напряженномъ ожиданіи...

Началомъ спектакля нѣсколько замедлили...

Положили поднять занавѣсъ уже послѣ приѣзда государя...

Но этого сдѣлать не удалось!

Высочайшій приѣздъ замедлился, и занавѣсъ былъ поднять, хотя и со значительнымъ опозданіемъ, но все-таки при на половину пустомъ театрѣ...

Первый актъ прошелъ, что называется, «на ура»...

Артисты играли съ необычнымъ подъемомъ и не спускали глазъ съ царской ложи, которая продолжала пустовать.

Особенно сильно это огорчало Берга, возлагавшаго на этотъ спектакль всѣ свои честолюбивыя надежды.

Роль городничаго справедливо считалась его коронной ролью, и въ ней онъ не зналъ соперниковъ.

Но прошелъ послѣ перваго акта и до нельзя растянутый антрактъ...

Окончилось и второе дѣйствіе, а государя все не было, и среди разочарованной публики начинали уже циркулировать слухи о томъ, что высочайшее посѣщеніе отложено, когда передъ поднятіемъ занавѣса для третьяго дѣйствія издали перекатнымъ гуломъ

сталъ доноситься далекій звукъ могучаго, тысячною толпою подхваченнаго «ура»...

По залу нервнымъ, звучнымъ шепотомъ разнеслось слово: — Ъдетъ!.. Ъдетъ

И сердца всѣхъ артистовъ дрогнули...

Федотовъ бросился къ выходу, полиція выстроилась длиннымъ рядомъ форменныхъ мундировъ, весь залъ поднялся съ мѣста, какъ одинъ человекъ...

Могучее «ура» все росло и росло...

Отворились двери царской ложи... Грянули торжественные звуки гимна, и стѣны театра дрогнули отъ взрыва восторженныхъ, привѣтственныхъ кликовъ многочисленной толпы...

Государь со своей обаятельной улыбкой привѣтливо раскланивался съ публикой и, занявъ мѣсто въ ложѣ, приказалъ продолжать спектакль.

Федотовъ бросился за кулисы и буквально чуть не на колѣни упалъ передъ Орловымъ.

— Твой выходъ!..—умоляющимъ голосомъ говорилъ онъ.—Твой выходъ, голубчикъ... и твои главные отвѣтственные монологи!.. Ободришь, милый, ободришь!.. Ты такъ вѣрно, такъ хорошо исполнялъ вчера на репетиціи эту сцену!.. Я тебѣ ручаюсь за успѣхъ!.. Подумай только, какая слава ожидаетъ тебя!..

Онъ говорилъ торопливо... безсвязно. Говорилъ, почти самъ не сознавая силы и значенія своихъ словъ, и видѣлъ только, что Орловъ его не слышитъ и даже не слушаетъ...

Случайный «премьеръ» стоялъ молчаливый, безучастный, словно загнипнотизированный...

Въ режиссерскую раздался стукъ...

— Да начинайте же!..—крикнулъ повелительный голосъ министра двора, который уже самъ прибѣжалъ за кулисы сказать, что государь спрашиваетъ, почему не поднимаютъ занавѣсъ?..

Федотовъ почтительно откланялся, перекрестился широкимъ крестомъ подъ своимъ фракнымъ жилетомъ и громко крикнулъ сакраментальное сценическое слово:

— Давай...

— Орловъ!.. На сцену!.. торопливо предупредилъ режиссеръ новаго «премьера».

Тотъ стоялъ въ кулисѣ, блѣдный, какъ полотно, и какъ-то растерянно смотрѣлъ прямо передъ собою...

Занавѣсъ поднялся... На сценѣ послышалось движеніе... Послышались разговоры...

Федотовъ, весь блѣдный отъ волненія, зорко слѣдилъ за всѣмъ...

Государь, облокотившись на барьеръ ложи, внимательно смотрѣлъ и слушалъ...

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ великій князь Владимиръ Александровичъ, за ними еще кто-то изъ высочайшихъ особъ; въ глубинѣ ложи помѣщались лица высочайшей свиты, дежурные флигель и генералъ-адъютанты и чины двора.

Остальные ложи, какъ рядомъ, такъ и напротивъ, заняты были почетными посѣтителями, и народный театръ въ этотъ моментъ представлялъ собою такую блестящую, импозантную картину, какой этимъ скромнымъ стѣнамъ ужъ никогда болѣе вмѣщать въ себѣ, конечно, не пришлось.

Орловъ все это видѣлъ... во все это съ возрастающимъ ужасомъ всматривался... и едва не терялъ сознание при мысли, что сейчасъ онъ долженъ будетъ предстать на судъ всего этого блестящаго, никогда имъ невиданнаго ареопага.

На сцену онъ не вышелъ, а какъ-то бессознательно очутился на ней...

Его, какъ самъ онъ потомъ припоминалъ и рассказывалъ, почти силой пришлось вытолкнуть изъ-за кулисъ...

Сначала онъ инстинктивно попробовалъ упереться, чтобы спастись отъ угрожавшей ему опасности...

Затѣмъ имъ овладѣло отчаяніе, онъ сказалъ себѣ, что все равно онъ пропалъ и спасенія ему нѣтъ, и, наэлектризованный этой мыслью, заговорилъ такъ громко и отчетливо, и главное такъ смѣло, что въ первую минуту самъ не узналъ своего голоса.

Между тѣмъ память ему, противъ всякаго ожиданія, не измѣнилась... Суфлеръ тоже изъ кожи лѣзъ, чтобы ему помочь и поддержать его, и, обезпеченный съ этой стороны и какъ бы окрыленный сознаниемъ своей неизбежной гибели, онъ безстрашно повелъ свою роль...

Знаменитый монологъ безшабашнаго хлестаковского вранья онъ началъ съ такимъ апломбомъ, такъ смѣло и непринужденно развалился въ креслахъ и придавъ характерному монологу такой тонъ безшабашной развязности, что артисты, одновременно съ нимъ находившіеся на сценѣ, прямо въ себя прійти не могли отъ удивленія.

Не только отъ него, неопытнаго и бездарнаго, но и отъ первоклассныхъ артистовъ никто не рѣшился бы потребовать въ такомъ отвѣтственномъ спектаклѣ такого умѣнья овладѣть и собой, и вниманіемъ публики.

Федотовъ, стоя въ кулисахъ, чуть не плакалъ отъ восторга.

Ничего подобнаго онъ не ожидалъ...

Ничто подобное даже не снилось ему...

Государь былъ, видимо, заинтересованъ ходомъ пьесы... Онъ придвинулся къ барьеру, со вниманіемъ слушалъ монологи Хлестакова и въ особенно выдающихся мѣстахъ, при особо хвастливыхъ выходкахъ легендарнаго враня, государь все чаще и чаще улыбался...

Что касается великаго князя Владимира Александровича, то онъ давно уже хохоталъ отъ души, примѣромъ своимъ заражая и окружающихъ его придворныхъ, а Орловъ, тѣмъ временемъ, все больше и больше входилъ въ роль и, какъ онъ самъ впоследствии передавалъ, игралъ какъ бы во снѣ, едва сознавая, что онъ дѣлаетъ и говорить.

— Я какъ по наклонной плоскости катился!..—говорилъ онъ:—мною овладѣло такое неописуемое отчаяніе, что я забылъ и гдѣ я нахожусь, и кто меня слушаетъ... Я все забылъ!.. Издали можно было принять меня за сумасшедшаго!..

Великій князь Владимиръ Александровичъ выдвинулся впередъ и сидѣлъ совершенно наравнѣ съ государемъ. Когда подошелъ тотъ моментъ, гдѣ Хлестаковъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ правилъ министерствомъ, Орлову какъ во снѣ вспомнилось, что среди «зрителей» въ театрѣ присутствуетъ самъ государь, и при словахъ «неловко было отказаться... могло дойти до государя...» онъ внезапно дурашливо указалъ на царскую ложу...

Тутъ уже восторгу великаго князя не было мѣры. Онъ облокотился на барьеръ ложи, положилъ голову на руки и весь отдался порыву неудержимаго хохота.

Отъ души смѣялся и государь, и по окончаніи монолога Хлестакова первый зааплодировалъ удачному артисту...

Аплодисменты императора были первымъ сигналомъ. За нимъ разразилась восторженными аплодисментами весь залъ...

— Bravo!.. Bravo!..—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ какъ будто были счастливы и довольны успѣхомъ, выпавшимъ на долю скромнаго театра... Всѣ сочувствовали этому успѣху, какъ бы гордились имъ...

Окончилось дѣйствіе, и тотчасъ послѣ того, какъ занавѣсъ упалъ, государь опять первый подалъ примѣръ усердныхъ аплодисментовъ.

За нимъ восторженно зааплодировала вся публика.

Раздались усердные вызовы главныхъ исполнителей, и имя Орлова опять-таки первымъ раздалось среди наэлектризованной публики.

Федотовъ, не помня себя отъ радости, бросился въ уборную, чтобы пригласить Орлова на сцену, и тутъ произошелъ характерный и довольно непріятный инцидентъ.

Бергъ, считавшій роль городничаго своею гордостью и славой и привыкшій срывать въ ней аплодисменты всюду, былъ пораженъ тѣмъ, что на этотъ разъ ему пришлось уступить первенство совершенно неизвѣстному актеру, чуть не новичку, имени котораго никто не зналъ и никогда не слыжалъ...

Такой «несправедливости» онъ перенести не могъ...

Онъ все время стоялъ въ главной кулисѣ, готовясь къ выходу

на аплодисменты и, занимая своей объемистой особой весь проход, положительно мѣшалъ пройти на сцену.

Федотову прямо-таки оттолкнуть его пришлось для того, чтобы могъ выйти на сцену Орловъ.

Инцидентъ этотъ впоследствии былъ поводомъ къ довольно серьезному столкновению между Бергомъ и дирекціей народнаго театра.

Почти вытолкнутый на сцену, Орловъ вновь, по его словамъ, «пошелъ по наклонной плоскости»...

Онъ почувствовалъ приливъ необычайной храбрости, принялся развязно раскланиваться, сначала по направленію царской логи, а затѣмъ и въ сторону публики...

«Увидавъ, что въ царской ложѣ смѣются мнѣ навстрѣчу, я,— рассказывалъ онъ впоследствии,—самъ принялся глупо улыбаться... шаркалъ ногами... прижималъ руки къ сердцу... словомъ, строилъ такого дурака, что вспомнить страшно!.. а когда вернулся въ уборную, то упалъ на свой убогій сундучокъ и разразился истерическими рыданіями...»

Въ антрактѣ государь позвалъ въ ложу Федотова, выразилъ ему полное удовольствіе, поблагодарилъ его «за мастерски поставленное дѣло» и уѣхалъ, не дождавшись конца спектакля, но оставивъ всѣхъ, за исключеніемъ Берга, внѣ себя отъ восторга!

На другой день импровизированному Хлестакову присланы были изъ кабинета государя массивные золотые часы, а также доставленъ былъ подарокъ и Федотову.

О дальнѣйшей театральной карьерѣ Орлова мнѣ мало извѣстно. Знаю я только, что блестящаго театрального дебюта своего на роляхъ «премьера» онъ не оправдалъ, и опять смѣшался съ толпой, что все-таки не помѣшало ему, на первыхъ порахъ, пожать довольно солидные лавры, благодаря своему нечаянному успѣху.

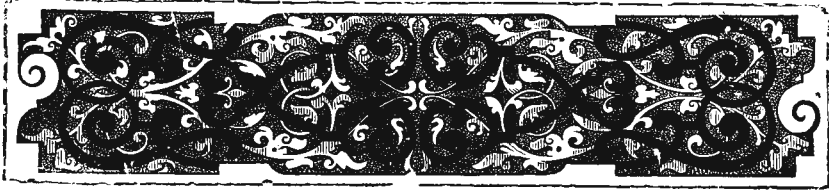
Слухъ о его феноменальномъ успѣхѣ въ присутствіи государя, передъ которымъ онъ вышелъ въ капитальной роли Хлестакова, быстро распространился въ провинціи, и въ первый же зимній сезонъ у Орлова, какъ говорится, отбою не было отъ ангажементовъ, одинъ выгоднѣе другого.

Ожиданія антрепренеровъ, однако, не оправдались: Орловъ оказался самымъ зауряднымъ актеромъ и на амплуа «премьера» онъ продержался всего только два или три сезона.

Въ театральной мірѣ его такъ и называли «калифъ на часъ».

Спектакль, данный въ присутствіи государя, былъ однимъ изъ послѣднихъ спектаклей выставочнаго театра. Затѣмъ театръ этотъ перешелъ въ аренду къ князю Урусову и С. В. Танѣеву и положилъ начало частной театральной антрепризѣ въ столицахъ.

А. И. Соколова.

ПАМЯТИ ГРАФА А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА.

ВАДЦАТЬ седьмого января—первая годовщина смерти выдающегося поэта, послѣдняго изъ истинныхъ и достойныхъ духовныхъ учениковъ великаго Пушкина— графа Арсенія Аркадьевича Голенищева-Кутузова. Смерть его вызвала въ печати многочисленные очерки и статьи, относившіеся, впрочемъ, больше къ литературной дѣятельности поэта, чѣмъ къ личности его. Совершенно почти отсутствовали въ этихъ очеркахъ и статьяхъ личныя воспоминанія о графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, какъ будто онъ при жизни никому изъ литературнаго міра не былъ доступенъ, ни съ кѣмъ изъ братьевъ-писателей никогда не вступалъ въ общеніе. Одна газета даже вполне ясно намекала на эту недоступность, причемъ причину послѣдней приписывала высокому служебному положенію поэта.

Было ли это такъ въ дѣйствительности—не знаю, но у меня есть нѣкоторое основаніе судить совершенно иначе.

Зимой 1906 года,—въ точности не помню, можетъ быть, это было въ началѣ 1907 года,—одинъ молодой издатель со средствами задумалъ выпустить дешевый популярный журналъ, въ которомъ читатель могъ бы находить здоровую литературную пищу, безъ всякой примѣси политики, декадентщины и порнографіи, заповнившей въ то время всю дешевую русскую журналистику. Сотрудниками изданія, по мысли его основателя, должны были быть исключительно писатели и поэты старой школы. Съ нѣкоторыми изъ нихъ войти въ переговоры поручено было мнѣ, пишущему настоящія строки.

Чтобы цѣликомъ выполнить возложенную на меня задачу, я, между прочимъ, долженъ былъ достать нѣсколько стихотвореній

Голенищева-Кутузова. Прочитавъ во «Всеми Петербургѣ» полный титулъ поэта и узнавъ, что онъ живетъ въ дворцовомъ домѣ, я, по правдѣ сказать, рѣшилъ было отказаться отъ мысли довести свою миссію до конца. Но издатель настаивалъ, и въ одно прекрасное утро я позвонилъ по телефону гр. Арсенію Аркадьевичу. Послѣ маленькаго вступленія, которое, вѣроятно, было совершенно излишне, я спросилъ, можно ли рассчитывать на его сотрудничество, хотя бы случайное, въ нарождавшемся журналѣ.

Отвѣтъ былъ таковъ или приблизительно таковъ:

— Ваше обращеніе ко мнѣ меня нѣсколько заинтересовало. По телефону ничего опредѣленнаго сказать не могу. Не все мнѣ ясно. Заѣзжайте, поговоримъ, посмотримъ. Только предупреждаю, что сейчасъ у меня стиховъ для печати нѣтъ.

Голенищевъ-Кутузовъ назначилъ мнѣ день (кажется, на завтра же) и часъ, и я къ нему направился. Помню, съ какой неохотой я вошелъ въ подъѣздъ казеннаго дома, какъ неохотно, послѣ нѣкотораго церемоніала, затѣяннаго швейцаромъ и лакеемъ, я очутился на порогѣ кабинета поэта, въ которомъ, прежде всего, думалъ увидѣть оберъ-гофмейстера. Но помню также, какъ быстро и безслѣдно разсѣялось мое смущеніе, когда Арсеній Аркадьевичъ, поднявшись изъ-за письменнаго стола и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу, совершенно просто и искренно-любезно пожалъ мнѣ руку и усадилъ меня передъ собою.

— Объясните, пожалуйста,—сказалъ онъ, глядя на меня въ упоръ:— въ чемъ дѣло. Я не совсѣмъ васъ понялъ по телефону.

Я въ отвѣтъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о новомъ нарождающемся изданіи, которое предпринимается единственно съ цѣлью дать возможность русскому читателю пользоваться дешевымъ чисто литературно-художественнымъ двухнедѣльникомъ въ то время, какъ почти всѣ прочіе недорогіе журналы печатаютъ такую беллетристику, которая, съ одной стороны, вліяетъ на и безъ того слабые нервы своихъ аудиторій, а съ другой стороны—развращаетъ литературные вкусы публики.

— Симпатично, очень симпатично!—два раза прервалъ мой рассказъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Изложивъ цѣль изданія, я назвалъ десятокъ именъ, чьи рукописи уже были въ распоряженіи редакціи. Все это были имена давно общезвѣстныя, безупречныя, и мнѣ показалось, что при постепенномъ перечисленіи ихъ взглядъ моего собесѣдника дѣлается все болѣе и болѣе одобрительнымъ. Только про одного изъ названныхъ мною писателей мой собесѣдникъ какъ будто нерѣшительно спросилъ:

— Онъ, кажется, перестраивается на новый ладъ, изъ старика хочетъ сдѣлаться молодымъ?

— Это, вѣроятно, простая случайность,—замѣтилъ я, понявъ, о какой именно вещи писателя думаетъ мой собесѣдникъ.

Чтобы подробнѣе ознакомить Голенищева-Кутузова съ матеріаломъ, который редакція ищетъ, я разсказалъ ему, что мы обращались къ Альбову, просили что-нибудь написать, и что тотъ отвѣтилъ отказомъ, причѣмъ сослался на свое физическое и душевное настроеніе, которое совершенно мѣшаетъ работать.

— Очень жаль, очень жаль,—тихо замѣтилъ графъ,—онъ, по моему, большой талантъ, но слишкомъ рано и безпричинно ушелъ отъ литературы. Онъ могъ бы еще дать не мало.

Затѣмъ, воспользовавшись какъ бы моей паузой, Голенищевъ-Кутузовъ сказалъ оживленнѣе, чѣмъ прежде:

— Итакъ, вы хотите обходиться безъ новыхъ и даже новѣйшихъ знаменитостей. Это—смѣло, очень смѣло. Хорошо было бы, если бы ваши благіе порывы дали кой-какой хоть результатъ. А то, дѣйствительно, вездѣ только и видишь чепуху какую-то, а не литературу. Я просматривалъ писанія нашихъ новыхъ поэтовъ и беллетристовъ, даже старался понять ихъ, проникнуться ихъ стремленіями, ихъ задачами, но... право, пожалѣлъ, что тратилъ время на это занятіе. Я ихъ всѣхъ, за нѣкоторыми исключеніями, не осуждаю, а жалѣю. Но есть среди нихъ такіе, которые сознательно кривляются. И они возбуждаютъ ко мнѣ очень нехорошее чувство.

При этихъ словахъ я ясно чувствовалъ, что слышу не только мнѣніе, но и жалобу на что-то, на кого-то и боль за родную литературу.

Черезъ нѣсколько минутъ я перешелъ къ дѣлу, прямо заявилъ, что редакціи будущаго журнала очень желательно было бы получить его стихи и право внести его имя въ списокъ сотрудниковъ.

— Къ сожалѣнію, не могу удовлетворить вашу просьбу. Я очень мало пишу, а то, что пишу, не отдѣлываю для печати. Я, кажется, предупредилъ васъ объ этомъ по телефону. Но обещаю при первой возможности дать вамъ кое-что для помѣщенія въ вашъ журналъ, непременно дамъ. Только не знаю, когда это будетъ. Что же касается включенія моего имени въ списокъ, то это мнѣ, признаться, не желательно. Никогда я, кажется, не фигурировалъ въ спискахъ сотрудниковъ какого-либо журнала, а потому было бы странно, если бы мое имя вдругъ появилось въ объявленіи о новомъ изданіи. Думаю, что вы согласитесь со мною.

Онъ говорилъ это такъ просто, откровенно и искренно, что мнѣ, дѣйствительно, ничего не осталось, какъ согласиться съ нимъ и подтвердить неудобство для него въ томъ, чтобы его имя вдругъ появилось въ объявленіи о новомъ журналѣ, который еще неизвѣстно какъ будетъ принятъ публикой.

Я поднялся, замѣтивъ:

— Все-таки не теряю надежды, что ваши стихи появятся въ скоромъ времени у насъ.

— Да, да, если будетъ что-нибудь, непременно дамъ, непременно.

Онъ проводилъ меня до передней и распрощался со мной крайне любезно, безъ всякой напряженности попросивъ меня какъ-нибудь заглянуть.

Если я зашелъ къ Голенищеву-Кутузову какъ къ оберъ-гофмейстеру, то ушелъ отъ него, какъ отъ самаго скромнаго, любезнаго и искренняго человѣка. Любя его уже давно по его стихамъ, я теперь почувствовалъ къ нему какое-то нѣжное чувство, какъ къ хорошему знакомому. Настолько, вѣроятно, онъ умѣлъ располагать къ себѣ людей, которыхъ встрѣчалъ безъ малѣйшаго намека на свою извѣстность, на свой титулъ, на свое положеніе.

Сейчасъ мнѣ очень пріятно было знать отъ вдовы графа, что ею готовится къ печати полное собраніе сочиненій покойнаго поэта, куда войдутъ, кромѣ стихотвореній и поэмъ, и прозаическія произведенія, а также академическія его рѣчи. Посмертное собраніе сочиненій составитъ четыре объемистыхъ тома, къ каждому изъ которыхъ будетъ приложенъ портретъ поэта, а къ первому и подробно составленная родными біографія.

— Къ выпуску посмертнаго изданія,—сказала мнѣ графиня Голенищева-Кутузова,—сочиненій моего мужа побудили меня, между прочимъ, многочисленныя письма со всѣхъ концовъ Россіи, письма, въ которыхъ обращается вниманіе на то, что прежнія изданія совершенно разошлись, въ продажѣ не имѣются и что поэтому нѣтъ возможности знакомиться съ литературнымъ его наслѣдіемъ.

На мой вопросъ, осталось ли послѣ покойнаго что-нибудь неопубликованнаго, еще неизвѣстнаго, графиня сообщила мнѣ, что ея мужъ передъ смертью выразилъ желаніе, чтобы все оставленное имъ въ черновикахъ, не обработаннымъ и не подготовленнымъ къ печати было сожжено. Воля поэта, разумѣется, была свято исполнена. Вполнѣ законченными остались лишь два стихотворенія, которыя ни въ одну изъ книгъ поэта не вошли и которыя имѣю возможность привести тутъ цѣликомъ. Вотъ они.

О б л а к а .

Облака, облака! Въ неземной вышинѣ,
 Какъ мечтанья въ бреду, какъ видѣнья во снѣ,
 Вы несетесь крылатой толпою,
 Безвозвратно скрываясь изъ глазъ безъ слѣда,
 Съ неразгаданной тайной—откуда? куда?
 Въ вѣчномъ бѣгѣ за смутной мечтою.

Облака, облака! гдѣ вашъ кончится путь?
 Гдѣ найдете пріютъ, чтобъ въ тиши отдохнуть
 Отъ недужнаго къ далямъ стремленья?
 Гдѣ душа исцѣлится отъ бреда мечты,
 Отъ объятій глухой, роковой нищеты,
 Отъ стыда и отъ муки презрѣнья?

Облака, облака! Будетъ конченъ полетъ
 Тамъ, гдѣ вѣтеръ въ безбрежье небесъ разнесетъ
 Вереницъ вашихъ легкія звенья.
 И найдешь ты, душа, возжелѣнный покой
 Тамъ, гдѣ вѣчности бездна сольется съ тобой
 Въ всецѣлебныхъ объятяхъ забвенья.

Тщетные вопросы.

Одиноко на одрѣ недуга
 Я лежу съ душой заолодѣлой,
 Съ недопѣтой пѣсней въ смолкшемъ сердцѣ,
 Въ головѣ съ поблекшими мечтами.
 Я лежу въ нѣмомъ изнеможенъи.
 Вкругъ меня во мглѣ все цѣпенѣетъ
 Только гдѣ-то далеко и смутно
 Отголоски слышатся былого,
 Отголоски суеты житейской,
 Давнихъ грезъ, надеждъ, порывовъ вѣры,
 Горькихъ думъ и разочарованій,—
 Всей минувшей выстраданной жизни.
 И въ умѣ шевелятся вопросы:
 Для чего порой такъ сердце билось,
 Обнимало душу вдохновенье
 И пылали въ ней любовь и пѣсни?
 Для чего все это пережито?
 Для кого все это было нужно?
 Сердцу больно... Тщетные вопросы
 Стынутъ въ мысляхъ, нѣтъ на нихъ отвѣта.

Эти два стихотворенія были лебедиными пѣснями умолкшаго поэта и свидѣтельствуютъ о томъ, что до конца «обнимало душу его вдохновенье».

И. Г.

ЛЖЕХРИСТОСЪ-РОСТОВЩИКЪ.

(Изъ недавняго прошлаго поволжскаго сектантства).

1.

ГУБЕРНІЯ Саратовская составляетъ едва ли не одну изъ самыхъ зараженныхъ расколѣмъ областей въ Низовомъ Поволжьѣ. Благодаря въ былое время отдаленности ея отъ центра просвѣщенія и русской государственной жизни, обилію въ ней мѣстъ укромныхъ и обширности разбросанной на нѣсколько сотъ верстъ территоріи ея, въ нее съ давнихъ поръ начинаютъ стекаться многіе отщепенцы Христова стада, чтобы вдали отъ не всегда «дреманнаго ока» полицейскаго начальства удобнѣе насаждать свои плевелы. Еще въ половинѣ XVIII столѣтія тамъ были замѣчены различные вѣроучители. Какъ можно судить по всенародной переписи 1745 года, прежде всего сектанты стали гнѣздиться въ самомъ Саратовѣ. Тутъ были выходцы изъ Симбирской губерніи, изъ Москвы и яицкіе казаки ¹⁾. Послѣ же обнародованія манифеста 4-го декабря 1762 года въ нее потекло еще больше раскольниковъ изъ Польши и Литвы, расселившихся, кромѣ Иргиза, въ другихъ привольныхъ и удобныхъ мѣстахъ по Волгѣ ²⁾.

¹⁾ Дѣло астраханскаго губернскаго архива за 1744 г., № 38, вяз. 729.

²⁾ Въ астраханскомъ архивѣ намъ попался весьма любопытный указъ сената отъ 23-го декабря 1762 года, по поводу переселенія этихъ выходцевъ. Въ приложенномъ при немъ «реестрѣ» для нихъ были указаны разныя мѣста по теченію Волги, въ количествѣ болѣе семидесяти тысячъ десятинъ лѣса и сѣнокоса.

Съ этихъ поръ расколъ въ тамошнемъ краѣ сталъ распростра- няться по окрестнымъ селеніямъ быстро, съ ожесточеніемъ и силой. Къ концу XVIII столѣтія, помимо поповщины, безпоповцевъ и по- морцевъ, сюда проникли хлыстовская ересь, молокане, скопцы. На ряду съ русскими проповѣдниками, усиливали духъ раскола и нѣмецкіе сектаторы изъ сосѣднихъ колоній Новоузенскаго и Ка- мышинскаго уѣздовъ, насадившіе въ теченіе XIX столѣтія въ южной части губерніи штунду и баптизмъ. Наконецъ, въ 1870 году въ селѣ Осиновкѣ Балашовскаго уѣзда появилась новая, до сихъ поръ не изслѣдованная секта, послѣдователи которой носили на себѣ власяницы, а вмѣсто веригъ широкіе дугообразные изъ желѣза четырехконечные кресты ¹⁾, наподобіе тѣхъ, какіе имѣли когда-то крестоносцы.

Темнота народная давала широкій просторъ разнаго рода про- ходимцамъ елико возможно эксплуатировать простой людъ, жа- ждавшій небснаго царствія. Подъ видомъ поборниковъ истины, скорбѣвшихъ за нужду народную, вкрадчиво, слащаво призывали они малоопытныхъ простолюдиновъ къ покаянію и наслѣдованію вѣчнаго блаженства. Сначала поселяне недовѣрчиво слушали не- признанныхъ проповѣдниковъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше, подъ давленіемъ ихъ сильной воли и жаркихъ рѣчей, убѣждались въ правотѣ навязываемыхъ имъ святыхъ глаголовъ и постепенно, незамѣтно поддавались ихъ произволу. Вѣроучители умѣли вліять на любвеобильную душу русскаго простолюдина.

Въ началѣ 1873 года въ Хвалынскомъ уѣздѣ появился новый проповѣдникъ, крестьянинъ села Петропавловки Самуилъ (или Са- мойла) Ивановъ Токаревъ (онъ же Гударинъ), лѣтъ двадцати пяти, обладавшій недюжиннымъ умомъ и сильной волей. Это былъ типъ пройдохи-вѣроучителя, въ иныхъ случаяхъ, гдѣ нужно, мягкаго и податливаго, а когда требовали обстоятельства, злобнаго и дерз- каго, но всегда алчнаго и настойчиваго, когда дѣло касалось его интересовъ. Своимъ елейнымъ видомъ, краснорѣчіемъ и умѣніемъ держать себя вкрадчиво онъ вскорѣ заслужилъ всеобщее къ себѣ окрестныхъ крестьянъ расположеніе и, пользуясь ихъ темнотой и невѣжествомъ, обиралъ дочиста тѣхъ, кто попадался въ его за- гребистыя лапы.

По разсказамъ очевидцевъ, Токаревъ обладалъ какой-то маги- ческой силой, невольно заставлявшей подчиняться ему людей мало подвижныхъ и даже съ твердымъ характеромъ. Своимъ лицомъ онъ сильно напоминалъ тѣ лики Христа Спасителя, какіе обыкновенно пишутся у насъ въ сельскихъ церквахъ на ико- нахъ. Та же курчавая черная борода, обрамлявшая бѣлое и чи-

¹⁾ Указанія объ этой сектѣ мы нашли среди вещественныхъ доказательствъ сара- товскаго окружнаго суда. Самаго же дѣла о ней не оказалось въ тамошнемъ архивѣ.

стое съ прямымъ носомъ лицо; такіе же вьющіеся до плечъ волосы на головѣ, черные жгучіе глаза, которые, когда онъ былъ гнѣвенъ, метали искры, особенно въ темпотѣ. По почамъ, рассказывали его послѣдователи, они свѣтились у него, какъ у кошки. А когда, бывало, злился онъ и топалъ ногами, очи его горѣли, точно волчьи, ажъ страшно становилось смотрѣть на него.

Должно быть, для большей убѣдительности, чтобы сильнѣе повліять на неустойчивые умы и впечатлительныя души необразованныхъ простолюдиновъ, Токаревъ первое время своего проповѣдничества ходилъ по окрестнымъ селеніямъ Юловской и Широко-Буеракинской волостей одѣтый въ рубище, съ желѣзными цѣпями (веригами) на плечахъ, босой, часто съ непокрытой головой, собиралъ, какъ нищій, подаянія и, именуя себя Христомъ, призывалъ православныхъ къ покаянію и благотворительности ¹⁾.

Рѣчь его лилась плавно; говорилъ онъ выразительно, съ убѣжденіемъ. Читая священное писаніе, Токаревъ объяснялъ православнымъ, какъ можно спастись «и въ міру».

— Ежели кто хочетъ душу свою спасти, справь себѣ лѣствицу. А скорѣе справить себѣ лѣствицу тотъ, кто дастъ мнѣ, какъ Христу, больше милостины.

Кромѣ того, для «исправленія этой лѣственницы», по его словамъ, надо было каждый день читать двадцать четыре раза «Отче нашъ»,

Для большей реальности проповѣдуемаго имъ ученія и укрѣпленія въ сердцахъ своихъ послѣдователей истиннаго представленія о Богѣ онъ, Сынъ Божій, избралъ себѣ Бога Отца Саваоа шестидесятишестилѣтняго крестьянина деревни Дерябовки, Черкасской волости, Василя Ларионова Кочеткова (извѣстнаго въ народѣ больше подъ именемъ «Саввы»). Вдвоемъ сильнѣе они опутывали крестьянъ, невольно заставляя ихъ подчиняться своей волѣ.

— Я—Христось,—говорилъ Самуиль:—въ моей власти кончить настоящій вѣкъ, и тогда съ отцомъ Саваоомъ (т. е. Саввой) взойдемъ на гору высокую, соберемъ всѣхъ людей, живыхъ и мертвыхъ и начнемъ судить ихъ, по грѣхамъ имъ.—Ударяя себя въ грудь, гдѣ подъ рубахой звучали вериги, онъ приговаривалъ:—Вотъ гдѣ святые!

Какъ Христу, ему извѣстно даже, что творится на небесахъ.

— Мнѣ предана вся суть земная. Богъ судить не будетъ, а буду судить я и могу простить всякій грѣхъ.

— Мы съ отцомъ (т. е. Саваоомъ, Саввой) зайдемъ на гору высоку съ востока и запада, и надъ нами будутъ стоять огненные столбы отъ земли до небесъ.

Онъ увѣрялъ простолюдиновъ, что больше его (Христа) съ Саввой (Богомъ Отцомъ) нѣтъ никого на свѣтѣ и при встрѣчѣ съ Кочет-

¹⁾ Дѣло саратовскаго окружнаго суда за 1877 г., шкапъ 32, полка Д, мѣсто 3.

ковымъ на собраніяхъ всегда кланялся ему въ ноги, почитая своего отца.

Не отрицая въ своемъ ученіи святости церкви православной, Токаревъ, однако, вводилъ въ него нѣкоторыя обрядности безповщины на ряду съ грѣховными отправлениями хлыстовъ.

Онъ не запрещалъ своимъ послѣдователямъ ходить въ церковь, но говорилъ:

— Когда стоишь тамъ, глазами смотри внизъ, а разумомъ на меня—на Христа твоего.

— Попамъ не совѣмъ вѣрьте, не слушайте ихъ. Вотъ у меня есть книжечки, гдѣ о нихъ очень хорошо сказано.

Молитвенныя богослуженія Токаревъ совершалъ рѣдко. Но больше онъ «поучалъ» народъ, читая имъ или евангеліе, или творенія святыхъ отецъ, чаще «Поученія святого Іоанна Златоуста». При чтеніи ихъ онъ «то плакалъ, то смѣялся». Во время богослуженія самъ онъ и его братія одѣвали бѣлыя длинныя рубахи. Самуилъ становился въ передней уголъ ближе къ образамъ. Остальные размѣщались позади него. Всѣ пѣли духовныя стихиры.

При входѣ въ комнату, гдѣ происходило чтеніе или бомоголеніе, каждый, вооружившись подручникомъ, кланялся до земли иконамъ и говорилъ, обращаясь къ проповѣднику:

— Братіе, Христа ради простите!

Отвѣчалъ всегда Самуилъ: «Богъ простить!»

— Братіе, благословите Христа ради,—еще разъ кланялся вошедшій.

— Богъ благословить.

— Помолись, Христа ради, о насъ грѣшныхъ,—просилъ сектантъ.

— Молится Богородица о насъ, грѣшныхъ, за весь міръ православный,—отвѣчалъ Токаревъ.

Такая же процедура поклоновъ и прощеній производилась и тогда, если кто изъ молящихся выходилъ на дворъ и снова возвращался въ моленную.

На Троицынъ день лжехристосъ водилъ своихъ послѣдователей въ Мазинскій (Юловской волости) лѣсъ. На дерево ставилась икона, всѣ молящіеся зажигали восковыя свѣчи. Мужчины обязательно облекались въ длинныя бѣлыя рубахи. Женщины могли оставаться въ своихъ костюмахъ. Ничего неприличнаго во время моленія не происходило. Только Токаревъ или одинъ изъ его наперстниковъ, крестьянинъ села Куликовки Матвѣй Софѣинъ, читалъ евангеліе. Отецъ Савва, какъ неграмотный, только присутствовалъ, не принимая никакого участія въ чтеніи. Но лжехристосъ заставлялъ народъ падать предъ нимъ ницъ и три раза пѣть молитву: «Пресвятая Троица, помилуй насъ».

Вліяя на животныя инстинкты толпы, Токаревъ болѣе всего

привлекъ на свою сторону женщинъ, особенно тѣмъ, что, отнимая у молодыхъ мужей ихъ женъ, отдавалъ послѣднихъ старикамъ и пожилымъ, а старухъ благословлялъ жить съ молодыми парнями. За это старушонки Широкаго Буерака боготворили его, называя не иначе, какъ «нашъ Христосъ», и тащили ему со всѣхъ сторонъ подавня и деньгами, и хлѣбомъ, и одеждой, такъ что послѣ каждаго прїѣзда въ Широкій Буеракъ Токаревъ увозилъ къ себѣ въ Вольскъ цѣлыми возами натасканное добро.

Если кто изъ назначенныхъ имъ новобрачныхъ ослушивался его велѣній и сходилъ опять жить съ прежней женой, на того лжехристосъ налагалъ тяжелую эпитемію.

— Согрѣшилъ я, батюшка! Прости, Христосъ милостивый,— приходилъ къ нему съ покаяніемъ провинившійся.

— Да какъ же ты смѣлъ ослушаться моего повелѣнія,— воспротивиться Христу?

Кающійся падалъ ницъ и молилъ о прощеніи.

— Ну, ладно, на первый разъ прощаю! Неси трешницу!

Безъ трешницы или пятишницы, смотря по состоянію, Токаревъ не отпускалъ грѣховъ; беря эти деньги, онъ объяснялъ, что онѣ требуются Богу для спасенія души согрѣшившаго.

— Да у меня нѣтъ денегъ, батюшка, и взять негдѣ!

— Не бѣда! послѣ отдашь,— успокаивалъ его лжехристосъ и подсовывалъ грѣшнику расписку съ начтенными за шесть мѣсяцевъ процентами изъ пятнадцати годовыхъ.

Всѣ эти расписки потомъ, если провинившійся не уплачивалъ въ срокъ долга, Токаревъ передавалъ для взыскаія жившему въ Вольскѣ ходатаю по дѣламъ чиновнику Колпикову, который слылъ постояннымъ повѣреннымъ лжехриста.

II.

Родился Токаревъ въ селѣ Петропавловкѣ Хвалынскаго уѣзда, гдѣ жилъ лѣтъ до двадцати. Женился тамъ, но, будучи не «срушень» къ крестьянской работѣ, промышленялъ мелкими дѣлишками, торгашествомъ, поденщиной, едва влача жалкое существованіе своей семьи. Должно быть, вслѣдствіе постоянной бѣдности и его тяжелаго характера, жена вскорѣ отдала Богу душу, оставивъ молодому вдовцу маленькую дочь Акулину.

Не стѣсняемый теперь ничѣмъ, Самуилъ продалъ за сто тридцать рублей свой плохонькій домишко и вмѣстѣ съ дочерью отправился изъ родного села искать святую вѣру и легкаго прокормленія. Въ августѣ 1872 года общественники дали ему одобрительный приговоръ на постоянное жительство въ Вольскѣ.

Нанявъ здѣсь въ домѣ Саввы Кочеткова небольшую квартиру и оставивъ тамъ свои пожитки, Токаревъ сталъ часто отлучаться

отсюда для какихъ-то своихъ дѣлъ по окружнымъ, преимущественно торговымъ поволжскимъ селеніямъ. Однажды въ селѣ Балаковѣ (Самарской губерніи) онъ встрѣтился на постояломъ дворѣ съ турецкой подданной Анной Михайловной Панаиди-Мовали, которая съ семилѣтней дочкой Агаѳеѣй ѣхала въ Таганрогъ. Они разговорились. Узнавъ, что вдова ищетъ «лучшей вѣры», Токаревъ уговорилъ ее «перейти въ православіе» и остаться жить съ нимъ въ Вольскѣ. Красивая и хитрая молдаванка согласилась, и вдвоёмъ новоявленные супруги начали оперировать темными дѣлами.

Домъ Кочеткова былъ очень удобенъ для этихъ операций. Онъ находился въ горахъ на набережной Волги, въ концѣ Клейменовскаго переулка, гдѣ подъ низомъ пріютился кабачокъ «Разгуляй», около котораго постоянно группировались бурлаки, судовые рабочіе и пріѣзжавшіе изъ деревень за покупками крестьяне. Особенно много наѣзжало ихъ туда во время тамошней ярмарки и предъ праздникомъ Святой Троицы.

Конечно, односельцы завертывали къ Токареву сначала «ради свиданья» «по знакомству», и тотъ постепенно развивалъ предъ ними свои «богowedохновенныя» идеи. Иныхъ привлекала сюда нужда, такъ какъ извѣстно было, что Самуилъ Ивановичъ ссужалъ бѣднымъ деньги за проценты. Позднѣе сборища эти участились. Токаревъ свободно проповѣдывалъ свое ученіе. Время проводили въ чтеніи священныхъ книгъ, а иногда послѣдователи его пѣли духовныя пѣснопѣнія. Сосѣди не могли подозрѣвать о нихъ, такъ какъ окна токаревской квартиры всегда были закрыты плотно ставнями.

Благодаря этимъ сношеніямъ, вскорѣ онъ перенесъ свою проповѣдническую дѣятельность въ родное село Петропавловку (Косыревка тожь), гдѣ у него составила особая «братія»¹⁾. Отсюда ученіе его перешло въ деревню Дерябовку и въ село Широкой-Буеракъ.

Какъ рассказываетъ приходскій священникъ отецъ Андрей Никольскій, началъ Токаревъ свою проповѣдь въ 1873 году. Сначала онъ совращалъ православныхъ тайно, научая ихъ продать имѣніе, деньги отдать ему, бросить жену и дѣтей и итти вмѣстѣ съ нимъ странствовать.

«Какъ-то въ декабрѣ зашелъ онъ ко мнѣ въ самое ветхое кафтанншкѣ, съ цѣпочкой на шеѣ, подъ видомъ веригъ, и говорилъ, что склоняетъ раскольниковъ къ православію, внушая народу, что имѣетъ богородицу и двѣнадцать апостоловъ, которыхъ, видимо, показывалъ только избраннымъ, достойнымъ послѣдователямъ своимъ, для пріобрѣтенія себѣ большаго довѣрія».

¹⁾ По словамъ свидѣтелей, въ числѣ этой братіи были крестьяне: Игнатій Алексѣевъ Гаврила Емансинъ, Трофимъ Зимичевъ и Александръ Куряевъ. Самъ же Токаревъ на допросахъ у слѣдователя указывалъ въ числѣ своихъ приверженцевъ: Василія Лысова, Игнатія Харитонова и Ивана Зимичева.

Даже на слѣдствіи не отрицалъ Самойла того факта, какъ въ Широкомъ Буеракѣ сходились къ нему послушать «слово Божіе» человѣкъ до сорока мѣстныхъ жителей, «набиралась полная изба». Тамъ у него была «братія» изъ крестьянъ Василя Кошицына, Сергѣя Лохова, Кузьмы Юдичева, Ивана Сугрובה и Василя Рушинова.

Жаждавшіе «спасенія души» пріѣзжали туда и изъ Дерябовки и изъ Косыревки. Подаянія, говорятъ очевидцы, тащили и везли ему со всѣхъ сторонъ возами. Но самъ онъ никому ничего не давалъ. Разъ крестьянинъ Суетинъ попросилъ у него лошади Христа ради:

Токаревъ отвѣчалъ ему.

— Ты не уподобился Христу и не можешь брать у другихъ.

Былъ у него еще подручный нищій Матвѣй Гавриловъ, крестьянинъ деревни Осметовки Сердобинской волости Петровскаго уѣзда, который ходилъ по окрестнымъ селеніямъ распространять «славу о Христѣ» и собиралъ для него милостыню.

Токаревъ намѣревался избрать двѣнадцать апостоловъ. Къ сожалѣнію, мало кто подходилъ подъ требуемыя имъ условія.

— Сдѣлаю я апостоломъ или уподоблю голубю и вознесу въ свою братію тѣхъ только, кто больше дастъ милостыни. А милостыню слѣдуетъ давать на небесную лѣственницу, — говорилъ онъ. — Надо познать такого человѣка, который заповѣди творить, отцовскія добродѣтели исполняетъ. И кто болѣе подаетъ милостыни, тотъ больше будетъ угоденъ Богу.

Жили въ этомъ селѣ два брата Лоховыхъ, Ѳедоръ и Павель, люди недалняго ума, особенно первый, котораго сельчане считали «придурковатымъ», но очень честолюбивые. Ужъ очень имъ хотѣлось выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ крестьянской среды и получить отличіе. Замѣтя въ нихъ эти недостатки, Токаревъ смекнулъ, что ихъ скорѣе всего можно «облапошить», и сталъ чаще навѣдываться къ Павлу Лохову. Заходилъ туда и Ѳедоръ.

— Въ первый разъ, — рассказываетъ послѣдній, — я увидѣлъ Токарева одѣтымъ въ рубище и веригахъ. Онъ проповѣдывалъ народу:

— Надо отдать имѣніе Христу и итти въ малое стадо (такъ, по видимому, онъ называлъ свою «братію»). И сдѣлаю я того чистымъ голубемъ или бѣлымъ лебедемъ. А иначе спастись нельзя.

Черезъ нѣсколько времени Лоховъ увидѣлъ Самуила въ обществѣ Саввы Кочеткова. Послѣдній величалъ себя «Святой Троицей» или «таткой всего земного», а Токарева называлъ пчелкою, которая разыскиваетъ людей и научаетъ ихъ сдѣлаться удобными маткѣ. Оба поучали крестьянъ:

— Продайте все имѣніе свое, деньги отдайте Христу (т. е. Самуилу) и тогда спасете души свои.

Токаревъ сталъ навѣщать и Ѳедора Лохова, сбивая и его исполнить эту божественную заповѣдь.

На собраніяхъ у послѣдняго лжехристосъ говорилъ собравшимся:

— Въ дому не спасешься, помрешь, не будетъ спасенія. Продайте все и отдайте Христу.

Онъ сбивалъ Лохова вступить къ нему въ число его «высокихъ преемниковъ».

— Мнѣ обязательно надо набрать двѣнадцать апостоловъ, которые оставили бы дома свои и послѣдовали за мною. И тогда только я могу, черезъ два года, объявить праведный судъ, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ.

Ѳедору, должно быть, очень захотѣлось быть такимъ избранникомъ. Подъ давленіемъ Самуила онъ продалъ за семьсотъ рублей свой домъ въ Широкомъ Буеракѣ, распродалъ все имущество и всѣ собранныя деньги, около тысячи пятьсотъ рублей, понесъ ему.

— Не мнѣ, а Богу отдаешь ты деньги,—замѣтили Токаревъ.

По приказанію послѣдняго, Лоховъ сдѣлалъ предъ образомъ св. Николая три земныхъ поклона, и уже только послѣ этого лжехристосъ удостоилъ его великой милости,—принялъ отъ него деньги и надѣлилъ его титуломъ «апостола».

— Отнынѣ ты будешь именоваться Петромъ,—сказалъ Самуиль.

Потомъ, взявъ на палець слюны изъ своего рта, причастилъ ею Лохова, говоря при этомъ:

— Слюна моя есть живая вода.

Послѣ того Токаревъ далъ ему наставленіе, какъ вести себя и что дѣлать.

— Нужно обманывать плотскихъ бѣсовъ (т.-е. людей), а иначе не обманешь и невидимыхъ бѣсовъ. Можно убить богатаго чело-вѣка, ограбленныя деньги принести мнѣ, и я отпущу тому грѣхъ.

Съ этого дня Лоховъ сдѣлался преданнымъ слугою своего Спасителя. Онъ остался въ Широкомъ Буеракѣ, собиралъ для него подаянія и трудился до пота лица. Сѣялъ пшеницу, нахаль, боронилъ, убиралъ хлѣбъ, продавалъ его, а вырученныя деньги всѣ цѣликомъ относили Христу. Въ то же время жена его жила въ Вольскѣ у Токарева, куда захватила съ собой уцѣлѣвшія отъ продажи вещи и коровенку черную. Тамъ она мыла, шила и готовила на семью его и исполняла всякую домашнюю работу. Но этого мало, лжехристосъ часто посылалъ ее на поденщину, а заработанныя ею деньги бралъ себѣ. Такъ продолжалось больше года, когда у супруговъ Лоховыхъ явилось просвѣтлѣніе.

Первымъ убѣдился въ ложности ученія Токарева Ѳедоръ. Появивши наконецъ, что проповѣдь его ведется къ обиранію народа, онъ отсталъ отъ него, за что Самуиль прозвалъ его «Иудой». Слѣдомъ за нимъ покинула квартиру лжехриста и Варвара Лохова.

Конечно, сами они едва ли сумѣли бы выйти изъ добровольнаго рабства, если бы имъ не помогли въ томъ другіе.

Еще въ 1873 году, на первыхъ же порахъ преступной дѣятельности Токарева въ Широкомъ Буеракѣ, мѣстный священникъ о. А. Никольскій донесъ о томъ благочинному. Тотъ направилъ донесеніе въ саратовскую духовную консисторію. Къ сожалѣнію, послѣдняя ограничилась только предписаніемъ (11-го мая 1874 г.) о вразумленіи заблудшихъ, не сообщивъ о продѣлкахъ лжехриста административной и судебной властямъ, и онъ попрежнему продолжалъ обирание простолудиновъ ¹⁾ до того момента, когда, вслѣдствіе своей непомѣрной жадности, самъ не погубилъ себя.

Совращенные имъ Павелъ и Ѳедоръ Лоховы, подъ увѣщаніемъ приходскаго священника, оставили бродяжническую жизнь и въ январѣ 1876 года присоединились къ церкви. Одновременно съ этимъ Варвара Лохова, воспользовавшись случаемъ, когда Токаревъ уѣхалъ куда-то изъ Вольска, собрала свои пожитки и ушла къ своему отцу отъ святого Божьяго сына.

Возвратившись домой, лжехристосъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и сейчасъ же настроилъ мировому судѣ прошеніе, въ которомъ жаловался, что Лохова съ своимъ отцомъ увела у него «собственную его» черную корову, стоящую тридцать рублей, и украла разныхъ вещей на тридцать четыре рубля пятьдесятъ копеекъ, прося судью «поступить съ ними по законамъ уголовнымъ» и взыскать съ нихъ стоимость похищеннаго.

Токаревъ, конечно, не предвидѣлъ, что произойдетъ отъ «вчинанія» этого иска. Конецъ оказался очень грустнымъ. Судья не только оправдалъ Лохову, но постановилъ возбудить противъ истца уголовное преслѣдованіе по 1666 статьѣ уложенія о наказаніяхъ (за мошенничество), такъ какъ на разборѣ дѣла открылась преступная его дѣятельность.

Однако Токаревъ не удовольствовался этимъ урокомъ. Одновременно съ первой жалобой онъ подалъ мировому судѣ второго участка Хвалынскаго уѣзда вторую на мужа Лоховой Ѳедора и его родственника Горюнова, которые совершили «самоуправство», не давъ ему увезти изъ амбара Лохова принадлежащую будто бы ему пшеницу мѣрою пятьдесятъ мѣшковъ. Напрасно обвиняемые доказывали, что сѣяли этотъ хлѣбъ, убирали и ссыпали его въ амбаръ они,—явились, однако, приспѣшники лжехриста, показавшіе въ его пользу. И судья наказалъ обоихъ арестомъ со взысканіемъ заявленной истцомъ суммы убытковъ ста восьмидесяти рублей.

Но нашлись добрые люди, выручили Ѳедора изъ бѣды. За оби-

¹⁾ По словамъ отца Никольскаго, хотя, вслѣдствіе его требованія, сельскими властями былъ запрещенъ Токареву вѣздъ въ Широкій Буеракъ, однако послѣдователи тайно принимали и скрывали его.

женныхъ вступились однообщественники. Собравъ 22-го февраля 1876 года сельскій сходъ, въ числѣ трехсотъ семи домохозяевъ, они постановили приговоръ, что «Самойла Токаревъ, именуя себя Христосомъ, составилъ шайку изъ крестьянъ Никиты Ведерникова, Василя Давыденкова, Ивана Зотова, Евдокима Каргина, Василя Кашицына, Андрея Небайкина, Василя и Ивана Рушиновыхъ и Андрея Хворова ¹⁾, которые идутъ въ свидѣтели по такимъ дѣламъ, коихъ никогда не видѣли и не слышали». Въ приговорѣ указывался рядъ случаевъ, гдѣ эта «братія» лжехриста выступала въ защиту его интересовъ, а самъ онъ съ крестьяниномъ Матвѣемъ Софьинымъ возбуждалъ разныя клеветническія на сельскихъ властей жалобы. Въ виду этого широкобуеракскіе поселяне просили товарища прокурора Краснокутскаго «открыть на законномъ основаніи уголовное преслѣдованіе противъ Токарева и его братіи» ²⁾.

Началось слѣдствіе. 25-го февраля вольской полиціей былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Токарева. Между прочими вещами, въ трехъ сундукахъ нашли пятнадцать мѣдныхъ натѣльныхъ крестовъ съ «гайтанами», нѣсколько поясковъ и другихъ маленькихъ крестиковъ, тринадцать пучковъ восковыхъ свѣчей, одинъ фунтъ ладану, лѣстовки, девять раскольническихъ вѣнчиковъ и четыре рукописанія, а рядомъ съ нимъ зачѣмъ-то лежала колода картъ, пужная, можетъ быть, Токареву для обыгрыванія простофилей на базарахъ и ярмаркахъ. Отыскали еще золотыми, серебряными и мѣдными монетами семьдесятъ рублей и на восемьсотъ тридцать рублей расписокъ и векселей отъ крестьянъ Широкаго Буерака и дер. Косыревки ³⁾.

Слѣдствіе вполне подтвердило зловредныя дѣйствія какъ самого лжехриста, такъ и его Саваоа—Кочеткова.

Судебный слѣдователь второго участка Хвалынскаго уѣзда Орловъ, подведя ихъ преступленія подъ 196 статью уложенія ⁴⁾, призналъ мѣрой пресѣченія для перваго залогъ въ размѣрѣ пяти-сотъ рублей, для второго—надзоръ полиціи. Съ этимъ, однако,

¹⁾ Крестьяне эти, составлявшіе «братію» Токарева, именовали себя его «апостолами»

²⁾ Приговоръ же мирового судьи о Лоховѣ былъ переданъ на рассмотрѣніе хвалынскаго съѣзда, который, по представленнымъ документамъ и указанному постановленію схода, не только оправдалъ Федора, но присудилъ въ пользу его двѣсти сорокъ рублей, съ назначеніемъ трехнедѣльнаго ареста Токареву.

³⁾ Кроме того, у него нашли печатныя книги: «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона, «Цвѣтникъ» виленской типографіи, «Чтеніе изъ евангелистовъ» и рукописныя: «Житіе Евстафія Плакиды», «Сонъ Богородицы», «Сказанія о пророкахъ Ильѣ и Енохѣ», «Жо пчеламъ»—Зосимы и Савватія, списокъ травъ для отраженія болѣзней, пасхальный канонъ, славянскую азбуку и двое святцевъ.

⁴⁾ Которая гласила: «Винные какъ въ распространеніи существующихъ уже между отпадшими отъ православной церкви ересей и расколовъ, такъ и въ заведеніи какихъ-либо новыхъ, повреждающихъ вѣру сектъ, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край».

не согласилась саратовская судебная палата. Такъ какъ, по обвинительному акту, они привлекались къ отвѣтственности по 1666 ст. уложенія (т.-е. за мошенничество на религіозной подкладкѣ), то журналомъ 6-го мая 1877 года она нашла необходимымъ заключить обоихъ подъ стражу въ вольскій тюремный замокъ.

Виновные были преданы сужденію саратовскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Дѣло разбиралось 22 сентября 1877 года выѣздной сессіей въ Хвалынскѣ.

Посмотрѣть на невиданное до того зрѣлище, какъ нечестивые никониане будутъ судить Христа-батюшку, съѣхалось много зрителей съ окрестныхъ селеній, особенно изъ тѣхъ деревень, гдѣ онъ оперировалъ.

Закоренѣлыя въ своемъ невѣжествѣ старушонки, которыхъ онъ такъ ловко обиралъ, плакали, глядя на своего кормильца, доставившаго имъ удовольствіе на склонѣ лѣтъ пожить съ молодыми мужьями. А онъ, одѣтый въ чистую бѣлую миткалевую рубаху, опоясанную тоненькимъ пояскомъ, спокойно, какъ святой, стоялъ за рѣшеткой, сложивши на животѣ крестообразно руки, съ прилизанными на головѣ волосами и разглаженной бородой. Опустивши долу очи, онъ только вздыхалъ. И на всѣ вопросы предѣдателя низко кланялся и отвѣчалъ односложно тоненькимъ голоскомъ: «Невинно страдаю!»

Благодаря сложности возникшаго процесса и обилію вызванныхъ для допроса свидѣтелей, разборъ дѣла затянулся на нѣсколько дней. Приверженцы его думали, что православные судьи не могутъ осудить «истиннаго сына Божія». Но они его осудили.

На предложенный присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ: «виновенъ ли Самуилъ Ивановъ Токаревъ, тридцати лѣтъ, въ томъ, что, преслѣдуя корыстную цѣль и пользуясь легковѣріемъ и невѣжествомъ разныхъ лицъ, называлъ себя Христомъ, обѣщалъ имъ прощеніе грѣховъ, при условіи передачи ему, какъ Христу, принадлежащихъ имъ имѣній и денегъ и этимъ путемъ сознательно обманныхъ увѣреній выманилъ деньги отъ разныхъ лицъ?»—получился отвѣтъ: «да, виновенъ!» Старовѣры ахнули. Раздались всхлипыванія и рыданія!

Окружный судъ вынесъ такой приговоръ: по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ отдать Токарева, тридцати лѣтъ, въ арестанскія роты гражданскаго вѣдомства срокомъ на одинъ годъ и три мѣсяца, съ послѣдствіями по статьѣ 48 и замѣною по статьямъ 77 и 78 уложенія о наказаніяхъ¹⁾, взыскавъ съ него въ пользу обездоленнаго имъ Федора Ляхова восемьсотъ шесть рублей семьдесятъ пять копеекъ

¹⁾ Т.-е. съ отдачею, послѣ отбыванія наказанія, подъ надзоръ полиціи на четыре года.

съ судебными и за веденіе дѣла издержками. Кочетковъ былъ оправданъ.

Конечно, больше всѣхъ былъ радъ такому благопріятному окончанію дѣла Лоховъ. Но, увы, очень мало досталось ему изъ присужденныхъ денегъ. Какъ рассказываютъ судейскіе чиновники, большая часть ихъ прилипла къ рукамъ покойнаго присяжнаго повѣреннаго Телепнева, который защищалъ гражданскій искъ Федора.

III.

Отбывши назначенное наказаніе и возвратившись въ гор. Вольскъ, Токаревъ опять поселился въ домъ Саввы Кочеткова. Состоя тамъ подъ надзоромъ полиціи, на первыхъ порахъ по возвращеніи онъ какъ будто ничѣмъ не проявлялъ своей преступной дѣятельности. Лѣтъ семь-восемь о немъ ничего не было слышно. Но, конечно, трудно повѣрить, чтобы онъ могъ отрѣшиться навсегда отъ своихъ прибыльныхъ операцій. Въ той кадкѣ, гдѣ былъ деготь, долго нельзя уничтожить вонючій запахъ!

Спустя нѣкоторое время, по городу стали носиться слухи, что Токаревъ ссужаетъ деньги. Нуждающихся, понятно, находилось немало. И бывший лжехристосъ никому не отказывалъ въ своей милости, лишь бы платили положенные имъ проценты. Съ помощью нотаріуса Трубецкого онъ такъ обставлялъ свои жертвы, что попавшій разъ на его удочку никакъ не могъ потомъ выпутаться изъ его тисковъ. Добрымъ помощникомъ у него состоялъ присяжный повѣренный Соколовъ, который велъ всѣ его исковыя дѣла, немилосердно взыскивая съ должниковъ занятые деньги. Хотя объ этой его дѣятельности вѣдали и полиція, и мѣстныя судебныя власти (въ маленькомъ городишкѣ всѣмъ все извѣстно), но смотрѣли на то сквозь пальцы, по пословицѣ: «моя хата съ краю—ничего не знаю». Ростовщичество Самуила всплыло наружу опять-таки благодаря непомѣрной жадности самого его.

Въ началѣ октября 1895 года Соколовъ предъявилъ два прошенія судья перваго участка гор. Вольска: въ одномъ говорилось о взысканіи въ пользу Токарева съ вольскихъ мѣщанъ Николая Васильева и Ксеніи Михайловой Курпріановыхъ трехсотъ рублей по векселю, выданному 14-го марта 1895 года и явленному у нотаріуса Трубецкого, а второе требовало обязать мѣщанина Степана Ивановича Клокова возвратить тому же Токареву поклажу на семьдесятъ рублей по сохранный распискѣ отъ 12-го октября 1894 г., засвидѣтельствованной тѣмъ же нотаріусомъ.

Оба требованія удовлетворилъ городской судья, выдавъ опредѣленіе «о допущеніи понудительнаго противъ должниковъ исполненія».

Взвыли заемщики, когда через нѣсколько дней явилась для описи ихъ имущества полиція, и, какъ ошалѣлые, кинулись просить защиты къ товарищу прокурора. Было подано прошеніе «о признаніи предъявленныхъ документовъ ростовщическими». Дѣло поэтому поступило къ уѣздному члену саратовскаго окружнаго суда «для разсмотрѣнія въ уголовномъ порядкѣ». И тутъ только открылось, что Токаревъ взималъ лихвенные проценты со всѣхъ должниковъ, занимаясь ростовщичествомъ въ видѣ промысла ¹⁾.

Начатое вслѣдъ за тѣмъ слѣдствіе обнаружило и алчную наклонность его самого, и крайнее безсердечіе тѣхъ господъ, которые, по своему воспитанію и образованію, должны были бы, кажется, стоять выше кулаческихъ вождельній.

Въ тискахъ кровопійцы должники испускали послѣдніе соки, не дождались, не допивали, сохли и разорялись. Злобный ростовщикъ систематически сосалъ и изводилъ ихъ.

Приступила нужда супругамъ Купріяновымъ обратиться къ Токареву за деньгами въ 1891 году. Занявъ подъ вексель 50 рублей, они уплатили ему черезъ мѣсяць пятьдесятъ пять рублей, т.-е. десять процентовъ сверхъ занятой суммы. Спустя нѣсколько времени, они повторили заемъ, взявши пятьсотъ рублей съ выдачей шестисотрублеваго обязательства, а черезъ девять мѣсяцевъ уплатили семьсотъ рублей. Въ іюнѣ 1892 года имъ снова потребовалась такая же сумма подъ шестисотрублевый вексель, который 23-го декабря пришлось переписать на новый въ семьсотъ рублей, срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

Въ это время дѣла Купріяновыхъ сильно пошатнулись. Униженно просили они Токарева замѣнить вексель другимъ въ суммѣ восьмисотъ рублей. Тотъ согласился, но когда пришелъ срокъ (въ декабрѣ 1894 года) и должники денегъ не заплатили, онъ потребовалъ отъ нихъ сохранную расписку уже на девятьсотъ рублей. Нотаріусъ Трубецкой, зная происхожденіе расписки этой, тѣмъ не менѣе безпрепятственно засвидѣтельствовалъ ее, не сообщивъ о противозаконныхъ дѣяніяхъ Токарева кому слѣдуетъ ²⁾.

Не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ Купріяновымъ понадобилось еще двѣсти рублей. Токаревъ дать ихъ согласился, но съ условіемъ выдачи векселя на триста рублей, срокомъ по предъявленію. Нужда приказала исполнить и такое требованіе. Однако, когда вексель былъ подписанъ, онъ далъ имъ лишь сто рублей, обѣщая остальные принести черезъ недѣлю. Правда, онъ сдержалъ свое слово, но заставилъ Николая Купріянова подписать другой

¹⁾ Дѣло саратовскаго окружнаго суда за 1900 г., шкаль 142, пол. 2, мѣсто 44.

²⁾ Невольно становится страннымъ, что Токаревъ водилъ должниковъ къ этому нотаріусу, категорически отказываясь давать деньги займа подъ векселя, засвидѣтельствованные нотаріусомъ Поповымъ.

вексель на сто рублей за поручительствомъ жены Ксеніи Михайловны.

— Будьте покойны,—говорилъ онъ имъ:—больше процентовъ я съ васъ брать не буду.

Но какъ только Николай Васильевичъ получилъ отъ судьи исполнительный листъ на взысканіе съ мѣщанки Бѣловзоровой трехсотъ тридцати семи рублей, лжехристосъ тотчасъ же предъ-явилъ къ обоимъ супругамъ искъ на четыреста рублей съ процентами. А послѣ возникновенія дѣла по обвиненію его въ ростовщичество началъ (16-го іюля 1896 г.) искъ въ саратовскомъ окружномъ судѣ по сохранной распискѣ въ девятьсотъ рублей, получивъ запрещеніе на имѣніе Купріяновой.

Онъ забиралъ у нихъ за долгъ лѣсъ, воскъ, ладанъ и другіе товары, не платя за нихъ денегъ совсѣмъ или уплачивая, сколько хотѣлъ. Мало того, постоянно являлся къ должникамъ одинъ или съ своей любовницей Панаиди, даже иногда съ своими работниками, заставлялъ угощать ихъ, забирая остатки отъ угощенія съ собой и нерѣдко требуя денегъ безъ отдачи.

Та же исторія, съ нѣкоторыми варіаціями, повторилась и съ должниками Клоковыми, попавшими въ загребистыя лапы лжехриста съ 1890 г. и находившимися въ его сѣтяхъ болѣе пяти лѣтъ. Долгъ послѣднихъ съ двадцати рублей дошелъ до семидесяти, несмотря на неоднократную уплату процентовъ деньгами и товаромъ, кромѣ угощеній.

Предъявивъ и къ послѣднимъ искъ по сохранной распискѣ и получивъ исполнительный листъ, онъ передалъ его для взысканія приставу Крылову. Тотъ, видимо, имѣлъ еще добрую душу, что посоветовалъ Степану Клокову подать судѣ заявленіе о его ростовщичество. Самуилъ немножко струхнулъ. Прибѣжавъ въ канцелярію пристава, онъ униженно, съ земнымъ поклономъ просилъ должника простить его.

— Я возвращу тебѣ всѣ перебранныя деньги, только не подавай на меня.

Черезъ минуту, перейдя въ другую комнату, чтобы оформить сдѣлку, онъ, однако, передумалъ.

— Не хочу,—заявилъ онъ приставу.—Если я возвращу Клокову векселя, тогда и другіе должники не будутъ платить мнѣ. А у меня роздано до десяти тысячъ рублей. Вѣдь онѣ даютъ мнѣ въ мѣсяць десять процентовъ.

Какъ только горожане прослышали о привлеченіи лжехриста къ уголовной отвѣтственности, со всѣхъ сторонъ потекли къ судебному слѣдователю жалобы «обиженныхъ и угнетенныхъ» имъ.

На сцену вышли супруги Дмитріевы, у которыхъ долгъ съ двадцати рублей, занятыхъ подъ залогъ вещей, достигъ въ теченіе трехъ лѣтъ ста двадцати пяти рублей, хотя они заплатили Тока-

реву въ разное время шестьдесятъ пять рублей, да у него остались заложенные вещи. Были и такіе курьезы. Мѣщанинъ Худяковъ уплатилъ полностью занятые тридцать пять рублей, тѣмъ не менѣе у него къ концу третьяго года образовался долгъ въ пятьдесятъ пять рублей. Но чище всѣхъ обдѣлалъ Токаревъ мѣщанина Никифорова, который, занявъ пятнадцать рублей, умудрился въ концѣ концовъ подписать сохранныю расписку на сто семьдесятъ пять рублей.

Послѣ возникновенія дѣла о ростовщичествѣ лжехристосъ на колѣняхъ умолялъ послѣдняго показать на судѣ, что онъ платилъ ему не пять процентовъ въ мѣсяцъ, а только копейку, обѣщаясь возвратить ему векселя и взятыя въ залогъ бумаги на его домъ, хотя не исполнилъ этого.

Повидимому, ему было не по себѣ, хотя онъ храбрился и незадолго до суда похвалялся еще, что не боится наказанія.

— Ну, что жъ! посижу въ тюрьмѣ, зато потомъ повыжму я соки изъ тѣхъ негодяевъ, которые пошли противъ меня.

Обвинительная камера признала дѣянія его крайне вредными для общества, предавъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по 1707 ст. уложенія.

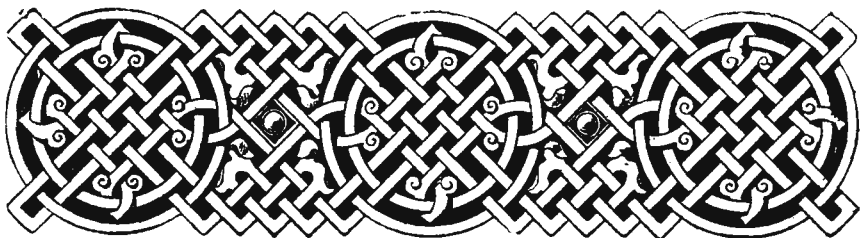
На этотъ разъ, при разборѣ дѣла выѣздной сессіей саратовскаго окружнаго суда въ гор. Вольскѣ 2-го марта 1900 года лжехристосъ уже не прикидывался святошей, но держалъ себя нагло, вызывая, и въ глазахъ его свѣтилась злоба на окружающихъ.

Такъ какъ виновность его была для всѣхъ ясна, то присяжные засѣдатели, не долго совѣщаясь, вынесли ему обвинительный приговоръ. Поэтому окружной судъ опредѣлилъ: уже лишеннаго нѣкоторыхъ правъ состоянія Самуила Токарева, пятидесяти трехъ лѣтъ, заключить въ тюрьму на три мѣсяца съ послѣдствіями по 49 ст. уложенія, постановивъ признать не имѣющими силы всѣ выданные ему долговые документы.

И не пришлось, такимъ образомъ, именуемому Христу повыжать соки изъ ненавистныхъ ему заемщиковъ, что было для него болѣе ощутительнымъ, чѣмъ тюрьма, наказаніемъ, такъ какъ онъ не дополучилъ многихъ сотенъ рублей.

Не знаемъ, умѣрилъ ли онъ съ тѣхъ поръ свои ростовщическія наклонности! Но теперь въ большой нуждѣ коротаетъ согбенный старикъ свои послѣдніе годы въ покосившемся вольскомъ домишкѣ. Едва ли на склонѣ лѣтъ раскаялся онъ въ причиненномъ своимъ ближнимъ злодѣяніи.

П. Юдинъ.

КАЗАНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ЕВОЛЮЦІОННЫЕ беспорядки, происходившіе въ Россіи въ концѣ 1905 года, не могли не разыгратъ въ такомъ крупномъ торгово-промышленномъ центрѣ Волжско-Камскаго края, какъ университетскій городъ Казань, въ которомъ эти беспорядки 17-го и 20-го октября приняли размѣры кровавыхъ вооруженныхъ стычекъ, взволновавшихъ и омрачившихъ все населеніе города. Подготовка къ «активнымъ выступленіямъ» социаль-революціонныхъ тайныхъ организацій замѣчалась уже гораздо раньше, а съ сентября мѣсяца въ университетѣ началось постоянныя студенческія сходки, съ участіемъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, евреевъ, гимназистовъ, женщинъ и пр.; во время похоронной процессіи застрѣливагося реалиста шестого класса М., на улицахъ города происходили анти-правительственныя демонстраціи; на заводахъ Крестовникова и Алафузова возникали волненія и беспорядки рабочихъ, для прекращенія и предупрежденія которыхъ назначались пѣхотныя части въ помощь полиціи; въ городѣ и его окрестностяхъ устраивались народныя митинги, съ участіемъ пролетаріата и хулигановъ; въ войсковыя казармы подбрасывались прокламаціи, призывавшія къ участію въ сходкахъ, къ неповиновенію начальству, бунтамъ и т. п.

16-го октября на Воскресенской и сосѣднихъ улицахъ полиція при помощи казаковъ прекратила большой народный митингъ и

затѣмъ, въ четвертомъ часу пополудни, закрыла студенческій митингъ въ университетѣ, когда на его главномъ зданіи развѣвался красный флагъ, а во дворѣ собралась многочисленная толпа, распѣвавшая революціонныя пѣсни. Разгоняя участниковъ этихъ митинговъ, конная полиція и казаки вынуждены были употребить въ дѣло нагайки, при чемъ съ обѣихъ противныхъ сторонъ было произведено нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, однако, никому вреда.

17-го октября назначенный въ университетѣ социаль-революціонерами народный митингъ не состоялся, такъ какъ былъ закрытъ постановленіемъ университетскаго совѣта. Въ этотъ день уже съ утра замѣчалось возбужденное настроеніе публики. Казалось, что ожидаются какія-то тревожныя событія. Служащіе городской управы почему-то неожиданно утромъ прекратили занятія и ушли изъ управы; городская бібліотека и театръ были закрыты, окружный судъ также прекратилъ свои занятія, типографіи забастовали. Среди публики шли разговоры, что вскорѣ состоится забастовка пекарей, приказчиковъ, наборщиковъ и пр., что водопроводъ не будетъ работать и что вечеромъ вооруженные участники митинговъ разгонятъ полицію, казаковъ и солдатъ. Шли также невѣроятныя толки, что въ Петербургѣ страшная рѣзня, болѣе двадцати тысячъ убитыхъ солдатъ и рабочихъ, гвардія забастовала, Москва горитъ и т. п.

Съ одинадцати часовъ утра на Воскресенской улицѣ количество публики замѣтно стало увеличиваться, но усиленные наряды полиціи и казаковъ не давали толпѣ останавливаться и группироваться. Первое столкновеніе полиціи и казаковъ произошло днемъ около окружнаго суда съ тремя помощниками присяжныхъ повѣренныхъ и однимъ присяжнымъ повѣреннымъ въ то время, когда полицейскіе и казаки для очистки улицы, переполненной публикой возлѣ окружнаго суда, вынуждены были принять настойчивыя мѣры. Къ тремъ часамъ дня публики на Воскресенской улицѣ стало такъ много, что она тянулась сплошной густой массой отъ университета до духовной семинаріи, медленно прохаживаясь взадъ и впередъ, главнымъ образомъ между Воскресенской церковью и городскимъ пассажемъ.

Около четырехъ часовъ дня въ публикѣ разнесся слухъ, что получена телеграмма о высочайшемъ манифестѣ, даровавшемъ будто бы народу полную конституцію, то есть всеобщее избирательное право, равенство, свободу собраний, печати, слова и т. п. Возбужденная этими извѣстіями толпа, особенно тѣсно сгруппировавшаяся около городского пассажа, стала кричать «ура», «да здравствуетъ свобода»; но въ то же время раздалось пѣніе «марсельезы» и послѣдовалъ призывъ итти въ университетъ на митингъ. Немедленно со двора первой полицейской части выѣхалъ отрядъ кон-

ной полиціи и помчался по Воскресенской улицѣ, направляясь къ кремлю и требуя, чтобы публика расходилась и очистила улицу. Полицеймейстеръ П. Б. Панфиловъ предупреждалъ публику не оказывать сопротивленія полиціи и немедленно расходиться, иначе, говорилъ онъ, будетъ примѣнена сила, и въ крайнемъ случаѣ полиція и войска будутъ стрѣлять. Но публика продолжала оставаться на тротуарахъ и перекресткахъ боковыхъ улицъ, оскорбляя полицейскихъ отборными ругательствами. Взаимное озлобленіе публики и городскихъ достигло наивысшаго напряженія. Вскорѣ прошелъ по тому же направленію отрядъ пѣшихъ полицейскихъ, также требуя разойтись и также безуспѣшно, лишь незначительная часть толпы подчинилась требованіямъ полиціи. Вслѣдъ за нѣскими полицейскими появились разѣзды казачьей сотни, въ которыхъ противъ зданія военнаго собранія неожиданно было брошено два разрывныхъ снаряда: одна бомба—изъ зданія городского пассажа, а другая, нѣсколько секундъ позже,—изъ духовной семинаріи. Отъ сильныхъ взрывовъ казачьи лошади понеслись въ разныя стороны, но, къ счастью, никто изъ казаковъ не вывалился изъ сѣдла и не былъ раненъ; лошади также оказались невредимы. Сотрясеніемъ воздуха отъ разорвавшихся бомбъ, ихъ осколками и револьверной пальбой революціонеровъ во многихъ окнахъ военнаго собранія и въ магазинахъ подъ собраніемъ были выбиты стекла, и въ магазинѣ Роръ (съ Воскресенской улицы), кромѣ выбитыхъ въ дверяхъ магазина трехъ стеколъ, оказался застрявшимъ во внутренней стѣнѣ свинцовый осколокъ отъ бомбы, впоследствии взятый полиціей. Разсыпавшіеся вдоль улицы казаки и конные полицейскіе стали разгонять публику нагайками и револьверными выстрѣлами, отвѣчая на выстрѣлы революціонеровъ. Публика съ Воскресенской улицы устремилась въ боковые проулки, въ подъѣзды домовъ и двери магазиновъ. Изъ воротъ, дверей и оконъ нѣкоторыхъ зданій (семинаріи, пассажа, университета и др.) были произведены въ полицейскихъ чиновъ и казаковъ револьверные выстрѣлы. Вызванные со двора первой полицейской части полуроты 229-го Свѣжскаго резервнаго батальона совместно съ спѣшенными казаками оцѣпили зданія духовной семинаріи и пассажа и усиленно обстрѣляли ихъ, такъ какъ туда скрылось много убѣжавшихъ съ улицы революціонеровъ, открывшихъ стрѣльбу по войскамъ и полиціи. Обстрѣляны были также университетъ, куда убѣжало много студентовъ, окружный судъ, шахматный клубъ, «Волжско-Камскіе» номера и другіе дома. Къ шести часамъ вечера Воскресенская улица совершенно опустѣла, но рѣдкая одиночная стрѣльба на ней продолжалась до двѣнадцати часовъ ночи. Пули носились вокругъ этой улицы и залетали на Большую Пролонную, Черноозерскую и другія ближайшія улицы.

Въ теченіе этого дня было убито семь и ранено тридцать шесть

человѣкъ. Убитыми и умершими отъ ранъ, по свѣдѣніямъ губернской земской больницы, оказались: наборщикъ, столяръ, землекопъ, рядовой интендантской команды, горничная, кондитеръ и портной; а ранеными и получившими ушибы: пять торговцевъ, одинъ приказчикъ, два домовладѣльца, четыре чернорабочихъ и мастеровыхъ, студентъ, ювелиръ, конторщикъ, портной, сапожникъ, поваръ, официантъ, женская прислуга и шестнадцать человѣкъ, званія которыхъ не обозначены.

На другой день, 18-го октября, по всему городу ходили патрули отъ войскъ и полиціи. Банки, казначейство, почтовая контора и другія присутственныя мѣста охранялись караулами отъ пѣхотныхъ войсковыхъ частей. Магазины на многихъ улицахъ были закрыты, двери и окна заколочены досками. Газеты не вышли, и типографіи бастовали до 8-го ноября; желѣзная дорога бастовала до 21-го октября. Ученики всѣхъ учебныхъ заведеній распущены, университетъ закрытъ на неопредѣленное время. Студенты и семинаристы, пользуясь послѣдними пароходами, выѣхали изъ города въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ. Предполагавшейся всеобщей забастовки, однако, не произошло: водопроводъ, трамвай, заводы, фабрики, пекарни и другія заведенія продолжали работать. Въ городѣ въ этотъ день не было серьезныхъ беспорядковъ, кромѣ столкновеній мѣстныхъ жителей съ нѣсколькими студентами, учениками разныхъ учебныхъ заведеній и другими лицами, изъ числа которыхъ шесть человѣкъ поступило въ больницу съ ушибами и легкими пораненіями. Полиція прекратила дальнѣйшіе беспорядки, а также не допустила закрытія магазиновъ на Проломной и Московскои улицахъ.

19-го октября утромъ городская управа созвала чрезвычайное засѣданіе думы для обсужденія событій 17-го и 18-го октября. Залъ думы былъ переполненъ публикой. На этомъ засѣданіи рѣшено было всѣмъ гласнымъ думы отправиться къ губернатору П. А. Хомутову и предъявить ему требованіе о немедленномъ разоруженіи полиціи, учрежденіи вмѣсто нея народной милиціи, удаленіи изъ города казаковъ и войскъ, освобожденіи всѣхъ арестованныхъ въ полицейскихъ частяхъ и т. п. По уходѣ гласныхъ въ думѣ произошелъ большой митингъ, на которомъ говорились революціонныя рѣчи и предъявлялись безчисленныя требованія, напечатанныя на другой день въ бюллетеняхъ соціально-демократической партіи. Съ думскаго балкона произносились рѣчи къ возстанію съ криками: «Долой монархію, да здравствуетъ демократическая республика!»

Когда гласные возвратились отъ губернатора, то заступающій мѣсто городского головы Грауэртъ сообщилъ, что начальникъ гу-

берніи готовъ удовлетворить требованія городской управы. Войскамъ и казакамъ уже приказано возвратиться изъ полицейскихъ участковъ въ казармы, но удалить ихъ совсѣмъ изъ города не во власти губернатора. Что же касается учрежденія милиціи, то разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Полицеймейстеръ Панфиловъ, по словамъ губернатора, въ этой должности больше служить не будетъ. Послѣ этого доклада въ публикѣ, совершенно переполнившей думскій залъ, подымается шумъ. Говорятъ по нѣскольку человѣкъ сразу, кто-то кричитъ объ отмѣнѣ смертной казни и предлагаетъ студентамъ принять на себя охрану города. Грауэртъ закрываетъ засѣданіе, и гласные расходятся. Тисячная толпа, по выходѣ изъ думы, слѣдуетъ за нѣкоторыми гласными. Появляются красные флаги, и раздается пѣніе похороннаго марша. По временамъ толпа останавливается, произносятся рѣчи, кричатъ: «Да здравствуетъ революція», «Долой монархію», «Да здравствуетъ республика». Затѣмъ, многочисленная толпа направляется къ полицейскимъ частямъ, обезоруживаетъ полицейскихъ чиновъ, снимаетъ городскихъ съ постовъ и освобождаетъ арестованныхъ. Часть этой толпы подошла даже къ зданію окружнаго штаба, и одинъ изъ революціонеровъ приступилъ было къ обезоруженію часовой казачьей сотни, стоявшаго у воротъ штаба, но часовой тяжело ранилъ революціонера, и толпа разбѣжалась. Были также попытки освободить политическихъ преступниковъ изъ мѣстныхъ тюремъ, но тюремная стража, угрожая открыть стрѣльбу, не допустила революціонеровъ войти въ тюремныя помѣщенія и, при помощи небольшихъ нѣхотныхъ частей, заставила толпу удалиться.

Въ этотъ же день былъ составленъ комитетъ изъ гласныхъ для организаціи милиціи, отрядъ которой къ вечеру уже былъ набранъ, главнымъ образомъ изъ студентовъ. Милиціонеры, получивъ вооруженіе, немедленно заняли полицейскіе посты и охраняли городъ въ ночь на 20-ое октября. Военные патрули въ то же время и независимо отъ милиціонеровъ охраняли свои квартирные районы.

Вечеромъ въ театрѣ произошелъ грандіозный митингъ, гдѣ артисты привѣтствовали свободныхъ гражданъ, пѣлись революціонныя пѣсни и произносились такія же рѣчи.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что губернаторъ не далъ разрѣшенія на учрежденіе милиціи и обезоруженіе городской полиціи, о чемъ онъ впослѣдствіи сдѣлалъ соответствующій запросъ городской управѣ, полиція вынуждена была прекратить свою дѣятельность, и городъ перешелъ въ управленіе соціально-демократической партіи.

20-го октября чрезвычайное засѣданіе городской думы было вновь открыто. Въ немъ были приняты слѣдующія предложенія отказавшагося отъ обязанностей городского головы Р. Николаи:

о преданіи суду губернатора и полицеймейстера, объ удаленіи изъ города казаковъ, объ учрежденіи городской милиціи и пр. Для организаціи милиціи были избраны: Хохряковъ, профессоръ Шершеневичъ, Гольдгаммеръ и другія лица, всего въ числѣ одиннадцати человекъ; кромѣ того, избрано восемь членовъ въ особую слѣдственную комиссію. Въ городѣ было тихо, но въ народѣ, особенно въ средѣ мясниковъ и мелкихъ торговцевъ, было замѣтно сильное возбужденіе и озлобленіе противъ евреевъ, студентовъ, адвокатовъ, управы, думы, милиціи и пр. Народъ возмущался революціонными рѣчами и особенно негодовалъ, когда социалисты кричали: «Долой монархію, да здравствуетъ демократическая республика!»

Вечеромъ этого дня состоялись похороны убитыхъ 17-го октября. Возвращаясь съ похоронъ, толпа распѣвала революціонныя пѣсни и «марсельезу». Въ университетѣ происходилъ народный митингъ, а въ театрѣ, во время представленія «Вильгельма Теля», оркестръ и публика нѣсколько разъ исполнили «марсельезу».

Милиціонеры продолжали охранять городъ, занимая бывшіе полицейскіе посты. О службѣ этихъ «освободителей» въ № 3835 «Казанскаго Телеграфа», отъ 8-го ноября 1905 года, напечатанъ интересный фельетонъ «Милиція», изъ котораго, для характеристики состава милиціонныхъ городскихъ, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько извлеченій:

«На углу Рыбнорядской стоитъ милиціонеръ. Онъ дрожитъ отъ холода. Дождевыя струйки пронизываютъ его насквозь. То потираетъ онъ посинѣвшія отъ холода руки, то прячетъ ихъ въ карманы, то вдругъ начинаетъ усиленно маршировать по мостовой. Видъ его жалокъ. На головѣ красуется потертая фуражка, на тѣлѣ—красная грязная рубашка. Сверху лѣтнаго «совершенно промокаемаго» пиджака надѣтъ ремень, къ которому съ одной стороны прицѣплена «шаблюка», а съ другой—громадный старинный пистолеть.

«— Что, братъ, холодно?—спрашиваетъ чуйка.

«— Да... то-есть нѣтъ, ничего,—отвѣчаетъ милиціонеръ, на минуту выпрямляясь и вынимая изъ кармана руки.

«— Чево «ничего»,—продолжалъ чуйка:—на-ка гривенчикъ, сходи въ «Надежку», обогрѣйся.

«Милиціонеръ еще болѣе выпрямляется, дѣлаетъ презрительную гримасу, пожимаетъ плечами и отходитъ въ сторону.

«— Поди жъ ты,—разводитъ руками чуйка:—гордость нонеча въ полиціи завелась. Счастья своего видѣть не желаетъ...

«По Проломной улицѣ важно, «въ спокойствіи чинномъ», шагаетъ маленькій, лѣтъ четырнадцати, гимназистъ. На немъ сабля и въ кожаномъ кобурѣ револьверъ. На правой рукѣ красная перевязка. Онъ тоже милиціонеръ. Шатаясь подходитъ къ нему под-

выпившій татаринъ и, хлопая его по плечу, заплетающимся языкомъ говорить:

«— Ай-ай ява полицейскій-та. Ну, нисява, нисява... Служи—пульцмейстеромъ будешь.

«Встрѣчаются два милиціонера. Одинъ гимназистъ, другой реалистъ.

«— У тебя какой револьверъ?—спрашиваетъ гимназистъ.

«— Смита и Вессона,—отвѣтилъ товарищъ:—вчера у помощника пристава отобрали.

«— А у меня Браунинга; самой новѣйшей системы. Стальную доску прошибаетъ.

«— Не ври,—обижается реалистъ:—вессоновскіе самые лучшіе револьверы. Ихъ офицеры носятъ.

«Завязывается споръ. Милиціонеры выхватываютъ револьверы и начинаютъ ихъ вертѣть другъ передъ другомъ. Публика въ ужасѣ шарахается въ сторону.

«Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ барышни-милиціонера останавливается не то подрядчикъ, не то мелкій купецъ. Долго и пристально осматриваетъ онъ вооруженіе барышни. Затѣмъ дѣлаетъ шагъ впередъ и, сдвинувъ брови, начинаетъ грозить ей пальцемъ. Барышня-милиціонеръ первоначально потупляется, пятится назадъ, потомъ вдругъ подхватываетъ юбки и стремительно убѣгаетъ на противоположную сторону улицы».

21-го октября мирные городскіе жители, какъ русскіе, такъ и татары, озлобленные противоправительственными преступными дѣйствіями социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ, организовали патріотическія манифестаціи для сверженія появившихся самозванцевъ, насильно захватившихъ управленіе городомъ. Народъ не могъ выносить дальнѣйшаго произвола революціонеровъ, которые ходили вооруженные по фабрикамъ, магазинамъ, мастерскимъ и требовали, подъ страхомъ смерти, полной остановки всякой культурной дѣятельности и призывали жителей города къ возстанію и учрежденію «временнаго правительства». Большинство городского населенія и, главнымъ образомъ, мѣстное общество приказчиковъ пришли къ единодушному соглашенію, что противъ такой преступной пропаганды необходимо принять немедленныя и рѣшительныя мѣры. Поэтому того же 21-го октября состоялось чрезвычайное собраніе членовъ общества приказчиковъ, на которомъ говорилось, что если бездѣйствуетъ власть, то не слѣдуетъ бездѣйствовать и равнодушно смотрѣть, какъ двѣсти-триста революціонеровъ командуютъ городомъ, заставляютъ подчиняться требованіямъ, которымъ все общество не сочувствуетъ, которыя противны ему и принятіе которыхъ влечетъ за собою разложеніе

всего государственнаго строя и разложеніе Россіи. Но пока въ обществѣ приказчиковъ продолжалось это засѣданіе и разсматривался вопросъ о патріотической манифестаціи, въ это время отдѣльныя группы монархическихъ партій уже изгнали милиціонеровъ съ ихъ постовъ на Воскресенской, Лядской, Рыбнорядской и Проломной улицахъ, при чемъ торговцы мясныхъ и рыбныхъ рядовъ подвергли нѣкоторыхъ милиціонеровъ избіенію. Въ то же время на Ивановскую площадь (она же Александровская), возлѣ Кремля и городской думы, прибыла большая патріотическая процессія съ иконами, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ; затѣмъ процессія отправилась въ кремль къ губернатору, отъ котораго получила разрѣшеніе продолжать манифестацію, но въ мирномъ направленіи, не дѣлая никому насилій. Постепенно число манифестантовъ увеличивалось и достигло громаднхъ размѣровъ. Изъ Кремля манифестанты шли съ царскими портретами, иконами, національными флагами и хоромъ музыкантовъ-юнкеровъ, исполнявшимъ народный гимнъ «Боже, Царя храни». Около думы процессія остановилась, и купецъ Бочаровъ произнесъ патріотическую рѣчь; затѣмъ манифестанты съ пѣніемъ гимна, криками «ура» и музыкой прослѣдовали по центральнымъ улицамъ города и обратно по Гостинодворской, черезъ Толчекъ, вновь подошли къ зданію думы, гдѣ въ это время, около трехъ часовъ дня, происходило засѣданіе милиціонеровъ и социаль-революціонеровъ. Торжественная процессія остановилась возлѣ памятника императору Александру II въ ожиданіи духовенства. Народъ поднялъ портретъ Государя Императора, и хоръ юнкеровъ заигралъ народный гимнъ. Вся патріотическая толпа стояла безъ шапокъ. На крыльцѣ и балконѣ городской думы стояли вооруженные милиціонеры и до ста пятидесяти человекъ учащейся молодежи, но все въ шапкахъ. Со стороны милиціонеровъ раздавались враждебныя и оскорбительныя для процессіи возгласы, на которые манифестанты отвѣчали криками: «Шапки долой! долой милицію! милицію долой!». Вдругъ, неожиданно съ думскаго крыльца и балкона милиціонеры открыли по толпѣ и портрету Государя Императора револьверную стрѣльбу. Сначала раздался одинъ выстрѣлъ съ крыльца, за нимъ другой, третій и наконецъ послѣдовали беспорядочныя залпы изъ револьверовъ. Манифестанты разбѣжались въ разныя стороны, но милиціонеры продолжали стрѣлять и по бѣгущей толпѣ, большая часть которой успѣшила скрыться въ обширномъ гостиномъ дворѣ. Находившійся въ этомъ дворѣ караулъ отъ 230-го Ветлужскаго резервнаго батальона при складахъ оружія, подъ командою старшаго унтеръ-офицера, услышавъ стрѣльбу и узнавъ, что революціонеры стрѣляютъ въ народъ и царскій портретъ, немедленно выбѣжалъ на площадь и, послѣ двукратнаго предупрежденія, открылъ ружейную стрѣльбу залпами по стрѣлявшимъ съ думскаго балкона и крыльца

милиціонерамъ. Бывшій при этой процессіи начальникъ мѣстнаго юнкерскаго училища, полковникъ Г—а, немедленно вызвалъ изъ училища дежурную роту, которая черезъ нѣсколько минутъ явилась на площадь и открыла ружейный огонь по зданію городской думы съ двухъ сторонъ. Революціонеры скрылись во внутреннія помѣщенія думы, но продолжали стрѣльбу изъ оконъ и открытыхъ дверей балкона и крыльца. Толпа манифестантовъ, оправившись отъ испуга, подъ прикрытіемъ стрѣлявшихъ юнкеровъ и нижнихъ чиновъ караула вышла изъ гостинаго двора и съ криками «ура» бросилась впередъ, окружила зданіе городской думы и не позволяла милиціонерамъ выбѣгать на улицу, чтобы захватить ихъ всѣхъ и заставить сдаться. Какъ только революціонеры начинали опять выбѣгать изъ думы, направляясь въ переулокъ позади зданія, то войсковая стрѣльба возобновлялась, что заставляло революціонеровъ поспѣшно возвращаться въ думу. Въ это время въ толпѣ раздавались крики «ура», а военная музыка начинала играть народный гимнъ. При новой попыткѣ революціонеровъ убѣжать музыка прекращала гимнъ, и стрѣльба возобновлялась. Милиціонеры разламывали оконныя рамы, спускались по водосточнымъ трубамъ и искали спасенія во дворѣ, въ погребахъ и ямахъ. Тѣхъ же милиціонеровъ, которымъ удавалось бѣжать изъ думы, особенно тѣхъ, которые во время бѣгства отстрѣливались, толпа догоняла и подвергала жестокому избіенію. Четыре человѣка были избиты на смерть, съ переломомъ костей черепа, а именно: присяжный повѣренный М—ъ-Д—ій, живописецъ С., смотритель домовъ желѣзныхъ дорогъ К. и ученикъ музыкальной школы М. Когда, наконецъ, революціонеры прекратили свои попытки къ бѣгству и стрѣльба была совершенно прекращена, то было приступлено къ разоруженію и арестованію милиціонеровъ. Рота юнкеровъ возвратилась тогда въ училище, а ее замѣнили экстренно вызванныя двѣ роты 236-го Лаишевскаго и одна рота 230-го Ветлужскаго резервныхъ батальоновъ.

Наступилъ вечеръ. Во всѣхъ этажахъ думы, съ разбитыми стеклами и поврежденными электрическими проводами, было темно и холодно. Революціонеры попрятались въ разные безопасныя углы комнатъ. Прибывшій къ думѣ, за увольненіемъ въ отпускъ полицеймейстера Панфилова, временно исполнявшій его обязанности приставъ шестой части Васильевъ, единственный изъ приставовъ, не допустившій въ своемъ участкѣ разоруженія полицейскихъ чиновъ, а также прибывшій комендантъ города, полковникъ Ш—ъ, въ распоряженіе котораго поступили названныя выше три роты, вошли съ вооруженною командою въ думу, гдѣ при свѣтѣ факеловъ и фонарей разыскали и арестовали сто тридцать шесть человѣкъ милиціонеровъ, которые безъ сопротивленія охотно сдавались войскамъ, боясь попасть въ руки разъяренной толпы; затѣмъ

арестованные, въ числѣ которыхъ оказалось тридцать три студента и одна женщина, были обезоружены и подъ конвоемъ солдатъ препровождены по одиночкѣ и небольшими партіями въ губернскую пересыльную тюрьму. Отобранное отъ милиціонеровъ огнестрѣльное и холодное оружіе, патроны и разные предметы снаряженія были отправлены въ Кремль, на главную военную гауптвахту. Въ числѣ этихъ предметовъ оказалось много антиправительственныхъ прокламацій, осколки разрывной бомбы и большой революціонный флагъ, сдѣланный изъ красной полупелкуровой матеріи, съ золотымъ вокругъ позументомъ и надписью по срединѣ флага: «да здравствуетъ революція».

Всего за этотъ день убитыхъ и умершихъ отъ ранъ оказалось четыре человека, какъ сказано выше, отъ побоевъ толпы; убитыхъ же отъ ружейной стрѣльбы не было. Ранено и ушиблено восемь человекъ, которые доставлены въ губернскую земскую больницу. Изъ числа манифестантовъ ранено два и убитъ выстрѣломъ въ животъ караульщикъ Кузнецовъ; юнкеровъ и нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ не было. Въ числѣ раненыхъ и получившихъ ушибы оказались: студентъ, гимназистъ, рабочій, парикмахеръ и приказчикъ; званія же остальныхъ лицъ въ свѣдѣніяхъ земской больницы не показаны.

Во время арестованія и препровожденія въ тюрьму милиціонеровъ новая патріотически настроенная толпа народа, организованная кушомъ Гутманомъ, съ національными флагами, факелами и пѣніемъ гимна «Боже, царя храни» подошла по Булочной улицѣ къ канцеляріи и казармамъ Ланшевскаго батальона и произвела манифестацію съ криками «ура», а затѣмъ съ оркестромъ того же батальона манифестанты прослѣдовали на Александровскую (Ивановскую) площадь и далѣе въ Кремль, гдѣ восторженно манифестировали передъ зданіемъ юнкерскаго училища и домомъ губернатора.

Съ разгромомъ думскаго зданія и уничтоженіемъ революціонной милиціи, закончившимся къ семи часамъ вечера 21-го октября, правительственная полиція вновь вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, при непосредственномъ содѣйствіи воинскихъ частей, которыя ежедневно высылались въ полицейскіе участки. Войска попрежнему продолжали нести караульную службу въ тюрьмахъ, банкахъ, на заводахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и проч. По городу днемъ и ночью ходили соединенные военно-полицейскіе патрули. Караульная и охранная служба сильно утомляла войска, состоявшія въ то время изъ четырехъ отдѣльных резервныхъ батальоновъ, пятиротнаго состава каждый, и одной казачьей сотни.

На слѣдующій день, 22-го октября, въ разныхъ частяхъ города было устроено нѣсколько грандіозныхъ патріотическихъ манифестацій. На улицахъ уже присутствовала пѣшая и конная полиція. Въ двѣнадцать часовъ дня соединенныя процессіи образовали на

Александровской площади, вблизи Кремля и на прилегающих улицах громадную народную массу манифестантовъ, въ количествѣ не менѣе пятидесяти тысячъ человекъ. Здѣсь у памятника императору Александру II архіепископомъ казанскимъ Дмитріемъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и его августѣйшей семьѣ, а также о ниспосланіи мира и благоденствія родной землѣ. Послѣ молебна эта величественная процессія, праздно дарованіе населенію имперіи основъ гражданской свободы, въ торжественномъ шествіи, при пѣніи гимна, съ иконами, царскими портретами, національными флагами и тремя оркестрами военной музыки, прибыла къ кафедральному собору и просила губернатора повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ горячей любви и преданности, а также искреннюю благодарность за великія и постоянныя милости и твердую увѣренность, что истинно русскіе люди за вѣру, царя и отечество всегда готовы пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ.

Въ то же время мусульманское населеніе города Казани, совершивъ на Сѣнной площади торжественное моленіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора, многолюдной процессіей, въ сопровожденіи своего духовенства, также прибыло къ кафедральному собору и просило губернатора повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества одушевляющія ихъ чувства вѣрноподданнической любви и преданности, а также чувства живѣйшей благодарности за дарованіе населенію основъ гражданской свободы и готовность казанскаго мусульманскаго населенія всѣми силами и средствами содѣйствовать, по призыву Царя, укрѣпленію началъ законности, порядка и спокойствія для возвеличенія Богомъ вѣренной ему державы и на счастье всѣхъ.

Оба эти ходатайства въ телеграммахъ казанскаго губернатора были отправлены того же 22-го октября министру внутреннихъ дѣлъ для всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ Государь Императоръ собственноручно начертать изводилъ: «Прочелъ съ удовольствіемъ». Соединенныя процессіи, какъ русскія, такъ и татарскія, въ теченіе этого дня ходили по городу съ обнаженными головами, несмотря на падавшій тогда снѣгъ. Хоры пѣвчихъ и музыкантовъ исполняли гимнъ, народъ восторженно кричалъ «ура», а затѣмъ манифестанты, подъ звуки военнаго марша, мирно разошлись по своимъ домамъ.

Однако, этотъ историческій день для Казани закончился вечеромъ еврейскимъ погромомъ. Толпа, состоявшая преимущественно изъ поддонковъ городского населенія и уличныхъ мальчишекъ, съ криками: «Бей жидовъ и студентовъ», разбивала еврейскія лавки, выбивала въ домахъ и магазинахъ стекла и переломала всѣ реликвіи въ синагогѣ; кромѣ того, толпа бросала камнями въ окна гласныхъ

городской думы: Хохрякова, какъ бывшаго начальника милиціи, Землянова и другихъ. Патрули своевременно разгоняли хулигановъ и не допускали ихъ до болѣе серьезнаго погрома, а затѣмъ всю ночь охраняли эти магазины и дома.

За день въ земскую больницу былъ доставленъ убитый на Толчкѣ часовщикъ-еврей и курсистка съ ушибами лица и головы, нанесенными ей на дворѣ земской больницы толпой хулигановъ, разыскивавшихъ тамъ евреевъ и студентовъ, чтобы подвергнуть ихъ избіенію.

23-го числа патріотическія манифестаціи продолжались, причемъ на Ивановской площади состоялось молебствіе, послѣ котораго крестьянинъ Иванъ Титовъ произнесъ рѣчь, гдѣ онъ указалъ, что на эту площадь собрался народъ по случаю всеобщаго горя, такого горя, какъ во времена Батяя, самозванщины и иныхъ безпорядковъ и бѣдствій. «Теперь вотъ вновь явились самозванцы, — сказалъ онъ, — и не успѣли они утвердиться въ захваченной власти, какъ уже причинили народу массу страданій, униженій и позора. По винѣ этихъ самозванцевъ японцы одерживали надъ нами побѣды; стараніями ихъ разбойничій корабль, появившійся на Черномъ морѣ, бомбардировалъ мирныхъ жителей; эти же самозванцы устраиваютъ забастовки, мятежи и грабежи, чтобы довести насъ до голодовки и нищеты, да при этомъ еще смѣютъ говорить, что они стоятъ за народъ. Какая ложь! И какъ они позорно обманываютъ довѣрчивый бѣдный народъ! — говорилъ крестьянинъ Титовъ. — А вотъ, друзья мои, — продолжалъ онъ: — что намъ показала вчерашняя картина:

«Собирается маленькая кучка мясниковъ на Рыбномъ базарѣ и съ иконою Тихвинской Божіей Матери въ рукахъ, со священнымъ клиромъ начинается шествіе и направляется на Воскресенскую улицу. И о, чудо! Изъ кучки вырастаетъ многотысячная толпа; съ обнаженными головами она приближается къ думѣ, съ пѣніемъ духовныхъ пѣсень. Это тотъ самый народъ, во имя котораго они хлопотали. Но этотъ самый народъ протестуетъ и этимъ говорить имъ, что они, эти радѣтели, не нужны для народа, и проситъ оставить въ покоѣ. Народъ, какъ всегда, съ молитвой обратился къ Богу, чтобы онъ избавилъ его отъ нихъ, и не хочетъ ихъ видѣть ни радѣтелями, ни правителями своими. Да и какіе они могутъ быть правители, когда ничего общаго съ народомъ не имѣютъ: у народа Богъ, а у нихъ природа; у народа вѣра, а у нихъ ея нѣтъ, что вчера они и доказали во время молебна на площади. Народъ молить Бога на колѣняхъ, чтобы отъ отъ него Богъ отвратилъ грозу гнѣва своего, а они стояли въ шапкахъ и кощунствовали. Народъ плакалъ, а они смѣялись. Народъ чтитъ торжественно своего Государя, а они стрѣляютъ въ народъ. Тогда что можно сказать объ этихъ волкахъ въ овечьей шкурѣ?»

«Итакъ, друзья мои, — закончилъ рѣчь И. Титовъ: — послѣдуемъ и мы примѣру нижегородскихъ гражданъ — Минина и Пожарскаго

и всѣхъ тѣхъ людей, которые объединились по одному зову, сплотились и спасли намъ наше дорогое отечество. Теперь и нашъ прямой долгъ сплотиться и защитить, спасти наше отечество, Царя и вѣру святую. Съ нами Богъ!»

Восторженное и долго не умолкавшее «ура» было отвѣтомъ многочисленныхъ манифестантовъ на эту патріотическую рѣчь.

Въ этотъ же день въ Осокинскихъ казармахъ состоялось собраніе мѣстныхъ жителей, подъ предсѣдательствомъ Дубровскаго, для обсуждения незаконныхъ дѣйствій городской думы 19-го и 20-го октября.

Еврейскія семейства начали спѣшно выѣзжать изъ города по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ. Утромъ этого дня толпа мальчишекъ и хулигановъ опять намѣревалась громить еврейскія лавки и лари, но была разогнана военно-полицейскими патрулями.

Съ 24-го октября по 1-е ноября въ городѣ никакихъ беспорядковъ и еврейскихъ погромовъ не было, хотя слухи о новомъ погромѣ не прекращались. Для успокоенія и умиротворенія жителей домовладѣльцы и квартиронаниматели устроили 27-го октября въ юнкерскомъ манежѣ собраніе, подъ предсѣдательствомъ В. Карякина и при участіи дѣятелей монархическихъ организацій: Боратынскаго, Бекетова, Соколовскаго и другихъ. Собраніе это постановило: просить губернатора о преданіи суду гласныхъ думы и членовъ управы; манифестацій, во избѣжаніе беспорядковъ, не дѣлать; учредить въ помощь полиціи охрану въ двѣсти человекъ изъ благонамѣренныхъ жителей города и комитетъ для организаціи этой охраны; просить попечителя учебнаго округа открыть средне-учебныя заведенія и послать по телеграфу выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Государю Императору.

Въ городской управѣ занятія возобновились только съ 31-го октября, а 5-го ноября въ засѣданіи думы городскимъ головою былъ избранъ членъ городской управы А. Попрядухинъ. Высшія учебныя заведенія пока оставались закрытыми, а всѣ правительственныя и общественныя учрежденія уже продолжали свою дѣятельность. Губернаторъ П. А. Хомутовъ, по случаю болѣзни, съ 8-го ноября того же года передалъ управленіе губерніей вице-губернатору Д. Д. Кобеко, а съ 15-го числа того же мѣсяца вступилъ въ исполненіе обязанностей губернатора полковникъ генеральнаго штаба А. А. Рейнботъ.

Между тѣмъ социаль-революціонныя партіи продолжали свою антиправительственную дѣятельность, обративъ особенное вниманіе на пропаганду въ войскахъ при посредствѣ революціонныхъ прокламацій, брошюръ, газетъ, тайныхъ сходовъ и т. п.; но эта пропаганда не находила для себя благопріятной почвы въ войскахъ

казанскаго гарнизона, такъ какъ офицеры и нижніе чины, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рядовыхъ, преимущественно изъ евреевъ и вольноопредѣляющихся, отличались строгимъ исполненіемъ своего служебнаго долга и твердою преданностью Государю Императору. Ни въ одномъ изъ резервныхъ батальоновъ, квартировавшихъ въ гор. Казани, какъ въ 1905 году, такъ и въ послѣдующіе годы, не только не было какихъ-либо серьезныхъ безпорядковъ, но, напротивъ, было много самоотверженныхъ случаевъ, при исполненіи этими войсками караульной, конвойной и охранной службы. Все населеніе Казанской губерніи, также за исключеніемъ немногихъ неблагонадежныхъ лицъ, крайне возмущалось преступной пропагандой социаль-революціонеровъ, что, напримѣръ, усматривается изъ телеграммы Улитина и другихъ лицъ, адресованной 6-го ноября изъ гор. Спасска въ «Казанскій Телеграфъ»: «Мы, мирные граждане города Спасска, Казанской губерніи, протестуемъ противъ продолжающихся агитацій крайнихъ элементовъ, какъ вредныхъ для насъ и государства, и находимъ манифестъ 17-го октября вполне удовлетворительнымъ. Дальнѣйшее усовершенствуется сама государственная дума. Республики не желаемъ. Не желаютъ и крестьяне. Пусть крайніе элементы знаютъ, что грань ими перейдена, и они возбуждаютъ уже не симпатію, а ненависть и озлобленіе».

О настроеніи татарскаго населенія можно было судить, какъ по происшедшимъ уже въ октябрѣ событіямъ, такъ и на основаніи статьи Абдуль-Гамида Апанаева, напечатанной въ «Казанскомъ Телеграфѣ» 18-го ноября 1905 года, въ которой, между прочимъ, было сказано, что татары, по утвержденію очень авторитетнаго лица въ мусульманскомъ мірѣ, всегда будутъ стоять за Царя; они не теряли вѣру въ него даже во времена религіозныхъ притѣсненій и никогда Царя не винили, никогда не допускали, чтобы какое-либо зло могло исходить отъ него. Республика не въ духѣ мусульманской религіи и противна завѣтамъ корана.

Итакъ, революціонные безпорядки, происходившіе въ Казани въ смутные октябрьскіе дни 1905 года, благодаря войскамъ и народу, были быстро прекращены и въ послѣдующіе годы уже болѣе не возобновлялись.

Въ награду за службу войскъ въ приказѣ по Казанскому военному округу 2-го ноября того же года была объявлена слѣдующая копія телеграммы: «Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить войскамъ округа сердечную благодарность Его Императорскаго Величества за ихъ самоотверженную и неутомимую службу по поддержанію порядка и спокойствія».

Н. М. Лосицкій.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

(Архивные матеріалы).

АША послѣдняя злополучная война имѣетъ уже свою довольно обширную литературу, гдѣ авторы разнообразныхъ по сему предмету сочиненій удѣлили свое главное вниманіе военной сторонѣ дѣла, пытаюсь освѣтить или совокупность причинъ нашихъ поражений на Дальнемъ Востокѣ, или разные отдѣльные моменты кровавой военной трагедіи 1904—1905 годовъ. Такимъ образомъ многое нынѣ уже выяснено подъ угломъ военной точки зрѣнія, а кое-что ждетъ своихъ добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ изслѣдователей. Въ настоящихъ своихъ статьяяхъ я не буду касаться самой исторіи войны, не стану поднимать завѣсу надъ событіями, полными позора, ужаса и страданій. Моя задача—опубликовать нѣкоторые архивные матеріалы, освѣщающіе тотъ историческій путь, какимъ мы дошли до столкновенія съ Японіей, и ознакомить русскихъ читателей съ тѣми междуѣдомственными сношеніями, которыя сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ нашей кровавой распри съ страной Восходящаго Солнца. Въ настоящей своей работѣ я являюсь лишь въ роли спокойнаго, безпристрастнаго архивариуса, преподносящаго на судъ публики попавшіе въ его руки драгоцѣнные матеріалы и опубликовывающаго таковые въ ихъ хронологической послѣдовательности. Быть можетъ, эти матеріалы въ нѣкоторыхъ своихъ моментахъ будутъ носить нѣсколько специальный характеръ, но думается мнѣ, что будущая исторія Россіи начала XX вѣка этими матеріалами должна_будетъ воспользоваться и безъ нихъ многое изъ со-

бытій нашей внѣшней и внутренней политики того времени останется непонятнымъ. Обширныя изслѣдованія А. Н. Куропаткина «Задачи русской арміи» (три тома), «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войнѣ. Итоги войны», графа С. Ю. Витте «Вынужденныя разъясненія по поводу отчета генераль-адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей» до извѣстной степени соприкасаются съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ и авторъ настоящихъ архивныхъ данныхъ оперируетъ. Но вся исторія нашихъ дальневосточныхъ событій настолько достопримѣчательна, что, если въ настоящихъ документахъ и найдется кое-что повторное того, что нашло себѣ мѣсто въ вышеназванныхъ трудахъ, то большой бѣды отсюда не будетъ. Въ своей послѣдней брошюрѣ «Величайшее изъ искусствъ. Обзоръ современнаго международнаго положенія при свѣтѣ высшей стратегіи» г. А. Вандамъ ¹⁾ совершенно справедливо утверждаетъ, что на насъ надвигается «новый періодъ исторіи». Для этого новаго періода предлагаемые вниманію читателей матеріалы безусловно должны имѣть опредѣленную цѣнность.

I.

Существуетъ мнѣніе, что первая мысль о Сибирской желѣзной дорогѣ принадлежитъ бывшему генераль-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому, —но это едва ли справедливо. Послѣ занятія Россіей устьевъ Амура этотъ государственный дѣятель обратилъ вниманіе на неудобства Амурскаго лимана для входа судовъ и поручилъ военному инженеру Романову произвести изысканія дороги (притомъ—сначала только колесной) отъ залива Де-Кастри въ Татарскомъ проливѣ до горъ Софійска на Амурѣ. Можетъ быть, у графа Муравьева и была мысль о соединеніи впослѣдствіи нашего Дальняго Востока съ Европейской Россіей, но изъ сдѣланнаго графомъ этого не видно: изысканія Романова касались «дороги въ Сибири», но не «Сибирской дороги»—въ смыслѣ рельсоваго пути отъ Тихоокеанскаго побережья до центра Имперіи. Впрочемъ, было бы, пожалуй, напраснымъ трудомъ искать инициатора Сибирской дороги. Несомнѣнно, что какъ только стали вообще распространяться желѣзныя дороги и было оцѣнено ихъ важное экономическое и политическое значеніе, многимъ могла представиться несомнѣнною вся польза проведенія рельсоваго пути въ Сибирь и весь вопросъ

¹⁾ О трудахъ г. Вандама «Наше положеніе», «Будущая война на морѣ и на сушѣ» и о вышеназванной брошюрѣ мы не въ далекомъ будущемъ дадимъ отдѣльный отзывъ. Всѣ три названныя изслѣдованія настолько проникнуты единой идеей, жизненной для Россіи, что мы до сихъ поръ не рѣшались говорить о каждой изъ нихъ въ отдѣльности, а предпочли выждать выхода всѣхъ трехъ изъ нихъ, послѣ чего и возможно нынѣ представить въ общей картинѣ то политическое credo, которое такъ выпукло и талантливо выставилъ г. Вандамъ.

Б. Г.

сводился лишь ко времени и средствамъ. Выполнѣ естественнымъ представляется, поэтому, появленіе уже въ пятидесятыхъ годахъ проектовъ частныхъ лицъ въ этомъ смыслѣ. Первыми по времени изъ такихъ проектовъ были: предложеніе англійскаго инженера Дуля—провести «конно-желѣзную» дорогу отъ Нижняго-Новгорода до Тихаго океана, ходатайство англійской компаніи Морисора, Горна и Слейга—о концессіи на линію отъ Москвы до Татарскаго пролива, проектъ инженера Софронова—желѣзной дороги отъ Саратова черезъ Семипалатинскъ на Амуръ и далѣе до Пекина, ходатайство американца Коллинса—о соединеніи Иркутска съ Читой и пр. Однако всѣ эти проекты были болѣе смѣлы, чѣмъ обдуманны, и ни одинъ изъ нихъ не возымѣлъ практическихъ послѣдствій.

Но въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ былъ поставленъ на болѣе практическую почву. По почину частныхъ лицъ были произведены изысканія начальнаго участка Сибирскаго пути, имѣвшія главнымъ образомъ цѣлью установить направленіе дороги между бассейнами рѣкъ Волги и Оби. Изысканіями этими было намѣчено три направленія: 1) такъ называемое «сѣверное»—по проекту В. Кокорева и инженера Рашета,—отъ Перми черезъ Нижне-Тагильскій заводъ до Тюмени; 2) «среднее»—по проекту купца Любимова,—отъ Перми черезъ Кунгуръ, Екатеринбургъ, Шадринскъ до Бѣлозерской слободы на рѣкѣ Тоболѣ, и 3) «южное»—по проекту полковника Е. В. Богдановича,—отъ Ершовки (на Камѣ) черезъ Екатеринбургъ на Тюмень. Изысканія эти пробудили интересъ къ дорогѣ, и вопросъ о ней сталъ обсуждаться въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ періодической печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ поступилъ рядъ ходатайствъ о скорѣйшемъ проведеніи желѣзной дороги въ Сибирь отъ мѣстныхъ властей, а также отъ купечества.

Чтобы разобраться въ массѣ матеріаловъ, собранныхъ частными изысканіями, была командирована на Уралъ специальная комиссія и произведены въ 1872—1874 гг. изысканія правительственными инженерами. Въ 1875 году вопросъ о Сибирской желѣзной дороге впервые поступилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. 19-го декабря 1875 года положеніемъ комитета было рѣшено—вести дорогу отъ Нижняго-Новгорода, по правому берегу Волги, на Казань, Екатеринбургъ, Камышловъ и Тюмень. Такимъ образомъ, обсужденію подверглось лишь направленіе дороги въ предѣлахъ Европейской Россіи до Тюмени, постройка же собственно Сибирской магистрали до Тихаго океана считалась еще дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Вслѣдъ за тѣмъ Турецкая кампанія 1877—1878 г.г. и вызванныя ею финансовыя затрудненія сдѣлали для правительства совершенно невозможными громадные денежныя жертвы, связанныя съ постройкою транзитнаго

рельсового пути черезъ Сибирь, да и сама польза этого пути далеко еще не представлялась очевидною. Сибирь считалась заброшенною страной, а въ комитетѣ министровъ высказывалось (А. А. Абазою) мнѣніе, что желѣзныя дороги не въ состояніи создавать новыхъ экономическихъ цѣнностей, а могутъ лишь развивать и усиливать земледѣльческую и фабричную промышленность тамъ, гдѣ она уже существуетъ. Довольно распространенъ былъ также взглядъ, что на первое время достаточно было бы ограничиться постройкою нѣсколькихъ отдѣльныхъ линій между системами сибирскихъ рѣкъ, чтобы получить, такимъ образомъ, смѣшанное желѣзнодорожно-водное сообщеніе. Въ проектахъ такого рода не было недостатка, и среди нихъ наиболѣе выдѣлялись своею разработанностью предложенія инженеровъ Островскаго и Сиденснера. Взглядъ на преимущества смѣшаннаго сообщенія раздѣлялся и высшими государственными дѣятелями. Такъ, когда въ 1880 году наслѣдникъ передалъ за заключеніе управлявшаго въ то время министерствомъ путей сообщенія фонъ-Гюббенета записку С. Т. Овсянникова, предлагавшаго построить желѣзную дорогу отъ Томска до Иркутска въ 1.500 верстѣ за семьдесятъ пять милліоновъ рублей, министерствомъ были доложены соображенія о несвоевременности этой дороги и о возможности, взамѣнъ того, улучшить водныя сообщенія Сибири.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Александра II по вопросу о Сибирской дорогѣ состоялось лишь положеніе комитета министровъ 23-го сентября 1880 г. о приступѣ къ сооруженію начальнаго участка этой дороги отъ Екатеринбурга до Тюмени, начатаго, однако, лишь въ 1884 году. Многочисленные ходатайства о Сибирскомъ пути мѣстной администраціи и купечества оставались не удовлетворенными.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императоръ Александръ III обратилъ вниманіе на вопросъ о Сибирской желѣзной дорогѣ. Въ маѣ 1882 года на журналѣ комитета министровъ по дѣлу о пересмотрѣ направленія Сибирскаго пути государь положилъ резолюцію: «Изысканія произвести безотлагательно и рассмотреть въ комитетѣ министровъ для обсужденія направленія Сибирской магистральной линіи». Изъ этой резолюціи можно заключить, что государь уже въ то время принялъ рѣшеніе провести сплошной рельсовый путь черезъ всю Сибирь, не ограничиваясь однимъ начальнымъ участкомъ въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Во исполненіе приведенной резолюціи государя были произведены изысканія и собраны экономическія, техническія и другія данныя по тремъ направленіямъ: 1) Нижній-Новгородъ—Казань—Екатеринбургъ—Тюмень, 2) Самара—Уфа—Екатеринбургъ—Тюмень и 3) Самара—Уфа—Златоустъ—Челябинскъ. Приступивъ въ декабрѣ 1884 года къ разсмотрѣнію дѣла, комитетъ министровъ

нашелъ, что разрѣшенію его подлежатъ два вопроса: по-первыхъ, допускаютъ ли имѣющіяся данныя предрѣшеніе направленія дороги въ предѣлахъ Сибири, и, во-вторыхъ, какой изъ указанныхъ выше трехъ вариантовъ соединенія Урала съ внутреннею желѣзнодорожною сѣтью представляется наиболѣе выгоднымъ. По первому вопросу комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что указаніе наиболѣе соотвѣтствующаго нашимъ интересамъ и экономическимъ выгодамъ направленія магистральнаго пути въ Сибири не только невозможно—по неполнотѣ и разнорѣчивости свѣдѣній о производительности различныхъ районовъ этого края и движеніи по нему грузовъ,—но и преждевременно—въ виду тѣхъ затратъ, которыя уже произведены для обезпеченія торговыхъ сношеній Сибири съ Европейскою Россіей. Существующій путь, направляясь на большей части своего протяженія по судоходнымъ рѣкамъ, имѣетъ, по мнѣнію комитета, вообще значительныя преимущества для сплава громоздкихъ и малоцѣнныхъ сибирскихъ грузовъ, и главнымъ препятствіемъ для свободнаго по нему движенія представляется отсутствіе удобныхъ сообщеній между входящими въ него рѣчными системами. Къ устраненію этихъ препятствій уже приняты мѣры: между бассейнами Волги, Камы и Оби строится Екатеринбургъ-Тюменская дорога, системы Оби и Енисея будутъ связаны начатымъ каналомъ. При такихъ условіяхъ насущныя потребности сибирской торговли могутъ считаться удовлетворенными еще на долгое время. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію комитета, только по открытіи движенія по Екатеринбургъ-Тюменской линіи и по линіи, проектированной для продолженія Уральской дороги на югъ, возможно будетъ судить о томъ, куда именно получать тяготѣніе сибирскіе грузы.

Въ виду такихъ соображеній комитетъ министровъ находилъ, что, не предрѣшая вопроса о выборѣ направленія линіи въ предѣлахъ Сибири, слѣдуетъ пока ограничиться безотлагательною постройкою начальнаго ея участка—отъ Самары черезъ Уфу-Златоустъ до одного изъ пунктовъ Екатеринбургъ-Тюменской желѣзной дороги. Положеніе комитета было утверждено 6-го января 1885 года.

Александръ III не оставилъ, однако, мысли о сооруженіи Сибирской магистрали и вскорѣ снова выразилъ свой опредѣленный взглядъ на это дѣло. Именно, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ исполняющаго должность генераль-губернатора Восточной Сибири графа А. П. Игнатьева за 1885—1886 г.г. государь написалъ слѣдующую резолюцію: «Ужъ сколько отчетовъ генераль-губернаторовъ Сибири я читалъ, и долженъ съ грустью и стыдомъ сознаться, что правительство до сихъ поръ почти ничего не сдѣлало для удовлетворенія потребностей этого богатаго, но запущеннаго края. А пора, очень пора». Вслѣдствіе этого было образовано, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи государственнаго совѣта А. А. Абазы, особое совѣщаніе изъ министровъ

путей сообщения и военного и управляющих министерством финансов и государственным контролем, которое признало необходимым безотлагательно составить программу изысканий для Сибирской желѣзной дороги.

Одновременно съ этимъ (въ концѣ 1886 г.) поступило заявленіе приамурскаго генераль-губернатора барона Корфа о необходимости скорѣйшей постройки Забайкальской дороги, важной въ дѣляхъ стратегическихъ и политическихъ, и ходатайство командующаго войсками иркутскаго военного округа о проведеніи линіи отъ Томска до Иркутска. Заявленіе барона Корфа было сообщено на заключеніе министерства финансовъ, но управлявшій тогда министерствомъ И. А. Вышнеградскій не нашелъ возможнымъ, при тогдашнемъ состояніи средствъ государственнаго казначейства, ассигновать сверхсметный кредитъ, потребный на изысканія Забайкальской дороги. Обсужденіе этихъ заявленій сибирскихъ властей было возложено на особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ того же А. А. Абазы, изъ упомянутыхъ выше четырехъ начальниковъ вѣдомствъ и сверхъ того управляющаго морскимъ министерствомъ и начальника главнаго штаба. Совѣщаніе это пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Обезпеченіе Сибири удобными сообщениями составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ правительства. Но малонаселенность страны и громадность ея протяженія отъ Урала до Тихаго океана являются крайне серьезными затрудненіями при рѣшеніи этого вопроса. Проложеніе желѣзной дороги черезъ Сибирь, требуя отъ казны огромныхъ пожертвованій, не обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ, при ограниченномъ торговомъ движеніи края, положительныхъ выгодъ и можетъ окупиться лишь со временемъ. Но нельзя не признать, что въ общегосударственномъ, и въ особенности въ стратегическомъ отношеніи, ускореніе нашихъ сообщеній съ отдаленнымъ Востокомъ становится съ каждымъ годомъ все болѣе неотложнымъ. Поэтому, не предрѣшая нынѣ самаго способа постройки, представлялось бы вполне соответствующимъ безотлагательно приступить къ изысканіямъ участковъ Сибирской дороги, наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи; 2) на ряду съ линіями Забайкальской и Иркутско-Томской, о постройкѣ которыхъ ходатайствуютъ сибирскія власти, представляется настоятельно необходимымъ озаботиться соединеніемъ желѣзною дорогою Владивостока съ рѣкою Сунгарі (притокомъ Уссури) близъ озера Ханка, такъ какъ безъ этого нашъ главный портъ въ Тихомъ океанѣ явится отрѣзаннымъ отъ удобныхъ сообщеній съ остальной Сибирью и лишеннымъ всякой базы, и 3) въ виду преимущественно стратегическаго значенія проектируемыхъ линій желательнее наиболѣе дѣятельное участіе военного вѣдомства, въ лицѣ генераль-губернаторовъ, въ производствѣ изысканій. Программу изысканій совѣщаніе предо-

ставило выработать подлежащимъ министрамъ по взаимному соглашенію.

Постановленіе особаго совѣщанія было утверждено 7-го іюня 1887 г. Затѣмъ, по соглашенію вѣдомствъ, были разработаны программа изысканій и техническія условія сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Сибири. При этомъ министръ путей сообщенія Посыеть не согласился съ предложеніемъ особаго совѣщанія передать производство изысканій въ вѣдѣніе сибирскихъ генераль-губернаторовъ и, ссылаясь на бывшіе примѣры, доложилъ государю соображенія свои, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ можетъ быть съ наибольшимъ успѣхомъ исполняемо единственно тѣмъ вѣдомствомъ, которое самымъ строемъ государственнаго устройства призвано вѣдать дѣло созиданія путей сообщенія. На докладѣ Посыета государь написалъ: «Все это совершенно справедливо, и надѣюсь, что на дѣлѣ министерство докажетъ, что оно можетъ строить и быстро и дешево». Въ августѣ того же 1887 года были отправлены экспедиціи инженеровъ для изысканій дороги между Томскомъ и Иркутскомъ и между Владивостокомъ и рѣкой Усури, а весною 1888 г.— для изысканій по Забайкальской линіи.

Разрѣшенныя особымъ совѣщаніемъ изысканія трехъ участковъ Сибирской магистрали были закончены въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ концѣ 1888 года министръ путей сообщенія испрашивалъ разрѣшенія комитета министровъ приступить въ слѣдующемъ же году къ продолженію строившейся тогда Самаро-Златоустовской линіи до Челябинска и произвести подготовительныя работы по сооруженію Уссурийской дороги и перваго участка Средне-Сибирской линіи отъ Томска до Ачинска. Ходатайство это осталось безъ результата, такъ какъ министръ финансовъ не нашелъ возможнымъ ассигновать по росписи 1889 года какую бы то ни было сумму на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Равнымъ образомъ, когда въ іюнѣ 1889 года министръ путей сообщенія возбудилъ вопросъ о постройкѣ дороги до Челябинска и о производствѣ изысканій отъ этого послѣдняго до одного изъ пунктовъ средне-сибирскаго участка, со стороны финансоваго вѣдомства также послѣдовалъ неблагоприятный отзывъ, и дѣло было отложено до разсмотрѣнія смѣты чрезвычайныхъ расходовъ на 1890 годъ.

Весною 1890 года фонъ-Гюббенетъ вновь возбудилъ этотъ вопросъ, и комитетъ министровъ разрѣшилъ продолжить Самаро-Златоустовскую желѣзную дорогу до Миасса (61 верста). Одновременно разсматривалось и ходатайство министерства путей сообщенія о немедленномъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ на Уссурийскомъ участкѣ, но комитетъ, въ виду возраженій финансоваго вѣдомства, призналъ невозможнымъ начать работы на этомъ участкѣ. Рѣшеніе комитета было утверждено 2-го іюня 1890 года. Мѣсяцъ спустя поступило новое заявленіе отъ приамурскаго генераль-гу-

бернатора о затруднительности сообщенія съ Южно-Уссурійскимъ краемъ и о невозможности обороны его за отдаленностью резервовъ. На докладѣ объ этомъ государь написалъ: «Необходимо приступить скорѣе къ постройкѣ этой дороги», и по высочайшему повелѣнію 16-го августа 1890 года дѣло было передано на обсужденіе особаго совѣщанія, подъ предѣдательствомъ А. А. Абазы, образованнаго для разсмотрѣнія смѣты чрезвычайныхъ расходовъ по росписи на 1891 годъ. Министрами финансовъ и путей сообщенія были представлены въ совѣщаніе подробныя записки, изъ которыхъ выяснилось существенное разногласіе начальниковъ вѣдомствъ по вопросу о порядкѣ и послѣдовательности сооруженія Сибирской желѣзной дороги.

Съ одной стороны, И. А. Вышнеградскій, положивъ въ основаніе своихъ сужденій ожидаемую доходность отдѣльныхъ участковъ дороги, высказывалъ, что цѣль осуществленія сибирскаго желѣзнодорожнаго пути заключается не столько въ томъ, чтобы открыть въ Сибири новые рынки для сбыта произведеній Европейской Россіи, сколько въ томъ, чтобы доставить самой Сибири возможность идти по пути правильнаго экономическаго развитія и поставить эту страну, нынѣ лишенную удобныхъ путей сообщенія, по возможности въ тѣ же условія, въ какихъ находится Европейская Россія. Въ экономическомъ отношеніи наиболѣе развиты Западная Сибирь и Енисейская губернія, и въ случаѣ приступа къ постройкѣ дороги съ запада, эта послѣдняя съ самаго начала будетъ приносить нѣкоторый доходъ осуществленіе дороги дастъ возможность повысить таможенную пошлину на привозимый черезъ Иркутскъ чай, упрочить экономическую связь Сибири съ Европейской Россіей и въ военномъ отношеніи обезпечить возможность быстрой перевозки войскъ на востокъ. Наоборотъ, веденіе постройки съ востока, т. е. съ уссурійскаго участка, ни въ экономическомъ, ни въ военномъ отношеніи не представитъ существенныхъ выгодъ, обезпечивая только связь Владивостока съ рѣкой Уссури, ради чего нельзя рѣшиться на вызываемые постройкою значительные расходы. Поэтому министр финансовъ полагалъ, что постройка Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути должна быть начата съ запада и постепенно развиваться по направленію къ востоку.

Не соглашаясь съ такимъ взглядомъ, министръ путей сообщенія находилъ, что руководящимъ началомъ при установленіи порядка постройки слѣдуетъ считать скорѣйшее осуществленіе предпріятія, а не соображенія о выгодности отдѣльныхъ участковъ. Незначительная на первое время доходность линіи не умаляетъ важности ея для экономическаго развитія Сибири. Сооруженіе Сибирской магистрали есть дѣло государственное, и отсрочка осуществленія его не соответствуетъ политическимъ и стратегическимъ интересамъ Россіи. Ввиду этого фонъ-Гюббенетъ настаивалъ на одно-

временномъ веденіи постройки съ двухъ концовъ—отъ Владивостока и отъ Урала. Затѣмъ въ запискѣ министерства путей сообщенія разбирался вопросъ о выборѣ пункта примыканія Сибирской магистрали къ желѣзнодорожной сѣти Европейской Россіи (такимъ пунктомъ былъ предложенъ Міассъ) и исчислялась стоимость дороги по участкамъ.

Разсмотрѣвъ изложенныя соображенія, особое совѣщаніе не признало себя компетентнымъ въ опредѣленіи порядка постройки и въ выборѣ направленія дороги, и, склоняясь, повидимому, къ мнѣнію министра финансовъ о началіи постройки съ одного западнаго конца, признало возможнымъ внести въ смѣту чрезвычайныхъ расходовъ на 1891 годъ на сооруженіе Сибирской желѣзной дороги 7.000.000 рублей. Согласно заключенію совѣщанія, дѣло поступило въ комитетъ министровъ, который, обсудивъ по существу предположенія министра путей сообщенія, постановилъ: 1) приступить въ 1891 году къ одновременной постройкѣ какъ Уссурійской желѣзной дороги отъ Владивостока до станціи Графской, такъ и участка отъ Міасса до Челябинска; 2) въ томъ же году произвести изысканія участковъ отъ Челябинска до Томска (или другого пункта Средне-Сибирской дороги) и отъ Графской до Хабаровска и 3) всѣ работы производить непосредственнымъ распоряженіемъ казны, предоставивъ министру путей сообщенія войти въ государственный совѣтъ съ представленіями о потребныхъ ассигнованіяхъ. 15-го и 21 февраля 1891 года положенія комитета получили утвержденіе, и вслѣдъ за тѣмъ, 17-го марта, послѣдовалъ рескриптъ на имя наследника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, заканчивавшаго въ то время свое путешествіе по восточнымъ странамъ Азіи и находившагося во Владивостокѣ, слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское высочество.

«Повелѣвъ нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги, имѣющей соединить, обильныя дарами природы, сибирскія области съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній, я поручаю вамъ объявить таковую волю мою, по вступленіи вами вновь на русскую землю, послѣ обозрѣнія иноземныхъ странъ Востока. вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаю на васъ совершеніе, во Владивостокѣ, закладки, разрѣшеннаго къ сооруженію, на счетъ казны и непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, уссурійскаго участка Великаго Сибирскаго рельсоваго пути. Знаменательное участіе ваше въ начинаніи предпринимаемаго мною сего истинно народнаго дѣла да послужитъ новымъ свидѣтельствомъ душевнаго моего стремленія облегчить сношенія Сибири съ прочими частями имперіи и тѣмъ явить сему краю, близкому моему сердцу, живѣйшее мое попеченіе о мирномъ его преуспѣяніи. При-

зываетъ благословеніе Господне на предстоящій вамъ продолжительный путь по Россіи, пребываю искренно васъ любящій Александръ».

Въ документѣ этомъ впервые объявлялось во всеобщее свѣдѣніе о «сплошной черезъ всю Сибирь» желѣзной дорогѣ, о «Великомъ Сибирскомъ рельсовомъ пути».

II.

19-го мая 1891 года наслѣдникомъ лично была совершена во Владивостокѣ торжественная закладка уссурійскаго участка будущей Сибирской желѣзной дороги. Къ тому же времени были отпущены кредиты на производство изысканій отъ Челябинска до Томска и отъ станціи Графской до Хабаровска и начались самыя изысканія. Но затѣмъ дѣло сооруженія Сибирскаго пути встрѣтило новыя препятствія со стороны финансоваго вѣдомства въ ассигнованіи необходимыхъ средствъ. Когда осенью того же года составленная министерствомъ путей сообщенія записка о срокахъ постройки дороги и потребныхъ на нее примѣрныхъ кредитахъ была сообщена на заключеніе министерства финансовъ, И. А. Вышнеградскій отвѣтилъ, что за неимѣніемъ подробныхъ распѣночныхъ вѣдомостей, основанныхъ на точныхъ техническихъ и экономическихъ изысканіяхъ, онъ затрудняется высказать свое мнѣніе о поперстной стоимости Сибирской желѣзной дороги,—но во всякомъ случаѣ исчисленная министерствомъ путей сообщенія цифра въ 47 тысячъ рублей на версту представляется ему очень высокою. Что же касается ассигнованія на ближайшее время суммъ на постройку дороги, то, по мнѣнію И. А. Вышнеградскаго, разрѣшеніе этого вопроса должно зависѣть отъ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, на которое возложено разсмотрѣніе смѣты чрезвычайныхъ расходовъ.

15-го февраля 1892 года управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, на мѣсто фонъ-Гюббенета, былъ назначенъ бывшій директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ С. Ю. Витте. Черезъ два мѣсяца по назначеніи на новый постъ онъ внесъ въ комитетъ министровъ представленіе, въ которомъ предлагалось разрѣшеніе наиболѣе существенныхъ въ то время вопросовъ постройки. Во-первыхъ, на основаніи произведенныхъ въ 1891 году изысканій опредѣлялось окончательное направленіе западно-сибирскаго участка отъ Челябинска на Курганъ, Петропавловскъ, Омскъ и Каинскъ, съ переходомъ рѣки Оби у села Кривошекова и далѣе въ обходъ города Томска; во-вторыхъ, испрашивалось разрѣшеніе начать работы отъ Челябинска до Омска въ 1892 году; въ-третьихъ, доказывалась цѣлесообразность выбора начальнаго пункта въ Челябинскѣ, а не въ Тюмени, чего домогались мѣстныя учрежденія Пермской губерніи. Предположенія управляющаго министерствомъ путей сообщенія были одобрены высочайше

утвержденнымъ 8-го мая 1892 года положеніемъ комитета министровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ, согласно съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ, призналъ необходимымъ соединить особою вѣтвью Сибирскую дорогу съ Уральскою на Екатеринбургъ. Что же касается денежныхъ средствъ, то, по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ техническихъ условій и расцѣночныхъ вѣдомостей западно-сибирскаго участка (на сумму 22.335.347 рублей), разрѣшено было израсходовать въ 1892 году на работы между Челябинскомъ и Омскомъ всего 1.100.000 рублей.

30-го августа 1892 года во главѣ министерства финансовъ былъ поставленъ С. Ю. Витте. 25-го сентября 1892 года ему было повелѣно: изыскать источники для покрытія исключительныхъ расходовъ, связанныхъ съ сооруженіемъ дороги, и соображенія по этому предмету повернуть на высочайшее благовозрѣніе. Во исполненіе этого 6-го ноября того же года С. Ю. Витте представилъ докладъ «о способахъ сооруженія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути». Выяснивъ значеніе дороги для Сибири и Россіи, ея огромныя выгоды въ области интересовъ экономическихъ, культурныхъ и политическихъ, управляющій министерствомъ финансовъ признавалъ необходимымъ, во избѣжаніе финансовыхъ затрудненій при веденіи постройки, обезпечить дѣло спеціальнымъ, независимымъ отъ бюджетныхъ поступленій источникомъ средствъ на предстоящіе расходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. Ю. Витте предлагалъ, чтобы вопросъ о постройкѣ Сибирскаго пути во всемъ его объемѣ—въ отношеніяхъ техническомъ, финансовомъ и политическомъ—былъ разсмотрѣнъ не общимъ порядкомъ, въ комитетѣ министровъ, а въ особомъ, спеціальномъ для того образованномъ, совѣщаніи. Особое совѣщаніе образовано было подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи государственнаго совѣта Д. М. Сольскаго, и въ составъ совѣщанія вошли: предсѣдатель комитета министровъ Н. Х. Бунге, министры—внутреннихъ дѣлъ (И. Н. Дурново), военный (П. С. Ванновскій), государственныхъ имуществъ (М. Н. Островскій), управляющіе министерствами—морскимъ (Н. М. Чихачовъ), путей сообщенія (А. К. Кривошеинъ) и финансовъ (С. Ю. Витте,) государственный контролеръ (Т. И. Филипповъ), члены государственнаго совѣта И. А. Вышнеградскій и М. П. фонъ-Кауфманъ и иркутскій генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ. 13-го ноября 1892 года членамъ совѣщанія была разслана записка управляющаго министерствомъ финансовъ, въ которой подробно разбирались всѣ подлежавшіе обсужденію вопросы.

Записка С. Ю. Витте главное вниманіе удѣляла выясненію экономического значенія дороги. Въ ней указывалось, что правительство обязано принять всѣ мѣры къ возможно успѣшному осуществленію этого «благаго начинанія, имѣющаго всѣ права занять одно изъ

первых мѣсть въ ряду самыхъ крупныхъ и самыхъ важныхъ предприятий XIX столѣтія не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ цѣломъ мірѣ». Не скрывая отъ себя, что эксплуатація даже наиболѣе доходной части Сибирской дороги—линии отъ Челябинска до Иркутска—не скоро еще можетъ дать сколько-нибудь благопріятные результаты, и что такимъ образомъ сооруженіе дороги, при громадныхъ на нее расходахъ, возлагаетъ на казну не легкое бремя, управляющій министерствомъ финансовъ находилъ, однако, что оцѣнивать значеніе Великаго Сибирскаго пути съ точки зрѣнія узко-финансовой было бы совершенно неправильно. «Сплошная черезъ всю Сибирь желѣзная дорога,—говорилось въ запискѣ,—это предприятие государственное въ широкомъ смыслѣ слова, и съ этой, единственно правильной въ данномъ случаѣ, точки зрѣнія сооруженіе Сибирской магистрали не только имѣетъ полное оправданіе, но должно быть признано задачей первостепеннаго значенія».

Обращаясь къ подробному выясненію тѣхъ интересовъ, которымъ можетъ служить Сибирская желѣзная дорога, управляющій министерствомъ финансовъ только въ общихъ чертахъ коснулся значенія ея въ политическомъ, стратегическомъ и культурномъ отношеніяхъ, и посвятилъ большую часть записки выясненію экономической стороны вопроса.

Съ этой стороны С. Ю. Витте, прежде всего, обращалъ вниманіе на то выгодное обстоятельство, что дорога, при намѣченномъ изысканіями направленіи ея, связывается со всѣми обширными областями Сибири по системамъ рѣкъ Оби, Енисея, Лены и Амура,—и такимъ образомъ съ рельсовой сѣтью Европейской Россіи «соединяется вновь огромная территория, притомъ заключающая въ себѣ почти всѣ тѣ части сибирскихъ областей, которыя находятся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для экономическаго развитія, въ томъ числѣ плодородныя земли Западной Сибири и Уссурійскаго края, а также многіе округа, славящіеся золотыми мѣсторожденіями и другими минеральными богатствами»... «Если до настоящаго времени Сибирь не одѣлала значительныхъ успѣховъ въ своемъ экономическомъ ростѣ, несмотря на обиліе естественныхъ богатствъ, если она и послѣ болѣе чѣмъ трехсотлѣтней принадлежности къ русской державѣ остается на низкомъ уровнѣ гражданственности, населена очень слабо, даже въ наиболѣе счастливыхъ по естественнымъ условіямъ мѣстностямъ, и не успѣла еще сообщить аборигенамъ основныя черты русской народности и хотя бы зачатки культуры, то столь печальное положеніе обуславливается, несомнѣнно, всего болѣе разобщенностью отъ Европейской Россіи. Сибирь, будучи частью Россіи, не была участницей Россіи въ ея гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ успѣхахъ, но какъ бы застыла въ своей вѣковой неподвижности. Соединить Сибирь посредствомъ

желѣзной дороги съ русскою рельсовою сѣтью и, такимъ образомъ, приблизить ее къ Европейской Россіи—это значитъ приобщить ее къ русской жизни и поставить въ тѣ же условія существованія и развитія, въ которыхъ находятся другія части Россіи, сближенные рельсовыми путями и между собою, и съ центрами наибольшей жизнедѣятельности страны».

«Принимая протяженіе Сибирской желѣзной дороги отъ Челябинска до Владивостока, круглымъ числомъ, въ 7.100 верстъ и полагая, что эта дорога приблизитъ къ Европейской Россіи только прорѣзываемую ею полосу не свыше стоверстного разстоянія отъ линіи въ обѣ стороны, то и въ такомъ случаѣ, благодаря желѣзной дорогѣ, въ новыя условія существованія становится огромная территория въ 1.420.000 кв. верстъ,—территория, превосходящая Германію и Австро-Венгрію вмѣстѣ взятыя, съ добавленіемъ Голландіи, Бельгій и Даніи. Если сравнить эту территорию съ какою-нибудь частью Европейской Россіи, то окажется, что она по пространству превосходитъ всѣ взятыя вмѣстѣ губерніи, заключенныя между Окой, Волгой, Азовскимъ и Чернымъ морями и австрійской границей, съ добавленіемъ Привислинскаго края, т. е. тридцать пять губерній. При томъ вся эта территория лежитъ въ среднихъ географическихъ широтахъ, преимущественно между 50 и 57° сѣверной широты, по климатическимъ условіямъ не слишкомъ рѣзко отличается отъ центральныхъ и восточныхъ губерній Европейской Россіи и въ большей своей части представляетъ данныя, вполне благопріятствующія развитію земледѣльческихъ и другихъ промысловъ».

...«Въ дѣйствительности, вліяніе Сибирской желѣзной дороги, благодаря связи ея со всѣми водными сообщеніями Сибири, будетъ распространяться гораздо дальше прорѣзываемой ею полосы, и не подлежитъ сомнѣнію, что дорога дастъ могущественный толчокъ экономическому развитію Сибири, всюду оживитъ и возбудитъ возможныя по мѣстнымъ условіямъ отрасли производительной дѣятельности».

Въ развитіе этой основной мысли въ запискѣ подробно выяснялось значеніе Сибирской желѣзной дороги для туземной сельско-хозяйственной производительности, для промышленности горной вообще и въ частности для золотого промысла. Затѣмъ особое вниманіе удѣлялось той роли, которую дорога можетъ сыграть въ колонизаціонномъ отношеніи. «Крестьянское малоземелье, — указывалъ С. Ю. Витте, — давно уже замѣчаемое во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи, несомнѣнно, должно быть отнесено къ отрицательнымъ явленіямъ русской жизни: оно невыгодно для народнаго хозяйства, потому что въ непривычныхъ условіяхъ существованія малоземельный крестьянинъ становится экономически слабымъ, его трудъ менѣе производительнымъ; оно невыгодно для государства, потому что экономически слабые элементы населенія служатъ

скорѣе въ тягость государству, требуя отъ него усиленныхъ попеченій и не давая взамѣнъ ничего; оно, наконецъ, не можетъ быть признано и нормальнымъ, въ виду массы пустующихъ земель, которыя остаются мертвымъ капиталомъ именно по отсутствію рабочихъ рукъ и которыя посему очень выгодно заселять нуждающимися въ землѣ для приложенія къ ней своего труда». Наиболее цѣлесообразнымъ способомъ устраненія малоземелья является надѣленіе нуждающихся крестьянъ казенными землями въ Сибири, особенно въ западной части ея, которая при обширныхъ пустующихъ пространствахъ плодородной почвы надолго способна удовлетворить потребности населенія Европейской Россіи въ землѣ. Стремленіе малоземельныхъ крестьянъ къ переселенію на новыя мѣста замѣчается уже теперь, но носитъ стихійный характеръ; если же правительство поставитъ переселенческое движеніе въ болѣе правильныя условія, то можно полагать, «что заселеніе плодородныхъ сибирскихъ пустынь пойдетъ весьма успѣшно, а съ появленіемъ на мѣстѣ достаточнаго количества рабочей силы плодородныя сибирскія земли пріобрѣтутъ, безъ сомнѣнія, притягательность и для болѣе образованныхъ общественныхъ слоевъ, которые принесутъ съ собою и капиталъ, и знаніе, и цивилизующее вліяніе на окружающую среду». ...«Такимъ образомъ, Сибирская желѣзная дорога обезпечитъ прорѣзываемому ею обширному краю одно изъ главныхъ условій для развитія сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и притокъ рабочей силы, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ спокойный и вѣрный путь государству къ разрѣшенію одной изъ наиболѣе трудныхъ задачъ—къ прочному устройству экономическаго быта малоземельнаго крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній Европейской Россіи».

Далѣе управляющій министерствомъ финансовъ признавалъ необходимымъ «установить опредѣленную точку зрѣнія на торговое значеніе Сибирской желѣзной дороги». Въ этомъ отношеніи дорога должна, съ одной стороны, способствовать увеличенію вывоза сибирскихъ грузовъ въ Европейскую Россію, съ другой—устранить тѣ неудобства, которыя приходится испытывать при перевозкѣ европейскихъ грузовъ въ Сибирь, а также благоприятно отразиться на условіяхъ торговаго оборота въ предѣлахъ этого края. Но торговое значеніе дороги не ограничивается тѣми выгодами, которыя она можетъ дать немедленно вслѣдъ за открытіемъ движенія: «вѣроятныя послѣдствія этого предпріятія слѣдуетъ разсматривать шире—въ связи съ тѣмъ основнымъ фактомъ, что Сибирскій путь установитъ непрерывное рельсовое сообщеніе между Европой и Тихимъ океаномъ и такимъ образомъ откроетъ новые горизонты для торговли не только русской, но и всемірной». При этомъ для Россіи особенно важно то обстоятельство, что она, участвуя въ сообщеніяхъ Европы съ странами азіатскаго Востока на протяженіи болѣе десяти тысячъ

версть, «можетъ и должна воспользоваться не только всѣми выгодами посредника въ торговомъ обмѣнѣ произведеній Востока Азии и Запада Европы, но и выгодами крупнаго производителя и потребителя, ближе всѣхъ стоящаго къ народамъ азіатскаго Востока. Съ постройкою Сибирской желѣзной дороги не только усилится роль Россіи на мировомъ рынкѣ, но для нея откроются новыя обильныя источники народнаго благосостоянія».

Послѣ всесторонняго выясненія значенія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, записка управляющаго министерствомъ финансовъ переходитъ къ вопросу о порядкѣ осуществленія этого предпріянія. Для возможно успѣшнаго и планомѣрнаго достиженія цѣли С. Ю. Витте предложилъ распредѣлить постройку отдѣльныхъ участковъ дороги на три очереди. Къ первой—относились участки: западно-сибирскій отъ Челябинска до рѣки Оби (1.328 версты), средне-сибирскій отъ Оби до Иркутска (1.754 версты) и начатый уже въ 1891 году южно-уссурійскій отъ Владивостока до Графской (378 версты), а также соединительная вѣтвь между Сибирской магистралю и Уральскою горнозаводскою дорогою на Екатеринбургъ; работы на этихъ участкахъ могли бы быть завершены въ періодъ времени 1893—1900 годовъ. На вторую очередь были поставлены участки сѣверно-уссурійскій отъ Графской до Хабаровска (347 версты) и забайкальскій до Срѣтенска (1.009 версты); первый предполагалось окончить въ теченіе 1895—1898 годовъ, а второй къ 1902 году. Наконецъ, къ третьей очереди были отнесены наиболѣе трудныя участки, время окончанія которыхъ пока не опредѣлялось: Кругобайкальскій (292 версты)¹⁾ и Амурскій отъ Срѣтенска до Хабаровска (около 2.000 версты).

Такая послѣдовательность въ сооруженіи Сибирскаго рельсоваго пути была установлена въ зависимости отъ техническихъ условій, въ виду невозможности пачать работы одновременно на всемъ протяженіи отъ Челябинска до Владивостока. При этомъ само собою разумѣлось, что участки второй и третьей очередей вовсе не должны строиться непременно послѣ окончанія первоочередныхъ; при успѣшномъ ходѣ работъ на линіи Челябинскъ—Иркутскъ, можно было бы, не ожидая завершения ихъ, начать постройку и остальныхъ участковъ (какъ это въ дѣйствительности и случилось). Но въ то время было не только преждевременно, но и едва ли возможно предрѣшать сроки окончанія и способы постройки, а равно размѣръ необходимыхъ затратъ для сплошнаго пути до Тихаго океана, потому что всѣ эти вопросы могли измѣниться въ своей постановкѣ въ зависимости какъ отъ хода работъ до Иркутска, такъ и отъ многихъ другихъ непредвидѣнныхъ причинъ. Раздѣляя такимъ

¹⁾ По окончательно установленному направленію Кругобайкальскаго участка, длина его опредѣлилась въ 243 версты.

«истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. сxxxv,

образомъ постройку на три очереди, управляющій министерствомъ финансовъ признавалъ цѣлесообразнымъ на первое время сосредоточить все вниманіе на участкахъ первоочередныхъ и на изысканіи необходимыхъ для этого денежныхъ ресурсовъ. Планъ сооруженія этихъ послѣднихъ участковъ былъ разсчитанъ такъ, чтобы на всемъ протяженіи до Иркутска правильное движеніе было открыто не позже 1900 года, при условіи приступа къ работамъ въ 1893 году.

На ряду съ сооруженіемъ самой желѣзной дороги предлагалось осуществить цѣлый рядъ такъ называемыхъ вспомогательныхъ предприятий, имѣющихъ цѣлью какъ облегченіе постройки, такъ и содѣйствіе заселенію и экономическому развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей. Въ числѣ такихъ предпріятій въ запискѣ были намѣчены: расширеніе существующихъ въ Сибири и устройство новыхъ желѣзнодорожныхъ заводовъ для поставки на линію рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей; улучшеніе сибирскихъ рѣкъ и содѣйствіе развитію паромныхъ сообщеній по пересекаемымъ дорогою воднымъ путямъ; облегченіе и поощреніе переселенія въ Сибирь земледѣльческихъ элементовъ изъ Европейской Россіи и надѣленіе ихъ казенными землями и другія. На все это С. Ю. Витте предлагалъ удѣлить извѣстныя средства (отъ 14 до 20 милліоновъ рублей) изъ общей суммы, предназначенной на постройку Сибирской желѣзной дороги, основываясь на томъ убѣжденіи, что дорога тѣмъ скорѣе достигнетъ цѣлей, для которыхъ она сооружается, чѣмъ больше будетъ обращено вниманія на вспомогательныя предпріятія, которыя могутъ усилить экономическое и культурное вліяніе дороги.

Въ заключеніе записки управляющаго министерствомъ финансовъ предлагалось: въ видахъ обезпеченія беззамедлительнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, относящихся до экономической и технической стороны сооруженія Великаго Сибирскаго рельсоваго пути, и въ видахъ направленія работъ по этому предпріятію въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ сооруженія — образовать для руководства всѣмъ дѣломъ особое высшее государственное учрежденіе подъ наименованіемъ «комитетъ Сибирской желѣзной дороги». Въ составъ комитета имѣли войти министры внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ и путей сообщенія и государственный контролеръ, а предсѣдательство возлагалось на лицо по непосредственному избранію государя.

Такимъ образомъ, на обсужденіе особаго совѣщанія управляющимъ министерствомъ финансовъ были представлены слѣдующіе вопросы:

- 1) о распредѣленіи сооруженія Сибирской желѣзной дороги на три очереди;
- 2) о средствахъ для сооруженія участковъ, отнесенныхъ къ первой очереди;

3) о послѣдовательности сооруженія участковъ первой очереди въ связи съ предпріятіями вспомогательными.

4) объ учрежденіи комитета Сибирской желѣзной дороги.

По вопросу о распредѣленіи постройки на три очереди совѣщаніе одобрило предложенія С. Ю. Витте. При этомъ управляющій морскимъ министерствомъ высказалъ пожеланіе не ограничиваться въ ближайшемъ будущемъ сооруженіемъ только первоочередныхъ участковъ, а начать работы сразу на всемъ протяженіи отъ Челябинска до Владивостока—съ такимъ расчетомъ, чтобы весь путь, кромѣ кругобайкальскаго участка, былъ законченъ къ 1900 году. Съ такимъ мнѣніемъ совѣщаніе не нашло, однако, возможнымъ согласиться, какъ вслѣдствіе техническихъ трудностей веденія работъ на громадномъ протяженіи, такъ и въ виду заявленія военнаго министра, что весьма неудобно, по стратегическимъ соображеніямъ, вести Сибирскую дорогу съ востока до тѣхъ поръ, пока восточные участки не будутъ въ состояніи войти въ прямую связь съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній имперіи. вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе находило, что распредѣленіе на три очереди не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что къ постройкѣ линій 2-й и 3-й очередей можно приступить не прежде, какъ по окончаніи первоочередныхъ участковъ. Наоборотъ, въ случаѣ успѣшнаго хода работъ первой очереди, можно будетъ приступить къ сооруженію второочередныхъ участковъ еще въ 1895 году и окончить ихъ въ 1902 году.

При обсужденіи вопроса о средствахъ для сооруженія участковъ первой очереди управляющій министерствомъ финансовъ заявилъ, что онъ находитъ возможнымъ, отказавшись отъ своего первоначальнаго плана о выпускѣ «сибирскихъ кредитныхъ билетовъ» воспользоваться для обезпеченія постройки Сибирской желѣзной дороги также кредитными билетами, но безъ поваго выпуска ихъ, а именно—обратить на указанную государственную потребность сумму въ 92.734,591 руб. кред., которые были переданы государственнымъ казначействомъ государственному банку, на основаніи высочайшаго указа отъ 1-го января 1881 года, въ уплату долга за кредитные билеты, были вынуждены по военнымъ обстоятельствамъ и подлежали уничтоженію, но уничтожены быть не могли и оставались на счетѣ коммерческихъ операцій банка. По мнѣнію С. Ю. Витте, если бы столь значительный ресурсъ былъ исключительно и безповоротно предназначенъ на постройку Сибирской желѣзной дороги, то можно было бы смѣло приступить къ дѣлу. Если же финансовое положеніе Россіи измѣнится къ лучшему, то для постройки дороги найдутся и другіе ресурсы, такъ что и вовсе не придется (какъ, дѣйствительно, и случилось) расходовать указанные 92,7 милліона рублей. Что касается затѣмъ недостающей до 150 милліоновъ рублей, потребныхъ на участки первой очереди, суммы (около 60 милліоновъ рублей), то управляющій министерствомъ финан-

совъ полагалъ, что ему удастся получить эту сумму постепенно въ теченіе восьми лѣтъ изъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ поступленийъ и путемъ займовъ.

Особое совѣщаніе единогласно одобрило такое предположеніе С. Ю. Витте и рѣшило предназначить на сооруженіе Сибирскаго пути вышеозначенный фондъ въ 92,7 милліона рублей, съ тѣмъ, чтобы эти средства обращались на потребности дороги постепенно, въ соотвѣтствіи съ ходомъ строительныхъ работъ, но не свыше 40 милліоновъ въ годъ, и притомъ лишь въ тѣ годы, когда въ распоряженіи министерства финансовъ не окажется другихъ источниковъ, изъ которыхъ могли бы быть получены средства на постройку.

По вопросу о порядкѣ обращенія указанныхъ 92,7 милліона рублей на потребности Сибирской желѣзной дороги въ средѣ совѣщанія произошло разномысліе. Три члена (Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградскій и Н. М. Чихачевъ) находили, что сумма въ 92,7 милліона рублей была передана государственному банку на точномъ основаніи высочайшаго указа 1-го января 1881 года, и что, во избѣжаніе упрековъ правительству въ колебаніяхъ относительно торжественныхъ его заявленій, указанная сумма можетъ быть обращена на потребности Сибирской желѣзной дороги только путемъ временнаго позаимствованія государственнымъ казначействомъ изъ банка. Высказывая такое мнѣніе, три члена совѣщанія, повидимому, опасались, чтобы управляющій министерствомъ финансовъ, поощренный первымъ опытомъ, не сталъ вообще стремиться къ выпуску необезпеченныхъ кредитныхъ билетовъ для строительныхъ надобностей.

Предсѣдатель же совѣщанія и остальные восемь членовъ присоединились къ мнѣнію С. Ю. Витте, настаивавшаго на томъ, чтобы фондъ въ 92,7 милліона рублей, внесенный въ государственный банкъ за не уничтоженные еще кредитные билеты и потому являвшійся долгомъ банка государственному казначейству, былъ возвращенъ казначейству и обращенъ безповоротно на расходы по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Это послѣднее мнѣніе было одобрено, и въ такомъ смыслѣ послѣдовалъ высочайшій указъ 10-го декабря 1892 года.

Впослѣдствіи оказалось, что благопріятное исполненіе государственныхъ росписей ближайшихъ годовъ позволило вовсе не прибѣгать къ позаимствованіямъ изъ фонда въ 92,7 милліона рублей, и всѣ потребныя на сооруженіе Сибирскаго пути средства были получены изъ другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, закрѣпленіе за предпріятіемъ дороги указаннаго крупнаго ресурса имѣло весьма важное значеніе, давъ возможность незамедлительно начать работы въ широкихъ размѣрахъ, внѣ зависимости отъ бюджетныхъ средствъ.

Затѣмъ, по вопросу о послѣдовательности сооруженія участковъ первой очереди въ связи съ предпріятіями вспомоگательными, со-

вѣщаніе единогласно одобрило предположенія управляющаго министерствомъ финансовъ, находя при этомъ, что особыя условія, въ которыхъ будетъ строиться и эксплуатироваться Сибирская желѣзная дорога, обязываютъ правительство приложить всевозможныя усилія и заботы къ тому, чтобы осуществленіе вспомогательныхъ предпріятій было обставлено наиболѣе благоприятнымъ образомъ, какъ въ отношеніи денежной стороны дѣла, такъ и въ отношеніи порядка утвержденія соотвѣтственныхъ расходовъ и плана правительственныхъ дѣйствій. Въ виду этого совѣщаніе съ особымъ сочувствіемъ отнеслось къ мысли С. Ю. Витте объ учрежденіи комитета Сибирской желѣзной дороги.

Журналь особаго совѣщанія былъ представленъ государю и 10-го декабря 1892 года былъ утвержденъ къ исполненію. Высочайшимъ рескриптомъ 14-го января 1893 года на постъ предѣдателя комитета Сибирской желѣзной дороги былъ призванъ наслѣдникъ. Высочайшій рескриптъ гласилъ:

«Ваше императорское высочество.

«Прибывъ послѣ дальняго плаванія въ предѣлы земли Русской, вы, согласно повелѣнію моему, положили во Владивостокѣ въ 19-й день мая 1891 года, начало сооруженія предначертаннаго мною сплошнаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Нынѣ, назначая васъ предѣдателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги, я поручаю вамъ привести это дѣло мира и просвѣтительной задачи Россіи на Востокъ къ концу. Да поможетъ вамъ Всевышній осуществить предпріятіе, столь близко принимаемое мною къ сердцу, совмѣстно съ тѣми предположеніями, которыя должны способствовать заселенію и промышленному развитію Сибири. Твердо вѣрю, что вы оправдаете надежды мои и дорогой Россіи. Искренно и отъ всей души любящій васъ Александръ».

15-го января 1893 года послѣдовало учрежденіе должности вице-предѣдателя комитета Сибирской желѣзной дороги, съ назначеніемъ на эту должность Н. Х. Бунге, и возложеніе завѣдыванія дѣлами комитета на управляющаго дѣлами комитета министровъ А. Н. Куломзина. Первое засѣданіе комитета Сибирской желѣзной дороги состоялось 10-го февраля 1893 года.

Въ засѣданіи этомъ былъ выработанъ проектъ положенія о комитетѣ Сибирской желѣзной дороги, утвержденный 24 февраля 1893 года. Согласно этому положенію, къ вѣдѣнію комитета были отнесены: общее руководительство дѣломъ осуществленія дороги и связанныхъ съ нею вспомогательныхъ предпріятій, разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ въ связи съ этими предпріятіями, и распоряженіе предназначенными на это суммами. По дѣламъ законодательнымъ должно составляться, подъ предѣдательствомъ предѣдателя комитета Сибирской желѣзной дороги, соединенное присутствіе изъ членовъ комитета и департаментовъ государственнаго совѣта,

по принадлежности. Исполнительной власти комитетъ не имѣетъ и приведеніе въ исполненіе его положеній должно быть возлагасмо на подлежащихъ министровъ. Въ случаѣ надобности при комитетѣ образуются подготовительныя комиссіи.

Высочайшимъ повелѣніемъ 5-го іюня того же 1893 года, по представленію министра путей сообщенія, разсмотрѣнному въ соединенномъ присутствіи комитета и департамента государственной экономіи, былъ учрежденъ при министерствѣ путей сообщенія специальный исполнительный органъ—управленіе по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, вошедшее потомъ въ составъ управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ, дѣлу сооруженія великаго Сибирскаго пути была придана необходимая организація и работа началась.

III.

Во времени учрежденія комитета Сибирской желѣзной дороги были разрѣшены къ постройкѣ только два участка Сибирской магистральной: первый участокъ Западно-Сибирской линіи—отъ Челябинска до Омска и южно-уссурийскій—отъ Владивостока до Графской. На первомъ работы начались въ іюлѣ 1892 года, а на второмъ еще въ маѣ 1891 года. На остальной части Западно-Сибирской дороги были произведены въ 1892 году изысканія и утверждено направленіе линіи. Что же касается средне-сибирскаго участка, то предварительныя изысканія его были сдѣланы еще въ 1887—1888 г.г., а 18-го іюня 1892 года были отпущены средства на производство дополнительныхъ изысканій. Такимъ образомъ, почва для будущихъ работъ была уже подготовлена, но самую постройку нельзя было вести въ широкихъ размѣрахъ за неимѣніемъ соответствующихъ кредитовъ. На сооруженіе Южно-Уссурийской желѣзной дороги въ 1891 году ассигновано было всего 7 милліоновъ рублей, а на работы между Челябинскомъ и Омскомъ было разрѣшено израсходовать въ 1892 году всего 1.100,000 рублей, изъ условно отпущеннаго по росписи кредита въ 3,5 милліона рублей.

Но когда, высочайше утвержденнымъ 10-го декабря 1892 года журналомъ особаго совѣщанія, былъ одобренъ планъ постройки, опредѣлены сроки окончанія отдѣльныхъ участковъ и указаны были средства,—положеніе дѣла измѣнилось. Управляющему министерствомъ путей сообщенія было поручено безотлагательно войти съ представленіями объ утвержденіи направленія и расцѣпочныхъ вѣдомостей всѣхъ неразрѣшенныхъ еще участковъ изъ числа отнесенныхъ къ первой очереди. Порученіе это было выполнено очень скоро, и весною 1893 года начались строительныя работы на всемъ протяженіи Западно-Сибирской линіи и на первомъ участкѣ Средне-Сибирской отъ Оби до Красноярска. На ряду съ этимъ продолжалась

постройка южно-уссурийскаго участка и были начаты изысканія второочередныхъ линій—Забайкальской и Сѣверно-Уссурійской отъ Графской до Хабаровска, а также соединительной вѣтви между Сибирскою магистралію и Уральскою горнозаводскою дорогою.

Одновременно съ постройкой дороги началось осуществленіе связанныхъ съ нею вспомогательныхъ предпріятій. Въ развитіе предположеній, которыя были высказаны по этому предмету въ совѣщаніи Д. М. Сольскаго, С. Ю. Витте представилъ въ февралѣ 1893 года въ комитетъ Сибирской желѣзной дороги подробную записку. Ближайшія задачи вспомогательныхъ предпріятій сводились, по мнѣнію министра финансовъ, къ тремъ группамъ: 1) заселеніе прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей; 2) возбужденіе и расширеніе заводской производительности, въ особенности желѣзодѣлательной и цементной, и 3) развитіе пароходныхъ сообщеній по пересѣкаемымъ дорогою и соприкасающимся съ нею рѣчнымъ системамъ Сибири. По каждой изъ этихъ группъ намѣчался къ разрѣшенію рядъ вопросовъ, требующихъ разработки и всесторонняго выясненія.

Записка министра финансовъ была разсмотрѣна въ первомъ заѣданіи комитета, который, послѣ всесторонняго обсужденія затронутыхъ вопросовъ, постановилъ: 1) поручить министру государственныхъ имуществъ представить соображенія объ увеличеніи состава и объ усиленіи средствъ партій, производящихъ геологическія изслѣдованія по линіи Сибирской желѣзной дороги, также обсудить вопросъ о насажденіи среди будущихъ крестьянскихъ поселковъ образцовыхъ хозяйствъ, которыя служили бы примѣромъ для примѣненія усовершенствованныхъ приемовъ сельскохозяйственной культуры; 2) разработать вопросъ о развитіи въ районѣ Сибирской желѣзной дороги промышленныхъ предпріятій, облегчающихъ постройку линіи, какъ-то чугуноплавильнаго, желѣзодѣлательнаго, сталелитейнаго и цементнаго производства, а равно добычи минераловъ—особенно каменнаго угля и желѣза, и 3) озаботиться изслѣдованіемъ тѣхъ изъ судоходныхъ рѣкъ Сибири, по которымъ можетъ быть производима доставка потребныхъ для постройки предметовъ, улучшеніемъ условій движенія судовъ по этимъ рѣкамъ и, наконецъ, обезпеченіемъ непрерывной передачи грузовъ Сибирской желѣзной дороги черезъ озеро Байкаль. Положеніе комитета было утверждено 25-го февраля 1893 года. Кромѣ того, высочайшимъ повелѣніемъ 4-го марта было предоставлено министру государственныхъ имуществъ вносить въ комитетъ Сибирской желѣзной дороги предположенія объ ассигнованіи ежегодно средствъ на расходы по образованію переселенческихъ участковъ въ Сибири.

На выполненіе всѣхъ этихъ задачъ требовались, конечно, весьма значительныя средства, и, какъ упомянуто выше, С. Ю. Витте предполагалъ удѣлить на это особый фондъ до 14 милліоновъ рублей изъ суммъ, предназначенныхъ на постройку. Впослѣдствіи, въ 1897 году,

фондъ этотъ, по представленію министра финансовъ, былъ увеличенъ до 21,9 милліона рублей,—въ дѣйствительности же израсходовано было на вспомогательныя предпріятія съ 1893 по 1902 г. включительно свыше 29 милліоновъ рублей.

Для составленія ежегодныхъ смѣтъ расходовъ на вспомогательныя предпріятія была образована, по инициативѣ министра финансовъ, при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги особая подготовительная комиссія, подъ предѣдательствомъ А. Н. Куломзина, изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и приглашаемыхъ специалистовъ. На эту же комиссію возложено было предварительное обсужденіе мѣропріятій по устройству переселенцевъ въ Сибирь и по другимъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ дѣломъ.

Работы на участкахъ первой очереди быстро подвигались впередъ, и уже весной 1894 года выяснилась возможность довести непрерывный рельсовый путь отъ Челябинска до Иркутска въ 1898 году, т. е. на два года ранѣе предполагаемаго по первоначальному плану срока. Равнымъ образомъ, успѣшно шло дѣло и на восточныхъ участкахъ; на Южно-Уссурийской дорогѣ ожидалось открытіе временнаго движенія къ концу 1894 года, а Сѣверно-Уссурийская, отнесенная сначала ко второй очереди, имѣла быть доведена до Хабаровска въ 1896 году. На Забайкальской линіи уже производились изысканія на всемъ протяженіи отъ озера Байкаль до ст. Покровской на Амурѣ.

Такой успѣшный ходъ постройки позволилъ министру финансовъ въ апрѣлѣ 1894 года представить комитету Сибирской желѣзной дороги предположеніе о срокахъ окончанія участковъ, отнесенныхъ ко 2-й и 3-й очереди. Въ запискѣ по этому предмету С. Ю. Вите высказывалъ, что такъ какъ наибольшую сумму пользы можно ожидать отъ Сибирскаго пути лишь по открытіи движенія на всемъ протяженіи отъ Урала до Владивостока, то, въ государственныхъ интересахъ, необходимо всемѣрно стремиться къ скорѣйшему осуществленію этого пути въ полномъ объемѣ. Соответственно такому взгляду, министръ финансовъ признавалъ желательнымъ и возможнымъ съ 1895 года приступить къ сооруженію Забайкальской линіи, ведя работы одновременно съ нѣсколькихъ пунктовъ, а въ 1896 году—начать уже укладку рельсовъ. При этихъ условіяхъ движеніе до станціи Покровской можно было открыть не позже 1898 года. Къ этому же сроку надлежало бы окончить вѣтвь отъ Иркутска до озера Байкала, постройка которой не представляетъ особыхъ техническихъ трудностей, и организовать переправу черезъ озеро. Послѣдствіемъ такого хода работъ будетъ открытіе съ навигаціи 1899 года непрерывнаго парового сообщенія Европейской Россіи съ Владивостокомъ: до Амура по желѣзной дорогѣ (кромѣ переправы черезъ Байкаль) и далѣе на пароходахъ до Хабаровска, откуда начинается уже Уссурийская желѣзная дорога. Затѣмъ оставалось

бы только проложить послѣднее звено Сибирскаго пути—амурскій участокъ, къ изысканіямъ котораго С. Ю. Витте находилъ желательнымъ приступить, не теряя времени, дѣломъ 1894 года, а самыя работы начать въ 1896—1897 гг. и вести ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы по возможности въ 1900 году, и не позже 1901 года, рельсовый путь былъ сомкнутъ на всей амурской линіи. Эти предположенія министра финансовъ были одобрены соединеннымъ присутствіемъ комитета Сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономіи и были утверждены 13-го мая 1894 года.

Одновременно съ запискою объ ускореніи постройки Сибирской желѣзной дороги министромъ финансовъ было представлено на разсмотрѣніе комитета дѣло о сооруженіи желѣзнодорожнаго пути отъ города Перми до пристани Котласа на Сѣверной Двинѣ.

Проведеніе этого пути являлось разрѣшеніемъ давно уже стоявшаго на очереди вопроса о соединеніи бассейновъ рѣкъ Камы и Сѣверной Двины. Затронутый еще въ царствованіе Екатерины II, вопросъ этотъ въ 1868 году обратилъ на себя вниманіе Александра III, тогда наследника престола, въ бытность его предѣвателемъ комиссіи по оказанію помощи пострадавшему отъ неурожая населенію Пермской и Вятской губерній. Признавъ тогда проведеніе желѣзной дороги къ Бѣлому морю лучшимъ средствомъ для обезпеченія продовольствія края, Александръ III впослѣдствіи неоднократно одобрялъ эту мысль собственноручными резолюціями на всеподданнѣйшихъ отчетахъ мѣстныхъ губернаторовъ. Въ 1876 г. постановлено было произвести изысканія помянутаго желѣзнодорожнаго пути, но это не было приведено въ исполненіе въ виду послѣдовавшаго вскорѣ рѣшенія правительства приостановить постройку новыхъ дорогъ за счетъ казны. Поступавшія неоднократно ходатайства по этому предмету сибирскихъ торговцевъ и промышленниковъ оставлялись безъ удовлетворенія по соображеніямъ финансового свойства.

Съ приступомъ къ постройкѣ Сибирской магистрали вопросъ о Пермь-Котласской линіи получилъ особенно важное значеніе, такъ какъ линія эта устанавливала паровое сообщеніе между Сибирью и архангельскимъ портомъ черезъ посредство Уральской горнозаводской дороги и соединительной Екатеринбургъ-Челябинской вѣтви. Въ своемъ представленіи министръ финансовъ указывалъ на то обстоятельство, что предоставленіе сибирскимъ, преимущественно хлѣбнымъ, грузамъ ближайшаго и самостоятельнаго выхода за границу черезъ Бѣлое море весьма важно, какъ для интересовъ земледѣльческой промышленности Сибири, такъ, въ особенности, для огражденія сельскаго хозяйства средней Россіи отъ угнетающаго на хлѣбныя цѣны вліянія, которое можетъ оказать приливъ на наши внутренніе рынки и къ Балтійскимъ портамъ значительнаго количества дешеваго хлѣба изъ-за Урала.

Сравненіе провозныхъ платъ показываетъ, что доставка хлѣба изъ Сибири по проектируемому новому пути до Архангельска будетъ стоить дешевле, чѣмъ до Петербурга; вывозъ же хлѣба, напримѣръ, въ Англію по тому или другому направленію, т.-е. черезъ Бѣлое море или черезъ балтійскіе порты, обойдется почти въ одной и той же суммѣ, но при развитіи заграничнаго экспорта черезъ Архангельскъ можно ожидать еще пониженія морскихъ фрахтовъ. Признавая въ виду этого проведеніе Пермь-Котласской дороги выгоднымъ для сибирской хлѣбной торговли, С. Ю. Витте указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дорога эта будетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на экономическое положеніе Вятскаго края, лишеннаго не только рельсоваго сообщенія, но и удобныхъ водныхъ путей. Превращеніе Архангельска въ коммерческій портъ Западной Сибири должно послужить оживленію всего нашего сѣвера и развитію отечественнаго торговаго флота, а установленіе прочныхъ экономическихъ связей между сибирскими губерніями и Архангельскимъ краемъ, съ его энергичнымъ населеніемъ, не останется безъ вліянія на распространеніе частной предпринимчивости въ Сибирь.

Согласившись съ этими соображеніями министра финансовъ, соединенное присутствіе комитета Сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономіи признало необходимымъ немедленно произвести экономическія изслѣдованія и техническую рекогносцировку направленія желѣзнодорожной линіи отъ города Перми до пристани Котласа на Сѣверной Двинѣ. Рѣшеніе это было утверждено 13-го мая 1894 года.

Вступивъ на престолъ, императоръ Николай II оставилъ за собою предѣлательствованіе въ комитетѣ Сибирской желѣзной дороги. Сооруженіе Сибирскаго пути продолжало подвигаться такъ же успѣшно, какъ и въ первые два года. По мѣрѣ углубленія на востокъ, фронтъ работъ развертывался все шире. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ выработанъ общій планъ постройки, намѣчены сроки окончанія отдѣльныхъ участковъ, разрѣшены главнѣйшіе принципиальные вопросы, касающіеся Сибирской дороги, и, наконецъ, образованъ комитетъ этой дороги,—дѣло постройки было поставлено въ благопріятныя для его осуществленія условія, и весь вопросъ сводился къ тому, чтобы своевременно изыскивать необходимыя на дорогу и связанныя съ ней предпріятія денежныя средства. Благопріятное выполненіе государственныхъ росписей 1894 и послѣдующихъ годовъ дало возможность не прибѣгать даже къ тому источнику, который былъ намѣченъ первоначально,—фонду въ 92,7 милліона рублей кредитными билетами, возвращенному государственному казначейству изъ государственнаго банка на основаніи указа 10-го декабря 1892 года; фондъ этотъ остался нетронутымъ, и по указу 9-го декабря 1894 года былъ снова переданъ

въ размѣнный фондъ государственнаго банка. Потребныя на Сибирскую дорогу средства были взяты изъ бюджетныхъ ресурсовъ и около 100 милліоновъ рублей получено было путемъ займовъ.

Въ первые же годы, какъ только началась временная эксплуатація оконченныхъ западныхъ участковъ магистралн, выяснилось что Сибирскій путь будетъ играть гораздо большую роль, чѣмъ ожидалось. Движеніе грузовъ, особенно сибирскаго хлѣба, на первыхъ же порахъ превзошло всѣ предположенія, и пропускная и провозная способность дороги, разчитанная сначала на три пары поѣздовъ въ сутки, оказалась далеко недостаточною. Для выясненія вопроса объ усиленіи Сибирской желѣзной дороги было вновь образовано особое совѣщаніе, подъ предѣтельствомъ Д. М. Сольскаго, и командирована на мѣсто особая коммиссія. Коммиссія эта, выяснивъ положеніе дѣла, высказала въ своемъ докладѣ, что Сибирская дорога, независимо отъ своей роли внутренняго сообщенія обширной страны, должна въ ближайшемъ будущемъ получить значеніе міроваго транзитнаго пути, соединяющаго европейскія страны съ рынками азіатскаго Востока; дорога можетъ успѣшно конкурировать съ океанскими сообщеніями на Дальній Востокъ, привлекая къ себѣ перевозку грузовъ большой цѣнности, срочныхъ и подвергающихся порчѣ отъ морскаго пути. Для приспособленія сибирской магистралн къ выяснившимся и ожидаемымъ уже потребностямъ пассажирскаго и грузового движенія, какъ внутренняго, такъ и транзитнаго, а равно для удовлетворенія стратегическихъ требованій, командированная на линію коммиссія проектировала въ общихъ чертахъ слѣдующія мѣропріятія:

1) Въ теченіе пяти лѣтъ довести пропускную способность на головномъ участкѣ Западно-Сибирской линіи (Челябинскъ—Петропавловскъ) до четырнадцати паръ поѣздовъ въ сутки; на дальнѣйшемъ участкѣ до рѣки Оби—до десяти паръ, и на Средне-Сибирской дорогѣ—до восьми паръ; на Забайкальской линіи установить пропускъ не менѣе семи паръ поѣздовъ въ сутки.

2) Скорость движенія поѣздовъ увеличить для пассажирскихъ съ двадцати до тридцати пяти верстъ въ часъ, а для товарныхъ съ двѣнадцати до двадцати—двадцати двухъ. Въ теченіе недѣли отправлять до трехъ поѣздовъ курьерскихъ прямого сообщенія съ кухнями и столовыми, со скоростью пятидесяти верстъ въ часъ.

3) Въ теченіе восьми лѣтъ постепенно переменить на всемъ протяженіи рельсы легкаго восемнадцатифунтоваго типа на двадцати-четырефунтовые, а также усилить балластировку пути.

4) Въ теченіе шести лѣтъ замѣнить всѣ деревянные мосты каменными и желѣзными.

5) Увеличить подвижной составъ для пассажирскаго, военскаго и грузового движенія.

Изложенныя предположенія комиссіи были одобрены какъ совѣщаніемъ Д. М. Сольскаго, такъ и комитетомъ Сибирской желѣзной дороги. Вслѣдствіи, въ виду военныхъ событій на Дальнемъ Востоцкѣ, признано было необходимымъ усилить пропускную способность сибирской магистрали до десяти паръ поѣздовъ въ сутки. Но и это число оказалось недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей все усиливавшагося движенія, и имѣлось въ виду увеличить число поѣздовъ уже до четырнадцати—шестнадцати паръ въ сутки, а также отправлять курьерскіе поѣзда прямого сообщенія ежедневно.

Общія затраты казны по сооружеиію Сибирскаго транзитнаго пути (вмѣстѣ съ Китайскою Восточною желѣзною дорогою, Пермь-Котласскою и Екатеринбургъ-Челябинскою линіями и всѣми вспомогательными предпріятіями) достигли въ 1902 году 758.995.907 рублей (кромѣ семидесяти милліоновъ рублей убытковъ, причиненныхъ Китайскою желѣзною дорогѣ боксерскою смутю 1900 года).

IV.

Между Россіей и Китаемъ изстаря установились отношенія дружбы и добраго сосѣдства. За двѣсти пятьдесятъ лѣтъ существованія русско-китайскихъ отношеній можно указать лишь два серьезныхъ недоразумѣнія между обѣими имперіями—столкновение изъ-за приграничной крѣпостцы Алмазинъ въ XVII вѣкѣ и отказъ китайскаго правительства въ ратификаціи трактата, заключеннаго въ 1879 году въ Ливадіи относительно Кульджинскаго края. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ дѣло въ концѣ концовъ было улажено самымъ миролюбивымъ образомъ.

Исключительное положеніе, создававшееся для Россіи въ ея сношеніяхъ съ имперіей богдыхана, отчасти объясняется отношеніемъ китайцевъ къ Россіи. Съ самаго начала сношеній Россіи съ Китаемъ китайцы имѣли къ ней довѣріе; они всегда строго отличали русскихъ отъ подданныхъ другихъ европейскихъ государствъ. Но главная причина этого положенія заключалась, несомнѣнно, въ явномъ желаніи русскаго правительства поддерживать съ Китаемъ дружественныя и миролюбивыя отношенія. Россія не считала возможнымъ, наподобіе Англіи и Франціи, употреблять силу и не злоупотребляла своимъ географическимъ положеніемъ, чтобы наносить удары слабому сосѣду. Не силою оружія, а мирными соглашеніями добивалась она желательныхъ ей уступокъ. Приобрѣтеніе Амурской области и Уссурійскаго края относится къ числу такихъ мирныхъ завоеваній.

Эта традиціонная дружественная политика между Россіей и Китаемъ нашла себѣ яркое выраженіе въ 1895 году, когда Японія,

послѣ побѣдоносной войны, потребовала себѣ уступки Ляодунскаго полуострова, съ портами Инкоу и Портъ-Артуромъ, и когда имперія богдыхана была спасена отъ расчлененія благодаря состоявшемуся по иниціативѣ русскаго правительства вмѣшательству Россіи, Франціи и Германіи.

Какъ извѣстно, Японія, вступивъ въ войну съ Китаемъ, заставила правительство богдыхана, по Симоносекскому договору, обязаться уступить ей Ляодунскій полуостровъ. Россія, которая такъ тѣсно и неразрывно связана съ Востокомъ, не могла оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ разыгравшейся катастрофы. Какъ только стали обнаруживаться результаты войны, въ апрѣлѣ 1895 года было образовано, подъ предѣдательствомъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго, особое совѣщаніе въ составѣ генераль-адмирала великаго князя Алексѣя Александровича, управляющаго морскимъ министерствомъ Чихачева, военнаго министра Ванновскаго и министра финансовъ Витте.

Въ этомъ совѣщаніи, имѣвшемъ цѣлью предварительное выясненіе вопроса о томъ, какъ держаться Россіи въ отношеніи событій, совершающихся на Дальнемъ Востоцѣ, министръ финансовъ высказалъ, что, по его мнѣнію, русскому правительству никоимъ образомъ нельзя допустить Японію на Ляодунскій полуостровъ, такъ какъ въ случаѣ упроченія ея здѣсь она, несомнѣнно, со временемъ подчинитъ своему вліянію всю Манчжурію и явится тогда для насъ крайне нежелательнымъ и неудобнымъ сосѣдомъ. Исходя изъ этого соображенія и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что намъ не только важно сохранить добрыя сосѣдскія отношенія съ Китаемъ, но и желательно, насколько возможно, поднять престижъ Россіи въ этой странѣ, С. Ю. Витте полагалъ, что русскому правительству слѣдуетъ дѣйствовать въ японско-китайскомъ дѣлѣ смѣло и рѣшительно въ пользу Китая, а именно—предъявить Японіи ультиматумъ объ отказѣ съ ея стороны отъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ, а въ случаѣ несогласія—объявить ей войну. Мнѣніе это было поддержано военнымъ министромъ. Вскорѣ состоялось второе совѣщаніе. Мнѣніе С. Ю. Витте и П. С. Ванновскаго было одобрено, и рѣшено было, что Россія должна немедленно выступить въ защиту Китая. Къ голосу ея присоединились Франція и Германія. Въ результатѣ—Японія отказалась отъ всякихъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ и удовлетворилась приобрѣтеніемъ острова Формозы и денежнымъ вознагражденіемъ. Эта услуга, оказанная Россіей Китаю, должна была убѣдить китайское правительство, что въ лицѣ Россіи оно имѣетъ естественнаго друга и защитника. Услуга эта была оцѣнена Китаемъ по достоинству, и престижъ Россіи въ Китаѣ поднялся очень высоко.

Вслѣдъ за тѣмъ дружественныя связи между Россіей и Китаемъ были еще болѣе укрѣплены другою важною услугою, которую

русское правительство оказало Китаю, облегчивъ ему уплату Японіи военной контрибуціи. Реализовать необходимую денежную сумму Китай могъ только путемъ заключенія займа; но не трудно понять, на какихъ тяжелыхъ условіяхъ китайское правительство могло бы заключить заемъ въ то время, послѣ только что оконченной неудачной войны. Въ эту критическую для Китая минуту министръ финансовъ высказалъ мысль о желательности, съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ, оказать поддержку Китаю, и рѣшено было предложить Китаю реализовать деньги путемъ займа подъ гарантіей Россіи. Такая гарантія сразу измѣнила дѣло, и Китай получилъ возможность заключить крупный заемъ на условіяхъ, которыя представлялись бы выгодными даже для обыкновеннаго времени и нормальныхъ обстоятельствъ. При извѣстной точности и аккуратности выполнения Китаемъ своихъ обязательствъ, присвоенная займу гарантія сопрягалась для Россіи съ весьма малымъ рискомъ, а между тѣмъ услуга эта еще болѣе усилила нашъ престижъ въ Китаѣ.

V.

Вскорѣ послѣ открытія комитета Сибирской желѣзной дороги министръ финансовъ, воспользовавшись удобнымъ поводомъ, возбудилъ въ комитетѣ вопросъ о торговыхъ интересахъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ и въ особенности о сношеніяхъ съ Китаемъ.

Имѣя въ виду, что Китай и Японія, съ приближеніемъ къ нихъ предѣламъ Сибирской желѣзной дороги, станутъ болѣе доступными для сбыта русскихъ продуктовъ и, въ свою очередь, вѣроятно, примутъ мѣры къ развитію своего вывоза въ Россію, министръ финансовъ уже тогда полагалъ своевременнымъ всесторонне ознакомиться съ условіями нашей торговли на Дальнемъ Востокѣ и изучить потребности тамошнихъ рынковъ. Для достиженія этой цѣли слѣдовало бы, по мысли министра финансовъ, организовать срочное полученіе отъ нашихъ дипломатическихъ представителей и консуловъ обстоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ международного обмена и о развитіи промышленности въ названныхъ государствахъ, такъ какъ безъ такихъ свѣдѣній едва ли возможно надѣяться на серьезное расширеніе торговыхъ оборотовъ нашихъ на Дальнемъ Востокѣ.

Къ доставленію торговыхъ свѣдѣній необходимо было бы также привлечь особыхъ правительственныхъ торговыхъ агентовъ, а также пользоваться услугами проживающихъ въ Китаѣ и Японіи русскихъ купцовъ, успѣвшихъ по личнымъ наблюденіямъ основательно ознакомиться съ своеобразными условіями мѣстнаго экономического быта. Для изученія же нашихъ пограничныхъ сношеній съ соседними странами министръ финансовъ признавалъ по-

лезнымъ образовать на мѣстахъ особыя коммисіи изъ свѣдущихъ лицъ, знакомыхъ съ этими далекими окраинами.

Въ видахъ распрострашенія въ русской публикѣ свѣдѣній объ экономическихъ условіяхъ Китая и вообще странъ Дальняго Востока, министерствомъ финансовъ вскорѣ послѣ этого было приступлено къ изданію ряда трудовъ, въ которыхъ были сгруппированы данныя по торговлѣ и промышленности странъ Дальняго Востока. Изъ подобныхъ трудовъ можно указать: «Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на Дальнемъ Востока», «Описаніе Амурской области»; «Описаніе Манчжуріи», «Охотско-Камчатскій край» и «Описаніе Кореи».

Въ связи съ дружескими услугами, оказанными Россіей Китаю по ликвидаціи японо-китайской войны, получилъ разрѣшеніе и вопросъ объ учрежденіи на Дальнемъ Востока русскаго кредитнаго учрежденія.

При производствѣ торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ издавна ощущалась потребность въ такомъ банкѣ, который облегчалъ бы взаимные расчеты обѣихъ странъ. Въ китайскихъ портахъ до того времени оперировали нѣмецкій, французскій и нѣсколько англійскихъ банковъ, и русскіе купцы принуждены были постоянно обращаться къ услугамъ этихъ банковъ, оставляя въ ихъ пользу весьма значительныя суммы. Главною операціей русской торговли въ Китаѣ издавна являлось чайное дѣло. Въ Ханькоу, главномъ чайномъ рынкѣ, на долю русскихъ приходилось въ то время до 46% всего вывоза чая, и въ этой отрасли торговли Россія всегда занимала первенствующее и вполне самостоятельное положеніе. Между тѣмъ платежи за чай русскіе торговцы должны были производить траттами на Лондонъ, которыя реализовались либо въ Шанхаѣ, либо въ самомъ Ханькоу, гдѣ на время чайнаго сезона открывались агентства иностранныхъ банковъ въ Китаѣ, причемъ иностранныя агентства, въ виду отсутствія конкуренціи, взымали весьма высокіе проценты. Размѣръ платежей, производившихся здѣсь русскими фирмами въ теченіе чайнаго сезона, былъ весьма значителенъ: напримѣръ, за сезонъ 1893 года—послѣдняго отчетнаго года предъ учрежденіемъ Русско-Китайскаго банка—изъ Россіи было переведено въ Китай миллионъ пятьсотъ сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и сто тридцать двѣ тысячи рублей серебромъ въ слиткахъ. Съ учрежденіемъ русскаго банка въ Китаѣ операція по переводамъ денегъ въ китайскіе пункты постепенно могла бы перейти въ этотъ банкъ.

Кромѣ того, русскій банкъ въ Китаѣ долженъ былъ облегчить самыя условія чайной торговли: при отсутствіи кредита, торговцы часомъ должны были располагать крупнымъ оборотнымъ капиталомъ, а потому торговля эта дѣлалась доступной только немногимъ очень богатымъ фирмамъ, тогда какъ русскій банкъ

далъ бы возможность принять участіе въ чайной торговлѣ и мелкимъ фирмамъ, открывая имъ необходимый для этого кредитъ, и, такимъ образомъ, содѣйствовалъ бы привлеченію къ оборотамъ съ часмъ новыхъ русскихъ силъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ этотъ могъ бы содѣйствовать ввозу русскаго керосина на китайскіе рынки, гдѣ ему приходится выдерживать конкуренцію съ керосиномъ американскимъ. Вообще не могло быть сомнѣнія, что такой банкъ оказалъ бы существенное вліяніе на расширеніе торговыхъ сношеній нашихъ тихоокеанскихъ окраинъ съ Китаемъ и на ввозъ въ него нашихъ пищевыхъ продуктовъ, всегда находившихъ себѣ здѣсь хорошій сбытъ.

Всѣ эти соображенія побудили русскихъ торговцевъ ходатайствовать объ учрежденіи въ Китаѣ русскаго банка, и вопросъ этотъ въ 1894 году былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ министерствѣ финансовъ. А такъ какъ послѣ заключенія китайскаго займа при русской гарантіи условія взаимныхъ отношеній Россіи и Китая должны были привести ихъ къ болѣе тѣсному экономическому сближенію, то вопросъ объ открытіи Русско-Китайскаго банка получалъ особенно важное значеніе.

Съ финансовой точки зрѣнія, его можно было рѣшить разными способами: русское правительство могло дать прямо отъ себя всѣ средства, необходимыя для операцій банка,—и тогда онъ являлся бы учрежденіемъ чисто-государственнымъ; правительство могло бы предоставить концессию на Русско-Китайскій банкъ акціонерному обществу и пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную часть акцій этого общества; наконецъ, правительство могло бы уступить учрежденіе банка свободному акціонерному обществу, не принимая участія въ его акціонерномъ капиталѣ.

Взвѣсивая практическіе результаты той или иной постановки дѣла, министръ финансовъ отдалъ предпочтеніе второй изъ указанныхъ комбинацій. Банковыя операціи на Дальнемъ Востокѣ требуютъ отъ управленія банкомъ энергической инициативы и большой самодѣятельности, чего едва ли можно было ожидать отъ казеннаго управленія. Съ другой стороны, правительство, создавая себѣ въ лицѣ банка орудіе для поднятія въ Китаѣ торговаго и экономическаго значенія Россіи, не могло совершенно устранить себя отъ вліянія на направленіе его дѣятельности. При такихъ условіяхъ, наиболѣе удовлетворительной представлялась такая постановка дѣла, при которой банкъ, будучи предпріятіемъ частнымъ, не только подчинялся бы общему надзору русскаго правительства на основаніи устава, но и въ дѣятельности своей непосредственно зависѣлъ бы отъ этого правительства, благодаря сосредоточенію въ рукахъ послѣдняго части акцій банка.

Остановившись на такомъ рѣшеніи, министръ финансовъ предложилъ осуществленіе задуманнаго предпріятія тому самому син-

дикату русскихъ и французскихъ банкировъ, который принялъ участіе въ реализаціи китайскаго займа. Синдикатъ этотъ, достаточно сильный въ финансовомъ отношеніи, чтобы открыть банкъ на свои средства, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстенъ былъ своею опытностью въ кредитныхъ операціяхъ, и, слѣдовательно, можно было надѣяться, что дѣло будетъ сразу поставлено на твердую почву. Синдикатъ согласился на предложеніе, и банкъ былъ учрежденъ, причемъ нѣсколько членовъ его правленія были назначены по указанію министра финансовъ.

Особенное вниманіе при составленіи устава Русско-Китайскаго банка было обращено на опредѣленіе круга его операцій. Всѣ операціи банка, въ зависимости отъ того, гдѣ онѣ будутъ производиться, раздѣлены были на три категоріи: 1) операціи, которыя могутъ быть производимы въ предѣлахъ Россіи, 2) операціи, которыя могутъ быть производимы въ другихъ европейскихъ государствахъ, и 3) операціи, производство которыхъ разрѣшается исключительно въ предѣлахъ государствъ Восточной Азіи.

Первыя двѣ категоріи операцій представляли интересъ не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку онѣ могли способствовать успѣшному ходу операцій послѣдней категоріи, для которой собственно и предпринято было учрежденіе банка. При опредѣленіи круга операцій, разрѣшаемыхъ банку въ Россіи, министерство финансовъ заботилось главнымъ образомъ о томъ, чтобы дѣятельность банка въ Россіи не отвлекала его вниманія и капиталовъ отъ прямого ихъ назначенія служить развитію русской торговли на Востокѣ; поэтому банку вовсе не разрѣшены были въ Россіи операціи по выдачѣ ссудъ и открытію кредитовъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, драгоценныхъ металловъ, товаровъ, коносаментовъ и т. п., но, взамѣнъ того, въ виду непосредственныхъ сношеній банка съ азіатскими государствами, ему разрѣшены были нѣкоторыя операціи, другимъ банкамъ не разрѣшаемыя, какъ, напримѣръ, покупка и продажа процентныхъ бумагъ, транспортное товаровъ, пріемъ товаровъ въ залогъ съ выдачею варрантныхъ свидѣтельствъ и даже покупка и продажа товаровъ, но при томъ лишь условіи, чтобы всѣ эти операціи производились исключительно въ интересахъ нашей торговли съ Дальнимъ Востокомъ и имѣли непосредственное отношеніе къ тѣмъ русскимъ фирмамъ, которыя производятъ обороты свои въ предѣлахъ азіатскихъ странъ. Что же касается дѣйствій банка въ другихъ европейскихъ государствахъ, то въ этомъ отношеніи банку предоставлено было совершать всѣ операціи, разрѣшенныя мѣстными законами.

Если дѣятельность Русско-Китайскаго банка была сравнительно ограничена въ предѣлахъ европейскихъ странъ, то тѣмъ шире и свободнѣе была организована она для Востока. Здѣсь, кромѣ опе-

рацій чисто банковаго свойства, банку разрѣшены были и такія операцій, которыя можно назвать торговыми, страховыми или комиссіонерскими. Банку предоставлено было покупать за свой счетъ и или по порученію частныхъ лицъ товары, принимать на себя транспортное товаровъ (морское, рѣчное и сухопутное), страховать ихъ отъ огня и отъ другихъ несчастныхъ случаевъ, покупать и продавать за счетъ третьихъ лицъ недвижимости, учитывать векселя и выдавать ссуды не только на девять мѣсяцевъ, какъ это установлено для другихъ банковъ, но и на годъ, и даже выпускать собственные билеты. Наконецъ, кромѣ всего этого, банку разрѣшено было, съ цѣлью возможнаго усиленія русскаго экономическаго вліянія—полученіе платежей по податямъ, производство операцій, имѣющихъ отношеніе къ мѣстному государственному казначейству, чеканка мѣстной монеты, а также—полученіе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и проведеніе телеграфныхъ линий.

Уставъ банка былъ представленъ въ комитетъ Сибирской желѣзной дороги и утвержденъ 10-го декабря 1895 года. Такъ какъ лица, предназначенныя для веденія дѣла на мѣстѣ, были посланы на Востокъ учредителями банка заблаговременно, то всѣ предварительныя работы ко времени утвержденія устава были уже настолько подвинуты, что вскорѣ же банкъ открылъ свои дѣйствія.

Съ первыхъ же шаговъ своихъ банкъ занялъ прочное положеніе среди кредитныхъ учрежденій въ Китаѣ и завоевалъ себѣ превосходную кліентелу. Необыкновенно быстрый успѣхъ новаго дѣла обуславливался главнымъ образомъ двумя обстоятельствами: во-первыхъ, правильнымъ взглядомъ на дѣло со стороны правленія банка въ Петербургѣ, предоставлявшаго широкую свободу дѣйствій мѣстной администраціи на Дальнемъ Востокѣ, и, во-вторыхъ, энергіей и знаніемъ дѣла ея представителей.

Всѣ эти дѣйствія русскаго правительства, слѣдовавшія одно за другимъ: вмѣшательство Россіи въ японско-китайскую распрю и могущественная защита, оказанная Китаю въ трудный историческій моментъ, гарантія, дарованная Россіей китайскому займу и сдѣлавшая этотъ заемъ возможнымъ и выгоднымъ для Китая, наконецъ, открытіе въ Китаѣ русскаго банка, который сразу широко развернулъ свою дѣятельность, занявъ замѣтное мѣсто въ обиходѣ Китая,—все это оказало большое вліяніе на наше положеніе въ Срединной имперіи. Европейцы, жившіе въ это время въ Китаѣ, свидѣтельствуютъ объ огромномъ престижѣ, которымъ пользовалась тогда Россія при дворѣ богдыхана, и сами китайцы, какъ можно судить по отзывамъ ихъ періодической печати, поражались успѣхами, достигнутыми Россіей въ Китаѣ.

VI.

Среди многочисленныхъ вариантовъ сплошного черезъ Сибирь пути, обсуждавшихся въ восьмидесятихъ годахъ въ ученыхъ обществахъ и литературѣ, былъ извѣстенъ, между прочимъ, проектъ контръ-адмирала Копытова подъ заглавіемъ «О наивыгоднѣйшемъ направленіи магистральной и непрерывной всероссійской великой восточной желѣзной дороги». Проектъ этотъ, въ которомъ предлагалось за Иркутскомъ вести дорогу на Кяхту и затѣмъ черезъ китайскіе предѣлы на Абагатуй, Цицикаръ, Гиринъ и Нингуту до села Никольскаго въ Уссурийскомъ краѣ, былъ въ концѣ 1887 г. предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ и детально обсуждался особою комиссіей при этомъ обществѣ. Проектъ этотъ не остался безызвѣстнымъ С. Ю. Витте, слѣдившему за желѣзнодорожными вопросами. При громадности разстоянія отъ Урала до Тихаго океана было вполне естественнымъ искать кратчайшаго направленія для рельсового пути и стараться избѣжать той дуги, которую этотъ путь долженъ былъ бы образовать къ сѣверу по Амуру, при проведеніи дороги по русской территоріи. Притомъ же амурскій участокъ былъ очень труденъ по техническимъ условіямъ постройки и, проходя почти на всемъ протяженіи вдоль р. Амура, являлся конкурентомъ для пароходныхъ сообщеній по этой рѣкѣ. Однако въ запискѣ С. Ю. Витте 1892 года лишь вскользь говорилось, что Сибирская желѣзная дорога настолько приближается (въ Забайкальѣ) къ китайской границѣ, что «является возможность, съ помощью вѣтви въ китайскіе предѣлы, завязать непосредственный торговый обмѣнъ съ внутренними весьма населенными провинціями Китая. Постройка такой вѣтви едва ли встрѣтитъ серьезныя препятствія въ ближайшемъ будущемъ, а въ этомъ случаѣ наши торговые обороты съ Китаемъ стали бы расширяться очень успѣшно, обеспечивая въ то же время увеличеніе доходности магистральной Сибирской линіи и усиливая наше значеніе въ международной торговлѣ съ Китаемъ».

Въ 1895 году, когда произведены были изысканія по Забайкальской и Амурской линіямъ, вопросъ о спрямленіи Сибирской магистрали черезъ Манчжурію выяснился уже во всемъ объемѣ значенія его для нашихъ интересовъ.

На первомъ планѣ стояли интересы транзита. Для обезпеченія за Сибирской желѣзной дорогой значенія мірового транзитнаго пути черезъ Азіатскій материкъ необходимо было, чтобы новый путь могъ успѣшно конкурировать съ существующими океанскими путями, а также и съ другими рельсовыми путями, если бы впослѣдствіи такіе были проложены по тому же матеріку. Слѣдовательно,

крайне важно было, чтобы Сибирская желѣзная дорога была проведена въ направленіи возможно кратчайшемъ. Между тѣмъ, при первоначально предполагавшемся направленіи восточнаго участка дороги, линія оказалась бы ломанной и весьма значительно уклонялась бы отъ кратчайшаго направленія, удлиняя транзитный путь на пятьсотъ четырнадцать верстъ.

Съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, постройка самостоятельной Амурской линіи не находила себѣ оправданія. Мѣстность, по которой могла бы пройти эта линія, находится въ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ: она отличается, прежде всего, суровымъ климатомъ; вѣчно мерзлая земля встрѣчается здѣсь во многихъ мѣстахъ въ сравнительно недалекомъ разстояніи отъ Амура; почва болотиста и малопродуктивна; Амуръ и всѣ притоки его широко разливаются нѣсколько разъ въ году, производя нерѣдко сильныя наводненія; населеніе, весьма рѣдкое, преимущественно сосредоточено по берегу Амура. Съ другой стороны, рѣка эта вмѣстѣ съ притоками представляетъ прекрасный многоводный путь, вполне удовлетворяющій всѣмъ несложнымъ потребностямъ края. При такихъ условіяхъ, проведеніе рельсоваго пути, параллельно водному и въ близкомъ отъ него разстояніи—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже прямо вдоль берега,—являлось бы, съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, въ полномъ смыслѣ слова роскошью. Кромѣ того, проведеніе Амурской линіи отразилось бы крайне невыгодно на положеніи русскаго пароходства по Амуру, такъ какъ желѣзнодорожная линія, проходя вдоль самой рѣки, непременно конкурировала бы съ воднымъ путемъ, а, между тѣмъ и въ интересахъ Амурской области, и въ интересахъ общегосударственныхъ, весьма важно было, чтобы частное пароходство по системѣ рѣки Амура развивалось возможно шире.

Въ противоположность всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ условіямъ, которыя представляло направленіе вдоль Амура, направленіе черезъ Манчурію обѣщало большія выгоды. Въ этомъ новомъ направленіи получилось бы значительное спрямленіе линіи, и перевозка транзитныхъ грузовъ, вслѣдствіе этого, была бы въ значительной степени удешевлена. Пролетая южнѣе, чѣмъ въ амурскомъ направленіи—мѣстами на пятьсотъ верстъ,—линія въ манчжурскомъ направленіи проходила бы по мѣстностямъ, отличающимся гораздо лучшимъ климатомъ и несравненно большею производительностью почвы: долина Сунгарн, которую она должна была пересѣчь, производитъ въ изобиліи хлѣбъ, которымъ снабжается нашъ Приамурскій край. Конкуренція новой линіи съ Амурскимъ воднымъ путемъ, который остался бы далеко въ сторонѣ, отпадала, и пароходство по Амуру могло бы свободно развиваться. Кромѣ того, Владивостокъ естественно сдѣлался бы главнымъ портомъ для большей части Манчжурин, за исключеніемъ развѣ са-

мой южной ея части, непосредственно прилегающей къ Желтому морю. Соединеніе Манчжуріи посредствомъ этой линіи, съ одной стороны, съ Владивостокомъ, а съ другой—съ Сибирью и Европейскою Россією, представляло, безъ сомнѣнія, очень благоприятныя условія для русской торговли, которая могла получить въ такомъ случаѣ значительное развитіе какъ въ Манчжуріи, такъ и въ другихъ частяхъ Китайской имперіи. Наконецъ, необходимо было предвидѣть проведеніе впоследствии вѣтвей отъ Сибирской магистрали вглубь Китая, причемъ манчжурское направленіе имѣло бы большое преимущество въ томъ отношеніи, что вѣтви эти были бы короче, и не было бы нужды для ихъ постройки переходить мостами черезъ Амуръ.

Все эти соображенія представлялись настолько серьезными, что для скорѣйшаго осуществленія Сибирской желѣзной дороги казалось существенно необходимымъ включить въ планъ ея сооруженія и Манчжурскую линію, какъ необходимое звено будущаго огромнаго цѣлаго. Соображенія эти были доложены министромъ финансовъ комитету Сибирской желѣзной дороги, который призналъ ихъ заслуживающими вниманія.

Когда же были приведены къ концу техническія изысканія по восточной части Забайкальской линіи и по линіи Амурской, неблагоприятныя условія первоначально намѣченнаго направленія магистрали выступили еще рѣзче, чѣмъ можно было думать а priori.

Съ одной стороны, оказалось, что сокращеніе разстоянія главной линіи, при направленіи на Манчжурію, будетъ весьма значительно, а именно: если отъ станціи Ононъ Забайкальской линіи уклониться на Манчжурію и довести магистраль до станціи Никольской Уссурийской линіи, то разстояніе между Онономъ и Никольской въ манчжурскомъ направленіи составитъ тысячу девятьсотъ двадцать верстъ, тогда какъ разстояніе между тѣми же пунктами въ амурскомъ направленіи составило бы двѣ тысячи четыреста тридцать четыре версты, и, слѣдовательно, спрямленіе сдѣлало бы транзитный путь короче на пятьсотъ четырнадцать верстъ.

Съ другой стороны, изысканія показали, что какъ на второмъ участкѣ Забайкальской линіи, такъ и на линіи Амурской, пришлось бы для сооруженія рельсоваго пути преодолѣть огромныя техническія трудности. Линію отъ Срѣтенска до Покровской (триста шестьдесятъ двѣ версты) проектировалось провести по долигѣ Шилки, довольно узкой и глубокой рѣки, текущей между отвѣсными скалами, при чемъ линія должна была бы проходить непосредственно вдоль русла, уклоняясь въ сторону отъ него, не болѣе, чѣмъ на триста сажень, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда между рѣкою и хребтомъ встрѣчается береговая терраса. Во время паводковъ уровень воды въ Шилкѣ поднимается иногда на нѣсколько

саженъ и во многихъ мѣстахъ заливаеъ долину во всю ея ширину. Въ виду этого пришлось бы полотно линіи на большей части протяженія этого участка устраивать на подпорныхъ стѣнахъ, а это должно было значительно удорожить постройку.

Что касается затѣмъ Амурской линіи, то западный ея участокъ отъ Покровской до Черняевой (триста сорокъ одна верста) строился бы при условіяхъ, одинаковыхъ съ вышеописанными условіями Восточно-Забайкальской линіи; на остальномъ же протяженіи къ техническимъ трудностямъ (пересѣченіе горныхъ хребтовъ, иногда сопряженное съ тоннельными работами, устройство нѣсколькихъ большихъ мостовъ, изъ которыхъ мостъ черезъ Амуръ у Хабаровска обошелся бы приблизительно въ двѣнадцать милліоновъ рублей и т. д.) прибавилось бы еще отсутствіе мѣстнаго населенія, вслѣдствіе чего пришлось бы и для постройки, и для эксплуатаціи привлекать рабочія руки издалека.

Наконецъ, манчжурское направленіе, помимо сокращенія транзитнаго пути и другихъ выгодъ, обѣщало привести и къ сокращенію строительныхъ расходовъ: хотя къ построеннымъ уже и строившимся въ то время участкамъ (отъ Онона до Срѣтенска и отъ Хабаровска до Никольской) въ направленіи на Амуръ оставалось прибавить только тысячу шестьсотъ шестьдесятъ семь верстъ, а въ направленіи черезъ Манчжурію—тысячу девятьсотъ двадцать верстъ, однако, вслѣдствіе указаннаго различія условій постройки дороги въ томъ и другомъ направленіяхъ, стоимость линіи въ первомъ случаѣ опредѣлялась въ сто сорокъ девять милліоновъ, а во второмъ—лишь въ сто тридцать четыре милліона.

VII.

Для спрямленія Сибирской магистраліи, путемъ направленія ея черезъ Манчжурію, необходимо было получить отъ китайскаго правительства согласіе на проведеніе русской желѣзной дороги по манчжурской территоріи. Если бы русское правительство начало по этому предмету дипломатическіе переговоры съ Китаемъ безъ предварительной подготовки почвы, то переговоры эти едва ли привели бы къ удовлетворительному результату. Въ международной политикѣ давно и твердо установился принципъ—*do, ut des*, и если на немъ зиждутся и имъ двигаются сношенія между державами европейскими, то тѣмъ менѣе можно было ожидать, чтобы Китай, при боязливомъ недовѣрїи своемъ ко всему иноземному, согласился на такую услугу въ пользу Россіи безъ всякой съ ея стороны компенсаціи. Чтобы создать благопріятную почву для такихъ переговоровъ, нуженъ былъ случай, и въ 1895 г. такой случай представился, а именно послѣ услугъ, оказанныхъ Россіей Кип-

таю при заключеніи Симоносекскаго договора съ Японіей и при уплатѣ контрибуціи.

Желая воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами для осуществленія предположенія о спрямленіи Сибирской желѣзной дороги, министръ финансовъ началъ исподволь въ бесѣдахъ съ китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ затрогивать вопросъ о направленіи этой дороги чрезъ Манчжурію на Владивостокъ. Оказалось, однако, что этотъ вопросъ засталъ китайское правительство врасплохъ, и посланникъ въ Петербургѣ не имѣлъ на этотъ счетъ отъ своего правительства ни полномочій, ни указаній. Переговоры пришлось перенести въ Пекинъ. Хотя графу Кассини, бывшему тогда русскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, и были даны по телеграфу необходимыя указанія и полномочія, однако для столь серьезнаго дѣла этого не могло быть достаточно. Въ министерствѣ финансовъ былъ выработанъ проектъ соглашенія съ Китаемъ о предоставленіи Россіи права провести часть сибирской магистрали черезъ Манчжурію. Къ этому проекту составленъ былъ меморандумъ, въ которомъ, во-первыхъ, подробно указывалось, какія выгоды получить Китай отъ проведенія громадной желѣзнодорожной линіи черезъ Манчжурію, и, во-вторыхъ, выяснялось, что китайское правительство, при тѣхъ финансовыхъ и техническихъ средствахъ, какими оно располагаетъ, не въ состояніи само осуществить это предпріятіе, и что необходимая для Китая желѣзная дорога по Манчжуріи можетъ быть съ успѣхомъ построена только распоряженіемъ и средствами Россіи.

Противъ проектированныхъ министерствомъ финансовъ условій соглашенія съ Китаемъ князь Лобановъ-Ростовскій не встрѣтилъ возраженій; что же касается меморандума, то князь заявилъ, что въ этомъ документѣ содержатся столь сильныя и убѣдительныя доводы въ пользу проведенія желѣзной дороги черезъ Манчжурію, что онъ призналъ необходимымъ телеграфировать графу Кассини въ Пекинъ, чтобы тотъ приостановилъ переговоры съ китайскимъ правительствомъ впредь до полученія имъ меморандума.

Когда проектъ условій и меморандумъ были получены въ Пекинѣ, переговоры возобновились, но велись безъ необходимой быстроты и энергіи. Китайское правительство не желало, или не рѣшалось отказать Россіи въ ея ходатайствѣ, но не рѣшалось также и дать свое согласіе. На сношенія между Петербургомъ и Пекиномъ уходило много времени, дѣло тянулось, и неопредѣленность положенія начинала тяготить обѣ заинтересованныя стороны.

Въ это время стало извѣстно, что на 14-го мая 1896 года назначена коронація. На это торжество всѣ государства спѣшили выслать въ Россію своихъ представителей. Китайское правительство, которое прежде на подобныя торжества назначало представителями чиновниковъ сравнительно невысокаго ранга, первоначально пред-

полагало командировать въ Москву то же лицо, которое за годъ до этого прїѣзжало въ Россію спеціально для принесенія поздравленій государя по случаю восшествія на престолъ. Это лицо уже было вызвано въ Пекинъ, но затѣмъ правительство богдыхана признало нужнымъ на этотъ разъ отступить отъ своей традиціи и послать въ Россію чрезвычайнымъ посломъ на торжество коронаціи одного изъ первыхъ китайскихъ сановниковъ, именно бывшаго генераль-губернатора Чжилійской провинціи, перваго канцлера Ли-хунъ-чжана.

Слухъ объ этомъ назначеніи произвелъ въ Китаѣ сенсацію. Назначеніе это до такой степени шло въ разрѣзъ съ установившимися традиціями и до того казалось невѣроятнымъ, чтобы первый сановникъ государства уѣзжалъ посломъ къ иноземному государю, что въ Китаѣ стали даже поговоривать, будто эта миссія есть въ сущности почетное удаленіе Ли-хунъ-чжана изъ Пекина. Однако толки эти не имѣли основанія. Китайское правительство рѣшило воспользоваться случаемъ, чтобы выяснить вновь возникшія между Россіей и Китаемъ отношенія, и потому избрало лицо, пользовавшееся исключительнымъ довѣріемъ. Такъ объяснялось назначеніе Ли-хунъ-чжана компетентными сферами въ Пекинѣ.

При первомъ же извѣстіи о предстоящей поѣздкѣ канцлера въ Россію въ одной китайской газетѣ («Синь-вэнь-бао») появилась статья, которая довольно откровенно разъясняла смыслъ этого назначенія. Въ статьѣ перечислены были вопросы, подлежащіе разрѣшенію между обоими государствами. Изъ нея, между прочимъ, можно было вывести заключеніе, что предложеніе Россіи о проведеніи желѣзной дороги черезъ китайскую территорію и о предоставленіи ей порта для стоянки военныхъ судовъ, представлялось, по мнѣнію китайцевъ, интересовавшихся политикою, вполне естественнымъ и понятнымъ, хотя и требующимъ при рѣшеніи большого вниманія и необходимой осторожности. Особенно интересно въ этой статьѣ чувство глубочайшей благодарности, съ которымъ нѣсколько разъ говорилось о громадныхъ услугахъ, оказанныхъ Китаю Россіей.

По мѣрѣ того, какъ приближался день отъѣзда Ли-хунъ-чжана въ Россію, событіе это все болѣе и болѣе становилось предметомъ оживленныхъ толковъ какъ въ образованныхъ кружкахъ Пекина, такъ и въ мѣстной періодической прессѣ. Толки эти рисовали вновь созданное русско-китайское сближеніе слѣдующимъ образомъ. По требованію Россіи, японцы, несмотря на всю свою жестокосердость, должны были возвратить Китаю Ляодунскій полуостровъ. Россія же помогла Китаю въ трудное время, когда китайское правительство нуждалось въ деньгахъ, и, лишь благодаря дарованной Россіей гарантіи, китайскій заемъ удался и освободилъ Китай отъ испытывавшейся имъ нужды. Благодѣянія эти не могутъ оста-

ваться безъ должной отплаты, и въ настоящее время Китай не можетъ отказать Россіи въ разрѣшеніи провести Сибирскую дорогу черезъ Манчжурію, какъ не можетъ не согласиться на уступку Россіи незамерзающаго порта для русскаго флота. Вопросы эти пока еще только поставлены на очередь и не разрѣшены ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, но правильно разрѣшить возникшую политическую проблему можетъ только государственный дѣятель первой величины. Этимъ и объясняется намѣреніе китайскаго правительства отправить въ Россію на торжество коронаціи не родственника императорскаго дома, какъ это дѣлають другія государства, а именно Ли-хунъ-чжана, какъ наиболѣе опытнаго и заслуженнаго министра, на котораго можно возлагать самыя трудныя миссіи.

Получивъ извѣстіе о томъ, что китайское правительство высыластъ въ Россію такого чрезвычайнаго посла, какъ Ли-хунъ-чжанъ, министръ финансовъ рѣшилъ воспользоваться его пребываніемъ, чтобы заключить съ Китаемъ соглашеніе о проведеніи Сибирской желѣзной дороги черезъ Манчжурію. Такъ какъ при предстоящихъ переговорахъ многое должно было зависѣть лично отъ Ли-хунъ-чжана, то необходимо было хорошо принять этого выдающагося дѣятеля. Необходимо было также считаться съ тѣмъ, что Ли-хунъ-чжану было поручено побывать, кромѣ Россіи, и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Во избѣжаніе враждебныхъ вліяній европейскихъ дипломатовъ представлялось желательнымъ добиться, чтобы Ли-хунъ-чжанъ отправился изъ Китая прямо въ Россію, не посѣтивъ предварительно ни одно изъ европейскихъ государствъ. Не мало искусства потребовалось отъ русскихъ представителей въ Китаѣ, чтобы преодолѣть противодѣйствіе этому со стороны представителей другихъ странъ. Графъ Кассини уговаривалъ Ли-хунъ-чжана, отправлявшагося на французскомъ пароходѣ, слѣдовать на немъ не до Марселя, а пересѣсть въ Портъ-Саидъ на русскій пароходъ, который доставитъ его прямо въ Одессу. Представители другихъ державъ старались склонить его на другой маршрутъ, причемъ выставили на видъ, что Черное море крайне бурно, а русскіе пароходы совершенно неудовлетворительны. Когда Ли-хунъ-чжанъ прибылъ въ Шанхай, вопросъ о маршрутѣ все еще не былъ рѣшенъ окончательно, и только здѣсь, послѣ продолжительной бесѣды съ агентомъ министерства финансовъ, Ли-хунъ-чжанъ рѣшилъ отправиться прямо въ Россію.

Для переѣзда Ли-хунъ-чжана изъ Портъ-Саида въ Одессу былъ посланъ пароходъ «Россія», который долженъ былъ, минуя промежуточные порты, прослѣдовать прямымъ рейсомъ въ русскій портъ. Дабы расположить Ли-хунъ-чжана въ пользу Россіи, рѣшено было какъ въ Одессѣ, такъ и вообще во все время пребыванія его въ Россіи оказывать ему подобающія воинскія почести.

18-го апрѣля 1896 года Ли-хунь-чжань со своей свитой прибылъ въ Петербургъ. До переѣзда въ Москву на коронаціонныя торжества оставалось около трехъ недѣль, и этимъ временемъ воспользовался министръ финансовъ. Переговоры по вопросу о проведеніи русской желѣзной дороги черезъ Манчжурію на Владивостокъ начались сейчасъ же послѣ перваго свиданія обоихъ министровъ. Но съ первыхъ же словъ стало ясно, что получить согласіе Китая въ той формѣ, какой желалъ и добивался министръ финансовъ, а именно—въ видѣ предоставленія концессіи на постройку желѣзной дороги непосредственно русскому правительству—нѣтъ никакой надежды. Ли-хунь-чжань прямо заявилъ, что объ этомъ, въ виду политическаго положенія Китая, не можетъ быть и рѣчи, и что въ Манчжуріи всѣ желѣзныя дороги будутъ строиться самимъ китайскимъ правительствомъ.

Однако возможность отказа въ выдачѣ концессіи русскому правительству предусматривалась министромъ финансовъ, и именно потому въ уставъ Русско-Китайскаго банка былъ введенъ пунктъ, на основаніи котораго банку предоставлялось, между прочимъ «пріобрѣтеніе концессій на постройку въ предѣлахъ Китая желѣзныхъ дорогъ». Поэтому заявленіе Ли-хунь-чжана не застало министра финансовъ врасплохъ, и онъ предложилъ предоставить концессію Русско-Китайскому банку. Но и на это предложеніе Ли-хунь-чжань не соглашался, пока, около 6-го мая, ему не было выражено твердое и безповоротное желаніе, чтобы концессія была предоставлена Россіи.

Переговоры о концессіи шли довольно медленно, такъ что ко времени отѣзда въ Москву они еще не были доведены до конца, и ихъ пришлось продолжать въ Москвѣ. Хотя при переговорахъ Ли-хунь-чжань показалъ себя человѣкомъ чрезвычайно твердымъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ малоуступчивымъ, тѣмъ не менѣе удалось отстоять главное, что было необходимо для осуществленія задуманнаго дѣла.

Министръ финансовъ находилъ неудобнымъ, чтобы постройка и эксплуатація Манчжурской желѣзной дороги были предоставлены непосредственно Русско-Китайскому банку и предложилъ учредить для этого акціонерное общество, которое, съ согласія русскаго правительства, должно было быть образовано Русско-Китайскимъ банкомъ, и которому этотъ послѣдній долженъ былъ передать концессію. Противъ этого со стороны Ли-хунь-чжана не встрѣтилось возраженія, но по какимъ-то своимъ соображеніямъ онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ выдачи концессіи, чтобы линія, которая будетъ проведена по Манчжуріи, именовалась не Манчжурской, а Китайской Восточной желѣзной дорогой.

По выясненіи дѣла переговорами оказалось, что больше всего

затрудненій представляютъ два пункта соглашенія—о срокъ концессіи и о ширинѣ колеи проектируемой желѣзной дороги.

Чтобы обезпечить за Россіей спокойное владѣніе китайской линіей, какъ необходимой частью Сибирской магистралн, въ теченіе возможно болѣе продолжительнаго времени, министръ финансовъ добивался выдачи безсрочной концессіи, но при условіи, что китайскому правительству предоставлено будетъ право выкупа дороги черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ открытія по ней правильнаго движенія. На это Ли-хунъ-чжанъ не согласился, и никакими доводами нельзя было убѣдить его принять подобное условіе. Послѣ долгихъ усилій удалось получить по этому пункту обѣщаніе, что концессія будетъ выдана на владѣніе дорогою въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, но китайское правительство будетъ имѣть право выкупа дороги черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ открытія движенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Ли-хунъ-чжанъ согласился на столь тяжелыя для китайскаго правительства условія выкупа, что представлялось весьма невѣроятнымъ, чтобы осуществленіе послѣдняго въ дѣйствительности оказалось для него возможнымъ.

По вопросу о ширинѣ колеи Ли-хунъ-чжанъ первоначально стоялъ на томъ, что манчжурская линія, долженствуя въ послѣдствіи войти въ составъ общей китайской рельсовой сѣти, не можетъ быть шириною въ пять футовъ, какъ русскія желѣзныя дороги, а должна быть одной ширины съ западно-европейскими дорогами. Но здѣсь нельзя было идти ни на какія уступки, такъ какъ согласиться на узкую колею значило бы разрѣзать Сибирскую магистраль на три части съ неизбѣжною перегрузки товаровъ при переходѣ ихъ съ одной части на другую,—и въ этомъ случаѣ Ли-хунъ-чжанъ уступилъ.

Ли-хунъ-чжанъ, кромѣ того, придавалъ важное значеніе тому, чтобы Россія формально обязалась не ввозить въ Манчжурію войскъ по желѣзной дорогѣ. Въ этихъ видахъ онъ настоялъ на включеніи въ текстъ соглашенія о концессіи особой статьи, на основаніи которой поѣзда, перевозящіе русскіе военные отряды транзитомъ черезъ Манчжурію, по возможности вовсе не должны останавливаться на пути слѣдованія.

Составленный, согласно выработаннымъ министромъ финансовъ и Ли-хунъ-чжаномъ главнымъ основаніямъ концессіи, проектъ соглашенія былъ переданъ на разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ, который, съ своей стороны, никакихъ возраженій не сдѣлалъ. Оставалось, такимъ образомъ, только подписать это предварительное соглашеніе. Но такъ какъ, при изложенномъ направленіи дѣла, обладателемъ концессіи на желѣзную дорогу въ предѣлахъ Манчжуріи долженъ былъ явиться Русско-Китайскій банкъ, то необходимо было, предварительно подписанія соглашенія съ Китаемъ, заключить соглашеніе съ банкомъ и совершенно опредѣленно

указать ту роль, которую во всем этомъ дѣлѣ долженъ играть Русско-Китайскій банкъ, или вѣрнѣе, то общество, которое предстояло учредить для постройки и эксплуатаціи Китайской Восточной желѣзной дороги.

Редакція этого соглашенія требовала серьезнаго вниманія и большой осторожности. Выше уже было указано, что министръ финансовъ не признавалъ удобнымъ, чтобы концессія была выдана банку непосредственно, такъ какъ соединеніе банковыхъ операцій съ постройкой громадной желѣзнодорожной линіи могло бы повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Во избѣжаніе этого признано было болѣе удобнымъ создать специальное акціонерное общество, съ тѣмъ, чтобы этому обществу было дано такое устройство, при которомъ оно являлось бы учрежденіемъ, подчиненнымъ министру финансовъ.

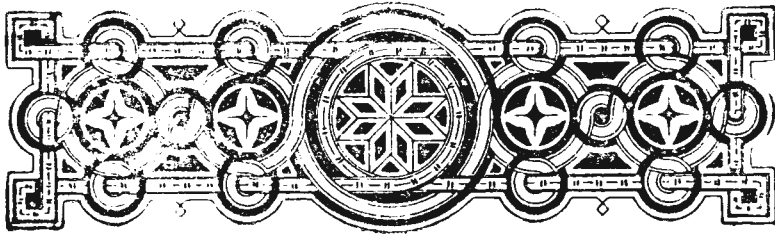
Такимъ образомъ, были выработаны, съ одной стороны, конвенція съ китайскимъ уполномоченнымъ, а съ другой — соглашеніе съ правленіемъ Русско-Китайскаго банка. 18-го мая 1896 года соглашеніе было подписано. Послѣ этого была подписана и конвенція съ Китаемъ. Конвенція эта вошла въ составъ московскаго договора, заключеннаго между Россіей и Китаемъ 22-го мая 1896 года. По этому договору Китай, никогда, насколько извѣстно, не заключившій ранѣе оборонительныхъ союзовъ съ иностранными державами, впервые заключилъ подобный союзъ съ Россійской имперіей. Обѣ стороны обязывались оказывать другъ другу вооруженную поддержку въ случаѣ нападенія Японіи на китайскую или корейскую территорію, или на владѣнія Россіи въ Восточной Азіи. По этому же московскому договору правительство богдыхана согласилось на проведеніе нами желѣзнодорожной линіи черезъ Манчжурію.

Изъ Москвы Ли-хунъ-чжанъ отправился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ то время находился министръ финансовъ, и, осмотрѣвъ съ послѣднимъ всероссійскую выставку, отбылъ, согласно данному ему порученію, въ столицы Западной Европы, а затѣмъ черезъ Америку обратно въ Китай.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КУЛЬТУРНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Къ столѣтію со дня открытія императорской публичной
библіотеки).

Словеса книжная суть рѣки, упоющія
вселенную..,

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

ТО ЛѢТЪ тому назадъ, 2-го января 1814 года, происходило въ Петербургѣ большое торжество—открытіе императорской публичной библіотеки. Еще Россія не справилась съ хищнымъ врагомъ и поработителемъ всей Европы, еще въ ушахъ отдавались бряцаніе оружія и залпы пушекъ, а уже шли дѣятельныя приготовленія къ мирному празднику—открытію разсадника и хранилища познаній человѣчества.

Назначеніе библіотеки, какъ гласитъ относящійся ко времени ея открытія документъ, письмо перваго директора А. Н. Оленина къ Филарету,—это «юношамъ—привлеченіе, старцамъ—пособіе, празднымъ—зрѣлище, занятымъ—забава, учащимся—упражненіе, основателю—достопадный памятникъ».

Значеніе для Россіи императорской публичной библіотеки, второго по богатству въ мірѣ книгохранилища, велико и неоцѣнимо.

Цѣлыя поколѣнія черпали свои знанія изъ этой книжной сокровищницы. Видные представители науки обязаны въ значительной мѣрѣ публичной библіотекѣ своими трудами. Рѣдкій ученый

трудъ писался безъ помощи библіотечныхъ книжныхъ богатствъ. Часто и европейскіе ученые пользовались хранящимися въ нашей отечественной библіотекѣ рѣдкими книгами и рукописями. Въ ней находятя единственныя по богатству собранія церковно-славянскихъ и русскихъ историческихъ рукописей, старо-печатныхъ книгъ, книгъ церковно-славянской и гражданской печати, вышедшихъ при Петрѣ I. Между прочимъ, имѣются собранія церковно-славянскихъ рукописей съ миниатюрами и крюковыхъ рукописей. Въ библіотекѣ хранится старѣйшій памятникъ нашей письменности—Остромирово евангеліе.

Въ богатѣйшемъ въ мірѣ отдѣлѣ восточныхъ рукописей первое мѣсто занимаютъ еврейскія, купленные у караимовъ Фирковичей.

Немало въ библіотекѣ коллекцій писемъ коронованныхъ особъ, русскихъ и иностранныхъ, и выдающихся лицъ, подвизавшихся на всѣхъ поприщахъ дѣятельности въ Россіи и за границей.

Во главѣ библіотеки стояли ревнители просвѣщенія, ученые и писатели, какъ Оленинъ, Одоевскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Сопиковъ, Дорнъ, Коссовичъ, а впослѣдствіи Бычковы, Л. Н. Майковъ, Кеппенъ, Ламбинъ, Стасовъ, Саитовъ, Гаркави, Радловъ и многіе другіе, которые являлись нерѣдко руководителями молодыхъ ученыхъ при ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Когда А. С. Пушкинъ задумалъ заняться исторіей Петра I, директоръ библіотеки баронъ Корфъ предложилъ ему пріютъ въ помѣщеніи библіотеки и предоставилъ въ его распоряженіе цѣнныя матеріалы—тѣ три толстыя тетради, которыя хранятся теперь, какъ реликвіи, въ витринѣ историческихъ матеріаловъ, озаглавленныхъ «*Les origines des Russica*».

Для многихъ поколѣній, не получившихъ систематическаго образованія, публичная библіотека являлась храмомъ наукъ, гдѣ они получали свое низшее, среднее и высшее образованіе.

Мысль о созданіи библіотеки, могущей удовлетворять научнымъ потребностямъ и доступной для всѣхъ, возникла въ Россіи еще въ началѣ XVIII вѣка, въ связи съ тѣмъ стремленіемъ усвоить западно-европейскую образованность, которое обнаружилось въ русскомъ обществѣ еще въ XVII столѣтіи. Живая потребность въ общедоступной библіотекѣ чувствовалась особенно въ Москвѣ. Тамъ было больше жителей, чѣмъ въ Петербургѣ, притомъ въ Первопрестольной жила наибольшая часть тогдашняго образованнаго общества Россіи. Но правительство XVIII вѣка больше заботилось о новой столицѣ. Въ Москвѣ библіотечная потребность удовлетворялась отчасти обширными частными книжными собраніями и библіотеками: патриаршей, духовно-академической, а со середины вѣка—еще и университетской библіотекой.

Планъ устройства Петербургъ публичной библіотеки возникъ въ 1766 году. Нѣсколько лицъ, между прочимъ графъ А. С.

Строгановъ, графъ Н. Головинъ, князь П. Голицынъ, С. В. Лопухинъ, Г. Н. Тепловъ, Б. М. Салтыковъ и другіе рѣшили устроить общество, по образцу вольно-экономическаго, которое, собирая средства путемъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ приношеній, и положило бы основаніе задуманной въ Петербургѣ библиотекѣ—«единственно изъ російскихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ». Пользоваться книгами должны были всѣ, кто уплачивалъ пять рублей въ годъ, а одинъ день въ недѣлю библиотека должна была быть открываема «генерально для всѣхъ». Предполагалось устроить при библиотекѣ и типографію, и обширную школу. Было уже составлено прошеніе на имя императрицы Екатерины II. Но императрица, положившая основаніе эрмитажной библиотекѣ, сама поручила выработать проектъ огромнаго зданія, гдѣ предполагалось, кромѣ библиотекы, устроить обсерваторію, ученые кабинеты, садъ съ цвѣтниками, какіе-то водопады и водосмы и т. п. Зданіе должно было быть соединено особыми галереями съ Аничковымъ дворцомъ. Въ іюня 1795 года и приступлено было къ сооруженію зданія «государственной библиотекы». Смерть Екатерины II помѣшала осуществленію всѣхъ перечисленныхъ выше затѣй—водопадовъ, обсерваторій и т. п.

При императорѣ Павлѣ I явилась новая идея—соединить водино всѣ императорскія библиотекы—гатчинскую, вольтеровскую (въ Эрмитажѣ), купленную у барона Іоганна Корфа, и др. Но мысль эта осуществлена не была. Завѣдываніе библиотекой поручено было императоромъ Павломъ I эмигранту графу Шуазелю-Гуффле, президенту академіи художествъ, который собирался раздать всѣ библиотечныя сокровища по частямъ въ разныя учрежденія, но и эта затѣя, по счастью, не выгорѣла. Въ 1800 году Шуазель-Гуффле былъ уволенъ, и, благодаря этому обстоятельству, библиотека сохранила свое бытіе. Учреждено было особое «управленіе всѣхъ императорскихъ библиотекъ», во главѣ котораго поставленъ былъ, со званіемъ главнаго директора, гр. Строгановъ, а помощникомъ его назначенъ былъ эмигрантъ д'Огарь, состоявшій въ той же должности при Шуазель-Гуффле.

Въ 1801 году готово было зданіе библиотекы, составляющее часть теперешняго зданія, образующаго закругленный уголъ на Садовую улицу, называвшуюся ранѣе Сѣнной.

Въ 1810 году императоръ Александръ I утвердилъ штатъ и положеніе о библиотекѣ, давъ ей этимъ совершенно самостоятельное существованіе, и узаконилъ безвозмездную доставку въ наше книгохранилище всѣхъ печатающихся въ Россіи книгъ и изданій, въ двухъ экземплярахъ. Своимъ существованіемъ, какъ самостоятельнаго учрежденія, библиотека обязана, главнымъ образомъ, графу Строганову, который вступилъ даже въ борьбу съ президентомъ академіи наукъ барономъ Николаи, усиленно домогавшимся

передачи въ его вѣдѣніе такъ называемой «залуцкой бібліотеки», послужившей ядромъ для нашего книгохранилища.

«Залуцкая бібліотека» составлена была братьями Залускими, референдаріемъ Іосифомъ, носившимъ званіе кіевского епископа, и епископомъ краковскимъ Андреемъ. Первый, членъ академій и хорошій бібліографъ, потратилъ все состояніе на бібліотеку, которую сдѣлалъ потомъ общественной. Отправившись за границу, Іосифъ Залусскій привезъ оттуда три тысячи книгъ и много цѣнныхъ рукописей и эстамповъ и продолжалъ обогащать свою бібліотеку, отдавая предпочтеніе книгамъ о Польшѣ и печатавшимся въ самой Польшѣ. Нерѣдко Залусскій ловко выманивалъ книги у ихъ собственниковъ, а иногда попросту похищалъ ихъ въ монастырскихъ и частныхъ бібліотекахъ. Еще теперь въ хранящихся въ нашей бібліотекѣ книгахъ, принадлежавшихъ Залусскому, можно видѣть его отмѣтки, даты и звѣздочки, число коихъ обозначаетъ степень важности и рѣдкости данной книги.

Свою бібліотеку Залусскій завѣщалъ польскому народу, а управление ею передать варшавскому іезуитскому коллегіуму. Вслѣдствіе высылки Залусскаго и его кончины многія цѣнныя книги были расхищены, и бібліотека его превратилась въ «мерзость запустѣнія».

Послѣ взятія Варшавы Суворовымъ «залуцкая бібліотека» объявлена была собственностью русскаго правительства. Изъ четырехсотъ тысячъ томовъ уцѣлѣло двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Гр. Чацкимъ похищено было около тридцати тысячъ томовъ, которые, впрочемъ, удалось вернуть.

Отвсававъ «залуцкую бібліотеку», графъ Строгановъ продолжалъ обогащать будущую публичную бібліотку въ Петербургѣ драгоценными приобрѣтеніями. Первое мѣсто среди нихъ слѣдуетъ отвести собранію рукописей нѣкоего Дубровскаго. Служа разновременно при парижскомъ посольствѣ церковникомъ, актуариусомъ и секретаремъ, Дубровскій въ революціонную эпоху спасъ вмѣстѣ съ вывезеннымъ имъ посольскимъ архивомъ добытыя при разграбленіи чернью Санъ-Жерменскаго и Карбійскаго аббатствъ четыреста замѣчательныхъ рукописей и до восьми тысячъ автографовъ знаменитыхъ людей Франціи. Строгановъ приобрѣлъ эту коллекцію, которую собирались перехватить англичане. За нее Дубровскій получилъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, пятнадцать тысячъ рублей единовременно, пожизненную пенсію въ три тысячи рублей, мѣсто хранителя депо манускриптовъ при бібліотекѣ, жалованье въ тысячу двѣсти рублей, при казенной квартирѣ, и чины и ордена.

Благодаря А. Н. Оленину, помощнику и потомъ замѣстителю графа Строганова, дѣло устроенія и обогащенія бібліотеки быстро подвигалось впередъ.

Среди высшихъ представителей администраціи его времени было мало такихъ широко образованныхъ людей, какъ Оленинъ. Онъ былъ центромъ кружка, гдѣ сходились чуть ли не всѣ литераторы, ученые и художники всего Петербурга. Онъ и самъ усердно работалъ въ любимомъ имъ учрежденіи и умѣлъ заставлятъ своихъ помощниковъ-библіотекарей много работать.

Оленину предстоялъ колоссальный трудъ—выяснить состояніе библіотеки. По подсчету, книгъ было въ 1809 году на всѣхъ языкахъ, считая и дублиеты, инкунабулы XV вѣка и «мелочныя сочиненія», приблизительно, двѣсти тридцать восемь тысячъ шестьсотъ томовъ, рукописей было до двѣнадцати тысячъ, эстамповъ—двадцать четыре тысячи пятьсотъ семьдесятъ четыре.

Сооруженное для библіотеки зданіе оказалось темнымъ и сырмъ. Оленинъ приказалъ пробить восемь большихъ оконъ и «истребить сырость», столь вредную для книгъ. Каталогизація библіотеки могла бы отдалить надолго открытіе ея, и Оленинъ придумалъ свою упрощенную библіографическую систему, согласно которой книги дѣлились на классы, отдѣленія, подраздѣленія и разряды. Одновременно Оленинъ занялся составленіемъ положенія объ управленіи библіотекой, о штатахъ и окладахъ. Всѣ эти работы заняли почти четыре года. 14-го октября 1810 года высочайше утверждено было «Положеніе объ управленіи императорской публичной библіотекой». Она передана была въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Графъ Строгановъ, носившій званіе главнаго директора, былъ болѣе или менѣе независимъ и самостоятеленъ; замѣнившій же его Оленинъ, со званіемъ директора, былъ подчиненъ непосредственно министру.

Знакомый уже читателямъ Дубровскій съ упраздненіемъ поста главнаго директора сталъ вести себя крайне своевольно и независимо по отношенію къ Оленину. Онъ откладывалъ со дня на день порученное ему составленіе описи рукописей, присваивалъ себѣ многіе очень цѣнные манускрипты, объявилъ своею собственностью дорогой молитвенникъ Анны Ярославны, уникамъ «алкоранъ» и старинную библію. Въ его квартиру при библіотекѣ являлись подозрительныя личности и уносили съ собою библіотечныя реликвіи. Дубровскому предложено было тогда очистить квартиру, и ему пришлось дать большой выкупъ—чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны второй степени, пять тысячъ рублей на отдѣлку его новой квартиры и увеличить пенсію на тысячу рублей.

2-го января 1812 года императоръ Александръ I посѣтилъ библіотеку, уже почти готовую къ открытію для публики. Это посѣщеніе увѣковѣчено на картинѣ масляными красками, которую можно видѣтъ въ кабинетѣ директора библіотеки.

Посѣщали библіотеку до ея открытія и другія высочайшія особы и высокопоставленныя лица.

Все было готово къ открытію бібліотеки для публики, но начавшаяся отечественная война заставила не только отсрочить торжество, но серьезно подумать о спасеніи книжныхъ богатствъ отъ непріятели, визита котораго ждали въ столицѣ. Наняли бригъ и увезли всѣ рукописи и болѣе цѣнныя книги въ ста восьмидесяти девяти ящикахъ на сѣверъ. Бригъ зазимовалъ въ тридцати верстахъ выше Лодейнаго поля. Для караула на суднѣ всегда находилась воинская стража. 19-го декабря книжный грузъ былъ доставленъ обратно въ Петербургъ на ста восьми подводкахъ.

Радѣя объ обогащеніи бібліотеки, Оленинъ, несмотря на военные замѣшательства, возбудилъ вопросъ о подчиненіи цензурѣ и произведеній гравировальнаго искусства, картинъ и нотъ, которыя также могутъ-де быть зловредны, но, главнымъ образомъ, онъ имѣлъ въ виду путемъ установленія такой цензуры добиться присылки ему въ бібліотеку узаконенныхъ экземпляровъ упомянутыхъ произведеній искусства. Выхлопоталъ также Оленинъ и присылку въ бібліотеку запрещенныхъ къ обращенію книгъ, ибо такія сочиненія,—писалъ онъ,—«съ перемѣною обстоятельствъ перестаютъ быть опасными, иногда же бываютъ и полезными». Онъ выражалъ свое крайнее неудовольствіе, когда полиція задержала выписку двухъ экземпляровъ книги Лезюра—«*Historie des Cosaques*»...

Открытие императорской публичной бібліотеки состоялось 2-го января 1814 года съ большою торжественностью ¹⁾. Было разослано триста двадцать три приглашенія. Среди явившихся были петербургскій митрополитъ Амвросій, находившіеся въ Петербургѣ архіепископы, митрополитъ римско-католическихъ церквей, министры, члены государственнаго совѣта, представители ученыхъ сословій и друг.

Торжество происходило въ кругломъ залѣ второго этажа. Вступительное слово сказалъ Оленинъ. Библіотекаръ Красовскій читалъ разсужденіе о пользѣ человѣческихъ знаній и о потребности общественныхъ книгохранилищъ для каждаго благоустроеннаго государства. Гнѣдичъ прочелъ свое разсужденіе, разработать которое Оленинъ тщетно просилъ Филарета,—«О причинахъ, замедляющихъ успѣхъ нашей словесности (пристрастіе къ иноземнымъ языкамъ и преподаваніе мертвыхъ языковъ)».

Нашъ знаменитый баснописецъ Крыловъ прочиталъ извѣстную свою басню «Водолазы», въ которой, по словамъ официального описанія торжества, «сочинитель иносказательно изъяснилъ пользу истиннаго и вредъ ложнаго просвѣщенія».

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи послужили, между прочимъ, отчеты императорской публичной бібліотеки съ 1854 года и приготовляемое для печати юбилейное изданіе
Авт.

Такъ совершилось то крупное событіе въ исторіи нашей культуры, столѣтіе со дня котораго исполнилось 2-го января этого года.

Чтобы судить о томъ, какую службу сослужила дѣлу русскаго просвѣщенія библіотека-юбиларша, достаточно будетъ сопоставить хотя бы нижеслѣдующія цифры.

Въ императорской публичной библіотекѣ въ первый годъ ея существованія занимались триста двадцать девять читателей, которые получили въ свое пользованіе тысячу триста сорокъ одну книгу, а въ девяносто девятомъ году ея существованія взяли билеты на чтеніе книгъ двадцать семь тысячъ восемьсотъ девяносто девять человекъ; число же посѣщеній достигло двухсотъ четырехъ тысячъ семисотъ девяноста семи. Книгъ было въ обращеніи пятьсотъ двадцать двѣ тысячи девятьсотъ пятьдесятъ восемь. И послѣднія цифры были бы еще болѣе внушительны, если бы библіотека была доступна, какъ это было одно время, и для учащихся начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, если бы масса книгъ не была изъята, по разнымъ причинамъ, изъ обращенія въ читальномъ залѣ, а доступъ въ отдѣленія не былъ обставленъ стѣснительными правилами и не былъ ограниченъ временемъ (до трехъ часовъ дня).

По открытіи ея дверей для публики библіотека была доступна для занятій три раза въ недѣлю: по средамъ, четвергамъ и пятницамъ, когда эти дни не совпадали съ праздниками. Зимой библіотека открывалась только до захода солнца. Каждый посѣтитель могъ пользоваться для храненія своихъ работъ ящикомъ въ столахъ и пультахъ—удобство, котораго лишены нынче посѣтели библіотеки.

Съ увеличеніемъ числа посѣтителей возникали часто недоразумѣнія между ними и библіотекарями, съ которыми иные стали обращаться, «какъ съ сидѣльцами въ Гостиномъ дворѣ». Въ изданномъ Оленинымъ приказѣ предписывалось посѣтителей, замѣченныхъ въ невѣжествѣ и неприличныхъ поступкахъ, не допускать въ залу, а въ случаѣ шумныхъ пререканій приглашать на помощь полицію.

Жалобы на порчу книгъ, раздающіяся въ наше время, совсѣмъ не имѣли мѣста въ первые годы, вплоть до 1837 года, когда впервые Оленинъ предписалъ выдавать книги съ большимъ разборомъ. Тогда же запрещена была выдача «площадныхъ повѣстей, гадательныхъ книгъ, романовъ, журналовъ и т. п. большей частью вредныхъ для юношества сочиненій—безъ особаго разрѣшенія начальства». Запретъ распространялся и на «публичныя вѣдомости», такъ какъ «онныя можно найти во всѣхъ кофейныхъ домахъ, клубахъ и другихъ мѣстахъ».

Двери библіотеки закрывались часто на цѣлые мѣсяцы или годы, по случаю ремонта, перестроекъ, эпидеміи и т. п. На время при-

стройки новаго зданія по Александринской площади бібліотека была закрыта съ мая 1828 года по ноябрь 1831 года, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее снова закрыли, вслѣдствіе устройства двери.

Съ особаго разрѣшенія, допускались выдача книгъ заслуживающимъ довѣрія лицамъ на домъ. Любопытно, что, когда для работъ Шормуа Оленинъ согласился выдать ему на квартиру четыре рукописи, императоръ Николай Павловичъ, самъ поручившій этому ученому его работу, не далъ своего согласія, и пришлось отмѣнить распоряженіе Оленина.

А. Н. Оленинъ былъ особенно озабоченъ пополненіемъ недостатка въ русскихъ книгахъ.

Всѣ крупныя историческія событія способствовали обогащенію бібліотеки. Оленинъ собиралъ все относившееся къ отечественной войнѣ. Турецкая война 1828—1829 годовъ дала рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній; при взятіи Ардобила было захвачено много рукописей, на которыя заявляли свои претензіи академія наукъ и петербургскій университетъ. Въ 1829 году императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ передать въ бібліотеку найденныя въ мечети Ахмадіе, въ Ахалцыхѣ, книги и рукописи, среди которыхъ было много очень рѣдкихъ и цѣнныхъ. Въ октябрѣ того же года переданы были поднесенныя государю отъ имени персидскаго шаха 18 рукописей великолѣпной орнаментовки и изящнаго письма. Въ томъ же году, по волѣ государя, переданы были баязетская бібліотека, 45 рукописей и печатныхъ книгъ и бібліотека бывшаго посланника въ Римѣ Италинскаго, состоявшая изъ сочиненій древнихъ писателей. Въ 1830 году поступила коллекція рукописныхъ корановъ. Большую цѣнность представляли покунавшіяся у разныхъ лицъ бібліотеки и рукописи (у графа Ф. А. Толстого, у графа Сухтелена и др.).

Весьма значительное количество книгъ поступило изъ бібліотекъ, конфискованныхъ послѣ польскаго возстанія 1830 года.

Обильное поступленіе книгъ заставило подумать объ увеличеніи бібліотечнаго зданія.

Въ 1828 году приступлено было къ возведенію новой пристройки по Александринской площади. Это новое зданіе возведено было по проекту архитектору Росси, подъ руководствомъ особаго комитета подъ предсѣдательствомъ министра двора князя Волконскаго.

На фронтонѣ новаго зданія поставлены рельефный орелъ и двѣ фигуры Славы. На крышѣ надъ входомъ поставлена большая статуя Миневры въ сидячемъ положеніи, между колоннами 10 ступей, изъ нихъ статуя Демосѡена 24-го января 1835 года свалилась и разбилась, послѣ чего всѣ остальные были прикрѣплены.

Расходъ на новое зданіе превзошелъ смѣту на 755.673 рубля. Передержка эта была частью покрыта капиталомъ, оставленнымъ на просвѣтительныя цѣли извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія

купцомъ И. Д. Ларинымъ, имя котораго, по волѣ Николая I, присвоено было одной изъ библиотечныхъ залъ.

Забываясь объ обогащеніи ввѣренной ему библиотеки, Оленинъ не забывалъ и подчиненныхъ ему библиотечкарей и служащихъ, вникая во все ихъ интересы. «Вы знаете,—писалъ онъ въ 1834 году министру народнаго просвѣщенія Уварову, своему бывшему помощнику,—что безпечность составляетъ отличительную черту всехъ великихъ баснописцевъ, начиная отъ Эзопа до Лафонтена. Къ сей категоріи принадлежитъ и И. А. Крыловъ». Сообщая далѣе, что получаемыхъ баснописцемъ жалованья и пенсіона недостаточно, чтобы содержать лѣтомъ коляску, а зимою возокъ и пару лошадей, необходимыхъ при его ростѣ и тучности, Оленинъ хлопочеть о царской милости.

А. Н. Оленинъ скончался 17-го апрѣля 1843 года, и его мѣсто занялъ сенаторъ Д. П. Бутурлинъ, извѣстный въ свое время военный историкъ. Директорство въ библиотекѣ Бутурлинъ сочеталъ съ предѣдательствомъ въ негласномъ «сверхцензурномъ» комитетѣ, существовавшемъ съ 1848 по 1856 годъ и ознаменовавшемъ свою дѣятельность сугубымъ притѣсненіемъ печатнаго слова. Даже такой осторожный и благомѣренный человекъ, какъ бывший цензоръ А. В. Никитенко, писалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Бутурлинъ дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать». Бутурлинъ находилъ, что и Евангеліе слѣдовало бы сократить, по цензурнымъ соображеніемъ.

Недолговременная дѣятельность Бутурлина ознаменовалась ограниченіемъ времени посѣщенія библиотеки, продолженіемъ работъ по каталогизаціи, по системѣ Оленина, и приведеніемъ въ порядокъ части валявшихся цѣлыми горами на полу книгъ. Ростъ книжныхъ богатствъ при немъ былъ не особенно великъ: всего поступило за время его директорства 15.685 томовъ, считая и поступления отъ цензуры и пожертвованную купцомъ Соловьевымъ библиотеку.

Число посѣтителей при Бутурлинѣ замѣтно сократилось въ 1846—47 г.г. отчасти вслѣдствіе закрытія доступа учащимся.

Въ какомъ состояніи оставилъ Бутурлинъ публичную библиотеку своему преемнику барону М. А. Корфу (1849—1861 г.г.), видно изъ словъ послѣдняго: «Зданіе библиотеки представляло видъ крайняго запущенія... Сама библиотека почти ничего не покупала, была поразительно бѣдна во всемъ новомъ... Огромныя массы книгъ валялись цѣлыми горами... Получить спрашиваемую книгу—принадлежало къ рѣдкимъ изытіямъ»...

До Корфа библиотека была публичной скорѣе по названію. Ему нашъ разсадникъ просвѣщенія въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ и быстрымъ ростомъ, что не мѣшало барону быть однимъ изъ видныхъ гасителей свободной человѣческой мысли и слова.

Извѣстно участіе барона Корфа въ редактированіи манифеста предъ венгерскимъ походомъ, обращеннаго по неопредѣленному адресу и направленному противъ европейско-русской крамолы. По мысли Корфа, былъ учрежденъ цензурный секретный комитетъ для надзора «за малоразуміемъ тогдашней цензуры», для суда надъ самими цензорами. Впослѣдствіи, когда въ царствованіе Александра II, недовольнаго современной ему журналистикой, проектировалось особое цензурное министерство, Корфъ долженъ былъ явиться главою его и даже поспѣшилъ купить министерское паллацо, но несочувствіе въ нѣкоторыхъ верхнихъ сферахъ учрежденію проектировавшагося министерства заставило оставить эту затѣю. Цензурная благонамѣренность Корфа и была причиною назначенія его на постъ директора библіотеки, также являющагося своего рода верховнымъ цензоромъ надъ литературою и наукою.

Первымъ шагомъ дѣятельности Корфа на новомъ посту было ходатайство его о передачѣ публичной библіотеки въ дворцовое вѣдомство.

«Публичная библіотека,—писалъ Корфъ,—есть, подобно музеямъ и другимъ хранилищамъ, предметъ въ нѣкоторомъ отношеніи роскоши, но роскоши государственной, составляющей одинъ изъ предметовъ народной славы и гордости; а такимъ установленіямъ не могутъ быть свойственны ни обыкновенныя бюрократическія формы, ни обрядности министерской іерархіи».

Съ цѣлью обогащенія библіотеки новыми изданіями Корфъ учредилъ институтъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, отъ которыхъ онъ ждалъ обильныхъ приношеній. И его расчеты не были обмануты. И. Ѳ. Базилевскій, А. Н. Демидовъ, графъ А. Д. Ростопчинъ, М. П. Погодинъ и многіе другіе сдѣлали цѣнныя пожертвованія въ библіотеку. Кромѣ письменныхъ благодарностей, библіотека расплачивалась со своими жертвователями высочайшими наградами. Корфъ добился и увеличенія ассигновокъ на покупку книгъ.

Мягкій къ служащимъ, Корфъ не особенно радѣлъ объ ихъ матеріальномъ благополучіи, долго не соглашался на увеличеніе штатовъ, предпочитая тратить лишнія деньги на книги. Для увеличенія ресурсовъ онъ завелъ аукціонныя торги на книги-дубликаты. Собирались любители рѣдкихъ книгъ и поднимали цѣны на нихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. За книгу, продававшуюся до аукціона по 10 рублей, одинъ изъ претендентовъ уплатилъ однажды 101 рубль.

Корфу библіотека обязана созданиемъ отдѣла «Rossica».

Въ 1851 году въ библіотеку поступило Погодинское «древлехранилище», прибрѣтенное государемъ за 150.000 рублей. Въ «древлехранилищѣ» находились 2019 рукописей (77 пергаментныхъ), 589 автографовъ, 1,504 грамоты, 1,246 книгъ, большею частью старопе-

чатныхъ и петровскихъ 1,115 портретовъ, гравюръ и старинныхъ лубочныхъ картинъ и много рукописныхъ матеріаловъ, весьма цѣнныхъ для русской исторіи и литературы. Въ 1852 году передана была въ бібліотеку часть книгъ изъ эрмитажныхъ бібліотекъ.

Особенно большую цѣнность представляла купленная на высочайше пожалованныя средства коллекція греческихъ и восточныхъ рукописей и палимшесетовъ у лейпцигскаго профессора Тишендорфа. Совершивъ вторую поѣздку на Востокъ, Тишендорфъ привезъ оттуда 109 рукописей. Въ 1861 году высочайше повелѣно было передать изъ Эрмитажа въ бібліотеку вольтеровскій и другіе бібліотечные отдѣлы и манускрипты.

Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣ приношенія, которыя въ изобиліи притекали въ бібліотеку въ корфовскую эпоху.

Корфъ время отъ времени объѣзжалъ крупныя заграничныя книжныя склады, гдѣ пріобрѣталъ все рѣдкое и любопытное. При немъ поступили шедевры типографскаго искусства, какъ, на примѣръ, «Imitation de Jésus Christ» Э. Кемпійскаго. Только за одинъ этотъ экземпляръ уплачено было 6.000 франковъ.

Кромѣ цензурнаго вѣдомства, Корфъ привлекалъ и всѣ прочія наши вѣдомства и министерства къ дѣлу пополненія бібліотечныхъ шкаповъ. Великій князь Константины Николаевичъ отдалъ распоряженіе о доставленіи въ бібліотеку всѣхъ прежнихъ и современныхъ изданій о флотѣ.

При открытіи въ 1853 году военныхъ дѣйствій Корфъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о присылкѣ въ бібліотеку всѣхъ манифестовъ, декларацій и реляцій. По его же представленію, предписано было доставлять всѣ иностранныя запрещенныя книги, задержанныя на границѣ.

Когда Корфъ принялъ бібліотеку въ свое завѣдываніе, въ ней насчитывалось 640.000 томовъ, свыше 18,000 рукописей и до 50,000 эстамповъ. По его расчету, императорская публичная бібліотека занимала третье мѣсто, послѣ парижской и мюнхенской бібліотекъ, а послѣ 12-лѣтняго ея директорства Корфъ съ полнымъ правомъ могъ отвести нашей бібліотекѣ второе мѣсто въ мірѣ.

Быстрый ростъ книжныхъ и рукописныхъ богатствъ сдѣлалъ неотложной задачею вопросъ объ упорядоченіи каталогизаціи, и изъ 84,946 томовъ, которые находились въ 1859 году въ бібліотекѣ, остались не внесенными въ каталоги всего 50,000 томовъ.

Барона Корфа замѣнилъ И. Д. Деляновъ. При немъ бібліотека снова перешла въ министерство народнаго просвѣщенія. Тогда же былъ кореннымъ образомъ измѣненъ штатъ, бюджетъ увеличенъ былъ до 80,000 рублей, причѣмъ дѣлались спеціальныя ассигновки, по высочайшему повелѣнію, на особенно цѣнныя пріобрѣтенія. Учрежденіе международной комиссіи по обмѣну правительственными изданіями способствовало поступленію въ нашу бібліотеку

цѣлой массы правительственныхъ изданій иностранныхъ государствъ.

Деляновъ находился во главѣ библиотеки съ декабря 1861 года по 16-е марта 1882 года, когда онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Мѣсто директора библиотеки занялъ вице-директоръ А. Ѳ. Бычковъ, предсѣдатель II отдѣленія академіи наукъ, а вице-директоромъ библиотеки назначенъ былъ Л. Н. Майковъ, впоследствии вице-президентъ академіи наукъ.

При директорствѣ Быčkova высочайше повелѣно было дать ходъ дѣлу о расширеніи библиотечнаго зданія пристройкою на принадлежавшей городу и дворцовому вѣдомству землѣ, между старымъ зданіемъ и Толмазовымъ переулкомъ. Въ 1889 году повелѣно было отпустить на это изъ казны 250.000 рублей, изъ коихъ 100.000 принадлежало уплатить дворцовому вѣдомству. 3-го ноября 1890 года былъ высочайше одобренъ фасадъ новаго зданія, при чемъ стоимость его опредѣлена была въ 493.000 рублей, но министръ финансовъ Н. Х. Бунге, въ виду дефицита, не нашель возможнымъ отпустить означенную сумму.

Тѣмъ временемъ возникъ вопросъ о перенесеніи библиотеки въ Михайловскій инженерный замокъ. Мысль эта, какъ говорили, принадлежала императору Александру III, но она осуществлена не была.

Въ 1896 году разрѣшено было отпустить изъ казны 485.000 рублей на постройку новаго зданія для читальнаго зала, которое и было готово и торжественно открыто 7-го сентября 1901 года.

2-го апрѣля 1899 года скончался директоръ библиотеки А. Ѳ. Бычковъ, и временно исполненіе его обязанностей возложено было на библиотечаря В. В. Стасова, а 10-го юля того же года 1899 директоромъ назначенъ былъ начальникъ Николаевской инженерной академіи генераль-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ, директорство котораго, однако, было непродолжительно. Скончавшагося въ апрѣлѣ 1902 года Шильдера замѣстилъ нынѣшній директоръ членъ государственнаго совѣта Д. Ѳ. Кобеко, помощникомъ котораго состоитъ Н. П. Лихачевъ. Какъ и покойный Бычковъ, Д. Ѳ. Кобеко много сдѣлалъ для блага ввѣреннаго ему учрежденія. Достоинно замѣчанія, что при нынѣшнемъ директорѣ императорская публичная библиотека горячо привѣтствовала въ свое время опальнаго Л. Н. Толстого по случаю 50-лѣтія его славной литературной дѣятельности 28-го апрѣля 1903 года.

О книжныхъ богатствахъ библиотеки ко дню ея юбилея краснорѣчиво свидѣтельствуетъ внушительная цифра — три съ половиною милліона томовъ.

Не менѣе краснорѣчивы сравнительныя цифры роста числа посѣтителей.

Количество билетовъ на право занятія въ библиотекѣ за двадцать лѣтъ съ 1814 по 1834 годъ составляло 9,021, а въ одномъ 1912 году.

какъ мы уже видѣли, выдано было 27.899 билетовъ, въ томъ числѣ 7.319 билетовъ выдано женщинамъ, которыя до 1854 года совсѣмъ не заглядывали въ наше книгохранилище. Впервые отмѣчены 23 женщины въ отчетѣ за 1854 годъ.

Число читателей стало аккуратно регистрироваться, начиная съ 1850 года, когда было 7.720 читателей, а въ 1912 году было 204.797 посѣщеній.

Количество выданныхъ томовъ въ 1859 году составляло 160.669, а въ 1912 году 522.958. Самый оживленный періодъ въ дѣятельности библиотеки—время между 1899 и 1908 годами, когда было прочтано свыше 5.000.000 книгъ. То были годы общественнаго подъема.

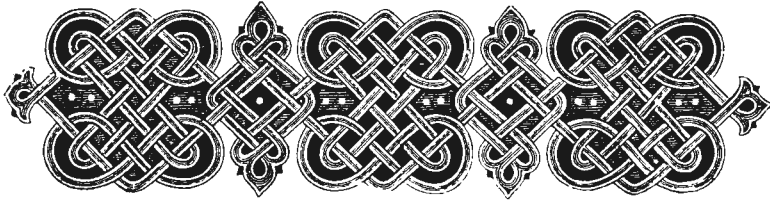
Въ освободительные дни мирное помѣщеніе хранилища наукъ, литературы и знаній сдѣлалось мѣстомъ шумныхъ митинговъ.

Бюджетъ библиотеки составляетъ нынѣ около 200.000 рублей, но библиотечная администрація хлопочетъ въ настоящее время объ увеличеніи бюджета, о прибавкѣ содержанія служащимъ и объ утвержденіи новаго штата, вмѣсто нынѣшняго, существующаго съ 1883 года. Чиновники читальнаго зала, среди которыхъ преобладаютъ учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній, получаютъ за свой нелегкій трудъ, сопряженный съ пребываніемъ въ пыльной и душной атмосферѣ, съ постоянными пререканіями съ многими не совсѣмъ уравновѣшенными посѣтителями,—отъ 35 до 40 рублей въ мѣсяць.

Оглядываясь на прошлое библиотеки-юбилярши, надо признать, что она являлась важнымъ фактомъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и насажденія у насъ знаній и любви къ литературѣ. Императорская публичная библиотека обслуживала за сто лѣтъ все классы и возрасты петербургскаго населенія, привлекая читателей и изъ провинціи и порою даже изъ-за границы въ лицѣ старыхъ и молодыхъ ученыхъ, стекавшихся въ ея залы для своихъ научныхъ занятій.

За границею въ каждомъ сколько-нибудь культурномъ городѣ имѣются обширныя государственныя и городскія библиотеки и общедоступныя библиотеки и читальни для рабочаго, ремесленнаго, торговаго и другихъ классовъ населенія. Мы еще далеки пока отъ такого идеала, но надо надѣяться, что настанетъ время, когда и у насъ во всехъ болѣе или менѣе населенныхъ городскихъ центрахъ будутъ свои общедоступныя, государственныя, городскія и общественныя книгохранилища.

А. Е. Кауфманъ.

ВЪ ТИХОЙ ОБИТЕЛИ.

СЛИ ВАМЪ случится быть въ Кіевѣ и вы устали уже послѣ обзора его многочисленныхъ вѣковыхъ святынь; если вы пресыщены уже созерцаніемъ красотъ тысячелѣтняго города; если вамъ хочется отдохнуть душой и тѣломъ послѣ городского шума,—пойдите въ Покровскій женскій монастырь, что стоитъ на откосѣ Львовской горы и занимаетъ обширную усадьбу, заросшую роскошнымъ фруктовомъ садомъ, спускающимся къ Подолу. Вы входите въ широкія, массивныя «Святыя» ворота, и васъ сразу охватываетъ какая-то особенная тишина и покой. Это не та гнетущая, могильная тишина, которую вы ожидаете встрѣтить за монастырскими стѣнами. Вы чувствуете, что здѣсь люди не отрѣшились отъ жизни; здѣсь, наоборотъ, все живетъ вокругъ васъ, но какой-то особенной жизнью, какой мнѣ не приходилось встрѣчать ни въ одной обители. Здѣсь все прекрасно. На всемъ лежитъ печать благолѣпія, поразительной чистоты, безукоризненнаго порядка, всюду видно заботливое око; здѣсь нѣтъ подавляющаго богатства, которое поражаетъ вашъ взоръ обиліемъ драгоценныхъ камней, тяжестью серебряныхъ и золотыхъ ризъ, количествомъ иконъ; тутъ нѣтъ толпы ищущихъ спасенія богомольцевъ,—нѣтъ ничего такого, что составляетъ характерную черту нашихъ монастырей. Вы находитесь здѣсь среди богатой природы, устроенной рукой человѣка, на которомъ, вы чувствуете, почіеть благословеніе Божіе.

Широкая мощеная дорога съ тротуаромъ ведетъ въ глубину усадьбы. Вы идете между рядами яблонь, сливъ, грушевыхъ деревьевъ, обвѣшенныхъ плодами; все пространство между деревьями засѣяно густой травой и цвѣтами; низенькая легкая рѣшетка от-

«Святая» ворота.

дѣляетъ дорогу отъ сада. Каждое дерево подчищено, трава выстрижена, каждый столбикъ ограды выкрашенъ въ розовый цвѣтъ, дорога подметена до послѣдней соринки. Все красиво, изящно, все ласкаетъ вашъ взоръ, а садъ живетъ и дышитъ свѣжестью.

Кое-гдѣ по дорожкамъ мелькають темныя фигуры монахинь, тихой походкой идущихъ по своимъ дѣламъ.

Ранняя обѣдня только что отошла. Такъ же тихо, почти безшумно потекла волна молящихся изъ главнаго собора къ выходу. Красивые, тяжелые звуки соборнаго колокола мягко разливаются по всей монастырской усадьбѣ. Вы направляетесь къ небольшой церкви русскаго стиля, окрашенной, какъ и всѣ постройки, въ розовый съ бѣлымъ цвѣтъ. Возлѣ нея расположилось кладбище, окруженное металлической рѣшеткой, отдѣляющей его отъ остальной территоріи сада. Опять все тотъ же останавливающий ваше вниманіе порядокъ, всюду и на всемъ забота, рѣдкая чистота, обиліе зелени и цвѣтовъ. Вторая отъ края могила, подъ бѣлымъ массивнымъ, простымъ крестомъ греческаго начертанія, расскажетъ вамъ исторію обителю, повѣдаетъ о тѣхъ трудахъ, которые положены здѣсь во славу Божию, о тѣхъ подвигахъ челоуѣколюбія, которые скромно совершались тутъ; повѣдаетъ о той, чье любвеобильное сердце, чья великая душа скорбѣла здѣсь о немощахъ людскихъ, кто положилъ тутъ душу свою за други своя. На простой жестяной доскѣ вы прочтете: «Ея императорское высочество августѣйшая строительница благовѣрная государыня великая княгиня Александра Петровна—въ иночествѣ Анастасія. Скончалась 12-го апрѣля 1900 года на шестьдесятъ второмъ году жизни». Надъ доской неугасаемая лампада передъ иконой. Ни роскошнаго памятника, ни гранитной, богатой плиты, никакихъ изреченій и молитвенныхъ словъ; все просто, скромно, какъ и та жизнь, которую провела августѣйшая строительница въ стѣнахъ своей обители.

— Благодарительница наша,—говоритъ подошедшая монахиня.

— А вы знали покойную княгиню?—спрашиваю я.

— Какъ же, какъ же не знать нашу благодарительницу, десять лѣтъ почти ее знала. Вотъ ужъ, поистинѣ, святая душа! Доброты, доброты-то сколько, да ужъ и обходительная была какая! И все сама, все сама...

Другого отзыва вы не услышите объ усопшей княгинѣ.

Рядомъ—другая могила, подъ такимъ же крестомъ, младенца княжны Софіи Петровны, августѣйшей дочери великаго князя Петра Николаевича. Далѣе, за особой оградой—могила настоятельницъ обители, монахинь, а еще далѣе—мірянъ. Каждая могила оправлена, обсажена цвѣтами, убрана дерномъ, дорожки посыпаны пескомъ.

— Вѣдь это все дѣло ся рукъ, обо всемъ заботилась, обо всемъ думала, и храмы, и больницы, ужъ какая была благодарительница... Да вы пожалуйста...

Вы входите въ главный соборъ обители во имя Покрова Пресвятой Богородицы, довольно обширный, съ прекрасной живо-

Великая княгиня Александра Петровна, въ иночествѣ Анастасія

писью; здѣсь главная святыня монастыря—образъ Почаевской Божіей Матери.

Тутъ же вамъ покажутъ небольшую «пещерку», въ которой стоитъ мраморная копія гроба Господня въ Иерусалимѣ; на ней, въ маленькой серебряной ракъ, частицы мощей святыхъ угодниковъ, снимокъ со святой стопы Господней, копія гвоздя, которымъ Спаситель былъ пригвожденъ ко кресту, кусокъ мамврійскаго дуба

и миниатюра часовни гроба Господня, исполненная на перламутрѣ.

Отсюда мы прошли въ парадные покои великой княгини, которыми она пользовалась первое время своей жизни въ монастырѣ. Покои большіе, свѣтлые. Первый изъ нихъ, въ двѣнадцать шаговъ длины и десять ширины,—гостиная въ три окна, выходящая къ главной дорогѣ обители. Весь полъ покрытъ однимъ роскошнымъ ковромъ. Налѣво отъ дверей шкапъ, подъ стекломъ, для книгъ; здѣсь въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ мы замѣтили всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора святѣйшаго синода за разные годы, журналы засѣданій государственнаго совѣта, много книгъ религіознаго и научно-богословскаго содержанія. Рядомъ со шкапомъ ширма, на створкахъ которой развѣшаны въ разнообразныхъ рамкахъ портреты высокихъ родственниковъ великой княгини, августѣйшихъ ея родителей, великихъ князей, княгинь и княженъ; тутъ портреты греческихъ короля и королевы, принцевъ Ольденбургскихъ, а среди нихъ портретъ сестры великой княгини—Терезы Петровны. Много фотографій августѣйшихъ особъ, снятыхъ въ дѣтствѣ, какъ, на примѣръ, большой портретъ великой княжны Марины Петровны, играющей на травѣ мячомъ; въ рукѣ у нея лопаточка, возлѣ—лейка и садовыя принадлежности. Нѣсколько семейныхъ группъ императоровъ Александра II и Александра III, нѣсколько видовъ царскихъ резиденцій—также размѣщены тутъ въ большомъ разнообразіи. Вся лѣвая стѣна занята большими портретами въ краскахъ императоровъ Александра II и Александра III, императрицъ Маріи Александровны и Маріи Ѳеодоровны, а по срединѣ—исполненные фототипіей портреты благополучно царствующаго Государя Императора, Августѣйшей Его Супруги и Наслѣдника Цесаревича, изображеннаго въ ростъ въ матросскомъ костюмѣ. По срединѣ комнаты—круглый столъ, на немъ настольные портреты императора Александра III и великаго князя Николая Николаевича Младшаго. Вокругъ стола кресла, очень удобныя, глубокія, обитыя синимъ шелкомъ, въ чехлахъ. Стѣна противъ входа занята портретами кievскихъ митрополитовъ, а подъ ними портретъ знаменитаго протоіерея Бажанова, бывшаго духовника императора Александра II. У правой стѣны—цвѣты, пальмы; въ правомъ углу образа въ золотыхъ ризахъ.

Слѣдующій покой—огромный залъ, въ двадцать шаговъ длины, съ четырьмя окнами. На одномъ изъ простѣнковъ—два портрета, на которыхъ прибиты мѣдныя доски съ подписями, на одной: «Никаноръ, митрополитъ новгородскій, санктъ-петербургскій, эстляндскій и финляндскій, 26-го декабря 1855 года сподобившій меня черезъ святое миропомазаніе благодатнаго воссоединенія со святою православною церковью», и на другой: «Ѳеофанія, игуменія санктъ - петербургскаго Воскресенскаго Новодѣвичьяго монасты-

ря, воспріемная моя при святомъ миропомазаніи 26-го декабря 1855 г.».

Стѣны зала заняты портретами августѣйшихъ особъ въ разныхъ возрастахъ, разныхъ величинъ, въ самой разнообразной обстановкѣ, въ краскахъ и фотографическихъ; многіе изъ нихъ теперь уже представляютъ большую рѣдкость и историческую цѣнность. Въ правомъ дальнемъ углу, на мольбертѣ, въ золотой рамѣ, стоитъ превосходный портретъ императора Александра III въ бытность его еще наслѣдникомъ, исполненный въ краскахъ.

Третій покой—парадный кабинетъ ея высочества, большая комната, 8×10, очень уютная, собравшая въ себѣ также не мало

Великая княгиня Александра Петровна во время болѣзни.

рѣдкостныхъ вещей и портретовъ. Надъ этажеркой у правой стѣны виситъ, на примѣръ, картина-икона Богоматери съ Младенцемъ, исполненная кистью великаго князя Петра Николаевича. У стѣны противъ входа—письменный столъ, крытый синимъ сукномъ; на немъ цѣлая масса настольныхъ портретовъ царствующихъ особъ, принцевъ Ольденбургскихъ, самой великой княгини; портреты послѣдней, въ монашескомъ одѣяніи, имѣются и на стѣнахъ, въ большомъ видѣ. По срединѣ стола—чернильница, колокольчикъ, карандаши, перья и въ одной общей деревянной оправѣ—барометръ, термометръ и часы. Передъ чернильницей—небольшой кожаный бюваръ, а въ немъ—письма, замѣтки, вырѣзки изъ газетъ; среди послѣднихъ двѣ, на французскомъ языкѣ, объ х-лучахъ и одна, изъ «Новаго Времени»,—комментарій къ статьѣ гене-

рала Драгомирова «Ты и вы», написанной имъ по поводу обращенія съ вольноопредѣляющимися въ войскахъ. Здѣсь же, между прочимъ, обратили наше вниманіе двѣ карточки. Одна изъ нихъ розовая, разлинованная карандашомъ, вложенная въ розовый конвертикъ, на которомъ написано: «Бабушкѣ»; на карточкѣ, дѣтскимъ почеркомъ письмо слѣдующаго содержания: «Дорогая бабушка, цѣлую тебя. Марина». Сколько трогательнаго, милаго, любовнаго было въ отношеніяхъ августѣйшихъ бабушки и внучки! Другая карточка—обыкновенная, визитная, является теперь свидѣтельницами той простоты отношеній, которыя установлены были великой княгиней между нею и ея сотрудниками. Съ одной стороны карточки напечатано: «Николай Викторовичъ Соломка. Лейбъ-медикъ двора Его Величества, приватъ-доцентъ университета св. Владимира»; на другой—его рукой написано: «Подательница—Надежда Федоровна Полевая, о которой имѣли счастье докладывать вашему императорскому высочеству. Кіевъ 1900. Н. Соломка». Въ числѣ предметовъ, хранящихся въ бюварѣ, имѣются два рисунка синимъ карандашомъ, сдѣланные великой княгиней: это небольшіе деревенскіе пейзажи; на одномъ изъ нихъ, въ углу, написано: «Sur la mer». Передъ бюваромъ, въ общей металлической рамкѣ, пять художественныхъ миниатюръ августѣйшихъ родныхъ великой княгини; посрединѣ ихъ—августѣйшаго супруга ея высочества, великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Надъ столомъ, на стѣнѣ, распятіе великолѣпной работы. Надѣво отъ стола—широкій мягкій диванъ, на которомъ великая княгиня изволила почивать, а рядомъ, справа—дверь въ притворъ Покровскаго собора, откуда ея высочество слушала богослуженіе. Проходя этими покоями и находясь въ нихъ, вы испытываете особенное чувство. Со всѣхъ сторонъ на васъ глядятъ лица столь дорогихъ намъ высочайшихъ особъ, васъ окружаетъ обстановка, близкая къ обыденной ихъ жизни, полной простоты въ своемъ величій, передъ которымъ благоговѣніемъ и любовью наполняется ваше сердце!

Изъ покоевъ великой княгини услужливая монахиня провела насъ въ иконописную мастерскую, помѣщающуюся въ томъ же корпусѣ.

Мастерская обширная, богата необходимыми принадлежностями и массою исполненныхъ работъ, среди коихъ много чрезвычайно художественныхъ, сдѣланныхъ эмалью и красками.

— Здѣсь и Царь-батюшка былъ у насъ, вотъ тутъ онъ и стоялъ, тутъ Ему и святую икону поднесли,—поясняетъ монахиня.

Надъ мастерской и комнатами игуменіи помѣщаются покои ихъ высочествъ великихъ князей, въ коихъ они имѣютъ пребываніе во время пріѣздовъ.

Могила великой княгини Александры Петровны.

Изъ главнаго корпуса вы направляетесь въ новый соборъ Николаевскій, заложенный въ 1896 году нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и построенный по плану и рисункамъ августѣйшаго сына ея высочества, великаго князя Петра Николаевича. Соборъ очень великъ, съ массой свѣта, совершенно бѣлый внутри, съ превосходною живописью, исполненной въ мастерской монастыря самими монахинями. Здѣсь обратятъ ваше вниманіе на чудотворную икону Богоматери, даровавшей исцѣленіе великой княгини отъ недуга и особенно ею почитавшуюся. Снаружи соборъ производитъ грандіозное впечатлѣніе и чрезвычайно красивъ въ общемъ и въ деталяхъ; главы собора золоченыя, красуются издалека и господствуютъ надъ всею обителью.

Изъ собора, съ особаго разрѣшенія матушки-игуменіи, мы прошли въ хирургическую больницу имени Императора Николая II, помѣщающуюся въ глубинѣ усадьбы въ особомъ корпусѣ, Любезная и предупредительная смотрительница больницы показала намъ все покои этого образцоваго учрежденія. Больница и лечебница занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ по благоустроенности и размѣрамъ врачебной помощи; въ народѣ она называется «Бѣлой» и ежегодно въ ней бываетъ свыше двадцати тысячъ больныхъ. При ней—церковь во имя св. Агапита-врача. Мы поднялись по лѣстницѣ, выкрашенной въ бѣлый цвѣтъ, и вошли въ приѣмную.

Здѣсь стѣны, потолокъ, даже полы, окна, двери, мебель—все окрашено въ бѣлую краску и сверкаетъ своей чистотой. На одной изъ стѣнъ мраморная доска въ память пребыванія здѣсь Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 году. Коридоръ налѣво раздѣляетъ больницу на двѣ половины: направо—палаты для больныхъ, противъ нихъ—помѣщенія для служащихъ. Здѣсь также все было безукоризненно чисто, съ громаднымъ количествомъ свѣта и воздуха.

Любезная монахиня провела насъ въ собственный покой-кабинетъ великой княгини, въ которомъ она въ послѣдніе годы жила, работала и въ 1900 году скончалась. Это небольшая комната, раздѣленная пополамъ аркой. Два окна, завѣшенные синими занавѣсками, выходятъ въ садъ; въ правомъ дальнемъ углу небольшое окошко въ церковь; здѣсь великая княгиня слушала богослуженіе. Съ лѣвой стороны комнаты, у стѣны, низенькая, обитая кожей, длиною въ два и шириною въ одинъ аршинъ кушетка, на которой почивала и скончалась великая княгиня; на ней одна подушка въ синей паволокѣ и два такихъ же валика. Надъ кушеткой небольшая икона-картина «Христосъ и грѣшница», четки августѣйшей усопшей, звонокъ и электрическая лампочка. Позади кушетки шкапикъ, на которомъ укрѣплена фотографическая группа, изображающая императора Александра III и государыню императрицу

Кабинет великой княгини в парадных покоях.

Соборы: Николаевскій (влѣво) и Pokровскій (вправо).

Хирургическая больница имени Императора Николая II съ церковью
во имя св. Агапита-врача.

Марію Теодоровну съ августѣйшей семьей. Подъ группой на гвоздикѣ ситцевый мѣшечекъ для работы, а въ немъ недовязанные напульсники и бумажное плетеніе, на которомъ карандашомъ собственной ея высочества рукою написано: «1895, февраль. 1-е плетеніе внучки Марины».

— Здѣсь почивала наша благодѣтельница,—объясняетъ монахиня:—ужь какъ и почивала: по каждому звонку больной сама вставала и днемъ и ночью, никому не позволяла и все сама, особенно около трудныхъ; сама ухаживала, убирала больныхъ, всякую работу сама дѣлала...

Прямо противъ дверей небольшой письменный столъ, а на немъ всевозможные мелкіе предметы великой княгини: игольникъ, голубой вязаный кошелекъ, фарфоровая голубая писанка, карандашъ, дорожная аптечка. На лѣвой сторонѣ стола лежитъ «Книга о больныхъ», которую великая княгиня вела собственноручно. На лѣвыхъ страницахъ записаны имена, званія и фамилии больныхъ и исторія болѣзни, на правыхъ—леченіе и питаніе, назначенныя врачомъ. На каждой страницѣ наверху напечатано: «Больница имени Императора Николая II при Покровскомъ женскомъ монастырѣ», а на первой страницѣ, наверху, собственной рукою княгини написано: «Благослови вѣнецъ лѣта благодати Твоя Господи»; въ книгѣ за 1900 годъ, на первой же правой страницѣ, противъ одной изъ больныхъ, мы прочли, напр., слѣдующее: «Борщъ, котлеты съ макаронами, десертъ, черный хлѣбъ». Подписано: «Старшій врачъ больницы, лейбъ-хирургъ Двора Его Величества Соломка» Съ правой стороны стола стоятъ на подставкѣ большіе карманные часы, остановленные на двадцати пяти минутахъ второго, когда скончалась великая княгиня, и маленькій отрывной календарь, оторванный на 12-мъ апрѣля—днѣ ея кончинѣ.

Правая стѣна противъ стола занята большимъ акварельнымъ портретомъ княгини, изображенной въ бѣлой монашеской одеждѣ, съ черной шапочкой на головѣ. Возлѣ него, на мольбертѣ, группа больничныхъ врачей и столикъ съ папкой, на которой ея высочество собственной рукою карандашомъ написала въ день своей кончины: «Я хочу ночь 1900»; надъ столикомъ портретъ ея духовника.

Въ этой же половинѣ комнаты, у оконъ, стоитъ другой письменный столъ, большой, перпендикулярно къ первому, отъ котораго онъ отдѣленъ низенькими цвѣтами въ вазонахъ. На немъ два настольныхъ портрета; одинъ изображаетъ императора Александра III, другой—Государя Императора Николая Александровича съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на колѣняхъ; на послѣднемъ портретѣ собственной Его Величества рукою начертано въ лѣвомъ верхнемъ углу: «Аликсъ» и въ правомъ: «Николай».

На столѣ книги: брошюра «О возможности постановки леченія зубныхъ болѣзней въ войскахъ кievскаго военнаго округа» доктора

Собственный кабинет великой княгини в хирургической больнице.
На первом плане—кушетка, на которой почил ее высочество.

Соломки, «Христіанство и Римская Имперія», изд. синодальной типографіи, «Galerie Carles I roi de Roumanie», дипломъ кievскаго акушерско-гинекологическаго общества на званіе великой княгинѣ почетнаго члена этого общества. На стѣнѣ—икона святого Паптелсимона-Цѣлителя съ неугасаемой лампадой и небольшая картина, изображающая притчу о блудномъ сынѣ.

На боковомъ простѣнкѣ арки, въ простыхъ узенькихъ рамкахъ подѣ стекломъ фамилныя группы августѣйшихъ родственниковъ великой княгини; на одной—Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на рукахъ и великая княгиня Ксенія Александровна съ дѣтьми; по срединѣ сидитъ Государыня Императрица Марія Теодоровна, собственной рукою которой, внизу портрета, написано: «Я съ внучками. 1896». Подѣ этой группой виситъ другая, изображающая великую княгиню Милицу Николаевну съ дѣтьми: Мариной Петровной, Надеждой Петровной и Романомъ Петровичемъ. Вторая часть комнаты значительно меньше первой. Въ ней помѣщается письменный столъ, диванъ, кожаное кресло и небольшой шкафчикъ, на которомъ висятъ портреты августѣйшихъ сыновей великой княгини, великихъ князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. Въ шкапу хранится посуда, которой усопшая пользовалась: ножи, вилки, деревянная чашка и такая же ложка. Около шкафчика маленькая дверь въ уборную ея высочества; тутъ—умывальникъ со всеми принадлежностями, небольшой, бѣлаго металла, самоваръ, судки для пищи, ящикъ съ гвоздями, пила, рубанокъ, молотокъ, которыми великая княгиня работала.

Изъ больницы мы прошли въ нижній садъ, который такъ же хорошъ, какъ и верхній, и содержится въ томъ же образцовомъ порядкѣ. Тамъ и сямъ, среди цвѣтовъ и зелени, разбросаны монастырскія учрежденія: больница внутреннихъ болѣзней, просфорня, келіи, службы, аптеки. Въ глубинѣ сада, среди роскошнѣйшихъ цвѣтниковъ стоитъ небольшое зданіе; въ немъ—келіи, залъ и учебныя комнаты. Это—убѣжище для слѣпыхъ монахинь и послушницъ; здѣсь же онѣ обучаются письму и чтенію и по особо сдѣланному для нихъ Псалтырю отправляютъ часы на богослуженіи.

Еще ниже, по спуску горы, также обсаженной деревьями, между которыми проложены каменные тротуары, находятся хозяйственныя постройки монастыря. Все поставлено на мѣстѣ, все остановитъ вашъ взоръ сочетаніемъ красокъ, чистотой, на всемъ колоритъ скромности, вкуса, заботы и простоты; все постройки въ русскомъ стилѣ. Въ трапезной—великолѣпный портретъ великой княгини въ ростъ, въ монашескомъ одѣяніи; мебель, посуда, столовое бѣлье, наконецъ самое помѣщеніе—такъ и блещутъ чистотой и порядкомъ.

Мы покидали монастырь съ сожалѣніемъ; примиренная, отдохнувшая душа съ грустью прощалась съ міромъ тишины и добра.

Когда мы направлялись къ выходу, монахини собирались на «правило». Чинно и тихо шли онѣ попарно и группами по дорожкамъ сада съ разныхъ концовъ монастырской усадьбы—къ собору; ни шуму, ни смѣха, ни громкихъ разговоровъ,—на всемъ печать свято исполняемаго долга, завѣщаннаго усопшей строительницей.

Мы подходили къ воротамъ. Въ нихъ врвался шумъ улицы, повседневной жизненной сутолоки, борьбы страстей... Но напрасно: ничто не колеблетъ и не смущаетъ священнаго покоя тихой обители.

Б. Бракнеръ.

НА ПЕРЕВАЛЪ САРЫКЪ-МОГОЛЪ.

(Изъ скитаній по горному Туркестану.)

РЕТІЙ день насъ окружали Алайскія горы. Мы ѣхали къ перевалу Сарыкъ-моголъ и лѣпились около рѣчки Кичикъ-алай, замкнутой въ скалистые стѣны ущелья. Иззубренные дикія скалы висѣли надъ нами тяжелыми неуклюжими массами и, закрывая еще знойное солнце, бросали густыя рѣзкія тѣни. Благодаря этому, въ ущельи царилъ полумракъ, и еще синѣе казалось южное небо, протянувшееся надъ нами ровной узкой полоской. Въ ущельи было пустынно... Плотныя заросли кустарниковъ тѣснились около рѣки и красно зеленѣли на фонѣ коричневыхъ, почти черныхъ утесовъ. Шиповникъ былъ усыпанъ бѣлыми и розовыми цвѣтами, надъ которыми кружились пестрыя бабочки. Вспугнутыя нами, онѣ разсыпались въ воздухѣ хлопьями снѣга и затѣмъ снова припадали къ розовымъ чашечкамъ, или качались, сложивши крылышки, на тонкихъ зеленыхъ стебляхъ аспарагуса, цѣлко обвиншаго вѣтки шиповника. Выше, по уступамъ каменныхъ стѣнъ, впившись узловатыми корнями въ узкія трещины, висѣла какъ бы на воздухѣ душистая арча и склоняла надъ глубокой тѣсниной вѣчно-зеленыя красивыя вѣтви... Съ каждой верстой мы замѣтно поднимались и уходили отъ зноя, который постепенно ослабѣвалъ, уступая мѣсто бодрящей прохладѣ. Все чаще вылеталъ изъ боковыхъ ущелій острый ледяной вѣтерокъ и заставлялъ нервно вздрагивать еще не привыкшее тѣло. Неизвѣстно откуда появлялись

Ущелье рѣки Кичикъ-алай.

иногда облака, ползли сърыми космами по обрывистымъ скаламъ и сыпали мелкимъ холоднымъ дождемъ.

Рѣка становилась болѣе бурной и пѣнистой. Съ возрастающей силой она прыгала среди разноцвѣтнаго камня и, ударяясь о тяжелые валуны, обдавала снопомъ сверкающихъ брызгъ прибрежную зелень. Порою обломки скалъ скоплялись въ такомъ количествѣ, что почти совсѣмъ запирали узкое ложе, и тогда еще стремительнѣе, еще живописнѣе металась рѣка и, словно взбѣшенный конь, бросала кругомъ себѣ мутную пѣну. Шумъ и плескъ наполняло ущелье назойливой нотой. Изрѣдка въ нее врывался крикъ испуганнаго чѣмъ-то сурка или крикъ тибетской галки съ краснымъ носомъ и лапками, встревоженной въ тихомъ убѣжищѣ и метнувшейся отъ насъ въ другую разсѣлину. Затѣмъ все стихало, и снова воцарялся однообразный утомительный шумъ. Но вотъ урочище Чокъ-ташъ. Богъ вѣсть, какими судьбами здѣсь сорвалась сверху скала и, какъ сигара, воткнулась въ самую середину ущелья. Мы съ трудомъ протискиваемся около нея и внезапно выѣзжаем на широкій радостный лугъ, усѣянный по зеленому фону множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Неудержимо тянетъ броситься на сочную зелень, поваляться на ней и отдохнуть, любуясь небомъ и вереницами облаковъ. Вотъ онѣ плывутъ надъ вершинами главнаго хребта, обнимаются съ ними, одѣваютъ льды и снѣга въ прозрачныя ткани и нехотя тянутся дальше, оставляя туманы по глубокимъ ложбинамъ и трещинамъ. Рѣка плавно течетъ по травяному коврику, который покрылъ всю долину, раскинулся по мягкимъ пологимъ предгорьямъ и нѣжнымъ зеленымъ пушкомъ поднялся по склонамъ почти до линіи вѣчнаго снѣга.

Отсюда ущелье Кичикъ-алай поворачиваетъ къ югу. Мы ѣдемъ по сочному лугу прямо на громадную стѣну хребта, погрузившаго бѣлоснѣжный иззубренный гребень въ густыя темныя тучи, и скоро достигаемъ подошвы Сарыкъ-могола. Здѣсь въ Кичикъ-алай вливается буйный ручей, который родится подъ самымъ переваломъ и молочными каскадами прыгаетъ съ высоты среди густого кустарника. Цѣлыя горы древнихъ моренъ завалили устье ущелья, уступивъ лишь дорогу пѣнистой рѣчкѣ. На вершинахъ моренъ, уже покрытыхъ слоемъ земли, виднѣлись нѣсколько киргизскихъ зимовокъ, но совершенно безлюдныхъ. Все населеніе ихъ ушло вслѣдъ за стадами на сочныя прохладныя пастбища выше къ снѣгамъ, или, переваливши хребетъ, разсыпалось у подошвы Памира по безконечнымъ урочищамъ Алайской долины. Тихо, гуськомъ мы стали подниматься вверхъ по ручью къ перевалу. Тропинка повела насъ зигзагами по кругому боку морены, усѣянному черными, изъѣденными камнями, которые торчали изъ земли, какъ старые пни, и были молчаливыми свидѣтелями давно угасшей эпохи.

Но за моренами подъемъ на нѣкоторое время сталъ положе, и

Урочище Ой-кайнъ.

Видъ съ устѣя р. Сарыкъ-моготъ на Джайскій хребетъ.

Гребень перевала Сарыкь-моголь (14.000 футовъ надъ уровнемъ моря).
Въчине снѣга.

лошади могли отдохнуть отъ утомительнаго карабканья. Началась густая арчевая роща. Тропинка вела между деревьями, и нужно было часто наклоняться, чтобы не задѣть за вѣтви, которыя сплелись между собою и образовали надъ головами путниковъ зеленый, непроницаемый сводъ. Въ рощѣ было прохладно и тихо. Докучливый шумъ рѣки наконецъ прекратился, и только иногда между стволами деревъ было видно, какъ внизу клубился и пѣнился неугомонный потокъ.

Однако, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ замѣтнѣе роща рѣдѣла и мельчали деревья. Въмѣсто стройныхъ елочекъ появились какіе-то карлики съ узловатыми, словно ревматичными вѣтвями, приклонившимися къ землѣ; скоро и эти жалкія деревца остались позади, смѣнившись ползучей арчей, раскиданной по склонамъ темными пятнами, которыя держатся еще нѣкоторое время, и, наконецъ, исчезаютъ всѣ признаки древесной растительности. Мы вступили въ область луговъ. Дѣло клонилось къ вечеру. Навстрѣчу потянулось холодный зимній вѣтеръ и тотчасъ заставилъ почувствовать суровость климата горныхъ высотъ. Лошади устали, и надо было подумать о ночлегѣ. Мы продвинулись еще немного и, найдя болѣе или менѣе ровную площадку, стали бивакомъ неподалеку отъ границы вѣчнаго снѣга. Снѣга обрывались въ нашу сторону длинными грязными языками, изъ которыхъ струились десятки мутныхъ ручейковъ, обильно орошавшихъ зеленые склоны. Выше къ перевалу языки сливались въ общій покровъ, который стлался ослѣпительной массой и, скрываясь въ облакахъ, казалось, безъ конца шель въ высоту.

Ночь незамѣтно подкралась и какъ-то вдругъ охватила міръ горъ и темнымъ ущелій, зіявшихъ далеко внизу своими отверстиями, въ глубинѣ которыхъ уже шевелились туманы. Небо очистилось и покрылось міриадами звѣздъ. При необыкновенной прозрачности воздуха онѣ сіяли, какъ драгоценные камни, и голубыми искрами отражались въ снѣжинкахъ. Стало морозить. На бивакѣ засвѣтился огонь—запахло арчей. Старикъ Буривой, нашъ проводникъ, разостлалъ обрывокъ кошмы ¹⁾ и, обратившись къ востоку, началъ молиться. «Ля-илляха-иль-алла...» съ надрывомъ въ голосѣ тянулось Буривой, и протяжные звуки его молитвы медленно плыли къ снѣгамъ и молчаливымъ вершинамъ.

Изъ сосѣдняго ущелья поползли легкія бѣлесоватыя облачка; они тихо переплетались въ прихотливыя группы и, какъ сказочные призраки, медленно приближались къ нашей палаткѣ, неслышно окружали ее и такъ же неслышно уходили отъ насъ въ холодное горное царство. Ниже насъ уже колыхалось цѣлое море облаковъ,

¹⁾ Туземное названіе войлока.

и порою казалось, что мы сидимъ у безконечной водной поверхности, на которой поднялись громадныя волны, и видимъ, какъ онѣ стремятся безъ плеска и брызгъ къ оледенѣлому суровому берегу. Тишина была удивительная; изрѣдка нарушалъ ее храпъ лошадей или глухой ударъ сорвавшейся гдѣ-то лавины. Несмотря на чувствительный холодъ, не хотѣлось скрываться въ палатку, гдѣ ожидалъ уже чай, а все сильнѣе хотѣлось глядѣть на сказочный ландшафтъ заоблачнаго міра и осязать всеѣмъ существомъ величіе горной природы. Въ душу приходило что-то неясное, тревожное и въ то же время невыразимо-прекрасное.

Мысли вяло цѣплялись одна за другую, не оканчиваясь, расплывались и вполнѣ напоминали собой облака, непрерывно смѣнявшія формы...

На другой день, на зарѣ мы слялись съ нощлега и потянулись вверхъ къ перевалу. Надо было попасть на снѣга, пока еще солнце ихъ не разрыхлило. Было очень свѣжо, и все ручейки были теперь подо льдомъ. Несмотря, однако, на ледъ, всюду пестрѣли микроскопическіе цвѣты высокогорныхъ растений. Куда ни взглянешь— очаровательныя, какъ дѣтскіе глаза, чашечки изофирума, первоцвѣта, альпійскихъ незабудокъ, эритрихіума и другихъ голубыхъ, бѣлыхъ и желтенькихъ крошекъ, радостно встрѣчающихъ яркіе лучи восходящаго солнца. Мы ѣдемъ по крутымъ холмамъ изъ разсыпающихся камней и щебня, прикрытыхъ тонкимъ слоемъ свѣжаго снѣга. Лошади идутъ съ трудомъ; оледенѣлые камни вырываются изъ-подъ ногъ и, увлекая за собою кучу другихъ, летятъ съ шумомъ внизъ, поднимая снѣжную пыль и оставляя черную полосу.

Дышать становится трудно, болитъ голова, и анероидъ, висящій черезъ плечо, какъ будто дѣлается тяжелѣе. Еще нѣсколько минутъ взбираемся по камнямъ, и мы на вѣчныхъ снѣгахъ... Огромной пеленой они стлались впереди насъ и круто поднимались на гребень перевала, представлявшійся огромнымъ длиннымъ горбомъ. Слѣва блестѣлъ висячій ледникъ...

Насъ охватываетъ могильная тишина. Кругомъ никакихъ признаковъ жизни, и только могучее свѣтило съ высоты темнаго бархатнаго неба разливаетъ ослѣпительный свѣтъ по бѣлой пустынѣ. Она такъ нестерпимо блеститъ, что какъ огнемъ обжигаетъ намъ лица, и безъ того потемнѣвшія отъ сильнаго прилива къ нимъ крови. Лошади поминутно встаютъ, чорывисто дышатъ и сбрасываютъ съ удилъ розоватую пѣну. Къ полудню мы въѣзжаемъ на гребень, поднятый болѣе, чѣмъ на четыре версты надъ уровнемъ моря. Видъ отсюда былъ замѣчательный. Прямо передъ нами толпились въ хаотическомъ безпорядкѣ южныя отроги Алайскаго хребта, то черныя скалистые, то бѣлыя снѣговые, а за ними, за моремъ клубившихся облаковъ сіяли вдали исполинскіе пики Заалайскаго хребта, одѣтаго до самой подошвы снѣгами. Это была непередаваемая кар-

тина заоблачнаго міра, пустыннаго и безмолвнаго, но величаваго и поразяющаго необытнимъ масштабомъ. На сѣверѣ, въ ту сторону, откуда мы поднимались, картина была совершенно другая. Это была картина жизни. Далеко внизу темнѣла сочная зелень, серебрились ручьи, предгорья понижались и, лаская взоръ мягкими очертаніями, уходили въ голубую безграничную даль, гдѣ протянулась знойная и культурная Фергана. Тамъ кипѣла жизнь милліоновъ людей, и странной казалась ихъ суета передъ лицомъ задумчивыхъ серебряныхъ вершинъ и облаковъ, клубившихся подъ лучами горячаго солнца...

Н. Корженевскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Путешествіе въ 1846 году въ Россію шведскаго принца Оскара-Фридриха (будущаго короля Оскара II).—Воспоминанія его адъютанта, капитана корабля, камергера, норвежскаго морскаго министра Вольфганга Венцеля Гаффи ера.

Три недѣли въ Россіи.

Петергофъ.

ОСЛѢ очень оживленнаго пребыванія въ русской столицѣ въ непосредственной близости къ императорской фамилии въ теченіе времени, указаннаго въ заглавіи, я постараюсь дать отчетъ о событіяхъ день за днемъ, сожалѣя лишь о томъ, что для описанія всѣхъ чудесъ, которымъ я былъ свидѣтелемъ, не нашлось лучшаго пера, чѣмъ мое.

14-го іюля (нов. ст.), въ четыре часа утра меня вызвали на вахту, сказавъ, что уже виденъ Кронштадтъ. Я тотчасъ же поднялся на мостикъ, и первое, что встрѣтилъ мой взглядъ въ этой грандіозной странѣ, былъ флотъ изъ восемнадцати линейныхъ кораблей и двадцати пяти фрегатовъ, корветовъ и болѣе мелкихъ судовъ—зрѣлище, которое не часто приходится видѣть въ наше время.

Такъ какъ вѣтеръ спалъ, то нашъ фрегатъ былъ взятъ на буксиръ «Горомъ», и мы прошли вдоль всей линіи судовъ между линейными кораблями и фрегатами, салютовавшими флагу принца двадцать однимъ выстрѣломъ.

Въ шесть часовъ фрегатъ бросилъ якорь между русскими судами, ближе къ городу. Векорѣ прибылъ нашъ консулъ изъ Крон-

штадта и рассказалъ, что брачныя торжества были совершены наканунѣ и что нашъ посланникъ и генеральный консулъ Стерки въ ожиданіи нашего прибытія провели нѣсколько дней въ Кронштадтѣ.

Вскорѣ прибылъ для привѣтствованія принца командовавшій флотомъ адмиралъ Беллингаузенъ и кронштадтскій губернаторъ. Въ восемь часовъ тридцать минутъ прибылъ адъютантъ государя императора контръ-адмиралъ графъ Гейденъ—сынъ наваринскаго Гейдена—на паровомъ катерѣ его величества «Александра», чтобы везти принца въ Петергофъ, гдѣ имѣла пребываніе императорская фамилія.

Все это происходило подъ страшнымъ дождемъ, который продолжался все утро. Въ десять часовъ мы прибыли въ Петергофъ, гдѣ принцъ былъ встрѣченъ его дядей, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, который сопровождалъ его въ экипажѣ до помѣщенія, назначеннаго для него государемъ императоромъ, т.-е. до Готическаго домика. Тутъ, повидимому, произошла кака-то ошибка, ибо король и королева утверждали положительно, — вѣроятно, имъ и императору сообщили заранѣе, что принцъ будетъ жить у своего дяди, на его дачѣ «Сергіевское», возлѣ Петергофа.

Какъ только государь былъ увѣдомленъ о пріѣздѣ принца, онъ лично прибылъ привѣтствовать его пріѣздъ. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ и великій князь наслѣдникъ-цесаревичъ. Я былъ ему представленъ точно такъ же, какъ Крузенштернъ и Рунтъ, сопровождавшіе принца.

Послѣ этого перваго пріема принцъ дѣлалъ визиты въ сопровожденіи меня и Гейдена, который былъ назначенъ состоять при немъ все время его пребыванія здѣсь. Естественно, что онъ все и устранивалъ.

Прекде всего принцъ сдѣлалъ визиты всѣмъ великимъ князьямъ, изъ которыхъ никто у него не былъ, потомъ принцу Ольденбургскому, принцу Вильгельму прусскому и принцу Фридриху Гольштейнъ-Глюксбургскому. Въ одиннадцать часовъ былъ назначенъ визитъ къ государю императору и императрицѣ въ Петергофѣ. Онъ былъ принятъ императорскою фамиліей одинъ, а я ожидалъ около часу въ аванзалѣ въ толпѣ генераловъ, адъютантовъ и придворныхъ дамъ.

Хотя я и былъ представленъ многимъ изъ нихъ раньше, всѣ они хотѣли знать, почему принцъ не прибылъ въ самый день бракосочетанія. Несмотря на новость окружавшей меня обстановки, время тянулось для меня очень медленно, особенно потому, что я былъ голоденъ, какъ волкъ. Я еще не ѣлъ и не пилъ ничего, такъ какъ по случаю пріѣзда гостей въ Кронштадтѣ намъ не пришлось выпить кофе, приготовленный намъ на кораблѣ.

Около половины перваго императоръ и всѣ принцы отправились на парадъ, который прошелъ блестяще и необычайно. Это былъ

день именин императрицы. По этому случаю я Кавалергардскій полкъ участвовалъ въ парадѣ въ пѣшемъ строю. Трудно встрѣтить болѣе красивый полкъ. Люди все высокаго роста, очень красивые. Ихъ темныя лица эффектно выдѣлялись на фонѣ бѣлыхъ мундировъ. Они носятъ очень длинныя сапоги и темно-красныя сувересты съ андреевскимъ крестомъ на груди. На каскѣ серебряный императорскій орелъ. Императоръ и великій князь наследникъ-цесаревичъ, бывшіе въ томъ же мундирѣ, сдѣлали обходъ рядовъ и затѣмъ стали въ строй, чтобы пройти церемониальнымъ маршемъ передъ императрицей, которая прибыла въ экипажѣ съ великими княгинями Ольгой, Александрой и Маріей. Двѣ послѣднія имѣли при себѣ ихъ маленькихъ сыновей. Во время смотра дождь лилъ, какъ изъ ведра, но здѣсь на это никто не обращаетъ вниманія, хотя все были въ полной парадной формѣ, въ лентахъ и звѣздахъ. При парадной формѣ не позволено надѣвать ни пальто, ни непромокаемаго плаща. Здѣсь я впервые имѣлъ случай любоваться на внушительную фигуру императора, къ которой узкая форма очень шла.

Видъ этого всемогущаго русскаго самодержца, ставшаго въ одинъ строй съ солдатами и маршировавшаго вмѣстѣ съ ними въ честь своей супруги, представлялъ рыцарское зрѣлище, поражающее иностранца, воображавшаго русскаго самодержца какимъ-то азіатскимъ султаномъ, который сидитъ на тронѣ, отдаетъ приказанія и принимаетъ отъ всехъ выраженія почтенія. Проживъ здѣсь не очень долго, я замѣтилъ, что я составилъ себѣ совершенно ложныя представленія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который въ своемъ лицѣ соединяетъ все—отъ императора до послѣдняго солдата и матроса—и, дѣлая свое дѣло, показываетъ, что онъ знаетъ все на память.

Послѣ парада сцена перемѣнилась. Все вышли на балконъ дворца. Здѣсь была императрица и все ея дамы. Новая картина поглотила мое вниманіе. Императоръ лично представлялъ императрицѣ назначенныхъ ей трехъ конныхъ ординарцевъ. Онъ приказалъ приблизиться сначала тремъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ были два самыхъ младшихъ великихъ князя, затѣмъ тремъ унтеръ-офицерамъ, тремъ рядовымъ и тремъ черкесамъ. Трое вызванныхъ становились во фронтъ передъ императрицей, представлялись ей, какъ ея ординарцы, послѣ чего получали приказаніе удалиться, а на ихъ мѣсто приближались трое слѣдующихъ. Послѣ всего этого императоръ нѣсколько разъ пропустилъ ихъ мимо себя рысью и галопомъ и приказалъ сдѣлать ученіе коннымъ черкесамъ. Послѣдніе на полномъ ходу стрѣляли изъ своихъ пистолетовъ и длинныхъ ружей въ цѣль, укрѣпленную на землѣ.

Этимъ парадъ и кончился. Мы также поднялись на балконъ,

гдѣ я былъ представленъ императрицѣ, которая меня спросила, какую роль я играю при принцѣ. На это я, согласно данной мнѣ инструкціи, отвѣчалъ, что я—адъютантъ принца. Это ее удивило, такъ какъ великимъ князьямъ не полагается адъютантовъ, пока они не достигнутъ зрѣлаго возраста. Она спросила меня:

— Принцъ уже пользуется свободой дѣйствій?

— Не совсѣмъ еще.

— Вы его гувернеръ?

— При шведскомъ дворѣ не существуетъ этого названія, но я исполняю уже семь лѣтъ эту обязанность.

То обстоятельство, что я ношу званіе адъютанта, дало мнѣ совершенно ложное представленіе о способѣ воспитанія нашихъ принцевъ, что я замѣтилъ еще въ Мальме въ разговорѣ съ Мандерштремомъ. Но онъ полагалъ, что названіе адъютанта было наиболѣе подходящимъ при столь военномъ дворѣ, какъ русскій.

Я видѣлъ здѣсь и другихъ дамъ изъ императорской фамиліи, но я былъ представленъ имъ позднѣе.

Послѣ этого принцъ со своей свитой отправился въ экипажѣ на дачу герцога Лейхтенбергскаго въ Сергіевское, но герцога не было дома. Въ четыре часа принцъ былъ приглашенъ къ обѣду. Такъ какъ ни Гейденъ, ни я не получили приглашенія, то я былъ въ затрудненіи, какъ оставить его одного. Тѣмъ не менѣе, я поѣхалъ съ нимъ въ экипажѣ нѣсколько верстъ до Сергіевскаго и въ четыре часа вернулся къ обѣду у камергера въ четыре съ половиной часа. Я былъ очень голоденъ.

При здѣшнемъ дворѣ дѣлается не такъ, какъ у насъ, и императорская фамилія обѣдаетъ и ужинаетъ всегда одна, а весь дворъ обѣдаетъ съ камергеромъ, гдѣ бываетъ отъ трехъ до четырехъ человѣкъ. Потомъ я поѣхалъ за принцемъ въ Сергіевское, и въ семь съ половиной часовъ мы вернулись во дворецъ къ большому празднеству и балу. Потомъ былъ фейерверкъ.

Незадолго до этого великая княгиня Ольга Николаевна и принцъ виртембергскій принимали дипломатическій корпусъ, въ составѣ котораго считался и я.

Вскорѣ потомъ принималъ дипломатическій корпусъ и принцъ Оскаръ. Онъ отлично справился съ этимъ приѣмомъ, много говорилъ съ каждымъ, вслѣдствіе чего дядя замѣтилъ ему подъ конецъ, что нужно торопиться. Затѣмъ появилась императорская фамилія, и балъ начался «польскимъ». Этотъ танецъ продолжался все время, вѣроятно, потому, что было множество народа.

Къ моему великому удивленію, я замѣтилъ на балу нѣсколько прилугъ и русскихъ, довольно плохо одѣтыхъ и съ длиннѣйшими волосами. Онѣ прогуливались довольно близко отъ императорской фамиліи, между придворными дамами, разодѣтыми въ шелкъ и брильянты.

Потомъ я узналъ, что по этому случаю двери дворца были открыты для всѣхъ, и входъ былъ свободенъ. Но что было еще страннѣе—всѣ посторонніе люди ужинали во дворцѣ. Безподобно было прекрасное празднество для народа. Для меня любопытнѣе всего было видѣть богатство восточныхъ одѣяній. Было много черкесовъ, маленькихъ, но очень красивыхъ, одѣтыхъ совершенно такъ же, какъ тѣ, которыхъ можно видѣть въ оружейной залѣ стокгольмскаго дворца, казаки, татары и друг.; два грузинскіе князя съ своими княгинями, очень старыми и некрасивыми, но одѣтыми очень живописно. Эти князья получали пенсію отъ императора, такъ какъ онъ присоединилъ ихъ страну къ своему скипетру.

Принцъ Оскаръ танцевалъ со многими изъ великихъ княгинь и графинь. Дирижировалъ танцами Гейденъ. Наиболѣе почетныя изъ придворныхъ дамъ называются «дамами съ портретомъ»: онѣ носятъ на лѣвой сторонѣ осыпанный брилліантами портретъ императрицы. Многія изъ нихъ носятъ также звѣзды и ордена. Справедливо, чтобы въ странѣ, гдѣ мужчины увѣшаны орденами, и дамы получали въ этомъ свою долю.

Въ десять съ половиной часовъ должны были зажечь фейсверкъ, но за четверть часа до этого хлынулъ ливень, наполнившій водою всѣ фонарики, такъ что ихъ нельзя было зажечь. Во дворецъ прибылъ комендантъ и доложилъ государю, что устроить фейсверкъ невозможно.

Въ отвѣтъ императора ясно сказался его характеръ: для его воли нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ только сказалъ два слова: «Пусть зажигаютъ».

Черезъ полчаса, какъ будто чудомъ, вспыхнули три милліона фонариковъ. Потомъ мнѣ говорили, что изъ Кронштадта экстренно было вызвано десять тысячъ матросовъ. Они вылили воду изъ фонариковъ, наполнили ихъ снова скипидаромъ и вставили свѣжіе фитили.

Паркъ, который окружаетъ дворецъ, былъ иллюминированъ съ одной стороны исключительно цвѣтными фонариками—желтыми, зелеными, красными въ безчисленномъ количествѣ. Они были прикрѣплены на лужайкахъ, составляя разнаго рода фигуры. Они были разставлены также вдоль берега прудовъ и, отражаясь въ водѣ, производили очаровательный эффектъ. Въ глубинѣ парка возвышалась довольно большая пирамида съ буквами «О» и «К» (Ольга и Карлъ). Въ паркѣ съ другой стороны дворца были устроены многоугольныя фигуры, высотой съ обыкновенный домъ, усѣяныя безчисленнымъ количествомъ фонарей разной формы. Маленькій прудъ былъ также окруженъ фонариками, число которыхъ вслѣдствіе отраженія въ водѣ казалось вдвое большимъ. Здѣсь въ глубинѣ на большомъ щитѣ находилась буква «А»—иниціалъ имени

императрицы,—окруженная изображеніями славы. Но что было красивѣе всего, это водопады, освѣщенные фонариками. Фонтаны также были великолѣпны. Во всѣхъ углахъ были разставлены оркестры музыки, игравшіе мазурки и русскія пѣсни. Всюду виднѣлись толпы мужчинъ, разодѣтыхъ въ разные цвѣта. По аллеямъ прошла большая процессія.

Все это зрѣлище было для меня такъ ново и необычайно, что мнѣ казалось, будто я перенесенъ во дворецъ какихъ-либо сказочныхъ фей.

Когда я сравнивалъ въ своей маленькой каютѣ этотъ вечеръ съ предшествующимъ, контрастъ былъ еще сильнѣе.

15 іюля.

Утромъ я имѣлъ бесѣду съ нашимъ посланникомъ и секретаремъ посольства Фрицемъ Веделемъ, изъ которой, къ своему великому удивленію, я узналъ, что въ правахъ здѣшняго царства, чтобы государи дарили черезъ своихъ пословъ огромные подарки и щедрыя награды.

Отъ королевы я получилъ четыре довольно красивыя булавки, которыя здѣсь, гдѣ всѣ носятъ мундиръ, во всякомъ случаѣ не имѣли цѣнности. Отъ короля я получилъ триста рублей, чтобы раздать въ Копенгагенѣ и Петербургѣ. Все это было каплей въ морѣ. Нужно, чтобы подарки соответствовали положенію того, для кого они назначаются. Поэтому адмиралу Гейдену нужно было дать, по крайней мѣрѣ, табакерку въ тысячу рублей, въ такой же пропорціи и другимъ. То же самое было и съ деньгами «на чай». Нужно было давать довольно много лакеямъ, гофъ-фурьерамъ и другимъ. Это составляло значительную сумму, гораздо большую, чѣмъ двѣсти рублей, которые у меня оставались.

Всякій, кто знакомъ съ экономіей, царствующей при нашемъ дворѣ, пойметъ, что для меня это было довольно щекотливое обстоятельство.

Больше всего меня поразило то, что король, самъ посѣтившій Россію въ 1836 году и издержавшій тогда болѣе двадцати тысячъ рублей, могъ думать, что четырехъ булавокъ и двухсотъ рублей будетъ достаточно. Странно было, что Мандерштремъ, знающій здѣшніе обычаи, не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова.

Какъ бы то ни было, нельзя было компрометировать принца, царствующій домъ и народъ. Нужно было самому рѣшить эту задачу и посоветовать принцу произвести всѣ расходы, которые люди, знакомые со здѣшнимъ обыкновеніемъ, считаютъ необходимыми. Ведель отправился въ Петербургъ заказать подарки и раздобыть портретиста. Объ этомъ я послалъ донесеніе королю.

Въ то же время было рѣшено, что пребываніе принца продолжится до 24-го, чтобы онъ могъ пробыть здѣсь день св. Ольги.

Такимъ образомъ вмѣсто шести—восьми дней, какъ значилось въ инструкціи, приходилось быть здѣсь десять дней. Но съ этимъ ничего нельзя было сдѣлать; два дня—срокъ не великъ и во всякомъ случаѣ уѣхать раньше именинъ новобрачной было невозможно.

Сегодня утромъ многіе сдѣлали визиты принцу, и онъ принялъ наиболѣе важныхъ посѣтителей. Остальные только расписались на листѣ.

Въ одиннадцать часовъ мы отправились во дворецъ на парадъ двухсотъ или трехсотъ кадетъ, которые нѣсколько разъ прошли мимо дворца церемоніальнымъ маршемъ. Два великихъ князя—самые младшіе—шли съ кадетами. Императоръ поставилъ передъ собой и своихъ двухъ внуковъ: сына великаго князя наследника цесаревича и сына герцога Лейхтенбергскаго—оба были въ возрастѣ $2\frac{3}{4}$ лѣтъ. Во время марша они стояли, принявъ военную позу.

Первый изъ этихъ дѣтей былъ одѣтъ въ красную бархатную куртку, другой въ зеленую съ золотымъ поясомъ съ кисточками, въ бѣлыхъ рукавчикахъ, при бѣлыхъ панталонахъ и съ красной фуражкой безъ козырька.

Послѣ парада, принцъ, сопровождаемый мною, дѣлалъ визиты сановникамъ, которые уже сдѣлали ему визитъ, и нѣкоторымъ придворнымъ дамамъ, фельдмаршалу князю Паскевичу-Варшавскому, предѣдателю государственнаго совѣта князю Васильчикову, канцлеру графу Нессельроде, шефу жандармовъ графу Орлову, военному министру князю Чернышеву, морскому министру графу Перовскому, придворнымъ дамамъ: графинѣ Апраксиной, графинѣ Барановой, графинѣ Орловой-Чесменской, княгинѣ Салтыковой, княгинѣ Волконской.

По этикету, насъ никто не долженъ былъ принимать. Поэтому намъ оставалось только оставлять наши визитныя карточки.

Я чуть не забылъ упомянуть объ одномъ чрезвычайно важномъ обстоятельстве, которое произошло до нашихъ визитовъ, т.-е. о церемоніи такъ называемаго цѣлованія руки и поздравленія новобрачныхъ.

Весь дворъ, дамы и кавалеры, генералы, адъютанты, иностранцы были собраны въ аванзалѣ. Когда все было готово, отворились двери въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились, окруженные гвардейцами, принцъ виртембергскій и его молодая супруга. Все шли одинъ за другимъ, цѣлуя руки великой княгини, дѣлали поклонъ принцу и удалялись въ противоположную дверь.

Такъ какъ меня помѣстили вмѣстѣ съ другими иностранцами въ началѣ процессіи, то эта церемонія кончилась для меня довольно скоро. Прежде, чѣмъ она началась, я имѣлъ случай разсмотрѣть, какъ были одѣты для этой церемоніи придворныя дамы. На нихъ

было бѣлое шелковое платье съ краснымъ бархатнымъ корсажемъ, открытымъ спереди и обшитымъ позументомъ съ очень длиннымъ и дорогимъ шлейфомъ, богато вышитымъ золотомъ. На головѣ онѣ носили кокошникъ изъ краснаго бархата, унизанный брильянтами въ нѣсколько рядовъ.

Само собою разумѣется, что богачки, въ родѣ княгини Паскевичъ, носили брильянты также на шеѣ, въ ушахъ, на рукахъ и на поясѣ.

Принцъ Оскаръ обѣдалъ съ императорскою фамиліею запросто. Гейденъ и я, вмѣсто того, чтобы одѣваться на обѣдъ къ камергеру, сочли наиболѣе удобнымъ отобѣдать запросто съ другими иностранными гостями у виртембергца князя Гогенлоэ, человѣка чрезвычайно интереснаго, который впоследствии сдѣлался моимъ другомъ.

Такъ какъ принцъ проводилъ вечеръ на дачѣ императрицы. Александрія, то я сталъ убивать время, осматривая отведенное мнѣ помѣщеніе. Оно было очень комфортабельно и находилось недалеко отъ дороги въ Александрію. Потомъ я читалъ «*Almanach de Gotha*», гдѣ я нашелъ слѣдующія свѣдѣнія о нашихъ августѣйшихъ хозяевахъ.

Николай I Павловичъ, императоръ всероссійскій, пятидесяти лѣтъ. Вступилъ на престолъ 1-го декабря 1825 г. Всѣмъ извѣстно, что наружность этого замѣчательнаго человѣка очень величественна. Фигура его атлетическая, ростомъ почти въ два метра, хорошо сложенъ, съ красивымъ лицомъ. Выраженіе его очень живое, принимающее по временамъ, насколько -я могу замѣтить, оттѣнокъ кротости и доброты. Но оно же могло превратиться въ мрачное и строгое, подобно грозовой тучѣ, когда это нужно было пустить въ ходъ.

Во время моего пребыванія здѣсь онъ былъ очень любезенъ и милостивъ ко мнѣ. Онъ часто вступалъ со мной въ разговоръ, и я всегда буду вспоминать объ этомъ съ благодарностью. Въ мои намѣренія не входитъ излагать здѣсь его характеристику, для этого мое пребываніе здѣсь было слишкомъ коротко, да и я былъ слишкомъ занятъ, но я могу сказать по своимъ наблюденіямъ, что это человѣкъ необыкновенныхъ способностей, сильной души и твердой воли. Онъ знаетъ все и можетъ все дѣлать самъ, даже вещи очень скромныя, не роняя при этомъ своего достоинства.

Я не могу судить о его достоинствахъ, какъ главы государства, но, какъ отецъ семейства, онъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе. Въ 1817 году отъ вступилъ въ бракъ съ дочерью прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, Александрой Осдоровной бывшей принцессой Фридерикой-Луизой-Шарлоттой. Ей теперь сорокъ восемь лѣтъ, но такъ какъ она очень больна и худа, то на видъ ей, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестьдесятъ. Говорятъ, она очень горда и высокоумѣрна, но я, по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ

въ ней ни того, ни другого. Ихъ дѣти: 1) наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, двадцати восьми лѣтъ, начальникъ гвардейской пѣхоты. Жена съ 1841 года на дочери великаго герцога гессенскаго Людовика II Маріи Александровнѣ. Ей двадцать два года. У него фигура почти такая же атлетическая, какъ у его отца. Очень красивое лицо, съ выраженіемъ кротости и доброты. Онъ также принялъ меня особо милостиво и съ такой простотой, которая совершенно расположила меня въ его пользу. Поэтому я разстался съ нимъ съ большимъ сожалѣніемъ. По всей вѣроятности, я уже болѣе его не увижу. Да хранитъ его Богъ на его опасномъ жизненномъ пути. У его супруги также очень пріятливое лицо, и всѣ ее очень хвалятъ. У нихъ трое дѣтей—дочь и два сына. 2) Марія Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, двадцати семи лѣтъ, вышедшая въ 1839 году замужъ за принца Максимилиана Лейхтенбергскаго, двадцати девяти лѣтъ. У нихъ трое дѣтей. Она невысокаго роста, съ красивымъ, греческимъ лицомъ, но довольно худа. Онъ, напротивъ, высокаго роста, очень красивый, проворный и здоровый. Судя по тому, что говорятъ, онъ одержалъ побѣду на большихъ маневрахъ подъ Варшавой, куда онъ явился, чтобы осмотрѣть русскую армію. Теперь онъ генераль-лейтенантъ, начальникъ первой бригады легкой гвардейской кавалеріи и командиръ Кіевскаго гусарскаго полка, главный начальникъ горнаго корпуса и академіи художествъ. 3) Ольга Николаевна, двадцати четырехъ лѣтъ, превозносимая всѣми до небесъ за свою красоту и доброту. Она дѣйствительно очень красива и хорошаго роста. Но манеры у нея слишкомъ мужскія. Кромѣ того, въ ея лицѣ нѣтъ и слѣдовъ доброты. Она очень похожа на императора. Въ настоящее время она замужемъ за наследнымъ принцемъ вюртембергскимъ, Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ, двадцати трехъ лѣтъ. Онъ похожъ на деревянную лошадь, и люди, его знающіе, увѣряютъ, что натура у него деревянная. 4) Константинъ Николаевичъ, девятнадцати лѣтъ, морякъ, носящій званіе генераль-адмирала. На самомъ же дѣлѣ онъ только капитанъ перваго ранга. Онъ недавно вернулся изъ плаванія по Средиземному морю на «Импермапландѣ», которое продолжалось девять мѣсяцевъ. Онъ невысокаго роста и очень похожъ на свою старшую сестру. Говорятъ, что онъ очень ловокъ и хорошо образованъ. Онъ довольно общителенъ, но больше молчитъ. 5) Николай Николаевичъ, четырнадцати лѣтъ. 6) Михаилъ Николаевичъ, пятнадцати лѣтъ. Оба очень красивы, съ быстрыми манерами. Ихъ воспитывали съ пятью-шестью молодыми людьми знатнаго происхожденія. Это, безъ сомнѣнія, имѣетъ большія преимущества. Все лѣто они проводятъ въ лагерѣ съ кадетами. У нихъ есть гувернеры, которые всюду ихъ сопровождаютъ, какъ и у насъ, но здѣсь они состоятъ въ чинѣ генераль-лейтенанта или полковника.

Братъ императора, великій князь Михаилъ Павловичъ, сорока восьми лѣтъ, женатъ на одной изъ виртембергскихъ принцессъ, которая уѣхала на кунанья въ Германію. Онъ также очень высокаго роста и очень строенъ, но лицо его грубо и некрасиво. Говорятъ, что онъ суровъ и жестокъ, хотя окружающіе его увѣряютъ, что сердце у него доброе.

Племянникъ императора, принцъ Петръ Ольденбургскій, сынъ его сестры Екатерины Павловны, двадцати четырехъ лѣтъ, генералъ-отъ-инфантерій, предѣдатель департамента гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ, женатъ на принцессѣ пассауской. Вѣшность его мало внушительна. Онъ, повидимому, очень молчаливъ. Его супруга беременна и не показывается.

Иностранцые принцы: 1) Принцъ прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ - Людовикъ, сорока девяти лѣтъ, братъ императрицы. Императоръ, повидимому, его очень уважаетъ, и я не могу сказать про него ничего другого. Съ виду похожъ на хитрую лисицу. 2) Принцъ Фридрихъ Гольштейнъ - Глюкебургскій, тридцати двухъ лѣтъ, чрезвычайный посолъ короля датскаго. Человѣкъ очень общительный. Былъ товарищемъ и спутникомъ принца Оскара во все время его пребыванія здѣсь. Познакомились они въ Копенгагенѣ.

16-го іюля.

Императоръ пожелалъ въ этотъ день посѣтить кронштадтскій флотъ и показать его принцу Оскару.

Въ десять часовъ мы сѣли на императорскій пароходъ «Невка», который прошелъ мимо двухъ отрядовъ канонерокъ. Императоръ приказалъ имъ дѣлать маневры и ученія. Къ моему великому удивленію, для этого ему не надо было ничьей помощи. Для этого онъ велѣлъ горнисту стать на мостикъ и говорить или напѣвать ему сигналы.

Послѣ этого мы прошли вдоль линіи судовъ, послѣ чего императоръ салютовалъ командирующему флотомъ адмиралу Беллингегаузену. Самому ему салюта не было, такъ какъ онъ шелъ инкогнито, или безъ вымпела. Когда императоръ проходитъ мимо корабля или воинской части, онъ громко кричитъ: «Здорово, ребята!» И всѣ отвѣчаютъ: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Если императоръ доволенъ ими, онъ кричитъ: «Спасибо, ребята!» на что отвѣчаютъ: «Рады стараться, ваше императорское величество!»

Потомъ императоръ и принцъ Оскаръ съ ихъ свитой входили на бортъ нѣсколькихъ кораблей, а именно: трехпалубныхъ «Петра Великаго», «Александра I», линейныхъ кораблей «Ингерманландъ» и «Андрей» и корветовъ «Князь Варшавскій» и «Менелай».

Два первыхъ были стары и плохо сохранились. Таковы же

были и другіе, кромѣ «Ингерманланда» и «Андрея». Последній былъ новымъ и очень красивымъ кораблемъ. «Князь Варшавскій»— тридцатипушечный корветъ, построенный въ Америкѣ. По словамъ императора, его стоимость такова же, какъ и стоимость линейнаго корабля. Другой корветъ «Менелай»—первый корабль, пришедшій въ Петербургъ отъ Чернаго моря. «Мы вѣдь не имѣемъ права проходить черезъ проливы», сказалъ императоръ.

Императора сопровождалъ одинъ итальянскій принцъ Серра-ди-Фалько-де-С.-Пьерръ. Онъ состоялъ при императрицѣ, когда она была въ Палермо. Чтобы сдѣлать любезность неаполитанскому королевскому дому, императоръ, когда мы были на борту корвета «Менелай», перекрестилъ его и далъ ему имя «Оливуца»—названіе дворца, въ которомъ императрица жила въ Палермо.

На борту «Ингерманланда» произвели боевую тревогу. Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Средиземнаго моря съ великимъ княземъ Константиномъ. Удивительнѣе всего было то, что императоръ лично командовалъ артиллеріей. Потомъ было нарушеніе ученія.

Меня поразило еще то, что императоръ командовалъ и правилъ кораблемъ лично, тогда какъ все мы были только зрителями. Необыкновенный человекъ! Онъ такъ же хорошо правитъ кораблемъ, какъ и управляетъ арміей въ сто тысячъ человекъ.

Среди гигантскихъ сооружений, которыя мы сегодня посѣтили, слѣдуетъ особенно отмѣтить Александровскій фортъ и доки. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ этотъ фортъ, года четыре тому назадъ можно было плавать фрегатамъ. Фортъ построенъ на отмели, которая опускается на семнадцать футовъ ниже поверхности воды, и теперь почти законченъ. Другой, сооружаемый по тѣмъ же чертежамъ, теперь еще строится.

Императоръ остался очень доволенъ фортами.

— Это мое младшее дитя,—сказалъ онъ, указывая на фортъ Александра:—у нея только что прорѣзались зубы, но оно еще нуждается въ кормилицѣ. А другой—это мой поворожденный!

Потомъ мы прибыли въ Кронштадтъ, императоръ увезъ съ собою принца Оскара въ экипажѣ, который помчался карьеромъ. Остальные подражали ему, и мы вернулись въ городъ также карьеромъ.

Корабли, на которыхъ былъ императоръ, салютовали ему при его отъѣздѣ, и такъ какъ салютъ этотъ былъ сдѣланъ очень неудачно съ двухъ трехпалубныхъ кораблей, то командиры ихъ были посажены подъ арестъ.

Во время этой экскурсіи императоръ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и очень любезенъ. Онъ нѣсколько разъ бралъ меня подъ руку и объяснялъ разныя вещи, напримѣръ, затравки бомбовыхъ пушекъ на «Андрѣ». Онъ выражалъ принцу Оскару

свое удовольствіе по поводу прибытія шведско-норвежской эскадры, которая, какъ эскадра дружественная, стояла рядомъ съ русской, и говорилъ, что онъ желаетъ, чтобы это повторялось возможно чаще. Когда мы сошли на берегъ въ Кронштадтъ, онъ назвалъ меня по имени и вскричалъ: «Вы будете бранить меня, капитанъ, за то, что я слишкомъ утомилъ принца».

Я привожу эти примѣры для того, чтобы показать, что этотъ человѣкъ, котораго въ Россіи считаютъ мрачнымъ тираномъ, можетъ быть любезнымъ и веселымъ,—сужденіе, которое впоследствии для меня совершенно оправдалось. Во время своего пребыванія здѣсь я не видѣлъ ни малѣйшаго слѣда деспотизма и удивлялся добротѣ и простотѣ, съ которой онъ ко всѣмъ относится. Она не можетъ быть поставлена ему въ упрекъ, ибо онъ не терпитъ небрежности и строго за нее наказываетъ. Если бы онъ этого не дѣлалъ, то, вѣроятно, не долго остался бы императоромъ.

На кораблѣ мы обѣдали, на мостикѣ, за однимъ столомъ съ императоромъ.

Среди гостей въ этотъ день былъ фельдмаршалъ Паскевичъ, самый знаменитый человѣкъ въ Россіи послѣ императора. Онъ носитъ титулъ князя Варшавскаго и состоитъ намѣстникомъ царства Польскаго. Онъ маленькаго роста. Лицо у него умное и живое, лѣтъ ему пятьдесятъ пять—шестьдесятъ. Онъ сынъ какого-то департаментскаго чиновника, возвысился онъ до самыхъ высшихъ военныхъ чиновъ исключительно благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Онъ былъ очень любезенъ со мной и часто вступалъ со мной въ разговоръ.

По возвращеніи съ этой интересной экскурсіи наступило на нѣкоторое время затишье, но это затишье продолжалось недолго, ибо въ восемь часовъ всѣ отправились въ театръ, гдѣ играла французская труппа. Послѣ театра всѣ вернулись къ себѣ.

17-го іюля.

Этотъ день провели почти такъ же, какъ и предыдущій, но съ большою торжественностью и съ большими церемоніями. Былъ большой смотръ флоту. На императорскую яхту были допущены только принцы и высшіе сановники. Свита находилась на другой. Тутъ же, между прочимъ, было нѣсколько дамъ, изъ которыхъ съ нѣкоторыми сдѣлалась морская болѣзнь. Императоръ сдѣлалъ смотръ флоту. Когда онъ проходилъ между кораблями, ему салютовали два раза всѣ корабли, причемъ каждый разъ производилось около двухъ тысячъ ста шестидесяти четырехъ выстрѣловъ. «Здорово, ребята!» кричалъ императоръ. Потомъ матросамъ, стоявшимъ на реяхъ всякій разъ, какъ онъ проходилъ мимо, было приказано спуститься внизъ.

Когда прошли всю линію кораблей, императоръ далъ сигналъ, чтобы самыя маленькія суда подняли паруса. Во время возвращенія на бортѣ говорили, что эта часть парада не представляла интереса. Около часовъ четырехъ мы вернулись въ Петергофъ. Вечеромъ принцъ Оскаръ былъ приглашенъ къ императору въ его интимный кружокъ. Я провелъ это время, прогуливаясь въ паркѣ и знакомясь съ его окрестностями...

Кромѣ императорскаго дворца, который не отличается большими размѣрами, есть еще нѣсколько зданій для двора. Недалеко находятся еще два дворца: Англійскій и Готическій, гдѣ мы жили. Нѣсколько далѣе расположена дача императрицы Александрія и дача наследника, окруженная паркомъ, который по извѣстнымъ днямъ открытъ для публики.

Въ пяти километрахъ къ западу расположено имѣніе герцога Лейхтенбергскаго Сергіевское съ изысканнымъ роскошнымъ и элегантнымъ дворцомъ, въ десяти километрахъ отъ Петергофа въ ту же сторону находится Ораніенбаумъ—деревенская резиденція Екатерины II, въ которой теперь живетъ великій князь Михаилъ.

Еще недавно почва въ окрестностяхъ Петергофа была очень болотиста. Теперь тутъ разбитъ прелестный паркъ съ безчисленными фонтанами, водопадами, прудами, островками. Павлионъ «Mon plaisir» съ террасой, выходящей на море, домикъ Петра Великаго, великолѣпныя морскія купальни и проч. Пространство, занимаемое паркомъ, довольно велико и разнообразно. Онъ отличается своимъ великолѣпіемъ, красотою и богатствомъ. Особенно замѣчательны фонтаны, расположенныя прелестными группами. Они выбрасываютъ воду въ изобиліи, и это придаетъ лѣтнему воздуху очень пріятную свѣжесть.

Поѣздка въ Пулково, Царское Село и Колпино.

18-го іюля мы сдѣлали поѣздку въ эти мѣста. Принцъ Оскаръ съ Гейденомъ, а я съ Нордичомъ и Крузенштерномъ. Мы отправились въ девять часовъ въ Пулковскую обсерваторію, отстоящую отъ Петергофа въ двадцати пяти километрахъ. Такъ какъ въ этой странѣ ѣдутъ въ экипажахъ довольно быстро, то мы въ тридцать пять минутъ сдѣлали десять километровъ. Въ Пулковѣ мы были приняты профессоромъ Струве, знаменитымъ астрономомъ, основателемъ и директоромъ этой обсерваторіи. Здѣсь мы провели три весьма интересныхъ часа, осматривая эту обсерваторію, самую лучшую въ Европѣ, какъ по ея строеніямъ, такъ и по совершенству ея инструментовъ.

Она построена на самыхъ высокихъ въ окрестностяхъ Петербурга холмахъ. Тѣмъ не менѣе она ниже, чѣмъ шпиль Петропавловскаго собора.

Изъ Пулкова мы поѣхали въ императорскій дворець Царское Село въ двадцати четырехъ верстахъ отъ Петербурга, съ которымъ онъ соединенъ теперь желѣзной дорогой. Этотъ дворець построенъ Екатериной II. Онъ трехэтажный, съ очень широкой лѣстницей.

Въ одномъ изъ флигелей находится домашняя церковь—одна изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, въ другомъ устроена баня. Оба флигеля имѣютъ золоченый куполь. Въ императорскихъ покояхъ такое великолѣпіе, которое превосходитъ всякое описаніе. Лѣстница построена изъ каррарскаго мрамора, одна изъ комнатъ со всѣми украшеніями изъ янтаря, другая изъ перламутра, третья отдѣлана китайскими лакированными пластинками. Мебель, украшенія, картины—превосходнаго вкуса и такой роскоши, которая поражасть нашего брата, бѣдныхъ западныхъ сосѣдей. Поддержаніе нѣкоторыхъ дворцовъ въ порядкѣ стоитъ здѣсь довольно дорого, дороже, чѣмъ содержаніе нашей скромной королевской резиденціи.

Это былъ любимый дворець императора Александра. Комнаты, въ которыхъ онъ жилъ, сохраняются въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были при его смерти, съ его гардеробомъ и, между прочимъ, съ его почтенной обувью. Прежде, чѣмъ надѣвать самому обувь, онъ обыкновенно приказывалъ своему камердинеру разнести ее.

Тенерешій императоръ и императрица живутъ въ новомъ дворцѣ—великолѣнномъ зданіи съ колоннами по фасаду. Въ этомъ дворцѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла великая княгиня Александра, бывшая въ замужествѣ за великимъ герцогомъ гессенскимъ. Всѣ ее хвалятъ за ея доброту.

Комната, гдѣ она скончалась, отдѣлена отъ другихъ, какъ обыкновенно дѣлается съ такими комнатами, стѣной. Передъ апалоемъ поставленъ ея портретъ. Въ паркѣ выстроенъ мавзолей изъ темнаго мрамора, въ которомъ находится ея статуя съ ребенкомъ на рукахъ. Все это очень красиво и считается чѣмъ-то священнымъ, какъ и ея швейцарская хижина на берегу озера. Здѣсь подъ ея портретомъ находится подъ стекломъ подпись изъ ея словъ: «Я знаю, мой рѣс, что я не могу сдѣлать для тебя большаго удовольствія, чѣмъ сдѣлавъ удовольствіе татамъ».

Послѣ завтрака мы осматривали старый дворець, а потомъ отправились въ экипажѣ на Колпинскіе заводы, гдѣ оставались нѣсколько часовъ. Затѣмъ мы возвратились въ Царское Село и здѣсь въ десять часовъ обѣдали.

19 іюля, воскресенье.

Послѣ смотра кадетовъ была въ церкви служба за императорскую фамилію и весь дворъ. Это было очень интересно. Ихъ богослуженіе, весьма похожее на католическое, очень странно для

насъ. Пѣніе, безконечно прекрасное, производитъ глубокое впечатлѣніе. Во время богослуженія всѣ стояли, и императоръ, какъ и послѣдній крѣпостной, крестился всякій разъ, какъ произносилось имя Спасителя. Служившій священникъ дѣлалъ три поклона за императора и императрицу и по одному за каждого изъ великихъ князей и одинъ за всѣхъ прихожанъ. Мнѣ кажется, что эта церемонія есть своего рода благословеніе.

Послѣ службы всѣ поѣхали въ экипажахъ въ лагерь кадетовъ, который расположенъ недалеко отъ Петергофа. Здѣсь проводили все лѣто три тысячи кадетовъ, изъ которыхъ около пятидесяти—черкесы въ своихъ національныхъ костюмахъ. Между ними—сынъ Шамила. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и теперь воспитывается на счетъ императора.

Когда кончилась церемонія представленія ординарцевъ, императоръ отправился къ караулу, взявъ палки отъ барабана и пробилъ тревогу. Словно чудомъ, весь лагерь вдругъ пришелъ въ движеніе, и въ невѣроятнo короткій срокъ всѣ были подъ ружьемъ. Здѣсь были не только кадеты-пѣхотинцы, но также кавалеристы и артиллеристы. Послѣ краткаго ученія кадеты прошли церемоніальнымъ маршемъ и вернулись въ лагерь.

Красносельскій лагерь.

Въ тотъ же день въ шесть часовъ императоръ въ сопровожденіи своей свиты отправился въ лагерь гвардіи въ Красное Село, чтобы присутствовать вечеромъ на зарѣ съ церемоніей, а на другой день смотрѣть стрѣльбу. Мы всѣ въ экипажахъ сопровождали императора въ лагерь, гдѣ намъ пришлось проѣхать мимо множества палатокъ, передъ которыми были выстроены полки. Потомъ всѣ остановились возлѣ палатки императора, которая ничѣмъ не отличалась по убранству отъ офицерскихъ палатокъ. Здѣсь были собраны всѣ оркестры музыки и отъ пятнадцати до восемнадцати тысячъ человекъ, которые образовали открытый съ одной стороны четырехугольникъ. Этотъ гигантскій оркестръ игралъ марши. Въ девять часовъ взвились три ракеты. То былъ сигналъ артиллеріи стрѣлять. Послѣ третьей ракеты было сдѣлано сто двадцать выстрѣловъ. Забили всѣ барабаны, а за ними заиграла и музыка. Тамбуръ-мажоръ скомандовалъ: «шапки долой!» и прочиталъ краткую молитву, во время которой императоръ стоялъ съ открытой головой, спиною къ войскамъ. Разсчитывали, что императоръ сдѣлаетъ тревогу, но, уходя, онъ сказалъ: «Они думали, что я сдѣлаю тревогу. Вотъ потому-то я ея и не сдѣлаю».

Мы жили здѣсь въ томъ же домѣ, гдѣ и принцъ Глюксбургскій со своей свитой. И мы обѣдали всѣ шестеро вмѣстѣ.

20-го іюля, въ 7 часовъ утра мы сѣли на лошадей, чтобы ѣхать
«истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. сxxxv.

смотрѣть стрѣльбу артиллеріи, что продолжалось до одиннадцати часовъ. Послѣ стрѣльбы мы прибыли на смотръ и видѣли опять ту же церемонію представленія ординарцевъ. Ихъ было очень много. Среди нихъ было много казаковъ и черкесовъ, которыхъ императоръ пропустилъ различными аллеями. Все это было очень интересно видѣть.

Послѣ смотра и завтрака мы вмѣстѣ со всѣми отправились въ Петергофъ, гдѣ принцъ Оскаръ былъ приглашенъ запросто къ императрицѣ въ Александрію. Вечеромъ въ Англійскомъ дворцѣ было большое празднество у великаго князя наслѣдника цесаревича въ честь новобрачныхъ. Былъ фейерверкъ, большой балъ и ужинъ.

21-го іюля купались въ морѣ. Въ купаньѣ принимали участіе три младшихъ великихъ князя. Принцъ Оскаръ обѣдалъ у своего дяди и тетки. Въ восемь часовъ пополудни императорская фамилія сѣла на яхту «Невка», чтобы ѣхать въ Петербургъ, гдѣ праздника должны были продолжиться еще нѣсколько дней. Принцу Оскару и принцу Глюксбургскому предстояло еще посѣтить городъ.

С.-Петербургъ.

21-го іюля, въ девять съ половиной часовъ вечера мы высадились на Елагиномъ островѣ, гдѣ императорская фамилія должна была провести нѣсколько дней во дворцѣ того же названія.

Мы поѣхали въ экипажахъ ко дворцу, чтобы тамъ дожидаться нашихъ принцевъ, которымъ императоръ показывалъ паркъ. Послѣ этого всѣ поѣхали въ Петербургъ, по дорогѣ, окаймленной чрезвычайно живописными дворцами, замками, хижинами, домиками и оранжереями.

Пообѣдавъ у принца Глюксбургскаго, мы прибыли въ Зимній дворецъ.

Въ Петербургѣ мы провели три дня, весьма интересныхъ, но и весьма утомительныхъ, ибо не было ни минуты покоя. Всѣ мы были лишены свободы, какъ легко видѣть изъ нижеслѣдующаго.

22-го іюля, въ семь съ половиной часовъ мы начали съ осмотра дворца, въ которомъ жили. Въ декабрѣ 1837 года дворецъ этотъ сгорѣлъ, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ былъ оконченъ новый, обставленный съ неслыханной роскошью. Онъ былъ открытъ императоромъ съ большимъ торжествомъ. Такая быстрота въ работѣ неслыханна въ исторіи. Ежедневно работало сто тысячъ рабочихъ. Внѣшнимъ видомъ Зимній дворецъ напоминаетъ стокгольмскій дворецъ, но у него больше украшеній и колоннъ.

Описаніе его внутренняго убранства заняло бы цѣлый томъ. Я опишу только наиболѣе важные аппартаменты.

Въ эти апартаменты ведетъ лѣстница изъ великолѣпнаго мрамора. Попадаешь сначала въ военную галерею съ портретами генераловъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Фельдмаршальскій залъ съ портретами фельдмаршаловъ, тронный залъ, по всей вѣроятности, самый большой и самый красивый въ Европѣ. Бѣлый залъ, въ которомъ всѣ украшенія бѣлыя. Георгіевскій залъ, гдѣ происходитъ раздача этого ордена. Александровскій залъ и пр. 1-го января всѣ эти залы наполняются 2000 лицъ всѣхъ классовъ общества, для которыхъ императоръ даетъ балъ.

Но всѣ эти апартаменты остаются въ тѣни сравнительно съ апартаментами императора и императрицы, въ которыхъ восточное великолѣпіе и азіатская роскошь соединяются съ европейскимъ комфортомъ. Здѣсь есть также зимній садъ, бассейны съ фонтанами, рыбы и множество чижей и другихъ птицъ.

Противъ Зимняго дворца находится полукруглое зданіе главнаго штаба, т. е. военнаго департамента.

Проведя день въ разѣздахъ по городу, мы наконецъ вернулись къ себѣ и пообедали. Но отдыхъ продолжался не долго: нужно было отправляться на празднество, устроенное въ честь новобрачныхъ дворянствомъ.

Парадные залы дворянскаго собранія безподобны. Императрица не присутствовала на этомъ празднествѣ. Юные великіе князья протанцовали нѣсколько танцевъ и уѣхали въ одиннадцать часовъ.

23-го іюля, въ девять часовъ мы сдѣлали прогулку на другую сторону Невы къ крѣпости, первой изъ построекъ Петра Великаго.

Когда мы осматривали коллекцію медалей, комендантъ крѣпости былъ такъ любезенъ, — вѣроятно, ему было такъ приказано, — что предложилъ принцамъ выбрать на память сначала золотыя, а потомъ серебряныя медали, какія имъ понравятся.

Я выбралъ большую серебряную медаль съ очень похожимъ портретомъ Николая на лицевой сторонѣ и съ изображеніемъ Пулковской обсерваторіи на оборотной. Она была выбита въ 1837 г. по случаю освященія этого зданія.

Такъ какъ принцы должны были отправиться отсюда на Елагинъ островъ для поздравленія великой княгини Ольги по случаю ея именинъ и такъ какъ адъютанты не сопровождали ихъ, то я вернулся въ городъ, гдѣ я хотѣлъ видѣть Фрица Веделя и закупить съ нимъ всѣ подарки, которые необходимо было раздать при отъѣздѣ принца. Послѣ этого я встрѣтилъ принца въ большомъ арсеналѣ, гдѣ сложено не менѣе 800.000 ружей. Между разными достопамятностями намъ показывали знамя стрѣльцовъ, на которомъ изображены рай и адъ. Въ первомъ находились стрѣльцы, во второмъ — иностранцы.

Потомъ мы посѣтили Смольный соборъ.

Было уже довольно поздно и намъ слѣдовало возвращаться къ обѣду. Нужно было еще переодѣться, чтобы ѣхать на Елагинъ, на тезоименитство великой княгини Ольги. Тамъ мы совершили прогулку въ экипажѣ по парку, гдѣ собралась огромная толпа народу—простой народъ шелъ пѣшкомъ, знать ѣхала въ богатыхъ экипажахъ. Вездѣ гремѣла музыка, на лужайкахъ русскіе съ пѣснями танцовали свои національные танцы. Императоръ собственноручно правилъ экипажемъ новобрачныхъ. Императрица ѣхала въ экипажѣ, запряженномъ à la Doumont. Все было очень красиво и величественно.

Въ шесть часовъ императоръ рѣшилъ, чтобы въ восемь часовъ въ лѣтнемъ театрѣ сыграли какую-нибудь французскую пьесу. Тотчасъ же во все концы полетѣли ординарцы собирать актеровъ и актрисъ. Ровно въ восемь часовъ представленіе началось.

Нѣтъ ничего невозможнаго. Вечеромъ мы вернулись во дворецъ, чтобы съ крыши смотрѣть фейерверкъ.

24-го іюля.

Мы осматривали Таврической дворецъ, построенный Потемкинымъ для Екатерины II. Послѣ этого посѣтили Исаакіевскій соборъ. Послѣ обѣда были на гальванопластическомъ заводѣ, начальникомъ котораго состоитъ герцогъ Лейхтенбергскій. Здѣсь также показывали медали.

Потомъ принцъ Оскаръ покупалъ въ магазинѣ портреты членовъ императорской фамиліи и виды Петербурга. Потомъ онъ отправился на базаръ. Наконецъ мы поѣхали въ театръ, въ императорскую ложу: давали какую-то нѣмецкую пьесу, потомъ былъ балетъ

Хотя я не понималъ ни слова по-русски, тѣмъ не менѣе мнѣ было очень пріятно слышать русскія слова на сценѣ: языкъ русскій очень мелодиченъ, особенно когда говорятъ женщины.

Кажется, русскіе не имѣютъ большихъ претензій относительно танцевъ, и все аплодировали, какъ безумные, какой-то старой, чрезвычайно толстой жѣнщинѣ. Зато казачекъ, очень красивый самъ по себѣ и прекрасно исполненный, понравился имъ менѣе.

Въ одиннадцать съ половиной часовъ мы выѣхали изъ Петербурга въ Петергофъ, куда и прибыли въ два часа ночи.

Петергофъ. 25-го іюля.

Въ десять часовъ мы купались вмѣстѣ съ великими князьями. Потомъ мы поѣхали смотрѣть ораніенбаумскій дворецъ, находящійся отъ Петергофа въ девяти верстахъ. Онъ сохранился далеко не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ здѣсь все. Нѣкогда здѣсь былъ лѣтній дворецъ Екатерины II. Мы видѣли ея спальню, украшенную зеркалами по стѣнамъ и на потолкѣ.

26-го іюля.

Послѣ смотра въ одиннадцать часовъ мы начали свои прощальные визиты, и я радовался отъ всего сердца, что скоро будетъ конецъ всему этому. Отъ этой подвижной жизни, которая не соотвѣтствуетъ моему характеру, я сильно усталъ. Послѣ визитовъ были розданы подарки и подачки. Покончивъ съ этимъ, я одѣлся къ фамильному обѣду у императора. Въ первый разъ я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ высочайшему столу.

Было условлено, что принцъ Оскаръ будетъ сопровождать императора въ Кронштадтъ, къ флоту, посмотреть маневры, а на слѣдующій день откланяется и сядетъ на нашъ фрегатъ, который стоялъ подъ парусами.

Но, какъ говорить пословица: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ,— а здѣсь императоръ,—располагаетъ». За обѣдомъ ему пришло въ голову, что принцъ прежде, чѣмъ уѣхать, долженъ посмотреть маневры гвардіи, въ которыхъ примутъ участіе пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Объ этомъ онъ шутилъ заговорилъ со мной и съ Нординомъ. Послѣ обѣда онъ серьезно возобновилъ свое предложеніе остаться еще шесть дней и призвалъ къ себѣ принца, Нордина и меня. Мы сопротивлялись этому предложенію, насколько было можно, не нарушая приличія, но все это ему показалось слишкомъ длиннымъ, и онъ воскликнулъ:

— Отлично, рѣшено, что онъ остается.

Вопросъ былъ рѣшенъ.

Я выразилъ на своемъ лицѣ живѣйшее удовольствіе, но на самомъ дѣлѣ вовсе не былъ доволенъ. Для этого у меня было нѣсколько причинъ.

Этотъ обѣдъ былъ довольно интересенъ. Между императоромъ и императрицей сидѣло очень немного гостей: князь и княгиня Паскевичи, неаполитанецъ Серро ди-Фалько, гофмаршалъ Шуваловъ, одна фрейлина и два флигель-адъютанта. Во время обѣда вошли два младшихъ великихъ князя, поцѣловали своихъ родителей и нѣкоторое время оставались, стоя за ихъ стульями.

Потомъ вошли трое дѣтей великаго князя наслѣдника цесаревича. Старшаго изъ нихъ императрица взяла къ себѣ на колѣни, гдѣ ребенокъ и оставался въ продолженіе всего обѣда. Императоръ взялъ къ себѣ двухъ другихъ и далъ имъ десерта. Послѣ обѣда они играли на верандѣ.

Итакъ, было рѣшено, что мы останемся здѣсь еще недѣлю. Приходилось *faire bonne mine au mauvais jeu*. Въ восемь часовъ дворъ собрался на чаепитіе (въ Монплезирѣ, гдѣ потомъ танцовали до одиннадцати часовъ). Потомъ возвратились къ себѣ къ ужину. Вскорѣ императоръ лично прибылъ за принцемъ. Остановившись передъ нашей дверью, онъ крикнулъ мнѣ:

— Какъ вы думаете, будутъ бранить меня въ Стокгольмѣ? Гейденъ и я сопровождали его и вмѣстѣ съ императоромъ сѣли на «Невку».

Во время нашего перехода до фрегата «Камчатка» путь освѣщался прерывистыми маяками. Когда мы проходили мимо судовъ, то въ почной тишинѣ слышно было, какъ императоръ здоровался: «Здорово, ребята!»

Ночь была великолѣпна, и я не ложился спать до трехъ часовъ. Въ шесть часовъ насъ вызвали на яхту. Въ восемь появился на мостикѣ императоръ со своимъ адъютантомъ адмираломъ Гейденомъ, принцъ Оскаръ и нѣкоторые другіе. Свита держалась нѣсколько поодаль. «Камчатка», неся императорскій штандартъ, прошла мимо шведско-норвежской эскадры, которая вперемежку салютовала тридцатью двумя выстрѣлами, на которые императоръ отвѣтилъ двадцать однимъ выстрѣломъ.

Послѣ этого мы прошли мимо русскаго флота, раздѣлившись на двѣ дивизіи. Императоръ проходилъ на близкомъ разстояніи и по обыкновенію кричалъ: «Здорово, ребята!» Онъ одобрялъ или порицалъ корабли, смотря по тому, былъ ли онъ ими доволенъ, или нѣтъ. Здѣсь онъ доказалъ, что онъ знакомъ со всѣми подробностями дѣла, ничто не скрылось отъ его вниманія.

Потомъ всѣ восемнадцать кораблей образовали боевую линію. Подняли императорскій штандартъ, и вся эскадра, включая и наши корабли, салютовала ему. Подъ конецъ императоръ далъ знакъ, чтобы обѣ эскадры вступили въ примѣрный бой. Это пужно было исполнить немедленно, хотя позиціи ихъ были таковы, что трудно было сдѣлать подобіе сраженія. Тѣмъ не менѣе они сражались очень долго и хорошо, такъ что все исчезло въ густомъ пороховомъ дымѣ. Послѣ сраженія всѣ восемнадцать кораблей оказались вперемежку, на очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи.

Можно говорить о русскихъ матросахъ, что угодно, но во всякомъ случаѣ они показали себя съ очень выгодной стороны, ихъ строй въ Кронштадтѣ былъ великолѣпенъ, ихъ выступленіе изъ этого города было сдѣлано въ большомъ порядкѣ и съ необыкновенной точностью, ихъ сегодняшніе маневры прошли прекрасно, особенно если принять во вниманіе легкій вѣтеръ.

Что касается кораблей, то многіе изъ нихъ устарѣли и въ плохомъ состояніи. Они очень не крѣпки, такъ какъ построены изъ сосны и лиственницы.

Въ пять часовъ все было кончено, и «Камчатка», находившаяся все время подъ непосредственной командой императора, направилась къ нашей эскадрѣ, гдѣ я вошелъ на бортъ фрегата «Дезире», чтобы увѣдомить адмирала о томъ, что нашъ отъѣздъ отложенъ.

Послѣдній сталъ ломать себѣ руки и рвать на себѣ волосы, не зная, что ему дѣлать, но, выслушавъ мой совѣтъ—выйти изъ Финскаго залива и ожидать принца, онъ немного успокоился.

На возвратномъ пути императоръ приказалъ паровымъ судамъ открыть стрѣльбу по щитамъ. По словамъ Гейдена, стрѣльба была открыта со слишкомъ большой дистанціи, и только нѣкоторые, очень рѣдкіе снаряды попали въ цѣль. Это до такой степени разгнѣвало императора, что онъ разбранилъ на «Камчаткѣ» начальника артиллеріи, называя его человѣкомъ неумѣлымъ, не знающимъ своего ремесла, котораго нужно отдать подъ судъ. Тутъ же онъ приказалъ стрѣлять въ цѣль каждый день, что и началось на моихъ глазахъ на слѣдующій день.

Императоръ прибылъ въ Петергофъ въ десять часовъ и, несмотря на то, что былъ въ движеніи или стоялъ на мостикѣ цѣлый день, онъ немедленно отправился въ лагерь кадетъ, произвелъ тревогу и производилъ кадетамъ ученіе до полуночи, когда наконецъ покинулъ ихъ, сказавъ: «До свиданія, дѣти». Всѣ кадеты и два его младшихъ сына пробыли подъ ружьемъ всю ночь до семи часовъ утра, когда онъ снова вернулся и приказалъ имъ вернуться въ лагерь.

Я пріѣхалъ изъ Кронштадта въ Петергофъ въ двѣнадцать часовъ дня. Вскорѣ пришлось сопровождать принца въ Монплеизиръ, чтобы купаться тамъ въ большомъ пруду. Когда я туда прибылъ, императоръ уже раздѣлся. Спросивъ меня, какъ прошла моя вчерашняя прогулка, онъ бросился въ воду.

Мнѣ не очень хотѣлось купаться въ такомъ обществѣ, но пришлось раздѣться и мнѣ, такъ какъ великій князь наслѣдникъ цесаревичъ сталъ меня уговаривать. Никогда не приходилось мнѣ купаться въ лучшемъ пруду: онъ былъ четырехугольной формы, въ пятьдесятъ метровъ длины и двадцать пять метровъ ширины и окруженъ довольно высокой стѣной изъ бѣлой жести. Внутри эта стѣна была расписана подъ бесѣдку. По обоимъ концамъ находились уборныя, въ центрѣ пруда былъ маленькій островокъ съ большимъ и могучимъ фонтаномъ. По краямъ островка было много другихъ небольшихъ фонтановъ.

Кромѣ великихъ князей, тутъ же купалось много адъютантовъ, и мы всѣ принимали участіе въ морской битвѣ. Это было очень забавно и прохладительно. Эта сцена доказываетъ, что здѣсь всѣ чувствуютъ себя внѣ этикета.

Красносельскій лагерь.

28-го іюля.

Въ четыре часа мы отправились въ Красное Село, гдѣ остановились въ томъ же помѣщеніи, что и прежде. Вскорѣ послѣ прибытія мы сѣли верхомъ на лошадей и въ свитѣ императора

тронувшись галопомъ смотрѣть артиллерійскую стрѣльбу. Стрѣляли съ разныхъ разстояній. Въ девять часовъ мы вернулись къ себѣ. Армія, которая должна была въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней производить маневры, состояла изъ 50.000 человѣкъ императорской гвардіи, которая стоитъ въ Петербургѣ или расквартирована по его окрестностямъ.

29-го іюля, въ шесть часовъ утра, мы были уже верхомъ и приготовились смотрѣть на маневры пѣхоты: двухъ дивизій утромъ до одиннадцати часовъ и третьей съ шести до восьми съ половиною вечера.

Послѣ утреннихъ маневровъ мы купались съ великими князьями въ небольшой купальнѣ на озерѣ, потомъ завтракали и обѣдали у камергера.

30-го іюля, съ шести до двѣнадцати часовъ было произведено ученіе всей кавалеріи. Эта кавалерія была очень красива съ ея блестящими мундирами и отличной посадкой. Среди нея были также и хорошіе стрѣлки. Послѣ ученія императоръ пропустилъ мимо себя полкадронно этихъ 900 человѣкъ, что было очень красиво. Вечеромъ была заря съ церемоніей, какъ и при первомъ нашемъ посѣщеніи лагеря. На этотъ разъ при церемоніи присутствовали императрица и великая княгиня Ольга. Послѣ церемоніи дамы удалились на террасу передъ палаткой императора. Онъ самъ вывелъ императрицу за руку немного впередъ и крикнулъ окружающимъ его солдатамъ: «Привѣтствуйте императрицу!» Нѣсколько тысячъ человѣкъ бросилось впередъ и закричало «ура!» Императрица благодарила ихъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Послѣ этого императоръ вывелъ впередъ великую княгиню Ольгу и поставилъ ее въ рядъ съ солдатами, чтобы сравнить ея ростъ съ ростомъ солдатъ. Хотя она и немалого роста, но могла устоять у солдатъ подъ руку.

Такое патріархальное обращеніе привлекаетъ къ императору сердца солдатъ. Вотъ почему онъ очень любимъ ими.

Я не имѣлъ привычки ѣздить такъ много верхомъ, на палящемъ солнцѣ по открытой равнинѣ безъ малѣйшей тѣни. Къ тому же весьма донимала и пыль. Все это подвергало серьезнымъ испытаніямъ бѣднаго моряка. Великій князь наслѣдникъ не разъ жалѣлъ меня: «Бѣдный морякъ, верхомъ на лошади, какъ вы еще держитесь!» Такіе вопросы онъ задавалъ мнѣ съ обворожительной добротой.

Послѣ полудня мы были приглашены на чай къ императрицѣ на ея швейцарскую виллу, въ Дудергоффъ. Вилла эта расположена на холмѣ, который находится рядомъ съ лагеремъ.

Сама вилла находится въ долинѣ. Войдя туда, чувствуешь себя какъ бы чудомъ перенесеннымъ въ одну изъ красивѣйшихъ долинъ Норвегіи или Швейцаріи съ ихъ хижинами, козами, коровами,

пастухами. Огромный контрастъ съ бесплодной равниной, на которой нѣтъ и слѣда растительности и которую мы исколесили въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

1-го августа пробилъ часъ отъѣзда. Утромъ мы лично сдѣлали прощальные визиты всѣмъ великимъ князьямъ и принцамъ и оставили свои карточки у сановниковъ.

Въ Сергіевскомъ великая княгиня Марія Николаевна изволила шутить со мной и бранить меня за то, что я увожу принца за два дня до ея именинъ.

— Вы боитесь, что васъ будутъ бранить,—сказала она.—Совѣтую вамъ слѣдовать моему принципу. Я всегда дѣлаю то, что мнѣ хочется, предоставляя послѣ бранить меня за это.

Когда мы вернулись, прибылъ съ прощальнымъ визитомъ императоръ. Пока онъ оставался у принца Оскара, я надѣлъ присланный мнѣ имъ орденъ святой Анны второй степени и приготовился поблагодарить его за это. Но когда онъ вышелъ, я едва могъ пробормотать нѣсколько словъ. Онъ прервалъ меня и вскричалъ: «Носите его на память обо мнѣ и въ знакъ моего къ вамъ уваженія!»

31-го іюля.

Сегодня вечеромъ распространился слухъ, что ночью императоръ сдѣластъ тревогу. Это привело къ недоразумѣнію. Нашъ лакей припаялъ будильникъ за тревогу и разбудилъ насъ всѣхъ. Черезъ минуту мы уже готовы были ѣхать въ экипажъ, но вдругъ ошибка обнаружилась. Позднѣе, когда мы прибыли въ лагерь въ шесть часовъ утра, императоръ спросилъ принца Оскара, какъ онъ провелъ ночь. Тотъ, ничего не подозрѣвая, рассказалъ ему ночное происшествіе, надъ которымъ можно было только посмѣяться. Но императоръ не терпитъ ошибокъ. Онъ приказалъ, чтобы лакея немедленно посадили подъ арестъ.

Тѣмъ не менѣе я убѣдилъ принца, чтобы онъ попросилъ ему прощеніе. Дѣло это было подготовлено великимъ княземъ наслѣдникомъ, и къ вечеру лакея былъ выпущенъ на свободу.

У насъ посадить подъ арестъ дѣло серьезное; но здѣсь это самое обыкновенное дѣло. Въ тотъ же день были посажены подъ арестъ два полковника, командовавшіе полками.

Въ одиннадцать часовъ атака кончилась, батальоны были построены въ карре, и солдаты отдыхали. Но и это дѣлалось по строго установленнымъ правиламъ. Солдаты, стоявшіе въ центрѣ, оставались на ногахъ, стоявшіе ближе стали на колѣни, стоявшіе въ первыхъ рядахъ легли на землю, такъ что въ общемъ получилась усѣченная пирамида изъ бѣлыхъ касокъ, блестящая на солнцѣ.

Эти тридцать шесть блестящихъ, живыхъ пирамидъ представляли великолѣпное зрѣлище.

Между тѣмъ прибыла императрица и направилась къ холму, воздвигнутому посреди равнины, на которомъ было разбита палатка императора.

Послѣ часового отдыха пѣхота построилась въ линію и прошла передъ императрицей. Потомъ шли кавалерія и артиллерія.

Я былъ очень радъ, что все это наконецъ кончилось, ибо, хотя все это и было для меня очень интересно, но было уже довольно: я страшно усталъ.

Принцъ обѣдалъ въ Александрін. Послѣ обѣда я отправился туда съ Гейденомъ и откланялся императрицѣ. Въ шесть часовъ явился проститься съ принцемъ Оскаромъ все великіе князья, герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ прусскій, а также великій князь наследникъ, къ которому я успѣлъ такъ привязаться, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ жалъ было съ нимъ разстаться. Прощаясь, онъ обнялъ меня, чего не сдѣлалъ никто другой. Въ шесть съ половиною часовъ мы отправились, сопровождаемые до набережной тремя младшими великими князьями и герцогомъ Лейхтенбергскимъ, который вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ сопровождалъ принца на бортъ «Тора».

На кораблѣ былъ поднятъ королевскій вымпелъ, которому салютовала учебная эскадра, стоявшая ближе къ Кропштадту, а также паровая эскадра, которая продолжала стрѣлять въ цѣль.

То было послѣднее наше прощаніе съ этой прекрасной и гостепріимной страной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913. Стр. LXX+477. Цѣна 10 р.

ВЪ ЯТАГО ФЕВРАЛЯ 1811 года въ русскую столицу пріѣхалъ новый совѣтникъ австрійскаго посольства, графъ Людвигъ Лебцельтернъ, дипломатъ, замѣченный и оцѣненный знаменитымъ Меттернихомъ.

Въ Петербургѣ графъ пробылъ сравнительно недолго, но успѣлъ выказать свои недюжинныя дипломатическія дарованія. Въ 1814 году онъ былъ назначенъ австрійскимъ посланникомъ при Ватиканѣ, а спустя два года, по личному настоянію императора Александра, Лебцельтернъ опять появляется на петербургскомъ горизонтѣ, на этотъ разъ уже въ званіи посланника.

На послѣднемъ посту графъ оставался болѣе десяти лѣтъ, сохранивъ неизмѣнное расположеніе и полное довѣріе русскаго императора. Случайное обстоятельство испортило его блестящую карьеру при русскомъ дворѣ—14-го декабря 1825 года, въ памятный день движенія декабристовъ, въ домѣ австрійскаго посольства нашелъ убѣжище своякъ графа Лебцельтерна, трусливый Трубецкой, выбранный единомышленниками «диктаторомъ». Несмотря на сравнительно милостивое отношеніе къ австрійскому послу со стороны новаго русскаго императора, графъ былъ отозванъ и назначенъ посланникомъ въ Неаполь, гдѣ провелъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ. Онъ умеръ въ 1854 году восьмидесятилѣтнимъ старцемъ.

Особенно интересны въ книгѣ августѣйшаго автора письма къ графу Лебцельтерну отъ наглаго и безнравственнаго Меттерниха, съ мѣткими характери-

стиками Наполеона и Александра, циничными совѣтами и высмѣиваніями русскихъ дипломатовъ, превосходительныхъ бритыхъ, украшенныхъ звѣздами вылощенныхъ дурачковъ, въ родѣ Штакельберга, Ливена, Татищева или Головкина, которые были обязаны своимъ возвышеніемъ или умѣнью гнуть спину, или придворнымъ интригамъ и которыхъ превосходно заставлялъ плясать по своей дудкѣ такой умный австрійскій государственный дѣятель, какъ Меттернихъ. Между русскими государственными людьми и ихъ австрійскимъ коллегой Лебцельтерномъ общее состояло развѣ въ томъ, что онъ—нѣмецъ—съ грѣхомъ пополамъ говорилъ по-нѣмецки, они—русскіе—почти не говорили по-русски. Но австрійцы и думали, и поступали по-австрійски.

И лично цесарскій посланникъ изумляется неустойчивости и колебаніямъ русской виѣшной политики, ея неопредѣленности и полной бездарности російскихъ дипломатовъ. Между дѣйствіями императора и его слугъ, по наблюденію Лебцельтерна, не было ничего общаго. Мало того, они были прямо противоположны другъ другу. Зато оба австрійца, Лебцельтернъ и его вдохновитель, оказались на высотѣ своего положенія и всегда стояли на стражѣ интересовъ своей родины. Да и какое «русское» сердце могло быть у полуеврея-полунѣмца Нессельроде, латыша Ливена, русскаго иностранца Головкина, котораго «родной» языкъ давалъ богатую пищу для анекдотовъ, или Мочениго и братіи!..

Въ результатъ австрійцы заставили насъ отказаться отъ славныхъ петровскихъ традицій на Балканахъ и екатерининскихъ задачъ на Востокѣ...

Исторія повторяется, по, къ несчастію, не для всѣхъ тѣхъ, которые, казалось, должны были бы извлечь пользу изъ ея уроковъ. Дипломаты не по рожденію, а по назначенію, безсильны выполнить возложенныя на нихъ задачи.

Для исторіи эпохи Александра I новый трудъ августѣйшаго автора, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ много новыхъ данныхъ и прочтется съ большимъ интересомъ.

Къ книгѣ приложены портреты графа Лебцельтерна, его супруги, рожденной графини Лаваль, полурусской по рожденію, Меттерниха и того же Лебцельтерна, когда онъ былъ еще барономъ.

В. А. Алексѣевъ.

Власть всероссійскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. П. Е. Казанскаго, ординарнаго профессора и декана юридическаго факультета императорскаго новороссійскаго университета. Одесса. 1913. Стр. 960. Цѣна 6 рублей.

Объемистый трудъ г. Казанскаго въ значительной мѣрѣ представляетъ собою критическій обзоръ мнѣній различныхъ авторовъ, затрагивавшихъ и затрагивающихъ основы государственнаго строя старой и обновленной Россіи. Г. Казанскій намѣчаетъ, между прочимъ, рядъ разногласій по толкованію отдѣльныхъ статей новыхъ «основныхъ законовъ» и пытается дать оцѣнку сужденій авторовъ, такъ сказать, конституціоннаго направленія, съ точки зрѣнія своей личной—противоконституціонной. Личные выводы г. Казанскій щедро подкрѣпляетъ выдержками изъ авторовъ, родственныхъ ему по взгля-

дамъ. Въ числѣ прочихъ къ упомянутымъ разногласіямъ относятся слѣдующіе вопросы: объ общей природѣ русскаго государственнаго строя, объ объемѣ императорской власти, о законодательныхъ правахъ верхней и нижней палатъ, объ отдѣльныхъ функціяхъ верховнаго управленія, о смыслѣ сохранившагося въ «Основныхъ законахъ» выраженія «самодержавіе». Въ отношеніи послѣдняго г. Казанскій съ особымъ вниманіемъ останавливается на неправильныхъ, по его мнѣнію, толкованіяхъ «самодержавія, какъ государственнаго верховенства, неограниченности, единодержавія, дуализма, самоограниченности, полноты власти и внѣшней независимости».

Въ своей критической работѣ г. Казанскій исходитъ изъ слѣдующихъ, для него бесспорныхъ, основныхъ положеній. При новомъ строѣ власть російскаго императора попрежнему, какъ и до реформы 1905 года, остается неограниченной, причемъ, однако, такую неограниченность не нужно смѣшивать съ произволомъ или фактической неограниченностью. Неограниченная власть русскаго монарха поэтому никогда не была похожа на западно-европейскій абсолютизмъ старыхъ временъ или на восточный деспотизмъ. Поэтому русскій юридическій языкъ не имѣлъ и не имѣетъ ни понятій, ни выраженій, которыя соотвѣтствовали бы приведеннымъ терминамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ошибаются тѣ, которые юридическую неограниченность русскаго императора смѣшиваютъ съ понятіемъ «самодержавія». Самодержавіе по существу своему является единеніемъ царя и народа, указаніемъ на юридическій и фактический суверенитетъ монарха. Самодержавіе, понимаемое въ указанномъ смыслѣ, въ исторіи принимало различныя формы, иногда скрывавшія его смыслъ, но по существу всегда оставалось однимъ и тѣмъ же. Современный строй Россіи является не чѣмъ-либо новымъ, но лишь обновленнымъ старымъ ея строемъ. Главныя основы этого стараго строя—верховенство, т.-е. неограниченность, монарха и самодержавіе царской власти—остались неприкосновенными. Въ силѣ остался весь дѣйствовавшій ранѣе публично-правовой порядокъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ, отмѣненныхъ или видоизмѣненныхъ.

Г. Казанскій рѣшительно отрицаетъ отстаиваемую многими конституціонность государственнаго строя современной Россіи. Основныя установленія Россійской имперіи, по мнѣнію автора, несовмѣстимы съ такъ называемымъ западно-европейскимъ конституціонализмомъ. Конституціонныхъ гарантій въ Россіи никакихъ не имѣется, присяги монарха на вѣрность конституціи не существуетъ, и верховная власть во всемъ ея объемѣ принадлежитъ только императору.

Переходя къ оцѣнкѣ основныхъ положеній г. Казанскаго, нельзя признать ихъ вполне оригинальными. Повидимому, въ извѣстной мѣрѣ они навѣяны старыми славянофильскими теоріями и тѣми спорами, которые возникли въ государственной думѣ третьяго созыва при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Отсюда утвержденіе, что послѣ изданія новыхъ «основныхъ законовъ» въ существѣ государственнаго строя имперіи никакихъ измѣненій не произошло, а самъ онъ представляется явленіемъ *sui generis*.

Смѣшанность методовъ изслѣдованія и крайняя пестрота авторовъ, на кото-

рыхъ г. Казанскій ссылается въ подтвержденіе правильности своихъ выводовъ неволью заставляетъ думать, что книга болѣе обладаетъ политическимъ, нежели юридическимъ назначеніемъ.

В. Грибовскій.

Пятидесятилѣтіе Румянцовскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912 гг. Историческій очеркъ. Москва. 1913. In 4°. Стр. 196.

Знакомое почти каждому грамотному москвичу учрежденіе—Публичный и Румянцовскій музеи 8-го апрѣля 1913 года торжественно праздновали 50-лѣтіе своей глубоко-полезной дѣятельности. Книга, заголовокъ которой приведенъ выше, явилась завершеніемъ праздника. Издана она очень роскошно; цѣлый рядъ превосходно исполненныхъ фототипическихъ клише и рисунковъ въ краскахъ служить цѣннымъ украшеніемъ книги.

Очеркъ начинается какъ бы введеніемъ, на отдѣльной страницѣ, что Государю Императору 18-го февраля 1913 года благоугодно было переименовать московскій Публичный и Румянцовскій музеи въ «Императорскій Московскій и Румянцовскій музей».

Затѣмъ идетъ «общій историческій очеркъ», написанный хотя и кратко, но содержательно. Въ очеркѣ справедливо указывается, что въ то время, когда Петербургъ имѣлъ Публичную бібліотеку, Эрмитажъ, музеи академіи наукъ, картинныя галереи академіи художествъ,—въ Москвѣ не было ни одного просвѣтительнаго публичнаго учрежденія, за исключеніемъ университета, имѣвшаго специальное назначеніе. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія у попечителя московскаго учебнаго округа Е. П. Ковалевскаго возникаетъ мысль выдѣлить изъ бібліотеки и музеевъ московскаго университета нѣкоторыя части, не служащія научнымъ цѣлямъ преподаванія, перевести въ особое зданіе и предоставить ихъ въ общественное пользованіе, причемъ Е. П. Ковалевскимъ было намѣчено и зданіе—Пашковъ домъ, въ которомъ музей помѣщается и до настоящаго времени. Но исполненіе этой мысли встрѣтило затрудненіе главнымъ образомъ съ финансовой стороны; помогло лишь дѣлу, какъ ни странно, несчастіе другого подобнаго учрежденія—Румянцовскаго музеума, находящагося въ Петербургѣ. Этотъ музеумъ, помѣщавшійся въ домѣ графа П. П. Румянцева на Англійской набережной, сталъ приходить въ совершенное запустѣніе, какъ по недостатку источниковъ для своего содержанія, такъ еще и потому, что Публичная бібліотека предлагала посѣтителямъ все въ несравненно большей полнотѣ, удобствѣ и въ разнообразіи. Завѣдующій Румянцовскимъ музеумомъ, извѣстный князь В. Ѳ. Одоевскій, въ 1860 году подалъ записку о продажѣ зданія музеума, приобрѣтеніи на вырученную сумму въ Москвѣ особаго зданія, расположеніи въ немъ коллекцій Румянцовскаго музеума и образованіи затѣмъ московской публичной бібліотеки.

Записка князя В. Ѳ. Одоевского стала извѣстна новому попечителю московскаго учебнаго округа, генералу Н. В. Исакову, замѣстившему Е. П. Ковалевскаго, ставшаго министромъ народнаго просвѣщенія. Энергіи Н. В. Исакова безспорно принадлежитъ основаніе въ Москвѣ Публичнаго и Румянцовскаго

музея, память его должна свято храниться въ лѣтописяхъ музея. Онъ двинулъ разомъ нѣсколько ходатайствъ разнымъ министрамъ и подалъ даже записку государынѣ. Комитетъ министровъ, куда внесено было дѣло, призналъ существованіе въ Петербургѣ Румянцовскаго музея невозможнымъ безъ капитальныхъ исправленій, на которыя музеумъ не имѣлъ никакихъ средствъ, и потому желательнымъ, вполне соответствующимъ цѣлямъ завѣщателя перенесеніе всѣхъ Румянцовскихъ коллекцій въ Москву для учрежденія тамъ публичной библіотеки и музея. Румянцовскіе дома и мѣста рѣшено продать съ тѣмъ, чтобы полученная сумма составляла неотъемлемую собственность Румянцовскаго музея и съ переводомъ послѣдняго въ Москву слѣдовала бы за нимъ въ полномъ количествѣ для употребленія не на что иное, какъ только на содержаніе и умноженіе коллекцій графа Румянцова. Мнѣніе комитета министровъ было высочайше утверждено 23-го мая 1861 года.

19-го іюня 1862 года послѣдовало высочайше утвержденное положеніе о новомъ учрежденіи—«московскомъ Публичномъ музеумѣ и Румянцовскомъ музеумѣ». Они составились изъ собраній графа Румянцова и помѣщенныхъ коллекцій московскаго университета, на которыя послѣдній сохранялъ «полное право отдѣльной и неприкосновенной собственности». Первымъ директоромъ музеумовъ сталъ попечитель учебнаго округа, ихъ энергичный оспователь Н. В. Исаковъ, а размѣстились они въ бывшемъ Пашковомъ домѣ.

Сейчасъ же по открытіи музеевъ потекли сюда пожертвованія. Государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ была пожалована картина А. А. Иванова—«Явленіе Христа народу», легшая въ основу музейской картишной галереи. Изъ Эрмитажа было передано все, что не было тамъ использовано.

Великими князьями и великими княгинями были пожертвованы цѣлыя собранія скульптурныхъ снимковъ и книгъ; изъ отдѣльныхъ пожертвованій лицъ самыхъ разнообразныхъ сословій также составились значительныя коллекціи рѣдкостей.

Изъ Петербурга предметы Румянцовскаго музея были переданы въ Москву въ 346 ящикахъ и 376 кипахъ. Отдѣльный ящикъ составляли 60 мѣдныхъ и 13 бронзовыхъ буквъ—надписи на фронтонѣ музея: «Отъ государственнаго канцлера графа Румянцова на благое просвѣщеніе» и надъ бюстомъ графа—«*non solum armis*». Въ маѣ 1862 года Публичный и Румянцовскій музеи были распределены въ семи отдѣленіяхъ: 1) библіотекъ, 2) рукописей и старопечатныхъ книгъ, 3) изящныхъ искусствъ и древностей съ скульптурными отдѣленіями, 4) христіанскихъ древностей, 5) минералогическомъ кабинетѣ, 6) зоологическомъ кабинетѣ московскаго университета и 7) этнографическомъ.

Въ новыхъ музеяхъ на 1-го января 1864 года числилось: книгъ и рукописей 111,654, картинъ, гравюръ и другихъ предметовъ 41,656. А спустя пятьдесятъ лѣтъ, къ 1-го января текущаго 1913 года составъ книжнаго богатства удесетерился, а картинъ, гравюръ и разныхъ предметовъ учетверился, т. е. къ 1913 г. книгъ и рукописей было болѣе 1.009,723 названій, а картинъ, гравюръ и предметовъ—164,096. Ростъ богатствъ музеевъ поразительный, особенно, если принять во вниманіе, что большинство ихъ поступило путемъ пожертвованій.

Въ приложенномъ къ историческому очерку списокъ служащихъ музеевъ названы имена тѣхъ труженниковъ, которые создавали ихъ репутацію и которые хорошо извѣстны были въ ученomъ мѣрѣ: Е. Ѳ. Коршъ, Н. И. Стороженко, А. Е. Викторовъ, К. К. Герцъ, Г. Д. Филимоновъ, А. П. Богдановъ, Е. В. Барсовъ, А. И. Киршичниковъ, В. Ѳ. Миллеръ, И. В. Цвѣтаевъ и Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

За общимъ историческимъ очеркомъ слѣдуютъ статьи хранителей музеевъ, каждаго по своему отдѣлу. Онѣ начинаются очеркомъ Г. П. Георгіевскаго о рукописномъ собраніи. Кромѣ цѣннаго румянцовскаго собранія рукописей, имѣющаго въ своемъ составѣ три памятника XII вѣка и X—XIII вѣка, отдѣленіе пополнилось приобрѣтеніемъ бібліотеки В. М. Ундольскаго въ количествѣ 1419 рукописей и 1037 старопечатныхъ книгъ, собраніями: профессора Григоровича, Н. И. и А. Н. Поповыхъ, А. С. Норова, П. И. Севастьянова, П. А. Муханова, И. Д. Бѣляева и др. По новой литературѣ поступили бумаги С. Д. Полторацкаго, А. Н. Оленина, обширный архивъ М. П. Погодина; автографы и рукописи: Пушкина, Гоголя, Писемскаго, Островскаго, Тургенева, графа Л. П. Толстого и художника А. А. Иванова.

Статья о бібліотекѣ музеевъ принадлежитъ Ю. В. Готье. Основой книжнаго богатства послужила бібліотека графа Н. П. Румянцова; дальнѣйшее поступленіе шло на основаніи уставовъ цензурнаго и музейскаго. За первые десять лѣтъ дѣятельности музеевъ получено всего лишь 20,000 томовъ, тогда какъ поступленіе за послѣдній 1911 г. достигло громадной цифры 50,000 книгъ. Количество выданныхъ книгъ занимающимся въ бібліотекѣ въ первый годъ открытія музеевъ было только 2500, а въ 1911 году было потребовано 210,021 книга отъ 12,198 посѣтителей.

Изъ очерка объ отдѣленіи изящныхъ искусствъ, написаннаго Н. И. Романовымъ, видно, что его въ 1864 году составляли живопись, скульптура, кабинетъ древностей, гравюра, фотографія и нумизматическій кабинетъ. Кромѣ другихъ, въ отдѣленіе въ 1867 году поступилъ очень цѣнный даръ—картинная галерея Ѳ. И. Прянишникова—172 картины русской школы XVIII и начала XIX столѣтія. Въ 1901 году, по завѣщанію К. Т. Солдатенкова, въ отдѣленіе поступило его собраніе въ количествѣ 1258 предметовъ, въ 1902 году картинная галерея В. Р. Трофимовичъ, собраніе картинъ И. П. Свѣшникова и др. Въ послѣднее время отдѣленіе расширилось собраніемъ египетскихъ, греко-римскихъ древностей, слѣшковъ съ памятниковъ ассирійской, ликійской и греческой скульптуры.

Въ трудѣ Н. А. Янчука о «Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ и отдѣленіи иностранной этнографіи» прежде всего указывается, что этотъ отдѣлъ самый молодой въ жизни музеевъ, онъ явился лишь въ 1867 г., какъ результатъ всероссійской этнографической выставки и всеславянскаго съѣзда и свое названіе получилъ въ воздаяніе заслугъ директора музеевъ В. А. Дашкова. Нынѣ отдѣленіе имѣетъ 360 манекеновъ въ полномъ одѣяніи и нѣсколько десятковъ тысячъ предметовъ быта, фотографій, картинъ и рисунковъ, больше всего по Европейской и Азіатской Россіи, затѣмъ—славянства Австро-Венгріи и Балканъ и въ меньшихъ размѣрахъ—Турціи, Греціи, далѣе—внѣвропейскихъ странъ.

Наконецъ, С. О. Долговымъ написанъ очеркъ отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей. И здѣсь основой отдѣленія послужила коллекція графа Н. П. Румянцова изъ восьми ящичковъ древностей. Потомъ сюда поступило собраніе христіанскихъ древностей археолога П. И. Севастьянова—образцы по архитектурѣ, иконографіи, скульптурѣ, палеографіи, нумизматикѣ и др.; собранія А. М. Раевской и профессора Ешевскаго.

Пожелаемъ отъ души достойному учрежденію, праздновавшему свое первое 50-лѣтіе, столь же достойно держать свой свѣточъ и въ дальнѣйшей дѣятельности.

И. О. Б.

Матеріалы военно-ученаго архива. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ первый. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Боевыя дѣйствія 1812 года. Томы XIX и XX. Спб. 1912. Стр. 403+289.

Въ настоящее время главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба уже изданы двадцать томовъ матеріаловъ военно-ученаго архива, касающихся событій Отечественной войны 1812 года; многіе томы еще готовятся къ печати. Нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ этихъ драгоценныхъ документовъ, впервые ставшихъ общимъ достояніемъ и долженствующихъ дать вѣрное освѣщеніе протекшимъ событіямъ и твердую точку опоры для серьезныхъ историческихъ изслѣдованій. Выпущенные теперь въ свѣтъ девятнадцатый и двадцатый томы заключаютъ въ себѣ интереснѣйшую переписку правительственныхъ лицъ и учреждений, касающуюся военныхъ дѣйствій въ періодъ октября, ноября и декабря мѣсяцевъ 1812 года. Въ числѣ документовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе подлинная переписка императора Александра съ Кутузовымъ по поводу оставленія Москвы и дальнѣйшаго отступленія нашихъ армій, причемъ старому фельдмаршалу пришлось терпѣливо выслушать массу горькихъ и незаслуженныхъ упрековъ со стороны императора; недаромъ на совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ, отдавая приказъ объ отступленіи, Кутузовъ сказалъ: «je sais que je payerai les pots cassés». Не менѣе интересна переписка съ государемъ адмирала Чичагова, котораго тогда въ одинъ голосъ упрекали за то, что онъ будто бы выпустилъ Наполеона на Березинѣ и не закончилъ дѣла полнымъ плѣненіемъ его и его арміи. Упреки эти, тоже незаслуженные, были настолько чувствительны, что Чичаговъ сначала оставилъ армію, а затѣмъ и свое отечество, поселившись въ Англію. Нельзя не пожелать продолженія и окончанія изданія этихъ замѣчательныхъ документовъ.

Л. Н.

Н. Евреиновъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Изданіе Ильинчика. Спб. 1913. Стр. 214. Цѣна 5 р. 50 к.

Содержаніе труда г. Евреинова гораздо шире, чѣмъ его заглавіе: авторъ говоритъ въ немъ не только о тѣлесныхъ, но и вообще о позорныхъ наказаніяхъ, практиковавшихся у насъ въ старые годы, въ родѣ, напримѣръ, принудитель-

«истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. сxxxv.

19

наго подметанія улицъ провинившимся франтами и франтихами. Его изложение захватываетъ также пытки и разные виды смертной казни.

Широко понявъ свою задачу, авторъ кропотливо собиралъ отовсюду всякіе матеріалы, относящіеся къ его темѣ, и далъ широкую культурно-историческую картину нашего прошлаго, жуткаго и мрачнаго, развратившаго народную душу и глубоко вкоренившаго въ нее до сихъ поръ проявляющуюся страсть къ кулачной расправѣ. Не даромъ такой знатокъ и остроумный наблюдатель русской жизни, какъ покойный И. О. Горбуновъ шутливо увѣрялъ, что въ русскомъ языкѣ отъ любого слова можно произвести глаголъ, означающій «бить» («Я тебя отстаканю, отлимоню, отутюжу» и т. д.). На ряду со свѣдѣніями изъ летописей, записокъ, сказаній и т. п. первоисточниковъ, авторъ выписываетъ статьи нашего прежняго законодательства, дѣлаетъ обширныя извлеченія изъ сочиненій криминалистовъ, приводитъ рассказы и свидѣтельства очевидцевъ. Это сообщаетъ его изложенію яркость, полноту и живость. Такъ и слышишь стоны жертвъ, зловѣщій свистъ хлыста, хрустъ выламываемыхъ членовъ. Обильныя рисунки, многіе на отдѣльныхъ листахъ въ краскахъ, заимствованныя авторомъ изъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ, дѣлаютъ еще нагляднѣе эти ужасы.

Но пусть читатель не боится этой книги: она не развратитъ общество; напротивъ, она вымететъ въ немъ послѣднія симпатіи къ розгѣ и покажетъ ему лишній разъ, что не побоями воспитываются граждане.

Тема, взятая г. Евреиновымъ, полна такого общественнаго значенія, что, на нашъ взглядъ, для автора нѣтъ никакой надобности вступать въ публицистическую полемику, какъ это онъ дѣлаетъ въ предисловіи. Это только ослабляетъ впечатлѣніе отъ фактовъ, которые говорятъ сами за себя. Напрасно также авторъ старался оживить свое изложеніе, перепечатавъ ни къ селу ни къ городу сатирическіе стихи и карикатуры изъ «Искры» шестидесятыхъ годовъ, относящіеся къ жгучему въ то время вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Мало ли что тогда говорилось. Теперь это уже историческій фактъ, который и нужно излагать, какъ фактъ. Къ числу недостатковъ автора мы не можемъ не отнести его странной манеры цитировать свои источники: ссылаясь на какое-нибудь сочиненіе, г. Евреиновъ обыкновенно не указываетъ ни года выхода, ни мѣста изданія этого сочиненія. Журнальныя статьи у него указываются также безъ обозначенія года, вслѣдствіе чего разыскать ихъ невозможно. Второй минусъ книги это неумѣнье или нежеланіе критически отнестись къ источникамъ, отчего рядомъ съ фактами, невозбуждающими сомнѣнія, повѣствуется о событіяхъ, рѣшительно невѣроятныхъ, особенно въ виду ссылки совершенно неопредѣленнаго характера «изъ нѣмецкихъ источниковъ». Къ счастью, такихъ подозрительныхъ мѣстъ немного.

Изъ мелкихъ промаховъ отмѣтимъ наименованіе Радищева (автора извѣстнаго «Путешествія») «знаменитымъ ученымъ» и значительное количество опечатокъ, которымъ не мѣсто въ такомъ красиво изданномъ трудѣ. **А. Б.**

Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Книгоиздательство Сфинксъ. Москва. 1913. Стр. 371. Съ двумя портретами князя Адама Чарторижскаго. Ц. 2 р.

Имя князя Адама Чарторижскаго и дружба его съ императоромъ Александромъ I настолько извѣстны русскимъ читателямъ, что едва ли настойтъ надобность останавливаться долго на біографическихъ свѣдѣніяхъ объ этомъ лицѣ, который и на письмѣ и на словахъ настойчиво совѣтовалъ императору возстановить Польское королевство въ полномъ его объемѣ. Сынъ подольскаго старосты и его супруги, рожденной графини Флеммингъ, князь Адамъ родился въ 1770 году (слѣдовательно, былъ на семь лѣтъ старше Александра I), былъ приглашенъ императрицею Екатериною II къ ея двору, чтобы состоять при ея державномъ внуцѣ, расположеніемъ котораго онъ и не замедлилъ овладѣть. Въ частыхъ бесѣдахъ съ княземъ императоръ Александръ I развивалъ основы, вселенныя въ его душѣ преподавателемъ Лагарпомъ, выражалъ свое презрѣніе въ деспотизму, любовь къ свободѣ, которую должны пользоваться всѣ безъ исключенія, сочувствіе въ французской революціи 1789 года и при томъ порицалъ политику своей державной бабушки въ отношеніи Польши, скорбѣлъ о ея паденіи, стоялъ за ея возстановленіе и т. д.

Всѣ эти воззрѣнія, какъ извѣстно, довольно быстро измѣнились со вступленіемъ Александра I на престоль, и Ад. Чарторижскій уже 15-го—27-го ноября 1810 года, находясь въ Пулавахъ, умолялъ своею державнаго друга уволить его отъ службы. Чего, кажется, легче исполнить. Между тѣмъ императоръ оставляетъ эту просьбу друга своего не только безъ исполненія, но и безъ отвѣта, и Чарторижскій настойчиво ему пишетъ о томъ же нѣсколько разъ именно 4-го іюля 1812 года (когда на основаніи конфедераціи польской, всѣ поляки, занимающіе военныя и гражданскія должности въ Россіи, получили приказаніе оставить службу въ этомъ государствѣ), а затѣмъ 4-го августа 1812 года, 9-го октября 1812 года, 6-го декабря того же года и т. д. и даже 18-го октября 1823 года (стр. 340), но желаемой отставки все же не было. Князь Адамъ сопровождалъ императора въ походѣ 1814 года и былъ свидѣтелемъ возстановленія на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года Польскаго королевства, присоединеннаго тогда же къ Россійской имперіи. Чарторижскій надѣялся занять въ своемъ отечествѣ первое мѣсто, т. е. быть намѣстникомъ края, управлять всѣми дѣлами его и докладывать, по нимъ лично государю. Но это не осуществилось. Ад. Чарторижскій былъ назначенъ только сенаторомъ, намѣстникомъ же былъ назначенъ генералъ Заіончекъ, успѣвшій вкратъся въ довѣріе великаго князя Константина Павловича (командовавшаго войсками въ краѣ), русскихъ генераловъ и дипломатовъ и оставался въ этой должности до своей кончины въ 1825 году. Чарторижскій писалъ Александру I о разныхъ не порядкахъ въ королевствѣ, о неосуществленіи на дѣлѣ данной полякамъ конституціи, а затѣмъ примкнулъ къ вспыхнувшему возстанію въ Польшѣ 1830 года, былъ даже президентомъ временнаго правительства, но послѣ подавленія мятежа удалился въ Парижъ, гдѣ, проживая въ своемъ роскошномъ домѣ, отелъ Лам-

беръ, продолжалъ считаться главою польской аристократической партіи и много помогать польскимъ революціонерамъ. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1861 году. Изданныя теперь въ русскомъ переводѣ его бесѣды и частная переписка съ Александромъ I очень интересны, особенно въ отношеніи взглядовъ императора на возстановленіе Польскаго королевства. Сдѣланный г-жою Явленскою переводъ съ французскаго языка можно было бы признать удовлетворительнымъ, если бы переводчица, помимо знанія французскаго языка, обладала хотя нѣкоторыми свѣдѣніями о предметѣ перевода, безъ которыхъ немыслима точная передача текста.

А то вотъ что встрѣчается въ переводѣ. Извѣстно всѣмъ, что въ польскую войну 1794 года русскій генераль Ферзень, 28-го сентября 1794 года, при мѣстечкѣ Маціовице (Maciejowice), Люблинской губерніи, близъ рѣки Вислы, разбилъ совершенно знаменитаго Костюшку, который былъ раненъ тогда же и взятъ въ плѣнъ казаками. Объ этомъ г-жа Явленская на стр. 8 упоминаетъ слѣдующимъ образомъ: «князь Адамъ Чарторижскій былъ преданъ тѣломъ и душой Костюшкѣ при захватѣ оружія въ 1794 году, и только оттого не попалъ въ число побѣжденныхъ Маціевичемъ, что его задержали дорогой». Слѣдовательно, тутъ, по мнѣнію г-жи Явленской, Маціевичъ—является лицомъ, неизвѣстнаго намъ званія и ранга. Теперь далѣе, на стр. 10 Маціевичъ является или лицомъ, или мѣстомъ въ слѣдующихъ словахъ переводчицы: «тотчасъ же послѣ бѣдствія при Маціевичѣ князь Адамъ прибылъ въ Петербургъ ко двору Екатерины II». На стр. 251, 282, 285, 287 упоминается генераль Зажацекъ—семидесяти лѣтъ и безъ ногъ, правитель края. Очевидно, долженъ быть ген. Заіончекъ, о которомъ упомянуто выше. Или на стр. 255 стоитъ такая фраза: «Такъ какъ основы конституціи, допуская военное министерство между развѣтвленіями администраціи, соединенными подъ одинъ и тотъ же главный надзоръ, составляютъ ансамбль правительства, то мы считаемъ и т. д. Непонятно совсѣмъ, какъ основы конституціи составляютъ ансамбль правительства? Между тѣмъ смыслъ тотъ, что по основамъ конституціи все управленіе краемъ распредѣляется между пятью отдѣльными комиссіями или министерствами, составляющими одно правительство, въ числѣ которыхъ имѣется и комиссія дѣлъ военныхъ, а потому» и т. д. Всѣ подобные промахи при переводѣ можно было бы избѣгать, ознакомившись предварительно съ послѣдними днями Рѣчи Посполитой.

П. Майковъ.

Горяиновъ, С. Государственный архивъ. Разрядъ II—Дѣла, собственно до императорской фамиліи относящіяся». Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1913. Стр. 118—66. Цѣна 2 рубля.

Настоящая книга представляетъ собой опись документовъ и дѣлъ государственнаго архива, относящихся къ императорской фамиліи. Опись эта заключаетъ въ себѣ тысячу восемьсотъ двадцать пять номеровъ, охватывая акты, касающіеся рожденія, бракосочетанія, воцаренія, путешествій и кончины членовъ царствующаго дома, преимущественно за XVIII вѣкъ.

Документы распределены въ описи въ строго хронологическомъ порядкѣ; каждому изъ нихъ соответствуетъ номеръ, по каждому указаны его дата и содержание съ ссылкой на дѣло, въ которомъ онъ заключается, съ обозначеніемъ количества листовъ, на которыхъ онъ расположенъ.

Кромѣ описи, въ приложеніяхъ впервые напечатаны: 1) собственноручное наставленіе императрицы Екатерины II великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ и 2) четыре собственноручныхъ письма великаго князя Константина Павловича императору Павлу I изъ знаменитаго похода чрезъ Альпы. Первое (наставленіе) интересно тѣмъ, что въ немъ Екатерина II выступала строгой ревнительницей православія и наказывала своей внучкѣ, въ виду возможности ея брака со шведскимъ королемъ, «твердо пребывать въ своемъ законѣ», держаться православія. «Люби и держись твердо,—писала императрица,— своего закона, и не забудь никогда, что ты родилась великою княжною все-россійскою; ни единая изъ нихъ никогда не перемѣнила своего закона; по примѣру ихъ люби свой законъ, свой родъ, свое отечество». Вопросъ о вѣрѣ послужилъ причиной, по которой бракъ не состоялся: король Густавъ IV настаивалъ, чтобы великая княжна перешла въ лютеранство, но этому рѣшительно воспротивилась императрица.

Нельзя не привѣтствовать появленія указанной описи въ печати, тѣмъ болѣе, что она составлена очень тщательно и требовала значительнаго труда; жаль только, что иногда содержаніе документа опредѣлено слишкомъ коротко. Въ концѣ книги данъ хорошо составленный указатель личныхъ именъ.

М. К.—вѣ.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ IX. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Стр. 365. Ц. 2 р.

Въ настоящемъ томѣ «Записокъ», изданномъ подъ редакціей извѣстнаго историка, профессора С. Θ. Платонова, и богато иллюстрированномъ, содержатся слѣдующія статьи.

Весьма любопытна работа А. Адрианова «Писаницы по рѣкѣ Манѣ». Рѣка эта—правый притокъ Енисея; въ нижней своей половинѣ она течетъ по глубокой узкой долинкѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ высокими крутыми, нерѣдко утесистыми горами. Мана остается безлюдной почти на всемъ своемъ протяженіи, а въ верхнемъ теченіи недоступной даже для проникающаго всюду промышленника.

Еще болѣе дикій характеръ носятъ многочисленные притоки Маны, исключеніе составляетъ р. Колба, впадающая въ Ману слѣва почти на половинѣ ея пути. Несмотря на то, что условія жизни здѣсь и въ отдаленнѣйшее время представляли мало привлекательнаго, рѣки Мана и Колба были обитаемы. Свѣдѣнія объ этой рѣчной системѣ, однако, чрезвычайно скудны, и Мана по настоящее время остается почти неизслѣдованной. Извѣстно лишь, что въ 1629 году обитавшее здѣсь слабое племя камаша (изъ племенъ самоѣдовъ) покорилося русскимъ и въ 1775 году платило присылаемымъ сюда изъ Красноярска чиновни-

камъ ясакъ соболями и серебромъ. Въ позднѣйшее время по Манѣ и Колбѣ жили качинскіе татары, но лѣтъ десять тому назадъ уцѣлѣвшій отъ вымиранія семьи ихъ выселился, и съ ихъ уходомъ на Манѣ не оставалось ни одного инородческаго поселенія. Непреложнымъ свидѣтельствомъ обитаемости Маны въ гораздо болѣе отдаленную эпоху являются изслѣдованныя авторомъ «писаницы» на береговыхъ утесахъ Маны и Колбы. По сюжету и манерѣ исполненія писаницы однородны. Находятся онѣ на малодоступныхъ, отвѣсно спускающихся къ рѣкѣ, утесахъ на высотѣ отъ одной до пяти сажень надъ уровнемъ рѣки; исполнены темно-красною краскою; изображаютъ людей, животныхъ, всадниковъ, сцены изъ незамысловатой охотничьей жизни, какіе-то знаки и фигуры, вообще предметы, привлекавшіе къ себѣ вниманіе и занимавшіе умъ древняго художника, хорошо владѣвшаго кистью и проявлявшаго при передачѣ видѣннаго тонкую наблюдательность. Авторомъ обслѣдовано восемь писаницъ; по порученію императорской археологической комиссіи съ нихъ сняты точныя копии, которыя и опубликованы на страницахъ «Записокъ».

Авторъ даетъ, при этомъ, детальное описаніе рисунковъ на писаницахъ, открывающее широкое поле для самыхъ разнообразныхъ предположеній объ условіяхъ жизни и быта древнихъ засельниковъ этого отдаленнаго и малогостепрѣимнаго края. Самъ авторъ, зарисовавшій интересныя писаницы на мѣстѣ съ большими трудностями и усиліями, скромно воздерживается отъ какихъ бы то ни было гипотезъ, предоставляя это читателю.

К. А. Иностранцевъ въ краткой замѣткѣ затрагиваетъ вопросъ «о теремѣ въ древне-русскомъ и мусульманскомъ зодчествѣ». Теремомъ въ древне-русской архитектурѣ называлась вышка надъ сѣнями—родъ бельведера, а у богатыхъ—чердакъ, то есть такія же сѣни съ частыми окнами на всѣ четыре стороны. Въ первоначальномъ смыслѣ чердакъ (чертогъ) и теремъ означали сѣнь, родъ балдахина, вообще разновидное покрытие на 4 подпорахъ, откуда можно было наблюдать окрестности со всѣхъ сторонъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чердакъ ставился по размѣру меньше сѣней, съ цѣлью устроить вокругъ него проходъ, который обставлялся перилами и именовался «гульбищемъ». Авторъ находитъ въ персидскомъ языкѣ слово, извѣстное уже въ XI—XII вѣкахъ, созвучное русскому «терему» и однозначашее съ нимъ, «таремъ» или «таримъ», которое означало постройку, вполне сходную съ древне-русскимъ теремомъ, она строилась изъ дерева, не закрывалась, какъ въ древней Руси, окнами, а была открытой, имѣла назначеніе бельведера, открытаго съ боковъ павильона или крытой трибуны. Весьма вѣроятно, что посредствующимъ звеномъ въ этихъ постройкахъ древней Руси и мусульманскаго Востока было аналогичное строеніе въ Византіи.

М. Едемскій, сообщая о результатахъ изслѣдованія находокъ, сдѣланныхъ въ 1908 году въ верховьяхъ рѣки Устьи въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи мѣстнымъ крестьяниномъ, затрагиваетъ на основаніи данныхъ этихъ находокъ давно интересующій археологовъ и служащій часто темою ихъ горячихъ ученыхъ споровъ вопросъ о старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверь. По мнѣнію изслѣдователя, для сношенія Новгорода съ востокомъ Заволочья (и Вятскою землею и Сибирью) существовалъ, между прочими, прямой путь

через среднюю Вагу къ верховьямъ Двины (къ Устьюгу и ниже). Этотъ путь, вводившій черезъ волока изъ Каргопольскаго Заонежья въ долину рѣки Вели (и Пежмы), доходилъ до рѣки Ваги, имѣлъ нѣсколько соединительныхъ звеньевъ на Кокшеньгу и Устью, а съ верховьевъ этихъ послѣднихъ рѣкъ выходилъ въ двухъ мѣстахъ къ Двинѣ. Съ однимъ изъ этихъ направлений совпадаетъ въ значительной части нынѣшній земскій путь отъ станціи Конюша Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги черезъ Вельскъ и Устью къ Двинѣ; другое—черезъ верховья Кокшеньги и Маркушу выходило при устьѣ рѣки Уфтыги къ рѣкѣ Сухонѣ и затѣмъ къ Великому Устьюгу. Изъ Каргополя на Вагу шель и другой путь—черезъ Мошу, Матьзеро и рѣку Пую къ селу Воскресенскому и къ устьямъ сливающихся Кокшеньги и Устю.

С. М. Гамченко помѣстилъ статью объ изслѣдованіи сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1908 году, имѣющую особенное значеніе для петербуржцевъ, интересующихся вопросами археологіи. Районъ, гдѣ производилъ свои изысканія Гамченко (отъ лѣвобережья Сестры-рѣки до правобережья рѣки Черной, за линіей слобода Александровская—деревня Дыбунь до Выборгскаго шоссе и за шоссе изъ деревни Мертути къ поселенію у разлива Мѣднозаводска), является излюбленнымъ дачнымъ мѣстомъ петербургской интеллигенціи. Работа Гамченка выясняетъ хотя отчасти значеніе тѣхъ многочисленныхъ и загадочныхъ холмиковъ, что такъ часто попадаются на финскомъ побережьѣ во время лѣтнихъ лѣсныхъ прогулокъ.

Изысканія велись Гамченко въ 1908 г., какъ и въ 1906 и 1907 годахъ, по порученію и на средства императорскаго русскаго археологическаго общества. Живая старина не сохранила никакихъ слѣдовъ, которые проливали бы свѣтъ на сестрорѣцкіе курганы, и только въ празднованіи кануна Ивана Купалы (на 24-ое іюня), въ сожженіи такъ называемой «кокки»—фигуры изъ соломы, тряпокъ, цвѣтовъ, лентъ, водружаемой надъ костромъ, авторъ видитъ намекъ на трупосожженіе. Въ 1908 году Гамченко обследовалъ шесть новыхъ курганныхъ группъ, дослѣдовалъ двѣ начатыя въ 1907 году, зарегистрировавъ триста новыхъ кургановъ.

Тому же автору принадлежитъ и слѣдующая статья «Изслѣдованіе кургановъ у деревни Ситенки на лѣвомъ берегу рѣки Луги въ 1908 году». Изслѣдованіе произведено по предложенію члена императорской археологической комиссіи А. А. Спицына и послѣ предварительныхъ изысканій Н. К. Рериха, для сравненія ситенскихъ кургановъ съ сестрорѣцкими. Средства на раскопки дало также общество.

Нельзя не отмѣтить, что статьи г. Гамченка даютъ также и значительный этнографическій матеріалъ, сообщаютъ немало весьма любопытныхъ географическихъ и топографическихъ данныхъ относительно обследованныхъ имъ мѣстностей. Археологическій матеріалъ такъ же, какъ и въ первой статьѣ, строго и добросовѣстно систематизированъ.

Г. Любомировъ даетъ въ «Запискахъ» отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1910 году въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, въ Крестецкомъ, Демянскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ. Раскапывались какъ удлинненные, такъ и широкіе плоскіе курганы.

Подробный, снабженный массою рисунковъ въ текстѣ археологическій отчетъ даетъ и К. В. Кудряшовъ о произведенныхъ имъ по порученію общества раскопкахъ 1911 года въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

Страницы 265—364 «Записокъ» отведены протоколамъ засѣданій русскаго отдѣленія за 1908—1911 годы.

Охватывая трехлѣтній періодъ дѣятельности отдѣленія и, давая, во многихъ случаяхъ, весьма подробныя резюме докладовъ и преній специалистовъ, протоколы эти могутъ быть съ живымъ интересомъ прочитаны не только специалистами-учеными, но и всѣми, кому дорога наша родная старина, наше славное, но забытое прошлое.

Вообще, цитируемый выпускъ «Записокъ» читается съ чувствомъ удовлетворенія. Усилія и затраты императорской археологической комиссіи и императорскаго русскаго археологическаго общества не пропадаютъ даромъ, приносятъ, видимо, обильную жатву, и работы въ области изученія родного Сѣвера идутъ впередъ быстрыми и увѣренными шагами.

А. Мироновъ.

А. С. Архангельскій, заслуженный профессоръ. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государства (конца XV—XVII вѣковъ). Казань. 1913. Стр. 526 + LXXXVII.

Настоящая книга, какъ сказано въ предисловіи, представляетъ собой отчасти второе, значительно измѣненное, изданіе лѣтъ двѣнадцать-четырнадцать тому назадъ вышедшей работы «Образованіе и литература Московскаго государства, конца XV—XVII вѣковъ». (Вып. I—III. Казань. 1898—1901 гг.), отчасти окончаніе названнаго труда, потому что въ новое изданіе вошелъ послѣдній, четвертый выпускъ, тогда оставшіяся не допечатанными.

Планъ книги представляется въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ очерка, обрисовывающаго общекультурное состояніе Московскаго государства въ XVI—XVII вѣкахъ, авторъ указываетъ на усиливающіяся вліянія Запада и общее культурное подчиненіе наше ему. Въ результатъ столкновенія двухъ различныхъ міровъ—культурная борьба, полемика, «расколъ» и фактическая побѣда Запада. Западныя вліянія идутъ къ намъ черезъ юго-западную Русь. Авторъ останавливается на состояніи западно-русской литературы конца XVI вѣка и половины XVII вѣка, отмѣчая наплывъ произведеній переводныхъ, а также вліяніе литературной дѣятельности кievскихъ писателей, расширеніе московской учебной литературы подъ этими вліяніями и появленіе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ западныхъ вліяній—«Комидійной потѣхи» при московскомъ дворѣ. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ главахъ авторъ разсматриваетъ, какъ, подъ вліяніемъ Запада же, расширяется наша собственная исторіографическая литература и растетъ постепенно общественная критика въ лицѣ Максима Грека, Вассіана Патрикѣева и митрополита Данила, наконецъ, князя Курбскаго и Котошихина. Въ главѣ объ «Опытахъ оригинальной русской повѣсти» XVII в. подвергаются разбору главнѣйшія группы московской оригинальной, бытовой и сатирической повѣсти, а въ главѣ о «Силлабической поэзіи въ Москвѣ»—пер-

вья московскія риемованныя стихотворныя произведенія, стихи Симеона Полоцкаго и Каріона Истомина. Послѣдній отдѣлъ содержитъ «Библиографическія примѣчанія» на 87 страницахъ.

Нѣкоторую отсталость отдѣльныхъ частей объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи: книга печаталась очень медленно, семь-восемь лѣтъ! **Кн.**

Профессоръ Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ.—Жизнь.—Личность.—Творчество. Нѣжинъ. 1914.

Книга профессора Иванова печаталась отрывками въ журналѣ «Міръ Божій», а затѣмъ была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ въ 1896 году, имѣла такой успѣхъ, что давно уже сдѣлалась библиографическою рѣдкостью и котировалась букинистами отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей.

Авторъ, вознамѣрившись переиздать книгу, увлекся и, вмѣсто исправлений и дополнений, въ сущности написалъ ее совершенно заново и, видимо, любя поставленную себѣ въ заголовкѣ задачу, освѣщаетъ личность и творчество писателя, къ памяти котораго благоговѣть, въ связи съ исторіею русской культуры и «интеллигенціи».

Хотя въ новомъ изданіи профессоръ Ивановъ ввелъ существенныя подробности въ біографію писателя, сдѣлалъ посильное, чтобы придать литературной его характеристикѣ полноту и яркость, и подвергъ критическому обзору всѣ почти произведенія Тургенева, самъ авторъ не увѣренъ въ томъ, что исчерпалъ свою задачу, такъ какъ «ее усложняла и продолжаетъ усложнять не литература, а самая жизнь».

Что касается собственно личности Тургенева, то преобладающею въ немъ чертою является доброта сердца, засвидѣтельствованная «громадными массами корреспонденцій. Доброта Тургенева,—подчеркиваетъ профессоръ Ивановъ,—неограниченна и неистощима. Прощеніе обидъ, готовность первымъ протянуть руку врагу для него такъ же естественны, какъ простая вѣжливость. Рядомъ съ добротою у него нѣтъ столь обычнаго пишущей братіи чувства ревности къ чужому успѣху, сомнѣній въ чужой даровитости. Онъ каждую минуту готовъ быть Гомеромъ чужой славы, «нянькою» чужого таланта. Такое безкорыстіе свойственно прирожденнымъ рыцарямъ, и Тургеневъ дѣйствительно рыцарь,—быть можетъ, единственный въ исторіи русскаго дворянства,—такой нравственной красоты, такого просвѣщеннаго ума».

Что касается умственныхъ проявленій личности Тургенева, т. е. его творчества, то оно и по сей часъ далеко не оцѣнено по справедливости и по истинной ея мѣркѣ.

Соприкосновенія и отраженія Тургеневской личности настолько многосторонни и разнообразны, что въ ней до сей еще поры нѣтъ ни одной черты *исторической*—всѣ современны. Тургеневъ, заслоняемый пылью злободневныхъ интересовъ и потугами литературныхъ пигмеевъ, пожалуй, еще и не воскресъ въ глазахъ близорукихъ современниковъ, но далеко не сошелъ со сцены и трудно даже предсказать, когда сойдетъ. Онъ художественный возсоздатель души

и судьбъ русскаго «интеллигента»,—а кто рѣшится опредѣлить, что со времени Тургенева въ этой душѣ отмерло и что въ судьбѣ нашихъ интеллигентовъ стало неповторимымъ? Напротивъ. Воскресни Тургеневъ,—ему пришлось бы лишь переодѣть героевъ въ инныя одежды, вложить имъ въ уста инныя рѣчи, но души оставить тѣ же, тотъ же строй ума, тѣ же такты сердца.

Идя за этимъ писателемъ чуть ли не цѣлое пятидесятилѣтіе, проходишь среди бурь идей и событій и не потому, что самъ авторъ *мятеженъ* и *ищетъ бурь*—по характеру, онъ себя самъ вполне правдиво опредѣлилъ, какъ «натуру овечью»,—но потому, что его нравственный міръ единствененъ по богатству, разнообразію и музыкальности строя.

Чтобы опредѣлить истинную мѣрку литературнаго творчества Тургенева, профессоръ Ивановъ пытается освѣтить существенныя черты одного изъ наиболѣе увлекательныхъ и сложныхъ явленій русской мысли и литературы.

Нѣтъ, кажется, въ исторіи явленія менѣе перерождающагося, болѣе вѣрнаго наслѣдственности, чѣмъ *русская интеллигенція*. Судьбы ея и характерныя особенности Тургеневъ и запечатлѣлъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ московской Руси прорубили окно въ европейскій міръ,—съ русскими поколѣніями повторяется все одна и та же сказка съ утренне-радостнымъ началомъ и вечерне-сумрачнымъ концомъ.

Увидѣвъ и услышавъ въ открытое окно много разныхъ повостей—за ними бросился «чувствительный путешественникъ», «нѣмецкій студентъ», либераль-политикъ, социаль-фанатикъ, набрался чужого добра и, вернувшись, сталъ стучаться въ двери родного дома, требовать, умолять, «заключать всею кровью сердца»—впустить его, признать его своимъ и роднымъ. «Отворись»,—кричалъ онъ:—во имя правъ человѣка и гражданина, ради всеобщаго равенства и братства, во славу демократической республики... Молчали за дверьми родного дома, и просвѣщенный скиталецъ, будто ребенокъ, забытый родителями на улицѣ, то горько плакался на безчувственнаго «таинственнаго незнакомца», то соблазнялъ его восторгами предъ нимъ—«жалкимъ и презрѣннымъ», «съ запахомъ дегтя», но съ великимъ откровеніемъ для счастья всего міра,—съ общиною, съ «естественнымъ коммунизмомъ».

За дверями молчали, а если отзывались,—отвѣтъ звучалъ не на радость «старшему брату», и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ домѣ назрѣвали перемѣны, онъ совершался *мимо* рукъ и *вопреки* разуму «интеллигента». Сколько отпраздновалъ онъ юбилеевъ и отпѣлъ панихидъ,—и ни разу еще «меньшій братъ» не раздѣлилъ ни его организованныхъ радостей, ни его торжественныхъ слезъ, и ни разу ему не выпало героическое счастье Инсарова сказать о себѣ: «последній мужикъ, последній нищій и я—мы желаемъ одного и того же».

Въ томительной тоскѣ хоть по какой-нибудь опорѣ безпріютный искатель хватался за всѣ предчувствія и знаменія, а въ последнее время особенно цѣпко хватился за руку даже графа Толстого, вовсе не ему протянутую...

Призракъ идейной и политической силы для русской интеллигенціи становился явленіемъ осязательнымъ въ одномъ только случаѣ,—когда она въ своей средѣ водворяла столь ненавистныя ей индѣ полицейскіе и бюрократическіе распорядки... Во имя чего же такая властность и библейская мстительность?

Отвѣтъ могъ быть одинъ: интеллигентскій вертоградъ является яко бы храмомъ—школою высшаго политическаго воспитанія.

Политическое воспитаніе!.. Больше чѣмъ за полвѣка оно не прошло реторическаго отдѣленія—того самаго, гдѣ учили Герцень и «шестидесятники». Недаромъ девятисотые шестидесятники увидѣли опять литературу, развивавшую Базаровыхъ. Недаромъ власть надъ вновь подростшими интеллигентскими душами подѣлили два образцовыхъ метафизика—старый на русскій взглядъ, пока никѣмъ не превзойденный К. Марксъ и повѣйшій—графъ Л. Н. Толстой: у одного котлы съ мясомъ и египетское счастье «по наукѣ», у другого—вегетарианство и вольное недѣланье—родные звуки для старой помѣщичьей души!—но духъ одинъ... не трезвой жизни, но отвлеченной схоластики, добытой опредѣленіями и заключеніями безъ всякаго вниманія къ человѣческой природѣ и исторіи. Умственная лѣнь и политическая бездарность русскаго интеллигента восторженно погрузились опять въ обычную стихію. Открылась новая глава «исторіи русской интеллигенціи» и «русской общественной мысли» съ выработкою «лозунговъ», «міросозерцаній», «будущаго Россіи», съ «верхами», «низами», съ «центромъ», «периферією»—словомъ со всею шумихою заимствованныхъ словъ и унаслѣдованныхъ отношеній. Цѣлыми десятилѣтіями русская интеллигенція купалась въ банѣ метафизическаго пакибытія и вышла изъ марксистской и толстовской купели попрежнему новорожденной. Несложный составъ души ея опредѣлился двумя чертами: одна—общечеловѣческое свойство политическаго младенчества, мѣтко изображенное еще Тацитомъ: *inani jactatione libertatis famam fatumque provocare*, другая черта—народно-русская. Здѣсь русская интеллигенція можетъ считать себя настолько же «національною», насколько она «государственна» въ своемъ «хозяйствѣ». Въ русскомъ народѣ живетъ вѣра во всевозможныя внезапныя великія и богатыя милости, въ чудеса, одною минутою возмѣщающія годы и вѣка всяческой неумѣлости и тупой неподвижности. То же у интеллигента. «Отъ всѣхъ нашихъ «болѣзней», — писалъ Тургеневъ,—лѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить! И это чудодѣйственное средство—то какой-нибудь человѣкъ, то естественныя науки, то война... Хлопъ! И мы совсѣмъ здоровы».

Почему же великому русскому народу суждена такая безталанная интеллигенція? вопрошаетъ профессоръ Ивановъ? Не потому ли, что этому великому народу болѣе, чѣмъ какому-либо другому въ культурномъ мірѣ, свойственно качество, выражаемое почти тождественными звуками—*indigentia*? Та нерачительность, лѣнь, какія, по словамъ еще Крижанича, искони мѣшали русскому человѣку дѣлать добро, даже самому себѣ—если нѣтъ принужденія со стороны. А развѣ наша интеллигенція не сохранила въ себѣ *индигенціи*, избравъ дешевый способъ развиваться—по-добролюбовски—«по иностраннымъ книжкамъ» и «лынять»—по-герценовски, т. е. уходить изъ русской жизни не то въ обидѣ униженія, не то въ самодовольствѣ презрѣнія?

Тургеневъ, заканчиваетъ профессоръ Ивановъ свою любопытную и хорошо документированную книгу, разказалъ исторію интеллигентскихъ злоключеній правдиво предъ своею совѣстью, жалостливо предъ чужою жалостью. Правда и жалость были признаны послѣ его смерти самыми несговорчивыми и

самыми обидчивыми судьями. Графъ Толстой, испортившій себѣ не мало крови изъ-за неискренности яко бы Тургенева и изведшій столько чернилъ на письма, избличающія недостатокъ будто бы любви въ немъ, въ январѣ 1884 года сознался: ... «Я и всегда его любилъ, но послѣ его смерти только оцѣнилъ его, какъ слѣдуетъ. Главное въ немъ—это его *правдивость*... Онъ жилъ, искалъ и въ произведеніяхъ своихъ высказывалъ то, что онъ нашель—*все, что нашель*»...

Несмотря на правдивость, Тургеневъ, однакоже, ни у правыхъ, ни у лѣвыхъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ признанъ не былъ, не сталъ имъ и по смерти. Причина этому давно объяснена въ Евангеліи: «Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое». Тургеневъ же не былъ отъ міра русской интеллигенціи; хотя она и горделиво объявила себя «критически мыслящею личностью», но на самомъ дѣлѣ никогда не была ни «критически», ни «мыслящею», но только вопреки-глаголющею и оппозиціонно-грозящею. Когда же наша интеллигенція и впрямь дорастетъ до критическаго самосознанія, она прежде всего замѣнитъ пѣвцовъ своего призрачнаго героизма историками своей роковой немощи, и вотъ тогда одного честнаго и искренняго слова какого-нибудь Тургеневскаго безыменнаго «Гамлета» она не отдастъ за всѣ рапсодіи коллежскихъ регистраторовъ и губернскихъ секретарей интеллигентскаго литературнаго вѣдомства»...

Вл. ф. Штейнъ.

Евг. Кагаровъ. Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи.
Спб. 1913. Стр. 326. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Книга Кагарова, безотносительно къ ея внутреннимъ достоинствамъ, цѣнна уже тѣмъ, что это одна изъ немногихъ и первыхъ книгъ въ данной области на русскомъ языкѣ. Извѣстно, какъ развивается за послѣдніе годы интересъ и серьезное углубленіе въ исторію религіи, построенной не на внѣшнихъ данныхъ міеологии, а на изученіи народныхъ вѣрованій, тѣхъ первыхъ и низшихъ пластовъ, на которыхъ уже строится религія государственная, литературная и художественная. Русскіе ученые внесли въ эту область немало, обрабатывая религію древне-славянскую и этнографію некультурныхъ народностей Россіи; достаточно упомянуть работы Тана о чукчахъ, Штернберга о гиліяхахъ и т. п. Но область античности въ русской литературѣ сле затронута. Книга Кагарова трактуетъ о фетишизмѣ въ древней Греціи, о культѣ органической и неорганической природы, и распадается на три рубрики—культъ фетишей, растеній и животныхъ. (Подъ фетишами—терминъ этотъ въ наукѣ вообще крайне неустойчивъ—Кагаровъ понимаетъ небольшіе, найденные въ природѣ или обработанные человѣкомъ неодушевленные предметы, окруженные почитаніемъ). Наиболѣе цѣнной стороной всей работы является систематическая—обзоръ и классификація, очень полная, объектовъ культа по всѣмъ этимъ тремъ рубрикамъ; какъ инвентарь, какъ строго провѣренный сводъ матеріала, она прямо незамѣнима. Болѣе неровной по своимъ изложеніямъ является часть теоретическая, занимающая значительно меньшее по объему мѣсто. Здѣсь, прежде всего, очень неясна самая основная концепція. Авторъ не проводитъ граней между

магіей и религіей въ узкомъ смыслѣ, между магическимъ, колдовскимъ овладѣваніемъ предметомъ и поклоненіемъ ему, какъ личному божеству; онъ не видитъ, что это звеня одного развитія; и о магіи почти не говоритъ; для него она— область, совершенно не относящаяся къ вопросу. Благодаря этому, онъ трактуетъ всѣ обряды, относящіеся къ разбираемымъ имъ объектамъ, какъ нѣчто единое, хотя нѣкоторыя изъ нихъ магичны (трапеза, ритуальное убійство и т. п.), а другіе чисто религіозны (адорация, жертвоприношенія и т. п.). Также не развитъ вопросъ о томъ, какъ первоначальное представленіе объ оживленномъ камнѣ, растеніи или животномъ, объектѣ магіи, развивается далѣе въ идею о личномъ, отдѣльномъ духѣ, ихъ населяющемъ, какъ изъ этого духа образуется человѣкообразный богъ, а первоначальный предметъ соединяется съ нимъ какимъ-либо образомъ, дѣлаясь такъ называемымъ атрибутивнымъ растеніемъ или животнымъ (плющъ или козелъ Діониса, орелъ Зевесъ, сова Аѳины и т. п.). Кагаровъ эту эволюцію упускаетъ изъ виду и поэтому совсѣмъ почти не занимается вопросомъ, почему именно тотъ или иной предметъ въ культѣ соединился съ тѣмъ или инымъ богомъ. Изъ этого основного его недостатка, пренебреженія къ соотношенію магіи и религіи, къ ихъ эволюціи, вытекаетъ и то, что авторъ всѣ разбираемые имъ предметы трактуетъ какъ предметы, населенные духами, совершенно не затрагивая ту первичную форму, изъ которой развилось это сравнительно позднее и сложное представленіе. Первоначальное сознаніе, не помышляетъ ни о какихъ личныхъ духахъ, для него просто все окружающее его оживлено и требуетъ къ себѣ того или иного магического отношенія. Такимъ образомъ, за книгой Кагарова нельзя не признать крупныхъ недостатковъ. Она не даетъ вышуклаго теоретическаго освѣщенія, не даетъ соціологическаго обоснованія вопроса. Въ этомъ авторъ передъ нами въ долгу, и мы будемъ ждать отъ него этой обработки его богатого матеріала.

В.

Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій. Спб., 1913 г. Ц. 40 к.

Передъ нами новая интересная глава изъ исторіи французской революціи. Неутомимый Н. И. Карѣевъ нашелъ въ парижскихъ архивахъ цѣлый рядъ любопытныхъ документовъ и знакомитъ насъ съ дѣятельностью революціонныхъ комитетовъ тѣхъ сорока восьми кварталовъ (секцій), на которые Парижъ былъ раздѣленъ въ 1790 году. Революціонные комитеты пользуются дурной славой. Ихъ одинаково осуждаетъ умѣренный Тэнъ, болѣе лѣвый Оларъ и даже Кропоткинъ. Въ вину революціоннымъ комитетамъ ставятъ произволь, злоупотребленія властью, несправедливости и насилія. Н. И. Карѣевъ нѣсколько смягчаетъ этотъ суровый приговоръ: по его мнѣнію, комитеты не обнаружили нарочитой жестокости. Зато другая черта ярка выступаетъ изъ его очерка. Въ борьбѣ со старымъ режимомъ революціонеры пользовались приемами этого самаго стараго режима, ими осужденнаго. Члены революціонныхъ комитетовъ настоящіе бюрократы, они пишутъ канцелярскимъ слогомъ и свыклись съ шаблонной фразеологіей. Въ комитетахъ царитъ духъ подозрительности, и главнымъ ихъ дѣломъ былъ сыскъ ради спасенія отечества. Требуется паспортъ на право имено-

ваться гражданиномъ, свидѣтельство о благонадежности. Чтобы получить такое свидѣтельство, надо было дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросы: «что ты сдѣлалъ для революціи? не былъ ли ты когда-нибудь священникомъ? не давалъ ли ты убѣжища какому-нибудь священнику?» Революционные комитеты вели списки подозрительныхъ и неблагонадежныхъ людей. Съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, и часто съ большимъ усердіемъ не по разуму, революционные комитеты обыскивали, хватали и сажали подозрительныхъ. Узнавъ, что одинъ подвыпившій гражданинъ ругалъ парижанъ и самый Парижъ, революціонный комитетъ составилъ надлежащій протоколъ. Вотъ еще одно мелкое дѣло, характеризующее революціонное правительство. Газетчикъ Девано выкрикивалъ номеръ газеты со статьей «Тріумфъ Марата». Къ нему подошла гражданка Куэффе, взяла у него изъ рукъ номеръ газеты и сказала: «Даютъ гражданскій вѣнокъ Марату, а моему королю отрѣзали голову, но фамилія Бурбоновъ снова вступитъ на престолъ». Эти слова вызвали со стороны Девано ругательства, и старуха поспѣшила убраться и спрятаться въ одномъ домѣ, гдѣ Девано и приглашенные имъ люди ее разыскали. Куэффе отрицала въ комитетѣ, что приписываемыя ей слова были сказаны, прибавивъ, что если бы она и въ самомъ дѣлѣ желала возвращенія Бурбоновъ, то, во всякомъ случаѣ, она не настолько глупа, чтобы говорить объ этомъ публично. Комитетъ, принимая во вниманіе, что Куэффе обвиняется въ публичномъ произнесеніи мятежныхъ словъ, клонящихся къ возстановленію королевской власти, постановилъ препроводить ее куда слѣдуетъ. Какъ видно, нравы, привычки и правительственные приемы не мѣняются съ провозглашеніемъ республики вмѣсто монархіи. Много времени нужно, чтобы научиться, какъ пользоваться въ дѣйствительной жизни свободой, провозглашенной на бумагѣ.

П. В.

Проф. А. Л. Погодинъ. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913. Стр. 261. Ц. 1 р. 80 к.

Двѣ-три серьезныя книги, нѣсколько десятковъ разбросанныхъ по разнымъ «Архивамъ» и «Извѣстіямъ» статей, рядъ случайныхъ сборниковъ, посвященныхъ моднымъ писателямъ, немногочисленные переводы—вотъ и всѣ источники, изъ которыхъ русскій читатель можетъ почерпнуть отрывочныя свѣдѣнія о польской литературѣ.

Если не считать классической «Исторіи славянскихъ литературъ» А. Пыпина и многосторонней работы профессора Яцимирскаго—этотъ историко-литературный багажъ уменьшится вдвое. Но помѣщенный въ «Исторіи славянскихъ литературъ» очеркъ Спасовича далеко не новъ и не можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ, а обширный трудъ профессора Яцимирскаго заключаетъ въ себѣ обзоръ повѣйшей литературы, оставляя въ сторонѣ широкую полосу польской культуры.

Подводя итоги, надо съ горечью признать, что полная рѣдкой жизненности, удивительной самобытности, заслужившая восторженную похвалу европей-

ской критики польская литература въ Россіи не нашла еще ученаго изслѣдователя, который взялъ бы на себя тяжелый трудъ прослѣдить ея развитіе во всей полнотѣ.

Только что увидѣвшія свѣтъ «Лекціи по исторіи польской литературы» профессора Погодина не только пополняютъ досадный пробѣлъ, но и сами по себѣ имѣютъ значительную научную цѣнность. Рецензенту рѣдко приходится имѣть дѣло съ такой серьезной, добросовѣстной разработкой литературныхъ данныхъ, еще рѣже—съ такимъ вдумчивымъ, любовнымъ отношеніемъ къ историческимъ переживаніямъ чуждаго автору народа.

На русскомъ языкѣ нѣтъ книгъ, посвященныхъ любопытнымъ памятникамъ польскаго средневѣковья. Нелегкая задача—связать въ стройную картину покрытые пылью документы монастырскаго творчества: проповѣди, легенды, гимны, апокрифы, лѣтописи и хроники; объединить въ одно цѣлое церковную книжность, пропитанную западно-европейскими вліяніями, съ зчатками рыцарской поэзіи и чахлой средневѣковой эротики. А между тѣмъ изложеніе автора удовлетворить любого критика. Логичны и опредѣленны его выводы, глубоки и остры анализъ...

Большую службу сослужилъ профессору Погодину далеко не всѣми признанный методъ—начинать изученіе памятника съ изученія быта и духа народа. Откинувъ этотъ пріемъ, подойти къ расчлененію древне-польской письменности, заняться отысканіемъ національныхъ чертъ въ сѣромъ фонѣ латинскаго гуманизма, цѣликомъ перенесеннаго на польскую почву,—почти невозможно.

Знакомясь съ книгой профессора Погодина, читатель попутно знакомится съ исторіей и культурой древней Польши. О томъ, какъ важна эта, второстепенная, сторона изслѣдованія для пониманія польско-латинской гуманистической, а затѣмъ и народной поэзіи,—говорить не приходится.

Въ первую часть вошелъ циклъ малоизвѣстныхъ произведеній начала XVI вѣка, кончая Клементомъ Яницкимъ. Будемъ надѣяться, что авторъ доведетъ начатое имъ дѣло до конца и велѣдъ за первой частью послѣдуютъ остальные. Русская наука и друзья польской литературы будутъ ему обязаны многимъ.

В. Мар—скій.

**В. Жирмундскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914.
Стр. 206. Цѣна 1 р. 25 к.**

Нѣмецкій романтизмъ, особенно въ своихъ позднѣйшихъ развѣтвленіяхъ, настолько сложенъ и многограненъ, что и до сихъ поръ въ немъ можно найти не мало темъ для историковъ литературы, особенно для начинающихъ. Г. Жирмундскій, повидимому, принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Ученикъ петербургскаго профессора Брауна, онъ посвящаетъ книгу своему учителю.

Авторъ беретъ нѣмецкій романтизмъ со стороны его мистики, которую онъ опредѣляетъ такими словами: «Въ иные годы... міръ кажется близкимъ и все-таки таинственнымъ. За всѣмъ конечнымъ чувствуется безконечное. Такое чувство я называю мистическимъ чувствомъ». Опредѣливъ мистицизмъ, авторъ выясняетъ и свою задачу «прослѣдить въ творческой интуиціи романтиковъ и

въ ихъ творческихъ взглядахъ зарожденіе и развитіе мистическаго чувства», причеъ попутно бросаеъ такое опредѣленіе романтизма: «романтизмъ является своеобразной формой развитія мистическаго сознанія».

Изъ этихъ замѣчаній читатель видитъ, что г. Жирмундскій имѣетъ въ виду не тотъ прославленный мистицизмъ романтиковъ, который въ концѣ концовъ привелъ ихъ къ самымъ реакціоннымъ взглядамъ и переходу въ католичество. Онъ имѣетъ въ виду лишь мистицизмъ раннихъ романтиковъ, писателей самаго конца XVIII вѣка, когда романтизмъ дѣйствительно былъ еще чѣмъ-то однороднымъ. Во-вторыхъ, читатель замѣчаетъ, что авторъ самъ не твердъ въ своихъ воззрѣніяхъ на романтизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мистицизмъ только зарождается въ творческой интуиціи романтизма, значитъ романтизмъ и мистицизмъ относятся между собой, какъ часть къ цѣлому, и въ такомъ случаѣ романтизмъ никакъ не можетъ представляться лишь одной изъ формъ развитія того же мистицизма, какъ увѣряетъ авторъ. Эта путаница понятій отражается во всемъ изложеніи автора.

Слѣдя за развитіемъ мистическаго чувства у романтиковъ той эпохи, когда Шлегель далъ свою «Люцинду», Шлейермахеръ выпустилъ «Рѣчи о религіи», Новалисъ писалъ свои повѣсти и романы, а Шеллингъ излагалъ свою натурфилософію, авторъ даетъ девять очерковъ, написанныхъ недурно, но еще очень неопытной рукой. Послѣдній очеркъ «Романтическій мистицизмъ въ XIX вѣкѣ» по обширности и громоздкости темы рѣшительно не по силамъ автору. вмѣстѣ того, чтобы дать обзоръ литературныхъ теченій, въ которыхъ дѣйствительно на всемъ протяженіи вѣка отразился занимающій автора мистицизмъ, г. Жирмундскій впадаетъ въ перечисленіе однихъ именъ да иногда высказываетъ весьма рискованныя положенія въ родѣ того, напримѣръ, что романтизмъ былъ непосредственнымъ родителемъ натурализма. Романтическій идеаль со временемъ потускнѣлъ, испарился, небо скрылось, осталась одна земля—отсюда и натурализмъ. Можно, однако, указать, что были другія эпохи, когда романтизма не было, а въ литературѣ идеальныя стремленія чередовались съ произведеніями, которыя держались подъ самой поверхностью земли. Это уже общее психологическое свойство человѣка вѣчно колебаться между стремленіемъ въ высъ и земными низинами, то утверждать, вмѣстѣ съ Гете, что «мръ не дѣлится на разумъ безъ остатка», то гордо разсѣкать всѣ явленія логическимъ скальпелемъ, какъ это дѣлали «логическіе «рубаки» XVIII вѣка съ Вольтеромъ во главѣ.

Въ концѣ книги приложенъ указатель литературы о раннемъ романтизмѣ. И въ составленіи этого указателя видна малая опытность автора. Нельзя, напримѣръ, указывая журнальную статью, не указать и года, въ которомъ ее надо искать. Нельзя, приводя сочиненіе, ограничиваться бѣглымъ замѣчаніемъ: «Есть переводъ». Переводы выходятъ иногда съ видоизмѣненнымъ заглавіемъ, и такая неопредѣленность указанія только затрудняетъ ихъ разысканіе.

А. В.

La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Par Pierre Kouznetsov. Paris. 1912. Prix 8 francs.

Эта книга не будет имѣть большого значенія въ русской литературѣ, потому что составлена главнымъ образомъ по русскимъ же сочиненіямъ, и лишь въ незначительной степени по иностраннымъ, которыя не всегда перваго сорта. Но для западныхъ ученыхъ, интересующихся Среднею Азіею и незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ и съ нашими работами по этой области, трудъ г. Кузнецова принесетъ несомнѣнную пользу. Европейскіе ученые часто жалуются, что они лишены возможности пользоваться изслѣдованіями своихъ русскихъ собратьевъ по изученію Востока. Книга г. Кузнецова состоитъ изъ двадцати трехъ главъ, которыя на трехстахъ двадцати страницахъ даютъ понятіе о самыхъ разнообразныхъ темахъ, намѣченныхъ авторомъ. Тутъ излагаются: обзоръ исторіи Туркестана, иранская культура, исламъ, турко-монгольское нашествіе, тюркская культура, этнографія Туркестана, трактатъ о сартахъ и таджикахъ, и т. д. Очевидно, описаніе должно быть очень кратко, и надо сказать, что и въ сжатомъ текстѣ не всегда передается сущность дѣла. Напр., въ главѣ восемнадцатой объ искусствахъ говорится о музыкѣ и пѣніи, объ архитектурѣ и издѣліяхъ, а между тѣмъ вся глава состоитъ изъ тридцати одной строчки, изъ которыхъ десять посвящены сообщенію о томъ, что туземцы въ русскихъ иллюстраціяхъ стираютъ лица людей или выкалываютъ имъ глаза. Г. Кузнецовъ не знаетъ, конечно, что это основано на хадисахъ, т.-е. преданіяхъ объ изреченіяхъ Мухаммеда.

Авторъ—усердный компиляторъ и нигдѣ не проявляетъ самостоятельности. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ пишетъ: «Во время нашего пребыванія въ русскомъ Туркестанѣ мы имѣли случай собрать нѣсколько матеріаловъ о таджикахъ, и эти этнографическія данныя позволили намъ снова взяться за вопросъ, до сихъ поръ не выясненный, вопросъ о происхожденіи сартовъ». Слѣдовало бы ожидать послѣ этого, что нашъ авторъ дастъ нѣчто новое и если не выяснитъ дѣло, то хоть подвинетъ рѣшеніе этого вопроса впередъ, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Вся заслуга г. Кузнецова здѣсь состоитъ въ томъ, что онъ далъ параллельные тексты, таджицкіе и сартскіе, съ французскимъ переводомъ. Это, конечно, плюсъ; но изслѣдованіе языковъ придется производить другимъ.

Заглавіе книги заманчиво, хотя и не ново, но на самомъ дѣлѣ въ изложеніи г. Кузнецова мы никакой «борьбы» цивилизицій не видимъ; а между тѣмъ она извѣстна и происходила на почвѣ экономической, государственной и въ особенности національной и религіозной.

Книга изобилуетъ опечатками; въ числѣ не исправленныхъ остались довольно неудобныя. На стр. 76 сказано, что Улугъ-бекъ вычислилъ свои астрономическія таблицы въ 1457 году, т.-е. послѣ своей смерти, а на 82-й время царствованія Музаффаръ-эд-дина опредѣлено съ 1860 по 1870 г., тогда какъ оно продолжалось до 1885 года. Къ такимъ погрѣшностямъ на Западѣ не привыкли, и онѣ могутъ подрывать довѣріе къ книгѣ.

Н. В.

Библиографическій указатель русской этнографической литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 годовъ. Составилъ Д. К. Зеленинъ. Спб. 1913. Стр 733. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ предисловіи къ этому капитальному труду, въ который вошло свыше восьми тысячъ названій сочиненій, Д. К. Зеленинъ, въ настоящее время лучшей знатокъ великорусской этнографіи, скромно говоритъ, что указатель предназначается для пользованія состоящей при императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи. На самомъ дѣлѣ значеніе указателя въ научномъ отношеніи неисчерпаемо. Безъ него не обойдется ни этнографъ, ни географъ, не можетъ быть написана ни одна работа, посвященная внѣшнему изученію Россіи. Указатель обнимаетъ сочиненія, посвященные жилищу, одеждѣ, музыкѣ, народному искусству и хозяйственному быту. Книга дѣлится на нѣсколько частей. Въ первую вошли книги и статьи, описывающія одновременно внѣшній бытъ двухъ или нѣсколькихъ неродственныхъ между собою народовъ; во вторую—труды, описывающіе бытъ одного какого-либо народа. Въ первой части матеріалъ расположенъ по губерніямъ, во второй—по народамъ. Это общій отдѣлъ книги, содержащій указатель трудовъ, касающихся вообще внѣшняго быта. Далѣе матеріалъ распредѣляется по указаннымъ выше рубрикамъ, причемъ вначалѣ идутъ всегда статьи и книги, относящіяся къ цѣлымъ губерніямъ, а затѣмъ—къ отдѣльнымъ народностямъ.

Что особенно цѣнно въ указателѣ, это приведеніе въ извѣстность того богатаго этнографическаго матеріала, который заключаютъ въ себѣ «Губернскія Вѣдомости», а также епархіальныя изданія, хотя послѣднія не всѣ исчерпаны, какъ и другія періодическія изданія. Поэтому составитель называетъ свой громадный трудъ только корректурнымъ изданіемъ. **В. Даниловъ.**

Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи. 1913 № 1. Петрозаводскъ. 1913. Стр. 100+12+18. Ц. 50 к. безъ пересылки.

Настоящее общество принадлежитъ къ числу юнѣйшихъ: первое собраніе его членовъ состоялось 18-го апрѣля текущаго года. Главнѣйшія цѣли, преслѣдуемая обществомъ,—слѣдующія: возможно широкое изученіе Олонецкаго края (преимущественно въ историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ), привлеченіе къ нуждамъ края правительственнаго и общественнаго вниманія и содѣйствіе проведенію въ жизнь необходимыхъ улучшеній для края. Эти ближайшія задачи общества подробно развиты и выяснены въ статьѣ его предсѣдателя, мѣстнаго вице-губернатора А. Θ. Шидловскаго. Изъ другихъ статей «Извѣстій» отмѣтимъ тепло написанное изслѣдованіе И. И. Благовѣщенскаго: «Память о предкахъ царствующаго дома Романовыхъ въ Заонежьѣ». Какъ извѣстно, Ксенія Ивановна Романова (впослѣдствіи инокиня Марѳа) была сослана послѣ насильственнаго постриженія въ Толвуйскій погостъ нынѣшней Олонецкой губерніи. Здѣсь же сохранились и любопытные портреты инокини Марѳы и ея

сына царя Михаила Теодоровича, снимокъ съ которыхъ приложенъ къ изслѣдованію. Въ довольно обширной работѣ г. Галченка «О каменномъ вѣкѣ и объ остаткахъ его въ Олонецкой губерніи» мѣстному краю посвящено всего восемь страницъ, а остальные шестнадцать наполнены общезвѣстными общими разсужденіями. Весьма похвально намѣреніе общества составить подробную библиографію Олонецкаго края и слѣдить за посвященной ему текущей литературой, не исключая и газетной. Искренно желаемъ процвѣтанія молодому обществу и надѣмся на его полную жизнеспособность тѣмъ болѣе, что ко времени выхода въ свѣтъ 1-го выпуска «Извѣстій» оно насчитывало уже 281 дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ.

А. М.—ъ.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XVIII. Юрьевъ. 1911. Стр. XVIII+218+32. Томъ XIX. Юрьевъ. 1912. Стр. XXVIII+212+35. ¹⁾

XVIII томъ сборника состоитъ изъ трехъ частей: отдѣла официальнаго (стр. VII—XVIII), отдѣла научнаго (стр. 218) и приложения (стр. 1—32).

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщенъ отчетъ о дѣятельности перваго русскаго учено-литературнаго общества на Прибалтійской окраинѣ за 1909—1910 г. Учено-литературное общество при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ, нынѣ вступившее въ пятнадцатый годъ своего существованія, исполняетъ свою задачу съ полнымъ успѣхомъ. Въ составъ его въ настоящее время входятъ, какъ это видно изъ напечатаннаго отчета, 89 членовъ (3 почетныхъ и 86 дѣйствительныхъ); въ томъ числѣ преподавателей юрьевскаго университета—29, юрьевскаго ветеринарнаго института—4, другихъ учебныхъ заведеній—32 и другихъ лицъ—21. За четырнадцать лѣтъ его существованія обществомъ изданы восемнадцать обширныхъ томовъ сборника (въ послѣдніе годы издается ежегодно по два тома сборника), въ которыхъ помѣщены труды членовъ общества. Въ научномъ отдѣлѣ XVIII тома сборника помѣщены три обширныя статьи научнаго характера: 1) статья профессора Н. К. Грунскаго: «О трудахъ А. А. Потемни по русскому синтаксису» (стр. 1—80); 2) статья приватъ-доцента В. В. Богачева: «Игра природы и творческая сила земли», содержащая изложеніе взглядовъ на происхожденіе окаменѣлостей въ древности, въ средніе вѣка и въ XVIII столѣтія (стр. 81—132; примѣчанія къ статьѣ, стр. 133—138); 3) статья профессора варшавскаго университета Евг. А. Боброва, подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи новой педагогики» (стр. 139—218).

Приложеніе, подъ названіемъ: «Изъ университетской лѣтописи за 1910—1911 г.» (стр. 1—32), содержитъ въ себѣ изложеніе событій университетской жизни въ этомъ году, между прочимъ исторію отставки московскихъ профес-

¹⁾ Сборникъ учено-литературнаго общества ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія рекомендованъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ вѣсѣхъ вообще, такъ и въ особенности рижскаго учебнаго округа.

соровъ, описаніе студенческихъ волненій; юбилей профессора московскаго университета Н. Е. Жуковскаго и ректора Николаевскаго университета въ гор. Саратовѣ профессора В. И. Разумовскаго; некрологи В. И. Сергѣевича, М. М. Стасюлевича, С. В. Пахмана и Д. А. Хвольсона. Слѣдующій XIX томъ сборника является еще болѣе богатымъ по содержанию.

На первомъ мѣстѣ помѣщенъ протоколъ открытаго засѣданія учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ 8-го ноября 1911 г., по случаю двухсотлѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова. Засѣданіе отличалось торжественностью и было весьма содержательно. Въ сборникѣ (стр. I—IV) помѣщено слово дѣйствительнаго члена общества протоіерея профессора А. С. Царевскаго, сказанное имъ предъ панихидою по великомъ русскомъ ученомъ, который, по выраженію А. С. Пушкина, былъ создателемъ русскаго университета, а, по словамъ Вѣлинскаго, Петромъ Великимъ нашей литературы. Въ своей рѣчи профессоръ Царевскій отмѣтилъ, что М. В. Ломоносовъ, будучи европейски-образованнымъ человѣкомъ, не былъ космополитомъ, а былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, всѣми силами своей души онъ любилъ свою родину и ея благо, ея славу, ея пользамъ онъ посвятилъ всѣ силы своего гениальнаго ума. Великій ученый—онъ былъ въ то же время глубоко вѣрующій человѣкъ и истинный сынъ православной церкви; этимъ онъ показалъ, что вѣра не мѣшаетъ знанію и знаніе не противно вѣрѣ. Далѣе слѣдуетъ сообщеніе приватъ-доцента по кафедрѣ геологіи В. В. Богачева: «Ломоносовъ—первый геологъ» (стр. V—XXVIII). Между прочимъ, г. Богачевъ указываетъ на то, что въ 1757 году, 6-го сентября, М. В. Ломоносовъ произнесъ «слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли».

Научный отдѣлъ сборника открывается статьею П. Г. Рущаго: «Ревнитель просвѣщенія Петръ Яковлевичъ Шамаевъ» (стр. 1—28), представляющею характеристику весьма свѣтлой личности извѣстнаго юрьевскаго благотворителя. Второю статью является весьма интересный разсказъ Г. Г. Сумакова «О Новой Землѣ и ея обитателяхъ», на основаніи собственныхъ наблюденій автора во время его поѣздки (стр. 29—60). Третья статья профессора Е. А. Боброва «Генетическая логика» касается философскихъ трудовъ русскаго ученаго И. И. Ягодинскаго (стр. 61—80). Въ слѣдующей обширной статьѣ профессора М. Е. Красножена весьма подробно и обстоятельно изложены: «Общія основы церковнаго права; его источники и ихъ исторія» (стр. 81—146). Въ концѣ научнаго отдѣла помѣщены весьма живо и талантливо написанные «Педагогическіе этюды» профессора Е. А. Боброва (стр. 147—212); нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ: женское образованіе, коэдукація (совмѣстное обученіе) половъ, имѣютъ живой современный интересъ. Верховною же идеею и девизомъ въ статьѣ профессора Боброва служитъ принципъ «щаженія» ребенка: «щадите, говоритъ онъ, ребенка и не заставляйте его преждевременно, еще за одинъ только періодъ дѣтства, израсходовать всѣ тѣ силы, которыми мать-природа снабдила его на весь его вѣкъ!» (стр. 147).

Въ приложеніи: «Изъ университетской лѣтописи», помѣщены, между прочимъ, некрологи В. О. Ключевскаго, А. П. Голубцова, В. Θ. Пѣвницкаго и друг.

Желаемъ учено-литературному обществу при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ дальнѣйшихъ успѣховъ на пользу русской науки и просвѣщенія.

Ж.

Я. А. Канторовичъ. Конвенція между Россією и Германією для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Спб. 1913. Стр. 85. Съ алфавитнымъ указателемъ. Цѣна 60 коп.

30-го октября 1912 года вступила въ силу русско-французская конвенція, съ 1-го августа 1913 года вступила въ силу вторая по времени литературно-художественная конвенція—русско-германская. Въ общемъ вторая конвенція воспроизводитъ текстъ первой; но есть въ ней нѣкоторыя, хотя и мелкія, но существенныя измѣненія. Такъ, на примѣръ, во избѣжаніе недоразумѣній, при толкованіи выраженія «появились въ свѣтъ» ст. 1, п. 3 новой конвенціи опредѣляетъ, что подъ произведеніемъ, появившимся въ свѣтъ, должно понимать произведеніе изданное. «Такимъ образомъ,—поясняетъ г. Канторовичъ,—согласно этому опредѣленію, не можетъ пользоваться въ Россіи защитой, на основаніи конвенціи, произведеніе, которое было впервые представлено, исполнено или выставлено въ Германіи и затѣмъ издано въ какомъ-либо другомъ государствѣ, потому что тутъ не будетъ опубликованія впервые въ одной изъ договаривающихся странъ».

Весьма существенно дополненіе къ правилу о дозволенномъ распространеніи или окончаніи начатыхъ переводомъ произведеній до вступленія въ силу конвенціи. Нынѣ опредѣленно дозволяется перепечатываніе и воспроизведеніе такихъ работъ послѣ введенія въ дѣйствіе конвенціи. «Если переводъ появился законно, цѣликомъ или частью, до вступленія въ дѣйствіе настоящей конвенціи, переводчикъ можетъ продолжать выпускать въ свѣтъ этотъ переводъ, распространять его и представлять его публично» (ст. 17, п. 6). Это правило относится и къ постановкѣ произведенія на сценѣ (тамъ же, п. 7). Дополненіе это вызвано, какъ указываетъ комментаторъ, возникшими пререканіями на почвѣ русско-французской конвенціи между «Société des auteurs et compositeurs dramatiques» и «Союзомъ драматическихъ и музыкальных писателей».

Въ остальномъ, какъ уже говорилось, конвенція съ Германіей не заключаетъ ничего новаго по сравненію съ конвенціей съ Франціей. Попрежнему требуются запретительныя оговорки на заглавномъ листѣ или въ предисловіи; устанавливается предѣльный срокъ защиты авторскаго права—десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія (для научныхъ три года); но если авторъ не воспользовался правомъ перевода въ теченіе пяти лѣтъ, т. е. не издалъ самъ перевода и не предоставилъ изданія другому лицу, то исключительное право его прекращается. Заимствованія допускаются лишь при условіи указанія источника. Авторское право признается на всѣ виды литературнаго и художественнаго творчества, включая и постановку на сценѣ, фотографіи, кинематографическія пьесы.

Въ изданіи г. Канторовича конвенція помѣщена на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Подъ каждою статьею имѣются объяснительные матеріалы. Хотя ихъ и не всегда достаточно, но на первое время (пока нѣтъ практики) большого требовать трудно.

Г. Гявсъ.

**«Свѣтъ Тихій». Пьеса въ пяти актахъ Евгенія Безпятова. Москва. 1913.
Ц. 1 руб.**

Къ минувшему дню трехсотлѣтія воцаренія дома Романовыхъ было написано много драматическихъ произведеній, такъ или иначе трактовавшихъ исторію возведенія на царство перваго изъ рода Романовыхъ царя Михаила Феодоровича. По большей части всѣ эти трактованія не выходили изъ рамокъ строгихъ историческихъ данныхъ. Авторъ же разбираемой пьесы рѣшился ввести въ нее поэтическую вольность, эпизодъ о покушеніи на молодого царя недовольными поляками въ самомъ Кремлѣ, во время его прогулки ночью по кремлевскимъ стѣнамъ.

Имѣлъ ли г. Безпятовъ какія-нибудь фактическія указанія или намеки въ исторіи, рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ эпизодъ этотъ очень интересенъ и красиво, поэтически изложенъ. Личность отрока-царя является передъ зрителями чрезвычайно симпатичной, она проникнута какой-то неземной прелестью. Это, дѣйствительно, человекъ не отъ міра сего, мистически настроенный, робкій, весь отдавшійся Божьимъ велѣніямъ—«свѣтъ тихій», но неугасаемый.

Интересно выведены въ пьесѣ личности бояръ, враждебно относящихся къ новому царю, преданныхъ интересамъ поляковъ, сами польскіе паны, заносчивые, гордые, властолюбивые, они яркимъ противовѣсомъ поставлены какъ самому незлобивому царю Михаилу, такъ и преданнымъ ему русскимъ людямъ, изъ которыхъ нужно выдѣлить въ особенности галицкаго дворянина Алексѣя Солнцева и боярскую дочь Наталью Лыкову, беззавѣтно преданныхъ молодому государю. Умѣло вплетены въ общую канву фигуры «езовитовъ», вносящихъ смуту въ среду русскихъ людей и готовыхъ всегда послужить во вредъ Руси.

Пьеса очень изящно издана, снабжена стильными рисунками и обложкой, напечатанными по-старинному, въ двѣ краски.

«Свѣтъ Тихій» даже въ чтеніи заинтересовываетъ читателя, а на сценѣ является яркимъ сколкомъ старины.

Г. Подиловъ.

**Къ жизни новой. Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Томъ третій.
Одесса. 1913. Стр. LXI+190. Цѣна 1 р. 25 к.**

Въ прошломъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» намъ уже приходилось въ обширхъ чертахъ знакомить читателя съ произведеніями Алексѣя Плетнева, автора очень любопытныхъ воспоминаній и интереснаго, образова-

наго, своеобразнаго беллетриста. Послѣдній недавно вышедшій томъ его сочиненій не прибавляетъ ничего новаго къ его литературному облику и заключается въ себѣ не вошедшія въ предыдущіе два тома мелкія журнальныя и газетныя замѣтки критическаго и публицистическаго характера, кое-что изъ беллетристики и въ «прибавленіи» автобіографическую замѣтку о неудачномъ изданіи г. Плетневымъ въ 1905 году политической газеты подъ названіемъ «За Право и Правду!» Въ началѣ книги помѣщенъ огромный, подробный и обстоятельный очеркъ г. Г. Пилипенка, гдѣ разбираются всѣ произведенія А. Плетнева и гдѣ онъ ставится много выше Мопассана и прочее. Весь очеркъ г. Пилипенко отличается ярко хвалебнымъ, диэирамбическимъ характеромъ и заключается слѣдующими словами: «А. П. Плетневъ—первый русскій писатель-европеецъ съ своеобразной психофизиологіей, рожденной въ сложныхъ условіяхъ современнаго международнаго постояннаго общенія. И это нѣчто большее, чѣмъ прежнее отвлеченное «братство» народовъ, это уже тѣсное сліяніе, близкое взаимопониманіе на общей культурной почвѣ... Вотъ что онъ ввелъ новаго въ нашу литературу. Это одна изъ тѣхъ заслугъ, которыя не забываются въ лучшихъ сердцахъ и умахъ человѣчества...»

Первый отдѣлъ настоящаго тома посвященъ критикѣ. Здѣсь особенно интересны статьи о Л. Н. Толстомъ, П. Д. Боборыкинѣ, И. С. Тургеневѣ, Плетневѣ-отцѣ и Пушкинѣ. Остальное не превышаетъ обычнаго уровня газетныхъ рецензій и замѣтокъ. Воспоминанія о М. Горькомъ—обычное газетное интервью, какихъ о Горькомъ имѣется сотни. «Три встрѣчи съ Гончаровымъ» не сообщаютъ ровно ничего ни новаго, ни интереснаго. Публицистика представлена статьями изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», московскаго «Русскаго Голоса», «Одесскаго Листка» и прочихъ газетъ. Западно-европейской жизни посвящены отдѣлы «За границей» и отчасти «Обо всемъ», въ которые вошли статьи о Ж.-Ж. Руссо, Фридрихѣ Ницше, Эмилѣ Золя, о сильно нашумѣвшемъ романѣ Маргариты Оду, объ Анатолѣ Франсѣ, Вильямѣ Стэдѣ, Гладстонѣ, Анри Дюнанѣ и проч. Беллетристика почерпаетъ содержаніе изъ жизни русскихъ за границей и изъ жизни отечественной. Наиболѣе слабъ рассказъ «Шесть сестеръ». Въ общемъ настоящій третій томъ сочиненій А. П. Плетнева во многомъ уступаетъ двумъ предыдущимъ, гдѣ помѣщены такія интересныя и крупныя по художественности произведенія, какъ «Милліонщикъ», «Исповѣдь революціонера», рассказы объ «упитанныхъ и отѣвшихся».

Съ внѣшней стороны книга издана не безъ изящества и снабжена хорошимъ портретомъ автора.

М—о.

Balkanicus. Сербы и болгары въ балканской войнѣ. Спб. 1913. Стр. 175 Ц. 20 к.

Написанная, по словамъ автора, въ защиту честнаго и праваго дѣла, книга производитъ странное впечатлѣніе. Виною ли тому ея полемическій характеръ, острая рознь интересовъ народовъ-соперниковъ, отсутствіе яркихъ обобщеній, столь необходимымъ для русскаго читателя, теряющагося при видѣ массы нагроможденныхъ другъ на друга противорѣчивыхъ фактовъ, или виновата

конструкція книги,—сказать трудно. Суммируясь, все эти недостатки нарушают цѣльность интересно задуманной работы г. Balkanicus'а.

Книга появилась во-время. Всеми известно, сколько лжи примѣшивалось къ газетнымъ сообщеніямъ о послѣднемъ періодѣ балканской распри, какъ различно толковались печатью мелкіе и крупныя факты кровавой лѣтописи. Тенденціозность австрійской и части нѣмецкой прессы—вне всякихъ сомнѣній. Вызвавшее бурную полемику выступленіе одного изъ крупныхъ органовъ петербургской печати по поводу сербо-болгарскихъ отношеній до сихъ поръ не забыто многими. Все же газетная полемика не могла освѣтить наибольшаго вопроса съ такой полнотой, съ какой могъ бы вышолнить задачу авторъ, если бь... заглавіе книги вполне соотвѣтствовало ея содержанию.

Г. Balkanicusъ выступаетъ «во имя правды». Его задача—съ документами въ рукахъ доказать существованіе болгарскаго засилія; точными данными парализовать систематическое умаленіе сербскихъ заслугъ въ минувшей кампаніи; бѣглыми штрихами обрисовать тяжелое положеніе сербскаго населенія, окрашеннаго чуждой ему политической краской. Достигъ ли авторъ своей цѣли?..

Мы уже выше отмѣтили случайный, сборный характеръ книги. Объ этой случайности свидѣтельствуетъ даже распредѣленіе матеріала по главамъ: «Во имя правды», «Римская «Тривна» и осада Скутари», «Договоры между государствами», «Плѣненіе Шукри-паша», «Люле-Бургасъ—Чаталджа», «Вардарскій театръ войны», «Новое Время» и нашъ споръ съ Болгаріей» и т. д.

Говорить о рѣшающемъ значеніи книги въ выясненіи сложныхъ болгаро-сербскихъ отношеній—не приходится. Но, сами по себѣ, сообщаемые авторомъ факты надо признать въ высшей степени любопытными. Ознакомиться съ ними стоитъ и не специалисту. До сихъ поръ мы почти не знали закулисныхъ сторонъ кампаніи; помѣщенные въ видѣ приложенія, впервые опубликованные документы, рисующіе политику и административные порядки болгарскихъ властей въ недавно лишь завоеванныхъ областяхъ,—будутъ прочитаны читателемъ съ живымъ интересомъ.

Несмотря на баснословно низкую цѣну, книга издана вполне прилично.

В. Мар—скій.

Башмаковъ, Александръ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб. 1913. Стр. 131. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ совершилъ интересное путешествіе, результатомъ котораго явилась не менѣ интересная книга,—пять лѣтъ тому назадъ. Разразившаяся на Балканахъ буря не могла не внести въ существовавшія прежде взаимоотношенія народовъ значительныхъ перемѣнъ; исполосовавъ географическую карту полуострова, она не могла пройти безслѣдно и въ народномъ міросозерцаніи. Принявъ во вниманіе пятилѣтнюю давность, мы должны простить автору мелкіе недочеты, отъ которыхъ цѣнность и стройность книги, въ общемъ, нисколько не пострадала.

Въ ярко переданныхъ г. Башмаковымъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, пестрыхъ описаніяхъ албанской жизни имѣется черта, которой, обычно, не приходится

встрѣчать въ путевыхъ замѣткахъ. Серьезный взглядъ на вещи, чуткость опытнаго наблюдателя, а главное—объединяющая книгу мысль о жизненной необходимости найти для славянства, въ лицѣ Сербіи, выходъ къ лазурной Адриатикѣ,—вотъ что позволяетъ книгѣ не стариться.

Авторъ поставилъ себѣ задачей—изслѣдовать дикій, непроходимый край съ цѣлью намѣтить кратчайшую линію предполагаемой Сербо-Адриатической желѣзной дороги и, попутно, ознакомиться съ политическимъ положеніемъ верхней Албаніи, почти недоступной для путешественника.

О преимуществахъ намѣченной линіи говорить излишне, такъ какъ въ свое время о нихъ было сказано достаточно. Фактической матеріалъ, тщательно собранный авторомъ, нагляденъ и самъ по себѣ.

Не менѣе любопытной представляется и другая сторона путешествія—этнографическая. Тяжелыя скитанія отъ черногорской столицы черезъ Подгорицу, Печь, Дьяково, Призрень до Алессіо—описаны весьма колоритно и занимательно. Читатель можетъ почерпнуть отсюда обильныя свѣдѣнія объ албанскомъ бытѣ, познакомиться съ «психически потрясенной» расой и ея своеобразной психологіей.

Написана книга живымъ, образнымъ языкомъ, полна лирическихъ отступленій, порою даже несомвѣстимыхъ съ серьезными задачами автора.

Текстъ богато иллюстрированъ недурными фотографіями.

В. Мар—скій.

А. Невскій. Ленскія событія и ихъ причины. Спб. 1913. Стр. 112. Ц. 60 к.

Изслѣдованіе г. Невскаго о причинахъ разстрѣла 4-го апрѣля 1912 года ротмистромъ Трещенковымъ бастующихъ рабочихъ на пріискахъ Ленскаго товарищества сдѣлано весьма добросовѣстно и безпристрастно. Онъ защищаетъ мѣстное правленіе товарищества отъ множества обвиненій, недостаточно обоснованныхъ даже въ текущей прессѣ. Съ цифрами въ рукахъ, онъ доказываетъ, что годовоі зароботокъ ленскаго рабочаго былъ выше, чѣмъ гдѣ-либо (страницы 16—18, 31); что заболѣваемость рабочихъ не велика, что медицинская помощь хорошо организована; что увеличенія расходовъ, падающихъ на пудъ добываемаго золота, не было, а, напротивъ, цифрами установлено ихъ пониженіе. Поэтому,—утверждаетъ авторъ,—Ленское товарищество и не заинтересовано въ томъ, чтобы вызвать забастовку для сокрытія истиннаго положенія дѣла. Съ 43.702 рубля расхода, падающаго на одинъ пудъ золота (1900—1901), таковой упалъ до 10.860 рублей (1909—1910 г.). Цифры эти краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ противъ необоснованныхъ предположеній о томъ, что и акціонеры стремились понизить расцѣнку акцій и т. д. Защищая, такимъ образомъ, Ленское товарищество въ томъ, въ чемъ оно неповинно, авторъ не скрываетъ и отрицательныхъ его сторонъ. Онъ указываетъ на нежелательную систему расплаты съ рабочими по талонамъ пріисковыхъ лавокъ товарами, лишаящую рабочаго возможности распорядиться своимъ заработкомъ, на фактическую беспомощность и психологическое настроеніе рабочей массы,

которая, по договору, всецѣло находится въ распоряженіи прискоковаго управленія.

Толчкомъ для стачки явилось конское мясо, обнаруженное якобы въ прискоковой продовольственной лавкѣ. И не простое конское мясо, съ которымъ тайга, пожалуй, и примирилась бы, а такая часть конины (а по другой версіи—быка), которая относится не только къ несъѣдобнымъ и неудобоваримымъ, но даже неудобоназываемымъ.

Моментально эта «часть» дѣлается эмблемой протеста, носится изъ казармы въ казарму, всюду вызывая взрывы негодованія.

29-го февраля 1912 года на работы никто не вышелъ, а въ мартѣ забастовщики выставили свои требованія, въ числѣ которыхъ упоминается объ отпускѣ доброкачественныхъ продуктовъ, о вѣжливомъ обращеніи прискоковой администраціи, объ увольненіи служащихъ, отличающихся грубостью, о прекращеніи выдачи талоновъ взамѣнъ денегъ, объ увеличеніи заработной платы и о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ вмѣсто одиннадцатичасового.

«Стачка,—свидѣтельствуетъ г. Невскій,—съ момента ея возникновенія протекала вполне спокойно. Рабочіе всячески старались избѣгать какихъ бы то ни было столкновеній. Для наблюденія за порядкомъ въ «номерахъ» избраны старосты. Для наблюденія за внѣшней жизнью стачечниковъ, для предупрежденій отдѣльныхъ случаевъ саботажа и столкновеній съ администраціей и служащими по станамъ были установлены патрули изъ стачечниковъ. Особенное вниманіе рабочіе сосредоточили на предупрежденіи пьянства. При объявленіи стачки въ первую очередь закрывались винныя лавки. Корчемство преслѣдовалось и каралось самими забастовщиками. Выборные старосты слѣдили за порядкомъ, внушая всѣмъ рабочимъ необходимость вѣжливаго обращенія съ администраціей.

Съ прїѣздомъ на приски изъ Иркутска жандармскаго офицера Трещенкова характеръ стачечнаго движенія быстро мѣняется.

Ротмистръ Трещенковъ рѣшилъ изъять изъ среды рабочихъ десять человекъ, которые въ самомъ началѣ забастовки были избраны рабочими, согласно предложенію окружнаго инженера Александрова и исправника Галкина, для переговоровъ съ должностными лицами. До этого рабочіе вели переговоры съ администраціей скопомъ. Сношенія съ администраціей посредствомъ выборныхъ, конечно, гарантировали больше спокойствія и порядокъ. Да, наконецъ, самое ихъ избраніе произведено было по настоянію властей, которые, слѣдовательно, не только не усматривали въ этомъ чего-либо противозаконнаго, но полагали, что такіе уполномоченные необходимы и полезны для ликвидаціи скачки. Поэтому арестъ выборныхъ, произведенный ротмистромъ Трещенковымъ, возмутилъ рабочихъ до послѣдней степени, и на другой день послѣ этого ареста, 4-го апрѣля, въ семь часовъ утра, толпа рабочихъ съ трехъ прискоковъ явилась на Успенскій прискъ къ окружному инженеру Тульчинскому, требуя немедленнаго освобожденія выборныхъ, которые были избраны по предложенію горнаго надзора.

Въ то время, какъ правленіе смотрѣло на стачку исключительно съ точки зрѣнія обычной экономической борьбы между трудомъ и капиталомъ, гдѣ до-

пустимы взаимныя уступки для прекращенія конфликта, ротмистръ Трещенковъ усматривалъ въ ней бунтъ, который нужно было подавить прежде, чѣмъ говорить о какихъ бы ни было уступкахъ.

На требованіе объ освобожденіи изъ-подъ ареста стачечнаго комитета ротмистръ Трещенковъ 4-го апрѣля 1912 года отвѣтилъ ружейными залпами по безоружной толпѣ рабочихъ, перебивъ до полтораста изъ нихъ на смерть и столько же переранивъ. Такимъ образомъ, кровь пролилась вслѣдствіе неспособленности нашего «правового порядка» къ позднѣйшимъ формамъ экономической жизни и устарѣлаго законодательства по рабочему вопросу. Г. Невскій совершенно правильно говорить, что у насъ право на стачку пока признано только чисто академически. Законъ считаетъ ее явленіемъ уголовно не наказуемымъ, а администрація и власть продолжаютъ бороться съ нею путемъ административнаго воздѣйствія, путемъ административнаго, скажемъ мы, произвола въ видѣ ареста и высылки наиболѣе видныхъ рабочихъ, путемъ примѣненія военной силы и пр. Такая тактика, обостряя безъ нужды борьбу труда съ капиталомъ, вноситъ въ нее тотъ элементъ случайностей и возможностей, который нерѣдко приводитъ къ кровавымъ событіямъ, вродѣ ленскихъ.

«Обыкновенно,—продолжаетъ г. Невскій,—администрація въ свое оправданіе говоритъ въ такихъ случаяхъ, что преслѣдованію подвергаются лишь тѣ, кто возбуждаетъ къ стачкѣ, арестовываются только члены стачечнаго комитета. Нелогичность такого объясненія только и можетъ находить себѣ оправданіе въ нелогичности нашего законодательства, карающаго, дѣйствительно, возбужденіе къ стачкѣ. Между тѣмъ стачка, чтобы быть мирной и протекать безъ эксцессовъ, должна прежде всего быть организованной, т. е. имѣть свой центръ, который сносился бы съ представителями капитала, являлся бы промежуточной инстанціей между ними и рабочими, обсуждалъ бы условія прекращенія забастовки и пр. Требовать, чтобы стачка не имѣла стачечнаго комитета,—значитъ требовать тѣла безъ головы, значить санкціонировать полную въ ней анархію и обрекать ее на рядъ случайностей, которыя даютъ только поводъ для крайне нежелательнаго—при обиліи у насъ волевыхъ импульсовъ—вмѣшательства полиціи и войскъ. Организованная стачка обычно протекаетъ болѣе или менѣе мирно. Яркій примѣръ этого мы видѣли недавно въ грандіозной стачкѣ англійскихъ углекоповъ, гдѣ никакихъ эксцессовъ ни со стороны рабочихъ, хотя въ стачкѣ ихъ участвовало больше милліона, ни со стороны полиціи или войскъ не было. Между тѣмъ, въ ленской забастовкѣ администрація караетъ за стачку прежде всего стачечный комитетъ, который для нея—синонимъ возбужденія къ стачкѣ. Пусть даже онъ состоялъ въ большей своей части изъ тѣхъ, кто склонялъ рабочихъ начать забастовку. Это весьма возможно, но неужели же это даетъ юридическое основаніе примѣнять статью о «возбужденіи къ стачкѣ». Вѣдь стачка—есть дѣйствіе скопомъ, а какое же дѣйствіе массъ возможно безъ предварительнаго обсужденія даннаго выступленія? Какое же обсужденіе возможно безъ того, чтобы не раздавалось различныхъ мнѣній, чтобы не было сторонниковъ за и противъ. Въ каждой стачкѣ, какъ при ея началѣ, такъ и при ея окончаніи, будутъ сторонники и противники ея. Какъ среди тѣхъ, такъ и среди другихъ будутъ болѣе талантливые вырази-

тели мнѣній своихъ единомышленниковъ, и, понятно, послѣдніе ихъ и выдвигнуть въ стачечный комитетъ. Неужели же всѣхъ таковыхъ среди сторонниковъ стачки нужно относить къ подстрекателямъ и подвергать судебному или административному воздѣйствію? Полагаемъ, что здѣсь можетъ быть только отрицательный отвѣтъ. Между тѣмъ, правительство придерживается діаметрально противоположнаго мнѣнія и, расширяя до безконечности понятіе «возбужденія къ стачкѣ», открываетъ широкій просторъ административному воздѣйствію. Послѣднее своимъ рвеніемъ создало представленіе у рабочихъ, что власть и ея представители держатъ руку господствующаго класса. Создается вполнѣ понятное предубѣжденіе по отношенію къ власти, даже когда она дѣйствуетъ вполнѣ лояльно, является почва для конфликтовъ съ нею, а отсюда—печальная и вредная прежде всего для государственной же власти дѣятельность Трещенкова.

А. Фаресовъ.

Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Кни—ство «Прометей» Н. Н. Михайлова. 1913. Спб. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Въ составъ настоящаго тома собраній сочиненій С. А. Венгерова вошли слѣдующія статьи: «Писатель-гражданинъ», «Гоголь совершенно не зналъ русской реальной русской жизни», «Гоголь-ученый» и знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, которое печатается здѣсь съ нѣкоторыми купюрами сравнительно съ изданіемъ 1905 года въ серіи: «Избранныя произведенія политической литературы». Пропуски коснулись мѣсть, содержащихъ крайне грубыя и совершенно неосновательныя сужденія Бѣлинскаго о православной церкви.

Въ первой статьѣ С. А. Венгеровъ умѣло проводитъ взглядъ на литературную дѣятельность Гоголя, какъ на вполнѣ сознательный актъ его художественнаго творчества, проникнутый однимъ социальнымъ началомъ. Поэтому у него нѣтъ героевъ въ собственномъ смыслѣ, и даже отдѣльныя лица въ его произведеніяхъ являются представителями не индивидуальной, а коллективной жизни. «Отъ этого органическаго интереса Гоголя къ обществу одинъ только шагъ къ его тоскѣ по общественному совершенству». Его душа всегда стремилась въ высь, всегда жаждала добра, и надѣлавшая много шуму и досады самому Гоголю «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» являются выраженіемъ тѣхъ же высокихъ качествъ духовнаго существа автора «Мертвыхъ душъ». Эта переписка была крикомъ глубоко изстрадавшейся души, измученной зрѣлищемъ общаго несовершенства современной Россіи. «Это была первая русская книга, которая такъ или иначе затрагивала основные вопросы русскаго общественнаго быта и при всѣхъ своихъ отрицательныхъ свойствахъ, бывшихъ ошибками ума, а не сердца, она была безкорыстной книгой. Гоголь былъ нравственно свободенъ, создавая свои крѣпостническіе идеалы. Въдъ съ самаго переѣзда въ Петербургъ Гоголь ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ, не пользовался ни одною крѣпостною копейкою, тогда какъ и авторъ «Записокъ охотника» и авторъ «Антоня Горемыки» жили благополучно на доходы съ крѣпостного труда. Эта книга проникнута «небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ», которое Гоголь внушаетъ своей идеальной красавицѣ (прототипомъ ея была

Улинька Бетрищева). Отсюда проповѣдь Гоголя: «Идите въ мѣръ и пріобрѣтайте прежде любовь къ братьямъ». Таковы въ общемъ взгляды С. А. Венгеръ на переписку, напоминающіе восторженное отношеніе къ ней другого критика, Волынскаго, восклицавшаго: «Это великая книга, это оклеветанная книга!»

Изъ другихъ взглядовъ С. А. Венгерова, устанавливающаго свои точки зрѣнія на Гоголя, часто несогласныя съ ходячими мнѣніями, отмѣтимъ освѣщеніе имъ факта профессорства Гоголя въ петербургскомъ университетѣ. Обычно отношеніе къ профессорству Гоголя, какъ къ чему-то граничащему съ нахальствомъ, даже «позорному», по выраженію Ореста Миллера. На такой взглядъ вліяютъ позднѣйшія представленія о профессорской дѣятельности вообще и требованія, которыя стали предъявляться къ научнымъ достоинствамъ университетскихъ преподавателей гораздо позже. Но съ точки зрѣнія современныхъ Гоголю требованій онъ стоялъ даже выше многихъ другихъ профессоровъ. Уже одно то, что Гоголь составлялъ собственныя лекціи, было необычнымъ явленіемъ. Другіе же профессора буквально читали по тому или другому переводному руководству. И неудача Гоголя заключалась не въ отсутствіи у него знаній, а въ желаніи его быть всегда эффектнымъ профессоромъ, какимъ онъ показалъ себя въ лекціи объ Аль-Мамушѣ въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго.

Особенное вниманіе въ трудѣ С. А. Венгерова привлекаетъ эту: «Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни (почти невѣроятное происшествіе)». На основаніи писемъ Гоголя С. А. Венгеръ устанавливаетъ фактъ, что авторъ «Мертвыхъ душъ» провелъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ только десять часовъ—вотъ и вся основа для реальныхъ наблюдений, которыя могли бы послужить для созданія «Ревизора». Для губернскаго же русскаго города, изображеннаго въ «Мертвыхъ душахъ», въ запасѣ наблюдений Гоголя было только семь дней, проведенныхъ въ Курскѣ. Поэтому «Мертвыя души»,—говоритъ Венгеръ, въ самомъ заглавіи которыхъ такъ много символизма, въ гораздо большей степени могутъ быть причислены къ произведеніямъ символическимъ, нежели къ реалистическимъ. Символическимъ, конечно, не въ современномъ полемически-модернистскомъ пониманіи этого слова, когда символизмъ выступаетъ съ лозунгами: «смерть быту», «творимая легенда» и т. д. Нѣтъ—символизмъ «Мертвыхъ душъ» имѣетъ глубочайшіе корни въ жизни. Въ нихъ правдоподобіе столь искренно, элементъ фантастики столь интегрально входитъ въ конституцію произведенія, что и надобности никакой нѣтъ въ сколько-нибудь точномъ воспроизведеніи дѣйствительности». Возсоздавъ Россію, какъ общее понятіе, Гоголь не могъ не надѣлать множества ошибокъ противъ подлинной русской дѣйствительности и вообще противъ всякой дѣйствительности. Уже профессоръ В. П. Бузескуль никакъ не могъ рѣшить, къ какому времени года относится дѣйствіе первой части «Мертвыхъ душъ»—настолько Гоголь пренебрегаетъ реальными условіями жизни. С. А. Венгеръ со своей стороны угадываетъ на «ничего не опредѣляющее опредѣленіе», встрѣчающееся въ самомъ началѣ поэмы. Когда Чичиковъ вѣхалъ въ городъ, то «два русскіе мужика сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся къ экипажу». «Что значить,—спрашиваетъ С. А. Венгеръ,—два русскіе мужика? Какіе же другіе

могли быть мужики въ русскомъ губернскомъ городѣ? французскіе, нѣмецкіе? Зародилось это опредѣленіе, конечно, произвольно и безсознательно». И съ этой точки зрѣнія эти русскіе мужики освѣщаютъ отношеніе Гоголя къ изображаемому имъ быту, какъ къ чему-то чуждому. Такъ, Гончаровъ, описывая Лондонъ, говоритъ, что ему нравится, «какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ другу руку, потомъ освѣдомятся о здоровьи» и проч. Основываясь на подобныхъ остроумныхъ соображеніяхъ, С. А. Венгеровъ говоритъ, что «этикетки «реализмъ», «полная картина русской жизни» совершенно не выражаютъ существа той абстракціи, которая составляетъ основу художественнаго творчества великаго скорбника». **В. Даниловъ.**

М. Бородкинъ. Даль зоветъ. Литературныя поминки по графѣ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Харьковъ. 1913. Стр. 50. Цѣна не обозначена.

Покойный поэтъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ не пользовался среди нашей читающей рубрики той извѣстностью, которой онъ вполне заслуживаетъ по величинѣ своего дарованія. Дѣйствительный поэтъ «Вожжей милостию», типичный представитель старой пушкинской школы, «литературный старовѣръ», какъ онъ самъ называлъ себя, графъ Голенищевъ-Кутузовъ далеко стоялъ отъ большой литературной дороги и отъ всевозможныхъ литературныхъ приходовъ и кружковъ, замкнувшись въ своемъ одиночествѣ, въ мірѣ волшебныхъ грезъ и безстрастной высоты. Все преходящее, вся злободневное, сегодняшнее, всѣ насущные запросы жизни не затрагивали поэта, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ нарушалъ свое безмолвіе и писалъ произведенія по характеру «гражданскія», какъ, на примѣръ, на смерть Александра III, гдѣ оставался вѣренъ своимъ консервативнымъ взглядамъ, но ни критика, ни широкіе круги публики не интересовались имъ. Онъ оставался поэтомъ для немногихъ, умѣющихъ цѣнить дѣйствительное искусство и настоящую поэзію. Недавняя смерть графа Голенищева-Кутузова вызвала довольно дружный откликъ въ печати, заставила обратить вниманіе на незаслуженно забытаго поэта, напомнила широкой массѣ читателей о крупныхъ! достоинствахъ его произведеній и въ качествѣ отдѣльныхъ «литературныхъ поминокъ» вызвала появленіе критико-біографическаго очерка г. М. Бородкина, большого любителя и вдумчиваго цѣнителя покойнаго поэта. Весь его очеркъ написанъ съ большимъ подъемомъ; авторъ подкрѣпляетъ свой критическій разборъ многочисленными выдержками изъ Голенищева-Кутузова и приводитъ много отзывовъ различныхъ, современныхъ поэту, критиковъ. Изъ нѣкоторыхъ неправильностей, вызванныхъ большой любовью автора къ «чистому» искусству, слѣдуетъ отмѣтить слова г. Бородкина, что теперь «запѣтыхъ стиховъ Некрасова никто не повторяетъ». Стоитъ только сравнить число изданій сочиненій Некрасова съ числомъ изданій другихъ поэтовъ, хотя бы того же Кутузова или Фета, чтобы замѣтить эту неправильность.

По внѣшности изданіе довольно изящно, украшено хорошо выполненнымъ портретомъ поэта съ его автографомъ и снабжено весьма цѣннымъ указате-

лемь литературы о графѣ А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Поправимъ, кстати, здѣсь маленькую неточность: статья о покойномъ поэтѣ напечатана не въ *февральской* книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1913 годъ, а въ *мартовской*, и подписана не Н. Г., а И. Г. Д. М.

Своеручныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генераль-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Изданіе состоящаго подъ высочайшимъ покровительствомъ императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1913. Стр. 52, in 4°. Цѣна 3 руб.

Полная глубокаго драматизма, жизнь княгини Н. Б. Долгоруковой давно приковывала къ себѣ общее вниманіе. Ея записки, написанныя чрезвычайно художественно, прекрасно передающія всѣ изгибы женской души, съ преобладаніемъ чувства надъ разумомъ, долга передъ личными удовольствіями, мѣтко рисующія бытовыя черты времени, уже оцѣнены по достоинству и служатъ, наравнѣ съ другими, литературнымъ памятникомъ для изученія эпохи и языка.

Выйдя замужъ по любви, 16 лѣтъ отъ роду, за фаворита Петра Второго князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, попавшаго въ сатиры Кантемира, она послѣ смерти императора послѣдовала въ 1730 году за своимъ мужемъ въ ссылку въ Сибирь на Березовъ, жила съ нимъ въ большой нуждѣ почти девять лѣтъ, имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей; послѣ колесованія мужа возвратилась въ Москву. Имѣя всего двадцать шесть лѣтъ и будучи привлекательной вдовою, она осталась вѣрной казненному мужу, любовь къ которому самую яркою чертою сквозить на всемъ протяженіи ея записокъ, и всецѣло предалась воспитанію дѣтей. Поставивъ ихъ на ноги, она въ 1757 году приняла монашество, схиму и скончалась въ кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ, а погребена въ Кіево-Печерской лаврѣ, унаслѣдовавъ, повидимому, тяготѣніе къ этой мѣстности отъ своего знаменитаго отца, фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Записки княгини Н. Б. Долгорукой начали писаться съ 12-го января 1767 г., по просьбѣ ея дѣтей, желавшихъ, чтобы она «оставила по себѣ на память журналъ, что случилось въ жизни ея». Будучи уже монахиней въ это время, слѣдовательно человѣкомъ, отдаленнымъ отъ міра, могущимъ, казалось бы, забыть прошлое, княгиня Наталья Борисовна, однако, говорить: «За 26 дней благополучныхъ, или сказать радашнихъ, 40 летъ по сей день стражду, за каждый день по 2 года придетъ безъ малава» (стр. 17). Но въ то же время о человѣкѣ, который принесъ ей столько страданій, о своемъ мужѣ, она отзывается такъ: «Я таперь скажу самую правду, что будучи во всехъ бедахъ, никогда не раскасалась, для чево я за нево пашла, не дала въ томъ безумія Бога» (стр. 19).

Рукопись собственноручная «Записокъ» княгини Натальи Борисовны, принадлежавшая княжнѣ Е. Д. Долгорукой, была поднесена послѣднею великому князю Сергѣю Александровичу и хранилась въ его библиотекѣ въ селѣ Ильинскомъ. По кончинѣ его великою княгиней Елизаветой Теодоровной

была передана Государю Императору. Нынѣ, съ разрѣшенія Его Величества, на средства графа С. Д. Шереметева «Записки» изданы обществомъ любителей древней письменности, съ точнымъ соблюденіемъ подлинника; снимокъ съ одного изъ листовъ рукописи приложенъ при книгѣ. На послѣдней страницѣ «Записокъ» сыномъ Натальи Борисовны княземъ М. И. Долгорукимъ сдѣлана надпись: «Получилъ сию книгу изъ Кіева по кончинѣ несчастной матери моей, въ 1773 г. генваря 17 дня, въ день ея рожденія». Приложенъ также снимокъ съ собственноручной записки Натальи Борисовны, что она «все свое имѣніе по раздѣлу отца своего у брата графа П. В. Шереметева приняла и росписалась».

Издана книга роскошно: на плотной бумагѣ, въ изящной обложкѣ, съ двумя превосходно исполненными портретами княгини Н. В. Долгорукой: въ свѣтскомъ костюмѣ и въ монашескомъ одѣяннн. Мы радуемся, что такой замѣчательный литературный памятникъ изданъ прекрасно и точно такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ императорское общество древней письменности, чего онъ по своему значенію заслуживаетъ, какъ и настоящее издание вполнѣ заслуживаетъ чести быть принятымъ во всѣ капитальныя библіотеки.

Остается пожелать, чтобы самъ авторъ «Записокъ», княгиня Н. В. Долгорукая, такъ талантливо начавшая, но не кончившая описаніе своей жизни, нашла бы, наконецъ, хотя въ наше время своего столь же талантливаго біографа ¹⁾, а тема для изслѣдованія, по нашему мнѣнію, чрезвычайно занимательна.

И. С. В.

Документы, относящіеся въ исторіи 1812 года. Первая часть 14 выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи». Съ высочайшаго соизволенія, подъ редакціей приватъ-доцента В. Смирнова. Спб. 1913. Стр. 111. Ц. 1 р. 50 к.

Еще въ 1876 году извѣстный своими историческими трудами, преждевременно скончавшійся Н. Ф. Дубровинъ познакомилъ русскихъ читателей съ богатыми историческими документами, хранящимися въ архивѣ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, издавъ въ относительно короткое время двѣнадцать обширныхъ томовъ, подъ заглавіемъ «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи» ²⁾. Къ этимъ томамъ составленъ былъ сводный указатель помѣщенныхъ въ двѣнадцать томахъ матеріаловъ (см. т. XII, страницы 386—398), облегчающій, очевидно, пользованіе всѣмъ сборникомъ. Трудъ свой покойный Н. Ф. Дубровинъ совершалъ скромно, въ

¹⁾ Недавно появилась книга: «Схимонахиня Нектарія (кн. Н. В. Долгорукая)», основанная на архивныхъ данныхъ (Спб. 1911 г.), но она составляетъ лишь начало труда и доведена только до 1727 г.

²⁾ Томъ 13-й, составленный еще Н. Ф. Дубровиннымъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1906 году, уже послѣ его кончины. Затѣмъ до 1913 г. никакихъ томовъ этого сборника не издавалось.

то время, когда самый архивъ канцеляріи не только далеко не былъ приведенъ въ какой-либо порядокъ, но представлялъ собою помѣщеніе крайне неудобное для научныхъ занятій. Весьма понятно, что при неустройствѣ самаго архива нельзя и требовать, чтобы издатель его матеріала могъ бы исчерпать полностью все богатое содержаніе архива, немалая часть котораго могла остаться ему неизвѣстною уже по одному тому, что не было возможности ознакомиться вполнѣ со всемъ содержаніемъ архива. Къ тому же академикъ Н. Ф. Дубровинъ не считалъ трудъ свой законченнымъ и располагалъ и въ дальнѣйшемъ издавать послѣдующіе томы начатаго имъ сборника по той же программѣ. Смерть не дала ему возможности осуществить свое намѣреніе, а между тѣмъ самый архивъ, какъ узнаемъ изъ предисловія къ лежащему предъ нами труду г. приватъ-доцента Строева, приведенъ въ порядокъ подъ руководствомъ завѣдующаго собственною Его Величества бібліотекой гофмейстера В. В. Шеглова. Казалось бы, послѣ этого можно было бы съ полнымъ основаніемъ ожидать скораго появленія въ свѣтъ слѣдующаго четырнадцатаго сборника, вполнѣ соответствующаго по формату, системѣ и порядку изложенія и т. д. прежде уже изданнымъ томамъ онаго, потому что не имѣлось въ виду какихъ-либо уважительныхъ причинъ дѣлать по существу измѣненія въ изданіи этого сборника, съ которымъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ освоились все къ нему обращавшіеся. Между тѣмъ, эта надежда не сбылась по той причинѣ, что съ одной стороны продолженіе изданія этого сборника было возложено на то же лицо, которому было поручено составленіе юбилейнаго очерка исторіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; т. е. на г. В. Строева, съ другой же стороны, въ виду исполнивагося столѣтія Отечественной войны рѣшено было (къмъ?) издать небольшую книжку матеріаловъ, относящихся въ этой приснопамятной эпохѣ и хранящихся въ разрабатываемомъ архивѣ (см. предисловіе стр. 3.). Конечно, отчего не почтить священную память Отечественной войны 1812 года, затѣмъ память битвъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ въ 1813 года, память взятія Парижа послѣ многихъ битвъ въ 1814 году и т. д. и почему не издавать по каждому вышеозначенному случаю не только небольшія книжки матеріаловъ, но даже очень великія; все это очень хорошо, но подобныя чествованія отнюдь не должны имѣть вліянія на судьбу и участь начатыхъ уже научныхъ изданій, которыя, преслѣдуя только одну научную цѣль, должны выходить помимо и внѣ всякихъ юбилейныхъ торжествъ и празднованій, по разъ установленному при началѣ изданія плану и программѣ. Это заставляетъ насъ выразить пожеланіе, чтобы недавно изданные «Документы, относящіеся въ исторіи 1812 года», стояли бы совершенно внѣ начатаго гораздо ранѣе сборника историческихъ матеріаловъ и чтобы послѣдній (т. е. сборникъ, начатый Н. Ф. Дубровинымъ) издавался бы по той же программѣ и въ томъ же форматѣ, по которымъ уже изданы первые тринадцать его томовъ. Обращаясь послѣ этого къ самому содержанію лежащей предъ нами небольшой брошюры въ сто страницъ подъ названіемъ «Документы, относящіеся къ исторіи 1812 г.», должно прежде всего замѣтить, что она содержитъ въ себѣ нѣсколько всеподлиннѣйшихъ рапортовъ и донесеній Барклая де-Толли, Багратиона и князя Кутузова, расположенныхъ въ названномъ нами порядкѣ, причемъ неизвѣстно,

будутъ ли помѣщены также донесенія и рапорты и другихъ генераловъ, или все чествованіе памяти 1812 года ограничится напечатаніемъ только указанныхъ бумагъ, значительная часть которыхъ была уже напечатана преимущественно въ «Матеріалахъ военно-ученаго архива» и другихъ сочиненіяхъ, какъ это обстоятельно указано г. В. Строевымъ при каждомъ документѣ. При этомъ г. Строевъ положилъ не мало труда для свѣрки напечатаннаго уже съ подлинными оригиналами и возстановилъ всѣ оказавшіеся въ нихъ пропуски, сдѣланные преимущественно по указаніямъ императора Александра I, при первоначальномъ распубликованіи этихъ рапортовъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1812 года. Кромѣ того, г. Строевъ снабдилъ изданныя имъ бумаги множествомъ примѣчаній, безъ сомнѣнія, очень полезныхъ. Слогъ рапортовъ сохраненъ безъ всякаго измѣненія, конечно, а также самое правописаніе.

П. Майковъ.

Владимиръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ, составленный членомъ оренбургской ученой архивной комиссіи священникомъ Николаемъ Модестовымъ. Оренбургъ. 1913. Стр. 92+III. Цѣна не обозначена.

Священникъ Николай Модестовъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую, но очень интересную книгу, посвященную В. И. Далю, нынѣ совершенно незаслуженно забытому признательнымъ потомствомъ, но когда-то въ свое время блиставшему въ первыхъ рядахъ русской литературы и печатавшему подъ псевдонимомъ «Казакъ Луганскій» въ лучшихъ журналахъ свои народныя сказки, рассказы и повѣсти. Эти сочиненія В. И. Даля очень высоко цѣнили Пушкинъ, позднѣе Тургеневъ, Бѣлинскій и всѣ представители нашей тогдашней литературы и интеллигенции, а за его капитальный «Толковый словарь живого великорусскаго языка» академія наукъ единогласно избрала его въ свои почетные члены и присудила ему Ломоносовскую премію. Затѣмъ Даль извѣстенъ и какъ естествоиспытатель, этнографъ, врачъ, военный инженеръ и, наконецъ, администраторъ. «Это былъ человекъ, что называется, на всѣ руки,—писалъ о немъ близко знавшій его Н. И. Пироговъ.—За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить». Мало отмѣченными въ литературѣ прошли и исполнившееся въ 1902 году столѣтіе со дня его рожденія, и минувшая 22-го сентября 1912 года сороковая годовщина со дня его кончины. Поэтому слѣдуетъ признать весьма удачнымъ появленіе работы отца Модестова, использовавшаго для своего изслѣдованія, кромѣ извѣстныхъ печатныхъ источниковъ, и тѣ архивныя матеріалы, которые сохранились въ дѣлахъ самой оренбургской ученой архивной комиссіи. Содержаніе книги г. Модестова гораздо шире ея заглавія: авторъ повѣствуетъ не только объ оренбургскомъ періодѣ жизни В. И. Даля, но послѣдовательно знакомитъ читателя со всей жизнью Даля, хотя именно пребываніе въ Оренбургѣ описано наиболѣе подробно и обстоятельно. Большимъ достоинствомъ книги г. Модестова является основательное знаніе авторомъ архивныхъ матеріаловъ, исторіи мѣстнаго края и тщательная провѣрка уже извѣстныхъ литературныхъ источниковъ о жизни и трудахъ Даля,

Однако нужно замѣтить, что въ погонѣ за такою тщательностью авторъ часто вредитъ цѣлостности своего повѣствованія, отвлекая вниманіе читателя совершенно излишними деталями въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, которыхъ, къ слову сказать, у него нагромождено великое множество. Напримѣръ, сообщая о томъ, что Далъ по окончаніи курса въ корпусъ былъ выпущенъ мичманомъ, онъ обязательно прибавляетъ въ примѣчаніи: «Мичманъ—первый офицерскій чинъ въ военномъ русскомъ флотѣ. Чинъ этотъ соответствуетъ поручику арміи и гражданскому двѣнадцатому классу. («Энциклопедическій словарь» товарищества братьевъ Гранатъ, т. VI, стр. 3215)». И такихъ ненужныхъ примѣчаній не одно, не два и не три. Встрѣчаются шероховатости и въ самомъ языкѣ, напримѣръ: «Жена Даля была нѣмка и очень недолговѣчна». Несмотря на подобные незначительные недостатки, книга отца Николая Модестова является однимъ изъ первыхъ научныхъ біографическихъ очерковъ о Далѣ, поэтому должна обратить на себя вниманіе. Въ приложеніи къ книгѣ данъ портретъ Даля и указатель литературы о его жизни, дѣятельности, беллетристическихъ произведеніяхъ и научныхъ трудахъ.

Д. М—ко.

Овидій. Баллады-посланія. Переводъ со вступительными статьями и комментариемъ В. Зѣлинскаго. (Памятники мировой литературы). Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1913. Стр. XLIII+344. Ц. 2р. 25 к.

Въ настоящей книгѣ даны переводы двухъ сборниковъ Овидія, озаглавленных въ рукописяхъ и изданіяхъ «*Heroides sive epistulae*». Обоиъ сборникамъ предшествуетъ написанный профессоромъ Зѣлинскимъ вступительный очеркъ «Овидій Назонъ», въ которомъ живо и интересно разсказана біографія поэта въ связи съ его литературной дѣятельностью. Вслѣдъ за этимъ очеркомъ идетъ «введеніе», специально посвященное «Героинямъ», представляющее собою характеристику героинь, содержание и разъясненіе мотивовъ, разработанныхъ Овидіемъ въ своихъ «балладахъ-посланіяхъ». Отмѣтимъ еще, что посланіямъ перваго сборника предпосланы краткія «введеньица», въ которыхъ, однако, выражаясь словами г. переводчика, «дано все, что нужно, чтобы понять данное посланіе, какъ цѣльное произведеніе». Что касается втораго сборника, переведеннаго Л. Θ. Завалишиной, то тамъ «введенія» предшествуютъ не каждой балладѣ, а попарно, именно: первой парѣ посланій предшествуетъ введеніе, озаглавленное «Похищеніе Елены», второй—«Волны моря и любви» и третьей—«Родоначальница нашего романа».

За второю частью «Героинь» идетъ приложеніе: «Лукреція», а затѣмъ слѣдуетъ комментарий, раздѣленный на четыре части: 1) «Русскій элегическій дистихъ», 2) «Объяснительныя примѣчанія», 3) «Критическія примѣчанія» и 4) «Объясненіе иллюстрацій».

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію перевода «Героинь». Отмѣтимъ прежде всего, что переводъ стихотворный и представляетъ онъ собою далеко не то, что мы обычно называемъ переводомъ—я бы скорѣе назвалъ этотъ переводъ «переводомъ-изложеніемъ», такъ какъ г. Зѣлинскій даетъ не только то, что содер-

жится въ подлинникѣ палицо, но и то, чего въ немъ нѣтъ, что, однако, легко подразумѣвается. Объясняется это обстоятельство тѣми нѣсколько своеобразными принципами, которыми руководился г. Зѣлинскій. По его мнѣнію, «точность перевода далеко не тождественна съ его дословностью», и задача всякаго перевода, «по единственно правильному, психологическому опредѣленію», состоитъ въ томъ, чтобы «передавать тѣ представленія и чувства, которыя заключены въ подлинникѣ». Однако, не могу не замѣтить, что этотъ правильный путь въ то же время и очень скользкій, такъ что даже большіе знатоки языка подлинника не всегда бываютъ свободны отъ погрѣшностей, тѣмъ болѣе въ переводахъ стихотворныхъ. Но все это частности, въ общемъ же за труды, положенныя г. Зѣлинскимъ на переводъ посланій Овидія, нужно быть только благодарнымъ.

Съ вѣншей стороны книга издана хорошо и даже изящно.

Я. Вирюковъ.

S. Graham. Changing. Russia. London. 1913. John Lane. Pp. 304.—R. Reynolds. My russian Journey. London. 1913. Mills. Pp. 304, 10 s. 6 d.

До послѣднихъ лѣтъ для средняго, рядового англичанина Россія представлялась въ буквальномъ смыслѣ слова terra incognita. Въ то время, напримеръ, какъ наша литература получила значительное распространеніе въ Германіи и Франціи, въ Англии изъ всѣхъ русскихъ писателей извѣстны, какъ заявили ливерпульскій профессоръ Гринъ на своихъ лекціяхъ въ Петербургѣ, только два имени: Левъ Толстой и Максимъ Горькій.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ новой комбинаціи міровыхъ силъ, стариннымъ соперникамъ Россіи и Англии приходится итти на сближеніе, и англичане, какъ народъ дѣловой и положительный, желаютъ знать по возможности обстоятельно, съ кѣмъ имъ придется имѣть дѣло.

Вотъ почему отдѣленія Rossica въ англійскихъ бібліотекахъ продолжаютъ увеличиваться сочиненіями о Россіи, которыхъ ежегодно выходитъ въ Англии по нѣсколько штукъ. Сочиненія эти любопытны не только для англичанъ, но и для насъ, русскихъ. Сидя въ самомъ водоворотѣ русской жизни, мы многого не замѣчаемъ, привыкли ко многому такому, что сразу поражаетъ глазъ посторонняго наблюдателя. Интересно взглянуть, какъ наша жизнь представляется чужестранцамъ, что именно видятъ они въ ней хорошаго и дурного.

Текущій книжный сезонъ въ Лондонѣ принесъ съ собою еще двѣ англійскія книги о Россіи, заглавія которыхъ мы выписали выше. Обѣ онѣ посвящены современному положенію Россіи, но совершенно различны какъ по полю зрѣнія автора, такъ и по манеру обрабатывать собранный матеріалъ, и могутъ служить дополненіемъ другъ къ другу. Г. Грахамъ не первый разъ пишетъ о Россіи. У него есть нѣсколько книгъ о нашемъ отечествѣ. Съ послѣдней изъ нихъ «Undiscovered Russia» мы своевременно познакомили читателей «Историческаго Вѣстника». Г. Грахамъ совершенно обрусѣлъ, превратился у насъ въ «Степана Петровича» и даже усвоилъ себѣ чисто русскую наклонность къ передвиженію per pedes apostolorum. Съ котомкой за плечами онъ странствуетъ

по берегамъ Чернаго моря, почуя подь открытымъ небомъ и питаюсь, чѣмъ Богъ пошлетъ, или бредеть въ толпѣ богомольцевъ на далекій сѣверъ, или путешествуеть въ переполненномъ «зайцами» вагонѣ третьяго класса за Уралъ. И вездѣ онъ наблюдаетъ по преимуществу простонародный русскій бытъ, схватываетъ сценки съ натуры и заноситъ ихъ въ свою книгу. Его сочиненія живые путевые очерки, рядъ моментальныхъ фотографій съ натуры. Но въ его объективъ попадаютъ и фигура новаавонскаго архимандрита, и знакомаго «интеллигента», и разныхъ «восточныхъ человѣковъ».

Какъ же представляется ему современная русская жизнь? Нельзя сказать, чтобы въ розовомъ цвѣтѣ. Пониженіе умственныхъ и нравственныхъ силъ страны—вотъ что чувствуетъ вездѣ вдумчивый авторъ. «Новѣйшее движеніе въ Россіи есть ея гибель.—говоритъ г. Грахамъ.—Проклятіе Россіи—ея буржуазія, ея средній классъ, низшая «интеллигенція». Въ политикѣ они называютъ себя либералами, хотя понятія не имѣютъ о настоящемъ либерализмѣ и не желаютъ итти ни на какія жертвы, ни на какой рискъ. Именно благодаря имъ не удалась русская революція. Не имѣя вѣры въ себя революціонеровъ, они рѣшили посмотрѣть сначала, кто одержитъ верхъ. Эгоистическая до послѣдней степени, нечистоплотная, тяжеловѣсная, развратная, не умѣющая понять, что хорошо и что дурно у сосѣдей,—вотъ современная русская буржуазія». «Вмѣсто оперы у нея граммофонъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Вмѣсто театра—кинематографъ, вмѣсто національной литературы—дешевые переводы, вмѣсто національнаго быта—подражаніе современной англійской жизни».

Всѣ симпатіи автора на сторонѣ здороваго русскаго крестьянства: въ немъ онъ видитъ матеріалъ для дальнѣйшей эволюціи Россіи.

Насколько здраво судить г. Грахамъ, когда ему приходится резюмировать имъ лично вынесенныя впечатлѣнія, настолько ошибочны его сужденія, когда дѣло касается чуждыхъ ему теченій народной жизни, напримѣръ, нашей внѣшней политики. Онъ увѣряетъ, что Россію и Германію связываетъ традиціонная, живо чувствуемая въ Россіи дружба и что, когда одинъ изъ членовъ недавно пріѣзжавшей къ намъ парламентской депутаціи произнесъ рѣчь о томъ, что россъ и британецъ будутъ сражаться бокъ о бокъ, то этотъ тостъ былъ принятъ очень холодно и въ глубокомъ молчаніи. Говоритъ такъ значитъ не понимать политической эволюціи, которую пережила Россія со времени Берлинскаго конгресса: Традиціонная дружба съ Германіей давно вывѣтрилась, а тостъ былъ встрѣченъ молчаніемъ потому, что былъ произнесенъ среди русскихъ офицеровъ. Поддержки они его возгласами одобренія, получила бы неумѣстная политическая демонстрація. И мы желали бы, чтобы наше объясненіе попало къ глазу г. Грахаму.

Второе сочиненіе г. Рейнольдса принадлежитъ къ цѣлой серіи путешествій, выпускаемыхъ фирмою Милльза. Такъ существуютъ еще «My Parisian Jeag», «My Sudan Jeag» и т. д.

Г. Рейнольдсъ наблюдатель по преимуществу городской—въ деревню онъ ѣдетъ лишь затѣмъ, чтобы ознакомиться съ результатами хуторскаго хозяйства. Его занимаетъ главнымъ образомъ общественно-политическая жизнь Россіи, и онъ посвящаетъ цѣлыя главы двору, политическимъ партіямъ, бѣлому и чер-

ному духовенству, еврейскому вопросу. Авторъ не такъ хорошо знаетъ толщу русской жизни, какъ г. Грахамъ. Оттого его наблюденія грѣшатъ элементарностью, а иной разъ и нѣкоторою курьезностью. Такъ, нанятая имъ старуха-кухарка, пившая запоемъ, представляется ему типомъ «лучшей» русской кухарки, вѣроятно, только потому, что она взяла съ него большое жалованье. Несмотря на такіе мелкіе недочеты, г. Рейнольдсъ совершенно правильно подводитъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ современной Россіей. «Въ Россіи можно еще застать всѣ вѣка. Мужчины и женщины съ міросозерцаніемъ XIV, XVII и XVIII вѣковъ встрѣчаются бокъ-о-бокъ съ людьми, которые стремятся сразу исцѣлить все зло въ человѣческомъ обществѣ при помощи самоновѣйшихъ социальныхъ способовъ XX столѣтія. Это какой-то маскарадъ, гдѣ толкуются люди совершенно различныхъ вѣковъ».

Несмотря на такой неблагоприятный выводъ о нашей духовной отсталости, книга Рейнольдса чужда какого бы то ни было пренебреженія, а тѣмъ болѣе враждебности къ Россіи и даетъ англичанамъ вѣрное понятіе о нашей дѣйствительности.

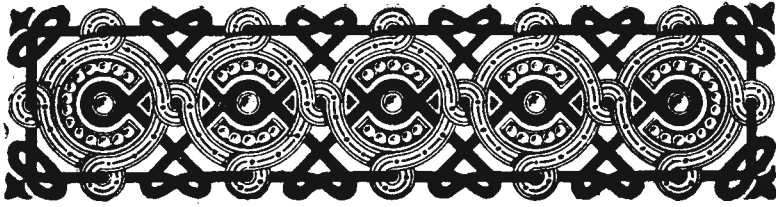
Оба сочиненія щедро иллюстрированы любительскими фотографіями.

А. В—ъ.

Н. Кадминъ. Философія убійства. Москва. 1913. Стр. 162. Ц. 1 р.

Заглавіе книги не соответствуетъ ея содержанію. Она написана популярно, но не научно. Авторъ описываетъ преимущественно ужасы инквизиціи, которые достаточно извѣстны, и современнымъ историкамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ громамъ и молніямъ, которые мечетъ г. Кадминъ. Историческія свѣдѣнія автора, повидимому, недостаточны. Бл. Августина онъ называетъ апостоломъ гоненія, а франкскихъ королей галльскими, что, конечно, совершенно невѣрно. Достигнувъ, —говоритъ авторъ,—въ десятомъ столѣтіи вѣнца могущества, силы, безответственности и всевластія, папство и папская курія разрушаются отъ собственнаго благополучія, могущества и богатствъ а. Это утвержденіе противорѣчитъ историческимъ фактамъ и логикѣ. Вѣнца могущества папы достигли не въ десятомъ, а въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ, и никакая власть до сихъ поръ не разрушалась отъ собственнаго могущества. Слогомъ г. Кадминъ напоминаетъ иностранцевъ. На инквизицію онъ нападаетъ такими не вполне русскими фразами: «Этотъ планъ можетъ быть названъ дьявольскимъ въ томъ смыслѣ, что онъ отдавалъ мірянъ въ полную и безответственную власть гѣенъ и волковъ, опьяненныхъ запахомъ и видомъ крови и сѣявшихъ по странѣ смуту развращенія, доносовъ, злобы и ужаса. Съ психологіей всѣхъ послѣдствій этого мѣропріятія основатели новаго ордена инквизиторовъ не считались». По-русски нельзя говорить «осудилъ на костеръ» и манихеевъ называть «манихеистами».

П. В.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Приближеніе русскаго ренессанса.—«Русскій Архивъ», «Русская Старина» и «Голосъ Минувшаго» за истекшій годъ.—Записки митрополита московскаго Леонтія.—Сонъ будущаго инока.—Митрополитъ Филаретъ на экзаменахъ.—Архіерей-вольнодумецъ.—Митрополитъ Григорій, какъ писатель.—Легенда объ архіепископѣ Смарагдѣ Крыжаповскомъ.—Сатирической акаѳистъ.—Какъ умирали русскій архіерей въ Японіи.—Новая картинка старыхъ архіерейскихъ объѣздовъ.—Роковой коньякъ и поповскіе пироги.—Душевная драма митрополита Антонія (Вадковскаго).

ОСЛѢДНІЕ годы ознаменованы безспорнымъ повышеніемъ интереса къ области историческихъ знаній. Среди всевозможныхъ печальныхъ показателей современныхъ настроеній, мало рекомендуемыхъ успѣхи у насъ культуры, среди разныхъ литературныхъ выморочныхъ теченій, вплоть до футуризма, это повышение интереса и любви къ старинѣ было почти единственной отрадой. Оно говоритъ о ростѣ національнаго сознанія, о томъ, что цѣнить свое прошлое начинаетъ уже не только высшій интеллигентъ, тотъ, что въ наукѣ даетъ ученыхъ, а въ частной жизни любителей, а и средній человѣкъ, представитель такъ называемой широкой массы.

Пока приходится говорить не объ обновленіи исторической науки трудами новыхъ работниковъ, не объ исключительномъ умноженіи числа тѣхъ, кто трудится надъ разработкой историческихъ первоисточниковъ. Поднялся просто широкій интересъ къ исторіи въ ея наиболѣе популярныхъ видахъ, растетъ историческое любопытство и, что цѣнно,—это является не суховатою любознательностью умовъ, а сердечнымъ увлеченіемъ, которому человѣкъ поддается, сначала почти не отдавая себѣ отчета.

Для России наступает как бы период ренессанса. Несколько еще недавно было почти повальным стремление к модерну всюду, начиная от литературы и продолжая комнатной обстановкой, настолько теперь развивается чувство старины и стремление к ней. От современного писателя с его грубоватым натурализмом читатель отвлекается к старикам и перечитывает Тургенева. Цѣлый ряд писателей—Кузьминъ, Ауслендеръ, Бѣляевъ, Садовскій—влюбленно описывают старину, переносятъ воображеніемъ въ дворянскую усадьбу время Потемкина или въ Красный кабачекъ. Равнодушно они проходятъ мимо сегодняшняго дня и страннымъ влеченіемъ влекутся въ атмосферу забытой усадьбы 30-хъ—40-хъ—50-хъ годовъ, гдѣ старыя клавишины звенятъ подъ рукой нашихъ бабушекъ, гдѣ скучаютъ на шитыхъ подушкахъ шелковые маркизы съ четырехугольными глазами, а со стѣнъ смотрятъ старыя портреты съ трехгранной рамкой на мѣстѣ сердца.

Никогда раньше во вкусахъ и симпатіяхъ общества не чувствовался такъ, какъ теперь, возвратъ къ старинѣ. Никогда раньше не разгоралось до такой степени изящное любительство. Старинная мебель цѣнится чуть не на вѣсъ золота. По дальнимъ провинціальнымъ уголкамъ рыщутъ агенты столичныхъ антикваріевъ, выскывая диковинные диваны краснаго дерева или покоробленные, давно отзвучавшія клавишины, и превращаютъ то и другое въ тысячныя цѣнности. Кажется, никогда ни одинъ театръ не возстановлялъ съ такой благоговѣйной пѣжностью колоритъ эпохи, съ какой «московскіе художники» воскресили обстановку тургеневскихъ пьесъ. Никогда не были раздраженнѣе голоса по поводу какого-нибудь вацальства въ отношеніи памятника старины.

Еще такъ недавно неувѣроятно было, чтобы кто-нибудь въ журнальной статьѣ умилился рисункомъ старинной чугушной рѣшетки или фронтона забытаго барскаго дома. Теперь этому посвящаются спеціальныя дорогіе журналы. Въ роскошныхъ дорогихъ изданіяхъ и въ общедоступныхъ маленькихъ книжечкахъ, поподобию Бедекера, въ текстѣ и иллюстраціяхъ возстановлены красоты Царскаго Села, Павловска, Костромы, Ярославля, не говоря о Петербургѣ. Въ далекихъ провинціальныхъ уголкахъ, включительно до Сибири, возникаютъ періодическія изданія, съ увлеченіемъ разрабатывающія исторію и археологію края, собирающія мѣстную легенду и мѣстный анекдотъ. Историческій популяризаторъ Валишевскій сталъ чуть ли не самымъ занимательнымъ писателемъ.

Если широко распространенныя историческія изданія у всѣхъ подъ руками, если спеціальныя любитель исторіи, къ какому принадлежитъ читатель «Историческаго Вѣстника», легко можетъ прослѣдить то новое, что несутъ журналы: «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Голосъ Минувшаго» и т. д., то значительная часть мѣстныхъ изданій незаслуженно ускользаетъ отъ общаго вниманія. Почти нельзя назвать журнала или газеты, которые бы, напримѣръ, удѣляли мѣсто обзору четырехъ органовъ, издающихся при нашихъ духовныхъ академіяхъ и, въ частности, дающихъ обильный матеріалъ для возстановленія былой жизни нашей церкви и умершаго быта нашего духовнаго сословія, игравшаго встарь несравнимо большую роль, чѣмъ теперь. Цѣлая область интересныхъ историческихъ показаній оставляется безъ вниманія, и

матеріалъ погрѣбается въ не разрѣзанныхъ книжкахъ, въ рѣдчайшихъ случаяхъ только находятъ издателя, который бросаетъ книгу на общій рынокъ. Открываемые съ этого помера «Историческаго Вѣстника» наши обзоры имѣютъ цѣлю дать читателю возможность восполнить этотъ вынужденный пробѣлъ.

Въ истекшемъ году старѣйшій изъ русскихъ историческихъ журналовъ «Русскій Архивъ» вступилъ въ пятьдесятъ первый годъ изданія. Этотъ годъ оказался для него роковымъ: старый руководитель и составитель этой, въ былое время превосходной, а въ послѣдніе годы нѣсколько оскудѣвшей сокровищницы русскихъ историческихъ матеріаловъ,—П. П. Бартенева сошелъ въ могилу. Нѣсколько мѣсяцевъ самая судьба журнала висѣла въ воздухѣ. Послѣ промежутка журналъ возстановился. 1913 годъ не далъ пробѣла, но зато въ смыслѣ содержанія оказался едва ли не самымъ малозначительнымъ годомъ за нѣные полвѣка.

Безъ подсказовъ газетъ, отмѣчавшихъ нѣкоторыя тресія между наследниками покойнаго Бартенева, читатель могъ бы заключить, что въ редакціи стараго журнала что-то не ладно, до такой степени матеріалы послѣдняго года носили характеръ случайный, чуждый общей основной мысли, совершенно не выдающій желанія новой редакціи расположить читателя какими-либо особенно цѣнными статьями и документами. Или сокровищница старика Бартенева въ значительной мѣрѣ оскудѣла, или ключъ отъ нея оказался не въ рукахъ новой редакціи. Остатки архива извѣстнаго Кутлубойскаго о временахъ Павла были уже наиболѣе интереснымъ матеріаломъ, хотя въ значительной мѣрѣ они только повторяли гораздо болѣе яркія страницы, использованныя раньше старикомъ Бартеневымъ. Только къ матеріаламъ третъестепеннаго интереса можно отнести записки сенатора Лопухина, записки М. Леонтьева, воспоминанія Лелюга и почти совершенно безвѣстную переписку Кристина и княжны Туркестановой.

Много ярче была «Русская Старина», давшая и въ этомъ году, какъ прежде, полныя интереса «Замѣтки и воспоминанія судебнаго дѣятеля» талантливаго А. О. Копи, литературныя воспоминанія маститаго П. Д. Боборыкина объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ его жизни—періодъ изданія имъ «Библіотеки для чтенія». Во «Встрѣчахъ и столкновеніяхъ» Сементковскаго прошли крупныя и мелкія фигуры главнымъ образомъ литературнаго міра. Въ дневникахъ статья-секретаря Вилламова, академика Безобразова, барона Велю, княгини М. Волконской и въ статьяхъ Шумигорскаго о царствованіи Павла читатель слышалъ живые отзвуки времени, котораго уже не помнятъ старожилы. Разсказы Бобрикова о Берлинскомъ конгрессѣ подчеркнули непростительные иногда промахи русскихъ дипломатовъ и ту трагическую ихъ несамостоятельность въ рѣшеніи огромнаго для Россіи вопроса, какая приближаетъ то время къ нашей бѣдной современности.

Въ отдѣльныхъ воспоминаніяхъ «Русской Старины» прошли памятные образы митрополита Платона (Левшина), Драгомирова, Скобелева, Пушкина, Благосвѣтлова. Былому умершему быту и нравамъ, между прочимъ правамъ старой провинціальной бурсы и медицинскою академію отданы были страницы менѣе отвѣтственныхъ воспоминаній.

Въ «Голосъ Минувшаго» въ истекшемъ году прошли записки декабриста Поджіо, дневникъ француза Дюмона, гостившаго въ Россіи въ дни, послѣдовавшіе за переворотомъ послѣ смерти Павла, записки Дуббельта, выдающія типичную психологію «истинно русскаго человѣка» николаевскихъ дней, автобіографическія записки извѣстнаго художника В. Максимова, красивая безпретенціозная повѣсть хорошей русской души, попавшей въ тѣло русскаго крѣпостнаго и преодолившей талантливостью и энергіей почти невозможныя сословныя преграды.

Съ интересомъ читались записки извѣстнаго шлиссельбуржца Н. А. Морозова, возвращающагося въ воспоминаніяхъ къ самымъ раннимъ своимъ революціоннымъ выступленіямъ, съ непочатымъ запасомъ идеализма и съ той глубокой вѣрой въ товарищество, отъ которой, увы! не оставила и слѣда недавняя азефовщина. Дань чисто народному творчеству отдана была записками сектанта Тимофея Зайца. Наивныя и простецкія, исполненныя почти необузданнаго дерзновенія, въ особенности противленія правящей церкви, онѣ тѣмъ не менѣе хорошо передаютъ пламень мужицкой души, пожелавшей истиннаго опрощенія и прямой жизни по совѣсти.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ мелькнули интересныя страницы о Гоголѣ, Герценѣ, Щепкинѣ, Бакунинѣ, Грановскомъ, Огаревѣ, Львѣ Толстомъ, Салтыковѣ, Эртелѣ, Пушкинѣ, Ключевскомъ, Гончаровѣ, Михайловскомъ, Буташевичѣ-Петрашевскомъ. Среди чисто литературныхъ матеріаловъ была дана незначительная по своимъ литературнымъ достоинствамъ, но небезынтересная для общей характеристики тургеневскаго творчества ранняя драматическая поэма творца «Записокъ охотника»—«Стено».

Въ академическихъ богословскихъ изданіяхъ наиболѣе живымъ матеріаломъ представляются страницы, посвященныя автобіографическимъ запискамъ крупныхъ церковныхъ дѣятелей и воспоминаніямъ о нихъ.

Исключительный по интересу матеріалъ представляютъ автобіографическія записки покойнаго митрополита московскаго Леонтія (Лебединскаго), печатавшіяся въ «Богословскомъ Вѣстникѣ».

Въ «преполовеніи седьмого десятка лѣтъ жизни», еще въ совершенной душевной уравновѣшенности, какъ извѣстно, не сохранный владыкою до конца жизни, митрополитъ оглядывается на свое прошлое и на людей, съ которыми встрѣчался. Самъ онъ обрисовывается симпатичною простою натурой, приобрѣтавшей общее расположеніе своею прямою и здравостью яснаго русскаго ума.

Человѣкомъ простой, но искренней и глубокой вѣры обрисовывается митрополитъ въ своихъ запискахъ. Съ самымъ постригомъ его въ монашество связаны нѣкоторыя мистическія переживанія.

«Въ философскомъ классѣ еще, по случаю сильной болѣзни и скорого выздоровленія,—разсказываетъ Леонтій,—далъ я обѣтъ быть монахомъ. Въ академіи, признаться, я и забылъ о немъ, и мечталъ о семейной жизни.

«Вдругъ какъ-то неожиданно мысль моя обратилась на прошедшее, и ясно представился мнѣ данный обѣтъ; я смутился и задумался. Какъ быть? Пишу бывшему своему ректору, тогда викарію варшавскому Еллипифору вопросъ:

можно ли замѣнить обѣтъ монашества какимъ-нибудь другимъ? Отвѣтъ получить:

«Пожалуй, можно; но я знаю несчастные примѣры неисполненія обѣтовъ данныхъ, и потому совѣтую тебѣ исполненіемъ его не медлить, если не хочешь навлечь на себя гнѣвъ Божій. Послѣ можешь еще раздумать, ступай въ монашество теперь же».

«Отвѣтъ этотъ рѣшилъ мое намѣреніе; а я все медлилъ, хотя о. инспекторъ академіи уже предлагалъ мнѣ монашество, не зная объ обѣтѣ, а я просилъ о времени подумать».

«На масленицѣ (1847 г.) я, ни разу не болѣвши въ академіи, неожиданно отъ задержанія урины сильно заболѣлъ воспаленіемъ мочевого пузыря, и не явись докторъ Беневоленскій во-время въ академическую больницу, едва ли бы и остался живъ. По крайней мѣрѣ докторъ сказалъ: «Опоздай я еще пять минутъ, вамъ бы капуть».

«Скоро я оправился и первую недѣлю Великаго поста говѣлъ (нося бандажъ). А я все еще медлилъ прошеніемъ о монашествѣ».

«На третьей недѣлѣ поста, подъ вторникъ ночью, я вижу сонъ, какъ наяву: является мнѣ уже умершій тогда архіепископъ воронежскій Антоній и надѣваетъ на меня клобукъ. Я проснулся въ испугъ и такъ крикнулъ, что пробудились спящіе студенты въ спальнѣ нашего шестого номера».

«— Что съ вами, Иванъ Алексѣевичъ?—спросилъ, кажется, Ширскій, товарищъ».

«— Ничего, такъ себѣ,—сказалъ я».

«Вѣроятно, помнятъ это еще многіе. На другой день, въ среду третьей недѣли Великаго поста, я и понесъ вечеромъ прошеніе о. Макарію о постриженіи въ монашество. Выходитъ онъ, я объясняюсь».

«— Очень радъ, и представьте себѣ,—говоритъ:—сейчасъ я, отыскивая текстъ для проповѣди, остановился на словахъ: «Скажи ми, Господи, путь, вонъже пойду». Самъ Богъ ведетъ васъ къ иночеству».

«Впрочемъ, я не говорилъ о. инспектору о явленіи мнѣ архіепископа Антонія, не распространялся и объ обѣтѣ. Студенты скоро узнали о томъ, но никто не подтрунивалъ, ибо ко мнѣ относились всѣ съ любовью и уваженіемъ. Никто не могъ и думать, что я рѣшился на особый путь изъ видовъ студенческихъ, ибо я изъ числа первыхъ студентовъ».

«17-го мая 1847 года я постриженъ въ монашество ректоромъ академіи преосвященнымъ Евсеіемъ послѣ всенощной подъ воскресеніе въ академической церкви. Подводили меня къ постригальному аналою архимандрита Макарій и Аввакумъ (цензоръ тогда). Наканунъ постриженія призывалъ меня къ себѣ преосвященный Евсеій для наставленій, и я высказалъ, что желалъ бы назваться Іеронимомъ».

«— А что, развѣ просить новорожденное дитя, чтобы ему дали то или другое имя? Я вамъ самъ дамъ имя»,—а какое, не сказалъ. При постриженіи слышу: «братъ нашъ Леонтій» и проч.»

Академистомъ Леонтій еще засталъ кievскаго митрополита Филарета, такъ называемаго «Благочестиваго» въ отличіе отъ Филарета московскаго—«Мудраго»,

какъ ихъ однажды охарактеризоваль въ частномъ разговорѣ императоръ Николай.

«На экзамены въ академіи владыка Филаретъ прѣзжалъ аккуратно и по богословію обнаруживалъ познанія обширныя и глубокія. Отцовъ церкви цитировалъ наизусть много. Философіи онъ не долюбивалъ и посмѣивался надъ мнѣніями древнихъ философовъ. Студентамъ при немъ отвѣчать было легко.

«Послѣ испытанія онъ заходилъ и къ ректору, и ко мнѣ, на закуску. Въ семинарію онъ прѣзжалъ только разъ въ годъ на общее, такъ называемое публичное испытаніе. Читалась тогда еще и медицина; преподавалъ ее докторъ (онъ же академическій и владычій врачъ) извѣстный Пелехинъ, любившій поддѣлываться къ митрополиту.

«Шла рѣчь, помнится, по гігіенѣ, и ученикъ по запискамъ доказывалъ, что послѣ обѣда спать вредно для здоровья. Владыка, выслушавши тираду, сказалъ:

«— А я вотъ люблю послѣ обѣда соснуть часокъ и не нахожу вреда.

«Пелехинъ съ улыбкою на губахъ отвѣчаетъ:

«— Всякая скотина, ваше высокопреосвященство, послѣ ѣды отдыхаетъ.

«— У— дуракъ!—на это замѣтилъ митрополитъ.

«И вышло глупо, смѣшно. Публика расхохоталась, хотя не громко, изъ почтенія къ владыкѣ. Такъ иногда желаніе поделужиться роиаетъ человека.

«Митрополитъ Филаретъ любилъ ученыхъ монаховъ и въ праздники нарочитые приглашалъ всѣхъ къ обѣду. Добрѣйшій старецъ словоохотливо обращался то къ тому, то къ другому съ вопросами, и самъ разсказывалъ, бывало, случаи изъ своей жизни, въ назиданіе намъ, молодымъ служакамъ. Часто онъ повторялъ:

«— Пора мнѣ уже въ путь всяя земли. Вотъ только молю Бога, чтобы не допустилъ быть моимъ преемникомъ Иннокентія (херсонскаго). Онъ тутъ все перепортилъ и деньги растратилъ на затѣи разныя.

«И случилось такъ, что Иннокентій скончался ранѣе Филарета восемью мѣсяцами.

«Однажды преосвященный Иннокентій проѣздомъ въ Петербургъ для за-сѣданій въ святѣйшемъ синодѣ (кажется, 1852 г.) остановился въ Кіевѣ, къ общей радости нашей. Владыка Филаретъ дѣлалъ по этому случаю парадный обѣдъ, на которомъ была и вся ученая братія. Иннокентій запоздалъ прибытіемъ къ обѣду, засидѣвшись у генераль-губернатора. И владыка, сказавши: «Семеро одного не ждутъ», велѣлъ садиться за столъ.

«Только съѣли мы, черезъ нѣсколько минутъ прѣзжаетъ Иннокентій и извиняется за опозданіе.

«— А мы вотъ ждали васъ, ждали, да и съѣли. Садитесь-ка скорѣе.

«Пошли бесѣды живыя. Иннокентій, какъ большой мастеръ говорить, изображалъ природу Крымскаго полуострова, расхваливалъ устрояемые имъ скиты и нещеры и увлекся мечтами о ихъ насельникахъ, которыхъ и не было еще.

«Митрополитъ Филаретъ долго слушалъ молча, улыбаясь. Наконецъ, когда замолокъ Иннокентій, владыка началъ говорить:

«— Все это прекрасно. Но вѣдь вы сочиняете скиты для отшельниковъ,— да гдѣ же они? Вѣдь скиты и пещеры основывались самими подвижниками, ихъ святые подвиги привлекали сожителей, и устанавливались уставы. Трудами, потомъ и слезами устраивались скитское подвижничество, а вы хотите навязать его другимъ, которыхъ еще нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ, и то не надежныхъ! Вотъ кievскія пещеры развѣ такъ основывались, какъ ваше преосвященство предполагаетъ? Нѣтъ! Антоній и Феодосій преподобные своими претрудными, потowymi подвигами привлекли сюда благословеніе Божіе и благодать, и вотъ сколько вѣковъ существуютъ пещеры, и сколько подвижниковъ образовали онѣ!..

«Назидательна была бесѣда опытнаго старца. И дѣйствительно, планы Иннокентія о скитахъ крымскихъ не исполнились,—хороши они были въ воображеніи. Между прочимъ, въ концѣ обѣда митрополитъ Филаретъ началъ расхваливать насъ, монаховъ, и сказалъ: «вотъ это вѣдь всѣ будущіе архіереи!» и такъ исполнилось».

Изъ періода ректорства во владимирской семинаріи любопытенъ разсказъ Леонтія объ епископѣ Іустинѣ, въ которомъ авторъ записокъ отмѣчаетъ рѣдкую для православныхъ архіереевъ черту нескрываемаго и нескромнаго вольнодумства. Почти неправдоподобныя выходки Іустина, въ особенности на семинарскихъ экзаменахъ въ присутствіи Леонтія, привели молодого монаха въ полное недоумѣніе.

«Помню,—повѣствуетъ Леонтій,—на экзаменѣ одинъ ученикъ отвѣчалъ по догматикѣ о божественности Іисуса Христа и приводилъ классическій текстъ: «да о имени Его поклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ». Объясненіе текста шло по урокамъ печатной догматики.

«— Ну, вотъ пустяки!—возражаетъ преосвященный.—Зачѣмъ насиловать текстъ!.. Тутъ разумѣются птицы, рыбы, гады!..

«Это меня просто ошеломило; я вступился, и скоро оба мы замолчали. Впечатленіе на учениковъ сдѣлано нехорошее.

«Другой примѣръ. Ученикъ говоритъ: «Духъ Святой въ видѣ голубя снизошелъ на Іисуса Христа при крещеніи его въ Іорданѣ». Преосвященный замѣчаетъ:

«— Ну, простой голубь леталъ, и только.

«Это меня возмущало. Какой соблазнъ для юныхъ питомцевъ! Идетъ, напримѣръ, экзаменъ по языкамъ, по математикѣ, преосвященный выражается:

«— Ну, къ чему такими пустяками забивать голову!

«Вотъ и заставляйте учениковъ заниматься всѣми предметами. Все это факты, бывшіе на экзаменахъ передъ Рождествомъ Христовымъ въ 1836 году.

«Очень жаль, что, умный человекъ, преосвященный вольнодумствовалъ такъ явно. Я умалчиваю объ его интимныхъ бесѣдахъ со мною о благодати, о церкви. Либеральность въ убѣжденіяхъ Іустина извѣстна была митрополиту Филарету отъ ректоровъ, напримѣръ, Сергія, бывшаго инспектора и затѣмъ ректора московской академіи, какъ самъ онъ говорилъ мнѣ. Съ болью сердца

пишу это, ибо Иустинъ имѣлъ хорошее отношеніе ко мнѣ. Но *amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas*. Образъ мыслей проесвященнаго Иустина очень вредно отзывался и на его положеніи. Поставленный въ необходимость оставить епархію, онъ долго (за 80 лѣтъ) жилъ на покоѣ въ Боголюбовомъ монастырѣ, и я вѣрую, что благодать Божія измѣнила его убѣжденія!..»

Въ 1857 году молодой еще Леонтій получилъ новое назначеніе, простился съ Владимиромъ и выѣхалъ въ Новгородъ на ректуру въ семинарію.

«Не могу здѣсь не упомянуть о замѣчательномъ снѣ, видѣнномъ мною за мѣсяцъ до моего новаго назначенія,—разсказываетъ Леонтій.—Представляется мнѣ, что я ѣду по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ и являюсь къ митрополиту Григорію, котораго вовсе не зналъ еще въ лицо. Выходитъ онъ ко мнѣ съ распахнутою рясою, изъ-подъ которой видится подрясникъ, опоясанный простымъ краснымъ кушакомъ, безъ камилавки, благословляетъ и велитъ явиться въ третьемъ часу къ обѣду, когда онъ пріѣдетъ изъ Синода.

«Загѣмъ ѣду я, какъ будто, на пароходѣ по Волхову, вижу берега прекрасныя и монастыри, любуюсь ими. Подѣзжаю къ третьему монастырю, и слышу чей-то голосъ: «Вотъ твой монастырь!» и пароходъ остановился.

«Сонъ этотъ я помнилъ, но не придалъ ему значенія. Скоро получаю формальную бумагу объ этомъ перемѣщеніи и приказаніе явиться въ Петербургъ къ митрополиту... Вообразите же мое удивленіе, когда сбылось буквально все видѣнное мною во снѣ! Я присталъ у Антоніева монастыря и при колокольномъ звонѣ встрѣченъ былъ братію и воспитанниками семинаріи, издавна существующей въ Антоніевомъ монастырѣ».

Съ ректорствомъ Леонтія въ петербургской семинаріи къ нему пришло редакторство «Духовной Бесѣды», основанной при семинаріи митрополитомъ Григоріемъ и обязанной послѣднему своимъ относительнымъ успѣхомъ.

«Въ каждомъ почти номерѣ Григорій помѣщалъ свои или проповѣди, или же рядъ статей подъ заглавіемъ «Свѣчка во тьму и сумракъ».

«Надъ послѣдними посмѣивались многіе за изложеніе, но справедливость требуетъ сказать, что онѣ приносили большую пользу читателямъ, особенно изъ средняго сословія. Редакція доставляла мнѣ много хлопотъ. Всѣ статьи просматривалъ предварительно самъ митрополитъ, и каждый номеръ до напечатанія былъ представляемъ мною ему. Тяжело по временамъ становилось угождать старику, имѣвшему своеобразный взглядъ. Часто московскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ своихъ письмахъ Григорію разныя замѣчанія, которыя и предъявлялъ мнѣ онъ. Разъ какъ-то я не вытерпѣлъ и сказалъ:

«— Владыко! что жъ это московскій все пишетъ замѣчанія вамъ, какъ будто доселѣ вы ученикъ его! А въ «Православномъ Обзорніи» развѣ мало недостатковъ и мыслей, подлежащихъ оспариванію?

«— И въ самомъ дѣлѣ такъ,—сказалъ Григорій.

«Самъ онъ имѣлъ складъ рѣчи особенный и употреблялъ нерѣдко слова и обороты, казавшіеся странными. Я, бывало, прочитавши статью, бѣгу къ нему и говорю:

«— Владыко! Нельзя ли измѣнить вотъ это слово, или оборотъ?

«— Ну, вотъ, что ты меня учишь, печатай какъ есть,

«А когда напечатаешь, и онъ получитъ письмо съ замѣчаніемъ, призываетъ меня и говорить:

«— Что ты мнѣ не доложилъ?

«— Я докладывалъ объ этомъ словѣ вамъ, вы не согласились измѣнить.

«— Ну, я забылъ.

«Припоминаю два случая по редакціи, очень непріятныхъ для меня. Разъ какъ-то митрополитъ Григорій даетъ мнѣ статью, собственноручно написанную, подъ заглавіемъ «Сіятельное солнце», и велитъ напечатать въ ближайшемъ номерѣ. Прочитавши, я прихожу къ митрополиту и говорю.

«— Нельзя ли оставить эту статью; она подаетъ поводъ къ столкновенію, потому что ее поймутъ, какъ пасквиль на оберъ-прокурора.

«Разгнѣвался владыка, и не согласился со мною. Я немедля исполнилъ его приказаніе.

«Дня черезъ три вечеромъ неожиданно является ко мнѣ въ квартиру чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ К. К. Зедергольмъ (умершій іеромонахомъ въ Оптиной пустыни съ именемъ Климента) и спрашиваетъ:

«— Печатается уже статья «Сіятельное солнце»?

«— Да.

«— Приостановите печатаніе, я говорю вамъ приказаніе Александра Петровича (Толстого—оберъ-прокурора святѣйшаго синода).

«— Я не могу, потому что митрополитъ приказалъ мнѣ немедля ее напечатать, хотя и я просилъ его не начатать.

«Слово за слово—мы порядочно побранились. По уходѣ Зедергольма, около девяти часовъ вечера (зимою) я иду къ митрополиту и прошу келейника доложить, что я пришелъ по нужному дѣлу. Владыка уже собирался спать (онъ ложился рано—въ девять часовъ и вставалъ рано—въ три часа) и былъ въ спальнѣ. Выходитъ онъ съ обезпокоеннымъ видомъ.

«— Что такое?—спрашиваетъ.

«Я объяснилъ ему суть дѣла. Недовольный, назвавши мальчишкой Зедергольма, онъ приказываетъ мнѣ поутру въ семь часовъ принести статью уже печатную (тысяча экземпляровъ уже отпечатано было номеромъ).

«— Вотъ я возьму ее въ синодъ съ собою.

«Поутру являюсь съ номеромъ, гдѣ была напечатана статья, въ лавру и вижу экипажъ.

«— Кто здѣсь?—спрашиваю.

«— Оберъ-прокуроръ.

«Какъ передавали мнѣ, они крупно между собою поговорили. По отъѣздѣ графа Толстого являюсь я.

«— Оставь мою статью. Есть у насъ чѣмъ замѣнить?

«— Есть-то есть; да уже тысяча экземпляровъ напечатано номеромъ.

«— Ну, я заплачу убытокъ.

«— Въ этомъ нѣтъ нужды, владыко.

«Такимъ образомъ, я одинъ и остался въ накладѣ, не въ матеріальномъ конечно, а въ моральномъ. Статья уничтожена и номеръ вышелъ съ замѣною ея другимъ сочиненіемъ—моимъ, готовымъ прежде».

Спустя ровно пятьдесят лѣтъ послѣ смерти извѣстнаго архієпископа Смарагда Крыжановскаго, легендарнаго архієрея, перешедшаго въ исторію въ свѣтъ жуткаго и мрачнаго анекдота, его поруганную честь пытается возстановить извѣстный профессор петербургской духовной академіи П. П. Глубоковскій, одинъ изъ немногихъ русскихъ богослововъ, котораго знаютъ не только въ Россіи, но и за границей.

Личность Смарагда памятна даже заурядному читателю, главнымъ образомъ по красочнымъ страницамъ, посвященнымъ ему въ пашумѣвшихъ «Мелочахъ архієрейской жизни» Лѣскова. Это тотъ самый архієрей, который, по разсказу Лѣскова, давалъ очень часто возможность подвластнымъ ему людямъ извѣдать крѣпость своего посоха. Ему было предписано врачами ради моціона ни пить дрова и ему подкладывали суковатяя коряги посланный на покаяніе дьячекъ. Его столкновенія съ губернаторомъ вышучивалъ одинъ орловскій обыватель, изображая на своемъ окнѣ борьбу козлика съ пѣтушкомъ въ клубкѣ. Это о немъ сохранился рядъ злыхъ сказаній, закрѣпляющихъ за этимъ епископомъ, правившимъ дѣльмъ рядомъ епархій: ревельской, полоцкой, могилевской, харьковскій, астраханской, орловской и рязанской, безпощадное обвиненіе въ скупости и несправедномъ стяжательствѣ. Въ самомъ дѣлѣ одного денежнаго капитала послѣ Смарагда осталось свыше 107.000 рублей.

Память о легендарномъ архієпископѣ закрѣплена въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Въ то время, какъ обычная молва передала его исторію въ такомъ отталкивающемъ свѣтѣ, до насъ дошли голоса отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ хорошо знать Смарагда и, однако, утверждающихъ, что онъ просто былъ жертвою несправедливаго навіѣта.

Въ свое время энергично отстаивалъ его знаменитый архієпископъ Пиканоръ одесскій и херсонскій, находившій въ ней прямо исключительныя достоинства человѣка и администратора. Профессоръ Глубоковскій раздѣляетъ взглядъ одесскаго архієрея и, дѣйствительно, фактическими данными устанавливаетъ, что Смарагдъ былъ человѣкомъ энергичнымъ, строителемъ, храмоздателемъ, не чуждымъ благотворенія, человѣкомъ чутко принимавшимъ къ сердцу нужды духовенства. Глубоковскій не отрицаетъ факта богатаго наслѣдства Смарагда, но старается обосновать его простою бережливостью архієпископа, знавшаго, что въ трудную минуту жизни у него не окажется друзей и благодѣтелей.

Человѣкъ безпокойный и успѣвшій рано нажить себѣ враговъ, между прочимъ, въ петербургскомъ митрополитѣ Антоніи (Рафальскомъ), Смарагдъ, по мнѣнію Глубоковскаго, долженъ былъ заботиться насчетъ обезпеченія себѣ безбѣднаго будущаго. «Мѣстныя обостренія часто перебрасывались въ столицу и проникали въ самыя высокія сферы, возбуждая всякія подозрѣнія къ Смарагду. И онъ уже въ 1842 году писалъ преосвященному Иннокентію (Борисову), что онъ «безпрерывно борется со злостраданіями и не видитъ имъ конца, кромѣ конца дней своихъ, а вообще нерѣдко «жилъ, какъ птица на остромъ колу», испытывая всегда, «какъ трудно и какъ невыносимо епископствовать», когда «только оглядывайся да отшсывайся».

«Смарагду постоянно приходилось бояться насильственнаго удаленія чуть

не на всѣхъ каѳедрахъ, и даже митрополитъ московскій Филаретъ замышлялъ для него нѣчто подобное въ такіе моменты, въ которые тотъ имѣлъ всѣ основанія ожидать обратнаго... Не менѣе часто самъ Смарагдъ собирался на покой: это началось еще съ Полоцка, повторялось въ Харьковѣ, гдѣ жизнь его была постоянно печальна, продолжалось въ Астрахани, въ Орлѣ и въ Рязани.

«И Смарагдъ изыскивалъ для себя нѣкоторыя удобства, напримѣръ, въ частномъ домѣ Бончъ-Бруевича, въ Трубчевскомъ Спасо-Чолнскомъ монастырѣ, а потомъ въ Ольговомъ. А извѣстно бѣдственное положеніе архіереевъ «на покой», гдѣ они всѣмъ въ тягость и отъ всѣхъ въ забросѣ, почему даже нынѣ архипастыри не только престарѣлые и немощные, но почти совсѣмъ слѣпые нуждаются держаться на каѳедрахъ...

«Между тѣмъ Смарагдъ всегда любилъ матеріальную независимость и долженъ былъ готовить ее. Здѣсь естественный долгъ простого благоразумія побуждалъ спеціально позаботиться въ виду этой печальной случайности, которая всегда была возможна для Смарагда, разъ онъ ниоткуда не усматривалъ ни поддержки, ни утѣшенія, иногда же чувствовалъ себя столь одинокимъ и покинутымъ, что предъ отъѣздомъ изъ Харькова въ Астрахань позвалъ своего іеромонаха (Іероѳея) и бросился ему въ ноги со словами: «Не оставь меня». Все это слишкомъ внушительно располагало Смарагда издавна сберегать средства по «осмотрительности въ отношеніи къ обезпеченію жизни» въ будущемъ при такой неожиданности, что, не имѣя силъ копить и стыдяся просить, архипастырь долженъ будетъ искать себѣ крова.

У него уже давно не было надежды на службу, которая часто зависѣла отъ какой-либо одной личности, и ему приходилось собирать и сберегать средства по самымъ простымъ жизненнымъ потребностямъ.

Въ то же время, однако, изслѣдованіе Глубоковскаго, занявшее нѣсколько книжекъ «Христіанскаго Чтенія», безспорно подтверждаетъ въ значительной мѣрѣ и закрѣпленный за Смарагдомъ невыгодный анекдотъ. Авторъ изслѣдованія приводитъ, между прочимъ, отрывки того кощунственнаго акаѳиста, какой созданъ въ орловской епархіи во время управленія ею Крыжановскаго.

Для характеристики этого «творенія» профессоръ Глубоковскій приводитъ двѣ выдержки изъ самаго начала, а весь акаѳистъ полностью надѣется опубликовать въ другомъ мѣстѣ, снабдивъ его всякими разысканіями и комментаріями.

Кондакъ 1-й: «Возбранной сребролюбче, и изрядный обиралище духовныхъ, міру всему назначая многоцѣнные дѣяти приносы, и неисчерпаемое сластей море, воспѣваемъ тя со скорбією, грабителю Смарагде: ты же, яко имѣя дерзновеніе ко Іудѣ, отъ всякихъ бѣдъ сицевыхъ удаленіемъ (удавленіемъ) своимъ свободы ны, да зовемъ ти: «Радуйся, Смарагде, великій сребролюбче!»

Икосъ 1-й. «Ананіе образомъ, каналіе существомъ, Іудеянина же суца естествомъ яви себе всея епархіи обиратель: сребролюбивую бо доброту души своєю провидѣвъ, хитроестественне Смарагде, научи всѣхъ вошити тебѣ сице: «Радуйся, отъ утробы жидовинскія рожденный; радуйся, яко стебліе достойное древа бывый; радуйся, стяжаніемъ своимъ рождшихъ ты удививый; радуйся, сосуде златовливаніемъ ненаполняемый; радуйся, жаждущій ковчежець Искоріотовъ ненапоаемый; радуйся, крине сребролюбія іудейскаго прозябаніе;

радуйся, муро страстей благоуханія; радуйся, яко тобою дѣется грабленіе, радуйся, яко тобою приносится вся епархіи сѣтованіе. Радуйся, Смарагде, великій сребролюбче!..»

Любителя подобнаго рода чтенія отсылаемъ къ интереснѣйшимъ статьямъ профессора Глубоковскаго. Тамъ онъ найдетъ легенды о томъ, какъ Смарагдъ принималъ шубы, принесенныя ему въ даръ, въ то же время принимая видъ человѣка, возмущеннаго взяткой, какъ отказывался отъ дорогаго сервиза, приносимаго ему въ благодарность за служеніе, предпочитая денежное вознагражденіе, и какъ потомъ, мимоходомъ, просилъ присоединить и сервизъ, чтобы «не обидѣть хозяевъ» и т. д.

Касается Глубоковскій и послѣдней легенды въ жизни Смарагда, по которой будто бы чуть не въ самый часъ смерти своей архіепископъ былъ ограбленъ приблизившеюся къ нему въ послѣдніе годы жизни нѣкоей орловской дворянкой, прозывавшейся въ Рязани «Княгиней».

Легенда рассказывала, что Княгиню нашли во время освидѣтельствванія Смарагдова наслѣдства въ потаенной комнатѣ, куда былъ секретный ходъ. Молва, устанавливавшая фактъ кражи, выдвигала и другого виновника въ лицѣ секретаря архіерея, нѣкоего Бруевича, на котораго будто бы должна падать и главная отвѣтственность за архіерейское стяжательство.

«Слухи о покражѣ или пропажѣ денегъ у Смарагда,—читаемъ у Глубоковскаго,—имѣютъ разныя варіаціи. По однимъ, тотчасъ по смерти его «Княгиня» взяла шкатулку и отдала садовнику спрятать, а когда вернулась обратно, ее не пустили въ комнаты, выбросивъ принадлежавшія ей платья. Но все это не подтверждается И. Н. Голубовымъ, участвовавшимъ при разслѣдованіи этого дѣла.

«По другимъ, похитителемъ былъ Бруевичъ. Ему въ Орлѣ поручено было хранить сундукъ съ серіями тысячъ на семьдесятъ, а онъ присвоилъ себѣ, положивъ на мѣсто ихъ пачки съ простыми бумажками, прикрытыми лишь наверху денежными билетами (объ этомъ упоминается и въ икосѣ четвертомъ «акаѳиста»). За это Бруевичъ, успѣвшій пожениться, былъ прогнанъ изъ архіерейскаго дома и жилъ въ саду во флигелѣ, не показываясь на глаза Смарагду, который выпроваживалъ костьюлемъ («буланкой») даже посланныхъ.

«Если бы все это было вѣрно, то, конечно, архіепископъ не взялъ бы съ собою Бруевича и въ Рязань. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, именно въ послѣдней совершена была покража уже по смерти Смарагда, когда Бруевичъ спряталъ свою добычу въ подкопъ подъ стѣною архіерейскаго сада и потомъ взялъ ее оттуда. Но онъ былъ удаленъ раньше по инымъ причинамъ и, кажется, совсѣмъ выѣхалъ изъ Рязани, а потому едва ли даже былъ въ этомъ городѣ при Смарагдовой кончинѣ.

«Существуетъ и такой наивно-фантастическій рассказъ, будто при отъѣздѣ изъ Орла въ Сибирь Смарагдъ забылъ свои деньги на диванѣ, и чтобы онѣ не пропали, просилъ преосвященнаго Поликарпа письмомъ употребить ихъ на постройку Троицкаго собора».

Въ томъ же «Христіанскомъ Читеніи», помѣщенъ трогательный рассказъ о послѣднихъ дняхъ жизни извѣстнаго апостола Японіи, недавно скончавшагося

архієпископа Николая,—«Никорая», какъ его звали японцы. Разсказъ принадлежитъ ближайшему сотруднику его по дѣламъ управления японскою церковью, тогдашнему викарію бывшему кіотоскому, а нынѣ самостоятельному японскому епископу Сергію и поражаетъ чудесной простотой и неподдѣльнымъ чувствомъ любви разсказывающаго къ своему начальнику и учителю.

Какъ извѣстно, архієпископъ умиралъ долго и тяжело. Уже задолго до смерти онъ превратился въ немощнаго старца, однако дѣятельно трудившагося на благо ввѣренной ему церкви. Печально было и жить, еще печальнѣе болѣть и умирать среди чужихъ, иновѣрныхъ людей, подлѣ малой горсточкы своихъ, пользуясь услугами даже врачей-японцевъ. Свой разсказъ епископъ Сергій начинаеть издалека и, пользуясь записями дневника, возстановливаетъ день за днемъ трагическаго умиранія добраго и ласковаго русскаго человѣка на чужой сторонѣ.

«...Его слабость, его усталый видъ невольно бросались въ глаза всякому постороннему человѣку... И не любилъ сего, болѣе,—терпѣть не могъ сего покойный владыка... Даже простая фраза вѣжливости: «какъ ваше здоровье?» его выводила изъ себя... Ему казалось сразу же, что его считаютъ больнымъ и Боже упаси, бывало, спросить его: «не устали ли вы, владыко?...»

«Владыка тогда гордо выпрямлялся и говорилъ: «пятьдесятъ лѣтъ работалъ и не уставалъ... Не устаю и теперь... Если дѣло есть,—позвольте: сейчасъ сдѣлаю... Если нѣтъ,—до свиданія...»

«Говорилъ такъ, самъ едва двигаясь, сильно волнуясь и этимъ еще болѣе ослабляя себя... А послѣ приходитъ ко мнѣ и жалуется, что его такими вопросами обижаютъ. «Еще погодите хоронить», отвѣтилъ онъ въ одномъ случаѣ... Дѣлать нечего, пришлось дать распоряженіе, что если кто будетъ спрашивать владыку, прежде всего направляли бы таковыхъ ко мнѣ (разумѣю посѣтителей русскихъ). А я уже всѣхъ наставлялъ, чтобы не спрашивали владыку не только о болѣзни и усталости, но и о здоровьѣ... И послѣ сего недоразумѣнія почти прекратились, и невольно обиженныхъ не было...»

«Не терпя рѣчей о болѣзни и усталости, самъ владыка, впрочемъ, одному мнѣ постоянно говорилъ не только о болѣзни, но и возможной смерти и панихидахъ... И говорилъ такъ часто, и въ такихъ иногда формахъ, что нужно было имѣть, съ одной стороны, вполне благодушный характеръ, съ другой, вполне вѣрить въ искреннюю любовь ко мнѣ владыки, чтобы на сіи разговоры не обижаться...»

Много разъ, казалось, архієпископъ былъ уже на грани смерти. Но часъ еще не пробилъ, и онъ вновь поднимался.

«...Медленно поднимается владыка по двадцати двумъ ступенямъ въ мою квартиру... Тяжело дыша, но улыбаясь, входитъ... Здоровается...»

«—Погодите, дали отсрочку... Отложилъ умирать,—заявляетъ съ первыхъ словъ...»

Но такіе разговоры еще полгоря... Приходилось молча выслушивать и такіе: «Коро, скоро запоете панихиду... Недолго ждать»... Впрочемъ, не скрою, что все же я какъ-то разъ убѣдительно попросилъ владыку не говорить такихъ словъ, по крайней мѣрѣ при постороннихъ...

«Мысль о смерти, о панихидахъ какъ-то не оставляла владыку въ теченіе лѣта, до моего отъѣзда въ путешествіе по церквамъ... Но это не значить, что при этомъ онъ непремѣнно скорбѣлъ. Нѣтъ, онъ даже въ этотъ періодъ слабости и болѣзней умѣлъ быть остроумно-веселымъ:

«— Представляю себѣ... Входите въ мою квартиру... А я мертвый... Вы блѣднѣете... «Кавамура, воды!» кричите... А послѣ, поуспокоившись: «Кавамура, свѣчей! Поемъ «Со святыми»...

«А вотъ въ другомъ случаѣ почившій представлялъ, какъ я надъ нимъ буду говорить надгробное слово: «Братія и сестры. Смотрите: долго жилъ, а все-таки умеръ... И почему умеръ? Потому что былъ гнѣвливъ, торопливъ, удержу въ работѣ не зналъ... Такъ смотрите же—будете ему подражать, обязательно и вы умрете».

«Все это говорилось съ такимъ благодушіемъ, что удивляться приходилось, какъ владыка можетъ спокойно говорить о томъ предметѣ, о коемъ люди не привыкли и думать-то спокойно».

Архіерей умиралъ долго, къ его болѣзни привыкли, конца не ждали, когда онъ былъ уже совсѣмъ близокъ. За нѣсколько часовъ до кончины у него еще сидѣлъ его викарій.

«— Прихожу къ нему въ началѣ двѣнадцатаго... Уже сидитъ у стола... Надѣты золотыя очки... При моемъ входѣ обернулся ко мнѣ:

«— Здравствуйте... Видите, какъ худо... Едва дышу... Никогда не было такъ мучительно, какъ сегодня»...

Видъ владыки былъ нехорошій. И мнѣ показалось даже, что онъ владѣетъ языкомъ не столь свободно, какъ обычно. Да и говоритъ низкимъ тономъ...

«Предъ владыкой чековая книжка... На мое имя оставшуюся сумму переписали безъ чека. Рука его не слушалась... Однако кое-какъ и свою подпись, и сумму цифрами владыка написалъ... Это есть послѣдній его автографъ... Я спросилъ владыку, не могу ли быть чѣмъ ему полезнымъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ: «Идите съ Богомъ и занимайтесь своимъ дѣломъ. А и я въ тишинѣ займусь»...

Архіерей впалъ въ забытѣ по уходѣ викарія. Приходили близкіе ему священники,—онъ не проявилъ признаковъ сознанія съ ихъ приходомъ.

А между тѣмъ опасность была ближе, чѣмъ предполагалось... Лицо доктора принимаетъ испуганное выраженіе: «Кикенъ», говоритъ онъ, т. е. опасность... И начинаетъ снова впрыскиванія... «Я,—разсказываетъ преосвященный Сергій,—сталъ въ ногахъ владыки на колѣни... Позвалъ и о. Василия Усуй. Онъ японски, а я по-русски начали читать молитвы на исходъ души. Слышенъ недолгій и несильный стонъ владыки. Я продолжаю молиться. Смотрю, преклонили свои колѣна и язычники докторъ и сестра. Молитва кончена...

«— Ровно въ семь часовъ скончался,—заявляетъ докторъ».

Трогательны и подробности послѣднихъ проводовъ любимаго архіерея, данъ любви которому воздала и Японія.

«Можно сказать,—пишетъ епископъ Сергій:—что 4-го февраля вся уже Японія знала о смерти «Никорая». Потекли въ миссію христіане города Тоокео, выражали свое сочувствіе инославные христіане: англикане, баптисты, мето-

дисты, армія спасенія, евангелики и прочіе многочисленныя протестантскія секты... Но замѣчательно,—ни звукомъ сочувствія не обмолвилась самоодовольно въ себѣ замкнувшаяся церковь католическая, хотя и было основаніе отозваться: незадолго передъ тѣмъ умеръ архіепископъ католическій, и отъ нашей церкви было имъ послано сочувствіе.

«Кто съ поклономъ, а кто съ визитной карточкой спѣшили въ миссію и не принявшіе еще ученія Христова, и не только простые граждане, но и князья, и графы, и виконты, и бароны, министры и неслужилый людъ...

«Стали спѣшно съѣзжаться въ Тоокео о.о. іереи; испросили позволенія прибыть наши полунищіе катехизаторы... И не достало силъ отказать имъ въ этомъ разрѣшеніи, хотя это и вызывало миссійскіе расходы: всѣ просились на послѣдніе проводы своего духовнаго отца»...

«Тѣло архіепископа лежало въ Крестовой церкви... Въ субботу 4-го февраля утромъ и вечеромъ послѣ всенощнаго бдѣнія, въ воскресенье послѣ литургии и вечеромъ, въ понедѣльникъ 6-го февраля утромъ и вечеромъ здѣсь были совершены торжественныя панихиды, всегда въ переполненной церкви. Владыка лежалъ еще не въ гробѣ, ибо гробъ не былъ готовъ.

«Чудный обычай мнѣ пришлось наблюдать въ эти дни, впервые за время своей службы въ Японіи. Извѣстная группа христіанъ, по взаимному соглашенію, приходитъ къ тѣлу почившаго съ вечера и бодрствуетъ до утра, слушая чтеніе евангелія. Обычай этотъ есть и въ обычной жизни при погребеніи знакомыхъ, и называется «чююя»...

«Трогательно было видѣть старичковъ и старушекъ, въ полудремотѣ, но около своего дай-сюкео проводящихъ ночь... Умилительны были матери семействъ, приходившія со своими грудными ребятками, здѣсь же расплававшимися съ одѣялами...

«Но мнѣ не забыть одной ночи... Она тѣмъ сильнѣе поразила меня, что была неожиданна... Конечно, плохо спалось... Немного нападаетъ забытье,—очнешься, черезъ стѣну въ церкви читаютъ евангеліе... И съ такою горечью въ который уже разъ почувствуешь, что все это не сонъ, а горькая дѣйствительность!..

«Такъ было и въ эту ночь... Потянуло къ владыкѣ... Пошелъ... Открываю дверь... И что же?.. Вокругъ тѣла владыки сидятъ по-японски дѣвочки нашей женской миссійской школы, человекъ сорокъ... У всѣхъ въ рукахъ святое евангеліе и зажженные свѣчи... Всѣ съ благоговѣніемъ въ послѣдній разъ изучаются отъ безмолвнаго владыки словесамъ Христовымъ...

«Я обомлѣлъ отъ неожиданности... Заплакалъ... И возвратился домой... Да, велика и искренна была любовь владыки къ своимъ христіанамъ, нѣжна была привязанность его къ школамъ!.. И поняли это христіане... Почувствовали это своимъ сердцемъ ангельскія души воспитанницъ... Любовь къ своему владыкѣ привела ихъ на всю ночь раздѣлить съ нимъ безмолвіе смерти»...

Верхомъ почета, какое воздала Японія архіепископу Николаю, было то, что самъ императоръ Японіи, нынѣ уже почившій, Меидзи-Тенно, прислалъ на гробъ его великолѣпный и громаднй вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. И прислалъ не секретно... Въ условленный часъ, черезъ полчаса по началѣ отпѣванія, прибылъ придворный чиновникъ съ вѣнкомъ,

Очень типичная картинка старинного «архіерейскаго объѣзда» рискуеть затеряться въ грудѣ дѣловыхъ и въ общемъ малоинтересныхъ епархіальныхъ вѣдомостей («Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости»). Связанъ этотъ любопытный рассказъ съ именемъ вологодскаго епископа преосвященнаго Израиля (Никулицкаго), изъ викаріевъ вольнскихъ. Самая фигура стараго архіерея, своенравнаго, но умнаго и прямого, обрисовывается красочно и оригинально.

Ревниво оберегая престижъ сана, Израиль желалъ, чтобы его архипастырскій жезлъ ставили не въ переднихъ, а гдѣ-нибудь повыше, карету свою называлъ монашеской кельей, вопросы ставилъ духовенству такіе, иногда общіе и неопредѣленные, что не легко было понять ихъ непривычному къ нему человѣку, наконецъ любилъ, чтобы понимали его безъ напоминаній. Не чуждъ былъ онъ и подозрительности, гнѣвливости, даже нѣкоторой мстительности по клеветѣ или только по подозрѣнію. А въ глубинѣ души все-таки былъ добрый, хотя и своеобразный человѣкъ.

Человѣкомъ общественнымъ онъ не былъ, не могъ и не хотѣлъ быть и, въ минуты откровенности, сознавая угловатости своего характера и обращенія, называлъ себя семинаристомъ до мозга костей, хотя и былъ съ академическимъ образованіемъ.

«Прежде, чѣмъ поѣхалъ нашъ новый епископъ по епархіи,—разсказывалъ о немъ одинъ священникъ:—а поѣхалъ онъ черезъ годъ,—разнеслась молва, что онъ любитъ выпить и пить преимущественно коньякъ. Эта молва, о которой зналъ покойный, такъ раздражала его, что онъ не могъ спокойно смотрѣть на коньякъ на столѣ. А между тѣмъ, благодаря широко разнесшейся молвѣ, по всей епархіи вездѣ угощали его прежде всего коньякомъ въ первое его путешествіе, а онъ гнѣвался и срывалъ свой гнѣвъ на благочинныхъ.

«Узнавши меня близко, онъ самъ заговорилъ объ этомъ воображаемомъ его пьянствѣ и коньякѣ и разсказалъ мнѣ дѣйствительно удивительныя вещи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ городѣ протоіерей и благочинный, распорядившись подавать чай, въ то же время стали наливать для дорогого гостя и рюмку коньяку. Гость съ усмѣшкой замѣчаетъ:

«— Что рюмка? Наливай стаканъ!..

«Не понимая ироніи, хозяинъ сталъ наливать и стаканъ, поглядывая, однако, вопросительно на гостя. А гость говоритъ:

«— Наливай полный!..

«Когда было сдѣлано и это простодушнымъ хозяиномъ, тогда разгнѣванный епископъ на просьбу хозяина строго сказалъ:

«— Пей самъ!..

«— Я не могу,—отвѣчалъ оробѣвшій хозяинъ.

«— А я могу?!

«— Да это еще что!—говорилъ владыка.—При поѣздкѣ по ревизіи церковей Вологодскаго уѣзда разъ случилось мнѣ ночевать у священника одной церкви въ восьми верстахъ отъ Вологды. Священникъ-хозяинъ не только надоѣдалъ мнѣ этимъ коньякомъ за чаемъ и закуской, но даже передъ отходомъ ко сну спрашивалъ у моеи прислуги, куда поставить на ночь для меня коньяку и водки»...

Вотъ далѣе разскажъ объ одномъ изъ посѣщеній Израилемъ священническаго дома при объѣздѣ епархіи.

«Семейство о. Іоанна встрѣтило владыку на крыльцѣ дома, куда войдя высокій гость изволилъ сѣсть и снять клобукъ. А мы, два благочинныхъ, приставъ и еще какіе-то гости, продолжали оставаться на ногахъ, въ ожиданіи позволенія или приглашенія садиться. Но послѣдовало не это, а нѣчто другое.

«— Архіерей сидитъ,—заговорилъ епископъ:—а другіе стоятъ! Что это такое?»

«Мы сѣли, а я снялъ камилавку, руководясь примѣромъ епископа. Между тѣмъ преосвященный, взглянувъ въ передній уголъ, гдѣ было много иконъ и близко къ нимъ стояли дешевые бумажные портреты царя и царицы, заговорилъ, какъ будто размышляя вслухъ:

«— Кто здѣсь живетъ?»

«И опять:

«— Кто здѣсь живетъ?..

«Мы ничего понять не можемъ и на странный, по нашему мнѣнію, вопросъ отвѣчать не рѣшаемся. Вдругъ нашъ владыка всталъ на стулъ и началъ снимать и ставить на столъ царскіе портреты, говоря:

«— Хорошъ хозяинъ, не умѣющій отличить царя земного отъ царя небеснаго!

«Между тѣмъ подали чай и на закуску пирожокъ съ рыбой въ бѣлой коркѣ. Съ этого пирога и сталъ я сдавать мой первый экзаменъ новому архипастырю, но удовлетворительно, или нѣтъ,—не знаю.

«— Скажите,—обратился ко мнѣ владыка:—почему это въ вологодской епархіи такое однообразіе въ жизни духовенства и такое неумѣлое обращеніе съ посѣтителями? Пригласили въ домъ, и ушли хозяинъ и хозяйка... Не такъ бываетъ, напримѣръ, у дворянъ. А пирогъ съ рыбой?.. Какъ начали угощать имъ архіерея у перваго священника, по выѣздѣ изъ Вологды, такъ и вездѣ, и у всѣхъ, и теперь! Ужели ничего другого сдѣлать не умѣютъ? Ужели такъ будутъ и въ нашемъ округѣ?»

«— Буду радъ,—отвѣчалъ я:—если усмотрите, ваше преосвященство, лучшей приѣмъ и угощеніе, но лучшаго обѣщать не смѣю, и вотъ почему. Здѣшняя церковь, напримѣръ, находится на разстояніи отъ гор. Устюга 165 верстъ, отъ Тотьмы 75 верстъ. Родственниковъ хозяева дома тамъ не имѣютъ и бывають, конечно, рѣдко. Хозяйка родилась здѣсь и дальше Тотьмы едва ли куда и бывала. А хозяинъ уже около тридцати лѣтъ оставилъ семинарію. Разсудите же, гдѣ и у кого мы могли бы научиться умѣнью обращаться съ высокими посѣтителями, принимать и занимать ихъ,—мы, вращающіеся только въ одномъ тѣсномъ кругу простого народа? Гдѣ и какъ научиться нашимъ матушкамъ хорошимъ манерамъ и кулинарному искусству, если большая часть ихъ учена была въ свое время ткать и прясть, за скотомъ ухаживать, хлѣбы печи да дрова рубить—и только? Въ дворянскихъ семьяхъ мы не бывали и если что знаемъ о нихъ, то только по разсказамъ да по книжкамъ».

Объясненіе удовлетворило владыку и примарило съ пирогами и поповскою несвѣтскостью...

«Вслѣдъ за хозяиномъ,—продолжаетъ рассказчикъ,—преосвященный пошелъ въ домъ его, а вслѣдъ за нимъ и мы со вторымъ священникомъ, и пристава уѣздовъ Тотемскаго и Устюжскаго и еще кое-кто изъ почетныхъ прихожанъ.

«День былъ солнечный, тихій, теплый. Всѣ окна и двери въ домъ о. Иоанна были открыты. Хозяева провели дорогого гостя въ гостиную и просили садиться, но гость нашъ, видимо, чѣмъ-то недовольный, молчитъ и не садится. Въ чемъ же, думаю, дѣло? Гдѣ причина недовольства, которую надобно скорѣе устранить, если можно.

«Секретарь его тоже молчитъ. Не можетъ же быть, чтобы въ такой прекрасный день преосвященный желалъ сидѣть при закрытыхъ окнахъ! Не въ сквозномъ ли теченіи воздуха кроется причина? подумалъ я и, самъ затворивъ двери, попросилъ оставить и окна открытыми только съ одной стороны, а всѣ остальные закрыть.

«Оказалось, что этого именно и хотѣлось высокому гостю достигнуть безъ напоминаній. Какъ только закрыты были двери и часть оконъ, преосвященный сѣлъ въ гостиной на мягкій диванъ. Чай и свѣжая булка уже поданы. Взглянувъ на булку и попробовавъ ее, преосвященный, все еще серьезный, спросилъ о. Иоанна: кто пекъ булку? Не понимая, въ чемъ дѣло, тотъ скромно отвѣчалъ: жена. Тогда преосвященный смутилъ уже всѣхъ насъ, сказавъ: пошлите ее сюда.

«А покойная матушка Александра Александровна, услышавъ требованіе епископа и вообразивъ, не запекла ли въ булкѣ что-нибудь несообразное, такъ испугалась, что на ней лица не было, когда подходила къ епископу. А между тѣмъ понравившаяся ему булка вызвала въ немъ лишь желаніе тотчасъ же поблагодарить хозяйку дома и благословить ее.

«Тогда повеселѣли и всѣ мы. Владыка сталъ, наконецъ, благодушнымъ, даже веселымъ за хорошимъ, хотя простымъ и несложнымъ обѣдомъ, за которымъ онъ, между прочимъ, сказалъ, что въ Брусной онъ не могъ, да и нечего было закусить.

«Спустя три часа мы были уже въ Кишкинской Христорождественской церкви. Здѣсь псаломщикъ-діаконъ Іоаннъ Троицкій поусердствовалъ, прибавивъ на многолѣтіи къ титулу епископа слово и «кавалеру». Услышавъ это, преосвященный замѣтилъ:

«— Съ этимъ дьякономъ, пожалуй, и меня отдадутъ подъ судъ,—и сдѣлалъ ему легонькое замѣчаніе...»

Въ журналѣ казанской духовной академіи «Православномъ Собесѣдникѣ» удѣлено нѣсколько страницъ памяти недавно скончавшагося петербургскаго митрополита Антонія (Вадковскаго), проходившаго первые дни своей общественной службѣ въ скромной роли профессора казанской академіи.

Собственно этихъ дней и касаются воспоминанія Я. А. Богородскаго, узнавшаго здѣсь, въ Казани, будущаго первостоятеля русской церкви.

Скромнымъ, привѣтливымъ, тихимъ, можно сказать, тишайшимъ рисуется здѣсь А. В. Вадковскій, такимъ, какимъ онъ остался и на владычномъ престолѣ. Характеренъ и, кажется, почти вовсе неизвѣстенъ одинъ эпизодъ, пе-

редаваемый здѣсь и хорошо обрисовывающій грустную психологію молодого ученаго, въ самый краткій срокъ потерявшаго и любимую жену, и дѣтей.

«Душевная борьба молодого профессора,—разсказываетъ Я. А. Богородскій,—была тѣмъ болѣе тяжела, что ее приходилось переносить почти въ полномъ одиночествѣ. Строгій карантинъ для предупрежденія заноса дифтерійной заразы въ какой-либо семейный домъ заключилъ его на шесть недѣль въ стѣнахъ опустѣлой квартиры.

«Убѣдившись, повидимому, что мірское горе можетъ быть подавлено только тяжестью новаго, свободно избраннаго креста, онъ отправился за совѣтомъ къ тогдашнему предстоятелю казанской церкви архіепископу Палладію. Епископъ съ радостью принялъ его мысль объ иноческомъ постриженіи и благословилъ его.

«Дѣло казалось рѣшеннымъ. Но буря въ душѣ обречшаго себя на подвигъ иночества еще не унималась. Тяжелыя мысли и сомнѣнія, какъ черныя тучи, налегли на его душу; и былъ моментъ, когда онъ пришелъ, казалось, къ твердому рѣшенію отправиться къ архіепископу и заявить, что онъ отказывается отъ задуманнаго шага. Но онъ не привелъ въ исполненіе этого рѣшенія вслѣдствіе обстоятельства, повидимому, самаго незначительнаго.

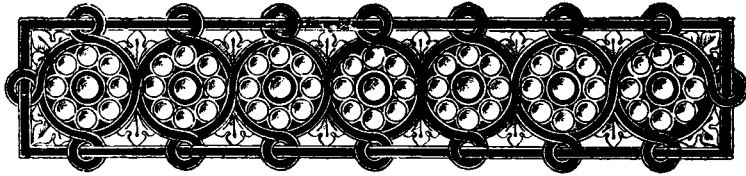
«Архіепископъ, какъ бы предугадывая состояніе духа у взятаго имъ подъ свое руководство человѣка, прислалъ ему, какъ даръ отъ себя, полное монашеское облаченіе. Это, кажется, было какъ разъ наканунѣ дня, намѣченнаго Александромъ Васильевичемъ для визита къ архіепископу. Получивъ этотъ даръ, Александръ Васильевичъ пришелъ въ сильное волненіе. «Какъ,—думалъ онъ,—пойду я теперь къ архіепископу съ отказомъ. У него, очевидно, нѣтъ и мысли о возможности такого отказа! И что мнѣ дѣлать съ этимъ его даромъ? Отнести ему обратно и сказать: «на, возьми; мнѣ не нужно этого дара». Нѣтъ, такъ нельзя; это было бы нѣчто въ родѣ недостойной шутки»...

«Мало-по-малу его мысли приняли болѣе спокойное теченіе, онъ примирился съ сдѣланнымъ имъ шагомъ, какъ съ безвозвратнымъ. 4-го марта 1873 года совершилось его постриженіе съ принятіемъ имени Антонія...»

Въ «Трудахъ кievской духовной академіи» останавливаются на себѣ вниманіе письма знаменитаго кievскаго митрополита Серафима, изслѣдованіе Ѳ. Титова о кievской академіи въ эпоху реформъ и его же статья о недавно умершемъ херсонскомъ архіепископѣ Дмитріи.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 декабря
для отзыва слѣдующія книги ¹⁾.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ. 1913 г. Книга 241-я, издавна подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1913. Ц. 3 р.

Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908 и 1909 годы. Орель. 1911. Стр. 24. Цѣна не обозначена.

Сводный отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1910, 1911 и 1912 годы. Орель. 1913. Стр. 47. Цѣна не обозначена.

А. М. Заіончковскій. Восточная война 1853—1856 г.г. въ связи съ современной ей политической обстановкой. Томъ II. Спб. 1913. Изданъ на средства военнаго министерства. Часть I. Стр. VII+642. Часть II. Стр. 643—1248. Часть III. Приложенія. Стр. 452. Цѣна не обозначена.

И. И. Проходцовъ. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть I-я. Изданіе губернской ученой архивной комиссіи. Рязань. 1913. Стр. 636. Цѣна не обозначена.

Д. Н. Чихачевъ. Политическая программа П. А. Столыпина. Спб. 1914. Стр. 23. Ц. 20 к.

Приходскій вопросъ въ четвертой государственной думѣ. Изданіе парламентской фракціи союза 17-го октября. Спб. 1914. Стр. 38. Цѣна не обозначена.

Михаиль Семеновичъ Щепкинъ. 1788—1863 г. Записки его, письма, рассказы, матеріалы для біографіи и родословная. Съ портретами и иллюстраціями. М. А. Щепкина. Спб. 1913. Изд. Сва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

Проф. П. П. Верховской. Библіотека новгородской духовной семинаріи и ея сокровища. (О необходимости спасти бібліотеку Оеофана Прокоповича). Варшава. 1913. Стр. 10. Ц. 15 к.

И. И. Огіенко. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Изд. 3-е, дополненное и переработанное. Кн-во И. И. Самоненко. Кіевъ. 1914. Стр. 228. Ц. 55 к.

Полезное справочное изданіе, особенно для инородцевъ, которые съ большимъ трудомъ и то не всегда способны

¹⁾ Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.» книгахъ, редакція проситъ гг. издателей и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія переченъ которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія.

разобраться въ различныхъ тонкостяхъ и отгѣнкахъ языка. Въ приложеніи даются краткія свѣдѣнія о законахъ русскаго произношенія, главнѣйшія правила грамматики и приведенъ указатель пособій, которыми пользовался авторъ въ своей работѣ.

М. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 156. Ц. 1 р.

Уставъ о воинской повинности. Составленъ по послѣднимъ узаконеніямъ съ разъясненіями В. П. Никитинымъ. Спб. 1914. Стр. 315. Ц. 1 р. 75 к.

Очерки по исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Спб. университета В. Н. Бенешевича. Вып. III. Спб. 1913. Стр. 128. Цѣна не обозначена.

С. Фонвизинъ. Записки свободной женщины. Спб. 1914. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

«Записки свободной женщины» — одно изъ лучшихъ произведеній г. С. Фонвизина, затрагивающее самыя наболѣвшіе вопросы современности: бракъ, свободная любовь и положеніе женщины. Романъ читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ и написанъ четкимъ, красочнымъ языкомъ.

А. А. Навроцкій. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая драма въ 5 д. и 7 карт. съ стихахъ. Спб. 1913. Стр. 54. Ц. 1 р.

Миловидовъ, А. И. Западно-русскія православныя братства, ихъ современное значеніе и задачи. Вильна. 1913. Ц. 35 к.

— «Виленскій храмъ-памятникъ въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ и въ память князя К. К. Острожскаго». (Ко дню освященія храма 9-го мая 1913 г.). Изданіе виленскаго Свято-Духовскаго братства. Вильна. 1913. Ц. 30 к.

— Къ 50-лѣтію возрожденія западно-русскихъ братствъ при гр. М. Н. Муравьевѣ. (Архивная справка). Вильна. 1913. Ц. 20 к.

— «Церковно-строительное дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ при гр. М. Н. Муравьевѣ». (По архивнымъ матеріаламъ). Вильна. 1913. Ц. 30 к.

— Къ исторіографіи Сѣверо-Западнаго края. Вильна. 1913. Ц. 15 к.

— Придворно-походная Александро-Невская церковь императора Александра I. Вильна. 1912. Ц. 30 к.

Виленскій временникъ. Кн. VI ч. I. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возра-

нію 1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. 8° XXVI+464 стр. Составилъ А. И. Миловидомъ. Вильна. 1913. Ц. 3 р. 75 к.

— Кн. V, ч. I. «Акты и документы архива виленскаго, ковенскаго, гродненскаго генераль-губернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 г.г. Переписка по военной части. Составилъ полковн. Томилинь. VII+285. 8°. Вильна. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

— Кн. V ч. II. Акты и документы архива виленскаго, ковенскаго, гродненскаго генераль-губернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 г.г. Переписка по гродненской части. Составилъ Ю. Ц. Тагищевъ. 128—355. Стр. 8°. Вильна. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

Письма Веніамина, архіепископа пркутскаго, къ казанскому архіепископу Владимиру (1862—1889 г.г.). Съ предисловіемъ и примѣчаніями К. В. Харламповича. Изд. имп. о-ва исторіи и древностей росс. при моск. у-тѣ. Москва. 1913. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

С. М. Некрасовъ. Предки царя Михаила Федоровича Романова. Тверь. 1913. Стр. 234+VI. Цѣна не обозначена.

Г. Г. Замысловскій. Убіеніе Андрюши Ющинскаго. Рѣчь въ кievскомъ окружномъ судѣ 24-го октября 1913 г. Спб. 1914. Стр. 119. Ц. 30 к.

Проф. В. И. Палладинъ. Физиологія растений. Изданіе 7-е, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. X+356. Ц. 2 р. 50 к.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. № 50, подъ редакціей председателя комиссіи А. И. Маркевича. Симферополь. 1913. Стр. 316. Цѣна не обозначена.

И. И. Орловскій. Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ. Изданіе 2-е, смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. Стр. 53. Ц. 25 к.

В. И. Грачевъ. Достопамятные дни столѣтняго юбилея Отечественной войны въ Смоленскѣ. Изд. смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. Стр. 63. Ц. 30 к.

А. С. Суворинъ. Театральные очерки. 1866—1876. Спб. 1914. Стр. XV+479. Цѣна 3 р.

Монахъ Неофитъ о тайнѣ крови у іудеевъ въ связи съ ученіемъ Каббалы. Спб. 1914. Стр. 45. Ц. 50 к.

В. П. Андреевская. Чужое счастье. Истор. разсказъ съ рисунками Н. Корвина. Спб. 1914. Стр. 179. Ц. 1 р.

Записки сѣверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго

общества. Книжка I. 1910. Вильна. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.—Книжка II. 1911. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к.—Книжка III. 1912. Стр. 397. Ц. 1 р. 50 к.

Русская Муза. Художественно-историческая хрестоматія. Составилъ П. Я. Изд. 3-е. Спб. Стр. 467. Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгу вошли произведенія 80 поэтовъ, пачиная съ Державина и до нашихъ дней. Каждому поэту посвящена краткая замѣтка критико-биографическаго характера. Выборъ стихотвореній вполне соответствуетъ требованіямъ художественно-исторической хрестоматіи; можно спорить только относительно поэтовъ 90-хъ годовъ и современныхъ, среди которыхъ покойный П. Я. пропустилъ такихъ крупныхъ поэтовъ, какъ Дрожжина, А. Коринфаега, К. Р. Отсутствуетъ, конечно, и В. П. Буренинъ, выдающійся сатирикъ, пародистъ и юмористъ.

Проф. Е. Е. Голубинскій. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. Изд. импер. о-ва исторіи и древностей росс. при моск. у-тѣ. Москва. 1913. Стр. X+132. Ц. 1 р.

Къ десятилѣтію полтавской ученой архивной комиссіи. Отчетъ со дня открытія, съ 26-го октября 1903 г. по 26-е октября 1913. Составилъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1913. Стр. 22. Ц. не обозначена.

Ил. Лукашевичъ. Мое милое дѣтство. Автобіографическая повѣсть для средн. и старш. возрастовъ. Ч. I. Стр. 209. Ц. 1 р. 25 к.

Хронологическій списокъ сочиненій, изданій и переводовъ Степана Ивановича Пономарева, составленный имъ самимъ. Изданъ подъ редакціей К. Я. Грота. Спб. 1913. Стр. 53. Ц. 70 к.

Новгородъ. Художественныя открытки. Изданіе новгородскаго общества любителей древности. Серія I и II. По 50 к.

Труды. пермской губернской ученой архивной комиссіи. Вып. X. Пермь. 1913. Стр. XI+245. Ц. 1 р. 50 к.

А. Вамбери. Моя жизнь. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Лазарева. Москва. Кн-во «Наука». Стр. VII+408. Ц. 1 р. 75 к.

И. Гофштеттеръ. Убійство Ющинскаго и русская общественная совѣсть. Спб. 1914. Стр. 18. Ц. 25 к.

Вл. Крымовъ. Въ странѣ любви и землетрясеній, странные рассказы и прочее. Спб. 1911. Стр. 288. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. I. А. Бродовичъ. Е. Е. Голубинскій (Песковъ). Некрологъ. Харьковъ. 1913. Стр. 19. Ц. 20 к.

— О трудахъ Ѳ. И. Шмита по исторіи

византійскаго искусства. Москва. 1913. Стр. 37. Цѣна не обозначена.

А. Ренниковъ. Тихая заводь. Ироническій романъ. Спб. 1914. Стр. 368. Ц. 1 р. 75 к.

Русскій календарь на 1914 г. А. Суворина. Сорокъ третій годъ. Спб. 1914. Стр. XXXIV+568. Ц. 1 р.

В. Н. Сумцовъ. Аракчеевцы на Уралѣ. Экскурсіонный очеркъ. Нижній-Новгородъ. 1913. Стр. VIII+87+15. Ц. 1 р. 25 к.

Н. А. Хитковъ. Ручной трудъ. Опытъ руководящихъ правилъ для классовъ ручного труда. Казантъ. 1913. Стр. 21. Ц. 10 к.

«Свѣтикъ». Первая послѣ букваря книга для чтенія. Составилъ Флегонтъ Мясниковъ. Спб. 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Ч. I. Стр. 165. Ц. 35 к.—Ч. II. Стр. 19+8III. Ц. 55 к.

Руководящ. идеей націонализаціи школы, составитель хрестоматіи стремится вселить въ учащихся любовь къ родной природѣ, къ родному быту и прошлому и воспитать въ нихъ чувство національнаго сознанія. «Свѣтикъ» предназначается для началь. той школы и младш. классовъ ср. уч-зав.

В. А. Храповицкіи. Розы Діаны. Драматическая фантазія въ 3 дѣйствіяхъ. Екатеринославъ. 1913. Стр. 53. Ц. 30 к.

Н. Poltoratsky. Extraits des journaux. Roma. 1914. P. 50 к.

Владимиръ Астровъ. Не нашли пути. Изъ исторіи религіознаго кризиса. Станкевичъ—Бѣлинскій—Герценъ—Кирѣевскій—Достоевскій. Спб. 1914. Стр. IX+291. Ц. 1 р. 50.

П. М. Невѣжинъ. Погибшій кумиръ. Повѣсть и другія повѣсти и рассказы. Спб. 1914. Стр. 245. Ц. 1 р.

Ч. Робертсъ. Въ лѣсныхъ дебряхъ. Рассказы. Пер. съ англ. Волошинова. Спб. 1914. Стр. 224. Цѣна не обозначена.

Жюль Вернъ. Завѣщаніе чудака. Необычайное путешествіе. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Времѣ». Спб. 1914. Стр. 490. Ц. 2 р.

И. С. Симоновъ. Грановскій—учитель. Къ 100-лѣтію со дня его рожденія. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1913. Стр. 23. Ц. 25 к.

Извѣстія одесскаго бібліографическаго общества при импер. новороссійскомъ университетѣ. Т. II, вып. 7. Одесса. 1913.

Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Клячибы. Собралъ А. В. Селивановъ. Ч. II. Рязань. Стр. 245+VI. Ц. 2. р. 50 к.

И. Ф. Павловскій. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генераль-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 г.г.). (По архивнымъ даннымъ, съ рисунками). Изд. полтавеквой ученой архивной комисіи. Полтава. 1914. Стр. 131. Ц. 75 к.

Опись дѣлъ архива государственнаго совѣта. Т. XX. Стр. 449.—Т. XVI. Стр. XVII+922.—Т. XV. Стр. 525.—Т. X. Стр. 445.—Т. VIII. Стр. 483. Цѣна не обозначена.

Ант. Гиннень. О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилицъ. Спб. 1913. Стр. 133. Ц. 70 к.

Первый выпускъ работы г. Гинкена посвященъ исторіи книгъ и книгохранилицъ, начиная съ древнѣйшихъ рукописей, написанныхъ на глиняхъ, папирусѣ и пергаментѣ, и кончая описаніемъ современнаго положенія книжнаго дѣла. Написана книжка общедоступно и читается легко.

Записки императорскаго московскаго археологическаго института имени императора Николая II, издаваемая подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томъ XXIX. Москва. 1913. Стр. VIII+390+XXXI+16. Ц. 3 р. 50 к.

А. Нѣмовскій. Листопадъ, Прометей и другіе рассказы. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Изд. 2-ое. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Стр. 164. Ц. 75 к.

И. С. Абрамовъ. Подъ роднымъ солнцемъ. Экскурсіи по Россіи. Спб. 1914. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Стр. 293. Ц. 1 р.

Интересныя и живо написанныя статьи г. И. Абрамова описываютъ природу, бытъ и населеніе Украйны, Волыни, Поволжья, Крыма, Кавказа и центральной Россіи. Въ приложеніи даются необходимыя свѣдѣнія для изучающихъ этнографію Россіи и

программы для собиранія этнографическихкихъ предметовъ и произведеній родной словесности. Книга богато иллюстрирована.

В. П. Поповъ. Лѣтопись русскаго пчеловодства за тысячу лѣтъ (съ 912 г. по 1912 г.). Пенза. 1913. Стр. 186+IX. Ц. 85 к.

Работа г. Попова, составленная по первоисточникамъ, встрѣчена многими лестными отзывами общей и спеціальной періодической печати и удостоена на послѣдней всероссійской выставкѣ въ Кіевѣ одной изъ высшихъ наградъ—золотой медали. Несмотря на свою спеціальность, эта книга представляетъ интересъ не для однихъ только пчеловодовъ, но и для всѣхъ лицъ, интересующихся роднымъ прошлымъ.

Н. и Е. Ельмановы. У насъ свой садикъ. Рассказы для младшаго возраста. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Спб. 1913. Стр. 54. Ц. 50 к.

Проф. И. А. Сикорскій. Экспертнза по дѣлу объ убійствѣ Андруши Ющинскаго. Спб. 1913. Стр. 24. Ц. 30 к.

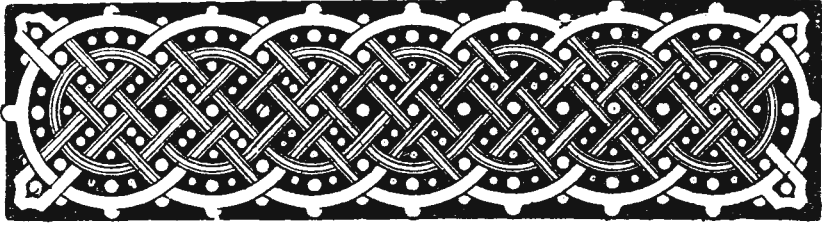
И. Пересѣтовъ. Змѣвевикъ. Стихотворныя фантазіи. Спб. 1914. Стр. 157. Ц. 1 р.

П. П. Александрова-Игнатьева. Практическія основы вегетаріанскаго питанія. Руководство для кулинарныхъ школъ и для самообученія. Спб. 1914. Стр. 448. Ц. 2 р.

М. Слободанинъ. Изъ исторіи и опыта земскихъ учреждений въ Россіи. Очерки. Изд. журнала «Жизнь для всѣхъ». Спб. 1913. Стр. 551. Ц. 2 р.

Юс. Миклашевскій. Очеркъ дѣятельности кіевскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества (1863—1913). Кіевъ. 1913. Стр. 248. Цѣна не обозначена.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТЕФАНІЯ Богарнэ, великая герцогиня баденская -).—Въ началѣ прошлаго столѣтія въ глуши французской провинціи, въ Перигѣ, у двухъ монахинь, изгнанныхъ революціей изъ ихъ монастыря, воспитывалась отшельницей одна маленькая дѣвочка-сиротка. Ея мать умерла, отецъ эмигрировалъ изъ Франціи. Родившись въ 1789 году, она едва помнила своихъ родителей, и не будь одной сердобольной англичанки, которая увезла сиротку изъ Парижа въ самый разгаръ террора и платила монахинямъ за ея воспитаніе, бѣдная дѣвочка была бы обречена на нищету.

Дѣвочку эту звали Стефанія Богарнэ. Отъ своихъ воспитательницъ-монахинь она знала, что ея бабушка, рожденная Мушаръ, была когда-то въ доброе старое время выдающейся поэтессой. Объ остальныхъ родственникахъ монахини хранили упорное молчаніе, считая опаснымъ для ея нравственности знакомить ее съ похождениями членовъ этой легкомысленной и не особенно нравственной семьи.

Стефанія росла среди простой обстановки, чуждой большихъ радостей, но огражденной и отъ большихъ огорченій. Будущее для нея было въ туманѣ: вѣдь у нея не было никого изъ близкихъ родныхъ, кромѣ эмигрировавшаго, а, стало быть, и граждански умершаго отца! Если будутъ восстановлены монастыри и конгрегации, то, по всей вѣроятности, въ ихъ стѣнахъ она найдетъ себѣ убѣжище и со временемъ станетъ такой же монахиней, какъ и ея воспитательницы. Это было лучшее, на что можно было надѣяться.

¹⁾ «Le Temps». 1913 7.

И вотъ въ одно прекрасное утро къ монахинямъ является изъ Парижа курьеръ. Отъ имени перваго консула онъ требуетъ, чтобы ему передали Стефанію. Питая предубѣжденіе противъ этого Бонапарта, имя котораго проникло и въ ихъ медвѣжки углы, монахини отказываются исполнить требованіе консула. Черезъ нѣсколько дней опять является новый курьеръ съ тѣмъ же требованіемъ. Онъ уже говоритъ отъ имени закона, и въ дѣло вмѣшивается мѣстный префектъ. Сопротивляться болѣе нельзя. Стефанію вырываютъ изъ объятій выдающихъ монахинь, сажаютъ въ почтовую карету и во всю прыть увозятъ въ Парижъ.

Совершаются чудеса, и заброшенная, всѣми забытая сиротка изъ Перигё превращается сразу въ принцессу.

Случайно узнавъ о существованіи этой дальней родственницы своей жены, Бонапартъ хочетъ устроить ея карьеру. Пока новую принцессу обучаютъ придворнымъ манерамъ и этикету, появляется имперія. Фривольная родственница, о которой старались умалчивать монахини-воспитательницы, помазуется на царство самимъ папой, специально пріѣхавшимъ для этого изъ Рима. Стефанія, задорный смѣхъ которой нравится императору, объявляется сенатомъ пріемной дочерью владыки міра. Она важно принимаетъ депутаціи отъ разныхъ учрежденій имперіи, явившихся принести ей свои поздравленія, и вскорѣ выходитъ замужъ за великаго герцога баденскаго, которому она приноситъ въ приданое полтора милліона франковъ и безчисленное количество платьевъ. У нея дивныя кружева, чудные драгоценныя камни и двадцать тысячъ франковъ въ годъ на карманные расходы. Ея бракосочетаніе ознаменовывается необыкновенными торжествами: пушки, фанфары, крики многочисленной толпы, шествіе иностранныхъ принцевъ, фейерверкъ, большой бакъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, дѣлованіе руки и апопееозъ.

Но всякая медаль имѣетъ и обратную сторону. Прежде всего—смѣшной супругъ. Молодая жена въ первый же вечеръ выставляетъ его за дверь своей спальни и отказывается впустить его, если онъ не измѣнитъ свою старомодную прическу. На другой день онъ является побритый и подстриженный. Но и въ этомъ видѣ ему нѣтъ доступа. Несчастный покоряется своей участи и засыпаетъ въ креслѣ на порогѣ своей супружеской спальни. Въ дѣло принужденъ вступить самъ императоръ: политика требуетъ, чтобы этотъ бракъ совершился, и онъ уговариваетъ свою пріемную дочь отправиться въ ея новую столицу Карлсруэ. Въ отчаяніи Стефанія соглашается и подъ гирляндами и триумфальными арками выѣзжаетъ на свою новую родину. Но мрачный герцогскій дворецъ, выстроенный на опушкѣ большого лѣса, съ его давящей свинцовой башней и четырьмя сотнями комнатъ, меблированныхъ съ тяжелой нѣмецкой роскошью, производитъ на нее сразу же угнетающее впечатлѣніе. Она чувствуетъ, что новая родня, всѣ эти высококомѣрные маркиграфы и маркиграфини, на колѣняхъ ползающіе передъ Наполеономъ, въ душѣ ненавидятъ и презираютъ ее, какъ проходимку, внучку какой-то Мушаръ, втершюся въ ихъ родовой замокъ. Они не смѣютъ открыто выразить своихъ чувствъ: французскій посланникъ пристально слѣдитъ, что дѣлается при баденскомъ дворѣ,

и при малѣйшемъ неудовольствіи Наполеонъ однимъ почеркомъ пера прекратить существованіе этого маленькаго герцогства.

Не сладка была жизнь Стефаніи среди этихъ чопорныхъ Зерингеновъ! Она соображаетъ, что единственное для нея средство укрѣпить здѣсь свое вліяніе— это привязать къ себѣ влюбленнаго въ нее мужа. У нихъ рождается сынъ. Его появленіе еще болѣе скрѣпляетъ ихъ взаимное чувство, и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ Стефанія можетъ даже назвать себя счастливой. Ея мужъ уже вступилъ на престолъ, и теперь она великая герцогиня баденская. Но походъ Наполеона въ Россію показалъ всѣмъ, что и императоръ можетъ терпѣть поражение. Паденіе Наполеона поставило въ затруднительное положеніе бѣднаго баденскаго герцога. Кругомъ открыто говорятъ, что было бы хорошо, если бы его наслѣдникъ, этотъ отпрыскъ бывшей революціонерки, догадался умереть, тогда права на престолъ перешли бы въ боковую линію, и страна освободилась бы отъ этихъ Богариэ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ребенокъ умираетъ, при довольно загадочныхъ обстоятельствахъ. Вѣдную мать не подпускаютъ даже къ кроваткѣ, гдѣ онъ умираетъ.

На слѣдующій годъ новое горе: мужъ Стефаніи принужденъ присоединиться къ общему дѣлу Германіи и выступить противъ Наполеона. Стефанія видитъ, какъ проходятъ передъ ея окнами безчисленные полки, отправляющіеся опустошать Францію. И она должна молиться о дарованіи имъ побѣды надъ ея пріемнымъ отцомъ!

Когда Наполеонъ очутился на островѣ св. Елены и не былъ уже страшенъ своимъ баденскимъ родственникамъ, ненависть двора къ великой герцогинѣ проявлялась уже открыто и безопасно, благо Священный Союзъ не имѣлъ ничего противъ этого. Сначала попробовали заставить великаго герцога отказаться отъ его жены, втершейся сюда благодаря чудовищному корсиканцу. Къ чести своей, герцогъ съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе. Тогда стали устраивать заговоры противъ него самого. Жизнь супруговъ протекала среди интригъ, козней, угрозъ и шпіонства, и лишь взаимная привязанность давала имъ силы переносить такую жизнь.

Въ 1816 году у Стефаніи родился второй сынъ. Опять въ ней вспыхнула надежда. Она переводитъ ребенка ближе къ себѣ во второй этажъ, не спускаетъ съ него глазъ, но всѣ предосторожности тщетны: на слѣдующій годъ ребенокъ умираетъ. За нимъ умираетъ въ цвѣтущемъ возрастѣ и его отецъ. Осиротѣвшая, бездѣтная Стефанія не страшна болѣе Священному Союзу и чопорнымъ Зерингенамъ!

Ей отводятъ для жительства огромный дворецъ въ Мангеймѣ, одинъ изъ тѣхъ нѣмецкихъ Версалей, которые больше смахиваютъ на казармы. Тамъ она укрылась, потрясенная катастрофами. Ее охватили болѣзненные галлюцинаціи, въ ней все болѣе крѣпнеть мысль, что ея старшій сынъ не умеръ, а похищенъ. Когда въ 1828 году по Германіи пронесся слухъ, что у воротъ города Нюрнберга задержанъ какой-то юный бродяга, который не могъ объяснить, кто онъ и откуда онъ, бѣдная великая герцогиня прониклась увѣренностью, что это не кто иной, какъ ея пропавшій первенецъ. Бродяга, назвавшійся Каспаромъ Гаузеромъ, объяснилъ, что онъ жилъ до сего времени у од-

ного бѣднаго человѣка въ одномъ изъ отдаленныхъ маленькихъ городковъ Баваріи. Приютившій его человѣкъ, обучившій его писать и читать, отпустилъ его теперь отъ себя, не имѣя возможности содержать его болѣе. Несмотря на убогій костюмъ, вѣщность таинственнаго пришельца выдавала его аристократическое происхожденіе: руки и ноги его были очень малы, лицо красиво и тонко. Вспоминая о своемъ раннемъ дѣтствѣ, Каспаръ рассказывалъ, что онъ помнитъ большую площадь съ фонтаномъ, на которую выходили окна того замка, гдѣ онъ жилъ, цѣлую анфиладу роскошныхъ комнатъ, статую со шпагой, портреты рыцарей, большую великолѣпную лѣстницу и зеркала въ золотыхъ рамахъ. Вспоминалъ онъ, словно сквозь сонъ, какъ бывало надъ его колыбелью склонялась какая-то женщина въ желтой шляпѣ съ бѣлыми перьями и мужчина въ черномъ платьѣ, треугольной шляпѣ и съ орденомъ на груди...

Эти рассказы вызвали повсюду необычный интересъ къ личности этого Каспара Гаузера. Нюренбержцы приютили его у себя и отдали на попеченіе профессора Дауера. Вскорѣ, однако, Гаузера нашли въ одномъ изъ погребовъ въ глубокомъ обморокѣ и съ глубокой раной на лбу. Придя въ себя, Гаузеръ рассказалъ, что на него сдѣлали нападеніе какіе-то замаскированные люди, которые хотѣли его убить. Полиція бросилась разыскивать злоумышленниковъ, по ихъ и слѣдъ простытъ.

Послѣ этого случая таинственнымъ Каспаромъ Гаузеромъ заинтересовался лордъ Стэнгопъ. Онъ взялъ его на свое попеченіе и поселилъ въ укромной баварской деревенькѣ Ансбахъ. Но и тутъ враги не оставили Каспара въ покоѣ. Въ 1833 году онъ снова подвергся нападенію и былъ найденъ убитымъ. Несмотря на напряженное слѣдствіе, это темное дѣло осталось нераскрытымъ, а личность Каспара Гаузера увеличила собою галерею историческихъ загадокъ.

Стефанія Богарнэ, великая герцогиня баденская, была увѣрена, что это ея первый сынъ, не умершій, а похищенный у нея изъ династическихъ соображеній. Она дѣлала попытки приблизить къ себѣ этого Каспара, но судьба и люди разъединили ихъ, и таинственный незнакомецъ съ такими яркими воспоминаніями дѣтства унесъ свою тайну въ могилу.

Великая герцогиня баденская тихо и безслѣдно сошла съ исторической арены.

— Два корсиканца ¹⁾.—Одному изъ нихъ двадцать одинъ годъ и его зовутъ Наполеонъ Буонапарте, другой на пять лѣтъ старше, изъ бѣдной семьи, живущей въ деревнѣ Алата близъ Аяччо, зовется Поццо ди-Ворго. Оба они очень бѣдны, оба съ дѣтства недолюбливаютъ другъ друга. Въ 1792 г. Буонапарте, къ величайшей досадѣ Поццо, становится батальоннымъ адъютантомъ и, благодаря своему пребыванію въ военной школѣ, совершенно офранцузивается. Его соперникъ остается попрежнему корсиканцемъ. Когда зашла рѣчь о томъ, долженъ ли островъ принадлежать англичанамъ или французамъ, Буонапарте выступаетъ сторонникомъ Франціи, его соперникъ держитъ сторону Англіи. Онъ завидуетъ быстрой сообразительности и рѣшительному характеру Буонапарте. Наполеонъ боится хитрости и изворотливости своего

¹⁾ «Le Temps». 1913. № 19151.

«Истор. вѣсти», январь 1914 г., т. сxxxv.

врага, никогда не выступавшаго прямо и избѣгавшаго рѣшительныхъ дѣйствій.

Между ними завязывается нескончаемая борьба. Сначала верхъ одерживаетъ Поццо: Корсика отдана англичанамъ, Буонапарте принуждены ѣзжать. Ихъ домъ въ Аяччо подвергается разграбленію. Разоренные, объявленные виѣ закона, они принуждены скрываться на континентѣ, надѣясь только на энергію Наполеона. Извѣстно, какъ онъ выручилъ своихъ изъ затрудненій и каково было его мщеніе. Но Поццо не слагалъ оружія и рѣшилъ ждать. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Онъ укрывался сначала въ Пруссіи, потомъ въ Россіи. Но его всемогущій противникъ не забылъ о немъ: по его приказанію Поццо изгнанъ изъ Петербурга и вынужденъ искать убѣжища у турецкаго султана. Но въ 1812 г. императоръ Александръ вспомнилъ о немъ. Онъ предчувствуетъ, что этотъ человѣкъ, питающій къ Наполеону такую ненависть, можетъ теперь пригодиться. Онъ призываетъ его къ себѣ, выслушиваетъ его совѣты и дѣлаетъ его генераломъ. Когда создается коалиція противъ Наполеона, Поццо дѣлается душой Священнаго Союза и, какъ говорятъ, первый подаетъ мысль союзнымъ арміямъ итти на Парижъ.

Наполеонъ разбитъ и униженъ, но для Поццо этого мало. Онъ изгоняетъ римскаго короля и поднимаетъ вопросъ о ссылкѣ Наполеона на островъ Эльбу. Уточенная месть: съ Эльбы ясно видны берега Корсики, которые будутъ напоминать бывшему властителю о его торжествующемъ врагѣ дѣтства.

Теперь Поццо уже посланникъ царя въ Парижѣ. Онъ живетъ во дворцѣ, ему курятъ оиміамы. Именно ему принадлежитъ мысль объ островѣ св. Елены. Однажды, когда его умоляли смягчить участь его униженнаго врага, онъ попросилъ себѣ ночь на размышленіе и на другой день заявилъ:

— Я столько боролся съ Наполеономъ, что никто не повѣритъ мнѣ, когда я стану за него просить.

Впослѣдствіи онъ не разъ говорилъ:

— Я еще не убилъ его, но я уже бросилъ на него горсть земли.

Жестокая агонія, въ которой медленно умиралъ Наполеонъ, не смягчила его злобы и ненависти. Въ 1833 г., въ бытность въ Аяччо, онъ предложилъ пятьсотъ тысячъ франковъ за домъ, въ которомъ раньше жило семейство Наполеоновъ. Тогдашній владѣлецъ дома Рамолино отвергъ предложеніе Поццо. Тогда онъ приобрѣлъ скалу Пунто, которая господствуетъ надъ городомъ Аяччо, и превратилъ ее въ замокъ. Домъ Наполеоновъ отсюда казался лачугой.

Поццо ди-Борго умеръ въ 1842 году. Но мщеніе его пережило его и еще разъ проявилось въ 1871 г. Потомки Поццо истратили милліоны на перевозку на Пуанто останковъ сожженнаго коммунарами дворца Тюльери, въ которомъ Наполеонъ провелъ самые счастливые и блестящіе свои годы. Изъ колоннъ этого дворца были сооружены фронтонъ, на которомъ красовалась надпись: «Чтобы сохранить корсиканскому отечеству драгоцѣнную память объ отечествѣ французскомъ». Но чтобы никто не могъ ошибиться насчетъ истинныхъ намѣреній владѣтелей этихъ драгоцѣнныхъ обломковъ, въ одной изъ залъ были повѣшены другъ противъ друга два портрета: самодовольный, веселый

Поццо ди-Борго, весь усыпанный орденами, и разбитый, павший духомъ Наполеонъ послѣ Ватерлоо.

— Людовикъ XVIII въ Гентѣ во время ста дней¹⁾.—

Извѣстный историкъ Анри Вельшингеръ въ «Revue Hebdomadaire» бросаетъ критическій взглядъ на событія, послѣдовавшія во Франціи за походомъ въ Россію и измѣной Мармона. Цѣлая сѣть интригъ сплеталась вокругъ временныхъ властителей Франціи. Наполеонъ на другой день своего отреченія въ Фонтенбло отправился на островъ Эльбу, а Людовикъ XVIII успѣшилъ вернуться во Францію. Здѣсь произошла лицемѣрная комедія, неизбежная среди царедворцевъ: присягавшіе еще недавно въ вѣрности императору такъ же успѣшно обманывали своей клятвой и короля. Но если маршалы и генералы льстили Людовику, то старые гренадеры даже не скрывали своихъ непріязненныхъ къ нему чувствъ.

Роялисты дѣлали ошибку за ошибкой: старымъ воинамъ, доказавшимъ свою храбрость всей Европѣ, были даны начальники изъ молодыхъ, неопытныхъ, ничѣмъ не отличившихся людей. Наивно полагая, что такимъ образомъ, они создадутъ изъ гренадеръ вѣрный оплотъ для безопасности короля, эти начальники только раздражали ихъ противъ Людовика XVIII. Другая ошибка была сдѣлана злоупотребленіями хартіей, которой король распоряжался по своему усмотрѣнію, считая ее проявленіемъ милости со своей стороны. Онъ совершенно пренебрегалъ существовавшей до него формой правленія, вычеркивая ее со страницъ исторіи Франціи, и помѣтилъ начало своего воцаренія XIX годомъ, какъ будто революція, консульство и имперія, говоритъ авторъ,—были лишь сновидѣніемъ. Требования легитимистовъ, ихъ обращеніе съ республиканцами, ихъ презрительное отношеніе къ побѣдамъ империалистовъ, замѣна трехцвѣтнаго знамени бѣлымъ, слишкомъ ясно выраженная симпатія къ союзникамъ, черезчуръ быстрое преобразование императорскаго сената въ парижскую палату, отставка депутатовъ и сенаторовъ, замѣна царедворцевъ, законъ противъ печати и масса другихъ реакціонныхъ мѣръ—все это настолько раздражало Францію, что новая революція казалась неизбежной. Прежній чрезмѣрный пылъ роялистовъ, доходившій до того, что, по словамъ Шатобриана, его женѣ съ трудомъ удалось защитить свои кисейныя юбки отъ роялистовъ, желавшихъ сдѣлать изъ нихъ бѣлыя кокарды, проявлялся уже не такъ ярко. Все вмѣстѣ взятое привело къ тому, что стали появляться тамъ и тутъ трехцвѣтныя кокарды и открыто выражалось желаніе вернуть «le petit carreau». Вотъ почему извѣстіе о появленіи Наполеона у береговъ Франціи не на шутку встревожило всѣхъ роялистовъ.

Когда эта новость была официально напечатана 7-го марта въ «Moniteur», бульварный Парижъ не былъ удивленъ. Раздалось, правда, нѣсколько протестовъ. Маршалъ Сультъ предлагалъ арміи сосредоточиться вокругъ короля. 16-го марта палата провозгласила Людовика XVIII и при этомъ произошла лицемѣрная комедія,—присяга депутатовъ, которые клялись умереть за ко-

¹⁾ Louis XVIII a Gand pendant les Cent Jours. Par Henri Welschinger. «Revue Hebdomadaire». 25 octobre. 1913.

роля. Эта клятва соблюдалась ровно одинъ день. Положеніе короля было неутѣшительно. 13-го марта Талейранъ прибѣгнулъ къ деклараціи, лично имъ написанной, предлагая всѣмъ гражданамъ примкнуть къ королю. Но, несмотря на всѣ ухищренія, ему не удалось уничтожить недовѣріе, которое возбуждало его двуличіе.

По словамъ Вельшингера, наиболѣе искреннимъ совѣтникомъ короля былъ Шатобріанъ. Онъ предлагалъ королю поселиться въ Парижѣ и, опираясь на національную гвардію, ожидать появленія врага. Этотъ совѣтъ былъ не по плечу Людовику XVIII; физически и нравственно онъ уже не годился для такой борьбы, а его приближенныхъ охватила такая паника, что они совершенно потеряли голову, давали и отмѣняли приказанія, укладывали одиѣ драгоценности, забывали другія и т. д. Самъ Людовикъ XVIII такъ растерялся, что впопыхахъ оставилъ въ кабинетѣ свои личныя бумаги, семьдесятъ пять милліоновъ франковъ и самое важное для страдавшаго подагрою короля—старыя туфли. Насколько чувствительна для него была эта потеря, лучше всего видно изъ его фразы, сказанной маршалу Макдональду: «Въ одинъ прекрасный день вы узнаете, милый маршалъ, чего стоитъ потеря разпошенныхъ туфель».

Это произошло 19-го марта, въ полночь, а 20-го, въ девять часовъ вечера Наполеонъ былъ торжественно внесенъ на рукахъ въ Тюльери своими сторонниками. Герцогъ Ангюлемскій слишкомъ запоздалъ и не могъ помѣшать его побѣдоносному шествію,—говоритъ Вельшингеръ,—а герцогиня Беррійская напрасно зывала къ лояльности бордоскихъ отрядовъ: министры же не приняли никакого рѣшенія, чтобы помѣшать Наполеону.

Король въ сопровожденіи герцога Беррійскаго, графа Блака, своего фаворита, герцога Фельтра и нѣсколькихъ тѣлохранителей направился въ Абвилъ, а затѣмъ въ Лилль, гдѣ гарнизонъ принялъ его настолько холодно, что онъ рѣшилъ 23-го перейти бельгійскую границу. Послѣ кратковременныхъ остановокъ, 30-го марта, въ пять часовъ вечера онъ пріѣхалъ въ Гентъ. Его мѣсто занялъ Наполеонъ, знавшій цѣну поздравленій, расточаемыхъ царедворцами. Поэтому на поздравленія графа Милэ съ возвращеніемъ онъ отвѣтилъ иронически: «Не обманывайте меня, мой милый, меня допустили вернуться, какъ допустили уѣхать другого».—Оба противника одинаково знали, насколько они могутъ полагаться на своихъ сторонниковъ. Наполеонъ обдумалъ на островѣ Эльбѣ, кого приблизить къ себѣ, и пригласилъ на службу Камбасерса, Коленкура, Молэ, герцога Газта, Фуше, Булэ-де-ла-Мертъ, герцога Ровиго, Реала и т. д. Онъ догадывался, что Фуше такой же Протей, какъ Талейранъ,—говоритъ Вельшингеръ, и не ошибся. Высказывая Наполеону лучшія пожеланія, Фуше въ то время говорилъ барону Пакье, что Наполеонъ не продержится и трехъ мѣсяцевъ. Коленкуръ былъ преданъ Наполеону не болѣе остальныхъ и, въ свою очередь, высказалъ Пакье, что затѣя императора безумна. У него на шеѣ очутится вся Европа и ему не дадутъ время приготовиться. Онъ долженъ погибнуть. Въ такомъ случаѣ, что станетъ съ Франціей? Кого держаться? спрашивалъ онъ и завидовалъ участи Пакье, который могъ спокойно проживать у себя въ имѣніи.

Талейранъ сыгралъ отвратительную роль и по отношенію къ Людо-

вику XVIII, рѣшившему взять прежнихъ министровъ и попробовать что-нибудь сдѣлать полезное для дѣла. Въ Брюггенѣ ему устроили торжественную встрѣчу. Ему предложили помѣщеніе, въ которомъ, между прочимъ, принимали въ 1815 году императора Александра. Предупреждая Талейрана о своемъ отъѣздѣ, король писалъ: «Полное отложеніе войскъ не оставляетъ мнѣ сомнѣнія, чего я долженъ держаться. Предполагаютъ, что моя голова необходима Франціи. Я долженъ обезпечить свою безопасность, она можетъ быть нарушена, если я останусь въ Лиллѣ». На это Талейранъ хитро ему отвѣтилъ, что императоръ Россіи для его защиты пожертвуетъ послѣднимъ солдатомъ и послѣдней копейкой. Въ то же время коварный дипломатъ секретно высказалъ Александру, что было бы полезнѣе выбрать на французскій престолъ герцога Орлеанскаго. Только вмѣшательство Англій и Австріи, узнавшихъ объ этой интригѣ, помѣшало Талейрану. Онѣ отвѣтили, что на бонапартистскую узурпацію не слѣдуетъ отвѣчать монархической узурпаціей, и что дѣло короля взялъ въ свои руки русскій императоръ. Большой поддержкой для Людовика XVIII была вѣра въ свое возвращеніе во Францію. Но онъ все-таки не довѣрялъ Талейрану и подозрѣвалъ его въ интригахъ. Онъ пригласилъ его къ себѣ въ Гентъ, но окончательный актъ Вѣнскаго конгресса велѣлъ подписать другому уполномоченному. Талейранъ еще не зналъ, какому Богу молиться. Онъ объяснилъ свое пребываніе въ Вѣнѣ тѣмъ, что могутъ возникнуть затрудненія во вредъ интересамъ Франціи. Только 27-го мая онъ далъ обѣщаніе покинуть Вѣну, но уѣхалъ онъ 10-го, подписавъ окончательный актъ, устроивъ свои дѣла и совершивъ расчеты съ иностранными государями за оказанныя имъ услуги. Людовикъ XVIII ждалъ его терпѣливо, но это промедленіе возбудило въ немъ неприязнь къ Талейрану.

Въ Гентѣ Людовика XVIII приняли какъ короля, признаннаго всей Европой. Онъ былъ окруженъ своими министрами: Шатобрианомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), аббатомъ Луи (финансовъ), герцогомъ Фельтръ (военнымъ министромъ), Беньо (морскимъ), Дамбре (юстиціи), Жокуръ (иностранныхъ дѣлъ), Лали Толандаль (народнаго просвѣщенія) и Блака (министромъ двора). Всѣ они были люди небогатые, необезпеченные. Они не получали жалованья, а если и получали, то очень мало и обѣдали за общимъ столомъ по три франка съ персоны. Они поселились въ скромномъ помѣщеніи и не имѣли даже собственнаго экипажа. Имъ служилъ единственный лакей, и ихъ завтракъ состоялъ изъ кружки молока, а ужинъ изъ стакана сахарной воды. Министры питались въ скромныхъ харчевняхъ, тогда какъ герцогъ Фельтръ наслаждался утонченными блюдами. Иногда харчевня замѣнялась скромнымъ сельскимъ ресторанчикомъ.

Шатобрианъ тяготился изгнаніемъ и не отказывался отъ приглашенія со стороны видныхъ городскихъ дѣятелей. Но эти обѣды, на которыхъ подавалось сладкое раньше супа, были ему не по вкусу. Столъ же скромный былъ и туалетъ министровъ, и Шатобриану приходилось не разъ одолжать одному изъ придворныхъ свои носки. На досугѣ министры читали гентскую газету.

Людовикъ XVIII сначала принималъ предложеніе «Journal de Gant» защищать его интересы, но королю требовался болѣе независимый органъ, въ родѣ

«Moniteur de l'Empire», и 10-го апрѣля 1815 года бельгійское правительство, разрѣшило издавать спеціальнѣйшій журналъ, который сначала назывался «Moniteur Universel», а затѣмъ «Journal Universel». На его страницахъ шла борьба между конституціонными роялистами и реакціонными придворными-абсолютистами, между старымъ режимомъ и хартіей. Гизо забилъ тревогу, опасаясь, что домъ Бурбоновъ будетъ признанъ способнымъ править страной; и прѣхалъ въ Гентъ для переговоровъ съ министрами и редакторами газеты, надѣясь сговориться съ ними. 1-го іюня Гизо видѣлся съ королемъ. Желая привлечь его на свою сторону, онъ началъ рассказывать анекдоты, куплеты и сталъ увѣрять его, что роялисты попрежнему ему преданы, а затѣмъ приступилъ къ нему съ серьезнымъ разговоромъ. Гизо обратилъ его вниманіе на то, что хотя публика и вѣритъ въ возстановленіе монархіи, но считаетъ ее недолговѣчной. Людовикъ XVIII замѣтилъ, что если не будетъ великаго работника революціи, монархія должна будетъ удержаться.

Гизо замѣтилъ, что никто не льститъ себя этой надеждой, и бояется не Бонапарта, а слабости королевской власти и несогласій министровъ. Гизо намекалъ на Блага. «Что Франціи за дѣло, какихъ я держу министровъ во дворцѣ, лишь бы оттуда не выходило чего-нибудь ненужнаго», отвѣтилъ король. Онъ просилъ Гизо лучше привести ему болѣе основательныя причины опасеній; тотъ указалъ на угрозы протестантовъ со стороны ультрароялистовъ на югѣ.

Король обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы помѣшать этому. «Не могу же я быть разомъ и либеральнымъ, и самодержавнымъ государемъ!» замѣтилъ онъ. Когда Гизо сказалъ, что король и его братъ находятся съ Фуше въ тайныхъ сношеніяхъ, то король постарался замѣть этотъ разговоръ.

Увидя новыя списки пэровъ, составленные Наполеономъ, король небрежно отбросилъ его и съ улыбкой произнесъ: «Это, очевидно, не надолго: здѣсь нѣтъ Семонвиля». Последний шелъ тогда, когда позиція была прочно обезпечена.

Свою поѣздку въ Гентъ Гизо объяснилъ желаніемъ послужить родицѣ. «Когда мнѣ стало очевиднымъ, что Бурбоны вернутся во Францію»,—говоритъ онъ:—то я отправился въ Гентъ не ради личнаго интереса, но чтобы дать королю понять, что Франція не забыла ошибокъ 1814 года, совершенныхъ правительствомъ, которыя невозможно дѣлать теперь. Поѣздка его къ королю совершена была имъ во имя конституціонныхъ роялистовъ, въ интересахъ утвержденія и развитія хартіи».

Гизо вынесъ впечатлѣніе, что король судитъ очень здраво, но обращаетъ вниманіе только на вѣншность, мало вникая въ глубину вещей.

Пріѣздъ Гизо встревожилъ Блага, но онъ все-таки съ нимъ видѣлся и былъ учтивъ. Гизо вынесъ впечатлѣніе, что большинство его ошибокъ происходитъ отъ «скудости его ума».

Съ своей стороны, и Шатобріанъ въ своей извѣстной деклараціи откровенно высказалъ, что необходима политическая свобода для спасенія королевской власти. Но совѣтъ Шатобріана оказался тщетнымъ, король хотя уважалъ его, но не любилъ. Его чрезмѣрное самолюбіе, его гордое самодовольство раздражали короля.

18-го июня въ Гентѣ царилъ странная тревога въ ожиданіи извѣстій о томъ, кто одержитъ рѣшительную побѣду при Ватерлоо. Когда пришло извѣстіе о побѣдѣ союзниковъ, король появился у окна. Въ толпѣ раздавались голоса, повторявшіе фразу Александра: «Дѣло человечества выиграно».

27-го июня король давалъ прощальный обѣдъ. Обращаясь къ маршалу Виктору, онъ сказалъ: «Ихъ дѣло было вѣрное, но я боялся, не направлены ли ихъ планы противъ Франціи? Теперь, когда они поражаютъ не французовъ, а бонапартистовъ, съ такой преданностью работаютъ надъ освобожденіемъ моего народа и за спокойствіе міра,—они союзники моей короны».

Маршалъ молча поклонился.

Людовикъ XVIII принялъ услуги не только Талейрана, но по настоянію ультрароялиста графа Артуа также и Фуше, безсовѣстно обманывавшаго всѣ партіи.

Бельо присутствовалъ въ Тюльери въ тотъ моментъ, когда Фуше и Талейранъ торжественно входили въ кабинетъ Людовика XVIII. «То, что мы видимъ,—сказалъ Бельо,—обращаясь къ Шатобриану, съ любопытствомъ смотрѣвшему на историческое событіе, достойно кисти Тацита».

Талейранъ шелъ, поддеживаемый Фуше. Фуше присягнулъ своему государю. Склонившись на колѣни, онъ вложилъ руку, обезглавившую Людовика XVI, въ руку его брата и произнесъ присягу. Выходя изъ Тюльери, канцлеръ Дамбѣре сказалъ Бельо: «Не всегда же будетъ длиться это прекрасное министерство».

Онъ угадалъ, и три мѣсяца спустя послѣ возвращенія Бурбоновъ Фуше впалъ въ немилость и былъ отправленъ въ качествѣ посланника въ Дрезденъ, гдѣ онъ оставался недолго. 12-го января 1816 года онъ подвергся окончательному изгнанію. «Талейранъ, извѣрившись въ Александра и союзниковъ, не могъ болѣе примириться съ ихъ требованіями,—говоритъ Вельшингеръ:—и Людовикъ XVIII постыдился снять его съ рукъ. Какое разстояніе между Парижемъ и вашимъ замкомъ Валансе?» спросилъ его Людовикъ. «Государь,—отвѣтилъ онъ,—на двѣнадцать лье болѣе, чѣмъ отъ Парижа до Гента».

Талейранъ былъ наказанъ за свое врожденное коварство и получилъ возмездіе въ лицѣ собственной своей жены. Однажды вечеромъ въ обществѣ царедворцевъ Людовикъ XVIII, замѣтивъ, что Талейранъ задумчивъ, сказалъ ему: «Князь, увѣряютъ, будто княгиня Талейранъ причиняетъ вамъ въ данный моментъ непріятности. Правда ли это?» «Правда,—отвѣтилъ онъ:—но что же дѣлать, надо же и мнѣ имѣть свое 20-ое марта, ваше величество...»

— Абдуль-Гамидъ и его дворець.—Нѣтъ ничего легче теперь, какъ проникнуть въ самую недоступную и таинственную ограду, которая когда-либо существовала на землѣ. Паркъ Ильдизъ-Кюска теперь открытъ для публики, и за небольшую плату посѣтитель свободно можетъ осматривать личныя помѣщенія бывшаго падишаха Абдуль-Гаида.

Ильдизъ-Кюскъ для Турціи былъ одновременно Эскуріаломъ и Трианомъ. Вокругъ одного изъ павильоновъ, который приказалъ выстроить для своей

1) «Figaro». № 333. 1913. Suppl. litter.

одалиски отецъ Абдуль-Гамидъ, страшный султанъ, царствовавшій надъ Турціей пѣлыхъ тридцать три года, разбить роскошный паркъ, усаженный всякаго рода chalet весьма сомнительнаго вкуса. Съ массой зелени, съ своими мраморными бассейнами, съ искусственными прудами, въ которыхъ плаваютъ множество золотыхъ рыбокъ, съ своими видами на минареты, окружающіе входъ въ Мраморное море, паркъ Ильдизъ-Кюска приводитъ посѣтителей въ восторгъ. Къ сожалѣнію, дивному впечатлѣнію сильно вредятъ разныя деревянныя постройки, сдѣланныя въ какомъ-то странномъ смѣшанномъ стилѣ—полувосточномъ, полусвейцарскомъ. Всѣ эти бесѣдки и шале довольно неуклюжи. Особенно некрасиво деревянное зданіе театра, сообщающееся особымъ деревяннымъ мостомъ съ гаремомъ. Внутренность театра представляетъ собою бонбоньерку, отдѣланную краснымъ бархатомъ. Здѣсь разныя иностранныя знаменитости, проѣздомъ черезъ Константинополь, давали свои представленія, причемъ султанъ бывалъ нерѣдко ихъ единственнымъ зрителемъ. Абдуль-Гамиду нравилось подражать баварскому королю Оттону, хотя онъ вовсе не обладалъ артистическими способностями послѣдняго. Фойе этого миниатюрнаго театра украшено, между прочимъ, плохимъ портретомъ Верди и фотографіей извѣстнаго итальянскаго трансформатора Артура Страволо.

Садъ гарема, въ который могъ входить только одинъ Абдуль-Гамидъ и который теперь открытъ для всѣхъ, не представляетъ ничего особенно интереснаго для европейца. Войдя въ него, можно подумать, что находишься въ отдѣленіи для акклиматизаціи птицъ. Вездѣ летаютъ разноцвѣтные голуби, всѣ стѣны покрыты клѣтками, въ которыхъ распѣваютъ птицы изъ разныхъ странъ. По берегамъ небольшой искусственной рѣчки, осѣненной развѣсистыми деревьями, порхаютъ экзотическіе представители пернатыхъ. Недалеко отъ этой рѣчки возвышается плохо меблированная бесѣдка, на крышѣ которой находится своего рода обсерваторія. Отсюда султанъ смотрѣлъ въ подзорную трубу на улицы своей столицы и любовался своими войсками. Онъ не любилъ подпускать къ себѣ очень близко ни войскъ, ни народа.

Чтобы понять характеръ этого деспота, достаточно познакомиться съ обстановкой, въ которой онъ жилъ. Огромное количество сундуковъ, теперь зіяющихъ пустотой, а прежде сверкавшихъ золотомъ и драгоценными камнями, выдаютъ жадность сверженнаго султана. Двѣ кольчуги, со слѣдами пробныхъ выстрѣловъ, письменный столъ и кресло съ хрустальными ножками показываютъ, что Абдуль-Гамидъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы обезопасить себя отъ покушеній своихъ враговъ и молніи приближающейся грозы. Многочисленныя спальни Ильдизъ-Кюска не представляютъ ничего выдающагося: онѣ всѣ похожи одна на другую. Чтобы обмануть заговорщиковъ па свою жизнь, подозрительный султанъ ни разу не почивалъ два раза подъ рядъ въ одной и той же спальнѣ, а чтобы имѣть возможность отбить ночное нападеніе, онъ держалъ всегда подъ рукою нѣсколько револьверовъ.

Абдуль-Гамидъ между прочимъ приказалъ устроить въ своемъ любимомъ дворцѣ столярную мастерскую, но для инструментовъ, повидимому, нашлось немного работы. Султанъ, должно быть, посвящалъ себя болѣе музыкѣ и живописи. Въ столовой дворца стоитъ пианино, а въ сосѣдней комнатѣ ихъ четыре.

Султанъ любилъ слушать, какъ играли его дочери. Показываютъ также картины, которыя писаны самимъ Абдуль-Гамидомъ. Одна изъ этихъ картинъ, довольно неважныхъ въ техническомъ отношеніи, изображаетъ лодку съ муллами, которая {представляетъ собою карикатуру на Мидхата-пашу и на нѣкоторыхъ другихъ членовъ партіи реформъ. Лежащія на берегу сирены манятъ ихъ рукой, предлагая имъ выпить отравленнаго папитка.

Султанъ любилъ окружать себя не только карикатурными изображеніями своихъ враговъ, но и портретами своихъ явныхъ и тайныхъ друзей и покровителей. Въ его кабинетѣ на письменномъ столѣ красуется въ драгоценной рамкѣ портретъ императора Вильгельма и его семьи. Абдуль-Гамидъ ясно видѣлъ, откуда грозитъ ему опасность, но слишкомъ понадѣялся на своихъ тайныхъ поощрителей.

— Театральная цензура въ эпоху реставраціи¹⁾.— Театральная цензура фактически возникла во Франціи въ средніе вѣка, когда на сценѣ подвизались съ своими фарсами знаменитые Базошскіе бартья. Закономъ же она была введена въ XVIII вѣкѣ. Національное собраніе уничтожило было драматическую цензуру, но при первомъ консултѣ она вновь возродилась, хотя и въ преобразованномъ видѣ. При реставраціи все, что сдѣлалъ Наполеонъ, было отмѣнено, однако цензура осталась, хотя относительно ея и не было издано спеціальнаго декрета. До 1822 года цензура была коллективная: рукопись всякаго драматическаго произведенія проходила черезъ руки всѣхъ цензоровъ, которые и дѣлали о ней общій докладъ. Съ 1822 по 1828 годъ коллективность цензуры была отмѣнена, и каждый цензоръ лично отвѣчалъ за пропущенныя имъ рукописи. Такой порядокъ усиливалъ отвѣтственность цензоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ ихъ особенно изощряться въ цензурныхъ строгостяхъ. Пьесы исправлялись ими немилосердно, причемъ полиція должна была слѣдить, чтобы вычеркнутыя слова отнюдь не произносились со сцены. Этимъ иногда пользовались для сведенія личныхъ литературныхъ счетовъ. Такъ, одинъ изъ актеровъ театра «Гимназія», которому не нравилась одна комедія, нарочно произнесъ два выкинутыя цензурою стиха. Публика не обратила на это вниманія, но вмѣшалась полиція, произошелъ скандалъ, и пьеса была снята съ репертуара.

Первымъ правиломъ цензуры въ реставрированномъ королевствѣ было—не касаться короля, не только реставрированнаго, но и короля вообще, ибо всякое о немъ воспоминаніе, по мнѣнію цензуры, унижало его власть. Въ пьесѣ «Андалузскій Сидъ» главный герой донъ-Санхо де-Тоэласъ женился на сироткѣ Эстеллѣ, честь которой ревниво охранялъ ее братъ донъ-Буетось. Король Санхо IV влюбляется въ Эстеллу и хочет ее похитить. Но донъ-Буетось отбиваетъ ночное нападеніе короля, котораго бьетъ плетнемъ своей шпагой. Король приказываетъ дону-Санхо отомстить обидчику, и тотъ изъ вѣрноподданническихъ чувствъ убиваетъ брата своей невѣсты. Эстелла проклинаетъ его и уходитъ въ монастырь. Несмотря на вѣрноподданническое послушаніе Сиды, пьеса

¹⁾ «Revue de Paris», Nov. 1913.

была запрещена категорически: слишком несимпатичен показался этот Санхо IV.

Пьеса Дюма «Генрих III и его дворъ» едва не подверглась запрещенію за сцену, гдѣ король идетъ молиться Богу, чтобы Онъ послалъ смерть его врагу, герцогу Гизу.

Другимъ страшлищемъ цензуры было упоминаніе о свободѣ, особенно если при этомъ можно было какъ-нибудь усмотрѣть намекъ на современные событія. Пьеса Пюша изъ древнегреческой исторіи «Леонидъ» подвергалась запрещенію пять разъ, несмотря на послѣдовательныя передѣлки. Въ ней видѣли намекъ на греческое возстаніе. Наконецъ, отъ первоначальной пьесы остался одинъ остовъ, но и въ этомъ оципанномъ видѣ пьеса не прошла: цензору не понравилось выраженіе «республиканскій мечъ», и онъ сдѣлалъ замѣтку, что и «монархическій мечъ можетъ разить такъ же хорошо, какъ республиканскій».

При помощи цензуры хотѣли изгладить изъ памяти народнои пѣльи эпохи: запрещено было упоминать въ пьесахъ не только о революціи, но даже о царствованіи Наполеона. Самая парламентская дѣйствительность едва переносилась, и достаточно было внести въ текстъ пьесы какое-нибудь слово парламентскаго обихода, въ родѣ «вогировать», «припять поправку», какъ пьеса уже становилась подозрительной цензурѣ.

Особенно изощрялись цензоры въ охранѣ общественнаго порядка. Нельзя было неуважительно отзываться о дворянствѣ, о финансовой знати и въ особенности о людяхъ «при высокомъ мѣстѣ». Слово «министръ» совсѣмъ не пропускалось на сцену. Зато членовъ дипломатическаго корпуса можно было вышучивать и высмѣивать сколько угодно. «Дипломаты и... повара! Эти два ремесла имѣютъ гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ обыкновенно думаютъ». Такія остроты считались вполне допустимыми.

Сенаторъ, префектъ, полицейскій комиссаръ и въ особенности жандармъ были совершенно изъяты изъ вѣдѣнія драматурговъ. Гдѣ необходимо было вывести жандарма, тамъ цензоры предлагали замѣнить его стражникомъ.

Особенно ограждалась отъ всякихъ нападковъ аристократія рода и кошелька. Постановка пьесъ Бомарше при реставраціи стала немислимой. Не пропускались даже такія фразы: «О жестокой предразсудокъ! Жалкая горделивость своимъ происхожденіемъ». Когда дирекція театра «Voile Rouge» представила въ цензуру пьесу, гдѣ говорилось: «Это большой баринъ. Придется намъ пѣть подъ его дудку!» цензоръ пришелъ въ ужасъ. По поводу одной пьесы, гдѣ пѣкій графъ, нашедшій приютъ во время революціи у одного столяра, засталяетъ потомъ своего сына жениться на дочери этого столяра, которую молодой человекъ похитилъ, цензоръ написалъ такую замѣтку: «Долгъ дворянина быть признательнымъ, но неприлично, чтобы онъ терпѣлъ бракъ своего сына съ дочерью столяра. Необходимо, чтобы столяръ разбогатѣлъ и сдѣлался неогцаптомъ».

Выводя денежную знать, драматургъ не смѣлъ упоминать о кошелькѣ, не смѣлъ говорить, что ранѣе и денежные люди чувствуютъ себя нехорошо и недовольны. Запрещалось говорить и о всемъ томъ, что имѣло прямое отношеніе

къ коммерческой сторонѣ дѣятельности этого слоя населенія: о нотаріусахъ, судебныхъ приставахъ и т. д.

Спеціальною каждой цензуры, особенно въ эпохи революціонныя, является наблюденіе за поддержаніемъ добрыхъ правовъ. Въ этомъ отношеніи цензура реставрированнаго королевства даетъ яркій образецъ лицемѣрія и ханжества. Въ одной пьесѣ цензоръ вычеркнулъ слова, который произноситъ женихъ: «Наканунѣ свадьбы не мѣшаетъ хорошенько отдохнуть». Въ другой запрещена была фраза: «Я не хочу, чтобы мой мужъ ничего не дѣлалъ». Въ пьесѣ «*Il faut bien aimer son mari*» выходитъ замужъ одна вдова, отличающаяся отвратительнымъ характеромъ. Въ первый же день брачной жизни она устраиваетъ мужу скандалъ, но на другой день ея отношеніе къ нему мѣняется, она становится тихой и начинаетъ любить своего мужа. Цѣломудренный цензоръ потребовалъ, чтобы авторъ объяснилъ происшедшую со вдовой перемѣну и заставилъ ее сказать, что въ первомъ актѣ она еще не успѣла поговорить, какъ слѣдуетъ, со своимъ мужемъ и ознакомиться съ его благороднымъ характеромъ.

Высѣживая и восстанавливая каждый день потрясенныя основы нравственности, цензоры мало-по-малу усваивали себѣ взглядъ на автора, какъ на преступника, котораго во что бы то ни стало надо уличить.

И вотъ даже такія ходячія фразы, какъ «я начинаю думать, что вы не мужчина», или: «весь батальонъ знаетъ мою красоту,» кажутся имъ верхомъ безнравственности.

Отъ добрыхъ правовъ неотдѣлима религія. Тутъ ужъ охранительное усердіе цензуры прямо не знало границъ. Не только были запрещены обычныя восклицанія въ родѣ: «Боже мой», «да поможетъ вамъ Богъ» и т. п., но исключались всякіе малѣйшіе намеки на событія священной исторіи, хотя бы въ видѣ простого упоминанія о Ноевомъ ковчегѣ. Монахи допускались на сцену, но съ тѣмъ, чтобы по одѣянію своему они не были похожи на монаховъ. Въ одной пьесѣ цензоръ потребовалъ замѣны короля Людовика IX королемъ Филиппомъ Смѣлымъ, такъ какъ Людовикъ IX былъ слишкомъ набожнымъ человекомъ. Дѣлю дошло до того, что цензоръ въ одномъ водевилѣ не хотѣлъ пропустить выраженіе *barbe de capucin* (борода капуцина—название одного салата). Совершенно, какъ у насъ при Николаѣ Павловичѣ, изгонялось изъ поваренныхъ книгъ выраженіе «вольный духъ».

И все эти уродованія мысли и ухищренія оказались напрасны. Съ Карломъ X кончилось и реставрированное, старомодное Французское королевство.

— Къ исторіи Трианона ¹⁾—Знаменитые Трианоны, Большой и Малый, примыкающіе къ огромному Версальскому парку, были извѣстны въ исторіи задолго до того времени, какъ Марія-Антуанетта превратила ихъ въ до сихъ поръ не превзойденныя чудеса декоративнаго искусства. Исторія обоихъ дворцовъ съ прилегающими къ нимъ садами разсказана Шерромъ де-Нолакъ въ ноябрьской книжкѣ «*Revue de deux Mondes*».

Большой Трианонъ былъ подаренъ Людовикомъ XIV Маріи Лещинской, которая пріютила въ этомъ небольшомъ помѣстьѣ своего отца короля Стани-

¹⁾ «*Revue de deux Mondes*». Nov. 1913.

слава, когда онъ гостилъ у нея. Нѣсколько позднѣ знаменитая фаворитка де-Помпадуръ уговорила короля устроить въ Трианонѣ одинъ изъ тѣхъ искусственныхъ мнимо-деревенскихъ уголковъ, которые начали тогда входить въ моду. Сначала былъ выстроенъ небольшой замокъ, вокругъ котораго разбитъ французскій садъ. Въ такомъ видѣ онъ перешелъ во владѣніе не менѣе извѣстной фаворитки слѣдующаго короля, м-ше Дюбарри.

Трианонъ времени Помпадуръ и Дюбарри приобрѣлъ, однако, большое значеніе благодаря своему ботаническому саду, въ которомъ разводились и акклиматизировывались весьма рѣдкія породы. Трудились надъ этимъ дѣломъ ученые садоводы Клодъ и Антуанъ Ришаръ, ведшіе дѣло подъ руководствомъ извѣстнаго ботаника Жюссье.

Людовикъ XVI не захотѣлъ отставать отъ своихъ предшественниковъ и въ 1774 году предложилъ своей подругѣ принять отъ него въ видѣ подарка Трианонъ. Королева была въ восторгѣ отъ новаго владѣнія. Не умѣя ни отказывать себѣ въ прихотяхъ, ни сдерживать свои фантазіи, Марія-Антуанетта рѣшила создать на мѣстѣ прежнихъ скромныхъ садовъ роскошный паркъ, который затмилъ бы созданіе самого Ленотра—Версальскій паркъ.

Какъ разъ въ эту эпоху декоративный вкусъ французовъ сильно переměнился. Старинное французское искусство разбивать сады, представителемъ котораго былъ гениальный садовникъ Ленотръ, перестало правиться. Версаль съ его величавой открытой террасой, съ его длинными, прямыми аллеями, расходящимися лучами отъ нѣсколькихъ центровъ, его перспективами и фонтанами стали находить монотоннымъ и скучнымъ. Явилось стремленіе подражать англичанамъ, у которыхъ въ это время искусство разбивать парки поднялось на значительную высоту и создало цѣлую литературу. Въ противоположность французамъ, англичане старались разбивать паркъ такъ, чтобы онъ какъ можно болѣе походилъ на естественный лѣсъ. Но въ стремленіи къ этой простотѣ и естественности англичане впадали въ другую крайность и загромождали паркъ ручейками, водопадами, руинами, мостиками и т. п. декоративными принадлежностями.

Въ Парижѣ однимъ изъ рьяныхъ англомановъ въ садоводствѣ былъ гѣкто графъ де-Караманъ, бывшій камергеръ короля Станислава. Страстный любитель садоводства, де-Караманъ устроилъ при своемъ домѣ, находившемся на нынѣшней площади Инвалидовъ, огромный садъ въ англійскомъ вкусѣ, которому онъ и посвящалъ свой досугъ. Узнавъ о существованіи въ Парижѣ такого парка, Марія-Антуанетта, не зная лично до сего времени графа де-Карамана, пожелала посѣтить его садъ. Визитъ этотъ состоялся въ іюль 1775 года. Несмотря на страшную жару, отъ которой завяла большая часть цвѣтовъ, де-Караманъ наскоро прибралъ свой цвѣтникъ, натыкавъ даже кое-гдѣ искусственныхъ цвѣтовъ, приготовилъ великолѣпное угощеніе для королевы и ея свиты, одѣлъ своихъ дочерей пастушками, которыя должны были поднести королевѣ цвѣты и сказать ей привѣтствія, и сталъ ждать. Такъ какъ королева была въ траурѣ, то осчастливленный высокимъ посѣщеніемъ хозяйинъ не рѣшился пригласить музыку, но чтобы королевѣ все-таки не было скучно, распорядился по-

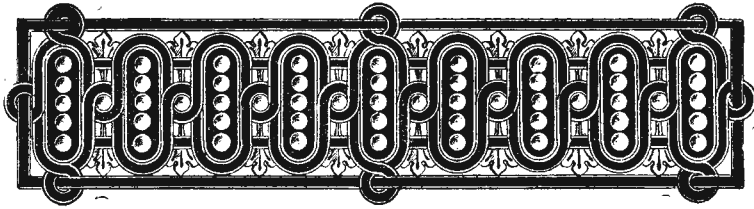
ставить на дворѣ сосѣдняго Бурбонскаго дворца (нынѣшней палаты депута- товъ) два оркестра—флейтчиковъ и рожечниковъ.

Визитъ Маріи-Антуанетты къ графу де-Караману поднялъ цѣлую бурю среди дворцовыхъ чиновниковъ, недовольныхъ, что такія грандіозныя работы уйдуть изъ ихъ рукъ. И, дѣйствительно, опасенія ихъ вполне оправдались: для устройства Трианона былъ призванъ державшійся до сихъ поръ на видномъ планѣ архитекторъ Ришаръ Мюкъ. Родомъ эльзасецъ, Мюкъ служилъ сначала у Маріи Лешинской, отъ которой по наслѣдству перешелъ къ Маріи-Антуанеттѣ. Ему-то и было ввѣрена вся грандіозная постройка новаго парка. Графъ де-Караманъ, рассчитывавшій было сыграть при этомъ важную роль, былъ совершенно устраненъ отъ дѣла, и король, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознагра- дить его, въ 1780 году далъ ему большое служебное повышение.

Нивеллировка почвы, разбивка парка съ его безчисленными декораціями, наконецъ постройка дворца потребовали колоссальныхъ денегъ. Уже въ на- чалѣ 1776 года всѣ суммы, отпущенныя казною на эти постройки, были израс- ходованы. Нужно было еще по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ ливровъ. Не- смотря на стѣспенное положеніе государственнаго казначейства, тогдашній министръ финансовъ, ловкій царедворецъ Анживилье, не желавшій портить себѣ карьеру, отпускалъ деньги, которыя такъ настойчиво требовала королева. Когда же денегъ, наконецъ, не стало, подрядчиковъ принуждали работать въ кредитъ. Когда королевская власть пала и были подведены всѣ дворцовые счета, то оказалось, что къ 1791 году на Трианонѣ накопилось долгу свыше полмил- ліона ливровъ.

Разумѣется, такіе непомѣрные расходы и неуплата за работы раздражали и волновали парижское населеніе. Въ той раскаленной атмосферѣ, въ которую погрузилась Франція конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ XIII вѣка, такая безумная прихоть, поглотившая миллионы народныхъ денегъ, не могла пройти даромъ, и постройка мирнаго очаровательнаго Трианона сы- грала свою крупную политическую роль въ гибели королевской семьи.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ академіи наукъ. 1-го декабря состоялось торжественное собраніе въ честь двухсотлѣтія со времени появленія труда Якова Бернулли «Ars conjectandi», гдѣ впервые опубликована и доказана знаменитая его теорема, положившая начало закону большихъ чиселъ. Къ началу собранія большой конференцъ-залъ академіи оказался переполненнымъ. Предсѣдательствовали вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ. Присутствовали: академики С. Θ. Ольденбургъ, М. А. Рыкачевъ, Н. Я. Сониинъ, А. П. Карпинскій, О. А. Баклундъ, князь В. В. Голицынъ и другіе, много профессоровъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній военныхъ и гражданскихъ и рядъ другихъ лицъ. Профессоръ А. В. Васильевъ подробно освѣтилъ вопросы теории вѣроятностей до появленія теоремы Якова Бернулли. Академикъ А. А. Марковъ отмѣтилъ огромную важность въ математической наукѣ теории Бернулли, которая содержитъ рядъ интересныхъ разсужденій о практическихъ приложеніяхъ исчисления вѣроятностей. Въ заключеніе профессоръ А. А. Чупровъ произнесъ рѣчь о современномъ положеніи закона большихъ чиселъ и его значеніи въ современной наукѣ. Въ ознаменованіе юбилея академія впервые на русскомъ языкѣ издала четвертую часть труда Я. Бернулли, заключающую въ себѣ его теорему о вѣроятностяхъ. Къ переводу приложенъ портретъ Бернулли, воспроизведенный масляными красками съ портрета, находящагося въ актовомъ залѣ базельскаго музея.

Торжественное засѣданіе въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности. 8-го ноября въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности состоялось торжественное чествованіе его предсѣдателя

графа С. Д. Шереметева по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія его государственной и ученой дѣятельности. Юбиларь былъ встрѣченъ продолжательными аплодисментами собравшихся ученыхъ. Секретаремъ общества В. В. Майковымъ былъ прочитанъ адресъ, покрытый многочисленными подписями и заключенный въ бюварь, на серебряной крышкѣ котораго выгравирована монограмма общества. Старѣйшій членъ комитета И. А. Вычковъ обратился къ юбиляру съ просьбою отъ имени членовъ комитета общества помѣстить портретъ юбиляра въ залѣ засѣданій, рядомъ съ портретомъ его основателя— князя Вяземскаго. Послѣ этого портретъ графа С. Д. Шереметева при рукоплесканіяхъ собранія былъ помѣщенъ рядомъ съ портретомъ князя Вяземскаго. Юбиларь въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ общество за вниманіе, ему оказанное. Вслѣдъ за этимъ былъ прочитанъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ: отъ митрополита кіевскаго Флавіана, академика Ягича, московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, императорскаго московскаго историческаго музея, профессоровъ В. С. Иконникова, Д. И. Иловайскаго, Д. А. Корсакова и многихъ другихъ. Засѣданіе закончилось докладомъ академика А. И. Соболевскаго «О пространной и краткой редакціяхъ «Русской Правды». Среди лицъ, принимавшихъ участіе въ чествованіи, присутствовали: архіепископъ новгородскій Арсеній, членъ святѣйшаго синода архіепископъ Николѣй, ректоръ петербургской академіи епископъ Анастасій, семья графа С. Д. Шереметева, члены государственнаго совѣта: Н. А. Звъревъ, Д. Ф. Кобеко, А. Ф. Кюни, В. К. Шлиппе, академикъ А. А. Шахматовъ и другіе видные представители петербургскаго ученаго міра. Собраніе отличалось многолюдностью и торжественностью и носило сердечный характеръ.

Тридцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ. 21-го ноября на высшихъ женскихъ курсахъ состоялось закрытое собраніе по случаю исполнившагося тридцатипятилѣтія существованія курсовъ. Около часа дня въ актовомъ залѣ курсовъ собрались: профессора и деканы курсовъ, во главѣ съ директоромъ профессоромъ С. К. Буличемъ, члены комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, многія бывшія и нынѣшнія слушательницы курсовъ. По предложенію профессора С. К. Булича, присутствующіе почтили вставаніемъ память покойнаго директора профессора В. А. Фаусека, А. П. Философовой и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи высшихъ женскихъ курсовъ. Профессоръ С. К. Буличъ вкратцѣ изложилъ важнѣйшіе этапы изъ жизни курсовъ. Постепенно развиваясь, курсы, спустя двадцать пять лѣтъ послѣ ихъ открытія, имѣли рядъ оборудованныхъ по всѣмъ требованіямъ науки учебно-вспомогательныхъ учреждений: лабораторій, кабинетовъ и т. д. Возрастаю постепенно и число слушательницъ, особенно за послѣдній десятокъ лѣтъ. Въ настоящее время на трехъ факультетахъ свыше шести тысячъ слушательницъ. За тридцать пять лѣтъ окончили курсы около четырехъ съ половиною тысячъ человекъ. Въ послѣдніе годы выпуски достигали шестисотъ человекъ. Членъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ О. К. Нечаева, подчеркнувъ, что курсы обязаны своимъ возникновеніемъ и существованіемъ исключительно обще-

ственной инициативѣ, подѣлилась своими воспоминаніями объ извѣстныхъ дѣятельницахъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: А. П. Философовой, В. П. Тарновской, Н. В. Стасовой, Е. І. Лихачевой и др. Е. В. Балабанова, принадлежащая къ числу слушательницъ перваго выпуска, въ своей привѣтственной рѣчи, между прочимъ, отмѣтила тотъ тернистый путь, который выпалъ на долю пионерокъ женскаго образованія. Одна изъ слушательницъ курсовъ произнесла краткую рѣчь, посвященную памяти перваго выборнаго директора курсовъ, профессора В. А. Фаусека. Послѣ перерыва былъ заслушанъ докладъ слушательницы курсовъ на тему: «Гѣ исторіи идеологіи русской курсистки». Далѣе слушательницами были прочитаны доклады по исторіи и дѣятельности общекурсовыхъ организацій: кассы взаимопомощи слушательницъ, бюро труда и др. Съ привѣтствіями выступили: депутація отъ женскаго юридическаго общества, отъ общества окончившихъ высшіе женскіе курсы и др. Привѣтственныя телеграммы получены отъ профессоровъ: Н. И. Карѣева, Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, М. И. Фридмана, И. Х. Озерова, отъ бывшихъ слушательницъ курсовъ, отъ студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и др.

Пятидесятилѣтній юбилей профессора А. Л. Катанскаго. 18-го ноября тепло и задущево было отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей научно-богословской и литературной дѣятельности бывшаго профессора петербургской духовной академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія А. Л. Катанскаго. По выходѣ въ отставку послѣ тридцатитрехлѣтней непрерывной службы въ академіи юбиляръ безвыѣздно живетъ въ Гатчинѣ, отдавая всѣ свои досуги богословскимъ изслѣдованіямъ. Сюда и была, 18-го ноября, командирована императорской петербургской духовной академіей особая депутація въ лицѣ учениковъ А. Л. Катанскаго—настоятеля храма Воскресенія Христова, что на Крови, и прямого преемника юбиляра по каѳедрѣ догматическаго богословія отца П. И. Лепорскаго и директора императорскаго археологическаго института Н. В. Покровскаго для выраженія юбиляру привѣтствія отъ лица академіи. Отъ лица общества духовной и матеріальной взаимопомощи бывшихъ студентовъ петербургской духовной академіи юбиляра привѣтствовали профессоръ протоіерей отецъ П. И. Лепорскій и членъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, бывший профессоръ кievской духовной академіи Орнатскій. Въ своей отвѣтной рѣчи маститый юбиляръ подчеркнул, что родная академія вознаградила его заслуги свыше мѣры. Если онъ чѣмъ-либо заслужилъ такое къ себѣ отношеніе, то единственно той каплей добродѣтели, которая можетъ быть названа вѣрностью родной академіи. Жизнь часто увлекала его на другіе пути болѣе блестящаго служенія, но онъ отказывался отъ этихъ заманчивыхъ перспективъ и сохранялъ преданность родной академіи. Во время трапезы юбиляръ подѣлился съ присутствовавшими своими живыми воспоминаніями о первыхъ годахъ своей службы въ московской духовной академіи и незабвенныхъ ея дѣятеляхъ протоіерей отцѣ А. В. Горскомъ, профессорѣ Делицинѣ, митрополитѣ Филаретѣ, митрополитѣ Іоанникии, архимандритѣ Саввѣ, впоследствии архіепископѣ тверскомъ, и проч. Въ числѣ присутствовавшихъ у юбиляра находился, между прочимъ, и заслуженный

ординарный профессор А. И. Садовъ. А. Л. Катапскій 18-го ноября, въ день полувѣкового юбилея своей научно-богословской дѣятельности, получили массу привѣтствій и телеграммъ отъ своихъ бывшихъ учениковъ и почитателей. Между прочимъ, очень тепло привѣтствовали юбиляра митрополитъ петербургскій Владимиръ, членъ государственной думы епископъ Анатолій, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ отецъ П. Г. Кедринскій, настоятель Петропавловскаго собора отецъ Дериновъ, многіе профессора не только петербургской, но и другихъ академій, іерархи и другія лица.

Юбилей В. П. Лебедева. Тепло и задушевно прошло 20-го ноября чествованіе поэта В. П. Лебедева по случаю двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. Въ ресторанъ «1-го товарищества» собрались друзья и почитатели юбиляра. В. П. Лебедевъ прибылъ съ супругой и дочерью, которымъ были поднесены букеты цвѣтовъ. А. А. Коринфскій привѣтствовалъ юбиляра сердечнымъ адресомъ, въ которомъ отмѣчались его талантъ и вѣрность старымъ прекраснымъ завѣтамъ русской литературы, и поднесъ ему цѣнный портсигаръ отъ друзей и почитателей. П. П. Соѣкинъ вручилъ подарокъ юбиляру, какъ редактору своего изданія «Историческая Лѣтопись» Ящикъ съ серебромъ поднесъ прибывшій изъ Москвы издатель Клякинъ. За товарищескимъ обѣдомъ присутствовали Б. Б. Глинскій, П. П. Вентцель, Ф. Е. Заринъ, П. П. Сергіевскій, А. А. Коринфскій, Андрей Ростовцевъ, И. И. Соколовъ, В. Мазуркевичъ, М. О. Меньшиковъ, В. П. Аверариусъ, П. Васильковскій, В. М. Грибовскій съ супругою, А. Коростовецъ (Случевская) и др. Говорились рѣчи, читались экспромты и стихи и было получено множество поздравительныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ финляндскаго генераль-губернатора Зейна.

Двадцатипятилѣтній юбилей А. П. Нечаева. 20-го ноября на высшихъ женскихъ естественно-научныхъ курсахъ состоялось устроенное по инициативѣ географическаго кружка слушательницъ чествованіе А. П. Нечаева по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его научной-литературной дѣятельности. Юбилляръ родился въ 1866 году. Въ 1887 г. поступилъ въ петербургскій университетъ. Въ 1890 году былъ исключенъ за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ и поступилъ затѣмъ въ юрьевскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ. Юбилляръ извѣстенъ, какъ авторъ трудовъ по минералогіи и физической географіи. Съ 1898 до 1900 годъ А. П. Нечаевъ принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи дѣтскаго журнала «Игрушечка». На чествованіи присутствовали: предѣдатель совѣта курсовъ профессоръ Шимкевичъ, начальница курсовъ М. А. Лохвицкая-Скалонъ, слушательницы курсовъ и депутаціи отъ ряда столичныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ А. П. Нечаевъ преподавалъ географію и минералогію. Присутствовавшими были прочитаны привѣтствія и адреса, поднесенные юбиляру.

Юбилей А. И. Вильборга. Въ помѣщеніи типографіи товарищества Голике и Вильборга отпраздновали двадцатипятилѣтіе дѣятельности въ области печатнаго дѣла А. И. Вильборга. Къ 4 часамъ дня 1-го декабря прибыло много лицъ, желавшихъ поздравить юбиляра. Юбиляра съ супругой встрѣтили рукоплесканіями и поднесли цвѣты. Постъ молебствія былъ произнесенъ цѣлый рядъ привѣтствій и поднесены юбиляру подарки. В. И. Ковалевскій

прочель адресъ, заключенный въ серебряную папку, отъ имени императорскаго русскаго техническаго общества, В. В. Святловскій отъ имени кредитнаго общества дѣятелей печатнаго дѣла. Далѣе послѣдовали адреса и цѣнные подарки отъ служащихъ и рабочихъ, общества наборщиковъ, многихъ фирмъ: товарищества Голике и Вильборгъ, Печаткина, Стеффена, Ульмана и другихъ. Юбилляръ въ отвѣтной рѣчи благодарилъ всѣхъ собравшихся за добрую память и въ знакъ признательности къ своему неизмѣнному помощнику и сотруднику П. П. Митяеву поднесъ ему цѣнные бумаги.

Чествованіе В. Д. Соколова. 1-го декабря въ Москвѣ происходило собраніе учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, созданное для чествованія предѣдателя отдѣла профессора В. Д. Соколова по случаю тридцатилѣтія его ученой, педагогической и общественной дѣятельности. Появленіе юбиляра въ залъ было встрѣчено аплодисментами. А. Г. Калишевскій прочиталъ адресъ отъ учебнаго отдѣла, въ которомъ отмѣчалось, что В. Д. Соколовъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ отдѣла, вошедшій въ составъ отдѣла съ 1887 г., болѣе шестнадцати лѣтъ принималъ участіе въ его судьбахъ и былъ руководителемъ дѣятельности отдѣла. Много труда положено имъ на участіе въ организаци и дѣятельности различныхъ комиссій отдѣла, на устраненіе финансовыхъ затрудненій и недоразумѣній, происходившихъ между отдѣломъ и администраціей. Предѣдатель общества распространенія техническихъ знаній К. П. Корельскій привѣтствовалъ юбиляра, какъ дѣятеля общества. А. Д. Степанова сказала привѣтствіе отъ секретаріата учебнаго отдѣла, А. А. Кисветгоръ привѣтствовалъ юбиляра отъ комиссіи по организаци домашняго чтенія, В. С. Костромина—отъ комиссіи наглядныхъ пособій педагогическаго музея, В. Н. Бочкаревъ—отъ исторической комиссіи, А. А. Круберъ—отъ географической комиссіи, А. П. Брюхошенко—естественнонаучной комиссіи, А. П. Гетье—отъ комиссіи дѣтскаго чтенія, А. Н. Проперъ—отъ бюро по организаци образовательныхъ экскурсій, П. И. Новгородцевъ—отъ редакціи «Библиотеки для самообразованія», Н. В. Чеховъ—отъ лекціоннаго бюро, А. Е. Грузинскій—отъ общества любителей російской словесности, В. В. Богдановъ—отъ общества любителей естествознанія и географіи, А. А. Круберъ—отъ географическаго отдѣленія общества любителей естествознанія, А. П. Гавриленко—отъ техническаго училища, Ю. В. Вульфъ и П. К. Кольцовъ—отъ народнаго университета имени А. Л. Шанявскаго. Кромѣ того, были принесены привѣтствія П. Н. Сакулинымъ; отъ издательства И. Д. Сытина—И. Д. Сытинымъ и Л. П. Гальберштадтомъ; отъ редакціи «Вѣстника Воспитанія»—П. О. Михайловымъ и Ю. А. Бунинымъ. Юбилляръ отвѣчалъ на привѣтствія нѣсколькими рѣчами. Затѣмъ прочитаны были многочисленныя привѣтственныя телеграммы. Ранѣе юбиляру принесены были поздравленія депутаціей отъ московской губернской земской управы, отъ санитарнаго бюро и отъ совѣщанія санитарныхъ врачей губернскаго земства, отъ московской городской управы; отъ слушателей бывшихъ дубянскихъ и коллективныхъ курсовъ, отъ профессоровъ А. П. Павлова, В. И. Вернадскаго и Я. В. Самойлова, отъ А. П. Реформатскаго и отъ Н. Рубаккина изъ-за границы.

Юбилей поэта-народника. 12-го декабря въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялось сердечное чествованіе поэта-народника С. Д. Дрожжина по случаю сорокалѣтія его литературной дѣятельности. На чествованіе собрались почти все видные московскіе литераторы, художники, представители литературныхъ обществъ, редакцій и періодической печати и друзья поэта. Дрожжинъ пріѣхалъ въ литературно-художественный кружокъ въ 11 часу вечера вмѣстѣ со своей женой, скромной старушкой, и былъ встрѣченъ долгими аплодисментами. Первымъ привѣтствовалъ маститаго юбиляра А. Е. Грузинскій, передавшій привѣтственный адресъ отъ общества любителей російской словесности, затѣмъ И. А. Вѣлоусовъ сообщилъ о постановленіи московскаго литературно-художественнаго кружка образовать особый фондъ на созданіе бібліотеки-читальни имени С. Д. Дрожжина въ его родной деревнѣ Низовкѣ, вблизи Клина, и объявилъ о сдѣланномъ кружкомъ пожертвованіи въ сто рублей для этой цѣли. И. А. Бунинъ принесъ поздравленіе отъ кружка «Среда» и отъ новаго общества помощи литераторамъ и художникамъ, а также отъ редакціи журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Дальше слѣдовало чтеніе адресовъ отъ книгоиздательства «Посредникъ» и журнала «Живое Слово». В. И. Сытинъ отъ лица издательства товарищества «И. Д. Сытинъ» принесъ привѣтствіе и поднесъ цѣнный подарокъ, серебряный письменный приборъ, и сказалъ, что издательство беретъ на себя пополнять своими изданіями будущую бібліотеку-читальню имени поэта. Д. И. Тихомировъ передалъ юбиляру сердечный привѣтъ отъ редакціи «Юной Россіи» и ея читателей. Кромѣ того, С. Д. Дрожжину поднесли: письменный серебряный приборъ отъ общества дѣятелей періодической печати, портреты Л. Н. Толстого (отъ издательства «Посредникъ») и А. С. Пушкина и собраніе сочиненій классиковъ (отъ литературной «Среды»). Далѣе привѣтствовалъ В. А. Анземировъ отъ московскаго общества дѣятелей періодической литературы и печати, отъ редакцій періодическихъ изданій, книгоиздательствъ и друг. Въ заключеніе состоялся банкетъ, въ которомъ приняли участіе: почетный академикъ И. А. Бунинъ, Немировичъ-Данченко, Н. Д. Телешовъ, И. Хмѣлевъ, А. Е. Грузинскій, Д. И. Тихомировъ и многіе другіе. За ужиномъ было произнесено безчисленное множество рѣчей и оглашены привѣтствія и телеграммы.

Юбилей профессора Л. Г. Беллярминова. 17-го декабря состоялось чествованіе почетнаго лейбъ-окулиста, профессора военно-медицинской академіи Л. Г. Беллярминова по случаю исполнившагося въ этотъ день тридцатилѣтія его научной дѣятельности. Въ 12 часовъ дня въ квартирѣ юбиляра собрались депутаціи отъ различныхъ учреждений, въ томъ числѣ отъ акушерской клиники военно-медицинской академіи, отъ глазной клиники, отъ офтальмологическаго общества, отъ училища для слѣпыхъ и др. Юбиляра привѣтствовала также депутація отъ студентовъ военно-медицинской академіи. Одинъ изъ студентовъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой указывалъ на постоянное доброжелательное отношеніе Л. Г. Беллярминова къ студентамъ академіи. Юбиляра посѣтили и привѣтствовали профессоры военно-медицинской академіи: Федоровъ, Шкаринъ, Редль и др. Получено около двухсотъ привѣтственныхъ телеграммъ.

Пятидесятилѣтній юбилей И. Я. Спрогиса ¹⁾. 15-го ноябрю въ Вильнѣ скромно было отпраздновано пятидесятилѣтіе государственной службы и научно-общественной дѣятельности И. Я. Спрогиса, архиваріуса виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ. Службу свою юбиляръ началъ 15-го ноябрю 1863 года въ должности дежурнаго чиновника императорской публичной библіотеки. Въ 1865 г. онъ уже въ Вильнѣ и работаетъ надъ разборкою и приведеніемъ въ порядокъ книжнаго богатства, легшаго въ основаніе виленской публичной библіотеки. Въ 1866 году И. Я. Спрогисъ перешелъ на службу въ центральный архивъ, начальникомъ коего съ 1879 года состоитъ и по сіе время, принималъ въ то же время участіе въ качествѣ члена въ трудахъ виленской комиссіи по разбору и изданію древнихъ актовъ. Около сорока лѣтъ Иванъ Яковлевичъ состоитъ присяжнымъ переводчикомъ при мѣстномъ управленіи земледѣлія и государственныхъ имуществъ, нуждающемся въ своихъ судебныхъ процессахъ часто въ документальныхъ архивныхъ данныхъ для выясненія, напримѣръ, истины въ спорныхъ земельныхъ вопросахъ и т. д. Чествованіе носило весьма сердечный характеръ, между прочимъ, мѣстнымъ писателемъ А. В. Жиркевичемъ привѣтствіе юбиляру было написано стихами. Ивану Яковлевичу поднесены были иконы, адреса и подарки. Отъ столичныхъ и ипогородныхъ научныхъ учреждений и обществъ, отъ профессоровъ и ученыхъ получено было много привѣтствій. Министръ народнаго просвѣщенія Н. А. Кассо и его товарищи В. Т. Шевяковъ и баронъ М. А. Таубе также прислали телеграфныя привѣтствія. Юбиляръ избранъ почетнымъ членомъ петербургскаго императорскаго археологическаго института.

Наслѣдіе Ѳ. В. Булгарина. Булгаринская библіотека, извѣстная подъ именемъ «Карловской», сохранилась до настоящаго времени въ полной неприкосновенности въ Лифляндской губерніи, въ родовомъ имѣніи внука Ѳаддея Булгарина—В. В. Булгарина. Усадьба, домъ Булгарина, мебель, картины, библіотека, словомъ все, оставшееся послѣ смерти Ѳ. В., сохранилось и понынѣ. На дняхъ въ библіотекѣ, среди старыхъ книгъ и рукописей, г. Шницеръ нашелъ двусторонніе Крылова, нѣсколько писемъ Жуковскаго, Гнѣдича, Туманскаго, Карамзина, Воейковой, Свиньина, черновое письмо Ѳаддея Булгарина къ шефу жандармовъ Бенкендорфу, въ которомъ Булгаринъ проситъ послѣдняго оградить его отъ требованій вдовы Грибоѣдова денегъ двадцати пяти тысячъ, оставшихся у Булгарина послѣ смерти Грибоѣдова. Булгаринъ, имѣвшій денежные счета съ Грибоѣдовымъ, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ, представляетъ при письмѣ подробный отчетъ, на что онъ израсходовалъ деньги. Тутъ фигурируетъ портной Гаррисонъ, которому заплачено за платѣе девятьсотъ восемь рублей, одному купцу за чай, сахаръ, кофе и отправку этой покупки въ Персію выдано тысяча шестьсотъ двадцать пять рублей, другому купцу за восковыя свѣчи и отправку ихъ въ Персію—триста семьдесятъ пять рублей, книгопродавцу Смирдину за книги—четыреста шестнадцать рублей и т. д. Между прочимъ, у Булгарина имѣлся подлинный экземпляръ комедіи «Горе отъ ума» въ иной редакціи, который нѣсколько лѣтъ назадъ былъ про-

¹⁾ Сообщить Д. А. Бочковъ.

дать наследниками Булгарина въ императорскую публичную бібліотеку за двѣ тысячи рублей.

Первые военно-бібліотечные курсы ¹⁾. Съ 8-го по 14-ое октября въ виленскомъ гарнизонномъ собраніи состоялись весьма симпатичные по своей идѣе первые въ Россіи военно-бібліотечные курсы по слѣдующей программѣ: исторія письменъ, цифръ, книги, бібліотекъ вообще и военныхъ; бібліографія вообще и военная; бібліотекаръ и его обязанности; разстановка и запись книгъ, классификація, каталогизація; устройство бібліотекъ, береженіе книжнаго имущества, организація пользованія книгъ; законоположенія и статистика. Программа эта добросовѣстно была выполнена инициаторомъ-организаторомъ и единственнымъ лекторомъ штабсъ-капитаномъ В. Л. Піотровичемъ (бібліотекаръ виленскаго военнаго собранія), вынесшимъ на своихъ плечахъ все это трудное дѣло. Кромѣ лекцій, офицеры осматрѣли: типографію штаба округа, бібліотеки и музеи 3-го сапернаго батальона, 106-го пѣхотнаго Уфимскаго полка, виленское военное собраніе, виленскую публичную бібліотеку съ музеемъ, центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ и писчебумажную фабрику Шварца. Читенія сопровождались свѣтовыми картинами, выставкой книгъ, журналовъ, переплетовъ, системъ классификаціи и т. д., и статистическими и другими таблицами, изготовленными госпожою Е. Э. Піотровичъ, единственною, надо сказать, помощницей инициатора курсовъ. Особый интересъ слушателей сосредоточился на военно-бібліотечномъ вопросѣ, разработанномъ главнымъ образомъ на основаніи хотя и относительно любопытныхъ данныхъ анкеты, по которымъ мы за недостаткомъ мѣста касаться не будемъ. Весьма интересенъ проектъ штабсъ-капитана Піотровича объ организаціи военно-бібліотечной сѣти: войсковыя и гарнизонныя бібліотеки во главѣ съ окружнымъ книгохранилищемъ, имѣющимъ, кромѣ основнаго, дублетное и справочное отдѣленіе, архивъ и окружный военно-историческій музей ²⁾ (при окружномъ же книгохранилищѣ организуются также и военно-бібліотечные курсы для подготовки бібліотекарей округа). Вообще, планъ централизаціи военно-бібліотечнаго дѣла очень любопытенъ и безусловно заслуживаетъ вниманія: бібліотечная масса, утратившая свое значеніе и только обременяющая войсковыя бібліотеки, передается въ гарнизонныя, а отсюда по этой же причинѣ въ окружное книгохранилище, гдѣ хранится уже вѣчно. Не забыты лекторомъ и бібліотеки для нижнихъ чиновъ; но, къ сожалѣнію, ничего не было даже сказано о желательности заведенія такихъ бібліотекъ при главныхъ гарнизонныхъ гауптвахтахъ, о чемъ, между прочимъ, такъ горячо ратуетъ въ своихъ «Пасынкахъ военной службы» генераль-майоръ А. В. Жиркевичъ. Курсы удовлетворили всѣхъ слушателей вполне и, конечно, принесли не-

¹⁾ Сообщилъ Д. А. Бочковъ.

²⁾ Говоря о будущемъ окружномъ военно-историческомъ музеѣ, лекторъ ничего не упомянулъ о бѣдственномъ положеніи зачатковъ подобнаго музея при гарнизонномъ собраніи Вильны (собственно при бібліотекѣ собранія), собранныхъ трудами г.-м. Жиркевича. А слѣдовало бы на его положеніе обратить вниманіе начальства.

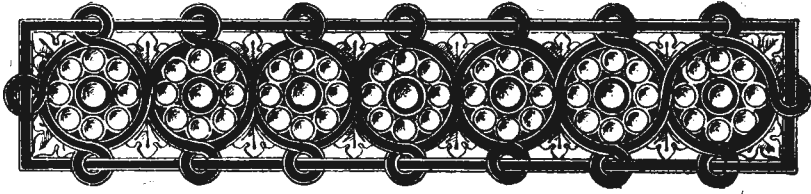
сомнѣнную пользу. Повторять курсы періодически найдено было весьма желательнымъ при условіи увеличенія программы курсовъ и обязательнаго участія въ послѣднихъ всѣхъ бібліотекарей округа (слушаніе первыхъ курсовъ было необязательнымъ, всего поэтому слушателей было двадцать два человека). Выяснилась вполне также желательность сѣзда бібліотекарей округа, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы резолюціи сѣзда имѣли вліяніе на улучшеніе военно-бібліотечнаго дѣла; желательной оказалась и организація военно-бібліотечной сѣти (все это судя по даннымъ анкеты для слушателей). Характерно, что высшее военное начальство ни разу не посѣтило лекцій и не заинтересовалось, что дѣлается на курсахъ, т.-е., иначе говоря, совершенно отсутствовалъ контроль начальства.

Новая ученая архивная комиссія. 10-го сего ноября въ городѣ Тулѣ открыта губернская ученая архивная комиссія. Въ первомъ засѣданіи избраны совѣтъ комиссіи, почетные и дѣйствительные члены, намѣчено чтеніе рефератовъ объ изслѣдованіи мѣстной старины и опредѣлено время засѣданій. Предсѣдателемъ комиссіи избранъ В. С. Арсеньевъ.

Правила о присужденіи преміи въ память А. С. Воронова. § 1. Въ память заслугъ, оказанныхъ вице-предсѣдателемъ петербургскаго педагогическаго общества, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Вороновымъ, какъ вообще русскому просвѣщенію, такъ и въ частности педагогическому обществу, собранъ членами этого общества и другими лицами капиталъ для выдачи преміи за педагогическій трудъ въ память А. С. Воронова. Капиталъ состоитъ въ настоящее время въ распоряженіи петербургскаго общества грамотности. § 2. Премія въ память А. С. Воронова состоитъ изъ золотой медали стоимостью въ сто десять рублей и денежной суммы въ семьсотъ пятьдесятъ рублей изъ процентовъ съ означеннаго въ п. 1 правилъ капитала и выдается въ три года разъ. На лицевой сторонѣ медали изображается портретъ А. С. Воронова съ надписью вокругъ: «въ память вице-предсѣдателя Андрея Степановича Воронова», а на другой съ надписью: «петербургское педагогическое общество», вырѣзается внутри лавроваго вѣнка имя и фамилія того лица, кому присуждена медаль. § 3. Счетъ капитала, собраннаго на премію, ведется казначеємъ петербургскаго общества грамотности особо отъ другихъ суммъ общества. § 4. Къ конкурсу на премію въ память А. С. Воронова допускаются труды, изданные не болѣе, какъ за четыре съ половиною года до срока, указаннаго въ примѣчаніи второмъ къ настоящему параграфу. Въ годовомъ общемъ собраніи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (32 устава общества) правленіе петербургскаго общества грамотности объявляетъ программу конкурса, причѣмъ обозначается, какого рода педагогическіе труды могутъ быть представлены на конкурсъ. Примѣчанія: 1) За рукописи премія выдается лишь по напечатаніи сочиненія; 2) сочиненія представляются на конкурсъ или рекомендуются (см. § 7) до 1-го ноября года, предшествующаго тому, въ который будетъ выдана премія. § 5. Для присужденія преміи въ память А. С. Воронова общимъ собраніемъ, по выслушаніи программы конкурса, избирается изъ числа почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества особая комиссія изъ пяти лицъ. Комиссія сама выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя. На случай выбытія кого-либо изъ

членовъ комисіи выбираются два кандидата. § 6. Комиссія не позже 1-го марта того года, въ который присуждается премія, вноситъ въ правленіе общества, за общей подписью всѣхъ членовъ, докладъ съ разборомъ представленныхъ трудовъ. § 7. Каждый дѣйствительный членъ общества грамотности имѣетъ право, до установленнаго въ примѣчаніи 2 къ § 4 срока, письменно заявить комисіи о другихъ, кромѣ представленныхъ самими авторами, трудахъ, заслуживающихъ, по его мнѣнію, преміи. § 8. Комиссія можетъ приглашать для участія въ работахъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, не только членовъ общества, но и постороннихъ лицъ. Примѣчаніе. Рецензентамъ, какъ изъ членовъ комисіи, такъ и изъ постороннихъ лицъ въ вознагражденіе за труды по разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ или рекомендованныхъ дѣйствительными членами сочиненій, могутъ быть выдаваемы золотые жетоны, изготовляемые на средства общества грамотности. Жетоны эти выдаются по постановленію, въ каждомъ случаѣ, общаго собранія. § 9. Предъ годичнымъ общимъ собраніемъ въ годъ присужденія преміи правленіе общества разсматриваетъ докладъ комисіи по присужденію преміи и окончательно рѣшаетъ, за какое сочиненіе присуждается премія. § 10. Докладъ комисіи о сочиненіи, за которое присуждена премія, читается въ годичномъ общемъ собраніи одновременно съ объявленіемъ о присужденіи преміи и печатается въ отчетѣ общества. § 11. Если ни одно изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій не удостоено преміи, подлежащая выдачѣ сумма причисляется къ капиталу А. С. Воронова. § 12. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности общества капиталъ на премію въ память А. С. Воронова передается правленіемъ общества въ какое-либо учрежденіе, преслѣдующее однородныя съ петербургскимъ обществомъ грамотности цѣли.

НЕКРОЛОГИ.

ВЫРУБОВЪ, Г. Н. 30-го ноября, ночью, въ Парижѣ скопчался известный ученый Григорій Николаевичъ Вырубовъ. Извѣстность его среди широкихъ круговъ современнаго русскаго читателя едва ли соответствуетъ той обширной и разносторонней научно-литературной дѣятельности, которой была полна долгая и яркая жизнь покойнаго. Родившись въ 1843 году, Г. Н. совсѣмъ молодымъ человѣкомъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ 1867 году основалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Эмилемъ Литтре журналъ «Revue de philosophie positive». Съ этихъ поръ онъ возвращался на родину рѣдко и лишь на короткое время, а въ 1889 г. натурализовался во Франціи. Вся научная и литературная дѣятельность покойнаго протекла въ Парижѣ, и огромное большинство его философскихъ, социологическихъ и публицистическихъ трудовъ писаны на французскомъ языкѣ. Многие изъ этихъ работъ посвящено Россіи, какъ, напримѣръ, «Le prolétariat en Russie», «Le clergé russe», «Le communisme russe», «La Russie sceptique», «La Russie dans le passé et dans le présent» и др. Изъ работъ общеполитическихъ и социологическихъ назовемъ: «La philosophie matérialiste et la philosophie positive», статьи о Шопенгауэрѣ, Леонарди и Гартманѣ («Les modernes théories du néant»), «La sociologie et sa méthode»... Всѣ эти работы печатались главнымъ образомъ въ «Revue de philosophie positive»... Связь Г. Н. съ Россіей поддерживалась сотрудничествомъ въ русскихъ газетахъ; долгое время въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» время В. О. Корша печатались его фельетоны, а въ «Порядкѣ» парижскія корреспонденціи. Въ 1877 году, во время русско-турецкой войны, Г. Н. предложилъ свои услуги русскому Красному Кресту и провелъ всю кампанію въ Эриванскомъ отрядѣ. Этотъ «военный» эпизодъ описанъ въ воспоми-

наніяхъ автора, напечатанныхъ «Вѣстникомъ Европы» за 1912 годъ, рядомъ съ другимъ военнымъ эпизодомъ, относящимся къ 1870—1871 году, когда Г. П. принималъ участіе въ національной защитѣ Парижа. Послѣднія воспоминанія Г. П., посвященныя отношеніямъ покойнаго къ Герцену, Бакунину и Лаврову, были напечатаны также въ «Вѣстникъ Европы». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 277).

† **Гродековъ, Н. И.** 12-го декабря скончался членъ государственнаго совѣта генераль-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Гродековъ. Имя покойнаго тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ боевыхъ кампаній, съ русской колонизаціей Туркестана, съ поднятіемъ экономическаго благосостоянія Приамурья и со многими благими начинаніями, имѣвшими цѣлью развить наши окраины и связать ихъ съ центромъ въ интересахъ крѣпости и славы Россіи. Покойный, богатый творческой инициативой и замѣчательной предприимчивостью, оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ вездѣ, гдѣ привелось ему работать, создавать, улучшать. Онъ отличался неустанной энергіей и замѣчательной работоспособностью; трудился, не щадя своихъ силъ, на пользу родины. Работалъ не только умомъ и мечомъ, но и словомъ. Его извѣстность, какъ военнаго писателя, общеизвѣстна. Пѣсколько капитальныхъ сочиненій военнаго характера, посвященныхъ по преимуществу нашимъ завоеваніямъ и владѣніямъ въ Средней Азій, украшено его именемъ. Покойный своей блестящей карьерой обязанъ исключительно самому себѣ, своимъ природнымъ дарованіямъ. Онъ родился въ 1843 году въ Елизаветградѣ и остался вскорѣ сиротой. Изъ Александровскаго сиротскаго корпуса перешелъ въ Константиновское военное училище (бывшій Дворянскій полкъ), затѣмъ, послѣ недолгой службы въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку, окончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Первые шаги его штабной дѣятельности протекли на Кавказѣ, гдѣ онъ состоялъ сперва для особыхъ порученій при начальникѣ Кубанской области, потомъ старшимъ адъютантомъ кавказскаго военнаго округа. Въ этому времени относится его первый литературный трудъ: «Нагорная полоса Кубанской области». Когда политическія событія въ Туркестанскомъ краѣ вызвали хивинскій походъ, покойный былъ назначенъ начальникомъ штаба Мангышлакскаго отряда. Золотое оружіе явилось первой боевой наградой генерала Гродекова, который дѣйствію кавказскихъ отрядовъ въ хивинскомъ походѣ посвятилъ особую книгу. Въ 1876 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Ферганской области и въ этой должности явился ближайшимъ сотрудникомъ М. Д. Скобелева, бывшаго тогда военнымъ губернаторомъ этой области. Со Скобелевымъ онъ сблизился еще въ академіи и вполнѣдствіи являлся неоднократно его надежнымъ помощникомъ, раздѣляя съ нимъ труды и опасности. По окончаніи русско-турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ Англія пугала Россію войной и выставила свои войска на границѣ Индіи. Тогда былъ предпринятъ къ Джаму демонстративный походъ. Покойный явился дѣятельнымъ участникомъ этого похода, будучи начальникомъ полевого штаба. Послѣ похода онъ предпринялъ смѣлую по удали поѣздку верхомъ черезъ сѣверный Афганистанъ и сѣверо-восточную Персію съ цѣлью изслѣдованія невѣдомыхъ еще мѣстъ. Отъ Самарканда до Асхабада онъ сдѣлалъ около 2,000 верстъ и свои интересныя наблюденія и впечатлѣнія подробно

изложилъ въ книгѣ «Черезъ Афганистанъ», переведенной на англійскій и французскій языки. Ахаль-текинская экспедиція 1880 года проведена покойнымъ въ качествѣ начальника штаба скобелевскаго отряда. М. Д. Скобелевъ высоко цѣнилъ покойнаго и возлагалъ на него смѣлыя и важныя порученія. Однимъ изъ таковыхъ было изысканіе провіанта и перевозочныхъ средствъ для отряда въ Персіи. Подъ Геокъ-Тепе П. И. особенно отличился. При осадѣ и взятіи этого укрѣпленія покойный проявилъ выдающуюся храбрость, отмѣченную пожалованіемъ ордена св. Георгія 4-й степени. Эта боевая кампанія описана генераломъ Гродековымъ въ его четырехтомномъ трудѣ «Война съ Туркменіей». Съ 1883 года въ теченіе десяти лѣтъ Н. И. былъ сырь-дарьинскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ это время онъ дѣятельно занялся колонизаціей края, образовалъ около 50 русскихъ поселеній съ 18-тысячнымъ населеніемъ, обратилъ вниманіе на развитіе мѣстной культуры и на школьное дѣло. Въ 1893 году его дѣятельность перенеслась въ Приамурье. Пять лѣтъ онъ былъ помощникомъ приамурскаго генералъ-губернатора, затѣмъ семь лѣтъ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ. При немъ край обогатился сѣтью школъ, Хабаровскъ кадетскимъ корпусомъ и средними учебными заведеніями. По его инициативѣ и отчасти на его средства выросли въ Хабаровскѣ Николаевская публичная бібліотека и музей съ богатыми коллекціями по археологіи и этнографіи края. При возстаніи боксеровъ въ Китаѣ на его долю выпало высшее руководство нашими войсками въ Гиринской и Хейлудзянской областяхъ Сѣверной Манчжуріи. Онъ захватилъ Китайскую желѣзную дорогу, образовалъ сунгарійскую флотилію для освобожденія Харбина и усмирилъ край. Его дѣятельность по усмирению Манчжуріи отмѣчена золотой шашкой съ бриллиантовой надписью: «За побѣды въ Сѣверной Манчжуріи въ 1900 году». Назначенный въ 1902 году членомъ государственнаго совѣта, Н. И. вновь вернулся на Дальній Востокъ въ 1906 году, когда была возложена на него крупная работа по демобилизаціи манчжурской арміи. Покойный замѣнилъ генерала П. П. Линевича и успѣшно выполнилъ свою миссію. Затѣмъ съ 1906 года въ теченіе полутора года онъ былъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и содѣйствовалъ успокоенію края отъ революціонныхъ волненій. Въ 1908 году, по болѣзни, Н. И. вернулся въ Петербургъ, и здѣсь провелъ свои послѣдніе годы, участвуя въ государственномъ совѣтѣ. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ является «Война съ Туркменіей», покойному принадлежитъ нѣсколько другихъ: «Хидай—комментаріи мусульманскаго права», «Киргизы и Кара-Киргизы», а также множество статей по военнымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» и «Русскомъ Ивалидѣ». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13564).

† **Мартыновъ, Н. А.** 21-го ноября утромъ скончался въ Москвѣ одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣ заслуженныхъ дѣятелей ея педагогическаго міра художникъ Н. А. Мартыновъ. Покойный окончилъ курсъ въ московской школѣ живописи и ваянія, гдѣ работалъ у профессора Сорокина, и предполагалъ посвятить себя искусству. Но жизненные обстоятельства рано заставили его взяться за преподаваніе рисованія, какъ общеобразовательнаго предмета, и на этомъ поприщѣ онъ проработалъ чуть что не полвѣка съ выдающимся успѣхомъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ до конца дней не оставлялъ любимаго

занятія, состоя преподавателем на высших женских классахъ для рабочихъ. Истекшимъ лѣтомъ онъ еще ѣздилъ въ провинцію для участія въ курсахъ для учителей. Кроме преподаванія, Н. А. Мартыновъ много работалъ въ свое время надъ иллюстраціями для научныхъ изданій. Имъ былъ составленъ также по оригинальной методѣ учебникъ рисованія. Одна изъ писанныхъ имъ въ молодости картинъ находится въ Третьяковской галереѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 270).

† **Мордовцевъ, А. Л.**¹⁾ Въ городѣ Ростовѣ-на-Дону скончался недавно, 93 лѣтъ отъ роду, Андрей Лукичъ Мордовцевъ, родной братъ талантливаго романиста, историка, публициста и многолѣтняго сотрудника «Историческаго Вѣстника», Даниила Лукича Мордовцева. Покойный А. Л. былъ хорошо извѣстенъ на Дону, какъ богатый домовладѣлецъ и общественный дѣятель. Онъ состоялъ много лѣтъ предѣдателемъ сиротскаго суда и занималъ и нѣкоторыя другія общественныя должности. Въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Д. Л. Мордовцевѣ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (октябрь 1910 г.), я говорилъ о томъ чувствѣ благоговѣнія, съ которымъ А. Л. относился къ памяти своего покойнаго брата-писателя. Онъ не забылъ о немъ и предъ самою кончиною своею. Завѣщавъ значительную часть своего миллионнаго состоянія на просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія (на устройство въ его огромномъ домѣ «подворья имени Мордовцева», гдѣ должно помѣщаться «цѣльное просвѣтительное благотворительное учрежденіе», на содержаніе Даниловскаго начальнаго училища на родинѣ Мордовцевыхъ и на стипендіи при среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), покойный поручилъ хранителю ростовскаго городскаго музея Л. В. Красненскому заняться разборомъ всѣхъ хранившихся у него реликвій, оставшихся послѣ писателя. Тутъ и не напечатанныя рукописи, и рукописи напечатанныхъ произведеній, и древнее оружіе, принадлежавшее Д. Л. Мордовцеву, и его медали и жетоны, и многое другое. Все это поступить въ ростовскій музей, гдѣ долженъ быть открытъ особый «Мордовцевскій отдѣлъ». Но еще до кончины Андрея Лукича музею были принесены въ даръ слѣдующіе принадлежавшіе Данилѣ Лукичу Мордовцеву предметы: 1) жетонъ съ надписью «Историческій Вѣстникъ» XXV. 1 января 1880 г.—1 декабря 1904 г.»; далѣе три жетона со слѣдующими надписями: «отъ признательныхъ сотрудниковъ Д. Л. Мордовцеву»; «1878 г.— 23 апрѣля 1903 годъ» и жетонъ съ портретомъ графа Л. Н. Толстого; 2) бантъ съ серебрянымъ гусинымъ перомъ, поднесеннымъ Д. Л. Мордовцеву; 3) серебряный бокалъ со вдѣланной въ дно его серебряной же монетой, на которой на лицевой сторонѣ надпись: «Caroli XI Rex Svecie», а на оборотной: «1670. 2 т.»; 4) фотографическій снимокъ съ фамильной иконы Мордовцевыхъ-Слѣпченко; 5) четыре ордена, принадлежащихъ Д. Л. Мордовцеву (св. Станислава 3-й степени, св. Анны съ короной, св. Владимира 4-й степени и св. Владимира 3-й степени). Коллекцію эту дополняетъ картина масляными красками художника А. П. Хлѣбникова съ надписью: «Портретъ уроженца Дона, мѣстнаго писателя Даниила Лукича Мордовцева. Даръ А. Л. Мордовцева». Какъ мнѣ сообщаютъ изъ Ростова-на-Дону, разработка матеріаловъ о Д. Л.

¹⁾ Сообщилъ А. Е. Кауфманъ.

Мордовцевъ, переданныхъ его братомъ въ музей, займетъ не мало времени. Есть основаніе думать, что въ матеріалахъ покойнаго писателя имѣются цѣпныя вещи, представляющія значительный историко-литературный и автобіографическій интересъ. Быть можетъ, наша литература обогатится и какими-нибудь произведеніями пера талантливаго писателя, которыя онъ не удосужился предать тисненію, будучи застигнутъ подкрадшеюся къ нему смертію. Д. Л. Мордовцевъ, прибывъ въ 1905 году на Кавказъ, разсчитывалъ, что воздухъ и природа дадутъ ему новыя силы для новыхъ литературныхъ работъ, начатыхъ и задуманныхъ. Въ Кисловодскѣ онъ встрѣтился со знакомымъ докторомъ Ярцевымъ, который сталъ лечить его, вмѣсто лекарствъ, старымъ коньякомъ. Черезъ нѣсколько дней Д. Л. слегъ, но не терялъ надежды, что скоро поправится. Онъ былъ занятъ мыслью о большой исторической повѣсти «Посошковъ» и готовилъ рядъ статей для другихъ изданій и свои воспоминанія. 8-го іюля ему стало плохо, а 10-го онъ отдалъ Богу душу.

† **Мирэ, А.** Въ Москвѣ, въ Старо-Екатерининской больницѣ скончалась 1-го сентября писательница Мирэ—Александра Михайловна Моисеева. Последнѣя остались двѣ книги разсказовъ: «Жизнь» и «Черная пантера». А. И. Моисеева сотрудничала въ «Вопросахъ жизни», «Золотомъ Рунѣ», «Перевалѣ» и многихъ другихъ журналахъ и газетахъ. Кромѣ того, немало появилось ея переводовъ съ итальянскаго и французскаго языковъ. А. М. родилась въ небогатой семьѣ провинціального чиновника въ 1874 году. Училась въ борисоглѣбской гимназіи. Будучи еще совсѣмъ юной, она увлеклась революціоннымъ движеніемъ. Въ 1893 году въ Москвѣ она была арестована. Въ декабрь того же года ее перевели въ одесскую тюрьму, откуда ее выпустили весной 1894 года. До осени 1897 года она жила въ Кишиневѣ подъ надзоромъ полиціи. Въ томъ же году она уѣхала въ Парижъ и жила тамъ два года. Потомъ года полтора она скиталась по Франціи и Италіи. Ея литературная дѣятельность, какъ беллетристки, началась въ 1902—1903 годахъ, когда она вернулась въ Россію и поселилась на одинъ годъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и стала сотрудничать въ «Нижегородскомъ Листкѣ». Ея первые разсказы были написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Мопассана, и вообще она не успѣла до конца своей дѣятельности освободиться отъ этой зависимости, какъ въ отношеніи художественнаго метода, такъ и въ отношеніи психологическаго содержанія. Однако эта зависимость никогда не была простымъ подражаніемъ. Разсказы Мирэ, написанные всегда съ добросовѣстностью мастера, любящаго слова, искренніе и умные, тонкіе и точные по стилю, заслуживаютъ вниманія историка литературы. Въ 1905—1908 годахъ А. М. вращалась преимущественно въ кругу петербургскихъ символистовъ, хотя никогда не принадлежала всецѣло къ ихъ школѣ. А. М. Моисеева, какъ чловѣкъ, едва ли была менѣе интересна, чѣмъ какъ писательница. Ея бурная жизнь, исполненная чрезвычайныхъ волненій, отразилась своеобразно на ея характерѣ. Непрестанная матеріальная нужда и опасныя душевные опыты, которые выпали на ея долю, могли бы давно уже сломить и погубить чловѣка, лишенаго внутренней силы. А. М. долго сопротивлялась всѣмъ жизненнымъ невзгодамъ и дурной наслѣдственности, отравившимъ ея душу. Наконецъ послѣднія тяжелыя испытанія (особенно жизнь въ Перми въ 1911 году) повліяли фатально

на ея душевное состояніе. Она заболѣла нервно. Последніе два года она жила большею частью въ Москвѣ—то въ лечебницѣ для нервно-больныхъ; то въ санаторіи. Лѣтомъ этого года, подъ влияніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, она уклонялась отъ встрѣчь съ своими литературными знакомыми. Она умерла перваго сентября сего года, и долго никто не зналъ о ея смерти, и никого не было около нея въ ея послѣдній часъ. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1913 г., № 339).

† **Островскій, Н. С.** 18-го ноября послѣ непродолжительной болѣзни скончался извѣстный желѣзнодорожный и финансовый дѣятель, инженеръ путей сообщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Степановичъ Островскій, бывшій предѣдатель правленія общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги и членъ совѣта с.-петербургскаго междунагоднаго коммерческаго банка. Какъ инженеръ, специализировавшійся по постройкѣ и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, онъ внесъ въ сферу веденія и учета желѣзнодорожныхъ операций и связанныхъ съ ними предпріятій такіе знанія и опытъ, какими до него мало кто могъ похвастаться. Н. С. началъ свою службу въ 1872 году на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ, затѣмъ участвовалъ въ постройкѣ Уральской горнозаводской желѣзной дороги (нынѣ Пермской) и въ качествѣ ея начальника успѣлъ такъ себя зарекомендовать, что министерство вручило покойному управленіе Харьковско-Николаевской желѣзной дорогой, нуждавшейся въ энергичномъ и знающемъ руководителѣ. За время управленія этой дорогою Н. С. внесъ порядокъ въ ея хозяйство; административная часть дороги въ общеніи съ публикой была поставлена имъ на высоту, сдѣлано много въ цѣляхъ удовлетворенія духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ служащихъ и рабочихъ дороги. Послѣ десятилѣтняго управленія Н. С. привелъ казенное хозяйство дороги въ образцовый порядокъ и установилъ права и обязанности служащихъ, что было въ то время чрезвычайно важно въ видахъ правильного опредѣленія отношеній чиновъ управленія дороги къ чинамъ государственнаго контроля и обратно. Вскорѣ покойный занялъ высокое положеніе среди желѣзнодорожныхъ и финансовыхъ дѣятелей столицы. Въ Петербургѣ Н. С. пробылъ свыше 17 лѣтъ въ качествѣ предѣдателя правленія общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги, работая не покладая рукъ. Полный силъ и энергіи, онъ недавно еще отпраздновалъ 15-лѣтній юбилей своего предѣдательства, столь блестяще доказавъ, какъ можно высоко развить и поставить дѣло. Сравнительно небольшую Рыбинскую желѣзную дорогу Н. С. сумѣлъ расширить и развить до колоссальныхъ размѣровъ и превратить въ общество, занявшее нынѣ почетное мѣсто среди желѣзнодорожныхъ предпріятій. Одновременно онъ былъ членомъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія. Въ послѣднее время былъ предѣдателемъ совѣта петербургскаго междунагоднаго банка. Одной изъ послѣднихъ заботъ покойнаго была мечта, обѣщавшая постройку новой линіи Петербургъ—Орель, мечта, манившая близостью своего осуществленія. Всегда пріятливый и любезный, Н. С. производилъ впечатлѣніе дѣловаго, корректнаго человѣка, внесившаго во всякое дѣло особый оттѣнокъ живой и плодотворной энергіи. Скончался онъ на 64 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13339).

† **Поповъ, Р. С.** Скончавшійся 19-го ноября послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни Рафаилъ Степановичъ Поповъ принадлежалъ къ постояннымъ сотрудникамъ «Новаго Времени» въ первые годы выхода газеты. Онъ былъ привлеченъ къ сотрудничеству покойнымъ А. С. Суворинымъ въ 1876 году, изо дня въ день работалъ въ газетѣ до 1894 года. Писалъ передовыя статьи, преимущественно по внутренней политикѣ. Многія его статьи имѣли большой успѣхъ: памятна его статья «Болгарія подъ турецкой властью». За его статью о несправедливости привлеченія единственныхъ сыновей въ отбыванію воинской повинности «Новое Время» получило первое предостереженіе. Онъ много работалъ также и по отдѣлу внутреннихъ извѣстій. Покойный родился 27-го октября 1849 года въ глухомъ селѣ Пермской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ. Дѣтство протекло въ селеніи Турьинскихъ рудниковъ. По окончаніи курса пермской духовной семинаріи Р. С. занялъ мѣсто учителя латинскаго языка въ духовномъ училищѣ въ городѣ Далматовѣ Пермской губерніи, откуда онъ сталъ писать корреспонденціи въ «Виржевыя Вѣдомости». Въ это же время нѣсколько его статей были напечатаны въ «Недѣль» П. А. Гайдебурова. Успѣхъ литературныхъ занятій привлекъ покойнаго въ Петербургъ. Онъ поступилъ въ петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, окончилъ курсъ въ 1875 году и одновременно писалъ статьи на разнообразныя темы общественной жизни. Статьи печатались въ «Недѣль», «Гражданинѣ», подъ редакціей Ѳ. М. Достоевскаго и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (горнозаводское дѣло и положеніе о горнорабочихъ). Въ 1875 году Р. С. сдѣлался помощникомъ редактора и почти единственнымъ сотрудникомъ народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». Однако журналъ этотъ не пошелъ. Сотрудничая затѣмъ въ «Новомъ Времени», покойный пытался предпринять свое издательское дѣло, выхлопоталъ право на народную газету «Мірское Слово» и издавалъ ее въ 1878 и 1879 г.г., но газета принесла ему только матеріальныя потери и была вынуждена прекратиться. Богатымъ инициативой, народникъ по своимъ убѣжденіямъ, Р. С. отправился въ девятидесятыхъ годахъ на родину и тамъ отдался общественной дѣятельности, работая въ качествѣ секретаря статистическаго комитета въ Перми, затѣмъ секретаря пермской городской думы. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ тяжело заболѣлъ; его разбилъ параличъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13542).

† **Епископъ Симеонъ.** Въ Самарѣ 20-го ноября скоропостижно скончался преосвященный Симеонъ, епископъ самарскій и ставропольскій. Почившій, въ мірѣ Сергій Ивановичъ Покровскій, сынъ причетника села Маркина (Керенскаго уѣзда Пензенской губерніи), родился въ 1848 году и воспитывался въ томской семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса съ званіемъ студента (1868 г.), онъ только одинъ годъ пробылъ преподавателемъ красоярскаго духовнаго училища и съ осени 1869 года поступилъ въ петербургскую духовную академію. Выпущенный изъ нея въ 1873 году кандидатомъ съ правомъ на степень магистра богословія, молодой академикъ занималъ должности: учителя вятской семинаріи (1873—1881 гг.), инспектора тверской семинаріи (1881—1890 гг.), причѣмъ въ 1888 году принялъ монашество, и мѣсто ректора-архимандрита въ волынской семинаріи (1890—1893 гг.). Хиротонисанный въ архіерейскій

санъ (31 октября 1893 г.), онъ состоялъ епископомъ глазовскимъ и викаріемъ вятской епархіи (1893—1894 гг.), епископомъ екатеринбургскимъ и ирбитскимъ (1894—1896 гг.), епископомъ екатеринславскимъ (1896—1911 гг.) и, наконецъ, епископомъ самарскимъ (съ 4 октября 1911 года до дня своей кончины). Епископу Симеону принадлежали: «Слово при нареченіи во епископа» («Церковныя Вѣдомости» 1893 года, № 45) и проповѣди, помѣщенные въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, гдѣ онъ проходилъ свое святительское служеніе. Любопытныя же свѣдѣнія о немъ находятся въ «Автобіографическихъ запискахъ» тверскаго архіепископа Саввы (т. VI, стр. 518, и т. VIII, стр. 628). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г. № 270).

† **Тарскій, А. I.** 29-го ноября скончался бывшій артистъ театра А. С. Суворина А. I. Тарскій (Стойкинъ). Покойный началъ служить въ Петербургѣ съ 1904 года, сперва въ театрѣ Меметти, а затѣмъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества, гдѣ онъ пробылъ около пяти лѣтъ. За годы службы въ Петербургѣ онъ успѣлъ переиграть массу ролей, изъ которыхъ многія запомнились. Тарскій, бросившій ради сцены военную карьеру, нашелъ здѣсь себя и пользовался у петербургской публики неизмѣннымъ успѣхомъ. Однако кипучая натура покойнаго не давала ему покоя, и сценическіе успѣхи за послѣднее время стали его не удовлетворять. Онъ сталъ себя пробовать на поприщѣ драматурга, и два года назадъ написалъ свою первую пьесу «Боевые товарищи», поставленную въ театрѣ А. С. Суворина. «Боевые товарищи» были хорошо приняты публикой, и А. I. Тарскій предпринялъ со своей пьесой большую поѣздку по провинціи. Въ прошломъ году въ томъ же театрѣ шла его пьеса «Прапорщикъ запаса». А. I. говорилъ, что эта пьеса должна была рѣшить его судьбу: или онъ долженъ стать драматургомъ, или же остаться актеромъ. Въ концѣ прошлаго сезона Тарскій уѣхалъ изъ Петербурга и перешелъ въ харьковскій театръ Шпелыникова, гдѣ онъ исполнялъ также обязанности режиссера. А. I. Тарскій въ ноябрѣ сильно простудился и вскорѣ захворалъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. За нѣсколько дней до смерти, какъ говорятъ, А. I. лишился разсудка и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. А. I. Тарскій, будучи офицеромъ, участвовалъ въ русско-японской войнѣ, а въ прошломъ году въ качествѣ корреспондента с.-петербургскаго телеграфнаго агентства провелъ кампанію на Ближнемъ Востоцкѣ. Корреспонденціи А. I. Тарскаго съ театра военныхъ дѣйствій между прочимъ печатались и въ «Вечернемъ Времени». Послѣ покойнаго осталась очень интересная коллекція театральныхъ рисунковъ, фотографій и карикатуръ, исполненныхъ имъ самимъ. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1913 г., № 627).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отвѣтъ А. Черняевой.

Въ № 13546 «Новаго Времени» помѣщена забѣтка А. Черняевой по поводу моихъ воспоминаній о М. Г. Черняевѣ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Оставляя на отвѣтственности г-жи Черняевой ничѣмъ не обоснованное

обвиненіе меня въ «веселомъ легкомысліи», я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу ея замѣтки по существу.

Я склоненъ вѣрить А. Черняевой, что Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ быта выработана система управленія Туркестанскимъ краемъ, но знаю и утверждаю, что никто изъ служившихъ тогда въ край не подозрѣвалъ о какихъ-либо административныхъ планахъ новаго генераль-губернатора, ибо послѣдній ни съ кѣмъ не дѣлился своими предположеніями.

Я не буду оспаривать преимущества воднаго экспортнаго пути передъ сухопутнымъ, но не могу не замѣтить, что продолжительная поѣздка генераль-губернатора (на заботахъ и ответственности котораго была огромная азіатская окраина) для *личнаго* ¹⁾ обследованія новаго торговаго пути, пролегающаго *внѣ предѣловъ управляемаго имъ края* ¹⁾, не могла не вызвать общаго недоумѣнія и изумленія.

Я не оспариваю заявленій А. Черняевой, что эта поѣздка удостоилась высочайшей благодарности, но позволяю себѣ увѣрить г-жу Черняеву, что плаваніе на рыбацкѣй лодкѣ по заливу Мертвый Култукъ и затѣмъ на крошечномъ пароходѣ «Водолей» по Каспійскому морю до Астрахани ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано фактомъ открытія новаго торговаго пути, такъ какъ Каспійское море испоконъ вѣка было судоходнымъ, а безусловная негодность къ судоходству залива Мертвый Култукъ какъ тогда, такъ и нынѣ, никѣмъ не оспаривается. Говорить же о торговомъ значеніи караваннаго пути между Аральскимъ и Каспійскимъ морями едва ли нужно, ибо во время поѣзда М. Г. Черняева уже была отстроена нѣсколько вѣжливѣй часть Среднеазіатской желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря (заливъ Узунъ-Ада) до Кизыль Арвата.

А, Черняева говорить о великихъ заслугахъ М. Г. Черняева передъ отечествомъ. Позволю себѣ спросить, какое это имѣть отношеніе къ моимъ воспоминаніямъ? Я самъ чту Черняева, какъ народнаго героя, какъ блестящаго полководца въ Средней Азійи и въ Сербіи. Ни однимъ словомъ я не позволилъ себѣ опорочить блестящее прошлое Михаила Григорьевича, но въ моихъ воспоминаніяхъ я не могъ не указать на то, что, будучи уже большимъ и разбитымъ старикомъ, назначенный на отвѣтственный постъ генераль-губернатора, онъ оказался не на высотѣ своего положенія.

Позволю себѣ привести слова г. Карцева, который въ своемъ очеркѣ «За кулисами дипломатіи» («Русская Старина») говорить, между прочимъ, о М. Г. Черняевѣ: «Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокой административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, и удивляться, что онъ попадѣлъ промахомъ».

А, впрочемъ, можетъ быть, А. Черняева обвинить и г. Карцева въ «веселомъ легкомысліи»?

Г. П. Федоровъ.

¹⁾ Курсивъ мой.

Джонъ Эйскофъ

ВО ДНИ

ЮЛИАНА ОТСТУПНИЦА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Тил. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелев, 13

I.

СТАВАЛОСЬ полчаса до захода октябрьскаго солнца, когда Фавстуль вышелъ изъ бань Деція на Авентинскомъ холмѣ и тихонько пошелъ домой.

Онъ шелъ по двумъ причинамъ: прежде всего, надо, однако, сказать, что онъ не былъ человѣкомъ, который сталъ бы утруждать себя подыскиваніемъ причинъ для своихъ дѣйствій. Этому онъ не дѣлалъ никогда и по отношенію къ другимъ. Главная же причина въ томъ, что онъ страшно боялся растолстѣть. Онъ помнилъ, какъ располнѣлъ его отецъ и притомъ почти вдругъ, почти въ томъ же самомъ возрастѣ, въ которомъ былъ теперь и онъ. А Фавстуль-отецъ такъ славился своей особенно стройной, граціозной и аристократической фигурой. Когда же онъ началъ полнѣть, вся его благородная внѣшность не могла, конечно, не пострадать сильнѣйшимъ образомъ.

И въ настоящую минуту Фавстуль—онъ сознавалъ это къ своему неудовольствію,—нельзя сказать, чтобы былъ худъ. Впрочемъ, онъ былъ твердо убѣжденъ, что едва ли у кого изъ его современниковъ окажется столь изящная внѣшность. По его мнѣнію, не стоило быть аристократомъ, если человѣкъ не располагалъ аристократической внѣшностью. Былъ смыслъ, конечно, вести свое происхожденіе отъ того пастуха, который взялъ на свое попеченіе Ромула, и его сестра Сабина гордилась этимъ больше, чѣмъ значительнымъ сосѣяніемъ, оставленнымъ ей мужемъ. Но самъ Фавстуль мало придавалъ значенія разнымъ родословнымъ. Онъ довольствовался тѣмъ тонкимъ ароматомъ, который даетъ человѣку высокое рожденіе и наличность котораго люди иногда принуждены бываютъ признать.

«Когда человѣкъ походитъ по внѣшности на плебея, то онъ можетъ, дѣйствительно, оказаться плебеемъ», думалъ онъ.

Кромѣ того, Фавстулъ терпѣть не могъ перспективы потолстѣть, ибо мысль о томъ, что онъ вступилъ уже въ средній возрастъ, заставляла его съезживаться съ отвращеніемъ. Стать человѣкомъ средняго возраста для него было еще хуже, чѣмъ стать плебеемъ, хотя это, къ сожалѣнію, было совершенно неизбѣжно. Всякій, конечно, борется сильнѣе противъ того, что неизбѣжно, чѣмъ противъ того, чего еще можно какъ-нибудь избѣжать.

«Для глупаго человѣка, который позволяетъ себѣ толстѣть, уже и тридцать пять лѣтъ—средній возрастъ», говорилъ себѣ Фавстулъ.

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ бань и разсѣянно глядѣлъ вдоль улицы по направленію къ тому мѣсту, гдѣ находилась христіанская церковь св. Приски.

«Но кто умѣетъ сохранить свою фигуру и въ тридцать лѣтъ такой же, какой она была въ двадцать пять...»

Фраза осталась безъ заключенія. Заключенія выводятъ только скучные люди, а Фавстулъ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ не принадлежитъ къ ихъ числу.

Это была его давнишняя привычка говорить съ собой намеками, особенно бесѣдуя о какихъ-нибудь интимныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ того, что ему скоро стукнетъ тридцать пять лѣтъ. Мѣсяцевъ одиннадцать тому назадъ это его еще не терзало, но теперь, когда черезъ недѣлю-двѣ ему будетъ уже тридцать шесть, онъ частенько возвращался къ этому обстоятельству.

Вторая причина, почему онъ любилъ ходить, заключалась въ томъ, что Фавстулъ любилъ посплетничать. А только гуляя пѣшкомъ, можно было услышать даже самыя мелкія новости, которыя инымъ способомъ невозможно узнать. И Фавстулъ любилъ оглядываться вокругъ себя: у него былъ замѣчательно наблюдательный глазъ, который давалъ ему больше матеріала для разговора, чѣмъ какой бы то ни было рассказъ. Улица для него никогда не была бесплоднымъ полемъ наблюденій, но, наоборотъ, всегда чѣмъ-нибудь привлекала его безпечное, изощренное вниманіе.

Фавстулъ отличался въ высшей степени добродушнымъ нравомъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, которые всегда укрываются за спиною другихъ. Онъ зналъ, что по дорогѣ домой онъ непременно услышитъ или увидитъ что-нибудь такое, о чемъ интересно будетъ поговорить съ бѣдной Акціей. У него былъ даръ сдѣлать изъ пустяковъ цѣлую смѣшную исторію.

«Бѣдная Акція!—подумалъ онъ, спускаясь съ лѣстницы.—Какая, должно быть, обуза это имѣть ребятъ! Я помню, когда я былъ мальчикомъ, мой отецъ такъ любилъ распространяться объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ высокое рожденіе, о необходимости

совершить что-нибудь въ мірѣ (особенно въ эти гнусныя времена, когда пошли новыя идеи), что я хотѣлъ быть дѣвочкой на мѣстѣ Сабинны. Съ дѣвочекъ такъ мало спрашиваютъ. А изъ Сабинны вышелъ бы великолѣпный солдатъ. Помню я и свое дѣтство, помню, какъ мало я былъ расположенъ ссориться съ этими старыми дѣвами — богинями судьбы. Акція любитъ ходить повсюду и за все братья. Если кто-нибудь у нея отлучается на мѣсяць, на два — убылое мѣсто пополняется тотчасъ же. И это при возрастѣ Акціи! Мнѣ кажется, Акція была не въ духѣ, когда я разстался съ ней. Поэтому-то собственно я и послѣшилъ отъ нея. Мнѣ не хотѣлось, чтобы она замѣтила, что это не укрылось отъ меня. Непремѣнно надобно поймать какую-нибудь новость, что развеселитъ ее. Извѣстіе о побѣдѣ Констанція и о смерти Константина взволнуетъ ее страшно, она любитъ слушать объ императорахъ. Какая досада за нее, что дворъ теперь не живетъ въ Римѣ!»

Тѣмъ не менѣе Фавстулъ не очень-то спѣшилъ домой съ этими новостями. Ему еще на многое нужно было взглянуть по дорогѣ. Было 19-го октября, и по дорогѣ то и дѣло попадались группы солдатъ и простыхъ гражданъ, шедшихъ къ довольно запущенной лавровой рощицѣ, гдѣ до сихъ поръ народъ справлялъ армилустріумъ. Пусть императоръ неповѣдуетъ себѣ христіанскую вѣру и коснется на языческія торжества: Римъ еще не сдѣлался христіанскимъ, и народъ хочетъ танцовать на своихъ празднествахъ, какую бы религію ни предпочиталъ дворъ. Поэтому въ народѣ нашлось немало празднаго народа, который готовъ былъ идти къ мѣсту погребенія царя Тація и въ честь его протанцовать свои воинственныя танцы.

Фавстулу пришло было въ голову пойти за ними, но скоро онъ передумалъ и потихоньку пошелъ дальше. Онъ обратилъ вниманіе на старый домъ, въ которомъ около ста тридцати лѣтъ тому назадъ жилъ драматическій писатель Ливій Андроникъ, и слегка полюбопытствовалъ насчетъ другого дома, въ которомъ, говорятъ, жилъ одинъ поэтъ изъ Галліи, пріятель Овидія.

Простая хижина въ маленькомъ виноградникѣ служила, по свѣдѣніямъ Фавстула, жилищемъ третьему поэту Эннію, который писалъ свои стихи для единственнаго своего слушателя — своего раба.

На вершинѣ холма, откуда начинался *Clivus Publicus*, онъ на нѣсколько минутъ остановился, чтобы полюбоваться видомъ мавзолея императора Адріана, виднѣвшагося въ желтоватой дали. Онъ воображалъ себѣ Кая Гракха и Марка Флакка, которые, спасаясь отъ нависшей надъ ними смерти бѣжали къ алтарю близлежащаго храма Діаны.

Потомъ онъ не спѣша пошелъ по дорогѣ внизъ: спѣшить было не въ его правлахъ.

Его собственный домъ стоялъ какъ разъ у Палатинскаго холма. Недалеко отъ него находился храмъ Ромула. Подходя къ нему, онъ видѣлъ, какъ какая-то женщина, фигура которой показалась ему знакомой.— онъ не могъ разсмотрѣть ея лица, ибо она шла къ нему задомъ.— быстро шла къ храму, прижимая къ груди ребенка. Ребенокъ, очевидно, былъ нездоровъ, и мать несла его въ храмъ для того, чтобы онъ приложился къ бронзовой волчицѣ и, такимъ образомъ, получилъ исцѣленіе.

Онъ снисходительно улынулся, думая, что въ концѣ концовъ прикладываніе къ волчицѣ принесетъ ребенку такую же пользу, какъ и докторъ, только это будетъ стоить гораздо дешевле.

Не разъ посмѣивался онъ и надъ тѣмъ, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ его сестра Сабина вѣрила въ то, что ихъ домъ стоялъ какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была изгородь ихъ предка-пастуха Фавстула. Самъ онъ отлично зналъ, что это мѣсто было подарено Фавстуду Нерономъ, у котораго были такіе же идиллическіе вкусы, и что ихъ предку посчастливилось снискать себѣ расположеніе императора за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, такъ что ему удалось удержать за собой и расположеніе и подаренный домъ.

Фавстулъ вернулся домой, никѣмъ не замѣченный. У дверей не было ни одного раба, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Фавстулъ не гнался за тѣмъ, чтобы ему оказывали почтеніе, и любилъ уходить и возвращаться безъ всякаго парада. Иногда онъ нарочно скрывался изъ дому незамѣтно и бродилъ одиноко по городу въ то время, когда его домочадцы думали, что онъ дома. Ему нравилось дѣйствовать инкогнито, отчего эти маленькія прогулки превращались въ разнаго рода приключенія.

— Ты всегда столько увидишь!— съ удивленіемъ говорила ему Акція, когда бывала въ хорошемъ настроеніи духа.

— Это потому, что за мной не тянется цѣлый хвостъ рабовъ и приживальщиковъ для того, чтобы все знали, кто идетъ,—обыкновенно отвѣчалъ онъ, чрезвычайно довольный и ея похвалой, и самимъ собой.

Конечно, такія уединенныя прогулки не всегда соотвѣтствовали достоинству патриція, и Фавстулъ рассказывалъ Акціи не о всемъ, что видѣлъ, и не распространялся при ней о разныхъ закоулкахъ города, куда попадалъ иной разъ во время этихъ прогулокъ.

Онъ прошелъ черезъ переднія ворота, по бокамъ которыхъ стояло двѣ целлы: одна для привратника на цѣпи, другая для цѣпной собаки. Цѣпи лежали возлѣ целлъ, но Фавстулъ не держалъ цѣпной собаки и не обращалъ вниманія, что целла привратника была пуста: онъ лежалъ около нея и былъ прикованъ къ ней только цѣпами сна.

Солнце уже село, и розовый отблескъ наполнялъ весь атриумъ такимъ сіяніемъ, что Фавстулъ невольно остановился на мгновеніе и залюбовался. У него было много вкуса, и онъ не любилъ пропускать удовольствій, которыя представлялись ему. Не пропускать наслажденій—въ этомъ была его жизненная философія.

«А сколько есть наслажденій, которыя ровно ничего не стоятъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собой.—Ни денегъ, ни здоровья, ни труда. Тѣ удовольствія, которыми я наслаждаюсь, могли бы имѣть и другіе, однако я сумѣлъ приберечь ихъ для одного себя».

По срединѣ атриума былъ небольшой фонтанъ. Вода падала въ резервуаръ съ мягкимъ журчаніемъ. Фонтанъ билъ не высоко и выбрасывалъ воду какъ-то нехотя, лѣниво, не шумя и не брызгая.

Небольшія статуи боговъ, разставленныя на низенькихъ столбикахъ, были древняго происхожденія, но незначительныхъ размѣровъ и довольно посредственной работы. Конечно, ихъ здѣсь разставилъ не Фавстулъ: они, вѣроятно, были ровесниками самому дому, который былъ построенъ фаворитомъ Нерона черезъ годъ послѣ знаменитаго пожара Рима.

Фавстулъ беззаботно взглянулъ на нихъ критическимъ окомъ, безъ всякой, впрочемъ, примѣси религіознаго чувства.

«Они очень малы,—подумалъ онъ.—Въ этомъ розовомъ полусвѣтѣ они похожи на игрушки. Изображенія боговъ, во всякомъ случаѣ, должны были бы имѣть героическій видъ и соответствующій размѣръ. А то въ этомъ, напримѣръ, крошечномъ Юпитерѣ нѣтъ ничего величественнаго. Маленькое изображеніе божества въ какой-нибудь задней, интимной комнатѣ—еще ничего. Но дюжина ихъ, ростомъ не больше обезьяны, въ атриумѣ такихъ размѣровъ. Я бы давно велѣлъ ихъ связать въ одинъ узелъ и убрать, но Сабина считаетъ это грѣхомъ, а досужіе языки стануть говорить, что я сдѣлался христіаниномъ. Можно было бы ограничиться большой хорошей копіей Волчицы, и я могъ бы се достать у одного скульптора въ Субуррѣ. А, Флавія! Видно, не съ кѣмъ играть?»

Изъ-за одной колонны выглядывала маленькая дѣвочка лѣтъ пяти, шаловливо засунувъ въ ротъ палецъ маленькой ручки, а другимъ медленно проводя впередъ и назадъ по основанію колонны. Она была такъ похожа на Фавстула, что сразу можно было сказать, что это его дочь, хотя она была смугла, какъ Акція, а Фавстулъ отличался бѣлизной лица, отъѣсеннаго темно-сѣрыми глазами и волосами цвѣта темной бронзы.

— А, Флавія! Теперь ты ужъ скоро перестанешь быть маленькой любимицей,—замѣтилъ онъ, внушительно покачивая головой.—Твоя мать теперь поглощена будущимъ новорожденнымъ. Почему не ты послѣдняя? Почему это твоя мать начала опять послѣ такого промежутка?

Флавія продолжала гладить колонну и смотрѣть на него, но разговоръ этотъ, видимо, не представлялъ для нея никакого интереса.

— Гдѣ Тацій?

Дѣвочка вынула палецъ изо рта и показала на внутренніе покон.

Солнечный свѣтъ уже померкъ, и быстро надвигавшійся полумракъ уже наполнилъ темными тѣнями пространство между колоннами, за которыми были расположены покон огромнаго дома. Чувствовалось что-то зимнее въ этихъ быстро надвинувшихся прохладныхъ сумеркахъ.

«Надо зажечь свѣтильники», подумалъ Фавстуль.

Онъ не любилъ полусвѣтъ, предпочитая яркій свѣтъ и тепло.

Изъ полумрака поспѣшно вышла женщина и спросила:

— Фавстуль, гдѣ ты былъ до сего времени?

Какъ и братъ, она была высокаго роста, но на годъ или два старше его. Полнота не угрожала ей: когда она состарится, она станетъ худой и костлявой. Она носила старомодное одѣяніе, отчего казалась старше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ была, тогда какъ Фавстуль одѣвался, какъ подобаетъ настоящему молодому щеголю.

— Гдѣ ты былъ? Мы всюду тебя искали.

— Въ сущности, нигдѣ. Если бы вы послали за мной къ банямъ Деція, то вы нашли бы меня тамъ.

— Мы послали къ банямъ Діоклетіана.

— Я былъ тамъ вчера. Но что случилось? Что-нибудь съ Акціей? Явился уже на свѣтъ соперникъ Флавію, или только еще собирается? Надѣюсь, Акція не очень страдаетъ? Ничего страшнаго, не правда ли?

Было слишкомъ темно, и ему нельзя было разглядѣть выраженіе лица Сабина, но онъ чувствовалъ, что она настроена въ высшей степени серьезно.

Она сдѣлала легкое движеніе, желая взять Флавію за руку, но дѣвочка вырвалась и убѣжала. Она не боялась сестры своего отца. Онъ дразнилъ ее, но она любила его, ибо онъ былъ мужчиною, Сабина же была женщиной и притомъ, по соображенію дѣвочки, довольно старой.

— Акція не чувствуетъ теперь страха, — отвѣчала Сабина серьезно, съ отгѣнкомъ грусти въ голосѣ. — Но она очень страдала. Ребенокъ родился часа два тому назадъ.

— Ага! Новый Тацій, или новая Флавія?

— Фавстуль, послушай! Неужели ты не видишь, что я подготавливала тебя къ дурнымъ вѣстямъ. Страданія Акціи кончились. Еслибъ мы могли найти тебя, ты еще могъ бы съ ней проститься. Но она даже не знала, что тебя нѣтъ дома.

Фавстуль въ душѣ былъ очень радъ, что его не нашли. Онъ весь съежился отъ болѣзненного чувства, которому не могъ сопроти-

вляться его мягкій, чувствительный темпераментъ. Ему не хотѣлось сознаться себѣ, что Акція умерла. Его единственнымъ желаніемъ теперь было уйти опять изъ дому и очутиться гдѣ-нибудь на улицѣ, гдѣ вокругъ него толпились бы люди. Онъ былъ благодаренъ рабамъ, которые вошли съ зажженными свѣтильниками и повѣсили ихъ между колоннами. Въ знакъ траура Сабина, очевидно, запретила освѣщать домъ, и это раздражало его. Впрочемъ, его сестра была здѣсь только въ гостяхъ и притомъ была настолько благовоспитана, что не позволила себѣ распорядиться въ его домѣ. Она даже не настаивала, чтобы онъ пошелъ проститься съ умершей женой, предоставляя ему самому сдѣлать это, и была скорѣе удивлена, чѣмъ раздосадована, когда онъ вдругъ повернулся и пошелъ въ свой богато разукрашенный покой.

II.

Сабина была женщиной стараго покроя, которой слѣдовало бы жить во времена республики. Ея чувства и предрасудки были почти чужды временамъ поздней имперіи. Она была закоренѣлая язычница по чувству консерватизма и крѣпко не любила христіанъ. Больше всего не любила она ихъ съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря обращенію въ христіанство императора Константина, въ ея судьбѣ произошелъ переломъ и положеніе ея круто измѣнилось. Обращеніе покойнаго императора и его попытки уничтожить культъ боговъ только заставили ее еще крѣпче держаться за старья, привычныя божества.

Ея понятіе о жизни и въ особенности о жизни знатныхъ людей вытекало изъ опредѣленныхъ простыхъ требованій долга и общественной дѣятельности. Развлеченія и распутство она презирала. къ увеселеніямъ относилась подозрительно.

Какъ настоящая сестра, она питала большую привязанность къ брату, но эта привязанность отличалась скорѣе глубиной, чѣмъ теплотой и въ значительной степени объяснялась тѣмъ, что онъ былъ главою ихъ древняго рода. Личная любовь къ нему у нея едва ли могла быть: всѣ наиболѣе характерныя его свойства не нравились ей, и она относилась къ нимъ съ молчаливымъ неодобреніемъ.

— Сабина недолюбливаетъ меня,—увѣрялъ онъ свою жену, которая ревновала его ко всѣмъ, кто относился къ нему съ любовью.—Она видитъ во мнѣ только сына ея отца.

— Но этотъ сынъ ты и есть,—возразила Акція.

— Ну, гдѣтъ. Она считаетъ своей обязанностью относиться съ почтеніемъ къ Фавстуду только потому, что онъ глава всѣхъ Фавстудовъ, потомковъ этого неповоротливаго пастуха. Я вѣдь не такъ, Акція?

— Зато она такова. Ни за что я бы не согласилась стать римской матроной только для того, чтобы быть похожей на какую-то статую.

— Но ты несколько и не похожа на нее. Вѣдь ты не ходишь вотъ такъ.

Акція громко засмѣялась и впала въ веселое настроеніе духа при видѣ того, какъ онъ изображалъ величавую походку своей сестры.

— Какъ будто подъ ней не ноги, а пьедесталь,—пояснила она, хлопая своими пухлыми руками.

Сабина отлично знала, что золовка не очень-то долюбиваетъ ее, но это мало ее беспокоило: она такъ легко могла обходиться безъ всякой любви со стороны этой избалованной женщины.

Но ей пришлось испытать тяжелое чувство, когда около молодой женщины (несмотря на свои тридцать лѣтъ, Акція была похожа на дѣвушку), почувствовавшей уже холодное приближеніе смерти, оказалась, вмѣсто веселаго, беззаботнаго и легкомысленнаго супруга, котораго она, впрочемъ, по-своему любила, она, эта невѣстка, которую та такъ боялась.

Акція не разъ пускалась во флиртъ, о чемъ Фавстуль зналъ очень хорошо. Но онъ несколько не сердился на нее за это и только не хотѣлъ знать, были ли серьезны эти увлеченія. Знала о нихъ и Сабина. Слухи доходили даже до ея виллы среди холмовъ Олибанума, и такая огласка спльно ее раздражала. Тѣмъ не менѣе она понимала, какъ и самъ Фавстуль, что если пустая, ищущая удовольствій и чувственная женщина и увлекалась кѣмъ-нибудь искренно, то виною этому былъ ея лѣнивый, эгоистичный, въ высшей степени беззаботный супругъ.

Если бъ Фавстуль крѣпко побилъ ее за это, а потомъ осушилъ ея слезы поцѣлуемъ, Акція, навѣрно, любила бы его еще болѣе. Съ своей стороны, и Сабина одобрила бы это, находя, что иногда бываетъ полезно дать женѣ острастку, независимо отъ того, будетъ ли она послѣ этого больше или меньше любить своего мужа. Но для Фавстула такого рода нравоученія были уже слишкомъ архаичны. Кромѣ того, онъ терпѣть не могъ слезъ, всякихъ сценъ и примиреній. Да и не совсѣмъ похвальное поведеніе его жены не особенно беспокоило его, пока оно не мѣшало ему самому дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ.

Гораздо больше хлопотъ надѣлала ему Акція своей смертью, чѣмъ своими прихотями и нескромнымъ образомъ жизни, который она всегда вела. По своему положенію, Фавстулы были не очень богаты, а между тѣмъ ея столъ былъ всегда заваленъ чудовищными счетами. Впрочемъ, тутъ было немало счетовъ и на его имя, и кредиторы были для нихъ общими врагами. Впрочемъ, у него не было глубокой неприязни и къ кредиторамъ; когда берешь въ долгъ

съ твердымъ намѣреніемъ не заплатить по счетамъ, то надѣлливость кредиторовъ едва ли можетъ вызывать особенную злобу.

Фавстулъ огорчился кончиной Акціи больше за нее самое, чѣмъ за себя. Конечно, ей хотѣлось жить, и такъ какъ эта пустая, лишенная содержанія жизнь доставляла ей удовольствіе, то ему было жаль, что она лишилась ея.

Вѣдная Акція! Гдѣ-то она теперь? Въ Елисейскихъ поляхъ? Онъ улыбнулся, когда эта избитая фраза пришла ему на умъ: ему не вѣрилось въ существованіе этихъ Елисейскихъ полей. Впрочемъ, ему не вѣрилось ни во что: ни въ боговъ, ни въ людей, ни даже въ себя самого. Онъ не хуже половины боговъ, а большая часть людей, которыхъ онъ зналъ, была не хуже его.

«Елисейскія поля! Вообразить только, что Акція въ Елисейскихъ поляхъ! Плохо бы ей пришлось тамъ! Конечно, въ дѣйствительности-то она теперь нигдѣ...»

Но эта мысль показалась ему страшной: вѣдь это значило, что она теперь тамъ, откуда появилась тридцать лѣтъ тому назадъ.

Во всякомъ случаѣ, она уже болѣе не страдаетъ, да Акція никогда и не могла страдать долго. Она не чувствуетъ теперь и огорченій, на которыя жаловалась еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Что онъ легко можетъ обойтись и безъ нея—это было совершенно ясно для него. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его ежедневной задачей было поддерживать ее въ хорошемъ настроеніи духа, и это обстоятельство служило для него доказательствомъ, что онъ во всякомъ случаѣ обладаетъ значительной долей добродушія, а постоянный успѣхъ, которымъ сопровождалось его усилія, свидѣтельствовалъ объ его тактѣ и ловкости.

Фавстулъ не нуждался въ свидѣтеляхъ его терпѣнія съ скучающей женой. Онъ просто старался, насколько могъ, не давать ей скучать. По-своему, онъ очень любилъ Акцію и вмѣсто того, чтобы раздражаться на ея выходки, онъ всегда умѣлъ найти въ нихъ матеріалъ для шутки. Капризы и эгоизмъ избалованнаго ребенка очень часто потѣшаютъ родителей, и онъ старался смотрѣть на нее, какъ на ребенка, и она не протестовала противъ этого.

Въ настоящую минуту онъ не сказалъ бы, что съ ея смертію онъ будетъ чувствовать ея присутствіе: его сожалѣніе о ней было самаго добродушнаго свойства и относилось къ ней самой: онъ хотѣлъ бы, чтобы она жила еще долго-долго, ибо жить было для нея главнѣйшимъ удовольствіемъ. Она была раздражительна и ревнива, хотя сама и не стѣснялась давать ему поводы къ ревности въ достаточномъ количествѣ. Акція ревновала его даже къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, когда ей казалось, что онъ любилъ ихъ больше, чѣмъ ее. Люди называли ее добродушной, потому что это было пухлое, самодовольное существо, безпрестанно раздражавшееся громкимъ, безпричиннымъ смѣхомъ. Но Фавстулъ зналъ, что она

вовсе не обладаетъ добродушіемъ. Словомъ, она была педалека, хотя и отличалась способностью пустить острую и колкую наемѣшку по адресу своихъ друзей, что, впрочемъ, она дѣлала всегда съ визгливымъ смѣхомъ въ надеждѣ на то, что ее примутъ за игривую хохотушку. Она была жадна и больше всего любила вкусныя яства. Ея пухлость была результатомъ не одного только природнаго расположенія къ полнотѣ: если ей случалось ужинать тайкомъ съ какимъ-нибудь богатымъ поклонникомъ, то она являлась на такой ужинъ не столько ради поклонника, сколько въ ожиданіи вкусныхъ яствъ.

Самъ Фавстуль ѣлъ очень умеренно, хотя самыя деликатныя блюда, и былъ убѣжденъ, что женщины не должны показываться, когда онѣ ѣдятъ. Для ихъ трапезъ должны быть отведены небольшія внутреннія комнаты, куда мужчина постѣснялся бы войти.

Несмотря на свое общественное положеніе, Акція во многихъ случаяхъ отличалась мужиковатыми манерами, ѣла всегда громко и чокала губами, когда блюдо ей нравилось. Но Фавстуль теперь забыть о всемъ этомъ. Бѣдная женщина! теперь насталъ конецъ всѣмъ твоимъ недостаткамъ! Онъ никогда не придавалъ имъ большого значенія, къ чему же теперь вспоминатъ о нихъ?

Онъ былъ слишкомъ благовоспитанъ и отогналъ отъ себя мысль, что ея смерть, быть можетъ, создастъ возможность выйти изъ затрудненій, съ которыми онъ до сего времени не хотѣлъ считаться. Онъ былъ весь въ долгахъ, ибо они проживали вдвое больше, чѣмъ получали. Больше половины всѣхъ расходовъ приходилось на долю Акціи, но онъ не хотѣлъ объ этомъ вспоминать теперь.

Онъ слегка и на скорую руку поужиналъ одинъ у себя въ комнатѣ. Ему не хотѣлось идти въ триклиніумъ, гдѣ ему пришлось бы сидѣть съ Сабинной и неминуемо бесѣдовать о горестномъ событіи этого дня.

Когда онъ кончилъ свой ужинъ, кто-то слегка постучалъ въ дверь. Онъ подумалъ, что это явился рабъ взять блюда. Ему вспомнилось, какъ эта дверь послужила причиной его ссоры съ Акціей, которая настаивала на томъ, что для него будетъ довольно и занавѣси. Занавѣси у двери былъ, но вѣсѣлъ онъ съ внутренней стороны, такъ какъ Фавстуль былъ увѣренъ, что жена подслушиваетъ за его дверью.

Такъ какъ никто не входилъ, то прежде, чѣмъ дать знакъ, разрешившій стучавшему войти, Фавстуль немного помедлилъ. Можетъ быть, это его сестра, и онъ осмотрѣлъ, не пропускаетъ ли дверь свѣтъ снизу.

Стукъ слабо раздавался еще разъ. Онъ всталъ и подошелъ къ двери.

Атріумъ былъ теперь залитъ луннымъ свѣтомъ, фонтанъ уже не журчалъ.

«Это стучитъ Сабина», подумалъ онъ съ капризной улыбкой.

У дверей стояла молодая рабыня, прижимая къ своей груди ребенка.

— Клодія!—шепотомъ проговорилъ онъ и быстро юркнулъ обратно въ комнату.

— Не сердись,—промолвила она низкимъ голосомъ, съ выраженіемъ печальной покорности. Цѣлыми мѣсяцами не приходилось ей бывать здѣсь.

— Въ чемъ дѣль?—спросилъ онъ, безшумно закрывая дверь.

— Ребенокъ!—прошептала она, не поднимая глазъ съ земли.

Не прошло еще и года, какъ онъ находилъ прекрасными эти большія глубокіе глаза. Съ тѣхъ поръ онъ уже успѣлъ совершенно позабыть о нихъ. Но, при всей своей дрянности, онъ не былъ ни грубымъ, ни жестокимъ

Охладѣвъ къ Клодіи, онъ не могъ обращаться съ ней сурово или повелительно потребовать отъ нея, чтобы она уходила.

— Ребенокъ,—повторила она, крѣпче прижимая дитя къ груди.

Онъ равнодушно поглядѣлъ на него. На минуту онъ вспомнилъ о другомъ ребенкѣ, который стоилъ Акціи жизни, и улыбнулся при мысли, что онъ до сихъ поръ даже не знаетъ, мальчикъ это, или дѣвочка. То обстоятельство, что рабыня думаетъ о своемъ ребенкѣ въ такой вечеръ, когда все, казалось бы, должно быть поглощено роковымъ появленіемъ на свѣтъ другого, несколько не заинтересовало его: хотя онъ и смѣялся надъ родословными, но это не мѣшало ему быть аристократомъ до мозга костей.

— Онъ умеръ,—просто сказала Клодія, продолжая прижимать ребенка къ груди.

Ему представилось сначала, что она говоритъ о ребенкѣ Акціи, и ему захотѣлось, чтобы вмѣсто матери умеръ этотъ ребенокъ.

— Тоже умеръ!—воскликнулъ онъ.

— Да,—отвѣчала Клодія такимъ тономъ, какъ будто хотѣла сказать: во всякомъ случаѣ смерть одинакова и для рабовъ и для господъ.

Въ его голосѣ было что-то такое, что заставило его попристальнѣе взглянуть въ лицо ребенка. Тоненькія ручки были синеватаго цвѣта и уже не хватали пальцы матери.

Если Клодія разсчитывала этимъ зрѣлищемъ подогрѣть его чувство, то она скоро поняла, что это ей не удалось. Любилъ ли онъ когда-нибудь и что-нибудь?

Ей было стыдно отъ признанія, что она продолжаетъ еще любить его, но тѣмъ не менѣе это было такъ.

— Я ходила въ храмъ,—продолжала она,—и клала дитя подъ Волчицу. И все-таки ребенокъ не выздоровѣлъ.

Она подняла наконецъ глаза и съ любопытствомъ, какимъ-то страннымъ голосомъ спросила:

— Нельзя ли мнѣ кормить другого?

— Ты хочешь кормить?—спросилъ онъ, удивляясь про себя страннымъ инстинктамъ женскаго пола, которые не внушали ему особой любви.

«Онъ также твой», подумала она про себя, но не сказала этого вслухъ. Въ ней было больше гордости, чѣмъ въ ея хозяйкѣ. Да ей было бы и стыдно обнаружить передъ нимъ свою любовь. Поэтому она только кивнула головой.

— Хорошо,—беззаботно отвѣтилъ онъ.—Это будетъ какъ разъ кстати.

Ему было даже пріятно, что она найдетъ теперь нѣкоторое развлеченіе отъ своего личнаго горя.

— Я уже нужна ей тамъ,—спокойно проговорила Клодія, поворачиваясь къ выходу и продолжая прижимать къ груди мертваго ребенка.

«Итакъ, это, стало быть, дѣвочка», весело сказалъ онъ себѣ, закрывая за ней дверь и радуясь, что свиданіе наконецъ кончилось.

«Тотъ или другой ребенокъ — для женщины это безразлично», продолжалъ онъ философствовать, удивляясь, какъ странно все идетъ на свѣтѣ.

Затѣмъ онъ усѣлся въ кресло, взялъ книгу и осторожно развернулъ ее. Онъ былъ любителемъ книгъ и всегда обращался съ ними почтительно. Ему вспомнилось, какъ не любила книгъ Акція и какъ она не позволяла ему читать въ ея присутствіи.

«Если человѣкъ не можетъ сидѣть безъ того, чтобы не взять книгу, то это признакъ пустого ума,—наставительно говаривала она ему.—Когда у человѣка есть въ головѣ свои собственныя мысли, то ему незачѣмъ брать ихъ напрокатъ у другихъ. Вотъ еще поэзія. Самый глупый сортъ книгъ! Никто не станетъ писать стихами, если онъ можетъ выразить свои мысли прозой. Поэты сами не знаютъ, о чемъ имъ писать. Поэтому они стараются писать стихи, разсчитывая, что изъ этого что-нибудь да выйдетъ».

III.

Фавстуну было крайне непріятно не столько то, что Акція умерла, сколько непріятная необходимость хлопотать объ ея похоронахъ.

Но вотъ погребальная церемонія была уже совершена, и ея прахъ, какъ подобаетъ, положенъ въ урну въ одной изъ нишъ колумбарія на Аппіевой дорогѣ. Скоро ея имя было такъ хорошо забыто, какъ будто она никогда и не существовала на свѣтѣ. Да, по правдѣ сказать, не о чемъ было и помнить: ея красота не выходила изъ предѣловъ простой миловидности, она никогда не любила и никогда

ничего не сдѣлала для другого. Непокколебимое самодовольство можетъ, пожалуй, привлечь къ человѣку нѣкоторое вниманіе, пока онъ живъ, но этого еще очень мало, чтобы обезпечить его безсмертіе, когда его не станетъ.

— Уѣзжай теперь къ себѣ,—съ учтивымъ сожалѣніемъ замѣтилъ сестрѣ Фавстуль. Онъ всегда былъ очень вѣжливъ не только съ людьми незнакомыми, но и со своими домашними. Но на этотъ разъ въ его голосѣ чувствовалось больше учтивости, чѣмъ сожалѣнія о разлукѣ.

— Твой прїѣздъ былъ не очень-то радостенъ,—прибавилъ онъ.

Возвращаться домой на свою виллу среди Сабинскихъ холмовъ въ осеннее время, по его мнѣнію, было тоже не очень-то весело. Но онъ не былъ настолько наивенъ и не думалъ, что все другіе обязательно раздѣляютъ его вкусы. У Сабини было большое помѣстье, и онъ зналъ, что она любитъ сама присматривать за своимъ хозяйствомъ.

— Хорошо. Я поѣду домой. Я не была тамъ уже цѣлый мѣсяць, и меня ждетъ тамъ цѣлая куча дѣлъ. Послушай, Фавстуль?

— Что?

— Нельзя ли мнѣ взять Фавстулу съ собой?

Онъ слегка улыбнулся, услышавъ это новое имя. Оно показалось ему слишкомъ длиннымъ для такого маленькаго существа, которое онъ, впрочемъ, еще и не видѣлъ. Ему показалось забавнымъ это желаніе вѣчно напоминать объ ихъ родоначальникѣ, пастухѣ Фавстулѣ. Но предложеніе сестры было для него какъ нельзя болѣе кстати. Обстоятельства всегда складывались для него весьма кстати. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ никогда не обращалъ на нихъ вниманія.

«Это, должно быть, благоволить ко мнѣ богиня удачи, — подумалъ онъ про себя:—эта старая дѣва, тетка богини счастья, капризная, насмѣшливая, водящая за носъ своихъ прислужниковъ и сама прислуживающая тѣмъ, кто не хочетъ ее знать!

— Это очень любезно съ твоей стороны,—сказалъ онъ вслухъ:—Фавстула будетъ, конечно, большой утѣхой для тебя.

Въ планы его сестры вовсе не входило забавляться съ маленькой Фавстулой, и онъ отлично это зналъ. Но ему нравилось немножко подразнить сестру.

— У меня самой нѣтъ дѣтей, а у тебя ихъ столько, что ты и самъ не знаешь, что съ ними дѣлать.

— У меня только трое,—кротко возразилъ онъ.

— Я не предлагаю отпустить со мной Флавію: ребенокъ не любить меня.

— О, Флавія находится въ очень хорошихъ условіяхъ: у нея есть все необходимое... У меня сегодня въ гостяхъ будетъ одно важное лицо, —продолжалъ онъ.—Не болѣе, не менѣе, какъ сама са-

повная весталка Домиція. Ты знаешь ся посѣщенія—это настоящая церемонія. Она на десять лѣтъ старше Акціи, а важности у нея разъ въ двадцать больше. Бѣдная Акція никогда не умѣла быть важной, и даже враги ея не обвиняли ее въ этомъ. Домиція же величава. Она изволила выразить милостивое желаніе—взять Флавію на свое попеченіе.

— Но не можетъ же Флавія жить въ храмѣ Весты.

— Можетъ быть, поэтому-то Домиціи и хочется имѣть на своемъ попеченіи дѣвочку. Это дастъ ей великолѣпный предлогъ переселиться въ свой собственный домъ и жить на сбереженія. Храмъ Весты, въ которомъ она пробыла около тридцати лѣтъ, вѣроятно, порядочно надоѣлъ ей.

— Ужъ не хочешь ли ты сказать, что она собирается выйти замужъ?—воскликнула Сабина, видимо, смущенная и разсерженная.

Ей, конечно, было извѣстно, что всякая весталка послѣ сорока лѣтъ могла удалиться изъ храма Весты.

— Конечно, нѣтъ. Иначе она не изъясляла бы такой готовности обзавестись уже готовой дочерью. Конечно, если бы она захотѣла, она могла бы сдѣлать это. И при томъ получила бы еще приданое на общественный счетъ. Ради одного этого она могла бы рѣшиться на это, вѣдь къ деньгамъ она относится съ большой нѣжностью.

— Если бы я была весталкой, я уже не вернулась бы въ міръ,—убѣжденно промолвила Сабина.

— А если бы я была женщиной, я бы непременно сдѣлался весталкой. Это было бы какъ разъ по мнѣ: жизнь безъ труда и денегъ въ волю. Удивляюсь, какъ это Нума не учредилъ весталокъ-мужчинъ... Домиція отлично уживется съ Флавіей. Акція всегда говорила, что онѣ очень похожи другъ на друга.

Сабина была неприятно удивлена, слыша, какъ легко онъ вспоминалъ о женѣ. Съ ея смерти прошла всего недѣля, а онъ говорилъ о ней такъ, какъ будто она умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ или даже совѣтъ и не умирала.

— Хорошо,—промолвила она.—Флавія, стало быть, у тебя взята. Если хочешь, я могу возьму съ собой Тація. Но ему уже исполнилось шесть лѣтъ, и его надо учить. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже будетъ слишкомъ великъ для меня: я не могу справиться у себя дома съ мальчикомъ девяти или десяти лѣтъ. У меня ему нельзя получить воспитанія и образованія.

— У него уже есть педагогъ, Матонъ. Онъ учитъ его гораздо больше, чѣмъ тотъ обнаруживаетъ желаніе.

— Свободный?

— Нѣтъ, изъ рабовъ. Я хотѣлъ было отпустить его на волю, но я знаю, что у него водятся деньжонки. Поэтому онъ можетъ купить себѣ свободу. Онъ человѣкъ не глухой, и Тацій любитъ его.

— Отлично, онъ также можетъ отправиться со мной и будетъ продолжать свои занятія съ Таціемъ. Ну, Фавстуль?

— А?—промолвилъ братъ, которому этотъ разговоръ уже наскучилъ и казался черезчуръ прозаическимъ.

— Я беру отъ тебя дѣтей. Что бы ты сталъ съ ними дѣлать? Но я желала бы, чтобы ты взялъ въ соображеніе...

— Вотъ ужъ никогда и ничего не могъ взять въ соображеніе!—шутливо возразилъ Фавстуль.

— Но я должна тебѣ объяснить...

— Нѣтъ, нѣтъ. Пожалуйста, не объясняй. Именно объясненій—то я никогда и не понимаю.

Сабина была разсержена и рѣшила, что во что бы то ни стало братъ долженъ ее выслушать.

— Тогда, скажу безъ всякихъ объясненій. Я беру дѣтей...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я отдаю ихъ тебѣ. Совершенно свободно. Или, лучше сказать, даю ихъ тебѣ взаймы. Въжливые люди никогда не требуютъ обратно сами того, что даютъ взаймы.

— Однако,—продолжала безжалостно сестра,—ты долженъ же понимать, что Тацій вернется обратно къ тебѣ, какъ только подрастетъ. Что же касается Фавстулы, то если она будетъ обручена съ кѣмъ-нибудь...

— Первый разъ объ этомъ слышу,—весело перебилъ ее Фавстуль:—какъ время-то летитъ.

— Если она достигнетъ брачнаго возраста, пока я еще буду жива, и будетъ обручена съ кѣмъ-нибудь, я дамъ за нея приданое, которое сама получила отъ моего отца. Если же я умру раньше, то это приданое будетъ для нея отложено. Вотъ и все. Большая часть того, чѣмъ я владѣю, перешла ко мнѣ отъ мужа, а у него остались родственники...

— Надѣюсь, не такъ ужъ непріятны? Родственники со стороны мужа обыкновенно обладаютъ этимъ свойствомъ—быть непріятными.

— Я мало выдаюсь съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ—христиане, но не все. Если они окажутся достойными людьми, то собственность, перешедшая ко мнѣ изъ ихъ рода, должна вернуться къ нимъ обратно. Теперь я сказала все, что мнѣ было нужно, и ты можешь зѣвать сколько тебѣ угодно. Тебѣ не привыкать раздражать боговъ.

— Ну, раздражать ихъ—дѣти не трудное. Непостоянство ихъ характера—извѣстно всеѣмъ.

— Фавстуль! Твое нечестіе...

— Нечестіе? Послушай, Сабина. Боги—мои хорошіе пріятели. Мое поведеніе цѣлкомъ основывается на поведеніи ихъ самихъ. Я подражаю Юпитеру почти во всемъ: не могу только грома метать. Впрочемъ, я и не покушаюсь на это: со времени пожара при Не-

ронѣ теперь такіе строгіе законы противъ поджигателей, что этого мнѣ, вѣроятно, и не позволили бы. Особенно здѣсь, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ циркомъ, гдѣ, какъ ты, вѣроятно, помнишь, и вспыхнулъ пожаръ. Можетъ быть, божественный Неронъ сдѣлалъ ошибку, уничтоживъ тутъ нѣсколько деревянныхъ домишекъ. Въ его семьѣ есть слабость—воображать себя богами...

Но Сабина уже не слушала. Всего сказаннаго было довольно, чтобы громъ упалъ на голову ея брата. Она, впрочемъ, была больше разсержена, чѣмъ испугана, и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ вышла изъ комнаты.

— Что жъ, ты хочешь донести на мое нечестіе?—весело закричалъ ей вслѣдъ Фавстуль.—Кому? Вспомни, вѣдь pontifex maximus такъ далеко теперь отсюда, да къ тому же онъ—христианинъ.

IV.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Сабина уѣхала изъ Рима. Выѣхала она въ сопровожденіи своихъ слугъ, чуть забрезжила зоря.

Къ величайшему ея изумленію, Фавстуль наканунѣ ея отъѣзда вызвался ѣхать вмѣстѣ съ нею. Съ нимъ ѣхало съ дюжину его людей, конныхъ и вооруженныхъ. Онъ оказался очень интереснымъ попутчикомъ, у котораго въ запасѣ нашлось множество всякаго рода мелкихъ свѣдѣній, благодаря чему время шло незамѣтно. Не имѣя основательныхъ познаній ни о чемъ, онъ зналъ понемногу о всемъ и умѣлъ пользоваться этими знаніями. Онъ могъ поговорить и объ исторіи, и о городскихъ сплетняхъ и новостяхъ. Больше всего онъ любилъ исторію, потому что она давала ему больше всего матеріала для разглагольствованій.

Когда они подѣхали къ Пренестинскимъ воротамъ, изъ церкви, устроенной во дворцѣ царицы Елены во имя Св. Древа Господня и освященной нѣсколько лѣтъ тому назадъ папою Сильвестромъ, выходилъ народъ. Многіе изъ толпы принадлежали, очевидно, къ римской знати, а нѣкоторые еще такъ недавно были язычниками.

Фавстуль былъ знакомъ со многими изъ нихъ и дружески здоровался съ ними, окликая ихъ по именамъ. Онъ зналъ, что для Сабины это было хуже полыни. Она откинулась вглубь своихъ носилокъ и гнѣвно хмурила брови.

— Это очень мило съ ихъ стороны, что они не забываютъ меня, — сказалъ Фавстуль сестрѣ:—они теперь въ модѣ. Все больше и больше знатныя семьи начинаютъ посѣщать церковь.

Ему было отлично извѣстно, что его сестра постоянно дрожала, какъ бы и онъ самъ, нисколько не заботившійся о богахъ, не перешелъ въ одинъ прекрасный день въ новую вѣру, которая стала вѣрой самого императора. Эти страхи доставляли ему большое удовольствіе.

О христіанствѣ онъ едва ли зналъ что-нибудь, а то, что ему было извѣстно, отталкивало его отъ этого ученія. Что касается собственно христіанской вѣры, то въ этомъ отношеніи онъ былъ столь же равнодушенъ, сколь и невѣжественъ. Но у него было инстинктивное отвращеніе къ такому кодексу морали, который, по его предчувствію, никакъ не могъ подойти къ нему.

— Они пользуются своимъ триумфомъ очень умѣренно,—продолжалъ онъ:—всего около сорока лѣтъ назадъ Діоклетіанъ жестоко преслѣдовалъ ихъ. Теперь настала ихъ очередь, но они не трогаютъ насъ. Девять лѣтъ тому божественный императоръ Констанціи,—я думаю, что онъ сталъ божественнымъ теперь, послѣ своей смерти,—приказалъ запереть всѣ наши храмы. А теперь они такъ же открыты, какъ и церкви. Папа никогда не пытался добиться этого какими-нибудь насильственными мѣрами.

— Онъ просто не смѣлъ этого сдѣлать,—гнѣвно отвѣтила Сабина.

— Ну, не знаю. Папа Юлій много смѣлъ сдѣлать... А вѣдь, недурную могилу получилъ этотъ бывшій хлѣбникъ? Мнѣ кажется, онъ былъ хорошій человекъ. По крайней мѣрѣ онъ не стыдился своего прежняго ремесла. На могильныхъ барельефахъ изображены всѣ пріемы этого дѣла за исключеніемъ, разумѣется, подмѣшиванія мѣла въ муку.

Проѣхавъ миліи полторы отъ воротъ, Фавстулъ указалъ сестрѣ могилу царицы Елены, на которую Сабина взглянула довольно кисло.

— Она совсѣмъ не была Августой,—заявила она:—она была просто-напросто дочерью содержателя таверны, и Максиміанъ заставилъ Константина развестись съ ней, когда сдѣлался цезаремъ.

Она предпочитала любоваться дворцами императоровъ и охотно вѣрила, что въ нихъ на одни только портки потребовалось болѣе двухсотъ мраморныхъ колоннъ. Но больше всего она восторгалась видами, открывавшими за ея родными холмами. Ей страшно хотѣлось попасть какъ можно скорѣе домой. Современный Римъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ немъ, надоѣлъ ей.

— Вотъ здѣсь Камилъ настигъ галловъ, обремененныхъ добычей изъ Рима,—продолжалъ Фавстулъ.

Это возбудило ея любопытство, и она не выразила никакого сомнѣнія, когда ея собесѣдникъ прибавилъ:

— Онъ оставилъ въ живыхъ только одного галла, чтобы тотъ принесъ на родину вѣсть о ихъ пораженіи.

Затѣмъ онъ показавъ рукою въ даль, становившуюся все болѣе и болѣе дикой.

— Вотъ Габія, куда наши отдаленные родственники Ромулъ и Ремъ были посланы учиться греческому языку и военному искусству.

Хотя это извѣстіе и показалось ей нѣсколько подозрительнымъ, тѣмъ не менѣе она отнеслась къ нему съ благоговѣніемъ.

— Здѣсь былъ большой храмъ Юноны,—продолжалъ Фавстулъ:— и сейчасъ еще можно видѣть остатки его. Я не очень симпатизирую Юнонѣ. Это былъ несчастный бракъ, и Хелонъ былъ совершенно не правъ, не придя на свадьбу. Если бы я былъ на мѣстѣ Юпитера, я хорошенько бы разузналъ все насчетъ Вулкана...

Сабина сдѣлала видъ, что она спитъ, и онъ оставилъ ее въ покоѣ, пока, пройдя миль семь, не дошли до одного мѣста, гдѣ мощеная камнемъ дорога такъ хорошо сохранилась, что онъ непременно потребовалъ, чтобы она выразила свое удивленіе.

Мѣстность была довольно дикая, и Сабина внимательно слѣдила, не появятся ли откуда-нибудь разбойники. Поэтому она не обратила особаго вниманія на дорогу и не замѣтила, что эта часть ея была вымощена совершенно иначе, чѣмъ остальная дорога. По обѣимъ ея сторонамъ выселись отвѣсныя скалы футовъ въ семьдесятъ, поросшія гирляндами плюща и травы. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Пренесте, дорога шла все болѣе и болѣе въ гору.

— Въ этомъ направленіи лежитъ Педумъ,—продолжалъ наставлять сестру Фавстулъ, указывая пальцемъ влѣво:—не бойся разбойниковъ, здѣсь нѣтъ никакихъ разбойниковъ, а если бы даже они и были, то не рѣшатся напасть на насъ! Посмотри, сколько слѣдуетъ за мной вооруженнаго народа. Здѣсь, между прочимъ, жилъ Альбій Тибуллъ, у котораго было тутъ хорошее имѣніе. За это-то Горацій и любилъ его, а вовсе не за то, будь увѣрена, что онъ также былъ поэтъ. Горацій всегда любилъ зажиточныхъ людей.

*Abli, nostrorum sermonum candide iudex
Quid nunc te dicam tacere in regione Pedana...*

процитировалъ Фавстулъ. Онъ, впрочемъ, никогда не цитировалъ больше двухъ строкъ.

— Теперь старинныя названія замѣнены другими,—продолжалъ онъ:—и народъ зоветъ теперь это мѣсто Галликанумъ, въ честь Овинія Галликана, который, какъ ты, вѣроятно, помнишь, былъ префектомъ Рима при императорѣ Константинѣ I.

Сабинѣ непріятно было это постоянное напоминаніе о христіанахъ, занимавшихъ высокіе посты и должности, и она перестала интересоваться мѣстомъ, гдѣ процвѣталъ этотъ другъ Горація.

Она ушла въ себя и молчала. Ея братъ счелъ за лучшее предоставить ее теченію ея мыслей. Хотя онъ и любилъ дразнить ее, но строго держался правила—не быть никому въ тягость.

Вокругъ нихъ разстилалась обширная, мирная равнина. Позднее октябрьское солнышко свѣтило ярко, но не грѣло. Съ горъ

повѣяло на нихъ холодноватымъ, горнымъ воздухомъ, который нахнулъ на нихъ, какъ бы привѣтствуя ихъ приближеніе.

Вырвавшись изъ Рима и не очень-то опечаленная смертью не долюбивавшей ее невѣстки, тѣмъ болѣе, что Фастулъ какъ будто и не чувствовалъ этой потери, Сабина приходила въ отличное настроеніе духа по мѣрѣ того, какъ они приближались ближе къ дому, гдѣ были сосредоточены всѣ ея интересы. Одно только ее беспокоило. Она знала, что у ея брата нѣтъ, въ сущности, никакой религіи, а къ религіи она питала традиціонное благоговѣніе. Всякая религія сдѣлала бы его въ ея глазахъ болѣе порядочнымъ, хотя она дрожала отъ страха при мысли, что онъ можетъ въ одинъ прекрасный день стать христіаниномъ.

Ея отвращеніе къ христіанству основывалось на ея консерватизмѣ. Римляне должны были вѣровать такъ же, какъ вѣровали ихъ дѣды и прадѣды, сдѣлавшіе Римъ величайшимъ на землѣ государствомъ. Сабина любила только свой народъ, христіанская же церковь хотѣла быть всемірной, значить, международной. Первымъ папой былъ еврей низкаго происхожденія, а потомъ его преемники были, какъ ей говорили, все иностранцы-греки, уроженцы Азіи и Африки, далматинцы. Ея несносна была мысль, что римляне знатнаго рода исповѣдуютъ религію, которая ничѣмъ не связана съ ихъ государствомъ, и даже дерзко заявляютъ, что она выше его. Главой этой церкви могутъ быть, да нерѣдко и бывали, люди даже не римскаго происхожденія, религія которыхъ даетъ одинаковыя права варварамъ, рабамъ и патриціямъ. Великія учрежденія государственной религіи должны быть родовымъ наслѣдіемъ лучшихъ семей и открыты только для тѣхъ, кто изъ этихъ лучшихъ семей происходитъ. А между тѣмъ въ христіанской церкви папой можетъ быть и сынъ раба, для этого не нужно даже быть уроженцемъ Рима.

Серьезная и строгая, Сабина не была, однако, жестокой. Она не одобряла гоненій и избиеній христіанъ, если эти преслѣдованія вызывались только ихъ вѣрой. Но они не могутъ быть мятежниками и должны сообразоваться съ законами, и если боги хороши для людей, выше ихъ стоящихъ, то они хороши, безъ сомнѣнія, и для нихъ.

Сабинѣ не приходилось переживать ни одного преслѣдованія. Гоненіе Діоклетіана кончилось какъ разъ въ то время, когда она родилась. Не обладая живымъ воображеніемъ, она не очень-то сожалѣла о тѣхъ, кому пришлось пострадать во время этого гоненія.

О папской вѣрѣ она знала, пожалуй, еще меньше, чѣмъ самъ Фавстулъ, а о самомъ папѣ не имѣла никакого понятія. Ей не разъ приходилось слышать, что папа милосердѣ къ бѣднымъ и обиженнымъ судьбою, но это не производило на нее особаго впечат-

лѣнія: паны, очевидно, были ловкими людьми и знали, чѣмъ добиться популярности въ народѣ. Къ тому же бѣдняки, съ которыми братались и за которыми ухаживали паны, представляли, очевидно, шайку недовольныхъ своимъ положеніемъ рабовъ или городскихъ бездѣльниковъ. Къ бѣднякамъ изъ окрестностей Олибанума и даже къ собственнымъ своимъ рабамъ онъ всегда была добра и щедра, но не потворствовала имъ: она знала, кто они такіе, и ихъ бѣдность была у нея передъ глазами. Нищій, котораго она сама не знала, въ ея глазахъ былъ ничто не стоящимъ существомъ, съ которымъ нечего было церемониться: отъ всякихъ побрякушекъ онъ только дѣлался бѣднѣе и хуже. Кромѣ того, съ этими нищими надо было знать и мѣру: Сабина довольно щедро раздавала отъ своихъ избытковъ, не чувствуя отъ этого для себя никакого ущерба. Богатые люди могли поступать такъ: отъ этого ихъ богатство дѣлалось для нихъ пріятнѣе и дороже. Она любила, чтобы ея рабы были тепло одѣты зимой и хорошо питались. Но папа и его хрістіане отдаютъ нищимъ все, что у нихъ есть. Нѣкоторые, какъ она слышала, продаютъ все, что у нихъ есть—помѣстья и дворцы, мебель и серебро, драгоценные камни и дорогіе ковры и всё вырученныя деньги сразу раздаютъ нищимъ. Это безуміе. Что же у нихъ останется на будущій годъ? Сабина не одобряла такой щедрой благотворительности. Ей казалось, что такая благотворительность бываетъ иногда хуже, чѣмъ закоренѣлый эгоизмъ и равнодушіе. По крайней мѣрѣ, эгоизмъ и равнодушіе не разоряли знатныя семьи и не доводили ихъ почти до нищеты. Кромѣ того, каждый большой родъ былъ обязанъ хранить и передавать потомкамъ его величіе. Чего же можно было ожидать, если теперешнія главы семей распродаютъ свои фермы, помѣстья и дворцы, доставшіеся имъ отъ предковъ, и мотають деньги, раздавая ихъ сборищамъ всякихъ лѣнтаевъ и дармоѣдовъ? Если такъ пойдетъ дальше, то знать скоро совсѣмъ исчезнетъ.

Сабина была твердо убѣждена, что всякій патрицій, ставъ хрістіаниномъ, неминуемо долженъ былъ погибнуть: папа становился его владыкой, а все, что у него было, должно попасть въ бездонныя сундуки церкви. Кромѣ того, его могутъ соблазнить сдѣлаться священникомъ, такимъ же священникомъ, какъ сынъ какого-нибудь сапожника. Въ такомъ случаѣ роду, ведущему свое начало отъ Ромула, наступалъ конецъ.

Несмотря на всю незначительность своего брата, Сабинѣ все-таки не хотѣлось, чтобы онъ сталъ духовнымъ лицомъ при такихъ условіяхъ. Почему бы ему не стать духовнымъ лицомъ въ своей старой религіи? Она желала для него только одного: побольше почета. Для человѣка знатнаго происхожденія только это и требуется. Старая религія давала хорошихъ гражданъ (въ какомъ народѣ были имъ равные?), храбрыхъ солдатъ, великихъ государ-

ственныхъ мужей. всѣхъ поэтовъ, которыми такъ восхищался Фавстулъ, словомъ, всѣхъ римлянъ. Чего же еще нужно было? Религію, которая нужна ея брату, можно было найти въ этой религіи боговъ. Религія же папы была слишкомъ добродѣтельна, слишкомъ интимна. Она вмѣшивалась въ повседневную, даже семейную жизнь человѣка, всѣ области жизни человѣка открыты для нея. Христіанскіе жрецы такъ любятъ во все вмѣшиваться. Они объясняютъ вамъ ваши обязанности, которыя вы понимаете сами и понимаете даже лучше ихъ, потому что эти жрецы выходятъ часто изъ простыхъ людей, не имѣющихъ понятія объ образѣ жизни знатныхъ людей. Они стараются захватить человѣка въ свои руки и лишить его радостей жизни, которыя даетъ ему его положеніе. Они объявляютъ все это суетой, отъ которой нужно поскорѣе освободиться, чтобы имѣть возможность какъ можно больше пожертвовать въ пользу бѣдныхъ и церкви.

Сабинѣ больше нравилось, чтобы національная религія обладала хорошими средствами безъ такихъ покушеній на чужой карманъ. Она могла принести хорошей даръ храму (люди ея положенія дѣлаютъ это всегда очень охотно), но по своему собственному побужденію и когда ей заблагоразсудится. Въ этомъ отношеніи христіане, подстрекаемые папой, выходятъ изъ всякихъ границъ. Она знала нѣкоторыхъ знатныхъ женщинъ, которыя лишали себя всякихъ драгоценностей, даже родовыхъ, и отдавали ихъ на украшеніе церкви и массами жертвовали сосуды, которые употребляются при суевѣрныхъ церемоніяхъ этихъ христіанъ. Несомнѣнно, многія языческія семьи разбросали направо и налево свои драгоценности чрезвычайно предосудительно, не считаясь съ тѣмъ, что эти вещи принадлежатъ собственно даже и не имъ. Но они были или слишкомъ молоды, или ужъ слишкомъ стары.

Хуже всего было для Сабинны то, что христіане исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ своимъ священникамъ. Это было несносно. Людямъ, которые ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, не въ чемъ исповѣдаться. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ это сдѣлать самимъ себѣ, но никакъ не жрецу. Выгребать всякую грязь изъ глубины своей души для того, чтобы выложить все это другимъ, — было, въ ея глазахъ, страшнымъ недостаткомъ самоуваженія и сдержанности. Кто же можетъ защищать это? Неделikatность этого обычая производила на нее самое непріятное впечатлѣніе.

V.

Фавстулѣ было шесть лѣтъ, когда она впервые увидѣла своего отца. До этого времени она положительно не могла припомнить, видѣлъ ли онъ ее когда-нибудь, или нѣтъ. Но онъ умѣлъ истолковать этотъ вопросъ въ свою пользу (что онъ охотно дѣлалъ и отно-

сительно другихъ) и рѣшилъ, что онъ ее видѣлъ. Напротивъ, Сабина хорошо помнила, что, вернувшись въ Римъ черезъ день послѣ того, какъ онъ столь вѣжливо възвѣлся проводить ее, онъ даже и не спросилъ ни разу о дѣвочкѣ.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Римъ онъ писалъ сестрѣ, что собирается путешествовать и уѣзжаетъ немедленно. Онъ не пріѣхалъ проститься съ нею и даже не сообщилъ, куда онъ намѣревался ѣхать. По всей вѣроятности, этого онъ и самъ не зналъ. Большой римскій домъ былъ заколоченъ, и Сабинѣ пришло на умъ, что это даже хорошо: ея братъ не любитъ путешествовать со свитою и, такимъ образомъ, проживеть меньше денегъ, чѣмъ если бы онъ оставался жить дома и вѣлъ бы тотъ же самый образъ жизни, который онъ вѣлъ со дня свадьбы. Приходило ей на умъ и то, что, благодаря передвиженію съ мѣста на мѣсто и смѣнѣ впечатлѣній, онъ скорѣе избѣжитъ опасности сдѣлаться христіаниномъ.

Фавстула набиралась силъ и здоровья въ свѣжемъ горномъ воздухѣ и незамѣтно изъ хрупкаго ребенка превратилась въ рослую сильную дѣвочку. Сабина относилась къ ней, словно родная мать: она внимательно слѣдила за ея питаніемъ, не позволяла никому лечить ее, ухаживая за нею сама, и учила ее вести себя, какъ подобало ея имени и высокому положенію.

Клодія была молчалива и покорна — два качества, которыя Сабина наиболѣе цѣнила въ рабынѣ. За ней никогда не слѣдили, и если она испортила дѣвочку, то сдѣлала это такъ, что Сабина и не подозрѣвала этого, ей не могло и на умъ прійти, что дѣвочка любитъ свою кормилицу больше, чѣмъ тетку. Клодія была рабыня, и богатая, занятая своими дѣлами Сабина мало обращала на нее вниманія: ея дѣятельный практическій умъ былъ отвлеченъ совсѣмъ другимъ.

Что касается дѣвочки, то она была почтительна и послушна, не любила ни болтать, ни шалить и, повидимому, вполне сознавала высокое положеніе своей тетки. Хотя это была еще маленькая дѣвочка, но ея манеры отличались спокойствіемъ и достоинствомъ, которыя гораздо больше нравились Сабинѣ, чѣмъ шумныя проявленія привязанности. Ея тетка никогда не изливалась передъ ней въ своихъ чувствахъ и не проявляла особой любви къ ея матери, о которой дѣвочка не много знала. Если бъ даже Сабина и замѣтила, что ея племянница болѣе привязана къ Клодіи, чѣмъ къ ней, ея теткѣ, то едва ли она стала бы ревновать ребенка къ рабынѣ, хотя, навѣрно, сочла бы такое положеніе дѣлъ ниже своего достоинства. Но тайный инстинктъ подсказывалъ ребенку, чтобы она удерживалась отъ всякихъ ласкъ своей кормилицѣ, пока онѣ не останутся однѣ.

О своемъ отцѣ Фавстула почти не имѣла никакихъ извѣстій. Ей приходилось слышать о немъ очень рѣдко, а Клодія почти никогда не упоминала о немъ.

Немного зналъ объ отцѣ и Таціи. Какъ большинство маленькихъ мальчиковъ, онъ былъ скорѣе покрасивъ и неповоротливъ, слегка заикался и отличался тяжеловѣсными манерами. Казалось, онъ совсѣмъ не наследовалъ отъ отца его изящества. Смѣялся онъ очень рѣдко. Лучше всего онъ чувствовалъ себя тогда, когда на него никто не обращалъ вниманія. Замѣтивъ это, его отецъ съ большимъ удовольствіемъ оставлялъ его не замѣченнымъ. Однако Таціи не былъ глупымъ мальчикомъ. У него было много здраваго смысла, и онъ быстро усваивалъ собѣ нѣкоторыя вещи. Онъ, напримѣръ, подмѣтилъ, что Сабина придастъ его существованію болѣе важное значеніе, чѣмъ его сестрѣ, потому что онъ былъ мальчикомъ и современемъ могъ сдѣлаться главою ихъ древняго рода. Противъ этого онъ не имѣлъ ничего и охотно учился, какъ нужно быть важнымъ. Конечно, онъ былъ много старше Фавстулы: ему было девять лѣтъ, когда ей было всего три года. Даже въ свои шесть лѣтъ Фавстула не понимала еще, что значить вести свой родъ отъ Ромула. Но Тацію было уже двѣнадцать, и онъ отлично усвоилъ это.

Таціи очень рано свыкъся съ мыслью, что на немъ лежитъ долгъ не дать ихъ древнему роду прійти въ забвеніе, что ему слѣдуетъ чѣмъ-нибудь отличиться, для чего лучше всего пойти на службу въ легионы. Нѣтъ надобности, думалъ онъ, быть слишкомъ ученымъ, чтобы стать знаменитымъ полководцемъ. Ему неоднократно приходилось слышать отъ Сабины, что въ другихъ областяхъ государственной службы ему, по всей вѣроятности, придется столкнуться съ конкуренціей со стороны христіанъ. И, какъ будущій глава рода Фавстуловъ, мальчикъ крѣпко не любилъ этихъ христіанъ.

Сабина, которая привезла его къ себѣ только на время и увѣряла, что онъ не можетъ долго оставаться у нея, какъ будто совсѣмъ забыла, что мальчику давно было пора возвращаться домой. Она любила его больше, чѣмъ Фавстуду. Такъ какъ его отецъ все еще былъ въ отсутствіи и не было никакой возможности снестись съ нимъ, такъ какъ онъ писалъ откуда-нибудь какъ разъ въ тотъ самый день, когда уѣзжалъ дѣльше, то время шло, и Таціи продолжалъ оставаться у тетки. Она не баловала его, такъ же, какъ и его сестру, но присматривала за нимъ больше, потому что у него не было няньки. Хотя она и была въ общемъ довольна Фавстудой, но не чувствовала къ ней особенной любви. Она исполняла всѣ обязанности по отношенію къ дѣвочкѣ, та платила ей тѣмъ же, а это было главное. Впрочемъ, она не питала и особенно нѣжныхъ чувствъ къ мальчику: въ ней не было нѣжности ни къ кому, и мальчику не приходилось жаловаться на этотъ недостатокъ. Онъ тоже былъ не изъ нѣжныхъ дѣтей и къ тому же чувствовалъ, что онъ любимчикъ. Отъ матери онъ наследовалъ ревность—въ ребячествѣ онъ ревновалъ Флавію къ отцу, который больше дразнилъ и игралъ съ нею,

и онъ продолжалъ бы ревновать ее и теперь, если бы для него не было ясно, что тетка не давала къ этому никакого повода. Хотя онъ и видѣлъ, что Клодія страстно любила его сестру, а къ нему относилась равнодушно, но это не волновало его несколько: Клодія была рабыня, и онъ просто не любилъ ее. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда кормилицѣ доставалось за что-нибудь отъ Сабины, это было дѣломъ навѣтовъ Тація. Фавстула знала это отлично.

По отношенію къ сестрѣ мальчикъ былъ очень милъ и привѣтливъ: онъ старался относиться къ ней точно такъ же, какъ его отецъ относился къ нему самому. Но эти попытки подражать отцу выходили у него довольно неудачно. Тамъ и сямъ онъ открывалъ въ ея рѣчи слѣды сабинскаго діалекта и передразнивалъ ея ошибки.

— Н-неужел-ли я въ сам-момъ дѣл-лѣ говорю такъ?—не обижаясь, говорила она. Когда она говорила сама, она не заикалась.

Если бъ онъ зналъ, что Фавстула гораздо красивѣе его, онъ непременно сталъ бы ей завидовать. Но онъ былъ увѣренъ, что онъ очень похожъ на отца, который считался красавцемъ, какъ ему нерѣдко приходилось слышать отъ тетки. Онъ, конечно, не понималъ, что вся прелесть его отца заключалась главнымъ образомъ, въ его живости и любезности. Его прекрасная шевелюра, красивые глаза и лицо, блиставшее своей бѣлизной, его болѣе усиливали благопріятное впечатлѣніе. У Тація же кожа была грубая и темная, глаза слегка черные, напоминавшіе глаза Акціи, и жесткіе прямые волосы, какіе бываютъ у крестьянъ. Фигура у него была тяжелая и неповоротливая.

Фавстула сначала не блистала красотой.

«Нашъ родъ всегда отличался красивой наружностью,—самодовольно говаривала Сабина, причемъ Тацій сейчасъ же вспоминалъ, что онъ принадлежитъ къ этому роду.—Но Фавстула какая-то маленькая смѣшная худышка».

Тацій хорошо запомнилъ эти разговоры, и когда Сабина перестала говорить на эту тему, онъ окончательно рѣшилъ, что его сестра не будетъ обладать красивой аристократической внѣшностью. На самомъ дѣлѣ, она очень рано стала очень миленькой дѣвочкой. Глаза у нея были немного сѣрые, какъ у отца, бронзово-каштановые волосы вились, цвѣтъ лица отличался бѣлизной, тоже какъ у отца, и вообще она была гораздо красивѣе брата. У нея не было той живости и выразительности, какъ у отца, но ея лицо поражало своей осмысленностью, и тотъ отпечатокъ высокаго происхожденія, которымъ такъ гордился Фавстулъ, былъ гораздо сильнѣе выраженъ у его дочери. Если лицо дочери было серьезнѣе, чѣмъ лицо отца, зато оно было у нея благороднѣе, и въ немъ не было ничего тяжелого, мрачнаго. Фавстулъ всегда былъ толѣко смазливъ: его дочь общала впослѣдствіи стать красавицей.

VI.

Мы уже знаемъ, что Фавстула не видала своего отца, пока ей не исполнилось шесть лѣтъ.

Когда онъ прислалъ имъ извѣстіе изъ Рима о томъ, что онъ вернулся и скоро пріѣдетъ навѣстить свою сестру, Сабина вовсе не была этому такъ рада, какъ это было бы естественно для сестры. Цѣлыхъ шесть лѣтъ она прожила, не выдавшись съ нимъ и лишь изрѣдка получая о немъ извѣстія. А послѣднее время она даже не знала, что онъ въ Италіи. Теперь Тацію придется уѣхать отъ нея, и она, конечно, получитъ возможность внимательнѣе заняться его сестрой. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, неслухъ отъ природы, развивался у нея быстро и интересовался всѣми ея дѣлами, около которыхъ она хлопотала. Фавстула же была еще слишкомъ мала и не могла замѣнить его.

Тацій былъ достаточно наблюдателенъ и скоро подмѣтилъ, что богатство и наживаніе денегъ есть дѣло несомнѣнной важности. Величіе семьи, будущимъ главой которой онъ уже привыкъ себя считать, также составляло предметъ постоянныхъ размышленій и разговоровъ. Онъ зналъ родословную своего рода не хуже самой Сабинины и относился съ одинаковымъ благоговѣніемъ какъ къ первымъ столѣтіямъ ея существованія, надъ чѣмъ такъ смѣялся Фавстулъ, такъ и къ позднѣйшимъ ея развѣтвленіямъ. Ни тетка, ни племянникъ никогда не заикались о родословныхъ другихъ семействъ, какъ будто забывая, что другіе могутъ быть еще болѣе древняго и знаменитаго рода.

Тацій не очень радовался возвращенію отца, не ожидая отъ него особой любви. Смутныя воспоминанія, сохранившіяся у Тація объ отцѣ, который вѣчно дразнилъ его, не очень-то могли подогрѣть чувства мальчика, который уже привыкъ думать прежде всего о своихъ удобствахъ. Не нужно быть очень умнымъ для того, чтобы инстинктивно оцѣнивать правильно положеніе вещей, и у Тація явилось предчувствіе, что отецъ будетъ забавляться имъ, а, можетъ быть, даже и бранить.

Мальчикъ подхалимничалъ передъ теткой, а подхалимничать удобнѣе всего, когда нѣтъ остраго, независимаго наблюдателя. Сама того не желая, Сабина дала замѣтить племяннику, что его отецъ быть не вполнѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ бы быть глава рода Фавстуловъ, и Тацій былъ увѣренъ, что ему не придется поладить съ отцомъ. А это очень тяжело находится подъ наблюденіемъ и подвергаться насмѣшкамъ людей, которые сами живутъ въ стеклянномъ домѣ.

Наладившаяся уже жизнь какъ нельзя болѣе подходила для Тація и его тетки, и предстоящая перемѣна никому не доставляла

удовольствія. Мальчикъ такъ долго жилъ у старой вдовы и духовно былъ такъ къ ней близокъ, что въ двѣнадцать лѣтъ сталъ самъ походить на старую дѣву.

Привольная, обильная жизнь въ большомъ деревенскомъ домѣ вполнѣ соответствовала наклонностямъ мальчика: онъ чувствовалъ, и инстинктъ не обманывалъ его, что нигдѣ, кромѣ этой деревни, онъ не будетъ играть видной роли, и онъ падалъ духомъ, когда тетка говорила, что пора ему уже серьезно подготовляться для поступленія въ легіоны.

— Давно ты уже не видалъ своего отца!—замѣчала она.

— Шесть лѣтъ!—подтверждалъ Тацій, какъ бы желая сказать, что столь продолжительное отсутствіе не дѣлаетъ чести его отцу. Мальчикъ очень хорошо умѣлъ разсуждать о томъ, какъ должны поступать другіе.

— Да, шесть лѣтъ. Я думала, что онъ оставитъ тебя здѣсь на годъ, на два. Я говорила тогда ему, что скоро тебѣ понадобится лучшее образованіе, чѣмъ то, которое ты можешь получишь здѣсь.

— Ты больше заботилась о моемъ воспитаніи, чѣмъ онъ.

— Я всегда о всемъ забочусь. Такъ какъ онъ уѣхалъ, то заботиться было некому, кромѣ меня. Можно сказать, что ты у меня знаешь не меньше, чѣмъ другіе мальчики твоего возраста.

Тацій бросилъ взглядъ, свидѣтельствовавшій, что онъ и самъ это знаетъ. Впрочемъ, зная очень мало дѣтей своего положенія, онъ былъ не виноватъ въ томъ, что впадалъ въ данномъ случаѣ въ ошибку. А, можетъ быть, онъ даже и не ошибался. Матонъ былъ человѣкъ умный; кромѣ того, у него были и другіе учителя. Конечно, если бъ Тацій провелъ эти годы, которые онъ съ такимъ удовольствіемъ прожилъ у тетки, въ Римѣ, среди мальчиковъ-язычниковъ, онъ зналъ бы множество вещей, незнаніе которыхъ не составляетъ никакой потери. Но даже и теперь онъ былъ вовсе не такъ простъ и наивенъ, какъ предполагала Сабина. Среди рабовъ большого патриціанскаго дома было немало мальчиковъ того же возраста или немного старше его, и за неимѣніемъ другихъ товарищей онъ иногда приходилъ въ общеніе и съ ними. Съ нимъ это, впрочемъ, случалось гораздо рѣже, чѣмъ съ другими: слишкомъ онъ былъ исполненъ гордости и не любилъ никакихъ игръ.

Когда пріѣхалъ Фавстуль, сестра нашла, что онъ нисколько не постарѣлъ. Когда его не было, ей казалось, что они страшно давно не видались. Теперь, когда онъ пріѣхалъ, ей представлялось, какъ будто они разстались очень недавно.

— Ты нисколько не перемѣнился,—увѣряла Сабина брата.

— Да и ты тоже,—отвѣчалъ онъ. —На видъ ей, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ.—мысленно добавлялъ онъ.

— О, когда зрѣлый возрастъ приходитъ рано, то человѣкъ

потомъ долго не мѣняется. Зрѣлый возрастъ наступилъ для меня, какъ только я овдовѣла.

— Ты все еще вдова...

— Конечно. Никогда и не думала мѣнять своего положенія.

— Въ такомъ случаѣ, ты хорошо сдѣлала, что укрылась сюда, въ эти горы. Красивой вдовѣ съ хорошими средствами трудно жить въ Римѣ.

Сабина не оспаривала предположеніе, будто бы только ея удивленіе спасало ее отъ горячихъ поклонниковъ. На самомъ дѣлѣ ей было уже сорокъ три года, и она какъ-то никогда не была молода. Она благосклонно улыбнулась брату и съ своей стороны выразила радость, что и онъ также остался вдовцомъ. Фавстуль въ отвѣтъ только засмѣялся, но не такъ, какъ всегда, и это сейчасъ же настроило Сабину подозрительно.

— Ты возьмешь Флавію теперь къ себѣ?—спросила она.

— Не теперь. Наша бывшая весталка Домиція не вышла замужъ, и Флавія теперь больше годится для ея общества, чѣмъ прежде. Ты съ ней, конечно, видалась?

— Не очень часто. Домиція не любитъ нашего здѣшняго образа жизни и разъ или два привозила Флавію повидаться съ братомъ и сестрою. Ты увидишь, какъ выросъ и развился Тацій.

— Онъ былъ глупый малый и нехорошаго характера,—холодно отвѣчала Фавстуль.

— Ну, теперь онъ не глупъ. Онъ умный мальчикъ. Можетъ быть, ты принималъ за глупость его несообщительность.

— Очень можетъ быть.

— И характеръ у него вовсе не дурной,—продолжала Сабина.— Я не позволяю у себя капризничать. Но съ Таціемъ ничего подобнаго не случилось. Ты сейчасъ увидишь его.

Фавстуль не видѣлъ никакой необходимости сгѣшить съ этимъ свиданіемъ, находя, что если онъ могъ не видаться съ сыномъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, то можно было подождать съ этимъ еще часъ-другой. Но Сабинѣ нужно было сдѣлать кое-какія распоряженія. Она поднялась и вышла изъ комнаты.

Едва она успѣла скрыться въ одну дверь, какъ изъ другой появился Тацій. Онъ сталъ передъ отцомъ и смотрѣлъ на него молча, ожидая, пока тотъ заговоритъ съ нимъ.

Фавстуль былъ, видимо, удивленъ, увидя передъ собой мальчика.

— Итакъ, ты и есть Тацій,—сказалъ онъ, подходя къ нему.

Его движенія попрежнему были свободны и изящны, и это обстоятельство въ представленіи сына сейчасъ же соединилось какой-то связью съ недостатками его характера.

Тацій, съ своей стороны, двинулся къ отцу навстрѣчу и довольно неуклюже привѣтствовалъ его. Отецъ назвалъ его просто Таціемъ, но мальчикъ вспомнилъ, что его полное имя Титъ Тацій Фавстуль.

«Попрежнему толстъ и неуклюжь,—подумаль про себя отецъ.— Онъ ходить, поднявъ плечи, какъ ходять носильщики».

— Припоминаешь меня?—спросиль онъ.

— Теперь, да.

Фавстуль засмѣялся.

— Ты не находишь, что я выросъ?—продолжалъ отецъ.

Сынъ счелъ этотъ вопросъ глупостью, и хотя засмѣялся вмѣстѣ съ отцомъ, но тотъ отлично понялъ это.

— Ты правъ,—весело замѣтилъ онъ.—Я не обладаю такой мудростью, какъ Сабина. Лучше подражай ей. Это будетъ тебѣ полезнѣе, чѣмъ оставаться такимъ легкомысленнымъ, какъ я.

Для Тація было совершенно ясно, что его отецъ не очень уменъ. Онъ считалъ, что не такъ подобало бы знатному римлянину бесѣдовать съ своимъ сыномъ. Онъ сталъ было смотрѣть на него, но вдругъ вспомнилъ, что это дѣлають только люди плохо воспитанные, и перенесъ свой взглядъ на стѣнное изображеніе бога Меркурія, удивляясь тому, какъ онъ могъ летѣть такъ прямо на одномъ крыльшкѣ у его ноги.

— Онъ никогда не летаеть прямо, а всегда по чрезвычайно извилистому пути,—замѣтилъ Фавстуль, чрезвычайно довольный тѣмъ, что сынъ былъ пораженъ тѣмъ, что онъ могъ такъ легко угадать его мысли.

— Да, я всегда могу въ точности знать, что ты думаешь. Вотъ еще разница между мною и Сабинной,—кратко замѣтилъ отецъ.

Тацій вдругъ покраснѣлъ. Если бы его отецъ прямо обвинилъ бы его въ томъ, что онъ подхалимничаетъ передъ теткой и что это ясно, какъ Божій день, то и тогда бы у него не было такого виноватаго вида. Фавстуль находилъ, что мальчикъ очень забавень.

— Твоя тетка говорила мнѣ, что ты далеко пошелъ впередъ,—продолжалъ онъ съ легкой усмѣшкой.—И она права. Ты сталъ еще болѣе забавнымъ.

Тацій понималъ, что эти слова—далеко не комплиментъ. Онъ былъ не изъ трусливаго десятка и сердито отвѣчалъ:

— Я такъ и думаль, что ты будешь смѣяться надо мной.

Это замѣчаніе нисколько не подѣйствовало на отца.

— Не очень-то ты радъ, что я вернулся,—сказаль онъ, наблюдая за тѣмъ, какъ подъ смуглой кожей сына то и дѣло вспыхиваль густой румянецъ.

Тацій молчалъ.

— Да для тебя и нѣтъ никакой причины радоваться этому.

— С-с-сабина...—началь было мальчикъ, но губы у него сохлнсь, и слова не хотѣли сходить съ языка.

— Ну? С-с-сабина?

— Оца не смѣется надъ дѣтьми.

— А я и не зналъ, что ты еще дитя. Кстатн, гдѣ Фавстула?

— Вѣроятно, съ Клодіей. Позвать ее сюда?

— Да, пожалуйста.

Мальчикъ не безъ удовольствія бросился бѣжать. Выйдя изъ комнаты, онъ сдѣлалъ злое лицо и сильно покачалъ своей круглой головой. Его охватила рѣшимость отплатить отцу ненавистью.

Что касается Фавстула, то у него не было ни малѣйшаго намѣренія относиться къ сыну съ ненавистью: онъ вообще не долюбивалъ людей, но немного было такихъ, которыхъ онъ терпѣть не могъ. Оставшись одинъ, онъ думалъ о томъ, вернется ли мальчикъ обратно съ сестрой, или же пришлетъ ее одну съ Клодіей.

Клодія не пришла сама, а прислала свою питомицу съ Таціемъ. Почти одновременно вошла и Сабина.

— Я старательно ухаживала за ней,—сказала она.—Фавстула была хрупкой, болѣзненной дѣвочкой. Сначала я даже сомнѣвалась, удастся ли намъ выходить ее. А теперь, какъ видишь, она блещетъ здоровьемъ.

Фавстулу сразу бросилось въ глаза, что она блещетъ не однимъ здоровьемъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ, что его дочь гораздо красивѣе, чѣмъ была Акція и чѣмъ когда-то былъ онъ самъ. Она была довольно высока для своего возраста, стройна, но не худа и не костиста, какъ ея тетка, съ которой, впрочемъ, она не имѣла ни малѣйшаго сходства. Она не лишена была природной граціи въ своихъ движеніяхъ, а ея красивые глаза смотрѣли серьезно и смѣло.

— Молодецъ, Фавстула,—замѣтилъ отецъ, взявъ ее за маленькія ручки и улыбаясь.

Похвала была не большая, но Тацій сразу преисполнился ревности. Отецъ улыбался и глядя на него, но тутъ была большая разница.

Полныя губы дѣвочки распустились въ отвѣтную улыбку. Она потянулась къ отцу, чтобы онъ ее поцѣловалъ, и это былъ самый нѣжный, самый чистый поцѣлуй, который когда-либо выпадалъ на долю Фавстула. Онъ сѣлъ и посадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни. Она оглядывалась, какъ бы отыскивая глазами брата, но мальчикъ уже убѣжалъ прямо къ теткѣ. Отецъ даже не замѣтилъ его отсутствія.

Теперь Тацію стало ясно, что его сестра красива, а его отецъ считаетъ непривлекательнымъ и безобразнымъ. До этого времени онъ относился къ Фавстулу равнодушно: вѣдь это была дѣвочка, и онъ старался ее не замѣчать.

Фавстулъ обожалъ красоту: въ природѣ ли, или въ искусствѣ онъ всегда умѣлъ подмѣтить ее, и красота его дочери такъ же не укрывалась отъ него, какъ не укрывалась бы красота цвѣтка.

«Ну, красотѣ и граціи ты не училась у Сабинны,—подумалъ онъ про себя.—А вотъ Тацій—тотъ всему учился у тетки».

— Знаешь, Акція непременно стала бы завидовать ея красотѣ,—сказалъ онъ черезъ голову ребенка смущенной Сабинѣ.— Акція всегда старалась держать около себя такія розки, чтобы я не очень-то засматривался на нихъ!

— Фавстулъ!—съ упрекомъ воскликнула вдова.

Тацій почувствовать, что его мать, которую онъ уже успѣлъ забыть, заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія. И онъ горячо принялъ ея сторону.

VII.

Фавстуду не удалось уѣхать въ Римъ на другой день. Онъ поѣхалъ черезъ два дня. Сабина не очень-то огорчилась его отъѣздомъ, хотя находила, что онъ могъ бы пробыть у нея еще нѣсколько дней.

Объяснялся этотъ скорый отъѣздъ тѣмъ, что имъ обоимъ было не по себѣ вмѣстѣ. Она слишкомъ надоѣдала ему. Если бы она оставила его въ покоѣ, то, можетъ быть, онъ прожилъ бы еще нѣсколько дней спокойной деревенской жизнью. Но послѣ такой долгой разлуки Сабина считала необходимымъ принять брата, какъ важнаго гостя, и посвящала ему все свое время. Она принесла ему въ жертву всѣ свои обычныя занятія и постоянно сидѣла съ нимъ, ничего не дѣлая. Она не отличалась умѣньемъ вести разговоръ, а Фавстуду было не интересно слушать постоянно о томъ, какъ процвѣтаютъ ея дѣла. Сабина чувствовала, что въ лицѣ Тація она встрѣтила бы болѣе внимательнаго слушателя. Съ другой стороны и се мало занимали разговоры о его путешествіи.

Чтобы доставить брату общество, она повезла его въ гости къ однимъ сосѣдямъ, которые незадолго до того поселились здѣсь, въ своемъ сабинскомъ помѣстьѣ.

— Они христіане,—какъ бы извиняясь, объясняла Сабина:— но очень хорошаго рода. Съ ними нечего много церемониться, но было бы неловко обойтись съ ними неучтиво.

— Кто они такіе?

— Это вдова Меланія! Она была замужемъ за Ациліемъ Глабріемъ. Ациліи перешли въ христіанство еще со временъ Домиціана. Они, несомнѣнно, принадлежатъ къ одному изъ лучшихъ родовъ. Не помню, отъ кого происходитъ Меланія. Она вышла замужъ много спустя послѣ моей свадьбы, когда меня уже не было въ Римѣ. Ацилій Глабрій умеръ меньше года тому назадъ, и тогда Меланія переселилась сюда въ свое большое помѣстье. У нея есть дѣти, но еще очень маленькія.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

АЛЕКСІЙ, іеромон. Юродство и столпничество. Религіозно-психологич. изслѣдованіе. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

КУЗНЕЦОВЪ, П. Свято-Троицкая обитель преподобнаго Павла Обнорскаго. Спб. 1913. Ц. 10 к.

ПРОТАСОВЪ, Н. Св. апостоль Павель на судѣ у Феста и Агриппы. М. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

СОКОЛОВЪ, И. Св. Григорій Палама, архіепископъ вессалоникскій, его труды и ученіе объ Исихіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СОЛОВЕЙЧИКЪ, М. Основныя проблемы библейской науки. Спб. 1913. Ц. 80 к.

СТУКОВЪ, Ѳ. Ученіе русскаго такъ называемаго духовнаго сектантства. Историко-критич. очеркъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ХЕЙНЪ, А. Иудаизмъ и кровь. Спб. 1913. Ц. 60 к.

Философія, психологія, логика.

БЕЗАНТЬ, А. Въ преддверіи храма. 2-е испр. изд. Спб. 1913. Ц. 80 к.

БОЛДМИНЪ, Д. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. Изслѣдованіе по соціальной психологіи. Ки. 1-я. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДИДРО, Д. Избранія философскія произведенія. Спб. Ц. 2 р.

МЕГРОНЪ, Л. Романтизмъ и нравы. М. 1914. Ц. 3 р.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Сборникъ № 12. Къ исторіи теоріи познанія. I. Спб. 1914. Ц. 80 к.

СОЛОВЬЕВЪ, В. Собраніе сочиненій. Съ тремя портретами и автографомъ. Изд. 2-е. Т. IX. Спб. 1913. Ц. 2 р.

СТРАННИКЪ, Ѳ. Женскія письма. Любовь и дружба въ письмахъ женщинъ. М. 1913. Ц. 40 к.

УРАНУСЪ, Убийство Ющинскаго и кабала. Спб. 1913. Ц. 30 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БРАНДЕСЪ, Г. Собраніе сочиненій. Т. XIX. Россія. Наблюденія и размышленія. Литературныя впечатлѣнія. Спб. Ц. 75 к.

ЖИРМУНСКІЙ, В. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

«Истор. вѣстн.», январь 1914 г., т. СХХХV.

1/225

МОДЕСТОВЪ, А. О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. Вып. первый. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и пр. Ц. 60 к. Тоже, вып. второй. Ц. 70 к.

НИКСАНОВЪ, Н. Три эпохи. Екатери-

нская, Александровская, Николаевская. Темы. Библиографія. Вопросы. Спб. 1913. Ц. 60 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди книгъ. Т. II. М. 1913. Ц. 4 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВРАМОВЪ, Е. Море и берегъ. Стихотворенія и рассказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Дочь Викторіи Павловны. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. XX. Померкнувшій далъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

БАЛЪМОНТЪ, К. Звеня. Избран. рассказы 1890—1912 гг. М. 1913. Ц. 50 к.

БОРЕЛЬ, Г. Непротравленіе. Новелла. Спб. 1913. Ц. 50 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Бѣлая почта. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БРЮСОВЪ, В. Собраніе сочиненій. Т. XII и XIII. Спб. 1913. Ц. по 1 р. 75 к.

БУДИЩЕВЪ, А. Бѣдный паякъ и др. рассказы. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛЫСКИЙ, С. Куда воронъ востей не заносилъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛЯЕВЪ, Ю. Городокъ въ табакеркѣ. Рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ВЕРВИНЪ, А. На современныя темы. Рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ВИНИЧЕНКО, В. На вѣсахъ жизни. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

ГОРОДЕЦКИЙ, С. Старый гнѣзда. Повѣсти и рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГРА, Ф. Бѣлый терроръ. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ДОЮ, А. Сафо. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р.

ДОСТОЕВСКАЯ, Л. Адвокатка. Современныя типы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЖДАНОВЪ, Л. Бѣлые дни Сибири. Романъ. Книга 2-я. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЖУРАВЛЕВЪ, Б., Ницца царца. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ЗАБЪЖИНСКИЙ, Г. На алтарь. Драма. М. 1913. Ц. 1 р.

ЗЕМЛЯ, сборникъ 13-й. М. Арцыбашевъ. Ревность. Ц. 1 р. 50 к.

КАРПОВЪ, Е. Онъ (Хамелеонъ). Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

КАРПОВЪ, П. Пламень. Изъ жизни и вѣры хлѣбборобовъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 30 к.

КАРАМЗИНА, Е. Дарьяны жилища. Рассказы изъ студенческой жизни конца 90-хъ годовъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КОНОПНИЦКАЯ, М. Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Собраніе сочиненій. Т. IV. Папъ Бальдере изъ Бразиліи. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КОРЕЦКАЯ, З. Печень его превосходи-

тельства. Юмористич. рассказы. Т. II. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Дѣвственность. Записки страннаго челоука. Романъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КУПРИНЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 10-й. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАШКОВА-ВЕРВИНСКАЯ, Н. Оргіасты. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ЛЕНСКИЙ, В. Подъ гнѣздомъ аиста. Романъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕСНЕВСКАЯ, А. По неперотронутой дорогѣ. Рассказъ. Ц. 30 к.

МАЗУРКЕВИЧЪ, В. Старые боги. Третья книга стиховъ. Ц. 1 р.

МЕРДЕРЪ, Е. Смерти—нѣтъ, смерть—целлюза, мирражъ. Ялта. 1913. Ц. 40 к.

МЕРИМЕ, П. Избранные рассказы. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

МОЛОТОВЪ, И. Хулиганы. Рассказъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

МОРО, А. Во времена фараоновъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Хорошая компанія. Ц. 1 р. 50 к.

ПАНЧУЖИДЗЕВА, Н. Наталія Павловна. Повѣсть. X. 1913. Ц. 50 к.

ПОПОВЪ-ПЕРМСКИЙ, И. Свѣтлыя души. Рассказы. Т. 1-й. Ялта. 1913. Ц. 1 р.

РОССИЙСКИЙ, М. Стихотворенія. М. 1913. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. Собраніе драматическихъ сочиненій. Т. 1-й. Ц. 2 р. 2-й. Ц. 2 р. 3-й. Ц. 3 р.

САХАРОВЪ, М. Съ сербами въ Скутари. (Впечатлѣнія). Спб. 1913. Ц. 80 к.

СИРИНЪ, Сборникъ I. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

СЛОВО. Сборникъ I. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОГУБЪ, О. Собраніе сочиненій. Т. XIV. Неуголимое. Рассказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к., т. XV и XVI. Стане яда.

Романъ. Кн. 1 и 2. Ц. по 1 р. 75 к.

УХТОМСКИЙ, Э., кн. Изъ прошлаго. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.

ШЕНЕЛЕВЪ, И. Настроенія. Стихи. Ц. 50 к.

ШЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ. Романы. Т. IV. Кровавая шутка. Ч. 2-я. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

«ЭНЕРГИЯ». Сборникъ 1-й, подъ редакціей А. Амфитеатрова. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ФЕДОРОВЪ, А. Его глаза. Романъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

БОЧКАРЕВЪ, В. Московское государство XV—XVII вв. по сказаніямъ современниковъ. Спб. 1914. Ц. 90 к.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. Генераль-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами. Спб. 1913. Цѣна 25 руб.

— Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ ЛЕБЦЕЛЬТЕРНА за 1816—1826 годы. Спб. 1913. Ц. 10 р.

ГАСТФРЕЙНДЪ, Н. Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицее. Матеріалы для словаря лицействова. Т. 3-й. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ГЕОРГИЕВСКИЙ, В. Владиміръ, Суздаль, Переславль-Залѣсскій. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ГЕССЕНЪ, Ю. Исторія евреевъ въ Россіи. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ДЕМКОВЪ, М. Исторія русской педа-

гоин. Ч. 1-я. Дрешне-русская педагогин. М. 1913. Ц. 2 р.

ЕГОРОВЪ, А. Страницы изъ прожитого. Воспоминанія семейная, личная, служебная, обществ. и пр. Одесса. 1913. Ц. за два тома 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ новаго времени. (1500—1910). Т. I. Вып. 4—5. Спб. 1913. Ц. 1 р. 70 к.

КЕПЕНЪ, В. Угличское сѣвдственное дѣло смерти царевича Дмитрія 15-го мая 1591 года. М. 1913. Ц. съ альбомомъ 12 р., на лучшей бумагѣ 15 р.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ по древней исторіи. Ч. 2-я. Римъ. Сборникъ статей. Подъ редакціей А. Васютинскаго. М. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

КОРЕШИНЪ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Т. III. Джованни Боккаччо. Спб. 1914. Ц. 90 к.

МАКСИМОВИЧЪ, Г. Дѣятельность Румицова-Задунайскаго по управленію Малороссіей. Т. I. Нѣжинъ. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

МЕЛИХОВЪ, В. Изъ исторіи иудейскоримскихъ гоненій на христіанъ. Х. 1913. Ц. 20 к.

МУРОМЦЕВЪ, Сергѣй Андреевичъ.

Председатель первой государственной думы. Биографія. М. 1913. Ц. 10 к.

НАШЕ ПРОШЛОЕ. Рассказы изъ русской исторіи. Ч. 1-я. До Петра Великаго. Подъ редакціей Е. Вишницова. М. 1913. Ц. 1 р. 40 к.

НУМИЗМАТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ къ собранію рѣдкихъ монетъ. Изд. 5-е. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ПИРЦИНЪ, О. Не умеръ ли катошкѣ Александръ I? Историческая загадка. М. 1914. Ц. 60 к.

ПОЛОНСКАЯ, Н. Историко-культурный атласъ по русской исторіи, съ обязательнымъ текстомъ. Вып. II. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

РОЗАНОВЪ, Н. Московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812 гг.). Спб. 1913. Ц. 40 к.

СОЛОГУБЪ, Э. Костромская выставка въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Ц. 8 р.

СТОЛЯНСКИИ, П. Старый Петербургъ и его историческій планъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

УСНЕНСКИИ, О. Исторія Византийской имперіи. Т. I. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 22 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЕКСАНДРОВСКИИ, Ю. Уставъ кредитный. Вып. I и II. 1913. Ц. за 4 тома въ перепл. 24 р.

БЛЮМЪ, Г. и ЗАКЪ, Л. Кооперация среди евреевъ (по даннымъ 1911 и 1912 гг.). Статистико-экономическіе очерки и изслѣдованія. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

БОДУЭНЪ-ДЕ-КУРТЕНЭ, Н. Национальный и территориальный признаки въ автономіи. Спб. 1913. Ц. 40 к.

БРЮНЕЛЛИ, П. Повременные при защиты правъ. Справочная книга для веденія судебныхъ дѣлъ. Спб. Ц. 2 р. 85 к.

БУКУНОВСКИИ, А. Практическое руководство для волостныхъ и сельскихъ правленій, съ формами дѣлопроизводства, узакон. и разъясн. Прав. Сената. Х. 1914. Ц. 2 р.

БЪЛШКОВЪ, Б. Охрана дѣтскаго труда въ Германіи. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ВАНДАМЪ, А. Будущая война на морѣ и на сушѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВАСИЛЬЕВЪ, А. Положеніе о введеніи въ дѣйствие закона 12-го іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ГОЙХВАРГЪ, А. Торговая комиссія. Практическій комментарий къ закону о договорѣ торговой комиссіи. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ГРОМОВЪ, И. Кабинеты научно-судебной экспертизы въ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, по закону 4-го іюля 1913 г. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ГУТЦАЙТЪ, Д. Законы о частной фабрично-заводской промышленности. М. 1913. Ц. въ перепл. 5 р.

ДОВОЛЮЛЬСКИИ, А. и БЕРЪ, Н. Практика Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ. Т. II. Изд. 3-е, исправл. дополн. Спб. 1914. Ц. 5 р.

ЕЛАЧИЧЪ, Е. О глухости и борьбѣ съ нею. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ИЛЬМИНСКИИ, Н. О системѣ просвѣщенія иподрощевъ и о Казанской центральной крещено-татарской школѣ. Казань. 1913. Ц. 2 р.

КАТКОВЪ, В. Реформированная общимиъ языковѣдніемъ логика и юриспру-

денція. Т. I. Цивилистика. Одесса. 1913. Ц. 4 р.

ЛИЩЕНКО, П. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Ч. 1-я. Спб. 1913. Ц. 4 р. 25 к.

МИРЛЕСЪ, А. Купля-продажа вообще и съ разсрочкою платежа въ особенности. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.

НОВЫИ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКЪ. Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и малъгузіанство. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ОЗЕРЕЦКОВСКИИ, Н. и ШЫПЦИНЪ, П. Алфавитно-предметный указатель къ Своду Законовъ Россійской имперіи Дюбровольскаго.

НЕСТРЯКОВЪ, В. Законъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ узаконеній, дѣйствующихъ въ отношеніи православныхъ семинарій и училищъ. Кіевъ. 1913. Ц. 20 к.

ПИЧЕТА, В. Юрій Крижаничъ, экономическіе и политическіе его взгляды. Спб. 1914. Ц. 90 к.

РУДАНОВСКИИ, А. Принципы общественаго счетовѣднія. М. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

РЪШЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА по желѣзнодорожнымъ дѣламъ съ 1905 по 1911 гг. Воронежъ. 1912. Ц. 3 р.

СВЯТЛОВСКИИ, В. Очерки по исторіи экономическихъ воззрѣній на Западѣ и въ Россіи. Ч. 1-я. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

СЕРЕБРЕННИКОВЪ, Н. Законы о православномъ духовенствѣ и учрежденіяхъ духовныхъ, съ разъясненіемъ. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

СИРОТИНИНЪ, А. Россія и славяне. Спб. 1913. Ц. 2 р. 95 к.

СОЛОВЬЕВЪ, М. Залогъ и закладъ. О. 1914. Ц. 2 р.

— Залогъ недвижимыхъ имуществъ въ банкахъ. О. 1913. Ц. 2 р.

СОРОКИНЪ, П. Преступленіе и кара, подвигъ и награда. Социологическій этюдъ. Спб. 1914. Ц. 2 р. 75 к.

СПУРЕЛЬ, Х. Патріотизмъ съ биологической точки зрѣнія. М. 1913. Ц. 80 к.

ШЕНИНГЪ, В. Уставъ о вексельхъ. Сиб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
 ШТЕЙНФЕЛЬДЪ, Н. Мы и японцы въ Манчжуріи. Харбинъ. 1913. Ц. 1 р.
 ЩЕГЛОВИТОВЪ, С. Судебные уставы императора Александра II для мировыхъ

судебныхъ установлений. Учрежденіе судебныхъ установлений. Уставъ гражданскаго судопроизводства и уставъ уголовнаго судопроизводства. Первое изданіе. Сиб. 1914. Ц. 6 р.

Искусство.

ЕВРЕЙНОВЪ, Н. Къ постановкѣ «Хильперика». Рефератъ. Сиб. 1913. Ц. 30 к.
 «ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ». Вып. 5-й. 1913. Ц. 1 р.
 МОСКОВСКІИ АРХИТЕКТУРНЫИ МІРЪ. Ежегодникъ современнаго зодчества и декоративнаго искусства. Вып. 2-й. М. 1913. Ц. 5 р.

РЕЙНАКЪ, С. Исторія пластическихъ искусствъ. (Аполлонъ). Сиб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛЕТЧЕРЪ, Б., проф. Исторія архитектуры. Вып. 1-й. Древняя архитектура. Изд. 2-е. Сиб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

АРЖАНОВЪ, С. Изъ жизни растений. II. Въ лиственномъ лѣсу. Популярно-биологическіе очерки. Съ 67 рисункъ. Сиб. 1913. Ц. 60 к.

ГЕЙНРИХСЪ, Г., и КОГАНЪ, А. Систематическій задачникъ по аналитической геометріи на плоскости. Сиб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГРУЗИНЦЕВЪ, А. Термодинамическая теорія химическихъ реакцій. X. 1913. Ц. 1 р.

ЛАХМАНЪ, I. Террариумы и терра-авариумы и ихъ обитатели. Съ 29 рис. Сиб. 1914. Ц. 20 к.

ЛЪХЕ, В. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. М. 1913. Ц. 2 р. 60 к.

МАРКОВЪ, А. Исчисленіе вѣроятностей. Сиб. 1913. Ц. 3 р.

НОВЫЯ ИДЕИ въ астрономіи, № 3. Космогоническія гипотезы. II. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ биологіи. Сборникъ № 3. Смерть и безсмертіе. I. Сиб. 1914. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ математикѣ, № 5. Принципы относительности въ математикѣ. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ физикѣ, № 3. Принципъ относительности. Ц. 80 к.

РОСТОВЦЕВЪ, С. Морфологія и систематика печеночниковъ и мховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СВИТСКІИ, Д. Евангеліе Ниводима при свѣтѣ звѣздъ. Историко-астрономическій комментарий. Сиб. 1914. Ц. 20 к.

ТУТЫШКИНЪ, П. Взаимное замѣстительство нервной системы и внутренней секретіи въ свѣтѣ менделѣевскихъ принциповъ биологической эволюціи. Казань. 1913. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ГАРТЕВЕЛЬДЪ, В. Среди сыпучихъ песковъ и отрубленныхъ головъ. Путевые очерки Туркестана. М. 1913. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

ГВИЛЬСДОРФЪ, Г. Скотоводство. Краткое изложеніе приемовъ разведенія сельскохозяйственныхъ животныхъ. Сиб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ВОЛЬФЪ, Э. Альпійскій садъ. съ 23 рисункъ. Ц. 30 к.

ДОЛГИХЪ, I. Записки по элементарному курсу общественной агрономіи. Рига. 1913. Ц. 3 р. 75 к.

ЗЕЛЕНКОВА, О. «Вегетарианка». «И никого не ѣмъ» 365 вегетарианскихъ меню и 1,500 рецептовъ. Д. въ пер. 2 р.

КАЛУГИНЪ, И. Основы кормленія сельскохозяйственныхъ млекопитающихъ. Ц. 1 р. 75 к.

МАСИНЪ, В. Первая помощь больнымъ лошадямъ и крупному рогатому скоту. Сиб. 1913. Ц. 50 к.

ОРЛОВА, О. Увеличеніе доходности крестьянской курицы. Отборъ. Ц. 10 к.

ПОЛЕВИЦКІИ, Н. Консервированіе фруктовъ и овощей посредствомъ стерилизаціи въ герметически закупориваемыхъ банкахъ и флаконахъ. Сиб. 1913. Ц. 1 р.

РУМЯНЦЕВЪ, А. Приготовленіе макароновъ, вермишелей и лапши домашнимъ способомъ. Съ 8 рис. Сиб. 1914. Ц. 30 к.

ФЕРЛЕ, Ф. Льноводство. Рига. 1914. Ц. 1 р.

ШРЕЙНЕРЪ, Я. Грушевая и яблонная медяница (листооблошки) и борьба съ ними 3-е изд. Съ 7 рис. Сиб. 1913. Ц. 25 к.

ЯСЕНЕЦКІИ, Б. Сельско-хозяйственное счетоводство. Сиб. 1913. Ц. 45 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

КВѢЦЕНЪ, Ф. Горнозаводское счетоводство. Руководство для техникумовъ. Домброва. 1913. Ц. 2 р. 20 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, В. Практическія работы по электротехникѣ. Руководство по прикладной электротехникѣ для учащихся, руководящихъ практическими работами, инженеровъ, электромонтеровъ и пріемщиковъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

АЛЬБИЦКІЙ, В. Чистка трубопроводовъ всякаго назначенія вообще и водопроводной сѣти по преимуществу, служащая для нея орудія и приблизительная ея стоимость. Х. 1913. Ц. 30 к.

БАХМЕТЕВЪ, Б. проф. Гидравлика. Ч. I. Спб. 1913. Ц. 1 р. 40 к. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.

БЕРЛОВЪ, М., проф. Детали машинъ. Сокращенное руководство по расчету и проектированию деталей машинъ. Ч. I. Спб. 1913. Ц. съ атласомъ 5 р.

БОДРИ де-СОНЬЕ, Л. Подробный курсъ устройства автомобиля. Т. II. Основы автомобиля. Спб. 1914. Ц. 5 р. Вып. 7-й. Ц. 1 р. 50 к.

ЕГОРОВЪ, И., проф. Технической анализъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Киевъ. 1914. Ц. 1 р. 80 к.

ЗЕЛИКОВЪ, О. Какъ самому построить безпроводный телеграфъ. Практическое руководство для любителей электротехники. Съ 50 рис. Спб. 1914. Ц. 40 к.

ЗУБРИЛОВЪ, Н. Координаты. Руководство къ нанесенію плановъ и вычисленію площадей. Спб. 1914. Ц. 70 к.

ИВАНОВЪ, А. Варка мыла и устройство мыловареннаго завода. Съ 33 рис. Ц. 50 к.

КАЛОСОВЪ, И. Выдѣлка и обработка кончаныхъ шкуръ кустарнымъ способомъ. Съ 40 рис. Спб. 1914. Ц. 30 к.

КАШКАРОВЪ, Н., проф. Сравнительная характеристика современныхъ способовъ очистки питьевой воды. Томскъ. 1913. Ц. 60 к.

КРЖИШТАЛОВИЧЪ. Способъ изготовления пустотѣло-бетонныхъ камней и возведенія изъ нихъ зданій. Съ 34 чертеж. Н.-Новгородъ. 1914. Ц. 75 к.

МАХАЕВЪ, О. Практическое руководство къ изготовленію корзиночныхъ издѣлій и плетеной мебели. Ц. 1 р.

НАЙДЕНОВЪ, В. Аэропланы. Спб. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ОРЛОВСКІЙ, П. Мощность двигателей внутреннего сгорания автомобильнаго типа по формуламъ, опытамъ и таблицамъ. Съ 10 рис. и черт. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ПОТРОВСКІЙ, П. Практика осушенія болотъ открытыми каналами. Спб. 1913. Ц. 2 р. 60 к.

РАВЧИНСКІЙ, П. Электромонтеръ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СЕЛЕЗНЕВЪ, П., проф. Современные паровозы, ихъ теорія и устройство. Вып. I. Золотники и кулисы въ паровозахъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

СИМИНСКІЙ, К. Топографическое черчение и условные знаки для плановъ и картъ. Киевъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

СКРИЦКІЙ, Н. Общий курсъ безпроводнаго телеграфа. Спб. 1913. Ц. 4 р.

ТАТАРИНОВЪ, В. Особенности эксплуатации судовыхъ установокъ двигателей внутреннего сгорания съ технич. и коммерч. стороны (суда морскія и рѣчныя). Спб. 1913. Ц. 1 р.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Словарь по всѣмъ отраслямъ техники. Т. II, вып. 10, 11 и 12. Спб. Ц. по 1 р.

ЧЕЧЕТЪ, А. Гальваническіе сухіе элементы. Съ 55 рис. и чертеж. Спб. 1913. Ц. 40 к.

ЩЕРБАКІВСКІЙ, В. Украинське мистецтво. I. Деревяне будівництво і різьба на дереві. Ц. 4 р.

ЭШЕРЪ, Р. Теорія гидравлическихъ двигателей. Киевъ. 1913. Ц. 3 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БОГАРЕВИЧЪ, В. Repetitorium по фармаціи. Ч. 3-я. Фармацевтическая химія. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ВОЛКОВА, М. Гигиена брака, изд. 3-е. Спб. 1912. Ц. 50 к.

— Нервные болѣзни. Предупрежденіе и леченіе ихъ. (Въ популярн. изложеніи). Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, В., проф. Физиологія человека. Т. I. Общая физиологія. Кровообращеніе. Лимфа. Дыханіе. Пищевареніе. Съ 177 рис. М. 1913. Ц. 4 р.

ИСАЕВЪ, С. Учебникъ фармакологіи и рецептуры. Спб. 1914. Ц. 1 р. 10 к.

КУТАНИНЪ, М. Раннее слабоуміе или группа шизофрений. М. 1913. Ц. 50 к.

ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ, Л. Бракъ и счастье.

Наблюденія, размышленія и совѣты врача. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ЛЕОПОЛЬДЪ, Г. О наружномъ изслѣдованіи въ акушерствѣ. Ц. 10 к.

— Правила дезинфекціи, для врачей, акушеровъ. Ц. 40 к.

— Родовспомогательное изслѣдованіе для врачей, студентовъ. Ц. 75 к.

НЭГЕЛЛИ, О., проф. Вліяніе страхованія при неврозахъ. С. 1913. Ц. 50 к.

СУХАНОВЪ, С. Душевные болѣзни. Спб. 1914. Ц. 1 р. 80 к.

ТИМЪ, К. Заболѣванія отъ несчастныхъ случаевъ. Т. 2-я. Ч. 1-я. X. 1912. Ц. 6 р.

ХОСРОВЕВЪ, Г. Краткое руководство къ изученію клинической гематологіи для врачей и студентовъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АБРАМОВЪ, И. Маленькая хрестоматія. Родной языкъ. Спб. 1914. Ц. 20 к.

АКАЕМОВЪ, Н. Итальянская грамматика съ упражн. и словаремъ. Варшава. 1913. Ц. 1 р.

ГЛАДКОВЪ, Б. Священная исторія

Ветхаго Завѣта. Изд. 7-е. Спб. 1914. Ц. 35 к.

— Священная исторія Новаго Завѣта. Изд. 7-е. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ГЛАЗУНОВЪ, Н. Декламационная хрестоматія. Ч. 2-я. Спб. 1914. Изд. 2-е, доп. Ц. 1 р. 20 к.

- ГЛИВЕНКО, П. Очерки по истории западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей). Для среднихъ учебн. завед. Киевъ, 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУТОРЪ, В. Музыкальные курсы совмѣстной игры (musique d'ensemble) и теории музыки. Сиб. 1913. Ц. 20 к.
- ЦИТМАРЪ, Б. Курсъ географіи Россіи. М. 1914. Ц. 60 к.
- ЗОТОВЪ, Н. Указатель книгъ для воспитательскаго чтенія кадетамъ. Сиб. 1913. Ц. 1 р.
- КРАТКОСРОЧНЫЕ КУРСЫ для законоучителей казанскаго учебн. округа. Казань, 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КРУКОВСКІЙ, М. По родному сѣверу. Разказы по родноивѣдѣнію. М. 1914. Ц. 60 к.
- КУЛЬМАНЪ, Н., проф. Элементарно-практическая грамматика русскаго языка. Спб. 1913. Ц. 40 к.
- ЛЕБЕДИНЦЕВЪ, К. Концентрическое руководство алгебры для средн. уч. зав. Ч. 1-я. 1913. Ц. 90 к.
- МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила для поступленія въ консерваторію Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Киевъ, 1914. Ц. 30 к.
- МЕЛЬНИСКІЙ, Е. Выбѣжное образованіе, его значеніе, организація и техника. Сиб. 1913. Ц. 1 р. 60 к.
- МИРГОВЪ, А. Систематическій курсъ правописанія. Сиб. 1913. Ц. 35 к.
- НЕДЪЗЪДЫНЦКІЙ, Г. Краткая исторія деревни для начальныхъ школъ. Съ 21 рис. О. 1914. Ц. 20 к.
- НЕМЦОВА, Ю. Элементарный курсъ грамматикн въ связи съ орфографіей, упражненіями. Сиб. Ц. 40 к.
- ОГОЛЬВЕЦЪ, В. Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся. 2-е исправл. изд. Киевъ 1913. Ц. 30 к.
- ОЗАРОВСКАЯ, О. Школа чтеца. Хрестоматія для драматич., педагог. и ораторск. курсовъ. М. 1914. Ц. 2 р.
- ПЯСКОВСКІЙ, П. Къ русской молодежи о половомъ вопросе. М. 1913. Ц. 50 к.
- РЕПНЪ, В. Очеркъ педагогикн. Киевъ, 1913. Ц. 60 к.
- РУСАНЕВИЧЪ, И. Новыя программы по русской и всеобщей исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ, учрежд. М. Н. П. О. 1913. Ц. 30 к.
- СЛЕТОВЪ, Н. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ и упражненій. Ц. 50 к.
- СНАРСКІЙ, А. Курсъ гигиены. Ч. I. Тифлисъ, 1913. Ц. 55 к.
- Краткій курсъ физической географіи. Тифлисъ, 1913. Ц. 65 к.
- СОКОЛОВЪ, С. Какъ научиться писать сочиненія. Сиб. 1914. Ц. 75 к.
- ТЕРЪ-СТЕПАНОВЪ, П. Сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Цѣлыя числа. Сиб. 1913. Ц. 35 к.
- ФИЛИПСЪ и ФИШЕРЪ, профессора. Элементы геометріи. Курсъ средне-учебн. завед. Сиб. 1913. Ц. 2 р.
- ХИТЬКОВЪ, Н. Показательный садикъ. Его воспитательное значеніе и организація. Руководство для родителей и воспитателей. Казань, 1913. Ц. 75 к.
- ШМУЛЕВИЧЪ, П. Конспектъ для краткаго повторенія курса физикн. (Законы, формулы и опредѣленія). Изд. 4-е. Сиб. 1913. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ГРЕНЪ, Г. Свѣной братъ. Повесть для дѣтей старш. возр. Сиб. 1913. Ц. 30 к.
- ЛАВРЕНТЬЕВА, С. Парсиваль. Легенда. Переложеніе для дѣтей. Сиб. 1914. Ц. 55 к.

Спортъ, охота и игры.

- ГИЛДЕРЪ, Г. А. Комнатная гимнастика безъ приборовъ. Ц. 40 к.
- ГОФШТЕТТЕРЪ, В. Искусство плавать. Учебникъ плаванія, съ рисунк. Сиб. 1913. Ц. 20 к.
- ЖУКЪ, П. Закрытый шнуръ. Полезныя указанія для игры въ шнуръ. Ц. 85 к.
- ФОКИНЪ, Н. Охота на тетереви. Сиб. 1914. Ц. 40 к.

Справочныя книги.

- ВОСКОВЪ, Н. Правила поступленія на должности: 1) земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ и ихъ письмоводит., секретарей и друг. чиновъ канцелярн, вол. и сельск. писарей. Сиб. 1913. Ц. 1 р.
- ЗАЦУКЪ, Г. Правила и программы для поступленія нижнихъ чиновъ и со стороны въ воен. училища. Сиб. 1913. Цѣна 30 к.
- НАОЕВЪ, П. Новый планъ Низваго Повгорода и ярмарки. Сиб. 1913. Ц. 25 к.
- С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ студентскія календарь на 1913—1914 годъ. Ц. 35 к.
- ТАБЛИЦЫ провозныхъ платъ и разстояній отъ Москвы до всѣхъ станцій Россійскихъ дорогъ. М. 1913. Ц. 1 р. 75 к.
- ШВАРЦМАНЪ, Г. Страховая справочная книга. Тула, 1913. Ц. 5 р.
- ШМАРОВЪ, М. Каталогъ бібліотеки ученаго комитета главнаго управленія землеустр. и земледѣлія. 3-е дополненіе. Сиб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина— „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольтерскихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики — 52 книги.
получать по одной книгѣ, всего въ годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1914 ГОДЪ

(45-й годъ изданія)
 на еженедѣльный иллюстриро-
 ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе одного **1914** года:

52 №№ еженедѣльн. художеств.-литер. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, биографіи, обзоры дѣятельн. Госуд. Думы и политич. обзорѣя; рис. въ краск., снимки съ картинъ, фототипы и иллюстраціи соврем. событій.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ежемѣсячн. журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛ.-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖ.“: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматы и шашекъ, задачъ и игръ.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВА“ **40** книгъ,

которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного **1914** года, содержатъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **27** книгахъ **В. Г. КОРОЛЕНКО.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **8** книгахъ **А. Н. МАЙКОВА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **5** книгахъ **Эдмонда РОСТАНА,**
 въ переводѣ **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.**

12 №№ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ“
 До 200 столбцовъ текста и 300
 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ
 ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣль-
 ныхъ и выпильныхъ работъ и для
 выжиганія и до 300 чертежей
 выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1914** г., отпечат. красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ:

въ **С.-Пе-тербургѣ!** безъ дост. **6 р. 50 к.**
 съ дост. **7 р. 50 к.**
 Безъ доставки: 1) въ Москвѣ въ конторѣ
 П. Печковской—**7 р. 25 к.**; 2) въ Одессѣ,
 въ книж. магаз. „Образование“—**7 р. 50 к.**

Съ пересылкою во
 все мѣста Россіи. **8 р.**
 За границу—**12 р.**

Адресы С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, ул., Гоголя, № 22.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. VIII—XV. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштгеъ.	385
II. Записки графа Н. П. Игнатьева. (Съ примѣчаніями А. А. Башмакова). V—VI. (Продолженіе).	441
III. Исповѣдь повѣшеннаго. (Изъ записокъ революціонера). С. С. Окрейца.	463
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	498
V. Гибель корабля «Фершампенуазъ». Г. Т. Сѣверцева-Поллова.	512
VI. А. Н. Майковъ. (Изъ дневника). В. А. Алексѣева.	522
VII. Какъ я былъ сосѣдомъ царя. (Разсказъ коммерсанта). П. Ронина.	530
VIII. Убийство князя М. А. Накашидзе. (Изъ воспоминаній очевидца). П. П. Шубинскаго.	539
Иллюстрація: Князь И. Г. Амилахвари.	
IX. Старыхъ временъ были. С. П—ова.	579
X. Смутное время въ Ромнахъ. А. В. Сульжикова.	585
XI. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). Б. Б. Глинскаго.	608
XII. Столица Сибири. (Наброски). И. Вязовскаго.	646
Иллюстраціи: 1) Иркутскъ. Понтонный мостъ. Въѣздъ въ городъ.— 2) Иркутскъ. Кафедральный соборъ.— 3) Иркутскъ. Вольшая улица.— 4) Иркутскъ. Судебныя установленія.— 5) Иркутскъ. Домъ генералъ-губернатора.— 6) Иркутскъ. Городской театр.— 7) Иркутскъ. Музей.— 8) Иркутскъ. Памятникъ Александру III.— 9) Иркутскъ. Общественное собраніе.	
XIII. Критика и библиографія	664
1) Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Биографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Шеголева. 1914. Е. Шумигорскаго.— 2) XL—L. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. Казань. 1912—1913. Н. Ефимова. — 3) Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея за 1912 г., представленный министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1913. И. С. Б.—4) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выд. 30-й. Саратовъ. 1913. А. М—на. — 5) Подробный каталогъ изданій императорской археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836 по 1912 г. Спб. 1913. Д. Бочнова. — 6) Н. Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Оренбургъ.	

(См. слѣд. стран.).

бургъ. 1912. А. Б.—7) Николай Энгельсартъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ I. 1800—1850 (критика, романъ, поэзія и драма). Спб. 1913. профессора И. Замотина.—8) Н. Д. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Спб. 1913. В. Данилова.—9) И. А. Купчинскій. Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913. Д. М.—10) André Lirondelle. Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'œuvrе. Paris. 1913. Сергѣя Фомъ Штейна.—11) Л. И. Шубертъ. Моя жизнь. Воспоминанія. Спб. 1913. Г.—12) В. В. Розановъ. Среди художниковъ. Спб. 1914. М. Вальмана.—13) К. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ. Его жизнь и творчество. М. 1913. Г.—14) Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. Перев. В. М. Фриче. Томъ II. М., 1913. А. М.—на—15) Тэнъ, Иполитъ. Путешествіе по Италіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Переводъ съ французскаго. П. П. Перцева. Москва. 1913. В. Бр.—16) А. Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913. п. Б.—17) Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе 3. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть I. Ташкентъ. 1913. в. М.—18) М. Слобожанинъ. Изъ исторіи и опыта земскихъ учреждений въ Россіи. Спб. 1914. А. Фаресова.—19) Леонъ Доде. Передъ войной. Исслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпионствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено Н. М. Лаговымъ. Спб. 1913. л. н.—19) Л. Рума. Очерки и исслѣдованія. Вып. I. Изъ жизни и колонизаціи Муганской степи. Спб. 1913. Г. Гинса.—20) Г. Артуровъ. На живявѣ смерти. Портъ-артурскіе рассказы. Москва. 1913. Д. М.—21) П. А. Прокосевъ, профессоръ императорскаго томскаго университета. Didascalia Apostolorum и первыя шесть книгъ «Апостольскихъ постановленій». Историко-критическое исслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. Томскъ. 1913. вѣт. Ткачука.—22) Труды состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. Спб. 1913. Б. Г.—ва.—23) Труды вѣтской ученой архивной коммисіи. Вып. III—VI. 1913. вл. Д.—24) Н. Никольскій. Древній Вавилонъ. М. 1913. п. Б.—25) Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ старины В. и Г. Лукомскіе. Спб. 1913. г.—26) Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Составленъ Н. Д. Половской, подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. I и II. Кіевъ. 1913. н—шова.

- XIV. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измайлова. 705
- XV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 714
- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 717
- 1) Изъ воспоминаній о франко-прусской войнѣ.—2) Бъ біографіи Понсонъ дю-Террайля.—3) Бъ исторіи «Короля Лира».—4) Изъ прошлаго календарей и альманаховъ.—5) Приключенія одного ученаго французца.—6) Мадаме Неккеръ и ея кружокъ.—7) Отчего умеръ Жакъ-Жакъ Руссо.—8) Изъ нравовъ ранняго «ренессанса».—9) Изъ театральнаго старини.—10) Джіованни Воккаччіо.—11) Мусоргскій съ точки зрѣнія французскаго критика.—12) Религіозный вопросъ въ Китаѣ.
- XVII. Смѣсь 741
- 1) Годовое собраніе императорской академіи наукъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—3) Пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.—4) Столѣтіе императорской публичной бібліотеки.—5) 50-лѣтіе земства.—6) Освященіе храма въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ.—7) Открытіе памятника великому князю Николаю Николаевичу.—8) Памятникъ княгинѣ Ярославнѣ и князю Игорю въ Путивлѣ.—9) Премія императора Петра Великаго.
- XVIII. Некрологи 755
- 1) Алексѣевъ, Г. Е.—2) Вожовскій, В. К.—3) Горчаковъ, А. Н.—4) Емельянова, О. В.—5) Жуковская, Е. И.—6) Зыковъ, В. П.—7) Клеменць, Д. А.—8) Клеменць, Е. Н.—9) Коноваловъ, В. Ф.—10) Кулаковскій, П. А.—11) Михайлисъ, Е. П.—12) Моръ, Я. Г.—13) Подиванова, Е. Я.—14) Рыкалова, Н. В.—15) Рвачовъ, Н. А.—16) Свворцова, О. И.—17) Свворцовъ, А. И.—18) Тарновская, В. П.—19) Христофоровъ, А. Х.—20) Чернышевъ, Ф. Н.

Приложенія: 1) Портретъ князя Михаила Александровича Накашидзе.—2) «Во дни Юліана Отступника», историческій романъ Дж. Эйсхофа, въ переводѣ А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго

(Тридцать пятый годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 34-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно **каждаго 1-го числа** въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 40 р., за 1/2 стр. 25 р., за 1/4 стр. 15 р.; позади текста за страницу 25 р., за 1/2 стр. 15 р., за 1/4 стр. 10 р.

Для напечатанія въ 1914 г. редакція располагаетъ слѣдующими литературными матеріалами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Г. Веселковой-Нильштетъ «На родной почвѣ». Романъ въ двухъ частяхъ.—І. І. Ясинскаго «Камаринскіе царевичи». Историческая повѣсть.—И. Н. Потопенна «Безкровное». Повѣсть изъ былыхъ временъ; «Человѣческое», «Жестокое дѣло», рассказы.—П. П. Гнѣдича «Смерть курьера Мамошина».—А. А. Измайлова «Подъ фіолетовой мантией». Мелочи архіерейской жизни.—Е. С. Шумигорскаго «Старая фрейлина». Историческій рассказъ.—Г. Т. Сѣверцева-Полилова «На каюкахъ». Повѣсть изъ быта русскаго Оѣвера.—С. И. Васюкова «Давыдка и бурлаки». Посмертный рассказъ.—М. С. Васильевой «Новые жильцы». Записки домовладѣлицы.—В. В. Уманова-Каплуновскаго «Ужасы города». Человѣческіе документы.—Г. Ольшанскаго «Вѣдьма». Изъ типовъ русской деревни.—Вл. Нарбута «Солдатка». Изъ типовъ русской деревни.—С. С. Окрейца «Записки повѣшеннаго». Исповѣдь революціонера.—А. В. Ториновича «Талантливая личность». Рассказъ.—С. П. Руднева «Изъ жизни». Изъ записокъ судьи.—Е. Витковича «Живая-мертвая». Рассказъ изъ временъ крѣпостного права.—А. В. Волжина «Въ поискахъ судьбы». Повѣсть.—А. Микулиной «Страшное дѣло». Рассказъ,—и другія произведенія.

ВОСПОМИНАНІЯ: Записки 1876—1877 гг. гр. Н. П. Игнатьева—Записки Н. В. Исакова.—Воспоминанія А. Ѳ. Кони.—Е. К. Андреевскаго «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ».—Записки Арк. Ник. Чичерина 1866 г.—Н. Н. Фирсова (Л. Рускина) «Въ редакціи журнала «Русское Слово».—Е. И. Жуковской «Изъ воспоминаній шестидесятиницы».—С. К. Эфрона (Литвина). «Кагалъ и кагалники».—М. В. Шевлякова «Изъ рассказовъ П. И. Вейнберга».—Воспоминанія С. Д. Милюнова.—В. Б. Бертенсона «За тридцать лѣтъ». (Листки изъ воспоминаній).—А. Е. Науфмана «За кулпсами печати». (Листки изъ архива стараго журналиста).—М. Ф. Чулицкаго «Изъ воспоминаній бышаго судебнаго дѣятеля».—В. В. Бруснянина «Домъ на костяхъ». Изъ семейной хроники.—А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства».—М. А. Щепкина «Театральныя мелочи».—К. И. Ванченко «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—П. А. Россіева «Силуэты».—Г. Черенкова «Годъ по тюрьмамъ».—А. Ф. Руневича «Изъ воспоминаній стараго вриванца». (1832—1839 гг.)—Я. Н. Колубовскаго «Изъ литературныхъ воспоминаній».—Г. Н. Потанина «Воспоминанія о Д. Д. Минаевѣ».—С. У. «Мозаика» (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).—В. З. Тичука «Въ царствѣ нефти» и мн. др.

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ: Б. Б. Глинскаго 1) «Развѣдчаные герои революціи 1906 года». а) о. Г. Гапонъ, б) Азефъ; 2) «Прологъ къ русско-японской войнѣ». (Архивные матеріалы).—П. Юдина «Лжехристосъ-ростовщикъ».—Г. Т. Сѣверцева-Полилова «Гибель «Фершампенуаза», «Корельскіе обряды».—Е. С. Шумигор-

скаго «Марія Антоновна Нарышкина».—В. Теплова «Али-паша Тепеленскій».—П. П. Шубинскаго «Убійство кн. М. А. Накашидзе».—В. В. Данилова «Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ». («Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).—Т. А. Мартемьянова «Комедія о царѣ Максимиліанѣ».—Н. Н. Фирсова «Императорскій посоль и дворянская опека».—П. Головачева «Евреи въ процессѣ декабристовъ».—Е. Т. Смирнова «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева».—С. Россинскаго «Въ котлѣ революціи».—Свящ. І. Щелкунова «Русскій самозванецъ Лже-Іоаннъ VI въ Даніи».—К. А. Дворжицкаго «Изъ прошлаго петербургской полиціи».—А. А. Таннова «Первый поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ».—А. Паниратова «Послѣдній петрашевецъ».—В. И. фонъ-Штейна «Русская меденатка въ Римѣ (Княгиня Э. А. Волконская)».—Н. Н. Оглоблина «Изъ ветлужскихъ впечатлѣній».—А. А. Сигова «На Сахалинѣ во время войны».—А. Н. Серебрянниковой «Возстаніе поляковъ за Байкаломъ въ 1866 г.» и мн. др.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СТАТЬИ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ (съ рисунками): А. И. Фирсова «По Днѣпру», «Коренная пустынь», «Вологодскій Спасо-Прилуцкій монастырь», «У могилъ двухъ поэтовъ».—А. Сигова «Городъ Гомель».—Г. Т. Стѣверцевъ-Полиловъ «Уголокъ Бѣлаго моря».—Вл. Анфилова «Маловѣдомыя красоты (Алтайскія замѣтки)». Н. Корженевскаго «Изъ скитаній по горному Туркестану».—А. Вязовскаго «Столица Сибири».—Вл. Н. Нянжина «Два монастыря Псковской земли».—В. Г. Вейденбаума «Гагры», «По горному Алтаю».—В. Сазонова «По берегу Исыкъ-куля».—А. Я. Таранецъ «По Забайкалью», «По сибирскимъ захолаустьямъ», «Изъ туркестанской были», «Ходжентъ».—В. В. Данилова «Въ молдавскомъ монастырѣ».—В. Грачева «Смоленскія древнехранилища».—Н. Ѳ. Акаимова «Городъ Св. Николая».—Затеряннаго «Въ Персіи».—Д. П. Богданова «Боровскій Пафнутаевскій монастырь и могила Лупша Клешнева».—Н. Максимова «Ушь-Таганъ».—А. Мощанскаго «Военно-Сухумская дорога».—Ф. Е. Зарина-Несвицкаго «Пушкинскій уголокъ» и др.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ при участіи: проф. П. В. Безобразова, Д. А. Бочкова, А. М. Бѣлова, И. С. Бѣляева, проф. Б. В. Варнеке, В. В. Воронова, К. А. Военскаго, Г. К. Гинса, Б. Б. Глинскаго, П. П. Гнѣдича, проф. В. М. Грибовскаго, В. В. Данилова, В. В. Жерве, А. А. Измайлова, прив. доц. М. В. Ключкова, В. Н. Княжнина, Я. Н. Колубовскаго, К. В. Кудряшова, В. К. Кузнецова, проф. М. Е. Красножена, Н. А. Лачинова, Н. О. Лернера, А. М. Ловягина, проф. А. І. Малейна, П. М. Майкова, Т. А. Мартемьянова, А. А. Миронова, А. М. Нецаевой, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, проф. И. И. Соколова, В. З. Ткачука, А. И. Фаресова, А. Г. Фомина, В. И. фонъ-Штейна, С. В. фонъ-Штейна, Е. С. Шумигорскаго, проф. А. И. Яцимирскаго и др.

На отдѣлъ критики и библиографіи редакціей обращено особенное вниманіе. Въ каждой книжкѣ журнала рецензируется свыше 20 вновь вышедшихъ книгъ, по преимуществу по отдѣлу русской, всеобщей и древней исторіи, литературы, археологіи, исторіи права, искусствъ и др. отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 г. въ журналѣ открывается **новый отдѣлъ по обзорнiю отечественныхъ журналовъ**, а также **Нижний Листокъ**, гдѣ будутъ отмѣчаться всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ высылаемымъ редакціей европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ. «Историческому Вѣстнику» общали участіе, кромѣ перечисленныхъ авторовъ: А. Н. Буdiceвъ, В. П. Буренинъ, В. В. Брусянинъ, Юр. Д. Бѣляевъ, Л. В. Веселитская-

Микуличъ, А. Н. Витмеръ, А. Е. Заринъ, Ф. Е. Заринъ-Несвицкій, Е. П. Карповъ, А. Ф. Кони, В. С. Кривенко, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. А. Луговой, М. М. Марина, К. П. Медвѣдскій, Н. Н. Михайловъ, П. М. Невъжинъ, П. А. Росіевъ, П. И. Соколовъ, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, Вл. А. Тихоновъ, Г. П. Федоровъ, И. П. Ювачевъ, Н. А. Энгельгардтъ и др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1914 году будетъ напечатанъ историческій романъ Дюна Эйскофа «Во дни Юліана Отступника» въ переводѣ А. Б. Михайлова.

Подписчикамъ «Историческаго Вѣстника» на 1914 г. предоставляется право приобрести за 10 руб. вмѣсто 18 руб. сочиненіе С. М. Соловьева

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

29 томовъ въ 7 книгахъ (съ указателемъ), полный текстъ 5300 стр. большого формата въ 2 столбца, портретъ и фансимиле автора.

Желающихъ приобрести это изданіе просятъ выслать въ контору журнала «Историческій Вѣстникъ» Невскій пр., д. № 40, десять (10) рублей. Стоимость пересылки (1 руб. 60 коп. для Европейской Россіи, 2 руб. 80 коп. для Западной Сибири и 4 руб. для Восточной Сибири) будетъ взыматься наложеннымъ платежомъ.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая киига

Б. Б. Глинскаго

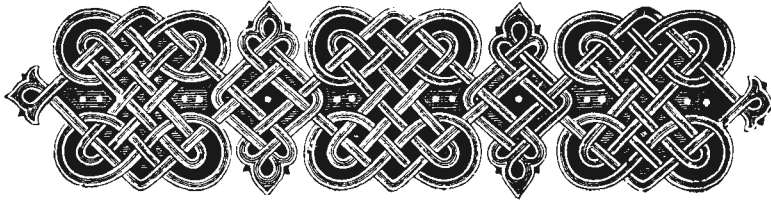
**„Среди литераторовъ _____
_____ и ученыхъ“**

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

КНЯЗЬ МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НАКАШИДЗЕ.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ¹⁾.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

День пришелъ, и пали люди.
Отъ себя изгнали ихъ Богъ...
Слово вырвалось изъ груди
Въ первый разъ, какъ тяжкій вздохъ.

Стало стономъ и проклятемъ
Въ часъ болѣзни и нужды
И служило первымъ братьямъ
Для убійства и вражды...

(«Слово». М. К.).

ВЪ ПРОСТОРОМЪ и роскошномъ кабинетѣ съ обитыхъ старинной кордуанской кожей стѣнъ портреты Бакунина и Герцена, Орсини и Гарибальди глядѣли сквозь волны табачнаго дыма на группу развалившихся въ мягкихъ креслахъ людей. Эти люди усердно курили контрабандныя въ Германіи русскія папирсы и вели контрабандные въ Россіи разговоры, полные страстнаго осужденія тамошнимъ порядкамъ и законамъ. По мнѣнію всѣхъ, эти порядки доказывали только русскіе безпорядки, а законы были незаконны. Каждый былъ увѣренъ, что только онъ одинъ хорошо знаетъ, какъ исправить дѣло, и что имъ придуманныя и предлагаемыя мѣры однѣ могутъ поставить Россію на вѣрный путь къ искорененію вопіющихъ недостатковъ правленія и народной жизни.

У окна за высокимъ бюро Мика совершенно утонулъ въ глубокое креслѣ и жадно ловилъ всякое слово разговора. Его гувернеръ Ипполитъ Наумовичъ Лямкинъ сидѣлъ въ другомъ концѣ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХV, стр. 5
«Истор. вѣстн.», февраль 1914 г., т. СХХХV.

комнаты и усерднѣе всѣхъ дымилъ русскими «пушками» Богданова, привезенными въ подарокъ Нерадову похожимъ на еврея Леви. О присутствіи здѣсь своего питомца онъ и не подозрѣвалъ, но не менѣе сосредоточенно и даже подобострастно внималъ дебатамъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ!—восклицалъ хозяинъ роскошнаго, полнаго рѣдкостей кабинета, потрясая породистой львиной головой съ сѣдыми кудрями:—ни въ какую русскую политику не вѣрю, ея и нѣтъ; и мощь нынѣшняго царствованія одна фикція. Произволь свыше, подхалимство и невѣжество снизу слились снова воедино. Вотъ и все. Но никакой спайки съ народомъ отъ этихъ выскочившихъ изъ правительственной пазухи пазухинскихъ фантошекъ не произойдетъ!.. Абсурдъ всегда и вездѣ... Говорятъ о возобновленіи дворянскаго престижа!.. Помилуйте, да развѣ это дворяне, эти согласившіеся служить вмѣстѣ съ назначенными свыше чинушами земскіе начальники? Разъ дворянству было предоставлено право избирать на эти должности людей изъ своей среды, то какъ же можно было навязать имъ наемниковъ?.. Эта та же вѣчная опека губернатора надъ земствомъ только подъ новымъ соусомъ, вотъ и все, и ни къ какому крестьянскому раю не приведетъ. Таково мое мнѣніе относительно благополучія внутренняго? А вѣшняго? Не поручусь, что та же республиканская Франція не заплатится за ренегатство, за братскій союзъ съ такимъ закосившимъ въ абсолютизмъ правительствомъ, какъ нынѣшній кабинетъ изъ націоналистическихъ министровъ Александра III! Недаромъ карикатуристы вздѣваютъ ихъ на навозныя вилы!

— Совершенно вѣрно!—хихикнулъ Леви.—Анархисты этого сближенія Карно не простятъ. Братья Анри и Лоренъ Тальядь найдутъ подражателей и продолжателей, и какъ бы слѣдующая бомба залетѣла не въ ресторанъ «Файо», а поближе къ Елисейскому дворцу.

Сѣвскій пожалъ плечами.

— А все-таки искренности братанія обоихъ народовъ вы отрицать не можете. Я видѣлъ его своими глазами...

— Эхъ, подите! Какой тутъ народъ? при чемъ онъ? Матросы не народъ!—перебилъ Нерадовъ.

— Совершенно правильно!—подтвердилъ Юневъ, садясь какъ разъ въ ту позу, которую такъ удачно перенялъ Мика на визитѣ, и щеголяя либерализмомъ, несмотря на придворный чинъ, украшавшій его визитныя карточки:—ничего такого народу не надо! Его мечты сводятся къ одному: въ будни набить потуже голодное брюхо, а въ праздникъ напиться до положенія ризъ. Вотъ и все— а отсюда и питьевая реформа, плодъ все той же опеки надъ мужикомъ: пей, батюшка! но пей то, что мы тебѣ нальемъ! Помилуйте,—развѣ введеніе монополіи остановитъ пьянство? Ничуть! оно его разозветъ; прежняя водка одурманивала сразу, а этой придется выпи-

вать вдвое, если не втрое противъ прежняго, потому что народъ любить не пить, а напиваться до положенія ризъ..

Онъ вздохнулъ, вспомнивъ о своемъ собственномъ прогорѣвшемъ когда-то винокуренномъ заводѣ.

— Вѣрно-съ!—поддакнулъ Леви:—и такому народу толковать о его правахъ смысла нѣтъ. Ему розги милѣе всякой гражданственной перспективы. Его къ ней еще сперва подготавливать надо!...

— Во-первыхъ,—не гражданственной, а гражданской,—поправиль Сѣвскій.

— Какъ это вы подготовите мужика?—перебилъ Нерадовъ.— Это не семидесятые годы, гдѣ въ народъ ходили. Васъ къ нему близко и не подпускать. Теперь въ деревнѣ неизвѣстно чего больше—полиціи или мужиковъ!

— А мы все-таки къ нему близко станемъ... Существуютъ же послѣдователи Льва Толстого, сѣвшіе на землѣ?

— Это вы о толстовскихъ поселкахъ?—Ну, батенька,—фыркнулъ Юневъ,—о нихъ и говорить не стоитъ. Это пустоцвѣты,—тамъ о сближеніи съ народомъ и рѣчи быть не можетъ... Я ихъ объѣзжалъ въ нашей губерніи по распоряженію губернатора. Никакого сочувствія они у крестьянъ и не встрѣтили. Имъ одна смѣхота была на студентовъ, шагавшихъ за плугомъ и падавшихъ отъ усталости тутъ же на борозду, да на барышень, доившихъ коровъ въ корсетахъ!

— Что? коровы въ корсетахъ?—спросилъ Нерадовъ.

— Нѣтъ, барышни! Прежде всего, у нихъ царила такая безтолочь, что они и сами порядкомъ не знали, что кому дѣлать.

— Вотъ въ чемъ и разгадка, почему у нихъ ничего и не вышло, а мы,—самодовольно заявилъ Леви,—будемъ знать...

— А я скажу иначе: вотъ вамъ и доказательство, что народъ нашъ не глупъ! Какъ же не смѣяться? Развѣ дѣло студентовъ за бороной шагать?—возразилъ Сѣвскій.

— А почему же нѣтъ? Почему это не его дѣло, когда онъ, можетъ быть, къ этому призваніе самъ въ себѣ чувствуетъ?

— Потому что его дѣло учиться.

— А потомъ-съ?

— Потомъ служить.

— Правительству?

— Нѣтъ, дѣлу!.. народной пользѣ и благу народному...

— Въ чиновникахъ-то?

— А почему же и нѣтъ?.. Что толку, если въ юности человекъ передовымъ считался? Вонъ я многихъ въ прежніе годы знавалъ,—студентами изъ пледовъ и синихъ очковъ не выгѣзали, а какъ въ люди вышли, смотришь, съ волосами вмѣстѣ и всѣ завѣтныя идеи подъ гребенку остригли,—чистенькіе, гладенькіе, воды не замутятъ, потому что и такъ мути достаточно, чтобы въ ней подъ шумокъ рыбку половить. Иной на шпалахъ наживается, вспоминая, вѣрно, какъ

самъ ихъ по образу пѣшаго хожденія, когда-то за наукой въ столицу идя, пересчитываль; другой, про совѣсть народную забывъ, чужую, грѣхами противъ народа запятнанную, передъ судомъ за деньги обѣляетъ; третій, смотришь,— всю жизнь съ полиціей враждоваль, а нынѣ въ лазоревомъ мундирѣ шеголяетъ и проявляетъ гениальныя ищейскія способности...

— Еще бы! Самъ на своей шкурѣ всю школу подпольнаго существованія познавъ!—вставилъ Нерадовъ.

— Въ писаніи друга моего и учителя Коробова,—раздался изъ угла широкой смирской оттоманки голосъ невидимаго съ Микинаго кресла собесѣдника,— есть вѣщія по этому вопросу слова: «Слыша о разныхъ интеллигентныхъ дѣльцахъ, мысль, какъ кошмаръ, давя сердце, просить отвѣта: что это, неужели учебныя заведенія и высшія спеціальныя школы—фабрики, гдѣ выдѣлываютъ для народа искусныхъ убійцъ, кровопійцъ и мошенниковъ всякаго рода? Зачѣмъ народъ платитъ на содержаніе этихъ фабрикъ?»¹⁾

По мѣрѣ того, какъ цитата подходила къ концу, фигура сидѣвшаго съ ногами на диванѣ человѣка все больше сползала и наконецъ онъ всталъ во весь ростъ.

Потертый и побѣлѣвшій по пшамъ сюртукъ, очевидно, съ чужого плеча, болтался на немъ, какъ на палкѣ, выставляя изъ короткихъ рукавовъ худыя, обросшія волосами руки. Галстукъ на мятой и довольно сомнительной чистоты сорочкѣ отсутствовалъ. Глаза скрывались за дымчатыми стеклами поминутно срывавшагося съ носа пенснэ, и онъ то оправлялъ его, то откидываль со лба пряди мочальныхъ съ просѣдью волосъ длинными пальцами съ грязными ободками ногтей.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ онъ:—этотъ изгнанный изъ Россіи провидецъ понималь, откуда идетъ зло: это тѣ учебныя заведенія, куда поступаютъ юноши съ горячей душою, но гдѣ схоластическія программы и фискальная инспекція убиваютъ эту душу, растлѣваютъ сердце, извращаютъ умъ и готовятъ изъ сыновей достойныхъ преемниковъ тупоумныхъ, узколобыхъ отцовъ... Нѣтъ! Отъ младыхъ ногтей воспитывайте дѣтей вашихъ! Съ пеленокъ вдаблывайте имъ, что ни одного доставшагося имъ по несправедливости нынѣшнихъ законовъ наслѣдственнаго гроша они права не имѣютъ тратить, не раздѣливъ его братски съ народомъ, отъ котораго и получили эти свои богатства!..

Мика насторожился.

«Значить,—мелькнуло у него,—я тоже долженъ буду дѣлиться съ тѣми мужиками, о которыхъ Юневъ только что говорилъ, что они

¹⁾ «Вѣстникъ Правды» (май 1890 г.) Издавался въ Женевѣ Александромъ Михайловичемъ Коробовымъ.

по праздникамъ пьютъ до положенія ризъ... Какихъ это ризъ?... Надо спросить Наумыча!..»

Ипполитъ Наумовичъ въ эту минуту почувствовалъ себя крайне неловко. Онъ зналъ, что и Нерадовъ, въ домѣ котораго онъ жилъ, и Сѣвскій, съ внучкой котораго онъ занимался русскими предметами, были богатые русскіе дворяне, претерпѣвшіе за свой либерализмъ. Когда-то они владѣли хорошими вотчинами на родинѣ, но давно уже ликвидировали свои русскія дѣла. Теперь они жили на проценты съ капиталовъ, полученныхъ отъ продажи русскихъ земель и помѣщенныхъ въ крайне выгодныя нѣмецкія и американскія предприятия, интересы которыхъ шли совершенно вразрѣзъ съ русскими.

Молодому человѣку показалось, что только что произнесенныя господиномъ безъ галстука слова должны были сокрушить обитыя дорогою кожею стѣны съ портретами великихъ прогрессистовъ, но ни одна дубовая художественной рѣзбы рамка, даже не качнулась. Только оба свояка, словно по уговору, выпустили два особенно густыхъ и голубыхъ клуба дыма.

— А что, неужели вы дѣйствительно вѣрите въ Коробова и въ его бредовой «Вѣстникъ Правды»?—спросилъ Сѣвскій, отнимая мундштукъ ото рта и всматриваясь пристально въ растрепаннаго гостя.

— Вѣрю, или точнѣе—вѣрую!

— Коробовъ?.. Не слыхалъ! Кто это?—обратился Юневъ въ Нерадову.

— Просто ненормальный субъектъ изъ земскихъ врачей!

— Съ общей точки зрѣнія—да, ненормальный!—обернулся къ Юневу гость:—но, откинувъ все условности, навязываемыя тунеядцами, онъ былъ именно нормальнымъ,—у него слово съ дѣломъ не расходилось. Какъ и о чемъ человѣкъ проповѣдывалъ, того и въ жизни держался. У него даже платя не было. Онъ все продавалъ, чтобы только платить въ типографію, и самъ ходилъ въ рубищѣ, а не такъ, какъ многіе, которые на словахъ и социализмъ и коммунизмъ почитаютъ, а сами у первыхъ портныхъ Парижа и Лондона визитки и сюртуки заказываютъ, не заботясь о томъ, чѣмъ рабочіе свое изможденное трудомъ тѣло одѣваютъ... Вонъ въ Россіи голодъ былъ, а спросите,—много ли капиталисты туда наши на голодающихъ послали? Много ли отъ избытковъ своихъ на неимущихъ пожертвовали?

— Не жертвовали, потому что не увѣрены были, что деньги по дорогѣ къ чужимъ перстамъ не пристанутъ,—слегка раздраженно отвѣтилъ хозяинъ.

Лохматый господинъ криво усмѣхнулся.

— А почему же они своихъ людей не послали? Неужели не выискались бы желающіе? Да вотъ я первый поѣхалъ бы!

— Васъ бы и сцапали!—возразилъ Леви:—а вы, Александръ Ивановичъ, еще и очень намъ нужны. Много ли васъ осталось-то!

— Меня сцапали бы? Ну, нѣтъ-съ! Если я въ 1881 году кануть въ воду сумѣлъ, то и теперь не попался бы! А моментъ подходящий былъ. Народъ голодный—почва благодарная... Нѣтъ-съ! умныхъ людей тутъ не осталось!

— Куда жъ они дѣлись?—спросилъ Юневъ.

— Перевелись, вотъ какъ былинныя богатыри на Руси перевелись... Вѣдь даже журнала порядочнаго поддержать не сумѣли!

— Это вы опять про «Вѣстникъ Правды»?—спросилъ Нерадовъ.

— Да, про него! Вѣдь Коробовъ приглашалъ всѣхъ сотрудничать въ немъ!

— Рядомъ съ его неистовымъ религіознымъ бредомъ? Нашли тоже дураковъ!.. А почему вы сами въ такомъ случаѣ у него не писали?..

— Перомъ-съ не владѣю!

— Вы? что-то не вѣрится, слушая васъ.

— Фактъ!.. Говорить могу, а писать—ни-ни!.. Какъ сяду, мысли, что горохъ по полу, по угламъ раскатятся, и не соберешь. А вотъ почему вы, милостивый государь, Коробовскій вѣстникъ не выписывали? Я давеча, васъ поджидаячи, всю библиотечку перерылъ, а ни одного номера не нашель!

— Ахъ, это вы рылись? Я думалъ, мой внукъ!—Лямкинъ вспыхнулъ, а Мика чуть не сорвался съ кресла, но благоразумно удержался.—Отчего? Просто интереснымъ не находилъ...

— Царства Израилева ждали,—какъ онъ выражался,—когда каждый изъ сыновъ Божьихъ будетъ имѣть право даромъ журналы получать? Знаете, онъ даже и это текстами изъ Апокалипсиса подтверждалъ!

— Ну, какъ же не кандидатъ въ желтый домъ! Журнальные и издательскіе интересы текстами освѣщать? Явно сумасшедшій!

— Не сумасшедшій, а великій подвижникъ и фанатикъ, и если онъ на тексты отцовъ церкви ссылался, то это вамъ лишнее доказательство его эрудиціи... А у насъ вѣчно такъ,—вмѣсто того, чтобы снисходительно отнестись къ чужимъ слабостямъ, на человѣка плюютъ. Вѣдь послѣ «Колокола» Герцена ни одного здѣсь авторитетнаго для Россіи журнала не было. А почему? Потому что не было людей, горѣвшихъ къ дѣлу душою! А Коробовъ горѣлъ, да-съ! Горѣлъ, какъ свѣточъ Нероновъ, мучась, любя и страдая... И такой человѣкъ голодной смертью умиралъ, не понятый, не оцѣненный, а вы себѣ мраморныя дворцы возводили, и его въ желтый домъ прочили!..

— Еще бы! Куда же дѣвать сумасшедшихъ? Примѣръ заразителенъ!—вспыхнулъ Нерадовъ.

Въ расчеты Леви вовсе не входило ссориться съ миллионеромъ. Онъ подошелъ къ расходившемуся товарищу и, положивъ руку на его замасленный рукавъ, сказалъ:

— Пять часовъ, Александръ Ивановичъ! Мы еще кой къ кому зайти хотѣли... Пора!

Но тотъ уже вошелъ въ ражъ.

— Примѣръ заразителенъ? А? Значить, и я, по-вашему, сумасшедшій?.. Нѣтъ-съ! Если хотите, не съ ума, а съ глупости сшедшій! Да!.. Потому что глупы все, кто смотритъ и не видитъ,—слушаетъ и не слышитъ, думаетъ и не разумѣетъ! И я, пока съ дѣлами другого посланника Божія, въ тюрьмѣ соловецкой погибшаго, Адриана Павловича Пушкина знакомъ не былъ, глупъ былъ и глухъ, и слѣпъ! Но, прочтя о немъ въ «Вѣстникъ Правды» эти огнемъ жалости сжигающія душу статьи, которыя Коробовъ, въ пищѣ и питьѣ, въ одеждѣ и жилищѣ себѣ отказывая, писалъ и печаталъ, просвѣтился и нынѣ въ умѣ пребываю: я, всю жизнь Бога отрицавшій,—въ Бога увѣровалъ!..

Сѣвскій снова усталился на говорившаго:

«Что онъ юродствуетъ, насъ дурачить, или говорить по совѣсти? Нигилистъ, ударившійся въ сектантство?»

А тотъ продолжалъ:

— И эти писанія открыли мнѣ и то, почему, когда дѣло нашей жизни совершилось и палъ тотъ, кто угнеталъ родину, на зарѣ царствованія своего просіявъ сперва, аки солнце благи и справедливости, Россія все-таки не только на новый путь не вступила, а вспять по-старому все глубже и глубже во тьму невѣжества, нищеты и безславія, какъ сирота бездомная, съ сумою за плечами уходитъ... Знаете ли почему?

— Нѣтъ!—съ затаеннымъ дыханіемъ вырвалось у Нерадова. По-немногу на него гипнотически начинали дѣйствовать рѣчи лохматого оратора.

— Не знаете и знать не можете, потому что писаній Александра Біармійскаго, сирѣчь, Пермской губерніи подвижника Александра Михайловича Коробова не читали! Горе наше въ томъ, что глаза наши закрыты были, и мы, къ тому дѣлу готовясь, на правду Божью раскрыть ихъ не сумѣли! Мы не распознали того, кто не елеемъ въ церквахъ варенымъ, а духомъ истины взамѣнъ помазанъ былъ!.. Но онъ живъ нашъ вождь, Мессія, императоръ!.. Онъ живъ и придетъ!..

— И вы въ это вѣрите?—съ насмѣшкой спросилъ Юневъ.

— Вѣрю-съ... И знаю—царство его близко... Но не будетъ мѣста въ царствѣ томъ вамъ, одѣвающимся въ виссоны и пурпуръ, васъ намъ не надо... Намъ надо людей, для которыхъ, какъ и для первыхъ учениковъ Христа, сокровища міра не имѣютъ цѣны... И ихъ много... Паства велика, но стадо безъ пастыря разсѣяно... Это они, униженные, оскорбленные, работающіе на васъ, богачей, носящихъ петли аркана дьявольскаго, удавки, по-еврейски галстуками называемыя... Но свободна отъ нея вы моя. Права народа не выпрашиваются,

а завоевываются... Сойдутся ко мнѣ и моимъ мученики нужды и труда, и отъ крика нашего мощнаго падуть стѣны іерихонскія... Гласомъ трубнымъ мы міру возвѣстимъ: «Приидите, языцы, и внемлите! Ты, Россія, ко гласу посланныхъ къ тебѣ глухою пребывшая, становись ошую... А ты, Гельветія, держава малая, горами аки алтарями изукрашенная, пребудь одесную! Изъ тебя да выйдетъ тотъ, кто повергнетъ во прахъ орла двуязычнаго и отсѣчетъ обѣ главы его!»

И, поднявъ къ рѣзному дубовому потолку руку, онъ продекларироваль:

Приди, пророкъ нашъ вдохновенный,
Уснувшихъ въ рабствѣ разбуди!
Пропой, пророкъ, намъ гимнъ священный
И за свободу въ бой веди!

Возстань, пророкъ! Пора настала,
Чтобъ твой глаголъ окрестъ воззвалъ,
Какъ трубный звукъ, какъ звонъ цимбала,
И гласомъ правды прозвучаль! ¹⁾

Онъ не читаль, а какъ-то рычалъ эти стихи, поводя освободившимися отъ пенснѣ близорукими глазами и потрясая сжатымъ, костлявымъ кулакомъ. Нерадовъ созерцаль его. Лямкинъ готовъ былъ кинуться декламатору на шею, Леви потупилъ глаза и хитро усмѣхался, но Сѣвскій не выдержаль и круто повернулся на каблукахъ.

Юневъ всталъ тоже...

— Мнѣ пора!—промолвилъ онъ.

Леви снова подошелъ къ оратору и дернулъ его за рукавъ. Онъ точно очнулся и, обведя комнату бессмысленно-разсѣяннымъ взглядомъ, сталъ прощаться. Всѣ вышли провожать его.

— А-а-аф!—потянулся въ креслѣ, зѣвая, Мика.

— Съ нами крестная сила!—вдрогнулъ Лямкинъ.—Вы откуда взялись? Я думаль, вы давно на велосипедѣ укатили!

— Нѣтъ, я все время тутъ былъ.

— Вѣчно вы всюду безъ спроса толчетесь. Развѣ мѣсто вамъ тутъ?

— А почему же нѣтъ?—отозвался Мика, оправляя пестрый бантъ своей «удавки» передъ зеркаломъ камина.—Ипполитъ Наумовичъ, а какъ фамилія этого господина

— Не ваше дѣло!

— А вы сами знаете?

— Повторяю, не ваше дѣло. Идите къ себѣ!

— Нѣтъ, постоитъ! я еще хотѣлъ что-то спросить васъ... Да! До какихъ это ризъ допиваются мужики?

— Какіе мужики?.. Какія ризы?—опѣшилъ воспитатель.

¹⁾ «Свобода», № 5. (Женева).

— Ну, вотъ! Господинъ Юневъ еще говорилъ: «до положенія ризъ».

— Да неужели вы никогда этого выраженія не слышали?

— Можетъ быть... а вы все-таки объясните мнѣ, какія это такія ризы?

— Ризы эти... вотъ, видите ли, эти ризы... Ну, однимъ словомъ... вродѣ какъ бы сказать!... «Чортъ знаетъ! вѣдь я и самъ не знаю, какія это ризы?»—подумалъ онъ про себя, а вслухъ прибавилъ:— Разумѣется, это просто такъ говорить.

— Для краснаго словца? — допытывался безпощадный питомецъ.

— Ну, да, конечно, для поговорки!

— А я думалъ, это тѣ, что священники въ церкви надѣваютъ!

И, весело свистнувъ, онъ исчезъ за дверью, въ полномъ восторгѣ, что поставилъ опять Наумыча втуникъ.

Черезъ двѣ минуты, сверкая никелированными спицами, онъ уже мчался на велосипедѣ въ паркъ, навстрѣчу матери, которая на этотъ разъ катала въ русской нерадовской коляскѣ не только Марусю, но и Лизу со старушкой-тетушкой, на зависть и восхищеніе гулявшимъ.

IX.

Иль свобода страшна?
Или ложь прощена?
Позабыты измѣны постыдныя?
Позабыта пора,
Гдѣ всю ночь до утра,
Проливались слезы обидныя?..

(«Листки пожелтѣлые». М. К.)

Изъ Кольчева наконецъ пришелъ отвѣтъ:

«Не могу до сей поры повѣрить,—писалъ по порученію неграмотнаго Арефія сынъ его Митя, крестникъ и любимчикъ баушки Кирилловны,—что это и взаправду писанное сбудется, и вы, все-милостивѣйшія госпожи и благодѣтельницы наши, къ намъ, сиротамъ, вернетесь. Потому за всѣ эти годы мы были одни тутъ, и силъ просто не хватало, съ каждымъ годомъ все меньше противу сосѣда и супостата нашего Евграфова бороться. Тятенька сна рѣшилися за послѣднюю зиму, потому онъ ему проходу со всякими обидами и приставаньями не давалъ, все, какъ паукъ крестовикъ ненасытный къ лапамъ кругомъ прибирая, всю землю крестьянскую въ аренду взялъ, и въ народѣ теперь село наше Евграфовой слободкой уже слытъ начало, а крестьянамъ мы аренду на нашу снова на два года продолжили, чтобы имъ, кто не хочетъ, въ кабалу къ ему не идти. А онъ добивался и помѣщичьи исконныя поля въ свою аренду заполучить и

даже двойныя цѣны на нихъ сулили, а какъ тятенька его не послушали, онъ имъ, значитъ, доносомъ вамъ на него грозить сталъ. А вы тому доносу не вѣрьте. Потому если и была ему, Евграфову, мельница на клину уступлена, то хотя и безъ вѣдома вашего и согласія, но ради выгоды и пользы вашей сдѣлано, потому уже сколько лѣтъ безъ пользы стояла, некому и нечего молоть было, а ему плотина наша занадобилась, потому онъ топчакъ конскій на заводѣ замѣнить водою порѣшилъ и такъ съ тѣмъ дѣломъ торопиль и нудиль, что, отвѣта отъ васъ не дождавшись, тятенька ему на клинъ передаточную написали».

Лиза изъ письма ничего не поняла, но одно имя Евграфова подняло такую въ ея душѣ смуту, что она снова упала духомъ. Все это время, слушая милую болтовню старушекъ, она чувствовала себя бодрѣе и съ каждымъ днемъ готовѣе къ возвращенію. О Михалкѣ, правнукѣ дѣдушкинаго камердинера Евграфа, она не думала. Ей какъ-то въ голову онъ не приходилъ.

«Паукъ-крестовикъ!» Да, Митя вѣрно охарактеризовалъ его... Уже тогда онъ все прибиралъ къ своимъ цѣпкимъ, волосатымъ, какъ у хищника, лапамъ.

И она ясно воочию увидѣла его ярко освѣщенную майскимъ полднемъ фигуру въ розовой ситцевой рубахѣ и синей жилеткѣ съ толстой цѣпью отъ часовъ, какъ онъ вылѣзалъ тогда изъ подвала... Она видѣла его лапы, бережно державшія картузь, сѣрый коломянковый картузь, набитый шрифтомъ открытой имъ тайной типографіи...

И все, такъ безпощадно стираемое ею въ душѣ и памяти, встало, проснулось, облеклось въ краски и звуки, и тоже, безъ пощады и жалости, закружилось передъ глазами, воскрешая минувшее до мелочей... Острая, почти физическая боль ударила въ мозгъ: не будь этого часа въ ея жизни, и вся ея жизнь сложилась бы иначе.

Лиза хрустнула пальцами...

«Да развѣ отъ того дѣло измѣнилось бы? Развѣ царевѣица сталъ бы другимъ человѣкомъ? Никогда!.. Никогда!..»

... Показать письмо тетѣ Сапѣ она не рѣшилась, а передала его Кирилловнѣ. Та осѣдлала свой клювообразный носъ очками и стала по складамъ разбирать посланіе внука.

По мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось впередъ и перечитываемое по нѣсколько разъ приобрѣтало смыслъ, черные глаза смотрѣли все гнѣвнѣе и провалившійся старушечій ротъ плевался все чаще.

— Ахъ, онъ дьяволь-анаеема!.. Ну, да и Арефій тоже сахаръ... Мельницу Михалкѣ уступилъ!.. Да какъ онъ это смѣлъ?! Душегубы! Погодите, свѣтики! Приѣдемъ, я васъ обоихъ къ отвѣту поставлю!.. Митька-то чего жъ спалъ? Чего раньше не донесъ? Мельницу... Молоть нечего?! Ну, и не надо, коли нечего,—такъ бы стояла... А то нате, Михалкѣ передаточную написали... Плотина наша занав...

добилась?—Домъ нашъ занадобился бы, такъ и его, милости просимъ, прикарманъ, миленькій?... Небойсь, дай вернуться, такъ я уже всёмъ тронмъ карманы-то выверну!... Изверги... Хриstopродавцы...

Но генеральшѣ, конечно, ни слова о томъ сообщено не было.

Александрѣ Николаевнѣ была прочтена вслухъ только та часть Митькинаго письма, гдѣ говорилось о приготовленіяхъ къ ея переезду, о радости всѣхъ обитателей Колычева увидѣть снова послѣ столькихъ лѣтъ старую госпожу, да передавались послѣднія новости уѣздной жизни, гласившія о томъ, что «прежній городской голова, Захаръ Степановичъ Шемаевъ на Вербную субботу Богу душу отдаде, а на его мѣсто нонѣ сынъ его Миронъ Захаровичъ избранъ, а другой, Степанъ, что давно уже опустился отъ пьянства и на хлѣбахъ у брата изъ милости проживаетъ, послѣ смерти родителя всенародный зарокъ не пить далъ и на богомолье въ Кронштадтъ уѣхалъ»...

— А помнишь, Лизанька,—улыбнулась тетя Саша и смолкла.

— Какъ болтали, что онъ меня сватать собирается?..—докончила, заставивъ и себя улыбнуться, Лиза.—Помню!..

— А Фланта помнишь?

— Это офицера-то бѣлобрысаго?—перебила Кирилловна.—Ну его, нѣмчуру! Довольно ихъ тутъ у насъ. Я какъ на нихъ здѣсь поглядѣла,—всѣ они на одно лицо, на этого самаго Филинтова похожи, и не отличишь... И фамилія-то у него какая была,—сову ночную напоминала.

— Онъ вовсе не нѣмецъ былъ,—заступилась за своего прежняго обожателя Лиза:—да и чѣмъ же нѣмцы хуже насъ, русскихъ?

Но Кирилловна только рукой махнула.

— Охъ, ужъ поскорѣй ѣхать бы!—вздохнула она про себя.

.....
Эта ночь досталась Лизѣ особенно тяжело.

Она спала въ одной комнатѣ съ дочерью. Дѣвочка, какъ улеглась, такъ и уснула на правомъ боку, и, вѣрно, снились ей хорошіе сны. Она дышала ровными, глубокими, мѣрными дыханіями.

Лиза, при слабомъ свѣтѣ лампадки въ углу, вглядывалась пристально въ образъ св. Маріи, изображенной съ поднятыми въ молитвенномъ экстазѣ руками.

Она не могла уснуть.

Все, что пробудило днемъ упоминаніе въ Митиномъ письмѣ имени Евграфова, снова бродило, сплетаясь въ безконечныя цѣпи когда-то пережитыхъ дней, и сердце падало, точно обрываясь въ груди, при мысли, что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца придется вернуться къ той, казалось, изжитой жизни... И та вѣчность, что отдѣляла ее отъ былого, переставала быть вѣчностью. Пропастъ быстро, быстро суживалась. Два разорванныхъ ею края жизни плыли навстрѣчу другъ другу, чтобы слиться воедино опять, и

эта жизнь рисовалась ей безплодной, однообразно печальной равниной, безъ кустика, безъ травки, безъ малѣйшей радости и возможности отдыха... Вѣчное, сплошное терзаніе...

Въ сущности—это глупо... Пусть такъ... Ну, да, Михалка будетъ рядомъ. Но вѣдь ничто не обязываетъ ее встрѣчаться съ нимъ? И не все ли равно, гдѣ ей жить? Тутъ, или тамъ? Этой или другой жизнью? Развѣ ей жаль разставаться съ настоящей? Развѣ есть хоть что-нибудь привязывающее къ этой комнатѣ, къ этой улицѣ, къ этому городу?..

Конечно, нѣтъ... И людей ей тоже не жаль.

Дружбы,—какое!—даже близкаго знакомства у нея ни съ кѣмъ не было. Одно было дорого—покой. Хотѣлось—она сидѣла дома. Надоѣдало—выходила на улицу, гуляла для моціона, мѣняла въ библіотекѣ книги, посѣщала музей, бывала по субботамъ въ кружкѣ педагоговъ, но даже и тамъ ни одно встрѣчаемое за эти годы лицо не привлекало особеннаго вниманія, не стало милымъ и дорогимъ.

Никогда, никогда не возникало желанія почувствовать на себѣ чей бы то ни было взглядъ, добиться улыбки или привѣтливо обрадованнаго возгласа при встрѣчѣ... Всѣ были чужими, ненужными, посторонними...

И вдругъ—солнечный лучъ загорѣлся на бѣлокурой бородѣ, улыгнулись изъ-подъ рыжеватыхъ усовъ румяныя губы, и ласково засвѣтились пристальные голубые глаза.

«А меня не жаль?» спросилъ знакомый голосъ.

Лиза потупилась.

Они сидѣли вдвоемъ у открытаго окна гостиной. Въ саду фрау Брикъ, черезъ улицу, клумбы синихъ и розовыхъ гіацинтовъ чередовались съ грядками бѣлыхъ и желтыхъ нарциссовъ и пестрыхъ тюльпановъ. Мартель высокимъ и вѣрнымъ голосомъ пѣла:

Auf der Alm da giebt's kein' Sünd!.. 1)

Ароматъ цвѣтовъ и звуки веселой тирольской пѣсни, ничуть не раздражая, врывались въ строгую комнату съ симметрично разставленной мебелью, съ пыльными букетами изъ перистыхъ пестрыхъ травъ и сухеныхъ цвѣтовъ по угламъ. Солнце ударяло въ зеркало надъ диваномъ, и зайчики разбѣгались по узорамъ обоевъ и отражались даже въ сердцѣ.

Или же это были отвѣты пытливыхъ зрачковъ?

Отчего теперъ, когда здоровье Александры Николаевны, видимо, укрѣплялось, когда понемногу возстанавливалось движеніе, и она была уже въ состояніи сдѣлать шага два, опираясь на палку, онъ все-таки пріѣзжалъ по-старому, не менѣе двухъ разъ въ не-

1) На вершинѣ нѣтъ грѣха...

дѣлю, и, осмотрѣвъ старушку, каждый разъ заходилъ въ эту комнату поболтать съ ней, Лизой?

Ее все сильнѣе смущали его глаза, и въ то же время тянуло рассказать все, все про себя.

Особенно теперь, чѣмъ ближе подходила перемѣна жизни, тѣмъ неодолимѣе становилась потребность высказаться. Хотѣлось просить:

«Пощадите! Найдите исходъ! Дайте, или, вѣрнѣе, создайте возможность жить попрежнему! Сохраните мнѣ покой существованія вдали отъ этихъ мучительныхъ свидѣтелей былого...»

И въ то же время въ буквальномъ смыслѣ слова — языкъ не поворачивался выговорить это.

Вольфъ прописалъ ей строгій режимъ и діету, ежедневный усиленный моціонъ съ обязательной прогулкой по горамъ, а также сократилъ до двухъ часовъ въ день ея занятія съ Марусей. И она чувствовала, что ея кровь обращается равномернѣе, сонъ становится спокойнѣе, люди, а въ особенности дочь, не вызываютъ былого озлобленія, и цвѣты въ лѣсу пахнутъ, и птицы поютъ, и музыка играетъ, и ни тѣ, ни другія не раздражаютъ... А вѣдь за всѣ эти годы каждый запахъ, каждый музыкальный звукъ рѣзали по нервамъ.

И всякій разъ, когда онъ убѣждался, что ей лучше, онъ снова улыбался ласкающей, доброй улыбкой и глядѣлъ на нее ликующими глазами, такъ и напоминая красное солнышко.

Да, его было ей жаль!

Уѣхать, вернуться въ Кольчево значило навсегда распрощаться съ нимъ и никогда потомъ не увидѣть ни его глазъ, ни усмѣшки.

Онъ и съ Марусей подружился и ее выстукалъ и выслушалъ, и прописалъ ей «воздухъ, радость и смѣхъ» (Luft, Lust und Lachen) прежде всего, а желѣзо вдобавокъ. Онъ весело шутилъ съ ней, искренно забавлялся ея отвѣтами и подсмѣивался надъ кокетствомъ.

— Kleines Weib! Kleines Weib! — грозилъ онъ ей шутливо пальцемъ.

И Лизѣ живо до галюцинаціи представилась его отечески ласково положенная на Марусины золотистые волосы рука, рука залитаго солнечнымъ отблескомъ мужчины... Что-то ёкнуло въ сердцѣ... Рука отца на головкѣ сиротѣвшей отъ рожденія дѣвочки... И вспомнились здоровые, голубоглазые сорванцы-мальчуганы, рѣзвящіеся съ черными курчавыми пуделями... Одна семья — братья и сестра...

И тотъ же голосъ повторилъ:

«А меня не жаль?..»

Она приподнялась и сѣла въ постели.

Жаль... жаль!

Ея руки, какъ руки Маріи Магдалины въ углу на иконѣ, протянулись вверхъ, и вдругъ ясно, совершенно наяву она ощутила его голову у себя на колѣняхъ...

Лиза прижалась губами къ ней и цѣловала, цѣловала безъ конца... но это была уже не бѣлокурая голова. Черные, кудрявые, шелковистые волосы путались въ ея пальцахъ. Знакомый запахъ папироснаго дыма и русскаго одеколона исходилъ отъ нихъ. Она запрокинула эту мужскую голову назадъ,—черные, бездонные райки смотрѣли изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ, и яркія губы подъ темными вьющимися усами спрашивали:

— А меня не жаль?..

Глухой стонъ перешелъ въ болѣзненно-рѣзкій крикъ.
Маруся проснулась. Путааясь въ длинной ночной рубашкѣ, соскочила дѣвочка съ постели и бросилась къ матери:

— Мама! Мамочка!.. Проснись!.. Ты больна?..

Лиза открыла глаза.

— Что? Что такое?.. Гдѣ я?.. Отчего ты не спишь?

— Я спала, но ты такъ закричала... Ты, вѣрно, видѣла страшный сонъ.

Она стояла, поджимая то одну, то другую босую ногу.

— Ложись! Ты простудишься.

— Дай, я переkreщу тебя!—вдругъ сказала дѣвочка:—ты, вѣрно, плохо помолилась на ночь?

Лиза упала, молча, на подушку, а Маруся съ серьезнымъ видомъ перекрестила мать и, поцѣловавъ ее въ лобъ, перебѣжала снова на свою постель.

Брыкнувъ раза два подъ одѣяломъ озябшими ногами, она укуталась поплотнѣе, и черезъ двѣ минуты послышалось опять ея мѣрное, глубокое дыханіе.

X.

Нѣмымъ, холоднымъ изваяньемъ
Она рождалась изъ-подъ рѣзца,
И въ восхищеніи обожаньемъ
Сверкали взоры ея творца.
Безцѣнный мраморъ, какъ лилея,
Быль непорочень, и чистъ, и бѣлъ.
Но взоръ людской, все пламенѣя,
Призывомъ страсти его согрѣлъ.

(«Листики пожелтѣлыя» М. К.).

Весна уступала власть лѣту. Лѣса на горахъ и парки въ долинахъ были давно одѣты сочной листвою. Бѣлые цвѣты каштановъ, словно свѣчи, распускали свои звѣздочки. Сирень, бузина, жимолость и акаціи разливали цѣлыя волны ароматовъ.

На рынкѣ, среди овощей и рыбы, кочующими цвѣтниками двигались ручныя телѣжки съ гортензіями, азаліями, пеларгоніями и розами. Лакфіюли и левкои смѣшивали свой пряный запахъ съ желтымъ мускусомъ и гвоздикой. Сережки крупныхъ фуксій и грозди клубневыхъ бегоній всѣхъ размѣровъ и оттѣнковъ трепетали отъ малѣйшаго вѣтерка, и рѣдкая хозяйка, возвращаясь съ площади, послѣ побѣдоносной битвы съ арміей чулочницъ не уносила въ видѣ трофея букета или горшка цвѣтовъ, тщателью обернутого въ цвѣтную бумагу.

Въ вычурныхъ бесѣдкахъ и павильонахъ нарядныхъ садовъ на десертъ во время послѣобѣденнаго кофе подавалась сочная, лѣсная и садовая земляника и первыя вишни. Кто могъ—покидалъ городъ, и въ гимназіяхъ и школахъ обсуждались программы лѣтнихъ экскурсій. На городскомъ вокзалѣ съ каждымъ днемъ тѣснилось все больше отъѣзжающихъ, и носильщики въ холщевыхъ блузахъ и синихъ фуражкахъ съ бляхами зарабатывали вдвое больше «на часевъ», а Александра Николаевна съ Лизой все еще не трогалась изъ дома фрау Зелигъ.

Вольфъ оттягивалъ ихъ отъѣздъ. Его бесѣды съ Лизой продолжались, но она была теперь гораздо сдержаннѣе.

Съ безпощадностью анатома или вивисектора она рылась у себя въ душѣ, и ея вновь зарождавшееся чувство къ этому красивому мужчинѣ подвергалось самому жестокому, хладнокровному сыску.

Оно казалось ей смѣшнымъ, нелѣпымъ, недопустимымъ.

Саркастически улыбаясь, рисовала она себѣ свой обликъ постарѣвшей женщины, лишенной всякой привлекательности,—свои рѣзкія черты и манеры, угловатые локти и колѣни,—и находила себя безобразной и отталкивающей.

«Глупо, дико, позорно думать о любви теперь... Если я и была ничего себѣ въ юности, то теперь я—старуха! Въ тридцать лѣтъ съ хвостикомъ женщина уже отжила, даже если бы и сохранилась,—она естественно уже не свѣжа... Вонъ Ольга... Неужели я бы согласилась, подобно ей, прибѣгать къ косметикѣ?.. Ни за что!..»

Лиза никогда не смотрѣлась въ зеркало. Ради Маруси, послѣ того случая, гдѣ такъ явно сказала склонность дѣвочки къ кокетству, она велѣла Анхенъ перевѣсить зеркало въ гостиной чуть не подъ самый потолокъ. Она и не подозрѣвала, что дочь ея прибѣгаетъ къ чисто акробатическимъ упражненіямъ и все-таки глядится въ него.

А между тѣмъ всѣ, кто давно не видалъ Лизы, поражались совершившейся въ ней перемѣной. Благодаря режиму, ея цвѣтъ лица значительно посвѣжѣлъ. Черты утратили окаменѣлость и не сводились больше безобразившей ихъ судорогой. Глаза стали жи-

вѣе и выразительнѣе, а движенія болѣе мягкими и женственными.

Сложная духовная работа свѣтилась изнутри и скрашивала внѣшность. Все чаще появлявшаяся улыбка молодила еще больше и привлекала, какъ свѣтлый отблескъ сквозь тучи, обѣщая въ недалекомъ будущемъ яркій, безоблачный день...

Вольфъ съ каждымъ посѣщеніемъ убѣждался, что его леченіе все несомнѣннѣе отвоевываетъ отъ болѣзни, пустившей было крѣпкіе корни, благодарную почву потрясеннаго жизнью организма.

До сихъ поръ Лиза, однако, такъ и не посвящала его въ причины своего нервнаго недомоганія. Ему, конечно, ничего не стоило бы усыпить ее и путемъ внушенія заставить исповѣдаться себѣ, но онъ дѣйствительно не былъ шарлатаномъ и властью надъ больными не злоупотреблялъ. Захоти она сама рассказать ему свое прошлое,—другое дѣло! Это не только бы удовлетворило его вполне естественное любопытство заинтересованнаго врача, добившагося полного довѣрія и откровенности замкнутой со всѣми остальными людьми на свѣтѣ молодой еще, и даже весьма недурной, пациентки, но еще болѣе его самолюбіе красиваго мужчины.

Производимое имъ на Лизу впечатлѣніе ни секунды не было тайной для него,—не она первая!—и это по обыкновенію тѣшило его. Онъ называлъ ее втайнѣ своей Галатеей и радовался возрождавшимся нравственнымъ и физическимъ ея силамъ, радовался ея улыбкѣ и болѣе мягкому обращенію съ дочерью. Ему нравились ея больше не стеклянные, потемнѣвшіе вдругъ сѣрые глаза подъ черными дугами бровей, и, заглядывая въ нихъ, онъ крѣпко и задушевно пожималъ нервную женскую руку.

Лизу эти пожатія всякій разъ волновали до самой глубины души. Ей такъ хотѣлось бы вѣрить имъ! но...

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть!.. Это мнѣ только кажется... Я такъ некрасива, что никто, а тѣмъ болѣе онъ, у котораго столько молодыхъ и красивыхъ, конечно, пациентокъ, мною интересоваться не можетъ...—твердила она себѣ.—И, наконецъ, что я о немъ знаю? Развѣ онъ свободенъ?.. Откуда у него его сыновья, эти славные, столь похожіе на него мальчуганы? Кто ихъ мать?.. Обручальнаго кольца онъ не носитъ... но онъ, можетъ быть, живетъ гражданскимъ бракомъ... или же онъ вдовецъ?..»

Она боялась наводить о немъ справки, боялась и не хотѣла, и не могла нарисовать себѣ рядомъ съ нимъ ничей женскій обликъ. Это было бы слишкомъ мучительно... Жажда жизни и счастья все воскресала и росла, и она боролась съ нею, переходя отъ сомнѣній къ надеждѣ, отъ увѣренности къ отчаянію, къ беспощадному осужденію себя и порицанію непрошенныхъ, мучительныхъ порывовъ.

Къ концу мая ея состояніе сдѣлалось окончатель ноневыносимымъ. Самое простое—перестать видѣть его... расплатиться и сказать:

«Спасибо за прежнее, но, слава Богу, тетушка теперь здорова, и мы поѣдемъ на дняхъ въ курортъ... Получите вашъ гонораръ».

Но если тетя Саша такъ легко и безцеремонно разсталась съ тѣмъ первымъ долговязымъ докторомъ, поступить такъ же съ Вольфомъ она бы не позволила. Она не только не тяготилась его посѣщеніями, напротивъ, она радовалась имъ, потому что привязалась къ нему, какъ часто искренно привязываются больные къ поставившимъ ихъ на ноги докторамъ.

Она тоже называла его «наше красное солнышко», а Кирилловна снисходительно съ ней соглашалась и говорила:

— Вѣдь, вотъ подите же: нѣмецъ, а лечитъ умѣетъ!

«Просто не буду выходить къ нему... — рѣшила Лиза:—такъ, вотъ, возьму и не выйду».

«Онъ спроситъ, что съ тобой, и если скажутъ: ты больна, какъ врачъ тѣмъ настойчивѣе потребуетъ видѣть тебя»,—отвѣтилъ разсудокъ.

Тогда у нея мелькнула болѣе подходящая мысль. Сговорившись съ Ольгой, она пообѣщала зайти за нею, чтобы вмѣстѣ закупить кое-что для дороги и кстати воспользоваться ея совѣтами при выборѣ и заказѣ необходимаго лѣтнаго гардероба Марусѣ и себѣ.

«Положимъ, я не очень-то ее буду слушаться...»—прибавила она про себя, съ презрѣніемъ оглядывая вычурный фасонъ Ольгиного тальера.

Во вторникъ сразу послѣ завтрака она прошла къ Александрѣ Николаевнѣ.

— Я иду по дѣламъ, теточка. Мы съ Олей хотимъ побѣгать по лавкамъ. Если я не успѣю вернуться, извинись передъ профессоромъ. Безъ меня тебѣ и свободнѣе съ нимъ поговорить будетъ... Ты его обворожи кстати и постарайся добиться,—когда же онъ пошлетъ насъ въ Н.? Сперва соблазнялъ, что мы тамъ чуть ли не сезонъ откросмъ, а теперь, я думаю, съѣздъ уже въ полномъ разгарѣ, и мы, того и гляди, безъ комнатъ останемся.

— Ладно, обворожу!..—отвѣтила старушка:—мнѣ и самой ужъ больно охота поскорѣе на ноги встать. А онъ прямо чудеса о Н. рассказываетъ... И хозяина отеля такъ хвалить... А тамъ мы и домой сразу тронемся. Вещи впередъ отправить можно будетъ... Денька три тутъ, съ водъ вернувшись, на этой квартирѣ отдохнемъ, и—съ Богомъ въ Колычево... Такъ, вѣдь, Лизанька?

— Такъ, такъ, моя хорошая!

Лиза поцѣловала тетю Сашу въ ея милый серебряный ободочекъ волосъ и, кликнувъ Марусю, быстро пошла въ гору за Ольгой.

Маруся, конечно, была въ восторгѣ. Обновки сами по себѣ, а то, что ихъ будетъ помогать выбирать тетя Оля, придавало этой прогулкѣ еще болѣе цѣнности.

Согласно уговору, Ольга ждала ихъ у воротъ нерадовой виллы, стоявшей на одномъ изъ поворотовъ того шоссе, которое пересѣкала переулокъ съ домомъ фрау Зелигъ.

Лиза къ Нерадовымъ заходить сама, не будучи знакома домами съ Андреемъ Петровичемъ и зная про фрейлейнъ Аманду, не хотѣла и подъ всякими предлогами постоянно отклоняла всѣ приглашенія Ольги.

Маруся тщетно сквозь узоры чугуннаго забора пыталась разглядѣть домъ,—его съ дороги не было видно,—и, подавивъ любопытство, повисла на рукѣ Нерадовой.

— «Allons, enfants de la patrie!»—запѣла было та...

— Сумасшедшая!—остановила ее Лиза.

И онѣ всѣ трое бодрымъ шагомъ сбѣжали по кратчайшей дорогѣ въ городъ.

Совѣты Ольги въ магазинахъ не только не оказались лишними, напротивъ, даже облегчали переговоры.

Приказчики понимали ее съ полслова, и она живо справлялась съ заказами, весьма практично и экономно распоряжаясь тѣми средствами, которыя ассигновала Лиза на покупки, и та ей вполне покорилаь.

Въ магазинѣ модъ она авторитетно отмѣнила и матерію, и фасоны, выбранные Лизой.

— Не срамись сама и не срами фирмы,—заявила она по-нѣмецки:—это не монастырская швальня, не лавка антикварія и не карнавальная костюмерная. Не правда ли, фрейлейнъ? Вѣдь эти цвѣта только въ восемьдесятъ лѣтъ носить, а про такія пелерины, о которыхъ говорить моя пріятельница, вы отродясь не слыхали? Онѣ были въ модѣ въ Камерунѣ, когда еще тамъ о нѣмцахъ и не знали. А теперь ни одна сколько-нибудь цивилизованная чернокожая ни за что не рѣшится надѣть ихъ... Ими тамъ шалаши покрываютъ...

Приказчицы весело фыркали, польщенные упоминаніемъ о нѣмецкомъ вліяніи въ Африкѣ, а Probiertamsel и, слегка раскачивая бедра, важно выступали, примѣряя на себѣ самыя модныя новинки.

Ольга съ видомъ знатока отбирала купоны и отдѣлки.

— Это Марусѣ, это тетушкѣ, а вотъ это тебѣ...

— Что ты! Что ты!—возмущалась Лиза:—это невозможно: слишкомъ броско и молодо для меня.

— Успокойся, пожалуйста! Я бы не надѣла, потому что не хотѣла бы старить себя,—а тебѣ какъ разъ,

Примѣрка и споры отняли много времени. Лиза взглянула на часы.

— Половина второго!—замѣтила она.

— Мама! Вѣдь ты опоздала!—перебила Маруся.

— Куда?—спросила Ольга.

— Домой,—отвѣтила дѣвочка:—мама, неужели ты забыла, что у насъ сегодня господинъ Вольфъ?

Лизѣ сразу нарисовалась картина того, что происходитъ въ данную минуту у нихъ дома.

...Вотъ онъ входитъ къ тетѣ Сашѣ со своимъ озаряющимъ все взглядомъ.

— Guten Tag, Excellenz!..

Оглядывается,—ея нѣтъ... вмѣсто нея Кирилловна, «der Sadrach» на его шуточномъ языкѣ...

Сердце Лизы упало при мысли, что она собственною волею лишила себя счастья видѣть его улыбку, его глаза, и она заторопилась изъ лавки.

— Постой, куда же ты? Вѣдь ты еще хотѣла зайти къ Кнацу за шляпами?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ некогда... Мнѣ пора домой.

— Прекрасно... Ступай! Но поручи тогда Марусю мнѣ. Клянусь, съ ней ничего не случится, и я выберу ей все по твоему вкусу. Или ты мнѣ не довѣряешь?

— Ахъ, нѣтъ! Съ чего ты взяла... Напротивъ...—отвѣтила Лиза, едва сознавая, что говорить.

Ее все сильнѣе подмывало желаніе поскорѣе быть дома. Она наскоро поцѣловала дочь и подругу.

— Слушай, Лизокъ,—остановила ее Ольга:—у меня къ тебѣ громадная просьба: можно мнѣ будетъ Марусю потомъ напоить у насъ чаемъ?

— Конечно... конечно!—такъ же бессознательно поддакнула Лиза и скорымъ шагомъ пошла, почти побѣжала по Королевской улицѣ по направленію къ дому.

Ея желаніе очутиться въ комнатѣ тети Саши съ каждой секундой становилось острѣе; точно подъ вліяніемъ чьей-то посторонней воли, чьего-то неслышнаго и незримаго приказанія она все ускоряла шагъ, а путь какъ на зло казался безконечнымъ, вызывая почти физическое недомоганіе. Сердце билось и падало... голова кружилась... ноги точно заплетались, не поспѣвая за возрастающимъ стремленіемъ... въ глазахъ темнѣло, и звонъ въ ушахъ усиливался...

На перекресткѣ стоялъ извозчикъ.

Она вскочила на подножку и, задыхаясь, крикнула адресъ. Онъ оглянулся на нее и, щелкнувъ бичомъ, помчался по улицамъ,

Не переводя духа, взбѣжала она по лѣстницѣ тѣмъ легкимъ институтскимъ бѣгомъ, которымъ онѣ, бывало, вперегонку взбѣгали на самый верхъ въ музыкальныя селюльки и, оживленная, разрумившаяся, какъ молодая дѣвушка, съ сіяющими отъ нетерпѣнія глазами, рванула дверь въ спальню Александры Николаевны.

Вольфъ встрѣтилъ ее своей лучезарной усмѣшкой.

— Наконецъ-то!..—проговорилъ онѣ, крѣпко и радостно сжимая ей руку:—я уже было думалъ, что мнѣ пора въ тиражъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я прошу извинить, что запоздала...

— Ничего... пустяки... Какихъ-нибудь десять минутъ...—улыбнулся онѣ:—ого! какой, однакоже, у васъ румянецъ... Да вы, ей-ей, не на шутку поправляетесь! Пожалуй, и впрямь придется уступить генеральшѣ и не откладывать больше Н. Ну, что же! черезъ недѣлку можно и тронуться.

Онѣ былъ удовлетворенъ вдвойнѣ: во-первыхъ, Лизина виѣшность могла служить настоящей рекламой прописанному имъ леченію, а, во-вторыхъ, не заставъ ея, онѣ рѣшилъ испробовать на разстояніи надъ нею силу своего внушенія и мысленно позвалъ ее, и она вполнѣ и скоро поддалась ему.

«Удивительно интересный случай!—думалъ онѣ:—надо его занести въ книжку и послать о немъ замѣтку въ «Вѣстникъ».

Тѣмъ временемъ Ольга съ Марусей обходили Королевскую галерею. Шляпа отъ Кнаца уже была обновлена, а старая отправлена домой въ картонкѣ вмѣстѣ съ остальными покупками.

У витрины Штейна Маруся рассказывала Ольгѣ о соблазнявшемъ ее tête-à-tête, и та отъ души хохотала надъ мечтами дѣвочки.

— Вотъ его и купили!—печально заявила Маруся.

— Да нѣтъ же, онѣ, навѣрно, просто снятъ съ выставки! Зайдемъ въ магазинъ... Я и то хотѣла подарить тебѣ на память кораллы.

— Нельзя!..—вспыхнула дѣвочка.—Мама никогда ихъ мнѣ носить не позволитъ.

— Не позволитъ теперь, спрячь ихъ. Будешь носить, когда вырастешь. Я во всякомъ случаѣ тебѣ не чужая. Или ты забыла, что ты моя племянница по институту?

Онѣ зашли въ магазинъ. Сервизъ оказался еще въ цѣлости, а на шеѣ Маруси заалѣла нитка коралловъ съ крестикомъ, перевязаннымъ золотою веревочкой.

Дѣвочка, сіяя отъ восторга, тутъ же въ магазинѣ, къ великому удовольствію приказчиковъ, чуть не задушила Ольгу поцѣлуями.

— Ну, а теперь пойдемъ домой. Я устала и ѣсть хочу. А у насъ сегодня къ кофе какъ разъ русскій куличъ испечень.

Маруся сконфузилась.

— Знаете, тетя Оля, я боюсь... Мнѣ кажется, мама васъ не поняла... Она вѣдь меня никогда куда не пускаетъ...

— Ахъ, ты, парфетка, парфетка! Развѣ ты не слышала, что она согласилась? Вѣдь я же тебя нарочно при тебѣ выпросила?

И она кликнула извозчика.

Черезъ четверть часа, весело болтая, онѣ подъѣзжали къ чугунному кружевному забору, за которымъ таилась въ густой зелени вилла русскаго миллионера.

XI.

Въ передникъ вы собрали розы,
Разбитой кружки вамъ такъ жаль!
И въ глазкахъ свѣтите печаль,
И брызнуть ужъ готовы слезы.
Ужель у черстваго злодѣя
Ничуть не дрогнула рука
При хрупкомъ видѣ черепка,
Гдѣ вы хранили ихъ, лелѣя?

(«Разбитый кувшинъ» М. К.)

И вотъ Маруся наконецъ очутилась въ томъ саду, о которомъ столько слышала отъ Кати Сѣвской.

Вдоль усыпанныхъ мелкимъ гравіемъ дорожекъ вились вѣтки иммергрюна густой, темнозеленой каймою. На лужайкахъ, среди клумбъ геліотроповъ, левкоевъ, резеды и душистаго табака, въ рамкахъ лобеліи и ибериса стояли статуи. Изъ мраморныхъ вазъ панданусы и пальмы простирали къ небу свою фонтанообразную листву.

Здѣсь не было ни гномовъ, ни майоликовыхъ грибовъ, ни гипсовыхъ раскрашенныхъ звѣрей. На всемъ лежалъ особый отпечатокъ благородства и барства, но за эти простыя вазы и строгія статуи можно было отдать не одинъ десятокъ вычурныхъ, кричащихъ цвѣтниковъ другихъ мѣстныхъ богачей...

Къ концу мая весь этотъ садъ превращался въ розовый рай. Розы цвѣли на клумбахъ, на изгородяхъ; вползали по фонарнымъ столбамъ до самыхъ молочныхъ стеклянныхъ шаровъ, перекидывались гирляндами съ дерева на дерево по обѣимъ сторонамъ широкой вѣздной аллеи и сѣтью заплетались на зеленыхъ переплеткахъ трельяжей до самой крыши на южной сторонѣ бѣломраморнаго дома. Онѣ свѣшивались гроздьями съ балконовъ, съ вазъ, съ оконъ и то пламенѣли почти чернымъ пламенемъ, точно стгорая отъ страсти, то кровью заливали цѣлые кусты, то нѣжно, стыдливо, какъ утренняя заря, алѣли на выступахъ карнизовъ.

Rosenschloss—звали villu Нерадова.

Маруся даже притихла, войдя въ этотъ рай. Она шла, какъ очарованная, рядомъ съ Ольгой и затаила дыханіе, подойдя къ каменной лѣстницѣ.

Пара мраморныхъ львовъ, оскаливъ зубы и повернувъ косматыя головы, точно приподнялась навстрѣчу. Дѣвочка робко прошла мимо нихъ и стала всходить по широкимъ ступенямъ со статуями по бокамъ. Эта лѣстница была вырублена въ скалѣ, служившей фундаментомъ дому, и кончалась крытой террасой, убранной тропическими растеніями, откуда неслись голоса невидныхъ за ихъ зеленью людей.

У накрытаго стола сидѣло нѣсколько мужчинъ. Маруся сразу бросилась въ глаза богатая сервировка, красивыя тарелочки и золоченое серебро, цвѣтное столовое бѣлье и вазы съ фруктами, печеньями и цвѣтами.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ при ихъ входѣ хозяинъ.—Я ужъ думалъ, вы въ Россію сбѣжали, и мнѣ придется по-холостецки чай разливать самому.

Ольга извинилась и сѣла за самоваръ.

Маруся, сдѣлавъ всѣмъ по очереди реверансъ, устроилась рядомъ съ нею.

Всѣхъ мужчинъ этихъ она знала, кромѣ одного. Это былъ господинъ безъ галстука, и она его тотчасъ про себя окрестила «Мочалкинымъ» за беспорядочно свисавшія на лобъ свѣтлыя космы.

Видно было, что онъ своимъ приходомъ прервали начатый разговоръ и именно какъ разъ рѣчь «Мочалкина». Онъ вскинулъ на нихъ злобный взглядъ черезъ дымчатыя стекла криво сидѣвшаго пенснэ и, взявъ съ вазы галетку, сталъ нетерпѣливо крошить ее грязными пальцами.

— Вотъ видите ли,—заговорилъ онъ, когда окружающіе получили наконецъ изъ рукъ Ольги свои стаканы:—вы неправы потому, что не хотите сойти со своей точки и смотрите на ученіе церкви, какъ на нѣчто не поддающееся ничьему толкованію. Вы отрицаете всякую проповѣдь. Такъ вѣдь?

— Неправда,—возразилъ Сѣвскій.—Я раздѣляю церковь и ея служителей. Наша церковь потому и православная, что ея догмы неколебимы и, какъ стояли на Никейскомъ соборѣ, такъ будутъ стоять и до скончанія вѣковъ. А потому духовенство священно, воистину, апостольски священно, пока живетъ по правиламъ этимъ. Но то, что творится нынѣ, особенно въ селахъ и деревняхъ, гдѣ попь зачастую напивается съ прихожанами, тому не церковь, а челоуѣчество виною, и бросать ей укоръ въ заблужденіяхъ и порокахъ отдѣльныхъ лицъ среди причта несправедливо. Ученіе одно, а адептъ—другое.

— Извѣстно,—ввернулъ Леви съ улыбочкой:—попь всегда гасильникъ свѣта.

— Какъ такъ?

— А вотъ...

Онъ чиркнулъ спичку и, давъ разгорѣться, поднесъ ее Марусѣ черезъ столъ.

— Скажите, барышня, погъ...

— Погъ!—послушно сказала дѣвочка. Огонь погасъ. Всѣ разсмѣялись.

«Мочалкинъ» нетерпѣливо, точно отбиваясь отъ назойливой мухи, повелъ плечомъ.

— Вы ни одного серьезнаго спора не даете довести до конца. Помолчите, сдѣлайте одолженіе...

— Что, попало?—шепнула Ольга Леви.

— Ничего! не впервой...

— Ну, и марка, доложу я вамъ, у этого господина,—сказаль тихонько Юневъ, подходя съ другой стороны за новымъ стаканомъ чая:—я слушаю и удивляюсь. Вашъ свекоръ совсѣмъ имъ поработень... а ему, ей-Богу, мѣсто въ желтомъ домѣ...

«Мочалкинъ», не обращая на ихъ шопотъ вниманія, продолжалъ:

— Вы говорите,—ученіе само по себѣ, а адептъ—самъ по себѣ. Но вѣдь это абсурдъ... явный, возмутительнѣйшій абсурдъ!..

— Совершенно вѣрно,—перебилъ Нерадовъ.—Какъ тебѣ, Иванъ Алексѣевичъ, извѣстно,—обратился онъ къ свояку,—я принципиально въ церкви никогда не бываю, и именно потому, что всѣ ея названные адепты, съ духовенствомъ во главѣ, явные на практикѣ отрицатели исповѣдуемыхъ догмъ. А вѣдь адепты-то и важны... несравненно важнѣе самыхъ догмъ... Какая польза отъ сухой теоріи, когда она чужда практикѣ? И что въ ней за толкъ, когда на словахъ ее боготворять, а на дѣлѣ, на поступкахъ отрицаютъ и живутъ наперекоръ и вопреки тому, что проповѣдуютъ?..

«Мочалкинъ» нетерпѣливо крошилъ уже десятую галетку. Онъ былъ недоволенъ, что его перебиваютъ и не даютъ высказаться. Воспользовавшись паузой, онъ обвелъ всѣхъ сердитымъ взглядомъ и началъ вполголоса:

— Совершенно справедливо... я къ тому и клонилъ свою рѣчь. Слово и дѣло должны слиться воедино... Это и есть великая божественная тайна. Это два элемента божества,—его мужское и женское начало, и только тогда является третья ипостась—вдохновеніе, мысль, идея, вліяющая, поработщающая, плѣняющая, захватывающая,—телець, левъ, человѣкъ и орелъ—сирѣчь Духъ Святой, который голубиными крылами души адептовъ окрыляетъ, и приносятъ они тогда плодъ, сѣмя коего и есть то горчичное зерно, что, разрастаясь, должно наконецъ покрыть всю землю, дабы и птицы небесныя укрылись подъ вѣтвями его...

Маруся буквально слушала, раскрывъ ротъ. Ольга шепталась съ подсѣвшимъ къ ней Юневымъ и улыбалась сему своимъ красивымъ ртомъ и подведенными глазами.

Дверь отворилась, и вихремъ ворвался Мика.

— Нельзя ли потише?—обратился къ нему строго дѣдъ.—Гдѣ Ипполитъ Наумовичъ?

— Онъ къ Катѣ на урокъ пошелъ.

— Коробовъ,—продолжалъ на минуту смолкшій «Мочалкинъ»,—объясняетъ зачатіе Бога-Слова такъ..

Мика, получивъ изъ рукъ матери свой стаканъ съ именованымъ серебрянымъ подстаканникомъ, запасся цѣлой грудой печенья и хлѣба и расположился слушать разглагольствованія человѣка безъ галстука, но старикъ Нерадовъ поднялъ руку и сказалъ:

— Одну минуточку, Александръ Ивановичъ... Подождемте пока... Я нахожу среди присутствующихъ двѣ пары ушей, для которыхъ эти теоріи и недоступны, и неинтересны. Ну-съ, monsieur и mademoiselle, если вы готовы, я ничего не буду имѣть противъ того, чтобы кавалеръ занялъ свою даму партіей въ теннисъ или въ крокетъ... *Voilà, Mica! filez!*..—прибавилъ онъ уже рѣзко, когда тотъ допилъ чай.

Мика вспыхнулъ и, презрительно пожавъ плечами, всталъ изъ-за стола. Маруся сдѣлала общій реверансъ гостямъ и исчезла съ нимъ.

— Какая граціозная дѣвочка,—замѣтилъ ей вслѣдъ Юневъ. Ольга Львовна встала тоже.

— Куда же вы?—остановилъ ее свекоръ.—Или вы обидѣлись за сына?.. Но это вѣдь въ вашихъ же интересахъ... Я помню данное вамъ обѣщаніе насчетъ моего атензма.

Ольга весело улыбулась...

— Обидѣлась? я? ничуть! напротивъ, я очень рада за Мику и благодарна вамъ... Я и сама нахожу, что теннисъ и крокетъ въ милліоны разъ интереснѣе вашихъ богословскихъ споровъ. *Au revoir!* буду надѣяться, что и кто-нибудь еще соскучится отъ фило-софін и присоединится къ намъ.

Она обдала кокетливо-насмѣшливымъ взглядомъ всѣхъ мужчинъ и, раскрывъ свой нарядный красный зонтикъ, походкой королевы Маргариты изъ «Гугенотовъ» спустилась мимо оскалившихся львовъ.

Мика съ Марусей обошли садъ. Увлечшись ролью хозяина, мальчикъ живо позабылъ досаду и уязвленное дѣдомъ самолюбіе. Онъ нарвалъ своей дамѣ цѣлый букетъ полураспустившихся розъ и показалъ рѣдкіе экземпляры деревьевъ и растений, выписываемыхъ старикомъ Нерадовымъ со всѣхъ концовъ земного шара.

— Вотъ это кедръ ливанскій, а'это нашъ сибирскій...—говорилъ Мика.—Даже въ знаменитомъ парижскомъ *Jardin les Plantes* нѣтъ такихъ здоровыхъ и цѣльныхъ экземпляровъ,—хвастался онъ, повторяя слышанныя отъ дѣда слова.—У дѣдушки есть цѣлая коллекція полученныхъ имъ на всѣхъ выставкахъ медалей за его экспо-

наты. Такихъ азалий и рододендровъ въ Россіи и не существуетъ. А его камелии, когда цвѣтутъ, такъ на нихъ смотрѣть съѣзжаются.

Подъ эти разговоры дѣти дошли до ровной, какъ скатерть, крокетной площадки съ сѣверной стороны дома.

Ольга Львовна нашла ихъ тамъ. Они, нагнувшись, разсматривали какіе-то рисунки на пескѣ.

— Смотри, мама!—обратился къ ней Мика,—это должно изображать колесницу Израиля ¹⁾. Видишь,—четыре круга поменьше и пятый—большой. Онъ означаетъ Духа Святого, а изъ него вотъ растетъ древо жизни, а круги поменьше это колеса, или руки и ноги божества... А вотъ это борода...

— Что ты за чепуху болтаешь!—разсмѣялась Ольга.

— Ну, вотъ, и чепуху! Я тебѣ серьезно говорю... Это все рисовалъ тотъ, безъ галстука, а я слушалъ изъ окна, пока мнѣ Наумычъ задачу поправлялъ... Знаешь, а вѣдь онъ, навѣрно, помѣшанный. Онъ такую чушь несетъ!.. но Наумычъ увѣряетъ, что я глупъ и ничего не понимаю, такъ какъ это очень сложныя богословскія теоріи.

— Конечно, ты еще о нихъ судить не можешь.

— Удивительно! отчего это дѣдушка такихъ странныхъ господъ принимаетъ?

— Странныхъ, а самъ, развѣя уши, ихъ разговоры подслушиваетъ? Тебѣ не стыдно?

— Нисколько! Право же, это все такъ интересно... И, знаешь, мнѣ кажется, чѣмъ труднѣе понять ихъ, тѣмъ большими умниками ихъ считаетъ дѣдушка. А сколько онъ имъ денегъ передаетъ!.. Ужъ, навѣрно, и этотъ не съ пустыми руками отчалить.

— Мика!

— Ей-ей, увѣряю тебя.. Я вѣдь знаю... Мнѣ Василій говорилъ.. А ужъ онъ-то всѣ дѣдушкины дѣла поневолѣ, какъ камердинеръ, знаетъ...

Въ это время сидѣвшіе на террасѣ встали и направились на ту же площадку. У всѣхъ были шляпы на головѣ, только одинъ «Мочалкинъ» шелъ съ непокрытой головой, и вѣтеръ, играя его космами, придавалъ ему дѣйствительно видъ помѣшаннаго.

Дѣти только что собирались ретироваться, какъ его взглядъ упалъ на Марусю.

— Это ваша внучка?—обратился онъ къ шедшему рядомъ Нерадову.

— Нѣтъ, эта дочь пріятельницы моей снохи, Маруса Яшнева.

— Яшнева?!—переспросилъ онъ.

— Да... А что?

¹⁾ «Вѣстникъ Правды». Чертежъ І. Видѣній Божіихъ,—колесница Израиля и конница его.

— Мнѣ кажется... Какъ звали вашего отца?—круто повернулся онъ къ дѣвчкѣ.

— Василий Игнатьевичъ!—бойко отвѣтила та, очень довольная, что на нее обратили вниманіе взрослые мужчины.

— А что, вы его помните?

— Нѣтъ, я и не могу его помнить,—я родилась послѣ его смерти.

— Вамъ который же годъ?

— 26-го января по русскому стилю мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ,—гордо выпрямляясь, вымолвила дѣвочка.

— Тогда вы не дочь Василя Игнатьевича Яшнева...—фыркнул презрительно Мочалкинъ,—а чья-нибудь другая... Онъ умеръ всего восемь лѣтъ назадъ.

— Нѣтъ, я его дочь!—вспыхнула Маруся:—я знаю навѣрно.

— А какъ зовутъ вашу мать?

— Елизавета Ивановна...

— А дѣвичья ея фамилія?

— Колычева...

«Мочалкинъ» пожалъ узкими плечами подѣ замасленнымъ стуртукомъ и неуклюже шаркнулъ длинной ногой.

— Извиняюсь... тогда вы изволили вѣрно сказать. Мой несчастный другъ былъ дѣйствительно наизаконнѣйшимъ образомъ женатъ на сей особѣ, но родились вы все-таки, милая дѣвица, задолго до смерти вашего отца. Я даже точно вамъ и день его смерти сказать могу: 28-го іюня 1886 года. Самъ я его не хоронилъ, но отъ тѣхъ, кто при немъ, когда онъ умиралъ, присутствовалъ,—знаю.. А умеръ онъ тамъ, куда воронъ и костей не заносить. И тамъ вотъ въ промерзлой на три аршина вглубь тундрѣ и лежитъ теперь человѣкъ, чье мѣсто въ сущности въ академіи на каедрѣ было, чье искусство могло бы спасти не одинъ десятокъ столь нужныхъ въ Россіи жизней. Но развѣ мудрые правители спрашиваютъ: како родинѣ служише? Они только интересуются: како вѣруеше?..

Маруся побѣлѣла. Ея глаза испуганно глядѣли на растрепаннаго человѣка, и ее трясла мелкая, частая дрожь.

Ольга обняла ее и, словно защищая, прижала къ себѣ.

— Послушайте... вы... вы—безжалостны!—вырвалось у нея съ негодованіемъ.—Развѣ можно говорить такія вещи ребенку про отца?

Она хотѣла увести дѣвочку, но та отвела ея руки.

— Нѣтъ, ничего, тетя Оля... пусть онъ говоритъ... Я хочу знать все... все... Я не боюсь.

— И дѣло! узнаю дочь своего друга... Что же, отъ васъ поди все скрываютъ? Васъ, конечно, подѣ стекляннымъ колпакомъ, какъ тепличный цвѣточекъ, растятъ? Жизнь въ розовомъ свѣтѣ изображаютъ? Лицемѣрятъ, фальшивятъ, чтобы и вы въ свой чередъ научились фальши и лицемѣрію!..

— Перестаньте! не смѣйте!—крикнула Ольга.—Андрей Петровичъ, да поймите же, что это пытка! уймите вашего гостя.

И она силой пыталась увести Марусю, но она вырвалась и, близко подойдя къ человѣку въ пенснѣ, просила:

— А за что?..

— Маруся!—остановилъ ее Сѣвскій и взялъ за руку.—Не отвѣчайте.. слышите!—обратился онъ гнѣвно къ «Мочалкину».

Тотъ усмѣхнулся... Маруся, вырвавъ руку, отстранила Сѣвскаго и, не опуская потемнѣвшихъ, сверкающихъ глазъ, отчетливо выговорила:

— За что папу сослали въ Сибирь?

— За то, что онъ хотѣлъ освободить родину отъ царя...—былъ отвѣтъ.

— Не смѣйте... вы лжете... Онъ лжетъ, Маруся!.. не слушай его!—кричала Ольга. Но дѣвочка не слушала ея.

— Отъ царя Александра II? Онъ убилъ его?.. —допрашивала она.

— Не убилъ, но помогать убить!—улыбаясь отвѣчала ея себе-сѣдникъ.

Она еще ближе, совсѣмъ вплотную подошла къ нему и, собравъ послѣднія силы, спросила:

— А васъ какъ звать?

— Александръ Ивановичъ Фроловъ.

Маруся гордо кивнула ему головой и покорно пошла за Ольгой.

— Онъ все вретъ! Не слушай его, дѣтка! Развѣ ты не видишь, что онъ сумасшедшій?—твердила Нерадова, злобно мѣряя глазами обтрепанную фигуру. Она увела дѣвочку.

— Вы... вы... вы—негодяй!—подскочилъ къ Фролову Мика, сжимая въ рукахъ тяжелый крокетный молотокъ.

Дѣдъ схватилъ его за плечо.

— Вы съ ума сошли, мой милый?.. Маршъ отсюда... Отправляйтесь въ классную... и не смѣйте показываться, пока я васъ не позову... Вашего мнѣнія никто не спрашиваетъ...

Мика швырнулъ молотокъ и, тоже упрямо закинувъ голову, вышелъ неторопливо. Но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей комнатѣ, тѣмъ шагъ его ускорялся, и онъ уже бѣгомъ бѣжалъ по устланной ковромъ лѣстницѣ. Бросившись на постель, онъ зарылъ голову въ подушки и «разревѣлся, какъ дѣвочка».

Ему невыразимо жаль было Марусю. Онъ чувствовалъ, что за эту дѣвочку съ широко раскрытыми глазами, безъ слезъ,—онъ готовъ умереть сейчасъ...

XII.

Нѣтъ! не дамъ тебѣ я заглянуть мнѣ въ душу,—
Затаю страданье, выдержу твой взглядъ,
Жалобой горькой счастья не нарушу,
Не волью сомнѣнья безпощадный ядъ!..

Братски подѣлиться лишь хочу съ тобою,—
Ночь безъ сна и слезы я себѣ возьму,
День съ улыбкой свѣтлой, посланный судьбою,
Пусть удѣломъ будетъ сердцу твоему!

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Маруся шла навверхъ за Ольгой, не замѣчая роскоши тѣхъ покоевъ, по которымъ проходила. Онѣ миновали и прохладныя дубовыя сѣни съ рыцарскими вооруженіями по угламъ, съ фехтовальными приборами и оленьими головами, и бильярдную, и нѣсколько гостиныхъ, увѣшанныхъ рѣдкими картинами и фарфоровыми бездѣлушками. Поднявшись по устланной богатой ковровой дорожкой мраморной лѣстницѣ, онѣ вошли въ свѣтлый коридоръ съ расписными пестрыми стеклами въ окнахъ и дверяхъ и не замѣтили обѣ, какъ изъ угловой комнаты выглянула бѣлокурая пышно причесанная голова красивой и нѣсколько грязной женщины. Это и была фрейлейнъ Аманда.

Во время пребыванія Ольги въ домѣ она показывалась только за обѣдомъ, уступая снохѣ Нерадова предсѣдательское мѣсто хозяйки, но ревниво слѣдила за каждымъ ея шагомъ. Ольга и не подозрѣвала, что въ ея отсутствіе Аманда, разославъ прислугу по разнымъ надобностямъ, прокрадывалась въ ея комнату и, презрительно перебирая ея духи, пудру и туалетныя принадлежности, рылась у нея въ ящикахъ и осматривала ея карманы, въ страхѣ найти какую-нибудь записку хозяина, назначавшаго свиданье невѣсткѣ.

— Diese Schauspielerinnen sind zu Gottweiss was fähig!..—твердила она по себѣ.—Und wie unakkurat!

И, фыркая на русское неряшество, сама прибирала разбросанная Ольгой второпяхъ вещи и закрывала незапертые шкафы и комоды...

Но Маруся ничего не видѣла, была ли комната Ольги въ порядкѣ, или въ безпорядкѣ. Она все еще дрожала, вздрагивая каждый разъ отъ все сызнова переживаемаго волненія при воспоминаніи о разговорѣ съ Фроловымъ.

Ольга была особенно поражена ея сосредоточеннымъ взглядомъ, точно дѣвочка смотрѣла куда-то вглубь себя. Она не заплакала, не разрыдалась, войдя къ ней въ комнату, какъ ожидала Ольга, и это ее сильно озабочивало.

Нерадова разыскала валерьянку и, наливъ ее въ рюмку, протянула Марусѣ.

— Мегеі!—сказала дѣвочка и послушно выпила лекарство.

— Дѣточка, не вѣрь ему!—молила Ольга.—Вѣдь онъ сумасшедшій. А развѣ сумасшедшимъ вѣрять?

— Нѣтъ, тетя Оля! я ему вѣрю... Можетъ быть, онъ и сумасшедшій, но это онъ правду говорилъ про папу. И теперь я все понимаю.

Ольга заволновалась. Ее мучило, что именно въ ихъ домѣ, благодаря ихъ гостю, ребенку, отъ котораго тщательно скрывали вину отца, пришлось узнать семейную тайну.

Она притянула къ себѣ эту примолкшую, всего часъ назадъ столь оживленную дѣвочку.

— Милочка, милочка моя!.. Господи, что скажетъ твоя мама. Въ первый разъ тебя довѣрили мнѣ, и сразу такая исторія!..

— Мама?—переспросила Маруся.—Мама ничего и не узнаетъ... Неужели вы думаете, я расскажу ей?

Ольга опѣшила.

— Какъ же иначе? Развѣ ты не все говоришь матери?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка:—я многое скрываю отъ нея. Мамѣ все говорить нельзя.

— Но вѣдь это нехорошо... Маруся... развѣ ты говоришь неправду?

— Да, тетя Оля, я мамѣ часто говорю неправду... Она больная и всегда раздражается изъ-за малѣйшихъ пустяковъ... Ее надо беречь... и если бы я говорила все, что думаю и дѣлаю, это бы ее только еще сильнѣе огорчало и разстраивало... А меня и бабушка, и Кирилловна учили беречь мать. Вѣдь у нея такъ много горя... А ужъ про это тѣмъ болѣе нельзя будетъ говорить.

Ольга только вздохнула.

— Вы не бойтесь, тетя,—продолжала Маруся:—я и бабушкѣ, и Кирилловнѣ тоже не проговорюсь. Я вѣдь понимаю, что имъ будетъ это очень, очень больно, что я все теперь знаю... И мнѣ ихъ и маму ужасно жаль. Я понимаю, какое это для нихъ было все это время горе... А только,—она тѣсно прижалась къ плечу Ольги:—мнѣ и его... папу... такъ жаль... такъ страшно жаль!..

Она глотнула наворачнувшіяся слезы и черезъ минуту прибавила:

— Тетя, а къ вамъ у меня большая, большая просьба: расскажите мнѣ все, что вы знаете про папу!

— Что же я могу рассказать тебѣ? Я и сама-то ничего хорошенько не знаю. Вѣдь мы съ твоей мамой, какъ институтъ кончили, нынче въ первый разъ встрѣтились... А ее развѣ можно спрашивать?

— Ну, такъ вотъ что, тетя Оля! Вы разспросите того,—Маруся хотѣла назвать его «Мочалкинымъ», но поправила;—Фролова

о папѣ. Пусть онъ вамъ расскажетъ все, все, что о немъ знаетъ... Вѣдь онъ же говорилъ, будто они были друзьями... а вы потомъ расскажите мнѣ... я все хочу знать... Да, тетя? Хорошо?

Ольга взволнованно поцѣловала дѣвочку. Та на минуту закрыла глаза и такъ вся и прильнула къ ней...

— Теперь, милая тетя, отведите меня домой!.. Ужъ поздно... Я боюсь, что мама беспокоится... Только можно мнѣ уйти, не прощаясь съ другими? Я того... Фролова видѣть не хочу... Онъ такой гадкій, такой фальшивый... хотя онъ и хвалилъ папу... но я ему не вѣрю... онъ весь, весь, насквозь фальшивый. Онъ вотъ говорилъ о Богѣ... а онъ, навѣрно, никогда въ церковь не ходитъ... и молиться не умѣетъ... Онъ безбожный.

Ольга была подавлена и совершенно сконфужена. Взглянувъ на себя по привычкѣ въ зеркало, она увидѣла слѣды слезъ на своихъ припудренныхъ щекахъ.

Значитъ, она плакала, а эта дѣвочка, несмотря на столь явное душевное потрясеніе, не только мастерски владѣла собою, но собиралась и впредь одна справляться съ горемъ, думая о другихъ, щадя ихъ покой.

И она съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ восхищенія и почти уваженія поцѣловала ея бѣлый, высокій, настоящій отцовскій лобъ.

— Героиня ты моя милая!—вырвалось у нея...

Черезъ полчаса онѣ входили въ гостиную съ букетами Маккарта, и Маруся, дѣйствительно точно ничего и не случилось, сразу стала показывать матери новую шляпку отъ Кнаца и кораллы, и букетъ розъ, и болтать о кедрахъ, камеліяхъ и оскаленныхъ львахъ...

Ольга, сама искусная актриса, недоумѣвала въ душѣ:

.....
«Я бы, ей-ей, провралась!» мелькнуло у нея.

Лямкинъ, вернувшись съ урока отъ Сѣвскихъ, былъ крайне удивленъ настроеніемъ своего питомца.

Мальчикъ сидѣлъ надъ учебникомъ Краевича и усердно, повидимому, зубрилъ. Когда онъ поднялъ голову отъ книги, глаза его были совершенно красные и опухшіе.

— Вы плакали?—спросилъ педагогъ.

— Я не баба!—рѣзко отвѣтилъ Мика.

Въ это время раздался первый ударъ тамъ-тама, призывавшій къ обѣду.

— Мойте руки и пойдете обѣдать.

— Я не пойду, мнѣ нездоровится,—отозвался мальчикъ.

Лямкинъ пощупалъ его лобъ.

— Да у васъ никакъ жаръ... Ложитесь лучше...

— Оставьте меня въ покоѣ... всѣ... всѣ оставьте въ покоѣ и онъ снова разрыдался...

Когда Ольга вернулась отъ Сотовыхъ, гдѣ ее удержали къ обѣду, она съ тревогой узнала, что сынъ заболѣлъ.

У его постели она застала Аманду, прикладывавшую ему компрессы на голову.

«Das Kind ist krank und die Mutter ist wieder weg!» думала съ негодованіемъ толстая нѣмка, самоотверженно исполняя обязанности преступно-легкомысленной матери.

Но какъ только мальчикъ увидѣлъ Ольгу, онъ злобно сказалъ по-русски:

— Выстави эту нѣмецкую рожу, мнѣ надо поговорить съ тобою серьезно.

Аманда словно поняла и съ обиженнымъ видомъ выплыла изъ комнаты.

— Мама... слушай! Я не хочу больше оставаться у дѣдушки... возьми меня съ собою!.. Мнѣ противно жить на его счетъ...

— Что ты? что ты? Богъ съ тобой! Какъ можно говорить такъ? Развѣ тебѣ нехорошо здѣсь? Развѣ я могу дать тебѣ такое воспитаніе, которое ты тутъ получишь?—говорила встревоженная Ольга.—Развѣ я могу предоставить тебѣ всю эту роскошь?

— Не надо мнѣ ничего... возьми меня къ себѣ домой...

— Куда?.. Вѣдь я сегодня въ Кіевѣ, завтра въ Одессѣ... Какой у меня домъ? Да развѣ здѣсь ты не дома? Что съ тобой? Чѣмъ ты обиженъ?.. Неужели тѣмъ, что Андрей Петровичъ усладе тебя съ Марусей?.. Другъ мой! да развѣ ты самъ не понимаешь, что есть вещи, которыя тебѣ еще слишкомъ недоступны... Развѣ въ двѣнадцать лѣтъ годится слушать разговоры старшихъ?..

— Во-первыхъ, мнѣ не двѣнадцать, а тринадцать лѣтъ, а, во-вторыхъ, я совсѣмъ не изъ-за того...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Мика разрыдался еще сильнѣе и, наконецъ, прижавшись уже совершенно по-дѣтски къ шеѣ матери, уткнулся мокрымъ лицомъ въ ея нарядный батистовый капотъ и едва выговорилъ:

— Зачѣмъ вы разошлись съ папой? Вѣдь здѣсь я все равно чужой! Меня никто, никто не понимаетъ... Развѣ я могу любить дѣ-душ-ки-ныхъ э-тихъ дру-зей?..

И Ольга, которая такъ свободно и просто разсуждала о разрушенномъ ею очагѣ, въ первый разъ по уходѣ отъ мужа почувствовала, что не такъ ужъ она права.

Не лучше ли было, узнавъ объ измѣнѣ Микинаго отца, простить или стерпѣть обиду молча, чтобы уберечь своего мальчика отъ чужихъ обидъ и не лишать его родного дома?

XIII.

Когда съ невольною слезою
 Спадетъ со взоровъ пелена,
 И жизнь, какъ Божью грозою.
 Сверкнетъ, огнемъ озарена,—
 Тогда, тогда душою чуткой
 На все дать откликъ будь готовъ,
 Искать тогда не надо словъ,
 И ризмы стануть легкой шуткой.

(М. К.).

Въ домѣ фрау Зелигъ шла упаковка и укладка.

Прежде всего надо было распредѣлить, какія вещи брать съ собою на воды въ Н., и какія укладывать сразу для отправки въ Россію. Какъ ни старалась Кирилловна, чтобы этихъ вещей было поменьше, но чѣмъ дальше шла уборка, тѣмъ болѣе нарастало число ящичковъ и сундуковъ.

— Еще книги?—ужаснулась она, когда Лиза принесла ей цѣлую охапку журналовъ и педагогическихъ брошюръ.—Куда это ты, матушка? Брось ихъ тутъ. На что тебѣ эта пѣмецкая премудрость въ Россіи понадобится?

— Тѣмъ болѣе понадобится, что тамъ ихъ не достанешь!—отрѣзала молодая госпожа.

И Кирилловна, ворча и охая, покорилась.

— Разбери ихъ хорошенько,—посоветовала Сотова:—всѣ ли онѣ дозволены у насъ. Смотри, чтобы въ таможднѣ не придрались...

— Ничего, тетя, у меня запрещеннаго нѣтъ,—отозвалась Лиза:—и, наконецъ, мнѣ Иванъ Алексѣевичъ Сѣвскій говорилъ, что по твоему паспорту вдовы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника что угодно пропустятъ...

Дѣятельной помощницей въ этой сутолокѣ переѣзда оказалась, къ удивленію всѣхъ, и Маруся. Она отлично соображала, что брать, что оставлять, умѣла втиснуть въ каждый уголочекъ еще и еще забытую мелочь, и бабушка ее только уговаривала:

— Да ты присядь хоть, дѣтка! Еще надорвешься. Приди сюда, дай я тебя поцѣлую...

Почему-то въ эти послѣдніе дни Александра Николаевна какъ-то особенно жалѣла и ласкала дѣвочку. Ей казалось, что внучка похудѣла точно, и хотя и смѣялась, но глаза у нея невеселые, и она озабоченно ее по нѣсколько разъ въ день спрашивала, не больна ли она и рада ли ѣхать въ Колычево?

И Маруся каждый разъ весело улыбалась и отвѣчала:

— Очень и очень рада!.. А вы обо мнѣ, бабинька, не беспокойтесь,—я совсѣмъ здорова и ничуть не устала.

Съ визита у Нерадовыхъ дѣвочка не выходила на прогулку, и хотя Ольга заѣзжала ежедневно, но она ни разу не согласилась поѣхать покататься. Она боялась нарушить наладившееся у нея бодрое настроеніе и въ дѣятельности искала себѣ и поддержки и развлеченія.

Но, встрѣчая Ольгу, она каждый разъ заглядывала ей въ глаза, мучась затаеннымъ, все время занимавшимъ ее, однимъ вопросомъ: узнала ли она что-нибудь о ея покойномъ отцѣ?

Ольга каждый разъ, цѣлуя ее, тихо ей на ухо шептала: «еще не видала», и наконецъ сообщила, что «онъ уже уѣхалъ въ Швейцарію».

Дѣйствительно, Фроловъ «отчалилъ» въ Цюрихъ, снабженный, по Микиному предсказанію, изрядной суммою. Видимо, Андрей Петровичъ Нерадовъ восчувствовалъ свою вину передъ прозорливыми пророками швейцарскаго толка, и поклонникъ и адентъ Коробова отбылъ, облеченный въ приличное одѣяніе, хотя опять-таки безъ удавки на своей грязной, но свободной выѣ...

Съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и Леви, тоже увозя нѣкоторую толику германскихъ марокъ и французскихъ франковъ мздою за «пушки» Богданова и за доставленное пріятное знакомство съ настоящимъ членомъ «Народной Воли».

Лямкинъ провожалъ ихъ и, снявъ шляпу, долго восхищенно-опечаленнымъ взглядомъ смотрѣлъ вслѣдъ поѣзду, умчавшему, казалось, въ какую-то таинственную даль этихъ отмѣченныхъ перстомъ высшей судьбы, гениальныхъ смертныхъ. За нею ему чудилось то окутанное подвижническимъ ореоломъ святилище, гдѣ еще болѣе гениальные пророки и вершители куютъ новые законы людскаго счастья и свободы для блага народовъ и Россіи прежде всего.

Въ приготовленіяхъ къ отѣзду время точно таяло. Тетя Саша, вспомнивъ давно-давно отошедшіе юные годы, сдѣлала себѣ институтскій календарикъ и стала вычеркивать числа до предполагаемаго дня отбытія въ Россію.

— Вотъ, видишь, Марусичка, еще сорокъ пять осталось... Мы, когда я училась, дѣлали себѣ такіе ролики. Накатывали длинную бумажку и высчитывали, «сколько вершковъ» до выпуска осталось. А въ вершкѣ ровно недѣля помѣщалась. У насъ вѣдь изъ института въ мое время никогда не отпускали. Мама твоя счастливѣе была. Я за ней на Рождество пріѣзжала, а на каникулы ее Кирилловна въ Колычево привозила... Помнишь, Лизочка?

— Еще бы!—весело отвѣчала та, цѣлуя совершенно по-старому свою тетю Сашу.

Вообще эти послѣдніе дни въ меблированной квартирѣ нѣмецкаго городка царило совершенно особое приподнятое мирное и любовное отношеніе и между членами семьи Сотовой, и между навѣщавшими ихъ изо дня въ день Сѣвскими и Нерадовыми. Точно на послѣдкахъ всѣ тѣсно сошлись и сами удивлялись, зачѣмъ за долгіе годы своего пребыванія здѣсь они такъ далеко держались другъ отъ друга?

Иванъ Алексѣевичъ Сѣвскій принялъ на себя хлопоты по отправкѣ багажа въ Россію и возню съ консульствомъ и документами.

У него, глядя на Марусю, болѣла душа. Онъ бережно относился къ дѣвчкѣ, стойко переносившей передрагу переѣзда. Его изумляла ея выдержка, — ни взглядомъ, ни словомъ дѣвочка не выдавала узнанной ею тайны. Она съ настоящей женской самоотверженностью несла совершенно одна свое первое горе.

Катя тоже часто навѣщала Марусю, а дома заливалась слезами и капризничала во всю мочь при мысли о разлукѣ съ бѣленькой дѣвочкой.

Наканунѣ отъѣзда, въ сумерки, она пріѣхала снова съ дѣдомъ къ Марусѣ.

Въ разоренныхъ комнатахъ было неуютно и непривѣтно. Повсюду стояли сундуки и заколоченные ящики. Катя все время ерзала на стулѣ, сидя у чайнаго стола, и ощупывала карманъ. Кругомъ сидѣли большіе, — тетя Оля, Марусина мать, дѣдушка, а ей хотѣлось непременно остаться вдвоемъ съ любимой подругой, чтобы передать ей маленькій футляръ съ часиками, купленными на ея «собственныя» деньги изъ кошлаки.

Наконецъ удалось убѣжать, и, стоя у окна въ бывшей классной и спальнѣ, Катя вручила свой подарокъ, заранѣе предвкушая впечатлѣніе отъ него.

Маруся такъ и ахнула. Это была та же работа на эмали, которой она такъ любовалась на сервизѣ у Штейна.

— Нравится?.. А я такъ боялась, что не угожу: Это отъ меня, а бантикъ къ часамъ отъ мамы и дѣдушки. Онъ съ настоящими жемчужинами. Мама и дѣдушка такъ тебя любятъ! Они называютъ тебя героиней. Мика тоже любить тебя. Онъ говоритъ, что ты настоящая женщина. Знаешь, я увѣрена, когда вы оба вырастаете, онъ непременно на тебѣ женится. А ты меня не забывай! Я никогда не измѣню тебѣ. Лучше тебя для меня никогда, никогда никого не будетъ...

Маруся крѣпко обняла и поцѣловала Катю. Ее трогала приязанность балованной барышни, и захотѣлось чѣмъ-нибудь отплатить за нее. Но никакихъ вещей, достойныхъ подарка Кати, у нея не было.

Вдругъ у нея мелькнула мысль... Она поколебалась одну минуту и сѣла за свой классный столъ. Вытащивъ изъ нѣдръ портфеля тетрадку въ розовой обложкѣ, она протянула ее Катѣ.

— Вотъ возьми... Это стихи, которые я переписывала изъ книжечкѣ... а въ концѣ—мое собственное. Только ты его никому не показывай. Дай, я сама прочту его тебѣ:

Когда луна на землю свѣтитъ
Съ прозрачной, синей высоты,
И звѣзды яркія заблещутъ,
Притихнуть, замолчать листы,—
Стремлюсь я въ сладостномъ забвеньѣ
Все выше, выше къ небесамъ.
Душа моя въ томъ упоеньѣ
Летитъ въ пространство ко звѣздамъ.
Люблю луну, свѣтило ночи,
Когда она глядитъ съ небесъ,
И звѣзды яркія, какъ очи,
И страшный, мрачный, черный лѣсъ.
Луна наводитъ вдохновенье,
Родитъ поэзію во мнѣ,
И забываю я сомнѣнья,—
Легко и радостно душѣ...

читала Маруся дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Катя обомлѣла.

— Это твои стихи?—спросила она шопотомъ.—Ты сама написала ихъ?

— Сама!.. но ты не смѣй никому, никому говорить объ этомъ. Побожись!

Катя перекрестилась.

— Ей-Богу!.. никому... ни за что!..

Свернувъ тетрадку въ трубочку, она не столько крѣпко, сколько благоговѣнно поцѣловала подругу. «Бѣленькая дѣвочка» показала ей высшимъ, недосыгаемымъ существомъ, а ея подарокъ совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ этими дивными, по ея мнѣнію, стихами.

— А теперь пойдемъ,—сказала Маруся.—Я должна показать мамѣ часики. Только, знаешь,—прибавила она со вздохомъ:—носить ихъ она мнѣ ни за что не позволить.

Лиза, увидавъ подарокъ, была совершенно сконфужена. Вещь, дѣйствительно, была очень цѣнная сама по себѣ, да и дѣвочка, по ея личному убѣжденію и согласно прежнимъ, изстари передававшимся въ дворянскихъ семьяхъ взглядамъ, до шестнадцати лѣтъ никакихъ золотыхъ украшеній носить не смѣла. Поэтому

и кораллы, подаренные Ольгою, она сразу спрятала и отчитала за нихъ подругу.

Маруся еще разъ тяжело вздохнула и вручила ей футляръ. Ей было ужасно жаль разставаться съ подаркомъ и, поборовъ страхъ, она рѣшилась все-таки попросить мать, которую все еще, несмотря на сильно смягчившееся за послѣднее время обращеніе, продолжала побаиваться:

— Мамочка, не убирай ихъ... Я не буду ихъ надѣвать... Ты мнѣ позволь только держать ихъ у постели и заводить самой.

Лиза сдалась.

На утро она съѣздила къ Штейну и купила кольцо съ розовой жемчужиной, которое Маруся, заѣхавъ проститься къ Сѣвскимъ, сама надѣла на палець Катѣ и еще разъ шепнула ей:

— Помни! Не проговоришь о стихахъ.

Катя пока твердо держала клятву, хотя тайна и жестоко давила ее. Но она сочла бы себя недостойной своей даровитой подруги, если бы выдала ее. Тетрадку она положила въ шкапикъ съ фарфоровыми бездѣлушками, заперевъ предварительно въ плюшевый ларчикъ, ключъ отъ котораго повѣсила на шейную цѣпочку съ крестомъ.

Въ послѣдній разъ окинула Маруся карими грустными глазами знакомую залу съ натертымъ паркетомъ, взглянула въ гостиной на ту головку съ цвѣткомъ въ распущенныхъ волосахъ, на которую была сама похожа. ..

— Прощай!.. прощай!.. увидимся ли мы?... и когда?..

Ее ждала мать, торопившаяся домой, потому что за часъ до отъѣзда долженъ былъ пріѣхать еще въ послѣдній разъ Вольфъ.

Лиза давно готовилась къ этому визиту. Ей казалось, что на немъ произойдетъ что-нибудь особенно важное, что вся ея судьба зависить отъ ихъ послѣдняго свиданія.

Вольфъ вошелъ, какъ всегда, одѣтый все въ тотъ же двубортный сюртукъ, сияя все той же красивой улыбкой и голубыми глазами.

— Muth! Muth! (побольше бодрости!)—проговорилъ онъ, когда тетя Саша взволнованнымъ голосомъ и со слезами на добрыхъ и выцвѣтшихъ глазахъ благодарила его за его уходъ и леченіе.

Словно крадучись, она вручила ему за его тридцать визитовъ конвертъ съ цѣлыми шестьюстами марками, потому что Лиза ни за что не хотѣла пользоваться леченіемъ даромъ. Онъ спокойно положилъ пакетъ въ боковой карманъ, не справившись съ его содержимымъ.

— Благодарю васъ,—протянула ему руку Лиза, когда они снова очутились въ гостиной.—Я смотрю на васъ, какъ на нашего спасителя.

— Полноте,—отвѣтилъ онъ:—вы сами не подозрѣваете, какъ я вамъ благодаренъ... лично вамъ... Какую роль вы сыграли для меня.

Она такъ и вспыхнула и опустила глаза... Сердце ея билось...

— Я сегодня не прощаюсь съ вами,—продолжалъ онъ:—мы еще увидимся, когда вы вернетесь изъ Н. Недѣли на двѣ я самъ уѣду, а къ вашему пріѣзду уже, конечно, вернусь. А пока—счастливаго пути и счастливаго возвращенія. Надѣюсь, все придется вамъ по душѣ, и отелемъ, и моимъ коллегой, докторомъ, вы останетесь вполнѣ довольны... А себя берегите, и помните,—жизнь вещь хорошая... Не правда ли? До свиданья, хорошаго и радостнаго. Я васъ жду...

Онъ крѣпко, по-мужски пожалъ ей руку...

Лиза не вышла въ переднюю. У нея вдругъ подкосились ноги, и она такъ и опустилась въ то самое кресло, на которомъ онъ когда-то усыпилъ ее. Какъ сквозь сонъ, слышала она еще его голосъ, говорившій Марусѣ:

— Auf glückliches Wiedersehen, kleines Weib!.. (До свиданья, маленькая женщина).

Его слова, его тонъ были просты, но они казались ей полны загадочности... Онъ говорилъ: «до свиданья, до хорошаго, радостнаго свиданья». Что это значило?.. «До пріѣзда. Я жду». Ждетъ ее. Значить... значить, онъ свободенъ и будетъ ждать ее... Ждать, чтобы сказать то, о чемъ она догадывается... Милый... хорошій... красное солнышко...

«Но отчего же не сегодня... не сейчасъ... Отчего надо еще ждать?.. Зачѣмъ?..» Сердце все сильнѣе стучало... Онъ ушелъ, а она ждала. «Почему не сейчасъ?..»

Нѣтъ... нѣтъ! Вѣдь онъ правъ: сейчасъ нельзя... Онѣ ѣдутъ на воды, тетѣ Сашѣ предстоитъ серьезное леченіе. Ее нельзя волновать, и онъ, какъ врачъ, не хотѣлъ волновать и ее, Лизу, потому что ея волненіе непременно передалось бы теткѣ... Надо его слушаться. Надо слѣдовать его примѣру и держать себя въ рукахъ.

По привычкѣ, она сжала голову ладонями, постояла одну минутку у окна и прошла потомъ къ тетѣ Сашѣ, слегка успокоенная.

Двери были открыты настежь. Анхень, Кирилловна и даже сама фрау Зелигъ сносили внизъ ручной багажъ. Когда захвачившіяся женщины вернулись, тетя Саша попросила всѣхъ присѣсть.

— Зачѣмъ?—удивилась фрау Зелигъ.

— Такой у насъ, русскихъ, обычай,—отвѣтила шопотомъ Маруся:—чтобы счастливо доѣхать...

— И вернуться!—прибавила Лиза.

XIV.

И неожиданно, и негаданно
 Гостя тихая вошла.
 Покрываломъ струйки ладана
 Обвились вокругъ чела.
 Взоръ открытый все безмѣриѣ
 Дышитъ счастьемъ неземнымъ.
 Кто? Видѣнье ты вечернее?
 Иль кадила свѣтлый дымъ?
 Свѣточъ тихій, свѣточъ благодный
 Запылалъ вдали огнемъ.
 Ты стоишь съ улыбкой радостной...
 Ты за мной пришла?.. пойдёмъ!..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Уже вторую недѣлю Сотовы жили въ курортѣ. Александру Николаевну черезъ день возили въ креслѣ въ кургаузъ, гдѣ она по предписанію врачей брала ванны изъ особенной смѣси солей, а потомъ подвергалась массажу и электризаціи.

Маруся развлекалась въ курортѣ. Ея острое чувство горя понемногу улеглось. Ее тѣшилъ табльдоть, за которымъ онѣ обѣдали и завтракали вмѣстѣ съ матерью за общимъ столомъ съ другими гостями, а еще больше музыка. Мать отпускала ее въ паркъ съ Кирилловной, и дѣвочка съ жадностью заслушивалась незабываемымъ выборомъ пьесъ небольшого оркестра. Ея затаенная музыкальность проснулась окончательно, и пѣлые дни новые мотивы пѣли и звучали въ душѣ, облакаясь иногда въ риёмованныя строчки.

Лиза курортомъ была недовольна. Онѣ дѣйствительно пріѣхали какъ разъ въ разгаръ сезона и едва нашли комнаты. Хозяинъ гостиницы, куда ихъ направилъ Вольфъ, даже подчеркнул, что безъ рекомендаціи профессора у него не нашлось бы и того тѣснаго и неудобнаго помѣщенія, которое онъ отвелъ пріѣзжимъ.

Это, въ сущности, была одна комната, только альковомъ раздѣленная на двѣ. Но отель былъ такъ переполненъ, что нечего было думать требовать другія. Кирилловну хозяинъ предложилъ помѣститься въ мансардѣ, подъ сильно накалявшейся крышей, на что, конечно, ни Сотова, ни Лиза не согласились, и по неволѣ приходилось тѣсниться вчетверомъ.

Ожидаемаго облегченія тоже пока не наступало. Напротивъ, больная чувствовала себя гораздо слабѣе и чаще волновалась. Однакоже врачъ, рекомендованный Вольфомъ, приписывалъ такое состояніе дѣйствию водъ. По его увѣренію, временное ухудшеніе было неминуемо и являлось не только признакомъ не тревожнымъ, а, наоборотъ, крайне благопріятнымъ, потому что доказывало, что леченіе вліяетъ на весь организмъ, и Александру Нико-

лаевну продолжали купать, растирать и электризовать, вопреки ея просьбамъ дать ей хоть маленькій роздыхъ.

Братъ милосердія Іоаннъ, привозившій изъ кургауза кресло, весело каждый разъ ободрялъ свою «дурхлаухтъ», что все обойдется, и всякій день пророчилъ:

— Вотъ увидите, завтра совсѣмъ молодцомъ будете!

Его рыжеватое лицо при этомъ такъ ласково улыбалось, такъ привѣтливо склонялось къ ней на крутыхъ поворотахъ коридора и дорожекъ тѣнистаго, благоухающаго парка, что старушка и сама успокаивалась. И когда онъ, подхвативъ ее, еще болѣе разслабленную ванной и массажемъ, усаживалъ, чтобы ѣхать домой, она невольно чувствовала его своей нянюшкой, и ей вспоминались далекіе, далекіе годы въ старомъ материнскомъ имѣніи Горкахъ, гдѣ ее тоже носили на рукахъ и катали тоже по дорожкамъ стараго сада, подъ прохладною сѣнью высокихъ зеленыхъ деревьевъ.

Эти давнія впечатлѣнія съ каждымъ днемъ воскресали все свѣжѣе, все подробнѣе, точно въ ея памяти открывались одинъ за другимъ замкнутые ящички, бережно охраняемые временемъ для развлечения въ старческіе годы.

И настоящее стиралось и пряталось на ихъ мѣсто, а передъ глазами вставали все новые, давно, казалось, забытые люди и, какъ движущаяся панорама, проходили когда-то родныя мѣста, уголки дома и сада, вились проселочныя дороги среди золотистыхъ стѣбъ колосьевъ, аукались голоса въ березовой рощѣ, и дрожала и переливалась рябью узкая рѣчка.

Быль одиннадцатый часъ утра. Погода всѣ послѣдніе дни стояла отличная, но сегодня было какъ-то особенно томительно-душно.

Маруся съ Кирилловной пошли на утреннюю музыку, а Лиза читала вслухъ тетѣ Сашѣ газету. Она невольно считала въ душѣ, сколько еще дней остается прожить въ курортѣ. Ей было скучно безъ Вольфа. Она постепенно ловила себя на мысляхъ о немъ.

Какъ обернется ихъ жизнь по возвращеніи, она не знала, но ей теперь казалось, что въ Колычево онѣ не вернутся и сбудется великое предчувствуемое ею счастье, и даже тетя Саша согласится и останется снова жить вмѣстѣ.

Тетя Саша какъ разъ въ эту минуту крутила въ пальцахъ свой «роликъ» и, протянувъ его Лизѣ, сказала:

— Смотри, всего двадцать девять дней остается до Колычева.

Лиза мечтательно улыбнулась и погладила ее по рукѣ.

— Да, немного!

— Ахъ!.. поскорѣй бы... А сегодня будетъ гроза... Смотри, какія облака ходятъ,—прибавила она, повертываясь къ окну:—и какъ душ...

Не докончивъ слова, открытыя губы тщетно набирали воздухъ и съ жалкой, беспомощной улыбкой сомкнулись. Въ горлѣ разда-

лось клокотанье. Перегнувшись впередъ, старушка всей тяжестью упала на руки Лизы, и роликъ покатился по полу...

Лиза съ трудомъ отклонила ее обратно на подушку. Дыханья не было слышно.

Она схватила упавшую съ кресла руку, отыскивая пульсъ,— его не было. Рука лежала тяжелая, недвижимая.

Не вѣря себѣ, не допуская возможности внезапной катастрофы, Лиза стала метаться по комнатѣ. Она то подносила больной склянку съ одеколономъ, то терла ей виски... Тетка все не приходила въ себя.

Черезъ окно были слышны звуки игравшаго въ отдаленіи оркестра. Бумъ... бумъ... бумъ!.. ударялъ барабанъ... А небо все темнѣло. Прогрохоталъ первый ударъ грома. Молнія сверкнула, перебѣгая отъ одного мохнатого горнаго зубца къ другому... Новый ударъ... ближе, раскатистѣе, и точно прорвалась туча, полилъ цѣлыми струями дождь.

По коридору послышалось торопливое бѣганье. Захлопали двери и наскоро запираемыя окна.

Но Лиза не догадывалась ни позвать мимо снующую прислугу, ни позвонить, чтобы послать за докторомъ.

Прошло съ полчаса. Дверь шумно распахнулась, Маруся, веселая, оживленная, вбѣжала со смѣхомъ. Вода стекала ручьями съ обвисшихъ полей ея шляпы. Платье промокло насквозь и, прилипая къ тѣлу, било по ногамъ.

— Мама! бабушка! мы мокрая съ Кирилловной до костей!.. Вотъ гроза!

Увидавъ лицо матери, она сразу примолкла. Кирилловна, отряхнувшись въ коридорѣ за дверью, вошла, ворча на ливень, и тоже оторопѣла.

— Матушка-барыня!.. Господи...

Она бросилась къ Александрѣ Николаевнѣ. Лицо генеральши было совершенно спокойно, только изъ улыбавшихся губъ сочилась сукровица. Старушка перекрестилась и обернулась къ Лизѣ. Та стояла недвижно съ откупоренной склянкой одеколона въ рукахъ.

— Лизанька!—окликнула ее Кирилловна.—Надо послать за докторомъ.

Маруся закусила губу и подошла на цыпочкахъ.

— Что, бабинькѣ дурно?

Кирилловна махнула въ отвѣтъ рукою и, опустившись на колѣни, припала съ рыданьемъ къ ногамъ своей барыни. Сквозь закрывавшій ихъ пледъ она почувствовала холодъ тѣхъ ногъ, за которыми такъ усердно всѣ эти недѣли ухаживала. Рука, лежавшая на колѣняхъ, скатилась и повисла безжизненно. Она приподняла эту лоснящуюся блѣдную руку, сложила ее накрестъ съ другой

на груди покойницы и прильнула къ нимъ, точно этимъ поцѣлусьмъ благодаря за долгіе, долгіе, неразлучно вмѣстѣ прожитые годы. Каждая синяя жилочка, каждый поготокъ, каждая ямочка на этихъ барскихъ полныхъ и мягкихъ рукахъ были ей такъ же знакомы, какъ на своихъ собственныхъ.

Маруся, вытянувшаяся, точно вдругъ выросшая, все еще стояла на цыпочкахъ и недоумѣло-раскрытыми глазами смотрѣла на бабушку и на крестящуюся Кирилловну.

Та встала, отерла рукою лицо и нажала кнопку звонка.

Черезъ двѣ минуты, безмолвныхъ и жутко тревожныхъ, въ дверь постучались, и въ комнатѣ появилась горничная въ пышной бѣлой наколкѣ съ развѣвающимися на сквознякѣ завязками.

— Скажи ей, Марусенька, чтобы доктора гзвали,—шепнула Кирилловна.

Но горничная тоже приподнялась на носки и, заглянувъ на кресло у окна, разохалась:

— Ахъ, какъ ужасно! Ахъ, какая неприятность! Ахъ, что скажетъ хозяинъ!

— Доктора!—приказала Маруся, стуча зубами.

Служанка исчезла.

Марусю знобило, но она не смѣла шевельнуться. Кирилловна взяла ее за руку и отвела въ альковъ.

— Переодѣвайся! еще и ты свалишься!—шепнула она и достала ей изъ комода бѣлье и полотенце.—Оботрись хорошенько.

Потомъ она подошла къ Лизѣ, все еще не трогавшейся съ мѣста, и вынула изъ рукъ ея склянку.

— Лизанька, очнись, Бога ради!

Лиза перевела на нее глаза.

— Кирилловна, что же это такое?

И вдругъ, закрывъ ладонями лицо, во весь ростъ грохнулась на полъ.

Въ двери на этотъ шумъ просунулась рыжая голова Юганна, какъ разъ прикатившаго кресло для того, чтобы везти Александру Николаевну въ ванну. Увидавъ распростертую Лизу, онъ окинулъ комнату быстрымъ взглядомъ своихъ добрыхъ зеленоватыхъ глазъ и сразу догадался, въ чемъ дѣло. Опытными, ловкими руками поднялъ онъ безчувственную молодую женщину и перенесъ на кровать.

— Это ничего, дѣточка! Это отъ волненія. Мамаша сейчасъ придетъ въ себя!..

Его жесткая шершавая ладонь любовно гладила мокрые волосы ребенка.

— Бѣдная дѣточка! бѣдная дѣточка... успокойтесь... Я сейчасъ схожу за докторомъ.

Кирилловна растирала виски Лизѣ. Понемногу та приходила въ себя и вдругъ сѣла на постели.

— Скажи, неужели все кончено?... Тетя!.. Тетя!...—вырвалось у нея страшнымъ крикомъ.

Дверь снова отворилась. Вошелъ человѣкъ съ налитымъ пивомъ, краснымъ и перекошеннымъ лицомъ.

— Прошу быть потише!—обратился онъ къ Лизѣ.—И чортъ дернулъ меня впустить васъ къ себѣ! Нечего сказать, разодолжилъ профессоръ — рекомендовать умирающую!.. Предупреждаю, ни кричать, ни плакать я тутъ не позволю. Вы всѣхъ постояльцевъ мнѣ разгоните. Сегодня же ночью извольте убираться и вывезти тѣло. Здѣсь не покойницкая. А за мебель и обстановку потрудитесь заплатить, послѣ мертвеца я ихъ употребляю для другихъ больныхъ не стану...

Лиза такъ и затряслась.

— Вонъ!—крикнула она.

— Ну, ну! потише, пожалуйста!—проворчалъ онъ, все-таки пятакъ къ дверямъ, но въ нихъ уже входилъ докторъ.

Хозяинъ сразу сбавилъ тонъ и захохалъ и закачалъ головою.

Осмотрѣвъ покойницу, врачъ обратился къ Лизѣ:

— Да, дѣло очень и очень неприятное. Оставлять здѣсь тѣло неудобно. Надо сейчасъ же принять мѣры... Г-нъ Вальтеръ, дайте имъ адресъ бюро... У васъ есть кто-нибудь близкій?

Но Лиза молча упала лицомъ въ подушку.

Докторъ повернулся къ Марусѣ.

— Ну, малютка! Мамаша такъ разстроена, а не надо терять головы. Я еще разъ спрашиваю, нѣтъ ли у васъ тутъ кого-нибудь близкаго?

— Здѣсь никого, а въ N. есть знакомые.

— Отлично, надо извѣстить ихъ телеграммою о смерти бабушки.

Юганнъ, услышавъ за дверью слово «телеграмма», просунулъ снова въ комнату рыжую голову.

— Не возьметесь ли вы за это дѣло, любезный? Барышня дастъ вамъ адресъ, а вы распорядитесь!—Онъ взялся за шляпу.—Счетъ свой я пришлю въ гостиницу. Г-нъ Вальтеръ запишетъ его въ общій и мнѣ передастъ деньги потомъ... Вы не беспокойтесь... Такъ и вамъ будетъ удобнѣе. Я сейчасъ заявлю въ конторѣ.

Маруся дала Юганну адресъ, и черезъ четверть часа къ Сѣвскимъ уже летѣла срочная телеграмма.

Вернувшись, Юганнъ такъ же ловко и легко, какъ и живую, перенесъ мертвую Александру Николаевну на кровать.

— Пойдемте ко мнѣ, барышня!—обратился онъ къ Марусѣ:—я сведу васъ къ своей женѣ. Это недалеко отсюда. Вамъ слишкомъ рано присутствовать теперь здѣсь.

Но Маруся отказалась. Она сознавала, что случилось нѣчто такое страшное, непоправимое, отъ чего нельзя ни уйти, ни спрятаться, а что нужно такъ или иначе пережить.

Кирилловна губкой, которой всегда мылась бабушка, обтирала ее обнаженное тѣло, и было странно видѣть, какъ безпомощно жалки и покорны были эти руки, ноги, эта голова на сморщенной шеѣ. Крестьясь, выжала и отложила губку старушка и стала вытирать покойницу. Она надѣла на нее бѣлье, натянула чулки, расчесала сѣдую косичку, снова свернула ее узломъ и прикрыла наряднымъ чепчикомъ неторопливо, ловкими, привычными движеніями, какъ дѣлала это долгіе годы. Одѣвъ покойницу въ чистый бѣлый, вышитый капотъ, она отвязала отъ спинки кровати образокъ, положила его на холодныя сложенные руки, сама приложившись къ нему, такъ и замерла на груди той, которую любила больше себя, больше своей собственной жизни.

Черезъ два часа пришелъ отъ Сѣвскаго отвѣтъ:

«Буду съ первымъ же поѣздомъ. Скорблю за васъ. Мужайтесь».

Позвонилъ колоколь къ табльдоту. Ни Лиза, ни Маруся не могли думать объ обѣдѣ. Явился кельнеръ отъ имени хозяина звать ихъ къ столу, «чтобы сосѣди не догадались о несчастіи».

Лиза указала ему на дверь. Лакей удалился.

Кирилловна спѣшно съ помощью Маруси укладывала сундуки.

Каждая вещь покойницы, лежавшей тутъ же подъ простынею, точно говорила: «Еще четыре часа назадъ она была жива, сидѣла тутъ, мечтала о родной усадьбѣ, и вотъ ушла, и вернется мертвая туда, куда такъ рвалось ея бѣдное старое сердце».

Кирилловна отирала слезы, а онѣ текли все неупорно и, скатываясь по морщинамъ, падали на тонкое бѣлье, шитое изъ русскаго полотна, на платя, на мелочи женскаго обихода, съ которыми такъ тѣсно сжилась она, подавая ихъ изо дня въ день своей генеральшѣ.

— Матушка-барыня! Матушка-барыня!—шептала она беззвучно.—Зачѣмъ не дождалась, моя болѣзная?

Лиза сидѣла у изголовья и пристально всматривалась въ очертанія мертваго тѣла подъ его бѣлой покрывкой. Плакать она не могла. Ея глаза были совершенно сухи, и это мучило Кирилловну. Маруся подавала ей вещи и, всхлиывая иногда, присаживалась вдругъ, чтобы отдохнуть.

— Все!—прошептала она, подавая послѣдній носовой платокъ изъ комода.

Кирилловна оглядѣлась. На ночномъ столикѣ возлѣ кровати лежали двѣ книги съ закладками изъ старыхъ орденскихъ лентъ, Старушка быстро отерла слезы.

— На возьми, почитай! Это бабушкинъ псалтирь. Она его всегда на ночь читала... А у насъ его надъ покойникомъ завсегда читаютъ. Потрудись, дѣтка, для бабушки.

Маруся раскрыла книгу и стала читать про себя.

— Читай вслух!—приказала Лиза и откинула простыню, точно для того, чтобы покойница яснѣ могла слышать чтеніе.

«Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ; или кто вселится во святую гору Твою? Ходяй непорочень и дѣлай правду, глаголай истину въ сердцѣ своемъ. Иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя...» читала Маруся, и ей казалось, что эти слова царя Давида относятся именно къ той, чье блѣдное лицо такъ спокойно улыбалось въ эти минуты, точно видѣло передъ собою и самого Давида, играющаго на гусляхъ, и Господа Бога, которому онъ пѣлъ свои псалмы. И не было въ этомъ мертвомъ лицѣ ничего жуткаго, страшнаго. Не чудилось въ немъ трупа. Это было то же дорогое, родное лицо бабушки, которое Маруся помнила съ тѣхъ минутъ, какъ помнила себя, и не вѣрилось, что оно исчезнетъ и что только немного часовъ еще будетъ можно смотрѣть на него. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ раскроются улыбающіяся губы, поднимутся опущенныя вѣки и протянется и приласкаетъ ее знакомая, мягкая, добрая рука... Но губы не размыкались, глаза оставались закрытыми, и кипарисная рѣзная иконка подъ круглымъ, слегка вышуклымъ стекломъ, которая всегда висѣла надъ бабушкинымъ изголовьемъ, а теперь опиралась на ея сложенныя руки, не шевелилась...

Въ двери постучались. Вошли Сѣвскій и Ольга. Оба перекрестились. Ольга обняла Лизу и, припавъ къ ея плечу, глухо разрыдалась.

— Не плачь,—остановила та:—здѣсь намъ плакать запрещено. Хозяинъ обѣщаль выгнать насъ на улицу, если мы потревожимъ сосѣдей.

Сѣвскій положилъ земной поклонъ и приложился къ кипарисовому образку.

— Священникъ пріѣдетъ завтра на вокзалъ,—сказаль онъ.—Его въ N. не было. Я послаль къ нему Лямкина съ подробными распоряженіями. Сегодня придется обойтись безъ него.

Кирилловна всхлипнула:

— Господи, Господи! Вѣдь нужно же было намъ попасть сюда! Дѣлать нечего... Богъ простить... Онъ одинъ вѣдаетъ, зачѣмъ судилъ голубушкѣ, весь вѣкъ свой Его чтившей, безъ молитвы священнической въ гробъ неосвященный ложиться...

Она отерла уже давно насквозь мокрымъ платочкомъ глаза и дѣловито, своей легкой походкой подошла къ комоду.

— Вотъ, батюшка, вы мужчина. Вамъ этимъ въ такія минуты распоряжаться сподручнѣе. Возьмите пока, расплатитесь съ тѣмъ душегубомъ хозяиномъ здѣшнимъ. Вотъ пересчитайте: тутъ восемьсотъ пятьдесятъ марокъ. А это книжка изъ N-скаго банка. Тамъ еще у насъ три тысячи лежатъ. Ихъ покойница на переѣздъ отло-

жила, на имя Лизаньки положены. Словно чуяла, голубушка. «На всякій случай,—говорила.—Не дай Богъ умру, съ чѣмъ вы поѣдете?»

— А больше у нея никакихъ счетовъ нигдѣ нѣтъ?

— Есть, батюшка, какъ же! Расписка есть на тѣ, что неприкосновенныя въ казенномъ банкѣ въ Петербургѣ лежатъ. Пока жива, ни за что трогать не хотѣла. Пять тысячъ, да еще расписка другая на серебро въ ломбардѣ, то, что въ подвалѣ тогда въ Колычевѣ нашли,—шептала она, косясь на Лизу:—оно на храненіи. Каждый годъ за него двадцать пять рублей уплачиваемъ. Мы вѣдь на пенсію жили, да съ Колычева около двухъ тысячъ аренды имѣли. Намъ и хватало.

Сѣвскій вздохнулъ и тоже искоса поглядѣлъ на Лизу.

Со смертью Сотовой пенсія естественно отпадала. Оставались одни доходы съ Колычева и проценты съ пяти тысячъ. Много ли это на тронхъ? Какъ будутъ онѣ жить?..

Лиза сидѣла совершенно безучастно. Ея эти разговоры и расчеты точно вовсе не касались.

— Ахъ, хоть бы заплакала!—шепнула Кирилловна Сѣвскому.— Да вотъ съ самаго несчастія своего слезы мы отъ нея не видимъ...

Въ двери постучались и вошелъ хозяинъ со счетомъ. Онъ уже зналъ о пріѣздѣ Сѣвскаго. Взглянувъ на цифры, тотъ побагровѣлъ.

— Это что такое? Вы ставите на счетъ всю обстановку двухъ комнатъ? Да это грабежь!..—задыхался Иванъ Алексѣевичъ, не желая возвышать голосъ въ присутствіи тѣла.

— Я васъ попрошу быть осторожнѣе,—громко, безъ церемоніи заявилъ хозяинъ:—вещи находятся въ моемъ собственномъ отелѣ и нечего меня учить, какъ съ ними поступаютъ, если онѣ были въ комнатѣ мертвеца. Вы, вѣроятно, милостивый государь, какъ русскій, ни малѣйшаго понятія о гигиенѣ не имѣете, ну, а у насъ въ Германіи вопросъ о чистотѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ. И развѣ я рискну и осмѣлюсь дать ихъ или поставить въ комнату новаго жильца, разъ онѣ простояли хоть полчаса въ помѣщеніи, гдѣ лежалъ трупъ? Онѣ ни чорту больше не годятся.

Сѣвскій даже кулаки сжалъ...

— Бросьте, Иванъ Алексѣевичъ,—обернулась Лиза:—не стоитъ связываться... Заплатите...

— Отлично... Какъ желаете...

Онъ вышелъ съ хозяиномъ и прошелъ въ контору.

— Нѣтъ, не сюда!—обратился тотъ, когда Сѣвскій открылъ дверь и на шумъ оглянулись два находившіеся тамъ постояльца.— Сюда пожалуйте!—любезнымъ тономъ прибавилъ онъ, открывая другую сосѣдную дверь.

— Зачѣмъ?—сухо прервалъ Сѣвскій.—Мы можемъ и здѣсь покончить.

— Нѣтъ, нѣтъ! очень прошу васъ... будьте столь любезны,— настаивалъ онъ, загораживая входъ въ контору:—тамъ неудобно, здѣсь у меня и книги, и квитанціи...

Сѣвскій пожалъ плечами и вошелъ за нимъ въ узкую и всю заставленную лишнею мебелью и сундуками каморку. Это было пристанище владѣльца громаднаго отеля на время сезона, гдѣ въ духотѣ и тѣсотѣ онъ ютился все лѣто.

Сѣвскій провелъ пальцемъ по пыльной конторкѣ и поднесъ его къ носу хозяина.

— Какая архигигіеническая пыль! Пожалуй, не хуже русской!..

— Ахъ, извините... Я не успѣваю убирать, а прислугѣ некогда... столько дѣла!—покраснѣлъ онъ.—Въ конторѣ у меня, конечно, образцовая чистота, но тамъ были посторонніе, могли услышать, и тогда всѣ навѣрно бы разбѣжались изъ отеля, и онъ былъ бы на плохомъ счету изъ-за этого случая. Вы не знаете, какъ эти больные суевѣрны...

— Нѣтъ, не знаю... Но знаю, какъ жадны хозяева къ наживѣ,— бросилъ Сѣвскій, презрительно глядя въ упоръ въ налитые кровью наглые глазенки:—знаю, что они ни минуты не задумаются притянуть за убытки къ отвѣту тѣхъ осиротѣвшихъ женщинъ, которыя переживаютъ теперь столь тяжелые часы. Вотъ получите и выдате квитанцію и распишитесь на счетѣ.

Хозяинъ торопливо пересчиталъ деньги.

— Я назначилъ выносъ въ три часа утра. Поѣздъ идетъ въ шесть. Гробъ я уже заказалъ сразу на глазъ. Надѣюсь, онъ будетъ впору, у меня хорошій глазомѣръ. Очень прошу не просрочить.

Сѣвскій даже не удостоилъ его отвѣтомъ.

Была глубокая ночь. Весь отель спалъ. Но по коридору неслышно, какъ привидѣнія, двигались по нарочно настланному мягкому ковру люди въ войлочной обуви. Они несли металлическій гробъ, закрытый до неузнаваемости чехломъ.

Хозяинъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ за дверями постояльцевъ, не дай Богъ, откроется которая, и его вывѣска и слава пострададутъ навѣки!

Маруся, снова читавшая псалтирь, первая услышала осторожный стукъ въ двери.

Она еще никогда не видала вблизи покойника, не имѣла представленія, какъ людей кладутъ въ гробъ. И когда открылась крышка, и она увидала бѣлую шелковую обивку внутренности и подушку, отороченную правильно высѣченными зубчиками оборки, сердце у нея вдругъ забилося подъ самымъ горломъ... Она видѣла, какъ приблизились принесшіе гробъ люди къ постели Александры Николаевны, какъ они протянули уже къ ней руки и внезапно отступили назадъ...

— Руки прочь!—Лиза вскочила на ноги.—Мы обойдемся безъ васъ!..

— Надо проститься сперва!—тихо сказалъ Сѣвскій.—Гробъ долженъ быть запаянъ, иначе его на желѣзную дорогу не примутъ.

Лиза опустилась на колѣни. Все также безъ единой слезинки на стеклянныхъ глазахъ она припала губами къ безжизненному тѣлу, по которому уже пошли синеватыя пятна. Она цѣловала мертвое лицо и въ глаза, и въ лобъ, и въ щеки, и въ губы, не замѣчая ни начинающихся признаковъ тлѣнія, ни ледяного холода.

— Спасибо... спасибо... спасибо!..—твердила она.

Маруся, Кирилловна, Ольга рыдали беззвучно, глядя на нее.

Сѣвскій подошелъ и поднялъ ее съ колѣнъ. Она бездушно-стекляннымъ взглядомъ, не узнавая его, оглянулась и съ дѣланной улыбкой отвѣтила:

— Merci!

За нею стали прощаться другіе. Всѣ вмѣстѣ они подняли съ постели тѣло и положили его въ гробъ.

— Хоть бы молитву прочесть!—шешнула Ольга, осыпая вмѣстѣ съ Марусей покойницу послѣдними розами изъ нерадовскаго сада, которыя, узнавъ о смерти Александры Николаевны, срѣзалъ весь домъ съ Микой и Аmandой во главѣ.

— Читай, Маруся!—приказала Кирилловна.

Дѣвочка прерывающимся отъ сердцебіенія голосомъ прочла: «Отче нашъ» и «Богородице».

— «Святый Боже»...—подказала старушка.

Гробъ былъ запаянъ. Торопливо, но безшумно спустились по задней лѣстницѣ. У воротъ стояло два экипажа—омнибусъ отеля и большая закрытая карета, вродѣ стариннаго дормеза. Въ ней подъ козлами оказался ящикъ, куда и вдвинули гробъ.

Никому бы не пришло въ голову, что, кромѣ сидящихъ за стеклами четырехъ живыхъ женщинъ, лошади везутъ еще невидимую пятую, мертвую, и если бы даже кто-нибудь изъ случайно проснувшихся больныхъ и выглянулъ въ окно, онъ не догадался бы, что это за экипажъ.

Но улицы были пусты. Ставни наглухо закрыты. Только фонари мигали уже блѣднѣющими огоньками.

Утро чуть брезжило. Горы мохнатыми палахами вырѣзывались на сѣро-синемъ небѣ съ догорающими звѣздами. Сѣвскій вѣтерокъ тянулъ съ ихъ вершинъ и доносилъ смоляное дыханіе вѣкового еловаго лѣса и скошенныхъ душистыхъ травъ на просѣкахъ и полянахъ. Марусѣ эти благовонныя струйки утренняго воздуха и легкія облачка, обвивавшіяся вокругъ распущенныхъ вѣтокъ, напоминали что-то знакомое.

«Точно ладанъ въ церкви!..»—подумала она.

За каретой въ омнибусѣ отеля ѣхалъ Сѣвскій, а на козлахъ сидѣлъ вѣрный Іоганнъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить свою дурхлаухтъ, и мертвую, какъ проводилъ бы ее живую.

У Сѣвскаго мелькнула мысль, которая, несмотря на мрачность обстановки и обстоятельствъ, заставила его усмѣхнуться. Онъ опустилъ переднее стекло.

— Слушайте-ка,—обратился онъ къ перегнувшемуся съ козель Іоганну:—вы женаты или холосты?

— Женатъ, сударь! Мы здѣшніе уроженцы и тоже сдаемъ съ женою комнаты больнымъ, но, конечно, тѣмъ, кто побѣднѣе.

— Вотъ и отлично! Получите-ка этотъ счетъ. Все въ немъ означенное вытребуйте себѣ отъ хозяина, все оплачено.

Іоганнъ такъ и ахнулъ.

— Ахъ, благодарю, благодарю васъ!.. Но хозяинъ этихъ вещей никогда не отдастъ мнѣ... Онъ только нарочно говорилъ, что онѣ никуда больше не годятся, а самъ преспокойно поставитъ ихъ въ комнаты къ новымъ постояльцамъ. Они все такъ дѣлають... развѣ разорятся на банку сулемы...

— Ну, на этотъ разъ ему придется разориться не на одну сулему. Если онъ вздумаетъ спорить, скажите, что я пропечатаю въ газетахъ, какъ въ его гостиницѣ умерла русская генеральша и какъ онъ грозилъ ея близкимъ выкинуть тѣло на улицу.

— О, тогда онъ отступится. Гласности они хуже чумы боятся.

Тѣмъ временемъ въ каретѣ Кирилловна мучилась про себя вопросомъ: какъ быть дальше? Что будетъ дѣлать она одна въ Россіи, сама семидесятидвулѣтняя старуха, съ этими двумя другими молодыми, доставшимися ей отъ матушки-барыни по наслѣдству—дочерью и матерью, которая хуже ребенка?

«Ничего... Никто какъ Богъ!—твердила она себѣ въ сотый разъ въ утѣшеніе:—теперь о насъ, сиротахъ, у Бога молитвенница есть,—душенька ея ангельская... Богъ не оставитъ, пошлетъ добрыхъ людей!»

И словно въ отвѣтъ на эти мысли, Ольга, глядѣвшая задумчиво на Марусю, вдругъ сказала:

— Знаете что, милыя мои? А я вѣдь тоже поѣду вмѣстѣ съ вами. Дайте мнѣ только уложиться и со свекромъ переговорить. Все равно, мнѣ дней черезъ десять тронуться бы пришлось. Лучше я ихъ съ вами тамъ въ Колычевѣ проведу. Вѣдь Горскъ, помнится, не такъ далеко отъ Москвы, а мнѣ туда заѣхать еще надо?..

— Да, въ шести съ половиной часахъ, — отозвалась равнодушно Лиза, точно не соображая, какую услугу собиралась оказать Ольга.

Зато Кирилловна, если бы не тѣснота кареты, стала бы передъ нею на колѣни. Она схватила обѣ руки Нерадовой и прижалась къ нимъ лицомъ, повторяя сквозь всхлипыванія:

— Матушка! матушка! Только подумала, а она, покойница, уже и помощь посылаетъ. Спасибо, спасибо вамъ! родная вы-наша. Богъ васъ за насъ, сиротъ, наградить! Недаромъ нашъ ангелъ отлетѣвшій васъ такъ полюбилъ!

Маруся такъ и встрепенулась.

— А Мика, тетя? развѣ онъ васъ отпуститъ?

— Ради тебя и мамы твоей? Конечно! Ты не знаешь, какой онъ добрый и хорошій мальчикъ и какъ любить тебя!

Лиза тоже открыла глаза.

— Оля... неужели ты это сдѣлаешь? Ради насъ уѣдешь отъ сына раньше срока? Вѣдь ты же говорила, что цѣлыхъ два года его больше не увидишь? Или ты пошутила?

— Богъ съ тобой! Какія шутки въ такое время. Я ѣду съ вами.

— Спасибо же тебѣ! Я тебя не стою.

Она въ первый разъ искренно обняла подругу.

XV.

О, будьте счастливы! Не надо
 Ни оправданій мнѣ, ни лжи...
 Я точно нива послѣ града,
 Гдѣ выбить каждый колосъ ржи:
 Все, все растоптано и смято,
 Надломленъ каждый стебелекъ.
 Ни грёзь, ни къ прошлому возврата,
 А Богъ—безжалостно далекъ!..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

На запасномъ пути у N-скаго вокзала шла русская панихида. Она была разрѣшена послѣ многихъ хлопотъ, бѣготни и возни съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, благодаря заступничеству и вмѣшательству консула. Нѣмецкая публика съ любопытствомъ оглядывала спѣшно проносимыя черезъ вокзалъ свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ и узлы съ облаченіями.

У отцѣпленнаго багажнаго вагона тѣснились люди. Въ раздвинутыя настежь широкія створки вырывались голубоватыя струйки ладана и несло церковное пѣніе. Несмотря на чуждыя, непонятныя слова, удивительные по красотѣ и грусти напѣвы такъ и просились въ душу. Носильщики и случайные прохожіе останавливались и благоговѣнно обнажали головы.

А тамъ, внутри и снаружи, ближе къ дверямъ, стояли люди въ черномъ и держали въ рукахъ тонкія зажженные свѣчи. Огоньки колебались на вѣтру, и черные дымки копоти трепетно бросались въ сторону, точно вспугнутыя черныя мысли о грѣхѣ, о жизненной копоти и грязи. Но вѣтерокъ стихалъ, и пламя снова вытяги-

«Истор. вѣстн.», ФЕВРАЛЬ 1914 г., т. СХХХV.

4

валось въ правильный язычекъ, красный въ серединѣ и свѣтлый по краямъ.

Налицо была вся русская колонія. Никто почти не уѣзжалъ еще, въ ожиданіи іюльскихъ школьныхъ каникулъ дѣтей, учившихся въ мѣстной прославленной своими педагогами гимназіи.

Въ вагонѣ было тѣсно отъ вѣнковъ и душно отъ привезенныхъ въ массѣ живыхъ цвѣтовъ. На высокихъ свѣчахъ наплывали восковыя слезы, и слезы были почти у всѣхъ на глазахъ. Многія женщины плакали навзрыдь.

Андрей Петровичъ Нерадовъ, несмотря на принципиальное отрицаніе церковной службы и громко исповѣдуемый атеизмъ, стоялъ тутъ же со свѣчою въ рукахъ. Онъ невольно вслушивался въ знакомыя когда-то, а теперь полузабытыя славянскія слова, и передъ нимъ точно сквозь клубы ладана мелькали тоже знакомые прежде и нынѣ полузабытые облики людей, куда-то упедшихъ, гдѣ-то отставшихъ отъ него на жизненной дорогѣ. Можетъ быть, и по нимъ уже давно служились тамъ въ далекой Россіи такія же панихиды и пѣли: «Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золь душа моя исполнися и животь мой аду приближися», и также оплывали высокія свѣчи у гроба, и колебались огненные языки на тонкихъ въ рукахъ у стоявшихъ кругомъ, живыхъ пока, друзей и близкихъ.

И вдругъ эта занесенная на чужбину, молящаяся по-русски на нѣмецкихъ рельсахъ горсточка его земляковъ, и онъ самъ въ ихъ числѣ показались ему глубоко несчастными.

Тридцать лѣтъ назадъ онъ порвалъ съ ненавистнымъ ему, переставшимъ вдругъ быть либеральнымъ русскимъ правительствомъ и отрясъ родной прахъ отъ ногъ своихъ. Чтобы доказать въ тѣ молодые годы передъ немногими знавшими его твердость своихъ убѣжденій, онъ разорвалъ связь съ русскою землею и милліонами русскихъ людей, одной съ нимъ крови, одного съ нимъ крещенія. Онъ заложилъ вотчинныя десятины, доставшіяся ему отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, чтобы не выкупить ихъ никогда, и, не интересуясь, кому перейдутъ потомъ исконныя нерадовскія земли, политыя потомъ трудившихся на нихъ русскихъ людей, уѣхалъ за границу. Здѣсь, благодаря оборотливости дѣятельныхъ тружениковъ-нѣмцевъ и американцевъ, не ударяя самъ палець о палець, изъ просто достаточнаго человѣка этотъ русскій дворянинъ сталъ милліонеромъ, пока другіе его сверстники и знакомые понемногу разорялись и оскудѣвали. И онъ, слыша о ихъ разореніи, о спускавшихся съ молотка заповѣдныхъ лѣсахъ и дорогихъ усадьбахъ, смѣялся и звалъ ихъ рохлями...

«Россія для русскихъ! удивительно... подумаешь, правительство осчастливило... нѣтъ-съ, голубчики! Не для всякаго русскаго ваша Россія создана! Чорта два мнѣ въ ней!.. У меня вонъ израз-

цами конюшни выложены, а у васъ ваши деревянныя хоромы черви точать да грибокъ сѣждаетъ... Очень нужны онѣ мнѣ!..»—твердилъ онъ еще на дняхъ Юневу...

И вотъ теперь около гроба русской женщины, отправляемаго на родной погостъ въ родовое помѣстье, вдругъ вся его удобная, обставленная европейскимъ комфортомъ жизнь показалась ненужной, скучной, безцѣльной. Онъ ни съ того, ни съ сего почувствовалъ и свою душу золь исполнившеюся, и жизнь приблизившеюся къ аду, а самого себя не гражданиномъ вселенной, чѣмъ гордился и вслухъ и втихомолку, а просто выбитымъ изъ колеи русскимъ, съ русской безотчетной тоскою на сердцѣ, и вопреки всякому здравому смыслу, наперекоръ всѣмъ теоріямъ и хитроумнымъ доводамъ, это сердце самымъ безразсуднымъ и безхитростнымъ образомъ запросилось назадъ въ проданную усадьбу, къ бѣлой, далеко видной на пригоркѣ среди необозримыхъ полей ветхой церкви съ колокольной и пятью зелеными луковками куполовъ.

Закоренѣлому богоотрицателю показалось, какъ хорошо, какъ покойно было бы дѣйствительно лежать на погостѣ возлѣ этой церкви, среди дерновыхъ могилوکъ простыхъ русскихъ людей, чтобы черезъ окна доносились и волны ладана, и дымки мигающихъ огоньковъ на тонкихъ свѣчечкахъ, и тихое пѣнье, и возгласы священника! Знакомые, за душу хватающіе напѣвы и славянскія слова проникали бы въ мертвую грудь. Родное солнце съ высокаго неба грѣло бы бѣлыя кости и каждымъ незлобивымъ лучомъ, каждой радужной росинкой на стебляхъ намогильной травы подтверждало прощенье и оставление всѣхъ вольныхъ и невольныхъ содѣянныхъ въ жизни прегрѣшеній...

По окончаніи панихиды вагонъ съ гробомъ былъ переведенъ на мѣсто, прицѣпленъ къ очередному поѣзду и наглухо заломбированъ. Всѣ четыре его сопровождавшія женщины должны были остаться еще на день въ N. и догнать его на границѣ.

День предстоялъ хлопотливый. Нужно было заѣхать и на квартиру, и купить всѣмъ траурныя платья и шляпки, и побывать и въ банкѣ, и у Вольфа.

Послѣднее казалось Лизѣ важнѣе всего. Выбравъ наскоро себѣ первыя попавшіяся вещи, она предоставила Зинаидѣ Андреевнѣ Сѣвской экипировку Маруси. Кирилловна отправилась на квартиру, а она поѣхала съ Сѣвскимъ въ банкъ.

Получивъ положенныя покойницею на ея имя три тысячи марокъ, она вручила ихъ Сѣвскому.

— Возьмите ихъ пока, пожалуйста! Мнѣ надо еще заѣхать къ Вольфу!

— Позвольте, я подвезу васъ. Куда прикажете?

Лиза обомлѣла. Адреса Вольфа она не знала. Тогда въ первый разъ ее свезъ къ нему старикъ-кучерь, но по какимъ улицамъ они ѣхали,—она рѣшительно не помнила. Съ тѣхъ поръ онъ всегда пріѣзжалъ самъ и за нимъ ни разу не пришлось посылать. Конечно, онъ далъ ей свой адресъ, и улица и номеръ дома были, навѣрно, записаны у нея, но она никакъ не могла ихъ вспомнить.

Заѣхали въ аптеку. Эта маленькая неудача сильно разстроила Лизу, она такъ и разволновалась, а Сѣвскій съ глубокою жалостью смотрѣлъ на нее.

«Господи, что она тамъ одна дѣлать будетъ при этой вѣчной растерянности?»

— Я подожду васъ,—предложилъ онъ, подѣхавъ къ знакомой узорной рѣшеткѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—разволновалась опять Яшнева:—не надо... Я задержусь, пожалуй, и это меня только стѣснить, что вы меня станете ждать.

Ей во что бы то ни стало хотѣлось остаться одной... Сѣвскій уѣхалъ, а она пошла торопясь по двору. Теперь она его не узнавала. Сочная зелень одѣвала лужайки и кусты. На клумбахъ ярко пестрѣли цвѣты. Кругомъ было пусто и тихо. Не видно было ни мальчиковъ въ тугихъ чулкахъ, ни пуделей. Только чирикали птицы, да изъ открытаго гдѣ-то наверху окна слышался отчетливо и упорно повторяемый трудный пассажъ сонаты.

Это была Бетховенская «*Quasi una fantasia*», которую Лиза сама когда-то любила, и она знала этотъ пассажъ, и ей казалось, что если бы она сейчасъ сѣла за рояль, она сразу безъ ошибки сыграла бы его.

«Невѣрные пальцы беретъ, оттого и не выходитъ!» думала она, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ.

И опять, какъ въ тотъ день, когда она привезла Вольфа и поднималась съ нимъ рядомъ по лѣстницѣ къ тетѣ Саши, она забыла, что привело ее къ нему. Она чувствовала только, что сейчасъ увидитъ его, его голубые глаза и солнечную улыбку, и тотъ жѣсткій комокъ, который еще со вчерашняго утра стоитъ въ груди и давить, то подступая къ самому горлу, то сжимая сердце, разойдется сразу отъ его перваго слова.

У двери она остановилась, перевела духъ и, вспомнивъ подравшихся у звонка мальчугановъ, съ улыбкой нажала пуговку.

Пассажъ оборвался. Дверь открылась.

— Господинъ Вольфъ дома?—спросила Лиза.

— Господинъ профессоръ отдыхаетъ,—отвѣтила служанка.— Они ночь продежурили въ клиникѣ, но я доложу госпожѣ Вольфъ.

«Госпожа Вольфъ, — его мать, конечно!» подумала Лиза, и ея воображеніе умиленно нарисовало ей даму съ сѣдыми, какъ у тети Саши, волосами, но похожую улыбкой на сына.

«Оттого онъ такъ и умѣетъ обращаться со старушками, что живеть съ матерью!..»

Дверь открылась. Передъ Лизой стояла полная, приземистая, но еще молодая брюнетка.

— Вы спрашиваете профессора?.. Извините, мужъ отдыхаетъ. Я не смѣю будить его... Передайте мнѣ, въ чемъ дѣло, а я...

Она не договорила. Ея неожиданная гостья зашаталась и упала на кресло. Все ея лицо поводило отъ частой судороги. Уголь рта подымался все выше и выше и наконецъ почти коснулся вѣка, а она только повторяла:

— Вашъ мужъ... вашъ мужъ...

— Господи! что съ вами?—всполошилась хозяйка.

Лиза силилась заговорить, встать, не дергать лицомъ,—нервы ея не слушались, и она сидѣла и мучилась передъ той, о чьемъ существованіи не хотѣла догадываться, кого считала давно не бывшей, чей образъ ни за что не хотѣлъ вязаться съ солнечнымъ обликомъ дорогого человека.

Почему же Вольфъ не носилъ обручальнаго кольца? Не говорилъ о женѣ? Ни разу за всѣ свои визиты ни словомъ не намекнулъ о томъ, что она существуетъ, что голубоглазыхъ мальчиковъ воспитываетъ безо всякой системы не онъ одинъ, а и эта полная, коротконогая, хотя и недурная собою дама?.. И зачѣмъ же въ такомъ случаѣ при разставаньѣ онъ говорилъ, что будетъ ждать пріѣзда ея, Лизы, которая играетъ такую важную роль въ его собственной жизни? Какую?..

Госпожа Вольфъ давала ей нюхать спиртъ, накапала валерьянки въ рюмку, разбавила водой и силой влила въ ея дергавшійся ротъ. Ничто не помогало.

— Господи! что дѣлать?.. Ваше имя, сударыня! Скажите ваше имя, я передамъ мужу... Вы его пациентка? да?

— Да... да... Я... Яш... Яш-не-ва!..—вырвалось наконецъ у Лизы.

— Не слыхала!

Она и не могла слышать, потому что за глаза Вольфъ называлъ Лизу—*die junge Frau von Sottow*.

Видя, что гостѣвъ не становится лучше, она велѣла служанкѣ разбудить мужа.

Лиза, услышавъ приказаніе, попробовала приподняться. Ноги ея еще дрожали, и она должна была удержаться за спинку кресла, чтобы не упасть. Но она готова была хоть на четверенькахъ выползти изъ этой комнаты, только бы не встрѣтиться съ Вольфомъ.

— Ахъ не надо!.. не надо... не зовите... Я уйду...

Цѣпляясь за мебель, она двинулась къ выходу, но дверь въ со-сѣднюю комнату уже открылась, и вошелъ Вольфъ въ домашнемъ

пиджакъ, котораго никогда на немъ не видала Лиза и который странно мѣнялъ его.

— Я не знаю, что дѣлать, Эрихъ? Эта дама совершенно больна!— обратилась къ нему супруга.

— Вы... вы?... какими судьбами?..

Вольфъ подошелъ къ Лизѣ, взялъ ее за руку и заглянулъ привычнымъ ему испытующимъ докторскимъ взглядомъ въ глубь ея снова сузившихся зрачковъ.

— Прежде всего сядьте и успокойтесь... Вотъ такъ... Что случилось? почему вы здѣсь? Развѣ ея превосходительство окончила такъ быстро курсъ леченія?

Онъ сдѣлалъ знакъ женѣ. Она вышла.

— Отвѣчайте!—обратился онъ къ Лизѣ, не сводя съ нея глазъ.

Лиза открыла ротъ и съ трудомъ вобрала воздухъ.

— Тетя... вчера... умерла... и мы... возьмемъ... ее... въ Россію!..

Онъ выпустилъ ея руку.

— Какъ такъ? Я справлялся еще на прошлой недѣлѣ у курсового врача, и онъ писалъ мнѣ, что ей очень хорошо. Въ чемъ же было дѣло?

Лиза пыталась говорить. Онъ тоже пытался вникнуть въ ея слова, но видно было, что не они, а что-то другое интересуется его. Лицо его было нахмурено, и ничего больше солнечнаго въ немъ уже не было. Лиза понемногу справлялась съ собою, хотя ея судорога и не прекращалась, и пристально вглядывалась въ его знакомыя черты, не узнавая ихъ... Онѣ вдругъ стали совершенно ей чужими.

— Вашъ тикъ снова хуже!.. Когда онъ возобновился?—прервалъ онъ вдругъ ее на полусловѣ.

— Не знаю... я не замѣтила!..

— Вчера?

— Не знаю!

— А вы... скажите,—плакали, узнавъ о смерти вашей тети?..

— Нѣтъ!.. я не плакала... я... я... не могу плакать!.. Я говорила вѣдь...

— Да, да! помню...—перебилъ онъ нетерпѣливо и, заложивъ руки подъ рукава жилета, прошелся по комнатѣ.—Послушайте! такъ нельзя... Вы должны, непременно должны плакать... и тикъ вашъ долженъ прекратиться снова... Онъ и не смѣлъ возобновляться... Хотите, я опять усыплю васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! не надо... Это будетъ ни къ чему... Я чувствую, изъ этого ничего не выйдетъ!

— Почему?

Онъ началъ говорить ей что-то длинное. Она не слушала. Ея мысль работала напряженно... Почему? почему?.. Она знала,—почему! То, что подчиняло ее его волѣ, его вліянію, кончилось: онъ потерялъ для нея обаяніе. Его глаза ничего ей больше сказать не

могли. Она не имѣла для него интереса, — у него была жена со всѣми правами на него, а она, Лиза... Что была она ему?..

— Послушайте, во имя науки, не отказывайте мнѣ, — молилъ онъ, держа ее снова за руку и сжимая эту холодную безотвѣтную руку мягкимъ, вкрадчивымъ пожатіемъ: — вы не знаете, не понимаете, какъ я дорожилъ моими опытами надъ вами! У васъ рѣдко повышенная воспріимчивость, вашъ организмъ, ваши нервныя узлы совершенно исключительны по чуткости... Мнѣ удавались такіе приемы съ вами, результатами которыхъ даже Шарко былъ бы пораженъ! Помните, какъ вы заторопились тогда домой, уѣхавъ съ дочерью за покупками? Я вѣдь тогда мысленно, на такомъ огромномъ разстояніи позвалъ васъ, и вы послушно поддались мнѣ и пришли... Вѣдь такія приказанія на разстояніи очень немногимъ удавались. О другомъ я и не говорю... Вашъ блестящій видъ послѣ прописаннаго мною режима совершенно воскресилъ васъ... Я считалъ васъ вполне поправившейся... и вдругъ снова тикъ, и ни слезы при такомъ потрясеніи! Слезы надо вызвать, во что бы то ни стало, и тогда тикъ прекратится, по-моему, самъ собою... Поймите, что мнѣ необходимо, до зарѣзу необходимо провѣрить себя... Я не задержу васъ... Всего одинъ часъ, только одинъ часъ, прошу васъ!

Лиза слушала и каменѣла. Передъ ней былъ не человѣкъ, по-человѣчески разсуждавшій и чувствовавшій. Его не трогало ея горе. Онъ совершенно забылъ объ Александрѣ Николаевѣ, точно никогда и не лечилъ ея. Его интересовали только его врачебныя наблюденія. Это былъ вивисекторъ... какъ тотъ, ея покойный мужъ, мучившій во имя науки лягушекъ и котятъ... Этотъ собирался мучить и ее. Ей стало холодно. Красное солнышко закатилось.

Она встала.

— Это невозможно!.. Мнѣ пора. Мы вечеромъ уѣзжаемъ. Прощайте! Простите, что я васъ обезпокоила и... извинитесь передъ вашей супругой, — я, кажется, ее не на шутку напугала.

Онъ точно спохватился, началъ выражать ей свое соболѣзнованіе, сокрушаясь о неосмотрительности курсовыхъ врачей, которые недостаточно изучаютъ индивидуальность каждаго отдѣльнаго пациента и торопятся добиться быстрыхъ мѣстныхъ результатовъ въ ущербъ общему здоровью.

Лиза слушала, стоя.

— Да, еще одинъ не выясненный между нами вопросъ! — превралъ онъ самъ себя.

Она гордо закинула голову. Она уже вполне владѣла собою.

— Какой?

— Вы, вѣроятно, ошиблись при расчетѣ со мною?

— Какъ такъ?

— Вы заплатили мнѣ вдвое противъ условленнаго. Я предлагалъ вамъ именно въ виду вашей для меня, какъ врача, совершенно исключительной научной цѣнности, лечить васъ даромъ!

— Простите,—ошиблись вы, а не я! Я даромъ ничьихъ услугъ не принимаю.

И, снова холодно протянувъ ему руку, она прибавила:

— Еще разъ спасибо! Очень рада, если мы квиты...

.....
Она шла мимо газоновъ и клумбъ. Листья на кустахъ чуть-чуть шелестѣли. Чирикали птицы, и изъ открытаго окна снова звучалъ трудный пассажъ.

На сердцѣ было странно-легко и холодно-пусто. Оборвалось что-то. Погасло и остыло то, что слишкомъ три мѣсяца грѣло и озаряло жизнь. Но предстоящій отъѣздъ уже не страшилъ.

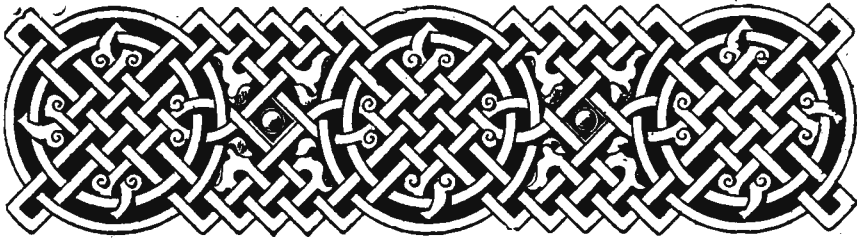
Напротивъ!.. поскорѣй, поскорѣй вонъ отсюда... подальше... подальше!

Подальше отъ холодныхъ людей ума и долга, отъ вытянутыхъ въ струнку деревьевъ бульвара, отъ лошадей въ вязаныхъ наушникахъ, отъ этихъ сторожащихъ кругомъ горь туда... въ Россію... въ старый домъ, полный тепла и уюта, подъ родимый кровъ, гдѣ каждый уголокъ, каждый отсвѣтъ будутъ напоминать ту, что при жизни была ея оплотомъ, а послѣ смерти будетъ ея незримымъ ангеломъ-хранителемъ и молитвенницей!..

М. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГР. Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾

(Съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

V.

Е] НАДОЛГО удалось мнѣ оградить мирныя сношенія свои съ Портою и подготовительную многолѣтнюю работу свою, среди медленно развивающихся нашихъ единоплеменниковъ отъ австро-венгерскаго вмѣшательства, на которое возлагали такія несбыточныя надежды нѣкоторые наши дипломаты и за которое пришлось намъ такъ горько расплачиваться. Вспыхнувшія столкновения между герцеговинцами, мѣстною турецкою властью и мусульманами въ ближайшихъ къ Черногоріи округахъ Зубцы, Гацко, Пива, Баньяны и Невесинье, означаемыхъ въ турецкомъ календарѣ подъ названіемъ «Бунтующихъ округовъ» (Невабнахіэ), поддержанныя изъ Черногоріи и изъ Далмаціи, доставили, къ сожалѣнію и вопреки моимъ усиліямъ,—поводъ графу Андраши вмѣшаться, подъ предлогомъ пограничныхъ интересовъ, и втянуть наше министерство иностранныхъ дѣлъ въ тройственную политику, придавшую несообразное съ дѣйствительностью значеніе герцеговинскому волненію.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СXXXV, стр. 49.

Небольше пламя первоначальнаго пожара было раздуть: Россія и наше общественное мнѣніе были завлечены графомъ Андраши ¹⁾ на путь забвенія истинныхъ нашихъ интересовъ. Для безпристрастной и правильной оцѣнки событій не надо терять изъ виду: 1) что волненія и неудовольствія герцеговинцевъ и босняковъ и ихъ преувеличенныя надежды на непосредственное содѣйствіе Австро-Венгріи и на покровительство австрійскаго императора, вступившаго въ союзъ съ исконнымъ ихъ, неизмѣннымъ, хотя и дальнимъ покровителемъ—русскимъ царемъ, начались вскорѣ послѣ поѣздки императора Франца-Иосифа по Адриатическому побережью и бывшаго въ глаза благоволенія, лично имъ и его свитою оказаннаго не только католикамъ, но и православнымъ, въ ущербъ вниманію турецкимъ властямъ, что составило событіе въ мѣстной жизни и воззрѣніяхъ; 2) что первые подстрекатели въ Герцеговинѣ и Босніи переходили изъ австрійскихъ предѣловъ, откуда доставлялись и оружіе и боевые припасы, и что австрійскіе агенты при этомъ увлеклись до того, что неоднократно появлялись на границѣ банды подъ австрійскимъ знаменемъ и одинъ изъ главныхъ предводителей былъ католическій священникъ. Русскаго знамени тутъ не показывалось и мѣста ему не было, хотя иностранные агенты постоянно пытались взваливать отвѣтственность за герцеговинское возстаніе на Россію, несмотря на то, что русское посольство ему не благопріятствовало и его оплакивало, предсказывая лишь неблагопріятныя для нашихъ единовѣрцевъ усложненія и прекращеніе того исключительнаго положенія въ Константинополѣ, которое дозволяло Россіи распространять мирнымъ путемъ свое вліяніе, безъ вредныхъ для единовѣрцевъ ея потрясеній, до болѣе благопріятнаго времени и полнаго развитія своихъ военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Первымъ шагомъ на новомъ, опасномъ пути,—противъ котораго не переставалъ я предостерегать, тѣмъ болѣе, что являлась полная возможность устроить герцеговинское дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ съ Портою, посредствомъ отдачи князю Николаю въ управленіе волновавшихся приграничныхъ округовъ, но подъ непрѣмнымъ условіемъ невмѣшательства державъ,—было учре-

¹⁾ Графъ Юлій Андраши родился въ Цемплинѣ (въ Венгріи) въ 1823 году. Онъ выдвинулся какъ политическій ораторъ на венгерскомъ сеймѣ 1847 года и былъ посланъ (1849 г.) въ Константинополь, какъ уполномоченный революціоннаго правительства Кошута. Послѣ торжества Австріи надъ венгерской революціей Андраши былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ въ 1857 году. Въ 1860 году онъ былъ избранъ вице-президентомъ восстановленнаго венгерскаго сейма и былъ правой рукой извѣстнаго мадьярскаго государственнаго дѣятеля Деака. Съ провозглашеніемъ «дуализма» графъ Андраши занялъ въ 1867 году постъ предсѣдателя венгерскаго совѣта министровъ. Съ 1871 до 1879 гг. онъ занималъ должность министра иностранныхъ дѣлъ австро-венгерской монархіи; онъ умеръ въ Будапештѣ въ 1890. А. Б.

ждение консульской комиссіи ¹⁾, которая должна была контролировать дѣйствія оттоманскаго комиссара, отправленнаго султаномъ въ Герцеговину, вѣдѣствіе настоянія представителей мнимаго тройственнаго имперскаго союза. Послы въ Царьградѣ должны были впредь повиноваться вѣнскому центру, откуда они имѣли получать дальнѣйшія инструкціи. Другими словами, графъ Андраши, нашъ исконный врагъ и соперникъ, сдѣлался хозяиномъ восточнаго вопроса, и русскій посоль, успѣшно противившійся доселѣ австро-венгерскимъ и англійскимъ кознямъ, выданъ былъ головою венгерскому коноводу, отданъ былъ подъ непосредственную опеку и постоянный, ежечасный контроль австро-венгерскаго и германскаго пословъ, безъ вѣдома и согласія которыхъ онъ отнынѣ не могъ сдѣлать ни шагу въ Портѣ. Высокое положеніе, приобрѣтенное имъ постепенно десятилѣтними трудами, уничтожалось во вредъ Россіи, безъ всякаго равносильнаго для насъ вознагражденія, безъ какой-либо гарантіи будущаго и безъ другой видимой причины, кромѣ личнаго расположенія и довѣрія князя Горчакова къ графу Андраши. Я не могъ скрыть своего негодованія въ перепискѣ съ канцлеромъ и съ барономъ Жомини, временно управлявшимъ министерствомъ.

Консульская комиссія и учрежденіе «вѣнскаго центра» были предложены и приняты императорскимъ правительствомъ во время моего кратковременнаго отпуска. Я отправился въ Германію на свиданіе съ отцомъ, заболѣвшимъ и посланнымъ докторами на водолеченіе въ Германію. Садясь на пароходъ въ Буюкъ-Дере, я получилъ телеграмму о возстаніи въ Герцеговинѣ, казавшемся тогда незначительною вспышкой нѣсколькихъ пастуховъ, недовольныхъ притѣсненіями турецкихъ мѣстныхъ властей. Но я, сопоставляя эту вспышку съ недавнимъ путешествіемъ австрійскаго императора и кознями австро-венгерскихъ агентовъ, къ которымъ я относился всегда недовѣрчиво, тотчасъ же сказалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, провожавшему меня на пароходъ, и Е. П. Новикову, видѣвшемуся со мною въ Вѣнѣ, что меня крайне беспокоятъ извѣстія, полученныя изъ Мостара, что вспышка несвоевременна и можетъ весьма плохо для насъ кончиться возбужденіемъ осложненій на Востокѣ. Когда я узналъ въ Эмсѣ изъ газетъ, что принято рѣшеніе послать консульскую комиссію въ Герцеговину для изслѣдованія положенія дѣлъ на мѣстѣ и

¹⁾ Консульская комиссія, на которую европейскія державы возложили сначала задачу наблюденія за умиротвореніемъ Герцеговины, собралась въ городѣ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) въ августѣ 1875 года. Въ ея составъ вошли: отъ Великобританіи Гольмъ, отъ Германіи—баронъ Лихтенбергъ, отъ Россіи—Ястребовъ, отъ Австро-Венгріи—Васичъ, отъ Франціи—Довонъ и отъ Италіи—Дурандо. (Ср. посмертныя записки доктора Кетшета: «Aus Bonsniens Letzter Turkezeit»—въ коллекціи г. Patsch'a (Wien, Hartleben's Verlag 1906 г.),—стр. 10.

что Австрія припимаеть на себя руководство вмѣшательства трехъ имперій, то я до того встревожился, что тотчасъ же вернулся въ Константинополь (до срока отпуска) и, исполняя данныя правительствомъ посольству инструкціи, постарался, сколько возможно, поддержать еще добрыя отношенія съ турецкимъ правительствомъ и парализовать стремленія графа Андраши насъ съ нимъ перессорить и забрать въ свои руки инициативу и все вліяніе на восточныя дѣла. Убѣдивъ Порту отправить комиссаромъ Серверъ-пашу ¹⁾, человѣка мягкаго и удоборуководимаго, для принятія на мѣстѣ мѣръ умиротворенія, я стремился замѣнить опасный для Россіи «вѣнскій центръ» мѣстною конференціею въ Константинополѣ, въ убѣжденіи, что, притянувъ къ общему дипломатическому дѣйствию въ Герцеговинѣ всѣ кабинеты, намъ легче будетъ противостоять на почвѣ парижскаго договора своекорыстнымъ вождедѣніямъ австро-венгерскаго правительства, въ которыхъ я ни на минуту не сомнѣвался, точно также какъ съ самаго начала подозрѣвалъ нашихъ мнимыхъ союзниковъ въ желаніи рассорить насъ съ Портою, несвоевременно возбудить славянскія движенія и, пользуясь славянскимъ сочувствіемъ, хранящимся въ тайникѣ каждаго истаго русскаго человѣка, даже самаго простаго званія, вовлечь насъ въ войну, для нашего ослабленія, закрѣпощенія тройственному союзу и для водворенія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Всего болѣе хотѣлъ я отстранить поводъ къ занятію и затѣмъ присоединенію Босніи и Герцеговины къ Австріи.

Во второй половинѣ августа я достигнулъ того, что представители гарантирующихъ державъ въ Константинополѣ собрались у меня на совѣщаніе по герцеговинскому дѣлу и начали въ составѣ трехъ, а потомъ и съ присоединеніемъ Италіи и Франціи, совмѣстно обсуждать полученныя свѣдѣнія съ цѣлью принятія соотвѣтствующихъ мѣръ, по примѣру того, какъ они собирались у меня въ качествѣ старшины дипломатическаго корпуса (doyen) для обсуждения всѣхъ вопросовъ, представлявшихъ общій интересъ. Чтобы закрѣпить такой образъ дѣйствій и если не совѣмъ устранить «вѣнскій центръ», то уменьшить преобладаніе графа Андраши и положить нѣкоторые предѣлы потаеннымъ замысламъ, я донесъ барону Жомини, управлявшему тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (въ отсутствіе канцлера, проживавшаго осенью въ Швейцаріи), что ²⁾, въ виду важности обстоятельствъ и рѣзкой опредѣленности положенія, принятаго тремя имперіями, необхо-

¹⁾ Докторъ Кетшегъ (см. предыдущ. примѣч.) характеризуетъ Серверъ-пашу какъ человѣка тщеславнаго, самонадѣяннаго до наивности и совершенно недалекозоркаго, вѣрившаго въ возможность все устраивать посредствомъ фразы и реформъ на бумагѣ. (См. записки Кетшета, стр. 11, 19 и 20). А. Б.

²⁾ Донесеніе отъ 25-го августа, № 221.

димось совѣщанія или обмѣна мнѣній при настоящемъ кризисѣ само собою навязывается. Мои товарищи послы Германіи и Австро-Венгріи ¹⁾ раздѣляли эти взгляды, и мы признали настоящимъ какъ можно ближе сговориться между собою, чтобы образовать единомысленное ядро для общаго соглашенія съ другими представителями ²⁾, причемъ мы могли бы избѣгнуть не только разности въ оттѣнкахъ мнѣній, но даже въ выраженіи нашихъ предположеній. Мы общались также сообщать другъ другу письменныя и телеграфическія свѣдѣнія, которыя мы получали съ театра дѣйствій ³⁾. Основываясь на этомъ соглашеніи, мы собрались. Мои коллеги начали съ того, что сообщили мнѣ полученныя ими донесенія изъ Бѣлграда, представляющія положеніе весьма серьезнымъ. Выяснилось, что тамъ дѣлаются большія военныя приготовленія и тридцать тысячъ милиціи и добровольцевъ уже собраны въ Ужицѣ; другое ополченіе собирается у соединенія Савы съ Дриною; милиціи раздають ружья и боевые патроны. Агенты австро-венгерскіе и германскіе представляютъ князя Милана желающимъ обѣлиться отъ обвиненія, на него возведеннаго передовою партіею въ безучастномъ отношеніи къ сербскимъ интересамъ, ставъ безразсудно во главѣ народнаго движенія, что, впрочемъ, ему совѣтуютъ и консерваторы, какъ единственное средство пріобрѣсти популярность и даже спасти свое личное положеніе.

Весьма естественно, что подобныя свѣдѣнія значительно охладжали участіе къ Сербіи въ моихъ коллегяхъ и затрудняли ходатайства наши за княжество передъ турками.

Я понималъ, что если въ дѣйствительности Сербія провинится враждебными дѣйствіями противъ Порты ⁴⁾, намъ будетъ трудно

¹⁾ Графъ Бисмаркъ и графъ Андраши, которымъ баронъ Жюмини успѣшилъ сообщить, чрезъ ихъ представителей въ Петербургѣ и пословъ нашихъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, содержаніе этого донесенія, тотчасъ же выразили свое крайнее неудовольствіе посламъ за то, что они якобы дали себя вовлечь въ недозволенную конференцію и затѣмъ поддерживали въ своихъ донесеніяхъ, а равно и въ сообщеніяхъ Портѣ условленное между послами. Хорошо были союзники и пріятно было мнѣ съ ними дѣло вести!
Авт.

²⁾ Этотъ способъ дѣйствія былъ несравненно правильнѣе, нежели затѣянная графомъ Андраши распорядительная конференція въ Вѣнѣ (центръ вѣнскій) по восточнымъ дѣламъ, ибо, по парижскому договору, всѣ державы были равноправны относительно Турціи и отдѣльное вмѣшательство каждой изъ нихъ воспрещалось. Во внутреннія дѣла не полагалось вступаться даже совмѣстно со всѣми; но правила эти постоянно нарушались, при общемъ согласіи всѣхъ державъ и при соблюденіи нѣкоторыхъ особенныхъ формъ.
Авт.

³⁾ Эта предосторожность была необходима для того, чтобы я имѣлъ возможность провѣрять заявленія графа Андраши и интриги его агентовъ въ Герцеговинѣ. Авт.

⁴⁾ Предвидя, что Сербія и Черногорія не могутъ справиться одніе съ Турціею, будутъ ею раздавлены, и опасаясь больше всего вмѣшательства Австро-Венгріи въ дѣла Балканскаго полуострова, я не только не поощрялъ Сербію, но даже противился вступленію Черногоріи въ борьбу изъ-за возставшихъ герцеговинцевъ, которымъ я хотѣлъ

остановить употребленіе сею послѣднею военной силы, основываясь исключительно на статьѣ 27 Парижскаго договора ¹⁾. Я старался, разумѣется, ослабить значеніе этихъ свѣдѣній и доказать преувеличенія агентовъ Германіи и Австро-Венгріи, ссылаясь на то, что внутреннія затрудненія и неопредѣленность направленія скупщины, тогда засѣдавшей, могли побудить князя показать видъ, что онъ собирается дѣйствовать и онъ, по своей неопытности, могъ выразиться неосторожно. Не придавая особенной важности консульскимъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ преимущественно изъ пересказовъ молодыхъ людей, воспитывавшихся въ Европѣ, проникнутыхъ либеральными идеями и принимающихъ зачастую свои собственные пожеланія за дѣйствительность, я обратилъ вниманіе графа Зичи на происки партіи, считающей подъ покровительствомъ Австро-Венгріи и выставляющей Карагеоргиевичей, совмѣстно съ созданіемъ Великой Сербіи, и потворствующей всѣмъ стремленіямъ народнымъ, чтобы, пользуясь нынѣшними обстоятельствами, свергнуть Милана ²⁾.

Когда коллеги мои, по разсмотрѣніи нами общаго положенія дѣлъ въ Герцеговинѣ, пришли къ убѣжденію, что, затягиваясь на долгое время, возстаніе можетъ возбудить большія осложненія на Востокѣ и что ничего еще въ сущности не предпринято для умиротворенія края, они просили меня высказать мое личное мнѣніе. Указавъ на необходимость намъ, въ виду переговоровъ, происходящихъ между кабинетами по этому предмету, ожидать рѣшеній сихъ послѣднихъ, я обратилъ, однакоже, вниманіе представителей державъ на слѣдующія обстоятельства:

Инструкціи, составленныя въ Вѣнѣ для консуловъ въ Герцеговинѣ, весьма обстоятельно подсказываютъ имъ то, что они должны

доставить улучшеніе ихъ положенія мирнымъ путемъ, безъ посредства Австро-Венгріи. Обвиненія, вводимыя на мои мнимыя подстрекательства славянъ и увлеченія, лишены всякаго основанія.

Авт.

¹⁾ Статья 27-я Парижскаго договора, предусматривала возникновеніе смутъ въ Дунайскихъ княжествахъ (Молдавіи и Валахіи) и гласила въ послѣднемъ абзацѣ: «Безъ предварительнаго соглашенія между державами не можетъ быть (разумѣется: со стороны Турціи) никакого вооруженнаго вмѣшательства».

По смыслу, надо полагать, что графъ Н. П. Игнатьевъ разумѣлъ не столько 27-ю, сколько 29 статью того же трактата, въ которой предусматривалось то же самое предположеніе относительно Сербіи. Въ 29 статьѣ было сказано: «Безъ предварительнаго соглашенія между договаривающимися державами не можетъ быть допущено никакое вооруженное въ Сербіи вмѣшательство»

А. Б.

²⁾ Я хотѣлъ дать понять австро-венгерскому правительству, что мы знаемъ его интриги въ Сербіи, за нимъ слѣдимъ и что онъ безсильны. Карагеоргиевичи считались до тѣхъ поръ орудіемъ Австро-Венгріи. Лично я былъ противоположнаго мнѣнія, а Юнинъ, нашъ дипломатическій агентъ въ Черногоріи, былъ убѣжденъ, что претенденту на сербскій престолъ не расчетъ и невозможно становиться подъ черно-желтое знамя. Я же хотѣлъ удостовѣриться въ основательности своего предположенія и возбудить недовѣріе между австро-венгерскимъ правительствомъ и партіею Карагеоргиевичей.

Авт.

передавать инсургентамъ, но не заключаютъ никакого руководства касательно того положенія, которое они должны принять въ отношеніи мѣстныхъ турецкихъ властей и комиссара Порты. Всѣ умалчиваютъ также о тѣхъ донесеніяхъ, которыя консулы должны посылать посламъ въ Константинополь ¹⁾, съ тѣмъ, чтобы поставить сихъ послѣднихъ въ возможность слѣдить за положеніемъ дѣлъ и сообразно съ этимъ дѣйствовать на Порту. По моему мнѣнію, необходимо было потребовать отъ нашихъ делегатовъ въ Герцеговинѣ обстоятельнаго отчета о дѣйствительномъ положеніи въ возставшихъ областяхъ, съ указаніемъ не только желаній мѣстнаго населенія—желанія эти могутъ быть несбыточными и для правильного выраженія ихъ не найдутся достаточно авторитетные органы,—но и практическими указаніями для устраненія настоящихъ затрудненій независимо отъ требованій возстанцевъ ²⁾).

Не личныя измышленія должны служить предметомъ нашего обсужденія, но лишь общій выводъ изъ дѣйствительности, основанной на соглашеніи между делегатами и на предварительномъ обмѣнѣ мыслей. Подобный документъ можетъ въ нашихъ рукахъ послужить исходною точкою серьезнаго и практическаго воздѣйствія на Порту».

Въ заключеніе я предложилъ моимъ коллегамъ: 1) чтобы делегаты ихъ правительство посылали черезъ Ястребова ³⁾ какъ свои доне-

¹⁾ Графъ Андраши умышленно отстранилъ прямыхъ и отвѣтственныхъ начальниковъ консуловъ во избѣжаніе связанаго и плодотворно-умиротворяющаго дѣйствія европейскихъ агентовъ, для того, чтобы парализовать меня и лишить возможности достигнуть практическаго результата,—противнаго его желанію сѣять смуту и ловить нашими руками въ мутной водѣ для себя рыбу; и, наконецъ, чтобы сохранить за собою, лично и исключительно, при слабости нашего вѣнскаго посольства, равнодушнаго къ славянамъ, и потворствѣ германскаго, руководство всѣмъ дѣломъ до послѣднихъ мелочей. Онъ хотѣлъ лишить пословъ даже возможности своевременно знать, что дѣлается въ возставшихъ областяхъ, ставя ихъ такимъ образомъ въ самое ложное положеніе въ отношеніи къ Портѣ, не постигавшей, что такая двойная игра велась независимо отъ официальныхъ представителей государствъ, аккредитованныхъ въ Константинополь. Авт.

²⁾ Желая дѣйствительнаго предупрежденія осложненія на Востокѣ и разрыва съ Турціею, а также удовлетворенія нуждъ населенія, я хотѣлъ добиться правды, лишивъ возможности Вѣну продѣлывать фокусы съ мнимыми желаніями населенія посредствомъ своихъ агентовъ и разныхъ искателей приключеній, для продолженія смуты въ ущербъ славянскому дѣлу, во вредъ герцеговинцамъ и противно интересамъ Россіи и Черногоріи, которой страна эта должна была принадлежать въ будущемъ. Авт.

³⁾ Чтобы сдѣлать подобное предложеніе, предоставлявшее намъ преимущество наблюденія за сношеніями всѣхъ агентовъ другихъ державъ, я воспользовался тѣмъ, что у одного Ястребова былъ специальный шифръ для телеграфическихъ сношеній съ посольствомъ и спеціальныя курьеры, посылавшіеся мною къ нему, для избѣжанія австрійской и турецкой почты. Первою моею заботою по возвращеніи изъ отпуска было обезопасить отъ Австро-Венгріи сношенія мои съ агентами нашими въ Герцеговинѣ, Босніи и Черногоріи. Авт.

И. С. Ястребовъ, родился въ 1839 году и началъ дипломатическую карьеру секретаремъ русскаго консульства въ Скутари; былъ затѣмъ консуломъ въ Призренѣ и генеральнымъ консуломъ въ Салоникахъ. Умеръ въ 1894 году. А. Б.

сенія, такъ, въ случаѣ надобности, и шифрованные нашимъ шифромъ (особымъ русскимъ) телеграммы. Первый отозвавшійся съ благодарностью на это предложеніе былъ французскій посолъ. Это очень не понравилось въ Берлинѣ.

2) Не надо предаваться заблужденію относительно будущаго отношенія Порты къ этому дѣлу. Если она въ настоящую минуту какъ будто и готова слѣдовать нашимъ совѣтамъ, ея расположеніе измѣнится ¹⁾ безъ всякаго сомнѣнія, когда она успѣетъ сосредоточить 100.000 армію на театрѣ дѣйствій. По собственному опыту предыдущихъ восточныхъ кризисовъ я глубоко въ этомъ убѣжденъ. Такъ, напримѣръ, въ эпоху возстанія въ 1862 году международная коммиссія была посредницею между турками и ихъ врагами, но она не привела ни къ какому ощутительному результату. То же происходило со всѣми европейскими вмѣшательствами въ пользу возставшихъ христіанъ, когда не было ясно опредѣленной цѣли и прочнаго соглашенія для предъявленія его Турціи, а въ случаѣ надобности и для принужденія Порты принять предложенія державъ. Слѣдовательно, по моему мнѣнію, намъ необходимо вооружиться тождественнымъ и могущимъ быть предъявленнымъ Портѣ документомъ, который мы, въ случаѣ нужды, предъявили бы не только министрамъ, но и самому султану. Въ этомъ сообщеніи необходимо было бы прежде всего выставить на видъ всё то, что союзные кабинеты уже сдѣлали для того, чтобы предупредить распространеніе христіанскаго возстанія и присоединеніе Сербіи и Черногоріи къ движенію ихъ братьевъ. Нужно выставить въ надлежащемъ свѣтѣ порученіе, данное консуламъ, которымъ,—въ противоположность всѣмъ преданіямъ и тому, что дѣлалось державами въ предшествовавшихъ тождественныхъ случаяхъ,—было поручено не ходатайство за христіанъ, но, напротивъ, объявленіе имъ, что они не могутъ рассчитывать ни на какое внѣшнее пособіе и должны подчиниться оттоманскимъ властямъ ²⁾. Этотъ необычный образъ дѣйствій, выражающій

¹⁾ Лучшее доказательство, что я никогда не сомнѣвался въ томъ, что вооруженія Порты будутъ постоянно усиливаться и развиваться и что не слѣдуетъ терять времени и на нее полагаться, сознавая, что съ окончаніемъ приготовленій вопросъ будетъ совершенно въ иной обстановкѣ. Авт.

²⁾ Графъ Андраши помѣтилъ это въ общей инструкціи консуламъ, чтобы, отнявъ у герцеговинцевъ всякую надежду на Россію и Черногорію, тѣмъ легче поселить въ нихъ убѣжденіе, что имъ остается лишь выбирать между турецкимъ игомъ и фанатизмомъ мусульманскимъ и покровительствомъ приграничнаго государства, Австро-Венгріи, принимающей ихъ семейства подъ свой покровъ, заключающей въ составъ своемъ уже нѣсколько милліоновъ ихъ братьевъ сербскаго племени и сулящей имъ подъ рукою чрезъ безчисленныхъ своихъ агентовъ, чрезъ католическихъ миссіонеровъ и духовенство и приграничныхъ властей, золотыя горы. Вполнѣ сознавая двуличіе и коварство политики графа Андраши я желалъ хотя передъ турками извлечь какую-либо пользу изъ вѣнской инструкціи, чтобы смягчить ихъ, лишить Австро-Венгрію, въ глазахъ ихъ, права на исключительную благодарность и побудить султана предпринять что-либо въ пользу нашихъ единовѣрцевъ по собственной инициативѣ. Авт.

совершенно безпристрастное участие державъ, съ единственною цѣлью сохранить миръ, создавалъ тремъ имперіямъ, принявшимъ на себя инициативу,—нравственную обязанность устранить всякую возможность укорениться впечатлѣнію, что они содѣйствовали лишь подавленію христіанъ¹⁾, и изыскать такой исходъ изъ нынѣшняго тягостнаго положенія, которое предупредило бы возвращеніе подобныхъ же обстоятельствъ. Я старался увлечь на этотъ путь представителей Австро-Венгріи, указывая на то, что имперія Габсбурговъ болѣе всѣхъ заинтересована скорѣйшимъ и наилучшимъ для приграничнаго населенія прекращеніемъ возстаній и неизбѣжныхъ расходовъ, съ ними соединенныхъ, причемъ ей выгоднѣе пріобрѣсти сочувствіе возставшаго населенія, нежели его ненависть и злобу. Всѣ мои коллеги присоединились къ заявленному мною мнѣнію и признали, что такое письменное сообщеніе кабинетовъ въ видѣ инструкціи посламъ было бы сильнымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ, чтобы заставить турокъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ, преподаваемымъ нынѣ бесплодно. Баронъ Вертеръ²⁾ и графъ Зичи написали въ этомъ смыслѣ своимъ правительствамъ³⁾.

3) Чтобы доказать нашу добросовѣстность, я затронулъ щекотливый вопросъ: какимъ образомъ всего лучше и практичнѣе остановить злоупотребленіе силою Турокъ въ возставшихъ областяхъ. При этомъ надо было прежде всего разсмотрѣть вѣроятный способъ дѣйствій турокъ въ этомъ случаѣ. «Банды башибузуковъ, направленные на подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ, набросаются на христіанскія села и деревни и предадутъ все огню и мечу, не дѣлая никакой разницы между сражающимися и безоружными жителями, обращающимися въ бѣгство при приближеніи турокъ. Въ концѣ концовъ пригоняютъ къ австрійской границѣ толпы христіанъ, ко-

¹⁾ Это прямо шло вразрѣзъ съ программю графа Андраши, заключавшеюся въ слѣдующемъ: сначала обезсилить, подавить и разорить турецкими руками православныхъ герцеговинцевъ и босняковъ, лишить ихъ всякой надежды на Россію, а потомъ явиться освободителемъ и умиротворителемъ для присоединенія этихъ областей къ Австро-Венгріи. Авт.

²⁾ Прусекій дипломатъ, баронъ Карль фонъ-Вертеръ родился въ 1809 году въ Кенигсбергѣ и, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, былъ секретаремъ посольства въ Мюнхенѣ, Гаагѣ, Лондонѣ и Парижѣ, въ 1842 году— посланникомъ въ Швейцаріи, въ 1845 году—въ Афинахъ, въ 1854 году—въ Петербургѣ, въ 1859 году—въ Вѣнѣ. Въ 1869 году онъ былъ посломъ въ Парижѣ, а въ 1874 году былъ назначенъ, уже въ преклонномъ возрастѣ, посломъ Германской имперіи—въ Константинополь. А. Б.

³⁾ Графъ Францъ Зичи родился въ Венгріи и прошелъ судебную, административную и дипломатическую карьеру въ Австріи, несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ выдающемуся роду венгерскихъ магнатовъ, нѣкоторые представители коего участвовали въ возстаніи 1849 года противъ Австріи (одинъ изъ нихъ былъ даже казненъ Австрійцами). Въ 1848 году графъ Францъ Зичи былъ секретаремъ министерства торговли, подъ начальствомъ Сечени. Когда вспыхнула революція, Францъ Зичи подалъ въ отставку. Въ 1874 году ему было поручено управленіе австро-венгерскимъ посольствомъ въ Константинополь; на этомъ посту онъ оставался до 1880 года. А. Б.

«истор. вѣстн.», февраль 1914 г., т. сxxxv.

торымъ будетъ угрожать поголовное избіеніе. Что предпримуть австрійскія пограничныя власти? Допустятъ ли онѣ позорныя убійства въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имперією Габсбурговъ, долженствующею представлять для христіанъ Европейской Турціи—цивилизацию, безопасность населенія, и которая входитъ въ составъ мирнаго тройственного союза императоровъ? Если бы это могло приключиться, весьма невыгодное для всѣхъ насъ сравненіе установилось бы между нашимъ, непроизводительнымъ, вмѣшательствомъ и существенною охраною, которую западныя державы сумѣли предоставлять подданнымъ султана, сдѣлавшимся жертвами мусульманскаго фанатизма, когда онѣ прибѣгли къ ихъ покровительству. Въ особенности Австрія, на половину славянская держава ¹⁾, должна бы заботиться о сохраненіи добраго о себѣ мнѣнія среди пограничнаго населенія, единокровнаго съ большею частью ея подданныхъ. Я не допускалъ и мысли ²⁾ матеріальнаго (военнаго) вмѣшательства вѣнскаго кабинета. Вступленіе австро-венгерскаго войска могло бы только поставить его въ ложное положеніе и вызвать немедленно совершенное измѣненіе въ настроеніи возставшаго населенія, которое усмотрѣло бы въ этомъ событіи лишь номѣху ³⁾ и опасность для желаемаго освобожденія. Сербы ⁴⁾ первые возстали бы противъ австро-венгерскаго военнаго занятія областей, которое было бы, впрочемъ, прямымъ нарушеніемъ существующихъ договоровъ ⁵⁾. Но существуетъ много ступеней между вступленіемъ войскъ и употребленіемъ своего вліянія Австро-Венг-

¹⁾ Я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы безобидно напомнить и въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, передъ глазами графа Андраши, что слишкомъ увлекаются венгерскимъ преобладаніемъ, допущеннымъ непонятною слабостью вѣнскаго правительства, забывая, что дѣйствительное преобладаніе, основанное на численности населенія, должно принадлежать въ имперіи Габсбурговъ славянамъ и что, слѣдовательно, въ славянскихъ вопросахъ это обстоятельство налагаетъ на Вѣну нѣкоторыя обязательства, позволяя намъ дѣйствовать настойчивѣе и опредѣленнѣе, что постоянно забываетъ паша дипломатія. Авт.

²⁾ Выражаясь такъ съ умысломъ въ донесеніи официальномъ, долженствующемъ быть сообщеннымъ иностранцамъ, я въ дѣйствительности, постоянно озабочивался опасеніемъ вступленія австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину. Авт.

³⁾ Чтобы выбить изъ головы графа Андраши засѣвшую у него мысль присоединенія Босніи и Герцеговины, я предупреждалъ его, что всѣ христіане, какъ одинъ человѣкъ, воспротивятся вступленію войскъ, стремясь лишь къ независимости своей, а вовсе не избавленію отъ турецкаго ига дѣлюю принятія еще болѣе тяжелаго ярма австро-венгерскаго. Авт.

⁴⁾ О Черногоріи умалчиваемо было мною, ибо мы всегда особенно оберегали Черную гору и не хотѣли усиливать злобу Австро-Венгріи противъ князя Николая. При томъ графъ Андраши былъ всегда болѣе озабоченъ Сербією и ея ролью въ восточныхъ осложненіяхъ. Авт.

⁵⁾ Воспользовался я случаемъ, чтобы прямо указать на невозможность допустить мнимо-мирное вступленіе австро-венгерскихъ войскъ безъ формальнаго нарушенія трактатовъ и необходимости ихъ пересмотра, чего ни Турція, ни Англія не могли допустить. Авт.

рѣю для прекращенія избѣенія христіанъ. Мнѣ кажется, что если бы начальники отрядовъ войскъ, на границѣ расположенныхъ, равно какъ и начальники пограничныхъ округовъ были снабжены надлежащими инструкціями, они могли бы съ успѣхомъ противодѣйствовать увлеченіямъ мусульманъ и остановить напрасное кровопролитіе. Когда бѣженцы будутъ прижаты къ австро-венгерской территоріи, эти власти могли бы, не допуская турецкія войска ближе десяти—пятнадцати верстъ граничной черты, послать требованіе начальникамъ ихъ немедленно прекратить преслѣдованіе христіанъ, угрожая въ случаѣ надобности ихъ къ этому принудить. Разумѣется, что кордонныя войска должны находиться въ постоянной готовности дѣйствительно остановить слишкомъ увлекшихся преслѣдованіемъ своихъ жертвъ. Эта послѣдняя мѣра вызывается тѣмъ болѣе обстоятельствомъ, что, по сознанію самихъ австрійцевъ, ихъ пограничныя патрули и разъѣзды зачастую уже обмѣниваются выстрѣлами съ турецкими аванпостами.

Высказывая эти опасенія моимъ коллегамъ, я выразилъ желаніе, чтобы дѣйствительныя мѣры были безотлагательно приняты для предупрежденія горестныхъ послѣдствій жестокаго усмирненія возстанія и чтобы инструкціи ¹⁾, которыя будутъ даны по этому предмету начальникамъ пограничныхъ войскъ, были намъ сообщены.

Баронъ Вертеръ выразился въ томъ же смыслѣ, какъ и я, и австро-венгерскій посолъ, раздѣляя наше мнѣніе, обѣщался передать желанія наши своему правительству.

«Мнѣ кажется, — писалъ я тогда управлявшему министерствомъ барону Жомини:—что въ настоящемъ положеніи восточныхъ дѣлъ! мы не могли бы, не измѣняя нашего отношенія къ христіанамъ и туркамъ, принять инныя мѣры для успокоенія и огражденія однихъ и для прекращенія увлеченій другихъ при подавленіи возстанія. Согласіе трехъ имперій проявилось бы самымъ блестящимъ образомъ и могло бы могущественно содѣйствовать благополучному разрѣшенію нынѣшняго кризиса, облегчая въ то же время участь возставшихъ единоувѣрцевъ нашихъ».

Его величество высочайше одобрилъ выраженные мною мысли. Но заявить открыто поддержку императорскимъ правительствомъ этой практической программы, ставившей предѣлъ австро-венгерскимъ вождельніямъ, управлявшій нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ баронъ Жомини не посмѣлъ, изъ опасенія раздражить графа Андраши; настоять же въ Берлинѣ и Вѣнѣ онъ не

¹⁾ Не довѣряя Вѣнѣ, я желалъ получить возможность провѣрить способъ исполненія, который будетъ принять австро-венгерскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы успѣть своевременно сдѣлать свои замѣчанія, если бы охранительныя мѣры послужили подготовленіемъ къ вступленію войскъ въ предѣлы Турціи.

умѣлъ, или не хотѣлъ. Баронъ Вертеръ и графъ Зичи, получившіе за свою податливость и недалковидность выговоры своихъ правительствъ, сдѣлались еще менѣе предприимчивыми, самостоятельными и менѣе согласными итти твердо рука объ руку съ русскимъ посломъ, безъ опредѣлительныхъ приказаній своихъ правительствъ. Такимъ образомъ, послѣдняя попытка моя на дипломатической почвѣ и въ сферѣ обычной посольской дѣятельности вырваться изъ мадьярскихъ когтей, освободиться отъ руководства «вѣнскаго центра» и приостановиться на опасной наклонной плоскости, на которую насъ втолкнули вдохновители тройственного союза ¹⁾,

¹⁾ Читатели не должны терять изъ виду, что подъ именемъ «тройственного союза» Н. П. Игнатьевъ въ 1875 году разумѣлъ союзъ трехъ императоровъ: австрійскаго, германскаго и русскаго. Впрочемъ, наименованіе «союза», очевидно, вошедшее въ разговорное употребленіе, какъ слѣдъ и воспоминаніе о «священномъ союзѣ» времени Александра I, едва ли можетъ считаться правильнымъ, когда рѣчь идетъ о взаимоотношеніяхъ трехъ имперій въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Вѣдь, въ строгомъ смыслѣ слова, въ понятіи «политическаго союза» между государствами обязательно входитъ существованіе твердо и ясно выработаннаго договора, въ коемъ каждый изъ союзниковъ опредѣленно знаетъ, въ чемъ его обязанности и чего онъ въ правѣ требовать; союзъ долженъ касаться не какого-либо отдѣльнаго вопроса, а долженъ охватить всю область междугосударственной дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, вліять на нее во всемъ ея объемѣ. Таковъ нынѣшній «тройственный союзъ» между Германіею, Австріею и Италіею, основной договоръ коихъ, такъ или иначе, извѣстенъ и представляется опредѣленной величиной. Въ чемъ же состоятъ «союзъ трехъ имперій» въ семидесятыхъ годахъ? Точныя данныя опубликованы въ книгѣ С. М. Горяинова («Босфоръ и Дарданеллы», стр. 276—283). Князь Бисмаркъ, предвидя борьбу славянъ съ германскимъ міромъ, осуществилъ прежде всего сближеніе Германіи съ Австріею въ 1871 году. Послѣ того употреблены были все усилія къ тому, чтобы добиться присоединенія Россіи къ этому первоначально двойственному согласію. Были пушены въ ходъ все родственныя и иныя вліянія, которыя были такъ сильны въ Петербургѣ, когда жилъ императоръ Вильгельмъ I и поддерживалъ съ императоромъ Александромъ II теплыя отношенія дяди къ родному племяннику. Въ 1872 году состоялось свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ, и тогда уже заговорили о модномъ выраженіи тѣхъ дней, о «союзѣ трехъ сѣверныхъ дворовъ». Что это не былъ политическій союзъ, въ вышеуказанномъ, болѣе техническомъ смыслѣ слова, о томъ свидѣлствуютъ слова князя Горчакова, въ перепискѣ его съ графомъ Бруновымъ: «не было никакого писанія, никакихъ протоколовъ» (*ni écritailleries, ni protocoles*); *никакого положительнаго обязательства*, измѣнившего нашу свободу дѣйствій, однимъ словомъ, ничего для дипломатическихъ архивовъ; нравственныя послѣдствія огромныя...» (тамъ же, стр. 280).

Ниже читатель найдетъ, въ текстѣ автора, слово осужденія Александра II, высказанное по адресу Игнатьева, по поводу его попытки къ огражденію интересовъ Россіи и славянства противъ козней Андраши, которыя были столь ясны для прозорливаго нашего посла въ Константинополь. Государь отмѣтилъ, что «онъ не такъ понимаетъ честность отношеній къ державамъ и разсчитываетъ на благородіе Игнатьева».

Историкъ, коему будетъ дано, въ болѣе отдаленномъ будущемъ, безъ страха и лживыхъ условностей высказать объ этой эпохѣ свой приговоръ, не преминетъ сблизить эти два элемента: Горчаковъ говоритъ: «никакого писанія..., никакого положительнаго обязательства... а *нравственныя послѣдствія огромныя*»; а императоръ, изъ рыцарской «честности» считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ парализовать геній прозорливаго человѣка, предвидѣвшаго тотъ *огромный вредъ*, который германскія двѣ имперіи готовили Россіи въ недалекомъ будущемъ. Тутъ заключается весь *узель восточнаго вопроса* и ключъ къ уразумѣнію нашего страшнаго, безпощаднаго упадка на Блжжнемъ Востокѣ...

А. Б.

не удалась, по волю нашего же правительства. Въ Вѣнѣ добивались лишить русскаго посла всякой инициативы и возможности вліять на развитіе восточныхъ осложненій, среди которыхъ одинъ графъ Андраши стремился къ ясной цѣли: унижить Россію, ослабить славянство и доставить приращеніе Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Князь же Бисмаркъ имѣлъ въ виду поставить Австро-Венгрію и, по возможности, и Россію въ свою зависимость, вытолкавъ на Балканскій полуостровъ первую настольку, чтобы впредь разрѣшеніе восточнаго вопроса, въ нашемъ смыслѣ, было невысказано и невозможно, безъ борьбы на жизнь и смерть между Россією и Австро-Венгрією, или же безъ предварительной сдѣлки между этими двумя державами, при неизбѣжномъ посредничествѣ Германіи и въ ущербъ, конечно, русско-славянскимъ интересамъ. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ было ослѣвлено графомъ Андраши и дѣйствовало безсвязно, безцѣльно, даже зачастую совершенно безсознательно, во вредъ Россіи.

Русскаго посла въ Константинополь хотѣли обратить въ механическаго исполнителя инструкцій, внушенныхъ и одобренныхъ въ Вѣнѣ.

VI.

Осенью 1875 года я сдѣлалъ новую попытку вырваться изъ австро-венгерскихъ когтей, возстановить самостоятельность русскои политики на Босфорѣ и замѣть восточный вопросъ, грозно выступавшій, въ самую неблагопріятную для Россіи минуту, съ цѣлью отнять всякій предлогъ къ продолженію дипломатическаго вмѣшательства трехъ имперій и притупить въ рукахъ графа Андраши остріе герцеговинскаго вопроса, выказавъ ничтожность мѣстнаго значенія послѣдняго въ сравненіи съ общимъ вопросомъ объ улучшеніи положенія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Я уговаривалъ султана, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, предупредить дипломатическое вмѣшательство, назрѣвавшее въ Вѣнѣ¹⁾, предоставленіемъ

¹⁾ Въ связи съ этимъ проектомъ Игнатъева отдать возставшіе округа Герцеговины, съ согласія Порты, въ личное управленіе князя Николая I черногорскаго, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о переговорахъ турецкихъ властей съ княземъ Николаемъ въ посмертныхъ запискахъ доктора Кетшета (см. въ предыдущихъ примѣчаніяхъ). Въ качествѣ негласнаго посредника отъ турецкихъ властей этотъ швейцарскій врачъ, состоявшій на оттоманской службѣ, явился въ Цетинье въ концѣ января 1876 года и былъ принятъ княземъ Николаемъ, коему онъ передалъ письмо отъ Али-паши, извѣщавшаго черногорскаго князя о вступленіи Али-паши въ должность герцеговинскаго вали. Кетшету было поручено выяснитъ отношеніе Николая черногорскаго къ герцеговинскому возстанію. Князь Николай высказалъ, на какихъ условіяхъ онъ могъ бы нравственно содѣйствовать, умиротворенію страны. Онъ требовалъ: 1) отказа султана отъ мнимыхъ его претензій на права сюзерена надъ Черногоріей; 2) уступки Черногоріи турецкаго порта Сплицы; 3) свободы плаванія по рѣкѣ Боянѣ подъ черногорскимъ фла-

возставшихъ пяти округовъ герцеговинскихъ, фактически принадлежавшихъ уже князю черногорскому,—черезъ посредство русскаго государя,—въ личное управленіе князя Николая. Такая скрытая форма присоединенія къ Черногоріи удовлетворяла, безъ кровопролитія, и нашему достоинству и прямымъ выгодамъ Черногоріи, но противорѣчила вполнѣ затаеннымъ видамъ Австро-Венгріи и возбудила злобу графа Андраши противъ меня, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ мое желаніе уличить въ двуличности вѣнскую политику, усилить Черногорію и выяснить въ глазахъ министерства иностранныхъ дѣлъ дѣйствительные виды Австро-Венгріи на Боснію и Герцеговину.

2) При этомъ я совѣтовалъ султану даровать льготы и зачатки самоуправленія и децентрализаціи, не только герцеговинцамъ и боснякамъ, но и болгарамъ и всему христіанскому населенію въ Турціи. Султанъ приказалъ издать ирадѣ (2-го октября 1875 года) и разрѣшилъ русскому послу изложить свои замѣчанія на потребныя реформы и льготы верховному визирю Махмудъ-пашѣ, для принятія ихъ въ соображеніе при составленіи окончательныхъ законовъ, въ развитіе основного ирадѣ (султанскаго повелѣнія). Абдуль-Азисъ проявилъ полную готовность исполнить желанія государя императора въ этомъ отношеніи, совмѣстныя съ цѣлостію Турціи, и предоставить на его величества личное рѣшеніе вопросъ о возставшихъ герцеговинскихъ округахъ, лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы сношенія государей «сохранили личный, довѣрительный характеръ, производясь черезъ посредство константинопольскаго посла, пользующагося личнымъ довѣріемъ и императора и султана, а не дипломатическими бумагами черезъ Порту, и чтобы государь императоръ, по примѣру отношеній, существовавшихъ между ихъ отцами, Николаемъ I и Махмудомъ, установилъ личныя сношенія», давъ слово, что не приметъ впредь участія въ европейскомъ давленіи на Порту, съ которымъ Абдуль-Азисъ полагалъ легко справиться, опираясь на

гомъ и 4) небольшой территоріальной уступки на правомъ берегу рѣки Морачи. Эти требованія были доведены до свѣдѣнія турецкаго правительства, которое отвѣтило на нихъ полнымъ отказомъ на томъ основаніи, что Порта всецѣло соглашалась (въ февралѣ 1876 года)—пойти навстрѣчу «меморандуму» графа Андраши «о реформахъ». Интересенъ при этомъ разсказъ доктора Кетшета объ аудіенціи, которую ему далъ Н. П. Игнатьевъ въ мартѣ 1876 года. «Игнатьевъ меня принялъ, какъ стараго добраго знакомаго,—говоритъ Кетшеть,—и мы разговорились о политическомъ положеніи въ Босніи и Герцеговинѣ; при этомъ Игнатьевъ объяснилъ мнѣ, въ обстоятельной рѣчи, свои воззрѣнія. Онъ былъ во всѣхъ подробностяхъ освѣдомленъ о моей аудіенціи у князя Николая и вполнѣ убѣжденъ, что единственное средство къ прочному успокоенію Герцеговины заключалось въ принятіи его условій. Великій визирь Махмудъ-паша,—сказалъ Игнатьевъ,—несомнѣнно, радѣляетъ это убѣжденіе, но едва ли чувствуетъ свое положеніе настолько крѣпкимъ, чтобы отстоять эту политику». (См. въ «Запискахъ Кетшета», стр. 31—35 и 41). А. Б.

дружбу Россіи. Султанъ просилъ русскаго посла съѣздить въ Крымъ, гдѣ тогда пребывалъ государь, и лично доложить о своемъ предложеніи его величеству.

Какъ бы въ подтвержденіе сего, 20-го сентября верховный визирь Махмудъ-паша, недавно вступившій въ должность и бывшій уже прежде въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ, призвалъ къ себѣ перваго драгомана Ону¹⁾ и довѣрительно передалъ ему (для сообщенія послу), что султанъ имѣлъ наканунѣ продолжительный разговоръ съ нимъ по поводу озабочивавшихъ его герцеговинскихъ дѣлъ, предполагаемыхъ реформъ въ пользу христіанъ и сношеній Турціи съ гарантирующими державами. Подлинныя слова султана, переданныя визиремъ, были слѣдующія: «чтобы сказать тебѣ откровенно мою мысль, я сознаюсь, что сдѣлалъ большую политическую ошибку. Я долженъ былъ бы слѣдовать по пути, начертанному моимъ отцомъ, султаномъ Махмудомъ, и стовориться во всемъ исключительно съ Россіей. Сравни царствованія Абдуль-Меджида и мое со временемъ правленія моего отца и ты убѣдишься, что Турецкая имперія пользовалась несравненно большею безопасностью при существованіи союза съ Россією. Генералъ Игнатъевъ часто мнѣ на это намекалъ и наводилъ меня на эту мысль, но я избѣгалъ прежде способствовать заключенію такого союза, несмотря на то, что я чувствую къ послу особенное расположеніе и знаю, что могу на него вполне положиться. Если я былъ нѣсколько сдержанъ относительно русскаго посла, то это лишь потому, что послѣ разгрома Франціи появилась новая могущественная сила — Германія, виды и восточную политику которой мнѣ казалось необходимымъ предварительно изслѣдовать. Мнѣ представляли это государство естественнымъ врагомъ Россіи и самымъ надежнымъ оплотомъ Турціи²⁾ но я подъ конецъ подмѣтилъ, что это было неосновательно³⁾, и потому я пришелъ естественно къ мысли тѣснаго сближенія съ Россією. Постарайся стовориться съ генераломъ Игнатъевымъ касательно мѣръ умиротворенія Герцеговины; я готовъ выслушивать секретно его совѣты и принять ихъ въ самое серьезное соображеніе, какъ я уже, впрочемъ, и дѣлалъ, но я ни въ

¹⁾ М. К. Ону много лѣтъ занималъ должность перваго драгомана нашего посольства въ Константинополь, а впоследствии былъ совѣтникомъ посольства (до 1889 года).

А. Б.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ дѣлали внушенія не только нѣкоторые германскіе агенты и драгоманъ, но въ особенности нѣмецкіе военные инструкторы и инженеры. Въ это вѣрили и эту мысль поддерживали Гуссейнъ-Авинъ-паша, военный министръ и бывшій верховный визирь, Эсаадъ-паша—верховный визирь, Мегмедъ-Али—военачальникъ и нѣмецкій ренегатъ и др.

Авт.

³⁾ Русскій посолъ подмѣтилъ съ 1870 года это расположеніе турецкихъ высшихъ сферъ и всѣ усилія его, при личныхъ сношеніяхъ съ султаномъ, были направлены къ тому, чтобы выставить неосновательность надеждъ, возлагаемыхъ на Германію, въ борьбѣ съ Россіей на Востокѣ.

Авт.

какомъ случаѣ не допущу официальнаго вмѣшательства державъ въ наши внутреннія дѣла. Знай это твердо и дѣйствуй сообразно съ нимъ».

При такихъ обстоятельствахъ оставалось мнѣ еще одно: попытаться выяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ самому государю.

Прибывъ съ высочайшаго разрѣшенія въ Крымъ въ половинѣ октября, я свято исполнилъ свой долгъ; но его величество, послѣ нѣкотораго колебанія, отклонилъ турецкое предложеніе, сославшись на данное имъ въ Рейхштадтѣ Францу-Иосифу слово «ничего не предпринимать безъ предварительнаго соглашенія съ Австро-Венгріей и дѣйствовать не иначе, какъ сообща съ Германією и Австро-Венгрією» ¹⁾.

¹⁾ О рейхштадтскомъ соглашеніи обстоятельныя свѣдѣнія имѣются въ книгѣ С. М. Горяйнова («Босфоръ и Дарданеллы», стр. 291).

Чрезвычайно знаменательною является ошибка (анахронизмъ), вкрапшаяся здѣсь подъ перо покойнаго Н. П. Игнатьева, когда онъ говоритъ, что Александръ II, въ октябрѣ 1875 года, говоритъ ему о томъ, что онъ далъ въ Рейхштадтѣ Францу-Иосифу слово «дѣйствовать не иначе, какъ сообща съ Германією и Австро-Венгрією». Между тѣмъ, свиданіе въ Рейхштадтѣ было 26-го іюня (старога стіля) 1876 года, т. е. восемь мѣсяцевъ послѣ (!) аудіенціи, данной Игнатьеву въ Либавѣ.

Эта ошибка объясняется весьма легко нижеслѣдующими данными.

Рукопись покойнаго графа Н. П. Игнатьева составлялась въ разные годы, съ разными и разновременными приписками. Очевидно, упоминаніе о томъ, что царское слово было дано именно «въ Рейхштадтѣ»—слѣдуетъ считать весьма поздней припиской, учиненной не раньше послѣдняго года жизни автора, когда стали уже говорить о «рейхштадтскомъ» соглашеніи императоровъ, оставившемся около тридцати лѣтъ подъ покровомъ глубочайшей тайны. Не слѣдуетъ забывать, что первая свѣдѣнія о «рейхштадтскомъ» соглашеніи появились у насъ въ печати черезъ сочиненія С. С. Татищева «Жизнь и царствованіе Александра II» и С. М. Горяйнова «Босфоръ и Дарданеллы» (1907 г.).

Память о «Рейхштадтѣ» до того заглохла къ началу 900-хъ г., что даже министръ А. П. Извольскій, отправляясь въ Бухлоз на роковое свиданіе съ графомъ Эренталемъ по дѣлу объ анексіи Босно-Герцеговины, не зналъ (!) о существованіи этого зловѣщаго соглашенія, заключеннаго въ 1876 году въ Рейхштадтѣ, и узналъ о немъ лишь въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ бухловской ловушки. Зимой 1908—1909 годовъ, во время босно-герцеговинскаго кризиса (т. е. послѣ смерти Игнатьева), въ «клубѣ правыхъ» на Моховой состоялось специальное совѣщаніе, для заслушанія сообщенія знатока международнаго права, барона М. А. Таубе (нынѣ состоящаго товарищемъ министра народнаго просвѣщенія). Онъ подробно изложилъ конфиденціальныя свѣдѣнія о томъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ, считаетъ себя безповоротно связаннымъ (даже въ 1908 году) тѣми тайными соглашеніями, которыя были заключены съ Австріей въ Рейхштадтѣ въ 1876 году и въ Будапештѣ въ 1877 году, въ силу коихъ западная часть Балканскаго полуострова была признана сферой вліянія Австро-Венгрии. Если даже послѣ смерти Игнатьева эти матеріалы передавались, какъ нѣчто конфиденціальное, то можно себя представить, какъ смотрѣли на нихъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ нѣсколько лѣтъ раньше.

Есть основаніе думать, что графъ Н. П. Игнатьевъ не зналъ о рейхштадтскомъ соглашеніи, когда его послали заключать знаменитый Санъ-Стефанскій договоръ 19 февраля 1878 года, чѣмъ и объясняется громадная разница между этимъ договоромъ и позднѣйшимъ Берлинскимъ трактатомъ—по вопросу о судьбѣ Босно-Герцеговины. Въ послѣдніе дни его жизни престарѣлый графъ прослышалъ о «Рейхштадтѣ», когда стали го-

Исполнив свой долг и доведя свои настоянія до послѣдней возможности, я осмѣлился предупредить его величество и государыню императрицу, что, кромѣ уничтоженія русскаго вліянія въ Царьградѣ, торжества враждебныхъ намъ интригъ въ Стамбулѣ и войны въ ближайшемъ будущемъ между Турціею и Россіею, ничего не предвижу въ результатѣ дипломатическаго вмѣшательства нашего по австро-венгерской программѣ. Въ виду невозможности сохраненія прежняго личнаго положенія въ Царьградѣ и бесполезности своего дальнѣйшаго пребыванія, я настоятельно просилъ своего увольненія. Сказавъ мнѣ, какъ своему генералъ-адъютанту, что онъ исполнилъ свой долгъ посла и вѣрноподданнаго, его величество тѣмъ не менѣе повелѣлъ мнѣ непременно вернуться на мой постъ.

Убѣдившись въ невозможности разстроить австро-германскую интригу, направленную противъ нашихъ и славянскихъ и интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, и видя, что государь считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ, даннымъ въ Рейхштадтѣ, ничего не дѣлать въ Турціи безъ предварительнаго соглашенія съ Вѣною, я сталъ стремиться лишь къ уменьшенію предвидимаго мною зла и потому предложилъ его величеству, вмѣсто простаго согласія на коварныя предложенія графа Андраши относительно Босніи и Герцеговины, отвѣтить послу Новикову, настоятельно просившему инструкцій и всѣми средствами поддерживавшему австро-венгерскія предложенія, телеграммою, въ которой было бы сказано, что, «не противясь въ принципѣ предложеніямъ графа Андраши и признавая его добрыя намѣренія, согласующіяся съ постоянными видами нашими относительно христіанскаго населенія Турціи ¹⁾, государь сомнѣвается въ томъ, что предлагаемыя мѣры достиг-

ворить о книгахъ Татищева и Горайнова и, пополняя свои записки, онъ къ нимъ приписалъ ссылку на «Рейхштадтъ», но при томъ съ недостаточной освѣдомленностью, и вышелъ анахронизмъ. Это предположеніе вполнѣ согласуется съ однимъ изъ авторскихъ примѣчаній Н. П. Игнатъева (см. ниже), въ коемъ онъ положительно утверждаетъ, что «во все время его дипломатической службы», онъ только одинъ разъ увидѣлъ высочайшія резолюціи на его докладахъ, такъ какъ таковыя скрывались министромъ иностранныхъ дѣлъ, не дозволявшимъ канцеляріи давать ему для просмотра во время пріѣздовъ въ Петербургъ, даже собственныя донесенія, для уразумѣнія пути, указываемаго высочайшими отмѣтками.»

Если же считать доказаннымъ наше мнѣніе о томъ, что Игнатъевъ не зналъ о раздѣленіи сферы вліянія, обусловленномъ, въ глубочайшей тайнѣ, въ Рейхштадтѣ, то отсюда вытекаютъ важныя послѣдствія. Между прочимъ, обнаруживается полная неосновательность нареканій на Н. П. Игнатъева съ сербской стороны, когда, обвиняя его въ узкомъ болгарофильствѣ, сербы приписывали ему отдачу сербскихъ областей (Босніи и Герцеговины, Новобазарскаго санджака, сферы интересовъ Черногоріи и Сербскаго королевства)—на сзѣденіе Австро-Венгріи. Ясно, что эти упреки, какъ теперь оказывается, посланы не по надлежащему адресу.

А. Б.

¹⁾ Т.-е. желанія доставить имъ обезпеченіе и самоуправленіе.

Авт.

нужь ¹⁾ дѣли, преслѣдуемой открыто, а не затаенной и своекорыстной, тремя императорскими кабинетами и что сообщеніе ихъ нынѣ же Портѣ своевременно. Слѣдуетъ глубоко поразмыслить, прежде принятія на себя отвѣтственности за выполнение Турціею реформъ, навязываемыхъ Портѣ, и вполне разъяснить себѣ,—посредствомъ обстоятельнаго обмѣна мыслей,—послѣдствія, могущія произойти отъ нашихъ предложеній».

Я тогда же полагалъ указать Новикову, что я сообщилъ графу Зичи ²⁾ донесеніе нашего комиссара въ Герцеговинѣ, консула Ястребова ³⁾, обративъ его вниманіе на то, что сообщенія, полученные нынѣ изъ Мостара ³⁾ и изъ Константинополя ⁴⁾, еще не были до сего времени у графа Андраши ⁵⁾, а въ нихъ-то разъясняются настоящее положеніе дѣлъ и дѣйствительныя нужды населенія. «Кабинеты должны бы съ ними ознакомиться прежде, нежели постановить свое окончательное рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что Серверъ-паша (комиссаръ Порты) изготавилъ проектъ новаго устройства для возставшей страны, съ которымъ слѣдовало бы предварительно ознакомиться. Подробности должны быть соображены между императорскими кабинетами ⁶⁾. Во всякомъ случаѣ, было бы справедливо и благоразумно предоставить Портѣ нужное время для дѣйствительнаго осуществленія реформъ, обозначенныхъ лишь поверхностно въ султанскомъ прадѣ, которое служить исходною точкою дальнѣйшихъ мѣропріятій».

Государь, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на подобный уклончивый отвѣтъ, т.-е. принялъ полумѣру. Убѣдившись моими доводами, онъ внутренне сознавалъ опасность и невыгоду пути, на который его привела наша дипломатія въ Рейхштадтѣ, но не рѣшился совершенно освободиться отъ вѣнскихъ сѣтей

¹⁾ На дипломатическомъ языкѣ это означало, что Россія считаетъ предложенія графа Андраши нецѣлесообразными и несвоевременными. Авт.

²⁾ Посоль австро-венгерскій въ Константинополь. Авт.

³⁾ Гдѣ засѣдала консульская коммисія и гдѣ находился турецкій комиссаръ. А. Б.

⁴⁾ Для Андраши сдѣлалось бы очевиднымъ, что донесенія мои были совершенно противоположны его воззрѣніямъ. Впрочемъ, неосторожныя сообщенія министерства иностранныхъ дѣлъ и нашихъ дипломатовъ его уже убѣдили въ томъ, и потому-то Вѣна и Берлинъ были враждебно настроены противъ меня, считая меня единственною помѣхою для своей восточной политики. Авт.

⁵⁾ Зная непомѣрное самолюбіе и тщеславіе австро-венгерскаго министра, хотѣлъ надѣть его личныя впечатлѣнія и облегчить ему измѣненіе его предложеній ссылкой, что новыя, неизвѣстныя ему доселѣ свѣдѣнія повліяли на его мнѣніе и рѣшеніе.

⁶⁾ Для выигрыша времени, легчайшаго отклоненія вѣнскихъ предложеній и предупрежденія неудобнаго, непосредственнаго обращенія австро-венгерскаго правительства и нашего посольства въ Вѣнѣ къ государю, находившемуся тогда въ Ливадіи и затруднявшемуся отвѣчать отрицательно или вступать въ политику съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ, я настаивалъ на предоставленіи кабинетамъ войти въ предварительное ближайшее разсмотрѣніе вѣнскихъ предложеній, казавшихся мнѣ и легкомысленными и недобросовѣтными. Авт.

вступленіемъ въ прямыя сношенія съ султаномъ и принятіемъ предложеній, привезенныхъ мною изъ Константинополя.

До чего извращены были понятія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовавшемъ заодно съ графомъ Андраши и венгерскими агентами противъ русскаго посла въ Константинополь, видно изъ того, что баронъ Жюмини написалъ мнѣ въ Ливадію 9-го октября: «Я нахожу, что вы слишкомъ строги къ графу Андраши. Его недостатки происходятъ отъ его труднаго положенія (парламентскаго) и отъ его личнаго характера. Надо его брать, каковъ онъ есть, и стараться его сохранить. Подумайте только о томъ, что произойдетъ, если онъ будетъ смѣщенъ». Все письмо было наполнено восхваленіями великихъ подвиговъ и добрыхъ намѣреній графа Андраши. Тѣмъ не менѣе, баронъ Жюмини сознается, что проектъ предложенной имъ ноты, требующей аграрныхъ реформъ для Босніи и Герцеговины, таковъ, что (согласно моимъ предсказаніямъ) Порта отвергнетъ предложенія державъ, преданный намъ верховный визирь будетъ низложенъ и наступленіе кризиса, котораго ни одна держава не желала, ускорится въ Турціи. Управляющій министерствомъ признаетъ, что самое благоразумное было бы, согласно предложеніямъ моимъ, условиться съ тремя имперіями въ соблюденіи невмѣшательства, поддержать Махмудъ-пашу въ принятомъ имъ направленіи, благопріятномъ христіанамъ, и пособить ему умиротворить страну. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось бы удовлетворить самолюбіе графа Андраши принятіемъ его образа мыслей.

Нашъ посоль въ Вѣнѣ былъ такъ озабоченъ и напуганъ мыслью, что его величество можетъ одобрить мои предложенія и уклониться отъ исполненія проекта графа Андраши, что прислалъ курьеромъ своего довѣреннаго секретаря Татищева ¹⁾ ко времени прибытія моего въ Крымъ, съ самыми убѣдительными доводами въ пользу вѣнской программы по герцеговинскому вопросу. Тотъ же секретарь былъ посланъ имъ затѣмъ въ Швейцарію (въ Вевэ) къ канцлеру, тамъ проживавшему, для восстановленія его противъ мысли турецко-русскаго соглашенія и утвержденія въ желаніи полного согласія съ графомъ Андраши. Успѣхъ противниковъ, несмотря на благосклонный пріемъ, оказанный первоначально государемъ докладу о предложеніяхъ султана, былъ полный. Уже въ ноябрѣ 1875 года баронъ Жюмини довѣрительно сообщалъ мнѣ содержаніе высочайшихъ резолюцій на моемъ донесеніи.

По этому сообщенію оказывалось, что:

1) Государь не считалъ возможнымъ принять на свою собственную единоличную отвѣтственность реформы, проектъ которыхъ султанъ предлагалъ сообщить на его предварительное разсмотрѣ-

¹⁾ Бывшаго его правою рукою.

ніе и одобреніе. Его величество подозрѣвалъ въ этомъ предложеніи намѣреніе разсорить насъ съ нашими союзниками ¹⁾. Поэтому единственнымъ выходомъ предполагалось: уговорить Австро-Венгрію и Германію обождать результата предполагаемыхъ реформъ ²⁾.

2) По поводу предложенія султана ввести нѣкоторыя измѣненія въ законоположенія касательно христіанъ государь считалъ нужнымъ придерживаться «высшей точки зрѣнія», дабы не жертвовать предшествовавшимъ соглашеніемъ ³⁾ съ Австро-Венгрією и Германією.

3) Противъ одной изъ оговорокъ въ моемъ донесеніи, въ которой было сказано, что можно оставаться на почвѣ невмѣшательства, сохраняя тѣмъ не менѣе честнымъ образомъ обѣщанное соглашеніе трехъ имперій, его величество соизволилъ отмѣтить, что «онъ не такъ понимаетъ честность отношеній къ державамъ и разсчитываетъ на мое благоразуміе».

4) На предсказанія, что, вступивъ на путь, требуемый Андраши, мы поссоримся съ Портою и можемъ привести трупъ къ распаденію, его величество замѣтилъ, что онъ смотритъ на это распаденіе ⁴⁾, какъ на неминуемое, и потому приходится дорожить болѣе, нежели когда-либо, «соглашеніемъ трехъ имперій, къ которому онъ желалъ бы, чтобы и другія державы присоединились».

Необычайность сообщенія секретныхъ высочайшихъ резолюцій ⁵⁾ была сдѣлана мнѣ, какъ сказано въ письмѣ барона Жюмини, — для пользы службы и въ «личномъ моемъ интересѣ посла», — съ явною цѣлью — обдать меня ушатомъ холодной воды и заставить меня принять австро-венгерскую точку зрѣнія изъ желанія угодить его величеству и подладиться подъ господствующія въ Петербургѣ воззрѣнія.

Но даже опасеніе царскаго гнѣва и видимая бесполезность

¹⁾ Т.-е. съ Германією и Австро-Венгрією, которыя могли якобы обидѣться естественнымъ предпочтеніемъ, оказаннымъ Россіи султаномъ. Авт.

²⁾ Тутъ потеряно было изъ виду, что султанъ вовсе не питалъ особенной нѣжности къ автономической децентрализаціи своихъ областей, но онъ былъ согласенъ вступить на этотъ путь лишь въ угоду государю императору и въ надеждѣ избавиться отъ дипломатическаго вмѣшательства, заручившись благоволеніемъ царскимъ. Иначе и реформъ никакихъ не было бы. Авт.

³⁾ Приведшимъ насъ къ жертвамъ войны 1877—78 гг. и униженіямъ Берлинскаго договора. Авт.

⁴⁾ Которое я считалъ преждевременнымъ и не соответствующимъ интересамъ Россіи. Авт.

⁵⁾ Во все время моей дипломатической службы это былъ единственный случай подобнаго сообщенія высочайшихъ резолюцій, которыя обыкновенно отъ меня скрывались министромъ иностранныхъ дѣлъ, не позволявшимъ канцеляріи давать мнѣ для просмотра, во время пріѣзда моего въ Петербургъ, даже собственныя донесенія для уразумѣнія пути, указываемаго высочайшими отмѣтками. Авт.

употреблявшихся доселѣ усилій въ борьбѣ съ австро-венгерскимъ теченіемъ нисколько не поколебали моихъ твердыхъ убѣжденій, и я продолжалъ разоблачать двуличіе австро-венгерской политики и настаивалъ на опасности пути, по которому шла русская дипломатія. Замѣчательно, что тотъ же Жомини, вернувшись за годъ передъ симъ (осенью 1874 года) съ Босфора, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько времени у своего родственника, перваго драгомана посольства,—сознавалъ и выгоду для Россіи пріобрѣтеннаго русскимъ посломъ положенія, и затрудненія, создаваемые уже и тогда тройственнымъ соглашеніемъ. Онъ писалъ отцу Игнатьева—предсѣдателю комитета министровъ,—между прочимъ слѣдующее, говоря о созданіи русскаго госпиталя: «если бы Николай Павловичъ ничего другого не сдѣлалъ въ теченіе всей своей жизни, этого одного достаточно было бы, чтобы заслужить ему патріотическую признательность русскихъ. Что касается политическаго положенія, имъ занимаемаго, то оно превосходно, даже слишкомъ превосходно, потому что это становится стѣснительнымъ. Генераль Игнатьевъ пріобрѣлъ такой авторитетъ на этой колеблющейся почвѣ «*qu'il y fait la pluie et le beau temps*», а новыя наши дружественныя связи (соглашеніе съ Австро-Венгрією и Германією) часто стѣсняють его дѣйствія и движенія, но онъ выходитъ изъ затруднительнаго положенія съ несравненною ловкостью. Все это очень утѣшительно, и хотя его нѣсколько тяготятъ десять лѣтъ, проведенныхъ на Востокѣ, я полагаю, что онъ всегда съ удовольствіемъ будетъ вспоминать объ этомъ пребываніи, которое идетъ такъ къ его дѣятельности».

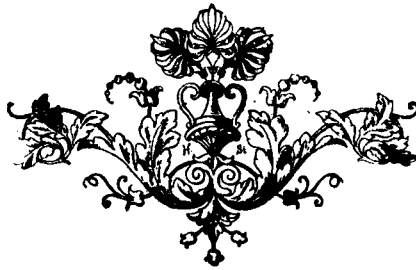
Не смущаясь предвзятыми мыслями министерства иностранныхъ дѣлъ и ослѣпленіемъ, съ которымъ слѣдовали въ Петербургѣ за графомъ Андраши, я продолжалъ ратоборствовать противъ проекта австро-венгерскаго министра—навязать, отъ имени трехъ имперій, султану планъ неисполнимыхъ и ничего населенію не обеспечивающихъ реформъ, унижительныхъ и раздражающихъ для турокъ и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительныхъ для нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Я уговаривалъ и торопилъ верховнаго визиря издать общія реформы, благопріятныя для будущаго центробѣжнаго развитія славянъ, стремясь отнять предлогъ односторонняго и спеціальнаго вмѣшательства державъ и избавиться отъ необходимости итти на австро-венгерскомъ буксирѣ. 12-го декабря 1875 года изданъ былъ фирманъ, который шелъ еще далѣе, нежели октябрьскій ирадэ, и могъ служить основою для дѣйствительно полезныхъ преобразованій въ строѣ жизни нашихъ балканскихъ единовѣрцевъ. Въ то же время Порта поручила своему комиссару и агенту Константъ-Эффенди вступить въ непосредственныя переговоры съ княземъ Николаемъ черногор-

скимъ,¹⁾ допуская нѣкоторыя территориальныя уступки въ пользу Черной Горы и, между прочимъ, адриатической бухты Спицца, такъ желаемой черногорцами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я употребилъ послѣднее отчаянное усиліе, при возвращеніи канцлера въ Петербургъ, чтобы остановить его на пути, который неизбѣжно вель къ разрыву съ Турціею, къ обостренію и обобщенію кризиса и долженъ былъ кончиться гибелью нашего вліянія въ Константинополѣ и войною. Но князь Горчаковъ рѣшительно отвергъ всякую мысль предпочесть непосредственное соглашеніе Турціи слѣпому слѣдованію фантазіямъ и проектамъ графа Андраши, заботившагося лишь объ одномъ— о своемъ парламентскомъ успѣхѣ, о доставленіи блестящаго удовлетворенія собственному самолюбію

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Константъ-эффенди былъ христіанскимъ сановникомъ, назначеннымъ оттоманскимъ комиссаромъ въ встѣвшихъ частяхъ Герцеговины; Порта надѣялась этой уступкой достигнуть нѣкоторыхъ симпатій въ населеніи. Вся Герцеговина была раздѣлена на два округа: Мостаръ и Гацко. Въ послѣднемъ округѣ были охваченные смутой Вилекъ и Требинье. Туда именно и назначили Константа-эффенди на правахъ мутессарифа.

ИСПОВѢДЪ ПОВѢШЕННАГО.

(Записки революціонера).

А СОБРАНИИ товарищей жребій палъ на меня. Я долженъ буду бросить бомбу и уничтожить министра — заполнившего тюрьмы и ссылку нашими товарищами, повѣсившаго и разстрѣлявшаго виднѣйшихъ представителей нашей партіи. Я обязанъ исполнить надъ нимъ приговоръ. Его три раза предостерегали, угрожая смертью, если онъ не прекратитъ своей системы репрессій. Но онъ презрѣлъ предупрежденія, пренебрегъ угрозами и дошелъ до того, что приказалъ въ стѣнахъ тюрьмы сѣчь заключенныхъ, не щадя и женщинъ... Не всѣ между нами вполне увѣрены въ справедливости послѣдняго факта. Но что до того? И безъ сѣченія женщинъ министр, по мнѣнію нашей партіи, вполне заслужилъ казнь.

I.

Такия мысли толпились въ моей головѣ, когда я вернулся со сходки товарищей социаль-революціонеровъ, на которой рѣшено было убить министра и жребій выполнить приговоръ палъ на меня. Не скажу, чтобы это было для меня безразлично и не сказалось на моей нервной системѣ. Дѣло въ томъ, что, идя на сходку и собираясь брать жребій, я былъ почему-то твердо увѣренъ, что роковой

номеръ мнѣ не достанется. Однакоже я его получилъ. Испуга не было, но все же сердце забилось сильнѣе.

Послѣ жеребьевки ко мнѣ подошла Нина, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка, бѣлокурая, съ лучистыми синими глазами. Нина скорѣе ребенокъ, чѣмъ женщина. Такія встрѣчаются между социаль-революціонерами, но рѣдко. Настоящей фамиліи ея никто не зналъ. Говорили только, что она дочь какого-то генерала, скрылась изъ родительскаго дома, состоитъ на нелегальномъ положеніи и передала въ распоряженіе партіи значительныя средства. Еще ходили слухи, что она сошлась съ однимъ изъ нашихъ—вожакомъ Шоломомъ. Нина нравилась мнѣ. Я ревновалъ ее къ Шолому. Подойдя ко мнѣ, дѣвушка была какъ будто блѣднѣе обыкновеннаго и даже, кажется, встревожена.

— Вы, товарищъ Александръ, вполне спокойны?—спросила она.

— Я? Я совершенно спокоенъ.

— Но у васъ номеръ бросить бомбу въ министра?

— И даже второй номеръ, что гораздо опаснѣе. Если номеру первому не удастся, мнѣ придется подойти къ осужденному возможно ближе и метнуть снарядъ. Первый номеръ можетъ еще рассчитывать спастись въ суматохѣ. Переодѣтый извозчикомъ, товарищъ съ пролеткою будетъ тутъ же. Лошади извозчиковъ будутъ послѣ взрыва бить, экипажи опрокидываться—и ускользнуть шансъ будутъ. Но номеру второму нѣтъ выхода,—его схватятъ.

— И вы, Александръ, спокойны?

Самолюбіе заставило меня солгать.

— О, да! Я спокоенъ. А вы Нина, вамъ сейчасъ предстоитъ брать жребій. Вы спокойны?

— Нѣтъ, я боюсь...

— Трусите, боитесь смерти?

— Да нѣтъ же! Вы меня не поняли. Я боюсь не опасности, лично мнѣ угрожающей; я боюсь *убить человека* и даже не одного, а, можетъ быть, многихъ.

— Во имя общаго блага и великихъ цѣлей это необходимо. Къ чему тутъ сомнѣнія, колебанія?

— Пусть и такъ. Но сдѣлаться убійцею, превратиться въ налача, согласитесь, ужасно!

Я пожалъ плечами и свысока посмотрѣлъ на слабонервную, какъ я думалъ, товарища Нину. На лицѣ дѣвушки лежала тѣнь, и даже, мнѣ показалось, нижняя губа ея нервно вздрагивала. Въ эту минуту ее позвали брать жребій. Она торопливыми шагами направилась къ столу съ урною (чѣй-то шляпой, покрытой платкомъ) и гдѣ былъ, какъ онъ себя называлъ, уполномоченный распорядительнаго комитета, Шоломъ, красивый брюнетъ со смѣлымъ до нахальства взглядомъ, пунцовыми семитическими губами и съ язвительною, какъ всегда, рѣчью. Онъ былъ въ этотъ вечеръ мнѣ осо-

бенно противень. Страннымъ казалось, что, участвуя почти во всѣхъ предпріятіяхъ, онъ по какому-то особенному счастью всегда выходилъ сухимъ изъ воды; въ деньгахъ никогда не стѣснялся; тратилъ много на широкую жизнь, квартиру, туалетъ и особенно на женщинъ. Соціалъ-революціонеры вообще народъ небогатый. Откуда же у него деньги?

Подошедшей къ столу Нинѣ онъ что-то шепнулъ. Она нетерпѣливо повела плечомъ и протянула руку къ урнѣ.

— Постоите, товарищъ Нина,—остановилъ я ее.—Товарищъ Шоломъ долженъ взять билетъ прежде васъ.

— Почему это я долженъ взять прежде?

Мнѣ показалось, что, дѣлая этотъ вопросъ, Шоломъ встревожился.

Нина заявила, что для нея это безразлично.

— Нѣтъ, не безразлично. Если вы зытянете жребій бросить бомбу, Шолому совѣмъ не придется тянуть и напротивъ: если онъ вытянетъ роковой номеръ, вы, Нина, освободитесь отъ жеребьевки, отъ необходимости убивать. Я не подозрѣваю васъ въ малодушіи, но знаю, что по убѣжденію вы противъ убійствъ.

На послѣднемъ словѣ я сдѣлалъ удареніе.

Шоломъ колебался.

— Тогда пусть товарищи разсудятъ,—настаивалъ я.

Нина стояла, опустя голову. Шоломъ кусалъ губы. Но до товарищескаго суда не дошло. Съ напускнымъ равнодушіемъ Шоломъ вытащилъ билетъ. И—вѣчный счастливецъ: билетъ оказался пустымъ. Однакоже мои подозрѣнія, что Шоломъ струсиль, оправдались: когда вынутый билетъ оказался пустымъ, онъ покраснѣлъ, какъ это обыкновенно случается съ трусливыми людьми, избѣжавшими опасности.

Послѣ него взяла билетъ Нина. Бросить бомбу № 1 выпало на ея долю.

— А!—произнесла она только.

Къ намъ подошли товарищи и пожали намъ руки. Оба мы считались въ извѣстной мѣрѣ уже обреченными на смерть. Шоломъ, съ плохо скрываемою радостью и пристально смотря на меня, воскликнулъ, что теперь онъ вполне увѣренъ въ успѣхѣхъ: ненавистный министръ не останется въ живыхъ!

О, какъ онъ былъ мнѣ противень въ эту минуту! Участники собранія начали расходиться. Между Ниной и Шоломомъ завязался небольшой споръ.

— Я хочу быть одна! Вы не должны провожать меня.

Онъ что-то зашепталъ ей, но, видимо, не убѣдилъ. Она отстранила его и ушла одна. Нахалъ!

II.

Выбрать удобный случай и бросить бомбу такъ, чтобы съ осужденнымъ погибло какъ можно менѣе народу, задача не легкая и опасная. Министра всегда окружаетъ много людей; можно перебить невинныхъ, а осужденный останется цѣль; можно искалѣчить себя или быть схваченнымъ и все же не убить осужденнаго. Но личная опасность у меня не стоитъ на первомъ планѣ. Важнѣе, чтобы предпріятіе не осталось безъ результата. Необходима гибель осужденнаго, а остальное не важно. Я не ощущаю низкаго чувства страха. И что такое въ сущности смерть? Оно небольшое мгновеніе перехода отъ бытія къ небытію. Если тамъ, за гранью земной жизни, существуетъ иная жизнь, впрочемъ, недоступная нашему пониманію, подобно четвертому измѣренію въ математикѣ, и тогда ничего нѣтъ страшнаго въ смерти. Какой бы ни былъ тотъ міръ, въ немъ навѣрное не будутъ никого ссылатъ и вѣшать за убѣжденія, допускаю, ошибочныя, но имѣющія цѣлью сдѣлать всѣхъ людей счастливыми; не будутъ сѣчь арестантовъ и женщинъ. А если за мгновеніемъ смерти ничего нѣтъ,—одна нирвана, тогда еще меньше причинитъ бояться. Можно бояться чего-нибудь, но бояться абсолютно *ничего*—нѣтъ основанія.

Логически это бесспорно. Но только логически, а не на самомъ дѣлѣ,—и я сознаюсь, полнаго спокойствія у меня на душѣ все же не было. На столѣ въ моей комнатѣ, когда я вернулся со сходки, стоялъ ужинъ. До него я не дотронулся; постель не привлекала меня, хотя былъ уже третій часъ по полуночи. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ по комнатѣ, не снимая фуражки и пальто, я остановился у окна въ раздумьи. Мнѣ было, какъ говорится, не по себѣ. Многого, оказывалось, было жалъ въ этомъ темненькомъ и нравственно грязненькомъ міркѣ, который приходилось покинуть. Россія—насиліемъ созданное полицейское государство, за нѣсколько вѣковъ своего существованія ничего не давшее народу, кромѣ безплодныхъ побѣдъ и официальной якобы славы,—что въ ней такого, о чемъ можно было бы пожалѣть? Немногимъ симпатичнѣе оказываются и благополучные россияне всякой марки. Народъ—это темная масса, обнищавшая отъ пропойства, озвѣрѣлая; повыше—купцы-живодеры или чиновники, лакеи и казнокрады; еще выше—вампиры, высасывающіе изъ населенія послѣдніе соки и легкомысленно тратящіе народное достояніе. Что и кого я тутъ могу пожалѣть? Нелогично жалѣть дурно устроенный міръ и, однакоже, мнѣ жалъ его покинуть, мучительно жалъ. Вспоминается, во-первыхъ, далекое прошлое, когда я былъ счастливъ глупымъ буржуазнымъ счастьемъ. Ахъ, какъ хорошо было это время! Во-вторыхъ... Теперь, подводя послѣдніе итоги жизни, я долженъ сознаться: я люблю

товарища Нину и, если рука моя дрогнетъ, когда придется бросить бомбу, она будетъ причиною этого... Мнѣ ненавистна мысль оставить ее въ рукахъ Шолома.

Ветхій буржуа еще крѣпко сидитъ во мнѣ.

III.

Окно моей комнаты выходитъ на Невскій. Начиная свѣтать. Отворивъ раму, я долго бездумно и безцѣльно всматривался въ спящія улицы столицы. Громады домовъ постепенно выступали изъ мрака. Вдали, на сѣромъ фонѣ облачнаго неба проблескивали куполь и крестъ Исаакія. Невскій тянулся безконечною, унылою перспективою. Онъ безлюденъ. Изрѣдка только вихляющею походкою мелькалъ по немъ запоздалый буржуа, сердито отбиваясь отъ тоже запоздалыхъ жриць Венеры, которымъ нежелательно было итти домой съ пустыми желудками и пустыми карманами. Тянулись на ночлегъ запоздалые извозчики, подремывая на козлахъ, и шагали сердитые городовые, тревожа дворниковъ, заснувшихъ на своихъ постахъ. Фонари были погашены, и сѣрая влажная мгла медленно опускалась надъ Питеромъ, точно какая-то гнетущая, неотвязчивая мысль. Картина выглядѣла непривлекательною и пошлою. Все въ ней оказывалось гадкимъ и низкимъ. Но воспоминаніе, что чрезъ нѣсколько дней, разорванный на части бомбою вмѣстѣ съ ненавистнымъ министромъ, я уже ничего, ни этого, ни чего-либо иного, не увижу, до боли сжимало мое сердце.

Неужели я трусилъ? Нѣтъ, это не было малодушною трусостью. Во мнѣ просто пробудился инстинктъ животной привязанности къ жизни. На одну минуту мнѣ показались мелочными и несправедливыми всѣ наши планы. Убійство, кровь, насилія—средства стараго міра. Неужели же это правильный новый путь? Неужели же на этомъ скверномъ фундаментѣ, нами же безапелляціонно осужденномъ, можно построить новое счастье людей? Да и счастье ли то, что мы съ тупымъ упрямствомъ называемъ счастьемъ, благомъ? Пусть себѣ живетъ этотъ ненавистный и опасный намъ министр! Вѣдь и я, наравнѣ съ нимъ, хочу жить.

И я глубоко вздохнулъ. Передо мною промелькнулъ опять тихій, милый образъ Нины. Мучительно захотѣлось мнѣ снова вернуться въ отвергнутый и осужденный буржуазный міръ и быть счастливымъ, положимъ, пошлымъ буржуазнымъ счастьемъ, но все же счастливымъ. Но это была только минутная слабость. Мнѣ стало стыдно самого себя, и я вновь укрѣпился въ намѣреніи ради будущаго блага не щадить ни себя, ни другихъ. Но если меня схватятъ, то непременно повѣсятъ тамъ, на пустынномъ болотистомъ берегу залива у Лисьяго носа. О, я ее помню, эту гадкую мѣстность! Болота, кочки, мелкая поросль, вдали свинцовая волна темнаго моря

и плоскій берегъ. И какъ неприглядна самая смерть отъ удавки веревкою... Бррръ! какой ужасъ... Мѣшокъ на голову и петля, мѣшающая здоровому сильному организму дышать, жить. Нѣтъ, ужъ лучше рискнуть: подойти къ министру возможно ближе и, метнувъ бомбу, разлетѣться вмѣстѣ съ нимъ самому безъ остатка въ желтыхъ клубахъ вонючаго дыма отъ разорвавшагося снаряда.

IV.

Совеѣмъ стало свѣтло, когда утомленіе взяло верхъ, я заперъ окно, легъ въ постель и уснулъ. Волненіе минувшаго вечера было, вѣроятно, причиною, что мнѣ привидѣлся совершенно нелѣпный сонъ. Сонъ—это такое состояніе, когда разумъ парализованъ, бездѣйствуетъ, а играетъ одно воображеніе и, подобно миражу, вызываетъ странные образы. Давно забытое фантастически комбинируется и создаются цѣлыя сцены, событія, лица... Многіе вѣрятъ снамъ. Погребенный въ болотахъ Тевтобургскаго лѣса, Варъ приснился Германику и ужаснулъ его. А этотъ римлянинъ былъ храбръ и обладалъ твердымъ разсудкомъ. Цезарь тоже видѣлъ вѣщій сонъ, а онъ былъ не суевѣръ и не изъ слаборервныхъ. Но я не вѣрю снамъ, какъ сбывшимся, такъ и не сбывшимся, которыхъ въ милліонъ разъ больше. Не потому, что будущее, пока оно только будущее, *не существуетъ*; мы сами его создаемъ, поступаая такъ или иначе. Завтрашній день моей жизни и его содержаніе я самъ создамъ, когда онъ наступитъ. Моя воля, соглашаюсь, не безусловно свободна; на нее вліяютъ обстоятельства и воля другихъ людей, тѣмъ не менѣе заранѣе опредѣленное будущее не существуетъ; это еще не родившійся младенецъ. Станный сонъ, приснившійся мнѣ въ памятную ночь послѣ сходки, однакоже до того крѣпко врѣзался въ мою память, что я рѣшаюсь здѣсь его записать.

Мнѣ снилось, что я падаю въ какую-то пропасть бездонной глубины. Чувство невыразимаго ужаса оледенило мое сердце. И не то меня ужасало, что я обо что-то ударюсь и разобьюсь. Нѣтъ! Меня до боли страшило, что мое паденіе никогда не прекратится. Бездна, въ которую проваливалось мое тѣло, была настоящею бездною безъ дна и границъ. Это я сознавалъ. Попробуйте въ ясный, безоблачный день лечь на траву на спину и долго вглядываться въ неизмѣримую глубину неба. Вамъ непременно почудится, что вы оторвались отъ земли и съ головокружительною быстротою понеслись туда, въ голубыя бездны. Больше двухъ-трехъ минутъ такого ощущенія вы не выдержите и непременно вскочите съ паническимъ страхомъ и стряхнете съ себя кошмаръ. Но я во снѣ не могъ этого сдѣлать. Безграничность подавляла меня... Еще нѣсколько подобныхъ секундъ—и я сознавалъ, что не выдержу, умру, уничтожусь. Но паденіе разомъ прекратилось. Не знаю, что задержало меня, только не

матеріальная причина. Бездна была тутъ же подо мною, и ощущение ея продолжало ужасать меня. Кругомъ колебалось и волновалось бѣловатое море, похожее на облака. Надо мной сіялъ ясный день и, поднявъ глаза вверхъ, я увидѣлъ далеко, далеко лица многихъ знакомыхъ, родныхъ, близкихъ мнѣ людей, давно отбывшихъ изъ этого міра. Лица у всѣхъ были печальныя... И мнѣ почему-то вдругъ стала ясна причина ихъ печали. Да, если мы уничтожимъ всѣ устои стараго порядка—Бога, семью, собственность, власть, національность, отечество,—человѣчество провалится въ бездну. Мы создадимъ нирвану, и она поглотитъ насъ.

На этомъ я проснулся и долго лежалъ, раздумывая и разгадывая свой сонъ.

Неужели мнѣ придавать значеніе фантазмагоріямъ воображенія? Неужели испугаться сна и увѣровать, что старыя, отжившія предразсудки буржуазнаго строя суть настоящіе устои будущаго? Грядущее благосостояніе человѣческаго рода не въ этихъ узахъ, искусственно созданныхъ, не давшихъ въ тысячелѣтія своего существованія людямъ счастья: оно въ незыблемой правдѣ, что люди одна семья; что не надо ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, не должно быть ни войны, ни воиновъ—этого пушечнаго мяса; не надо геніальныхъ полководцевъ—мастеровъ на массовыя убійства; не надо властей, такъ какъ всякій носитель власти—притѣснитель, тиранъ. Кромѣ людей, весь живой міръ обходится же безъ властителей и безъ установленій, которыя мы по рутинѣ называемъ устоями. И въ животномъ мірѣ положительно и неоспоримо счастья больше, чѣмъ у людей.

Мой нелѣпный сонъ, порожденіе разстроенныхъ нервовъ, не собьетъ меня съ прямой дороги и не обратитъ въ тупого буржуа. Я всталъ, одѣлся и рѣшилъ идти къ товарищу Нинѣ, чтобы условиться, какъ и когда намъ приступить къ выполненію принятаго на себя долга.

V.

Нину я засталъ въ ея маленькой, опрятно убранной комнаткѣ за чтеніемъ Каутскаго. Не люблю этого писателя! Во-первыхъ—расплывчатъ и въ аргументаціи жидокъ, а, во-вторыхъ,—отдаетъ еврействомъ: у него много озлобленія и полное отсутствіе спокойнаго, критическаго отношенія къ фактамъ. Еврейство никогда само не создавало ни одной великой идеи. И въ партіи социаль-революціонеровъ евреи не подмога, не товарищи, а скорѣе напоминаютъ ядро, привязанное къ ногѣ каторжника. Они придаютъ нежелательную окраску какой-то злобности всей нашей партіи. Какъ знать? Можетъ быть, милюковскіе кадеты не надѣлали бы столько промаховъ, если бы ихъ партія не находилась на привязи еврейскаго капитала...

Такъ разсуждая, я протянулъ руку и коснулся книги, которую дѣвушка держала въ рукахъ. Нина положила книгу и вопросительно взглянула на меня:

— Это сорь, мусорь! Бросьте!—сказалъ я ей, указывая на книгу. Она наклонила голову, какъ бы въ знакъ согласія, и продолжала, молча, разглядывать меня.

А душа рвалась къ ней. Въ ея присутствіи я переставалъ быть суровымъ, неподатливымъ соціалъ-революціонеромъ. Какая простота, скромность и печать дѣвственной невинности окружаетъ эту дѣвушку. Неужели она пала и сдѣлалась любовницей Шолома? Что она для него? Никоемъ образомъ не единственный, вѣрный на всю жизнь другъ, а скорѣе игрушка. Азіаты-евреи—рабы сладострастія. Еще правдоподобнѣе, что бѣдная дѣвушка, сманенная изъ родного гнѣзда лукавыми рѣчами Шолома, только орудіе для какихъ-либо его темныхъ интригъ. Онъ въ связи со многими женщинами и тамъ, въ своей родной Одессѣ, у него, по еврейскому обычаю, навѣрное, имѣется законная супруга—Ривка или Хайка, съ которой онъ прижилъ уже полдюжины дѣтей во славу и для осуществленія талмудической аксіомы, что Израиль долженъ быть такъ же многочисленъ, какъ песокъ на берегу морскомъ.

Точно угадавъ мои мысли, Нина улыбнулась и произнесла:

— Вы не любите Шолома? И напрасно.

— А вы его любите?

— *Я въ него вѣрю.* Онъ очень энергиченъ, смѣлъ и уменъ. Великому нашему дѣлу онъ оказалъ большія услуги.

Спорить мнѣ не хотѣлось. Сознавалъ я и то, что мои сужденія о Шоломѣ не чужды пристрастія. Онъ до извѣстной степени былъ моимъ соперникомъ. Впереди ждало дѣло серьезное, опасное. Вотъ эта тихая, кроткая дѣвушка, сидящая противъ меня, должна будетъ бросить снарядъ страшной силы, перебить полсотни, а то и болѣе людей, погибнуть или быть искалѣченной при взрывѣ бомбы, а затѣмъ ее схватятъ и повѣсятъ...

И они, палачи, по-своему будутъ правы. Въ ихъ глазахъ Нина одичалый фанатикъ, озвѣрѣлая тигрица. То, что мнѣ о ней извѣстно, имъ того никогда не узнать: Нина—жертва; въ сердцѣ дѣвушки нѣтъ ни ожесточенія фанатика, ни звѣрства тигра. Напротивъ, сердце ея кротко и любяще. Холодные, эгоистическіе люди заставили этого полуробенка сперва скрыться изъ отчаго дома съ деньгами, которыя имъ были нужны, а теперь посылаютъ ее на вѣрную смерть. Это муха, которую паукъ уже высосалъ и, какъ ненужную, выбрасываетъ изъ своей паутины.

Я сѣлъ и принялся излагать мои планы нападенія на министра согласно директивамъ, выработаннымъ «партіей» заранѣе. У меня былъ номеръ второй, но я хотѣлъ первымъ метнуть снарядъ. Если

я убью министра, Нигѣ не придется бросать бомбы, а я былъ убѣжденъ, что я непременно убью министра.

Выслушавъ меня, Нина неодобрительно покачала головой.

— Вы хотите устранить меня отъ опасности? Взять все дѣло на себя? Зачѣмъ?

Мнѣ захотѣлось крикнуть:

«Зачѣмъ, что я люблю тебя! Люблю, несмотря на то, что ты, навѣрное, любовница ненавистнаго Шолома». Но тутъ же я благо-разумно остановилъ свой готовый вырваться порывъ чувства. Если она любитъ другого, что ей отвѣчать на мое неожиданное объясненіе въ любви? Что, кромѣ сожалѣнія, а, пожалуй, презрѣнія можетъ оно вызвать? И началъ доказывать необходимость беречь рѣшительныхъ людей, составляющихъ силу нашей партіи.

— Зачѣмъ намъ двоимъ подвергаться опасности, когда я одинъ легко управлюсь съ задачей?

— Ну, въ такомъ случаѣ,—прервала меня Нина:—у васъ, товарищъ Александръ, билетъ за № 2, вы и не являетесь съ бомбою. У меня № 1. Министръ будетъ проѣзжать въ каретѣ на Варшавскій вокзалъ послѣзавтра, съ докладами. Извѣстіе это несомнѣнно. Я стану возлѣ углового дома при спускѣ на мостикъ и брошу бомбу. Все разомъ будетъ кончено.

— Но васъ схватятъ...

— Я къ этому готова.

— А ваше отвращеніе къ убійству, къ роли палача?

Она только вздохнула въ отвѣтъ, но осталась непреклонной. Путь ея умозаключеній былъ таковъ: разъ у нея билетъ № 1, она и должна начать первую.

VI.

Дверь комнаты съ шумомъ распахнулась, и вошелъ Шоломъ, по обыкновенію щеголеватый, въ свѣжихъ перчаткахъ, съ золотымъ пенснэ на носу и тяжелымъ портфелемъ подъ мышкою. По той безцеремонности, съ которой онъ бросилъ мокрое отъ дождя пальто на кроватку Нины, положилъ портфель на маленькій столикъ, заваленный мелочами женскаго туалета, я угадалъ, что они очень близки между собою. Глаза дѣвушки устремились на вошедшаго красавца, стали какъ-то особенно ласковы. На меня она смотрѣла иначе.

— Кстати, товарищъ Александръ, что вы здѣсь,—началъ Шоломъ.—Я долженъ сообщить вамъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ планѣ нападенія на экипажъ министра.

— Говорите: я слушаю.

— На министра нападаете вы одинъ. Комитетъ вполне увѣренъ, что такого опытнаго и смѣлаго человѣка, какъ вы, вполне будетъ достаточно, чтобы его приговоръ былъ осуществленъ.

«Онъ устраняетъ Нину отъ опасности,—мелькнула у меня мысль.—Онъ ее жалѣетъ. Выходить, Шоломъ не такъ ужъ дурень».

— А товарищъ Нина?—переспросилъ я.

— Она предназначена комитетомъ для другого дѣла. Въ Одессѣ, какъ, навѣрное, знаете и вы, командующій исчерпалъ всякую мѣру долготерпѣнія: разстрѣливаетъ, вѣшаетъ и устраиваетъ погромы. Его надо уничтожить. Мы съ Ниной поѣдемъ въ Одессу. Нина воспитывалась въ одномъ пансіонѣ съ дочерью генерала; онѣ дружны и ей легко будетъ проникнуть къ нему въ домъ, недоступный для другихъ нашихъ агентовъ, и совершить надъ нимъ казнь: заколоть его или взорвать.

— Заколоть, обманомъ проникнувъ въ домъ? Но для нея не будетъ въ такомъ случаѣ никакихъ шансовъ на спасеніе. Это опасно, чѣмъ просто убить министра.

Выраженіе лица Шолома стало жестче. Онъ только пожалъ плечами.

— Отчего, полагаете, не будетъ шансовъ спастись? Въ суматохѣ послѣ взрыва она легко можетъ уйти и скрыться. Я буду тамъ же поблизости и оборудую все возможное для ея спасенія.

Я взглянулъ на Нину. Извѣстіе поразило ее. Она сидѣла блѣдная, и глаза ея были расширены, какъ бы отъ ощущенія ужаса.

— Что же вы молчите, товарищъ Нина? Согласны вы идти въ домъ, какъ другъ, и потомъ убить.

Губы ея беззвучно зашептали:

— Это невозможно, ужасно! Онѣ, дочери генерала, мои подруги, товарки, любятъ меня искренно, какъ родную, и я войду въ ихъ домъ и убью отца, осирочу дѣтей? Нѣтъ, это невозможно!

— Однако, товарищъ Нина, это возможно потому, что такъ должно быть,—послышался повелительный, твердый голосъ Шолома.

Дѣвушка содрогнулась и замолчала. Онъ обратился съ рѣчью ко мнѣ:

— Какія тамъ подруги? И какой онъ отецъ дѣтей? Это деспотъ, организаторъ погромоу, натравливающий чернь на спокойныхъ гражданъ. Онъ врагъ евреевъ!

— Въ погромахъ виноваты сами евреи,—прервалъ я его.—Имъ не слѣдовало вести себя такъ вызывающе; слѣдовало помнить, что масса не любитъ ихъ. Въ провокацію властей, по крайней мѣрѣ въ провокацію еврейскихъ погромовъ, я не вѣрю.

— Вотъ какъ вы судите! Это... это антисемитизмъ чистой воды и въ нашей партіи не терпимый.

Шоломъ злобно посмотрѣлъ на меня.

— Вы, можетъ быть, и одесскаго командующаго оправдываете?

— Нимало. Онъ осужденъ нашимъ большинствомъ. И вотъ вы, товарищъ Шоломъ, поѣзжайте въ Одессу и убейте его сами такъ же, какъ я убью министра. Онъ выѣзжаетъ въ открытомъ эки-

цажѣ и метнуть снарядъ не трудно. Но мы не имѣемъ право заста-
влять товарища Нину совершить, кромѣ убійства, еще низость:
войти въ домъ подѣ личиною друга и убить отца близкой ей семьи.

Шоломъ, всегда терпѣливый и сдержанный, началъ волно-
ваться.

— Пустое! Буржуазные предрасудки!—вскричалъ онъ.—Въ
борьбѣ съ угнетателями всѣ средства допустимы. Впрочемъ, что
тутъ толковать: комитетъ такъ постановилъ, и остается только
исполнить.

— Какой это комитетъ постановилъ?

— Распорядительный комитетъ социаль-революціонной партіи.

— Я его никогда не видалъ, и никто изъ насъ его тоже не видалъ.
Никто его не избиралъ. И знаешь ли, товарищъ Шоломъ: состоитъ
ли онъ изъ одного тебя, или изъ цѣлой дюжины самозванцевъ, во
всякомъ случаѣ я его авторитета не признаю.

Шоломъ удивленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня. Онъ не
ожидалъ такого возраженія.

— Вы отвергаете комитетъ?

— Отвергаю. Пусть соберутся товарищи на сходку и рассу-
дятъ, что это за таинственный комитетъ, деспотически желающій
управлять нами? Въ самое существованіе его мудрено повѣрить.
Гдѣ же онъ: въ Петербургѣ, въ Лондонѣ или еще гдѣ-либо?

— Однакоже онъ существуетъ, и въ реальности его существо-
ванія вы скоро убѣдитесь.

— Ого!—засмѣялся я.—Угрозы! Но во всякомъ случаѣ это
самозванный комитетъ.

Шоломъ, блѣдный отъ скрытаго гнѣва, началъ мнѣ возражать.

— Пока идетъ борьба, управляющая власть необходима для
приданія единства нашей дѣятельности. Въ противномъ случаѣ
борьба будетъ безрезультатна, а жертвы безплодны.

— Пусть и такъ. Тогда пусть вашъ комитетъ получить полно-
мочія отъ товарищей. Мы его выберемъ, снабдимъ полномочіями,
а теперешній комитетъ, отъ имени котораго вы говорите, Шоломъ,—
узурпація. Товарищъ Нина! вы не должны исполнять распоряже-
ній, несогласныхъ съ волею, выраженною всѣми товарищами на
сходкѣ.

Бѣшенство исказило черты лица Шолома. Глаза его горѣли,
какъ горятъ глаза у дикой кошки, попавшей въ капканъ.

— Ваши идеи, не сомнѣвайтесь, будутъ сообщены комитету,
и его дѣло будетъ рас судить, какъ поступить съ вами. Товарищъ
Нина во всякомъ случаѣ поѣдетъ со мною въ Одессу. Тамъ най-
дутся средства успокоить ея сомнѣнія.

— Неужели вы поѣдете?—обратился я къ Нинѣ.

Она стояла, опустивъ голову, въ глубокомъ раздумьи.

— Ну же, Нина, отвѣчайте: вы съ нимъ или со мной?—рѣзко

обратился къ ней Шоломъ, хмурия свои черныя брови, сходявшіяся на горбатомъ, массивномъ носу..

Дѣвушка подняла на него свои лучистые глаза. И сколько въ нихъ было любви и беззащитной покорности... Рука ея упала на его руку. Онъ поднялъ съ торжествомъ высоко голову и вызывающе улыбулся мнѣ.

Приходилось уходить.

— Пойдите, товарищ!—остановилъ онъ меня.—Вы не отказываетесь напасть на министра, или же придется и это дѣло передать другому?

— Никто не въ правѣ измѣнять рѣшеній товарищѣй и жеребьевки,—отвѣтилъ я, смотря прямо въ лицо Шолому, теперь уже, внѣ сомнѣнія, моему заклятому врагу. Но что до этого? Послѣзавтра я брошу бомбу и погибну съ ненавистнымъ министромъ. Какое мнѣ дѣло до всего прочаго?..

VII.

Быль ясный, тихій солнечный день. На небѣ ни облачка. Проспектъ, ведущій къ вокзалу желѣзной дороги, густо заполнялся людьми. Тутъ было много нашихъ. Мой школьный товарищъ, Печкинъ, переодѣтый извозчикомъ, сидѣлъ на козлахъ пролетки и притворился дремлющимъ. Если бъ мнѣ удалось уцѣлѣть, онъ долженъ былъ бы увезти меня. Еще больше было въ толпѣ агентовъ тайной полиціи. Но этихъ легко было узнать по ихъ фізіономіямъ. Мы не боялись ихъ и смѣялись надъ этими «мѣченными», какъ мы ихъ называли. Грубые, неразвитые и находившіеся въ постоянномъ почти подпитіи, они своимъ внѣшнимъ видомъ и неумѣлымъ соглядатайствомъ выдавали себя головою. Еще большѣ на улицѣ было наружной полиціи, городовыхъ, застывшихъ на своихъ постахъ, и околоточныхъ, юлившихъ безъ толку туда и сюда. Зазѣвавшихся прохожихъ они озадачивали фразою:

— Извольте проходить. Тутъ нельзя останавливаться.

Если бъ могло существовать какое-либо сомнѣніе въ томъ, что министръ сегодня поѣдетъ именно здѣсь и въ эту пору къ поѣзду желѣзной дороги, то оно устранялось этою суетою полицейскихъ и тучею филеровъ, бродившихъ въ толпѣ. Вся эта орава, въ мундирахъ и безъ мундировъ, называлась охраною. Но, разумѣется, она не охраняла, а головою выдавала осужденнаго министра.

Я шелъ по тротуару медленнымъ покойнымъ шагомъ. Въ карманѣ наглухо застегнутаго пальто былъ у меня снарядъ небольшой грушевидной формы—ударная бомба. Нашъ химикъ, студентъ-технологъ, снаряжавшій бомбу, говорилъ, что она обладаетъ страшной разрушительною силою. Дома вблизи взрыва непременно

дадутъ трещины, а отъ человѣка, который окажется въ кругу дѣйствія, останутся развѣ только окровавленные клочья мяса. На головѣ моей была солидная чиновничья фуражка съ кокардой, на глазахъ дымчатая очки, подъ мышкою небольшой портфель. Я выглядѣлъ солиднымъ буржуа и не возбуждалъ подозрѣнія. Двое сыщиковъ обогнали меня и потомъ пошли обратно, мнѣ навстрѣчу.

— Вы не знаете, что за причина такого собранія здѣсь полиціи? Проѣдетъ, что ли, кто здѣсь?—спросилъ я сыщиковъ, когда они поровнялись со мною. Они посмотрѣли другъ на друга и ушли, засмѣявшись, не отвѣчая мнѣ.

— Эхъ, баринъ, захотѣли вы отъ нихъ добиться отвѣта,— притрогиваясь къ шапкѣ, обратился ко мнѣ дворникъ, подметавшій панель.

— А что? Почему бы имъ не отвѣтить?

— Да они же фискалы! Министръ тутъ на желѣзную дорогу сейчасъ проѣдетъ. Вотъ они и шныряютъ. Охрана — одно слово.

Дворникъ снова принялся за метлу, а я прошелъ дальше къ мостику. На углу высился громадный пятиэтажный домъ, бывшій нѣкогда фабрикою, а теперь занятый дешевыми шамбръ-гарни. У крыльца толпилось много народу. Я прошелъ дальше. Не хотѣлось мнѣ, чтобъ эти люди пострадали при взрывѣ и, кромѣ того, въ толпѣ неудобно было свободно дѣйствовать. У самаго мостика пришлось остановиться.

— Господинъ, проходите... здѣсь нельзя останавливаться,— налетѣлъ на меня околоточный.

— Почему нельзя?

— Потому нельзя... Тутъ нельзя останавливаться.

— Проѣздъ какой будетъ?

— Это не ваше дѣло. Проходите...

Околоточный начиналъ волноваться. Возлѣ него, точно изъ земли, выросли какія-то двѣ чуйки съ ястребиными глазами. Я прошелъ мостикъ, сдѣлалъ десятокъ шаговъ къ вокзалу, перешелъ на другую сторону улицы и снова, очутившись у мостика, приготовился дѣйствовать... Вдали показалась карета парою, несшаяся во всю прыть. Что это карета министра, сомнѣнія не было: полиція волновалась и очищала проѣздъ. Я опустилъ руку въ карманъ пальто, ощупалъ снарядъ и ждалъ. На противоположной сторонѣ изъ толпы выглянула чуйка и подозрительно воззрившись на меня. Одну секунду мнѣ казалось, что она хочетъ перебѣжать на мою сторону и удалить меня съ опаснаго пункта. Но карета грохотала уже у самаго мостика. Вотъ она поровнялась со мною. Бородатый кучеръ гналъ лошадей, точно предчувствуя что-то недоброе. Сквозь каретное стекло я увидѣлъ и узналъ министра. У него было строгое,

сухое, продолговатое нѣмецкое лицо. Онъ сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ экипажа съ большимъ портфелемъ на колѣняхъ.

Что онъ думалъ? Какіе планы строилъ онъ въ послѣднія мгновенія своей жизни? Думалъ ли, какъ при помощи террора закуеть онъ въ еще горшія цѣпи громадную имперію и, успокоивъ ее, то есть вытравивъ изъ обезсиленнаго организма всю жизненную энергію, ошастливить чиновничьей конституціей во вкусѣ олигарховъ? Нѣтъ, господинъ архичиновникъ, тебѣ это не удастся. Карета пролетѣла съ грохотомъ мимо меня... Я вытащилъ бомбу и метнулъ вслѣдъ экипажа. Раздался оглушительный взрывъ.

Меня отбросило на нѣсколько шаговъ. Придя въ себя, я почувствовалъ на своемъ лицѣ влажность. Рука, которою дотронулся до лба, оказалась въ крови. Значить, я раненъ, а министръ? У мостика лежала разбитая карета; визжали и бились израненныя лошади; на панели въ крови стоналъ раненый кучеръ; народъ бѣжалъ прочь, спотыкаясь о лежавшихъ на улицѣ раненыхъ и убитыхъ. Поднявшись съ большимъ трудомъ, я увидѣлъ безформенную грудку окровавленныхъ остатковъ... Это было все, что осталось отъ энергичнаго и многомочнаго министра. Кругомъ валялись листы изорванной и полусожженной бумаги изъ разорваннаго на куски министерскаго портфеля. Онъ погибъ и его проектамъ никогда не обратиться въ законы.

VIII.

Съ большимъ трудомъ я добрался до своей квартиры. Швейцаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мою окровавленную голову, поднялся мертвенно-блѣдному лицу и получилъ въ отвѣтъ на свои соболѣзнованія, что меня легко ранило осколкомъ бомбы, которою убить министръ. Выскочившая изъ своей конуры швейцариха, баба бойкая и любящая сплетни, всплеснула руками и начала причитать:

— Ахъ, голубчикъ, баринъ! И васъ задѣло... Сказывали, министра такъ разорвало, что одни ноги и ордена остались. Голову такъ и не нашли, а съ нимъ шестьдесятъ человѣкъ убито...

— Меньше, много меньше,—сказалъ я, поднимаясь на лѣстницу. И въ головѣ моей шевельнулась мысль, сколько же, однако, погибло съ министромъ. Неужели шестьдесятъ человѣкъ?.. Не можетъ быть... Я метнулъ бомбу вдогонку экипажа; тамъ—на другой панели стояла кучка людей. Но не шестьдесятъ же человѣкъ. А, впрочемъ, какое мнѣ дѣло, сколько погибло!

Худо то, что у меня кружится голова. Домъ пятиэтажный. Я живу въ третьемъ этажѣ; иду и никакъ не могу сообразить, добрался ли я до площадки третьяго этажа, или уже всхожу на четвертый этажъ. Господи! Гдѣ же моя дверь? Я не могу, не въ силахъ про-

честь надписи на дверной доскѣ; звоню наудачу. Можетъ быть, къ чужимъ...

Но вотъ я въ своей комнатѣ; падаю, какъ споль, на диванъ, и на минуту теряю сознание. Очнувшись, вижу—передо мной стоитъ дѣвушка Маша, коридорная прислуга со стаканомъ воды; выпиваю глотокъ и, наконецъ, могу сообразить мое положеніе; швейцаръ непремѣнно дастъ знать въ полицію, въ какомъ видѣ явился я на квартиру. Сюда непремѣнно придутъ съ обыскомъ. У меня найдутся компрометирующія письма, бумаги, въ комодѣ браунингъ и двѣ обоймы патроновъ. Куда ихъ дѣвать? Развѣ отдать Машѣ? Ее обыскивать не будутъ. Хорошая дѣвушка! Она не выдастъ. А какъ да выдастъ? И хватитъ ли у меня настолько силы, чтобы встать, уничтожить и убрать опасные предметы?

Я снова потерялъ сознание, и когда вторично очнулся, свѣтлый день смѣнился сумрачнымъ вечеромъ. Даже страхъ напалъ на меня при мысли, сколько я потерялъ драгоценнаго времени. Раненая голова все еще болѣла и кружилась. Съ отчаяннымъ усиліемъ воли свѣча была, наконецъ, зажжена мною, и я принялся жечь бумаги. Еще надо было достать браунингъ, а для этого перейти комнату. Два раза я поднимался и два раза снова опускался на кресло. Изнеможеніе пересиливало волю. Все это я твердо помнилъ. Мнѣ показалось, что послѣ напрасныхъ усилій встать я на минуту, на одно только краткое мгновеніе, прислонился головою къ столу. И что же? Мертвое лицо убитаго министра сейчасъ же пригрезилось мнѣ, строгое лицо съ безжизненно-тусклымъ взоромъ. «Зачѣмъ ты убилъ меня?» спрашивало это лицо.—«А зачѣмъ ты убивалъ, ссылалъ, разстрѣливалъ и вѣшалъ нашихъ, попавшихъ въ твои руки?» возразилъ я. «Я убивалъ и ссылалъ единиць, чтобы сохранить спокойствіе милліоновъ». На эту реплику убитаго министра я сейчасъ же возразилъ: «И я убилъ тебя, единицу, чтобы сохранить милліоны отъ твоей политики репрессій». Мы еще долго что-то говорили другъ другу, но о чемъ шла рѣчь—я никакъ не могъ потомъ вспомнить. И вдругъ мнѣ показалось, что я провалился и лечу въ бездну, какъ тогда во время моего сна послѣ роковой сходки. Опять замерло у меня сердце и опять почувствовалъ нестерпимый ужасъ, навязываемый ощущеніемъ безпредѣльной бездны.

«Кошмаръ!»—мелькнула у меня мысль, и, чтобы избавиться отъ него, я торопливо, съ усиліемъ открылъ глаза. Комната моя была полна народа. Полиція, жандармы и статскіе рылись въ моемъ письменномъ столѣ и ящикахъ комода. Когда и какъ они вошли, я не слышалъ. Браунингъ былъ уже найденъ. Одинъ статскій возился около пепла сожженныхъ писемъ, пытался по не сгорѣвшимъ клочкамъ уразумѣть ихъ содержаніе. Около моей головы, съ компрессами и перевязками, хлопоталъ, очевидно, военный докторъ, судя

по наплечнымъ поганамъ. Высокій, худощавый, пожилой жандармскій офицеръ подошелъ и задалъ мнѣ вопросъ: гдѣ я раненъ?

— Въ голову,—отвѣчалъ я, притворяясь не понявшимъ вопроса.

— Не то! Я спрашиваю, въ какомъ мѣстѣ, на какой улицѣ вы ранены?

— Тамъ же, гдѣ убить министръ.

— Вы, значить, тамъ находились?

— Если раненъ тамъ, очевидно, тамъ и находился.

— Зачѣмъ?

— Шелъ на желѣзную дорогу.

— Куда вы собирались ѣхать?

— Въ Петергофъ погулять.

Офицеръ разсердился, почувявъ въ моихъ отвѣтахъ глумленіе. Онъ строго замѣтилъ:

— Прошу не шутить! Отъ вашихъ отвѣтовъ зависитъ ваша жизнь.

— Все отъ моихъ отвѣтовъ ничего не зависитъ. Все зависитъ отъ вашего усмотрѣнія.

— Это вы бросили бомбу подъ карету министра?

Задавъ роковой вопросъ, жандармъ вперилъ въ меня свои сердитые глаза, желая, очевидно, подмѣтить на моемъ лицѣ страхъ и смущеніе. Сердце мое забилося сильнѣе.

«Ага, началось!—подумалъ я.—Значить, противъ меня есть улики и меня подозрѣваютъ. Не сказать ли имъ прямо: ну, да!.. я убилъ министра». Роковое признаніе уже было готово сорваться съ моихъ губъ, но я во время опомнился:—зачѣмъ мнѣ ихъ радовать? Пусть ихъ доискиваются... Совершенно хладнокровно, даже съ дѣланымъ негодованіемъ я возразилъ:

— Съ чего это вы взяли, что я бросилъ бомбу?

— Васъ видѣли съ бомбою.

Мнѣ стала смѣшна неловкость допросчика.

— Если вы видѣли меня съ бомбою, то почему же тогда не арестовали, не отняли бомбы прежде, чѣмъ я ее бросилъ? Ваши сыщики, господинъ полковникъ, васъ мистифицируютъ.

Онъ нахмурился и, помолчавъ, снова задалъ вопросъ:

— Ну, если не вы бросили бомбу, то вы непременно видѣли, кто ее бросилъ?

— Почему же это я долженъ былъ видѣть? Я шелъ на станцію, осколокъ бомбы ранилъ меня въ голову, я упалъ, обезпамятѣлъ и, очнувшись, едва добрался до дому.

— Вы сожгли бумаги и письма. Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Зачѣмъ сжегъ? Предчувствовалъ вашъ визитъ и обыскъ. Я ихъ уничтожилъ, не желая, чтобы вы ихъ читали. Это была интимная переписка. Можетъ быть, письма женщины. Во всякомъ случаѣ политики въ уничтоженной перепискѣ не было.

- У васъ нашли браунингъ и патроны.
- Ихъ оставилъ мнѣ на сохраненіе одинъ товарищъ.
- Назовите его фамилію.
- Назвать фамилію для того, чтобы его арестовали? Нѣтъ, я предпочитаю молчать.

— Господинъ полковникъ!—заговорила одна личность съ ястребинымъ носомъ.—Это они-съ бросили бомбу. Я видѣлъ. Я стоялъ насупротивъ ихъ на другой панели. Еще у нихъ въ рукахъ былъ портфель. Вотъ-съ этотъ самый.

Я вспомнилъ личность съ ястребиными глазами и узналъ ее. Онъ точно стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Но, нимало не смущаясь, возразилъ:

— Если у меня, какъ утверждаетъ этотъ господинъ, былъ портфель, что совершенно нелѣпо для человѣка, идущаго бросать бомбу, то какъ я могъ достать и бросить бомбу, когда руки мои были заняты портфелемъ? Вы, сударь, просто лжете.

Писавшій тутъ же за моимъ столомъ статскій поднялся. На губахъ его играла едва замѣтная улыбка. Онъ какъ будто былъ доволенъ неудачѣ жандармскаго допроса. Это былъ, какъ я послѣ узналъ, товарищъ прокурора. Кладя перо, онъ объявилъ жандармскому офицеру, что обыскъ оконченъ, протоколъ составленъ и предварительный допросъ слѣдуетъ прекратить, въ виду моего болѣзненнаго состоянія, на чемъ настаиваетъ докторъ.

— Жалко-съ, они бы сейчасъ сознались!—смѣшалась чуйка.

— Молчите! Не ваше дѣло вмѣшиваться,—строго перебилъ судебный чинъ. И, обратясь ко мнѣ, прочиталъ постановленіе объ арестованіи меня. Когда меня уводили, докторъ, поправляя повязку на моей головѣ, незамѣтно шепнулъ:

— Не падайте духомъ! Уликъ серьезныхъ противъ васъ нѣтъ.

Эту ночь ночевать мнѣ пришлось уже въ тюрьмѣ.

«А гдѣ-то теперь находится и что подѣлываетъ товарищъ Нина?—пришло мнѣ въ голову, когда я въ первый разъ укладывался спать на тюремной кровати.—Ну, хотя бы одинъ разъ увидать ее, пока меня не свезли на болото у Лисьяго Носа и не повѣсили тамъ, съ чѣмъ, вѣроятно, не замедлятъ мои слѣдователи и судьбы.

IX.

Тюрьма. Это у насъ по закону не считается карою для подслѣдственныхъ и преданныхъ суду, а между тѣмъ тюремное многомѣсячное предварительное заключеніе часто бываетъ много тяжелѣе наказанія, къ которому приговариваетъ судъ. Тюрьма—это тѣсная конура съ голыми стѣнами, усердно посѣщаемая крысами, съ окномъ на тюремный дворикъ, едва пропускающимъ свѣтъ; это томительное одиночество въ теченіе двадцати четырехъ часовъ въ сутки,

прерываемое только шагами часового за дверью и шумомъ невскныхъ волей о гранитъ крѣпостныхъ стѣнъ. Предварительное заключеніе— это дни и ночи, когда человѣкъ остается постоянно одинъ со своими мыслями, воспоминаніями, сомнѣніями и сожалѣніями о потерянномъ, испорченномъ и погибшемъ. Книгъ мнѣ долго не давали; бумагу и чернила, напротивъ, подсовывали съ расчетомъ, не напишу ли я въ аффектѣ тоски какой-нибудь глупости, которая бы меня выдала. Черезъ недѣлю мнѣ дали Евангеліе. Хорошая книга, но только не для человѣка, котораго озлобляютъ допросы, придирками къ каждому слову, съ вѣчными ставками.

Въ особенности тяжелы были ночи безъ свѣта и безъ сна. Огни, по уставу, гасили въ девять часовъ. Ходишь, ходишь изъ угла въ уголъ по своей камерѣ, напоминая собою метаніе тигра въ клѣткѣ въ Зоологическомъ саду,—и одурь беретъ. Прослушаешь всѣ часы и куранты на Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ и все-таки не заснешь; а если впадешь въ забытѣе—ужасные образы грезятся вслѣдствіе недостатка воздуха и движенія. Зачѣмъ я убилъ министра и перебилъ и искалѣчилъ съ нимъ заодно столько невинныхъ людей? Ну, онъ погибъ. Что же изъ этого? Та среда, которая породила министра, прямолинейнаго доктринера, развѣ на утро послѣ его смерти не можетъ породить десятокъ другихъ, подобныхъ ему. Виновата среда, скверная среда, созданная вѣсками, а я убилъ одиночную личность. Развѣ зло въ ней? Перебилъ и ранилъ заодно, говорятъ, нѣсколько десятковъ людей, не причастныхъ, невинныхъ. Они тоже жить хотѣли, какъ я; любили, надѣялись, желали счастья. Какіе-нибудь деревянные Шоломы—азіаты, инородцы, чужіе и враждебные всему нашему, родному, могутъ утверждать, что террористическія убійства помогутъ дать народу счастье и свободу. Но я вѣдь вижу и понимаю, что это—софизмъ. Перебейте еще десятокъ дурныхъ министровъ и генераловъ, отъ этого мужицкій нищенскій обѣдъ не сдѣлается сытнѣе, курная изба его не превратится въ опрятный коттеджъ англійскаго фермера, а его мокрые, истрепанные лапти не сдѣлаются крѣпкими сапогами нѣмецкаго бюргера.

Нищета народа, охотно допускаю, происходитъ отъ дурного правительства, но неоспорима и та аксіома, что всякій народъ стоитъ такого правительства, какое имѣетъ и какого заслуживаетъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. По Сенькѣ и шапка... Надо пересоздать Сеньку, а разорвать въ ярости шапку не значитъ ли подражать ребенку, который бьетъ тотъ же полъ, о который ушибся, упавши.

Не надо террора, не надо бесплодныхъ убійствъ и крови. На этомъ фундаментѣ и съ этимъ цементомъ не воздвигнуть зданія народнаго счастья! Утопія социалистовъ, въ большинствѣ безпочвенныхъ мечтателей, мы почему-то принимаемъ за новое Евангеліе.

Но Тотъ, Который проповѣдывалъ первое Евангеліе, если даже отрицать его божественность, какъ дѣлаетъ Левъ Толстой, былъ великою личностью, со всеобъемлющею любовью и кротостью въ сердцѣ, и слово его, слово мира и любви, покорило міръ, а проповѣдники новыхъ евангелій, социалистическихъ, коммунистическихъ, коллективистическихъ и иныхъ, не говоря ужъ объ анархическихъ, это все люди страсти, классовой вражды; они полны зависти и гнѣва. Нѣтъ, истина не съ ними...

Вотъ и я теперь въ ожиданіи страшной расплаты утратилъ подъ ногами почву, утратилъ увѣренность, что поступалъ хорошо,—и тоскую. Мнѣ жаль, зачѣмъ я сдѣлалъ то, что я сдѣлалъ, зачѣмъ для меня нѣтъ возврата, нѣтъ будущаго, а прошедшее такое страшное, такое злое, леденящее ужасомъ. Благодарность за содѣланное не окружить моего имени, а проклятія семей невинно погибшихъ и, быть можетъ, обреченныхъ на голодъ и муки, и по сей часъ звучать въ моихъ ушахъ.

Х.

Военный судъ приговорилъ меня къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Прямыхъ уликъ противъ меня не было. Два агента тайной полиціи распинались въ своемъ усердіи, утверждая, что видѣли, какъ я бросилъ бомбу. Но судъ имъ не особенно вѣрилъ. Погубили меня невѣдомо какими путями сдѣлавшіяся извѣстными суду подробности сходки, на которой рѣшено было убить министра, и то, что жребій палъ на меня. А это мнѣ трудно было отрицать. Много нашихъ было арестовано и, выгораживая себя, они показывали, что жребій убить министра палъ именно на меня. Моя ссылка на то, что билетъ убить министра, вынутый мной, былъ номеръ второй, а министра, вѣроятно, убилъ получившій номеръ первый, судомъ не была принята въ уваженіе. Мнѣ напрямикъ объявили, что, по имѣющимся въ слѣдственномъ производствѣ свѣдѣніямъ, номеръ первый въ катастрофѣ не участвовалъ и все злое дѣло выполнено мною.

Кто могъ сообщить эти свѣдѣнія суду? Кто выдалъ десятокъ именъ товарищей, бывшихъ на сходкѣ? Долго и напрасно ломалъ я голову надъ этимъ вопросомъ, и вдругъ точно молнія озарила мой умъ: одинъ сыщикъ проговорился. На вопросъ, откуда онъ знаетъ подробности о происходившемъ на сходкѣ, онъ ляпнулъ: ихній же еврейчикъ, уполномоченный отъ ихъ комитета, рассказывалъ... Еврейчикъ? Какой же это еврейчикъ? Неужели Шоломъ? Да, не кто иной, какъ онъ. Вотъ откуда у него деньги на широкую жизнь! Подлецъ, предатель, провокаторъ! О, если бъ мнѣ только вырваться изъ тюрьмы!

Отъ нашихъ я тайно получилъ свѣдѣніе, что попытка убить въ Одессѣ командующаго не удалась. Товарищъ Нина не выдержала:

она проникла въ кабинетъ генерала, но не смогла заколоть его и въ нервномъ припадкѣ сама себя выдала и во всемъ призналась. Ее осудили на каторгу. А Шоломъ, руководитель и менторъ несчастной дѣвушки? Онъ, навѣрное, вышелъ сухимъ изъ воды и мирно разгуливаетъ теперь по Одессѣ со своей законною супругою, окруженный шустрими бахурами (дѣтьми), подающими надежды въ ловкости не отстать отъ своего тателѣ. На слѣдствіи его участіе въ неудавшейся одесской катастрофѣ было какъ-то, какъ я потомъ узналъ, странно и подозрительно замято.

О, если я буду когда-либо на свободѣ, я избочичу предъ товарищами гнуснаго предателя и кроваво нарушу дни его блаженства въ объятіяхъ красавицы-еврейки и милыхъ его сердцу бахуровъ! Но вотъ бѣда: кажется, мнѣ никогда не быть на свободѣ, и подлый предатель, пожалуй, состарится въ родной Одессѣ уважаемымъ либеральнымъ буржуемъ, мало озабоченный тѣмъ, что я буду повѣшенъ, другіе товарищи сосланы, а несчастная его жертва Нина истааетъ на далекомъ Сѣверѣ.

ХІ.

Ко мнѣ въ тюрьму явился священникъ. Очевидно, мой часъ близокъ. Батюшка былъ смущенъ, спрашивая: не желаю ли я исповѣдываться и приобщиться св. тайнъ?

— Когда же меня казнятъ?—въ свою очередь, спросилъ я его.

— Этого я не знаю,—былъ его отвѣтъ.—Но приговоръ утвержденъ, а просьба о помилованіи оставлена безъ послѣдствій.

Извѣстіе это не было для меня неожиданностью, но все же на первыхъ порахъ меня ошеломило. Изъ той же переданной мнѣ записки съ воли, отъ товарищей, меня увѣдомляли, что проектъ моего освобожденія близокъ къ осуществленію. Тюремный надзиратель подкупленъ, и въ конвоѣ, съ которымъ меня поведутъ въ баню, двое молодыхъ солдатъ—наши единомышленники. Тѣмъ ужаснѣе казалось быть повѣшеннымъ, можно сказать, наканунѣ освобожденія.

Батюшка началъ увѣщевать:

— Покайтесь и исповѣдуйтесь. Господь безконечно милосердъ!

— Я во всемъ мною совершенномъ искренне каюсь,—отвѣчаю ему.—Да, это я убилъ министра. Убилъ и сознаю, что поступилъ дурно. Не то дурно, что я убилъ, но то, что жертва бесплодна! Еще болѣе жаль людей, погибшихъ отъ взрыва моей бомбы. Вдова маленькаго чиновника, погибшаго при катастрофѣ, оставшаяся съ семьей безъ средствъ, давая показанія, буквально утопала въ слезахъ. Въ горе растерзало мое сердце. Я былъ смущенъ и едва могъ заставить себя взглянуть, когда мнѣ предъявили рабочаго съ оторванной рукою и дворника, искалѣченнаго бомбой, того самого, съ которымъ я разговаривалъ за нѣсколько минутъ до взрыва. Оба они,

зная, что отъ ихъ показаній зависитъ моя участь, показывали, однако, осторожно, сдержанно. Ни тѣни злобы или мстительности противъ меня, а я вѣдь ихъ обездолилъ. При воспоминаніи объ этомъ вы, батюшка, видите на глазахъ у меня слезы. Мои сожалѣніе и раскаяніе искренни.

— Вѣрю, сынъ мой! Вѣрю твоему раскаянію. И я отысповѣдую и приобщу тебя, примиреннаго съ Небомъ, и тогда тебѣ будетъ легко предстать предъ судомъ небснаго Судьи.

«Легко, послѣ того, какъ меня повѣсятъ,—мелькнула у меня мысль.—Ишь, какъ у него все это ловко выходитъ!»

— Нѣтъ, батюшка, погодите съ вашимъ разрѣшеніемъ,—возражаю я.—Счеты мои съ міромъ далеко не покончены. Я сожалѣю жертвы потому, что онѣ оказались бесполезными, но умру, если ужъ это необходимо, не примиренный съ моими палачами, такъ обязательно отвѣщающими мнѣ при посредствѣ висѣлицы двери рая.

Священникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и положилъ эпитрахиль, которою было вооружился.

— Васъ удивляютъ мои слова?

— Удивляютъ. Смиритесь сердцемъ. Вѣчность ожидаетъ васъ! Земное правосудіе получить удовлетвореніе: это мигъ страданія, не болѣе, зато святая исповѣдъ откроетъ вамъ жизнь будущаго.

— И вы серьезно думаете, что ваше отпущеніе грѣховъ, накупивъ позорной смерти отъ петли, можетъ успокоить меня? Между сожалѣніемъ о бесплодности жертвъ и покорностью тому, что вы называете земнымъ правосудіемъ,—цѣлая бездна. И при томъ тому, что я совершилъ въ дикомъ ослѣпленіи, пытаюсь исправить зло вѣковъ разрывомъ одной бомбы, то есть перелить океанъ пальчикомъ въ маленькую ямочку,—не можетъ быть прощенія! Это скорѣе ошибка, чѣмъ грѣхъ, а ошибка не нуждается въ разрѣшеніи.

— Но Богъ безконечно милосердъ.

— Допускаю и это. Но если Христосъ простилъ разбойника на крестѣ, то вѣдь это былъ Богъ, а вы, батюшка, только человѣкъ. Успокоить мои сомнѣнія и сожалѣнія вы не въ силахъ. Они будутъ жить во мнѣ, пока я живу, и не оставятъ меня послѣ исповѣди. А вы ихъ такъ легко собираетесь разрѣшить! Не вѣрю!

Увѣщаніе, очевидно, не удалось. Священникъ не могъ понять, почему я, сожалѣя о совершенномъ, не желаю развязаться съ нимъ такъ просто, какъ онъ предлагаетъ. Но для этого необходимо имѣть наивную вѣру младенческихъ лѣтъ или горячую вѣру истиннаго христіанина, а у меня этого-то и не было. Я считалъ мою неудачную дѣятельность не грѣхомъ, а ошибкою, и при томъ непоправимой. Она нуждалась не въ разрѣшеніи, какъ обычныя легкомысленныя уклоненія отъ правды и милосердія, а нуждалась въ отысканіи выхода изъ тупика, въ который завела меня софистическая доктрина.

Собирался уходить, священникъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Вы раскаиваетесь, сожалѣете—это значитъ, что перстъ Божій уже коснулся вашего сердца. Радуюсь этому, но сожалѣю, что вы думаете, будто церковь не въ силахъ разрѣшить кающагося грѣшника. Церкви на это дана власть отъ Бога. Обдумайте хорошенько эту истину. Я имѣю основаніе обѣщать вамъ, что еще разъ навѣщу васъ, и молю Господа, да обрящу душу вашу тогда болѣе готовою принять утѣшенія религіи. Теперь отчаяніе говоритъ вашими устами. Вы еще не примирились съ неизбѣжнымъ. Бойтесь смерти. Но земная жизнь—мигъ, а за гробомъ, повторяю, насъ ждетъ вѣчность.

И много еще батюшка наговорилъ въ такомъ духѣ, но слова его меня не тронули и не убѣдили.

Когда священникъ наконецъ ушелъ, я вскочилъ и нѣсколько разъ прошелся по камерѣ. Въ его словахъ былъ для меня особый смыслъ: онъ обѣщаетъ прійти еще разъ увѣщевать меня. Значитъ, не сегодня еще, не въ эту ночь повезутъ меня въ проклятое болото у Лисьяго носа вѣшать. А завтра меня поведутъ въ баню, и я могу бѣжать.

Надзиратель сегодня, убирая со стола посуду, съ улыбкою значительно посмотрѣлъ на меня. Въ хлѣбѣ я нашелъ записку: «Мужайся, все готово»...

Почему-то мнѣ упорно вѣрится, что побѣгъ мой удастся, только бы не казнили меня въ эту ночь. Я желаю жить, и буду жить, но... берегитесь господинъ Шоломъ, если мнѣ удастся спастись. Я безъ сожалѣнія, жестоко разчитаюсь съ вами за себя, за погибшихъ братьевъ-товарищѣй, которыхъ вы подло предали, и въ особенности за Нину. Только ради этого, только ради сведенія счетовъ съ Іудю-предателемъ я желалъ вырваться изъ тюрьмы. Прыжокъ въ вѣчность со ступенекъ висѣличной лѣстницы не пугаетъ меня. Ужасаетъ только мысль, что я жалко погибну, а красавецъ Шоломъ, провокаторъ и предатель, будетъ наслаждаться жизнью и всѣми благами ея...

ХІІ.

Я бѣжалъ... Понимаете ли: бѣжалъ и одурачилъ моихъ судей, тюремщиковъ, караулившихъ меня столько мѣсяцевъ, одурачилъ моихъ палачей. Бѣжалъ вечеромъ, а на утро была назначена моя казнь. Какія у нихъ должны были оказаться длинныя, глупыя лица, когда они спохватились, что птичка уже улетѣла. Подробности, какъ я бѣжалъ, неинтересны. Между тюремщиками и стражей такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ всегда найдутся люди, имъ сочувствующіе, и ergo—бѣгство почти всегда возможно. Мы, политическіе, совсѣмъ не то, что уголовные, едва ли возбуждающіе въ комъ-либо сочувствіе. А вѣдь и тѣ бѣгаютъ часто...

Очутившись на свободѣ, я ощутилъ такой приливъ энергіи и довольства, что на конспиративной квартирѣ, куда меня укрыли, бросился обнимать товарища Печкина, того самаго, который, переодѣтый извозчикомъ, долженъ былъ увезти меня, когда министръ будетъ убитъ, но не успѣлъ этого сдѣлать: лошадь его взбѣсилась и понесла. Онъ за это считалъ себя отвѣтственнымъ и болѣе всѣхъ хлопоталъ о моемъ освобожденіи. Сейчасъ же онъ сообщилъ мнѣ, что заграничный паспортъ, вполнѣ легальный, на имя одного профессора, готовъ для меня, и совѣтовалъ мнѣ бѣжать черезъ Финляндію въ Англію, не теряя времени.

— И радъ бы бѣжать, да не могу,—возразилъ я.—У меня на рукахъ важное дѣло.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Самое важное дѣло, полагаю, спасать свободу и жизнь.

— Далеко не самое важное, по крайней мѣрѣ для меня.

— Но тебя ищутъ и могутъ снова схватить.

— Очень возможно и даже навѣрное. Но, во-первыхъ, ищѣйки увѣрены, что меня нѣтъ уже въ Петербургѣ, и стерегутъ свою добычу на границахъ. Во-вторыхъ, я долженъ исполнить здѣсь одно очень важное дѣло, касающееся безопасности всей нашей партіи: необходимо изобличить и наказать шпіона, провокатора и измѣнника. Согласись, что это важнѣе заботъ о моей безопасности.

— Для партіи важно и то, и другое. Но я догадываюсь, что ты имѣешь въ виду Шолома?

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Слушай же: его поведеніе возбудило подозрѣнія товарищей, на общемъ собраніи изслѣдовали его поступки, осудили и приговорили его къ смерти, несмотря на заслуги, оказанныя имъ въ дѣлѣ возмущенія команды броненосца, гдѣ онъ былъ однимъ изъ главныхъ воротилъ.

— И что жъ? Онъ казненъ? Гдѣ и когда?

— Цѣлехонекъ. Бѣжалъ и скрывается.

— О, я его найду, выслѣжу, чего бы это мнѣ ни стоило.

Печкинъ положилъ мнѣ руку на плечо и усмѣхнулся.

— Ну, я могу тебя въ такомъ случаѣ успокоить. Я его нашель. Онъ недалеко—въ Петербургѣ, перемѣнилъ фамилію, успѣлъ, конечно, креститься и сталъ женихомъ одной красивой дѣвицы. Наши женщины всегда увлекаются страстными азіатами—и почти всегда бывають послѣ несчастны. Невѣста Шолома—дочь очень вліятельнаго сановника, недавно переведеннаго сюда на службу. Тотъ опредѣлилъ будущаго зятя въ министерство. Онъ тамъ изъ видныхъ и подающихъ надежды. Онъ раскаявшійся революціонеръ, а такими дорожать. И не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ нашъ товарищъ Шоломъ, а теперъ вполнѣ корректный чиновникъ Илья Ильичъ Лермонтовичъ, превратится въ административное свѣтило.

— Нѣтъ, административной карьеры онъ не сдѣлаетъ, а превратится только въ трупъ. Но какъ тебѣ удалось его выслѣдить?

— Мнѣ помогла его бывшая одесская жена, которую, выкрестившись, онъ бросилъ и съ которой развелся, что такъ легко у евреевъ. Но еври мстительны. Прекрасная Хая не могла простить Шолому не столько того, что онъ ее бросилъ съ дѣтьми, сколько крещенія, — и указала мнѣ, гдѣ скрывается преобразенный въ администратора террористъ, на слѣды котораго ей удалось напасть. Вообрази себѣ: онъ занимаетъ барскую квартиру, держитъ лошадей, имѣетъ обширный кругъ знакомствъ и, какъ я слышалъ, страстно любимъ невѣстою. Перебѣна прически, отпущенные усы и борода, измѣнившіе до неузнаваемости его лицо, сдѣлали его еще болѣе интереснымъ, чѣмъ тогда, когда имъ увлекались женщины изъ нашей партіи.

— Все это меня радуетъ.

Простодушный Печкинъ вторично съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— Что же для тебя утѣшительнаго въ хорошемъ и даже блестящемъ положеніи негодяя Шолома?

— А то, что если онъ счастливъ и такъ хорошо устроилъ свои дѣла, то ему, охъ! какъ горько будетъ разставаться со всѣмъ этимъ и умирать. А онъ непременно умретъ и умретъ страшной смертью. Въ этомъ теперь я готовъ поручиться моей головою!

— У тебя съ нимъ есть особые счеты, кромѣ партійныхъ?

— Разумѣется, есть... Развѣ не онъ донесъ на меня и на многихъ товарищей по дѣлу объ убійствѣ министра? Онъ игралъ двойную роль провокатора и шпіона. Желая отдѣлаться отъ несчастной Нины, онъ заставилъ дѣвушку пытаться убить командующаго въ Одессѣ и бросилъ ее, когда предпріятіе не удалось. Ручаюсь, что и теперь онъ не порвалъ своихъ связей съ охраннымъ вѣдомствомъ. Этимъ его административная карьера только укрѣпляется, и за приличные куши онъ помогаетъ выслѣживать своихъ бывшихъ товарищей. Полиція за послѣднее время стала очень ужъ зорка и догадлива. Тебѣ это развѣ не казалось подозрительнымъ?

Печкинъ, не споря, согласился съ моимъ взглядомъ. Понемногу онъ понялъ меня и даже одобрилъ мои планы. По его словамъ, и онъ думалъ за послѣдніе мѣсяцы, что съ провокаторомъ пора кончить, но за массой другихъ конспиративныхъ дѣлъ не имѣлъ времени подготовить актъ мести. Мы условились, какъ заманить Шолома въ пустынную осеннюю дачную мѣстность по Балтійской дорогѣ. Въ этомъ планѣ орудіемъ могъ намъ послужить нѣкій еврей Цукеръ, тоже членъ нашей организаціи, участвовавшій въ распропагандированіи броненосца, осужденный, бѣжавшій изъ тюрьмы и теперь пробиравшійся за границу. Цукеръ долженъ былъ вызвать Шолома на дачу, въ которой онъ самъ скрывался, потребовать отъ него деньги

и паспортъ. Какъ участнику страшныхъ злодѣйствъ по комитету на борть броненосца, мнимый Лермонтовичъ не посмѣетъ отказать и явится на свиданіе, озабоченный сбытъ поскорѣе опаснаго свидѣтеля-сообщника за границу. Тутъ мы его и захватимъ.

Оставшись одинъ на конспиративной квартирѣ, я долго ходилъ по комнатѣ и размышлялъ. Сотни соображеній и комбинацій толпились въ моей головѣ. О, если бы мнѣ только дождаться, дожить до дня расплаты съ Шоломомъ! Казнивъ его, я самъ готовъ отдаться въ руки полиціи, быть повѣшеннымъ. Грустно подумать, что у меня ничего не осталось въ жизни, кромѣ желанія отомстить врагу. Въ планахъ партіи нашей я разочаровался: терроръ мнѣ противенъ и вообще въ социализмъ, коллективизмъ и прочіе «измы» я извѣрился. Все это непрактичныя кабинетныя измышленія. Уничтожить, распатать они могутъ многое, но создать что-либо—бесильны. Работать на нихъ значитъ играть впустую. Въ нашей партіи найдется десятокъ-другой туницъ-фанатиковъ и стадо глупцовъ, да еще такое же стадо Шоломовъ и Цукеровъ еврейской и русской марки. Что общаго между ими и мною? Личныя связи мои съ жизнью неозвратно порваны: по слухамъ, Нина въ ссылкѣ умерла отъ скоротечной чахотки, сведшей ее съ ужасающею быстротою въ могилу. Бѣдная, всѣ ея розовыя дѣтскія грезы о служеніи великому дѣлу обновленія чело-вѣчества, о жизни съ любимымъ чело-вѣкомъ распались, какъ распадается миражъ. Въ какомъ глубокомъ отчаяніи она догорала въ далекомъ углу Сибири! Вернуться въ буржуазный міръ я не могъ: выхода изъ партіи социаль-революціонеровъ нѣтъ. Меня могутъ только на время оставить въ покоѣ, а потомъ опять потребуютъ на новую страшную службу, да я и не уживусь, не помирюсь съ темною жизнью простаго буржуа, какъ бы ни были тучны нивы, на которыхъ придется мнѣ пасть. Отомщу негодяю, а тамъ—пусть меня казнятъ. Нирвана послѣ смерти лучше, много лучше помойной ямы мирнаго и пошлаго буржуазнаго быта...

ХІІІ.

Холодная, бурная осенняя ночь. Вѣтеръ стонетъ и завываетъ, какъ голодный звѣрь. Холодный мелкій дождь безъ устали моросить; полузамершая грязь и мокрая трава заставляютъ спотыкаться идущихъ. Изрѣдка сквозь разорванныя облака выглядываетъ луна, освѣщая блѣднымъ невѣрнымъ свѣтомъ печальную пригородную мѣстность. Вдали налѣво видны пустыя дачи, садики съ тощими деревьями, обнаженными отъ листьевъ. Прямо выдѣляется темноватая полоса насыпи желѣзной дороги. По закраинной тропинкѣ идемъ мы: я, Печкинъ и еще двое товарищей, простыхъ рабочихъ. Ведемъ мы связаннаго по рукамъ Шолома. Цукеръ, заманивъ и предавъ компатріота и захвативъ привезенныя имъ деньги и заграничный

паспортъ, съ нами не пошелъ, а предпочелъ съ первымъ же ночнымъ поѣздомъ бѣжать въ Гельсингфорсъ, а оттуда—за границу.

Добрый путь, милый Цукеръ! Чѣмъ меньше останется такихъ, какъ ты, въ Россіи, тѣмъ бѣдной, изстрадавшейся моей родинѣ будетъ лучше, тѣмъ скорѣе она излечится отъ революціонныхъ судорогъ.

О, я помню до мельчайшихъ подробностей, помню всѣ перипетіи страшной ночи, когда мы захватили и казнили Шолома! Всѣ мы спрятались въ квартирѣ Цукера на пустой дачѣ. Здѣсь мы ждали появленія измѣнника. Сердце мое сильно билось при мысли: а что какъ да онъ догадается и не придетъ? Прошли два поѣзда—последніе изъ Петербурга. Шолома не было. Проклятіе!

Цукеръ, дежурившій въ сѣняхъ, заглянулъ къ намъ въ комнату со словами:

— Не пріѣхалъ, каналья, снюхалъ бѣду!

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Уѣзжайте въ городъ. Тутъ на пустой дачѣ и спать не на чемъ, а я ночью сегодня же уѣду въ Гельсингфорсъ и напишу оттуда ему: пусть онъ переведетъ деньги въ банкъ, иначе я донесу на него.

— Чортъ бы побралъ васъ, Цукеръ, съ вашею ненасытимою жаждою денегъ,—крикнулъ я ему гнѣвно.

Онъ возрился на меня, не совсѣмъ понимая, за что я разсердился: плати, или донесу—было для него вполнѣ обычною житейскою формулою. Я вынулъ изъ кармана браунингъ, чтобы сдѣлать мою рѣчь болѣе ему понятною, и продолжалъ:

— Вы не уѣдете сегодня отсюда, Цукеръ. Останетесь, и товарищъ Петровъ будетъ васъ сторожить. При первой попыткѣ бѣжать онъ васъ застрѣлитъ. Вы должны еще разъ написать Шолому и выждать его. Не пріѣхалъ сегодня, что-нибудь помѣшало. Пріѣдетъ завтра, послѣзавтра. Понимаете?

— Ну, понимаю. Зачѣмъ вы только разсердились? И браунингъ спрячьте... Неровно выстрѣлить!..

Онъ присѣлъ у окна и сидѣлъ опечаленный. Но вотъ его тонкій слухъ что-то уловилъ. На лицѣ Цукера выразилось волненіе; онъ поднялъ палецъ и шепнулъ:

— Слышите? Кто-то идетъ... По грязи шлепаетъ. Остановился... Осматриваетъ мѣстность. Это онъ! Со станціи, осторожности ради—тонкая бестія!—онъ пошелъ гнѣшкомъ, потому и запоздалъ. Я пойду, отворю ему двери.

— Пойдите, Цукеръ! Если вздумаете измѣнить и предупредите осужденнаго, я буду тутъ и застрѣлю васъ. Говорите съ нимъ по-русски, а не на вашемъ проклятомъ жаргонѣ. Иначе сейчасъ вамъ пулю въ лобъ!

Цукеръ обидѣлся и принялся увѣрять, что ужъ онъ Шолома не пощадитъ. Онъ одинъ захватилъ тогда на броненосцѣ товарищескую кассу, а его, Цукера, оставилъ безъ гроша.

«Все деньги и только деньги у этихъ проклятыхъ іудеевъ», подумалъ я и сталъ прислушиваться.

Дверь тихонько отворилась.

— Это ты, Цукеръ, и одинъ?—послышался голосъ Шолома.

— Ну, одинъ. А съ кѣмъ мнѣ быть?

— Однако, подходя, я слышалъ, что ты съ кѣмъ-то разговаривалъ?

— Я самъ съ собою громко разговаривалъ... Дурные люди, услыхавъ громкій говоръ, будутъ думать, что я здѣсь не одинъ. Мѣсто пустое... Я боюсь...

— Ты трусъ, Цукеръ, и къ тому же подлець,—гнѣвно возразилъ Шоломъ, проходя въ комнату, почти пустую безъ мебели за входною дверью которой стоялъ я, притаившись.

Оба они нѣсколько секундъ молчали.

— Почему это я у тебя въ подлецы попалъ?—былъ нахальный вопросъ Цукера.

— Ты меня, товарища и брата-еврея, хотѣлъ предать.

— Зачѣмъ предать? Я хотѣлъ отъ тебя только денегъ. Привезъ ты ихъ?

— Деньги ты получишь. Убирайся изъ Россіи и не возвращайся. Не будь ты еврей, я бы иначе съ тобою поступилъ.

— Ну, а какъ бы ты поступилъ?

— Послалъ бы сюда полицію. Тебя бы схватили... Ты знаешь, какія у меня связи и вліяніе?

— Пфе!—презрительно отплюнулся Цукеръ.—Не очень-то я тебя боюсь. Ну, меня бы взяли, а я прокурору показалъ бы, что ты дѣлалъ на броненосцѣ. А? Твой будущій тестъ при всѣхъ его связяхъ не спасъ бы тебя, и ужъ мѣста, въ родѣ, напимѣръ, вице-губернаторскаго, о которомъ ты, навѣрное, мечтаешь, никогда бы не получилъ.

Шоломъ сердито сѣлъ на диванъ, досталъ изъ бумажника деньги и паспортъ и бросилъ ихъ съ ругательствомъ Цукеру.

— Получай! И слышишь: чтобъ завтра и духу твоего здѣсь не было!

— Хорошо, я уѣду. А сколько тутъ?—переспросилъ Цукеръ.

— Пятьсотъ рублей.

— Мало. Еще столько добавь, иначе я и съ мѣста не тронусь. И чего ты скупилъ? Наберешь еще много съ этихъ глупыхъ говей! Карманъ и теперь у тебя толстый.

Съ новыми ругательствами Шоломъ выбросилъ еще нѣсколько сторублевыхъ билетовъ и собрался уходить. Я слушалъ перебранку бывшихъ «друзей и единомышленниковъ», и мнѣ сдѣлалось гадко. Разумѣется, эти люди не могли быть ни социалистами, ни террористами, а были всегда только сынами своего племени.

Поднявшись съ дивана и повернувшись, Шоломъ очутился противъ меня, и мой браунингъ былъ направленъ ему прямо въ лицо,

— Ни съ мѣста! Ни одного движенія, иначе всѣ шесть пуль будутъ въ твоей головѣ. Шоломъ! Узналъ ли ты меня? А если узналъ—не противься. Не шевели руками... иначе смерть!

Онъ стоялъ блѣднѣе мертвеца и молчалъ. Цукеръ незамѣтно исчезъ изъ комнаты. Два товарища подошли сзади и схватили Шолома за руки. Сопротивленіе было бесполезно. Черезъ минуту онъ былъ уже связанъ.

— Вы меня убьете?—спросилъ онъ, и голосъ его задрожалъ.

— Нѣтъ. Зачѣмъ намъ самимъ тебя убивать? Товарищи тебя осудили, какъ предателя. Ты шпионъ и провокаторъ, а потому, конечно, умрешь. Но не мы лишимъ тебя жизни.

Мой отвѣтъ нѣсколько пріободрилъ Шолома. Онъ понялъ, что казнь наступитъ не сейчасъ, а тамъ мало ли что могло случиться. Обратясь къ Печкину, котораго онъ меньше боялся, Шоломъ спросилъ:

— Вы не застрѣлите меня здѣсь, а отведете куда-нибудь?

Печкинъ успокоилъ его, поручившись, что отсюда онъ выйдетъ живымъ.

— Не убивайте, пощадите!!!—запросилъ осужденный жалобнымъ, униженнымъ тономъ.

— Нельзя. Ты осужденъ товарищами.

— Но я могу быть вамъ полезенъ. Выдамъ важныя тайны. Вы думаете, я искренно передался на сторону правительства? Глупъ бы я былъ, сдѣлавъ это. Я ихъ обманываю и, благодаря этому, могу быть очень полезенъ дѣлу освобожденія... Расскажу о всѣхъ планахъ охраны...

Мы съ Печкинымъ засмѣялись въ отвѣтъ на эти лукавыя рѣчи.

— Слушайте, товарищи!—загорячился предатель.—Хотите, я такъ устрою, что вы убьете министра, двухъ министровъ?

Мнѣ надоѣла эта болтовня. Браунингъ заставилъ его встать и идти. Два товарища повели Шолома подъ руки. Темная дождливая ночь встрѣтила насъ. Пройдя нѣсколько безлюдныхъ переулковъ, окруженныхъ пустыми дачами, всѣ мы выбрались на рельсы желѣзной дороги. Было уже далеко за полночь. Только одинъ еще послѣдній поѣздъ долженъ былъ прослѣдовать въ Петербургъ.

XIV.

Шоломъ шелъ неохотно, пріостанавливался и пытался даже подкупать товарищей-рабочихъ, державшихъ его подъ руки. Чего только онъ имъ не наобѣщалъ! И помилованіе, и выдачу награды, и чуть ли не пенсіи. Но, разумѣется, если бы они его послушали, кромѣ суда и ссылки, ничего бы не получили. Идя позади, я слышалъ прельстительныя рѣчи и держалъ наготовѣ браунингъ. Шпионъ плакалъ и лицемѣрно упоминалъ о семьѣ, имъ же брошен-

ной въ Одессѣ, прося не осиротить его малыхъ дѣтей. Рабочіе-товарищи могли смягчиться, но я былъ тутъ же. На полпути, куда мы направлялись, онъ вдругъ остановился и объявилъ, что дальше не пойдетъ.

— Вы меня убьете тамъ, куда ведете,—началь онъ.—Товарищи! Защитите меня!

— Мы тебя не убьемъ, но ты умрешь,—былъ мой краткій отвѣтъ.

— Зачѣмъ мнѣ умирать? Отпустите меня на условіяхъ. Какъ бы ни были они тяжелы, я ихъ заранѣе принимаю. Хотите, я устрою убійство любого министра?

— Пусть министры живутъ. Я противъ всякихъ убійствъ. Но ты, Шоломъ, измѣнникъ, провокаторъ, шпіонъ, осужденный товарищами, не ободряйся надеждою: ты умрешь.

— Въ такомъ случаѣ я не иду дальше и буду кричать. Кто-нибудь услышитъ...

И онъ завопилъ самымъ неистовымъ голосомъ. Дѣйствительно, пожалуй, кто-нибудь могъ услышать, хотя вѣтеръ и дулъ въ сторону, противоположную жилью. Да и не для чего было вести его дальше. По моему знаку его повалили на землю, связали ему ноги и крѣпко завязали ротъ платкомъ. Затѣмъ его волокомъ втащили на рельсы. Несчастный началъ понимать, къ чему ведутъ всѣ эти приготовленія. Сейчасъ долженъ былъ пройти поѣздъ и раздавить его. Страшный смыслъ словъ: «мы не убьемъ тебя, но ты умрешь», сталъ ему ясенъ. Не будучи въ состояніи кричать, онъ мычалъ совершенно по звѣриному. Въ этомъ мычаніи была и безпредѣльная злоба семита, змѣи, не могущей укусить, и жалкая мольба раба сохранить ему жизнь. Лицо было залито слезами. Луна, выйдя изъ-за облаковъ, освѣщала страшную картину: связанный и привязанный веревкою, продѣтою подъ рельсы, лежалъ человѣкъ на желѣзнодорожномъ полотнѣ, а вдали уже показывались огненно-красные фонари поѣзда, катившагося въ столицу. Кругомъ было пустынное, молчаливо-безлюдное поле.

Печкинъ подошелъ взволнованный и шепнулъ мнѣ:

— Я уйду... Не могу этого видѣть. Онъ злодѣй, измѣнникъ, онъ заслужилъ смерть, но... но я не могу больше здѣсь оставаться... Послушай меня: пристрѣли его—и всему конецъ.

— О, нѣтъ! съ глазу на глазъ. Простой смерти слишкомъ для него мало. Но ты, слабый нервами юноша, Печкинъ, уходи.

И я отпустилъ какъ его, такъ и обоихъ рабочихъ. Шоломъ валялся связанный, и я легко могъ справиться съ нимъ одинъ.

Мы остались. Сознаюсь, мнѣ тутъ пришла мысль: не лучше ли покончить съ нимъ, пристрѣлить его? Но я вспомнилъ, какъ онъ топилъ офицеровъ на броненосцѣ, какъ умирала отъ нужды и горя брошенная имъ страдалица Нина, такъ беззавѣтно любившая его.

Мгновенно пробудившееся во мнѣ движеніе заглохло. И я снова утвердился въ намѣреніи не падить мерзавца, никогда и никого не падившаго. Подойдя къ нему ближе и наклонясь къ самому лицу его, я сказалъ:

— Шоломъ! ты просишь пощады, но вѣдь ты не щадилъ никого: ни офицеровъ на броненосцѣ, ни товарищей-соціалистовъ, которыхъ ты за деньги выдавалъ охранникамъ. Ты и меня выдалъ на висѣлицу. Но мою обиду я еще могъ бы тебѣ простить. Смерть Нины не прощу...

Онъ вздрогнулъ. Невнятные, черезъ крѣпко затиснутый платокъ, слышались мольбы. Я могъ разобрать только одно слово: «пощади!»

Вѣтеръ дулъ съ удвоенной силою и завывалъ, какъ голодный звѣрь. Облака то заволакивали, то открывали луну. Накрапывалъ дождь. Помолчавъ минуту, я продолжалъ:

— Зачѣмъ ты опять, не любя, сбиваешь съ толку женщину-ребенка ради ея вліятельнаго отца, ради ея молодости и приданого? Сознайся, и будущую жену свою ты въ сущности совѣмъ не любишь и со временемъ бросишь, когда она тебѣ надоѣсть и когда твое служебное положеніе упрочится? Не правду я развѣ говорю?

Мѣсяцъ освѣтилъ страшное, почернѣвшее отъ бѣшенства и ужаса лицо Шолома. Глаза его горѣли, какъ у волка, схваченнаго охотниками. Онъ былъ страшенъ даже въ своемъ абсолютномъ безсиліи. Голова перевѣсилась черезъ рельсы. Я передвинулъ тѣло такъ, чтобы на рельсѣ лежалъ его одинъ животъ, перевернувъ осужденнаго къ сторонѣ, откуда надвигался поѣздъ. Онъ долженъ былъ издали видѣть свою приближающуюся страшную смерть; колеса локомотива должны были раздавить ему животъ, но не отрѣзать голову.

Шумъ поѣзда уже слышался.

— Прощай, Шоломъ,—сказалъ я ему.—Если существуетъ адъ—тамъ увидимся. Когда паровозъ тебя раздавитъ, вспомни ту, которую ты погубилъ и бросилъ. Видишь приближающіеся огни... это твоя смерть.

Со страшнымъ нечеловѣческимъ напряженіемъ силъ онъ хотѣлъ повернуться, сползти съ рельсовъ и, разумѣется, не могъ. Поѣздъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ—и налетѣлъ. Что-то слабо хрустнуло подъ колесами. Всѣ пять колесъ прошли мягко, точно по грязи. Я стоялъ за кустомъ.

Машинистъ не остановилъ поѣзда, спѣша домой, вѣроятно, предпочитая послать со станціи людей поднять раздавленнаго. Выждавъ, когда скрылся поѣздъ, я осторожно приблизился къ тому, что за минуту было Шоломомъ. Онъ еще былъ живъ; платокъ, закрывавшій ротъ, былъ сорванъ, и изо рта лилась ровь. Говорить

онъ, конечно, не могъ, но глаза медленно открылись и, въ нихъ горѣла ненависть безъ мѣры и конца. Я засмѣялся и плюнулъ ему въ лицо.

Минуты двѣ спустя, Шоломъ былъ уже мертвъ.

XV.

На конспиративной квартирѣ меня ждалъ Печкинъ и торопливо спросилъ:

— Никто не помѣшалъ? Онъ умеръ?

— Умеръ, раздавленный поѣздомъ. Истерзанный, онъ жилъ еще нѣсколько минутъ.

— Ужасно! Какъ онъ ни былъ виноватъ, но, признаюсь, мнѣ его жаль...

Я отвернулся и пожалъ плечами. Юноша Печкинъ, не испытавъ ни одиночной тюрьмы, ни перспективы висѣлицы, не вытерпѣвъ сотой доли всего того, что вынесъ я, болѣя надъ жалкою участью Нины, могъ, конечно, гуманничать, но мое сердце не могло смягчиться. И что такое прославляемое милосердіе въ дѣлѣ сужденія надъ человѣкомъ? Это ужъ не правосудіе, а уклоненіе отъ него, положимъ, въ хорошую сторону, но все же уклоненіе. Природа не знаетъ милосердія, какъ древняя Изида египтянъ. Великіе революціонеры Робеспьеръ, Дантонъ, первый Брутъ, казнившій своихъ сыновей, не признавали смягчающихъ обстоятельствъ и двинули народъ изъ рабства къ свободѣ. Слабые, ни на что не годные буржуа всегда готовы сострадать, гуманничать, но это не отъ доброты сердца, а отъ измочаленныхъ нервовъ и еще отъ трусливости. Гнусны ихъ лицемѣрные увѣренія, что человѣкъ можетъ исправиться. Никогда! Ихъ ужасаетъ, что человѣка казнятъ, но почему-то не ужасаетъ то, что человѣкъ этотъ сдѣлалъ. Почему они напираютъ на бесполезность устрашенія, когда дѣло идетъ просто объ устраненіи негоднаго злодѣя? Впрочемъ, какой же логики искать у буржуевъ? Ими изобрѣтена подленькая теорія, будто преступникъ, подобно волку и тигру, не виноватъ, совершая преступленіе, а виновата его волчья и тигровая натура, полученная имъ отъ предковъ, виновны обстоятельства... Но если я, встрѣтивъ волка или тигра, долженъ и могу ихъ застрѣлить, то почему же я не въ правѣ казнить злодѣя въ родѣ Шолома? Не можетъ быть и вопроса, кто опаснѣе— волкъ и тигръ, или подлець-преступникъ и провокаторъ, погубившій сотни близкихъ ему?

Печкину было не по себѣ. Юношеское сердце его не успѣло еще закалиться и отвердѣть. Взволнованный и противъ обыкновенія суетливый, онъ и на меня смотрѣлъ съ нѣкотораго рода страхомъ. Ему хотѣлось поскорѣе удалиться, уйти отъ меня, увѣрить себя въ томъ, что то, что сдѣлано, сдѣлано безъ его участія,

забыть казнь... Жалкій ребяческій приѣмъ, напоминающій приѣмъ, къ которому прибѣгаетъ куропатка, наступаемая собакою: она прячетъ голову подъ крыло и, не видя врага, она думаетъ, что его нѣтъ.

Нѣтъ, милый мальчикъ! Ты будешь помнить казнь Шолома во всю жизнь до самой смерти такъ же, какъ буду помнить и я. Разница только въ томъ, что ты будешь сожалѣть о своемъ участіи, а я, и всходя на ступени висѣлицы, буду твердо убѣжденъ, что поступилъ именно такъ, какъ слѣдовало.

— Ты теперь, конечно, сейчасъ же уѣдешь изъ Петербурга?— спросилъ Печкинъ, берясь за шапку и собираясь уходить.

— Нѣтъ. Я остаюсь въ Петербургѣ, только переѣду на другую квартиру. Конспиративный приютъ не слѣдуетъ компрометировать. Онъ еще можетъ пригодиться.

— Но тебя въ два-три дня выслѣдятъ, арестуютъ и повѣсятъ...

— Навѣрно.

— Что же это значить? Тебя вызволили изъ тюрьмы, и ты опять самъ лѣзешь въ волчью пасть.

— Значить это то, что я не хочу жить. Я боялся умереть, не отомстивъ Шолому; теперь эта задача исполнена. Зачѣмъ мнѣ жить? Въ наше дѣло я не вѣрю; наши теоріи—ложь; наши планы—еще разъ ложь, фантазмагорія: это миражъ—дворцы и цвѣтушія рощи надъ свѣтлыми водами въ бесплодной степи, сожженной солнцемъ, манящія довѣрчивыхъ путниковъ. Сдѣлаться снова благополучнымъ буржуемъ я такъ же не могу, какъ не могу снова превратиться въ наивнаго ребенка. Пусть меня казнятъ; я потеряю свое прошлое, но, можетъ быть, найду будущее—на томъ свѣтѣ, если за чертою смерти что-нибудь есть, а не одна нирвана. Будь счастливъ, если можешь, другъ Печкинъ; уйди подальше отъ социаль-революціонныхъ бредней. Это, повторяю тебѣ, обманчивый миражъ. Самое лучшее: оглуши и превратись въ травоядное существо, и тебѣ сдѣлается доступнымъ счастье среднихъ людей, а иного счастья, пока что, еще не открыто и не изобрѣтено.

Печкинъ хотѣлъ было со мной спорить, уговаривать меня. Но что-то въ моемъ лицѣ, должно быть, было особенное, въ родѣ дантовской надписи на вратахъ ада: оставь надежду!—и оно заставило его умолкнуть. Голубые глаза его были влажны отъ сдерживаемыхъ слезъ; рука дрожала, когда онъ пожималъ мнѣ руку. Отъ дверей онъ снова вернулся, пунцовый отъ волненія.

— Товарищъ Александръ! Обдумай хорошенько прежде, чѣмъ рѣшиться. Зачѣмъ тебѣ гибнуть? Люди съ такимъ характеромъ, какъ твой, могутъ быть еще очень полезны нашей партіи.

— Другъ мой,—возразилъ я:—вотъ оттого-то я и хочу умереть, чтобы какъ-нибудь невзначай не быть полезнымъ партіи, которой цѣли утопичны, а средства гнусны и ужасны. Прощай!...

Эпилогъ.

Вотъ что рассказывалъ мнѣ одинъ знакомый жандармскій офицеръ. Въ ихъ правленіи было получено анонимное письмо, увѣдомлявшее, что на такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, въ квартирѣ такой-то скрывается опасный политическій преступникъ. По заведенному обычаю, посланъ былъ нарядъ провѣрить доносъ и арестовать, если окажется нужнымъ, скрывающагося. Ночь была темная. На Петербургской сторонѣ, въ лабиринтѣ кривыхъ переулковъ, мы не скоро разыскали указанный домъ. Въмѣсто дворника вышла баба-домовладѣлица и извинялась, что дворника тутъ нѣтъ: онъ одинъ на три дома. Не изъ чего содержать. Въ домѣ всего три квартиры: въ одной живутъ тряпичники, внизу сапожники, а въ мезонинѣ—баринъ, на дняхъ переѣхалъ.

— Веди насъ къ своему барину,—скомандовалъ капитанъ, начальникъ наряда.

Городовые поднялись по ветхой скрипучей лѣсенкѣ и прислушались: за дверями кто-то расхаживалъ по комнатѣ; сквозь дверную щель прорѣзывалась полоса свѣта. Въ дверь осторожно постучались. Противъ ожиданія дверь сейчасъ же отворилась. На порогѣ стоялъ, какъ намъ показалось, совсѣмъ еще молодой человекъ въ рабочей блузѣ. Лобъ былъ высокій, гладкій, немного покатый; глаза смотрѣли прямо и увѣренно. Портитъ довольно красивыя черты тяжелый, массивный подбородокъ. Пропустивъ насъ въ комнату, хозяинъ квартиры неожиданно спросилъ:

— Вы получили письмо, указывающее, что въ этой квартирѣ скрывается опасный политическій преступникъ? Письмо это писалъ я, и политическій преступникъ—тоже я. Можете меня арестовать. Обыскъ дѣлать излишне. Кромѣ двухъ-трехъ грязныхъ рубахъ, тутъ ничего нѣтъ.

— Вы, значитъ, рѣшаетесь сдать? — переспросилъ капитанъ.—Разсчитываете получить снисхожденіе, какъ раскаивающійся?

— Совсе я ни въ чемъ не раскаиваюсь и никакого снисхожденія не желаю получить.

— Зачѣмъ же вы сдаетесь?

— Мнѣ надоѣло жить. Я могъ бы застрѣлиться, но предпочелъ, чтобы вы меня повѣсили.

— Кто вы такой?

Онъ назвалъ имя осужденнаго къ висѣлицѣ по дѣлу объ убійствѣ министра и бѣжавшаго изъ тюрьмы наканунѣ казни.

«Ужъ не мистификація ли это?—пришло намъ съ капитаномъ въ голову.—Не сумасшедшій ли передъ нами, маниакъ, называющійся чужимъ именемъ? Но нѣтъ! Рѣчь страннаго преступника была холодна, и въ глазахъ не было ничего такого, что бы напоминало помѣшаннаго. Капитанъ послѣ осмотра квартиры, въ которой дѣйствительно ничего не нашли, кромѣ свертка бумагъ, оказавшихся дневникомъ, обратился къ сдавшемуся и сказалъ:

— Желаете ли вы, или не желаете облегченія вашей участи, во всякомъ случаѣ, такъ какъ вы сдаетесь сами, значить, раскаиваетесь, вамъ будетъ оказано правосудіемъ снисхожденіе.

— Вы думаете, что замѣна нѣсколькихъ минутъ мученій на висѣлицѣ годами мукъ вѣчной каторги—облегченіе? Ну, я другого мнѣнія и буду просить, чтобы меня повѣсили.

При этомъ нашъ арестантъ какъ-то странно улыбался.

— Если мало того, что я убилъ министра, для того, чтобы попасть на висѣлицу,—сказалъ онъ, помолчавъ:—такъ и быть, ужъ добавлю вамъ еще кое-что изъ моей біографіи. На дняхъ былъ поднятъ трупъ раздавленнаго поѣздомъ человѣка, оказавшагося чиновникомъ Ильей Ильичемъ Лермонтовичемъ. Еще все недоумѣвали, какъ онъ попалъ на рельсы въ ночное время въ пустынной мѣстности?

Бывшій съ нами приставъ подтвердилъ таинственную кончину Лермонтовича.

— Ну-съ,—продолжалъ странный человѣкъ:—раздавленный—вовсе не Лермонтовичъ, а извѣстный террористъ Шоломъ, перетопившій на броненосцѣ офицеровъ, инициаторъ многихъ убійствъ и ограбленій. Онъ игралъ двойную роль и продавалъ за деньги своихъ. За это товарищи судили его и приговорили къ смерти. Шоломъ скрылся, крестился, назвался Лермонтовичемъ—настоящій Лермонтовичъ давно умеръ—и ухитрился не только поступить на службу, но даже стать женихомъ дочери одного изъ важныхъ генераловъ. Негодяя, однакоже, выслѣдили, заманили въ пустынную мѣстность, захватили тамъ, и я самъ притащилъ и положилъ его связаннаго на рельсы, чтобы онъ попалъ подъ поѣздъ...

Разсказъ поразилъ насъ ужасомъ. Какой характеръ!.. Какое безчеловѣчіе!

Черезъ нѣсколько недѣль несчастнаго повѣсили. Онъ самъ надѣлъ на себя роковой мѣшокъ, самъ взшелъ на ступеньки лѣсенки у висѣлицы, надѣлъ петлю и поправилъ ее на шеѣ, чтобы плотнѣе сидѣла и, не ожидая толчка палача, самъ прыгнулъ и повисъ и умеръ такъ же легко, какъ мы выпиваемъ глотокъ воды. На груди у него была фотографія бѣлокурой молодой дѣвушки, которую онъ усиленно просилъ не снимать съ него и похоронить съ нимъ вмѣстѣ.

— Очень странный господинъ,—закончилъ жандармскій офицеръ свой рассказъ.—Злодѣй, вѣдь, и ужасный злодѣй, а умиралъ, какъ герой. И какой еще сентиментализмъ: умиралъ съ портретомъ любимой женщины на груди. Значить—любилъ. Убивалъ и любилъ! Какъ это примирить?

— Что васъ удивляетъ? Нынче многіе любятъ и убиваютъ. Смерть и любовь ходятъ рядомъ теперь, какъ родныя сестры...

Я освѣдомился о дневникѣ погибшаго.

Онъ оказался приложеннымъ къ дѣлу казеннаго. Мнѣ удалось снять копию съ этого дневника и печатаю его здѣсь цѣликомъ, съ весьма несущественными измѣненіями и кое-какими сокращеніями.

С. С. Окрейцъ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Домъ Толстыхъ.—Оригинальная рождественница великаго поэта.—Не въ мѣру откровенныя бесѣды.—Камергеръ старыхъ временъ.—Смерть одного изъ могиканъ.—Моя встрѣча съ графиней Толстой послѣ многихъ лѣтъ разлуки.—Графиня Кронгельмъ.—Случай съ заносчивой аристократкой.—Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ миновавшій.—Самоубійство въ стѣнахъ Смольнаго монастыря.

ВЪ ПРОШЛОМЪ очеркъ и мелькомъ коснулась житейской встрѣчи своей съ племянницей Пушкина, Надеждой Николаевной Павлицевой, умершей недавно въ преклонномъ возрастѣ, но сохранившей до послѣдняго дня жизни горячее воспоминаніе о далекихъ дняхъ своей цвѣтущей юности.

Наденька Павлицева (я буду называть ее этимъ ласкательнымъ именемъ далекаго прошлаго) была миниатюрная, очень красивая и исключительно граціозная брюнетка, съ очень красивыми глазами и необыкновенно свѣжимъ, румянымъ лицомъ.

Она отличалась необычайной жизнерадостностью, и никто, даже изъ близко знавшихъ ее лицъ, не запомнить ее ни грустной, ни плачущей, ни даже чѣмъ-нибудь недовольной... Она была вся радость, вся улыбка... и въ общество, въ которое она входила, входили вмѣстѣ съ нею и радость, и веселье, и жизнь!..

При всемъ аристократизмѣ даннаго ей воспитанія, Наденька отличалась особой оригинальностью, а подчасъ и рѣзкостью манеръ, что подавало нерѣдко поводъ къ довольно комичнымъ эпизодамъ.

Особенно часто мнѣ приходилось встрѣчаться съ нею въ домѣ графа Константина Николаевича Толстого, съ дочерью котораго, красавицей Китти, я была исключительно дружна.

Наденька была постоянной посѣтительницей гостепріимнаго дома Толстыхъ, и старый графъ, относившійся къ ней по родственному, часто и строго выговаривалъ ей за ея черезчуръ наивный, а подчасъ и опрометчивый разговоръ.

Самъ графъ былъ человѣкъ серьезный, рѣдко улыбался, къ жизни относился критически, и дочь, воспитанная подъ его личной эгидой, унаслѣдовала всѣ достоинства и недостатки такого наравленія.

Китти была нѣсколько rude, краснѣла отъ всякаго опрометчиво сказаннаго слова... очень мало и рѣдко говорила въ обществѣ, но когда говорила, то рѣчь ея всегда носила характеръ серьезности и дѣловитости. Все это было діаметральной противоположностью хорошенькой и бойкой Надѣ Павлицевой, которая, по словамъ критически относившагося къ ней стараго графа, болтала все, что «на умъ взбрѣдетъ», и нерѣдко ставила втупикъ всѣхъ окружающихъ.

Достойнымъ партнеромъ ея въ этомъ отношеніи былъ товарищъ ея дѣтства и неизмѣнный пріятель ея, молодой гвардейскій офицеръ Безакъ, занимавшій впоследствии такой высокой и отвѣтственный постъ въ военномъ мірѣ.

Безакъ, въ то время очень молодой и очень красивый офицеръ Преображенскаго полка, жилъ гдѣ-то подъ Петербургомъ, ежели не ошибаюсь, въ Царской Славянкѣ, гдѣ расположенъ былъ его полкъ въ то далекое время. Въ Петербургѣ онъ бывалъ чуть не каждый день и всегда почти заѣзжалъ къ Толстымъ.

Онъ былъ неистощимымъ рассказчикомъ, и покуда его аудиторія состояла изъ самого графа, Китти или ея компаньонки Окуневой, дѣло шло ладно, но стоило появиться на сцену Наденькѣ, какъ краснорѣчіе Безака заводило его въ такія дебри, а Наденьку приводило въ такое неопишемое восхищеніе, что графу оставалось только унимать обоихъ, поочередно восклицая:

— Наденька, да перестань ты вздоръ спрашивать!..

— Николай, да ты съ ума сошелъ со своими рассказами!..

Но ни тотъ, ни другой не унимались, и въ углу, куда они оба забивались, шелъ оживленный говоръ и не менѣе оживленный смѣхъ до тѣхъ поръ, когда графъ, окончательно выведенный изъ терпѣнія, не разгонялъ ихъ въ разныя стороны.

Какъ теперь помню я одинъ ненастный осенній вечеръ, въ который такъ уютно пылалъ каминъ въ большой залѣ Толстыхъ, гдѣ на прекрасно сервированномъ столѣ привѣтливо кипѣлъ самоваръ. Кромѣ меня, забрели на огонекъ и другіе знакомые графа и Китти, и всѣ, собравшіеся вокругъ ярко освѣщеннаго стола, весело болтали, поддерживая общій разговоръ.

Выдѣлились изъ общей группы только Наденька съ Безакомъ, пріютившіеся въ сторонѣ у открытаго рояля.

Наденька разсѣянно брала аккорды, внимательно слушая рассказы своего партнера и время отъ времени прерывая его оживленными вопросами.

Очевидно, Безакъ разсказывалъ что-то полное интереса, потому что Наденька жадно ловила каждое его слово, безпрестанно прерывая его то восторженнымъ возгласомъ, то взрывомъ громкаго и неудержимаго смѣха. Разговоръ шель по-французски, и рѣзкими штрихами въ элегантную французскую рѣчь врѣзывались чисто русскія имена и выраженія: «тетка Матрена», «Акулина», «Авдотьянъ мужъ»... «работница», «понамарь», причемъ каждому изъ этихъ словъ предносмались французскіе «le» и «la», и получались «la тетка», la работница», le понамарь» и такъ далѣе безъ конца.

Разсказывалъ Безакъ очень громко и оживленно, и до нашего стола отрывками долетали свѣдѣнія о томъ, какъ «la Акулина» приходитъ къ нему папиросы набивать, а «la тетка Матрена» ее за это бранить и доходить даже до *voies de fait*, то-есть, попросту, до кулаковъ.

Наденька заливалась хохотомъ... Мужчины за нашимъ столомъ начинали осторожно переглядываться. Компаньонка Китти конфузилась и краснѣла...

На эту комедію Господь нанесъ стараго графа. Онъ поздоровался со всѣми, бросилъ пристальный взглядъ за веселую парочку, уединившуюся у рояля, и незамѣтно занялъ мѣсто по сосѣдству съ ними... Немного времени ему нужно было на то, чтобы вникнуть въ суть разсказа Безака о набиваніи папиросъ, и онъ, подойдя къ нему, сказалъ:

— Давно мнѣ казалось, Николай, что ты начинаешь съ ума сходить, а теперь ужъ и сомнѣнія въ этомъ не остается никакого... Что ты за чушь городишь!! И что за аудиторію себѣ нашель!..

Безакъ опустилъ голову, а Наденька нетерпѣливо перебила строгаго ментора:

— Графъ, миленькій, оставьте... не мѣшайте...—взмолилась она:—Nicolas такія интересныя вещи разсказываетъ... а вы перебили!..

— Ступай къ столу... тамъ умные люди собрались!..—вмѣсто отвѣта, посовѣтовалъ ей графъ и, обращаясь къ Безаку, прибавилъ:

— А ты, братъ, совсѣмъ вонъ убрайся!.. Да домой заѣзжай, скажи отцу, что завтра съ нимъ повидаюсь... Давно ужъ я добираюсь до тебя!.. Избаловался ты совсѣмъ!.. Пора тебя подтянуть!..

Въ данную минуту такая рѣчь, обращенная къ гвардейскому офицеру, покажется совсѣмъ невѣроятной, но въ тѣ далекія вре-

мена старость имѣла свои права и свои прерогативы, и молодежь передъ стариками молчала съ почтеніемъ.

Графъ былъ не на шутку разсерженъ.

Николай Безакъ выросъ у него на рукахъ, и онъ относился къ нему, какъ къ родному сыну... съ такой же безцеремонностью и почти съ такой же любовью...

— Ступай!.. Убирайся!.. Чтобъ я тебя не видалъ!..—грозно завершилъ графъ свою строгую рѣчь.

— Помилуйте, графъ, куда же?.. Дождь льетъ какъ изъ ведра!.. Да и нашихъ никого дома нѣтъ... А домой, въ Славянку, я сегодня не собираюсь...

— Что такъ? Или тетка Матрена папирось набивать не придетъ?.. Эхъ, ты, пустая голова!..—пожалъ плечами графъ, но тутъ послѣдовало внезапное вмѣшательство Наденьки.

— Графъ, вы путаете!..—поправила она:—папирось набиваетъ вовсе не la тетка Матрена, а la Акулина!.. а la тетка Матрена напротивъ, сердится... Она не ладитъ съ Nicolas.

Семьи Безаковъ и Павлицевыхъ были такъ близки между собою, что члены молодого поколѣнія обходились другъ съ другомъ, какъ родные.

При оригинальной поправкѣ Наденьки за нашимъ столомъ раздался взрывъ неудержимаго хохота молодежи, а графъ, не отвѣчая прямо ей ни слова, обратился къ дочери, сказавъ:

— Катенька!.. Вели Семену запрячь парныхъ сани!.. Надежду Николаевну домой отвезти.

Еле-еле удалось Китти умиротворить не на шутку разсердившагося отца, и рассказы о теткѣ Матренѣ и о la Акулинѣ прекратились надолго, ежели не навсегда.

Неизмѣнно благоволилъ къ Наденькѣ только одинъ изъ обитателей графскаго дома, старикъ дядя его жены, Александръ Михайловичъ Колычевъ, камергеръ двора императора Александра Благословеннаго, бывший въ свитѣ императора во время его вѣзда въ Парижъ и по возвращеніи составившій духовное завѣщаніе въ пользу своей, въ то время чуть ли не малолѣтней еще, племянницы, вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа Толстого.

По возвращеніи въ Россію Александръ Михайловичъ занемогъ нервной горячкой, долгое время былъ совершенно безъ памяти и очнулся отъ болѣзни, навсегда утративъ всякую память...

Онъ очень отчетливо помнилъ все то, что было до начала Отечественной войны, и неизмѣнно забывалъ все, что происходило за нѣсколько часовъ и даже за нѣсколько минутъ назадъ...

Это не было безуміемъ... это было только слабоуміе, но слабоуміе настолько сильное, что какъ надъ его личностью, такъ и надъ его громаднымъ состояніемъ учреждена была опека, во главѣ которой въ то время, когда я узнала большого Александра

Михайловича, стоялъ графъ Толстой, какъ мужъ единственной законной наслѣдницы больного послѣ его смерти.

За смертью графини всѣ права перешли къ графу, въ домѣ котораго и проживалъ больной, на широкія средства, отпускаемыя опекой.

Въ права наслѣдства при жизни Колычева входитъ никто не могъ... Онъ самъ оставался фактическимъ владѣльцемъ всего своего громаднаго состоянія, но самостоятельно распорядиться онъ не могъ ни однимъ рублемъ, и, живя среди полнаго комфорта и окруженный самымъ тщательнымъ уходомъ, онъ тѣмъ не менѣе безпрестанно отдавалъ приказанія и предъявлялъ требованія, которыхъ никто не исполнялъ и съ которыми никто не считался!..

Въ жизнь графской семьи онъ входилъ самымъ широкимъ образомъ... всѣмъ интересовался, во все впутывался и, имѣя совершенно отдѣльные апартаменты, состоявшіе изъ нѣсколькихъ комнатъ, безпрестанно появлялся въ гостиной графа въ своемъ неизмѣнномъ и очень оригинальномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ пестраго халата, подпоясаннаго шнуркомъ съ тяжелыми кистями и снабженнаго наружными карманами, въ которыхъ неизмѣнно лежало двое или трое карманныхъ часовъ.

Это, по его объясненію, составляло одинъ изъ атрибутовъ его камергерскаго званія, какъ и ватная фуражка, которую онъ не снималъ съ головы никогда, ни при какой рѣшительно температурѣ.

Графъ Александръ Михайловичъ зналъ хорошо Китти, обожалъ и ежедневно посылалъ покупать ей брильянтовые вещи, за которыми никто никогда не ѣздилъ. Изъ постороннихъ онъ зналъ твердо только одну Наденьку Павлищеву, обо всѣхъ остальныхъ каждую минуту вновь освѣдомляясь:

— Кто это, матушка?

Наденьку онъ называлъ «безумная кукла» и любилъ ее безъ души. Одинъ разъ онъ увидалъ изъ дверей своего кабинета, какъ Наденька, показывая новое па польки-мазурки, сдѣлала нѣсколько туровъ по залѣ; ему это ужасно понравилось, и съ тѣхъ поръ къ эпитету «безумная» прибавился еще эпитетъ «заводная кукла»...

У стараго камергера въ комнатахъ стояли витрины, въ которыхъ хранилась масса всевозможнаго серебра и всякихъ дорогихъ вещей; ключи отъ витринъ были у него, но располагать онъ ничѣмъ не могъ, и всѣ вещи, которыя онъ кому бы то ни было дарилъ, немедленно возвращались и ставились на прежнія мѣста.

Чаще всѣхъ такихъ безрезультатныхъ подарковъ удаивалась Наденька, и на этой почвѣ разыгрывались иногда очень забавныя сцены.

Кромѣ специально приставленныхъ къ нему двухъ очень опытныхъ камердинеровъ, при Александрѣ Михайловичѣ состояла

еще особая сидѣлка или сестра милосердія, получавшая довольно солидное жалованье, при прекрасномъ содержаніи. Онъ называлъ ее почему-то «сердобольная», бранилъ ее съ утра до ночи самыми отборными словами (браниться онъ былъ вообще мастеръ), но не разставался съ ней никогда и, сознательно почувствовавъ приближеніе смерти, вспомнилъ объ ней и обратился къ графу съ просьбой наградить ее за ея вѣрную службу.

— Хотя три тысячи дай ей на голодные зубы... — по своему обыкновенію иллюстрировалъ онъ крѣпкимъ и обиднымъ словомъ даже щедрую заботу о посмертномъ дарѣ, предполагая, вѣроятно, выдачу трехъ тысячъ на ассигнаціи.

Графъ исполнилъ его приказъ, и выдалъ «сердобольной» три тысячи рублей серебромъ.

Въ числѣ очень рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, хранившихся у больного старика, была икона Божіей Матери, вывезенная имъ изъ Константинополя. Онъ очень чтилъ эту икону и называлъ ее «Заморская», вѣроятно, потому, что привезена она была изъ-за моря. Чтилъ онъ свою «Заморскую» глубоко, молился ей каждый день и въ послѣдніе дни своей жизни, угасая среди очень сильныхъ страданій, онъ, въ минуты особенно мучительныхъ приступовъ болѣзни, громко обращался съ ней съ мольбою, вскрикивая на весь домъ:

— Заморская, помоги!

Считаясь прямымъ потомкомъ святителя и митрополита Алексія, мощи котораго покоятся въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, и который въ мірѣ былъ дворяниномъ Колычевымъ, Александръ Михайловичъ, по духовному завѣщанію, назначилъ самый крупный изъ имѣвшихся у него брильянтовъ въ посохъ святителю, а самый посохъ, отлитый изъ золота, распорядился положить въ раку святителя.

Во всемъ, касавшемся настоящей минуты, Александръ Михайловичъ былъ положительно невозможенъ, все путалъ, все забывалъ, никого не узнавалъ, но разъ рѣчь заходила о давно прошедшемъ, онъ дѣлался незамѣнимымъ собесѣдникомъ. Онъ отчетливо помнилъ самое отдаленное прошлое, наперечетъ называлъ всѣ дома, пережившіе въ Москвѣ пожаръ 1812 года, и вспоминалъ имена всѣхъ тогдашнихъ владѣльцевъ, немилосердно путая ихъ съ настоящимъ поколѣніемъ. Такъ, меня, которой въ то время было семнадцать лѣтъ, онъ отчетливо «помнилъ» за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ... путая меня съ моей теткой, которую безошибочно называлъ по имени и отчеству. Внуковъ своихъ онъ путалъ съ ихъ отцами и своими двоюродными братьями, и, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ близкимъ родственникомъ и прямымъ потомкомъ великаго писателя, онъ, пристально посмотрѣвъ на него и, вѣроятно, найдя въ немъ какое-нибудь внѣшнее сходство съ его знаменитымъ предкомъ, пресерьезно сказалъ:

— Пишешь ты хорошо... и читают тебя всё... а только лицо у тебя, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, очень глупое!

Въ уваженіе и его лѣтъ, и его высокаго положенія, главное въ огражденіе учрежденной надъ нимъ опеки, каждый годъ Александра Михайловича свидѣтельствовала особая коммиссія, состоявшая изъ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, почетнаго лейбъ-медика и двухъ специалистовъ-психіатровъ.

Депутатію эту онъ встрѣчалъ всегда очень привѣтливо, охотно хотя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ отвѣчалъ на всё предлагаемое ему вопросы, съ видимымъ вниманіемъ выслушивалъ составлявшееся постановленіе о его невмѣняемости, и тотчасъ послѣ ихъ отвѣзда съ любопытствомъ спрашивалъ у графа:

— Скажи, пожалуйста!.. Что это за люди тутъ были?.. И про что это они читали?!

Умирая, повидимому, въ полномъ сознаніи, Колычевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы его похоронили въ камергерскомъ мундирѣ того времени, когда онъ былъ на дѣйствительной службѣ, а ежели возможно, то въ томъ самомъ, въ которомъ онъ былъ съ императоромъ въ Парижѣ.

Не знаю, была ли соблюдена эта послѣдняя подробность, но мундиръ, въ которомъ онъ лежалъ въ гробу, значительно разнился отъ того, что мы привыкли видѣть въ настоящее время, и онъ лежалъ въ немъ серьезный и величавый, покрытый богатымъ и дорогимъ покровомъ, со своей «Заморской» въ головахъ, на высокомъ аналоѣ.

Съ Колычевымъ сошелъ въ могилу чуть ли не послѣдній изъ петербуржцевъ, воочию видѣвшихъ эпоху великой борьбы и великой русской славы!..

Доживи онъ до позднѣйшаго времени, онъ не повѣрилъ бы тому, что непобѣдимую и вѣнчанную славою Россію могла побѣдить ничтожная Японія.

Китти Толстая, довольно долго не выходявшая замужъ въ силу того, что графъ былъ за нее необыкновенно разборчивъ въ выборѣ жениха, кончила тѣмъ, что сдѣлала прекрасную партію, вышедши за извѣстнаго административнаго дѣятеля, Каханова.

Я съ ней случайно встрѣтилась впоследствии въ Москвѣ, въ домѣ одной изъ нашихъ бывшихъ смолянокъ, судьба которой сложилась очень своеобразно.

Принадлежа къ знатному, но въ конецъ разорившемуся роду Остзейскаго края, графиня Жозефина Кронгельмъ,—такъ звали бывшую смолянку, о которой идетъ рѣчь,—поступила въ Смольный монастырь по баллотировкѣ, училась очень успѣшно, была исключительно хороша собой, но не имѣла не только средствъ, но даже и никакихъ родныхъ, и когда приблизился срокъ выпуска, то ей некуда было ѣхать, и никто не озаботился о томъ, чтобы пріютить ее и пригласить къ себѣ.

Среди такихъ неблагопріятныхъ условій ей пришлось поневолѣ остаться еще на три года въ Смольномъ пепиньеркой и, получая маленькое жалованіе, при готовомъ содержаніи и обмундировкѣ, пробовать предварительно свои педагогическія способности надъ воспитанницами младшаго класса Смольнаго монастыря.

Положеніе пепиньерокъ вообще положеніе далеко не завидное, а графинѣ Кронгельмъ, гордой своимъ титуломъ и своей красотой, еще труднѣе было примириться съ такимъ положеніемъ, и она, въ бытность свою пепиньеркой, стала искать на сторонѣ мѣста гувернантки, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, а главное, на болѣе свободной волѣ, такъ какъ положеніе пепиньерки мало чѣмъ отличалось отъ положенія воспитанницы института.

Начальница Смольнаго монастыря, всегда душевно относившаяся къ своимъ бывшимъ воспитанницамъ, помогла ей въ присканіи мѣста, и она поступила въ качествѣ гувернантки въ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга, къ графинѣ К.—ъ.

Условія найма въ матеріальномъ отношеніи были блестящія, и молоденькая наставница въ самыхъ смѣлыхъ требованіяхъ и даже мечтахъ своихъ не могла бы пойти дальше.

Кромѣ того, Жозефина еще отъ богатыхъ подругъ своихъ раньше слышала, что домъ графини К., куда она поступала, былъ пышнымъ и открытымъ домомъ. О «большомъ свѣтѣ» у насъ зналось и слышалось многое, и, кромѣ перспективы вполне обеспеченной жизни, передъ Жозефиной вставала еще перспектива цѣлой серіи веселыхъ и блестящихъ баловъ и широкаго веселья.

Въ свѣтскомъ успѣхѣ своемъ она ни на минуту не сомнѣвалась... Она знала цѣну своей красотѣ и понимала, что въ какую бы среду ни занесла ее судьба, она всюду выдѣлится и всюду будетъ имѣть успѣхъ.

Предложеніе мѣста сдѣлано было заочно, условія найма выработаны были третьимъ лицомъ, по довѣренности графини К., и Жозефина, веселая и довольная, отправилась на свое новоселье, полная самыхъ радужныхъ надеждъ.

Жизни она не знала и не понимала разницы между своимъ и чужимъ домомъ.

Разочарованіе наступило скоро.

Сама графиня оказалась гордой и заносчивой особой, маленькая дѣвочка, ввѣренная попеченію молодой наставницы, была капризное и избалованное маленькое созданіе, и въ первый визитъ Жозефины въ родной ей Смольный она уже смотрѣла не такъ весело и куражно, какъ въ день своего отъѣзда изъ роднаго института...

Вскорѣ ее постигло новое, уже оскорбительное разочарованіе.

Въ домѣ, гдѣ она жила, назначенъ былъ балъ, къ которому шли усердныя и пышныя приготовленія. Жозефина весело готовилась къ нему, надѣясь въ волю повеселиться, и истратила на свой

бальный туалетъ значительную часть полученнаго ею впередъ жалованья, когда въ самый день бала хозяйка дома за обѣдомъ сказала ей, чтобы она съ вечера легла въ комнатѣ своей воспитанницы, изъ опасенія, чтобы та, взбалмошная и непослушная, не вздумала тихонько пробраться внизъ, взглянуть издали на танцы и послушать музыку, звуки которой, по обширности дома, въ дѣтскую могли вовсе не проникнуть.

Ошеломленная такимъ «приказаніемъ», молодая гувернантка сказала, что при дѣвочкѣ можетъ остаться няня.

— А вы что же будете дѣлать?—свысока бросила ей графиня неделикатный вопросъ.

— Но у васъ балъ... и я думала!..—дрожащимъ голосомъ проговорила Жозефина.

— Нашъ балъ до васъ не касается и ни въ чемъ вамъ помѣшать не можетъ!..—продолжала заносчивая аристократка.—На немъ будутъ исключительно только лица «нашего круга!» Такъ исполните же мое распоряженіе!—строго повторила графиня, вставая изъ-за стола.—И на няню ни въ какомъ случаѣ не полагайтесь и не ссылайтесь. Я *вамъ*, а не ей поручила Бэтси, и попрошу васъ одинъ разъ навсегда не отвлекаться пустяками отъ вашихъ прямыхъ обязанностей!

Жозефина сперва покраснѣла подъ бременемъ этой высокоумной обиды, затѣмъ поблѣднѣла, какъ смерть, и вышла изъ комнаты, чтобы, вернувшись къ себѣ, почти истерически разрыдаться.

Самолюбивая и гордая своимъ титуломъ, она не могла понять, почему общество родовитой графини Кронгельмъ можетъ скомпрометтировать кого бы то ни было.

На другой же день она отправилась въ Смольный и рассказала директриссѣ Леонтьевой обо всемъ происшедшемъ. Леонтьева немедленно доложила принцу Ольденбургскому, а тотъ, въ свою очередь, глубоко возмущенный, сообщилъ о горькомъ эпизодѣ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Исторически извѣстна голубиная кротость императрицы, умиротворяющимъ образомъ дѣйствовавшей даже на неукротимаго императора Николая Павловича, но на этотъ разъ вышла изъ терпѣнія и она. Императрица всегда умѣла беречь чужое самолюбіе, и поступокъ графини К. глубоко возмутилъ ее.

Она немедленно съ нарочнымъ курьеромъ послала Леонтьевой приказъ тотчасъ же, въ какомъ бы то ни было часу, командировать въ домъ гордой аристократки одну изъ классныхъ дамъ, поручивъ ей немедленно произвести съ графиней К. расчетъ за время, проведенное графиней Кронгельмъ въ ея домѣ, и увезти съ собой Жозефину, сказавъ при этомъ, что все это дѣлается «по личному приказанію императрицы».

Легко можно себѣ представить ошеломляющее дѣйствіе, какое

произвело въ домѣ гордой и заносчивой аристократки появленіе особы, командированной императрицей!..

Графиня К. пыталась объяснить, но классная дама, которой довѣрено было исполненіе этого щекотливаго порученія, не вошла ни въ какія объясненія, а заносчивую великосвѣтскую львицу, между тѣмъ, ожидало еще новое, болѣе чувствительное наказаніе.

Несмотря на то, что мужъ графини К. былъ въ большомъ фаворѣ у государя, императрица, всесильная у мужа, добилась разрѣшенія при первомъ официальномъ парадномъ балѣ во дворцѣ вычеркнуть имя графини К. изъ числа приглашенныхъ, отъ чего мотивируя такое обидное исключеніе тѣмъ, что ежели графиня К. находитъ, что молодой и образованной дѣвушкѣ «не мѣсто» на ея балѣ, то ей самой тѣмъ болѣе «не мѣсто» на балѣ русской императрицы!

Случай этотъ, быстро разнесшійся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, надолго повредилъ даже служебному положенію мужа гордой и заносчивой аристократки, что же касается жертвы ея глупаго задора, красивой молодой гувернантки Жозефины Кронгельмъ, то судьба широко и щедро вознаградила ее за вынесенное оскорбленіе.

Она осталась на нѣкоторое время при Смольномъ монастырѣ, куда въ томъ же году, лѣтомъ, пріѣхала Домна Павловна Веселовская, родная сестра начальницы, колоссально богатая и обаятельно милая женщина.

Она привезла съ собой свою единственную дочь, которую, буквально, обожала, и, познакомившись съ Жозефиной Кронгельмъ, пригласила ее гувернанткой къ своей дочери. Моментъ поступленія молодой дѣвушки въ домъ Веселовскихъ былъ зарею ея счастья. Домна Павловна обращалась съ нею, какъ съ близкой родственницей, баловала ее, доставляла ей всевозможныя удовольствія, а впоследствии и судьбу ея устроила навсегда, принявъ горячее участіе въ бракѣ Жозефины съ ея братомъ, богатымъ и блестяще образованнымъ аристократомъ, Николаемъ Павловичемъ Шиповымъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Жозефина перешла въ православіе и долгіе годы проживала въ Москвѣ, въ своемъ роскошномъ особнякѣ въ Брюсовскомъ переулкѣ, перемѣнивъ свое нѣмецкое имя Жозефины на православное имя Маріи.

Она умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣми глубоко уважаемая и посвятивъ послѣдніе годы жизни своей дѣламъ благотворенія.

Вскорѣ послѣ встрѣчи моей въ ея домѣ съ хорошо мнѣ знакомой и памятной Китти Толстой, въ то время уже Кахановой, я уѣхала съ теткой въ Петербургъ и здѣсь скоро была поражена

полученнымъ извѣстіемъ о самоубійствѣ въ Москвѣ князя Михаила Яковлевича Несвицкаго, совершенно неожиданно для всѣхъ покончившаго свои расчеты съ жизнью страшнымъ образомъ.

Онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ, и мозгъ брызнулъ въ потолокъ его невысокой комнаты.

Онъ жилъ въ домѣ старшаго брата своего, князя Ивана Яковлевича, и комната, въ которой онъ такъ рѣзко и такъ неожиданно покончилъ съ собой, приходилась прямо подъ большой парадной залой князя Ивана, гдѣ въ этотъ день (3-го февраля) справлялись именины его жены, княгини Анны Александровны. Гостей наѣхало масса, и всѣ собрались именно въ залѣ, дожидаясь, чтобы сѣсть за столъ, прихода именно князя Михаила, отсутствовавшаго изъ дома съ утра, затѣмъ на минуту появившагося передъ обѣдомъ и ушедшаго къ себѣ, чтобы, какъ шутливо замѣтилъ онъ, «надѣть приличный торжественному случаю фракъ»...

Всѣ видѣли его за минуту до горькаго самоубійства... Многие говорили съ нимъ, слышали его неизмѣнно веселыя шутки, и тѣмъ глубже, тѣмъ страшнѣе было впечатлѣніе, произведенное его внезапнымъ самоубійствомъ.

Вообще, въ то сравнительно далекое время эпидемія самоубійствъ еще не коснулась нашего общества, случаи эти были рѣдки, и церковь не допускала христіанскаго погребенія самоубійцъ, такъ что семья князя большихъ усилій и крупныхъ денегъ стоило получить разрѣшеніе на то, чтобы перевезти его прахъ въ тверское имѣніе и тамъ похоронить его по христіанскому обряду.

Теперь жизнь раздвинула свои рамки, все опростилось, и самоубійство стало самымъ зауряднымъ явленіемъ! Стрѣляются, топятся и давятся ученики младшихъ классовъ... Кончаютъ въ порывѣ разочарованій гимназисты и студенты... и всѣ эти горькія явленія не вызываютъ не только горя, но и удивленія современнаго намъ общества!.. Это какъ будто въ порядкѣ вещей, и покончившій самоубійствомъ ученикъ спокойно вычеркивается изъ училищныхъ списковъ наравнѣ съ ученикомъ, переведеннымъ въ другую гимназію или взятымъ родителями домой...

Жизнь ли потеряла свою цѣну? Смерть ли стала понятнѣе и доступнѣе?.. Я рѣшить не берусь!.. Но въ памяти моей живо встаетъ воспоминаніе о первомъ случаѣ горькаго дѣтскаго самоубійства въ стѣнахъ московской третьей гимназіи, гдѣ одного изъ воспитанниковъ нашли повѣсившимся на люстрѣ большой актовой залы...

Начальство училища растерялось окончательно...

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія произошелъ крупный переполохъ, и самое зданіе гимназіи приняло какой-то таинственный, словно заговоренный отгѣнокъ!.. Въ длинные коридоры гимназіи со страхомъ и озираясь вступали ученики. Мимо дома

робко проходили пѣшеходы... Словомъ, на самое зданіе какъ-бы печать какого-то отверженія легла!.. Такъ необычайно было въ то время явленіе горькаго дѣтскаго самоубійства!..

Эти времена миновали!.. Новыя птицы запѣли новыя пѣсни, и нашему вѣку глубокаго безвѣрія суждено было внести горькую пѣснь въ жизнь современнаго дѣтства!.. Въ моей личной жизни, впрочемъ, приведенные случаи самоубійства были не первыми, о которыхъ мнѣ пришлось слышать.

Самый первый дошедшій до меня случай самоубійства произошелъ въ бытность мою на школьной скамьѣ и оставилъ глубокій, потрясающій слѣдъ на жизни всего института.

Жертвой страшнаго по подробностямъ своимъ самоубійства была одна изъ горничныхъ, служившихъ намъ въ Смольномъ и поступавшихъ къ намъ изъ воспитанницъ петербургскаго воспитательнаго дома. Ихъ въ стѣнахъ института было много, и служили онѣ не только намъ, но всему нашему начальству.

Одной изъ инспектриссъ Смольнаго монастыря была въ то время г-жа Бельгардъ, женщина характера сухого, неотзывчиваго и недоступнаго чужому горю и чужому несчастью. Помимо «казенной» прислуги, молодой и миловидной горничной Саши, м-ше Бельгардъ держала еще свою собственную прислугу, рыжую нѣмку, которая ненавидѣла и всячески преслѣдовала молоденькую горничную. Случилось такъ, что м-ше Бельгардъ не досчиталась десяти рублей. Нѣмкѣ она вѣрила безусловно, и подозрѣніе пало на честную, ни въ чемъ неповинную Сашу...

Надо сказать, что въ то время, къ которому относится этотъ страшный случай, въ Смольномъ царило по истинѣ звѣрское и почти невѣроятное обыкновеніе тѣлеснаго наказанія женской прислуги при посредствѣ служившихъ въ институтѣ солдатъ.

Этимъ неслыханнымъ нововведеніемъ Смольный обязанъ былъ одной изъ инспектриссъ, г-жѣ Слопецкой, которая успѣла всецѣло овладѣть безвольной начальницей и заставляла ее принимать на вѣру все ея распоряженія и совѣты.

А совѣты эти были достойны временъ инквизиціи!.. Мысли о томъ, что ее могутъ присудить къ позорному наказанію, Саша перенести не могла, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ служившихъ при Смольномъ унтеръ-офицеровъ, Андрей, молодой и очень дѣльный малый, выразилъ желаніе жениться на Сашѣ.

Бельгардъ знала объ этой готовившейся свадьбѣ... Она понимала, какимъ ужасомъ встала въ жизни несчастной дѣвушки мысль о позорномъ наказаніи въ присутствіи любимаго человѣка... и, несмотря на это, ни просьбы, ни мольбы несчастной Саши, ни обѣщанія ея отработать и вернуть злополучныя деньги, которыхъ она не брала, не могли смягчить гнѣва мстительной Бельгардъ,

по наущенію своей нѣмецкой горничной тоже ненавидѣвшей злополучную Сашу...

Напрасны были слезы въ ногахъ валявшейся молодой горничной!.. Напрасны были увѣренія, что она лишитъ себя жизни, ежели доживетъ до ожидавшаго ее срама!.. Бельгардъ ни на что не сдавалась, и назначенъ былъ день и часъ позорной казни!..

Это было лѣтомъ, во второмъ часу дня, во время прогулки дѣтей въ саду, между обѣдомъ и послѣобѣденными классами...

За Сашей пришли... Она, обезумѣвъ отъ отчаянія и ужаса, побѣжала изъ бельэтажа, въ которомъ помѣщалась квартира Бельгардъ, выше, въ третій этажъ... Слыша за собой погоню, она добѣжала до четвертаго этажа, взбѣжала на чердакъ, выскочила въ слуховое окно на крышу и, убѣдившись, что погоня за ней продолжается, перекрестилась... и бросилась съ крыши высокаго зданія внизъ, рассчитавъ свое паденіе такимъ образомъ, чтобы промелькнуть въ роковомъ паденіи своемъ мимо оконъ Бельгардъ, которая въ это время имѣла привычку сидѣть подъ окномъ...

Она рассчитала вѣрно, и тѣло въ страшномъ, стремительномъ паденіи пронеслось прямо передъ ея глазами. Къ счастью, роковое паденіе совершилось въ предѣлахъ англійскаго сада, а дѣти въ это время гуляли въ такъ называемомъ большомъ саду, такъ что никто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ этого страшнаго событія.

Упала несчастная на камни около фундамента большого дома, и въ расщелинахъ камней долго замѣтны были слѣды крови и осколки бусъ, бывшихъ на шеѣ несчастной въ послѣднюю горькую минуту...

Разбилась она страшно, но прожила еще три или четыре дня въ больницѣ, куда ее перенесли на простыняхъ. Ее въ больницѣ посѣтилъ принцъ Ольденбургскій, на мягкую душу котораго этотъ случай произвелъ удручающее впечатлѣніе. Онъ пробылъ у нея около часа и вышелъ сильно разстроенный, со слѣдами слезъ на лицѣ...

Слухи носилась, что на исповѣди передъ кончиной несчастная дѣвушка поручила священнику передать отъ ея имени старухѣ Бельгардъ, что она умираетъ, не простивъ ей, и что предсмертной клятвой завѣряетъ, что злополучныхъ десяти рублей она не брала!..

Насколько эта версія справедлива, я ручаться не могу, навѣрное знаю только то, что самой Бельгардъ пришлось бы плохо и въ Смольномъ она ни подъ какимъ видомъ бы не удержалась, ежели бы не была принята въ расчетъ служба ея трехъ сыновей, трехъ молодыхъ генераловъ, доблестно проходившихъ свою служебную карьеру. Старшаго изъ этихъ сыновей звали Карломъ, вто-

рого Александромъ, а третій—Валеріанъ—былъ отецъ недавняго начальника по дѣламъ печати.

Этотъ первый случай рокового расчета съ жизнью оставилъ глубокое впечатлѣніе во всѣхъ насъ, и, словно по предварительному уговору, никто изъ насъ никогда не бѣгалъ съ серсо и съ мячикомъ по той аллеѣ, къ которой примыкали злополучные камни, обогрѣнные кровью несчастной самоубійцы!..

Это впечатлѣніе навсегда осталось однимъ изъ самыхъ сильныхъ и самыхъ жгучихъ въ моей жизни!..

А. И. Соколова.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ „ФЕРШАМПЕНУАЗЪ“.

ТО хорошо забыто, то всегда ново и интересно...

Я давно не спускался въ кладовую. Тамъ стоятъ забытые ящики съ книгами, съ письмами, разорванными рукописями, случайно мнѣ доставшіеся. Когда послѣдній разъ я пытался открыть одинъ изъ ящичковъ, отъ него пахнуло такой плѣсенью и сыростью, что я не сталъ тревожить содержимое его, заколотилъ гвоздями и оставилъ такъ...

Какъ-то недавно у меня явилась охота все-таки посмотреть, что тамъ такое...

Заскрипѣли ржавые гвозди подѣ настойчивымъ нажимомъ топора, недовольно затрещали доски, и ящикъ открылся.

Дѣйствительно, плѣсень еще больше покрыла лежащія въ немъ бумаги, но сырость исчезла, все это бумажное царство оказалось плотно слѣпившимся, большинство писемъ и книгъ представляли собою никуда не нужный хламъ, прочитать ихъ не было никакой возможности.

Среди нихъ я случайно вытащилъ небольшую тетрадку изъ старинной синей бумаги, устоявшей отъ глѣнія времени.

Вѣроятно, сама бумага была черезчуръ плотна и сдѣлана изъ тряпки, какъ то было раньше; теперешняя же, выработанная изъ древесины, давно бы превратилась въ пыль...

Я взялъ эту тетрадку съ собой и приказалъ выбросить остальное находившееся въ ящикѣ.

Читать было довольно трудно эти блѣдныя, выцвѣтшія буквы, написанныя гусинымъ перомъ, иногда мнѣ приходилось прибѣгать

къ помощи души. Все-таки, поработавши часа два-три, мнѣ удалось возстановить всю эту небольшую рукопись, хотя, плохо зная морское дѣло, я долженъ былъ пользоваться морскимъ словаремъ для объясненія нѣкоторыхъ техническихъ выраженій, мнѣ непонятныхъ.

«Слава Богу, наконецъ, мы возвращаемся на родину! Четыре года мы пробыли въ плаваніи, носились по южнымъ морямъ, переносили тропическую жару, не разъ были въ штормахъ, свирѣпыя бури трепали нашъ корабль, столько всего перевидали, что, кажется, во всю жизнь иному не удастся... Тропическія страны, залитыя солнцемъ, слѣпили намъ глаза, Индійскій океанъ восхищалъ насъ своими неподобными звѣздными ночами... А остановки въ гавани, встрѣчи на твердой землѣ, знакомства, чернолицыя красавицы, охоты, на которыя насъ приглашали,—все это теперь такъ перемѣшалось въ головѣ, что я не въ состояніи привести всѣ свои впечатлѣнія въ порядокъ!

«И вотъ мы опять въ нашемъ родномъ Финскомъ заливѣ, говорю, родномъ, потому что все, что прикасается къ Петербургу, мнѣ дорого и близко.

«Еще нѣсколько времени, и мы будемъ втягиваться въ гавань.

«Здравствуй, милая столица, привѣтъ тебѣ, моя дорогая родина!»

Это восторженное привѣтствіе написано юношескимъ раскидистымъ почеркомъ, судя по которому, можно заключить, что писавшій молодой человѣкъ, довольный жизнью, радующійся возвращенію домой. Немного отступя, рукопись продолжается, но почеркъ хотя и тотъ же, но значительно измѣнившійся, повидимому, писавшій это продолженіе хотя и тотъ же человѣкъ, но совершенно перемѣнившій свои взгляды на жизнь и перенесшій большое испытаніе. Почеркъ становится уже болѣе сжатымъ, твердымъ, въ немъ не чувствуется молодой порывъ, а уже зрѣлое сознаніе.

«Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ того ужаснаго случая, который пришлось испытать намъ, и до сихъ поръ я не могу вспомнить о немъ безъ содроганія!

Какъ превратна судьба. Не только человѣка, но даже самой вещи, сдѣланной его руками!

Я перечиталъ мои юношескія строки, горько улыбнулся и задумался... Вспомнились товарищи погибшіе!

Буду дѣлать записъ постепенно, напрягая мысль, чтобы не упустить никакой, даже малѣйшей подробности. Разсказанный мной случай пусть будетъ назиданіемъ для моего потомства.

Нашъ корабль стоялъ въ Кронштадтѣ на маломъ рейдѣ. Якорь былъ поднятъ и оставался на двухъ вернахъ. Все было готово, чтобы начинать втягиваться въ гавань.

— Чего же мы медлимъ и до сихъ поръ не втягиваемся?—спросилъ артиллерійскій поручикъ Тибаркинъ, подходя ко мнѣ.—Вѣдь завозы уже завезены.

Я пожалъ плечами и отозвался незнаніемъ.

— Мы готовы, у насъ все въ порядкѣ, это только изъ-за тебя,—усмѣхнулся лейтенантъ Обернибесовъ.

— А почему?—рѣзко спросилъ его поручикъ.

— Развѣ тебѣ не говорили? Сейчасъ пріѣдетъ капитанъ надъ портомъ, забылъ, должно быть, правило, будетъ смотрѣть крѣйт-камеру.

— Это ужъ совершенно лишнее, она въ порядкѣ,—безразлично сказала Тибардинъ и отошелъ отъ насъ.

Къ борту нашего корабля подошла шлюпка съ берега, изъ нея вышелъ помощникъ капитана надъ портомъ, капитанъ Бурнашевъ, и, поднявшись на палубу, какъ это заведено уставомъ, отправился въ крѣйткамеру въ сопровожденіи нашего командира и цейхъ-вахтера.

— Ну, этотъ до всего доберется,—махнувъ рукою, сказала Обернибесовъ:—придира, знаемъ мы его! Давно бы втянулись въ гавань.

Офицеры отправились въ каютъ-компанію обѣдать.

Только что начался нашъ обѣдъ, какъ къ намъ въ каюту явился Бурнашевъ, уже окончившій осмотръ крѣйткамеры.

— Знаете что, Александръ Ивановичъ,—обратился онъ къ временно командующему кораблемъ:—плохо вымыта у васъ большая крѣйткамера, сами видѣли, сколько въ пазахъ пороховой грязи, прикажите-ка ее лучше перемыть.

— Перемыть такъ перемыть, я сейчасъ отдамъ приказъ, а вы садитесь, пообѣдайте съ нами,—привѣтливо отвѣтилъ ему командиръ.

— Спасибо, Александръ Ивановичъ, но долженъ отказать, у меня нѣтъ времени, на берегу много дѣлъ.

И, распрощавшись съ остальными офицерами, Бурнашевъ уѣхалъ.

— Вотъ не во время-то мытье надумалъ,—недовольно замѣтилъ нашъ командиръ:—пустякъ такой, ему вездѣ надо носъ свой сунуть.

И, обратившись къ поручику Тибардину, добавилъ:

— Вотъ вамъ ключи отъ крѣйткамеры, прикажите хорошенько ее перемыть.

— Слушаю!—почтительно прикладывая руку къ козырьку надѣтой фуражки, отвѣтилъ тотъ и вышелъ на палубу, чтобы передать приказаніе командира.

— Какъ распорядитесь тамъ, возвращайтесь обѣдать,—крикнулъ ему въ отвѣтъ капитанъ.

Всѣ мы, недовольные отдаленіемъ времени до переправы на землю, сердились на неугомоннаго помощника капитана надъ портомъ.

— Принесло его не во-время!—сердито замѣтилъ лейтенантъ Шанцъ.

— Да вы, господа, не безпокойтесь особенно, это не долго насъ задержать,—кивнулъ намъ головой командиръ.

— Ну, что,—спросилъ онъ вернувшагося Тибардина:—распорядились?

— Распорядился, приказалъ цейхъ-вахтеру взять съ собой пять канонировъ и сейчасъ же приняться за работу.

— Ну, этотъ не задержать, умѣлый,—откликнулся кто-то изъ насъ.

Обѣдъ нашъ, на этотъ разъ затянувшійся, весело окончился, мы снова вышли на палубу, но по каютамъ не расходились, ожидая, когда окончится мытье крѣйткамеры и мы начнемъ втягиваться въ гавань, куда стремились всѣ наши желанія.

Стало темнѣть. Пробили склянки.

— Да ужъ шестой часъ,—недовольно проговорилъ Тибардинъ:—что они тамъ копаются? Нужно поторопиться!

Онъ направился въ крѣйткамеру.

Офицеры весело разговаривали, и, когда вернулся Тибардинъ, Обернибесовъ шутливо ему сказалъ:

— Скоро ты тамъ кончишь со своимъ мытьемъ?

— Сейчасъ, немного осталось, домываютъ.

— Не пойму, какъ они тамъ долго копаются.

— Въ темнотѣ-то прокопаешься,—сказалъ кто-то изъ насъ.

— Какъ темнота? Вѣдь крѣйткамерные фонари зажжены, да Мякишевъ взялъ съ собой два ручныхъ, одинъ тамъ на порожней бочкѣ стоитъ, а другой здѣсь, на палубѣ, вонъ видишь,—указалъ поручикъ на простой фонарь, стоявшій у входа въ камеру.

Сумерки ступились. Очертанія берега стали расплываться, на палубѣ было уже темно. Одинокій фонарь мерцалъ, точно звѣздочка.

— Темно намъ будетъ втягиваться!

Но сейчасъ же эта звѣздочка пропала, кто-то взялъ фонарь, спустился съ нимъ въ отверстіе крѣйткамеры.

— Это чего еще!—крикнулъ Табардинъ и бросился туда.

Изъ отверстія ея вышелъ цейхъ-вахтеръ Мякишевъ и доложилъ:

— Ваше благородіе, все вымыли!

— И малую?—спросилъ поручикъ.

— Точно такъ!

Только что онъ проговорилъ послѣднія слова, какъ мы услышали глухой взрывъ и изъ отверстія крѣйткамеры повалилъ густой дымъ.

— Кто это тамъ ударилъ въ турецкій барабанъ?—спросилъ меня шутливо лейтенантъ Лѣсковъ, когда я еще до взрыва перешелъ на кубрикъ, гдѣ онъ стоялъ.

— Должно быть, бочка упала, ваше высокоблагородіе,—нерѣшительно замѣтилъ матросъ, приготовлявшій тали.

Но по несшимся изъ крѣйткамеры крикамъ мы почували что-то неладное и сами бросились туда.

— Пожаръ на кораблѣ, мы горимъ!—раздались голоса.

Всѣ работы сразу остановились, къ крѣйткамерѣ бѣжали матросы, офицеры уже хлопотали о спасеніи погибающихъ.

— Какъ это случилось?—дрожа отъ волненія, спрашивалъ командиръ одного изъ канонировъ, Иванова.

Прерывистымъ голосомъ тотъ началъ ему докладывать:

— Бомбардиръ Ликукисъ принялся осматривать полки, онъ-то и взялъ въ палубу фонарь; ужъ не знаю, вынималъ ли онъ изъ него свѣчку, но къ картузамъ подходилъ съ нимъ, тутъ и пошелъ огонь.

Мы всѣ хлопотали, спасая людей. Нѣкоторыхъ вытащили совсѣмъ безъ памяти.

— Ваше высококордіе,—весь поблѣднѣвшій отъ дыма, докладывалъ командиру матросъ:—ихъ благородіе лейтенантъ Шанць безъ чувствъ внизу лежитъ.

— Спасайте его скорѣе, что вы тутъ стоите!—крикнулъ командиръ, и матросы снова бросились въ облако плотнаго дыма.

Лейтенантъ былъ спасенъ.

— Зови всѣхъ наверхъ!—послышалась команда капитана:—тамъ внизу они задохнутся.

Зазвенѣла призывная флейта, и люди бросились наверхъ.

Командиръ спѣшно созвалъ насъ всѣхъ и сталъ совѣтоваться, что дѣлать.

— Не иначе, какъ отворить кранъ въ бассейнѣ!

— Мало это поможетъ, не потушишь, нужно прорубить палубу,—совѣтовалъ другой офицеръ.

Но время терять было нельзя, и почти всѣ единогласно согласились, что нужно прорубить и затопить корабль.

Командиръ заплакалъ.

— Сжился я за четыре года съ нимъ, а теперь приходится топить!—и, махнувъ рукой, онъ еле слышно приказалъ:

— Спустите въ носовой части люки.

Среди шипѣнія пламени, со свистомъ вырывавшагося изъ отверстія обѣихъ крѣйткамеръ, послышались перебивчатые удары топора. Экипажъ рубилъ нашъ домъ, наше вѣрное пристанище за послѣдніе четыре года!

Тяжело было разставаться со старымъ другомъ, мы сжились, привыкли къ нему и теперь сами его губили, затопляли...

— Лейтенантъ Мѣсковъ!—уже болѣе твердымъ голосомъ отдавалъ приказанія командиръ:—возьмите судовый ящикъ съ деньгами и документами и отправляйтесь на берегъ.

Лейтенантъ послушно бросился въ каюту и, весь обернутый дымомъ, скрылся въ пей.

— Ужъ не погибъ ли онъ, не задохся ли?—опасливо говорили товарищи.

Но лейтенантъ, хотя и съ опаленными волосами, благополучно выскочилъ изъ каюты, въ рукахъ у него былъ ящикъ.

Мы помогли перенести его въ лодку и опустили его туда.

Пламя всюду вырывалось наружу. Его непріятный свистъ, точно змѣиный шипъ, слышался вездѣ.

Спасти корабль не было никакой надежды.

— Крѣпокъ, не тонеть, тяжело ему погибать, старику,—слышались голоса среди экипажа.

Нѣкоторые матросы даже всхлипывали.

— Если не тонеть, такъ нужно отвести его куда! Огонь перекинется на ближнія суда, захватитъ и стѣнку гавани,—говорили мы, въ свою очередь.

Потерявшій голову капитанъ отдавалъ приказанія, но что предпринять въ этомъ случаѣ, никто не зналъ.

Вѣтеръ былъ съ моря, очень свѣжій, отводу съ рейда въ сторону моря судно не поддавалось.

— Рубите носовой кабельтовъ, справа!—крикнулъ Обернибесовъ.—Готовьте передніе стаксели!

Корабль еле держался на остальномъ верпѣ и вмѣсто того, чтобы повернуться налѣво, заворотилъ въ правую сторону, не долго подрейфовалъ, медленно проплылъ мимо бастиона и плотно сталъ на мели, у самой гавани.

Всѣ опустили руки. Нашъ старикъ былъ въ эту минуту опасенъ для всѣхъ остальныхъ судовъ.

Начали заниматься ростери, точно веселыя змѣйки, огонь бѣжалъ по вантамъ. Команда толпилась на ютѣ и на бакѣ, но спастись не смѣла, ожидая приказа командира.

Горящій «Фершампенуазъ» представлялъ собою настоящій адъ, не слышно было ни крика, ни стона, вѣтеръ съ моря раздувалъ пламя, превращая его въ громадную пелену, окутавшую весь корабль.

Самъ командиръ стоялъ на бакѣ. По лицу его катились обильныя слезы, въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ пожертвовать жизнью, броситься въ воду и погибнуть. Но чувство долга удерживало его. Это чувство передалось и намъ всѣмъ, офицерамъ.

Нужно было спасти сперва команду, а затѣмъ уже самимъ спастись послѣдними или погибнуть.

Мы не замѣтили даже впопыхахъ, растерявшись, какъ на бортъ пріѣхалъ контръ-адмиралъ Плятеръ. Онъ былъ нашимъ командиромъ и только что теперь его произвели въ контръ-адмиралы.

— Ребята! Спасайтесь!—крикнулъ онъ командѣ, и, точно неожиданно сметаемые вѣтромъ съ дерева спѣлыя плоды, матросы стали кидаться въ воду, торопясь оставить корабль, идѣ огонь ужъ приближался къ нимъ и становилось трудно дышать отъ дыма.

— Тише, ребята, не торопитесь, не кидайтесь все сразу, подавите!—кричали офицеры.

Но команду остановить было трудно.

Тиская одинъ другого, они летѣли съ борта, давая товарищей.

— Лейтенантъ, что же вы-то стоите?—окликнулъ кто-то вахтеннаго лейтенанта Богданова, стоявшаго на ютѣ:—спасайтесь.

Въ это мгновеніе толпа, натиснувшаяся на Богданова, сбросила его въ воду.

Весь нашъ горящій корабль былъ опоясанъ множествомъ шлюпокъ и лодокъ, но они держались на значительномъ разстояніи, боясь подойти къ горящему судну.

Никогда я не забуду, что происходило въ эту минуту.

Лодки подбирали плывущихъ къ нимъ матросовъ и офицеровъ, но немало изъ команды при этомъ погибло.

Готовясь броситься съ борта, я услышалъ, что въ рубкѣ что-то шевелится.

Я бросился туда и увидѣлъ подполковника Ванчурина; онъ навязалъ на себя нѣсколько узловъ и еще не успѣлъ окончить свою работу.

— Торопитесь!—крикнулъ я ему:—сейчасъ загорится все это, развѣ не видите вы, какъ льется сюда пламя!

— Сейчасъ, сейчасъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Ванчуринъ:—вѣдь это все мое добро, все деньги, которыя я скопилъ за кампанію.

Я помогъ ему выбраться къ борту, и онъ нерѣшительно прыгнулъ въ воду.

Бѣдняга, тяжелые узлы не дали ему возможности плыть, и онъ, не долго повертѣвшись на мѣстѣ, пошелъ ко дну.

Его погубила жадность. Онъ пожалѣлъ денегъ и имущества.

— Все ли очистили корабль?—охрипшимъ голосомъ крикнулъ командиръ.

Никто не отозвался.

Онъ повторилъ свой вопросъ.

Только свистъ пламени и журчаніе вливавшейся въ трюмъ воды было ему отвѣтомъ.

Командиръ Барташевичъ стоялъ на бакѣ. Онъ сталъ медленно спускаться по висѣвшему якорю, съ котораго соскочилъ въ воду.

Онъ не старался спастись. Движенія его были медленны, казалось, что онъ считалъ для себя лучшей участью погибнуть.

Шлюпка, на которой находился я съ лейтенантомъ Шанцемъ, подошла къ нему.

Мы взяли его на бортъ, совершенно обезсилѣвшаго.

— Стойте, стойте!—дико вскрикнулъ командиръ:—да вѣдь на борту еще адмиралъ!

Это восклицаніе невольно заставило насъ повернуть лодку и подойти къ объятому пламенемъ судну.

Лейтенантъ снова взобрался на палубу и съ нимъ корабельный кузнецъ.

Одновременно, когда они бросились въ каюту, рама капитанской каюты была вышиблена кѣмъ-то и оттуда выбрались адмиралъ съ докторомъ Кареліусомъ и боцманмать. Они спрыгнули въ воду и держались, пока къ нимъ не подошла шлюпка.

Невольно намъ пришлось отойти отъ корабля.

Громадныя головни летѣли прямо въ шлюпку, лейтенантъ и кузнецъ остались на борту.

Шлюпка, отвезя спасагося адмирала, проходила подъ крамболомъ корабля, тоже охваченнымъ огнемъ, и волосы у гребцовъ загорались.

Вода отъ жары дѣлалась красной.

Они замѣтили еле державшихся на концѣ крамбола лейтенанта и кузнеца.

— Бросайтесь скорѣе, вы сгорите и насъ погубите, смотрите, фокъ-рея сейчасъ упадетъ намъ на голову!—крикнули они имъ, и тѣ оба спрыгнули въ воду; вслѣдъ за ними свалилась и рея, вся объятая огнемъ, переломивъ у шлюпки три весла.

Но смѣлые гребцы, подхвативъ упавшихъ, выгребли, и лодка вышла изъ полосы огня.

Уже потомъ лейтенантъ рассказывалъ мнѣ, какую страсть они пережили съ этимъ кузнецомъ, находясь на суднѣ.

Вотъ что онъ мнѣ рассказывалъ; записываю съ его словъ:

«Во время тушенія пожара я упалъ въ обморокъ. Стараясь привести меня въ чувство, съ меня сорвали сюртукъ и обливали водой. Когда очнулся и снова бросился въ огонь, я забылъ о сюртукѣ, безъ него было очень жарко. Вторично очутившись на суднѣ, когда пламя охватило все батареи, я переносилъ и жаръ и холодъ. Сильный вѣтеръ съ моря пронизывалъ мнѣ спину, въ то время какъ грудь палило невыносимымъ жаромъ. Насъ было трое: я, кузнецъ и матросъ.

«— Братецъ ты мой,—сказалъ я послѣднему:—у дверей капитанской каюты подъ склянками виситъ мой фризовой сюртукъ, попробуй, не достанешь ли его?

«— Да вѣдь тамъ все въ огнѣ!

«— Ничего,—замѣтилъ кузнецъ:—пойми самъ, Иванъ Ивановичъ перемерзъ до смерти, шлюпки нѣтъ и броситься въ воду нельзя, такъ зря утонемъ. Ну, ступай съ Богомъ!

«Кузнецъ толкнулъ матроса въ спину.

«Я невольно пожалѣлъ, что послалъ его за сюртукомъ, но прошло

мгновеніе, и матросъ вернулся съ нимъ. Я поблагодарилъ его, надѣлъ и немного согрѣлся.

«Пламя разстлалось горизонтально надъ нашими головами. Надъ нами горѣла фокъ-рея съ парусомъ.

«Какъ не прійти въ отчаяніе? Куда дѣться? Какъ спастись?»

«— Будемте прыгать въ воду!—съ отчаяніемъ проговорилъ матросъ и, не слушая насъ, совѣтовавшихъ ему не бросаться, онъ прыгнулъ въ воду... и больше не показывался на поверхность.

«Кое-какъ мы перебрались, согнувшись, почти ползкомъ на лѣвый крамболъ, подъ которымъ висѣлъ якорь.

«Внизу, около лавъ его, раскаленныхъ докрасна, держались въ водѣ, за что, я до сихъ поръ не могу понять, двое изъ команды и кричали о помощи. Но, не дождавшись ея, погибли...

«Мы съ кузнецомъ доползли до конца крамбола, я спереди, онъ сзади, стали махать руками и кричать о помощи. Въ это время наше судно находилось саженьяхъ въ сорока отъ деревянной стѣнки гавани.

«— Ваше благородіе, Иванъ Ивановичъ, продвиньтесь впередъ, шуба горитъ у меня на спинѣ!—услышавъ я просьбу кузнеца:—если не продвинетесь, я кинусь въ воду!

«Я невольно продвинулся на нѣсколько дюймовъ, еле держась на самомъ краю крамбола.

«Кузнецъ сзади охватилъ мои плечи руками, чтобы я не упалъ.

«— Шлюпка идетъ, ваше благородіе, шлюпка!—радостно крикнулъ онъ мнѣ.

«Дѣйствительно, приближалась шлюпка съ офицеромъ, но, подойдя къ мѣсту, гдѣ вода отъ жары сдѣлалась красной, должна была повернуть назадъ.

«Нами овладѣло отчаяніе, мы старались кричать имъ, но не могли, горло у насъ пересохло.

«Только когда, черезъ нѣсколько мгновеній, подлетѣла къ намъ гичка адмирала съ однимъ гребцомъ и смаху очутились подъ крамболомъ, я рѣшительно прыгнулъ въ воду, а велѣдъ за мною бросился и кузнецъ, причемъ, надавая, онъ больно ударилъ меня каблучкомъ по головѣ.

«Гребцы взяли насъ за весла и отлетѣли отъ горячаго судна.

«Все мое имущество сгорѣло на кораблѣ, на другое утро у меня не было даже собственной рубашки».

Вотъ что разсказывалъ мнѣ лейтенантъ Шанць.

Къ тяжелой карѣ приговорилъ морской судъ временно командовавшаго кораблемъ капитанъ-лейтенанта Барташевича, по несчастной случайности замѣнившаго настоящаго командира, Плятера, только что произведеннаго въ контръ-адмиралы и съѣхавшаго съ корабля...

Онъ былъ присужденъ «къ лишенію живота», т. е. къ смертной казни. Тибардинъ за неисправную очистку крѣйткамеры и внесене въ нее двухъ ручныхъ фонарей и за то же цейхъ-вахтеръ Мякишевъ были присуждены къ тому же, но аудиторіатскій департаментъ оправдалъ командира, а артиллерійскаго офицера и цейхъ-вахтера въ уваженіе неумышленности ихъ вины и прежней хорошей службы предложилъ разжаловать въ рядовые безъ выслуги.

Въ свою очередь, адмиралтействъ-совѣтъ положилъ свое мнѣніе:

«Какъ всякое, кѣмъ-либо изъ офицеровъ сдѣланное упущеніе въ большей или меньшей мѣрѣ лежитъ по законамъ на отвѣтственности командира, то и совѣтъ не можетъ оправдать капитанъ-лейтенанта Барташевича, а полагаетъ участь сего офицера предать въ милостивое воззрѣніе государя императора».

Государь же императоръ, пригласивъ въ присутствіе адмиралтействъ-совѣта адмираловъ Кроуна, Пустошкина и другихъ опытныхъ флагмановъ, опредѣлилъ мѣру вины командовавшаго кораблемъ и слѣдующее ему наказаніе и собственноручно написалъ:

«Капитанъ-лейтенанта Барташевича, признавая виновнымъ въ пренебреженіи своей обязанности, въ томъ, что послѣ первой очистки крѣйткамеры, оказавшейся неисправно исполненной, не удостовѣрился самъ, что она очищается съ должной осмотрительностью, отъ чего и послѣдовала при пожарѣ корабля гибельная смерть 48 человекъ вѣреннаго ему экипажа, разжаловать въ матросы впродъ до выслуги, а въ прочемъ быть по сему».

О, сколь превратна судьба, въ короткое время испепелившая могучій корабль, погубившая не мало человѣческихъ жизней и испортившая жизнь нѣсколькимъ людямъ!

Всѣ мы слѣпцы, высоко мнящіе о себѣ, о своихъ достоинствахъ; достаточно одного мановенія ся, и все наше счастье, наше благосостояніе исчезаетъ аки дымъ...

И грозный корабль и гордо мнящіе о себѣ люди превращаются въ прахъ, въ тлѣнь!

О, сколь справедливы слова мудреца: «Суета суетъ и всяческая суета!»

Этими словами и заканчиваются записки синенькой тетрадки. Ни имени, ни званія автора я не нашелъ нигдѣ; только потомъ, по справкамъ въ архивѣ, мнѣ довелось узнать, что корабль «Фершампенуазъ» дѣйствительно погибъ отъ взрыва на кронштадтскомъ рейдѣ, у входа въ гавань, въ 1831 году. Участь виновныхъ въ этомъ взрывѣ офицеровъ неизвѣстнымъ авторомъ сообщена совершенно вѣрно, точно также справедливо приведены и слова государя императора Николая I.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

А. Н. МАЙКОВЪ.

(Изъ дневника).

I.

В ОДИНЪ изъ осеннихъ дней 1889 года, когда стояла чудесная, столь рѣдкая для Петербурга погода, я позвонилъ въ квартиру Майкова.

Онъ много лѣтъ жилъ въ одномъ и томъ же огромномъ домѣ (теперь Фокина) на Садовой, вблизи Екатерингофскаго проспекта,—если не ошибаюсь, въ третьемъ этажѣ. Окна квартиры приходились какъ разъ противъ Юсупова сада.

Что побудило Аполлона Николаевича поселиться на одной изъ самыхъ несимпатичныхъ петербургскихъ улицъ, смрадной и шумной, сказать трудно. Лично онъ говорилъ С. И. Уманцу, автору воспоминаній о немъ: «Предо мною садъ, а не скучный фасадъ какого-нибудь дома казарменнаго вида. Зимой деревья словно покрыты серебромъ, а въ началѣ весны, предъ отъѣздомъ на дачу, я наблюдаю, какъ они постепенно оживаютъ; какъ на нихъ показываются завязи... Къ тому же, много свѣта и небо видно, а это въ Петербургѣ надо цѣнить».

Меня не заставили долго ждать: поэтъ оказался дома.

Предо мною былъ средняго роста сухощавый старикъ съ длинною сѣдою бородой, очень бодрый, несмотря на свои почти семьдесятъ лѣтъ. Изъ-подъ очковъ смотрѣли на меня умные и острые

глаза, обычно добрые и привѣтливые. Стройною фигурой и вѣщностью вообще Майковъ мало напоминалъ своего младшаго брата, академика Леонида Николаевича.

Въ простомъ, симпатичномъ обращеніи почти не было ничего покровительственнаго.

Мы прошли въ кабинетъ, небольшую, но уютную комнату, заставленную книжными шкапами. На стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ хорошей школы.

— Давайте, потолкуемъ: я свободенъ,—проговорилъ хозяинъ, и у насъ начался интересный разговоръ.

Свою писательскую карьеру я началъ съ переводовъ древнихъ классиковъ, имѣвшихъ крупный успѣхъ и давшихъ мнѣ литературное имя. Незадолго до личнаго знакомства съ Майковымъ я переслалъ ему нѣсколько томиковъ этихъ переводовъ—знаменитыя «Характеристики» Теофраста, «Картину» Кебета, избранныя басни Эзопа, рѣчи Цицерона противъ Катилины, «Основанія стоицизма» Эпиктета, «Медею» Еврипида и другіе, зная, что къ древнимъ классикамъ Аполлонъ Николаевичъ чувствуетъ большія симпатіи.

Зашелъ я къ нему подъ предлогомъ получить разрѣшеніе на перепечатку второго явленія пятаго дѣйствія трилогіи Эсхила— хора и Кассандры изъ «Агамемнона».

Я подготавливалъ тогда къ печати своихъ «Древне-греческихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ». На основаніи цензурнаго устава я имѣлъ право, ничѣмъ не рискуя, перепечатать переводъ Майкова и безъ его согласія. Мнѣ просто хотѣлось, подъ благовиднымъ предлогомъ, познакомиться со знаменитымъ писателемъ, что я и сдѣлалъ.

Въ Аполлонѣ Николаевичѣ я нашелъ строгаго, но благосклоннаго критика.

— Съ большимъ интересомъ прочелъ ваши работы. Хорошее дѣло вы задумали, не бросайте только его на половинѣ дороги. «Характеристики» Теофраста великое произведеніе, единственное въ своемъ родѣ. Я прочелъ его впервые. Сколько правды въ этихъ «Характеристикахъ»! Какая наблюдательность! Вѣдь въ нихъ изображены люди нашего времени, лишь обстановка другая! Сатиры почти не видно; но она невольно чувствуется въ каждой строкѣ греческаго автора. Прекрасно сдѣлали, что косвенную рѣчь въ басняхъ Эзопа превратили въ прямую. Отъ этого значительно выиграла живость изложенія. Передѣлка Эзоповыхъ басенъ, сдѣланная Толстымъ, совсѣмъ не удовлетворяетъ меня: черезчуръ уже онѣ сухи и безцвѣтны...

Очень понравилась поэту и «Медея» Еврипида, а отъ стойка Эпиктета онъ пришелъ въ восторгъ. Зато Кебетъ и Цицеронъ не произвели на него сильнаго впечатлѣнія.

— Ишь какъ вы защищаете и объляете въ своемъ введеніи этого Катилину! Такимъ ли невиннымъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ? Неужели всѣ только клеветали на него по уговору?..

Мнѣ невольно вспомнился тогда другой цензоръ, Адикаевскій, который, прочитавъ мою апологію Катилины, только развелъ руками и заставилъ меня смятчить и даже выкинуть нѣсколько мѣстъ изъ моего введенія, мѣстъ, слишкомъ рѣзкихъ и «вольныхъ», по его мнѣнію.

А не могу не сознаться, что въ общемъ Адикаевскій очень благоволилъ ко мнѣ и цензоръ былъ въ достаточной степени «либеральный», но, конечно, не чета милѣйшему Н. М. Соколову, такъ рано умершему.

Новѣйшія открытія подтвердили вѣрность моего взгляда на несчастнаго римскаго заговорщика.

— Поэтовъ слѣдовало бы переводить стихами, по хорошимъ прозаическимъ переводамъ,—продолжалъ Майковъ.—Древніе языки знаютъ не всѣ. Если текстъ подлинника дошелъ до насъ искаженнымъ, приходится иногда, при переводѣ, догадываться чутьемъ. Когда я переводилъ Эсхила, я окружилъ себя пособіями; но они далеко не всегда выручали меня. Вотъ вамъ примѣръ.

Онъ взялъ томикъ своихъ стихотвореній и началъ декламировать слѣдующее мѣсто изъ роли Кассандры:

Мои слова, какъ предразсвѣтный вѣтеръ,
Вослѣдъ за бурной ночью вамъ раскроютъ,
Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя,
Какъ то, что вынесетъ теперь волна
Изъ темныхъ безднъ и на берегъ вамъ кинетъ!

— Тутъ я переводилъ чутьемъ.

Я слушалъ молча. Но справедливость требуетъ сказать, что чисто Эсхиловскаго въ переводѣ Майкова не много. Это не переводъ, а скорѣй варіація—и то довольно отдаленная—на греческую тему, варіація, въ которой виденъ огромный не переводческій, а оригинальный талантъ нашего поэта.

— Мнѣ говорилъ о васъ Петръ Александровичъ Ефремовъ. Скажите, отчего вы такъ упорно не хотите служить?..

— Не будетъ времени заниматься литературой, да и имя литератора я предпочитаю всѣмъ остальнымъ.

— Все это прекрасно; но въ Россіи безъ службы или состоянія писателю жить трудно. Служили бы, а кстати и пріучались къ аккуратности. Именно служба учить быть аккуратнымъ.

— Боюсь, меня со службы скоро выгонять. Я покладливостью не отличаюсь, а прислуживаться тошно.

Аполлонъ Николаевичъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Стерпится—слубится. Да и вы навѣрное лучше, чѣмъ говорите о себѣ.

Мы разстались, причѣмъ Майковъ взялъ съ меня слово, что я еще разъ зайду къ нему.

II.

Вскорѣ я опять былъ въ знакомой квартирѣ. Разговоръ снова зашелъ о литературѣ.

— Какъ вамъ нравится мой Аполлодоръ Гностикъ?

— Превосходенъ.

Въ отвѣтъ Майковъ расхохотался и, видимо, отъ души.

Я недоумѣвалъ.

— Аполлодора Гностика вы, вѣроятно, искали въ энциклопедическомъ словарѣ?

— Признаюсь, искалъ, и даже усердно, но не нашелъ. Хотѣлъ помѣстить отрывки изъ него въ своихъ «Древне-греческихъ поэтахъ».

— Ну, въ этомъ отношеніи вы не одинъ, у васъ найдутся товарищи,—продолжалъ, смѣясь, Аполлонъ Николаевичъ. — Аполлодоръ Гностикъ—позвольте представиться—это я самъ, собственно персоной!

Я просилъ его прочесть что-либо изъ этого отдѣла его стихотвореній, и онъ мастерски, тихо, но отчетливымъ голосомъ, и медленно, но выразительно, какъ прозу, подчеркивая отдѣльныя слова, продекламировалъ одно изъ задушевнѣйшихъ своихъ стихотвореній, тогда только что сочиненныхъ, «свѣженькихъ», употребляя выраженіе Пушкина:

Поэзія—вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество;
Тебѣ въ ней—свѣтъ на все созданье,
Въ ней—Божество!

Ея сіяніе святое,
Разъ ощутивъ,—навѣкъ забыть
Все мимолетное, земное,
Лишь ею жить;

Одно лишь сознать блаженство,
Что въ духъ твой глубже все идетъ
И полнота, и совершенство
Ея красоть...

И вотъ ужъ онъ—проникнуть ею...
Остался мигъ—совсѣмъ прозрѣть:
Тамъ—вновь родиться, слившись съ нею,
Здѣсь—умереть!

И, зачарованный музыкальнымъ стихомъ и превосходнымъ чтеніемъ, я невольно, чисто по-дѣтски, неожиданно спросилъ поэта, когда онъ кончилъ:

— «Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...», «Посмотри, въ избѣ, мерцающая...», «Лѣсомъ частымъ и дремучимъ»,—все это сочинили вы?

И, улыбаясь своею доброю улыбкой, онъ ласково отвѣтилъ мнѣ, видимо, тронутый!:

— Я, я, Василий Алексѣевич!..

Передо мной на мигъ воскресли мои счастливые школьные годы...

Затѣмъ Майковъ и въ это наше свиданіе вернулся къ одной изъ любимыхъ темъ разговоровъ со мною. Онъ зналъ, что тогда я усердно ухаживалъ за одной барышней и что мой бракъ зависѣлъ оттого, буду ли я имѣть постоянныя занятія, но не литературой..., а гдѣ-нибудь... въ душевной канцеляріи.

— Поступайте на службу,—говорилъ Аполлонъ Николаевичъ.— Нынѣшнія дѣвицы въ большинствѣ случаевъ черезчуръ практичныя: поэтовъ и писателей не жалуютъ. Сегодня густо, а завтра пусто. Служба даетъ, по крайней мѣрѣ, въ денежномъ отношеніи нѣчто опредѣленное и постоянное.

И онъ продолжалъ развивать свою тему, которой я внутренно совершенно не сочувствовалъ тогда, какъ не сочувствую и теперь, спустя много лѣтъ: Все же я слушалъ его внимательно, такъ какъ говорилъ онъ не только интересно, но и увлекательно.

Какъ собесѣдникъ, впрочемъ, Майковъ былъ далеко не такъ занимателенъ, какъ Григоровичъ, съ которымъ я тоже былъ знакомъ лично. Всегда съ богатымъ запасомъ анекдотовъ, авторъ «Акробатовъ благотворительности» умѣлъ чрезвычайно удачно острить и не менѣе удачно высмѣивать и вышучивать лицъ, почему-либо ему несимпатичныхъ, напоминая этимъ Константина Скальковского. Но, какъ человѣка, Дмитрія Васильевича нельзя было и сравнивать съ Майковымъ. Вдова извѣстнаго художника Н. рассказывала мнѣ, какъ Григоровичъ, желая выслужиться, сумѣлъ разстроить покупку одной большой картины ея покойнаго мужа московскимъ меценатомъ. Послѣ объясненія съ Григоровичемъ послѣдній зѣло убоялся «антиправительственнаго» направленія картины, въ сущности безобидной, и если и съ тенденціей, то очень скромной. Въ бесѣдѣ съ Григоровичемъ чувствовалось, что онъ не любилъ людей вообще—не любилъ, по крайней мѣрѣ, въ старости, или, вѣрнѣе, презиралъ ихъ.

Вскорѣ, однакожь, мое упорство, «по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ», было сломлено, и я рѣшилъ искать мѣста, но частнаго, поближе къ книжному дѣлу и литературѣ. Нѣкій крупный столичный издатель обѣщалъ пристроить меня, просилъ только обождать пріѣзда сына. Я ждалъ три съ половиной года, подождать полтора мѣсяца—ничего не стоило. Наконецъ сынъ, вершитель моихъ судебъ, вернулся—и наотрѣзъ отказался что-либо сдѣлать для меня. Моя предполагаемая теща, «железный канцлеръ» въ юбкѣ, смотрѣвшая на все и на всѣхъ исключительно

съ практической точки зрѣнія и помыкавшая мою пассіей, послѣ той исторіи круто измѣнила свое отношеніе ко мнѣ. Мое сватовство разстроилось именно изъ-за того, что я нигдѣ не служилъ и былъ, [въ глазахъ нѣкоторыхъ госпожъ, вѣтрогономъ, представителемъ свободной профессіи.

Аполлонъ Николаевичъ, ближе меня знавшій людей, оказался правъ. Узнавъ стороной о моей неудачѣ, онъ написалъ мнѣ теплое, сочувственное письмо. Къ сожалѣнію, оно сгорѣло вмѣстѣ съ прочими автографами поэта и моей библіотекой нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

III.

Насталъ 1893 годъ. Въ концѣ его одно петербургское общество, нуждаясь въ средствахъ, задумало устроить грандіозный музыкально-литературный вечеръ.

Приглашать лекторовъ-писателей было поручено мнѣ.

Между прочимъ, я заѣхалъ къ Майкову, желая попытаться, нельзя ли уговорить его, чтобы онъ, послѣ долгаго перерыва, выступилъ на эстрадѣ.

Къ сожалѣнію, я не засталъ его дома.

Черезъ день, въ отвѣтъ на мое письмо, всегда деликатный и на рѣдкость отрывчивый Аполлонъ Николаевичъ прислалъ мнѣ слѣдующія строки:

«26-го ноября 1893 г. Многоуважаемый Василій Алексѣевичъ! очень жалѣю, что вы вчера не застали меня дома. Лично мнѣ было бы гораздо легче изъяснить вамъ тѣ причины, почему болѣе десяти лѣтъ я не участвую въ публичныхъ чтеніяхъ. Это просто—по приговору моихъ докторовъ, такъ какъ всякій выходъ въ публику меня ужасно волнуетъ, что долго потомъ отражается у меня на печени, а въ послѣдніе годы и на сердцѣ.

«Въ сочувствіи моемъ цѣли вашихъ хлопотъ, конечно, вы не сомнѣваетесь: я и самъ долженъ буду въ теченіе поста тоже постараться устроить подобный же вечеръ, въ пользу моей школы, уже три года дѣйствующей на Сиверской станціи. Поэтому позвольте подѣлиться съ вами нѣкоторыми моими наблюденіями. Нынче публика вяло относится къ чисто литературнымъ вечерамъ (или утрамъ). Для большаго успѣха необходимо чтеніе перемежить съ музыкой и пѣніемъ: заручитесь какимъ-нибудь музыкальнымъ именемъ.

«Что же касается до меня, то позвольте ограничить мое участіе въ вашемъ дѣлѣ скромнымъ приношеніемъ въ пользу опекаемыхъ вами дѣтей—десяти рублей. Укажите только, куда ихъ доставить,—городская почта, кажется, такихъ денегъ не принимаетъ.

«Вполнѣ вамъ сочувствующій

«А. Майковъ».

Иначе отвѣтили Григоровичъ, къ которому и обратился съ письмомъ, по тому же поводу. Такъ официально отвѣчаютъ развѣ людямъ совершенно незнакомымъ. Должно быть, Димитрій Васильевичъ писалъ на скорую руку, лишь бы соблюсти вѣжливость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣлаться отъ нежелательнаго для него приглашенія.

Вотъ его письмо:

«Къ истинному моему сожалѣнію, принужденъ отказаться отъ предложенія вашего, несмотря на истинное сочувствіе къ дѣлу, которымъ вы завѣдуете. Причина, мѣщающая мнѣ принять участіе въ чтеніи, заключается въ болѣзни горла, которой я давно страдаю.

«Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ вамъ уваженіи и преданности.

«Д. Григоровичъ».

«21-го ноября, 1893 г.

Сколько въ этомъ письмѣ «истиннаго», нѣтъ только истины!

У Михайловскаго я былъ лично. Николай Константиновичъ охотно общалъ прочесть своего классическаго «Иуду», но, какъ и предполагалъ, въ разговорѣ со мною, знаменитый публицистъ, градоначальникъ не разрѣшилъ ему выступить публично.

Несмотря на всѣ неудачи и препятствія, чинимыя администраціей вечеръ, въ Соляномъ Городкѣ удался и далъ въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ порядочную сумму. Выступали чтецами Баранцевичъ, Мережковский, Владимиръ Тихоновъ и другіе, пѣлъ извѣстный басъ Серебряковъ, на концертно игралъ виртуозъ Н. И. Шумиловъ.

Когда я чрезъ нѣсколько дней послѣ письма заѣхалъ къ Аполлону Николаевичу, чтобы поблагодарить его за участіе и пожертвованіе и заодно принять послѣднее, онъ съ печальною улыбкой сказалъ мнѣ:

— Кому нуженъ теперь Майковъ. Публика давно охладѣла ко мнѣ.

Онъ не объяснилъ, почему; но лично я хорошо зналъ причину охлажденія къ поэту либеральной части нашего общества.

Въ 1896 году вышелъ томикъ моихъ «Избранныхъ эпиграммъ греческой антологіи въ русскомъ переводѣ».

Я рѣшилъ посвятить свою новую работу маститому поэту и предварительно написалъ, прося разрѣшеніе посвятить ему «Антологію», какъ автору стихотвореній «въ антологическомъ родѣ», тѣхъ самыхъ, о которыхъ Бѣлинскій писалъ въ свое время:

«...Сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ,—любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы!.. Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ талапта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека».

Написанное въ 1841 году не потеряло своего значенія и пятьдесятъ пять лѣтъ спустя.

Отвѣтъ не замедлилъ.

Свое согласіе Майковъ выразилъ въ слѣдующей изящной формѣ:

«Многоуважаемый Василій Алексѣевичъ! Вы приводите меня въ крайнее смущеніе вашимъ желаніемъ посвятить мнѣ вашу греческую антологию. Я былъ еще мальчишка-ученикъ, а «Антологія» была нѣкоторое время моей гувернанткой: какъ же гувернантку посвящать ученику? Скорѣй бы наоборотъ, а то много чести.

«Впрочемъ, воля ваша! Я вамъ изложилъ мой конфузъ, но какъ барышня, которой говорятъ комплименты,—улыбается, краснѣя, хотя знаетъ, что не все въ нихъ правда.

1895.

мая 16-го.

«Весь вашъ

«А. Майковъ».

Этимъ письмомъ восторгался покойный Баргеновъ.

— Я не подозрѣвалъ, что Майковъ такой стилистъ,—говорилъ онъ мнѣ.

Вскорѣ, 8-го марта 1897 года, не стало Аноллова Николаевича.

Немного было насъ, когда мы, въ теплый весенній день, проважали его до Новодѣвичьяго кладбища; но всѣ мы, съ болью въ душѣ, сознавали, что хоронимъ послѣдняго великаго поэта земли русской, представителя старой школы, поклонника и поборника чистой красоты и любви къ человѣчеству.

Слишкомъ двадцать четыре года прошло со дня нашей первой встрѣчи. Я сталъ не тотъ, изъ жизнерадостнаго и веселаго—разочарованнымъ въ себѣ и людяхъ, замкнутымъ и озлобленнымъ. И, перечитывая выцвѣтшія страницы своего дневника, я давно понималъ, что покойный поэтъ былъ для меня однимъ изъ тѣхъ, которые способны ободрить и утѣшить васъ въ тяжелыя минуты. Тѣмъ сильнѣе чувствую я эту потерю до сихъ поръ...

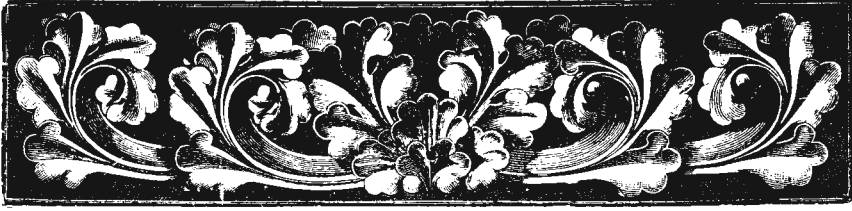
И хочется сказать въ память о почившемъ его же стихами:

Милыхъ, что умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ сохрани!

Тамъ они—ангелы
Будутъ хранители
Въ жизненныхъ буряхъ тебѣ!

Жить послѣ смерти въ сердцахъ тѣхъ, которыхъ мы покидаемъ,
не значить еще умереть...

В. А. Алексѣевъ.

КАКЪ Я БЫЛЪ СОСѢДОМЪ ЦАРЯ.

(Разсказъ коммерсанта)¹⁾.

НѢ, казанскому обывателю, покупать дачу въ Гатчинѣ было по меньшей мѣрѣ неразумно. Но когда мнѣ сообщили, что, какъ хозяинъ дачи, я буду сосѣдомъ царя, то я не могъ не купить ее. И хотя дача въ Гатчинѣ была нужна мнѣ только, какъ спесивому боярину горностаевая шуба въ юнѣ, тѣмъ не менѣе я не пожалѣлъ за нее болѣе пятнадцати тысячъ. А чтобы дѣйствительно быть царскимъ сосѣдомъ, мнѣ казалось необходимымъ сколько-нибудь пожить на дачѣ. Поэтому при первой же возможности я съ семьей переселился въ Гатчину.

Дача понравилась всѣмъ, особенно моей старшей дочери, Татьянѣ. Впрочемъ, она не могла не понравиться. Большой барскій домъ, принадлежавшій когда-то князьямъ Г., былъ превосходенъ; царившее вокругъ оживленіе для насъ, привыкшихъ къ тишинѣ, было чрезвычайно занимательнымъ на первыхъ порахъ. Казалось, соскучиться на дачѣ не было никакой возможности. Однако для меня такая возможность скоро нашлась.

Само собою разумѣется, что въ Гатчинѣ у меня не было и быть не могло такихъ пріятелей, какъ въ Казани. Правда, людей вокругъ было много, только всѣ они казались мнѣ какими-то особенными. Гуляешь, бывало, среди нихъ и все время чувствуешь себя неловко: точно на балу присутствуешь, гдѣ, кромѣ генераловъ, нѣтъ ни одного мужчины. Бывало, что глазамъ отдохнуть на простомъ человѣкѣ

¹⁾ Разсказъ относится къ началу 80-хъ годовъ.

въ теченіе нѣсколькихъ дней не приходилось. Развѣ только лворника или садовника изрѣдка увидишь... О лакеяхъ, которыхъ въ Гатчинѣ было видимо-невидимо, я не говорю: ихъ лакейская важность казалась мнѣ еще болѣе несносной, чѣмъ чиновничья. Какъ взглянуть, бывало, какой-нибудь изъ нихъ на мою поддевку да смазные сапоги, такъ, признаться, самому себѣ начинаешь казаться какимъ-то звѣремъ заморскимъ.

А вѣдь не обрѣчь же мнѣ было на старости лѣтъ!? Не смѣнить же поддевку на кургузый пиджакъ?

Словомъ, недѣли черезъ три Гатчина показалась мнѣ скучной.

Меня потянуло въ Казань, гдѣ у меня было въ то время крупное торговое предпріятіе. Но я не торопился уѣзжать, такъ какъ меня удерживало въ Гатчинѣ желаніе увидѣть государя, котораго я никогда не видѣлъ. Тѣмъ болѣе, что я слышалъ, будто царь скоро пріѣдетъ.

Скорѣй бы!—вотъ чего я желалъ.

Это желаніе усиливалось помимо всего еще тѣмъ, что меня начало беспокоить поведеніе старшей дочери. Жизнь въ Гатчинѣ совсѣмъ вскружила ей голову. Сначала Татьяна цѣлые дни проводила у окна, глазѣя на проходившихъ мимо офицеровъ, которыхъ здѣсь было столько, что больше, кажется, нельзя. Потомъ съ однимъ изъ нихъ она сумѣла какъ-то познакомиться... Начались прогулки, хлопоты о нарядахъ, словомъ, барышня закуролесила.

Разумѣется, это не могло мнѣ понравиться. И вотъ отъѣздомъ съ дачи я надѣялся положить всему этому конецъ.

«Хотя Татьяна,—думалъ я,—и въ институтѣ училась, и по-французски говорить, и красавица, а все-таки здѣшнему офицеру не пара».

«Съ пятьюдесятью тысячами,—разсуждалъ я,—ее коммерсантъ охотно посватаетъ, а это хотя и не такъ для нея покажется привлекательнымъ, да потомъ будетъ казаться лучше».

— Послушай, Таня,—сказалъ я ей однажды:—мнѣ думается, тебѣ скучно здѣсь? Не лучше ли намъ уѣхать домой?

— Да что вы, папенька! Напротивъ, мнѣ здѣсь очень весело,—торопливо проговорила дочь какимъ-то испуганнымъ голосомъ.

— А мнѣ такъ скучновато здѣсь... Почему это? Какъ ты думаешь?—спросилъ я.

— Вы, папенька, не судите о другихъ по себѣ. У васъ другія требованія отъ жизни... Вотъ если бы вы были барышней да о настоящей жизни читали...

— Да если бы, молю, знали превосходство одной офицерской формы предъ другой... Такъ?

— Богъ знаетъ, что вы говорите!

— Мнѣ думается, не только Богъ, а и ты знаешь, что я говорю... Итакъ, мы скоро уѣдемъ отсюда. Ты, вѣроятно, только стыдишься

сознаться, что соскучилась по Казани и по казанскимъ знакомымъ, — сказалъ я въ заключеніе, присматриваясь къ покраснѣвшей дочери.

Изъ этого короткаго разговора я понялъ, что съ Татьяной, дѣйствительно, творится что-то неладное.

«Немудрено, — размышлялъ я. — Офицеръ, кажется, красивъ. Провинціалкѣ не трудно увлечься имъ. Особенно, если принять во вниманіе ловкость, бойкость и блескъ, которыми отличаются здѣшніе офицеры».

Въ окончательномъ итогѣ я твердо установилъ необходимость уѣзжать изъ Гатчины, какъ только увижу царя.

А царь все не ѣхалъ.

Прошла недѣля. И только наконецъ-то распространился слухъ, что государь не сегодня—завтра пріѣдетъ. Этому можно было повѣрить, такъ какъ около царскаго дворца все вдругъ ожило и зашумѣло.

Дѣйствительно, государь скоро прибылъ.

И ежедневно началъ гулять неподалеку отъ дворца, надѣясь какъ-нибудь случайно увидѣть его. Однако надежды мои не оправдывались.

Однажды утромъ я проходилъ возлѣ дворца и повстрѣчалъ коляску, въ которой сидѣлъ господинъ, будто бы видѣнный мною гдѣ-то раньше.

— Скажите, пожалуйста, кто это проѣхалъ? — спросилъ я шедшаго около меня офицера.

— Это — Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ синода, — последовалъ отвѣтъ.

Офицеру, повидимому, хотѣлось заговорить со мной, и послѣ продолжительной паузы оң добавилъ:

— Это тотъ самый вельможа, котораго такъ боятся всѣ архіереи.

— Будто бы всѣ?! — усомнился я.

— Да.

— А я одинъ только разъ видѣлъ его въ присутствіи архіерея и смѣю васъ увѣрить, что не всѣ архіереи боятся Побѣдоносцева.

Я рассказалъ офицеру, какъ однажды, въ должности церковнаго старосты, я имѣлъ случай присутствовать при встрѣчѣ оберъ-прокурора съ викаріемъ казанской епархіи, епископомъ Анастасіемъ.

Подойдя къ епископу, Побѣдоносцевъ фамиллярно протянулъ ему руку.

— Ваше высокопревосходительство изволили забыть, что я — епископъ и что вашему высокопревосходительству приличнѣе бы было попросить моего благословенія, — замѣтилъ Анастасій покраснѣвшему оберъ-прокурору.

— И что же, это безнаказанно сошло смѣлому епископу? — спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ. Епископа хотѣли перевести въ одну изъ сибирскихъ епархій, но онъ предпочелъ уйти на покой... Впрочемъ, фактъ, подтверждающій, что не всѣ архіереи боятся Побѣдоносцева, остается фактомъ.

Мы разговорились и познакомились. Къ большому удивленію, я узналъ, что мой новый знакомый—тотъ самый офицеръ, къ которому была неравнодушна моя дочь.

Обдумывая вопросъ, сдѣлать или нѣтъ приглашеніе офицеру бывать у насъ, я не замѣтилъ шедшихъ намъ навстрѣчу двоихъ генераловъ.

— Государь!—тихо произнесъ мой спутникъ, отходя въ сторону и дѣлая подъ козырекъ.

Я взглянулъ впередъ и сразу узналъ государя, который, показывая на меня едва замѣтнымъ движеніемъ руки, о чемъ-то спросилъ своего спутника.

Снявъ фуражку, я низко поклонился.

— Здравствуйте, сосѣдь!—произнесъ государь, остановившись.

Мнѣ некогда было удивляться тому обстоятельству, что царь знаетъ что-то обо мнѣ. Я съ благоговѣніемъ разсматривалъ его величественную фигуру. Какимъ маленькимъ я показался себѣ передъ нимъ.

А государь, между тѣмъ, спросилъ, что побудило меня купить дачу такъ далеко отъ Казани.

Я чистосердечно признался, что сосѣдство съ русскимъ императоромъ было для этого основной причиной.

Государь улыбнулся.

— Вы здѣсь съ семействомъ, конечно?

— Да, ваше величество.

— И нравится вамъ здѣсь!

— Лично мнѣ—нѣтъ: я привыкъ къ Казани, къ другой обстановкѣ; но семья довольна, хотя, по моему мнѣнію, дача и не особенно хороша.

— Въ чемъ же ея недостатки? Мнѣ приходилось слышать, что Гатчина—лучшее дачное мѣсто въ моемъ государствѣ... Впрочемъ, о вкусахъ не спорять.

— Можетъ быть, ваше величество, но, на мой вкусъ, приволжскія дачи лучше. Тамъ и природа болѣе на самое себя походить, и просторнѣе, и растительности больше. А моя дача какъ разъ лишена послѣдней; садъ при дачѣ слишкомъ малъ, а это огромный недостатокъ.

— Да, конечно, это большой недостатокъ, но устранимый,—промолвилъ государь и, нѣсколько помолчавъ, добавилъ:—вашъ садикъ соприкасается съ моимъ...

— Да, ваше величество.

— Такъ вотъ я разрѣшаю вамъ и вашему семейству пользо-

ваться для прогулок моимъ садомъ... Сегодня же я прикажу соединить наши сады калиткой... Надѣюсь, что вы тогда будете лучшаго мнѣнія о Гатчинѣ,—сказалъ государь.

Я горячо поблагодарилъ его и высказалъ опасеніе, что я и моя семья будутъ стѣснять державнаго хозяина.

— Не безпокойтесь! Мой садъ настолько великъ, что намъ въ немъ не будетъ тѣсно,—сказалъ государь, улыбнувшись.

Моей радости не было границъ, когда я разстался съ государемъ. Я, простой коммерсантъ, разговаривалъ съ русскимъ царемъ и удостоился такой необычайной милости! Было чему радоваться, конечно.

Я догналъ знакомаго офицера и, уже не разсуждая, пригласилъ его посѣтить меня. Тотъ охотно согласился.

— Да что, впрочемъ, мѣшаетъ вамъ сейчасъ же зайти ко мнѣ?!—сказалъ я.

— Благодарю васъ. Дѣйствительно, я сейчасъ свободенъ и почту за удовольствіе зайти къ вамъ.

Мы пришли домой. Я познакомилъ офицера съ семьей и оставилъ его у себя завтракать.

А вечеромъ, когда я сидѣлъ въ гостиной и разговаривалъ съ Татьяной о моемъ новомъ знакомомъ офицерѣ, ко мнѣ пріѣхалъ какой-то военный.

— Можно видѣть Василю Петровича?—послышался его голосъ изъ передней.

— Да, да, конечно,—сказалъ я, выходя встрѣтить неожиданнаго гостя.

— Извините, что такъ поздно безпокою васъ,—сказалъ военный, рекомендуясь адъютантомъ министра императорскаго двора.

Я пригласилъ гостя въ кабинетъ и, не зная, какъ обходиться съ такими персонами, попросту, по-купечески спросилъ, зачѣмъ онъ ко мнѣ пожаловалъ.

Гость улынулся, а я сконфузился, догадавшись, что мой вопросъ нужно бы выразить нѣсколько иначе и притомъ послѣ приглашенія сѣсть.

— Вы ужъ извините меня. Я—простой купецъ и въ первый разъ вижу у себя въ гостяхъ такого чиновнаго гостя,—сказалъ я, пригласивъ его садиться.

— Не извольте безпокоиться,—отвѣтилъ онъ на мое смущенное оправданіе, а потомъ добавилъ:—я къ вамъ по дѣлу. Его императорскому величеству угодно было дать вамъ всемилостивѣйшее соизволеніе пользоваться для прогулокъ его садомъ. Не правда ли?

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Такъ вотъ съ этой цѣлью сегодня въ оградѣ сада сдѣлана дверка. Вы можете пользоваться садомъ, когда вамъ будетъ угодно, но только при одномъ условіи: аккуратно запирайте за собой дверь,

когда будете приходить въ садъ или уходить изъ него. Замокъ для этой цѣли сдѣланъ въ двери, а ключъ мнѣ поручено вручить вамъ сейчасъ.

Съ этими словами посетитель положилъ предо мной огромный ключъ.

— Я считаю лишнимъ говорить вамъ о той отвѣтственности, которую возлагаютъ на васъ тѣ, кто меня послалъ къ вамъ... Разрѣшеніе пользоваться садомъ дано только вамъ и вашей семьѣ... Да, только вамъ,—дѣлая удареніе надъ словомъ «только»,—сказалъ гость.

Мнѣ оставалось лишь согласиться съ нимъ и принять тяжелый ключъ.

Сказавъ еще нѣсколько фразъ, въ которыхъ трудно было разобратъ, гдѣ оканчивалась любезность и начинались предупрежденія, гость уѣхалъ.

Проводивъ его, я долго стоялъ среди кабинета, припоминая разговоръ и разсматривая со всѣхъ сторонъ тяжеловѣсный ключъ. Сначала я не совѣмъ ясно представилъ себѣ, какія обязанности должны были соединяться съ этимъ желѣзнымъ подаркомъ.

Я только постѣ понялъ это.

Ключъ, вѣсомъ около фунта, сталъ моимъ постояннымъ спутникомъ. Шелъ ли я куда,—онъ лежалъ въ моемъ карманѣ; если спалъ, то онъ хранился въ изголовьѣ.

Я не рѣшался отдать его на храненіе даже женѣ. Объ остальныхъ членахъ семьи даже и говорить нечего. Вдругъ потеряютъ!? Что тогда? Хорошо, если найдеть кто-нибудь такой, который заброситъ его. А если злоумышленникъ найдеть да заберется въ царскій садъ?..

Дальше въ моемъ воображеніи рисовалась страшная картина, на которой первое мѣсто занимала тюрьма. «Да хорошо, если только сошлютъ на каторгу, а то вѣдь и повѣсить могутъ», думалъ я.

Иногда мнѣ снилось, что ключъ уже потерянь. Тогда, обливаясь холоднымъ потомъ, шарилъ подъ подушкой, чтобы удостовѣриться, тамъ ли лежитъ проклятый ключъ...

Я, разумѣется, ужасно сталъ тяготиться дачей. Нѣсколько разъ мнѣ приходило на умъ продать ее, хотя бы за полцѣны.

Но могъ ли я сдѣлать это? Вѣдь это было бы невѣжливостью по отношенію къ государю. Мнѣ казалось, что продажа дачи будетъ равносильна продажѣ ордена и можетъ оскорбить государя. Съ другой стороны, и жить долѣе въ Гатчинѣ было неможготу. Прогулки же въ царскомъ саду, хотя и щекотали мое самолюбіе, но та цѣна, которой онѣ оплачивались, была слишкомъ велика.

Я думалъ уѣхать въ Казань, но мысль, что ключъ оставить я не могу, а взять съ собою не имѣю права, заставляла меня откладывать отъѣздъ на неопредѣленное время... А уѣхать было необ-

ходимо и по другимъ еще причинамъ. Дѣло въ томъ, что знакомый офицеръ началъ посѣщать мой домъ такъ часто, что со стороны можно было подумать, будто онъ—женнхъ Татьяны. Тѣмъ болѣе, что та сдѣлалась его неразлучной спутницей въ прогулкахъ и постоянной собесѣдницей дома... Въ короткое время онъ сумѣлъ поставить себя въ такія отношенія къ намъ, что иногда позволялъ даже шутить надъ моею боязнью потерять ключъ...

Однажды (не забыть мнѣ этого дня!) въ послѣобѣденное время я, по обыкновенію, пошелъ въ царскій садъ. Подхожу къ запертой калиткѣ и лѣву въ карманъ за ключомъ. Его тамъ нѣтъ. Что за диковина такая!?. Помню, что утромъ я взялъ его изъ-подъ подушки и, какъ будто, положилъ въ карманъ. Но гдѣ же онъ? Потерялъ, думаю.

— Тьфу! Да вѣдь я же перемѣнилъ костюмъ!—говорю я.

И все-таки не иду, а бѣгу домой.

Прѣжде всего ищу старый сюртукъ, который былъ на мнѣ утромъ. Вотъ онъ. Съ быстротой карманнаго вора обыскиваю его. Ключа нѣтъ. Бѣгу въ спальню, роюсь въ постели, и тамъ его нѣтъ. Создаю въ домѣ ужасный переполохъ. Обыскиваются всѣ уголки, всѣ щели, а ключъ точно въ воду канулъ!

Цѣлый день я ходилъ какъ въ воду опущенный, а ночью нѣсколько разъ бѣгалъ къ царскому саду, чтобы посмотрѣть, цѣль ли замокъ, и не забрался ли кто въ садъ. Мнѣ и на мысль не приходило, что назначеніе потеряннаго ключа извѣстно только моему офицеру, а, слѣдовательно, если бы кто и нашелъ ключъ, такъ врядъ ли попалъ бы въ садъ. Впрочемъ, къ утру слѣдующаго дня я дошелъ до такой мысли, но она не успокоила меня. Дѣйствительно, утѣшительнаго въ этой мысли было немного. Меня смущало то, что государь можетъ какъ-нибудь спросить, почему я пересталъ гулять въ саду... Что я тогда отвѣчу? Не могу же я сказать, что ключъ потерялъ? Вѣдь этимъ, казалось мнѣ, такой переполохъ сдѣлаешь! Къ тому же меня могутъ заподозрѣть въ пренебреженіи къ царскому приказанію беречь ключъ (я думалъ, что все, касавшееся храненія ключа, исходило отъ самого государя).

Словомъ, множество разныхъ мыслей безпорядочно мелькали въ головѣ, и ни за одну изъ нихъ нельзя было ухватиться.

Положеніе, въ которомъ я очутился, было такъ необычайно и затруднительно, что я совсѣмъ растерялся.

Такъ прошло утро и первая половина слѣдующаго дня. Я заперся въ кабинетъ и обдумывалъ одинъ и тотъ же вопросъ: что и какъ мнѣ дѣлать?

— Василій Петровичъ, нельзя ли мнѣ поговорить съ вами?—послышалось за дверью.

— Войдите!—сказалъ я, отпирая дверь.

Вошелъ офицеръ.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, былъ необыкновенно франтоватый видъ вошедшаго.

— Я къ вамъ, Василій Петровичъ, по очень важному для меня дѣлу,—сказалъ онъ.

Мнѣ было не до чужихъ дѣлъ, и это посѣтитель, вѣроятно, понялъ изъ того, какъ я произнесъ обычное въ этихъ случаяхъ: «Чѣмъ могу служить?»

— Видите ли... Ахъ, да! я и забылъ вручить вамъ вотъ это!—воскликнулъ офицеръ, вынимая изъ кармана ключъ и подавая его мнѣ.

Я едва удержался, чтобы не броситься къ ключу.

— Гдѣ вы нашли его?—спросилъ я, стараясь казаться какъ можно хладнокровнѣе, что врядъ ли мнѣ удавалось.

— Я нашелъ его сейчасъ у крыльца вашего дома,—отвѣтилъ офицеръ.

— Но мы буквально все и вездѣ обыскали!.. Удивительно, что онъ очутился тамъ... Впрочемъ, очень вамъ благодаренъ,—сказалъ я.

И, вспомнивъ, что офицеръ пришелъ по какому-то дѣлу, я уже другимъ тономъ спросилъ о томъ, чѣмъ могу служить ему.

Въ эту минуту я готовъ былъ сдѣлать для него все. Но я не ожидалъ того, что услышалъ. «Важное дѣло» касалось Татьяны. Офицеръ просилъ ея руки.

Признаться, меня это озадачило. Правда, я еще раньше догадывался, что дѣло клонится къ этому, и уже ранѣе рѣшилъ, какъ поступить мнѣ въ случаѣ сватовства, но въ ту минуту я не въ силахъ былъ наотрѣзъ отказать человѣку, только что обрадовавшему меня. Отговариваясь тѣмъ, что надъ предложеніемъ слѣдуетъ подумать и поговорить о немъ съ Татьяной, я обѣщалъ офицеру отвѣтить опредѣленно на слѣдующій день.

Такимъ образомъ, на смѣну одной задачѣ мнѣ была дана другая. Впрочемъ, она была легче первой, такъ какъ отвѣтъ офицеру былъ уже готовъ. Кромѣ того, я рѣшилъ немедленно отослать Татьяну въ Казань и вообще повернуть дѣло иначе, чѣмъ это бываетъ въ сказкахъ, гдѣ за находку король отдаетъ полцарства и дочь. Поэтому я позвалъ Татьяну въ кабинетъ, чтобы отдать ей приказаніе собираться въ дорогу.

— Вы, папенька, позвали меня въ тотъ моментъ, когда я сама только что рѣшила войти къ вамъ,—сказала дочь, входя въ комнату.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Мнѣ бы хотѣлось выяснитъ вопросъ о моемъ приданомъ,—спокойно произнесла она.

— О приданомъ!?—воскликнулъ я, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да, о приданомъ.

— Ты съ ума сошла!? Да развѣ ты просватана, чтобы мнѣ думать о твоёмъ приданомъ? Притомъ, если и будетъ когда поднять

вопросъ о твоёмъ приданомъ, такъ во всякомъ случаѣ его рѣшать безъ тебя!.. О приданомъ безпокойся! Это мнѣ нравится! — всплылъ я.

— Зачѣмъ же сердиться паленька? Я хотѣла только выяснить, отдадите ли вы Виктору Дмитриевичу въ числѣ остального приданаго эту дачу? Впрочемъ, если вамъ это не нравится, то я уйду, — сказала дочь, оставляя кабинетъ.

Я остался буквально ошеломленнымъ такимъ разговоромъ. Сначала мнѣ показалось, что или я сошелъ съ ума, или всѣ тѣ, съ кѣмъ я въ этотъ день разговаривалъ. Все было такъ не логично, что только потому я понялъ хитрую механику.

Успокоившись и обсудивъ все услышанное, я пришелъ къ выводу, сразу разрубавшему Гордіевъ узелъ, то есть вопросъ о дачѣ.

Ловкій намекъ Татьяны на то, что съ дачей можно развязаться, отдавъ ее въ качествѣ приданаго, достигъ цѣли.

Однимъ словомъ, на другой день офицеру былъ данъ отвѣтъ, какъ разъ противоположный предполагавшемуся.

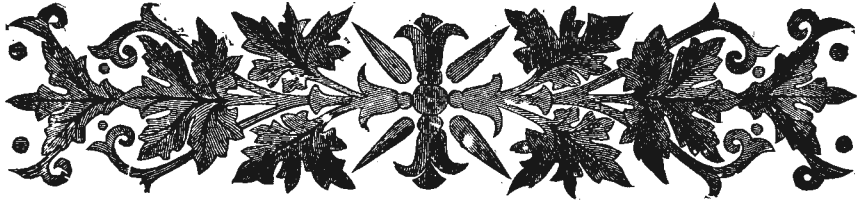
Послѣ, уже изъ Казани, въ одномъ письмѣ я спрашивалъ зятя, дѣйствительно ли онъ нашелъ тогда ключъ?

На это зять отвѣтилъ, что ключъ нашла Таня, а не онъ, и что онъ лишь исполнилъ ея просьбу, когда приписывалъ находку себѣ.

Что касается моего второго вопроса, который я предложилъ дочери и въ которомъ спрашивалъ, не знаетъ ли она, какъ я потерялъ ключъ, то онъ остался безъ отвѣта. Впрочемъ, когда я вспоминаю о томъ, какъ я былъ сосѣдомъ царя, то мнѣ ясно представляется и то, какъ былъ «потерянь» ключъ...

П. Ронинъ.

УБИЙСТВО КНЯЗЯ М. А. НАКАШИДЗЕ.

(Изъ воспоминаній очевидца).

I.

ВЪ ФЕВРАЛѢ мѣсяцѣ 1905 года я проживалъ въ Тифлисѣ, въ ожиданіи обѣщаннаго мнѣ перевода съ должности начальника одного изъ округовъ военно-народнаго управленія Кавказскаго края на соотвѣтствующую должность въ другой области.

Время было тревожное. Такъ называемое «освободительное движеніе» началось уже повсемѣстно въ Россіи. На Кавказѣ же оно осложнилось еще неожиданнымъ проявленіемъ армяно-татарской смуты, выразившейся въ повсемѣстныхъ почти кровавыхъ побоищахъ и нападеніяхъ другъ на друга обѣихъ враждующихъ между собой народностей. Смута на Кавказѣ осложнилась еще нашей несчастной войной на Дальнемъ Востокѣ и отсутствіемъ изъ края тогдашняго главнаго начальника его генераль-адъютанта князя Г. С. Голицына, опасно раненаго предъ тѣмъ армянскими революціонерами и вызваннаго въ Петербургъ почти тотчасъ по выздоровленіи, откуда на Кавказъ онъ больше не вернулся. Уѣзжая изъ Тифлиса, князь Голицынъ, по обыкновенію, забралъ съ собой директора канцеляріи главноначальствующаго гражданской частью, генерала Трофимова, начальника окружнаго штаба и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ, оставивъ управленіе Кавказомъ въ рукахъ недавно

назначеннаго на должность его помощника генераль-лейтенанта Я. Д. Маламы, которому и пришлось управлять краемъ до конца весны 1905 года, вплоть до прибытія вновь назначеннаго намѣстникомъ кавказскимъ генераль-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова.

Въ началѣ февраля все населеніе Кавказа было до крайности встревожено полученными изъ Баку извѣстіями о вспыхнувшихъ тамъ армяно-татарскихъ беспорядкахъ. Какъ говорятъ, отъ одной восковой свѣчи Москва сгорѣла, такъ и въ Баку убійство одного незначительнаго татарина послужило сигналомъ для массовыхъ армяно-татарскихъ кровопролитій, неоднократно возобновлявшихся впоследствии и оставившихъ глубокой слѣдъ на отношеніяхъ обѣихъ враждующихъ между собой народностей. Въ мѣстныхъ газетахъ немедленно появились преувеличенныя извѣстія о результатахъ этихъ беспорядковъ. Говорили о тысячахъ убитыхъ и раненыхъ армянъ и о сотняхъ сожженныхъ и разграбленныхъ мусульманами армянскихъ домовъ. На повѣрку это оказалось сильно преувеличеннымъ; на самомъ дѣлѣ во время беспорядковъ въ Баку было убито и ранено не болѣе пятисотъ человѣкъ, но не исключительно армянъ, а и татаръ также; сгорѣло же не болѣе десяти армянскихъ домовъ, далеко не лучшихъ въ городѣ. При всемъ томъ, происшествіе это было чревато своими послѣдствіями. Извѣстно, что Баку представляетъ собой какъ бы столицу мусульманскаго міра на Кавказѣ. Не подлежало сомнѣнію, что происшедшія тамъ событія отразятся на всемъ армяно-татарскомъ населеніи Закавказья, что и случилось на самомъ дѣлѣ, вызвавъ почти повсемѣстные единичные и массовые армяно-татарскіе беспорядки, усмиреніе которыхъ стоило не мало усилій тогдашнему начальству, которые пришлось прекратить во многихъ мѣстностяхъ края вооруженной рукой.

Въ ночь съ 7-го на 8-е февраля я былъ разбуженъ моимъ слугой-аджарцемъ, который подаль мнѣ официальный конвертъ канцеляріи главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, съ надписью «весьма нужное». Я нашелъ въ немъ записку исполнявшаго въ то время обязанности директора канцеляріи, вице-директора Н. Н. Максимова, въ которой значилось приглашеніе прибыть къ нему въ канцелярію на другой день, къ десяти часамъ утра, для объясненій по дѣламъ службы. На другой день, въ назначенное время я былъ уже въ кабинетѣ г. Максимова. Усадивъ меня, Николай Николаевичъ сообщилъ, что отъ бакинскаго губернатора получены крайне тревожныя вѣсти, что малочисленный бакинскій гарнизонъ, видимо, не въ силахъ справиться съ происходящими тамъ народными беспорядками, что слабая бакинская полиція частью разбѣжалась, что въ городѣ царитъ паника и что исполняющій обязанности главноначальствующаго генераль Ма-

лама поручаетъ мнѣ немедленно выѣхать въ Баку и поступить въ распоряженіе тамошняго губернатора князя Накашидзе, для оказанія ему содѣйствія въ возстановленіи порядка. Онъ добавилъ, что вслѣдъ за мной въ Баку будутъ посланы вспомогательныя войска и чиновники для замѣщенія разбѣжавшихся полицейскихъ, что, дѣйствительно, вскорѣ и было исполнено. Н. Н. закончилъ свое сообщеніе словами, что это онъ рекомендовалъ меня исполняющему обязанности главноначальствующаго, зная меня съ наилучшей стороны, что генераль Малама придаетъ большое значеніе моему командировкѣ и что онъ не совѣтуетъ мнѣ отказываться отъ нея.

Подумавъ, я отвѣтилъ, что при данныхъ обстоятельствахъ считаю невозможнымъ отказаться отъ исполненія какого бы то ни было порученія начальства, что все приказанія генерала Маламы исполню въ точности и немедленно выѣду въ Баку, но что заранѣе прошу не считать меня кандидатомъ на замѣщеніе какой-нибудь штатной должности въ Бакинскои губерніи, такъ какъ служба по гражданскому управленію краемъ никогда не интересовала меня, и что я желалъ бы при первой возможности вернуться къ теперешней моей службѣ по военно-народному управленію Кавказскимъ краемъ.

Н. Н. Максимовъ любезно отвѣтилъ, что, зная меня, предвидѣлъ такой отвѣтъ съ моей стороны, но что командировка моя въ Баку не затянется надолго, что, какъ только тамъ будетъ возстановленъ порядокъ, на что понадобится, какъ онъ думаетъ, не болѣе двухъ-трехъ недѣль, я буду отозванъ изъ Баку. Пока же еще разъ совѣтуетъ мнѣ не отказываться отъ возложеннаго на меня главнымъ начальникомъ края служебнаго порученія. Сказавъ затѣмъ, что онъ заваленъ массой неотложныхъ дѣлъ, Н. Н. всталъ и, пожавъ мнѣ руку, пожелалъ благополучнаго пути и всевозможныхъ успѣховъ въ выполненіи предстоявшей мнѣ задачи.

Отъ г. Максимова я отправился къ генералу Маламѣ. Симпатичнѣйшій Яковъ Дмитріевичъ, видимо, былъ встревоженъ и озабоченъ неожиданными событіями, разразившимися на Кавказѣ. Онъ въ краткихъ словахъ повторилъ мнѣ уже слышанное отъ Н. Н. Максимова и спросилъ, когда я ѣду въ Баку. Я отвѣтилъ, что сегодня же.

— Съ Богомъ,—сказалъ мнѣ генераль.—Я не даю вамъ никакихъ инструкцій, но надѣюсь, что вы исполните свой долгъ такъ, какъ подобаетъ его исполнить дворянину, офицеру и вѣрнопопданному.

Я поклонился и просилъ его не сомнѣваться въ этомъ, послѣ чего поспѣшилъ домой, чтобы совершить мои несложныя приготовленія къ отъѣзду и проститься кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ въ городѣ.

Настроеніе тифлискаго общества было въ то время настолько подавлено, что большинство изъ моихъ знакомыхъ тифлисцевъ угрожали мнѣ отказаться подъ какимъ-нибудь предлогомъ отъ выпавшей на меня командировки, высказывая предположенія, что народные безпорядки возобновятся вскорѣ съ новой силой и что начальство посылаетъ меня въ Баку почти на вѣрную смерть. Всѣ эти платоническія разсужденія не могли, конечно, остановить меня отъ исполненія служебнаго долга, и я выѣхалъ въ Баку въ тотъ же день съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ.

II.

Путешествіе мое въ Баку было на этотъ разъ не изъ пріятныхъ. Въ вагонѣ перваго класса я ѣхалъ совершенно одинъ. Въ цѣломъ нашемъ поѣздѣ не было ни одного военнаго. По привычкѣ, я выходилъ изъ вагона на всѣхъ большихъ станціяхъ, чтобы пройтись и подышать свѣжимъ воздухомъ. Повсюду, на перронахъ большихъ станцій, я замѣчалъ болѣе или менѣе значительныя группы людей, повидимому, мѣстныхъ служащихъ и рабочихъ, перешептывавшихся о чемъ-то и бросавшихъ далеко не дружелюбныя взгляды на мой военный мундиръ. Какія-то темныя личности то и дѣло сновали между ними, сообщая полученныя съ поѣздомъ послѣднія новости. Настроеніе поѣздной прислуги было также далеко не любезно. Когда я попросилъ сопровождавшаго вагонъ кондуктора перенести мои вещи въ сосѣднее пустое купе, онъ грубо отвѣтилъ, что онъ не носильщикъ и не обязанъ этого дѣлать, послѣ чего ушелъ, хлопнувъ дверью. Вообще путешествіе мое было далеко не изъ пріятныхъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда оно кончится.

Скорый поѣздъ нашъ шелъ почему-то съ большими остановками, и мы прибыли въ Баку только на другой день, около двѣнадцати часовъ ночи. Вокзалъ былъ освѣщенъ только на половину и былъ переполненъ женщинами и дѣтьми, искавшими здѣсь спасенія отъ городскіхъ безпорядковъ. Сидя и полулежа, они дремали на принесенныхъ съ собой узлахъ въ залахъ I и II классовъ, или безцѣльно бродили по перрону вокзала съ понурыми лицами. Носильщиковъ, и извозчиковъ не было ни одного, и я былъ вынужденъ обратиться къ командиру охранявшей вокзалъ роты гренадеръ съ просьбой посоветовать мнѣ, что дѣлать. Онъ любезно отрядилъ двухъ гренадеръ, приказавъ имъ вынести изъ вагона мои вещи и доставить ихъ до гостиницы, гдѣ я остановлюсь. Поблагодаривъ офицера, я направился пѣшкомъ въ городъ, въ сопровожденія двухъ моихъ провожатыхъ.

Довольно непривѣтливый на видъ, Баку представлялъ собой

въ то время крайне мрачную картину. Онъ былъ совсѣмъ не освѣщенъ, и только кое-гдѣ на воротахъ большихъ домовъ виднѣлись зажженные фонари, по которымъ съ трудомъ можно было ориентироваться въ направленіи улицъ. Всѣ окна и двери домовъ были накрѣпко заперты и закрыты ставнями. На горизонтѣ, въ отдаленныхъ отъ вокзала частяхъ города, кое-гдѣ еще виднѣлось зарево догоравшихъ домовъ. Прохожихъ на улицахъ не видно было ни души. Большой, многолюдный городъ казался совершенно вымершимъ. Въ срединѣ предвокзальной площади я наткнулся на что-то мягкое и едва не упалъ. Желая узнать, что это такое, я зажегъ спичку и отшатнулся, увидавъ трупъ молодого мусульманина, лежавшаго на землѣ въ лужѣ запекшейся крови, лицомъ вверхъ. На груди его зіяла грубокая рана. Трупъ былъ совершенно оконченѣвшій и, видимо, валялся здѣсь уже нѣсколько часовъ. Съ тяжелымъ чувствомъ я пошелъ дальше и, сбившись съ дороги, еще долго бродилъ по улицамъ. Въ концѣ Телефонной улицы мы на брели на освѣщенное зданіе аптеки. Съ большимъ трудомъ я добился, чтобы аптекарь открылъ дверь, и отъ него узналъ, что недалеко находится лучшая гостиница въ городѣ «Европейская», но что я едва ли найду въ ней свободный номеръ, такъ какъ всѣ гостиницы биткомъ набиты постояльцами изъ мѣстныхъ жителей армянъ, переселившихся туда изъ собственныхъ квартиръ, считая пребываніе въ нихъ болѣе безопаснымъ. Поблагодаривъ аптекаря, я отправился дальше и уже около двухъ часовъ ночи разыскалъ «Европейскую гостиницу». На мое счастье, въ ней оказался свободный номеръ, незадолго передъ тѣмъ освободившійся, въ которомъ я и поселился.

На другой день, около десяти часовъ утра, я отправился къ бакинскому губернатору, которымъ былъ въ то время уроженецъ Кавказа, гуріецъ, князь Михайль Александровичъ Накашидзе. Онъ жилъ на большой Бакинской набережной, въ домѣ богатаго мусульманина Гаджи-Нейматъ-Сидіева, въ которомъ въ настоящее время помѣщается канцелярія бакинскаго градоначальника. Въ этомъ же обширномъ и красивомъ домѣ останавливался покойный императоръ Александръ III со всей царской семьей въ 1888 году, во время посѣщенія имъ Кавказа. Подѣхавъ къ губернаторскому дому, я замѣтилъ, что, несмотря на раннее еще время, у подѣзда дома стоитъ цѣлая вереница экипажей и что къ нему то и дѣло подѣзжаютъ какіе-то господа съ взволнованными и озабоченными лицами. Дежурный чиновникъ особыхъ порученій сказалъ мнѣ, что у князя происходитъ совѣщаніе почетныхъ лицъ города по поводу происшедшихъ беспорядковъ и мѣръ, которыя надлежитъ принять къ ихъ обузданію. Я расположился въ дежурной комнатѣ въ ожиданіи окончанія совѣщанія. Тутъ отъ дежурнаго чиновника, который оказался мѣстнымъ татаринимъ, бекомъ, я впервые узналъ въ по-

дробностяхъ обо всѣхъ происшедшихъ въ Баку кровавыхъ событіяхъ. Конечно, какъ мусульманнитъ, онъ обвинялъ во всемъ однихъ только армянь, утверждая, что это люди, съ которыми невозможно жить въ мирѣ и согласіи, что въ происшедшихъ беспорядкахъ виноваты одни армяне и что они были ихъ зачинщиками. Приблизительно черезъ часъ совѣщаніе кончилось, и приглашенные на него лица начали разѣзжаться. Я просилъ дежурнаго доложить обо мнѣ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ меня попросили въ кабинетъ князя Накашидзе. Войдя, я увидалъ передъ собой средняго роста господина, лѣтъ шестидесяти, съ совершенно сѣдыми волосами и такими же сѣдыми баками, съ тонкими, умными чертами лица и выразительными голубыми глазами, еще крѣпкаго и подвижнаго, несмотря на свои немолодые годы, одѣтаго въ губернаторскую форму. Подойдя, я официально ему представился и вручилъ привезенный съ собой пакетъ директора канцеляріи главнокомандующаго. Прочитавъ онъ, его протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что заочно меня знаетъ, по моей предыдущей службѣ на Кавказѣ, что очень радъ моему назначенію въ его распоряженіе и что надѣется, что я помогу ему въ настоящую трудную минуту. Подумавъ нѣсколько, онъ добавилъ, что заваленъ поступающими къ нему со всѣхъ сторонъ жалобами на дѣйствія чиновъ бакинской полиціи во время армяно-татарскихъ беспорядковъ и что, не имѣя въ своемъ распоряженіи опытныхъ чиновниковъ для порученій, онъ проситъ меня, на первое время, заняться разбирательствомъ этихъ жалобъ, что распоряженіе о передачѣ мнѣ изъ его канцеляріи прошеній для производства дознаній будетъ имъ немедленно сдѣлано. Затѣмъ онъ любезно освѣдомился, гдѣ я устроился въ Баку, и просилъ обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ, когда онъ мнѣ понадобится. Не рѣшаясь разспрашивать его о чемъ-либо въ такое время, когда онъ, видимо, по горло былъ занятъ самыми неотложными дѣлами, я послѣшилъ откланяться, внутренне радуясь, что на меня вышла такая легкая задача, какъ производство дознаній надъ провинившимися полицейскими чинами и что мнѣ, видимо, не придется играть активной роли въ разрѣшеніи разразившихся въ Баку кровавыхъ событіяхъ. Послѣдующіе два-три дня были единственными спокойными днями, проведенными мной въ Баку въ продолженіе четырехмѣсячнаго моего пребыванія въ этомъ городѣ. Канцелярія губернатора не слѣшила съ передачей мнѣ дознаній, и я имѣлъ возможность подробно осмотрѣть городъ и собрать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о происшедшихъ въ немъ кровавыхъ событіяхъ. Въ то время массовые вооруженные армяно-татарскіе уличныя беспорядки въ немъ почти уже прекратились. Но возмущеніе народа далеко не улеглось. Озлобленные до крайней степени другъ противъ друга, армяне и татары ежеминутно готовы были возобновить свои кровавые счеты. Волновалось и все остальное

бакинское общество, открыто обвиняя губернатора и всю бакинскую полицію въ происшедшихъ безпорядкахъ. Одни утверждали, что князь Накашидзе дѣйствовалъ слабо и нерѣшительно; другіе же, что изъ личной ненависти къ армянамъ онъ самъ направилъ на нихъ татаръ и умышленно не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію возникшихъ безпорядковъ; полиція же, по его внушенію, раздавала будто бы татарамъ оружіе и всячески помогала имъ. Конечно, рассказы эти исходили главнымъ образомъ изъ армянскаго источника, или повторялись съ армянскихъ словъ людьми, имъ сочувствовавшими, или находившимися въ зависимыхъ къ нимъ отношеніяхъ. Такъ, на примѣръ, распущена была клевета, будто во время пожара дома богатаго и вліятельнаго армянина Лалаева, убитаго со всей семьей осаждавшими его домъ татарами, когда онъ изъ окна горящаго дома умолялъ о спасеніи проѣзжавшаго мимо губернатора, то этотъ послѣдній, сидя верхомъ на лошади, съ сигарой въ зубахъ (князь Накашидзе никогда не курилъ), въ отвѣтъ только погрозилъ ему пальцемъ и обругалъ его; находившійся же по близости съ пятьюдесятью казаками полицеймейстеръ Д. не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы остановить татаръ и освободить изъ горящаго дома семью Лалаева. Само собой, что какъ этотъ рассказъ, такъ и всѣ другіе ему подобныя составляли суцную клевету на князя Накашидзе и на чиновъ бакинской полиціи. Въ дѣйствительности, какъ тотъ, такъ и другіе сдѣлали все возможное, чтобы остановить армяно-татарское побоище, продолжавшееся три дня, но не въ состояніи были достигнуть этого немедленно вслѣдствіе неимѣнія въ ихъ распоряженіи достаточныхъ силъ и средствъ.

Вопреки моимъ ожиданіямъ, мнѣ, однако, не долго пришлось ограничиваться ролью зрителя происходящихъ вокругъ событій, такъ какъ въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ дней обстоятельства совершенно измѣнились. 13-го февраля городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, и были получены извѣстія, что въ Баку назначенъ временный генераль-губернаторъ, извѣстный кавказскій боевой генераль, бывшій командиръ кавказскаго армейскаго корпуса, состоявшій въ то время въ распоряженіи командующаго войсками кавказскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ князь И. Г. Амилахвари, который 14-го февраля и прибылъ въ Баку. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось извѣстно о назначеніи по высочайшему повелѣнію въ Бакинской губерніи сенаторской ревизіи, въ лицѣ сенатора А. М. Кузминскаго. Въ то же время князь Накашидзе вызвалъ меня къ себѣ и просилъ меня принять временно завѣдываніе бакинской полицей вмѣсто заболѣвшаго бакинскаго полицеймейстера капитана Д.

Отказываться отъ этого порученія здѣсь, на мѣстѣ, было еще

болѣе неудобно, чѣмъ въ Тифлисѣ, и я въ тотъ же день вступилъ въ исполненіе обязанностей полицеймейстера, которыя и несъ до половины іюня мѣсяца, такъ какъ капитанъ Д. вскорѣ былъ устраненъ отъ должности и преданъ суду, въ результатѣ ревизіи сенатора Кузминскаго, вмѣстѣ съ пятью другими чиновниками бакинской полиціи, по обвиненію въ бездѣйствіи власти во время бакинскихъ народныхъ безпорядковъ ¹⁾.

III.

Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, считаю необходимымъ сдѣлать краткую характеристику причинъ, вызвавшихъ армяно-татарскую распрю. Начавшіеся въ то время повсемѣстно на Кавказѣ армяно-татарскіе безпорядки стояли въ прямой зависимости отъ цѣлаго ряда социальныхъ и экономическихъ причинъ. Извѣстно, что кавказскіе армяне народъ способный и дѣятельный, не имѣющій себѣ равнаго въ области коммерціи и промышленности въ группѣ остальныхъ кавказскихъ народностей. За сто лѣтъ мирнаго русскаго владычества на Кавказѣ они, пользуясь безопасностью и малой склонностью къ коммерціи и промышленности остальныхъ кавказцевъ, успѣли забрать въ свои руки всю почти торговлю и промышленность края. Экономные и бережливые, они подъ покровительствомъ мѣстной власти быстро обогатились, и въ ихъ руки перешла большая часть всѣхъ наиболѣе доходныхъ кавказскихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и эксплуатація значительной части богатѣйшихъ бакинскихъ нефтяныхъ земель. Это не могло не вызвать чувства соревнованія и зависти въ остальныхъ кавказцахъ, въ особенности же въ мусульманахъ, населяющихъ самыя богатыя въ промышленномъ отношеніи мѣстности Кавказа, сдѣлавшіяся по преимуществу мѣстомъ эксплуатаціи армянскаго народа. Малокультурные, но въ высшей степени самолюбивые, кавказскіе мусульмане не могли простить армянамъ, что съ теченіемъ времени они очутились въ экономической зависимости отъ народа, который привыкли считать стоящимъ неизмѣримо ниже себя во всѣхъ отношеніяхъ. Но это одно едва ли привело бы къ кровавымъ столкновеніямъ между ними, если бы армяне продолжали сидѣть спокойно и пользоваться выпавшими на ихъ долю мірскими благами, опираясь на свое право и на защиту со стороны русскаго правительства, всегда ихъ оказываемую. Событія въ сосѣдней Турціи, извѣстныя подъ названіемъ абдуль-гами-

¹⁾ Всѣ эти лица и самъ капитанъ Д. были оправданы рѣшеніемъ правительствующаго сената, состоявшимся осенью 1912 года.

— Авт.

довскихъ звѣрствъ, имѣвшія мѣсто въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, заслужившія Абдуль-Гамиду прозвище «кроваваго султана», имѣли огромное вліяніе на судьбу нашихъ кавказскихъ армянъ. Вскорѣ послѣ армянскихъ избіеній въ Турціи на Кавказъ потянулись изъ турецкой Арменіи цѣлыя толпы бѣглецовъ-армянъ, эмигрантовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій турецкаго правительства. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были люди, всосавшіе въ себя съ молокомъ матери крайнія революціонныя идеи и неосуществимую химеру о возстановленіи распавшейся цѣлое тысячелѣтіе назадъ Великой Арменіи. Разсѣявшись по всему Кавказу, они повсемѣстно начали возмущать кавказское армянское населеніе, проповѣдуя въ средѣ его крайнія революціонныя идеи и утопію о возстановленіи независимаго армянскаго царства, въ которое, по ихъ мнѣнію, долженствовали войти, кромѣ турецкой Арменіи, весь Кавказъ, часть русскаго Туркестана и часть Персіи. Огромное большинство кавказскаго армянскаго населенія сочувственно отнеслось къ этой авантюрѣ и начало принимать мѣры къ практическому ея осуществленію. Образовались тайныя армянскія общества «дашнакцакановъ», «хапчакистовъ», «дрошакистовъ» и другія, хорошо организованныя и снабженныя значительными денежными средствами, щедро жертвуемыми богатой частью армянскаго населенія на общее народное дѣло. Повсюду заводились тайныя типографіи, склады оружія и велась тайная подготовка къ всеобщей мобилизаціи армянскаго народа. Несомнѣнно, все это предпринималось въ расчетѣ на близкое распаденіе Россіи, подъ вліяніемъ всеобщей русской революціи, надвигавшейся уже тогда на наше отечество своимъ мрачнымъ облакомъ. Пользуясь растерянностью кавказской администраціи, подъ вліяніемъ политическихъ событій, армяне стали дѣйствовать смѣлѣе. Почувствовавъ свою силу, они начали проявлять открытыя поползновенія присвоить себѣ главенство между остальными кавказскими народностями, третируя ихъ открыто и вмѣшиваясь въ ихъ общественную жизнь. Съ этимъ, конечно, помириться никто не могъ, въ особенности кавказскіе мусульмане; наиболѣе чувствовавшіе на себѣ армянское давленіе. Начались повсемѣстныя столкновенія, ограничивавшіяся пока отдѣльными, частными эпизодами. Окончательный же толчокъ событіямъ дало покушеніе, произведенное армянскими революціонными комитетами на жизнь бывшаго главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ князя Голицына. Не скрывавшій своего крайняго нерасположенія къ армянамъ, князь Голицынъ еще въ 1903 году исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на конфискацію всѣхъ армянскихъ церковныхъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ, будучи увѣренъ, что армянское духовенство есть главный проводникъ революціонныхъ идей въ среду армянскаго народа и что оно по преимуществу снаб-

жають армянскіе революціонные комитеты денежными средствами на осуществленіе революціонныхъ цѣлей. Приведеніе въ исполненіе этой мѣры вызвало повсемѣстный открытый протестъ армянъ, съ ихъ католикосомъ во главѣ, и стоило жизни многимъ кавказскимъ должностнымъ лицамъ, которымъ было поручено ея осуществленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, мѣра эта не дала тѣхъ положительныхъ результатовъ, на которые рассчитывалъ князь Голицынъ, такъ какъ большихъ капиталовъ и цѣнныхъ имуществъ въ рукахъ армянскаго духовенства не оказалось; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что не одно только духовенство поддерживаетъ на Кавказѣ армянское революціонное движеніе, но весь армянскій народъ. Въ результатѣ эта неудачная мѣра еще болѣе ожесточила армянъ и натолкнула ихъ на дальнѣйшія политическія авантюры. Осенью 1903 года было произведено дерзкое покушеніе на жизнь самого князя Голицына, совершенное турецко-подданными армянами, въ отмщеніе за конфискацію армянскихъ церковныхъ имуществъ, причемъ князь Голицынъ былъ опасно раненъ. Это небывалое еще на Кавказѣ покушеніе на жизнь главнаго начальника края вызвало всеобщее негодованіе, даже въ средѣ лицъ, не сочувствовавшихъ крайней политикѣ князя Голицына на Кавказѣ. Особенно возмущались кавказскіе мусульмане, между которыми князь Голицынъ имѣлъ не малое число преданныхъ ему людей. Вскорѣ же послѣ этого столкновенія между армянами и татарами участились, а затѣмъ перешли въ массовыя побоища, которыя пришлось усмирять силою оружія. Становится совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ умные, осторожныя кавказскіе армяне позволили втянуть себя во всѣ эти авантюры. Ихъ тогдашнее поведеніе можно объяснить развѣ вліяніемъ общей революціонной заразы, охватившей все русское общество, и тѣмъ озлобленіемъ, которое вызывали выходки противъ нихъ князя Голицына.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти обстоятельства содѣйствовали общему революціонному движенію на Кавказѣ, ускоривъ активныя его проявленія. Уже тогда начались многолюдныя уличныя демонстраціи, тайныя сходки, забастовки, убійства и нападенія на чиновъ полиціи и другихъ агентовъ правительственной власти. На улицахъ Баку во множествѣ разбрасывались прокламаціи и другія подпольныя изданія преступнаго содержанія, призывающія народъ къ бунту и ниспроверженію правительственной власти. Богатые люди безпрестанно получали подметныя угрожающія письма съ требованіемъ пожертвованій крупныхъ денежныхъ суммъ на революціонныя цѣли. Мѣстныя газеты приняли чрезвычайно развязный тонъ, съ видимымъ удовольствіемъ пережевывая и смакуя всѣ невыгодныя для правительства текущія событія и

всѣ дефекты кавказскаго управленія, которыхъ, правду сказать, въ то время было не мало, какъ и теперь. Въ обществѣ говорили о готовящихся повсемѣстныхъ забастовкахъ желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ, рабочихъ и прислуги.

Такова была общая картина положенія тогдашнихъ дѣлъ на Кавказѣ.

IV.

Вступивъ въ исполненіе обязанностей бакинскаго полицеймейстера, я назначилъ официальное представленіе мнѣ чиновъ полиціи черезъ два дня, предупредивъ, что всѣ не явившіеся въ тотъ день безъ особо уважительныхъ причинъ будутъ уволены, какъ лица, явно уклоняющіяся отъ службы. Почти всѣ бакинскіе полицейскіе чиновники откликнулись на мое приглашеніе. Въ день, назначенный для представленія, явились почти всѣ. По окончаніи официальной процедуры представленія я въ краткихъ словахъ просилъ своихъ новыхъ подчиненныхъ не смотрѣть на меня, какъ на лицо, задавшееся цѣлью обнаружить и преслѣдовать тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлали ошибки и упущенія по службѣ во время происшедшихъ въ Баку безпорядковъ, что это дѣло не мое и что я буду относиться впредь къ каждому изъ нихъ такъ, какъ онъ того будетъ заслуживать по своимъ дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаю имъ о долгѣ службы и принятой ими присягѣ на вѣрность ей и прошу совокупными силами помочь мнѣ выполнить возложенную на меня задачу по поддержанію порядка и спокойствія въ городѣ, предупредивъ, что буду ревностнымъ защитникомъ и ходатаемъ предъ начальствомъ за тѣхъ изъ нихъ, которые въ это трудное время окажутся на высотѣ своего положенія. Тѣхъ же, которые намѣрены и впредь уклоняться отъ исполненія обязанностей службы, прошу лучше теперь же добровольно оставить ее, такъ какъ я этого ни въ какомъ случаѣ не потерплю. Это обращеніе произвело, повидимому, наилучшее впечатлѣніе. Всѣ они горячо просили меня не сомнѣваться въ ихъ готовности вмѣстѣ со мной служить вѣрой и правдой престолу и отечеству и сдѣлать все возможное для осуществленія ихъ прямой обязанности поддержанія въ городѣ порядка и спокойствія. Впослѣдствіи я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что это не была фраза, такъ какъ многіе изъ нихъ самоотверженно сложили свои головы при исполненіи обязанностей службы, многіе получили раны и увѣчья, а нѣкоторые оказали выдающіяся отличія.

Затѣмъ я приступилъ къ осмотру нижнихъ чиновъ полиціи по участкамъ. Городъ Баку, населенный 270,000 жителей, раздѣлялся въ то время на шесть полицейскихъ участковъ и обслуживался

въ полицейскомъ отношеніи всего шестью приставами съ ихъ по мощниками, двадцатью пятью или тридцатью околоточными надзирателями и ста пятьюдесятью городовыми, получавшими грошовое содержаніе. Значительная часть нижнихъ чиновъ полиціи числилась въ постоянныхъ командировкахъ для несенія службы при разныхъ начальствующихъ лицахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Для наружной поставой службы и для службы при участкахъ оставалось не болѣе ста двадцати городскихъ, раздѣленныхъ на три смѣны, по сорокъ человѣкъ въ каждой. На весь обширный многолюдный городъ выставлялось не болѣе двадцати пяти полицейскихъ постовъ. Само собой, что хоть сколько-нибудь бдительный надзоръ за порядкомъ на улицахъ былъ совершенно немыслимъ. Значительная часть нижнихъ чиновъ состояла изъ стариковъ, неспособныхъ уже нести полицейскую службу, доживавшихъ свой вѣкъ на ней какъ бы на пенсіи. Осмотрѣвъ оружіе, которымъ были вооружены городовые, я ужаснулся. Огромное большинство револьверовъ устарѣвшей системы Смита и Весона третьяго образца, имѣвшихся у нихъ на вооруженіи, оказались испорченными и негодными къ дѣлу. Шашки были тоже не въ лучшемъ состояніи. Онѣ въ большинствѣ оказались затупленными, зазубренными и разсыпались на части при мало-мальски серьезной попыткѣ нанести ими ударъ. Съ такимъ оружіемъ городовымъ приходилось состязаться съ бакинскими злоумышленниками, вооруженными по большей части превосходными скорострѣльными револьверами новѣйшихъ системъ и отличной выдѣлки кавказскимъ холоднымъ оружіемъ. Городовые не знали и не исполняли самыхъ примитивныхъ правилъ полицейской службы; дежурства ихъ на постахъ состояли по большей части въ сидѣніи въ ближайшихъ къ постамъ духанахъ или мелочныхъ лавкахъ и въ раскуриваніи даровыхъ папирсовъ, въ чемъ я лично не разъ имѣлъ случай убѣдиться, производя время отъ времени внезапные объѣзды постовъ. Взятчиничество было развито между ними въ высшей степени. Словомъ сказать, составъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ оказался ниже всякой критики, но замѣнить его другимъ, лучшимъ, не представлялось возможности, такъ какъ желающихъ поступить на полицейскую службу въ это смутное время почти совсѣмъ не находилось. Единственными исправными полицейскими оказались тридцать такъ называемыхъ «есауловъ», татаръ, набранныхъ изъ мусульманъ-туземцевъ для несенія ординарческой службы при полицейскихъ учрежденіяхъ и начальствующихъ лицахъ. Они всѣ были исправно одѣты въ туземную кавказскую форму и имѣли хорошее собственное оружіе. Ихъ и приходилось пускать въ дѣло во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Вслѣдствіе моихъ неоднократныхъ письменныхъ и словесныхъ представленій по начальству, новое оружіе городовымъ вскорѣ было выдано, и въ мое распоряженіе было командировано нѣсколько

сотъ взятыхъ изъ уѣздовъ полицейскихъ стражниковъ и казакъ.

Познакомившись съ дѣлопроизводствомъ полицейскаго управленія, я нашель и эту часть стоящей въ ненормальныхъ условіяхъ. При самомъ незначительномъ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ изъ этого управленія исходило въ годъ до 75,000 однихъ только исходящихъ бумагъ. Помощникъ полицеймейстера и секретарь полицейскаго управленія день и ночь были заняты этимъ дѣломъ. Не мало времени приходилось расходовать на него и самому полицеймейстеру, такъ какъ всѣ бумаги, направляемыя въ начальствующія дистанціи, по обычаю, долженъ былъ подписывать онъ самъ. На это приходилось посвящать почти цѣлые вечера, днемъ же, за ежедневными утренними докладами начальствующимъ лицамъ, за выѣздомъ на наиболѣе крупныя происшествія въ городѣ, на встрѣчи и проводы прѣзжающихъ и уѣзжающихъ начальствующихъ лицъ, для присутствованія при наиболѣе важныхъ обыскахъ, производимыхъ жандармскими офицерами, рѣшительно не оставалось времени заниматься какими-нибудь письменными работами. Не мало времени отнимали также такъ называемые «пріемы просителей», число которыхъ достигало ежедневно пятидесяти—ста человекъ. Въ соблюденіи назначенныхъ для пріема просителей часовъ я старался быть особенно аккуратнымъ, такъ какъ въ городѣ не было почти ни одного человека, не имѣвшаго надобности въ полиціи въ это смутное время, по тому или другому поводу. Притомъ отъ являвшихся въ полицейское управленіе лицъ я часто узнавалъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о происшедшихъ наканунѣ или готовящихся событіяхъ.

Князь Накашидзе прекрасно понималъ, какимъ количествомъ непосильной работы былъ въ то время обремененъ бакинскій полицеймейстеръ и рѣдко беспокоилъ меня вызовами для личныхъ объясненій, распоряжаясь преимущественно по телефону. Заваленный самъ нелегкой работой по управленію Бакинской губерніи, возмущаемый ежедневно присылаемыми ему разными подпольными организаціями угрожающими письмами и анонимными пасквилями, онъ рѣдко выѣзжалъ въ то время изъ дома, посвящая все оставшееся у него свободное время составленію всеподданнѣйшей записки съ объясненіемъ бакинскихъ безпорядковъ и той роли, которую ему, какъ губернатору, довелось играть въ нихъ. Болѣе другихъ досаждали князю своими анонимными обращеніями и угрозами армянскіе революціонные комитеты. Глубокая ненависть, проявляемая армянами къ князю Накашидзе, была не нова. Они не могли забыть и простить ему, что, занимая въ 1903 году должность эриванскаго вице-губернатора, онъ, по приказанію князя Голицына, производилъ опись и конфискацію церковныхъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ Эчмиадзинскаго монастыря, при-

чемъ приказаль взломать денежный сундукъ въ соборѣ св. Григорія, гдѣ, предполагалось, хранилась главная часть армянскихъ церковныхъ капиталовъ. Конечно, это было сдѣлано по приказанію свыше и лишь послѣ того, какъ эчмиадзинское духовенство отказалось добровольно открыть сундукъ. Большинство армянскаго народа сочло этотъ взломъ за святотатство и за оскорбленіе патрона Эчмиадзинскаго монастыря св. Григорія. Едва ли, однако, всѣ эти обвиненія можно считать правильными, такъ какъ князь Накашидзе дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ не по собственному усмотрѣнію, а по приказанію свыше. Ему развѣ могутъ быть поставлены въ упрекъ чрезмѣрная сухость и формализмъ, съ которыми онъ, по обыкновенію, исполнилъ возложенное на него порученіе главнаго кавказскаго начальства. Лично же къ армянамъ онъ едва ли питалъ какое-либо недоброжелательство. Равно едва ли справедливы и нареканія въ покровительствѣ, будто бы оказываемомъ имъ татарамъ. Несомнѣнно, изъ двухъ враждующихъ между собой народностей симпатіи князя Накашидзе были на сторонѣ татаръ. Всегда послушные волѣ начальства, не участвовавшіе ни въ какихъ политическихъ авантюрахъ, занятые исключительно своими дѣлами, кавказскіе мусульмане болѣе внушали симпатій къ себѣ, чѣмъ безпокойные, строптивые, политиканствовавшіе тогдашніе армяне. Но я никогда не замѣтилъ, чтобы князь Накашидзе проводилъ въ жизнь свои симпатіи и антипатіи къ тѣмъ или другимъ. Онъ всегда ровно относился на дѣлѣ къ обѣимъ народностямъ и, повидимому, лишь по недоразумѣнію сдѣлался тѣмъ буферомъ, на который обрушилась армяно-татарская распря.

Видая князя Накашидзе иногда по нѣсколько разъ въ день, я всегда удивлялся спокойствію и самообладанію этого человѣка. Оклеветанный, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, оскорбляемый ежедневно получаемыми и распространяемыми по всему городу пасквилями, онъ никогда не возмущался и не ропталъ на судьбу, твердо вѣруя, что имѣвшее начаться слѣдствіе по дѣлу о бакинскихъ беспорядкахъ выяснитъ все и оправдаетъ его. Онъ не потерялъ душевнаго равновѣсія, удержалъ весь прежній режимъ жизни, работалъ цѣлыми днями, а въ отношеніи подчиненныхъ лицъ и знакомыхъ сохранилъ свою обычную привѣтливость, никогда не позволяя себѣ бранить или осуждать своихъ враговъ. Временами онъ бывалъ даже веселъ и шутилъ съ окружающими. Мои неоднократныя просьбы не выѣзжать изъ дома безъ конвоя и не предупредивъ меня объ этомъ, онъ всегда деликатно, но рѣшительно отклонялъ, говоря, что, оставаясь губернаторомъ, считаетъ невозможнымъ принимать какія-либо чрезвычайныя, демонстративныя мѣры для охраненія своей личности; что отъ судьбы все равно не уйдешь, и если его дѣйствительно захотятъ убить, то убьютъ непременно, не взирая на то, будетъ ли при немъ нахо-

даться конвой, или не будет, что онъ не боится смерти и давно приготовился къ ней, но что служебныя свои обязанности будетъ исполнять такъ, какъ это повелѣваетъ ему долгъ службы. «Одно лишь прискорбно,—однажды добавилъ князь:—что мнѣ, можетъ

Князь И. Г. Амилахвари.

быть, придется умереть отъ руки какого-нибудь грязнаго негодяя». Выслушивая эти отвѣты губернатора, я не могъ не согласиться съ его доводами, тѣмъ болѣе, что придерживался такихъ же взглядовъ на дѣло, какъ и онъ самъ, но сердце мое все же ныло, въ предвидѣннн неизбѣжной развязки. Однажды только мнѣ до-

велось видѣть князя Накашидзе въ подавленномъ настроеніи. Это было въ день полученія имъ письма отъ бывшаго бакинскаго городского головы, проживавшаго въ то время въ Петербургѣ, извѣстнаго политическаго дѣятеля, кадета Новикова. Это недостойное письмо, обращенное къ князю Накашидзе, начинавшееся словами: «Кайиъ, что ты сдѣлалъ съ братомъ твоимъ Авелемъ?» было переполнено угрозами и оскорбленіями за устроенную будто бы княземъ Накашидзе армяно-татарскую рѣзню. Копіи съ этого письма были присланы Новиковымъ многимъ армянскимъ общественнымъ дѣятелямъ въ Баку и распространены ими по городу въ тысячахъ экземпляровъ. Это переполненное незаслуженными оскорбленіями письмо глубоко оскорбило князя Накашидзе. Онъ не могъ скрыть своего возмущенія и негодованія и далъ слово, что по окончаніи слѣдствія сенатора Кузминскаго потребуетъ отъ Новикова удовлетворенія по законамъ чести. Смѣнявшіяся въ то время въ Баку, какъ въ калейдоскопѣ, событія не позволяли, однако, долго сосредоточиваться на одномъ какомъ-нибудь изъ нихъ, и вскорѣ князь Накашидзе какъ бы на время забылъ о письмѣ Новикова, переставъ касаться его во время ежедневныхъ своихъ объясненій со мной.

V.

Съ пріѣздомъ князя И. Г. Амилахвари въ Баку, дѣла замѣтно пошли лучше. Армяно-татарскіе беспорядки мало-по-малу затихли. Составъ бакинскаго гарнизона былъ усиленъ до восьми тысячъ человекъ, которыхъ князь расположилъ въ разныхъ частяхъ города, сдѣлавъ почти невозможнымъ проявленіе какихъ бы то ни было новыхъ уличныхъ беспорядковъ. Мало-по-малу успокоилась и паника, охватившая все бакинское общество. Лично я былъ чрезвычайно радъ пріѣзду въ Баку князя Ивана Гивича. Передъ тѣмъ я прослужилъ нѣсколько лѣтъ подъ его начальствомъ и искренно уважалъ этого замѣчательнаго человека. Это былъ типъ, теперь совершенно выродившійся, боевого кавказскаго генерала, проводшаго большую часть жизни въ походахъ и военныхъ экспедиціяхъ. Не получивъ почти никакого научнаго образованія, князь былъ обязанъ всѣмъ, чего достигъ въ жизни, своему выдающемуся природному уму и своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ. Одинъ изъ преданнѣйшихъ на Кавказѣ царскихъ слугъ, глубоко религіозный человекъ, образцовый семьянинъ, храбрый, прямой, энергичный и рѣшительный, несмотря на свои семьдесятъ восемь лѣтъ, обладавшій громаднымъ запасомъ здраваго смысла, привѣтливый со всѣми, кого онъ зналъ, скромный въ своей частной жизни, но чрезвычайно щедрый, когда этого требовали, по его мнѣнію, достоинство и интересъ службы, превосходно изучившій Кавказъ

за свою долгую жизнь, чрезвычайно популярный въ обществѣ и въ кавказскихъ войскахъ, князь былъ именно такимъ человѣкомъ, который въ ту минуту былъ нуженъ въ Баку. Онъ жилъ въ то время на покоѣ въ своемъ обширномъ горійскомъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, но живо слѣдилъ и интересовался всѣмъ происходящимъ на бѣломъ свѣтѣ. По просьбѣ генерала Маламы, онъ согласился на короткое время принять должность бакинскаго временнаго генерала-губернатора, считая невозможнымъ отказаться отъ этой должности въ такое тяжелое для отечества смутное время. Князь вѣрно понялъ задачу, которая на него выпала, состоявшую главнымъ образомъ въ недопущеніи дальнѣйшей смуты въ городѣ и въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ, въ успокоеніи общества и въ обузданіи все болѣе и болѣе разраставшагося революціоннаго движенія. Несмотря на свой крутой нравъ, онъ старался достигнуть цѣли, по возможности, гуманными средствами, вразумить и успокоить людей, прибѣгая къ силѣ только въ крайнихъ, необходимыхъ случаяхъ. Онъ понималъ, что революціонное движеніе въ Россіи и на Кавказѣ составляетъ только театральнѣйшій фарсъ, что оно не имѣетъ глубокихъ корней въ народѣ и что добрая половина лицъ, принимавшихъ въ немъ горячее участіе, обратится снова въ благонамѣренныхъ людей, какъ только страсти успокоятся и пройдетъ революціонная горячка, погубившая столько неопытныхъ людей, главнымъ образомъ изъ молодежи. Сознывая это, князь Иванъ Гивичъ старался вездѣ, гдѣ могъ, вліять на людей мѣрами нравственнаго воздѣйствія, успокоить и обезоружить ихъ, не обостряя еще больше отношеній и не подливая масла въ безъ того ярко горѣвшій пожаръ. Этотъ взглядъ на дѣло, систематически проводимый въ жизнь, имѣлъ самыя благотворныя послѣдствія. Мнѣ трудно было бы перечислить многочисленныя примѣры, когда князь силой своего нравственнаго воздѣйствія на людей обезоруживалъ ихъ, успокаивалъ и обращалъ на путь истины самыхъ крайнихъ и безпокойныхъ, почти совершенно потерянныхъ субъектовъ. Той же политики онъ держался и въ отношеніи враждовавшихъ между собой армянъ и татаръ. Сразу ставъ на нейтральную точку между ними, онъ всячески старался вразумить и успокоить тѣхъ и другихъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ новыхъ кровопролитій между ними и безпощадно остановитъ ихъ вооруженной рукой. Его слушали и ему вѣрили; армяно-татарскіе беспорядки ни разу не возобновлялись при немъ. Они произошли опять подъ вліяніемъ новыхъ осложненій лишь черезъ два мѣсяца послѣ его ухода изъ Баку, въ августѣ и сентябрѣ 1905 года. Не могу не прибавить здѣсь, что князю Амилахвари значительно помогли въ дѣлѣ обузданія мусульманъ бакинскіе передовые татары, съ вліятельнѣйшимъ изъ нихъ Гаджи-Зейналь-Абдинъ-Тагіевымъ во главѣ. За это и за свои

щедрыя пожертвованія на дѣла благотворительности и просвѣщенія Тагіевъ вскорѣ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Какъ умный человекъ, князь Иванъ Гивичъ придавалъ огромное значеніе недопущенію развитія политической пропаганды въ войскахъ, надъ чѣмъ усиленно работали тогдашніе революціонные дѣятели. Съ этой цѣлью онъ подъ разными предлогами часто объѣзжалъ войска и подолгу бесѣдовалъ съ солдатами. Нечего и говорить, что эти бесѣды, а также его заботы объ ихъ бытѣ, расквартированіи и продовольствіи имѣли самое благотворное вліяніе на нижнихъ чиновъ.

Чрезвычайно добрый и снисходительный, князь умѣлъ, однако, проявлять желѣзную волю и неумолимую строгость въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по его мнѣнію, было нужно. Между прочимъ, онъ въ особенности не терпѣлъ трусости, считая ее самымъ недостойнымъ чувствомъ въ натурѣ человека, и отъ него солоно приходилось провинившимся въ этомъ полицейскимъ чинамъ. Лично же онъ совершенно не заботился о своей безопасности, разѣзжая повсюду безъ конвоя, съ однимъ только казакомъ на козлахъ экипажа. Какъ теперь помню его отвѣтъ его адъютанту Н. И. Арджеванидзе, который, по общей просьбѣ окружающихъ, взялся посоветовать князю, послѣ убійства князя Накашидзе, не выѣзжать изъ дома безъ конвоя.

— Зачѣмъ это нужно?—спросилъ князь

— Для вашей безопасности,—отвѣчалъ Арджеванидзе.—Городъ кишитъ злоумышленниками, и васъ могутъ убить.

— Ну, что же изъ этого,—отвѣчалъ князь.—Все равно, не сегодня—завтра умру.

Эти слова оказались вѣщими. Онъ умеръ въ августѣ мѣсяцѣ того же года, простудившись во время объѣзда взбунтовавшихся нагорныхъ селеній своего родного Горійскаго уѣзда.

Князь Амилахвари распорядился, чтобы я ежедневно дѣлалъ ему доклады по два раза: въ десять часовъ утра и въ десять часовъ вечера. Во время этихъ докладовъ ему я всегда восхищался бросаемыми имъ отъ времени до времени краткими замѣчаніями, обнаруживавшими въ немъ глубокой опытъ, знаніе жизни и рѣдкій юморъ.

Между тѣмъ, несмотря на принимаемыя дѣятельныя мѣры, политическіе беспорядки въ Баку не унимались. Не проходило почти дня, чтобы не былъ убитъ или раненъ кто-нибудь изъ полицейскихъ чиновъ. Почувствовавшіе свою силу революціонеры часто производили въ городѣ невозможныя безчинства. То они толпой въ нѣсколько тысячъ человекъ выламывали двери общественаго собранія и устраивали въ немъ заочный судъ надъ губернаторомъ, то производили учебную стрѣльбу изъ револьверовъ на окружающихъ Баку островахъ, то устраивали демонстративныя

шествія по городу, съ красными флагами въ рукахъ и съ пѣніемъ возмутительныхъ революціонныхъ гимновъ. Каждую почти ночь то тутъ, то тамъ приходилось разгонять ихъ тайныя сходки, устраиваемыя въ незанятыхъ квартирахъ, подъ видомъ празднованія свадьбъ или именинъ. Въ городѣ появилось нѣсколько подпольныхъ типографій и производилась тайная фабрикація бомбъ и адскихъ машинъ, которыя разсылались отсюда чуть ли не по всѣмъ городамъ Кавказа. Въ журнальной статьѣ не хватило бы мѣста, чтобы описать всѣ тѣ безобразія, которыя производились въ то время въ городѣ революціонерами, широко пользовавшимися слабостью тогдашней общей и охранной полиціи. Опишу лишь нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе рельефно обрисовывающія тогдашнее положеніе дѣлъ въ Баку.

VI.

Однажды, въ концѣ февраля мѣсяца, около полудня, я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ полицейскомъ управленіи и занимался разборомъ полученной въ тотъ день почты. Совершенно неожиданно одинъ изъ приставовъ сообщилъ мнѣ по телефону, что толпа революціонеровъ въ три тысячи человекъ выломала двери общественаго собранія и производить заочный судъ надъ бакинскимъ губернаторомъ. Черезъ минуту о томъ же телефониروавъ мнѣ и князь Накашидзе, прося меня немедленно окружить общественное собраніе войсками и постараться разогнать это сборище, не арестовывая никого и не прибѣгая, по возможности, къ дѣйствию оружіемъ, сообщивъ мнѣ, что телефонируавъ начальнику гарнизона о высылкѣ къ помѣщенію собранія въ мое распоряженіе батальона пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у дверей собранія. Туда уже подходили, высланные начальникомъ гарнизона полковникомъ Вальтеромъ, батальонъ сальянцевъ и три сотни казаковъ. Тамъ же находился приставъ перваго участка капитанъ Мамедбековъ съ нѣсколькими другими подчиненными ему полицейскими чинами. Поручивъ ему занять военнымъ карауломъ всѣ входы и выходы изъ собранія и не выпускать оттуда никого, я съ моимъ ординарцемъ-лезгиномъ вошелъ въ вестибюль собранія. Осмотрѣвъ прежде всего массивныя дубовыя двери, я нашелъ ихъ въ цѣлости. Лишь только замокъ былъ немного поврежденъ изнутри, видимо, нарочно, съ цѣлью создать отговорку, почему толпа была впущена въ помѣщеніе собранія. Сбивчивые отвѣты швейцара убѣдили меня въ томъ, что онъ или по собственному побужденію, или по распоряженію клубной администраціи впустилъ толпу въ помѣщеніе собранія. Оставивъ своего ординарца внизу, въ швейцарской, я поднялся по лѣстницѣ совершенно одинъ въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалось

собрание, и нашел главный клубный залъ переполненнымъ народомъ. Тутъ были мужчины, женщины и подростки, совсѣмъ еще молодые люди, между которыми было видно много одѣтыхъ въ форменные костюмы студентовъ и учениковъ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній. Было не мало лицъ, одѣтыхъ въ костюмы телеграфистовъ, почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ. Занавѣсъ клубной сцены былъ поднятъ, и на эстрадѣ, за столомъ, покрытомъ красной матеріей, засѣдали человекъ десять какихъ-то субъектовъ, между которыми было видно нѣсколько молодыхъ женщинъ. Видимо, засѣданіе было въ полномъ разгарѣ. При моемъ появленіи въ дверяхъ зала поднялся неистовый шумъ и крики, причесть я замѣтилъ, что въ рукахъ у нѣкоторыхъ участниковъ сходки появились револьверы. Выждавъ, пока шумъ нѣсколько стихнетъ, я обратился къ предсѣдательствовавшему на сходкѣ высокому, красивому молодому человекъ съ просьбой дать мнѣ возможность переговорить съ толпой. Онъ согласился на это и предложилъ мнѣ взойти на эстраду. Она помѣщалась въ глубинѣ зала и, чтобы добраться до нея, нужно было пройти сквозь всю толпу наполнявшихъ залъ людей. По знаку предсѣдателя, толпа разступилась, и я прошелъ черезъ нее, чувствуя на себя озлобленные взгляды участниковъ сходки.

Когда я очутился на эстрадѣ, рядомъ съ предсѣдателемъ сходки, въ кругу его товарищей, принадлежавшихъ, повидимому, къ наиболѣе выдающимся мѣстнымъ революціонерамъ, предсѣдатель обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Кто вы такой и что имѣете намъ сказать?

Я отвѣтилъ, что занимаю должность бакинскаго полицеймейстера и по приказанію начальства явился сюда, чтобы предложить имъ разойтись по домамъ и очистить самовольно занятое ими общественное собраніе.

— Теперь никакихъ полицеймейстеровъ больше нѣтъ,—перебилъ меня предсѣдатель:—домъ же этотъ принадлежитъ народу, и онъ въ правѣ имъ распоряжаться для своихъ нуждъ.

— Я ничего объ этомъ не знаю,—отвѣтилъ я.—Но если бы и было такъ, какъ вы говорите, то вы едва ли имѣли бы право распоряжаться этимъ домомъ безъ вѣдома и разрѣшенія лицъ, которыя были бы поставлены имъ завѣдывать. Во всякомъ случаѣ, долженъ васъ всѣхъ предупредить, что домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ войсками и что если вы добровольно не подчинитесь предъявленному мною требованію, я долженъ буду употребить силу. Если же здѣсь раздастся хоть одинъ выстрѣлъ, всѣ вы будете поголовно истреблены войсками, о чемъ заранѣе сдѣлано распоряженіе (такого распоряженія, само собой, сдѣлано не было). Но я надѣюсь на ваше благоразуміе и увѣренъ, что вы не доведете дѣло до крайности.—Подумайте, господа,—добавилъ я, обращаясь къ

засѣдавшему на эстрадѣ трибуналу:—между вами находятся сотни женщинъ и ни въ чемъ неповинныхъ молодыхъ людей, вѣроятно, случайно сюда попавшихъ. Въ случаѣ трагической развязки, кровь ихъ падетъ на ваши головы.

Въ этотъ моментъ одна изъ засѣдавшихъ на эстрадѣ женщинъ, по фізіономіи и по выговору еврейка, поднялась со стула и, обращаясь къ толпѣ, пронзительнымъ голосомъ закричала на весь залъ:

— Что вы его слушаете! Это волкъ въ овечьей шкурѣ. Стрѣляйте въ него. Онъ уговариваетъ насъ разойтись, чтобы потомъ на улицѣ переловить насъ, какъ куропатоку, и засадить въ тюрьму.

Предсѣдатель повелительнымъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать. Затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могутъ ли они быть увѣрены, что полиція не задержитъ ихъ при выходѣ на улицу.

Я отвѣтилъ, что даю имъ въ этомъ мое честное слово, что получилъ категорическое приказаніе начальства никого не арестовывать, если они добровольно согласятся разойтись. Обращаясь же къ подстрекавшей толпу противъ меня еврейкѣ, сказалъ:

— Сударыня, вашъ прекрасный полъ избавляетъ васъ, конечно, отъ отвѣтственности, которую вы заслуживаете за произнесенныя по моему адресу слова. Но могу васъ увѣрить, что поступилъ бы съ вами иначе, если бы вы были женщиной.

Послѣ этого предсѣдатель отошелъ въ глубину сцены съ нѣсколькими своими товарищами и, пошептавшись о чемъ-то съ ними, объявилъ собраніе закрытымъ, предложивъ присутствующимъ разойтись.

Я послѣдовалъ внизъ и, ставъ у выходныхъ изъ собранія дверей, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы компанія безпрепятственно могла разойтись. Затѣмъ съ облегченнымъ сердцемъ отправился по начальству, чтобы доложить обо всемъ происшедшемъ. Князь Накашидзе былъ очень доволенъ исходомъ дѣла и благодарилъ меня, добавивъ, что въ особенности радъ, что дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Предсѣдательствовавшій на этой сходкѣ молодой человекъ оказался впоследствии Вольскимъ, однимъ изъ главныхъ дѣателей революціи, командированнымъ изъ-за границы въ Баку международнымъ революціоннымъ комитетомъ для устройства политическихъ смуть. Мѣсяцъ спустя онъ былъ задержанъ на улицѣ околоточнымъ надзирателемъ Рябинскимъ, узнавшимъ его по портрету, высланному незадолго передъ тѣмъ департаментомъ полиціи, и успѣвшимъ вспрыгнуть въ фэтонъ, въ которомъ онъ ѣхалъ. При помощи проходившаго въ то время по улицѣ жандармскаго унтеръ-офицера и фэтонщика-татарина онъ былъ обезоруженъ, связанъ и препровожденъ сначала въ тюрьму, а затѣмъ на гауптвахту

Сальянскаго полка, гдѣ и содержался подъ особо бдительнымъ надзоромъ впредь до высылки его, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость, подъ конвоемъ нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Во время ареста Вольскаго при немъ оказались два револьвера, спрятанные въ голенища надѣтыхъ на немъ высокихъ сапогъ, но онъ не успѣлъ ими воспользоваться. Во время содержанія его въ бакинской тюрьмѣ, вскорѣ послѣ доставленія его туда, при немъ была найдена веревочная лѣстница, заряженный револьверъ и семьдесятъ пять рублей денегъ, очевидно, тайно переданныхъ ему городскими революціонерами для совершенія побѣга, что и послужило поводомъ для перевода его на гауптвахту Сальянскаго полка.

Нѣсколько дней спустя, въ номеръ гостиницы, гдѣ я проживалъ, неожиданно вошелъ мой знакомый командиръ роты Мингрельскаго полка капитанъ Калиновскій и сообщилъ мнѣ, что въ помѣщеніи статистическаго бюро бакинской городской управы, находившемся какъ разъ напротивъ дома, гдѣ квартировала его рота, собралась сходка, на которой происходитъ раздача прокламацій и другихъ революціонныхъ изданій для распространенія ихъ по городу, о чемъ онъ узналъ отъ одного изъ своихъ гренадеръ, родомъ мингрельца. Онъ предложилъ мнѣ задержать этихъ господъ, обѣщая оказать къ этому содѣйствіе съ своей ротой. Тотъ же мингрелецъ-гренадеръ сообщилъ ему, что въ статистическомъ бюро городской управы, бывшемъ, какъ оказалось, главнымъ складомъ революціонныхъ изданій, производится раздача писемъ революціонерамъ, получаемыхъ на имя управляющаго бюро Кузьмина-Караваева. Времени терять было нельзя. Мы условились въ подробностяхъ, и капитанъ Калиновскій уѣхалъ впередъ, чтобы распорядиться. Я же, вызвавъ по телефону мѣстнаго пристава и приказавъ ему доложить о предстоящемъ обыскѣ въ городской управѣ прокурору и жандармскому начальнику и просить ихъ пожаловать туда, поспѣшилъ на мѣсто. У боковыхъ дверей роскошнаго зданія бакинской городской управы меня уже ожидалъ бравый капитанъ Калиновскій съ двѣнадцатью гренадерами своей роты. Приказавъ швейцару итти впередъ и указывать дорогу, мы быстро поднялись во второй этажъ дома, въ которомъ тогда помѣщалось городское статистическое бюро. Открывъ дверь, мы нашли тамъ слѣдующую картину. Во второй комнатѣ отъ входа, вокругъ большого стола, заваленнаго какими-то довольно большими узелками и кипами какихъ-то брошюръ, стояли и сидѣли человѣкъ тридцать мужчинъ и женщинъ, преимущественно молодыхъ людей, оживленно совѣщавшихся о чемъ-то. Наше неожиданное появленіе произвело между ними сильнѣйшій переполохъ, причемъ нѣкоторые начали поспѣшно разрывать на мелкіе клочки имѣвшіеся при нихъ письма и бумаги, а одинъ изъ молодыхъ людей, еврей, быстро спряталъ въ

ротъ скомканную телеграмму и старался разжевать и проглотить ее, но находившійся по близости гренадеръ безъ церемоніи схватилъ его за горло и заставилъ выплюнуть телеграмму. По прочтеніи ея впослѣдствіи жандармами она оказалась самаго преступнаго содержанія. Я предложилъ присутствовавшимъ не трогаться съ мѣстъ, а капитанъ Калиновскій для острастки приказалъ гренадерамъ взять ружья на изготовку. Загромождавшіе столъ узелки оказались завязанными въ большіе платки пачками прокламацій, брошюръ и другихъ революціонныхъ изданій, которыхъ мы насчитали до двадцати тысячъ экземпляровъ. Здѣсь, очевидно, помѣщался главный складъ ихъ, и отсюда они распространялись по всему городу. Завѣдывающій статистическимъ бюро Кузьминъ-Караваевъ находился тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ. На мое предложеніе отдать мнѣ ключи отъ его письменнаго стола онъ отвѣтилъ, что забылъ ихъ дома. Приходилось взломать столъ, что я отложилъ до прибытія на мѣсто жандармовъ; когда же столъ былъ открытъ, въ немъ оказалось нѣсколько писемъ весьма важнаго содержанія. Вслѣдъ за тѣмъ произошла траги-комическая сцена, прекрасно характеризующая настроеніе и нравы тогдашняго бакинскаго общества, которую не могу здѣсь не разказать.

Въ то время, когда я съ гренадерами вошелъ въ помѣщеніе городской управы, въ ней происходило засѣданіе бакинской городской думы, въ полномъ ея составѣ. Узнавъ о нашемъ появленіи въ стѣнахъ управы, исполнявшій въ то время обязанности бакинскаго городского головы нѣкто И. прекратилъ засѣданіе и, не снимая должностнаго знака, вошелъ въ комнату, гдѣ я находился, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ магистратовъ. Онъ довольно грубо обратился ко мнѣ съ вопросомъ, по какому праву я «врываюсь» въ общественное учрежденіе и произвожу въ немъ обыски, и заявилъ, что протестуетъ противъ этого. Совершенно спокойно я отвѣтилъ ему, что городская управа отнюдь не пользуется правами экстерриториальности и что не только въ ея помѣщеніе, но и въ помѣщеніе государственнаго совѣта я не поцеремонился бы войти безъ доклада, если бы зналъ, что въ стѣнахъ его происходятъ такія возмутительныя вещи, которыя нашелъ здѣсь; но что во всякомъ случаѣ я радъ его приходу и прошу остаться здѣсь, такъ какъ привлекаю его къ дѣлу въ качествѣ домохозяина.

Въ это время прибыли представитель судебной власти и жандармскій начальникъ, и я предоставилъ г. И. объясняться съ ними, самъ же поспѣшилъ къ князю Накашидзе и къ князю Амилахвари, чтобы доложить имъ о случившемся, опасаясь, что разгнѣванные моимъ неожиданнымъ вторженіемъ въ ихъ владѣнія избалованные и строптивые бакинскіе магистраты, между которыми въ то время было немало богачей-милліонеровъ, заявятъ на меня жалобу по начальству и представятъ дѣло въ превратномъ видѣ противъ

того, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Губернаторъ и генераль-губернаторъ одобрили всѣ мои дѣйствія, причемъ князь Амилахвари сказалъ, что сумѣетъ отвѣтить недовольнымъ, если къ нему обратятся съ жалобой на меня.

На другой день, когда я явился съ обычнымъ утреннимъ докладомъ къ князю Амилахвари, у дверей его кабинета я столкнулся съ исполняющимъ обязанности городского головы. Подойдя ко мнѣ съ протянутыми обѣими руками, онъ просилъ меня не обижаться на происшедшее вчера между имъ и мной въ городской управѣ, увѣривъ меня, что онъ и не подозрѣвалъ о существованіи въ стѣнахъ управы такихъ возмутительныхъ преступныхъ сборищъ, которыя вчера въ ней обнаружены, и что онъ очень радъ, что я арестовалъ забравшихся въ нее негодяевъ. Повышенный же тонъ, которымъ онъ со мной вчера говорилъ, онъ просилъ объяснить не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что не могъ говорить со мной иначе въ присутствіи тѣхъ лицъ, которыя въ то время при этомъ находились. Хотя объясненія эти далеко не удовлетворили меня, но, отлично зная, до какой степени было терроризовано все тогдашнее бакинское общество, я принялъ протянутую мнѣ руку и согласился прервать дѣло забвенію.

При выясненіи личностей участниковъ сборища въ городской управѣ между ними были обнаружены весьма важные преступники, уже давно разыскиваемые общей и жандармской полиціей.

VII.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ довелось самолично конфисковать мастерскую для приготовленія бомбъ и адскихъ машинъ и лабораторію для ихъ снаряженія на одной изъ улицъ въ недалекомъ разстояніи отъ полицейскаго управленія. Провѣдавшій объ этой мастерской приставъ четвертаго участка Гогоборидзе доложилъ мнѣ объ этомъ. Мѣры для оцѣпленія были приняты настолько быстро и незамѣтно, что когда я велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ на мѣсто и въ сопровожденіи пристава Гогоборидзе и нѣсколькихъ городовыхъ вошелъ въ большой сарай, гдѣ помѣщалась мастерская, то нашелъ всѣхъ работавшихъ въ ней лицъ спокойно сидѣвшими за горнами и занимавшимися выковываніемъ своихъ смертоносныхъ орудій. Ихъ было три или четыре человѣка, разнаго возраста, одѣтыхъ въ подпоясанныя ремнями характерныя черныя блузы и широкополыя шляпы. При нашемъ неожиданномъ появленіи они, видимо, были настолько удивлены, что не проявили никакой попытки къ побѣгу или сопротивленію и продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ. Подъ угрозой смерти я приказалъ имъ не трогаться съ мѣсть и, поставивъ позади cadaго изъ нихъ по одному

городовому съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ, занялся осмотромъ мастерской. При обыскѣ ея было найдено 158 готовыхъ, но еще не заряженныхъ бомбъ, величиной въ апельсинъ каждая, и множество не законченныхъ еще изготовленіемъ частей этихъ снарядовъ. Отъ одного изъ работавшихъ въ мастерской, молодого человека, сильно струсившаго и умалявшаго насъ о пощадѣ, я узналъ, что въ сосѣднемъ домѣ помѣщается лабораторія для снаряженія заготавливаемыхъ ими бомбъ. Отправившись туда, мы дѣйствительно нашли цѣлую прекрасно оборудованную и устроенную лабораторію, съ значительнымъ количествомъ разнаго рода взрывчатыхъ веществъ и приборовъ. Провѣдавъ, вѣроятно, о производящемся обыскѣ въ мастерской, самъ лаборантъ успѣлъ скрыться, спустивъ въ находящійся во дворѣ колодезь значительную партію снаряженныхъ уже имъ бомбъ. Конечно, всѣ онѣ были осторожно извлечены оттуда и уничтожены. Конфискованныя же бомбы, какъ это ни невѣроятно, пропали вполсѣдствіи изъ помѣщенія бакинскаго губернскаго жандармскаго управления, гдѣ онѣ хранились, какъ вещественныя доказательства.

Въ срединѣ Великаго поста я тяжело заболѣлъ. Переживаемыя непрерывно тревоги и безпокойства, недосыпанія и недоѣданія, такъ какъ мнѣ рѣдко приходилось проспать ночь безъ того, чтобы меня не разбудили по тому или другому случаю, или отобѣдать безъ перерыва, не прошли мнѣ даромъ. У меня сдѣлалось сильное разлитіе желчи. Я слегъ въ постель и всталъ съ нея только черезъ двѣ недѣли, благодаря заботамъ обо мнѣ одного изъ лучшихъ бакинскихъ врачей, добраго моего знакомаго, доктора Векилова. Меня мучили безсонница и сильнѣйшія головныя боли: я такъ пожелтѣлъ, что вся кожа на моемъ тѣлѣ приобрѣла цвѣтъ спѣлаго апельсина. Докторъ усиленно настаивалъ на необходимости принимать пищу, но въ продолженіе двухъ недѣль я ничего не ѣлъ, кромѣ маленькаго стакана молока, одного печенаго яблока въ день и присланнаго докторомъ барбарисоваго варенья, которое употреблялъ съ водой, въ видѣ питья. Навѣстившій меня однажды мой старый пріятель, казачій есаулъ, тогдашній сотрудникъ «Новаго Времени» Ш., подписывавшійся псевдонимомъ «Корреспондентъ на льготѣ», увидавъ меня въ такомъ состояніи, ужаснулся и пришелъ къ заключенію, что меня отравили, о чемъ и распустилъ слухъ по городу. Навѣщалъ меня не разъ и добрѣйшій князь Иванъ Гивичъ Амилахвари, выражая крайнія свои соболѣзнованія по поводу постигшей меня болѣзни и опасенія за ея исходъ.

Сильная моя натура, однакоже, сдѣлала свое дѣло. Черезъ двѣ недѣли я всталъ съ постели и почти тотчасъ вступилъ опять въ управленіе бакинской полиціей. Я поспѣшилъ съ этимъ послѣднимъ, такъ какъ князь Амилахвари былъ крайне недоволенъ дѣйствіями лица, назначеннаго вмѣсто меня исполнять обязанности полиціей-

мейстера. Тяготилось выпавшими на него полицеймейстерскими обязанностями и это лицо. Оба, видимо, съ нетерпѣніемъ ждали моего окончательнаго выздоровленія.

3-го апрѣля въ Баку прибылъ назначенный по высочайшему повелѣнію для сенаторской ревизіи сенаторъ А. М. Кузминскій. Князь Амилахвари приказалъ мнѣ ежедневно, по утрамъ, дѣлать и ему доклады о ходѣ полицейскихъ дѣлъ въ городѣ. Но г. Кузминскій мало вмѣшивался въ наши текущія полицейскія дѣла, будучи всецѣло поглощенъ собраніемъ свѣдѣній по возложенной на него ревизіи. Только по завѣдыванію бакинской тюрьмой приходилось отдавать ему болѣе или менѣе подробный отчетъ. Эта тюрьма находилась тогда въ состояніи въ полномъ смыслѣ слова ужасномъ. Передѣланная изъ старой морской казармы и по расчету тюремнаго вѣдомства предназначенная на 285 арестантовъ, она вмѣщала въ себѣ въ то время 1200—1500 арестованныхъ ежедневно. Последніе помѣщались въ ней, какъ сардинки въ коробкѣ, буквально одинъ на другомъ. Въ предотвращеніе развитія эпидемій приходилось разрѣшать арестантамъ пребываніе на воздухѣ во дворахъ, къ счастью, довольно обширныхъ, гдѣ они слонялись цѣлыми днями, устраивая игры и разныя невинныя дозволенныя развлеченія вроде чтенія газетъ, голубиныхъ садокъ, дрессировки тюремныхъ собакъ и проч. Мастерскихъ при тюрьмѣ въ то время не было, и, чтобы ихъ чѣмъ-нибудь занять, приходилось имъ разрѣшать это. Политическіе арестанты помѣщались въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ въ отдѣльномъ корпусѣ, особо отъ уголовныхъ. Между ними попадались весьма интересные субъекты. Между прочимъ въ то время содержался въ бакинской тюрьмѣ какой-то старичекъ, поразительно похожій на графа Л. Н. Толстого. Извѣстно было, что онъ игралъ роль главнаго казначея бакинскихъ революціонныхъ комитетовъ. Въ моментъ задержанія при немъ найдено было до 1500 рублей наличныхъ денегъ и записная книжка, въ которой значились записи на большія денежныя суммы. Повидимому, хорошо образованный человѣкъ, о чемъ можно было судить по имѣвшимся у него нѣсколькимъ серьезнымъ книгамъ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, всегда опрятный, вѣжливый и скромный, онъ носилъ такой точно костюмъ, въ которомъ изображенъ графъ Л. Н. Толстой на большинствѣ своихъ портретовъ, и имѣлъ разительное сходство съ великимъ писателемъ, нарушавшееся только тѣмъ, что окладистая сѣдая борода была съ одной стороны немного короче, чѣмъ съ другой. Онъ упорно отказывался сказать, кто онъ такой, и называлъ себя то той, то другой фамиліей. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось и удалось ли впоследствии жандармской полиціи выяснить, что это была за личность.

Приближались пасхальные праздники. Въ городѣ какъ будто стало немного спокойнѣе. Но это спокойствіе было нарушено воз-

мутительнымъ происшествіемъ въ такое время и въ такомъ мѣстѣ гдѣ менѣе всего можно было его ожидать. Передъ Пасхой князь Амилахвари пригласилъ меня разговляться у него послѣ заутрени въ Александро-Невскомъ соборѣ. Къ двѣнадцати часамъ туда собрался весь мѣстный генералитетъ, съ генераль-губернаторомъ и сенаторомъ Кузминскимъ во главѣ. Я распорядился, чтобы отъ главныхъ дверей собора до амвона стали въ два ряда гренадеры Эриванскаго полка, разумѣется, безъ оружія, съ цѣлью оставить посреди церкви свободный проходъ внутри собора, для прохожденія дамъ и высшихъ начальствующихъ лицъ и для поддержанія порядка въ случаѣ надобности. Остальные, боковые входы въ соборъ, по распоряженію соборнаго причта, были заперты. Народу собралось множество, такъ что вмѣстительный Александро-Невскій соборъ былъ переполненъ. Началось богослуженіе. Раздался торжественный возгласъ священника «Христосъ воскрес!» какъ вдругъ изъ толпы, съ середины собора, послышался пронзительный кощунственный крикъ: «Долой самодержавіе!» и посредствомъ ручнаго парашюта была выброшена цѣлая пачка прокламацій, которая вѣеромъ разлетѣлась по всему собору. Въ мгновеніе ока находившейся въ соборѣ толпой овладѣла паника. Съ истерическими криками: «Бомбы, бомбы, сейчасъ будутъ бросать бомбы», толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ ринулась къ выходнымъ дверямъ собора, и въ нихъ началась давка. Священникъ растерялся и остановилъ богослуженіе. Я находился въ то время у дверей, около свѣчнаго ящика. Сообразивъ всю опасность минуты, я вскочилъ на стоявшій по близости табуретъ и закричалъ на всю церковь, что это ложная тревога, что никакихъ бомбъ нѣтъ и что вообще нѣтъ никакой опасности, прося публику успокоиться и въ предотвращеніе большого несчастія не сходить съ своихъ мѣстъ и не стараться въ одно время выйти изъ собора. Стоявшій тутъ же, неподалеку отъ дверей, адъютантъ князя Амилахвари Н. И. Арджеванидзе, съ своей стороны, всячески старался остановить и успокоить толпу. Публика опомнилась и остановилась. Съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилась давка въ дверяхъ. Находившійся впереди, у амвона, князь Амилахвари предложилъ священнику продолжать богослуженіе. Порядокъ въ храмѣ мало-по-малу возстановился, но еще долго изъ собора выносили и выводили на улицу истерически рыдавшихъ дамъ, крайне испуганныхъ происшедшимъ. Виновникомъ этого переполоха, едва не стоившаго жизни тысячамъ людей, ибо, помимо давки въ дверяхъ, между стоявшей съ зажженными свѣчами публикой, одѣтой въ легкія платья, легко могъ произойти пожаръ, оказался студентъ одного изъ русскихъ ветеринарныхъ институтовъ, нѣкій В., уроженецъ Баку, сынъ офицера. Задумавъ произвести свою кощунственную демонстрацію, онъ забрался въ соборъ однимъ изъ первыхъ и сталъ въ срединѣ толпы. Совершивъ же свой возмути-

тельный поступокъ, сдѣлалъ попытку ускользнуть изъ собора и съ криками: «держите, держите», какъ бы преслѣдуя кого-то бѣгущаго впереди, бросился къ выходу. Однако стоявшій недалеко отъ него гренадеръ-эриванецъ схватилъ его, когда онъ протискивался мимо, и вмѣстѣ съ другими гренадерами вывелъ его изъ собора. Здѣсь онъ былъ взятъ подъ стражу. Когда все успокоилось и я получилъ, наконецъ, возможность выйти изъ собора, я увидѣлъ слѣдующую сцену. Двое солдатъ держали В. за руки; передъ нимъ стоялъ какой-то молодецъ въ чуйкѣ, очевидно, русскій приказчикъ, и билъ его по лицу, приговаривая: «вотъ тебѣ, святотатцу, вотъ тебѣ!» а стоявшій сзади прилично одѣтый старикъ наносилъ ему удары по спинѣ палкой съ массивнымъ серебрянымъ костылемъ, намѣреваясь попасть въ обнаженную голову, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ преступникъ извивался, всячески стараясь вырваться. Я приказалъ прекратить эту ручную расправу и пристыдилъ старика. Онъ ушелъ, видимо, недовольный, бормоча себѣ что-то подъ носъ. Затѣмъ, опасаясь, что преступникъ будетъ растерзанъ озлобленной толпой, я поставилъ его въ средину охранявшаго порядокъ на площади взвода солдатъ и отправилъ въ тюрьму.

Пасхальное розговѣнье у князя Амилахвари въ ту ночь было довольно печально. Глубоко-религіозный, почтенный старикъ былъ въ сильнѣйшей степени возмущенъ и огорченъ происшедшимъ въ соборѣ. Онъ былъ сумраченъ и почти ничего не ѣлъ, повторивъ лишь нѣсколько разъ: «Боже мой, до чего мы дожили, до чего мы дожили!»

Подобныя разсказаннымъ происшествія имѣли мѣсто въ Баку въ то время почти ежедневно. Въ связи съ исполненіемъ прямыхъ моихъ служебныхъ обязанностей они наполняли все мое время, и мнѣ приходилось немного отдыхать только поздно вечеромъ, когда послѣ вечерняго моего доклада, переговоривъ о дѣлахъ, князь Иванъ Гивичъ почти ежедневно оставлялъ меня ужинать. Въ эти часы я только и имѣлъ возможность собраться съ мыслями и перекинуться живымъ словомъ съ двумя моими пріятелями, управляющимъ канцеляріей генераль-губернатора В. А. Усачевымъ и адъютантомъ князя Н. И. Арджеванидзе. Иногда, когда князь Иванъ Гивичъ бывалъ въ духѣ, сидя за своимъ гостепримнымъ столомъ, онъ разсказывалъ намъ подходящія къ данной минутѣ эпизоды изъ своей долготѣней боевой, походной жизни. Слушать эти разсказы, передаваемые живымъ, образнымъ языкомъ, съ тѣмъ особымъ природнымъ даромъ, которымъ обладалъ князь рисовать событія и дѣлать характеристики людей давно минувшаго времени, доставляло мнѣ всегда истинное наслажденіе. Они врѣзывались въ память и запечатлѣвались въ ней навсегда.

VIII.

Время, однако, проходило, и съ нимъ протекали событія, каждое своимъ чередомъ. Ревизія, или, вѣрнѣе, слѣдствіе, сенатора Кузминскаго приходило къ концу, выяснивъ, между прочимъ, полную лояльность дѣйствій князя Накашидзе до и послѣ армяно-татарскихъ беспорядковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, личное положеніе князя еще болѣе осложнилось, такъ какъ было извѣстно, что армянскіе революціонные комитеты ждутъ только окончанія слѣдствія, чтобы расправиться съ ненавистнымъ имъ губернаторомъ, если сенаторская ревизія оправдаетъ его. Объ этомъ прекрасно зналъ и самъ князь, но попрежнему не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ отраженію своей безопасности. Съ непонятнымъ упрямствомъ онъ какъ будто еще болѣе началъ бравировать опасностью. Принимаемая же секретныя мѣры къ его защитѣ (въ видѣ усиленной охраны дома, гдѣ онъ жилъ, окружающихъ улицъ и его самого во время его выѣздовъ въ городъ, естественно, являлись фикціей, ибо совершенно невозможно было защитить его противъ цѣлаго армянскаго народа, который рѣшилъ, во что бы то ни стало, его уничтожить. Его могъ спасти только развѣ выѣздъ на продолжительное время за границу или переводъ на службу въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи, но тогдашнее высшее начальство почему-то не сочло нужнымъ этого сдѣлать. Князь, повидимому, сознавалъ серьезность своего положенія и заранѣе приготовился къ ожидавшему его трагическому концу. Послѣ его смерти найдено было составленное незадолго передъ тѣмъ его духовное завѣщаніе, со всѣми распоряженіями на случай его смерти. Между прочимъ онъ распорядился, чтобы тѣло его было погребено въ военномъ Николаевскомъ соборѣ, рядомъ съ тѣломъ опекуна и воспитателя его, генерала Колюбакина, умершаго въ должности бакинскаго губернатора и похороненнаго въ этомъ соборѣ. Рядомъ съ собой онъ просилъ положить тѣло служившаго при немъ, въ качествѣ тѣлохранителя, его крестника, Георгія Такайшвили, если онъ будетъ убитъ вмѣстѣ съ нимъ. Женѣ своей, княгинѣ Аделаидѣ Львовнѣ, князь поручилъ объявить во всеуслышаніе послѣ своей смерти, что онъ прощаетъ своихъ убійцъ и запрещаетъ кому бы то ни было мстить за него.

Люди всегда остаются вѣрными себѣ. По мѣрѣ развитія драмы вокругъ князя Накашидзе образовался постепенно какъ бы заколдованный кругъ. Почти всѣ, даже подчиненныя лица, изъ которыхъ многія были ему обязаны, избѣгали бывать у него. Губернаторскій домъ, обыкновенно биткомъ набитый въ прежнее время разными посѣтителями, теперь опустѣлъ, и въ немъ рѣдко приходилось встрѣтить какого-либо случайнаго гостя, который, переговоривъ о дѣлѣ,

спѣшилъ выбраться изъ этого дома, ставшаго какъ бы зачумленнымъ. 1-го мая, передъ вечеромъ, по порученію князя Амилахвари, я отправился въ бакинскій городской садъ, чтобы распорядиться постановкой высланнаго имъ туда военного оркестра. День стоялъ чудный, теплый, тихій. Исполнивъ, что было нужно, при выходѣ изъ сада я купилъ у татарина-разносчика нѣсколько вѣтокъ только что привезенной изъ Кутаиса цвѣтущей сирени. Проходя мимо губернаторскаго дома, мнѣ пришло въ голову посмотрѣть, что дѣлаетъ князь Накашидзе. Войдя въ губернаторскую квартиру, я былъ неприятно пораженъ атмосферой какого-то унынія, которая царила въ ней. Въ вестибулѣ дремали ординарцы. Всѣ окна были наглухо заперты, и въ домѣ царила глубокая тишина. Послѣ моей прогулки по саду, благоухающему только что распустившейся свѣжей зеленью, наполненному жизнерадостно настроенной толпой гуляющихъ, на меня пахнуло въ губернаторскомъ домѣ чѣмъ-то мрачнымъ, почти зловѣщимъ. Я нашелъ князя сидящимъ въ своемъ кабинетѣ, по обыкновенію, за бумагами. Онъ, видимо, обрадовался моему приходу, сказавъ мнѣ, что очень скучаетъ и что вторые сутки не видѣлъ ни одной души посторонней, что даже сегодня, въ праздничный день, никто къ нему не зашелъ. Эти слова были сказаны съ замѣтной горечью, которую князь, по привычкѣ своей, спѣшилъ скрыть. Затѣмъ, замѣтивъ въ моей рукѣ сирень, онъ спросилъ, что это за цвѣты. Я отвѣтилъ, что это цвѣты съ его родины, изъ Кутаиса, и что я прошу его принять ихъ отъ меня вмѣстѣ съ поздравленіемъ съ сегодняшнимъ весеннимъ праздникомъ.

— Благодарю, благодарю,—отвѣтилъ князь, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку.—Я очень люблю цвѣты, но мнѣ такъ рѣдко приходится ихъ видѣть въ послѣднее время.

По его лицу пробѣжалъ какой-то конвульсивный спазмъ, и онъ быстро отвернулся, какъ бы желая поставить цвѣты въ находившуюся позади, на этажеркѣ, вазу. Эти вѣтки сирени, уже засохшія, я видѣлъ стоящими на прежнемъ мѣстѣ нѣсколько дней спустя, въ день смерти князя, и невольно вспомнилъ порывъ его измученной, истерзанной души въ моментъ врученія ихъ мной ему.

7-го мая я получилъ телеграмму отъ Н. Н. Максимова, который извѣщалъ меня, что я переведенъ на службу въ Дагестанъ на должность начальника Гунибскаго округа. Это былъ одинъ изъ лучшихъ округовъ на Кавказѣ, какъ по условіямъ управленія имъ, такъ и по составу мѣстнаго населенія, состоящаго исключительно изъ лезгинъ. Впослѣдствіи я узналъ, что желающихъ получить этотъ округъ было немало, но Н. Н. Максимовъ, вѣрный своему обѣщанію, настоялъ, чтобы на это мѣсто былъ назначенъ именно я.

Я совсѣмъ было уже собрался уѣзжать, но князь Амилахвари просилъ меня остаться еще нѣсколько времени въ Баку, въ чемъ я, разумѣется, не могъ ему отказать. Вскорѣ послѣ того было полу-

чено извѣстіе, что въ концѣ мая прослѣдуетъ черезъ Баку за границу покойный персидскій шахъ Мозафаръ-Эддинъ со свитой изъ тридцати лицъ, которыя пріѣдутъ въ городъ моремъ нѣсколькими днями ранѣе его и будутъ здѣсь ожидать его прибытія. Вся процедура встрѣчи и сопровожденія отъ границы Бакинской губерніи не выносившаго моря и ѣхавшаго сухимъ путемъ шаха была возложена на тогдашняго бакинскаго вице-губернатора П. А. Лилѣва; мнѣ же генераль-губернаторъ поручилъ попеченія объ удобствахъ и безопасности прибывавшей отдѣльно отъ шаха его свиты, состоявшей изъ высшихъ персидскихъ сановниковъ. На меня же была возложена обязанность встрѣтить и размѣстить прибывавшихъ по высочайшему повелѣнію для сопровожденія шаха генерала свиты, нынѣ генераль-адъютанта, Николаева и двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бельгарда и И. П. Живковича, изъ которыхъ послѣдняго я давно зналъ и былъ очень радъ его пріѣзду въ Баку. 10-го мая, вечеромъ, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ полицейскомъ управленіи, обдумывая, какія придется принять мѣры для охраненія имѣющихъ прибыть въ Баку персидскихъ сановниковъ, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ немало враговъ въ средѣ проживавшихъ тогда въ Баку персидскихъ революціонеровъ, мнѣ доложили, что какой-то господинъ, не желающій назвать своей фамиліи, проситъ свиданія по очень важному дѣлу. Бѣгло взглянувъ на лежащій съ правой стороны письменнаго стола мой заряженный Наганъ, я приказалъ впустить этого господина. Въ комнату вошелъ прилично одѣтый молодой человекъ и, выждавъ, когда входная дверь за нимъ закрылась, сказалъ мнѣ, что имѣетъ передать мнѣ очень важное извѣстіе, но проситъ заранѣе дать слово, что я не буду стараться узнать, кто онъ таковъ. По выговору и по фізіономіи его видно было, что онъ нѣмецъ. Увѣривъ его, что его желаніе будетъ исполнено, я просилъ сообщить мнѣ, въ чемъ дѣло. Онъ объяснилъ, что хотя онъ и не туземецъ, но знаетъ армянскій языкъ, что часъ назадъ онъ былъ въ одномъ изъ мѣстныхъ увеселительныхъ садовъ и, сидя за столикомъ, пилъ пиво. Рядомъ съ нимъ, за сосѣднимъ столикомъ, сидѣло нѣсколько молодыхъ армянъ, которые говорили между собой по-армянски, очевидно, не подозрѣвая, что онъ знаетъ армянскій языкъ. Услыхавъ часто повторяемые ими слова «губернаторъ» и «князь Накашидзе», онъ сталъ прислушиваться и изъ ихъ разговора узналъ, что покушеніе на жизнь губернатора рѣшено окончательно и что армяне рѣшили во что то бы ни стало покончить съ нимъ въ продолженіе послѣдующихъ трехъ дней. Узнавъ объ этомъ готовящемся злодѣянніи, онъ рѣшилъ предупредить меня. Затѣмъ онъ прибавилъ, что больше ничего не знаетъ, проживаетъ въ Баку временно, по дѣламъ и скоро уѣдетъ; теперь же проситъ разрѣшить ему уйти. На вопросъ мой, не слыхалъ ли онъ, когда именно и гдѣ будетъ произведено покушеніе, онъ отвѣтилъ, что изъ

словъ разговаривавшихъ могъ понять, что въ продолженіе послѣдующихъ трехъ дней заговорщики будутъ слѣдить за губернаторомъ по всеѣмъ главнымъ пунктамъ города; если же въ эти дни покушеніе на улицѣ на князя Накашидзе не состоится, то рѣшено уничтожить его какимъ-то инымъ способомъ, — какимъ именно, онъ не знаетъ. Сказавъ это, онъ вновь просилъ разрѣшенія итти. Я еще удержалъ его, чтобы записать примѣты его самого и четырехъ человѣкъ армянъ, видѣнныхъ имъ въ саду, послѣ чего отпустилъ, поблагодаривъ за сдѣланное сообщеніе. Физиономія молодого человѣка показалась мнѣ внушающей довѣріе, а сдѣланное имъ сообщеніе, въ общемъ, совпадало съ полученными свѣдѣніями отъ моихъ негласныхъ полицейскихъ агентовъ. Былъ ли это человѣкъ, дѣйствительно, случайно узнавшій о готовящемся преступленіи, или одинъ изъ участниковъ какой-нибудь тайной политической сродки, на которой обсуждался вопросъ о задуманномъ злодѣяніи, ужаснувшійся передъ нимъ и рѣшившійся предупредить о немъ полицію, такъ и осталось для меня загадкой. Во всякомъ случаѣ, я придалъ этому сообщенію большое значеніе и тутъ же составилъ письменный докладъ о немъ на имя губернатора, рѣшивъ немедленно вручить его князю Накашидзе. Черезъ полчаса я лично ему обо всемъ доложилъ и, вручивъ докладъ, настоятельно просилъ не выѣзжать изъ квартиры въ продолженіе послѣдующихъ трехъ дней, въ надеждѣ, что полиціи удастся за это время открыть всѣ нити составленнаго противъ него заговора. Онъ внимательно выслушалъ меня и обѣщалъ не выѣзжать изъ дома въ продолженіе послѣдующихъ трехъ дней, «если къ этому не встрѣтится какая-либо особая надобность». Въ этомъ отвѣтѣ звучала нота обычнаго его упрямства, и онъ не удовлетворилъ меня, но дѣлать было нечего, и я отправился къ князю Амилахвари съ вечернимъ рапортомъ, предупредивъ предварительно по телефону всеѣхъ приставовъ о необходимости особой бдительности съ ихъ стороны, въ виду готовящихся событій.

На другой день, около девяти часовъ утра, я выѣхалъ съ обычнымъ утреннимъ докладомъ по начальству. Погода стояла чудная. Обѣхавъ предварительно всеѣ улицы, къ которымъ примыкала губернаторская квартира, я не замѣтилъ на нихъ ничего подозрительнаго. Охрана стояла вся на мѣстахъ. Князя Накашидзе я нашелъ въ дежурной комнатѣ губернаторскаго дома. Онъ спокойно пилъ чай, сказавъ мнѣ, что здѣсь гораздо прохладнѣе, чѣмъ въ его кабинетѣ. Онъ былъ одѣтъ въ лѣтнюю бѣлую пару и, казалось, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Закончивъ докладъ о происшествіяхъ въ городѣ минувшей ночью, я началъ настоятельно просить князя побережь себя и не выѣзжать сегодня въ городъ. Онъ отвѣтилъ, что никуда не собирается. Затѣмъ, шутливо взявъ меня за плечи, направилъ къ выходнымъ дверямъ, сказавъ:

— Ну, довольно обь этомъ! Поѣзжайте къ генераль-губернатору. Онъ всегда бываетъ недоволенъ, когда я долго задерживаю васъ у себя по утрамъ.

Нѣсколько успокоенный всѣмъ этимъ, я вышелъ и, встрѣтивъ въ вестибюлѣ ординарца князя, Георгія Такайшвили, приказаль ему доложить обо мнѣ княгинѣ, съ цѣлью просить и ее удержать князя отъ выѣздовъ въ городъ въ ближайшіе дни. Такайшвили отвѣтилъ мнѣ, что княгиня еще спитъ. Подумавъ, я поручилъ ему доложить княгинѣ обо всемъ, что хотѣлъ сказать ей; его же, Такайшвили, просилъ особо бдительно охранять за эти дни губернатора, такъ какъ ему угрожаетъ серьезная опасность. Тронутый моими словами, гуріецъ схватилъ мою руку и прежде, чѣмъ я успѣлъ отдернуть ее, поцѣловаль, сказавъ слѣдующія, запавшія мнѣ въ душу слова:

— Благодарю васъ, полковникъ, за то, что вы такъ стараетесь защитить князя и меня. Но я считаю насъ обоихъ уже мертвыми людьми. Позавчера я видѣлъ во снѣ себя и князя лежащими въ одной могилѣ. Этотъ сонъ неперемѣнно сбудется.

Послѣ этого онъ горько заплакаль.

Я былъ до глубины души взволнованъ, слушая этотъ рассказъ, но постарался, насколько могъ, успокоить молодого человѣка, отвѣтивъ ему, что въ сны вѣрять только старья женщины; наша же судьба зависить отъ Бога и отъ насъ самихъ, что я надѣюсь еще долгое время видѣть и князя и его живыми и здоровыми; пока же прошу его исполнить то, о чемъ говорилъ, то есть всѣми силами стараться задержать князя, если онъ сегодня захочетъ выѣхать въ городъ; если же онъ все-таки выѣдетъ, немедленно дать знать мнѣ обь этомъ по телефону.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у князя Амилахвари.

— Ну, что губернаторъ?—прежде всего спросилъ меня князь. Я рассказалъ ему подробно мое объясненіе съ нимъ. «Отлично,—отвѣтилъ князь.—До полудня онъ, конечно, никуда не выѣдетъ, а около 12 часовъ я самъ къ нему поѣду и уговорю быть благо-разумнымъ и не появляться на улицахъ въ эти дни».—Отъ генераль-губернатора я отправился съ утреннимъ докладомъ къ сенатору Кузминскому, а отъ него въ полицейское управленіе.

IX.

Въ первомъ часу дня, когда я былъ занятъ пріемомъ просителей въ полицейскомъ управленіи, зазвонилъ телефонъ. Съ квартиры губернатора мнѣ давали знать, что князь Накашидзе выѣхаль къ сенатору Кузминскому, по обыкновенію, безъ конвоя, взявъ съ собой только одного Такайшвили. Это извѣстіе просто меня возмутило. Тутъ я поняль, какъ мало значенія придаваль князь На-

кашидзе всѣмъ предупрежденіямъ объ опасномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, и просьбамъ соблюдать осторожность; что онъ въ сущности глумился надъ всѣми нами, просившими его объ этомъ. При всемъ томъ я быстро надѣлъ саблю и шарфъ и вмѣстѣ съ моимъ ординарцемъ поспѣшилъ къ выходу, чтобы ѣхать къ сенатору Кузьминскому и сопровождать оттуда губернатора, при его дальнѣйшей поѣздкѣ по городу. Къ моему несчастію, или, вѣрнѣе, къ счастью, мой фаэтонщикъ-татаринъ уѣхалъ объѣдать; другого же извозчика не оказалось ни у подѣзда полицейскаго управленія, ни на сосѣднихъ улицахъ. Въ большомъ безпокойствѣ и нетерпѣннн я пошелъ пѣшкомъ по направленію къ квартирѣ г. Кузьминскаго; ординарца же послалъ впередъ, приказавъ ему занять первый попавшійся фаэтонъ и привести ко мнѣ навстрѣчу. Въ это время на улицѣ показался экипажъ, въ которомъ ѣхалъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ офицеровъ по направленію къ Парапету и, замѣтивъ мое затрудненіе, предложилъ мнѣ довести меня туда, куда мнѣ было нужно. Я принялъ это любезное предложеніе, и мы вмѣстѣ направились къ квартирѣ г. Кузьминскаго. При поворотѣ на Армянскую улицу насъ догналъ мой ординарецъ съ занятымъ для меня фаэтономъ, и я, поблагодаривъ моего спутника, пересѣлъ на него. Подѣхавъ къ квартирѣ А. М. Кузьминскаго, я засталъ его стоящимъ на балконѣ. Онъ догадался о причинѣ моего пріѣзда и спросилъ меня:

— Вы, вѣроятно, ищете князя? Нѣсколько минутъ назадъ онъ уѣхалъ отъ меня и теперь, вѣроятно, уже дома.

Въ эту минуту со стороны Парапета раздавался оглушительный взрывъ съ тѣмъ особымъ короткимъ, сухимъ, металлическимъ звукомъ, который характеризуетъ взрывъ бомбъ и адскихъ машинъ.

— Вѣроятно, это обвалился какой-нибудь большой домъ,— съ тревогою сказалъ мнѣ сенаторъ Кузьминскій.

— Нѣтъ,—отвѣчала я:—это произведено покушеніе на жизнь губернатора,—и бросился къ фаэтону.

А. М. Кузьминскій измѣнился въ лицѣ и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Дай Богъ, чтобы это предположеніе оказалось невѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ прошу васъ дать мнѣ знать, что такое случилось.

Черезъ минуту мой фаэтонъ мчался уже по направленію къ мѣсту взрыва. При выѣздѣ съ Армянской улицы я увидаль толпы народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ паническомъ страхѣ бѣгущихъ по направленію отъ Парапета къ армянской части города. Не доѣзжая Парапета, мой фаэтонъ былъ остановленъ обезумѣвшей отъ страха толпой, кричавшей, что губернаторъ убитъ и что сейчасъ татары начнутъ громить городъ, и умолявшей меня защитить ихъ.

Съ большимъ трудомъ вырвавшись отъ нихъ и завѣривъ ихъ, что ничего подобнаго случиться не можетъ, я посиѣшилъ дальше. Парапетъ былъ совершенно пустъ. Только въ концѣ площади стоялъ взводъ эриванцевъ, составлявшій караулъ, выставленный здѣсь по распоряженію генераль-губернатора, который въ нерѣшительности переминался съ ноги на ногу, не зная, что дѣлать, остаться ли на занимаемомъ посту, или бѣжать на мѣсто происшествія. Всѣ магазины и лавки моментально залерлись, и на улицахъ не видно было ни души. Подѣхавъ, наконецъ, къ Великокняжеской улицѣ, я увидаль слѣдующую картину. На углу отгибавшей Парапетъ Врангелевской улицы и Великокняжеской, посреди улицы, на рельсахъ трамвая лежало растерзанное тѣло князя Накашидзе. Онъ лежалъ на спинѣ, лицомъ вверхъ, и еще дышалъ, или, вѣрнѣе, старался дышать, судорожно лоя воздухъ, то опуская, то стискивая поврежденную нижнюю челюсть, страшно щелкая при этомъ зубами. Глаза выскочили изъ своихъ орбитъ, образовавъ два страшные кровавые нарыва. Изъ рта и изъ ушей фонтаномъ лила кровь. Правая нога, судя по ненормальному ея положенію, была сломана. На противоположномъ углу улицы лежалъ безжизненный трупъ Георгія Такайшвили съ сжатымъ въ рукѣ револьверомъ, который онъ выхватилъ изъ кобуры, но не успѣлъ выстрѣлить въ моментъ совершенія преступленія. Лицо его было спокойно, и на немъ не было замѣтно никакихъ раненій. Онъ, видимо, былъ моментально задушенъ при взрывѣ адской машины ея смертоносными газами. Съ другой стороны улицы, ближайшей къ мѣсту взрыва, валялись два трупа молодыхъ персіянь, торговавшихъ тутъ, съ лотка, какими-то весенними фруктами. Одинъ изъ нихъ лежалъ лицомъ внизъ и былъ задушенъ газами, какъ и Такайшвили. Другой лежалъ на спинѣ, и у него изъ рта выливался цѣлый фонтанъ крови. Нѣсколько далѣе стоялъ полуразбитый фэтонъ, съ израненными лошадьми и корчился въ мукахъ смертельно раненый фэтонщикъ-татаринъ. Картина была въ полномъ смыслѣ слова потрясающая, способная заставить содрогнуться даже человѣка съ самыми крѣпкими нервами. Я бросился къ князю Накашидзе и слегка приподнял его, желая хоть этимъ облегчить его предсмертныя страданія. Тутъ онъ и скончался. Въ это время я услыхалъ голосъ, который съ противоположной стороны улицы кричалъ мнѣ:

— Полковникъ, что вы дѣлаете, уйдите отсюда, васъ сейчасъ убьютъ; поберегите свою жизнь!

Поднявъ голову, я увидѣлъ стоящаго на углу Врангелевской и Великокняжеской улицъ одного изъ полицейскихъ чиновниковъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе губернаторомъ, Ахмедбека Мамедбекова, прекраснаго человѣка и очень способнаго чиновника, который предположилъ, что вслѣдъ за тѣмъ начнется об-

щее побойше, и по-своему старался убересть меня. Я напомнилъ ему, что теперь не время думать о спасеніи собственной жизни, и приказалъ немедленно вызвать по телефону докторовъ и передать мое приказаніе стоявшимъ на Парапетѣ гренадерамъ окружить мѣсто происшествія, потомъ потребовалъ изъ гостиницы «Метрополь», подъ окнами которой все это произошло, подушку и чистую простыню, чтобы закрыть ею мертвое тѣло князя Накашидзе. Въ это время квартировавшій въ «Метрополѣ» прибывшій навстрѣчу шаху персидскій константинопольскій посоль принцъ Мирза-Риза-ханъ далъ мнѣ знать, что въ ожиданіи новыхъ безпорядковъ въ городѣ онъ хочетъ немедленно переѣхать въ бакинское персидское консульство, но постояльцы гостиницы не пускаютъ его оттуда, требуя, чтобы въ случаѣ нападенія на гостиницу мусульманъ, онъ защищалъ ихъ.

Я отправился своего ординарца распорядиться безпрепятственнымъ переѣздомъ посла изъ гостиницы въ зданіе консульства. Вскорѣ прискакали доктора и занялись осмотромъ труповъ; затѣмъ на мѣсто прибыли князь Амилахвари, прокуроръ и прочія власти. Мало-по-малу вокругъ мѣста происшествія собралась огромная толпа народа, почти исключительно татаръ, которая выражала сильнѣйшее соболѣзнованіе и негодованіе по поводу злодѣйской расправы надъ губернаторомъ, обѣщая жестоко отомстить за него. Я же занялся выясненіемъ, какъ все это произошло. Оказалось, что князь Накашидзе, пробывъ недолго у сенатора Кузминскаго, отъ котораго онъ узналъ пріятную новость объ окончаніи производившагося слѣдствія и о благопріятныхъ для него его результатахъ, послѣшилъ къ генераль-губернатору, чтобы подѣлиться съ нимъ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Не заставъ дома князя Ивана Гивича, который въ это время выѣхалъ къ нему, князь Накашидзе отправился домой, намѣреваясь по дорогѣ отдать визитъ персидскому послу Мирза-Риза-хану. Вся эта поѣздка губернатора была замѣчена одной изъ партій подстерегавшихъ его убійць. Эта партія, состоявшая изъ пяти человекъ прилично одѣтыхъ армянъ, между которыми былъ мальчишка-подростокъ, расположилась по пути слѣдованія губернатора. Двое стали на углу Парапета, съ котораго была видна квартира князя Амилахвари, одинъ расположился въ срединѣ площади, и двое зашли, подъ предлогомъ покупки папиросъ, въ угловой табачный магазинъ Асмолова, черезъ большія зеркальныя стекла котораго можно было видѣть и Парапетъ и Великокняжескую улицу.

Черезъ минуту поставленные на Парапетѣ сигналисты взмахами платковъ дали знать, что экипажъ губернатора выѣхалъ изъ квартиры князя Амилахвари. Тогда находившіеся въ магазинѣ бомбисты вышли изъ него и въ ту минуту, когда экипажъ приближился къ Великокняжеской улицѣ, бросили изъ-за угла въ князя

Накашидзе имѣвшуюся при нихъ адекую машину. Она разорвалась съ страшной силой. Отъ этого взрыва были выбиты все стекла, въ сосѣднихъ домахъ; экипажъ же, не управляемый больше раненымъ фэтонщикомъ, протащился еще нѣсколько шаговъ далѣе по Великокняжеской улицѣ, и изъ него послѣдовательно выпали все убитые и раненые пассажиры, сначала Георгій Такайшвили, затѣмъ князь Накашидзе и послѣ него фэтонщикъ-татаринъ.

Князь Амилахвари распорядился, чтобы положенное на лазаретныя носилки, закрытое чистой простыней изуродованное тѣло князя Накашидзе отнесли на квартиру. Собравшіеся на происшествіе офицеры бакинскаго гарнизона пожелали сами это сдѣлать; я же поспѣшилъ впередъ, чтобы предупредить княгиню и вмѣстѣ съ прочими уговорить ее не пытаться увидать изуродованное тѣло мужа, пока оно не будетъ омыто и хоть нѣсколько приведено въ порядокъ докторами. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ новой раздирающей душу сцены отчаянія несчастной вдовы. Горе ея было неописуемо. Вспоминая объ этихъ скорбныхъ событіяхъ, позволю себѣ пожелать, чтобы всеисцѣляющее время смягчило тяжелую утрату, понесенную въ тотъ день достойнѣйшей княгиней Аделаидой Львовной, и помогло ей примириться съ ней.

Трагическая смерть князя Накашидзе какъ громомъ поразила весь Кавказъ. Никто не сомнѣвался, что это дѣло рукъ армянскихъ революціонныхъ комитетовъ. Особенно волновались бакинскіе мусульмане, отлично понимавшіе, что онъ погибъ за свои добрыя отношенія къ нимъ и за мнимую помощь, которую имъ оказывалъ во время столкновенія ихъ съ армянами. На другой день послѣ смерти князя Накашидзе представители мѣстнаго мусульманскаго населенія явились къ княгинѣ Аделаидѣ Львовнѣ для выраженія своего сочувствія ей. Они заявили, что кровь ея мужа лежитъ на нихъ и что они не оставляютъ ее безъ отмщенія. На это княгиня отвѣтила имъ, что покойный князь, предвидя свой близкій конецъ, поручилъ ей заявить во всеуслышаніе, что прощаетъ своихъ убійцъ и проситъ не мстить за него никому. Затѣмъ она просила ихъ оставить свою распрю съ армянами и помириться съ ними.

Бакинскіе мусульмане, однакоже, жестоко отплатили армянамъ послѣдующими двукратными побоищами, имѣвшими мѣсто въ августѣ и сентябрѣ 1905 года, когда одѣтая въ бархатную перчатку желѣзная рука князя Ивана Гивича Амилахвари уже перестала ихъ сдерживать. Что касается убійцъ князя Накашидзе, то въ первую минуту они успѣли скрыться, но вскорѣ были задержаны и понесли заслуженное наказаніе. Главнымъ изъ распоряжавшихся этой партіей убійцъ оказался армянинъ по отцу и грекъ по матери, простой рабочій Георгій Мейрабовъ, котораго я самолично

арестоваль на машиностроительномъ заводѣ Хатисова. Тотъ же, который бросилъ бомбу въ князя Накашидзе, былъ задержанъ въ Красноводскѣ, нѣсколько дней спустя. Остальные были арестованы въ самомъ Баку.

Х.

Похороны князя М. А. Накашидзе состоялись на четвертый день послѣ его смерти, 14-го мая, такъ какъ ожидали приѣзда изъ Петербурга его младшаго брата князя И. А. Накашидзе. Похороны эти носили необыкновенно торжественный характеръ. Въ предшествіи многочисленнаго духовенства, бакинскіе мусульмане, чередуясь съ представителями бакинскихъ грузинской и русской колоній, на рукахъ несли гробы князя Накашидзе и Георгія Такайшвили, обитые первый золотой и второй серебряной парчой, ярко блестящей на солнцѣ. За гробомъ шли вдова и братъ покойнаго князя, затѣмъ всѣ пребывавшія въ городѣ и прибывшія ко дню похоронъ начальствующія лица, съ княземъ Амилахвари во главѣ, командиры и офицеры квартировавшихъ въ то время въ Баку частей войскъ и всѣ бакинскіе чиновники. За ними густой колонной двигалась стотысячная толпа народа, преимущественно мусульманъ, которые пришли на похороны, чтобы отдать послѣдній долгъ погибшему мученической смертью губернатору. По бокамъ процессіи несли многочисленные вѣнки, присланные разными лицами и учрежденіями, въ томъ числѣ прекрасный дубовый вѣнокъ отъ чиновъ бакинской полиціи. Погода стояла дивная. Подъ звуки рыдающаго похороннаго марша Шопена процессія прослѣдовала отъ губернаторскаго дома по Большой Набережной, Великокняжеской, Врангелевской и Николаевской улицамъ въ Александро-Невскій соборъ, а оттуда въ Николаевскій военный, гдѣ, согласно волѣ покойнаго, онъ нашель себѣ вѣчное упокоеніе. На мѣстѣ, гдѣ мученически умеръ князь Накашидзе, усыпанномъ цвѣтами, процессія остановилась; тутъ была совершена торжественная литія. Въ продолженіе похоронъ былъ соблюденъ образцовый порядокъ. Бывшая на похоронахъ стотысячная толпа вела себя все время серьезно и чинно. Полиціи ни разу не пришлось вмѣшиваться.

Армяне лишній разъ подчеркнули свое нерасположеніе къ покойному губернатору. На похоронахъ не было ни одного армянина, и всѣ армянскіе дома по пути слѣдованія похоронной процессіи были накрѣпко заперты, а окна завѣшаны шторами. Наканунѣ по городу распространился слухъ, что армяне намѣрены бросить въ похоронную процессію нѣсколько бомбъ, по пути ея слѣдованія, съ крышъ попутныхъ домовъ. На всякій случай, я запретилъ въ этотъ день выходъ изъ верхнихъ этажей на крыши и распорядился занять ихъ полицейскими и пожарными ниж-

ними чинами. Но эта тревога оказалась напрасной: никаких дальнѣйшихъ покушеній произведено не было.

Ненависть къ князю Накашидзе со стороны извѣстной части армянскаго народа преслѣдовала его и за гробомъ. Еще долгое время послѣ его смерти я получалъ массу анонимныхъ угрожающихъ писемъ и пасквилей, въ которыхъ мнѣ напоминали совершенную надъ губернаторомъ «казнь» и предупреждали, что меня постигнетъ такая же участь, если буду преслѣдовать ея исполнителей. Когда же, полтора года спустя, я снова попалъ на службу въ Баку, на вновь учрежденную должность помощника бакинскаго градоначальника, мнѣ довелось слышать отъ одного изъ крупныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, армянина, человѣка образованнаго, что покойнаго князя Накашидзе мало было убить, но предварительно его нужно было судить всенародно, и затѣмъ уже казнить за совершенныя имъ въ отношеніи армянъ преступленія. Я ему отвѣтилъ, что армянамъ не приходится сожалѣть о томъ, что этого не случилось, такъ какъ на ряду съ княземъ Накашидзе пришлось бы судить также организаторовъ, вдохновителей и тайныхъ руководителей всѣхъ послѣднихъ кавказскихъ смутъ, которые остаются теперь безнаказанными. Этотъ мой отвѣтъ заставилъ его прикусить языкъ и прекратить свои разглашительствования.

Трагическая смерть князя Накашидзе сильно повліяла на престарѣлаго князя Ивана Гивича. Онъ замѣтно похудѣлъ, осунулся и началъ хворать. Тяжелое его настроеніе усилилось еще извѣстіемъ о цусимскомъ пораженіи нашего флота, на который онъ возлагалъ большія надежды, горячо интересуясь исходомъ кампаніи. Притомъ же онъ началъ беспокоиться за свою собственную семью, проживавшую въ то время въ Горійскомъ уѣздѣ, гдѣ начались серьезные народные беспорядки. Своихъ обоихъ сыновей-офицеровъ князь отправилъ въ дѣйствующую армію. Некому было помочь, въ случаѣ надобности, оставшейся совершенно одинокой остальной его семьѣ, состоящей изъ жены и дочерей. Поэтому, тотчасъ послѣ проѣзда черезъ Баку персидскаго шаха, онъ просилъ намѣстника кавказскаго, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго на Кавказъ графа И. И. Воронцова-Дашкова, уволить его отъ должности временнаго бакинскаго генераль-губернатора. Просьба эта была уважена, и въ началѣ іюня мѣсяца онъ уѣхалъ изъ Баку, провожаемый общими сожалѣніями.

Вмѣстѣ съ княземъ Амилахвари уѣхали В. А. Усачевъ и Н. И. Арджеванидзе, единственные друзья, имѣвшіеся у меня въ Баку въ то время. На мѣсто князя временнымъ бакинскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ извѣстный карадахскій герой, командиръ 2-го кавказскаго армейскаго корпуса генераль-отъинфантеріи Оадѣевъ.

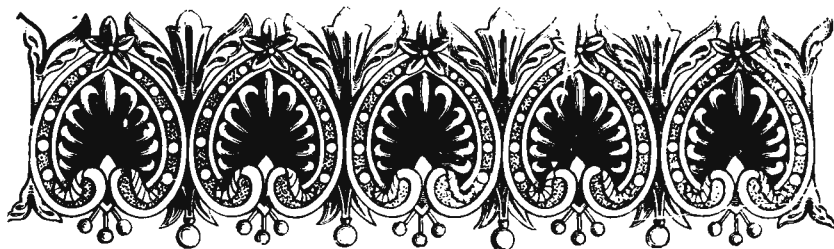
Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Баку князя Ивана Гивича получилъ, наконецъ, разрѣшеніе начальства отправиться къ новому мѣсту служенія въ Дагестанскую область и я. Генераль Оадѣевъ просилъ меня остаться въ Баку еще на два мѣсяца; такое же желаніе выразилъ и намѣстникъ кавказскій графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, при представленіи моемъ ему въ Тифлисѣ 8-го іюня. Но доктора пугали меня перспективой возможности возвращенія недавно перенесенной мною болѣзни—разлитія желчи, если останусь при прежнихъ, невозможныхъ условіяхъ службы, и я настоятельно просилъ освободить меня изъ Баку. Начальство смиловалось надо мной, и въ концѣ іюня я выѣхалъ въ Гунибъ. Только поселившись въ этомъ благодатномъ уголкѣ Кавказа, на лонѣ горной природы, я получилъ возможность успокоиться отъ тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній, перенесенныхъ за послѣдніе четыре мѣсяца службы, оставившихъ въ моей душѣ глубокой, неизгладимый слѣдъ.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ сенатора А. М. Кузминскаго о произведенной имъ ревизіи Бакинской губерніи между прочимъ значится:

«11-го мая 1905 года дрошакистами былъ убитъ бакинскій губернаторъ князь Накашидзе, причемъ въ изданной по этому поводу прокламаціи сказано, что убійство князя, «тайнаго вдохновителя и негласнаго организатора событій 6—10-го февраля», было совершено по постановленію всѣхъ революціонныхъ организацій въ Баку, безъ различія партій, національностей и приведено въ исполненіе дрошакистами потому, что эта партія имѣла наибольшія, по ея мнѣнію, права на мщеніе» (томъ I, стр. 33 всеподданнѣйшаго отчета). Эта прокламація совершенно вѣрно изображаетъ обстановку драмы.

Эпизодъ ея разыгрался недолго спустя. 1-го октября 1905 года кавказскій военно-окружный судъ рассмотрѣлъ дѣло объ убійцахъ князя Накашидзе. Всѣ четверо обвиняемыхъ были признаны виновными и приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ на основаніи послѣдовавшаго вслѣдъ за нимъ всемилостивѣйшаго манифеста 21-го октября 1905 года главнымъ военнымъ судомъ смертная казнь подсудимыхъ была замѣнена каторжными работами на пятнадцать лѣтъ каждому. Пятый же изъ участниковъ убійства, несовершеннолѣтній Агасянцъ, былъ судимъ лишь въ 1907 году и по суду оправданъ.

П. Шубинскій.

СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ БЫЛИ.

РО КАЗАНСКАГО губернатора Н. Я. Скарятина писалось много, а говорилось еще больше. Конецъ шестидесятыхъ и почти всѣ семидесятые годы на Волгѣ не было болѣе популярной личности.

И, странное дѣло, несмотря на крайнее его самодурство, грубость, забвеніе человѣческаго достоинства въ подчиненномъ, казанскіе старожилы до сихъ поръ вспоминаютъ его безъ всякаго озлобленія, даже, можно сказать, съ удовольствіемъ, — вотъ, молю, какой губернаторъ былъ, теперь поищи такихъ!

Объясняется это тѣмъ, что вся лавина разноса падала на головы чиновничества и немногихъ изъ обывателей, несшихъ общественную службу, масса же была ему благодарна за образцовый, невиданный никогда прежде порядокъ въ городѣ и «геройскую» дѣятельность при тушеніи пожаровъ, когда Н. Я., забывая часто про свой высокій постъ, принималъ на себя обязанности энергичнѣйшаго брандмайора, дѣйствуя при этомъ и руками, и ногами, и голосомъ, воздавая каждому по трудамъ и заслугамъ! Помню я слова одного пожарнаго, уже послѣ отставки Скарятина: «И бѣда была, ѣдешь на пожаръ, а душа дрожить: а ну, какъ пріѣдешь послѣ губернатора, зубовъ многіе не досчитаются!» А пріѣхать раньше, чѣмъ пожарные, на пожаръ, Н. Я. могъ часто, такъ какъ у него всегда стоялъ, на случай тревоги, запряженнымъ отчаяннѣйшій иноходецъ, и онъ на немъ какъ ураганъ вылеталъ къ мѣсту пожара. Такихъ иноходцевъ была

у него пара, ѣздилъ онъ въ одиночку, на маленькой пролеткѣ— «эгойсткѣ». Появленіе на улицѣ одной изъ его лошадокъ и знаменитой «эгойстки» ввергало въ страхъ и трепетъ чиновъ полиціи. И было отчего! Напримѣръ, какъ-то въ началѣ его службы, когда онъ, пріѣхавъ въ Казань, особенно усиленно «наводилъ порядокъ», ѣдетъ онъ улицей, около «Чернаго озера», въ районѣ 1-й части. Навстрѣчу Скарятину вышагиваетъ помощникъ пристава 5-й части Г—въ, случайно зашедшій въ эту мѣстность. Скарятинъ, не зная еще въ лицо чиновъ полиціи по частямъ (потомъ онъ узналъ ихъ) принялъ Г—ва за мѣстнаго помощника пристава, останавливаетъ свою лошадь, подзываетъ Г—ва пальцемъ къ себѣ на средину улицы. Г—въ, типъ стараго, допотопнаго служаки, трепетно подбѣгаетъ къ губернатору и вивается въ него взоромъ и духомъ. Скарятинъ перстомъ указываетъ куда-то внизъ, подъ пролетку, на мостовую. Г—въ почтительнѣйше смотритъ по направленію пальца, но никакихъ, достойныхъ вниманія начальства предметовъ на мостовой не видитъ. Указующій перстъ мечомъ Дамокла рябитъ въ глазахъ Г—ва, тотъ ничего не понимаетъ и не знаетъ, что отъ него требуется. Скарятинъ видитъ полную растерянность и оторопь помощника пристава, что ему нравится, и онъ не прочь поглумиться всласть.

— Что на мостовой?!

Г—въ рѣшается отвѣтить, что, кромѣ лошадиныхъ слѣдовъ, онъ ничего тамъ не видитъ.

— А лошадиное г...?! Сними киверъ и убери!

Г—въ снимаетъ съ лысой своей головы громадный лакированный киверъ, руками въ бѣлыхъ перчаткахъ кладетъ лошадиное кало въ киверъ и перебрасываетъ черезъ рѣшетку сада содержимое кивера. Дѣлается это на глазахъ Скарятина, послѣ чего онъ, довольный собой, летитъ далѣе, а Г—въ вытираетъ киверъ перчатками и тоже ушлетается восвояси. Подобные случаи, конечно, были рѣдки, но были, и теперешній чиновникъ въ правѣ считать свое положеніе болѣе «облагороженнымъ», чѣмъ то было въ старину. И въ старину-то не особенно древнюю, а какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ, при гуманнѣйшемъ царѣ Александрѣ II.

Кромѣ неистовыхъ разносовъ съ упоминаніемъ близкихъ родственниковъ чиновника, виновнаго въ упущеніи, Скарятинъ, положительно, злоупотреблялъ увольненіемъ въ отставку по страшному третьему пункту. Рѣдко онъ увольнялъ «по хорошему», по прошенію, а почти всегда безъ прошенія, съ послѣдствіями, въ «ономъ пунктѣ изложенными». Но, увольняя по третьему пункту, онъ вопреки закона, черезъ нѣсколько времени принималъ кающагося грѣшника вновь на службу, до новаго увольненія по третьему пункту и обратнаго пріема. Съ закономъ Скарятинъ не особенно вѣдался. Лишь бы внушить побольше страху, ну, а затѣмъ можно и помиловать.

Служилъ въ тѣ времена въ Казани писмоводителемъ сиротскаго суда ивѣкій М—дѣвъ, глубокой комикъ по натурѣ, любившій выпить, какъ слѣдуетъ, и награжденный за это судьбою носомъ всѣхъ цвѣтовъ радуги. Пилъ, пилъ и допился до вызова къ Скарятину, ибо, будучи въ хмелю, напуталъ что-то въ дѣлопроизводствѣ и на него жаловались пострадавшіе губернскому начальству. Скарятинъ же очень любилъ вызывать къ себѣ «для личныхъ объясненій».

«Объясняясь лично» съ Ме—дѣвымъ, обрушивши на него свой запасъ ругани, Скарятинъ былъ искренно возмущенъ и обиженъ не возмутимостью М—дѣва. Стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало и лишь при особенно сильномъ выпадѣ гладить свой носъ указательнымъ пальцемъ правой руки. И чѣмъ болѣе Скарятинъ горячится, тѣмъ равнодушнѣе ко всему земному становится М—дѣвъ. Въ концѣ концовъ Скарятинъ, захлебываясь отъ гнѣва, кричитъ ему: «Я тебя съ твоимъ носомъ выгоню по третьему пункту!» На это М—дѣвъ невозмутимо и покорно отвѣчаетъ: «Хоть по десятому, ваше превосходительство!» Скарятинъ круто обрываетъ внушеніе и убѣгаетъ изъ пріемной. Этотъ случай отпора со стороны мелкой сошки былъ чуть ли не единственный за время губернаторства Скарятина, да и объясняется этотъ отпоръ тѣмъ, что М—дѣвъ не могъ бы быть уволеннымъ по третьему пункту, такъ какъ находился не на коронной, а на городской службѣ. Обыкновенно же жертва разноса покорно склоняла голову и не издавала «ни гласа». Иногда «личные объясненія» разнообразились Скарятинимъ. Такъ, узнавъ однажды, что становой получилъ взятку самоваромъ, онъ вызвалъ этого станового очень издали къ себѣ въ Казань, приказавъ захватить съ собой и злополучный самоваръ; велѣлъ доставить лично становому самоваръ въ пріемную своего дома и тамъ часа три продержалъ его, съ ведернымъ самоваромъ въ рукахъ, на глазахъ многочисленныхъ просителей и чиновничества. А потомъ, когда у станового отекли руки и онъ чуть не падалъ отъ усталости и стыда, подошелъ къ нему и сталъ разспрашивать, что это за самоваръ и почему онъ держитъ его въ рукахъ, не получилъ ли его въ наслѣдство отъ своей мамы, и при этомъ недобрительно отозвался о поведеніи послѣдней. На другомъ пріемѣ съ груди частнаго пристава Л—каго, хорошаго сыщика, но не брезгавшаго ничѣмъ, что въ руки идетъ, сорвалъ орденъ Станислава и растопталъ его ногами на глазахъ пораженныхъ зрителей. Необъяснимо, какъ все сходило ему съ рукъ благополучно. Вѣроятно, объектъ, подпавшій подъ разносъ Скарятина, обмиралъ, какъ говоритъ народъ, вродѣ птицы передъ пастью удава. И не чиновная мелкота, а люди, казалось бы, совсѣмъ независимые отъ губернатора, сносили отъ него безъ протеста отборную дерзость. Зачаровывалъ жертву, да и только!

Черезъ Казань проѣзжалъ, по дорогѣ въ Ташкентъ, командированный изъ Петербурга министерствомъ ветеринаръ въ чинѣ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Остановившись въ лучшихъ номерахъ Комонена, ветеринарный генераль почему-то вздумалъ потребовать отъ полицеймейстера Я. Н. Мосолова присылки вѣстового. Мосоловъ ему отказалъ и поспѣшилъ, чтобы предупредить жалобу, къ Скарятину. Выслушавъ полицеймейстера, Скарятинъ вскипѣлъ, и, на бѣду, тутъ же докладываютъ ему о прїѣздѣ ветеринара. Тотъ не успѣлъ разинуть рта, какъ Скарятинъ всѣмъ своимъ арсеналомъ обрушился на неудачливаго посѣтителя. Тотъ въ жизни, конечно, не слыхалъ ничего подобнаго. Растерялся, на глазахъ показались слезы, подъ носомъ тоже взмокло, и онъ, забывъ про носовой платокъ, какъ ребенокъ, сталъ утирать носъ рукавомъ своего петебургскаго фрака. А потомъ, всхлипывая, удалился восвояси, и на этомъ исторія и кончилась, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для участвовавшихъ.

До какого потрясенія, физическаго и нравственнаго, могли довести скарятинскіе разносы, видно изъ случая съ городскимъ головой одного уѣзнаго города. Дѣло было еще до введенія «городоваго положенія о самоуправленіи», въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Явился голова во дворецъ, какъ называютъ въ Казани губернаторскій домъ, въ мундирѣ, съ треуголкой въ рукахъ. Былъ онъ изъ захолустныхъ кунцовъ, стараго типа. Со страхомъ вошелъ въ переднюю, съ почтеніемъ къ мѣсту далъ снять съ себя шубу,—дѣло было зимой,—и, замирая духомъ: «что-то будетъ?»—поднялся по нѣсколькимъ ступенямъ вверхъ въ пріемную, гдѣ и застылъ въ ожиданіи. Ждать долго не заставили. Вскорѣ вышелъ «самъ», и началъ разговоръ. Сначала какъ будто и ничего, а потомъ Скарятинъ, какъ боевой конь, сталъ разгораться болѣе и болѣе и подъ конецъ до того разгорѣлся,—усы ходятъ ходуномъ, глаза мечуть искры, а языкъ—словеса непотребныя,—что захолустный голова ослабъ и почувствовалъ приступы «медвѣжьей болѣзни». Почувялъ носомъ и Скарятинъ что-то неладное и не закричалъ, а прямо заоралъ на голову. Тотъ, посрамленный, не помня себя, бросился бѣжать, кубаремъ скатился съ лѣстницы въ переднюю и, не надѣвая шубы, въ одномъ мундирѣ, съ треуголкой въ рукахъ, выскочилъ на улицу и пустился наутекъ, спасаясь отъ страшнаго человѣка. Скарятинъ, стоя у окна, съ хохотомъ, очень довольный произведеннымъ эффектомъ, приказалъ догнать его и надѣть оставленную во дворцѣ шубу. Вѣстовые мигомъ схватили шубу и бѣгомъ за головой! Тотъ, слыша погоню, еще поддалъ жару и настичь его удалось лишь за четверть версты отъ дворца. Не останавливается, да и только! Какъ заяцъ передъ собакой! Вотъ какъ людямъ со слабыми нервами было трудно вести со Скарятинымъ служебныя бесѣды.

Въ частной же жизни Скарятинъ былъ аристократъ и джентльменъ. Но избави Богъ, если въ частную жизнь вривалась струйка

служебной!—куда пропадало все джентльменство! Многіе порывы Скарятина сдерживали добрая, любимая всѣми жена его Прасковья Ивановна и умный полицеймейстеръ Я. Н. Мосоловъ, прослужившій со Скарятинымъ все время его губернаторства. Мосоловъ сумѣлъ внушить къ себѣ со стороны Скарятина такое уваженіе, что часто предохранялъ его отъ опаснѣйшихъ выпадовъ, подавая своимъ густымъ баскомъ охлаждающія реплики, послѣ чего гнѣвъ Скарятина стихалъ. И будь вблизи Скарятина Прасковья Ивановна или Мосоловъ во время усмиренія въ концѣ его губернаторства какого-то пустячнаго волненія среди татаръ, онъ не перепоролъ бы злѣйшимъ образомъ множества татаръ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ говорили тогда въ городѣ, и умерли во время порки. Порка эта надѣлала большого шума; газеты, несмотря на цензуру и горячее заступничество за Скарятина «Московскихъ Вѣдомостей», печатали обличительные воли; фамилія Скарятина стала извѣстна и за границей. Печатали, что турки не понимаютъ безпокойства русскихъ по поводу избіенія болгаръ, такъ какъ у нихъ самихъ процвѣталъ и процвѣтаетъ до сихъ поръ «Скарять-паша». И когда, послѣ сенаторской ревизіи Ковалевскаго, уже въ царствованіе Александра III, Скарятинъ палъ, газеты ликовали, глумились надъ нимъ, и я помню до сихъ поръ помѣщенные гдѣ-то стихи:

«Ты мощень былъ, ты грозень былъ.
Но часъ расплаты наступилъ,
И мощь твоя, Скарять-паша,
Теперь не стоитъ и гроша!»

Мощь Скарятина объясняли снисходительнымъ къ нему отношеніемъ высшихъ сферъ, вслѣдствіе нечаяннаго убійства его брата егермейстера на великосвѣтской охотѣ. Изъ судейскихъ лишь Кони, бывшій прокуроромъ окружнаго суда, и Лазаревъ—предсѣдатель суда—не заискивали въ немъ, остальные же были «независимы» на словахъ, но не на дѣлѣ. И подъ судъ при немъ чиновникъ не попадалъ, онъ распоряжался самъ, не отдавая въ чужія руки виновнаго. И чиновничество, у многихъ изъ коего рыльце бывало въ пушку, не особенно сѣтовало на это. Съ военными онъ жилъ зубъ за зубъ, требовалъ отданія ему чести юнкерами; къ кресту въ соборѣ подходилъ ранѣ командующаго войсками и довелъ этимъ командующаго войсками генерала-отъ-инфантеріи Брунера до перевода воинскаго парада изъ собора въ окружную военную церковь, такъ что въ торжественные дни происходило раздѣленіе начальства по двумъ церквамъ.

Вспоминается еще избіеніе режиссера городского театра за начатіе спектакля въ торжественный день, не дожидаясь сильно запоздавашаго губернатора. Въ рукахъ Скарятина послѣ избіенія красовался трофей—клокъ рыжихъ волосъ изъ бороды режиссера.

Не оставлялъ онъ безъ отеческаго вниманія и пароходчиковъ. Такъ, однажды, проѣзжая со свитой чиновниковъ на пароходѣ, при объѣздѣ губерніи, онъ, въ припадкѣ самодурства, подъ предлогомъ, что рыба въ пароходномъ буфетѣ не свѣжа, выбросилъ въ Волгу весь пароходный запасъ хорошей рыбы, совершенно свѣжей. Всѣ подобные случаи, а ихъ было многое множество, создали Скарятину на Волгѣ репутацію людоеда. Одно время ходили упорные слухи о переводѣ его изъ Казани въ Нижній-Новгородъ, въ видахъ очищенія ярмарки отъ грабежей и разбоевъ, процвѣтавшихъ тамъ. Въ разгаръ этихъ слуховъ, когда нижегородское чиновничество съ тоскою и сердечной болью ждало этого перевода, Скарятинъ, проѣзжая изъ Петербурга въ Казань, остановился въ Нижнемъ и поѣхалъ навѣстить тамошняго губернатора. Приѣхалъ. Входитъ въ пріемную. Народу много. У стола сидитъ дежурный чиновникъ, типа «чиновника особыхъ порученій»,—олимпійство и неприступность! Скарятинъ, бывший въ пиджакѣ, подходит къ нему и спрашиваетъ: «Дома ли губернаторъ?». Олимпіецъ, оглядѣвъ старичка, пробурчалъ что-то непонятное. Скарятинъ снова спрашиваетъ, отъ олимпійца ни отвѣта, ни привѣта! Тогда Скарятинъ говоритъ раздѣльно: «Если губернаторъ дома, доложите ему, что его желаетъ видѣть казанскій губернаторъ Скарятинъ». Боже мой, что произошло тутъ съ олимпійцемъ! Срывается со стула и молниеносно исчезаетъ изъ глазъ. Прошло нѣсколько минутъ, не возвращается олимпіецъ! Скарятинъ проявляетъ признаки нетерпѣнія, но, на счастье, является камердинеръ хозяина дома, и желаемое свиданіе устраивается. Кончивъ бесѣду, гость и хозяинъ вышли въ пріемную, но чиновника-олимпійца въ оной не нашли. Что за чудо? куда дѣвался? Вѣстовые принялись искать по всему дому, и о ужасъ! элегантнаго олимпійца обрѣли въ конюшнѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія отъ прибывшаго въ городъ Нижній Скарятина.

А все же, повторяю, любители «твердой власти» изъ обывателей до сихъ поръ чуть не съ умиленіемъ вспоминаютъ Скарятина, и общественный садъ въ большомъ торговомъ уѣздномъ городѣ Чистопольѣ до сихъ поръ носитъ названіе «Скарятинскаго».

С. П—овъ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВЪ РОМНАХЪ.

О УСЛОВІЯМЪ моей судебной дѣятельности мнѣ пришлось близко наблюдать какъ общую картину революціоннаго броженія въ Полтавской губерніи съ самаго его начала, такъ и изслѣдовать нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ его проявленій.

Аграрныя безпорядки 1902 года, вѣсть о которыхъ облетѣла всю Россію, доставили Полтавѣ печальную извѣстность, а рядъ отдѣльныхъ «выступленій» въ дни недоброй памяти революціонныхъ безчинствъ получилъ широкую гласность далеко за предѣлами губерніи. Для примѣра достаточно указать хотя бы на много шумѣвшее убійство въ Полтавѣ старшаго совѣтника губернскаго правленія Филонова, породившее цѣлую литературу со стороны праваго и лѣваго лагеря, убійство начальника дивизіи генерала Полковникова и т. д.

Когда смутная волна революціи докатилась до губерніи, то на общемъ фонѣ обычныхъ трафаретныхъ безчинствъ этихъ дней ясно выдѣлилась одна особенность: въ каждомъ почти изъ уѣздовъ Полтавской губерніи революція протекала съ своими характерными чертами. Такъ, Полтава «прославилась» военными бунтами, террористическими актами и «экспропріаціями»; Кобелякскій уѣздъ— «крестьянскимъ союзомъ», Константиноградскій—открытыми столкновеніями толпы съ властями и интенсивнымъ аграрнымъ движеніемъ, Хорольскій—массовыми поджогами т. д. Въ высшей степени характерно протекала революція въ городѣ Ромнахъ, гдѣ ея отличительными чертами являлись частые взрывы бомбъ, сопровождавшіе

какъ «политическія требованія», такъ и самыя ординарныя вымогательства.

Мирное населеніе города одно время было совершенно терроризовано, и обыватели—по тогдашней терминологіи «граждане»—до того боялись господъ товарищей, что добиться отъ нихъ какихъ-либо показаній, которыми можно было бы изобличить бомбистовъ и шантажистовъ революціи, представлялось почти невозможнымъ. Зато «прогрессивная часть» общества, къ которой, какъ водится, примкнулъ всякій сбродъ, а также еврейская молодежь, чувствовала себя превосходно и ходила, высоко поднимая голову.

Особенно выдѣлялись въ этомъ отношеніи,—какъ и вездѣ, впрочемъ,—евреи, наглость которыхъ росла прямо пропорціонально развитію революціоннаго движенія, и вели себя вызывающимъ образомъ. Точно они задались цѣлью произвести рискованный опытъ надъ терпѣніемъ остальной части населенія.

Въ своихъ очеркахъ я хочу по мѣрѣ силъ описать послѣдовательный ходъ событій въ Ромнахъ, хотя мои отрывочныя воспоминанія, конечно, ничего новаго не могутъ внести въ печальную исторію того тяжелаго, кошмарнаго времени, которое нѣкоторыми громко называется эпохой «великой русской революціи».

Однако мнѣ все же думается, что нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ событій имѣютъ общій интересъ и отмѣчены своими характерными чертами.

I.

Какъ это ни странно, но, приступая къ изложенію роменскихъ событій, я прежде всего долженъ заговорить о мѣстномъ реальномъ училищѣ, ученики котораго играли, несомнѣнно, видную роль во время описываемыхъ безчинствъ.

Въ началѣ 1905 года, когда надъ всей Россіей пронеслось вѣяніе извѣстной «весны» и стали понемногу распускаться бутоны маховыхъ вполнѣдствіи цвѣтовъ бунта, небольшой, но довольно бойкій городокъ Ромны съ тридцатипяти тысячнымъ населеніемъ былъ уже явно охваченъ пламенемъ разгорающихся политическихъ страстей. Въ городѣ появилось множество прокламацій всякихъ «партій» и «комитетовъ», по улицамъ зашныряли мѣстные и приѣзжіе агитаторы. Для послѣднихъ Ромны представляли собой очень удобную позицію благодаря тому, что городъ расположенъ на узловой станціи Либаво-Роменской желѣзной дороги и имѣетъ прямое сообщеніе съ болѣе крупными центрами: Кременчугомъ, Кіевомъ, Либавой и Полтавой.

Начались тайныя и открытыя сходки. Сборы при участіи комми-вояжеровъ революціи происходили или за городомъ въ

рощѣ Викашевича, или же прямо на бульварѣ «Панскаго ряда», одной изъ главныхъ улицъ города. Здѣсь было мѣсто «биржи», какъ называли г.г. товарищи свои сборища. «Биржа» протекала на глазахъ у немногочисленной и вялой роменской полиціи, которая прямо не рѣшалась проникать на бульваръ, чтобы не вызвать открытаго столкновенія съ нахальной и дерзкой толпой «прогрессивно настроенной» молодежи.

Нечего и говорить, что «учащаяся молодежь» съ радостью пошла навстрѣчу броженію. Реалисты, ученики городского училища и воспитанницы мѣстной женской гимназіи принялись усердно заниматься теоріей и практикой революціонной борьбы съ правительствомъ и властями и скоро заняли на «биржѣ» видную роль.

Вообще, уже къ этому времени учащіеся были распушены до крайности, и дисциплина въ учебныхъ заведеніяхъ совершенно пала. При самомъ снисходительномъ отношеніи къ зеленой молодежи все же надо признать, что въ тѣ милыя времена очень многіе изъ ея представителей имѣли типичный внѣшній видъ настоящихъ хулигановъ. Подростки разгуливали по городу въ громадныхъ папачахъ, съ толстыми суковатыми палками въ рукахъ, дымя въ лицо встрѣчнымъ и поперечнымъ папироскамъ. Настроеніе ихъ и поведеніе вполне соответствовало ихъ внѣшности; въ сужденіяхъ и выраженіяхъ отнюдь не стѣнялись.

Дѣвицы не отставали отъ кавалеровъ и держали себя болѣе чѣмъ свободно. Духовной пищей служили газеты въ родѣ «Нашей Жизни», «Сына Отечества» и тому подобныхъ листовъ, не говоря уже о прокламаціяхъ и прочей революціонной литературѣ.

Конечно, при такомъ настроеніи учащихся школьная жизнь не могла идти своимъ нормальнымъ ходомъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ начались беспорядки. Жажда борьбы съ «ненавистнымъ правительствомъ», естественно, вылилась для начала въ рядъ «выступленій» противъ педагогическаго персонала.

Милые юноши стали бить по ночамъ окна у преподавателей и дѣлать на стѣнахъ ихъ квартиръ бранныя надписи. А дѣвицы въ одинъ прекрасный день устроили форменный бунтъ въ гимназіи съ криками, предъявленіемъ ряда «требованій» и разбитіемъ стеколъ въ окнахъ учебнаго заведенія.

12-го февраля 1905 года, въ реальномъ училищѣ состоялась сходка учениковъ двухъ старшихъ классовъ, и приглашенному директору Радкевичу были предъявлены письменныя «требованія», вполне отвѣчавшія духу тогдашняго времени.

Результатомъ былъ приѣздъ въ Ромны помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа и увольненіе многихъ участниковъ сходки. Къ сожалѣнію, уволеннымъ предоставили «выразить раскаяніе» съ тѣмъ, что «раскаявшіеся» будутъ обратно приняты въ учи-

лице. Конечно, «раскаялись» все уволенные и были приняты обратно; — и два недѣли спустя послѣ этого въ Ромнахъ прокатилось эхо первыхъ взрывовъ: подъ окнами квартиры директора Радкевича ночью взорвались два неизвестно къмъ положенныя бомбы. Взрывами были выбиты стекла, попорчены рамы; къ счастью, никто не пострадалъ.

Очевидно, это была проба. Глухое броженіе среди учениковъ продолжалось. Въ городѣ говорили, что директоръ получаетъ какія-то угрожающія анонимныя письма; въ классахъ раздавались всевозможныя прокламаціи, въ томъ числѣ воззванія народившейся «роменской организаціи учащихся», переполненныя всяческими призывами.

28-го марта все ученики училища собрались въ актовомъ залѣ для обычной утренней молитвы, причемъ замѣтно было отсутствіе многихъ воспитанниковъ страшихъ классовъ. Директоръ Радкевичъ вошелъ, какъ всегда, послѣднимъ и занялъ свое мѣсто противъ большого портрета Государя Императора, висѣвшаго на стѣнѣ въ массивной деревянной рамѣ. Въ воздухѣ ощущался легкій запахъ гари, но на это никто тогда не обратилъ вниманія.

Прочли, какъ водится, молитву передъ ученіемъ, а затѣмъ хоръ сталъ пѣть «Отче нашъ». И тутъ произошло нѣчто чудовищное. Великія слова молитвы Господней были неожиданно заглушены взрывомъ: за портретомъ Государя взорвалась подвѣшенная какими-то негодьями бомба.

Въ окнахъ залы со звономъ посыпались разбитыя стекла. Рама портрета была расколота взрывомъ на множество мелкихъ и крупныхъ осколковъ, портретъ разорванъ. Осколки полетѣли надъ головами густыхъ рядовъ учащихся, впереди которыхъ стояли ученики младшихъ классовъ.

Директоръ остался невредимымъ, но нѣсколько мальчиковъ были легко ранены и контужены, а на полу у окна лежалъ и тихо стоналъ раненый осколкомъ въ лицо ученикъ Михаилъ Семенчикъ, тринадцати лѣтъ, первая серьезная жертва «активнаго выступленія» «прогрессивно настроенной молодежи».

Раненаго доставили въ больницу. Оказалось, что у него помимо мелкихъ ранъ сплющена кость челюсти. Мальчикъ сильно страдалъ и подвергся мучительному и серьезному леченію. Потомъ его пришлось везти въ Кіевъ, и тамъ ему была сдѣлана операція резекціи поврежденной кости. Раны были признаны судебнымъ врачомъ тяжкими и подвергающими жизнь опасности; а когда мальчикъ наконецъ поправился, то у него на лицѣ оказалось неизгладимое обезображеніе.

Мнѣ довелось видѣть его у него же на квартирѣ вскорѣ послѣ взрыва, и я до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ съ самымъ тяжелымъ чувствомъ. Такъ ярко врѣзалась въ память скромненькая,

почти убогая обстановка квартиры, скорбные глаза матери и блѣдное худенькое личико мальчика съ бѣлыми бинтами на головѣ и щекахъ. Онъ лежалъ тихо и ни на что не жаловался. Только въ лихорадочно блестящихъ глазахъ его свѣтился глубокой безмолвный укоръ: за что?

Случай этотъ безконечно возмутилъ мѣстное общество. Всѣ отлично понимали, что дѣло могло окончиться неизмѣримо большими жертвами, а самый поступокъ бомбистовъ вызывалъ общее негодованіе. Власти тоже, естественно, обезпечились. Въ Ромны былъ командированъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Милостановъ, умный и опытный судебный дѣятель, прилагавшій всѣ усилія къ обнаруженію виновниковъ гнуснаго злодѣянія.

Однако все было безуспѣшно. Слѣдствіе только установило несомнѣнный фактъ, что взрывъ произведенъ кѣмъ-то изъ учениковъ, на которыхъ даже имѣлись косвенныя указанія, но добыть какія-либо сколько-нибудь опредѣленные улики не представилось возможности, и виновники остались не обнаруженными по настоящее время.

Безспорно, что этотъ взрывъ былъ дѣломъ рукъ названной выше «организации учащихся». Эта послѣдняя, видя всеобщее негодованіе, сочла необходимымъ оправдаться передъ обществомъ, и 31-го марта былъ выпущена характерная прокламація, которую въ массѣ экземпляровъ распространили по городу.

! Прокламація, какъ я сказалъ, очень характерна, почему я привожу текстъ ея полностью:

«Событіе въ нашемъ реальномъ училищѣ, имѣвшее печальныя послѣдствія и взволновавшее все роменское общество, обязываетъ насъ, членовъ ученической организациі, обратиться ко всѣмъ то варищамъ и выяснитъ имъ свое отношеніе къ происшедшему.

«Наша организациа имѣетъ своей цѣлью создать противодѣйствіе тому развращающему вліянію, которое имѣетъ на юношество наша школа при бюрократически-полицейскомъ режимѣ, дѣлающемъ ее не разсадникомъ просвѣщенія, а питомникомъ для разведенія чиновниковъ и лицъ, преданныхъ существующему строю.

«И, однако, наше общество не протестовало противъ такого порядка. Оно молчало... Оно позорно, трусливо молчало не только когда извращали на его глазахъ души дѣтей, но и тогда, когда избивали студентовъ и сотнями ссылали въ сибирскія тундры и томили въ царскихъ тюрьмахъ.

«Только голоса революціонныхъ партій призывали насъ на борьбу, смѣло и ясно говорили намъ, кто дастъ Россіи свободу, кто призванъ разбить цѣпи, наложенныя на весь русскій народъ. И мы, внявъ этому могучему голосу, рѣшили объединиться между собою подъ руководствомъ социаль-демократіи, брать отъ жизни и науки то, чего намъ сознательно не даетъ наша школа.

«Мы рѣшили помимо школы, или, вѣрнѣй, вопреки ей, стать въ ряды борцовъ за свободную Россію и, такимъ образомъ, сдѣлаться истинными гражданами освобожденной оодины.

«Мы говоримъ: «готовиться»,—ибо современная сложная общественная жизнь требуетъ много знаній, выработки цѣльнаго міросозерцанія, чтобы разобраться въ многообразныхъ проявленіяхъ ея, чтобы не слѣпо ринуться въ борьбу, а вполне сознательно становиться въ тѣ или другіе ряды борцовъ за свободу и счастье всего человѣчества.

«Какъ видите, товарищи, цѣль нашей организаціи—приобрѣтеніе истинныхъ знаній по общественнымъ вопросамъ, ознакомленіе путемъ чтенія и совмѣстныхъ обсужденій съ разнообразными сторонами современной общественной и политической жизни, подготовка къ дѣйствительной и сознательной общественной дѣятельности.

«Эта цѣль ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ террористическимъ актомъ, кѣмъ-то (!) совершеннымъ въ стѣнахъ казеннаго училища, который не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Наша борьба должна проявляться въ массовыхъ требованіяхъ и заявленіяхъ; наша борьба—борьба массъ, а не отдѣльныхъ личностей. Отвѣтственность же за пролитую дѣтскую кровь падаетъ на головы тѣхъ власть имущихъ бюрократовъ, благодаря которымъ какъ въ школѣ, такъ и въ жизни установились отношенія, вызывающія столь плачевныя явленія.

«Мы же, товарищи, въ нашемъ объединеніи будемъ черпать силы и знанія для борьбы съ существующимъ ставшимъ для всѣхъ ненавистнымъ самодержавнымъ строемъ и замѣны его свободно выбраннымъ всѣмъ народомъ правительствомъ, гдѣ свободно будутъ развиваться физическія и духовныя силы воспитанниковъ.

«Да здравствуетъ свободная Россія!

«Роменская организація учащихся».

Прокламація эта, думается мнѣ, можетъ служить блестящимъ образцомъ революціонной логики вообще и прекраснымъ доказательствомъ виновности въ отвратительномъ преступленіи именно этой «сраждающейся» шайки, не нашедшей ничего лучшаго для обѣленія себя въ глазахъ товарищей и общества, какъ приписать чуть ли не самое производство взрыва «чиновнымъ бюрократамъ» и «ненавистному правительству». Защита эта явно была сметана бѣлыми нитками по черному, и тѣ, кто хотя немного сомнѣвался въ причастности «организаціи» учащихся къ взрыву, по прочтеніи приведеннаго воззванія уже болѣе не колебались.

Я помню, мнѣ какъ-то пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ очень видныхъ и почтенныхъ общественныхъ дѣятелей Роменскаго

уѣзда по поводу этой прокламаціи, человѣкомъ въ высшей степени гуманнымъ, мягкимъ и даже либеральнымъ.

— Негодяи! Перепоролъ бы вѣхъ!—вырвалось у него, обыкновенно морщившагося при одномъ лишь упоминаніи о какомъ-либо физическомъ насиліи надъ человѣкомъ...

Я долженъ забѣжать здѣсь немного впередъ, чтобы окончательно освѣтить вопросъ объ ученической организаціи.

Около года спустя послѣ взрыва въ актовомъ залѣ въ руки властей попался одинъ изъ ея участниковъ, у котораго были обнаружены тектографированные экземпляры отчета «организаціи». Изъ отчета этого видно, что организація возникла въ августѣ 1904 года «на ученической сходкѣ, состоявшейся въ присутствіи представителей мѣстныхъ революціонныхъ организацій», причемъ рѣшено было «принять программу международной социаль-демократіи» и «создать въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденіе, которое подготовляло бы агитаторовъ и пропагандистовъ».

Такимъ образомъ, становится яснымъ, что «организація учащихся» съ самаго своего возникновенія находилась подъ просвѣщеннымъ руководствомъ преступныхъ тайныхъ сообществъ, почему легко и скоро усвоила себѣ «культурные способы» борьбы за «свободную школу и родину» отъ уличнаго скандала до бомбы включительно.

Одновременно съ выпускомъ приведенной выше прокламаціи было послано по почтѣ анонимное письмо на имя попечителя кievскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣляева, датированное также 31-мъ марта, но подписанное, правда, иначе: «роменская боевая организація».

Авторы требовали закрытія учебнаго заведенія.

«Знайте,—говорилось въ письмѣ,—никакія предосторожности насъ не пугаютъ и если мы могли годъ тому назадъ бить стекла одновременно семи учителямъ, на масляной поставить на окна директору двѣ бомбы и теперь въ училищѣ положить за портретъ Государя бомбу, взорвавшуюся 28-го марта во время молитвы,—и при томъ безъ всякихъ слѣдовъ,—то мы говоримъ вамъ въ послѣдній разъ: не закроете училища, такъ будете каяться...»

Удивительно милые юноши! Это о нихъ, очевидно, съ расторогомъ, захлебываясь, твердила и твердить лѣвая ... дуткая, отзывчивая, благородная, рвущаяся къ свѣту, наша прогрессивная учащаяся молодежь!»

Къ чести учебнаго начальства надо сказать, что на эту дерзкую угрозу оно не обратило вниманія, и реальное училище закрыто не было.

«Учащаяся молодежь», выждавъ двѣ недѣли, рѣшила снова напомнить о своихъ возвышенныхъ стремленіяхъ къ прогрессу, и въ почъ на 17-ое апрѣля на крыльцѣ квартиры исправлявшаго долж-

ность инспектора реального училища Россоптовскаго взорвалась бомба.

Взрывомъ было полуразрушено крыльцо и разбито болѣе десятка стеколъ въ окнахъ квартиры, но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

На мѣстѣ были обнаружены остатки снаряда въ видѣ измятой полуаршинной чугунной трубки.

Началось новое слѣдствіе, не приведшее также ни къ какимъ результатамъ, хотя не представлялось сомнѣній, что взрывъ произведенъ именно учащимися.

Директоръ Радкевичъ послѣ этого вышелъ въ отставку или былъ куда-то переведенъ,—точно не помню,—а на его мѣсто былъ назначенъ, нынѣ уже умершій, директоръ полтавскаго дворянскаго пансіона И. М. Шнекъ, человѣкъ твердой воли, умный и энергичный.

Я близко зналъ покойнаго, и мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать съ нимъ по поводу событій въ училищѣ. Шнекъ былъ противникомъ полумѣръ и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы водворить порядокъ въ учебномъ заведеніи.

— Я никого и ничего не боюсь,—говорилъ онъ и знакомымъ, и въ педагогическомъ совѣтѣ.

Его скоро узнали всѣ учащіеся и, какъ ни странно, за все время пребыванія его въ Ромнахъ лично противъ него не было никакихъ выступленій, хотя онъ настоялъ на увольненіи многихъ учениковъ, поведеніе которыхъ являлось не соотвѣтствующимъ ихъ пребыванію въ учебномъ заведеніи. Очевидно, рѣшительность и смѣлость Ивана Михайловича imponировали даже представителямъ «прогрессивной молодежи».

Конецъ апрѣля, май и іюнь прошли какъ въ городѣ, такъ и въ училищѣ спокойно, тѣмъ болѣе, что къ концу мая ученики были распущены на каникулы. Несомнѣнно, однако, что сношенія ихъ съ общереволюціонными организаціями продолжались, такъ какъ многіе изъ учащихся, по негласнымъ свѣдѣніямъ полиціи, усердно посѣщали тайныя сходки и цѣлыми днями шлялись по городу въ компаніи всякихъ подозрительныхъ личностей обоюго пола.

Взволнованное было взрывами, общество стало понемногу успокаиваться, тѣмъ болѣе, что всеобщее вниманіе было направлено на послѣднюю изъ драмы разыгрывавшейся на Дальнемъ Востокѣ драмы.

Однако бомбисты скоро заставили снова заговорить о себѣ: въ ночь на 13-ое іюля городъ былъ встревоженъ взрывомъ, раздавшимся у полицейскаго управленія.

Неизвѣстные злоумышленники подложили снарядъ на подоконникъ казармы городскихъ, въ которой въ моментъ взрыва спало одиннадцать нижнихъ чиновъ полиціи. Взрывъ отличался значительной силой. Подоконникъ былъ разрушенъ, стекла какъ въ окнахъ казармы, такъ и въ сосѣднихъ комнатахъ вылетѣли; на

потолкъ обвалилась штукатурка. Сила взрыва случайно направилась кверху, почему никто изъ городскихъ не пострадалъ.

Оглушенные и испуганные, городовые выскочили на улицу вмѣстѣ съ бывшимъ во дворѣ полицейскаго управленія казачьимъ патрулемъ, но на улицѣ никого не оказалось. Городовой Гонтаровскій бросился осмотрѣть сосѣдніе подоконники, и на одномъ изъ нихъ, смежнымъ съ поврежденнымъ, нашелъ длинную чугунную трубку съ тлѣвшимъ фитилемъ. Гонтаровскій не растерялся, выдернулъ фитиль и отбросилъ снарядъ въ сторону. Возлѣ этого окна спалъ, какъ всегда, старшій городской команды Владимиръ Цопа, причемъ кровать его находилась у самаго окна. Очевидно было, что не взорвавшійся снарядъ предназначался именно для Цопы.

Судя по осколкамъ перваго снаряда, они оба были совершенно одинаковы, причемъ второй изъ нихъ оказался завернутымъ въ глянцевитый бристолевскій картонъ съ какими-то чертежами на немъ, подобно тѣмъ, что дѣлаются въ реальномъ училищѣ.

Было ясно, что и этотъ взрывъ дѣло рукъ той же шайки, которая изъ стѣнъ учебнаго заведенія начала переносить свою дѣятельность уже на арену общереволюціонной борьбы съ властями.

Снарядъ былъ начиненъ двумя фунтами охотничьяго пороха и плотно укупоренъ точеными деревянными втулками. По заключенію экспертовъ, взрывъ его явно угрожалъ опасностью жизни городовымъ, находившимся въ казармѣ. Что же касается Цопы, то въ случаѣ взрыва онъ былъ бы убитъ или изувѣченъ.

Возникло новое дѣло о покушеніи на массовое убійство городскихъ роменской команды.

И окончилось ничѣмъ, подобно предыдущимъ. Виновники какъ въ воду канули, ни на кого не было рѣшительно никакихъ указаній.

Очевидно, дѣйствовала большая, сплоченная и дисциплинированная шайка.

II.

Положеніе представителей власти въ Романхъ въ смутное время, а особенно въ 1905 году, было вообще весьма незавиднымъ, Преступность, какъ общая, такъ и по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, росла съ каждымъ днемъ, и слѣдственно-розыскной механизмъ, рассчитанный исключительно на «мирное время», и даже тогда въ значительной степени уже обремененный, въ дни смуты оказывался явно слабымъ.

Въ Романхъ имѣлось, какъ и въ настоящее время, только два участковыхъ судебныхъ слѣдователя, полицейскій приставъ съ двумя помощниками и тридцать девять городскихъ; жандармскій же надзоръ осуществлялся однимъ помощникомъ начальника

полтавскаго губернскаго жандармскаго управленія съ нѣсколькими унтеръ-офицерами, причемъ роменскій «пунктъ» долженъ былъ также обслуживать Гадячскій, Зеньковскій и Лохвицкій уѣзды.

Какъ на бѣду, передъ началомъ всероссійскаго бунта Ромны остались безъ жандармскаго офицера, такъ какъ тамъ открылась вакантная должность, долго не замѣщавшаяся, и всѣмъ пунктомъ завѣдывалъ кременчугскій офицеръ, ротмистръ Якобсенъ, которому было по горло дѣла съ однимъ Кременчугомъ, гдѣ, благодаря массѣ евреевъ и постоянному наплыву пріѣзжихъ, одно за другимъ возникали серьезныя и отвѣтственныя политическія дѣла.

Достаточно сказать, что въ Кременчугѣ былъ изловленъ первый пріѣзжій бомбистъ, привезшій въ городъ на пароходѣ ручную метательную бомбу, снаряженную гремучимъ студнемъ. Появленіе такого «гостя» въ предѣлахъ губерніи, разумѣется, обратило на себя вниманіе властей, и дѣятельность кременчугскихъ тайныхъ организацій подвергнута была особо тщательному наблюденію.

Такимъ образомъ, кременчугскій офицеръ могъ наѣзжать въ Ромны только урывками, и фактически «пунктъ» находился въ вѣдѣніи вахмистра и унтеръ-офицеровъ. О послѣднихъ, въ смыслѣ точнаго, неуклоннаго и безупречнаго исполненія ими служебнаго долга, я ничего не могу сказать, кромѣ самаго хорошаго, но все же чувствовалась настоятельная потребность въ наличности опытнаго и толковаго офицера, который безсмѣнно находился бы въ Ромнахъ.

Личный составъ чиновъ полиціи заставлялъ желать много лучшаго. Во главѣ полицейскаго управленія стоялъ вялый и нерасторопный исправникъ П—ій; его помощникъ Б—ій являлъ собою картину слабаго, едва волочащаго ноги, совершенно больного старика; полицейскій приставъ С. былъ также полубольнымъ человѣкомъ, отличавшимся къ тому же крайней нервностью и почти полной неспособностью къ исполненію сколько-нибудь серьезныхъ порученій по службѣ. Правда, къ концу лѣта онъ былъ куда-то переведенъ изъ Ромень, и на его мѣсто былъ назначенъ толковый и исполнительный приставъ Константиновъ, явившійся къ началу знаменитыхъ «октябрьскихъ дней» единственнымъ надежнымъ чиновомъ полиціи.

Разумѣется, такое положеніе вещей отлично учитывалось дѣятелями революціоннаго подполья, и агитація въ городѣ шла во всю. Полицію почти игнорировали. Въ уѣздѣ дѣло обстояло не многимъ лучше.

«Октябрьскіе дни» протекали въ Ромнахъ до 17-го числа такъ же, какъ и во всѣхъ почти остальныхъ русскихъ городахъ. Всѣ находились въ возбужденномъ состояніи, по городу носились самыя невѣроятныя слухи о происходящихъ повсюду волненіяхъ. Желѣзная дорога не функционировала; изрѣдка лишь прорывались поѣзда

въ Кременчугъ, и то съ массой предосторожностей и съ потушенными огнями. Всѣ ожидали чего-то небывалаго, и это ожиданіе не замедлило оправдаться.

Наступилъ знаменательный день 18-го октября, и утромъ по городу разнеслась вѣсть о послѣдовавшемъ высочайшемъ манифестѣ. Въ типографіи Липина и Маримонта былъ спѣшно отпечатанъ текстъ манифеста, и возлѣ типографіи, находившейся на главной улицѣ города—Полтавской, собралось нѣсколько тысячъ народа, преимущественно молодыхъ евреевъ обоего пола и учащихся. }

Началось «ликваніе», выражавшееся гамомъ, крикомъ и наглыми возгласами по адресу «низвергнутаго правительства». Въ толпѣ замелькали черные и красные флаги, и она двинулась по улицамъ города, снимая по пути рабочихъ съ работъ и требуя отъ владельцевъ лавокъ и магазиновъ закрытія послѣднихъ.

Все увеличиваясь въ своемъ составѣ, толпа постепенно стала приходить въ явно возбужденное состояніе, и воздухъ огласился револьверными выстрѣлами.

Стрѣляли вверхъ, испуская дикіе крики.

— Долой самодержавіе! Да здравствуетъ революція!—вопили еврейскіе юноши и дѣвицы, поддерживаемые одобрительными криками толпы.

Магазины спѣшно закрывались; мирные обыватели прятались въ домахъ, а простолюдины жались въ сторону, угрюмо и недовольно глядя на шествіе демонстрантовъ.

На Московской улицѣ толпу ожидалъ непріятный сюрпризъ: звонко щелкая лошадиными копытами, навстрѣчу ей несся отрядъ кубанскихъ казаковъ во главѣ съ офицеромъ и приставомъ Константиновымъ. Воинственный пылъ толпы мигомъ остылъ. Крики и пальба стихли, флаги куда-то попрятались.

— Товарищи!—крикнулъ шедшій впереди толпы длинноволосый студентъ путейскаго института К—овъ:—вы меня уполномочиваете быть вашимъ представителемъ для переговоровъ съ казаками?

Толпа одобрительно загудѣла, и «патлатый», какъ его называли, студентъ, выступилъ впередъ, размахивая руками. Толпа остановилась. Остановились и казаки. Наступила тишина, и только слышно было, какъ тяжело дышали взмыленные казачьи кони.

— Прошу всѣхъ разойтись по домамъ!—громко обратился къ толпѣ приставъ:—въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду просить сотника примѣнить вооруженную силу...

Въ отвѣтъ раздался глухой ропотъ.

— Г. офицеръ,—заявилъ К—овъ, подходя къ сотнику:—полученъ высочайшій манифестъ о конституціи и свободѣ личности. Мы хотимъ отпраздновать этотъ день мирной демонстраціей.

Онъ протянулъ сотнику отгискъ манифеста.

Тотъ пробѣжалъ текстъ манифеста, передалъ его приставу. Оба въ нерѣшительности поглядѣли другъ на друга, видимо, поколебавшись.

Начались переговоры. Главарь толпы давалъ честное слово, что безпорядковъ не будетъ, и приставъ уступилъ, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ предмѣстьяхъ города собралась другая толпа, и туда также нужно было спѣшить. Онъ пошептался съ офицеромъ.

— Полусотня! Кру-у-гомъ маршь!—отрывисто скомандовалъ тотъ, поворачивая своего коня.

Отрядъ круто оборотилъ лошадей и ускакалъ. Велѣдъ казакамъ раздалось торжествующее «ура!» мигомъ ободрившейся толпы, и она двинулась дальше, направляясь къ вокзалу, чтобы захватить тамъ желѣзнодорожниковъ и рабочихъ литейнаго завода Кролика.

По дорогѣ «патлатый» студентъ забѣжалъ къ себѣ домой, откуда вынесъ большой красный флагъ съ надписями: «Долой самодержавіе!» и «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!» Толпа привѣтствовала революціонныя надписи радостными кликами и, предводительствуемая тѣмъ же К. съ его флагомъ, а также высокимъ евреемъ, несшимъ черный флагъ, продолжала свое «мирное шествіе», снова открывъ учащенную стрѣльбу изъ револьверовъ.

Дошли до вокзала, и тамъ въ толпѣ стали раздаваться крики:— «Идемъ, освободимъ товарищей изъ тюрьмы! Освободимъ заключенныхъ борцовъ за свободу!»

Предложеніе пришлось по вкусу, и уже сильно возбужденное скопище двинулось къ мѣстной тюрьмѣ, гдѣ въ то время содержался подъ стражей единственный политическій арестантъ Хононъ Бервищъ. По дорогѣ къ тюрьмѣ толпа стала явно безчинствовать, требуя отъ всѣхъ встрѣчныхъ снимать шапки передъ красными флагами. Особенно неистовствовали въ этомъ отношеніи евреи, позволявшіе себѣ силой снимать и даже сбивать съ непокорныхъ головныя уборы.

Когда демонстранты приблизились къ тюрьмѣ, то изъ ихъ среды отдѣлилось нѣсколько дѣвицъ, которыя галопомъ подбѣжали къ наружнымъ воротамъ и начали стучать въ дверь, требуя, чтобы дежурный надзиратель открылъ ворота.

Въ тюрьмѣ поднялась суматоха. Начальникъ тюрьмы Самойловичъ, растерянный и испуганный, послѣдно прибѣжалъ изъ своей квартиры въ тюремную контору въ тщетной надеждѣ какъ-нибудь образумить толпу, уже подошедшую вплотную къ тюрьмѣ.

Изъ толпы загремѣли выстрѣлы, направленные въ окна тюремной конторы и въ наружный фасадъ тюрьмы. Раздались дикіе крики и угрозы. Нѣсколько евреевъ и евреекъ подъ шумокъ занялись разстрѣливаніемъ иконы св. Николая Чудотворца, висѣвшей надъ

воротами. Среди стрѣлявшихъ замѣчены были двѣ ученицы мѣстной женской гимназін.

Отъ напора толпы ворота распахнулись, и толпа ворвалась въ наружный коридоръ тюрьмы, оттѣснивъ надзирателей и нанеся имъ побой. Самойловичъ пытался уговорить толпу, но его осыпали бранью, а какой-то рыжій веснушчатый еврей кричалъ ему въ лицо: «Это тебѣ не Кременчугъ!»—Очевидно, встрѣтились старые знакомые, такъ какъ Самойловичъ раньше былъ начальникомъ кременчугской тюрьмы.

Въ это время снаружи на улицѣ творилось нѣчто невообразимое. Толпа выла и неистовствовала. Появившійся откуда-то приставъ упрасивалъ всѣхъ разойтись, обѣщалъ немедленно съѣздить за случайно оказавшимся въ Ромнахъ товарищемъ прокурора. «Патлатый» студентъ милостиво далъ свое соизволеніе, и приставъ ускакалъ. Въ толпѣ послышались тревожные голоса, говорившіе, что онъ поѣхалъ за казаками.

Руководитель, стоя у входа въ тюрьму, азартно размахивалъ руками и держалъ какую-то рѣчь, прерываемую по временамъ изступленными криками толпы:

— Вѣрно! Ура! Ножъ на ножъ, кровь за кровь! Хоть и двѣсти душъ казаковъ.

А шагахъ въ тридцати отъ тюрьмы у помѣщенія воинскаго начальника стояло подъ ружьемъ человѣкъ двадцать солдатъ конвойной команды, которыхъ перепуганный воинскій начальникъ выставлялъ для охраны своей канцеляріи. И отрядъ войска съ заряженными винтовками оставался безучастнымъ зрителемъ происходящаго преступнаго безобразія.

Внутри тюрьмы ворвавшаяся толпа уже напирала на рѣшетчатый ворота, ведущія во внутренній дворъ. Арестанты начали волноваться. Надъ тюрьмой пронеслось вѣянье арестантскаго бунта, и Самойловичъ приказалъ надзирателямъ вывести во внутренній дворъ Бервища, изъявившаго свое согласіе просить толпу оставить его въ тюрьмѣ, такъ какъ ему уже почти окончился срокъ заключенія.

Одинъ изъ надзирателей бросился въ камеры, и черезъ минуту передъ толпой предстало само «яблоко раздора»—Хононь Бервищъ, галантно раскланявшійся съ «товарищами» черезъ желѣзные ворота.

Толпа завывала отъ восторга, точно, дѣйствительно, увидѣла нѣчто потрясающее.

— Ура! Да здравствуетъ свобода! Ура борцамъ за свободу! Ура, Бервищъ!—завопили на разные голоса демонстранты, ринувшіеся къ воротамъ, отдѣлявшимъ отъ нихъ «героя дня».

Тотъ попятился назадъ. Толпа въ недоумѣніи приостановилась.

— Ну, я не желаю, чтобы вы меня освобождали, — неожиданно для всѣхъ заявилъ Бервицъ: — меня сегодня или завтра освободятъ и безъ васъ...

Толпа пришла въ негодование. Раздалась брань уже по адресу «героя».

— Что!? ты вже да не нашъ!? — завопилъ рыжій еврей: — товарищи, чего вы смотрите на него? Берите его!

Онъ съ силой потрясъ ворота, на которыя навалилась толпа. Ворота пріоткрылись, и нѣсколько рукъ схватили Бервица. Получилась странная картина: съ одной стороны его тянули къ себѣ демонстранты, а съ другой надзиратели. Бервицъ кричалъ и ругался, но затѣмъ смолкъ и, видимо, рѣшившись исполнить желаніе товарищей, рванулся отъ надзирателей. Еще моментъ, и его высоко подняли надъ толпой десятки рукъ. Раздались побѣдные клики, и толпа хлынула на улицу.

А въ то время, когда въ коридорѣ происходила послѣдняя борьба за обладаніе Бервицемъ, часть толпы, состоявшая почти исключительно изъ евреевъ, ворвалась въ комнаты конторы тюрьмы, гдѣ немедленно было учинено гнусное надругательство надъ портретомъ Государя.

Въ портретъ посыпались револьверные выстрѣлы, а затѣмъ, видя, что пули попали въ стѣну, одинъ изъ негодяевъ сорвалъ портретъ и бросилъ его на землю, а другіе стали ломать ударами ногу раму. Кто-то надорвалъ холстъ и исцарапалъ ногтями лицо на изображеніи Государя... Другой портретъ также сорвали со стѣны и бросили на землю, послѣ чего выбѣжали изъ конторы на улицу.

Когда запыхавшійся приставъ пріѣхалъ къ тюрьмѣ съ товарищемъ прокурора, то все уже было окончено, и только окна тюремной конторы зіяли выбитыми стеклами, да площадь передъ тюрьмой была усеяна обломками перилъ и сломанными деревьями.

Еще черезъ нѣсколько минутъ прискакали казаки. Имъ также нечего было дѣлать у тюрьмы, и они рысью уѣхали обратно. Распоряженіе о преслѣдованіи и разсѣяніи «мирно настроеннаго» скопища почему-то сдѣлано не было. Видимо, власти совершенно потеряли голову.

Опьяненная успѣхомъ и не встрѣчая ни въ комъ противодѣйствія, толпа демонстрантовъ, неся на рукахъ освобожденнаго «борца за свободу», вновь двинулась на главныя улицы города.

Дерзость ея уже дошла до крайнихъ предѣловъ, а еврейская молодежь положительно выходила изъ себя. Выстрѣлы, крики, звонъ въ какія-то сковороды и кастрюли, оказавшіяся въ рукахъ у нѣкоторыхъ участниковъ скопища, производили впечатлѣніе бѣсовскаго шабаша.

— Ура! Наша свобода! Наше право! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ революція! — какъ сумасшедшіе, вопили демонстранты

сбивая шапки со многихъ простолюдиновъ, въ глазахъ которыхъ загорались недобрые огоньки.

На одномъ изъ перекрестковъ стоялъ старикъ-священникъ и недоумѣнно глядѣлъ на безчинствующую толпу.

Завидя его, къ нему бросилось нѣсколько еврейскихъ подростковъ.

— Эй, ты, русскій попъ! Шапку долой! Красное знамя!—кричали они.

Старикъ сурово сдвинулъ брови и, поворотившись, пошелъ отъ толпы.

— Шапку долой! Слышишь?—угрожающе завопили подбѣжавшіе къ нему, моментъ, и одинъ изъ нихъ ударомъ руки сбиль съ головы священника шляпу. Тотъ растерянно оглянулся кругомъ и нагнулся поднять ее. Его сѣдые волосы развѣвались на вѣтрѣ.

Изъ кучки новобранцевъ, стоявшихъ невдалекѣ, послышался глухой ропотъ. Еврейская наглость переходила всякіе предѣлы, но, упоенные своимъ торжествомъ, евреи и тѣ, кто были съ ними, не замѣчали угрожающихъ симптомовъ растущаго народнаго негодованія.

Толпа подходила къ углу Полтавской и Коржевской улицъ, гдѣ въ то время стоялъ извѣстный многимъ въ городѣ почетный гражданинъ Александръ Литвиненко со своимъ другомъ, дворяниномъ Скоропадскимъ. У Литвиненка въ рукахъ было только что полученное имъ «извѣщеніе» отъ имени «комитетовъ» социаль-революціонеровъ и сіонистовъ-соціалистовъ, съ приложеніемъ соответствующихъ печатей, о томъ, что въ случаѣ избіенія въ городѣ евреевъ онъ, какъ видный «черносотенецъ», будетъ казненъ по приговору «народнаго суда», причемъ «приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе боевой дружиной».

— Не угодно ли вамъ?—громко возмущался Литвиненко, человѣкъ далеко не робкаго десятка, читая это «извѣщеніе» Скоропадскому:—все это жидовскія штуки!

Въ это время изъ-за угла показались передніе ряды демонстраціи, и кучка евреевъ, до чуткаго слуха которыхъ донеслись продерзостныя выраженія Литвиненка, сразу окружила его и Скоропадскаго.

— Шапки долой! Не видите, что ли, краснаго флага?—съ наглымъ хохотомъ кричали они.

Литвиненко отвѣтилъ какимъ-то весьма не лестнымъ для г. г. товарищей словцомъ, и они пришли въ бѣшенство.

Нѣсколько человѣкъ сбили съ него шапку, а когда онъ хватилъ одного изъ наглецовъ палкой, то на него и Скоропадскаго посыпался рядъ палочныхъ ударовъ.

Приблизившаяся толпа тѣсно обступила обоихъ русскихъ; слышались угрожающіе крики, и Литвиненко съ Скоропадскимъ,

осыпаемые ударами, бросились внутрь двора дома Фридберга. Вслѣдъ имъ загремѣли револьверые выстрѣлы.

Литвиненка успѣлъ выхватить револьверъ и, въ свою очередь, выстрѣлилъ въ толпу, прострѣливъ ноги одному изъ нападавшихъ. Отвѣтомъ на это былъ градъ пуль, и онъ, а также Скоропадскій, упали на землю.

Говорятъ, что случайно оказавшаяся при этомъ старуха-мать Литвиненко, какъ безумная, бросилась къ раненому сыну, пытаясь закрыть его своимъ тѣломъ. Но ее грубо оттащили въ сторону и послали еще нѣсколько пуль уже въ лежавшаго и стонавшаго чело-вѣка.

Считая убитымъ также и Скоропадскаго, толпа разсѣялась. Выстрѣлы и крики смолкли. Наступила тишина, какая обыкновенно бываетъ передъ ураганомъ.

Въ городѣ въ то время было много новобранцевъ, которые толпами стояли на Полтавской и Коржевской улицахъ, но никакого участія въ «ликваніи» «интеллигентной молодежи» не принимали. Кровавая расправа евреевъ съ Литвиненкомъ и Скоропадскимъ подѣйствовала на нихъ, а равно на многихъ горожанъ-русскихъ, ошеломляющимъ образомъ. Цѣлая толпа молча сопровождала раненыхъ въ больницу, но когда тамъ сказали, что Литвиненко уже мертвъ, то молчаніе толпы разразилось страшнымъ взрывомъ негодованія. Люди точно опьянѣли отъ гнѣва и возмущенія. Моментально были разломаны заборы, выдернуты откуда-то кольца, и улицы города увидѣли другую, словно изъ-подъ земли выросшую, страшную толпу, бросившуюся въ городъ.

III.

— Венгеровъ и Островскій раздавали жидамъ револьверы! Къ нимъ, ребята!—кричали въ толпѣ, и она бросилась къ аптекарскому магазину Венгерова, гдѣ также продавалось оружіе и патроны.

— Бей жидовъ! Бей хриstopродавцевъ!—несся въ воздухѣ дикій вопль.

Толпа ворвалась въ магазинъ, какъ буря. Въ нѣсколько секундъ все было разбито и исковеркано; опрокинули громадныя бутылки со спиртомъ и бензиномъ и, не докончивъ погрома, подожгли магазинъ. Бензинъ мгновенно вспыхнулъ, и огонь жадно охватилъ все громадное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщалась торговля ни въ чемъ не повиннаго Венгерова.

Одновременно съ этимъ другая толпа стала громить еврейскія лавки въ такъ называемомъ «Каменномъ ряду» и квартиры евреевъ. Въ короткое время весь городъ, казалось, былъ охваченъ бурей раз-

рушенія. Шумъ, трескъ, многоголосый крикъ толпы сливались въ ужасающій, подобный стихіи ревъ.

— «Патлатый» стрѣляль! Онъ убилъ Литвиненка! Лови его, жидовскаго прихвостня! Убить его, разорвать!—кричали многіе голоса, и часть толпы усердно стала разыскивать студента К—ва, считая его виновникомъ какъ демонстраціи, такъ и убійства.

— Съ протопопа сбили шапку! Побили протопопа! Порвали портретъ Царя!—кричали въ другомъ мѣстѣ:—а, Иродово племя, мы покажемъ вамъ вашу жидовскую свободу!

— Православные!—истерически вопила какая-то женщина:—бейте жидовъ, кто въ Бога вѣруеть! Николая Чудотворца разстрѣляли! Кровью плачетъ святая икона, сама видѣла! Бейте, ой, бейте жидовъ!

Творилось что-то чудовищное. Возбужденная всѣмъ предыдущимъ и наэлектризованная этими криками, толпа крушила и разрушала все, точно ураганъ. Повсюду искали евреевъ, и тѣхъ немногихъ, кто попадался въ руки, безжалостно убивали. Со всѣхъ сторонъ начались пожары. Казалось, что весь городъ объятъ пламенемъ.

Евреи попрятались съ изумительнымъ проворствомъ и ловкостью, и куда ни бросались погромщики, они ихъ нигдѣ не находили. Ярость толпы обратилась на синагогу и молитвенные дома, которые были разгромлены и подожжены. Возлѣ горящей синагоги поймали какого-то еврея, схватили его, раскачали и съ дикимъ уханьемъ бросили въ пылающій огонь.

Отчаянный, раздирающій душу вопль несчастнаго прорѣзалъ воздухъ и тотчасъ былъ заглушенъ свистомъ и ревомъ потерявшихъ голову и образъ человѣческой людей.

Остановить или удержать погромъ было абсолютно невозможно. Кромѣ тридцати девяти городскихъ въ городѣ находилось всего тридцать пять—сорокъ человѣкъ казаковъ Урупскаго полка, такъ какъ всѣ остальные передъ этимъ были отправлены въ городъ Копотопъ на похороны генерала Драгомирова. Такая ничтожная горсть людей, разумѣется, не могла удержать многотысячную толпу народа, пришедшую въ крайнюю степень негодованія и ярости. Казаки метались по городу, разгоняя толпы громилъ, которыя тотчасъ разсѣивались, но зато немедленно собирались въ другихъ мѣстахъ.

Приставъ Константиновъ, пренебрегая личной опасностью, бросался то къ одной, то къ другой толпѣ, стараясь ее обуздать, но на него или не обращали вниманія, или же просто отходили въ другое мѣсто.

Между тѣмъ часть казаковъ и городскихъ должна была озаботиться охраной присутственныхъ мѣстъ и казначейства, за цѣлость которыхъ при расходившихся народныхъ страстяхъ, разумѣется, никто не могъ поручиться.

Масса евреевъ, числомъ до трехъ тысячъ человекъ, нашла себѣ убѣжище въ женской гимназіи, наполнивъ послѣднюю сверху донизу. Кто-то случайно узналъ объ этомъ, крикнулъ толпѣ, и она съ радостнымъ ревомъ ринулась къ гимназіи. Готовилось нѣчто, не поддающееся описанію...

Движеніе толпы было, къ счастью, во время замѣчено, и отрядъ казаковъ съ офицеромъ во главѣ въ карьеръ понесся къ гимназіи и оцѣпилъ ее. Толпа, увидя неожиданную преграду, зарычала. По командѣ офицера казаки взяли ружья на изготѣвку. О томъ, чтобы попытаться разсѣять толпу нагайками, конечно, не могло быть и рѣчи.

Видя дула винтовокъ, толпа пріостановилась. Нѣсколько человекъ подбѣжали къ офицеру и начали умолять его пропустить ихъ въ гимназію.

— Ваше благородіе, явите божескую милость!—кричали они, протягивая къ сотнику руки:—пустите! Мы супротивъ своихъ не пойдемъ, не хотимъ крови христіанской! Богомъ просимъ, пустите, ваше благородіе!

— Мы хоть посмотримъ, какъ они тутъ сидятъ!—кричали другіе.

Нѣкоторые дошли до того, что цѣловали стремя офицера. Получалась какая-то невозможная картина.

Сотникъ грозно крикнулъ на ходатаевъ. Толпа заволновалась. Послышались угрозы по адресу казаковъ.

— Чего хриstopродавецъ защищаете?—кричали имъ:—спасаете на свою голову!

Казаки хмуро молчали и искоса поглядывали на сотника, продолжая держать ружья наготовѣ.

— Расходись, или прикажу стрѣлять! Въ послѣдній разъ говорю!—крикнулъ тотъ.

Его рѣшимость и дула винтовокъ оказали должное воздѣйствіе. Толпа отступила, но все-таки продолжала оставаться въ отдаленіи, точно ожидая, что казакамъ надоѣстъ караулить евреевъ, и она утолитъ свою жажду мщенія. Но казаки охраняли гимназію, и масса евреевъ была спасена отъ неминуемой смерти.

Это, впрочемъ, не помѣшало еврейскому населенію черезъ нѣсколько дней обвинять славныхъ урущевъ въ активномъ участіи въ погромѣ...

Такимъ образомъ, и безъ того ничтожныя силы властей были ослаблены безсмѣннымъ дежурствомъ у гимназіи, и буря погрома, которому нечего было противопоставить, свирѣпствовала надъ городомъ двое сутокъ.

Все это время толпы народа тщетно искали «патлатаго студента», и, несомнѣнно, онъ былъ бы безчеловѣчно убитъ, если бы только его нашли. Но ему удалось убѣжать изъ города въ ближайшую деревню переодѣтымъ въ крестьянское платье, причемъ онъ, на свое

счастье, догадался коротко остричься. Иначе его шевелюра могла бы оказать ему такую же услугу, какъ волосы библейскаго Авесалома ихъ обладателю.

Эхо погрома раскатилось по всему уѣзду, и повсюду въ деревняхъ вспыхнули еврейскіе погромы.

Громадныя толпы крестьянъ двинулись въ городъ, и казалось, что отъ Ромень не останется камня на камнѣ. Но, къ счастью, въ ночь на 20-е октября прибыли изъ Конотопа казаки и еще откуда-то отрядъ пѣхоты. Власти приободрились. Вездѣ были выставлены военные караулы и сильные казачьи разъѣзды. Погромъ прекратился.

По приблизительному подсчету въ Ромнахъ было разгромлено около 350 еврейскихъ магазиновъ, изъ которыхъ 150 сгорѣли, 750 еврейскихъ домовъ и квартиръ, синагога, молитвенные дома и т. п. Убытки простирались до двухъ милліоновъ рублей. Шесть евреевъ было убито, около двадцати ранено.

Дорого обошелся еврейской молодежи ихъ «праздникъ» и наглосе издѣвательство надъ религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ русскаго населенія.

IV.

Когда первое оцѣпенѣніе прошло и въ городѣ былъ возстановленъ порядокъ, «прогрессивная» часть общества и евреи сразу подняли головы.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики объ организаціи погрома полиціей чуть ли не по указаніямъ свыше, на головы судебныхъ слѣдователей, совершенно задавленныхъ колоссальной, прямо непосильной работой, посыпались, какъ изъ рога изобилія, письменныя и устные заявленія о подстрекательствѣ «черносотенцевъ» и пособничествѣ городовыхъ и казаковъ. Систематическія издѣательства надъ русскимъ населеніемъ со стороны еврейской молодежи и всѣ описанныя безобразія, учиненныя демонстраціями, единственными виновниками всѣхъ ужасовъ погрома, конечно, замалчивались.

Въ Ромнахъ образовалось по примѣру другихъ городовъ «юридическое бюро при комитетѣ по оказанію помощи пострадавшимъ отъ погрома», руководимое частнымъ повѣреннымъ Безпальчевымъ и помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Даниловымъ, представлявшими собой едва ли не руководителей «интеллигентной оппозиціи». Они же издавали газетку «Живое Слово», ревностно служившую задачамъ и цѣлямъ «оппозиціи».

«Бюро» это собирало всевозможныя сплетни и самыя вздорныя заявленія, которымъ придавало внѣшне-юридическую форму и торжественно предъявляло рядъ соотвѣствующихъ требованій властямъ.

И дѣйствительно, первое время слѣдственные власти находились какъ бы подъ гипнозомъ всего этого неистоваго гвалта, и тюрьма быстро переполнилась подозрѣваемыми въ участіи въ погромѣ въ то время, какъ устроили демонстраціи, исключая арестованнаго студента К—ва, мирно разгуливали по улицамъ.

Создавалось впечатлѣніе, точно судебная власть направляетъ свои перуны исключительно противъ «черныхъ» и милостивымъ окомъ глядитъ на «красныхъ». Конечно, такое впечатлѣніе было обманчивымъ, но тѣмъ не менѣе русское населеніе явно роптало, считая, что къ нимъ относятся пристрастно.

Отношенія обострились; въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, съ утра до ночи сидѣвшихъ за допросами, безсмѣнно дежурили вооруженные казаки. Словомъ, мирная доселѣ камера слѣдователя представляла собой совершенно необычное зрѣлище.

Нѣкоторые изъ погромщиковъ были настолько убѣждены въ своей правотѣ, что даже не отрицали своей виновности въ участіи въ погромѣ, указывая исключительно на то, что они считали себя въ правѣ отвѣтить евреямъ силой на ихъ насилія, отомстить за звѣрское убійство Литвиненка, надругательства надъ святыней религіозной и національной. Поэтому заключеніе ихъ подъ стражу казалось имъ вопиющей несправедливостью въ особенности, когда они знали, что участники всего предыдущаго находятся на свободѣ. Одинъ изъ такихъ громилъ такъ былъ пораженъ постановленіемъ слѣдователя о взятіи его подъ стражу, что тутъ же въ камерѣ принялъ принесенный на всякій случай ядъ и скончался.

Это печальное происшествіе, конечно, породило массу толковъ и подѣйствовало на слѣдователя самымъ угнетающимъ образомъ. А въ городѣ опять пронеслись упорные слухи о повторномъ погромѣ, и евреи снова притихли.

Мнѣ пришлось побывать въ Ромнахъ во второй половинѣ ноября, куда я пріѣхалъ вмѣстѣ съ сессіей окружнаго суда, прибывшей изъ Полтавы подъ предѣлательствомъ товарища предѣдателя И. А. Выставкина, хорошо извѣстнаго чуть ли не всей губерніи и пользующагося общей любовью и уваженіемъ.

Послѣ перваго же засѣданія мы всѣ пошли осматривать Ромны, являвшія печальныя картины разрушенія. Повсюду виднѣлись обгорѣлыя стѣны и груды мусора; уцѣлѣвшіе магазины имѣли какой-то жалкій, ободранный видъ. Точо по городу прошла непріятельская армія.

Впрочемъ, уже во многихъ мѣстахъ виднѣлись еврейскія возобновленныя лавчонки; зачастую торговля бойко производилась въ совершенно обгорѣломъ зданіи. Пострадавшимъ стекались отовсюду пожертвованія, а русскіе купцы поговаривали, что многіе евреи даже одѣлали на погромѣ хорошей гешефтъ.

За справедливость такихъ слуховъ я, конечно, не ручаюсь.

Но мнѣ известно, что на мѣстѣ многихъ сгорѣвшихъ деревянныхъ еврейскихъ лавкахъ въ Ромнахъ нынѣ красуются каменные.

Между прочимъ, ходили къ тюрьмѣ. Остановились передъ фаясадомъ, гдѣ виситъ икона святителя Николая. Кругомъ нея на бѣлой штукатуркѣ отчетливо видѣлись слѣды револьверныхъ пуль, окружавшіе икону точно ореоломъ. Икона же осталась совершенно неповрежденной.

И. А. Выставкинъ молча указаль мнѣ рукой на эти зловѣщія впадины и поникъ головой.

— Великій грѣхъ, великое надругательство...—тихо проговорилъ онъ.

Мнѣ показалось, что глаза стараго судьи затуманились.

Въ конторѣ начальника тюрьмы хранился надорванный портретъ Государя со слѣдами ногтей какого-то негодяя на безконечно дорогомъ для каждаго русскаго изображеніи. На стѣнахъ также видѣлись слѣды пуль...

Мы вышли изъ тюрьмы въ угрюмомъ молчаніи.

По улицамъ бѣгали мальчишки и бойко продавали газеты.

— «Сынъ Отечества!» «Наша Жизнь!»—выкрикивали они.

Очевидно, другія газеты были въ то время не въ ходу въ Ромнахъ. Впрочемъ, успѣшно продавалась газетка «Живое Слово» да органъ полтавскихъ оппозиціонистовъ «Полтавщина».

На другой день было засѣданіе съ участіемъ присяжныхъ заседателей, и въ одномъ изъ своихъ резюме И. А. Выставкинъ, говоря о судейскомъ долгѣ, горячо заговорилъ о переживаемыхъ родиной тяжелыхъ дняхъ, призывая судей совѣсти стать на защиту всемирно попираемаго закона.

Такія рѣчи казались тогда чѣмъ-то совершенно недопустимымъ. Но надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ присяжные слушали горячія слова стараго судьи...

Я какъ сейчасъ вижу ихъ серьезныя, сосредоточенныя лица.

Сессія прошла на рѣдкость гладко. Очевидно, наступала реакція. Тѣ самые присяжные, которые полгода тому назадъ оправдывали чуть ли не поголовно всѣхъ подсудимыхъ, теперь выносили обвинительные вердикты одинъ за другимъ.

Засѣданія суда посѣщало много народу. Среди публики видѣлись представители мѣстнаго общества и мундиры казачьихъ офицеровъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда сессіи въ Ромны прибылъ изъ Полтавы прокуроръ суда В. Н. Войтенковъ, молодой, энергичный и рѣшительный человекъ, едва ли не первый изъ всѣхъ судейскихъ категорически объявившій прибѣжавшимъ къ нему съ какими-то вздорными требованіями адвокатамъ лѣваго лагеря, что «уложеніе о нагазаніяхъ какимъ было до манифеста, такимъ и осталось».

Цѣлыя сутки продолжалось его совѣщаніе съ мѣстными судебными дѣятелями при участіи пріѣхавшихъ на сессію, и участь господъ

демонстрантовъ была рѣшена. По распоряженію прокурора дано было предложеніе о привлеченіи и заключеніи подъ стражу всѣхъ, кто былъ изобличенъ въ участіи въ нападеніи на тюрьму.

Прокуроръ уѣхалъ на другой же день, такъ какъ ему нужно было спѣшить въ Кременчугъ и приводить тамъ все въ надлежащій порядокъ. А въ Ромнахъ разлетѣлась вѣсть о грозящей демонстрантамъ бѣдѣ, и лѣвый лагерь заволновался. Конечно, протестовали, возмущались и грозили, что если только «попробуютъ» тронуть дѣятелей «освободительнаго движенія», то отъ тюрьмы «не останется камня на камнѣ».

Однако скоро стало извѣстно и рѣшеніе властей, выраженное въ мѣткой фразѣ командира Урупскаго полка полковника Кокунько: «Пусть идутъ на тюрьму, кто хочетъ. А я прикажу своимъ казначикамъ тоже туда навѣдаться, но нагайки оставить дома»...

Было ясно, что «казачишки» вмѣсто нагаекъ будутъ орудовать шашками, а то и винтовками. Оппозиція и революція сразу поджали хвостъ, и роменская тюрьма гостепріимно раскрыла свои двери вожакамъ демонстрація.

Конечно, едва ли нужно пояснять, что главные «дѣятели» избѣжали ареста, такъ какъ немедленно улизнули, какъ только разнесся слухъ, что съ ними больше церемониться не собираются.

Въ уѣздѣ начались первые поджоги. Но вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ слояхъ какъ городского, такъ и сельскаго населенія начали проявляться первые признаки наступающей реакціи. Все громче и громче стали раздаваться возмущенные голоса о необходимости открыто бороться съ разрастающимся революціоннымъ броженіемъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ къ Ромнамъ сель крестьяне сами изловили и изобличили поджигателей. Только энергичное вмѣшательство полиціи спасло ихъ отъ страшнаго народнаго самосуда.

Населеніе тюрьмы отличалось необыкновенной пестротой. Рядомъ съ «политикомъ» сидѣлъ «черносотенецъ»; студенты, учащіяся, горожане, поджигатели и профессиональные воры,—все это было причудливо перемѣшано.

Въ реальномъ училищѣ снова начались волненія. Ученики держали себя вызывающе, открыто игнорируя требованія школьной дисциплины. Въ классахъ опять появились прокламаціи, были даже попытки къ устройству «химической обструкціи».

Директоръ Шнекъ желѣзною рукой сдерживалъ разгорающіяся страсти, не останавливаясь передъ увольненіемъ наиболѣе опасныхъ элементовъ.

— Лучше въ началѣ уволить десять человѣкъ въ одинъ пріемъ, чѣмъ въ десять пріемовъ выгонять по пяти человѣкъ каждый разъ,—говорилъ онъ и, конечно, не ошибался.

Передъ моимъ отѣздомъ изъ Роменъ я провелъ у него цѣлый вечеръ. Онъ былъ сильно взволнованъ броженіемъ среди своихъ пи-

томцевъ и страшно возмущался газеткой «Живое Слово», обвиняя ее въ систематическомъ подстрекательствѣ учениковъ къ разнымъ безобразіямъ. Дѣйствительно, газетка была очень освѣдомлена обо всемъ происходившемъ среди учащихся и едва ли не предсказывала дальнѣйшій ходъ событій.

Кстати сказать, въ Ромнахъ это изданіе переименовали въ обществѣ съ легкой руки какого-то остроумца въ «Лживое Слово». Такое названіе, правда, пристало бы къ любой тогдашней оппозиціонной газетѣ.

До Полтавы мы добрались съ трудомъ, такъ какъ началась вторая желѣзнодорожная забастовка. Отовсюду доносились вѣсти о новомъ надвигающемся валѣ революціи.

А. В. Сульжиновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные материалы).

VIII.

ОСТАВЛЕННЫЙ, на основаніи конвенціи, проектъ концессіи Русско-Китайскому банку на постройку и эксплуатацію Китайской Восточной желѣзной дороги былъ переданъ Ли-хунъ-чжаномъ по телеграфу въ Пекинъ на усмотрѣніе высшаго правительства. Въ то же время было приступлено къ техническимъ изысканіямъ направленія Китайской Восточной дороги и къ составленію проекта и расцѣпочныхъ вѣдомостей. Китайское правительство въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ занималось обсужденіемъ проекта концессіи; наконецъ, въ половинѣ августа, было получено извѣщеніе, что проектъ въ общемъ и главномъ одобренъ, но требуется измѣненіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктовъ и что для возможнаго ускоренія дѣла уполномоченъ вести переговоры о разныхъ частностяхъ концессіи и подписать окончательно выработанную концессію—китайскій посланникъ при петербургскомъ и берлинскомъ дворахъ Сюй-цзюнь-чэнъ. Въ Берлинъ для веденія переговоровъ съ китайскимъ уполномоченнымъ было командировано отъ министерства финансовъ особое лицо, посвященное во всѣ детали переговоровъ съ Ли-хунъ-чжаномъ и вполне освѣдомленное о намѣреніяхъ министра финансовъ по этому предмету.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХV, стр. 179.

Совмѣстно съ Суй-цзинь-чэномъ была выработана окончательная редакція концессіи или договора, причемъ этими работами все время ближайшимъ образомъ руководилъ по телеграфу министръ финансовъ. Затѣмъ, когда редакція договора была одобрена, съ одной стороны, министромъ финансовъ, а съ другой—китайскимъ правительствомъ, 27-го августа (8-го сентября) 1896 года договоръ-концессія былъ подписанъ.

Главныя постановленія этого договора заключались въ слѣдующемъ:

1) Постройка и эксплуатація линіи по Манчжуріи предоставляется Русско-Китайскому банку, который для этой цѣли образуетъ общество подъ названіемъ—«общество Китайской Восточной желѣзной дороги». Предсѣдатель правленія общества назначается китайскимъ правительствомъ, но содержаніе долженъ получать отъ общества.

2) Дорога должна быть построена той же 5-футовой колѣн, какъ и русскія желѣзныя дороги.

3) Китайское правительство обязывается оказывать содѣйствіе къ отводу необходимыхъ подъ дорогу земель, къ доставленію по существующимъ цѣнамъ потребныхъ для постройки матеріаловъ, рабочихъ, перевозочныхъ средствъ, необходимаго продовольствія и проч.

4) Сборы и доходы общества, тарифы на перевозку пассажировъ и грузовъ, телеграфъ дороги и пр. освобождаются отъ всякихъ китайскихъ налоговъ и сборовъ, а равнымъ образомъ всѣ предметы и матеріалы, необходимые для постройки и эксплуатаціи дороги, освобождаются отъ всѣхъ китайскихъ сборовъ—какъ таможенныхъ, такъ и внутреннихъ.

5) Багажъ пассажировъ, а также товары, перевозимые транзитомъ по китайской территоріи между русскими станціями, не подлежатъ китайскимъ таможеннымъ пошлинамъ и освобождаются отъ всякихъ внутреннихъ китайскихъ сборовъ и налоговъ.

6) Товары, ввозимые изъ Россіи въ Китай по желѣзной дорогѣ и вывозимые изъ Китая въ Россію тѣмъ же путемъ, должны уплачивать ввозную или вывозную китайскую пошлину въ размѣрѣ, на одну треть меньшемъ сравнительно съ пошлиною, взимаемою въ морскихъ китайскихъ таможняхъ.

7) Тарифы на перевозку пассажировъ и грузовъ, а также сборовъ за нагрузку и выгрузку товаровъ устанавливаются самимъ обществомъ.

8) Общество имѣетъ право эксплуатировать дорогу въ теченіе восьмидесяти лѣтъ со времени открытія движенія по всей линіи, по истеченіи же этого срока дорога переходитъ бесплатно къ китайскому правительству.

9) По прошествіи тридцати шести лѣтъ со времени открытія

движенія по всей линіи китайское правительство имѣетъ право выкупить дорогу, причемъ оно должно возмѣстить обществу полностью всѣ затраченные на эту линію капиталы, а также и всѣ долги, сдѣланные обществомъ для потребностей дороги, съ наросшими на нихъ процентами, и на въ какомъ случаѣ китайское правительство не можетъ вступить во владѣніе дорогою раньше, чѣмъ выкупная сумма будетъ сполна внесена въ русскій государственный банкъ.

10) Китайское правительство внесетъ пять милліоновъ купинъ-ланъ (около семи милліоновъ рублей) въ Русско-Китайскій банкъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ будетъ принимать участіе въ прибыляхъ и убыткахъ банка.

Большая часть изложенныхъ постановленій предоставляла Россіи очевидныя и немаловажныя выгоды. Такъ, допущеніе пятифутовой колес для линіи, проводимой въ предѣлахъ Китая, гдѣ прежде строились дороги исключительно болѣе узкой колес, нельзя было не признать очень важною для Россіи уступкою. Пониженіе на цѣлую треть китайскихъ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, вывозимыхъ или ввозимыхъ по Манчжурской дорогѣ, должно было представить для товаровъ, идущихъ изъ Россіи, большое преимущество передъ товарами, ввозимыми въ Китай морскимъ путемъ. Отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ тарифы Манчжурской линіи, китайское правительство тѣмъ самымъ обезпечивало за Россіей большое экономическое вліяніе въ той части Китая, которая входила въ районъ новой дороги. Освобожденіе доходовъ дороги отъ всякихъ сборовъ и налоговъ, а также освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ пассажирскаго багажа и грузового транзита должно было итти исключительно на пользу Россіи. Все это представляло для насъ очевидныя, безспорныя выгоды.

Условія, на которыхъ китайскому правительству предоставлялось выкупить Манчжурскую линію, были весьма тяжелы и дѣлали выкупъ маловѣроятнымъ. Обыкновенно правительство, выговаривая себѣ право выкупа какой-либо желѣзной дороги, обязывается принять на себя, кромѣ возмѣщенія выкупной цѣны, извѣстнымъ образомъ опредѣляемой, еще уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ этой дороги,—но никогда не беретъ на себя обязательства платить долги дороги; по условіямъ же выкупа Манчжурской дороги китайское правительство обязалось при выкупѣ одновременно уплатить, кромѣ акціонернаго и непогашенной части облигаціоннаго капитала, также и всѣ сдѣланные для дороги долги съ наросшими на нихъ процентами. Такой способъ расчета, очевидно, налагалъ на китайское правительство обязанность при выкупѣ дороги принять на себя не только строительную стоимость ея, но и всѣ убытки по эксплуатаціи за предшествующіе выкупу годы. По приблизительному расчету, основанному на вѣроятныхъ

данныхъ о движеніи и доходахъ Манчжурской линіи китайское правительство, если пожелало бы выкупить эту линію въ началѣ 37-го года послѣ открытія ея, должно было бы уплатить не менѣе 700 милліоновъ рублей.

Кромѣ того, по уставамъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, расчетъ правительства съ акціонерами за выкупленную дорогу производится уже послѣ принятія отъ нихъ дороги—иногда черезъ нѣсколько лѣтъ; по условіямъ же выкупа Манчжурской дороги, китайское правительство не имѣло права вступить во владѣніе дорогою раньше, чѣмъ вся выкупная сумма была бы имъ внесена въ государственный банкъ.

Извѣстныя выгоды для русскаго правительства представляло и то обстоятельство, что условія выкупа Манчжурской линіи формулированы были въ краткихъ и общихъ выраженіяхъ. Первоначально предполагалось подробно перечислить все тѣ затраты, которыя при выкупѣ китайское правительство обязывалось возмѣстить, какъ-то: на постройку дороги, ея усиленіе, ремонтъ, эксплуатацію, уплату процентовъ съ погашеніемъ и т. д.; но затѣмъ возникло опасеніе, что случайный пропускъ тѣхъ или другихъ затратъ, которыя не были предвидѣны, можетъ въ послѣдствіи уменьшить размѣръ выкупной суммы. Поэтому министръ финансовъ призналъ болѣе осторожнымъ ограничиться общимъ выраженіемъ, что возмѣщенію со стороны китайскаго правительства подлежатъ—«*tous les capitaux engagés ainsi que toutes les dettes contractées pour cette ligne*». Затѣмъ, въ видахъ обозначенія того, что все эти «капиталы» и «долги» будутъ выплачены вмѣстѣ съ наросшими на нихъ за все время процентами, къ указанной формулѣ прибавлены слова: «*plus les intérêts accrus*»—слова, которыя, нимало не стѣсняя свободы дѣйствій русскаго правительства въ отношеніи опредѣленія размѣра процентовъ и порядка ихъ начисленія, возлагали на китайское правительство обязанность безусловно подчиниться всеѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя русскимъ правительствомъ будутъ опредѣлены.

По поводу приведенныхъ главныхъ основаній заключеннаго съ Китаемъ договора нельзя не замѣтить, что ими былъ оставленъ какъ бы вовсе не затронутымъ весьма важный вопросъ объ обезпеченіи Манчжурской линіи минеральнымъ топливомъ. Въ дѣйствительности этотъ вопросъ чрезвычайно озабочивалъ министра финансовъ, и при переговорахъ—какъ съ Ли-хунъ-чжаномъ, такъ въ послѣдствіи и съ Сюй-цзинъ-чэномъ,—отъ нихъ настойчиво требовалось, чтобы въ конвенціи было оговорено право общества эксплуатировать безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ каменноугольныя залежи въ районѣ линіи. Но китайскіе уполномоченные на это не соглашались, ссылаясь на то, что въ Китаѣ горный промыселъ составляетъ регалію, и разработка рудниковъ допускается не иначе, какъ по осо-

бому каждый разъ соглашенію съ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе, при самомъ подписаніи конвенціи, китайскій посланникъ Сюй-цинъ-чэнь передалъ русскимъ уполномоченнымъ письменное заявленіе, въ которомъ онъ обѣщалъ ходатайствовать передъ своимъ правительствомъ о томъ, чтобы обществу были предоставлены самыя выгодныя условія для разработки угольныхъ копей, если онѣ окажутся въ районѣ дороги. Но даже и независимо отъ этого обѣщанія русское правительство имѣло въ самой концессіи могучее средство для обезпеченія дороги топливомъ. Во-первыхъ, оно получило право ввозить каменный уголь для дороги безпошлинно, а, во-вторыхъ, и это самое важное, при неограниченномъ правѣ установленія тарифовъ, русское правительство могло поставить мѣстныхъ угольныхъ копи въ такія тарифныя условія, что онѣ не были бы въ состояніи сбывать уголь на сторону и, слѣдовательно, должны были предлагать его дорогѣ. При такихъ условіяхъ и вопросъ о снабженіи Манчжурской линіи минеральнымъ топливомъ не могъ внушать опасеній.

Такъ какъ, на основаніи договора съ Китаемъ, концессію получилъ Русско-Китайскій банкъ, который, съ своей стороны, обязывался образовать для постройки и эксплуатаціи Манчжурской дороги акціонерное общество, то предстояло утвердить уставъ этого послѣдняго. Разработка устава, между прочимъ, имѣла большое значеніе и въ томъ отношеніи, что въ немъ можно было досказать и формально закрѣпить многое такое, что невозможно было включить въ договоръ съ Китаемъ: такъ какъ русское правительство принимало на себя гарантію облигацій общества Манчжурской дороги, то оно въ правѣ было сдѣлать это подъ извѣстными условіями; эти-то условія предстояло включить въ уставъ общества и тѣмъ сдѣлать ихъ обязательными и для китайскаго правительства. Вслѣдствіе этого немедленно по заключеніи договора, по распоряженію и подъ непосредственнымъ руководствомъ министра финансовъ, былъ разработанъ проектъ устава общества Китайской Восточной желѣзной дороги.

Проектъ устава заключалъ въ себѣ тридцать параграфовъ, которые должны были служить развитіемъ и дополненіемъ главныхъ основаній конвенціи 27-го августа. Въ первомъ параграфѣ устава сдѣлана ссылка на эту конвенцію, при чемъ сказано, что, съ образованіемъ общества, на него переходятъ всѣ права и обязательства въ отношеніи сооруженія и эксплуатаціи линіи, которыя конвенціей предусмотрѣны, и затѣмъ изъ конвенціи перенесены въ уставъ лишь немногія постановленія, имѣвшія тѣсную связь съ другими постановленіями устава, большая же часть параграфовъ устава введена была здѣсь впервые. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Въ § 3 опредѣлены обязательства общества передъ русскимъ

правительствомъ. «Признавая, — сказано въ этомъ параграфѣ, — что предпріятіе Китайской Восточной желѣзной дороги будетъ осуществлено единственно вслѣдствіе дарованія русскимъ правительствомъ гарантіи доходамъ дороги какъ для покрытія расходовъ эксплуатаціи, такъ и для производства обязательныхъ по облигаціямъ платежей, Общество, съ своей стороны, принимаетъ передъ русскимъ правительствомъ на весь срокъ концессіи нижеслѣдующія обязательства». Обязательства эти — приблизительно такія же, какія обыкновенно принимаютъ на себя передъ правительствомъ русскія желѣзнодорожныя общества. Общество обязывается: 1) содержать дорогу со всеми принадлежностями и подвижнымъ составомъ въ полной исправности въ отношеніи безопасности, удобства и непрерывности движенія пассажировъ и товаровъ; 2) производить движеніе по своей дорогѣ въ полномъ соотвѣтствіи съ размѣромъ движенія на сосѣднихъ русскихъ дорогахъ; 3) поддерживать прямое сообщеніе съ русскими дорогами безостановочно и со скоростью, которая будетъ установлена для Сибирской желѣзной дороги; 4) устроить телеграфъ, соединить его съ телеграфомъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и производить пріемъ и передачу депешъ безъ замедленія; 5) принять мѣры къ усиленію техническихъ устройствъ дороги немедленно, какъ только со стороны русскихъ дорогъ будетъ заявлено о томъ требованіи, причемъ всякое разногласіе по этому поводу разрѣшается окончательно русскимъ министромъ финансовъ; 6) не повышать установленныхъ тарифовъ для транзитныхъ перевозокъ и для депешъ безъ согласія русскаго правительства, и, наконецъ, 7) перевозить русскую почтовую корреспонденцію бесплатно. Всеми этимъ достигалось, что Китайская Восточная дорога, какъ одинъ изъ участковъ огромной транзитной линіи, ничѣмъ не должна была отличаться отъ другихъ участковъ той же линіи. При этомъ особенное значеніе имѣла слѣдующая оговорка, внесенная въ уставъ общества: «Вышеизложенныя обязательства, коими, какъ выше упомянуто, обусловлено дарованіе гарантіи русскаго правительства, а въ зависимости отъ сего и самое осуществленіе предпріятія Китайской Восточной дороги, остаются на дорогѣ до того времени, когда, по истеченіи 80-лѣтняго срока концессіи, дорога бесплатно перейдетъ къ китайскому правительству. Выкупъ дороги у общества раньше означеннаго срока ни въ чемъ не умалитъ силы означенныхъ обязательствъ и они вмѣстѣ съ дорогою перейдутъ на новаго ея владѣльца».

По § 7-му, въ отношеніи перевозки пассажировъ и грузовъ, отвѣтственности по перевозкамъ, подсудности, давности исковъ, порядка взысканія присуждаемыхъ съ дороги суммъ и отношеній желѣзной дороги къ публикѣ — должны быть выработаны обществомъ, и до открытія движенія по дорогѣ установлены на ней опредѣленныя правила, примѣнительно къ правиламъ, дѣйству-

юшимъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. На основаніи слѣдующаго параграфа, охраненіе порядка и благочинія на отведенной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежности землѣ возлагается на агентовъ полицейскаго надзора, назначенныхъ обществомъ, для чего обществомъ должны быть выработаны и установлены на дорогахъ правила полицейскаго надзора.

Наконецъ, въ силу § 27, общество обязано представлять на одобреніе министра финансовъ постановленія свои по нижеслѣдующимъ вопросамъ: а) избраніе товарища предсѣдателя, б) назначеніе и увольненіе главнаго инженера по постройкѣ дороги и управляющаго эксплуатацией ея, а также начальниковъ отдѣльныхъ службъ и инженеровъ, в) избраніе членовъ ревизіоннаго комитета, г) направление желѣзной дороги, д) техническія условія постройки и тѣ техническіе проекты и смѣты, утвержденіе коихъ не будетъ предоставлено главному инженеру, расцѣночная вѣдомость на сооруженіе дороги и смѣты по ея эксплуатациі, объемъ правъ и обязанностей главнаго инженера, управляющаго дорогой и старшихъ служащихъ, а равно порядокъ внутренняго устройства по всѣмъ частямъ управленія и е) способъ помѣщенія капиталовъ общества.

Въ общемъ, такимъ образомъ, уставъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги—въ томъ видѣ, какъ онъ проектированъ былъ въ министерствѣ финансовъ, долженъ былъ служить обезпеченіемъ, что Манчжурская желѣзная дорога въ теченіе, по крайней мѣрѣ, восьмидесяти лѣтъ послѣ открытія будетъ дорогою исполнѣ русской.

Проектъ устава, при подробномъ представленіи со стороны министра финансовъ, былъ внесенъ въ соединенное присутствіе комитета Сибирской дороги и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Соединенное присутствіе совершенно раздѣлило взгляды и предположенія министра финансовъ по этому предмету и не сочло нужнымъ вносить въ уставъ какія бы то ни было измѣненія или поправки, и 4-го декабря 1896 года уставъ этотъ былъ утвержденъ.

По утвержденіи и опубликованіи устава общества Китайской Восточной желѣзной дороги, предстояло образовать самое общество. Чтобы обезпечить за русскимъ правительствомъ распоряженіе дѣломъ, министръ финансовъ призналъ необходимымъ сосредоточить въ рукахъ правительства всѣ безъ исключенія акціи общества, для чего и были приняты соотвѣтственныя мѣры.

Затѣмъ было приступлено къ организаціи правленія вновь учрежденнаго общества. Предсѣдателемъ послѣдняго былъ избранъ, по указанію министра финансовъ, китайскій сановникъ Сюй-цзинъ-чэнъ. Сюй-цзинъ-чэнъ ранѣе былъ китайскимъ посланникомъ и затѣмъ чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ въ Петербургъ, а по разрѣшеніи постройки Китайской Восточной дороги былъ отозванъ

въ Пекинъ для занятія почетной должности члена цзунъ-ли-ямьня (китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ). За время пребыванія въ Россіи онъ успѣлъ проявить себя умнымъ и проницательнымъ политикомъ. Будучи по воспитанію, образованію и убѣжденіямъ настоящимъ китайцемъ и никогда не преклоняясь слѣпо предъ всѣмъ европейскимъ, онъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понималъ, что совершенно обособить Китай отъ цивилизованнаго міра значило бы принести ему большой и непоправимый вредъ. Государственный умъ и знакомство съ Россіей указывали этому сановнику именно на Россію, какъ на страну, общеніе съ которой должно оказаться особенно полезнымъ вслѣдствіе ея непосредственнаго соседства съ Китаемъ, единства многихъ интересовъ и давней дружбы между обѣими державами. Поставить такого дѣятеля во главѣ правленія общества Китайской Восточной желѣзной дороги—значило обезпечить себѣ сильный и вѣскій голосъ передъ китайскимъ правительствомъ на случай какихъ-нибудь недоразумѣній или затрудненій. Роль предсѣдателя правленія по преимуществу должна была быть дипломатическою. Руководительство же работами по осуществленію предпріятія возлагалось на обязанность товарища предсѣдателя правленія.

По концессіи было выговорено согласіе китайскаго правительства, чтобы администрація желѣзнодорожной территории всецѣло находилась въ рукахъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги. Пользуясь этимъ правомъ, правленіе, по указанію министра финансовъ, позаботилось немедленно же послѣ открытія своихъ дѣйствій организовать для исполненія обязанностей полиціи охранную стражу.

Организованныя для постройки Китайской Восточной желѣзной дороги партіи инженеровъ начали прибывать въ Манчжурію лѣтомъ 1897 года. Тамъ предстояла имъ нелегкая задача. Хотя въ 1896 году министерствомъ путей сообщенія и были произведены въ Манчжуріи рекогносцировочныя изысканія желѣзнодорожнаго пути, тѣмъ не менѣе она оставалась мало изслѣдованною; не имѣлось ни картъ, ни топографическихъ съемокъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ проектировалась линія желѣзной дороги. Работы приходилось вести въ странѣ малокультурной, съ крайне рѣдкимъ населеніемъ и весьма суровымъ климатомъ—вообще при крайне неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и множествѣ лишеній. Несмотря на это, инженеры энергично приступили къ выполненію лежавшей на нихъ задачи. Необходимо было заняться изслѣдованіемъ мѣстности и съемками ея по разнымъ направленіямъ, а также опредѣленіемъ положенія различныхъ пунктовъ астрономическимъ путемъ. Самыя изысканія были начаты осенью 1897 года, продолжались всю зиму, которую изыскателямъ пришлось провести въ палаткахъ и часто даже подъ открытымъ небомъ при сильныхъ

вѣтрахъ и морозахъ, доходившихъ до тридцати градусовъ. Но къ марту 1898 года изысканія были уже настолькоъ выполнены, что можно было составить планъ веденія работъ.

IX.

Въ 1895 году китайское правительство открыло для нашихъ судовъ Цзяо-чжоускую бухту, расположенную на юго-восточномъ берегу Шань-дуньскаго полуострова. Несмотря на то, что Цзяо-чжоу, какъ неоткрытый портъ, былъ недоступенъ для продолжительныхъ стоянокъ иностранныхъ флотовъ, китайское правительство дало мѣстнымъ властямъ приказаніе не только свободно допускать заходъ и стоянку русскихъ судовъ, но и оказывать командамъ ихъ всякое содѣйствіе. Однако наше морское вѣдомство не воспользовалось этою льготою. Командовавшій въ это время нашими соединенными эскадрами въ Тихомъ океанѣ вице-адмиралъ Тыртовъ пояснялъ, что ходатайство объ открытіи Цзяо-чжоуской бухты было предпринято имъ только на всякій случай, и что онъ полагаетъ ограничиться посылкою туда одного лишь судна и притомъ всего на нѣсколько дней.

Точно также и въ слѣдующіе 1896 и 1897 годы нами не было посылаемо судовъ въ Цзяо-чжоускую бухту, и мы продолжали попрежнему пользоваться для надобностей своего флота на Дальнемъ Востокѣ исключительно портами японскаго побережья. Такое отношеніе морского вѣдомства къ Цзяо-чжоуской бухтѣ объяснялось тѣмъ, что, по мнѣнію морского министерства, бухта Цзяо-чжоу въ мирное время намъ не нужна; если бы даже была возможность овладѣть ею навсегда, то для устройства въ ней нашего порта она не пригодна, какъ по отдаленности своей отъ Владивостока, такъ и по совершенной отрѣзанности отъ Россіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о пріисканіи вполне удобнаго порта для судовъ нашей эскадры на Дальнемъ Востокѣ оставался открытымъ до конца 1897 года,—когда Германія, подъ предлогомъ требованія удовлетворенія за убійство въ Шань-дунѣ нѣсколькихъ миссіонеровъ, заявила притязаніе на захватъ китайской территоріи и высадила въ Шань-дунѣ отрядъ своихъ войскъ. Когда извѣстіе объ этомъ было получено въ Пекинѣ, китайское правительство немедленно обратилось за помощью къ нашему повѣренному въ дѣлахъ Павлову, прося его принять мѣры къ отправленію къ Цзяо-чжоу отряда русскихъ судовъ для наблюденія за дѣйствіями нѣмцевъ и для оказанія китайцамъ помощи. Получивъ увѣдомленіе изъ Петербурга, что, согласно ходатайству китайскаго правительства, отряду нашихъ судовъ предписано итти въ Цзяо-чжоу, Павловъ обнадежилъ китайцевъ обѣщаніемъ поддержки,—но уже черезъ день ему было сообщено министерствомъ иностранныхъ дѣлъ

объ отмѣнѣ командированія нашихъ судовъ. Заявляя объ этомъ Ли-хунъ-чжану, Павловъ добавилъ, что отмѣна командированія состоялась, несомнѣнно, въ виду того, что между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетами происходятъ по этому предмету переговоры, результатомъ которыхъ должно, вѣроятно, явиться скорое улаженіе недоразумѣній и прекращеніе ненормальнаго положенія дѣлъ въ Цзяо-чжоу.

Просьбой китайскаго правительства о нашей защитѣ и покровительствѣ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ полагалъ желательнымъ воспользоваться для обезпеченія Россіи необходимою на Дальнемъ Востокѣ базы для судовъ военнаго флота, —имѣя въ виду, что, благодаря этой просьбѣ китайцевъ, мы легко могли бы объяснить занятіе нами какого-либо пункта на китайской территоріи желаніемъ нашимъ имѣть твердую опору для нашей эскадры на случай возникновенія въ Тихомъ океанѣ дальнѣйшихъ неблагоприятныхъ для Китая событій. Въ виду этого графъ Муравьевъ 11-го ноября представилъ записку, въ которой и изложилъ свой взглядъ о необходимости для насъ воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами и, не теряя времени, приступить къ занятію судами нашей эскадры или Да-лянь-ваня, какъ порта, который въ данную минуту, по имѣвшимся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ даннымъ, представлялъ несомнѣныя видимыя преимущества, или же какого-нибудь другого порта, по указанію морского вѣдомства.

Записка министра иностранныхъ дѣлъ обсуждалась въ ноябрѣ 1897 года въ особомъ совѣщаніи, при участіи военнаго министра П. С. Ванновскаго, министра финансовъ С. Ю. Витте, управляющаго морскимъ министерствомъ П. П. Тыртова и министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева.

По открытіи засѣданія графъ Муравьевъ объяснилъ, что Россія уже давно ищетъ морскаго порта въ Тихомъ океанѣ, какъ базы для тихоокеанской эскадры; что онъ не компетентенъ судить о томъ, нуженъ ли такой портъ, или нѣтъ, и въ какомъ именно мѣстѣ онъ нуженъ, —но, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ считаетъ необходимымъ представить, что нынѣ, съ занятіемъ Цзяо-чжоу нѣмцами, мы можемъ занять Да-лянь-вань и Портъ-Артуръ, и что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ упускать столь благопріятнаго случая, который можетъ не повториться.

Министръ финансовъ обратилъ вниманіе на то, что Россія еще такъ недавно, дабы «*préserver le continent Asiatique d'une nouvelle invasion étrangère*», заключила съ Китаемъ во время коронаціи Московскій договоръ, въ силу котораго Китай добровольно далъ русскому обществу концессию на соединеніе Сибирской дороги черезъ Манчжурію съ Владивостокомъ; что вмѣстѣ съ тѣмъ Россія и Китай обязались защищать другъ друга и Корею въ слу-

чаѣ нападенія японцевъ на наши тихоокеанскія окраины, на Китай или на Корею, и что послѣ такого союзнаго договора представляется невозможнымъ дѣлать захваты въ Китаѣ. Если Японія послѣдуетъ примѣру Россіи и тоже что-либо займетъ въ Китаѣ, то, въ силу упомянутаго договора, мы должны будемъ защищать Китай. При такомъ положеніи дѣла для Россіи является несоответственнымъ дѣлать то, отъ чего мы обязались защищать Китай. Намъ не только не слѣдуетъ подражать примѣру Германіи, но, напротивъ, нужно употребить всѣ усилія, чтобы отклонить Германію отъ занятія Цзяо-чжоу. Можетъ быть, слѣдовало бы немедленно направить нашу эскадру въ Цзяо-чжоу и приказать ей стоять тамъ, доколѣ Германія не покинетъ этого порта. Нельзя потому, что нѣмцы захватываютъ Цзяо-чжоу, намъ захватывать Портъ-Артуръ. Одно изъ двухъ: если занятіе Цзяо-чжоу для насъ безразлично или не важно, то нужно къ этому отнестись спокойно; если же это наноситъ намъ ущербъ, то нужно дѣйствовать противъ Германіи. Но было бы совершенно неслѣдовательно, потому что нѣмцы дѣлаютъ намъ непріятности, отнимая Цзяо-чжоу у Китая, искать компенсаціи въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Китая.

На это министр иностранныхъ дѣлъ замѣтилъ, что, согласно упомянутому министромъ финансовъ договору, мы обязаны защищать Китай противъ Японіи, но отнюдь не приняли на себя обязательства защищать Китай противъ европейскихъ державъ, что *по особымъ обстоятельствамъ* мы въ данное время не можемъ препятствовать Германіи занять Цзяо-чжоу, и что указанный договоръ, по мнѣнію его, министра внутреннихъ дѣлъ, не препятствуетъ намъ, въ виду занятія Германіей Цзяо-чжоу, занять Да-лянь-вань и Портъ-Артуръ.

Министръ финансовъ, далѣе, остановилъ вниманіе совѣщанія на томъ, что занятіе нами части китайской территоріи представляетъ большой рискъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ С. Ю. Витте,—что нашему примѣру послѣдуютъ другія державы, причемъ Японія можетъ направить свои вождедѣнія не только на Китай, но и на Корею, въ которой въ данное время мы имѣемъ преобладающее вліяніе. Какъ всѣ эти событія сложатся, какія изъ нихъ проистекутъ послѣдствія,—конечно, предвидѣть невозможно; но для него ясно, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такомъ шагѣ, который можетъ за собою повлечь весьма опасныя событія. Въ настоящее время мы только что приступили къ сооруженію дороги, соединяющей Сибирь съ Владивостокомъ черезъ Манчурію. Занятіе Портъ-Артура потребуетъ громадныхъ новыхъ жертвъ для соединенія этого порта съ манчжурской магистралію. Но, помимо громадныхъ затратъ, для этого нужно нѣсколько лѣтъ, а въ теченіе этого времени Портъ-Артуръ будетъ

отрѣзанъ отъ Россіи. Уже одно это обстоятельство представляеть такой рискъ, который заставляетъ сомнѣваться въ цѣлесообразности занятія Портъ-Артура.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, заявилъ, что если будетъ признано нужнымъ занять Портъ-Артуръ, то отъ этого занятія онъ не ожидаетъ никакихъ осложненій, и что если мы этого не сдѣлаемъ, то онъ опасается, какъ бы, слѣдую примѣру Германіи, Англія не заняла Портъ-Артура.

Военный министръ П. С. Ванповскій высказалъ, что, по общему мнѣнію, намъ необходимо въ Тихомъ океанѣ незамерзающій портъ, что прежде мы облюбовали портъ Лазарева, но нашли его неудобнымъ, затѣмъ осмотрѣли Цзяо-чжоу и также признали его неудобнымъ. Между тѣмъ нѣмцы признали Цзяо-чжоу удобнымъ и заняли его. Какъ видно изъ сообщенныхъ министромъ иностранныхъ дѣлъ свѣдѣній, чиновникъ этого министерства вмѣстѣ съ командиромъ одного изъ нашихъ военныхъ судовъ осмотрѣли Портъ-Артуръ и признали его удобнымъ. Рѣшающій голосъ въ данномъ дѣлѣ долженъ, конечно, принадлежать морскому вѣдомству. Поэтому, если не имѣется особо вѣскихъ возраженій, мы должны воспользоваться даннымъ положеніемъ и занять Портъ-Артуръ.

Управляющій морскимъ министерствомъ выразилъ сомнѣніе въ удобствахъ и удовлетворительности для нуждъ морского вѣдомства Портъ-Артура, и при невозможности въ то время пріобрѣсти портъ въ юго-восточной части Кореи, высказалъ какъ свое мнѣніе, такъ равно и адмираловъ, что лучше пока Портъ-Артура не занимать, а года два-три пользоваться Владивостокомъ, какъ базой для эскадры, предпочитая возможность въ будущемъ пріобрѣсти портъ въ Корей.

Министръ финансовъ заявилъ, что, и по его мнѣнію, какъ для Великаго Сибирскаго пути, такъ и вообще для Россіи весьма желательно имѣть на Дальнемъ Востокѣ выходъ въ Тихій океанъ и что наше поступательное движеніе на востокъ должно кончиться пріобрѣтеніемъ такого выхода. Но на это нужно время, и указанной цѣли необходимо достигнуть дружескимъ соглашеніемъ, а не насиліемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проведеніе Сибирской дороги черезъ Манчжурію казалось несбыточнымъ,—между тѣмъ казавшееся несбыточнымъ нынѣ осуществилось на почвѣ исполнѣ мирнаго и дружескаго соглашенія. Прежде, чѣмъ затѣвать новое дѣло, надлежало бы окончить то, за которое только взялись, а именно сооруженіе дороги къ Владивостоку черезъ Манчжурію. Когда это дѣло будетъ окончено, и мы сохранимъ тѣ дружескія отношенія, которыя всегда существовали между Россіей и Китаемъ, мы на почвѣ экономическихъ интересовъ, такъ же какъ достигли сооруженія Манчжурской дороги, найдемъ отъ нея выходъ къ Тихому океану. Европейскія державы суть пришельцы въ Китаѣ,

мы же его исконные сосѣди. То, что могутъ дѣлать европейцы, мы дѣлать не должны, такъ какъ наши отношенія къ Китаю совершенно иныя. Наша политика на Востокъ всегда отличалась справедливостью. Если мы будемъ продолжать держаться нашей традиціонной дружеской политики въ отношеніи Китая и не вступимъ на путь насилія и пренебреженія его интересами, то мы всегда будемъ достигать болѣе успѣшныхъ результатовъ, нежели Европа.

Рѣшено было Портъ-Артура и Да-лянь-ваня не занимать—какъ въ виду дружественнаго договора нашего съ Китаемъ, такъ и въ цѣляхъ поддержанія на Востокъ престижа Россіи.

Тѣмъ временемъ извѣстія объ усиленіи германской эскадры очень тревожили китайцевъ, и Ли-хунъ-чжанъ неоднократно посылалъ къ нашему повѣренному справляться, не получены ли имъ какія-нибудь инструкціи. Послѣдній, согласно указаніямъ изъ Петербурга, заявилъ китайцамъ, что они могутъ рассчитывать на нашу помощь при столкновеніи съ Германіею, если будутъ удовлетворительно улажены всѣ возникшіе въ послѣднее время вопросы по дѣламъ желѣзной дороги и другимъ, и если нашему флоту будетъ предоставлено исключительное право пользоваться нѣкоторыми гаванями Китая. Министры Китая встрѣтили это заявленіе съ радостью и выразили согласіе на исполненіе нашихъ требованій, убѣдительно прося нашего повѣреннаго объ оказаніи дѣйствительнаго содѣйствія къ удаленію германскаго отряда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого китайское правительство, нуждавшееся въ то время въ средствахъ для уплаты Японіи остатка военной контрибуціи, чрезъ Ли-хунъ-чжана обратилось къ нашему правительству съ ходатайствомъ о предоставленіи гарантіи новому китайскому займу въ сто милліоновъ ланъ, какъ это было сдѣлано при займѣ 1895 года. На эту просьбу китайскаго правительства 4-го декабря было поручено сообщить Ли-хунъ-чжану, что Россія готова взять на себя устройство для Китая новаго займа въ сто милліоновъ ланъ, подобнаго займу 1895 года, при извѣстныхъ условіяхъ. Китай долженъ: а) предоставить надлежащія гарантіи исправности платежей по займу; б) подтвердить въ безусловной формѣ разрѣшеніе южнаго направленія магистрала Китайской Восточной желѣзной дороги ¹⁾; в) обязаться не допускать иностран-

¹⁾ Общество Китайской желѣзной дороги предполагало сначала соорудить магистральную линію, имѣвшую соединить Читу съ Владивостокомъ, по болѣе южному направленію, чѣмъ она была построена въ дѣйствительности, а именно провести ее черезъ городъ Бодуна. Лѣтомъ 1897 года китайское правительство, хотя и согласилось, послѣ долгихъ препирательствъ, на осуществленіе этого предположенія, однако отказалось дать письменное удостовѣреніе въ своемъ согласіи. Въ виду этого министръ финансовъ желалъ воспользоваться вопросомъ о займѣ, чтобы получить отъ китайцевъ категорическое подтвержденіе ихъ согласія.

цевъ, кромѣ русскихъ, къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ и эксплуатаціи другихъ промышленныхъ предпріятій во всѣхъ трехъ провинціяхъ Манчжуріи и въ Монголіи; г) устранить навсегда всѣ безъ исключенія затрудненія, дѣлаемыя мѣстными властями по отчужденію земель и приобрѣтенію матеріаловъ для сооруженія Китайской Восточной желѣзной дороги; д) отдавать, согласно концессіи, бесплатно всѣ необходимыя для сооруженія этой дороги казенныя земли и казенныя матеріалы; е) устранить всякія препятствія къ плаванію флотиліи Китайской Восточной желѣзной дороги по рѣкѣ Сунгари и всѣмъ ея притокамъ; ж) выдать, одновременно съ подписаніемъ условій займа, правленію общества Китайской Восточной желѣзной дороги концессію на сооруженіе желѣзнодорожной вѣтви отъ магистрали Китайской Восточной желѣзной дороги до той гавани, которая для сего будетъ избрана правленіемъ общества на берегу Желтаго моря къ востоку отъ порта Инъ-цзы, и, наконецъ, з) предоставить Россіи, по избраніи означенной гавани, выбрать въ ней мѣсто для устройства порта для нашего Добровольнаго флота, причемъ въ этотъ портъ будутъ имѣть право входа всѣ суда подъ русскимъ флагомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была дана инструкція не навязываться китайцамъ съ услугами по займу, а имѣть въ виду, чтобы Китай самъ просилъ насъ о займѣ и предложилъ намъ указанныя условія, если онъ не будетъ въ состояніи устроить заемъ какимъ-либо другимъ путемъ.

Х.

Въ первыхъ числахъ декабря 1897 года отряды нашихъ судовъ заняли Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань. Состоялось это вслѣдствіе доклада министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, что, по имѣющимся у него даннымъ, въ случаѣ, если мы не займемъ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ваня, порты эти будутъ заняты англичанами. Узнавъ о входѣ нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ изъ телеграммы нашего адмирала, подтвержденной затѣмъ телеграммою министерства иностранныхъ дѣлъ, нашъ повѣренный объявилъ о происшедшемъ китайскому правительству. На это заявленіе Ли-хунъ-чжанъ замѣтилъ, что китайское правительство увѣрено въ отсутствіи у насъ намѣренія сдѣлать какіе-либо территоріальные захваты. Получивъ отъ нашего повѣреннаго словесное завѣреніе въ этомъ смыслѣ, Ли-хунъ-чжанъ совершенно успокоился и тотчасъ же, по собственной инициативѣ, предложилъ услуги китайскихъ властей по доставкѣ на нашу эскадру угля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ нашему повѣренному о намѣреніи цзунъ-ли-ямыня командировать въ Портъ-Артуръ, въ распоряженіе нашего адмирала, китайскаго переводчика.

Отношеніе китайцевъ къ входу нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ характеризуется, кромѣ того, слѣдующими фактами. Генералъ-губернаторъ Чжи-лійской провинціи на запросъ англійскаго консула отвѣтилъ, что флотъ нашъ вошелъ въ Портъ-Артуръ, несомнѣнно, для охраны интересовъ Китая. По свидѣтельству командовавшаго отрядами нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ, контръ-адмирала Реунова, мѣстныя китайскія власти относились къ нашимъ морякамъ съ крайнею любезностью и предупредительностью. Въ этомъ отношеніи характернымъ является слѣдующій фактъ: 6-го декабря у Портъ-Артура показался англійскій крейсеръ «Daphne» и подалъ сигналъ крѣпости: «желаю переговорить»; крѣпость отвѣтила ему сигналомъ: «вамъ входъ воспрещается». Несмотря на это, «Daphne» вошелъ на рейдъ, бросилъ якорь и, простоявъ три часа, ушелъ обратно въ Чжи-фу. Какъ объясняли китайцы, означенный сигналъ былъ выставленъ крѣпостью англійскому крейсеру на основаніи категорическаго приказанія изъ Пекина не допускать въ Портъ-Артуръ никакихъ иностранныхъ военныхъ судовъ, кромѣ русскихъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ поступокъ съ англійскимъ крейсеромъ «Daphne» доказывалъ желаніе китайцевъ исполнить данное намъ обѣщаніе, что подтверждалось также предупредительностью мѣстныхъ властей по отношенію къ нашимъ морякамъ и безпрекословною готовностью центральнаго китайскаго правительства исполнять всѣ требованія, предъявлявшіяся ему нашимъ повѣреннымъ въ отношеніи стоянки нашего флота въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ.

Спокойное и довѣрчивое отношеніе китайскаго правительства къ входу нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ видно также изъ наблюдений, сдѣланныхъ нашими представителями въ Пекинѣ въ первые дни послѣ этого событія. Изъ бесѣдъ съ нѣсколькими изъ окружающихъ Ли-хунъ-чжана лицъ можно было вывести заключеніе, что онъ дѣйствительно относится къ этому событію очень спокойно, вполне довѣряя заявленію нашему объ отсутствіи у насъ намѣренія дѣлать территоріальные захваты. Тогда какъ по полученіи извѣстія о высадкѣ германскаго отряда въ Цзяо-чжоу Ли-хунъ-чжанъ не находилъ въ лексиконѣ китайскихъ ругательныхъ словъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы излить свою злобу на нѣмцевъ, — извѣстіе о предстоящемъ отправленіи нашихъ отрядовъ въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ было принято имъ вполне спокойно. Каждый вечеръ секретарь Ли-хунъ-чжана читалъ ему выдержки и переводы изъ разныхъ китайскихъ и иностранныхъ газетъ и телеграммъ, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ дня; среди такихъ выдержекъ, прочитанныхъ Ли-хунъ-чжану вечеромъ 10-го (22-го) декабря, было не мало указаній на то, что приходъ нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ означаетъ утрату этого порта для Китая. Всѣ эти газетныя замѣчанія были прослушаны канцлеромъ съ добродуш-

ною улыбкою, а при окончаніи чтенія онъ даже замѣтилъ: «все это пустяки». Извѣстіе о входѣ нашихъ отрядовъ въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань не произвело сколько-нибудь тревожнаго впечатлѣнія и при дворѣ. По полученіи извѣстія о высадкѣ германскаго отряда въ Цзяо-чжоу, объ этомъ было доложено немедленно предсѣдателю цзунъ-ли-ямыня князю Гуну, которому предстояло разрѣшить трудный вопросъ, слѣдуетъ ли оказать сопротивленіе нѣмцамъ, или же уступить. Рѣшивъ, что всякое сопротивленіе будетъ бесполезно, князь Гунъ долженъ былъ взять на себя нелегкую задачу доложить объ этомъ богдыхану, Аудіенція эта, какъ рассказывали въ Пекинѣ, продолжалась довольно долго, причемъ князь Гунъ вышелъ отъ богдыхана съ красными, опухшими отъ слезъ глазами. Это обстоятельство дало случай Ли-хунъ-чжану замѣтить окружающимъ его лицамъ, что «старый Гунъ не находитъ, кромѣ слезъ, никакого лучшаго средства управлять государствомъ». Ни о чемъ подобномъ въ Пекинѣ не рассказывали по поводу входа нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань, и имѣлось полное основаніе полагать, что и въ придворныхъ кругахъ не смотрѣли на это движеніе нашего флота, какъ на что-либо чрезвычайное и нежелательное.

Однако вскорѣ въ отношеніяхъ китайцевъ къ намъ произошла рѣзкая перемѣна: 17-го декабря министры цзунъ-ли-ямыня приняли нашего повѣреннаго холодно и просили его дать письменное увѣреніе, что мы не имѣемъ намѣренія удерживать Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань. Въ противоположность случаю съ пароходомъ «Daphne», мѣстныя китайскія власти въ Портъ-Артурѣ около 25-го декабря любезно принимали экипажи двухъ англійскихъ крейсеровъ, сообщеніе которыхъ съ берегомъ было вполне свободно. Эту перемѣну въ отношеніяхъ къ намъ китайцевъ объясняли въ Пекинѣ полученіемъ цзунъ-ли-ямынемъ отъ китайскихъ посланниковъ въ Петербургъ и Берлинѣ извѣстій, что Россія и Германія дѣйствуютъ въ Китаѣ по взаимному соглашенію.

26-го декабря нашъ повѣренный предъявилъ цзунъ-ли-ямыню, согласно инструкціи изъ Петербурга, требованіе объ отводѣ мѣста для складовъ каменнаго угля въ Портъ-Артурѣ и Да-лянь-вань. При этомъ повѣренный передалъ цзунъ-ли-ямыню, что въ требованіи Китаемъ письменнаго отъ насъ завѣренія въ отсутствіи у насъ намѣренія сдѣлать земельные захваты наше правительство видитъ признакъ недовѣрія, и что мы очистимъ Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань, какъ только политическія обстоятельства это позволятъ, въ чемъ готовы дать завѣреніе посланнику Китая въ Петербургѣ. Въ томъ же засѣданіи повѣренный предупредилъ цзунъ-ли-ямынь, что мы имѣемъ намѣреніе предъявить требованіе о разрѣшеніи намъ провести вѣтвь отъ магистральной Манчжурской желѣзной дороги къ одному изъ портовъ на Желтомъ морѣ.

Въ началѣ 1898 года проявленія со стороны китайцевъ недо-
вѣрія къ Россіи продолжались. Такъ, по дѣлу о разрѣшеніи намъ
постройки складовъ каменнаго угля въ Портъ-Артурѣ китайцы
11-го января заявили, что они желаютъ принять постройку этихъ
складовъ на свой счетъ. Недружелюбіе ихъ къ намъ ярко обрисовы-
валось также въ дѣлѣ русскаго полковника Воронова, командиро-
ваннаго въ Китай въ качествѣ инструктора китайскихъ войскъ.
Пообщавъ въ концѣ 1897 года направить это дѣло вполнѣ согласно
нашему желанію, цзунъ-ли-ямынь теперь сталъ отказывать нашему
полковнику въ званіи совѣтника, обѣщая только лучшее обраще-
ніе, нежели съ нѣмецкими военными учителями; удаленіе же послѣд-
нихъ изъ Сѣвернаго Китая цзянь-ли-ямынь теперь признавалъ
невозможнымъ въ виду того, что сроки ихъ контрактовъ еще не
истекли.

Растущее нерасположеніе къ Россіи не мѣшало, впрочемъ,
китайцамъ продолжать переговоры о займѣ съ гарантіей русскаго
правительства. 27-го декабря Ли-хунъ-чжанъ телеграфировалъ,
что изъ условій, предложенныхъ нами, онъ имѣетъ возразить только
по поводу постройки вѣтви къ Желтому морю. По его, Ли-хунъ-
чжана, мнѣнію, устье Я-лу-цзяна представляетъ наиболѣе удобствъ
для устройства порта, причемъ Китай желалъ бы, при помощи
Россіи и въ опредѣленный срокъ, самъ построить вѣтвь отъ этого
порта на соединеніе съ русской въ Манчжуріи.

Усматривая въ этомъ отвѣтѣ признакъ желанія китайцевъ дѣй-
ствительно заключить заемъ черезъ наше посредничество, русское
правительство поручило повѣренному въ дѣлахъ приступить къ
официальнымъ переговорамъ по этому предмету, уже ранѣе начатымъ
частнымъ образомъ, и заявить китайскому правительству, что вслѣд-
ствіе ходатайства Ли-хунъ-чжана Россія согласна совершить заемъ,
на тѣхъ же финансовыхъ основаніяхъ, какъ заемъ 1895 года, при
слѣдующихъ условіяхъ: 1) гарантіей должны служить морскіе та-
моженные доходы, поскольку таковыхъ будетъ оставаться послѣ
покрытія платежей по ранѣе совершеннымъ займамъ, доходы сухо-
путныхъ таможенъ на Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и
вообще въ провинціяхъ Манчжуріи, а равно весь соляной доходъ;
2) иностранцы, кромѣ русскихъ, не должны быть допускаемы къ
постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и всякихъ промышлен-
ныхъ предпріятій въ провинціяхъ Манчжуріи и въ Монголіи;
3) концессія Китайской Восточной желѣзной дороги должна быть
распространена на сооруженіе и эксплуатацію вѣтви отъ маги-
страли до той гавани, которая для этого будетъ выбрана правле-
ніемъ дороги на берегу Желтаго моря, къ востоку отъ Инъ-цзы;
4) тому же правленію имѣетъ быть предоставлено выбрать въ озна-
ченной гавани мѣсто для устройства порта, причемъ въ этотъ портъ
будутъ имѣть право входить всѣ суда подъ русскимъ флагомъ.

Совѣщанія повѣреннаго съ цзунъ-ли-ямынемъ по этому дѣлу не привели, вслѣдствіе противодѣйствія англичанъ, ни къ какому положительному результату. Китайцы выражали желаніе, чтобы мы предложили выпускной курсъ въ сто, но повѣренный заявилъ, что торговаться не намѣренъ, и предупредилъ о крайне серьезныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть для Китая заемъ у Англии. Между тѣмъ англійскій посланникъ убѣждалъ цзунъ-ли-ямынь не соглашаться на заемъ съ гарантіей Россіи и общалъ все свое содѣйствіе для устройства займа въ Англии; въ случаѣ же заключенія займа въ Россіи онъ угрожалъ возбудить всѣ старыя претензіи по дѣламъ миссіонеровъ и заявлялъ, что Англія въ такомъ случаѣ займетъ острова Чжу-санъ и потребуетъ предоставленія ей концессіи на постройку желѣзной дороги въ Юнь-нани и открытія внутреннихъ рѣкъ и озеръ Китая для плаванія пароходовъ.

Вслѣдствіе созданнаго такимъ образомъ, для Китая,—угрозами Англии и нашими заявленіями,—безвыходнаго положенія, среди членовъ цзунъ-ли-ямыня въ концѣ концовъ возникла мысль временно отказаться отъ внѣшняго займа, о чемъ и было сообщено русскому и англійскому правительствамъ. Одновременно же распубликованъ былъ указъ богдыхана о выпускѣ китайскаго внутренняго займа.

Тѣмъ временемъ дѣла Дальняго Востока начали серьезно волновать общественное мнѣніе въ Англии. Настроеніе англійскаго общества по поводу событій въ Восточной Азіи къ январю значительно ухудшилось; печать находилась въ возбужденіи; въ газетѣ «Standard» появилась статья самаго воинственнаго характера, а главнокомандующій англійской арміи лордъ Уольслей въ публичной рѣчи объявилъ, что въ случаѣ войны британская армія будетъ въ полной готовности.

Объясняя страстное настроеніе англійскаго общественнаго мнѣнія извѣстіями о переговорахъ между русскимъ и китайскимъ правительствами относительно займа, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ сообщилъ объ этомъ министру финансовъ. Но министръ финансовъ, считая по существу немислимымъ, чтобъ изъза вопроса о заключеніи займа могло возникнуть серьезное международное столкновение, высказалъ, что онъ не склоненъ придавать сообщеніямъ изъ Англии особаго значенія, полагая, что легко поднятый шумъ столь же легко и уляжется,—притомъ, тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ скорѣе нами будетъ окончено дѣло заключенія займа. Къ этому С. Ю. Витте добавилъ, что, по его мнѣнію, серьезныя послѣдствія въ смыслѣ не призрачнаго, а реальнаго столкновения могло бы вызвать не извѣстіе о переговорахъ нашихъ касательно займа, а «политика захватовъ», въ виду чего онъ, министръ финансовъ, и относится съ большимъ пессимизмомъ къ занятію нами Портъ-Артура и Да-лянь-ваня.

Въ концѣ января въ Пекинѣ стало извѣстно, что китайское правительство, не надѣясь реализовать путемъ внутренняго займа даже малой части необходимыхъ денегъ, вернулось къ мысли о заключеніи займа за границей, но подѣ обезпеченіе исключительно таможенными доходами, безъ гарантіи какой-либо иностранной державы. И дѣйствительно, въ началѣ февраля происходили дѣятельныя совѣщанія китайскихъ министровъ съ англійскимъ Гонконгъ-Шанхайскимъ банкомъ о займѣ въ 16 милл. фунт. стерл. Совѣщанія эти привели къ заключенію 17-го февраля группою англійскихъ и германскихъ банкировъ контракта съ китайскимъ правительствомъ о выпускѣ займа на вышеозначенную сумму, причемъ Китай сдѣлалъ англійскому правительству нѣсколько весьма важныхъ уступокъ, обязавшись: 1) не отчуждать какой-либо иностранной державѣ земель въ бассейнѣ рѣки Янь-цзы-цзянь, важномъ для Англій въ торговомъ отношеніи; 2) пока обороты англійской торговли въ Китаѣ будутъ превышать обороты торговли другихъ народовъ въ этой странѣ, поручать главное управленіе морскими таможенными англійскому подданному, и 3) открыть внутреннія китайскія воды для англійскихъ паровыхъ судовъ.

Одновременно съ указанными совѣщаніями въ Пекинѣ о займѣ происходили переговоры по китайскимъ дѣламъ между русскимъ и англійскимъ правительствами. При этомъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило не создавать Китаю препятствій къ заключенію займа у англичанъ, хотя заемъ этотъ разсматривался въ Лондонѣ не какъ простая финансовая операція; напротивъ, когда состоялось заключеніе его, товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ официально заявилъ въ парламентѣ, что заемъ этотъ является дипломатическою побѣдой, одержанною англичанами.

XI.

Въ началѣ 1898 года было рѣшено, согласно заявленію вновь назначеннаго управляющаго военнымъ министерствомъ генерала А. Н. Куропаткина, не поддержаннаго, однако, министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Муравьевымъ, что Россіи надлежитъ добиться отъ Китая уже не права пользованія для русскихъ судовъ портомъ въ одной изъ гаваней на Желтомъ морѣ, — какъ это было предложено китайцамъ раньше въ числѣ условій заключенія у насъ займа, — но уступки русскому правительству въ арендное пользованіе Портъ-Артура и Да-лянь-ваня. Вслѣдъ за тѣмъ китайское правительство должно было предоставить обществу Китайской Восточной желѣзной дороги концессию на сооруженіе отъ магистральной ея линіи особой вѣтви къ бухтѣ Да-лянь-вань. Для выработки этихъ требованій было образовано, подѣ предѣдательствомъ генераль-адми-

рала великаго князя Алексѣя Александровича, особое совѣщаніе изъ министровъ: финансовъ—Витте, иностранныхъ дѣлъ—графа Муравьева, управляющаго военнымъ министерствомъ Куропаткина, управляющаго морскимъ министерствомъ Тыртова, начальника главнаго морского штаба Авелана и начальника главнаго штаба Сахарова. Основанія, выработанныя этимъ совѣщаніемъ въ февралѣ 1898 года, заключались въ слѣдующемъ:

- 1) Требовать отъ китайскаго правительства въ арендное содержаніе южную часть Ляо-дунскаго полуострова до линіи, проведенной отъ порта Адамсъ на западномъ берегу, черезъ Адамсъ-Пикъ до мѣстечка Бицзы-во на восточномъ берегу этого полуострова.
- 2) Установить нейтральную зону, простирая ее отъ вышеуказанной линіи къ сѣверу до линіи, идущей по прямому направленію отъ города Инъ-коу на западномъ берегу Ляо-дунскаго полуострова, черезъ городъ Да-гушань, къ устью У-дао-хэ на восточномъ берегу полуострова.
- 3) Въ случаѣ необходимости сдѣлать уступки въ этихъ требованіяхъ—допустить пониженіе вышеприведенной сѣверной границы нейтральной зоны до ея южной, отодвинувъ одновременно сѣверную границу арендуемой территоріи къ югу до линіи, идущей отъ сѣверной оконечности бухты Цзинь-чжоу, на западной сторонѣ Ляо-дунскаго полуострова, до мыса Робинсона на восточной.
- 4) Въ арендуемой территоріи не допускать никакихъ китайскихъ военныхъ силъ, за исключеніемъ полицейскихъ чиновъ; на первое время, однако, по усмотрѣнію русской власти, могутъ быть допущены китайскія войска, но лишь въ опредѣленномъ размѣрѣ и при непремѣнномъ условіи подчиненія ихъ той же русской власти.
- 5) Выговорить у китайскаго правительства право на проведеніе отъ главной магистрали Сибирской желѣзной дороги отдѣльной вѣтви на югъ и, въ случаѣ затруднительности направленія ея къ Портъ-Артуру, имѣть конечный пунктъ этой желѣзнодорожной вѣтви въ одномъ изъ наиболѣе для сего удобныхъ мѣстъ Ляо-дунскаго побережья, начиная отъ города Инъ-цзы. Въ мѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ поддержать наше требованіе военной силой и въ этихъ видахъ перевести немедленно изъ Владивостока въ Портъ-Артуръ отрядъ войскъ.

Нашему повѣренному въ дѣлахъ была дана инструкція вступить въ переговоры съ пекинскимъ правительствомъ объ удовлетвореніи вышеозначенныхъ требованій. Первое совѣщаніе повѣреннаго съ цзунъ-ли-ямынемъ по этому вопросу состоялось 19-го февраля, причемъ повѣренный прочелъ китайскимъ министрамъ составленный меморандумъ, присовокупивъ, что, въ виду слѣшности дѣла, онъ проситъ дать ему принципиальный отвѣтъ на предъявленные имъ требованія не позднѣе пяти дней; и что всѣ подробности соглашенія должны быть окончательно обсуждены къ 15-му наступавшаго марта. Цзунъ-ли-ямынь, повидимому, не ожидалъ столь

быстрого предъявленія нами такихъ требованій, облеченныхъ къ тому же въ столь категорическую форму. Такъ какъ главнымъ мотивомъ предъявленія этихъ требованій выставялась неспособность Китая защитить себя отъ нападешя извнѣ, то министры указывали повѣренному на необходимость дать Китаю еще случай испытать свои силы въ дѣлѣ самообороны, съ тѣмъ, чтобы только послѣ дальнѣйшихъ неудачъ было приступлено съ нашей стороны къ занятію Портъ-Артура и Да-лянь-ваня и соединенію этихъ портовъ съ нашею манчжурскою магистралію. Бесѣда повѣреннаго съ китайскими министрами 19-го февраля никакихъ практическихъ результатовъ не дала—китайцы ограничивались общими фразами и отговорками. Послѣ засѣданія китайскіе министры бросились за помощію въ англійское и японское посольства, изливая здѣсь свои сѣтованія на наше поведеніе и умоляя о выдачѣ со стороны Англій и Японіи удостовѣренія Китаю, что, въ случаѣ удаленія русскаго отряда изъ Портъ-Артура и Да-лянь-ваня, ни Англія, ни Японія не займутъ этихъ портовъ. Предъявленіемъ намъ подобныхъ удостовѣреній китайцы, повидимому, рассчитывали опровергнуть основательность приводившихся нами доводовъ о необходимости занятія Россіей Портъ-Артура и Да-лянь-ваня, въ видахъ воспрепятствованія оккупации этихъ портовъ со стороны какихъ-либо иностранныхъ державъ. Одновременно китайское правительство командировало въ Петербургъ, для веденія переговоровъ по возбужденнымъ нами вопросамъ своего посланника при берлинскомъ дворѣ Сюй-цзинъ-чэна.

Признавая, что командированіе въ Россію Сюй-цзинъ-чэна какимъ образомъ не можетъ служить поводомъ для проволокъ, русское правительство настаивало на немедленномъ принципиальномъ удовлетвореніи предъявленныхъ имъ требованій. Въ этомъ смыслѣ было сдѣлано 28-го февраля заявленіе цзунъ-ли-ямыню, съ требованіемъ присылки категорическаго отвѣта китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не позднѣе 2-го марта. Отвѣтъ этотъ дѣйствительно послѣдовалъ въ указанный срокъ, но китайскіе министры, не приводя въ немъ никакихъ соображеній по существу дѣла, продолжали указывать на необходимость выждать результатовъ поѣздки Сюй-цзинъ-чэна въ Петербургъ.

По полученіи телеграммы Сюй-цзинъ-чэна о томъ, что мы настаиваемъ на подписаніи въ Пекинѣ конвенціи относительно Портъ-Артура и Да-лянь-ваня и о назначеніи на этотъ предметъ уполномоченнымъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Павлова, министры цзунъ-ли-ямыня убѣдились въ невозможности уклониться далѣе отъ переговоровъ съ нашимъ повѣреннымъ и пригласили его на совѣщаніе въ цзунъ-ли-ямынь на 8-ое марта. Но и эта конференція не имѣла рѣшающаго характера. Китайскіе министры продолжали давать уклончивые отвѣты, ссылаясь на крайнюю затрудни-

тельность своего положенія и на неизбежность, въ случаѣ допущенія ими уступокъ Россіи, возбужденія аналогичныхъ претензій со стороны другихъ державъ, что явилось бы началомъ полного расчлененія Китая. Китайцы указывали, кромѣ того, на тѣсноту Портъ-Артура, который никоимъ образомъ не можетъ удовлетворить нашимъ требованіямъ, и Ли-хунъ-чжанъ убѣждалъ Павлова съѣздить, предварительно заключенія конвенціи, на мѣсто, и самому убѣдиться воочію въ справедливости ихъ доводовъ. Наконецъ китайскіе министры увѣряли нашего повѣреннаго, что назначенный нами для подписанія конвенціи срокъ, 14-го марта, слишкомъ коротокъ, и что нѣтъ никакой возможности обсудить въ нѣсколько дней такое важное дѣло.

Судя по началу переговоровъ, можно было, такимъ образомъ, ожидать, что, несмотря на категорическое требованіе съ нашей стороны, китайское правительство едва ли подпишетъ конвенцію къ назначенному сроку, и что намъ предстоитъ поддержать наше требованіе военной силой. Обстоятельства, однако, измѣнились къ лучшему, когда 8-го марта стало извѣстно, что уполномоченными для веденія переговоровъ съ нашимъ повѣреннымъ назначены савонники Ли-хунъ-чжанъ и Чжанъ-инъ-хуанъ, которые больше другихъ министровъ цзунъ-ли-ямыня были освѣдомлены въ иностранныхъ дѣлахъ и потому должны были имѣть и болѣе ясное представленіе о тѣснотѣ сопротивленія Китая, разъ русское правительство безповоротно рѣшило занять Портъ-Артуръ, хотя бы даже, въ случаѣ необходимости, военной силой. Указанные савонники жаловались нашимъ представителямъ на крайнюю трудность своего положенія и на большое возбужденіе, царящее среди чиновнаго класса, утверждая, что къ богдыхану поступаетъ масса просьбъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не уступалъ нашимъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, министры обѣщали отправиться къ богдыхану съ докладомъ по этому дѣлу въ загородный дворецъ, что и было исполнено ими въ тотъ же день. Ли-хунъ-чжанъ употребилъ на этой аудіенціи все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить своего повелителя въ отсутствіи у Россіи какихъ-либо враждебныхъ замысловъ по отношенію къ Китаю, утверждая, что отношенія между Россіей и Китаемъ въ данное время носятъ самый сердечный характеръ. Ни императрица-мать, ни князь Гунъ не принимали никакого участія въ обсужденіи этого дѣла. Совѣщаніе Ли-хунъ-чжана и Чжанъ-инъ-хуаня съ богдыханомъ имѣло благоприятный для насъ оборотъ. На конференціи, происходившей между нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и министрами цзунъ-ли-ямыня послѣ этого совѣщанія, 11-го марта, китайскіе министры приступили, наконецъ, къ обсужденію предъявленныхъ нами требованій по существу, причемъ въ тотъ же день почти всѣ наши требованія были ими приняты. Точно также и во время совѣщанія, происходившаго на слѣ-

дующій день, 12-го марта, и продолжавшагося болѣе шести часовъ, никакихъ новыхъ возраженій противъ нашихъ требованій китайцы не предъявляли. Напротивъ, они даже выказали большую уступчивость въ отношеніи, напримѣръ, предъявленнаго ими на предыдущемъ засѣданіи требованія о вознагражденіи китайской казны за портовые сооруженія въ Портъ-Артурѣ, и рѣшили не включать въ текстъ конвенціи никакихъ условій въ этомъ смыслѣ.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что министръ финансовъ, бывшій противникомъ занятія нами Портъ-Артура, со дня рѣшенія этого вопроса, въ противоположность его мнѣнію, прервалъ всякія личныя отношенія съ графомъ Муравьевымъ и не вмѣшивался въ дѣло о Портъ-Артурѣ до тѣхъ поръ, пока изъ Владивостока не былъ привезенъ десантъ, дабы взять этотъ городъ вооруженною силою. Тогда С. Ю. Витте вступилъ въ дѣло и средствами, доступными ему, какъ министру финансовъ, оказалъ давленіе на Ли-хуна-чжана и Чжанъ-инь-хуаня и тѣмъ избѣгъ грозившаго кровопролитія и добился разрѣшенія вопроса въ желательномъ Россіи направленіи.

Наконецъ, 15-го марта, въ два часа дня, нашъ повѣренный и китайскіе сановники Ли-хунъ-чжанъ и Чжанъ-инь-хуанъ подписали конвенцію объ уступкѣ намъ въ арендное пользованіе на двадцать пять лѣтъ Портъ-Артура и Да-лянъ-ваня съ прилегающей къ этимъ портамъ территоріей и о распространеніи дарованной въ 1896 году обществу Китайской Восточной желѣзной дороги концессіи на соединительную вѣтвь отъ магистральной линіи этого общества до одного изъ пунктовъ на побережьѣ Ляо-дунскаго полуострова.

Того же 15-го числа происходила мирная высадка нашихъ военныхъ силъ въ Портъ-Артурѣ, а на слѣдующій день—поднятіе въ этомъ портѣ русскаго флага совмѣстно съ китайскимъ. Совмѣстное поднятіе русскаго и китайскаго флаговъ произвело на китайцевъ самое благопріятное впечатлѣніе. Ли-хунъ-чжанъ неоднократно выражалъ свою неподдѣльную радость по этому поводу. Однако китайцамъ пришлось вскорѣ разочароваться. Въ 20-хъ числахъ марта получена была изъ Петербурга инструкція о желательности заявить китайскому правительству о спускѣ въ Портъ-Артурѣ китайскаго флага. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ начальникомъ нашей эскадры въ Тихомъ океанѣ, который руководился при этомъ преимущественно соображеніями этикета. Правда, за этимъ распоряженіемъ послѣдовало другое, полученное 26-го марта, рекомендовавшее отложить на нѣкоторое время возбужденіе упомянутаго вопроса,—но когда объ этомъ было дано знать контръ-адмиралу Дубасову, отъ послѣдняго получился отвѣтъ, что дѣло уже сдѣлано и флагъ спущенъ.

28-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было напечатано нижеслѣдующее привѣтствіе Государя богдыхану по случаю

совершившагося событія: «Съ искреннимъ удовольствіемъ освѣдомились мы отъ нашего уполномоченнаго о мудромъ рѣшеніи вашего величества, въ силу коего министрамъ цзунъ-ли-ямыня повелѣно было подписать соглашеніе объ уступкѣ въ пользованіе Россіи портовъ Артура и Да-лянь-ваня съ надлежащими территоріею и воднымъ пространствомъ, а равно и о предоставленіи концессіи на соединительную желѣзнодорожную вѣтвь отъ порта Артура къ Сибирской магистраліи. Соглашенію этому мы придаемъ великое историческое значеніе, ибо оно несомнѣнно послужитъ къ вѣчному скрѣпленію дружественныхъ узъ, искони вѣковъ существовавшихъ между нашими обширными сосѣдними имперіями, и такъ явно соотвѣтствуетъ интересамъ обоихъ государствъ. Отъ всего сердца привѣтствуемъ ваше величество и желаемъ вамъ счастливаго царствованія». Богдыханъ въ отвѣтъ своемъ выразилъ увѣренность, что вѣдѣныя, принимаемыя монархами обѣихъ имперій, послужатъ ко благу подвластныхъ имъ народовъ.

Пекинская конвенція 15-го марта 1898 г., установившая въ общихъ чертахъ права Россіи на Квантунскую область, на расположенную къ сѣверу отъ этой области нейтральную зону и на желѣзнодорожную вѣтвь къ Желтому морю, была пояснена и дополнена особымъ дополнительнымъ протоколомъ, подписаннымъ 25-го апрѣля того же года въ Петербургѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ и китайскимъ посланникомъ Сюй-цзинъ-чэномъ, а равно контрактомъ на сооруженіе и эксплуатацію Южно-Манчжурской вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, подписаннымъ въ Петербургѣ 24-го іюня того же года между Сюй-цзинъ-чэномъ и правленіемъ общества китайской восточной желѣзной дороги.

Заключительнымъ эпизодомъ въ дѣлѣ приобрѣтенія Россіей территоріи на Ляо-дунскомъ полуостровѣ явилось временное, въ связи съ разграниченіемъ этой территоріи, занятіе нами острововъ Мяо-дао, расположенныхъ грядою по Чжилійскому заливу къ югу отъ названнаго полуострова. Извѣстіе объ этомъ было совершенно неожиданно получено отъ адмирала Дубасова, который сообщилъ, что въ виду окончанія разграниченія на сѣверѣ уступленной Россіи территоріи и необходимости выяснитъ нашу южную границу, онъ командировалъ «Дмитрія Донскаго» и занялъ группу острововъ Мяо-дао. Одновременно адмиралъ разослалъ прокламаціи мѣстному населенію о присоединеніи этихъ острововъ къ Ляодуну. Ни подготовительныхъ сообщеній, ни предварительныхъ переговоровъ по этому вопросу не происходило, и только уже послѣ состоявшагося занятія повѣренный получилъ инструкцію вступить въ переговоры съ китайскимъ правительствомъ и настаивать на присоединеніи названныхъ острововъ къ арендуемой нами на Ляодунѣ территоріи. Китайцы сильно противились этой уступкѣ, доказывая, что острова Мяо-дао принадлежатъ не къ Манчжуріи, а

къ Шаньдуну, и что возбужденный нами вопросъ не имѣеть ничего общаго съ разграниченіемъ и защитою Ляо-дуна и означаетъ собою захватъ входа въ Чжи-лійскій заливъ. Въ концѣ концовъ они согласились лишь включить въ протоколъ комиссіи по разграниченію уступленной намъ территоріи слѣдующія обязательства китайскаго правительства: 1) не уступать острововъ Мяо-дао ни одной иностранной державѣ; 2) не предоставлять на этихъ островахъ никакихъ торговопромышленныхъ концессій и 3) не открывать на нихъ порта для внѣшней торговли.

XII.

Вскорѣ послѣ занятія Германіей Цзяо-чжоуской бухты и нами Портъ-Артура, Франція и Англія также обезпечили за собою части китайской территоріи, первая—на крайнемъ югѣ близъ Тонкина, вторая—у Гонконга и въ Вэй-ха-вѣѣ на Чжилійскомъ заливѣ.

Въ ноябрѣ 1897 года, когда китайцы умоляли насъ о помощи противъ нѣмцевъ и получили отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ обѣщаніе поддержки, французскій повѣренный послѣдшилъ, вслѣдъ за Павловымъ, увѣрить китайское правительство, что и Франція, съ своей стороны, не преминетъ поддержать Китай въ случаѣ наслія со стороны Германіи. Когда же нашимъ повѣреннымъ были возбуждены переговоры объ уступкѣ намъ въ арендное пользованіе Портъ-Артура и Да-лянъ-ваня, изъ Парижа получено было предписаніе о предъявленіи китайскому правительству нѣсколькихъ требованій, въ томъ числѣ о предоставленіи Франціи угольной станціи въ южномъ Китаѣ. При этомъ французское правительство настолько послѣдшило съ указаннымъ предписаніемъ, что даже само не успѣло достаточно опредѣленно выяснитъ себѣ, какихъ именно уступокъ оно намѣрено добиваться отъ Китая; поторопилось же оно предъявить свои требованія именно въ данное время для того, чтобы дать понять Китаю, что и Франція признаетъ необходимымъ добиваться извѣстныхъ преимуществъ, соответствующихъ тѣмъ уступкамъ, которыя уже сдѣланы или имѣютъ быть сдѣланы Китаемъ другимъ державамъ. Китайское правительство не рѣшилось отказать Франціи въ удовлетвореніи ея требованій, и 10-го апрѣля 1898 года французы заняли бухту Гуанъ-чжоу-вань (на югѣ Китая).

Англія еще въ началѣ декабря 1897 года официально заявила цзунъ-ли-ямыню, что если правительство Китая будетъ предоставлять разныя концессіи другимъ державамъ, то Англія тоже представитъ свои требованія. Затѣмъ 12-го марта 1898 года, во время нашихъ совѣщаній съ китайскими министрами объ уступкѣ намъ Портъ-Артура, представитель Англіи прямо заявилъ послѣднимъ, что уступка названнаго порта повлечетъ за собою тождественныя требованія другихъ державъ. Немедленно послѣ этого Англія

предъявила правительству богдыхана требованіе объ уступкѣ ей въ арендное пользованіе Шань-дунскаго порта Вэй-хай-вэй съ прилегающей территоріей на все то время, пока Портъ-Артуръ будетъ находиться во владѣніи Россіи, и, сверхъ того, значительной площади земли близъ Гонконга. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ устраненія противодѣйствія со стороны Германіи, которая считаетъ Шань-дунскую провинцію своей сферой, лондонскій кабинетъ (какъ видно изъ англійской Синей книги) официально сообщилъ германскому правительству, что исключительно дѣйствія Россіи заставили Англію занять Вэй-хай-вэй и что единственной цѣлью этой мѣры было сохраненіе въ Чилийскомъ заливѣ политическаго равновѣсія, которое нарушено занятіемъ Россіей Портъ-Артура. Англійскій флагъ былъ поднятъ въ Вэй-хай-вэй 11-го мая 1898 года совмѣстно съ китайскимъ; официальная уступка территоріи близъ Гонконга состоялась 28-го мая того же года.

По пекинской конвенціи 15-го марта 1898 года Россія получила въ арендное пользованіе южную часть Ляо-дунскаго полуострова съ городомъ Портъ-Артуромъ, и оказалось необходимымъ приступить къ упроченію за нами этого новаго владѣнія, связавъ его съ Россіей желѣзнодорожнымъ путемъ. Китайское правительство согласилось предоставить обществу Китайской Восточной желѣзной дороги сооруженіе и эксплуатацію соединительной вѣтви отъ Китайской Восточной желѣзной дороги къ одному изъ портовъ на Ляо-дунѣ—на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ, по договору того же правительства съ Русско-Китайскимъ банкомъ отъ 27-го августа 1896 года, должны были вестись постройка и эксплуатация самой Китайской Восточной желѣзной дороги. Еще до заключенія по этому предмету предусмотрѣннаго означенной концессіей подробнаго соглашенія общества Китайской Восточной желѣзной дороги съ китайскимъ правительствомъ, было приступлено къ скорѣйшему выясненію направленія указанной соединительной вѣтви, и вслѣдъ за тѣмъ начато самое сооруженіе. Одновременно съ этимъ представлялось необходимымъ избрать мѣсто для коммерческаго порта на Ляо-дунѣ, который явился бы конечнымъ пунктомъ Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Для этой цѣли инженерами Кербедзомъ и Юговичемъ была намѣчена бухта Да-лянъ-вань, и 29-го мая 1898 года было рѣшено распорядиться устройствомъ порта въ названной бухтѣ распоряженіемъ правленія общества Китайской Восточной желѣзной дороги. Для выполненія этихъ новыхъ задачъ пришлось временно выдѣлить личный персоналъ изъ тѣхъ партій инженеровъ, которыя были организованы для главной линіи, что, конечно, очень затруднило дальнѣйшее веденіе на ней намѣченныхъ работъ.

Да-лянь-вань (или Дальній) выплылъ на поверхность тогдашнихъ событій потому, что Англія и Японія предъявили требованіе, чтобы Портъ-Артуръ былъ открытъ для иностранной торговли. Опасаясь необходимости уступки, графъ Муравьевъ, дабы успокоить правительства сказанныхъ странъ, далъ обязательство, что откроеть для торговыхъ цѣлей Да-лянь-вань и устроить тамъ порто-франко. Наименованіе «Дальній» вмѣсто Да-лянь-ваня создано было по инициативѣ С. Ю. Витте и удостоилось высочайшаго утвержденія. Предварительно предполагали дать Да-лянь-ваню другое имя, куда должны были быть вплетены понятія о славѣ, но министръ финансовъ нашелъ такое вплетеніе рискованнымъ въ виду неизвѣстности грядущихъ событій, а потому, приравливаясь къ обычному народному говору и солдатской склонности на свой ладъ переименовывать иностранныя слова, рекомендовалъ именовать новый торговый портъ именемъ «Дальній», совпадающимъ по созвучію съ Да-лянь-ванемъ.

24-го іюня 1898 года состоялось подписаніе правленіемъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги и уполномоченнымъ китайскаго правительства соглашенія, которымъ было окончательно оформлено дѣло сооруженія и эксплуатаціи предусмотрѣнной конвенціей 15-го марта того же года соединительной вѣтви, причемъ этой послѣдней было присвоено наименованіе «Южно-Манчжурская вѣтвь Китайской Восточной желѣзной дороги». По этому соглашенію, на названную вѣтвь были распространены всѣ постановленія договора о сооруженіи и эксплуатаціи главной линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлены обществу Китайской Восточной желѣзной дороги слѣдующія дополнительныя льготы: 1) Въ видахъ облегченія перевозки необходимыхъ для сооруженія рельсоваго пути матеріаловъ и припасовъ, разрѣшено судамъ общества плавать по рѣкѣ Ляо-хе и заходить въ портъ Инъ-цзы и нѣкоторые неоткрытые для иностранныхъ судовъ порты Ляо-дунскаго полуострова, а также предоставлено обществу прокладывать къ этимъ портамъ временныя вѣтви отъ Южно-Манчжурской линіи. 2) Обществу разрѣшено заготовлять въ Манчжуріи лѣсные матеріалы и каменный уголь хозяйственнымъ способомъ. 3) Предусмотрѣно учрежденіе въ Да-лянь-ванѣ китайской таможни, которая должна находиться въ завѣдываніи общества Китайской Восточной желѣзной дороги, и, наконецъ, 4) Предусмотрѣно право общества содержать свое морское пароходство. Выговорить въ пользу общества Китайской Восточной желѣзной дороги это послѣднее право было признано необходимымъ въ виду того, что представлялось желательнымъ связать пароходными рейсами общества конечныя пункты Сибирской желѣзной дороги, Владивостокъ и Да-лянь-вань, съ главнѣйшими портовыми городами Китая, Японіи и Кореи и тѣмъ обезпечить правильную и скорую передачу пассажировъ и

грузовъ, слѣдующихъ изъ Россіи и Западной Европы на Дальній Востокъ и обратно.

Какъ на главной линіи Китайской Восточной желѣзной дороги, такъ и на Южно-Манчжурской вѣтви работы велись одновременно. Въ теченіе 1898 года было избрано направленіе Южно-Манчжурской вѣтви, и послѣ періода дождей приступлено къ ея постройкѣ. Осенью того же года въ мѣстѣ соединенія этой линіи съ магистралью было устроены временныя жилия помѣщенія, и такимъ образомъ созданъ административный городокъ Харбинъ, куда переѣхало строительное управленіе дороги изъ Владивостока. Вмѣстѣ съ тѣмъ на прилегающей къ Харбину части линіи были начаты строительныя работы, причемъ для подвоза матеріаловъ въ весьма короткій промежутокъ времени было организовано пароходство по рѣкѣ Сунгари, которая для этой цѣли была изслѣдована и очищена отъ камней на перекатахъ.

Въ то время, какъ организовалось дѣло на центральныхъ участкахъ главной линіи, на остальномъ ея протяженіи дѣятельно велись изысканія. Въ теченіе 1898 года были найдены перевалы черезъ хребты Большой Хинганъ, Тайма-гоу и Пограничный. Изысканія наилучшаго перехода черезъ хребетъ Лао-нинъ заняли весь 1899 г. и первую половину 1900 года. Въ общемъ, такимъ образомъ, изысканія главной линіи Китайской Восточной желѣзной дороги продолжались около трехъ лѣтъ.

Въ 1899 года строительныя работы на линіи развернулись настолько, что, несмотря на чумную эпидемію въ Южной Манчжуріи, крайне затруднявшую, вслѣдствіе строгихъ карантинныхъ мѣръ, постройку дороги, къ концу года было уложено четыреста верстъ пути на южной линіи и около трехсотъ верстъ на магистрали. Всю зиму укладка велась безостановочно, и къ іюню 1900 года на всей линіи было уже уложено около 1.300 верстъ. Опытъ 1898 года выяснилъ, что среди мѣстнаго населенія нельзя набрать необходимаго количества рабочихъ даже для той части линіи, которая проходитъ по населеннымъ мѣстностямъ. Поэтому, для выполненія плана работъ, на большей части линіи пришлось десятками тысячъ выписывать китайцевъ-рабочихъ изъ Тяньцзиня и Чифу.

Разразившіеся въ іюнѣ 1900 года въ Манчжуріи боксерскіе беспорядки, какъ прямое слѣдствіе сдѣланныхъ иностранными державами захватовъ китайской территоріи, сильно осложнили и безъ того крайне трудную задачу постройки Китайской Восточной желѣзной дороги и вообще крайне неблагоприятно отразились на дѣятельности общества названной дороги. Сооружаемый путь подвергся въ значительной своей части разрушенію, такъ что изъ 1.300 верстъ, уложенныхъ до начала волненій, осталось только около четырехсотъ верстъ сплошнаго пути; были сожжены многія искусственныя и гражданскія сооруженія; на большомъ протяженіи уничтоженъ

телеграфъ, испорчено много подвижного состава и совершенно разрушены угольные копи дороги.

По мѣрѣ занятія Китайской Восточной желѣзной дороги нашими войсками, строители возвращались вслѣдъ за ними на свои мѣста и возобновляли работы. Въ ноябрѣ 1900 года главная линія была уже восстановлена отъ Харбина на западъ до Цицикара и на востокъ до хребта Лао-линь, а на южной вѣтви въ декабрѣ уже производилось движеніе на участкѣ отъ Портъ-Артура до Мукдена. Наступившая зима застала администрацію дороги и служащихъ въ весьма тяжеломъ положеніи: жилыя помѣщенія и склады были расхищены и сожжены китайцами, а значительная часть уцѣлѣвшихъ построекъ была предоставлена нашимъ войскамъ. Несмотря, однако, на всѣ неблагоприятныя условія, въ февралѣ слѣдующаго 1901 года былъ сомкнутъ путь отъ Харбина до Владивостока. На другихъ участкахъ дороги работы производились столь же успѣшно, и 5-го іюня удалось сомкнуть путь на Южно-Манчжурской вѣтви. Наконецъ, 21-го октября 1901 года произошла смычка пути на западномъ участкѣ магистральной линіи, и такимъ образомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ была вчернѣ закончена постройкою Китайская Восточная желѣзная дорога, составляющая съ вѣтвью на Портъ-Артуръ 2.400 верстъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сомкнутъ и Великій Сибирскій желѣзнодорожный путь, первое звено котораго было заложено 19-го мая 1891 года, т. е. десять съ половиною лѣтъ передъ тѣмъ. Такимъ образомъ осуществлена была возможность непрерывнаго желѣзнодорожнаго сообщенія на всемъ протяженіи отъ Европейской Россіи до Портъ-Артура и Владивостока.

XIII.

Съ Корейскимъ королевствомъ Россія всегда находилась въ отношеніяхъ добраго согласія. Королевство это въ теченіе многихъ лѣтъ служило ареною борьбы между китайцами и японцами, причемъ Россія воздерживалась отъ всякаго активнаго вліянія на его судьбы. Дѣло, однако, получило иной оборотъ, когда послѣ японско-китайской войны 1894—1895 гг. само корейское правительство прибѣгло къ помощи Россіи.

30-го января 1896 года корейскій король отдался подъ защиту русской миссіи въ Сеулѣ, а въ маѣ того же года чрезъ посредство своего посла Минъ-юнъ-хуана, командированнаго для присутствованія на коронаціи, обратился къ русскому правительству съ ходатайствомъ о присылкѣ совѣтниковъ для оказанія содѣйствія корейскому правительству и объ устройствѣ займа для Кореи въ три милліона іенъ. Деньгами этими король желалъ располагать для расплаты съ японцами, такъ какъ сознаніе обязательныхъ отно-

шеній къ Японіи сильно его тяготило. Русское правительство отнеслось сочувственно къ просьбѣ корейскаго короля, изъявивъ согласие на присылку совѣтниковъ по военной и финансовой частямъ и сдѣлавъ въ отношеніи займа лишь оговорку, что до заключенія его необходимо выяснитъ экономическое положеніе Кореи и потребности ея правительства.

Такое положеніе дѣла не могло, конечно, не возбудить беспокойства въ нашихъ естественныхъ противникахъ на Корейскомъ полуостровѣ—японцахъ. Желая устранить всякія недоразумѣнія съ послѣдними, русское правительство заключило съ правительствомъ микадо соглашеніе относительно политики обѣихъ державъ въ Корей по нѣкоторымъ вопросамъ. Соглашеніе это, изложенное въ московскомъ протоколѣ, подписанномъ 28-го мая 1896 года, заключалось съ слѣдующемъ: 1) если бы Корей оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ иностраннымъ займамъ, то русское и японское правительства окажутъ ей содѣйствіе общими силами; 2) русское и японское правительства предоставятъ самой Корей сформированіе и содержаніе вооруженныхъ силъ и полиціи; 3) если спокойствіе и порядокъ въ Корей будутъ нарушены, и русское и японское правительства сочтутъ необходимымъ прійти на помощь мѣстнымъ властямъ посылкою войскъ, то правительства эти, для предупрежденія столкновенія между ихъ вооруженными силами, опредѣлятъ сферы, предоставленныя соотвѣтственнымъ ихъ дѣйствіямъ, оставивъ между этими сферами свободное отъ оккупации пространство и, наконецъ, 4) до образованія въ Корей туземныхъ войскъ русское и японское правительства могутъ содержать въ нѣкоторыхъ пунктахъ этой страны небольшіе военные отряды.

Затѣмъ, согласно вышеуказанному ходатайству корейскаго правительства, въ Корею были командированы по настоянію министра иностранныхъ дѣлъ отъ военнаго министерства полковникъ Путьята съ нѣсколькими офицерами и нижними чинами, которые и занялись обученіемъ корейскихъ войскъ, а отъ министерства финансовъ былъ отправленъ, въ качествѣ финансоваго совѣтника корейскаго правительства, чиновникъ министерства К. А. Алексѣевъ.

На аудіенціи, данной Алексѣеву по его прибытіи въ Сеулъ, король, между прочимъ, заявилъ, что въ командированіи Алексѣева онъ усматриваетъ новое доказательство симпатій Россіи. Кромѣ того, король замѣтилъ, что онъ готовъ на измѣненіе состава своего кабинета, согласно предложенію о томъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, если ему будутъ указаны люди, на которыхъ онъ можетъ положиться. И дѣйствительно, черезъ день послѣ аудіенціи былъ обнародованъ указъ короля о перемѣрѣ состава кабинета, въ который вошли исключительно сторонники Россіи.

14-го октября 1897 года Алексѣевъ былъ назначенъ королемъ

на должность главнаго совѣтника министерства финансовъ и главноуправляющаго таможеннымъ вѣдомствомъ, съ одновременнымъ увольненіемъ отъ этихъ должностей англичанина Броуна, являшагося оплотомъ англійскаго вліянія въ Корей. Болѣе подробно положеніе Алексѣева въ этихъ должностяхъ было установлено контрактомъ, подписаннымъ, несмотря на угрозы великобританскаго консула въ Сеулѣ, 24-го октября корейскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. По условіямъ этого контракта, Алексѣеву поручался весь контроль надъ финансами государства и, кромѣ того, постановлялось, что пока Корей будетъ необходимъ финансовый совѣтникъ, таковой будетъ русскій. Наконецъ, 4-го ноября того же года Алексѣевъ вступилъ въ завѣдываніе всѣми дѣлами корейскаго министерства финансовъ.

Поручивъ Алексѣеву контроль надъ финансами страны, корейское правительство предоставило этому лицу такія широкія права и преимущества, о какихъ не могло быть и рѣчи въ то время, когда возникъ вопросъ о командированіи въ Сеулъ представителя нашего финансоваго вѣдомства. Успѣхъ, достигнутый благодаря этому, Россіей на Корейскомъ полуостровѣ къ ноябрю 1897 года, отчетливо бросался въ глаза, если имѣть въ виду, что, согласно указанію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, основнымъ началомъ нашей политики въ отношеніи Кореи должно было служить стремленіе включить эту страну въ сферу нашего политическаго вліянія, и что однимъ изъ наиболѣе существенныхъ средствъ для достиженія этой цѣли являлось, по мысли графа Муравьева, подчиненіе нашему контролю финансовъ Кореи.

Въ исторіи международныхъ отношеній на Дальнемъ Востокѣ время это вообще являлось эпохой усиленнаго роста русскаго вліянія въ Китаѣ и Корей. Въ послѣдней король и правительство были вполнѣ на нашей сторонѣ, причемъ мы въ то же время сумѣли избѣгнуть обостренія нашихъ отношеній къ Японіи, всегда ревниво относившейся ко всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ Корейскимъ полуостровомъ. Хотя для достиженія этой цѣли мы вошли въ договорныя отношенія съ японскимъ правительствомъ, заключивъ съ нимъ московское соглашеніе 1896 года, однако обязательства, взятые нами на себя по этому соглашенію, мало связывали нашу свободу дѣйствій въ Корей, ограничивая лишь въ извѣстной степени непосредственное вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла страны.

Въ ноябрѣ 1897 года состоялось назначеніе командированнаго въ Корею чиновника министерства финансовъ К. А. Алексѣева главнымъ совѣтникомъ корейскаго министерства финансовъ и главноуправляющимъ корейскимъ таможеннымъ вѣдомствомъ, съ одновременнымъ увольненіемъ отъ этихъ должностей англичанина Броуна. Послѣдній, однако, отказался принять отставку отъ должности

главноуправляющаго таможеннымъ вѣдомствомъ и попрежнему, не обращая вниманія на указъ короля, продолжалъ управлять корейскими таможенными, очевидно, рассчитывая на поддержку англійскаго правительства, которое было заинтересовано въ сохраненіи за нимъ помянутаго поста.

Но доходы таможенъ представляютъ одну изъ наиболѣе крупныхъ и въ то время наиболѣе устойчивую доходную статью корейской казны. Въ виду этого являлось необходимымъ предоставить полный контроль надъ ними Алексѣеву, какъ главному совѣтнику министерства финансовъ. Напротивъ, оставленіе завѣдыванія этими доходами въ рукахъ Броуна грозило возможностью постоянныхъ несогласій между нимъ и Алексѣевымъ,—несогласій, особенно серьезныхъ и опасныхъ на почвѣ тѣхъ интригъ и того международнаго соперничества, которыми отличалась жизнь Кореи; несогласія эти могли бы въ концѣ концовъ поставить Алексѣева въ возможности выполнить свою главную миссію, состоявшую въ улучшеніи финансоваго положенія Корейскаго государства, и тѣмъ самымъ подорвать довѣріе къ нему корейскаго короля.

Министръ финансовъ счелъ своимъ долгомъ обратить на эти соображенія вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ. Однако, въ виду происходившихъ въ то время на Дальнемъ Востокѣ политическихъ событій ¹⁾, графъ Муравьевъ не призналъ возможнымъ, несмотря на официально состоявшееся назначеніе Алексѣева главноуправляющимъ таможеннымъ вѣдомствомъ, настаивать на томъ, чтобы Броунъ фактически передалъ Алексѣеву завѣдываніе этимъ вѣдомствомъ. Въ такомъ смыслѣ и было дано категорическое указаніе нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Сеулѣ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено больше, чѣмъ когда-либо, соблюдать осторожность, чтобы не вызывать жалобъ и протеста со стороны Англій и Японіи.

Извѣстіе о нашемъ намѣреніи уступить англичанамъ, повидимому, произвело на корейскаго короля удручающее впечатлѣніе. Въ первыхъ числахъ декабря онъ экстренно вызвалъ во дворецъ Алексѣева и сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ Россію, такъ какъ она не хочетъ «прогнать Броуна». Успокоивъ его, насколько было возможно, Алексѣевъ попросилъ указать ему источникъ, изъ котораго было получено это извѣстіе, причемъ узналъ, что послѣднее исходило отъ англійскихъ сферъ. Что повелителю Кореи дѣйствительно было тяжело отъ измѣнившихся по его предположеніямъ, отношеній къ нему Россіи,—это можно было заключить изъ того, что признаніе нами за корейскимъ королемъ вновь принятаго имъ императорскаго титула привело послѣдняго въ неописанную радость: онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не выпускалъ изъ рукъ депеши объ этомъ, показывая ее всѣмъ и каждому

¹⁾ Это было въ ноябрѣ 1897 г., послѣ занятія нѣмцами Цзяо-чжоуской бухты.

и заявляя, что «теперь онъ совершенно спокоенъ». Радость новаго императора была, однако, непродолжительна.

Появленіе въ началѣ декабря 1897 года нашихъ судовъ въ Портъ-Артуръ, по словамъ нашего посланника въ Токио, послужило сигналомъ для начатія Японіей приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ. Японія была недовольна нашими мѣропріятіями въ Корей и въ особенности претендовала на то, что, по контракту, заключенному нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ съ корейскимъ правительствомъ относительно Алексѣева, мы взяли исключительно въ свои руки финансовое управленіе названной страны. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ выяснялась въ глазахъ японскаго правительства невозможность прійти съ нами къ соглашенію по корейскимъ дѣламъ на иномъ какомъ-нибудь основаніи, вопросъ объ оказаніи намъ активнаго противодѣйствія становился для него лишь вопросомъ большей или меньшей военной подготовленности и выбора благопріятнаго въ политическомъ отношеніи момента для вооруженнаго вмѣшательства въ корейскія дѣла. Такимъ моментомъ должно было показаться появленіе нашего отряда судовъ въ Портъ-Артуръ, такъ какъ можно было предположить, что это обстоятельство поведетъ къ обостренію нашихъ отношеній къ Англіи, чѣмъ и была бы создана почва для соединеннаго противъ насъ англо-японскаго дѣйствія, направленнаго съ англійской стороны противъ Ляо-дуна, а съ японской—противъ Кореи.

Такимъ образомъ, появленіе нашихъ судовъ сдѣлалось сигналомъ для начатія Японіей приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ, преслѣдовавшихся съ большою поспѣшностью въ теченіе всего декабря мѣсяца.

Одновременно съ этими военными приготовленіями японскій посланникъ въ Петербургѣ, въ началѣ декабря 1897 года, вошелъ въ переговоры съ русскимъ правительствомъ о пересмотрѣ контракта, подписаннаго нашимъ повѣреннымъ съ корейскимъ правительствомъ о русскомъ финансовомъ совѣтникѣ. И такъ какъ, по мнѣнію министра иностранныхъ дѣлъ, при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ мы были поставлены въ безусловную необходимость сохранить дружественныя отношенія съ Японіей, то русское правительство отвѣтило готовностью прійти съ нею къ полному и окончательному соглашенію по корейскимъ дѣламъ.

4-го февраля 1898 года японскій посланникъ передалъ на разсмотрѣніе русскаго правительства промеморію касательно тѣхъ условій, на которыхъ могло бы состояться соглашеніе между Россіей и Японіей, причемъ въ этихъ условіяхъ было предусмотрено назначеніе корейскаго финансоваго совѣтника японскимъ правительствомъ.

Когда вопросъ этотъ былъ сообщенъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на заключеніе министра финансовъ, послѣдній выска-

заль, что, находя, съ своей стороны, въ высшей степени желательнымъ, чтобы былъ найденъ способъ примиренія нашихъ интересовъ съ интересами Японіи, онъ, тѣмъ не менѣе, въ отношеніи желанія Японіи устранить изъ Кореи русскаго финансоваго совѣтника, долженъ указать на нижеслѣдующее: 1) назначеніе русскаго финансоваго совѣтника въ Корею состоялось всецѣло по желанію корейскаго правительства; въ данное время Алексѣевъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, и отозваніе его при такихъ условіяхъ представлялось бы вреднымъ для престижа Россіи на Дальнемъ Востокѣ; 2) съ удаленіемъ изъ Кореи нашего финансоваго совѣтника мы лишены будемъ возможности надзора за корейскими финансами и вмѣстѣ съ этимъ преградимъ себѣ путь къ снабженію Кореи денежною помощію для погашенія заключеннаго ею въ Японіи займа; 3) отъ русскаго финансоваго совѣтника недавно учрежденный Русско-Корейскій банкъ могъ ожидать содѣйствія и покровительства, съ удаленіемъ же послѣдняго названный банкъ долженъ будетъ прекратить свое существованіе; 4) по выяснившемуся положенію дѣла, главноуправляющій корейскими таможенными англичанинъ Броунъ остается на службѣ корейскаго правительства, и если, кромѣ того, главнымъ финансовымъ совѣтникомъ будетъ назначенъ японецъ, то всѣ финансы, таможи, а вмѣстѣ съ ними и все экономическое вліяніе въ Корей перейдетъ въ руки Англии и Японіи—нашихъ главныхъ соперниковъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду такихъ соображеній министръ финансовъ не признавалъ возможнымъ согласиться на упомянутое предложеніе японскаго правительства.

Переговоры съ Японіей, тянувшіеся довольно долго, закончились подписаніемъ токійскаго протокола 13-го апрѣля 1898 года, текстъ котораго гласитъ такъ ¹⁾:

Статья 1-ая.

Россійское и японское императорскія правительства окончательно признаютъ державныя права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны.

Статья 2-ая.

Желая избѣжать всякаго повода къ недоразумѣніямъ въ будущемъ, россійское и японское императорскія правительства взаимно обязуются, въ случаѣ, если Корея обратится за совѣтами

¹⁾ «Правит. Вѣстникъ», 29 апрѣля 1898 г.

ИСТОРИЯ. ВѢСТН.». ФЕВРАЛЬ 1914 г., т. СХХХV.

и помощью либо къ Россіи, либо къ Японіи, не принимать никакихъ мѣръ къ назначенію военныхъ инструкторовъ и финансовыхъ совѣтниковъ безъ предварительнаго между собою согласія по сему предмету.

Статья 3-ья.

Въ виду широкаго развитія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Японіи въ Корей и значительнаго числа японско-подданныхъ, проживающихъ въ этой странѣ, российское императорское правительство не будетъ препятствовать развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній между Японіей и Кореей.

Уже московскій протоколъ 1896 года до нѣкоторой степени связалъ свободу дѣйствій Россіи въ Корей, токійскій же протоколъ 1898 года поставилъ нашу политику въ этой странѣ въ еще болѣе тѣсныя рамки. Хотя статья 2-я этого протокола и не лишала насъ формальнаго права на назначеніе при корейскомъ правительствѣ русскихъ финансовыхъ и военныхъ совѣтниковъ, но она ставила назначеніе послѣднихъ въ зависимость отъ согласія Японіи—нашей естественной соперницы на Корейскомъ полуостровѣ, прямо заинтересованной въ томъ, чтобы мы не имѣли никакого вліянія на корейское правительство. Въ то же время статья 3-я того же протокола широко открывала Японіи Корейскій полуостровъ.

Пока происходили переговоры между русскимъ и японскимъ правительствами по корейскимъ дѣламъ, приведшіе къ подписанію токійскаго протокола, въ самой Корей дѣла наши пришли къ быстрой развязкѣ. Еще въ среднихъ числахъ декабря 1897 года Алексѣевъ, узнавъ о намѣреніи правительства пересмотрѣть контрактъ о назначеніи его финансовымъ совѣтникомъ, предупредилъ, что это повлечетъ за собой очень нежелательныя послѣдствія. Корейскія придворныя сферы и правительство внимательно слѣдили за борьбой иностранныхъ державъ изъ-за преобладанія на полуостровѣ, будучи готовы, за исключеніемъ развѣ единичныхъ личностей, во всякую минуту примкнуть къ болѣе сильной сторонѣ. Считаая измѣненіе контракта равносильнымъ признанію нашей слабости, Алексѣевъ утверждалъ, что этимъ не замедлятъ воспользоваться наши противники, и что корейскія официальные лица, группировавшіяся въ данное время вокругъ русскихъ, перейдутъ на болѣе сильную сторону.

Дѣйствительно, съ начала февраля 1898 года среди населенія Сеула стало замѣчаться необычайное броженіе: рассылались воззванія, собирались сходки, а корейское общество, извѣстное подъ наименованіемъ «Клуба независимости», готовило коллективную петицію императору о немедленномъ удаленіи всего русскаго и о выдачѣ Кимъ-панъ-са, переводчика русской миссіи и любимца

императора, якобы злоупотреблявшаго довѣріемъ послѣдняго и завѣдомо продавшаго Корею Россіи. Утромъ 10-го февраля петиція эта, изготовленная въ англійскихъ сферахъ и подписанная членами «Клуба независимости», дѣйствительно была подана императору, а вечеромъ того же дня неизвѣстныя лица, напавъ на Кимъ-пань-са, нанесли ему опасную рану. Петиція не только была принята, но даже удостоилась собственноручной резолюціи императора: «Да, мысли хорошія». Послѣдній, извѣстный своимъ слабымъ характеромъ и полнымъ отсутствіемъ энергіи и мужества, повидимому, былъ окончательно запуганъ и безпрекословно утверждалъ все, что диктовалъ ему вновь составленный кабинетъ, который, прикрываясь флагомъ патріотическаго негодованія, якобы вызваннаго политикою Россіи, въ сущности дѣйствовалъ согласно указаніямъ нашихъ противниковъ.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ не могъ, конечно, не донести обо всемъ этомъ министерству иностранныхъ дѣлъ, докладывая о несомнѣнномъ перевѣсѣ антирусской партіи и предупреждая, что такая политика испортитъ въ конецъ наше положеніе въ Корей. На донесеніи эти 19-го февраля послѣдовала телеграмма графа Муравьева съ указаніемъ, что корейское правительство, не оцѣнивъ нашихъ услугъ, повидимому, все болѣе и болѣе склоняется на сторону враждебныхъ намъ партій и что въ данное время на Дальнемъ Востокѣ возникаютъ для Россіи задачи, требующія отъ насъ сохраненія дружескихъ отношеній съ Японіей и Англіей, въ виду чего нашему повѣренному поручалось запросить корейскаго императора и его правительство, признаютъ ли они необходимою нашу дальнѣйшую поддержку Корей.

Весьма вѣроятно, что запросъ, сдѣланный въ указанномъ смыслѣ корейскому правительству, долженъ былъ послужить сигналомъ для окружавшихъ императора лицъ враждебнаго Россіи лагеря, чтобы еще болѣе запугать его предсказаніями самыхъ ужасныхъ бѣдствій, имѣвшихъ, якобы, постигнуть его въ случаѣ, если бы онъ не отступился отъ Россіи. Императоръ подчинился этимъ вліяніямъ,—однако, повидимому, лишь скрѣпя сердце. Впослѣдствіи, прощаясь съ Алексѣевымъ, онъ сказалъ ему: «Мнѣ очень жаль разстаться съ вами, но передайте, что я не могъ поступить иначе». Корейское правительство отвѣтило на запросъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ только 28-го февраля, причемъ, согласно официальному объясненію, отвѣтъ нѣсколько запоздалъ въ виду необходимости созвать изъ провинцій старѣйшихъ сановниковъ, съ которыми предстояло посовѣтоваться. Въ дѣйствительности же затягивалъ рѣшеніе императоръ, выжидая какого-либо знака вниманія, который давалъ бы ему право рассчитывать на дальнѣйшую поддержку Россіи. Въ отвѣтъ своемъ корейское правительство выражало глубокую благодарность Россіи за помощь и постоянныя

заботы о Корее и сообщало, что въ данное время страна уже можетъ обойтись безъ поддержки въ военномъ и финансовомъ дѣлѣ. Вслѣдъ за тѣмъ нашъ финансовый совѣтникъ былъ отозванъ изъ Сеула, а инструкторы наши прекратили свою дѣятельность по обученію корейскихъ войскъ.

Одновременно вынужденъ былъ прекратить свою дѣятельность въ Корее также и Русско-Корейскій банкъ, учрежденный всего лишь за три мѣсяца до этого въ видахъ содѣйствія интересамъ русской торговли и промышленности на Корейскомъ полуостровѣ. Хотя впослѣдствіи министерство иностранныхъ дѣлъ и возбуждало вопросъ объ открытіи вновь въ Корее операций русскаго кредитнаго учрежденія, но при положеніи, занятомъ нами въ названной странѣ, это уже не представлялось возможнымъ. Въ происшедшей по этому поводу перепискѣ съ графомъ Муравьевымъ С. Ю. Витте высказывалъ, что онъ находитъ, какъ находилъ и прежде, что существованіе въ Корее русскаго кредитнаго учрежденія имѣло бы для Россіи большое значеніе и поэтому, по существу, безусловно желательно. Такой точкой зрѣнія министерство финансовъ руководствовалось въ 1896 и 1897 годахъ, когда, въ связи съ предположеннымъ корейскимъ займомъ и командированіемъ въ Корею русскаго финансоваго совѣтника, возникла мысль о распространеніи на эту страну дѣятельности русскаго банка. Такъ какъ въ то время, несмотря на сравнительно блестящее положеніе наше въ Корее, Русско-Китайскій банкъ считалъ рискованнымъ открыть въ этой странѣ свое отдѣленіе, то министерство финансовъ рѣшило даже приступить къ учрежденію особаго Русско-Корейскаго банка. Министерство финансовъ признавало тогда возможнымъ сдѣлать такой шагъ потому, что возлагало надежды на расположеніе корейскаго монарха къ Россіи, на исключительное положеніе, которое занимала тогда Россія на Корейскомъ полуостровѣ, и на возможность вслѣдствіе этого полученія банкомъ права производства операций, имѣющихъ отношеніе до корейскаго казначейства, именно по приему платежей въ счетъ податей, налоговъ и таможенныхъ пошлинъ и доставкѣ этихъ суммъ въ столицу, по чеканкѣ монеты, уплатѣ процентовъ по правительственнымъ займамъ и пр. Эти предположенія министерства финансовъ, однако, не оправдались, такъ какъ, въ связи съ занятіемъ нами Портъ-Артура, наше положеніе въ Корее измѣнилось и послѣдовало отозваніе нашего финансоваго совѣтника. Въ такой странѣ, какъ Корея, прочная коммерческая политика, по мнѣнію министра финансовъ, возможна только при условіи прочности политическаго положенія. Поэтому, пока не вполне обезпечено наше политическое положеніе въ Корее, очень трудно развитъ тамъ широкую коммерческую дѣятельность. Во избѣжаніе недоразумѣній, нашъ банкъ долженъ былъ бы избѣгать всякихъ сколько-нибудь круп-

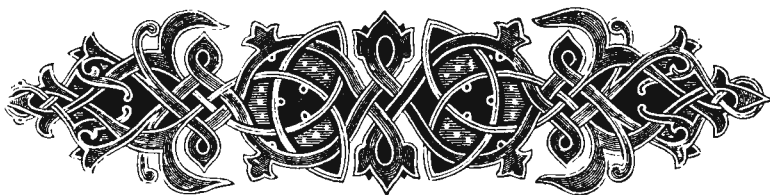
ныхъ и выгодныхъ операцій и предпріятій и потому, при весьма значительныхъ матеріальныхъ затратахъ, едва ли принесъ бы сколько-нибудь ощутительную пользу.

Отозваніе изъ Кореи нашего финансоваго совѣтника лишило насъ, кромѣ того, возможности вступить съ корейскимъ правительствомъ въ кредитныя отношенія и ссудить ему деньги, необходимыя для расчета съ Японіей. При шаткости корейскаго правительства и господствующей въ Корей во всѣхъ внутреннихъ, особенно же денежныхъ, дѣлахъ беззаконности и безконтрольности, можно было рѣшиться на устройство для Кореи кредитныхъ операцій лишь въ то время, когда нашъ финансовый совѣтникъ былъ въ курсѣ управленія финансами страны. Послѣ же удаленія финансоваго совѣтника министръ финансовъ относился отрицательно къ вопросу о заключеніи Кореей займа въ Россіи, хотя вопросъ этотъ неоднократно возбуждался министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТОЛИЦА СИБИРИ.

(Наброски).

I.

Общій видъ на городъ.—Ангара.—Улицы, дома, тротуары.—Центръ города.—
Извозчики.—Гостищицы.

ОСКОВСКИЙ экспрессъ на шестой день доставляетъ васъ изъ центра Европейской Россіи въ столицу Сибири—Иркутскъ.

Еще отъ станціи Иннокентьевской—послѣдняго пункта Сибирской желѣзной дороги (далѣе идетъ Забайкальская)—открывается видъ на Иркутскъ, и видъ этотъ чрезвычайно благопріятенъ: группа домовъ живописно раскинулась на значительномъ пространствѣ; большое число церквей, между которыми величественно выдѣляется новый соборъ, чрезвычайно украшаетъ и разнообразитъ видъ.

Желѣзная дорога пересѣкаетъ рѣку Иркутъ и подходитъ къ иркутскому вокзалу, который построенъ на лѣвомъ берегу Ангары, и, чтобы попасть въ городъ, надо переправиться чрезъ рѣку по понтонному мосту.

Это—большое мѣсто Иркутска: мостъ и по виду не презентабеленъ, да, кромѣ того, и не надеженъ; бываютъ періоды (въ январѣ и мартѣ), когда онъ разводится на нѣсколько дней и сообщеніе города съ желѣзной дорогой прекращается вовсе. Отъ этого и городъ и желѣзная дорога терпятъ большіе неудобства и убытки;

но, несмотря на это, безконечный вопрос о постройкѣ постоянного моста никакъ разрѣшиться не можеть. Рассказываютъ, что городъ хотѣлъ строить мостъ еще во время постройки желѣзной дороги, но цѣна, заявленная однимъ изъ инженеровъ,—восемьсотъ тысячъ рублей—показалась высокой, и городъ отложилъ переговоры; спустя два года, городъ, сообразивъ, что дешевле онъ врядъ ли можеть соорудить мостъ, обратился къ тому же инженеру, но послѣдній потребовалъ уже миллионъ, и городъ опять отказался; теперь же, говорятъ, постройка моста можеть обойтись и въ полтора миллиона. Городское управленіе не торопится съ постройкой моста,

Иркутскъ. Понтонный мостъ. Въѣздъ въ городъ.

главнымъ образомъ потому, что съ понтоннаго моста, отдаваемого въ аренду, оно имѣеть нѣкоторую выгоду.

Рѣка Ангара, опоясывающая городъ съ двухъ сторонъ, по своей красотѣ заслуживаетъ какъ прекраснаго постоянного моста, такъ и набережной. Быстро неся свои прозрачныя воды, рѣка теперь совсѣмъ не эксплуатируется, и многоводная быстрая Ангара кажется безжизненной. Красота рѣки увеличивается цвѣтомъ воды, имѣющей морской оттѣнокъ. Вытекая изъ Байкала за шестьдесятъ верстъ отъ Иркутска, рѣка имѣеть на это разстояніе шестьдесятъ сажень уклонъ русла, отчего и получаются чрезвычайная быстрота, которою можно было бы пользоваться; какъ двигательной силой. Прозрачность воды поразительна: на глубинѣ нѣсколькихъ сажень видны маленькіе камешки. Благодаря той же быстротѣ теченія, рѣка замерзаетъ очень поздно: несмотря на лютые морозы, она катитъ свои волны, какъ ни въ чемъ не бывало, лишь окутываясь густымъ туманомъ. «Ангара кипитъ»—говорять иркутяне. Замер-

заніе происходит съ нижнихъ слоевъ воды, и потому, когда наконецъ трескучіе морозы одолѣютъ быстроту теченія, Ангара покрывается хаотически расположенными льдинами самой причудливой формы. Съ покрытіемъ рѣки льдомъ исчезаетъ и туманъ.

При въѣздѣ отъ моста въ городъ сразу наталкиваешься на неблагоустройства: улицы, въ большинствѣ не мощенныя, изобилуютъ грязью, а въ сухое время окутываются пылью. Дома, по преимуществу деревянныя и не выше двухъ этажей, имѣютъ какой-то грязный унылый видъ; только обиліе оконъ какъ будто веселитъ общее сѣрое впечатлѣніе.

Благодаря часто случающимся здѣсь землетрясеніямъ, каменныхъ домовъ почти не строятъ, хотя такія опасенія слѣдуетъ считать преувеличенными: имѣющіяся въ городѣ каменные зданія (не выше трехъ этажей), а также каменные церкви отъ землетрясеній не страдаютъ.

Кромѣ непонятнаго, при суровости климата, обилія оконъ въ домахъ, еще натыкаешься на странность: многіе изъ нихъ выстроены безъ фундамента. Должно быть, благодаря этому, теплыхъ квартиръ въ Иркутскѣ мало.

Замощеніе улицъ находится въ зачаточномъ положеніи; городъ въ свои руки этого не взялъ, предоставивъ домовладѣльцамъ самимъ замащивать улицы по своему усмотрѣнію, отчего можно видѣть на одной и той же улицѣ всевозможные образцы мостовой, а съ другой стороны—ни одной улицы нѣтъ замощенной сплошь: даже «Большая»—главная улица—имѣетъ не замощенныя мѣста. Ближайшее слѣдствіе такого порядка—ужасающая грязь или такая же пыль. По этой причинѣ, самое пріятное время для жителей—зима, когда ни пыли, ни грязи не бываетъ.

Неблагоустроеннымъ мостовымъ вполнѣ соотвѣтствуютъ и тротуары: они сплошь дощатые, узкіе и содержатся возмутительно небрежно: выгнившія мѣста или задѣлываются сверху накладками съ неаккуратно вбитыми гвоздями, или зіяютъ дырами. Отъ этого ходить по такимъ тротуарамъ, да еще въ темноту, прямо опасно, а о порчѣ обуви и говорить нечего.

Центръ города составляетъ Большая улица, проходящая черезъ весь городъ, начинаясь отъ Ангара и оканчиваясь у моста чрезъ рѣку Ушаковку, соединяющаго городъ съ Знаменскимъ предмѣстьемъ. На этой улицѣ и на прилегающихъ къ ней Ивановской и Пестеревской сосредоточены лучшія постройки, гостиницы и магазины.

Особенность иркутскаго центра—это скамейки на тротуарахъ, гдѣ иркутяне любятъ сидѣть въ свободное время, наблюдая за проходящей публикой; по вечерамъ, когда гуляющихъ бываетъ особенно много, всѣ скамейки бываютъ заняты биткомъ.

Иркутскъ. Каѳедральный соборъ.

Иркутскъ. Большая улица.

Лучшими гостиницами считаются: «Централь», «Грандъ-отель» и «Центральное депо». При первой изъ названныхъ гостиницъ имѣется шантанъ, и потому она посѣщается кутящимъ людомъ. Прочія же гостиницы вполне приличны и обставлены довольно комфортабельно. Кромѣ первоклассныхъ гостиницъ, въ городѣ имѣется очень много второстепенныхъ. Въ періодъ войны съ Японіей Иркутскъ представлялъ пунктъ, чрезъ который двигались всѣ какъ въ армію, такъ и изъ арміи; поэтому здѣсь открылось много гостиницъ, по преимуществу съ шантанами; послѣ войны большинство изъ этихъ пріютовъ зачало или кончило свое бурное существованіе.

Иркутскъ богатъ довольно приличными извозчиками: всѣ они ѣздятъ на резинахъ и строго придерживаются таксы, которая, благодаря небольшимъ разстояніямъ, не убыточна для нихъ.

II.

Благоустройства города.—Уличная жизнь.—Общественныя учрежденія.—Памятники.

Если какой-нибудь городъ дѣлаетъ долги для своего благоустройства, напримѣръ, на мостовыя, освѣщеніе, водопроводъ, трамвай и т. п., то этому никто не удивится. Но городъ, не имѣющій долговъ и тѣмъ не менѣе пренебрегающій своимъ благоустройствомъ, можетъ вызвать большое недоумѣніе. Иркутскъ не имѣетъ ни копейки долга, но зато не имѣетъ мостовыхъ (полумощенныя и при томъ кое-какъ улицы нельзя считать культурными путями сообщения); не имѣетъ водопровода (существующій, которымъ можетъ пользоваться сотая часть жителей, въ счетъ итти не можетъ); не имѣетъ тротуаровъ, моста, соединяющаго городъ съ вокзаломъ желѣзной дороги, и т. д.

Благодаря равнодушію города къ культурѣ, получается слѣдующее: улицы, составляющія путевую артерію связи вокзала съ городомъ и города съ Якутскимъ шоссе, топуть въ грязи или снабжаютъ ѣдущихъ и идущихъ такою пылью, что дышать нельзя; водоснабженіе жителей производится допотопнымъ образомъ—водовозами; совершенно нѣтъ общественныхъ садовъ, если не считать пресловутаго городского «Интендантскаго» сада, состоящаго въ арендѣ у предпринимателей, увеселяющихъ непрехотливыхъ горожанъ разными садовыми развлечениями; наконецъ, могущая быть великолѣпнымъ мѣстомъ для бульвара и украшеніемъ города набережная чудной Ангары въ сухое время закутывается непролазной грязью.

Количество вывозимыхъ отбросовъ равняется лишь одной двадцатой части ихъ, а девятнадцать двадцатыхъ поглощаются почвой. Только въ центральной части города черезъ поглощающіе колодцы и ямы спускается въ почву въ десять разъ больше, чѣмъ вывозится.

Между тѣмъ воду изъ Ангары жители берутъ только для питья и приготовленія пищи, въ остальныхъ случаяхъ вода берется изъ загрязненныхъ отбросами и нечистотами колодцевъ. По свидѣтельству санитарной статистики, Иркутскъ стоитъ на поглощающихъ колодцахъ и ямахъ, и потому болѣзненность и смертность горожанъ имѣетъ большой процентъ. Санитарія вопіетъ о необходимости канализаціи и водопровода; но, судя по тому, какъ вообще быстро разрѣшаются общественные вопросы, нельзя ожидать скорого устройства канализаціи, и городъ со сто двадцатью тысячами жителей будетъ еще долго влачить свое существованіе при примитивныхъ условіяхъ жизни.

Помимо отсутствія культурнаго обезпеченія горожанъ удобствами жизни, Иркутскъ не можетъ похвалиться и обезпеченіемъ

Иркутскъ. Судебныя установленія.

жителей въ смыслѣ безопасности. Прочные заборы, обязательные ставни на окнахъ, преимущество входовъ въ квартиры со двора и т. п. показываетъ, что жителямъ предоставляется самимъ заботиться о своей безопасности. Полиція поражаетъ своимъ ничтожнымъ количествомъ; только на центральныхъ улицахъ можно кое-гдѣ увидѣть городского; но чуть свернули вы въ боковыя улицы, и присутствія городского нигдѣ не замѣтите. А между тѣмъ въ Иркутскѣ большой комплектъ не вполне благонадежнаго элемента: ссыльные, бывшіе каторжане и другой «вольный» людъ встрѣчается на каждомъ шагу. Вотъ почему въ городѣ перѣдки разбои, грабежи и воровство. Что же касается безцеремонности пьяныхъ и хулигановъ, то тутъ имъ широкій просторъ. Картинку, когда пьяный и почти нагой безмятежно спитъ на тротуарѣ, можно видѣть каждый день и во многихъ мѣстахъ. Косвеннымъ доказательствомъ послѣдняго явле-

нiя можетъ служить большинство нищихъ, у которыхъ отсутствуютъ кисти рукъ. Это результатъ безмятежнаго отдыха пьянаго, не разбирающаго, что на дворѣ—лѣто или зима.

Единственнымъ показателемъ культуры на улицахъ Иркутска служатъ электрическіе фонари. Со времени введенiя электрическаго освѣщенiя, значительно сократились, какъ говорятъ, грабежи и нападенiя на улицахъ города.

Кто-то называлъ Иркутскъ городомъ прiѣзжающихъ. Дѣйствительно приливъ и отливъ жителей здѣсь постоянный: прiѣзжаютъ сюда служить, привлеченные льготами окраинной службы, разные предприниматели, въ надеждѣ на блага обширнаго и не разработаннаго еще края, ищущіе простора новаго края, привлеченные надеждой на быструю наживу и т. д. Большинство изъ нихъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, поворачиваютъ обратно, а на смѣну имъ являются новые и т. д. до безконечности. Коренныхъ жителей или прочно осѣвшихъ здѣсь не особенно много, и таковыя относятся къ пришлому люду не особенно благожелательно, все еще вспоминая прежнiя времена—до постройки желѣзной дороги, когда здѣсь были свои законы, свой особенный укладъ жизни. Такое недоброжелательство прежде всего выразилось въ кличкахъ некореннаго люда: самоходы (переселенцы), двадцатники (получающіе жалованье 20 числа). И произносятся эти клички съ явнымъ пренебреженiемъ, почему и считаются обидными. Сибиряковъ же европейцы въ отместку называютъ «чолдонами».

На центральныхъ улицахъ и преимущественно на Большой жизнь бьетъ ключомъ, но стоитъ свернуть въ сторону, и жизнь замираетъ; тишина и безмятежность глухой провинціи въ полной красѣ. Для издерганныхъ нервовъ, требующихъ тишины и покоя, Иркутскъ можетъ служить чуть ли не санаторiей. Даже иногда идилліей пахнетъ: ежедневно по утрамъ и вечерамъ пастухъ громко извѣщаетъ трубой и громкимъ щелканьемъ бича хозяевъ коровъ о времени выпуска животныхъ на пастбу и пріема обратно. Иногда только тишина боковыхъ улицъ непріятно нарушается лязгомъ кандаловъ арестантовъ, партіи которыхъ слѣдуютъ довольно часто въ тюрьму и на вокзалъ.

За отсутствiемъ садовъ и скверовъ публика гуляетъ преимущественно по Большой улицѣ.

Общественныхъ зданiй немного: нарядный по наружности театръ, большую часть года пустующій; два общественныхъ собранiя, хорошо работающихъ въ зимнiй сезонъ, какъ обыденными сборищами, концертами и благотворительными вечеринками, такъ и неизбѣжнымъ лото, пользующимся у иркутянъ большимъ вниманiемъ. Хорошую жатву собираютъ кинематографы и единственный скетингъ-рингъ. Какъ архитектурой, такъ и содержанiемъ можетъ похвалиться музей, а городская библиотека всѣми мѣрами старается

удовлетворить многочисленныхъ своихъ абонентовъ. Хотя Иркутскъ и принадлежитъ къ числу старыхъ городовъ, но памятниковъ старины у него немного, да и имѣющіеся не пользуются благоволеніемъ городского управленія. Такъ, напримѣръ, Московскія ворота и арсеналь, представляющіе собою дѣйствительно интересные памятники, были недавно осуждены городской управой на уничтоженіе, и только вмѣшательство нѣкоторыхъ любителей старины остановило занесенную руку. Во всякомъ случаѣ, отношеніе Иркутска къ своимъ памятникамъ болѣе чѣмъ пренебрежительно: исторіи постройки ихъ никто не знаетъ, а содержаніе ихъ

Иркутскъ. Домъ генераль-губернатора.

просто возмутительно: Московскія ворота грозятъ разрушеніемъ, а къ арсеналу примкнуты отхожія мѣста.

Кромѣ Московскихъ воротъ и арсенала въ Иркутскѣ нѣтъ никакихъ памятниковъ старины, если не считать нѣкоторыхъ церквей, насчитывающихъ не одну сотню лѣтъ своей жизни; но и послѣднія ничѣмъ особенно не выдаются, и объ нихъ никто и ничего интереснаго рассказать не можетъ. Впрочемъ, изъ старыхъ церквей выдѣляется Старый соборъ, въ которомъ почиваютъ останки святаго Софронія, очень почитаемые иркутянами, ходатайствующими о признаніи мощей святаго Софронія.

Зато новый памятникъ Александру III, открытый 30-го августа 1908 года, поставленъ на очень хорошемъ мѣстѣ на берегу Ангары и окруженъ вновь устроеннымъ живописнымъ скверомъ. Это мѣсто сдѣлалось любимымъ для прогулокъ иркутянъ, какъ представляющее собою дѣйствительно уютный уголокъ съ чуднымъ видомъ на

Ангару и окрестности и всегда чистымъ живительнымъ воздухомъ. Здѣсь по нѣкоторымъ днямъ играетъ военная музыка, собирающая большое число гуляющихъ.

Открытие этого памятника сопровождалось казусомъ, очень огорчившимъ властей и стоившимъ службы одному чиновнику. Дѣло было такъ: по приближеніи момента снятія полотна, покрывавшаго памятникъ, за концы веревокъ взялись прибывшій спеціально на открытіе генераль-адъютантъ П. и генераль-губернаторъ С. Торжественная минута настала, генералы потянули веревки, но, какъ они ни старались, полотно не двигалось. Поднялась тревога, потребовались большія усилія, но и они не помогли; веревки оборвались, а памятникъ оставался закрытымъ. Тогда послали за выдвигной пожарной лѣстницей, но и здѣсь послѣдовала неудача: при выдвигеніи лѣстницы выдвигающее колесо сломалось, и лѣстница опустилась; послали за другой, и только по прибытіи ея пожарному солдату удалось добраться до верха памятника и разрѣзать полотно, открывшее наконецъ величественную фигуру Александра III. Но торжество было значительно испорчено, и этотъ случай долго обсуждался на разные лады. Виновнику же такой оплошности было предложено подать въ отставку.

III.

Уловія жизни.—Квартиры.—Учебныя заведенія.—Промышленныя заведенія.—Торговля.—Прислуга.—Свободныя профессіи.—Базары.

Нельзя сказать, чтобы переселяющихся по разнымъ случаямъ въ Иркутскъ не пугала далекая и незнакомая Сибирь. Если и не со страхомъ, то по крайней мѣрѣ съ опаской пускаются въ путь, отягощенные въ большинствѣ случаевъ мыслью: что-то встрѣтится въ далекомъ краю? Настроенные воображеніемъ, что здѣсь все должно быть особенное, не похожее на то, чѣмъ и какъ жилось въ Европѣ, переселяющіеся сразу никакъ не могутъ привыкнуть, что Иркутскъ—такой же россійскій городъ, съ тѣмъ же укладомъ россійской, обывательской жизни, съ тѣмъ же порядками, къ какимъ мы всѣ давно привыкли, гдѣ бы ни жили прежде. Конечно, есть и нѣкоторыя особенности, отличающія Иркутскъ отъ другихъ городовъ Россіи, но эти особенности такъ незначительны, что ихъ почти не замѣчаешь.

Къ одному лишь долго привыкнуть не можетъ прибывшій сюда—это къ отдаленности отъ центровъ государства. Даже глубокій провинціалъ, привыкшій, напримѣръ, читать газеты на второй-третій день по выходѣ ихъ въ столицахъ, долго не можетъ приступить къ чтенію газеты, полученной семь—десять дней спустя по выходѣ; также чувствуется, какъ какая-то отсталость, позднее полученіе

писемъ и вообще корреспонденціи. Но затѣмъ эта неловкость незамѣтно проходитъ, все входитъ въ колею, и неловкость отъ запоздавшаго чтенія писемъ и газетъ болѣе не чувствуется. Мѣстныхъ газетъ достаточно, но эта пресса не можетъ удовлетворить интеллигента, прибѣгающаго поэтому къ помощи столичныхъ газетъ. Квартиру въ городѣ найти не всегда легко, особенно въ зимнее время, а квартиру съ удобствами—и того труднѣе. Казалось бы, что квартиры прежде всего должны быть приспособлены къ суровому климату; но вотъ этого-то здѣсь и нѣтъ. Обрѣсти теплую и сухую квартиру очень трудно, ибо таковыхъ здѣсь очень мало. Это происходитъ прежде всего, какъ сказано выше, оттого, что дома строятся по преимуществу безъ фундамента, а затѣмъ потому, что внутреннія стѣны не штукатуруются и стѣны снабжаются излишне большимъ числомъ оконъ. Кромѣ холода и отсутствія удобствъ, квартиры еще изобилуютъ клопами, а если принять во вниманіе, что цѣны на нихъ держатся высокія, то слѣдуетъ прийти къ заключенію, что квартирный вопросъ въ Иркутскѣ разрѣшенъ не ахти какъ. Зато много квартиръ освѣщаются электричествомъ, что и поднимаетъ цѣну ихъ. Какъ городъ «пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ», Иркутскъ всегда богатъ отдѣльно отдающимися въ наемъ комнатами.

Маленькая странность: при квартирахъ нѣтъ помѣщеній для дровъ, и таковыя складываются прямо во дворахъ, подъ открытымъ небомъ.

Иркутскъ можетъ похвалиться своими учебными заведеніями; ихъ достаточно много, и поставлены они во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Многія изъ учебныхъ заведеній возникли благодаря щедрымъ пожертвованіямъ (двѣ женскія гимназіи—И. С. Хаминова, Трапезниковское ремесленное, Понамаревское и т. п.).

Есть тутъ и горное и промышленное училище, есть губернская гимназія и учительская семинарія, есть военное, коммерческое и музыкальное училища; однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи Иркутскъ можетъ поддержать положеніе столицы Сибири. Среднихъ учебныхъ заведеній достаточно, но для средней Сибири ощущается недостатокъ высшаго заведенія, мѣсто которому, конечно, въ Иркутскѣ, какъ центрѣ обширнаго, быстро развивающагося края. Иркутскъ не можетъ быть названъ фабричнымъ городомъ; здѣсь фабрикъ и заводовъ почти нѣтъ и не потому, что здѣсь нѣтъ матеріаловъ или сбыта, а исключительно благодаря отсутствію предпринимателей, которые могли бы поставить новое дѣло. Мѣстные денежные тузы довольствуются привычнымъ своимъ дѣломъ—экспортной торговлей и на новое дѣло не хотятъ затрачивать ни своей энергіи, ни капиталовъ. Достаточно видѣть тѣ обозы съ всевозможнымъ товаромъ, которые тянутся по Якутскому шоссе, чтобы судить объ интенсивности торговли. Въ городѣ много складовъ и

оптовыхъ магазиновъ, а магазины Второва напоминаютъ своей энциклопедичностью Мюра и Мерилиза въ Москвѣ. Торговля пока находится въ рукахъ русскихъ (Второвъ, Посохинъ, Макушинъ и т. д.); но уже и евреи начинаютъ шибко проникать въ торговую среду и захватывать видныя отрасли. Во всякомъ случаѣ, въ Иркутскѣ можно достать все, начиная съ самыхъ изысканныхъ предметовъ роскоши и кончая предметами обыкновеннаго обихода. Бойко торгуютъ фруктами, особенно въ осенній сезонъ (августъ—сентябрь), когда на Ивановской площади сооружаются лавочки-бараки исключительно для торговли фруктами. И надо отдать справедливость: въ Иркутскѣ можно достать какіе угодно фрукты, конечно, дороже, но не намного противъ Европейской Россіи. Фруктами Сибирь снабжается почти исключительно изъ Туркестанскаго края. Изъ-за границы, черезъ Владивостокъ, фрукты почти не идутъ за немѣлиемъ на желѣзныхъ дорогахъ нужныхъ приспособленій.

Цѣны на предметы первой необходимости колеблются, смотря по времени года, причемъ зимой цѣны возвышаются, за исключеніемъ цѣны на мясо, которое въ замороженномъ видѣ продается очень дешево (восемь—девять копеекъ). Чтобы судить, въ какомъ количествѣ употребляется въ здѣшней мѣстности замороженное мясо, стоитъ обратить вниманіе на безконечные обозы, слѣдующіе по улицамъ, начиная съ октября-ноября и въ продолженіе всей зимы, нагруженные замороженными тушами. Эти туши прибываютъ въ Иркутскъ для города и окрестностей изъ Монголіи.

Изъ промышленныхъ заведеній обращаетъ вниманіе обиліе прачечныхъ и сапожныхъ мастерскихъ. Между прачечными выдѣляется одна, которая по размѣрамъ и исполненію заказовъ сдѣлала бы честь и Петербургу. Много прачечныхъ содержатся китайцами и японцами. Обиліе сапожныхъ мастерскихъ объясняется неблагопріятнымъ для обуви содержаніемъ тротуаровъ (дыры, торчащія гвозди). Обращаютъ на себя вниманіе и нѣкоторыя курьезныя вывѣски, напримѣръ: «шитница» (вмѣсто бѣлошвейка), «пристольница» (принимаетъ услуги по устройству обѣдовъ, вечеровъ, поминокъ), «докторъ обуви», «коневецъ» (коваль) и т. п.

Иркутяне въ общемъ недовольны элементомъ, попадающимъ въ прислугу. Народъ, ищущій мѣсть прислуги, въ большинствѣ крайне ненадеженъ, какъ выходящій изъ среды ссыльныхъ и пришлыхъ, не обосновавшихся на другихъ поприщахъ. А такъ какъ заработокъ для рабочаго народа вообще здѣсь довольно высокъ, то и прислуга дорога. Нѣкоторые изъ переселяющихся въ Иркутскъ берутъ съ собой изъ Европы и прислугу, но таковая или портится мѣстными нравами, или уходитъ на болѣе доходныя мѣста. Большинство домовыхъ кражъ, а такихъ случаевъ здѣсь достаточно, происходятъ съ помощью прислуги.

Иркутскъ. Городской театръ.

Иркутскъ. Музей.

Между представителями свободныхъ профессій большинство иновѣрцы: врачи по преимуществу евреи, инженеры и присяжные повѣренные—поляки. Женскій интеллигентный трудъ здѣсь въ большомъ ходу, и между зубными врачами большинство женщинъ.

Между базарами Иркутска особенно славятся такъ называемый «Мелочной» и «Барахолка». Послѣдній въ родѣ толкучки, гдѣ не только всякой дряни въ достаточномъ количествѣ, но можно найти и хорошія вещи.

Всѣ базары окружены массой пивушекъ и харчевенъ (по мѣстному—«чаевня»), въ которыхъ процвѣтаетъ тайный развратъ, тайность котораго, впрочемъ, весьма прозрачна. Вообще Иркутскъ славится всяческими притонами, почему венерическія болѣзни очень развиты. Спортъ въ Иркутскѣ очень распространенъ. Имѣется циклодромъ, ипподромъ, охотничьи общества, владѣющія особыми охотничьими и рыболовными дачами и т. п.

IV.

Предмѣстья города.—Окрестности.—Дачи.

Площадь, занимаемая городомъ, собственно не велика и къ тому же ограждена съ трехъ сторонъ р.р. Ангарой и Ушаковкой. Ростъ города можетъ происходить лишь въ четвертую сторону, но такъ какъ здѣсь начинается гористая мѣстность и при томъ болѣе удаленная отъ желѣзной дороги, то избытокъ населенія ютится больше по предмѣстьямъ, за Ангарой и Ушаковкой.

Наиболѣе населенное предмѣстье—Глазговское, образовавшееся около вокзала желѣзной дороги, нынѣ обращается въ желѣзнодорожный городокъ. Предмѣстье считается довольно благоустроеннымъ, имѣющимъ даже гостиницы, которыя особенно хорошо работаютъ въ періодъ ледохода по Ангарѣ, когда вокзалъ желѣзной дороги бываетъ совершенно отрѣзанъ отъ города.

Другое большое предмѣстье болѣе древняго происхожденія—Знаменское—образовалось, главнымъ образомъ, по сторонамъ Якутскаго тракта, и главная улица предмѣстья носить названіе Якутской. По этой улицы расположены: женскій монастырь, Трапезниковское ремесленное училище, учительская семинарія, казенный винный заводъ, Понамаревское городское училище, артиллерійскій складъ. Въ Знаменскомъ же предмѣстьи находятся: военный госпиталь, военно-фельдшерская школа и тюрьма.

Продолженіемъ Якутской улицы служитъ Якутское шоссе, и потому эта улица составляетъ главную артерію, соединяющую городъ съ Якутскимъ трактомъ. Здѣсь всегда и непрерывно тянутся обозы съ всевозможною кладью и подводы окрестныхъ крестьянъ съ базарными продуктами.

Иркутскъ. Памятникъ Александру III.

Казалось бы, что столь оживленный путь долженъ быть надлежаще содержимъ. Между тѣмъ Якутская улица представляетъ собою нѣчто невообразимое: пролегая по низменной мѣстности, она, однако, не замощена, и тутъ царить почти всегда непролазная грязь съ выбоинами и колдобинами, въ которыхъ колеса зарываются по ступицу. Подводы съ громоздкими тяжестями употребляютъ цѣлые дни, чтобы протянуться по Якутской улицѣ длиною

18*

около полуторы версты. Постоянные помолки, истязанія животных, крикъ и брань возчиковъ—вотъ что можно наблюдать ежедневно на Якутской улицѣ. По этой же улицѣ идетъ путь къ свалкамъ, причемъ, благодаря убійственной дорогѣ и отсутствію надзоръ, ассенизаторы не стѣсняются выливать содержимое своихъ бочекъ прямо на улицѣ, образуя цѣлыя озера не просыхающихъ зловонныхъ отбросовъ. Въ жаркіе дни, когда почва мѣстами просыхаетъ, начинается пыль, окутывающая проѣзжихъ и прохожихъ со всѣхъ сторонъ. Только зимой Якутская улица дѣлается какъ слѣдуетъ проѣзжей.

Благоустройство Знаменскаго предмѣстья и служащей продолженіемъ его Рабочей слободы вообще отсутствуетъ. Здѣсь нѣтъ ни полицейской, ни пожарной части. Въ смыслѣ личной безопасности и охраны имущества здѣсь полная беспомощность обывателей. Грабежи и убійства въ предмѣстьяхъ—обычное явленіе. Нѣсколько негодяевъ, извѣстныхъ, впрочемъ, какъ жителямъ, такъ и полиціи, совершенно безнаказанно терроризируютъ обывателей. Пройти ночью по предмѣстью—большой рискъ, на который рѣдко кто рѣшается; если же необходимость заставляетъ пройти по улицамъ предмѣстья ночью, то необходимо вооружиться основательно. Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить слѣдующая замѣтка, появившаяся въ хроникѣ мѣстной газеты (іюль 1912 г.):

«Городской контролеръ по сбору налога на лошадей и собакъ обратился въ городскую управу съ просьбой выхлопотать ему разрѣшеніе на право ношенія оружія въ виду предстоящей регистраціи по взиманію налога въ Знаменскомъ предмѣстѣи и Рабочей слободѣ. Контролеръ указываетъ, что въ прошлые годы были случаи, когда обыватели названныхъ предмѣстій грозили ему самоубиствомъ и онъ подвергался серьезной опасности».

А между тѣмъ Знаменское предмѣстье по своему мѣстоположенію, обилію растительности и дешевизнѣ квартиръ очень привлекательно для жилья; но отсутствіе самаго элементарнаго благоустройства портитъ все дѣло, и предмѣстье не растетъ.

Иркутяне любятъ дачную жизнь, и всѣ мало-мальски имущіе выбираютъ на короткое лѣто на лоно природы. Болѣе состоятельные уѣзжаютъ въ Уселье (восемьдесятъ верстъ отъ Иркутска по желѣзной дороги) и дальше; тѣ же, кого держитъ городъ, перебираются на ближайшее дачное мѣсто Звѣздочку и на рѣку Кай. Дачи Звѣздочки раскинулись на гористомъ лѣвомъ берегу Ангары, которая отдѣляетъ дачи отъ города. Связаніе съ дачами на пароходикахъ, непрерывно курсирующихъ между городскимъ и дачнымъ берегами. Мѣстоположеніе и условія жизни въ общемъ недурны, только отсутствіе купанья да небезопасность отъ хулигановъ портятъ дѣло, и дачная жизнь на Звѣздочкѣ не развивается. Дачи на рѣкѣ Кай болѣе соответвуютъ требованіямъ лѣтней жизни. Отстоя на десять верстъ отъ Иркутска, дачи расположены

въ лѣсу пересѣченной мѣстности, окружающей неширокую долину рѣки Кая. Мѣстоположеніе очень красивое, здоровое, купанье прекрасное, воздухъ горный, лѣсной. И для житья и для прогулокъ достаточно удобствъ, только сообщеніе съ городомъ по проселочной дорогѣ нѣсколько затруднительно.

Есть еще дачи по другую сторону города, по рѣкѣ Ушаковкѣ, за Рабочей слободой. Сообщеніе съ городомъ лучше, и мѣстность уютная, но рѣка Ушаковка имѣетъ болотистые берега и не особенно удобна для купанья. Къ окрестностямъ Иркутска, часто посѣщаемымъ горожанами, надо отнести еще Иннокентьевскій мужской мо-

Иркутскъ. Общественное собраніе.

настырь, находящійся на полуостровѣ, омываемомъ рѣками Ангарой и Иркутомъ. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ мощи св. Иннокентія-чудотворца. Иркутяне очень благоговѣйно и трогательно чтятъ мощи своего перваго епископа.

Вообще окрестности Иркутска очень живописны и интересны; жаль только, что прогулки по нимъ не всегда безопасны.

V.

Климатъ Иркутска.

Мы удивляемся, что иностранцы не знаютъ Россіи и рассказываютъ о ней всякія небылицы, въ родѣ того, что можно будто бы встрѣтить волковъ, бѣгающихъ по улицамъ чуть ли не Петербурга и т. п.

Но мы не знаемъ климата своей же страны—Сибири. По крайней мѣрѣ ѣдущій въ Сибирь всегда услышитъ отъ бывалыхъ и небывалыхъ любителей просвѣтить ближняго такіе ужасы о Сибири, что можетъ впасть въ грусть. Большинство представляетъ себѣ Сибирь занесенною, по крайней мѣрѣ, двѣ трети года сугробами снѣга, съ трескучими морозами среди лѣта и т. п. Между тѣмъ въ такихъ представленіяхъ заключается много ошибокъ. Что касается Иркутска, то здѣшній климатъ долженъ быть признанъ въ общемъ очень здоровымъ. Конечно, суровость климата здѣсь достаточно ощутима, но она вредно не отражается на организмѣ и переносится очень легко. Морозъ двадцать пять градусовъ и болѣе здѣсь чувствуется гораздо легче, чѣмъ десятиградусный морозъ въ Европѣ.

Лѣто, правда, короткое, всего два мѣсяца (іюнь—іюль), но зато бываетъ и чрезвычайно знойное (термометръ поднимается до 40°. Но и отъ такой температуры люди не страдаютъ, потому что утра, вечера и ночи всегда прохладны, и организмъ успѣваетъ отдохнуть отъ истомы жаркаго дня. Весна и осень очень пріятны, хотя ночами случаются заморозки. Ласточки живутъ въ Иркутскѣ съ начала мая до начала августа.

Зима продолжительна, но очень пріятна: снѣга выпадаетъ не особенно много, но онъ держится долго; оттепелей среди зимы и слякоти никогда не бываетъ, совершенно безвѣтренные дни позволяютъ легко переносить даже сильные морозы, а необыкновенное обиліе солнечныхъ дней (за годъ съ іюля 1911 года по іюнь 1912 г. въ Иркутскѣ было 286 солнечныхъ дней) рѣзко выдѣляетъ климатъ Иркутска въ благоприятную сторону. Одного періода не любятъ иркутяне, это начиная съ появленія порядочныхъ морозовъ до ледостава Ангары. Этотъ періодъ продолжается примѣрно съ 1-го ноября до 10-го января. Въ это время по утрамъ, а то и цѣлый день, стоитъ туманъ, окутывающій все и вся непроницаемыми волнами. Туманъ поднимается съ Ангары и происходитъ оттого, что Ангара, благодаря быстротѣ теченія, долго не можетъ остановиться въ оковахъ льда, и несущіяся волны, несмотря на большой морозъ, выдѣляютъ, въ силу рѣзкой разницы температуры между водой и окружающимъ воздухомъ, массу паровъ, которые и скопляются въ волны тумана. Но этотъ туманъ въ большинствѣ среди дня исчезаетъ, появляется обычное солнце, и зимній пейзажъ предстаётъ во всей своей красѣ.

Несмотря на довольно большой слой снѣга, земля за зиму промерзаетъ на цѣлую сажень.

Изъ зимнихъ развлеченій иркутяне любятъ бѣга и катанье на конькахъ; а такъ какъ для послѣдняго удовольствія, въ виду недолгаго срока стоянія льда на Ангарѣ, времени не много, то мальчишки предпочитаютъ кататься на конькахъ по тротуарамъ, которые рѣдко счищаются, и хотя такой спортъ не можетъ быть особенно

приятенъ для пѣшиходовъ, но пркутяне къ нему относятся чрезвычайно добродушно и снисходительно.

Санний путь держится непрерывно примѣрно до конца февраля, а затѣмъ, несмотря на морозы, снѣгъ постепенно исчезаетъ подъ лучами дневного солнца; при этомъ случается наблюдать на одной и той же улицѣ двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга температуры: на тѣневой сторонѣ— 10° , а на подсолнечной— $+10^{\circ}$.

Зимнія одежды здѣсь особенныя, если не считать барынь, которыя справляются не съ мѣстными потребностями, а съ модными картинками. Любимый головной уборъ—папаха преобладаетъ всюду: ее носятъ и взрослые и дѣти, и зажиточные и бѣдняки. Въ большомъ употребленіи и шапки вродѣ нансеновской. Интересенъ также головной уборъ, употребляемый дѣвочками и простыми женщинами; это мѣховой капоръ съ длинными концами, которые закрываютъ уши и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ шалью.

Также здѣсь въ большомъ употребленіи дохи, самыхъ разнообразныхъ видовъ и мѣховъ. Мѣстные крестьяне употребляютъ дохи изъ овчины, поверхъ которой—кожа жеребятъ шерстью вверхъ.

На ногахъ по преимуществу—валенки (по мѣстному—катанки), но удивительно то, что, не взирая на большое требованіе этой обуви, она здѣсь въ общемъ неважнаго качества и стоитъ гораздо дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи. Также дороги здѣсь и мѣха, несмотря на близость мѣстъ, еще обильныхъ пушнымъ звѣремъ.

Вообще зимнее время—самое пріятное въ Иркутскѣ: нѣтъ пыли и грязи, досаждающихъ обывателямъ лѣтомъ. Кромѣ пыли и грязи, лѣто переносится тяжело еще благодаря отсутствію купанья. Температура воды Ангары, несмотря ни на какія жары, не поднимается выше $+8^{\circ}$, а при такой температурѣ воды въ нее не полѣзешь. Зато лѣтомъ есть возможность избавиться хоть изрѣдка отъ городскихъ прелестей: поѣздку на Байкаль и въ окрестности города доставны всѣмъ и доставляютъ много удовольствія.

Нынѣшній Иркутскъ имѣетъ еще много отрицательныхъ сторонъ. Здѣшніе старожилы говорятъ, что за послѣдніе годы Иркутскъ узнать нельзя, такъ онъ улучшился во всѣхъ отношеніяхъ. Иркутскъ имѣетъ будущность. Побольше культурныхъ приспособленій для жизни, побольше любви городского управленія къ своему городу—и полузахудалый губернский городъ обратится въ дѣйствительную столицу Сибири. Всѣ данныя для этого налицо. Мы вѣримъ, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ и Иркутскъ сдѣлается виднымъ городомъ средней Сибири.

Ив. Вязовскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щоголева. Кн-во «Прометей», Н. Н. Михайлова. 1914.

ВНЯГИНЯ М. Н. Волконская, подруга по жизни въ Сибири супруга своего, декабриста князя С. Г. Волконскаго, оставила послѣ себя воспоминанія о жизни своей въ Сибири, написанныя ею только для своихъ дѣтей и внуковъ. Предметомъ ихъ являются лишенія и страданія, испытанныя въ ссылкѣ супругами Волконскими. «Я буду писать эти воспоминанія, — пишетъ княгиня Марія Николаевна, обращаясь къ сыну своему, князю Михаилу Сергѣевичу, — для тебя, для твоей сестры и для Сережи, при непремѣнномъ условіи, чтобы эти записки не сообщались никому за исключеніемъ твоихъ дѣтей, когда они у тебя будутъ; прижавшись къ тебѣ, съ широко раскрытыми глазами, будутъ они слушать рассказы о нашихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, съ которыми, однако, мы настолько свыклись, что сумѣли быть веселы и даже счастливы въ изгнаніи».

Этотъ семейный характеръ «Записокъ» М. Н. Волконской о жизни ея съ мужемъ въ Сибири наложилъ на нихъ особый отпечатокъ. Разумѣется, что для русскаго общества у нея нашлось бы что рассказать и себѣ и о своей эпохѣ шире и подробнѣе, чѣмъ она сдѣлала это для своихъ дѣтей. Даже въ узкихъ предѣлахъ, поставленныхъ ею своимъ «Запискамъ», она «сократила» и то, что устно рассказывала своимъ дѣтямъ о жизни своей до ссылки. Оттого, конечно, потускнѣлъ самый образъ княгини Волконской, и многія событія въ ея личной жизни, имѣющія особый интересъ, какъ, напримѣръ, отношенія къ Пушкину и даже бракъ ея съ княземъ С. Г. Волконскимъ, представляются въ весьма ту-

манномъ свѣтѣ, далеко не разсѣявшемся и въ настоящее время, несмотря на старанія комментаторовъ ея «Записокъ». Можно предположить съ большимъ основаніемъ, что княгиня въ своемъ разказѣ для дѣтей даже о жизни своей въ Сибири сказала далеко не все, что могла и даже хотѣла сказать, и что, можетъ быть, придало бы ея свѣтлой и поэтической личности другой оттѣнокъ, въ рамокъ ея супружескаго подвига. Въ ея «Запискахъ» многое возбуждаетъ недоумѣніе, многое остается въ тѣни или вовсе недосказаннымъ, вызывая у внимательнаго читателя невольные вопросы и досадливое чувство неудовлетворенности. По глубокому нашему убѣжденію, симпатичный обликъ княгини М. Н. Волконской только пострадалъ отъ этихъ умолчаній, столь естественныхъ въ семейномъ документѣ, какимъ являются ея «Записки», хотя, быть можетъ, и сталъ рельефнѣе гражданскій, такъ сказать, характеръ ея подвига—добровольнаго слѣдованія за сосланнымъ мужемъ, особенно привлекающей вниманіе комментаторовъ ея воспоминаній. Мы увѣрены, что, съ появленіемъ новыхъ матеріаловъ о жизни княгини М. Н. Волконской, даже этотъ ея подвигъ окажется болѣе жизненнымъ и поэтичнымъ, чѣмъ это допускаютъ одни трафаретныя понятія о «долгѣ», о которомъ едва ли можно говорить въ данномъ случаѣ...

Князь С. Г. Волконскій былъ на двадцать лѣтъ старше своей супруги, которая, по собственному ея сознанію, «почти совсѣмъ не знала его до свадьбы». Она провела съ мужемъ только три мѣсяца брачной жизни, когда разразилась гроза надъ декабристами и князь Волконскій былъ арестованъ и преданъ суду. Молодая жена его и не подозрѣвала объ участіи его въ заговорѣ и долгое время не знала о постигшемъ его арестѣ. Вотъ при какихъ условіяхъ княгиня Марія Николаевна рѣшилась слѣдовать въ Сибирь за своимъ мужемъ, осужденнымъ на каторгу. Что повлекло ее за нимъ: любовь или долгъ? «Записки» ея молчать о томъ, и мы можемъ повторить о Волконской только слова отца ея, героя 12 года, Н. Н. Раевского, который, указывая на портретъ ея, сказалъ спустя четыре года послѣ ссылки декабристовъ, на смертномъ своемъ одрѣ: «Voilà la plus admirable femme que j'ai connue!..»

Къ сожалѣнію, и въ біографическомъ очеркѣ г. Щеголева мы не нашли объясненія этого факта изъ жизни княгини, какъ тщетно искали бы въ немъ возсозданія духовной ея жизни во всемъ ея цѣломъ. Г. Щеголевъ видитъ въ М. Н. Волконской преимущественно жену сосланнаго государственнаго преступника, разсматривая съ этой «гражданской» точки зрѣнія ея достоинства и заслуги, такъ что и «біографическій» свой очеркъ озаглавилъ: «Подвигъ русской женщины». «Княгиня М. Н. Волконская, — говоритъ онъ, — принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыя признаютъ, что право на ихъ душу принадлежитъ только имъ однимъ и никому больше». Разумѣется, что съ такими мнѣніями историческихъ лицъ потомство не хочетъ считаться и старается освѣтить ихъ дѣятельность именно проникновеніемъ въ ихъ душу: исторія не любитъ и не терпитъ загадокъ. Во всякомъ случаѣ, должно имѣть вѣсь мнѣніе отца княгини, Н. Н. Раевского, о причинѣ ея поступка: «не чувству своему она послѣдовала, похвавъ къ мужу: а вліянію Волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня, — и она поѣхала какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее, она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разсудку, чѣмъ къ

сквернымъ Волконскимъ; мнѣ и спокойствіе, и слава ея должны быть драгоценны. Если бъ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда бъ я не пожалѣлъ о ея поступкѣ; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она единороднаго своего сына оставила безъ слезинки!»

Черта героизма дѣйствительно лежала въ характерѣ всего семейства Раевскихъ, къ которому принадлежала по рожденію М. Н. Волконская, и настолько извѣстна была въ Россіи, что повела даже къ созданію легендъ о самомъ П. Н. Раевскомъ, повторяемыхъ, со словъ М. Н. Волконской, и г. Щеголевымъ въ его биографическомъ очеркѣ, наравнѣ со всѣми историками двѣнадцатаго года. Вся Россія говорила въ 1812 году, что въ сраженіи при Дашковкѣ (а не Дашковѣ) генераль П. Н. Раевскій, взявъ за руки своихъ дѣтей, пошелъ впереди войскъ въ атаку на французовъ, повторяя: «впередъ, ребята: я и дѣти мои откроемъ вамъ путь ко славѣ». Между тѣмъ, самъ П. Н. Раевскій не поощрялъ распространенія этой легенды и говорилъ по этому поводу К. Н. Батюшкову въ 1813 году слѣдующее: «Я никогда не говорю такъ витіевато, ты это знаешь. Правда, я былъ впереди. Солдаты пятились, и я ободрялъ ихъ. Со мною были адъютанты и ординарцы. По лѣвую мою руку всѣхъ перебило и переранило, на мнѣ остановилась картечь. Но дѣтей моихъ не было въ эту минуту. Младшій мой сынъ собиралъ въ лѣсу ягоды (онъ былъ тогда сущій ребенокъ, и пуля прострѣлила ему панталоны). Вотъ и все тутъ. Весь анекдотъ сочиненъ въ Петербургѣ. Твой пріятель (Жуковскій) воспѣлъ въ стихахъ. Граверы, журналисты, пувеллисты воспользовались удобнымъ случаемъ, и я пожалованъ римляниномъ. Et voilà comme on écrit l'histoire». Раевскому претила анекдотическая мишура: ей могъ бы онъ противопоставить рядъ дѣйствительныхъ, а не дутыхъ подвиговъ, совершенныхъ въ тиши и молчаніи и описанныхъ отчасти тѣмъ же Батюшковымъ.

Этотъ же скромный героизмъ, наслѣдіе славнаго отца, говоритъ о себѣ и въ «Запискахъ» М. Н. Волконской. Болѣе того: то, что она умалчиваетъ въ нихъ о своей жизни въ Сибири, быть можетъ, ярче характеризуетъ ея личность, чѣмъ то, что она описываетъ. «Достойнѣйшій и благороднѣйшій», по ея отзыву, мужъ ея, князь С. Г. Волконскій, судя по современнымъ свѣдѣніямъ, едва ли былъ, при всѣхъ выдающихся своихъ качествахъ, героемъ ея сердца. Въ послѣднее время своей ссылки князь Сергій Григорьевичъ, состарѣвшійся и крайне опростившійся по наружности и въ одеждѣ, всегда слабый здоровьемъ, — казался скорѣе гостемъ, чѣмъ хозяиномъ въ домѣ своей жены, поставленномъ на барскую ногу. Между тѣмъ княгиня Марія Николаевна была олицетворенной жаждой жизни и, несомнѣнно, болѣе противостояла вліянію окружавшей среды, чѣмъ ея мужъ. Едва ли она, при всемъ своемъ героизмѣ, гордилась тѣмъ ссыльно-каторжнымъ антуражемъ, подробностями котораго наполняетъ до излишества свои примѣчанія къ ея «Запискамъ» г. Щеголевъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ къ Волконской не имѣютъ никакого отношенія. Подъ вліяніемъ ужасныхъ условій своей жизни въ ссылкѣ не всѣ декабристы умѣли воздержаться отъ проявленія своихъ недостатковъ и слабостей, Марія Николаевна упорно молчитъ о томъ въ своихъ «Запискахъ», но о томъ не слѣдовало бы умалчивать ея биографу, за пятому ея ссыльнымъ формуляромъ и специально знакомому съ исторіею

декабристовъ. Для уясненія положенія М. Н. Волконской въ ссылкѣ можно было бы не ограничиваться одной картиной административныхъ притѣсненій со стороны высшаго правительства и нѣкоторыхъ безсмысленныхъ его агентовъ. Была, конечно, и другая сторона въ жизни декабристовъ въ Сибири, отчасти только освѣщаемая новѣйшими данными. Любопытна въ этомъ смыслѣ, хотя и подлежитъ строгой исторической критикѣ, напечатанная недавно въ историческомъ сборникѣ «О минувшемъ» записка извѣстнаго дѣятеля по жандармской части николаевского времени М. М. Попова, гдѣ встрѣчаются не только новые факты возмутительныхъ распоряженій администраціи, но и странныя вѣщи изъ жизни самихъ декабристовъ... Очевидно, что въ Сибири того времени для идиллии даже громаднаго свойства не было мѣста... **Е. Шумигорскій.**

XL—L. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. Казань. 1912—1913. Стр. XIV+526. Цѣна 3 руб. 90 коп.

Въ прошломъ году исполнились сорокалѣтіе ученой и пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности заслуженнаго профессора казанскаго университета по кафедрѣ русской исторіи Дмитрія Александровича Корсакова. Среди круга его учениковъ, товарищей и почитателей возникла мысль ознаменовать эти два рѣдкихъ юбилея изданіемъ особаго сборника статей, съ посвященіемъ его маститому юбиляру.

И вотъ 14-го сентября истекающаго года солидный сборникъ въ 540 страницъ большихъ in 8° былъ поднесенъ его виновнику въ знакъ глубокаго уваженія къ нему и его долготѣней и плодотворной работѣ на поприщѣ русской исторической науки.

Нечего и говорить о томъ, что Дмитрій Александровичъ положилъ, дѣйствительно, крупный вкладъ въ сокровищницу отечественнаго историческаго знанія, и притомъ вкладъ, такъ сказать, многочастный и многообразный. Унитарность, односторонность, всякаго рода опрощеніе и упрощеніе вообще не въ принципѣ Дмитрія Александровича. Научно-историческіе труды его нужно распредѣлять въ нѣсколько группъ. Великорусское племя, его общественно-политическая формація и роль въ мѣстномъ, русскомъ, и всемірно-историческомъ процессѣ, — такова одна историческая проблема, представленная его магистерскою диссертацией «Мера и Ростовское княжество» и актовой рѣчью «Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ».

XVIII вѣкъ—другой любезный ему объектъ его научныхъ разысканій. Этотъ «дворянскій» разрывъ нашей исторіи излагають докторская диссертация «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» и многочисленныя статьи въ различныхъ журналахъ, собранныя отчасти въ книгѣ «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка». Третью рубрику изслѣдованій профессора составляютъ темы изъ русской исторіографіи (о Погодинѣ, Соловьевѣ, Бестужевѣ-Рюминѣ и др.). Русская исторіографія и вспомогательныя дисциплины русской исторіи являлись также любимымъ предметомъ и его содержательныхъ и интересныхъ

университетских его чтений. Четвертый ряд его ученых работ образует Кавелинина, цикл статей о знаменитом его дядѣ (по матери) К. Д. Кавелинѣ, которому Дмитрій Александровичъ чрезвычайно многимъ обязанъ и котораго онъ напоминаетъ. Капитальную услугу наукъ и русскому обществу оказалъ онъ редактированиемъ «Собрания сочиненій К. Д. Кавелина». Въ пятую серію можно включить его труды по исторіи Поволжья и въ частности Казанскаго края.

Настоящій сборникъ содержитъ въ себѣ недурно исполненный портретъ-геліографуру юбиляра, посвяtitельное обращеніе къ нему участниковъ, списокъ ихъ, списокъ трудовъ юбиляра (стр. I—XIV), составленный ученикомъ его В. И. Огородниковымъ, и 35 статей по исторіи, исторіи литературы, археологіи, языковѣдѣнію, философіи и педагогикѣ.

По русской исторіи въ сборникѣ встрѣчаемъ слѣдующія главнѣйшія работы. Статья профессора А. А. Кизеветтера «Къ исторіи внутреннихъ таможенъ въ Россіи» на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ архивныхъ данныхъ выясняетъ, что при отмѣнѣ у насъ въ царствованіе Елизаветы Петровны внутренняго таможеннаго обложенія, на ряду съ ростомъ потребностей торгово-промышленной Россіи, должны были оказать свое воздѣйствіе и соображенія правительства о крайней неудовлетворительности внутреннихъ таможенъ въ качествѣ фискальнаго аппарата. Привать-доцентъ Ю. В. Готье въ своемъ этюдѣ «Изъ исторіи областного управления XVIII вѣка» останавливается на системѣ посылокъ на мѣста экстренныхъ агентовъ съ особыми порученіями, или такъ называемыхъ «комиссій», обусловленной указами 1727 года. Е. Ф. Шмурло, пріобщая къ научному обороту свѣжій историческій матеріалъ—депешы голландскаго резидента при петербургскомъ дворѣ В. де-Вилде, хранящіяся въ государственномъ архивѣ въ Гаагѣ, вноситъ новые штрихи въ картину смерти Великаго Преобразователя и послѣдовавшей за нею смѣны на русскомъ престолѣ (ст. «Кончина Петра Великаго и вступленіе на престолъ Екатерины I»). Профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій помѣстилъ въ сборникъ свою интересную юбилейную рѣчь «Война 1812 года и современное ей русское общество»; авторъ рисуетъ здѣсь русскую общественную психологію того времени и вліяніе тогдашнихъ событій на дальнѣйшее умственное и политическое развитіе Россіи. Н. Д. Чечулинъ высказываетъ краткое, но значащее по своему достиженію «Предпослѣднее слово объ источникахъ Наказа»: онъ указываетъ, что стт. 575—600 его послѣдней, XXII главы заимствованы изъ записки «О управленіи финансовъ» профессора московскаго университета С. Е. Десницкаго, отразившей на себѣ, вѣроятно, прослушанныя имъ въ Англии лекціи.

Привать-доцентъ М. В. Клочковъ рассказываетъ судьбу «тайнаго архива», открытаго въ 30-хъ годахъ XIX в. при разборѣ сенатскаго архива комиссіей сенатора Маврина (ст. «О тайномъ архивѣ (при сенатѣ)'). Профессоръ Г. Г. Писаревскій анализируетъ собственноручное описаніе путешествія по Германіи цесаревича Константина Павловича, приготовляемое г. Писаревскимъ къ печати во французскомъ оригиналѣ (ст. «Путешествіе цесаревича Константина Павловича по Германіи въ 1825 году, имъ самимъ описанное»). Профессоръ К. В. Харламповичъ удѣляетъ свое вниманіе одному изъ эпизодовъ взаим-

ности западной и восточной Россіи—именно личности Аѳиногена Крыжановскаго, въ которомъ авторъ склоняется признать авантюриста и Хлестакова въ монашеской рясѣ. Нѣсколько словъ о Воронцовскомъ историческомъ сборникѣ XVI вѣка академика А. А. Шахматова касаются трехъ статей этого недавно найденнаго сборника, интересныхъ для историка: посланія Спиридона Саввы, родословной статьи о лиговскихъ князьяхъ и лѣтописи.

По всеобщей исторіи въ сборникѣ семь статей. Работа профессора Б. А. Тураева «Изъ абиссинскихъ историческихъ легендъ» разсматриваетъ нѣкоторыя религіозно-политическія легенды Эѳіопскаго царства, выражающія эѳіопское самосознаніе. Небольшая, но цѣнная статья профессора М. М. Хвостова производитъ назрѣвшій пересмотръ вопроса «О социальномъ характерѣ аѳинской тиранніи VI вѣка». Преподаватель казанскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Н. П. Граціанскій въ статьѣ «Объ аграрныхъ отношеніяхъ древнихъ германцевъ» высказываетъ взглядъ о «полукочевничествѣ» германцевъ для эпохи Цезаря, но не Тацита. Статья С. П. Сингалевича «О составѣ населенія г. Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ» опредѣляетъ по папирусамъ крайнюю разнородность жителей этого города. И. В. Миротворцевъ далъ статью «О девальвации египетской серебряной драхмы». Статья А. Г. Муравьева «*Emphyteuticario iure et libellario nomine*» посвящена среднеитальянской земельной практикѣ. Проф. С. П. Шестаковъ въ очеркѣ «Византійскій посоль на Русь Мануиль Комнень» трактуетъ о побѣгѣ Андроника Комнена, въ послѣдствіи императора Византіи, къ его родственнику, галицкому князю Ярославу Осмомыслу, и о дипломатическомъ посѣщеніи Руси Мануиломъ Комненомъ.

По славистикѣ имѣется одна статья А. М. Селищева «Карлъ Гавличекъ о русской литературѣ и славяно-православной партіи».

Обратимся къ статьямъ по исторіи русской литературы; ихъ четыре: профессора В. З. Завитневича «Особенности поэтическаго творчества А. С. Хомякова», не чуждая идеализаціи знаменитаго славянофила, приватъ-доцента Л. К. Ильинскаго «Русскій на Западъ въ 1659 году», приватъ-доцента П. П. Миндалева «Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ» и профессора Н. М. Петровскаго «Идея поэмы «Юаннь Дамаскинъ» графа А. К. Толстого», гдѣ авторъ удачно толкуетъ, что поэтъ хотѣлъ въ аллегорической формѣ, свойственной литературной николаевской порѣ, осудить, въ духѣ славянофиловъ, цензурные порядки, давившіе «вольную мысль» и «свободное слово».

Археологіи посвящена работа профессора Д. В. Айдалова «Два примѣчанія къ тексту Антонія Новгородскаго».

Кромѣ указанныхъ, въ сборникѣ есть три статьи по философіи, собственно по гносеологіи, этикѣ и исторіи философіи права, одна по педагогикѣ, двѣ по лингвистикѣ и двѣ по исторіи искусства.

Такое содержаніе сборника въ честь профессора Д. А. Корсакова. Оно во всякомъ случаѣ интересно и имѣетъ несомнѣнный научный вѣсъ. Цѣна сборника умѣренная. 50% чистой прибыли отъ продажи его поступить въ пользу бібліотеки музея отечествовѣдѣнія при казанскомъ университетѣ, для которой юбиляръ сдѣлалъ немало.

Н. Ефимовъ.

Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея за 1912 г., представленный министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1913. Стр. 228+37+XVI+52.

Отчетный годъ совпалъ въ жизни музеевъ съ дарованіемъ имъ новаго штата, Высочайше утвержденнаго 28-го іюня 1912 года, причеъ этому высокополезному московскому учрежденію ассигновано на всѣ расходы 129,490 рублей въ годъ, въ числѣ которыхъ, наконецъ, отпущена сумма въ 15,000 рублей на приобретение книгъ и предметовъ, столь необходимая для прогрессивной дѣятельности музеевъ. Изъ особенностей новаго штата слѣдуетъ отмѣтить, что на всѣ штатныя въ музеяхъ должности «могутъ быть допускаемы лица женскаго пола, получающія пенсію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и лица мужскаго пола, и пользующіяся ею и по выходѣ въ замужество, независимо отъ тѣхъ пенсій, которыя могутъ причитаться имъ за службу ихъ мужей». Новинкою же штата являются двѣ пятилѣтнія прибавки служащихъ по ученой части: старшимъ по—350 рублей въ каждую къ основному окладу содержанія и младшимъ—въ 250 рублей.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, свѣдѣнія о новыхъ приобретенияхъ музеевъ расположены въ отчетѣ по отдѣламъ. Первый—рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ—обогатился, наконецъ, приращеніемъ извѣстнаго собранія рукописей, бумаги и книгъ извѣстнаго ученаго Н. С. Тихонравова; переговоры о приобретении этого собранія тянулись съ 1894 года. Куплено оно отъ опекуновъ умершаго за 11,276 рублей 24 коп., причеъ въ отчетѣ, къ сожалѣнію, не выяснено, поступили ли въ уплату этой суммы 10,000 рублей, обѣщанные при началѣ переговоровъ учениками профессора М. В. и С. В. Сабашниковыми. Самая интересная часть собранія—рукописи, ихъ всего поступило въ музей 703 нумера, и въ настоящемъ отчетѣ напечатана имъ всѣмъ краткая опись, ограниченная указаніемъ необходимыхъ свѣдѣній о названіи рукописей, времени ихъ написанія, характерѣ письма, количествѣ и размѣрѣ листовъ. Большинство рукописей изъ собранія Н. С. Тихонравова восходятъ къ XVII и XVIII столѣтіямъ, но есть значительное количество и за XVI вѣкъ. Много письменныхъ богослужебныхъ книгъ, лѣтописцевъ, сборниковъ церковноповѣствовательныхъ, «вертоградовъ прохладныхъ», азбуквниковъ, ариеметикъ, грамматикъ, лечебниковъ, святцевъ, «цвѣтниковъ» и синодиковъ и житій святыхъ.

Въ сборникѣ старообрядческаго XVIII вѣка, писанномъ полууставомъ, помѣщено «Житіе боярыни Морозовой», на 86 листахъ. Далѣе изъ рукописей заслуживаютъ упоминанія «О камняхъ и травахъ» (XVIII в.); на 28 листахъ «Описаніе о бѣдственномъ злостраданіи и о благополучномъ восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны»; скорописный сборникъ XVIII в. и въ немъ на листахъ 67—72—«Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ»; небольшой скорописный сборникъ XVII в., содержащій на 66 листахъ «заговоры для идущихъ въ бой»; на 85 листахъ скорописная тетрадка XVIII в., заключающая «Похвалу глупости», Эразма, къ сожалѣнію, безъ начала; сборникъ скоро-

писный XVIII вѣка, въ немъ на 53—62 листахъ «О погребеніи графа П. В. Шереметева и стихи»; сборникъ скорописный 1668 г., въ немъ на 10 листахъ «Жизнь господина, которая служить введеніемъ въ гисторію его въ царства мертвыхъ»; маленькая тетрадка XVIII в., писанная красными чернилами—«модная книжка, переводъ капитана А. Т.»; 19 листиковъ рукописи «Исторіи» В. Н. Татищева съ поправками автора; скорописный сборникъ XVIII в. на 84 листахъ—объ организациіи петровской арміи; копіи писемъ генерала В. И. де-Геннина къ Петру Великому; проскинитарій Арсенія Суханова; скоропись XVII в., на 65 листахъ, «Басни нравоучительныя Ѳедора Эмина», съ посвященіемъ графу А. Г. Орлову, 1764 г.; два списка XVII в. «Сказанія Авраамія Палицына»; домовая записная книга кн. Гр. В. Козловскаго, скоропись XVII в., въ началѣ съ печатнымъ латинскимъ лечебникомъ; житіе Кассіана Углицкаго, со службою, записью монастырскихъ вкладовъ, описью владѣній, лѣтописью, миниатюрами; скоропись начала XVIII ст. на 157 листахъ; сборникъ XVIII в., листахъ 264—309—пожаръ Ярославля; сборникъ XVIII в., на 1—17 листахъ «О зачатіи и рожденіи Петра I». Быть можетъ, здѣсь указывается мѣсто рожденія великаго императора, до сихъ поръ еще не выясненное; стихотворенія XVIII вѣка», на 183 листахъ; двѣ тетрадки XVIII в. съ «гисторіями о Францызѣ Венеціанѣ»; сборники XVIII в., въ нихъ на 225—40 листахъ «Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ» и на 73—77 листахъ «Похвала дѣвственникамъ». «Житіе Петра Великаго», Котифора, рукопись XVIII в.; скорописная рукопись XVII в. «выписъ изъ писцовыхъ книгъ владѣній Новгородскихъ митрополита и монастырей»; написанная южно-русскою скорописью «Исторія малороссійскихъ казаковъ», Максима Плиски, на 203 листахъ; «Записная книга указовъ съ 1718 г. сидѣнья московскаго губернатора К. А. Нарышкина», на 575 листахъ, на одномъ указѣ собственноручная резолюція Петра I; разрозненныя дѣла Преображенскаго приказа начала XVIII в., между ними «объ увѣчьяхъ и побѣтѣ жены»; двѣ записныя хозяйственныя книги XVIII в. помѣщика кн. Мих. Гр. Волконскаго, на 129 листахъ; сборникъ проповѣдей XVIII в., на 106 листахъ, съ припискою: «Изъ книгъ села Бѣлаго Раста священника Юны Михѣевича Бѣляева, подарена московскимъ майоромъ Ив. Гер. Льговскимъ». І. М. Бѣляевъ былъ довольно извѣстный проповѣдникъ начала XIX столѣтія, отличался въ тоже время немѣреннымъ употребленіемъ вина. «Привидѣніе съ барабаномъ» и «Близницы», комедіи XVIII вѣка, на 117 и 65 листахъ; «Анюта, комическая опера въ одномъ дѣйствіи», рукопись начала XIX вѣка, на 16 листахъ; избранныя стихотворенія А. С. Пушкина, собственноручно написанныя Н. С. Тихонравовымъ, на 126 листахъ.

Во второй отдѣлъ музеевъ, библіотеку въ теченіе 1912 г. поступило 46,581 названій въ 55,663 томахъ, въ ихъ числѣ куплено лишь 480 названій съ 1,333 томами. Особенно крупныя пожертвованія сдѣланы княземъ А. Г. Щербатовымъ, проф. М. Н. Соболевымъ, В. И. Безсоновымъ, В. В. Богдановымъ и В. В. Радумовичемъ. Въ читальномъ залѣ библіотеки было записано въ 1912 г. 12,697 человекъ, среднимъ числомъ по 42 человекъ въ день, требованій было предъявлено 219,764; вслѣдствіе переполненій залъ занимающимися дожидалось очереди 11,729 человекъ. При библіотекѣ музеевъ основанъ съ 1912 года Че-

ховскій музей, въ него уже поступилъ цѣлый рядъ рукописей, предметовъ и переписки А. П. Чехова. Отчетъ приглашаетъ всѣхъ къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ портретовъ, рукописей и писемъ современниковъ писателя, съ нимъ связанныхъ, для будущаго развитія Чеховскаго музея. Къ отчету библиотеки приложенъ составленный довольно тщательно Н. П. Киселевымъ «Каталогъ 155 инкунабуловъ изъ собранія А. С. Норова». Всѣ они относятся къ концу XV вѣка, древнѣйшій 1469 года: «Plinius, Historia naturalis. Venezia. Johann von Spreyer».

Въ отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей поступили классическіе этюды А. И. Кравченко: «Римскій форумъ», «Арка Тита» и друг., гравюры Г. Э. Гамапа, В. Н. Масютина, С. В. Иванова и друг. Обзорнія предметовъ отдѣленія экскурсантами сопровождались объясненіями хранителя, что, въ интересахъ изученія искусства, можно только привѣтствовать.

Въ Дашковскій этнографическій музей съ отдѣленіемъ иностранной этнографіи приращеніе предметами въ 1912 г. шло главнымъ образомъ черезъ пожертвованія, даже отъ крестьянскаго сословія, пожелавшаго своими дарами въ музей отмѣтить любовь къ родинѣ и къ мѣсту своего пребыванія.

Наконецъ, въ отдѣленіи доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, въ числѣ новыхъ поступленій за 1912 г., отмѣтимъ пожертвованія отъ В. И. Безсонова: а) серебряную кованную булаву, на плоской головкѣ которой на двухъ частяхъ выбиты изображенія со звѣздіи Большой Медвѣдицы и рядъ клинообразныхъ знаковъ; б) небольшую бронзовую статуэтку Геркулеса, римской эпохи, бородатаго типа, съ рѣзкими чертами лица, съ повязкою на головѣ, спускающеюся назадъ; все туловище, не исключая рукъ и ногъ до колѣнъ, покрыто волнистыми волосами; на чреслахъ поясъ, правая рука поднята, какъ бы для размаха палицей или копьемъ, а лѣвая опущена. Въ отчетѣ имѣются рисунки этихъ вещей.

И. С. В.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 30-й. 1913. Саратовъ. 1913. Стр. 366+47+II. Цѣна 3 руб.

Новый объемистый выпускъ трудовъ саратовской архивной комиссіи распадается по содержанію на пять отдѣловъ. Въ первомъ (архивно-историческомъ) А. А. Гераклитовъ сообщаетъ перечень архивовъ губерніи съ краткимъ описаніемъ помѣщенія, гдѣ хранятся дѣла, и указаніемъ времени, которому посвящены документы. Затѣмъ онъ же излагаетъ содержаніе дѣлъ о грабежахъ шаекъ Пугачева въ Саратовской губерніи. Между прочимъ эти дѣла лишній разъ подтверждаютъ мысль Пушкина о томъ, что духовенство искренно сочувствовало самозванцу. Къ статьѣ приложенъ любопытный снимокъ съ документа, вышедшаго изъ канцеляріи Пугачева. Безпритязательно написанныя воспоминанія В. І. Жеребцова («Изъ прошлаго Саратова») содержатъ нѣсколько интересныхъ бытовыхъ подробностей, какъ, на примѣръ, объ извращенности вкусовыхъ ощущеній у извѣстнаго профессора Г. А. Захарьина, свѣдѣнія о бурлакѣ Никитушкѣ Ломовѣ, упоминаемомъ въ романѣ «Что дѣлать?» и т. п. Ф. П. Коноваловъ («Борьба съ сектантствомъ въ Балашовскомъ

уѣздѣ») рассказываетъ объ одномъ убійствѣ на почвѣ хлыстовщины. Изъ подробностей дѣла съ несомнѣнностью выясняется связь этой секты съ вакхическими культами. Во второмъ отдѣлѣ (археологическомъ) заслуживаютъ вниманія статьи В. В. Челинцева «Химическій анализъ бронзовыхъ зеркалъ», А. А. Кроткова «Кладъ джучидскихъ монетъ» (1318—1363 гг.) и Б. В. Зайковского «Къ открытію въ Саратовской губерніи стоянокъ и городищъ мѣднаго вѣка». Въ слѣдующемъ (этнографическомъ) отдѣлѣ г. Зайковскій горячо доказываетъ мысль о созданіи въ Саратовѣ этнографическаго музея, такъ какъ оригинальная бытовая старина съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаетъ шаблонному фабричному производству. Весьма интересенъ четвертый отдѣлъ, содержащій біо-библиографическій словарь дѣятелей Саратовскаго края. Надо надѣяться, что эта полезная работа, составленная С. Д. Соколовымъ и доведенная пока до фамилии Каземъ-Бека, при своемъ окончаніи будетъ снабжена соответствующими указателями и появится отдѣльнымъ изданіемъ. Разумѣется, перечислить всѣхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, писателей и ученыхъ, вошедшихъ пока въ словарь г. Соколова, нѣтъ никакой возможности. Упомянемъ только, что уроженцемъ Саратовской губерніи является извѣстный богословъ, профессоръ геттингенскаго университета Бонвегъ. Въ концѣ книги въ VI отдѣлѣ помѣщены протоколы засѣданій комиссіи.

А. М—пъ.

**Подробный каталогъ изданій императорской археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836 по 1912 годъ.
Изданіе пятое. Спб. 1913. Стр. II+II+114. Цѣна 50 коп.**

Весьма полезная и интересная книжка эта вышла уже пятымъ изданіемъ. О самыхъ изданіяхъ императорской археографической комиссіи, знакомиться съ которыми такъ или иначе приходится почти всякому занимающемуся русской исторіей, говорить много нечего: важность и цѣнность этихъ изданій для науки внѣ сомнѣній.

Настоящій подробный каталогъ изданій комиссіи является вполне достаточно полнымъ путеводителемъ, дабы въ массѣ изданныхъ сырыхъ и прочихъ матеріаловъ найти то, что именно требуется, и не искать напрасно того, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Какъ справочникъ, изданный комиссіей подробный каталогъ вполне удовлетворяетъ своему назначенію и достигаетъ цѣли—дать возможность лицамъ, занимающимся русской исторіей, «ознакомиться возможно подробнѣе съ содержаніемъ cadaго тома напечатанныхъ комиссіей лѣтописей и актовъ».

Подробный перечень комиссіонныхъ изданій расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; но для облегченія справокъ по каталогу приведены еще отдѣльно: краткій «Алфавитный указатель изданій» (стр. I—II) и «Хронологическій списокъ» послѣднихъ (стр. 94—103).

Въ концѣ (стр. 104—114) приложено еще «Каталогъ изданій, продающихся въ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ».

Д. Вочковъ.

Н. Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургъ. Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXVIII. Оренбургъ. 1913. Стр. 82. Ц. 75 к.

Книга священника Модестова знакомитъ читателей съ бывшимъ въ свое время секретнымъ дѣломъ о присылкѣ на жительство въ Оренбургъ префекта гродненской гимназіи Кандида Зеленка» и съ личностью этого замѣчательнаго по своей дѣятельности человѣка.

Замѣшанный въ подготовкѣ новаго польскаго возстанія, іеромонахъ доминиканскаго ордена Кандидъ Зеленко (или, правильнѣе, Зелюшко), въ сентябрь 1833 г. былъ высланъ на жительство въ Оренбургскую губернію, но по распоряженію тамошняго военнаго губернатора В. А. Черовскаго оставленъ въ самомъ Оренбургѣ, гдѣ и окончилъ жизнь свою.

Человѣкъ энергичный, умный и высокообразованный, Зеленко сумѣлъ поладить съ оренбургскимъ начальствомъ и быть ему полезнымъ, такъ что самъ Черовскій принялъ его подъ свое покровительство, чѣмъ Зеленко и не преминулъ воспользоваться.

Въ скоромъ времени онъ получаетъ разрѣшеніе совершать богослуженіе и требы въ частныхъ домахъ Оренбурга, среди жителей котораго было много высланныхъ туда поляковъ; затѣмъ онъ назначается католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ и, наконецъ, въ 1847 году его трудами создается костель въ Оренбургѣ.

Участіе Зеленка въ культурныхъ начинаніяхъ города выразилось въ завѣдываніи зоологическимъ музеемъ (нынѣ музей оренбургской ученой архивной комиссіи), для расширенія и обогащенія коего онъ много потрудился, а также во временномъ завѣдываніи училищемъ земледѣлія и лѣсоводства.

Въ 1860 году послѣдовала смерть Зеленка. Когда возникла мысль о сооруженіи памятника на его могилѣ, то въ открытой съ этою цѣлью подпискѣ приняли участіе и православные священники, и старообрядцы, и даже магометане.

Книга священника Модестова вполне безпристрастно рисуетъ личность этого далеко незауряднаго человѣка, много потрудившагося на пользу края, куда онъ былъ высланъ. Въ концѣ ея приложена статья о Зеленкѣ извѣстнаго востоковѣда профессора В. В. Григорьева, гдѣ авторъ отзывается о немъ, какъ о выдающемся и полезнѣйшемъ дѣятелѣ.

А. В.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый. 1800—1850 (критика, романъ, поэзія и драма). Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1913. Стр. XIV+622. Ц. 3 р.

Во второмъ изданіи своей «Исторіи русской литературы XIX столѣтія» Н. А. Энгельгардтъ остался вѣренъ прежнему плану. Онъ излагаетъ исторію русской литературы не по авторамъ, а по десятилѣтіямъ, что, по его мнѣнію, скорѣе приведетъ историка къ научной объективности. Онъ выбираетъ десяти-

лѣтніе періоды потому именно, что (цитирую изъ предисловія ко второму тому его труда, Спб. 1903) «у насъ литературная эволюція подчинялась характерному, бросающемуся въ глаза, хронологическому ритму десятилѣтій». Образно этому свою задачу авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Исторія литературы должна быть, по его мнѣнію, построена по четыремъ координатамъ. «Основная задача—выясненіе преемства писателей въ выработкѣ литературныхъ формъ и самаго «образотворства»; такимъ образомъ, прежде всего «вопросы формы»; это первые вопросы въ исторіи литературы: два вѣка литературно-художественной эволюціи потребовалось для того, чтобы «душа русскаго народа выразилась ярко для всего человѣчества». «Форма, въ свою очередь, опредѣляетъ литературную школу». Школа дѣлаетъ попытку «создать всестороннюю форму для всѣхъ проявленій народнаго духа»; школа разрабатываетъ «языкъ, стиль, вкусъ, прозу, стихъ»; дальнѣйшая стадія развитія школъ—формы романа, драмы, лирики. Итакъ, вопросы формы и вопросы школы (направленія)—это два координата. Третій координатъ—это историческія событія и общественныя движенія или настроенія, которыя отражаются въ художественномъ творествѣ. Наконецъ, четвертый координатъ, послѣдняя задача автора,—«разгадать общую мысль данной эпохи, тотъ основной «тезисъ», который разрабатывала литература, ту тайну души народной, которая въ ней раскрылась».

На пути къ осуществленію такой широкой историко-литературной задачи г. Энгельгардтъ встрѣчалъ серьезныя препятствія. Назовемъ, напримѣръ, слѣдующія два изъ нихъ: 1) исторія литературы по десятилѣтіямъ не вполне соответствуетъ дѣйствительному движенію литературнаго развитія: тридцатые и сороковые, сороковые и пятидесятые годы взаимно заходятъ другъ въ друга, распадаются на различныя отгѣнки и моменты, которые также переходятъ за границы того или другого десятилѣтія; 2) историко-литературныя изысканія по четыремъ координатамъ при дробленіи по десятилѣтіямъ могутъ не дать въ результатъ цѣльной нити развитія литературныхъ формъ и школъ, а также и общественныхъ направленій. Но надо сознаться,—г. Энгельгардтъ, энергично боровшійся съ этими препятствіями въ первомъ изданіи своего труда, теперь, во второмъ, значительно дополненномъ, изданіи перваго тома, въ предѣлахъ возможности вышелъ изъ борьбы съ ними побѣдителемъ.

Поэтому переработанный первый томъ «Исторіи русской литературы XIX столѣтія» далъ слѣдующіе важныя — для сочиненія, претендующаго на общее пособие—результаты: 1) читатель изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе имѣетъ возможность прослѣдить за развитіемъ критики, журналистики, литературныхъ школъ и направленій, за ростомъ оригинальнаго русскаго романа, различныхъ видовъ стихотворства и, наконецъ, русскаго драматическаго творчества; во всѣхъ этихъ случаяхъ эволюціонная линія нашей литературной жизни, при простомъ пересмотрѣ отдѣльных главъ книги г. Энгельгардта, легко намѣчается въ предѣлахъ полувѣка—отъ «Вѣстника Европы» Карамзина и «Русскаго Вѣстника» Глинки до «Отечественныхъ Записокъ» и «Москвитянина» сороковыхъ годовъ, отъ сентиментальной повѣсти начала XIX столѣтія до художественно-реальнаго романа Тургенева, отъ элегій и балладъ Карамзина и Жуковскаго до плеяды поэтовъ 40-хъ годовъ, отъ театра Озерова и князя Шаховскаго до всту-

плениа на поприще литературной дѣятельности Островскаго. 2) Въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго десятилѣтія авторъ даетъ все наиболѣе характерное для даннаго момента въ области нашей общественности и литературы; благодаря этому читатель легко ориентуруется въ общемъ фонѣ той или другой эпохи и такимъ образомъ получаетъ возможность по отношенію къ каждой эпохѣ охватить сразу все широкое полатно пестрой картины, безъ выясненія которой осталось бы неяснымъ и историческое мѣсто наиболѣе крупныхъ фигуръ, выдѣляющихся на этомъ мозаичномъ фонѣ нашей общественной и литературной жизни. 3) При извѣстной объективности изложенія автору удалось схватить и то общее настроеніе каждаго момента, которое онъ самъ называетъ «общей мыслью эпохи» или ея «основнымъ тезисомъ»; рядъ этихъ общихъ настроеній, характеризующихъ десятыя, двадцатыя, тридцатыя и сороковыя годы, не только выясняетъ внутреннюю сущность каждаго момента, но и даетъ понятіе о той «душѣ» нашей литературы, въ развитіи которой эти моменты являются послѣдовательными этапами. 4) Рисуя картину каждаго десятилѣтія, авторъ не ограничивается простымъ напизываніемъ именъ и фактовъ, но и обильно иллюстрируетъ свое изложеніе цитатами изъ историко-литературныхъ матеріаловъ, соответствующихъ изображаемому моменту, и такимъ образомъ заставляетъ эпоху говорить ея языкомъ. 5) Наконецъ, къ отдѣльнымъ главамъ даны и библиографическія справки.

По поводу этого послѣдняго пункта я позволю себѣ, впрочемъ, высказать пожеланіе, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги библиографія отдѣльныхъ главъ была переработана,—подборъ библиографическихъ указаній далеко не полный и иногда случайный; особенно это касается 20-хъ и 40-хъ годовъ. Желательно также, чтобы авторъ въ своихъ характеристикахъ отдѣльныхъ представителей нашей общественности и литературы принялъ во вниманіе наиболѣе свѣжія научныя монографіи послѣднихъ лѣтъ; нѣкоторые пробѣлы въ этомъ отношеніи наблюдаются не только въ очеркахъ такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, Н. И. Надеждинъ, А. А. Бестужевъ (Марлинскій), кн. В. Ѳ. Одоевскій, М. Н. Загоскинъ, но и при оцѣнкѣ болѣе крупныхъ литературныхъ явленій.

Во всякомъ случаѣ вышеуказанныя достоинства книги г. Энгельгардта даютъ ей право на широкое распространеніе, какъ пособія при общемъ ознакомленіи съ исторіей русской литературы XIX столѣтія, особенно въ цѣляхъ самообразованія.

Проф. И. Замятнѣв.

Н. Л. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Спб. 1913. Стр. 70.

А. И. Кирпичниковъ начинаетъ свою статью объ Антоніи Погорѣльскомъ словами: «Если бы предлагаемая страничка изъ исторіи русскаго романтизма оказалась имѣющей слишкомъ мало значенія сама по себѣ, она можетъ найти свой *raison d'être*, какъ комментарий къ одной строчкѣ Пушкина». Такимъ комментариемъ по отношенію къ Тургеневу является очеркъ Н. Л. Бродскаго «Поэты кружка Станкевича», и не только къ одной его строчкѣ, но къ цѣлымъ произведеніямъ. Рассказывая устами Лежнева о кружкѣ Покорскаго, Тургеневъ

передаетъ: «Взбѣрошенный поэтъ Субботинъ издаетъ по временамъ, и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходовъ, утихаетъ и только ухмыляется». Субботинъ это—Красовъ, поэтъ сороковыхъ годовъ, всю жизнь прожившій какъ будто во снѣ. Щитовъ—Аристофанъ—поэтъ Ключниковъ, котораго въ кружкѣ Станкевича называли Мефистофелемъ.

Иванъ Петровичъ Ключниковъ былъ типическій представитель людей сороковыхъ годовъ. Ораторъ, идеалистъ, увлекавшійся нѣмецкой философiей, и поэтъ, проникнутый неподдѣльнымъ чувствомъ, онъ подавалъ большія надежды; имъ увлекались друзья: Бѣлинскій, Кольцовъ, Станкевичъ... Но въ жизни онъ былъ такъ же беспомощенъ, какъ и другіе идеалисты тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ, беспомощенъ по-рудински. Какъ близко напоминаетъ Рудина педагогическая карьера Ключникова! «Окончивъ въ 1835 году университетъ, Ключниковъ поступилъ въ дворянскій институтъ; умѣньемъ красочно излагать свой предметъ быстро завоевалъ симпатіи учениковъ; но уже въ 1837 г. оставилъ гимназію, не найдя въ себѣ педагогическаго дара: онъ увидѣлъ, что увлекалъ молодежь въ мiръ идеала, не зная самъ путей къ нему и не будучи въ состоянiи отвѣчать на тѣ запросы, которые самъ же будилъ въ ней». Подобно Гамлету Щигровскаго уѣзда, въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ покинулъ Москву и поселился въ своемъ имѣнiи въ Харьковской губерніи, прекративъ сношенія со своими бывшими друзьями и не подавая о себѣ никакихъ вѣстей. Въ 1849 году онъ напомнилъ о себѣ разсказомъ «Любовная сказка», напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разсказъ имѣетъ многозначительный эпиграфъ: «Жизнь чаще походитъ на романъ, нежели романъ на жизнь». Съ тѣхъ поръ Ключниковъ замолчалъ. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ Чернышевскій считалъ его уже покойнымъ, но умеръ Ключниковъ только въ 1895 году. Это уединеніе Н. Л. Вредскій называетъ загадочнымъ и склоненъ согласиться съ извѣстіемъ Я. П. Полонскаго, что здѣсь дѣйствовало разочарованіе Ключникова въ своемъ поэтическомъ талантѣ, подъ влияніемъ поэзіи Лермонтова. Врядъ ли это такъ. Въ дѣйствіяхъ людей сороковыхъ годовъ, такъ много необъяснимаго, непонятнаго для насъ, что зависѣло и отъ несоответствія между ихъ идеалами и русскою жизнью, и крайнею запутанностью ихъ мысли въ дѣбряхъ идеалистической метафизики. «Было что-то особо трагическое,—говоритъ Д. П. Овсянко-Куликовскій,—въ положеніи людей сороковыхъ годовъ, что дѣлало даже лучшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ изъ нихъ въ своемъ родѣ «лишними», что мѣшало имъ развернуть всѣ свои силы, осуществить въ полной мѣрѣ свою общественную стоимость». Было что-то трагическое и въ жизни Ключникова.

Такимъ же неудачникомъ, лишнимъ человѣкомъ былъ и Василій Ивановичъ Красовъ, истый романтикъ, всегда горѣвшій воодушевленіемъ и восторгомъ: «Въ каждомъ переулкѣ, гдѣ поселялся, встрѣчалъ онъ чудныя существа и необычайныя происшествія, о которыхъ потомъ и разсказывалъ, прикрашивая и преувеличивая до фантастическаго». Это было, однако, характерно и для Станкевича, который смерть пріемной дочери одного музыканта облачаетъ въ сказку въ стилѣ Гофмана. Красовъ былъ тоже выдающаяся натура и поражалъ даже

Боденштедта. М. А. Максимовичъ, въ сестру котораго былъ влюбленъ Красовъ, устроилъ его адъюнктомъ по кафедрѣ русской словесности въ университетѣ святого Владиміра, но Красовъ не удержался на этомъ мѣстѣ и всю жизнь провелъ впроголодь, питаясь чернымъ хлѣбомъ. Вся сущность его натуры и поэзіи въ нѣсколькихъ стихахъ: «Есть на душѣ завѣтная мечта!.. Я люблю ее, надъ ней такъ сладко плачу, я къ ней ревнивъ—она моя... При ней яснѣй мое предназначенье, доступнѣй тайна бытія; душа полна и силъ, и упоенья!.. Не оставляй меня, отрадное видѣнье, мечта высокая, прекрасная моя!» Мечта въ душѣ, мечта въ николаевской жизни, среди городничихъ, Бенкендорфовъ, Дубельтовъ... Эти вѣчные юноши, всегда мечтающіе, милыя, поэтическія созданія прошлаго русской жизни, которыя были, можетъ быть, необходимы для того, чтобъ ихъ страданія, какъ говорить чеховская Соня, превратились въ радость для тѣхъ, кто жилъ послѣ нихъ...

В. Даниловъ.

И. А. Купчинскій. Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913. Стр. 26. Ц. 25 к.

Какъ это ни странно, но въ громадной по количеству литературѣ объ А. П. Островскомъ о самой личности знаменитаго драматурга, о немъ, какъ о человѣкѣ, говорится очень немного. Кое-что любопытнаго можно найти въ воспоминаніяхъ И. Ѳ. Горбунова, Н. А. Кропачева, личнаго секретаря драматурга, и нѣкоторыхъ другихъ. Поэтому и почитатели Островскаго, и занимающіеся исторіей литературы должны обратить вниманіе на небольшую, но весьма содержательную и интересную книжку стараго и хорошаго знакомаго А. П. Островскаго—драматурга И. А. Купчинскаго. Знакомство ихъ, начавшееся въ 1879 году, вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу и не прерывалось до самой кончины Александра Николаевича. Описаніе этого знакомства очень характерно для А. П. Островскаго и вполне выказываетъ его прямое серьезное отношеніе къ начинающимъ литературнымъ собратьямъ. Любопытно приведенное г. Купчинскимъ мнѣніе Островскаго о правилахъ, которыхъ долженъ придерживаться авторъ. «Во-первыхъ, первое дѣйствіе пьесы должно быть какъ можно полно интереса, во-вторыхъ, слѣдуетъ избѣгать вводныхъ лицъ, т. е. такихъ, которыхъ авторы вводятъ только затѣмъ, чтобы продлить дѣйствіе. Лица должны говорить своимъ языкомъ, а не языкомъ автора, появляться и уходить со сцены, когда это надо по ходу пьесы, а не тогда, когда это желательно автору. Избѣгать двусмысленныхъ словечекъ, возбуждающихъ смѣхъ райка, эффектовъ, доставляющихъ автору дешевый успѣхъ въ ущербъ здравому смыслу пьесы, характеризовать героя не его заявленіемъ: «я—герой», а его дѣлами»...

Очень интересны сообщаемыя г. Купчинскимъ въ его воспоминаніяхъ свѣдѣнія объ отношеніи А. П. Островскаго къ Л. Н. Толстому, когда послѣдній сильно увлекся вопросами философскими и религіозными, переводилъ Евангеліе и пр. Совершенно не разбираясь и не понимая новыхъ исканій Толстого, Островскій только «ужасался и, когда заходилъ разговоръ о Толстомъ, онъ, покачивая головой, говорилъ: «Ахъ, и что это онъ началъ писать, на что?»..

Однажды Островскій пытался уговорить Толстого, чтобы тотъ оставилъ философію и вернулся на старый литературный путь: «Левъ,—говорилъ Островскій:—ты великъ своими повѣстями и романами, оставайся романистомъ... Если утомился, отдохни. На что ты взялся умы мутить, это къ хорошему не поведеть»...

Въ концѣ своихъ воспоминаній И. А. Купчинскій отвергаетъ мнѣніе многихъ, приписывавшихъ разстройство здоровья А. Н. Островскаго и его смерть волненіямъ и безпокойствамъ, причиняемымъ непріятностями по должности начальника репертуара московскихъ императорскихъ театровъ, которую занималъ А. Н. съ 1886 года. «Окончательно свела его въ могилу,—по словамъ Купчинскаго,—семейная непріятность, или, скорѣе, интрига чловѣка, котораго онъ считалъ другомъ и, сожальгя его имущественный недостатокъ, старался быть ему полезнымъ»... До А. Н. Островскаго стали доходить слухи и анонимныя письма, что семейство этого друга давно уже ведетъ заранѣе обдуманную кампанію противъ его второго сына, молодого студента-первокурсника, желая женить его на одной изъ дочерей. А. Н. совершенно не вѣрилъ этому, и потому неожиданное заявленіе сына, что онъ обязанъ жениться на этой дѣвушкѣ, страшно поразило отца. Съ нимъ сдѣлался припадокъ, продолжавшійся до вечера,—разсказываетъ г. Купчинскій:—такихъ припадковъ раньше не было съ А. Н., и окружающіе его думали, что онъ не перенесетъ припадка. Однако на этотъ разъ все обошлось благополучно, Островскій даже могъ уѣхать изъ Москвы, но вскорѣ скончался.

Вообще воспоминанія И. А. Купчинскаго сообщаютъ много новаго и о личности самого драматурга, и объ его семействѣ и окружающіхъ его, объ его отношеніи къ писателямъ, театру, литературѣ, о его дѣятельности въ качествѣ начальника репертуара театровъ и пр. Издана книжка небрежно, но провинциальномъ, со множествомъ грубыхъ опечатокъ.

Д. М.

André Lirondelle. Le poète Alexis Tolstoi. L'homme et l'oeuvre. Paris. 1913. Prix 12 francs.

Изученіе русской литературы во Франціи за послѣдніе годы сдѣлало крупные успѣхи, благодаря капитальнымъ трудамъ французскихъ ученыхъ, которые, читая лекціи о Россіи, уже не довольствуются знакомствомъ съ нашей родиной по переводамъ изъ русскихъ писателей, но стремятся овладѣть русскимъ языкомъ, чтобы работать затѣмъ по первоисточникамъ.

Въ этомъ отношеніи мы, русскіе, должны принести дань своей признательности профессору Сорбонны г. Эмилю Оману (Hauman), автору книги о Тургеневѣ, изслѣдованія о Россіи восемнадцатаго столѣтія и обширной монографіи о французскомъ вліяніи въ Россіи за два послѣдніе вѣка. Помимо своей значительной самостоятельной научной цѣнности, эти труды сумѣли вызвать въ ученикахъ профессора Омана живой интересъ къ занятіямъ русскою литературою. Вполнѣ достойнымъ своего учителя ученикомъ зарекомендовалъ себя г. Андрѣ Лиронделль, нынѣ занимающій профессорскую кафедру въ

лильскомъ университетѣ и написавшій обширный трудъ, посвященный жизни и литературной дѣятельности поэта графа Алексѣя Константиновича Толстого (1817—1875).

Слѣдуетъ сознаться, что при чтеніи книги г. Лиронделля испытываешь нѣкоторое невольное смущеніе. Дѣйствительно,—почти сорокъ лѣтъ прошло со дня смерти Алексѣя Толстого, а мы, русскіе, не удосужились за этотъ продолжительный срокъ дать серьезное изслѣдованіе о жизни и творчествѣ одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ.

Въ своихъ выводахъ, равно какъ и въ обнаруженіи фактическихъ данныхъ, г. Лиронделль обнаруживаетъ строго научную точность и осмотрительность. Такъ, говоря о происхожденіи Алексѣя Толстого, онъ съ большою осторожностью касается извѣстной версіи о рожденіи поэта отъ графини Анны Алексѣевны Толстой и ея родного брата Алексѣя Перовского, подробно рассказанной въ «Воспоминаніяхъ» П. П. Гнѣдича, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1911 годъ (№ 1). Затѣмъ, для выясненія вопроса о мѣстѣ бракосочетанія графа Ал. Толстого съ С. А. Миллеръ, г. Лиронделль предпринимаетъ обширную переписку съ настоятелями греческихъ церквей за границей и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не подтверждаетъ неопровержимыми данными, что бракосочетаніе состоялось въ Лейпцигѣ 3-го (15-го апрѣля) 1863 года, въ чемъ не былъ увѣренъ г. Кондратьевъ. (См. его очеркъ «Графъ А. К. Толстой». Спб. 1912. Стр. 55—56).

Такихъ примѣровъ педантической тщательности, добросовѣстности и выскательной строгости къ самому себѣ можно отмѣтить у г. Лиронделля десятки. Ограничимся двумя указаніями. Устанавливая маршрутъ заграничнаго путешествія графа Алексѣя Толстого, французскій изслѣдователь считаетъ для себя необходимымъ просмотрѣть за цѣлый рядъ лѣтъ курортные списки пріѣзжихъ различныхъ мѣстностей. Въ мѣстѣ съ тѣмъ онъ не признаетъ себя въ правѣ писать біографію Толстого, не посѣтивъ всѣхъ мѣстъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ поэта, и предпринимаетъ поѣздки въ Пустыньку, Красный Рогъ и т. д.

Что касается творчества графа Алексѣя Толстого, то въ немъ французскій ученый видитъ по преимуществу проявленіе славянскаго духа съ его ширью, многогранностью и способностью къ перевоплощеніямъ. Въ своихъ произведеніяхъ Алексѣй Толстой субъективнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: настроеніе и мировоззрѣніе его героевъ въ произведеніяхъ эпическихъ и драматическихъ, не говоря уже о его лирикѣ, почти всегда отражаютъ тѣ или иные идеалы и мысли, волнующія въ данный моментъ ихъ автора. По мнѣнію г. Лиронделля, въ литературной дѣятельности графа Алексѣя Толстого очень замѣтна послѣдовательная эволюція отъ романтическихъ воззрѣній къ реалистическимъ, воспитавшимся на почвѣ соприкосновенія съ русскимъ народнымъ духомъ и укладомъ.

Въ приложеніи къ своему капитальному труду г. Лиронделль даетъ нѣкоторыя малоизвѣстныя или неизданныя произведенія Ал. Толстого. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести французскій текстъ разсказа «Le rendez vous dans trois cents ans», извѣстнаго у насъ лишь по краткимъ ссылкамъ біографовъ

графа Алексея Толстого. Къ числу вторыхъ—принадлежитъ весьма замѣчательное письмо поэта императору Александру II о необходимости охраненія памятниковъ русской національной старины. Затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько французскихъ писемъ Толстого къ Болеславу Маркевичу, отрывокъ изъ письма женѣ, датированный 1873 годомъ, и, наконецъ, пять юношескихъ стихотвореній, извлеченныхъ трудолюбивымъ изслѣдователемъ изъ бумажъ князя В. О. Одоевскаго, хранящихся въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ, а также нѣсколько неизданныхъ вариантовъ къ стихотвореніямъ Алексея Толстого: «Колокольчики», «Алеша Поповичъ», «Коль любить» и трогательныя дополнительные строки къ чисто личному стихотворенію «Слушая повѣсть твою»...

Въ заключеніе позволимъ себѣ остановиться на составленномъ г. Лиронделлемъ подробнѣйшемъ библиографическомъ указателѣ книгъ, статей и замѣтокъ, посвященныхъ жизни и творчеству графа А. К. Толстого. Указатель этотъ замѣчателенъ по своей полнотѣ и обстоятельности, недаромъ же авторъ такъ много и усердно работалъ по матеріаламъ, имѣющимся въ императорской публичной библиотекѣ и въ библиотекѣ императорской академіи наукъ. Отнюдь не ставя въ упрекъ г. Лиронделлю отдѣльныхъ пропусковъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько библиографическихъ данныхъ, ускользнувшихъ отъ вниманія г. Лиронделля и имъ не использованныхъ. Кромѣ перечисленныхъ у французскаго изслѣдователя источниковъ, объ Алексѣѣ Толстомъ сообщаютъ свѣдѣнія слѣдующіе авторы: К. Головинъ («Мои воспоминанія». Т. I, стр. 217—220; 321), С. А. Венгеровъ («Очерки по исторіи русской литературы». Спб. 1907, стр. 66), Н. М. Гутьяръ («Ив. Серг. Тургеневъ». Юрьевъ. 1907. Стр. 320 и «Банва для біографіи Ив. Серг. Тургенева» въ «Извѣстіяхъ императорской академіи наукъ» за 1910 годъ), М. Бородкинъ («О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстого». 1904), П. А. Паповъ («Поэзія Ал. Толстого». 1902), А. Н. Сальниковъ («Русскіе поэты за сто лѣтъ». Спб. 1901. Стр. 173—178. и В. Л. Величко («Владимиръ Соловьевъ». Спб. 1902. Стр. 36, 39, 66, 99, 119, 186 и 189).

Серьезной, строго научной и исчерпывающей свой предметъ книгѣ профессора Андрѣ Лиронделля отъ души желаемъ самаго полнаго успѣха у русскихъ читателей и почитателей Алексея Толстого.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Л. И. Шубертъ. Моя жизнь. Воспоминанія. Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ. Спб. 1913. Стр. CLXXXVI. Ц. 1 р. 25 к.

Первоначально записки А. И. Шубертъ появились въ «Ежегодникѣ императорскихъ театровъ», а теперь выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ. Александра Ивановна—сперва *ingénue*, потомъ характерная актриса, родилась въ 1827 году, а умерла въ 1909 году. За свою долгую жизнь она много видала и встрѣчала людей, прикосновенныхъ къ исторіи нашего театра, поэтому записки ея не лишены интереса, и на нихъ со временемъ будутъ ссылаться наши историки.

Что за укасы рассказываетъ она о театральномъ училищѣ тридцатыхъ годовъ! Провинившихся дѣвочекъ водили въ дурацкомъ колпакѣ съ ушами по всѣмъ заламъ, драли ремнемъ за передачу записочекъ отъ старшихъ ученикъ ученикамъ. Мальчиковъ били еще болѣе жестоко. Воспитатель Аубель билъ по лицу и вѣдплялся имъ въ волосы безо всякой причины. Инспекторъ школы водилъ къ себѣ на квартиру большихъ воспитанницъ «пить чай». Учитель мнѳологіи—Алимпѣевъ (подходящая къ предмету фамилія!) говорилъ въ классѣ постоянно «неприличныя вещи», ловилъ и щупаль воспитанницъ. Друзья директора видѣлись со взрослыми дѣвицами на квартирахъ классныхъ дамъ. Ну, словомъ,—хорошенькое было заведеніе!

Въ воспоминаніяхъ Шубертъ знаменитые актеры нерѣдко являются передъ нами совершенно не такими, какъ ихъ изображаютъ современники. Основная черта, общая для всѣхъ,—необразованность и некультурность. По словамъ Шубертъ, А. М. Каратыгина потому отказывалась играть Софью въ «Горѣ отъ ума», что считала эту роль для себя неприличной. Она писала какъ-то режиссеру: «Вы, вѣроятно, забыли, что я играю только честныхъ женщинъ, и потому возвращаю роль, присланную мнѣ, вѣроятно, по ошибкѣ».

Какъ всегда во всѣхъ воспоминаніяхъ дѣятелей сцены, у Шубертъ преобладаютъ анекдотическіе эпизоды. Но иногда и анекдотъ бываетъ существенно глубокомысленнаго разсужденія, и въ немъ бываетъ больше характеристики даннаго времени, чѣмъ въ скучномъ официальном отчетѣ.

Со стороны дирекціи большая заслуга, что она издаетъ матеріалы по исторіи театра, рисующіе всю нелѣпость веденія дѣла въ казенныхъ театрахъ,—разумѣется, въ давнее время.

Г.

В. В. Розановъ. Среди художниковъ. Спб. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящая книга г. Розанова состоитъ почти цѣликомъ изъ статей, напечатанныхъ въ разное время и разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Собранныя вмѣстѣ, эти статьи оставляютъ въ душѣ читателя болѣе яркій и прочный слѣдъ, чѣмъ прочитанныя, вѣрнѣе, просмотрѣнныя, наспѣхъ въ газетномъ листкѣ. Вся книга, касаясь вопросовъ философскихъ, религіозныхъ, вопросовъ искусства, проникнута однимъ общимъ настроеніемъ—исканіемъ души, интимнаго сокровеннаго лица каждаго отдѣльнаго явленія, каждаго жизненнаго факта. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя главы здѣсь, разбивъ ихъ приблизительно на три группы: 1) статьи чисто-художественнаго содержанія; 2) статьи на «розановскую» тему о томъ, какъ примирить христіанство—для него синонимъ аскетизма съ радостной, языческой любовью къ жизни, къ «кв чреву рождающему, къ сосцамъ питающимъ»; наконецъ 3) статья (всего одна), дающая своеобразный отвѣтъ на наболѣвшій вопросъ: «что такое Россія?»

Говоря о картинѣ Иванова «Явленіе Христа народу», Розановъ указываетъ на коренную ошибку художника, взявшаго чисто-внѣшній моментъ изъ жизни Христа, ту, едва ли не единственную минуту, когда «внутренняго дѣйствія Христа на душу не было». Говоря словами автора, Ивановъ попытался изобра-

зить отвлеченно-безилотную, безликую идею «значеніе христіанства для исторіи», значеніе, которое опредѣляется глубоко-личнымъ «значеніемъ Христа для человѣка».

Не удался и памятникъ Гоголю въ Москвѣ. Не удался онъ потому, говоритъ Розановъ, «что лѣпка есть форма и повинуется она всѣмъ законамъ осязаемаго и осязаемаго». Гоголь—«видимость полного человѣка имѣлъ, а натуры полного человѣка—вовсе не имѣлъ!».

«Душа» Гоголя, въ своемъ постоянномъ ростѣ «въ тоску и въ безуміе», въ вѣчномъ, неустанномъ круженіи своемъ, не могла окристаллизироваться, вылиться, застыть въ недвижной формѣ и памятникъ остался холоднымъ, мертвымъ камнемъ.

Тонкій и глубокій психологическій этюдъ даетъ В. В. Розановъ въ своей статьѣ «Актеръ». Увидѣвъ однажды переодѣваніе актера, который словно не одежду на себя надѣваетъ, но приобрѣтаетъ какъ бы что-то чужое тѣло, Розановъ съ какимъ-то мистическимъ ужасомъ вдругъ замѣчаетъ: «вѣдь здѣсь сущность человѣка въ томъ, что дѣлается человѣкъ». Стучать, бьются въ мозгу тревожныя, пугающія мысли: «Страшная сущность актера въ томъ, что онъ на кого-то долженъ быть «одѣтъ»—на короля, героя, мудреца, на Агамемнона или коллежскаго секретаря». «Такъ развѣ же это не колдовство и чертовщина, что человѣкъ «находитъ себя», только «войдя въ другого», и есть «самъ и я, влѣзши въ чужое я...» «У него искусствомъ отнята душа и внѣ искусства онъ—безъ души». Отъ бездушнаго Христа на картинѣ Иванова, отъ мертваго памятника Гоголю, отъ роковой близости самаго таланта актера, усталый читатель вмѣстѣ съ Розановымъ переходитъ въ театральнй залъ. На сценѣ—не имитация жизни, но сама жизнь, первобытная, стихійная. Это—танецъ сіамской труппы, странный, зачарованный. Танецъ лѣса, его роста, его таинственнаго цвѣтенія. «Возьмите лѣсъ ліанъ», говоритъ Розановъ, «этихъ тонкихъ для дерева и толстыхъ для змѣи колець и лентъ, которыя сплетаются и переплетаются внутри себя гигантскіе стволы тропическихъ лѣсовъ, и, далѣе, эти ліаны изогнутыя приведите въ таинственное сомнамбулическое движеніе, томное, не проснувшееся, неупорядоченное въ каждую порознь секунду и ни на одну секунду не ускоряющееся, и вы получите сіамскій танецъ». И вмѣстѣ съ Розановымъ хочется воскликнуть: «Такъ вотъ гдѣ сказка! вотъ какъ живутъ въ сказкахъ!..»

Снова мы въ театрѣ, снова видимъ танецъ. Но сценѣ—Дунканъ. Она танцуетъ—и свѣтится вся, какъ утро молодой весны, какъ золотая греза о далекомъ, радостномъ дѣтствѣ. Театръ, сцена, балетъ—какія громоздкія, ненужныя слова.

Зеленая сочная трава... блики солнца на ней... цвѣты... и порхаютъ въ солнечномъ сверканьи пестрыя бабочки, и кружатся въ голубой лазури полуобнаженная дѣвушка... Утро жизни, утро человѣка. Уходитъ, уплываетъ все сѣрое, мутное, липкое; нѣтъ больше суеты, безобразія дѣйствительности. Еще за минуту усталые, раздраженные, мы—дѣти теперь, превращены въ дѣтей побѣждающей силой таланта, вдохновенія. Дунканъ танцуетъ такъ, какъ свѣтитъ солнце, какъ сверкаютъ водяныя брызги въ его лучахъ. У природы учились греки, ея жизнь, ея тайны передавали ритмическимъ движеніемъ, и къ

нимъ вернулась Дунканъ—сама солнечный лучъ, какъ-то случайно принявший тѣло человѣка. «Она»—пишетъ Розановъ,—дѣйствительно открыла до сихъ поръ не открытую область древняго искусства...»

«Да будутъ счастливы ея дѣти», этими словами кончаетъ Розановъ. Но пути жизни неисповѣдимы—и жизнь не пощадила Дунканъ, которая такъ ярко прославляла ее, такъ самозабвенно служила ей. Къ книгѣ приложены портреты ея дѣтей, въ классически-прекрасныхъ позахъ, какимъ-то чудомъ перенесенныхъ къ намъ изъ далекой благородной античной Греціи. Эти портреты сохранять въ русскомъ обществѣ свѣтлые образы двухъ дѣтей, такъ рано и такъ трагически погибшихъ.

«Святая Русь»—Нестерова молящаяся Русь, по словамъ Розанова. Изъ кого же состоитъ она? Неужели только изъ стариковъ, больныхъ, одинокихъ и убогихъ?... У Нестерова молятся только они, эти несчастные. Молодые и здоровые не нуждаются въ молитвѣ; они полной грудью вдыхаютъ жизнь, уповаются ею. Что имъ Гекуба?... Свинцовая тяжесть горя еще не надавила ихъ плечи, тоска о невозвратномъ быломъ неизвѣстна имъ, ихъ влечетъ будущее и ведетъ ихъ еще ничѣмъ не омраченная надежда. Молиться—молить. Страданье вызываетъ мольбу; въ страданьи познается своя слабость, свое безиліе; радость всегда горда, высокомерна даже... И Нестеровъ, говоритъ Розановъ, «вездѣ изобразилъ душевную боль, какъ источникъ религіи и религіозности». Да; но вѣдь это, говоритъ онъ далѣе, «религія какъ бы заката солнца, а не восхода солнца»; хороша такая молитва—мольба «для старца и въ пустынѣ»; хороша такая религія, «когда она стоитъ далеко отъ жизни». Но религія, вырванная изъ суеты и грязи житейской, перенесенная въ лѣсъ, въ пустыню, въ одиночество, т. е. туда, гдѣ нѣтъ ни искушенія, ни борьбы, развѣ это религія?... «Здѣсь ничего для жизни», говоритъ Розановъ и продолжаетъ: «и неужели только «на исходѣ» освѣтимо религіей? Развѣ Богъ создалъ только закатъ солнечный, и не Онъ ли сотворилъ и утренній восходъ?» Да, Богъ сотворилъ не вечеръ только, но и утро, и такой «молитвой восхода» можно назвать другую небольшую картину того же художника «Два лада». Глубокой, тонкой одухотворенностью дышитъ занимающееся утро, сквозныя «нестеровскія» березки, пѣкныя, полудѣтскія фигуры, обвѣяныя какой-то мистической благостью. Эта картина—картина молитвы, но не молитвы-мольбы, а молитвы славословія.

Розановъ правильно замѣчаетъ далѣе, что «Нестеровъ не иконописецъ; не его дѣло писать «Бога», а только «какъ человѣкъ прибѣгаетъ къ Богу», и прибѣгаетъ, повторяю, не только съ мукой своею, но и съ ликованіемъ своимъ. «Нестеровъ», продолжаетъ Розановъ, «лирикъ; ну, а икона—это существо эпическое, «стоитъ въ углу», и на нее «взирають». Нестеровъ внесъ въ русскую православную живопись, въ ея эпическія тихія воды струю музыки, лирики и личнаго начала». Нестеровъ, признавая всѣ абсолютныя требованія религіи, допустилъ въ нее радость молодости, пѣсно восхода. Иначе отнесся къ этимъ требованіямъ суровый свѣрянинъ Ибсенъ.

Съ своей характерной склонностью къ неожиданнымъ обобщеніямъ Розановъ сопоставляетъ Бранда съ однимъ изъ наиболѣе позабытыхъ героевъ Пушкина—съ Анджело.

Совсѣмъ особый характеръ носить статья «Около русской идеи». On ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu... Почти также не говорится въ Россіи о Россіи... Но статья Розанова, собственно отвѣтъ г. Ардову изъ «Утра Россіи», такъ своеобразна, что невольно забываешь всю боль и горечь, паросшія «около русской идеи», и хочется вновь подумать надъ нею, поболтать ею. Ардовъ опредѣлили народы Запада, какъ мужскія расы, а русскихъ, какъ расу женскую. Этой женской сущностью онъ объясняетъ и исключительную нашу воспримчивость, и беззавѣтное увлеченіе чужими идеалами, и нашу литературу съ ея апофеозомъ ничтожнаго, даже безжизненнаго человѣка, «который не умѣетъ ни бороться, ни жить, ни создавать, ни вообще что-либо дѣлать, а вотъ, видите ли, великолѣпно умираетъ и терпитъ!!!» Розановъ принялъ такую характеристику расъ, но сдѣлалъ отсюда другой выводъ. «Женщина именно своей слабостью, фактомъ самоотверженнаго «отдаванія» себя не только покоряетъ себѣ мужчину, но и внутренне преображаетъ его. Нѣсколько интересныхъ примѣровъ: обрученіе Гротовъ, Даля, Шейна—съ одной стороны—и принятіе католицизма Мартыновымъ, Волконскимъ, Гагаринымъ—съ другой. Русская литература начинаетъ покорять Западъ не своей художественной стороной, которая врядъ ли доступна въ переводахъ, а именно своей пѣжностью, мягкостью, своей поэзіей—поэзіей женскаго, любящаго и поэтому властнаго сердца. А вслѣдъ за литературой сквозь сухія и выдержанныя формы западной жизни начнеть просачиваться и живая русская стихія.

Нѣсколько страннымъ кажется присутствіе въ книгѣ такихъ статей, какъ «Театръ и юность» (отчасти) и въ особенности «Какъ хорошо иногда «не понимать». Послѣдняя прелестная картинка изъ жизни своихъ дѣтей, вся свѣтящаяся и искрящаяся любовью къ молодой расцвѣтающей жизни, словно печально выпала изъ «Онавшихъ листьевъ».

П. Вальманъ.

К. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ. Его жизнь и творчество. Москва. 1913. Стр. 92. Ц. 2 р.

Всякій купецъ хвалитъ тотъ товаръ, которымъ торгуетъ. Поэтому и г. Кузьминскій возноситъ Агина, какъ художника, выше, чѣмъ слѣдовало бы. Какъ художникъ — онъ величина третъестепенная, а какъ иллюстраторъ — сыграть въ свое время выдающуюся роль, потому что у насъ рисовальщиковъ на деревѣ вообще было мало. По мѣрѣ силъ онъ подражалъ въ своихъ компиляціяхъ иностраннымъ художникамъ, въ особенности французскимъ, и иные его рисунки могутъ быть названы удачными. Напрасно только г. Кузьминскій увѣряетъ, что всѣ дальнѣйшіе иллюстраторы Гоголя взяли за прототипъ композиціи Агина. Въ доказательство въ книгѣ даже помѣщены рисунки современныхъ художниковъ, и даже работа г. Быстренина приписана г. Далькевичу. Впрочемъ, агинское изображеніе урока, что даетъ Чичикову-мальчику его отецъ, нисколько не похоже на быстренинское, и послѣднее несравненно выше перваго. Изданіе съ вѣншей стороны не можетъ даже итти въ сравненіе съ блестящей вѣншностью изданія Кнебеля «Русскіе художники».

Г.

Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. Томъ второй. Галантный вѣкъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Фриче. Книгоиздательство «Современныя проблемы». М. 1913. Стр. III+346. Ц. 6 р.

Сравнительно молодой нѣмецкій историкъ Эдуардъ Фуксъ энергично продолжаетъ свою «Исторію нравовъ», первый томъ которой, посвященный эпохѣ ренессанса, былъ радушно встрѣченъ какъ иностранной, такъ и нашей критикой. Въ настоящей книгѣ, оригиналь которой появился въ 1910 году, авторъ характеризуетъ время абсолютизма. Онъ называетъ, со словъ современниковъ, эту эпоху «потеряннымъ раемъ» и начинается съ замѣчанія Талейрана: «кто не жилъ до 1789 года, тотъ вообще не жилъ». Послѣ этого вступленія г. Фуксъ выпукло и рельефно показываетъ, что блаженствовали тогда въ сущности только немногіе, а именно прежде всего монархи и затѣмъ ихъ приближенные; всѣ же остальные люди разсматривались, какъ низменные твари (Creaturen), и, лишь начиная съ барона, человѣкъ имѣлъ право называться человѣкомъ. Поэтому никогда еще не чувствовалось такой неизмѣримой пропасти въ положеніи высшихъ и низшихъ классовъ общества, какъ именно въ это время. Однимъ изъ главныхъ вдохновителей автора въ этой вступительной главѣ является извѣстный нѣмецкій социаль-демократъ Мерингъ, на котораго г. Фуксъ неоднократно ссылается. Послѣ этой общей характеристики, которую скорѣе слѣдуетъ признать ярко-красочной, чѣмъ строго-безпристрастной, авторъ, подобно первому тому, ограничиваетъ свою широкую тему исторіи нравовъ разсмотрѣніемъ вопроса лишь о половыхъ отношеніяхъ данной эпохи и объ условіяхъ, регулирующихъ эти отношенія.

Вѣкъ абсолютизма съ внѣшней стороны можетъ быть названъ временемъ полного господства женщины; по выраженію братьевъ Гонкуровъ, она была идоломъ, предъ которымъ люди преклоняли колѣна; она наполняла умы и сердца. Это главенство женщины возникло въ силу того, что она разсматривалась въ то время исключительно какъ орудіе наслажденія, какъ драгоценнѣйшій сосудъ сладострастія. А это возрѣніе явилось прямымъ отголоскомъ всей эпохи, когда небольшая кучка людей, паразитствуя на счетъ всей остальной массы, могла думать и заботиться лишь объ одномъ—объ удовлетвореніи своихъ вождельнѣй. При этомъ, мельчая духовно, господствующіе классы хотѣли наслаждаться съ возможно меньшей затратой умственной и духовной энергіи и такимъ образомъ старались въ своихъ любовныхъ исторіяхъ исключить какую бы то ни было упорную борьбу и страсть. Разумѣется, это господство женщины, основанное на низменныхъ сторонахъ человѣческаго организма, а не на равноправіи ея съ мужчиной, было вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой ея великаго униженія, такъ какъ мужчина имѣлъ неограниченное политическое господство и не желалъ ни въ чемъ встрѣчать сопротивленія своимъ капризамъ. Получался такимъ образомъ своеобразный парадоксъ: мужчина преклонялся предъ своимъ рабомъ, ощущая, въ силу этого, чувства, близкія къ мазохизму. Соотвѣтственно съ общими взглядами и требованіями эпохи, идеаль цвѣтущей физической силой красоты эпохи ренессанса замѣнился въ это время, какъ показываетъ авторъ

во второй главѣ («Новый Адамъ и новая Ева»), стремленіемъ имѣть тѣло возможно болѣе холеное, нѣжное, хрупкое, или, какъ тогда выражались, граціозное. Желая возможно продлить и усилить физическое наслажденіе любви, женщина старается выставить съ особенной рельефностью и соблазнительностью напоказъ тѣ части своего организма, которыя могли прежде всего служить этому наслажденію, а именно грудь, лоно и бедра. Главной помощницей этой выставки женской красоты являлась, разумѣется, мода, которую авторъ не безъ остроумія называетъ въ слѣдующей (III) главѣ «Ливреей разврата». Г. Фуксъ останавливается здѣсь сперва на такой невинной сравнительно вещи, какъ ношеніе каблуковъ, и доказываетъ, что они способствовали выставленію впередъ груди, ея пышности и большей напряженности бедеръ. На ряду съ каблуками показываніе груди достигалось, и притомъ, конечно, гораздо успѣшнѣе, при помощи сильнаго и умѣлаго декольтэ. Этотъ глубокой вырѣзъ платья, сравниваемый тогдашними проповѣдниками со входомъ въ геенну огненную, старались еще подпереть лифомъ, отъ чего оголеніе выходило гораздо болѣе пикантнымъ. Для достиженія большей субтильности талии прибѣгали къ уродливому кринолину, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ прекраснымъ средствомъ для сокрытія беременности, мѣшавшей свободѣ наслажденій. Вообще же всѣ моды галантнаго вѣка, включая и огромныя головныя прически, достигали того, что тѣло, согласно духу времени, становилось предназначеннымъ для полной праздности и совершенно неподготовленнымъ къ труду. Не довольствуясь выставленіемъ своихъ прелестей при помощи одежды, дамы начинаютъ принимать своихъ поклонниковъ не только въ неглиже, но даже и въ постели. Это въ высокой степени любопытное явленіе авторъ изображаетъ въ слѣдующей (IV) самой обширной главѣ, носящей названіе «Любовь». Какъ сказано уже раньше, конечной цѣлью любви того времени являлось стремленіе къ возможно большому и продолжительному физическому наслажденію. Поэтому важенъ былъ не столько самый результатъ, сколько средства, при помощи которыхъ доходятъ до единенія въ любви. Съ этой цѣлью оба пола даютъ другъ другу самое утонченное сексуальное воспитаніе; вырабатывается техника ухаживанія, флирта, дѣятельными пособниками котораго являются вѣеръ и мушка, техника поцѣлuya, возбудительныхъ средствъ къ любви, въ родѣ, на примѣръ, флагелляціи, и т. п. Г. Фуксъ пускается въ этой главѣ въ такія интимныя подробности, что сообщаетъ намъ, какія мѣры пускались въ ходъ для воспроизведенія искусственной дѣвственности и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе имъ чувства любви въ галантный вѣкъ страдаетъ значительной односторонностью. Такъ, авторъ только мимоходомъ и вскользь говоритъ о развитіи въ то время чувства сентиментализма и оставляетъ совершенно безъ вниманія одну изъ главныхъ причинъ его, именно пробужденіе чувства любви къ природѣ и стремленіе высшихъ классовъ приблизиться къ буколической сельской обстановкѣ, прекраснымъ образцомъ чего служить времяпрепровожденіе Маріи-Антуанетты въ версальскихъ садахъ, ея швейцарская деревня и т. п. Представивъ въ яркихъ краскахъ, что развратъ охватилъ рѣшительно всѣ классы тогдашняго общества, г. Фуксъ показываетъ въ слѣдующей (V) главѣ, что, несмотря на легкость соблазненія такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ, проституція

также процвѣтала въ ту эпоху и притомъ въ такой степени, что въ тогдашнемъ Берлинѣ существовало четверо или пятеро больше регламентированныхъ проституттокъ, чѣмъ въ современномъ. Тѣсно связанныя съ проституціей венерическія болѣзни приобрѣли такое широкое распространеніе, что главная изъ нихъ, сифилисъ, подверглась даже нѣкоторой идеализаціи. Наконецъ, въ послѣдней главѣ дается перечень общественныхъ увеселеній разсматриваемой эпохи, которыя всѣ, по мнѣнію автора, сильно способствовали развращенности общества. Такъ, по свидѣтельству современниковъ, всѣ ложи въ театрахъ были снабжены не только мягкой мебелью, «удобными алтарями сладострастія», но даже и постелями, «на которыхъ можно было тутъ же удовлетворить желанія, возбужденныя видомъ смѣлыхъ сценъ и соотвѣтствующимъ діалогомъ». И въ этой главѣ съ авторомъ можно согласиться далеко не во всемъ. Таково особенно его мнѣніе объ оперѣ, въ которой онъ видитъ «самое исконное и истинное созданіе абсолютизма» и «сконцентрированную чувственность».

Интересная въ общемъ, книга г. Фукса богато иллюстрирована: къ ней приложено 108 таблицъ съ рисунками, напечатанными по большей части на той и другой сторонѣ листа. Эти рисунки, исполненные иногда даже красками, но далеко не всегда удачно, имѣютъ по большей части весьма пикантное содержаніе, какъ, напримѣръ, «Оргія въ кружкѣ регента», «Урокъ супружеской любви», «Поищите блоху», «Молодые встаютъ» и т. п. Въ текстѣ книги изъ этихъ картинокъ упоминаются весьма многія, но размѣщены онѣ совершенно произвольно, что не можетъ не затруднять пользованіе ими. Повидимому, въ выборѣ ихъ главной цѣлью издательства было все-таки возможное накопленіе галантныхъ сюжетовъ для привлеченія публики. Поэтому, напримѣръ, снимокъ съ гравюры Ланкрэ «Бурный любовникъ» помѣщенъ дважды: при стр. 263 и 272.

При переводѣ текстъ книги, по свидѣтельству самого г. Фриче, подвергся нѣкоторымъ сокращеніямъ. Что касается, наконецъ, достоинства самаго перевода, то его далеко нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ, особенно если принять во вниманіе значительную стоимость книги. Весьма нерѣдко встрѣчаются такіе неудобочитаемые періоды, какъ на стр. 55: «Рафинированность не только обычная попытка найти новое рѣшеніе для удовлетворенія страсти, помимо естественнаго, ставшаго невозможнымъ въ виду предшествовавшаго разврата, а также—въ данномъ случаѣ—секретъ удесятерить ограниченныя силы индивидуума, чтобы итти вровень съ числомъ любовниковъ и любовницъ, содержать которое позволяютъ средства и обстоятельства». Попадаютъ и неправильныя выраженія, какъ, напримѣръ, на стр. 105: «дамы одѣвали ее» (накидку Adrienne). Наконецъ, и корректура книги очень плоха, особенно во французскихъ цитатахъ.

А. М.—пъ.

Тэнъ, Ипполитъ. Путешествіе по Италіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Переводъ съ французскаго П. П. Перцева. Москва. 1913. Стр. 298. Цѣна 2 р. 20 коп.

Имя Ипполита Тэна, автора нѣкогда прославленной книги «Philosophie de Paris», настолько популярно среди лицъ, интересующихся искусствомъ, что совершенно не нуждается въ рекомендаціи. И каждый изъ новичковъ, при

изученіи искусства, не можетъ пройти мимо книгъ замѣчательнаго французскаго автора, на ряду съ такими авторами, какъ Гюйо, Шюрбелье и Веронъ.

Книга Тэна «Путешествіе по Италіи», распавшаяся на два тома: первый— Неаполь и Римъ, и второй—Флоренція и Венеція, — особенно интересна для читателя-туриста по странѣ вѣчнаго искусства. Книга эта—всесторонній, полный замѣчательный каталогъ по колоссальному музею цѣлой страны, колыбели современнаго намъ искусства всѣхъ народовъ. Неаполь, Римъ, Венеція и Флоренція—четыре колоссальнѣйшихъ столпа искусства. Города эти—безсмертный памятникъ культуры и исторіи и единственный въ мірѣ музеемъ народа, воплотившаго въ своихъ твореніяхъ исторію искусства съ древнихъ временъ и до нашихъ дней.

Заноса въ свой дневникъ впечатлѣнія научно-художественнаго путешествія, Ипполитъ Тэнъ не былъ безстрастнымъ туристомъ, только поклонникомъ чистаго искусства. Итальянская жизнь его дней (1864 г.) останавливала его вниманіе. Описывая вѣчныя зданія, храмы, памятники, проводя цѣлые дни въ музеяхъ и картинныхъ галереяхъ, Тэнъ дивился той жизни улицъ, маленькихъ и грязныхъ дворовъ Неаполя, которая не ускользнула отъ его вниманія. Съ грустью вспоминалъ онъ о тѣхъ вѣкахъ, когда создавались художественныя сокровища Италіи. Ушли въ прошлое великіе творческіе вѣка, истлѣли подъ художественными саркофагами тѣла знаменитыхъ творцовъ искусства, а плоды ихъ творчества остались несокрушимыми для времени.

Умерли великіе художники Италіи, но безсмертными остались для насъ плоды ихъ работы и вдохновеннаго творчества. Живы современники Тэна и дѣла ихъ—дѣла живыхъ мертвецовъ. Тэнъ набрасываетъ въ своей книгѣ сцены изъ жизни неаполитанской бѣдноты, рассказываетъ о томъ, какъ живутъ всѣ эти люди, поглощенные заботами и злобами дня. Говоритъ онъ и объ итальянскихъ крестьянахъ, пишетъ и о томъ, какъ молодые люди Неаполя любятъ на улицахъ, подъ открытымъ небомъ, являя пламень своихъ южныхъ страстныхъ темпераментовъ, и мало пишетъ, почти не упоминаетъ о работахъ художниковъ, современныхъ ему.

Все въ прошломъ въ Италіи, въ этой безсмертной странѣ искусства

«Ты спрашиваешь,—обращается онъ къ своему неизвѣстному другу,—веселятся ли въ Римѣ?»—и отвѣчаетъ: «Веселиться—слово французское и имѣть смыслъ только въ Парижѣ. Здѣсь, если ты не мѣстный житель, нужно учиться: больше нечего дѣлать». О мѣстномъ жителѣ—о римлянинѣ и неаполитанцѣ—Тэнъ плохого мнѣнія, и это не голословное заключеніе, а плоды дѣйствительныхъ наблюденій.—Существуютъ ли здѣсь (въ Римѣ) какія-либо духовныя стремленія?—спрашиваетъ Тэнъ и опять отвѣчаетъ: «Большинство моихъ знакомыхъ говоритъ, что нѣтъ: правительство испортило народъ».

И еще говоритъ Тэнъ о Римѣ, городѣ художниковъ:

«Въ этомъ городѣ, наполненномъ произведеніями искусства, очень мало художниковъ. Тридцать лѣтъ назадъ здѣсь существовали г. Камуччини и холодные подражатели Давида; теперь произошелъ поворотъ въ сторону граціозной пошлости: скульпторы придаютъ мрамору самую совершенную полировку, чтобы понравиться богачамъ изъ-за Альпъ,—въ этомъ ихъ мастерство,

и дальше этого они не идут. Большинство между ними—ремесленники, изготовляющие копии. Большая публика также опустила. Римляне уже не чувствуют свои шедевры иначе, как по восторгам иностранцев».

И Тэнъ съ печалью рассказываетъ о томъ, какъ города Италіи изъ вѣчныхъ музеевъ искусства превращаются въ рынки плохихъ копій въ угоду богачамъ изъ-за Альпъ. Въ одной изъ главъ своей книги, озаглавленной краткимъ словомъ «Общество», Тэнъ подробно пишетъ и о современномъ ему итальянскомъ обществѣ, начиная съ народа и кончая обитателями великолѣпныхъ виллъ и особняковъ. Клерикализмъ—вотъ душа современнаго Тэну итальянскаго общества, какъ опредѣляетъ самъ авторъ. Власть папы, совмѣстно съ властью капитала, покорили современный художественный Римъ. Безсилны папская власть и власть капитала только передъ тѣмъ, что оставилъ человѣчеству прежній Римъ,—Римъ великихъ творцовъ кисти и рѣзца.

Переводъ книги сдѣланъ съ большимъ стараніемъ. Книга издана изящно съ многими прекрасно воспроизведенными репродукціями и снимками. И по цѣнѣ книга не дорога, а по содержанію—полезное руководство и каталогъ для тѣхъ, кто любитъ искусство и кто захочетъ посмотрѣть художественныя богатства Италіи на мѣстѣ.

В. Бр.

А. Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913. Стр. 607 Цѣна 2 руб. 95 коп.

Книга посвящена разнымъ вопросамъ, но одушевлена однимъ общимъ чувствомъ—любовью къ славянству. Всего интереснѣе статьи объ отношеніи славянъ къ Пушкину и о болгарской литературѣ. Авторъ указываетъ на связь «Мѣднаго всадника» съ творчествомъ Мицкевича. Пушкинъ задался цѣлью опровергнуть польскаго поэта. Поэма Мицкевича «Дядя» посвящена также Петербургу. Онъ написалъ ѣдкую сатиру на Петербургъ, а Пушкинъ свѣтлый гимнъ. Для Мицкевича Петербургъ—исчадіе темныхъ силъ, для Пушкина «полночныхъ странъ краса и диво». Въ созданіи новой столицы польскій поэтъ видѣлъ одинъ безсмысленный капризъ. «Тутъ земля не даетъ ни плодовъ, ни хлѣба. Вѣтры приносятъ только снѣгъ и непогоду. Тутъ климатъ то слишкомъ жаркій, то слишкомъ холодный, суровый и измѣнчивый, какъ настроеніе деспота. Не хотѣли люди, но топкіе берега царь облюбилъ и приказалъ здѣсь ставить не городъ людямъ, но себѣ столицу, здѣсь показалъ онъ всемогущество своей воли». Мицкевичъ далъ Пушкину толчокъ для одного изъ задушевніѣйшихъ его произведеній. Онъ отвѣтилъ польскому писателю, что не духъ слѣпой и рабской покорности создалъ Русское государство, а вѣрный государственныи инстинктъ народа, оправданныи разумнымъ сознаніемъ его лучшихъ представителей.

Авторъ подробно останавливается на творествѣ Вазова, извѣстнаго и у насъ по переводамъ. Вазовъ былъ одно время министромъ народнаго просвѣщенія и своей вполне европейской внѣшностью, своей гуманностью и изысканной культурностью производилъ самое симпатичное впечатлѣніе. Но политика не представляла его настоящей сферы дѣятельности. По замѣчанію г. Сиротинина, съ натурою мягкой, воспримчивой и нѣжной, онъ былъ рожденъ не для

кровавой борьбы, а для поэтического вдохновенія и даръ своихъ пѣсень не закопать въ землю. Авторъ приводитъ въ своей книги рядъ стихотвореній и разсказовъ Вазова и помѣщаетъ также образцы кашубской, словацкой и сербской литературы, за что его поблагодарятъ всѣ интересующіеся славянскимъ міромъ.

П. В.

Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе. 3. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть первая. Ташкентъ. 1913. Стр. 160. Цѣна 1 руб.

«Коранъ» Остроумова представляетъ собою второе, значительно дополненное и мѣстами измѣненное изданіе сочиненія того же автора, вышедшаго въ 1901 году, подъ заглавіемъ «Коранъ и прогрессъ». Настоящее изданіе этой книги снабжено прекрасными, четко исполненными рисунками и предназначено служить пособіемъ для офицеровъ, обучающихся въ школахъ туземныхъ языковъ при ташкентскомъ отдѣленіи императорскаго общества востоковѣдѣнія; для означенной учебной цѣли книга Остроумова переработана авторомъ.

Н. П. Остроумовъ, старѣйшій труженникъ на нашей среднеазиатской окраинѣ по изученію туземныхъ языковъ, исторіи и быта сартовъ, сотрудникъ К. П. Кауфмана по организациіи школьнаго дѣла въ Туркестанѣ, издалъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій и компиляцій, посвященныхъ интересующимъ его вопросамъ исламовѣдѣнія и мѣстнаго фольклора, а также педагогическимъ проблеммамъ, связаннымъ съ Туркестанскимъ краемъ. Целъзя не пріѣтствовать автора за второе изданіе его книги, въ настоящее время совершенно распроданной. «Коранъ» и въ новомъ изданіи не является оригинальнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, на что авторъ и не претендуетъ; онъ даетъ добросовѣстную компиляцію, составленную на основаніи лучшихъ и новѣйшихъ изслѣдованій о Коранѣ и исламѣ вообще, являющуюся цѣннымъ учебнымъ пособіемъ для изученія основъ вѣры ислама.

По счастливому выраженію покойнаго историка Бестужева-Рюмина, «характеръ каждаго народа болѣе всего познается изъ его вѣрованій»—это особенно приложимо къ мусульманамъ, весь укладъ жизни которыхъ, дѣйствительно, проникнутъ положеніями ихъ религіозно-законодательнаго и политическаго кодекса—корана; отсюда ясно, какое громадное значеніе для пониманія мусульманскаго міра представляетъ внимательное изученіе этого памятника. Онъ по ученію мусульманъ, «ниспосланъ Мухаммеду Богомъ для объясненія всѣхъ вещей и въ руководство какъ милость и благовѣстіе покорнымъ» (гл. 16 ст. 91 Корана). «Коранъ»,—говоритъ г. Остроумовъ,—«принадлежитъ къ числу очень немногихъ произведеній человѣческаго генія, на которыя продолжаютъ и въ наши дни обращать серьезное вниманіе ученые люди разныхъ научныхъ специальностей, историки, филологи и богословы; какъ религіозно-законодательный кодексъ, Коранъ оказываетъ неотразимое вліяніе на судьбу огромной части человѣчества, такъ какъ многочисленные народы Азіи, Африки и Европы—обязаны ему складомъ своей религіозно-нравственной и общественно-государственной жизни» (стр. 151).

Соотвѣтственно такому значенію Корана авторъ даетъ не только внѣшнюю

20*

его исторію, свѣдѣнія объ его первыхъ спискахъ, составѣ, количествѣ стиховъ, внѣшнемъ видѣ наиболѣе рѣдкихъ изданій, толкованіяхъ разныхъ положеній мусульманскими богословами, содержаніи Корана, противорѣчивыхъ и темныхъ его мѣстахъ, теоріи отмѣненія нѣкоторыхъ стиховъ и суръ и т. п., но также освѣщаетъ и значеніе нѣкоторыхъ положеній Корана въ приложеніи къ современной жизни послѣдователей Магомета, замѣчаемое за послѣднее время пробужденіе ислама и, кромѣ того, борьбу между прогрессистами-мусульманами и мусульманами-старовѣрами, доказывая несостоятельность попытки прогрессистовъ склонить своихъ единовѣрцевъ къ европейскому образованію, и въ то же время, отстоять божественный авторитетъ Корана, то есть соединить несовмѣстимое.

Нельзя не поблагодарить автора особенно за довольно полное описаніе какъ наиболѣе рѣдкихъ, такъ и распространенныхъ рукописей, а также печатныхъ и литографированныхъ изданій Корана. Чрезвычайно любопытны приведенныя г. Остроумовымъ свѣдѣнія о рѣдкой рукописи Корана, на тонкихъ пластинкахъ чинара, относящейся къ началу XVIII вѣка и пріобрѣтенной въ Самаркандѣ г. Кастальскимъ.

Непонятно, почему г. Остроумовъ, такъ обстоятельно овладѣвшій литературой по изученію и описанію Корана, говоритъ, что у него нѣтъ данныхъ для опредѣленія причины разницы общаго числа отдѣльныхъ буквъ и словъ въ Коранѣ, приводимаго у различныхъ изслѣдователей послѣдняго—Сейля, Саблукова, Патрика Хуге, Шейха-Насыра; между тѣмъ, въ наукѣ имѣется вполне обоснованное объясненіе этого. Въ трудѣ П. К. Цвѣткова («Исламизмъ» I, стр. 246) указывается, что эта разница объясняется особенностями арабскаго языка, допускающаго различныя чтенія Корана; неизбѣжно при одномъ чтеніи нѣкоторое количество буквъ не произносится совершенно, или же произносятся буквы, которыхъ въ словахъ нѣтъ; число словъ колеблется отъ того, что нѣкоторыми сложными словами считаются за одно, а другими за два слова, нѣкоторые считаютъ члены за слово, другіе этого не дѣлаютъ, слитныя со словами предлоги принимаются нѣкоторыми за отдѣльныя слова, другими—нѣтъ.

Очень интересно сопоставить отзывъ г. Остроумова о рускомъ переводѣ Корана Саблукова съ отрицательнымъ отзывомъ о томъ же переводѣ нашего извѣстнаго ориенталиста, профессора Крымскаго. Г. Остроумовъ особенно рекомендуетъ переводъ Саблукова, находя, что онъ отличается буквальною точностью, какая приличествуетъ священному тексту, и пониманіемъ духа Корана; эта точность повліяла на сухость русскаго перевода арабскаго текста, но зато Саблуковъ, при многолѣтнемъ и рѣдкомъ по добросовѣстности изученіи ислама вообще и Корана въ частности, сумѣлъ удержать въ переводѣ буквальный смыслъ и тонъ рѣчи подлинника; въ переводѣ, кромѣ рѣдкихъ неясностей, обусловленныхъ неясностью и подлиннаго текста, одинаковыя выраженія арабскаго подлинника переданы одинаковыми русскими выраженіями, а это весьма важно, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи при сношеніи съ мусульманами; кромѣ того, въ переводѣ Саблукова всѣ особенности арабскаго подлинника характерно переданы; читатель чувствуетъ дѣйствительно языкъ восточнаго народа и въ то же время языкъ священной книги (стр. 148).

Эти достоинства перевода Саблукова ставят его трудъ неизмѣримо выше очень распространеннаго перевода Корана Николаева, сдѣланнаго притомъ не съ подлинника, а съ французской передачи, изобилующей массою неточностей и прямо несообразностей.

Профессоръ Крымскій иначе оцѣниваетъ переводъ Саблукова. По его словамъ («Исторія мусульманства» т. I, М. 1904 г. стр. 144 об.), — Саблуковъ старается быть мертвенно-буквальнымъ, такъ что во многихъ мѣстахъ и понять его нельзя, если не имѣть предъ собою арабскаго оригинала; кромѣ того, въ трудѣ Саблукова есть изрядное количество несомнѣнныхъ ошибокъ. Профессоръ Крымскій приводитъ также, безъ возраженія, въ доказательство несостоятельности работы Саблукова отзывъ о ней переводчика книги Летурно «О нравственности» а именно, что въ переводѣ Саблукова находятся мѣста совершенно непонятныя и даже просто бессмысленныя.

Опираясь на отзывъ покойнаго академика, барона В. Р. Розена, рекомендовавшаго намъ лично переводъ Саблукова, смѣемъ думать, что мнѣніе г. Остроумова болѣе правильно.

В. М.

М. Слобожанинъ. Изъ исторіи и опыта земскихъ учреждений въ Россіи. Изданіе журнала «Жизнь для всѣхъ». Спб. 1914. Стр. 551. Цѣна 2 руб.

Очерки г. Слобожанина о земской реформѣ въ Россіи печатались въ разныхъ изданіяхъ и въ настоящее время приурочены къ пятидесятилѣтнему юбилею земскихъ учреждений. Конечно, его очерки не исчерпываютъ всего матеріала земской дѣятельности и не даютъ систематическаго свода по всѣмъ вопросамъ русскаго быта, которыми полна земская жизнь.

Но тѣмъ не менѣе авторъ отмѣчаетъ важнѣйшіе моменты въ исторіи земскихъ учреждений и устанавливаетъ соотвѣтствіе земскихъ работъ съ нуждами населенія (ходатайства отъ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о крестьянскомъ представительствѣ въ земствѣ, объ экономическихъ мѣропріятіяхъ, о всеобщемъ обученіи, народномъ здравіи, призрѣніи и т. д.). Еще болѣе важны въ очеркахъ г. Слобожанина намѣченные имъ пути и задачи дальнѣйшаго развитія земской дѣятельности. По его мнѣнію, о возстановленіи поземельной волостной общины нечего и говорить въ данный моментъ. Но найти общность экономическихъ интересовъ для жителей небольшой территоріи—волости, участка, округа и т. п. — можно и должно. Одни кооперативныя единенія и мѣстные союзы кооперативовъ могутъ дать для этого достаточно основаній и поводовъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ основной мелкой земской единицы должны возникнуть волостныя или участковыя земства, въ предѣлахъ которыхъ могутъ дѣйствовать, на примѣръ, общая для всей данной территоріи организація по сбыту хлѣба, общій центральный потребительскій складъ съ обществами потребителей или общественными лавками въ отдѣльныхъ поселеніяхъ, общія ссудо-сберегательныя или кредитныя товарищества или союзъ ихъ, общій же союзъ производительныхъ и другихъ кооперативовъ, земскій фондъ для приобрѣтенія земель, организація для аренды ихъ и т. д., и тому под.

Такое участковое земство, объединяющее тѣ или другіе хозяйственно-экономическіе интересы и опирающееся на это объединеніе, конечно, не можетъ быть ни сословнымъ, ни групповымъ. Оно, по мнѣнію г. Слобожанина, должно быть строго демократическимъ, должно объединить все мѣстное населеніе такъ, чтобы въ земской жизни, какъ въ древнѣйшія времена, могли принимать участіе всѣ достигшіе рабочаго возраста мѣстные жители. Земскіе выборы поэтому должны быть всеобщими, прямыми, равными и тайными. Для такой роли своей земства должны пользоваться самостоятельностью, совершенно не зависѣть отъ административныхъ учреждений и отвѣчать, въ лицѣ своихъ представителей, только передъ судомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, для широкой, соответствующей дѣйствительнымъ запросамъ современной жизни, постановки экономическихъ и культурныхъ мѣропріятій, земству необходимы обширныя собственныя средства. Наиболѣе соответственнымъ была бы передача земству дѣликомъ всѣхъ такъ называемыхъ реальныхъ налоговъ, установленіе спеціальнаго, въ пользу земства, обложенія «незаработанной» возросшей дѣльности имущества и такого же дохода, предоставленіе опредѣленной доли участія въ подоходномъ налогѣ, въ налогѣ на наслѣдства и т. д.

Пятидесятилѣтній опытъ земской работоспособности убѣждаетъ автора въ томъ, что тѣсное мѣстное единеніе, основанное на общности экономическихъ и другихъ интересовъ, упрочить мелкую земскую организацію, которая послужитъ прочнымъ устоемъ для земскихъ организацій высшаго порядка—уѣздныхъ и губернскихъ, а также для ихъ союзной областной и всероссійской дѣятельности. «Организованному на такихъ основаніяхъ земству не страшна никакая реакція, и никакія темныя силы не закроютъ для него источниковъ живой воды, которыми такъ богата народная толща во всей ея исключительной мощности».

Таковы общія начертанія земскаго дѣла въ будущемъ.

А. Фаресовъ.

Леонъ Додз. Передъ войной. Изслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпіонствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено Н. М. Лаговымъ. Спб. 1913. Стр. 135. Ц. 1 р.

Въ этой небольшой брошюрѣ дѣло идетъ о вопросѣ, къ которому въ послѣднее время съ особенною нервностью относятся и печать, и правительства,—вопросѣ о военномъ шпіонствѣ. Авторъ французъ останавливается при этомъ преимущественно на шпіонствѣ нѣмцевъ во Франціи. Подъ шпіонствомъ обыкновенно разумѣютъ собираніе въ непріятельской странѣ секретныхъ свѣдѣній о боевой силѣ государства и объ его военныхъ средствахъ; въ настоящее время, при широкой гласности, шпіонство такого рода не представляетъ большихъ затрудненій и имѣетъ второстепенное значеніе. Но если шпіонажъ не ограничить только собираніемъ свѣдѣній, если пойти дальше и завести въ непріятельской странѣ не только лазутчиковъ, но и исполнителей, если подъ каждымъ важнымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, на каждомъ туннелѣ, на узловыхъ станціяхъ имѣть своихъ надежныхъ агентовъ, если къ тому же сосредоточить

въ своихъ рукахъ главнѣйшіе жизненные источники страны—уголь, желѣзо, хлѣбъ и т. п.,—то это уже перестанетъ быть простымъ шпионствомъ, а должно называться «подготовкой непріятельской страны на случай войны». Послѣдній родъ шпионства имѣетъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важное значеніе, и о немъ-то именно и говоритъ авторъ брошюры. Опираясь на документальныя данныя, авторъ призываетъ общество и правительство Франціи къ болѣе внимательному отношенію къ захвату нѣмцами и свреями земельныхъ и подпочвенныхъ богатствъ, къ сосредоточенію въ ихъ рукахъ важнѣйшихъ средствъ страны. При безпечности правительства, при свойственныхъ нѣмцамъ упорствѣ и настойчивости, въ соединеніи съ громадными денежными средствами, захватъ этотъ принимаетъ ужасающіе размѣры. Въ своемъ заключеніи авторъ говоритъ, между прочимъ, что хотя имъ и собрано по данному вопросу значительное количество матеріаловъ, но ими не исчерпывается все то, что предпринимается нѣмцами въ смыслѣ подготовки ихъ къ будущей войнѣ. Общія указанія на характеръ этихъ явленій давались уже и ранѣе многими писателями, но авторомъ съ полною детальною приводятся имена и факты, провѣрка которыхъ возможна во всякое время. Вообще, въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ Германія, не торопясь, но методически овладѣваетъ не только подпочвенными богатствами Франціи, но и всѣми ея жизненными нервами и узлами. Безъ единого выстрѣла Германія укрѣпилась: въ Нормандіи, гдѣ въ особенности она стремится къ Шербургу, а вскорѣ у нея будутъ свои порты въ Дьеленѣ и Канѣ; въ долинѣ Уазы, по главному операціонному пути къ Парижу, находятся безчисленныя нѣмецкія предпріятія, заводы и склады; она проникла въ Сѣверную область, въ особенности въ Дуэ и его окрестности; она разсѣялась на востокъ по Лотарингіи и Шампани; она находится въ окрестностяхъ и пригородахъ Парижа, на берегахъ Средиземнаго моря въ области Тулона, Иера и Ницы; главный центр ея шпионства находится въ Брюсселѣ и Монако. Подъ видомъ своихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, она разсѣяла настоящіе форты во французскихъ портовыхъ городахъ, въ восточныхъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ, по электрическимъ линиямъ, близъ станцій безпроводнаго телеграфа, по сосѣдству съ французскими воздухоплавательными парками и т. п. Единственною цѣлью всѣхъ этихъ махинацій является облегченіе будущихъ военныхъ операцій: нѣмцы могутъ прервать транспортъ провіанта и уморить голодомъ Парижъ; уничтожить искусственныя сооруженія, лишитъ угля, а, слѣдовательно, и жизни восточные форты, сдѣлать негодными къ употребленію всѣ дирижабли; образовать къ услугамъ своихъ войскъ по дорогѣ, ведущей въ Парижъ, цѣлую линію стратегическихъ пунктовъ подъ безобидной наружностью разныхъ коммерческихъ предпріятій, фермъ и т. п. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ въ своихъ разоблаченіяхъ генералъ Метро,—что у нихъ уже изучены во всѣхъ подробностяхъ не только тѣ пункты, которые необходимо повредить или разрушить, но и всѣ средства, съ помощью которыхъ можно будетъ осуществить это разрушеніе. Для выполненія этого у нихъ всегда найдется необходимый персоналъ въ лицѣ офицеровъ, свободно могущихъ изучать пограничную полосу, а также въ лицѣ множества нѣмцевъ, прочно обосновавшихся въ районѣ вос-

точных корпусовъ и имѣющихъ секретныя порученія, которыя они сумѣютъ выполнить въ нужный моментъ. Приказъ о германской мобилизаціи въ то же время мобилизуетъ и пребывающихъ на самыхъ опасныхъ пунктахъ вѣрныхъ работниковъ нѣмецкой славы. Разумѣется, и здѣсь могутъ случаться промахи, естественные во всякомъ дѣлѣ, но все же первый ударъ, направленный на всѣ искусственныя сооруженія и экономическіе ресурсы Франціи, явится серьезнымъ козыремъ въ рукахъ Германіи. Вотъ какую безотрадную картину рисуеъ авторъ въ случаѣ столкновенія Германіи съ Франціей. Конечно, картина эта не лишена преувеличеній, но все же вполне справедливо воззваніе автора къ правительству и обществу съ цѣлью пробудить ихъ вниманіе и сосредоточить въ національныхъ рукахъ главнѣйшіе ресурсы Франціи. Есть о чемъ подумать въ этомъ смыслѣ и не одной Франціи. Д. Н.

Л. Рума. Очерки и изслѣдованія. Вып. I. Изъ жизни и колонизаціи Муганской степи. Спб. 1913. Стр. 235. Съ 24 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ связи съ вопросомъ о проведеніи Муганской желѣзной дороги было произведено обслѣдованіе хозяйства старожилаго населенія района и хозяйства новоселовъ-переселенцевъ. Л. Рума воспользовался собранными матеріалами, въ частности данными подворнаго обслѣдованія 1830 переселенческихъ хозяйствъ, производившагося переселенческимъ управленіемъ, и его книга явилась правдивымъ изображеніемъ и мѣстнаго богатства и мѣстныхъ нуждъ.

До послѣдняго времени вся Муганская степь представляла картину пустыни. Но такой характеръ степь эта приняла лишь къ XIII в., послѣ покоренія ея Чингисъ-ханомъ. До тѣхъ поръ, по свидѣтельству историковъ, она славилась своимъ богатствомъ и изобиловала хлопкомъ, вѣчно цвѣтущими деревьями и даже оливой. Время запустѣнія и бесплодія продолжалось для Мугани почти до самаго XX вѣка, когда русское правительство обратило вниманіе на развитіе хлопководства и положило начало заселенію Мугани. Дѣло начато было умѣло и энергично, и, хотя развитіе хлопководства и успѣхи заселенія отнюдь не могутъ быть названы грандіозными, но быстрота завоеванія степи культурою все же несомнѣнна. По даннымъ податной инспекціи, хлопчатникъ занимаетъ во всемъ Джеватскомъ уѣздѣ около десяти тысячъ десятинъ, тогда какъ въ 1906 году онъ ограничивался всего 2,000 десятинами. Площадь хлопковыхъ посѣвовъ увеличивается, главнымъ образомъ, благодаря населенію орошенныхъ казною земель. Новоселы—русскіе переселенцы—получаютъ небольшіе надѣлы, въ девять десятинъ удобной земли на одинъ дворъ, и, какъ показало обслѣдованіе, 94 проц. ихъ сѣютъ хлопокъ.

Какъ ни отраднo, однако, слышать про успѣхи хлопководства въ русскихъ селеніяхъ, не слѣдуетъ забывать всѣхъ трудностей и лишеній, съ которыми связано заселеніе знойной Мугани съ ея жестокою маляріею, саранчой, мышами и, наконецъ, съ ея ужасными солонцами. Всѣ эти бичи культурной жизни въ Мугани были хорошо знакомы русской власти. На Закавказьѣ смотрѣли, какъ на «гиблое» мѣсто, куда никого добровольно не загонишь, и, дѣйстви-

тельно, начало русскаго заселенія положили здѣсь «невольные» переселенцы: старообрядцы, молокане, субботники. Нынѣ взглядъ на колонизацію Мугани перемѣнился. Ей приписываютъ цѣлый рядъ задачъ: «она не только должна служить экономической цѣли оживленія пустыющихъ земель и поднятія производительныхъ силъ края, но и культурной миссиі—введенія и развитія въ краѣ многоходныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Мало того. На эту же колонизацію возлагалось выполненіе политической задачи—тѣснѣйшаго приобщенія края къ Имперіи, и даже стратегической, намекъ на которую мы находимъ въ мотивѣ выбора для заселенія въ первую очередь Муганской и Мильской степей, какъ такихъ, который на семь своемъ протяженіи прилегаютъ къ персидской границѣ» (стр. 196). Новый взглядъ на колонизацію Мугани укрѣпился какъ-то сразу въ самое послѣднее время, когда вообще было обращено особое вниманіе на заселеніе окраинъ и на переселенческое дѣло.

Тѣмъ не менѣе г. Рума считаетъ необходимымъ отмѣтить цѣлый рядъ неправильныхъ, по его мнѣнію, шаговъ въ дѣлѣ колонизаціи. «Неустойчивость возрѣній на задачи колонизаціи, съ одной стороны, и преобладаніе въ то же время политическихъ къ ней требованій надъ экономическими явились,—говоритъ г. Рума,—причиной многихъ ошибочныхъ, на нашъ взглядъ, шаговъ въ этомъ направленіи. Одной изъ такихъ ошибокъ является спѣшность орошенія, которая не позволяла не только вести его вполне планомѣрно, но и обосновать всю его постановку предварительными опытами. Лозунгомъ переселенческой политики въ Муганской степи было стремленіе возможно скорѣе и возможно плотнѣе заселить русскимъ элементомъ. Ради этого нормы душевыхъ долей постепенно уменьшались, чтобъ тѣмъ увеличить емкость территории; ради этого въ значительной степени пренебрегали интересами туземнаго населенія, ради этого, наконецъ, тормозили всячески орошеніе казенныхъ земель частными предпринимателями, для которыхъ государственная колонизація не составляла, конечно, основной цѣли» (стр. 217).

Книга г. Рума написана вполне благожелательно для дѣла колонизаціи, составлена достаточно полно, добросовѣстно и безпристрастно. Слѣдуетъ отмѣтить, что многіе выводы автора относительно дефектовъ въ постановкѣ дѣла уже утратили новизну съ появленіемъ «Записки главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Муганскую степь въ 1913 году». Главная цѣнность книги г. Рума заключается въ описаніи экономическаго положенія переселенцевъ и старожиловъ. Большой интересъ представляетъ также глава, посвященная естественно-историческому описанію Мугани и условіямъ хлопковаго хозяйства въ ней.

Книга издана хорошо, но, къ сожалѣнію, допущено много опечатокъ. Иллюстраціи исполнены художественно.

Г. Гинсъ.

Г. Артуровъ. На живѣ смерти. Портъ-артурскіе рассказы. Москва. 1913. Стр. 224. Цѣна 1 р.

Безхитростные, простые по формѣ, эти портъ-артурскіе рассказы производятъ очень сильное впечатлѣніе и читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Авторъ, участникъ портъ-артурской осады, самъ пережилъ и перестрадалъ все, что описываетъ, и потому его картины вполне жизненны, реальны и такъ же кошмарно-ужасны, какъ былая портъ-артурская дѣйствительность. Въ небольшихъ рассказахъ читатель найдетъ и описаніе перваго боя, и картины безпричинной и стихійно-страшной ночной паники, когда изнервничавшіе и усталые до послѣдней степени солдаты и офицеры наканунѣ жаркаго перваго боя вдругъ вообразили среди ночного отдыха, что на нихъ напала японцы, и въ ужасномъ паническомъ бѣгствѣ стрѣляли въ своихъ, искалѣчили обозный скотъ, перепортили повозки и т. д. Очень интересны выводимые авторомъ, правда, довольно эскизно, различные типы офицеровъ и солдатъ, ихъ разговоры о войнѣ и японцахъ, ихъ отношенія къ нимъ; рассказывается не безъ юмора о нѣкоторыхъ курьезныхъ типахъ и эпизодахъ изъ жизни осажденной крѣпости; таковы рассказы «Клубъ на пригоркѣ», «Водовозъ», «Въ палатѣ» и друг. Любопытны рассказы, въ которыхъ молодой авторъ пытается дать картину психологическихъ переживаній участниковъ осады. И по размѣрамъ, и по болѣе удачному техническому выполнению, и по интересному замыслу выдѣляется рассказъ «Онъ и она», рисующій глубоко трогательный и симпатичный трагическій образъ простой, скромной русской женщины, жены солдата, самоотверженно трудившейся на пользу измученнымъ, изстрадавшимся защитникамъ Портъ-Артура, потерявшей въ бою мужа, переодѣвшейся въ солдатскую сѣрую шинель и несшей всѣ тяготы службы, какъ обыкновенной солдатъ-мужчина.

Настроеніе, остающееся послѣ прочтенія «Живны смерти», очень близко къ тому горькому чувству раздраженія передъ нашей неряшливостью и преступной неподготовленностью, приведшими къ поражению, и чувству восхищенія передъ безыменной героической солдатской массой, которое возбуждаютъ такіе же повѣствованія покойнаго Вл. Семенова. Несмотря на нѣкоторые недостатки, правда, вполне понятные въ начинающемъ авторѣ, книга г. Артурова читается съ интересомъ, какъ художественное свидѣтельство очевидца объ одномъ изъ самыхъ главныхъ эпизодовъ минувшей несчастной войны.

Д. М.

П. А. Прокошевъ, профессоръ императорскаго томскаго университета. Didascalia Apostolorum и первыя шесть книгъ «Апостольскихъ постановленій». Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. XVII+462 стр. Приложение: Дидаскалія. Стр. 195 Томскъ. 1913. Цѣна 4 р. 50 к.

Русская научная литература, посвященная изученію каноническаго процесса, обогатилась весьма солиднымъ трудомъ профессора Прокошева, отмѣченнымъ уже за границей такими авторитетами, какъ, напримѣръ, профессоръ Bonwetsch; помѣстившій въ журналъ «Theologische Literatur-Blatt» весьма лестную для русскаго ученаго критическую статью.

Рецензируемая нами книга представляетъ историко-критическое изслѣдованіе церковнаго процесса первыхъ вѣковъ христіанства, явившееся резуль-

татомъ детальнаго изученія массы спеціальныхъ источниковъ и, между прочимъ, научнаго богатства, хранящагося въ берлинской королевской библіотекѣ.

Профессоръ Прокошевъ въ своей книгѣ главное мѣсто отводитъ вопросу церковнаго правосудія въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Съ изданіемъ Миланскаго эдикта въ жизни церкви открылось новая эра: церковь, утвержденная въ политическихъ и общественныхъ правахъ, получила возможность вносить свою дѣятельность въ сферу государственной жизни. Церковно-юридическія отношенія стали гораздо сложнѣе, въ нѣдрахъ церкви начали возникать важныя дѣла, требовавшія судебнаго разбирательства. Естественно, церковь не могла не воспользоваться для своихъ цѣлей римскимъ правомъ съ его обработанностью формулъ и понятій.

Такимъ образомъ, историку каноническаго процесса періода вселенскихъ соборовъ приходится разбираться въ вопросѣ о взаимоотношеніи въ этой области между римскимъ и церковнымъ правомъ, чтобы уяснить, что, собственно, въ церковномъ процессѣ даннаго періода слѣдуетъ считать продуктомъ самостоятельной законодательной дѣятельности церкви и что надо приписать вліянію римскаго права. Все это авторъ задался цѣлью выполнить, причемъ взять на себя этотъ трудъ побудила его крайняя бѣдность по сказанному вопросу канонической литературы, не только русской, но и западно-европейской. Правда, въ этой послѣдней имѣются работы извѣстныхъ ученыхъ Фесслера, Кельнера и Молигора, но онѣ, послѣ новыхъ открытій въ области первоисточниковъ христіанской древности и съ появленіемъ выдающагося изслѣдованія профессора Моммзена, всесторонне освѣщающаго римскій аккузаціонный процессъ, утратили свое научное значеніе.

На ряду съ изученіемъ судебного процесса вселенскаго періода профессоръ Прокошевъ не упускалъ изъ виду необходимость изслѣдованія церковнаго процесса и первыхъ трехъ вѣковъ христіанства съ цѣлью установленія внутренняго родства процесса этихъ двухъ историческихъ періодовъ. Только при этомъ условіи можно установить, осталась ли церковь вѣрна своимъ первобытнымъ началамъ, выдерживаются ли эти начала во вселенскомъ законодательствѣ и въ церковно-судейской практикѣ того времени и что въ церковномъ процессѣ вселенскаго періода составляетъ элементъ, привнесенный подъ вліяніемъ стороннихъ факторовъ. Главнѣйшимъ источникомъ, знакомящимъ какъ съ самымъ порядкомъ судебного разбирательства въ первые вѣка христіанства—эпоху кровавыхъ преслѣдованій христіанъ и мученичества,—такъ и съ основными началами его, выработанными церковью на почвѣ *juris divini*, признавались такъ называемыя «Апостольскія постановленія». Однако продуктивное пользованіе этимъ источникомъ въ научной работѣ было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы историческая судьба его не возбуждала никакихъ сомнѣній. Между тѣмъ трудами профессора Цана, Гарнака, Функа и др. установлено, что первыя шесть книгъ нынѣшнихъ «Апостольскихъ постановленій» представляютъ собою интерполяцію древне-христіанскаго произведенія *Didascalia* или *Doctrina catholica duodecim Apostolorum et sanctorum discipulorum Salvatoris nostri*, сохранившагося на сирійскомъ языкѣ. Если въ этомъ утвержденіи сошлись мнѣнія ученыхъ, то въ вопросѣ о томъ, къ какому времени относятся

«Апостольскія постановленія», возникло разногласіе: профессоръ Функъ, вопреки заключенію остальныхъ ученыхъ, относящихъ происхожденіе этой интерполяціи къ первой половинѣ IV вѣка, относитъ ее къ первымъ десятилѣтіямъ V вѣка. Такимъ образомъ, профессору Прокошеву оставалось или отказаться отъ пользованія этимъ традиціоннымъ источникомъ, или предварительно доказать ошибочность воззрѣній профессора Функа. Избравъ послѣдній путь, авторъ путемъ детального разбора, блестяще опровергъ теорію Функа, предложивъ опытъ новаго рѣшенія научной проблемы интерполяціи Дидаскаліи. Трудъ профессора Прокошева, имѣющаго въ спеціальной литературѣ извѣстное имя и заставившаго недавно еще говорить о себѣ своимъ изслѣдованіемъ по вопросу о «Религіозномъ кризисѣ на Западѣ Европы», несомнѣнно, восполнитъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ по исторіи источниковъ церковнаго права въ русской наукѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить умѣнія автора сухой спеціальныи матеріалъ облечь въ живую форму, благодаря чему громадный томъ съ безчисленнымъ количествомъ цитатъ и ссылокъ читается, въ общемъ, сравнительно легко.

Въ качествѣ особаго приложенія авторъ даетъ русскій переводъ текста ассирійской Дидаскаліи, сдѣланныи имъ съ нѣмецкаго изданія съ указаніемъ вариантовъ текста. За точность перевода ручается уже имя автора, а съ точки зрѣнія стиля—переводъ не оставляетъ желать лучшаго.

Приходится сожалѣть, что это цѣнное изданіе грѣшитъ опечатками. Но это вина типографіи.

Вит. Ткачукъ.

Труды состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго Спб. 1913.

Вступившее въ началѣ 1910 года официально въ жизнь общество русскихъ ориенталистовъ, поставившее себѣ цѣлью объединеніе русскихъ ориенталистовъ на почвѣ изученія современнаго Востока и ознакомленіе съ послѣднимъ русскаго общества, выпустило нынѣ въ свѣтъ первый экземпляръ своихъ трудовъ, посвящій вышеозначенное заглавіе.

«Законы Ману» являются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ юридической литературы, который особенно интересенъ и важенъ тѣмъ, что онъ по настоящее время служитъ основаніемъ индійскаго права.

Названіе этихъ законовъ—Ману—объясняется слѣдующимъ. Преданіе индійцевъ, чтобы придать этимъ законамъ большее значеніе, приписывало имъ божественное происхожденіе и почти вѣчное существованіе, относя ихъ ко времени мифологическаго Ману, родоначальника арійцевъ.

Всякій путешественникъ и практическій дѣятель, намѣревающийся посѣтить Индію или имѣть дѣло съ ея населеніемъ долженъ прежде всего познакомиться съ его оригинальными обычаями и своеобразнымъ строемъ жизни. Лучшимъ источникомъ для этого на русскомъ языкѣ и является вышеупомянутая книга.

Законы Ману содержатъ въ себѣ изложеніе системы космогоніи, многочисленныя правила, касающіяся религіозныхъ обязанностей, церемоній, культа, положенія о нравственности, свѣдѣнія изъ политики, военного искусства и торговли.

Многія изъ статей этихъ законовъ, помимо упомянутого значенія ихъ для лицъ, собирающихся поѣхать съ тѣми или другими цѣлями въ Индію, имѣютъ интересъ и для остальной публики въ отношеніи ознакомленія съ положеніями древней индійской мудрости, которыя и понынѣ являются кодексомъ моральной жизни туземнаго населенія Индіи. Кромѣ того, нѣкоторыя ихъ этихъ статей заключаютъ въ себѣ такія изреченія, которыя полезны не только для индійца, но и для всякаго европейца.

Такъ, напримѣръ, въ ст. 121 гл. 2 говорится: «тотъ, кто имѣетъ обыкновеніе привѣтствовать старшихъ и почтительно относиться къ нимъ, достигаетъ увеличенія четырехъ (предметовъ): знанія, славы (и) силы».

Затѣмъ, въ ст. 153 той же главы: «Человѣкъ, лишенный (священнаго) знанія, есть дѣйствительно дитя, а тотъ, кто обучаетъ его Ведѣ, есть его отецъ; ибо мудрецы всегда говорили человѣку несвѣдущему: «дитя», а учителю Веды— «отецъ».

Ст. 109 (гл. 5): «Тѣло очищается водою, сердце очищается правдою, душа— священнымъ ученіемъ и религіозными подвигами, разумъ—истиннымъ познаниемъ».

Это, такъ сказать, религіозно-философскія изреченія.

Вторую половину книги составляетъ отдѣлъ юридическій съ помѣщеннымъ передъ нимъ краткимъ и очень интереснымъ руководствомъ для царей.

Такъ, относительно руководства внѣшнею политикою рекомендуется: «Царь долженъ считать враждебнымъ своего непосредственнаго сосѣда и сторонника (такого) врага, дружественнымъ—непосредственнаго сосѣда своего врага, а нейтральнымъ—помимо этихъ двухъ» (ст. 158 гл. 7).

Какъ бы руководствуясь этими указаніями, мы видимъ образованіе въ Европѣ тройственнаго союза и согласія.

Такимъ образомъ, многія статьи законовъ Ману являются вполне жизненными и поучительными для всѣхъ.

Въ юридическомъ отдѣлѣ мы отмѣтимъ слѣдующія статьи.

Гл. 9 ст. 14: «Гдѣ законъ гибнетъ отъ беззаконія, а истина отъ несправды, на глазахъ судей, тамъ и они также гибнутъ»; ст. 15: «законъ губитъ, когда его нарушаютъ; законъ охраняетъ, когда его соблюдаютъ, поэтому законъ не долженъ быть нарушенъ, чтобы не покаралъ насъ нарушенный законъ»; ст. 118 гл. 9: «дѣвушкамъ (сестрамъ) братья отдѣльно изъ своихъ частей должны дать каждый изъ своей доли одну четвертую часть; тѣ, которые отказываются дать это, будутъ исключены изъ касты». Здѣсь о наследственныхъ правахъ дочерей высказывается то положеніе, къ которому лишь нынѣ пришло наше законодательство, именно объ увеличеніи наследственныхъ правъ дочерей въ имуществѣ отца.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что законы Ману, кромѣ практической пользы, для путешественниковъ въ Индію имѣютъ научный интересъ и

для кабинетных ученых, какъ для философа, такъ и для юриста. Излагаемые же въ названной книгѣ принципы морали представляютъ интересъ и пользу для каждаго.

«Законы Ману» изданы очень тщательно, что нельзя не поставить въ заслугу молодому обществу русскихъ ориенталистовъ, такъ серьезно зарекомендовавшему себя изданіемъ перваго своего труда.

В. Г—въ.

Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1913 г. Выпускъ III—VI. Стр. 216. Ц. 2 руб.

Настоящій томъ трудовъ вятской архивной комиссіи преимущественно занятъ грамотами и актами Уржумскаго Спасскаго Цѣпочкина монастыря, относящимися къ 1645—1694 гг. Впервые на нихъ обратилъ вниманіе извѣстный «на зарѣ» русской исторической науки академикъ Бердниковъ, напечатавшій одну изъ грамотъ въ «Актахъ археологической экспедиціи». Теперь ихъ напечатано восемнадцать. Помѣщенная далѣе статья «Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича» извлечена въ части, касающейся Вятской земли, изъ изслѣдованія С. В. Веселовскаго въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей российскихъ». То же сдѣлано съ трудомъ проф. М. М. Богословскаго: «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ».

Вл. Д.

Н. Никольскій. Древній Вавилонъ. М. 1913. Стр. 434 Ц. 2 руб.

Вавилонъ представляется многимъ чѣмъ-то отдаленнымъ и скучнымъ. Въ дѣйствительности же вавилонская культура, съ которой знакомить насъ авторъ въ самой популярной формѣ, намъ близка и отразилась на европейской цивилизаціи. Любопытно отмѣтить, что за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. мы встрѣчаемся въ Сеннаари съ тѣмъ же явленіемъ, которое мы наблюдаемъ впослѣдствіи въ Римѣ и въ средніе вѣка во всей Европѣ. Землевладѣльцы старались прикрѣпить крестьянъ къ землѣ; не довольствуясь крестьянскимъ трудомъ, хозяева большихъ имѣній покупали рабовъ и заставляли ихъ работать въ садахъ и на поляхъ. Во время такъ называемаго вавилонскаго плѣна побѣжденные іудеи переняли отъ вавилонянъ разные взгляды и обычаи. Перешла къ нимъ вавилонская легенда о юномъ Мардукѣ, весеннемъ солнцѣ, борющемся съ Тіаматомъ, хаотической тьмой, и его побѣждающемъ. Борьба эта велась съ самаго начала міра, и іудейскіе ученые подъ вліяніемъ вавилонской мудрости стали представлять себѣ, что конецъ міра будетъ такой же, какъ и его начало. Эти вавилонскія представленія перешли въ іудейскіе апокалипсисы, а оттуда и въ христіанскій апокалипсисъ. Такимъ образомъ можно найти культурную нить, связывающую насъ съ Вавилономъ.

П. В.

**Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ старины В. и Г. Лукомскихъ. Изданіе общины св. Евгеніи Краснаго Креста. Спб. 1913. Стр. X+402
Ц. 2 р.**

«Историческій Вѣстникъ» уже указывалъ на прекрасныя миниатюрныя изданія общины св. Евгеніи: на каталогъ Эрмитажа, «Павловскъ» и «Старый Петербургъ». Повидимому въ той же серіи изданій должна принадлежать и «Кострома». Но «Кострома» гораздо слабѣе предыдущихъ выпусковъ. Клише подготовлены къ печати крайне небрежно, многіе рисунки прямо-таки плохи, напечатаны сѣро и грязно.

Самое ужасное въ новой книгѣ—это безграмотность текста. Витѣватость семинарскаго пошиба разсыпана щедро по всеѣмъ страницамъ и подъ видомъ художественнаго слога уснащаетъ это справочное изданіе карманнаго путеводителя. Не хотите ли, на примѣръ, такой отрывокъ:

«На фонѣ чернаго неба, подъ покровомъ жуткимъ, ночь окружитъ все стѣны зданій, ярко освѣщенныхъ огнемъ фонари, они покажутся еще живѣе, еще фееричнѣе. Выглядываютъ тогда изъ-подъ лобья темныя окна домовъ, а тѣ, которые (я) озарены извнутри (изнутри?) свѣтомъ, позволяютъ намъ увидѣть иную жизнь, ту, что за стѣнами, за геранью и за занавѣскою кружевною у лампы, на мебели старинной, и у рододендрона широколиственнаго. Такъ сладостно бываетъ вечеромъ, бродя, по улицамъ пустыннымъ, уйти въ міры чужіе, облетѣть мечтою все эти маленькіе домики, увидѣть весь уютъ патріархальнаго уклада, міръ предрасудковъ и органическаго счастья всеѣхъ этихъ маленькихъ людей, ушедшихъ цѣликомъ въ жизнь своего роднаго, провинціального города»...

Очевидно, авторъ неограниченно счастливъ и далекъ отъ міра предрасудковъ, а предрасудки говорятъ, что «прежде, чѣмъ за сочиненія браться, выучиться грамотѣ надлежитъ».

Г.

Историко - культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Составленъ Н. Д. Полонской, подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1913. Вып. I. Стр. VI+53, съ 42 табл. Вып. II. Стр. 61, съ 40 табл. Ц. по 2 р. за выпускъ.

Примѣненіе нагляднаго метода въ дѣлѣ преподаванія, какъ извѣстно, даю весьма плодотворные результаты и было признано вполне цѣлесообразнымъ. Однако вначалѣ этотъ методъ являлся главнымъ образомъ привилегіей естественныхъ наукъ, и лишь позднѣе стремленіе конкретизировать учебный матеріалъ одержало такую рѣшительную побѣду, что и гуманитарныя науки обратились къ содѣйствию всевозможныхъ наглядныхъ пособій, картинъ, моделей и т. д. Въ частности съ большимъ успѣхомъ этотъ матеріалъ использовали преподаватели исторіи, изученіе которой отъ учащагося требуетъ значительнаго участія воображенія, способности оживлять въ своемъ представленіи тѣ или нныя историческія событія. Всякое пособіе, облегчающее эту умственную ра-

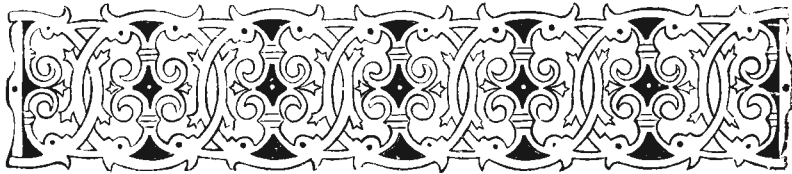
боту ученика, оказываетъ въ педагогическомъ дѣлѣ существенную поддержку. Къ числу такихъ пособій относится и работа автора.

Нѣтъ необходимости указывать, какое значеніе имѣть для пониманія исторіи знакомство съ вещественными памятниками ея культурнаго быта, однако до настоящаго времени мы не имѣли подобнаго изданія, которое бы въ доступной формѣ и съ достаточной полнотой давало соответствующій матеріалъ для изученія. Первую попытку этого рода и представляетъ «Культурно-историческій атласъ по русской исторіи». Цѣль его служить пособіемъ для школъ и для самообразованія.

Въ настоящее время вышло пока два выпуска атласа. Оба размѣромъ in 4°. Каждый изъ нихъ распадается на два отдѣла: текстъ и таблицы. Первый выпускъ охватываетъ собою древности «не славянскія» и «славянскія». Къ первой категоріи отнесены каменная культура, бронзовая, древности скиѣскія, финскія, литовскія, волжскихъ болгаръ, хазарскія, Византіи и Херсонеса и пр.; ко второй категоріи принадлежатъ древности курганнаго періода, города и укрѣпленія, жилища и домашняя утварь, одежда, вооруженіе, средства передвиженія, монеты, церкви древней Руси, письменность и пр. Второй выпускъ посвященъ Руси Московской и Юго-Западной; въ немъ по тому же плану дается характеристика оборонительныхъ средствъ Московскаго государства, домашней обстановки московскихъ людей, а также ремеслъ, обрядовъ, развлеченій и т. д. Текстъ составленъ авторомъ внимательно, написанъ довольно живо. Нѣкоторые очерки (Городъ и деревня, вып. II, стр. 1—7; обряды, вып. II, стр. 29 и много др.) настолько удачны, что прочтутся учащимся съ большимъ интересомъ. Что касается матеріала для таблицъ, то, какъ это уже было указано такимъ авторитетнымъ археологомъ, какъ А. А. Спицынъ (Ж. М. Н. Пр., авг., 1913 г.), содержаніе ихъ со строго-научной точки зрѣнія является иногда спорнымъ. Но если принять во вниманіе, что атласъ и не рассчитанъ вовсе на кругъ специалистовъ, а предназначенъ для болѣе скромной цѣли служить научно-популярнымъ пособіемъ для учащихся, то этотъ дефектъ не имѣетъ большого значенія, къ тому же избѣжать его въ археологіи, дисциплинѣ еще весьма мало разработанной, очень затруднительно. Слѣдуетъ автору поставить въ заслугу, что онъ не остановился передъ тѣмъ кропотливымъ трудомъ, котораго потребовала отъ него обработка сырого, мало систематизированнаго матеріала. Съ виѣшней стороны атласъ вполне удовлетворителенъ. Исполненіе рисунковъ заставляетъ желать лучшаго, но при такой дешевизнѣ изданія мы не правы требовать отъ него слишкомъ многого.

Составленіе атласа отвѣчаетъ давно назрѣвшей потребности и заполняетъ собою замѣтный пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ. Это обстоятельство въ связи съ дешевизной изданія, надо думать, будетъ содѣйствовать его распространенію.

К—шовъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Около загадки о Ѳеодорѣ Кузьмигѣ.—Иркутскій архіерей о Хромовѣ и своихъ бесѣдахъ съ нимъ.—Отраженіе катастрофы 1-го марта въ Сибирѣ.—Сибирскій апостоль и синодскій канцеляризмъ.—«Русскій Архивъ». «Русская Старица».—Императоръ Александръ I въ частной жизни во дни Вѣнскаго конгресса.—«Голосъ Минувшаго».—Солдатскій бунтъ при Александрѣ I.—Православный праздникъ въ Парижѣ.—Сказки о террористахъ во время празднованія тысячелѣтія Россіи.

ИМПЕРАТОРСКИМЪ обществомъ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ издана переписка иркутскаго архіепископа Веніамина, извѣстнаго дѣятеля на нивѣ просвѣщенія далекой Сибири, съ его другомъ, казанскимъ архіепископомъ Владиміромъ.

Одна страница этой большой книги наводитъ на мысль о томъ, что историческая загадка, связанная съ именемъ извѣстнаго Ѳеодора Кузьмича, доселѣ такая непроницаемая и именно сейчасъ такъ исключительно волнующая русскіе умы,—быть можетъ, когда-нибудь и приблизится къ своей разгадкѣ.

Переписка съ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ гр. Остенъ-Сакена, какъ извѣстно, пропала при весьма подозрительныхъ обстоятельствахъ. Почти несомнѣнно, что ее выслѣживали и въ пужную минуту выкрали, какъ ни тщательно хранилъ ее самъ старикъ Сакенъ въ спеціальной шкатулочкѣ.

Но къ сибирскому старцу заѣзжали многія лица изъ высокопоставленныхъ, въ частности изъ архіереевъ, проѣзжавшихъ черезъ Сибирь или тамъ святительствовавшихъ. Наконецъ, многіе знали извѣстнаго Хромова, съ легкой руки котораго собственно и пошла по свѣту легенда о неподлинной смерти Александра. Не найдется ли пересказъ въ чьихъ-нибудь запискахъ о заѣздѣ къ старцу, или рассказъ бесѣды съ Хромовымъ? Что скажутъ, наконецъ, бу-

маги, сданныя покойнымъ Побѣдоносцевымъ въ императорскую публичную библиотеку и подлежащія вскрытію только въ 1917 году?

Письма архіепископа Веніамина не вносятъ ничего новаго въ любопытную легенду. Но одно мѣсто въ нихъ даетъ незначительную деталь. Своему собрату по служенію архіепископъ, бывшій на службѣ въ Сибири уже въ 1862 году, т. е. за два года до смерти Ѳедора Кузьмича, — пишетъ въ 1882 году слѣдующія строки:

«Скажу нѣчто по предмету секрета... На первой недѣлѣ Великаго поста былъ у меня три раза Семень Ѳеофилактовичъ Хромовъ и бесѣдовалъ часа по два. Онъ, если можно такъ выразиться, помѣшался на мысли, что Ѳедоръ Кузьмичъ, жившій и умершій у него, былъ не кто иной, какъ императоръ Александръ I. Съ этою вѣстію ѣздилъ онъ нарочно въ Петербургъ, напрасно добивался аудіенціи у покойнаго государя и у настоящаго. Принять не былъ, но былъ выслушанъ комиссіею подачи прошеній на высочайшее имя, особенно же сошелся онъ (по крайней мѣрѣ, по его словамъ) съ Побѣдоносцевымъ, которому и отсюда плетъ цѣлыя тетради о житіи и чудесахъ Ѳедора Кузьмича, съ доказательствами его царскаго достоинства».

Особенной новости здѣсь нѣтъ никакой. Хорошо извѣстно и безъ этого, что Хромовъ сдалъ огромные матеріалы бывшему оберъ-прокурору, не ново и то, что изъ Сибири онъ бомбардировалъ его письмами. Но цѣнно это мнѣніе о немъ архіепископа, человѣка, судя по всему, большого административнаго ума и здраваго сужденія. И вотъ этому человѣку Хромовъ казался маньякомъ, и это было не бѣглое впечатлѣніе, которому ничто не мѣшало быть ошибочнымъ, — это былъ выводъ изъ троекратной и долгой бесѣды. Кажется, въ этомъ вполне здравомъ отзывѣ сибирскаго апостола дѣйствительная разгадка разросшейся легенды, находящейся въ такомъ прямомъ противорѣчьи и съ законами реальной жизни первой четверти прошлаго вѣка, и со всѣми сохранившимися историческими данными, имѣющими отношеніе къ факту.

Тѣ же письма даютъ и иной небезынтересный матеріалъ, когда получаютъ характеръ записокъ современника, свидѣтельствующихъ о тѣхъ или иныхъ историческихъ переживаніяхъ общества. Вотъ, напр., отзывъ архіепископа о томъ, какъ была принята лояльными кругами Сибири вѣсть о трагической катастрофѣ 1-го марта.

«Вѣсть о мученической кончинѣ государя, — пишетъ Веніаминъ тому же лицу, — какъ громъ, поразила здѣсь всѣхъ, способныхъ чувствовать этотъ громъ. Мы поминаемъ его убитымъ, и многіе безъ слезъ не могутъ слышать этого слова. Въ день погребенія 15-го марта, въ недѣлю крестопоклонную, я говорилъ слово на текстъ: «Сынъ человѣческій идетъ, яко же есть писано о Немъ. Обаче горе человѣку тому, имже Сынъ человѣческій предается». Параллель вышла замѣчательная. Покушенія были противъ Того и другого, но не приде часть, и враги не могли взять ни Того, ни другого, хотя тогда и удобнѣе было взять, чѣмъ теперь. Значить, если случилось такъ, то приде часть преставить царя, чтобы передать правленіе въ другія, болѣе юныя и болѣе крѣпкія руки.

«Распущенность, особенно въ послѣдній періодъ, примирительной политики

дошла до крайности, а либеральныя газеты, земства и городскія думы усилили крикъ: распускай еще болѣе. Хотя Краевскій утѣшаетъ телеграммами, что репрессивныхъ постановленій нѣтъ, но самое это утѣшеніе показываетъ, что ихъ всѣ ждуть, да и въ самомъ Краевскомъ это свидѣтельствуется только о его крайнемъ непамятозлобіи, когда его собственному «Голосу» въ новое царствованіе сдѣлано уже предостереженіе.

«Всѣ добрые подданные и добрые христіане искренне желаютъ новому царю покрѣпче взять въ руки вожжи. А либералы и на высокопоставленныхъ мѣстахъ замѣтно присмирѣли. Анучинъ мнѣ еще въ прошломъ году говорилъ, что самое приближенное лицо къ наслѣднику—Побѣдоносцевъ и что, когда онъ будетъ царемъ, Побѣдоносцевъ, навѣрно, будетъ у него первымъ министромъ. Нельзя не порадоваться за новаго царя, что онъ имѣетъ своимъ совѣтникомъ такого благочестиваго христіанина. Но жаль будетъ, если Побѣдоносцевъ оставитъ синодъ, ничего не сдѣлавши для поднятія его. Что-то ждетъ русскую церковь въ новое царствованіе».

Характерныя и бытовыя черты своего времени Веніаминъ охотно заносилъ въ свои письма. Жизнь его была труднымъ подвигомъ среди инородцевъ-язычниковъ. Тяжесть положенія архіерея и миссіонеровъ бывала иногда настолько непереносима, что былъ случай, когда одинъ изъ миссіонеровъ въ нервномъ разстройствѣ наложилъ на себя руки.

Чтобы до нѣкоторой степени вознаградить архинастыря за понесенные имъ труды, въ Петербургѣ рѣшили вызвать его въ синодъ. И эти записи владыки не лишены бытового колорита и вѣрныхъ психологическихъ замѣчаній.

«Наконецъ и я въ невиданномъ мною доселѣ Питерѣ,—разсказываетъ иркутскій архіерей.—Впечатлѣній по пути и здѣсь было столько, что и не переписать всего. Скажу только, что путь мой отъ Иркутска до столицы былъ чуть не торжественнымъ шествіемъ,—съ такою вовсе не заслуженною любовью вездѣ принимали меня. По пути служилъ въ Красноярскѣ, Томскѣ, Казани и Москвѣ, былъ въ лаврѣ, Геосиманіи и Виоаніи. Казанская академія въ честь меня грѣшнаго задала лукулловскій обѣдъ.

«Преосвященный Модестъ собралъ на обѣдъ нижегородскую знать, начиная съ губернатора. Только Томскъ принялъ меня немилостиво, пять дней проболѣлъ я тамъ отъ cholera nostras, которой было тамъ до меня случаетъ десять. М. московскій сдѣлалъ выговоръ, что остановился не въ Чудовомъ, а въ частномъ домѣ у Трапезникова, но обѣдъ, который я имѣлъ у него, преложилъ мнѣ его на милость, и мы простились съ нимъ любезно, по-братски. Поминалъ онъ и ваше имя, какъ моего закадычнаго друга.

«М. Исидоръ при первомъ свиданіи сказалъ мнѣ, что вызовъ меня сдѣлалъ для моего удовольствія, чтобы дать мнѣ возможность на казенный счетъ побывать въ Россіи и на родинѣ.

«Вчера въ первый разъ увидѣлся съ оберъ-прокуроромъ, проговорили съ часъ, перебивая другъ друга. Поминалъ онъ, что видѣлся съ вами, но болѣе не пришлось слышать объ васъ. Такъ спѣшили мы сразу напицкать другъ друга своими сообщеніями. Сказалъ, что теперь большое затрудненіе въ при-

исканіи людей для архіерейства. Въ примѣръ неудачнаго выбора указаль на якутскаго владыку. Еще хуже говорилъ объ немъ московскій митрополитъ, самъ рекомендовавшій его въ архіереи. Указаль еще на старика донскаго, который по болѣзни сидитъ въ кабинетѣ, а раскольничій архіерей разъѣзжаетъ по его епархіи и вездѣ принимаетъ торжественныя встрѣчи.

«Въ синодѣ первый разъ былъ 24-го потому, что митрополитъ ѣздитъ въ синодъ только разъ въ недѣлю по средамъ, и мнѣ, пріѣхавшему въ среду, пришлось ждать другой среды для представленія синоду. По принятіи присяги, посадилъ меня не по достоинству на первое мѣсто, потому что митрополитъ Исидоръ по глухотѣ держитъ послѣднее мѣсто, ближе къ докладчикамъ.

«Затѣмъ оберъ-секретари начали на ухо ему выкрикивать доклады, а за ними и мы съ своими сужденіями подняли шумъ. Доклады шли быстро, минутъ по пяти, только я дерзнулъ остановиться одинъ. Митрополитъ среди докладовъ шутить и рассказываетъ анекдоты, такъ что засѣданіе прошло весело и пріятно».

По дѣльный и умный старикъ, привыкшій къ настоящему, не канцелярскому, а живому труду на своемъ мѣстѣ, намѣренно подвигиваль себя въ письмѣ. На душѣ его было тускло,—не того отъ ждалъ отъ синода и собратій. Живого дѣла паствы здѣсь не было,—были разговоры, пересуды, вѣчное побѣдоносцевское брюзжанье на архіереевъ, легучія шутки и анекдоты кстаги старѣющаго Исидора, ничего близко къ сердцу не принимающаго, и—Веніаминъ заскучаль по родной ему Сибири. Да и слишкомъ ясно было, что всѣ его личныя мечты о благоустройствѣ сибирскихъ церквей, всѣ надежды на личные доклады и личное воздѣйствіе—разлетѣлись, какъ дымъ.

«На душѣ не весело,—пишетъ онъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ.— Возвращаюсь домой, не достигши почти ничего по миссіи. Защитниковъ идолопоклонства здѣсь не менѣе, чѣмъ въ странѣ идолопоклонства».

А наблюдавшее его со стороны одно изъ петербургскихъ духовныхъ лицъ отписывало про него другому владыкѣ, Саввѣ, архіепископу тверскому:

«Порядки питерскіе съ двоедушіемъ ему не нравятся. И онъ съ перваго визита Константину Петровичу просилъ его въ маѣ отпустить его въ Сибирь, а съ третьей недѣли уже сталъ скучать жизнью въ столицѣ. Любимъ онъ въ Сибири, и самъ желаетъ тамъ умереть, тронутый любовью сибиряковъ къ своимъ святителямъ, почившимъ на сибирской каедрѣ».

Это было въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Видимо, ничуть не легче, чѣмъ теперь, жилось и тогда дѣятельному и истинно-христіанственному архіерею на Руси!.

Послѣдняя книжка старѣйшаго изъ историческихъ журналовъ «Русскаго Архива» не принесла ничего значительнаго. Печатались въ ней воспоминанія жизни М. Леонтьева,—поверхностное сказаніе объ одной обыкновенной жизни, бѣдное и бытовыми деталями и стоящими вниманія приключеніями, а «Записки И. Лопухина», извѣстнаго масона, даже запросто перепечатывались изъ того же «Русск. Архива», гдѣ еще въ 1884 г. старикъ Бартеневъ далъ ихъ, хотя и съ нѣкоторыми пропусками. Вотъ новонайденный способъ заполнения новыхъ книжекъ журнала, дешевый и удобный! Редакція могла бы пощадить

тѣхъ настоящихъ любителей исторіи, которымъ она наноситъ въ ихъ бібліотеку ненужные дубликаты.

Въ «Русской Старинѣ» годъ начался «Замѣтками и воспоминаніями» талантливаго А. Θ. Кони, на сей разъ вдумывающагося въ институтъ присяжныхъ засѣдателей и разнообразящаго свои соображенія, по обыкновенію, живыми фактическими подсказками своей богатой памяти.

Дань исторіи отдана статьями Е. Шумигорскаго («Крестинъ и княжна Туркестанова»), А. Панкрата «Старообрядцы и Наполеонъ», донесеніями агентовъ вѣнской тайной полиціи объ императорѣ Александрѣ I на Вѣнскомъ конгрессѣ и друг.

Любопытно, такъ сказать, обывательское сужденіе европейцевъ о русскомъ государѣ, впервые увидѣнномъ ими въ Вѣнѣ.

«По словамъ одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ агентовъ полиціи, мужчины осуждали Александра за то, что онъ «не посѣщалъ общественныхъ учрежденій, не интересовался художественными произведеніями, не приобреталъ мѣстныхъ издѣлій, что въ немъ не было ничего «оригинальнаго». Ему ставили въ вину, что «его никогда не видѣли сидящимъ за письменнымъ столомъ, что по утрамъ онъ занимался только разводами, катался верхомъ, ѣздилъ на охоту, дѣлалъ визиты, а по вечерамъ танцевалъ далеко за полночь или прогуливался по закоулкамъ Вѣны подъ руку съ Евгеніемъ Богарне.

«Танцы были любимымъ развлеченіемъ императора. Онъ ими такъ увлекался, что Вѣнѣ говорили, что «императоръ одержимъ танцманіей». Онъ былъ въ нихъ неутомимъ и вообще любилъ проводить время въ обществѣ. Объ удивительной выносливости государя, когда дѣло шло объ увеселеніи, свидѣтельствуетъ австрійскій чиновникъ фонъ-Генцъ въ одномъ письмѣ:

«Императоръ пріѣхалъ въ Hôtel Pulteney съ принцессой Ольденбургской въ три часа утра изъ Оксфорда,—писалъ Генцъ,—тотчасъ переодѣлся и отправился на балъ къ лэди Джерси, гдѣ онъ танцевалъ до шести часовъ утра. Въ десять часовъ онъ уже поѣхалъ осматривать различныя общественныя учрежденія, затѣмъ обѣдалъ у лорда Кестльри, въ одиннадцать часовъ отправился въ театръ, а послѣ спектакля къ маркизѣ Гердфордъ, гдѣ оставался до трехъ часовъ, пока всѣ не разъѣхались».

«Много повредили Александру во мнѣніи общества также его многочисленныя галантныя приключенія; его считали «легкомысленнымъ и непостояннымъ». Самыми опасными врагами его доброй славы оказались женщины, которыя раньше представляли его себѣ инымъ, какъ въ смыслѣ красоты, такъ и обхожденія. Вообще иностранцы сильно въ немъ разочаровались, говорили, что онъ «оставилъ неблагопріятное впечатлѣніе», что, узнавъ его ближе, «его громкимъ фразамъ перестали вѣрить, точно такъ же, какъ и его филантропіи, подъ которой скрывалось только непомѣрное честолюбіе». Его считали «неискреннимъ, человѣкомъ безъ нравственныхъ основъ, хотя онъ и говорилъ о религіи, какъ святой, и строго соблюдалъ внѣшніе обряды».

Въ январской книжкѣ «Голоса Минувшаго» интересны страницы записокъ декабриста Муравьева-Апостола, рисующія, между прочимъ, чѣмъ была во

дни декабристовъ солдатская служба на Руси. Гуманныхъ начальниковъ преслѣдовали, если они не заявляли себя жестокостями.

Объ одномъ изъ изверговъ тогдашней администраціи, Шварцъ, къ сожалѣнію, пользовавшимся большими симпатіями Михаила Павловича, передается такой разе азъ:

«Шварцъ начальствовалъ Калужскимъ гренадерскимъ полкомъ. Извѣстно было, что онъ приказывалъ солдатамъ снимать сапоги, когда бывалъ недоволенъ маршировкой, и заставлялъ ихъ голыми ногами проходить церемональнымъ маршемъ по скошенной, засохшей пашнѣ, кромѣ того, наказывалъ солдатъ нещадно и прославился въ арміи погостомъ своего имени.

«Шварцъ принялся за вновь полученный полкъ, — читаемъ въ запискахъ, — по своему соображенію. Узнавъ, что въ немъ уничтожены тѣлесныя наказанія, сначала онъ къ нимъ не прибѣгалъ, какъ было вполнѣ слѣдуетъ; но, недовольный ученіемъ, обращалъ одну шеренгу лицомъ къ другой и заставлялъ солдатъ плевать въ лицо другъ другу; устроилъ ученіе; сверхъ того, изъ всѣхъ двѣнадцати ротъ поочередно ежедневно требовалъ къ себѣ по десять человѣкъ и училъ ихъ для своего развлечения у себя въ залѣ, разнообразія истязанія: ихъ заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи вилками и проч. Кромѣ физическихъ страданій и изнуренія, онъ разорялъ ихъ, не отпуская на работы».

Негодованіе солдатъ-семеновцевъ наконецъ превзошло всякія границы.

«Первая гренадерская рота, во всѣхъ отношеніяхъ образцовая, считалась главою полка. Она состояла изъ отборнѣйшихъ старыхъ заслуженныхъ солдатъ, покрытыхъ боевыми ранами, пользовавшихся привилегіями и лично извѣстныхъ Александру».

«Почтенные ветераны, послѣ вечерней переключки, черезъ своего фельдфебеля просили своего ротнаго начальника Кошкарора пожаловать въ роту. Они объявили ему, что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ служить подъ начальствомъ Шварца, поэтому просятъ принять ихъ жалобу. Кошкароръ уговаривалъ роту отложить жалобу до болѣе благопріятнаго времени. Тогда они рассказали, что на послѣднемъ полковомъ смотрѣ Васильчиковъ подѣзжалъ къ нимъ, говорилъ, что ему извѣстно, что нѣкоторые солдаты недовольны Шварцемъ, но, если кто-нибудь изъ нихъ на смотрѣ выскажетъ на него неудовольствіе, тотъ умретъ подъ палками».

«И рота повторила просьбу дать немедленный ходъ жалобѣ, чтобъ знали, что не нѣкоторые солдаты недовольны Шварцемъ, а весь полкъ имъ недоволенъ, и первая рота уполномочила жаловаться отъ всего полка».

«Кошкароръ донесъ о случившемся кому слѣдовало. Попробовали вразумить Шварца, но тотъ отвѣтилъ совѣтчику выговоромъ за потачку солдатамъ и пожаловался Михаилу Павловичу».

«Въ третьемъ часу того дня, какъ первая рота жаловалась, великій князь держалъ ее два часа на ногахъ, требуя выдачи бунтовщиковъ. Рота стояла, какъ вкопанная».

«На другой день вечеромъ Васильчиковъ потребовалъ роту безъ амуниціи къ допросу. Вступивъ въ дворцовый манежъ, рота изумилась, что ворота

съ обоихъ сторонъ отворились, и два взвода Павловскаго полка съ заряжающимися ружьями вступили и взвели курки. Васильчиковъ грозилъ по нимъ стрѣлять. Солдаты отвѣчали, что они стояли подъ непріятельскими выстрѣлами и всегда готовы итти, куда прикажутъ, но что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ продолжать службу подъ начальствомъ Шварца. Васильчиковъ отправилъ роту въ Петропавловскую крѣпость.

«Одинъ конвойный павловскій солдатъ пробѣжалъ по коридору семеновскихъ казармъ, крича, что первая рота уведена въ крѣпость.

«Всѣ остальные одиннадцать ротъ Семеновскаго полка вышли на площадь, находившуюся передъ ихъ лазаретомъ. Солдаты въ оскорбленіи и въ тревогѣ клялись другъ другу, что постоятъ за своихъ стариковъ или погибнуть съ ними. Они еще надѣялись на поддержку государя, полагая, что онъ не долженъ дать въ обиду любимый имъ полкъ, который при Павлѣ былъ подъ его личнымъ начальствомъ.

«Явились Михаилъ Павловичъ и Васильчиковъ, скомандовали выстроиться. Солдаты отвѣчали, что гдѣ головы нѣтъ, тамъ ноги не дѣйствуютъ. Великій князь, не отличавшійся находчивостью, спросилъ солдата: «Что побуждаетъ ихъ такъ дѣйствовать?»—«То, что вы промѣняли насъ на нѣмцевъ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

«Слѣдственная комиссія старалась узнать, кто изъ солдатъ отвѣчалъ на вопросъ Михаила Павловича. Трехъ солдатъ приводили въ комиссію. На вопросъ предсѣдателя: «Кто отвѣчалъ великому князю?» одинъ изъ нихъ сказалъ: «Ваше превосходительство, позвольте васъ спросить, кто изъ насъ трохъ первый вступилъ въ комнату?» Предсѣдатель указалъ на одного изъ солдатъ. «Ваше превосходительство! Я первый вступилъ въ комнату. Вы не могли этого замѣтить днемъ, то ночью, когда темно, возможно ли въ толпѣ разглядѣть кого-нибудь въ лицо, чтобъ послѣ узнать его».

Побѣдителями въ этой распрѣ оказались, увы!—не солдаты. Во время исторіи Александръ I находился въ Лайбахѣ на конгрессѣ. Указомъ императора повелѣно всѣхъ нижнихъ чиновъ раскассировать въ полки, а первый батальонъ Шварца предать военному суду.

Въ томъ же журналѣ интересны страницы о Толстомъ и Сютаяевѣ, графѣ Лорисѣ-Меликовѣ (по личнымъ воспоминаніямъ сенатора А. Ѳ. Кони), рѣпинскія воспоминанія «Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на Волгѣ» и записки Ашенбреннера о Волькенштейнѣ.

Въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», издаваемомъ при московской духовной академіи, продолжаются любопытныя записки бывшаго московскаго митрополита Леонтія.

Въ санѣ викарія петербургскаго Леонтію, между прочимъ, довелось совершить освященіе православной посольской церкви въ Парижѣ. По тому времени это была первая поѣздка православнаго архіерея въ Европу. Видимо, отъ такого суетнаго и грѣшнаго города, какъ Парижъ, русскій архіерей ждалъ совершенно опредѣленнаго приѣма и къ нему приготовился. Однако тревожныя ожиданія его не оправдались въ малѣйшей мѣрѣ, и мѣстные французы сумѣли съ достоинствомъ отнестись къ русскому церковному празднику.

«Мы все время,—разсказываетъ епископъ,—ѣхали по чугункѣ такъ называемымъ шнельдугомъ—скорымъ поѣздомъ—и въ Парижъ прибыли 27-го августа (1861 г.) вечеромъ, часовъ въ восемь. На дебаркадерѣ насъ встрѣтила русская колонія, чиновники посольства, русское духовенство, какъ мѣстное, такъ и собравшеся изъ другихъ посольскихъ церквей южной и западной Европы, и весьма большая толпа французовъ.

«Встрѣча насъ поразила своею пышною обстановкою, и, признаюсь, я нѣсколько смутился зрѣлицемъ, еще невиданнымъ, и почетомъ мнѣ столь блестящимъ. Остановились мы въ церковныхъ домахъ,—я въ квартирѣ протоіеря Васильева, свита—въ домѣ, гдѣ жилъ причтъ церковный,—на одномъ же дворѣ.

«Послѣ обычныхъ приготовленій—30-го августа совершенно мною освященіе прекрасно устроенной церкви во имя святого великаго князя Александра Невскаго. Освященіе это было единственное въ своемъ родѣ, по своей обстановкѣ, по присутствію въ новомъ храмѣ лицъ высокопоставленныхъ изъ иностранцевъ. Во главѣ французской знати былъ министръ двора маршалъ Вальянъ. Нѣсколько прелатовъ-кардиналовъ тоже присутствовали въ церкви. «Хоръ пѣвчихъ пѣлъ такъ стройно, такъ хорошо, что вызывалъ гласныя одобренія французовъ. На лѣвомъ клиросѣ пѣли французы пѣвчіе русскими словами, написанными по-французски. Торжество вообще вышло превосходное. Я сказалъ при концѣ обѣдни на русскомъ языкѣ слово, которое на другой же день явилось во французскихъ газетахъ въ переводѣ.

«Современныя газеты подробно описывали всю церемонію, и мой портретъ явился во всѣхъ почти европейскихъ газетахъ и даже азіатскихъ. Протоіерей Полисадовъ помѣстилъ описаніе въ журналѣ «Духъ Христіанина» довольно полное. Въ Парижѣ фотографическихъ карточекъ, какъ сказывалъ мнѣ фотографъ Левитскій, разошлось на десять тысячъ рублей. Вотъ какъ любопытны французы!

«Въ парижской церкви я служилъ послѣ 30-го августа еще два раза. Любопытство французовъ привлекало ихъ массу въ храмъ нашъ. Дворъ церковный всегда почти былъ полонъ народомъ, и я выходилъ изъ комнаты, чтобы показаться въ своемъ костюмѣ, и благословлялъ желающихъ, а ихъ было очень много, чему я изумлялся.

«Съ пріятностью я видѣлъ вѣжливость, деликатность французовъ въ отношеніи къ намъ. Имѣя довольно свободнаго времени, я посѣтилъ всѣ дворцы и болѣе замѣчательные костелы, въ своемъ же одѣянніи монашескомъ, и вездѣ встрѣчалъ вѣжливую предупредительность.

«Пребываніе мое въ Парижѣ остается навсегда самымъ пріятнымъ событіемъ въ моей жизни. Пожалуй, его можно назвать историческимъ въ полномъ смыслѣ. Послѣ раздѣленія церковей какой же православный русскій архіерей былъ за границей для какой-либо миссіи? И послѣ меня доселѣ еще никто не былъ тамъ. Не простому случаю приписываю это, а Промыслу Божію. Мое посѣщеніе Парижа сопровождалось обращеніемъ аббата Гетте въ православіе, а онъ своими изданіями познакомилъ и знакомитъ иностранцевъ съ православною церковію весьма успѣшно».

Изъ другой страницы записокъ преосвященнаго Леонтія читатель узнаеть о забытой тревогѣ, переживавшейся русскими людьми въ моментъ притотворенія къ торжеству тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ.

«Сентября 1862 года владыка Исидоръ пригласилъ меня съ собою на торжество, чему я былъ радъ, конечно. Торжество это, соединенное съ освященіемъ памятника, красующагося теперь на площади въ Новгородѣ, описано было въ свое время въ печати. Я скажу только нѣчто неписанное.

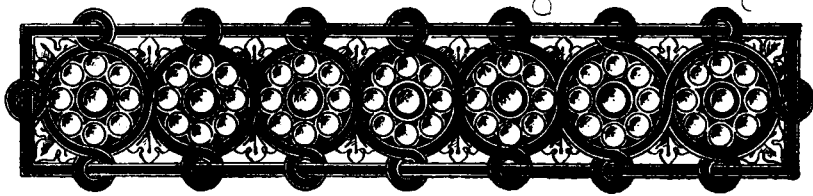
«Въ 1862 году уже ходили разные противоправительственные толки, и, между прочимъ, пущенъ былъ слухъ, что подъ митрополичьимъ домомъ, гдѣ остановился покойный государь Александръ II и государыня Марія Александровна съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ, заложены мины, чтобы взорвать дворець.

«Начались секретно самые тщательные розыски, и оказалось, что слухъ пущенъ ложный; но тревожное состояніе все-таки оставалось. Торжество (8-го сентября) совершено при большомъ стеченіи народа и войскъ, на площади. Обѣдъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія. Послѣ обѣда государь и государыня разговаривали со многими».

Съ Новгородомъ повторилась обычная въ Россіи исторія. Съ рѣдкимъ официальнымъ торжествомъ не связывалась подобная тревога. Когда митрополитъ литовскій Юсіфъ Сѣмашко освящалъ соборъ въ Вильнѣ, его предварили подметными письмами, что во время служенія и онъ, и всѣ присутствующіе, и новый соборъ взлетятъ на воздухъ, ибо подвалъ его начиненъ бомбами. Митрополитъ совершалъ освященіе почти при полной увѣренности, что служить въ послѣдній разъ. Какъ и здѣсь, слухъ оказался совершеннымъ вздоромъ.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 января
для отзыва слѣдующія книги ¹⁾.

Н. Валишевскій. Сынъ великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914. Стр. XXIV+662. Ц. 6 р.

Мих. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Исторіографическій обзоръ. Спб. 1914. Стр. XXXVI+270. Ц. 2 р.

А. Степовичъ. Семилѣтіе кievской гимназіи А. I. Степовича. Кіевъ. 1913. Стр. 71. Цѣна не обозначена.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 4-й (36-й). Москва. 1913. Стр. 74. Цѣна за годъ 5 р.

А. Н. Бѣжецкій. Невѣдомое... Фантастическіе рассказы. Спб. 1914. Стр. 215. Ц. 1 р. 25 к.

Рассказы извѣстнаго бытописателя Испаніи и автора театральныхъ пьесъ А. Н. Бѣжецкаго могутъ быть съ интересомъ прочитаны въ пору святокъ, съ которыми связано столько гаданій и стремленій проникнуть въ таинственный загробный міръ. Кромѣ рассказовъ, въ книгѣ имѣется рядъ

сказокъ и легендъ, записанныхъ авторомъ въ Испаніи и разныхъ уголкахъ Россіи.

Д. Старръ-Джорданъ. Приключенія морского котика. Повѣсть изъ жизни на туманныхъ островахъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914. Стр. 68. Ц. 80 к.

Свящ. Н. Миловскій. Варвара Евграфовна Чертова, основательница московскаго Александро-Маріинскаго института. Очеркъ ея жизни и дѣятельности. Изданіе К. К. Кухина. Москва. 1913. Стр. 42. Ц. 50 к.

П. П. Чубинскій, инж. Общій отчетъ дорожнаго отряда. Т. I. Водные пути. XII-ый вып. трудовъ командированной по высочайшему повелѣнію Амурской экспедиціи. Спб. 1913. Стр. XX+719. Цѣна не обозначена.

Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Т. II. Библиографія. Москва. 1912. Стр. 411—1198. Цѣна за три тома 15 р.

Кратній отчетъ о занятіяхъ съѣзда инспекторовъ народныхъ училищъ Томской губерніи, проеходившаго 17-го—

¹⁾ Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.» книгахъ, редакція проситъ гг. издателей и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія, перечень которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія.

19-го іюля 1913 года въ гор. Томскѣ. Томскѣ. 1913. Стр. 22. Цѣна не обозначена.

Проф. С. Смирновъ. Древне-русскій духовникъ. Изд. импер. общества исторіи и древн. росс. при моск. у-тѣ. Москва. 1913. Стр. 290. Ц. 4 р.

— Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. Москва. 1913. Стр. 568. Цѣна не обозначена.

Языковскій архивъ. Вып. 1-й. Письма Н. М. Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829). Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями Е. В. Пѣтухова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности импер. академіи наукъ. Спб. 1913. Стр. VIII+502, Ц. 2 р. 25 к.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій. Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть изъ временъ царствованія имп. Анны Иоанновны. Съ иллюстраціями худ. П. В. Симакова. Изд. т-ва М. В. Вольфъ. Спб. 1914. Стр. 318. Ц. 3 р. 50 к.

В. П. Шляпинъ. Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря. Ч. II. Изд. комитета по завѣдыванію церковнымъ древлехранилищемъ въ гор. В.-Устюгѣ. В.-Устюгъ. 1913. Стр. 316. Ц. 1 р.

П. Е. Васильевскій. Чудеса подводнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни обитателей водъ. Съ раскрашеною таблицею и съ 106 рисунками Г. И. Моотсе и др. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914. Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Несбитъ. Чудище. Повѣсть для юношества. Пер. съ англ. А. Гвоздева. Съ рис. 1914. Стр. 228. Ц. 1 р. 25 к.

Справочникъ по нижегородскому городскому общественному управленію на 1914 г. Составленъ подъ редакціей А. И. Вишневаго. Нижній-Новгородъ. 1913. Стр. 202. Цѣна не обозначена.

Протоколы засѣданій и сообщенія туркестанскаго кружка любителей археологіи. (1-го апр. 1913—11-го дек. 1913 г.). Ташкентъ. Стр. 123. Цѣна не обозначена.

Б. Р. Хрещатицкій. Исторія лейб-гвардіи казачьяго Его Величества полка. 1775—1813—1875—1913. Спб. 1913. Стр. 407. Цѣна не обозначена.

Проф. А. В. Рыстенко. Замѣтки о сочиненіяхъ Алексѣя Ремизова. Одесса. 1913. Стр. 114. Цѣна не обозначена.

Брошюра проф. А. В. Рыстенко содержитъ въ себѣ тщательный, вдумчивый, и трезвый разборъ произведеній одного изъ самыхъ оригинальныхъ современныхъ писателей—А. Ре-

мизова. Особенно основательны и убѣдительно страницы, посвященныя Ремизову—автору старинныхъ славяно-русскихъ легендъ, сказаній и сказокъ. Элемента біографическаго г. Рыстенко не затрагиваетъ.

Алексѣй Ремизовъ. Доюка и балагурье. Русскія сказки. Изд. «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

«Сиринъ». Сборникъ второй. Изд. «Сиринъ». Спб. 1914. Стр. 263. Ц. 1 р. 60 к.

Автомобильный спутникъ «Вечернее Время» и т-ва «Треугольникъ». Спб. 1914. Изданіе Б. А. Суворина. Стр. 392+12.

В. П. Авенариусъ. На Парижъ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 г.г. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Сафоновъ. Стихотворенія. Подъ редакціей и со вступительной статьей Ан. Н. Кремлева. Съ портретомъ автора. Спб. 1914. Стр. 206. Ц. 1 р.

Вл. Никольскій. Къ вопросу объ индивидуализированномъ леченіи и предупрежденіи заболѣваній. Варшава. 1913. Стр. 96. Цѣна не обозначена.

«Изъ родной старины». Выставка нижегородской ученой архивной комисси. 26-го декабря 1913 года—7-го января 1914 года. Нижній-Новгородъ. 1913. Стр. 26. Ц. 20 к.

В. В. Шульгинъ. Приключенія князя Воронцаго. Годъ и мѣсто напечатанія не обозначены. Ц. 2 р.

А. А. Суворинъ—Алексѣй Порошинъ. Дуэльный кодексъ. Кн-во «Новый человекъ». Спб. 1914. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.

Восточный сборникъ. Изданіе общества русскіихъ ориенталистовъ. Кн. I. Спб. 1913. Стр. 237. Ц. 1 р. 25 к.

Обзоръ развитія, организація дѣятельности петербургскихъ высшихъ коммерческихъ счетоводныхъ и желѣзнодорожныхъ курсовъ М. В. Побѣдинскаго. (1897—1914 г.г.). Спб. 1914. Стр. 181. Цѣна не обозначена.

С. Лаврентьевъ. Сибирская духовная академія. Томскъ. 1913. Стр. 6. Цѣна не обозначена.

Л. Прохоровъ. Иванъ Федоровичъ Рюль. Изъ исторіи русской психіатріи. Москва. Стр. 20. Цѣна не обозначена.

Л. П. Николаевъ. Опытъ распределенія матеріала для внѣкласснаго чтенія учениковъ V—VIII классовъ гимназіи. Съ бібліографическимъ указателемъ. Спб. 1914. Стр. 49. Цѣна не обозначена.

Брошюра г. Николаева пыгается разрѣшить одинъ изъ неотложныхъ вопросовъ средней школы—вопросъ о систематическомъ чтеніи для учени-

ковъ V—VIII классовъ среднихъ учебн. заведеній. Сначала указаны произведенія, знакомство съ которыми для учащихся обязательно; затѣмъ названы произведенія рекомендуемыя для чтенія и сочиненія критическаго характера. Тотъ же порядокъ примѣненъ и къ литературѣ иностранной.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1914 годъ. Книга первая (248-я). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1914. Стр. VIII+478+15. Ц. 3 р.

Мих. Спасовскій. Большое творчество. Спб. 1914. Стр. 43. Ц. 50 к.

Н. В. Севастьяновъ. *Prima carmina*. Тридцать пять стихотвореній. Спб. 1913. Стр. 45. Ц. 50 к.

В. В. Даниловъ. Христіанство и русская литература. Спб. 1913. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

Проф. В. Бузескулъ. Античность и современность. Современные темы въ античной Греціи. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1914. Стр. 210. Ц. 1 р. 20 к.

Великій князь Николай Михайловичъ. Русскій провинціальный некрополь. Т. I. Москва. 1914. Стр. 1008. Цѣна не обозначена.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серия сборниковъ по періодамъ. Періодъ третій. Вып. I. Стр. 129. Ц. 60 к.

И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской

литературѣ. Т. II. Второе просмотрѣнное и дополненное изданіе. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 453. Ц. 2 р.

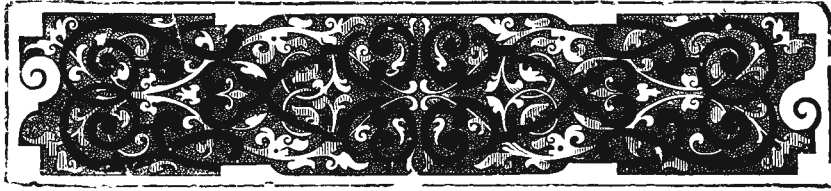
Второй охотничій сборникъ. Изданіе редакціи журнала «Наша Охота». Спб. 1914. Стр. 344. Цѣна не обозначена.

«Охотничій сборникъ», несмотря на свое узко-спеціальное названіе, представляетъ собою интересное чтеніе и для широкой публики. Во всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ произведеніяхъ разлито чувство истиннаго пониманія природы и горячая любовь къ ней. Изъ произведеній «Сборника» выдѣляются «Замѣтки маленькаго чирка» А. В. Сульжикова (Вик. Тороновича) и стихи г. Буреловича. Очень хороши иллюстраціи г.г. Берсоновъ, Скубенко, Штюмеръ и др.

Вл. Крымовъ. Въ странѣ любви и землетрясеній, страшные рассказы и прочее. Спб. 1914. Стр. 288. Ц. 1 р. 75 к.

Въ живыхъ и короткихъ фельетонахъ г. Крымовъ описываетъ Сѣверную Америку, Вестъ-Индію, Центральную Америку, Ниццу, Монте-Карло. Наиболѣе интересны очерки о Панамѣ. Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько рассказовъ изъ области курьезнаго или необыкновеннаго. Книга читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ и подернута своеобразной философійю энергичнаго, дѣятельнаго «русскаго американца».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ о франко-прусской войнѣ.—Въ январской книжкѣ журнала «The Nineteenth Century» помѣщены любопытные отрывки изъ воспоминаній извѣстнаго политическаго дѣятеля Чарльза Дилька. Въ полномъ видѣ эти воспоминанія выйдутъ отдѣльной книжкой, здѣсь же рассказано нѣсколько эпизодовъ изъ франко-прусской войны и парижской коммуны, которымъ авторъ самъ былъ свидѣтелемъ.

Запасшись въ Лондонѣ письмами отъ германскаго посла, Чарльзъ Дилькъ отправился сначала въ нѣмецкую армію; но его приняли за французскаго шпіона и съ жандармами доставили въ Кайзерлаутенъ, гдѣ была главная квартира. Это приключеніе познакомило его съ главными дѣйствующими лицами войны и между прочимъ съ Бисмаркомъ, про котораго онъ передастъ одинъ характерный случай. Однажды вслѣдствіе задержки провіанта главный штабъ нѣсколько дней вынужденъ былъ голодать. Каждый старался раздобыть для себя хоть что-нибудь съѣдобное. Бисмарку, ѣхавшему вмѣстѣ съ герцогомъ Шверинскимъ и американскимъ генераломъ Шериданомъ, Богъ послалъ гдѣ-то пятокъ куриныхъ яицъ. Не долго думая, онъ потихоньку съѣлъ два изъ нихъ, а остальные три принесъ своимъ спутникамъ, съ которыми и подѣлилъ «честно» добычу: каждому досталось по одному яйцу.

У нѣмцевъ авторъ оставался до осады Парижа. Вернувшись на нѣсколько дней въ Лондонъ и раздобывъ тамъ свидѣтельство, что онъ будто бы состоитъ корреспондентомъ газеты «Daily Telegraph», Дилькъ снова отправился во Францію. Миръ былъ уже заключенъ, нѣмцы эвакуировали свои позиціи, и только нѣкоторые парижскіе форты были еще въ ихъ рукахъ. Зато въ Парижѣ и въ

его окрестностях шла ожесточенная междоусобная война: коммунары дрались съ войсками правительства Тьера. Чарльз Дилькъ прибылъ въ Парижъ какъ разъ въ моментъ сверженія имперіи.

«4-го сентября,—пишетъ онъ,—я стоялъ въ выжидательной позѣ на бульварѣ противъ гостиницы «Grand Hôtel». Ждать пришлось недолго. Вскорѣ изъ центра Парижа появился батальонъ сытой національной гвардіи—все одни лавочники. Онъ спокойно прошелъ по бульварамъ, спокойно восклицая: «L'abdication! L'abdication!» (отреченіе! отреченіе!). Вслѣдъ за ними быстрымъ шагомъ прошелъ другой батальонъ крича: «Не надо отреченія! Сверженіе! Сверженіе!»

Быль безоблачный, залитый солнцемъ день. Мостъ, ведущій къ зданію законодательнаго корпуса, охранялся двойной линіей парижской конной стражи, но войскъ вездѣ было очень мало. Мы старались разглядѣть по лицамъ этой стражи, что они намѣрены дѣлать: стрѣлять или атаковать бушующую толпу. Вдругъ люди, одинъ за другимъ, стали вкладывать свои сабли въ ножны. «Да здравствуетъ республика!» раздались крики. Командовавшій отрядомъ офицеръ отвелъ своихъ людей въ сторону. Толпа съ гнѣвомъ «Марсельезы» хлынула черезъ мостъ, и вторая имперія пала.

Минутъ черезъ десять вожакъ толпы вернулся изъ зданія палаты и на высококомъ столбѣ написалъ мѣломъ имена тѣхъ, кого слѣдуетъ выбирать членами временнаго правительства. Толпа потребовала включенія еще Рошфора, и его имя было приписано.

Я пошелъ на площадь Согласія. Статуя Страсбурга была покрыта цвѣтами. Въ воротахъ Тюльери насъ задержалъ какой-то алжирскій солдатъ, лихо отплясывавшій на глазахъ толпы. Наконецъ ворота были открыты, и мы прошли по амфиладѣ апартаментовъ. Во всѣхъ комнатахъ стояли часовыми національные гвардейцы, хотя въ нихъ не было надобности. Вездѣ мѣломъ было написано: «Смерть ворамамъ!» и ни одна вещь не была похищена.

Второй разъ Дилькъ былъ въ Парижѣ въ самый разгаръ коммуны.

«Пріѣхавъ въ Парижъ, мы сейчасъ же направились къ Hôtel de ville (городской ратушѣ), гдѣ мы застали засѣданіе знаменитаго центрального комитета. На всѣхъ улицахъ цѣлый день слышались барабаны. Множество національных гвардейцевъ стояло подъ ружьемъ, въ ожиданіи похода на Версаль. Я насчиталъ 160 батальоновъ подъ краснымъ знаменемъ. Весь Парижъ былъ въ движеніи. Среди парижанъ было много матросовъ въ форменномъ платьѣ. Это тѣ, которые вынесли осаду Парижа и потомъ остались въ столицѣ. Въ залахъ Hôtel de ville я увидѣлъ много знакомыхъ лицъ, то были большею частью служившіе у Гарибальди поляки.

Возстаніе, какъ свидѣтельствуетъ Чарльзъ Дилькъ, въ началѣ вовсе не было возстаніемъ коммунаровъ. Такъ его окрестили потомъ иностранцы. На самомъ же дѣлѣ національная гвардія приняла участіе въ возстаніи потому, что удаленіе правительства изъ Парижа крайне оскорбило ее. Была принята резолюція, что если правительство не вернется въ столицу, Парижъ объявитъ себя самостоятельной республикой. Кромѣ того, и народное возбужденіе, вызванное появленіемъ пруссаковъ въ Парижѣ, искало себѣ какого-нибудь выхода.

Словомъ, слишкомъ ужъ много было въ освободившейся отъ осады столицѣ горячаго матеріала.

«Раздраженіе, вызванное осадой, сыграло здѣсь самую большую роль. Національная гвардія, которая такъ храбро сражалась при Бузанвалѣ противъ нѣмцевъ, взволнованная капитуляціей, направила теперь свои пушки на Парижъ. Дѣло началось съ попытки правительства удалить силою пушки, взятая на Монмартръ. Начались беспорядки. Толпа убила двухъ генераловъ. Въ дѣло вмѣшались поляки Гарибальди. Гарибальди сынъ, какъ оказалось впоследствии, находился съ своими сторонниками въ Дижонѣ, готовясь къ походу на Версаль. Онъ далъ телеграмму своему отцу, по знаменитый народный герой потребовалъ, чтобы сынъ не трогался съ мѣста. Странное было зрѣлище: съ нѣкоторыхъ фортовъ на бой смотрѣли пруссаки, а со стѣнъ столицы глазѣли на сраженіе беззаботная, праздная толпа и стаи уличныхъ мальчишекъ.

«7-го апрѣля я и братъ едва не были убиты гранатой съ Mont Valérian. Бомба какъ-то неслышно упала возлѣ насъ на Place d'Etoile и взорвалась. 7-го и 8-го апрѣля бессмысленная бомбардировка мирныхъ частей Парижа возобновилась съ особой силой и, не вредя инсургентамъ, разрушала дома людей, служившихъ опорой консервативной партіи». Пожаръ министерства финансовъ и городской ратуши, которыя будто бы были сожжены коммунарами, былъ вызванъ именно этой бомбардировкой. Это подтвердилъ передъ военнымъ судомъ между прочимъ и привратникъ министерства финансовъ. Впоследствии Тьеръ оправдывался и увѣрялъ, что онъ приказалъ бомбардировать только городскую стѣну, чтобы въ двухъ мѣстахъ сдѣлать въ ней брешь.

«На слѣдующее утро мы вышли изъ Парижа черезъ porte Vaugirard и двинулись вдоль линіи, по которой шелъ главный бой. Слышались сильные, заглушаемые густымъ туманомъ выстрѣлы. Переваливъ черезъ холмы между фортами Исси и Ванвъ, мы вдругъ оказались въ сферѣ сильного огня съ обѣихъ сторонъ. Мы бросились къ желѣзнодорожной насыпи у подножія холма и укрылись подъ ея арку около стѣны какого-то кладбища. Здѣсь мы были въ безопасности. Пули цѣлымъ роємъ проносились по деревьямъ у насъ надъ головами. Національная гвардія напрасно старалась удержать за собой линію холмовъ: не имѣя интендантства, она ночью покинула свои позиціи и разошлась по домамъ подкрѣпить свои силы. Утромъ гвардейцы сѣли въ омнибусы и ѣхали на поле битвы. Вечеромъ такимъ же порядкомъ возвращались назадъ.

«Просидѣвъ нѣкоторое время въ своемъ убѣжищѣ, мы бросились бѣжать по холмамъ, пока не достигли Парижа. Одна изъ пуль ударила около меня въ стѣну. Она хранится у меня въ кабинетѣ».

Запасшись пропускомъ отъ революціоннаго правительства съ одной стороны, а съ другой—рекомендательнымъ письмомъ къ будущему премьеру герцогу де-Брольи, Чарльзъ Дилькъ вмѣстѣ съ нѣсколькими спутниками выбрали изъ Парижа въ Версаль. Маленькій городокъ былъ переполненъ бѣглецами изъ Парижа, и автору воспоминаній пришлось провести ночь на столбѣ. У Тьера было 250 орудій, выстроенныхъ на Place d'armes, но не было ни одного артиллерииста. Изъ пѣхоты былъ только 118-й парижскій полкъ, набранный во время осады. Чтобы удержать его отъ присоединенія къ инсургентамъ, его заперли въ

Версальскомъ паркѣ. Пользуясь привилегіей военнаго корреспондента, Дилькъ изъ Версаля пробрался въ С. Дени, гдѣ еще стояли главной квартирой пруссаки, а оттуда въ Парижъ.

«Майоръ Ансонъ поручилъ мнѣ передать кошелекъ съ золотомъ повару его брата. Онъ былъ въ Парижѣ, и я нашелъ его въ домѣ по сосѣдству съ Елисейскимъ дворцомъ.

«Поварь принялъ насъ въ постели.

«— Извините меня,—сказалъ онъ.—Я сражался три дня и совершенно измучился.

«Я спросилъ его жену, за что онъ сражался, но она не имѣла объ этомъ никакого понятія.

«Оказывается, и самъ онъ сражался только потому, что сражался его батальонъ».

«Однажды,—разсказываетъ Дилькъ,—мы ужинали въ одномъ изъ ресторановъ возлѣ Conservatoire des Arts et Métiers вмѣстѣ съ нѣкимъ Треска. Этотъ Треска былъ инженеромъ во время осады и ему было поручено правительствомъ изготовленіе бомбъ. Когда осада кончилась, у него въ разныхъ мѣстахъ Парижа, извѣстныхъ только ему одному, сохранилось еще около полумилліона бомбъ. Пока мы ужинали, въ ресторанъ явились уполномоченные центрального комитета и потребовали отъ него указаній, гдѣ хранятся снаряды. Треска отказался отвѣчать. Зная, что его ждетъ арестъ, мы скрылись изъ ресторана по черной лѣстницѣ. Но его сынъ въ ту же ночь былъ арестованъ вмѣсто него».

Въ маѣ 1871 года послѣ кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ Дилькъ опять явился въ Парижъ.

«Въ С.-Дени я добылъ пропускъ черезъ нѣмецкія линія и подъ проливнымъ дождемъ, безъ всякихъ препятствій вошелъ въ Парижъ. Федералисты были по обѣ стороны городскихъ стѣнъ. Ворота все открыты и мосты спущены. Въ семь часовъ утра я добрался до большой барикады возлѣ Вильетскихъ доковъ. Пока не наступилъ разсвѣтъ, дорогу мнѣ освѣщало зарево горѣвшихъ товарныхъ складовъ. Это была пятница 26-го мая, когда произошло избіеніе заложниковъ—тридцати семи жандармовъ, пятнадцати полицейскихъ, одиннадцати священниковъ и четырехъ простолюдиновъ. Когда я добрался до баррикады, сраженіе, прекратившееся было ночью, возобновилось. Я простоялъ цѣлый день въ относительной безопасности за дверьми какой-то булочной въ Фландрской улицѣ. Къ вечеру федералисты еще удерживали за собой эту сильную позицію. Булочникъ предложилъ мнѣ на ночь свой кровъ, и я могъ бы у него оставаться и дольше, но не зная, сколько времени продлится борьба, я на разсвѣтѣ рѣшилъ пробраться въ Версаль.

«На ночь сраженіе прекратилось, и въ сѣромъ разсвѣтѣ дождливаго утра я направился къ Gare de l'Ouest. Не прошелъ я сотни шаговъ, какъ часовой остановилъ меня. Я остановился посреди улицы. Часовой, видимо, не зналъ, что дѣлать. На рукавѣ у меня былъ Красный Крестъ, а въ рукахъ бѣлый платокъ. Подойдя ближе, я просилъ его вызвать офицера. Я сказалъ, что я корреспондентъ англійской газеты, что я имѣю разрѣшеніе на входъ въ Парижъ отъ пруссаковъ, наконецъ, извѣстенъ герцогу де-Врольи и имѣю въ Парижѣ знакомыхъ,

къ которымъ меня можно отправить подь конвоемъ. Офицеръ пропустилъ меня.

«Улицы были густо усеяны убитыми, въ особенности баррикады у Potre St.-Martin, гдѣ трупы были уже уложены въ корзины. Сраженіе было жаркое. Одни войска, послѣ вступленія въ Парижъ, потеряли до двадцати тысячъ человекъ да столько же было убито и ранено коммунаровъ. Ихъ артиллеристы добрались-таки до складовъ Треска и теперь бомбардировали Парижъ бомбами его приготовления. Если бомба рвалась на двадцать кусковъ, онъ радовался, приговаривая: «Великолѣпно, это моя». Если же бомба рвалась на два, на три куска, то изготовленіе ея приписывалось военнымъ инженерамъ изъ Венсенна.

— Къ біографіи Понсонъ дю-Террайля.—Одинъ изъ друзей когда-то весьма популярнаго, а теперь почти забытаго романиста Понсонъ дю-Террайля дѣлится съ читателями «Temps» ¹⁾ своими воспоминаніями.

Маркизь Понсонъ дю-Тюррайль, авторъ знаменитыхъ въ 70-хъ годахъ походовъ Рокамболя, былъ веселымъ малымъ и хорошимъ товарищемъ, умѣвшимъ вести интересную и всегда оживленную бесѣду. Послѣ 4-го сентября, когда была провозглашена республика, онъ отправился изъ Парижа въ Орлеанъ, гдѣ у него была небольшая дачка. Тамъ онъ собралъ цѣлый отрядъ партизановъ для борьбы съ нѣмцами, вербуя въ него главнымъ образомъ окрестныхъ крестьянъ и браконьеровъ. Засѣвъ со своимъ импровизированнымъ войскомъ въ Маршнуарскомъ лѣсу, онъ отсюда безпрестанно беспокоилъ непріятеля, уничтожая мелкіе нѣмецкіе отряды, выходившіе на рекогносцировку. Чтобы избавиться отъ этихъ партизановъ, сильно затруднявшихъ движеніе войскъ, нѣмцы объявили, что всякій французъ, схваченный съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ, а всякая деревня, которая станетъ укрывать партизана, будетъ сожжена. Угрозы немедленно приводились въ исполненіе, вслѣдствіе чего партизанская война сдѣлалась невозможной. Понсонъ дю-Террайль распустилъ свой отрядъ и въ ноябрѣ 1870 года удалился въ Туръ, гдѣ снова предложилъ военному начальству свои услуги.

Черезъ нѣсколько дней занятъ былъ нѣмцами Турень. Въ одну прекрасную ночь едва не было захвачено само правительство національной обороны. Стоялъ густой туманъ, и патруль непріятельской арміи добрался до самаго входа траншеи, то есть до первыхъ домовъ города. Это показало, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь Гамбетты небезопасно.

На другой день произошло поголовное бѣгство въ Бордо. Первымъ умчался съ толпой своихъ чиновниковъ губернаторъ. Для приѣма бѣглецовъ въ столицѣ Гіенни не было принято никакихъ мѣръ. Даже дипломатическій корпусъ, состоявшій при временномъ правительствѣ, долженъ былъ провести ночь подь открытымъ небомъ на десятиградусномъ морозѣ. Зима въ этотъ годъ была лютая. Папскій нунцій почевалъ на бильярдѣ въ гостиницѣ «Франція», а турецкому посланнику пришлось довольствоваться соломенной подстилкой въ коридорѣ. Еще хуже пришлось начальнику канцеляріи австрійскаго посольства. Не

¹⁾ «Le Temps», 1914 г. № 19196.

найдя себѣ ночлега, онъ долженъ былъ провести ночь съ своими дѣлами и портфелями въ большой каретѣ.

Понсонъ дю-Террайль жилъ въ это время въ Бордо и занималъ холодную, какъ погребъ, мансарду. Каждый вечеръ онъ являлся въ редакцію «Journal Officiel» (французскаго «Правительственнаго Вѣстника»), издававшася тогда подъ редакціей извѣстнаго юриста Даллоза, а ночи проводилъ въ «Grand Café», гдѣ собирались всѣ, кого военныя невзгоды загнали въ Бордо. Онъ былъ сумраченъ и скучалъ отъ бездѣйствія: не писать и не сражаться для него значило погибать отъ бездѣлія.

Вскорѣ онъ переѣхалъ въ другое помѣщеніе. Къ нему пріѣхала его жена, и жить въ ледяной мансардѣ стало невыносимо. У него завелись какія-то дѣла въ предмѣстьѣ города Пессакъ. Напрасно говорили ему, что тамъ вспыхнула эпидемія оспы: Понсонъ дю-Террайль не обращалъ никакого вниманія на всѣ предупрежденія и вскорѣ совсѣмъ переѣхалъ въ предмѣстье.

Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ. Врачъ одного изъ отрядовъ морской пѣхоты, докторъ Арманъ, поспѣшилъ навѣстить больного и къ ужасу своему опредѣлили у него черную оспу. Несмотря на страшную заразительность болѣзни, друзья рѣшились провѣдать больного романиста. Онъ лежалъ весь красный, покрытый черными пятнами, съ налитыми кровью глазами. Языкъ у него распухъ, и онъ едва могъ прошептать нѣсколько словъ. Несчастная жена его сбилась съ ногъ, ухаживая за больнымъ. Нужно было ее замѣнить какой-нибудь сестрой милосердія. Бросились въ мѣстный женскій монастырь. Но всѣ сестры его оказались на работѣ возлѣ раненыхъ, которыми былъ переполненъ городъ. Только узнавъ, что сестра милосердія требуется къ автору «Рокамболя», настоятельница гдѣ-то раздобыла одну изъ сестеръ, успѣвшую немного отдохнуть, но было уже поздно.

Тѣло Понсонъ дю-Террайля было похоронено сначала въ Бордо, но черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1876 году перевезено въ Парижъ, въ который онъ всегда такъ стремился.

— Къ исторіи короля Лира ¹⁾.—15-го марта 1604 г., спустя годъ послѣ смерти королевы Елизаветы, торжественно въѣзжалъ въ Лондонъ король Іаковъ I. Въ пышной свитѣ, сопровождавшей его, шли, между прочимъ, девять актеровъ, между ними Шекспиръ и Барбеджъ. Шествіе въ яркихъ одѣяніяхъ двигалось изъ Тоуера черезъ весь тогдашній Лондонъ въ Вестминстеръ. Актеры принадлежали когда-то къ труппѣ лорда-казначея, а теперь превратились въ «слугъ его величества», и Іаковъ I очень часто призывалъ ихъ въ свой дворецъ Уайтголлъ и приказывалъ ставить для него разныя пьесы. На этой-то дворцовой театральной сценѣ въ декабрѣ 1606 года впервые была представлена трагедія Шекспира «Король Лиръ». Какъ извѣстно, Шекспиръ взялъ сюжетъ для своей трагедіи изъ старинной хроники Голиншеда и изъ современной ему книжки неизвѣстнаго автора, носившей заглавіе «Король Лиръ и его три дочери». Глостеръ и его сыновья заимствованы были драматургомъ изъ прозаическаго романа сэра Филиппа Сиднея, въ которомъ расказа-

¹⁾ «Der Tag», 24 янв. 1914.

зывалось, какъ Музидоръ, принцъ ессалійскій, и Пироклемъ, принцъ македонскій, повстрѣчали несчастнаго короля Пафлагоніи, котораго лишилъ владѣній и изгналъ его незаконный сынъ, но котораго спасъ отвергнутый имъ его другой сынъ. Во времена Шекспира роль Лира исполнялась въ театрѣ «Глобусъ» Барбеджомъ. Тотъ же актеръ исполнялъ иногда роль Корделіи и шута. Намъ теперь кажется страннымъ, что шутъ, который долженъ былъ въ трагедіи служить безпристрастнымъ судьей, въ родѣ греческаго хора, осмѣливался говорить въ лицо своему повелителю весьма рѣзкія вещи. Но наше удивленіе исчезнетъ, если мы обратимся къ нравамъ того времени.

Въ свитѣ могущественнаго Генриха VIII былъ извѣстный шутъ Вилли Коммерсъ, который одинъ только рѣшался говорить капризному королю вещи, за которыя всякій другой могъ поплатиться головой. У королевы Елизаветы также былъ весьма дерзкій шутъ Тарльтонъ, подносившій государынѣ подъ видомъ шутки весьма колкіе намеки.

При «веселомъ королѣ» Карлѣ II въ англійскомъ обществѣ наступила реакція. Кровавыя сцены недавняго прошлаго никто уже не хотѣлъ вспоминать, и театральная публика требовала, чтобы каждая пьеса непременно оканчивалась благополучно, къ общему удовольствію. «Короля Лира» пришлось передѣлать, и онъ уже не умиралъ, какъ у Шекспира, и оставался живъ и поправлялся подъ влияніемъ заботливаго ухода Корделіи. Въ такомъ искаженномъ видѣ играли Лира величайшіе англійскіе трагики Кембль, Гарриксъ, Кинъ. Въ этой же передѣлкѣ трагедія изъ Англіи перешла на материкъ и впервые была представлена въ 1778 году въ Гамбургѣ. Курьезно, что нѣмцы узнали о существованіи «Короля Лира» не изъ этого представленія, а изъ проповѣди одного пастора, который, осуждая людей неблагодарныхъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ссылаясь на исторію короля Лира.

— Изъ прошлаго календарей и альманаховъ ¹⁾. — Откуда происходятъ слова «календарь» и «альманахъ»? Первое изъ нихъ, несомнѣнно, происхожденія греческаго. Слово kalendes обозначало у грековъ празднованіе, какое-нибудь торжество. Слово это перешло внослѣдствіи къ римлянамъ, а отъ нихъ во всѣ европейскіе языки. У римлянъ съ древнихъ временъ велся обычай объявлять первый день каждаго мѣсяца и прикрѣплять гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ объявленіе, въ которомъ перечислялись всѣ празднества, падающіе, на этотъ мѣсяць. Мало-по-малу такое объявленіе разрослось въ цѣлую книгу, гдѣ перечислялись всѣ событія, которыя произошли за годъ, и въ которыхъ принималъ участіе римскій народъ. Въ Помпей былъ найденъ такой календарь. Онъ высѣченъ былъ на мраморной доскѣ и содержалъ перечень событій за три мѣсяца.

Гораздо больше споровъ возбуждало и продолжаетъ возбуждать происхожденіе слова «альманахъ». Всѣ филологи согласны въ томъ, что первый его слогъ «а» есть не что иное, какъ опредѣленный членъ арабскаго языка. Но вторую половину слова одни выводятъ отъ греческаго, другіе отъ арабскаго

¹⁾ «Zeits», № 4062, 1914 г.

корня. Есть, однако, предположеніе о происхожденіи этого слова отъ стариннаго англо-саксонскаго «al mon-heed», что значить «всѣ мѣсяцы».

Альманахъ сдѣлался, такъ сказать, предметомъ роскоши и украшенія лишь въ XVI вѣкѣ. Первый сталъ выпускать такіе разукрашенные альманахи извѣстный ученый Пострадамусъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ «Dictionnaire de Grammelement» Гарвардъ говоритъ, что альманахи вошли въ моду съ XVII вѣка. Ихъ печатали на большихъ листахъ, украшенныхъ вишѣтками, въ которыхъ были изображены всѣ важныя событія предшествовавшаго года, почему-либо интересныя королевской фамиліи. Многіе изъ такихъ художественныхъ альманаховъ хорошо сохранились до нашего времени и находятся въ парижской національной библиотекѣ. Эти наглядныя лѣтописи переносятъ зрителя прямо къ злобамъ тогдашняго времени и являются важнымъ источникомъ для культурной исторіи тѣхъ странъ, гдѣ они были изданы.

Но альманахи въ тѣ отдаленныя времена служили не для того, чтобы задерживать въ памяти людей недавнія событія. Въ тѣ времена на нихъ смотрѣли, главнымъ образомъ, какъ на книги гадательныя, по которымъ можно узнавать будущее. Въ нихъ вѣрили не менѣе, чѣмъ въ предсказанія астрологій. Въ инвентарѣ имущества и драгоценностей королевы Анны Бретанской значатся «двѣ картины, которыя могутъ складываться, какъ книга, разрисованы съ обѣихъ сторонъ, полезныя для астрологій и дающія разясненія о теченіи свѣтилъ». При дворѣ Екатерины Медичи и ея сына Генриха III альманахъ былъ лучшимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ. Когда въ 1602 году вошли въ темницу, гдѣ содержался маршалъ де-Виронъ, чтобы объявить ему о смертномъ приговорѣ, его застали за гаданіемъ по альманаху. А вѣдь маршалъ былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени.

При Людовикѣ XIV альманахи стали уже не такъ популярны. Вліяніе ихъ начало падать, зато по внѣшности они сдѣлались еще роскошнѣе. Въ 1652 г. одинъ парижскій книгопродавецъ, по имени Реньяссонъ, специализировался на изданіи альманаховъ и выхлопоталъ себѣ монополію на нихъ. Въ изготовленіи ихъ принялъ участіе знаменитый граверъ Шаво. Среди крупныхъ художниковъ, работавшихъ для альманаховъ, слѣдуетъ отмѣтить еще Ленотра, который далъ въ альманахи около 35 своихъ рисунковъ.

Слѣдующее царствованіе было еще менѣе благоприятно для распространенія альманаховъ. Къ ихъ внѣшности стали предъявлять повышенныя требованія. Послѣ революціи художественные альманахи вскорѣ совсѣмъ исчезли. Послѣднимъ такимъ альманахомъ во Франціи былъ альманахъ Дебюкура, помѣченный 1791 г.

Въ послѣднее время мода на альманахи опять начинаетъ возрождаться. Идетъ она изъ Англии, гдѣ альманахъ никогда не умиралъ и гдѣ принято дарить его своимъ друзьямъ къ Новому году. Теперь французы вмѣсто того, чтобы посылать въ новый годъ обычную поздравительную карточку, посылаютъ маленькіе альманахи.

— Приключенія одного ученаго француза ¹⁾. — 14-го брюмера «седьмого года единой и нераздѣльной Французской республики», т. е. 14-го ноября 1798 года, нѣсколько французовъ, принадлежавшихъ къ экспедиціонному египетскому корпусу, съѣли въ Александрійскомъ порту на генуэзскій корабль, отправлявшійся въ Тулонь.

Въ числѣ этихъ пассажировъ находился одинъ молодой человекъ, весьма образованный и даже ученый, пѣкто Франсуа Пуквилль. Окончивъ духовную семинарію, Пуквилль рѣшилъ было пойти на духовное поприще, но вскорѣ отказался отъ этой мысли и увлекся изученіемъ медицины. Отъ медицины любознательность привела его къ изученію египетской археологіи, а это новое увлеченіе заставило его отправиться въ отрядъ Бонапарта въ Египетъ. Въ эпохи революцій и большихъ социальныхъ перемѣнъ очень часто бываетъ, что, выбитые изъ колеи, люди одной профессіи вдругъ берутся за другую, не имѣющую съ первой ничего общаго. Французская революція даетъ множество примѣровъ этого. Въ рядахъ побѣдоносной республиканской арміи, которую не могли остановить ни бесплодныя африканскія степи, ни жгучее тропическое солнце, рядомъ съ главнокомандующимъ пользовался громкой славой Жанъ-Батистъ Клеберъ, бывший архитекторъ. Тутъ же мы находимъ Жана Луи Мино, бывшего писца въ управленіи шоссе и мостовъ, командовавшаго впоследствии албанскимъ полкомъ на островѣ Корфу; графа де-ла-Валетта, служившаго сначала въ библіотекѣ св. Женевиѣвы, а потомъ ставшаго адъютантомъ генерала Бонапарта. На него, какъ на ближайшаго помощника консула, было возложено, между прочимъ, объявить знаменитому своей жестокостью янинскому пашѣ Али о взятіи французами острова Мальты.

Вмѣстѣ съ Пуквиллемъ отправлялись въ Тулонъ два его коллеги по научной миссіи Жюльенъ Бессьеръ и Жераръ и нѣсколько офицеровъ, для которыхъ климатъ Египта оказался слишкомъ вреденъ: военный инженеръ Казимиръ Пуатеванъ, артиллерійскій полковникъ Шарбоннель, два лейтенанта французскаго флота Жуа и Вувье и нѣкоторые другіе. Первые дни морского путешествія прошли довольно благополучно. Генуэзское судно вошло уже въ Ионическое море. Но капитанъ, очевидно, плохо знавшій свое ремесло, а можетъ быть, дѣйствовавшій съ извѣстными тайными намѣреніями, сбился съ пути и, держась береговъ Пелопонесскаго полуострова, очутился въ Адриатическомъ морѣ, гдѣ передъ ними вскорѣ появился какой-то корабль весьма подозрительнаго вида. Грянулъ пушечный выстрѣлъ, раздался залпъ изъ мушкетовъ. Въ снастяхъ генуэзскаго судна засвистѣли пули. Капитанъ объявилъ своимъ пассажирамъ, что всякое сопротивленіе бесполезно, и велѣлъ бросить пиратамъ веревку. Корсаромъ оказался нѣкій Рейсъ-Ахметъ, уроженецъ Триполи. Увидѣвъ на палубѣ плѣннаго корабля французскихъ офицеровъ, Рейсъ-Ахметъ разсыпался въ извиненіяхъ.

— Я очень люблю французовъ, господа. Я служилъ когда-то въ Египтѣ подъ командой генерала Дюма, негра. Теперь я перемѣнилъ ремесло. Что прикажете дѣлать! Надо же чѣмъ-нибудь жить!

¹⁾ «Le Temps», 1914. № 19192.

Пока пираты хозяйничали на корабль, небо вдруг покрылось облаками, загрохотал гром, и сорвавшийся съ дѣпи вѣтеръ вдымалъ огромныя волны. Триполитанецъ пришелъ въ ужасъ и просилъ лейтенанта Гувье принять на себя управленіе его кораблемъ. Безъ компаса и безъ картъ корабль двигался впередъ наудачу, пока вдали въ туманѣ не показалась какая-то земля.

— Намъ нужно выкинуться на берегъ,—сказалъ лейтенантъ.

— Хорошо,—согласился пиратъ, поглядывая на экипажъ, молившійся въ ожиданіи неминуемой гибели.

Мѣсто, гдѣ корабль приткнулся къ берегу, оказалось портомъ, который теперь называется Пилосомъ. Портъ этотъ находится въ Мессеніи и въ то время былъ занятъ турецкимъ гарнизономъ. Пуквилль, лейтенантъ Жуа и еще одинъ изъ ихъ спутниковъ рѣшили высадиться на землю первыми. Блистательная Порта въ то время вела жестокою войну съ директоріей, и потому высадившіеся французы были немедленно арестованы турками и отправлены въ цитадель, главный начальникъ которой, артиллерійскій полковникъ, за неимѣніемъ враговъ, съ которыми приходилось бы сражаться, занимался выдѣлкой роговыхъ ложекъ. Былъ тутъ и другой полковникъ, кавалерійскій, превратившійся съ теченіемъ времени въ продавца туфель.

— Чѣмъ ты занимаешься?—спросилъ Пуквилля начальникъ цитадели.

— Эффенди, я медикъ и возвращался изъ Египта, гдѣ работалъ подъ руководствомъ моего учителя, профессора Дюбуа изъ медицинской школы въ Парижѣ.

— Отлично. Назначаю тебя медицинскимъ инспекторомъ моего гарнизона.

Когда жители городка узнали о появленіи доктора, они рѣшили воспользоваться неожиданнымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы разомъ избавиться отъ всѣхъ своихъ болѣзней. И вотъ къ бывшему семинаристу, превратившемуся въ ниспосланнаго Небомъ эскулапа, толпой потянулись мужчины, женщины, старики, дѣти. Но этотъ цѣлитель, быстро овладѣвшій ново-греческимъ языкомъ, щупая пульсъ, въ то же время не переставалъ нашептывать своимъ кліентамъ мятежныя рѣчи о свободѣ, о правахъ человѣка и гражданина. Это не на шутку встревожило турокъ. Они стали слѣдить за Пуквиллемъ и конфисковали найденныя у него книги. Пуквилль бросился за защитой къ другому начальнику, кавалерійскому полковнику, торговавшему туфлями. Между обоими полковниками возникли тренія, и въ результатѣ Пуквилль съ своими спутниками былъ отправленъ вглубь Пелопонесса и водворенъ въ Триполицъ, гдѣ имѣлъ свою резиденцію паша, управлявшій всей Мореей. По дорогѣ въ Триполицу Пуквилль видѣлъ величавыя античныя развалины Мессеніи. Византійская церковь и остатки франкскаго замка недалеко отъ бывшаго стадиума античной Аркадіи наводили его на возвышенныя мысли о превратностяхъ въ исторической жизни народовъ. Далѣе путники любовались живописнымъ замкомъ Леондари, гдѣ въ 1459 году турки разбили Оому Палеолога. Отсюда открывался дивный видъ на долину Тайгета.

Семь мѣсяцевъ просидѣли плѣнные французы въ Триполицѣ. Надзоръ, которому они были подвергнуты, не мѣшалъ имъ бродить по полямъ и лугамъ,

впивая въ себя аромать распускавшихся цвѣтовъ. И въ плѣну французы остались вѣрными своей природѣ и усердно ухаживали за мѣстными красавицами. Одна изъ нихъ, носившая звучное имя Стефанеллы, произвела глубокое впечатлѣніе на влюбливаго доктора поневолю, и онъ усердно слагалъ въ честь ея восторженные стихи, игралъ на флейтѣ, какъ настоящій аркадскій пастушокъ, и распѣвалъ кафешантанные куплеты, какъ истый парижанинъ. Но этой идилліи скоро настала концевъ. Изъ Константинополя пришелъ приказъ доставить плѣнниковъ въ столицу. Путешествіе не предвѣщало ничего хорошаго: султанъ Селимъ, свирѣпый повелитель правовѣрныхъ и ревнивый супругъ трехсотъ женъ, говорятъ, каждую недѣлю бросалъ въ Босфоръ кожаный мѣшокъ, въ которомъ была зашита какая-нибудь провинившаяся одалиска. Пуквилль и его спутники, шествуя къ Навплии, гдѣ они должны были сѣсть на корабль, утѣшали себя классическими воспоминаніями, среди которыхъ они двигались. Въѣдъ на этой именно дорогѣ богъ Панъ, встрѣтивъ Филиппида, посланнаго богиней Аѳинной предупредить спартанцевъ о вторженіи персовъ, объявилъ, что онъ самъ приметъ участіе въ Мараѳонской битвѣ и будетъ стоять за грековъ. Надалеко было и знаменитое Лернейское болото, гдѣ Геркулесъ убилъ гидру.

Корабль, ожидавшій плѣнниковъ въ Навплии, походилъ на Ноевъ ковчегъ: тутъ было достаточно всякаго звѣрья, большею частью двуногаго. Даже довольно свѣжій морской вѣтеръ не могъ разогнать стоявшей тутъ вони и смрада. Пища была отвратительная.

Послѣ нѣсколькихъ дней качки Ноевъ ковчегъ присталъ къ Золотому Рогу. Явились украшенные огромными усами и увѣшанные пистолетами янычары и повели плѣнниковъ въ знаменитый Семибашенный замокъ.

Входили въ эту турецкую Бастилію черезъ такъ называемыя Красныя ворота, крашенныя, по преданію, людской кровью. Въ воротахъ ихъ встрѣтилъ помощникъ главнаго аги, радостно улыбавшійся въ ожиданіи хорошаго бакшиша. Самъ ага предоставилъ плѣнникамъ свое собственное помѣщеніе, надѣясь хорошо заработать отъ французовъ, представлявшихся туркамъ чуть не крезами.

Къ величайшему удивленію, среди арестантовъ Семибашеннаго замка Пуквилль встрѣтилъ и двухъ своихъ товарищей по злосчастному путешествію— Жюльена Бессьера и лейтенанта Бувье.

— Пиратъ-триполитанецъ, проходя мимо Корфу, который турецкій флотъ держалъ въ осадѣ, продалъ насъ турецкому пашѣ,—объяснили они.

Семибашенный замокъ въ это время былъ настоящей французской колоніей. Объявивъ войну Франціи, султанъ Селимъ началъ съ того, что заключилъ въ него все французское посольство. Впрочемъ, это посольство ограничивалось всего двумя лицами: повѣреннымъ въ дѣлахъ Рюффэномъ и секретаремъ—драгоманомъ Кифферомъ. Тутъ же сидѣлъ генераль Розъ, недавно женившійся въ Эпирѣ на одной изъ греческихъ красавицъ, «превосходившей красотой всѣхъ въ Янинѣ». Завлеченный въ ловушку вѣроломнымъ янинскимъ папой Али, генераль не могъ забыть былаго счастья и горько жаловался на свою судьбу. Встрѣтилъ Пуквилль здѣсь и героя Превезы, Рашмона, который съ четырьмястами солдатами французскаго левантскаго отряда при Никополисѣ отбросилъ

цѣлый отрядъ турокъ. Изрѣшенный пулями, онъ былъ подобранъ на полѣ сраженія, и палачи Али-паши не посмѣли докончить его.

Два съ половиной года продолжалось это плѣненіе. Пуквилль воспользовался этимъ невольнымъ досугомъ, чтобы подъ руководствомъ Киффера основательно изучить восточные языки. Въ іюль 1801 года его выпустили изъ Семибашеннаго замка и водворили въ одномъ изъ домовъ европейской части Константинополя—Перы. Здѣсь онъ пользовался почти полной свободой, посѣщалъ европейскія посольства и завелъ связи, которыя пригодились ему въ будущемъ.

Когда онъ вернулся во Францію, императоръ Наполеонъ, ознакомившись съ приобретенными имъ познаніями, отправилъ его обратно на Востокъ, гдѣ онъ впоследствии занималъ должность генеральнаго консула.

— *Madame Неккеръ и ея кружокъ.*—Когда *m-me Неккеръ* рѣшилась открыть въ Парижѣ свой салонъ, важныя дамы покачивали своими по модному причесанными головами и спрашивали другъ друга: «Кто такая эта выскочка?» Имъ сообщали, что она родомъ изъ Швейцаріи, принадлежитъ къ протестантскому вѣроисповѣданію, происходитъ изъ «общества», но состоитъ въ замужествѣ съ «буржуа». Всѣмъ казалось страннымъ, какъ это дама, не имѣющая за собой, ничего, кромѣ красивой внѣшности, рѣшается вступать въ состязаніе съ такими общепризнанными руководительницами ума и вкуса, какъ *m-me Жофрень*, Эспинасъ и другія. Но *m-me Неккеръ* была женой человѣка очень честолюбиваго и ловкаго въ финансовыхъ дѣлахъ. Къ тому же и время было такое, что только и разговоровъ вездѣ было, какъ спасти Францію отъ неминуемаго банкротства. Немудрено, что салонъ бывшей дочери швейцарскаго пастора, умершаго въ нищетѣ, но давшаго дочери блестящее образованіе, вскорѣ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всего тогдашняго Парижа.

Когда *m-me Неккеръ* не была еще замужемъ и называлась Сюзанна Кюршо, прибылъ въ Швейцарію извѣстный историкъ римской имперіи Гиббонъ. Его отецъ, человѣкъ довольно богатый, отправилъ его въ Лозанну и отдалъ его, такъ сказать, подъ надзоръ одному изъ мѣстныхъ пасторовъ-протестантовъ. Причиной такой ссылки послужило то обстоятельство, что Гиббонъ, еще будучи въ оксфордскомъ университетѣ, перешелъ въ католичество, которому не симпатизировалъ его отецъ.

Въ Лозаннѣ Гиббонъ оставался нѣсколько лѣтъ, ревностно предаваясь чтенію. Общество упорныхъ протестантовъ сдѣлало свое дѣло, и Гиббонъ отказался отъ католицизма. Вотъ въ это-то время своего пребывания въ Лозаннѣ Гиббонъ познакомился съ Сюзанной Кюршо и, увлекшись милостивою дѣвушкой, сдѣлалъ ей предложеніе. Узнавъ объ этомъ, Гиббонъ-отецъ отозвалъ въ 1758 году сына изъ Швейцаріи, и бѣдная дѣвушка долгое время напрасно ждала какихъ-нибудь рѣшительныхъ шаговъ отъ своего жениха. Наконецъ, отъ него было получено письмо, гдѣ онъ сообщалъ, что, несмотря на всю его любовь, онъ не смѣетъ ослушаться воли отца, отъ котораго всецѣло зависитъ въ матеріальномъ отношеніи.

Будущая *m-me Неккеръ* была потрясена этой измѣной Гиббона. Пять лѣтъ длился ихъ романъ, и она, повидимому, успѣла искренно къ нему привязаться.

Въ 1764 году нѣкая м-ше де-Вермену, богатая вдова аристократическаго рода, приняла большое участие въ покинутой дѣвушкѣ и, въ качествѣ своей компаньонки, увезла ее въ Парижъ. Здѣсь въ салонѣ де-Вермену Сюзанна Кюршо и встрѣтилась съ своимъ будущимъ мужемъ, довольно некрасивымъ банкиромъ изъ Женевы.

Съ перваго же дня замужества м-ше Неккеръ рѣшила во что бы то ни стало сдѣлать блестящую карьеру своему мужу и стала привлекать въ свой салонъ наиболѣе вліятельныхъ людей того времени. Ея стремленія увѣичались блестящимъ успѣхомъ, и въ 1776 году ея мужъ былъ назначенъ министромъ финансовъ. Но это не принесло ей счастья. Огромныя дѣловыя затрудненія, съ которыми приходилось бороться ея мужу, зависть, интриги, подпольные пасквили, во множествѣ появившіеся на ея счетъ, скоро разстроили ея здоровье и въ 1796 году преждевременно свели ее въ могилу.

Добившись богатства и вліянія, м-ше Неккеръ стала вездѣ желанной гостьей въ Парижѣ. Она была совершенно непохожа на тѣхъ женщинъ, которыя царили тогда во французскихъ салонахъ. По большей части эти царицы салона были не только остроумны, но даже циничны и не стѣснялись даже весьма рискованными бесѣдами. М-ше Неккеръ, наоборотъ, не отличалась остроуміемъ, а ея манеры были сдержанны и даже сухи. Женщины считали ее жеманницей, а мужчины—самонадѣянной особой. На самомъ дѣлѣ то была простая женщина, нисколько не скрывавшая своихъ религіозныхъ убѣжденій. Мало-по-малу около нея собрались такіе люди, какъ Бюффонъ, Даламберъ, Гриммъ, Мармонтель и цѣлая плеяда ученыхъ аббатовъ.

Отъ брака ея съ Неккеромъ у нея была только одна дочь, которой подъ именемъ м-ше де-Сталь суждено было затмить ея славу.

— От чего умеръ Ж а к ъ Ж а к ъ Р у с с о ?¹⁾—Когда Жанъ-Жанъ Руссо скончался, о причинахъ его смерти долго ходили тревожные слухи, нашедшіе себѣ выраженіе и въ литературѣ. Такъ, Гриммъ намекаетъ на самоубійство, м-ше де-Сталь пишетъ объ отравленіи. Корансе въ 1798 году писать, что его другъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ пистолета. Санъ-Маркъ-Жирарденъ, Вилльменъ, Луи Бланъ и другіе также поддерживали версію о самоубійствѣ. Докторъ Дюбуа въ своемъ докладѣ парижской медицинской академіи утверждалъ въ 1866 году, что Жанъ-Жакъ Руссо сначала принялъ яду, а затѣмъ уже застрѣлился.

Эта легенда о самоубійствѣ философа держалась почти до начала XX столѣтія и должна была исчезнуть лишь въ 1897 году, когда прахъ Руссо былъ извлеченъ изъ могилы и подвергнутъ тщательному медицинскому осмотру.

Въ настоящее время предположенія врачей относительно причинъ смерти Руссо клоняются къ другому.

Съ 1770 года Руссо жилъ съ Терезой Лавассаръ въ Парижѣ, занимая маленькое скромное помѣщеніе въ улицѣ Plâtrière. Финансы его были въ очень печальномъ положеніи, и онъ предлагалъ все, что имѣлъ, для того, чтобы получить небольшую дачку въ окрестностяхъ Парижа. 20-го мая 1778 года

¹⁾ «La Revue». Janv. 1914.

онъ прибылъ въ Эрмонвилль въ маркизу де-Жирардену, который устроилъ его въ нижнемъ этажѣ своего замка въ ожиданіи, когда будетъ готовъ строившійся для него специальный швейцарскій шале.

Въ Эрмонвилль Руссо велъ тихій, мирный образъ жизни, наслаждаясь спокойствіемъ, котораго онъ давно не имѣлъ. Онъ подружился со своими гостепріимными хозяевами и бывалъ у нихъ довольно часто. 16-го іюня онъ сдѣлалъ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ маркиза большую прогулку, 21-го былъ у нихъ въ замкѣ, куда съѣхалось много гостей, и даже пѣлъ романсы, которые онъ самъ положилъ на музыку.

Ничто не предвѣщало его близкаго конца.

Днемъ 1-го іюля 1778 года было очень жарко. Гуляя со своимъ маленькимъ другомъ, Руссо вдругъ почувствовалъ сильныя колики. Полагая, что это отъ земляники, которую онъ наканунѣ съѣлъ, онъ вернулся къ себѣ и легъ въ постель.

На другой день онъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, выбрился, сдѣлалъ прогулку по парку и въ веселомъ настроеніи съѣлъ завтракать. Вдругъ ему стало холодно. Какъ будто какой-то токъ прошелъ ему въ голову, и колики поднялись съ новой силой.

У Руссо едва хватило силы дойти до кресла. Прибѣжавшая на его крики жена принесла ему чашку крѣпкого бульона. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, Руссо произнесъ: «Мои внутренности уже ничего не принимаютъ». Когда жена отвернулась, чтобы поставить чашку съ бульономъ на стулъ, Руссо сдѣлалось плохо, и онъ упалъ съ кресла на полъ.

Напрасно Тереза старалась поднять его и снова посадить его на кресло. Руссо былъ безъ движенія. Бѣдная женщина отъ страха лишилась чувствъ. На шумъ прибѣжалъ маркизъ де-Жирарденъ. Руссо сдѣлали кровопусканіе, поставили мушки, но все было напрасно: философъ былъ уже мертвъ.

Падая на полъ, онъ расшибъ себѣ лобъ.

Оцѣнивая клинически всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ дняхъ жизни Руссо, современные врачи приходятъ къ заключенію, что смерть философа послѣдовала отъ уреміи, т. е. отъ отравленія организма накопившейся въ немъ мочевой кислотой. Докторъ Бруардель показалъ, что люди, страдающіе уреміей, а вслѣдствіе ея болѣзнями почекъ, очень часто умираютъ внезапно, именно при такихъ симптомахъ. Кровообращеніе въ мозгу Руссо совершалось неправильно, и паденіе тѣла вызвало его сотрясеніе, повлекшее за собой смерть.

Знаменитый докторъ Распайль, у котораго хранилась маска, снятая съ мертваго Руссо Гудономъ, отмѣтилъ на ней три раны. Исслѣдовавшій позднѣе эту маску докторъ Бальтазаръ утверждаетъ, что на ней были слѣды только одной раны, именно той, которая была причинена паденіемъ тѣла на полъ.

Такимъ образомъ, версія о самоотравленіи или самоубійствѣ Руссо должна считаться отпавшей.

Изъ нравовъ ранняго «ренессанса»¹⁾.—Бывшій совѣтникъ французскаго посольства при Ватиканѣ Фердинандъ де-Навеннъ напечаталъ

¹⁾ «Figaro». № 14, 1914. Suppl. litter.

обстоятельный этюд о знаменитомъ въ лѣтописяхъ всемірной архитектуры дворцѣ Фарнезе въ Римѣ.

Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, былъ построень кардиналомъ Александромъ Фарнезе въ началѣ XV вѣка. Избранный въ кардиналы, онъ пріѣхалъ въ Римъ, и здѣсь ему прежде всего представился вопросъ, гдѣ ему поселиться. Въ эту эпоху каждый сановникъ церкви долженъ былъ вести чрезвычайно пышный, достойный князя церкви образъ жизни. Всякій изъ нихъ устраивалъ у себя торжественные пріемы, празднества, охоты и держалъ цѣлую стаю всякихъ чиновниковъ, секретарей и даже шутовъ. Для такого образа жизни требовался не домъ, а цѣлый дворецъ. Такъ какъ свободныхъ дворцовъ въ Римѣ къ пріѣзду Фарнезе не оказалось, то новому кардиналу, любимцу папы, приходилось строить свой собственный.

Фарнезе купилъ себѣ мѣсто довольно далеко отъ Ватикана, на такъ называемомъ Campo de Fiori. Тутъ еще были огромныя свободныя пространства, но и они уже стали исчезать. Сады вырубались, прежнія улицы деревенскаго вида смѣнялись двумя рядами роскошныхъ новыхъ построекъ. Племянникъ папы Сикста кардиналъ Санъ-Джорджіо вызвался построить въ этомъ кварталѣ церковь, которая теперь извѣстна подъ именемъ Санъ-Лоренцо in Damaso, и дворецъ, который теперь называется прозаическимъ именемъ Cancelleria.

Мѣсто, выбранное Фарнезе для своего жилища, было, такъ сказать, архиклерикальнымъ. Съ одной стороны оно прилегало къ англійскому благотворительному пріюту, съ другой—къ владѣніямъ одного недавно умершаго аббата. Само мѣсто принадлежало августинцамъ, которые получили за него отъ кардинала пять тысячъ дукатовъ. На купленномъ Фарнезе мѣстѣ уже стояло зданіе, построенное однимъ изъ прежнихъ его владѣтелей, нѣкимъ Педро Феррицемъ, и отцы августинцы, желая, чтобы ихъ имущество приносило имъ доходъ, отдавали это зданіе внаймы разнымъ лицамъ. Зданіе было старинное, напоминавшее скорѣе крѣпость, чѣмъ жилище высшаго сановника церкви. Тутъ легко было выдержать цѣлую осаду, и по всей вѣроятности не одинъ прелатъ искалъ тутъ надежнаго убѣжища. Самъ папа Александръ VI не разъ бывалъ здѣсь, когда онъ былъ еще вице-канцлеромъ церкви, а Педро Феррицъ—правой рукой Сикста.

Фарнезе нѣсколько обновилъ и перестроилъ свои новыя владѣнія. Прежде всего была построена библіотека, пріобрѣтшая вполнѣ такую извѣстность. Вслѣдствіе своихъ сношеній съ Фичино и съ учеными гуманистами, группировавшимися на его родинѣ Флоренціи возлѣ Медичейской академіи, кардиналъ Фарнезе пристрастился къ античной греческой литературѣ. Въ 1493 году онъ пригласилъ къ себѣ на службу греческаго выходца съ острова Крита Іоанна Розоса, который сдѣлалъ для него много списковъ съ древнихъ рукописей, нѣкоторыя изъ которыхъ уцѣлѣли до сего времени и хранятся въ неаполитанской библіотекѣ.

Вскорѣ обновленный дворецъ Фарнезе сдѣлался центромъ увеселеній тогдашняго Рима. Новый папа Левъ X оказался страстнымъ охотникомъ, и охота сдѣлалась любимымъ развлеченіемъ духовнаго и свѣтскаго общества. Особенно славились облавы, устраивавшіяся кардиналомъ Фарнезе. Обыкно-

венно охоты эти происходили въ замкѣ Канино, расположенномъ какъ разъ на самой границѣ знаменитыхъ болотъ мареммы. Въ лѣтніе мѣсяцы эта мѣстность губительна по своимъ лихорадкамъ, но осенью, когда схлынетъ жаръ, здѣсь очень пріятно. Отправляясь на охоту, папа то ѣхалъ верхомъ, то его несли въ носилкахъ. За нимъ слѣдовало цѣлое полчище его прислужниковъ и солдатъ. Его сопровождало еще двѣнадцать кардиналовъ, обыкновенно предводительствуемыхъ родственникомъ пресловутой Лукреціи Борджіи, кардиналомъ д'Эсте. Въ толпѣ прелатовъ виднѣлись итальянцы, нѣмцы, французы и даже греки. Феодалная аристократія была представлена блестяще Сфорцами, Савелли и др. Неизбѣжнымъ спутникамъ этихъ крестовыхъ походовъ противъ кабановъ, зайцевъ и пернатыхъ былъ папскій шутъ братъ Маріано Фетти. При видѣ этого шествія никому изъ современниковъ, кажется, не приходило въ голову полное несоотвѣтствіе папскаго сана съ подобнаго рода кавалькадами и охотами.

Замокъ Канино былъ обставленъ съ такой роскошью, что Фарнезе не стыдно было принять въ немъ великолѣпнаго Льва X. Свита его размѣщалась въ окрестностяхъ, благо понятіе о комфортѣ въ тѣ времена было еще очень смутно, и самые изнѣженные аристократы легко мирились и съ грязью, и съ холодомъ.

Въ срединѣ лѣса, гдѣ устраивалась охота, наспался для папы особый курганъ, откуда открывался видъ на всѣ стороны. Не подвергаясь никакому риску, папа могъ видѣть отсюда всѣ перипетіи охоты.

Цѣлый день продолжалась бойня звѣрей и дичи. Кардиналы, служители церкви Христовой, лихо носились верхомъ вслѣдъ за стаей лютыхъ корсиканскихъ собакъ и не отставали въ храбрости и ловкости отъ настоящихъ егерей. Къ вечеру давался отбой, и папа со всей своей свитой отправлялся въ Канино, гдѣ было приготовлено обильное угощеніе и сдѣланы соотвѣтствующіе запасы вина. Левъ X ѣлъ мало, а пилъ еще меньше. Зато Фра Маріано, разъ десять падавшій съ своего осла въ грязь, на потѣху всей кавалькады, теперь старался вознаградить себя за перенесенныя житейскія непріятности, и его обжорство не знало предѣловъ. Говорятъ, что онъ могъ съѣсть за одинъ разъ десять кашлуновъ и четыреста яицъ! Иногда среди веселаго шума подвыпившихъ собесѣдниковъ кому-нибудь изъ пирующихъ приходило въ голову пошутить, и онъ бросалъ черезъ весь столъ въ кого хотѣлъ жареной курицей, кускомъ мяса или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Шутка, много разъ повторявшаяся за столомъ, неизмѣнно имѣла успѣхъ.

Какая картинка нравовъ ранняго возрожденія!

И з њ т е а т р а л ь н о й с т а р и н ы ¹⁾.—Знаменитый сторонникъ Медичисовъ, секретарь Флорентійской республики, прославившійся на весь міръ своимъ политическимъ трактатомъ «Князь», Маккиавелли выступаетъ передъ людьми XX вѣка въ роли театральнаго драматурга. Въ 1512 году, когда Маккиавелли было уже за сорокъ лѣтъ, онъ написалъ драму «Мандрагола», передѣланную теперь въ оперу, недавно шедшую съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ. Драма была написана Маккиавелли въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ былъ

¹⁾ «Die Zeit». № 17, 1914.

изгнанъ изъ Флоренці партіей своихъ политическихъ противниковъ и вдали отъ свѣта проживалъ въ своемъ деревенскомъ владѣніи. На этой драмѣ ярко отражаются черезчуръ свободныя воззрѣнія эпохи «Ренессанса» на взаимныя отношенія половъ. Маккиавелли, не обладавшій творческой фантазіей, не постѣснялся вывести въ своемъ произведеніи лицъ, которыя были прямо списаны съ его современниковъ. Мандрагола—это волшебное средство, при помощи котораго нѣкому дворянину удастся овладѣть дамой своего сердца послѣ того, какъ мужа этой дамы удалось убѣдить, что всякій, кто попробуетъ мандраголы и потомъ прикаснется къ его женѣ, долженъ умереть. Несмотря на рискованность сюжета, это произведение исполнялось въ Римѣ даже передъ папой. За нѣсколько лѣтъ до «Мандраголы», въ самомъ началѣ XVI столѣтія извѣстный по своей крайней безнравственности Пьетро Аретино драматизируетъ произведенія Боккаччіо, въ чемъ съ нимъ соперничаетъ близкій къ папѣ Льву X кардиналъ Биббіенна. При исполненіи этихъ пьесъ впервые примѣнены были сложныя декорачіи, которыми характеризуется современный театръ и изобрѣтеніе которыхъ приписывается строителю собора св. Петра архитектору Браманте. За декорачіями послѣдовало новое усовершенствованіе—театральный занавѣсъ, который появился впервые въ 1519 году. Черезъ пять лѣтъ послѣ постановки «Мандраголы» въ Римѣ была поставлена комедія Аріоста «Подмѣненные», сюжетъ которой былъ взятъ изъ Плавта. Представленіе состоялось во дворцѣ племянника папы въ огромномъ, роскошно отдѣланномъ залѣ, переносимомъ избранной публики. Замѣчательно, что декорачіи къ этой пьесѣ, изображавшія видъ на городъ Феррару, писалъ не кто иной, какъ Рафаэль Санціо.

— Джіованни Боккаччіо. — Въ минувшемъ году исполнилось шестъсотъ лѣтъ со дня рожденія Джіованни Боккаччіо, знаменитаго автора «Декамерона». По этому случаю Е. Родоконани помѣстилъ въ «Revue hebdomadaire» краткую біографію Боккаччіо, которая представляетъ собою кое-что новое.

Боккаччіо, во-первыхъ, считали безнравственнымъ авторомъ, а, во-вторыхъ, авторомъ, написавшимъ единственное сочиненіе «Декамеронъ». Въ дѣйствительности, Боккаччіо болѣе, чѣмъ кто-либо изъ итальянскихъ писателей той эпохи, старался доказать всѣ преимущества порядочной жизни и совѣтовалъ избѣгать порока и безнравственности. Всѣ его героини совершали грѣхопаденія не по своему темпераменту, а по несчастной случайности и семь разсказчицъ въ «Декамеронѣ» оставались цѣломудренными и лишь ради забавы разсказывали новеллы самаго игриваго свойства.

Въ сочиненіи о знаменитыхъ женщинахъ у Боккаччіо была одна цѣль: доказать женщинамъ, что слѣдуетъ жить цѣломудренно. Своимъ разсказамъ о Помпѣ Паолинѣ, женѣ Сенеки, которая прибѣгла къ самоубійству, чтобы не пережить мужа, Боккаччіо хотѣлъ сказать, что, разъ овдовѣвъ, лучше не выходить вторично замужъ.

По поводу второго распространеннаго невѣрнаго мнѣнія, будто Боккаччіо написалъ единственно «Декамеронъ», то Родоконани даетъ слѣдующее объясненіе. Громадный, но поздній успѣхъ «Декамерона» произвелъ такой шумъ, что совершенно заглушилъ славу остальныхъ сочиненій Боккаччіо, и поэтому

казалось, будто онъ не написалъ ничего другого достойнаго вниманія. Между тѣмъ, это былъ самый плодовитый и разнообразный авторъ съ большимъ научнымъ образованіемъ. Его «*Filostrato*», «*Filoscopo*» и «*Teseide*» были очень значительными произведеніями, на которыя онъ посвятилъ цѣлыхъ десять лѣтъ.

Боккаччіо, родившійся, какъ предполагаютъ, въ 1313 г., можетъ считаться создателемъ итальянской литературы, хотя онъ былъ не чистокровнымъ итальянцемъ. Его мать, Жанна, была родомъ изъ Парижа, самъ Джіованни родился на берегу Сены. Чрезъ годъ его отецъ Боккаччіно, пріѣхавшій въ Парижъ по финансовымъ дѣламъ, увезъ мальчика къ себѣ на родину во Флоренцію, и съ тѣхъ поръ онъ уже не видалъ Парижа. Тѣмъ не менѣе французская кровь сказалась во всѣхъ его сочиненіяхъ. И это видно не только въ галлицизмахъ Боккаччіо, но и въ тонкомъ остроуміи и въ умѣни ловко построить фразу. Правда, въ ту эпоху французскій языкъ царилъ въ Италіи. Петрарка зналъ его такъ хорошо, что получилъ за это прозваніе «француза». Марко Поло и Брунетто Латини писали свои сочиненія на французскомъ языкѣ, но они не проявляли того чисто гальскаго изящества, какое бросалось въ глаза у Боккаччіо.

Джіованни родился поэтомъ, и, еще не умѣя читать и не зная, какъ слагается стихъ, онъ уже пытался сочинять стихи. Но попасть на избранный путь ему удалось не сразу и съ большими затрудненіями со стороны отца, мечтавшаго для него о карьерѣ банкира. Вообще дѣтство автора «Декамерона» было не изъ веселыхъ. Итальянское общество той эпохи не отличалось высокой нравственностью. Итальянки снисходительно относились къ шалостямъ своихъ мужей и, подражая высшему обществу, принимали въ свою семью незаконныхъ дѣтей, которыхъ воспитывали наравнѣ съ законными. Но на долю Джіованни не выпало счастья видѣть ласку въ семьѣ. Покинувъ въ Парижѣ его мать, Боккаччіно женился во Флоренціи на другой женщинѣ, и она со своимъ сыномъ сдѣлали жизнь Джіованни въ родительскомъ домѣ невыносимою. Но главная причина семейнаго разлада скрывалась въ нежеланіи поэта готовиться къ финансовой карьерѣ, которую онъ всегда презиралъ.

Шесть лѣтъ бился отецъ надъ развитіемъ финансовыхъ способностей Джіованни и, потерявъ надежду, помѣстивъ, наконецъ, сына къ одному купцу, гдѣ, по словамъ поэта, онъ научился только терять время. Тогда практичный Боккаччіни попробовалъ использовать любовь сына къ наукѣ и сдѣлать его богословомъ. Но онъ оказался такимъ же плохимъ богословомъ, какъ и финансистомъ.

Поэзія—вотъ что было его призваніемъ. Но въ то время поэзія стояла на высокой ступени, шла въ ногу съ науками и считалась руководительницей и наставницей людей. Поэту были необходимы научныя знанія, которыхъ недоставало Боккаччіо, и потому онъ принялся за ученіе съ такимъ рвеніемъ, что, по его словамъ, «наука стала для него удовольствіемъ и желаніемъ молодости». Какъ онъ достигъ своей учености, объ этомъ мы знаемъ мало. Извѣстно только, что онъ учился сначала на родинѣ отца во Флоренціи, а затѣмъ закончилъ высшее образованіе въ Неаполѣ. Здѣсь начался расцвѣтъ его поэтическаго таланта, ходъ котораго можно раздѣлить на три этапа. Первый, когда

онъ воспѣвалъ свою страсть, не анализируя ее; второй, когда онъ, продолжая также страстно увлекаться, сознательно переживалъ всѣ душевныя движенія, анализируя ихъ, и потому становился романистомъ-психологомъ, и третій, когда изъ поэта-новеллиста онъ превратился въ ученаго писателя. Тридцать лѣтъ, посвященныя наукѣ и чтенію, дали ему достаточный матеріалъ для его энциклопедическихъ сочиненій.

И въ нравственномъ обликѣ Боккаччіо произошло такое же тройное превращеніе. Занимаясь науками, Боккаччіо вмѣстѣ съ тѣмъ удѣлялъ время и наслажденіямъ. Неаполь въ то время представлялъ не только научный центръ, но, въ противоположность Флоренціи, и мѣсто увеселеній и развлеченій. Живописныя окрестности Неаполя, особенно Байи, привлекали къ себѣ, какъ и во времена Горация, мягкимъ климатомъ и легкимъ безпечнымъ существованіемъ. Празднества смѣнялись новыми празднествами, на которыхъ подъ сѣнью апельсиновыхъ деревьевъ и кипарисовъ общество предавалось веселымъ развлеченіямъ: танцамъ, разнообразнымъ играмъ и пѣнію. Подъ звуки арфъ донны и кавалеры поочередно задавали другъ другу веселыя загадки. И многія изъ дѣвушекъ, отправляясь на такое празднество Лукреціями, возвращались оттуда Клеопатрами.

Здѣсь составлялся своего рода любовный трибуналъ. Присутствующіе задавали другъ другу пикантные вопросы въ формѣ разсказа съ любовнымъ содержаніемъ и получали отвѣты въ формѣ загадки. Въ такой атмосферѣ Боккаччіо неизбежно долженъ былъ почувствовать дѣйствіе любовнаго хмеля. Онъ увлекался женщинами. Рыжий, съ толстыми, чувственными губами, сутуловатый, преждевременно растолстѣвшій, самъ Боккаччіо едва ли могъ привлекать къ себѣ женщинъ и своимъ успѣхомъ среди нихъ онъ обязанъ всецѣло своему таланту рассказчика.

Какія женщины нравились Боккаччіо? Трудно сказать положительно, хотя онъ часто и подробно описывалъ свой идеалъ. Всѣ его героини обладали орлинымъ носомъ, тонкими, хорошо обрисованными бровями, коралловыми губами, зубами цвѣта слоновой кости, бѣлокурными волосами. Въ ту эпоху брюнетки не считались красавицами. Но былъ ли это личный вкусъ Боккаччіо? Подобный типъ красоты для героинь романовъ установили средневѣковые писатели, и дѣйствительно ли Боккаччіо увлекался подобными женщинами, или только пользовался для своихъ сочиненій уже установленными образами—рѣшить трудно.

Мимолетныя увлеченія не могли удовлетворить поэта, и онъ создаетъ серьезный романъ, гдѣ героиней является дама изъ высшаго общества—незаконная дочь короля Роберта, Марія д'Агвино. Родоконакъ сомнѣвается, чтобы между нею и Боккаччіо существовала связь, и предполагаетъ, что это подражаніе роману Петрарки и Лауры, о которомъ кричала тогда вся Италія. Онъ также впервые встрѣтился со своей красавицей въ Страстную пятницу въ церкви, и она также была въ зеленомъ платьѣ, какъ Лаура,—знакъ вѣры и надежды.

Какъ бы то ни было, но Боккаччіо заговорилъ объ ихъ взаимной любви, и многіе годы она служила, подъ именемъ Фіамметты, героиней его романовъ. Въ этихъ романахъ Боккаччіо проходитъ всѣ стадіи влюбленнаго: сначала

страстного обожателя, потомъ брошеннаго, затѣмъ терзаемаго ревностью любовника.

Въ 1340 году, когда Боккаччіо еще не успѣлъ закончить «Teseide», въ его жизни наступила новая фаза. Ему пришлось неожиданно разстаться съ Неаполемъ. Дѣла его отца сильно пошатнулись, и старикъ призывалъ его къ себѣ на помощь. Хотя Джіованни не могъ простить отцу, что онъ бросилъ его мать, и печальныя обстоятельства, въ которыхъ онъ теперь оказался, считалъ заслуженнымъ возмездіемъ, но все-таки отправился во Флоренцію, гдѣ царили вѣчные политическіе раздоры, сопровождаемые и финансовыми крахами. Единственнымъ развлеченіемъ для Боккаччіо былъ здѣсь умственный трудъ. И во Флоренціи онъ проявлялъ необычайную литературную дѣятельность. Послѣ «Ameto» появилось «Amotosa visione», послѣ «Фіаметты» «Nimfale», а затѣмъ и «Декамеронъ».

Во Флоренціи онъ вступаетъ на новый литературный путь и дѣлается романистомъ. Отъ романовъ онъ перешелъ къ новелламъ. Въ 1353 году появился «Декамеронъ». Близкіе друзья автора, Петрарка и Менарди, ознакомились съ этимъ произведеніемъ много времени спустя. Петрарка прочиталъ его наскоро. Что касается Менарди, то онъ вовсе не читалъ «Декамерона», а передалъ его на женскую половину своего дома. Авторъ «Декамерона» не избѣжалъ того рокового момента, когда мужчина, предвидя скорый конецъ своимъ любовнымъ порывамъ, не бережетъ остатка своихъ силъ и увлекается безъ оглядки, безъ разбора. Боккаччіо, насмѣхавшійся надъ старыми влюбленными, самъ сдѣлался мишенью такихъ же насмѣшекъ. Это было тѣмъ болѣе для него непріятно, что онъ уже достигъ высокаго положенія: республика поручила ему видный дипломатическій постъ. И вотъ въ этомъ положеніи онъ влюбляется въ одну вдову, пишетъ ей любовныя письма, а она ихъ всѣмъ показываетъ и насмѣхается надъ старымъ обожателемъ.

Боккаччіо озлобился противъ женщинъ. Онъ называлъ ихъ непостоянными, подозрительными, говорившими не то, что думаютъ. Бракъ сталъ казаться ему безуміемъ, которое могли себѣ позволить только богачи, глупцы и простонародье. «У кого въ квартирѣ жена,—говорилъ Боккаччіо,—тотъ не сохранитъ ни друзей, ни товарищей».

Но вотъ для Боккаччіо наступила новая фаза—третья: поэтъ и рассказчикъ превратился въ ученаго писателя. Его нравственный обликъ также потерпѣлъ превращеніе: изъ веселаго, жизнерадостнаго, безпечнаго кутилы онъ, подъ вліяніемъ одного случая, едва не сдѣлался монахомъ. Однажды къ нему явился монахъ и отъ имени славившагося своей святостью пустытника предупредилъ его, что святому отцу было видѣніе и что Боккаччіо и Петраркѣ осталось жить всего нѣсколько лѣтъ.

Боккаччіо всю жизнь колебался, то возставая противъ суевѣрія, то признавая астрологию и предсказанія истинной наукой. Слова монаха произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ рассказалъ обо всемъ Петраркѣ. Приготовляясь перейти въ иной міръ, онъ предложилъ ему купить свою библіотеку съ условіемъ, чтобы послѣ его смерти она была помѣщена въ монастырь, гдѣ нуждающіеся въ справкахъ могли бы пользоваться ею. Петрарка пошутить

надъ нимъ и утѣшилъ его тѣмъ, что перспектива прожить нѣсколько лѣтъ лучше сознанія, что можешь умереть на другой день. Онъ отказался отъ библиотекки и посовѣтовалъ ему лучше приняться за работу. И вотъ Боккаччіо занялся составленіемъ энциклопедій, изъ которыхъ двѣ служили біографіей великихъ людей и руководствомъ морали. Его географическіе и міѳологическіе словари отличаются эрудиціей и вѣрнымъ методомъ. Но все-таки для Боккаччіо поэзія была выше всего, и поэты въ его глазахъ являлись священнодѣйствующими. Въ этомъ отношеніи Данте отвѣчалъ его идеалу болѣе, чѣмъ Петрарка. И однимъ изъ первыхъ трудовъ Боккаччіо были комментаріи къ «Божественной Комедіи».

Въ концѣ жизни Боккаччіо сдѣлался необыкновенно набожнымъ и въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ старался загладить свои прежнія насмѣшки надъ монахами. Въ такомъ настроеніи онъ скончался 21-го сентября 1375 года.

— Мусоргскій съ точки зрѣнія французскаго критика.— Въ большинствѣ случаевъ иностранцы, особенно французы, слишкомъ строго относятся къ русскимъ композиторамъ, упрекая ихъ за ихъ подражаніе европейскимъ образцамъ и особенно за раболѣпство предъ нѣмецкой школой. Отъ русскихъ композиторовъ иностранцы требуютъ самобытности, оригинальности, отъ которыхъ они, по мнѣнію иностранныхъ критиковъ, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ отказываются. Вотъ причина, почему немногимъ изъ нихъ удалось такъ глубоко проникнуть въ сердца иностранцевъ, какъ Мусоргскому, который сохранилъ своеобразие и самобытность своего таланта.

Этотъ композиторъ, по мнѣнію Мориса Тушара, высказанному въ статьѣ, помѣщенной въ «Nouvelle Revue», болѣе, чѣмъ кто другой, исполнилъ совѣтъ Ницше «стать самимъ собою». Авторъ характеризуетъ Мусоргскаго какъ человѣка, находившагося вѣчно въ поискахъ за истиной, которую онъ почти всегда находилъ. Онъ во все вкладывалъ свое сердце, а въ этомъ сердцѣ гнѣздилась печаль и раздавался крикъ такой горечи и печали, какой только могъ вырваться у человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

Разсказывая біографію нашего композитора, Тушаръ замѣчаетъ, что Мусоргскій родился въ сердцѣ русской деревни и умеръ на больничной койкѣ. И эти два обстоятельства нѣкоторымъ образомъ символизируютъ его судьбу и его артистическую дѣятельность, такъ какъ двумя преобладающими чертами его дѣятельности являются связь съ народомъ и свои страданія. «Въ его время,—говоритъ Тушаръ,—«итти въ народъ» съ цѣлью вытащить его изъ тьмы на свѣтъ было лозунгомъ всей русской молодежи. Но Мусоргскому даже не надѣ было «итти въ народъ»: онъ принадлежалъ ему и былъ связанъ съ нимъ тысячею нитей. Онъ сокрушался о народѣ, нося его въ своихъ мечтахъ, и восхищался имъ. Въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ» на первомъ планѣ выведенъ народъ то печальнымъ, то разнузданно-веселымъ. Въ этихъ операхъ, по мнѣнію Тушара, Мусоргскій вывелъ цѣлый міръ изумительно яркихъ фигуръ, отдѣланныхъ съ любовью и тщательностью.

Душа Мусоргскаго была сама по себѣ трагической. Мало-по-малу ея овладѣла неисцѣлимая скорбь, которая, по мнѣнію Тушара, вообще тяготѣетъ надъ русской землей. Эта скорбь проявляется вездѣ, и даже подъ порывомъ

юношеского веселья скрывается горечь и пессимизм. Мусоргскаго привлекають къ себѣ наиболѣе мрачныя души, и онъ самымъ тщательнымъ образомъ со скальпелемъ въ рукахъ изслѣдуетъ, напримѣръ, душу Іоанна Грознаго. О чемъ бы Мусоргскій ни рассказывалъ, о своей ли родинѣ съ ея патетическими героями, о собственной ли тоскѣ, онъ всегда кончалъ однимъ: агоніей, гибелью.

Даже въ такое сладкое, нѣжное чувство, какъ любовь, Мусоргскій вноситъ элементы горечи. Любовь у него или обманута, или оскорблена, или насильственно прервана. Ксенія оплакиваетъ своего жениха, а, Марѳа угрожаетъ своему ненавистному мужу. Сама смерть, которой Мусоргскій воспѣваетъ самыя мрачныя серенады, преслѣдуетъ челоуѣка своей любовью и неотступно слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Она появляется во всѣхъ его произведеніяхъ.

Тушаръ отмѣчаетъ, между прочимъ, что, несмотря на поклоненіе истинѣ, Мусоргскій порабощаетъ себя анализу. Драматическій инстинктъ подсказываетъ ему, что именно надо выбрать изъ массы матеріала наиболѣе подходящаго для его темперамента. Для своихъ произведеній онъ извлекалъ изъ исторіи весь ея сокъ, весь смыслъ, и если иногда ему приходилось придумывать эпизоды, искажать историческія данныя, то все это выходило у Мусоргскаго, во всякомъ случаѣ, очень правдоподобно. Это была исторія въ родѣ исторіи Шекспира, которая выходила изъ рамокъ мѣстной хроники и пріобрѣтала цѣнность челоуѣческаго документа. Въ Мусоргскомъ проявлялся въ одинаковой степени и челоуѣкъ театра и психологъ.

— Религіозный вопросъ въ Китаѣ.—Въ послѣдніе годы на Западѣ произошло нѣкоторое измѣненіе религіозной жизни: люди сдѣлали шагъ впередъ въ своемъ духовномъ развитіи, которое только съ перваго взгляда кажется въ упадкѣ. Европейскіе наблюдатели, напротивъ, приходятъ къ заключенію, что это не совсѣмъ такъ и религія теперь не въ упадкѣ, къ ней только подходятъ болѣе сознательно.

Такое же движеніе происходитъ теперь и на Востокѣ. Китайская революція, происшедшая два года тому назадъ, въ Китаѣ, вызвала различныя перемѣны, между прочимъ возбудила спорный вопросъ: какой именно религіи слѣдуетъ стать государственной: буддизму, конфуціанству или христіанству. За послѣдніе годы шли различныя слухи о духовномъ настроеніи китайцевъ; въ клерикальныхъ журналахъ появлялись статьи, что въ Китаѣ быстро распространяется христіанство; въ другихъ журналахъ упоминалось, что китайцы и японцы становятся матеріалистами и отвергаютъ всякую религію. Но вотъ что, между прочимъ, говоритъ о религіозномъ движеніи въ Китаѣ англичанинъ Ф. Джонстонъ въ «Nineteenth Century».

«Совершившаяся два года тому назадъ революція нисколько не поколебала древнихъ религій китайцевъ, хотя многіе увѣряли, что она нанесла имъ смертельный ударъ. Побѣда христіанства надъ старинной китайской религіей сильно преувеличивается миссіонерами. Если, дѣйствительно, христіанство распространилось тамъ за послѣдніе годы, то это произошло только по экономическимъ, политическимъ и социальнымъ соображеніямъ и представляетъ собою лишь переходную фазу въ національной жизни Китая.

Авторъ убѣжденный сторонникъ религіи Конфуція. По его мнѣнію, она

является болѣе широкой, но менѣе сложной, менѣе обремененной догматами, чѣмъ другія религіи и болѣе всего подходит для китайцевъ.

До революціи конфуціанство, то есть всѣ этико-политическія и религіозныя системы, основанныя на ученіи Конфуція, были государственной религіей. Во всѣхъ городахъ и провинціяхъ храмы Конфуція содержались на государственнѣйшій счетъ, и всѣ чиновники, находившіеся на государственной службѣ, должны были исполнять весь ритуаль этого культа. Государство содержало въ порядкѣ храмы Конфуція въ Пекинѣ и Чифу и также его могилу, его потомковъ и учениковъ. Потомки Конфуція носили почетный титулъ и были поставлены въ одномъ ряду со старинными аристократами. Всѣ школы и университеты состояли подъ покровительствомъ Конфуція; школьники и студенты ходили на поклоненіе реликвіямъ, посвященнымъ его духу, и возжигали предъ ними благовонія. Его ученики играли такую же роль въ воспитаніи китайскаго юношества, какову играютъ въ Англіи греческіе и латинскіе классики.

Правда, со времени революціи молодое поколѣніе китайцевъ уже не съ такимъ рвешемъ изучаетъ Конфуція. Новое правительство преобразовало программу преподаванія и замѣнило изученіе доктринъ Конфуція различными отраслями европейскихъ наукъ. Но до революціи ученіе Конфуція казалось достаточно основательнымъ для либеральнаго воспитанія.

Что касается буддизма, то онъ потерпѣлъ большую неудачу, особенно въ сѣверной части Китая. Этотъ культъ еще справляется съ извѣстной помпой въ нѣкоторыхъ храмахъ столицы и ея окрестностей, однако въ сѣверныхъ провинціяхъ онъ почти всюду преданъ забвенію. Прекрасные храмы Будды заброшены, монахи бездѣйствуютъ, и ритуаль не исполняется. Напротивъ, на югѣ и въ центрѣ Китая буддійскіе монастыри находятся въ цвѣтущемъ состояніи, великолѣпные храмы въ порядкѣ, и въ нихъ попрежнему собирается еще много молящихся. Во всѣхъ провинціяхъ долины Янгцзе народонаселеніе продолжаетъ возстановлять сотни храмовъ, разрушенныхъ фанатичными тайпингами. За послѣднія нѣсколько лѣтъ Японія подаетъ примѣръ возрожденія буддизма. Такое же возрожденіе совершается въ нѣкоторыхъ китайскихъ мѣстностяхъ, особенно въ Нанкинѣ и Шанхаѣ. По словамъ Джонстона, послѣдняя революція не только не уменьшила этого движенія, напротивъ, его усилила. Между прочимъ, недавно былъ основанъ центральный совѣтъ, на обязанности котораго лежитъ поддерживать священный огонь. Этотъ совѣтъ основываетъ школы, заботится о поддержаніи въ порядкѣ священныхъ памятниковъ и издаетъ ежемѣсячный журналъ, гдѣ помѣщаетъ изложенія буддійскихъ доктринъ, поэмы религіознаго содержанія, комментаріи на священныя книги. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по основаніи этого центрального совѣта ученики Конфуція, въ свою очередь, открыли большое общество послѣдователей Конфуція, въ которое стали вступать миллионы членовъ. Въ настоящее время это общество также издаетъ свой журналъ подъ руководствомъ доктора Тченъ-хуангъ-гчанга, члена китайской академіи и доктора философіи колумбійскаго университета въ Америкѣ. Этотъ ученый китаецъ довольно долго жилъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ и напечаталъ свою книгу «Экономическіе принципы Конфуція и его школа».

Самое любопытное то, что пребываніе среди бѣлолицыхъ европейцевъ не только не ослабило его убѣжденій, наоборотъ, сдѣлало его еще болѣе ревностнымъ послѣдователемъ Конфуція.

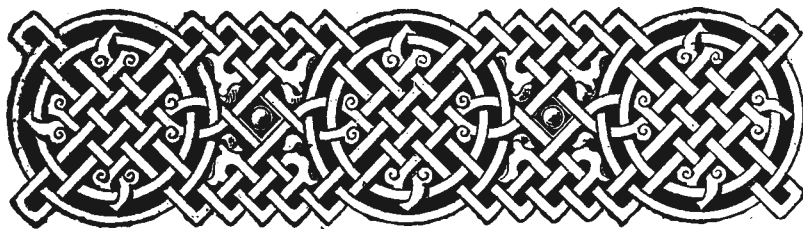
Между послѣдователями ученія Конфуція и буддистами нѣтъ мѣста для споровъ. Ученіе Конфуція самая удобная изъ религій, къ которой подойдетъ всякая другая, потому что въ сущности это моральная и религиозная философія безъ точно опредѣленныхъ догматовъ. По мнѣнію послѣдователей Конфуція, самый ревностный буддистъ можетъ спокойно быть принятъ въ число членовъ этого общества, если только онъ не будетъ отказываться отъ брачной жизни.

Со своей стороны, буддисты смотрятъ на религію Конфуція какъ на болѣе несовершенное видоизмѣненіе той же буддѣйской религіи. Между ними до сихъ поръ не существовало антагонизма, а была только маленькая разница. Теперь же идетъ страстный споръ о томъ, которая изъ религій будетъ государственной.

Докторъ Тченъ-хуангъ-тчангъ и его общество горячо хлопочутъ о возвращеніи старой національной религіи, царившей въ Китаѣ двѣ тысячи лѣтъ, официальныхъ правъ, отнятыхъ у нея въ 1911 г. Большая часть членовъ парламента во главѣ съ президентомъ Юаншикаемъ относятся къ ней благосклонно. Зато китайскіе христіане очень этимъ взволнованы и ведутъ противъ нея горячій походъ; но ихъ не такъ много, всего около 2.000,000, т. е. менѣе, чѣмъ одинъ христіанинъ на двѣсти китайцевъ-язычниковъ. Однако они очень дѣятельны и вліятельны, также издають журналы, а главное имѣють поддержку въ Европѣ.

Китайскіе христіане заявляютъ, что признаніе конфуціанства государственной религіей было бы посягательствомъ на свободу культовъ. А это вызвало бы устраненіе христіанъ отъ государственной и общественной службы ввиду того, что имъ нельзя участвовать въ церемоніяхъ ритуала, противъ которыхъ возстаютъ христіанство.

На это Ф. Джонстонъ указываетъ, что при послѣднихъ императорахъ манчжурской династіи чиновники изъ христіанъ преспокойно участвовали въ религиозномъ ритуалѣ. Если же между христіанами и послѣдователями Конфуція возникнутъ осложненія, то, конечно, буддисты примутъ сторону послѣдователей Конфуція. Магометанъ въ Китаѣ много, они живутъ вдали отъ центрального Китая и требуютъ лишь, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Сектантовъ лаотсе—незначительное количество, и ихъ вліяніе еще менѣе значительно; притомъ эта религія не пользуется уваженіемъ. Такимъ образомъ, христіане найдутъ поддержку только со стороны молодыхъ китайцевъ, свободомыслящихъ, радикаловъ и, быть можетъ, буддистовъ-ламаистовъ, которые довольно фанатичны. Но первые, по убѣренію автора, становятся все менѣе популярны, а вторые живутъ въ отдаленныхъ областяхъ, которые уже не входятъ въ составъ Китая.

С М Ъ С Ъ.

ГОДОВОЕ собраніе императорской академіи наукъ. 29-го декабря въ академіи наукъ состоялось торжественное годовое собраніе подъ предѣдательствомъ августѣйшаго президента великаго князя Константина Константиловича. Присутствовали: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Шевяковъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа Прутченко; члены государственнаго совѣта: Арсеньевъ, Зиновьевъ, князь Голицынъ, Ултербергеръ, Диковъ, Штюмеръ, академики, во главѣ съ вице-президентомъ и много другихъ. Въ истекшемъ году академіи понесла тяжелыя утраты въ лицѣ скончавшихся: одного изъ лучшихъ знатоковъ русской народной поэзіи академикъ В. Θ. Миллера, почетнаго члена академіи слависта о. Петрушевича и членовъ-корреспондентовъ; основателя московскаго музея изящныхъ искусствъ И. В. Цвѣтаева, автора словаря китайскаго языка П. С. Попова и голландскаго филолога-классика Набера. Введеніе новыхъ штатовъ отразилось на жизни академіи очень благоприятно. Она собрала въ своихъ стѣнахъ съѣздъ международнаго союза академій, участвовала въ международномъ совѣщаніи о примѣненіи радіотелеграфирования къ передачѣ времени, въ боннскомъ съѣздѣ для изслѣдованія солнца, въ геологическомъ конгрессѣ въ Канадѣ и т. д. Всего выпущено въ свѣтъ академическихъ изданій 70 томовъ, въ количествѣ свыше 74 тысячъ экземпляровъ. Что касается отдѣльныхъ учреждений, то Николаевская физическая обсерваторія, благодаря новымъ штатамъ, преобразовала змѣйковую лабораторію въ «Романовскую аэрологическую обсерваторію», на Пулковской обсерваторіи устроена пріемная станція для сигналовъ времени съ Эйфелевой башни и изъ

Поддейка въ Германіи, въ Николаевѣ переустроена астрономическая обсерваторія и въ Симензѣ продолжалось оборудованіе обсерваторіи. Академіей получено въ даръ отъ городскихъ общественныхъ управленій Оша, Самарканда и Вѣрнаго земельные участки для устройства сейсмическихъ станцій. Ботаническій музей отмѣчаетъ обиліе новыхъ поступленій, а минералогическій музей приобрѣлъ цѣнную коллекцію П. А. Кочубея за 165 тысячъ рублей. Вопросъ о постройкѣ Ломоносовскаго института и новаго зданія минералогическаго и геологическаго музея сильно подвинулся впередъ: городъ уступаетъ землю на извѣстныхъ условіяхъ на Васильевскомъ островѣ, близъ взморья. Въ работахъ о ради и изслѣдованіи его мѣсторожденія академіи помогли кабинетъ Его Величества и два научныхъ общества; изслѣдованія производятся въ Ферганѣ, Сибири, на Кавказѣ, въ Закавказьѣ и на Уралѣ. Помимо этого конференція представила министру народнаго просвѣщенія докладъ о необходимости ассигнованія 169,500 рублей на изслѣдованіе радиоактивныхъ минераловъ Россіи. Въ городѣ Ани на Кавказѣ, гдѣ уже много лѣтъ производится раскопки, предложено учредить археологическій институтъ. Библиотека академіи находится въ переходномъ состояніи, такъ какъ возводится новое зданіе. Важный вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы въ связи съ созданіемъ заповѣдниковъ вступилъ нынѣ въ международную фазу, и представитель Академіи участвовалъ на состоявшемся въ Бернѣ съѣздѣ «Conférence Internationale pour la protection de la nature». Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности прочитанъ академикомъ П. А. Котляревскимъ, посвятившимъ прочувствованное слово покойному академику В. Θ. Миллеру и почетному академику по разряду изящной словесности поэту графу А. А. Голенищеву-Кутузову. Издательская дѣятельность отдѣленія выразилась такъ: «Словарь русскаго языка» съ III по VI томъ находится въ печати, и привлечены къ изданію свыше тысячи авторовъ и изданій, издается «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ» и рядъ другихъ изданій. Что касается «Академической библиотеки», то выпущены 5-й томъ Лермонтова, 2-й Грибоѣдова и перепечатанъ первый. Заканчивается печатаніемъ первый томъ Баратынскаго и письма Пушкина. Сочиненія Грибоѣдова и Баратынскаго будутъ закончены въ 1914 году. Въ истекшемъ году высочайше утверждено положеніе о литературно-театральномъ музеѣ имени Бахрушина, который открытъ 25-го ноября; баронесса Вревская пожертвовала всю библиотечку села Тригорскаго, которой пользовался Пушкинъ, сдѣланы приобретенія для Пушкинскаго дома и т. д. На V-е соисканіе премій имени Н. М. Ахматова по физико-математическому отдѣленію было представлено 10 авторами 10 сочиненій, которыя были рассмотрѣны комиссіей, въ составѣ академика А. С. Фаминцына (предсѣдатель), Н. Я. Сонины, князя Б. Б. Голицына, М. А. Рыкачева, В. В. Заленскаго, И. П. Бородинна, Н. В. Насонова и П. И. Вальдена. Большую премію въ 1.000 рублей комиссія присудила А. А. Петровскому за сочиненіе: «Научныя основанія беспроволочной телеграфіи». Малыя преміи по 500 рублей присуждены К. Н. Давыдову за сочиненіе: «Курсъ сравнительной эмбриологіи безпозвоночныхъ» (рукопись), К. Я. Илькевичу за сочиненіе: «Грибы-разрушители деревянныхъ частей строеній» и Н. А. Монтеверде и В. Н. Любименко за сочиненія: «Изслѣдованія надъ образованіемъ хлорофилла у растений», «О родоксантинѣ и лико-

нигъ» и др. На V-е соисканіе премій имени М. П. Ахматова по историко-филологическому отдѣленію поступило отъ 11 авторовъ 11 сочиненій. Большая премія въ 1.000 рублей осталась не присужденной. Малыя преміи, по 500 рублей каждая, присуждены Е. В. Тарле за сочиненіе «Рабочій вопросъ во Франціи въ эпоху революціи». Ч. I—II. Спб. 1909—1911, М. П. Чубинскому за сочиненіе «Курсъ уголовной политики» и К. С. Кекелидзе за сочиненіе: «Иерусалимскій канопарь VII вѣка». Почетные отзывы присуждены сочиненіямъ: А. П. Рождественскаго «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. Введеніе, переводъ и объясненіе по еврейскому тексту и древнимъ переводамъ» и С. П. Бартенева «Московскій кремль въ старину и теперь». На соисканіе преміи академика Г. П. Гельмерсена поступило отъ двухъ авторовъ три сочиненія. Премія эта присуждена Э. С. Бергу за сочиненіе «Аральское море». На конкурсъ имени С. А. Грейга было представлено 4 авторами 5 сочиненій, которыя были разсмотрѣны комиссіей въ составѣ академика И. И. Янжула, А. С. Лапшова-Данилевскаго и М. А. Дьяконова. Полная премія въ 1.000 рублей присуждена М. И. Тугаи-Барановскому за сочиненіе «Основы политической экономіи», 2-е изданіе. Преміи имени графа Д. А. Толстого, С. П. Батюшковой, врача Такифа, имени Александра П и Ф. Ф. Шуберта, а также награды имени К. Т. Солдатенкова остались въ 1913 году не присужденными. Преміи имени М. П. Ахматова по отдѣленію русскаго языка и словесности присуждены: большая премія въ 1.000 рублей г-жѣ В. И. Ясевичъ-Вородаевской за сочиненіе «Борьба за вѣру», а малыя преміи, по 500 рублей каждая, Е. Ф. Карскому за сочиненіе «Вѣлорусскы», А. А. Макаренко за сочиненіе «Сибирскій народный календарь въ этнографическомъ отношеніи» и Н. Ф. Познанскому за сочиненіе «Опытъ генетическаго изслѣдованія заговоровъ какъ особаго вида народнаго творчества». Почетные отзывы присуждены А. М. Евлахову за сочиненіе «Введеніе въ философію художественнаго творчества» и Е. М. Милицыной за сочиненіе «Разказы», т. III. Преміи А. С. Пушкина по 500 рублей даны за сочиненія: П. Сергѣича (П. С. Пороховщикова) «Искусство рѣчи на судѣ» и П. Е. Щеголева «Пушкингъ», очерки. Почетные отзывы сочиненіямъ: Т. Л. Щепкиной-Куперникъ «Сказанія о любви» и А. М. Фодорова «Жатва» и «Утро». Послѣ отчетовъ о преміяхъ академикъ Н. А. Котляревскій прочиталъ рѣчь отсутствовавшаго по болѣзни академика А. И. Соболевскаго «Отношеніе древней Руси къ раздѣленію церковей». Въ заключеніе августѣйшій президентъ сообщилъ объ избраніи новыхъ академиковъ. Въ почетные члены избраны: Э. Фишеръ, профессоръ берлинскаго университета, и Вильямъ Рамзай, профессоръ химіи въ Лондонѣ. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію—В. Байо (Парижъ), Г. фонъ-Зеелигеръ (Мюнхенъ), Д. Д. Томсонъ (Кембриджъ), М. Планкъ (Берлинъ), Ф.-О. Гю (Женева), Т. Э. Торпъ (Лондонъ), А.-Л. де-Шателье (Парижъ), К. Энглеръ (Карлсруэ), В. Бранка (Берлинъ), профессоръ Н. М. Кулагинъ (Москва), профессоръ Д. Н. Прянишниковъ (Москва); по историко-филологическому отдѣленію—профессоръ И. А. Линниченко (Одесса), профессоръ Б. А. Тураевъ (Спб.) и Э. Шаваннъ (Парижъ); по отдѣленію русскаго языка и словесности—Э. Ю. Мука (Фрейбергъ въ Саксоніи), профессоръ И. С. Пальмовъ (Спб.) и профессоръ В. Н. Щепкинъ (Москва).

Въ литературномъ фондѣ. Подъ предѣдательствомъ В. Д. Набокова 27-го декабря въ помѣщеніи гимназіи Гуревича состоялись засѣданія членовъ литературнаго фонда—обыкновенное для заслушанія текущихъ дѣлъ и отчетности и чрезвычайное для обсужденія доклада о пожертвованіи инженера М. С. Малкіеля и по вопросу о ликвидаціи ссудныхъ операцій фонда. Изъ доложеннаго В. П. Кранихфельдомъ отчета о дѣятельности комитета фонда за послѣдніе два мѣсяца текущаго года видно, что комитетомъ разсмотрѣно 173 ходатайства кліентовъ фонда, причѣмъ выдано на воспитаніе и образованіе дѣтей нуждающихся литераторовъ 300 рублей, единовременныя пособія выданы 31 лицу на сумму 775 рублей 25 копеекъ, безсрочныя пособія выданы 31 лицу на 5,455 рублей, ссуды срочныя выданы 10 литераторамъ на 640 рублей, нѣкоторымъ лицамъ было отказано въ выдачѣ ссуды и пособій за недостаточностью ихъ литературныхъ правъ и ограниченностью средствъ фонда. Издательская комиссія при фондѣ постановила выпустить отдѣльными книжками рассказы В. М. Гаршина: «Сигналъ», «Сказаніе о мудромъ Ангелѣ», «Лягушка», «То, чего не было». А. В. Пѣшеховъ ознакомилъ собраніе съ казначейскою частью за отчетный періодъ. Общая сумма поступленій составила 18,735 рублей, общая сумма расходовъ 15,519 рублей. Далѣе былъ заслушанъ докладъ о ссудномъ капиталѣ. Послѣ преній собраніе утвердило правила для ликвидаціи ссудной операціи. По вопросу о пожертвованіи инженеромъ М. С. Малкіелемъ литературному фонду своей недвижимости на станціи Ермоловская Приморской желѣзной дороги В. Д. Набоковъ доложилъ собранію, что жертвователю въ виду соображеній, высказанныхъ въ общемъ собраніи членовъ фонда 3-го ноября, значительно видоизмѣнилъ теперь свое первоначальное предложеніе и, по мнѣнію комитета, сдѣлалъ свое пожертвованіе вполне пріемлемымъ. Въ письмѣ къ В. Д. Набокову отъ 23-го декабря М. С. Малкіель выражаетъ готовность: 1) внести 10,000 рублей литературному фонду на ремонтъ и переустройство жертвуемыхъ зданій (по заключенію экспертовъ этой суммы хватитъ съ избыткомъ), 2) предоставить литературному фонду право передать, въ случаѣ, если онъ найдетъ для себя полезнымъ, всю жертвуемую недвижимость другой литературной организаціи, 3) во избѣжаніе хлопотъ съ отдачей въ аренду меблированныхъ корпусовъ взять на себя аренду ихъ, съ уплатой фонду въ теченіе 10 лѣтъ по 2000 рублей въ годъ, причѣмъ 40 меблированныхъ комнатъ остаются въ распоряженіи фонда для пользованія литераторовъ, которые получаютъ содержаніе отъ арендатора за плату по 25 рублей въ мѣсяцъ. Комитетъ, обсудивъ видоизмѣненное предложеніе инженера М. С. Малкіеля и находя, что жертвуемое имущество можетъ принести фонду значительный ежегодный доходъ безъ всякихъ почти затратъ съ его стороны, пришелъ въ заключенію, что пожертвованіе слѣдуетъ принять съ признательностью. Общее собраніе единогласно и безъ преній согласилось съ заключеніемъ комитета и выразило благодарность щедрому жертвователю. Для завѣдыванія пожертвованнымъ имуществомъ будетъ избрана особая комиссія. Въ виду того, что изъ состава комитета выбываютъ по очереди: Н. И. Карѣевъ, Я. Я. Гуревичъ, Ф. Д. Крюковъ и Е. В. Тарле 2-го февраля состоятся выборы предложенныхъ комитетомъ кандидатовъ.

Пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Императорской академіей наукъ выпущенъ отчетъ о дѣятельности постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ 1913 г. Комиссія имѣла 22 засѣданія, въ которыхъ было разсмотрѣно 912 ходатайствъ, удовлетворено 782, отклонено 124 и остались нерѣшенными 6. Для выполненія задачи комиссія располагала тѣми же средствами, какъ и въ предшествующіе годы, согласно Высочайшему указу 13-го января 1895 г., изъ государственнаго казначейства отпущено 50,000 руб.; ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ благоугодно было и нынѣ увеличить средства комиссіи пожалованіемъ 300 руб. для причисленія ихъ къ капиталу имени Императора Николая II. Всего же въ отчетномъ году въ распоряженіи комиссіи состояло для расходованія 50,386 руб. 15 коп. Изъ этой суммы израсходовано 50,344 руб. 10 коп. Единовременныхъ пособій выдано на сумму 10,705 руб. 10 коп. Размѣры ихъ достигали въ двухъ случаяхъ 120 руб. и въ трехъ—100 руб., чаще же колебались въ предѣлахъ отъ 10 до 40 руб. Пособій, разсроченныхъ по полугодіямъ, выдано 3 лицамъ, а разсроченныхъ по мѣсяцамъ—129 лицамъ, на сумму 22,870 руб. Большинство разсроченныхъ пособій колебалось въ размѣрахъ между 15 и 25 руб., иногда же достигало и 40 руб. въ мѣсяць. Пенсіи имени Императора Николая II выдавались 47 лицамъ на сумму 16,769 руб.; размѣры ихъ простирались отъ 12 до 50 руб. въ мѣсяць. Единовременныя пособія нерѣдко выдавались по нѣскольку разъ одному и тому же лицу по особо уважительнымъ причинамъ. Денежною помощію въ томъ или иномъ видѣ въ теченіе года пользовались 356 лицъ. По 600 руб. получило 7 лицъ, по 480 руб.—11, по 420 руб.—2 и т. д. Наибольшее число лицъ 109 получило отъ 25 до 5 руб. Ко дню составленія отчета въ расходномъ капиталѣ имени Императора Николая II остатокъ равнялся 42 руб. 5 коп. Заласный же капиталъ составлялъ 1,321 руб. 24 коп.

Столѣтіе императорской публичной бібліотеки. 2-го января былъ отпразднованъ исполнившійся столѣтній юбилей императорской публичной бібліотеки. Торжественное засѣданіе, посвященное этому юбилею, протекло въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ читальномъ залѣ, подлѣ оконъ, вдоль продольной стѣны было устроена эстрада. За длиннымъ столомъ, крытымъ краснымъ сукномъ, помѣстилось все бібліотечное начальство. Въ центрѣ, передъ ларцемъ съ Царскими грамотами—Л. А. Кассо. Среди присутствующихъ: предсѣдатель совѣта министровъ В. П. Коковцовъ, архіепископъ финляндскій и выборгскій Сергій, товарищи министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевяковъ и бар. И. А. Таубе, графъ С. Ю. Витте, статсъ-секретарь Голубевъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа С. М. Прутченко, ректоръ петербургскаго университета, много профессоровъ, представителей науки, литературы, многихъ просвѣтительныхъ и общественныхъ учреждений, гласные петербургской городской думы, чины дипломатическихъ миссій, члены различныхъ депутацій и много другихъ. Послѣ молебствія открылось торжественное засѣданіе. Л. А. Кассо прочиталъ Царскую грамоту, оркестръ сыгралъ гимнъ, а затѣмъ директоръ бібліотеки Д. Ѳ. Кобеко произнесъ привѣтственную рѣчь и объявилъ объ отпускѣ двадцати трехъ тысячъ рублей на выдачу единовременныхъ пособій

служащимъ библіотки и объ избраніи въ почетные члены министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, членовъ государственнаго совѣта А. С. Ермолова и А. П. Куломзина, предѣдательницы московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, гр. С. Д. Шереметева, академикомъ А. А. Шахматова и И. В. Ягича и профессора кievскаго университета В. С. Иконникова. Библіотекаръ Чечулинъ прочиталъ краткій историческій обзоръ библіотеки и затѣмъ начали выступать депутаціи. Съ особо устроенаго возвышенія говорились привѣтственныя рѣчи, затѣмъ дефилировали передъ столомъ, гдѣ Д. Θ. Кобеко принималъ папки съ адресами, обмѣнивался рукопожатіями съ делегатами, которымъ затѣмъ въ другомъ концѣ зала выдавали обширный иллюстрированный томъ обзора дѣятельности императорской публичной библіотеки за сто лѣтъ, альбомъ галереи Петра Великаго и снимокъ съ гравюры битвы подъ Нарвой. Въ печатномъ спискѣ указано семьдесятъ двѣ депутаціи, но сверхъ того больше десятка депутацій не попало въ этотъ списокъ. Въ третьемъ часу Д. Θ. Кобеко объявляетъ перерывъ. Въ соеднѣемъ Ларинскомъ залѣ гостямъ было предложено шампанское, фрукты и печенье. Послѣ перерыва продолжалось дефилированіе депутацій. Фигурировали представители всѣхъ русскихъ университетовъ, кромѣ варнавскаго и новороссійскаго; отсутствовали также университетъ имени Шанявскаго, высшіе женскіе курсы и др. Горячими аплодисментами встрѣтили представителя парижскаго университета. За нимъ отъ имени стокгольмской академіи наукъ выступилъ академикъ Баклундъ. Депутація общества любителей Россійской словесности, въ лицѣ профессоровъ С. А. Венгерова, М. П. Розанова и П. А. Сакулина, объявила объ избраніи почетными членами общества Д. Θ. Кобеко, И. А. Бычкова и В. И. Саитова. Отъ общества ревнителей исторіи выступила Т. О. Соколовская, а отъ съѣзда имени Ушинскаго—учительница Иванова, которая сказала, между прочимъ: «Народные учителя, представители русской провинціи, не имѣютъ возможности черпать изъ этой великой книжной сокровищницы, но они не забываютъ того, что здѣсь учились ихъ великіе учителя. Отсюда они принесли народнымъ учителямъ лучи свѣта и знанія». Великая княгиня Елизавета Феодоровна прислала привѣтствіе отъ имени императорскаго палестинскаго общества, отъ главнаго управленія по дѣламъ печати выступилъ г. Берендсъ. По окончаніи парада оркестръ сыгралъ гимнъ, и началось фотографированіе. Осмотръ библіотеки отложили на 3-е января, когда къ услугамъ осматривающихъ былъ, начиная съ двѣнадцати часовъ дня, весь итатъ. По случаю юбилея Государемъ Императоромъ дана публичной библіотекѣ слѣдующая высочайшая грамота: «Въ Монаршемъ попеченіи о развитіи духовныхъ силъ народныхъ великаго государства Россійскаго императрица Екатерина II положила въ 1795 году первое образованіе обширному книжному собранію. Слѣдуя по стопамъ своей державной бабки, императоръ Александръ I Благословенный, утвердивъ 14-го октября 1810 года положеніе о семь книгохранилищъ, наименовалъ его императорскою публичною библіотекою. Засимъ, послѣ побѣдоноснаго окончанія славной Отечественной войны, императорская публичная библіотека 2-го января 1814 года открыта была, съ высочайшаго соизволенія, на пользу общую. Неизмѣнно обогащаемая щедротами монарховъ и членовъ Россійскаго царствующаго дома

и устрояемая самоотверженными трудами просвѣщенныхъ дѣятелей, къ столь важному дѣлу правительствомъ привлеченныхъ, императорская публичная библіотека скоро заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди примѣчательнѣйшихъ однородныхъ учрежденій міра. Въ истинномъ пониманіи задачъ, предлагающихъ государственному книгохранилищу, просвѣщенные руководители императорской публичной библіотеки сосредоточили въ ней многоцѣнные плоды ученой мысли протекшихъ временъ и творенія гѣнія русскаго, обогатившаго сокровищницу человѣческихъ знаній. Съ любовью и тщательностью собирая все, что полезно и важно для изученія и познанія дорогого обширнѣйшаго отечества нашего, Императорская публичная библіотека въ теченіе цѣлаго столѣтія открыта всемъ подвизающимся на безпредѣльномъ поприщѣ наукъ, искусствъ и художествъ, дабы они въ завѣтахъ величайшихъ мужей могли почерпнуть указанія и силы для плодотворнаго служенія на благо человѣчества и родины. Съ душевнымъ удовлетвореніемъ обзрѣвая вѣковое служеніе императорской публичной библіотеки русскому просвѣщенію и памятуя, что развитіе и процвѣтаніе ея зависитъ отъ самоотверженнаго усердія тѣхъ, трудами коихъ она создавалась, признали Мы за благо, помянувъ усопшихъ дѣятелей сего учрежденія, выразить нашу монаршую признательность всемъ трудившимся и трудящимся на пользу библіотеки. Въ изъявленіе неизмѣннаго благоволенія нашего къ Императорской публичной библіотекѣ, сію грамоту подписали мы собственною нашею рукою и повелѣли, утвердивъ государственною печатью, ввѣрить ее библіотекѣ для храненія на вѣчныя времена».

50-лѣтіе земства. 7-го января празднованіе полувѣкового юбилея русскаго земства началось панихидами въ Петропавловскомъ соборѣ по императорѣ Александрѣ II и Александрѣ III. На панихидѣ присутствовали совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ, высшіе чины министерства внутреннихъ дѣлъ, депутаціи отъ земскихъ самоуправленій въ полномъ составѣ и большинство земцевъ, не входящихъ въ составъ депутаціи. Панихиду служилъ протоіерей Черновъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой охарактеризовалъ значеніе земскихъ учрежденій. Затѣмъ послѣ рѣчи былъ возложенъ вѣнокъ на гробъ Александра III. Вѣнокъ былъ возложенъ предсѣдателями петербургской и московской земской управъ. Затѣмъ былъ возложенъ серебряный вѣнокъ на гробницу Александра II съ надписью на лентѣ «Благодарная земская Россія». Въ серединѣ вѣнка инициалы императора Александра II. На одной изъ вѣтвей написаны слова: «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», на другой даты: «1864—1914». Днемъ въ Казанскомъ соборѣ митрополитомъ петербургскимъ Владиміромъ было совершено торжественное молебствіе. На молебствіи присутствовали около триста человѣкъ. Среди нихъ члены государственнаго совѣта и думы. Изъ членовъ кабинета присутствовали министры Щегловитовъ, Маклаковъ, Кассо и товарищи Джунковскій, Лыкошинъ и Покровскій. Передъ молебствіемъ митрополитъ Владиміръ сказалъ слово и вкратцѣ охарактеризовалъ дѣятельность земскихъ учрежденій. Торжественный день въ жизни земства—это юбилейный пріемъ Государемъ 8-го января дѣятелей въ залахъ Зимняго дворца. Къ 10¹/₂ часамъ съѣхались во дворецъ министры и земскіе дѣятели и вступили въ Концертный залъ, гдѣ и группировались по губерніямъ.

Дѣятели земства размѣстились въ порядкѣ губерній, въ которыхъ учреждались земства, старѣйшія земства стали съ правой стороны отъ дверей изъ Малахитовой гостиной, откуда ожидался выходъ Государя; земства Сѣверо-Западнаго края составили лѣвое крыло и стояли слѣва отъ дверей. На правой же сторонѣ сгруппировались министры и придворные. Въ 11 часовъ изъ Малахитовой гостиной отворились двери и въ залъ, въ предшествіи перваго оберъ-церемоніймейстера барона Корфа и оберъ-гофмаршала генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, вошелъ Государь Императоръ. При входѣ Его Величества старѣйшіе представители земства держали хлѣбъ-соль, а председатель московской губернской земской управы камеръ-юнкеръ Шлиппе обратился къ Его Величеству съ привѣтственной рѣчью. Государь, принявъ хлѣбъ-соль, началъ обходить представителей земствъ, удостоивая ихъ милостивыми вопросами. Губернскіе предводители дворянства представляли Его Величеству земскихъ дѣятелей своихъ губерній. За Государемъ слѣдовали министры императорскаго двора и внутреннихъ дѣлъ. Обходъ продолжался полтора часа. Закончивъ обходъ, Государь подошелъ къ модели русской деревни, стоявшей у оконъ и представленной Его Величеству камеръ-юнкеромъ Шлиппе, какъ подношеніе наслѣднику цесаревичу. Модель занимала мѣсто на особомъ столѣ до двухъ сажень длины. За моделью у окна стояли и четыре кустаря, которые ее дѣлали. По осмотрѣ модели Государь Императоръ, обратясь къ представителямъ земства, изъявилъ удовольствіе видѣть ихъ по случаю пятидесятилѣтія существованія земства и выразить въ ихъ лицѣ всему земству Россіи искреннюю благодарность Его Величества за высказанныя чувства и поднесенную хлѣбъ-соль. Затѣмъ Государь изволилъ произнести слѣдующее: «Я выражаю твердую увѣренность, что всякая земская работа въ тѣсномъ единеніи съ моимъ правительствомъ будетъ проникнута и воодушевлена безграничной заботой о безчисленныхъ мѣстныхъ нуждахъ населенія и о его благѣ. Разумное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ является главнымъ залогомъ развитія и подъема благосостоянія всего государства. Духовному взору моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, счастливая любовью своихъ благодарныхъ сыновъ и гордая безавѣтною преданностью ихъ нашему престолу». Мощное «ура» разомъ вырвалось изъ устъ земцевъ и раскатывалось по залу, пока Государь не вошелъ во внутренніе покои. По уходѣ Государя Императора представителямъ земствъ былъ предложенъ въ аванзалѣ завтракъ *à la fourchette*. Председатель московской губернской земской управы М. Г. Шлиппе, пожалованный въ камергеры, провозгласилъ здравицу за державнаго хозяина русской земли и августѣйшее семейство, и «ура» огласило залъ. На пріемъ во дворцѣ было триста слишкомъ человѣкъ, отъ пяти до семи человѣкъ отъ губерніи. 9-го января, вечеромъ, состоялось вошедшее въ программу юбилейныхъ земскихъ торжествъ официальное собраніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, на которое, помимо председателя и членовъ совѣта министровъ, председателя и вице-председателя государственнаго совѣта, президіума государственной думы, сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта и государственной думы, были приглашены всѣ находящіеся въ Петербургѣ губернаторы и вице-губернаторы и предводи-

тели дворянства земскихъ губерній, а также предсѣдатели земскихъ управъ, гласные земскихъ собраній и земская юбилейная комиссія. Рауть 10-го января въ стѣнахъ Дворянскаго собранія завершиль 50-лѣтній юбилей земства. На рауть разослано было до трехъ тысячъ приглашеній. Съ 8 часовъ начался съѣздъ. Къ 9 часамъ вечера прибыли въ Дворянское собраніе великіе князья, лица государственной свиты, предсѣдатель государственнаго совѣта статсъ-секретарь Акимовъ, вице-предсѣдатель, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Коковцовъ, министры, предсѣдатель государственной думы камергеръ Родзянко, сенаторы и первые чины высочайшаго двора. На царскомъ подьѣздѣ ожидали Государя: петербургскій и московскій губернскіе предводители дворянства и восемь старѣйшихъ по времени избранія предсѣдателей управъ: Е. И. Яковлевъ, Ѳ. В. Шлиппе, А. М. Колгановъ, А. В. Кретовъ, К. И. Василенко, В. В. Карповъ, С. А. Петроль, Я. Т. Харченко, Ѳ. А. Лизогубъ и П. Т. Вѣляковъ. Въ срединѣ зала былъ оставленъ широкой проходъ. Порядокъ устанавливали церемоніймейстеры и чины земской управы. Всѣ чины земства, болѣе тысячи, расположились по губерніямъ въ алфавитномъ порядкѣ. На хорахъ зала помѣщались оркестръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и хоръ Архангельскаго. Въ 9¹/₂ часовъ прибыль Государь Императоръ и по встрѣчѣ ввизу поднялся наверхъ и вошелъ въ залъ. За Государемъ слѣдовали великіе князья: Кирилль Владимировичъ, Дмитрій Навловичъ, Константинъ Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, князья Гавріиль и Константинъ Константиновичи, Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, министр императорскаго двора генераль-адъютантъ графъ Фредериксъ, дежурство: генераль-адъютантъ Максимовичъ, свиты генераль-майоръ баронъ Вольфъ, флигель-адъютантъ Фабрицкій. Въ числѣ первыхъ чиновъ двора—оберъ-штаймейстеръ фонъ-Гринвальдъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ. Въ царской ложѣ Его Величество привѣтствовалъ И. Е. Яковлевъ, предсѣдатель губернской земской управы. Камергеръ Шлиппе и предсѣдатель Верхнедѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, Колгановъ держали блюдо съ хлѣбомъ-солью. Е. И. Яковлевъ произнесъ привѣтственную рѣчь. Государь приняль хлѣбъ-соль. Музыка играла гимнь, и присутствовавшіе запѣли его. Гимнь былъ повторенъ дважды. Государь спустился внизъ и началъ обходъ земствъ. Камергеръ Шлиппе, московскій губернскій предводитель дворянства, называлъ Его Величеству губерніи, Государь многихъ удостоивалъ милостивыми вопросами. Предсѣдатели губернскихъ управъ представили Его Величеству гласныхъ. За Государемъ слѣдовали: министр императорскаго двора и гг. Яковлевъ, Шлиппе и Колгановъ. Обходъ продолжался болѣе двухъ часовъ. Государь милостиво разспрашивалъ многихъ предсѣдателей и гласныхъ-крестьянъ. Послѣ пріема Государь и великіе князья прослѣдовали черезъ рядъ залъ въ малый залъ, превращенный въ гостиную, а въ большемъ залѣ началось концертное отдѣленіе. Въ маломъ залѣ сервированъ царскій чайный столъ. Здѣсь же имѣли счастье быть представленными Его Величеству сорокъ три лица различныхъ наиболѣе видныхъ земскихъ дѣятелей изъ разныхъ губерній земства.

Въ это время началось въ большомъ залѣ исполненіе музыкальной программы. Изъ малаго зала Государь возвратился въ царскую ложу большого зала, гдѣ была исполнена вторая часть концерта. Въ царской ложѣ находились предсѣдатели всѣхъ губернскихъ земскихъ собраній. Въ четверть перваго часа было подано шампанское. Одинъ изъ предсѣдателей земства, г. Карцовъ, поднесъ Его Величеству стопу съ шампанскимъ, а другой старѣйшій предсѣдатель, г. Петровъ, со ступени царской ложи возгласилъ здравицу Государю Императору. Соединенные хоръ и оркестръ исполнили гимнъ. Государь изволилъ благодарить земство, поднявъ за него бокаль. Снова долго несмолкаемое восторженное «ура». Было за половину перваго часа ночи, когда Государь оставилъ собраніе. Предсѣдатели губернскихъ управъ провожали Государя до дверей царскаго подъѣзда. Гостямъ въ залахъ собранія предложень былъ ужинъ. Столы были убраны цвѣтами. Всѣ присутствовавшіе получили также отпечатанную въ русскомъ стилѣ программу съ рисункомъ поднесенія хлѣба-соли царю Михаилу Ѳеодоровичу и подъ нимъ надписано: «Царь-батюшка, бьетъ гебъ челомъ земщина русская». Во время торжественнаго собранія земства 10-го января въ залахъ Дворянскаго собранія Его Величеству Государю Императору благоудно было обратиться къ представителямъ юбилейной земской депутаціи съ слѣдующими высокомилоостивыми словами: «Благодарю васъ за радушный и сердечный пріемъ и за поднесенную вами сегодня хлѣбъ-соль. Я счастливъ былъ видѣть большую часть земскихъ представителей отъ всей Россіи, собранныхъ въ столицѣ по случаю пятидесятилѣтія введенія земства покойнымъ моимъ дѣдомъ. Отъ всего сердца желаю преуспѣанія, процвѣтанія и плодотворнаго развитія земству и осушаю бокаль за его здоровье и за его славу. За ваше здоровье». По случаю земскаго юбилея состоялось также большое юбилейное собраніе въ петербургской уѣздной управѣ 8-го января и въ залѣ Зоноваго скетингъ-ринка 11-го января, гдѣ собрались всѣ представители земствъ, принадлежащіе и сочувствующіе партіи народной свободы, и въ клубѣ общественныхъ дѣятелей 13-го января.

Освященіе храма въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. 15-го января въ Петербургѣ въ присутствіи Государя Императора состоялось торжество освященія главнаго придѣла храма въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, во имя Ѳеодоровскія Божія Матери—родового образа дома Романовыхъ и св. преподобнаго Михаила Малеина—небеснаго покровителя царя Михаила Ѳеодоровича. Къ 10 часамъ утра на торжество освященія прибыли и заняли мѣста съ лѣвой стороны храма городскія дамы, начальницы институтовъ вѣдомства учрежденія императрицы Маріи, члены государственнаго совѣта, предсѣдатель и нѣкоторые члены государственной думы, сенаторы, предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ-секретарь Коковцовъ, министры: внутреннихъ дѣлъ—гофмейстеръ Маклаковъ, юстиціи—статсъ-секретарь Щегловитовъ, военный—генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, Морской—генераль-адъютантъ Григоровичъ, путей сообщенія—статсъ-секретарь Рухловъ, народнаго просвѣщенія—тайный совѣтникъ Кассо и торговли и промышленности—тайный совѣтникъ Тимашевъ, главноуправляющій собственной Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ

императрицы Маріи гофмейстеръ статсъ-секретарь Булыгинъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода статсъ-секретарь Саблеръ, члены строительнаго комитета храма-памятника и представители петербургскаго городского общественнаго управленія, во главѣ съ городскимъ головой гофмейстеромъ графомъ Толстымъ, а также лица государевой свиты. На торжество освященія прибыли: ихъ императорскія высочества великія княгини Марія Павловна, Анастасія Николаевна и Ксенія Александровна, ихъ высочества княжны Ирина Александровна и Елена Георгіевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская, его королевское высочество наслѣдннй сербскій королевичъ Александръ, великіе князья: Кириллъ Владимировичъ, Дмитрій Павловичъ, Николай Николаевичъ, Николай Михайловичъ и Сергій Михайловичъ, князь Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій и его высочество принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Къ прїѣзду Государя Императора начался древннй ростовскій звонъ. Въ 10 часовъ утра на церковное торжество изволили прибыть Его Величество Государь Императоръ съ ихъ императорскими высочествами великими княжнами Ольгой Николаевной, Татіаной Николаевной и Маріей Николаевной и великая княгиня Елизавета Теодоровна, прнвѣтствуемые народомъ и учащимися, выстроеными по пути высочайшаго слѣдованія. На средней площадкѣ главной лѣстницы Государь Императоръ былъ встрѣченъ предсѣдателемъ строительнаго комитета храма-памятника свиты генерамъ-майоромъ Дашковымъ, его товарищемъ М. П. Шаховымъ, строителемъ храма инженеромъ-архитекторомъ С. С. Кришнскимъ, казначеемъ комитета графомъ Н. П. Любченко и секретаремъ Е. П. Чачіани, а при входѣ въ церковь—высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ петербургскимъ и ладожскимъ, съ крестомъ и св. водою. Приложившись ко кресту и принявъ окропленіе святою водою, Его Величество и ихъ императорскія высочества прослѣдовали въ правую часть храма. Высокопреосвященнымъ владыкой, въ сослуженнн преосвященныхъ Назарія, епископа херсонскаго и одесскаго и Иоакима, епископа нижегородскаго, духовника ихъ величествъ от. Кедринскаго и настоятеля подворья Теодоровскаго городецкаго монастыря архимандрита Алексія, былъ совершенъ чинъ освященія престола, во время котораго Государь Императоръ и высочайшія особы присутствовали въ алтарѣ храма. Послѣ положенной молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, прочитанной митрополитомъ, начался крестный ходъ вокругъ храма. Въ предшствнн высокопреосвященнаго владыки, въ шествнн слѣдовали Его Величество, великіе князья, королевичъ и принцъ. Въ крестномъ ходѣ несли чудотворную икону Теодоровскія Божія Матери. Во время крестнаго хода вокругъ храма стояли шпалерами воспитанники военно-учебныхъ заведеній. При звукахъ втораго древняго ростовскаго звона духовная процессія обошла вокругъ храма и, послѣ положенныхъ молитвъ, прослѣдовала обратно въ церковь. Обрядъ освященія престола закончился царскимъ многолѣтіемъ и вѣчной памятью предкамъ дома Романовыхъ, начиная съ родоначальника царя Михаила Теодоровича. Затѣмъ, въ высочайшемъ присутствнн, митрополитомъ съ духовенствомъ былъ отслужена божественная литургія. Во время богослуженія пѣли хоры: митрополичій и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, испол-

нишіе нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія древняго распѣва. Къ божественной литургіи въ храмъ-памятникъ изволила прибыть ея величество государыня императрица Марія Ѳеодоровна съ ея императорскимъ высочествомъ великой княгиней Ольгой Александровной. По окончаніи божественной литургіи, ихъ величества и особы императорской фамилии приложились ко кресту, послѣ чего Государю Императору имѣли счастье быть представленными председателемъ комитета строитель храма и членами строительнаго комитета. Поблагодаривъ ихъ за труды по сооруженію храма, Его Величество съ августѣйшими дочерьми и государыня императрица Марія Ѳеодоровна во второмъ часу пополудни изволили отбыть, при колокольномъ звонѣ, изъ храма въ собственный его императорскаго величества Аничковъ дворецъ.

Открытіе памятника великому князю Николаю Николаевичу. 12-го января въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора присутствіи состоялось торжество освященія и открытія памятника, противъ Михайловскаго манежа, въ Бозѣ почивающему генералъ-фельдмаршалу русской арміи великому князю Николаю Николаевичу Старшему, побѣдителю турецкихъ войскъ въ войну 1877—78 гг. Парадомъ командовалъ августѣйшій сынъ въ Бозѣ почивающаго великаго князя главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ. Съ правой стороны памятника была сооружена царская палатка, а противъ нея приготовлено мѣсто для богослуженія; налѣво отъ монумента размѣстились участники турецкой кампаніи 1877—78 гг. и состоящіе на дѣйствительной службѣ; рядомъ же съ царской палаткой заняли мѣсто прибывшія на торжество депутаціи отъ балканскихъ государствъ: Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Черногоріи, депутаціи отъ различныхъ полковъ, въ которыхъ состоялъ шефомъ или числился въ спискахъ въ Бозѣ почивающій великій князь, и депутаціи отъ нѣкоторыхъ полковъ, участвовавшихъ въ послѣдней турецкой кампаніи. Въ одиннадцать часовъ утра на церемонію открытія памятника изволилъ прибыть Его Величество Государь Императоръ. Протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства о. Шавельскимъ было совершено молебствіе. При пѣніи «Вѣчная память» завѣса, закрывавшая монументъ, была сдернута, и взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ открылся памятникъ, изображающій генералъ-фельдмаршала русской арміи сидящимъ на конѣ въ военнополовнѣй формѣ, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ. По командѣ августѣйшаго главнокомандующаго, войска взяли на караулъ и отдали памятнику установленную честь; въ это же время былъ произведенъ салютъ изъ орудій. Государь Императоръ въ предшествіи духовенства и въ сопровожденіи Высочайшихъ Особъ, министровъ, строительнаго комитета и лицъ свиты, обошелъ вокругъ памятника, обозрѣвая его. Выразивъ свое удовольствіе автору памятника и строительному комитету, Его Величество при кликахъ «ура» присутствовавшихъ и собравшагося народа изволилъ отбыть въ началѣ перваго часа пополудни съ мѣста открытія памятника. По отбытіи Государя Императора къ подножію памятника были возложены многочисленными депутаціями вѣнки. На вѣнкахъ сдѣланы слѣдующія надписи: румынскомъ—«Carol I Regele României 1877—1914»; сербскомъ—«Благодарная

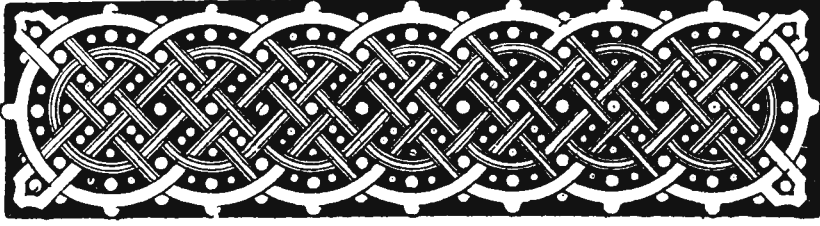
Сербія—Великому Князю Николаю Николаевичу»; черногорскомъ—«Николай I, король Черногоріи—побѣдоносному вождю русской арміи генераль-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу» и болгарскомъ—«Отъ признательной Болгаріи—Великому Князю Николаю Николаевичу, незабвенному главнокомандующему въ Освободительной войнѣ».

Памятникъ княгинѣ Ярославнѣ и князю Игорю въ Путивлѣ ¹⁾. Въ настоящее время представители образованнаго общества въ Курскѣ и въ уѣздахъ очень заинтересованы разрѣшеніемъ вопроса о сооруженіи въ Путивлѣ памятника Ярославнѣ, поэтической образъ которой такъ чудно воспѣтъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Вездѣ, по словамъ Пушкина, мы лѣнны и нелюбопытны, но въ особенности въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти своихъ народныхъ героевъ соотвѣтственными монументами, и поэтому такъ хочется передать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ возникъ вопросъ о постановкѣ памятника извѣстной всему образованному міру Россіи Евфросиніи Ярославнѣ и ея знаменитому супругу, оберегателю русской земли, и какъ этотъ вопросъ, въ добрый часъ сказать, близится къ счастливому окончанію. Мысль о монументѣ возникла весьма оригинальнымъ образомъ. Бессарабскій губернаторъ М. Э. Гильхень, будучи курскимъ губернаторомъ, первый задумалъ объ этомъ и приступилъ къ дѣлу, приобрѣлъ копилку и сталъ откладывать въ нее мелкія суммы денегъ, напримѣръ, получаемую сдачу и т. п. По истеченіи нѣкотораго времени, когда М. Э. Гильхень уѣзжалъ изъ Курска, то нераспечатанную копилку передалъ въ распоряженіе курской губернской ученой архивной комиссіи. По вскрытіи копилки въ ней оказалось 126 рублей, и такъ какъ губернаторъ дѣло объ осуществленіи своей мысли передалъ архивной комиссіи, по этому поводу было создано общее собраніе членовъ комиссіи. Сначала очень интересное не только для Курскаго края, но для всей интеллигентной Россіи начинаніе чуть было не вылилось въ самую неудачную форму. Комиссія пришла къ заключенію, чтобы въ Путивлѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по историческимъ предположеніямъ, была городская стѣна, на которой Ярославна представляется «Словомъ» оплакивающей неудачу и страданія своего мужа, прибить къ какому-нибудь зданію доску съ соотвѣтственною надписью. Но, къ счастью, одинъ изъ членовъ архивной комиссіи обратился къ собранію съ горячей и убѣдительною рѣчью, въ которой, указавъ на важность момента, когда въ комиссію вступило въ высшей степени интересное, отвѣтственное предъ всей Россіей дѣло, предложилъ отнести къ нему самымъ внимательнымъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ не ограничиваясь прибавкою доски или устройствомъ въ городскомъ путивльскомъ саду бесѣдки, о чемъ также говорилось въ засѣданіи архивной комиссіи. Въ результатѣ комиссія рѣшила принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ достиженію цѣли—сооруженія памятника, открыть на него подписку, обратиться къ городамъ, земствамъ и сословіямъ за пожертвованіями, впослѣдствіи принять на себя заботы о приглашеніи художниковъ къ выработкѣ проекта памятника. Подписка пошла весьма успѣшно, продолжается теперь и, несомнѣнно, дастъ крупную сумму для начала осуществленія намѣченнаго предпріятія.

¹⁾ Сообщилъ А. А. Танковъ.
«Истор. вѣстн.», февраль 1914 г., т. сxxxv.

Въ томъ же засѣданіи комиссіи, о которомъ мы говоримъ, было указано на то обстоятельство, что на томъ мѣстѣ, гдѣ желательно воздвигнуть монументъ, находится зданіе тюрьмы. Спасибо, архивная комиссія, не долго думая, рѣшила ходатайствовать передъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ о переносѣ тюрьмы въ другое мѣсто города. Главное управленіе согласилось на это подъ условіемъ бесплатнаго отвода городомъ необходимаго мѣста, что и было исполнено управленіемъ. Такимъ образомъ, удалось устранить и данное препятствіе. Когда средства на сооруженіе памятника стали возрастать и явилась полная надежда, что, съ переносомъ тюрьмы, онъ будетъ воздвигнутъ въ лучшемъ мѣстѣ Путивля, недалеко отъ уцѣлѣвшихъ изъ съдой старины остатковъ городской стѣны, то возникла мысль о такомъ исполненіи памятника, чтобы онъ соединилъ въ себѣ изображенія и героя «Слова о полку Игоревѣ»—Игоря Святославовича и супруги его Евфросиніи Ярославны, какъ она увѣковѣчена въ поэтическомъ образѣ тоскующей о своемъ мужѣ женщины. Мысль эта была, между прочимъ, высказана въ засѣданіи путивльской городской думы, посвященномъ затронутому курской ученой архивной комиссіей вопросу. Вообще говоря, художникамъ, въ особенности скульпторамъ, стоитъ остановиться на въ высшей степени благодарной темѣ—отраженія въ камнѣ и металлѣ героическаго похода на половцевъ выдающихся древнихъ князей земли Русской. Какіе богатые сюжеты дастъ «Слово» для барельефовъ монумента и его украшеній, сколько въ нихъ глубоко патріотическаго чувства и поэтическаго очарованія. Во всякомъ случаѣ предстоящее сооруженіе новаго историческаго памятника въ Путивль не можетъ не быть интереснымъ для всего русскаго общества.

Преміи императора Петра Великаго. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія постановилъ назначить для соисканія въ 1916 году премій императора Петра Великаго сочиненіе на тему: «Сельское хозяйство средней полосы Россіи». Представляемые на конкурсъ сочиненія должны быть книгой для народнаго чтенія, имѣющей цѣлью въ простой формѣ, доступной для широкихъ массъ, сообщить свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго веденія мелкаго хозяйства въ средней полосѣ Россіи. Содержаніе книги можетъ быть приурочено къ черноземной или къ нечерноземной части средней полосы. Въ первомъ случаѣ авторы должны имѣть въ виду естественно-историческія, хозяйственныя и экономическія условія черноземныхъ уѣздовъ Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губерній, а во второмъ—условія губерній Московской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Витебской и Могилевской. Срокомъ представленія сочиненій назначается 1-е ноября 1915 года.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСЪЕВЪ. Г. Е. 23-го декабря, на шестьдесятъ первомъ году жизни, въ деревнѣ Вѣлиной Богородскаго уѣзда, скончался сотрудникъ многихъ столичныхъ газетъ и журналовъ Григорій Ефимовичъ Алексѣевъ. Покойный происходилъ изъ видной старообрядческой семьи и былъ очень интереснымъ человѣкомъ. Грамотѣ его научилъ мѣстный старообрядческій священникъ. Въ дальнѣйшемъ онъ самъ былъ своимъ учителемъ и превратился въ провинціального журналиста, служившаго гласности совершенно безкорыстно, по идеѣ. Работалъ онъ въ газетахъ въ теченіе сорока восьми лѣтъ. Особенно ратовалъ онъ объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей съ крестьянъ, какъ много разъ уже оплаченныхъ, въ виду низкаго дохода съ крестьянскихъ надѣловъ. Много писалъ объ отмѣнѣ сбора съ паспортовъ, какъ тяжелаго для бѣднаго люда. Боролся съ неправильными дѣйствіями мѣстныхъ административныхъ властей, критикуя ихъ дѣйствія въ печати. За это въ 1895 году покойный чуть было не былъ высланъ въ Сибирь. Приговоръ волостного схода удостоился утвержденія бывшаго покойнаго московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича, и только по ходатайству академіи наукъ покойный избѣжалъ этой кары. Интересовался покойный и условіями труда рабочихъ на мѣстныхъ крупныхъ товарищескихъ фабрикахъ московскаго района, защищая интересы рабочихъ. Само собою разумѣется, что ревностно служилъ онъ своимъ перомъ и своимъ единовѣрцамъ старообрядцамъ. Работалъ Г. Е. Алексѣевъ во многихъ газетахъ, въ томъ числѣ въ «Го-

лосѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Порядкѣ», «Современныхъ Извѣстіяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Словѣ» и другихъ. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914, № 101).

† **Божовскій, В. К.** 9-го января, въ 4 часа, въ лечебницѣ Ивансена въ Москвѣ скончался предсѣдательствующій московскимъ отдѣломъ императорскаго театральнаго общества Василій Константиновичъ Божовскій. Покойный въ ноябрѣ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, болѣзнь осложнилась гнилостнымъ плевритомъ, завершившимся зараженіемъ крови. Покойный въ пятидесятихъ годахъ служилъ въ правительственныхъ театрахъ въ Варшавѣ, въ 1906 году былъ переведенъ въ московскій Малый театръ завѣдывающимъ монтировочной частью. Послѣ треній по службѣ В. К. оставилъ службу и въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занимался журналистикой, работалъ въ театральныхъ журналахъ, между прочимъ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ». Вышедшее недавно описаніе музея 1812 года вышло подъ редакціей покойнаго. Съ ноября В. К. былъ приглашенъ на должность завѣдывающаго хозяйственною частью въ Свободномъ театрѣ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 8).

† **Горчаковъ, А. Н.** 31-го декабря, въ два съ половиною часа утра скончался главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ при министерствѣ путей сообщенія тайный совѣтникъ Андрей Николаевичъ Горчаковъ. Покойный, получивъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и Михайловской артиллерійской академіи, нѣкоторое время служилъ офицеромъ въ одной изъ артиллерійскихъ бригадъ, затѣмъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, окончивъ который перешелъ на желѣзнодорожную службу. Послѣднюю онъ началъ съ скромной должности начальника дистанціи и, постепенно повышаясь, достигъ поста директора департамента министерства путей сообщенія, съ котораго пятнадцать лѣтъ назадъ былъ назначенъ на нынѣшнюю свою должность. Выдающаяся желѣзнодорожная дѣятельность его въ Туркестанскомъ краѣ запечатлѣна тѣмъ, что одной изъ станцій Ташкентской желѣзной дороги присвоено имя «Горчаково». Помимо прямыхъ обязанностей, покойный много лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ о-ва вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса и въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ несъ обязанности предсѣдателя восьмой желѣзнодорожной комиссіи императорскаго русскаго техническаго общества. Покойный за свою выдающуюся служебную дѣятельность имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго Орла включительно и нѣсколько высочайшихъ благодарностей. Умеръ А. Н. на семьдесятъ восьмомъ году. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1914, № 630).

† **Емельянова, О. В.** Ольга Васильевна Емельянова скончалась 24-го декабря въ Рязани. Покойная—единственная дочь памятнаго многимъ писа-теля-поэта Василя Ивановича Иванова, скончавшагося около двухъ лѣтъ тому назадъ (2-го апрѣля 1912 г.). Она родилась въ Харьковѣ въ половинѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго вѣка и тамъ же получила гимназическое воспитаніе, а затѣмъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью переселилась въ Москву—гдѣ на разныхъ курсахъ продолжала свое специальное образованіе. Даровитая отъ природы и разносторонне развитая, покойная, по примѣру своего отца,

рано выступила на литературное поприще. Уже съ 1905 года, принимая участие въ газетахъ и журналахъ праваго направленія, напримѣръ, въ «Вѣрности», «Патріотѣ», «Старомъ Вѣчѣ» и «Старой Москвѣ», она особенно часто появлялась со своими статьями на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей»: здѣсь ей пришлось періодически обзрѣвать учено-литературныя изданія, выбирая изъ нихъ наиболѣе рельефныя страницы, относившіяся къ текущимъ событіямъ Россіи. Выйдя замужъ (въ началѣ 1912 г.), О. В. переѣхала на жительство въ Рязань, но и оттуда продолжала присылать свои статьи въ «Московскія Вѣдомости». Этими послѣдними ея трудами были большею частью библиографическіе обзоры новыхъ русскихъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 298).

† **Жуковская, Е. И.** 31-го декабря послѣ долгой и тяжелой болѣзни скончалась семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду выдающаяся женщина, участница и свидѣтельница многихъ интересныхъ явленій въ русской жизни, Е. И. Жуковская, урожденная Ильина. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, покинувъ своего перваго мужа, богатаго помѣщика стараго закала, съ малымъ ребенкомъ на рукахъ она явилась въ Петербургъ искать работы и новой самостоятельной жизни. Вскорѣ она примыкаетъ къ одному изъ характернѣйшихъ передовыхъ кружковъ того времени, во главѣ котораго стоялъ извѣстный писатель Слѣпцовъ, и становится членомъ образованнаго имъ, недолго существовавшаго общества на новыхъ началахъ, такъ называемой коммуны, которая была изображена Лѣсковымъ въ его нашумѣвшемъ романѣ «Некуда». Здѣсь Е. И. знакомится со своимъ будущимъ мужемъ, даровитымъ и исключительно образованнымъ публицистомъ Ю. И. Жуковскимъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Современника», сама участвуетъ въ «Современникѣ» переводными работами, входитъ въ общеніе съ цѣлымъ рядомъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей—Некрасовымъ, Цыпинымъ, Салтыковымъ, Антоновичемъ и друг. Вторая половина жизни Жуковской проходитъ въ совершенно иныхъ условіяхъ. Жуковскій при Бунге становится управляющимъ Государственнымъ банкомъ. Раздѣляя его научныя труды, Е. И. много работаетъ по различнымъ вопросамъ государственнаго хозяйства, и плодомъ этихъ занятій является цѣлая серія статей, напечатанныхъ за подписью Тороховъ въ «Вѣстникѣ Европы». Въ эту пору жизни Жуковской приходится вращаться въ средѣ нашей высшей бюрократіи. Въ домѣ ея бывають высокопоставленныя лица, но она остается вѣрной своимъ природнымъ вкусамъ и симпатіямъ и сохраняетъ тотъ же простой, свободный нравъ, ту же независимость, прямоту и рѣшительность сужденій. Въ послѣдніе годы жизни послѣ смерти мужа Жуковская работала надъ изданіемъ его сочиненій и писала свои мемуары подъ названіемъ «Изъ записокъ шестидесятницы», часть которыхъ со временемъ будетъ опубликована на страницахъ «Историческаго Вѣстника». (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1914 г., № 4).

† **Зыковъ, В. П.** Въ Новочеркасскѣ скончался старѣйшій профессоръ донскаго политехническаго института Владимиръ Павловичъ Зыковъ. Москвичъ по рожденію и воспитанію, В. П. отдалъ Москвѣ всѣ, за исключеніемъ послѣднихъ шести, тридцать съ лишнимъ лѣтъ своей педагогической дѣятельности,

как преподаватель средней школы и как приватъ-доцентъ московскаго университета и сельско-хозяйственнаго института. Ученикъ извѣстнаго зоолога, профессора А. П. Богданова, В. П. еще на студенческой скамьѣ былъ отмѣченъ, какъ даровитый и трудоспособный юноша, и затѣмъ быстро выдвинулся своими превосходными работами въ области русской прѣсноводной фауны, куда относится и его магистерская диссертация: «Матеріалы по фаунѣ Волги и гидрофаунѣ Саратовской губерніи». Въ Новочеркасскѣ далеко не сразу удалось В. П. приступить къ продолженію своихъ научныхъ изслѣдованій. Организационная работа, въ качествѣ перваго профессора въ институтѣ по каѳедрѣ зоологіи и перваго декана инженерно-мелиоративнаго факультета; устройство фундаментальной библіотеки института въ первые годы его существованія; исполненіе обязанностей ректора во время продолжительной болѣзни и затѣмъ послѣ смерти перваго ректора института Н. И. Зинина,—все это поглощало массу времени и силъ, такъ что на научную работу оставалось у В. П. совсѣмъ немного. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13582).

† **Клеменць, Д. А.** Въ Москвѣ скончался Дмитрій Александровичъ Клеменць. Воспаленіе легкихъ, которымъ онъ недавно захворалъ, завершилось роковой развязкой. Д. А. только нѣсколькими днями пережилъ свою жену, Елизавету Николаевну, которая умерла, потрясенная тяжелой болѣзнью мужа. Смерть сразила Д. А. уже въ преклонномъ возрастѣ (родился въ 1847 году). Д. А. получилъ образованіе сначала въ казанскомъ университетѣ, а затѣмъ въ петербургскомъ, въ которомъ онъ слушалъ лекціи на физико-математическомъ факультетѣ. Закончить университетъ ему не удалось, по «независящимъ обстоятельствамъ». Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Д. А. вошелъ въ составъ нѣкоторыхъ политическихъ организацій, сотрудничалъ въ нелегальныхъ журналахъ («Впередъ» П. Л. Лаврова). Арестъ, а затѣмъ ссылка въ Восточную Сибирь прервали въ 1880 году эту дѣятельность. Въ годы ссылки Д. А. посвятилъ себя изученію этнографіи и антропологіи мѣстныхъ племенъ, и, когда срокъ ссылки истекъ, добровольно остался въ Сибири для продолженія своей научной дѣятельности. Для собиранія матеріаловъ Д. А. часто предпринималъ путешествія и экскурсіи по Сибири и Монголіи. Во всѣхъ этихъ скитаніяхъ Д. А. неизмѣнно сопутствовала жена его, Е. Н., которая принимала участіе и въ обработкѣ матеріаловъ. Свои труды Д. А. печаталъ въ разныхъ журналахъ, сибирскихъ и петербургскихъ («Восточное Обозрѣніе», «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла»), а также въ изданіяхъ императорскаго географическаго общества. Въ Иркутскѣ Д. А. занималъ должность правителя дѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія на Дальнемъ Востокѣ Д. А., возвратившись въ Петербургъ, занялъ должность консерватора музея академіи наукъ, а затѣмъ хранителя этнографическаго отдѣла музея Александра III. Изъ отдѣльно изданныхъ трудовъ Д. А. извѣстны «Древности минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ» (Томскъ, 1886 г.). Въ «Русскомъ Богатствѣ» онъ помѣстилъ въ 1905 г. статью «Замѣтки о желтой опасности» и «Г. Н. Потанинъ». (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914 г., № 2155).

† **Клеменць, Е. Н.** 4-го января скончалась въ Измайловской земской больницѣ въ Москвѣ Е. Н. Клеменць. Смерть ея скрыли отъ Д. А., боясь, что извѣстіе это будетъ имѣть для него роковыя послѣдствія. Елизавета Николаевна принадлежала къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, много порабатовавшихъ какъ для созданія различныхъ общественныхъ учреждений, особенно въ Сибири, такъ и для научнаго изслѣдованія далекой окраины и сопредѣльной съ ней Монголіи. Если имя Е. Н. Клеменць не такъ извѣстно въ широкихъ кругахъ русскаго общества, какъ, напр., имя А. В. Потаниной, то это объясняется отчасти большою скромностью, граничащей съ застѣчивостью, этой рѣдкой во всѣхъ отношеніяхъ женщины. Е. Н. родилась въ 1854 году въ Енисейской губерніи и воспитывалась въ казанскомъ институтѣ, по окончаніи курса наукъ въ которомъ заняла мѣсто учительницы въ томской женской гимназіи. Здѣсь она познакомилась съ кружкомъ политическихъ ссыльныхъ и вошла въ кругъ общественныхъ интересовъ Томска; но дѣвушку не удовлетворяла провинціальная жизнь, и въ 1880 году она уѣхала въ Петербургъ на Бестужевскіе высшіе женскіе курсы, на естественное отдѣленіе. Здѣсь, въ Петербургѣ, Е. Н. близко сошлась съ семьями Ядрищевыхъ и Потаниныхъ и окончательно прониклась сибирскимъ патриотизмомъ. И вотъ, по окончаніи курсовъ, Е. Н. не пожелала оставаться въ Европейской Россіи и вернулась въ Сибирь, гдѣ вскорѣ была назначена начальницей минусинской женской прогимназіи. Какъ педагогъ, Е. Н. пользовалась симпатіями общества и ученицъ. Въ Минусинскѣ она работала въ музеѣ, главнымъ образомъ, надъ разработкой гербарія. Здѣсь же обрабатывалъ свои матеріалы находившійся въ ссылкѣ Д. А. Клеменць. Онъ и Адриановъ составляли описаніе археологическихъ коллекцій минусинскаго музея, и въ этой работѣ имъ помогала Е. Н. Знакомство Е. Н. съ Д. А. закончилось бракомъ, и Е. Н. оставила минусинскую прогимназію, такъ какъ начальницѣ гимназіи не подобало быть женой политическаго ссыльнаго. Съ момента замужества началась скитальческая жизнь Е. Н. Она сопутствовала мужу во всѣхъ его многочисленныхъ экспедиціяхъ по Сибири и въ Монголіи, являясь цѣннымъ товарищемъ и спутникомъ по работѣ. Кромѣ этнографіи и археологіи, Е. Н. имѣла собственный отдѣлъ— ботанику. Ея гербаріи высоко цѣнились специалистами и поступили въ томскій университетъ и академію наукъ. Вмѣстѣ съ мужемъ Е. Н. много способствовала развитію музеевъ въ Сибири. Она вмѣстѣ съ Прейномъ обработала богатые ботаническія коллекціи иркутскаго музея, составила программу для ботаническихъ мѣстныхъ изслѣдованій, а также участвовала въ организаціи сибиряковской экспедиціи для изслѣдованія Якутской области. Въ Иркутскѣ, гдѣ Д. А. былъ правителемъ дѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, Е. Н. принимала дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Она работала и въ «Восточномъ Обзорѣннѣ», и въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла». Квартира Клеменцевъ была центромъ иркутской интеллигенціи. Когда Д. А. былъ назначенъ консерваторомъ музея академіи наукъ, а потомъ директоромъ этнографическаго отдѣленія музея Александра III, Е. Н. помогала мужу въ его работахъ, и не мало ея трудовъ вложено въ созданіе этнографическаго музея. Послѣдніе годы Клеменцы жили въ Москвѣ.

Подъ Новый годъ Д. А. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, и опасное положеніе мужа такъ потрясло Е. П., что съ ней сдѣлался ударъ; она два дня находилась безъ сознанія и скончалась 4-го января. Въ лицѣ Е. П. Сибирь потеряла выдающагося изслѣдователя и общественнаго дѣятеля, оставившаго глубокій слѣдъ въ наукѣ, а близкіе—симпатичнаго, отзывчиваго друга, всегда приходившаго въ трудныя минуты на помощь. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1914, № 6).

† **Коноваловъ, В. Ѳ.** 19-го декабря скончался на пятьдесятъ четвертомъ году жизни извѣстный издатель народныхъ книгъ В. Ѳ. Коноваловъ. Покойный стоялъ во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ народныхъ издательствъ Россіи «Евдокія Коновалова и Комп.». Всю свою жизнь В. Ѳ. Коноваловъ былъ близокъ къ книгѣ, къ книгѣ народной и дешевой. Девяти лѣтъ отъ роду, только что пріѣхавъ въ Москву изъ роднаго села Калужской губерніи, онъ поступаетъ на службу въ книгоиздательскую фирму А. В. Морозова. Съ тѣхъ поръ, вплоть до самой смерти, В. Ѳ. всегда остается связаннымъ съ книгами, сначала—какъ служащій въ различныхъ издательствахъ, потомъ въ качествѣ самостоятельнаго издателя. Отъ фирмы Морозова В. Ѳ. переходитъ на службу къ товариществу И. Д. Сытича. Затѣмъ онъ основываетъ книгоиздательство «Евдокія Коновалова и Комп.». Издательская дѣятельность В. Ѳ. Коновалова была очень широкая. Количество выпущенныхъ имъ книгъ достигаетъ почтенной цифры—4.500.000 экземпляровъ. Главнымъ образомъ, онъ издавалъ дешевыя народныя книги. Но были въ числѣ его изданій также и календари, учебники, буквари. «Всеобщій Свѣдѣтельный Календарь» вышелъ въ 19-ти изданіяхъ, хрестоматія «Родная Рѣчь»—въ 20-ти, другая хрестоматія «Красное Солнышко»—въ 33-хъ, «Русскій Букварь»—въ 14-ти, и т. д. В. Ѳ. всѣ силы отдавалъ горячо любимому имъ дѣлу издательства. Въ работѣ онъ былъ неутомимъ. Поднимался зимой и лѣтомъ въ шесть часовъ утра и по цѣлымъ днямъ почти безъ отдыха просиживалъ за письменнымъ столомъ. Въ послѣднее время онъ былъ совсѣмъ боленъ: его мучили тяжелыя припадки астмы. Но, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ безъ усталы работатъ. Основой дѣятельности покойнаго являлось стремленіе улучшить, поднять дешевую народную книгу. В. Ѳ. хотѣлъ облагородить лубокъ и въ дешевой книгѣ, расходящейся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, давать низшимъ классамъ не макулатуру, но здоровую умственную пищу. Не меньшая заслуга покойнаго—упорядоченіе внѣшности народныхъ изданій. Онъ стремился, насколько это позволяли обстоятельства, сдѣлать народную книгу болѣе изящной, болѣе художественной. Особенно много этимъ вопросомъ занимался В. Ѳ. въ послѣдніе годы жизни, когда онъ опредѣленно поставилъ себѣ цѣлью постепенно вытѣснить съ дешеваго книжнаго рынка лубочныя изданія, замѣнивъ ихъ изданіями хотя и простыми, но художественными. Помимо книгъ, В. Ѳ. Коноваловъ издавалъ также и расхившіяся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ народныя картинки. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913 г., № 293.)

† **Кулаковскій, П. А.** Платонъ Андреевичъ Кулаковскій скончался 18-го декабря истекшаго года въ Петербургѣ. Почившій, сынъ священника, родился въ 1848 году въ городѣ Поневѣжѣ (Ковенской губерніи), гдѣ его отецъ былъ настоятелемъ церкви и законоучителемъ тамошней мужской гимназіи. Пройдя

съ успѣхомъ гимназическій курсъ въ Вильнѣ, П. А. въ 1866 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета и черезъ четыре года окончилъ его со степенью кандидата. Скоро по выпускѣ изъ университета началась педагогическая дѣятельность молодого филолога. Съ 1-го іюля 1870 года онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка во владимирскую мужскую гимназію, но уже въ декабрѣ того же года переведенъ съ тѣмъ же званіемъ въ московскую четвертую гимназію, гдѣ и продолжалъ состоять до половины 1884 года. Въ этотъ періодъ службы ему пришлось дважды получить командировку: за границу (1876—1877 гг.) и въ Сербію (1878—1882 гг.), гдѣ онъ занималъ должность профессора русскаго языка и литературы въ бѣлградской великой школѣ, а также совершилъ рядъ путешествій по славянскимъ землямъ и въ Константинополь. Удостоенный степени магистра (1882 г.), а позже и доктора (1894 г.), П. А. восемнадцать лѣтъ (1884—1902 гг.) состоялъ въ варшавскомъ университетѣ сначала лекторомъ русскаго языка и затѣмъ профессоромъ славянской филологіи. Одновременно съ университетскимъ преподаваніемъ онъ занималъ должность редактора газеты «Варшавскій Дневникъ» (1886—1892 гг.). По словамъ покойнаго, «освѣщеніе положенія славянъ, разработка такъ называемаго славянскаго вопроса, наблюденіе возможно тщательное за развитіемъ какъ русско-славянскихъ отношеній, такъ и тѣхъ или другихъ теченій въ славянскомъ мірѣ,—однимъ словомъ, наблюденіе за славянами было включено мною въ программу этой газеты, независимо отъ всѣхъ вышнихъ условій и отношеній къ ней цензуры. Этотъ пунктъ моей программы, который я считалъ весьма важнымъ для газеты въ Привислинскомъ краѣ, населенномъ, главнымъ образомъ, поляками, проводился систематически отъ моей первой вступительной статьи (1-го мая 1886 г. до послѣдней прощальной съ моими читателями (1-го октября 1892 г.). Освѣщеніе славянскихъ дѣлъ, конечно, было только съ русской точки зрѣнія и имѣло въ виду только интересы Россіи, съ которыми, по моему убѣжденію, совпадаютъ истинно-народные интересы всѣхъ славянъ... Руководствуясь такою «программой» и блестяще осуществляя ее въ «Варшавскомъ Дневникѣ» на протяжении шести съ половиною лѣтъ, П. А. невольно обратилъ на себя вниманіе своею искусною публицистическою дѣятельностью. Вотъ почему, переведенный съ октября 1902 года въ чиновники особыхъ порученій пятаго класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ оставилъ профессорскую кафедру и былъ назначенъ съ 1-го ноября того же года главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника». Однако на этомъ мѣстѣ ему пришлось пробыть немного болѣе трехъ лѣтъ—до 1-го декабря 1905 года и затѣмъ съ 1906 года редактировать въ Петербургѣ еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету «Украины Россіи», поставившую своею задачею «борьбу съ сепаратизмомъ». Въ теченіе своей педагогической, ученой и публицистической дѣятельности П. А. Кулаковскій помѣстилъ на русскомъ и сербскомъ языкахъ множество статей по славяновѣдѣнію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Славянскомъ Ежегодникѣ», «Филологическихъ Запискахъ», «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», «Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго Обще-

ства», «Руси» (Аксакова), «Русской Бесѣдѣ» (Васильева), «Новомъ Времени», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Мирѣ» (Черняева), «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ сербскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ «Отаджбина», «Нови Векъ», «Видело» и друг. Изъ отдѣльно же изданныхъ его трудовъ особенно важны: «Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ»—магистерская диссертация (М. 1882.), «Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ» (Варшава, 1885 г.), «Иллиризмъ, изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»—докторская диссертация (Варшава, 1894 г.), удостоенная полной преміи Котляревскаго отъ императорской академіи наукъ, «Павель-Юсифъ Шафарикъ» (Спб. 1895 г.), «Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ» (Варшава, 1899 г.) и пять выпусковъ труда подъ заглавіемъ: «Русскій—русскимъ» (Спб. 1908—1912 гг.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 294.)

† **Михаэлисъ, Е. П.** Въ городѣ Усть-Каменогорскѣ скончался Е. П. Михаэлисъ. Михаэлисъ былъ товарищемъ Пантелѣева, П. В. Шелгунова и другихъ видныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь послѣ беспорядковъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1861 году. Михаэлисъ былъ натуралистомъ, археологомъ и этнографомъ. Онъ крѣпкими узами связалъ свое имя съ исторіей Семипалатинскаго края. Онъ первый изслѣдовалъ верхній плесъ рѣки Иртыша отъ Семипалатинска до Зайсана и выяснилъ полную пригодность его для судоходства. Онъ изучилъ малодоступные ледники Мустау, опредѣлилъ геологическое строеніе Калбишскаго хребта, привлекавшаго вниманіе всѣхъ путешественниковъ, указалъ, какого происхожденія песчаные заносы, угрожающіе Семипалатинску, и мѣры, какъ съ ними бороться. Онъ относился съ глубокой любовью къ аборигенамъ края—киргизамъ—и въ совершенствѣ изучилъ ихъ бытъ, нравы и жизнь. Михаэлисъ помѣстилъ рядъ своихъ трудовъ въ Запискахъ академіи наукъ и въ Запискахъ семипалатинскаго подотдѣла географическаго общества. Его имя надолго останется памятнымъ въ исторіи Западной Сибири. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1914 г., № 1).

† **Моръ, Я. Г.** 9-го января скончался директоръ Николаевской царскосельской гимназіи Яковъ Георгіевичъ Моръ. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ, который болѣе полувѣка работалъ на педагогическомъ поприщѣ и дѣятельно заботился о лучшей постановкѣ главнымъ образомъ средняго образованія. Покойный родился въ 1840 году, образованіе получилъ въ юрьевской учительской семинаріи, затѣмъ окончилъ курсъ въ юрьевскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ. Свою педагогическую дѣятельность онъ началъ въ брестъ-литовской гимназіи учителемъ греческаго языка, потомъ перешелъ въ витебскую гимназію и въ 1871 году былъ назначенъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ петербургскую шестую гимназію. Черезъ три года ему было поручено открыть пятую прогимназію, преобразованную впослѣдствіи въ восьмую гимназію, и онъ былъ ея первымъ директоромъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Одновременно предсѣдательствовалъ въ педагогическомъ совѣтѣ Покровской женской гимназіи. Въ 1893 году покойный былъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа и вскорѣ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣ-

щенія. Къ этому времени относится его дѣятельность контрольнаго и ревизионнаго характера. Имъ, между прочимъ, была произведена ревизія псковской гимназiи. Инспекторская работа тяготила его, и онъ черезъ три года былъ назначенъ директоромъ петербургской шестой гимназiи и въ 1906 году перешелъ директоромъ въ царскосельскую гимназiю. Въ качествѣ опытнаго и образованнаго педагога, бывшаго всегда въ курсѣ развитiя педагогическаго дѣла за границей, Я. Г. привлекался къ участию въ работѣ разнообразныхъ комиссій: по преобразованiю средней школы, по преподаванiю военной гимнастики, по пересмотру учебныхъ плановъ, по изслѣдованiю новаго способа освѣщенiя классныхъ помѣщенiй и другихъ. Онъ былъ сторонникомъ педагогической подготовки учителей среднихъ школъ и участiя родителей учащихся въ жизни школы. На всероссiйской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году Я. Г. экспонировалъ составленныя имъ поучительныя диаграммы и таблицы по школьному дѣлу петербургскаго учебнаго округа, отмѣченныя дипломомъ, въ 1898 году онъ былъ делегатомъ Россiи на бельгiйскомъ конгрессѣ школьной гимнастики. Имъ составлено нѣсколько учебниковъ по греческому языку, изданы брошюры объ обремененiи учениковъ гимназiи, о недостаточномъ вознагражденiи учительскаго труда, о физическомъ воспитанiи; а также напечатано множество статей педагогическаго и критическаго характера. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13590).

† **Поливанова, Е. Я.** 2-го декабря на шестьдесятъ пятомъ году жизни скончалась и, провожаемая близкими родными и близкими, была погребена на Смоленскомъ кладбищѣ Екатерина Яковлевна Поливанова, немало поработавшая въ русской периодической печати. Выступила она на этомъ поприщѣ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтiя въ газетѣ «Орловскiй Вѣстникъ» и въ одномъ изъ лучшихъ провинциальныхъ органовъ, «Смоленскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ одно время была соиздательницей вмѣстѣ съ известнымъ В. П. Вахтеровымъ. Кромѣ того, она сотрудничала въ газетахъ «Наша Жизнь», «Рижская Жизнь», «Прибалтiйскiй Край», «Феодосiйскiй Листокъ», а нѣкоторое время и въ «Руси» и въ журналахъ «Историческiй Вѣстникъ», «Вѣстникъ Трезвости», «Воскресная Бесѣда» и «Защита животныхъ». Послѣ нея остались еще въ отдѣльномъ изданiи очерки и рассказы «Изъ жизни обездоленныхъ», причемъ весь доходъ отъ изданiя ею былъ пожертвованъ въ пользу «фонда для содѣйствiя служащимъ желѣзныхъ дорогъ въ дѣлѣ образованiя дѣтей». Ей же принадлежатъ еще переводы шведскихъ и норвежскихъ рассказовъ. До самой смерти она хранила въ сердцѣ идеалы и традицiи шестидесятыхъ годовъ, воспоминанiя о которыхъ, читающiйся съ интересомъ, покойная помѣщала въ «Историческомъ Вѣстникѣ». (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1913 г., № 349).

† **Рыкалова, Н. В.** 2-го января скончалась знаменитая артистка Малаго театра Надежда Васильевна Рыкалова. Н. В. родилась 10-го iюля 1824 года и съ трехъ лѣтъ постоянно бывала за кулисами. Окончивъ курсъ въ московскомъ пансионѣ фонъ-деръ-Паленъ, Н. В. готовилась дома на учительницу и выдержала экзаменъ при университетѣ для полученiя этого званiя. По полученiи диплома, Н. В. два года была учительницей въ домѣ аристократовъ Мельгуно-

выхъ, а затѣмъ съ трехъ дебютовъ поступила на Малую сцену. «Елена Глинская», «Смерть Ляпунова», «Отцовское проклятіе» и водевилъ «Мандолина» были ея дебютами. Ея роли: Марѳа въ «Царской невѣстѣ», Марина въ «Смерти Ляпунова»—въ первые годы, а затѣмъ: г-жа Пернель въ «Тартюфѣ», Атуева въ «Свадьбѣ Крячинскаго», Барабосева въ «Счастье хорошо», Хлестова въ «Горе отъ ума» и, наконецъ, Кабаниха въ «Грозѣ». 12-го декабря 1891 года въ Маломъ театрѣ былъ прощальный спектакль Н. В. Рыкаловой. Поставлено было: «Плоды просвѣщенія» (роль баронессы) и второй актъ «Грозы» (Кабаниха). Прощальный бенефисъ прошелъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Когда подносили Н. В. вѣнокъ съ инициалами и датой 1845—1891 г.—публика апплодировала нескончаемо и кричала: «Просимъ остаться!» Но остаться было нельзя. Ый, бодрой и могучей, полной таланта и силъ, не дали дослужить до пятидесятилѣтія только четырехъ лѣтъ! Тогда вслухъ говорили о театральныхъ интригахъ, которыя заставили сойти со сцены знаменитую артистку. За сорокъ пять лѣтъ службы Н. В. сыграла болѣе четырехсотъ ролей съ Мочаловымъ, Садовскимъ, Шумскимъ, Самаринимъ. Тургеневъ просилъ ее сыграть роль «Провинціалки». Увольненіе Рыкаловой, или, говоря театрално-канцелярскимъ словомъ, «невозобновленіе контракта» явилось совершенно неожиданнымъ и тяжело подѣйствовало на труппу театра. Скончалась Н. В. 2-го января въ восемь часовъ утра, недомогая только послѣднюю недѣлю. Два года тому назадъ она потеряла зрѣніе, но была бодра и сохраняла полную память настолько, что припоминала въ бесѣдахъ всѣ мелочи прошлой жизни. (Некрологъ ея: «Голосъ Москвы», 1914 г., № 3).

† **Рѣзцовъ, Н. А.** 16-го января, въ четыре часа утра, скончался отъ приступа грудной жабы бывшій городской голова города Петербурга Николай Александровичъ Рѣзцовъ. Покойный родился въ 1854 году и получилъ образованіе въ первомъ реальномъ училищѣ и технологическомъ институтѣ по химическому отдѣленію. По окончаніи курса поступилъ на службу по министерству финансовъ и долгое время состоялъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Лѣтъ двѣнадцать назадъ впервые былъ избранъ гласнымъ петербургской городской думы, гдѣ показалъ себя столь трудолюбивымъ работникомъ, что вскорѣ же былъ избранъ членомъ городской управы. Въ 1905 году, когда начались работы по сооруженію трамваевъ первой очереди и среди рабочихъ замѣчалось повышенное настроеніе, Н. А., какъ человѣкъ, пользовавшійся общимъ довѣріемъ, былъ избранъ городскимъ головой. Состоя на этомъ посту, Н. А. произвелъ грандіозную работу по составленію плана устройства ладожскаго водопровода, и собранные имъ матеріалы имѣли такую цѣнность, что легли въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Съ вопросомъ объ этомъ водопроводѣ Н. А. не порывалъ до самой смерти, состоя членомъ правительственной комиссіи по сооруженію водопровода. Отдавая много времени городскимъ дѣламъ, Н. А. не чуждался и другихъ обязанностей. Онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя попечительнаго совѣта курсовъ Лесгафта; предсѣдателемъ комитета союза писчебумажныхъ фабрикантовъ, членомъ общества пособія учащимся въ технологическомъ институтѣ и друг. Покойный былъ не чуждъ и литературѣ. Онъ состоялъ редакторомъ

журнала «Писчебумажное Дѣло», гдѣ напечатавъ не мало статей по писчебумажному производству. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1914, № 663).

† **Скворцова, О. И.** Скончалась Ольга Ивановна Скворцова, вдова бывшаго редактора и издателя «Русскихъ Вѣдомостей» Н. С. Скворцова. Воспоминанія о покойной О. И., пережившей своего мужа на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, уведая читателей въ далекое прошлое «Русскихъ Вѣдомостей», къ той порѣ, когда съ привлеченіемъ въ число ихъ постоянныхъ сотрудниковъ А. С. Посникова, А. И. Чупрова, В. М. Соболевскаго заканчивался періодъ окончательнаго формировація газеты. Въ это время, послѣ женитьбы Н. С. Скворцова на О. И. (въ 1875 г.), домъ Скворцовыхъ въ Юшковомъ переулкѣ становится, по свидѣтельству А. С. Посникова, «центромъ, привлекающимъ къ себѣ представителей московской интеллигенціи,—и молодыхъ университетскихъ профессоровъ, художниковъ, артистовъ и адвокатовъ»... Вмѣстѣ съ мужемъ покойная О. И. умѣла создать въ своемъ домѣ ту атмосферу пріятливой душевности, которая какъ нельзя болѣе способствовала единенію интеллигентныхъ людей самыхъ различныхъ положеній. «Грѣшно было бы,—вспоминаетъ А. С. Посниковъ,—забыть радушный домъ, сыгравшій свою немаловажную роль въ культурномъ развитіи нашемъ,—домъ, гдѣ каждый входившій встрѣчалъ самый теплый пріемъ, гдѣ все дышало искренней сердечностью»... Непосредственное участіе О. И. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» выразилось въ рядѣ статей по исторіи литературы и искусству. Значительное число ея фельетоновъ на разнообразныя историко-литературныя темы было напечатано уже послѣ смерти Н. С. Скворцова. Назовемъ среди нихъ «Вольтеръ и г-жа Дю-Шателэ» (1886 г.), «Фредерикъ Шопенъ» (1889 г.), «Отрывокъ изъ біографическаго очерка Ибсена» (1891 г.), «О вліяніи Руссо» (1893 г.), «Летиція Бонапартъ» (1894 г.) и друг. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 300).

† **Скворцовъ, А. И.** 1-го января въ Саратовѣ скончался бывшій профессоръ ново-александрійскаго института, извѣстный экономистъ А. И. Скворцовъ. Покойный родился въ 1848 году, окончилъ курсъ въ Петровской земледѣльческой академіи и въ 1891 году, по защитѣ диссертациі, былъ назначенъ профессоромъ ново-александрійскаго института по кафедрѣ сельско-хозяйственной экономіи, которую занималъ до 1913 года. По выходѣ въ отставку, былъ приглашенъ директоромъ высшихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ Саратовѣ, въ организаціи которыхъ принималъ самое живое участіе. Изъ трудовъ А. И. большой извѣстностью пользовались: «Прибыль и рента», «Экономическіе этюды. I. Экономическія причины голодовокъ и мѣры къ ихъ устраненію», «Основанія политической экономіи», «Экономическія основы земледѣлія». Смерть застала А. И. въ разгаръ работы по созданію саратовскаго института и не дала ему возможности закончить начатое дѣло. (Некрологъ его: «Новое время», 1914 г., № 13583).

† **Тарновская, В. П.** 19-го декабря скончалась Варвара Павловна Тарновская. Варвара Павловна родилась 17-го февраля 1844 года въ старинной дворянской семьѣ Зуровыхъ. Рапо лишившись матери, она была помѣщена въ петербургскій екатерининскій институтъ, гдѣ и окончила курсъ съ шифромъ въ 1861 году. Вскорѣ по окончаніи института, она вышла замужъ за нынѣ

покойнаго И. М. Тарновскаго, извѣстнаго врача-гинеколога, но семейная жизнь не всецѣло поглотила молодую женщину. Богато одаренная отъ природы, она ясно сознавала пробѣлы своего образованія и, стремясь ихъ пополнить, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работала подъ руководствомъ лучшихъ преподавателей того времени. Одновременно съ этимъ прийдя къ убѣжденію, что невѣжество является одной изъ главныхъ преградъ самостоятельности женщины, самымъ серьезнымъ препятствіемъ для успѣха въ социальномъ-экономической борьбѣ, она всю себя отдала на завоеваніе женщинѣ права на одинаковое съ мужчиной высшее научное образованіе и съ тѣхъ поръ въ теченіе полулѣтѣ служила осуществленію этого права съ неослабной, отличавшей ее энергіей. Примкнувъ къ образовавшемуся тогда кружку передовыхъ общественныхъ дѣятелей, она участвовала въ организациі владимирскихъ и другихъ публичныхъ курсовъ, предшествовавшихъ учрежденію въ 1878 году петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Войдя въ составъ перваго комитета общества для доставленія средствъ петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ, она взяла на себя самую тяжелую обязанность—казначей—и самоотверженно несла ее въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, а послѣднія десять лѣтъ состояла предсѣдательницей комитета. До конца жизни она принимала самое дѣятельное участіе во всей сложной работѣ комитета по организациі и веденію курсовъ, внося во все вопросы, присущую ей принципиальность и широту взглядовъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что никто болѣе ея не вложилъ инициативы, труда, ума и любви въ дѣло созданія высшихъ женскихъ курсовъ. Отдавая большую часть своихъ силъ дѣлу созиданія и развитія курсовъ, В. П. много работала и въ возникшемъ по ея инициативѣ обществѣ вспоможенія недостаточнымъ слушательницамъ, предсѣдательницей котораго она состояла съ самаго его основанія въ 1898 году. Вся эта громадная работа на пользу курсовъ и слушательницъ не поглощала всецѣло ея богатыхъ силъ и она находила время работать и въ другихъ просвѣтительныхъ обществахъ. Много труда и любви вложила она въ общество попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ въ Петербургѣ и, состоя предсѣдательницей его самаго обширнаго отдѣла, литейно-рождественскаго, много способствовала развитію его многочисленныхъ учрежденій. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 349).

† **Христофоровъ, А. Х.** Александръ Христофоровичъ Христофоровъ скончался 31-го декабря и погребенъ на Кларанскомъ кладбищѣ 3-го января. Виѣшняя біографія Ал. Хр. извѣстна лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ родился въ 1838 году въ Цивильскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и былъ виѣбрачнымъ сыномъ помѣщика Ачкурина. Высшаго образованія ему не удалось закончить въ Россіи, такъ какъ въ 1861 году за участіе въ исторіи съ профессоромъ Больцани былъ исключенъ изъ казанскаго университета. Въ 1862 году онъ примкнулъ къ одному поволжскому кружку, который находился въ связи съ тогдашней организаціей «Земля и Воля», во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ былъ высланъ въ Шенкурскъ, гдѣ и сблизился съ Ядринцевымъ. Получивъ свободу, онъ вмѣстѣ съ своей сестрой совершенно легально уѣхалъ въ 1875 году за границу, да тамъ навсегда и остался; сестра, которую онъ нѣжно любилъ, вышла замужъ за француза. Послѣ смерти сестры онъ могъ

бы вернуться, и друзья даже усиленно звали его въ 1905 году, но годы и слабое здоровье не позволяли ему покинуть Швейцарію. Вначалѣ у него были нѣкоторыя средства, но, благодаря крайней довѣрчивости, А. Хр. лишился ихъ и давалъ уроки, пока не подошла глухота. Крошечная тонтима позволяла ему доживать послѣдніе годы; окруженный заботливымъ вниманіемъ и уходомъ семейства Лазаревыхъ, въ виллѣ которыхъ въ Beauty онъ прожилъ около двадцати лѣтъ, Ал. Хр. тихо скончался на рукахъ Ег. Ег. Лазарева. По его собственнымъ словамъ, прѣхавъ за границу и ознакомившись съ тогдашней русской эмигрантской печатью, онъ вынесъ впечатлѣніе, что она страдаетъ основнымъ грѣхомъ—безпочвенностью, и горячо сталъ пропагандировать, что необходимо періодическое изданіе, которое стало бы органомъ всего русскаго общества, враждебнаго существующему строю, и выкинуло бы знамя національнаго представительства. Эту идею ему и удалось осуществить—съ 1877 года стало выходить въ Женевѣ «Общее Дѣло», въ которомъ приняли дѣятельное участіе съ одной стороны В. А. Зайцевъ, а съ другой—Н. А. Бѣлоголовый, и—какъ посредствующее звено между ними—Ал. Хр. Онъ самъ въ первой книги «Освобожденія» рассказалъ исторію этого изданія, просуществовавшего четырнадцать лѣтъ, срокъ слишкомъ долгій для русскаго изданія за границей. Кажется, не ошибаясь, можно сказать, что этимъ «Общее Дѣло», главнымъ образомъ, обязано двумъ лицамъ: Н. А. Бѣлоголовому, не только матеріально поддерживавшему изданіе, но и принимавшему крупное участіе въ его редактированіи, и Ал. Хр., въ качествѣ редактора, умѣвшему, выдерживая основную задачу, давать мѣсто различнымъ оппозиціоннымъ теченіямъ. Съ прекращеніемъ «Общаго Дѣла» Ал. Хр., кажется уже не игралъ активной роли въ средѣ русской эмиграціи. Десять лѣтъ спустя появившееся «Освобожденіе», подъ редакціей П. В. Струве, привлекло всѣ его симпатіи, и, по мѣрѣ возможности, онъ старался быть полезнымъ этому начинанію. Для Л. Э. Пантелѣева Ал. Хр. перевелъ значительную часть «Духа Законовъ» Монтескье. Широко дополнивъ за границей свое образованіе, терпимый, необыкновенно деликатный, крайне отзывчивый на чужое горе, вѣчно старавшійся кого-нибудь утѣшить, успокоить, Ал. Хр. былъ живымъ воплощеніемъ всѣхъ альтруистическихъ сторонъ русскаго интеллигента. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914 г., № 2159).

† **Чернышевъ, Ѳ. Н.** Въ лицѣ скончавшагося 2-го января въ Петербургѣ Ѳеодосія Николаевича Чернышева русская наука потеряла крупнаго геолога, занимавшаго весьма видное положеніе въ петербургскихъ ученыхъ сферахъ. Онъ былъ ординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ и директоромъ геологическаго и минералогическаго музея имени императора Петра Великаго, директоромъ геологическаго комитета министерства торговли и промышленности, являющагося нынѣ по располагаемымъ имъ силамъ и средствамъ крупнѣйшимъ учрежденіемъ по геологическому изученію Россіи, а ранѣе въ теченіе многихъ лѣтъ онъ же стоялъ во главѣ императорскаго минералогическаго общества и одно время былъ предсѣдателемъ отдѣленія географіи физическаго императорскаго русскаго географическаго общества. Горный инженеръ а ранѣе воспитанникъ морскаго училища, по образованію Ѳ. Н. не имѣлъ университетскихъ ученыхъ степеней, но его научные труды доставили ему

степень почетнаго доктора четырех иностранных университетовъ. Окончивъ курсъ горнаго института въ 1880 году, *Θ. Н.* въ томъ же году отправился на Уралъ и подъ руководствомъ профессора Меллера началъ работать по составленію геологической карты западнаго склона Урала, а въ 1882 году былъ избранъ младшимъ геологомъ во вновь учрежденномъ тогда геологическомъ комитетѣ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ ежегодно командировался на Уралъ этимъ комитетомъ, въ которомъ съ 1885 года былъ избранъ старшимъ геологомъ (а въ 1903 году назначенъ его директоромъ). Позже онъ руководилъ экспедиціей, посланной на сѣверъ для изученія Тиманскаго кряжа, производилъ затѣмъ геологическія изслѣдованія въ каменноугольномъ Донецкомъ бассейнѣ, ѣздилъ съ экспедиціей на Новую Землю, а въ 1899—1901 годы былъ начальникомъ экспедиціи по производству измѣреній градуса меридіана на Шпицбергенѣ. Экспедиція эта состоялась по соглашенію русскаго правительства со шведскимъ, которымъ также была одновременно снаряжена экспедиція на тотъ же островъ подъ руководствомъ извѣстнаго шведскаго геолога де-Геера. Въ 1897 году при петербургской академіи наукъ была учреждена особая комиссія по этому измѣренію, которою издано до сихъ поръ тринадцать томовъ трудовъ подъ названіемъ: «Missions Scientifiques pour la mesure d'un arc de Méridien au Spitzberg, entreprises en 1899—1901 г.г. sous les auspices des gouvernements Russe et Suédois». Въ 1900 годахъ *Θ. Н.*—чемъ было совершенно еще нѣсколько поѣздокъ въ разныя мѣстности Россіи для геологическихъ изслѣдованій, изученія результатовъ анджанскаго землетрясенія и другихъ. Главнѣйшіе печатные труды *Θ. Н.* посвящены изученію палеозойскихъ отложеній Урала и сѣвера Россіи, особенно девонскихъ и каменноугольныхъ ископаемыхъ. Въ 1892 году *Θ. Н.* участвовалъ въ трудахъ собравшагося въ Москвѣ международнаго конгресса по доисторической археологіи и антропологіи, для котораго имъ былъ составленъ «обзоръ послѣтретичныхъ отложеній на сѣверѣ и востокѣ Европейской Россіи». Впослѣдствіи *Θ. Н.* принималъ видное участіе въ работахъ международныхъ геологическихъ конгрессовъ, особенно VII, происходившаго въ Петербургѣ и сопровождавшагося экскурсіями по Россіи. Въ послѣдніе годы *Θ. Н.* много хлопоталъ по проведенію новыхъ штатовъ для завѣдуемыхъ имъ геологическаго комитета и геологическаго музея академіи наукъ, и ему удалось достигнуть значительнаго увеличенія силъ и средствъ обоихъ этихъ учреждений, но самому ему, къ сожалѣнію, судьба не судила воспользоваться преимуществами новаго положенія. Смерть поразила его внезапно, еще крѣпкаго на видъ силами, въ возрастѣ пятидесяти семи лѣтъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914 г., № 3).

Фавстула не особенно интересовалъ этотъ визитъ, но все же онъ отправился вмѣстѣ съ сестрой, тронувшейся съ большой пыпностью. Разстояніе между обоими домами было не больше трехъ миль, и ихъ видно было изъ каждаго имѣнія. Домъ Сабинны стоялъ на откосѣ горы, возвышавшейся надъ маленькимъ городкомъ Олибанумомъ, населеннымъ большею частью ея рабами. Домъ Ациліевъ стоялъ гораздо выше среди горъ, но отъ города его скрывала цѣпь холмовъ. Возлѣ него была деревня, большая часть обитателей которой были христіане.

Между этими двумя мѣстами вилась довольно хорошая дорога, и Фавстулъ наслаждался ея красивыми видами. То она вилась по обрыву горы, причемъ по одну ея сторону открывалась глубокая лѣсистая долина, а по другую—круто возвышалась дикая, бесплодная скала. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Цивителлуму, дорога становилась все круче и круче.

Домъ Ациліевъ былъ расположенъ нѣсколько выше деревни, на плоскогорьѣ, съ котораго горы понижались огромнымъ амфитеатромъ, шириной въ нѣсколько миль, края котораго были обрамлены небольшими холмами. Если смотрѣть въ другую сторону, то виденъ былъ Сублаквеумъ, гдѣ Неронъ прорылъ свои искусственныя озера и выстроилъ себѣ виллу.

— Несмотря на эти новомодныя, варварскія имена,—сказалъ Фавстулъ,—надо полагать, что въ древности здѣсь былъ городъ пелазговъ.

Онъ обратилъ вниманіе Сабинны на развалины циклопической стѣны, которая какъ будто вырастала изъ отвѣсной скалы, составляя ея продолженіе.

Сабина мало интересовалась пелазгами, ея интересы не шли дальше сабиновъ, ибо она твердо вѣрила, и эта вѣра раздѣлялась и Таціемъ, что Фавстулы—сабинскаго происхожденія. Вниманіе ея было привлечено новой церковью съ крестомъ наверху. Прежняго храма и слѣда не было. Конечно, Ациліи—христіане, а рабы, естественно, вѣруютъ такъ же, какъ ихъ господа, что, впрочемъ, еще не значитъ, что они одобряютъ эту вѣру. Но рабы должны поневолѣ держать языкъ за зубами.

Недалеко отъ деревни, которую можно было счесть за небольшой городокъ, дорога, ведшая къ дому Ациліевъ, развѣтвлялась и шла между двумя прекрасными статуями огромныхъ размѣровъ, стоявшими на простыхъ пьедесталахъ безъ всякихъ надписей.

— Геркулесъ и Марсъ,—сказалъ Фавстулъ.—Несомнѣнно, они были переставлены сюда изъ близъ лежавшаго храма.

Сабина сердито взглянула на нихъ.

— Какъ они смѣли?—раздраженно спросила она.

— Вѣроятно, некому было войти въ это дѣло. Если здѣшніе жители—всѣ христіане, то, очевидно, Ациліи рѣшили, что ста-

туи могутъ служить просто для украшенія. Въ прежнее время, когда еще боялись, что народъ будетъ боготворить ихъ, Ациліи предпочли бы разбить ихъ на куски.

— Какое святотатство!

— Конечно. Но странно, какъ боги выносятъ все это?

Сабина поспѣшила прекратить разговоръ и принялась разглядывать имѣніе. Владѣльцы его, очевидно, давно не жили въ немъ и не часто бывали здѣсь, и кое-гдѣ замѣтны были слѣды запустѣнія, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ долгаго отсутствія хозяевъ. Контрастъ между хозяйствомъ Ациліевъ и ея собственнымъ имѣніемъ невольно бросился ей въ глаза.

Вотъ результатъ христіанскаго хозяйничанія!

Впрочемъ, Меланія приняла своихъ гостей безукоризненно, и ее ни въ чемъ нельзя было упрекнуть. Видно было, что это женщина вполне благовоспитанная, и Сабина не могла не отдать должное достоинству и граціи молодой вдовы. Меланія, видимо, не придавала никакого значенія своей красотѣ, и это больше всего поправилось въ ней Сабинѣ. Черты ея лица были красивы и тонки, и сама она была очень милая молодая женщина: небольшого роста, она отличалась прекраснымъ сложеніемъ, и вела она себя съ такою непринужденностью и граціей, что сразу было видно, что она чувствуетъ себя, какъ дома, въ томъ обществѣ, которое Сабина только и признавала обществомъ. Но ея нарядъ былъ слишкомъ простъ и скромнень даже для вдовы. На ней не было ни одной драгоценной вещи. Манеры ея также отличались скромностью, и хотя она была чрезвычайно вѣжлива и предупредительна, но во всемъ этомъ не было и тѣни желанія понравиться во что бы то ни стало.

— Очень любезно съ твоей стороны, что ты навѣстила меня,— сказала она Сабинѣ.— Конечно, я знала, что ты моя сосѣдка. Я слышала о тебѣ—ты, говорятъ, образцовая хозяйка, и мнѣ нужно учиться у тебя всѣмъ секретамъ хозяйства. Наше имѣніе было долго предоставлено самому себѣ, какъ видишь.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала въ Олибанумъ, никто изъ твоей семьи тутъ, кажется, не жилъ.

— Никто. Мой тесть рѣшилъ, что горный воздухъ не особенно хорошъ для него. Кромѣ того, онъ былъ очень занятъ въ Римѣ. Онъ былъ префектомъ города. Онъ умеръ въ прошломъ году.

— Видно, что тутъ было большое хозяйство,—промолвила Сабина, желая сказать какую-нибудь любезность.—Домъ гораздо лучше, чѣмъ мой.

— О, здѣсь никогда не было настоящаго дома. Былъ домъ, но очень давно. Во времена императора Нерона одинъ изъ предковъ моего мужа построилъ здѣсь огромную виллу. Можетъ быть, потому, что императоръ также построилъ себѣ виллу въ Сублаквеумѣ. Очевидно, хотѣли дѣлать то же, что дѣлалъ императоръ.

Сабинѣ показалось, что едва ли умѣстно дѣлать намеки на разныя причуды императоровъ. Но она вспомнила, что и у Константина явилась причуда—стать христіаниномъ, и что теперешній Константинъ поддерживаетъ эту прихоть—и не высказала своей мысли.

— Ты одна живешь въ Олибанумѣ?—спросила Меланія.

— Нѣтъ. Со мной живутъ дочь и сынъ моего брата. Его нѣсколько лѣтъ не было въ Италіи.

Фавстуль уже успѣлъ осмотрѣть и оцѣнить хозяйку. Онъ нашелъ ее прекрасно воспитанной и свѣжей, но одѣтой безъ вкуса и изящества.

«Вѣроятно, это входитъ въ число обязанностей христіанской религіи одѣваться, какъ старухи», подумалъ онъ.

— Я человѣкъ—дурного поведенія,—началъ онъ весело:—и путешествовалъ, чтобы заглушить въ себѣ непріятное чувство, когда человѣкъ не исполняетъ дома своихъ обязанностей.

— Дома всегда столько обязанностей, что нельзя и льстить себя надеждой исполнить ихъ все, какъ слѣдуетъ,—отвѣчала хозяйка, не показывая и виду, что она принимаетъ серьезно его слова и что они произвели на нее непріятное впечатлѣніе.

Сабина чувствовала, что ея личныя обязанности исполнены, какъ слѣдуетъ.

— Но, убѣгая отъ нихъ, еще болѣе пренебрегаешь ими,—замѣтила она, забывая, что возвращеніе брата не очень-то обрадовало ее.

— Во всякомъ случаѣ надо избѣгать давать плохіе примѣры,—смирненно промолвилъ Фавстуль.

— Это, дѣйствительно, очень важно,—улыбаясь, сказала Меланія.

Братъ и сестра занимали ее. Впрочемъ, сестру ей не трудно было сразу понять.

— А ты не одна здѣсь живешь?—заговорила Сабина, желая перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, не одна. У меня дѣти—двое мальчиковъ и дѣвочка. Кромѣ того, съ нами живетъ тетка моего мужа. Да вотъ и она сама идетъ.

Въ комнату вошла пожилая женщина, лѣтъ шестидесяти. Меланія познакомила ее съ гостями.

Какъ и Сабина, она была вдова, но этимъ и ограничивалось ихъ сходство. Ее звали Ациліей, и ея мужъ, занимавшій въ легіонахъ высокое мѣсто, былъ замученъ при Діоклетіанѣ. Она, очевидно, была когда-то очень красива и до сего времени сохранила слѣды бывшей красоты. Ея манеры были благородны и важны, хотя немного сдержанны.

Она поздоровалась съ гостями весьма учтиво, хотя, какъ пока-

залось Фавстулу, нѣсколько сухо. Зато его сестрѣ она очень понравилась. Она одобряла сдержанность, съ которой люди хорошаго рода обыкновенно встрѣчаютъ малознакомыхъ людей. Правда, въ Римѣ теперь было въ модѣ обращаться съ новыми знакомыми, какъ будто они были знакомы всю жизнь, но Сабинѣ такое обращеніе не нравилось.

— Сколько лѣтъ твоимъ дѣтямъ?—спросила она, обращаясь къ Меланіи.

— Конечно, они не всѣ одного возраста,—шутливо замѣтилъ Фавстулъ прежде, чѣмъ хозяйка успѣла что-нибудь отвѣтить.

Меланія улыбнулась. Ацилія, повидимому, не поняла его замѣчанія. Сабина приписала это ея прямодушію.

— Моимъ сыновьямъ—одному четырнадцать, другому двѣнадцать лѣтъ. Ихъ зовутъ Христофоромъ и Фабіаномъ. Дочкѣ же моей всего шесть лѣтъ, и ее зовутъ Домитиллой.

— А,—вскричала Сабина.—Моему племяннику тоже двѣнадцать лѣтъ, а племянницѣ—шесть.

Совпаденіе лѣтъ почему-то поразило ее. Она повернулась къ Фавстулу, который не такъ отчетливо помнилъ, сколько лѣтъ его дѣтямъ.

— Какая жалость, что Флавія дѣвочка, и ей только одиннадцать лѣтъ,—промолвила она.

Ацилія бросила на него быстрый взглядъ, какъ бы считая его чудачкомъ. Но Меланія поймала его смущенный взоръ и не могла удержаться отъ улыбки.

— Можетъ быть, когда поѣдешь ко мнѣ, ты захватишь съ собой и своихъ дѣтей,—продолжала Сабина.—Тацій и Фавстула никогда не видали около себя дѣтей такого же происхожденія, какъ они.

Отъ Ациліи не укрылось, что Сабина говоритъ о дѣтяхъ своего брата, какъ будто они были ея собственныя, и что онъ самъ почти не упоминаетъ о нихъ.

Меланія поблагодарила гостью и пригласила ее осмотрѣть ихъ хозяйство.

— Мнѣ особенно нечего тебѣ показывать,—сказала она.—Я въ родѣ Корнеліи, матери Гракховъ. Кромѣ дѣтей, у меня нѣтъ другихъ сокровищъ.

Это замѣчаніе не произвело особаго впечатлѣнія на Фавстула, но Сабинѣ оно очень понравилось. Она усмотрѣла въ этомъ широкій взглядъ на вещи, котораго она не ожидала отъ знатныхъ христіанъ. И въ то же время она была поражена справедливостью этого замѣчанія.

Деревенскій домъ Ациліевъ представлялъ собою цѣлый дворецъ. Но внутри онъ былъ почти пустъ. Обстановка была очень дорогая, но ея было немного и, видимо, не прибавлялось въ теченіе нѣсколь-

кихъ поколѣній. Кромѣ обстановки, въ домѣ почти ничего не было: въ лѣтнее время ковры, конечно, были не нужны; но здѣсь не было также ни статуй, ни богатыхъ занавѣсей, ни зеркалъ изъ гладко полированного серебра, словомъ, никакихъ предметовъ искусства, которые обычно загромаждаютъ дома богатыхъ знатныхъ людей.

— Дѣти въ саду,—сказала Ацилія.

— Изъ сада такой видъ, что стоитъ взглянуть,—добавила ея племянница.—Не угодно ли пойти туда.

VIII.

Стоило взглянуть и на самый садъ. Онъ былъ великолѣпнѣе и въ настоящее время, пожалуй, еще красивѣе, чѣмъ въ дни своего прежняго блеска. Мраморныя баллюстрады сильно попортились за три столѣтія отъ холодовъ и дождей, шоссированныя аллеи мѣстами стали неровны, статуи потеряли свой первоначальный видъ, зато деревья разрослись до такой степени и приобрѣли красоту, какой, конечно, у нихъ не было во дни Нерона.

Меланія была права: видъ изъ сада, или, лучше сказать, виды, ибо панорама отрывалась на много миль во все стороны, были великолѣпны. Одинъ паранетъ сада шелъ по краю обрыва въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, заканчивавшагося внизу огромнымъ естественнымъ амфитеатромъ, который, вѣроятно, въ стародавнія времена былъ заливомъ моря. Вдоль паранета шла широкая мощеная терраса, отдѣлявшаяся отъ сада съ внутренней стороны высокой густой изгородью изъ мирры.

Дѣти Меланіи находились какъ разъ здѣсь. Маленькая дѣвочка играла въ торговлю, а ея братья и ихъ учитель были ея покупателями.

— У нея все страшно дорого,—со смѣхомъ говорилъ Христофоръ, когда мать представила его гостямъ.—Она проситъ за этотъ разбитый горшокъ девять поцѣлуевъ и устричную раковину.

— Это вовсе не дорого,—вмѣшался Фавстуль.—Это ты стараешься купить подешевле. Хочешь мнѣ продать его вотъ за это и въ придачу двѣнадцать поцѣлуевъ?

Онъ показалъ ей красивый ящичекъ изъ слоновой кости, который онъ купилъ во время своего путешествія.

Домитилла посмотрѣла сначала на ящикъ, потомъ на него.

— Онъ купилъ его первый,—сказала она, показывая на брата.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Фабіанъ.—Его купилъ этотъ знатный мужъ.

Христофоръ со смѣхомъ вручилъ покупку Фавстулу.

— Этотъ ящичекъ слишкомъ хорошъ для Домитиллы, — замѣтила Меланія.

— О, не стоитъ придавать ему значенія—поспѣшили сказать Фавстуль, улыбаясь прямо ей въ глаза.

Меланія покачала головой.

— Она довольно избалована,—сказала она тихо:—и вы напрасно еще балуете ее.

— Подожди немного и посмотри на мою маленькую Фавстулу. Тогда тебя возьметъ зависть,—отвѣчалъ онъ.

Сабина не одобряла всего этого. Ацилія, вѣроятно, также. Здѣсь былъ еще одинъ человѣкъ, который спокойно смотрѣлъ на всю эту сцену. Это былъ Домній, молодой священникъ, состоявшій учителемъ при дѣтяхъ Меланіи.

Меланія уже представила его Фавстулу, который поклонился ему съ учтливой снисходительностью, не переставая въ то же время внимательно всматриваться въ него. Когда Меланія познакомила священника съ Сабинной, та, не глядя на него, она кивнула ему головой съ такимъ видомъ, какъ будто она принудила себя быть терпимой, что, по ея мнѣнію, должно было совершенно его уничтожить. На оба поклона священникъ отвѣтилъ сдержанно, какъ подобаетъ благовоспитанному человѣку, и не сказалъ ни слова: видно было, что никто и не ждалъ этого отъ него.

Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ моложе Меланіи, и ея обращеніе съ нимъ сбивало съ толку Сабину: хотя разница въ годахъ между ними была не велика, но ея обращеніе съ нимъ носило какой-то странный характеръ, какъ будто она была ему дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было что-то материнское. Казалось, она то смотритъ на него, какъ на сверстника и на товарища своимъ дѣтямъ, то считаетъ себя его дочерью.

Сабина чувствовала себя обязанной относиться къ нему съ любовью, разъ онъ былъ христіанскимъ священникомъ. Не встрѣчала въ ней сочувствія и идея, что съ нимъ надо обращаться, какъ съ равнымъ себѣ. Сабина была увѣрена, что онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть равнымъ съ ними по происхожденію.

Хозяева и гости шли теперь по террасѣ: впереди шли три женщины съ Домитиллой, которая жалась къ матери, а за ними Домній съ своими учениками. Фавстуль шелъ за своей сестрой. Онъ опять навелъ разговоръ на двѣ статуи, стоявшія на дорогѣ при въѣздѣ въ имѣніе, и Сабинѣ стало досадно за его безтактность.

— Прекрасныя статуи,—распространялся между тѣмъ Фавстуль.—Онѣ стояли, кажется, во храмѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Домній.—Ихъ выкопали изъ земли. Лѣтъ двадцать тому назадъ Ацилій Глабрій хотѣлъ отыскать источникъ, который даетъ воду для фонтановъ, и наткнулся на эти статуи.

Сабина почувствовала, что въ этомъ отвѣтѣ было больше такта, чѣмъ въ вопросѣ ея брата: Фавстулу, конечно, не слѣдовало возбуждать вопросовъ, которые могутъ касаться различія религій. Въ

своёмъ возможно краткомъ и быстромъ отвѣтѣ молодой священникъ, очевидно, тщательно избѣгалъ даже отдаленнаго намека на это различіе.

Но Фавстулу, благовоспитанность котораго носила чисто внѣшній, свѣтскій характеръ, не хотѣлось разстаться скоро съ темой, которая такъ его интересовала.

— И ихъ тогда же поставили на ихъ мѣсто?—спросилъ онъ.

— Не знаю, право.

Домній, видимо, не желалъ продолжать этого разговора, но Фавстулу нужно было знать все объ этихъ статуяхъ.

— Но если онѣ не были сразу поставлены на это мѣсто, то что же съ ними было раньше?

Домній разсмѣялся и сказалъ:

— Боюсь, что я не сумѣю отвѣтить на тотъ вопросъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ было всего шесть лѣтъ, и я здѣсь не жилъ.

Шедшія впереди женщины остановились. Меланія обернулась къ Фавстулу и предложила ему взглянуть на Сублиаквеумъ.

Фавстулу волей-неволей пришлось прекратить разговоръ о статуяхъ. Полюбовавшись на видъ, всѣ пошли дальше. Меланія и Фавстулъ остались позади.

— Однако твой священникъ очень скромень,—замѣтилъ онъ обычнымъ своимъ насмѣшливымъ и мальчишески задорнымъ тономъ.

— А ты не любишь скромности?—улыбнувшись, спросила она.

— Не люблю, когда она становится на дорогѣ между мной и моими желаніями. Мнѣ хотѣлось знать, не было ли здѣсь намѣреній разбить эти статуи.

— Ни малѣйшаго. Мой свекоръ умѣлъ цѣнить скульптуру и находилъ эти статуи прѣвосходными, да къ тому же онѣ были еще и древними. Самое худшее, что могло тогда съ ними случиться, это быть снова закопанными тамъ, гдѣ ихъ нашли.

— Чтобы предотвратить опасность поклоненія имъ?

— Да. Но такой опасности и не было. Всѣ окрестные жители христіане. Если бъ ихъ разбили, это могло бы оживить одно суевѣріе. Вотъ почему мой тестъ опасался это сдѣлать.

— Какое же суевѣріе?

Меланія немного помолчала, какъ бы обдумывая свой отвѣтъ.

— Мнѣ кажется,—сказала она спокойно:—я не должна тебѣ это объяснять.

Потомъ она быстро повернулась къ нему и съ своей открытой симпатичной улыбкой сказала:

— Что это мы все говоримъ о вещахъ, о которыхъ мы имѣемъ совершенно различный образъ мыслей?

— Ты не знаешь моего образа мыслей,—лукаво возразилъ онъ. Неужели ты думаешь, что я поклоняюсь этимъ статуямъ.

— Полагаю, что во всякомъ случаѣ ты долженъ чувствовать къ нимъ почтеніе.

— Никакого. Я только люблюсь ими. Чувствовать къ нимъ почтеніе значило бы вѣрить въ миѳы, воплощеніемъ которыхъ они являются. Теперь скажи мнѣ, какое же суевѣріе не хотѣлъ поощрять Ацилій Глабрій?

— Я не люблю говорить вещи, которыя, навѣрно, будутъ неприятно слышать. Когда простые деревенскіе люди и многіе изъ благовоспитанныхъ горожанъ перестали вѣрить въ старыхъ боговъ, они ударились въ противоположную крайность и стали считать ихъ за бѣсовъ.

— И ты въ томъ числѣ?

— Нѣтъ, ибо я вообще не вѣрю въ ихъ существованіе.

— Я тоже не вѣрю. Такимъ образомъ, оказывается, что мы оба однѣхъ мыслей. Не слѣдуетъ думать, что наша вѣра такъ различна, что какъ только мы заговоримъ о ней, такъ сейчасъ же и поссоримся.

Меланія предпочла пропустить мимо ушей это замѣчаніе и продолжала свое объясненіе, на которомъ онъ такъ настаивалъ и которое самъ же прервалъ.

— Итакъ, мой свекоръ рѣшилъ не разбивать этихъ статуй. Сначала наши христіане дѣйствительно уничтожали изображенія боговъ, но это было только въ тѣ времена, когда опасность ихъ почитанія казалась слишкомъ реальной и значительной. Но даже тогда ихъ очень часто, вмѣсто того, чтобы разбивать, закапывали въ землю. Когда же христіане стали смотрѣть на прежнихъ боговъ, какъ на бѣсовъ, и относиться къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ, тогда невѣжественнымъ людямъ стали разъяснять, что это не что иное, какъ произведеніе древняго искусства и что сами по себѣ они не добры и не злы. Мы должны были растолковать, что церкви нечего бояться безпомощныхъ статуй боговъ... Однако я слишкомъ ужъ заболталась и, вѣроятно, надоѣла тебѣ: впрочемъ, тебѣ это по дѣломъ.

Съ этими словами она пошла впередъ и скоро догнала другихъ женщинъ.

— Христофоръ и Фабіанъ, пойдите въ домъ и посмотрите, не готовъ ли уже обѣдъ.

— Можно мнѣ пойти съ ними?—спросилъ Фавстулъ.

Сабина съ изумленіемъ посмотрѣла на него. Если знатный римлянинъ выучился такимъ манерамъ во время своего путешествія, то для него лучше было бы оставаться дома.

Но ея братъ уже ушелъ съ мальчиками, которые смотрѣли на него съ нескрываемымъ удивленіемъ, что, видимо, доставляло ему большое удовольствіе.

— Намъ лучше всего уйти отъ нихъ,—дружески сказалъ онъ

мальчикамъ.—Моя сестра все бранить меня, да и ваша мать дѣлаетъ то же.

— За что же?—съ любопытствомъ спросилъ Христофоръ.

— За разные вопросы.

— Но я на это не сержусь нисколько,—сказалъ Фавстулъ.— Ты, стало быть, Фабіанъ, и тебѣ двѣнадцать лѣтъ. Превосходный возрастъ! Моему сыну тоже двѣнадцать лѣтъ. Никто, впрочемъ, не скажетъ, что ему двѣнадцать лѣтъ.

— Откуда ты знаешь, что мнѣ двѣнадцать лѣтъ?—спросилъ Фабіанъ.

— Я все знаю. Христофору четырнадцать, Домитиллѣ шесть. Столько же и Фувстулѣ. Вы какъ-нибудь пріѣдете къ намъ съ матерью и Домитиллой, и тогда увидите ее и Тація.

— А ты тоже будешь тамъ?—спросилъ Фабіанъ, интересовавшійся больше гостемъ, чѣмъ дѣтьми, которыхъ онъ увидить.

— Нѣтъ. Я буду въ Римѣ. Послѣзавтра я уѣзжаю отсюда

— Это очень жаль,—серьезно замѣтилъ Фабіанъ.

— Фабіанъ, это невѣжливо,—замѣтилъ его братъ.—Не твое дѣло выражать свои мнѣнія по поводу отъѣзда Фавстула.

— А по-моему, это чрезвычайно вѣжливо,—со смѣхомъ возразилъ ему Фавстулъ.

Обѣдъ былъ уже готовъ, и управляющій домою, пожилой свободный человѣкъ, вышелъ изъ дому, чтобы доложить имъ объ этомъ.

Фавстулъ съ мальчиками отправился назадъ.

Когда хозяева и гости собрались въ большомъ, но почти пустомъ триклиніумѣ, Сабинѣ бросилось въ глаза, что рабы, которыхъ въ комнатѣ было довольно много, не обносили всѣхъ фруктами и сладостями, какъ это вездѣ дѣлается. Здѣсь гостямъ прислуживали сыновья хозяйки. Взявъ блюда изъ рукъ рабовъ, они обносили ими старшихъ.

На возвратномъ пути она замѣтила брату:

— Мальчики отлично дѣлали свое дѣло, но мнѣ кажется, что это для нихъ нѣсколько унижительно. Они такъ почтительны, какъ и ихъ рабы. Да и рабы держатъ себя не такъ, какъ у насъ.

— Они держали себя очень почтительно.

— Ну, еще бы! Но все-таки разница есть.

— Да, я и самъ это замѣтилъ.

Сабина никакъ не могла уяснить себѣ, въ чемъ заключалась эта разница. Ея собственные рабы были всегда хорошо вышколены, сытно накормлены, тепло одѣты, и она полагала, что они совершенно довольны и счастливы, если только это не какія-нибудь неблагородныя животныя, съ которыми нечего считаться. Но рабы Мелании вовсе не были похожи на рабовъ. Особенно это сказывалось на

ихъ взаимномъ обращеніи и на отношеніи ихъ къ молодымъ своимъ господамъ. Къ нимъ они были въ высшей степени почтительны, но въ этой почтительности чувствовалась не только любовь, но и еще что-то такое, что соединяло ихъ равной и болѣе прочной связью, чѣмъ простая принадлежность однихъ къ другимъ.

Какъ женщина неглупая, Сабина довольно смутно опредѣлила эту особенность въ ихъ отношеніяхъ:

— Если бъ мои рабы были похожи на этихъ,—замѣтила она,—то я бы чувствовала, что они принадлежатъ скорѣе самимъ себѣ, чѣмъ мнѣ.

Отъ нея не укрылось, что и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ рабы Ациліевы проявляютъ уваженіе другъ къ другу и это ей очень не понравилось. Она не позволяла своимъ рабамъ ссориться и наблюдала за тѣмъ, чтобы они жили между собой въ мирѣ и согласіи, но считала совершенно неумѣстнымъ, чтобы они обращались другъ съ другомъ, какъ свободные люди.

— Мнѣ больше всего понравилась Ацилія,—сообщила она брату.

О Меланіи на этотъ разъ она не распространялась уже, какъ прежде.

— А мнѣ она вовсе не понравилась,—объявилъ напрямикъ Фавстуль.—Мнѣ кажется, что самый лучший изъ нихъ—это Домній, а послѣ него Фабіанъ.

— Домній!—воскликнула Сабина, зная, что ея братъ нарочно хвалитъ священника, чтобы ее разсердить.—Вотъ тебѣ примѣръ. Поучись у него, какъ нужно себя вести.

IX.

Вечеромъ Фавстуль забавлялся такъ же, какъ и наканунѣ, съ своей дочерью. Онъ игралъ съ нею, ласкалъ ее и заставлялъ говорить разныя смѣшныя вещи. Большую ихъ часть онъ подказывалъ ей самъ, но потомъ повторялъ ихъ, выдавая ихъ за ея собственныя слова и не замѣчая, что дѣвочка была для этого еще слишкомъ мала.

Раньше никто не занимался ею, баловали ее гораздо меньше, и такая перемена не могла не поразить ее. Всякій разъ, какъ отецъ говорилъ ей, что она сказала что-нибудь такое, надъ чѣмъ онъ весело смѣялся, она считала его очень умнымъ, и ей хотѣлось, чтобы онъ былъ около ея.

Она попробовала было привлечь къ ихъ веселой бесѣдѣ и Тація, но это ей не удалось: Фавстуль не пожелалъ этого, да и ея братъ не хотѣлъ быть на второмъ послѣ ея мѣстѣ.

Къ тому же мальчикъ видѣлъ, что Сабина вовсе не одобряетъ такого отношенія отца къ дочери. Она такъ же ревниво относилась

къ племяннику, какъ и онъ къ ней, и не видѣла никакой пользы въ той манерѣ вести себя, какую Фавстуль внушалъ дѣвочкѣ. Когда братъ объявилъ ей, что онъ долженъ скоро вернуться въ Римъ, она была сначала слегка обижена, но теперь она не особенно горевала объ этомъ: если бѣ онъ остался здѣсь надолго, Фавстула избаловалась бы окончательно.

— Не надо, — тихо сказала Фавстуль. — Не стоитъ принимать его въ нашу бесѣду. Мы вѣдь пустые люди. Зато онъ очень хорошъ, перенимая во всемъ примѣръ съ тетки.

Хотя эти слова и были сказаны довольно тихо, но Тацій отлично слышалъ ихъ: у него былъ хорошій слухъ.

Фавстула садилась на колѣни отца и начинала щипать его за уши своими маленькими пальчиками.

Тацій видѣлъ, что она что-то говорила отцу, но не могъ разслышать ея словъ. Конечно, это она смѣялась надъ нимъ.

А Фавстуль разсказалъ ей о Домитиллѣ, которая пріѣдетъ къ ней, и сказалъ, что это очень хорошенькая дѣвочка, но не такая хорошенькая, какъ Фавстула.

Увы! бѣдная Фавстула не понимала, что у ея красиваго, ласковаго отца не больше сердца, чѣмъ у его строitivaго, непривлекательнаго сына, что онъ завтра же можетъ разстаться съ нею безъ всякаго сожалѣнія, пришлетъ ей два-три шутивныхъ письма, которыя Сабина не передаетъ, однако, по назначенію, и опять забудетъ о ней года на четыре, какъ уже забылъ о ней раньше на шесть лѣтъ.

Ей представлялось, если можетъ представляться шестилѣтнему ребенку, что для нея начинается золотой вѣкъ, время веселаго и нѣжнаго общенія съ отцомъ, когда около нея будетъ человѣкъ, который станетъ принимать въ ней участіе, будетъ любить ее и находить ее хорошенькой и доброй.

Ея отецъ былъ, дѣйствительно, пустымъ человѣкомъ, и она понимала инстинктивно, что онъ вышучиваетъ Сабину и смѣется надъ своимъ сыномъ. Но сердце Фавстулы—единственное сердце во всей семьѣ—было свободно, и Фавстуль сумѣлъ его затронуть.

Клодія также любила ее, и она, въ свою очередь, любила Клодію. Но, несмотря на свой возрастъ, она уже понимала, что ея кормилица только рабыня, а она, Фавстула,—знатная римлянка, которая не можетъ довольствоваться любовью простой рабыни. Первые шесть лѣтъ ея жизни прошли въ оживленной атмосферѣ языкачества, и Клодія представлялась ей чѣмъ-то низшимъ, чѣмъ настоящій человѣкъ, хотя это представленіе и не сложилось еще въ отчетливую мысль.

Фавстула, конечно, и не подозрѣвала, что она предъявляетъ къ отцу совершенно непомѣрныя требованія: онъ никогда не любилъ никого, даже самого себя, и, въ свою очередь, не рассчиты-

валъ на чью-либо любовь къ себѣ. Онъ досканально зналъ все, что писали поэты о любви, но то, что понимали подъ любовью онъ самъ и языческіе поэты, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, чего жаждало сердце дѣвочки.

Фавстуль взялъ къ себѣ на руки свою маленькую дѣвочку, красота которой была пріятна его глазу и льстила его гордости, поцѣловалъ ее, когда ребенокъ началъ плакать, потомъ сѣлъ на своего великолѣпнаго коня, которымъ онъ гордился не менѣе, чѣмъ дочерью, и спокойно пустился по дорогѣ въ Римъ.

— Ну, Фавстула,—промолвила Сабина.

Она, конечно, нисколько не сердилась на племянницу, когда ея неблагоразумный и несправедливый отецъ уѣхалъ въ Римъ. Она взяла къ себѣ маленькую дѣвочку не для того, чтобы дурно обращаться съ нею: напротивъ, ей хотѣлось исполнить относительно ея свои обязанности, въ число которыхъ не входило портить и баловать ребенка. Въ теченіе двухъ сутокъ, которыя провелъ здѣсь Фавстуль, онъ сдѣлалъ все, что могъ для того, чтобы сбить ребенка съ толку. Но два дня—срокъ небольшой, и Сабина хотѣла снова поставить дѣвочку на правильный путь.

Въ ней было достаточно душевнаго благородства, чтобы не сваливать на Фавстулу нелѣпное поведеніе ея отца. Но Фавстула почувствовала, что счастье ея прошло. Ея солнце закатилось за гребень холмовъ, поднимавшихся на поворотѣ дороги, по которой скрылся Фавстуль. Олибанумская вилла опять погружалась для нея во мракъ.

Послѣ посѣщенія Фавстулы расположеніе Сабины къ племянницѣ уменьшилось еще болѣе. Она всегда больше любила Тація и видѣла, что и мальчикъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же. Теперь они оба поняли, что любимицей Фавстулы является дочь, и Тацій сталъ еще дороже Сабинѣ, чѣмъ прежде.

Тацій не отличался великодушіемъ и не могъ забыть сестрѣ, что любовь отца досталась на долю ей одной. Онъ и прежде относился къ ней съ большимъ равнодушіемъ, а теперь дѣвочка чувствовала, что братъ просто не любитъ ее. Прежде эта недоброежелательность выражалась для нея матеріально; теперь она только усиливала въ ней чувство полного одиночества.

Въ самый день отъѣзда ея отца случилось событіе, заурядное само по себѣ, которое, однако, оказало вліяніе на всю ея жизнь.

Меланія, желая отвѣтить на любезное посѣщеніе Сабины, рѣшила отдать ей визитъ немедленно и пріѣхала въ Олибанумъ въ самый день отъѣзда Фавстула. Она привезла съ собой и своихъ сыновей, безъ ихъ наставника-священника, къ великому удовольствію Сабины. Между прочимъ, она объяснила, что со времени трагической смерти своего мужа, Ацилія, никуда не выѣзжаетъ изъ

дому, и что она не сочла возможным воспользоваться разрѣшеніемъ Сабины и привезти къ ней еще и свою маленькую дѣвочку.

— Если ты, дѣйствительно, хочешь этого, — продолжала Меланія: — то я пришлю ее одну поиграть съ Фавстулой. Или, можетъ быть, ты пришлешь Фавстулу къ намъ.

Сабина послала за Таціемъ и его сестрой и велѣла имъ вести Христофора и Фабіана въ садъ.

— Нашъ садъ не такъ красивъ, какъ твой. Но пусть дѣти лучше играють на открытомъ воздухѣ.

Обѣ женщины сѣли въ атриумѣ. Сабина держала себя съ важностью, достойной императрицы, какой-нибудь Юліи Сабины, жены императора Адриана. Меланія же была въ душѣ очень довольна, что здѣсь нѣтъ больше Фавстула, который невольно заставлялъ ее смѣяться. Сабина также чувствовала себя развязнѣе безъ него и держала себя милостиво и важно. Несмотря на то, что у нея никогда не было собственныхъ дѣтей, Сабина, замѣтивъ, что молодая вдова интересуется ихъ воспитаніемъ, пустилась излагать свои теоріи, какъ надо вести дѣтей, и Меланія ни разу не пыталась противопоставить свой небольшой опытъ ея мудрымъ теоріямъ. Хотя Тацій и Фавстула никогда и не страдали болѣзнями, о которыхъ распространялась ихъ тетка, но все-таки изъ этого должно быть ясно, что она отлично сумѣла бы ихъ выяснить, если бъ пред- ставился случай.

Потомъ разговоръ зашелъ о томъ, какъ управлять большимъ имѣніемъ. Здѣсь Сабина была интереснѣе, ибо этотъ предметъ она знала въ совершенствѣ. Меланія слушала ее съ такимъ вниманіемъ, что для Сабины знакомство съ нею оказалось настоящимъ кладомъ: для мудраго человѣка пріятно подѣлиться своими знаніями съ другими, и для Сабины было большимъ удовольствіемъ прибрать Меланію къ своимъ рукамъ и обогатить ее своей опытностью.

Разговоръ опять зашелъ о болѣзни: въ большомъ имѣніи всегда много рабовъ, а рабы болѣютъ такъ же, какъ и свободные люди. Отъ рабовъ перешли къ господамъ, и Сабина съ величайшей подробностью пустилась описывать болѣзнь, которою страдалъ ея мужъ. Она была хорошей женой, хотя и не очень любила его, а онъ былъ превосходнымъ мужемъ и еще болѣе превосходнымъ пациентомъ: ухаживаніе за больнымъ мужемъ было, очевидно, самымъ лучшимъ періодомъ замужней жизни Сабины.

Между тѣмъ дѣти гуляли въ саду.

На Тація не произвело никакого впечатлѣнія, что Фабіанъ былъ одного возраста съ нимъ. Онъ всецѣло посвятилъ себя Христофору, который, какъ старшій сынъ, имѣлъ, по его мнѣнію, больше правъ на его вниманіе. Поэтому онъ отвелъ его въ сторону и старался забавлять его, не забывая при этомъ извлекать выгоды и для самого себя. Христофоръ, однако, предпочиталъ слушать его

разказы объ имѣніи Сабинны, чѣмъ подвергаться его выпрашиваніемъ. Тацій, съ своей стороны, больше всего интересовался имѣніемъ теткя, которое онъ уже привыкъ считать, въ сущности, своимъ. Поэтому онъ скоро прекратилъ свои разспросы и принялся рассказывать только о своихъ дѣлахъ. Въ одномъ отношеніи онъ оказался даже умнѣе своего отца и тщательно избѣгалъ затрагивать вопросы, такъ или иначе связанные съ религіей. Ему было извѣстно, что христіане исповѣдуютъ какую-то нелѣзную религію, но ему было также извѣстно, что теперь эта религія встрѣчаетъ поощреніе и исповѣдуются самимъ императоромъ. Да и въ Христофорѣ было что-то такое, что давало ему понять, что въ его присутствіи нельзя говорить о христіанствѣ пренебрежительно. Осторожный по натурѣ, Тацій направлялъ разговоръ на безопасные предметы, гдѣ нельзя было опасаться ссоры.

Гораздо лучше шло дѣло у Фавстулы съ Фабианомъ. Тутъ нечего было опасаться, что она начнетъ распространяться объ историческомъ величіи своего рода. Ея душа была еще полна отцомъ, и о немъ она не могла не рассказать своему товарищу. Тому показалось удивительнымъ, что она видѣла своего отца столько же, сколько и онъ самъ, и что до этого времени она ни разу не встрѣчалась съ нимъ. Одного того, что Фабианъ провелъ нѣсколько часовъ въ обществѣ ея отца, было достаточно, чтобы Фабианъ сталъ для нея самымъ лучшимъ другомъ.

Мальчикъ отличался большой проницательностью, и скоро разгадалъ, что Фавстула растетъ въ одиночествѣ, что она заброшена, хотя ей и стараются дать хорошее воспитаніе. Сабина представлялась ему деревянной старухой и напомнила ему каріатидъ, которыхъ ему приходилось видѣть въ Римѣ, хотя своей головой она поддерживала только свою тяжелую прическу. Съ Таціемъ онъ видѣлся не болѣе пяти минутъ, но и этого срока было достаточно. Онъ понималъ, что этотъ самодовольный мальчикъ съ большимъ самолюбіемъ любитъ только самого себя и совершенно равнодушенъ къ сестрѣ. Что касается самого Фавстула, то онъ сбиль мальчика съ толку. Онъ былъ очень милъ съ нимъ, и, естественно, его маленькая дочка находить его обворожительнымъ. Но ему казалось страннымъ, что за всю свою небольшую жизнь дочь видѣла его такъ мало. Фабианъ отличался тонкимъ инстинктомъ и простую ласковость не могъ принять за нѣчто большее и у него невольно зародилось раздраженіе противъ Фавстула и странная жалость къ его дочери.

Римскій мальчикъ въ двѣнадцать лѣтъ гораздо старше своего сѣвернаго сверстника. Но Фабиану не приходилось раньше разбираться въ подобныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ сразу почувствовалъ къ маленькой хозяйкѣ нѣжное рыцарское чувство, залопнившее сразу его сердце. Это было первое существо, надѣленное сердцемъ, съ которымъ пришлось встрѣтиться Фавстулѣ.

Съ этого дня Фабіанъ всегда думалъ о бѣдной, безпомощной дѣвочкѣ, которую онъ не долженъ забывать, которую онъ какъ-нибудь долженъ утѣшить за то пренебреженіе, которымъ она была окружена. Будучи по природы молчаливымъ и вдумчивымъ, Фабіанъ скрывалъ свои чувства глубоко въ себѣ, какъ нѣчто священное, о чемъ было бы неприличнымъ распространяться вслухъ.

X.

Выйдя съ гостями въ садъ, Сабина увидѣла, что Фавстула совершенно подружилась съ Фабіаномъ, изъ чего она заключила, что мальчикъ порядочный размазня. Нельзя, однако, было отрицать, что мальчикъ прекрасно воспитанъ, что онъ не шалитъ и не болтаетъ лишняго. Сабина не безъ удовольствія замѣтила также, что онъ говорилъ съ нею и съ своей матерью только тогда, когда къ нему обращались.

Меланія отличалась мягкостью, простотой, совершенно лишенной пышности и важности. Но Сабина уже вчера замѣтила, что ей сынь держитъ себя такъ, на людяхъ, по крайней мѣрѣ, какъ будто она была королевой: въ его обращеніи всегда проглядывало почтеніе, смѣшанное съ искренней, горячей привязанностью.

— А гдѣ же остальные?—спросила Сабина.

Въ ея глазахъ ея племянница и Фабіанъ не заслуживали особаго вниманія: ея разговорами могъ наслаждаться лишь глава каждаго рода.

— Они пошли дальше,—отвѣчалъ Фабіанъ.—Они пошли слишкомъ быстро для насъ. А мы играли здѣсь на террасѣ.

— Фавстула, вѣроятно, рассказывала вамъ о своихъ куклахъ,—съ тяжеловѣсной шутливостью начала Сабина.—А большому мальчику не интересно слушать о куклахъ, Фавстула.

Когда Сабина заговорила о куклахъ, Фабіанъ, продолжавшій держать дѣвочку за руку, тихонько пожалъ ее, какъ бы желая сказать ей: «Мы знаемъ, о чемъ мы говорили. Это не касается взрослыхъ».

Фавстула невольно почувствовала благодарность къ гостю: ей въ самомъ дѣлѣ не хотѣлось, чтобы тетка знала, что они говорили объ ея отцѣ и о его изящныхъ манерахъ.

— Гдѣ же другія дѣти?—спросила опять Сабина.

Меланія сказала, чтобы Фавстула и Фабіанъ сходили за ними. Обѣ вдовы остались на террасѣ вдвоемъ. Садъ шелъ нѣсколькими уступами, на верхнемъ изъ нихъ, на самомъ краю, стоялъ домъ, задомъ онъ примыкалъ къ сабинскимъ холмамъ; одной стороной онъ выходилъ къ Риму, болѣе короткій его фасадъ смотрѣлъ на страну вольсковъ.

На самой нижней террасѣ сада была расположена деревушка Олибанумъ, вся пріютившаяся подъ скалой. Деревушка была старинная, съ узкой, крутой дорогой, извивавшейся между домиками, подъ которыми лежали могучія древнія напластованія, древнѣйшія, можетъ быть, чѣмъ самъ Римъ.

Ниже этой деревушки виднѣлись зелеными пятнами виноградники и оливковыя деревья, окутывавшіе холмы, словно сѣрыя облака. Вдали отроги переходили въ широкую долину, стлавшуюся между горами до самой безпредѣльной Кампаньи и похожую на рѣку, впадающую въ океанъ.

— Какъ хорошо!—тихо сказала Меланія.

Сабина приняла эти слова за личную ей похвалу: это былъ ей видъ и ей казалось, будто восхищеніе имъ есть въ то же время восхищеніе и передъ ней. Въ ней не было этой способности восхищаться красотой, которая была у его брата. Однако она была настоящей римлянкой, а римляне никогда не были слѣпны къ красотѣ, что доказываетъ мѣстоположеніе любого ихъ города.

— Видь здѣсь не такъ обширенъ, какъ у васъ,—вѣжливо отвѣчала она.

— Оба вида такъ различны, что ихъ нельзя и сравнивать,—отвѣчала ея гостя.—Но въ хорошіе дни отсюда, я думаю, можно видѣть мавзолей Адріана.

— Да, можно. Впрочемъ, увидать этотъ мавзолей не очень пріятно: это обыкновенно предвѣщаетъ плохую погоду.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда дѣти собрались вокругъ Меланіи, Христофоръ вдругъ спросилъ ее, были ли когда-нибудь консулы изъ рода Фавстуловъ.

— Кажется, не было,—отвѣчала она.—Не помню, впрочемъ. Знаешь, за двѣсти слишкомъ лѣтъ ихъ было очень много. Но почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Потому что Тацій Фавстулъ столько наговорилъ мнѣ про свой родъ. Они ведутъ свое начало отъ пастуха, который выкормилъ Ромула.

— Его-то, вѣроятно, и звали Фавстуломъ,—шутя замѣтила Меланія.

— Но все-таки вѣдь Фавстулы не царскаго рода. Вѣдь этотъ пастухъ только выкормилъ Ромула.

— Въ республикахъ не бываетъ царскихъ родовъ. Даже сами императоры не царскаго рода—они являются только главой республики. Надѣюсь, ты не распространялся о консулахъ, которые происходили изъ рода твоего отца?

— Нѣтъ. Я о нихъ и не заикался. Но мнѣ очень хотѣлось заговорить о нихъ, когда онъ такъ присталъ ко мнѣ съ этими Фавстулами.

Меланія разсмѣялась.

— Искушенія для того и существуютъ, чтобы съ ними бороться. Надѣюсь, Фавстула не докучала тебѣ разказами о своемъ родѣ, Фабіанъ?

— Она вообще ничѣмъ не докучала мнѣ. Она гораздо лучше Тація.

— Тацій совсѣмъ не замѣчалъ тебя,—замѣтила Меланія, улыбаясь своей веселой улыбкой.

— Не замѣчать меня! Ему столько же лѣтъ, сколько и Христофору, а онъ мнѣ до подбородка не достанетъ. И весь въ угряхъ!

— Фабіанъ!

— Развѣ это не правда?

Не имѣя возможности отрицать этотъ фактъ, Меланія ограничилась замѣчаніемъ, что на это нечего обращать вниманія.

— Конечно, онъ въ этомъ не виноватъ,—согласился Фабіанъ.— Мы бы тоже покрылись угрями, если бы были такъ надуты спесью. Но ты намъ этого не позволишь, а милостивая госпожа Сабина на это не обращаетъ вниманія.

— Было бы гораздо лучше, если бы и вы не обращали на это вниманія... Я съ тобой согласна, Фабіанъ: Фавстула дѣйствительно лучше своего брата. Очень рада, что она тебѣ понравилась.

— Если Тацій,—горячо заявилъ Фабіанъ,—начнетъ когда-нибудь оцѣнить изводить меня своими предками, я не выдержу, а потомъ ужъ будетъ поздно расканваться. Если онъ будетъ все говорить о своихъ Фавстулахъ, то я преподнесу ему трибуна Ацилія Глабрія...

— На это онъ не обратитъ вниманія,—торжествующе воскликнулъ Христофоръ.— Плебейскій трибуны не подѣйствуетъ на него.

— Но онъ потомъ былъ консуломъ и вмѣстѣ съ Корниліемъ Публиемъ Циціономъ побѣдилъ Антиоха при Оермонилахъ. Развѣ ты слышала, когда-нибудь, чтобы кто-нибудь изъ Фавстуловъ въ тоже побѣдилъ Антиоха при Оермонилахъ?

— Какъ же онъ могъ одержать эту побѣду, когда ее одержалъ Ацилій Глабрій?

— Отлично. Я поднесу еще ему взяточника претора Ацилія... Меланія громко размѣялась.

— Не забудь упомянуть, что этотъ Ацилій былъ осужденъ за вымогательство,—сказала она.

— Меланія, — неожиданно раздался чей-то спокойный голосъ. Тетка ея мужа незамѣтно вошла въ комнату и прислушивалась къ ихъ бесѣдѣ, хотя эта бесѣда, видимо, не доставляла ей особаго удовольствія.

— Не забудь еще, что его защищалъ самъ Цицеронъ!

— Ага!—радостно воскликнулъ Фабіанъ.—Неужели Цицеронъ сталъ бы защищать его, если бы обвиненіе было справедливо?

— Не могу тебѣ сказать,—отвѣчала мать.

— А вотъ что будетъ хорошо для Тація,—продолжалъ мальчикъ.—Проконсулъ въ Сициліи, намѣстникъ Цезаря...

— Ну, теперь ты все кончила?²—спросила Ацилія.

— Оставь его! Онъ страдаетъ припадкомъ семейной гордости.

— А Христофору пришлось пострадать отъ Фавстуловъ.

И онъ разсказалъ теткѣ, что пришлось вытерпѣть его брату. Тетка сочувственно кивала ему головой.

— Конечно, все́мъ извѣстно, что Фавстулы ведутъ свое происхожденіе отъ воспитателя Ромула. Но ихъ родъ возвысился только въ царствованіе императора Нерона. Современные ему Фавстулы были любимцами Рыжебородаго.

— Ну, это еще немного,—замѣтилъ Фабіанъ.

Мальчикъ не любилъ прежнихъ императоровъ и не могъ забыть, какъ Домиціанъ заставилъ одного изъ его предковъ Ацилія Глабрія, бывшаго консуломъ въ 91 году до Р. Х., сражаться безъ всякаго оружія съ нумидійскими медвѣдями въ его амфитеатрѣ въ Албанумѣ.

— Ну,—сказала Меланія съ такимъ видомъ, что она желаетъ покончить этотъ разговоръ.—Со стороны Тація, конечно, нехорошо такъ гордиться своимъ родомъ... Онъ это сдѣлалъ, впрочемъ, безъ всякой задней мысли, и съ вашей стороны было бы нехорошо, если бы вы нарочно стали дразнить его, разсказывая о славѣ рода Ациліевъ. Не забывайте, что онъ живетъ одинъ съ теткой въ деревнѣ, гдѣ не о чемъ, можетъ быть, и говорить, кромѣ какъ о семейныхъ дѣлахъ и преданіяхъ.

XI.

Ни Сабина, пригласившая съ собой къ Меланіи своего брата, ни Меланія, сдѣлавшая ей отвѣтныи визитъ, по всей вѣроятности, не думали, чтобы эти посѣщенія повели къ установленію между ними дружбы. Вѣроятно, ни та, ни другая этой дружбы и не желали. Но обстоятельства сложились такъ, что между обѣими семья установилась если не дружба, то хорошее знакомство.

Черезъ нѣсколько недѣль съ того момента, какъ началось ихъ знакомство, до Меланіи дошли слухи, что въ Олибанумѣ оспа и что нѣсколько рабовъ Сабинны уже заболѣли. Къ величайшему изумленію Сабинны, молодая вдова тотчасъ же пріѣхала ее навѣстить. Изумленіе ея возросло еще болѣе, когда Меланія предложила взять Фавстулу и Тація съ собой на виллу Ацилія.

— Имъ будетъ тамъ гораздо безопаснѣе,—спокойно сказала она.—Я знаю, что домъ у тебя огромный, и ты, конечно, будешь держать ихъ гдѣ-нибудь вдали отъ помѣщеній рабовъ. Но все-таки ты будешь спокойнѣе, если они уѣдутъ въ Цивителлумъ.

Сабина была совершенно ошеломлена такимъ любезнымъ предложеніемъ.

— А какъ же твои-то дѣти?—возразила она.—Представь себѣ, что зараза уже коснулась Фавстула и Тація. Что же тогда будетъ?

— На первое время я помѣщу ихъ отдѣльно. А черезъ нѣсколько дней это обнаружится. Западный флигель нашего дома совершенно отдѣленъ отъ остальной виллы, и они тамъ будутъ играть другъ съ другомъ, пока не выяснится, что всякая опасность миновала. А потомъ они будутъ помѣщены вмѣстѣ съ моими дѣтьми.

— А если ты сама заболѣешь?

— Моя няня будетъ смотрѣть за ними. Плацида—очень хорошая женщина. Она даже недовольна тѣмъ, что мы никогда не болѣемъ и не даемъ ей случая показать ся усердіе.

Сабина колебалась, но Меланія продолжала настаивать.

— Не думаю, чтобы что-нибудь могло случиться,—сказала она просто.—Фавстула и Тацій, какъ ты сама говоришь, въ настоящее время совершенно здоровы, и черезъ нѣсколько дней, когда кончится срокъ наблюденій за ними, ихъ можно будетъ пустить играть къ моимъ дѣтямъ. Если же они останутся здѣсь, то ты будешь все время бояться за нихъ, пока оспа не прекратится совсѣмъ.

Сабина понимала, что она говоритъ правду. За Тація она страшно боялась, ибо нѣжно любила, несмотря на свою холодную внѣшность; за Фавстулу она боялась, такъ какъ облѣзнь могла на всю жизнь обезобразить ее и тѣмъ помѣшать ей въ свое время найти себѣ хорошаго жениха. Сабина видѣла, что дѣвочка очень красива, и надѣялась, что она съ возрастомъ сохранитъ за собой эту красоту. Ей не хотѣлось давать ей большое приданое, и потому ея главнымъ шансомъ на хорошій бракъ оставалась ея красивая наружность.

Первоначально Сабина намѣревалась было дать за своей племянницей хорошее приданое и ничего не оставить Тацію. Теперь же, рассчитывая сдѣлать своимъ наслѣдникомъ мальчика, она не особенно охотно думала о его сестрѣ, которая унесетъ у него столько денегъ.

— Меланія,—искренно сказала она,—ты въ самомъ дѣлѣ очень добра. Даже слишкомъ добра.

— Ну, это пустяки, — добродушно возражала молодая вдова.

Въ лицѣ Сабины мелькнуло что-то такое, что едва не заставило ее разсмѣяться. Ей пришло на умъ, что такой знатной персонѣ, вѣроятно, никогда еще не приходилось слышать, что ея рѣчи—пустяки.

— Я хочу сказать,—поправила Меланія:—что это меня нисколько не стѣснить. Пріѣзжай ко мнѣ, Сабина, будемъ добрыми сосѣдями.

— Ты очень добра, Меланія,—повторила она, вкладывая въ свои слова столько чувства, сколько она давно уже не проявляла,

Отъ природы она тоже была добра, но богатство и самодовольство сдѣлали ее черствой.

Она протянула гостѣ руку, которую та горячо пожала.

— О, нѣтъ,—отвѣчала молодая вдова съ тѣмъ простодушіемъ, которое такъ подкупало въ ней. — Но позволь мнѣ быть тебѣ полезной, когда представится вотъ такой случай. Намъ въ самомъ дѣлѣ будетъ очень пріятно, если дѣти будутъ у насъ. Пріѣзжай.

— Охъ, нѣтъ, — продолжала отказываться Сабина.—Вообрази только, что они могутъ перенести заразу въ твой домъ. Вообрази, что ты сама можешь заразиться.

Меланія весело размѣялась.

— Вдовамъ нечего заботиться о своей наружности. Дѣло другое, если бъ былъ живъ мой бѣдный Ацилій Глабрій. Да не посѣтуетъ онъ на мою шутку тамъ на небесахъ!

Сабина никакъ не могла понять этой веселости, съ какой Меланія относилась къ подобнымъ страннымъ вещамъ. Ей самой было всего сорокъ два года и она не боялась близкой смерти. Но мысль о ней, иногда приходившая ей въ голову, ужасала ее.

— Не знаю, право,—повторила Сабина, начиная уступать.—Развѣ въ самомъ дѣлѣ отправить къ вамъ Тація и Фавстулу, если оставаться здѣсь опасно.

Меланія увезла дѣтей съ собой. Сабина была ей благодарна, но не очень: выразить свои чувства было для нея сантиментальность—качество, которое она приписывала низшей породѣ—христіанамъ.

Фавстула была въ восторгѣ отъ переселенія. Ея братъ былъ не особенно доволенъ имъ. Фавстулѣ нравилось быть съ Фабіаномъ и съ его матерью. Тацій предпочиталъ остаться въ обществѣ тетки, а въ гостяхъ держался одиноко. Онъ былъ очень удивленъ, что тетка позволила имъ остаться у этихъ христіанъ, и не одобрялъ ея рѣшенія. Онъ зналъ, что у нихъ свои обычаи, исполнять которые отнюдь не слѣдовало. Неужели его, напимѣръ, заставятъ поститься? Но въ то же время ему не хотѣлось схватить оспу, и онъ все время тревожился за свое здоровье. Онъ воображалъ, что онъ очень слабого здоровья, ибо время отъ времени у него появлялась желчь. Онъ не подозрѣвалъ, что эти припадки связаны съ его обычной жадностью къ ѣдѣ и къ дорогимъ блюдамъ.

ХІІ.

Фавстула и Тацій должны были оставаться у Меланіи шесть недѣль. Никто изъ нихъ не заболѣлъ оспой. Менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю было ясно, что зараза миновала ихъ, и Меланія перестала отдѣлять ихъ и себя отъ остальной семьи. Она никогда не разлучалась съ дѣтьми на столь продолжительное время, и Тацій былъ удивленъ, той безраничной радостью, которую проявляли ея

дѣти, когда она вернулась въ ихъ среду. Сабинѣ—онъ былъ въ этомъ увѣренъ—это показалось бы чѣмъ-то ребячески-глупымъ.

Онъ тотчасъ же прилѣпился къ Христофору, совершенно не обращая вниманія на Домитиллу и по возможности стараясь не замѣчать Фабіана. Такимъ образомъ, Христофору пришлось возиться съ нимъ нѣсколько недѣль.

Нужно было продолжать уроки, и учитель Тація Матонъ пріѣхалъ съ нимъ. Такимъ образомъ онъ учился отдѣльно отъ другихъ дѣтей. Къ тому же самъ Таціей показывалъ довольно наглядно, что онъ едва можетъ выносить христіанскаго наставника дѣтей Меланіи. Ему было даже непріятно, что Домній присутствуетъ при ихъ играхъ. И поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался увести Христофора къ себѣ.

— Фабіанъ только тогда и чувствуетъ себя счастливымъ, когда на него смотритъ Домній,—замѣтилъ онъ какъ-то.

— Мы оба очень любимъ его,—спокойно отвѣталъ Христофоръ.

— Мнѣ кажется, что Фабіанъ будетъ священникомъ,—продолжалъ Таціей, какъ бы стараясь этимъ объяснить себѣ привязанность мальчика къ своему учителю.

— О, нѣтъ. Мы оба готовимся поступить въ легионы.

Такой отвѣтъ смутилъ Тація. Онъ былъ убѣжденъ, что въ христіанскихъ семьяхъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ сыновей дѣлается непременно священникомъ.

Фавстула и Домитилла сначала нѣсколько дичились другъ друга и смотрѣли другъ на друга, какъ два котенка, встрѣтившіеся въ первый разъ. Онѣ мало походили другъ на друга: Домитилла была нѣжная, кругленькая дѣвочка, слишкомъ маленькая для своихъ шести лѣтъ. Фавстула была высокаго роста, отличалась стройностью и думала далеко не дѣтскія мысли, навѣяныя на нее ея одинокой жизнью.

Скоро маленькая гостя привязалась къ Меланіи, которая съ своей стороны нѣжно относилась къ этой полусироткѣ.

— Она слишкомъ многое понимаетъ,—замѣтила она какъ-то Ациліи.—Ребенокъ долженъ быть ребенкомъ. Я увѣрена, что я не была такой въ шесть лѣтъ.

— Въ шесть лѣтъ ты была совсѣмъ ребенкомъ,—подтвердила тетка.

— И Домитилла совсѣмъ ребенокъ, и я очень рада этому. Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобы у нея были такіе вдумчивые глаза, какъ у Фавстулы.

— Но жизнь Фавстулы совсѣмъ не похожа на жизнь нашихъ дѣтей.

— Бѣдная крошка! Какъ жаль, что у нея нѣтъ матери.

— Да и отца нѣтъ. Никого у нея нѣтъ. Таціей едва можетъ скрывать свою нелюбовь къ ней.

Къ общему удивленію, дѣвочка скоро привязалась и къ Ациліи и любила бывать съ нею.

Въ одинъ прекрасный день, когда дѣти играли, вдругъ голоса ихъ замолкли и настала такая тишина, что Ацилія рѣшила заглянуть въ ихъ комнату. Въ ней тихонько подошла Фавстула и сказала:

— Домитилла только что заснула.

Ацилія не знала, что дѣлать. Фавстула стояла около нея.

— Что же ты хочешь дѣлать?—спросила старушка.

— Я хочу оставаться здѣсь.

— Ну, во что же мы будемъ играть?

— Не надо играть.

Фавстула замолкла, и Ацилія попрежнему не знала, чѣмъ ее занять.

— Я не люблю разговаривать,—сказала дѣвочка.

Ацилія въ душѣ не могла не согласиться съ Меланіей, которая называла дѣвочку странной. Тѣмъ не менѣе она улыбнулась и сказала:

— О чемъ разговаривать?

И, желая смягчить сухость этого вопроса, она поспѣшно прибавила:

— Играть я не умѣю. Ты видишь, я уже стара.

— Ты, конечно, не думаешь объ играхъ,—отвѣчала Фавстула совершенно просто.

Ацилія размѣялась.

— Нѣтъ, не думаю. Сказать тебѣ, о чемъ я думаю теперь?

— Скажи.

— Ну, хорошо. Я думаю о томъ, что ты очень странная дѣвочка.

— Я въ этомъ не виновата.

Дѣвочка сказала это съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, что доброе сердце Ациліи перевернулось.

— Крошка моя!—воскликнула она и притянула ее къ себѣ.— Въ этомъ нѣтъ никакой вины, что ты такая странная. Скажи мнѣ только, о чемъ ты все думаешь? Я иногда замѣчаю, что ты все смотришь на меня.

— Я иногда думаю,—не безъ колебанія сказала Фавстула:—что ты вовсе не похожа на мою тетку Сабину.

Ацилія и сама не желала походить на Сабину. Поэтому слова ребенка были даже пріятны для нея, но она не знала, что на нихъ сказать.

— Такъ мнѣ нельзя думать? Нельзя?—спрашивала Фавстула.

— Отчего же нельзя. Мы не обязаны быть похожими другъ на друга.

— Ты, моя тетка и Меланія—вы всѣ вдовы. Это мнѣ объяснилъ Тацій. А между тѣмъ вы всѣ разныя.

— Совершенно разныя.

— Это оттого,—тайпственно продолжала дѣвочка:—что у васъ мужья умерли отъ разныхъ болѣзней. Мужъ моей тетки умеръ отъ подагры. Это мнѣ сказалъ Тацій. А мужъ Меланіи умеръ не отъ этого. Мнѣ рассказывалъ о немъ Фабіанъ.

— Какая странная дѣвочка,—подумала про себя Ацилія.

Но эта странность не отталкивала ее. Хотя она и говорила серьезныя вещи, но тонъ ея былъ совершенно ребяческой. Даже здѣсь, сидя на колѣняхъ Ациліи, она имѣла видъ такой заброшенной, такой одинокой.

— Мой мужъ тоже умеръ не отъ подагры,—сказала Ацилія, чувствуя, что говорить это противъ своего желанія.

Фавстула поглядѣла на нее такъ, какъ будто она была въ этомъ увѣрена.

— Онъ умеръ потому, что онъ былъ христіанинъ,—тихо добавила Ацилія.

Она не могла сказать этой маленькой язычницѣ, что онъ былъ растерзанъ дикими звѣрями въ римскомъ циркѣ, и рѣшилась прекратить этотъ разговоръ. Но и у Фавстулы пропало желаніе разспрашивать ее дальше: между прочимъ, она слышала отъ Клодіи и о томъ, какъ обращались прежде съ христіанами.

Лицо Фавстулы вдругъ покраснѣло и сдѣлалось малиновымъ.

— И мы дѣлали это!—вздыхнула она.

— Вы? О, нѣтъ, моя крошка. Конечно, не вы.

Въ широко открытыхъ глазахъ дѣвочки отражался ужасъ и стыдъ. Ея губы раскрылись, и изъ груди ея вырвалось прерывистое дыханіе, похожее на беззвучное рыданіе. Ацилія, не отличавшаяся особой чувствительностью, охватила ее руками и крѣпко прижала къ себѣ ея голову.

Никто изъ нихъ больше не сказалъ ни слова объ этомъ эпизодѣ. Ацилія не сказала объ этомъ Меланіи, а Фавстула скрыла это отъ Фабіана. Но съ этого времени старушка и дѣвочка стали друзьями. Ацилія попрежнему продолжала смотрѣть за дѣтьми, когда онѣ играли. Но время отъ времени чувствовала на себѣ такой неприятный взглядъ Фавстулы, что ей дѣлалось даже неприятно.

Однажды Ацилія не выдержала и подъ какими-то пустячнымъ предлогомъ позвала къ себѣ дѣвочку.

— Ты не должна давать такую волю Домитиллѣ,—сказала она съ ласковой улыбкой.

Она замѣтила, что Фавстула, будучи старше Домитиллы на нѣсколько мѣсяцевъ, обращалась съ ней такъ, какъ будто та была много моложе ея и относилась къ ней, какъ взрослыя дѣвушки относятся къ маленькимъ дѣвочкамъ.

При этихъ словахъ Фавстула улыбнулась и вопросительно посмотрѣла на старушку, какъ бы желая сказать, что не за этимъ же она позвала ее къ себѣ.

— Я люблю играть съ Домитиллой,—промовила дѣвочка, видя, что Ацилія молчить.

— Она всегда любитъ играть. Только она нарушаетъ всѣ правила игры.

— А я ихъ почти совсѣмъ не знаю,—просто отвѣчала Фавстула.— Дома я совсѣмъ не играла.

— Такъ что твое пребываніе у насъ—для тебя перемѣна. Нравится тебѣ здѣсь?

— Нравится. Только...

— Что только?

Фавстула собрала вмѣстѣ тогу Ациліи и распустила ее въ видѣ вѣера. Ей, видимо, не хотѣлось говорить, и она слегка покачала своей головкой.

— Вѣдь къ тебѣ всѣ относятся хорошо?—спросила Ацилія, наблюдая за нею.

— Всѣ. Это правда. Почему вы всѣ относитесь къ намъ хорошо?

— Мы любимъ васъ,—быстро промовила старушка.—Почему бы намъ не любить васъ?

— Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я бы не любила.

Фавстула выпустила изъ рукъ тогу и взглянула старушкѣ прямо въ лицо.

— Если бъ я была на вашемъ мѣстѣ, я бы ненавидѣла насъ и всѣхъ язычниковъ. И никогда не стала бы съ ними разговаривать.

Она по обыкновенію говорила тихо, но тонъ ея вовсе не отличался мягкостью. Напротивъ, въ ея широко прорѣзанныхъ глазахъ сверкали огоньки дикаго гнѣва.

Слова дѣвочки задѣли Ацилію за живое.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она не ненавидитъ язычниковъ, растерзавшихъ ея мужа? Развѣ видъ ихъ не противенъ ей и развѣ она не избѣгаетъ встрѣчъ съ ними, насколько то позволяютъ условія римской жизни?

Ацилія была искренняя женщина и не рѣшилась сдѣлать дѣвочкѣ замѣчаніе за ея странныя и бурныя рѣчи: ей казалось, что она и сама виновна въ томъ, что ей не нравилось въ этихъ рѣчахъ,

— Я ненавижу ихъ,—продолжала, подумавъ, Фавстула.—Клодія много разсказывала мнѣ. Но тогда все это казалось мнѣ сказкой, пока я не пріѣхала сюда. Отецъ Клодіи тоже былъ христіанинъ, и ему отрубили голову, а всѣ его вещи были проданы. Тогда-то мой дѣдушка и купилъ Клодію и ея отца. На вашемъ мѣстѣ я бы ненавидѣла Тація и меня и не взяла бы насъ сюда. Если бъ мы занесли сюда оспу, была бы большая бѣда.

Ацилія была поражена. Фавстула очень рѣдко говорила такъ долго. Въ словахъ ея чувствовался гнѣвъ и стыдъ.

— Надѣюсь,—промовила Ацилія:—что ты не говоришь этого Фабиану?

— Фабіану? Нѣтъ. Онъ не знаетъ того, что я знаю. Мы никогда не разговариваемъ съ нимъ о христіанахъ и cultores deorum.

Она всегда употребляла это выраженіе, говоря о язычникахъ.

— Фавстула, ты не должна говорить такъ. Такихъ мыслей у тебя не должно быть.

— А онъ у меня есть,—возразила дѣвочка съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какого прежде у нея не замѣчала Ацилія.—Мы плохіе люди.

— Вы—не плохіе. Но нехорошо питать къ кому-нибудь ненависть. И нехорошо говорить противъ своихъ же.

— Я спрошу у моего отца,—холодно возразила Фавстула.—Онъ ненавидитъ жестокость и очень разсердился, когда однажды Тацій наступилъ ногой на одну собаку. Онъ сказалъ, что ему было бы по дѣломъ, если бъ собака хорошенько его искусила. Точно такъ же было бы по дѣломъ, если бы христіане теперь стали рубить намъ головы.

Ацилія употребляла всѣ усилія, чтобы исправить дѣвочку, но это было очень трудно. Могла ли она проповѣдывать христіанскую любовь этой маленькой языницѣ, не дѣлая того, что ей запрещало чувство чести. Если не касаться христіанства, то, дѣйствительно, самымъ благороднымъ чувствомъ остается справедливость, и Фавстула, какъ всякій хорошій ребенокъ, страстно жаждала именно справедливости.

— Это все равно, что они—свои,—упрямо твердила дѣвочка.—Если они заслуживаютъ наказаніе, то ихъ нужно наказать.

— Только не намъ. Это сдѣлаетъ Господь Богъ.

— Боги не станутъ заниматься этимъ. Наши дѣлаютъ все, что хотятъ. Я разъ сказала Тацію, что сдѣлали съ христіаниномъ, который владѣлъ отцомъ Клодіи; и онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему досталось по дѣломъ и что боги это очень одобряютъ. Клодія рассказывала мнѣ, что боги дѣлаютъ гадкія вещи. Однажды Тацій напился пьянымъ. Онъ былъ очень страшень, но говорилъ, что онъ сдѣлалъ это въ угоду Вакху.

— Подражать твоему брату не слѣдуетъ.

— И мой отецъ дѣлаетъ то же.

— Не слѣдуетъ рассказывать такихъ вещей про него.

— Но вѣдь онъ дѣлаетъ это въ угоду Вакху.

Фавстула взглянула ей въ лицо съ такой хитростью, что старушка даже не улыбнулась.

Дѣвочка еще была слишкомъ мала, чтобы разувѣриться, какъ ея отецъ, въ существованіи боговъ, но она уже не любила и не уважала ихъ.

— Вашъ Богъ,—спокойно продолжала она,—гораздо сильнѣе всѣхъ нашихъ.

Ацилія, не считая удобнымъ пускаться съ нею въ дальнѣйшіе разговоры насчетъ боговъ, не стала оспаривать такого предположенія.

— Если бы я была на его мѣстѣ, я бы ихъ проучила, — съ рѣшительнымъ видомъ объявила дѣвочка.

Въ эту минуту, къ величайшей радости старушки, въ комнату вошла Меланія. Она бросила на дѣвочку взглядъ, который та поняла очень хорошо. «Я могла бы говорить съ тобой и дальше, но мнѣ не нравится то, что ты говоришь», — вотъ что прочла она въ этомъ взглядѣ.

Фавстула улыбулась и покорно пошла играть съ Домитиллой.

XIII.

Фавстула большею частью проводила свое время съ Домитиллой. Тѣмъ не менѣе ей приходилось быть и съ Фабіаномъ, и когда дѣти оставались одни, дѣвочка чувствовала себя счастливой. Фабіанъ казался ей самымъ лучшимъ изъ всѣхъ людей. Она никогда не докучала ему своимъ присутствіемъ и была безконечно благодарна, когда онъ принималъ участіе въ ея играхъ. Христофоръ ей тоже нравился, но она какъ-то не думала о немъ.

Тацій не особенно дружелюбно относился къ своему товарищу, но предпочиталъ его всякому другому обитателю виллы Ациліи.

Когда они пребыли у Меланіи нѣсколько недѣль, пріѣхалъ новый гость, прибытіе котораго взволновало Фавстулу. То была двоюродная сестра Фабіана и Христофора, по имени Цецилія, которая должна была прожить здѣсь десять дней. Она была лѣтъ на семь моложе Меланіи и также вдовѣла: ея мужъ умеръ черезъ годъ или два послѣ ихъ свадьбы.

Цецилія была самой красивой и важной женщиной, какую только приходилось видать Фавстулѣ. Ей сейчасъ же пришло въ голову, что она принадлежитъ къ другому сорту христіанъ, чѣмъ Ацилія. Она, видимо, любила всякія развлечения и удовольствія, была богата и стремилась наслаждаться жизнью. Отъ дѣвочки не укрылось, что Ацилія не очень долюбивала эту родственницу. На Христофора гостя почти не обратила вниманія, но зато много занималась Фабіаномъ, будучи, очевидно, увѣренной, что онъ предназначенъ развлекать ее.

— Я не хочу прерывать твои занятія, Меланія, и мѣшать Ациліи молиться. За мной будетъ ухаживать Фабіанъ, — беззаботно сказала она, дѣлая видъ, что она сама устроится, какъ ей добно.

Фабіанъ охотно вошелъ въ свою роль. Онъ также считалъ Цецилію самой красивой женщиной и ухаживалъ за ней съ такимъ усердіемъ, которое забавляло его мать и слегка раздражало тетку. Его нескрываемое преклоненіе было, видимо, очень пріятно гостѣ,

которой нравилось самообожаніе, особенно когда оно ей ничего не стоило. Она милостиво улыбалась мальчику и старалась пользоваться вездѣ его услугами. Въ двадцать шесть лѣтъ она годилась ему въ бабки и сама чувствовала это.

— Двѣнадцатилѣтніе мальчики всегда влюбляются въ женщинъ, которыя годятся имъ въ бабушки,—замѣтила она какъ-то Меланіи.

Та размѣялась и пропустила мимо ушей это замѣчаніе. Цецилія должна была прожить съ ними около недѣли, и Фабіанъ не успѣлъ бы потерять свое сердце. А черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ уже далеко отъ нихъ и не позволить себѣ, даже въ этой дали, сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы ее огорчить. А пока это мальчишеское ухаживаніе за такой пышной женщиной, какъ ея двоюродная сестра, не можетъ принести ему особаго вреда.

Цецилія любила и умѣла говорить. Она обыкновенно садилась, откинувшись въ кресло, и начала рассказывать что-нибудь Фабіану, который садился у ея ногъ и слушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ. Если Фавстулъ случалось играть съ Домитиллою тутъ же, она внимательно и ревниво слѣдила за Фабіаномъ.

Въ этихъ разказахъ не было ничего такого, что могло бы не понравиться Меланіи, и разговоръ не прерывался, если она случайно входила въ эту комнату.

Мужъ Цециліи былъ проконсуломъ въ Испаніи, и она видѣла не мало любопытнаго въ этой странѣ. Въ своихъ разказахъ она не останавливалась долго на одномъ и томъ же, а быстро пересказывала съ одной интересной темы на другую. Она не была тщеславной, но не безъ гордости. Ея красота, ея богатство, ея общественное положеніе нравились ей, но она не носилась съ этимъ.

Тѣмъ не менѣе Фавстула возненавидѣла ее. Если бы онъ были одного возраста, то и тогда дѣвочка не могла бы ревновать ее больше.

Она ненавидѣла Фабіана за его ухаживаніе и въ то же время страстно любила его. Теперь она гораздо сильнѣе любила и Ацилію, инстинктивно чувствуя, что старушкѣ тоже не нравится эта красивая, пышная женщина, пріѣхавшая изъ Рима, чтобы поссорить ихъ между собою.

Меланія и ея тетка также замѣтили, что Фавстула измѣнилась, что она стала не такъ добра, не придавали значенія этому обстоятельству: дѣти иногда бываютъ не въ духѣ, и это одинаково случается какъ съ маленькими язычниками, такъ и съ маленькими христіанами.

Она, впрочемъ, не ссорилась съ обѣими женщинами, а только старалась держаться подальше отъ Фабіана и холодно отказывалась, когда онъ предлагалъ ей поиграть съ нимъ.

Цецилія была очень добра къ дѣвочкѣ или, по крайней мѣрѣ, старалась быть доброй. Но она не любила маленькихъ дѣвочекъ:

у нея самой не было дѣтей и она откровенно заявляла, что она не знала бы, что съ ними дѣлать. Фавстула не хотѣла ея дружбы и показывала это довольно рѣзко.

— Наша маленькая гостя капризничаетъ,—замѣтила спокойно Цецилія.—Я недавно встрѣтила ея отца въ Римѣ. Очень пріятный и образованный человѣкъ. Къ сожалѣнію, она не наслѣдовала отъ него хорошихъ манеръ.

— Онъ пріѣзжалъ сюда какъ-то на одинъ день вмѣстѣ со своей сестрой Сабинной, нашей сосѣдкой. Онъ дѣйствительно довольно добродушный человѣкъ. Но Фавстула вовсе не капризна.

— Ну, можетъ быть, это въ ней желчь. Я бы ей дала алоэ и приказала бы принимать это средство. Мнѣ его часто давали въ дѣтствѣ: отлично прогоняетъ дурное настроеніе духа.

Меланія не могла согласиться съ тѣмъ, чтобы дѣвочка была желчной.

— Скорѣе Тацій,—продолжала она.—Фавстула же ѣсть очень мало и самыя простыя кушанья.

Цецилію не интересовало это и отъ Фавстулы она поспѣшила перевести разговоръ на ея отца.

— Въ Римѣ говорятъ, что онъ собирается жениться-второй разъ, на Тулліи, дочери Корнелія Туллія. Она очень красива, но не богата. А всѣ думаютъ, что онъ ищетъ только денегъ.

Меланія не интересовалась столичными сплетнями, но къ этому извѣстію она не могла остаться равнодушной: ей хотѣлось знать, какъ вторичный бракъ отца можетъ отразиться на Фавстулѣ.

— Она, кажется, женщина добрая,—проговорила она.—Было бы совершенно другое дѣло, если бы у Фавстулы была хорошая мачеха.

Цецилія засмѣялась.

— Туллія вовсе и не женщина. Это пышная восемнадцатилѣтняя матрона, и я полагаю, что въ ея расчеты вовсе не входитъ сдѣлаться мачехой. Въ Римѣ никто и не знаетъ о существованіи вашихъ Тація и Фавстулы, а другая дочь Фавстулы живетъ у своей тетки Домиціи, весталки.

Изъ этой новости Меланія заключила, что Фавстула, по всей вѣроятности, останется жить у тетки.

Когда Цецилія уѣхала, никто не вспомнилъ о ней, кромѣ Фабіана, который, видимо, скучалъ о ней на первыхъ порахъ. Теперь у него было больше времени, и ему хотѣлось вознаградить Фавстулу за то невольное пренебреженіе, которое причинилъ пріѣздъ Цециліи.

— Пойдемъ въ садъ,—сказалъ онъ ей какъ-то, встрѣтивъ ее въ атриумѣ.—Мы уже давно не играли съ тобой.

— Нѣтъ. Я буду играть съ Домитиллой.

— Домитилла теперь спитъ. Пойдемъ.

Но Фавстула такъ и не пошла съ нимъ, а отправилась искать Клодію. Фабіанъ остановился около фонтана посреди атриума и сталъ поджидать ее. Ея рѣзкій отказъ обидѣлъ его.

Прождавъ ее съ часъ, онъ пошелъ одинъ въ садъ и остановился тамъ, наклонившись надъ парпетомъ террасы, гдѣ онъ впервые встрѣтился съ Фавстулой. Онъ слышалъ, что отецъ Фавстулы собирается опять жениться, и ему хотѣлось знать, извѣстна ли эта новость Фавстулѣ. Онъ зналъ объ ея надеждахъ на то, что отецъ, сдѣлавъ первый визитъ, будетъ теперь посѣщать ее чаще. Мальчикъ понималъ, что надеждамъ этимъ не суждено сбыться, и ему стало досадно за невольное пренебреженіе, которое онъ въ послѣднее время оказывалъ этой заброшенной дѣвочкѣ.

Онъ поднялся и сталъ смотрѣть прямо на великолѣпный видъ, разстилающійся внизу, не замѣчая и не видя его. Ему хотѣлось разыскать Фавстулу и сейчасъ же попросить у нея прощенія.

Онъ повернулся и его взглядъ упалъ на широкую бѣлую террасу, на которую легла его тѣнь. Вдругъ рядомъ съ ней мелькнула чья-то другая тѣнь, не такая длинная.

На разстояніи шаговъ пятидесяти около парпета росла дикая олива, въ которую когда-то ударила молнія. На этомъ мѣстѣ въ старинныхъ камняхъ террасы образовалась глубокая расщелина. За деревомъ находилась почти скрытая имъ красивая мраморная скамейка. Противъ этого-то мѣста и мелькнула маленькая тѣнь.

Не спрашивая себя почему, Фабіанъ въ одно мгновеніе сбросилъ съ себя сандаліи и бросился бѣжать неслышно по мраморной террасѣ, только крѣпче кутаясь въ свою развѣвающуюся туніку.

За дикой оливой на парпетѣ стояла Фавстула, стараясь удержаться на самомъ его краю. Было удивительно, какъ она не сорвалась съ этой головокружительной высоты въ пропасть, которая отвѣсно открывалась подъ парпетомъ футовъ на двѣсти внизъ.

— Слава Христу, что я сбросилъ сандаліи, — прошепталъ Фабіанъ.

Услыша около себя шаги, Фавстула, пожалуй, не задумалась бы броситься въ пропасть.

И въ то время на другой сторонѣ сада, гдѣ работали рабы, слышалось громкое пѣніе.

«Христось, Спаситель нашъ! Спаси насъ! Царь и Искунитель нашъ, помилуй насъ. Спаси заблудшихъ рабовъ твоихъ».

Голоса раздавались весело и громко. Пѣніе прерывалось ритмомъ въ тактъ работы.

Фавстула могла слышать рабовъ такъ же хорошо, какъ и Фабіанъ, но она не обращала на нихъ вниманія: ихъ не было видно и работали они далеко. Овладевшій ею гнѣвъ былъ вызванъ не рабами и не ихъ Богомъ, распятымъ на подобіе раба, а ея собственнымъ обиднымъ положеніемъ.

— Фавстула! Фавстула!—закричалъ Фабіанъ.

Онъ схватилъ ее обѣими руками съ парашета и посадилъ на террасу. Дрожь пробѣжала по немъ, когда камень, на которомъ она только что стояла, вывалился и съ шумомъ полетѣлъ въ пропасть.

XIV.

Онъ никогда не спрашивалъ ее о томъ, что она хотѣла сдѣлать. Она не поблагодарила его за то, что онъ спасъ ее, но зато запомнила это на всю жизнь. Запомнила она и выраженіе его лица въ тотъ моментъ, когда онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій. Сначала она замѣтила только его голыя ноги.

Фавстула знала, что Фабіанъ никому, даже Меланіи не расскажетъ, отъ чего онъ спасъ ее. Но если бъ даже она усомнилась въ этомъ, ея гордость не позволила бы ей просить его сохранить все происшедшее втайнѣ.

— Кого ты больше всего любишь?—вдругъ спросила она.— Конечно, послѣ Меланіи и Христофора.

— Тебя, разумѣется,—отвѣчалъ онъ просто, не колеблясь ни одной минуты.

Мимо высокой изгороди изъ мирры онъ повелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ пѣли рабы. Ихъ было четверо—старый слѣпой садовникъ Феликсъ, двое его сыновей Доній и Виталій и мальчикъ-сирота Сергій.

Въ тотъ же день Фабіанъ спросилъ свою мать:

— Можно у тебя попросить одинъ даръ?

— Но вѣдь ты не любишь особенно дорогихъ вещей?

— Я прошу тебя подарить одну вещь, которая стоитъ многихъ денегъ. Я прошу это въ первый разъ. Неужели ты мнѣ откажешь?

— Конечно, нѣтъ, если только я могу приобрести это для тебя. Что за таинственность такая у тебя!

Фабіанъ засмѣялся и сказалъ:

— Тебѣ ничего не придется покупать. Это нѣчто такое, что уже принадлежитъ тебѣ.

— Ну, хорошо, я обѣщаю тебѣ.

— Ты знаешь рабовъ Феликса, Донія, Виталія и Сергія, которые работаютъ въ саду. Отпусти ихъ на волю.

Меланія была смущена: никто изъ ея рабовъ не выражалъ никакого неудовольствія своимъ положеніемъ. Она помолчала немного, выжидая, что Фабіанъ дастъ какія-нибудь объясненія, но онъ молчалъ, а Меланія была изъ тѣхъ родителей, которые никогда не допрашиваютъ своихъ дѣтей.

— Хорошо, пусть они будутъ свободны,—промолвила она спокойно.— Но если они пожелаютъ уйти отъ насъ, надо будетъ сдѣ-

лать для нихъ что-нибудь. Нехорошо будетъ, если мы отпустимъ ихъ на свободу совершенно безпомощными и безъ всякихъ средствъ.

— Я думаю, что они не уйдутъ отъ насъ. Пусть они будутъ свободными людьми и остаются здѣсь.

— Они говорили тебѣ что-нибудь?

— О, нѣтъ. Если бъ они говорили, я сейчасъ же сказалъ бы тебѣ объ этомъ. Это мое собственное желаніе. Ты находишь его несправедливымъ?

— Нѣтъ. Если они получаютъ свободу, то этимъ они будутъ обязаны тебѣ.

Четыре раба были отпущены на волю съ древними слегка видоизмѣненными церемоніями, которыя были совершены въ христіанской часовнѣ виллы. Фавстула просила показать ей эту церемонію, но Меланія рѣшительно воспротивилась этому. Она не знала, какъ отнесется къ этому Сабина, и не хотѣла сдѣлать ничего такого, что могло бы вызвать ее неудовольствіе.

По окончаніи церемоніи Феликсъ и его сыновья заявили, что они остаются на прежнемъ мѣстѣ. Сергій же обратился къ Фабіану съ просьбой:

— Когда ты поступишь въ легіоны, я хотѣлъ бы сопровождать тебя.

Фабіану очень нравился этотъ юноша, который былъ всего года на три старше его и отличался умомъ и веселымъ характеромъ. Онъ обѣщалъ ему, что Меланія исполнитъ его просьбу.

Вечеромъ того дня, когда произошла церемонія освобожденія, Меланія вошла въ табулумъ, гдѣ сидѣли Ацилія и мальчики, и съ улыбкой остановилась среди нихъ. Ея лицо было серьезно, но эта серьезность смягчалась ея ласковой улыбкой.

— Я пришла проститься съ вами на короткое время,—сказала она:—можетъ быть, на нѣсколько дней, а можетъ быть, и на нѣсколько недѣль.

Несмотря на ея спокойный и веселый тонъ, мысль о томъ, что она уѣзжаетъ, взволновала всѣхъ.

— Что такое? Ты ѣдешь въ Римъ?—быстро спросила Ацилія.

— Позволь мнѣ ѣхать съ тобой,—обратился къ матери Фабіанъ.

Въ присутствіи старшаго брата онъ не могъ просить этого и теперь виновато глядѣлъ на него. Но Христофоръ былъ не заисливъ.

— Я никуда не ѣду,—продолжала Меланія.—Дѣло вотъ въ чемъ. Заболѣла Клодія. Она поступила очъ осторожно и какъ только заболѣла, перестала ходить за Фавстулой, которая еще спитъ въ той своей комнатѣ во флигелѣ. Я должна навѣстить ее и останусь тамъ, пока все не пройдетъ благополучно. Поэтому вы не увидите меня нѣсколько дней.

— Что же предполагаешь у нея?

— По всей вѣроятности, это—оспа.

Никто не возражалъ. Было очевидно, что кто-нибудь долженъ ухаживать за Клодіей, а въ домѣ считали, что самыя отвѣтственныя вещи должны исполняться самими важными лицами.

— Конечно, за ней могла бы ходить Плацида,—продолжала Меланія:—но я привезла сюда Клодію, я же должна поставить ее на ноги. Ацилія, напиши Сабиннѣ, Фабіанъ передастъ отъ меня по клонѣ Фавстулѣ. Тацій, завтра утромъ тебѣ придется вернуться съ сестрой домой. Ну, а теперь прощайте.

Она поцѣловалась со старушкой, какъ онѣ дѣлали это каждый вечеръ. Потомъ Меланія поцѣловала сыновей и благословила ихъ.

— Прощай, Тацій. Передай Сабиннѣ, что мнѣ очень жаль отпра- влять васъ домой. Но такъ будетъ лучше.

— Такъ будетъ лучше,—повторилъ Тацій.

Онъ отодвинулся назадъ, какъ будто близость Меланіи, которая еще только собиралась ухаживать за больной рабыней, уже стала опасной. Всѣ замѣтили и поняли это движеніе. Фабіанъ густо покраснѣлъ, Христофоръ былъ сконфуженъ и старался не смотрѣть на своего товарища.

Меланію разсмѣшила эта трусость эгонетического мальчика, и она нарочно не подошла къ нему, чтобы не пугать его.

— Бѣдная Фавстула,—проговорила Меланія, выйдя съ прово- жавшими ее дѣтьми въ перистиллумъ. Поцѣлуйте ее отъ меня.

Затѣмъ она поцѣловала еще разъ обоихъ сыновей и спокойно направилась къ больной.

XV.

Фавстула и Тацій прожили уже нѣсколько недѣль. Какъ могла заразиться оспою Клодія, когда всякая опасность, повидимому, уже миновала.

Нужно вспомнить еще объ одномъ лицѣ, которое до сего времени оставалось въ тѣни, о воспитателѣ Матонѣ, который при- ѣхалъ на виллу вмѣстѣ съ Таціемъ.

Въ то время, когда умерла Акція, Матону было всего двадцать три года. Теперь ему, стало быть, было сорокъ.

Онъ очень гордился своими талантами и не безъ причины: отлича- ясь необыкновенными способностями, онъ быстро схватывалъ, а, схвативъ, крѣпко держалъ въ памяти. Но его умъ былъ довольно поверхностенъ. Еще болѣе гордился онъ своей внѣшностью, которая, впрочемъ, не представляла ничего особеннаго: такихъ людей можно было встрѣтить каждый день сотни на оживленныхъ римскихъ улицахъ. Его широко разрѣзанные, блестящіе, черные глаза не отражали глубины и были похожи скорѣе на чернильное пятно,

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

ВИЛИНСКІЙ, С. Житіе св. Василія Новаго въ русской литературѣ. Ч. 1—2. Ц. 8 р.	XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Т. 2. Казань. 1913. Ц. 5 р.
ГОЛУБИНСКІЙ, Е. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. М. 1913. Ц. 1 р.	СЕРАПІОНЪ, іер. Гдѣ подлинное «торжество христіанства». Сухумъ. 1913. Ц. 40 к.
ПЕРОВСКІЙ, М. Открытое письмо свящ. Н. Антонову. Нѣчто о «свѣтскихъ богословахъ» и о добродѣши русскаго казеннаго сундука. Ц. 30 к.	ФЛОРЕНСКІЙ, П. Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной еоудипен въ 12 письмахъ. М. 1914. Ц. 8 р.
ЦОКРОВСКІЙ, И. Русскія епархіи въ	50 к.

Философія, психологія, логика.

ВОЛКОНСКІЙ, С. Выразительное слово. Опытъ изслѣдованія и руководства въ области механики, психологіи, философіи и эстетики рѣчи въ жизни и на сценѣ. Ц. 1 р. 50 к.	Современныя метафизики. № 1. Ц. 80 к.
ЛОССКІЙ, Н. Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.	ПОСТАВЕЛЬСКІЙ, Л. Богъ или природа? Вып. 1-й. Происхожденіе религіи. М. 1913. Ц. 30 к.
НЕСМѢЛОВЪ, В. Вѣра и знаніе съ точки зрѣнія гносеологіи. Казань. 1913. Ц. 60 к.	СМОЛЕНСКІЙ, И. Этюды. Вып. 1. Стыдъ и различные случаи его проявленія въ жизни. Ц. 75 к.
«НОВЫЯ ИДЕИ въ философіи». № 13.	СОТОНИНЪ, К. Таблицы по исторіи философіи. Казань. 1914. Ц. 1 р. 5 к.
	УСПЕНСКІЙ, П. Исканія новой жизни. Что такое Юга. Ц. 30 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БРАНДЕСЪ, Г. О чтеніи. М. 1913. Ц. 20 к.	Вып. I. Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилищъ. Спб. 1913. Ц. 70 к.
ГИНКЕНЪ, А. О чтеніи и книгахъ. «Истор. вѣстн.», февраль 1914 г., т. СХХХV.	ПОРТУГАЛОВЪ, М. Женщина въ рус-

1/25

ской художественной литературѣ XIX вѣка. Ц. 1 р.
РОЗАНОВЪ, В. Среди художниковъ. Съ портретами. Ц. 3 р. 50 к.

ЩЕРБАЧЕВЪ, Ю. Пріятели Пушкина: Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

БАРЯТИНСКИЙ, В. «Комедія смерти». Пьеса въ 3 дѣйств. Ц. 1 р. 25 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ, Н. Записки натуралиста. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

БРИГАДЕРЪ, А. Спродить. (Малышъ). Сказка. Рига. 1913. Ц. 75 к.

БРЯНЧАНИНОВЪ, А. Въ годину лихолѣтій. Романъ. X. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
БУНИНЪ, И. Іоаннъ Рыдалецъ. Рассказы и стихи. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕРЖБИЦКИЙ, Н. На сонъ грядущій. Рассказы. Ц. 25 к.

ВИНОГРАДОВЪ, А. Птица радости и птица печали. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

ГАРИНЪ, Н. Сумерки. Ц. 1 р. 25 к.

ДОДЪ, А. Фромънъ младшій и Ризлеръ старшій. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

ДМИТРИЕВЪ, Н. Национальная школа. Ц. 1 р.

ЕВДОКИМОВЪ, П. Городскія смѣны. Стихи. Ц. 50 к.

ЗОЛА, Э. Собрание сочиненій. Т. 16. «Человѣкъ-звѣрь». Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

КАМЕНСКИЙ, А. Княжна Дуду. Новые рассказы. Ц. 1 р.

КОВАЛЕВЪ, А. Паяны напѣвы. Стихи. Ц. 1 р.

КОЦЮБИНСКИЙ, М. Тѣни забытыхъ предковъ. Рассказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, Вл. Стихотворенія. 1913. Ц. 1 р.

«ЛЕТУЧИЕ АЛЬМАНАХИ». Сборникъ. № 11. Ц. 60 к.

ЛОНДОНЪ, Д. Собрание сочиненій. Т. 14-й Любость къ жизни. Ц. 1 р.

МАКСИМОВЪ, С. Собрание сочиненій. Т. 19-й и 20-й. Ц. по 1 р.

ОРДЫНЦЕВЪ - КОСТРИЦКИЙ, М. Имперскій ювелирь. Историческая повѣсть время смуты Новгородской. Спб. 1914. Ц. 35 к.

ПИСАРЕВА, Ю. «Мятежныя души». Рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ПОЛЬ-Д-ИВУА. Аэропланъ-призракъ. Фантастическій романъ. Ц. 75 к.

«ПРОМЕТЕЙ». Литературно - художественные сборники. Кн. 2-я. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ Фюорды. № 13. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

СРОКОВСКИЙ, М. Трагедія страсти. Романъ. Ц. 1 р.

СТРЕМИНЪ, М. Замкнутый кругъ. Стихи. Ц. 75 к.

ТУХОЛКА, С. Колдовство и шутка. Пьеса въ 1 д. съ прологомъ. Ц. 40 к.

ЦВѢТНЫЕ сборники. Розовый. Рассказы. Куприна, Будницова, Каменскаго, Гатарина и др. Ц. 60 к.

ЧАРСКАЯ, Л. Виновна, но... Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

АШИКЪ, В. Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 гг. и въ память Императора Александра I. Спб. 1913. Ц. 6 р.

БАРОНИЙ, Ц. Дѣянія церковныя и гражданскія отъ Рождества Христова до арчи: лѣта. Книга первая. Вѣка первый—четвертый. М. 1913. Ц. 3 р.

БЪЛОКУРОВЪ, С. Письма Императора Александра I графу П. А. Толстому по поводу оставленія кн. Кутузовымъ Москвы. М. 1913. Ц. 30 к.

ГЕРЬЕ, В. Западное монашество и папство. М. 1913. Ц. 2 р.

КОВАЛЕВСКИЙ, П. Исторія Малоросіи. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

МИЛОВИДОВЪ, А. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіяся къ польскому востанію 1863—1864 гг., въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Ч. I. Вильна. 1913. Ц. 3 р. 75 к.

МЯТЛЕВА, Т. Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси. Ч. 3. Вып. 1. Ц. 70 к.

ОРЛОВЪ, Ф. Павловскій и Екатерининскія гренадери и л.-гв. С.-Петербургскій полкъ. Историческая справка. Варшава. 1914. Ц. 75 к.

ПАВЛОВСКИЙ, И. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка. Ц. 1 р.

— Первое дополненіе къ словарю. Ц. 50 к.

ПИСАРЕВСКИЙ, Г. Внутренній распорядокъ въ колоніяхъ Поволжья при Екатеринѣ II. Варшава. 1914. Ц. 70 к.

ПИСЬМА разныхъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ области науки, литературы и общественной дѣятельности къ А. В. Селиванову. Вып. 2-й. Владимірь. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛОНСКОЙ, Н. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Вып. 2-й. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

СВОЕРУЧНЫЯ записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, дочери ген.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Спб. 1913. Ц. 3 р.

СИДОРЕНКО, Е. Итальянскіе угольщики начала XIX вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1913. Ц. 2 р.

СПЕРАНСКИЙ, М. Исторія древней русской литературы. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

УСПЕНСКИЙ, Ф. Миланскій эдиктъ Константина Великаго. Казань. 1913. Ц. 20 к.

ФУКСЪ, Э. Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. 3. Буржуазный вѣкъ. М. 1913. Ц. 6 р.

ХАРЬКОВСКОЕ медицинское общество 1861—1911 гг. Очерки его 50-лѣтней дѣятельности. X. 1913. Ц. 3 р.

ЩЕПКИНЪ, М. Записки его, письма, рассказы, матеріалы для біографіи и родословная. Съ портр. и иллюстр. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АН—СКІЙ, С. Народъ и книга. Опытъ характеристики народнаго читателя. М. 1914. Ц. 1 р. 60 к.

БРЮНЕЛЛИ, П. Бракоразводный процесс. Справочная книга. Ц. 1 р. 50 к.

БРЯНЧАНИНОВЪ, А., Плетневъ, В. Интересы на Балканахъ и правительственное сообщеніе. Спб. 1913. Ц. 40 к.

ВАНДАМЪ, А. Величайшее изъ искусствъ, обзоръ современного международнаго положенія при свѣтѣ высшей стратегии. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВИНОГРАДОВЪ, П. Порядокъ учрежденія больничной кассы. М. 1914. Ц. 75 к.

ГАНТТЪ, Г. Современныя системы заработной платы и подборъ рабочихъ въ связи съ доходностью предприятий. Ц. 2 р. 20 к.

ГЕНЗЕЛЬ, П. Очерки по исторіи финансовъ. Вып. 1-й. Древній міръ. М. 1913. Ц. 60 к.

ГЕРЦЕНБЕРГЪ, В. и ПЕРЕТЕРСКИЙ, И. Обязательственное право. Книга пятого гражд. удоженія. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕССЕНЪ, Я. Уставъ торговый. Изд. 2. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВСКИЙ, С. О бракѣ и разводѣ, о дѣтяхъ внѣбрачныхъ, узаконеніи и усыновленіи и о метрическихъ документахъ. Сборникъ церковныхъ и гражданск. законовъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.

— О разводѣ. Причины и послѣдствія развода и бракоразводное судопроизводство. Ц. 4 р.

ДАНИЛОВЪ, В. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по Полож. 25-го іюня 1912 года. Курсъ методики русскаго языка. 1914. Ц. 1 р.

ЕЗЕРСКИЙ, Н. Общедоступныя очерки политической экономіи, два выпуска. Спб. 1914. Ц. 60 к.

КАМИНКА, А. Объединеніе вексельнаго права. Ц. 60 к.

КАРНЕГИ, А. Евангеліе богатства. Соціальныя этюды. Ц. 1 р.

КЛОПОВЪ, А. Очеркъ добросельскаго народнаго общества. Спб. 1913. Ц. 15 к.

— Самодѣятельность и земство въ народной жизни Россіи. Ц. 30 к.

КЪ ВВЕДЕНІЮ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНІЯ РАБОЧИХЪ отъ несчастныхъ случаевъ. Исслѣдованіе системы классификаціи опасностей и проектъ тарифа премій. Ц. 3 р.

НИКИТИНЪ, В. Уставъ о воинской повинности. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

ПЕКАРСКИЙ, В. Нормальная экономика (теорія кооперации). Спб. Ц. 75 к.

ПЕТРАЖИЦКІЙ, Л. О ритуальныхъ убійствахъ и дѣлѣ Вейлса. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ПРОЗОРОВЪ, д-ръ. Самоубійство въ С.-Петербургѣ 1911—1912 г., причины и мѣры противодѣйствія имъ. Ц. 60 к.

ПУРИШКЕВИЧЪ, В. Административныя типы. Вып. 1-й. Спб. 1913. Ц. 40 к.

РАЕВСКИЙ, А. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и

возможная роль въ будущемъ. Х. 1913. Ц. 75 к.

РУСОВЪ, А. Краткій обзоръ развитія русской оцѣночной статистики. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р.

САВЧЕНКО, П. Значеніе и способы организаціи военно-уголовной статистики. Чугуевъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

САЗОНОВЪ, Г. Городская Петропавловская больница и городскіе родильныя пріюты. Отчетъ попечителя. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ рѣчей о трезвенническомъ движеніи, произнес. въ собраніяхъ центрального комитета союза 17-го октября въ Москвѣ и Спб. 5, 6, 13, 14 мая 1913. Ц. 30 к.

СБОРНИКЪ рѣшеній Гражд. Касс. Деп. Прав. Сен. съ 1866 по 1914 г., подъ ред. Е. Васковскаго. Принимается подписка. Вышелъ № 1 по 7. Ц. по 1 р. 25 к.

СБОРНИКЪ рѣшеній гражданскаго кассаціон. деп. Прав. Сената съ 1866 по 1914 г. Вып. 6-й. Ц. 1 р. 40 к.

СИЛИНЪ, Н. Австро-венгерскій банкъ. Исслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между центральнымъ эмиссионнымъ банкомъ и государствомъ. Ц. 3 р.

СОЛОВЬЕВЪ, И. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій правительства, касающихся порядка пролами лѣса съ торговъ и исполненія договоровъ, заключаемыхъ казноо съ дѣлоополателями. Петрозаводскъ. 1913. Ц. 3 р.

ТАГАНЦЕВЪ, И. Смертная казнъ. Сборникъ. Ц. 1 р.

ТАЙНОВЪ, И. Золотыя точки и ихъ практическое значеніе по опредѣленію прилива и отлива золотой монеты изъ народнаго обращенія при международныхъ расчетахъ главнѣйшихъ государствъ. Ц. 40 к.

— Золотое обращеніе и центральныя банки главныхъ государствъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Международные расчеты съ основанными на золотѣ и переводныхъ векселяхъ арбитражами и паритетами. Ц. 5 р.

ТРЕГУБОВЪ, А. По новымъ мѣстамъ. Переселеніе въ Сибирь въ 1913 г. Впечатленія и замѣтки. Ц. 40 к.

ТРОШИНЪ, А. Отношеніе къ церковнымъ народнымъ школамъ Гос. Думы третьяго созыва. Ц. 50 к.

ТУГАНЪ - БАРАНОВСКИЙ, М. Периодическіе промышленныя кризисы. Ц. 3 р.

— Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма. Ц. 1 р.

УДИНЦЕВЪ, В. Оставленіе заклада въ пользованіи должника. Ц. 30 к.

ЧИХАЧЕВЪ, Д. Политическая программа П. А. Столыпина. Спб. 1914. Ц. 20 к.

ЧУПРОВЪ, А. Мелкое земледѣліе. М. 1913. Ц. 75 к.

ШРЕЙБЕРЪ, Н. Временныя правила о волостномъ судѣ 15-го іюня 1912 г. и Положеніе о введеніи въ дѣйствіе закона о преобразованіи мѣстнаго суда. Ц. 1 р.

Искусство.

«ЕЖЕГОДНИКЪ императорскихъ театровъ». В. 6-й. 1913. Ц. 1 р.

КЕЛЛЕНЪ, Л. Новая живопись. Импрессионизмъ. Ванъ-Гогъ и Сезаннъ. М. 1913. Ц. 80 к.

СТАРКЪ, Э. Наши художественныя сокровища. (Русскій музей императора Александра III). 1913. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

- БОГОМОЛОВЪ, С. Вопросы обоснованія геометріи. Ч. I. Интуиція, матем. логика. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗАПИСКИ крымскаго общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. 1—2. Ц. по 1 р. 50 к.
- ШАТЪБЕВЪ, В. Нефть и ея происхождение. Ц. 25 к.
- Химическія явленія въ природѣ. Ц. 25 к.
- КУЗНЕЦОВЪ, П. Качественный химическій анализъ. Ц. 1 р. 10 к.
- ЛЕВОНЪ, Г. Эволюція матеріи. Спб. 1914. Ц. 2 р.
- МЕЧНИКОВЪ, И. Этюды оптимизма. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
- ПАЛЛАДИНЪ, В. Физиологія растений. Изд. 7-е. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА 8 (21) августа 1914 г. въ Европейской Россіи. М. 1913. Ц. 1 р. 20 к.
- РЕМИГЪ РЭСЪ. Упрощенное счисленіе. Ц. 2 р. 25 к.
- СКОТЪ, Д. Эволюція растительнаго міра. Ц. 1 р. 50 к.
- ЯЧЕВСКІЙ, А. Опредѣлитель грибовъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ЛЕГГАФЪ, Э. Лѣды Сѣвернаго Ледовитаго океана и морской путь изъ Европы въ Сибирь. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- ПАНКРАТОВЪ, А. Милліоны въ землѣ. Повесть на рѣку Ухту. М. 1914. Ц. 50 к.
- У великихъ могилъ. Ц. 50 к.
- РОССІЯ. Географическое описаніе по губерніямъ и областямъ съ географ. картами. Черноморская губернія. Ц. 20 к. и 25 к.
- СТАРКЪ, А. На русской Ривьерѣ. Изъ дневника охотника. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ЧИХАЧЕВЪ, Д. Современная Румынія. Путевыя замѣтки. Ц. 50 к.

Языковѣдніе.

- БУДДЕ, Е. Русскій языкъ. Казань. 1914. Ц. 2 р.
- КОШКИНЪ, А. Русско-норвежскій словарь. Ц. 2 р.
- ТУХОЛКА, С. Краткое руководство къ албанскому языку. Ц. 60 к.
- ШАХМАТОВЪ, А. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и доводство.

- БОГДАНОВЪ, С. «Хозяинъ-практикъ». Посobie для начинающихъ сельскихъ хозяевъ. Ц. 3 р. 50 к.
- ГЕТНЕРЪ, I. Крестьянскій огородъ. Ц. 20 к.
- ГИНЦЕНБЕРГЪ. Какъ собрать, сорттировать и упаковать плоды яблонь, груш, сливъ и пр. Ц. 90 к.
- КИЧУНОВЪ, Н. Земляника и клубника и ихъ культура. Ц. 60 к.
- КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ развитія русскаго плодородства за Романовскій періодъ исторіи Россіи. Ц. 75 к.
- КРЮКОВЪ, Н. Храненіе продуктовъ птицеводства и торговли ими. Ц. 75 к.
- МЕРИНГЪ, А. Современная техника приготовленія консервовъ изъ плодовъ и овощей въ Германіи. Ц. 70 к.
- ОРЛОВА, О. Промысловое птицеводство. Ч. 6. Откормъ. Ц. 1 р.
- О СОРТИМЕНТАХЪ ПЛОДОВЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ, пригодныхъ для массоваго распространенія плодовъ питомниками. Ц. 25 к.
- ПОЛОСУХИНЪ, А. Пчелы въ плодовомъ саду. Ц. 12 к.
- ЧЕРЕВАТЕНКО, С. Какъ выбиться изъ нужды къ достатку посредствомъ сада. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ЗЛОБИНСКІЙ, А. Самоучитель двойной итальянской бухгалтеріи. Ц. 80 к.
- КОБЕЦКІЙ, А. Правила и формы счетоводства и отчетности по предварительнымъ изысканіямъ и по сооруженію частныхъ желѣзнодорожныхъ линий. Спб. 1914. Ц. 3 р. 75 к.
- КУСТАРНАЯ промышленность Россіи. Разные промыслы. Т. I и II. Спб. 1913. Ц. по 1 р. 50 к.
- ЛАНДО, В. О роли срочныхъ сдѣлокъ въ германской сахарной торговлѣ. Кіевъ. 1913. Ц. 50 к.
- РУССКІЕ акціонерные коммерческіе банки по цифровымъ даннымъ за 1912 и 1911 гг. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БОГОДАРОВЪ, П. Функции въ производствѣ техника и рабочаго. Итоги учебно-организационнаго опыта въ технич. практикѣ. Ц. 2 р.
- БОДРИ ДЕ СОНЬЕ. Практическіе со- вѣты автомобилистамъ и шофферамъ. Вып. 5. Ц. 1 р. 50 к.
- БОДРИ-ДЕ-СОНЬЕ, JI. Практическіе со- вѣты автомобилистамъ и шофферамъ. Вып. 6-й. Ц. 1 р.

ДАМЕНЪ, С. Пользование пневматическими пневмами для автомобилей. Вып. 2. Ц. 50 к.

КАРТАШОВЪ, Н. Паровозные парораспределительные механизмы. Золотники и кулисы. Ц. 4 р. 40 к.

КОЛЛОНТАЙ, В. Грузовики-тракторы и применение ихъ въ крѣпостяхъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

КУРСИЩЪ, А. Голодная степь. Очеркъ работъ по орошенію сѣверо-восточной ея части. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

МАЖЕ, А. Какъ находить источники и руду съ помощью орѣховой или металлической палочки и разныхъ научныхъ приборовъ. Ц. 60 к.

МОНВИЖЪ-МОНТИДЪ, А. Вліяніе протоковъ подземныхъ водъ на жилища, сооружеія и пр. Ц. 30 к.

ОЛЬХОВСКИЙ, В. Фотографированіе мѣстности съ воздушнымъ змбевъ. Ц. 40 к.

ПОЛНЫЙ СВОДЪ новыхъ техническихъ условий морского вѣдомства при поставкахъ материаловъ и издѣлій по машиностроенію и судостроенію. Ц. 3 р.

ПРОХОРОВЪ, С. Рациональная система

пустотѣлыхъ бетонныхъ стѣнъ. М. 1912. Ц. 50 к.

РУДНЕВЪ, В. Архитектурные ордера и краткія свѣдѣнія объ архитектурныхъ формахъ, съ атл. Ц. 1 р.

СТОРИ, В. Дачная архитектура за границей. Фасады и планы каменныхъ и деревянныхъ построекъ въ новыхъ стиляхъ. Ц. 2 р.

— Новый стиль. 70 проектовъ каменныхъ и деревянныхъ дачъ, особняковъ и пр. Ц. 2 р.

ТИМОНОВЪ, В. Водоснабженіе и водостоки. Т. III. Водостоки. Спб. 1913. Ц. 6 р.

ШЕЛИГОВСКИЙ, А. Эксплоатация подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, работа вагоновъ, поѣздовъ и паровозовъ. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ШИФФНЕРЪ, А. Машины и аппараты стеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ, ихъ расчетъ и конструированіе. Киевъ. 1914. Ц. 2 р.

ШЛЕГЕЛЬ, В. Технический отчетъ экспедиціи для обследованія Каракумской степи въ 1911 году. Тихвинъ. 1912. Ц. 3 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БЕКАРЮКОВЪ, Д. Основныя начала школьной гигиены. М. 1914. Ц. 2 р.

ВАТСОНЪ, Настѣбственность. Ц. 60 к.

ВОЛЬФЪ, В. Желудочно-кишечныя болѣзни. М. 1913. Ц. 1 р. 10 к.

HURTER, DR. Діететическое и физическое леченіе болѣзней почекъ. Ц. 50 к.

DUNRSSEN'A, A. Vademecum по акушерству для студентовъ и врачей. М. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

КЕРВАНЪ, Ф. Новѣйшіе принципы въ леченіи такъ называемаго хирургическаго туберкулеза. Ц. 25 к.

ЛЕСЛИ МЕКЕНЗИ, В. Здоровье и болѣзнь. М. 1913. Ц. 60 к.

LESSNER, S. Руководство по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ со включеніемъ косметики. Т. I. Ц. 4 р.

ПРОСТОСЕРДЛОВЪ, Н. Болѣзни и пороки вина. Ц. 25 к.

ФИШЕРЪ, М. Введеніе въ коллоидальную физиологію. Ч. 2. Нефритъ. М. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

ШТЕЙНБЕРГЪ, А. Краткій курсъ фармаціи и фармакогнозіи. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ВОПРОСЫ дошкольнаго воспитанія. Сборникъ второй. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГЕРЛАХЪ, А. Какъ обучать арифметикѣ въ духѣ творческаго воспитанія. В. 2-й. М. 1913. Ц. 35 к.

ДРАВНЪКЪ, Ф. Производство и обмѣнъ. Пособіе для прохожденія экономической части курса коммерціи въ торг. школахъ. Ц. 40 к.

ЕЛЬЧАНИНОВЪ, Н. Сборникъ простѣйшихъ опытовъ по природовѣдѣнію. Неживая природа. М. 1914. Ц. 90 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ВЪ ШКОЛѢ. Сборникъ № 4-й. Преподаваніе зоологіи. Спб. 1914. Ц. 80 к.

КОСКСТРОМЪ, V. Учебникъ финскаго языка. Ч. I. Ц. 90 к. Ч. 2. Ц. 1 р.

ЛЕКСИНЪ, Н. Лабораторный методъ изученія геометріи. Пропедевтический курсъ. Казань. 1914. Ц. 2 р.

НИКИФОРОВЪ, Н. Курсъ черченія. Ч. 2-я. Ц. 1 р.

ОБУХОВЪ, А. и КОРИДАЛИНЪ, А. Какъ организовать и какъ вести занятія съ нѣсколькими отдѣленіями. М. 1913. Ц. 1 р. 10 к.

ОГБЕНКО, И. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Ц. 55 к.

ПОСТНИКОВЪ, А. Учебникъ физики. Ч. 3, для средн. учебн. зав. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СЕЛИХАНОВИЧЪ, А. Очеркъ общей педагогики для семьи и школы. Киевъ. 1913. Ц. 1 р.

СОКОЛОВЪ, Л. Практическая методика объяснительнаго чтенія. Киевъ. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

СПЕНСЕРЪ, Г. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Изд. 3. 1913. Ц. 75 к.

СПИСОКЪ изданій земскихъ и городскихъ самоуправленій по народному образованію. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ТРОШИНЪ, А. Какъ сидѣть учащимся на партѣ. Ц. 50 к.

ХОЛЛЪ, С. Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ШМУЛЕВИЧЪ, Г. Какъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Ц. 1 р.

ШПАЛА, Ф. Геометрической орнаментъ. Ц. 50 к.

— Нач. курсъ рисованія. Ч. I. Ц. 60 к.

— Нач. курсъ рисованія. Ч. 2 и 3. Ц. по 70 к.

— Элем. курсъ черченія. Ц. 50 к.

— Проекционное черченіе. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АВЕРЬЯНОВА, В. Дрѣ силы. Повѣсть для дѣтей средняго возраста. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. ВЕБЕРГЪ, В., ФОНТЪ-БЕРГЪ. Звѣздочкамъ земли. Разказы для дѣтей. Изд. 2, съ рис. Спб. 1913. Ц. 40 к. КОРОЛЬ АРТУРЪ и его рыцари круг-	лаго стола. Съ 8 раскр. рис. Изд. Э. Гранстрема. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к. ПРУЖАНСКІЙ, Н. Изъ разказовъ Фильки медвѣжатника. Спб. 1914. Ц. 15 к. ТОМПСОНЪ-СЕТОНЪ, Э. Приключенія Рольфа. Ц. 2 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

«НАУКА ПОБѢЖДАТЬ» генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова, изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. ПЕТРОВИЧЪ, Н. Свѣдѣнія о стрѣльбѣ	береговой артиллеріи и о приборахъ для береговой стрѣльбы съ атласомъ чертежей. Одесса. 1913. Ц. 2 р. ШВАРЦЪ, А. Осада Портъ-Артура. Ц. 4 р.

Спортъ, охота и игры.

ПЛАВАНІЕ, нырніе, спасаніе утопающихъ и приемы подачи первой помощи. Съ рис. Ц. 25 к.	ФОКИНЪ, Н. Токъ глухарей. Странички изъ дневника. Ц. 75 к. ФРАНКЪ, М. Лыжный спортъ. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

«ВЕСЬ ЮГО - ЗАПАДНЫЙ КРАЙ». Справочная и адресная книга Кіевской, Подольской и Волынской губерній. 1914. Ц. въ пер. 3 р. 50 к. КАКЪ получить чиновникамъ и служащимъ хорошій заработокъ. Спб. 1914. Ц. 75 к. КЛАРКЪ, И. Спутникъ по Сибири, Манчжуріи, Амуру и Уссурійскому краю. 1913. Ц. 3 р.	КОЗАКЕВИЧЪ, В. Справочная книжка для заемщиковъ Госуд. Дворян. Земельн. банка, и особаго его отдѣла. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к. МЕЗЕНЦОВЪ, С. Авіаціонная карта 1913. Ц. 50 к. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ. «Фрумъ». Зимнее движеніе. Ц. 80 к.

Разныя книги.

- КАРАБАНОВИЧЪ, Д. Графологія или наука опредѣленія характера и духовныхъ свойствъ по почерку человѣка. Ц. 25 к.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по равстоянію.

ВАРШАВСКІЙ

УЯЗДОВСКІЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ,

собирая матеріалы для составленія исторіи госпиталя
въ виду предстоящаго

СТОЛѢТІЯ ЕГО ВЪ 1916 ГОДУ

просить не отказать въ присылкѣ, на имя ГЛАВНАГО
ВРАЧА госпиталя, имѣющихъ историческій интересъ
документовъ, мемуаровъ, замѣтокъ и фотографій лицъ,
служившихъ въ госпиталѣ или имѣвшихъ отношеніе
къ его жизни. Оригиналы по снятіи копии будутъ
возвращены съ благодарностью.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ.

Принимается подписка на 1914 годъ.

Въ восьмомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Э. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Верегенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert, Max Geisberg, В. Т. Георгиевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодской), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Lou's Delteil, С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ-Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, W. Norbert, А. В. Орфшиниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ротиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ, А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, П. Д. Этингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою
10 руб., безъ доставки — 9 руб., за границу —
40 франковъ.**

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка:
при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 июля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул. 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова и Веркмейстера и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста; въ С.-Петербургѣ—Морская, 38 и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стр.—30 р., $\frac{1}{4}$ стр.—20 р., $\frac{1}{8}$ стр.—12 р.
За перемѣну адреса 50 коп.

Комплектовъ за прошлые годы не имѣется.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ИМѢЕТСЯ ВЪ ОГРАНИЧЕННОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ:

Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Врангель. Ц. 10 р.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ 1914 г.

	СТРАН.
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. XVI—XX. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	769
II. Записки графа Н. П. Игнатъева. (Съ примѣчаніями А. А. Башмакова). VII—VIII. (Продолженіе).	805
III. Христова невѣста. (Историческій эскизъ). Е. С. Шумигорскаго.	837
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	849
V. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ императора Александра I. Великаго князя Николая Михайловича.	866
VI. Мой первый начальникъ. Александръ Романовичъ Дрентельнъ. (Изъ «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»). А. Н. Витмера.	886
VII. Памяти Ольги Леонтьевны Шгаденъ. И. В. Мѣцанинова. иллюстрація: Ольга Леонтьевна Шгаденъ.	913
VIII. Нѣсколько страничекъ о прошломъ гатчинскаго Николаевского института. В. А. Малахова.	924
IX. Поэтъ Григорій Головковъ. (Очеркъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	935
иллюстрація: Григорій Алексѣевичъ Головковъ.	
X. Н. К. Михайловскій и московское студенчество. (Изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щегинина.	948
XI. А. И. Соколова. (Некрологъ). Б. Г.	954
XII. Убійство П. А. Столыпина. Л. Гана.	960
иллюстраціи: 1) Петръ Аббадьевичъ Столыпинъ на торжествахъ въ Кіевѣ.—2) Кіевскій городской театръ, въ которомъ былъ убитъ П. А. Столыпинъ.—3) Д. Г. Вогровъ.	
XIII. Смутное время въ Ромнахъ. (Окончаніе). А. В. Сульжикова.	998
XIV. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XIV—XIX. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	1017
XV. Гагры. (Изъ путевыхъ набросковъ). В. Г. Вейденбаума.	1057
иллюстраціи: 1) Видъ на Гагры съ запада.—2) Дворецъ его высочества принца А. П. Ольденбургскаго.—3) Приморская аллея въ паркѣ.—4) Временная гостиница.—5) Видъ на Гагры съ востока.—6) Шоссе на Сочи.	
XVI. Изъ записной книжки историка. Взятіе Парижа и его значеніе въ русской исторіи. Е. С. Шумигорскаго.	1077
XVII. Критика и библиографія.	1086
1) Александръ Ермоловъ. — Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Биографическій очеркъ. Спб. В. А. Алексѣева.—2) Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Бѣодоровича Романова. А. Неволодова. 4 части., съ иллюстраціями. Спб. 1913. Е. Ш.—3) Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Редакция и вступительная статья А. Базеветера. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Москва. 1912—1913. марш	

(См. слѣд. стран.).

и—вой.—4) И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ. Т. II. 1913. В. Данилова.—5) Записки съверо западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжки 1, 2 и 3. Вильна. 1910—1912. Д. Бочкова.—6) И. О. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ второй. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Спб. 1913. Влад. Инянина.—7) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ IV (1892—1896 гг.). Съ иллюстраціями. Москва. 1914. Д. Мяслянина.—8) А. С. Суворинъ. Театральные очерки. (1866—1876 гг.). Спб. 1914. Г.—а.—9) Н. Черняевскій. Императоръ Феодосій Великій и его царствование. Сергіевъ посадъ. 1913. П. Б.—10) Поль Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстъ. Москва. 1913. Я. Бирюнова.—11) Проф. I. А. Покровскій. Исторія римскаго права. Спб. 1913. В. Грибовскаго.—12) 1) Князь Федоръ Долгорукій.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Матеріалы 460 фамилій Спб. 1913.—2) Федоръ Арсакидъ, князь Долгорукій. Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи.—3) Князь Федоръ Долгорукій. Родословный сборникъ (съ гербами). Вып. I. Спб. 1913. Б. Гарскаго.—13) Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ «Словарю русскихъ гравировъ» Ровинскаго и «Описанію нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Составилъ Оболяниновъ. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва. 1913. Г.—а.—14) А. Грищенко. О связяхъ русской жизни съ Византіей и Западомъ. XIII—XX вв. Мысли живописца. Съ 23 воспроизведеніями. Москва. 1913. Я.—а.—15) В. В. Вертенсовъ. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. А. Малемна.—16) А. Е. Егоровъ (Конспаровъ). Страницы изъ прожитого. Т. I и II. Одесса. 1914. А. Фаресова.—17) Е. Валобанова. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. Спб. 1913. Ея же. Изъ моихъ странствій и приключеній. I. Маръ-Июнна. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. II. Пиренеи. Разказы дядюшки Вертрана. Съ двумя картинами. Спб. 1913. III. Шотландія. Изъ лѣтъ далекихъ. Съ тремя картинами. Спб. 1913. А. Б.—нова.—18) Матеріалы по исторіи Малороссіи. Письма къ И. П. Забѣдъ и его вдовѣ (1687—1713 гг.). Подъ редакціей В. Л. Молдавецкаго. Черниговъ. 1913. В. В. Д.—19) В. В. Даниловъ. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по положенію 25 іюня 1912 г. Курсъ методики русскаго языка для учительскихъ институтовъ. Съ 13 рисунками. Спб. 1914. Вит. Тн—а.

- XVIII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Исамайлова. 1114
- XIX. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 1122
- XX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1126
- 1) Изъ воспоминаній французскаго инженера.—2) Одинъ изъ правыхъ конвента.—3) Марія-Антуанетта, Варнавъ и Ферзель.—4) Неразрѣшенная исторіей загадка.—5) Страничка изъ исторіи англійской общественности.—6) Сынъ маркизы де-Севинье.—7) Поль Деруледъ, какъ воинъ и патріотъ.—8) Исторія одного покушенія.
- XXI. Смѣсь. 1151
- 1) Въ лабораторномъ фондѣ.—2) Открытіе церковно-археологическаго общества въ Симбирскѣ.—3) Присужденіе премій въ географическомъ обществѣ.—4) Пятидесятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.—5) Чествованіе профессора Ф. Ф. Зѣлинскаго.—6) Чествованіе В. Н. Мамаитова.—7) Юбилей профессора Н. И. Караваина.—8) Юбилей профессора В. В. Мещерскаго.
- XXII. Некрологи. 1159
- 1) Вербенко, Б. Д.—2) Воткинъ, М. П.—3) Вороловскій, В. А.—4) Гольтинсонъ, М. А.—5) Ки одзе, М. А.—6) Ковалевскій, В. А.—7) Меводій, епископъ.—8) Модестовъ, С. С., протоіерей.—9) Ведзвѣцкій, В. И.—10) Петровъ, Е. Ф.—11) Розенкнопъ, Э. М.—12) Цвѣтковъ, П. И.—13) Эсадзе, В. С.
- XXIII. Замѣтки и поправки. 1166
- 1) Письма въ редакцію: I. Г. Федорова.—II. I. I. Мацѣвскаго.—2) Бъ статьѣ г. И. Г. «Послѣдній изъ стаи славной». И. С. Исамайлова.

Приложенія: 1) Портретъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго.—
«Во дни Юліана Отступника», историческій романъ Дж. Эйсхофа, въ переводѣ А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНИЕ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТОГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ 1914 года.

	СТРАН.
На родной почвѣ. (Романъ). Часть первая. I—XX. М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5, 385, 769
Записки графа Н. П. Игнатъева	49, 441, 805
Старая фрейлина. (Историческій разсказъ). Е. С. Шумигорскаго	76
Изъ воспоминаній о дѣтствѣ императора [Александра III. А. П. Бологовской	96
Жестокое дѣло. (Разсказъ). И. Н. Потапенка	103
Всеволодь Гаршинъ. [В. Микуличъ	121
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	135, 498, 849
Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. И. Г.	145
Лжехристось-ростовщикъ. (Изъ недавняго прошлаго поволжскаго сектантства). П. Л. Юдина	150
Казанская революція. Н. М. Лосицкаго	165
Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). Б. Б. Глинскаго	179, 608, 1017
Культурный праздникъ. (Къ столѣттю со дня открытія императорской публичной библіотеки). А. Е. Кауфмана	221
Въ тихой обители. Б. А. Бракнера	234

Иллюстраціи: 1) «Святые» ворота.— 2) Великая княгиня Александра Петровна, въ иночествѣ Анастасія.— 3) Великая княгиня Александра Петровна во время болѣзни.— 4) Могила великой княгини Александры Петровны.— 5) Кабинетъ великой княгини въ парадныхъ покояхъ.— 6) Соборы: Николаевскій (влѣво) и Покровскій (вправо).— 7) Хирургическая больница имени Императора Николая II съ церковью во имя св. Агапита-врача.— 8) Собственный кабинетъ великой княгини въ хирургической больницѣ. На первомъ планѣ—кушетка, на которой почла ея вычешество.

На переваль Сарыкъ-моголь. (Изъ китаній по горному Туркестану. Н. Корженевскаго.	250
Иллюстраціи: 1) Ущелье рѣки Кичикъ-алай.—2) Урочище Ой-зайинъ.— 3) Видъ съ устья р. Сарыкъ-моголь на Алайскій хребетъ.—4) Гребень перевала Сарыкъ-моголь (14.000 футовъ надъ уровнемъ моря). Вѣчные снѣга.	
Иностранцы о Россіи.	259
Исповѣдь повѣшеннаго. (Изъ записокъ революціонера). С. С. Окрейца.	463
Гибель корабля «Фершампенуазъ». Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	512
А. Н. Майковъ. (Изъ дневника). В. А. Алексѣева.	522
Какъ я былъ сосѣдомъ царя. (Разсказъ коммерсанта). П. Ронина. . . .	530
Убійство князя М. А. Накашидзе. (Изъ воспоминаній очевидца). П. П. Шубинскаго.	539
Иллюстрація: Князь И. Г. Амглахвари.	
Старыя времена были. С. П—ова.	579
Смутное время въ Ромнахъ. А. В. Сульжикова.	585, 998
Столица Сибири. (Наброски). И. Вязовскаго.	646
Иллюстраціи: 1) Иркутскъ. Повторный мостъ. Въѣздъ въ городъ.— 2) Иркутскъ. Кафедральный соборъ.—3) Иркутскъ. Вольшая улица.— 4) Иркутскъ. Судебныя установленія.—5) Иркутскъ. Домъ генераль-гу- бернатора.—6) Иркутскъ. Городской театръ.—7) Иркутскъ. Музей.— 8) Иркутскъ. Памятникъ Александру III.—9) Иркутскъ. Общественное со- браніе.	
Христова невѣста. (Историческій эскизъ). Е. С. Шумигорскаго.	837
Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ императора Але- ксандра I. Великаго князя Николая Михайловича.	866
Мой первый начальникъ. Александръ Романовичъ Дрентельнъ. (Изъ «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»). А. Н. Витмера.	889
Памяти Ольги Леонтьевны Штаденъ. И. В. Мѣщанинова.	913
Иллюстрація: Ольга Леонтьевна Штаденъ.	
Нѣсколько страничекъ о прошломъ гатчинскаго Николаевского института. В. А. Малаховскаго.	924
Поэтъ Григорій Головковъ. (Очеркъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго. . . .	935
Иллюстрація: Григорій Алексѣевичъ Головковъ.	
Н. К. Михайловскій и московское студенчество. (Изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щетинина.	948
А. И. Соколова. (Некрологъ). Б. Г.	954
Убійство П. А. Столыпина. Л. Гана.	960
Иллюстраціи: 1) Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ на торжествахъ въ Кіевѣ.—2) Кіевскій городской театръ, въ которомъ былъ убитъ П. А. Столыпинъ.—3) Д. Г. Вогровъ.	

Гагры. (Изъ путевыхъ набросковъ). В. Г. Вейденбаума. 1057

Иллюстраціи: 1) Видъ на Гагры съ запада.— 2) Дворецъ его высочества принца А. П. Ольденбургскаго.— 3) Приморская аллея въ паркѣ.— 4) Временная гостиница.— 5) Видъ на Гагры съ востока.— 6) Шоссе на Сочи.

Изъ записной книжки историка. Взятіе Парижа и его значеніе въ русской исторіи. Е. С. Шумигорскаго. 1077

Критика и бібліографія. 283, 664, 1086

1) Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913. в. А. Алексѣева.— 2) Власть всероссійскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. П. Е. Казанскаго, ординарнаго профессора и декана юридическаго факультета императорскаго новороссійскаго университета. Одесса. 1913. в. Грибовскаго.— 3) Пятидесятилѣтіе Румянцовскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912 гг. Историческій очеркъ. Москва. 1913. И. С. Б.— 4) Матеріалы военно-ученаго архива. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ первый. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Военныя дѣйствія 1812 года. Томы XIX—XX. Спб. 1912. л. н.— 5) Н. Евреиновъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Спб. 1913. А. Б.— 6) Вѣсды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Москва. 1913. п. майнова.— 7) Горяиновъ, С. Государственный архивъ. Разрядъ II.— «Дѣла, собственно до императорской фамиліи относящіяся». Спб. 1913. м. н.— 8) Записки отдѣленія русской и славянскаго археологическаго общества. Томъ IX. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. А. Миронова.— 9) А. С. Архангельскій, заслуженный профессоръ. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государственнаго (конецъ XV—XVII вѣковъ). Казань. 1913. м. н.— 10) Профессоръ Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ.— Жизнь.— Личность.— Творчество. Нѣжинъ. 1914. Вл. фонъ-Штейна.— 11) Евг. Кагаровъ. Культъ фетишей, растений и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913. б.— 12) Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій. Спб. 1913. п. б.— 13) Проф. А. Л. Погодинъ. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913. в. Мар—скаго.— 14) В. Жирмунскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914. А. Б.— 15) La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Par Pierre Kouznetsov. Paris. 1912. н. в.— 16) Библиографическій указатель русской этнографической литературы о вѣдшемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 гг. Составилъ Д. К. Зеленинъ. Спб. 1913. б. Данилова.— 17) Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи. 1913. № 1. Петрозаводскъ. 1913. А. М.—на.— 18) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ Томъ XVIII. Юрьевъ. 1911. Томъ XIX. Юрьевъ. 1912. м.— 19) Я. А. Канторовичъ. Конвенція между Россіею и Германіею для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1913. г. Гмса.— 20) Свѣтъ тихій. Пьеса въ пяти актахъ Евгения Везианова. Москва. 1913. г. Полилова.— 21) Къ жизни новой. Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Томъ III. Одесса. 1913. м—о.— 22) Balkanicus. Сербы и болгары въ балканской войнѣ. Спб. 1913. в. Мар—скаго.— 23) Вашмаковъ, Александръ. Черезъ Черногорію въ страну дѣвкихъ Геговъ. Спб. 1913. в. Мар—скаго.— 24) А. Невскій. Ленскія событія и ихъ причины. Спб. 1913. А. Фаресова.— 25) Собраніе сочиненій О. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Спб. 1913. в. Данилова.— 26) М. Воронкинъ. Даль зоветъ. Литературныя поминки по графѣ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ. Харьковъ. 1913. м.— 27) Своеручныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Спб. 1913. м. с. б.— 28) Документы, относящіяся къ исторіи 1812 года. Первая часть 14 выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи». Съ высочайшаго соизволенія, подъ редакціей приватъ-доцента В. Омирнова. Спб. 1913. п. майнова.— 29) Владимиръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ, составленный членомъ оренбургскаго ученого архивнаго комиссіи священникомъ Николаемъ

- Модестовымъ. Оренбургъ. 1913. д. м—но.—30) Овидіа. Баллады-послания. Переводъ со вступительными статьями и комментаріемъ Ѡ. Злинскаго. (Памятники мировой литературы). Москва. 1913. Я. Бирюкова.—31) S. Graham. Changing Russia. London. 1913.—R. Reynolds. My Russian Year. London. 1913. А. Б—а.—32) Н. Кадминъ. Философія уойства. Москва. 1913. п. б.—33) Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. 1914. Е. Шумигорскаго.—34) XL—L. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. Казань. 1912—1913. Н. Ефимова.—35) Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея за 1912 г., представленный министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1913. м. с. б.—36) Труды саратовской ученой архивной комисси. Вып. 30-й. Саратовъ. 1913. А. м—на.—37) Подробный каталогъ изданій императорской археографической комисси министерства народнаго просвѣщенія, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836 по 1912 г. Спб. 1913. д. Бочнова.—38) Н. Н. Модестовъ. Вышій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургъ. Оренбургъ. 1912. А. б.—39) Николай Энгельгардтъ. Історія русской литературы XIX столѣтія. Томъ I. 1800—1850 (критика, романъ, поэзія и драма). Спб. 1913. профессора И. Замотина.—40) Н. Л. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Спб. 1913. в. Данилова.—41) И. А. Куцинскій. Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913. д. м.—42) André Lironde. Le poète Alexis Tolstol. L'homme et l'oeuvre. Paris. 1913. Сергья фонъ-Штейна.—43) Л. И. Шубертъ. Моя жизнь. Воспоминанія. Спб. 1913. г.—44) В. В. Розановъ. Среди художниковъ. Спб. 1914. Н. Вальмана.—45) К. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ. Его жизнь и творчество. М. 1913. г.—46) Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная історія нравовъ. Перев. В. М. Фриче. Томъ II. М. 1913. А. м—на.—47) Тэнъ, Ипполитъ. Путешествіе по Італіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Переводъ съ французскаго. П. П. Перцева. Москва. 1913. в. бр.—48) А. Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913. п. б.—49) Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдніе 3. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть I. Ташкентъ. 1913. в. м.—50) М. Слобожанинъ. Изъ історіи и опыта земскихъ учреждений въ Россіи. Спб. 1914. А. Фаресова.—51) Леонъ Додэ. Передъ войной. Исслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпіонствѣ во Франціи со времени дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено Н. М. Ляговымъ. Спб. 1913. л. н.—52) Л. Ружа. Очерки и изслѣдованія. Вып. I. Изъ жизни и колонизаціи Муганской степи. Спб. 1913. г. Гинса.—53) Г. Артуровъ. На живъи смерти. Шортъ-артурскіе рассказы. Москва. 1913. д. м.—54) П. А. Прокошевъ, профессоръ императорскаго томскаго университета. Didascalia Apocolorum и первая шесть книгъ «Апостольскихъ постановленій». Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. Томскъ. 1913. Вит. Тачуна.—55) Труды состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № I. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. Спб. 1913. б. г—ва.—56) Труды вятской ученой архивной комисси. Вып. III—VI. 1913. вл. д.—57) Н. Никольскій. Древній Вавилонъ. М. 1913. п. б.—58) Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ старины В. и Г. Лукомскіе. Спб. 1913. г.—59) Историко-культурный атласъ по русской історіи съ объяснительнымъ текстомъ. Составленъ Н. Д. Полонской, подъ редакціей профессора М. В. Довнар-Запольскаго. Вып. I и II. Кіевъ. 1913. н—шова.—60) Александръ Ермоловъ.—Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Біографическій очеркъ. Спб. в. А. Алексѣева.—61) Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Теодоровича Романова. А. Нечволодова. 4 части. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. е. щ.—62) Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Москва. 1912—1913. Маріи н—вой.—63) И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ. Т. II. 1913. в. Данилова.—64) Записки съверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжки 1, 2 и 3. Вильна. 1912. д. Бочнова.—65) И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ второй. Подъ редакціей А. Г. Фокина. Спб. 1913. Влад. Ниямина.—66) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстраціями. Москва. 1914. д. Маслянина.—67) А. С. Суворинъ. Театральные очерки. (1865—1876 гг.). Спб. 1914. г—а.—68) Н. Черняевскій. Императоръ Теодосій Великій и его царствованіе. Сергіевъ посадъ. 1913. п. б.—69) Поль Гиро. Историческія чтенія.

Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913. Я. Бирюнова.— 70) Проф. І. А. Покровский. Исторія римскаго права. Спб. 1913. В. Грибовскаго.— 71) 1) Князь Ѳеодоръ Долгорукій.— Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Матеріалы 460 фамилій. Спб. 1913.— 2) Ѳеодоръ Арсакидъ, князь Долгорукій. Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи.— 3) Князь Ѳеодоръ Долгорукій. Родственный сборникъ (съ гербами). Выпускъ I. Спб. 1913. Б. Гарскаго.— 72) Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ «Словарю русскихъ граверовъ» Ровинскаго и «Описанію нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Составилъ Оболяниновъ. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва. 1913. Г—а.— 73) А. Грищенко. о связяхъ русской жизни съ Византіей и Западомъ. XIII—XX вв. Мысли живописца. Съ 23 воспроизведеніями. Москва. 1913. Я—а.— 74) В. В. Вергесонъ. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. А. Малемна.— 75) А. Е. Егоровъ (Кюнсаровъ). Страницы изъ прожитого. Т. I и II. Одесса. 1914. А. Фарсцова.— 76) Е. Валобанова. Пятдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. Спб. 1913. Ея же. Изъ моихъ странствій и приключеній. I. Маръ-Ивонна. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. II. Пиренеи. Разказы дядюшки Веррана. Съ двумя картами. Спб. 1913. III. Шотландія. Изъ лѣтъ далекихъ. Съ тремя картинами. Спб. 1913. А. Б—нова.— 77) Матеріалы по исторіи Малороссіи. Письма къ И. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713 гг.). Подъ редакціей В. Д. Модзалевскаго. Черниговъ. 1913. в. в. д.— 78) В. В. Даниловъ. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по положенію 25 іюня 1912 г. Курсъ методики русскаго языка для учительскихъ институтовъ. Съ 13 рисунками. Спб. 1914. вит. Г—на.

Новости исторіи. Обзорніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** . . . 327, 705, 1114

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію
«Историческаго Вѣстника». 346, 714, 1122

Заграничныя историческія новости и мелочи. 350, 717, 1126

1) Стефанія Вогарнэ, великая герцогиня баденская.— 2) Два корсиканца.— 3) Людовикъ XVIII въ Гентѣ во время ста дней.— 4) Абдуль-Гамидъ и его дворець.— 5) Театральная цензура въ эпоху реставраціи.— 6) Къ исторіи Трианона.— 7) Изъ воспоминаній о франко-прусской войнѣ.— 8) Къ біографіи Понсонъ дю-Террайла.— 9) Къ исторіи «Короля Лира».— 10) Изъ прошлаго календарей и альманаховъ.— 11) Привлеченія одного ученаго француза.— 12) Madame Неккеръ и ея кружокъ.— 13) Отчего умеръ Жакъ-Жакъ Руссо.— 14) Изъ нравовъ ранняго «ренессанса».— 15) Изъ театральной старины.— 16) Джіованни Воккаччіо.— 17) Мусоргскій съ точки зрѣнія французскаго критика.— 18) Религіозный вопросъ въ Катаѣ.— 19) Изъ воспоминаній французскаго инженера.— 20) Одинъ изъ правыхъ конвента.— 21) Маріа-Антуанетта, Варнавъ и Ферзень.— 22) Неразрѣшенная исторіей загадка.— 23) Страничка изъ исторіи англійской общественности.— 24) Сынъ маркизы де-Севинье.— 25) Поль Деруледъ, какъ воинъ и патріотъ.— 26) Исторія одного покушенія.

Смѣсь. 366, 741, 1151

1) Въ императорской академіи наукъ.— 2) Торжественное засѣданіе въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности.— 3) Тридцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ.— 4) Пятидесятилѣтній юбилей профессора А. Л. Катанскаго.— 5) Юбилей В. П. Лебедева.— 6) Двадцатипятилѣтній юбилей А. П. Нечаева.— 7) Юбилей А. И. Вильборга.— 8) Чествованіе В. Д. Соколова.— 9) Юбилей поэта-народника.— 10) Юбилей профессора Л. Г. Ведляринова.— 11) Пятидесятилѣтній юбилей И. Я. Спротиса.— 12) Наслѣдіе Ѳ. В. Булгарина.— 13) Первые военно-библіотечные курсы.— 14) Новая ученая архивная комиссія.— 15) Правила о присужденіи преміи въ память А. С. Воронова.— 16) Годовое собраніе императорской академіи наукъ.— 17) Въ литературномъ фондѣ.— 18) Пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.— 19) Столѣтіе императорской публичной бібліотеки.— 20) 50-лѣтіе земства.— 21) Освященіе храма въ память 300-лѣтняго царствованія дома Романовыхъ.— 22) Открытіе памятника великому князю Николаю Николаевичу.— 23) Памятникъ княгинѣ Ярославнѣ и князю Игорю въ Путивлѣ.— 24) Преміи императора Петра

Великаго.—25) Въ литературномъ фондѣ.—26) Открытіе церковно-археологическаго общества въ Симбирскѣ.—27) Присужденіе премій въ географическомъ обществѣ.—28) Пятидесятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.—29) Чествованіе профессора Ф. Ф. Зылинскаго.—30) Чествованіе В. Н. Мамантова.—31) Юбилей профессора Н. И. Караваша.—32) Юбилей профессора В. В. Мещерскаго.

Некрологи. 376, 755, 1159

1) Вырубовъ, Г. Н.—2) Гродековъ, Н. И.—3) Мартыновъ, Н. А.—4) Мордовцевъ, А. Л.—5) Мирз, А.—6) Островскій, Н. С.—7) Поповъ, Р. С. 8) Епископъ Симеонъ.—9) Тарскій, А. Г.—10) Алексѣевъ, Г. Е.—11) Божовскій, В. К.—12) Горчаковъ, А. Н.—13) Емельянова, О. В.—14) Жуковская, Е. И.—15) Зыковъ, В. П.—16) Клеменць, Д. А.—17) Клеменць, Е. Н.—18) Ковваловъ, В. Ф.—19) Кулаковскій, П. А.—20) Михаэлисъ, Е. П.—21) Моръ, Я. Г.—22) Поливанова, Е. Я.—23) Рыкалова, Н. В.—24) Рѣзцовъ, Н. А.—25) Скворцова, О. И.—26) Скворцовъ, А. И.—27) Тарновская, В. П.—28) Христофоровъ, А. Х.—29) Чернышевъ, Ф. Н.—30) Вербенко, К. Д.—31) Воткинъ, М. П.—32) Бородовскій, В. А.—33) Гольтисонъ, М. А.—34) Кикодзе, М. А.—35) Ковалевскій, В. А.—36) Меодій, епископъ.—37) Модестовъ, С. С., протоіерей.—38) Недзвѣцкій, В. И.—39) Петровъ, К. Ф.—40) Розенкопъ, Э. М.—41) Цвѣтковъ, П. И.—42) Эсадзе, В. С.

Замѣтки и поправки. 383, 1166

1) Отвѣтъ А. Черяевой. г. п. Федорова.—2) Письма въ редакцію: І. Г. Федорова. П. І. Мацѣвскаго.—3) Къ статьѣ г. И. Г. «Послѣдній изъ стаи славной». И. С. Иванайнена.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) графа Николая Павловича Игнатъева.—2) Князя Михаила Александровича Накашидзе.—3) Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.—4) «Во дни Юліана Отступника», историческій романъ Дж. Эйсхофа, въ переводѣ А. Б. Михайлова.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТИИ

съ приложеніемъ статей закова и Высочайшихъ указовъ

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА.

съ (4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26, 2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559-02. 3) Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Тел. 77-61, **Москва**, Неглинный проѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**. 1) Екатеринославская ул., д. Иванова, 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса**, Дерibasовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассажд. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
ПРИНЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ¹⁾.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVI.

Разыгрался вѣтеръ. Съ петель
Ставня чуть не сорвалась:
«Эй! что, тетка, взоръ не свѣтель?
Аль открытъ не смѣешь глазъ?»
Дальше мчится; шаловливо
Расрепалъ одну изъ крышь: ||
«Что ты, бабушка, такъ криво,
Пригорюнившись, висишь?»

Вотъ понесся къ новой хатѣ,
Налетѣлъ изъ-за угла,—
Гдѣ же крыша? На полати,
Отдыхая, печь легла.
Въ закрому ведетъ съ крапивою
Рѣчь-бесѣду вѣтробой...
И завылъ, завылъ тоскливо
Вѣтеръ волкомъ надъ избой.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

ЕДЛЕННО потухалъ іюньскій день. Сквозь вѣтви
прибрежныхъ ракичь отблески низкаго солнца играли
золотомъ-на заводи. Сѣро-розовые метелки тростника
недвижно наклонялись къ водѣ. Издали слышалось
мычанье и бляенье возвращавшагося съ выгона
стада, и вальки бабъ на плоту смолкали одинъ за
другимъ. Пора было домой.

— Ой, дѣвонька, погодите! Дайте бѣлье посо-
брать!—просила красивая краснощекая Маревна,
опрavляя сбившійся платокъ.—Неохота одной оста-
ваться-то!..

— Что такъ? Аль водяного боишься?

— Какого тамъ водяного! Чать водочнаго!..—

хихикнула курносая Мареутка.

— Аль и къ тебѣ пристаеътъ нонеча?—освѣдомилась Домна.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХV, стр. 385.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1914 г., т. СХХХV.

— И-и, не говори! Ему, вишь, обидно, что никто изъ насъ у него не батрачить. Онъ меня и посуломъ, и угрозой донимаетъ. Мужа обѣщаетъ въ мойщики взять, а меня въ стряпки, и фатеру даетъ, и харчи... Да вѣдь развѣ свекоръ пустить?

— А самой-то охота нешто?—скользнула взглядомъ Домна по стройной Маревнѣ.

— Охота не охота, а больно ужъ тяжело приходится. Духу перевестъ некогда. Сама, небойсь, видишь, какъ наши мужики люты на работу. На нихъ ни въ жисть не угодишь, особливо на деверя, на Лезара. Мой-то потише, а тотъ не пьетъ, не ѣстъ, знай—покривааетъ. А ушли бы на винокурню, оно бы мнѣ много легче было!

— Стряпкой-то тоже не сласть. Ты думаешь, тотъ на работу не лютъ? И-и, не приведи Богъ! Спроси-ка Орину, она поразскажетъ.

Маревна сошла съ плота и стала выгирать о траву посинѣвшія, босыя ноги.

— Озябла!.. даромъ, что зноить... вода какая студеная.

— Ну, попади Маревна стряпкой на заводъ, недолго бы босикомъ ходила!—усмѣхнулась Маревутка.—Тамъ живо въ полсапожкахъ защеголяла бы. Михайло Демьянычъ не очень-то босыхъ жалуетъ. Сейчасъ и полушалкомъ и бусами одарить. Только угоди ему!

Она хихикнула и, вскинувъ коромысло съ выжатымъ бѣльемъ на плечо, затрусила по тропинкѣ въ гору.

— По себѣ, что ль, судишь?—крикнула ей вдогонку Домна.— На свой аршинъ другихъ не мѣрь!

— Не на свой и мѣрю!—огрызнулась бабенка:—на меня, слава те, Господи, никто еще зѣнковъ не палилъ... Мнѣ своего идола хватить!

И, быстро семеня ногами, она запѣла высокимъ визгливымъ голосомъ:

Та не знаетъ горя дѣвушка,
Коя въ людяхъ не живетъ,
Не живетъ, не мается,
Досыта высыпается,
На работушку идетъ,
Когда солнце ужъ взойдетъ.

Маревна съ Домной собрали тоже на коромысло бѣлье и пошли той же дорогой, обгоняя вереницы бѣлыхъ гусей и пестрыхъ утокъ, взбиравшихся вперевалку въ гору. Длинными хворостинами подгоняли ихъ чумазы ребятишки, и птицы, вытянувъ шею, горотали недовольныя, что нельзя остановиться и пощипать мелкой лебеды-муравки, цѣлымъ ковромъ одѣвавшей косогоръ.

— Анютка дома? не видали-ась?—окликнула дѣтей Маревна.

— Нѣту!.. она съ вашими на погостѣ... Дѣдъ Агаеонъ могилу ладить!..—отвѣтила дѣвочка въ короткомъ красномъ платьишкѣ

и длинномъ, видимо, чужомъ передникѣ, болтавшемся чуть не до земли.

Дѣвочка, подымаясь въ гору, часто наступала на него, но подоткнуть его или подвязать повыше не догадывалась и только, оступившись, каждый разъ сильнѣе ударяла вѣткой по толстой гусынѣ въ хвостѣ стаи.

— Ну-ну! пошла, гладкая!

— Ахъ ты прости, Господи! бѣда моя съ этой дѣвчонкой,—ворчала Маревна:—чуть отвернешься,—слѣда не сыщешь. Ни въ чемъ положиться нельзя. Хорошо, коли Луша съ луговъ воротилась, а то, поди, мычать коровы не загнаны.

— Это падчерица-то?

— Она!.. Вотъ ужъ нѣтъ хуже лиха, какъ за вдовцомъ.

— А ты бы раньше думала... Теперь поздно,—не развѣнчаешься!

— Думала!? Развѣ намъ думать даютъ? Думъ нашихъ спрашиваютъ? Я у родителей третья была, а за мной еще четыре дѣвки растутъ. Рады были за вдовца сунуть, все ротъ лишній отъ чашки отвалился.

— Охъ, не говори! Трудно по нонѣшнимъ временамъ. У васъ-то хорошо: свекоръ правильный, не пьяница, не снохачъ. Да и мужъ-отъ у тебя мужикъ добрый, работающій.

— На мужа самого и жалобы нѣтъ,—на деверя, онъ у насъ всѣмъ ворочаетъ,—слова въ избѣ не смѣй молвить. Дѣвчонка грубить, издѣвается, а дяденька ее по головкѣ, знай, гладить: красавица, молъ, растеть.

Домна ухмыльнулась.

— Дѣвчонка-то, поди, не отъ него ли? Слышь,—не проговорись. А баяли тутъ, что онъ, Лезарь-то, съ покойницей не разъ баловался Ты ухо-то держи остро. Онъ бабникъ извѣстный.

— Оттого, милая, и на винокурню охота,—подальше отъ грѣха.

— И-и, дѣвонька! на винокурнѣ ко грѣху-то еще ближе. Упаси Богъ, что дѣется. Ты здѣсь вновѣ, а у насъ тутъ, почитай, ни одной молодухи непорченой не осталось. Лють Демьянычъ до бабъ—и-ихъ, какъ лють! Въ народѣ и то наше село Евграфовой слободкой слыветъ. Да какъ и не слытъ? Земля у него на откупъ; половина мужиковъ въ батракахъ на заводѣ; да въ экономнѣ бабы на полкѣ съ тянками роятся,—много ли свободныхъ? Ты счастливая: свекоръ-то, Агаеонъ Сидорычъ, не въ кабалѣ у изверга, а много ль такихъ?

Онѣ взобрались въ гору и шли теперь по улицѣ села. На столбѣ у околицы значилось: «Село Колычево. Дворовъ 112. Ревизскихъ душъ 389». Эти 112 дворовъ вытягивались въ два длинныхъ и нѣсколько дугообразныхъ ряда, прерываемыхъ большою площадью «поповки», т. е. церковью съ домами и огородами причта съ одной стороны и больницей съ другой. За поповкой село продолжалось, и улица

сворачивала угломъ на дорогу, обрытую глубокими канавами съ вѣчно пыльными плакучими березами по краямъ. Дорога эта вела къ усадьбѣ бывшихъ владѣльцевъ села Колычева и всѣхъ его ревизскихъ душъ.

Но въ данное время врядъ ли и треть этихъ душъ была налицо. Многіе дворы стояли заколоченные. На другихъ, съ разметанными и отрепанными вѣтромъ крышами, почти не было слышно ни мычанья скотины, ни блеянья овецъ. Это были избы батраковъ на экономіи Демьяныча, не державшихъ хозяйства, а питавшихся отъ артельного котла. Только ночевать возвращались они домой.

Лишь небольшая часть крестьянскихъ усадебъ имѣла еще право именоваться хозяйствами. Теперь какъ разъ въ ихъ распахнутыя ворота входила скотина съ выгона и виднѣлись ведра съ пойломъ и подойники, приготовленные для дойки. Овцы, блея, толклись у закутъ и, быстро перебирая мягкими губами, щипали росшую вдоль срубовъ траву.

То были усадьбы мужиковъ, тоже лишенныхъ мѣрскимъ приговоромъ, какъ и ихъ односельчане, полученныхъ отъ помѣщика по уставной грамотѣ надѣльныхъ десятинъ.

Вся исконная мужицкая земля колычевцевъ находилась въ арендѣ у Михайла Демьяныча Евграфова и была почти сплошь занята картофелемъ, изъ котораго курилось вино.

Гдѣ когда-то колыхалось море хлѣбовъ, то склоняя по вѣтру волны серебристыхъ колосьевъ зацвѣтающей ржи съ синими глазками васильковъ, то шелестя сочными перьями овса и усатаго ячменя, тамъ теперь тянулись однообразныя, темныя и аккуратно окопанныя гряды картошки, съ высокой и грубой ботвой или, по мѣстному, тиной. Только во время цвѣта оживали мертвенныя гряды и раскачивали кисти розоватыхъ и лиловыхъ звѣздочекъ, но не было отъ ихъ трепета ни тепло, ни радостно. Что-то чужое, пришлое чувалось въ нихъ, и глазъ поневолѣ искалъ, на чемъ бы отдохнуть отъ ихъ нѣмого однообразія.

Колычевцы, оставшіеся вѣрными мужицкой работѣ, снимали землю у помѣщичьяго арендатора и вели на этой переарендованной землѣ свое трехполье, съ трудомъ перебиваясь до новины. Остальныхъ они звали «евграфовцами» и глубоко презирали ихъ, зачѣмъ они пропили холопскому правнуку землю, а съ нею вмѣстѣ и сошѣсть, и стыдъ.

— Холопскіе кабальники!—ругались колычевцы при встрѣчѣ съ ними.

— Помѣщичьи прихвостни!—отвѣчали евграфовцы...

Кабала длилась уже восьмой годъ, но колычевцы знали, что и новый сходъ по истеченіи одиннадцатаго снова пропѣтъ Демьянычу за четыре ведра землю на новыя одиннадцать лѣтъ, потому что кому же охота возиться съ недоимками и вести хозяйство на свой рискъ

и страхъ, когда Михайло Демьянычъ и подати, и выкупныя за землю вносить и сверхъ того сразу 1100 рублей денегъ мірскихъ на столъ выложить, а хочешь—такъ и работу дать.

— Шутка ли!—говорили еврафовцы:—бывало, изъ насъ въ волости копейки въ казну выколачивали, послѣднюю коровенку со двора сводили, а теперь знать никакого начальства не знаемъ. Дѣлай, что хочешь... Ужъ такъ-то покойно, что у Христа за пазухой.

Когда Домна съ Маревной подходили къ поповкѣ, навстрѣчу попалась двуколка. Бабы наклонили головы, и оба сѣдока отвѣтили на поклонъ.

— Когда жъ, красавица, надумаешься?—окликнулъ старшій.

— Ишь, легкокъ на поминѣ, рыжій!—шепнула Домна.

Маревна промолчала и только прибавила шагъ.

Сѣдокъ еще разъ, повернувшись всеѣмъ грузнымъ корпусомъ назадъ, оглядѣлъ ее.

— Хороша, а?—обратился онъ къ другому.

— Кто это?

— Да Тихона Агаѣонова жена. Изъ Метелиць взята... Краля!..

— Охота вамъ!

— Да я не для себя.

— Нешто для сына?—усмѣхнулся сосѣдъ.

— Для Даньки? Эхъ, братъ,—не таковскій. Онъ у меня монахъ, Даніилъ Заточникъ. Слыхалъ?—въ Питерь отпускаю... въ технологическій держить... Что жъ, мнѣ денегъ на его науку не жалъ. Пушай его учиться. Въ нашемъ дѣлѣ оно и не лишнее.

Двуколка, проѣхавъ до околицы, свернула по берегу рѣки внизъ по теченію. На старой плотинѣ, окаймленной дуплистыми ракетами, виднѣлось зданіе съ елкой надъ стрѣхою. Вокругъ, подъ навѣсомъ вѣковыхъ сучьевъ, были раскинуты столы и лавки. Надъ дверями красовалась красная съ бѣлыми буквами вывѣска:

Питейное заведеніе

Купца первой гильдіи

Михаила Демьяновича

ЕВГРАФОВА.

Распивочно и на выносъ.

Двуколка вплотную подъѣхала къ кабаку.

— Вотъ, братецъ, гдѣ я промашку далъ: это вотъ заведенъице подъ елочкой. И не думалъ, не гадалъ, что скоро закрыть придется.

— Да неужто вѣрно, что въ казну отберутъ?

— Вѣрно, другъ милый, вѣрно, и не сумлѣвайся. Сама казна винцомъ торговать захотѣла. На наши доходы, вишь, зарится. Говорятъ, мы водкой людей отравляемъ. А казенная на пользу, что ли, будетъ? Водка, какъ ты ее ни сдобривай, какъ отъ сивушины ни очищай, все пьяная останется, на то и водка, чтобы люди отъ нея пьянѣли, и кто пьетъ ее—хмелѣть. Ужъ въ четырехъ губерніяхъ свои лавки пооткрыли, скоро и до насъ доберутся!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Цѣловальникъ, высокій и плотный мужикъ въ красной рубахѣ, отворилъ настежь стеклянную дверь.

— Милости просимъ. Добро хозяину пожаловать. Эй, малецъ! поддержи лошадку!..—крикнулъ онъ сыну.

Евграфовъ со спутникомъ слѣзли съ двуколки. Войдя въ двери, они перекрестились на икону въ углу.

Широкая стойка разгораживала просторную горницу на двѣ части. За нею вдоль стѣнъ тянулись поставцы съ разнокалиберной посудой. На полу изъ открытыхъ мѣшковъ выглядывали полосатые сѣмена подсолнуховъ и каленые орѣхи, а въ ящикахъ лежали рожки, маковники, убранные сусальнымъ золотомъ пряничные коньки и рыбки и деревенскія конфеты въ пестрыхъ бумажкахъ. Стойка была уставлена незатѣйливыми закусками. На расписныхъ тарелкахъ виднѣлись кубики черного хлѣба, соленые и скользкіе грибы, огурцы, ржавая селедка. Рядомъ двѣ шеренги толстыхъ шкаликовъ и косушекъ играли на солнцѣ литыми узорами.

— Какой прикажете?—засуетился цѣловальникъ, сметая рукою крошки со стола въ красномъ углу:—вашей?..

Евграфовъ кивнулъ утвердительно и исподлобья окинулъ строгимъ взоромъ лавки и стѣны.

— Мухъ развелъ! Глянъ—все засижено...

— Помилуйте, какъ же иначе? Отъ мухи лѣтомъ не уберешься... Божья тварь!

— Я те Божью тварь покажу! Чего рамы кисеею не затянуты? Аль про холеру запамятоваль? Наѣдетъ начальство,—опять отвѣчай?

— Ничего-съ, не извольте сумлѣваться, — отвѣчалъ бойко сидѣлецъ, вытирая рушникомъ два шкалика и ставя передъ хозяиномъ вынутую изъ угольничка темную настойку, слышную подъ именемъ «Евграфовской утѣшительной»,—мы съ фѣршаломъ пріятели.

— Въ долгъ беретъ?

— Беруть-съ.

— Платить?

— Какъ случится. Теперь давно не плачено.

— Ты того, не нудь пока... Да и дѣтямъ гостинца отпускай. Не такъ, чтобы очень, а въ мѣру. Все лучше... Человѣкъ нужный...

— Слушаю-сь.

— Нѣтъ ли чего новенькаго?—спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія хозяинъ, наливая себѣ и пріятелю новыя косушки:—я вѣдь, почитай, недѣлю нонѣ опять отсутствовалъ.

— Енеральша-то умерла. Тѣло ожидаемъ. Здѣсь, значить, лежать захотѣла!

— Какая енеральша?—освѣдомился спутникъ Евграфова, только недавно прибывшій въ Горскъ, племянникъ бакалейщика Сеничка Пастуховъ.

— Здѣшняя помѣщица колычевская... генерала Сотова супруга,—отвѣтилъ цѣловальникъ.

Михайло Демьянычъ поднялъ голову.

— Откуда слыхалъ?

— Даве дьячокъ забѣгалъ... Панафиды заказано каждый день служить, пока не привезутъ. Могилу исправляютъ, склепъ колычевскій, значить. Рядомъ съ супругомъ положить. Агаѳонъ новымъ камнемъ лицуеть.

— А кто привезетъ? Не слышно?

— Должно быть, всѣ ѣдутъ.

— Тутъ и останутся?

— А какъ же? Домъ-то съ весны готовили, чать.

— Какъ же?!—передразнилъ Евграфовъ:—нешто та, каторжанка, тутъ жить согласится? Чего жъ онѣ тринадцать лѣтъ въ такомъ разѣ за границей околачивались. Старухѣ жить тутъ можно было бы, а молодой не пристало, кажется...

Михайло Демьянычъ насупился. Вѣсть о прибытіи Елизаветы Ивановны въ качествѣ хозяйки была неожиданна. Становилось весьма вѣроятнымъ, что поневолѣ придется съ нею дѣло имѣть. Онъ всталъ, допивъ «утѣшительную», но въ эту минуту въ кабакъ ввалилась гурьба оборванныхъ мужиковъ, внося въ горницу запахъ пота и грязной, пропитанной испареніями одежды.

— Хозяину наше!..—поклонился самый грязный и оборванный изъ нихъ:—угости, миляй, водочкой, благо намъ на тебя подвезло! Ась? Не скупись, хоть по шкалику!

Онъ устался на Евграфова маленькими, слезливыми глазками, тонувшими среди глубокихъ, черныхъ морщинъ.

— Вы что, съ винокурни?

— Нѣ, съ поля... Аль не призналъ? Картошку бороздили. И хороша же нонеча картошка! Плодовита... Давно такой не бывало... Угости, миляй!.. по одной... по косушечкѣ...

— Налей!—обернулся Евграфовъ.

— Только въ счетъ, Иродъ, не пиши!—отозвался другой мужикъ съ сивой бородою.—А то насъ зимою Федоръ Иванычъ угостилъ, а ты и ему, и намъ наши шкалики вписаль... Двурушникъ этакій!

— Вотъ я тебѣ шкалики впишу! Это еще что? Каждому въ долгъ льешь?.. Торгуй на чистую! Не смѣть въ долгъ каждому отпускать! Аль не знаешь, что запрещено?.. Вахлакъ! Коли еще когда услышу, въ шею тебя отсюда выгоню.

И, напяливъ картузь, хозяинъ вышелъ.

— Эхъ, братики! Нельзя такъ... слышали? Не велить въ долгъ. Я вамъ такъ по дружбѣ,—а вы сейчасъ съ жалобой къ хозяину. Вотъ и запретилъ теперь, и крышка! Какъ ни ходи, ни кланяйся, ни капли не отпущу впередъ...—ворчалъ цѣловальникъ, заходя за стойку.

— Подумаешь, испугалъ! Даромъ не отпустишь,—подъ залогъ нальешь. Не дуракъ, отъ своихъ барышей не отступись... Ну, ну! наливай полнѣе... Не жиль... не свое льешь, хозяйское!..

Запрокинувъ голову, сивобородый Прошка разомъ осушилъ даровую косушку.

XVII.

Съ пѣснями надъ гладью заповѣдныхъ водъ
Ключьями тумана ходитъ хороводъ.
Блѣдныя русалки выплыли со дна,
По рѣкѣ далеко пѣсня ихъ слышна:
«Люди спятъ... Все тихо. Мѣсяцъ изъ-за вербъ
На воду недаромъ уронилъ свой серпъ.
Вьются злыя травы, вьются все чернѣй,
Мы серпомъ ихъ острымъ срѣжемъ до корней»
(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Тѣмъ временемъ двуколка Михайла Демьяныча, повернувъ отъ кабака, шажкомъ ѣхала по плотинѣ.

— И мѣсто же вы выбрали!—замѣтилъ Пастуховъ:—красота-то какая!

Съ рѣки тянуло холодкомъ. Запруда лежала серебрянымъ щитомъ, безъ складки, безъ морщинки. Словно вставая со дна, плыли по немъ розоватыя облака и уходили за рамку недвижныхъ, опрокинутыхъ ракушекъ. Сочные луга подступили къ самой водѣ и сливались на противоположномъ берегу съ зеленою зацвѣтающихъ хлѣбовъ. Между зыбкими стѣнами колосевъ, сбѣгая съ плотины, терялась накатанная дорога, а справа по косоугору на фонѣ вечерняго неба вырисовывались избы села и кротко мерцали кресты колокольной и куполовъ.

— Да, мѣсто во всѣхъ смыслахъ вальяжное. И красиво, и выгодно,—на перепутьѣ. Кому въ церковь, кому въ больницу,—смотришь, и остановятся... А въ погожій день и бутылочку пива подъ деревьями распить пріятственно. Раньше тутъ мельница помѣщичья стояла,—да теперь она ни къ чему. Мужики здѣшніе, почитай, хозяйства своего не ведутъ, муку готовую покупаютъ. Ну, я мельницу и откупилъ.

— А почему же вы, Михайло Демьянычъ, остальной земли у помѣщиковъ не откупите, а крестьянскую арендуете?

Евграфовъ покосился на спутника.

— Не приходится. Такъ мнѣ выгоднѣе... Да и съ помѣщицей мы не въ ладу. Ну, мнѣ ей кланяться и неохота. Ужъ и надъ тою, что у меня подъ заводомъ, чуть не шесть лѣтъ бился, пока заполучилъ въ собственность. Куражу тутъ и съ ейной и съ приказчиной стороны было достаточно. Я и закаялся съ нею въ дѣла вступать.

— А какъ же съ мельницей?

— Съ мельницей особое дѣло. Про то помѣщица еще и не вѣдаетъ. Мнѣ приказчикъ ея довѣренный, или, вѣрнѣе, арендаторъ, продалъ. Не могъ иначе. Я за нимъ, шельмой, о такихъ дѣлахъ дознался, что поневолѣ онъ радъ былъ хоть чѣмъ-нибудь мнѣ угодить... Дотрежь того морду отворачивалъ при встрѣчахъ, а нонѣ чуть не въ поясъ кланяется.

И, испугавшись, не слишкомъ ли разоткровенничался, Михайло Демьянычъ щелкнулъ лошадку вожжой и прибавилъ рыси.

Село осталось позади. Нѣсколько минутъ еще дорога шла по лугу и вдругъ свернула вдоль темной гущи старого колючаго и мѣстами вымершаго боярышника. Дремучей непроходимой, казалось, чащей стояли за нимъ деревья. Насупившись, думая тяжелыя думы, склоняли они столѣтніе сучья къ высокому бурьяну лужаекъ. Ни одинъ листъ не колыхался, и только цѣлый хоръ дроздовъ, ябликовъ и зарянокъ, усаживаясь на ночь на вѣтки и въ гнѣзда, допѣвалъ послѣднія вечернія пѣсни.

Дорога перерѣзала стѣну боярышника и побѣжала вдоль высокаго забора изъ не крашенныхъ, сѣрыхъ отъ дождя и снѣга и заостренныхъ по верхамъ тесинъ.

Впереди слѣва показались низкія кирпичныя постройки, крытыя желѣзомъ. Онѣ покоемъ окружали вымощенный щебенкою дворъ. Въ центрѣ красовалось трехъэтажное зданіе съ пятью узкими и высокими готическими окнами и дымогарной трубою сбоку. Бѣлыми накладными буквами было выведено по кирпичному фону:

«Винокуренный и спиртоочистительный заводъ

Михаила Демьяновича Евграфова».

Въ сторонѣ справа, куда спускалась уходившая подъ заборъ сточная канава, подъ высокимъ курчавымъ, въ два обхвата вязомъ стояли четыре дубовыхъ намогильныхъ креста, три большихъ и одинъ маленькій, обнесенныхъ грубой, но затѣйливой чугунной рѣшеткой. Могилы содержались въ большомъ порядкѣ. Пестрые цвѣты, окруженные стриженнымъ дерномъ, были единственнымъ

отраднымъ пятномъ на этомъ казарменномъ дворѣ, гдѣ, благодаря лѣту, шелъ на отдыхающемъ заводѣ ремонтъ, валялись груды мусора, стояли распряженные качки съ камнями и пескомъ, и бѣлѣло творило съ известкой. Отъ сточной канавы тянуло смрадомъ загнившей барды и картофельной гущи.

— Это чьи же могилы такія?—освѣдомился Пастуховъ.

— Прадѣда моего Евграфа Тимоѣевича... а остальные барскія. Да по завѣту онѣ на моемъ иждивеніи. Пока ухаживаю,—мнѣ и счастье. Могилки, какъ видишь, на славу,—точно сейчасъ только упокойнички схоронены... Эй!—крикнулъ онъ ужъ зычно:—аль ослѣпли?.. Куда вы, черти-дьяволы, провалились всѣ?..

Дверь одной изъ казармъ открылась. Показался молодой, блѣднолицый человѣкъ въ очкахъ. Застегивая на ходу пиджакъ, онъ приблизился къ экипажу.

— Никого нѣтъ, ваше степенство! Всѣ на рѣку купаться передъ ужиномъ отпросились. Смаялись больно сегодня, почитай, безъ отдыха съ восхода работали.

— Смаялись! нѣжности какія, подумаешь!

— Помилуйте, зной и сущь такіе. Мы съ Ѳедоромъ Иванычемъ рѣшили пораньше сегодня запабашить. Боимся, какъ бы прошлогоднее не повторилось.

«Прошлогоднее» значило пережитую осенью холеру; унесшую не одну жертву съ завода.

— Вы не извольте беспокоиться,—продолжалъ молодой человѣкъ:—я лошадку подержу. Слѣзайте съ Богомъ!

— Чего слѣзать-то? Чего мнѣ, на ночь глядя, здѣсь гулять? Я приѣхалъ справиться, какъ идетъ кладка подъ новый котель.

— Плохо, Михаилъ Демьянычъ! Ни одного порядочнаго каменщика нѣтъ среди батраковъ, а тутъ нужно бы умѣлаго.

— Чего же Ѳедоръ Иванычъ мною нанятаго не удержалъ? Чего фордыбачить, коли человѣкъ нуженъ?

— Да вѣдь пьянствовалъ-то какъ! Вѣдь дѣло ни съ мѣста. Недѣлю выждали, а тамъ и отказали.

— Въ чужомъ, что ль, кабакѣ пьянствовалъ?—криво усмѣхнулся хозяинъ:—не на сторону сбывалъ, къ намъ же... Эхъ, да что тутъ долго разсуждать: чтобъ черезъ три дня выведена кладка была, и дѣлу конецъ.

— Позвольте тогда на село за старикомъ Агаѣономъ послать, Ей-ей, намъ иначе не справиться. Вообще его не мѣшало бы къ намъ. Вѣдь онъ и каменщикъ, и слесарь прекрасный.

— Дурья голова! Агаѣона?.. Что я къ этому идолу, что ли, кланяться пойду? Въ городъ пусть завтра же Ѳедоръ ѣдетъ, тамъ найметъ. Не найдется,—изъ Москвы выпишетъ, а къ Агаѣону—ни-ни. Еще не хватало!.. Свѣтъ, подумаешь, клиномъ сошелся!

Онъ круто повернулъ одноколку и, не поклонившись конторщику, погналъ лошадей.

Снова дорога свернула къ боярышнику и повела вдоль его густой заросли мимо надвинувшихся, распаханыхъ подъ паръ полосъ. Это была помѣщичья земля, когда-то жирно удобряемая навозомъ съ богатаго скотнаго двора. Теперь она давно отощала безъ надлежащаго ухода и системы, и тамъ, гдѣ, бывало, гордо закидывали головы высокія, золотыя скирды, урожай становился съ каждымъ годомъ все плоше и скупо оплачивалъ затраченный на него трудъ.

Евграфовъ злобно фыркнулъ.

— Вотъ-съ, полюбуйся! Земля эта самъ-десять, пятнадцать раньше родила, а теперь вонъ—одна глина...

— Почему же это, Михайло Демьянычъ? — спросилъ Пастуховъ.

— Почему? Гордость барская... Навоза своего нѣтъ... Скота держать мало... А арендаторъ нешто о землѣ позаботится?.. Онъ возьметъ, что можно, землю всю изгадить, а потомъ и поминай, какъ звали... Потерпятъ онѣ убытки, какъ обратно ее получать.. Ничего, пусть терпятъ. Я тоже терпѣлъ... И отецъ мой, и дѣдъ, и пра-дѣдъ, и пра-пра-пра-дѣды, все терпѣли, а они плясали да тѣшили, да нашего брата, что скота, продавали...

— Вы что же, многихъ изъ нихъ знавали и помните?

— Помню кое-кого... Помню еще то время, когда тутъ полякъ верховодилъ... Въ тестя къ брату покойницы нонѣшней потомъ угодилъ, да ништо,—своему польскому Богу вѣренъ остался, а зятюшку любезнаго, ради самой этой ихъ польской кутерьмы, въ трубу пустилъ... Его потомъ повѣсить собирались, да самъ въ тюрьмѣ полотенцемъ удавился...

— Господи, съ нами крестная сила! Страсти какія!..

— Эхъ, братъ, это еще что! Внучка его тоже вонъ за крамольника выскочила, бомбы, батюшка, здѣсь готовилъ... Самъ, клянусь, своими глазами всю аптеку его тогдашнюю видѣлъ, а къ обыску—ни порошинки не осталось... Какъ метлой вымело... Вотъ скажу тебѣ, до сихъ поръ понять не возьмусь, куда все дѣвалось?.. Просто хоть въ нечистаго вѣрь... Да все жъ не помогло,—сослали, тамъ и скочурился. И она, значить, барыня нонѣшняя, каторжанка, тоже счастья не нашла. Это все за то, отместка за прошлое, за грѣхи отцовъ возмѣщеніе. Такъ и по писанію: до седьмого колѣна взыщется. И не я буду, коли въ одинъ прекрасный день все это снова съ молотка не пойдетъ... Все куплю... все восстановлю... какъ гдѣ стояло—все на прежнее мѣсто поставлю... всю роскошь прежнюю воздвигну, какъ тогда въ домѣ томъ, ихнемъ, гдѣ дѣдъ мнѣ, бывало, на диваны и кресла шелковыя садиться не позволялъ: «Не про тебя, молъ!»—«А про кого же?» я, дурашка, его спраши-

валь.—«Про кого? вѣстимо, про барь!..» Такъ вотъ теперь пусть будетъ про меня и дѣтей моихъ... Онъ, дѣдъ, тогда имъ и землю эту выкупить помогъ. Безъ его кровныхъ грошей вся вотчина ихняя въ руки Стратилатова угодила бы.

— Неужто?..

— Истинный Богъ!.. Двѣ тысячи рублей отдалъ.

— И не вернули?

— Вернуть вернули, да услугу-то его запомнили, какъ будто никогда ея и не было. Когда я самъ вотъ тотъ жалкій, ни имъ, ни дьяволу ненужный, бурьяномъ да пролѣсьемъ заросшій отрѣзокъ сада заброшеннаго, куда онѣ ни разу ногою не ступили, мнѣ подъ заводу уступить умолялъ,—мнѣ та, молодая, на дверь указала... Что жъ! попомнила эту дверь... дорого за ручку свою барскую, на нее указавшую, заплатила. Пущай!.. И коли она думаетъ, что избыла все,—ошибается: не квиты мы съ нею еще... Пусть возвращается... Поживетъ здѣсь, увидитъ, какъ такая хлѣбъ-соль забывается.

Сеничка Пастуховъ благоговѣнно внималъ. Ему очень по душѣ были такія разсужденія. Онъ ѣхалъ въ Евграфовку, чтобы поглядѣть на дочку Михайла Демьяныча, Татьяну Михайловну, которую давно намѣчали для него горскіе дяденька съ тегенькой Пастуховы. Самъ онъ былъ изъ другой губерніи, но, ради такой выгодной партіи, приѣхалъ погостить къ родственникамъ.

Воображенію Сенички сразу нарисовалось, какъ шикарно можно будетъ при такихъ наклонностяхъ Михайла Демьяныча устроиться въ будущемъ, потому что въ собственномъ успѣхѣ у богатой наслѣдницы онъ ни одной секунды не сомнѣвался.

Но когда они сошли съ одноколки и очутились на крыльцѣ деревенскаго обиталища, изображавшаго причудливый средне-вѣковый замокъ съ башнями и стеклянными переходами, они отъ прислуги услышали:

— Барыня нездоровы, а барышня сильно разстроимшись и къ чаю не выйдутъ.

Михайло Демьянычъ насупился.

Въ столовой, положивъ локти на круглый уставленный водками и закусками столъ, небрежно сдвинувъ въ сторону приборъ и тарелки, сидѣлъ надъ книгою высокій, очень тонкій и сутуловатый юноша.

Онъ не слыхалъ шаговъ отца и гостя. Чуть не въ десятый разъ перечитывалъ онъ поразившую его фразу:

«Если рабочій, проработавъ двѣнадцать часовъ, въ теченіе шести часовъ окупилъ стоимость рабочей силы, то эти шесть часовъ составляютъ оплаченный, необходимый трудъ; остальные шесть часовъ, составляя неоплаченный прибавочный трудъ рабочаго, образуютъ прибавочную стоимость для капиталиста. Прибавоч-

ная стоимость создается въ процессѣ производства, но не путемъ производства, а посредствомъ эксплуатаціи рабочей силы...»

.....

Надъ землею раскинула блѣдно-сиреневое покрывало іюньская ночь. Сошлись на небосклонѣ обѣ зари, обагрили румянцемъ застоявшіяся на небѣ облака, и погасъ въ нихъ поблѣднѣвшій мѣсячный серпъ. Зажглись росинки на черныхъ высокихъ травахъ парка, и струйки аромата потянули съ лужаекъ въ открытыя окна душныхъ спаленъ дома съ башнями и переходами.

Не спится Авдотѣ Тарасовнѣ. Болятъ и ноютъ ноги. Ломить поясницу и почки. Но она лежитъ, не шелохнется. Рядомъ на широкой супружеской постели полураскрытый ротъ повелителя, вмѣстѣ со знакомымъ запахомъ перегара, испускаетъ такія рулады, что подлетѣвшій было къ окну соловей срывается съ куста жасмина и исчезаетъ въ дремучей чащѣ за боярышникомъ.

Не спится и молодежи.

Знаетъ Таничка, что быть завтра грозѣ: влетитъ отъ папаша, зачѣмъ не вышла къ столу, а какъ выйти было? Глаза были наплаканы, носъ распухъ... Ей портниха весь новый шелковый лифъ перекосила, и не въ чемъ въ воскресенье къ обѣднѣ итти!.. Не старое же, уже два раза одѣванное платье опять надѣвать? А тутъ еще Сеничка Пастуховъ появился... Развѣ не досадно?

И дѣвица вновь разрыдалась и, испугавшись, что ея рыданія долетятъ до ночующаго въ угловой башнѣ гостя, зачихала себѣ въ ротъ уголь пуховой подушки.

Не спится и ея брату.

«Значить, капиталъ наживается всегда несправедливо. Значить, какъ бы ни былъ честенъ его обладатель, капиталъ нажить не имъ, принадлежитъ не ему по совѣсти, и если онъ пользуется имъ, то эксплуатируетъ чужой трудъ...»

.....

А у старой церкви вскрытъ родовой склепъ. Кругомъ валяются глина, кирпичи и стоитъ боченокъ съ цементомъ. Глубоко ушли въ землю покосившіеся кресты. Прямо и гордо зато красуется между ними гранитный монументъ. Золотыя буквы гласятъ, что «здѣсь покоится тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и многихъ орденъ кавалера Симеона Михайловича Сотова...»

.....

На селѣ погашены всѣ огни. Избы стоятъ молчаливо, и только въ больницѣ шумъ и движеніе: съ плотины доставили избитаго, со свернутой скулою, сивобородаго Прошку, «идола» Мареутки.

Доктора нѣтъ, — онъ въ отъѣздѣ. Фельдшеръ съ вечера пьянъ, — его не добудится. Приходится тревожить акушерку, Маргариту Ивановну.

— Чистое безобразіе!—ворчить поднятая съ постели женщина.— Мое дѣло младенцевъ принимать, а не васъ, пьяныхъ уродовъ. Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. Налижутся, дерутся, а я не спи. Ей Богу, надо прошеніе подать, чтобы поскорѣй закрыли кабакъ. Какъ его поставили, житья не стало, наказанье одно!

— А кто жъ ё зналъ?—оправдывается притацившій Прошку рваный мужиченокъ.—Мы слегка... мы полегонечку, а у его скула какъ тресни!.. Ужъ пособи, болѣзная... Ишь какъ мы ему впрямь морду разубрали...

XVIII.

Олень я—раненый стрѣлою,
Я въ жизни—мертвая струна...
Моя душа одѣта мглою,—
Въ ней вѣетъ смертью тишина...
(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Лиза, измученная долгой дорогою, задремала за часъ до прихода поѣзда въ Горскъ.

Кирилловна и Ольга не будили ея, а тихонько собирали и укладывали вещи. Ольга указала Марусѣ глазами на ноги матери; онѣ обѣ осторожно подняли ихъ и уложили на диванъ.

— Мегсі!—шепнула Лиза и снова задремала.

Ей снилась пережитая непріятность на таможднѣ.

Снова высокій человѣкъ въ форменной фуражкѣ рылся въ ихъ сундукахъ и, переворачивая въ рукахъ нѣмецкія брошюры, говорилъ:

— Я не могу пропустить васъ. Пожалуйста къ начальству...

И онъ протянулъ другому человѣку, тоже въ формѣ, сидѣвшему въ какой-то полутемной комнатѣ, эти брошюры и ея паспортъ и сказалъ:

— Это вотъ ихнее!..

А тотъ, надвинувъ пенснэ и держа книжки на аршинъ отъ глазъ, допрашивалъ:

— Вы госпожа Яшнева?.. и старался что-то вспомнить, и Лиза знала, что это онъ вспоминаетъ имя ея мужа и его вину.

Но тутъ Ольгинъ голосъ весело произнесъ:

— Есть о чемъ спорить. Брось ихъ, Лизокъ, коли нельзя. Только пропустите насъ поскорѣе. Мы сопровождаемъ тѣло нашей тетушки.

И она сдѣлала человѣку въ формѣ глазки.

— Вы, значить, племянница генеральши Сотовой?.. Чего же вы раньше не сказали?

И сразу—бумсъ... захлопнулись чемоданы и сундуки.

Вотъ опять—бумсъ... Что это?.. взрывъ бомбы?.. Нѣтъ, это хлопнула дверь купе... Прошелъ кондукторъ.

— Станція Горскъ... Поѣздъ стоитъ десять минутъ!..

Это Горскъ... Милый Горскъ... Все про таможеню было сномъ. Она вѣдь ѣдетъ на каникулы изъ института.

Сейчасъ она увидитъ рыжаго усатаго жандарма, носильщика Ивана и атласную коричневую шубейку Кирилловны.

— Приѣхали, Лиза! вставай!.. пора!

— Сейчасъ, теточка! сейчасъ.

Она съ большимъ трудомъ открываетъ глаза.

Передъ ней,—такъ и есть,—Кирилловна, но почему-то вся въ черномъ... за нею какая-то странно знакомая дѣвочка, тоже въ черномъ... и Ольга Мезенцева въ траурѣ. Откуда эта взялась?

Лиза растерянно смотритъ на всѣхъ.

— Торопись, Лизанька, пора! Сейчасъ гробъ выгружать будутъ.

Весь ужасъ горя съ новой жестокостью просыпается.

Она выходитъ за остальными на столь знакомую когда-то платформу, но кругомъ все, все чужое...

Зеленые шары стриженныхъ березокъ выросли въ огромные шатры вѣтвей. Станціонное зданіе изъ краснаго перекрашено въ сѣрожелтое. Въмѣсто усатаго жандарма—незнакомый, съ черной бородою. Носильщики тоже всѣ новые,—ни одного прежняго...

Маруся идетъ рядомъ. Съ той минуты, какъ онѣ переѣхали границу, какъ ея ухо поразилъ вдругъ нахлынувшій волною русскій языкъ, она не можетъ отдѣлаться отъ страннаго чувства. Всѣ точно между собою знакомы и какъ-то даже похожи. Чѣмъ?—лицами? манерами? смѣхомъ?.. Какъ только онѣ очутились въ русскихъ вагонахъ, стало просторнѣе, веселѣе и болѣе по-домашнему. Дамы сняли шляпки и перчатки. Многіе мужчины изъ статскаго платья переодѣлись въ бѣлые кителя съ погонами, а двое даже облеклись въ рясы. Появились чайники съ кипяткомъ и чаемъ. Проходя по коридору, она видитъ, какъ мужчины курятъ папиросу за папиросой и спички и окурки бросаютъ тутъ же на полъ.

Она все замѣчаетъ, все наблюдаетъ и часто ловитъ себя на улыбки и чуть не на желаніи громко засмѣяться.

«Какая я гадкая! какая испорченная! Бабушка умерла, мы веземъ хоронить ее, а я смѣюсь?..»

Нѣсколько времени послѣ этого она старается сосредоточиться на печальныхъ мысляхъ, но вдругъ, какъ нарочно, на слѣдующей станціи появляется въ ихъ вагонѣ сердитая, толстая барыня, со съѣхавшей на бокъ шляпкой, и слышится ея взволнованное ворчанье:

— Эёіопъ этакій... ворона китайская!.. я ему велю въ некурящее отдѣленіе, а онъ претъ въ коптилку табачную...

Марусѣ и фигура, и нарядъ, а главное слова барыни кажутся такими забавными, что она весело фыркаетъ.

Никогда никто изъ тѣхъ русскихъ, которыхъ она до сихъ поръ

знавала за границей, такъ не выражался, и, далеко отъѣхавъ отъ станціи, она съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ повторяетъ поразившую ее фразу, и ей кажется, что даже колеса поѣзда дробно твердятъ: «Эіоіопъ... этакій... ворона... китайская... преть... въ копилку... табачную...»

Теперь, идя между матерью и Ольгой, она снова все рѣшительно видитъ и замѣчаетъ, и это снова сердить ее.

Она знаетъ, что они идутъ къ тому багажному вагону, гдѣ стоитъ въ черномъ ящикѣ съ бѣлымъ крестомъ гробъ бабушки, что всѣ эти любопытные люди кругомъ знаютъ, кто онѣ такія, и все-таки бѣгутъ и стараются обогнать ихъ и стать поближе къ дверямъ, точно боятся пропустить интересное зрѣлище.

Но вотъ къ нимъ приближается какой-то мужчина. Онѣ ужъ издали снялъ фуражку и трижды цѣлуется съ Кирилловной. Старуха всхлипываетъ, машетъ рукой и говорить:

— Лизанька, иль ты Арефія не признала?

Арефій ловитъ руку Лизы и цѣлуетъ ее, ловитъ и Марусину руку въ черной перчаткѣ, чтобы и ее поцѣловать, и Марусѣ опять смѣшно.

«Гадкая... гадкая... противная!» твердитъ она себѣ.

Гробъ вынуть; изъ раскрытыхъ дверей вагона выносить вѣнки. Раздается пѣнье: «Святый Божій... Святый крѣпкій... свя-а-тый бессмертный, помилуй насъ!..»

Разомъ пропала охота смѣяться.

Въ пѣніе врываются звуки станціоннаго колокола.

— Боже мой! никакъ третій звонокъ?.. Мы опоздаемъ. Vite, souignons!—раздается чей-то возгласъ.

Любопытствующая толпа, крестясь и болтая на ходу, мчитъ къ вагонамъ. Свистокъ кондуктора... свистокъ паровоза,—поѣздъ трогается, скрывается за поворотомъ, увозя всѣхъ примелькавшихся въ дорогѣ людей.

Въ эту минуту только у Маруси ясно создается мысль:

«Мы приѣхали. Та, прежняя жизнь кончена. Она осталась позади, куда уносятся обрывки паровознаго дыма. Отнынѣ все будетъ новое...»

И вотъ онѣ четверомъ сидятъ въ широкой коляскѣ съ выцвѣтшей обивкой, Маруся спиною къ козламъ, гдѣ кучеръ въ черномъ старомъ армякѣ оказывается сыномъ Арефія—Митей. Ей не видно ни пѣвчихъ, ни факельщиковъ въ нелѣпыхъ пыльных фракахъ, ни гроба подъ золотымъ высокимъ балдахиномъ съ покривившейся короной на верхушкѣ, ни духовенства, зато видны экипажи и толпа вразбродъ идущихъ по улицѣ людей.

Многіе изъ нихъ подходили къ ея матери и Кирилловнѣ и, здороваясь, спрашивали: «Это ваша дочь? Какая большая!»—и кидали искоса взгляды на Ольгу.

До ея слуха долетѣло: «Золовка?—подите... у старика никогда дочерей не было... Было всего два сына».

«Ну, значить, жена второго...»

Маруся не отдаетъ себѣ отчета,—какая золовка и чья жена, но ея мать всю передернуло, и черная вуаль опускается на лицо, чтобы скрыть начинающійся, вѣрно, тикъ.

Фи!.. какой ужасный городъ... какіе невыносимые ухабы и рытвины... Вотъ объѣхали огромную лужу, откуда выскакиваютъ двѣ грязныя свиньи и мчатся, какъ ошалѣлыя, вдоль по улицѣ.

Кирилловна вздыхаетъ:

— Господи! лужа-то все еще на старомъ мѣстѣ!. Распустехи, всѣ распустехи!..—шопотомъ прибавляетъ она.—Поглядѣли бы, какъ нѣмцы живутъ...

Коляска останавливается у красивой церкви съ каменной оградой, золочеными куполами и расписанными образами на стѣнахъ. Служать литію... Всѣ выходятъ и идутъ нѣкоторое время пѣшкомъ. Народъ все прибываетъ.

Маруся снова садится въ экипажъ. Происходить какая-то заминка на перекресткѣ.

— Успенскій переулокъ...—громко читаетъ она вывѣску на углу убѣгающей въ сторону улицы.

Кирилловна дѣлаетъ строгое лицо и дергаетъ ее за рукавъ.

Отчего мать такъ низко опустила голову и упорно смотритъ въ колѣни, счищая перчаткой насѣвшую пыль? Маруся догадывается,— на этой улицѣ, вѣрно, случилось что-нибудь важное въ ея жизни. Но гдѣ? неужели въ одномъ изъ этихъ жалкихъ покосившихся домиковъ? Развѣ можно жить, любить, ухаживать за такими подслѣповатыми окнами, за этими грошевыми занавѣсками и чахлыми геранями?.. И съ фотографической ясностью рисуется покинутый заграничный городъ, гдѣ она родилась и выросла, съ его красивыми зданіями и аккуратно вымощенными улицами.

Да, да! Они тамъ были правы... Грязь, неряшество... Распушенность русская... Она смотритъ на Ольгу и видитъ, что та ей улыбается.

— Что? жарко? Погоди, сейчасъ будетъ хорошо. Сейчасъ мы выйдемъ въ поле... Тебѣ его еще не видно.

Кончаются послѣдніе выселки. Улица незамѣтно переходитъ въ большакъ. Старыя березы раскачиваютъ длинныя плакучія вѣтви. Таеъ толпа пѣшеходовъ. Священники и пѣвчіе возвращаются въ городъ. Понемногу отстаютъ и экипажи. Лиза все чаще протягиваетъ затянутую въ черную перчатку руку, прощаясь съ полузабытыми людьми... Вотъ вдова бывшаго городского головы, мать Степаши и Мирона...«Онъ въ Москвѣ, а то непременно про-водилъ бы...» извиняется старуха... Вотъ бакалейщикъ Пастуховъ.. Хозяйка квартиры, гдѣ у нихъ съ тетей Сашей была снята комната

подъ городской pied-à-terre... Всѣ уѣзжаютъ, и на старой дорогѣ остаются только факельщики, колесница съ гробомъ и старая фамильная коляска. Арефій, все время шедшій пѣшкомъ, взбирается на козла къ Митѣ.

Лиза откинула вуаль. Сквозь листву березъ проглядываетъ синее, синее небо съ бѣлыми кудрями лѣтнихъ облаковъ, а за иззубренными стволами съ обѣихъ сторонъ стелется безбрежная пелена ржи.

— Боже мой, какая роскошь!—говорить Ольга!—Ну, гдѣ ты это за границей увидишь.

«Когда волнуется желтѣющая нива...» звучать въ душѣ Маруси слова тайкомъ списаннаго стихотворенія.

А серебристо-зеленныя волны бѣгутъ, бѣгутъ безъ конца, то лоснятся на солнцѣ, то скатываются мягкими матовыми бороздами подъ набѣгающимъ облакомъ...

И Лизѣ кажется, что по нимъ навстрѣчу ей плыветъ край оторванной пропастью жизни, что оба берега, раздѣленные бездною, сейчасъ сольются, что оттуда съ невидимаго еще родного клочка земли уже доносятся какіе-то отзвуки, чьи-то голоса и шаги...

.....

И дѣйствительно, уже съ утра изъ Колычева потянулись люди. Кабакъ въ это воскресенье былъ совершенно пустъ. И старъ и младъ, кто такъ или иначе владѣлъ ногами, отправился встрѣчать похороны. Александру Николаевну помнили только тѣ, кому было не менѣе 16-ти лѣтъ, но, конечно, и дѣти увязались за старшими.

Евграфовцы съ колычевцами смѣшались въ общей толпѣ, но Агаѣонова семья шла отдѣльно.

Самъ старикъ шагаль впереди, опираясь на толстую бородавчатую можжевеловую палку и вель за руку младшаго внука, семилѣтняго Васятку, сына Лезара. Мальчуганъ широко разставлялъ ноги въ старыхъ отцовскихъ сапогахъ, чтобы поспѣть за дѣдомъ.

Агаѣонъ когда-то, въ первые годы по освобожденіи, жилъ въ Питерѣ и научился не только каменному, но и слесарному дѣлу, а главное—вернулся грамотнымъ. Грамота, давшаяся ему необыкновенно легко, натолкнула его на священное писаніе, и то, что ему раньше казалось несправедливымъ въ разницѣ судьбы помѣщика и мужика, вдругъ стало вполнѣ правильнымъ.

«Въ потѣ лица твоего добывай свой хлѣбъ... Если этотъ Божій; завѣтъ былъ исполняемъ на землѣ, то кѣмъ же, какъ не мужикомъ?»

Поэтому Агаѣонъ, или, какъ его величали теперь, Агаѣонъ Сидорычъ, не только не считалъ мужика судьбою обиженнымъ, но видѣлъ въ немъ избравшаго лучшую долю на землѣ, пока онъ сидитъ на этой землѣ и ее обрабатываетъ. Онъ и сыновей своихъ, Тихона и Лезара, держалъ въ строгости и отъ всѣхъ требовалъ постоянного труда. Евграфовцы особенно не долюбливали его, потому что онъ

первый восемь лѣтъ назадъ возвысилъ голосъ противъ отдачи общинной земли въ аренду «Демкину сыну» и именно благодаря ему кабакъ потомъ былъ построенъ не въ селѣ, не на мужицкихъ угодьяхъ, а на старой плотинѣ. Но и тутъ онъ поклялся, что ни одинъ изъ его сыновей туда не переступить порога, и самъ бросилъ пить изъ ненависти къ кулаку-Михалкѣ.

Александрѣ Николаевнѣ онъ очень уважалъ за то, что она «трудовая» была и на поляхъ сама за всѣмъ глядѣла. Лизу жалѣлъ, потому что, по его убѣжденію, она своимъ несчастіемъ искупаетъ грѣхи дѣда-поляка.

— Живи самъ по-Божьему, коли хочешь, чтобы и дѣтямъ и внукамъ жилось хорошо,—твердилъ онъ сыновьямъ.

Однако его второму сыну, Лезарю, хотѣлось жить не только по-Божьи, но и по-человѣчески. Онъ пошаливалъ на сторонѣ съ бабами и хотя не бывалъ въ кабакѣ у Демьяныча, но съ базара, случалось, возвращался пошатываясь, и тогда Луша, его жена, старалась поскорѣ спрятать и уложить его, чтобы не гнѣвить старика.

Теперь его голубые глаза нѣтъ-нѣтъ и впивались въ спину шедшей впереди Маревны. Въ карманѣ ея синей съ бѣлыми травами юбки былъ главный складъ подсоленныхъ, которые всѣ шелкали по дорогѣ, и дѣти одинъ за другимъ подходили и запускали въ него руку. Это даже составляло игру для нихъ.

— А я опять въ сусѣку!—кричалъ Сергунька, второй сынъ Лезара.

— А раньше я!—спорилъ голубоглазый, какъ отецъ, Мишутка.

— Мамка, и мнѣ!..—просила тринадцатилѣтняя Анютка, общая баловница,—она была единственной дѣвочкой въ семьѣ.

— Тише, озорные! просыплете...—остановила Маревна.—Васяткѣ снесите.

Подошелъ Лезарь.

— А что жъ, меня въ сусѣку пустишь?—впился онъ въ карія звѣзды невѣстки, раздумяившейся отъ возни.

Маревна вслыхнула и, взявъ пригоршню сѣмечекъ, протянула ему:

— На-те!

— Не хочу! самъ достану!

Она отступила на шагъ и, еще болѣе зардѣвшись, смѣрила его гнѣвнымъ взглядомъ.

— Недотыка-царевна!—процѣдилъ Лезарь и, сплевывая щелуху, пошелъ догонять остальныхъ.

Маревна прибавила шагъ и поровнялась съ мужемъ.

Тихонъ ровно ничего не замѣтилъ, онъ былъ именно Тихонъ-тихоня. Похожій чертами на брата, онъ не былъ ни синеглазымъ, ни румянымъ, какъ Лезарь. Онъ былъ весь безцвѣтѣе, тусклѣе, и только изрѣдка улыбка красила его рано постарѣвшее лицо, придавая ему удивительное обаяніе.

Выходя за него, Маревна не помнила себя со страху, но увидала его улыбку и сразу успокоилась: злой человекъ такъ улыбаться не умѣетъ.

Тамъ, гдѣ дорога круто сворачивала вправо, сдѣлали приваль.

Всѣ сѣли на межу. Маревна стала плести вѣнокъ для Анютки.

— Нѣтъ, не для Анютки,—порѣшилъ Агаѳонъ,—плети побольше: мы его на гробъ генеральшѣ положимъ.

И онъ сталъ рассказывать, какими вѣнками покойниковъ чествуютъ въ Питерѣ.

— У насъ въ деревнѣ цвѣты мало на гробъ кладутъ, а тамъ къ вѣнкамъ еще и ленты ши-ирокія привяжутъ, да на каждой золотомъ али серебромъ напишутъ, кому и отъ кого.

Маревна очень любила слушать Агаѳона. Она его хоть и побаивалась, но чуяла—онъ лучше защититъ ее въ крайнемъ случаѣ, чѣмъ ея тихоня-мужъ.

— Золотомъ?—спросила она, и тутъ же прибавила:—а что, батюшка, писать выучиться и мнѣ можно?.. вѣдь я, почитай, неграмотная... Половины буквъ не знаю...

— Ничего, зимой подучу тебя... Вотъ съ Васяткой вмѣстѣ,—улыбнулся старикъ.—Будешь не хуже меня начетчицей!

Ему его новая сноха, работающая и проворная, была очень по душѣ. Лезарь скривилъ губы.

— Подумаешь!.. Къ чему это?.. На что бабѣ грамота? Только отъ работы отстать.

— Ты не отсталь—и она не отстанетъ,—строго замѣтилъ отецъ.—Баба тотъ же человекъ... Передъ Богомъ всѣ равны... Чего же ей въ темнотѣ ходить, ровно скотинѣ безотвѣтной!

— Баловство напрасное!—пробурчалъ сынъ.

— Идутъ!.. Идутъ!..—закричали ребята.

Между грядами картофеля надъ темной ботвой показался балдахинъ. Черныя попоны лошадей и фраки факельщиковъ посѣрѣли отъ пыли. За колесницей шли не менѣе запыленные четыре женщины и Арефій. Старая коляска ѣхала сзади пустая.

— Вонъ наши!—указалъ съ козель Митя.

Ждавшіе на распутьѣ крестьяне выстроились по обѣ стороны дороги. Маруся видѣла, какъ точно по командѣ замелькали ихъ руки, кладя размахистые кресты, какъ они опустились на колѣни, какъ головы ихъ коснулись придорожной травы...

Изъ-за косогора, увѣнчаннаго бѣлой церковью, выплыла густая чаша деревьевъ. Дальnozоркіе глаза Кирилловны впились въ давно не виданную картину родной усадьбы. Они различали и крыши построекъ, и отдѣльныя деревья и даже каменные столбы воротъ. Но отчего же садъ точно обрѣзанъ? Что это за нимъ за труба какая?.. Фабрика?

«Михалка!.. Михалкинъ заводъ! Ахъ, извергъ! ахъ, душегубъ! И подъ эту погань онъ срубилъ часть парка за кулигой?»

Елизавета Ивановна наклоняетъ голову въ отвѣтъ на поклонны крестьянъ. Она узнаетъ многихъ. Но какъ они постарѣли! и сколько между ними новыхъ юныхъ лицъ... Красивая молодуха вертитъ въ рукахъ вѣнокъ изъ ромашекъ и колокольчиковъ и не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, но Агаѳонъ, — Лиза его хорошо помнитъ, — принимаетъ его и кладетъ на гробъ поверхъ груди привезенныхъ съ чужбины. И эти простые цвѣты всѣхъ свѣжѣе, всѣхъ краше.

На межѣ помѣщичьихъ владѣній ждетъ духовенство. Весь причтъ новый.

Лиза подходитъ, прикладываетъ къ образу въ рукахъ совсѣмъ молодого еще священника. За нею Ольга. Кирилловна толкаетъ Марусю подъ благословеніе.

— Ручку цѣлуй! — шепчетъ она дѣвчкѣ.

Маруся цѣлуетъ загорѣлую руку, и оба, и священникъ, и новая прихожанка, конфузятся.

А съ бѣлой колоколни льется печальный перезвонъ. Семь подобранныхъ вторами колоколовъ поютъ раздѣльно, все тоньше, серебристѣе, точно уходя въ высокое ясное небо, но, не долетѣвъ, звуки падаютъ оттуда тяжелыми, густыми ударами на землю и сливаются вдругъ всѣ вмѣстѣ въ семигласное рыданіе.

Старая церковь скорбитъ о смерти той, чьими колѣнами истертъ коверъ у праваго клироса, чьи вздохи и молитвы таятся еще въ ея уголкахъ, чьи поднятые съ вѣрою взоры словно запечатлѣлись на блеклыхъ образахъ...

Два края пропасти, два разорванныхъ берега жизни сошлись и слились...

XIX.

Увядайте, цвѣты, какъ увяли мечты!
 Не вернутся вамъ, грезы счастливыя...
 Гдѣ была красота, — тамъ теперь пустота
 И низвергнуты идолы лживые...

(«Листы пожелтѣлыя» М. К.).

Семья Михайла Демьяныча сидѣла на балконѣ за чаемъ, когда ударилъ первый похоронный колоколъ.

Авдотья Тарасовна перекрестилась. Поднялась было и рука «самого», но онъ пересилилъ себя и сдѣлалъ равнодушно-презрительное лицо. Танечка заерзала на стулѣ и вскинула робкій взоръ на папашу.

— Данька гдѣ? — спросилъ родитель.

— А я почему знаю! — отвѣтила дѣвица, накладывая себѣ полное блюдечко свѣжаго душистаго варенья изъ лѣсной земляники, —

взялъ книгу и ушелъ. Развѣ онъ скажетъ, куда?.. Господи, и тоска же тутъ нынче! Хоть бы кто пріѣхалъ...

— А тебѣ, что жъ, каждый день гостей подавай? Посиди и со своими... Чего ни съ кѣмъ съ поповки не подружисься? Кажется, не одна ты барышня здѣсь!—отвѣтила мать.—Сошлась бы съ младшей дьяконской Грушенькой, и самой веселѣе было бы.

— Благодарю покорно, о чемъ съ ней разговаривать? Скука зеленая... Хоть бы поѣхать куда, а то лица человѣческаго не видишь.

— А мы что жъ всѣ—морды звѣриныя, что ли?—обидѣлась Фетиша, неперсница Авдотьи Тарасовны, разливавшая за самоваромъ чай.

Ей тоже не сидѣлось. Ей такъ и хотѣлось вскочить и побѣжать въ поле, навстрѣчу похоронамъ.

Съ той минуты, какъ въ среду хозяйинъ привезъ въ Евграфовку вѣсть о кончинѣ Александры Николаевны, она успокоиться не могла. То, что новость была принесена въ домъ не ею, было для нея личной обидой. Она была ходячимъ коробомъ сплетенъ, и вдругъ такая важная вѣсть исходитъ не отъ нея.

— Скажите, пожалуйста,—померла! Живую ждали, домъ готовили, а она мертвая жалуется!

Въ четвергъ она чѣмъ свѣтъ обѣжала всю поповку, побывала и у матушки отца Силы за рецептомъ вдругъ понадобившагося розоваго варенья, и у дьяконицы за тамбурнымъ узоромъ, и у дьячихи за отводкомъ пестролистой крапчатой бегоніи. Словно случайно забрела она и на погостъ и только что опустилась на землю, чтобы взглянуть черезъ отдушину въ склепъ, какъ желѣзная дверь отворилась и высунулась чья-то сѣдая голова.

Фетиша взвизгнула отъ страха и разомъ вскочила на ноги. Ей почудился старикъ-генераль и многихъ орденовъ кавалеръ... Но знакомый голосъ Агаѳона ее отрезвилъ.

— Чего притащилась?.. Кого тебѣ тутъ надо?

Сконфуженная приживалка, перекрестившись, помчалась наутекъ, еще вся въ холодной испаринѣ отъ испуга.

— Фь-ю-ю!—засвистѣлъ ей вслѣдъ Агаѳонъ:—пятки не растеряй, лиса востроносая!

Подходя къ кладбищенскимъ воротамъ, Фетиша перевела духъ и пошла домой обходнымъ путемъ мимо двора Колычевской усадьбы. Ея острая, дѣйствительно, напоминавшая лисицу мордочка точно нюхала воздухъ, и зоркіе глаза такъ и пронизывали боярышникъ, высматривая, что дѣлается за нимъ.

Сквозь открытыя ворота виднѣлся заросшій дворъ. У каретника Митя съ работникомъ возились надъ коляской. Его жена Аксинья выколачивала на веревкѣ подушки, а работница мыла ступеньки чистаго крыльца.

Въ настежь распахнутыя окна видны были диваны и стулья,

чинно разставленные вдоль стѣнъ, крышка желтаго рояля и зеркала въ простѣнкахъ, но самъ домъ, выгнувшійся дугою по фасаду и освѣщенный по срединѣ, казался такимъ ветхимъ, такимъ мрачнымъ, что Фетиша съ гордостью созналась себѣ, насколько при сравненіи выигрывало обиталище Евграфовыхъ, вычурное и нарядное, хотя нѣсколько и неудобное.

— Ждутъ!—подтвердила она тутъ же за утреннимъ кофее, сервированнымъ на террасѣ съ пестрыми стеклами, гдѣ собралась вся семья и въ томъ числѣ ночевавшій Сеничка.—Тѣло привезутъ въ воскресенье, поставятъ въ церковь, а въ понедѣльникъ послѣ поздней и похороны. Заказаны балдахинъ дворянскій и двѣнадцать факельщиковъ. Лошадей хотѣли шесть, по чину, да у гробовщика всего четыре попоны, и пришлось уступить двухъ...

Сразу послѣ такого доклада возникъ вопросъ, итти ли на похороны?

— Это съ какой же стати?—вопросилъ самъ.—Кажись, ниоткуда намъ роднею не доводится. При жизни, окромя гордости, ничего съ ейной стороны не видали, чего же на похороны-то лѣзть?

— Съ мертвыхъ не взыскиваютъ!—робко возразила супруга.—Все же какъ-никакъ ими начало богатству нашему положено.

— То есть это какъ же такъ? позвольте узнать!—переспросилъ хозяинъ. Если я нонѣ купцомъ первой гильдіи числюсь, то ужъ за это никому, окромя себя да собственнаго ума, не обязанъ. Изъ двѣнадцати тысячъ, что за тобою въ приданое взялъ, безъ моей головы на плечахъ, ни двѣсти бы, ни заводъ не выросли! Такъ-то-съ!

Таничка была очень довольна этой отповѣдью отца матери. Ее тѣшило сознание, что она не только не безприданница, но очень и очень не бѣдная невѣста, и хотя съ трудомъ окончила въ маѣ прогимназію и до книжекъ неохотница, но даже и любому офицеру подѣ статью... Но за неимѣніемъ такового въ виду, она томно вскинула глазками на Сеничку, сразу повеселѣвшаго и поторопившагося подвинуть ей корзинку съ хлѣбомъ.

— Мерси!—улыбнулась барышня.—Я уже кушала.

«Ахъ ты, лимонъ выжатый! Красавицей себя вообразила,—подумала Фетиша и бросила завистливый взглядъ [на хозяйскую дочку.—Погоди, миленькая, а я уже ноги твои гусиные жениху-то во всей ихъ живописности покажу. Посмотрю, какъ онъ опосля того тебѣ взоры амурные кидать будетъ!..»

И когда послѣ кофе Таничка съ Сеничкой пошли на проминажъ, она, идя сзади, вдругъ дико вскрикнула:

— Ай! змѣя!..

Таничка, до смерти боявшаяся всякихъ нечистыхъ тварей, тоже дико вскрикнула и высоко подобрала оборки своихъ пышныхъ юбокъ. Обнаруживая на бѣгу некрасивыя, оставшіяся коле-

сомъ съ дѣтства ноги, она заковыляла къ дому, а Сеничка обернулся и съ ужасомъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Видѣ ли этихъ ногъ, или же дѣйствительно обѣщаніе дядѣ вернуться къ обѣду, но сразу племянникъ-Пастуховъ заторопился въ городъ, а замокъ съ башнями и переходами опустѣлъ.

Вотъ почему въ воскресенье богатая невѣста была не въ духѣ и особенно томилась одиночествомъ. Похороны какъ-никакъ являлись развлеченіемъ, но перечить папашѣ и думать нечего было, и приходилось сидѣть на балконѣ и утѣшаться вареньемъ.

На Таничкино счастье, однакожь, Михаила Демьяныча вызвали на заводъ. Дождавшись, когда его грузные шаги стихнули за заборомъ, барышня накинула пелеринку и, не смущаемая ничьими посторонними взглядами, понеслась уточкой черезъ лазейку въ боярышникѣ напрямки по старому парку къ калиткѣ на село.

Дорога была ей хорошо знакома еще съ дѣтства; они всегда ходили ею въ церковь. Здѣсь ее никто не увидитъ, а она совершенно спокойно увидитъ все и можетъ въ свое удовольствіе разглядѣть публику.

Ждать пришлось довольно долго, но зато ея любопытство было вознаграждено съ избыткомъ. Она оцѣнила до тонкости и факельщиковъ, и балдахинъ, и колымагу, а главное—фасонъ траурныхъ платьевъ пріѣзжихъ.

«Изъ-за границы, сейчасъ видать. Просто, а какъ сидятъ. И шляпы очень хороши. Непремѣнно велю Марьѣ Степановнѣ и мою фетровую такъ же выгнуть. Ей растолковать—она пойметъ. А кто же это такая?..»

Она медленно присоединилась къ шествію, протиснулась вмѣстѣ съ толпою въ церковь и, локтями очищая дорогу, очутилась вплотную у гроба. Красивое лицо Ольги Нерадовой привлекло все ея вниманіе. Она весьма безцеремонно разглядывала ее, какъ вдругъ за ея спиною раздался шопотъ:

— А я папашенькѣ скажу, какъ дочка его приказаній слушается.

Фетиша стояла за нею, въ обществѣ дочекъ дьякона и его сироты - племянницы, служившей фельдшерской помощницей въ больницѣ.

Таничка вспыхнула и презрительно отвѣтила:

— Ну, что жъ, и фискаль!.. Очень я боюсь, подумаешь!.. Меня маменька отпустила.

Но ея настроеніе было испорчено и, не дождавшись конца панихиды, она вышла изъ церкви.

Никогда выраженіе—«крестный путь» не могло быть такъ кстати примѣнено, какъ къ этой знакомой дорогѣ, по которой

сегодня двигалась Елизавета Ивановна Яшнева. Ни одна мельчайшая подробность не была, къ ея великому ужасу, стерта изъ сердца тринадцатилѣтнимъ отсутствіемъ. Все жило, все мучительно шагъ за шагомъ напоминало прошлое, и были минуты на этомъ пути, когда ей хотѣлось броситься въ сторону, упасть на землю лицомъ въ траву, заткнувъ уши, чтобы не видѣть подъ перезвонъ знакомыхъ колоколовъ всѣхъ этихъ страшныхъ и дорогихъ когда-то предметовъ.

Лицо ея не дергалось. Оно закаменѣло въ напряженномъ усилии сдержать судорогу...

«Я не могу... я не вынесу!..» читалось на немъ.

Но она вынесла. Стоя въ церкви, на томъ самомъ мѣстѣ подъ мѣднымъ паникадилломъ, гдѣ стояла во время вѣнца, она только удивлялась, что это она та самая Лиза, которая вѣнчалась тогда въ облакѣ старинныхъ кружевъ, и что, несмотря на все пережитое и перенесенное, не она лежитъ въ запаянномъ гробу, а держитъ снова въ рукахъ восковую свѣчу и смотреть на знакомые образа, украшенные деревенскими приношеніями.

Во исполненіе какихъ молитвъ, по какимъ обѣтамъ навѣшаны эти пелены, эти наивные розовые, синіе и кружевные лоскутья, въ видѣ портьеръ съ бахромкой и подхватами изъ лентъ?

Она завидовала разливавшейся рѣкой Кирилловнѣ, завидовала всѣмъ этимъ бабамъ и мужикамъ, которые молились, вздыхали и отирали слезы... Когда она въ послѣдній разъ была въ этой церкви, она сама умѣла вѣрить и молиться, а теперь—ни слезъ, ни молитвъ для нея не существовало.

Она знала, что и тутъ еще не конецъ ея мукамъ; что если ей было тяжело на дорогѣ, тяжело теперь въ церкви, то впереди еще самое страшное и тяжелое—садъ, домъ, тѣ комнаты, гдѣ она была такъ безмѣрно счастлива въ теченіе столь недолгихъ юныхъ дней...

И когда она вступила въ этотъ домъ, вошла въ переднюю и залу, нервы ея дѣйствительно не выдержали. Стѣны, зеркала, старый рояль Гентша, стулья и диваны завертѣлись и поплыли вокругъ нея... Съ ней сдѣлался новый обморокъ, и никакія усилія домашнихъ не могли помочь ей очнуться.

Съ трудомъ подняли ее, вдругъ ставшую необыкновенно тяжелой, и перенесли въ спальню Александры Николаевны.

Дунька, старшая дѣвочка Мити и Аксиньи, духомъ слетала въ больницу и привела Маргариту Ивановну, потому что доктора снова не было налицо. Та приняла всѣ мѣры и привела Лизу въ себя...

— Боюсь... а плакать ее заставить надо!—шепнула она Ольгѣ.

— Плакать? Въ томъ-то и дѣло, что слезъ у нея нѣтъ. Я сама увѣрена, она выздоровѣетъ, только бы заплакать ей,—отвѣтила Нерадова.

Акушерка стала собирать свои вещи въ мѣшокъ и, надѣвъ его привычнымъ движеніемъ на руку, прибавила:

— Если нужно, хоть ночью пришлите, я съ удовольствіемъ приѣду. А теперь пусть ее спитъ себѣ! А какъ Савва Григорьевичъ пріѣдетъ, я его къ вамъ пришлю, если онъ будетъ не выпивши. Когда въ себѣ—лучше его врача не сыскать, знающій...

На Марусю это пепелище супружескаго счастья ея родителей произвело угнетающее впечатлѣніе. Окна безъ шторъ и занавѣсокъ, оголенные стѣны съ покоробленными и кое-какъ прибитыми гвоздиками обоями, черная отъ плѣсени и мѣстами обвалившаяся штукатурка обвислыхъ потолоковъ и мебель съ изъѣденной молю обивкой навѣвали неуютное чувство. Старый садъ подступалъ къ самому балкону и казался дремучимъ лѣсомъ, откуда вѣяло сыростью и холодомъ. Хмель, источенный гусеницею, висѣлъ неряшливыми фестонами, а по стѣнамъ бѣгали длинноногіе пауки и ползали сѣрыя мокрицы.

Обморокъ матери, гробъ бабушки въ церкви щемили сердце. Дѣвочка робко жалась къ Ольгѣ, а та старалась ее ободрить и то вышучивала криво вставленные въ бутылки свѣчи или Дуньку, громко шлепавшую босыми ногами, то обращала вниманіе ея на расписныя чашки Аксиньи съ золочеными поздравительными надписями, то мазала ей сметану на черный хлѣбъ и убѣждала, что еще никогда въ жизни она ничего вкуснѣе не ѣла.

Кирилловна устроила ихъ обѣихъ въ бывшей когда-то дѣвичьей комнатѣ Лизы, гдѣ теперь стояла зеленая триповая мебель изъ кабинета покойнаго Сотова, и Маруся улеглась рядомъ съ Ольгой на широкой оттоманкѣ. Она заснула, какъ убитая, и даже пѣсня соловья, свившаго гнѣздо въ старой сирени у самаго окна, не разбудила ее. Она не слышала и десяти ударовъ деревенскаго колокола, которыми церковный сторожъ приблизительно около десяти часовъ оповѣщалъ окрестность о своемъ бдительномъ надзорѣ за церковными сокровищами, не слышала, какъ задились неистовымъ лаемъ собаки на селѣ на возвращавшагося навеселѣ доктора и какъ имъ отозвался у воротъ привязанный на цѣпи внукъ стараго Сократа.

Ей снились удивительные сны, гдѣ эмалированный сервизъ Штейна смѣшивался съ золочеными чашками Аксиньи, а Мартель шлепала босикомъ и таскала бутылки со свѣчами, чтобы изъ нихъ поливать нарцисы и тюльпаны. И мать была здорова, и бабушка сидѣла въ креслѣ у окна и протягивала ей свой роликъ, чтобы сосчитать, сколько еще дней остается до прибытія въ Колычево.

Сама Кирилловна улеглась на полу около Лизы. Она долго молилась и все-таки легла съ неутоленнымъ сердцемъ на Арефія и его присныхъ. Ничего, по ея мнѣнію, не было сдѣлано по-человѣчески.

«Гадость и грязь одна... На что обои похожи... а потолки? а полы?... Ни въ чемъ на людей положиться нельзя, всюду надо самой носъ совать, чтобы толкъ вышелъ...».

Хотя ея безмолвныя сѣтованія и даже тяжкіе вздохи не долетали до Арефія, но онъ тоже ворочался на постели въ бывшей когда-то людской. Матрена проснулась отъ скрипа деревянной кровати.

— Что ты вертишься? Аль душно?.. Испей кваску, полегчаетъ!..

Арефія послушно всталъ и, сдунувъ въ сторону напавшихъ въ кружку мухъ, жадно осушилъ ее до дна, но сна не было. Очень ужъ тревожило его, какъ быть, когда кабакъ на плотинѣ обнаружится. «Эхъ, никто какъ Богъ да Микола милостивый,—авось, заступятся!..».

Дверь церкви была всю ночь открыта настежь. Псаломщикъ у аналоя задремалъ, и замолкли псалмы Давида.

Тихо теплилась лампадка надъ царскими вратами, озаряя Тайную вечерю. Съ иконостаса лики угодниковъ смотрѣли на запаянный гробъ и точно вслушивались въ соловьиную пѣсню, разливавшуюся на опушкѣ недвижнаго, погруженнаго въ думу стараго парка.

XX.

«Хуже нѣтъ грѣха соромнаго,—
Вѣкъ твердила тетка намъ,—
Какъ дѣвицамъ дома скромнаго
Взоръ кидать по сторонамъ.
Знайте,—сгубить васъ единый
Взглядъ, обмѣненный съ мужчиной».

(«Листы пожелтѣлые» М. К.)

Прошло полторы недѣли. Александра Николаевна покоилась въ склепѣ рядомъ съ прахомъ своего ненагляднаго Simon.

Какъ ни была слаба Лиза, но она все-таки присутствовала на похоронахъ и выдержала весь искусь до конца. Зато теперь наступила полная прострація, и она лежала въ постели, слабая, безвольная, не шевеля ни рукой, ни ногой. Докторъ бывалъ ежедневно, но всякихъ волнующихъ разговоровъ избѣгалъ и только слѣдилъ за сердцемъ и сномъ больной.

Ольга доживала послѣдніе дни отпуска. Она вздыхала, зачѣмъ связала себя контрактомъ и не смѣетъ дольше оставаться въ Колычевѣ, но уже при мысляхъ о театрѣ она мурлыкала про себя любимыя фразы и обдумывала то жестъ, то какой-нибудь костюмъ.

И Маруся, и Кирилловна съ ужасомъ думали о ея отъѣздѣ. Помимо ея способности ободрять другихъ въ тяжелыя минуты, она необыкновенно практично рѣшала вопросы житейскіе. А этихъ вопросовъ въ старой усадьбѣ возникало съ каждымъ днемъ

все больше, и Кирилловна чувствовала, что ея семьдесятъ два года не находятъ на нихъ отвѣта.

Почему за тринадцать лѣтъ жизнь такъ измѣнилась,—она никакъ понять не могла. Когда они послѣ отставки Сотова водворились въ Колычевѣ, были еще свѣжи преданія крѣпостного времени. Еще не сошли въ могилу люди, державшіеся за лучшіе, по ея мнѣнію, завѣты его—уваженіе къ чужой собственности, вѣрнѣе,—къ барскому достоянію, а для Кирилловны все рѣшительно и сводилось къ тому, чтобы не только беречь, но и множить барское добро. Въ этомъ было ея жизненное назначеніе и цѣль ея бытія.

Поэтому и на всѣхъ причастныхъ къ усадьбѣ она смотрѣла, какъ на прежнихъ дворовыхъ, и не допускала мысли, чтобы они могли имѣть какіе-нибудь личные интересы и помышлять о чемъ бы то ни было, кромѣ благосостоянія господъ и ихъ домашняго благоустройства. Такъ было по крайней мѣрѣ въ тѣ прошлые годы, когда хозяйничала Александра Николаевна. И поставленный ею въ приказчики племянникъ Арефій, и его дѣти—Митя и Танька, и жена Матрена были слугами генеральши, слугами хотя и на жалованьѣ, но никакого своего хозяйства у нихъ не было, и они работали то, что требовала въ данную минуту жизнь владѣлицы Колычева.

Теперь же, по возвращеніи изъ нѣметчины, оказалось, что коровы въ стойлахъ, строенныхъ еще паномъ Романомъ, не помѣщичьи, а принадлежатъ Арефію, и молоко вѣдаетъ Матрена, у которой и надо каждый разъ спрашивать, изъ какого горшка его брать для Лизы и Маруси. Лошади тоже поминутно требуются въ полѣ. Мясо можно получить въ лавкѣ на селѣ, а рѣзать куръ съ птичника нельзя, потому что онѣ несутся, а яйца копяты на продажу. Выходило, что каждый глотокъ долженъ быть оплаченъ.

Что придется искать людей для прислуги,—Кирилловна тоже никакъ не рассчитывала. Ей казалось, Дунька на то только и родилась, чтобы замѣнить въ комнатахъ свою тетушку—Таньку, выданную замужъ въ дальнюю деревню, а Митя будетъ попрежнему топить печи, раздувать самовары, колоть дрова и ѣздить за кучера. Но на самомъ дѣлѣ оказывалось совершенно другое: Арефій уже не былъ приказчикомъ, а арендаторомъ, и требовать съ него какого бы то ни было отчета за самыя тяжкія упущенія по хозяйству никто права не имѣлъ. Митя смотрѣлъ изъ его рукъ и былъ его главнымъ батракомъ, а его супруга, дарившая его каждую весну новымъ отпрыскомъ, а дважды и двумя сразу, находилась въ рабскомъ подчиненіи у своей свекрови Матрены, смолоду особой стоворчивостью не отличавшейся.

Вся эта орава Митиныхъ и Аксиныныхъ ребятъ чувствовала себя на барскомъ дворѣ полноправными хозяевами, и цѣлый день стонъ стоялъ отъ ихъ голосовъ, отъ игры въ лошадки и бабки, и не было прохода отъ всякаго хлама и мусора, который они натаски-

вали для постройки отдѣльныхъ для каждого шалашей и палатокъ.

Все это раздражало Кирилловну и сбивало съ толку.

— Ну, и народила семью!—ворчала она на Аксинью, урывками мывшую посуду на кухнѣ.

— Что жъ, дѣло наше такое бабѣ,—оправдывалась та,—сынь да сынь изъ мѣшка. Я ужъ и то не доѣдала, не допивала, ворочаясь въ господскихъ горницахъ, когда свои ребята не кормлены и не одѣты. Справься-ка съ ними! Самой невоготу, а отъ свекровки помощи не дождешься... Знай, одни окрики да выговоры.

Выходило, что не только нельзя изругать Арефія за кое-какъ исполненныя порученія изъ-за границы, но слѣдовало еще благодарить Аксинью за плохо вымытые полы и окна.

А окна эти не запирались. Половицы скрипѣли и плясали подъ ногами. Крыша хотя и не текла, но была безобразна, благодаря небрежно и безтолково пригнаннымъ заплатамъ...

Кирилловна не узнавала и Мити. Это былъ совсѣмъ не онъ, не баунькинъ любимчикъ въ щегольской сатиновой рубахѣ, а некрасиво обросшій бородою, неловкій, какой-то опустившійся мужикъ, которому вѣчный недосугъ и нѣтъ ни времени, ни охоты подтянуться, вымыться, причесаться. И дѣло у него не спорится попрежнему. Все катится и валится изъ рукъ, потому что вѣчно онѣ заняты грубой, чисто мужицкой работой.

Ольга быстро сообразила, гдѣ исходъ.

— Полно, Кирилловна! Какъ тутъ Митѣ съ Аксиньей съ нами возиться, когда у нихъ девятеро ребятъ. Нечего изъ себя выходить и о быломъ вспоминать. Лучше пустите меня, я пойду на поповку и покочетничаю съ отцомъ Силою.

— Съ попомъ-то? Ну, и грѣховодница!..—улыбнулась старушка.

— Ну, попечалуюсь ему на наши дѣла, коли кокетничать грѣхъ, онъ, навѣрно, намъ подходящихъ людей укажетъ. А то вы и сами выбились изъ силъ, и дѣло ни съ мѣста.

Она кликнула Марусю. Дѣвочка по обыкновенію повисла у нея на рукѣ, и онѣ обѣ зашагали по старой аллеѣ къ церкви.

Вопреки своимъ ожиданіямъ, Маруся, наслушавшаяся отъ бабушки о прелестяхъ Кольчевскаго сада, не находила его ни красивымъ, ни поэтичнымъ. Онъ пугалъ ее запущенностью, и она только съ Ольгой рѣшалась ходить по темнымъ, заросшимъ скользкимъ мхомъ и муравою аллеямъ и ни разу не отважилась ни влѣво, ни вправо за ряды душлистыхъ липъ. У нея не являлось ни малѣйшаго желанія разыскать пріютъ мечтаній ея бабушки, ни стриженный во время оно французскій садъ, ни слѣды грунтовыхъ сараевъ и персиковыхъ оранжерей.

Ей казалось, что лужайки непременно должны кишѣть змѣями и ужами, лягушками и жабами и тѣми отвратительными чер-

ными улитками, которыхъ она, бывало, видѣла въ палисадникѣ фрау Зелигъ.

Когда онѣ вышли изъ калитки и пошли по лужку къ церкви, имъ пересѣкла дорогу франтовская полуколяска, съ толстымъ кучеромъ и не менѣе толстымъ сѣдокомъ, который такъ и впился въ нихъ глазами. Ольга, никогда не упускавшая случая «поглазенапничать», окинула его кокетливымъ взглядомъ такъ вызывающе, что онѣ невольно скинулъ картузъ и поклонился ей.

— Кто это?—спросила Маруся.

— А, ей-ей, не знаю!—отвѣтила безшабашно Ольга.

— Кто это?—спросилъ въ то же самое мгновеніе и сѣдокъ кучера.

— Гостя Колычевихи!—отвѣтилъ кучеръ.

Михайло Демьянычъ обернулся. Ольга, приподнявъ платье, переходила дорогу, и глазки Евграфова такъ и впилась въ ея стройную фигуру и красивую подъемистую ножку въ щегольской ботинкѣ.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ онѣ.

Деревенскія красавицы вродѣ Маревны давно уже не были новостью для повелителя «Евграфовой слабодки». Онѣ ему даже пріѣлись. Артачатся, кобенятся, чуть не воютъ спервоначала, а потомъ начинаютъ тянуть и деньгами, и гостинцами, и нарядами, а обнаружатся послѣдствія—снова вой и причитанія, пока не заткнешь имъ ротъ красненькой. Ну ихъ къ ляду!.. И какъ присмотришься,—ничего-то въ нихъ хорошаго нѣтъ! Такъ, смазливость одна. Всѣ молокомъ и кислятиной отдають.

Конечно, въ городѣ у него водились и другія женскія знакомства, бывали и швейки, и арфянки. Настоящихъ продажныхъ съ улицы онѣ не признавалъ, ему нравились только свои, но прочной связи, долготѣтней привязанности избѣгалъ, хотя ни одной встрѣчной, сколько-нибудь стоящей женщины никогда не пропускалъ, не примѣривъ ей, на взглядъ, званія своей душеньки.

Отъ жены онѣ, само собою разумѣется, эти похождения всячески скрывалъ, хотя, по его мнѣнію, при ея вѣчныхъ болѣзняхъ она и не смѣла требовать отъ него монашескаго образа жизни.

Но Авдотья Тарасовна знала всю подноготную о мужѣ.

Фетиша, сама когда-то мѣтившая въ евграфовскія душеньки и оставшаяся, благодаря излишней проницательности, за флагомъ, вдвойнѣ зорко слѣдила за супругомъ своей барыни и подруги, донося о всякой его новой измѣнѣ. Авдотья Тарасовна плакала, вздыхала и гадала на картахъ, въ какомъ положеніи сердечныя дѣла «измѣнщика и разлучницы», и просила поворожить, чтобы поскорѣй наступила острада.

Въ данное время сердце Михайла Демьяныча было совершенно свободно. Дѣла настолько поглощали всѣ его мысли и чувства,

что ему казалось—съ этимъ покончено навсегда, и бабы отнынѣ для него одна ерунда. Но при видѣ Ольги въ груди богатырской что-то вновь екнуло.

— А! это та, значить, ахтерка?—продолжалъ онъ допытывать толстаго Степана, потому что приблизительная біографія Ольги, составленная по обрывкамъ къѣмъ-то и гдѣ-то подслушанныхъ разговоровъ, уже была сообщена съ радостнымъ захлебываньемъ самой Фетишей.

— Ахтерка, сказываютъ!—отвѣтилъ кучеръ равнодушно и вдругъ спрыгнулъ съ козель, замѣтивъ разматывающійся гужь.

Въ другое время ему, навѣрно, солоно пришлось бы отъ хозяина, не щадившаго кулаковъ при малѣйшемъ упущеніи, но въ данную минуту эта остановка была какъ нельзя болѣе кстати: Ольга съ Марусей всходили на крыльцо отца Силы, и у Михайла Демьяныча мелькнула гениальная мысль зайти тоже къ священнику и поближе посмотрѣть «ахтерку».

Кинувъ Степану выразительную «ворону», онъ свернулъ вправо и сказалъ:

— Жди у крыльца поповскаго. Мнѣ на минутку зайти надо, пока ты тутъ перепрягать будешь.

Не успѣла молоденькая, худенькая, похожая на гимназистку матушка усадить своихъ неожиданныхъ посѣлительницъ, какъ въ прихожей опять задребезжалъ колокольчикъ.

— Батюшки, кто это? Ѳедосья? А Ѳедосья? куда жъ ты провалилась.—Матушка выглянула въ окно.—Господи! Самъ Михайлъ Демьяновичъ!

Не дожидаясь провалившейся Ѳедосьи, хозяйка открыла дверь.

Имя Михалки было, конечно, уже извѣстно и Ольгѣ, и Марусѣ. Обѣ окинули его и любопытнымъ, и высокомернымъ взглядомъ, но онъ, ничуть не смущаясь, подошелъ къ Ольгѣ и первый протянулъ ей руку.

— Евграфовъ, ктиторъ здѣшней церкви!—почему-то отрекомендовался онъ, умалчивая о всемъ прочемъ своемъ величіи.

Ольга вопросительно подняла брови и, не стибая пальцевъ, коснулась перчаткой его красной, потной длани. Маруся гордо кивнула головой и даже не привстала со стула.

Воцарилось молчаніе. Михайло Демьянычъ исподлобья разглядѣвалъ «ахтерку».—«Такъ и есть,—подмалевана, а хороша! Стань-то какой!.. а повадка!—чистая княгиня».

Въ театрахъ онъ бывалъ и въ Москвѣ кого-кого не пересмотрѣлъ, но этой не встрѣчалъ ни въ Маломъ, ни въ оперѣ, ни у Омона, ни въ Мавританіи.

«Интересно, что она—поетъ, пляшетъ или такъ комедь ломаетъ?»

Матушка суетилась, дѣлала въ дверь какіе-то телеграфическіе знаки, Наконецъ оттуда появилась Ѳедосья съ налитыми чайными

стаканами и блюдечками знаменитаго розоваго варенья. Чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ, матушка начала выражать Марусѣ свои соболѣзнованья по поводу смерти Александры Николаевны и болѣзни Лизы.

— Это ничего ихъ болѣсть, — вставилъ вдругъ Евграфовъ, громко по привычкѣ втягивая въ себя чай: — оправятся вскорѣ. Воздухъ здѣшній весьма пользителенъ.

Ольга невольно окинула взглядомъ его фигуру и отвѣтила съ улыбкой:

— Судя по вашему виду, — дѣйствительно весьма.

— Ну, что, устроились? — поспѣшила перемѣнить матушка тему.

Ольгѣ не хотѣлось говорить о домашнихъ дѣлахъ при Михалкѣ, и она уклончиво сказала.

— Пока еще не вполнѣ.

— Небойсь, трудно приходится, — безцеремонно вмѣшался опять Евграфовъ, — за границей отъ здѣшнихъ порядковъ, поди, отвыкли. Ну, да и народъ уже не прежній, — набалованный страсть. Слуги порядочнаго нонѣ и за большія деньги не получишь. А старушки вашей не надолго хватить, коли она попрежнему всюду поспѣвать вздумаетъ. Да и квартира ужъ не та. Лѣто еще какъ-нибудь проживете, а зимою въ городѣ устроиться придется. Домъ больно обветшалъ, зимою въ немъ не выдержать.

Маруся даже глаза раскрыла: какъ могъ этотъ «врагъ ихъ лютей», какъ его величала Кирилловна, знать, обитаемъ или необитаемъ ихъ домъ? Развѣ онъ бывалъ въ немъ?

Михайло Демьянычъ, замѣтивъ ея сверкнувшіе глазенки, вдругъ обратился къ матушкѣ:

— А какъ барышня-то бабушку свою напоминаетъ, Софью Романовну! Совсѣмъ она... даже волосы тѣ же, только цвѣтъ глазъ пенькинъ... Я ихъ хорошо помню. Франтихи большія были... Ахъ, да вѣдь вы ихъ не знали... Тогда у насъ отецъ Никита священствовалъ... А вы ихъ помните, сударыня? — повернулся онъ къ Ольгѣ.

— Нѣтъ, я матери Елизаветы Ивановны никогда не видала и помнить не могу.

— А вы какъ же знакомы съ ними? По заграничѣ?

— Не только по заграничѣ.

— Раньше, значитъ?

— Да, значитъ — раньше! — отвѣтила Ольга, нарочно очаровательно улыбаясь.

— А сюда, что жъ, надолго пожаловали? — продолжалъ допытываться Евграфовъ.

— Не знаю... а васъ развѣ это интересуеть? — подняла она брови.

— Помилуйте-съ, — меня всякая красивая женщина интересуеть.

Вотъ какъ! Ну, а какъ вы полагаете — это взаимно?

— Что взаимно? Какъ такъ? Что вы разумѣть изволите?— опѣшили собесѣдникъ.

— Что и всякая красивая женщина непременно интересуется вами?—она улыбнулась еще очаровательнѣе и бросила на него томный взглядъ изъ-подъ рѣсницъ.

Евграфовъ смутился. Ему показалось, что Ольга высмѣиваетъ его.

Но она смотрѣла такъ ласково, ея зубы двумя безукоризненными рядами красиво бѣлѣли въ разрѣзѣ румянаго рта, и онъ, невольно ей повѣривъ, отвѣтилъ:

— Бываетъ-сь.

— Часто?

— Да-сь... иногда...

— О, я въ этомъ ничуть не сомнѣваюсь,—я сужу по себѣ!—

И. сразу ставъ серьезной, она обратилась къ матушкѣ:

— Ужасно люблю умныхъ людей! Вотъ Михаилъ Демьяновичъ—такъ кажется?—улыбнулась она снова Евграфову,—сразу догадался, въ чемъ наше затрудненіе. Не можете ли вы указать намъ, кого бы нанять въ горничныя?

Матушка развела руками.

— Дѣвочкѣ и бабѣ на селѣ, конечно, много, а чтобы рекомендовать,—ей-ей, не возьмусь.

— И не беритесь, матушка, всѣ баловныя. Ужъ я-то ихъ, какъ свои пять пальцевъ знаю,—вмѣшался Михалка.

— Да ужъ, конечно, кому и знать, какъ не вамъ!

Евграфовъ заерзалъ на стулѣ. Матушка спохватилась, что, пожалуй, ея слова были нѣсколько двусмысленны, и добавила въ поясненіе:

— Всѣ здѣшнія женщины работаютъ у Михаила Демьяновича, такъ онъ поневолѣ къ нимъ приглядѣлся.

Но Ольга продолжала невозмутимо слушать, думая про себя:

«Воображаю!»

— А вотъ я лучше дамъ вамъ совѣтъ, обратитесь къ Агаѳону, онъ старикъ степенный, обстоятельный. У него сноха изъ другой деревни взята, и, какъ я слыхала, тамъ много ихъ, сестеръ-то. Женщина прекрасная!—предложила хозяйка.

— Маревна?—спросила Ольга:—красавица такая? Ну, вотъ и отлично. Пойдемъ, Марусенокъ! ты кстати ее за вѣнокъ поблагодаришь... Спасибо за совѣтъ, матушка!

— Позвольте, я подвезу васъ,—обратился Евграфовъ къ нимъ, когда они втроемъ очутились на крыльцѣ.—Агаѳонова изба третья съ того конца, а на улицѣ ишь какая грязь! вы башмачки испачкаете... Степанъ! подавай!—крикнулъ онъ.

Но Ольга категорически отказалась.

— Мы люди привычныя, мы всегда пѣшкомъ ходимъ.

истор. вѣстн., мартъ 1914 г., т. сxxxv.

Онъ пошли впередъ, Михалка пошелъ съ ними. Онъ понималъ, что его услуги неумѣстны и не могутъ быть приняты, но, сознавая всю неловкость, былъ не въ силахъ отстать отъ Ольги. А та въ душѣ хохотала, воображая, какіе толки и сплетни поднимутся теперь при видѣ ихъ прогулки втроемъ по селу.

Дѣйствительно, изъ оконъ высовывались головы. Дьяконица и ея дочки пололи огурцы въ огородѣ и такъ и вскочили на ноги. На крылечкѣ больницы подруга Фетиши, фельдшерица Капочка Мискина даже бинтъ выронила изъ рукъ, и онъ, разматываясь, покатился прямо въ лужу.

Бѣдная Авдотья Тарасовна ровно черезъ часъ уже знала въ мельчайшихъ подробностяхъ объ этой новой соперницѣ и была выбита изъ равновѣсія супружескаго благополучія. Пришлось опять вытаскивать всякія патентованныя лекарства и заготовлять чуть не четвертную бутылъ раствора брома... Недаромъ, когда Фетиша въ послѣдній разъ гадала ей на картахъ, роковая десятка червей трижды ложилась между червоннымъ королемъ и трефовой дамой.

— Новая brunетка, матушка,—(почему новая, доказывали остальные карты),—вдова, али разводка!—пророчила наперсница, не подозрѣвая сама, насколько близко исполненіе пророчества.

А «brunетка» сидѣла съ Марусей у Агаѳона и любопытно осматривала стѣны просторной и чистой на удивленіе избы.

Агаѳоновъ домъ былъ дѣйствительно третьимъ съ края и стоялъ сразу за двумя полуразрушенными «господскими», гдѣ прежде проживали свой вѣкъ бывшіе дворовые. Теперь эти хаты пустовали, и сквозь проваленные потолки и разметанныя крыши выглядывали зеленныя верхушки крапивы и бурьяна, росшихъ въ изобиліи изъ щелей на печахъ и полатахъ.

Маруся тоже съ удивленіемъ глядѣла на божницу съ висячей на цѣпочкахъ лампадкой, на прибитые рядомъ портреты царя и царицы въ коронаціонныхъ облаченіяхъ, на широкую печь посередкѣ избы и на пестрые ситцевые пологи по обѣимъ сторонамъ, за которыми на полатахъ и нарахъ помѣщались сыновья старика со своими семьями.

Самъ онъ выстроилъ себѣ на огородѣ около бани горенку, гдѣ и жилъ, окруженный книгами да слесарными инструментами, вѣчно возясь то съ какимъ-нибудь замкомъ, то съ ключомъ, то настривалъ изъ проволоки гвозди и нарѣзывая винты.

Маревны не было дома. Гостей приняла Луша и сразу устала столъ, чѣмъ Богъ послалъ—молокомъ, огурцами, медомъ и деревенскими гостинцами. Анютку она послала за мачехой.

При первомъ намекѣ на возможность для ея сестры поступить въ услуженіе тутъ же въ двухъ шагахъ отъ нея самой, Маревна такъ и просіяла. Ея щеки ярко зардѣлись.

— Только бы Сима управилась!

— А чего не управиться?—вернула Лукерья,—чать не глупая? Возьмите, возьмите ее, барыня! Она дѣвушка не пустяковая, у нихъ вся семья хорошая. Вонъ эта,—что въ глаза, то и за глаза не похаю. И работница, и проворная, и глядѣлки не на затылкѣ. Жаль, свекра-то дома нѣту, онъ бы подтвердилъ.

— А ужь какъ ладно-то было бы!..—вздыхнула Маревна и мечтательно подперла рукой подбородокъ.

— Антонида... совсѣмъ Антонида!—подумала Ольга и сняла шляпку.—Слушай, Маревна, повяжи меня платкомъ по-своему.

«Непремѣнно одѣнусь и повяжусь такъ въ «Жизни за Царя», пусть режиссеръ ругается,—рѣшила она,—плевать!»

Ее эта красавица совершенно очаровывала, и она съ жадностью художника слѣдила за каждымъ ея движеніемъ.

Маруся тѣмъ временемъ приглядывалась къ Аниоткѣ. Бойка любимица Лезара сразу вступила съ ней въ разговоръ и стала сообщать и о грибныхъ набѣгахъ на лѣса и рощи, и о малинѣ и брусникѣ, и объ орѣховыхъ заросляхъ въ старомъ паркѣ.

— А вотъ Маруся одна туда ходить боится!—заявила Ольга, глядясь въ осколокъ зеркала и оправляя на головѣ нарядный платокъ.

— А чего бояться? Хотите, барышня, я вамъ всѣ мѣстечки укажу?

Ольга страшно обрадовалась. Ее смущало именно полное Марусино одиночество по ея отбѣздѣ, а эта синеглазая дѣвочка казалась такой симпатичной, да и весь домъ пришелся по душѣ. Ольга чувствовала, что въ трудную минуту колышевскія помѣщицы найдутъ здѣсь и помощь, и прибѣжище.

Она весело поцѣловала Аниотку и вдругъ, пригорюнившись какъ Маревна, запѣла:

Не о томъ скорблю, подруженьки,
Я печалюсь не о томъ,
Что мнѣ жалко воли дѣвичьей,
Жаль покинуть отчій домъ...

Она пѣла вполголоса, потому что полный звукъ былъ бы слишкомъ силенъ для низкой избы, но и Маревна съ Лушей и Аниотка съ Марусей заслушались ее...

— Хорошо, Маревна?—спросила Ольга,—Похоже на деревенскую невѣсту? Ты вонъ сама недавно вѣнчалась, похоже,—скажи?

— И матушка барыня! Куда жъ намъ такъ... Мы развѣ такъ можемъ?

Ольга простилась съ бабами и пошла домой.

— Тетя, какъ вы чудно поете!—шепнула восхищенная Маруся...

— Твоя мать еще лучше пѣла,—отвѣтила Ольга,—мы плакали, бывало, въ институтѣ, слушая ее.

— Отчего она не поетъ теперь?

— Погоди, дѣтка! выздоровѣетъ твоя мама и запоетъ... Помяни мое слово. Да и Савва Григорьевичъ обѣщаетъ, что ей уже лучше теперь.

Когда по возвращеніи были доложены Кирилловнѣ результаты визита на селѣ, старушка опять припала къ плечу Ольги:

— Богъ васъ намъ послалъ!

О знакомствѣ съ Евграфовымъ и Ольга, и Маруся умолчали. Не стовариваясь, онѣ обѣ поняли, что упоминаніе имени Михалки никому въ домѣ удовольствія доставить не можетъ. И Ольга къ вечеру даже забыла о его существованіи.

М. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГР. Н. П. ИГНАТЬЕВА ¹⁾.

(Съ примѣчаніями А. А. Башмакова.)

VII.

ОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ личнымъ разрѣшеніемъ, даннымъ мнѣ государемъ при отъѣздѣ моемъ изъ Крыма обратно въ Константинополь, и указаніемъ управляющаго министерствомъ для выигранія времени адресовать главнѣйшія свои донесенія непосредственно его величеству въ Ливадію, я повергнулъ на благоусмотрѣніе государя 10-го (22-го) ноября ²⁾ слѣдующее донесеніе:

«Имѣвъ счастье лично проникнуться во время моего пребыванія въ Ливадіи великодушною и миролюбивою мыслью, руководящею политикою вашего императорскаго величества, я приложилъ возможное стараніе, по моемъ возвращеніи, осуществить оную на константинопольской почвѣ, сохраняя въ то же время искреннее согласіе съ моими коллегами, германскимъ и австрійскимъ послами. Цѣль, которую мы должны были вмѣстѣ преслѣдовать, казалось мнѣ, заключается въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ:

¹⁾ Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. СХХХV, стр. 441.

²⁾ Копія была одновременно отправлена въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое и представило бумагу эту канцлеру, еще не выѣхавшему изъ Швейцаріи, **Лвт.**

«1. Ограничить театръ борьбы и предупредить прежде всего осложненія со стороны Сербіи. Для сего было необходимо добиться удаленія отъ сербской границы турецкихъ войскъ, тамъ сосредоточенныхъ ¹⁾).

«2. Стараться улучшить положеніе христіанъ, подвластныхъ Портѣ, приведеніемъ самого турецкаго правительства на путь искреннихъ преобразованій.

«Случай приблизиться къ достиженію этой двойной цѣли представился мнѣ во время аудіенціи у султана 22-го октября. Я вѣрно-подданныѣйше повергнулъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества особый отчетъ (№ 310) о продолжительной моей бесѣдѣ съ Абдуль-Азисомъ. Отъ самого султана получилъ я лично обѣщаніе распустить лагерь въ Нишѣ, Виддинѣ и Новомъ Базарѣ. Эта мѣра приводится нынѣ въ исполненіе. Она дозволитъ сербамъ распустить, съ своей стороны, часть восемнадцатитысячнаго ополченія, ими собраннаго. Постоянный поводъ къ столкновенію кажется, такимъ образомъ, временно устраненнымъ съ этой стороны.

«Мнѣ несравненно было труднѣе убѣдить его величество въ безотлагательной необходимости и пользѣ серьезныхъ реформъ. Никто изъ его министровъ ²⁾, даже отважный Махмудъ-паша (Недимъ) не осмѣлились освоить султана съ такимъ образомъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, султанъ, по собственному почину, пошелъ внезапно несравненно далѣе. Онъ мнѣ предложилъ представить свою программу на предварительное одобреніе вашего императорскаго величества. Онъ пожелалъ поставить попытку возрожденія своей имперіи на новыхъ основаніяхъ подъ ваше, государь, высокое покровительство, чѣмъ самымъ невольно призналъ значеніе великодушной политики, которой Россія слѣдовала во всѣ времена относительно восточныхъ христіанъ. Это фактическое покровительство, предложенное добровольно Россіи, казалось мнѣ, достигало до послѣдняго предѣла возможнаго водворенія вліянія нашего дипломатическимъ мирнымъ путемъ въ сосѣдней имперіи. Съ практической точки зрѣнія, оба добытыхъ результата исчерпывали

¹⁾ Военная партія, предводимая военнымъ министромъ Гуссейнъ-Авни-пашою и сановниками «Юной Турціи», въ увѣренности одержать болѣе легкую и скорую побѣду надъ ненавистными имъ сербами, нежели сладить съ возстаніемъ въ Герцеговинѣ, поддержаннымъ изъ Черногоріи и вызвавшимъ уже европейское вмѣшательство, старалась произвести столкновеніе съ Сербіею и готовила войска, стягивая ихъ къ границѣ, даже вопреки мнѣнію верховнаго визиря, внимательно относившагося къ доводамъ и замѣчаніямъ русскаго посольства. Авт.

²⁾ Они давали передъ тѣмъ неоднократно обѣщанія русскому послу убѣдить султана даровать новыя права и преимущества христіанскому населенію въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, приготовить во дворцѣ почву къ такимъ мѣропріятіямъ. Авт.

официальныя инструкціи, которыми были снабжены представители трехъ императорскихъ дворовъ въ Константинополѣ. Хотя довѣріе, мнѣ выказанное султаномъ, и необходимость беречь самолюбіе нашихъ союзниковъ воспрепятствовали мнѣ поставить моихъ коллегъ въ полную извѣстность содержанія всего разговора моего съ властителемъ, но я счелъ необходимымъ не скрыть отъ нихъ существенныхъ результатовъ: а именно я имъ сообщилъ, что я настаивалъ на удаленіи войскъ и на безотлагательной потребности реформъ и что я нашелъ султана расположеннымъ исполнить желанія трехъ императорскихъ дворовъ касательно этихъ двухъ пунктовъ ¹⁾. Сказанное мною султану и полученные результаты высоко ими оценены. Они донесли о томъ своимъ правительствамъ, стараясь этимъ путемъ противодѣйствовать ложнымъ слухамъ, распушеннымъ въ первую минуту политическими интриганами, корреспондентами газетъ, рыскающими вездѣ въ поискѣ за извѣстіями и игравшими на пониженіе турецкихъ и европейскихъ фондовъ ²⁾.

«Такимъ образомъ наше дружественное согласіе ³⁾ не только не нарушено моими единоличными дѣйствіями, но достигло такого результата, видимая выгода котораго приобрѣтается всѣми тремя вмѣстѣ.

«Телеграмма статсъ-секретаря Гамбургера ⁴⁾ отъ 29-го октября подавала мнѣ надежду, что усилія мои заслужили высокое одобреніе вашего величества. Но депеша, при семъ прилагаемая, полученная отъ барона Жюмини, вызванная высочайшими отмѣтками вашими, государь, поставляетъ меня въ обязанность снова вернуться къ этому предмету. Положеніе дѣлъ и тяжкая отвѣтственность, на мнѣ лежащая, слишкомъ важны, чтобы я могъ допустить недоразумѣнія или двумыслія. Загадочность могла бы отразиться вообще на ходѣ дѣлъ и въ особенности повредить тому нравственному положенію, которое я многотрудно приобрѣлъ въ Константи-

¹⁾ Конечно, я ничего не говорилъ имъ о предложеніи султана отдать свою программу на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе его величества. Въ донесеніи я тщательно оговорилъ, что именно было сообщено моимъ коллегамъ, для предупрежденія нескромныхъ и неосторожныхъ сообщений министерства иностранныхъ дѣлъ въ Вѣну и Берлинъ, отъ которыхъ наши интересы страдали столько разъ на Востоцѣ. Авт.

²⁾ Замѣчательно, что въ Петербургѣ, т.-е. въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, зачастую принимали подобные слухи на большую вѣру, нежели донесенія посольства; приходилось постоянно принимать противъ такой случайности мѣры предосторожности. Авт.

³⁾ Меня постоянно старались обвинять и заподозрѣть въ желаніи нарушить тройственный союзъ. Приходилось оправдываться постоянно. Авт.

⁴⁾ Находявшася при его величествѣ докладчикомъ по дѣламъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авт.

нополѣ и которое одно доставляетъ мнѣ возможность выполнять на Босфорѣ повелѣнія вашего императорскаго величества.

«Отвѣтивъ управляющему министерствомъ телеграммою, при семъ прилагаемою, испрашиваю разрѣшенія представить нѣсколько объясненій по этому поводу.

«Несомнѣнно, государь, что, взывая смиренно къ дружбѣ вашего императорскаго величества, султанъ руководствовался убѣжденіемъ въ вашемъ могуществѣ и въ вашей искренности, и что онъ искалъ у вашего величества поддержки для преодоленія опасностей, грозящихъ разрушеніемъ его имперіи.

«Но близкое знаніе его характера, свойствъ и степени умственнаго образованія Абдуль-Азиса не позволяетъ мнѣ допустить предположеніе, что обращеніе его скрываетъ расчетъ сблизиться съ нами съ цѣлью разстроить наши отношенія къ союзникамъ ¹⁾. Смѣю удостовѣрить ваше императорское величество, что такое не могло быть, повидимому, главнѣйшее побужденіе султана. Онъ, вѣроятно, предпочелъ бы, чтобы мы одни взяли Турцію подъ свое покровительство; непосредственный союзъ съ Россіею возвысилъ бы его обаяніе въ глазахъ его подданныхъ, но тройственное соглашеніе не вселяетъ въ немъ опасеній. Этотъ союзъ, впрочемъ, и не привелъ до сихъ поръ ни къ какому осязаемому результату, который причинилъ бы Портѣ неудовольствіе. Наши первыя дѣйствія въ Герцеговинѣ не были направлены противъ Турціи. Они были сверхъ того соображены и условлены предварительно непосредственно между Савфеть-пашою ²⁾ и мною ³⁾. Баронъ Вертеръ

¹⁾ Всѣ ихъ дѣйствія и все происшедшее съ 1875 года обличаетъ, какіе это были союзники и стоило ли такъ дорожить ими, чтобы для удовлетворенія ихъ пренебрегать собственными интересами, судьбою нашихъ единовѣрцевъ и славою Россіи. Авт.

²⁾ Савфеть-паша былъ въ то время турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ 1876 году онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Мидхатъ-паши при учрежденіи первой турецкой конституціи. Въ декабрѣ 1876 года онъ предсѣдательствовалъ на международной константинопольской конференціи. Послѣ 1878 года Савфеть-паша занималъ посольскій постъ въ Парижѣ.
А. Б.

³⁾ Когда по возвращеніи моемъ изъ отпуска я убѣдился, что вслѣдствіе установленія «Вѣнскаго центра» и полученія въ Константинополѣ посольствами инструкціи совмѣстно заявить Портѣ о назначеніи консульской комиссіи въ Герцеговину, имѣющей цѣлью выяснить положеніе и желанія возставшихъ и способствовать умиротворенію, нельзя уже было измѣнить даннаго изъ Вѣны направленія, принятаго и императорскимъ правительствомъ, я воспользовался лишь тѣмъ, что графъ Андраши, увлеченный самоувѣреніемъ и тщеславнымъ желаніемъ выказать туркамъ свое главенство, посигнѣлъ сдѣлать уже первый шагъ безъ насъ, хотя и отъ имени трехъ имперій, и убѣдилъ Савфеть-пашу и верховнаго визиря въ предпочтительности съ точки зрѣнія Порты участія моего и барона Вертера предъ вмѣшательствомъ одной пограничной, Австро-Венгрин, такимъ образомъ мнѣ на этотъ разъ удалось сохранить дружественныя отношенія съ Портою, исполнивъ, однакоже, тяжелую (нравственно) для меня обязанность не отдѣляться отъ представителей Австро-Венгрин и Германіи и поддерживать первую.
Авт.

отправился вмѣстѣ со мною къ верховному визирю и министру иностранныхъ дѣлъ лишь для формальной видимости его солидарности со мною, тогда какъ графъ Зичи, сдѣлавшій свое предложеніе прежде насъ, получилъ отказъ допустить вмѣшательство ¹⁾. Порта хорошо сознаетъ, что она ничего не выигрывала бы при моемъ независимомъ дѣйствіи ²⁾ и что ей не представляется никакой выгоды отдѣлать насъ отъ нашихъ союзниковъ. Если въ настоящую минуту ея справедливыя подозрѣнія были направлены на Австро-Венгрію, то германская политика никогда не переставала внушать ей самое неограниченное довѣріе. Вашему величеству извѣстно личное предпочтеніе, оказываемое султаномъ германскому императору, и его высокое понятіе о могуществѣ Германіи.

«Расположенный нынѣ преклониться предъ силою **вашей** державы и найти подъ вашею сѣнью убѣжище въ критическихъ обстоятельствахъ, его одолѣвающихъ, Абдуль-Азисъ можетъ лишь радоваться, что находится въ возможности пріобрѣсти одновременно и покровительство императора германскаго, находящагося въ союзѣ съ вашимъ величествомъ.

«Независимо отъ сего, турки всегда предпочитаютъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ встрѣтить согласіе въ намѣреніяхъ и видахъ великихъ державъ, нежели претерпѣвать послѣдствія ихъ разномыслія и разногласія и быть вынужденными уступать поочередно вліянію каждой изъ нихъ. Махмудъ-паша сказалъ на этихъ дняхъ, въ довѣрительномъ разговорѣ, первому драгоману посольства (Ону), что радуется, что въ данную минуту мнѣ удалось соединить всѣхъ представителей гарантирующихъ державъ и что желательно, чтобы и Англія отъ насъ не отдѣлялась, потому, —

¹⁾ По недостатку дипломатической опытности и сноровки, графъ Зичи буквально и усерднымъ исполненіемъ предписанія графа Андраши сразу обнаружили потаенное желаніе вѣнскаго кабинета выставиться на первый планъ на Босфорѣ, въ глазахъ Порты и христіанъ, отодвигая насъ на задній планъ и располагая вліяніемъ и силою Россіи и Германіи, какъ чѣмъ-то вспомогательнымъ, однимъ словомъ, обратить насъ въ своихъ прихвостней.

Первая попытка его въ этомъ направленіи кончилась полною неудачею, и графъ Зичи былъ такъ озадаченъ неожиданнымъ и категорическимъ заявленіемъ Порты, что вмѣшательство консуловъ излишне и допущено не будетъ, что въ самый день моего пріѣзда онъ обратился ко мнѣ съ просьбою совѣта и помощи. Я пошелъ ему на выручку, выставивъ неумѣстность залгзанія впередъ, предписаннаго ему изъ Вѣны.

Авт.

²⁾ Турки очень хорошо понимали, что Россія можетъ быть лишь стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ необходимостью не отдѣляться отъ двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одинъ не имѣлъ, повидимому, никакихъ, ни прямыхъ, ни общихъ съ нами интересовъ на Босфорѣ, а другой представлялъ явно своекорыстные виды и противоположныя интересы нашимъ. Для всѣхъ было явственно, что намъ проще и удобнѣе было его имѣть явнымъ противникомъ на Балканскомъ полуостровѣ, нежели быть поставленнымъ въ необходимость согласовать съ нимъ каждый шагъ, каждое наше дѣйствіе.

Авт.

добавилъ онъ, — что лишь въ присутствіи единодушнаго соглашенія Европы дѣло преобразованія (въ пользу христіанъ) могло бы быть предпринято безопасно Портою. Я полагаю, слѣдовательно, государь, что султанъ былъ искрененъ, когда онъ униженно преподносилъ вашему императорскому величеству предложеніе своей скромной дружбы, которую вполнѣ зависѣло отъ васъ принять или отвергнуть. Я вдвойнѣ счастливъ, что вы ничѣмъ не стѣснены въ рѣшеніяхъ вашихъ и что не существуетъ для насъ никакой настоятельной необходимости добиваться какого-либо внѣшняго союза ¹⁾. Но, спрашивается: было бы ли своевременно отвергать такія предложенія, которыя другія державы, — вѣнскій кабинетъ въ особенности ²⁾, — ни малѣйше не поцеремонились бы тотчасъ принять, съ рискомъ даже нарушить предшествовавшія обязательства, которыя, напротивъ, въ представившемся намъ случаѣ оставались бы совершенно неприкосновенными? Не слѣдовало ли бы принять отчасти въ соображеніе весьма понятное оскорбленіе, которое султанъ восчувствуетъ при полученіи отказа вашего императорскаго величества взять подъ свое высокое покровительство программу реформъ, которыя онъ намѣревается выполнить? Въ сущности, исполненіе этого плана не только не должно бы разъединить насъ съ союзниками нашими, но привело бы къ благополучному исходу предпринятое нами вмѣстѣ дѣло умиротворенія, которое по наружности не переставало бы быть общою заботою всѣхъ трехъ державъ. Но не слѣдовало бы заставлять Абдуль-Азиса раскаиваться въ его добромъ расположеніи, противопоставивъ ему выраженіе недовѣрія державъ въ формѣ минимума реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ, предлагаемаго графомъ Андраши. Чистосердечно признаюсь вамъ, государь, что я питалъ надежду, что особенная снисходительность и предупредительное вниманіе, выказанныя нами по приказанію вашего императорскаго величества министру австро-венгерскому, и любезная форма, въ которую облечены были наши основательныя замѣчанія на проектъ графа Андраши, понудятъ его поспѣшить принятіемъ нашихъ отвѣтныхъ предположеній. Я былъ крайне удивленъ его упорствомъ въ отстаиваніи своихъ первоначальныхъ требованій, причемъ онъ напиралъ на сообщеніе Портѣ программы минимума требуемыхъ реформъ, что въ положеніи, созданномъ намъ добровольными предложеніями султана, оказывалось и непрактичнымъ и несвое-

¹⁾ Насколько непосредственное письменное обращеніе къ государю позволяло, я желалъ обратить его вниманіе на то, что намъ бесполезенъ и вреденъ внѣшній союзъ, насъ связывающій, и что дорожить имъ намъ не предстоитъ надобности. Авт.

²⁾ Чрезмѣрная деликатность и предупредительность наша въ отношеніи къ Австро-Венгріи противорѣчила цинизму и своекорыстію этой державы. Я пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы это выставить предъ своимъ правительствомъ.

Авт.

временнымъ. Выразивъ, по собственному почину, намѣреніе составить широкій планъ реформъ и представить его предварительно на высокое одобреніе вашего императорскаго величества, съ обязательствомъ ввести въ оный всѣ измѣненія, которыя вы изволите признать необходимыми, султанъ вручилъ намъ средство мирнымъ путемъ принести всевозможную пользу нашимъ единовѣрцамъ, не оскорбляя его личнаго достоинства и не уклоняясь отъ цѣли, поставленной тремя имперіями задачею своей политики. Соглашаясь оказать ему помощь въ этомъ благомъ предпріятіи возстановленія правды и возрожденія, мы сохраняемъ всегда возможность развязаться и прекратить наше одиночное участіе, если тѣ измѣненія и условія, которыя мы стали бы предъявлять Порту, не были бы приняты султаномъ, или вообще какъ только мы признали бы неудовлетворительнымъ способъ приведенія въ исполненіе условленнаго между нами. Мы могли бы тогда тотчасъ вернуться къ общей съ другими державами программѣ, если бы удостовѣрились, что выполненіе ея необходимо. Тогда какъ, отвѣчая на заявленное намъ благопріятное расположеніе султана и его чистосердечную просьбу покровительства вашего императорскаго величества оскорбительнымъ официальнымъ вмѣшательствомъ, которое, какъ мы заранѣе предувѣдомлены собственными его словами, будетъ категорически отвергнуто Портою, мы, по собственному почину, отказываемся не только отъ всѣхъ преимуществъ нынѣшняго положенія Россіи, но и отъ общихъ выгодъ, которыя могли быть пріобрѣтены, совмѣстно съ другими державами, исполненіемъ нашихъ совѣтовъ султаномъ. Конечно, я не возлагаю большихъ надеждъ, нежели слѣдуетъ, на этотъ послѣдній опытъ улучшенія положенія христіанъ, случай для произведенія котораго представился намъ такъ неожиданно. Но въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ на Востокъ и въ виду возбужденія христіанскихъ населеній ¹⁾ опытъ этотъ, мнѣ кажется, заслуживаетъ быть предпринятымъ, тѣмъ болѣе, что онъ насъ ни къ чему ровно не обязываетъ и не лишаетъ ни пріобрѣтеннаго нами положенія, ни нашихъ союзовъ. Попытка эта, впрочемъ, и не находится въ противорѣчій съ общимъ воздѣйствіемъ, предложеннымъ нами по повелѣнію вашего императорскаго величества кабинетамъ вѣнскому и берлинскому. Офи-

¹⁾ Для меня ясно было, что при тогдашнемъ настроеніи умовъ на Балканскомъ полуостровѣ, при коварномъ двоедушіи Австро-Венгріи и интригахъ англійскихъ и австрійскихъ, противъ насъ направленныхъ,—вступленіе Россіи на путь официального вмѣшательства приведетъ неизбежно къ столкновенію съ Портою и къ войнѣ съ Турціею. Предложеніе кабинетовъ ограничить все дѣло Герцеговиною и Босніею казалось мнѣ дѣтскимъ, ни на чемъ не основаннымъ, а я стремился избѣгнуть и осложненій и войны.

Авт.

ціальное сообщеніе ¹⁾, о которомъ въ настоящее время ведутся переговоры между тремя державами, нисколько не помѣшало бы нашему самостоятельному дѣйствію и могло бы быть сообщено впоследствии Портѣ безъ затрудненій ²⁾.

«Что касается до меня лично, государь, то я осмѣливаюсь вѣрно-подданнѣйше представить на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества то щекотливое положеніе, въ которое посольство вашего величества будетъ поставлено.

«Болѣзнь Махмудъ-паши ³⁾, къ сожалѣнію, задержала въ теченіе нѣсколькихъ недѣль представленіе подробной программы, потребовавшей отъ него султаномъ ⁴⁾.

«Но проектъ этотъ былъ на этихъ дняхъ ему представленъ, и я буду поставленъ въ необходимость его принять изъ рукъ султана для представленія его на одобреніе вашего императорскаго величества. Если вмѣсто вашихъ замѣчаній и указаній по поводу турецкаго проекта я буду вынужденъ вручить султану, отъ имени трехъ кабинетовъ, общее сообщеніе, ими выработанное, точно обозначающее наименьшій размѣръ того, что онъ обязуется дать своимъ подданнымъ и ограничивающее такимъ образомъ его свободу дѣйствій въ его собственной имперіи, личное довѣріе, которое мнѣ оказывалъ до сихъ поръ Абдуль-Азисъ, исчезнетъ несомнѣнно. Онъ съ нѣкоторымъ основаніемъ усмотрѣлъ бы въ подобномъ поступкѣ обманное злоупотребленіе его довѣріемъ; самолюбіе повелителя оттомановъ было бы уязвлено, и онъ неминуемо вынужденъ будетъ искать въ другомъ направленіи той опоры и того содѣйствія, кото-

¹⁾ Знаменитая андрашевская нота, которую намъ хотѣли навязать и которая послужила исходною точкою всѣхъ замѣшательствъ, разрыва нашего съ Портою и войны. Авт.

²⁾ Разуmѣется, въ видоизмѣненной формѣ. Очевидно, что редакція вѣнскаго проекта потеряла бы всякій смыслъ послѣ изданія султаномъ проекта общихъ реформъ, нами внушенныхъ и тайно одобренныхъ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ сдѣлалась бы очевидною необходимость измѣнить сообщеніе трехъ имперій, соответственно съ происшедшею въ положеніи вещей переменою. Авт.

³⁾ Онъ принужденъ былъ нѣсколько недѣль не выходить изъ своего дома, а подобнаго рода щекотливые доклады, какъ дарованіе особыхъ правъ и введеніе совершенно новаго устройства управленія въ христіанскихъ областяхъ, не могли быть представлены иначе султану, по существовавшему обычаю, какъ лично визиремъ, съ выборомъ благопріятной минуты и обстановки. Авт.

⁴⁾ Къ тому же хитрый Махмудъ, сознавая трудность задачи, собиралъ данныя, подготавливалъ почву и совѣтовался съ разными личностями изъ христіанъ, преимущественно армянь, пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ велъ частыя бесѣды о подробностяхъ проекта лично со мною и съ первымъ драгоманомъ, и я доставлялъ ему свѣдѣнія, соображенія, замѣчанія, которыя приходилось переводить на турецкій языкъ и зачастую передавать ему письменно. Подобныхъ замѣтокъ по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія въ мѣстахъ съ христіанскимъ населеніемъ набралось за это время не малое количество. Авт.

рыя безуспѣшно у насъ заискивалъ, но которыя, конечно, съ большею готовностью будутъ ему оказаны другими державами.

«Вслѣдствіе вышеизложеннаго я осмѣливаюсь почтительно испрашивать повелѣнія вашего императорскаго величества относительно того образа дѣйствій, котораго я обязанъ буду держаться при наступленіи предвидимой мною критической минуты. Я могъ бы отъ вашего имени, государь,—и несмотря на всѣ послѣдствія, которыя отъ этого произойдутъ,—отвергнуть предложенія дружбы Абдуль-Азиса и его програму улучшеній для христіанскаго населенія. Но не соотвѣтствовало бы прямой честности руководившей всѣми нашими отношеніями, принять эти предложенія одною рукою, а другою, въ то же время, поднести султану требованія, несомнѣтимыя ни съ его достоинствомъ, какъ государя, ни съ тою довѣренностью, которую онъ оказывалъ нашей искренности. На случай, если бы вашимъ императорскимъ величествомъ признано было нужнымъ тѣмъ не менѣе дать ходъ послѣднимъ предложеніямъ графа Андраши, я осмѣливаюсь вѣрноподданнически напомнить вашему величеству категорическое заявленіе султана, мнѣ сдѣланное, что онъ никогда не согласится принять программу, навязываемую Турціи иностранными державами. Мы, слѣдовательно, должны бы для успѣшнаго достиженія нашихъ требованій, отъ которыхъ чувство достоинства нашего не позволитъ уже отступить, сообразить теперь же о средствахъ побужденія и принужденія Порты. Мудрость и благоразуміе императорскаго правительсва несомнѣнно, предусмотрятъ,—безъ того, чтобы я долженъ былъ распространяться объ этомъ предметѣ,—дѣйствительныя опасности, могущія возникнуть для мира на Востокъ, то завистливое соревнованіе, которое рѣшительныя дѣйствія трехъ имперій возбуждаютъ въ остальныхъ ¹⁾ державахъ, подписавшихъ парижскій договоръ, и, наконецъ, зависть, недоразумѣнія и столкновенія, которыя могутъ вспыхнуть въ самую затруднительную минуту между союзниками, разстроить ихъ усилія и даже уничтожить нынѣшнее согласіе ²⁾. Съ практической точки зрѣнія, приобрѣтенное мною знаніе здѣшной почвы заставляеть меня предвидѣть, что европейская программа (минимума)—если бы она даже была принята турками,—была бы сочтена ими за крайній предѣлъ того, что они вынуждены предпринять для удовлетворенія Европы. Очевидно, что при такомъ взглядѣ турокъ планъ реформъ для Босніи и Герцеговины, поддержанный великими державами, никакимъ образомъ не удовлетворилъ бы желанія возставшихъ христіанъ. Это оказалось бы по-

¹⁾ Т. е. въ Италіи, Франціи и въ особенности въ Англіи.

Авт.

²⁾ Я всячески старался выставить замѣченную мною съ самаго начала непрочность и неискренность согласія и опасность жертвовать существующимъ положеніемъ на Востокъ для необезпеченнаго будущаго.

Авт.

вымъ разочарованіемъ, которое вывело бы ихъ окончательно изъ терлѣнія и подвинуло бы на самыя отчаянныя предпріятія. Совокупное вмѣшательство достигло бы такимъ образомъ результата совершенно противоположнаго имѣвшемуся въ виду. Если же проектъ графа Андраши предназначенъ лишь для соображенія кабинетовъ, странно было бы симъ послѣднимъ наложить на себя взаимное обязательство, лишшающее возможности что-либо потребовать внѣ проведенной австро-венгерскимъ министерствомъ рамки. Правда, что, по полученнымъ турками свѣдѣніямъ ¹⁾, графъ Андраши думаетъ въ настоящую минуту лишь объ одномъ, какъ бы выгородить личную свою отвѣтственность.

«Употребивъ герцеговинское возстаніе, какъ понудительное средство, чтобы вызвать у Порты уступки ²⁾ въ вопросѣ соединенія желѣзныхъ дорогъ чрезъ Сербію, онъ испугался размѣровъ, неожиданно принятыхъ движеніемъ христіанскаго населенія, и былъ бы очень радъ предоставить его подавить ³⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ расположеніи онъ легко удовольствуется самымъ малѣйшимъ облегченіемъ населенія, по достиженіи котораго онъ не нашелъ бы ни желательнымъ, ни обязательнымъ для себя продолжать дѣйствовать. Скорѣй пріѣздъ изъ Вѣны Решидъ-паши ⁴⁾

¹⁾ Графъ Андраши, сваливая въ глазахъ турокъ всю вину на требовательность Россіи, притворялся агнцемъ, поставленнымъ въ большое затрудненіе, не желающимъ никого обидѣть и думающимъ лишь о томъ, какъ выйти изъ игры, затѣянной другими. Это не мѣшало ему выставлять себя въ то же время предъ босняками и герцеговинцами самымъ горячимъ ихъ защитникомъ и обвинять русскаго посла въ туркофильствѣ, препятствуя всѣми зависящими отъ него способами мирному соглашенію съ Портою. Въ Петербургѣ этого ничего не хотѣли видѣть. Авт.

²⁾ Въ Петербургѣ почему-то вѣрили въ искренность графа Андраши и въ желаніе его добросовѣстно поддержать христіанъ, не интригуя противъ насъ, по закоренѣлому вѣнскому обычаю, а потому и не замѣчали, что онъ лишь безчеловѣчно жертвовалъ возставшими христіанами для достиженія австро-венгерскихъ выгодъ и продѣлывалъ разные фокусы предъ Портою и нами. Раздутое безпокойство въ глазахъ Турокъ касательно нападенія Сербіи и узда, наложенная временно на противодѣйствіе русскаго посольства соединенію австро-венгерской сѣти желѣзныхъ дорогъ съ турецкою, дозволили ему получить на это согласіе Порты, тогда какъ всѣ прежнія усилія его были мною отбиваемы. Авт.

³⁾ Поджигая первоначально герцеговинцевъ, австрійцы воображали, что они могутъ умѣрять или усиливать и направлять движеніе по своему усмотрѣнію. Авт.

⁴⁾ Решидъ-паша былъ только что назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ согласно моему желанію, что было скрыто отъ англійскаго посла. Авт.

Въ турецкой новѣйшей исторіи извѣстны два лица, носившія имя *Решидъ-паша*.

1) Былъ знаменитый въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Решидъ-Мустафа, умершій въ 1858 году.

2) Затѣмъ, нѣмецкій генералъ на турецкой службѣ, коего первоначальное имя было Вильгельмъ Штреккеръ, получилъ съ турецкимъ генеральскимъ чиномъ названіе Решидъ-паша. Его перу принадлежатъ серьезныя географическія труды. Онъ командовалъ милиціею, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Восточной-Румеліи. Едва ли о немъ говорить здѣсь Н. П. Игнатьевъ. Рѣчь идетъ, повидимому, о третьемъ

доставить мнѣ возможность провѣрить справедливость свѣдѣнія, сообщеннаго довѣрительно Портѣ сэромъ Генри Эллиотомъ ¹⁾, который утверждалъ, что новый министр иностранныхъ дѣлъ привезетъ ясныя доказательства полнаго разлада, существующаго въ намѣреніяхъ императорскихъ кабинетовъ. Что бы то ни было, мы не можемъ не болѣе нашихъ единовѣрцевъ удовлетвориться минимумомъ (графа Андраши) и терпѣливо выжидать развитія отрицательныхъ результатовъ дѣйствія державъ. Тѣ представленія, въ какія мы будемъ вовлечены, должны быть нами настойчиво поддерживаемы. За неимѣніемъ ручательства въ исполненіи, которое Порта доставить не въ состояніи, мы неминуемо втянемся въ военное вмѣшательство, и весь восточный вопросъ, поставленный на очередь, противно нашему желанію, будетъ требовать отъ великихъ державъ своего разрѣшенія, отсрочить которое не во власти ихъ, и окажется уже предрѣшеннымъ отчасти первыми ударами, нанесенными неприкосновенности Турецкой имперіи ²⁾.

«Не могу достаточно привлечь вниманіе императорскаго кабинета на это весьма важное обстоятельство. Европейская пресса уже озабочена подведеніемъ окончательныхъ выводовъ, рѣшая будущую судьбу Востока безъ всякаго стѣсненія. Статья, недавно напечатанная въ «Times», удѣляетъ нашему вліянію значительную часть Турціи, оговаривая лишь Константинополь и Египеть. Эта быстрота, съ какою западныя газеты намъ дѣлаютъ предложенія, повидимому, самаго блестящаго свойства, должна убѣдить насъ, какъ мнѣ кажется, въ необходимости соблюдать крайнее благоразуміе, много умѣренности и большую осторожность. Исходная точка англійскаго журнала побуждаетъ противопоставить съ нашей стороны непреклонное политическое, руководящее начало, которымъ мы должны бы руководствоваться при всѣхъ будущихъ нашихъ рѣшеніяхъ: пока Россія не желаетъ и не можетъ располагать по своему усмотрѣнію Константинополемъ и проливами, всякое рѣшеніе восточ-

сановникѣ, называвшемся тѣмъ же именемъ, но о которомъ я свѣдѣній никакихъ не имѣю. А. Б.

¹⁾ Постоянно поджигавшимъ турокъ противъ насъ и пользовавшимся всѣми случаями, чтобы доказать имъ несостоятельность и безсиліе тройственнаго союза, нравственный разладъ и различіе интересовъ между тремя имперіями. Авт.

Сэръ Генри Эллиотъ былъ въ то время великобританскимъ посломъ въ Константинополь. Онъ родился въ 1817 году, состоялъ въ 1841 году при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, впоследствии посланникомъ въ Копенгагенѣ (1858 г.) и въ Римѣ (въ 1863 г.). Постъ посла въ Константинополь онъ занималъ съ 1867 до 1877 года. А. Б.

²⁾ Я добросовѣстно предупреждалъ за полтора года до войны о послѣдствіяхъ тройственнаго соглашения и нашего вмѣшательства въ Герцеговинѣ, которое я старался отвратить всѣми зависящими отъ меня мѣрами, предсказывая то положеніе, которое тѣхитя пріобрѣтетъ Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ и которое предрѣшить не въ нашу пользу весь восточный вопросъ и измѣнить выгодный намъ ходъ событій, естественно развивающійся. Авт.

наго вопроса несвоевременно для нея и вредно для ея интересовъ ¹⁾. А между тѣмъ нынѣшнее политическое положеніе представляется въ такомъ видѣ, что всё усилія наши должны бы нынѣ быть направлены къ сокращенію пространства борьбы, къ умиротворенію умовъ и клониться къ тому, чтобы ничего не предрѣшать, сохраняя нашу свободу дѣйствій на Востокѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ непосредственное вліяніе на султана и искреннее содѣйствіе мирному и постепенному развитію христіанскихъ племенъ, мнѣ кажется, всего лучше соотвѣтствуютъ нашимъ дѣйствительнымъ интересамъ. А между тѣмъ султанъ по собственному желанію предлагаетъ намъ средство попытаться достигнуть этой цѣли. Позволяю себѣ повергнуть на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества послѣднее соображеніе. Нашъ отказъ вступить на путь, открываемый намъ самимъ Абдуль-Азисомъ, будетъ имѣть вѣроятнымъ послѣдствіемъ, что онъ вынужденъ будетъ броситься въ объятія турецкой передовой партіи ²⁾ и Англіи, ея поддерживающей. Западныя державы не замедлили бы тогда сговориться, чтобы выступить въ защиту Порты и противоборствовать всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, которыя до сего времени были, напротивъ того, одобряемы и даже официально поддерживаемы почти всѣми великими державами. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы возсоздать Европу ³⁾, мы содѣйствовали бы ея раздѣленію на два враждебныхъ лагеря ⁴⁾, и тогда именно начались бы дѣйствительныя затрудненія для нашей политической дѣятельности на Востокѣ.

«Такъ какъ политическое значеніе султанскихъ предложеній не воспрепятствовало мнѣ, однакоже, не терять изъ виду практическую цѣль соглашенія трехъ имперій, то я приложилъ стараніе

¹⁾ Не горько ли и не обидно ли мнѣ было знать, что интриганы, враги личные и люди, не знакомые съ сущностью происходившаго, обвиняли меня передъ общественнымъ мнѣніемъ, что я, напротивъ, полагалъ своевременнымъ поднять восточный вопросъ, вовлекъ Россію легкомысленно въ войну, считая ее за дѣло легкое, вѣрное, и, увлекаясь исключительно болгарями, не заботился о русскихъ интересахъ, о проливахъ и т. д. Совѣсть меня оправдывала исполненіемъ долга передъ царемъ и отечествомъ, но опасеніе повредить имъ преждевременными разоблаченіями и военное званіе препятствовало мнѣ опровергать взводимыя на меня злостныя клеветы, въ увѣренности, что когда-нибудь правда проявится.
Авт.

²⁾ Военной—Гуссейнъ-Авни-паша и либеральной—чиновницей—Мидхатъ-паша, соединившихся тогда противъ старо-турецкой благопріятной христіанскому населенію партіи, Махмудъ-Недима.
Авт.

³⁾ Любимое выраженіе князя Горчакова, который все горевалъ, что «Европа исчезла» и что ее, для коллективныхъ рѣшеній и для возможности собирать конференціи и конгрессы, необходимо воссоздать дипломатически.
Авт.

⁴⁾ «Два враждебныхъ лагеря». Это мѣткое выраженіе, пророчески опредѣлившее стру туру Европы нашихъ дней, было высказано въ письмѣ Н. П. Игнатьева къ императору Александру II 10-го ноября 1875 года.—Оно предугадало теперешнее противоположеніе «тройственного союза» (Германія, Австрія и Италія) и «тройственного согласія» (Франція, Россія и Англія).
А. Б.

обозначить крайніе предѣлы, до которыхъ можно развить въ пользу христіанъ постановленія султанскаго ирадэ (указа) 20-го сентября. Изложивъ въ подробной запискѣ максимумъ того, что можетъ быть добыто отъ турокъ въ пользу христіанскаго населенія, я имѣю основаніе предположить, государь, что если бы большая часть этихъ уступокъ добросовѣстно привелась въ исполненіе, участь нашихъ единовѣрцевъ значительно улучшилась бы и прочныя основанія для ихъ дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія были бы заложены. Мои два коллеги ¹⁾, которыхъ я довѣрительно поставилъ въ извѣстность этой программы моей, горячо ее одобрили. Записка эта должна служить исходною точкою тѣхъ совѣтовъ, которые мы имѣли бы случай давать Портѣ для развитія общаеваемыхъ реформъ, когда инструкціи, разрабатываемыя въ Вѣнѣ, до насъ дойдутъ. Мы условились между собою не сообщать о содержаніи этой программы нашимъ дворамъ, чтобы не подать повода къ новымъ недоразумѣніямъ ²⁾. Но въ виду запросовъ графа Андраши я считаю долгомъ повергнуть предварительно эту работу къ столамъ вашего императорскаго величества. Она, разумѣется, не можетъ быть сообщена въ настоящемъ видѣ иностраннымъ дворамъ ³⁾. Написанная въ виду дружественнаго воздѣйствія на Порту, записка эта выставляетъ преимущественно такіе выводы, которые всего болѣе могли способствовать принятію Портою нашихъ требованій, не выказывая, въ ея глазахъ, полноту практическаго значенія оныхъ для населенія.

«Смѣю полагать, государь, что въ случаѣ, если ваше величество соблаговолите благосклонно принять программу реформъ, которую желаетъ поднести вамъ султанъ ⁴⁾, вы изволите найти въ

¹⁾ Я старался внушить убѣжденіе, что никакого официальнаго сообщенія въ родѣ андрашевской ноты не нужно, что, дѣйствуя постепенно, дружественно и единодушно, мы могли бы, взявъ султанскій указъ за основаніе, достигнуть гораздо большаго и болѣе вѣрныхъ результатовъ. Авт.

²⁾ Въ родѣ того, какъ прежнія мои, сдѣланныя коллегамъ въ августѣ для изученія постановки вопроса въ Константинополь. Честный и добродушный баронъ Вертеръ мнѣ сказалъ однажды дружески: «Вы не повѣрите, до какой степени и какъ мелочно насъ ревнуетъ графъ Андраши, а потому мы должны крайне осмотрительно составлять наши донесенія и сообщать ваши предложенія нашимъ дворамъ. Все дѣло можно испортить пустяками». Авт.

³⁾ Несмотря на всѣ эти предосторожности, я могъ убѣдиться впоследствии, что все мною писанное сообщалось графу Андраши. Весьма понятно, что это лишь разжигало неудовольствіе противъ меня лично. Авт.

⁴⁾ Какъ ни слаба была надежда, но я все еще не терялъ ея, думая, что въ послѣднюю минуту у насъ отступятъ передъ раскрышеюся подъ ногами бездною, въ которую силзились насъ спихнуть мнимые друзья, — сознательно или безсознательно (это другой вопросъ). Въ случаѣ принятія моихъ предложеній, я опасался не успѣть подкачать тѣ замѣчанія на султанскую программу, которая полезно было бы сдѣлать, практически и соответственно мѣстнымъ условіямъ, — а потому я счелъ нужнымъ заблаговременно освѣтить вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ нашихъ и славянъ. Авт.

«истор. вѣстн.», мартъ 1914 г., т. сxxxv.

моихъ вѣрноподданнѣйшихъ замѣткахъ выраженіе крайнихъ, самыхъ смѣлыхъ пожеланій тѣхъ благоразумныхъ христіанъ, которыхъ я опрашивалъ для провѣрки собственныхъ впечатлѣній и мыслей ¹⁾. Не скрою отъ вашего величества, что если вы соизволите потребовать отъ султана улучшить положеніе его христіанскихъ подданныхъ до этихъ крайнихъ предѣловъ, то онъ очутится въ необходимости или отказаться отъ предпріятія, которое онъ призналъ бы непосильнымъ, или же взяться за осуществленіе, не имѣя въ дѣйствительности возможности выполнить согласно нашимъ желаніямъ. Въ обоихъ случаяхъ мы приобретаемъ полную свободу дальнѣйшихъ рѣшеній. Перемены системы въ государственномъ управленіи или даже личностей, стоящихъ во главѣ правительства было бы достаточно, чтобы развязать насъ ²⁾. Но если, побѣдивъ всѣ препятствія, султанъ успѣетъ достигнуть осуществленія программы во всемъ ея объемѣ, то Абдуль-Азисъ подпишетъ самъ приговоръ Османлисовъ ³⁾. Онъ фактически положилъ бы конецъ, по волѣ вашего императорскаго величества, владычеству мусульманъ на европейскомъ материкѣ и заложилъ бы основаніе новаго порядка, при которомъ христіанскіе жители Балканскаго полуострова уже не были бы рабами или райями, зависящими отъ воли орды фанатичныхъ завоевателей.

«Для повѣрки и возможности сличенія я полагаю полезнымъ приложить копію докладной записки, поданной мнѣ болгарами изъ Тульчи и выражающей ихъ самую сокровенную пожеланія. Настоящія стремленія умѣренныхъ христіанъ въ Европейской Турціи не выходятъ изъ этихъ предѣловъ и даже не достигаютъ того, что можетъ быть теперь принято Портою и что мною изложено въ запискѣ, служащей развитіемъ ирадэ 20-го сентября.

«Но такъ какъ надо предвидѣть, что герцеговинское движеніе, въ настоящемъ его развитіи, не будетъ подавлено даже введеніемъ обширныхъ и полныхъ реформъ въ краѣ, ибо оно чисто-націо-

¹⁾ Желая, чтобы совѣты Россіи не были плодомъ измышленія ея представителя и мѣстныхъ агентовъ, а въ дѣйствительности соответствовали бы вполне насущнымъ потребностямъ страны, я по составленіи программы и замѣчаній призывалъ поочередно лучшихъ и выдающихся христіанъ различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій и сообщалъ имъ нѣкоторыя воззрѣнія мои, спрашивая ихъ мнѣнія и побуждая изложить практическіе выводы изъ пережитаго ими въ турецкой администраціи и изъ подмѣченныхъ нуждъ края. Записка въ окончательной редакціи была какъ бы сводомъ всѣхъ мнѣній людей, знающихъ дѣло.

Авт.

²⁾ Оттоманская имперія преобразилась бы въ совершенно другой типъ государства, нежели прежде.

Авт.

³⁾ Я отвѣчалъ, такимъ образомъ, заранѣе на возраженія, дѣлаемая министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что мы будемъ связаны съ турками и изолированы въ семьѣ европейскихъ державъ. Ясно было для меня, что мы, напротивъ того, приобретаемъ дѣйствительную свободу рѣшеній и дѣйствій, развязавшись съ тройственнымъ союзомъ.

Авт.

нальное, то мнѣ кажется, что Портѣ возможно было бы примѣнить къ возставшему краю совершенно иной способъ самоуправления. Она могла бы примѣнить къ нахіямъ ¹⁾, гдѣ населеніе взялось за оружіе, ту систему, которая уже была испытана въ нахіяхъ, возставшихъ въ 1861 году и которыя съ тѣхъ поръ пользовались полною независимостью, оставаясь подъ номинальной лишь властью султана. Баняны, Зубцы, Пива, Шарангицы и Дробнякъ (нахіи) находились въ этомъ исключительномъ положеніи, самоуправляясь и поддерживая порядокъ внутренній и безопасность посредствомъ туземной милиціи, подъ властью своихъ капитановъ (старость), которые въ сущности подчинялись болѣе князю Николаю, нежели султану. Жители этихъ приграничныхъ съ Черногоріею уѣздовъ ограничивались уплатою Портѣ ничтожныхъ податей, недостаточныхъ для покрытія содержанія даже мѣстной администраціи. Турецкая казна должна была покрывать собственными средствами приблизительно треть мѣстныхъ расходовъ.

«Но понятно, что невозможно указать на безошибочно-вѣрное средство для излеченія хронической болѣзни, гложущей уже болѣе вѣка Оттоманскую имперію, внезапно и весьма опасно обострившейся. Ежедневно проявляются признаки самаго тревожнаго свойства. Приходится опасаться безпрестанно новыхъ осложненій, и если я осмѣлился представить вашему императорскому величеству мои соображенія, отвѣчающія данной минутѣ, я не могу принять отвѣтственности, что эти же предположенія годятся и на завтрашній день. Можно предвидѣть возникновеніе сильныхъ осложненій, затрагивающихъ самые важные интересы, и мудрость кабинетовъ будетъ вынуждена проявиться неизбѣжнымъ принятіемъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Намъ первымъ придется къ нимъ приступить и вынести послѣдствія.

«Имѣю счастье быть съ глубочайшею приверженностью вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій».

VIII.

Дальше этого нельзя было идти по пути гражданскаго долга и вѣрности присяги въ представленіяхъ своему государю. Исполнивъ добросовѣстно свою обязанность, мнѣ оставалось ожидать царскаго рѣшенія и исполнить буквально, что будетъ повелѣно, по сношеніи съ канцлеромъ, который ѣхалъ въ это время черезъ Берлинъ въ Петербургъ. А потому, ко дню возвращенія его въ столицу, я отправилъ (24-го ноября 1875 г., № 356) слѣдующее донесеніе, сверхъ частныхъ писемъ, въ которыхъ я развивалъ ту же тему. «Въ минуту возвращенія вашей свѣтлости въ Петербургъ

¹⁾ Менѣе уѣзда, но болѣе водостп.

вопросы первостепенной важности требуютъ разрѣшенія. Направление рѣшающее должно быть дано нашей внѣшней политикѣ, и я радуюсь, что она снова находится въ опытныхъ и искусныхъ рукахъ, которыя ею управляютъ уже почти двадцать лѣтъ.

«Выставленный на аванпостѣ, при настоящихъ политическихъ осложненіяхъ, которымъ Востокъ служить полемъ дѣйствій, я полагаю облегчить вамъ трудъ, князь, представленіемъ краткаго очерка положенія, которое нынѣ намъ создано въ Константинополѣ, обстоятельствъ, приведшихъ къ оному, и возможныхъ послѣдствій.

«Начну съ заявленія, дѣлаемаго съ живѣйшимъ удовольствіемъ, что по сіе время оно сохраниено въ цѣлости ¹⁾, что никакое мѣстное положительное обязательство не связываетъ нашей свободы дѣйствій ²⁾ и, что, слѣдовательно, дальнѣйшія рѣшенія императорскаго правительства могутъ вдохновляться,—какъ бывало доселѣ,—исключительно соображеніями, служащими основаніемъ всякой истинно-патріотической политики, т.-е. здраво понятымъ интересомъ Россіи, поставленнымъ въ соотвѣтствіе со средствами, которыми она располагаетъ. Большая независимость дѣйствій и свобода движеній позволили бы намъ, вѣроятно, достигнуть лучшихъ результатовъ; но если естественное теченіе событій не было извращено до настоящаго времени, я счастливъ, что успѣлъ содѣйствовать усиліямъ ³⁾ императорскаго правительства ничего не предрѣшать ни въ отношеніи общаго положенія, ни на мѣстной почвѣ Константинополя. Было бы излишне распространяться нынѣ о первоначальныхъ причинахъ возстанія, приведшаго постепенно къ нынѣшнему положенію. Императорское правительство не переставало обращать на нихъ вниманіе Европы. Тѣ же причины существуютъ безпрерывно почти во всѣхъ частяхъ Оттоманской имперіи и если именно въ Герцеговинѣ, а не въ иномъ мѣстѣ послѣдовалъ взрывъ, то это лишь потому, что тутъ возстаніе нашло точку опоры въ Далмаціи и Черногоріи, чего недостаетъ въ на-

¹⁾ Несмотря на всѣ ошибки нашей дипломатіи и усилія противниковъ, мнѣ удалось этого достигнуть лишь личными своими отношеніями какъ къ султану и его министрамъ, такъ и къ членамъ дипломатическаго корпуса, въ особенности съ представителями Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и Италіи. Авт.

²⁾ Ее усиленно хотѣли уничтожить изъ Вѣны. Инструкціи, вытекавшія изъ пресловутаго «центра», руководимаго графомъ Андраши, преслѣдовали эту единственную цѣль. Но я употребилъ всѣ усилія, чтобы, сохраняя предписанныя, самыя дружескія отношенія къ представителямъ Германіи и Австро-Венгріи, вернуться отъ ихъ послѣдствій для русскаго посольства и сохранить, въ глазахъ турокъ и христіанскаго населенія, полную самостоятельность русскаго политики на Босфорѣ, въ Герцеговинѣ и Болгаріи, до декабря 1875 года. Князь Горчаковъ не захотѣлъ сямъ воспользоваться, для блестящей роли, предстоявшей русскому канцлеру, и изъ личныхъ побужденій довелъ насъ до критическаго положенія, предсказаннаго мною съ лѣта 1875 года. могущаго разрѣшиться лишь войною. Авт.

³⁾ Предполагалось, что они должны бы быть таковыми, хотя стараніями графа Андраши и нашего посольства въ Вѣнѣ были направлены въ другую сторону. Авт.

стоящую минуту въ другихъ областяхъ Турціи. Если бы не пагубная безпечность и неумѣлость Порты, возстаніе, какъ кажется, могло бы быть прекращено при самомъ началѣ. Но разъ оно утвердилось и разрослось въ окружной мѣстности, трудно было уже подавить движеніе одною матеріальною силою и оно стало опаснымъ для мира на Востокѣ. Озабочиваясь прежде всего сохраненіемъ сего послѣдняго, три императорскихъ двора соединили свои усилія, чтобы предупредить всеобщій пожаръ. Они воздѣйствовали въ мирномъ смыслѣ на страны, непосредственно и ближайше затрагиваемыя происходящимъ въ Герцеговинѣ, т.-е. на Черногорію, Сербію и Болгарію, и рѣшились употребить свое вліяніе на возстанцевъ. Консульская комиссія была образована и делегатамъ великихъ державъ было поручено убѣждать герцеговинцевъ прекратить борьбу.

«Несомнѣнно, весьма важная минута настала въ сношеніяхъ Европы съ Турціею. Впервые три имперіи согласились дѣйствовать совокупно по программѣ до того умѣренной и безобидной, что Европа не хотѣла вѣрить въ такую дѣйствительность. Когда всѣ усилія, произведенныя для произведенія размолвки между союзниками, оказались тщетными, остальные державы вынуждены были пристроиться къ тремъ имперіямъ.

«Несмотря на трудности, встрѣченныя въ Константинополѣ, чтобы убѣдить турокъ согласиться на консульскую комиссію, мы въ этомъ успѣли, придавъ даже сей послѣдней еще большій кругъ дѣйствій, нежели предвидѣлось въ вѣнскихъ инструкціяхъ. Одну лишь оговорку сдѣлала Порта, и мы вынуждены были сообразоваться съ нею во всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ: совокупное (коллективное) вмѣшательство державъ не допускается.

«Если подобное вступленіе европейскаго дѣйствія на Востокѣ было, для начала, торжествомъ тройственнаго союза, то возникшія впослѣдствіи недоразумѣнія произошли, съ одной стороны, отъ неумѣреннаго желанія графа Андраши присвоить себѣ всю выгоду политики трехъ имперій и даже заручиться въ свою пользу исключительнымъ правомъ инициативы ¹⁾ на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой—отъ совершенной неудовлетворительности инструкцій, разработанныхъ въ Вѣнѣ и которыя ровно ничего не предвидѣли внѣ послышки консуловъ къ инсургентамъ для ихъ увѣщанія ²⁾.

¹⁾ Подлинное выраженіе графа Андраши, выказывающее его цинически-нахальное обращеніе съ Россіею и его пренебреженіе къ русскимъ интересамъ, причемъ, очевидно, онъ разсчитывалъ на наше благодушіе, слѣпоту, сговорчивость, недалекость и безпечность. Авт.

²⁾ Удивительное и непростительное легкомысліе—начинать такимъ образомъ европейское вмѣшательство, противное договорамъ и которое должно было породить весьма естественно несбыточныя надежды населенія. Авт.

«Вашему сіятельству, конечно, извѣстно, что въ Константинополѣ болѣе, нежели гдѣ-либо, лишь одно общее политическое направленіе можетъ быть указано извнѣ, свыше. Подробности же дѣйствія, долженствующія сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами, ежедневно измѣняющимися, обязательно примѣняются къ требованіямъ минуты, чтобы ходъ событій не перегналъ и не сдѣлалъ ихъ бесполезными. На этомъ основаніи, усмотрѣвъ, что консулы послѣ отказа возстанцевъ послѣдовать преподаннымъ совѣтамъ остались безъ инструкцій и, собственно, безъ всякаго осмысленнаго значенія, а турки рѣшились ихъ совсѣмъ отстранить и предпринять рѣшительное подавленіе возставшихъ христіанъ, что могло повести лишь къ ихъ избіенію,—я счелъ обязанностью удовлетворить неотложной нуждѣ продолженіемъ развитія соглашенія на константинопольской почвѣ. Для этой цѣли я возбудилъ обмѣнъ мыслей между моими коллегами германскимъ и австро-венгерскимъ, и результатъ нашего совѣщанія изложенъ въ донесеніи моемъ отъ 25-го августа № 221. Я предложилъ: 1) Затребовать отъ нашихъ делегатовъ въ Мостарѣ отчеты о положеніи края, съ указаніемъ наиболѣе практическаго разрѣшенія настоящихъ затрудненій. 2) Просить у нашихъ кабинетовъ дополнительныхъ инструкцій, которыя позволили бы намъ настоятельно воздѣйствовать на Порту умѣряющимъ образомъ и подвинуть ее на путь дѣйствительныхъ преобразованій. 3) Отстраняя всякую мысль о военномъ вмѣшательствѣ, довѣрить Австро-Венгріи щекотливую обязанность наблюдать въ ближайшемъ разстояніи отъ ея граничной линіи за удовлетвореніемъ требованій челоуѣколюбія. Одобреніе, которымъ государю императору благоугодно было удостоить эту программу, послужило основаніемъ переговоровъ съ союзными кабинетами и ободрило меня къ продолженію на мѣстѣ слѣдовать по тому же пути: продолжая дружескій обмѣнъ мыслей съ послами Германіи и Австріи, я мало-по-малу присоединилъ къ нимъ представителей другихъ великихъ державъ. Одновременно съ этимъ я дѣйствовалъ на турокъ въ смыслѣ благопріятномъ для улучшенія участи христіанъ. Съ удовольствіемъ нашелъ я во всѣхъ коллегахъ моихъ готовность поддержать наши дѣйствія, даже допуская мысль о правильной конференціи въ Константинополѣ ¹⁾. Одинъ сэръ Генри Эллиотъ держался въ сторонѣ, но наконецъ присоединился къ намъ, давая туркамъ совѣты сходные съ тѣми, которые они слышали отъ другихъ иностранныхъ представителей. Памятная записка (о необходимыхъ улучшеніяхъ), которую я передалъ Портѣ и выводы которой (донесеніе мое № 276) они всѣ поддер-

¹⁾ Это было единственнымъ средствомъ избавиться отъ «вѣнскаго центра», вреднаго для нашихъ интересовъ, руководства графа Андраши и неудобствъ тройственнаго союза. Авт.

жали, послужила основаніемъ для указа 20-го сентября, составляющаго широкую рамку для преобразованій. Это насъ поставило предъ совершенно новымъ положеніемъ. Пока переговоры по поводу моихъ первыхъ предложеній еще не были окончены. кабинеты вѣнскій и берлинскій, ревнуя къ мѣстной дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ, ускользавшей отъ непосредственнаго и исключительнаго управленія графа Андраши,—заявили своимъ представителямъ неодобреніе по временному (періодическому) обмѣну мыслей между послами и, такимъ образомъ, первые подорвали значеніе нашего совокупнаго дѣйствія. И въ дѣйствительности, мы уже не могли настаивать вмѣстѣ, вровень; тогда какъ мои инструкціи предписывали мнѣ неустанно дѣйствовать непременно въ согласіи съ моими двумя коллегамъ, эти послѣдніе получили запрещеніе что-либо предпринимать безъ опредѣлительныхъ инструкцій на каждый особый случай. Я былъ поставленъ, такимъ образомъ, въ необходимость или предоставить безучастно событіямъ идти своимъ естественнымъ путемъ, или же выбиваться изъ силъ одному для достиженія общей всѣмъ намъ цѣли, подвергаясь неудовольствію самоуправнаго министра Австро-Венгрии. Благодаря лишь доброму личному расположенію барона Вертера и графа Зичи и близкимъ довѣрчивымъ отношеніямъ, которыя между нами не прекращались, разница во взглядахъ, которая явно обозначалась въ Вѣнѣ, могла быть скрыта передъ турками, дипломатическимъ корпусомъ и нашими единовѣрцами. Скоро еще другія обстоятельства усложнили еще болѣе положеніе: Хусни-Авни-паша, искавшій предлога, чтобы ворваться въ Сербію и Черногорію, грозился поставить насъ предъ совершившимися фактами самаго печальнаго свойства и возбуждалъ въ то же время своими мѣропріятіями опасныя волненія въ княжествахъ. Необходимо было успокоить и придержать послѣдніе. Серьезныя предостереженія были даны, отъ имени трехъ державъ, въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ. Потребованы были отъ Порты удостовѣренія въ сохраненіи спокойствія; но пришлось позаботиться о восполненіи недостатковъ тройственнаго дѣйствія, порожденныхъ неизбѣжною медленностью, сопряженною съ переговорными сношеніями между тремя отдѣльными другъ отъ друга столицами. Въ этихъ видахъ,—воспользовавшись новымъ направленіемъ, которое Порта намѣревалась принять приступленіемъ, по собственному почину, къ существеннымъ преобразованіямъ,—я счелъ долгомъ представить государю императору въ моемъ вѣрноподданническомъ донесеніи отъ 22-го сентября № 267 новый планъ дѣйствій. Послѣдній заключался въ томъ, чтобы принять къ свѣдѣнію (prendre acte) султанскій указъ втроемъ (т. е. съ Австро-Венгріей и Германіей) и пристально слѣдить за осуществленіемъ и развитіемъ онаго, а въ остальномъ принять въ руководство принципъ, провозглашенный вашимъ

сіятельствомъ ¹⁾ уже въ 1867 году и примѣненный къ восточнымъ кризисамъ,—общаго невмѣшательства. Такимъ способомъ всякая возможность единичнаго вмѣшательства, противнаго интересамъ другихъ державъ, была бы предупреждена, и вы вмѣстѣ съ тѣмъ отстраняли попытки вовлечь насъ въ насильственные мѣры, исполненныя хотя и другою державою, но направленные противъ христіанскаго населенія ²⁾, что было бы такъ противно вѣковому преданію нашей славной политики.

«Можно было сдѣлать исключенія лишь въ виду требованій челоувѣколюбія и ближайшихъ потребностей приграничныхъ; этого, казалось, совершенно достаточно для обезпеченія непосредственныхъ интересовъ Австро-Венгріи. Предположеніе это,—осуществленіе котораго было задержано нѣкоторыми замѣчаніями барона Жомини,—сдѣлано было почти одновременно съ составленіемъ въ Вѣнѣ программы специальныхъ реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ, которую графъ Андраши хотѣлъ обязательно навязать Португъ чрезъ посредство трехъ посольствъ. Нѣсколько общихъ началъ гражданскаго права, появляющихся во всѣхъ программахъ, имѣющихъ цѣлью преобразование Оттоманской имперіи, послужили, какъ кажется, основаніемъ этого предложенія. Не лишеныя достоинства сами по себѣ, въ особенности съ точки зрѣнія христіанства, эти правила совершенно недостаточны для умиротворенія возставшихъ областей и для предупрежденія болѣе общаго христіанскаго движенія къ веснѣ. А между тѣмъ, сверхъ неудовлетворительности средствъ принужденія, предложенныхъ австро-венгерскимъ министромъ для обезпеченія исполненія его требованій, слѣдовало ожидать категорическаго отказа султана принять программу послѣ вполне яснаго заявленія, сдѣланнаго имъ неоднократно намъ. Такимъ образомъ, совокупное вмѣшательство Европы не только не достигло бы цѣли умиротворенія, но имѣло бы послѣдствіемъ лишь поддержать нравственно возстанцевъ, безъ предоставленія имъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотя малѣйшей существенной выгоды. На способъ же осуществленія высокихъ началъ, провозглашенныхъ Европою, непременно отозвалось бы нежеланіе турокъ привести въ исполненіе на мѣстѣ насильно навязанное имъ, а потому примѣненіе оказалось бы неудовлетво-

¹⁾ По ходатайству сербовъ (Мариновичъ) и моему настойчивому представленію.
Авт.

²⁾ Такъ какъ у Австро-Венгріи была одна упорно преслѣдуемая цѣль: воспользоваться возстаніемъ христіанъ, чтобы, подъ предлогомъ ли ихъ подавленія или зацѣпы или переустройства края и даже просто неудобства продолженія безпорядковъ и прибытія въ ея предѣлы бѣженцевъ, т. е. подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вступить въ Боснію и занять страну,—то въ данное время надо было опасаться военнаго вторженія австрійскихъ войскъ, какъ исполнителей рѣшенія тройственнаго союза.
Авт.

рительнымъ и изуродованнымъ. Скорѣ бы можно понадѣяться на энергическую дѣятельность Порты въ смыслѣ преобразованій благоприятныхъ христіанамъ, если бы въ попыткѣ вступить на этотъ путь, предпринятой по собственному почину, она была поддержана одобреніемъ Европы, которая поощряла бы турокъ къ продолженію и помогала бы успѣху непрерывнымъ наблюдениемъ.

«Съ этой точки зрѣнія начаты были ¹⁾ новые переговоры съ союзными кабинетами во второй половинѣ октября.

«Но между тѣмъ обстоятельства измѣнились въ Константинополѣ. Во время аудіенціи, данной мнѣ султаномъ по возвращеніи моемъ изъ Ливадіи, его величество сдѣлалъ мнѣ предложеніе и далъ мнѣ обѣщанія, о которыхъ я съ большою точностью донесъ государю императору 23-го октября № 310. Пока я ожидалъ высочайшаго рѣшенія на сообщенное мною, министерство иностранныхъ дѣлъ получило еще новыя предложенія графа Андраши, который настаивалъ на коллективномъ представленіи Портѣ «минимума» реформъ, съ тѣмъ, что если Турція присоединится къ его программѣ, то объ остальномъ съ нею и не заводить рѣчи ²⁾.

«Я счелъ долгомъ высказать съ вѣрноподданническою откровенностью государю императору въ моемъ донесеніи подь № 335 возраженія мои противъ системы дѣйствій, въ которую австро-венгерскій министръ настойчиво старается насъ вовлечь.

«Получивъ два дня тому назадъ копіи съ подлинныхъ депешъ графа Андраши къ г. Майеру ³⁾ отъ 16-го ноября, я еще глубже убѣждаюсь, нежели прежде, въ томъ, что предложенія, въ нихъ содержащіяся, имѣютъ цѣлью лишь очистить отвѣтственность вѣнскаго кабинета предъ Европою и восточными христіанами, чтобы получить возможность не заботиться болѣе объ участи послѣднихъ. Заранѣе увѣренный, что реформы, имъ внушаемыя, даже если бы онѣ были пріятны туркамъ, не будутъ ими выполнены иначе, какъ неудовлетворительно, и во всякомъ случаѣ не успокоятъ возставшихъ, графъ Андраши имѣетъ въ виду лишь доказать, что онъ объ нихъ заботился, а затѣмъ потребовать у нихъ прекращенія борьбы. Онъ получитъ такимъ образомъ возможность принудить семейства бѣженцевъ, спасшіяся въ Австро-Венгрію, вернуться въ Герцеговину, не подвергаясь

¹⁾ По моему настойчивому требованію исполненіе вмѣшательства, предложенное графомъ Андраши, отдалилось на нѣсколько мѣсяцевъ, что вызвало крайнее раздраженіе противъ меня не только въ Пештѣ и Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ. Вѣнская пресса засыпала меня за это время ругательствами и инсинуаціями. На поддержку министерства иностранныхъ дѣлъ разсчитывать я не могъ ни въ какомъ случаѣ. Авт.

²⁾ Ясно было, что такая обманная политика имѣла цѣлью лишь пожертвовать христіанскимъ населеніемъ для доставленія мнимаго торжества графу Андраши, усиленія его личнаго положенія въ парламентѣ и вытѣсненія Россіи изъ того высокаго положенія, которое она занимала какъ на берегахъ Босфора, такъ и среди своихъ единовѣрцевъ,

³⁾ Повѣренному австро-венгерскому въ С.-Петербурѣ. Авт.

лично упреку въ недостатокъ челоуѣколюбія. Дальнѣйшая участь этихъ несчастныхъ эмигрантовъ славянскихъ, конечно, не приведетъ въ смущеніе мадьярской совѣсти графа Андраши. Если турки, оскорбленные европейскимъ вмѣшательствомъ и подбодренные жестокостью, съ которою правительство императора (австрійскаго) и короля апостолическаго предастъ въ ихъ руки беззащитныя жертвы,—дали бы полную свободу своему фанатизму, сердце австро-венгерскаго министра нисколько не дрогнетъ, вопль пролитой славянской крови не будетъ услышанъ въ (Staatskanzlei) домѣ министра иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Мнѣ казалось бы, что миръ и тройственный союзъ могли бы быть сохранены безъ пожертвованія и преданія и вѣковымъ сочувствіемъ восточной великодушной политики государя императора, но рыцарская прямота нашего дѣйствія относительно нашихъ единовѣрцевъ и нашихъ братьевъ по крови, подвластныхъ султану, несовмѣстима съ предьявленіемъ программы, какъ будто бы для нихъ дѣйствительно выгодной, а въ сущности лишь обманчивой, которую мы притомъ и не желали бы и даже не были въ состояніи заставить привести добросовѣстно въ исполненіе. Хотя графъ Андраши опредѣленно утверждаетъ, что мы не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности за осуществленіе, однако простодушные умы возставшихъ никогда не поймутъ, что три самыя могущественныя въ свѣтѣ имперіи и вся христіанская и образованная Европа соединились лишь для такого дипломатическаго дѣйствія, которое имѣло бы единственною цѣлью выказать къ нимъ участіе, но въ сущности ограничилось бы введеніемъ ихъ въ заблужденіе пышностью обманчивыхъ обѣщаній, преслѣдовать исполненіе которыхъ было бы невозможно. Ободренные внушительнымъ видомъ единодушнаго вмѣшательства Европы въ ихъ пользу, войники пивскіе ¹⁾ не положить оружія и будутъ выжидать исполненія обѣщаннаго, даже допуская, что они удовольствуются громкими фразами теребешскаго реформатора ²⁾, скрывающими отсутствіе дѣйствительнаго содержанія и совершенное незнаніе расположенія умовъ въ Константинополѣ. Но когда они наконецъ замѣтятъ что дѣйствіе державъ и въ томъ числѣ «Святой Руси» разсчитано было лишь на понужденіе ихъ бросить оружіе, которымъ они защищали свою вѣру, честь и народность, разочарованіе вызоветъ настоящую отчаянную борьбу, въ которой исчезнетъ послѣдній отблескъ довѣрія въ нашу сочувственную искренность въ отношеніи къ нашимъ единовѣрцамъ.

«Вслѣдствіе сего я настоятельно полагаю, что система такихъ преобразованій, которыя исполнила бы сама Порта, подстрекаемая, направляемая и поддерживаемая нами, болѣе отвѣчаетъ хорошо

¹⁾ Около Пивы происходили тогда стычки турокъ съ возставшими. Авт.

²⁾ Имѣніе и любимое мѣстопробываніе графа Андраши. Авт.

понятимъ интересамъ христіанъ, а равно и высокому нравственному достоинству неизмѣнной политики императорскаго кабинета. Вы призваны будете, князь, высказаться касательно сравнительной оцѣнки обѣихъ системъ, противопоставленныхъ другъ другу. Государь императоръ отложилъ свое окончательное рѣшеніе до выслушанія вашего просвѣщеннаго и патріотическаго мнѣнія¹⁾. А потому я полагаю, что въ настоящую минуту своевременно послѣ краткаго историческаго обзора изложить теперешнее положеніе такъ, какъ оно намъ здѣсь представляется.

«Искренніе заинтересованные, нежели Австро-Венгрія, благосостояніемъ христіанскихъ жителей Турціи и болѣе непосредственно связанные съ будущею судьбою этого населенія, мы находимся, въ послѣдствіи событій послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, въ присутствіи двухъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію:

«1) Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи.

«2) Общее состояніе христіанъ на Востокѣ:

«Г. Ваше сіятельство могли удостовѣриться, изъ донесенія нашего делегата въ Мостарѣ, что вся южная часть Герцеговины разорена и обезлюжена и что лишь въ горахъ бродятъ вооруженныя дружины, съ которыми не могутъ справиться турецкія войска. По всей вѣроятности, такое положеніе продлится всю зиму. Турки предпринимаютъ теперь послѣднее усиліе, чтобы сломить возстаніе, но эта экспедиція, предназначенная смыть пятно, нанесенное турецкому войску въ Муравицѣ²⁾, не достигнетъ даже въ случаѣ нѣкоторыхъ успѣховъ окончательнаго подавленія борьбы. Однакоже надо надѣяться, что послѣ нынѣшняго крайняго напряженія силъ какъ турки, такъ и христіане сдѣлаются болѣе доступными совѣтамъ умѣренности. Тогда наступитъ весьма важная минута—переломъ, которымъ надо воспользоваться, чтобы найти разрѣшеніе. Если три остающіеся зимнихъ мѣсяца будутъ потеряны безъ того, чтобы мы добились какого-нибудь результата, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что весною нельзя будетъ уже болѣе удержатъ Сербію и Черногорію.

«Переговоры, порученные Ф. Христичу³⁾, какъ кажется, привели въ Цетинѣ къ соглашенію въ виду общаго дѣйствія, причемъ въ надеждѣ на будущіе успѣхи договаривающіяся стороны уже подѣлили между собою страну, которую имъ предстояло завоевать. Румыны ницуть также вступить въ соглашеніе съ Сербіею. Критяне, кажется, рѣшились воспользоваться обстоятельствами, предвидѣнными всѣми.

¹⁾ Я былъ извѣщенъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ этомъ смыслѣ, по полученіи всеподданнѣйшихъ донесеній моихъ, отправленныхъ въ Ливадію. Авт.

²⁾ Мѣсто пораженія турецкаго войска герцеговинцами. Авт.

³⁾ Сербскій комиссаръ, отправленный въ Черногорію для улаженія разномыслія по поводу герцеговинскаго возстанія и видовъ на будущее. Авт.

Намъ предстоитъ, такимъ образомъ, будущей весною, по всей вѣроятности, присутствовать при общей борьбѣ въ Европейской Турціи.

«Въ настоящую минуту Боснія относительно спокойна, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрядовъ, блуждающихъ въ сѣверо-западной части. Въ этой мѣстности движеніемъ руководятъ сербская оmlадина и кроаты. Возстаніе въ Герцеговинѣ имѣетъ совершенно иной характеръ. Вполнѣ народное и вызванное раздражающимъ разореніемъ жителей, оно подчиняется вліянію князя Николая. Возстанцы обращаютъ свои взоры на Цетинье. При такихъ обстоятельствахъ нельзя ожидать, чтобы программы преобразованій, даже исполненныя со всею искренностью, могли рѣшить взявшихъ за оружіе вернуться подъ турецкое иго. Нужно было бы нѣчто большее, чтобы ихъ къ тому понудить. Автономія, самая скромная мечта мѣстнаго сербскаго племени, уже, какъ говорятъ, не удовлетворяетъ возставшихъ и была бы чрезвычайно трудно осуществима. Донесенія нашего генеральнаго консула въ Рагузѣ¹⁾ доказываютъ, что ни Австрія, ни князь Николай, преслѣдующіе каждый свои личные виды на этотъ край, не допустятъ охотно, чтобы ему дано было полунезависимое существованіе, могущее служить основаніемъ для образованія третьяго сербскаго государства²⁾ Впрочемъ, введеніе автономіи босно-герцеговинской всегда встрѣтило бы большое препятствіе въ многочисленномъ мусульманскомъ населеніи этихъ областей.

«Вмѣшательство европейскихъ державъ, имѣющее цѣлью умиротвореніе края и только осуществленіе реформъ, въ состояніи ли разрѣшить эти затрудненія? Не хочу ни на минуту останавливаться на возможности военнаго занятія русско-австрійскаго. Самъ графъ Андраши призналъ оное невозможнымъ. Оставалось бы военное дѣйствіе одной Австріи, вступающей въ страну отъ имени всей Европы.

«Не могу достаточно ярко выставить невозможность такого рѣшенія и его опасности.

«Во всякомъ случаѣ это открытое нарушеніе Парижскаго договора, даже если бы оно въ данную минуту и получило согласіе всѣхъ подписавшихъ трактатъ, легко внушило бы желаніе и доставило бы благовидный предлогъ одному изъ нихъ послать свой флотъ въ Дарданеллы и даже въ Босфоръ. Прежде всѣхъ Англія, сославшись на постановленія лондонскія 1871 года, могла бы получить на это согласіе и даже, можетъ быть, одобреніе Турціи, такъ какъ наши противники не замедлили бы захватить Порту въ свои руки³⁾.

«Въ нравственномъ отношеніи вступленіе австрійцевъ въ возставшія области нанесло бы неисправимый ущербъ нашему обаянію и

¹⁾ Юнина.

Авт.

²⁾ Черногорія и Сербія населены однимъ сербскимъ племенемъ, равно какъ и Боснія и Герцеговина и большая часть Старой Сербіи.

Авт.

³⁾ Послѣ того какъ мы, оттолкнувъ отъ себя султана, помогли бы свергнуть нашихъ друзей и замѣстятъ ихъ прислѣзниками Англіи,

Авт.

значенію въ глазахъ жителей этого края. При существованіи убѣжденія въ необходимости для Габсбургской имперіи владѣть босно-герцеговинскими Hinterlanden и мечты, дѣлѣмой вѣнскою военною партіей присоединенія этой страны, вступленіе австрійскихъ войскъ будетъ лишь приступомъ къ такому разрѣшенію вопроса, которое ненавистно для нашихъ единовѣрцевъ. Я имѣлъ уже случай упомянуть о возможности отчаяннаго сопротивленія оккупационному австрійскому корпусу. Дѣйствовать сообща съ имперією Габсбурговъ въ такомъ тягостномъ для населенія случаѣ казалось бы мнѣ несообразнымъ съ нашими интересами, въ особенности же, если нравственные жертвы, нами принесенныя, не получаютъ даже вознагражденія на другомъ пунктѣ Оттоманской имперіи.

«Въ дѣйствительности вступленіе войскъ не послужило бы ни къ успокоенію умовъ, ни къ облегченію введенія преобразованій въ краѣ. Сверхъ сопротивленія, которое оно, вѣроятно, вызвало бы со стороны мѣстныхъ жителей, военное занятіе одной или двухъ областей отнюдь не прекратитъ броженія умовъ между воѣмъ христіанскимъ населеніемъ Турціи. Но оно грозитъ еще вызовомъ раздраженія мусульманамъ. Приближеніе иностранныхъ войскъ лишь возбудитъ ихъ фанатизмъ. Прежде, нежели подвергнуться подавленію гяуровъ, они попытаются выместить свою злобу на беззащитныхъ и надо опасаться избіенія христіанъ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Примѣръ Сиріи ¹⁾ непримѣнимъ въ данномъ случаѣ ²⁾. Императорскій посолъ въ Вѣнѣ ³⁾ авторитетно выставилъ

¹⁾ На который постоянно указывалъ въ письмахъ министръ иностранныхъ дѣлъ Авт.

²⁾ Игнатъевъ былъ совершенно правъ, когда онъ не соглашался съ Горчаковымъ видѣвшимъ въ успѣшномъ окончаніи сирійскихъ протоколовъ доказательство успѣшности метода соединеннаго дѣйствія европейскаго концерта. Стоитъ только въ двухъ словахъ напомнить ходъ событій въ Сиріи для того, чтобы стало вполне яснымъ, что весь успѣхъ мѣропріятій христіанскихъ державъ обусловленъ былъ энергической инициативой одной державы, именно католической Франціи. Въ маѣ и юнѣ 1860 года мусульманское племя друзовъ въ Ливанѣ напало на католическое племя маронитовъ, съ которыми они вѣчно враждуютъ, и перерѣзало у нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ іюль—произошло страшное избіеніе христіанъ въ Дамаскѣ, при очевидномъ потворствѣ турецкихъ властей. Франція отпростила въ Бейрутъ экспедиціонный корпусъ, такъ какъ марониты считались подъ ея защитой и вообще она претендовала издавна на право религіознаго протектората въ Сиріи. Дальнѣйшіе фазисы сирійскихъ дѣлъ происходятъ затѣмъ уже въ видѣ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній, при совмѣстномъ выступленіи Франціи, Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи. Такъ были заключены слѣдующіе международные акты, умиротворившіе Сирію и область Ливана: а) парижскій протоколъ 3-го августа 1860 года; б) константинопольскій протоколъ 9-го іюня 1861 года; в) протоколъ съ органическимъ регламентомъ для управленія на Ливанѣ отъ 6-го сентября 1864 года, и наконецъ г) протоколы о назначеніи ливанскихъ губернаторовъ отъ 27-го іюля 1868 года и 22-го апрѣля 1873 г. (см. полную коллекцію текстовъ этихъ соглашеній въ замѣчательномъ сборникѣ болгарскаго дѣятеля А. Шопова: «Les Réformes et la Protection des chrétiens en Turquie» Paris 1904. Par A. Schopoff.

А. Б.

³⁾ Участвовавшій въ сирійской международной коммисіи.

Авт.

совершенное различіе въ характерѣ вмѣшательства въ томъ и въ другомъ случаѣ. Что касается введенія реформъ, подъ покровомъ военнаго занятія края,—нерасположеніе мусульманскихъ жителей и недостатокъ опытности между христіанами затруднить до крайности осуществленіе оныхъ. Необходимо было бы оставить войска въ краѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы создать такую прочную организацію, которая, предоставленная собственнымъ средствамъ, успѣшно сопротивлялась бы неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, которыя не преминутъ ее осаждать тотчасъ послѣ ухода войскъ. А между тѣмъ это отступленіе сдѣлается невозможнымъ для самой Австро-Венгріи; даже если бы правительство ея пожелало очистить Боснію и Герцеговину, оно не будетъ въ состояніи противиться честолюбивымъ увлеченіямъ въ собственной странѣ, сему противнымъ. При этомъ не приняты еще въ расчетъ многочисленныя предлоги и неожиданныя случайности, вызванныя занятіемъ края войсками, которыхъ будетъ во всякое время достаточно для того, чтобы оправдать продолженіе пребыванія войскъ. Первое нарушеніе неприкосновенности Турціи послужитъ началомъ постепеннаго распаденія Оттоманской имперіи. Въмѣсто того, чтобы предупредить возникновеніе восточнаго вопроса, его возбуждаютъ во всемъ его объемѣ и приступаютъ безотчетно къ его немедленному разрѣшенію. Въ виду подобныхъ затрудненій, при желаніи достигнуть умиротворенія посредствомъ преобразованій, казалось бы безотлагательно необходимымъ придумать болѣе практическія мѣропріятія.

«Считаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства два исхода изъ нынѣшняго положенія.

«Первый и наилучшій, по моему мнѣнію, было бы присоединеніе южной части Герцеговины, нынѣ возставшей, до Столаца и Невезинья къ Черногоріи. Это составило бы около трети области, которую султанъ поручилъ бы управленію князя Николая, на томъ же основаніи, какъ онъ это сдѣлалъ относительно крѣпостей въ Сербіи, переданныхъ князю Михаилу ¹⁾. Взамѣнъ этой уступки и для облегченія Портѣ принятія подобнаго предложенія, князь призналъ бы относительно этой новой части своихъ владѣній верховенство султана. Дань, размѣръ которой былъ бы опредѣленъ впослѣдствіи, была бы ежегодно уплачиваема оттоманскому казначейству. Эта наружная подчиненность доставила бы Черногоріи возможность распространить свое дѣйствительное обладаніе, и власть князя Николая вскорѣ утвердилась бы во всей Герцеговинѣ ²⁾. Это было

¹⁾ При сильной, настойчивой поддержкѣ нашей въ бытность мою посломъ въ Константинополь. Авт.

²⁾ Съ русской и славянской точекъ зрѣнія, лучшаго исхода въ данную минуту нельзя было желать. Но осуществленіе это было бы опасно и невыносимо для Австро-Венгріи, такъ какъ она должна была бы отказаться отъ выполненія своего замысла. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ смотрѣло на все черезъ очки графа Андрани, Авт.

бы исходною точкою образованія сербскаго независимаго государства, ядро котораго составляла бы Черная Гора съ добавленіемъ приграничной горной страны.

«Реформы, которыя задуманы Турціею, должны бы быть одновременно введены въ остальной части Герцеговины и въ Босніи. Такъ какъ зависть Сербіи не допускаетъ, чтобы одна Черногорія приобрѣла выгоды, увлеченіе сей послѣдней должно бы совпасть съ уступкою Сербіи Зворника ¹⁾, оспариваемаго ею у Турціи ²⁾).

«Ошибочно было бы воображать, что турки, въ особенности же султанъ, рѣшатся когда-либо на земельную уступку и даже на простое исправленіе границъ въ пользу Черногоріи другимъ способомъ, нежели выше означенный. Не обманываю я себя, князь, насчетъ затрудненій привести въ исполненіе это предложеніе мое. Главное будетъ преодолѣть сопротивленіе Порты. Мнѣ кажется, однакоже, что, дѣйствуя на нее дружески, пользуясь гнетомъ обстоятельствъ и приводя ее къ непосредственному соглашенію съ княземъ Николаемъ, съ соблюденіемъ, по наружности, достоинства Турецкой имперіи, было бы возможно достигнуть желаемаго результата ³⁾. Въ подобнаго рода дѣйствія, оставалось бы лишь прибѣгнуть къ давленію на Порту всѣхъ европейскихъ державъ, но необходимое для успѣха полное единодушіе ихъ будетъ всегда нарушено, какъ я опасуюсь, отказомъ Австріи, а, можетъ быть, и Великобританіи. Первая слишкомъ корыстно относится къ этому вопросу, чтобы допустить такое рѣшеніе, которое подкосило бы въ корень ея честолюбивые замыслы.

«Второй способъ дѣйствій менѣе рѣшительный, но легче побудить турокъ его привести въ исполненіе. Онъ изложенъ въ моемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи подъ № 335 и заключается въ слѣдующемъ:

«Можно было бы образовать въ южной части Герцеговины самоуправляющіяся нахія (уѣзды), по образцу устройства, даннаго Зубцамъ, Баньямамъ, Пивъ, Шаранцамъ и Дробняку, послѣ

¹⁾ Зворникъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Дрины, а потому въ настоящее время, послѣ анексіи Босніи, принадлежитъ уже Австро-Венгріи. А. Б.

²⁾ Это предложеніе было сдѣлано мною нѣсколько мѣсяцевъ до войны сербско-черногорско-турецкой, и ни Сербія, ни даже Черногорія (принимавшія посильное участіе въ герцеговинскомъ возстаніи) не были еще разорены и не подверглись затратамъ и потерямъ, а потому мирное приобрѣтеніе имъ такихъ выгодъ было бы для нихъ весьма благоприятно. Авт.

³⁾ Прежде, нежели предложить это канцлеру, я осторожно ощупалъ косвенными путями вліятельнѣйшихъ министровъ и самого султана. Но выразился я въ донесеніи своемъ крайне осторожно, опасаясь нескромности министерства иностранныхъ дѣлъ и послѣдствій сообщенія имъ въ Вѣну вѣсти о преждевременномъ согласіи Порты или султана. Тяжело было быть поставленнымъ въ необходимость соблюдать такія предосторожности съ собственнымъ правительствомъ. Авт.

возстанія 1861 года ¹⁾. Какъ Порты, такъ и Австро-Венгрія легче уживутся съ подобнымъ устройствомъ возставшаго края, по причинѣ существовавшаго уже примѣра, но едва ли князь Николай съ этимъ примирится. Онъ отнюдь не будетъ содѣйствовать успешному осуществленію этого предположенія, и понадобятся энергическія настоянія съ нашей стороны, чтобы вынудить его подчиниться. Въ дѣйствительности власть его въ южной части Герцеговины, — хотя и скромная, — была бы такъ же совершенно обезпечена отъ турокъ, какъ при формальномъ присоединеніи къ Черногоріи. Значеніе князя Николая еще увеличилось бы важностью той роли, которую ему пришлось бы разыграть при будущихъ осложненіяхъ въ краѣ, ибо въ томъ или другомъ случаѣ ²⁾ умиротвореніе было бы лишь временное. Окончательный кризисъ былъ бы только отложенъ, потому что причины, неизбѣжно его подготовляющія, существуютъ въ другихъ областяхъ имперіи точно такъ же, какъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ выиграть нѣсколько лѣтъ, отдавая рѣшительный оборотъ дѣла, это весьма важно для надлежащаго приготовленія къ конечному разрѣшенію всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ.

«2) Улучшеніе участи христіанскихъ подданныхъ султана всегда составляло одну изъ главныхъ заботъ императорскаго кабинета. Примѣръ, нами данный въ этомъ отношеніи, увлекъ постепенно другія державы, такъ что «улучшеніе настоящаго положенія» сдѣлалось лозунгомъ европейской политики въ Константинополѣ. Сами турки пришли наконецъ къ убѣжденію въ необходимости серьезныхъ преобразованій; весь вопросъ заключался въ томъ, въ какомъ размѣрѣ и въ какой формѣ они должны совершиться. Уже давно несомѣстимость сожителства въ Турецкой имперіи христіанъ съ мусульманами была провозглашена; сліяніе ихъ, принятое въ теченіе извѣстнаго времени за основаніе западныхъ программъ, признано невозможнымъ. А потому, чтобы предупредить общее возстаніе христіанъ, нужно было изыскать способъ сдѣлать имъ сноснымъ турецкое иго и постепенно подготовить ихъ къ окончательному освобожденію. Достигнуть, безъ значительныхъ потрясеній, постепеннаго освобожденія нашихъ единовѣрцевъ было цѣлью дѣйствій, казавшихся императорскому кабинету нан-

¹⁾ Это тотъ уголокъ теперешней сѣверо-западной Черногоріи, который былъ присоединенъ къ княжеству въ 1878 году, по Берлинскому трактату. Жители этихъ пограничныхъ округовъ Герцеговины возстали противъ турокъ осенью 1861 года и не безъ успѣха, такъ какъ ихъ воевода Лука Вукаловичъ разбилъ на рѣкѣ Пивѣ корпусъ Омеръ-паши. Порты согласилась, послѣ умиротворенія края, дать этимъ мѣстностямъ нѣкоторое самоуправленіе, о которомъ и говорить здѣсь гр. Н. П. Игнатьевъ. А. Б.

²⁾ Т. е., какъ при содѣйствіи князя Николая къ введенію новаго устройства, такъ и при пассивномъ его отношеніи къ этому способу разрѣшенія нынѣшнихъ герцеговинскихъ затрудненій.

Авт.

болѣе соотвѣтствующими не только нашимъ интересамъ, но и пользѣ этихъ послѣднихъ. Непредусмотрительность Порты и герцеговинское возстаніе ускорили ходъ событій. Подъ впечатлѣніемъ егѡ графъ Андраши предложилъ программу реформъ для однѣхъ возставшихъ областей. Это составляло не что иное, какъ наградное поощреніе для возстаній во всѣхъ другихъ областяхъ Турціи, которыя мы, напротивъ того, хотѣли предохранить отъ распространенія огня. Необходимость преобразованій во всей имперіи очевидна для всѣхъ; слѣдуетъ только удачно остановиться на системѣ. Двѣ изъ нихъ предстоятъ нашему выбору. Австро-венгерскій министръ изложилъ ихъ въ своихъ депешахъ къ повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ; съ своей стороны, я вынужденъ былъ уже такъ распространяться объ этомъ предметѣ, что считаю излишнимъ подробно къ нему возвращаться. Мнѣ кажется, что я достаточно доказалъ преимущество предоставленія самой Портѣ исполненія реформъ, ею самою выработанныхъ, ограничиваясь со стороны державъ тѣмъ, что мы будемъ наблюдать за нею, поддерживать ее и подстрекать, въ извѣстномъ направленіи, но отнюдь не принимая дѣйствія ея на свою отвѣтственность предъ христіанскимъ населеніемъ. При этомъ мы не должны отбивать охоту у султана и оскорблять его напрасно несвоевременнымъ вмѣшательствомъ. Такъ какъ принятіе предложеній, сдѣланныхъ султаномъ государю императору, запаздывало и выполненіе добрыхъ намѣреній перваго задерживалось болѣзнью Махмудъ-папи и нерѣшительностью его сотоварищей, я вынужденъ былъ соблюдать нѣкоторую сдержанность, которая не скрылась отъ вниманія Абдуль-Азиса. Желая, съ своей стороны, найти возможность избавить его императорское величество отъ необходимости избранія между личнымъ оскорбленіемъ султана, прямымъ отказомъ или дѣйствіемъ отдѣльно отъ союзниковъ ¹⁾, я воспользовался первымъ случаемъ, чтобы побудить верховнаго визиря взять на себя самого инициативу реформъ, въ смыслѣ программы, приложенной къ моему всеподданнѣйшему донесенію за № 335. Для этой цѣли я ему довѣрительно сообщилъ главныя основанія, въ видѣ простыхъ личныхъ взглядовъ для возможнаго ижелаемаго развитія указа 20-го сентября. Мои внушенія, заключавшія наибольшія пожеланія самихъ христіанъ, послужили основаніемъ для цѣлаго ряда законовъ и пожеланій, разрабатываемыхъ въ послѣднее время спеціальною комиссіею.

¹⁾ Положеніе, въ которое я былъ поставленъ молчаніемъ правительства на личныя предложенія султана, было крайне щекотливое, трудное и неприятное. Поневолѣ искалъ я выхода наименѣе вреднаго по своимъ послѣдствіямъ для русскихъ интересовъ. Припилось утратить большую часть вліянія на дворецъ, отдаляться отъ турокъ и искать случая свалить на нихъ самихъ отвѣтственность за нашу нерѣшительность. Авт.

Махмудъ-Рашидъ ¹⁾ и Джеведетъ-паши этимъ дѣятельно занимаются и рассчитываютъ непосредственно представить свою работу султану, безъ предварительнаго внесенія ея въ совѣтъ министровъ, изъ опасенія встрѣтить тамъ сопротивленіе. Ихъ трудъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ проекта графа Андраши и даже превосходитъ ихъ. Въмѣсто обыкновенныхъ выраженій о свободѣ духовной, уничтоженіи десятины и замѣны обязательныхъ работъ турки стараются возсоздать цѣлую систему преобразованій. И такъ какъ по мысли австро-венгерскаго министра не было и рѣчи объ обезпеченіи съ нашей стороны исполненія торжественныхъ обѣщаній, которыя и не полагалось еще разъ вырвать у султана, то наши средства настоянія будутъ тождественны въ обоихъ случаяхъ. Примѣръ безплодныхъ совѣтовъ, преподанныхъ Западомъ послѣ 1856 года, заставляеть предпочесть, для достиженія лучшаго результата, дружеское воздѣйствіе на Абдуль-Азиса, рассчитанное на пониманіе личныхъ его интересовъ и на желаніе его сохранить цѣлость имперіи. Лучшимъ двигателемъ въ этомъ случаѣ будетъ личное самолюбіе ²⁾ и затронутая честь монарха, желающаго дѣйствовать по собственному почину, съ полною свободою повелителя.

«Не полагаю, что преувеличиваю личное значеніе Махмудъ-паши, усматривая въ продолженіи пребыванія его у власти гарантію въ вѣрномъ и энергическомъ исполненіи задуманныхъ реформъ, несмотря на то, что обезпеченіе это кажется графу Андраши призрачнымъ. Лично для меня оставленіе на своемъ посту нынѣшняго верховнаго визиря ³⁾ гораздо менѣе важно, нежели, повидимому, предполагаютъ въ Вѣнѣ. Но австро-венгерскому кабинету едва ли надо будетъ радоваться его паденію. Когда придется выбирать между Гуссейнъ-Авни и Махмедъ-Руши-Мутерджиномъ, убѣжденнымъ, что состояніе турецкой администраціи превосходно, и не желающимъ ровно ничего сдѣлать для христіанъ, и Мидхатъ-пашою, соглашающимся на уступки имъ не иначе, какъ подъ неперемѣннымъ условіемъ введенія конституціонныхъ порядковъ для мусульманъ,—графъ Андраши, я убѣжденъ, будетъ еще сожалѣть о старомъ туркѣ, прямомъ и мужественномъ, которымъ онъ желалъ бы

¹⁾ Оба были личными моими пріятелями и старались сдѣлать все возможное, чтобы слѣдовать моимъ совѣтамъ. Джеведетъ-паша,—офіціальныи историкъ Турціи и начитанныи мусульманскимъ законодательствомъ,—неизбѣжно долженъ былъ участвовать въ подобной комиссіи для приданія рѣшеніямъ ея авторитета въ глазахъ мусульманскаго духовенства. Авт.

²⁾ Гордость и самолюбіе были замѣчательно развиты у этого послѣдняго предтевителя дѣйствительной власти падишаха. Дѣйствуя съ расчетомъ на его личный характеръ, можно было скорѣе достигнуть желаемаго результата, нежели угрозами и дипломатическимъ давленіемъ. Авт.

³⁾ Меня постоянно упрекали въ томъ, что я слишкомъ дорожу личностью Махмудъ-паши. Надѣялись въ Вѣнѣ, что я его брошу и что тогда легче будетъ посадить въ верховные визиря челоуѣка намъ враждебнаго, какъ Мидхатъ-паша и т. п. Авт.

пожертвовать единственно потому, что онъ считаетъ его преданнымъ Россіи и необходимымъ для обезпеченія успѣха нашей политики въ Константинополѣ. Пока Махмудъ-паша во власти, мы имѣемъ возможность, принявъ втроемъ къ свѣдѣнію обнародованныя реформы, употребить наше общее вліяніе на Порту, чтобы вынудить ее развить и расширить предположенные преобразованія. Поддержка наша, доставившая такой результатъ, насъ, ни каждую державу въ отдѣльности, ни всѣхъ трехъ вмѣстѣ, не обязывала бы идти вслѣдъ за Портою по направленію, не соответствующему нашимъ видамъ. На практической почвѣ такой образъ дѣйствій сказался бы несравненно болѣе соответствующимъ истиннымъ интересамъ христіанъ въ Турціи и ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не заключалъ бы никакого уклоненія отъ согласенія трехъ императорскихъ дворовъ, развѣ, разумѣется, сами союзники наши пожелаютъ найти предлогъ, чтобы отъ насъ отдѣлиться. Вѣри болѣе, нежели австро-венгерскій министръ, въ сохраненіе согласія какъ между кабинетами, такъ и ихъ представителями, я желалъ бы отвратить отъ нашего союза неудачи или бесплодныя предпріятія, въ которыхъ одинъ изъ участвующихъ будетъ стремиться доставить преобладаніе исключительно своей волѣ или же искать лишь предлога отстать отъ общаго дѣйствія, какъ только успѣетъ достигнуть, при помощи своихъ союзниковъ, своей особенной цѣли. По моему мнѣнію, наше совокупное дѣйствіе въ Константинополѣ должно бы быть единодушное, настойчивое и послѣдовательное, достойное трехъ великихъ имперій, появляющихся впервые на восточной почвѣ въ совокупномъ дѣйствіи. Ихъ пріемотръ, дружественный въ отношеніи къ Турціи, но дѣятельный и неослабный, пріобрѣтая все большую и большую силу своимъ постоянствомъ, создалъ бы подъ конецъ нѣчто вродѣ мѣстной тройственной опеки, которая была бы въ глазахъ многихъ однимъ изъ главнѣйшихъ ручательствъ мирнаго разрѣшенія настоящихъ затрудненій.

«Я далекъ отъ мысли, князь, придавать попыткамъ реформъ, предпринимаемымъ Портою, значеніе политическаго обезпеченія перерожденія Турціи. Болѣе, нежели всякій другой, я сознаю невозможность не только спасти этимъ путемъ Оттоманскую имперію, но даже продлить надолго существованіе этого отживающаго государства.

«Но настоящая минута требуетъ безотлагательнаго рѣшенія, и послѣдняя попытка должна быть сдѣлана, чтобы задержать паденіе зданія. Эта попытка заслуживаетъ нашей поддержки. При неудачѣ— послѣдняя надежда отдалить кризисъ будетъ потеряна, и Европа должна приготовиться къ самымъ важнымъ осложненіямъ, которыхъ она тщетно старалась избѣгнуть. Въ такомъ случаѣ, придерживаясь того способа дѣйствій, который я защищалъ, мы по крайней мѣрѣ очутились бы предъ цѣльною, непочатою задачею, разрѣшеніе

которой не было бы затруднено предшествовавшими, ошибочными попытками.

«Вы знаете лучше меня, князь, выгодно ли для Россіи при настоящемъ состояніи Европы ¹⁾ постановка на очередь восточнаго вопроса. Въ глубокомъ убѣжденіи, что самые существенные интересы наши требуютъ отсрочки, я употребилъ все стараніе подыскать такія временныя разрѣшенія настоящихъ затрудненій, которыя дозволили бы намъ, отдавая неизбѣжныя событія, къ нимъ надлежащимъ образомъ приготовиться. Если, несмотря на мои горячія усилія, мы оказались безсильными остановить исполненіе приговоровъ исторіи, соблюденіе принципа общаго невмѣшательства, заявленнаго и примѣннаго вашимъ сіятельствомъ въ послѣдній восточный кризисъ ²⁾, обезпечило бы намъ возможность, во всякомъ случаѣ, предоставить событіямъ естественно развиваться, не дозволяя другимъ предрѣшать окончаніе или же измѣнять ихъ направленіе въ ущербъ нашихъ интересовъ.

«Наша восточная политика не измѣнила бы въ такомъ случаѣ той задачѣ, которая ей предназначена, и если бы даже наши дѣйствія доставили лишь отрицательные результаты, я могъ бы, по крайней мѣрѣ, съ спокойною совѣстью себѣ сказать, что ничего не предпринялъ, ничего не посоветовалъ такого, которое связывало бы въ будущемъ нашу свободу дѣйствій и вредно повліяло бы на нихъ въ будущемъ.

«Твердый этимъ убѣжденіямъ, я радуюсь еще разъ возможности представить на просвѣщенное сужденіе вашего сіятельства дѣйствія мои, предпринятія для вѣрноподданническаго исполненія повелѣній нашего государя и для споспѣшествованія усиліямъ императорскаго кабинета.

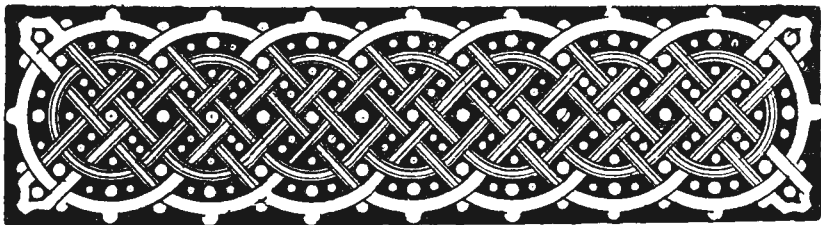
«Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать новыхъ указаній, которыя вамъ угодно будетъ дать по вышеизложеннымъ важнымъ предметамъ».

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Постъ попытки моей возбудить восточный вопросъ во время австро-прусской войны 1866 года я постоянно доказывалъ съ 1870 года необходимость намъ прибегнуть ево до будущей, неизбѣжной войны между Германіей и Франціей, а до того оставаться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Турціей. Авт.

²⁾ Во время критскаго возстанія тогда онъ даже не соответствовалъ ни нашимъ прямымъ интересамъ, ни первоначальному нашему образу дѣйствій. Причину больше было теперь придерживаться того же правила, тѣмъ болѣе, что оно было противно стремленіямъ Австро-Венгріи и соответствовало нашимъ прямымъ выгодамъ. Авт.

ХРИСТОВА НЕВѢСТА.

Историческій эскизъ.

I.

В 1807 году скончался въ Москвѣ, въ своемъ знаменитомъ Нескучномъ дворцѣ извѣстный всему міру сподвижникъ Екатерины II, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Уже слишкомъ тридцать лѣтъ онъ жилъ въ Москвѣ, удалившись отъ государственной дѣятельности, но блистая въ древней русской столицѣ своимъ истинно-русскимъ хлѣбосольствомъ, чудными конями и выѣздами. Какъ славныя, такъ и темныя дѣянія Орлова почти забыты были москвичами, но зато они твердо знали, что ни одинъ вельможа въ Россіи не можетъ сравниться съ нимъ въ богатствѣ: стоимость однихъ недвижимыхъ имѣній его доходила до сорока милліоновъ рублей на наши деньги, да драгоцѣнности его оцѣнивались въ десять милліоновъ.

Къ Орлову на поклонъ ходила и ѣздила вся дворянская Москва, и Москву эту онъ любилъ и умѣлъ угощать. Помогала ему въ этомъ его единственная дочь и наслѣдница, графиня Анна Алексѣевна, страстно любившая своего веселаго родителя. Не разъ, къ удивленію и радости своихъ гостей, расходившійся Орловъ заканчивалъ свои балы приказомъ дочери танцовать русскую, и она, подъ громъ музыки и рукоплесканій, плыла лебедью до потери силъ.

Она не была красива лицомъ, но танцевала восхитительно, и въ это время ея доброе и миловидное личико привлекало къ ней сердца всѣхъ зрителей. Впрочемъ, среди нихъ находились и такіе, которые не могли даже въ это время забыть, что это—лебедушка не простая, а брильянтовая, что она «первѣйшая невѣста», пожалуй, не въ одной Россіи. Но до самой смерти графа Алексѣя Григорьевича не было еще счастливецъ, который могъ бы льстить себя хотя бы самомалѣйшей надеждой на возможность завладѣть этой «лебедушкой». Какъ Москва ни сплетничала, какія тайности ни были ей вѣдомы, кого бы онѣ ни касались,—но въ этомъ векорѣ всякая изобрѣтательность оказывалась безплодной. Когда смѣльчаки, въ особенности женскаго пола, рѣшались спрашивать стараго графа о его «товарѣ», онъ всегда равнодушно, повидимому, говорилъ: «какъ Аннушка; а Аннушка прямо объявляла, что она «отца родного ни на кого не промѣняетъ». Московскія старушки всегда жалѣли, что ранняя смерти матери оставила молодую графиню безъ должнаго руководства: «оставить старый хрычъ сиротку старой дѣвкой,—говорили они:—загубить онъ ея молодость».

И когда провожали москвичи гробъ Алексѣя Григорьевича до могилы, то говорили уже не о немъ, а о его наслѣдницѣ-невѣстѣ.

«Не хорошо жить сиротѣ одной въ дѣвцахъ, теперь ужъ не останется она въ дѣвкахъ,—рѣшали знатныя московскія дамы:—ей, голубушкѣ, теперь не отвертѣться! Сама не выйдетъ замужъ—ей прикажутъ, а то безземельнаго принца какого нѣмецкаго пришлютъ. Развѣ при такомъ богатствѣ несмѣтномъ ей позволять сидѣть въ дѣвкахъ?»

Молодой графинѣ въ это время было всего двадцать три года, и, дѣйствительно, она осаждена была искателями ея руки и состоянія. Но никто не имѣлъ успѣха, всѣ они отчаливали одинъ за другимъ отъ золотой пристани. Потерпѣлъ горестное крушеніе самъ «великолѣпный» князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, считавшій себя знатнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ и имѣвшій уже, на положеніи стараго холостяка, до сорока побочныхъ дѣтей, а за нимъ послѣдовалъ и молодой герой-красавецъ, слава русской арміи, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду бывшій уже главнокомандующимъ арміею, хотя и ходили слухи, что прежде, чѣмъ отказать Каменскому, молодая Орлова плакала три дня и три ночи, и когда онъ затѣмъ чрезъ годъ умеръ въ войнѣ противъ турокъ, то она долго не могла утѣшиться. Москва не могла понять наконецъ, чего же хочетъ Анна Алексѣевна: «ужъ не ждетъ ли она Ивана-царевича?»—замѣчали остряки. Къ довершенію всего, Орлова все рѣже и рѣже стала показываться въ обществѣ и еще рѣже принимала «всю Москву» у себя въ Нескучномъ. Окруженная родственницами и приживалками, она

охотнѣе посѣщала церкви и монастыри, предаваясь благочестивой жизни. Даже при дворѣ графиня появлялась тогда только, когда ей приходилось исполнять обязанности дежурной камеръ-фрейлины. Обѣ императрицы: Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна ласкали ее и покровительствовали ей, но не могли удерживать ее въ Петербургѣ надолго: графиня всегда спѣшила возвратиться въ родную Москву. Такъ проходилъ годъ за годомъ, и наконецъ графиня, прежде столь живая и веселая, превратилась въ набожную старую дѣву, о которой кумушки большого свѣта вспоминали ахая и вздыхая. Всего болѣе удивляло ихъ, что Орлова окружала себя монахами, монашками и странницами, крѣпко держась православія, а не обращалась за религіознымъ утѣшеніемъ къ католическимъ патерамъ и протестантскимъ пасторамъ, сводившимъ въ то время съ ума многихъ великосвѣтскихъ барынь. Огромное состояніе графини Орловой завязывало, однако, всѣ языки, и когда она появлялась въ избранномъ обществѣ обѣихъ столицъ во всемъ блескѣ орловскихъ брильянтовъ, — ее всегда окружали величайшимъ вниманіемъ...

II.

Весною 1820 года графиня Анна Алексѣевна возвратилась изъ Петербурга въ родную Москву, чтобы встрѣтить здѣсь Пасху. Принимая цѣлые дни навѣщавшихъ ее москвичей, графиня вечеромъ обыкновенно уединялась въ свой роскошный будуаръ и тамъ отдыхала отъ дневной суеты.

«Все здѣшнее, особенно мірское, мнѣ въ тягость, — говорила она: — счастливѣе себя нахожу, когда остаюсь одна и бесѣдную съ Богомъ».

Лишь изрѣдка позволяла она слѣдовать за собою въ будуаръ кому-либо изъ особо близкихъ ей лицъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она нашла у себя на столѣ нѣсколько писемъ, доставленныхъ ей по почтѣ. Одно изъ нихъ было отъ архимандрита Фотія, съ которымъ она только что познакомилась въ Петербургѣ и котораго избрала себѣ въ наставники. Слезы выступили у ней на глазахъ, когда она прочла первыя строки его: «Богобоязненная Анна! Какъ мнѣ не утѣшаться, что Господь тебя отъ брака отвелъ, могущую имѣть жениха благороднаго, перваго во градѣ, зѣло честнаго и преславнаго! Какъ мнѣ Господа не благодарить, когда по благодати Его ты презрѣла всѣ мірскія блага, дабы воспріять небесныя вполнѣ, все сыпала щедрою рукою, дабы Христа пріобрѣсти и умолить Его!» Затѣмъ Фотій пространно излагалъ ей важность соблюденія себя отъ сребролюбія, грѣховныхъ игръ, картъ, маскарадовъ, плясокъ, танцевъ, театровъ, разврат-

ныхъ еретическихъ книгъ, злыхъ бесѣдъ, гордости, тщеславія, хулы, и предписывалъ «спасеніе въ дѣвствѣ и постѣ».

«Боже мой!—воскликнула графиня.—Вѣдь это всё, всё они мнѣ говорятъ съ самой кончины батюшки. А я вѣдь жить еще хочу! Неужели нѣтъ и не можетъ быть другого искупленія?»

И графиня вспомнила, какъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, петербургскій генераль-губернаторъ, суворовскій герой, нѣсколько недѣль тому назадъ умолялъ ее отдать ему свою руку, и какъ она, грѣшница, едва было не поддалась его мольбамъ, если бы не пришелъ къ ней на помощь о. Фотій своими совѣтами.

«Да, всё они говорили мнѣ одно и то же,—думала графиня:—императоръ Петръ III, Тараканова, дочь императрицы Елизаветы, были жертвами твоего преступнаго отца, умершаго нераскаяннымъ, и онъ будетъ въ гееннѣ огненной, если ты постомъ и молитвой не умолишь Христа о его спасеніи и всё богатства, имъ собранныя, не посвятишь на дѣла богоугодныя во спасеніе его души». А у меня нѣтъ силъ все исполнить по слову ихъ. Я говорила Фотію: «ахъ, отче мой, кая я дѣвица, когда въ сердцѣ невольно, хотя и рѣдко то со мною бываетъ, но бываютъ соблазны и помыслы нечистые; хотя и рѣдко, но должна я украшаться, наряжаться, и все сіе для плоти, для видѣнія, для суеты творить; хотя и рѣдко, но должна я и лицо благовонными водами измывать и украшать и помазывать благовонными мастьями; хотя и рѣдко, но я должна по образу міра грѣшною иногда быть». А отецъ Фотій увѣряетъ, что у меня душа дѣвственная и чистая, а плоть цѣломудренная. Я ему говорю, что легче для меня оставить все и удалиться въ монастырь, гдѣ соблазновъ нѣтъ, а онъ твердитъ мнѣ, что тамъ многіе ненавидятъ уединеніе, борење со врагомъ и страстьми. Если бы не отецъ Фотій, я не могла бы жить такъ, какъ теперь живу, и впала бы въ грѣхъ на пагубу души отца моего. О, Господи, подай мнѣ силы на подвиги, мнѣ предназначенные, спаси и прости раба твоего Алексѣя!»

И графиня, унавъ на колѣни, долго и жарко молилась предъ иконой Спаса Нерукотвореннаго, сопровождавшей ея отца въ походахъ. Затѣмъ она встала и написала Фотію слѣдующее отвѣтное письмо:

«Во истину сегодня была необъяснимая моя радость, отче мой, получая твое посланіе премилостивое. Господа ради продолжай питать твое немощное и неопытное чадо, твои святыя молитвы дѣлають со мною во-истину чудо. Благодареніе Господу Христу, чувствую такое равнодушіе ко всему окружающему, что только и прошу Господа Бога нашего, чтобы сіе мое состояніе продолжалось. О, какъ мнѣ слова твои о мирѣ и царствіи Божіемъ памятны и дороги!»

Вмѣстѣ съ письмомъ она рѣшила послать на устроеніе Деревя-

ническаго монастыря, гдѣ архимандритъ Фотій былъ тогда настоятелемъ, 5,000 рублей.

Письмо матушки-игуменьи Агніи изъ тверской епархіи поразило графиню изумленіемъ. Игуменья сообщила ей, что къ ней въ монастырь явились двѣ крестьянскихъ дѣвушки съ просьбой о защитѣ отъ притѣсненій жестокаго помѣщика, что она помочь имъ не въ силахъ, и потому посылаетъ ихъ прямо въ Москву къ ея сіятельству. Игуменья заклинала Анну Алексѣевну помочь бѣднымъ дѣвушкамъ, увѣряя, что дѣло идетъ о ихъ жизни. Графиня очень уважала матушку Агнію, и письмо это произвело на нее сильное впечатлѣніе. Она, конечно, все сдѣлаетъ для бѣдныхъ дѣвушекъ и исполнитъ данное ей Фотіемъ наставленіе: «о дѣвица! тебѣ Господь далъ премудрость и крѣпость; сама себя спасай и иныхъ, то словомъ, то дѣломъ, то духомъ».

На слѣдующій день, отстоявъ въ домово́й церкви своей обѣдню, Анна Алексѣевна перешла уже, въ сопровожденіи своихъ приживалокъ, въ столовую пить чай, какъ ей доложили о приходѣ двухъ послушницъ отъ игуменьи Агніи, а затѣмъ и сами онѣ явились предъ графиней. Онѣ бросились ей въ ноги и, не произнося ни слова, только горько, горько плакали, не поднимаясь. Большихъ усилій стоило графинѣ успокоить молодыхъ дѣвушекъ и убѣдить ихъ отвѣдать ея хлѣба-соли. Красивыя, скромныя, онѣ произвели на графиню пріятное впечатлѣніе; но взглядъ ихъ выражалъ такую тоску, такое безысходное отчаяніе, что графиня почувствовала, что она не въ состояніи будетъ ни пить, ни ѣсть, пока не узнаетъ отъ нихъ, чѣмъ она можетъ помочь имъ. Она увела ихъ къ себѣ, въ кабинетъ, и тамъ, поцѣловавъ обѣихъ, спросила ихъ:

— Вѣдь о васъ, дѣвушки, писала мнѣ матушка Агнія?

— О насъ, ваше сіятельство, о насъ, грѣшныхъ.

— Милыя, я сдѣлаю для васъ все, что могу. — сказала графиня: — но въ чемъ ваше дѣло?

Дѣвушки посмотрѣли другъ на друга, и старшая изъ нихъ проговорила:

— Хотимъ въ монастырь итти, ваше сіятельство, да баринъ насъ не пуститъ.

— Въ монастырь? — вскричала графиня: — такія молодыя, хорошія? — и графинѣ стоявшія предъ ней дѣвушки сразу напомнили ея собственную судьбу, ея загубленную молодость: — Голубушки, что съ вами случилось, что вы въ монастырѣ дѣлать будете?

Однѣ слезы бѣдныхъ просительницъ были отвѣтомъ на этотъ крикъ сердца Анны Алексѣевны. Она обняла ихъ и посадила. Узнала, что ихъ зовутъ Вѣрой и Еленой Петровыми, что онѣ крѣпостныя помѣщика Тарбѣва, который прижилъ ихъ съ своею крѣпостной же Марьей, но причину, которая заставила ихъ желать поступленія въ монастырь, Петровы долго не рѣщались объ-

яснить. Изъ ихъ словъ Анна Алексѣевна сама догадалась о ней наконецъ и вскрикнула:

— Боже мой, какой грѣхъ! Бѣдныя, хорошія мои, надѣйтесь на меня, не плачьте, все, Богъ дастъ, устроится и безъ монастыря. А пока вы будете жить здѣсь, въ Москвѣ, у моей знакомой барыни Алексѣевой.

Говоря это, графиня отнимала руки свои, которыя Петровы покрывали поцѣлуями, и затѣмъ позвонила, велѣвъ подать себѣ карету.

III.

Помѣщикъ Иванъ Николаевичъ Тарбѣевъ былъ извѣстенъ даже въ Москвѣ своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Еще въ началѣ александровскаго царствованія онъ служилъ въ одной изъ губерній вице-губернаторомъ, нажилъ себѣ крупное состояніе и генеральскій чинъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы отдыхать въ тверскомъ своемъ имѣніи. Его считали «вольтерьянцемъ» въ томъ смыслѣ, что для него не было ничего святого въ жизни. Но онъ былъ уменъ и ловокъ, и, предаваясь всемъ своимъ страстямъ, всегда умѣлъ оставаться въ предѣлахъ закона и выходить сухимъ изъ воды. У него было до трехъ тысячъ душъ въ разныхъ губерніяхъ, и крестьяне его благоденствовали, потому что Иванъ Николаевичъ былъ того мнѣнія, что чѣмъ богаче мужики, тѣмъ богаче и ихъ помѣщикъ. Но его страсть къ женщинамъ часто доводила его, стараго холостяка, до преступленія. Онъ не только узаконилъ у себя въ имѣніи *ius rigi-
mae postis*, но и создалъ у себя гаремъ, гдѣ утонченность разврата связана была съ пограниемъ всехъ божескихъ и человѣческихъ правъ. О всехъ красивыхъ дѣвочкахъ-подросткахъ старосты каждаго села обязаны были подавать ему «рапорты», и избранныхъ, послѣ осмотра ихъ помѣщикомъ, отправляли на барскій дворъ, къ особой «мадамѣ», которая приводила ихъ въ приличный внѣшній видъ, учила ихъ танцамъ и манерамъ. Болѣе изящныя и красивыя отдавались въ Москву на ученіе, тоже къ «мадамѣ», въ модныя мастерскія, а самыя избранныя—даже въ пансіоны для обученія наукамъ, рисованію и рукодѣліямъ. Отсюда эти жертвы крѣпостного права возвращались къ Тарбѣеву, въ его гаремъ. Среди этихъ дѣвушекъ были его собственныя дочери, прижитыя имъ отъ крѣпостныхъ своихъ любовницъ. Его дочерьми оказались и Вѣра и Елена Петровы, закончившія свое образованіе въ Москвѣ у «мадамы». Мать ихъ, птичница Марья, тотчасъ по возвращеніи ихъ въ деревню открыла имъ тайну ихъ рожденія, и великъ былъ ужасъ дѣвушекъ, когда Тарбѣевъ обнаружилъ и по отношенію къ нимъ свои гнусныя намѣренія, такъ какъ увѣренъ былъ, что Марья никогда не посмѣетъ, изъ боязни возмездія, открыть имъ

имя отца. Но Марья не захотѣла взять на себя грѣха кровосмѣшенія и тайно отъ Тарбѣева сообщила обо всемъ игуменіи Агніи и просила у нея защиты и приѣма дѣвушекъ въ монастырь. Разумѣется, что матушка Агнія ничѣмъ не могла ей помочь, но посовѣтовала тотчасъ отправить дочерей, тайкомъ отъ Тарбѣева, въ Москву, къ графинѣ Орловой. «Я напишу ей,—сказала добрая игуменья:—а она, святая душа, ихъ выкупить, попомните мое слово. Да хранить васъ Господь!»

Колоссальное состояніе Орловой давало ей возможность помогать бѣднымъ и несчастнымъ въ широкихъ размѣрахъ: недаромъ у нея, на огромномъ дворѣ Нескучнаго дома, толпились по утрамъ нищѣ со всей Москвы съ твердой увѣренностью получить что-либо на поминъ души родителей ея «высокографскаго сіятельства». Слава благотворительницы и благодѣтельницы создала уже для Орловой всероссійскую извѣстность—до такой степени, что ближайшіе родственники графини уже подумывали, не войти ли съ ходатайствомъ о наложеніи на нее и ея состояніе опеки... Но Анна Алексѣевна пользовалась чрезчуръ большимъ значеніемъ при дворѣ, а духовные ея руководители предусмотрительно подали графинѣ мысль, что и родственниковъ не слѣдуетъ обижать, чтобы всѣ были сыты. Драгоценности Орловой постепенно перешли въ ихъ руки, не считая тѣхъ, которыя розданы были по церквамъ и монастырямъ. Знаменитое жемчужное ожерелье, стоившее милліонъ рублей, поднесено было графиней въ послѣдствіи самой императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ послѣ того, какъ государынѣ угодно было сказать, что даже «у нея нѣтъ такихъ жемчуговъ, какъ у графини Орловой».

Участь дѣвицъ Петровыхъ до такой степени тронула графиню, что она тотчасъ же приказала своему управляющему написать Тарбѣеву, что Петровы находятся подъ ея покровительствомъ и что она желаетъ ихъ выкупить на волю за сходную цѣну. На письмо это послѣдовалъ немедленно отвѣтъ, что Тарбѣевъ самъ явится въ Москву къ ея сіятельству для переговоровъ и возстановленія своихъ правъ на бѣглыхъ своихъ крѣпостныхъ. Но графиня вовсе не желала видѣть Тарбѣева и тѣмъ менѣе говорить съ нимъ. Алексѣева, у которой жили обѣ дѣвушки, предложила Орловой поручить переговоры съ Тарбѣевымъ своему племяннику, капитану Николаю Васильевичу Басаргину, который только что пріѣхалъ на побывку въ Москву изъ южной арміи, и графиня тотчасъ согласилась на это, прося привезти къ ней Басаргина.

Николай Васильевичъ былъ еще юнымъ офицеромъ, но принадлежалъ уже къ кружку офицеровъ южной арміи, стремившихся, подъ руководствомъ Павла Ивановича Пестеля, выработать программу обновленія Россіи, прежде всего, путемъ раскрѣпощенія крестьянъ. Отъ тетки своей Алексѣевой онъ уже много слышалъ

объ Орловой и согласился на участіе въ дѣлѣ Тарбѣева, чѣмъ болѣе, что онъ уже видѣлъ Петровыхъ и сталъ имъ симпатизировать. Въ тотъ же вечеръ онъ пріѣхалъ къ Аннѣ Алексѣевнѣ и послѣ первыхъ обычныхъ фразъ сказалъ ей:

— Я всей душой, графиня, буду содѣйствовать вамъ въ этомъ дѣлѣ, но, простите меня, я не совсѣмъ понимаю вашей мысли...

Орлова посмотрѣла на него вопросительно.

— Сколько я понялъ, не однѣ Петровы находятся у Тарбѣева въ такомъ же положеніи. И, потомъ, въ Россіи Тарбѣевыхъ много, — произнесъ съ нѣкоторымъ задоромъ Басаргинъ.

— Да, вы правду говорите... — тутъ Орлова задумалась: — если и все отдать, то мало будетъ...

— И напрасно отдадите, — съ такимъ же задоромъ продолжалъ Басаргинъ: — явятся новые Тарбѣевы, новыя Петровы.

— А вы вѣрите въ Бога, во святыхъ Его угодниковъ? — спросила Орлова проникновенно: — Богу угодно, чтобы мы очищались покаяніемъ, творили добро, и куда приведутъ насъ пути Его, — не намъ судить о томъ. И когда зло исчезнетъ, то останется одно добро, одна любовь. Петровыхъ направилъ ко мнѣ самъ Господь, и я вельнію Его послушна. Кто бы ни пришелъ ко мнѣ во имя Господне, никому отказа не будетъ, пока я въ силахъ буду. Неисповѣдимы пути Божіи, — заключила Орлова, перекрестившись.

Басаргинъ сталъ втупикъ предъ силой глубокой вѣры графини, возраженія замерли на его губахъ, но онъ счелъ себя обязаннымъ напомнить о матери Петровыхъ, которая, послѣ выкупа ея дочерей, могла сдѣлаться жертвой злобы Тарбѣева.

— Вы правы, Николай Васильевичъ. Конечно, я такъ и понимаю, что съ дочерьми и мать должно выкупить. О цѣнѣ не думайте, хотя бы онъ и много запросилъ. Да спасетъ васъ Богъ за ваше доброе дѣло, — говорила Анна Алексѣевна, провожая Басаргина до дверей. Басаргинъ сознавался потомъ, что у рѣдкой женщины цѣловалъ онъ руку съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ у Орловой.

«Что за сердце, что за душа! — думалъ онъ, отъѣзжая отъ Нескучнаго дворца. — Нѣтъ, это не ханжа, — рѣшилъ онъ, вспоминая разговоры объ Орловой въ своей офицерской средѣ. — Пусть монахи не пускаютъ ее въ монастырь, чтобы легче обирать ее; она — не монахиня, она — выше монахини: стоитъ среди всѣхъ соблазновъ міра, какіе только доступны человѣку, — и горитъ душою, какъ свѣча предъ иконой!»

IV.

Басаргинъ сдержалъ свое слово: онъ видѣлся и говорилъ съ Тарбѣевымъ, хотя для этого долженъ былъ просрочить свой отпускъ. Но Тарбѣевъ прежде, чѣмъ явился въ Москву, написалъ

Орловой письмо, въ которомъ рѣшительно отказывался отпустить своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ за какую бы то ни было цѣну, увѣрялъ графиню, что онѣ ее обманываютъ, и что, употребляя во зло ея доброту, хотятъ воспользоваться плодами своего преступленія: онѣ уже подали явочное прошеніе въ полицію, что онѣ унесли у него деньгами и вещами на нѣсколько тысячъ рублей. Совѣсть и законъ, писалъ Тарбѣевъ, требуютъ отъ него исполненія обязанностей строгаго и справедливаго помѣщика. Ему жаль, что онѣ не могутъ исполнить желанія графини, но онѣ увѣренъ, что сама графиня не будетъ покрывать преступницъ.

Уже изъ этого письма Басаргинъ увидѣлъ, что съ Тарбѣевымъ дѣло вести будетъ нелегко. Законъ и право были на его сторонѣ. Поэтому Николай Васильевичъ вторично былъ у графини, чтобъ сообщить ей, что въ этомъ случаѣ едва ли что можно сдѣлать деньгами.

— Чтобы заставить Тарбѣева исполнить ваше желаніе, — сказалъ Басаргинъ: — нужно будетъ, при его рѣшительномъ упорствѣ, объявить ему, что вы, графиня, ни въ какомъ случаѣ не выдадите ему Петровыхъ, а, описавъ ихъ положеніе и объяснивъ все, поручите ихъ покровительству и защитѣ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Орлова задумалась.

— Я могу и буду просить государыню, увѣрена, что ея величество приметъ участіе въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ, увѣрена, что и благословенный монархъ нашъ его не оставитъ, но сколько при дворѣ людей, которые стоятъ за рабство крестьянъ, сколько будетъ огласки! — возразила Анна Алексѣевна. — Но священной для меня памятью отца моего клянусь, что ничто не удержитъ меня все сдѣлать для освобожденія невинныхъ дѣвушекъ. Такъ и скажите г. Тарбѣеву.

И въ глазахъ Анны Алексѣевны блеснулъ огонекъ, какимъ, вѣроятно, блистали глаза отца ея въ сраженіи при Чесмѣ. Во взглядѣ этомъ Басаргинъ почерпнулъ почему-то твердую увѣренность въ томъ, что для него никакіе Тарбѣевы теперь не страшны.

Прямо отъ графини Басаргинъ поѣхалъ къ Охотному ряду, въ гостиницу «Лондонъ», гдѣ остановился Тарбѣевъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Тарбѣевъ, пожилой, но хорошо сохранившійся, високаго роста брюнетъ, съ вѣжливыми, изящными манерами, спросилъ Басаргина.

— Скажите, пожалуйста, что заставило графиню принять въ Петровыхъ такое участіе, право, незаслуженное? Я до сихъ поръ не могу себя объяснить этого.

— Мнѣ это совершенно неизвѣстно, — сухо отвѣчалъ Басаргинъ. — Я имѣю только порученіе договориться съ вами о суммѣ выкупа и не только ихъ, но и ихъ матери.

— Мы смотримъ на это дѣло съ разныхъ сторонъ, господинъ капитанъ, и вы крайне ошибочно обо мнѣ судите,—заговорилъ Тарбѣевъ медленно и съ вѣсомъ.—Скажу вамъ коротко и просто: въ деньгахъ я не нуждаюсь. Я выше всего ставлю свои права и обязанности. Двѣ крѣпостныя дѣвки мои бѣжали, совершивъ преступленіе—кражу. Вы хотите, чтобы вслѣдствіе прихоти знатной женщины, которую онѣ обманываютъ, я согласился, вмѣсто заслуженнаго наказанія, наградить ихъ. Спрашиваю васъ, какой тутъ нравственный смыслъ и какія могутъ быть отъ того послѣдствія? Послѣ этого всѣ мои три тысячи душъ захотятъ сдѣлать то же, да не у одного меня, а у всѣхъ помѣщиковъ. Помилуйте, это просто нарушеніе всѣхъ общественныхъ законовъ. Это первый шагъ къ ниспроверженію всякой законной власти. Вы еще молоды, вы не можете еще судить объ обязанностяхъ человѣка, прослужившаго тридцать лѣтъ государю и отечеству. Эти обязанности для меня священны, и я исполню ихъ, хотя бы этимъ и навлекъ на себя, къ моему сожалѣнію, неудовольствіе такой особы, какъ графиня, которую вполнѣ уважаю. Слава Богу, мы живемъ не въ Турціи... Я увѣренъ, что ни ея знатность, ни ея богатство не въ состояніи будутъ сдѣлать изъ чернаго бѣлое и лишитъ меня моихъ правъ и моей собственности,—заключилъ Тарбѣевъ съ гордостью.

«Красно говорить, мерзавецъ,—подумалъ Басаргинъ:—хорошо было бы свести его съ Аракчеевымъ! А, впрочемъ, попробую я самъ сыграть съ нимъ въ Аракчеева».

— Итакъ,—сказалъ Басаргинъ вслухъ:—вы рѣшительно отвергаете предложеніе графини? То ли я долженъ заключить изъ нашего разговора? Потрудитесь сказать мнѣ это въ двухъ словахъ, чтобы не было недоразумѣнія.

Тарбѣевъ нѣсколько опѣшилъ, смотря на Басаргина, вставшаго съ своего стула, но сейчасъ же оправился.

— Совершенно такъ,—сказалъ онъ, тоже вставая.—И въ самомъ дѣлѣ, не къ чему далѣе вести этотъ разговоръ. Потрудитесь передать мои слова графинѣ. До завтрашняго утра я буду ждать ея согласія выдать моихъ бѣглянокъ. Если же не получу ихъ, то приступлю немедленно къ законнымъ средствамъ, хотя, повторяю, это будетъ для меня очень и очень непріятно.

— Съ графиней вы имѣть дѣла не будете,—холодно отвѣчалъ Басаргинъ.—Въ случаѣ окончательнаго вашего несогласія, она уже рѣшилась, какъ поступить. Сегодня же обѣ дѣвушки съ ея письмомъ будутъ отправлены въ Петербургъ ко вдовствующей государынѣ, которой она объяснитъ ихъ положеніе, ваши на нихъ права, а также и ихъ—на ваши къ нимъ обязанности, однимъ словомъ, все то, что ей извѣстно и что, конечно, ясно обнаружится, если ей государыня не откажетъ въ своемъ покровительствѣ. Стало быть, гра-

финя будетъ въ сторонѣ, и вы будете имѣть дѣло съ императрицей. Это и для васъ, конечно, будетъ лучше, если вы чувствуете себя совершенно правымъ.

Тарбѣевъ съ замѣтнымъ волненіемъ слушалъ Басаргина, и когда тотъ повернулся, чтобы уйти, онъ удержалъ его за руку и проговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Прошу васъ оставить это дѣло до завтрашняго дня. Приѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ, и я дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, увѣрьте графиню въ моемъ желаніи сдѣлать ей удобное.

На другой день Тарбѣевъ встрѣтилъ Басаргина съ самымъ веселымъ и любезнымъ видомъ.

— Видите ли,—говорилъ онъ:—какъ я сговорчивъ, когда дѣло идетъ, чтобы угодить дамѣ! Вотъ обѣ отпускныя мои бѣгланкамъ и одна ихъ матери. Дай Богъ, чтобы онѣ не заставили раскаиваться графиню въ ея участіи. Денегъ мнѣ за нихъ не надобно. Если я поступаю вопреки убѣжденію и нарушаю мою обязанность, то, по крайней мѣрѣ, не изъ-за денегъ, а изъ одного желанія угодить графинѣ. Мнѣ бы хотѣлось, однако, самому вручить ей эти бумаги. Можно ли будетъ это сдѣлать?

Прочтя отпускныя и увѣрившись въ ихъ дѣйствительности, Басаргинъ отвѣчалъ Тарбѣеву, что онъ не видитъ никакого препятствія исполнить его желаніе, но что онъ предупредитъ графиню о его посѣщеніи. «А хоть разъ въ жизни, а я хорошо сыгралъ Аракчеева», думалъ Басаргинъ, подѣвзжая къ Нескучному дворцу.

Графиня Анна Алексѣевна приняла Тарбѣева въ двѣнадцать часовъ дня и приложила всѣ старанія заставить его взять деньги за отпускныя.

— Богъ съ вами, ваше сіятельство,—сказалъ наконецъ зазвенѣвшимъ голосомъ Тарбѣевъ:—мнѣ ли брать деньги за свободу своихъ дочерей!

— Да спасетъ васъ Господь,—отвѣтила ему своимъ монашескимъ прощаньемъ графиня, подавъ ему руку.

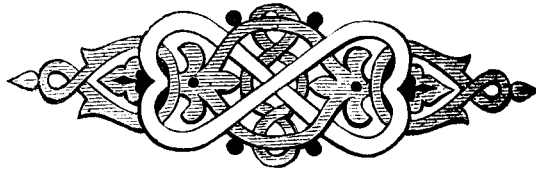
На другой же день обѣ дѣвушки отправлены были на время къ матушкѣ Агнии въ монастырь, но графиня приняла на себя заботу обезпечить ихъ будущность.

Вечеромъ графиня Анна Алексѣевна уже писала архимандриту Фотію въ Петербургъ. «Эти дни, —писала она,—замѣтила я у себя разсѣянность въ мысляхъ, страшное нерадѣніе о спасеніи, лѣньность ужасную въ молитвѣ: точно какъ бы была въ туманѣ. Я видѣла суету о Господѣ и, посмотрѣвши на нее и все ея терзаніе, изъ глубины сердца благодарю Бога, что онъ удержалъ меня отъ супружества. О, истинно блаженно состояніе дѣвическое! Никакихъ хлопотъ

житейскихъ за собою не имѣть, только попеченіе едино остается имѣть дѣвицѣ, какъ спасти душу. Но великую мнѣ помѣху въ спасеніи души дѣлаетъ привязанность моя къ сну, тогда какъ хотѣлось бы мнѣ хоть по одному разу въ ночь вставать на молитву»...

Но что-то, таившееся въ глубинѣ души графини Анны Алексѣевны, помѣшало ей исповѣдаться предъ Фотиємъ въ своихъ хлопотахъ о Петровыхъ хотя бы однимъ словомъ...

Е. Шумигорскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Нѣсколько словъ по поводу московской консерваторіи.—Карикатура «Развлеченія».—Порядки, царившіе въ консерваторіи.—Молодая піанистка.—Два противоположныхъ эпизода изъ первыхъ лѣтъ консерваторіи.—Русскія артистическія карьеры.—Гибель молодой аристократки.—Бѣлыя ночи и «мертвые цвѣты».—Современный Отелло.

ПИСЫВАЯ первые года московской консерваторіи, подъ директорствомъ Николая Григорьевича Рубинштейна, и слегка касаясь отрицательныхъ сторонъ этого, несомнѣнно, полезнаго учрежденія, я не могу пройти молчаніемъ характернаго случая, ярко выставившаго на видъ всю горечь этихъ отрицательныхъ сторонъ.

Я никого ни въ чемъ не упрекаю, ни на кого не возлагаю отвѣтственности за то или другое явленіе, я констатирую фактъ, ручаясь за его полную достовѣрность.

Оцѣнка факта принадлежитъ читателю.

Первыя по времени ученицы московской консерваторіи подобались какъ-то изъ сравнительно состоятельныхъ, а отчасти и великосвѣтскихъ московскихъ семействъ, что придадо новому учрежденію извѣстный оттѣнокъ аристократизма, а отсюда и франтовства.

За молодыми аристократками потянулись слѣдомъ дочери богатыхъ купцовъ и контористовъ. Всѣ тянулись другъ передъ другомъ, не желая уступать другъ другу ни въ богатствѣ, ни въ изысканности туалетовъ, и все это, вмѣстѣ взятое, придадо консерва-

торіи, на первыхъ порахъ ея существованія, характеръ какой-то суетности и пустоты.

Усугублялась эта пустота еще поголовной, чуть не эпидемической страстью ученицъ къ молодому и красивому директору, и эта «эпидемія» подала поводъ къ ѣдкой карикатурѣ, которая нашла себѣ мѣсто на столбцахъ тогдашняго юмористическаго журнала «Развлеченіе», издававшагося Миллеромъ и имѣвшаго громадный кругъ читателей.

Подобравъ нѣсколько общеизвѣстныхъ русскихъ пословицъ и изобразивъ ихъ въ лицахъ, редакторъ «Развлеченія» нарисовалъ въ краскахъ огородъ, а на немъ нѣсколько грядъ капусты. Изъ каждаго кочна капусты поднималась красивая женская головка, то въ букляхъ, то въ вычурной прическѣ, то съ распущенными, какъ у русалокъ, волосами. Взоры всѣхъ этихъ головокъ устремлены были въ одну сторону, на молодого козла, важно прохаживающагося по огороду, какъ бы выбирая себѣ кочанъ на свой вкусъ. Козлу придано было разительное сходство съ Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, а подъ карикатурой красовалась подпись:

«Пошелъ козель въ огородъ, а капустѣ плохо!..»

Это была шутка и злая шутка, потому что строгой правды въ ней не было. Капустѣ вовсе не было «плохо», и Николай Григорьевичъ, очень любившій женщинъ и имѣвшій среди нихъ большой успѣхъ, вовсе не гнался за побѣдами въ стѣнахъ консерваторіи. Къ дѣлу своему онъ относился серьезно и честно и отдавалъ всегда преимущество таланту передъ знатностью имени и передъ блескомъ красоты ученицы. Это не только не унимало романическихъ порывовъ молодыхъ воспитанницъ, но, напротивъ, какъ будто еще сильнѣе разжигало ихъ кокетство, и туалеты, въ которыхъ ученицы консерваторіи являлись на уроки, ни въ чемъ не уступали тѣмъ туалетамъ, какими щеголяли москвички въ дни оперныхъ и бенефисныхъ спектаклей. При такомъ порядкѣ вещей, воспитанницамъ консерваторіи, не обладавшимъ особенно большими средствами, приходилось подчасъ, дѣйствительно, плохо.

Приходившихъ нѣшкомъ и подѣзжавшихъ на скромныхъ извозчикахъ чуть не давили и съ головы до ногъ обрызгивали грязью роскошныя товарки, подѣзжавшія къ зданію консерваторіи въ роскошныхъ каретахъ и коляскахъ. Въ швейцарской приходилось снимать скромныя суконныя шубки рядомъ съ роскошными соболями сосѣдокъ... и въ просторныя залы консерваторіи приходилось входить въ скромныхъ шерстяныхъ платьяхъ, еще сильнѣе отгнѣявшихъ богатство и блескъ шелковыхъ и бархатныхъ туалетовъ, мелькавшихъ и въ сборной залѣ, и по отдѣльнымъ классамъ.

И вотъ на этой почвѣ создалась та ложная жизнь, которая

подала поводъ къ горькому случаю, имѣвшему мѣсто на моихъ глазахъ.

Въ 1873 году одна изъ артистокъ только что закрывшагося Народнаго театра, нѣкто г-жа Милорадовичъ (по сценѣ Радовичъ), обратилась ко мнѣ съ просьбой помочь ей помѣстить въ консерваторію ея кузину, молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, обладавшую, по ея словамъ, необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ.

Зиночка Кимбаръ (такъ звали молоденькую музыкантшу) самостоятельно выучилась музыкѣ и безъ помощи какого бы то ни было учителя или преподавателя исполняла довольно трудныя пьесы. Покойная мать ея показала ей только ноты, то есть все то, что она сама знала; до всего дальнѣйшаго Зиночка дошла сама и исполняла и Шопена, и Гензельта и наизусть играла сложные и трудныя этюды Мошелеса.

Все это я слышала отъ Радовичъ, но, признаюсь, всему этому мало вѣрила.

Слишкомъ большимъ талантомъ надо было обладать для того, чтобы самостоятельно пройти такую сложную школу. Радовичъ предложила мнѣ лично убѣдиться въ истинѣ ея словъ и, пригласивъ меня въ Смоленскъ на открытіе взятаго ею въ аренду театра, выписала къ этому времени къ себѣ въ Смоленскъ и свою кузину Кимбаръ, проживавшую въ деревнѣ, въ имѣніи своего отца, довольно богатаго помѣщика, обладавшаго хорошимъ состояніемъ, но отличавшагося феноменальной скупостью, которая особенно рѣзко сказывалась на членахъ его семьи. Онъ и жену свою, при ея жизни, чуть не голодомъ морилъ, и къ двумъ оставшимся послѣ нея дочерямъ не лучше относился. Старшая изъ нихъ была замужемъ, и, овдовѣвъ, проживала кое-какъ на крошечную пенсію, оставленную ей мужемъ... Зиночка же оставалась на произволь отца, и жилось ей дома горько и грустно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ въ роли хозяйки поселилась особа, при жизни матери вносившая въ семью не мало горя, а послѣ ея смерти совершенно открыто занимавшая ея роль.

Съ момента водворенія въ имѣніи этой особы жизнь бѣдной Зиночки стала совсѣмъ непереносимой, и единственнымъ утѣшеніемъ ей служилъ рояль, унаслѣдованный ею отъ матери.

Старшая ея сестра Ольга Петровна Демьянова, только наѣздами бывала въ имѣніи отца, все остальное время Зиночка оставалась одна и жила только музыкой, постепенно совершенствуя свой выдающійся талантъ.

Когда мнѣ въ первый разъ пришлось ее услышать, я буквально ушамъ своимъ повѣрить не могла.

И бѣглость, и до нельзя развитая техника, и глубокое, захватывающее чувство—все было въ ея игрѣ. Глубоко пораженная этимъ

выдающимся талантомъ, я дала себѣ слово сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, для того, чтобы дать молодой дѣвушкѣ возможность развить ея блестящія способности, и исполнила все.

Вернувшись въ Москву, я переговорила съ Рубинштейномъ, заинтересовала его молодой виртуозкой, и онъ далъ мнѣ слово принять ее въ консерваторію на льготныхъ условіяхъ, ежели онъ найдетъ мой рассказъ о ней не преувеличеннымъ.

Я сообщила объ этомъ Радовичъ... Та порадовала этимъ извѣстіемъ обѣихъ кузинъ... Оставалось только уговорить самого Кимбара отпустить дочь въ Москву, а главное дать ей средства прожить тамъ и усовершенствовать свой талантъ.

Задача была трудная, но кое-какъ удалось ее преодолѣть, и Кимбаръ согласился на то, чтобы Зиночка переселилась въ Москву вмѣстѣ со старшей сестрою своею Ольгой Петровною Демьяновой, которая, горячо любя сестру, рѣшилась посвятить ей всю свою жизнь.

Средства, назначенныя Кимбаромъ на содержаніе меньшей дочери (о старшей, какъ самостоятельномъ лицѣ, онъ и не заботился), были такъ ограничены, чтобы не сказать скудны, что трудно было себѣ представить, какимъ образомъ можно будетъ прожить на нихъ въ столицѣ и не умереть съ голоду.

Но страсть Зиночки къ музыкѣ была такъ велика и жажда ученія говорила въ ней такъ сильно, что она ни на минуту не задумалась надъ вопросомъ о матеріальныхъ недостаткахъ. Ей давали средства учиться! Съ нею отпускали ея любимый, дорогой рояль! Чего же было еще желать? Вопросъ о туалетѣ не заботилъ обѣихъ сестеръ. Послѣ смерти матери не вышло еще полного года... Скромныя траурныя платья еще не износились, да и можно ли было думать о такихъ пустякахъ, когда впереди была консерваторія... этотъ храмъ святого искусства, о которомъ Зиночка только издали мечтала и который казался ей недостижимымъ?

Сборы было не долги и не сложны.

Тщательно запаковали рояль, захватили въ чемоданчикъ скромное бѣлье и уложили на дно его два колечка и пару сережекъ, которыя мать передъ смертію успѣла лично передать Зиночкѣ; всѣ остальные вещи покойной перешли къ ея замѣстительницѣ. Ольга Петровна прибавила къ этому нѣсколько серебряныхъ ложекъ, уцѣлѣвшихъ послѣ ея вдовства, и пустились въ путь.

Поселились онѣ въ Москвѣ на окраинѣ, нанявъ небольшую комнатку въ мезонинѣ, подъ крышей и стали съ трепетомъ ожидать вступительнаго экзамена.

Я лично отвезла въ первый разъ Зиночку въ консерваторію и представила ее Николаю Григорьевичу.

Этимъ ограничились всѣ постороннія заботы о ней.

Рубинштейнъ былъ такъ пораженъ силой и правильностью ея

техники и нашель въ ней такіе задатки серьезной и искусной піанистки, что въ первый же мѣсяць послѣ ея поступленія освободилъ ее отъ дальнѣйшей платы и исключительно занялся ею.

Это породило вокругъ нея зависть и злобу, а отсюда недалеко было и до тѣхъ мелкихъ уколовъ самолюбія, которые такъ чувствительны въ раннемъ, юношескомъ возрастѣ.

Способностями она была выше всѣхъ... Занималась старательнѣе, и успѣхи ея поражали самого Рубинштейна! На почвѣ ученія не было никакой возможности ни оскорбить, ни высмѣять ее. Оставался суетный и глупый вопросъ туалета или, точнѣе, вопросъ бѣдности, которая ярко и ощутительно проглядывала во всѣхъ подробностяхъ Зиночкинаго туалета, и тутъ-то безпощадная суетная злоба нашла себѣ обильную пищу...

Бѣдный траурный туалетъ Зиночки понемногу износился. Дешевенькое люстриновое платье приходило въ ветхость и мѣстами было заштопано! Кожаные башмаки порыжѣли... а когда пришла зима, и старая суконная шубка, не поражавшая своей бѣдностью въ деревнѣ, какой-то злой насмѣшкой очутилась на консерваторской вѣшалкѣ рядомъ съ собоями и куницами богатыхъ консерваторокъ, сестра Зиночки, всегда сама провожавшая ее въ консерваторію, въ первый разъ поняла и оцѣнила всю горькую непереносимость такого порядка вещей...

Она написала къ отцу, прося его помочь Зинѣ... Но получила отъ него рѣзкій отказъ.

Богатый помѣщикъ находилъ, что «каждый обязанъ самъ оплачивать свои фантазіи», и, считая, что отъѣздъ въ столицу былъ прихотью и фантазіей молодой музыкантши, не находилъ себя обязаннымъ потворствовать этому.

Кое-какъ протянулось время до весны, экзамены молоденькой Кимбаръ прошли прекрасно, и Рубинштейнъ громко и во всеуслышаніе заявилъ, что онъ никогда не видалъ, чтобы въ такое сравнительно короткое время возможно было достигнуть такихъ успѣховъ.

Демьянову такой публичный отзывъ порадовалъ сильнѣе, нежели самое Зиночку.

Она за послѣднее время стала какъ-то безучастна ко всему и все время, не занятое музыкой и упражненіями, проводила, сидя молча, въ глубокой задумчивости и неопредѣленно, почти бессмысленно глядя прямо передъ собой..

Такое состояніе не на шутку пугало Демьянову, она старалась развлечь младшую сестру, въ веселыхъ краскахъ представляла ей предстоявшее временное пребываніе въ деревнѣ и тихонько написала къ отцу, умоляя его встрѣтить Зину какъ можно дружелюбнѣе и помочь ей на дальнѣйшее ученье.

День послѣдняго экзамена былъ въ одно и то же время и днемъ полного торжества для Зиночки, въ смыслѣ ея музыкальной будущ-

ности, и роковымъ днемъ для ея въ конецъ распатанной и разбитой нервной системы.

Рубинштейнъ простился съ Зиночкой Кимбаръ особенно тепло и благосклонно, поставилъ ее въ примѣръ всеѣмъ остальнымъ и на раздавшіяся со всеѣхъ сторонъ просьбы сыграть имъ что-нибудь на прощанье просилъ ихъ подождать нѣсколько минутъ, покуда онъ подпишетъ приготовленные ему бумаги, и, еще разъ обращаясь къ Зиночкѣ, сказалъ:

— Я для васъ лично сыграю шумановское «Wagim» и шубертовскаго «Лѣснаго царя»!.. Вамъ и то и другое подѣ силу... и я знаю, что вы и то и другое сразу поймете настоящимъ образомъ!

Произнеся эти слова, Рубинштейнъ вышелъ, и Зиночка осталась, окруженная буквально враждебной силой... Сестры ея съ ней не было... Постороннія лица въ этотъ день не допускались, и Зина, прижавшись къ углу въ амбразурѣ окна, видѣла и тяжело переживала насмѣшливые взгляды, какими съ головы до ногъ мѣрили ее франтоватыя консерваторки, открыто пересмѣиваясь и глазами указывая другъ другу на порывѣвшую, мѣстами заплатавшую юбку ея старенькаго траурнаго платья и на ея изношенныя, тщательно зашитыя прунелевыя ботинки.

Бѣдная дѣвочка видѣла и горько переживала все это, и едва удерживалась отъ душившихъ ее слезъ!..

Замѣтилъ ли Рубинштейнъ все это, или чуткая душа подсказала ему всю драму переживаемыхъ ею тяжелыхъ, убійственныхъ минутъ, но онъ поставилъ Зиночку рядомъ съ роялемъ, за который сѣлъ, и, окончивъ свой маленькій импровизированный концертъ, вновь обратился къ ней съ нѣсколькими пояснительными словами, и затѣмъ, прощаясь, пожелалъ Зиночкѣ полного успѣха въ ея добросовѣстномъ и талантливомъ трудѣ, а къ прочимъ обратился съ совѣтомъ взять ее за образецъ прилежанія и трудоспособности.

Это было окончательнымъ пораженіемъ для всеѣхъ поклонницъ строгаго и на этотъ разъ далеко не любезнаго директора и причиною полнѣйшаго ожесточенія ихъ противъ злополучной Зиночки.

И въ швейцарской при разѣздѣ, и на улицѣ передъ подъѣздомъ онѣ осыпали ее недвусмысленными насмѣшками, и бѣдная дѣвочка вернулась домой въ состояніи такого нервнаго возбужденія, что сестра прямо испугалась за нее.

На ея усиленные разспросы Зиночка сначала упорно молчала, а затѣмъ разразилась горькими, неутѣшными слезами и, хватаясь руками за пылавшую голову и прерывая разсказъ свой горькими слезами, передала Ольгѣ Петровнѣ подробности только что вынесенныхъ ею оскорбленій.

— Не плача, Зина!.. Богъ дастъ, все устроится!.. Мы упросимъ папу... Притомъ же тамъ, послѣ мамы покойной, осталось кое-что изъ платья... Можно будетъ передѣлать!..

— Да... ежели онъ дастъ...—махнула рукой Зина.

Горькое предчувствіе ея въ отказѣ отца сбылось вполнѣ.

Кимбаръ не особенно горячо обрадовался пріѣзду дочерей, не поинтересовался узнать объ успѣхахъ ученья Зины, и къ горю этой равнодушной встрѣчи прибавилось еще горе совершенно новыхъ порядковъ въ домѣ.

Мѣсто хозяйки вполнѣ заняла особа, глубоко антипатичная обѣимъ сестрамъ, которая успѣла такъ завладѣть безвольнымъ старикомъ, что онъ изъ подчиненія ей ни въ чемъ не выходилъ...

Для сестеръ потянулись горькіе, безотрадныя дни... такіе безотрадныя, что даже по крошечной комнатѣ на московскомъ чердакѣ имъ минутами грустно становилось...

Особенно сильно удручена была Зиночка, все чаще задумывавшаяся и уходившая въ себя и подолгу простаивавшая въ большой залѣ деревенскаго дома, сиротливо прижавшись къ углу, у двери большого балкона, выходившаго въ тѣнистый садъ...

Часто Ольга Петровна замѣчала слезы на ея глазахъ. Еще чаще подслушивала она, какъ Зиночка тихо шептала что-то про себя, тревожно разводя руками и то складывая ихъ какъ на молитвѣ, то съ жестомъ нѣмого отчаянія поднимая ихъ надъ головой...

— Что съ тобой, Зина? Съ кѣмъ ты разговариваешь? — спросила ее однажды старшая сестра, услышавъ, какъ молодая дѣвушка, тревожнымъ голосомъ произносила слово: «спаси!»

— Съ мамой...—отвѣтила Зиночка растеряннымъ голосомъ, тревожно озираясь по сторонамъ.—Съ мамой!.. Она приходитъ ко мнѣ сюда... въ эту залу, гдѣ, помнишь... ея гробъ стоялъ... Приходитъ и плачетъ со мною... а иногда съ собой меня зоветъ!..

Ольга Петровна попробовала разубѣдить ее, но Зиночка разсердилась, почти обидѣлась... и, сказавъ, что, кромѣ нея, мать ни къ кому не придетъ и ни съ кѣмъ говорить не станетъ, никогда больше о посѣщеніяхъ ея не поминала...

А задумывалась она все чаще и безотраднѣе, и все труднѣе становилось вырвать ее изъ этой задумчивости...

А время между тѣмъ шло... и пора уже было готовиться къ отъѣзду, тѣмъ болѣе, что Зину и къ ея любимому роялю тянуло, такъ какъ на роялѣ, бывшемъ въ домѣ, но принадлежавшемъ глубоко антипатичной ей особѣ, Зиночка играла мало и неохотно...

Однажды, послѣ совершенно бессонной ночи и тревожно проведеннаго дня, Зиночка передъ ужиномъ остановила старшую сестру словами:

— Сегодня, Ольга, надо говорить съ отцомъ! Надо узнать окончательно, спасетъ ли онъ меня отъ всѣхъ тѣхъ горькихъ униженій, черезъ которыя я перехожу тамъ... въ Москвѣ... и отъ которыхъ у меня мозгъ въ головѣ горитъ?.. Мнѣ не много надо!.. Только нѣсколько рублей на башмаки да нѣсколько маминыхъ старыхъ

платьевъ... Вѣдь они мои... кровныя мои!.. Мама еще вчера вечеромъ приходила... и мнѣ это сказала... На вѣду мнѣ пусть отецъ ничего не даетъ... и провизіи пусть никакой не присылаетъ... Я одной музыкой сыта буду!.. Только пусть одѣнетъ меня... Чтобъ не смѣялись!.. Чтобъ не видала я ихъ дерзкихъ улыбокъ... не мѣрили бы онѣ тамъ всѣ меня съ ногъ до головы своими гордыми взглядами!.. Нѣтъ моихъ силъ!.. Не могу я больше!.. Оля!.. пожалѣй меня!.. Пойми, не могу я!.. Не могу!..

И она съ рыданіями упала на грудь сестры.

Ольгѣ Петровнѣ до смерти было жаль бѣдную Зину, и она дала себѣ слово, что упросить отца... уговорить его помочь дочери въ ея безпросвѣтномъ, молодомъ горѣ!..

Ужинъ прошелъ скучно и молчаливо.

Импровизированной хозяйки дома за столомъ не было. Она сказалась больной и совѣмъ не вышла къ ужину.

Зина сидѣла блѣдная, какъ смерть, и, видимо, ожидая, чтобы сестра начала разговоръ съ отцомъ. Ольга Петровна медлила, но наконецъ, видя, что ужинъ подходитъ къ концу, издали завела разговоръ о близости отъѣзда въ Москву.

— Съ Богомъ!..—грубо возразилъ Кимбаръ на ея робкую, осторожную рѣчь.—Давно пора!.. И такъ много времени проведено безъ пользы... Много хлѣба съѣдено понапрасну!..

Ольга подняла на него удивленный взглядъ.

— Хлѣба?!—переспросила она.—Хлѣба?! Но вѣдь хлѣба у васъ вволю!.. Онъ вамъ здѣсь ничего не стоитъ?..

— Хлѣбъ, матушка, вездѣ денегъ стоитъ!..—сдвигая брови, буркнулъ Кимбаръ.—Это дармоѣды только хлѣбъ за ничто считаютъ!.. Я даю, что могу... И больше этого дать мнѣ невозможно!

— А мнѣ именно *больше* надо!..—внезапно громко произнесла Зина, вставая съ мѣста, и, не поблагодаривъ отца за ужинъ, прямо въ упоръ остановилась передъ нимъ.—Мнѣ именно гораздо больше надо!..

Отецъ съ удивленіемъ и ненавистью взглянулъ на нее. Онъ не привыкъ къ неповиновенію и пассивалъ только передъ женщиной, сумѣвшей поработить его.

— Коли тебѣ «много» нужно... много и добывай!.. А съ меня взятки гладки... Я одной копейки не прибавлю къ тому, что даю...

— Я не вашего и прошу!.. продолжала Зина прежнимъ возбужденнымъ тономъ.—Отдайте мнѣ то, что мать мнѣ оставила!.. *То* отдайте, что ей лично принадлежало!..

Кимбаръ злобно захохоталъ...

— Сходи къ ней на погостъ и получи съ нея все, чѣмъ она тебя наградить пожелаетъ?.. А у меня ничего ей принадлежавшаго не осталось!.. И при жизни все на ней и у нея мое было... и послѣ смерти ея все, что осталось, мнѣ принадлежитъ!..

Онъ сказалъ и, гордо вставъ во весь ростъ, направился къ двери, осѣняя себя широкимъ крестомъ. Зиночка вздрогнула и поблѣднѣла...

— Вы молитесь?.. Да?.. Вы поняли... Молиться надо!.. У ея гроба молиться!.. Она тамъ въ залѣ... въ гробу своемъ бѣломъ лежитъ... У нея, измученной, ничего своего не было... Только гробъ безраздѣльно ея и... у этого гроба молиться надо!..

И, выбѣжавъ въ залу, залитую въ эту минуту луннымъ свѣтомъ, несчастная упала на колѣни и громко, отчетливо, до безумія звонко заплѣла: «Со святыми упокой!»..

Звуки горькой молитвы съ поразительной ясностью разливались среди мертвой тишины, охватившей полутемную залу!.. Вѣтки густыхъ деревьевъ, качаясь, то открывали, то закрывали широкіе просвѣты, залитые блѣднымъ отблескомъ луны... и точно мертвые тѣни вставали и медленно качались подъ звуки этого страшнаго погребальнаго пѣнія...

Ольга Петровна бросилась къ сестрѣ...

Кимбаръ, блѣдный и дрожащій, отступилъ къ двери.

— Доктора!.. За докторомъ послать надо!..—проговорилъ онъ блѣдными, дрожащими губами.—Я что жъ... Я ничего!.. Я готовъ... Что тамъ надо будетъ... Я дамъ... отпущу съ вами!..—онъ окончательно растерялся.

Но ни «дать», ни «отпустить» уже ничего не пришлось!.. Давно подкрадывавшаяся психическая болѣзнь вспыхнула разомъ, съ ужасающею силой... и ни вызванный наскоро уѣздный докторъ, ни цѣлый сонмъ консультантовъ, къ которымъ Кимбаръ повезъ больную дочь (на это онъ денегъ уже не пожалѣлъ), не могли спасти несчастную.

Она протянула недолго и скончалась черезъ годъ въ психіатрической больницѣ, никого не узнавая, и съ безумной порывистой боязнью избѣгая всякой встрѣчи съ незнакомыми ей людьми...

Ей все казалось, что надъ ней смѣются, что ее хотятъ обидѣть и оскорбить,—такъ сильно врѣзались въ ея больномъ воображеніи тѣ горькія выходки, которыя встрѣтили ее на порогѣ святаго и заповѣднаго для нея храма искусствъ!..

Вся эта горькая исторія какимъ-то путемъ дошла до свѣдѣнія Антона Григорьевича Рубинштейна и послужила мотивомъ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ и назиданій, данныхъ имъ брату. Измѣнились ли послѣ этого порядки консерваторскаго франтовства, я сказать не берусь... но, насколько можно было судить издали, съ хвастовствомъ и мелочностью тамъ какъ будто тише стало...

Въ общемъ, московская консерваторія на первыхъ порахъ особенно блестящихъ талантовъ музыкальному міру не дала!

Рѣзко вспоминается мнѣ также другая консерваторка, пыш-

ная и блестящая красавица, Ольга Николаевна Анненкова, одаренная феноменальнымъ, почти несслыханнымъ контральто.

Анненкова съ ума не сошла, а сама всѣхъ съ ума свела, начиная съ Николая Григорьевича Рубинштейна, мечтавшего даже о разводѣ съ женой для того, чтобы жениться на Ольгѣ.

Не всѣмъ извѣстно, что Николай Григорьевичъ, всегда жившій жизнью безшабашнаго холостяка, въ ранней молодости женился на М. Е. Хрущевой и путемъ этой женитьбы породнился со многими аристократическими семьями нашей первопрестольной столицы. Но бракъ этотъ не далъ счастья ни ему, ни женѣ, и молодые супруги вскорѣ разошлись, чтобы никогда болѣе въ жизни не встрѣчаться...

Женитьба на Ольгѣ Анненковой манила Рубинштейна призракомъ свѣтлаго счастья, ему казалось, что феноменальная красавица сама горячо любить его... Но она на пылкую любовь не была способна...

Жизнь для нея была оргіей какой-то заповѣдной, волшебной сказки... и, внезапно бросивъ и пѣніе, и консерваторію, она умчалась въ имѣніе матери, глухую деревню въ Нижегородской губерніи, и въ теченіе двухъ лѣтъ удивляла всѣхъ эксцентричностью своихъ выходовъ и шириной своего смѣлаго жизненнаго размаха, затѣмъ въ одинъ прекрасный день она промѣняла все это на строгую рясу монахини, и, удалившись въ глухую бѣдную пустынь Арзамасскаго уѣзда, быстро обогатила избранную обитель, привлекая слушателей издалека красотой своего чарующаго голоса.

Своей поразительной, величественной красоты она не утратила и въ монашеской рясѣ, и когда уже была въ большемъ постриженіи, то пѣнители и любители настоящаго художественнаго пѣнія пріѣзжали въ пустынь, чтобы послушать ее...

Вообще русскіе таланты какъ-то вспыхивали и угасали разомъ... безъ подготовки являясь въ полномъ блескѣ обаятельной красоты и безъ причины ступшевыаясь и пронадая!..

Не вдаваясь въ область театральныхъ воспоминаній, которыя составляютъ со временемъ предметъ особыхъ моихъ записокъ, я мелькомъ укажу только на хорошо всѣмъ памятную опереточную артистку Зорину, начинавшую на сценѣ Народнаго театра политехнической выставки, гдѣ она должна была пѣть и танцовать въ ежедневныхъ дивертисментахъ за скромное вознагражденіе восемнадцать рублей въ мѣсяцъ, и два года спустя уже державшую въ рукахъ своихъ весь репертуаръ и получавшую, въ ту отдаленную эпоху, по тысячи рублей въ мѣсяцъ жалованья, срывая несслыханные бенефисы.

Не надо забывать, что я говорю о началѣ семидесятыхъ годовъ, то-есть объ эпохѣ, когда еще не было и не могло быть рѣчи о тѣхъ

неслыханныхъ окладахъ. до которыхъ оперетка дошла въ настоящее время, гдѣ никогда не учившаяся пѣнію Вяльцева, вносящая во французскую и нѣмецкую опереточную музыку цыганскій гнусавый жанръ, получала по тысячи рублей «за выходъ».

По этому поводу мнѣ припоминается очень характерный анекдотъ, героемъ котораго является неистощимый на оригинальныя выходки Лентовскій.

Кто не знаетъ, что за время своей театральной карьеры этотъ всѣми признанный «магъ и волшебникъ» русской опереточной сцены создалъ и пустилъ въ ходъ массу артистовъ, успѣвшихъ впоследствии составить себѣ крупное имя и нажить крупное состояніе.

Въ числѣ созданныхъ, или, какъ онъ самъ выражался, «выдуманныхъ», имъ артистовъ былъ пѣкто Родонъ, человекъ съ прекраснымъ образованіемъ, въ совершенствѣ владѣвшій иностранными языками, но совершенно неопытный, какъ актеръ, такъ что Лентовскому пришлось проходить съ нимъ всю школу театральнаго дѣла.

Ученикъ былъ способный, учитель былъ усердный, дѣло быстро пошло на ладъ, и послѣ двухъ или трехъ сезоновъ у Родона было уже солидное имя въ театральномъ мірѣ.

Дальше—больше, и Родонъ былъ уже выдающаяся опереточная сила и желанный гость въ каждой труппѣ. Но онъ не покидалъ создавшаго его Лентовскаго, и только когда въ театральной дѣятельности пресловутаго «мага» произошелъ довольно продолжительный антрактъ, Родонъ уѣхалъ въ провинцію, и служба въ большихъ городахъ, упрочилъ и свое имя и свою артистическую дѣятельность.

Тѣмъ временемъ Лентовскій не унывалъ и вскорѣ, выстроивъ новый театръ въ Москвѣ, сталъ набирать, по своему обыкновенію, образцовую труппу.

Правда, средства были не особенно широки, но Лентовскій зналъ, что артисты его помнятъ и любятъ, и ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что службу у него всѣ предпочтутъ всякой другой службѣ.

Въ числѣ прочихъ онъ вспомнилъ и о Родонѣ и, узнавъ, что онъ служить въ одномъ изъ южныхъ городовъ, телеграфировалъ ему, прося назначить условія.

Родонъ, въ то время уже крупный актеръ, забылъ, вѣроятно, въ ту минуту, кому онъ обязанъ и своимъ именемъ, и своей извѣстностью, и отвѣчалъ Лентовскому, что согласенъ служить у него, съ условіемъ полученія восьмисотъ рублей въ мѣсяцъ для него и шестисотъ рублей для Бѣльской, безъ которой онъ никогда нигдѣ не служилъ, и, кромѣ того, требуя два бенефиса себѣ и одинъ Бѣльской, всѣ три въ разгарѣ сезона.

Получивъ такой отвѣтъ, Лентовскій, въ свою очередь, немедленно отвѣтилъ слѣдующей депешей:

«Вамъ три тысячи въ мѣсяць, Бѣльской полторы. Бенефисы обоймъ каждую недѣлю».

Родонъ обидѣлся, и его долго дразнили этимъ эпизодомъ.

Возвращаясь къ описанію моихъ житейскихъ «встрѣчъ и знакомствъ», заранѣе уже извинившись передъ читателями въ томъ, что хронологическій порядокъ въ моихъ разсказахъ не соблюдается.

Интересъ въ фактахъ, а не въ послѣдовательности приводимыхъ датъ.

Случай съ Зиночкой Кимбаръ привелъ мнѣ на память другой случай, имѣвшій мѣсто раньше, и гдѣ психическая болѣзнь вызвана была причинами, діаметрально противоположными тѣмъ, которыя сгубили молодую и сиротливую жизнь молодой піанистки.

Въ числѣ моихъ подругъ по Смольному монастырю была баронесса Пиларъ-фонъ-Пильхау, молодая красавица, привезенная къ намъ уже при переходѣ въ старшій классъ. Машенькѣ Пиларъ было въ то время уже четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, и при полнѣйшемъ игнорированіи всякой серьезной научной подготовки она была свѣтски развита и образована безукоризненно.

Она прекрасно говорила по-французски, очень граціозно танцевала и была довольно основательно знакома съ исторіей Франціи по прочитаннымъ ею многочисленнымъ французскимъ романамъ. Зато о русской исторіи она не имѣла положительно никакого представленія и все, что она слышала по этому поводу въ классѣ, было для нея «большой новостью».

Въ моихъ «Запискахъ смолянки», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Всемирной Исторіи», мною передано нѣсколько характерныхъ анекдотовъ по поводу этого полного игнорированія исторіи родной страны, теперь я хочу говорить не о той отсталости, какую проявляла Пиларъ въ ученіи, а о той характерной особенности ея внутренняго міра, который привелъ ее къ роковому концу.

Принадлежа къ богатому и знатному семейству (мать и сестра ея были фрейлинами большого двора, а отецъ и братъ служили въ кавалергардахъ), Машенька Пиларъ-фонъ-Пильхау выросла въ той атмосферѣ подневольнаго барства, съ которымъ такъ трудно мирится дѣтскій возрастъ, инстинктивно рвущійся на свободу и просторъ

Бонна-англичанка водила ее гулять въ опредѣленные часы и по опредѣленнымъ аллеямъ... Ни рѣзвой бѣготни, ни свободныхъ и всегда нѣсколько рѣзкихъ дѣтскихъ движеній не разрешалось, частью потому, что это было «schoking», а частью для сохраненія въ цѣлости прихотливыхъ дѣтскихъ платьевъ, всегда обшитыхъ дорогими кружевами... Мать и отца она видала только по

утрамъ, когда ее водили къ нимъ для официального *baise-main*, къ гостямъ ее не выводили никогда, и на тѣхъ дѣтскихъ балахъ, на которые ее изрѣдка вывозили, царило строгое принужденіе и неразлучная съ ними непроходимая скука...

Правда, были дѣвочки, которыя не скучали, но это были не настоящія дѣти, а сколки съ большихъ людей, маленькія обезьянки, серьезно разсуждавшія между собой о модахъ и умѣло кокетничавшія съ маленькими кавалерами, сверстниками и товарищами ихъ братьевъ и кузеновъ.

Машенька къ числу этихъ «скороспѣлокъ» не принадлежала... Ей было холодно и скучно въ высокихъ, двухсвѣтныхъ мраморныхъ залахъ, и когда она, по поступленіи въ Смольный монастырь, услышала отъ маленькихъ подругъ, свезенныхъ со всѣхъ концовъ необъятной Руси, о свободѣ сельской жизни, о необъятномъ просторѣ степей, о темныхъ «воробьиныхъ ночахъ» цвѣтущаго юга, — ей стало горько и завидно до слезъ. Она сознавала, что ежели ей и суждено когда-нибудь увидать все это, то увидать она это издали, мелькомъ, изъ окна роскошнаго дормеза и ничѣмъ въ волю не насладится!..

И по цѣлымъ часамъ просиживала она, слушая поэтическіе разсказы маленькихъ южанокъ о красивыхъ тополяхъ и бѣлыхъ «мазанкахъ», о веселыхъ сѣнокосахъ и поэтическихъ волнахъ красиваго ковыля, перекатывающихся по необъятнымъ полямъ...

Со дна ея дѣтской души поднималась горькая зависть ко всѣмъ, кто призванъ пользоваться этими недосыгаемыми для нея благами... и росла въ ея душѣ ненависть къ мраморнымъ колоннамъ большихъ двухсвѣтныхъ залъ, и тянуло ее въ далекую, заповѣдную, недоступную даль!..

Такъ шло до выпуска...

Успѣхами ученія ея мало занимались... Все вниманіе ея ближайшаго родства устремлено было на ея придворную выправку, на элегантность ея манеръ и плавность ея придворныхъ реверансовъ... Съ этой стороны она была безукоризненна, а ни о чемъ дальнѣйшемъ никто не заботился!..

Не захотѣлъ подмѣтить никто, какъ заговорило ея молодое сердце, и когда она сказала матери о томъ, что серьезно и горячо привязалась къ красивому и во всѣхъ отношеніяхъ достойному профессору, читавшему въ старшемъ классѣ русскую литературу, то даже не увѣщаніями и не совѣтами встрѣчено было это признаіе, а громкими и безцеремонными насмѣшками!..

Профессоръ Печкинъ былъ бѣденъ, и отецъ его былъ тоже скромнымъ профессоромъ Ришельевского лицея въ Одессѣ...

Что могло быть общаго между нимъ и дочерью генерала-адъютанта съ фрейлинскимъ шифромъ въ перспективѣ?!.. День выпуска

Машеньки изъ Смольнаго монастыря былъ днемъ послѣдней встрѣчи ея съ Печкинымъ...

Она одновременно простилась и съ институтомъ, и съ своими надеждами на простое, скромное счастье, о которомъ она такъ мечтала!.. Свѣтлаго, благоухающаго юга она тоже такъ и не видала... не испытала прелести благоуханныхъ «воробьиныхъ ночей»...

Она вернулась въ холодъ мраморныхъ залъ, вернулась къ мертвому свѣту «бѣлыхъ» петербургскихъ ночей, и быстро утасла, не примирившись съ ними!..

Ея отчужденіе отъ большого свѣта перешло въ тихую меланхолію... Она по цѣлымъ часамъ сидѣла задумавшись, неизбежно повторяя одно только слово: «холодно!..»

И не о физическомъ холодѣ говорила она, не на него горько жаловалась въ своемъ тяжеломъ недугѣ, у нея душа озябла и застыла. Въ ней сердце умирало вмѣстѣ съ умиравшими силами!..

Она ушла отъ холода мраморныхъ залъ, отъ мертваго свѣта сѣверныхъ бѣлыхъ ночей, отъ экзотическаго блеска оранжерейныхъ камелій и гіацинтовъ, которые она называла «мертвыми цвѣтами»...

И все-таки ея роскошный гробъ былъ убранъ вѣнками и гирляндами этихъ «мертвыхъ цвѣтовъ», и отъ холодныхъ мраморныхъ колоннъ ненавистной ей двухсвѣтной залы она ушла подъ своды тяжелаго склепа, надъ которымъ до сихъ поръ высится дорогая, холодная мраморная часовня!..

Насъ много, сверетницъ, собралось на ея печальное погребеніе... Большинства изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ... Въ числѣ ихъ была недавно умершая сѣдой и больной старушкой жизнерадостная, миниатюрная брюнетка Наденька Павлицева (въ замужествѣ Панэ), родная племянница Пушкина, дочь его родной сестры, Ольги Сергѣевны Павлицевой.

Тутъ же была и моя подруга по Смольному А. А. Лыкошина, трагическій конецъ которой привелъ въ ужасъ всѣхъ знавшихъ ее. Осиротѣвшая въ бытность свою въ институтѣ, Сашенька Лыкошина взята была изъ института старшей сестрой своей, Миррой Александровной, которая была замужемъ за артиллерійскимъ полковникомъ Щебальскимъ.

Въ одной батареѣ съ Щебальскимъ служилъ нѣкто Кузьминскій, блестящій и очень красивый офицеръ, единственной отрицательной стороной котораго была самая необузданная ревность, что и заслужило ему прозвище «Отелло», подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ не только въ полку и батареѣ, но и среди болѣе или менѣе близкихъ знакомыхъ.

«Отелло», очень влюбчивый отъ природы, до безумія влюбился въ Лыкошину, и она отвѣчала ему такую же пламенной любовью.

Онъ посватался, она дала ему свое согласіе, но когда посвятила сестру и зятя въ свое рѣшеніе, то они оба усиленно возстали противъ него.

Щебальскій, положительный и серьезный, особенно сильно воспротивился этому браку. Молодую и красивую Миру Александровну еще можно было соблазнить и взманить идеей страстной любви и грядущаго семейнаго счастья, но Щебальскій ни въ это счастье не вѣрилъ, ни на приманку этой страстной любви не шелъ! Онъ самымъ энергичнымъ образомъ сталъ отговаривать молодую золовку отъ этого брака, и когда она настояла на своемъ то онъ съ грустью и видимой неохотой благословилъ ее, замѣнивъ ей умершаго отца, и стоялъ въ церкви понурый и грустный. На выраженное ему по этому поводу неудовольствіе со стороны жены онъ отвѣтилъ, что его томить тяжелое предчувствіе, и что ежели бы Сашенька была ему родная дочь, то онъ всѣми силами и мѣрами пошелъ бы противъ этого брака.

Его горькое предчувствіе оправдалось черезъ три года послѣ свадьбы Сашеньки.

Первое время молодые жили хорошо и въ полномъ согласіи, и рожденіе сына еще скрѣпило ихъ семейное счастье, когда глупая и опрометчивая шутка неразумнаго товарища разомъ положила всему конецъ!

Припадковъ ревности Кузьминскій не проявлялъ почти никогда. Жена слишкомъ осторожно и безукоризненно держала себя со всѣми окружающими, и самый придирчивый характеръ не могъ бы найти повода къ малѣйшему неудовольствію, да и рожденіе малютки сына, котораго Кузьминскій обожалъ со всей страстностью своей привязчивой природы,—замѣтно умиротворило его горячіе порывы.

Даже Щебальскій, долго скептически относившійся къ миру и согласію въ семьѣ золовки, начиналъ думать, что ей удалось побороть безумную ревность мужа навсегда, когда случилось обстоятельство, въ сущности ничтожное, но повлекшее за собой страшную катастрофу!..

Въ числѣ любимыхъ товарищей Кузьминскаго былъ нѣкто Рахманиновъ, милый собесѣдникъ, очень хорошій товарищъ, но человѣкъ, въ сущности, недалекій, всегда готовый пошутить и не всегда разборчивый въ своихъ шуткахъ. Онъ часто бывалъ у Кузьминскихъ, проводилъ у нихъ цѣлые дни и всегда горячо любовался ихъ маленькимъ сынишкой, что особенно радовало самого Кузьминскаго. И вотъ однажды, довольно поздно вечеромъ, изъ дѣтской послышался громкій и ожесточенный крикъ, и бросившійся на него молодой отецъ вышелъ оттуда, неся въ рукахъ раскапризничавшагося и заливавшагося отъ крика сынишку.

— Что съ нимъ?.. Дай мнѣ его!..—протянула руки къ мужу встревоженная Александра Александровна.

— Нѣтъ!.. Мнѣ лучше его подай!..—протянулъ руки Рахманиновъ.—Мы съ нимъ друзья, и я его какъ разъ умиrotворю!..

Онъ взялъ ребенка на руки. Сталь развлекать его вынутыми изъ кармана часами, и ребенокъ, быстро успокоившійся, заснулъ у него на рукахъ.

Мать, любуясь ребенкомъ и переводя глаза съ его разгорѣвшагося отъ слезъ личика на лицо оживленно разговаривавшаго мужа, съ восторгомъ сказала:

— Боже мой!.. Какъ онъ похожъ на тебя, мой другъ, и какое для меня счастье это дорогое сходство!..

Кузьминскій довольно улыбнулся. Онъ любилъ, когда находили сходство съ нимъ сына, дѣйствительно представлявшаго собой миниатюрное повтореніе лица и всей фигуры отца.

Рахманиновъ на лету перехватилъ и эти слова, и этотъ довольный взглядъ и, желая по своему обыкновенію «пошутить», сказалъ, передавая ребенка нянѣ:

— Вотъ еще выдумали!.. Никакого положительно сходства нѣтъ!.. Онъ скорѣй на меня похожъ, нежели на него!

Это было такъ глупо и неумѣстно, что Александра Александровна только расхохоталась въ отвѣтъ на эту фразу и не замѣтила, какъ мужъ ея сверкнулъ глазами, переводя ихъ съ ея лица на лицо неумѣстнаго шутника...

Ночью, по уходѣ Рахманинова, между мужемъ и женой произошла бурная сцена, подробностей которой никто никогда не узналъ!.. Слышны были громкіе возгласы. За ними послѣдовалъ отчаянный крикъ, и когда перепуганная прислуга вбѣжала въ комнату, то несчастная Александра Александровна лежала мертвая на полу, неподалеку отъ кровати, съ перерѣзаннымъ горломъ. Рядомъ валялась окровавленная бритва, а самъ Кузьминскій, блѣдный, съ блуждающими глазами, стоялъ на колѣняхъ передъ трупомъ...

Судебное слѣдствіе (дѣло происходило еще при старыхъ судьяхъ) выяснило, что слова, опрометчиво сказанныя Рахманиновымъ, ядомъ подозрѣнія запали въ сердце ревниваго мужа... Прежде, нежели начать тотъ роковой разговоръ, который онъ и передъ слѣдователемъ продолжалъ называть «исповѣдь» жены, Кузьминскій прошелъ въ дѣтскую и, нагнувшись надъ кроваткой сына, сталъ пристально всматриваться въ личико ребенка...

Приходъ его не удивилъ и не встревожилъ няню, привыкшую къ тому, что какъ отецъ, такъ и мать, горячо любя мальчика, часто во все часы заходили въ дѣтскую...

Кузьминскій въ своихъ показаніяхъ сознался въ томъ, что роковое сходство онъ нашель, и что первымъ движеніемъ его было

убить ребенка, но онъ порѣшилъ «начать» съ жены, а затѣмъ, при видѣ пролитой крови, у него ужъ духа не хватило на дальнѣйшую злодѣйскую мечь!..

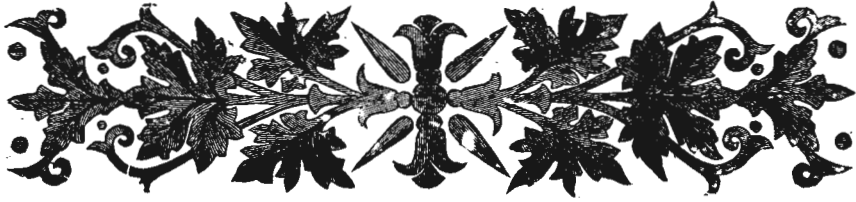
Дальнѣйшая судьба этого легендарнаго ревнивца мнѣ до-
длинно неизвѣстна...

Случайно я слышала, что, приговоренный къ долгосрочной ка-
торгѣ, онъ умеръ на пути въ Сибирь, но въ точности этихъ свѣдѣній
я не увѣрена...

Быть можетъ, помимо каторги физической, онъ вынесъ еще дол-
гіе годы каторги нравственной!..

А. И. Соколова.

НѢКОТОРЫЕ НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ КЪ ВОПРОСУ О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

I.

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Таганрога отъ 21 ноября 1825 г. къ вдовствующей императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

ВЪ СВЯЗИ съ разными брошюрами, появившимися за послѣднее время въ нашей литературѣ, о тождествѣ императора Александра I съ сибирскимъ старцемъ Теодоромъ Козьмичемъ, приведу любопытное письмо императрицы Елисаветы, написанное два дня послѣ кончины ея супруга.

При этомъ считаю долгомъ напомнить, что первое письмо Елисаветы Алексѣевны къ матери ея мужа было написано въ самый день смерти Александра Павловича, т.-е. въ четвергъ 19-го ноября 1825 года.

Это умиленное письмо, переписанное въ сотнѣ экземпляровъ и ходившее по рукамъ въ тѣ времена, начиналось извѣстными словами: «Notre ange est au ciel et moi sur la terre de tous ceux qui le pleurent la créature la plus malheureuse и т. д.»

Черезъ два дня было, однако, написано другое письмо, которое не было еще приведено ни у Шильдера, ни у меня, но именно оно заслуживаетъ вниманія, особенно для любителей всякихъ легендъ и поисковъ чего-то чудеснаго въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ. Привожу это письмо цѣликомъ.

Taganrog, Samedi le 21 Nov. 1825.

Que Vous dirai-je, chère Maman,—toujours et toujours que je suis la plus malheureuse des créatures.

Je demande des secours à Dieu. Je prie cette âme angélique qui est auprès de lui de m'en obtenir—hélas!—Mon Dieu, je ne trouve encore ni force, ni courage... Lui savait en donner ici bas. J'ai perdu tout appui, j'ai perdu le but de ma vie—pour moi tout est fini avec lui. Il a commencé sans se croire en danger, mais avec ce bonheur pur, qu'il goûtait toujours en remplissant cet acte ¹⁾—il a commencé avec connaissance et s'est confessé de même.

Mais c'était son âme qui passait à travers l'assoupissement dont ses facultés étaient déjà oubliées.—Cette âme s'est manifestée presque jusqu'à la fin. Il conservait la faculté d'aimer ayant perdu celle de comprendre.—O mon Dieu, mon Dieu—ces souvenirs déchirants seront la nourriture de ma vie.—Que Dieu Vous assiste, chère Maman,—vous avez encore des liens et des devoirs dans la vie—puissiez Vous y trouver de la force et du courage».

(Таганрогъ, суббота 21 ноября 1825 г.

Что мнѣ сказать вамъ, дорогая матушка. Только одно: что я самая несчастная изъ людей.

Я молю Бога о помощи. Я молю эту ангельскую душу, которая теперь около Него, попросить ея для меня. Но увы! у меня нѣтъ пока ни силъ, ни мужества. Будь онъ здѣсь, онъ сумѣлъ бы помочь мнѣ. Я лишилась всякой опоры, потеряла смыслъ моей жизни: съ нимъ для меня все кончилось. Не думая, что онъ въ опасности, но съ тѣмъ чистымъ счастьемъ, которое онъ всегда испытывалъ, совершая этотъ актъ, онъ приступилъ (къ принятію св. тайнъ) съ (полнымъ) сознаниемъ и съ нимъ же исповѣдывался.

Но сквозь угасаніе, при которомъ уже не было и помину о его способностяхъ, все-таки просвѣчивала его душа. Эта душа проявляла себя почти до самаго конца. Потерявъ способность понимать, онъ сохранялъ способность любить. О, Боже мой, Боже мой! Эти раздирающія душу воспоминанія будутъ служить для меня пищей на всю мою жизнь. Да поможетъ вамъ Богъ, дорогая матушка. У васъ есть еще, что привязываетъ васъ къ жизни и составляетъ вашъ долгъ. Да найдете вы въ этомъ для себя силу и мужество).

Смѣю надѣяться, что приведенныя выше строки убѣдятъ даже скептиковъ, что Александръ I приобщался святыхъ тайнъ въ полномъ сознаниіи, а до этого и исповѣдывался ²⁾, свидѣтельства же его супруги, написанныя отъ души, въ первые моменты горя, столь откровенно, не допускаютъ и тѣни сомнѣнія, чтобы Елисавета Але-

¹⁾ Принятіе св. тайнъ.

²⁾ У священника Федотова.

кеѣвна притворялась, способствуя мнимому бѣгству своего августѣйшаго супруга, и надѣвала на себя какую-то маску, чтобы скрыть дѣйствительность. Повторяю, что всѣмъ воображеніямъ есть предѣлъ,—что, конечно, не помѣшаетъ ни князю В. В. Барятинскому, ни К. Н. Михайлову еще изощряться на эту тему и писать всякія книжонки.

II.

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Le 25 dec. 1825.

Wylie désire que je lui donne une lettre pour Vous, chère Enfant, je n'ai pas besoin de Vous prier de le recevoir avec toute la bienveillance dont il a besoin pour se supporter lui-même.

Il est *bien, bien* malheureux, et graces aux bienfaits de l'Etre angélique que nous pleurons, sa douleur est pûre, car sa fortune est depuis longtemps indépendante; il possède tout ce qui peut flatter l'ambition, mais son coeur est brisé. Pour moi je le vois partir avec bien du regret, il est devenu pour moi presque un ami—tout ce qu'il a été, tout ce qu'il a vu—partagé, des paroles ne peuvent pas le rendre.

(25-го декабря 1825 г.

Вилліе хочетъ, чтобы я дала ему письмо къ вамъ, дорогое дитя. Мнѣ нѣтъ надобности просить васъ принять его со всѣмъ благожелательствомъ, которое ему нужно, чтобы поддержать его самого.

Онъ очень, очень несчастенъ, и, благодаря благодареніямъ ангельскаго существа, которое мы оплакиваемъ, его горе чисто, ибо его состояніе давно уже независимо. У него есть все, что можетъ льстить честолюбію, но его сердце разбито. Что касается меня, то я съ сожалѣніемъ смотрю на его отъѣздъ, онъ сталъ для меня почти другомъ—все, чѣмъ онъ былъ, все, что онъ видѣлъ и раздѣлялъ... слова не могутъ этого передать).

III.

Письмо лейбъ-медика Штоффрегена къ баронету Я. В. Вилліе.

Mon cher Baronet.

Vous avez vu souffrir l'Ange, qui vient être enlevé de sa prison. Vous auriez du voir, avec quelle patience et résignation Elle supportait ses souffrances, jusqu'au dernier jour. Toujours calme, Elle ne proférait aucune plainte. Plainement convaincue de l'incurabilité de sa maladie, de l'inutilité des remèdes, Sa Majesté opposoit aux angoisses

les plus pénibles le calme de l'innocence et la conviction religieuse d'un meilleur avenir au delà de ce monde de douleur. L'Ange de la mort délivra l'âme de tous les vertus sans douleur, sans agonie, au milieu d'un sommeil tranquille. Ce n'était pas la mort que je redoutais pour Elle! non—il falloit s'y attendre, je n'ose pas dire: il falloit l'espérer. Je craignais une cachisie prolongée, qui, en la retenant au lit, aurait eu des suites atroces. Vu le décarnement total, j'étais persuadé que le second jour S. M.—auroit au dos plaies jusqu'aux os. Des douleurs affreuses se seraient unis aux angoisses, causées par l'état vicieux de la circulation du sang, produit de la désorganisation du coeur et du système vasculaire. Je ne comprend pas, comment S. M. a pu supporter la fatigue du voyage. Dans toutes les villes je proposais en vain à S. M. de se reposer un ou deux jours. Elle s'y opposa toujours avec fermeté, disant, qu'Elle ne voulait pas donner trop de peine à Sa Majesté l'Impératrice Mère et qu'Elle désirait arriver aussi près que possible de Kalouga. Ce n'est qu'à Koursk qu'Elle se permit de rester un jour et nous devons à ce délai le bonheur, que S. M. n'aie rendu l'âme au moment où elle serait tombée dans les bras de S. M. l'Impératrice Mère. Elle n'aurait pas pu survivre à cette émotion.

Je suis sûre que vous pleurez avec moi la grande perte que nous venons d'éprouver, mais qui aurait le coeur assez dure, pour désirer qu'Elle traîne encore une vie sans jouissance et sans espoir, dans les angoisses continuelles? Nous sommes à présent orphelins tous les deux!!

J'ai été 18 ans fidèlement attaché à Elle, que, en même temps j'ai adoré comme une sainte. Ce n'était que pour Elle que j'ai pu quitter une situation aisée, comme vous le savez. Je ne la regrette pas, mais je suis profondément affligé de l'avoir vu souffrir si longtemps sans la pouvoir soulager. Le voile du deuil couvra mon avenir! Je touche à ma soixantième et ma santé est ruinée. Ma carrière est finie, mais je désire de vivre encore pour 7 enfants chéris. J'ai un fils de 32 ans et un fils 2 mois. Le premier fera son chemin, car il a des talents, des connaissances profondes, un coeur et une conduite à toute épreuve. Je suis sûre que l'Empereur magnanime le protégera, comme l'Empereur Alexandre, de glorieuse mémoire m'avait promis de le protéger,—je dois vivre pour les autres et pour une femme excellente, le charme de ma vie.

Je vous envoya une copie de ma main de l'acte de l'autopsie du corps. Lisez la avec attention et vous trouverez, qu'aucune puissance humaine pouvait sauver les jours précieux de la défunte—vu que le (пропускъ) le plus noble était désorganisé à ce point. Je compte sur votre amitié, que vous chercherez l'occasion d'en expliquer la nature à Sa Majesté notre auguste Empereur et que vous justifierez l'opinion que j'ai eu toujours sur l'état de santé de S. M. l'Impératrice défunte, en remettant à ses pieds nos hommages d'un sujet fidèle!

Adieu!—ayant éprouvé la même peine, la même douleur, vous jugerez mieux de mes sentiments douloureux.

Il me restait encore un devoir à remplir, de prier Sa Majesté l'Impératrice d'accorder des récompenses à M. le docteur Dobbert et au chirurgien Alexandre Mattvéeff. Je voulais obtenir cette grâce à Kalouga. La mort subite de S. M. a été funeste à ce projet. Ne pouviez vous pas parler en leur faveur auprès S. M. l'Empereur?—ils sont bien dignes d'une gratification par leur service et leur zèle.

Agréez les sentiments de ma considération particulière et conservez moi votre amitié.

Le Votre

C. Stoffregen.

Bielew le 8 de May 1826.

(Любезный баронетъ.)

Вы видѣли, какъ страдалъ Ангель, который только что взять изъ своей темницы. Вы, конечно, видѣли, съ какимъ терпѣніемъ она до послѣдняго дня переносила свои страданія. Всегда спокойная, она не заявляла ни одной жалобы. Вполнѣ убѣдившись въ неизлечимости своей болѣзни и бесполезности лекарствъ, ея величество противопоставила своимъ тяжелымъ страданіямъ спокойствіе невинности и религіозное убѣжденіе въ лучшей жизни за предѣлами этого міра скорби. Ангель смерти взялъ душу надѣленной всѣми добродѣтелями безболѣзненно, безъ агоніи, во время спокойнаго сна. Не смерти я боялся, нѣтъ! Ея нужно было ждать, не рѣшаюсь сказать—надо было на нее надѣяться. Я боялся медленнаго умиранія, которое, удерживая ее въ постели, могло бы повлечь за собой жестокия послѣдствія. Въ виду общаго исхуданія я былъ убѣжденъ, что на второй же день у ея величества появились бы пролежни до костей. Къ страданіямъ отъ неправильнаго кровообращенія, вызваннаго разстройствомъ сердца и сосудистой системы, присоединились бы еще ужасныя боли. Не понимаю, какъ ея величество могла перенести утомительность путешествія. Напрасно въ каждомъ городѣ я предлагалъ ея величеству отдохнуть день-два. Она съ твердостью не соглашалась на это, говоря, что она не хочетъ причинять излишнія хлопоты императрицѣ-матери и желаетъ проѣхать какъ можно ближе къ Калугѣ. Только въ Курскѣ она позволила себѣ остаться одинъ день, и этой остановкѣ мы обязаны счастьемъ, что ея величество не испустила духъ въ тотъ самый моментъ, когда она упала въ объятія императрицы-матери. Этого волненія она бы не выдержала.

Я увѣренъ, что вмѣстѣ со мной вы оплакиваете великую потерю, только что нами понесенную. Но у кого нашлось бы столь жесткое

сердце, чтобы желать ей продленія жизни безъ радостей и безъ надеждъ, среди постоянныхъ страданій? Теперь мы оба—сироты!

Восемнадцать лѣтъ я былъ самымъ вѣрнымъ образомъ привязанъ къ ней и въ то же время поклонялся ей, какъ святой. Какъ вы знаете, я разстался съ обезпеченнымъ положеніемъ только ради нея. Я не жалѣю объ этомъ, но я былъ глубоко огорченъ при видѣ ея страданій, не имѣя возможности ей помочь. Саванъ покроетъ мое будущее. Мнѣ идетъ шестидесятый годъ, и мое здоровье разстроено. Моя карьера кончена, но я хочу еще жить для семи дѣтей, которыхъ я люблю. У меня есть сынъ тридцати двухъ лѣтъ и другой, которому два мѣсяца. Первый пробьетъ себѣ дорогу, ибо у него есть способности, глубокія познанія. Его сердце и поведеніе безупречны. Я увѣренъ, что великодушный государь окажетъ ему покровительство, какъ обѣщаль ему свое покровительство и славной памяти императоръ Александръ. Я долженъ жить для другихъ и для моей чудной жены, скрасившей мою жизнь.

Посылаю вамъ собственноручно мною сдѣланную копию съ протокола вскрытія тѣла. Прочтите его внимательно, и вы увидите, что никакія человѣческія силы не могли спасти драгоценную жизнь усопшей, въ виду того, что былъ разстроенъ самый *благородный органъ*. Я рассчитываю на вашу дружбу и надѣюсь, что вы найдете случай объяснить нашему августѣйшему императору характеръ этой болѣзни и что вы подтвердите мнѣніе, которое я всегда имѣлъ о болѣзни покойной императрицы, а также повергнете къ его стопамъ наши вѣрнопопданническія чувства.

Прощайте! Испытавъ то же горе, то же страданіе, вы будете въ состояніи лучше судить о моихъ скорбныхъ чувствахъ.

Мнѣ оставалось исполнить еще одинъ долгъ—просить ея величество государыню императрицу удостоить награжденія доктора Добберта и хирурга Александра Матвѣева. Я хотѣлъ просить этой милости въ Калугѣ, но внезапная кончина ея величества оказалась роковой для этой цѣли.

Не могли ли бы вы замолвить за нихъ слово передъ государемъ. По своей службѣ и усердію они вполне достойны награжденія.

Примите увѣреніе въ моемъ особомъ къ вамъ уваженіи и сохраните вашу ко мнѣ дружбу.

Вашъ Штоффрегень).

Бѣлевъ 8 мая 1826 г.

IV.

Нѣсколько писемъ князя Петра Михайловича Волконскаго къ Григорію Ивановичу Вилламову.

Въ дополненіе къ письму императрицы Елисаветы Алексѣевны къ вдовствующей государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ кончины императора Александра I въ Таганрогѣ прилагаю нѣсколько

другихъ интересныхъ писемъ министра двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, къ Григорію Ивановичу Вилламову.

Какъ извѣстно, Вилламовъ былъ секретаремъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и лицомъ, пользовавшимся ея неограниченнымъ довѣріемъ.

Вдовствующая государыня настолько интересовалась всѣми подробностями болѣзни и смерти своего сына-первенца, что потребовала планъ дома въ Таганрогѣ, гдѣ скончался Александръ Павловичъ.

Мы ниже печатаемъ письма князя П. М. Волконскаго за ноябрь и декабрь 1825 года къ Г. И. Вилламову, одно письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и, наконецъ, два его официальные отношенія съ подробностями о перенесеніи тѣла изъ Бѣлева скончавшейся тамъ, на пути въ Москву, императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Можетъ быть, эти различныя подробности какъ болѣзни и смерти императора Александра I, такъ и послѣдовавшей велѣдъ за тѣмъ кончины его супруги, пережившей государя только на пять мѣсяцевъ, убѣдятъ всѣхъ тѣхъ, которые еще сомнѣваются въ естественной кончинѣ императора и предполагаютъ нѣчто другое.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ!

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что ея императорское величество государыня императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволить переносить печаль свою съ удивительною твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидахъ по блаженной памяти усопшемъ государѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и здоровье ея императорскаго величества довольно хорошо. Вчера ввечеру послѣ панихиды изволила переѣхать въ другой домъ на время бальзамированія тѣла покойнаго государя императора и устроенія катафалка въ зал

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

21-го ноября 1825.

Его прев.—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичь.

Для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что ея императорское величество вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна сего утра въ 9 часовъ изволила приобщаться св. тайнъ и хотя съ чрезвычайною твердостью переносить общую горестъ, но силы ея величества при мѣтно слабѣютъ, и прошедшую ночь проводить изволила не весьма хорошо.

Тѣло блаженной памяти въ Возѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича лежитъ еще на постели, по недостатку различныхъ вещей, ожидаемыхъ изъ Москвы, для переноса тѣла въ залъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ, милостивый государь, увѣдомленія о дражайшемъ здравіи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, молясь ежедневно о подкрѣпленіи силъ ея величества въ столь ужасномъ бѣдствіи, всѣхъ насъ постигшемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

26-го ноября 1825.

Его прев.—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичь.

Для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, при ужаснѣйшей ея печали, изрядно, но силы слабѣютъ. Вчера ввечеру изволила переѣхать во дворецъ и присутствовала у панихидъ при тѣлѣ въ Возѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича, которое 27-го числа положено въ свинцовый гробъ и поставлено на катафалкъ, устроенный въ залѣ до окончанія таковаго же въ греческомъ монастырѣ во имя святаго Александра Невскаго.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія отъ васъ о драгоцѣннѣйшемъ здравіи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, прося безпрестанно Всевышняго о подкрѣпленіи силъ ея величества въ столь жесточайшемъ несчастіи.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

30-го ноября 1825.

Его прев—ву Г. И. Вилламову.

Отв. 11-го декабря.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ!

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, кажется, немного лучше, ночи изволить проводить покойнѣе, но силы ея величества все еще слабы, что и не можетъ быть иначе, при столь чрезмѣрной ея горести.

1-го числа сего мѣсяца прибылъ сюда изъ Екатеринославля здѣшней епархіи преосвященный Ѳеофилъ, мною призванный по сему несчастному случаю для отдавія послѣдняго долга въ Возѣ почивающему покойному государю императору Александру Павловичу. Преосвященный со дня пріѣзда своего ежедневно по утрамъ послѣ литургіи отправляетъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ архимандритъ греческаго монастыря заступаеъ мѣсто преосвященнаго.

Полученныя сегодня изъ Петербурга письма усугубляютъ горестъ мою, узнавъ, въ какомъ безпокойствіи изволить находится государыня императрица Марія Ѳеодоровна. Представляю себѣ положеніе ея величества, когда получить извѣстіе объ ужаснѣйшемъ бѣдствіи, насъ постигшемъ. Дай, Боже, крѣпости силамъ ея величества для перенесенія столь жестокаго удара и продли жизнь ея на многія лѣта, для утѣшенія всѣхъ насъ несчастныхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской

Таганрогъ.

3-го декабря 1825.

Его прев—ву Г. И. Вилламову.

(Писано 12-го декабря 1825).

Милостивый государь

Григорій Ивановичь.

Вслѣдствіе письма вашего превосходительства ко мнѣ отъ 28-го минувшаго ноября, честь имѣю увѣдомить для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, что здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны сего дня довольно изрядно, кромѣ того, что чувствуетъ судороги въ груди и нѣсколько ночей изволила провести худо.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

7-го декабря 1825. Вечера въ 7 часовъ.
Его прев—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичь.

Во исполненіе высочайшей воли, вашимъ превосходительствомъ мнѣ объявляемой, имѣю честь увѣдомить для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, что здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны отъ горести, ея ощущаемой, сегодня посредственно, прошедшую ночь проводить изволила не весьма спокойно.

Г-ну Штофрегену вновь объявлено, чтобы посылалъ требуемыя вашимъ превосходительствомъ о здоровьѣ государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны бюллетени, о чемъ онъ до сихъ поръ пишетъ къ г. лейбъ-медику Рюлю при каждомъ отсюда отправленіи.

Прошу ваше превосходительство и насъ не оставить увѣдомленіемъ о драгоцѣннѣйшемъ для всѣхъ здравіи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Θεодоровны, о сохраненіи коего мы ежедневно молимъ Бога.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

8-го декабря 1825 г.
Его прев—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ!

Честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что отношеніе ваше отъ 5-го сего декабря я получилъ и о здравіи ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны пишу сегодня прямо къ ея величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ.

14-го декабря 1825 г.

Его прев—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

До полученія еще отношенія вашего превосходительства отъ 7-го декабря за № 4.121, въ которомъ объявляете высочайшую волю ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о доставленіи подробнаго плана дома, въ которомъ его величество имѣлъ пребываніе, таковой планъ со всѣми подробностями и съ наружнымъ видомъ посланъ уже ея величеству отъ вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны чрезъ князя Гагарина.

За увѣдомленіе вашего превосходительства о здоровьѣ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны приношу мою наиблагодарнѣйшую благодарность и прошу Бога о продолженіи сохраненія драгоцѣннѣйшаго здравія ея величества.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской

№ 195.

Таганрогъ.

20-го декабря 1825 г.

Его прев—ву Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Хотя ея императорское величество вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна и изволила уже послать къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодо-

ровнѣ планѣ дома, который занималъ покойный государь императоръ, но какъ ваше превосходительство въ отношеніи ко мнѣ изволите упоминать о желанія ея величества, чтобы на семь планѣ были показаны мѣста мебели, кровати, на которой скончался покойный государь, и мѣсто катафалка подѣ трономъ, то, во исполненіе высочайшей воли ея величества сдѣлавъ таковой планѣ со всѣми означеніями, вручилъ я его г. начальнику главнаго штаба его императорскаго величества для поднесенія ея величеству и личнаго объясненія всѣхъ означеній.

Здоровье государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны сегодня лучше, но ночь проводила не весьма хорошо, ибо мало почивала.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

№ 200.

Таганрогъ.

22-го декабря 1825 г.

Его прев.—ву Г. И. Вилямову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Отношеніе вашего превосходительства отъ 15-го декабря съ приложеніемъ письма отъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны получилъ и вручилъ лично ея императорскому величеству, доведя вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія ея и о происшествіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ 14-го сего декабря. Благодаримъ искренно Всевышняго за благодать свою надъ Россіею спасеніемъ отъ бѣды и открытіемъ зловердныхъ замысловъ.

Здоровье ея императорскаго величества, благодаря Бога, нѣсколько дней было лучше, но полученныя нынѣ извѣстія весьма огорчили ея величество и, вѣроятно, будутъ имѣть вліяніе на слабое ея здоровье,

Назначенное 26-го сего декабря отправленіе тѣла принужденъ я былъ отсрочить, ибо морозы и вѣтры стоятъ чрезмѣрные, о чемъ

и прошу васъ доложить ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

Таганрогъ

24 декабря 1825 г.

Его прев—ству Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичь.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство доложить ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣ послѣдней почты вновь увеличилась, сверхъ того ея величество чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить. Государыня императрица сама изволила изъявить господину Штоффрегену опасеніе насчетъ сего удушья, полагая, что оно происходитъ отъ водяной болѣзни въ груди. Не могу скрыть вамъ, милостивый государь, безпокойствъ моихъ насчетъ слабости здоровья ея императорскаго величества, замѣчаю, что и господинъ Штоффрегень начинаетъ бояться и предложилъ лекарства для предупрежденія сей болѣзни.

Въ прошедшую субботу 10-го числа по волѣ ея императорскаго величества переставлена походная церковь въ комнату, гдѣ государь императоръ скончался, можетъ быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ надъ ея императорскимъ величествомъ сіе дѣйствіе, прошу Бога, чтобы укрѣпилъ силы ея и позволилъ предпринять назначаемое путешествіе 22-го апрѣля, дабы скорѣе оставить насчастное сіе пребываніе.

Погода хотя и поправляется, но столь непостоянна, что приводитъ меня въ отчаяніе, и дороги, по свѣдѣніямъ, которыя получаю, весьма еще дурны. Супруга моя, отправившаяся отсюда въ Москву, принуждена была возвратиться сюда изъ Харькова по невозможности продолжать далѣе своего путешествія. Надѣюсь, однако, что по весеннему времени дороги могутъ ко дню отъѣзда поправиться и позволять благополучно совершить путешествіе наше до Калуги.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

№ 519

Таганрогъ

12 апрѣля 1826 г.

Его прев—ству Г. И. Вилламову.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Получивъ отношеніе вашего превосходительства изъ Павловска отъ 2-го числа сего апрѣля, въ которомъ увѣдомляете, что государыня императрица Марія Ѳеодоровна предполагать изволить выѣхать въ Москву 25-го апрѣля, почему и рѣшился я письма на имя ея императорскаго величества отправить по экстра-почтѣ къ московскому г. почтдиректору, съ тѣмъ, чтобы приказалъ почтальону при встрѣчѣ съ вами дорогою вручить ихъ вашему превосходительству для доставленія ея императорскому величеству.

Погода у насъ стоитъ совершенно осенняя, всякой день и ночь идетъ дождь и умножаетъ грязь, что меня крайне беспокоитъ по случаю предполагаемаго путешествія нашего, которое назначено, какъ уже я къ вамъ писалъ, 22-го сего мѣсяца.

Въ ожиданіи удовольствія отъ личнаго съ вами свиданія имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконской.

№ 532

Таганрогъ

15 апрѣля 1826 г.

Его прев.—ву Г. И. Вилламову.

Madame,

J'ai reçu les trois lettres, dont Votre Majesté Impériale a bien voulu m'honorer de Moscou du 10, 11 et 12 de May, et ne saurait trouver assez de termes pour exprimer à Votre Majesté Impériale ma gratitude la plus profonde pour l'intérêt que vous daignez prendre à ma santé, je viens de gagner une extinction de voix qu'à peine je puis parler, et je me flatte que les chaleurs que nous éprouvons me la feront passer bientôt.

Je rends grâce à Dieu d'apprendre que votre santé se remet, et prie l'Être Suprême de continuer sa bonté Divine sur Votre Majesté Impériale, en daignant en même temps accorder une heureuse délivrance à Son Altesse Madame la Grande Duchesse Hélène.

M-r Gédéonoff a apporté hier soir bien tard la couronne, que l'Archevêque a posé ce matin avant les prières sur la tête de l'Impératrice, et qui a été ajustée par les Dames d'honneur avec les deux plus anciennes demoiselles d'honneur.

Les fortes chaleurs me donnent de l'inquiétude pour le corps, qui jusqu'à présent se conserve très bien; mais j'ose demander les ordres de Votre Majesté Impériale de fermer hermétiquement et sonder le

cercueil de plomb, dans le cas où le corps commencerait à se gâter. J'ai remplis exactement la commission de Votre Majesté Impériale en baisant la main de la défunte, et j'ai remis à ma belle mère et à M-lle Waloueff les lettres que Vous avez bien voulu m'adresser pour elles.

Je viens de recevoir les ordres de Sa Majesté l'Empereur qui me charge de toutes les dispositions du transport du corps jusqu'à Pétersbourg par Kalouga, Mojaïsk et Torjok, le départ est fixé au 20 de Mai et l'arrivée à Pétersbourg le 14 de Juin.

Sa Majesté m'envoie M-r de Narischkine, le grand veneur, M-r de Read, l'aide de camp de Sa Majesté et le colonel Solomko pour être du nombre de la suite, et 200 mille roubles pour les dépenses.

L'Empereur m'ordonne d'envoyer à Votre Majesté tous les papiers et effets de la défunte Impératrice, que j'expédierai selon Vos ordres par m-r de Longuinoff après que le corps sera transporté à l'Eglise.

Comme votre Majesté Impériale m'avait ordonné de Vous nommer une des villes la plus rapprochée de Moscou, par lesquelles nous passerons, j'en propose deux du gouvernement de Moscou Mojaïsk et Wolokolamsk, qui sont à la même distance de Moscou, afin que Votre Majesté puisse choisir d'après l'avis du prince Galitzine celle qui est la meilleure.

J'apprends que Votre Majesté Impériale a fait chercher aux environs de Moscou une campagne pour Elle, je m'estimerai fort heureux si vous daignez, Madame, accepter Souchanowo, où Votre Majesté pourra être logée parfaitement avec Leurs Altesses Impériales. Ma tante qui est dans ce moment ici se joint à moi pour vous prier de nous accorder cette faveur. J'oserai Vous supplier seulement, Madame, de vouloir bien permettre de me laisser un petit coin, afin que je puisse y venir après l'enterrement pour veiller à ce que Votre Majesté aie toutes les commodités possibles, en attendant veuillez bien donner Vos ordres à M-r Gédéonoff qui fera la distribution des logements pour toutes les personnes de la suite de Votre Majesté Impériale, parce qu'il connaît la maison.

Si les chaleurs continueront je compte marcher avec le corps pendant la nuit, et reposer pendant le jour pour mieux conserver la dépouille mortelle. La maréchale comtesse Kamensky et ma famille me chargent de les mettre aux pieds de Votre Majesté pour toutes les bontés que vous leur témoignez.

Je suis

Madame

de Votre Majesté Impériale

le très humble, très obéissant et fidèle serviteur le P. Pierre Volkonsky.

Béleff

cc 13 de May

1826.

(Ваше величество.

Я получилъ три письма изъ Москвы отъ 10-го, 11-го и 12-го мая, которыми вашему императорскому величеству благоугодно было меня почтить. Не могу найти достаточно словъ, чтобы выразить вашему величеству свою глубочайшую благодарность за участіе, которое вамъ угодно было проявить къ моему здоровью. У меня въ настоящее время пропальъ голосъ, такъ что я едва могу говорить, но я надѣюсь, что отъ жары, которую мы переносимъ, это скоро пройдетъ.

Благодарю Бога за то, что ваше здоровье поправляется, и молю Всевышняго не оставлять и впредь ваше императорское величество Своей Божественной милостью и даровать ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ благополучное разрѣшеніе отъ бремени.

Г. Геденонъ довольно поздно вчера вечеромъ доставилъ сюда корону, которую сегодня утромъ архіепископъ передъ богослуженіемъ возложилъ на голову императрицы. Она была надѣта съ помощью статсъ-дамъ и двухъ старѣйшихъ фрейлинь.

Сильная жара заставляетъ меня опасаться за тѣло, которое до сихъ поръ сохраняется очень хорошо. Но я осмѣливаюсь просить приказанія вашего императорскаго величества закрыть герметически гробъ и запаять его свинцомъ, если тѣло начнетъ портиться. Я въ точности исполнилъ порученіе вашего величества, поцѣловаль руку усопшей и передалъ моей свекрови и m-ше Валуевой письма, которыя вы соблаговолили прислать для нихъ на мое имя.

Я только что получилъ приказъ отъ его императорскаго величества, который возлагаетъ на меня всѣ хлопоты по перевезенію тѣла въ Петербургъ черезъ Калугу, Можайскъ и Торжокъ. Отправленіе назначено на 20-е мая, а прибытіе въ Петербургъ на 14-е іюня.

Его величество посылаетъ ко мнѣ оберъ-егермейстера Нарышкина, флигель-адъютанта его величества Рида и полковника Соломко, которые должны провожать тѣло, и двѣсти тысячъ рублей на расходы.

Государь императоръ приказываетъ мнѣ прислать вашему величеству всѣ бумаги и вещи покойной императрицы. Согласно вашему приказанію, я ихъ пошлю черезъ г. Лонгинова послѣ того, какъ тѣло будетъ перенесено въ церковь.

Такъ какъ ваше величество приказали мнѣ указать вамъ одинъ изъ городовъ, поближе отъ Москвы, черезъ который мы будемъ проходить, то я выбираю два въ Московской губерніи—Можайскъ и Волоколамскъ, которые находятся на одинаковомъ разстояніи отъ Москвы, для того, чтобы ваше величество, по совѣту князя Голицына, могли выбрать тотъ изъ нихъ, который окажется наилучшимъ,

Я слышалъ, что ваше величество изволите искать для себя дачу въ окрестностяхъ Москвы. Я счелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше величество удостоили избрать Суханово, гдѣ ваше величество могли бы прекрасно помѣститься вмѣстѣ съ ихъ императорскими высочествами. Моя тетка, которая теперь здѣсь, присоединяется ко мнѣ и также проситъ васъ оказать намъ эту милость. Я рѣшился бы только попросить ваше величество разрѣшить мнѣ оставить для себя небольшой уголь, куда бы я могъ пріѣхать послѣ погребенія для того, чтобы слѣдить за тѣмъ, чтобы вашему величеству были предоставлены по возможности всѣ удобства. А до этого вы благоволили бы отдавать ваши распоряженія Гедеонову, который, зная расположеніе дома, распредѣлитъ помѣщенія для всѣхъ лицъ свиты вашего величества.

Если жара будетъ продолжаться, я разсчитываю двигаться съ тѣломъ по почамъ, а днемъ отдыхать, чтобы лучше сохранить смертные останки императрицы. Супруга предводителя дворянства графиня Каменская и моя семья просятъ меня повергнуть ихъ благодарность къ стопамъ вашего величества за всѣ милости, которыя вы имъ оказываете.

Вашего императорскаго величества всенижайшій, покорнѣйшій и вѣрный слуга кн. Петръ Волконскій).

Бѣлевъ, 13 мая 1826 г.

22-го числа, въ три часа утра, шествіе продолжало путь свой изъ Перемышля къ Калугѣ, на противоположной городу горѣ священный прахъ покойной помазаницы встрѣченъ былъ преосвященнымъ Григоріемъ съ духовенствомъ, генералъ-губернаторомъ княземъ Хованскимъ, гражданскимъ губернаторомъ съ предводителемъ дворянства, чиновниками губерніи, купечествомъ и гражданами, въ предшествіи которыхъ по установленному для губернскихъ городовъ цереміалу началось шествіе. По приближеніи колесницы жители устремились поддерживать оную при спускѣ съ горы, и на лицѣ каждаго выражалось усердіе и готовность участвовать въ семъ подвигѣ; печальная процессія сія тѣмъ больше преисполнила сердца всѣхъ жителей города Калуги горестію и уныніемъ, что городъ ихъ осчастливленъ былъ назначеніемъ мѣста отдохновенія для покойной императрицы на пути ея величества изъ Таганрога и мѣстомъ свиданія ея съ августѣйшею матерью; радостные клики готовы уже были излетѣть въ срѣтеніе изъ сердецъ ихъ, чрезъ нѣсколько часовъ онѣ надѣялись видѣть сіе въ восторгъ ихъ приводившее событіе, но сему счастливому дню не назначено было въ судьбахъ Промысла настать для жителей города Калуги. И сія не исполнившаяся надежда еще болѣе увеличила единодушную скорбь о новой и великой потерѣ, Россією понесенной. По переѣздѣ чрезъ

рѣку Оку шествіе остановлено было неотступными просьбами стоящихъ на колѣнахъ преданныхъ и усердныхъ жителей—везти на себѣ колесницу, что дозволено было имъ совершить чрезъ весьма крутую гору городомъ до собора, гдѣ на пріуготовленномъ отличавшемся простотою и вкусомъ катафалкѣ гробъ поставленъ и учреждено дежурство знатнѣйшихъ обоого пола особъ.

Орденскіе знаки несены были слѣдующими чиновниками:

- 1) испанскій орденъ Маріи-Луизы статскимъ совѣтникомъ Теличеевымъ;
- 2) орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Омельяненкою;
- 3) орденъ святыя Анны отставнымъ генераль-майоромъ Карпенкою;
- 4) орденъ св. Александра Невскаго командиромъ 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи генераль-майоромъ Эмме;
- 5) орденъ св. Екатерины командиромъ 1-й бригады 2-й гренадерской дивизіи генераль-майоромъ Фрейгангомъ;
- 6) орденъ св. Андрея Первозваннаго начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи генераль-майоромъ Полуектовымъ;
- 7) императорскую корону несть дѣйствительный тайный совѣтникъ и камергеръ князь Вяземской.

Войска, состояція: изъ четырехъ эскадроновъ Конно-Егерскаго его величества короля виртембергскаго полка, Кіевскаго гренадерскаго полка, одного батальона принца Павла Мекленбургскаго полка, 2-ой гренадерской артиллерійской бригады батарейной роты № 1-го, всѣхъ учебныхъ заведеній и командъ, при корпусной квартирѣ гренадерскаго корпуса учрежденныхъ, были въ строю, равно какъ и Калужскій батальонъ внутренней стражи. Войска сіи, бывъ поставлены отъ моста до собора, состояли подъ личною командою начальника гренадерскаго корпуса генераль-лейтенанта князя Шаховскаго. По совершеніи преосвященнымъ божественной литургіи и панихиды, всѣ допускаемы были на поклоненіе и лобызаніе гроба покойной императрицы, въ пять часовъ пополудни (время назначенное къ выступленію шествія) предъ панихидой преосвященный Григорій произнесъ надгробное слово, а по совершеніи оной печальный кортежъ отправился въ томъ же порядкѣ въ дальнѣйшій путь и прибылъ благополучно 23-го числа въ два съ половиною часа по полуночи въ село Спасское, принадлежащее надворному совѣтнику Гончарову и поручику Щепочкину.

Городъ Калугу во время нахождения въ ономъ тѣла покойной государыни императрицы равнять можно было по многолюдству находившагося въ оной народа со столицею, улицы недостаточны были для онаго, заборы и самыя деревья покрыты были людьми

Генераль-адъютантъ князь Волконской.

Село Спасское
23 мая 1826 г.

5-го іюня, по выступленіи изъ яма Едрова печальнаго шествія, сопровождающаго тѣло въ Бозѣ почившей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, остановилось оное для отдохновенія въ Зимогорьѣ. Граждане города Валдая между тѣмъ ожидали оное на городской чертѣ, по прибытіи къ коей купечество въ траурныхъ кафтанахъ съ плерезами и съ нашитыми изъ бѣлыхъ лентъ на лѣвыхъ рукавахъ крестами, стоя на колѣняхъ, съ умиленіемъ просили дозволенія везти на себѣ колесницу, вмѣщающую гробъ усопшей монархини. Усиленная просьба ихъ удовлетворена, и они исполнили обѣтъ свой съ изъявленіемъ признательности, глубоко въ душѣ ихъ напечатлѣнной. Въ городѣ предъ храмомъ Божиимъ совершена преосвященнымъ Моисеемъ у гробницы литія, послѣ коей оная такимъ же образомъ сопровождается за предѣлы города; шествіе продолжало путь въ Яжелбицамъ, куда и прибыло въ часъ по полуночи. Тѣло въ Бозѣ почившей императрицы поставлено въ церкви на катафалкъ, устроенный съ простотою, но съ подобающимъ приличіемъ.

6-го іюня, въ праздникъ сошествія Св. Духа, совершена преосвященнымъ архіепископомъ старорусскимъ божественная литургія съ панихидою. По случаю проливнаго дождя, сопровождаемаго сильными громовыми ударами, печальное шествіе не могло выступить въ путь ранѣе 5 часовъ и въ полночь вступило въ городъ Крестцы, въ храмъ коего на пристойномъ катафалкѣ тѣло усопшей императрицы поставлено на ночь. Въ продолженіе оной и на слѣдующее утро жители допускаемы были для отдаванія послѣдняго долга священному ея праху.

7-го іюня преосвященный Моисей по обыкновенію совершилъ божественную литургію съ панихидою. Въ четыре часа по полудни шествіе тѣла въ Бозѣ почившей императрицы продолжало путь; граждане вмѣстѣ съ ямщиками Крестецкаго яма сопроводили печальную колесницу на себѣ за городъ съ изъявленіемъ чувствій глубочайшаго своего благоговѣнія. На пути къ Бронницамъ, въ селеніи Винахъ удѣльнаго вѣдомства и въ яму Зайцовъ жители встрѣтили тѣло въ Бозѣ почившей императрицы съ зажженными свѣчами и собственными своими силами помогали шествію колесницы. Въ послѣднемъ изъ сихъ мѣстъ начальникъ 1-й уланской дивизіи, генераль-майоръ князь Лопухинъ, сопровождавшій печальное шествіе отъ Торжка съ эскадронами Владимирскаго и Сибирскаго уланскихъ полковъ, возвратился въ свое мѣстопробываніе, а генераль-майоръ Слатвинскій съ эскадрономъ лейбъ-гвардіи Конно-Егерскаго полка оное встрѣтилъ; равномерно поселенная войска 1-ой Гренадерской дивизіи смѣнили бывшія доселѣ къ караулѣ роты Галицкаго пѣхотнаго полка подъ личнымъ распоряженіемъ бригаднаго командира генераль-майора Кисловскаго. По причинѣ дальняго перехода печальное шествіе прибыло въ Бронницы въ три часа по полуночи.

Тѣло покойной государыни поставлено на пріуготовленное мѣсто, и во все утро усердные бронницкіе жители толпились отдать послѣдній долгъ усопшей императрицѣ.

8-го числа, въ десять часовъ, преосвященный Моисей совершилъ божественную литургію съ панихидою. Его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Бронницы въ три часа; въ четыре часа поспѣшилъ въ церковь, гдѣ, по отданіи послѣдняго долга праху августѣйшей невѣстки, присутствовалъ при совершеніи литіи и проводилъ гробъ ея за рѣку Мсту внѣ селенія, въ которое возвратился для продолженія дальнѣйшаго пути въ Москву. Печальное шествіе отправилось къ Новгороду, куда и вступило въ исходѣ девятого часа вечера, съ соблюденіемъ установленнаго церемоніала при колокольномъ перезвонѣ и пушечной стрѣльбѣ всякую минуту по одной. Поселенныя войска, подъ командою генераль-майора Криденера, разставлены были отъ городскихъ воротъ до церкви Входа Спасителя въ Иерусалимъ, находящейся въ крѣпости близъ собора. Генераль-лейтенантъ Эйлеръ несъ корону, генераль-майоры: Самбурскій, Шкуринъ, Волковъ и Берхманъ несли ордена св. Андрея, св. Александра Невского, св. Екатерины и св. Анны, каждый имѣя двухъ ассистентовъ изъ штабъ-офицеровъ; генераль-майоры же Угрюмовъ, Тимофеевъ, Петровъ и путей сообщенія генераль-майоръ Матушевичъ находились у шнуровъ балдахина, каждый съ таковыми же двумя ассистентами. По установленіи гробницы на великолѣпномъ катафалкѣ съ богатымъ украшеніемъ, преосвященный Моисей совершилъ большую панихиду, послѣ которой всѣ чины и жители Новгорода допускаемы были для поклоненія праху августѣйшей покойницы, для чего и учреждено дежурство въ большемъ противъ обыкновеннаго числѣ, какъ отъ высочайшаго двора, такъ отъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и въ допусканіи къ гробницѣ соблюденъ былъ наилучшій порядокъ.

Генераль-адъютантъ князь Волконской.

Великій князь Николай Михайловичъ.

МОЙ ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Александръ Романовичъ Дрентельнъ ¹⁾.

(Изъ «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»).

I.

ВТОРАЯ половина августа. Совсѣмъ юный, только что вылупившійся изъ яйца—корпуса—восемнадцатилѣтній поручикъ вотъ уже третьи сутки день и ночь скачетъ или, вѣрнѣе, едва-едва рысать по грязи на перекладной изъ Тихвина въ Мологу.

Осенній дождь, мелкій, назойливый, непрерывный, льетъ настойчиво, неустанно и если не добирается до костей, то буквально не оставляетъ сухой питки; но ни переночевать, ни даже обсушиться на станціи поручикъ не считаетъ себя въ правѣ, потому что поставилъ себѣ цѣлью непремѣнно явиться въ срокъ къ мѣсту службы, къ полку, въ который онъ выпущенъ изъ корпуса.

Онъ, конечно, могъ выѣхать днемъ-двумя ранѣе, но развѣ можно было предвидѣть этотъ несносный, нескончаемый дождь,

¹⁾ Предлагаю вниманію читателей отрывокъ моихъ воспоминаній, касающіеся одного изъ самыхъ крупныхъ русскихъ военныхъ дѣятелей второй половины прошлаго вѣка, человека долга и пламеннаго патриота не на словахъ только, а на дѣлѣ, считаю необходимымъ предпослать настоящему очерку уже высказанное мною въ воспоминаніяхъ о Скобелевѣ и Казимирѣ Васильевичѣ Левицкомъ, именно:

«Авторъ проситъ не забывать, что онъ пишетъ не біографіи извѣстныхъ и интересныхъ личностей, а лишь свои воспоминанія, приуроченныя къ тому или другому лицу, поэтому и личному «я» отводится по необходимости довольно значительное мѣсто. Надо смотрѣть на эти очерки не какъ на біографіи, систематически написанныя, а какъ на матеріалъ для біографа, матеріалъ, не лишенный довольно солидной цѣнности».

А. В.

сдѣлавшій грунтовыя дороги просто ужасными, когда начало августа было такое ясное, почти такое же ясное и свѣтлое, какъ свѣтлые, ясные глаза юной сосѣдки, отъ которой едва могъ оторваться поручикъ. Выѣхать днемъ ранѣе, на случай дождя, совсѣмъ неожиданнаго и такъ неожиданно повліявшаго на состояніе дорогъ, да развѣ это было возможно!

Но вотъ и Молога. Два часа ночи. Гостиницъ, разумѣется, нѣтъ и въ поминѣ, и поручикъ, довольный тѣмъ, что пріѣхалъ въ день срока, не раздѣваясь бросился на станціонный диванъ былого времени, одинъ изъ тѣхъ, которые, какъ извѣстно, набивались камнями, не самыхъ, впрочемъ, твердыхъ породъ и оживлялись превосходно чувствовавшими себя клопами, разжирѣвшими за счетъ плоти и крови проѣзжихъ.

Но въ восемнадцать лѣтъ да съ утомительной дороги можно ли обращать вниманіе на такіе пустяки, и, усталый, разбитый перекладной, юноша заснулъ мертвымъ сномъ.

— Честь имѣю явиться, господинъ полковникъ,—говорилъ поручикъ въ десять часовъ утра, уже совсѣмъ свѣжій и нѣсколько пораженный наружностью своего командира.

Поручикъ былъ высокаго роста, но совсѣмъ еще зеленый, безъ малѣйшаго, къ его отчаянію, признака растительности не только на бородѣ, но и надъ верхней губой.

Полковникъ также не отличался роскошной растительностью на лицѣ: небольшіе свѣтлые усы, бритыя щеки, бритый двойной подбородокъ, и только на головѣ—густая щетка свѣтло-каштановыхъ волосъ, выстриженныхъ подъ гребенку.

Насколько поручикъ былъ тонокъ и строенъ, настолько же полковникъ, при среднемъ ростѣ, тученъ и грузенъ.

Лицо поручика было свѣжо и нѣжно. Явные слѣды недавно перенесенной оспы портили лицо полковника и дѣлали его, вмѣстѣ съ тучностью, несмотря на тридцать девять лѣтъ, на первый взглядъ, некрасивымъ. И, между тѣмъ, черты лица его были правильны: красивый ротъ, небольшой носъ, прекрасные зубы, здоровый цвѣтъ лица и открытый лобъ; а небольшіе сѣро-каріе глаза свѣтились яснымъ, недюжиннымъ умомъ. Когда же лицо это освѣщалось улыбкой, внѣ службы далеко не рѣдкой, то оно становилось чрезвычайно привлекательнымъ съ его умными, смѣющимися глазами и прекрасными зубами красиво очерченнаго рта, съ ихъ ослѣпительной бѣлизной. Внутреннее освѣщеніе дѣлало то же самое лицо положительно даже красивымъ.

Полковникъ, показавшійся юнцу и некрасивымъ, и неуклюжимъ, былъ Александръ Романовичъ Дренгельнъ; юный поручикъ— авторъ этихъ строкъ.

Это было въ 1857 году. Александръ Романовичъ Дренгельнъ командовалъ тогда Самогитскимъ гренадерскимъ полкомъ, куда я

какъ первый ученикъ, былъ выпущенъ изъ корпуса прямо поручикомъ, минуя чины прапорщика и подпоручика.

Я могъ бы выйти въ гвардію, хотя тамъ въ то время и не было вакансій: командиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ хотѣлъ прислать для меня такъ называемую именную вакансію, но, мечтая сдѣлать карьеру Наполеона, я отказался и рѣшилъ ѣхать въ провинцію, чтобы изучить службу не петербургскую, а ту, которую несла вся армія, и притомъ, страстный кавалеристъ, рѣшилъ, однако, начать съ пѣхоты. Послѣднему рѣшенію способствовало, впрочемъ, и то, что въ тѣ времена нельзя было выйти изъ корпуса прямо офицеромъ въ кавалерію, а надлежало пройти предварительно въ теченіе цѣлаго года довольно тяжелый курсъ юнкерскаго кавалерійскаго училища. А это, вмѣсто чина поручика, представлялось, естественно, мало привлекательнымъ.

Полковой командиръ встрѣтилъ молодого поручика съ умѣренной привѣтливостью, сказалъ, однако, что получилъ обо мнѣ самую лучшую аттестацію и замѣтилъ, между прочимъ, что такъ какъ я сажусь многимъ на шею, всѣмъ прапорщикамъ и подпоручикамъ, то долженъ особенно хорошо держать себя во всѣхъ отношеніяхъ.

Послѣднее замѣчаніе, вмѣстѣ съ серьезнымъ тономъ и недостаточной, какъ мнѣ показалось, привѣтливостью, бросило мнѣ кровь въ голову, и, неумѣренно вспыльчивый и всегда рѣшительный, я отвѣчалъ, что если полковнику неприятно мое поступленіе въ его полкъ, то я перейду въ другой; впрочемъ, добавилъ я, товарищамъ я не сдѣлаю продолжительной неприятности, потому что, выждавъ требуемый срокъ, черезъ два года поступлю въ академію генеральнаго штаба.

Полковой командиръ, понявъ, безъ сомнѣнія, что имѣеть дѣло съ юнцомъ безмѣрно-самолюбивымъ и щекотливымъ, перемѣнилъ тонъ на болѣе мягкій, разъяснилъ, что ему, напротивъ того, очень пріятно видѣть меня въ числѣ своихъ офицеровъ и что онъ только предупредилъ о томъ, что я, садясь на шею многимъ,—а тогда, послѣ севастопольской войны, въ полкахъ почти вездѣ былъ «сверхкомплектъ»,—долженъ держать себя особенно осторожно и показать, что я заслуживаю тѣхъ преимуществъ по службѣ, которыя мнѣ даны. Въ заключеніе полковникъ пригласилъ меня обѣдать.

Обѣдали вчетверомъ: кромѣ хозяина—полковой адъютантъ, дежурный по полку, какъ постоянные гости, и я, какъ вновь прибывшій. Обѣдъ былъ крайне простой, но сытный, сервировка также совсѣмъ походная. Помню до сихъ поръ неизмѣнныя щи и притомъ такія горячія, что я обжегъ себѣ ротъ и вынужденъ былъ дуть на каждую ложку, а Дрентельнъ, между тѣмъ, ѣлъ эти щи совершенно безнаказанно и, повидимому, любилъ это простое кушанье именно въ такомъ неумѣренно-горячемъ видѣ. За обѣдомъ

была бутылка какого-то вина, обѣдъ кончался чернымъ кофе, который разносилъ денщикъ въ обыкновенныхъ чайныхъ стаканахъ, налитыхъ до половины. Хозяинъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, такъ что обѣдать у полкового командира было совсѣмъ не стѣснительно и не скучно.

Воспитанный въ строгихъ правилахъ кадетской и товарищеской дисциплины былого времени, предписывавшей безупречное выполнение долга и, вмѣстѣ, съ глубокимъ презрѣніемъ относившейся къ угодливиости, къ заискиванію въ отношеніи начальства, къ такъ называемому подлизыванію, — я строго исполнялъ свои обязанности, но, несмотря на очевидное, влѣдствіе этого, къ себѣ благорасположеніе Александра Романовича, старался при встрѣчахъ и разговорахъ съ нимъ держаться даже нѣсколько сурово. Это не помѣшало мнѣ, однако, вскорѣ проникнуться къ нему большимъ уваженіемъ.

Такъ, въ обязанности дежурнаго по полку входило посѣщеніе солдатскихъ кухонь, какъ въ обѣдъ, такъ и во время ужина. Кухни были за городомъ. Молога, хотя городишко небольшой, но растянувшійся почти въ одну улицу, занимала разстояніе версты двѣ — такъ что до кухонь надо было пройти версты полторы, и я видѣлъ, за самыми рѣдкими исключеніями, полкового командира, несмотря на тяжеловѣсную фигуру, ежедневно путешествующимъ по направленію солдатскихъ кухонь.

II.

Какъ ни скуденъ былъ отпускъ того времени на содержаніе солдатъ, проходя къ солдатскому желудку по инстанціямъ ротнаго командира и фельдфебеля, онъ подвергался значительному сокращенію; поэтому кормили солдатъ изъ рукъ вонъ плохо.

Въ полку Дрентельна, наоборотъ, не въ примѣръ другимъ, пища была прекрасная. Не даромъ, видно, командиръ безпокоилъ ежедневно свою грузную фигуру. Кромѣ того, къ удивленію своему, я увидѣлъ, что командиръ, несмотря на большой тогда численный составъ полка, знаетъ всѣхъ солдатъ своихъ поименно. Это положительно приводило меня въ изумленіе, потому что, помимо внимательнаго отношенія къ дѣлу, служило свидѣтельствомъ огромной, прямо удивительной памяти.

Зато и солдаты, несмотря на строгое отношеніе полковника къ службѣ, встрѣчали его весело, смотрѣли привѣтливо; въ глазахъ ихъ свѣтилась подчасъ даже радость встрѣчи, и требовательный по службѣ «полковникъ Крендельнъ» былъ начальникомъ безусловно любимымъ.

Розги, конечно, практиковались, но практиковались такъ умѣренно, что за два года службы въ Самогитскомъ полку я по-

ложительно ни разу не былъ свидѣтелемъ этого рода наказанія, а между тѣмъ при предшественникѣ Дрентельна, баронѣ М., истязаніе людей, какъ мнѣ рассказывали, шло во всю, и во время ученья нерѣдко командиръ полка ставилъ солдатъ въ каре и внутри его производилъ беспощадную, чуть не поголовную «порку».

При томъ же командирѣ солдатъ кормили отвратительно, держали впроголодь, и кралъ съ нихъ всякій, кто только могъ, не исключая и самого командира полка, человѣка настолько хозяйственнаго, что онъ приказывалъ собирать послѣ стрѣльбы разбитыя капсулы и сдѣлалъ изъ нихъ себѣ великолѣпную кухонную посуду красной мѣди. Съ этимъ самымъ человѣкомъ случилось мнѣ столкнуться по службѣ во время польскаго возстанія, и именно о немъ говорилъ я въ своихъ воспоминаніяхъ въ очеркѣ, озаглавленномъ «Казнь» («Историческій Вѣстникъ», сентябрь, 1909 г.).

Не желая ничего и никого рисовать розовыми красками, долженъ сознаться, что хотя розги были не въ большомъ почетѣ, но «мордобитіе» еще практиковалось, исключительно, впрочемъ, ротными командирами, фельдфебелями да унтеръ-офицерами. Самъ же полковникъ, какъ и большинство офицеровъ, этимъ не занимались, чтó въ то время вовсе не было общимъ правиломъ между строевыми начальниками.

Сквернословіе, однако, не только практиковалось, но даже было въ большомъ почетѣ. Не припомню, чтобы самъ Александръ Романовичъ Дрентельнъ прибѣгалъ къ этому «почтенному средству», безъ котораго, по выраженію моряковъ, и корабля не повернешь, и о которомъ съ такимъ неподражаемымъ юморомъ говоритъ въ своихъ очеркахъ Станюковичъ. Но ротные и батальонные командиры широко пользовались помянутой, освященной вѣками, движущей массаи силой и доходили въ этомъ отношеніи просто до виртуозности.

И что всего замѣчательнѣе, я не только не читалъ на лицахъ солдатъ возмущенія и даже неудовольствія, когда начальство на разные манеры упражнялось въ ругани, но если эта ругань производилась разнообразно и кудряво, съ неожиданными оборотами, на что многіе были большими мастерами, то фізіономіи обруганныхъ выражали даже подчасъ явное удовольствіе: «ишь, какъ ловко выводитъ», читалось на нихъ.

Помню, какъ батальонный командиръ моего батальона, Андриевскій, человѣкъ еще сравнительно молодой, красивый, очень неглупый, даже сносно образованный, на одномъ изъ первыхъ ученій, въ которомъ я, командуя взводомъ, принималъ участіе, вдругъ останавливаетъ батальонъ, въѣзжаетъ въ средину его и начинаетъ ругаться, да такъ разнообразно, съ такими неожиданными оборотами, что вмѣсто возмущенія я не могъ выдержать и улыбнулся, чуть не разсмѣялся громко. Смѣхъ въ данномъ

случаѣ явился, конечно, какъ порицаніе, но все же это былъ смѣхъ, а не выраженіе возмущенія.

Увидѣвъ улыбку, красивый майоръ совершенно серьезно, строго и даже величественно замѣтилъ:

— Поручикъ, не годится улыбаться въ то время, когда начальникъ дѣлаетъ выговоръ своей части.

И спокойно выѣхалъ изъ колонны.

«Хорошенькій «выговоръ», думалъ я, съ трудомъ побѣждая невольную улыбку.

Замѣчу мимоходомъ, что отвратительныя ругательства съ упоминаніемъ имени матери, которое должно быть всякому священнымъ, отнюдь не присущи славянской расѣ, а заимствованы нами вмѣстѣ съ кнутомъ, кафтаномъ и тютюномъ отъ татаръ. Въ этомъ я убѣдился, познакомясь съ ними въ Крыму.

III.

Александръ Романовичъ Дрентельнъ получилъ впоследствии, въ Петербургѣ, репутацію крайне суроваго человѣка, разсыпавшаго наказанія и аресты направо и налево. Совсѣмъ другимъ онъ былъ, командуя армейскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Я объясняю это тѣмъ, что его, человѣка не родовитаго, но заявившаго себя умнымъ и тактичнымъ командиромъ полка, вызвали въ Петербургъ, чтобы «подтянуть» Измайловскій полкъ, въ конецъ распущенный бывшимъ командиромъ Кушелевымъ.

Къ разнузданному, избалованному офицерству, привыкшему своевольничать, пришлось по необходимости примѣнить суровыя мѣры. Когда полкъ былъ приведенъ въ порядокъ и принялъ образцовый видъ, безродному командиру его поручено было начальство надъ первой гвардейской дивизіей, офицерство которой состояло изъ людей хорошихъ фамилій, частью аристократовъ, такихъ, какъ князь Анатолій Бяратинскій, стоявшій, помнится, тогда во главѣ Преображенскаго полка. Надлежало принять одно изъ двухъ: или стараться попасть въ тонъ аристократамъ, или бравировать аристократизмомъ и строго требовать исполненія служебнаго долга.

Первый способъ принялъ Карцевъ, когда былъ призванъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ на Кавказъ въ качествѣ начальника штаба кавказской арміи. Человѣкъ безспорно умный, работоспособный, знающій, серьезный, Карцевъ не понялъ, однако, шаткости, скользкости принятаго имъ пути, заигрыванія съ аристократами, поддѣльванья подъ ихъ тонъ. Это поддѣльванье привело къ тому, что, несмотря на несомнѣнные достоинства и умственное превосходство, онъ вскорѣ послужилъ предметомъ насмѣшекъ разныхъ ничтожныхъ людишекъ съ громкими фамиліями,

забавлявшихъ публику и свое начальство высмѣиваніемъ Карцева по поводу плохого знанія имъ разговорнаго французскаго языка.

Дрентельнъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ человѣческое сердце, чтобы вступить на этотъ скользкій путь, и онъ принялъ другой способъ рѣшенія трудной задачи: строгость, даже суровость и полную индифферентность къ бѣльшей или меньшей звучности громкихъ фамилій. По слухамъ, это крайне возмущало многихъ, особенно командира Преображенскаго полка князя Анатолія Ивановича Бяратинскаго, роднаго брата князя Александра Ивановича, кавказскаго намѣстника и интимнаго друга императора Александра II.

Но умъ, тактъ, резонность требованій, серьезный тонъ и строгость одержали, однако, побѣду, и ужъ, конечно, никому не приходило на мысль посмѣяться надъ Дрентельномъ, несмотря на его тучную, пожалуй, нѣсколько комическую фигуру. Всѣ относились къ нему, если и не съ любовью, то непременно съ уваженіемъ. Какъ примѣръ его такта, приведу слѣдующій случай.

Одно высокопоставленное лицо, прямой начальникъ Дрентельна, отличавшійся необыкновенной добротой и превосходнымъ характеромъ, всегда веселый, любилъ позволять себѣ шутки съ тѣми, къ кому былъ расположенъ.

Встрѣчаютъ его разъ начальствующія лица и въ числѣ ихъ Дрентельнъ, недавно назначенный начальникомъ первой гвардейской дивизіи. Высокопоставленное лицо весело ударяетъ его слегка по пузу и говорить:

— Здравствуй, толстякъ.

Многимъ, очень многимъ я задавалъ вопросъ: какъ бы вы поступили въ отвѣтъ на эту шутку?—и ни отъ кого не услышалъ удовлетворительнаго рѣшенія задачи. Большинство находило, что слѣдовало принять шутку, какъ шутку. Иные рекомендовали грубость.

Послѣднее было равносильно кресту надъ всей своей службой. Позволить же смѣяться надъ собою, обратить дѣло въ шутку, несмотря на добродушіе высокопоставленнаго лица и даже именно вслѣдствіе этого добродушія, значило вступить на скользкій и крайне опасный, нежелательный путь.

Что же дѣлаетъ Дрентельнъ?

Онъ, спокойный и серьезный, въ отвѣтъ на шутку, молча отступаетъ шагъ назадъ и прикладываетъ руку къ козырьку.

Ни одинъ человѣкъ, положительно ни одинъ, не далъ мнѣ такого отвѣта, хотя на размышленіе давалось извѣстное время. Дрентельнъ же моментально принялъ и выполнилъ рѣшеніе, являвшееся въ данномъ случаѣ, безспорно, наилучшимъ, наиболѣе подходящимъ къ обстановкѣ: высокопоставленному лицу онъ показалъ, что шутить съ нимъ, амикошонствовать нельзя, но сдѣлалъ это въ такой формѣ, которая не имѣла въ себѣ ничего грубаго, оскорбительнаго.

IV.

Возвращаюсь къ Александру Романовичу, какъ къ командиру Самогитскаго полка. Скажу прежде всего, что суровость начальника гвардейскихъ частей не имѣла ничего общаго съ командиромъ скромнаго армейскаго полка.

За все время моего двухлѣтняго пребыванія въ полку ни одинъ офицеръ, положительно ни одинъ, не былъ посаженъ командиромъ полка подъ арестъ. А, между тѣмъ, составъ полка былъ далеко не идеаленъ, въ немъ было, напимѣръ, много такъ называемыхъ бурбоновъ, т. е. выслужившихся изъ солдатъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ были ниже офицеровъ-дворянъ.

Неумѣнье держать себя, или ужъ не знаю что такое, но я былъ страшно пораженъ, увидѣвъ, что солдаты, безпрекословно и съ готовностью исполняшіе всякое приказаніе мое, восемнадцатилѣтняго мальчишки, крайне неохотно подчинялись товарищу моему по ротѣ, подпоручику изъ бурбоновъ, старому служакѣ, который себя ничѣмъ предосудительнымъ не проявлялъ. Не могу объяснить это чѣмъ-либо другимъ, какъ тѣмъ, что на дворянина въ то время солдатъ смотрѣлъ какъ на существо высшей расы, а на «бурбона», какъ на своего брата-«мужика».

Снисходительность Александра Романовича къ армейскому офицерству, нѣсколько забитому, была неизмѣнной. Такъ, помню случай, когда назначено было полковое ученье что-то очень рано, часовъ въ пять, гораздо ранѣе, однимъ словомъ, обыкновеннаго. Вслѣдствіе ранняго часа человѣкъ двѣнадцать офицерства проспало и къ ученью не явилось.

Я обладалъ тогда такимъ благодатнымъ сномъ, что добудиться меня подчасъ не было никакой возможности, — даже обливаніе водой не помогало. Случалось даже, что, исполняя отданное съ вечера приказаніе, слуга стаскивалъ меня съ постели, и я продолжалъ спать безъ подушки на голомъ полу.

Не добудились меня и въ этотъ разъ: на полковосе ученье я не попалъ.

Получаю записку полкового адъютанта съ приглашеніемъ явиться въ извѣстномъ часу къ полковому командиру для «объясненія по дѣламъ службы».

Прихожу. Застаю человѣкъ десять-двѣнадцать приглашенныхъ къ командиру по тому же поводу.

Всегда точный, заставивъ, конечно намѣренно, прождать себя съ полчаса, выходитъ Дрентельнъ.

— Сегодня, — говоритъ онъ, — я назначилъ ученье въ пять часовъ утра, и вы, господа, не изволили на ученье пожаловать. Я желалъ бы знать причины. Начну съ васъ, капитанъ.

Тотъ отвѣтилъ, что у него внезапно заболѣла жена; другой, третій, четвертый,—всякій приводилъ отговорки болѣе или менѣе уважительныя. Заболѣваніе, разумѣется, играло главную роль.

Ко мнѣ, какъ самому молодому, командиръ обратился къ послѣднему, послѣ опроса другихъ.

Мнѣ стало совѣстно выдумывать причину—лгать, и я безъ заминки отвѣтилъ:

— Виноватъ, господинъ полковникъ,—проспалъ, человѣкъ не могъ добудиться.

— Вотъ единственный человѣкъ сказалъ правду,—обратился полковникъ къ присутствовавшимъ.—Дѣлаю вамъ выговоръ,—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—за то, что проспали, впередъ прошу не просыпать, но благодарю за правду.

Затѣмъ, прочтя нотацію, отпустилъ всѣхъ съ миромъ.

Армейское офицерство того времени было вообще очень скромное, забитое и дисциплиной и, особенно, нуждой: прапорщикъ получалъ, на примѣръ, въ треть шестьдесятъ шесть рублей, да и то не ежемѣсячно, а по окончаніи трети. Никакихъ капиталовъ, изъ которыхъ можно было позаимствовать въ часъ безысходной нужды, не было. Хотя офицерство было въ большинствѣ изъ дворянъ, но дворянство это было оскудѣлое, и почти всѣ были бѣдняки. Достаточно сказать, что я, прекрасно, правда, экипированный, получалъ изъ дому всего триста рублей въ годъ и считался чуть не богачомъ. Конечно, именно въ виду этой забитости Александръ Романовичъ и выказывалъ такую снисходительность къ армейскому офицерству, которая нисколько не походила на суровость, проявленную имъ впоследствии въ гвардіи.

Очень остроумный и склонный къ юмору, онъ не пренебрегалъ и шутками въ присутствіи офицеровъ, подчасъ даже совѣмъ либеральнаго свойства.

Такъ, помню, когда уѣзжалъ изъ Мологи осматривавшій полкъ начальникъ дивизіи Рейтеръ—человѣкъ крайне непріятный, грубый, «бѣшенная собака», какъ мы его называли,—и пылъ немощенной улицы Мологи обдала провожавшее генерала офицерство, Дрентельнъ, улыбаясь, громко сказалъ:

— Какая пріятная пыль,—и послѣ паузы пояснилъ:—отъ отъѣзжающаго экипажа начальника.

Это я слышалъ собственными ушами.

Мнѣ рисовали Дрентельна, даже когда онъ былъ въ Кіевѣ и уже не командовалъ гвардейскими частями, какъ человѣка мало разговорчиваго и не только сурового, но даже мрачнаго—подлинное выраженіе. Хотя мрачности я не нашелъ въ немъ и впоследствии, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ Одессы, но жизнь и служба, дѣйствительно, сдѣлали его не только серьезнымъ, но, скажу,—разочарованнымъ. Во время же командованія Самогит-

скимъ полкомъ, до перехода въ Петербургъ, это былъ человѣкъ скорѣе веселый, въ высшей степени остроумный, очень мило болтавшій съ барынями, и даже, какъ говорила уѣздная молва, увлекавшійся одною изъ мѣстныхъ лвицъ и увлекавшій ее.

Офицерство полка не только не страшилось его, какъ это было въ послѣдствіи, въ гвардіи, но положительно любило и относилось къ нему въ высшей степени уважительно за прекрасное знаніе службы, резонность требованій, внимательность къ ихъ нуждамъ и снисходительность.

Кромѣ этихъ драгоцѣнныхъ начальническихъ качествъ, Дрентельнъ проявлялъ въ отношеніи подчиненныхъ выходящее изъ ряда благородство.

Такъ, тотъ же начальникъ дивизіи, Рейтернъ, человѣкъ безтактный, быть можетъ, не злой, но бѣшенный, ревизуя полкъ, во время ученія за какую-нибудь ошибку взводнаго командира напустится, бывало, какъ собака, на Дрентельна.

— Что у васъ дѣлается, полковникъ! У васъ полкъ слѣдуетъ отнять.

И пойдетъ, и пойдетъ. Дрентельнъ, верхомъ, спокойно опускаетъ саблю (отданіе чести начальнику, то же, что рука подъ козырекъ, когда сабля не обнажена) и молча стоитъ, какъ изваяніе, не моргнувъ бровью, спокойный, не опуская головы, глядя прямо въ лицо бѣшенному начальнику.

Въ эти минуты онъ положительно былъ красивъ. Я, по крайней мѣрѣ, прямо-таки любовался имъ.

Рейтернъ отъѣдетъ, Дрентельнъ едва успѣетъ поднять опущенную саблю, какъ генераль снова оборачивается и вновь начинаетъ распекать. Опять сабля опущена, опять полковникъ слушаетъ, не моргнувъ глазомъ. И еще разъ возвращается генераль, и еще разъ повторяется та же картина. Такъ ее и вижу предъ собою. Просто обидно было за командира и именно потому, что это былъ превосходный строевой начальникъ, безукоризненно знавшій службу, и на конѣ даже съ внѣшней стороны производившій самое пріятное впечатлѣніе, особенно благодаря своему звонкому прекрасному голосу и спокойной, не крикливой манерѣ произносить командныя слова.

«Вотъ—думалось мнѣ, когда въ первый разъ я увидѣлъ такую сцену,—достанется бѣдному поручику», изъ-за ошибки котораго такъ разносилъ генераль командира полка.

И что же? Не только ареста или распеканія полковникъ не сдѣлалъ поручику, ни даже замѣчанія, не сказалъ ни слова. Какъ будто ничего не произошло. Это до такой степени выходило изъ общаго правила, изъ свойствъ натуры обыкновенныхъ людей вымещать на подчиненномъ сторицею непріятность, полученную отъ начальства, что я пришелъ въ полнѣйшее удивленіе.

Оказалось впоследствии, что такой способ действий былъ принятъ командиромъ какъ общее правило, какъ принципъ. Производя ученіе самъ, за ошибку онъ распекалъ, накричитъ даже на офицера, особенно если ошибка повторная, но непріятность, полученная отъ начальника, никогда, положительно никогда не отражалась на подчиненномъ.

Понятно, какъ высоко поднимало такое благородство авторитетъ начальника, его престижъ, и офицерство лѣзло изъ кожи вонъ, чтобы удовлетворить всѣмъ служебнымъ требованіямъ командира.

V.

Переходя лично къ себѣ, скажу, что послѣ моего откровеннаго признанія въ томъ, что проспалъ, Дрентельнъ, видимо, сталъ относиться ко мнѣ особенно благосклонно, причемъ, конечно, принималъ въ расчетъ, что суровая корпусная дисциплина сдѣлала изъ меня образцоваго фронтовика и строгаго исполнителя обязанностей.

Полкъ въ томъ же, 1857 году былъ переведенъ въ Москву, гдѣ пробылъ болѣе года, затѣмъ снова былъ передвинутъ по сосѣдству съ Мологой—въ Рыбинскъ, и здѣсь, въ Самогитскомъ полку, благодаря, вѣроятно, качествамъ его командира, образована была юнкерская команда изъ юнкеровъ всей второй дивизіи гренадерскаго корпуса.

Мнѣ шелъ еще только двадцатый годъ, приближавшійся, правда, къ концу. И вдругъ Дрентельнъ приглашаетъ меня къ себѣ, говорить о распоряженіи начальства сформировать дивизионную школу изъ юнкеровъ при его полку и добавляетъ, что завѣдываніе этой школой онъ поручаетъ мнѣ.

Никогда не отличаясь избыткомъ самоувѣренности, я попробовалъ говорить о томъ, что боюсь не сладить съ возложенной на меня задачей, но полковникъ объявилъ, что рѣшеніе его безапелляціонно, что я долженъ справиться съ возложеннымъ на меня порученіемъ.

— Каковы, однако, будутъ мои обязанности, господинъ полковникъ?—говорю я.

— Вы обязаны подготовить юнкеровъ къ производству въ офицеры. Подготовить ихъ въ учебномъ смыслѣ къ экзамену, который будетъ въ началѣ лѣта, и въ строевомъ отношеніи, чтобы каждый изъ нихъ умѣлъ хорошо командовать взводомъ и ротой.

— Какъ же исполнить послѣднее?

— Дѣлайте восьмирядныя ученія ¹⁾, для нихъ требуйте людей изъ ротъ.

¹⁾ Не знаю, какъ теперь, а прежде такъ назывались ученія съ обозначенными взводами, причемъ длинная палка, поддерживаемая солдатами съ обѣихъ концовъ, обозначала взводъ. Юнкера и учились командовать и производить всѣ строевыя эволюціи съ этими обозначенными взводами.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Пришлось заняться дѣломъ очень серьезнымъ, отвѣтственнымъ.

Я попросилъ себѣ помощника въ лицѣ очень умнаго и начитаннаго подпоручика лѣтъ двадцати пяти—Стефани, и просьба моя была немедленно удовлетворена. Неважный строевикъ, офицеръ этотъ былъ мнѣ полезенъ въ учебномъ отношеніи. Вообще это былъ человѣкъ совсѣмъ незаурядный, слишкомъ склонный, однако, пользоваться соблазнами жизни, не исключая и наклонности поиграть въ картишки. Родной же братъ его былъ извѣстный тогда по Москвѣ картежный игрокъ, составлявшій себѣ раза три состоянія близкія къ миліону и въ концѣ концовъ, кажется, окончательно проигравшійся. По крайней мѣрѣ, вскорѣ о немъ и слухъ затихъ.

Юнкерская команда моя была составлена крайне разнообразно изъ молодежи, сравнительно со мною великовозрастной, переходившей подчасъ даже за двадцать пять лѣтъ. Нѣкоторые и водочкой не прочь были заняться.

Въ корпусѣ, въ качествѣ фельдфебеля гренадерской роты, составленной изъ кадетъ уже старшаго возраста, я получилъ хорошую сноровку и тактъ распоряжаться людьми и повелѣвать ими, поэтому сразу овладѣлъ положеніемъ, и дѣло у меня сразу же наладилось.

Мнѣ пришлось быть преподавателемъ всѣхъ предметовъ и прилаживаться при этомъ къ далеко не одинаковому уровню знаній юнкеровъ. Въ этомъ-то именно случаѣ и помогъ мнѣ Стефани, которому я поручилъ занятія съ наиболѣе слабыми.

Юнкера стали ходить въ классы и сидѣть въ нихъ ежедневно по шести часовъ, а между классовъ, передъ обѣдомъ, производилось восьмирядное ученіе.

Прекрасный строевикъ, опять-таки благодаря суровому и строевому корпусному воспитанію, я успѣлъ очень скоро подготовить молодежь совершенно удовлетворительно въ строевомъ отношеніи. Самъ изображалъ изъ себя батальоннаго командира; молодежь командовала взводами и скоро достигла въ этомъ отношеніи почти безукоризненности.

Несравненно труднѣе было справиться съ классными занятіями: свѣдѣнія нѣкоторыхъ были крайне примитивны, а иные и вообще не отличались умственнымъ развитіемъ.

Александръ Романовичъ черезъ нѣсколько дней по сформированіи юнкерской команды посѣтилъ ее. Побылъ на классныхъ занятіяхъ, посмотрѣлъ восьмирядное ученіе, зашелъ въ команду еще разъ, черезъ недѣлю, и съ тѣхъ поръ больше не показывался, сказавъ мнѣ:

— Ну, дѣло вы наладили прекрасно, у васъ все пойдетъ хорошо, я и мѣшать вамъ не буду своими посѣщеніями.

Такимъ образомъ, я сдѣлался совершенно самостоятельнымъ, никому не подчиненнымъ, кромѣ одного полкового командира,

предоставившаго мнѣ полную свободу. Я получилъ, однимъ словомъ, завидную для молодого строевого офицера независимость, и это время считаю однимъ изъ лучшихъ въ своей жизни.

Работы, правда, было много, но работа была пріятная, видны были хорошіе ея результаты, да и независимость положенія, вмѣстѣ съ властью надъ молодежью, собранною изъ цѣлой дивизіи, льстила молодому самолюбію. Пріятно было также смотрѣть на усатыя подчасъ лица, глядѣвшія на васъ весело, съ довѣріемъ, очевиднымъ расположеніемъ и даже съ уваженіемъ.

Наказаній я совѣмъ не употреблялъ. Никогда, разумѣется, не позволялъ себѣ кричать или сказать что-нибудь такое, что могло бы оскорбить молодое чуткое самолюбіе. Ограничивался выговорами и нотаціями, которые, въ серьезныхъ случаяхъ, дѣлалъ даже не предъ товарищами, а приглашалъ къ себѣ, причемъ, опять-таки, старался вліять на самолюбіе—этотъ могучій рычагъ, особенно для молодежи. Наказаніе пришлось примѣнить только разъ, и то по приговору товарищей.

Дѣло было такъ. На Страстной недѣлѣ полковой командиръ куда-то уѣхалъ. Приходить ко мнѣ юнкеръ и просить отпустить его въ сосѣдній съ Рыбинскомъ Романовъ-Борисоглѣбскъ на Святую недѣлю къ жившимъ тамъ родителямъ.

— Зачѣмъ же вы не сказали мнѣ раньше?—говорю я:—Полковой командиръ уѣхалъ, а я не считаю себя въ правѣ отпустить васъ такъ далеко, за районъ расположенія полка.

Юнкеръ, однако, началъ просить такъ жалостно, такъ хотѣлось ему провести праздники со своими, что я сдался. Руководило при этомъ и то соображеніе, что праздничная недѣля будетъ проведена молодымъ челоуѣкомъ у родителей, конечно, лучше въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ среди одинокихъ праздныхъ товарищей: отъ скуки и водочки, пожалуй, займется, думалось мнѣ, и я отпустилъ его, не имѣя на то права, но взявъ съ него честное слово, что къ Ѳоминому воскресенью онъ возвратится въ Рыбинскъ и въ понедѣльникъ уже будетъ на занятіяхъ.

Честное слово было дано съ величайшей охотой и увѣреніями въ томъ, что приказаніе мое будетъ свято исполнено. Но пришло Ѳомино воскресенье—юнкеръ съ докладомъ о прибытіи изъ отпуска не является. Прихожу въ понедѣльникъ на занятія. Юнкеръ отсутствуетъ.

Я сказалъ молодежи, что, не имѣя на то права, отпустилъ такого-то въ отпускъ на честное слово и тотъ честнаго слова своего не выполнилъ, что ставитъ меня въ необходимость сознаться полковому командиру въ превышеніи власти. Молодежь страшно заволновалась, и двое изъ нихъ вызвались немедленно ѣхать въ Романовъ-Борисоглѣбскъ, чтобы привезти товарища.

Пришлось и имъ дать разрѣшеніе на поѣздку, т. е. опять-таки превысить данную мнѣ власть.

Но возмущеніе молодежи было такъ искренно, такъ красиво, что я рѣшилъ и на этотъ разъ выйти за предѣлы данныхъ мнѣ полномочій.

«Вѣдь не съѣсть же меня полковникъ. Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ», сказала я себѣ и отпустилъ юнкеровъ.

На другой день виновный былъ доставленъ товарищами, и я отдалъ его на ихъ судъ, не за просрочку, главнымъ образомъ, а за неисполненіе даннаго честнаго слова. Наказаніе, въ видѣ ареста, было присуждено такое суровое, что мнѣ пришлось уменьшить его на половину.

Эпизодъ этотъ особенно сблизилъ меня съ молодежью, и я видѣлъ, что юнкера изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы исполнить не только приказанія, но всякое желаніе, всякій совѣтъ своего молодого начальника.

Пришло время экзаменовъ, за которыми предстояло производство въ офицеры. Для экзаменовъ пріѣхалъ самъ начальникъ дивизіи, тотъ же бѣшеный Рейтернъ.

Какъ ни старался онъ запутать различными сложными построениями, но строевое восьмирядное ученъе сошло прекрасно. Юнкера командовали громко, ясно, безъ суетливости, какъ старые, опытные офицеры. Я командовалъ съ увѣренностью настоящаго батальоннаго командира и читалъ явное удовольствіе на лицѣ командира полка. Какъ ни старался Рейтернъ зацѣпиться за что-нибудь, чтобы накричать на меня,—ему это не удалось.

Пошли экзаменовать по научнымъ предметамъ.

Здѣсь, естественно, дѣло не могло итти такъ же гладко: иные отвѣчали хорошо, но были и слабоватые, причемъ бѣшеный Рейтернъ при мало-мальски неудовлетворительномъ отвѣтѣ начиналъ кричать, юнкеръ робѣлъ и терялся окончательно.

Я старался вмѣшиваться въ экзаменъ и наводить робѣвшаго на удовлетворительный отвѣтъ. Но вотъ выходитъ одинъ и начинаетъ совершенно правильно рѣшать какую-то геометрическую теорему. Вдругъ вскакиваетъ Рейтернъ, кричитъ на молодого человѣка, что онъ пишетъ вздоръ, и на доскѣ самъ рѣшаетъ заданную имъ же теорему.

— Позвольте доложить вашему превосходительству, — говорю я:—что юнкеръ знаетъ хорошо эту теорему и началъ отвѣчать совершенно правильно. Способъ рѣшенія, приведенный вашимъ превосходительствомъ, болѣе сложный, я имъ показывалъ болѣе простой, который онъ и привелъ.

И я быстро подошелъ къ доскѣ и такъ же быстро закончилъ написанное юнкеромъ, что до очевидности привело къ искомому рѣшенію. Рейтернъ отъ неожиданности сначала онѣмѣлъ. Очевидно,

эту теорему онъ подготовилъ заранѣе, желая блеснуть своими знаніями, но подготовилъ по какому-нибудь старинному учебнику.

Вскорѣ, однако, онъ овладѣлъ положеніемъ и напустился на меня съ крикомъ, говоря: «Какъ вы смѣете указывать мнѣ! Вы поручикъ, а я генераль».

Экзамень кончился; знанія юнкера показали удовлетворительныя, самъ генераль долженъ былъ это признать, но ушелъ тѣмъ не менѣе крайне недовольный и сердитый, не удостоивъ меня даже кивкомъ головы въ отвѣтъ на отданную при прощаніи честь.

— Спасибо вамъ, большое спасибо,—успѣлъ, однако, сказать Александръ Романовичъ, протягивая мнѣ руку и слѣдуя за уходящимъ генераломъ.

И если бы Рейтернъ накричалъ на меня вдесятеро, я былъ бы совершенно счастливъ, получивъ дорогое спасибо отъ уважаемаго человѣка и любимаго начальника.

На слѣдующій же день юнкера, очень тепло, даже трогательно простившись со мною, разъѣхались по полкамъ, а я отправился къ полковому командиру для доклада о расформированіи команды и о томъ, что мнѣ пора ѣхать въ Москву въ корпусный штабъ для подготовки къ поступленію въ академію генеральнаго штаба.

Полковникъ благодарилъ за юнкеровъ еще разъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы я отложилъ поступленіе въ академію и принялъ у него должность полкового адъютанта. Я поблагодарилъ за предложеніе, но сказалъ, что, откладывая, боюсь облѣниться и вовсе не попасть въ академію, что поставилъ себѣ цѣлью дальнѣйшей службы.

— Ну, конечно,—отвѣчалъ Александръ Романовичъ,—поѣзжайте съ Богомъ, желаю вамъ успѣха и всего хорошаго, а если экзамена не выдержите, что трудно, впрочемъ, предположить, возвращайтесь въ полкъ и рассчитывайте, что должность полкового адъютанта за вами.

VI.

По тогдашнимъ правиламъ желающіе поступить въ академію генеральнаго штаба откомандировывались въ началѣ лѣта къ корпусному штабу, гдѣ держали предварительный экзамень, послѣ чего ихъ оставляли при штабѣ корпуса для занятій къ предстоящему экзамену въ академіи и уже въ августѣ отправляли въ Петербургъ.

Юнкерская команда и такъ задержала меня въ Рыбинскѣ. Окончивъ занятія съ нею, я поторопился уѣхать въ Москву, а вслѣдъ за тѣмъ прочелъ въ приказѣ о назначеніи полковника Дрентельна командиромъ гвардейскаго, Измайловскаго полка.

Въ Петербургѣ, тотчасъ по окончаніи экзаменовъ, я явился къ командиру Измайловскаго полка, какъ къ своему недавнему начальнику. Былъ принятъ не только любезно, привѣтливо, но даже радушно: А. Р. оставилъ меня обѣдать и просилъ бывать почаще.

Замѣчу въ скобкахъ, что вмѣстѣ со мною въ академію поступили еще два офицера нашего полка: Р., кандидатъ университета, и К., вышедшій одновременно со мною изъ третьяго спеціального класса втораго кадетскаго корпуса. Они также ѣздили представляться къ Дрентельну, но приглашенія обѣдать и бывать у него не получили.

Мнѣ показалось это даже страннымъ, и только впоследствии я понялъ причину—недостатокъ искренности, прямоты и правдивости этихъ молодыхъ людей, который Дрентельнъ, какъ человѣкъ проникательный, замѣтилъ, конечно, ранѣе меня, двадцатилѣтняго юноши.

Несмотря на привѣтливость и радушіе, я являлся къ Александру Романовичу крайне рѣдко. Прежде всего я вообще никогда не былъ склоненъ лѣзть въ глаза начальству, а Дрентельнъ, произведенный уже въ генералы, хотя не непосредственно, а все же представлялъ собою начальство, да еще идущее въ гору. Потомъ, болтать съ нимъ не подобало—приходилось вести серьезные разговоры и инициативу разговора предоставлять ему, и, человѣкъ чуткій, я понималъ, что ему приходится, такъ сказать, занимать меня. Мало, однимъ словомъ, было общаго между серьезнымъ, почти пожилымъ человѣкомъ и вѣтренымъ, впечатлительнымъ юношей, предпочитающимъ серьезной бесѣдѣ общество товарищей, съ которыми можно было держать себя нараспашку, да болтовню съ молодыми, красивыми представительницами прекраснаго пола и увлеченія ими.

Къ тому же Александръ Романовичъ вскорѣ женился на дѣвушкѣ, въ которую влюбленъ былъ съ юношескаго возраста. Хозяйка была привѣтлива не менѣе мужа и, благодаря высокимъ своимъ качествамъ, всю жизнь свою пользовалась всеобщей любовью и уваженіемъ, но семейный домъ командира гвардейскаго полка, домъ хорошаго тона показался мнѣ, вѣтренику, нѣсколько чопорнымъ, и я чувствовалъ, что представляю собою, въ скромномъ мундирѣ армейскаго пѣхотнаго полка, нѣкоторый диссонансъ въ гостиной хозяйки, поэтому, повторяю, несмотря на ея любезность и на приглашеніе обѣдать, я ограничился визитами, а по окончаніи курса въ академіи уѣхалъ изъ Петербурга, и знакомство съ Александромъ Романовичемъ такъ и прекратилось.

Впоследствии, когда поступилъ на профессуру, а генералъ Дрентельнъ былъ сдѣланъ начальникомъ первой дивизіи, я, при рѣдкихъ встрѣчахъ, почти неизмѣнно получалъ упреки, что не захожу къ нему, но, занятый работой и имѣя много знакомыхъ, да къ тому же вообще не склонный, какъ уже говорилъ, къ общенію съ людьми, занимающими высокое положеніе и идущими въ гору, я бывалъ у Александра Романовича крайне рѣдко.

Встрѣчался также не часто, потому что избѣгалъ ѣздить на парады и во дворецъ на выходы; по Невскому же ни я, ни Александръ Романовичъ не шатались, и хотя я былъ всегда большимъ театраломъ, но Александръ Романовичъ по театрамъ, кажется, и вовсе не ходилъ.

Разъ, однако, и именно когда государь Александръ II пріѣхалъ изъ Парижа послѣ покушенія на его жизнь Березовскаго, я рѣшилъ поѣхать на назначенный по случаю пріѣзда государя парадъ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ.

Побудили меня къ этому упорные слухи, ходившіе въ столицѣ, о томъ, что императоръ находится въ крайне возбужденномъ, нервномъ состояніи.

Настойчиво говорили даже, что государь стрѣлялъ въ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, принявъ его за злоумышленника.

Слухъ этотъ оказался вздорнымъ и можетъ служить лишнимъ подтвержденіемъ того, что Петербургъ, какъ сплетникъ, не уступитъ самому захолустному уѣздному городишкѣ.

Мнѣ припоминается, напримѣръ, случай, когда весь Петербургъ кричалъ и рассказывалъ за совершенно достовѣрное, что одинъ изъ министровъ, кровный аристократъ, съ небольшимъ сорокалѣтняго возраста, застрѣлилъ своего красавца-кучера, заставъ его на мѣстѣ преступленія съ женой.

Объ этомъ говорили такъ упорно, что я поѣхалъ къ пріятелю, служившему подъ начальствомъ этого министра.

— Скажите откровенно,—говорю ему:—неужели правда то-то и то-то?

— Разумѣется, правда,—отвѣчаетъ онъ.—Петербургъ не сталъ бы кричать такъ единодушно, если бы это не было правдой. Только если хотите—можете каждый день, въ такомъ-то часу, видѣть этого красавца, постоянного кучера министра, стоящимъ съ рысакомъ у министерскаго подѣзда.

Такъ вотъ, пріѣхалъ я на парадъ въ мундирѣ полковника генеральнаго штаба, благо лошадь у меня была тогда очень нарядная, хотя необычайно пылкая, щекотливая и очень трудной ѣзды. Я купилъ ее за три мѣсяца передъ тѣмъ и въ манежѣ успѣлъ довести до совершенства, такъ что всѣ поражались ея выѣздкой, правильностью замедленнаго, такъ называемаго генеральскаго галопа, контръ-галопомъ, траверсами, ранверсами, перемѣною на галопѣ ногъ и вольтами чуть не на пятакѣ.

Но обширность Марсоваго поля, масса войскъ, особенно конницы, и музыка такъ повліяли на нервное животное, что я едва успѣлъ съ нимъ справиться, хотя являлась серьезная опасность причинить непріятность сосѣдямъ по свитѣ, окружавшей государя, въ заднихъ рядахъ которой я занялъ мѣсто.

Парадъ кончился, государь удалился. Вижу ѣдущаго шагахъ въ тридцати Александра Романовича, улыбку его по моему адресу и привѣтливый знакъ рукой. Какъ истый кавалеристъ, я толкнулъ коня шенкелями, чтобы немедленно принять подаваемую мнѣ руку, но пылкое животное, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, едва не прижало меня къ ногѣ генерала, и только новый ударъ шенкелей заставилъ его выскочить впередъ, послѣ чего я уже рысью объѣхалъ Александра Романовича и приблизился къ нему съ другой стороны.

— Какая у васъ беспокойная лошадь,—говорилъ Александръ Романовичъ.—А красавица! Кстати, я вѣдь первый разъ вижу васъ на конѣ и вижу, что вы настоящій мастеръ. Да что же вы ко мнѣ-то не заходите?

— Боюсь надоѣдать вамъ, Александръ Романовичъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ. Вы вѣдь знаете, что я всегда радъ васъ видѣть. Да чтобы не откладывать, приходите-ка сегодня, часовъ въ восемь. У меня вечеръ свободный, и я буду совершенно одинъ. Приходите. Вспомнимъ старое и о новомъ поговоримъ.

Я провелъ тогда съ нимъ глазъ-на-глазъ часа три-четыре въ крайне интересной бесѣдѣ и нашель, что съ военной литературой онъ знакомъ никакъ не менѣе меня, что этотъ чисто строевой начальникъ хочетъ быть въ полномъ смыслѣ слова серьезно образованнымъ, стоящимъ въ курсѣ дѣла военнымъ человѣкомъ.

Вскорѣ генералъ Дрентельнъ получилъ назначеніе командующимъ войсками кievскаго округа и заслужилъ тамъ себѣ самую почтенную репутацію, хотя строгаго, подчасъ суроваго (менѣе, впрочемъ, суроваго, чѣмъ когда онъ былъ въ гвардіи), требовательнаго, но справедливаго и благороднаго человѣка.

Начальникомъ штаба кievскаго округа еще ранѣе былъ назначенъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ. Я былъ убѣжденъ, что эти два властныхъ человѣка не уживутся долго; такъ и случилось: безъ явной ссоры Дрентельнъ сплавилъ Драгомирова, получившаго дивизію, а самъ выбралъ себѣ начальника штаба совсѣмъ ужъ не самостоятельнаго, слѣпнаго исполнителя его приказаній, но хорошаго, усерднаго работника Михаила Николаевича Черкесова, моего товарища по академіи.

VI.

Началась восточная война.

Принятая Дмитріемъ Алексѣвичемъ Милютинимъ организація округовъ, чуть запахло войной, сразу же показала свою несостоятельность: пришлось у самаго преддверія войны организовывать корпуса, причемъ командующіе войсками округовъ, которые, естественно, должны бы были являть собою лучшихъ генераловъ бое-

вой арміи, остались не у дѣлъ: нельзя же было командующему войсками въ округѣ дать корпусъ,—это было бы производствомъ изъ поповъ да въ дьяконы. Ни одинъ, поэтому, командующій войсками въ округѣ не принялъ участія въ войнѣ. Остался не у дѣлъ и Дрентельнъ.

Но когда въ тылу арміи началась обычная, особенно у насъ, русскихъ, каша, Дрентельнъ получилъ въ высшей степени отвѣтственное назначеніе начальника тыла арміи.

Въ число своихъ непосредственныхъ помощниковъ онъ пригласилъ товарища моего по академіи Павла Львовича Лобко, тогда еще полковника. Выборъ былъ, конечно, очень удачный, но Павелъ Львовичъ говорилъ мнѣ впоследствии, что Дрентельнъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что водворить въ тылу арміи полный порядокъ, такой, какой бы ему хотѣлось, онъ былъ безсиленъ. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ все, что сдѣлать былъ въ силахъ человѣческихъ, и можно съ увѣренностью сказать, что никто другой не справился бы съ устройствомъ тыла арміи лучше его.

Вслѣдъ затѣмъ, послѣ убійства Мезенцева, когда замѣститель его боялся показать носъ изъ кабинета, и когда государь предложилъ суровому Дрентельну занять этотъ постъ, совсѣмъ несвойственный его прямому и благородному характеру чисто строевого человѣка, онъ, какъ честный солдатъ, не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ назначенія, представлявшаго собою большую опасность.

Впоследствии, въ Ялтѣ, онъ съ горечью говорилъ мнѣ о тяжелыхъ минутахъ, имъ тогда пережитыхъ.

— Одни анонимныя письма чего мнѣ стоили,—говорилъ онъ.— Угрозы убить меня, разумѣется, я принималъ равнодушно, но грозили моей семьѣ, убійствомъ дѣтей.

Покушенія на дѣтей не было, но, какъ извѣстно, Мирскій, верхомъ, стрѣлялъ въ Александра Романовича, ѣхавшаго въ каретѣ, причемъ послѣдній не растерялся и въ каретѣ пустился нагонять скакавшаго верхового, и тотъ былъ арестованъ, но по ходатайству Александра Романовича казненъ не былъ.

Получивъ затѣмъ назначеніе одесскаго генераль-губернатора и командующаго войсками одесскаго округа, Александръ Романовичъ, ко времени пребыванія Александра II въ Ливадіи, пріѣхалъ въ Ялту. Я, конечно, на другой же день отправился къ нему и нашелъ его уже совсѣмъ не тѣмъ, какимъ зналъ ранѣе. Былой энергіи, оживленія уже не было. Вообще, нашелъ его какимъ-то разочарованнымъ и въ состояніи духа нѣсколько угнетенномъ. Онъ уже не такъ искренно, какъ прежде, вѣрилъ въ будущее Россіи, такъ же, какъ и въ силу образованія. Я сказалъ, напримѣръ, однажды по поводу какаго-то молодого человѣка, что вотъ онъ поступитъ въ университетъ, и получилъ въ отвѣтъ:

— Ну, и что же? Что дастъ ему университетъ?

Только честность, прямота и благородство характера остались прежними.

Тогда неистовствовалъ въ Ялтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Харламовъ, называвшій себя генераломъ и требовавшій этого отъ другихъ.

Это было послѣ повторныхъ покушеній на жизнь государя Каракозова, Березовскаго и Соловьева.

Не помню, кто стоялъ тогда во главѣ третьяго отдѣленія, но въ Ялту былъ посланъ Харламовъ съ полномочіями по охранѣ жизни императора.

Пользуясь этими полномочіями, имѣвшими опредѣленный и тѣсный кругъ дѣйствій, Харламовъ захватилъ въ Ялтѣ въ свои руки неограниченную власть, чему способствовала крайняя слабость, доброта и безличность тогдашняго губернатора Кавелина.

Харламовъ былъ человѣкомъ безспорно недалекимъ и поэтому, конечно, крайне тщеславнымъ. Видя, что я его игнорирую, онъ озлился, провозгласилъ меня революціонеромъ и поставилъ двухъ мушаровъ наблюдать за мною. Я строилъ тогда дачку, въ которой живу теперь, у самаго шоссе, ведущаго въ Ливадію, и онъ вообразилъ, или только хотѣлъ увѣрить другихъ, что съ моей стороны возможенъ подкопъ и взрывъ шоссе во время проѣзда государя.

Указанные два индивидуума неотступно слѣдовали за мною и, гуляя близъ постройки, являли себя большими любителями природы, дѣлая постоянно видъ, что любятъ моремъ.

Считаю, что Харламовъ былъ человѣкомъ просто глупымъ и потому еще, что во время прихода пароходовъ онъ, окруженный своею ватагой и полиціей, осматривалъ вещи каждаго пассажира, не исключая и изящно одѣтыхъ дамъ. Раскроютъ кофръ какой-нибудь элегантной дамы, разроютъ ея платья, доберутся до бѣлья.

— Здѣсь грязное бѣлье,—говорить она.—Ради Бога не развѣтывайте его.

Но грязныя сорочки торжественно развернуты, дама страшно сконфужена, и были случаи даже паденія въ обморокъ

Онъ даже доходилъ до того, что просто рвалъ подаваемыя ему прошенія и бросалъ ихъ на полъ. Такъ было съ однимъ изъ наиболее видныхъ купцовъ Ялты того времени.

И все это сопровождалось:

— Я—генераль Харламовъ... Скажи, что генераль Харламовъ это приказалъ... Генераль Харламовъ такъ распорядился.

Добродушный Кавелинъ молчалъ, и терроръ, даже не административный, а мушарный, шпионскій, шелъ во всю.

Интересный губернаторъ былъ этотъ Кавелинъ, человѣкъ, впрочемъ, вполне воспитанный, рѣдкой доброты и деликатности.

Встрѣтаясь со мною въ домѣ общей нашей знакомой, онъ, какъ

пріѣхавшій въ Ялту позже меня, сдѣлалъ мнѣ визитъ первымъ. Я, конечно, поспѣшилъ отдать визитъ.

У барыни вели просто свѣтскую болтовню; въ бесѣдѣ у себя съ глазу на глазъ я началъ разспрашивать о положеніи дѣлъ въ губерніи и, къ удивленію, нашелъ въ немъ человѣка крайне разсѣянаго, вялаго, неопредѣленно отвѣчающаго на вопросы о положеніи дѣлъ въ его губерніи, что меня особенно удивило, потому что наканунѣ, въ гостинной, онъ сказалъ нѣсколько удачныхъ *bon mots*, выказывавшихъ нѣкоторое остроуміе, живость ума.

Когда я выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе общей знакомой, кстати сказать, очень умной, то она съ улыбкой недоумѣніе мое разрѣшила словами:

— Въ это время онъ, навѣрно, былъ занятъ обдумываніемъ какого-нибудь *bon mot*.

Единственнымъ человѣкомъ, не поддавшимся тогда террору Харламова, былъ я, сравнительно молодой и возмущавшійся тогда всякой неправдой, всякимъ насиліемъ, всякимъ хамствомъ и безобразіемъ. Генеральскій мундиръ служилъ мнѣ защитой противъ насилія, и я пользовался своимъ положеніемъ.

Впрочемъ, былъ и еще человѣкъ, выказывавшій Харламову явное презрѣніе, это — Семень Михайловичъ Воронцовъ, человѣкъ не выдающагося ума, но унаслѣдовавшій отъ отца, знаменитаго Михаила Семеновича, благородныя традиціи настоящаго аристократа. Когда онъ уѣзжалъ изъ Ялты, провожаемый старикомъ-исправникомъ, извѣстнымъ всѣмъ туристамъ, посѣщавшимъ Ялту, подъ именемъ Ильи Ивановича, Харламовъ вышелъ также провожать свѣтлѣйшаго князя Воронцова, но тотъ, демонстративно подавъ руку старику-исправнику, едва кивнулъ головой въ отвѣтъ на низкій поклонъ Харламова.

VIII.

Пріѣхавъ къ Дрентельну, занимавшему лучшіе, конечно, номера гостиницы «Россія», я не засталъ его и рѣшилъ дождаться. Минуть черезъ десять пріѣзжаетъ Дрентельнъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Харламовымъ, выходитъ и подаетъ ему на прощанье руку.

Встрѣтилъ онъ меня очень привѣтливо, даже радостно и выразилъ удовольствіе, что я, такой молодой, и ношу уже генеральскій мундиръ. Послѣ десяти минутъ бесѣды я прямо заговорилъ о Харламовѣ.

— Да, кстати,—отвѣчаетъ А. Р.,—Харламовъ мнѣ жаловался на васъ, что вы ему противодѣйствуете, подрываете авторитетъ его власти.

— Противодѣйствія, разумѣется, я ему не оказываю, да и не могъ бы оказать,—отвѣчалъ я.—Даже напротивъ того, считаю

возложенную на него обязанность охранять особу государя въ высшей степени почтенной; но онъ злоупотребляетъ данными ему полномочіями, свелъ на нѣтъ всю здѣшнюю администрацію и вмѣсто того, чтобы воспользоваться добрыми чувствами населенія къ государю и поддерживать ихъ, подрываетъ эти чувства, нагоняетъ панику, водворяетъ терроръ и довелъ до того, что населеніе вмѣсто радости, которую испытывало всегда, смотритъ теперь на предстоящій высочайшій пріѣздъ, какъ на Божеское наказаніе. Онъ забралъ въ руки все, устранилъ совершенно администрацію и въ то же время рветъ и бросаетъ на полъ подаваемые ему прошенія. Что я говорю правду, потрудитесь спросить хотя бы Бориса Бухштаба, самаго богатаго и вліятельнаго изъ здѣшнихъ купцовъ. Его прошеніе было разорвано и брошено подъ ноги. Здѣсь живетъ Кавелинъ, но Харламовъ совсѣмъ лишилъ его власти, и населеніе хотѣло бы знать— пользуется ли Харламовъ правами губернатора и кто теперь губернаторъ—Кавелинъ или Харламовъ?

— Ну, разумѣется, Кавелинъ,—отвѣчаетъ Александръ Романовичъ.— На Харламова возложена только обязанность охранять государя.

— Если это такъ,—говорю я, — то надо это и разъяснить Харламову и поставить его въ строгія рамки, чтобы онъ умно пользовался данными ему полномочіями, а то вѣдь онъ человѣкъ совсѣмъ глупый.

— Ну, въ этомъ отношеніи я никогда съ вами не соглашусь,—возразилъ Александръ Романовичъ.

— Я сужу по его дѣйствіямъ,—настаиваю я.—Если бы онъ не былъ человѣкомъ глупымъ, онъ тихо, спокойно выполнялъ бы возложенную на него серьезную обязанность, не кричалъ бы вездѣ, что онъ «генералъ Харламовъ», не стоялъ бы на пристани, встрѣчая пароходы, не раскидывалъ бы у элегантныхъ барынь ихъ грязное бѣлье, не доводилъ бы ихъ этимъ до обмороковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не давалъ бы полной возможности настоящимъ злоумышленникамъ безъ малѣйшихъ затрудненій пріѣхать въ Ялту, потому что, сосредоточивая все свое вниманіе на пріѣзжающихъ въ Ялту пароходами, терроризируя этихъ пріѣзжихъ, онъ въ то же время оставляетъ совершенно безъ вниманія не только горныя тропинки, но даже почтовое шоссе изъ Севастополя и Симферополя, такъ что я, если угодно, привезу вамъ въ Ялту хоть десять человѣкъ, о пріѣздѣ которыхъ Харламовъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Наконецъ, если бы онъ былъ человѣкомъ умнымъ и серьезно относился къ возложенной на него обязанности, онъ не поставилъ бы двухъ мушаровъ наблюдать за мною, генераломъ русской службы, и неотступно преслѣдовать меня ими, куда бы я ни направился. Рожи ихъ обоихъ я знаю очень хорошо. Смѣюсь, конечно, но все-таки мнѣ досадно. И если онъ будетъ расходовать своихъ шпионовъ на наблюденіе за такими людьми,

какъ я, то, конечно, настоящій злоумышленникъ проскользнетъ у него между пальцами. И онъ смѣетъ говорить,—разгорячился я,— что я ему противодѣйствую. Я никогда не скрывалъ своихъ политическихъ убѣжденій. Всегда былъ противникомъ абсолютизма и теперь въ особенности нахожу, что если мы, освободители, дали освобожденному народу—болгарамъ—самую либеральную конституцію, то не слѣдъ намъ самимъ оставаться при условіяхъ абсолютизма. Я этого не скрываю передъ вами и готовъ сказать это хоть самому государю, но вотъ вы меня знаете съ восемнадцатилѣтняго возраста, скажите, какъ, по вашему мнѣнію, если бы кто-нибудь направилъ дуло пистолета противъ государя въ то время, когда подлѣ него стояли бы я и Харламовъ, кто изъ насъ двоихъ сталъ бы между государемъ и дуломъ пистолета,—я, убѣжденный монархистъ, открыто говорящій, однако, о конституціи, или Харламовъ, наводящій терроръ на населеніе?

Видя, что я разгорячился, Дрентельнъ искренно пожалъ мнѣ руку со словами: «Я, конечно, знаю васъ и зналъ всегда, какъ честнаго человѣка».

— И онъ, этотъ ничтожный человѣкъ,—продолжалъ я,—производящій себя въ генералы, хамъ, котораго князь Воронцовъ едва удостоилъ кивкомъ головы въ то время, какъ тутъ же подаль руку исправнику, онъ осмѣливается ставить для наблюденія за мною двухъ мушаровъ.

И я, видѣвшій, какъ Дрентельнъ пожималъ руку Харламова, передалъ подробно сцену оскорбительнаго къ нему отношенія со стороны князя Воронцова.

Результатъ этого разговора былъ тотъ, что благородный Александръ Романовичъ поставилъ Харламова въ подобающія его назначенію рамки, и терроръ «Харламовщины», прекратился.

Но Харламовъ, какъ кажется, отомстилъ за это Александру Романовичу. Дѣло было такъ. Государь пріѣхалъ въ Ялту вскорѣ послѣ женитьбы своей на княжнѣ Долгорукой. Не помню, какимъ образомъ, по чьему предложенію и по какому поводу, государю представилась вскорѣ послѣ его пріѣзда депутація отъ Ялты.

Депутація состояла изъ трехъ, кажется, человѣкъ, въ число которыхъ былъ выбранъ и я. Представлялъ насъ государю генералъ-губернаторъ Дрентельнъ. Государь вышелъ къ намъ въ сопровожденіи своей супруги, княгини Юрьевской (бывшей княжны Долгорукой).

Я нѣсколько лѣтъ не видѣлъ государя и нашелъ его лишеннымъ той увѣренности въ походкѣ, жестахъ и словахъ, которою онъ всегда отличался. Онъ проявлялъ даже какъ будто нѣкоторую робость. Не было увѣренности, не было прежняго величія.

Не могу сказать, что было этому причиной—послѣдовательныя ли покушенія на его жизнь, на жизнь человѣка рѣдкой доброты и всѣмъ сердцемъ желавшаго блага Россіи, или новость положенія,

какъ морганатическаго супруга послѣ недавно умершей императрицы,—но это было такъ.

Депутацію государь принялъ очень милостиво; но, какъ говорили, аттестація меня Харламовымъ дошла до свѣдѣнія императора, сказавшаго на другой день Александру Романовичу по поводу моего участія въ ней:

— Кого ты мнѣ представилъ вчера? Ты мнѣ представилъ революціонера.

При этомъ, отвѣта Александра Романовича не передавали; но государь, безъ сомнѣнія, удовлетворился имъ, и милость его къ старому слугѣ не измѣнилась.

Александръ Романовичъ, хотя слышій за грубаго начальника, былъ въ сущности человѣкомъ деликатнымъ и чуткимъ, доказательствомъ чего можетъ служить то, что никогда ни слова онъ не сказалъ мнѣ о непріятномъ вопросѣ, сдѣланномъ ему государемъ, поводъ къ которому былъ данъ мною, независимо, впрочемъ, отъ моей воли.

IX.

Послѣ Ялты я не видалъ уже болѣе Александра Романовича. Онъ снова былъ назначенъ генераль-губернаторомъ въ Кіевъ и во время какого-то торжества умеръ внезапно на конѣ, на службѣ, пораженный ударомъ.

А. Р. Дрентельнъ, кромѣ исключительнаго остроумія, обладалъ еще и прекраснымъ даромъ слова, но, какъ человѣкъ дѣла, а не фразы, даромъ этимъ онъ никогда не злоупотреблялъ, длинныхъ и красивыхъ рѣчей, которыми краснобаи франтятъ, особенно при вступленіи въ должность, не произносилъ.

Въ очеркѣ объ И. А. Вышнеградскомъ я дѣлаю оцѣнку этимъ красивымъ вступительнымъ рѣчамъ, которыми щеголялъ, напримѣръ, министръ юстиціи Муравьевъ, объѣзжая русскія судебныя учрежденія,—рѣчамъ, не принесшимъ дѣлу ровно никакой пользы, и полагаю поэтому вполне умѣстнымъ передать рассказъ очень почтеннаго человѣка, какъ вступалъ въ должность командующаго войсками кіевскаго военнаго округа А. Р. Дрентельнъ.

— Въ Кіевѣ,—говорилъ рассказчикъ,—Дрентельнъ, назначенный командующимъ войсками, остановился на отведенной ему квартирѣ. Мы, начальники частей, получили приказаніе встрѣтить начальника не на вокзалѣ, а на квартирѣ. Вышелъ, поздоровался, спросилъ каждого фамилію и какую кто занимаетъ должность, никому не подавая руки. А затѣмъ, обойдя представлявшихся, обратился уже ко всѣмъ съ слѣдующими словами: «А подробнѣе, господа, познакомимся на службѣ».

Вотъ и все. И, конечно, такая правдивая и лаконическая фраза имѣла для пользы службы несравненно болѣе значенія, чѣмъ кра-

сивыя «пожеланія» и предполагаемыя, но крайне рѣдко выполняемыя «начинанія».

Кромѣ дара слова, которымъ онъ, однако, никогда не злоупотреблялъ, Александръ Романовичъ, какъ я уже говорилъ, отличался большимъ остроуміемъ, и ходитъ много анекдотовъ, характеризующихъ его въ этомъ смыслѣ.

Я не сторонникъ, вообще, остроумія начальства насчетъ подчиненныхъ, которые не имѣютъ возможности отвѣтить на остроумную дерзость тѣмъ же. Такое остроуміе, по-моему, лишено джентльменства и даже благородства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно просто вредно, заставляя подчиненнаго молчать и не дѣйствовать самостоятельно изъ опасенія быть высмѣяннымъ; это отнимаетъ у второстепенныхъ начальниковъ стремленіе къ самостоятельности, къ инициативѣ, драгоцѣннѣйшимъ качествамъ военнаго. Такимъ вреднымъ иногда остроуміемъ отличался даровитый Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ. Рассказываютъ, напримѣръ, про него слѣдующее.

Послѣ маневра собираетъ онъ вокругъ себя начальниковъ и начинаетъ разбирать маневръ. По окончаніи разбора одинъ изъ собравшихся генераловъ говоритъ:

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, и мнѣ высказать свое мнѣніе.

— Пожалуйста,—отвѣчаетъ Драгомировъ:—умъ, хорошо, а полтора лучше.

Острота, безусловно, злая и забавная, но, во-первыхъ, высмѣянный такою грубостью не могъ отвѣтить тѣмъ же, во-вторыхъ, понятно, что послѣ такой остроумной выходки не только онъ, но и никто не рѣшался «смѣть свое сужденіе имѣть».

А это для военнаго дѣла, да и для всякаго, безусловно вредно.

И между тѣмъ, подавляя инициативу частныхъ начальниковъ, тотъ же Драгомировъ всегда проповѣдывалъ огромное значеніе этой инициативы для успѣховъ военнаго дѣла. Такъ часто слово расходится съ дѣломъ!

Александръ Романовичъ Дрентельнъ также позволялъ себѣ красное словцо въ отношеніи подчиненныхъ, но онъ никогда не остроумничалъ зря, а прибѣгалъ къ мѣткому слову, подчасъ даже въ жестокой формѣ, лишь въ возмездіе за какой-нибудь проступокъ. Вотъ три образчика изъ многихъ анекдотовъ о немъ, которые остались у меня въ памяти.

Проходитъ Дрентельнъ, начальникъ первой гвардейской дивизіи, по желѣзнодорожному вокзалу. Сидитъ офицеръ, безъ фуражки, не состоящій въ его дивизіи.

При проходѣ не своего непосредственнаго начальника, но извѣстнаго строгостью и суровостью генерала, офицеръ выражаетъ колѣбаніе—встать ему или нѣтъ.

Дрентельнъ останавливается и говоритъ:

— Встаньте, встаньте. Когда генералъ проходитъ—всегда нужно вставать офицеру.

Перепуганный офицеръ вскакиваетъ и, забывъ, что онъ безъ фуражки, отдаетъ честь рукою, прикладывая ее ко лбу, что полагается лишь въ то время, когда на головѣ надѣта фуражка.

— Что же вы къ пустой-то головѣ руку прикладываете,—говоритъ Дрентельнъ и проходитъ дальше.

Эта остроумная дерзость, хорошо, впрочемъ, замаскированная, была возмездіемъ за проступокъ, безусловно антидисциплинарный.

Другой разсказъ.

Присутствуетъ Дрентельнъ при какомъ-то маневрѣ, въ которомъ принимаетъ участіе и эскадронъ уланъ.

Эскадронные командиры былого времени болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы лошади были въ настоящемъ тѣлѣ — «не спали съ тѣла», несмотря на экономію въ кормѣ. Поэтому къ быстрымъ аллюрамъ прибѣгали какъ къ исключеніямъ.

Того же придерживался и эскадронный командиръ, о которомъ идетъ рѣчь.

Маневръ кончился, Дрентельнъ собралъ начальниковъ, разобралъ маневръ, сдѣлалъ свои замѣчанія, и въ заключеніе, обращаясь къ эскадронному командиру, говоритъ:

— А вамъ, майоръ, я считаю нужнымъ напомнить, что вы имѣете честь служить въ такомъ-то уланскомъ полку, а не въ обществѣ покровительства животныхъ.

Наконецъ, третій случай.

Смотритъ суровый начальникъ такъ называемую «выводку лошадей», заключающуюся въ томъ, что не осѣданныхъ коней по одиночкѣ проводятъ передъ начальникомъ. Этимъ способомъ лучше всего можно удостовѣриться въ томъ, насколько хорошо кормлены лошади. Эскадронный командиръ былъ, очевидно, изъ сильно загонавшихъ экономію: тѣло у лошадей плохое; лошади тощія.

Дрентельнъ смотритъ и морщится.

Видя это, эскадронный командиръ спѣшитъ пояснить и робко, но убѣдительнымъ тономъ говоритъ:

— Сортъ лошадей у меня въ эскадронѣ, ваше высокопревосходительство, ужасно острокоптый, пашистый, никакъ ихъ накормить не могу. Ужъ я чѣмъ не пробовалъ. И отрубями кормилъ, и мучной болтушкой, даже морковью пробовалъ, никакъ хорошаго тѣла не могу нагнать.

— А вы бы овсомъ также попробовали, — спокойно, глядя прямо въ глаза, говоритъ начальникъ.—Это средство тоже, говорятъ, недурное.

Нельзя не признать, что такое остроуміе, хотя и не безобидное, а полное ѣдкости, но остроуміе вполне заслуженное, допустимо даже въ отношеніяхъ начальниковъ съ подчиненными.

Этими тремя эпизодами закончу воспоминанія о моемъ первомъ командирѣ.

Несмотря на время, сохраняю о немъ память, какъ о человѣкѣ исключительнаго ума, характера, твердости и благородства.

Въ указанныхъ качествахъ никто не имѣлъ права отказать ему, даже тѣ, которые не долюбливали Александра Романовича Дрентельна, начальника, быть можетъ, слишкомъ суроваго, но никогда не подававшего повода относиться къ нему иначе, какъ съ уваженіемъ, въ высокой степени заслуженнымъ.

Александръ Витмеръ.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ ЛЕОНТЬЕВНЫ ШТАДЕНЪ.

ВАДЦАТЬ ШЕСТОГО марта 1913 года въ Петербургѣ скончалась вдова генерала-отъ-артиллеріи Ольга Леонтьевна Штаденъ семидесяти девяти лѣтъ отъ роду. Кончина ея прошла незамѣтной, ни въ одномъ изъ періодическихъ изданій я не видѣлъ ея некролога, и только «Вечернее Время» помѣстило коротенькую замѣтку о ея кончинѣ. Между тѣмъ, она была личность, достойная свѣтлой памяти, и мнѣ хочется, въ предѣлахъ силъ и возможности, напомнить объ этой, въ свое время и въ извѣстномъ кругу очень популярной женщинѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточнаго матеріала для характеристики ея общественной дѣятельности и въ оставшихся послѣ покойной бумагахъ оказалось очень немного такихъ, которыя можно бы было использовать. Повидимому, Ольга Леонтьевна незадолго до своей кончины уничтожила всю хранившуюся у нея переписку, о чемъ свидѣтельствуютъ оставшіяся обложки и папки съ надписями: письма такого-то года. Судя по этимъ надписямъ, въ папкахъ заключалась переписка за время съ конца шестидесятихъ до девяностыхъ годовъ, и письма эти, въ виду знакомства Ольги Леонтьевны съ обширнымъ кругомъ людей и людей выдающихся, должны были представлять большой интересъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на скудость матеріала, я предлагаю читателямъ все мнѣ извѣстное, рассчитывая, что, быть можетъ, настоящія строки вызовутъ воспоминанія лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойную.

Я познакомился съ Ольгой Леонтьевной въ 1906 году, и вскорѣ она стала въ дружественныя отношенія ко мнѣ и семьѣ моей: въ теченіе послѣднихъ шести или семи лѣтъ мы видѣлись еженедѣльно, а иногда и по два раза въ недѣлю; за эти послѣдніе годы своей жизни она ограничила кругъ своихъ знакомыхъ небольшимъ кружкомъ близкихъ ей людей, неуклонно посѣщала этотъ кружокъ «своихъ друзей» и съ чисто русскимъ гостепріимствомъ встрѣчала ихъ у себя.

Какъ живая, стоитъ она передо мною, когда я пишу эти строки; высокаго роста, стройная, вполнѣ сохранившая фигуру и станъ, съ густою шевелюрой бѣлыхъ волосъ, съ правильнымъ строгимъ лицомъ, озареннымъ милою привѣтливою улыбкою. Передъ вами женщина, знающая себѣ цѣну и привычно относящаяся къ оказываемымъ ей знакамъ уваженія; передъ вами генеральша, аристократка, пожалуй, привыкшая къ поклоненію. Скромно, но всегда не только прилично, но хорошо одѣтая, съ полнымъ соблюденіемъ строгости костюма, безъ малѣйшихъ признаковъ старческой неряшливости или небрежности, она представляла собою яркій типъ барыни добраго стараго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ дамы современнаго аристократическаго круга. Несомнѣнно, что въ молодости она была очень красива; слѣды этой красоты сохранились на ея старческомъ миломъ лицѣ.

О. Л. Штаденъ замѣчательно сохранилась и еще въ 1912 году удивляла своею памятью и глубокимъ интересомъ ко всѣмъ животрепещущимъ вопросамъ. Обыкновенно замѣчаютъ, что люди преклоннаго возраста хорошо помнятъ событія давно прошедшія и путаются событія послѣдняго времени. Ольга Леонтьевна отлично помнила все и въ этомъ отношеніи представляла человѣка въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ. Ея рассказы о видѣнномъ, слышанномъ и пережитомъ были въ высшей степеніи интересны и ее, восьмидесятилѣтнюю старуху, нерѣдко въ этихъ случаяхъ окружала молодежь, увлекавшаяся ея рассказами; даромъ слова она владела превосходно, а чего и кого она не видала на своемъ долгомъ вѣку? Она была свидѣтельницею австро-прусской войны, въ которой участвовала въ качествѣ добровольной сестры милосердія; она завѣдывала отрядомъ сестеръ милосердія и стояла во главѣ нѣсколькихъ врачебно-санитарныхъ учрежденій въ русско-турецкую войну; она вела знакомство и бесѣдовала съ Гоголемъ, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Григоровичемъ, Ив. Аксаковымъ, Герценомъ и Полевымъ. О чемъ бы ни зашла рѣчь, она быстро овладѣвала разговоромъ, интересуясь всѣмъ и требуя обстоятельнаго разъясненія вопроса, для нея недостаточно яснаго; она очень любила музыку и относилась къ ней не какъ любитель-дилетантъ, а какъ строгій цѣнитель и знатокъ; она сама хорошо играла на рояли, и это неудивительно: она была ученицею

извѣстнаго Гензелъта. Въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ нерѣдко устраивались скромные, музыкальные вечера, благодаря тому, что двѣ дамы изъ этого кружка Л. П. Шампина и С. Д. Вадковская замѣчательно хорошо исполняли на роялѣ въ четыре руки разнаго рода музыкальные шедевры; по общему отзыву любителей то было въ высшей степени удачное, почти художественное исполненіе крайне трудныхъ произведеній серьезной музыки. Постоянно и неуклонно присутствуя на этихъ вечерахъ, Ольга Леонтьевна нерѣдко или требовала повторенія особенно удачно исполненной пьесы, или просила сыграть пьесу, ею указанную, причемъ особенно доставалось тому, кто позволялъ себѣ, какъ бывало со мною, грѣшнымъ, или заговорить вполголоса во время игры, или шумно войти въ комнату; брошенный сердитый взглядъ останавливалъ, бывало, каждаго, это себѣ дозволившаго.

Любила она слушать и всегда съ нескрываемымъ удовольствіемъ слушала игру часто ее посѣщавшей извѣстной нашей пианистки В. У. Сипягиной-Лиліенфельдъ.

Свободно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, она, всего восемь лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно, уже семидесяти лѣтъ отъ роду, возобновила изученіе забытаго ею итальянскаго языка, о чемъ свидѣтельствуютъ оставшіяся тетради упражненій и переводовъ. Одновременно она глубоко интересовалась и текущими событіями: не разъ случалось мнѣ выслушать горячій упрекъ, какъ я могъ проглядѣть въ «Новомъ Времени» интересную политическую телеграмму, и за все время тяжелой, постигшей ея въ 1913 году болѣзни она слѣдила за ходомъ событій на Балканахъ, причемъ послѣднимъ ея вопросомъ, всего за два дня до смерти, пока она была еще въ сознаніи, былъ вопросъ: взято ли Скутари?

Ея могучая натура долго и упорно боролась со смертью; тяжело страдая, она скрывала физическую боль и охотно принимала ее посѣщающихъ; она избѣгала вопросовъ о ходѣ болѣзни, мотивируя отказъ тѣмъ, что кому же интересно слушать нытье больной старухи; смерти она, повидимому, не боялась, хотя, кажется, не ждала ея такъ скоро; умерла она, словно уснула. Всегда одѣтая, корректная, сколько можно веселая и любезная, она могучею силою воли умѣла сдерживать себя настолько, что мало знающему ее показалась бы вполне здоровою. Только въ послѣдніе мѣсяцы своей болѣзни она стала замѣтно раздражительною и всего за недѣлю до смерти слегла въ постель, съ которой и не вставала.

Ольга Леонтьевна родилась въ Москвѣ 13-го января 1834 года. Ея дѣдъ по матери, докторъ Блюмеръ, вызванный изъ Германіи императрицею Екатериною II, много потрудился съ другомъ сво-

имъ, извѣстнымъ докторомъ Гаазомъ въ дѣлѣ улучшенія участи заключенныхъ и ссыльныхъ; прадѣдъ ея Сень-Жоржъ, тоже вызванный изъ-за границы, былъ извѣстный въ свое время пианистъ и композиторъ; отецъ ея Леонтій Марковичъ Самойловъ, человекъ высокаго ума и образованія, служилъ при графѣ Канкринѣ въ министерствѣ финансовъ; въ домѣ Самойловыхъ вращались наилучшіе представители русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ; братья Аксаковы, Полевые, Грановскій, Герценъ, Гоголь, Ѳедоръ Кони и другіе. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ особенности съ семьями Аксаковыхъ и Полевыхъ Ольга Леонтьевна сохранила дружескія отношенія во всю жизнь.

На память о П. Н. Полевомъ въ оставшейся не уничтоженной перепискѣ Ольги Леонтьевны сохранились три письма его: въ одномъ отъ 10-го сентября 1868 года онъ извиняется, что не можетъ возратить сто рублей; въ другомъ письмѣ отъ 20-го того же сентября, видимо, отвѣчая на вопросъ Ольги Леонтьевны, что такое словарь Даля, Полевой даетъ подробную характеристику этого словаря и прибавляетъ: «Вы пишете въ своемъ письмѣ: втянута въ ту болоту. Если это не описка, то слѣдуетъ писать: въ то болото, ибо болото средняго рода». Въ письмѣ изъ Варшавы безъ даты, но, видимо, того же 1868 года, заключается интересное описаніе мѣстности и путевыхъ впечатлѣній. Тонъ всѣхъ этихъ писемъ теплый, дружескій.

Загѣмъ въ числѣ книгъ небольшой, но хорошо подобранной бібліотеки покойной имѣются: «Народныя русскія сказки въ изложеніи П. Полевого» съ надписью автора отъ 19-го декабря 1874 г.: «Ревностной сотрудницѣ по литературѣ. Прямо изъ Парижа. Цвѣтъ степенный, соответствующій лѣтамъ и положенію». Последняя фраза, повидимому, относится къ коричневому цвѣту переплета книги.

Выйдя замужъ за Николая Евстафьевича Штадена, сына героя суворовскихъ войнъ и войны 1812 года, Ольга Леонтьевна вошла въ новую для нея военную семью; то было счастливое, покоящееся на взаимной любви и уваженіи супружество; дѣтей у нихъ не было. Переѣзжая изъ города въ городъ по требованіямъ службы мужа, она въ каждомъ новомъ мѣстѣ являлась носительницею той гуманной и культурной среды, въ которой выросла; все свободное время и всѣ свои силы она отдавала на дѣла благотворительности и просвѣщенія, устраивая пріюты, школы и т. п. Характеристикою ея отношеній къ подчиненному ей мужу офицерству служить слѣдующее сохранившееся въ ея бумагахъ письмо, полученное ею за годъ до смерти отъ бывшаго офицера восьмидесятичетырехлѣтняго старца. Привожу это письмо цѣликомъ:

«Ваше высокопревосходительство, милостивая государыня Ольга Леонтьевна. Въ свѣтлый періодъ пробужденія Россіи отъ тяжкаго

вѣкового сна, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтїя, мы, счастливыцы восьмой артиллерійской бригады, впервые узнали васъ и всѣ до единого прониклись глубокимъ уваженіемъ къ вамъ, какъ женщинѣ передовой, и, несмотря на крупный постъ

Ольга Леонтьевна Штаденъ.

Николая Естафьевича, вы, какъ жена его, сумѣли соединить наше общество въ одну братскую семью и направить ее къ серьезному чтенію и саморазвитію. Въ назначенные дни офицеры собирались къ вамъ не для картъ и не для пересудовъ ближнихъ, а для участія въ бесѣдахъ, развивающихъ умъ и эстетическое чувство.

Вотъ почему во время командованія бригадою Николая Евстафьевича не было ни одного случая, марающего честь офицера, а, напротивъ, память воскрешаетъ массу примѣровъ рыцарскаго благородства, какъ по отношенію къ женщинѣ, такъ равно и долгу службы. Честь и слава вамъ, многоуважаемая Ольга Леонтьевна. Богъ васъ обидѣлъ семьею, но вы сторицею пополнили пробѣлъ, приготовивъ отечеству много идеальныхъ людей, у которыхъ грязь нынѣшняго вѣка не въ силахъ была потушить внутренній Прометеевъ огонь. Предстать предъ вами и еще разъ въ жизни засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее уваженіе я мечталъ съ того самаго дня, какъ Анна Ѳедоровна передала мнѣ ваше разрѣшеніе, но преклонные годы и послѣдствія четырехъ войнъ, въ которыхъ я участвовалъ, не дозволили мнѣ выходить изъ дому. Послѣ операци, сдѣланной мнѣ въ клиникѣ Вилье, я чувствую себя много лучше и надѣюсь на Святой Пасхѣ укрѣпиться силами и предстать передъ вашу свѣтлую личность. Владимиръ Картомышевъ. 5-го февраля 1912 года».

Судя, по сохранившимся бумагамъ, 1869 годъ засталъ Николая Евстафьевича въ Одессѣ въ должности помощника начальника артиллеріи военнаго округа; 1876 годъ въ Казани въ должности начальника артиллеріи округа; 1879 годъ въ той же должности въ Одессѣ; съ 1880 по 1891 годъ онъ занималъ такую же должность въ петербургскомъ военномъ округѣ; во время русско-турецкой войны онъ былъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи. Такимъ образомъ, Казань, Одесса и Петербургъ, куда неуклонно слѣдовала Ольга Леонтьевна за своимъ мужемъ, и были городами, въ которыхъ она работала на пользу бѣдствующаго и страждущаго человѣчества.

Изъ весьма краткихъ и отрывочныхъ имѣющихся у меня свѣдѣній видно, что 10-го іюля 1877 года Ольга Леонтьевна въ качествѣ вице-предсѣдательницы комитета о сестрахъ милосердія Краснаго Креста была, въ сопровожденіи двухъ сестеръ и съ десяти пудами клади, командирована въ дѣйствующую армію, въ городъ Галацъ. Къ сожалѣнію, никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой командировкѣ у меня нѣтъ.

Сохранилась грамота на пожалованіе Ольгѣ Леонтьевнѣ знака отличія Краснаго Креста второй степени за попеченіе о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Грамота эта отъ 13-го декабря 1878 года на имя предсѣдательницы дамскаго кружка при одесскихъ полковыхъ лазаретахъ и военныхъ отдѣленіяхъ, супруги генерала-лейтенанта О. Л. Штаденъ, но никакихъ затѣмъ данныхъ о дѣятельности ея въ этомъ кружкѣ, а равно о дѣятельности послѣдняго въ бумагахъ Ольги Леонтьевны я не нашель.

28-го апрѣля 1878 года она была назначена дамою-руководительницею при карантинномъ лазаретѣ одесскаго управленія общества

попеченія о больныхъ и раненыхъ. Какъ видно изъ сохранившейся переписки, О. Л. отказывалась принять эту должность въ виду предстоящаго отъѣзда изъ Одессы для леченія болѣзни и согласилась взять ее на себя лишь на первое и, во всякомъ случаѣ, короткое время, но, какъ усматривается изъ письма бывшаго одесскаго военнаго губернатора графа В. В. Левашова, она 5-го мая 1878 года была въ этой должности утверждена. Больше по этому вопросу никакихъ свѣдѣній у меня нѣтъ.

Въ Одессѣ она завѣдывала эвакуаціоннымъ госпиталемъ. Сохранились три большія переплетенныя, собственноручно веденныя ею книги за время съ октября 1877 г. по май 1878 г. включительно. Съ замѣчательною аккуратностью внесено сюда поступленіе вещей и денегъ, тщательно ведется расходъ того и другого съ учетомъ наличнаго остатка на 1-ое число каждаго мѣсяца. Интересны отдѣлы этихъ книгъ: имѣется отдѣльный счетъ бѣлья, платья, денегъ, книгъ, табаку, папирозъ и т. п., имѣются отдѣльные личные счета каждаго больного въ родѣ слѣдующихъ:

«35-ой артиллерійской бригады рядовой Тимоѳей Сидоровъ. Имѣетъ 2 рубахи и полушубокъ. 5-го января 1878 г. выданы ему теплые чулки и деньгами 1 рубль.

«131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка, Антонъ Якубовскій. Послана кофта на ватѣ, рукавицы, рубаха. Кальсоны для него есть у Настасьи. Спросить, имѣетъ ли фуфайку и чулки.

«2-ой бригады, Михаилъ Абрамсонъ. Получилъ уже теплую фуфайку, посланы рубаха, кальсоны и чулки».

Сохранилось и нѣчто въ родѣ расписки въ полученіи выданныхъ вещей, напримѣръ, такое коллективное письмо:

«М. Г. Премного вамъ благодарны за доставленныя вами намъ вещи, а именно шесть рубахъ, шесть кальсонъ, шесть полотенецъ, шесть носовыхъ платковъ, шесть паръ носковъ, три фуфайки и одну пару теплыхъ сапогъ. Остаемся съ искреннимъ уваженіемъ Н. Добровъ, К. Балласъ, П. Петровскій».

Имѣются благодарственныя письма родственниковъ умершихъ нижнихъ чиновъ за присылку оставшихся послѣ покойныхъ денегъ, благодарственныя письма за испрошеніе пособій и пенсій или за присылку суммъ отъ десяти до пятнадцати рублей, въ видѣ временной помощи; сохранилось письмо съ черновымъ на него отвѣтомъ, въ которомъ на запросъ о послѣднихъ минутахъ умершаго раненаго содержится подробное описаніе его болѣзни съ такимъ мелочнымъ указаніемъ, что больной послѣдніе дни свои пересталъ курить. Сохранилось нѣчто въ родѣ духовнаго завѣщанія умирающаго раненаго Константина Браво, отъ 31-го октября 1877 года, составленное «присутствующею у его постели О. Л. Штаденъ» и подписанное двумя свидѣтелями, — все это писано покойною О. Л. собственноручно.

Случайно сохранился конвертъ съ такимъ своеобразнымъ адресомъ:

«Въ гор. Одессу. Екатерининская улица, домъ г-жи Андреевской. Генеральшѣ г-жѣ Штатдиной для передачи рядовому Евсею Тришкину, въ одесскій военный госпиталь, въ четвертый павильонъ. Со вложеніемъ четырехъ рублей отъ подателя Ивана Тришкина, изъ села Кобылинки, Хитровской волости». На конвертѣ почтовые штемпеля: Тамбовъ, 22-го февраля 1878 г.—Одесса, 27-го февраля 1878 года.

Какого труда и сколько времени требовали эти мелочныя, но въ глазахъ солдатъ много значащія услуги, а вѣдь и безъ этого у покойной О. Л. работы было не мало. Такъ умѣла она отдавать всѣ свои силы дѣлу, за которое взялась.

Къ тому же времени относится собственноручно веденная ею тетрадь въ восемь листовъ, содержащая въ себѣ полную и подробную смѣту для одного санитарнаго отряда; здѣсь имѣется перечень лечебныхъ и перевязочныхъ средствъ, постельныхъ и иного рода принадлежностей, кончая кухонною посудой, съ подведеніемъ стоимости всѣхъ этихъ матеріаловъ.

Рядъ записокъ ея рукою на отдѣльныхъ листахъ и лоскуткахъ бумаги о купленныхъ для раненыхъ вещахъ, въ родѣ слѣдующей записки: «Бумага почтовая и конвертъ—3 коп., книгъ на 5 руб. 24 коп., двѣ пачки папирозъ—8 коп., марка почтовая—6 коп., перочинный ножикъ—25 коп., одна бутылка аршагу—1 руб. 30 коп., одна банка варенья—40 коп.».

Есть письмо предсѣдателя одесскихъ городскихъ дѣтскихъ пріютовъ отъ 24-го января 1879 года за № 100 о назначеніи О. Л. помощницею попечительницы Александровскаго дѣтскаго пріюта. Изъ письма этого видно, что назначеніе состоялось по докладу государынѣ императрицѣ 3-го января 1879 г., но о дѣятельности О. Л. въ этомъ пріютѣ я въ бумагахъ ея ничего не нашель.

До 1884 г., но сколько времени—неизвѣстно, она была предсѣдательницею комитета попечительства о сестрахъ милосердія Краснаго Креста въ Петербургѣ. Какъ видно изъ собственноручнаго чернаго письма ея отъ августа того года, она просила созвать общее собраніе для избранія предсѣдательницы, въ виду истеченія срока ея служенія и такъ какъ состояніе здоровья не позволяетъ ей оставаться въ Петербургѣ. Комитетъ, выразивъ глубокое сожалѣніе, что она не можетъ нести обязанностей предсѣдательницы въ самое трудное для общества время, 20-го мая 1885 г. избралъ ее почетнымъ членомъ комитета. Извѣщая объ этомъ письмомъ отъ 24-го октября 1885 г., новая предсѣдательница комитета А. К. Шубертъ добавляетъ: «Ваше желаніе оставить правленіе крайне прискорбно всѣмъ его членамъ. Я все-таки надѣюсь, что вы, которая положила основаніе комитету и возвела все дѣло до на-

стоящаго его положенія, не перестанете принимать участіе въ его дѣятельности. Званіе почетнаго члена даетъ вамъ на это полное право, а намъ надежду, что мы не утратимъ нашей дорогой со-трудницы».

Въ качествѣ «бывшей предсѣдательницы», О. Л. постоянно хлопотеть за сестеръ милосердія. Сохранился рядъ черновыхъ писемъ о пособіяхъ и помощи разнымъ сестрамъ за время 1894—1896 гг.

Этотъ попечительный комитетъ организованъ по мысли и иниціативѣ О. Л. Я не знаю, кѣмъ составленъ уставъ его, но рядъ черновыхъ проектовъ этого устава исправленъ ея рукою. Комитетъ имѣлъ сначала задачею пріисканіе сестрамъ занятій въ частныхъ домахъ и размѣщеніе ихъ на дешевыхъ квартирахъ, но неудобства, сопряженныя съ нахожденіемъ сестеръ въ разныхъ частяхъ города, побудили комитетъ устроить для нихъ общежитіе. Вскорѣ послѣ того при главномъ управленіи Краснаго Креста были открыты лекціи для пополненія ихъ знаній. Столичное населеніе отнеслось къ новому учрежденію симпатично, и требованія на сестеръ милосердія чуть не съ каждымъ днемъ возрастали. Наличныхъ сестеръ милосердія не хватало на удовлетвореніе этихъ требованій, а одно временно съ этимъ усиленная работа, при ограниченномъ количествѣ сестеръ, вызывала переутомленіе и заболѣванія послѣднихъ. Посему комитету пришлось поневолѣ озаботиться принятіемъ мѣръ призрѣнія и помощи больнымъ и переутомленнымъ, и въ виду все возрастающихъ требованій на сестеръ—пополнить кадры ихъ новыми силами. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія было или открытіе новаго общежитія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, или полная реорганизация существующаго. Комитетъ избралъ послѣднее: общежитіе было расширено и преобразовано и вслѣдъ за тѣмъ превратилось въ общину св. Евгенія. Въ настоящее время въ этой общинѣ работаетъ около ста пятидесяти сестеръ, имѣется больница на сто кроватей, амбулаторная лечебница и двухгодичные курсы. Независимо отъ сего, комитету удалось осуществить и первоначальную мысль О. Л.: обезпечить старыхъ заслуженныхъ сестеръ пріютомъ и призрѣніемъ: при общинѣ св. Евгенія въ настоящее время имѣется убѣжище имени государя императора Александра III на пятьдесятъ призрѣваемыхъ.

Въ бумагахъ О. Л. имѣется нѣсколько экземпляровъ устава общины сестеръ милосердія св. Георгія. Община эта, уставъ которой высочайше утвержденъ 15-го октября 1882 года, имѣетъ задачею безвозмездное служеніе больнымъ и раненымъ въ военное и мирное время. Слѣдовъ участія О. Л. въ дѣлахъ этой общины я въ оставшихся послѣ покойной бумагахъ не нашелъ.

Далѣе видно, что она нѣкоторое время завѣдывала центральнымъ складомъ главнаго управленія Краснаго Креста. Изъ сохранившихся бумагъ не видно, когда она вступила въ эту должность,

но имѣется записка, что въ маѣ 1884 года она, по личнымъ дѣламъ, требующимъ отсутствія изъ Петербурга на продолжительное время, полагала сложить съ себя званіе завѣдывающей складомъ, но по волѣ государыни императрицы складъ былъ оставленъ въ ея вѣдѣніи съ тѣмъ, чтобы имъ временно завѣдывала ея помощница. Вернувшись въ февралѣ 1885 года, она вступила въ должность, на что 10-го февраля 1885 года послѣдовало соизволеніе государыни.

Сюда же относится сохранившееся письмо М. П. фонъ-Кауфмана отъ 29-го апрѣля 1887 года, которымъ онъ извѣщаетъ, что государыня императрица по докладѣ ей ходатайства О. Л. объ освобожденіи ея отъ завѣдыванія складомъ высочайше повелѣтъ соизволила благодарить О. Л. за полезную ея дѣятельность и распорядительность, оказанныя Красному Кресту безспорныя услуги и при этомъ выразить надежду, что съ возстановленіемъ ея силъ она снова приметъ благотворное участіе и окажетъ просвѣщенную опытность въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

Наконецъ, въ бумагахъ О. Л. имѣется довольно большая переписка по составленію устава общества попеченія о воспитаніи дѣтей артиллерійскихъ офицеровъ. Проекты этого устава носятъ слѣды многочисленныхъ замѣтокъ и исправленій рукою О. Л. Задача общества двоякая: во-первыхъ, воспитаніе дѣтей артиллерійскихъ офицеровъ въ находящемся при обществѣ учебно-воспитательномъ заведеніи. Заведеніе это принято и все время состояло подъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича и именуется «Михайловскимъ учебно-воспитательнымъ заведеніемъ для дѣтей артиллерійскихъ офицеровъ». Вторая задача общества—содѣйствіе къ опредѣленію этихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія.

Михайловское артиллерійское училище, какъ оно кратко именовалось, было любимымъ дѣтищемъ О. Л. Оно обязано ей всецѣло своимъ учрежденіемъ; жизнью его она интересовалась до послѣднихъ дней своихъ; къ ней постоянно прибѣгали и учащіе, и учащіеся во всѣхъ своихъ бѣдахъ и невзгодахъ и всегда находили одинаковое вниманіе ко всѣмъ просьбамъ, сколь бы незначительны онѣ ни были, и получали скорую помощь и защиту.

Все вышеизложенное съ достаточною убѣдительною показываетъ, какъ широкъ былъ кругозоръ покойной О. Л. Ко всякому взятому ею на себя дѣлу она относилась серьезно и работала неустанно, не покладая рукъ и не имѣя привычки перелagать работу на чужія плечи. Отдаваясь всецѣло благотворительной дѣятельности по Красному Кресту, она находила время и не переставала интересоваться и другими занимавшими ее вопросами. Въ оставшихся послѣ нея бумагахъ, значительная часть которыхъ, какъ я уже говорилъ, была, повидимому, ею уничтожена незадолго до

смерти, все-таки сохранилась масса газетныхъ вырѣзокъ по разнымъ научнымъ и политическимъ вопросамъ, а затѣмъ слѣдующія рукописи:

1) Рѣчь председателя московскаго благотворительнаго комитета въ засѣданіи 6-го марта (даты года нѣтъ).

2) Рѣчь, сказанная 10-го марта 1877 года рабочимъ Петромъ Александровымъ, съ такой отмѣткою: «не получилъ никакого образованія Р. р. п. А.».

3) Рѣчь И. С. Аксакова въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго благотворительнаго общества 22-го іюня 1878 года.

4) Рѣчи председателя московскаго благотворительнаго общества въ общемъ собраніи 28-го сентября 1877 года и 5-го марта 1878 года.

5) «Войнаровский»—извѣстная поэма Рылѣва.

6) Рѣчь профессора Соловьева, произнесенная въ мартѣ 1881 г., мѣсто произнесенія рѣчи не указано.

7) Рядъ выписокъ и цитатъ изъ послѣднихъ произведеній гр. Л. Н. Толстого.

8) Два письма Достоевскаго къ Озмидову отъ февраля 1878 г. и 18-го марта 1880 года.

9) Молитва св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего», «Нынѣ силы небесныя», «Да исправится молитва моя», какая-то молитва на англійскомъ языкѣ и обширная, нацѣломъ листѣ почтовой бумаги большого формата молитва, начинающаяся словами: «Господи, сотвори сей день днемъ милосердія Твоего».

Всѣ эти бумаги, за исключеніемъ поэмы Рылѣва, писаны рукою покойной. И на это, значить, она находила время.

Я кончаю. Крайне досадно, что въ бумагахъ покойной такъ мало оказалось матеріала, который далъ бы возможность освѣтить ея жизнь и дѣятельность, но мнѣ хотѣлось, чтобы и этотъ скудный матеріалъ не погибъ безслѣдно, оставшись не использованнымъ. Думаю и надѣюсь, что учрежденія, въ которыхъ работала О. Л., имѣютъ достаточно матеріала для оцѣнки ея трудовъ и ихъ результатовъ. Не откликнутся ли они на мой призывъ и не дадутъ ли если не отчетъ, то хотя бы отзывъ о ея дѣятельности? Быть можетъ, и отдѣльныя лица, знавшія покойную и работавшія вмѣстѣ съ нею, подѣлятся своими воспоминаніями и дадутъ возможность сохранить надолго память объ этой выдающейся русской женщинѣ. Я же сдѣлалъ, что могъ.

И. Мѣщаниновъ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЧЕКЪ О ПРОШЛОМЪ ГАТЧИНСКАГО НИКОЛАЕВСКАГО СИРОТСКАГО ИНСТИТУТА

I.

Необходимое вступленіе.—Гатчинскій сиротскій институтъ въ 1864 году.—Директоръ Доливо-Добровольскій.—Педагогъ Делеско.—Неудачный урокъ.—Первая розга.—Суббота, какъ судный день.—Несчастные обитатели дортуара.—Дежурство Делеско въ дортуарѣ.—Посѣщеніе института государемъ императоромъ Александромъ II.—Проба пищи воспитанниковъ.—Проводы высокихъ гостей.—Госпиталь института.—Докторъ и его лекарства.—Фельдшеръ.—Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ II.

НѢСКОЛЬКО страничекъ о гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ разсказаны мнѣ моимъ отцомъ, который учился въ немъ въ самый интересный моментъ исторіи института. Кое-что изъ этихъ разсказовъ уже позабыто мною, и эти странички не могутъ, конечно, претендовать на исчерпывающую полноту, но самыя интересныя и яркія черты старой закрытой школы сохранились у меня въ памяти. Ихъ я и постараюсь передать читателю возможно полнѣе. Вотъ что разсказалъ мнѣ отецъ.

Я поступилъ въ гатчинскій сиротскій институтъ въ 1864 году; о моемъ помѣщеніи туда хлопоталъ мой дальній родственникъ Ильинъ, и я былъ немедленно принятъ, потому что круглые сироты, а такимъ былъ и я, принимались въ институтъ безпрепятственно. Я до сихъ поръ признателенъ Ильину, который постарался устроить такъ, что я могъ проводить праздничные дни у хорошаго знакомаго Ильина, гатчинскаго почт-

мейстера М—на. Безъ этихъ отпусковъ изъ института мнѣ было бы очень тяжело, такъ какъ жизнь закрытаго учебнаго заведенія, далекая отъ простой домашней обстановки, была мнѣ очень не по душѣ. Были, однако, такіе обитатели института, которые до окончанія образованія не выходили за его стѣны, исключая прогулокъ по дворцовому саду.

Во главѣ гатчинскаго сиротскаго института стоялъ, когда я поступилъ въ него, директоръ Доливо-Добровольскій. Это былъ строгій до педантизма начальникъ. Когда онъ появлялся въ институтѣ, трепеть пробѣгалъ по всему зданію, начиная со сторожей и кончая учителями. Все прихорашивалось, застегивалось на всѣ пуговицы, вытягивалось въ струнку. Онъ былъ довольно жестокъ по отношенію къ воспитанникамъ; огромныя связи съ дворцовомъ мірѣ давали ему возможность чувствовать себя на недосягаемой вышинѣ; это обстоятельство въ концѣ концовъ сыграло въ жизни Добровольскаго роковую роль. Ничто, однако, не мѣшало директору выказывать себя отцомъ воспитанниковъ. Государь императоръ Александръ II былъ крестнымъ отцомъ одного изъ дѣтей Доливо-Добровольскаго. Въ одинъ изъ пріѣздовъ государя въ Гатчину, когда воспитанники, послѣ традиціоннаго осмотра института, были собраны въ залѣ, чтобы проститься съ уѣзжавшимъ монархомъ, между Доливо-Добровольскимъ и Александромъ II произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Сколько у тебя дѣтей?—спросилъ директора государь.

— 680, ваше императорское величество!

— Нѣтъ, твоихъ, твоихъ собственныхъ?

— Семь человекъ, ваше императорское величество! Вашъ крестникъ всѣхъ перещеголялъ!

Послѣднія слова были произнесены возможно громче и достигли своей цѣли. Впрочемъ, педагогическій персоналъ и ранѣе боялся этого вліятельнаго человека и очень ретиво относился къ своимъ обязанностямъ; можетъ быть, благодаря этому, оригиналы среди педагоговъ какъ-то не проявлялись, а они, несомнѣнно, были, въ особенности въ средѣ старыхъ преподавателей. Изъ преподавательскаго синклита мнѣ, къ сожалѣнію, запомнился только одинъ преподаватель французскаго языка Делеско, и то только потому, что по его милости я былъ въ первый разъ выпоротъ. Розга тогда употреблялась, какъ мѣра педагогическаго воздѣйствія въ очень широкихъ размѣрахъ иногда изъ-за пустяка. Такъ было и со мной на этотъ разъ. Дѣло было въ субботу, въ тотъ день, когда по всему институту шла общая порка за недѣлю. Былъ урокъ французскаго языка. Мимо классовъ проводили дѣтей, которымъ была назначена экзекуція, и они уже въ предвкушеніи березовой каши плакали хоромъ, на всѣ лады. Я еще не зналъ тогда о мудромъ установленіи пороть по субботамъ и, вообразивъ, что началась перемѣна, вскочилъ со

своей парты и весело закричалъ что-то, размахивая учебникомъ.

Делеско съ минутоу изумленно смотрѣлъ на меня, а затѣмъ разсердился и, больно схвативъ за ухо, потащилъ съ парты къ двери.

— Что и тебѣ, негодяй, захотѣлось?—кричалъ онъ.

Въ это время толпа ведомыхъ на закланіе поровнялась съ классомъ. Делеско толкнулъ, въ середину толпы и сказалъ воспитателю:

— Высыпать и ему двѣ розги.

До сихъ поръ мнѣ памятна боль и стыдъ этой первой порки, и хотя за свое пребываніе въ институтѣ я вынесъ не мало порокъ, но ни одна не запомнилась мнѣ такъ ярко. Было страшно не то, что вотъ сейчасъ, сію минутоу будутъ тебя бить, а былъ страшенъ стыдъ этого наказанія, было стыдно своего обнаженнаго тѣла, и вся душа противилась и возмущалась противъ грубости и насилія.

Всеобщая порка всегда происходила по субботамъ. Всѣ, кто совершалъ за недѣлю «тяжкія» преступленія, въ этотъ день получали свою мзду. Въ числѣ дѣтей были и такія, которыхъ пороли аккуратно каждую недѣлю. Порка примѣнялась какъ лекарственное средство, на примѣръ, къ отверженцамъ института, дѣтямъ, страдавшимъ болѣзью, которая нерѣдка въ дѣтскомъ возрастѣ. Для этихъ дѣтей былъ даже устроенъ особый дортуаръ. Спали эти страдальцы на голыхъ желѣзныхъ прутьяхъ кровати, прикрытыхъ только тонкой простынею. Постоянная порка не излечивала ихъ, какъ надѣялось начальство, а только еще сильнѣе разстраивала болѣзненную нервную организацію. Мимо комнаты, гдѣ спали эти страдальцы, нельзя было пройти, не зажавъ носа. Землистый цвѣтъ лица, виноватое выраженіе, тупоуміе, вѣчно трясушіяся руки отличали, даже при бѣгломъ взглядѣ, несчастныхъ дѣтей изъ ряда воспитанниковъ. А между тѣмъ эта обыкновеннѣйшая болѣзнь, при достаточномъ терпѣніи со стороны педагоговъ, могла бы безслѣдно исчезнуть, но въ тѣ времена не умѣли ждать, а надѣялись съ помощію порки добиться быстрыхъ результатовъ.

Дортуаръ помѣщался во второмъ этажѣ; это была довольно высокая, огромная по длинѣ комната, съ арками, казавшаяся длиннымъ коридоромъ; въ ней помѣщались всѣ воспитанники института. Былъ заведенъ такой порядокъ. Тотчасъ же послѣ молитвы дѣти раздѣвались, и ихъ платье уносилось, у кого для починки, а у кого для того, чтобъ выколотить отъ пыли. Въ дортуарѣ дежурили по очереди преподаватели, причемъ преподаватель въ такой большой комнатѣ былъ совершенно безпомощенъ и не могъ услѣдить за шалунами, не желавшими уснуть безъ шалостей, поэтому дѣло частенько не обходилось безъ курьезовъ. Особенно часто это повторялось въ дежурство француза Делеско, котораго доводило до бѣшенства.

Едва дортуаръ погружался въ безмолвіе, какъ гдѣ-то, въ дальнемъ концѣ комнаты, противоположномъ отъ постели воспитателя,

раздавался собачій лай, Это какой-то шалунъ очень искусно воспроизводилъ его. Делеско бросался въ ту сторону, надѣясь накрыть виновнаго, а въ это время за его спиной кто-то мяукалъ, подражая кошкѣ; взбѣшенный Делеско оборачивался въ ту сторону, откуда раздавался звукъ, а съ противоположной тотчасъ же доносился собачій лай. Бѣдный Делеско вертѣлся волчкомъ. Наконецъ, доведенный до отчаянiя, онъ кричалъ на весь дортуаръ:

— Потише; если я собакá, я пойду къ директору, если я кошкá, я пойду къ инспектору. Тише, гóспода, я булъ къ вамъ уштивъ, а вы ко мнѣ не уштивъ!

Въ отвѣтъ на эту тираду раздавался дружный смѣхъ, такъ какъ Делеско, по своей добротѣ, никогда не приводилъ въ исполненiе своей угрозы.

Государь императоръ Александръ II очень часто посѣщаль гатчинскiй сиротскiй институтъ. Передъ его прiѣздомъ, о которомъ узнавалось заранѣе, начиналась генеральная чистка. Воспитанниковъ одѣвали въ праздничные мундиры и чистое бѣлье. Однажды государь императоръ прiѣхалъ вмѣстѣ съ августѣйшей супругой. Послѣ традиционнаго осмотра государь пожелалъ попробовать пищу воспитанниковъ. Поваръ подаль миску съ супомъ и ложку государю. Государь попробовалъ, похвалилъ супъ и, проглотивъ ложки двѣ, передалъ ложку императрицѣ.

Государыня взяла ложку супа въ ротъ, но тотчасъ же выплюнула, проговоривъ:

— Дѣйствиительно, очень вкусно.

Всякiй разъ при прiѣздѣ государя дѣтми овладѣвало радостное чувство. Это событiе такъ или иначе вливало живую струю въ тусклую, казарменную жизнь института. Воспитанники съ криками «ура» провожали государя, который шелъ, окруженный живымъ кольцомъ. Тутъ ужъ ничего не могли подѣлать воспитатели и обычно махали рукой на все. Государь и императрица спускались въ вестибюль по лѣстницѣ въ живой толпѣ радостныхъ дѣтей. У кого-то изъ воспитанниковъ, близко стоявшихъ къ императрицѣ, появились въ рукахъ ножницы, которыми шалуны старались отрѣзать «на память» хвостики горностаевой опушки на платьѣ государыни. Императрица, замѣтила это и, обернувшись, сказала:

— Что вы, дѣти, дѣлаете?

Дѣти испуганно шарахнулись въ разныя стороны, а государь, усмѣхнувшись, вынулъ портсигаръ и сталъ бросать въ воспитанниковъ свои папирсы. Толпа была отвлечена новой подачкой, и государыня могла продолжать безпрепятственно свой путь.

Въ другой разъ посѣщенiе государя застало меня въ постели. Я былъ очень серьезно боленъ воспаленiемъ легкиихъ. Дѣло было осенью 1866 года. Меня снесли въ лазаретъ института. Лазаретъ при институтѣ былъ очень хорошiй, но лекарства примѣнялись отъ всѣхъ

болѣзней одни и тѣ же: излюбленное *oleum ricini* и пивки. Последнія ставились при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Смотритель госпиталя, старикъ N, былъ очень добрымъ, милымъ человекомъ. У него была одна странность. Онъ любилъ подходить къ трудно больнымъ, садиться на кровать и, полюбивъ больного, декламировать каждому одни и тѣ же стихи, вѣроятно, собственнаго сочиненія:

Скоро, скоро, другъ мой милый,
Какъ ударить грозный часъ,
Но впередъ еще мы будемъ
Пить нисколько кислый квасъ.

Дѣйствительно, въ госпиталѣ имѣли обыкновеніе поить воспитанниковъ, для утоленія жажды, кислымъ квасомъ. Фельдшеръ больницы былъ чрезвычайно нервнымъ субъектомъ, но этотъ недостатокъ не мѣшалъ ему очень хорошо относиться къ больнымъ дѣтямъ. Добрякъ фельдшеръ старался скрасить нашу жизнь въ больницѣ медицинскими лакомствами.

Эту черту фельдшера дѣти очень хорошо изучили и старались использовать. Едва появлялся фельдшеръ, какъ со всѣхъ сторонъ тянулись блѣдныя, похудѣвшія отъ болѣзни дѣтскія руки.

— Дяденька, дай гостинцевъ!

— Сейчасъ, подождите немного!

И, чтобы отвязаться, «дяденька» давалъ изъ скуднаго аптечнаго арсенала лакричный корень; разламывалъ его на куски и надѣлялъ всѣхъ, стараясь не обидѣть никого.

Я лежалъ и еле могъ чуть-чуть приподниматься на постели; грудь нестерпимо болѣла, губы сохли отъ жара, неприятно билось сердце. Точно во снѣ я услышалъ голосъ Доливо-Добровольскаго:

— Встаньте дѣти! Его императорское величество желаетъ васъ видѣть!

Кто былъ въ состояніи—поднялся и сѣлъ; я силился послѣдовать ихъ примѣру и не могъ. Нестерпимая, сладкая слабость сковала всѣ члены. Отъ усилія стало больнѣе груди и тяжелый кашель замучилъ меня. Обезсиленный, я свалился на постель... Въ это время государь уже сталъ обходить больныхъ. Онъ останавливался у каждой койки, спрашивалъ больного, ласково журилъ или желалъ выздороветь и шелъ дальше. Наконецъ государь приблизился ко мнѣ. Я снова попытался встать, но не могъ.

Государь замѣтилъ мои усилія и остановилъ меня жестомъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ врачъ.

— Чѣмъ боленъ?—спросилъ государь.

Докторъ сталъ объяснять что-то, пересыпая свою рѣчь латинскими терминами. Государь слушалъ молча, а когда докторъ кончилъ, взглянулъ на меня и сказалъ властно и быстро:

— Чтобъ былъ здоровъ!

И ушелъ изъ госпиталя своей особенной, военной и ровной походкой.

Я сталъ сразу предметомъ удвоеннаго вниманія. Смотритель спрашивалъ меня, что мнѣ говорилъ государь; около меня появилась настоящая скатерть самобранка. Принесли вино, фрукты, появились лекарства. Докторъ далъ нѣсколько бѣглыхъ приказаній фельдшеру и бросился догонять государя, который продолжалъ свой обходъ.

Фельдшеръ принимался ставить мнѣ піявки. Но вмѣсто того, чтобы поставить на горло, онъ, должно быть, не разслышавъ приказа врача, поставилъ мнѣ добрую дюжину на піявокъ нижнюю челюсть. Піявки почему-то плохо присасывались; это обстоятельство раздражало фельдшера, и онъ, внѣ себя отъ злобы, хваталъ и давилъ піявокъ зубами. Когда пришелъ докторъ, то былъ удивленъ моимъ видомъ. Въ негодованіи врачъ закричалъ на бѣднаго фельдшера:

— Ты что это, мерзавецъ! Я тебѣ куда приказалъ поставить? На горло! А ты куда поставилъ, с... с...! Сейчасъ же переставить!

И началась мучительная операція отдиранія піявокъ отъ тѣла. Тонкія струйки крови бѣжали по моему подбородку. Несмотря на такое леченіе, я поправился, что можно, однако, приписать и удвоенному уходу за мной.

II.

Попечитель института принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Посѣщенія принца.—Случай со Свиридовымъ.—Общая порка.—Не выдержалъ!—Высшая мѣра наказанія.—Недовольство воспитанниковъ противъ Доливо-Добровольскаго.—Бунтъ и избіеніе директора.—Слѣдствіе.—Какъ находились виновные.—Итоги 1869 года.—Какъ воспитанники бѣжали изъ церкви.—Шахматная игра въ институтѣ.—Михаилъ Чигоринъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, попечитель гатчинскаго сиротскаго института, отличался необыкновенной добротой; про доброту принца ходили баснословные рассказы. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Однажды, въ пріемные часы приходитъ къ принцу Ольденбургскому богато одѣтая дама и проситъ у него пособіе. Петръ Георгіевичъ сейчасъ же, не вдаваясь въ подробности, открылъ ящикъ своего письменнаго стола и подалъ просительницѣ пятьсотъ рублей. Дама сдѣлала удивленные глаза и тономъ оскорбленной гордости проговорила:

— Помилуйте, ваше высочество, я къ вамъ пріѣхала на своихъ лошадахъ, а вы мнѣ даете какихъ-то пятьсотъ рублей.

Принцъ смутился и вѣжливо проговорилъ своимъ особеннымъ, нѣсколько гнусавымъ, голосомъ:

— Pardon, madame!

И, вынувъ тысячу рублей, далъ ихъ просительницѣ. Таковъ былъ этотъ добрѣйшей души человѣкъ. Очень возможно, что, благодаря попечительству принца, гатчинскій сиротскій институтъ содержался очень хорошо съ внѣшней стороны, и воспитанники не могли пожаловаться на обѣдъ и чистоту. Принцъ Ольденбургскій обязательно каждый мѣсяцъ посѣщалъ институтъ, а это заставляло начальство быть все время насторожѣ. Принцъ былъ средняго роста; на лѣвомъ вѣкѣ у него была довольно большая бородавка, нѣсколько безобразившая его, а въ произношеніи былъ сильный недостатокъ: гнусавый голосъ, благодаря которому его рѣчь была неясной; мы, бывало, ни одного слова не понимали изъ нея.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ принца въ 1867—1868 году произошелъ случай, сильно взволновавшій весь институтъ. Одинъ изъ воспитанниковъ, Свиридовъ, допустилъ довольно невиннаго свойства шалость, которая превратилась, однако, въ цѣлую трагедію.

Когда инспекторъ шелъ за принцемъ по коридору, Свиридовъ изловчился и привѣсилъ инспектору на пуговицу его фрака фунтикъ, сдѣланный изъ бумаги и наполненный предварительно плевками. Инспекторъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ шествовать по коридору, не подозрѣвая о припадкѣ, болтавшемся на фалдѣ, а Свиридовъ весело смѣялся своей шуткѣ. Однако директоръ замѣтилъ фунтикъ на инспекторѣ и, желая снять, схватилъ бумагу рукой. Плевки запачкали руку Доливо-Добровольскаго, но директоръ сохранилъ полное присутствіе духа. Онъ брезгливо бросилъ клочокъ бумаги и вытеръ руки платкомъ. Его лицо нѣсколько поблѣднѣло, а загорѣвшіеся глаза не предвѣщали ничего добраго. Тотчасъ же послѣ отъѣзда принца началась гроза и расправа.

Всѣ воспитанники немедленно были собраны въ актовомъ залѣ.

— Дѣти,—обратился къ намъ Доливо-Добровольскій:—кто изъ васъ сдѣлалъ эту шалость? Пусть шалунъ чистосердечно сознается, я ему ничего не сдѣлаю!

Несмотря на всѣ доводы, шалунъ и не думалъ сознаваться; надъ толпой воспитанниковъ нависла недобрая тишина; у многихъ въ тяжеломъ предчувствіи забилось сердце. Директоръ подождалъ немного и закончилъ свою рѣчь словами:

— Я вижу, что мои убѣжденія не дѣйствуютъ на шалуна. Пусть же онъ знаетъ, что изъ-за него могутъ невинно пострадать его товарищи. Подумайте, что бы было, если бы эту гадкую бумажку схватилъ его высочество?

Фамилію шалуна мы знали раньше, но рѣшили не выдавать своего товарища, памятуя крутой нравъ Доливо-Добровольскаго.

— Ну, что же, дѣти, кто же изъ васъ сдѣлалъ это?

Полное молчаніе было отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Директоръ побагровѣлъ.

— Не желаете открыть? Прекрасно. Розогъ сюда!

Появились сторожа съ пучками розогъ, внесли съ собой скамью.

— Сѣчь черезъ одного,—указаль Доливо-Добровольскій на шеренгу воспитанниковъ.

Всѣ мы поблѣднѣли. Поголовная порка была что-то невиданное до сихъ поръ въ институтѣ. Маленькіе, стоявшіе въ самомъ началѣ, которымъ первымъ предстояло вкусить эту прелесть, заплакали. Засвистали розги. Каждому отсчитывали по десяти ударовъ. Свиридовъ, блѣднѣе всѣхъ окружающихъ, съ ужасомъ смотрѣлъ на экзекуцію. Что шевелилось въ его бѣдной, измученной душѣ, зналъ только одинъ Богъ. Сосчитавъ воспитанниковъ, стоявшихъ до него, Свиридовъ сообразилъ, что ему все равно не избѣжать порки, что десять розогъ онъ все равно получить. Думая, что число розогъ ему не будетъ увеличено и желая прекратить мученія товарищей, Свиридовъ рѣшилъ чистосердечно сознаться.

Блѣдный, съ обкусанными до крови губами, трясущійся отъ страха, онъ вышелъ изъ ряда воспитанниковъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ директору:

— Это сдѣлалъ я!

— А, вотъ кто герой? Почему же ты раньше не сознался? Теперь поздно, голубчикъ. Дайте ему сто розогъ!

Это было неожиданно. Мы стояли и смотрѣли на бѣднаго, извивающагося на лавкѣ товарища. Къ нему была примѣнена очень строгая мѣра наказанія; розги предварительно мочились въ соленой водѣ и, разѣдая ссадины на нѣжномъ дѣтскомъ тѣлѣ, производили неописуемую боль. Пятьдесятъ ударовъ Свиридовъ вынесъ; вначалѣ слышались громкіе крики отъ боли и униженія; съ несчастнымъ случился даже «excrementum fecit», но его все-таки продолжали сѣчь. Наконецъ рыданія его затихли. Мальчикъ лежалъ въ обморокѣ, но розги неумолимо продолжали бить его окровавленное тѣло. Послѣ сотоаго удара Свиридовъ на простынѣ былъ унесенъ въ госпиталь. Несчастный мальчикъ, несмотря на вынесенное имъ наказаніе, былъ исключенъ изъ института. Это обстоятельство сильно испортило обострившіяся безъ того отношенія между дѣтьми и Доливо-Добровольскимъ. Часъ возмездія наступилъ и для этого гордаго и жестокаго человѣка. Воспитанники расправились съ нимъ самосудомъ.

Слѣдующій несчастный случай еще больше подлилъ масла въ огонь.

Въ одно изъ посѣщеній государя, когда послѣ осмотра института онъ вышелъ и уже садился въ коляску, дѣти, по обыкновенію, окружили государя тѣснымъ кольцомъ; маленькіе схватились еще руками за колеса и затормозили ихъ. Лошади рвались, бросались

на дыбы. Кучеръ кричалъ дѣтямъ, что можетъ произойти несчастье, но они ничего не слышали отъ возбужденія. Директоръ, увидѣвъ эту сцену, бросился въ толпу воспитанниковъ и сталъ бить дѣтей по рукамъ.

— Оставьте, что вы дѣлаете!—кричалъ онъ.

Дѣти выпустили изъ рукъ колеса. Лошади почувствовали свободу и сразу рванули впередъ. Одинъ малышъ не успѣлъ отбѣжать въ сторону, и тяжелыя колеса экипажа переѣхали ему руку, сломавъ ее повыше ладони. Мальчикъ закричалъ отъ жгучей боли. Коляска государя остановилась.

Государь высунулся изъ экипажа и встревоженно спросилъ:

— Что случилось?

— Ничего, ваше императорское величество, мальчикъ немного ушибся. Все благополучно.

Успокоенный государь уѣхалъ.

Въ это время, къ несчастью Добровольскаго, пища воспитанниковъ стала хуже, провизія часто бывала несвѣжей. Такъ былъ подготовленъ бунтъ. И онъ вспыхнулъ.

Директоръ жилъ въ отдѣльной квартирѣ при институтѣ. Къ его услугамъ былъ домъ-особнякъ, построенный рядомъ съ главнымъ зданіемъ института. Старшіе воспитанники (выпускныхъ классовъ) въ сумерки перебѣжали черезъ дворъ въ директорскую квартиру, позвонили и попросили вызвать директора, такъ какъ онъ нуженъ имъ, якобы по дѣлу.

Директоръ вышелъ на зовъ.

— Что вамъ угодно, дѣти?—спросилъ онъ.

Надо сказать, что квартира директора состояла изъ двухъ этажей. Въ верхнемъ—была его квартира, а въ нижнемъ помѣщались канцелярія и пріемная.

Дѣти, вмѣсто отвѣта, схватили его на руки и понесли по лѣстницѣ.

— Что вы дѣлаете, дѣти?—спросилъ директоръ, уже предчувствуя недоброе.

Полное молчаніе было отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Директору зажали ротъ, чтобы онъ не кричалъ.

Воспитанники надѣялись, что въ сумерки директоръ никого не узнаетъ. Въ прихожей они повалили директора на полъ и, накрывъ шубами, стали бить, жестоко, изо всей силы, кто кулакомъ, кто ногами, не разбирая мѣста, куда ударить.

— Дѣти! Дѣти! Что вы дѣлаете? Опомнитесь! Дѣти! Оставьте! Дѣти! Дѣти!—молилъ онъ.

Вскорѣ директоръ потерялъ сознание. Кончивъ свое дѣло, ученики бережно принесли безчувственнаго директора въ прихожую и, позвонивъ, бросились бѣжать по лѣстницѣ.

Жена Доливо-Добровольскаго выбѣжала на звонокъ и, увидѣвъ тѣло мужа на порогѣ въ прихожей, вообразила, что онъ убитъ.

— Убили! Убили!..—закричала она въ ужасѣ и упала въ обморокъ.

Поднялась суматоха. Вѣсть о бунтѣ въ институтѣ быстро разнеслась по Гатчинѣ. Кто-то потребовалъ солдатъ, которые и явились, загородивъ всѣ ходы и выходы института. Дѣло принимало серьезный оборотъ.

Доливо-Добровольскій поправился, но принужденъ былъ выйти въ отставку. Къ чести Доливо-Добровольскаго слѣдуетъ прибавить, что онъ отказался назвать тѣхъ воспитанниковъ, которые напали на него, несмотря на то, что многихъ зналъ въ лицо. Итоги бунта были печальны. Слѣдствіе велъ самъ принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій по высочайшему повелѣнію.

Всѣ воспитанники при пріѣздѣ принца были собраны въ актовомъ залѣ. Но на этотъ разъ не радостная атмосфера царила въ залѣ, какъ бывало всегда при посѣщеніи принца. Всѣ сознавали тяжелую отвѣтственность, упавшую на нихъ, и ждали недобраго.

Принцъ Ольденбургскій обратился къ намъ съ рѣчью, увѣщевая указать виновниковъ избіенія Доливо-Добровольскаго. Молчаніе было отвѣтомъ на это предложеніе.

Тогда принцъ сталъ на противоположный конецъ залы и крикнулъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда, когда раздавалъ конфеты:

— Дѣти, кто любитъ меня, сюда, ко мнѣ!—и указалъ на свою грудь.

Дѣти, конечно, побѣжали, торопясь и толкаясь, обгоняя другъ друга, къ принцу. Когда перебѣжало больше половины,—принцъ крикнулъ:

— Довольно! Стойте!

И, указывая на оставшихся, произнесъ:

— Вотъ они, зачинщики!

Съ этими «зачинщиками» было поступлено довольно сурово. Старшіе, воспитанники выпускнаго класса, были лишены правъ по образованію и отданы въ солдаты, а воспитанники иныхъ классовъ, начиная съ четвертаго до выпускнаго, были выпущены со свидѣтельствами того класса, въ которомъ обучались. Такъ закончился 1869 годъ. Гатчинскій сиротскій институтъ, вѣрнѣе, старшіе классы его, былъ закрытъ на годъ, а черезъ девять лѣтъ старшіе классы были преобразованы по типу военныхъ гимназій.

Не только эти темныя страницы остались въ моей памяти... Шалости, первая трубка табаку, выкуренная украдкой, пріѣзды принца и государя, всѣ эти воспоминанія сглаживаютъ общее печальное впечатлѣніе отъ институтской жизни.

Особенной религіозностью мы не отличались, и, чтобы избѣжать стоянія въ церкви, прибѣгали къ хитростямъ. Обычно въ

субботу классы запирались на замокъ для того, чтобы убрать ихъ въ свободное время. Мы выбирали самый далекий и темный классъ, отпирали двери отмычками и прятались подъ партами, въ пыли, притаивъ дыханіе. Это было гораздо мучительнѣе, чѣмъ стояніе въ церкви, но мы мужественно выносили все. Бывало, что иногда смѣльчака накрывали, и тогда его ждала порка.

Въ институтѣ была очень развита шахматная игра. Ее насадилъ преподаватель нѣмецкаго языка Шульцъ. Увидить, бывало, воспитанника въ перемѣну и подзоветъ къ себѣ:

— Ты что дѣлаешь? Иди-ка, иди сюда!

И, словно по щучьему велѣнью, появлялась шахматная доска, и ученикъ и учитель старались обыграть другъ друга. У этого Шульца дѣлалъ свои первые шаги извѣстный шахматистъ Михаилъ Чигоринъ.

Всеволодъ Малаховскій.

ПОЭТЪ ГРИГОРІЙ ГОЛОВКОВЪ.

Очеркъ.

Рвался онъ къ высокому свѣтлой душой на землѣ,
Блуждая во мглѣ. Г. Головковъ.

... свѣтлаго творчества мощныя силы,
Увядшія вмѣстѣ съ цвѣтами могилы,
Въ безвѣстную скрылися даль,—
И гѣсенъ замолкшихъ мнѣ жаль.

Н. Языковъ.

РОШЛО двадцать два года съ тѣхъ поръ, какъ застрѣлился студентъ физико-математическаго факультета харьковскаго университета, Григорій Алексѣевичъ Головковъ, имя котораго, вѣроятно, большинству неизвѣстно, хотя въ 1894 году и былъ изданъ въ гор. Харьковѣ матерью покойнаго поэта, Марією Никаноровною, женщиною большого ума, удивительной выдержки и прекрасно образованною, довольно обширный томъ (около 440 страницъ) его стихотвореній и драматическихъ поэмъ и этюдовъ въ стихахъ.

Въ эту объемистую книгу многое изъ написаннаго Головковымъ (напримѣръ, поэма «Графъ Грабовскій», «Христіанка», очеркъ путешествія по Кавказу, цѣлый рядъ прозаическихъ вещей) не вошло, но и даннаго матеріала совершенно достаточно, чтобы получить точное представленіе объ юномъ поэтѣ, покончившемъ съ собой такъ рано (на двадцать четвертомъ году жизни). Кромѣ здоровья, которымъ Головковъ никогда не отличался (нѣсколько разъ онъ бывалъ на краю

могилы), природа, кажется, рѣшительно всёмъ надѣлила его: чудными способностями, отличной памятью, талантомъ писателя, добрымъ сердцемъ, богатствомъ, живымъ анализирующимъ умомъ, любовью окружающихъ,—близкихъ и чужихъ.

Хотя беззаботный подчасъ юморъ и шель у него рядомъ съ мрачнымъ отчаяньемъ, но радостное настроеніе вообще какъ-то не вполне подходило къ натурѣ Головкина.

Во снѣ и наяву звучала ему все одна и та же зловѣщая загадка:

Что такое—жизнь людская,
Что сулить вѣковъ теченье?

Вѣковѣчная Сивилла со впалыми очами, почти всегда молчаливая, никогда не улыбающаяся, съ холоднымъ блескомъ во взорѣ, долго не отвѣчала и, наконецъ, дала слѣдующій отвѣтъ на его настойчивые вопросы:

Нѣтъ вѣковъ внѣ вашей мысли,
Внѣ короткаго сознанья.
Ваша жизнь—игра природы,
Незамѣтная для міра.
Безконечный, вѣчный Разумъ
Мыслить только бесконечно.
.....
Міръ подходит къ совершенству
Милліонами смертей.
.....
Ты страдаешь, ты томишься...
Міръ не думаетъ объ этомъ!
Эти муки—только проба
Улучшительницы-смерти.

Само собою разумѣется, что послѣ такихъ мрачно-разсудительныхъ фразъ, ему ничего не оставалось другого, какъ обратиться къ человѣчеству съ подобными же словами:

Кто прошелъ путь жизни непреложный,—
Не жалѣй былыхъ отрадь и горя,
Въ вѣчность кань изъ бренности ничтожной,
Точно капля вглубь сѣдого моря!

Въ стихотвореніи, написанномъ въ подражаніе Петѣфи, Головкинъ также выражаетъ почти ту же мысль, но въ болѣе опредѣленной формѣ и съ гораздо большимъ убѣжденіемъ:

Въ погоню за счастьемъ—туда и сюда
Весь вѣкъ свой бѣжитъ человѣкъ.
.....
Не тамъ оно, нѣтъ! Твое счастье живетъ
Въ могилѣ сырой, подъ тобой.

Григорій Алексѣевичъ Головковъ.

Молодыя поэтическія грезы постепенно разлетались, какъ дымъ, и прежніе идеальныя взгляды замѣнялись критическимъ отношеніемъ ко всему окружающему:

Нашъ вѣкъ отъ вдохновеній ждетъ
Глубокой правды и прозрѣнья.
Поэтъ, не думай о пустомъ!
Міръ созданъ *мърой и числомъ*.

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Головковъ такъ говоритъ о себѣ:
«Поэтическое существо нераздѣльно во мнѣ съ математическимъ».

Въ самый моментъ поэтического творчества я остаюсь математикомъ и, наоборотъ, во время сухой математической работы я не перестаю быть поэтомъ. Математика и поэзія не враги, а, въ сущности говоря, исконные друзья. Вспомните мои стихи:

И Библией мнѣ служить мнѣ,
А математика—псалтырью!

Но и этотъ успокоительный тезисъ не спасалъ отъ душевныхъ бурь. Сомнѣнья разрастались, проникали глубже, а свѣтлыя надежды юности отходили все дальше и дальше. И наступилъ, затѣмъ, моментъ, когда Головковъ почувствовалъ, что подошелъ къ опасному мѣсту, открывающему «мракъ и пустоту».

Съ какимъ отчаяньемъ бросилъ онъ тогда упрекъ Люциферу:

Коварные дары ты ядомъ пропиталъ;
Ты знанье общалъ, а далъ самосознанье,
Клялся наполнить жизнь, но только растопталъ
Ея дары, оставивъ лишь страданье.
Ты зрѣнье далъ глазамъ, чтобъ видѣть *пустоту*;
Взамѣнъ возможнаго ты далъ одни видѣнья.
И радости земли, и міра красоту
Ты осквернилъ улыбкою презрѣнья.
Носитель свѣта—ты, но ты приносишь тьму.
Недостижимую поставилъ ты приманку.
Ты надорваться дашь безсильному уму
И вывернешь незнанье наизнанку.
Люциферъ, злѣй тебя нѣтъ демона въ аду,
Коварнѣе тебя не знаетъ онъ чудовищъ!
Подъ маскою добра скрываешь ты бѣду
И смерть—подъ грудюю сокровищъ.

Въ позднѣйшемъ стихотвореніи «Развалины храма» уже слышатся звуки, предвѣщающіе трагическую развязку.

Былъ горделивый храмъ; осталась лишь руина.
Давно священный гимнъ замолкъ въ его стѣнахъ.
Разбросаны въ пыли осколки исполина,
Который поселялъ благоговѣйный страхъ.
На дымныхъ алтаряхъ, гдѣ нѣкогда сгорали
Пышнѣйшіе дары праматери-земли,—
Теперь разросся мохъ, знакъ вѣковой печали...
Оставленъ прежній богъ, и жертвы отошли.
Привѣтный плющъ собой паденья не сокроетъ.
Ужасно видѣть тлѣнь, гдѣ былъ огонь живой!
Нѣтъ голоса молитвъ; унылый филинъ воетъ,
И ночь виситъ вокругъ, какъ пологъ гробовой.
Тяжелый, грозный видъ! Явитесь снова, боги!
Пусть устремятся къ вамъ покорные рабы!
Въ отвѣтъ, на вашъ призывъ, хоть радостный, хоть строгій,
Пусть встрепенется жизнь, пусть летитъ звукъ мольбы!

За два года до смерти Головковъ писалъ мнѣ своимъ аккуратнымъ, полудѣтскимъ почеркомъ: «Въ чемъ же наша цѣль? Разъясните на милость! Это мнѣ теперь нужно, какъ вода рыбѣ. Было моею цѣлью служеніе мошеннику Люциферу, но онъ меня одурачилъ по обыкновенію. Я его разругалъ и бросилъ. Были у меня савонарольскіе инстинкты, твердые и суровые; скептицизмъ обратилъ мое христіанство въ деизмъ, и всѣ подпоры савонарольства пали; отъ него осталась одна привычка, поминутно порицаемая разсудкомъ. Внѣ этихъ двухъ я не существовалъ и не существую. Итакъ, я очутился въ пустынѣ на развалинахъ храма. Поздняя скарлатина, поздняя корь, поздняя ломка нравственнаго міра—все это болѣзни очень тяжелыя и опасныя. Въ силу разочарованія въ своихъ идеалахъ, я потерялъ вѣру въ себя, потерялъ самодѣятельность, словомъ подъ внѣшнюю инфлуэнцу, которой я недавно страдалъ, закралась внутренняя, не четырехдневная, но безсрочная. Муза начинаетъ звать на помощь и кричать караулъ. *Развалины храма*—вотъ ея стихотворный вопль. Это такое проклятое, безпомощное страданье, хуже котораго и между физическими болями не сыщешь. Прямо къ чорту бы провалился, чтобы только не мучиться, но и въ чорта уже не вѣруешь, а это совсѣмъ послѣднее дѣло! И въ облакахъ утомительно, и въ грязи скверно. Хоть бы кто-нибудь калоши мнѣ подалъ на мое небо, чтобы ступить на землю, не запачкавши своихъ неоскверненныхъ *лапокъ*. Наружная инфлуэнца прошла, но въ душѣ такая тоска, что хоть плачь. Это я уже и пробовалъ дѣлать послѣ десятилѣтняго отсутствія практики. Рѣсницы мокнуть, а душа горитъ безъ малѣйшаго облегченія. Въ чемъ же наша цѣль, если не въ смерти? Дайте мнѣ ее, дайте эту цѣль, какова бы она ни была, введите этого бога въ мой разрушенный храмъ! Я не стану справляться объ его аттестатахъ лишь бы я увѣровалъ въ его существованье внѣ грезъ больного воображенья. Я подобенъ мыльному пузырю, пустому внутри и носящемуся въ пустотѣ снаружи. Мой мозгъ объявляетъ себя банкротомъ и безъ внѣшняго вклада отказывается поправлять свои дѣла. Благо, что, кромѣ меня самого, никто не разоренъ отъ этого банкротства, зато я очень много потерялъ: я только имъ и держался!

Несмотря на ужасное настроеніе, Головковъ все же старался заслонить отъ себя тѣнь смерти, въ которой пытался усмотрѣть конечную «цѣль», искалъ утѣшенія въ творествѣ, строилъ успокоительныя дилеммы, болѣе доступныя, чѣмъ гамлетовское «быть или не быть».

Въ одинъ изъ такихъ періодовъ «исканій» онъ писалъ мнѣ:

«Нѣтъ выше наслажденія, какъ улавливать вырастающій образъ дѣйствующихъ лицъ, сначала смутный, подобный призракамъ ночи, затѣмъ облеченный въ тѣло, но еще безжизненный и, наконецъ, оживленный и одушевленный послѣднимъ маніемъ твор-

ческой силы. Съ этими вызванными изъ Nirваны тѣнями сродняешься всѣми помыслами, изъ-за нихъ забываешь порою и боль, и личную заботу».

Казалось, спасенье возможно. Лекарство найдено. Даже за нѣсколько минутъ до рокового выстрѣла Головковъ сказалъ:

— Я, можетъ быть, и застрѣлился бы, но мнѣ жаль *Васишту*.

«Васишта»—это неоконченная драматическая поэма, которую онъ особенно любилъ и надъ которой много трудился. Но и творческій образъ не спасъ отъ отчаянья. «Мракъ и пустота» побѣдили...

Придя къ убѣжденью, что надо покончить расчеты съ обманувшей жизнью, Головковъ, говорятъ, долго сидѣлъ на креслѣ въ сорочкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, прислонивъ дуло револьвера къ сердцу, и просилъ одно близкое лицо, находившееся въ сосѣдней комнатѣ, простить его («иначе я застрѣлюсь»).

Передъ этой тяжелой сценой въ духѣ Достоевскаго была довольно серьезная домашняя ссора, закончившаяся бурной вспышкой. Она-то и послужила, хотя и не причиной самоубійства, но главнѣйшимъ поводомъ къ тому, чтобъ ускорить печальную развязку. Прощенья, тѣмъ не менѣе, не послѣдовало, несмотря на то, что обиженной сторонѣ была хорошо извѣстна нервность молодого поэта.

По словамъ И. Любицкаго, помѣтившаго біографическій очеркъ Головкова въ посмертномъ сборникѣ его сочиненій, нервное состояніе это было настолько сильно, что онъ послѣднее время могъ писать лишь карандашомъ и не иначе, какъ дѣлая на немъ нарѣзы или обворачивая его чѣмъ-нибудь мягкимъ. Тоска, раздражительность и порывы отчаянья, а при всемъ этомъ усиленные занятія на четвертомъ курсѣ физико-математическаго факультета сдѣлали свое дѣло, и поэтъ застрѣлился за полтора мѣсяца до выхода изъ университета. Спуская курокъ, почемъ знать, можетъ быть, онъ еще разъ съ горечью вспомнилъ о «Васиштѣ», но было поздно...

Чрезмѣрныя университетскія занятія оставили слѣды и въ поэзіи Головкова. Вотъ выдержка изъ его письма, написаннаго со собственнымъ ему тонкимъ юморомъ: «Божьею милостью или лучше—Божьимъ попусценіемъ у насъ всѣ дни въ понедѣльники пообращались. У людей добрыхъ семь пятницъ на недѣлѣ, а у насъ семь понедѣльниковъ. Конечно, эта система вполне согласна съ доводами науки,—вѣдь, Франція давно нашла, что шесть дней учебнаго труда («шесть дней дѣлай»...) пагубно дѣйствуютъ на здоровье учащихся, что слѣдуетъ устранить; но солидная матушка Россія и попрыгунья-стрекоза Франція надумали разныя мѣры устраненія зловредной шестидневности труда: Франція проектируетъ освободить отъ ученія по четвергамъ, чтобы было пять дней труда (6—1), а Русь пра-

вославная догадалась занять сполна работою и воскресенъе, чтобы вышло $6+1=7$ днямъ работы... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ упомянутая шестидневность устранена, но во второмъ случаѣ меньше остается досуга для всякихъ *худыхъ* мыслей, слѣдовательно, оно и лучше...

Занять я,—занять... А въ сердцѣ ключомъ
 Бьется струя вдохновенія,
 Просится къ жизни въ томленьи нѣмомъ,
 Хочетъ излиться унылымъ стихомъ
 Въ мѣрѣ тоски и сомнѣнія.
 Занять я,—занять... Подавленъ мой духъ,
 Точно гранитной темницею.
 Но вдохновенія жаръ не потухъ,
 Точно надѣется вырваться вдругъ
 Вольной, могучею птицею.
 Нѣтъ, не надѣйся! Темница крѣпка,
 Не для меня открывается!..
 Знанье обширно, а жизнь коротка...
 Некогда! Пусть себѣ въ сердцѣ тоска
 Въ горькія слезы скипается!

«Это стихотвореніе вырвалось у меня экспромптомъ среди адской каторги, на которую у насъ очень твердо».

Въ лицѣ Григорія Головкова и поэзія, и наука потеряли, по всей вѣроятности, весьма значительную величину.

Смерть подрѣзала еще далеко не созрѣвшій зеленый всходъ, обѣщавшій богатый урожай.

Извѣстный педагогъ Д. В. Гутниковъ въ своемъ очеркѣ, посвященномъ Головкову, отмѣчая его творческой умъ, между прочимъ, говорить:

«Еще будучи гимназистомъ, онъ, по словамъ товарищей, изобрѣлъ сокращенный или упрощенный способъ возведенія чиселъ въ квадратъ, а въ комиссіонномъ сочиненіи по физико-математическому факультету, за смертью автора не оконченномъ, высказалъ нѣкоторыя оригинальныя соображенія по теоріи свѣта («о цвѣтной фотографіи»). Высшаго же выраженія этотъ творческой умъ, въ соединеніи съ воображеніемъ и фантазіей, нашель въ занятіяхъ Григорія Алексѣевича поэзіей, которая составляла главный паеосъ, господствующую страсть души и жизни».

А. Контрольскій, ближайшій другъ Головкова, находитъ, что въ складѣ его ума были серьезные задатки строгаго, глубокомысленнаго ученаго. Онъ мечталъ, окончивши университетъ, поѣхать за границу, прослушать тамъ естественныя и нѣкоторыя медицинскія науки и посвятить свою дѣятельность нервной физиологіи и психологіи.

Головковъ на восьмомъ году жизни такъ заболѣлъ, что болѣе двухъ лѣтъ былъ прикованъ къ постели,—лежалъ въ корсетѣ со стальными пружинами, не снимая его ни днемъ, ни ночью. Въ эти-то тяжелыя минуты и начала развиваться его фантазія, рисуя самыя причудливыя волшебныя картины. Не было еще словъ, воплощавшихъ поэтическіе образы, но звуки уже зарождались въ душѣ мальчика въ одинокіе часы раздумій. Небо, глядѣвшее въ окошко, верхушки деревьевъ, стаи пролетающихъ птицъ, шелестъ листьевъ и завыванье вѣтра были друзьями маленькаго страдальца.

Болѣзнь потомъ прошла, но здоровье оставалось слабымъ до конца его кратковременной жизни, причемъ въ послѣдніе годы еще подтачивала силы злая кавказская малярія, полученная во время научныхъ экскурсій, предпринятыхъ изъ Севастополя въ Сухумъ, а потомъ черезъ дебри Кавказа, черезъ Сванетію и Цецельду—обратно въ Харьковъ.

Головковъ сталъ писать очень рано, съ двѣнадцати лѣтъ.

Обладая удивительною скромностью, онъ, конечно, никогда не рѣшился бы издать свои произведенія, помня завѣтъ собственной музы:

Мірскою славою, поэтъ,
 Не соблазняй души смиренной!
 Ее отвергнетъ гордый свѣтъ;
 Ей мѣста нѣтъ въ юдоли тлѣнной.
 Не для вниманія людей
 Она являетъ стихъ нестройный:
 Не тронетъ онъ мірскихъ страстей
 Своей унылостью спокойной.
 Отъ сердца льется онъ порой,
 Какъ сокъ течетъ весной съ березы;
 Но что дадутъ душѣ людской
 Его несбыточныя грезы?
 Его съ презрѣньемъ осмѣютъ,—
 Мечты любимой отраженье;
 Его оцѣнятъ и поймутъ
 Одни лишь слуги вдохновенья.

Исключенье имъ было сдѣлано только ради двухъ сборниковъ,—одного, изданнаго третьей харьковской гимназіей въ память 1000-лѣтія дня кончины славянскихъ апостоловъ, Кирилла и Меѳодія (въ 1885 г.), гдѣ была помѣщена «Легенда о св. Кириллѣ», принадлежащая перу ученика 7-го класса, Головкова, и другого—«Студенческаго» (въ 1893 г.), въ виду благотворительной цѣли изданія, куда вошла комедія «Гарунъ», нѣсколько мелкихъ стихотвореній и «Очеркъ», посвященный путешествію по Кавказу.

Головковъ мало отдѣлывалъ стихъ, и несовершенство техники, повидимому, не особенно печалило его. Торопливо набрасывая художественныя картины, бѣглыя мысли, порою туманныя образы,

еще не успѣвшіе вылиться въ строгія формы, онъ, вѣроятно, думалъ вернуться къ нимъ впослѣдствіи, на досугѣ, такъ какъ въ университетскіе годы свободнаго времени почти не было.

«Инстинктъ руководитъ полетомъ мысли поэта,—писалъ мнѣ Головковъ, когда я неоднократно указывалъ ему на необходимость отдѣлки стиха:—инстинктъ наводитъ его на самую изящную форму; органическая связь между идеей и внѣшней формой есть дѣло, главнымъ образомъ, инстинкта. Сознательность притупляетъ его. Слѣдя за каждымъ движеніемъ своего творчества, мы принижаемъ его и дѣлаемъ не творчествомъ, а наукою, ремесломъ, даже искусствомъ, но въ тѣсномъ смыслѣ мастерства. Поэтъ обязанъ предоставить это образованіе *внутренностей* формы своему творческому инстинкту,—пусть отъ этого хромаетъ внѣшность. Погладить слогъ и замѣнить слова болѣе идущими къ дѣлу (во фразеологическомъ смыслѣ) это—холодное занятіе ремесленника, нужное вообще, но неумѣстное въ то время, когда въ груди избранника горитъ огонь Аполлона. Свѣжесть, искренность и задушевность поэтическихъ произведеній — исключительно дѣло этого высокаго инстинкта. Замѣнивъ его мышленіемъ, мы можемъ получить произведеніе умнѣе, сжатѣе, сильнѣе въ смыслѣ убѣдительности, но свѣжести,—свѣжести мы не дадимъ ему искусственно. Преобладаніе мышленія надъ инстинктомъ—мой главный и непоправимый порокъ... Угнетаемый заодно и нездоровьемъ, и работою, я предался меланхоліи, подъ впечатлѣніемъ которой написалъ слѣдующее мрачно-логическое стихотвореніе:

Я истощенъ трудомъ; слабѣю я втиши
И таю медленно какъ тѣломъ, такъ и духомъ.
Шумъ жизни подвижной не трогаетъ души,
И риема не царитъ надъ отупѣвшимъ слухомъ.
Съ безумной страстностью, съ болѣзненной тоской
Я кинулся стремглавъ въ безбрежный омутъ знанья,
Имѣя идеаль, для неба—мелочной,
Да и въ глазахъ людей—не стоящій вниманья.
Живущій я мертвецъ иль мертвенный живой,
Бродящій по землѣ, подобно чудной тѣни?
Во мнѣ два свойства есть—противныхъ межъ собой...
«Въ противорѣчьяхъ нѣтъ посредственной ступени»,
Рѣшили мудрецы, но я, *полуживой*,
Невольно доказалъ ошибочность ихъ мнѣній.

«Въ противоположность этому, началъ писать комедію изъ жизни арабовъ («Гарунъ») временъ халифовъ. Не удивляйтесь! Это мое свойство—вѣчно быть за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ и всюду перескакивать черезъ границы, даже въ письмѣ, которое выходитъ слишкомъ пространнымъ».

Послѣ Головкова осталось немало обширныхъ поэтическихъ трудовъ: «Гарунъ», «Графъ Грабовскій», «Христіанка», «Мститель»

(изъ временъ царствованія Людовика XI), «Геростратъ», въ которомъ авторъ хотѣлъ показать, вслѣдствіе какой внутренней борьбы являются такія личности, какъ этотъ герой-честолюбецъ, — жертва всезатмевающей страсти, наконецъ, не оконченная драматическая поэма «Васишта» (дѣйствіе происходитъ сначала подъ Москвой въ 1552 г., затѣмъ въ Индіи въ 1564 г.).

Головковъ знакомилъ своего друга, А. Контрольскаго, съ развитіемъ будущихъ идей этой поэмы сперва въ общихъ чертахъ, какими онѣ зарождались у него самого, а потомъ все болѣе подробно.

По словамъ А. Контрольскаго, «онъ много прочитывалъ по вопросамъ, касающимся темы, и всегда старался оставаться вѣрнымъ исторіи, колориту мѣста и т. п. Для *Васишты* онъ просматривалъ не только статьи по исторіи Индіи временъ Акбара, но даже знакомился специально съ архитектурой ея. Онъ собирался подробно изучить и различныя философскія и нравственныя ученія для того, чтобы окончить свое любимѣйшее дѣтище возможно лучше. Въ одномъ изъ ненаписанныхъ дѣйствій проектировалась сцена философскаго спора между тремя лицами: Васиштой — пантеистомъ, его ученикомъ — матеріалистомъ и миссіонеромъ, убѣжденнымъ христіаниномъ-іезуитомъ. Эта сцена должна была составить такъ сказать, фокусъ философскаго интереса поэмы и лелѣялась авторомъ болѣе всѣхъ остальныхъ. Боясь, однако, сдѣлать ее утомительной, онъ хотѣлъ ввести въ нее немного комическаго элемента. Въ кустахъ долженъ былъ прятаться шпионъ, подсланный магомъ, недоброжелателемъ Васишты. Кромѣ того, ученикъ послѣдняго долженъ былъ появиться на сцену прямо съ веселой пирушки. Онъ слушаетъ іезуита однимъ ухомъ, въ полудремотѣ, иногда прерывая его рѣчь громкимъ хохотомъ при воспоминаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ своей разгульной ночи или восклицаніемъ о прелести вина. Эти выходки бѣсятъ іезуита и смущаютъ Васишту, который останавливаетъ ученика упрекомъ. Тогда послѣдній начинаетъ внимательно прислушиваться къ разглагольствованіямъ іезуита и вдругъ прерываетъ его, раздражаясь сильной опровержительной рѣчью. Часто мы бесѣдовали объ этой сценѣ и возлагали на нее большія надежды. Увы! Имъ не пришлось осуществиться». Я слышалъ, что Головковъ неоднократно высказывалъ желаніе, чтобы, въ случаѣ его смерти, «Васишту» обработалъ и закончилъ Д. С. Мережковскій. Не знаю, извѣстно ли объ этомъ нашему беллетристу-философу...

Небольшія лирическія вещицы Головкова весьма разнообразны по содержанію. Есть и переводы изъ новыхъ и древнихъ поэтовъ.

Григорій Алексѣевичъ, несмотря на молодость, обладалъ большою творческою концепціей и одинаково смѣло перелеталъ мечтою къ священной эпохѣ «Ведь», къ временамъ античной жизни,

въ волшебное царство 1001 ночи, къ грозной порѣ Наполеона и къ нашей родной старинѣ. То на Альпахъ, то въ глухомъ уголкѣ украинскаго помѣстья раздавался его простой грустно-мечтательный напѣвъ, нерѣдко окрашенный чисто славянскимъ юморомъ. Онъ хорошо понималъ природу-мать, былъ ея вѣрнымъ сыномъ, чувствовалъ ея таинственные голоса, сливался съ нею.

Я не жилъ жизнью людей,—
Я жилъ нѣмою жизнью скалъ,
Я жизнью жилъ волны морской
И въ ней блаженство ощущалъ.

Чуждаясь людской суеты, Головковъ издали изучалъ человѣка и, зная его слабости, старался оградить себя отъ нихъ.

Впередъ и назадъ непрерывныя тѣни мелькаютъ;
Народныя волны проходятъ, какъ волны морскія;
Но мнѣ непонятны и чужды стремленья людскія,
И тихія мысли высоко надъ ними витаютъ.
Стремлюсь я къ звѣздамъ, что сверкаютъ надъ міромъ преступнымъ,
Въ ширь синяго моря, что даль охватила привольно,
Къ безмолвнымъ утесамъ, къ скаламъ, для людей недоступнымъ,
И сердце щемитъ у меня и отраднo, и больно.

Поэтъ-философъ, поэтъ анализа, Головковъ особенно удачно умѣлъ описывать явленія природы, сопоставляя ее съ явленіями душевнаго міра. Многіе затаенные изгибы человѣческой души отразились въ его поэзіи.

Жаль, что большинство стихотвореній осталось въ видѣ набросковъ, написанныхъ по первому впечатлѣнію. Очень часто поэтому наталкиваешься на чудный стихъ, стоящій рядомъ съ угловатымъ или совершенно прозаическимъ.

Вотъ, на примѣръ, небольшой отрывокъ, пластически передающій моментъ поэтическаго творчества:

Не говори мнѣ, что изсякъ
Потокъ поэзіи священной!
. потокъ молчитъ.
Онъ обратился въ ледъ холодный;
Рѣзецъ наукъ животворитъ
Его, какъ мраморъ благородный
Кумиръ величію наукъ
Встаетъ изъ глыбы безобразной.
.
Но только солнечнымъ лучомъ
Пригрѣтъ глыбы ледяныя;
Но только вѣшнимъ вѣтеркомъ
Пахнѣтъ на пажити сѣдыя:
Растаетъ ледъ, падетъ кумиръ,
Созданье знанія людскаго,
И потекутъ въ ожившій міръ
Струи источника живого.

Подъ пѣсней шута изъ драматической поэмы «Мститель», не стѣняясь, могъ бы подписаться любой изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ-юмористовъ. Привожу ее въ отрывкѣ.

Жиль да былъ на свѣтѣ патерь,—
 Досточтимый патерь Жанъ.
 Отрастил себѣ брюшко онъ
 Иждивеньемъ прихожанъ.
 Жиль да былъ на свѣтѣ патерь,
 Безпримѣрно свято жилъ
 И брюшко свое не пищей—
 Духомъ Божьимъ отрастилъ.
 Лишь съ утра сухою коркой
 Перекусить кое-какъ,
 Ужъ идетъ смиренно къ требамъ,
 Почитай что натошакъ.
 Безкорыстенъ былъ онъ въ требахъ:
 Чтò давалъ кто—то и бралъ,
 Но даятелей корыстныхъ
 Съ омерзеньемъ избѣгалъ;
 А понадобится очень
 Тамъ крестить или вѣнчать,—
 То умѣлъ онъ нечестивыхъ
 Христіански наказать.
 «Церковь Божія бѣднѣеть»,
 Говорилъ онъ чуть дыша:
 «И не сжалится надъ нею
 Христіанская душа.
 Лишь тяжелою работой
 Добываю я гроши
 Для священныхъ Божьихъ таинствъ
 Во спасеніе души.
 И теперь спѣшу къ труду я...
 Страждетъ, страждетъ Божій храмъ!..»
 И идетъ съ печальнымъ видомъ
 Къ утомительнымъ трудамъ...

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ о своемъ гимназическомъ товарищѣ, я невольно прихожу къ выводу, что, не умри онъ такъ преждевременно, все же рано или поздно молодой мечтатель Головковъ долженъ былъ почувствовать разладъ между сердцемъ и разсудкомъ, которые никакъ не могли у него спѣться. Въ то время, когда первое обращалось къ Селенѣ съ мольбою:

Чистая Селена,
 Бодрствуя надъ нами,
 Озаряй природу
 Чудными огнями!
 Царствуй средь ээира!
 Возноси мечтанья
 Отъ земного міра
 Къ высямъ первозданья!—

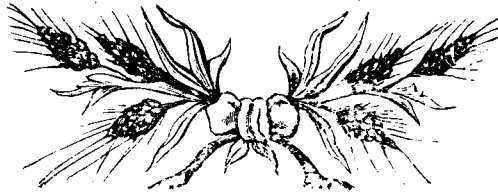
скептической умъ холодно возражалъ грезамъ поэтической души:

Въ насъ жизньъ глуха отъ роскоши культуры...
.....
Мы никогда не можемъ ощутить
Всего того, что скрыто въ словѣ *жить*.
Въ своемъ кругу мы носимся, какъ тѣни,
Безъ рѣзкихъ чувствъ и сильныхъ впечатлѣній.

Въ этомъ разладѣ и таилось зерно всей трагедіи вдумчиваго поэта, любившаго жизнь, но не умѣвшаго овладѣть ею, вѣдь говорилъ же онъ о себѣ: «я переломилъ себя, сжалъ въ рамкахъ собственной разсудительности и сталъ не человѣкомъ, а машиной», между тѣмъ Головковъ «хотѣлъ быть не лучшимъ, но хорошимъ».

Эта послѣдняя фраза (изъ «Васишты») красуется и на его памятникѣ, сверкая золотыми буквами.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ И МОСКОВСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

(Изъ воспоминаній).

ВЪ КОНЦѢ восьмидесятыхъ и особенно въ девяностыхъ годахъ минувшаго вѣка Николай Константиновичъ Михайловскій, десятилѣтіе со дня кончины котораго недавно было единодушно отмѣчено всей русской передовой печатью, по истинѣ являлся кумиромъ и вождемъ нашей интеллигенціи. Онъ былъ почти такимъ же властителемъ ея думъ, какъ Левъ Толстой. Мало того,—тогдашней, напримѣръ, студенческой молодежи Михайловскій былъ даже ближе Толстого, болѣе отвѣчалъ ея настроенію и общественнымъ идеаламъ. Помнится, мы, студенты московскаго университета, буквально нарахватъ читали его знаменитыя «Письма о разныхъ разностяхъ», въ теченіе долгаго времени печатавшіяся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Каждое изъ такихъ «писемъ», въ которыхъ авторъ откликнулся на самыя животрепещущія темы и злобы дня, выдвигаемыя общественной жизнью, и сверкалъ всѣми цвѣтами радуги своего публицистическаго таланта, было для насъ своего рода откровеніемъ. Читая и перечитывая статью, даже заучивая наизусть отдѣльныя, наиболѣе хлесткія ея мѣста, мы долго потомъ вели о ней оживленные дебаты, горячились, спорили, нерѣдко ссорились между собой, и имя Михайловскаго, переходя изъ устъ въ уста, мало-по-малу становилось въ нашей студенческой средѣ самымъ дорогимъ и близкимъ.

Какъ велика была среди насъ популярность этого писателя, покорявшаго юныя сердца какою-то особенной, лишь одному ему свойственной яркостью и убѣжденностью тона, этого великолѣпнаго діалектика и мастера слова, которымъ онъ, какъ остро отточенной сѣкирой, [поражалъ своихъ многочисленныхъ противниковъ, нынѣшніе студенты, занимающіеся «огарочной» любовью и спортомъ, воспитанные на пошлостяхъ кинематографа и футуризма, восторгающіеся «знаменитымъ» Максомъ Линдеромъ и устраивающіе ему публично бурныя оваціи, конечно, и представить себѣ не могутъ. Обаяніе личности Михайловскаго, его писательскій авторитетъ среди тогдашней студенческой молодежи были таковы, что нерѣдко одно лишь упоминаніе его имени въ связи съ высказаннымъ имъ въ печати мнѣніемъ по тому или иному вопросу заставляло спорящаго сконфуженно умолкнуть и немедленно сдать позицію своему торжествующему противнику: «magister dixit»—и спорный вопросъ получалъ окончательное разрѣшеніе.

Когда въ описываемую эпоху появилась въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстная статья Льва Толстого съ обращеннымъ къ интеллигенціи горячимъ призывомъ воздержаться отъ обычнаго пьянаго разгула въ «Татьянинъ день», то въ нѣкоторыхъ студенческихъ кружкахъ тотчасъ же возникла мысль просить Н. К. Михайловскаго высказаться по поводу напущенной и взволновавшей всѣхъ статьи «яснополянскаго пророка». Николаю Константиновичу, помнится, въ тотъ же день была послана въ Петербургъ телеграмма съ «уплаченнымъ отвѣтомъ», но—увы!—кажется, «за ненахожденіемъ адресата» телеграмма благополучно вернулась въ Москву къ немалому огорченію пославшихъ ее.

Вообще на моей памяти было нѣсколько случаевъ, когда студенты письменно, а иногда и лично обращались къ Михайловскому за совѣтомъ или нравственной поддержкой, пользуясь частыми пріѣздами Н. К. въ Москву, гдѣ онъ останавливался обыкновенно у редактора «Русскихъ Вѣдомостей» В. М. Соболевскаго. Послѣдній жилъ тогда одинокимъ холостякомъ въ небольшой, скромной, но очень уютной квартиркѣ на Арбатѣ, которая наполнялась особеннымъ оживленіемъ въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ Михайловскій. Поминутно раздавались звонки, и къ петербургскому гостю то и дѣло являлись «на поклоненіе» разные знакомые, а часто и совершенно незнакомыя лица, спѣшившія отрекомендоваться знаменитому писателю въ качествѣ почитателей или почитательницъ его таланта.

Я лично зналъ одну курсистку, умершую впоследствии сестрою милосердія на поляхъ Манчжуріи, которая буквально бредила Михайловскимъ и, какъ говорится, не давала ему проходу, всюду слѣдя за нимъ по пятамъ. Какимъ-то образомъ она безошибочно

и точно узнавала всякій разъ о днѣ пріѣзда Н. К. въ Москву и спѣшила встрѣтить его на Николаевскомъ вокзалѣ. Здѣсь она любовалась имъ издали, незамѣтно слѣдила за каждымъ его шагомъ и, наконецъ, провожала до дому (т. е. до дома Гирша на Арбатѣ), тратя иногда на извозчика послѣдніе гроши. Но она долго не рѣшалась познакомиться съ Н. К. лично: «не хватало храбрости!»— какъ она сама мнѣ признавалась въ минуту откровенныхъ изліяній. Я слегка надъ ней подтрунивалъ. Вѣроятно, мои насмѣшки подѣйствовали на нее, потому что она въ концѣ концовъ «набралась храбрости» и пошла къ Михайловскому на квартиру. «Это былъ счастливѣйшій день моей жизни»,—говорила она потомъ и, захлебываясь отъ восторга, подробно рассказывала о своемъ визитѣ къ знаменитому писателю, въ котораго съ той поры уже влюбилась безповоротно: писала ему восторженные письма, носила подъ корсетомъ его фотографическую карточку и не пропускала ни одного пріѣзда Н. К. въ Москву безъ того, чтобы не попасться ему на глаза, хотя бы на улицѣ, не пожать его руки, не сказать ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ, краснѣя и заикаясь, два-три ласковыхъ слова...

Замѣчательно, что такое же чувство, близкое къ влюбленности, Михайловскій внушалъ нѣкоторымъ мужчинамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ моихъ университетскихъ товарищей, которымъ пришлось познакомиться или хотя бы только разъ въ жизни побесѣдовать съ нимъ. По ихъ отзывамъ, Н. К. производилъ чарующее впечатлѣніе своей необыкновенной пріятливостью, отзывчивостью, иногда нѣжностью. Дѣйствительно, Михайловскій какъ-то умѣлъ весь проникаться чужимъ горемъ, умѣлъ обласкать и утѣшить собесѣдника, который нерѣдко, можетъ быть, уходилъ отъ него не только нравственно удовлетвореннымъ и успокоеннымъ, но и духовно возрожденнымъ. Такой случай, на примѣръ, былъ на моей памяти со студентомъ 4-го курса Z, впоследствии небезызвѣстнымъ въ Москвѣ присяжнымъ повѣреннымъ. Жизнерадостный и веселый, вполне обеспеченный матеріально, Z вдругъ захандрилъ передъ выпускными экзаменами (кажется, подъ вліяніемъ какой-то романической исторіи), бросилъ заниматься науками и началъ сильно пить. Наступило лѣто. По совѣту друзей, Z поѣхалъ развлечься сначала на выставку въ Нижній,—это было въ 1896 году,—потомъ въ Крымъ. Скитаясь по горамъ въ окрестностяхъ Ялты, Z сталъ было поправляться, но вскорѣ вновь почувствовалъ прежнюю хандру, охватившую его съ удвоенной силой. Онъ не находилъ себѣ мѣста отъ тоски, все чаще и чаще задумывался надъ бессмысленностью жизни и наконецъ въ отчаяніи рѣшилъ покончить съ собой. Однако по нерѣшительности характера Z долго не могъ выбрать способа самоубійства. Между тѣмъ онъ случайно узнаетъ, что въ Ялту пріѣхалъ Н. К. Михайловскій и поселился надъ моремъ въ маленькой дачкѣ Желтышева.

«Неоднократно я мимо этой дачи проходилъ и не подозрѣвалъ, что въ ней живетъ Михайловскій,—разсказывалъ мнѣ потомъ, лѣтъ пять-шесть спустя, самъ Z.—Однажды во время прогулки я въ задумчивости остановился около ея ограды и въ ту же секунду услышалъ, какъ кто-то изъ прохожихъ громко сказалъ другому: «А вотъ здѣсь писатель Михайловскій живетъ!» Я оглянулся: смотрю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня на дворѣ дачи стоитъ красивый сѣдой господинъ, лицо котораго сразу показалось мнѣ знакомымъ. «Это онъ!» тотчасъ же рѣшилъ я мысленно, и вдругъ неудержимая сила повлекла меня къ нему. Мнѣ страстно захотѣлось разсказать ему о своей тоскѣ, о желаніи разстаться съ жизнью, словомъ, излить передъ нимъ душу. Не долго думая, я отворилъ калитку и вошелъ... Дальнѣйшее мнѣ представляется точно во снѣ. Не помню, какъ я очутился на скамейкѣ рядомъ съ нимъ, какъ и что началъ я ему говорить заплетающимся отъ сильнаго волненія языкомъ, но вижу, какъ сейчасъ, его большіе, чудные глаза съ глубокимъ вдумчивымъ взглядомъ, такимъ участливымъ и нѣжнымъ, его прекрасный лобъ съ откинутыми назадъ сѣдыми волосами, чувствую до сихъ поръ крѣпкое пожатіе его тонкой, изящной руки...»

Изъ дальнѣйшаго разсказа Z выяснилось, что Михайловскій прямо-таки вернулъ его къ жизни, мастерски доказавъ ему не только бессмысленность, но и глубокую безнравственность самоубійства.

Бесѣда съ Н. К. произвела на Z огромное, неизгладимое впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ себя словно перерожденнымъ: сталъ опять бодрымъ, дѣятельнымъ, энергичнымъ; прекрасно сдалъ университетскій экзамень, сдѣлался адвокатомъ, ему повезло, и вотъ онъ благоденствуетъ теперь, окруженный всѣми благами культурной столичной жизни, нѣжными заботами любящей, молодой жены и многочисленной, все увеличивающейся кліентурой.

Вліяніе Н. К. Михайловскаго на студенческую молодежь описываемой эпохи было очень велико. Въ этомъ отношеніи съ нимъ могъ бы соперничать, пожалуй, только одинъ человѣкъ, тоже всеобщій любимецъ и кумиръ московскихъ студентовъ, профессоръ Александръ Ивановичъ Чупровъ. Но у Чупрова была постоянная аудиторія, съ которой онъ входилъ въ тѣсное и непосредственное соприкосновеніе, и, конечно, ему было легче вліять на нее, нежели Михайловскому, бывавшему въ Москвѣ, хотя и частыми, но кратковременными поѣздами. И тѣмъ не менѣе почти ни одно его посѣщеніе Бѣлокаменной не обходилось безъ того, чтобы какой-нибудь студентъ или курсистка не вошли съ нимъ въ сношеніе по личному, а нерѣдко и по общественному дѣлу.

Вспоминается мнѣ одно «19-ое февраля». Студенты пожелали отслужить молебствіе въ память освобожденія крестьянъ. «Вредная демонстрація», разумѣется, не была допущена, а зачинщиковъ

арестовали и затѣмъ административнымъ порядкомъ выслали изъ столицы. Въ университетѣ началось броженіе, готовились безпорядки. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Москву Михайловскій. Студенты узнали объ этомъ, и на одной изъ сходокъ рѣшено было послать къ нему депутацію съ просьбой принять въ той или иной формѣ участіе въ студенческомъ движеніи. Н. К. внимательно выслушалъ депутатовъ,—такъ, какъ умѣлъ слушать только онъ одинъ, т. е. проникновенно глядя собесѣднику прямо въ глаза и какъ бы читая въ его душѣ,—и вслѣдъ за тѣмъ началъ подробно развивать свой взглядъ на предметъ, осторожно и деликатно опровергая выдвинутые молодежью аргументы. Сущность его рѣчи заключалась въ томъ, что *въ данный политическій моментъ* онъ считаетъ нецѣлесообразнымъ студенческое движеніе, ибо количество жертвъ, которое оно унесетъ съ собой, не будетъ соответствовать достигнутымъ результатамъ; кромѣ того, онъ полагаетъ, что, если студенты воздержатся отъ дальнѣйшихъ выступленій, это будетъ только способствовать облегченію участи ихъ пострадавшихъ товарищей. Отъ Михайловскаго, разумѣется, никто не ожидалъ столь «трезвыхъ мыслей», и всего менѣе ихъ ожидала тогдашняя московская администрація, упорно видѣвшая въ немъ весьма искуснаго, тонкаго и потому вдвойнѣ опаснаго политическаго агитатора. Но это было такъ, и есть полное основаніе думать, что исключительно благодаря лишь авторитетному голосу популярнаго писателя университетскіе безпорядки были предотвращены.

Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ Михайловскимъ, хотя, признаюсь, у меня было однажды сильное искушеніе пойти къ нему и познакомиться съ нимъ лично: это было весной 1890 года, когда мой первый беллетристическій опытъ, написанный еще на студенческой скамьѣ и появившійся въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, удостоился очень подробнаго и обстоятельнаго критическаго разбора въ одной изъ его статей, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Но я такъ и не осуществилъ своего намѣренія и лишь много лѣтъ спустя впервые увидѣлъ Н. К. на эстрадѣ. Былъ какой-то литературно-музыкальный вечеръ. Кто-то пѣлъ, кто-то игралъ на скрипкѣ, миловидная драматическая актриса декламировала стихи, еще что-то исполнялось, но, помнится мнѣ, все это до смѣшного казалось неважнымъ и ненужнымъ, ибо центромъ всеобщаго вниманія былъ только онъ одинъ—Николай Константиновичъ Михайловскій. Вотъ показалась на эстрадѣ его красивая, сѣдая, львиная голова, низко склонившаяся передъ публикой. Раздались бурные аплодисменты, продолжавшіеся добрыхъ пять минутъ, въ теченіе которыхъ Н. К. не переставалъ кланяться. Наконецъ, когда въ залѣ наступила полная, почти могильная тишина, послышался его тихій, чуть-чуть сдавленный голосъ. Взволнованный и блѣдный, онъ читалъ по тетрадкѣ о послѣднихъ дняхъ жизни

Некрасова, что-то грустное и трогательное, хватающее за душу. Въ сущности, было совершенно безразлично, что бы онъ ни читалъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе плохой акустики зала далеко не все и было слышно,—важно было лишь видѣть его, чувствовать его вблизи, духовно сливаться съ нимъ.

Помню, этотъ вечеръ былъ сплошнымъ триумфомъ для Михайловскаго. Когда онъ кончилъ читать, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ эстрадѣ. Поднялась невообразимая суматоха. Передніе ряды стульевъ были сдвинуты, какъ и куда попало, все смѣшалось. Публика, среди которой преобладала учащаяся молодежь обоого пола, неистово кричала и, хлопая, отбивала себѣ ладони докрасна. Осыпавъ живыми цвѣтами, Н. К. множество разъ выходилъ раскланиваться. А потомъ, уже передъ самымъ его отъѣздомъ, когда онъ торопливой походкой шелъ по направленію къ вестибюлю, старался ни на кого не глядѣть и проскользнуть незамѣченнымъ, толпа вдругъ окружила его тѣснымъ кольцомъ, подняла на руки и стала качать. И я отлично помню, что въ этой толпѣ были не одни только студенты и молодая дѣвушка съ раскраснѣвшими, возбужденными лицами, но и сѣдовласые старцы, охваченные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же могучимъ порывомъ общаго энтузіазма.

Кажется, это былъ послѣдній пріѣздъ Михайловскаго въ Москву.

Князь Б. А. Щетининъ.

А. И. СОКОЛОВА.

(Некрологъ).

АЮТЬ, тають ряды старыхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», старыхъ и по возрасту, и по времени своего сотрудничества въ журналѣ... Длинный рядъ крестовъ уходитъ въ даль, осѣненныхъ милыми, славными именами, съ которыми на протяженіи моего долгаго сотрудничества въ журналѣ приходилось вмѣстѣ работать, вмѣстѣ дѣлить радости и горести литературной и обывательской жизни. И вотъ еще новая свѣжая могила на московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ,—могила Александры Ивановны Соколовой, послѣднюю главу интересныхъ «Встрѣчь и знакомствъ» которой, принятыхъ къ напечатанію еще покойнымъ С. Н. Шубинскимъ, я помѣщаю въ настоящей мартовской книжкѣ журнала.

Живо вспоминается мнѣ утро 1906 года, когда я, придя къ С. Н. Шубинскому, встрѣтилъ у него старую почтенную даму, пришедшую впервые въ редакцію «Историческаго Вѣстника» съ предложениемъ своихъ литературныхъ услугъ. Передъ С. Н. на письменномъ столѣ лежала горка узкихъ листовъ бумаги, исписанныхъ красивымъ, характернымъ почеркомъ и по своему внѣшнему виду предназначенныхъ какъ бы для газетнаго набора. Редакторъ внимательно перебиралъ пачки этой бумаги и, видимо, съ интересомъ всматривался въ подзаголовки отдѣльныхъ пачекъ. Предварительныя условія пріема рукописи, очевидно, были установлены до моего прихода, и С. Н. занять былъ вопросомъ рѣшенія сроковъ размѣще-

нiя главъ работы въ нумерахъ журнала. Засимъ между незнакомкой и старымъ редакторомъ начался обычный торгъ объ авансѣ. Старухѣ, повидимому, до зарѣзу нужна была опредѣленная сумма, а Шубинскiй, тогдашнiй полномочный распорядитель хозяйства журнала, пускалъ въ ходъ столь знакомые намъ, его обычнымъ сотрудникамъ, методы воздѣйствiя для сокращенiя просимаго. Изъ стола вынимались какiя-то грозныя письма Суворинныхъ, отца и сына, показывались листы заборовъ по журналу со стороны сотрудниковъ-разбойниковъ, изнасиловавшихъ бѣднаго старика-редактора и разгромившихъ кассу «Историческаго Вѣстника». Знакомая, старая и скучная для меня редакцiонная исторiя! Я отвернувшись стоялъ у окна и въ тысячный разъ разсматривалъ противоположныя вывѣски, когда услышалъ за собою мягкiй прiятный голосъ посѣтительницы, взывавшей къ моей защитѣ и заступничеству; но въ этомъ уже больше не было надобности: Шубинскiй исчерпалъ весь свой любимый арсеналъ доводовъ и добродушно писалъ ордеръ на полученiе просимаго аванса. Растроганная старуха со слезами на глазахъ чуть не цѣловала «податливаго» редактора и сулила ему всяческiя блага земныя: видимо, у нея благополучно разрѣшился какой-то трудный вопросъ, въ зависимости отъ чего въ ея жизни стѣяли существенныя задачи. Когда незнакомка удалилась, С. Н., проводивши ее свойственнымъ ему ироническимъ взглядомъ, обратился ко мнѣ:

— Знаете, кто это?

— Какъ же я могу знать, когда вы насъ не познакомили.

— Развѣ? А я думалъ, что вы знакомы. Это—знаменитая Соколова, мать Дорошевича.

Я съ нѣкоторымъ недоумѣнiемъ пожалъ плечами, обнаруживая свое невѣдѣнiе относительно Соколовой.

— Вотъ вы, нынѣшнiе, никого изъ стариковъ не знаете. Вѣдь это гремѣвшее когда-то въ Москвѣ «Синее Домино».

— Такъ бы вы съ самаго начала и сказали. Кто же про нее не слышалъ?

— Вѣдь вотъ каковы превратности судьбы: когда-то тысячи зарабатывала, на рыскахъ развѣзжала, а теперь старость наступила и приходится чуть не Христомъ Богомъ вымаливать гроши и авансы.

И Сергѣй Николаевичъ, въ который уже разъ, начиналъ повѣствовать сызнова о судьбѣ Старчевскаго, Окрейца и другихъ, бывшихъ когда-то богатыми людьми, а впослѣдствiи совсѣмъ обѣднѣвшихъ, пеняя намъ, писателямъ, что мы не умѣемъ сберегать копейку на черный день.

Съ того времени я сталъ изрѣдка встрѣчать Александру Ивановну Соколову въ редакцiонномъ кабинетѣ «Историческаго Вѣстника» и каждый разъ въ роли просительницы небольшихъ аван-

совых суммъ, потомъ съ ней ближе познакомился и началъ даже у нея бывать сначала въ простенькихъ меблированныхъ комнатахъ на Екатерининскомъ каналѣ, а потомъ въ ея уже вполнѣ прилично обставленной довольно большой квартирѣ въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ она 10-го февраля и скончалась. Интересная была собесѣдница покойная! Кого и чего только она не видала, что не пережила и не испытала... Ея жизнь, написанная во всѣхъ деталяхъ и въ правдивостяхъ, могла бы, несомнѣнно, составить содержаніе большого бытового романа изъ хроники двухъ русскихъ столицъ 70-хъ—80-хъ годовъ. Многія страницы изъ своихъ многочисленныхъ встрѣчъ и знакомствъ она повѣдала читателямъ «Историческаго Вѣстника», но эти страницы были только внѣшнюю стороною ея шумной, разнообразной и полной всяческихъ событій и непрестаннаго труда жизни. Многое интимное и очень характерное для обрисованія ея духовнаго образа не подлежитъ сейчасъ оглашенію, и, хотя мертвые сраму не имуть, я не стану ворошить мертвыхъ костей и извлекать изъ могильной ямы то сенсационное, что могло бы привлечь къ себѣ вниманіе праздно толпы. Спи мирно, старая труженица пера: за тебя говорятъ твои литературныя многочисленные работы, за тебя стоитъ твой во-истину каторжный газетный трудъ, подъ ярмомъ котораго ты бодро, хотя часто изнемогая, шла своей жизненной дорогой! Спи мирно, милая Александра Ивановна, — «ты много потрудились, имѣешь право отдохнуть».

По рожденію (1836 г.) своему А. И. Соколова происходила изъ богатаго и знатнаго рода Денисьевыхъ, Рязанской губерніи, получила блестящее образованіе въ Смольномъ институтѣ, гдѣ была записана степендіаткой императора Николая I и который кончила съ золотой медалью. Передъ юной смолянкой раскрывалась широкая и блестящая дорога, и изъ ея воспоминаній въ февральской книжкѣ нашего журнала мы видимъ ее въ соприкосновеніи съ верхами петербургскаго большого свѣта. Но вдругъ въ ея жизни свершается переломъ: она увлеклась и по любви вышла замужъ за человѣка «простого» происхожденія, изъ купческаго семейства. По свидѣтельству «Русскаго Слова» (№ 34), руководимаго нынѣ ея сыномъ, извѣстнымъ публицистомъ В. Дорошевичемъ, она порвала «этимъ смѣлымъ, «неравнымъ бракомъ» все со своими родными и, воспитанная совсѣмъ для другой жизни, вышла на трудовую дорогу. Къ счастью, у нея оказался литературный талантъ. Большой и сверкающій. Ея рано скончавшійся мужъ былъ добрымъ, хорошимъ человѣкомъ, но слабымъ и неудачникомъ. Забота и о немъ, и о семьѣ легла цѣликомъ на плечи молодой женщины. У нихъ было трое дѣтей. Старшій сынъ, нашъ сотрудникъ В. М. Дорошевичъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, получилъ иную фамилію и росъ вдали и совершенно отдѣльно отъ семьи. Тяжелую жизнь пришлось про-

жить женщинъ, на себѣ державшей семью. Эта жизнь была полна терній и труда. Главное—труда».

Да, Соколовой пришлось надѣть на себя тяжелый трудовой хомутъ и потащить свою телѣгу жизни, нагруженную семьею, по тряской московской булыжной мостовой. По этой мостовой колеса телѣги громыхали, попадали въ ухабы и трясины, останавливаясь въ своемъ движеніи съ частой угрозой разлетѣться вдребезги и на потѣху праздно толпѣ оставить и возницу, и сѣдоковъ въ безвыходномъ трагическомъ положеніи. Но желѣзная энергія, литературный талантъ и работоспособность вывозили А. И. Соколову изъ опасностей, и снова ея имя начинало мелькать на страницахъ повременныхъ изданій то въ роли романистки, театральной рецензентки, хроникерки, памфлетистки и даже издательницы газеты.

Съ 1868 года мы видимъ ее дѣятельной сотрудницей «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова, затѣмъ «Русскихъ Вѣдомостей» редакціи Скворцова, «Современныхъ Извѣстій» Гилярова-Платонова, далѣе ея имя и подъ псевдонимомъ «Синее Домино», и за подписью «Помѣщица Анѳиса Чубукова» начинаетъ пестрѣть на столбцахъ выросшей къ тому времени мелкой московской прессы— «Московского Листка» Пастухова, «Новостей дня» Липскерова, гдѣ она является видною сотрудницею на злободневныя темы, увлекающая читателей своимъ блестящимъ остроуміемъ и убійственнымъ сарказмомъ. Ея имя становится громкимъ, порою страшнымъ для сѣрой обывательской среды первопрестольной, которую она умѣла обличать и выставлать съ ея неприглядной смѣшной стороны. Въ 1875—76 гг. она выступаетъ издательницей газеты «Русскій Листокъ», въ которомъ очередной номеръ порою цѣликомъ наполняетъ собственными писаніями въ роли и передовика, и фельетониста, и рецензента и чуть не корреспондента. Нѣкоторое время она состояла и секретаремъ М. Г. Черняева.

По переѣздѣ въ Петербургъ, съ вѣчно хворавшей дочерью на рукахъ, А. И. Соколова погрузилась и въ здѣшнюю литературную работу, появляясь по преимуществу въ роли романистки и повѣствовательницы въ газетахъ «Свѣтъ», «Петербургскій Листокъ», «Петербургская Газета», въ иллюстрированныхъ изданіяхъ «Нива», «Родина» и друг. Къ числу главнѣйшихъ ея романовъ, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, слѣдуетъ отнести «Безъ слѣда», «Бездна», «На смѣну былому», «Безъ воли», «Москва конца вѣка» и многіе другіе. Не прерывая связей съ повседневной печатью, въ послѣдніе годы жизни она посвятила свое перо описанію въ нашемъ «Историческомъ Вѣстникѣ» своихъ многочисленныхъ жизненныхъ встрѣчъ и знакомствъ, изъ коихъ она успѣла возстановить въ своей памяти только небольшую часть. Ею же были написаны обширныя театральныя воспоминанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при жизни по-

койнаго А. С. Суворина, она хлопотала через С. Н. Шубинскаго и меня объ отдѣльномъ изданіи имъ этихъ воспоминаній, но Алексѣй Сергѣевичъ былъ уже боленъ, и дѣло не могло состояться. Будемъ надѣяться, что если не весь, то хоть часть этого матеріала станетъ въ будущемъ достояніемъ нашей редакціи. Принципіально объ этомъ было обусловлено еще съ покойнымъ С. Н. Шубинскимъ и на эту же тему она осенью минувшаго года говорила и со мною.

Посѣщая изрѣдка Александру Ивановну, когда она, встревоженная разными слухами, неосновательно доходящими до нея, относительно судьбы «Историческаго Вѣстника», вызывала меня къ себѣ больная, я имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ этой интересной женщиной, на которой лежалъ отпечатокъ какой-то старомодной барственности и рядомъ съ этимъ несомнѣнный слѣдъ обывательской пыли жизни. Глядя на нее, мнѣ вспоминались стихи поэта:

Она небесъ не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла.

Очень тепло освѣтилъ ея обликъ сотрудникъ «Русскаго Слова» (№ 34), перомъ котораго явно руководила любящая родная рука. Онъ говорить:

«Съ нѣжностью принимая помощь своего сына, она говорила ему на своемъ чудесномъ французскомъ языкѣ «старой смолянки»:

«— Если бы вы знали, какъ даже этого я не хотѣла бы. Я привыкла работать и такъ люблю работать.

«По-французски, на старомъ французскомъ «языкѣ Корнеля и Расина», она даже сыну говорила «вы». Какой-то странной, старинной музыкой звучала эта гармонія русскаго «ты» и французскаго «вы».

«И старымъ, давно отжитымъ, умершимъ временемъ вѣяло отъ этой «старой барыни», сохранившей все причудливыя особенности стараго барства и проработавшей, протрудившейся всю свою жизнь.

«— Вотъ и напишите когда-нибудь, — улыбаясь, говорила она: — какъ въ Россіи умѣютъ работать даже барыни. А говорятъ, — страна лѣнтяевъ.

«Дѣйствительно, силы и характеры встрѣчаются среди русскихъ женщинъ!

«Въ первые дни Рождества, мучительно, невыносимо страдая отъ прохожденія желчныхъ камней, покойная работала надъ окончаніемъ своего фельетона-романа. Потому что его надо было окончить въ газетѣ къ Новому году. И не допускала мысли, чтобы кто-нибудь изъ литературныхъ друзей окончилъ за нее, полуумирающую:

«— Мнѣ кажется, что эта вещь мнѣ удалась. Другой испортить.

«Она скончалась семидесяти восьми лѣтъ отъ роду, а въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»,—за девять дней до ея кончины,—появились еще ея «Воспоминанія смолянки».

«Спокойно и ясно она:

«— Уходила.

«Такъ она, любившая красиво мыслить и красиво говорить, называла смерть.

«И просила:

«— Напишите только: она ушла изъ жизни очень, очень усталая».

Да, милостивые государи, на семьдесятъ девятомъ году жизни, съ камнями въ печени, въ мучительныхъ страданіяхъ, не легко стукать на машинкѣ главы очередного романа—«Безъ руля и вѣтрила», таково было его названіе. Рабочій газетный механизмъ требовалъ обѣщанныхъ читателю трехсотъ строкъ фельетона, и усталая отъ жизни, но вѣрная литературному призванію и въ сознаніи своихъ обязанностей передъ редакціей, старая писательница безропотно несла свою послѣднюю трудовую дань литературѣ. Поставивъ заключительную точку въ своемъ послѣднемъ произведеніи, она и «ушла изъ жизни», показавъ своимъ примѣромъ, какъ надо умѣть работать...

Б. Г.

УБИЙСТВО П. А. СТОЛЫПИНА.

УБИЙСТВО Петра Аркадьевича Столыпина въ Кіевѣ 1-го сентября 1911 года, несмотря на всю свою важность, несмотря на то, что въ ряду даже политических убійствъ оно занимаетъ по своей обстановкѣ и мотивамъ исключительное мѣсто, до сихъ поръ недостаточно освѣщено въ нашей литературѣ. Въ свое время о немъ писала очень много не только русская, но и иностранная пресса, но подъ первымъ впечатлѣніемъ самаго факта многое ускользнуло совершенно отъ общественнаго вниманія, многое было освѣщено неправильно. Между тѣмъ убійству П. А. Столыпина въ исторіи текущаго столѣтія должно быть отведено большое мѣсто. И личность убитаго государственнаго дѣятеля, и условия, при которыхъ это убійство стало возможнымъ, и обстановка, въ которой оно подготовлялось, и, наконецъ, личность самого убійцы, все это настолько исключительно, что не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія, не можетъ и не должно остаться не освѣщеннымъ объективнымъ историческимъ свѣтомъ. Все то, что писалось до сихъ поръ объ убійствѣ П. А. Столыпина, по причинамъ, вполне естественнымъ, носило случайный и отрывочный характеръ. Рядомъ съ подлинными фактами приводилось много легендъ, много слуховъ, уловленныхъ на лету и часто весьма далекихъ отъ истины.

Въ настоящемъ очеркѣ будетъ сдѣлана попытка систематизировать весь относящійся къ дѣлу матеріалъ и рассказать въ строго объективной формѣ, на основаніи вполне проверенныхъ данныхъ,

въ значительной своей части извлеченныхъ изъ официальныхъ документовъ, весь ходъ событій, приведшихъ къ ужасной трагедіи первого сентября 1911 года.

I.

Еще весной 1911 года кіевляне были освѣдомлены изъ неофициальныхъ источниковъ о томъ, что на предстоящія въ августѣ торжества освященія памятниковъ царю-Освободителю Александру II и св. Ольгѣ придутъ высокіе гости. Циркулировавшіе по этому поводу слухи вскорѣ подтвердились. Въ концѣ мая въ Кіевъ прибыли старшіе чины министерства внутреннихъ дѣлъ и департамента полиціи, командированные для организаціи охраны во время торжествъ. Мѣры охраны принимались исключительныя: въ городѣ производились непрерывно обыски, подозрительныя, неблагонадежныя въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лица выдворялись изъ Кіева, по всѣмъ путямъ проѣзда высочайшихъ особъ чины охраны обходили квартиры, осматривая чердаки, погреба, дѣлая подробныя описанія, чертежи и планы квартиръ, окна которыхъ выходили на центральныя улицы. Въ теченіе іюня и іюля чинами охраны было произведено болѣе трехсотъ обысковъ, преимущественно среди учащихся и рабочихъ, причемъ многіе сопровождались арестами.

Въ іюль въ Кіевъ со всѣхъ концовъ Россіи были стянуты усиленные отряды наружной и охранной полиціи. Прибыли жандармскіе офицеры и агенты изъ Петербурга, Москвы, Риги, Харькова, Варшавы, даже изъ Сибири и Кавказа. Изъ столицъ прислано было нѣсколько отрядовъ городскихъ, околоточныхъ надзирателей. Охрана была значительно усилена; непрерывно шла провѣрка квартиръ, наблюденіе за пріѣзжающими и т. д. Генераль Курловъ при поѣздкѣ въ Кіевъ откомандировалъ въ свое распоряженіе исполняющаго обязанности вице-директора департамента полиціи Веригина, личнаго своего секретаря Сенько-Поповскаго, второго секретаря департамента, своего двоюроднаго брата А. А. Курлова, секретаря штаба полковника Пискунова, съ соотвѣтствующимъ штатомъ другихъ чиновъ. Въ ордерахъ, данныхъ этимъ лицамъ, точнаго указанія ихъ обязанностей и предѣловъ полномочій не сохранилось и они находились въ непосредственномъ распоряженіи генерала Курлова.

Согласно распоряженію П. А. Столыпина, всѣ мѣры по охранѣ принимались Курловымъ по соглашенію съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Треповымъ, который, однако, въ области политическаго розыска никакихъ распоряженій само-

стоятельно не давалъ и въ это дѣло не вмѣшивался. Въ среднихъ числахъ августа официально стало извѣстно, что въ Кіевъ на торжества придутъ Государь Императоръ и августѣйшая семья. Получено было также официальное извѣщеніе о пріѣздѣ совѣта министровъ, во главѣ съ П. А. Столыпинымъ. Для высочайшихъ особъ спѣшно былъ приведенъ въ порядокъ дворецъ, а для министровъ частныя квартиры.

Генераль-губернаторъ въ изданномъ имъ постановленіи заявилъ: «Мѣстныя власти своевременно объявятъ и примутъ всѣ надлежащія мѣры, необходимыя для обезпеченія общественнаго порядка, свободы движенія и проѣзда по улицамъ. Выбѣгать навстрѣчу царскому экипажу, бросать цвѣты и подавать прошенія при проѣздѣ по улицамъ воспрещается. Находящимъ необходимость прибѣгнуть къ царской милости будетъ открытъ доступъ для подачи всеподданнѣйшихъ прошеній въ императорскомъ дворцѣ».

20-го августа на всѣхъ улицахъ были расклеены объявленія о томъ, что высокіе гости изволятъ прибыть въ Кіевъ 29-го августа утромъ и пробудутъ до 6-го сентября. На всѣ эти дни была опубликована подробная программа торжествъ. По распоряженію товарища министра внутреннихъ дѣлъ Курлова, завѣдывающаго мѣрами охраны, было образовано специальное бюро по выдачѣ билетовъ на торжества въ высочайшемъ присутствіи. Завѣдывающимъ этимъ бюро состоялъ чиновникъ А. А. Курловъ. Это бюро выдавало билеты на посѣщеніе Софійскаго собора, Купеческаго сада, инпродрома и на присутствіе при открытіи памятника императору Александру II, а также въ дворянскомъ и купеческомъ собраніяхъ, во время высочайшаго посѣщенія; выдачей же билетовъ на торжественный спектакль 1-го сентября въ городскомъ театрѣ завѣдывалъ городской голова. Выдача билетовъ обуславливалась отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній, могущихъ возбудить сомнѣніе въ благонадежности просителя, причемъ тѣмъ, которые, какъ оказывалось по справкамъ, прикосновенны къ лѣвымъ партіямъ, въ выдачѣ билетовъ отказывалось. Кромѣ именныхъ билетовъ, по личному приказанію генерала Курлова, были выданы для надобности агентуры начальнику мѣстнаго охраннаго отдѣленія подполковнику Кулябку билеты безъ обозначенія фамилій лицъ, для которыхъ они предназначались. Такимъ образомъ, пропускъ въ мѣста, гдѣ предполагалось посѣщеніе Государя и высочайшей семьи, былъ строго ограниченъ.

Къ двадцатымъ числамъ августа всѣ приготовленія въ городѣ были закончены, городъ сталъ неузнаваемъ; улицы и дома украсились флагами, вензелями, портретами; во многихъ мѣстахъ балконы были задрапированы коврами, разноцвѣтной матеріей, растеніями, цвѣтами. По всему пути предполагавшагося слѣдованія Государя всѣ дома были иллюминированы. Въ городѣ царилъ необычайный подъемъ настроенія.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга П. А. Столыпинъ призвалъ къ себѣ штабъ-офицера для особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ штабсъ-капитана Е. В. Есаулова и объявилъ ему, что беретъ его съ собой для исполненія личныхъ порученій въ помощь В. В. Граве, занимавшему должность секретаря премьеръ-министра и сопровождавшему его во время поѣздокъ. Уѣзжая изъ Петербурга, Столыпинъ предупредилъ Есаулова, что къ личной охранѣ его онъ никакого отношенія не имѣетъ, а что на его обязанности лежитъ распорядительная часть по всѣмъ свѣтскимъ приѣмамъ министра, составленіе отвѣтовъ на адресованныя ему приглашенія, отдача за него визитовъ разнымъ лицамъ и т. п. Личною охраною П. А. Столыпина всегда завѣдывали состоявшіе при немъ два жандармскихъ офицера: подполковникъ Пирантъ и Декобахъ, которые, однако, на этотъ разъ въ Кіевъ командированы не были.

Въ Кіевъ премьеръ-министръ пріѣхалъ 27-го августа, въ 12 ч. 44 м. ночи. Министру было отведено помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ генераль-губернаторскаго дома, состоявшее изъ трехъ комнатъ. Комнаты эти выходили въ коридоръ, соединявшійся съ передней. Одна комната была предоставлена Граве, вторая служила кабинетомъ для министра, а послѣдняя комната была его спальней. Окна комнатъ министра выходили въ садъ. Отъ двери, ведущей изъ передней въ коридоръ, до дверей кабинета разстояніе было не болѣе десяти шаговъ.

На другой день послѣ пріѣзда къ министру являлось много должностныхъ лицъ, всѣ они расписывались въ передней у швейцара; въ числѣ ихъ было много штатскихъ лицъ и крестьянъ. Пропускъ былъ для всѣхъ свободный, несмотря на близость помѣщенія министра отъ передней, причемъ являвшихся никто не спрашивалъ, кто они такіе. Кромѣ швейцара, въ передней находились два жандармскихъ унтеръ-офицера, другихъ чиновъ полиціи не было. Обративъ вниманіе на отсутствіе порядка въ передней, Есауловъ отдалъ распоряженіе не пускать всѣхъ пріѣзжающихъ, не удостовѣрившись предварительно, кто эти лица.

Утромъ 27-го августа предсѣдатель совѣта министровъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ въ Софійскій соборъ, присутствовалъ на молебнѣ о благополучномъ путешествіи высочайшихъ особъ, затѣмъ сдѣлалъ визитъ митрополиту; въ тотъ же день Петръ Аркадьевичъ принялъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ депутаціи отъ дворянства, земства и городского самоуправления. Премьеръ-министръ изъ Кіева продолжалъ управлять министерствомъ, непрерывно находился за работой, дѣлалъ распоряженія, не подозрѣвая о готовившемся покушеніи. Между тѣмъ въ охранномъ отдѣленіи уже были свѣдѣнія, что готовится террористическій актъ, что личность министра находится въ опасности. Свѣдѣнія эти были получены при обстоятельствахъ, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе.

II.

Въ концѣ 1906 года въ кievское охранное отдѣленіе явился студентъ кievскаго университета Дмитрій Богровъ и предложилъ свои услуги по сотрудничеству. На вопросъ завѣдующаго отдѣленіемъ Кулябка, что собственно побудило его явиться въ охранное отдѣленіе, Богровъ отвѣтилъ, что принадлежитъ къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, имѣеть обширныя связи какъ въ Россіи, такъ и за границей и можетъ быть полезнымъ охранному дѣлу. Въ разговорѣ съ Кулябкомъ Богровъ назвалъ нѣсколько видныхъ политическихъ дѣятелей, которые разыскивались охраннымъ отдѣленіемъ, и произвелъ на Кулябка впечатлѣніе «вполнѣ освѣдомленнаго и могущаго принести пользу». Между прочимъ Богровъ разказалъ, что въ бытность за границей онъ проигралъ 1500 франковъ, что проигранныя деньги долгъ чести, что денегъ у него нѣтъ, и такъ какъ отецъ его очень скупъ, то онъ надѣется, что за оказанныя охранному отдѣленію услуги получить возможность уплатить долги. Кулябко далъ ему сто рублей авансомъ, и услуги его были приняты. Богровъ началъ давать свѣдѣнія, касавшіяся анархистовъ, а впоследствии максималистовъ, причемъ свѣдѣнія его большею частью были опредѣленныя и точныя. Благодаря Богрову, были предупреждены нѣсколько экспроприаций и арестованъ цѣлый рядъ лицъ, принадлежавшихъ къ боевой интернаціональной анархистской группѣ; были арестованы группы максималистовъ въ Кіевѣ, Воронежѣ и Борисоглѣбскѣ, обнаружены лабораторіи взрывныхъ снарядовъ и взрывчатыхъ вещества.

На службѣ въ охранномъ отдѣленіи Богровъ состоялъ около трехъ лѣтъ и въ этотъ періодъ освѣщаль дѣятельность не только кievскаго, но и заграничныхъ революціонныхъ организацій, для чего выѣзжалъ на различные сроки за границу. Въ 1910 году свѣдѣнія Богрова имѣли менѣе серьезный характеръ и относились преимущественно къ освѣщенію дѣятельности студенческихъ революціонныхъ группъ. Съ первой половины апрѣля 1910 года доставленіе имъ свѣдѣній прекратилось. Богровъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ приписался къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1910 года начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія полковникомъ М. Ф. фонъ-Коттеномъ была получена изъ Кіева телеграмма, извѣщавшая о предстоящемъ приѣздѣ въ Петербургъ «сотрудника по анархистамъ» «Аленскаго». Въ этой телеграммѣ кievское охранное отдѣленіе просило его извѣстить, явится ли Аленскій и насколько цѣнными окажутся его свѣдѣнія. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней по телефону къ Коттену позвонилъ какой-то господинъ, назвавшій себя Аленскимъ. Коттень условился встрѣтиться съ нимъ въ ресторанѣ

«Малый Ярославец», и на это свидание взял съ собой помощника своего подполковника Еленского, который вѣдалъ «агентурой по анархистамъ». Свиданіе состоялось. Аленскій разсказалъ свою біографію и объяснилъ, что настоящая его фамилія Богровъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ приписаться помощникомъ къ присяжному повѣренному Кальмановичу. Коттень тогда же порекомендовалъ Богрову постараться сблизиться съ здѣшной организаціей анархистовъ.

Спустя нѣсколько дней, Коттень увидѣлся вторично съ Богровымъ, и послѣдній заявилъ, что, по его свѣдѣніямъ, организаціи анархистовъ въ Петербургѣ не имѣется. Тогда Коттень поручилъ ему направить свою дѣятельность на развитіе знакомства въ средѣ социалистовъ-революціонеровъ. Въ этомъ отношеніи Богровъ тогда же сообщилъ, что, будучи у Кальмановича, онъ засталъ тамъ пріѣхавшую изъ Парижа даму, которая привезла Кальмановичу отъ кого-то письмо.

Письмо это Кальмановичъ прочелъ при немъ и поручилъ ему передать его Егору Лазареву. Богровъ тогда же показалъ это письмо Коттену. Содержаніе письма было безразличное и относительно передачи денегъ кому-либо въ немъ не упоминалось, а о деньгахъ самъ Богровъ ничего не говорилъ. Послѣ этого у Коттена съ Богровымъ было еще нѣсколько встрѣчъ. Коттень обѣщалъ ему платить вознагражденіе въ размѣрѣ 150 руб. въ мѣсяцъ. Между прочимъ, Богровъ ни разу не поднималъ вопроса о деньгахъ. Въ дальнѣйшемъ Богровъ, однако, никакихъ свѣдѣній, заслуживающихъ вниманія и поддающихся проверкѣ, не представлялъ, хотя сношенія его съ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ продолжались до ноября 1910 года. Затѣмъ Богровъ выѣхалъ за границу, и оттуда Коттень получилъ отъ него только одно письмо въ январѣ 1911 года, изъ Ривьеры, въ которомъ, сообщая нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія, касавшіяся заграничной дѣятельности партіи социалистовъ-революціонеровъ, онъ просилъ о высылкѣ ему денегъ. Просьба эта была исполнена Коттеномъ, спустя нѣкоторое время, но деньги были возвращены банкомъ обратно, за неостребованіемъ ихъ. Богровъ въ это время, какъ оказалось, уже оставилъ Ривьеру.

При первомъ свиданіи съ Коттеномъ Богровъ передавалъ, что положеніе его въ организаціи анархистовъ пошатнулось послѣ одной изъ кievскихъ ликвидаций, но такъ какъ съ этого времени прошло около двухъ лѣтъ, то онъ полагаетъ, что можетъ опять заняться работой въ качествѣ секретнаго сотрудника. Поэтому всѣ встрѣчи Коттена съ Богровымъ въ Петербургѣ происходили исключительно въ ресторанахъ и на конспиративныя квартиры Коттень изъ осторожности его не допускалъ.

Въ апрѣлѣ 1911 года Богровъ возвратился изъ-за границы въ Кіевъ, прожилъ до конца іюля и ни съ Кулябкомъ, ни съ революціонерами не видался. Въ іюлѣ Богровъ поѣхалъ на дачу въ Цотоки

вблизи Кременчуга, погостилъ у своихъ родителей двѣ недѣли и снова возвратился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ онъ велъ себя чрезвычайно скромно, бывалъ у знакомыхъ, на вечерахъ, въ театрѣ, и его поведение ни у кого не вызывало какихъ-либо подозрѣній.

26-го августа Богровъ снова сблизился съ кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. Около 12 час. дня онъ позвонилъ по телефону въ охранный отдѣленіе и спросилъ дежурнаго, дома ли «хозяинъ», разу мѣя подъ словомъ «хозяинъ» начальника охранныя отдѣленія Кулябка. Послѣдняго въ то время не было, дома и къ телефону подошелъ завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ Демидюкъ и спросилъ: кто говоритъ? Въ отвѣтъ послѣдовало: «Аленскій». (Необходимо отмѣтить, что кличка Богрова въ охраннымъ отдѣленіи, какъ сотрудника, была «Аленскій», филерамъ же онъ былъ извѣстенъ подъ другою кличкою—«Капустянскій»). Демидюкъ отвѣтилъ, что «хозяина» дома нѣтъ. Тогда Богровъ сказалъ, что у него очень нужное дѣло, и заявилъ о необходимости личной встрѣчи.

По телефону Демидюкъ и Богровъ условились встрѣтиться черезъ четверть часа въ Георгіевскомъ переулкѣ. Въ назначенное время Демидюкъ отправился на свиданіе и, встрѣтившись съ Богровымъ, вошелъ съ нимъ въ парадный подъездъ одного изъ домовъ. Здѣсь Богровъ разсказалъ, что въ бытность въ Петербургѣ онъ познакомился съ нѣкимъ Лазаревымъ и другими видными дѣятелями партіи социалистовъ-революціонеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, котораго онъ называлъ Николаемъ Яковлевичемъ, былъ въ Кіевѣ недѣли двѣ тому назадъ и заявилъ, что пріѣдетъ опять, причемъ просилъ Богрова устроить его у себя на квартирѣ и дать ему возможность пріѣхать въ Кіевъ на моторной лодкѣ. На вопросъ Демидюка: какаѣя цѣль пріѣзда Николая Яковлевича въ Кіевъ?—Богровъ высказалъ предположеніе, что эта поѣздка находится въ связи съ замышляемымъ покушеніемъ на министровъ Столыпина и Кассо во время августовскихъ торжествъ въ Кіевѣ. Понявъ изъ словъ Богрова, что сообщенныя имъ свѣдѣнія имѣютъ большую важность, Демидюкъ посоветовалъ ему доложить обо всемъ лично Кулябку, Богровъ согласился и заявилъ, что черезъ полчаса онъ позвонитъ опять по телефону въ отдѣленіе. На этомъ они разстались.

III.

Въ часъ дня въ охранный отдѣленіе прибыли подполковникъ Кулябка и подполковникъ Спиридовичъ. Они прошли въ приемную комнату, гдѣ лежалъ трупъ застрѣливаго въ отдѣленіи молодого человѣка, по фамиліи Муравьева ¹⁾.

¹⁾ Послѣдній занимался преступленіями общеуголовнаго характера, и по прибытіи въ Кіевъ, гдѣ проживала его сестра, задумалъ скрыться за границу отъ преслѣдованія полиціи. Не имѣя, однако, на это средствъ, Муравьевъ послалъ письмо

Въ условленное время Богровъ снова позвонилъ по телефону въ охранное отдѣленіе и передалъ Кулябку свой рассказъ, ранѣе сообщенный Демидюку. Кулябко назначилъ Богрову свиданіе въ четыре часа дня у себя на квартирѣ и приказалъ Демидюку къ четыремъ часамъ выйти на Золотоворотскую улицу, куда вскорѣ долженъ явиться Богровъ, и провести его къ нему на квартиру черезъ черный ходъ. Приказаніе это Демидюкомъ было исполнено. Кулябко встрѣтилъ Богрова въ передней и черезъ ванную комнату прошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ и заперъ за собою дверь. Изъ передней дверь вела въ гостиную; дверь эта была открыта, но въ гостиной никого не было, изъ столовой же доносился разговоръ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ.

Получивъ отъ Богрова нижеслѣдующую докладную записку, Кулябко отправился затѣмъ въ столовую и рассказалъ присутствовавшимъ у него на обѣдѣ М. И. Веригину и А. И. Спиридовичу о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ по поводу готовящагося террористическаго акта. Кулябко при этомъ замѣтилъ, что у него сейчасъ находится одинъ очень интересный господинъ, котораго желательно выслушать.

Текстъ записки, переданной Богровымъ, былъ слѣдующій:

«На Троицу 1910 года въ Петербургъ изъ Парижа прибыла дама, которая привезла съ собою письма отъ ц. к. п. с. р. Порученіе это она получила черезъ посредство Ю. Кальмановичъ (дочь), которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживала въ Парижѣ, состоя тамъ слушательницей университета. Кальмановичъ, будучи ея ближайшей подругой, знала, что она нуждается въ средствахъ для поѣздки къ родителямъ въ Москву, а также была освѣдомлена о ея полной политической благонадежности. Дамѣ этой были даны слѣдующія инструкціи: 1) въ Петербургѣ она, прежде всего, должна была явиться на квартиру къ присяжному повѣренному Кальмановичу, передать ему одно изъ писемъ и получить отъ него сто пятьдесятъ рублей; 2) явиться въ редакцію журнала «Вѣстникъ Знанія» и вручить тамъ Егору Егоровичу Лазареву два письма и восемьсотъ франковъ денегъ, которые ей были даны въ Парижѣ, и передать Лазареву на словахъ, что деньги эти (триста рублей) нужно послать немедленно по опредѣленному адресу въ деревню (адресъ долженъ находиться въ петербургскомъ охранномъ отдѣленіи) и не въ заказномъ, а въ простомъ письмѣ; 3) вручить одно

парижскимъ анархистамъ, прося денежной помощи и содѣйствія въ переходѣ границы. Въ этой просьбѣ анархисты ему отказали на томъ основаніи, что онъ не принадлежалъ ни къ какимъ политическимъ партіямъ. Будучи оповнанъ въ Киевѣ саратовскими филерами, Муравьевъ былъ задержанъ и доставленъ въ охранное отдѣленіе. Полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ и безвыходное положеніе, въ которомъ онъ очутился, заставило его лишитъ себя жизни. На глазахъ чиновъ охраннаго отдѣленія Муравьевъ застрѣлился.

Авт.

письмо члену государственной думы Булату, если же послѣдній не будетъ въ Петербургѣ, то и это письмо передать Лазареву съ тѣмъ, чтобы оно съ человѣкомъ было отправлено Булату въ его деревню. Всѣ эти порученія не могли, однако, быть исполнены пріѣхавшей дамой, ибо по случаю праздника Св. Троицы редакція «Вѣстника Знанія» была закрыта въ теченіе двухъ дней, Кальмановичъ же находился на дачѣ въ Финляндіи. Очутившись въ столь затруднительномъ положеніи и не имѣя къ тому же, какъ еврейка, права жительства въ Петербургѣ, дама эта разыскала проживавшаго въ то время въ Петербургѣ изъ помощника присяжнаго повѣреннаго, знакомаго Кальмановича, котораго она знала съ дѣтства, и обратилась къ нему за совѣтомъ. Кальмановичу была послана телеграмма, и къ вечеру того же дня онъ явился въ Петербургъ. Въ присутствіи того же присяжнаго повѣреннаго ему было вручено письмо. Прочитавъ его, онъ выразилъ удивленіе, что перевозка столь важныхъ писемъ поручена лицу, не имѣющему ничего общаго съ партіей социаль-революціонеровъ, что парижане не разсчитали дня пріѣзда своей уполномоченной и тѣмъ поставили и ее, и его въ глупое положеніе, которое еще осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сегодня же вечеромъ долженъ уѣхать въ Варшаву по дѣламъ. Въ концѣ концовъ онъ посовѣтоваль дамѣ уѣхать немедленно и передать письма упомянутому помощнику присяжнаго повѣреннаго для врученія Лазареву, ибо Булатъ также уѣхалъ изъ Петербурга. Въ тотъ же день дама уѣхала къ родителямъ въ Москву, а письма были представлены въ петербургское охранное отдѣленіе полковнику фонъ-Коттену и послѣ этого вручены Лазареву. Послѣ этого между Лазаревымъ и лицомъ, передавшимъ ему письма, установилась постоянная связь, наконецъ, по адресу, указанному помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, на мѣсто службы явилось лицо, отрекомендовавшееся другомъ Лазарева, сказавшее пароль и заявившее о своемъ желаніи познакомиться. Это же лицо освѣдомлялось, у кого можно собрать справки о моей прежней дѣятельности, и общало еще навѣдаться. Кромѣ того, по тому же адресу явился еще одинъ господинъ, также отъ Лазарева (шатентъ, лѣтъ тридцати, худой). Подъ наблюденіе оба эти лица взяты не были, хотя время ихъ посѣщенія было довольно точно опредѣлено фонъ-Коттену. Имѣются ли въ петербургскомъ охранномъ отдѣленіи ихъ примѣты, не знаю. При разговорѣ фонъ-Коттенъ ихъ не записывалъ. Въ концѣ іюня 1911 г. было получено письмо изъ Петербурга съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, не измѣнились ли убѣжденія, каково настроеніе и т. п. Адресъ для отвѣта: «Вѣстникъ Знанія», Невскій, 40, для Н. Я. Рудакова. Отвѣтъ былъ посланъ немедленно. До конца іюля никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій не было, какъ вдругъ «Николай Яковлевичъ» явился въ дачную мѣстность Потоки, около Кременчуга, расска-

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ СТОЛЫПИНЪ
на торжествахъ въ Кіевѣ.

залъ, что былъ въ Кіевѣ, узналъ адресъ и такъ какъ у него все равно были дѣла въ Кременчугѣ, то онъ разыскалъ его. Цѣнтръ тяжести разговора заключался въ томъ, можно ли имѣть въ Кіевѣ квартиру для трехъ человѣкъ; отвѣтъ былъ данъ утвердительный. Далѣе онъ спрашивалъ о способахъ сообщенія съ Кіевомъ. Былъ предложенъ планъ пріѣзда на моторной лодкѣ, который онъ очень одобрилъ. Поѣхалъ «Николай Яковлевичъ» въ тотъ же день обратно въ Кременчугъ и общалъ въ скоромъ времени дать о себѣ знать».

Когда кончился обѣдъ, Веригинъ и Спиридовичъ отправились въ кабинетъ Кулябка, гдѣ застали худощаваго господина, высокаго роста, въ пенснэ. Кулябко замѣтилъ Богрову, — это былъ именно онъ, — что онъ можетъ говорить совершенно свободно. Послѣ этого Богровъ разсказалъ болѣе подробно то, что написалъ въ запискѣ, и добавилъ, что прочтя въ одной изъ правыхъ московскихъ газетъ свѣдѣнія о покушеніи на Столыпина и узнавъ случайно, что въ охранномъ отдѣленіи застрѣлился какой-то арестованный, онъ, подумавъ, не имѣютъ ли эти событія какой-либо связи со словами пріѣзжавшаго къ нему въ Кременчугъ господина и будучи этимъ встревоженъ, явился сегодня съ одной цѣлью — поставить въ извѣстность обо всемъ г. Кулябка. На вопросъ Веригина, откуда же пріѣхалъ этотъ господинъ и какъ онъ могъ узнать его адресъ подъ Кременчугомъ, Богровъ сказалъ, что въ Кіевѣ ему былъ данъ адресъ на квартирѣ, гдѣ онъ былъ. На вопросъ Веригина, бывалъ ли онъ за границей и въ Парижѣ, Богровъ отвѣтилъ, что былъ на южномъ берегу Франціи, а въ Парижѣ не былъ.

Выслушавъ заявленіе Богрова, полковникъ Спиридовичъ высказался противъ предоставленія злоумышленникамъ моторной лодки. Кулябко и Веригинъ согласились съ мнѣніемъ Спиридовича и предложили Богрову «вести» террористовъ въ городъ съ одной изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій, по возможности не сопровождая ихъ. Что же касается необходимой для террористовъ квартиры, то Кулябко предоставилъ это всецѣло Богрову. Спиридовичъ, въ присутствіи Богрова, высказалъ свое убѣжденіе, что, по всей вѣроятности, готовится покушеніе на особу Государя Императора, но Богровъ сталъ оспаривать, указывая, что революціонеры не рѣшатся это сдѣлать изъ боязни вызвать еврейскій погромъ. Кулябко далѣе заявилъ Богрову, что въ виду той роли, которую придется сыграть ему въ предполагаемомъ замыслѣ, онъ всегда можетъ предоставить ему возможность получить доступъ во всѣ мѣста предполагаемыхъ торжествъ.

Послѣ ухода Богрова Кулябко, Спиридовичъ и Веригинъ стали дѣлиться впечатлѣніями. Кулябко охарактеризовалъ его, какъ очень цѣннаго, хорошаго сотрудника, даваго нѣсколько дѣлъ по анархистамъ, максималистамъ и «даваго нѣсколько лабора-

торій» на югѣ. Когда зашелъ разговоръ о докладѣ генералу Курлову свѣдѣній, полученныхъ отъ Богрова, то рѣшено было доложить ихъ утромъ на слѣдующій день, такъ какъ генералъ былъ боленъ. Все же, будучи вечеромъ въ «Европейской гостиницѣ», (здѣсь жилъ Курловъ) и увидѣвшись съ Курловымъ, Кулябко въ краткихъ словахъ доложилъ ему о предполагаемомъ террористическомъ актѣ, добавивъ, что подробный докладъ сдѣлаетъ утромъ, ибо въ теченіе ночи, возможно, поступятъ новыя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія.

27-го утромъ Кулябко снова явился съ докладомъ къ Курлову. На этотъ докладъ были приглашены Веригинъ и Спиридовичъ, и въ ихъ присутствіи Кулябко подробно изложилъ весь вчерашній разговоръ съ Богровымъ, а также выработанный планъ дѣйствій. По существу доклада Курловъ особыхъ возраженій не сдѣлалъ и лишь высказалъ опасеніе, не послужатъ ли выдача билетовъ Богрову на торжества и подысканіе конспиративной квартиры проваломъ для дѣла и для Богрова. На это Кулябко отвѣтилъ, что Богровъ всегда найдетъ возможность дать революціонерамъ правдоподобныя объясненія. Послѣ этого Курловъ приказалъ «обставить наблюденіемъ Кременчугъ и Потоки» и командировать туда офицера съ филерами. вмѣстѣ съ тѣмъ Курловъ отдалъ приказаніе телеграфно снестись съ начальниками петербургскаго и охраннаго отдѣленій для выясненія лицъ, указанныхъ въ письменномъ заявленіи Богрова.

IV.

27-го августа съ ранняго утра вся охрана была поставлена на ноги. Къ дому № 4 по Вибиковскому бульвару, гдѣ проживалъ Богровъ, были стянуты усиленные отряды охранниковъ. Во всемъ районѣ были установлены многочисленные секретные посты. Кулябко призвалъ къ себѣ завѣдывающаго наружнымъ наблюденіемъ Демидюка и приказалъ ему принять усиленныя мѣры къ организаціи постовъ вокругъ дома Богрова, при этомъ добавилъ, что свѣдѣнія, доставленныя Богровымъ, очень важны, что онъ на себя это дѣло не возьметъ, а доложить начальнику. О томъ же, чтобы учредить наблюденіе за самимъ Богровымъ и слѣдить, куда онъ пойдетъ и съ кѣмъ будетъ имѣть сношенія, Кулябко распоряженія не сдѣлалъ, и за Богровымъ филеры не наблюдали. Каждому филеру, отправленному на постъ, Демидюкъ описалъ наружность Николая Яковлевича (эти свѣдѣнія Демидюкъ получилъ лично отъ Богрова при первомъ его свиданіи на Георгіевскомъ переулкѣ): высокаго роста, полный, тридцати четырехъ лѣтъ, съ острой бородкой, одѣтъ въ англійское пальто, носить котелокъ и темныя перчатки.

На обязанности филеровъ лежало наблюдать за выходомъ этого человѣка изъ дома Богрова. Начиная съ девяти часовъ утра, филеры приступили къ наблюдению и продолжали таковое до десяти часовъ вечера, но «господина съ острой бородкой» не видѣли. Кромѣ филерскаго наблюденія за домомъ Богрова, въ городѣ были произведены новые обыски и аресты, оказавшіеся безрезультатными.

Днемъ въ охранный отдѣленіе Кулябко пригласилъ шесть филеровъ. Въ отдѣленіи Демидюкъ объявилъ имъ, что они командированы въ Кременчугъ, гдѣ поступятъ въ распоряженіе ротмистра Муева и должны наблюдать за появленіемъ неизвѣстнаго человѣка, примѣты котораго имъ будутъ сообщены по прибытіи на мѣсто. Въ общихъ чертахъ Демидюкъ описалъ неизвѣстнаго, сказавъ, «что онъ красивъ и что у него добрые глаза, и что если это лицо будетъ замѣчено и выѣдетъ въ Кіевъ, то ѣхать слѣдомъ за нимъ». Старшимъ надъ этими филерами былъ назначенъ кіевскій филеръ Зайцевъ. Около семи часовъ вечера въ тотъ же день всѣ шесть филеровъ выѣхали изъ Кіева поѣздомъ. По пріѣздѣ въ Кременчугъ, Зайцевъ отправился за инструкціями къ ротмистру Муеву и, вернувшись, приказалъ двумъ филерамъ стать для наблюденія на вокзалѣ, двумъ на пароходной пристани и двумъ на Кіевской улицѣ. На вокзалѣ и на пристани филеры встрѣчали и провожали поѣзда и пароходы, являясь ко времени ихъ прибытія и отхода. На Кіевской улицѣ наблюдение продолжалось съ восьми часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ окрестностяхъ же Кременчуга наблюдение не велось, и изъ города никто изъ филеровъ не отлучался. Въ теченіе восьми дней производилось непрерывное наблюдение, но господина съ описанными примѣтами все не оказывалось.

Свѣдѣнія Богрова продолжали волновать чиновъ охраны, и 28-го августа, по распоряженію генерала Курлова, были посланы начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія слѣдующія телеграммы: «Петербургъ, начальнику охраннаго отдѣленія. Лично. По приказанію товарища министра срочно телеграфируйте, извѣстна ли вамъ личность мужчины, находящагося въ сношеніяхъ съ Егоромъ Егоровичемъ Лазаревымъ, примѣты коего: лѣтъ двадцати восьми—тридцати, брюнетъ, длинные волосы, подстриженная бородка, небольшіе усы, опущенные книзу, плотный, выше средняго роста, пріятное выраженіе лица, которому были переданы письма изъ-за границы пріѣзжавшей барынькой еврейкой черезъ Лазарева. Также телеграфируйте, находился ли онъ подъ наблюдениемъ, гдѣ теперь находится. Если живетъ въ вашемъ районѣ, установите неотступное наблюдение. При выѣздахъ сопровождайте, телеграфируя мнѣ о всѣхъ его передвиженіяхъ. Подполковникъ Кулябко».

Вслѣдъ за этой телеграммой была послана другая телеграмма: «Петербургъ. Начальнику охраннаго отдѣленія. Лично. По при-

казанію товарища министра первымъ поѣздомъ вышлите нарочнымъ подробныя свѣдѣнія дѣятельности и связей Егора Егоровича Лазарева, Булата и присяжнаго повѣреннаго Кальмановича. Подполковникъ Кулябко».

28-го августа была послана слѣдующая телеграмма: «Петербургъ. Начальнику охраннаго отдѣленія. Лично. Въ дополненіе къ телеграммѣ по приказанію товарища министра телеграфируйте имѣющійся въ нашемъ отдѣленіи адресъ лица, коему предназначены были къ передачѣ лѣтомъ 1910 г. письма изъ-за границы черезъ Егора Егоровича Лазарева. Подполковникъ Кулябко».

Наконецъ, 29-го августа была послана четвертая телеграмма: «По приказанію товарища министра срочно выясните и телеграфируйте дѣйствительнаго получателя писемъ по адресу: Невскій, 40, «Вѣстникъ Знанія», для Н. Я. Рудакова и его примѣты. Пока за получателемъ установить неотступное наблюденіе, сопровождая при выѣздѣ. Объ исполненіи телеграфируйте для доклада товарищу министра. Подполковникъ Кулябко. 28-го августа 1911 года».

На эти телеграммы Кулябко получилъ слѣдующіе отвѣты: 1) «Кіевъ, срочная. Начальнику охраннаго отдѣленія. Лично. Указанныя въ телеграммахъ лица, за исключеніемъ Егора Лазарева, отдѣленію не извѣстны. Свѣдѣнія о случаѣ передачи писемъ изъ-за границы черезъ Кальмановича, еврейку и Лазарева отдѣленіе поступили, но уже послѣ передачи, почему не могли быть разработаны. Полковникъ Коттень»; 2) «Кіевъ. Начальнику охраннаго отдѣленія. Въ «Вѣстникѣ Знанія» Н. Я. Рудаковъ неизвѣстенъ и въ Петербургѣ лицъ этими инициалами на жительство не имѣется. Домъ 60 по Литейному проспекту проживаетъ дворянинъ Николай Евгеньевичъ Рудаковъ, тридцати семи лѣтъ, служащій въ театральномъ бюро и библіотекѣ и часто бывавшій минувшей зимой въ «Вѣстникѣ Знанія». Агентурнымъ свѣдѣніямъ Рудаковъ внѣпартийный либераль, ему лѣтъ тридцать, роста выше средняго, сухощавый шатень, длинное лицо, впалыя щеки, носъ длинный, съ горбинкой, небольшіе подстриженные усы, бороду брѣть, наблюденіе учреждено».

29-го августа о предполагаемомъ террористическомъ актѣ уже были освѣдомлены всѣ высшіе чины охраны, кромѣ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, продолжавшаго изъ Кіева управлять министерствомъ; утромъ министръ поѣхалъ на вокзалъ въ открытой коляскѣ для встрѣчи высочайшихъ особъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Есаулова. При этомъ произошелъ слѣдующій любопытный инцидентъ. Когда министръ проѣзжалъ по главной улицѣ, полиція не пропустила его экипажа, такъ что Есаулову приходилось неоднократно объяснять полицейскимъ чинамъ что въ экипажѣ ѣдетъ предсѣдатель совѣта министровъ. При разѣздѣ экипажей съ вокзала никакихъ распоряженій отно-

сительно порядка слѣдованія экипажа министра сдѣлано не было, и Есаулову пришлось снова съ большими затрудненіями добиться того, чтобы экипажъ министра былъ поставленъ вслѣдъ за тройкой дежурнаго флигель-адъютанта.

V.

29-го августа начались торжества. Радостно встрѣчалъ Кіевъ Государя и августѣйшую семью. По всему пути слѣдованія царской семьи расположились тысячныя толпы народа, во многихъ мѣстахъ были разставлены учащіяся; шпалерами стояли войска. При несмолкаемыхъ кликахъ «ура», при непрерывномъ исполненіи гимна, царскій кортежъ прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ и затѣмъ во дворець. Въ тотъ же день Государь принялъ многочисленныя депутаціи и затѣмъ посѣтилъ Кіево-Печерскую лавру. При пріемѣ депутацій, а также въ соборѣ и лаврѣ присутствовалъ Столыпинъ. Торжества протекали чрезвычайно оживленно, царило всеобщее воодушевленіе. А у Богрова уже въ это время сложился опредѣленный преступный планъ убійства П. А. Столыпина. Онъ продолжалъ вести чиновъ охраны по явно-ложному и вымышленному пути, стараясь придать своимъ легендарнымъ измышленіямъ все болѣе яркую окраску.

31-го августа, въ восемь часовъ вечера предполагалась торжественная встрѣча въ Купеческомъ саду Государя Императора и августѣйшей семьи. Въ Купеческомъ саду ожидались министры, въ томъ числѣ П. А. Столыпинъ. Въ тотъ же день, около часу дня дежурный въ охранномъ отдѣлѣ Сабаевъ пригласилъ къ телефону полицейскаго надзирателя Бубнова и заявилъ, что у телефона ждетъ Аленскій. Бубновъ спросилъ: что нужно?—на это Аленскій отвѣтилъ, что начальникъ охраннаго отдѣленія обѣщалъ ему дать билетъ для входа въ Купеческій садъ. Аленскій просилъ доложить объ этомъ Кулябку, котораго въ это время въ охранномъ отдѣленіи не было. Въ пять съ половиною часовъ вечера Богровъ снова телефонировалъ Кулябку и просилъ, въ видахъ успѣха дѣла, дать ему билетъ для входа въ Купеческій садъ. Богровъ при этомъ заявилъ, что въ Кіевъ уже пріѣхалъ Николай Яковлевичъ и съ нимъ Нина Александровна, причемъ Николай Яковлевичъ предложилъ ему принять активное участіе въ покушеніи, но онъ отказался. Изъ разговоровъ съ Николаемъ Яковлевичемъ онъ убѣдился, что дѣло, задуманное террористической группой, серьезное, ибо Николай Яковлевичъ предъявилъ ему требованіе установить примѣты Столыпина и министра народнаго просвѣщенія Кассо. Но для этой цѣли ему необходимо быть въ Купеческомъ саду, такъ какъ возможно, что за нимъ будетъ установлено перекрестное наблюденіе со стороны соучастниковъ Николая Яковлевича, а отсутствіе его въ саду только приведетъ «къ провалу».

Выслушавъ Богрова, Кулябко согласился и велѣлъ прислать за билетомъ. Между прочимъ, разговоръ Кулябко съ Богровымъ случайно подслушалъ нѣкій Певзнеръ, позвонившій по телефону въ квартиру Богрова по частному дѣлу и услыхавшій такой разговоръ: незнакомый мужской голосъ спросилъ «Дмитрій Григорьевичъ, это вы?»—на это послѣдовалъ отвѣтъ Дмитрія Богрова, голосъ котораго Певзнеръ узналъ: «да, я». Затѣмъ тотъ же незнакомый голосъ спросилъ: «въ чемъ дѣло», и на это Богровъ отвѣтилъ: «а все-таки интересно было бы сегодня попасть въ Купеческій». Послѣ этого говорившій съ Богровымъ отвѣтилъ: «хорошо, пришлите, я вамъ оставлю билетъ у жены». Богровъ отвѣтилъ: «хорошо, я пришлю». На этомъ разговоръ оборвался. Затѣмъ Певзнеръ снова позвонилъ на станцію и просилъ соединить его съ квартирой Богрова. Извинившись передъ Богровымъ, что невольно подслушалъ его разговоръ по телефону, Певзнеръ спросилъ, нельзя ли воспользоваться его любезностью и черезъ его посредство достать билетъ въ Купеческій садъ. На это Богровъ недовольнымъ голосомъ, отвѣтилъ: «нѣтъ, это сопряжено съ совершенно другими обстоятельствами», и добавилъ: «надѣюсь, это будетъ въ секретѣ». Богровъ затѣмъ далъ отбой, и разговоръ съ Певзнеромъ прекратился.

Вечеромъ Богровъ отправился въ Купеческій садъ, занялъ сначала мѣсто около эстрады, гдѣ пѣлъ малороссійскій хоръ, а затѣмъ перешелъ на аллею, ближе къ царскому шатру, находясь все время въ первомъ ряду публики. Богровъ хорошо видѣлъ прохожденіе Государя, но Столыпина не замѣтилъ. Вернувшись изъ Купеческаго сада, онъ рѣшилъ искать другіе пути для осуществленія своего преступнаго замысла—убійства Петра Аркадьевича. Богровъ рѣшилъ встрѣтить министра въ городскомъ театрѣ, въ которомъ 1-го сентября долженъ былъ состояться парадный спектакль.

Для этой цѣли 31-го августа Богровъ вторично появляется въ охранномъ отдѣленіи. Во второму часу ночи стоявшій у подъѣзда охраннаго отдѣленія городской заявилъ дежурившему въ отдѣленіи чиновнику Сабаеву, что какой-то господинъ требуетъ доложить о его приходѣ начальнику. Господина пригласили въ пріемную, гдѣ онъ назвалъ Аленскимъ. Узнавъ о прибытіи Аленскаго, Кулябко приказалъ Сабаеву предложить послѣднему написать, по какому поводу онъ явился въ охранное отдѣленіе. Сабаевъ вручилъ Аленскому листокъ бумаги, и тотъ написалъ записку, которая прислугой была отослана Кулябку. Минуть черезъ пять Кулябко пригласилъ къ телефону Аленскаго и, переговоривъ съ послѣднимъ заявилъ Сабаеву, что Аленскій напишетъ еще одну записку, которую необходимо отослать завѣдующему наружнымъ наблюденіемъ Демидюку.

Богровъ написалъ слѣдующую записку: «у Аленскаго въ квартирѣ ночуетъ сегодня пріѣхавшій изъ Кременчуга Николай Яковле-

вичъ, про котораго я сообщалъ. У него въ багажѣ два браунинга. Говорить, что пріѣхалъ не одинъ, а съ дѣвицей Ниной Александровной, которая поселилась на неизвѣстной квартирѣ, но будетъ у Аленскаго завтра между двѣнадцатью и часомъ дня. Впечатлѣніе такое, что готовится покушеніе на Столыпина и Кассо. Высказывается противъ покушенія на Государя, изъ опасенія еврейскаго погрома въ Кіевѣ. Думаю, что у дѣвицы Нины Александровны имѣются бомбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Николай Яковлевичъ» заявлялъ, что благополучный исходъ ихъ дѣла несомнѣненъ, намекая на таинственныхъ высокопоставленныхъ покровителей. Аленскій обѣщаль во всемъ полное содѣйствіе. Жду инструкцій».

Послѣ этого Кулябко по телефону приказалъ провести Аленскаго къ нему на квартиру, наверхъ. Открывъ парадную дверь, Богровъ направился въ кабинетъ и здѣсь онъ разсказалъ Кулябку о своемъ посѣщеніи Купеческаго сада, объяснилъ, что былъ тамъ по порученію Николая Яковлевича съ цѣлью установить примѣты министра Столыпина и Кассо, ознакомиться съ условіями ихъ охраны, но порученія не выполнилъ, такъ какъ за темнотою и массою публики онъ не могъ приблизиться къ министру. Все же Николай Яковлевичъ настаиваетъ на выполненіи даннаго имъ порученія, и онъ обѣщаль сдѣлать, предварительно переговоривши съ кафешантанной пѣвицей «Региной», которая якобы обѣщала ему черезъ знакомыхъ достать билетъ въ городской театръ. Въ виду этого Богровъ просилъ Кулябко заготовить ему билетъ въ театръ на торжественный спектакль, и только на тотъ случай, если Николай Яковлевичъ особенно будетъ настаивать на своемъ требованіи. Появленіе Богрова ночью въ охранномъ отдѣленіи произвело на Кулябко огромное впечатлѣніе. Кулябко согласился прислать билетъ, и Богровъ послѣ этого ушелъ.

VI.

1-го сентября событія сложились такъ. Въ шесть часовъ утра Кулябко впервые сообщилъ по телефону генералу-губернатору Ф. Ф. Трепову о готовящемся покушеніи на министровъ П. А. Столыпина и Л. А. Кассо, упомянувъ, что злоумышленники—«какой-то мужчина и женщина пріѣхали уже для этой цѣли въ Кіевъ»; о томъ, отъ кого были получены эти свѣдѣнія, Кулябко не доложилъ. Генераль Треповъ сейчасъ же приготовилъ письмо Столыпину съ предупрежденіемъ объ угрожающей ему опасности и просилъ его не выходить изъ дому. Письмо это Треповъ, однако, взялъ съ собою и отправился на маневры, происходившіе вблизи Кіева, на которые ожидался Государь. По пути на маневры, на Бибицкомъ бульварѣ, Треповъ встрѣтилъ Кулябка; онъ посадилъ его съ собой въ автомобиль, и здѣсь Кулябко предъявилъ ему записку

Богрова, въ которой были изложены полученныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи. Треповъ тогда вручилъ Кулябку письма въ незапечатанномъ конвертѣ и поручилъ ему передать письмо Столыпину, вложивъ предварительно въ конвертъ и записку Богрова. Еще наканунѣ, около двухъ часовъ ночи, по возвращеніи Столыпина изъ Купеческаго сада, Кулябко позвонилъ по телефону въ генераль-губернаторскій домъ и просилъ адъютанта Есаулова предупредить министра, чтобы онъ не выходилъ гулять по улицамъ, такъ какъ «не все обстоитъ благополучно». На предложеніе Есаулова пріѣхать немедленно и рассказать, какія причины имѣются для

Кіевскій городской театръ, въ которомъ былъ убитъ П. А. Столыпинъ.

этого, Кулябко отвѣтилъ, что сейчасъ занятъ и пріѣдетъ завтра. Дѣйствительно, въ семь часовъ утра 1-го сентября Кулябко пріѣхалъ и рассказалъ слѣдующее: «У меня есть агентъ, который находится въ сношеніяхъ съ революціонерами, у него на квартирѣ поселился анархистъ съ двумя браунингами нѣсколько дней тому назадъ. Анархиста этого мы имѣемъ въ наблюденіи, и онъ въ рукахъ полиціи. На этихъ дняхъ также пріѣхала дѣвица Нина Александровна и привезла съ собою бомбу. Гдѣ живетъ эта дѣвица, мой агентъ не знаетъ. 1-го сентября, въ часъ дня должно состояться на квартирѣ моего агента совѣщаніе, и тогда мы ихъ арестуемъ. Поэтому прошу васъ доложить министру, чтобы онъ не ходилъ по городу. Съ трудомъ удалось мнѣ убѣдить генерала Трепова, что положеніе серьезное. Онъ написалъ министру письмо, которое просить васъ передать».

Сообщивъ это, Кулябко отдалъ Есаулову письмо, переданное ему генераломъ Треповымъ, и уѣхалъ. Письмо было въ не запечатанномъ конвертѣ, записки въ немъ не было, и Есауловъ въ девять часовъ утра занесъ письмо Столыпину, который, прочитавъ, велѣлъ его уничтожить. Въ то же время по телефону позвонилъ генераль Курловъ и сообщилъ Столыпину, что имѣеть къ нему серьезный докладъ и просить не выѣзжать изъ дому до его прибытія. Приѣхавъ къ Столыпину, Курловъ передалъ ему всѣ свѣдѣнія, собранныя о террористической группѣ, и просилъ не выѣзжать иначе, какъ на автомобилѣ, который по его распоряженію будетъ присланъ изъ охраннаго отдѣленія. Министръ на это неохотно согласился; видно было, что онъ не придаетъ особаго значенія полученнымъ свѣдѣніямъ, ибо, говоря о злоумышленникахъ, министръ шутливо замѣтилъ: «Все это не серьезно», и что даже если бы была найдена бомба, то все же не повѣрилъ бы.

Затѣмъ Столыпинъ выслушалъ докладъ Курлова по другимъ служебнымъ дѣламъ, подписалъ заготовленные всеподданнѣйшіе доклады о награжденіи лицъ, командированныхъ на торжества; послѣ этого Курловъ ушелъ. Въ вестибюлѣ генераль-губернаторскаго дома Курловъ встрѣтился съ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія камергеромъ Вестманомъ, который присланъ былъ министромъ А. А. Кассо для переговоровъ по поводу мѣръ охраны. Передавъ Вестману вкратцѣ содержаніе полученныхъ свѣдѣній, Курловъ просилъ предложить Кассо, чтобы онъ или совсѣмъ не выѣзжалъ въ этотъ день въ городъ, или въ крайнемъ случаѣ выѣзжалъ на предоставленномъ ему охраннымъ отдѣленіемъ моторѣ. Узнавъ отъ Вестмана, что министръ ежедневно вынужденъ выѣзжать въ рестораны для завтрака и обѣда, Курловъ просилъ предложить Кассо устроиться въ этотъ день съ обѣдомъ дома, добавивъ, что «за пребываніе министра въ самомъ театрѣ онъ совершенно спокоенъ».

Въ это же время въ «Европейскую гостиницу» приѣхалъ Кулябко и, встрѣтившись съ Веригинымъ, сообщилъ ему, что ожидаетъ «сотрудника», который послѣ свиданія, имѣющаго произойти около часу дня между Николаемъ Яковлевичемъ и приѣхавшей барышней, явится доложить о результатахъ. Вскорѣ явился Богровъ, и Кулябко пригласилъ его въ комнату Веригина. Здѣсь Богровъ въ присутствіи Веригина сообщилъ, что къ нему на квартиру приѣхалъ Николай Яковлевичъ, что у него въ чемоданѣ два браунинга, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибыла Нина Александровна, но неизвѣстно, гдѣ она остановилась. По словамъ Богрова, у Нины Александровны имѣлась бомба. Кулябко спросилъ Богрова, гдѣ можетъ быть совершенъ террористическій актъ, и на это Богровъ высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, произойдетъ вечеромъ, на пути въ театръ. На вопросъ Веригина, какія мѣры будутъ приняты, чтобы

узнать террористовъ при выходѣ ихъ изъ квартиры, а также въ толпѣ, Кулябко сказалъ, что хорошо будетъ, если Богровъ подастъ знакъ куреніемъ папирасы. Богровъ добавилъ, что предполагавшееся въ часъ дня свиданіе Николая Яковлевича съ Ниной Александровной не состоится, а произойдетъ въ восемь часовъ вечера на Биби-ковскомъ бульварѣ. Затѣмъ Богровъ ушелъ; Кулябко доложилъ Курлову о послѣдней бесѣдѣ съ Богровымъ, и по окончаніи доклада Курловъ, Спиридовичъ, Веригинъ и Кулябко отправились завтракать. Во время завтрака происходилъ разговоръ о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять на основаніи свѣдѣній Богрова.

Въ тотъ же день, въ четыре часа на Печерскомъ ипподромѣ ожидался пріѣздъ Государя Императора и августѣйшей семьи на смотръ потѣшныхъ. На ипподромъ заблаговременно съѣхались министры, высшіе чины администраціи, генералитетъ. Для входа необходимо было имѣть два билета: одинъ пригласительный отъ общества рысистаго коннозаводства, въ вѣдѣніи котораго находился ипподромъ, и другой пропускной. Всѣ билеты были именные; на нижнюю площадку допускались лица, не имѣвшія пригласительныхъ билетовъ общества, а только особый пропускной билетъ коричневаго цвѣта. Распределеніе билетовъ на площадку зависѣло отъ охраннаго отдѣленія.

Около четырехъ часовъ на площадку вышелъ секретарь общества Грязновъ и, замѣтивъ группу неизвѣстныхъ ему лицъ во фракахъ, гулявшихъ по площадкѣ, обратился къ одному изъ нихъ и спросилъ билетъ. Среди этой группы лицъ находился человекъ, хорошо извѣстный Грязнову по наружному виду, какъ неоднократно игравшій въ тотализаторѣ на бѣгахъ. Это былъ Богровъ. Грязновъ обратился къ нему со словами: «А вамъ что здѣсь нужно?» Богровъ смущенно отвѣтилъ: «Я жду придворнаго фотोगрафа» и, предъявивъ коричневый билетъ, спросилъ Грязнова, «не охранникъ ли онъ». Фраза эта разсердила Грязнова, и онъ рѣзко со словами: «ступайте вонъ», взялъ его за плечо и толкнулъ къ выходу. Мѣсто, на которомъ встрѣтилъ Грязновъ Богрова, находилось въ разстояніи трехъ шаговъ отъ площадки, предназначенной для министровъ. Рѣшетка, отдѣлявшая площадку, была не выше половины роста человекъ. Такимъ образомъ, Богровъ имѣлъ полную возможность произвести въ Столыпина выстрѣлы на весьма близкомъ разстояніи.

Съ ипподрома Богровъ возвратился домой и во время обѣда въ разговорѣ съ своей теткой случайно проговорился, что наканунѣ онъ былъ въ Купеческомъ саду. Тогда тетка Богрова спросила, какимъ образомъ онъ получилъ пропускъ, и на это онъ отвѣтилъ, что билетъ ему удалось получить, благодаря своимъ петербургскимъ знакомымъ. На вопросъ, видѣлъ ли онъ Государя, Богровъ отвѣтилъ, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ двухъ шагахъ отъ него. Затѣмъ Богровъ заявилъ, что собирается вечеромъ въ

городской театр, что досталъ билетъ черезъ тѣхъ же петербургскихъ знакомыхъ, общавшихъ познакомить его въ театрѣ съ какими-то высокопоставленными лицами для переговоровъ по коммерческому дѣлу о покупкѣ какого-то банка.

Во время разговора Богровъ, услыхавъ звонокъ, отправился въ переднюю. Дверь открывала горничная Батурина. На вопросъ Богровой, кто звонилъ, горничная отвѣтила, что заходилъ въ квартиру ея кумъ, который хотѣлъ переговорить съ кѣмъ-то по телефону, но что баринъ (Богровъ) не разрѣшилъ ему говорить, выпроводивъ его изъ квартиры. Услыхавъ это, Богровъ замѣтилъ, что чело-вѣкъ хотѣлъ вызвать по телефону охранный отдѣленіе, но «онъ находить неудобнымъ и неприличнымъ, чтобы изъ его квартиры вызывали охранку».

VII.

За домомъ, въ которомъ проживалъ Богровъ, 1-го сентября по распоряженію генерала Курлова было установлено строгое наблюденіе. Кулябко призвалъ къ себѣ завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ Демидюка и въ присутствіи многихъ агентовъ заявилъ, что готовится покушеніе на Столыпина и Кассо, что террористъ Николай Яковлевичъ уже пріѣхалъ въ Кіевъ и почуетъ въ домѣ № 4 по Бибииковскому бульвару; къ нему между двѣнадцатю и часомъ дня должна прійти нѣкая «Нина Александровна» неизвѣстныхъ примѣтъ. Демидюку же Кулябко приказалъ самому стать вмѣстѣ съ филерами для наблюденія съ тѣмъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не упустить Николая Яковлевича. Кулябко при этомъ замѣтилъ, что при выходѣ Николая Яковлевича изъ квартиры Богровъ выйдетъ на балконъ; это послужитъ указаніемъ, что вышедшій изъ подъѣзда и есть именно то лицо, за которымъ происходитъ наблюденіе.

Филеры стали въ наблюденіе за домомъ Богрова и увидѣли, какъ въ двѣнадцать часовъ Богровъ вышелъ изъ подъѣзда, направился на Крещатикъ и затѣмъ черезъ часъ вернулся домой на извозчикѣ. Около четырехъ часовъ дня на улицѣ къ Демидюку подошелъ надзиратель Туляковъ и сообщилъ ему отъ имени Кулябка, что Николаемъ Яковлевичемъ замѣчено изъ окна квартиры наблюденіе, и поэтому предложилъ продолжать вести наблюденіе съ большими предосторожностями. Распоряженіе было передано всѣмъ филерамъ.

Около семи часовъ вечера Богровъ вызвалъ по телефону Кулябка и сообщилъ, что планъ не мѣняется, и просилъ прислать ему билетъ на спектакль. Кулябко отвѣтилъ, что просьба будетъ исполнена. Послѣ этого Кулябко потребовалъ въ отдѣленіе Демидюка. Ему Кулябко заявилъ, что Николай Яковлевичъ находится сейчасъ въ квартирѣ Богрова и что Нина Александровна къ нему не

приходила. Въ восемь часовъ вечера Николай Яковлевичъ выйдетъ одинъ изъ квартиры Богрова, имѣя при себѣ два браунинга, и направится на уголъ Бибиковского бульвара и Владимирской улицы и здѣсь онъ встрѣтится съ Ниной Александровной, которая передастъ ему бомбу; затѣмъ они станутъ на линію проѣзда высочайшихъ особъ, по пути въ городской театръ. Поэтому необходимо усилить наблюденіе новыми агентами и послѣ встрѣчи Николая Яковлевича съ Ниной Александровной арестовать ихъ, если они станутъ на линію проѣзда; если же они направятся въ другую сторону, то не задерживать ихъ, а только наблюдать и прибѣгнуть къ аресту въ томъ лишь случаѣ, если дальнѣйшее наблюденіе окажется невозможнымъ. Кулябко добавилъ, что Богровъ на свиданіе съ террористами не поидеть, а отправится въ городской театръ, чтобы избѣжать провала въ случаѣ ареста злоумышленниковъ. Затѣмъ Кулябко передалъ Демидюку билетъ въ городской театръ и приказалъ отдать его швейцару дома, въ которомъ живетъ Богровъ, съ тѣмъ, чтобы швейцаръ отнесъ его и заявилъ, что билетъ присланъ отъ артистки «Регины».

Демидюкъ послѣ этого взялъ съ собой нѣсколько филеровъ и отправился на Бибиковский бульваръ. На углу Пушкинской и бульвара Демидюкъ увидѣлъ Богрова, выходившаго изъ подъѣзда своего дома. Богровъ шепнулъ ему на ухо, что ждетъ билетъ, и Демидюкъ передалъ ему послѣдній, пропустилъ его впередъ, а самъ съ филерами пошелъ слѣдомъ за нимъ, чтобы посмотреть, куда онъ поидеть и не встрѣтится ли кто съ нимъ на пути. Прослѣдивъ за Богровымъ до угла Фундуклеевской улицы, Демидюкъ вернулся назадъ и сталъ на посту возлѣ дома Богрова.

Наблюденіе продолжалось до одиннадцати вечера. Результаты по записямъ въ дѣлахъ охраннаго отдѣленія таковы: «27-го августа 1911 года—Капустянский ¹⁾ въ десять часовъ сорокъ минутъ утра вышелъ изъ своей квартиры и ушелъ безъ наблюденія, въ часъ сорокъ пять минутъ вернулся домой, больше не видѣли, а по даннымъ примѣтамъ неизвѣстнаго мужчины прихода и выхода не видѣли».

«28-го августа 1911 года. Въ теченіе наблюденія выхода изъ дома и прихода домой Капустянскаго не видѣли, а также и неизвѣстнаго мужчины по даннымъ примѣтамъ замѣчено не было».

«29-го августа 1911 года. Въ теченіе дня выхода и прихода Капустянскаго не видѣли, а также неизвѣстнаго мужчины по даннымъ примѣтамъ замѣчено не было».

«30-го августа 1911 года. Въ часъ сорокъ пять минутъ дня Капустянский вышелъ изъ своей квартиры и пошелъ безъ наблюденія. Въ три часа сорокъ пять минутъ вернулся домой. Въ четыре

¹⁾ Т. е. Богровъ.

часа тридцать минутъ дня вторично вышелъ изъ дому и ушелъ безъ наблюденія. Больше не видѣли, а также и неизвѣстнаго мужчины по даннымъ примѣтамъ прихода замѣчено не было».

«31-го августа. Въ теченіе наблюденія Капустянскаго прихода и выхода не видѣли, а также неизвѣстнаго мужчины по даннымъ примѣтамъ замѣчено не было».

«1-го сентября. Въ десять часовъ пятьдесятъ пять минутъ дня Капустянскій вышелъ изъ дому и отправился по направленію на Крепятикъ безъ наблюденія, а въ двѣнадцать часовъ тридцать минутъ пріѣхалъ на извозчикѣ домой. Въ восемь часовъ вечера Капустянскій вторично вышелъ изъ дому и въ восемь часовъ двадцать минутъ вечера зашелъ въ городской театръ, гдѣ и былъ оставленъ, а согласно данныхъ примѣтъ неизвѣстнаго мужчины и барыньки прихода въ наблюдаемый домъ и выхода изъ такового наблюденіемъ не установлено».

Торжественный спектакль въ городскомъ театрѣ былъ назначенъ на девять часовъ вечера; шла опера «Сказка о царѣ Салтанѣ». Билеты заблаговременно были розданы высокопоставленнымъ лицамъ, прибывшимъ изъ столицъ на торжества, и мѣстнымъ высшимъ административнымъ и военнымъ властямъ. Городской театръ за многіе годы своего существованія не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такой изысканной публики. Съ семи часовъ вечера тысячная толпа запрудила улицы въ ожиданіи проѣзда высочайшихъ особъ. Безпрерывно къ театру подъѣзжали автомобили, экипажи, и уже въ восемь часовъ вечера театръ былъ переполненъ публикой. Царило оживленіе, съ минуты на минуту ждали пріѣзда высочайшихъ особъ.

Получивъ билетъ, Богровъ во фракѣ отправился въ театръ, гдѣ его ожидалъ Кулябко. Замѣтивъ Богрова, Кулябко позвалъ его въ одну изъ боковыхъ комнатъ театра и сталъ разспрашивать, гдѣ находятся террористы, и, опасаясь, что «Николай Яковлевичъ» будетъ утерянъ наблюденіемъ, поручилъ Богрову поѣхать на квартиру, дабы убѣдиться, сидитъ ли онъ дома. Богровъ вошелъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, доложилъ Кулябку, что Николай Яковлевичъ находится у него на квартирѣ и ужинаетъ. Послѣ этого онъ направился въ зрительный залъ и занялъ отведенное ему мѣсто въ восемнадцатомъ ряду.

Передъ этимъ на автомобилѣ къ театру подъѣхалъ Столыпинъ, въ сопровожденіи адъютанта Есаулова. У подъѣзда, встрѣтившись съ Кулябкомъ, Есауловъ спросилъ, арестованы ли злоумышленники. Кулябко отвѣтилъ: «нѣтъ, совѣщаніе не состоялось и состоится завтра». До отъѣзда въ театръ Есауловъ по телефону просилъ адъютанта Курлова доложить генералу о необходимости командировать трехъ жандармовъ къ генераль-губернаторскому дому, чтобы организовать у оконъ министра охранный постъ, такъ

какъ садъ былъ недостаточно охраняемъ. Адъютантъ спросилъ, есть ли это приказаніе самого министра, и когда Есауловъ отвѣтилъ, что просьба исходить отъ него лично, отвѣтилъ: «Генераль Курловъ находить эту мѣру бесполезной и считаетъ, что имъ приняты всѣ мѣры для безопасности министра».

Войдя въ зрительный залъ, П. А. Столыпинъ занялъ мѣсто въ первомъ ряду креселъ, № 5. Въ этомъ же ряду находились всѣ министры, дворцовый комендантъ генераль Дедюлинъ, генераль Курловъ, генераль-губернаторъ Треповъ и командующій войсками кievскаго военнаго округа генераль Ивановъ. Въ девять часовъ вечера взвился занавѣсъ. Генераль-губернаторскую ложу заняли высокіе гости. Спектакль протекалъ съ большимъ успѣхомъ.

Въ первомъ антрактѣ Кулябко снова видѣлся съ Богровымъ и опять бесѣдовалъ съ нимъ о Николаѣ Яковлевичѣ. Во время второго антракта Богровъ, высматривая, гдѣ находится Столыпинъ, встрѣтился въ коридорѣ съ Кулябкомъ. Послѣдній нервничалъ и заявилъ ему, что онъ опасается за дѣятельность террористовъ, и предложилъ ему ѣхать домой, слѣдить за Николаемъ Яковлевичемъ, не оставляя его ни на одинъ шагъ. Богровъ, простившись съ Кулябкомъ, направился какъ бы одѣваться; Кулябко же, встрѣтивъ у дверей Курлова, направился съ нимъ въ телефонную комнату.

Тѣмъ временемъ Богровъ прошелъ въ партеръ. Столыпинъ во второмъ антрактѣ стоялъ въ первомъ ряду у рампы лицомъ къ публикѣ, прямо противъ прохода, и разговаривалъ съ подходившими къ нему лицами. Возлѣ него находился министръ императорскаго двора баронъ Фредериксъ, а по другую сторону военный министръ генераль Сухомлиновъ. Богровъ между креслами приблизился къ Столыпину, такъ на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Въ правомъ карманѣ Богрова находился заряженный восемью патронами «браунингъ», и, чтобы не было замѣтно, что карманъ оттопыривается, Богровъ прикрылъ его театральной программой. Затѣмъ онъ вынулъ револьверъ, произвелъ два выстрѣла въ Столыпина и, быстро повернувшись, направился къ выходу. Здѣсь его схватила публика и стала наносить ему удары. Окровавленнаго Богрова поволокли по коридору. У вѣшалокъ, огражденныхъ барьеромъ, жандармскій подполковникъ Ивановъ, желая защитить Богрова отъ ударовъ толпы, перебросилъ его черезъ барьеръ. П. А. Столыпинъ, облитый кровью, нѣсколько секундъ еще стоялъ, затѣмъ опустился въ кресло; онъ оказался раненымъ въ руку и правый бокъ. Его вынесли въ коридоръ; профессора Черновъ, Оболонскій и Малковъ оказали раненому первую помощь, приостановивъ кровотеченіе. Затѣмъ министра перевезли въ лечебницу Маковского, гдѣ онъ 5-го сентября и скончался.

Послѣ покушенія публика потребовала исполненія гимна. Несмотря на ужасъ преступленія, присутствовавшіе въ театрѣ сохра-

нили поразительное самообладаніе. Всѣ заняли свои мѣста, въ ожиданіи поднятія занавѣса. Вотъ онъ взвился. Государь приблизился къ барьеру ложи. На сценѣ вся труппа исполнила гимнъ, артисты хора опустились на колѣни. Затѣмъ раздались восторженные крики, отъ которыхъ театръ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ буквально дрожаль, пока Государь не покинулъ ложи.

Въ это же время Богровъ въ буфетной комнатѣ театра былъ обысканъ; у него отобрали пропускъ въ театръ и визитныя карточки, затѣмъ по предложенію прокурора палаты Чаплинскаго приступили къ его допросу. На допросѣ присутствовали Чаплинскій, прокуроръ окружнаго суда Брандорфъ и товарищъ прокурора судебной палаты Царюкъ. Богровъ заявилъ, что «когда задумалъ совершить покушеніе на Столыпина, то явился къ Кулябку и сдѣлалъ ему вымышленное сообщеніе о пріѣздѣ къ нему молодого человѣка, собиравшагося совершить убійство Столыпина. Кулябко, повѣривъ его словамъ, выдалъ ему билетъ для входа на торжества какъ въ Купеческій садъ, такъ и въ театръ». О томъ, что состоялъ на службѣ въ охранномъ отдѣленіи, Богровъ не рассказывалъ.

Любопытно отмѣтить слѣдующій характерный инцидентъ, разыгравшійся во время допроса Богрова. Около двухъ часовъ ночи дежурный надзиратель Старо-Кіевскаго участка сообщилъ дежурившему у театра приставу Тюрину, что его требуетъ въ «Европейскую гостиницу» генералъ Курловъ. Тюринъ отправился, но въ гостиницѣ, кромѣ филеровъ, никого не засталъ. Вскорѣ прибыли Курловъ, Веригинъ, Спиридовичъ и Кулябко. Послѣдній предложилъ Тюрину поѣхать въ театръ, забрать Богрова и отвезти его въ охранное отдѣленіе для допроса. Исполняя порученіе, Тюринъ возвратился въ театръ, вошелъ въ комнату, гдѣ допрашивался Богровъ, и передалъ приказаніе Кулябка о томъ, что онъ долженъ доставить Богрова для допроса въ охранное отдѣленіе. На это прокуроръ судебной палаты отвѣтилъ, что не только по требованію Кулябка, но даже по распоряженію товарища министра Курлова Богровъ не будетъ отпущенъ, и предложилъ Тюрину позвать Кулябка въ театръ для допроса, въ качествѣ свидѣтеля. Распоряженіе это Тюринъ передалъ Кулябку по телефону. Кулябко явился и лично сталъ настаивать на разрѣшеніи ему переговорить съ Богровымъ, «отъ котораго онъ ожидаетъ получить важныя свѣдѣнія». Въ этомъ Кулябко снова было отказано. Затѣмъ Кулябко имѣлъ въ театрѣ продолжительную бесѣду съ Чаплинскимъ, сводившуюся къ тому, что Кулябко не можетъ себя считать виновнымъ въ происшедшемъ несчастіи, такъ какъ Богровъ былъ допущенъ въ театръ съ вѣдома генерала Курлова. Однако въ концѣ бесѣды Кулябко, какъ бы спохватившись, произнесъ слѣдующую фразу: «Да, нѣтъ, виновать я, конечно, одинъ, мнѣ остается пустить себѣ пулю въ лобъ... У меня уже заготовлено прошеніе объ отставкѣ... я человѣкъ конченный...»

VIII.

Покушение на П. А. Столыпина произвело въ городѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Никто не допускалъ мысли, что предсѣдатель совѣта министровъ могъ стать жертвой рукъ предателя-охранника. Говорили, что покушение совершено группой террористовъ, причѣмъ къ послѣдней принадлежалъ покончившій съ собою 27-го августа самоубійствомъ въ охранномъ отдѣленіи Муравьевъ; другіе указывали, что преступленіе совершено по распоряженію цен-

Д. Г. Богровъ.

трального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ. Лишь днемъ 2-го сентября въ городѣ стало извѣстно, что покушеніе произведено однимъ изъ сотрудниковъ охраннаго отдѣленія. Въ этотъ день состоялась чрезвычайное собраніе городской думы. Городской голова И. Н. Дьяковъ публично доложилъ, что прискорбное событіе произошло не по винѣ города, ибо преступникъ допущенъ былъ въ театръ другимъ учрежденіемъ, которому городъ по его требованію передалъ нѣсколько билетовъ. На вопросы гласныхъ Дьяковъ отвѣтилъ, что лицо, сидѣвшее въ театрѣ въ восемнадцатомъ ряду и занимавшее кресло № 406, командировано было охраннымъ

отдѣленіемъ. Дума тогда приняла слѣдующія постановленія: 1) просить разрѣшенія гласнымъ принять на себя охрану высокихъ гостей, 2) избрать П. А. Столыпина почетнымъ гражданиномъ города Кіева, 3) отпечатать фотографическую копію съ книги, въ которой сдѣлана запись, указывающая, черезъ чье посредство былъ полученъ преступникомъ входной билетъ въ театръ, 4) повергнуть чувства безпредѣльной преданности Государю Императору.

Послѣ покушенія чины охраны усиленно принялись за розыски соучастниковъ Богрова (въ началѣ существовала увѣренность, что преступленіе совершено не единолично, не однимъ Богровымъ) Когда окончился допросъ въ городскомъ театрѣ, Богрова связали, отправили въ крѣпость и заключили въ одинъ изъ казематовъ «Косого Капонира». Въ то же время, по распоряженію жандармскаго управленія, усиленный отрядъ чиновъ охраны приступилъ къ производству обыска въ квартирѣ Богрова. Обыскъ продолжался всю ночь, причѣмъ была забрана вся переписка, визитныя карточки и разные документы.

Кулябко, ссылаясь на распоряженіе генерала Курлова ликвидировать связи Богрова, приказалъ чинамъ охраны заготовить ордера и произвести обыски и аресты всѣхъ безъ исключенія лицъ, упоминаемыхъ въ книжкахъ сотрудника Аленскаго (Богрова), начиная съ 1907 года. По этимъ ордерамъ въ городѣ въ одну ночь было произведено около ста обысковъ и арестовъ; кромѣ того, были «ликвидированы по свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія лица, проходившія по группамъ анархистовъ-коммунистовъ». Такихъ лицъ было приблизительно около пятидесяти человѣкъ. Всѣ распоряженія объ обыскахъ и арестахъ дѣлались спѣшно, безъ всякой провѣрки и безъ соображенія степени важности имѣющихся свѣдѣній. Вслѣдствіе этого произошли серьезныя недоразумѣнія, ибо обыскамъ подвергались не тѣ лица, къ которымъ относились свѣдѣнія; такъ, на примѣръ, былъ произведенъ обыскъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ у буфетчика, тогда какъ на самомъ дѣлѣ обыску подлежало другое лицо; было арестовано нѣсколько видныхъ общественныхъ дѣятелей: адвокаты, врачи. Въ городскомъ театрѣ «по недоразумѣнію» былъ арестованъ гласный городской думы Оргисъ-Рутенбергъ. Всѣ эти обыски и аресты, конечно, не дали никакихъ результатовъ.

2-го сентября съ утра въ Косомъ капонирѣ возобновился допросъ Богрова. На этотъ разъ допросъ производился судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ В. И. Фененкомъ, на котораго было возложено предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу, въ присутствіи прокурора судебной палаты Чаплинскаго и прокурора окружнаго суда Брандорфа. Богровъ на этотъ разъ далъ исчерпывающее показаніе.

Вотъ что онъ показалъ:

«Я не признаю себя виновнымъ въ томъ, что состоялъ участникомъ преступнаго сообщества, именующаго себя группой анархистовъ и имѣющаго цѣлью своей дѣятельности насильственное испроверженіе установленнаго основными законами образа правленія, но признаю себя виновнымъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина, произвелъ въ него 1-го сентября сего года два выстрѣла изъ револьвера Браунинга и причинилъ ему опасныя для жизни пораненія,—какое преступленіе, однако, совершенно мною безъ предварительнаго уговора съ другими лицами и не въ качествѣ участника какой-либо революціонной организаціи. Выросъ я въ семьѣ отца моего и матери, которые проживаютъ въ Кіевѣ, причѣмъ отецъ присяжный повѣренный и домовладѣлецъ. Домъ отца моего находится на Бибиковскомъ бульварѣ подъ номеромъ четвертымъ и стоитъ приблизительно чотыреста тысячъ рублей. Долга на этомъ домѣ имѣется сто тысячъ рублей. Такимъ образомъ, мой отецъ является вполне обезпеченнымъ человѣкомъ. Я лично всегда жилъ безбѣдно, и отецъ давалъ мнѣ достаточныя средства для существованія, никогда не стѣсняя меня въ денежныхъ выдачахъ. Послѣ окончанія кіевской первой гимназіи въ 1905 году я поступилъ въ кіевскій университетъ на юридическій факультетъ. Въ сентябрѣ того же года я уѣхалъ въ Мюнхенъ для продолженія ученія, такъ какъ кіевскій университетъ былъ закрытъ. Вернулся я изъ Мюнхена осенью 1906 года. Въ тѣ времена я уже былъ настроенъ революціонно, хотя ни въ какихъ конкретныхъ поступкахъ это мое настроеніе не выражалось. Вернувшись въ Кіевъ, я въ декабрѣ 1906 года примкнулъ черезъ студенческій кружокъ къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, съ которыми я познакомился черезъ студента Татіева, подъ кличкой «Ираклій». Въ настоящее время онъ куда-то высланъ, куда—не знаю. Въ составъ группы входили: Іуда Гросманъ, Леонидъ Таратута, какой-то Петръ, фамиліи котораго не помню, Кириллъ Гродецкий и нѣсколько рабочихъ булочниковъ. Эта группа имѣла при мнѣ десять-пятнадцать собраній, происходившихъ на разныхъ квартирахъ, но на какихъ именно—указать не могу, такъ какъ забылъ адреса. На этихъ собраніяхъ разрабатывались организаціонныя планы и высказывались предположенія о возможности совершенія разныхъ экспропріацій, но опредѣленныхъ замысловъ не было. Я лично за все время принадлежности къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовалъ. Составъ партіи часто мѣнялся, и въ теченіе 1908 года всѣ вышепоименованныя лица изъ нея выбыли, будучи арестованы, а въ составъ ея вошли пріѣхавшіе изъ-за границы: Германъ Сандомірскій, Наумъ Тышъ, Дубинскій и какой-то Филиппъ, фамиліи котораго не помню. Примкнулъ я къ группѣ анархистовъ вслѣдствіе того, что считалъ правильной ихъ теорію и желалъ подробнѣе познакомиться съ

ихъ дѣятельностью. Однако вскорѣ, въ срединѣ 1907 года, я разочаровался въ дѣятельности этихъ лицъ, ибо пришелъ къ заключенію, что все они преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, чисто разбойничьи корыстныя цѣли. Поэтому я, оставаясь для видимости въ партіи, рѣшилъ сообщить кievскому охранному отдѣленію о дѣятельности членовъ ея. Рѣшимость эта была вызвана еще тѣмъ обстоятельствомъ, что я хотѣлъ получить нѣкоторый излишекъ денегъ. Для чего мнѣ нуженъ былъ этотъ излишекъ денегъ, я объяснить не желаю. Когда я впервые явился въ срединѣ 1907 года въ охранное отдѣленіе, то начальникъ его Кулябко разспросилъ меня объ имѣющихся у меня свѣдѣніяхъ и, убѣдившись, повидимому, что таковыя совпадаютъ съ его свѣдѣніями, принялъ меня съ число своихъ сотрудниковъ и сталъ уплачивать мнѣ по 100—150 рублей въ мѣсяць и иногда одновременно по 50—60 рублей. Тратилъ я эти деньги на жизнь, причемъ отъ отца своего въ то время получалъ, кромѣ стола и квартиры, около 50 рублей въ мѣсяць. Въ охранное отдѣленіе я ходилъ раза два въ недѣлю и между прочимъ сообщилъ свѣдѣнія о готовящихся преступленіяхъ, какъ напримѣръ, борисоглѣбской организации максималистовъ, объ экспроприаціи въ кievскомъ политехническомъ институтѣ, лабораторіи въ Кіевѣ, на Подолѣ, по которой была привлечена Р. Михельсонъ, разъяснилъ дѣло Мержеевской, подготовлявшей покушеніе на жизнь Государя Императора въ 1909 году, и много другихъ замысловъ анархистовъ. Кромѣ того, я предупредилъ охранное отдѣленіе о готовящейся попыткѣ освободить находившихся въ Лукьяновской тюрьмѣ Тыша и Филиппа при помощи бомбъ. Для предупрежденія этого преступленія необходимо было арестовать участниковъ наканунѣ и для того, чтобы моя роль, какъ сотрудника, не была раскрыта, я тоже былъ арестованъ фиктивно охраннымъ отдѣленіемъ и содержался въ Старо-Кіевскомъ участкѣ съ 10-го сентября по 25-ое сентября 1908 г., послѣ чего былъ отпущенъ и продолжалъ свою дѣятельность въ охранномъ отдѣленіи, гдѣ шелъ подъ фамиліей «Аленскаго». Всего работалъ я въ охранномъ отдѣленіи около двухъ съ половиной лѣтъ и въ теченіе этого времени былъ нѣсколько разъ за границей, причемъ одна моя поѣздка длилась съ сентября 1908 года по май 1909 года. Эти мои поѣздки предпринимались мною для моихъ личныхъ надобностей и не носили характера командировокъ отъ охраннаго отдѣленія, но Кулябко пользовался этими поѣздками и сохранялъ со мной связь, поручая собирать свѣдѣнія о заграничной дѣятельности анархическихъ организаций и продолжая выплачивать мнѣ ежемѣсячно деньги. Въ охранномъ отдѣленіи я работалъ до начала 1910 года, а затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ по окончаніи въ февралѣ мѣсяцѣ 1910 года курса въ кievскомъ университетѣ. Тамъ я продолжалъ числиться помощникомъ кievскаго

присяжного повѣреннаго С. Г. Крупнова и иногда получалъ практику черезъ знакомыхъ присяжныхъ повѣренныхъ: Кальмановича, Рашковича, Дубосарскаго и другихъ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ въ іюль мѣсяцѣ 1911 года я рѣшилъ сообщить петербургскому охранному отдѣленію или департаменту полиціи вымышленныя свѣдѣнія для того, чтобы въ революціонныхъ цѣляхъ вступить въ тѣсныя сношенія съ этими учрежденіями и детально ознакомиться съ ихъ дѣятельностью. На вопросъ, почему у меня, послѣ службы въ кievскомъ охранномъ отдѣленіи, явилось вновь стремленіе служить революціоннымъ цѣлямъ, я отвѣчать не желаю. По прибытіи въ Петербургъ я снова сдѣлался революціонеромъ, но ни къ какой организаціи не примкнулъ. На вопросъ о томъ, почему я черезъ такой короткій промежутокъ времени изъ сотрудниковъ охраннаго отдѣленія снова сдѣлался революціонеромъ, я отказываюсь отвѣчать. Можетъ быть, по-вашему это нелогично, но у меня своя логика. Могу только добавить, что въ кievскомъ охранномъ отдѣленіи я дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ сего послѣдняго. Задумавъ сообщить петербургскимъ жандармскимъ властямъ вымышленныя свѣдѣнія, я написалъ Кулябку письмо, въ которомъ, сообщая, что у меня есть важныя свѣдѣнія, запрашивалъ его, куда мнѣ ихъ сообщить. На это письмо я получилъ телеграфный отвѣтъ съ указаніемъ, что мнѣ нужно обратиться къ петербургскому начальнику охраннаго отдѣленія фонъ-Коттену. У этого послѣдняго я былъ разъ десять и, передавая ему вымышленныя и довольно безразличныя свѣдѣнія, повидимому, заслужилъ его довѣріе. Мнѣ думается, что меня рекомендовалъ ему Кулябка. Коттенъ платилъ мнѣ сто пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Послѣ этого я серьезно заболѣлъ въ Петербургѣ, и врачи послали меня на югъ Франціи, куда я прибылъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1910 года и оставался тамъ до марта мѣсяца 1911 года. Тамъ я никакихъ сношеній съ революціонными организаціями не имѣлъ и никакихъ порученій отъ нихъ не получалъ. Вернувшись въ Кіевъ, я прожилъ здѣсь до конца іюля мѣсяца, ни съ Кулябкомъ ни съ революціонерами не видѣлся. Въ іюль же мѣсяцѣ я поѣхалъ на дачу около Кременчуга, гдѣ пробылъ недѣли двѣ у своихъ родителей. Послѣ этого я вернулся въ Кіевъ въ началѣ августа и оставался здѣсь безвыѣздно до вчерашняго дня. Еще въ 1907 году у меня зародилась мысль о совершеніи террористическаго акта въ формѣ убійства кого-либо изъ высшихъ представителей правительства, каковая мысль являлась прямымъ послѣдствіемъ моихъ анархическихъ убѣжденій. Затѣмъ въ періодъ моей работы въ кievскомъ охранномъ отдѣленіи я эту мысль оставилъ. А въ нынѣшнемъ году снова вернулся къ ней, причемъ я рѣшилъ убить министра Столыпина, такъ какъ я считалъ его главнымъ виновникомъ реакціи и находилъ, что его дѣятельность для блага народа очень вредна.

Зная о предстоящихъ въ Кіевѣ августовскихъ торжествахъ и о предполагаемомъ пріѣздѣ Столыпина, я рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для осуществленія своего замысла. Но такъ какъ мнѣ трудно было проникнуть въ тѣ мѣста, гдѣ долженъ былъ имѣть пребываніе Столыпинъ, то я придумалъ ввести Кулябка въ заблужденіе и при его помощи получить доступъ въ означенныя мѣста. Для этой цѣли я 26-го или 27-го августа отправился къ Кулябку на квартиру, предварительно увѣдомивъ его по телефону о томъ, что имѣю сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія. Кулябко принялъ меня у себя дома, и при нашемъ разговорѣ присутствовали полковникъ Спиридовичъ и камеръ-юнкеръ Веригинъ. Я сообщилъ всѣмъ этимъ лицамъ вымышленныя свѣдѣнія, схема которыхъ была выработана мною заранѣе по слѣдующему плану. Въ бытность мою въ Петербургѣ я сообщилъ фонъ-Коттену ложное извѣстіе о моемъ знакомствѣ съ молодымъ террористомъ, и вотъ теперь я и рѣшилъ воспользоваться этой же не существующей личностью, которую назвалъ «Николаемъ Яковлевичемъ», для того, чтобы создать связь между свѣдѣніями, сообщенными мною раньше фонъ-Коттену и нынѣ сообщаемыми мною Кулябку, и тѣмъ самымъ придать этимъ свѣдѣніямъ большую достовѣрность. Я рѣшилъ рассказать Кулябку, что этотъ «Николай Яковлевичъ» съ женщиной «Ниной Александровной», также не существующей, условились пріѣхать въ Кіевъ во время августовскихъ торжествъ для совершенія убійства одного изъ видныхъ министровъ, что они просили меня дать имъ возможность прибыть въ Кіевъ не по желѣзной дорогѣ и не на пароходѣ, а на моторной лодкѣ для того, чтобы избѣгнуть полицейскаго наблюденія, и что Николай Яковлевичъ имѣетъ намѣреніе остановиться у меня на квартирѣ. Послѣ передачи всѣхъ этихъ свѣдѣній я рѣшилъ убѣдить Кулябка дать мнѣ пропускъ въ тѣ мѣста, гдѣ будетъ Столыпинъ, для того, чтобы имѣть возможность предупредить покушеніе на него. Получивъ же эти пропуска, я рѣшилъ воспользоваться близостью Столыпина и стрѣлять въ него. Весь этотъ планъ и былъ мною осуществленъ, причемъ Кулябко, несомнѣнно, вполне искренно считалъ мои слова правдивыми. Я видѣлся съ Кулябкомъ всего три раза, а именно 26-го или 27-го августа въ присутствіи Спиридовича и Веригина, затѣмъ ночью 31-го августа у него на квартирѣ и, наконецъ, 1-го сентября въ «Европейской гостиницѣ» въ номерѣ четырнадцатомъ въ присутствіи того же Веригина. Въ эти три раза я ему рассказалъ все вышеизложенное и прибавилъ, что «Николай Яковлевичъ» и «Нина Александровна» пріѣхали и первый изъ нихъ остановился у меня на квартирѣ. Тогда Кулябко учредилъ за ней очень густое наблюденіе, но, конечно, никого не выслѣдилъ, такъ какъ никто ко мнѣ не пріѣзжалъ. При первомъ свиданіи съ Кулябкомъ онъ, указывая мнѣ на пачку пригласительныхъ билетовъ на разныя торжества, спросилъ меня, имѣю ли я таковыя,

но я, не желая возбудить у него подозрѣнія, отвѣтилъ ему, что мнѣ таковыхъ не надо; однако я твердо рѣшилъ достать такіе билеты и съ этой цѣлью телефопировалъ ему въ шесть часовъ 31-го августа, что въ видахъ успѣха дѣла мнѣ необходимъ билетъ на входъ въ Купеческій садъ. Кулябко, очевидно, понялъ, что мое присутствіе въ саду требуется для предупрежденія покушенія и сообщилъ мнѣ, что билетъ мнѣ будетъ выданъ и чтобы я прислалъ за нимъ посыльного. Такимъ образомъ я и получилъ билетъ и находился въ Купеческомъ саду 31-го августа, гдѣ стоялъ сначала около эстрады съ малороссійскимъ хоромъ, а затѣмъ перешелъ на аллею ближе къ царскому шатру; стоялъ я въ первомъ ряду публики и хорошо видѣлъ прохожденіе Государя, но Столыпина въ тотъ моментъ не замѣтилъ и видѣлъ его только издали и то неотчетливо, поэтому я и не могъ въ него тогда стрѣлять. Вернувшись изъ Купеческаго сада и убѣдившись, что единственное мѣсто, гдѣ я могу встрѣтить Столыпина, есть городской театръ, въ которомъ былъ назначенъ парадный спектакль 1-го сентября, я рѣшилъ непременно достать туда билетъ и съ этой цѣлью пошелъ въ охранный отдѣленіе и въ виду того, что Кулябко уже спалъ, я написалъ предъявляемую мнѣ записку (мнѣ предъявлена собственноручно написанная мною записка, начинающаяся словами «У Аленскаго въ квартирѣ» и кончающаяся словами «жду инструкцій»). Въ этой запискѣ я сообщалъ ему вымышленныя свѣдѣнія о томъ, что у Нины Александровны имѣется бомба, что у Николая Яковлевича имѣются высокопоставленные покровители и что покушеніе на Государя не состоится изъ опасенія еврейскаго погрома. Я рассчитывалъ, что эта записка произведетъ на Кулябко серьезное впечатлѣніе и что онъ приметъ меня лично, и тогда я выпрошу у него билетъ на спектакль. Такъ оно и вышло: Кулябко меня принялъ, и изъ разговора съ нимъ я понялъ, что онъ меня ни въ чемъ не подозрѣваетъ и что я имѣю всѣ шансы на получение билета. Но окончательно этотъ вопросъ не былъ тогда разрѣшенъ, поэтому я на слѣдующій день снова пошелъ къ Кулябку и сообщилъ ему, а также присутствовавшему Веригину, что билетъ мнѣ необходимъ, во-первыхъ, для того, чтобы быть изолированнымъ отъ компаніи бомбистовъ, во-вторыхъ, для разныхъ другихъ цѣлей, полезныхъ для охранныаго отдѣленія. Но эти цѣли были изложены мной весьма неопредѣленно и туманно и я главнымъ образомъ рассчитывалъ, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станетъ особенно въ нихъ разбираться, а изъ довѣрія ко мнѣ выдастъ билетъ. Мои предположенія въ этомъ смыслѣ вполне оправдались и билетъ былъ мнѣ присланъ въ восемь часовъ съ филеромъ охранныаго отдѣленія, о чемъ меня предувѣдомилъ по телефону Кулябко. Билетъ былъ за № 406 восемнадцатаго ряда и былъ написанъ на мое настоящее имя, только съ ошибкой въ заглавной буквѣ моего отчества. Приѣхалъ я въ театръ во фракѣ въ восемь съ четвертью ча-

совъ вечера и встрѣтилъ Кулябка, которому сообщилъ, что Николай Яковлевичъ попрежнему находится у меня на квартирѣ и, повидимому, замѣтилъ наблюдене. Тогда Кулябко, боясь прозѣвать его, просилъ меня съѣздить домой и удостовѣриться, не вышелъ ли онъ изъ дому. Я удалился на пѣкоторое время изъ театра и въ первомъ антрактѣ не имѣлъ случая приблизиться къ Столыпину. Затѣмъ во время второго антракта, высматривая, гдѣ находится Столыпинъ, я въ коридорѣ встрѣтился съ Кулябкомъ, который мнѣ сказалъ, что онъ очень опасается за дѣятельность Николая Яковлевича и Нины Александровны и предложилъ мнѣ ѣхать домой слѣдить за Николаемъ Яковлевичемъ. Я согласился, но когда Кулябко отошелъ отъ меня, оставивъ меня безъ всякаго наблюденія, я воспользовался этимъ временемъ и прошелъ въ проходъ партера, гдѣ между креслами приблизился къ Столыпину на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Около него почти никого не было и доступъ къ нему былъ совершенно свободенъ. Револьверъ браунингъ, тотъ самый, который вы мнѣ предъявляете, находился у меня въ правомъ карманѣ брюкъ и былъ заряженъ восемью патронами. Чтобы не было замѣтно, что карманъ оттопыривается, я прикрылъ его театральной программой. Когда я приблизился къ Столыпину на разстояніе двухъ аршинъ, я быстро вынулъ револьверъ изъ кармана и, быстро вытянувъ руку, произвелъ два выстрѣла и, будучи увѣренъ, что попалъ въ Столыпина, повернулся и пошелъ къ выходу, но былъ схваченъ публикой и задержанъ. Я помню, что передъ задержаніемъ у меня кто-то отнял револьверъ, но кто именно— не знаю. Пули въ патронахъ, которыми я стрѣлялъ, отравлены не были. До этого случая я никакихъ попытокъ на убійство Столыпина или кого-либо другого не дѣлалъ. Послѣ задержанія меня прокуроръ суда отобралъ у меня бумажникъ, въ немъ находилась записка, писанная мною собственноручно, начинающаяся словами: «Николай Яковлевичъ очень взволнованъ...» Подтверждаю, что я совершилъ покушеніе на убійство статсъ-секретаря Столыпина единолично, безъ всякихъ соучастниковъ и не во исполненіе какихъ-либо партійныхъ приказаній».

IX.

Показаніе Богрова, занесенное въ протоколъ, имъ собственноручно подписано. Одновременно по поводу его показанія составленъ былъ другой протоколъ, въ которомъ записано слѣдующее: «Богровъ, давая свои показанія, между прочимъ упомянулъ, что у него возникала мысль совершить покушеніе на жизнь Государя Императора, но была оставлена имъ изъ боязни вызвать еврейскій погромъ. Онъ, какъ еврей, не считалъ себя въ правѣ совершить такое дѣяніе, которое вообще могло бы навлечь на евреевъ

подобное послѣдствіе и вызвать стѣсненіе ихъ правъ». Подписать это мѣсто своего показанія Богровъ категорически отказался, мотивируя тѣмъ, «что правительство, узнавъ о его заявленіи, будетъ удерживать евреевъ отъ террористическихъ актовъ, устрашая организаціей погрома». Эта часть показанія со словъ Богрова подписана Чаплинскимъ, Брандорфомъ и Фененкомъ.

6-го сентября въ Косомъ капанирѣ В. И. Фененко снова допрашивалъ Богрова въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 102 ст. уг. ул., 13 и 1454 ст.ст. ул. о нак. Въ этотъ разъ Богровъ далъ слѣдующее показаніе:

«Я не признаю себя виновнымъ въ томъ, что состоялъ участникомъ преступнаго сообщества, именующаго себя группой анархистовъ и имѣющаго цѣлью своей дѣятельности насильственное испроверженіе установленнаго основными законами образа правленія, но признаю себя виновнымъ въ томъ, что, заранѣе задумавъ лишить жизни статсъ-секретаря Столыпина, произвелъ въ него 1-го сентября два выстрѣла во время параднаго спектакля и причинилъ ему опасныя для жизни пораненія, отъ каковыхъ статсъ-секретарь Столыпинъ 5-го сентября скончался. Преступленіе это, однако, было совершено мной безъ предварительнаго уговора съ другими лицами и не въ качествѣ участника какой-либо революціонной партіи. Стрѣлялъ я въ статсъ-секретаря Столыпина изъ револьвера браунинга. Со времени моего прибытія изъ Потокъ меня посѣщали слѣдующія лица: В. А. Скловскій, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, братья Л. и С. Фельдзеры, съ которыми я знакомъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Семья моего отца и семья Фельдзеровъ знакомы очень давно. 29-го августа ко мнѣ въ квартиру вечеромъ часовъ въ одиннадцать зашли В. Скловскій и барышня Лидія Николаевна, съ которой я познакомился съ недѣлю тому назадъ, фамиліи ея не знаю, она пріѣзжая изъ Одессы, живетъ въ гостиницѣ Михайловскаго монастыря, кажется, въ пятьдесятъ пятомъ номерѣ второго корпуса. Познакомился я съ Лидіей Николаевной,—а можетъ быть она и Лидія Михайловна,—въ ресторанѣ «Ренессансъ» на Прорѣзной улицѣ. Просидѣли Скловскій и «Лидія Николаевна» у меня приблизительно часа два, потомъ вышли, причемъ Скловскій поѣхалъ проводить барышню, а я пошелъ погулять, такъ какъ былъ нѣсколько выпивши. Вернулся я черезъ три четверти часа или черезъ часъ. Нѣсколько разъ меня посѣщалъ рабочій маляръ, братъ котораго потерпѣлъ увѣчье на постройкѣ въ домѣ № 6 по Крестовскому переулку. Заходилъ онъ ко мнѣ обыкновенно съ чернаго хода, и я разговаривалъ съ нимъ или въ буфетной около чернаго хода, или въ своей комнатѣ. Былъ онъ у меня всего раза четыре-пять. Адресъ его брата—Ярославская, 4, имени и фамиліи его я не помню. Что касается фотографической карточки, которую вы мнѣ предъявили, то лицо,

изображенное на ней, мнѣ совершенно неизвѣстно. Это лицо меня никогда не посѣщало. Револьверъ Лепажы, который былъ найденъ въ квартирѣ при обыскѣ, принадлежитъ отцу, и отецъ на держаніе этого револьвера имѣетъ разрѣшеніе. Боевые патроны къ пистолету браунингъ принадлежатъ мнѣ, но боевыхъ патроновъ у меня въ августѣ мѣсяцѣ не было, точно такъ же у меня не было патроновъ отъ револьвера «бульдогъ». Быть можетъ, они оставались у меня съ того времени, какъ я имѣлъ связь съ революціонными организаціями. Быть можетъ, у меня найдены и другіе патроны того же происхожденія. Солдатскаго штыка у меня никогда не было, и Кулябко никогда мнѣ револьвера не давалъ. Тотъ револьверъ, изъ котораго я стрѣлялъ въ Столыпина, купленъ мною въ Берлинѣ, и теперь я отказываюсь объяснить причины, побудившія меня послѣ службы въ охранномъ отдѣленіи совершить убійство Столыпина. Когда я былъ въ театрѣ, у меня возникла мысль, что Кулябко учредилъ за мной наблюденіе, но я убѣдился, что такого наблюденія не имѣется. Револьверъ, изъ котораго я стрѣлялъ въ Столыпина, все время находился у меня въ правомъ карманѣ брюкъ и въ пальто не былъ. Въ 1908 году на Подолѣ была арестована Михельсонъ Рахиль, а не Ида, причемъ въ квартирѣ была найдена лабораторія. По этому дѣлу я знаю слѣдующее. У меня находились въ то время деньги кievской группы анархистовъ около тысячи рублей. По просьбѣ состоявшаго въ группѣ «Николая» я выдалъ ему около ста рублей для организаціи лабораторіи, но гдѣ будетъ находиться лабораторія и кто будетъ жить въ нанятой для нея квартирѣ, я не зналъ. Адресъ лабораторіи я нарочно старался не узнавать и сообщилъ только Кулябку, что гдѣ-то на Подолѣ затѣваютъ лабораторію. Фамилію Николая я охранному отдѣленію сообщалъ, но въ ликвидаціи этой группы я участія не принималъ. Что касается бывшихъ у меня денегъ, то отчетъ о нихъ напечатанъ въ № 4 «Бунтаря». Продолжаю утверждать, что никакихъ соучастниковъ у меня не было. Показаніе писалъ собственноручно».

Богровъ затѣмъ допрашивался нѣсколько разъ и въ общихъ чертахъ подтверждалъ свои объясненія, данныя имъ слѣдственной власти въ первый разъ, 2-го сентября, дополняя лишь отдѣльными деталями.

Предварительное слѣдствіе о Богровѣ производилось усиленнымъ темпомъ, и уже къ 8-му сентября оно было закончено и передано на разсмотрѣніе кievскаго военно-окружнаго суда. Судъ надъ Богровымъ состоялся 9-го сентября въ одномъ изъ казематовъ Косого капонира. На судѣ присутствовали министръ юстиціи Щегловитовъ и представители прокурорскаго надзора.

Въ этотъ разъ Богровъ опять не призналъ себя виновнымъ въ предъявленныхъ ему обвиненіяхъ и объяснилъ, что убійство статсъ-

секретаря Столыпина «совершилъ безъ всякаго злоумышленія и даже неожиданно для себя». Не отрицая того, что оказывалъ содѣйствіе охранному отдѣленію, Богровъ утверждалъ, что за услуги не получалъ вознагражденія (по утвержденію Кулябка, Богровъ получалъ отъ ста до двухсотъ рублей жалованья въ мѣсяць; кромѣ того, за время его службы въ охранномъ отдѣленіи онъ былъ командированъ нѣсколько разъ за границу за счетъ охраннаго отдѣленія). Богровъ далѣе разсказывалъ, что въ 1911 году онъ поселился вблизи Кременчуга и лѣтомъ того же года къ нему дважды прїѣзжали делегаты изъ Парижа: въ первый разъ, чтобы истребовать подробный отчетъ въ израсходованіи имъ партійныхъ денегъ, во второй разъ делегаты предъявили ему обвиненіе въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ и предложили съ цѣлью реабилитировать себя въ глазахъ партій совершить какой-нибудь террористическій актъ подъ угрозою огласить его провокаторскую дѣятельность, а затѣмъ лишить его жизни. Разоблаченіе его дѣятельности было бы для него «хуже смерти», такъ какъ окончательно опозорило бы его въ глазахъ общества, а потому онъ согласился выполнить порученіе, но не намѣтилъ опредѣленнаго лица, которое намѣревался убить; въ послѣдствіи у него явилась мысль, что этимъ лицомъ можетъ быть Кулябко, ибо преступленіе могло окончиться для него совершенно безнаказанно. Имѣя постоянныя сношенія съ Кулябкомъ, онъ могъ выбрать благоприятный моментъ и убить его. Однако то довѣріе, которое оказывалъ ему Кулябко, и ласковое обращеніе съ нимъ постоянно останавливали его; между тѣмъ назначенный революціонерами срокъ истекалъ, необходимо было рѣшиться, и тогда онъ окончательно остановился на мысли убить Кулябка и съ этой цѣлью онъ выдумалъ исторію о прибытіи въ Кіевъ Николая Яковлевича и Нины Александровны. 31-го августа, ночью, онъ явился на квартиру Кулябка, который вышелъ къ нему въ одною бѣлѣ, прикрытый одѣяломъ, и ласково обратился къ нему съ вопросомъ: «Въ чемъ дѣло, голубчикъ?» Это окончательно обезоружило его, и онъ ушелъ, не выполнивъ своего намѣренія.

На вопросъ прокурора, почему онъ стрѣлялъ въ министра Столыпина, Богровъ отвѣтилъ, что Столыпинъ былъ самымъ виднымъ лицомъ въ публикѣ, на которое было обращено все вниманіе общества.

На судѣ обращало на себя вниманіе стремленіе Богрова всячески смягчить складывающіяся неблагоприятно для чиновъ охраны обстоятельства, въ особенности противъ Кулябка. Богровъ, на примѣръ, старался внушить, что Кулябко добросовѣстно заблуждался въ его намѣреніяхъ, съ другой же стороны, допрошенный на судѣ Кулябкс старался подчеркнуть полезную для охраннаго отдѣленія дѣятельность Богрова, который способствовалъ раскры-

тію многихъ политическихъ преступленій. Такимъ образомъ, оба они какъ будто старались выставить другъ друга въ благопріятномъ свѣтѣ для ихъ «репутаціи» въ глазахъ судей.

Протоколъ судебного засѣданія по дѣлу Богрова, составленный военно-окружнымъ судомъ 9-го сентября 1911 года, слѣдующій: «Предсѣдательствующій военный судья генераль-майоръ Ренгартенъ и временные члены: полковникъ 1-го Уральскаго казачьяго полка Акутинъ, 131-го Тираспольскаго полка подполковникъ Мѣщаниновъ, 132-го Бендерскаго полка подполковникъ Кравченко, 130-го пѣхотнаго Херсонскаго полка подполковникъ Маевскій, военный прокуроръ генераль-лейтенантъ Костенко и помощникъ секретаря Лѣсниченко. Засѣданіе суда происходило при закрытыхъ дверяхъ». Сущность объясненій, данныхъ въ этомъ засѣданіи Богровымъ, въ протоколѣ не записана, равно какъ не внесены подробно и показанія допрошеннаго подъ присягою въ качествѣ свидѣтеля полковника Кулябка. Изъ объясненій послѣдняго, согласно постановленію суда и ходатайству военного прокурора, записано лишь, что «онъ, Кулябко, внолилъ довѣряя Богрову, не учреждалъ надъ нимъ надзора ни въ Купеческомъ саду, ни въ театрѣ во время параднаго спектакля, а также и не обыскивалъ его при входѣ въ указанныя мѣста». Крімъ того, изъ протокола видно, что во время судебного слѣдствія были оглашены показанія не явившихся свидѣтелей полковника Спиридовича и статскаго совѣтника Веригина, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ же протоколѣ помѣщенъ слѣдующій приговоръ военно-окружнаго суда: «Подсудимый помощникъ присяжнаго повѣреннаго Мордко Гершковъ (онъ же Дмитрій Григорьевичъ) Богровъ, признанный судомъ виновнымъ въ участіи въ сообществѣ, составившемся для насильственнаго посягательства на измѣненіе въ Россіи установленнаго основными государственными законами образа правленія и въ предумышленномъ убійствѣ предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря Столыпина по поводу исполненія послѣднимъ своихъ служебныхъ обязанностей, приеждается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни черезъ повѣшеніе».

Затѣмъ въ протоколъ занесено особое постановленіе военно-окружнаго суда слѣдующаго содержания: «1911 года сентября 9-го дня кievскій военно-окружный судъ, во время разсмотрѣнія въ судебномъ засѣданіи дѣла о помощникѣ присяжнаго повѣреннаго Д. Г. Богровѣ, признанномъ виновнымъ по 1 ч. 102 ст. угол. улож. и 1 п. 18 ст. положенія объ усиленной охранѣ изъ показаній допрошеннаго на судѣ свидѣтеля начальника кievскаго охраннаго отдѣленія полковника Кулябка усмотрѣлъ слѣдующее: 1) получивъ отъ агента охраннаго отдѣленія свѣдѣнія о предполагаемомъ покушеніи на жизнь Столыпина, онъ, подполковникъ Кулябко, не

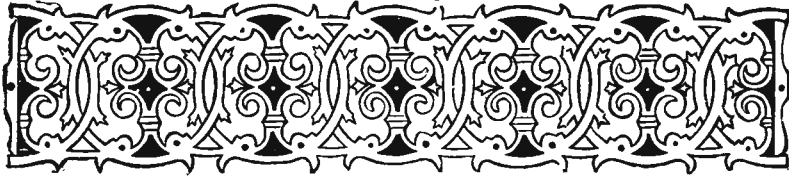
принялъ никакихъ мѣръ къ разслѣдованію правдивости этого сообщенія и не распорядился задержать лицо, указанное Богровымъ, прибывшее въ Кіевъ для совершенія этого преступленія; 2) допуская Богрова въ Купеческій и садъ и городской театр во время нахождения тамъ Государя Императора, не учредилъ за Богровымъ никакого наблюденія, а также не принялъ мѣръ къ обыску Богрова при входѣ въ указанныя мѣста. О вышеизложенномъ судъ постановилъ сообщить черезъ военнаго прокурора подлежащимъ властямъ гражданскаго вѣдомства».

10-го сентября помощникъ начальника кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія подполковникъ Ивановъ, производившій дознаніе о событіи 1-го сентября, вновь допрашивалъ въ Косомъ капонирѣ Богрова, съ цѣлью внести въ протоколъ объясненія, данныя Богровымъ на судѣ. Будучи освѣдомленъ о томъ, что Богровъ во время суда выгораживалъ Кулябка, Ивановъ спросилъ его, чѣмъ объяснить такой образъ его дѣйствій на судѣ. Богровъ на это отвѣтилъ: «На предложенные прокуроромъ вопросы Кулябко растерялся, не зналъ, что отвѣтить, и онъ, пожалѣвъ Кулябка, своими отвѣтами старался помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія».

На разсвѣтѣ 11-го сентября на одномъ изъ фортовъ кіевской крѣпости «Лысой горѣ» Богрова казнили, причемъ на казни, кромѣ лицъ, участвующихъ въ комиссіи, установленной закономъ для приведенія смертнаго приговора въ исполненіе, присутствовали также нѣсколько представителей правыхъ организацій. Богровъ передъ казнью отказался отъ бесѣды съ духовнымъ наставникомъ и отъ передачи какихъ-либо писемъ на свободу.

Л. Ганъ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВЪ РОМНАХЪ. ¹⁾

V.

АСТУПИЛЪ 1906 годъ. Растерянность властей стала понемногу проходить, и повсемѣстно заработалъ слѣдственно-розыскной механизмъ, направленный противъ безчисленныхъ дѣятелей революціи.

Въ Ромнахъ возникла масса формальныхъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ. Полиція начала дѣйствовать гораздо болѣе энергично, такъ какъ на мѣсто вялаго II—го, уволеннаго въ отставку, исправникомъ былъ назначенъ А. Илляшевичъ, человекъ уже пожилой, но обладавшій массой энергіи. Впослѣдствіи онъ жестоко пострадалъ на своемъ посту, почему я нахожу нужнымъ особо упомянуть о немъ, такъ какъ онъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ незаурядныхъ полицейскихъ, во многомъ совершенно не похожій на своихъ сотоварищей. Безупречно честный, фанатически преданный своему служебному долгу и готовый работать дни и ночи подъ рядъ, Илляшевичъ, несмотря на его возрастъ, болѣзненность и крайнюю нервность, горячо принялся за «чистку» города и уѣзда.

А жандармскій офицеръ все не прибывалъ въ Ромны, такъ какъ назначенный въ этотъ пунктъ ротмистръ М. сидѣлъ въ Кременчугѣ, находясь въ распоряженіи временнаго генераль-губернатора Штерича. Только въ маѣ онъ поселился въ Ромнахъ и сперва

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СXXXV, стр. 585.

было также очень энергично принялся за борьбу съ революціонными выступленіями. Впрочемъ, отъ оцѣнки всей дѣятельности этого офицера я сочту за лучшее воздержаться.

Среди множества привлеченныхъ къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ появились уже настоящіе и бывшіе ученики реального училища и воспитанницы женской гимназіи. Агитация въ населеніи шла во-всю; особенное же вниманіе обращено было, конечно, на войска. Но, на несчастье пропагандистовъ, войска въ Ромнахъ олицетворялись казаками Урупскаго полка, безцеремонно хватавшими и доставлявшими по начальству всѣхъ, кто пытался съ ними «по душѣ» потолковать о текущихъ событіяхъ.

Надо отдать справедливость настойчивости революціонеровъ. Видя, что обычные способы пропаганды оказываются совершенно неэффективными въ отношеніи казаковъ, они прибѣгли къ испытанному приему: возлѣ казаковъ завертѣлись дѣвицы, преимущественно іудейскаго вѣроисповѣданія. Пытались даже завязывать романы съ бравыми кубанцами. Однако дѣло и здѣсь окончилось довольно скверно. Милостиво принимавшіе ухаживанія дѣвицъ казаки, какъ усиленно потомъ говорили въ городѣ, нѣсколькихъ изъ нихъ «погладили» нагайками, когда рѣчь изъ области нѣжныхъ чувствъ перешла въ сферу «политики».

Конечно, провѣрить эти слухи было нельзя, такъ какъ потерпѣвшія, разумѣется, молчали, какъ сурки. А кубанцы только посмѣивались и лукаво отвѣчали на обращенные къ нимъ по этому поводу вопросы: «такъ что не могу знать, ваше высокоблагородіе...».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ господа бомбисты изъ реального училища рѣшили напомнить о своемъ существованіи, и подъ окнами кабинета учителя французскаго языка Токса въ ночь на 27-ое число былъ произведенъ взрывъ. Передъ самымъ взрывомъ Токсъ за тѣмъ-то всталъ изъ-за письменнаго стола и вышелъ въ сосѣднюю комнату; это его спасло, такъ какъ взрывъ отличался значительной силой, и онъ, безспорно, былъ бы изувѣченъ. Правда, онъ и такъ пострадалъ, потому что послѣ взрыва сталъ плохо слышать.

Причина взрыва осталась совершенно не выясненной. Старикъ Токсъ игралъ вполнѣ безобидную роль какъ въ обществѣ, такъ и въ учебномъ заведеніи. Возможно, что какой-нибудь милый мальчикъ этимъ путемъ просто свелъ съ нимъ счеты за плохую отмѣтку.

Нѣсколько дней спустя произошелъ новый взрывъ подъ окномъ квартиры учителя математики реального училища и женской гимназіи Россоптовскаго, которому, по его предположенію, мстили выгнанные ученики, такъ какъ онъ всегда стоялъ за исключеніе изъ учебныхъ заведеній неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи и вредныхъ элементовъ.

Россоптовскій незадолго до взрыва возвратился домой изъ за-сѣданія педагогическаго совѣта и, несмотря на поздній часъ, сѣлъ за работу.

Его квартира охранялась двумя сторожами, такъ какъ онъ послѣ бывшаго у него взрыва чувствовалъ себя далеко не спокойно.

Около часа ночи одинъ изъ сторожей замѣтилъ, что подъ ставнемъ на подоконникѣ окна въ дѣтскую комнату что-то тлѣетъ, подобно зажженной папиросѣ, и, испуганный, поднялъ тревогу и бросился за водой. На его счастье, онъ сразу не могъ найти ведра, а когда онъ выбѣгалъ съ водой со двора, то послѣдовалъ страшный взрывъ, отъ котораго даже въ сосѣднихъ домахъ посыпались изъ оконъ стекла.

Толстые дубовые ставни, рама и подоконникъ были разбиты въ щепы. Вся противоположная окну стѣна комнаты была испещрена какъ бы градомъ пуль. Очевидно, бомба была уже усовершенствованнаго образца и снаряжена какимъ-то взрывчатымъ веществомъ, гораздо сильнѣйшимъ пороха; возможно, что въ снарядѣ были положены также куски свинца или желѣза.

Комната, надъ которой былъ произведенъ взрывъ, только съ утра была освобождена отъ мебели, такъ какъ тамъ долженъ былъ производиться ремонтъ, чего посторонніе, конечно, не знали. Если бы не этотъ счастливый случай, то, несомнѣнно, всѣ, бывшіе здѣсь, были бы убиты.

А въ комнатѣ этой обыкновенно ночевала шестилѣтняя племянница и жена бездѣтнаго Россоптовскаго.

Эти взрывы ошеломили мирныхъ горожанъ, тѣмъ болѣе, что виновники ихъ опять остались не обнаруженными, а въ городѣ усленно стали говорить объ образовавшейся шайкѣ анархистовъ-коммунистовъ. Носились упорные слухи, что анархисты послали нѣкоторымъ лицамъ требованія объ уплатѣ довольно крупныхъ суммъ «на революціонныя цѣли», угрожая въ противномъ случаѣ взрывами. Начинаясь паника. Обыватели съ сумерками плотно закрывали свои окна ставнями, а нѣкоторые даже пробовали баррикадировать ихъ подушками, одѣялами и т. п.

О народженіи шайки анархистовъ узнали и власти. Но свѣдѣнія доходили въ крайне неопредѣленной формѣ и безъ указаній на кого-либо, почему пришлось держаться выжидательной тактики. Впрочемъ, въ это время господъ революціонеровъ частенько беспокоили по ночамъ массовыми обысками, которые иногда давали блестящіе результаты, и многіе почтенные «дѣятели» попались въ руки правосудія. Между прочимъ удалось захватить мѣстный комитетъ социаль-демократовъ вмѣстѣ съ ихъ типографіей, хранившейся у двухъ студентовъ, недавнихъ воспитанниковъ реальнаго училища.

Лѣтомъ въ городѣ произошло новое «событіе»: Ромны удостоились чести лицезрѣть проѣзжавшаго изъ Гадяча въ Петербургъ члена государственной думы, «трудовика» Николая Онацкаго, бывшаго волостного писаря одной изъ волостей Гадячскаго уѣзда. Разумѣется, оппозиція, революціонныя организаціи и все вообще «прогрессивные элементы» населенія рѣшили устроить торжественную встрѣчу «народному депутату». Въ городѣ собралась огромная толпа, но исправникъ Илляшевичъ не допустилъ митинга, пригрозивъ, что прикажетъ коннымъ стражникамъ-осетинамъ разогнать всехъ нагайками. Съ согласія самого Онацкаго, толпа уступила съ тѣмъ, чтобы устроить парадные проводы на вокзалъ «дорогому гостю».

Часамъ къ пяти вечера вся площадь передъ вокзаломъ была запружена толпой, среди которой шныряли агитаторы, призывавшіе всехъ на этотъ разъ не подчиняться «наглýmъ требованіямъ» полиціи. Толпа еще до пріѣзда Онацкаго была настроена въ достаточной мѣрѣ воинственно, и появленіе у станціонныхъ зданій отряда осетинъ оказалось весьма кстати.

Едва Онацкій подъѣхалъ къ вокзалу, какъ толпа, тѣся стражниковъ, двинулась за нимъ, пытаясь прорвать линію оцѣленія, чтобы на путяхъ возлѣ поѣзда все-таки устроить митингъ и послушать «народнаго избранника». Въ стражниковъ полетѣли каменья, раздались брань и угрозы. Начальникъ мѣстнаго жандармскаго жезлѣзнодорожнаго отдѣленія ротмистръ Чуриловъ старался образумить толпу, и его горячія увѣщанія начали было дѣйствовать охлаждающимъ образомъ. Это замѣтили агитаторы и стали кричать, чтобы ротмистра никто не слушалъ.

— Что вы на него смотрите! Бейте его!—кричала какая-то дѣвица, окруженная цѣлымъ штабомъ кавалеровъ іудейскаго вѣроисповѣданія, также неустово вопившихъ.

Ротмистръ приказалъ жандармамъ арестовать не въ мѣру голосистую дѣву, но на нихъ набросились со всехъ сторонъ, и началась потасовка.

Толпа снова пришла въ возбужденное состояніе и двинулась къ осетинамъ, осыпая ихъ градомъ камней. Осетины попятились и безъ команды взяли ружья на прицѣлъ.

Еще мгновеніе, и въ толпу полетѣли бы пули. Ротмистръ Чуриловъ, видя это и понимая, что помимо участниковъ скопища будетъ масса убитыхъ на сосѣднихъ густо населенныхъ улицахъ, съ безумной отвагой бросился между линіей стражниковъ и толпой, рискуя каждую секунду попасть подъ залпъ, или подъ удары каменьева.

Стражники, лично его не знавшіе, но все же различавшіе форму офицера, опустили винтовки, и смѣлый ротмистръ, приказавъ осетинамъ стрѣлять по первому его знаку въ толпу, не обращая

вниманія на то, что онъ будетъ самъ тамъ находиться, бросился въ самую середину скопища, крича, что это послѣдняя его попытка и что въ случаѣ толпа не разоидется, то произойдетъ кровопролитіе. Въ то же время унтеръ-офицеры съ шашками наголо ворвались также въ толпу и произвели нѣсколько арестовъ. Настроеніе толпы снова упало, и она попятилась.

— Вы кровью заплатите за это, ротмистръ! Слышите, кровью!— истерически кричала въ лицо Чурилову блондинка со шрамомъ на лицѣ, вышедшая изъ себя при видѣ безкровной побѣды ротмистра надъ цѣлой толпой.

— Взять ее,—хладнокровно распорядился Чуриловъ.

Жандармы, ободренные отвагой своего начальника и вообще очень его любившіе, кинулись къ дѣвицѣ, но она вырвалась и съ помощью окружающихъ затерялась въ толпѣ.

На перронѣ раздался второй звонокъ, и «трудовнику» ничего не оставалось дѣлать, какъ садиться въ вагонъ.

Толпа сдѣлала еще одну попытку проникнуть на вокзалъ, но подскакавшій исправникъ Илляшевичъ приказалъ стражникамъ пустить въ ходъ нагайки. Стражники двинулись на скопище, кто-кто попробовалъ нагайки,—и площадь передъ вокзаломъ мигомъ опустѣла.

На другой день въ кievской оппозиціонной прессѣ были помѣщены горячія статьи о томъ, какъ по приказанію ротмистра Чурилова жандармы и стражники «въ дикомъ восторгѣ» рубили шашками мирно стоявшую у вокзала толпу гражданъ, пришедшихъ послушать «любимаго депутата», какъ лилась женская и дѣтская кровь и т. д.

Разумѣется, на голову ротмистра сыпались проклятія и призывались всѣ перуны небесные. Мѣстная газетка также постаралась не отстать отъ своихъ кievскихъ коллегъ. Словомъ, браваго ротмистра, отвагѣ и распорядительности котораго многіе и многіе изъ толпы безусловно были обязаны жизнью, нарядили въ тогу какого-то звѣря въ образѣ человѣческомъ.

Событіе у вокзала, впрочемъ, прошло въ городѣ какъ-то незамѣтно, такъ какъ общее вниманіе все-таки оставалось прикованнымъ къ слухамъ объ анархистахъ, причемъ уже прямо называли лицъ, получившихъ письменныя требованія отъ «группы». Въ числѣ «удостосненныхъ вниманія» оказался богатый купецъ Цейтлинъ, которому было предложено положить въ опредѣленное мѣсто двѣсти пятьдесятъ рублей, но Цейтлинъ этого требованія рѣшилъ не исполнять.

Однако вымогатели, видимо, не шутили, и въ ночь на 30-е іюля подъ окнами квартиры Цейтлина съ оглушительнымъ трескомъ взорвалась бомба, а на слѣдующій день онъ получилъ новое письмо съ требованіемъ уже пятисотъ рублей да ста рублей «штрафа»

за неповиновеніе. Въ противномъ случаѣ грозили «смертной казнью» не только самому Цейтлину, но и всѣмъ его чадамъ и домочадцамъ.

Перепуганный Цейтлинъ три дня подъ рядъ ходилъ по приложенному маршруту, ожидая встрѣчи съ кѣмъ-либо изъ вымогателей, чтобы отдать ему принасленныя деньги, но анархисты, очевидно, еще нобавались ловушки, и къ Цейтлину никто не подходилъ. А на четвертый день къ нему на квартиру явился замаскированный субъектъ въ черномъ платьѣ.

— Деньги или исполненіе приговора, — коротко сказалъ онъ.

Купецъ, разумѣется, предпочелъ первое, и вымогатель отретировался.

Случай съ Цейтлинымъ облетѣлъ, конечно, весь городъ, и анархисты, ободренные успѣхомъ, стали пожинать богатую жатву. Многіе изъ обывателей получали письма, но обращаться къ содѣйствію властей не рѣшались, предпочитая откунуться отъ вымогателей деньгами, чѣмъ рисковать въ одну прекрасную ночь услышать взрывъ подъ окнами своего дома.

Положеніе горожанъ было далеко не завиднымъ.

Анархисты, впрочемъ, не ограничивались одной «матеріальной» стороной своей «дѣятельности», а преслѣдовали и цѣли «общественнаго характера», — если можно такъ выразиться, — ревностно слѣдя за тѣмъ, чтобы революціонное броженіе не терпѣло никакого ущерба.

Такъ, виднымъ «черносотенцамъ» тоже посланы были предупредительныя письма, а владѣлецъ литейнаго завода Кроликъ, самъ ревностно служившій оппозиціи, но въ чемъ-то проштрафившійся передъ своими рабочими, былъ безъ всякихъ предупрежденій наказанъ за свою провинность взрывомъ бомбы, разрушившимъ въ квартирѣ его обстановку въ ночь на 5-ое сентября. Разумѣется, послѣ этого Кроликъ сталъ обходиться съ своими рабочими съ изысканной предупредительностью.

Всѣ эти взрывы были удивительно однообразны по способу ихъ дѣйствія и совершенія, такъ что уже тогда бросалась въ глаза причастность или анархистовъ къ ученикамъ реального училища, или этихъ послѣднихъ къ анархистамъ.

Во всякомъ случаѣ, первые примѣры воздѣйствія при помощи бомбъ на роменскихъ обывателей были показаны милыми представителями «стремящейся къ свѣту и прогрессу» учащейся молодежи.

VI.

На почвѣ вымогательствъ въ концѣ концовъ и довольно скоро разыгралась кровавая драма, на которой я хочу остановиться, такъ какъ она въ свое время надѣлала много шума и, кромѣ того, повлекла за собой изловленіе многихъ участниковъ шайки.

25-го сентября священникъ соборной церкви Юрій Стефановскій получилъ по почтѣ письмо съ оттисками мастичныхъ печатей «группы анархистовъ «Черный Воронъ» и съ девизомъ: «Сознающій въ себѣ духъ разрушающій—есть въ то же время созидающій духъ».

Текстъ этого письма привожу цѣликомъ:

«Господину Юрію Стефановскому.

«Буржуазія ограбила народъ, и мы возвращаемъ ему эти деньги для освобожденія народнаго. Отъ васъ, какъ принадлежащаго къ классу буржуазіи, мы требуемъ сто рублей. Эти деньги вы должны сами вынести въ семь часовъ вечера на Коржевскую улицу, направляясь отъ своего дома по лѣвой сторонѣ. Въ одномъ мѣстѣ къ вамъ подойдетъ человекъ и возьметъ деньги, которые вы должны держать въ рукѣ; если же вами будетъ сдѣлана попытка положить руку въ карманъ, то въ васъ будутъ стрѣлять.

«Если деньги не будутъ даны добровольно, то мы возьмемъ ихъ силою. Ваше благоразуміе подскажетъ вамъ, что лучше заплатить сто рублей, чѣмъ быть взорваннымъ на воздухъ...

«Въ случаѣ отказа отъ исполненія этой буржуазной повинности вы будете застрѣлены на улицѣ, а домъ взорванъ (Цейтлинъ, Кроликъ).

«Группа анархистовъ «Черный Воронъ».

Посланіе это, кромѣ печатей, окруженныхъ изображеніемъ кинжаловъ и револьверовъ, было украшено рисункомъ чернаго ворона, сидящаго на скрещенныхъ костяхъ, изъ клюва котораго сочится алая струя крови.

Священникъ сперва рѣшилъ безпрекословно исполнить требованіе вымогателей, но проговорился объ этомъ одному изъ своихъ знакомыхъ, а тотъ немедленно сообщилъ о письмѣ Илляшевичу.

Послѣдній тотчасъ примчался къ о. Стефановскому и убѣдилъ его отдать ему письмо. Старикъ выходилъ изъ себя, видя, что анархисты остаются неуловимыми и что запуганные обыватели, скрывая факты вымогательства, невольно способствуютъ дѣятельности шайки, почему былъ радъ своевременно заполучить хотя какія-нибудь свѣдѣнія объ угрожающихъ письмахъ, чтобы имѣть возможность принять надлежащія мѣры.

Наказавъ Стефановскому цѣлый день и ночь никуда не отлучаться изъ дому, Илляшевичъ рѣшилъ устроить засаду и предложилъ старшему городовому Владимиру Цопѣ, о которомъ я уже упоминалъ выше, разыграть вечеромъ роль священника и одѣтымъ въ рясу, начиная съ семи часовъ, ходить по указанному въ письмѣ маршруту.

Цопа, прослужившій въ роменской полиціи болѣе десяти лѣтъ и отличавшійся слѣпой исполнительностью, охотно согласился принять это рискованное порученіе начальства.

— Только бы подошли, ваше высокоблагородіе,—доложилъ онъ исправнику, уходя вечеромъ уже въ видѣ священника на опасный постъ:—а отъ меня не уйдутъ!—увѣренно пояснилъ онъ, надѣясь на свою геркулесовскую силу.

Бѣдный служака не зналъ, что минуты его уже сочтены.

Онъ сѣлъ на извозчика и, нагнувъ на глаза широкополую шляпу, сталъ ѣздить по разнымъ улицамъ города, чтобы отвлечь вниманіе возможныхъ шпионовъ шайки, а затѣмъ, отпустивъ извозчика возлѣ дома Стефановскаго, медленнымъ шагомъ пошелъ по указанному вымогателями направленію. Фигурой и окладистой рыжей бородой онъ въ темнотѣ очень походилъ на Стефановскаго, и нѣкоторые изъ горожанъ, встрѣтивъ его, даже окликали, какъ отца Юрія. Двое надежныхъ городовыхъ, также одѣтыхъ въ штатское платье, незамѣтно слѣдовали за нимъ въ разстояніи квартала, составляя собою какъ бы резервъ.

Обнаглѣвшіе анархисты, очевидно, и въ мысляхъ не имѣли, что имъ можетъ быть теперь устроена ловушка, почему къ Цопѣ очень скоро подошелъ молодой еврей, который загородилъ ему дорогу.

— Деньги, батюшка!—коротко сказалъ онъ, протягивая Цопѣ лѣвую руку, а правую держа въ карманѣ.

«Батюшка» мощной дланью схватилъ вымогателя за шиворотъ. Тотъ испуганно рванулся и съ крикомъ: «товарищи, Цопа!»—выстрѣлилъ городовому изъ револьвера въ лицо. Пуля попала въ ротъ, выбила два зуба и засѣла въ твердомъ небѣ.

Захлебнувшись кровью, Цопа, тѣмъ не менѣе, повалилъ преступника на землю и сжалъ его въ своихъ могучихъ объятіяхъ. Несомнѣнно, онъ преслѣдовалъ только одну цѣль—задержать злоумышленника во что бы то ни стало, и даже не счелъ нужнымъ выхватить свой револьверъ, хотя на крикъ еврея изъ ближайшаго переулка выскочило нѣсколько человѣкъ соучастниковъ, которые, давъ по Цопѣ два выстрѣла изъ револьверовъ, набросились на него сзади.

— Братцы! На помощь!—успѣлъ крикнуть Цопа, почувствовавъ, какъ ему въ спину впилось лезвіе кинжала и какъ лежащій подъ нимъ негодяй, изловчившись, дважды всадилъ ему кинжалъ въ животъ.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ. Бывшіе въ резервѣ городовые, выстрѣливъ въ воздухъ, бѣгомъ бросились къ мѣсту происшествія и видѣли, какъ отъ лежавшаго на землѣ Цопы послѣдно разбѣжались въ стороны темныя фигуры убійць. Городовые подбѣжали къ Цопѣ, который уже цѣпенѣющими руками удерживалъ отчаянно барахтавшагося подъ нимъ еврея.

— Прощайте, братцы... Пропаль я...—тихо проговорилъ Цопа:— это онъ...—и скончался, не выпуская изъ рукъ своего убійцы.

На выстрѣлы и крики прибѣжали еще городовые, собралась толпа. Задержанный оказался семнадцатилѣтнимъ евреемъ Беньяминомъ-Мордухомъ Ратнеромъ; у него обнаружили кинжалъ, прокламаціи и три точно такихъ письма, какъ то, что было послано Стефановскому, адресованныхъ на имя мѣстныхъ обывателей. Свой револьверъ преступникъ успѣлъ бросить на землю.

Наконецъ одинъ изъ неуловимыхъ до сихъ поръ преступниковъ оказался въ рукахъ властей, купленный дорогой цѣной—кровью и жизнью старого, браваго служака.

При первомъ допросѣ Ратнеръ назвалъ своихъ соучастниковъ, и въ ту же ночь были арестованы нѣкоторые другіе члены шайки. въ квартирахъ которыхъ были произведены обыски, давшіе богатый матеріалъ.

Между прочимъ, у Ратнера и еще двухъ другихъ, а именно у бывшихъ учениковъ городского училища братьевъ Юрковыхъ обнаружены были оболочки бомбъ, а у нѣкоего Абрама Мительмана въ карманѣ пиджака 500 рублей денегъ, несомнѣнно, добытыхъ преступленіемъ, такъ какъ самъ Мительманъ, судя по его одеждѣ и общественному положенію, едва ли видѣлъ даже когда-либо такую сумму.

Въ Полтаву полетѣли телеграммы, и въ Ромны немедленно приѣхалъ прокуроръ суда Р. Г. Молловъ, сыгравшій видную роль въ раскрытіи многихъ серьезнѣйшихъ преступленій того времени и въ подавленіи революціонно-анархистскаго броженія. Умный, живой и энергичный, прокуроръ Молловъ, обладая исключительнымъ административнымъ,—если можно такъ выразиться,—талантомъ, благодаря какъ этому качеству, такъ и личному своему обаянію на окружающихъ, сумѣлъ въ короткое время сплотить вокругъ себя лицъ разныхъ вѣдомствъ и представителей общества, причемъ всѣ предпринимавшіяся имъ мѣры борьбы съ анархіей и преступностью отъ начала до конца были проникнуты духомъ строгой законности и послѣдовательности.

Онъ уже давно не служитъ въ Полтавѣ, почему я не могу умолчать объ этихъ чертахъ его дѣятельности въ полтавскомъ округѣ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, представлялъ собой въ тяжкіе дни смуты очень крупную и замѣтную величину.

Подъ личнымъ наблюденіемъ Р. Г. Моллова въ Ромнахъ было произведено быстрое и энергичное дознаніе, и въ короткое время многіе изъ «неуловимыхъ» были изобличены «выше ушей», какъ говорилъ мнѣ облегченно вздохнувшій жандармскій ротмистръ. Между прочимъ выяснилось, что душою шайки былъ нѣкто Сименовскій, сынъ надворнаго совѣтника, какъ онъ значился въ документахъ, представлявшій собою типъ развѣзжаго организатора и къ Ромнамъ никакого отношенія не имѣвшій.

Незадолго до суда онъ, переведенный въ качествѣ больного для хирургической операціи въ полтавскую губернскую земскую больницу, бѣжалъ оттуда и, конечно, остался не разысканнымъ. Такіе побѣги изъ больницы серьезныхъ арестантовъ у насъ, впрочемъ, были вообще не рѣдкостью.

Итакъ, въ Ромнахъ возникло новое громадное дѣло о группѣ анархистовъ «Черный Воронъ», къ которому въ качествѣ обвиняемыхъ было привлечено девятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ два выгнанныхъ въ свое время ученика роменскаго реального училища и студентъ, питомецъ того же училища.

Судилъ ихъ въ Кіевѣ военно-окружный судъ, и Ратнеръ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, которая при конфирмаціи была замѣнена другимъ наказаніемъ. Объ участи остальныхъ подсудимыхъ у меня свѣдѣній не имѣется.

Вскорѣ послѣ убійства Цопы мнѣ случайно попался въ руки номеръ издававшася въ Петербургѣ журнала «Юмористическій Альманахъ», выходившаго еженедѣльными выпусками. Въ этомъ номерѣ оказалась помѣщенной карикатура на Цопу: во весь листъ изображенъ городской съ опухшей отъ пьянства отталкивающей фізіономіей, одѣтый въ священническую рясу, распахнутую на груди. Изъ-подъ рясы выглядываютъ полицейскій мундиръ, шапка и револьверная кобура.

А внизу красуется дословно такая надпись: «Недавно въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ былъ «экспропрированъ» городской, одѣтый въ священническую рясу. Редакціи съ большимъ трудомъ удалось пріобрѣсти портретъ этого оригинальнаго подвижника».

Бѣдный добродушный незамѣтный герой своего служебнаго долга сталъ и послѣ смерти предметомъ издѣвательства со стороны «прогрессивнаго» органа печати!

Этотъ номеръ очень характеренъ, и я до сихъ поръ храню его у себя. Чтобы не быть голословнымъ, обозначаю его точно: 1906 года выпускъ XXXIII, № 67; озаглавленъ: «Предвыборный бойкотъ».

Этотъ номеръ, вѣроятно, можно достать и теперь, желающіе могутъ лично ознакомиться съ образчикомъ культурнаго «прогрессивнаго» остроумія.

VII.

Несомнѣнно, арестъ многихъ членовъ шайки анархистовъ сильно ослабилъ послѣднюю, но не всѣ участники были изловлены.

Правда, ударъ былъ силенъ, и вымогательства на нѣкоторое время прекратились. Обыватели вздохнули свободнѣй. Однако шайка вскорѣ рѣшила напомнить о себѣ или же просто сдѣлать

своего рода «благородный жестъ»,—и священникъ Стефановскій получилъ три недѣли спустя новое письмо, текстъ котораго также привожу полностью:

«Г. Стефановскій.

«Въ виду циркулирующихъ въ городѣ слуховъ, что администрація арестовала всѣхъ анархистовъ, роменская группа анархистовъ объявляетъ вамъ слѣдующее.

«Послѣ того, какъ вы получили письмо съ требованіемъ денегъ, мы шли къ вамъ за полученіемъ ихъ, но встрѣтили засаду. Впереди насъ шель Ратнеръ, на котораго и набросился переодѣтый городской. Увидя это, мы успѣли застрѣлить городского и скрыться не черезъ Коржевскую улицу, какъ говорятъ, а черезъ дворъ Погорѣлова. Поэтому, ни въ экспроприаціи, ни въ принадлежности къ нашей группѣ, ни въ умышленномъ пораненіи городского Ратнеръ не можетъ быть обвиненъ, и вообще всѣ члены группы на свободѣ.

«Такъ какъ вы не только не исполнили нашего требованія, но еще и устроили засаду, вслѣдствіе чего мы потеряли на мѣстѣ два револьвера, два цѣнныхъ пакета и два письма (къ Герману и Симоновичу), вы должны уплатить шесть тысячъ пятьсотъ рублей, для конфискаціи которыхъ мы явимся къ вамъ черезъ три-четыре недѣли.

«Въ случаѣ отказа группа анархистовъ выноситъ вамъ смертный приговоръ».

Несомнѣнно, что письмо это также имѣло въ виду выгородить пойманнаго съ полиціимъ Ратнера. Однако г.г. бомбисты и вымогатели оказали достойному своему сподвижнику плохую услугу: упоминаемыя ими письма къ Герману и Симоновичу какъ разъ оказались въ карманахъ пиджака Ратнера!

Нетрудно себѣ представить, что переживалъ несчастный священникъ, безъ того до крайности угнетенный смертью Цопы и считавшій себя косвенной причиною этой кровавой драмы. Однако анархисты къ нему не явились и больше писемъ ему не посылали; зато исправникъ Илляшевичъ получилъ цѣлый рядъ «приговоровъ».

Къ чести его надо сказать, что онъ относился ко всѣмъ угрозамъ съ спокойствіемъ фанатика.

— Убьютъ, такъ убьютъ,—не разъ говорилъ онъ мнѣ:—но прежде мы многихъ изъ этихъ мерзавцевъ еще выведемъ на свѣжую воду!

Прошло около мѣсяца, и въ концѣ декабря анархисты снова проявили признаки жизни.

Въ домъ одного изъ богатѣйшихъ роменскихъ купцовъ, Пинхуса Исштейна, явился какой-то субъектъ, который передалъ сыну Исштейна, студенту, записку, что его ожидаетъ въ гостиницѣ по срочному дѣлу нѣкій студентъ Родзянко.

Никакого Родзянка молодой Исштейнъ не зналъ, но тѣмъ не менѣе пошелъ въ гостиницу, думая, что прѣѣхалъ кто-нибудь изъ его случайныхъ знакомыхъ по университету. Едва онъ ушелъ, какъ въ домъ явилась какая-то дѣвица и также спросила студента Исштейна. Ей сказали, что онъ только что вышелъ, и она просила разрѣшенія обождать его.

Прислуга проводила пришедшую въ одну изъ комнатъ, а сама пошла доложить о ней хозяйкамъ. Однако гостя немедленно ушла, и нѣсколько минутъ спустя послѣ ея ухода въ комнатѣ взорвался принесенный и оставленный ею снарядъ.

Не представлялось сомнѣній, что и студентъ Исштейнъ былъ вызванъ изъ дому соучастникомъ бомбистки, чтобы она имѣла предлогъ проникнуть къ Исштейнамъ въ домъ, такъ какъ никакого Родзянка въ гостиницѣ не оказалось.

Причина визита анархистовъ къ Исштейнамъ осталась не выясненной, хотя тогда усиленно говорили, что это месть съ ихъ стороны за неисполненіе старикомъ Исштейномъ «буржуазной повинности».

Самъ потерпѣвшій, однако, отговаривался незнаніемъ. Возможно, что онъ боялся навлечь на себя еще большій гнѣвъ вымогателей, почему и предпочелъ молчаніе выясненію подкладки этого уѣла.

На этотъ разъ виновники остались не выясненными, и дѣло было предано забвенію.

VIII.

Прошло около года. Революціонная волна и исключительный ростъ преступности явно шли на убыль, и въ Ромнахъ стали понемногу сглаживаться тяжелыя воспоминанія прошедшихъ двухъ лѣтъ. Объ анархистахъ начали забывать, и казалось, что эта кошмарная полоса жизни съ беспорядками, погромомъ и ночными взрывами отошла въ область преданій. Правда, грабежи и разбойныя нападенія какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ продолжались на ряду съ отдѣльными чисто-революционными выступленіями, но все это уже не носило прежняго, наводящаго на населеніе панику характера.

Всѣ облегченно вздохнули, а исправникъ Ильяшевичъ въ особенноти. Онъ чувствовалъ себя какъ бы побѣдителемъ и былъ убѣжденъ, что всѣ угрозы по его адресу только «жидовскія штуки», какъ онъ выражался, и что всякая опасность для него миновала.

Однако будущее показало иное, и маленькія Ромны снова сдѣлались мѣстомъ совершенія выдающагося преступленія.

Передъ вечеромъ 10-го ноября 1907 года, когда уже стало темнѣть, въ магазинъ того же Исштейна, гдѣ находился самъ хо-

зяинъ, много приказчиковъ, рабочіе и два покупателя, внезапно вошло съ улицы двое прилично одѣтыхъ молодыхъ людей, которые, ставъ въ дверяхъ, выхватили изъ кармановъ браунинги и направили ихъ на присутствовавшихъ.

— Ни съ мѣста!—крикнулъ одинъ изъ вошедшихъ, и тотчасъ загремѣли выстрѣлы, направленные въ потолокъ.

— Уходите всѣ вонъ!—крикнулъ другой, когда стрѣльба прекратилась:—сейчасъ внесутъ бомбу и послѣдуетъ взрывъ.

Всѣ оцѣпенѣли. Дверь съ улицы открылась, и въ магазинъ медленно вошелъ третій, также очень прилично одѣтый субъектъ, неся въ рукахъ какой-то завернутый въ бумагу предметъ, который онъ осторожно поставилъ посреди магазина.

— Убирайтесь же!—еще разъ крикнулъ одинъ изъ неизвѣстныхъ, и всѣ они, давъ для острастки еще нѣсколько выстрѣловъ, вышли изъ магазина и скрылись.

Шальной пулей былъ легко раненъ одинъ изъ покупателей. Испуганные стрѣльбой и угрозой взрыва, всѣ присутствовавшіе съ Иштейномъ во главѣ бросились въ смежный складъ и спрятались за желѣзными дверьми, а одинъ изъ сторожей выскочилъ на улицу и сталъ звать городского.

На крики и выстрѣлы къ магазину подбѣжалъ постовой городской, который, узнавъ о случившемся, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ полицейское управленіе къ исправнику.

Тотъ, узнавъ о происшествіи, сорвался съ мѣста и, захвативъ съ собою помощника пристава и пять городскихъ, поспѣшилъ въ магазинъ Иштейна.

Когда чины полиціи вошли въ магазинъ, то увидѣли стоявшее недалеко отъ входа ведерко какъ бы изъ-подъ краски, тщательно обернутое въ желтую бумагу и обмотанное шпагатомъ. Въ почти-тельномъ отдаленіи отъ него толпились перепуганные приказчики, вышедшіе къ тому времени изъ своего убѣжища, гдѣ оставался одинъ Иштейнъ.

— Чего вы прячетесь?—окликнулъ его Илляшевичъ:—идите сюда. Посмотримъ, что это за штука!

Помощникъ пристава, бойкій и развитой юноша, много читавшій объ изготовленіи бомбъ, бѣгло осмотрѣлъ стоявшій на полу предметъ и, увидѣвъ сверху черезъ бумагу перекрещенныя цинковыя пластинки, пришелъ къ заключенію, что передъ нимъ настоящій разрывной снарядъ, о чемъ тихо доложилъ исправнику.

— Жидовскія штуки, а не снарядъ,—недовольно пробурчалъ тотъ.

Въ этотъ моментъ кто-то изъ приказчиковъ сболтнулъ, что одинъ изъ стрѣлявшихъ похожъ лицомъ на еврея З.

Исправникъ насторожился.

— Возьмите трехъ городскихъ,—обратился онъ къ помощнику пристава,—и ступайте сейчасъ произвести обыскъ у З.

Помощникъ пристава замялся и, какъ онъ потомъ говорилъ, хотѣлъ снова доложить исправнику о необходимости обращаться съ таинственнымъ предметомъ какъ можно осторожнѣй.

— Ну, чего стоите?—раздражительно замѣтилъ Илляшевичъ.— Ступайте, не теряйте времени.

Помощникъ пристава ушелъ, и въ магазинѣ при исправникѣ осталось двое городовыхъ—Иванъ Холодъ и Иванъ Божко, оба бравые артиллеристы, недавно возвратившіеся съ Дальняго Востока и украшенные знакомъ отличія военнаго ордена.

Иштейнъ, зная рѣшительный характеръ Илляшевича, сталъ просить его обращаться поосторожнѣй со снарядомъ.

— Какой тамъ снарядъ,—усмѣхнулся исправникъ:—это срунда! Впрочемъ, для вашего успокоенія можно полить его водой.

Принесли ведро воды и вылили на снарядъ. Исправникъ приказалъ снять съ него бумагу. Иштейнъ и приказчики снова испуганно попятились въ сторону.

Городовой Божко, замѣтивъ, что отъ снаряда идетъ какая-то веревка, перерѣзалъ ее шашкой, а затѣмъ, присѣвъ на корточки, шашкой же разрѣзалъ шпагатъ и снялъ обертку. Передъ присутствующими предстало обыкновенное ведро изъ-подъ краски четырехугольной формы. Божко осторожно приподнял его и поставилъ на мѣсто.

— Тяжелое, ваше высокоблагородіе,—сказалъ онъ исправнику, поднимаясь на ноги:—фунтовъ тридцать будетъ.

— Ничего,—усмѣхнулся тотъ, оправляя пенснэ и вематриваясь близорукими глазами въ ведро:—донесете!

Городовой Холодъ нагнулся и поднялъ ведро, слегка наклонивъ на бокъ, и произошло нѣчто ужасное...

Мелькнуло желтоватое пламя, и магазинъ задрожалъ отъ страшнаго взрыва. Во всѣ стороны полетѣли коробки и банки съ товарами, обвалилась штукатурка потолка, въ сосѣднихъ зданіяхъ со звономъ посыпались оконныя стекла. Всѣ лампы въ магазинѣ и даже фонари на улицѣ потухли. Наступила полная темнота, въ которой послѣ минутнаго молчанія послышались стоны и вопли изувѣченныхъ людей.

Когда сбѣжался народъ и принесли огонь, глазамъ всѣхъ представилась ужасная картина. Всѣ товары были перемѣшаны въ кучу, стѣны магазина обрызганы кровью, на потолкѣ виднѣлись приставшіе куски чelовѣческаго мяса. Такіе же окровавленные клочья валялись въ нѣсколькихъ мѣстахъ на полу. На мѣстѣ взрыва, страшно изувѣченный, съ обезображеннымъ лицомъ и оторванными руками лежалъ мертвый Холодъ. Возлѣ него валялся обожженный, израненный, съ оторванной рукой и перебитой ногой Божко; Илляшевичъ пытался подняться съ пола, хватаясь окровавленную рукою за голову. Лѣвый глазъ у него вытекъ, на лицѣ

имѣлись раны, кость лѣвой ноги оказалась поврежденной. Рабочій Литвиненко лежалъ безъ сознанія, съ раздробленными ногами и переломанными ребрами. Кромѣ того, оказались легко ранеными самъ Исштейнъ и двое изъ его приказчиковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ у магазина собралась громадная толпа. Всѣ были взволнованы и потрясены. Толпа въ угрюмомъ молчаніи послѣдовала къ больницѣ, куда повезли тяжело раненыхъ и исковерканный трупъ Ивана Холода.

Въ больницѣ чуть ли не до разсвѣта продолжались операціи. Илляшевичу удалили остатки вытекшаго глаза и была резецирована раздробленная кость ноги. Городовому Божко ампутировали ногу. Литвиненку пришлось отнять обѣ ноги и вскрывать грудную клѣтку, чтобы извлечь оттуда осколки желѣза и гайки, которыми былъ начиненъ снарядъ. Словомъ, въ небольшой операціонной комнатѣ больницы творилось нѣчто необычное.

Очевидцы передавали еще одну страшную подробность: въ больницѣ не хватило хлороформа, и, какъ на зло, не оказалось его въ аптекахъ. Поэтому ампутація ноги у Божко и тяжелая операція Литвиненка были произведены безъ наркоза. Медлить нельзя было ни минуты, и пришлось прибѣгнуть къ такому варварскому способу. Оперируемые испускали безумные крики. Впечатлѣніе получалось потрясающее.

На другой день въ Ромны прибыли изъ Полтавы власти и чины полтавскаго розыскаго пункта. Началось энергичнѣйшее дознаніе. Городъ буквально перевернули вверхъ дномъ, было произведено много обысковъ,—но все безрезультатно. Злоумышленники какъ въ воду канули.

Я также пріѣхалъ тогда въ Ромны, и у меня создалось убѣжденіе, при которомъ я остаюсь и теперь, что взрывъ былъ произведенъ пріѣзжими анархистами, а бомба изготовлена въ Ромнахъ. Несомнѣнно также, что это была ловушка для полиціи, такъ какъ негодяи отлично знали, что послѣ стрѣльбы и предупрежденія о взрывѣ въ магазинъ немедленно придутъ чины полиціи съ исправникомъ во главѣ. И, дѣйствительно, только слѣпой случай, благодаря которому Илляшевичъ отослалъ изъ магазина помощника пристава и трехъ городовыхъ, спасъ этихъ послѣднихъ отъ смерти или увѣчья. Они стояли бы, подобно остальнымъ, у снаряда и приняли бы на свои тѣла всю силу страшнаго взрыва.

Среди осколковъ снаряда оказалась часть толстаго стекляннаго стаканчика. Это ясно указывало на то, что детонаторомъ послужила, повидимому, сѣрная кислота, и что снарядъ долженъ былъ взорваться при малѣйшемъ наклонѣ въ сторону.

Снарядъ отличался страшной разрушительной силой и къ тому же былъ начиненъ, какъ выше упомянуто, гайками и рублен-

пыль желѣзомъ. Очевидно, злоумышленники рассчитывали на возможно большее количество жертвъ.

Почти съ увѣренностью можно утверждать, что остатки мѣстной группы анархистовъ, будучи сами уже не въ состояніи отомстить полиціи, пригласили къ себѣ на помощь своихъ достойныхъ сподвижниковъ изъ какого-нибудь другого, вѣроятно, большого города. По крайней мѣрѣ, примѣты преступниковъ и ихъ вполне интеллигентная внѣшность и хорошіе костюмы указывали на то, что это не мѣстные «дѣятели».

Вмѣстѣ съ другими я былъ на мѣстѣ преступленія, гдѣ судебный слѣдователь съ усталымъ отъ бессонной ночи, осунувшимся лицомъ и воспаленными глазами производилъ осмотръ.

Повсюду виднѣлись слѣды разрушенія. Бакалейные товары, мука, конфеты и прочее было перемѣшано въ кучу, въ которой виднѣлись обрывки окровавленной обожженной одежды и куски человѣческаго мяса.

По срединѣ зіяла яма съ торчащими изъ нея кусками разрушенныхъ половицъ. Всѣ стекла въ магазинѣ были выбиты. Въ отдаленіи толпились группы людей, испуганно глядѣвшихъ въ раскрытыя двери магазина.

Стоя здѣсь, я случайно обратилъ вниманіе на какой-то тонкій черный предметъ, похожій на недокурную сигару, валявшійся въ кучѣ мусора и почти затоптанный ногами. Машинально я нагнулся, поднялъ этотъ странный предметъ, посмотрѣлъ на него и невольно вздрогнулъ: у меня въ рукѣ былъ оторванный человѣческій палецъ съ заскорузлымъ мужицкимъ ногтемъ, обожженный и покрытый копотью. У основанія виднѣлась металлическая полоска погнувшася и впившася въ кожу обручальнаго кольца.

Я молча показалъ свою страшную находку присутствовавшимъ. Слѣдователь, нервно поморщившись, взялъ ее и положилъ на листъ бумаги, гдѣ уже виднѣлись обрывки человѣческаго тѣла.

— Ивана Холода палецъ, ваше высокоблагородіе,—тихо проговорилъ одинъ изъ городовыхъ, указывая глазами на кольцо:— онъ недавно оженился.

На простомъ грубомъ солдатскомъ лицѣ городского пробѣжала какая-то судорога. Онъ отвернулся и тихо отошелъ къ выходнымъ дверямъ.

Изъ магазина мы всѣ отправились въ больницу. Въ одной изъ палатъ лежалъ оперированный, весь покрытый повязками старикъ Илляшевичъ. Онъ почти ничего не могъ говорить, такъ какъ постоянно начиналъ тихо бредить. Врачъ попросилъ его не беспокоить.

Въ другой палатѣ лежали городской Божко и рабочій Литвиненко. Первый былъ въ сознаніи и далъ свое показаніе слѣдова-

телю, спѣшившему снять съ него допросъ, такъ какъ за благополучный исходъ раненій врачъ не ручался.

— Ваше высокородіе,—глухо проговорилъ послѣ допроса раненый:—не тронула меня пуля и бомба японская, а приходится погибать изъ-за жидовской выдумки...

Въ голосѣ его слышались нотки безысходной тоски.

Подошли къ койкѣ Литвиненка, на которой лежало какое-то подобіе человѣка съ обрубками вмѣсто ногъ, обвитое бѣлыми, мѣстами окровавленными бинтами. Онъ былъ безъ сознанія, изрѣдка стоналъ и что-то несвязно говорилъ.

— Этотъ едва ли выживетъ...—тихо замѣтилъ врачъ.

Возлѣ маленькой больничной церковки скопилось масса народу. Въ толпѣ видѣлись представители чуть ли не всѣхъ классовъ общества. Вдали протянулась лента выстроившихся двухъ эскадроновъ квартировавшихъ тогда въ Ромнахъ драгунъ. Въ церковкѣ происходило отпѣваніе останковъ бѣдняги Холода.

Мы поспѣли на отпѣваніе, и насъ пропустили къ самому гробу. Взглянувъ на покойнаго, котораго я при жизни хорошо зналъ, я подумалъ, что это тѣло какого-то другого человѣка, настолько обезображено было его лицо взрывомъ. Полицейскій мундиръ лежалъ какими-то нелѣпыми складками, и подъ нимъ чувствовалось исковерканное, изувѣченное тѣло. Возлѣ гроба стояла молодая женщина съ красивымъ крестьянскимъ лицомъ и смотрѣла на трупъ совершенно безумными глазами. Это была молодая жена убитаго.

Она молчала, не плакала и не голосила, какъ это обыкновенно дѣлаютъ простолюдины. Но я до сихъ поръ не могу забыть выраженія ея глазъ и вообще всей этой картины.

Печальное богослуженіе окончилось. Гробъ былъ вынесенъ изъ церкви представителями всѣхъ вѣдомствъ, и процессія медленно тронулась къ кладбищу.

Со сторожи отряда драгунъ послышались отрывистыя слова команды, и въ воздухѣ морознаго солнечнаго дня ярко блеснули обнаженные шашки. Отрядъ войска отдавалъ послѣднюю почеть георгіевскому кавалеру.

Почти весь городъ провожалъ на кладбище останки простого, никому доселѣ невѣдомаго городского. Картина была знаменательная и трудно забываемая.

IX.

Страшно, безчеловѣчно отомстила шайка вымогателей чинамъ роменской полиціи, но описанный взрывъ въ магазинѣ Иштейна былъ уже послѣднимъ въ Ромнахъ, и имъ окончилась полоса жизни, отмѣченная взрывами. Однако и послѣ этого была сдѣлана еще

одна попытка вымогательства денегъ, описаніемъ которой я хочу закончить настоящій очеркъ, тѣмъ болѣе, что она подтверждаетъ до нѣкоторой степени мое мнѣніе о томъ, что послѣднее событіе было дѣломъ рукъ пріѣзжихъ анархистовъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со дня похоронъ несчастнаго Ивана Холода, какъ одинъ изъ роменскихъ купцовъ получилъ письмо съ требованіемъ «на революціонныя и организаціонныя цѣли» трехсотъ рублей. На письмѣ красовались на этотъ разъ оттиски мастичныхъ печатей «русской секціи интернаціонала» и «мѣстнаго коллектива анархистовъ», причемъ было точно обозначено, куда и въ какое время купецъ долженъ вынести деньги.

Объ этомъ узнала полиція, и въ указанномъ мѣстѣ была устроена засада изъ помощника пристава и двухъ городскихъ, переодѣтыхъ въ штатское платье.

Въ назначенный часъ на улицѣ появилось два совершенно неизвѣстныхъ дежурившимъ полицейскимъ молодыхъ еврея, изъ которыхъ одинъ казался совсѣмъ мальчишкой, начавшихъ медленно прогуливаться взадъ и впередъ, видимо, кого-то ожидая. Помощникъ пристава, рѣшивъ, что это и есть вымогатели, направился къ нимъ, но едва они его замѣтили, какъ бросились убѣгать, выхвативъ изъ кармановъ браунинги.

Началась погоня. Убѣгавшіе открыли по полицейскимъ стрѣльбу изъ браунинговъ, но пули пролетали мимо, и наконецъ помощникъ пристава достигъ старшаго изъ преступниковъ. Тотъ выстрѣлилъ въ упоръ, но промахнулся. Оба упали на землю, и завязалась борьба. Вымогатель хотѣлъ снова стрѣлять, но счастье, видимо, окончательно отъ него отвернулось, и браунингъ не дѣствовалъ, — одинъ изъ патроновъ застрялъ въ обоймѣ.

Сбѣжались люди, и этого субъекта задержали. Другой безслѣдно скрылся, бросившись въ проходной дворъ, и остался не разысканнымъ.

Задержанный оказался пріѣхавшимъ неизвѣстно откуда нѣжинскимъ мѣщаниномъ Гдалей Лещинскимъ. Виновность свою онъ, разумѣется, отрицалъ, но зато и отъ дачи какихъ-либо объясненій по существу дѣла, какъ и подобаетъ каждому добропорядочному члену шайки, отказался.

Слѣдствіе пошло быстрымъ темпомъ. Сидя въ тюрьмѣ, Лещинскій умудрился завязать сношенія съ оставшимися на свободѣ товарищами и умыслилъ побѣгъ.

Ему и здѣсь не повезло, такъ какъ письма его были перехвачены. Изъ нихъ, впрочемъ, видно, что «товарищи» были уже безсильны помочь своему гостю и ни на какое выступленіе не рѣшались. По крайней мѣрѣ, опъ горько на это сѣтовалъ. Зналъ бы это, то и не пріѣзжалъ бы къ вамъ, моль...

Первое время возникало основательное подозрѣніе въ томъ, что Лещинскій участвовалъ въ устройствѣ взрыва въ магазинѣ Иштейна, и слѣдствіе занималось изслѣдованіемъ этого вопроса. Однако, хотя это представлялось весьма вѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе никакихъ фактическихъ доказательствъ добыто не было.

У очевидцевъ стрѣльбы и внесенія въ магазинъ снаряда осталось только общее впечатлѣніе виѣшняго вида злоумышленниковъ, почему Лещинскаго никто опознать не могъ, и этотъ вопросъ такъ и остался не выясненнымъ.

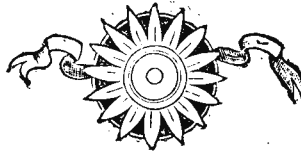
Такимъ образомъ, послѣдній слѣдъ къ обнаруженію виновниковъ страшнаго преступленія въ магазинѣ Иштейна былъ утерянъ, и дѣло прекращено судомъ за необнаруженіемъ виновныхъ.

Гдалю Лещинскаго судили по законамъ военного времени. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе и казненъ въ оградѣ кременчугской тюрьмы.

Его «выступленіе» было послѣднимъ въ Ромнахъ, гдѣ съ того времени жизнь потекла обычной мирной колеей маленькаго уѣзднаго города, сохранившаго только рядъ тяжелыхъ воспоминаній кошмарнаго періода смутныхъ дней.

Иногда, впрочемъ, видятъ тамъ возимаго въ телѣжкѣ безногаго калѣку съ изуродованнымъ лицомъ. Это выжившій какимъ-то чудомъ Литвиненко.

А. В. Сульжиковъ.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные материалы).

XIV.

РИ ИЗЫСКАНІЯХЪ направленія Китайской Восточной желѣзной дороги и открытыхъ 16-го августа 1897 года работахъ по сооруженію ея, дѣятельность нашихъ инженеровъ и агентовъ въ первое время не встрѣчала со стороны китайцевъ проявленій недоброжелательства, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ случаевъ нападеній разбойниковъ (хунхузовъ), которыми кишатъ сѣверныя и центральныя части Манчжуріи. Мѣстное населеніе относилось къ проведенію желѣзной дороги сочувственно, а равно и мѣстныя китайскія власти были настроены къ этому дѣлу доброжелательно. Центральное китайское правительство, съ своей стороны, оказывало обществу Китайской Восточной желѣзной дороги полное содѣйствіе при разрѣшеніи вопросовъ, возникавшихъ на мѣстѣ въ связи съ работами по сооруженію дороги. Такъ, цзунъ-ли-ямынемъ было предписано цзянгъ-цзюнямъ Гиринской и Цицкарской провинцій придерживаться точнаго смысла контракта о Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и не поднимать вопросовъ о взиманіи пошлинъ за матеріалы, покупаемые строителями дороги въ Манчжуріи и привозимые на мѣсто постройки. Цзунъ-ли-ямынь сдѣлалъ также необходимыя распоряженія по дѣлу о добываніи управленіемъ по сооруженію Китайской Восточной желѣзной

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXV. стр. 608.

дороги потребныхъ ему строительныхъ матеріаловъ въ районѣ желѣзной дороги. Когда общество обратилось къ цзунъ-ли-ямыню за разрѣшеніемъ повѣсить свой временный телеграфный проводъ къ столбамъ китайскаго правительственнаго телеграфа, разрѣшеніе это было немедленно дано—подъ условіемъ передачи этого провода китайскому правительству по окончаніи постройки желѣзной дороги.

Нѣкоторыя затрудненія вызвали лишь вопросы о заготовкѣ лѣса и каменнаго угля для нуждъ Китайской Восточной желѣзной дороги и о переносѣ могилъ, которыя оказывалось невозможнымъ обойти при прокладкѣ желѣзнодорожной линіи. Гириискій цзянь-цзюнь отказывался разрѣшить обществу Китайской Восточной желѣзной дороги добывать лѣсъ и каменный уголь собственнымъ распоряженіемъ, а образовалъ для поставки ихъ дорогѣ монополную компанію. Онъ доносилъ цзунъ-ли-ямыню, что никакъ не можетъ согласиться на предложеніе послѣдняго допустить хозяйственную разработку лѣса управленіемъ Китайской Восточной желѣзной дороги, такъ какъ объ этомъ нѣтъ упоминанія въ текстѣ контракта о сооруженіи этой дороги, а если уступить намъ въ этомъ дѣлѣ, то не будетъ конца нашимъ притязаніямъ. Тотъ же цзянь-цзюнь требовалъ обхода, при трассировкѣ желѣзнодорожной линіи, всѣхъ безъ исключенія могилъ, отказавъ въ ходатайствѣ, чтобы за переносъ могилъ была установлена особая плата. Однако цзунъ-ли-ямынь предложилъ цзянь-цзюню согласиться какъ на разработку лѣса администраціей дороги, такъ и на переносъ въ крайнихъ случаяхъ могилъ, а равно отвести въ распоряженіе общества Китайской Восточной желѣзной дороги каменноугольные участки по указаніямъ русскихъ инженеровъ, съ предоставленіемъ обществу права прокладки къ копиямъ временныхъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Китайскіе министры не нашли, правда, возможнымъ войти въ разсмотрѣніе частныхъ возбужденныхъ администраціею дороги вопросовъ, какъ-то установленія попенной платы за вырубленный лѣсъ, платы съ добываемаго угля и таксы за переноску могилъ, но они поручили цзянь-цзюню прійти по этимъ вопросамъ къ соглашенію съ администраціей дороги и дѣйствовать въ возможно примирительномъ духѣ. При такихъ условіяхъ вскорѣ удалось достигнуть соглашенія съ цзянь-цзюнемъ. Дѣйствительно, къ началу марта 1898 года такса и правила рубки лѣса въ Гириинской провинціи были окончательно установлены. Вопросъ о добычѣ угля въ той же провинціи затянулся нѣсколько дольше, но въ іюнѣ того же года и этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, отношеніе къ намъ властей и населенія Манчжуріи въ первое время нашей дѣятельности въ этой странѣ въ общемъ было удовлетворительно. Но съ 1898 года недоразумѣнія

между русскими и китайцами постепенно стали учащаться. Дѣлшіе это отчасти объяснялось тѣмъ, что, вслѣдствіе развитія работъ на магистральной Китайской Восточной желѣзной дороги, утвержденія нашего въ Квантунской области и приступа къ сооруженію южной вѣтви желѣзной дороги, сношенія наши съ китайцами въ Манчжуріи сдѣлались чаще, интенсивнѣе и разнообразнѣе. Но характерно было при этомъ, что, какъ и при началѣ работъ въ 1897 году, на сѣверѣ страны не наблюдалось рѣзкаго недовольства со стороны мирнаго населенія противъ Китайской Восточной желѣзной дороги. Лишь въ одномъ случаѣ отрядъ охранной стражи желѣзной дороги подвергся нападенію со стороны мирныхъ китайцевъ въ Цицикарѣ, но никакихъ серьезныхъ послѣдствій это столкновеніе не имѣло. Нападенія и покушенія дѣлались здѣсь на желѣзнодорожныхъ агентовъ и рабочихъ потихоньку, изъ засады, или ночью, бродягами и разбойниками, которыми, какъ уже упомянуто, кишитъ Сѣверная Манчжурія.

Совершенно иное наблюдалось въ Квантунской области и вообще въ Южной Манчжуріи. Здѣсь русскимъ нѣсколько разъ пришлось столкнуться съ массовымъ проявленіемъ недоброжелательства со стороны осѣдлаго китайскаго населенія. Такъ, прежде всего произошло недоразумѣніе съ населеніемъ Квантунской области при установленіи границы послѣдней у бухты Би-цзы-во. Въ той же области возникли затрудненія также изъ-за сбора податей и отчужденія земель подъ городъ Дальній. Населеніе отказывалось платить подати русскимъ, причемъ въ началѣ февраля 1899 года близъ города Би-цзы-во дѣло дошло даже до вооруженнаго столкновенія. Отрядъ войска, высланный къ мѣсту безпорядковъ, вызванныхъ сборомъ податей, возстановить было порядокъ безъ насилія, но вслѣдъ за тѣмъ изъ окрестностей собралась толпа въ четыреста человѣкъ, вооруженныхъ частью огнестрѣльнымъ оружіемъ, и произвела нападеніе на казачій постъ, причемъ китайцевъ было убито и ранено около двадцати человѣкъ. Столкновеніе въ Би-цзы-во произвело на высшія сферы въ Пекинѣ и въ провинціи удручающее впечатлѣніе; на фактъ этотъ китайцы позднѣе указывали, какъ на доказательство недобраго отношенія русскихъ къ китайцамъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда заходило дѣло о томъ, чтобы сдѣлать что-либо для русскихъ. Вообще со времени этого происшествія въ Мукденѣ къ намъ начали относиться болѣе недоброжелательно, чѣмъ прежде.

У города Дальняго населеніе не желало уступать своихъ земель обществу Китайской Восточной желѣзной дороги, вслѣдствіе чего отчужденіе земель подвигалось здѣсь очень медленно. Мало того, 10-го іюля 1899 года въ одной изъ деревень, въ районѣ Дальняго, населеніе, во главѣ со своимъ старшиною, уничтожило контору отчужденія и захватило партію инженеровъ.

Немало затрудненій съ мѣстнымъ населеніемъ возникало и при сооруженіи южной вѣтви желѣзнодорожной линіи въ Манчжуріи. Первыя серьезныя столкновенія на этой вѣтви произошли въ концѣ 1898 года на среднихъ ея участкахъ, близъ городовъ Лаояна и Чань-туфу. У Чань-туфу подверглась нападенію партія топографовъ со стороны толпы мѣстныхъ обывателей численностью до двухсотъ человекъ. Въ то же время замѣчалось недружелюбное отношеніе мѣстнаго населенія къ желѣзнодорожнымъ агентамъ и въ районѣ сѣверныхъ участковъ той же вѣтви. Въ 1899 году получались неоднократныя сообщенія о враждебномъ настроеніи населенія къ дорогѣ. Такъ, въ апрѣлѣ этого года близъ Лаояна населеніе остановило земляныя работы, а въ августѣ произошло даже кровопролитное столкновеніе между партіей желѣзнодорожныхъ служащихъ, трассировавшихъ линію близъ города Телинъ, и населеніемъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Въ октябрѣ того же года среди населенія въ округѣ города Лаояна произошло волненіе вслѣдствіе переписи, производившейся русскими для картографическихъ цѣлей, въ виду чего перепись эту пришлось прекратить. Стали наблюдаться также все чаще и чаще, по мѣрѣ развитія укладки пути, случаи порчи послѣдняго съ цѣлью кражи желѣзнодорожныхъ матеріаловъ.

27-го марта 1900 года близъ станціи Ситунъ Южно-Манчжурской вѣтви жители селенія Дао-у-тунъ напали на русскаго десятника и старшаго рабочаго, пріѣхавшихъ въ эту деревню въ сопровожденіи нижнихъ чиновъ охраны для розыска краденаго лѣса и другихъ строительныхъ матеріаловъ, причемъ были ранены четыре чина охраны. 20-го того же марта въ селеніи Па-цзя-цзы толпа жителей арестовала трехъ служащихъ желѣзной дороги, проѣзжавшихъ по дѣламъ службы, причемъ одного изъ нихъ ранила. Мѣстный начальникъ, вмѣсто того, чтобы освободить арестованныхъ, позволилъ себѣ чрезвычайно грубое съ ними обращеніе и даже побои. Присланнаго къ нему по поводу этого дѣла сотника онъ долго не хотѣлъ принять, а когда, наконецъ, вышелъ къ нему для переговоровъ, то позволилъ себѣ съ нимъ возмутительно-грубое и дерзкое обращеніе. Въ концѣ марта 1900 года вооруженная толпа частью разрушила, частью сожгла нѣсколько зданій чумной больницы на Янтайскихъ каменноугольныхъ копяхъ, а когда къ мѣсту безпорядковъ прибылъ вытребованный отрядъ охранной стражи, за сѣвши въ кумирнѣ китайцы стали стрѣлять, причемъ былъ раненъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ; русскіе отвѣчали выстрѣлами и убили нѣсколькихъ китайцевъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, зачинщиками бунта были три богатыхъ китайца изъ деревни Фань-чэнь-чжанъ, которые подстрекали населеніе и пригласили нѣсколько сотъ горныхъ охотниковъ для нападенія на копи.

Приведенные случаи не оставляютъ, конечно, сомнѣнія въ томъ,

что въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія Южной Манчжуріи и въ частности тѣхъ мѣстностей, которыя прорѣзывались Южно-Манчжурской вѣтвью Китайской Восточной желѣзной дороги, въ разсматриваемый періодъ (1898—1900 годы), преобладало чувство нерасположенія къ русскимъ. Причины возникновенія подобнаго чувства во многихъ случаяхъ коренились въ экономическихъ условіяхъ Южной Манчжуріи. Это категорично утверждалъ приамурскій генераль-губернаторъ Гродековъ: «Насколько народъ считаетъ законнымъ и справедливымъ постройку нами магистралн, настолько же считаетъ несправедливымъ постройку южной вѣтви и, согласно общему мнѣнію, какъ китайцевъ, такъ и старожиловъ русскихъ, будетъ всегда препятствовать эксплуатаціи. Объясняется это тѣмъ, что мѣстности, по которымъ проходитъ магистраль, мало населены, а если встрѣчаются болѣе заселенные участки, то заселены они сравнительно недавно,—тогда какъ мѣстность вдоль южной вѣтви является густо населенной, вполне культурной и искони заселенной страной. Манчжуріи всегда отправляла огромные избытки сельскаго хозяйства во внутренній Китай, причемъ движеніе этихъ грузовъ совершалось подводами въ томъ же направленіи, въ которомъ строится южная вѣтвь желѣзной дороги. Эксплуатація этой вѣтви лишитъ цѣлый классъ населенія значительныхъ заработковъ отъ извознаго промысла и содержанія постоянныхъ дворовъ. Здѣсь постоянные дворы считаются десятками тысячъ. Такимъ образомъ, постройка южной вѣтви внесетъ переворотъ въ экономическую жизнь народа въ Мукденской провинціи».

Но наряду съ указанными факторами экономического характера существовали, несомнѣнно, и другія причины. Въ числѣ ихъ нельзя не указать, напримѣръ, на крайнее невѣжество народной массы въ Китаѣ, къ тому же не испытавшей еще той пользы, которую долженъ былъ доставить имъ строившійся желѣзнодорожный путь. Населеніе часто портило желѣзнодорожный путь съ цѣлью кражи матеріаловъ, какъ-то: болтовъ, накладокъ и костылей, изъ которыхъ китайцы изготовляли себѣ разныя кузнечныя подѣлки. Съ другой стороны, только невѣжествомъ можно было объяснить волненіе, возникшее, какъ указано выше, въ округѣ города Лаояна по поводу производившейся русскими переписи. Виновниками недоразумѣнія съ китайцами близъ Лаояна весной 1899 года были наши неизмѣнные антагонисты на Дальнемъ Востокѣ—англичане. Англійскіе купцы порта Инкоу, не желая допустить насъ къ эксплуатаціи каменноугольныхъ мѣсторожденій у Лаояна, командировали инженера Кука, который при помощи китайскаго чиновника Чэнь подкупами и угощеніями склонялъ собственниковъ мѣсторожденій не входить въ соглашеніе съ нашей желѣзной дорогой. Наконецъ, въ числѣ обстоятельствъ, вызывавшихъ въ китайскихъ умахъ неудовольствіе противъ насъ, указывалось еще и на то, что проведеніе

Южно-Манчжурской вѣтви задѣвало культъ поклоненія предкамъ императорскаго дома, такъ какъ линія эта близъ Мукдена проходитъ вблизи усыпальницы предковъ богдыхана.

Но если, такимъ образомъ, нельзя отрицать существованія въ 1898—1900 годахъ въ средѣ населенія Манчжуріи, въ особенности въ южныхъ ея частяхъ, враждебнаго настроенія по отношенію къ русскимъ, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстныя китайскія власти въ большинствѣ случаевъ не принимали никакихъ мѣръ къ измѣненію такого положенія вещей, вслѣдствіе чего настроеніе это такъ часто выражалось въ непріязненныхъ намъ вспышкахъ. При возникновеніи недоразумѣній китайская администрація сплошь и рядомъ вовсе не стремилась къ ихъ устраненію, а при покушеніяхъ на жизнь желѣзнодорожныхъ служащихъ медлила наказаніемъ виновныхъ, такъ что почти по каждому подобному дѣлу возникала переписка между представителемъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги въ Пекинѣ и цзунь-ли-ямнемъ, и обыкновенно только послѣ категорическихъ инструкцій изъ Пекина мѣстныя власти исполняли предъявленные къ нимъ требованія. Въ теченіе лѣта и осени 1898 года пришлось сдѣлать нѣсколько представлений въ цзунь-ли-ямнь съ просьбой предписать мукденскому и гиринскому цзянь-цзюнямъ принять мѣры, чтобы населеніе корректно относилось къ строителямъ желѣзной дороги и не дѣлало препятствій къ ея сооруженію. Попустительство мѣстныхъ властей доходило до того, что, напримѣръ, при столкновеніи китайцевъ съ нашими желѣзнодорожными служащими въ августѣ 1899 года близъ Телина въ немъ принимали участіе китайскіе солдаты со знаменами и даже пушками. Начальникъ города Телина не принялъ никакихъ мѣръ для предупрежденія этого безпорядка, происшедшаго всего въ 15 верстахъ отъ его мѣстопробыванія, и даже передъ самымъ столкновеніемъ завѣрялъ инженеровъ черезъ своихъ делегатовъ, что населеніе вполне спокойно; когда же произошло столкновеніе, то делегаты его поспѣшно скрылись.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ китайскія власти являлись даже подстрекателями и зачинщиками столкновеній съ русскими. Въ этомъ отношеніи можно указать на начальника города Куаньченцзы Сэ, который, отличаясь непримиримою враждою къ русскимъ, своимъ поведеніемъ и рѣчами постоянно разжигалъ возникшія недоразумѣнія. 27-го марта 1900 года онъ явился главнымъ виновникомъ смерти капитана охранной стражи желѣзной дороги Янткевича и одного казака, которые были убиты китайскими солдатами, неожиданно открывшими огонь въ упоръ противъ русскихъ во время мирныхъ объясненій съ китайскимъ офицеромъ. Точно также результатомъ подстрекательства китайской администраціи явился отказъ платить подати со стороны квантунскаго населенія близъ Би-цзы-во. Вполнѣ документально доказано, что, по согла-

шенію цзинь-чжоускихъ властей съ мукденскимъ цзянь-цзюнемъ, въ предѣлы сѣвернаго участка занятой нами территоріи выслались отряды, силою отъ 150 до 400 человѣкъ. Послѣдній отрядъ былъ прогнанъ отсюда 21-го января 1899 года. Подъ прикрытіемъ этихъ отрядовъ бродили высланные изъ Цзинь-чжоу агитаторы, внушавшіе народу, что русскіе не имѣютъ права собирать подати; что народъ, страдая отъ голода, не долженъ платить податей русскимъ и въ правѣ силою противиться ихъ своеволію, памятуя, что его законный протестъ готовы поддержать китайскіе чиновники и войска, которыя въ числѣ 50,000 стоятъ у границы, и, наконецъ, что подчинившихся русскимъ требованіямъ будутъ хватать, отправлять въ Цзинь-чжоу и казнить.

Въ подобныхъ случаяхъ образъ дѣйствій китайской администраціи, повидимому, объяснялся исключительно только враждою къ русскимъ и желаніемъ нанести ущербъ намъ въ Манчжуріи. Эти же побужденія руководили, конечно, и китайскимъ сановникомъ, исправлявшимъ въ началѣ 1899 года должность мукденскаго цзянь-цзюня, когда онъ выпустилъ прокламацію, въ которой объявлялъ населенію вѣренной ему провинціи, что до него дошли слухи о всякихъ безчинствахъ, творимыхъ русскими при постройкѣ желѣзной дороги, и, между прочимъ, о захватѣ русскими земель для города у бухты Да-лянь-вань (подъ городъ Дальній), на что они-де не имѣютъ никакого права. Далѣе въ прокламаціи русскіе обвинялись въ притѣсненіи жителей при покупкѣ запасовъ, пьянствѣ, развратѣ и насиліяхъ; китайскому населенію, въ томъ числѣ и населенію Квантуна, строго предписывалось, въ случаѣ причиненія русскими какихъ-либо обидъ, обращаться въ защитѣ китайскихъ властей. Прокламація эта была распространена, между прочимъ, и въ Квантунской области, взволновала населеніе и привела къ указанному выше серьезному недоразумѣнію при отчужденіи земель подъ городъ Дальній. Около того же времени тотъ же сановникъ доносилъ въ Пекинъ, якобы со словъ жителей нѣсколькихъ деревень, что русскіе, занявъ подъ телеграфъ и желѣзнодорожную линію полосу земли въ нѣсколько десятковъ сажень, стали еще занимать мѣстами участки по 100 и по 300 слишкомъ му, окружая своими землями даже цѣлыя деревушки и силою заставляя жителей переселяться; что, кромѣ того, русскіе въ разныхъ деревушкахъ самовольно занимали дома, насиловали женщинъ, обманомъ вымогали деньги, отбирали имущество, силою брали хлѣбъ и провіантъ, всякими способами безпокоили и обижали насееніе, такъ что послѣднему житья отъ нихъ не стало.

Равнымъ образомъ, и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣтило строительное управленіе Китайской Восточной желѣзной дороги въ дѣлѣ приобрѣтенія правъ на добываніе каменнаго угля въ Ян-тайскомъ бассейнѣ, верстахъ въ сорока къ сѣверу отъ Лаояна, ясно

проглядывало желаніе представителей китайской администраціи оказывать намъ всяческіе тормозы въ Манчжуріи. Китайцы прибѣгли къ своему излюбленному способу—стравливанія насъ съ нашими неизмѣнными противниками на Дальнемъ Востокѣ, англичанами, которые, ссылаясь на договоръ,—весьма сомнительной законности,—заключенный англійскою фирмою Бандинель съ нѣкоторыми изъ китайцевъ, имѣвшихъ право на эксплуатацію угля въ указанномъ бассейнѣ, чрезъ посредство инженера Кука склоняли и другихъ китайцевъ не уступать Китайской Восточной желѣзной дорогѣ своихъ правъ. Исправлявшій должность мукденскаго цзянь-цзюня, ярый ненавистникъ русскихъ, не соглашался ни на какіе переговоры объ отводѣ дорогъ необходимыхъ участковъ въ указанномъ районѣ, а на запросъ, сдѣланный ему цзунъ-ли-ямынемъ по настоянію представителя общества въ Пекинѣ, отвѣтилъ, что дѣло о каменноугольныхъ копяхъ въ Янтаѣ уже окончательно рѣшено и что всѣ участки отданы главнымъ образомъ англійской фирмѣ Бандинель въ Инкоу. Неоднократныя категорическія предписанія цзунъ-ли-ямыня перерѣшить дѣло въ нашу пользу оставались безъ всякихъ результатовъ. Только благодаря состоявшемуся въ маѣ 1899 года отозванію инженера Кука англійскимъ консуломъ въ Инкоу, удалось приступить къ заключенію сдѣлокъ съ владѣльцами каменноугольныхъ участковъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого, вслѣдствіе явнаго недоброжелательства властей, положеніе наше въ Янтаѣ оставалось необезпеченнымъ. Еще во время совѣщанія, происходившаго лѣтомъ 1899 года между инженеромъ дороги и названными властями, цзянь-цзюнь, между прочимъ, предложилъ, чтобы наша желѣзная дорога отказалась отъ разработки каменнаго угля хозяйственнымъ способомъ и покупала его у китайцевъ. На томъ же совѣщаніи было заявлено, что сдѣлки, заключенныя обществомъ съ владѣльцами нѣкоторыхъ участковъ въ Янтаѣ, признаются незаконными, такъ какъ онѣ совершены безъ согласія властей и другихъ жителей и потому утвержденію подлежатъ не будутъ.

Само собою разумѣется, что подобные случаи были бы немислмы, если бы общество Китайской Восточной желѣзной дороги пользовалось въ начинаніяхъ своихъ искреннимъ содѣйствіемъ центрального китайскаго правительства, т. е. если бы враждебное отношеніе къ намъ мѣстныхъ властей Манчжуріи не находило себѣ поощренія въ высшихъ сферахъ Пекина. Что недружелюбное отношеніе этихъ властей соответствовало видамъ пекинскимъ властей и являлось въ сущности лишь отголоскомъ и отраженіемъ политики послѣднихъ, это явствовало изъ полной безнаказанности, которой продолжали пользоваться, несмотря на наши жалобы, явно враждебныя намъ лица въ составѣ манчжурской администраціи,—между тѣмъ какъ, напримѣръ, областной начальникъ города Чанъ-туфу, всегда дѣй-

ствовавшій въ интересахъ нашей желѣзной дороги, былъ смѣщенъ. То же доказывали и перемѣны въ высшихъ должностяхъ Манчжуріи, состоявшіяся въ разсматриваемый періодъ времени. Такъ, по смерти мукденскаго цзянь-цзюня Иктана, въ февралѣ 1899 года, исправленіе этой должности было возложено на одного изъ мукденскихъ министровъ, отличавшагося особой ненавистью къ русскимъ. Затѣмъ, указомъ богдыхана отъ 20-го августа того же года былъ отрѣшенъ отъ должности гиринскій цзянь-цзюнь Янь-мао, причемъ въ Пекинѣ мѣра эта совершенно откровенно истолковывалась, какъ слѣдствіе неспособности Янь-мао вести дѣла съ русскими, которые якобы до крайности притѣсняли мѣстное населеніе. Очевидно, китайскому правительству нужны были въ Манчжуріи дѣятели, прямо намъ враждебные, ибо, если принять во вниманіе тѣ затрудненія, которыя создавалъ Янь-мао обществу Китайской Восточной желѣзной дороги въ началѣ дѣятельности послѣдняго въ Манчжуріи въ дѣлѣ заготовки лѣса и каменнаго угля, то едва ли можно было обвинять его въ чрезмѣрномъ дружелюбіи къ нашему предпріятію. Наконецъ, въ первыхъ числахъ января 1900 года исправляющимъ должность ццикарскаго цзянь-цзюня на мѣсто умершаго Эньцзэ былъ назначенъ айгунскій фу-ду-тунъ Шоу-шань—личность крайне антирусскаго направленія и въ то же время чрезвычайно настойчивая и не остававшаяся ни предъ какими препятствіями. Вскорѣ же послѣ назначенія Шоу-шань явился руководителемъ враждебнаго намъ движенія въ Сѣверной Манчжуріи.

Недружелюбной намъ политикѣ центрального китайскаго правительства въ 1898—1900 годахъ какъ будто противорѣчила та готовность, съ которою цзунъ-ли-ямынь въ большинствѣ случаевъ давалъ предписанія властямъ Манчжуріи въ желательномъ намъ смыслѣ. Однако стоворчивость цзунъ-ли-ямыня едва ли можно было считать признакомъ дружественной намъ политики Китая, разъ предписанія его обыкновенно оставались безъ послѣдствій, какъ, напримѣръ, въ указанномъ выше случаѣ съ Японскими копиями. Инструкціи цзунъ-ли-ямыня въ Китаѣ не имѣютъ обязательной силы для провинціальныхъ властей, которыя вообще пользуются большою самостоятельностью и въ сущности зависятъ непосредственно отъ трона.

Можно указать еще и нѣсколько другихъ фактовъ, рисовавшихъ отношеніе центрального китайскаго правительства къ Россіи въ разсматриваемый періодъ времени не въ дружественномъ намъ свѣтѣ. Такъ, указомъ богдыхана отъ 30-го августа 1899 года въ Южную Манчжурію, въ провинцію Мукденъ, былъ командированъ, якобы для производства слѣдствія по поводу разнаго рода злоупотребленій, сановникъ Ли-бицъ-хэнъ, отличившійся въ качествѣ ненавистника европейцевъ въ бытность свою губернаторомъ про-

винціи Шань-дунъ, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ по требованію германскаго правительства вскорѣ послѣ инцидента въ Цзяо-чжоу. На дѣлѣ же, какъ оказалось впоследствии, поѣздка эта была предпринята названнымъ сановникомъ для переговоровъ съ тѣми изъ мѣстныхъ административныхъ дѣятелей, которые сочувствовали рекомендовавшейся имъ политикѣ активнаго сопротивленія иностраннымъ захватамъ. Фактъ этотъ, характеризовавшій недоброжелательное настроеніе къ намъ китайскаго правительства, невольно приходилось сопоставлять съ назначеніемъ въ другую провинцію Китая, Сы-чуань, нѣкоего Ли-чжэнъ-юна. Послѣдній занималъ прежде видное мѣсто въ Сингапурѣ, а ранѣе того въ Гонконгѣ, гдѣ и усвоилъ себѣ европейскую культуру. Этого европеизованнаго или, вѣрнѣе сказать, англизированнаго китайца правительство богдыхана признало возможнымъ назначить завѣдующимъ руднымъ дѣломъ въ провинціи Сы-чуань, гдѣ монополія на разработку горныхъ богатствъ была отдана Ричарду Моргану. Назначеніе это, очевидно, состоялось не безъ вліянія англичанъ, которые рассчитывали поладить съ человѣкомъ своего лагеря и при его помощи успѣшно повести эксплуатацію добытой концессіи. Если бы въ данное время въ правительственныхъ сферахъ Китая существовало недружелюбное настроеніе противъ всѣхъ вообще иностранцевъ безъ различія, то, очевидно, назначеніе лицъ, подобныхъ Ли-чжэнъ-юну, было бы невозможно. Китайское правительство намѣренно вредило именно нашимъ интересамъ. Поѣздка Ли-бинъ-хэна была мѣрой, враждебной Россіи. Это явствовало, между прочимъ, изъ словъ Ли-хунъ-чжана, который совершенно откровенно заявлялъ, что командировка эта была вызвана желаніемъ китайскаго правительства «ограничить» русскихъ въ Манчжуріи.

Къ той же категоріи фактовъ нужно отнести и поѣздки по Манчжуріи, повидимому, съ вѣдома и одобренія китайскаго правительства, японскихъ офицеровъ. Эти поѣздки получали особенное значеніе въ виду состоявшагося въ это время сближенія между китайскимъ и японскимъ правительствами на почвѣ защиты Китая отъ иностранныхъ захватовъ. Подобную поѣздку совершилъ аташе японскаго посольства въ Пекинѣ капитанъ Марита, объѣхавшій въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1899 года всю Манчжурію и пробывшій довольно долгое время въ Цицикарѣ и Харбинѣ. Въ Гиринѣ онъ имѣлъ продолжительные разговоры съ тамошнимъ цзянь-цзюнемъ и во все время пребыванія своего въ Манчжуріи снабжался деньгами черезъ посредство мѣстныхъ китайскихъ властей. Другой японскій офицеръ путешествовалъ по Манчжуріи въ сопровожденіи горнаго инженера въ мартѣ 1900 года, причемъ изъ цзунъ-ли-ямыня этимъ двумъ лицамъ были выданы охранные листы.

Сопоставляя всѣ приведенные выше факты изъ исторіи нашей дѣятельности въ Манчжуріи въ 1898—1900 годахъ съ прежнимъ

отношеніемъ къ Россіи китайцевъ, нельзя не признать, что въ совокупности своей факты эти свидѣтельствовали о недружелюбной намъ тенденціи въ политикѣ китайскаго правительства. Но еще болѣе подтверждалось существованіе такой тенденціи образомъ дѣйствій правительства богдыхана въ дѣлѣ продолженія въ Южной Манчжуріи правительственной китайской желѣзнодорожной линіи Тянь-цзинь—Шанхай-гуань.

Проектъ сооруженія желѣзной дороги отъ Шанхай-гуаня вглубь Манчжуріи до Мукдена и Гириня былъ составленъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ, но, за недостаткомъ средствъ и вслѣдствіе вспыхнувшей войны съ Японіей, ко времени приступа нашего къ сооруженію Китайской Восточной желѣзной дороги (лѣто 1897 г.) китайцамъ удалось проложить ее всего лишь на 64 километра отъ Шанхай-гуаня до мѣстечка Чжунъ-хоу-со. 19-го іюля 1897 года состоялся указъ богдыхана о скорѣйшемъ продолженіи этой желѣзнодорожной линіи дальше—на соединеніе съ Китайской Восточной желѣзной дорогой, съ порученіемъ главнаго руководства этимъ дѣломъ директору сѣверныхъ китайскихъ правительственныхъ дорогъ Ху-юй-фыну. Зная, что Ху-юй-фынъ большой приверженецъ англійскаго Гонконгъ-Шанхайскаго банка и опасаясь въ виду этого, какъ бы дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ въ Южной Манчжуріи не попало въ руки англичанъ,—тѣмъ болѣе, что сооруженіе упомянутой линіи китайское правительство предлагало поручить состоявшему на китайской службѣ англійскому инженеру Киндеру,—наши представители въ Пекинѣ обратили вниманіе цзунъ-ли-ямыня на крайнюю нежелательность допущенія англичанъ къ проведенію желѣзной дороги въ Манчжуріи.

На это заявленіе цзунъ-ли-ямынь отвѣтилъ сначала уклончиво, отрицая наше право претендовать на участіе въ постройкѣ дороги на протяженіи отъ Шанхай-гуаня до Гириня и вмѣшиваться въ дѣло выбора инженера; но вмѣстѣ съ тѣмъ китайскіе министры обязались войти въ соглашеніе съ нами касательно участка отъ Гириня до соединенія съ нашей дорогой и заявили, что Ху-юй-фынъ получилъ право занимать необходимыя суммы, но отнюдь не подъ залогъ самой дороги, и что Ху-юй-фыну предоставлено, если русскіе капиталисты согласятся на такое условіе, войти съ ними по этому предмету въ соглашеніе. Позднѣе, однако, когда по занятіи нѣмцами Цзяо-чжоу китайцамъ было заявлено, что они могутъ разсчитывать на нашу помощь въ случаѣ столкновенія съ Германіей, китайскіе министры 26-го ноября дали торжественное обѣщаніе отъ имени богдыхана, что на желѣзныхъ дорогахъ сѣвернѣе Шанхай-гуаня, а впослѣдствіи также и отъ самаго Тянь-цзиня, будетъ устранено всякое участіе иностранцевъ, кромѣ русскихъ.

Въ то же время Ху-юй-фынь заключилъ въ Русско-Китайскомъ банкѣ, для потребностей китайскихъ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, два займа, на общую сумму 600 тысячъ ланъ, заявивъ при этомъ, что онъ получилъ предписаніе отъ цзунъ-ли-ямыня приостановить переговоры съ англійскими банковыми учрежденіями и обратиться сперва къ Русско-Китайскому банку. вмѣстѣ съ тѣмъ Ху-юй-фынь формально обязался, что въ случаѣ, если бы администрація сѣверныхъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ вынуждена была вполнѣдствіи прибѣгнуть къ закладу желѣзной дороги Тянь-цзинь—Шанхай-гуань какимъ-либо третьимъ лицамъ, долгъ Русско-Китайскому банку долженъ быть предварительно погашенъ. Введеніе въ контрактъ этого условія имѣло для насъ то значеніе, что благодаря ему администрація сѣверныхъ китайскихъ дорогъ лишалась возможности реализовать безъ вѣдома Русско-Китайскаго банка крупный заемъ для сооруженія желѣзной дороги въ Южной Манчжуріи, такъ какъ заключеніе подобнаго займа безъ заклада уже выстроенной линіи Тянь-цзинь—Шанхай-гуань представлялось невозможнымъ. Полученіе подобнаго обязательства, давашаго возможность слѣдить за дальнѣйшею дѣятельностью Ху-юй-фыня, и было главнымъ мотивомъ, побудившимъ Русско-Китайскій банкъ согласиться на реализацію означенныхъ займовъ.

Эта предосторожность Русско-Китайскаго банка по отношенію къ Ху-юй-фыню, какъ показали послѣдующія событія, оказалась не бесполезною. Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ торжественнаго обѣщанія, даннаго китайцами въ надеждѣ на нашу помощь противъ Германіи, — какъ въ среднихъ числахъ февраля 1898 года Ху-юй-фынь заявилъ, что съ одобренія высшаго правительства онъ намѣренъ поручить постройку желѣзныхъ дорогъ въ Южной Манчжуріи вплоть до Мукдена англійскому инженеру Киндеру и прибѣгнуть къ займу у англичанъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало съ нашей стороны категорическую инструкцію повѣренному въ дѣлахъ передать китайскому правительству, что рѣшеніе наше не допускать иностранцевъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи безповоротно и что мы ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ отъ этого рѣшенія не откажемся; рѣшеніе это основано на данномъ намъ 26 ноября китайскими министрами отъ имени богдыхана торжественномъ обѣщаніи, что на желѣзныхъ дорогахъ сѣвернѣе Шанхай-гуаня, а вполнѣдствіи также отъ самаго Тянь-цзиня, будетъ устранено всякое участіе иностранцевъ, кромѣ русскихъ.

Рѣшительный протестъ, предъявленный согласно этой инструкціи, противъ допущенія постройки желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи съ помощью иностранныхъ капиталовъ и инженеровъ, не возымѣлъ, однако, никакого дѣйствія на китайское правительство, и въ отвѣтъ своему цзунъ-ли-ямыню настаивалъ на правѣ Китая сохранить въ этомъ дѣлѣ полную свободу дѣйствій. Съ другой стороны,

протестъ нашъ имѣлъ послѣдствіемъ вмѣшательство англійскаго посланника сэра Клода Макдональда, вступившаго за Киндера. Макдональдъ имѣлъ въ началѣ марта по этому поводу нѣсколько бесѣдъ съ нашимъ повѣреннымъ, причемъ обратилъ вниманіе на то, что англійское правительство, несомнѣнно, сочтетъ недружелюбнымъ актомъ удаленіе Киндера по требованію Россіи и противъ желанія китайскаго правительства съ находящихся въ его завѣдываніи желѣзнодорожныхъ линій. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого нашъ повѣренный получилъ изъ Петербурга указанія, что современное политическое положеніе заставляетъ насъ избѣгать вызывающихъ дѣйствій въ отношеніи Англійи и что поэтому ему не слѣдуетъ требовать удаленія Киндера, а, напротивъ, надо заинтересовать его и привлечь на нашу сторону, предоставивъ ему выгодную должность при постройкѣ проектировавшихся нами желѣзнодорожныхъ вѣтвей, или какимъ-либо инымъ способомъ. При такихъ условіяхъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ долженъ былъ оставить неудовлетворительный отвѣтъ цзунъ-ли-ямыня безъ возраженій.

Одобренные такой уступчивостью съ нашей стороны, китайцы около того же времени начали переговоры съ англійскимъ синдикатомъ въ лицѣ Гонконгъ-Шанхайскаго банка о выпускѣ займа для погашенія прежнихъ займовъ, заключенныхъ для чжилійскихъ линій Шанхай-гуань—Тянь-цзинь—Пекинъ, а равно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Южной Манчжуріи, рѣшивъ строить здѣсь линію отъ Чжунъ-хоу-со на Инкоу съ вѣтвью на Синь-минь-тинъ (близъ Мукдена). При этомъ было предположено: 1) что обезпеченіемъ займа будутъ служить, между прочимъ, постоянный путь, подвижной составъ и вся собственность, вмѣстѣ со всѣми доходами, какъ уже выстроенныхъ линій между Пекиномъ и Чжунъ-хоу-со, такъ и проектированныхъ отъ Чжунъ-хоу-со на Инкоу и Синь-минь-тинъ, 2) что при несправности въ платежахъ по займу названнаго желѣзнодорожнаго линіи будутъ временно переданы въ завѣдываніе англійскаго синдиката до полной уплаты не внесенныхъ денегъ, и 3) что до полного погашенія займа старшими чинами желѣзнодорожнаго управленія (въ томъ числѣ главнымъ бухгалтеромъ) должны быть европейцы, назначаемые директоромъ сѣверныхъ китайскихъ желѣзнодорожныхъ дорогъ, но увольняемые имъ не иначе, какъ по соглашенію съ главнымъ инженеромъ (также европейцемъ), и что если окажется необходимымъ назначить новаго главнаго инженера, то такое назначеніе можетъ состояться не иначе, какъ съ согласія синдиката.

Эти предположенія китайскаго правительства не только противорѣчили торжественному заявленію китайскихъ министровъ отъ 26-го ноября 1897 г., что на желѣзныхъ дорогахъ сѣвернѣе Шанхай-гуаня будетъ устранено всякое участіе иностранцевъ, кромѣ русскихъ, но и были несогласны съ 3 статьей с.-петербургскаго до-

полнительнаго протокола 25 апрѣля 1898 года. По 3-ей статьѣ этого протокола, китайское правительство обязывалось не предоставлять въ районѣ Южно-Манчжурской вѣтви Китайской желѣзной дороги другимъ иностранцамъ никакихъ желѣзнодорожныхъ концессій, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ оно предполагало допустить англичанъ къ завѣдыванію, хотя и временному, желѣзнодорожною линіею въ предѣлахъ упомянутаго района. Въ виду этого нашему повѣренному было предписано протестовать въ цзунъ-лиамынѣ по поводу указанныхъ условій займа у Гонконгъ-Шанхайскаго банка. Но китайскіе министры 27-го мая дали повѣренному положительное завѣреніе, что проектируемую желѣзную дорогу рѣшено строить на наличные остатки послѣдняго большаго займа, и только въ крайнемъ случаѣ, если этотъ остатокъ будетъ недостаточенъ, прибѣгнуть къ дополнительному займу; что дорога ни подъ какимъ видомъ не будетъ предоставлена въ качествѣ гарантіи, и никакой контроль банка или вообще иностранцевъ не будетъ допущенъ. Вслѣдствіе настояній нашего повѣреннаго, то же самое было позднѣе формально подтверждено китайскимъ правительствомъ при обмѣнѣ нотъ съ повѣреннымъ 19-го іюля того же 1898 года. А именно, этими нотами было установлено въ отношеніи желѣзной дороги Шанхай-гуань — Инкоу: 1) что дорога эта предпочтительно должна строиться на средства, непосредственно ассигнуемыя для этого изъ китайскаго государственнаго казначейства; 2) что въ случаѣ, если бы въ казначействѣ не оказалось наличныхъ суммъ, и китайское правительство нашло нужнымъ прибѣгнуть къ займу, то такой отнюдь не долженъ быть заключенъ подъ обезпеченіе или залогъ самой линіи; 3) что китайское правительство всегда должно оставаться полнымъ собственникомъ и хозяиномъ линіи, и никогда ни подъ какимъ видомъ линіи или какая-либо часть ея не можетъ перейти въ собственность, распоряженіе, или управленіе иностранцевъ и 4) что никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть допущены, въ связи съ займомъ у какого-либо иностраннаго правительства, банка или компаніи, а равно со стороны частныхъ лицъ—иностранцевъ, какой бы то ни было финансовый контроль доходовъ и расходовъ линіи, какое-либо участіе въ администраціи и эксплуатаціи послѣдней и какое-либо вмѣшательство въ вопросы, касающіеся личнаго состава желѣзнодорожнаго управленія, приглашенія инженеровъ и иныхъ служащихъ.

Но въ то самое время, когда китайское правительство давало подобныя, какъ словесныя, такъ и письменныя завѣренія, директоръ сѣверныхъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ Ху-юй-фунъ продолжалъ переговоры съ Гонконгъ-Шанхайскимъ банкомъ, причемъ 26-го мая (т. е. за день до полученія нашимъ повѣреннымъ отъ китайскихъ министровъ словеснаго заявленія о непредоставленіи дороги въ гарантію займа и о недопущеніи контроля иностранцевъ) былъ

подписанъ Гонконгъ-Шанхайскимъ банкомъ и Ху-юй-фуномъ предварительный контрактъ ¹⁾ на выпускъ займа въ 16 милліоновъ ланъ именно на указанныхъ выше условіяхъ, то есть съ предоставленіемъ самой желѣзной дороги въ видѣ гарантіи займа и съ допущеніемъ участія англійскаго синдиката, черезъ посредство главнаго инженера, въ управленіи дорогою. Тѣ же постановленія были сохранены и въ окончательномъ контрактѣ, подписанномъ тѣми же сторонами 28-го сентября того же 1898 года. Правда, въ этомъ послѣднемъ было опущено указаніе на то, что обезпеченіемъ займа служить и желѣзная дорога Шанхай-гуань. — Инкоу, но это нисколько не измѣняло сути дѣла, такъ какъ одновременно было сохранено постановленіе, что, въ случаѣ неисправности китайскаго правительства въ платежахъ по займу, желѣзнодорожная линія должна перейти во временное завѣдываніе синдиката.

XVI.

Протесты нашего повѣреннаго въ дѣлахъ противъ займа, противорѣчившаго обязательствамъ китайскаго правительства предъ Россіей, остались тщетными. Упорство китайцевъ въ значительной мѣрѣ поддерживалось англійскимъ посланникомъ сэромъ Клодомъ Макдональдомъ, который на каждый изъ протестовъ нашего повѣреннаго отвѣчалъ протестомъ же. При этомъ Макдональдъ указывалъ министрамъ цзунъ-ли ямыня, что вмѣшательство Россіи въ дѣло займа директоромъ Ху-юй-фуномъ у Гонконгъ-Шанхайскаго банка онъ считаетъ прямымъ посягательствомъ на независимость Китая, а въ засѣданіи 12-го іюля даже заявилъ, согласно инструкціи изъ Лондона, что для защиты независимости Китая Англія не остановится ни предъ чѣмъ, даже передъ войной.

Въ виду тревоги, вызванной въ то время въ Англіи отношеніемъ нашимъ къ вопросу о желѣзной дорогѣ Шанхай-гуань — Инкоу, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ 29-го іюля призналъ нужнымъ снабдить по этому предмету подробными указаніями нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ Лессара, указавъ послѣднему, что сохраненіе вполнѣ дружественныхъ отношеній съ Великобританіею по дѣламъ Дальняго Востока представляется особенно желательнымъ съ точки зрѣнія возможно благопріятнаго разрѣшенія задачъ, преслѣдуемыхъ нами на берегахъ Тихаго океана. Черезъ день послѣ этого, 31 іюля, членъ англійскаго кабинета Бальфуръ имѣлъ объясненіе съ Лессаромъ. При этомъ послѣдній высказалъ мысль, что возникшія недоразумѣнія между Россіей и

¹⁾ Контрактъ этотъ назывался предварительнымъ, повидимому, потому, что, согласно условіямъ его, англійскій синдикатъ имѣлъ право въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ него отказаться.

Англійей было бы возможно устранить путем соглашения, по которому послѣдняя взяла бы на себя обязательство не принимать участія въ желѣзнодорожныхъ или горнопромышленныхъ концессіяхъ въ Манчжуріи,—Россія же, съ своей стороны, обязалась бы подобнымъ же образомъ по отношенію къ значительно болѣе богатому и болѣе населенному району рѣки Янь-цзы-цзянь. Равнымъ образомъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, бесѣдуя съ англійскимъ посломъ сэромъ Чарльзомъ Скоттомъ, явившимся къ нему въ началѣ августа съ жалобой на протесты нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ противъ условій займа у Гонконгъ-Шанхайскаго банка, выразилъ желаніе, чтобы было достигнуто какое-либо соглашеніе, удовлетворяющее интересамъ Англии и Россіи. Графъ Муравьевъ сообщилъ также англійскому послу, что, по его убѣжденію, соглашеніе между русскимъ и англійскимъ правительствами, основанное на высказанномъ нашимъ повѣреннымъ въ Лондонѣ предположеніи, вполне удовлетворяло бы потребностямъ и интересамъ Россіи.

Затѣмъ вопросъ о соглашеніи между русскимъ и англійскимъ правительствомъ неоднократно обсуждался между графомъ Муравьевымъ и сэромъ Чарльзомъ Скоттомъ, и, въ результатъ этихъ бесѣдъ, послѣдній въ сентябрѣ сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ, что, по мысли лондонскаго кабинета, въ основаніе проектируемаго соглашения между Россіей и Англійей по китайскимъ дѣламъ могли бы быть положены нижеслѣдующія постановленія: 1) Линія Шанхай-гуань—Нью-хжуань—Инкоу имѣеть быть построена, въ случаѣ надобности, даже посредствомъ займа у Гонконгъ-Шанхайскаго банка, но дорога эта должна оставаться китайскою линіею, подъ китайскимъ контролемъ и не можетъ быть заложена какой бы то ни было не китайской компаніи. 2) Русское правительство обязуется не искать полученія для себя или для русскихъ подданныхъ какихъ бы то ни было концессій или участія въ концессіяхъ на желѣзныя дороги въ области рѣки Янь-цзы-цзянь и не оказывать прямой или косвенной оппозиціи ходатайствамъ о подобныхъ концессіяхъ, которыя будетъ поддерживать британское правительство. 3) Великобританское правительство обязуется не искать полученія для себя или для великобританскихъ подданныхъ какихъ бы то ни было концессій или участія въ концессіяхъ на желѣзныя дороги въ Манчжуріи и не оказывать прямой или косвенной оппозиціи тѣмъ ходатайствамъ о подобныхъ концессіяхъ, которыя будетъ поддерживать русское правительство. 4) Подобныя желѣзнодорожныя концессіи не должны заключать въ себѣ какихъ-либо постановленій касательно преимущественныхъ желѣзнодорожныхъ ставокъ или дифференціальнаго обложенія пассажировъ или грузовъ въ пользу получающей ихъ страны. 5) Оба правительства сообщать данное соглашеніе, когда оно будетъ подписано, своимъ представителямъ въ Пекинѣ и предлагать послѣднимъ установить сношенія между

великобританскими и русскими банками и синдикатами, заинтересованными въ желѣзнодорожныхъ концессіяхъ въ Китаѣ, и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы побудить ихъ согласовать свои интересы въ точной сообразности съ договоромъ между обоими правительствами.

При разсмотрѣніи русскимъ правительствомъ изложеннаго проекта соглашенія министръ финансовъ С. Ю. Витте высказалъ мнѣніе, что Россіи было бы всего удобнѣе сохранить въ отношеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ полную свободу дѣйствій, тѣмъ болѣе, что она уже ограничила себя соглашеніемъ съ Японією; если же министръ иностранныхъ дѣлъ полагаетъ, что Англія при данномъ положеніи вещей не успокоится безъ надлежащаго соглашенія съ нами, то онъ, Витте, съ своей стороны, признавалъ бы, что для Россіи удобнѣе не отвергать такого соглашенія, нежели подвергать риску свои международныя отношенія. Въ частности же, въ отношеніи сообщеннаго англійскимъ посломъ проекта соглашенія министерствомъ финансовъ было обращено вниманіе на то, что проектъ этотъ, хотя по внѣшней формѣ и имѣетъ въ виду какъ бы способствовать безобидному примиренію сталкивающихся въ Китаѣ интересовъ Россіи и Англіи, но на самомъ дѣлѣ имѣетъ цѣлью лишь расширить права Англіи и возможно ограничить права Россіи, не давая ей взамѣнъ никакихъ выгодъ. Такой взглядъ министръ финансовъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) по проекту, къ сферѣ англійскаго желѣзнодорожнаго строительства имѣетъ быть отнесена область рѣки Янъ-цзы-цзянь, занимающая площадь въ 36,000 кв. миль, къ сферѣ же русскаго желѣзнодорожнаго строительства—Манчжурія, площадью всего лишь въ 17,000 кв. миль. Превосходя, такимъ образомъ, площадь Манчжуріи болѣе, чѣмъ въ два раза, область, намѣченная для Англіи, кромѣ того, гораздо болѣе населена и несравненно богаче; 2) указаніе проекта на то, чтобы желѣзнодорожныя концессіи не содержали въ себѣ постановленій касательно преимущественныхъ желѣзнодорожныхъ ставокъ или дифференціального обложенія пассажировъ или грузовъ, имѣло, повидимому, цѣлью свести къ нулю таможенныя и тарифныя льготы, уже приобретенныя Россіей по контракту на сооруженіе Китайской Восточной желѣзной дороги; 3) послѣ того, какъ Россія, на основаніи дополнительнаго протокола 25 апрѣля 1898 года, выговорила себѣ, что во всемъ районѣ Китайской Восточной желѣзной дороги не будетъ предоставлено никакихъ желѣзнодорожныхъ концессій другимъ иностранцамъ,—предусмотрѣнное проектомъ соглашенія обѣщаніе со стороны Англіи не добиваться такихъ концессій въ Манчжуріи едва ли могло бы дать Россіи какую-либо новую льготу, тѣмъ болѣе, что тотъ же проектъ имѣетъ скрытую цѣль предоставить въ руки Англіи линію Шанхай-гуань—Ню-чжуань, единственную желѣзную дорогу въ Манчжуріи, которая можетъ имѣть значеніе для британскихъ интересовъ.

Министерство финансовъ, кромѣ того, указывало, что уставомъ Русско-Китайскаго банка ему присвоено право пріобрѣтать концессіи на постройку къ предѣлахъ Китая желѣзныхъ дорогъ и проведеніе телефонныхъ линій, причемъ нигдѣ въ уставѣ нѣтъ никакой оговорки въ смыслѣ ограниченія сферы дѣятельности банка въ этомъ отношеніи,—а § 68 устава постановляетъ, что отдѣленія банка находящіяся въ Азій, состоятъ подъ покровительствомъ представителей русскаго правительства. Точныя постановленія устава Русско-Китайскаго банка давали, такимъ образомъ, учредителямъ его, въ числѣ которыхъ большую часть составляли французы, а равно и подписчикамъ на акціи, полное основаніе считать, что предпріятіе это имѣетъ широкія задачи. Кромѣ того, изъ устава акціонеры знали, что ихъ дѣло состоитъ подъ покровительствомъ русскаго правительства, и, конечно, не предполагали какого-либо ограниченія сферы дѣятельности банка со стороны этого правительства. Такимъ образомъ, проектъ соглашенія, предложенный англійскимъ посломъ, какъ направленный къ суженію района дѣятельности Русско-Китайскаго банка въ Китаѣ, находится въ противорѣчій съ обязательствами русскаго правительства передъ французскими финансовыми домами, принимавшими участіе въ учрежденіи банка.

По изложеннымъ соображеніямъ, съ точки зрѣнія финансовой и экономической, министръ финансовъ находилъ предложенный великобританскимъ посломъ проектъ соглашенія неблагопріятнымъ для интересовъ Россіи въ Китаѣ.

Въ теченіе дальнѣйшихъ переговоровъ съ англійскимъ посломъ первоначальная редакція проекта соглашенія подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Окончательное соглашеніе состоялось 16-го апрѣля 1899 года путемъ обмѣна между графомъ Муравьевымъ и сэромъ Чарльзомъ Скоттомъ двухъ нижеслѣдующихъ нотъ (основной и дополнительной):

1) Основная нота.

Россія и Великобританія, будучи одушевлены искреннимъ желаніемъ избѣгать въ Китаѣ всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ по вопросамъ, въ конхъ ихъ интересы приходятъ въ соприкосновеніе, и принимая во вниманіе существующее въ нѣкоторыхъ частяхъ названной имперіи экономическое и географическое къ нимъ тяготѣніе, согласились о нижеслѣдующемъ: 1) Россія обязуется не домогаться, за свой счетъ или въ пользу русскихъ подданныхъ или иныхъ, какихъ-либо желѣзнодорожныхъ концессій въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна, а также не оказывать прямого или косвеннаго противодѣйствія въ этой области ходатайствамъ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, поддерживаемымъ великобританскимъ правительствомъ. 2) Великобританія, съ своей стороны, обязуется не домо-

гаться, за свой счетъ или въ пользу британскихъ подданныхъ или иныхъ, какихъ-либо желѣзнодорожныхъ концессій на сѣверъ отъ Великой Китайской стѣны, а также не оказывать прямого или косвеннаго противодѣйствія въ этой области ходатайствамъ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, поддерживаемымъ россійскимъ правительствомъ. Обѣ договаривающія стороны, отнюдь не имѣя въ виду какого-либо нарушенія верховныхъ правъ Китая, а также существующихъ трактатовъ, не преминуть довести до свѣдѣнія китайскаго правительства о настоящемъ соглашеніи, которое, устраняя всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между ними, можетъ лишь служить къ упроченію мира на Дальнемъ Востокѣ и соответствовать первостепеннымъ интересамъ самого Китая.

2) *Дополнительная нота.*

Въ дополненіе къ обмѣненнымъ сегодня нотамъ касательно распредѣленія сферъ концессій на сооруженіе и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, условлено изложить въ настоящей дополнительной нотѣ соглашеніе, состоявшееся относительно линіи Шанхай-гуань—Ню-чжуань, для постройки коей китайское правительство уже заключило заемъ у Гонконгъ-Шанхайскаго банка, дѣйствующаго отъ имени Британско-Китайскаго синдиката (British and Chinese Corporation). Общее соглашеніе, установленное вышеупомянутыми нотами, ни въ чемъ не нарушитъ правъ, пріобрѣтенныхъ въ силу контракта означеннаго займа, и китайскому правительству будетъ предоставлено назначить какъ англійскаго инженера, такъ и бухгалтера-европейца для наблюденія за сооруженіемъ названной желѣзнодорожной линіи и за расходованіемъ суммъ, для сего назначенныхъ. Но само собою разумѣется, что сіе обстоятельство не должно создавать права собственности и иностраннаго контроля, и что помянутая линія должна оставаться китайской, подлежащею контролю китайскаго правительства, и не можетъ служить обезпеченіемъ или быть отчуждена какому-либо не китайскому обществу. Что же касается вѣтви, направляющейся отъ Сяо-хэй-шаня къ Синь-минь-тину, то, помимо вышеприведенныхъ оговорокъ, условлено, что вѣтвь эта будетъ сооружена самимъ Китаемъ, который можетъ допускать европейскихъ инженеровъ, не обязательно англійскихъ, для періодическаго осмотра оной, провѣрки и засвидѣтельствованія правильнаго исполненія работъ. Настоящее особое соглашеніе, естественно, никоимъ образомъ не умаляетъ права русскаго правительства поддерживать, если оно признаетъ это нужнымъ, ходатайства русскихъ подданныхъ или учреждений о концессіяхъ на желѣзныя дороги, кои, исходя отъ главной манчжурской линіи и направляясь къ юго-западу, пройдутъ по области, гдѣ будетъ построена китайская линія, примыкающая къ Синь-минь-тину и Ню-чжуану.

Соглашеніе наше съ Англіей 16-го апрѣля 1899 года, по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, предложеннымъ англійскимъ посломъ, представлялось для насъ болѣе выгоднымъ въ томъ отношеніи, что оно не налагало на насъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи таможеннаго и желѣзнодорожнаго тарифовъ въ Манчжуріи и относило къ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства Россіи не одну только Манчжурію, но всѣ китайскія области къ сѣверу отъ Великой стѣны.

Состоявшееся соглашеніе между Россіей и Англіей сильно возстановило китайцевъ противъ Россіи. Ли-хуи-чжанъ назвалъ это соглашеніе раздѣломъ Китая, а чиновники открыто высказывали, что державы не имѣли права заключать такого соглашенія, являвшагося насмѣшкой надъ слабымъ Китаемъ. Китайцы находили это соглашеніе гораздо болѣе выгоднымъ для Англии, нежели для Россіи, такъ какъ сфера вліянія первой включила въ себя земли, несравненно болѣе богатая и населенная, чѣмъ тѣ, которыя находятся къ сѣверу отъ Великой стѣны. Истолковывая это съ точки зрѣнія силы, китайцы усматривали въ фактѣ соглашенія признакъ боязни Россіи предъ Англіей, которая-де воспретила Россіи дальнѣйшее движеніе на югъ и въ то же время сумѣла отстоять свои интересы въ Манчжуріи.

XVII.

Протесты наши противъ условій займа у Гонконгъ-Шанхайскаго банка привели къ переговорамъ между русскимъ и англійскимъ правительствами, закончившимся соглашеніемъ 16-го апрѣля 1899 года. При этихъ переговорахъ русское правительство рѣшило не настаивать на измѣненіи условій займа, но зато потребовать у китайскаго правительства выдачи намъ, въ видѣ компенсаціи за нарушеніе обязательства его передъ нами, концессіи на сооруженіе и эксплуатацію желѣзнодорожной вѣтви отъ одного изъ пунктовъ Китайской Восточной желѣзной дороги къ Пекину. Полученіе такой концессіи русское правительство признавало необходимымъ, такъ какъ послѣ соглашенія 16-го апрѣля 1899 года мы оказались отрѣзанными англичанами отъ столицы Китая.

Немедленно по окончаніи переговоровъ съ Англією, въ апрѣлѣ 1899 года представители правленія общества Китайской Восточной желѣзной дороги въ Пекинѣ предъявили китайскому правительству ходатайство о расширеніи выданной обществу концессіи предоставленіемъ ему права на сооруженіе и эксплуатацію желѣзнодорожной вѣтви къ Пекину отъ одного изъ пунктовъ Китайской Восточной желѣзной дороги или южной ея вѣтви, причемъ какъ этотъ пунктъ, такъ и направленіе линіи имѣли быть установлены впослѣдствіи по усмотрѣнію правленія общества

по производствѣ изысканій. Это ходатайство общества Китайской, Восточной желѣзной дороги было поддержано передъ китайскимъ правительствомъ нашимъ представителемъ въ Пекинѣ. При этомъ въ цзунъ-ли-ямышѣ было заявлено, что ходатайство о концессіи является результатомъ нарушенія китайскимъ правительствомъ принятыхъ предъ Россіею обязательствъ по отношенію къ Шанхай-гуаньской желѣзной дорогѣ. Англичане стали теперь въ Чжи-лийской провинціи въ столь преимущественное положеніе, и влияніе ихъ надъ Пекиномъ сдѣлалось настолько сильно, что русское правительство не можетъ мириться съ подобнымъ положеніемъ вещей и вынуждено искать выхода для уравниванія положенія. Требованіе новой линіи вытекаетъ также и изъ интересовъ самого Китая, столица котораго, Пекинъ, оказывается нынѣ беззащитною передъ Англіею. Съ сооруженіемъ проектируемой нами дороги такое положеніе въ корнѣ измѣнится.

По поводу этихъ соображеній сановникъ Сюй-цзинъ-чэнь замѣтилъ, что наше ходатайство является новымъ, очень широкимъ требованіемъ. До сихъ поръ Китай уступалъ Россіи все, чего только она желала: право проведеніе желѣзной дороги къ Владивостоку, морскую станцію въ Портъ-Артурѣ, открытый портъ въ Да-лянь-ванѣ и желѣзную дорогу къ этимъ пунктамъ со всевозможными льготами. У Китая осталась теперь только одна маленькая вѣтвь черезъ Шанхай-гуань, а между тѣмъ Россія желаетъ убить и эту линію. На это ему было замѣчено, что ходатайство наше о новой линіи вызвано именно тѣмъ обстоятельствомъ, что Шанхай-гуаньская желѣзная дорога является линіей не китайской, а англійской. Хотя Сюй-цзинъ-чэнь и именуется директоромъ-распорядителемъ Шанхай-гуаньской желѣзной дороги, но въ дѣйствительности онъ не имѣетъ никакого значенія въ администраціи желѣзной дороги, такъ какъ контроль по счетоводству и завѣдываніе сооруженіемъ и эксплуатаціею дороги находятся всецѣло въ рукахъ англичанъ, причемъ Сюй-цзинъ-чэнь не имѣетъ даже права смѣнить состоящихъ на службѣ англійскихъ чиновниковъ. На дальнѣйшее указаніе, что сооруженіе требуемой нами вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги было бы въ интересахъ самого Китая, послѣдовалъ отвѣтъ другого министра цзунъ-ли-ямыня, Сюй-юнъ-и, что хорошо было бы, если бы заботу объ интересахъ Китая предоставили самому китайскому правительству. Въ письменномъ отвѣтѣ на наше ходатайство, присланномъ 3-го мая, цзунъ-ли-ямынь приводилъ приблизительно тѣ же доводы. Въ немъ говорилось, что общество Китайской Восточной желѣзной дороги уже получило двѣ линіи и путь къ открытому порту, и что настоящее ходатайство общества создастъ массу затрудненій, такъ какъ иностраннымъ обществамъ не предоставлялось права сооружать желѣзныя дороги къ столицѣ, а, кромѣ того,

указомъ богдыхана повелѣно вообще новыхъ желѣзнодорожныхъ концессій не выдавать.

Требованіе Россіей концессіи на желѣзнодорожную линію къ Пекину произвело вообще на китайцевъ тяжелое впечатлѣніе. Особенно опасались они возможности доставки въ Пекинъ русской арміи и предъявленія другими державами подобныхъ же требованій на основаніи права наиболѣе благопріятствуемой націи. Всѣ сановники считали новую линію предпріятіемъ подавляющей политической важности; по ихъ мнѣнію, требованіе Россіи ставило Китай въ безвыходное положеніе, и удовлетвореніе его могло бы привести къ раздѣлу Китая.

Въ виду такой тревоги, возбужденной въ китайскихъ правительственныхъ сферахъ ходатайствомъ общества Китайской Восточной желѣзной дороги, а также въ виду того, что полученіе концессіи на дорогу къ Пекину не представлялось особенно спѣшнымъ, такъ какъ ранѣе окончанія постройки Манчжурской магистральной и южной ея вѣтви было бы довольно затруднительно приступить къ новому желѣзнодорожному предпріятію,—рѣшено было воздерживаться отъ слишкомъ настойчивыхъ представленій въ цзунь-ли-ямьнѣ по этому дѣлу и потребовать лишь признанія китайцами за обществомъ Китайской Восточной желѣзной дороги безусловнаго права первенства на постройку линіи къ Пекину, а затѣмъ, воспользовавшись удобною минутою, твердо и послѣдовательно установить всѣ условія ея сооруженія и эксплуатаціи, поставивъ китайцамъ на видъ, что мы требуемъ эту концессію, какъ компенсацію за нарушеніе соглашения 19-го іюля 1898 года.

Продолженные въ этомъ направленіи переговоры не привели, однако, къ намѣченной цѣли. Китайское правительство согласилось выдать намъ лишь обязательство въ томъ, что если впослѣдствіи возникнетъ предположеніе построить желѣзную дорогу отъ Пекина въ сѣверномъ или сѣверо-восточномъ направленіи къ русской границѣ, то, за исключеніемъ того случая, когда она будетъ строиться на китайскія деньги и самими китайскими чиновниками, китайское правительство должно условиться съ русскимъ правительствомъ или синдикатомъ о предоставленіи имъ постройки и никоимъ образомъ не соглашаться предоставить постройку ея другому государству или иностранному синдикату. Обязательство это было принято нами, но съ оговоркою, что хотя русское правительство и готово не настаивать на немедленной постройкѣ вѣтви отъ Китайской Восточной желѣзной дороги къ Пекину, тѣмъ не менѣе Россія никоимъ образомъ не можетъ отказаться отъ предъявленнаго ею требованія о концессіи на эту линію, которая является необходимою компенсаціей за безспорное и прямое нарушеніе Китаемъ положительныхъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя въ нотѣ 19-го іюля 1898 года.

Концессія на желѣзную дорогу къ Пекину не была получена нами. Не довольствуясь этимъ, китайцы въ началѣ 1900 года обнаружили стремленіе нанести ущербъ нашимъ интересамъ въ Южной Манчжуріи—продолженіемъ Синь-минь-тинской желѣзной дороги (на сооруженіе которой мы согласились по договору съ Англійей) на сѣверъ, параллельно Южно-Манчжурской вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, до Сяо-та-цзы. Китайцы отказались признать протестъ нашъ противъ этого предположенія. Впрочемъ, проектъ не получилъ фактическаго осуществленія въ виду начавшейся въ то время боксерской смуты.

XVIII.

Съ 1899 года началось сближеніе Китая съ Японіей—этимъ несконнымъ врагомъ Срединной имперіи, противъ посягательствъ котораго всего лишь три года передъ тѣмъ Китай заключилъ оборонительный союзъ съ Россіей.

Первые, отдаленные предвѣстники начавшагося примиренія двухъ имперій Дальняго Востока можно было замѣтить еще въ предшествовавшемъ 1898 году,—какъ въ ходатайствѣ о помощи, съ которымъ китайскіе министры обратились въ японское посольство, когда нами было предъявлено требованіе объ уступкѣ Портъ-Артура, такъ въ особенности въ приѣздѣ въ Пекинъ японскаго государственнаго дѣятеля, бывшаго премьера японскаго кабинета, маркиза Ито, совпавшемъ съ кратковременнымъ періодомъ реформъ, начатыхъ богдыханомъ лѣтомъ 1898 года во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. Послѣдній въ это время всецѣло находился подъ вліяніемъ своего любимца Кань-ю-вэя, который, указывая на необходимость реформъ, совѣтовалъ богдыхану взять примѣръ съ Японіи, причемъ идеаломъ государственнаго чловѣка онъ, какъ говорили, считалъ именно маркиза Ито. По его мнѣнію, совѣтами послѣдняго китайскому правительству слѣдовало бы воспользоваться при проведеніи въ жизнь задуманныхъ въ то время реформъ.

Уже при проѣздѣ черезъ Тянь-цзинь бывшій японскій премьеръ былъ чествуемъ чжи-лійскимъ генераль-губернаторомъ Жунъ-лу, устроившимъ въ честь его большой банкетъ. Въ одной изъ тянь-цзиньскихъ газетъ былъ напечатанъ любопытный отчетъ объ этомъ обѣдѣ, на которомъ какъ гость и хозяинъ, такъ и сотрапезники ихъ, подчиненные генераль-губернатора и спутники маркиза, обмѣнялись любезностями въ чисто восточномъ вкусѣ—въ видѣ стиховъ, составлявшихся экспромтомъ во время пиршества. Газетный отчетъ добросовѣстно приводилъ текстъ этихъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ въ весьма возвышенной и символической формѣ высказывалась радость по поводу возникшей прочной

дружбы между Китаемъ и Японіей и хвала мудрому государственному человѣку сосѣдней имперіи. На желѣзнодорожную станцію въ Пекинѣ былъ командированъ цзунъ-ли-ямынемъ одинъ изъ драгомановъ для привѣтствія маркиза отъ имени китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и вообще, несмотря на совершенно частный характеръ поѣздки бывшаго японскаго премьера, были приняты все мѣры, дабы обставить его путешествіе возможно большими любезностями.

8-го сентября маркизъ былъ принятъ богдыханомъ, причѣмъ аудіенція продолжалась около получаса. Это былъ первый случай пріема сыномъ Неба иностранца, не снабженнаго кредитивными грамотами. Истинная цѣль поѣздки маркиза Ито хранилась въ глубокой тайнѣ, но въ Пекинѣ утверждали, что бывший японскій премьеръ имѣлъ намѣреніе обсудить въ столицѣ Китая общія основанія японско-китайскаго анти-европейскаго союза и въ частности возбудить переговоры объ учрежденіи китайско-японскаго банка, который имѣлъ бы цѣлью развитіе всякаго рода промышленности въ Китаѣ.

Послѣ дворцоваго переворота, отдавашаго въ руки императрицы-матери регентство надъ богдыханомъ, стремленіе къ сближенію Китая и Японіи стало выражаться все яснѣе и яснѣе. Въ началѣ мая 1899 года маркизъ Ито прислалъ письма тремъ изъ наиболѣе вліятельныхъ китайскихъ сановниковъ, князю Цину, Жунъ-лу и Ли-хунъ-чжану, о необходимости сближенія съ Японіей и важности реформъ. Въ этихъ письмахъ маркизъ Ито обращалъ вниманіе китайскихъ сановниковъ на современное плачевное положеніе Китая и разсматривалъ довольно подробно его финансовое и экономическое состояніе. Онъ перечислялъ все уже выяснившіяся дотолѣ вымогательства иностранцевъ въ Китаѣ и полученныя ими тамъ концессіи и предостерегалъ, что они захватятъ весь Китай, если только не будетъ принято противъ этого мѣръ. Переходя затѣмъ къ вопросу о родственности китайцевъ и японцевъ, какъ представителей желтой расы, онъ высказывалъ мысль, что грозящая Китаю опасность неминуемо грозитъ и всей расѣ, и что поэтому, въ интересахъ самозащиты, Китаю и Японіи надлежало бы общими силами принять мѣры къ предупрежденію этой опасности. Для этой цѣли маркизъ Ито совѣтовалъ немедленно произвести въ Китаѣ необходимыя реформы, утверждая, что въ противномъ случаѣ Китай неминуемо подвергнется раздѣлу. Въ заключеніе онъ высказывалъ мысль, что если китайское правительство пожелаетъ помощи, то Японія всегда готова будетъ оказать ей всякое посильное содѣйствіе, ибо такая помощь соотвѣтствуетъ ей же собственнымъ интересамъ.

Послѣ этого, лѣтомъ 1899 года, въ Пекинѣ стали ходить упорные слухи о состоявшемся заключеніи союза съ Японіей. Какъ бы

то ни было, въ августѣ того же года уже сами китайцы сдѣлали попытку завязать болѣе тѣсныя отношенія съ сосѣдней имперіей, командировавъ двухъ посланниковъ въ Токио для врученія микадо письма богдыхана. Письмо это начиналось съ указанія на глубокую древность китайской державы, на обиліе населенія и на отсутствіе недостатка въ способныхъ людяхъ, о чемъ-де извѣстно всему міру. Далѣе выражалось педоумѣніе по поводу крайней слабости, въ которую впалъ Китай, и влѣдствіе которой онъ подвергается притѣсненію со стороны иностранцевъ, причемъ обиды эти особенно усилились со времени заключенія Симоносекскаго мирнаго договора съ Японією. Разговоры о раздѣлѣ Китая сдѣлались, по словамъ письма, общимъ мѣстомъ. Германія захватила Цзяо-чжоу, Россія—Портъ-Артуръ, Англія и Франція также питають замыслы, желая занять долину рѣки Янь-цзы-цзянь и Гуань-чжоу-вань; даже слабыя и маленькія государства, въ родѣ Италіи, и тѣ осмѣливаются предъявлять требованія о занятіи территоріи. Въ письмѣ указывалось затѣмъ, что бухта Цзяо-чжоу была занята иѣмцами, а Портъ Артуръ и Да-лянь-вань русскими—влѣдствіе слабости китайскаго правительства и отсутствія у него войска, но что территоріи эти отданы иностранцамъ лишь въ арендное пользованіе и по окончаніи срока аренды должны быть возвращены своему 'хозяину. Въ настоящемъ угнетенномъ положеніи, говорилось далѣе, Китаю приходится искать, кто бы ему протянулъ руку помощи: Англія и Америка—находятся слишкомъ далеко, а потому не могутъ оказать существенной поддержки; Россія, хотя и прилегаетъ непосредственно къ границамъ Манчжуріи, но, по убѣжденію всѣхъ китайскихъ государственныхъ людей, на нее трудно положиться; то же самое слѣдуетъ сказать о Германіи и Франціи. Богдыханъ далѣе признавалъ естественнымъ единеніе между Китаемъ и Японіей для общей пользы, въ виду свойства ихъ по письменности и вообще по культурѣ, и указывалъ, что пишетъ специально для того, чтобы спросить, какъ Китаю сдѣлаться сильнымъ. Письмо заканчивалось увѣреніемъ въ самыхъ искреннихъ стремленіяхъ къ улучшенію печальнаго положенія страны, съ выраженіемъ просьбы богдыхана о присылкѣ японскимъ императоромъ въ помощь богдыхану способнаго человѣка, который могъ бы заняться выработкой необходимыхъ реформъ и подачею нужныхъ совѣтовъ, въ особенности по частямъ военной и финансовой.

Посланцы, исполнивъ свою миссію, возвратились въ Пекинъ въ началѣ октября и вмѣстѣ съ пространымъ отвѣтнымъ письмомъ представили императрицѣ-матери обстоятельный докладъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ Японіи, присовокупивъ также свои соображенія о способахъ сближенія Китая съ сосѣднею островною имперією. Ближайшимъ результатомъ миссіи

было установленіе непосредственныхъ сношеній между императрицею-матерью и микадо, которые съ этихъ поръ завели шифры для секретной переписки.

Около того же времени въ шанхайскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что бывшій японскій посланникъ въ Пекинѣ Яно, только что замѣщенный Нисси, получилъ приглашеніе остаться тамъ въ качествѣ совѣтника китайскаго правительства. Слухъ этотъ былъ не совсѣмъ лишенъ основанія: дѣйствительно, Яно вначалѣ предлагалъ свои услуги, а затѣмъ выразилъ готовность рекомендовать другое подходящее лицо. Чиновные китайцы соблюдали, конечно, чрезвычайную сдержанность въ этомъ дѣлѣ и отвѣчали на всѣ запросы, что японцы не предъявляли подобныхъ требованій. Тѣмъ не менѣе упомянутый фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такимъ образомъ, повидимому, лишь одна осторожность и опасеніе противодѣйствія со стороны другихъ иностранцевъ помѣшали японцамъ воспользоваться просьбой китайскаго правительства, выраженной въ письмѣ богдыхана, о присылкѣ въ Пекинъ руководителя дѣлъ.

Это не мѣшало, однако, японскому правительству самымъ усерднымъ образомъ хлопотать о назначеніи своихъ совѣтниковъ въ нѣкоторыя изъ правительственныхъ учрежденій въ Пекинѣ и упорно стараться ввести своихъ инструкторовъ въ китайскія войска въ сѣверныхъ провинціяхъ. Въ Пекинѣ и Тянь-цзинѣ въ концѣ 1899 г. проживало нѣкоторое число японскихъ офицеровъ, готовыхъ во всякое время принять на себя исполненіе этихъ обязанностей ¹⁾. Ходили также упорные слухи о состоявшемся черезъ посредство шань-дунскаго губернатора генерала Юань-ши-кая приглашеніи сорока—пятидесяти японскихъ инструкторовъ для войскъ, расположенныхъ въ провинціяхъ Чжи-ли, Шаньдунъ и Шэнъ-цзинь (Южная Манчжурія). И дѣйствительно, въ началѣ марта 1900 года въ Тянь-цзинь прибыли вмѣстѣ съ японскимъ военнымъ агентомъ въ Пекинѣ майоромъ Аоки, проведеннымъ передъ тѣмъ два мѣсяца въ Японіи, пять или шесть японскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился капитанъ Шива, состоявшій нѣсколько лѣтъ при японскомъ военномъ агентѣ въ Лондонѣ. Эти офицеры составляли первую партію изъ общаго числа вышеуказанныхъ сорока инструкторовъ. Другою попыткою китайскаго правительства привлечь

¹⁾ Факты эти нашли себѣ неожиданное подтвержденіе въ началѣ осады иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ, когда въ японской миссіи, кромѣ дессанта, оказались стоящими въ строю до 15 волонтеровъ, которые, по словамъ посланника барона Нисси, всѣ случайно оказались военными. Помимо японскихъ военныхъ, въ Пекинѣ проживало въ 1889 году также большое количество другихъ лицъ этой національности, селившихся въ китайскихъ домахъ, среди туземныхъ семействъ, и учившихся тамъ китайскому языку. Изъ числа подобныхъ лицъ японское посольство въ Пекинѣ имѣло возможность приобрѣсти себѣ многочисленныхъ ловкихъ агентовъ.

японцевъ къ реорганизаціи военнаго дѣла въ Китаѣ является предполагавшееся въ началѣ того же года учрежденіе военнаго отдѣла при пекинскомъ университетѣ, куда въ качествѣ преподавателей должны были быть приглашены японскіе офицеры.

Еще болѣе о сближеніи Китая съ Японіей свидѣтельствовало посѣщеніе Ли-хунъ-чжаномъ японскаго посланника въ началѣ ноября 1899 года—немедленно за полученіемъ въ Пекинѣ извѣстія объ убійствѣ въ Гуанъ-чжоу-ванѣ двухъ французскихъ офицеровъ. Ли-хунъ-чжанъ желалъ выяснить, какъ отнесется Японія къ вопросу о возможности заступничества за Китай въ случаѣ предъявленія Франціею чрезмѣрныхъ требованій. Этотъ случай ярко напоминалъ подобныя же посѣщенія Ли-хунъ-чжаномъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ ноябрѣ 1897 года, послѣ занятія Германіею Цзяо-чжоу, и свидѣтельствовали, что китайцы въ подобныхъ случаяхъ стали обращаться уже не въ русскую, а въ японскую миссію.

Одну изъ наиболѣе яркихъ сторонъ дѣятельности японцевъ въ Китаѣ представляло собой стремленіе взять въ свои руки дѣло школьнаго образованія въ Срединной имперіи. Стремленіе это не оставалось безуспѣшнымъ. Такъ, въ половинѣ 1899 года состоялось открытіе школы японскаго языка въ административномъ центрѣ столичной провинціи Китая, Бао-динъ-фу. Въ городахъ Фу-чжоу, Нанкинѣ, Чао-чжоу, Сватоу и другихъ были открыты школы японскимъ обществомъ Тоадобунъ, учрежденнымъ въ 1898 году спеціально для «улучшенія испорченныхъ войною отношеній между Китаемъ и Японіей». Орудіемъ пропаганды этого общества, раскинувшего свои отдѣленія по всѣмъ главнымъ городамъ Китая, кромѣ школъ, служили также издаваемые имъ газеты.

На ряду съ этимъ японцы приобрѣли въ Китаѣ важныя промышленныя концессіи. Во время пріѣзда въ Пекинъ бывшаго японскаго посланника въ Лондонѣ Като ему, какъ представителю японской горнопромышленной и паровой компаніи «Mitsui Bussan Kaisha», была предоставлена концессія на постройку значительныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ провинціяхъ Фу-цзянь и Цзянь-си. Одна изъ этихъ желѣзныхъ дорогъ должна была идти отъ Фу-чжоу къ Амою вдоль прибрежной полосы. Постройка ея была проектирована съ цѣлями чисто стратегическими—въ видахъ обезпеченія за Японіею господства надъ Формозскимъ проливомъ. Другая должна была направиться отъ Фу-чжоу къ озеру Поянъ-ху и пересѣчь богатые чайные округа и, кромѣ того, обслуживать сѣверо-западный уголь провинціи Фу-цзянь, въ которой предполагались богатая залежи каменнаго угля, преимущественно антрацита; на разработку этихъ залежей Като также получилъ концессію.

Японцы, повидимому, намѣрены были продолжать политику

сближенія съ китайцами и утвержденія среди нихъ своего вліянія и послѣ боксерскаго возстанія, хотя это послѣднее, если и не по основной мысли, то во всякомъ случаѣ фактически, было направлено противъ японцевъ не менѣе, чѣмъ противъ другихъ иностранцевъ. Послѣ занятія Пекина союзными войсками, японцы первые приняли строгія мѣры къ прекращенію грабежей въ переданномъ имъ участкѣ города и къ охранѣ китайскаго населенія отъ насилій со стороны японскихъ солдатъ. Нѣсколько позднѣе ими даже было открыто здѣсь нѣсколько школъ. Вообще участокъ ихъ вскорѣ пріобрѣлъ среди китайцевъ славу наиболѣе спокойнаго и обезпеченнаго въ отношеніи личной и имущественной безопасности, и въ этомъ участкѣ уже въ срединѣ августа начали вновь открываться китайскія лавки, чего въ другихъ кварталахъ еще не замѣчалось. При такихъ условіяхъ японцы постепенно достигли среди мѣстнаго населенія большой популярности, такъ что послѣднее охотно селилось въ японской части города и за квартиры здѣсь платили гораздо дороже, нежели въ другихъ участкахъ.

Помимо общества Тоадобунъ, которое не только имѣло спеціальныхъ лицъ для пріема и руководства пріѣзжающихъ въ Японию китайцевъ, но и вмѣняло это въ непремѣнную обязанность каждому изъ своихъ членовъ, само японское правительство, черезъ вице-королей и губернаторовъ долины рѣки Янъ-цзы-цзянъ, приглашало въ Японию китайскихъ студентовъ и служащихъ. Въ началѣ октября такихъ приглашенныхъ было уже около четырехсотъ человекъ. Гостямъ этимъ прежде всего были показаны большіе осенніе маневры, а затѣмъ желающимъ предоставлялось поступить по выбору въ любую изъ японскихъ школъ.

XIX.

Послѣ долготѣннаго равнодушія къ вопросу о вооруженныхъ силахъ, чего не могъ измѣнить даже печальный опытъ войны съ Япоіей, китайское правительство принялось, со второй половины 1898 г., за совсѣмъ необычную для него, энергичную военную дѣятельность, выразившуюся въ томъ, что почти во всѣхъ провинціяхъ Китая началась усиленная работа по реорганизаціи военныхъ силъ: старыя войска приводились въ порядокъ, негодные для службы люди увольнялись по домамъ, производилась вербовка, формировались новыя части, пересматривалось и чинилось оружіе и т. д.

Цѣлый рядъ правительственныхъ актовъ объявлялъ во всеобщей свѣдѣніе о плачевномъ состояніи войскъ и требовалъ отъ властей безотлагательнаго приведенія ихъ въ порядокъ. Такъ, 15-го іюня 1898 г. было обнаружено повелѣніе богдыхана о преобразованіи и обученіи на западный образецъ отборныхъ сухопутныхъ

войскъ и столичнаго отряда. При этомъ государственному совѣту, по соглашенію съ лицами, начальствовавшими надъ столичными войсками, предписывалось безъ всякаго замедленія представить объ этомъ свои соображенія. Въ концѣ сентября того же года были опубликованы отъ имени императрицы указы о необходимости улучшенія войскъ и приведенія ихъ въ полную боевую готовность и о назначеніи довѣреннаго лица императрицы, члена государственнаго совѣта Жунъ-лу главнокомандующимъ войскъ, расположенныхъ въ Южной Манчжуріи и Чжи-ли, съ предоставленіемъ ему особыхъ полномочій. Въ концѣ ноября появился указъ о необходимости ассигновать спеціальныя суммы на арсеналы для ускоренія выдѣлки пушекъ и ружей Маузера, а также для тщательнаго изслѣдованія береговой полосы и составленія картъ. Другимъ указомъ усиливался составъ арміи провинціи Чжи-ли. Точно также въ теченіе 1899 и въ началѣ 1900 г. былъ изданъ рядъ указовъ объ улучшеніи военной администраціи и пополненіи запасовъ оружія и боевыхъ матеріаловъ. Въ то же время правительство озабочивалось учрежденіемъ по всѣмъ деревнямъ и поселкамъ добровольческихъ дружинъ, долженствовавшихъ играть роль особой милиціи.

Наблюдались и другіе признаки, указывавшіе, что первенствующее мѣсто въ заботахъ правительства богдыхана въ 1898 и 1899 гг. занимали военныя силы страны. Въ хлопотахъ объ улучшеніи военныхъ силъ богдыханъ обращался за помощію къ Японіи, какъ это и видно изъ письма богдыхана къ японскому императору; ближайшимъ же поводомъ, побудившимъ китайское правительство добиваться сближенія съ Японіей, было именно желаніе усилить Китай въ военномъ отношеніи. Въ ноябрѣ 1898 г. императрица-мать пожертвовала для уплаты жалованья войскамъ изъ собственныхъ средствъ сумму почти въ четыре милліона рублей. Этотъ поступокъ, несомнѣнно, усилилъ популярность императрицы среди обнищавшихъ солдатъ, давно уже не получавшихъ содержанія изъ государственнаго казначейства. Военный элементъ былъ вообще въ почетѣ при дворѣ: на состоявшіяся въ концѣ октября 1899 г. во дворцѣ празднества по случаю дня рожденія императрицы-матери удостоились спеціальнаго приглашенія строевые генералы Дунъ-фусянъ, Юань-ши-кай и Не-ши-чэнъ.

Такая усиленная дѣятельность китайскаго правительства въ военной сферѣ объяснялась событіями 1898 года. Событія эти, очевидно, заставили китайское правительство задуматься надъ положеніемъ имперіи. Занятіе европейцами Цзяо-чжоу, Портъ-Артура, Да-лянь-ваня и Вэй-хай-вэя, масса вынужденныхъ у Китая разнаго рода концессій, чрезвычайное увеличеніе силъ иностранныхъ державъ на Дальнемъ Востокѣ—все это показало правительству богдыхана, что Европа не только охватываетъ Китай все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ, но даже проникаетъ въ сердце

страны, въ части ея, считавшіяся недоступными для иноземцевъ. Китайское правительство оказалось вынужденнымъ сознать, что цѣлости имперіи грозитъ серьезная опасность и что раздѣлъ Китая въ сущности уже начался. Въ Пекинѣ поняли наконецъ, что такъ долго державшійся страхъ передъ стихійною силою Китая разсѣялся безвозвратно, и что для поддержанія цѣлости государства нужны не призрачныя вооруженныя силы, а настоящая армія и настоящій флотъ, на которые правительство могло бы опереться въ своей иностранной политикѣ.

Тенденція китайскаго правительства къ активному сопротивленію иностранцамъ, выражавшаяся въ усиленномъ вниманіи, которое оно обращало на военное дѣло, получила сильный толчокъ въ началѣ 1899 г. вслѣдствіе образа дѣйствій одной изъ европейскихъ державъ. 17-го февраля 1899 г. итальянскій посланникъ Мартино представилъ цзунъ-ли-ямыню требованіе объ уступкѣ Италіи бухты Сань-мынь и о признаніи всей провинціи Чжэ-цзянь сферою итальянскаго вліянія. На китайскія правящія сферы это требованіе Италіи произвело сначала очень сильное впечатлѣніе. Императрица-мать, получивъ докладъ цзунъ-ли-ямыня по этому дѣлу, бросила его на полъ съ крикомъ, чтобы бумаги эти немедленно же убрали и чтобы съ ней не разговаривали объ этомъ вопросѣ. Министры цзунъ-ли-ямыня возвратили требованіе итальянскому посланнику при частномъ письмѣ, объяснивъ, что они не имѣютъ права и не будутъ входить въ обсужденіе подобнаго предложенія, такъ какъ оно превышаетъ ихъ компетенцію. Полученіе обратно официальной ноты было принято итальянскимъ правительствомъ за оскорбленіе, послѣ чего въ Пекинѣ распространился упорный слухъ, что итальянское посольство спускаетъ свой флагъ и немедленно выѣзжаетъ изъ Пекина. Встревоженные такимъ оборотомъ дѣла и опасаясь заступничества Англіи, китайскіе министры написали тогда Мартино официальное письмо, въ которомъ выясняли, что возвращеніе ноты не должно быть объясняемо желаніемъ нанести оскорбленіе Италіи. По полученіи изъ цзунъ-ли-ямыня этого письма итальянскій посланникъ вновь отправилъ прежнее требованіе цзунъ-ли-ямыню, которому предстояло, такимъ образомъ, дать тотъ или иной отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Между тѣмъ общественное мнѣніе Китая, освободившись отъ перваго подавляющаго впечатлѣнія, все больше и больше склонялось въ пользу отказа Италіи. Постепенно выяснилось несоотвѣтствіе требованія Италіи ея собственнымъ силамъ. По справкамъ оказалось, что Италія можетъ выслать въ Китай эскадру лишь изъ пяти судовъ, сдѣлать десантъ максимумъ въ пятьсотъ человекъ, и при этомъ, за дальностью разстоянія и неудовлетворительностью собственнаго финансоваго положенія, совершенно лишена возможности вести продолжительную войну въ Китаѣ. Вслѣдствіе этого

въ правящихъ сферахъ Китая, подъ главенствомъ самой императрицы-матери, все больше и больше упрочивалось мнѣніе о необходимости категорически отказать Италіи въ ея требованіи.

Въ послѣднихъ числахъ февраля итальянскій посланникъ поставилъ въ отношеніи требованія бухты Сань-мынь ультиматумъ, срокъ котораго истекалъ 2-го марта. Однако въ этотъ день никакого отвѣта со стороны цзунъ-ли-ямыня не послѣдовало, и хотя Мартино продлилъ срокъ ультиматума еще на двадцать четыре часа, но китайцы и на этотъ разъ оставили его безъ всякаго отвѣта. Въ это самое время Мартино совершенно неожиданно былъ отозванъ съ своего поста въ Римъ. Смѣнившій Мартино новый итальянскій посланникъ въ концѣ іюля того же года вновь возбудилъ въ цзунъ-ли-ямынь вопросъ объ уступкѣ Италіи бухты Сань-мынь, но точно также получилъ отказъ, несмотря, на то, что грозилъ силой занять бухту, если дѣло не будетъ окончательно рѣшено въ мѣсячный срокъ.

Твердость, проявленная въ этомъ случаѣ китайскимъ правительствомъ, возымѣла успѣхъ—Италія вынуждена была отказаться отъ своего требованія. Этотъ моментъ знатоки китайскихъ дѣлъ считаютъ поворотной точкой въ политикѣ Китая по отношенію къ иностраннымъ державамъ и ихъ притязаніямъ. Сопоставляя свои недавнія территоріальныя уступки, сдѣланныя Германіи, Россіи, Франціи и Англіи въ Цзяо-чжоу, Портъ-Артурѣ, Гуанъ-чжоу-ванѣ, Вэй-хай-вэѣ и близъ Гонконга, съ успѣшнымъ отпоромъ, даннымъ Италіи, китайское правительство рѣшило, что въ четырехъ первыхъ случаяхъ оно въ уступчивости своей, очевидно, зашло слишкомъ далеко, и что стоитъ лишь проявить достаточную стойкость, чтобы остановить дерзкіе захваты иностранцевъ.

Съ этихъ поръ сильно возросло вліяніе на императрицу-мать, заправлявшую дѣлами имперіи въ качествѣ регентши, партіи ненавистниковъ всего иностраннаго и пламенныхъ китайскихъ патриотовъ, какъ-то: канцлеровъ Ганъ-и и Сюй-туна, бывшаго губернатора провинціи Шанъ-дунъ, смѣщеннаго по требованію Германіи, Ли-бинъ-хэна, члена государственнаго совѣта Ци-сю и другихъ, упорно настаивавшихъ на необходимости не дѣлать иностранцамъ никакихъ уступокъ. Партія эта въ концѣ 1898 и въ началѣ 1899 гг. очень усилилась при дворѣ велѣдствіе удаленія отъ дѣлъ лицъ болѣе прогрессивнаго направленія, освѣдомленныхъ въ дѣлахъ международной политики и обладавшихъ опытностью въ веденіи дѣлъ съ иностранцами, какъ Ли-хунъ-чжанъ и Чжанъ-инъ-хуань. Ли-хунъ-чжанъ былъ уволенъ изъ состава цзунъ-ли-ямыня въ концѣ августа 1898 г. Ближайшею причиною немилости къ послѣднему послужило утвержденіе контракта на сооруженіе Пекинъ-Хань-коуской желѣзной дороги, въ каковомъ предпріятіи были заинтересованы бельгійцы, французы и Русско-Китайскій банкъ. Англій-

скій посланникъ, при свиданіи своемъ съ министрами цзунъ-ли-ямыня 8-го августа, открыто и весьма рѣзко при всѣхъ обвинялъ Ли-хунъ-чжана въ потворствѣ русскимъ и французскимъ интересамъ и въ систематическомъ противодѣйствіи Англии. Ему одному англійскій посланникъ приписывалъ рѣшеніе цзунъ-ли-ямыня поднести контрактъ на подписаніе богдыхана, не входя въ обсужденіе послѣдствій протестовъ со стороны великобританскаго представителя. Журналъ засѣданія цзунъ-ли-ямыня былъ представленъ на воззрѣніе богдыхана. Богдыханъ страшно разгнѣвался, узнавъ изъ журнала о протестахъ, предъявленныхъ англійскимъ посланникомъ, такъ какъ фактъ предъявленія означенныхъ протестовъ былъ скрытъ отъ него. Немедленно повелѣно было выяснить, кто былъ главнымъ виновникомъ сдѣланнаго упущенія, причемъ враги Ли-хунъ-чжана единогласно указали на канцлера. Отставка Ли-хунъ-чжана представится особенно знаменательной, если сопоставить ее съ послѣдовавшей въ іюнѣ того же 1898 г. отставкой министра Вэ-тунъ-хо, который велъ переговоры объ уступкѣ Германіи Цзяо-чжоуской области, и съ ссылкой въ отдаленную провинцію въ сентябрѣ 1898 г. министра Чжанъ-инъ-хуаня, подписавшаго вмѣстѣ съ Ли-хунъ-чжаномъ договоръ объ уступкѣ намъ Портъ-Артура. Признаки немилостиваго отношенія со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ къ Ли-хунъ-чжану проявились, впрочемъ, уже и раньше—въ видѣ обхода послѣдняго при назначеніяхъ на должности, которыя, повидимому, являлись наиболѣе подходящими именно для него. Такъ случилось, напримѣръ, при назначеніи на должность президента пекинскаго университета, а равно при назначеніи лицъ для завѣдыванія вновь учрежденнымъ центральнымъ управленіемъ горныхъ и желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Однимъ изъ главныхъ поводовъ такого отношенія къ Ли-хунъ-чжану, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, являлось сближеніе Ли-хунъ-чжана съ Россіей. Въ то же время въ составъ высшихъ государственныхъ учреждений Пекина и въ частности въ совѣтъ богдыхана и въ министерство иностранныхъ дѣлъ начались или отъявленные враги всего иностраннаго, или же приверженцы старины, совершенно неопытные въ веденіи дѣлъ съ иностранцами. Въ числѣ такихъ лицъ были Ци-сю, Ванъ-вэнь-шао, Гуй-чунъ, У-тинъ-фынь, Юй-лу, Лянь-юань, и Чжао-шу-цяо. Въ началѣ 1899 года въ составѣ цзунъ-ли-ямыня, кромѣ князя Цина, лишь Сюй-цзинъ-чэна и Юй-гэна можно было считать дружественными къ иностранцамъ и понимающими иностранную политику, но оба они не пользовались особымъ довѣріемъ трона, товарищи же совершенно игнорировали ихъ, считая ихъ измѣнниками, преданными интересамъ иностранцевъ.

Ссылаясь на удачный отпоръ, данный Италіи, партія эта еще съ большимъ упорствомъ стала настаивать предъ императрицей-матерью на необходимости поставить основой политики китайскаго

правительства по отношенію къ иностранцамъ—активное имъ сопротивленіе. Настоящія эти, очевидно, не оставались тщетными, такъ какъ послѣ инцидента съ Италіей китайское правительство начало усиленно принимать мѣры къ осуществленію на дѣлѣ новой активной политики. Дѣятельность китайскаго правительства въ этомъ направленіи проявилась, между прочимъ, въ стремленіи заручиться необходимыми для цѣлей національной обороны финансовыми ресурсами. Какъ въ этихъ видахъ, такъ и для ближайшаго ознакомленія съ настроеніемъ властей и населенія въ провинціи, были командированы изъ Пекина особые эмиссары Гань-и и Ли-бинь-хэнь. Первый предпринялъ поѣздку въ наиболѣе богатая центральныя провинціи Китая, съ тѣмъ, чтобы суммы, которыя ему надлежало собрать при помощи преимущественно поборовъ съ мѣстныхъ чиновниковъ, были обращены спеціально на военныя нужды. Второй объѣхалъ Южную Манчжурію и долину р. Янь-цзы-цзянь для личныхъ переговоровъ съ тѣми изъ мѣстныхъ административныхъ дѣятелей, которые сочувствовали политикѣ активного сопротивленія иностранцамъ. Въ то же время прочіе приверженцы той же партіи, остававшіеся въ столицѣ, Сюй-тунъ, Ци-сю и другіе, употребляли все свое вліяніе, чтобы укрѣпить императрицу въ рѣшимости оказывать твердый отпоръ всякимъ новымъ притязаніямъ, которыя могли бы послѣдовать со стороны иностранцевъ. При этомъ они открыто заявляли, что иностранцы все равно рѣшили раздѣлить Китай, и что поэтому лучше рѣшиться на самое крайнее, нежели поддаваться добровольно.

Между тѣмъ со времени территориальныхъ уступокъ, которыя центральное китайское правительство вынуждено было сдѣлать иностраннымъ державамъ въ концѣ 1897 и въ 1898 году, обаяніе его въ глазахъ провинціальныхъ властей и населенія сильно упало. Еще болѣе пострадалъ авторитетъ пекинскихъ властей отъ политическихъ смуть при дворѣ богдыхана. Послѣдніе годы ознаменовались борьбою консервативной партіи, во главѣ которой стояла императрица-мать, съ партіею реформаторовъ. Послѣ смерти князя Гуна, дяди богдыхана, послѣдовавшей 17-го мая 1898 года, партія реформаторовъ, въ лицѣ кантонскаго уроженца Канъ-ю-вэя, усилила на нѣкоторое время совершенно овладѣть волею слабого богдыхана, крайне неопытнаго въ дѣлахъ государственнаго управленія. Началась эра лихорадочной и безтолковой ломки во всѣхъ областяхъ государственной жизни Китая, правда, въ большинствѣ случаевъ происходившей лишь на бумагѣ. Своего апогея эта эра достигла въ послѣднихъ числахъ августа и въ первыхъ числахъ сентября того же года, когда случалось, что за одинъ день въ пекинской официальной газетѣ «Цзинь-бао» появлялось до четырнадцати указовъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ отраслей управленія, начиная съ учрежденія новыхъ министерствъ, которыя

должны были создаваться и начинать функционировать въ двухнедѣльный или, самое большое, въ мѣсячный срокъ со дня опубликованія указа, и кончая повелѣніями объ улучшеніи матеріала тѣхъ портфелей, въ которыхъ подносятся ежедневно богдыхану поступающія на его имя донесенія.

По наущенію Канъ-ю-вэя, у богдыхана созрѣла мысль о необходимости, для успѣшнаго продолженія реформаторской дѣятельности, обезпечить себя отъ возможнаго вмѣшательства со стороны честолюбивой и необыкновенно энергичной императрицы-матери. Онъ уже подговорилъ генерала Юань-ши-кай привести въ Пекинъ три тысячи своихъ войскъ, съ помощью которыхъ и намѣревался схватить свою соперницу. Но Юань-ши-кай выдалъ секретъ богдыхана. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго, императрица, и до этого времени всегда оказывавшая извѣстное вліяніе на государственныя дѣла, рѣшила официально взять въ свои руки бразды правленія. 8-го сентября она заставила богдыхана подписать указъ, въ которомъ онъ всенародно объявилъ, что вслѣдствіе-де накопленія громаднаго количества сложныхъ государственныхъ дѣлъ, требующихъ неустаннаго труда, онъ, богдыханъ, не надѣется на свои силы, боится упущеній, а потому признаетъ необходимымъ обратиться къ опытности и мудрости императрицы-матери, которая во время малолѣтства какъ предшественника его, императора Тушь-чжи, такъ равно и его самого, уже два раза несла на себѣ бремя регентства. Затѣмъ 11-го сентября, въ десять часовъ утра, состоялась церемонія поклоненія императрицѣ-матери, причемъ богдыханъ, князья и высшіе сановники совершили предъ нею троекратное колѣнопреклоненіе.

Само собою разумѣется, что установленный такимъ образомъ новый порядокъ вещей не могъ считаться въ глазахъ населенія законнымъ, такъ какъ, по понятіямъ китайцевъ, регентство можетъ быть устанавливаемо только при несовершеннолѣтіи богдыхана. Вся власть императрицы-матери основывалась лишь на томъ фактѣ, что богдыханъ находился въ ея рукахъ, въ почетномъ заточеніи во дворцѣ, и если бы ему удалось тѣмъ или другимъ способомъ бѣжать изъ дворца, то нѣтъ сомнѣнія, что ему не трудно было бы вернуть власть въ свои руки, такъ какъ сторонниковъ законнаго режима въ Пекинѣ было весьма не мало.

При такомъ положеніи императрица должна была быть серьезно озабочена возможно скорѣйшимъ установленіемъ новаго законнаго порядка, который могъ, однако, наступить лишь съ устраненіемъ, тѣмъ или другимъ способомъ, тогдашняго богдыхана и съ возведеніемъ на престолъ новаго малолѣтняго лица, по воцареніи котораго существованіе регентства императрицы-матери являлось бы совершенно законнымъ. Первымъ шагомъ, сдѣланнымъ ею въ этомъ направленіи, было назначеніе наслѣдника престола—шагъ, рав-

нымъ образомъ незаконный, въ которомъ многіе усматривали лишь переходную ступень къ вынужденному отреченію богдыхана и провозглашенію вмѣсто него вновь назначеннаго наслѣдника. Самый актъ избранія этого послѣдняго былъ обставленъ большою торжественностью. Вечеромъ 11-го января 1900 года опубликованъ былъ указъ, возбудившій въ Пекинѣ немало недоумѣній по своей необычайности. Повелѣніемъ этимъ созывались на другое утро во дворецъ наиболѣе вліятельные принцы крови, канцлеры, генераль-адъютанты, члены государственнаго совѣта, всѣ президенты различныхъ министерствъ, а равно чины, служившіе въ придворныхъ училищахъ. Прецедентовъ подобному указу въ Китаѣ не бывало, а потому всѣ, естественно, ожидали какого-либо чрезвычайнаго по важности рѣшенія. Участіе въ собраніи принцевъ крови и чиновъ придворныхъ училищъ заставляло предполагать, что предстоитъ выборъ новаго императора и отреченіе отъ престола царствующаго Гуанъ-сюя. Выяснилось, однако, что пока дѣло идетъ о выборѣ наслѣдника престола, въ виду признанной бездѣтности правящаго богдыхана.

Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, назначеніе наслѣдника престола мотивировалось тѣмъ, что правящій богдыханъ, вслѣдствіе слабости своего здоровья, потерялъ надежду имѣть потомство и произвести на свѣтъ сына, который могъ бы быть посмертно усыновленъ богдыханомъ Тунъ-чжи. Дѣло въ томъ, что царствовавшій богдыханъ Гуанъ-сюй являлся, на строгомъ основаніи китайскихъ законовъ, лишь временнымъ замѣстителемъ покойнаго богдыхана Тунъ-чжи, умершаго бездѣтнымъ, и по рожденіи настоящаго наслѣдника послѣдняго долженъ былъ бы уступить ему свое мѣсто. Этимъ же настоящимъ наслѣдникомъ долженъ явиться сынъ Гуанъ-сюя, который и былъ бы посмертно усыновленъ Тунъ-чжи.

Рѣшительный образъ дѣйствій императрицы-матери произвелъ повсемѣстно въ имперіи сильное броженіе и далъ обильный матеріалъ для толковъ главамъ партіи реформаторовъ, обвинявшихъ императрицу въ нелегальныхъ дѣйствіяхъ и указывавшихъ, что слабость имперіи пронесодитъ именно отъ неумѣлаго управленія дѣлами императрицею. Сторонники этой партіи высказывали увѣренность, что дѣла Китая могли бы пойти совсѣмъ иначе, если бы власть перешла въ ихъ руки: тогда, по ихъ мнѣнію, смуты и времена постыдной слабости исчезли бы въ Китаѣ навсегда. У двора, конечно, должно было явиться желаніе доказать реформаторамъ, что они неправы, и что Китай можетъ справиться съ врагами и не прибѣгая къ рекомендуемымъ ими средствамъ.

Будучи такимъ образомъ, съ одной стороны, подталкиваема сильной анти-иностранной партіей, добывавшеюся полного разрыва со всѣми иностранными державами, съ другой стороны, со-

знаявая шаткость своего положенія въ глазахъ народа и желая пайти изъ него выходъ во что бы то ни стало, императрица-мать въ началѣ 1900 года стала склоняться къ мысли воспользоваться для освобожденія страны отъ ненавистныхъ иностранцевъ анти-христіанскимъ и анти-европейскимъ движеніемъ, развивавшимся въ это время среди населенія Шань-дунской и Чжи-лійской провинцій и извѣстнымъ подъ названіемъ «боксерскаго» движенія.

Отдѣльные спорадическіе случаи проявленія ненависти къ иностранцамъ стали наблюдаться въ Пекинѣ еще съ сентября 1898 г., немедленно послѣ дворцоваго переворота, поставившаго во главѣ государства императрицу-мать. Такъ, 18-го сентября 1898 г. было произведено въ разныхъ частяхъ Пекина нѣсколько нападеній китайской черни на иностранцевъ. Между прочимъ пострадали служащіе въ англійскомъ и америкаискомъ посольствахъ. Толпа бросала въ нихъ камнями и грязью и даже немного помяла ихъ, причинивъ легкія пораненія. Въ другой части города толпа окружила носилки, въ которыхъ ѣхала жена итальянскаго повѣреннаго въ дѣлахъ маркиза Сальваго, и экипажъ католическаго епископа Фавье, причемъ произнесены были угрозы и ругательства, но до насилій не дошло. Говорили, что нападенію подверглись также два японца. Въ Пекинѣ эти проявленія ненависти объяснялись возбужденіемъ, охватившимъ населеніе вслѣдствіе недавняго дворцоваго переворота. Въ народѣ ходили слухи, что императрица рѣшилась на переворотъ, дабы освободиться отъ иностраннаго вліянія, причемъ на пекинскихъ базарахъ пустили слухъ, что казненные 16-го сентября зачинщики заговора противъ императрицы были приверженцы иностранцевъ, и что если императрица повелѣла ихъ казнить, то можно безнаказанно оскорблять пребывающихъ въ столицѣ чужеземцевъ.

Какъ бы то ни было, одновременное проявленіе непріязненныхъ отношеній къ иностранцамъ въ различныхъ частяхъ города было признано дипломатическимъ корпусомъ, особенно въ виду общей неустойчивости политическаго положенія, явленіемъ весьма серьезнымъ, и на совѣщаніи, происходившемъ 19-го сентября, посланники рѣшили вызвать въ Пекинѣ охранные отряды. Послѣдніе, дѣйствительно, были вызваны, не взирая на настоятельныя просьбы членовъ цзунъ-ли-ямыня не вводить ихъ въ Пекинъ, и оставались здѣсь до среднихъ чиселъ февраля слѣдующаго года.

Другой сравнительно крупный случай произошелъ 12-го октября 1898 г., а именно въ этотъ день въ пятнадцать верстахъ отъ Пекина китайскіе солдаты изъ войскъ генерала Дунъ-фу-сяна, вызванныхъ къ Пекину изъ провинціи Гань-су, напали на двухъ членовъ англійскаго посольства и двухъ инженеровъ, англичанина и норвежскаго подданнаго, причемъ легко ранили двухъ послѣднихъ. Какъ было сообщено иностраннымъ посланникамъ, солдаты

этого отряда открыто заявляли о своемъ намѣреніи выгнать всѣхъ европейцевъ изъ Сѣвернаго Китая. Кромѣ того, они разрушили телеграфъ и часть желѣзнодорожной линіи между Пекиномъ и Бао-динъ-фу. При такихъ условіяхъ посланники были вынуждены потребовать удаленія этихъ войскъ изъ Пекина.

Приведенные случаи указывали, что враждебное настроеніе китайцевъ къ иностранцамъ, вообще всегда существовавшее въ болѣе или менѣе скрытой формѣ, приняло особенно интенсивный характеръ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Китая. Но это стало еще болѣе очевиднымъ, когда во второй половинѣ 1899 года возникшее въ Шань-дунской провинціи анти-христіанское и анти-иностранное движеніе стало быстро принимать угрожающіе размѣры.

Отличавшіеся своей ненавистью къ европейцамъ губернаторы Шань-дуна Ли-бинъ-хэнь и Юй-сынъ тщательно поощряли возникшія въ подвѣдомственной имъ провинціи анти-христіанскія общества, которыя находили себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, благодаря воинственно-религіозной дѣятельности въ этой провинціи нѣмецкаго католическаго епископа Анцера и многочисленныхъ миссіонеровъ самыхъ различныхъ національностей. Кромѣ того, Шань-дунъ особенно подвергся иностраннымъ захватамъ, и очевидно, что пребываніе японскихъ, а затѣмъ англійскихъ оккупационныхъ отрядовъ въ Вэй-хай-вэй и въ особенности нѣмцевъ въ Цзяо-чжоу должно было повести къ многочисленнымъ мелкимъ недоразумѣніямъ и даже серьезнымъ столкновеніямъ съ населеніемъ, всегда отличавшимся особеннымъ консерватизмомъ и ненавистью ко всему иностранному. Немало недовольства явилось тамъ также вслѣдствіе слуховъ о предстоящей постройкѣ въ окрестностяхъ Цзяо-чжоу желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже начали осуществляться. Если принять во вниманіе вопросы, связанные съ отчужденіемъ земли въ странѣ съ столь интенсивной земледѣльческой культурой, какою является китайская, повсемѣстную разбросанность кладбищъ, пользующихся чрезвычайнымъ почетомъ со стороны населенія, а равно неизбежное, хотя и временное, лишеніе заработковъ для многихъ десятковъ тысячъ возчиковъ, лодочниковъ, носильщиковъ и погонщиковъ,—то нужно будетъ прійти къ заключенію, что вызванный постройкою желѣзныхъ дорогъ экономическій переворотъ неизбежно долженъ былъ произвести сильное броженіе въ нѣкоторыхъ слояхъ мѣстнаго населенія.

Начавшись въ Шань-дунѣ, движеніе быстро распространилось въ западномъ направленіи и перешло въ юго-восточныя области провинціи Чжи-ли. Здѣсь оно также встрѣтило благопріятную почву. Въ народѣ давно уже тлѣло сильное неудовольствіе противъ дѣятельности католическихъ миссіонеровъ, отличавшейся особенно напряженностью въ центральной и юго-восточной частяхъ

Чжи-ли. Кромѣ того, здѣсь также, несомнѣнно, было не мало обиженныхъ при проведеніи желѣзной дороги изъ Пекина на Баодинъ-фу и далѣе на югъ. Особенно благоприятнымъ, хотя и вполнѣ случайнымъ факторомъ возбужденія волненій явилась продолжительная засуха, царившая уже около двухъ лѣтъ во всемъ Сѣверномъ Китаѣ и разорившая немало крестьянскихъ хозяйствъ. Именно здѣсь, въ провинціи Чжи-ли, движеніе начало принимать серьезныя формы. Анти-христіане стали распространять среди населенія слухи, что бездождіе, отъ котораго оно страдаетъ, является наказаніемъ неба за допущеніе въ страну иностранцевъ и христіанъ. Все громче и громче раздавались голоса, выражавшіе неудовольствіе противъ двора за его попустительство въ отношеніи иностранцевъ.

Если бы пекинское правительство съ самаго начала безпорядковъ приняло энергичныя мѣры къ ихъ подавленію, мятежное движеніе, несомнѣнно, было бы легко пріостановлено, въ виду сравнительно незначительнаго района его распространенія. Но, какъ уже было сказано выше, при дворѣ къ этому времени очень усилилась анти-иностранная партія, состоявшая изъ лицъ, совершенно не освѣдомленныхъ въ международныхъ дѣлахъ и не имѣвшихъ никакого представленія о военныхъ силахъ иностранныхъ державъ. Лица эти, повидимому, возымѣли мысль воспользоваться народнымъ волненіемъ ради осуществленія своей излюбленной мечты—изгнанія европейцевъ и установленія въ имперіи богдыхана старинныхъ китайскихъ порядковъ. Слухи о возникновеніи въ придворныхъ сферахъ Пекина грандіознаго плана вырѣзать всѣхъ иностранцевъ и вырвать изъ ихъ рукъ территорію, отданную въ арендное пользованіе, появились въ началѣ 1900 г. въ печати Дальняго Востока, но никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія. При этомъ, какъ можно судить изъ сопоставленія дѣйствительнаго положенія дѣла съ изображеніемъ его въ нѣсколькихъ, изданныхъ въ это время, указахъ богдыхана, партія этихъ фанатиковъ, очевидно, очень преувеличивала въ своихъ докладахъ трону успѣхи и размѣры боксерской пропаганды, желая во что бы то ни стало увлечь колебавшуюся императрицу-мать на путь рискованной борьбы съ иностранными державами. 23-го мая во время бесѣды съ членомъ цзунъ-ли-ямыня Сюй-цзинъ-чэномъ нашъ финансовый агентъ указалъ послѣднему на крайнюю опасность, которой подвергаетъ себя китайское правительство, не принимая рѣшительныхъ мѣръ противъ анти-христіанскихъ шаекъ. Сюй-цзинъ-чэнь заявилъ на это, что онъ, такъ же, какъ и предсѣдатель цзунъ-ли-ямыня князь Цинъ, вполнѣ сознаетъ серьезность положенія, что не можетъ быть и рѣчи о неспособности китайскаго правительства справиться съ движеніемъ, но что анти-европейская партія очень сильна при дворѣ, и что члены ея убѣждаютъ импе-

ратрицу въ полезности анти-европейскаго общества, которое уничтожить христіанъ-китайцевъ и добьется удаленія изъ Китая ненавистныхъ иностранцевъ. При этомъ, какъ на главныхъ покровителей и заступниковъ анти-христіанъ при дворѣ, Сюй-цзинъ-чэнъ указывалъ на князя Дуаня—отца наслѣдника престола, канцлера Сюй-туна, членовъ государственнаго совѣта Ганъ-и, Ци-сю и Чжао-шу-цяо и генерала Дунъ-фу-сяна.

Обнадеженные сознаниемъ сильной поддержки при дворѣ, боксеры, уже не стѣсняясь, развивали свою дѣятельность, и не далѣе какъ въ апрѣлѣ и маѣ стали обнаруживаться ихъ явно враждебныя намѣренія уже не только по отношенію къ христіанамъ изъ туземцевъ, но и къ иностранцамъ и всему иноземному вообще. Эмиссары боксеровъ появились въ большомъ количествѣ даже въ самомъ Пекинѣ, гдѣ во дворцѣ князя Дуаня ежедневно происходили ихъ упражненія и сборища. Между тѣмъ китайскія войска или бездѣйствовали, или даже относились враждебно къ иностранцамъ. 23-го мая въ Пекинѣ стало извѣстно, что войскамъ этимъ отданъ секретный приказъ не стрѣлять въ анти-христіанскія шайки, а черезъ три дня распространилась вѣсть, что войскамъ генерала Не-ши-чэна, начавшимъ было справляться съ анти-христіанами близъ Тянь-цзиня, приказано вернуться на мѣсто ихъ постоянного расположенія въ Лутай.

Число боксеровъ въ Чжи-лійской провинціи тѣмъ временемъ росло не по днямъ, а по часамъ. Полчища ихъ разрушали желѣзныя дороги и телеграфъ и стали серьезно угрожать жизни и имуществу иностранцевъ въ Пекинѣ и Тянь-цзинѣ. Первые иностранные десанты, посланные въ Пекинъ для защиты иностранцевъ, оказались слишкомъ недостаточными, и посланники настоятельно требовали подкрѣпленія. Отрядъ, отправившійся для этой цѣли подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура, только съ трудомъ подвигался впередъ, исправляя разрушенный желѣзнодорожный путь и подвергаясь нападеніямъ со стороны бандъ боксеровъ. Послѣднія извѣстія объ этомъ отрядѣ были привезены въ Тянь-цзинь 1-го іюня, а затѣмъ сообщеніе съ нимъ прервалось. Въ то же время и положеніе въ Тянь-цзинѣ, куда также были посланы отряды иностранныхъ войскъ, день ото дня становилось опаснѣе. Боксеры свободно бродили по окрестностямъ города, организуя свои процессіи на глазахъ у китайскихъ властей, которыя ничего противъ нихъ не предпринимали. Въ китайской части города всѣ кузнецы были заняты ковкою сабель и пикъ, а по ночамъ здѣсь хозяйничали толпы боксеровъ, поджигая дома и убивая китайцевъ-христіанъ. Получались извѣстія о передвиженіи китайскихъ войскъ къ линіи сообщенія Тянь-цзиня съ моремъ, откуда иностранцы могли ожидать помощи.

Предвидѣлась, такимъ образомъ, необходимость въ высадкѣ

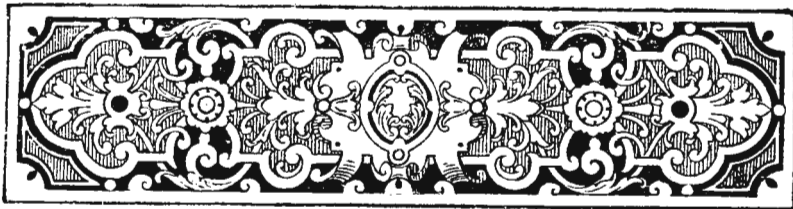
новыхъ значительныхъ иностранныхъ отрядовъ, а между тѣмъ китайцы начали мшировать входъ въ рѣку Бай-хэ, очевидно, желая затруднить дальнѣйшую высадку иностранныхъ подкрѣпленій. При такомъ положеніи дѣлъ адмиралы европейскихъ эскадръ рѣшили взять форты Таку, что и было выполнено въ ночь съ 3-го на 4-е іюня.

Дѣло 4-го іюня подъ Таку имѣло рѣшающее вліяніе на опредѣленіе дальнѣйшей политики китайскаго правительства. Воспользовавшись сильнымъ впечатлѣніемъ потери этой крѣпости, единственнаго оплота столицы, придворные сторонники старины и ненавистники иностранцевъ окончательно овладѣли положеніемъ. Правительство уже совершенно открыто стало на сторону боксеровъ, официально призывая ихъ на защиту имперіи и обѣщая за вѣрную службу щедрыя награды.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГАГРЫ.

(Изъ путевыхъ набросковъ).

I.

УТАЮТСЯ въ свинцовыя тучи верхушки зеленыхъ гагринскихъ горъ; дуетъ довольно холодный западный бризъ, и нашъ пароходъ, остановившійся на гагринскомъ рейдѣ, слегка покачивается.

— Поѣдемъ, господа, отогрѣваться на солнышкѣ обратно, въ Москву,—слышится въ группѣ столпившихся у борта пассажировъ.

— Да, дѣйствительно,—жалуется другой голосъ:— у насъ, въ Москвѣ, теперь, въ началѣ апрѣля, стоитъ почти лѣтняя погода, а здѣсь, на югѣ, впору одѣвать ватное пальто.

— Потерпите немного, господа, отогрѣетесь и здѣсь, не позже, какъ завтра,—утѣшаетъ кто-то.

Съ берега подплываютъ турецкія фелюги,—турки занимаютъ каботажемъ по всему черноморскому побережью,—и начинается высадка пассажировъ и выгрузка ихъ багажа.

Я искренне восхищаюсь распорядительностью гагринскаго агента Русскаго общества пароходства и торговли А. В. С. Одновременно онъ справляется съ выгрузкой багажа, возстановливаетъ съ вѣжливой твердостью порядокъ среди жаждущихъ поскорѣе попасть въ фелюгу пассажировъ, успокаиваетъ нервныхъ дамъ, боящихся переѣзда на берегъ, отвѣчаетъ на обращаемыя къ нему

вопросы и успѣваетъ сыпать шуточками и остротами на мѣстную «злобу дня».

— Аваря (отчаливай)!—кричитъ онъ туркамъ, и нагруженная фелюга направляется къ берегу.

На пристани присутствуетъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, инициаторъ и устроитель гагринской климатической станціи. Его высочество, лично входящій во все вопросы, касающіеся управленія и благоустройства Гагръ, находитъ время для встрѣчи, какъ хозяинъ, пріѣзжающихъ въ Гагры гостей. Такое высокое вниманіе производитъ на насъ глубокое впечатлѣніе.

Остановливаясь въ Приморской гостиницѣ, внутри бывшаго гагринскаго укрѣпленія. Номера чистенькіе, съ балконами, въ одинъ рубль и въ полтора рубля. Кормятъ недурно; блюда изъ меню завтрака и обѣда стоятъ тридцать или тридцать пять копеекъ. Такія дешевыя цѣны установлены принцемъ, по идеѣ котораго Гагры, въ противовѣсъ дорогимъ крымскимъ курортамъ, должны быть доступны для людей съ ограниченными средствами.

Послѣ обѣда, почти въ сумерки, успѣваю сдѣлать лишь самый общій обзоръ климатической станціи.

Гагры гѣсятся между моремъ и крутымъ склономъ защищающихъ ихъ съ сѣвера горъ. Здѣсь, на узкой прибрежной полосѣ и отчасти на склонѣ, разбитъ роскошный субтропическій паркъ площадью въ двадцать семь десятинъ, выстроены дворецъ принца, пять гостиницъ, зданія управленія и квартиръ служащихъ курорта, магазины, частныя дачи. Все зданія курорта и дачи тонутъ въ густой зелени, такъ что Гагры представляютъ собой одинъ огромный дивный паркъ, сливающийся съ лѣсомъ.

Вечеромъ, при обильно заливающимъ Гагры электрическомъ освѣщеніи, онѣ кажутся еще уютнѣе. На отвѣсной скалѣ эффектно горятъ огнями все три этажа дворца принца съ вѣнчающимъ зданіе большимъ краснымъ маякомъ.

Утро слѣдующаго дня солнечное, теплое. Воздухъ напоенъ ароматами побѣдоносно шествующей волшебницы-весны. Уходящій въ даль берегъ, горы, лѣса въ этотъ ранній еще часъ млѣютъ въ прозрачной голубоватой дымкѣ. Вверху, на ближнихъ горахъ, клубятся легкія, какъ пухъ, бѣлыя облачки, тающія на глазахъ. Море свѣтлое, спокойное, сливается съ сіяньемъ неба въ одну необъятную свѣтящуюся безконечность.

— Забыли Москву?—спрашиваю вчерашнихъ москвичей, идущихъ навстрѣчу по приморской аллеѣ парка.

— Совершенно,—улыбаются они.

Съ алчностью сѣверянина, только что попавшаго на югъ, спѣшу побывать во всехъ мѣстахъ парка, осмотрѣть все его живописные

Видъ на Гагры съ запада.

уголки. Благодаря близости мягко очерченныхъ зеленыхъ горъ къ морю, ихъ расположенію амфитеатромъ, могучей и разнообразной растительности, Гагры—это неисчерпаемый ларчикъ видовъ. Съ каждымъ поворотомъ аллеи или горной дорожки открываются новыя панорамы, не суровыя горныя, но мягкія, ласкающія взоръ.

Въ центрѣ парка вижу довольно печальную картину. Финиковыя пальмы, образующія цѣлую аллею, стоятъ съ пожелтѣвшими и высохшими вѣтвями; аллея банановъ, лишенныхъ листьевъ, напоминаетъ ряды свернутыхъ въ трубку огромныхъ листовъ восковой бумаги или желтой клеенки; далѣе пенъки отъ срубленныхъ эвкалиптовъ и драценъ съ новыми побѣгами отъ корней.

— Зимой, два года назадъ,—разсказываетъ сопровождающій меня мѣстный дачевладѣлецъ,—массой¹ выпавшаго снѣга у насъ поломало фруктовыя деревья, нынѣ же въ февралѣ утренникъ въ восемь градусовъ Цельсія, продержавшійся четыре часа, надѣлалъ, какъ видите, не мало бѣдъ. Впрочемъ, особенно беспокоиться нечего: финиковыя пальмы и бананы къ осени успѣютъ дать новыя вѣтви такой же величины, а эвкалипты и драцены пошли отъ корней. Мандарины и апельсины въ Гаграхъ уцѣлѣли, но въ другихъ, менѣе защищенныхъ мѣстахъ лишились всей листвы и плодоношенія въ этомъ году не будетъ. Такіе заморозки и обильныя снѣгопады, конечно, рѣдки здѣсь, но, къ сожалѣнію, могутъ или погубить, или очень попортить многолѣтнюю культуру рѣдкихъ растений, почему и являются большимъ «минусомъ» Черноморской Ривьеры. Впрочемъ, даже въ Сициліи и въ Египтѣ были случаи пониженія температуры ниже нуля.

— Другой «минусъ» нашихъ краевъ,—продолжаетъ онъ,—чрезмѣрное обиліе осадковъ, заболачивающихъ ровныя площади, покрытыя дѣвственными лѣсами; здѣсь гнѣзда маляріи, составляющей, такъ сказать, третій «минусъ» побережья.

Мы идемъ мимо прудовъ парка.

— Вотъ прудики эти лучше было бы совсѣмъ уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, углубить метра на полтора, такъ какъ личинки малярійныхъ комаровъ при такой глубинѣ стоячихъ или медленно мѣняющихся водъ погибаютъ,—добавляетъ мой собесѣдникъ.

— Но вѣдь въ Гаграхъ маляріи нѣтъ,—говорю я.

— Нѣтъ, но, по пословицѣ «береженаго Богъ бережетъ», все-таки слѣдовало бы обратить вниманіе на пруды и рвы вокругъ старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Тогда всякая опасность появленія здѣсь этого бича нашихъ краевъ будетъ устранена.

— Какіе же плюсы побережья?

— «Плюсовъ» много. Прекрасный, вообще, климатъ, необычайно плодородная почва, богатѣйшіе лѣса, возможность культуры рѣдкихъ растений и плодовъ, красота природы, богатое море и т. д. Съ развитіемъ культуры побережья его «минусы» будутъ стано-

Дворец его высочества принца А. П. Ольденбургского

виться менѣ чувствительными, малярія будетъ постепенно ослабѣвать, количество осадковъ уменьшаться.

Проходимъ черезъ рощицу бамбуковъ и поднимаемся къ большой гостиницѣ мимо агавъ, араукарій, цикасовъ, апельсиновыхъ деревьевъ и другихъ южныхъ растений, посаженныхъ по положому склону.

Большая, иначе «Временная» гостиница—двухэтажное зданіе въ стилѣ шале, съ просторны миномерами, красиво отдѣланными сосной. Крытымъ стекляннымъ проходомъ гостиница соединяется съ большимъ рестораномъ со сценой, обращаемымъ въ случаѣ надобности въ театральнй залъ на триста пятьдесятъ зрителей; вверху балконъ кругомъ всего зала. Неподалеку расположены три другихъ гостиницы; пятая «Приморская», какъ я уже упомянулъ, — въ старой крѣпости, гдѣ помѣщаются зданія администраціи, квартиры служащихъ, пріютъ принца П. Г. Ольденбургскаго (реальное училище и женская гимназія), церковь.

Въ Гагры проведена хрустально-чистая горная вода, электрическое освѣщеніе даетъ даровая сила пущеннаго въ турбины горнаго потока, всюду проведены прекрасныя дороги, канализація, построены водолечебное заведеніе, образцово оборудованныя купальни, и вообще имѣется все, что требуется для современнаго курорта.

— Веѣмъ своимъ благоустройствомъ,—говоритъ мнѣ тотъ же гагринецъ,—Гагры обязаны исключительно его высочеству, любящему свое дѣтище и заботящемуся о дальнѣйшемъ его развитіи. Пока принцъ будетъ жить въ Гаграхъ, мы спокойны за прогрессъ и порядокъ курорта.

Нельзя сомнѣваться, что Гагры имѣютъ большую будущность; подъ именемъ Гагры я разумѣю не только климатическую станцію, расположенную на тридцати десятинахъ между ущельями Жуаквары и Гагринши, но все гагринское побережье, протяженіемъ до двадцати верстъ отъ рѣки Сандринши до Новыхъ Гагръ, благодаря крутымъ, падающимъ къ морю сухимъ склонамъ, свободное отъ малярійнаго плазмодія.

Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія привожу любезно сообщенныя мнѣ въ управленіи станціи цифры о числѣ пріѣзжихъ за три послѣдніе года, зарегистрированныхъ только въ казенныхъ гостиницахъ, но не частныхъ дачахъ, гдѣ также отдаются внаймы комнаты.

Въ 1910 г.—34.000 пріѣзжихъ; въ 1911 г.—46.000; въ 1912 г.—56.000.

Если въ настоящее время при всѣхъ мытарствахъ, связанныхъ съ морскимъ путешествіемъ, число пріѣзжихъ въ Гагры съ каждымъ годомъ увеличивается, то съ осуществленіемъ Черноморской желѣзной дороги, надо полагать, гагринское побережье заперстритъ дачами и пансіонами для удовлетворенія возросшей потребности

въ помѣщеніяхъ. Впрочемъ, и теперь на продаваемыхъ станціей частнымъ лицамъ изъ принадлежащей ей казенной земли (до 14.000 десятинъ) прибрежныхъ участкахъ замѣчается строительное оживленіе; въ полуверстѣ по шоссе на Сочи одинъ предприниматель строить большой пансіонъ-гостиницу съ великолѣпнымъ видомъ на море и горы.

Въ управленіи станціи дѣлопроизводитель С. Н. Д. любезно посвящаетъ меня въ проекты новыхъ сооружений.

— Въ настоящее время расширяется водопроводная и канализационная сѣтъ постепенно вдоль залива въ обѣ стороны отъ станціи до восточной и западной границъ казенной дачи, причемъ канализація устраивается съ біологической очисткой. Вскорѣ же будетъ приступлено къ постройкѣ большой гостиницы, шестой по счету, немного выше и къ востоку отъ «Временной». Изъ болѣе отдаленныхъ проектовъ могу назвать электрической трамвай, также въ обѣ стороны отъ станціи, и портъ въ устьѣ Жуаквары съ вѣткой до линіи Черноморской дороги.

Да, здѣсь, въ Гаграхъ, дѣлается государственное дѣло. Гагрипскій районъ, протяженіемъ до двадцати верстъ береговой полосы, съ болѣе теплой зимой, нежели Алупка и Ялта¹⁾, здоровый и свободный отъ лихорадокъ, призванъ играть роль русской Ментоны и Сапъ-Ремо.

Гостей на пасхальные праздники съѣхалось очень много; всѣ гостиницы, пансіоны и частныя дачи переполнены. Въ паркѣ весь день большое оживленіе; петербургскія и московскія дамы сняли теплые дорожные костюмы и обновляютъ свѣтлые весенніе туалеты, такъ гармонирующіе съ яркимъ солнцемъ и молодой зеленью. Чистильщики сапогъ—мальчишки—снуютъ между публикой и надобдаютъ всѣмъ своимъ вѣчнымъ «чистить надо?»

— Ты кто?—спрашиваю, поставивъ ногу на ящичекъ, черноглазаго мальчугана лѣтъ пятнадцати.

— Грекъ.

— Откуда?

— Изъ Трапезунда.

Замѣчательно, что всѣ здѣшніе греки и турки непременно изъ Трапезунда, который является поставщикомъ трудолюбиваго рабочаго элемента по всему Черноморскому побережью.

Къ пасхальной заутренѣ собирается все православное населеніе Гагръ и приѣзжіе. Маленькая древняя реставрированная церковь не можетъ вмѣстить и четвертой части собравшихся, ко-

¹⁾ Средняя температура трехъ зимнихъ мѣсяцевъ (декабрь, январь и февраль) Ялты—наиболѣе защищеннаго пункта южнаго берега Крыма—равна 5,3°С., а Гагръ 7,9°С.

Приморская аллея в парке.

Временная гостиница.

торые стоятъ подъ навѣсомъ, устроеннымъ передъ церковью, или на дворѣ подъ кипарисами.

Говорятъ, когда русскіе взяли въ іюль 1830 года гагринское укрѣпленіе, то нашли здѣсь хлѣвъ съ животными, и лишь высѣченнѣй надъ входомъ въ камнѣ крестъ указалъ побѣдителямъ истинное назначеніе полуразрушеннаго зданія.

Тихая звѣздая ночь. Собравшіеся стоятъ въ ожиданіи и говорятъ лишь шопотомъ. Но вотъ полночь, какъ огромная безформенная птица, сотканная изъ мрака и легкаго вѣтерка, сорвалась съ ближайшихъ горъ, задѣла своими крыльями гагринскіе колокола и умчалась вдаль, будя одинъ за другимъ безчисленные колокола матушки Руси.

Все вдругъ оживилось, заколыхалось. Процессія выходитъ изъ церкви и изъ крѣпости, спускается среди цвѣтущихъ деревьевъ на берегъ моря и возвращается въ крѣпость черезъ другія ворота. Необычная обстановка Христовой заутрени невольно заставляетъ вспомнить другія пережитыя заутрени на сѣверѣ Россіи, съ голыми деревьями въ оградѣ церкви и съ замерзшими лужицами, хрустящими подъ ногами.

Богослуженіе кончилось. Идемъ черезъ освѣщенные электричествомъ аллеи парка въ ресторанъ большой Гостиницы, куда его высочество пригласилъ разговляться чиновъ управленія гагринской станціи съ женами, дачевладѣльцевъ Гагръ, ихъ гостей и пріѣзжихъ, остановившихся въ гостиницахъ. Самъ принцъ не присутствуетъ по нездоровью, и замѣняющій его начальникъ станціи Б. В. Ш., послѣ благословенія священникомъ трапезы, приглашаетъ садиться. Болѣе трехсотъ человекъ разсаживаются за столами, уставленными всевозможными пасхальными яствами и винами мѣстнаго имѣнія принца «Отрадное». Ливрейные лакеи разносятъ бокалы съ шампанскимъ. Розговѣнье проходитъ весьма оживленно и затягивается до поздняго часа.

II.

Мѣсто, занимаемое нынѣ гагринской климатической станціей, точнѣе—старымъ укрѣпленіемъ,—со временъ сѣдой древности было естественными узкими воротами изъ сѣверной части побережья въ южную; кто владѣлъ Гаграми, тотъ владѣлъ ключомъ всей прибрежной страны и могъ произвольно задерживать или допускать движеніе по берегу.

Во времена Страбона ¹⁾ (63 г. до Р. Х.—23 г. по Р. Х.) здѣсь

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о гагринскомъ районѣ заимствованы изъ сочиненія А. Н. Дьякова-Тарасова «Гагры и ихъ окрестности», Тифлисъ, 1903 г.

Видъ на Тагры съ востока.

можно предполагать пребываніе иніоховъ¹⁾, считавшихся знаменитымъ географомъ, согласно мнѣю объ аргонавтахъ, потомками лакопцевъ изъ Язонова отряда, заселившихъ Колхиду; впоследствии общее названіе иніоховъ распадается на рядъ частныхъ, въ томъ числѣ абасковъ, предковъ нынѣшнихъ абхазцевъ. Географъ Арріанъ, посѣтившій побережье во второмъ вѣкѣ, свидѣтельствуешь, что въ это время Гагринскій хребетъ былъ въ рукахъ абхазскаго племени и Нитика (нынѣшнія Гагры), какъ стратегическій пунктъ, былъ занятъ римскимъ гарнизономъ. Въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ Абхазія, въ томъ числѣ и Гагринское побережье, оставаясь римскою колоніей, подвергалась нападению, послѣдовательно, скифовъ и готовъ (въ II вѣкѣ) и персовъ (въ VI вѣкѣ). Въ 756 году Абхазія объявила свою независимость отъ грековъ, хотя вліяніе послѣднихъ продолжалось вплоть до паденія Восточной Римской имперіи.

Имя Гагръ, въ видѣ Chasagi, впервые попадаетъ на венеціанской картѣ XIII столѣтія; турецкій путешественникъ Эвлия-Эффенди, посѣтившій эту мѣстность въ 1641 году, называетъ ее Какуръ, а по-абхазски Какри. Хотя въ это время турки уже почти столѣтіе (съ 1578 г.) считали Абхазію своей данницей, но Гагры ими не занимались, и власть надъ племенами этого побережья они предоставили мѣстнымъ владѣтелямъ, сильнымъ князьямъ Шервашидзе.

Гагры были заняты десантнымъ отрядомъ генерала Пацовскаго въ іюль 1830 года. Вокругъ церкви была каменная ограда, остатки старинныхъ стѣнъ и башенъ; эти развалины и послужили матеріаломъ для созданія укрѣпленія. Небольшой гарнизонъ въ теченіе многихъ лѣтъ отражалъ набѣги горцевъ, пока послѣдніе мало-помалу не переселились въ Турцію. Съ 1867 года Гагры стали пользоваться полнымъ спокойствіемъ. Около укрѣпленія образовался маленькій поселокъ торговцевъ, куда окрестные абхазцы привозили сельскіе продукты: сыръ, фрукты, вино, кукурузу и проч.

Во время русско-турецкой войны Гагры, подобно другимъ пунктамъ побережья, были оставлены; по окончаніи войны укрѣпленіе было упразднено, и Гагры пришли въ полное запустѣніе, прерывавшееся до 1901 г., т.-е. въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ, одинъ разъ—въ 1890 г., когда производились работы по проведенію Черноморскаго берегового шоссе.

Въ февралѣ 1901 года его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, намѣтивъ Гагры, какъ подходящее мѣсто для осуществленія своей идеи—создать климатическую стан-

¹⁾ По предположенію Страбона, иніохи («возницы») получали свое имя отъ возницъ Діоскуровъ, начальниковъ лакопцевъ—Амфита и Телхиса.

цію для людей съ ограниченными средствами,—ѣхаль сюда съ цѣлой экспедиціей ученыхъ, врачей и техниковъ для окончательнаго выясненія вопроса объ устройствѣ станціи.

Одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи тайный совѣтникъ В. Э. Кетрицъ рассказываетъ о прибытіи въ Гагры и объ одномъ эпизодѣ, характеризующемъ энергичную натуру принца:

«Выходъ въ Гагры былъ чарующимъ. Сравненіе съ французской Ривьерой, изъ которой его высочество прибыль почти безостановочно, дало первенство Гаграмъ какъ по прелести стоявшихъ февральскихъ дней, такъ и обворожительной молодой весенней зелени, покрывавшей горы, которыя на Ривьерѣ и въ Крыму представляютъ голыя скалы.

«Ѣдемъ верхомъ по шоссе, возвышающемуся надъ моремъ сажень на двадцать, и переѣзжаемъ мостъ; кто-то говоритъ, что близъ моста внизу изъ-подъ скалъ вытекаетъ подземная рѣчка. Моментально его высочество соскакиваетъ съ лошади и начинаетъ спускаться съ шоссе къ морю по почти вертикальной тропѣ. По сторонамъ тропы не растетъ ничего, кромѣ злѣйшей колючки, о которую можно только поранить руки и оборвать платье, но схватиться въ случаѣ необходимости немислимо. Мы начали охатъ и пытались удержать его высочество, но это оказалось невозможнымъ: принцъ былъ уже на половинѣ спуска. За нимъ бросился туземный конвой и молодежь. Этого, однако, оказалось мало: приказано было всадникамъ спустить по той же дорогѣ лошадей, что для послѣднихъ было нелегко, несмотря на четыре ноги. Когда лошади были спущены, кавалькада продолжала путь нѣсколькими десятками сажень ниже, по берегу моря».

Экспедиція нашла остатки стараго гагринскаго укрѣпленія, потонувшаго въ густыхъ заросляхъ лианъ и кустарниковъ; изъ рвовъ поднимались старыя фіговыя деревья, а на каменной крышѣ древней церкви росли кусты и даже небольшія деревца. Въ полуразрушенной казармѣ жило нѣсколько лѣсныхъ объѣздчиковъ—единственныхъ обитателей Гагръ.

9-го іюля 1901 года высочайше повелѣно было принцу А. П. Ольденбургскому принять на себя трудъ по устройству Гагринской климатической станціи, и въ октябрѣ того же года его высочество снова прибыль въ Гагры для начала работъ.

В. Э. Кетрицъ передаетъ, что тотчасъ же по высадкѣ на берегъ повсюду закипѣла лихорадочная работа; за всѣмъ, что дѣлалось, слѣдить было трудно, и въ памяти его остались отдѣльныя картины.

«Его высочество,—рассказываетъ онъ,—переходитъ быстро отъ одной группы къ другой. Откуда-то взялась палатка, около которой разбираются ящики съ телеграфными приборами. Изъ земли вырастаетъ огромный столбъ; инженеры, рабочіе что-то кричатъ, вкола-

чиваютъ, ввинчиваютъ. Его высочество поминутно появляется, за нимъ приносятъ нужные предметы; онъ начинаетъ самолично помогать, поддерживать, поднимать, а черезъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа по вступленіи на берегъ изъ палатки, раскинутой въ пустынь, понеслись телеграммы по всей Россіи о появленіи на свѣтѣ Гагрѣ. Одновременно раскидываютъ палатку на одиннадцать человекъ съ отдѣленіями, кроватями, умывальниками, расчищаютъ кругомъ площадки и т. д.».

«Наработавшись досыта, идемъ обѣдать. На столѣ стоятъ три глиняныхъ чашки и лежатъ кучки деревянныхъ ложекъ; вся эта сервировка позаимствована у сторожа лѣсника, такъ какъ сервизъ, предназначенный для Гагрѣ, проѣхалъ мимо на пароходѣ въ Новый Аѳонъ, не остановившись въ Гаграхъ».

«Первый остановившійся въ Гаграхъ пароходъ Русскаго общества,—продолжаетъ рассказывать В. Э. Кетрицъ,—привезъ эшелонъ прислуги, рабочихъ и много багажа. Но въ какую погоду! Дулъ очень сильный вѣтеръ, и волны вздымались на огромную высоту. Наслу спустили фелюгу и отгребли отъ берега. Принявъ наиболѣе страдавшихъ отъ морской болѣзни людей, фелюга направилась къ берегу. Все маленькое населеніе Гагрѣ сгруппировалось около принца и тревожно слѣдило за фелюгой. Былъ ужасный моментъ: подходя къ берегу, фелюгу надо повернуть къ нему кормой; захвати волна фелюгу на половинѣ поворота, и готово: кого бы вынесло, кого унесло, кого накрыло бы перевернувшимся суденышкомъ. Но, слава Богу, поворотъ совершился благополучно. Волна поддаетъ фелюгу къ берегу и тутъ же относитъ ее назадъ; лоцманъ бросаетъ конецъ, но никто не подготовленъ принять его. Въ этотъ опасный моментъ его высочество бросается къ волнѣ, хватается конецъ, тащитъ его. Видя, что надо дѣлать, всѣ стоящіе на берегу подхватываютъ, и фелюга съ людьми вытащена. Не подоспѣй его высочество, мореплавателямъ угрожала еще разъ очень неприятная морская ванна съ возможными осложненіями».

Работы по сооруженію гагринской климатической станціи были закончены въ концѣ 1902 года, и 9-го января 1903 года послѣдовало торжественное открытіе ея. Во второе десятилѣтіе своего существованія станція вступила при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: развитіе ея идетъ быстрымъ темпомъ впередъ, и популярность все возрастаетъ.

III.

Пользуясь хорошей погодой, отправляюсь въ экскурсію вверхъ по Гагринской горѣ. Удобная альпійская дорожка вьется зигзагами по грабовому и буковому лѣсу; на развѣтвленіяхъ, на при-

Шоссе на Сочи.

дорожныхъ камняхъ съ извѣстными промежутками нарисованы условные знаки. Словомъ, совсѣмъ какъ въ Швейцаріи.

Отъ времени до времени останавливаюсь и люблюсь широко раскинувшейся грандіозной панорамой. Прямо передо мною стоитъ стѣна моря; оно какъ бы поднялось вмѣстѣ со мной и отсюда, съ высоты, кажется еще синѣе, еще прекраснѣе. Весь гагринскій берегъ покрытъ могучей растительностью; здѣсь ее не насаждаютъ, какъ въ Крыму, а, наоборотъ, борются съ ней, какъ съ врагомъ.

Дорожка поворачиваетъ въ узкое ущелье рѣчки Жуаквары и вьется высоко надъ долиной, мѣстами высѣченная въ скалахъ. Нѣсколько поворотовъ, и я вижу передъ собой замыкающія короткую долинку скалистыя горы, выше которыхъ сверкаютъ на солнцѣ снѣговья вершины. Здѣсь, гдѣ однимъ взоромъ обнимаешь ярко-голубую гладь моря, живописную узкую долинку съ крутыми склонами, поросшими густой зеленью, голыя скалы и вѣнчающіе ихъ снѣга, звучитъ громкій аккордъ красоты природы, и я долго не могу оторваться отъ чарующей картины.

Спускаясь другой дорогой, выхожу на Сухумское шоссе къ строящемуся новому зданію реального училища, иначе—пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго. Противъ училища на берегу моря—огородъ и плодовый садъ.

— У насъ обязательныя практическія занятія по огородничеству и садоводству,—разсказываетъ сопровождающій меня ученикъ.—Каждому изъ насъ дается участокъ земли, который долженъ быть выкорчеванъ, очищенъ отъ камней; затѣмъ землю просѣваемъ и изъ нея устраиваемъ грядки. Тяжелыя работы—корчевку, уборку камней—дѣлаемъ сообща. Весной грядки засаживаемъ разными растеніями. Принцъ лично провѣряетъ наши успѣхи.

Далѣе по тому же Сухумскому шоссе въ пяти верстахъ отъ Старыхъ Гагръ, какъ иначе называютъ климатическую станцію, образовался большой поселокъ Новыя Гагры, обѣщающій превратиться въ городокъ. Развитію Новыхъ Гагръ косвенно способствовало управленіе климатической станціи, не позволившее «духанщикамъ» и «кефеджи» (содержатель кофеини) основываться на территоріи станціи, почему послѣдніе и перенесли свою дѣятельность на частновладѣльческія земли, нынѣ Новыя Гагры.

— Посмотрите, чѣмъ Новыя Гагры не городъ. Есть и «Грандъ-отель»,—смѣется мой спутникъ, указывая на маленькій въ четыре окна двухъэтажный домикъ съ горделивой надписью «Грандъ-отель». Вѣроятно, содержатель «отеля» грекъ, страдающій маніей величія. Кавказцы и турки скромнѣе: ихъ мечты не идутъ далѣе духана и кофеини.

Еще далѣе, въ пяти верстахъ отъ Новыхъ Гагръ къ Сухуму имѣніе принца «Отрадное», гдѣ осматриваемъ образцово поставленное животноводство, садоводство и винодѣліе.

— Его высочество,—говорит сопровождающій насъ служитель,—лично руководить имѣніемъ, пріѣзжая сюда каждый день, иногда даже по два раза.

Выѣзжаю изъ климатической станціи къ сѣверу по шоссе на Сочи. На базарной площади, въ устьѣ ущелья Жуаквары, нашъ возница-мингрелецъ приостанавливаетъ лошадей и проситъ подвести знакомаго турка. Разрѣшеніе дано, и турокъ садится рядомъ съ кучеромъ. Между ними начинается разговоръ по-турецки, но черезъ двѣ-три минуты собесѣдники переходятъ на русскій.

— Почему вы заговорили по-русски?—спрашиваю кучера.

— Такъ лучше понимаемъ другъ друга,—отвѣчаетъ онъ улыбаясь.

На Кавказѣ русскій языкъ—это языкъ международный, языкъ высшей культуры; считаю не лишнимъ отмѣтить этотъ фактъ, впрочемъ, извѣстный, пріятный для нашего самолюбія.

Шоссе проложено по такъ называемому «Гагринскому карнизу»—крутымъ, падающимъ въ море склонамъ. Дорога поднимается выше и выше, открывая все новые виды на кутающееся въ лазоревую дымку гагринское побережье. Склоны заросли морской сосной, лавромъ, каштаномъ, грабомъ, дубомъ; попадаются фиговые деревья, маслины,—быть можетъ, потомки изъ садовъ нѣкогда существовавшей здѣсь древней римской колоніи Нитики. Мѣстами большія площади лѣса покрыты сплошнымъ ковромъ цвѣтущихъ кустовъ азалий. Набираю въ коляску цѣлыя охапки желтыхъ душистыхъ цвѣтовъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать этой прекрасной мѣстности большую будущность; теперь же здѣсь не болѣе пяти дачъ на протяженіи тринадцати съ половиною верстъ.

У деревни Пиленковой (съ русскимъ и молдавскимъ населеніемъ пополамъ) шоссе окончательно спускается къ морю. Останавливаемся у развалинъ древняго храма VI или VII столѣтія, заросшихъ плющемъ и дикимъ виноградомъ; храмъ имѣлъ въ длину семь сажень и въ ширину четыре сажени. Часть стѣпъ и куполообразный сводъ надъ алтаремъ прекрасно сохранились и, какъ говорятъ, существуетъ проектъ реставраціи храма.

Вдали на горкѣ виднѣется маленькая деревянная Пиленковская церковь.

«Какъ странно,—думается мнѣ:—древніе обитатели этого мѣста соорудили большой храмъ, пережившій двѣнадцать вѣковъ и до сихъ поръ въ развалинахъ сохранившій слѣды своего прежняго величія; нынѣшніе же въ XX вѣкѣ могли построить лишь маленькую убогую церковку».

Въ шестнадцать вестяхъ отъ Гагръ въ Муравьевской лѣсной дачѣ по проекту казны долженъ возникнуть новый городъ дачнаго типа. Нарѣзаны городскіе и культурные участки, которые раздаются

частнымъ лицамъ въ аренду съ правомъ выкупа послѣ обязательной культуры части площади участка и постройки на немъ дома. Намѣчены два базара, мѣсто для церкви и кладбища, городской паркъ, приморскій бульваръ, прорублены широкія просѣки—будущія улицы. Пока же Ермоловскій посадъ,—такъ называется временно новый городъ ¹⁾),—площадь въ десять-двѣнадцать квадратныхъ верстъ дѣвственнаго лѣса съ двумя десятками дачъ и съ восьмью-десятью интеллигентными лицами, живущими здѣсь круглый годъ.

Я и инженеръ И. Г. В., одинъ изъ пионеровъ новаго города, уже построившій въ Ермоловскѣ много дачъ, идемъ по «улицѣ», тянущейся отъ моря версты на двѣ. По обѣимъ сторонамъ ея высокія стѣны могучаго вѣкового лѣса. Какое-то жуткое чувство овладѣваетъ мной; кажется, что лѣсные великаны, недовольные дерзкими пришельцами, вотъ-вотъ сомкнутся и задушатъ насъ въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ.

— Лѣсъ здѣсь нашъ врагъ,—говоритъ инженеръ.—Съ трудомъ отвоевываемъ мы каждую пядь земли для культуры, но онъ вновь стремится вернуть ее себѣ. Онъ, какъ живое существо, борется за свое существованіе и ревниво хранитъ отъ человѣка свои тайны. Производительная сила земли здѣсь такова, что, кажется, любая вѣтка, воткнутая въ землю, пускаетъ ростки.

Входимъ въ лѣсъ. Колоссальные буки, дубы, вязы и грабы оплетены плющомъ, дикимъ виноградомъ, ліанами; подлѣсье изъ вѣчно зеленыхъ буксуса (самшита или кавказской пальмы), падуба (остролистника) и другихъ, также барбариса, кратегуса, каприфоля.

Нога вязнетъ въ сыроватой глинистой почвѣ, остролистный падубъ и другія колючки царапаютъ руки, рвутъ платье; плющъ и ліаны переплетаютъ деревья, взбираются по нимъ, образуютъ надъ кронами зеленые фонтаны, падаютъ внизъ на кусты, устилая, какъ ковромъ, подлѣсье. Ландшафтъ напоминаетъ видѣнные на картинахъ изображенія лѣсовъ третичной эпохи. Безъ топора черезъ этотъ лѣсъ невозможно пробраться.

— Здѣсь встрѣча понтійской флоры съ средиземно-морской и даже американской, представителемъ которой является не существующее нигдѣ болѣе въ Европѣ такое развитіе древесныхъ ліанъ,—говоритъ В.

Гдѣ-то слышатся удары топора и трескъ рушащагося лѣснаго великана.

— Слава Богу, однимъ маленькимъ врагомъ меньше!—смѣется инженеръ.

¹⁾ Предположено назвать его Ермоловскомъ въ честь предсѣдателя комиссіи по благоустройству Черноморскаго побережья члена государственнаго совѣта А. С. Ермолова.

Мѣстность становится выше и суше. Выходимъ на обширную плантацію мандариновъ—оазисъ среди дремучаго лѣса. Деревца стоятъ безъ листвы, погибшей отъ февральскаго заморозка. Домикъ и сторожка обсажены угѣлѣвшими эвкалиптами.

— Болѣете маляріей?—спрашиваю сторожа.

— Да.

— А чѣмъ лечитесь?

— Пьемъ чай изъ листьевъ этихъ эвкалиптовъ. Помогаетъ хорошо.

Вечерѣть. Заходящее солнце золотитъ верхушки ближняго лѣса; надъ нимъ синѣютъ дальнія горы, увѣнчанныя снѣговыми вершинами. Вотъ солнце погасло. Здѣсь, внизу, ложатся вечернія тѣни; синія горы потемнѣли, и только снѣговой хребетъ медленно тухнетъ, проходя всю гамму оттѣнковъ отъ розоваго до темно-фіолетоваго.

Спускаемся на шоссе къ рѣчкѣ Гнилушкѣ—этой «*bête noire*» будущаго города. Рѣчка, — скорѣе старица другой ближайшей рѣчки (Лапсты),—вѣчно заносимая въ своемъ устьѣ пескомъ и гравіемъ съ моря, не можетъ пробиться къ послѣднему, застаивается и служитъ очагомъ маляріи для Ермоловска, свирѣпствующей здѣсь въ августѣ и сентябрѣ. Неудачная осушительная канава, проведенная по всей территоріи будущаго города не перпендикулярно, а параллельно къ морю съ выходомъ въ Гнилушку, еще болѣе усилила пагубное вліяніе послѣдней. Съ шоссеинаго моста замѣчаю плывущихъ въ Гнилушкѣ двухъ сцѣпившихся черепахъ, затѣмъ черную змѣю. Большія зеленыя лягушки сидятъ по берегамъ въ камышахъ и звучно квакають.

— Мы ждемъ, не дождемся уничтоженія этой ужасной Гнилушки,—говоритъ В.—Мѣстное земельное управленіе составило цѣлесообразный проектъ засыпки Гнилушки, но центральное вѣдомство не согласно съ послѣднимъ и выработало контръ-проектъ—суженія и урегулированія теченія (кстати сказать почти не существующаго) Гнилушки. На этомъ дѣло и остановилось, и нашимъ страданіямъ не предвидится конца.

Надо только удивляться, что земельное управленіе, уже около пятнадцати лѣтъ раздающее здѣсь участки, не приняло такихъ примитивныхъ мѣръ къ оздоровленію отъ маляріи мѣстности, какъ уничтоженіе злосчастной Гнилушки. Будемъ надѣяться, что вѣдомство исполнитъ въ недалекомъ будущемъ свой прямой долгъ и обязанность—оздоровитъ мѣстность, гдѣ оно требуетъ отъ арендаторовъ, будущихъ землевладѣльцевъ, производства культурныхъ работъ и возведенія жилыхъ домовъ.

— Еще большой вопросъ у насъ—это дороги-улицы. Я двѣнадцать лѣтъ тому назадъ заплатилъ казнѣ дорожный сборъ на устройство и вѣчное содержаніе въ порядкѣ улицы, на которую выходить

мой участокъ; между тѣмъ улица эта до сихъ поръ не замощена и почти круглый годъ изъ-за вязкой глинистой почвы непроѣзжа; даже волы—и тѣ отказываются тащить арбы¹⁾.

Остаюсь ночевать у В. Онъ меня предупреждаетъ.

— Ночью у насъ лягушки задаютъ оглушительные концерты, ночныя птицы свистятъ безъ умолку, шакалы воютъ, какъ истерички.

Однако, утомленный дневными хожденіями, засыпаю, какъ убитый, и не слышу ночныхъ «звуковъ города».

— Да, мѣсто для будущаго города—на ровной площади у моря и на фонѣ снѣговыхъ горъ—выбрано удачно,—говорю ѣдущему со мной обратно въ Гагры инженеру В.—Но, мнѣ кажется, пока кругомъ не разовьется сельскохозяйственная культура, вырабатывающая дешевые пищевые продукты, и пока не будетъ удобнаго общенія,—нечего рассчитывать на заселеніе Ермоловска.

— Совершенно вѣрно—соглашается В.—Мы сильно надѣемся, что толчокъ къ оживленію мѣстности дастъ начало постройки Черноморской желѣзной дороги.

Уѣзжаю изъ Гагръ вмѣстѣ съ другими пасхальными гостями. Судя по разговорамъ на пароходѣ, приѣзжая публика осталась довольна своимъ визитомъ въ Гагры; лишь кое-кто замѣчаетъ о недостаткѣ мѣста для прогулокъ, о томъ, что въ Гаграхъ, вообще, тѣсно между моремъ и горами для привыкшей къ простору русской души.

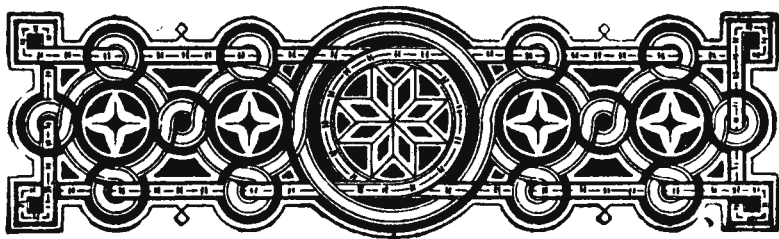
Догораетъ тихій весенній день. Лѣсистыя гагринскія горы мягко очерчиваются на свѣтломъ еще небѣ, опрокидывая свои вершины въ зеркальную гладь моря. Розово отсвѣчиваютъ на заходящемъ солнцѣ окна дворца, гостиницъ и дачъ. Но зелень уже потемнѣла и сливается въ одну неясную массу.

Отходить берегъ все дальше и дальше и тонетъ въ сумеркахъ наступающей ночи.

В. Вейденбаумъ.

¹⁾ Съ 1914 года вѣдомство приступаетъ къ моссированію улицъ и урегулированію теченія Гяндлушки. В. В.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Взятіе Парижа и его значеніе въ русской исторіи.

ЕВЯТНАДЦАТАГО марта 1914 года исполняется столѣтіе съ того дня, какъ Парижъ сдался на капитуляцію императору Александру I и союзнымъ войскамъ, бывшимъ подъ его предводительствомъ. Успѣхъ этотъ, завершившій собою борьбу Европы съ Наполеономъ, купленъ былъ кровію главнымъ образомъ русскихъ воиновъ, штурмовавшихъ въ бою 18-го марта предмѣстія Парижа: изъ 8,400 союзниковъ, павшихъ въ этотъ день, русскихъ было 6.000. За взятіемъ Парижа послѣдовало отреченіе Наполеона отъ престола и отъѣздъ его на островъ Эльбу. Европа, стоявшая подъ игомъ гениальнаго корсиканца, провозгласила русскаго императора своимъ освободителемъ. Велика была слава Александра: въ это время, по всеобщему признанію, онъ являлся Агамемнономъ въ совѣтѣ царей.

Въ Россіи также восхищены были славою русскаго оружія, и многіе во взятіи Парижа видѣли справедливое возмездіе за пожаръ Москвы въ 1812 г., а въ низверженіи Наполеона—гарантію будущаго спокойствія Россіи и Европы. Но когда прошелъ угаръ первыхъ восторговъ, когда начали подсчитывать барыши и убытки и вникать глубже въ смыслъ совершившихся событій, то на наши заграничныя походы 1813 и 1814 гг. стали смотрѣть, какъ на событія, прискорбныя для Россіи, а къ судьбѣ и личности Наполеона относиться съ сожалѣніемъ. Выразителемъ этого общественнаго на-

строенія явился тогда только что начинавшій свое поэтическое поприще—Пушкинъ.

Нынѣ столѣтняя историческая перспектива событій, бывшихъ естественнымъ послѣдствіемъ взятія Парижа въ 1814 г., успѣхи исторической науки, сдѣлавшіе многое тайное явнымъ, и даже современное политическое положеніе Европы, живущей на вулканѣ и со дня на день ждущей изверженія,—заставляютъ признать справедливость мнѣнія лучшихъ русскихъ людей Александровскаго времени, что война съ Наполеономъ 1813 и 1814 гг., закончившаяся взятіемъ Парижа, была крупной политической ошибкой со стороны Россіи и торжествомъ враждебныхъ ей началъ, надолго установившихъ свое вліяніе на внѣшнія и внутреннія ея судьбы. Священный союзъ, содѣйствіе грозному росту германизма, уклоненіе отъ историческихъ задачъ Россіи во внѣшней политикѣ и мертвенный застой внутри государства,—вотъ печальныя и долговременныя послѣдствія участія Россіи въ войнѣ за «освобожденіе» Европы! И это куплено было кровью 100.000 русскихъ воиновъ и дефицитомъ въ 530 милліоновъ рублей, не считая другихъ огромныхъ жертвъ! Если взятіе Парижа было національнымъ торжествомъ для Англіи, Австріи, Пруссіи, жаждавшихъ униженія Франціи на долгое время, то для Россіи оно не принесло и не могло принести ничего, кромѣ серьезныхъ жертвъ въ настоящемъ и живыхъ опасеній въ будущемъ. Какъ ни увлеченъ былъ императоръ Александръ германофильскими симпатіями и личнымъ чувствомъ соперничества къ Наполеону, онъ не могъ не сознавать, что у Россіи и Франціи нѣтъ основаній для вражды. Отсюда его постоянныя заявленія французамъ, даже подъ стѣнами Парижа, что онъ ведетъ войну не съ Франціею, а съ Наполеономъ. Заявленія эти были совершенно справедливы, но союзники Александра, очевидно, не соглашались съ нимъ, лишивъ Францію всѣхъ ея прибрѣтеній съ 1792 г. и округливъ свои собственныя владѣнія на ея счетъ.

Сами французы сознавали, что имъ нечего дѣлить съ русскими, и, вѣря заявленіямъ Александра, надѣялись на его заступничество въ пользу Франціи отъ притязаній истинныхъ враговъ ея: Пруссіи и Австріи.

«Если что порадовало меня при нашемъ вступленіи въ Парижъ,—писалъ Александръ матери въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ:—то именно способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы вступили въ него не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами: это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу (*si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est-à-dire, non en conquerants ou ennemis, mais en veritables amis de ceux, qui avaient été si longtemps nos plus cruels ennemis.*

C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre». Но, разумѣется, союзники преслѣдовали реальные свои интересы и осуществляли ихъ, не обращая вниманія на сентиментальныя слова Александра, столь противорѣчившія его дѣламъ: безъ настойчивыхъ убѣжденій Александра и безъ самоотверженнаго содѣйствія русскихъ войскъ они не осмѣлились бы даже перейти Рейвъ, не только мечтать о вступленіи въ Парижъ! И Александръ почувствовалъ себя въ двусмысленномъ положеніи. Не имѣя никакихъ притязаній къ Франціи въ сферѣ русскихъ интересовъ, Александръ сгѣшится устраниться отъ веденія мирныхъ переговоровъ Франціи съ союзниками, умѣривъ насколько возможно ихъ аппетиты, и для этой цѣли совершить поѣздку въ Англію, «чтобы не оставаться на мѣстѣ (въ Парижѣ), что было бы мнѣ не особенно пріятно», писалъ онъ. Но союзники не выпустили Александра изъ Парижа до самаго заключенія мирнаго трактата съ Франціей 18-го мая 1814 года, по которому она лишалась населенія въ 15.360,000 человекъ. По этому трактату Россія не только ничего не приобрѣтала, но даже имя ея скромно терялось въ сонмѣ союзниковъ императора австрійскаго Франца. «Странно,—писалъ по этому поводу даже французъ-эмигрантъ Крестинъ, натурализовавшійся въ Россіи,—что въ Парижскомъ трактатѣ Россія упоминается какъ какой-нибудь Мекленбургъ или другое ничтожное княжество, что ни ея имя, ни имя ея государя вовсе въ немъ не обозначены и что она просто подразумевается въ числѣ союзниковъ вѣнскаго двора. Я предпочелъ бы, чтобы трактатъ этотъ заключенъ былъ между королемъ французскимъ и русскимъ императоромъ съ его союзниками, а не съ апостолическимъ австрійскимъ императоромъ съ его союзниками, какъ значится въ трактатѣ, потому что въ дѣйствительности Россія играла первую роль въ этомъ дѣлѣ и должна стоять на первомъ планѣ». Но въ дѣлѣ расчлененія Франціи Александру не оставалось ничего другого, какъ стать за ширмы и умыть себѣ руки, предоставивъ главную роль друзьямъ своимъ, нѣмцамъ. О вознагражденіи собственно Россіи изъ огромнаго наслѣдства Наполеона рѣчь должна была пойти на конгрессѣ въ Вѣнѣ...

Александръ чувствовалъ, что до нѣкоторой степени обманулъ ожиданія французовъ, и тѣмъ болѣе старался заслужить ихъ расположеніе. Самыя строгія мѣры приняты были для избѣжанія столкновеній между русскими, составлявшими гарнизонъ Парижа, и его жителями. Скоро русскіе почувствовали себя плѣнниками въ завоеванномъ городѣ. Знаменитый впослѣдствіи Н. Н. Муравьевъ-Карскій такъ описывалъ ихъ положеніе: «Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались наряды, такъ что солдату въ Парижѣ было труднѣе, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ.

Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ встрѣчали на улицѣ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе къ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ остались во Франціи. Офицеры тоже имѣли своихъ притѣснителей. Первый изъ нихъ былъ генераль Сакенъ (русскій нѣмецъ), который былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Парижа и всегда держалъ сторону французовъ. Комендантомъ Парижа сдѣлали Рошешуара, флигель-адъютанта государева. Онъ былъ родомъ французъ и въ числѣ тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но въ сущности, какъ многіе судили, съ единственною цѣлью миновать бѣдствія и труды, которые соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ, почему и терпѣли его. Онъ окружился французамъ, которыхъ поддерживалъ, и давалъ имъ всегда преимущество надъ нашими, такъ что цѣль государя была вполне достигнута: онъ приобрѣлъ расположеніе къ себѣ французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска». Особенно недовольны были войска шимаціемъ, которое Александръ выказывалъ, наравнѣ съ этимъ, нѣмцамъ и полякамъ. Настроеніе это сказывалось впоследствии даже въ Россіи. Такъ, по разсказу М. И. Муравьева-Апостола, во время семеновской исторіи великій князь Михаилъ Павловичъ, допрашивая вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ о причинѣ ихъ волненія, услышалъ изъ рядовъ ихъ отвѣтъ: «То, что вы промѣняли насъ на нѣмцевъ». Дѣло было вечеромъ, и дерзновеннаго солдата, сказавшаго эти слова, такъ и не нашли, несмотря на всѣ старанія. Самъ императоръ вызвалъ въ Парижъ, во второй пріѣздъ свой туда въ 1815 г., неповиновеніе Ермолова, которому дано было приказаніе посадить на английскую (!) гауптвахту двухъ русскихъ полковыхъ командировъ за то, что какой-то несчастный взводъ сбился съ ноги. Въ концѣ концовъ полковники были все-таки арестованы. По словамъ князя С. Г. Волконскаго, Александръ вообще «крутенько» обращался съ русскими генералъ-и флигель-адъютантами и бывалъ очень любезенъ съ иностранцами. «Каждый изъ русскихъ,—говорилъ онъ,—или плуть, или дуракъ». Для Александра, по замѣчанію одного изъ его біографовъ, важнѣе всего было знать: что скажетъ Европа? Что скажетъ Россія, это Александру было, повидимому, безразлично. Съ высоты своего европеизма онъ смотрѣлъ на Россію, какъ на чуть ли не отвлеченную величину, интересную для него лишь въ качествѣ объекта для возвышенно-гуманныхъ преобра-

зовательныхъ плановъ, долженствовавшихъ дать ему европейскую славу».

По возвращеніи въ Россію, въ іюль 1814 года, императоръ Александръ узналъ объ огромной суммѣ въ 375,000 рублей, собранной редакторомъ и основателемъ «Русскаго Инвалида», коллежскимъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ для раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ. Тогда же, высочайшимъ повелѣніемъ 18-го августа, учрежденъ былъ комитетъ, куда переданы были и деньги, собранныя Пезаровіусомъ, для того, чтобы «пещись о доставленіи возможности вспомошествованія немущимъ и изувѣченнымъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ и представлять о нихъ государю чрезъ графа Аракчеева». Кромѣ пожертвованій, комитетъ располагалъ и суммами оныхъ казны; 1,200 офицеровъ, получавшихъ пенсіи отъ Пезаровіуса, продолжали также ими пользоваться. 30-го августа изданъ былъ манифестъ, объявлявшій признательность императора всѣмъ сословіямъ русскаго народа за ихъ участіе въ Отечественной войнѣ. Въ немъ возвѣщалось о ежегодномъ торжественномъ чествованіи дня избавленія Россіи отъ непріятельскаго нашествія, о дарованіи духовенству особаго наперснаго креста, дворянству и воинству особыхъ медалей, купечеству «благоволенія и благодарности», а мѣщанству и крестьянству объявлялось, что съ нихъ не будетъ нѣкоторое время производимо рекрутскихъ наборовъ и что, впрочемъ, они «получатъ мзду свою отъ Бога». Въ концѣ манифеста народу даровались разныя льготы и милости въ девятнадцати статьяхъ, а въ послѣдней объявлялось всеобщее прощеніе всѣмъ лицамъ, которыя въ продолженіе войны пристали «къ неправой, Богу и людямъ ненавистой сторонѣ злонамѣреннаго врага». Послѣдняя статья относилась, главнымъ образомъ, къ полякамъ и евреямъ, потому что съ русскою стороны измѣнниковъ не оказывалось, за исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ случаевъ, въ которыхъ виновные понесли жестокое наказаніе. Но въ статьѣ о воинствѣ Александръ лично внесъ прибавленіе въ манифестъ: «Надѣмся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привести въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства». «Слова эти,—говоритъ Шильдеръ,—ясно предвѣщали новое бѣдствіе для русскаго народа: устройство въ близкомъ будущемъ военныхъ поселеній».

Будущаго устроителя ихъ, графа Аракчеева, императоръ Александръ старался сдѣлать популярнымъ въ арміи, поручивъ ему предстательство предъ собою за раненыхъ воиновъ ко комитету 18-го августа. «Для разсмотрѣнія ихъ просьбъ и скорѣйшаго вспомошествованія нуждающимся,—напечатано было въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 67),—государь императоръ назначилъ особенный комитетъ, который будетъ доводить оныя до свѣдѣнія всемилосерднаго

отца и монарха, чрезъ преданнаго ему и отечеству съ совершенно русскимъ усердіемъ генерала, графа А. А. Аракчеева. И—вотъ испѣлены раны русскаго воинства: ибо кто съ Александромъ Побѣдоноснымъ съ храбростію подвизался за дѣло свободы и правды. того Александръ-отецъ съ любовію пріемлетъ въ свои объятія!»

Но настроеніе арміи, возвращавшейся въ Россію изъ-за границы, было далеко не подѣ стать аракчеевскому «русскому усердію» и аракчеевскимъ порядкамъ. Насмотрѣвшись заграничныхъ порядковъ, офицеры и даже солдаты иначе относились къ тому, что увидѣли у себя на родинѣ. Отсюда народженіе тайныхъ кружковъ и обществъ среди передового офицерства, задумавшаго «пересадить Францію въ Россію», отсюда попытки сопротивленія въ солдатской средѣ палочной дисциплинѣ и истязаніямъ. Сначала были послабленія: узду натягивали не сразу. Въ Петербургѣ, какъ и во время пребыванія въ Парижѣ, офицерамъ даже дозволено было нѣкоторое время щеголять внѣ службы въ штатскомъ платьѣ. Но затѣмъ введена была суровая дисциплина, строже прежней, и на роли вводителѣ ея назначаемы были люди не русскаго происхожденія, преимущественно изъ нѣмцевъ. Особенно прославился своими жестокостями командиръ Калужскаго полка Шварцъ (родомъ еврей), именемъ котораго названо было кладбище замученныхъ солдатъ. Ему-то поручили затѣмъ знаменитый Семеновскій полкъ, гдѣ стараніями передовыхъ офицеровъ уничтожены были тѣлесныя наказанія. Извѣстно, чѣмъ кончилась попытка Шварца по-своему дисциплинировать семеновцевъ... Любимый императоромъ полкъ былъ раскассированъ по армейскимъ полкамъ, а нѣкоторые подвергнуты и другимъ наказаніямъ. «Будьте покойны,—говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ принцу Гессенъ-Гамбургскому,—императоръ предоставилъ мнѣ примѣнять самыя крутыя мѣры. Императоръ не филантропъ». Исполненіе и отвѣтственность предъ Россіей за крутыя мѣры Александра принялъ на себя Аракчеевъ, казавшійся всемогущимъ только потому, что былъ выразителемъ негласныхъ распоряженій и взглядовъ Александра. Главными помощниками его явились нѣмцы, въ скоромъ времени заполнившіе собою высшія должности въ русской арміи, какъ болѣе надежные, чуждые «вольномудства»... Любопытно знать участь русскихъ солдатъ, во множествѣ, по свидѣтельству Муравьева, оставшихся во Франціи...

Извѣстно, что послѣ 1812 года Наполеонъ болѣе, чѣмъ когда-либо, желалъ сблизенія съ Россіей и, чтобы сдержать Австрію и Пруссію, готовъ былъ на всевозможныя уступки. Шла рѣчь объ уступкѣ Россіи герцогства Варшавскаго, объ исправленіи границъ Россіи по Нѣману (Мемель) и даже Вислѣ (Данцигъ). Императоръ Александръ, однако, рѣшительно отклонялъ всѣ попытки Наполеона войти съ нимъ въ непосредственныя переговоры, предлагая

посредничество Пруссіи и Австріи, которымъ Наполеонъ не придавалъ сначала значенія и не хотѣлъ ничего уступать. Этотъ образъ дѣйствій Александра Наполеонъ объяснялъ мстительностью съ его стороны. Но онъ былъ на руку Англійи и германскимъ державамъ, хотя онѣ не понимали побужденій императора, не вѣрили долго искренности его и до самаго взятія Парижа боялись сепаратнаго соглашенія Россіи съ Франціей. Даже король прусскій готовъ былъ примириться съ Наполеономъ, не довѣряя самоотверженію Россіи и боясь потерять уже пріобрѣтенное. Только настойчивость императора Александра, основанная на затаенномъ въ глубинѣ сердца желаніи низвергнуть своего соперника съ престола, побудила союзниковъ внести войну въ предѣлы Франціи. Разумѣется, послѣ взятія Парижа чувства союзниковъ къ Александру измѣнились: видя военную мощь Россіи, они въ Александрѣ боялись увидѣть новаго Наполеона. Вѣнскій конгрессъ, куда европейскіе государи и ихъ послы явились дѣлать наполеоновское наслѣдство, обнаружилъ ихъ истинныя чувства къ своему Агамемнону и Россіи. Уже Англія и германскія державы готовы были отказать Россіи въ какомъ бы то ни было вознагражденіи за понесенныя ею жертвы, и только угроза войны и возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставили ихъ согласиться на присоединеніе къ Россіи герцогства Варшавскаго, подъ новымъ названіемъ царства Польскаго, но отъ него отрѣзаны были Познань и городъ Торнъ—въ пользу Пруссіи, западная Галиція—въ пользу Австріи, а Краковъ объявленъ былъ вольнымъ городомъ. Другими словами, сдѣлано было все возможное, чтобы обездѣнить русское пріобрѣтеніе, а въ то же время въ полякахъ, новыхъ подданныхъ русскаго царя, зародить чувства неудовольствія по поводу новаго раздѣла Польши и экономической зависимости отъ германскихъ державъ. Мало того, что Александръ согласился на эти урѣзки герцогства Варшавскаго: онъ уступилъ Австріи пріобрѣтенную отъ нея въ 1809 году Тарнопольскую область съ 400.000 душами коренного русскаго населенія! Объ исправленіи русской границы по Нѣману (Мемель) на вѣнскомъ конгрессѣ не было и рѣчи.

Такъ покончено было дѣло о вознагражденіи Россіи за ея жертвы для освобожденія Европы на вѣнскомъ конгрессѣ! Въ дѣйствительности, дѣло обстояло еще хуже для интересовъ Россіи. Желая возстановить Польшу и успокоить поляковъ за вѣнскій раздѣлъ герцогства Варшавскаго, императоръ Александръ объявилъ на конгрессѣ свое намѣреніе дать Польшѣ конституціонный образъ правленія и, кромѣ того, присоединить къ ней области, доставшіяся Россіи при Екатеринѣ по тремъ раздѣламъ Польши и населенныя преимущественно малороссами и бѣлороссами. Эти намѣренія Александра привели въ восторгъ союзниковъ Россіи: «Этимъ,—говорили ихъ представители,—Россія отогрѣеть у себя на груди

змѣю и сдѣлается безопасной для Европы». Полякамъ конституція была дана, но о присоединеніи къ Польшѣ западно-русскаго края Александръ не рѣшился даже заговорить въ Петербургѣ, а потомъ вынужденъ былъ совсѣмъ оставить эту мысль...

Болѣе всего заботился императоръ Александръ на вѣнскомъ конгрессѣ о вознагражденіи самой дорогой его сердцу державы— Пруссіи: ей отчасти принесъ онъ въ жертву интересы даже любимой своей Польши. «Упорствуя относительно Польши,—говорили англійскіе уполномоченные,—Россія соглашается на всѣ уступки въ пользу Пруссіи и не видитъ, что противъ нея растетъ колоссъ». Что было ясно для англичанъ еще въ 1814 году, то въ Россіи, къ сожалѣнію, не хотѣли знать даже при Александрѣ II, истинномъ виновникѣ объединенія Германіи. Дѣйствительно, крупными своими пріобрѣтеніями изъ наполеоновскаго наслѣдства Пруссія обязана была исключительно Александру I, который для поддержанія прусскихъ вождѣлѣній готовился даже вступить въ борьбу съ коалиціей Австріи, Англійи и Франціи, уже заключившихъ между собою союзный договоръ по мысли Талейрана. Внезапное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило союзниковъ пойти на уступки Александру и спасло Россію отъ новой войны за чужіе интересы. Но что сказалъ бы Александръ, если бы зналъ, что именно въ это время Пруссія мечтала предать его коалиціи, если бы не боялась повредить измѣной самой себѣ? «Намъ хорошо извѣстны честолюбивые замыслы Россіи,—говорилъ прусскій канцлеръ Гарденбергъ,—и они подали уже поводъ къ столь серьезнымъ объясненіямъ, что если бы мы были въ состояніи вести войну и встрѣтили бы поддержку со стороны прочихъ державъ, то война была бы объявлена очень скоро; съ другой стороны, несомнѣнно, что если Россія получитъ Польшу, то года черезъ три—самое позднее, у насъ будетъ война, которой мы такъ стараемся избѣгнуть». На австрійцевъ и пруссаковъ произвели должное впечатлѣніе слова Александра Меттерниху: «Не думаютъ ли уже предписывать мнѣ законы и отнять у меня то, чѣмъ я владѣю? Если меня пригласили въ Вѣну съ этою цѣлью, то очень ошибутся въ расчетѣ. Пусть пошлютъ кого-нибудь въ Польшу пересчитать русскія войска, тогда найдутъ, быть можетъ, болѣе умѣстнымъ говорить со мною инымъ тономъ». Это рѣзкое заявленіе императора произвело такое впечатлѣніе на Меттерниха, что онъ едва могъ попасть въ двери.

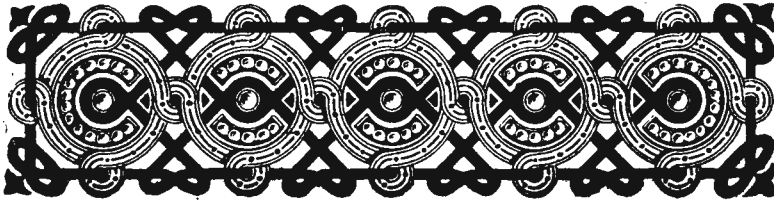
Измѣна союзниковъ, впрочемъ, не оставила слѣдовъ въ душѣ Александра. Въ слѣдующемъ году цѣпи Священнаго союза ввели Россію въ орбиту австрійской политики, а помолвка великаго князя Николая Павловича на дочери прусскаго короля, принцессѣ Шарлоттѣ, надолго связала Россію съ Пруссіей. Россія сдѣлалась другомъ своихъ враговъ и врагомъ своихъ друзей. Въ теченіе долгаго времени она держала миллионъ штыковъ для охраны евро-

пейскаго порядка. Подъ сѣнью этихъ штыковъ спаслась отъ гибели Австрія, окрѣпла сама и создала Германскую имперію Пруссія, и теперь... обѣ державы, покончивъ свои домашнія распри, идутъ рѣшать историческія задачи Россіи по своему усмотрѣнію. А еще такъ недавно Германія, когда ей было нужно, напоминала Россіи о братствѣ по оружію подъ стѣнами Парижа, а еще недавно она праздновала столѣтіе своего освобожденія отъ ига Наполеона, не воздавъ должной хвалы виновнику этого освобожденія, императору Александру I. При свѣтѣ исторіи выясняется колоссальная заслуга предъ русскимъ народомъ императора Александра III, рѣшительно и безповоротно вырвавшася изъ объятій Пруссіи и Австріи и протянувшася руку французскому народу, вопреки всѣмъ семейнымъ и дипломатическимъ традиціямъ, свившимъ себѣ гнѣздо у трона русскаго самодержца. Сынъ его императоръ Николай II, продолжая дѣло великаго своего отца, въ основу своей политики также поставилъ національные русскіе интересы. Второе столѣтіе со дня взятія Парижа застаеъ Россію въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей...

Столѣтіе взятія Парижа Александромъ I напомнитъ Россіи лишній разъ о доблестяхъ ея сыновъ, полагавшихъ жизнь свою по велѣнію своего государя за величіе и славу своего отечества, но не заставитъ русскіхъ людей торжествовать при мысли объ этомъ событіи. Русскіе люди повторяютъ искреннія слова самого Александра: «Мы вступили въ Парижъ не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами». Да были ли они когда-либо «нашими жесточайшими врагами»? Исторія можетъ отвѣтить на это только отрицательно. Теперь же мы съ французами не только друзья, но и союзники, надо думать, для славнаго будущаго... Такова историческая эволюція!

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Александръ Ермоловъ.—Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Біографическій очеркъ. Спб. 8°. Стр. 207. Цѣна 2 руб.

НАМЕНИТЫЙ «проконсулъ Кавказа» давно ждетъ полной, всесторонней біографіи. Въ извѣстной степени ее замѣняетъ пока «очеркъ» А. С. Ермолова, изданный императорскимъ русскимъ военно-историческимъ обществомъ.

Когда въ 1857 году Алексѣю Петровичу прислали на просмотръ его жизнеописаніе для изданія «Кавказцевъ» онъ написалъ, что желаетъ, «чтобы собственно лицу его не было приписано что-либо не принадлежащее особенное». И онъ составилъ «свою» біографію, прося помѣстить ее, «не измѣняя въ ней ни одного слова». Эта «подлинная біографія», приложенная въ литографическомъ снимкѣ къ труду г. Ермолова, начинается 1816 годомъ!

Спорный вопросъ, гдѣ родился Алексѣй Петровичъ, авторъ монографіи обходитъ молчаніемъ, между тѣмъ показаніе Пегодина, что герой Кавказа увидѣлъ свѣтъ въ Вѣлокаменной, требуетъ провѣрки. Дѣла московской консисторіи пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ не могутъ. Въ московскомъ консисторскомъ архивѣ метрическія книги конца XVIII столѣтія не сохранились. Историкъ очень добросовѣстный, Лонгиновъ, въ своей статьѣ «Въ память А. П. Ермолова», прямо называетъ его родиной Орель, да и отецъ Алексѣя Петровича былъ мценскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Вѣроятно все же, однако, что Ермоловъ родился не въ самомъ Орлѣ, а въ имѣніи Лукьянчиковъ, Мценскаго уѣзда, въ восемнадцати верстахъ отъ Орла. Будущему біографу Алексѣя Петровича не лишне пересмотрѣть дѣла архива орловской консисторіи.

Заодно не мѣшало бы точно установить и годъ рожденія Ермолова. 5-го января 1778 года онъ, по словамъ автора нашей монографіи (стр. 11), былъ записанъ на службу каптенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, — когда «нашему каптенармусу» было всего семь мѣсяцевъ. Правда, при Екатеринѣ можно было записывать въ солдаты не только взрослыхъ людей, но и грудныхъ младенцевъ, т.-е. «въ колыбели» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и даже еще совсѣмъ не родившихся, причемъ на нихъ выдавались паспорта съ оставленными для имени пустыми мѣстами. Но изъ послужного списка Ермолова видно, что на службу онъ поступилъ не въ 1778 году, а въ 1787 г. Съ другой стороны, годомъ его рожденія считаютъ также 1772 и 1776. Тутъ можетъ разсѣять недоумѣніе развѣ метрическое свидѣтельство.

Вторая польская война, — въ частности штурмъ Праги, — впервые выдвинула Ермолова, онъ получилъ орденъ св. Георгія четвертаго класса. Павелъ 8-го января 1799 года исключилъ Алексѣя Петровича изъ службы, за рѣзкіе отзвы въ письмѣ о начальствѣ, и, послѣ заключенія въ Петропавловской крѣпости, сослалъ въ Кострому, гдѣ Алексѣй Петровичъ нашелъ себѣ товарища въ лицѣ Матвѣя Платова.

Въ царствованіе Александра I ярко заблестѣла звѣзда Ермолова. Вновь поступившій на службу, онъ принялъ участіе въ кампаніяхъ противъ Наполеона, а 1812 годъ засталъ его начальникомъ главнаго штаба при главнокомандующемъ. Въ Бородинской битвѣ Алексѣй Петровичъ покрываетъ себя громкой славой и во главѣ егерскихъ полковъ и батальона Уфимскаго пѣхотнаго полка отбиваетъ у французовъ батарею Раевского, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ нашей позиціи; отбиваетъ штыками, безъ одинаго выстрѣла, причемъ беретъ въ плѣнъ генерала Бонами.

Въ 1816 году, послѣ окончанія войны съ Наполеономъ, государь назначаетъ Алексѣя Петровича командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса и управляющимъ гражданской частью на Кавказѣ и соединенною съ нимъ Астраханской губерніей, а весною слѣдующаго года отправляетъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію.

Кавказъ Ермоловъ смирилъ не медоточивыми рѣчами, столь неумѣстными въ сношеніяхъ съ азіатами, а желѣзомъ. Его слово было для кавказскихъ дикарей «закономъ вѣрнѣе неизбѣжной смерти». Рядъ грозныхъ крѣпостей прекратилъ набѣги чеченцевъ на наши селенія. Широкія просьби отъ одного аула къ другому дали возможность мужественнымъ кавказскимъ войскамъ проникнуть въ самое сердце Чечни, Дагестана и Кабарды. Кавказъ былъ усмиренъ быстро, приблизительно въ какія-нибудь десять лѣтъ.

Но, воюя мечомъ, Ермоловъ находитъ время и для мирныхъ занятій. Въ 1819 году онъ основываетъ въ Тифлисѣ первую грузинскую газету для ознакомленія грузинъ съ распоряженіями русскаго правительства. Нашъ языкъ знали тогда на Кавказѣ очень немногіе, даже среди дворянъ, и мѣра Алексѣя Петровича была вполне цѣлесообразна. Интересно, вспомнить ли объ этомъ грузинская интеллигенція, въ виду близкаго столѣтняго юбилея грузинской периодической печати?

И все это Ермоловъ дѣлалъ послѣ того, какъ императоръ Александръ,

отпуская его на Кавказъ, сказалъ ему: «Знаешь ли, Алексѣй Петровичъ, что я еще не рѣшилъ, должна ли Россія удерживать свои владѣнія за Кавказомъ?..»

Россія, въ царствованіе Александра Благословеннаго, распродалась даже безъ аукціона «по вольной цѣнѣ»—автономія Польши, уступка территорій Персіи, отказъ отъ завоеваній въ Закавказьѣ, самостоятельная Финляндія...

Эта «распродажа» встрѣчала, правда, противодѣйствія и среди царскаго семейства. «Какая слава для насъ, — говорилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ:—что то, что не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлали сами. Это исторія пеликана наизнанку. Такимъ образомъ, оказывается, что иногда пародіи правятся болѣе, чѣмъ оригиналы». О цесаревичѣ уже поэтому должна быть сохранена благодарная память.

Умеръ благодѣтель Ермолова Александръ I, чуть не единственный чловѣкъ, цѣнившій его заслуги и дарованія, и съ его кончиной «похоронено было и счастье» Алексѣя Петровича. Его звѣзда закатилась и болѣе уже не всходила.

Отъ новаго императора онъ получаетъ сперва милостивые рескрипты, а 28-го марта 1827 года его замѣняютъ ничтожнымъ Паскевичемъ, графомъ Ерихонскимъ, какъ ядовито титулуется графа Эриванскаго отосланный Ермоловъ, тѣмъ генераль-адъютантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, который умѣлъ гнуть спину и которому, по словамъ его же родителя, въ жизни «везе», не болѣе. О настоящихъ талантахъ Паскевича не спрашивали, да они и такъ «въ нѣтяхъ обрѣтались».

И вся эта подлая интрига противъ Ермолова возникла потому только, что Николай I не довѣрялъ ему и опасался, что кавказскія войска не принесутъ присяги новому повелителю Россіи. Въ великосвѣтскихъ гостиныхъ сплетничали даже, будто Алексѣй Петровичъ объявилъ себя независимымъ и удерживаетъ фельдъегерей и курьеровъ, посылаемыхъ къ нему изъ Петербурга. Утверждали также, что Ермоловъ распустилъ войска, что у его солдатъ нѣтъ ни знанія службы, ни выправки и что даже по внѣшнему виду они не похожи на военныхъ.

Были, впрочемъ, и скептики, между ними извѣстный Д. П. Бутурлинъ. Въ письмѣ графу Ф. В. Остенъ-Сакену, отъ 25-го января 1826 года, напечатанномъ въ переводѣ на страницахъ «Варшавскаго Военнаго Журнала» 1902 года пишущимъ эти строки и, повидимому, оставшемся неизвѣстнымъ автору нашей монографіи, Бутурлинъ говоритъ о Ермоловѣ: «принесеніе присяги генераломъ Ермоловымъ — нѣчто столь простое и столь естественное, что я отнюдь не сталъ бы сообщать объ этомъ вашему сіятельству, если бы циркулирующіе въ городѣ слухи не пытались набросить тѣнь подозрѣнія на тайныя цѣли этого генерала. Какъ и слѣдовало ожидать въ данномъ случаѣ, ходъ событій доказалъ несостоятельность вышеупомянутыхъ толковъ».

Какъ бы то ни было, а клевета сдѣлала свое дѣло, и Ермоловъ покинулъ Кавказъ. Но духовной связи «товарищей»,—какъ онъ называлъ кавказцевъ въ своихъ приказахъ,—съ боготворимымъ ими «Петровичемъ» не могли порвать никакіе указы, никакіе Паскевичи. Каждый пріѣзжавшій съ Кавказа въ Москву, гдѣ окончателно поселился опасный «проконсулъ Кавказа», счи-

талъ своимъ долгомъ поклониться «батюшкѣ Алексѣю Петровичу», а въ легендахъ горцевъ этотъ гигантъ съ львиною головою, атлетической силы до сихъ поръ еще живеть, какъ гроза ихъ отцовъ и дѣдовъ. «Горы дрожать отъ гнѣва его, взоръ его разсыпаетъ молніи», поется въ одной изъ горскихъ пѣсень.

Въ Свѣтлое воскресенье Алексѣй Петровичъ разговлялся не въ семьѣ родныхъ или добрыхъ знакомыхъ: послѣ утрени или ранней обѣдни къ нему приходили чловѣкъ десять дряхлыхъ, заслуженныхъ ветерановъ, и послѣ христосованья герой Бородина и Кавказа садился съ ними за столъ, только съ ними: никого, кромѣ этихъ дорогихъ для него гостей, за столъ пасхальный не садилось.

Россия всегда страдала «перепроизводствомъ» великихъ людей. Въ Кончанскомъ старомъ екатерининскій фельдмаршалъ игралъ въ бабки съ крестьянскими ребятами, потому что «слишкомъ ужъ много фельдмаршаловъ развелось на Руси», въ Москвѣ—Ермоловъ отъ невольнаго бездѣлья переплетаетъ книги и наклеиваетъ географическія карты...

Чтобы немножко «побаловать» стараго льва, ему даютъ аудіенцію, назначаютъ членомъ государственнаго совѣта, приглашаютъ на маневры, дѣлаютъ шефомъ, пишутъ въ честь его ходульные стихи и, въ заключеніе, даже позволяютъ спокойно умереть, не отравивъ ему послѣднихъ минутъ, какъ Суворову.

Въ своемъ одиночествѣ Ермоловъ, несмотря на старость и недуги, чутокъ ко всему окружающему,—онъ интересуется политикой, кавказскими дѣлами, Крымской войной, университетскими диспутами, публичными лекціями, итальянской оперой, географическими изслѣдованіями, новыми стихами. Не мудрено, что этотъ вѣрный и достойный сынъ горько любимой имъ родины не хочетъ умирать и во время одного изъ сильныхъ приступовъ болѣзни схватываетъ руку доктора и кричитъ: «Да ты понимаешь ли, мой другъ, что я жить хочу, жить хочу!»

Легенда,—люди опыта не могутъ не вѣрить ей,—придаетъ его смерти какой-то мистическій характеръ: онъ заранѣе, отъ явившагося ему призрака, знаетъ день, когда долженъ оставить этотъ свѣтъ, «завистливый и душный».

Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня его кончины, а мы все еще не поставили ему памятника. И мѣсто этому памятнику, конечно, не въ Орлѣ, которой столько лѣтъ не можетъ соорудить монумента другому своему славному земляку, Тургеневу, а тамъ, въ далекомъ Тифлисѣ, подъ небомъ любимой имъ Грузіи, рядомъ съ памятникомъ его друга, такого же великаго русскаго дѣятеля Кавказа—князя Воронцова.

Но прекрасная книга А. С. Ермолова не болѣе, какъ остовъ. Пусть явится новый Кювье и одѣнетъ этотъ остовъ мясомъ. Онъ расскажетъ намъ о Ермоловѣ, какъ чловѣкъ и отецъ семейства, болѣе подробно, онъ приведетъ и анекдоты о немъ, и примѣры его остраго языка, создавашаго ему тьму враговъ и недоброжелателей, хотя Алексѣй Петровичъ и былъ иногда тонкимъ іезуитомъ, «паторомъ Груберомъ», какъ называлъ его великій князь Константинъ Павловичъ.

Среди русскихъ острословцевъ мелькаютъ имена Нарышкина, Суворова, Ермолова, Меншикова и др. Къ несчастью, ихъ von mot забываются, и недалеко то время, когда ихъ забудутъ совсѣмъ. Только «словечки» Суворова еще

сохранились въ памяти потомства. А слѣдовало бы собрать русскія остроты и издать отдѣльною книжечкой. Въ нашъ хмурый—не безъ основанія—вѣкъ, когда приходится смѣяться, пожалуй, только при разсказѣ о «добромъ» старомъ времени, собраніе старыхъ остротъ, навѣрное, имѣло бы успѣхъ въ книжномъ рынкѣ. Къ тому же такіе «государственные» дѣятели, какъ Нарышкинъ или Меншиковъ, и живутъ едва ли не исключительно въ остротахъ...

Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ Ермолова. Жаль, что нѣтъ снимка съ литографіи Бореля, напоминающей нѣсколько портретъ Алексѣя Петровича на стр. 126 нашей монографіи. Но у Бореля ехидная старческая насмѣшка Ермолова выступаетъ такъ рельефно. Прекрасенъ и характерный рисунокъ даровитаго Тимма; но и его почему-то не приложено къ книгѣ.

Закрывая ее, хочется помянуть добрымъ словомъ и Ермолова, и другихъ нашихъ великихъ людей недавняго прошлаго, его современниковъ. «Многу славу созда намъ Господь ихъ ради...»

В. А. Алексѣевъ.

Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Феодоровича Романова. А. Нечволодова. 4 части, съ иллюстраціями. Спб. 1913. Цѣна изящнаго изданія за 4 т.—30 р., общедоступнаго по 2 р. за томъ.

Книга г. Нечволодова является весьма полезнымъ пособіемъ для чтенія и самообразованія въ области русской исторіи. Не задаваясь цѣлью всесторонне и научно изложить историческія судьбы русскаго народа, авторъ въ живомъ и послѣдовательномъ разсказѣ передаетъ важнѣйшіе факты изъ политической и религіозной его исторіи, насколько возможно, во всей ихъ подробности, пользуясь для этого и лѣтописными извѣстіями, и произведеніями древне-русскихъ книжниковъ, и данными науки и поэзіи. Для болѣе яснаго освѣщенія излагаемыхъ фактовъ г. Нечволодовъ постоянно обращается къ памятникамъ русскаго быта и искусства, иллюстрируя ихъ массой рисунковъ. Особое вниманіе автора обращено на свѣтлыхъ дѣятелей русской земли, благодаря которымъ русская земля «строилась и развивалась, тѣ богатыри духа, которые составляли внутреннюю силу русскаго народа, воплощали въ себѣ и своей дѣятельности завѣты предковъ и народныя чаянія». Книга производитъ бодрящее впечатлѣніе и, несомнѣнно, имѣетъ, помимо образовательнаго, и воспитательное значеніе. Г. Нечволодовъ—ярый поклонникъ историческихъ трудовъ Забѣлина, и это его качество придаетъ особый оттѣнокъ его книгѣ—любовнаго отношенія къ нашей старинѣ и старо-русскимъ завѣтамъ. Руководящей мыслью «Сказаній» являются слѣдующія слова покойнаго историка о направленіи нашей исторической литературы: «Какъ извѣстно, мы только обличаемъ и отрицаемъ нашу исторію и о какихъ-либо характерахъ-идеалахъ не смѣемъ и помышлять. Идеальнаго въ своей исторіи мы не допускаемъ. Какіе у насъ были идеалы и тѣмъ паче герои? Вся наша исторія есть темное царство невѣжества, варварства, суесвятства, рабства и такъ дальше. Лицемѣрять нечего: такъ думало

большинство образованных русских людей. Ясное дѣло, что такая исторія воспитывать героев не может, что на юношескіе идеалы она должна дѣйствовать угнетательно. Самое лучшее, какъ юноша можетъ поступить съ такой исторіей, это совсѣмъ не знать, существуетъ ли она. Большинство такъ и поступаетъ. Но не за то ли самое это большинство русскихъ образованныхъ людей несетъ, быть можетъ, очень справедливый укоръ, что не имѣетъ почвы подъ собою, что не чувствуетъ въ себѣ историческаго національнаго сознанія, а потому и умственно и нравственно носится попутными вѣтрами во всякую сторону». Между тѣмъ, по мнѣнію Забѣлина, «не обижена въ этомъ отношеніи и русская исторія. Есть или должны находиться въ ней общечеловѣческіе идеи и идеалы, свѣтлые и высоко-нравственные герои и строители жизни». Давно уже писалъ Забѣлинъ эти скорбныя, глубоко прочувствованныя строки, но, увы, онѣ сохранили свѣжесть и поучительность и для настоящаго времени. Мы любимъ изображать отрицательныя стороны народной жизни, но развѣ пьянствомъ, невѣжествомъ, суевѣтствомъ, рабскими свойствами своей натуры создалъ русскій народъ въ постоянной борьбѣ съ природой и виѣшними врагомъ величайшее государство въ мірѣ?

Немаловажнымъ достоинствомъ книги г. Нечволодова является параллельное судьбамъ Московской Руси изложеніе исторіи западно- и южно-русскихъ людей и даже славянства. Это способствуетъ полнотѣ и яркости картины бѣдствій, которымъ подвергалось русское племя и отъ татаръ, и отъ поляковъ, и отъ воинствующаго католицизма. Для удобства читателя г. Нечволодову слѣдовало бы разбить собранный имъ богатый матеріалъ по отдѣльнымъ рубрикамъ и для каждой части составить указатели, что облегчило бы возможность справокъ. Искренно желаемъ успѣха книгѣ г. Нечволодова, особенно дешевому ея изданію, отличающемуся отъ перваго только качествомъ бумаги и форматомъ. И въ этомъ изданіи она будетъ прекрасномъ вкладомъ для каждой школьной бібліотеки.

Е. III.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Реданція и вступительная статья А. Кизеветтера. Переводъ съ французскаго А. Дмитріевой. Книгоиздательство К. Некрасова. Москва. 1912—1913 гг. Т. I. Стр. 366 и т. II Стр. 362. Ц. по 2 р. 50 к. за томъ.

Уже одно то, что «мемуары» Чарторижскаго вышли подъ редакціей извѣстнаго историка А. А. Кизеветтера, даетъ право читателю надѣяться, что онъ познакомится съ книгой, достойной вниманія, тѣмъ болѣе, что во вступительной статьѣ редакторъ говоритъ, что эти мемуары являются «однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи царствованія Александра I» и что въ нихъ читатель найдетъ «немало интересныхъ характеристикъ и фактическихъ данныхъ, которыя въ своей совокупности слагаются въ обширную и яркую картину правительственной политики, придворныхъ отношеній и общественной жизни верхнихъ слоевъ столичной аристократіи въ Россіи первой четверти XIX вѣка».

Прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ мемуаровъ Чарторижскаго, какъ историческаго источника, передадимъ вкратцѣ ихъ содержаніе.

Собственно мемуарами Чарторижскаго въ истинномъ смыслѣ этого слова, несмотря на общій одинаковый заголовокъ, является лишь первый томъ, въ которомъ князь Адамъ рассказываетъ, на фонѣ своей автобіографіи, событія придворной и общественной жизни, относящіяся къ послѣдней четверти XVIII вѣка и первому десятилѣтію XIX вѣка (мемуары кончаются 1809 годомъ). Второй томъ заключаетъ въ себѣ письма императора Александра I къ Чарторижскому и письма послѣдняго къ императору, записки по поводу иностранной политики Россіи, памятные замѣтки объ устныхъ бесѣдахъ съ императоромъ, отчеты по поводу управленія виленскимъ учебнымъ округомъ и министерствомъ иностраннымъ дѣлъ и прочее, «все это представляетъ собой, по словамъ профессора Кизеветтера, не что иное, какъ собраніе оправдательныхъ документовъ (за время съ 1801 по 1823 годъ) къ тѣмъ мемуарамъ князя Адама, которые вошли въ первый томъ».

Князь Адамъ Чарторижскій родился 14-го января 1770 года въ Варшавѣ. Его отецъ былъ генеральнымъ старостой Подоли; его мать была дочерью саксонскаго графа Флеминга. У князя Адама былъ братъ Константинъ и пять сестеръ. Итакъ, авторъ мемуаровъ росъ въ большой знатной польской семьѣ, дѣтство проходитъ для него, какъ чудный сонъ, его любили, баловали. Мать сама наблюдала за его воспитаніемъ, занималась съ нимъ французскимъ языкомъ; жилъ онъ въ прекрасныхъ старинныхъ замкахъ, гдѣ все говорило объ изысканномъ вкусѣ обитателей. Почти ребенкомъ князь Адамъ бывалъ на публичныхъ собраніяхъ; такъ, 12-ти лѣтъ онъ посѣщаетъ засѣданія сената и налагаетъ пословъ. Вскорѣ отецъ Чарторижскаго потерялъ неудачу на выборахъ сейма, послѣ чего семья Чарторижскаго переѣхала въ Пулавы, гдѣ и обосновалась на житье. Здѣсь для Адама и Константина Чарторижскихъ началась совершенно новая жизнь, время серьезнаго образованія. Въ Пулавы изъ Литвы пріѣхало нѣсколько молодыхъ людей, чтобы вмѣстѣ съ Чарторижскимъ получить образованіе и воспитаніе; среди нихъ былъ князь Францискъ Сапѣга, сынъ литовскаго канцлера. Ученики получали не только научное, но и политическое образованіе. «Для насъ,—рассказываетъ Чарторижскій,— устраидали собранія въ родѣ сеймовъ, гдѣ мы вмѣстѣ съ учителями обсуждали разные политическіе вопросы; однажды подняли самый боевой въ то время вопросъ о томъ, какой образъ правленія предпочтительнѣе, свободное ли правленіе страной, или централизація власти». «Конечно,—я всей душой стоялъ за первое», говоритъ Чарторижскій.

Въ 1786 году состоялось первое путешествіе Чарторижскаго за границу, гдѣ онъ знакомится съ знаменитымъ Гете и получаетъ приглашеніе на собраніе, въ которомъ Гете, въ кругу нѣсколькихъ друзей, читалъ только что оконченную имъ и не появившуюся еще въ печати драму «Ифигенія въ Тавридѣ». Это знакомство было неизгладимымъ воспоминаніемъ для Чарторижскаго. Въ слѣдующемъ году князь Адамъ проводилъ зиму въ Сѣдлецѣ среди блестящаго общества, гдѣ было много интересныхъ и красивыхъ дѣвицъ; здѣсь между развлеченіями и начались романическія приключенія нашего мемуариста. Марія Незабытовская сдѣлалась предметомъ вздыханій Чарторижскаго. Она была с - мая красивая изъ дѣвицъ аристократическаго круга, умна и очаровательна

Уже будучи взрослымъ, князь Адамъ съ горечью пережилъ паденіе Польши, а затѣмъ послѣдовалъ въ 1795 году унизительный для него прїѣздъ въ Петербургъ ко двору императрицы Екатерины II. Послѣ возстанія Костюшки имѣнія Чарторижскихъ были конфискованы, и Екатерина II потребовала присылки въ Петербургъ молодыхъ Чарторижскихъ въ видѣ заложниковъ. Отецъ ихъ принужденъ былъ повиноваться. Молодой Чарторижскій рассказываетъ, съ какимъ чувствомъ онъ ѣхалъ къ русскому двору. Будучи по воспитанію республиканецъ, какъ каждый полякъ, выше всего ставившій любовь къ отечеству и его славу, къ его учрежденіямъ и вольностямъ, князь Адамъ ѣхалъ въ Петербургъ съ чувствомъ негодованія.

Несмотря на такую ненависть къ русскимъ, отказываться отъ поѣздки Чарторижскіе не могли, такъ какъ дѣла ихъ отца были разстроены, надобно было спасать прежде всего родныхъ и ослабить вину отца, причастнаго къ возстанію Костюшки, въ глазахъ Екатерины II, которая не хотѣла ему этого простить.

Чарторижскіе были приняты съ благорасположеніемъ въ петербургскомъ обществѣ, быть можетъ, потому, что люди пожилые помнили еще ихъ отца, который былъ въ Петербургѣ при Елизаветѣ Петровнѣ и при восшествіи Екатерины II на престоль. Вскорѣ образовалась масса знакомыхъ. Принятый многими русскими очень ласково и радушно, князь Адамъ смягчилъ свою оцѣнку ихъ и убѣдился, что они люди какъ люди и даже между ними есть умные. Чарторижскій попалъ въ Петербургъ въ тотъ моментъ, когда императрица Екатерина, на закатѣ своихъ дней, была окружена общимъ преклоненіемъ и благоговѣніемъ большого двора, а цесаревичъ Павелъ Петровичъ внушалъ ироническое отношеніе своими гатчинскими замашками. Конечно, Чарторижскій примкнулъ къ большому двору и отъ него ожидалъ себѣ милостей. Участвуя въ придворной жизни, стараясь быть на глазахъ фаворита Зубова, заискивая передъ нимъ, Чарторижскіе ожидали рѣшенія императрицы Екатерины относительно конфискованныхъ имѣній ихъ отца. Старанія эти увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ. Всѣ говорили объ удачѣ Чарторижскихъ. Они отправились благодарить Екатерину съ колѣнопреклоненіемъ, и послѣ этого Адамъ былъ облеченъ въ форму конногвардейца, а его братъ въ форму Измайловскаго полка, и вскорѣ Чарторижскіе были произведены въ камеръ-юнкеры.

Въ это время дворъ былъ занятъ всякаго рода развлеченіями по случаю женитьбы великаго князя Константина на герцогинѣ Кобургской. На празднествахъ Чарторижскіе и сблизились съ великими князьями. Князь Адамъ въ это время занимался рисованіемъ. Александръ Павловичъ, узнавъ объ этомъ, заставилъ его принести рисунки и вмѣстѣ съ великой княгиней благосклонно разсматривалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ сближеніе Чарторижскаго съ Александромъ укрѣпилось, отношенія стали интимно-дружескими. Чарторижскій увидѣлъ, что Александръ не только дружески расположенъ къ нему, но что его симпатіи на сторонѣ Польши, что будущій императоръ, любимецъ бабки Екатерины, «отрицалъ и ненавидѣлъ убѣжденія своей бабки, отвергалъ недостойную политику Россіи, страстно любилъ справедливость и свободу, жалѣлъ Польшу и хотѣлъ бы видѣть ее счастливой». Такое открытіе казалось Чарторижскому

просто «чудомъ», и «онъ далъ себѣ объѣтъ безграничной привязанности» къ великому князю.

Впослѣдствіи Чарторижскій, находясь въ отпуску, былъ назначенъ посломъ въ Сардинію. Не прошло и года, какъ произошла смерть Павла. Чарторижскій былъ вызванъ въ Петербургъ дружеской запиской Александра. Онъ на первыхъ порахъ своего пріѣзда въ Петербургъ былъ неприятно удивленъ тѣмъ, что Александръ продолжаетъ военное дѣло Павла такъ, какъ бы Павелъ былъ живъ. Князь Адамъ отъ самого императора услышалъ грустную исторію смерти Павла; много высказано было ему сожалѣній, что Чарторижскаго не было около него, что его ждуть съ нетерпѣніемъ тѣ люди, которыхъ Александръ считалъ своими друзьями. Изъ нихъ созданъ негласный комитетъ, дѣятельность котораго характеризуетъ Чарторижскій, какъ участникъ.

Далѣе князь Адамъ рассказываетъ о преобразованіяхъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра, о настроеніи общества, о томъ, что онъ, Чарторижскій, по настоянію Александра, принялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ императоръ поручилъ ему завѣдываніе въ восьми польскихъ губерніяхъ виленаго округа учебными заведеніями. Чарторижскій съ гордостью говоритъ, что онъ много работалъ, но что его работа не была въ ущербъ Польшѣ.

Чарторижскій оставался министромъ до 1806 года. Тильзитскій миръ нарушаетъ дружбу Чарторижскаго съ Александромъ. Въ 1807 году онъ оставляетъ постъ министра и уѣзжаетъ. Но тутъ начинается постоянная переписка Чарторижскаго съ императоромъ (см. II томъ), который касается все того же вопроса о Польшѣ. Александръ даетъ конституцію, въ Польшѣ уже считаютъ Чарторижскаго намѣстникомъ (вмѣсто великаго князя Константина) и самъ Чарторижскій мечтаетъ объ этомъ, но этому не суждено было сбыться. Онъ получаетъ скромное званіе сенатора, между нимъ и Александромъ наступаетъ охлажденіе. На этомъ обрываются «Мемуары Чарторижскаго». Доскажу вкратцѣ его дальнѣйшую судьбу. Въ 1825 году Чарторижскій принимаетъ участіе въ судѣ надъ членами тайныхъ польскихъ обществъ, гдѣ всѣ обвиняемые были оправданы. Когда вспыхнуло польское возстаніе (въ 1830 году), Чарторижскій принялъ постъ президента сената національнаго правительства. Послѣ подавленія возстанія онъ эмигрируетъ сначала въ Англію, затѣмъ поселяется въ Парижѣ, гдѣ и проживаетъ остатокъ своей жизни (тридцать лѣтъ). Всѣ эти годы онъ посвятилъ себя заботамъ о польскихъ эмигрантахъ; до самой смерти онъ надѣялся на возстановленіе Польши. Ему было девяносто лѣтъ, когда снова разразилось польское возстаніе въ 1861 году. Онъ обнаружилъ большую энергію, которая была направлена къ тому, чтобы подготовить вмѣшательство европейскихъ державъ въ русско-польскую распрю, но въ этотъ моментъ престарѣлый націоналистъ скончался.

Профессоръ Кизеветтеръ высоко ставитъ «Мемуары», придавая имъ «первостепенное значеніе» и считая ихъ «однимъ изъ главныхъ источниковъ» для исторіи царствованія Александра I. Согласиться вполне съ такой оцѣнкой врядъ ли возможно. Прежде всего мемуары вообще, по свойству своего содержанія, какъ рассказы современника, которому многое недоступно и неизвѣстно, не могутъ считаться «главными источниками» для того или друго

царствованія; въ смыслѣ богатства содержанія и объективности нужно отдать предпочтеніе всякаго рода официальнымъ памятникамъ, указамъ, запискамъ, и административной перепискѣ.

Затѣмъ, обращаясь къ мемуарамъ Чарторижскаго, слѣдуетъ признать, что они любопытны прежде всего лишь въ виду той близости, которая существовала между Александромъ и Чарторижскимъ. Но одна черта весьма вредить этимъ мемуарамъ, существенно отражаясь на объективности сообщаемыхъ свѣдѣній, это—крайній польскій патріотизмъ Чарторижскаго и его любовь къ Россіи, какъ къ странѣ поработителей. Чарторижскій всюду говорить о полякахъ и о всемъ польскомъ съ какой-то влюбленностью. По его изображенію, поляки всѣ умны, красивы, воспитаны и образованы. Самъ Чарторижскій отъ себя въ восторгѣ. Но зато русскихъ онъ не балуетъ, онъ чувствовалъ себя ихъ врагомъ. По его словамъ, «императрица Екатерина, виновница гибели Польши, одно имя которой приводило насъ въ ужасъ», была «проклинаема всякимъ, у кого только въ груди билось польское сердце». И вотъ съ такой-то ненавистью въ душѣ къ русскимъ Чарторижскій добивается довѣрія Александра I и становится министромъ. Интересно вспомнить довольно мѣткій отзывъ о Чарторижскомъ сардинскаго посланника графа Жозефа де-Местра, который о князѣ Адамѣ, въ бытность его министромъ, писалъ: «Чарторижскій будетъ всемогущъ. Онъ высокоумнѣнъ, коварнѣнъ и производитъ впечатлѣніе довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣвшій притязаніе на корону (польскую), могъ быть хорошимъ русскимъ» (Великій князь Николай Михайловичъ, «Императоръ Александръ I», томъ I, стр. 32).

Крайній націонализмъ Чарторижскаго даетъ тонъ всѣмъ его мемуарамъ. Онъ близокъ къ Александру до тѣхъ поръ, пока надѣется получить отъ него конституцію для Польши. Въ русскомъ высшемъ обществѣ онъ внѣшне любезнѣнъ, въ особенности, когда хлопочетъ о возвращеніи маенностей отцу, а въ душѣ презираетъ всѣхъ сановниковъ и глумится надъ всѣми, относясь терпимо и снисходительно только къ немногимъ. Въ виду этого было бы ошибкой довѣряться мемуарамъ Чарторижскаго и составлять по нимъ характеристику русскаго общества конца XVIII и начала XIX вѣка: въ нихъ говорилъ завзятый полякъ, а не безпристрастный бытописатель.

Однако нельзя отрицать до нѣкоторой степени важнаго значенія за мемуарами, въ особенности, если пользоваться ими осторожно. Поэтому несомнѣнной заслугой редактора и издательства является то, что эти любопытные мемуары появились въ хорошемъ русскомъ переводѣ, съ значительною вступительной статьёй и необходимыми примѣчаніями. **Марія К.—ва.**

И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ. Т. II. Изд. 1—ва М. О. Вольфъ. 1913. Стр. 453. Ц. 2 руб.

Для ученой диссертациі—рѣдкое явленіе выхоть ея вторымъ изданіемъ, и при томъ не въ видѣ перепечатки въ какомъ-либо научномъ органѣ, а книгой, назначенной для широкой публики. Изслѣдованіе проф. варшавскаго уни-

верситета И. И. Замотина о русском романтизмѣ двадцатыхъ годовъ, впервые появившееся въ «Запискахъ» историко-филологическаго ф. культет. слб. университета, обладаетъ всѣми качествами, дѣлающими его необходимымъ на книжномъ рынкѣ. Прежде всего, тема, избранная И. И. Замотинымъ, не спеціальна и въ высокой степени интересна. Романтизмъ, его образы, настроенія и идеи неумирающи. Онъ живетъ и претворяется въ различныя формы до настоящаго времени. Романтическій индивидуализмъ звучитъ въ литературѣ и нынѣ. Для объясненія и пониманія настроеній Вячеслава Иванова привлекается къ дѣлу Шеллингъ; Алексѣй Ремизовъ своими литературными корнями весь въ романтической идеализаціи прошлаго.

Съ чисто-научной стороны романтизмъ, какъ сложное и многообразное проявленіе міросозерпанія и міроотношенія европейскихъ литературъ начала XIX вѣка, представляетъ особенный интересъ, въ силу того вліянія, которое онъ оказалъ на всѣ области духовной дѣятельности чело-вѣчества въ это время. Къ опредѣленію и выясненію этихъ проявленій романтизма И. И. Замотинъ и подходитъ въ двухъ первыхъ главахъ своей книги, причемъ первая глава трактуетъ объ основныхъ мотивахъ романтическаго идеализма въ западно-европейскихъ литературахъ; вторая—о томъ же въ русской. При этомъ любопытно отмѣтить, что здѣсь онъ, по русскому обыкновенію, былъ сильно заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности. Такъ, проф. московскаго университета И. И. Давыдовъ былъ «обличенъ, какъ клеветръ Шеллинга, въ атеизмъ и иллюминатизмъ». Всѣ проявленія романтическаго идеализма, или, какъ замѣчалъ И. М. Снегиревъ, «неровные, но хорошіе въ то же время позывы духа», отразились на почвѣ русской литературы начала XIX столѣтія, какъ видимъ изъ изслѣдованія И. И. Замотина. Даже такой частный романтическій мотивъ, какъ культъ національной греческой свободы, проникъ въ русское общественное и литературное настроеніе. «Въ этомъ отношеніи,—говоритъ авторъ,—лирическое воззваніе Пушкина «Возстань, о Греція, возстань» (1823 г.) является въ русской литературѣ двадцатыхъ годовъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ». Въ эту же струю вливается и трудъ Н. И. Гнѣдича «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ» (1825 г.).

Третья глава книги И. И. Замотина посвящена литературному творчеству А. А. Бестужева-Марлинскаго, котораго авторъ въ заключительныхъ словахъ о немъ характеризуетъ такимъ образомъ: «Являясь по преимуществу выразителемъ романтическаго индивидуализма, онъ благоговѣлъ передъ идеей національности, понимаемой не въ смыслѣ национальной исключительности, но въ смыслѣ уваженія къ индивидуальности каждаго народа, и въ то же время зналъ, что за индивидуумомъ и націей стоитъ все чело-вѣчество съ его правами на универсальное благо. «Провидѣніе великій химикъ,—сказалъ въ одной своей повѣсти Бестужевъ,—оно кипятитъ и очищаетъ въ горнилѣ своемъ всѣ частныя замыслы, всѣ расчеты, для того, чтобы отлить изъ нихъ общее благо въ прекрасную форму».

Въ слѣдующей главѣ о «Юріи Милославскомъ» М. Н. Загоскина И. И. Замотинъ намѣчаетъ отраженіе романтическаго націонализма въ этомъ ро-

манъ и отношеніе его къ творчеству Вальтеръ-Скотта. Давая для этого характеристику послѣдняго, авторъ возводитъ «Юрія Милославскаго» въ отношеніи его общаго построенія всецѣло къ романамъ знаменитаго англійскаго писателя. Особенно близко соприкасается романъ Загоскина съ романомъ Вальтеръ-Скотта «Война Монтроза». Эта глава въ книгѣ И. И. Замотина единственный научный трудъ въ русской исторіографіи о популярномъ романѣ, читавшемся даже въ семьѣ Сквозника-Дмухановскаго.

Пятая глава, посвященная кн. В. Θ. Одоевскому, послѣ выхода прекраснаго труда о немъ г. Сакулина, конечно, не можетъ представлять уже значительнаго интереса, но въ связи съ предшествующими изслѣдованіями И. И. Замотина вполне умѣстна въ его книгѣ.

Авторъ заканчиваетъ свою книгу такимъ бодримъ мотивомъ: «Народъ, въ средѣ котораго, по первому намеку съ Запада, выказано было столько свѣтлаго и глубокаго идеализма, еще очень далеку отъ духовнаго оскудѣнія и имѣетъ всѣ задатки къ тому, чтобы безконечно расти и мужать духомъ, лишь бы онъ бережно хранилъ свою индивидуальность для блага своего и общечеловѣческаго».

Какъ точное и глубокое изслѣдованіе прошлаго русской литературы и общества стало для самого автора «источникомъ національнаго вдохновенія», такъ, несомнѣнно, отразится оно и на читателѣ. Поэтому мы горячо рекомендуемъ книгу И. И. Замотина, особенно преподавателямъ русской литературы.

В. Даниловъ.

Записки сѣверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка 1. Вильна. 1910. Стр. IV+284.—Книжка 2. Вильна. 1911. Стр. VI+428.—Книжка 3. Вильна. 1912. Стр. IV+397. Цѣна каждой книжки 1 р. 50 к. съ пересылкою ¹⁾.

Изъ провинціальныхъ изданій, возникшихъ за послѣднее время, слѣдуетъ отмѣтить указанныя выше три книжки «Записокъ», вышедшія въ Вильнѣ, подъ редакціей Дм. Ив. Довгялло.

Сѣверно-западный отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго общества, основанный по иниціативѣ и ходатайству Ив. Петр. Корнилова, началъ свою дѣятельность еще въ 1867 году, но уже въ 1876 году фактически прекратилъ свое существованіе, хотя официально и не былъ упраздненъ или закрытъ. И только въ 1910 году, послѣ тридцатипятилѣтняго перерыва, наконецъ-то началась для него снова трудовая жизнь, которая, надѣемся, уже не будетъ прерываться. Однимъ изъ видимыхъ, такъ сказать, результатовъ дѣятельности возрожденнаго отдѣла и являются эти «Записки», которыя, къ сожалѣнію, выходятъ въ свѣтъ только одинъ разъ въ годъ.

Не касаясь содержанія вышедшихъ уже книжекъ, мы все же перечислимъ хотя бы отдѣлы, по которымъ классифицированы редакціей статьи: географія,

¹⁾ Означенныя «Записки» съ отзывомъ о нихъ доставлены въ редакцію только въ концѣ 1913 года.

геологія, археологія, історія, этнографія, археографія и разныя извѣстія. Кстати отмѣтимъ отсутствіе въ «Запискахъ» работъ по статистикѣ, хотя она входитъ въ программу работъ отдѣла. Кромѣ матеріаловъ по історіи самаго отдѣла и текущей хроники послѣдняго, въ «Запискахъ» помѣщаются еще «хроника» и «библиографія», гдѣ по возможности помѣщаются свѣдѣнія и замѣтки, такъ или иначе касающіяся Сѣверо-Западнаго края и соотвѣтствующія задачамъ отдѣла.

Кромѣ членовъ отдѣла, въ «Запискахъ» помѣщаютъ свои работы и члены молодого виленскаго общества любителей естествознанія.

Вообще «Записки», давая массу разнообразнаго матеріала, являются довольно интереснымъ и цѣннымъ изданіемъ, между прочимъ еще и потому, что замѣняютъ собою для мѣстнаго края отсутствующій здѣсь историческій журналъ. Книжки богато иллюстрированы, по цѣнѣ недороги и вообще заслуживаютъ вниманія.

Д. Вочковъ.

И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ второй. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1913. Стр. 407+18 иллюстрацій. Ц. 1 р. 25 к.

Мы имѣли уже случай писать о первомъ томѣ этого изданія въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Теперь передъ нами томъ второй, гдѣ помѣщены стихотворенія (съ 1855 г. по 1861 г. съ приложеніемъ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ и стихотвореній 1849—56 гг.), поэмы (вторая редакція «Кулака», «Поѣздка на хуторъ», «Тарась»), примѣчанія и варианты къ стихотвореніямъ И. С. Никитина 1854 года, находящимся въ томѣ первомъ изданія.

Съ выходомъ настоящаго тома мы имѣемъ значительно дополненное и наново проредактированное собраніе стихотвореній Никитина, за исключеніемъ, впрочемъ, ряда вариантовъ и вторыхъ редакцій, которыя попадутъ въ третій томъ, согласно крайне неудобному для читателя, — безразлично для широкаго читателя или для спеціалиста, — распредѣленію матеріала. Всего г. Фоминымъ напечатано двѣсти восемнадцать стихотвореній, не считая второстепенныхъ редакцій, на пять болѣе, чѣмъ въ изданіи «Дѣятеля», подъ редакціей С. Т. Городецкаго, и на сорокъ слишкомъ болѣе, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Такъ же, какъ въ первомъ томѣ, обстоятельны примѣчанія и обильны иллюстраціи, благодаря которымъ, однако, томъ подорожалъ на 25 копеекъ. Раскрыты инициалы посвященій; увеличилось также и число ихъ.

Не можемъ не отмѣтить нѣсколькихъ, случайно попавшихся на глаза, дефектовъ текста, виновата въ которыхъ, можетъ быть, скорѣе типографія, нежели редакторъ. Такъ, на страницѣ пятидесятой первая строка стихотворенія «Староста», несомнѣнно, должна читаться: «Что не туча черная», а не по напечатанному — «Что туча черная». Не могъ такъ написать Никитинъ, потому что это было бы не по-народному, а все стихотвореніе выдержано въ народномъ духѣ. Кромѣ того, невозможно и метрически: такая вольность въ

тѣ годы была недопустимой. Затѣмъ, на стр. 180 пропала въ стихотвореніи «Постыдно гибнетъ наше время» третья строфа, двѣ строчки которой приводимъ по изданію «Дѣятеля»:

«Насъ бьютъ кнудомъ, насъ мучать палкой,
Дурачать, грабятъ, какъ хотятъ...»

Слѣдующія двѣ строки этой строфы опущены, вѣроятно, по условіямъ цензуры и замѣнены точками. Почему этого же не сдѣлалъ г. Фоминъ,—мы не знаемъ.

Интересно также поставить вопросъ о томъ, какъ должно читать конецъ стихотворенія «Сибирь!.. Напишешь это слово»? По изданію «Дѣятеля» видно, что текстъ взятъ изъ статьи, приложенной къ «Сочиненіямъ И. С. Никитина» изданія 1868 г. и принадлежащей перу де-Пуля, человѣка, не очень-то бережно относившагося къ текстамъ Никитина, и, слѣдовательно, особаго довѣрія не внушаетъ. Какимъ текстомъ пользовался г. Фоминъ, мы еще не знаемъ, потому что объясненіе этого обстоятельства появится только въ третьемъ не вышедшемъ пока томѣ (ну, какъ тутъ снова не подосадовать на такое расположеніе матеріала!). Во всякомъ случаѣ, въ чтеніи г. Фомина стихотвореніе оказалось на двѣ строчки длиннѣе, съ такимъ дисгармоническимъ, особенно для старательнаго въ отдѣлкѣ своихъ произведеній Никитина, концомъ, что смѣло можетъ вызвать сомнѣніе въ правильности всѣхъ редакторскихъ варіантовъ. Окончаніе указаннаго стихотворенія таково:

«Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
О похоронахъ говоритъ
И, кажется, меня бранить,
Что моей тетки гробъ открытъ
До церкви я не проводилъ».

Думается, слѣдовало бы читать: «говорилъ» и «бранилъ». Тогда все будетъ хорошо и по-никитински гармонично.

Влад. Княжичъ.

Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ IV (1892—1896 гг.). Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914. Стр. XXIV + 538. Ц. 2 р.

Четвертый томъ переписки Антона Павловича Чехова едва ли не интереснѣе и значительнѣе трехъ предыдущихъ, изъ которыхъ первый вышелъ уже вторымъ изданіемъ. Четвертый томъ охватываетъ время съ 1892 по 1896 гг., т. е. тотъ періодъ, когда Антонъ Павловичъ написалъ свои такія крупныя произведенія, какъ «Чайка», «Палата № 6», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», «Моя жизнь» и проч. Къ этому же времени относится и осуществленіе давнишней мечты Чехова—пріобрѣтеніе «собственнаго» имѣнія, хотя бы и въ долгъ. «Хорошо быть лордомъ,—шутливо пишетъ по этому поводу онъ своему другу И. Л. Щеглову,—просторно, тепло, никто не обрываетъ у двери звонка, но

легко оборваться и изъ лордовъ угодить въ консерджи или портье. Имѣніе, сударь, стоитъ тринадцать тысячъ, а я уплатилъ только треть. Остальное составляетъ долгъ, который долго, долго будетъ держать меня на цѣпочкѣ». Благоустройству новаго имѣнія Чеховъ отдался всей душой—онъ входилъ во всѣ хозяйственныя мелочи, садилъ молодыя деревца, ухаживалъ за огородомъ, читалъ агрономическія книги, рѣшилъ рыть прудъ, внимательно слѣдилъ за перестройками и въ концѣ концовъ добился того, что изъ непригляднаго запущеннаго имѣнія создалъ уютный прелестный уголокъ, о которомъ съ такой похвалою отзывались всѣ посѣтившіе его, напримѣръ, А. И. Купринъ въ посвященной памяти А. П. Чехова статьѣ въ одномъ изъ сборниковъ «Знаніе». Усѣвшись прочно «на землѣ», Чеховъ принимаетъ дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ, онъ много, не покладая рукъ, работаетъ во время холерной эпидеміи 1892 года, почти забывъ даже въ это время и литературу. «Медицина у меня законная жена, а литература—незаконная»,—шутилъ онъ, оправдываясь во временномъ принужденномъ перерывѣ въ своей литературной работѣ. Избранный въ земскіе гласные, онъ съ большимъ вниманіемъ относится къ новымъ обязанностямъ, проводитъ новыя дороги, хлопочетъ и строитъ школы, пожарныя сараи и даже колокольню въ Мелиховѣ.

Къ этому же времени относится и глубокой душевный переворотъ, происшедшій въ А. П. Чеховѣ, вмѣстѣ съ какою-то утомленностью и минутною разслабленностью, проглядывавшими изрѣдка въ его письмахъ. Все чаще давали знать себя и недуги, значеніе которыхъ Чеховъ, какъ врачъ, отлично понималъ, но скрывалъ отъ близкихъ, боясь ихъ безпокойства и отдѣлываясь разными шутками, въ родѣ той, какъ напримѣръ, въ письмѣ къ И. Н. Потапенку: «Три-четыре дня поплевалъ кровью, а теперь ничего, хоть бревна таскать или жениться». Увеличивали тяжелое душевное настроеніе Антона Павловича и матеріальныя заботы, но истинныя причины этой тоски были глубже, значительнѣе; недовольство собою, недовольство обществомъ, духота общественной тогдашней атмосферы, боязнь пошлости, мѣщанства, борьба съ ними, желаніе выбраться изъ сумерекъ, обновиться, зажечь новую жизнь,—вотъ что звучитъ въ признаніяхъ Чехова того времени. «Душа моя просится въ ширь и въ высь,—писалъ онъ въ одну изъ такихъ минутъ тоже покойному уже А. С. Суворину въ юнѣ 1892 года,—но поневолѣ приходится вести жизнь узенькую, ушедшую въ сволочныя рубли и копейки. Нѣтъ ничего пошлѣе мѣщанской жизни, съ ея грошами, харчами, нелѣпыми разговорами и никому ненужной условной добродѣтелью. Душа моя изныла отъ сознанія, что я работаю ради денегъ и что деньги—центръ моей дѣятельности. Ноющее чувство это вмѣстѣ со справедливостью дѣлаютъ въ моихъ глазахъ писательство мое занятіемъ презрѣннымъ, я не уважаю того, что пишу, я вялъ и скученъ самому себѣ, и радъ, что у меня есть медицина, которою я, какъ бы то ни было, занимаюсь все-таки не для денегъ. Надо бы выкупаться въ сѣрной кислотѣ и совлечь съ себя кожу, а потомъ обрасти новой шерстью». Въ другомъ письмѣ Чехова къ тому же А. С. Суворину онъ даетъ объясненіе этому настроенію въ замѣчательно сильной, горячей характеристикѣ общественной начала девятидесятыхъ годовъ. «Въ нашихъ произведеніяхъ,—

писалъ А. П. Чеховъ,—нѣтъ именно алкоголя, который бы пьянилъ и порабощалъ... Отчего нѣтъ? Оставляя въ сторонѣ «Палату № 6» и меня самого, будемъ говорить вообще, ибо это интереснѣй. Будемъ говорить объ общихъ причинахъ, коли вамъ не скучно, и давайте захватимъ цѣлую эпоху. Скажите по совѣсти, кто изъ моихъ сверстниковъ, т.-е. людей въ возрастѣ 30—45 лѣтъ далъ міру хотя одну каплю алкоголя? Развѣ Короленко, Надсонъ и всѣ нынѣшніе драматурги не лимонадъ? Развѣ картины Рѣпина или Шишкина кружили вамъ голову? Мило, талантливо, вы восхищаетесь и въ то же время никакъ не можете забыть, что вамъ хочется курить. Наука и техника переживаютъ теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умѣемъ рожать только гуттаперчивыхъ мальчиковъ, и не видимъ этого только Стасовъ, которому природа дала рѣдкую способность пьянѣть даже отъ помоевъ. Причины тутъ не въ глупости нашей, не въ бездарности и не въ наглости, какъ думаетъ Буренинъ, а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія. У насъ нѣтъ «чего-то», это справедливо и это значить, что поднимите подошвы нашей музѣ и вы увидите тамъ плоское мѣсто. Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и васъ зовутъ туда же, и вы чувствуете не умою, а всѣмъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота или просто водка, какъ у Дениса Давыдова, у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такую, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ васъ. А мы? Мы! Мы пишемъ жизнь такую, какая она есть, а дальше—ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся, а я лично даже смерти и слѣпоты не боюсь. Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ. Болѣзнь это или нѣтъ—дѣло не въ названіи, но сознаться надо, что положеніе наше хуже губернаторскаго. Не знаю, что будетъ съ нами черезъ 10—20 лѣтъ—тогда, быть можетъ, измѣнятся обстоятельства, но пока было бы опрометчиво ожидать отъ насъ чего-нибудь дѣйствительно путнаго, независимо отъ того, талантливы мы или нѣтъ».

Въ краткой журнальной рецензіи нѣтъ возможности хотя бы бѣгло рассмотреть весь громадный и необычайно цѣнный матеріалъ, который содержится въ письмахъ А. П. Чехова. Здѣсь ярко выступаетъ Чеховъ и какъ человѣкъ, и какъ писатель, и какъ критикъ, и какъ наставникъ и руководитель многихъ молодыхъ писателей, надъ рукописями которыхъ онъ много и тщательно работалъ, исправлялъ, указывалъ молодымъ авторамъ ихъ промахи и ошибки, хлопоталъ по редакціямъ, чтобы «пристроить» ихъ и т. д. Любовь Чехова къ литературѣ, чуткое критическое дарованіе, оригинальное тонкое понима-

ніе литературы, рядъ мѣткихъ яркихъ сужденій о творествѣ Толстого, Тургенева, Писемскаго, Сенкевича и друг.—это въ письмахъ къ литераторамъ, а въ письмахъ къ простымъ знакомымъ какая-то особенная мягкость и теплота, со множествомъ разсыпанныхъ юмористическихъ блестящихъ, комическихъ сравненій, выраженій, «крылатыхъ словечекъ». Характерны въ этомъ отношеніи письма къ роднымъ, къ Л. С. Мизиновой, Линтваревой и проч. Наибольшее количество писемъ четвертаго тома адресовано къ А. С. Суворину, котораго А. П. Чеховъ искренне любилъ, уважалъ и цѣнилъ, какъ человѣка и какъ образованнаго писателя, чуткаго знатока и любителя литературы. Наибольше крупнымъ событіемъ, описываемымъ въ концѣ четвертаго тома писемъ А. П. Чехова, является неудачное появленіе «Чайки» на сценѣ Александринскаго театра, которое доставило автору большое огорченіе, тщательно скрываемое имъ отъ близкихъ. Затѣмъ въ концѣ книги помѣщены «Изъ дневника» и «Шульцъ», отрывокъ изъ неоконченнаго разсказа. Книга обильно иллюстрирована, снабжена двумя указателями и біографіей Чехова, составленной его братомъ, М. П. Чеховымъ, въ которой имѣется нѣсколько фактическихъ неточностей, расходящихся съ указаніями въ письмахъ самого писателя.

Д. Масляненко.

**А. С. Суворинъ. Театральные очерки. (1866—1876 гг.). Слб. 1914. Стр. 471 + XV.
Цѣна 3 рубля.**

А. С. Суворинъ былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ, если не самымъ талантливымъ театральнымъ критикомъ второй половины девятнадцатаго вѣка. Къ его рецензіямъ прислушивались и публика, и актеры, и дирекція императорскихъ театровъ. Газетная рецензія всегда пишется наспѣхъ, всегда мало продумана, оформлена не настолько, какъ это желательно было бы ея автору. И тѣмъ важнѣе та вѣрность художественнаго взгляда, та мѣткость сужденія, тѣ нерѣдко блестящіе выводы, что нерѣдко давалъ Суворинъ. Мы уже не говоримъ о томъ превосходномъ русскомъ языкѣ, который былъ присущъ Алексѣю Сергѣевичу, и которымъ теперь никто изъ современныхъ рецензентовъ не пишетъ.

Вышедшая книга представляетъ первый томъ его отзывовъ и замѣтокъ о театрѣ. Онъ охватываетъ періодъ съ 1866 по 1876 годъ. Это была эпоха театральнаго безвременья. Театральные заправилы смѣшали русскій драматическій театръ съ мелочной лавочкой и потребовали отъ него первымъ дѣломъ доходовъ. Поэтому на ряду съ Гоголемъ, Островскимъ и Сухово-Кобылинымъ, на ряду съ Шекспиромъ и Шиллеромъ, утвердилась оперетка и веселые мотивы Оффенбаха зазвучали подъ куполомъ того театра, на плафонѣ котораго были золотомъ поставлены имена Фонвизина и Грибоѣдова. Рѣзкое выступленіе Суворина противъ того, что г-жа Лядова снялась у фотографа Бергамаско въ довольно откровенныхъ позахъ съ Парисомъ-Сазоновымъ, вызвало цѣлую бурю негодованія со стороны тогдашнихъ защитниковъ развеселаго канкана. Письмо А. С. Суворина къ Лядовой, появившееся нѣкогда въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», теперь воспроизведено цѣликомъ въ «Театральныхъ очеркахъ»,

и остается удивляться, почему журналисты так вступились за оперетку, надолго затормозившую ходъ естественнаго и законнаго развитія нашего отечественнаго репертуара.

Порча вкусовъ публики и порча талантовъ молодыхъ артистовъ, играющихъ въ опереткахъ,—есть послѣдствія царенія Оффенбаха въ петербургскомъ Александринскомъ и московскомъ Маломъ театрахъ. Монаховъ, Сазоновъ, Лелева, Лядова изо всѣхъ силъ старались подражать французамъ—этимъ творцамъ канкана. Они пожинали «лавры изъ зеленныхъ лавокъ». Суворинъ не соглашался съ основнымъ положеніемъ критиковъ, что русскіе актеры играли скромнѣе и наивнѣе. «Просто у нихъ не хватаетъ ни пикантности, ни смѣлости, ни живости, ни разнообразія, которыя отличаютъ игру французовъ»—говорилъ онъ.

Въ періодъ конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ оперетка и расцвѣла, и отцвѣла. И быстрымъ своимъ увяданьемъ она много была обязана А. С. Суворину. Въ драмѣ пышнымъ цвѣтомъ распускался Дьяченко: каждый годъ онъ кроилъ свои драмы, и каждый годъ г-жа Струйская источала потоки слезъ, изображая его героиню. Суворинъ и тутъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, подчеркивалъ всю фальшь и пустоту пьесъ Дьяченка. Онъ указывалъ, что русскихъ классиковъ даютъ изрѣдка, точно справляютъ по нимъ поминки; являются они обыкновенно «въ нищенскомъ уборѣ, въ лохмотьяхъ тѣхъ старухъ, которыя скромно ѣдятъ кутью въ родительскую субботу».—«Съ нашей сцены,—пишетъ онъ,—выгнано все порядочное нашей драматической литературы; сцена уже забыла о томъ, что театръ не балаганъ, а въ нѣ-которомъ родѣ школа нравственности, одно изъ могучихъ орудій просвѣщенія!»

Суворинъ неустанно долбилъ, что порядокъ, заведенный дирекціей на императорской сценѣ, невыносимъ и обличаетъ полное невѣжество театраль-ныхъ чиновниковъ и убожество ихъ понятій. Онъ не давалъ засыпать имъ, не позволялъ презрительно смотрѣть на драматическій театръ. Стоило появиться бездарной пьесѣ, чтобы онъ всей силой своей убѣдительности доказывалъ нелѣпость постановки ея на образцовой сценѣ. Совокупность усилій всей печати, съ его рецензіями во главѣ, привела театръ къ той реформѣ, которая перевернула всѣ прежніе порядки и, главное, установила существованіе частныхъ театровъ, которые, являясь конкурентами театрамъ казеннымъ, заставляли ихъ подтягиваться и всегда быть насторожѣ.

Періодъ, охваченный рецензіями вышедшаго тома, уже давно отошелъ отъ насъ и является историческимъ. Желательно появленіе слѣдующихъ томовъ—рецензій восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Здѣсь было много мѣткаго, глубокаго, игравшаго большую роль въ исторіи нашего театра. Было бы жаль, если бы издатели, ограничившись однимъ выпускомъ «Театраль-ныхъ очерковъ», не продолжили интересное изданіе.

Отмѣтимъ нововведеніе: страницы въ «Очеркахъ» обозначены цифрами не наверху или внизу текста, какъ это обыкновенно принято, а на четныхъ страницахъ слѣва, а на нечетныхъ справа, на поляхъ книги. Это удобно и красиво.

Книга украшена портретами современныхъ, описываемой эпохъ артистовъ. Къ сожалѣнiю, вмѣсто портрета А. М. Читау помѣщено изображенiе ея дочери. Слѣдовало бы избѣгать подобныхъ lapsus'овъ въ будущемъ.

Г—ъ.

Н. Чернявскій. Императоръ Θεодосій Великій и его царствованiе. Сергiевъ посадъ. 1913.

Восточно-римскiй императоръ Θεодосiй Великiй умеръ болѣе тысячи пяти-сотъ лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе дѣятельность его отражается на нашей современности. Онъ былъ христiаниномъ и въ то же время настоящимъ римскимъ императоромъ, но отказавшимся отъ традицiй языческаго Рима. Θεодосiй Великiй окончательно установилъ отношенiе государства къ церкви и твердо обосновалъ его въ изданномъ имъ сводѣ законовъ. Признавъ догматику, выработанную на Никейскомъ соборѣ, за безусловную истину, императоръ при помощи государственныхъ мѣръ дѣлаетъ ее обязательной для каждаго подданнаго. Православiе становится обязанностью вѣрноподданнаго, отступленiе отъ никейской вѣры считается государственнымъ преступленiемъ. Θεодосiй превращаетъ церковь въ учрежденiе, подчиненное государству, само христiанство сдѣлалось политическимъ, такъ какъ воля государя заставила церковь, если не отказаться, то значительно сократить служенiе своимъ особымъ задачамъ въ пользу политическихъ интересовъ. Это былъ поворотный пунктъ, начавшiй новую эру въ исторiи христiанства, эру приспособленности задачъ церкви къ задачамъ и дѣлямъ государства. Θεодосiй Великiй жестоко преслѣдовалъ еретиковъ, лишалъ ихъ гражданской свободы и гражданскихъ правъ, тяжело наказывалъ ихъ безъ суда и слѣдствiя и развилъ систему доносовъ. Интересующiеся положенiемъ церкви прочтутъ съ удовольствiемъ прекрасное изслѣдованiе г. Чернявскаго, въ которомъ всесторонне выяснена церковная политика императора Θεодосiя.

П. В.

Поль Гиро. Историческiя чтенiя. Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакцiей С. П. Моравскаго. Изданiе 2-е, исправленное, съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913. Стр. VIII+608. Цѣна 3 руб.

Предлагаемая вниманiю читателя книга Поля Гиро служить какъ бы продолженiемъ другой его книги «Частная и общественная жизнь грековъ», выходящей нынѣ въ новомъ русскомъ переводѣ. На русскомъ языкѣ «Частная и общественная жизнь римлянъ» впервые вышла въ 1899 году, т. е. почти 14 лѣтъ тому назадъ. Уже одно то обстоятельство, что за послѣднее время ее на книжномъ рынкѣ можно было достать лишь съ большимъ трудомъ, мнѣ кажется, должно свидѣтельствовать о ея достоинствахъ. Думается, что всякiй, знакомый по первому изданiю съ хрестоматiей Гиро, согласится со слѣ-

дующими словами ея редактора С. П. Моравскаго, высказанными имъ въ предисловіи: «Хрестоматія Гиро почти нисколько не утратила своей прежней цѣнности, и нужда въ ней, какъ въ прекрасномъ руководствѣ и для школьныхъ занятій, и для цѣлей самообразованія, осталась почти та же, что и прежде. Устарѣтъ эта книга и не могла уже по одному тому, что четвертая часть ея содержанія составляетъ отрывки изъ древнихъ римскихъ авторовъ, надписей и др. первоисточниковъ, а остальное въ значительной степени принадлежитъ перу такихъ неувядаемыхъ авторитетовъ въ области римской исторіи, какъ Моммсенъ или Фюстель де-Куланжъ». Эти слова, по моему мнѣнію, представляютъ собою лучшую рекомендацію настоящихъ «Историческихъ чтеній».

Не можемъ поэтому не высказать пожеланія, чтобы она сдѣлалась любимой книгой не только тѣхъ, кому волей-неволей приходится сталкиваться съ римскимъ міромъ, именно учащихся средней школы и студентовъ, но и лицъ, ищущихъ дѣльнаго и занимательнаго чтенія. Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно, и цѣна ея, принимая во вниманіе объемъ, въ общемъ не высока, хотя, конечно, было бы весьма желательно, чтобы подобнаго рода книги были болѣе общедоступны.

Я. Вязюковъ.

Проф. І. А. Покровскій. Исторія римскаго права. Спб. 1913 г. Стр. 571. Цѣна 3 р. 50 к.

Какъ правильно замѣчаетъ авторъ во введеніи, римское право занимаетъ въ исторіи человѣчества совершенно исключительное мѣсто: оно пережило создавшій его народъ и дважды покорило міръ. Отсюда и его громадное мировое значеніе и интересъ къ нему. Литература римскаго права необъятна, по исторіи его имѣется немало книгъ и на русскомъ языкѣ. Но тѣмъ не менѣе руководство г. Покровскаго обращаетъ на себя вниманіе не только какъ одна изъ послѣднихъ русскихъ работъ въ этой области. Объемистый томъ въ сжатомъ систематическомъ изложеніи даетъ ясную полную картину изображаемаго предмета. Учебники представляютъ собой одинъ изъ самыхъ трудныхъ образцовъ литературы; въ этомъ отношеніи книга г. Покровскаго незаурядное явленіе. Много помогаетъ автору его дѣловой точный и немногословный языкъ.

Книга распадается на двѣ части: исторію институтовъ публичнаго права и исторію гражданскаго общества. Въ часть первую входитъ гражданскій и уголовный процессъ, а также любопытный отдѣлъ, посвященный выясненію условій кризиса и паденія Римской республики. Въ этой же части находится очеркъ исторіи римскаго права въ новомъ мірѣ: въ Византіи и Западной Европѣ. Здѣсь, однако, сказывается невольное пристрастіе спеціалиста къ западно-европейской отрасли римскаго права въ ущербъ восточной. Конечно, основанное на римскомъ правѣ византійское не достигло того махроваго цвѣтенія, которое отличаетъ его западнаго собрата. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ той скупой оцѣнкой автора, согласно которой византійское право сдѣлалось правомъ одного и очень специфическаго государства, превратилось снова въ нѣ-

которое *ius civile* и потому могло оказать только слабое влияние за пределами своей страны. Въдъ подъ влияніемъ византійскаго права сложилось право Арменіи, Грузіи, Болгаріи, Сербіи и Россіи. Нѣкоторые писатели прямо отмѣчаютъ формальную рецепцію византійскаго права въ сербскомъ законникѣ Стефана Душана. У насъ византійское право въ извѣстныхъ его частяхъ цѣликомъ вошло въ Кормчія книги, въ уложеніе царя Алексѣя Михайловича; ранѣе того влияние его сказалось на «Русской правдѣ», на Двинской и Псковской судебныхъ грамотахъ. По этой причинѣ жаль, что талантливый авторъ разбираемаго руководства не коснулся ближе греко-римскаго права, съ которымъ русскій студентъ въ еще болѣе скромномъ объемѣ знакомится въ курсахъ исторіи русскаго права и отчасти въ церковномъ правѣ.

Давая сжатый, но очень содержательный и выпуклый очеркъ исторіи римскихъ правовыхъ древностей, авторъ сообщаетъ также лишь важнѣйшія литературныя пособія на иностранныхъ и русскомъ языкѣ. Изъ русскихъ курсовъ г. Покровскій указываетъ лишь труды Муромцева и Хвостова, но не упоминаетъ о Боголѣповѣ, Ефимовѣ, о послѣднемъ, впрочемъ, вполне заслуженно, такъ какъ лекціи по исторіи римскаго права Ефимова представляютъ собою нѣчто вродѣ студенческаго изданія лекцій того же профессора Покровскаго. Противъ этого студенческаго изданія авторъ лично подымаетъ оружіе. Онъ указываетъ, что эти лекціи, къ слову сказать, выдержавшія четвертое изданіе, по содержанію являются устарѣвшими и полными разнообразныхъ погрѣшностей.

Для облегченія пользованія книгой, помимо подробнаго оглавленія при ней, имѣется алфавитный указатель, причемъ, по словамъ самого автора, главное вниманіе при составленіи алфавита было обращено на техническія латинскія выраженія, представляющія для начинающихъ наибольшія трудности.

В. Грибовскій.

-
- 1) Князь Федоръ Долгорукой.—Долгорукиѣ, Долгоруковы и Долгорукиѣ-Аргутинскіе. Часть II. Матеріалы 460 фамилій. Спб. 1913. 4°. Стр. 148. Цѣна 10 рублей.—2) Федоръ Арсакидъ, князь Долгорукой. Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи, s. I. et a. Издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ «не для продажи», 4°. Стр. 34. Цѣна 3 рубля (sic!).—3) Князь Федоръ Долгорукой. Родословный сборникъ (съ гербами). Выпускъ I. Спб. 1913. 4°. Стр. 65. Цѣна 5 рублей. «Изданіе ограниченное» (sic!).

Мы колебались, слѣдуетъ ли давать отзывъ о перечисленныхъ выше трехъ изданіяхъ князя Федора Аргутинскаго-Долгорукаго, такъ какъ долго не могли рѣшить, что они собою представляютъ: произведеніе ли ненормальнаго человѣка, страдающаго маніей величія и графоманіей, или продуктъ невѣжества; наконецъ пришли къ выводу, что слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предостеречь читателя, особенно провинціальнаго, не имѣющаго возможности просмотрѣть книгу ранѣе ея приобрѣтенія, и спасти его отъ явно невѣжественныхъ произведеній, пущенныхъ къ тому же, несмотря на совершенную бѣдность содержанія, по безпримѣрно высокой цѣнѣ, причемъ даже сочиненіе,

объявленное изданнымъ «не для продажи», можно приобрести у автора за три цѣлковыхъ. Последнее обстоятельство особенно убѣдило насъ въ томъ, что молодой авторъ (изъ книги видно, что ему всего двадцать лѣтъ) не такъ ужъ наивенъ, и что вѣрнѣе всего заподозрѣть въ немъ просто человѣка, который, стремясь доказать свое происхожденіе отъ Рюрика и тѣмъ поднять себя въ глазахъ читателя и своихъ собственныхъ ¹⁾, не прочь къ этимъ незначительнымъ благамъ присоединить и вещественныя, такъ какъ надѣется, что мало освѣдомленный или провинціальный читатель, прочтя широковыщательныя и заманчивыя заглавія книгъ новоявленнаго генеалoga, пошлетъ въ его карманъ восемнадцать рублей.

Цѣлью первой книжонки авторъ поставилъ доказать, что онъ, кавказскій князь Аргутинскій-Долгоруковъ, происходитъ отъ одного корня съ князьями-Рюриковичами Долгорукими; оперируетъ онъ для этого съ явно негодными средствами въ родѣ книги печальной памяти князя Всеволода Долгорукаго, которому, какъ и слѣдовало ожидать, воздастъ невѣроятныя хвалы въ своемъ посвященіи или предисловіи, могущемъ служить образцомъ пустой напыщенности и безграмотности; самая книжка—наскоро скомпилированное родословіе съ невѣроятными ошибками и пропусками и, конечно, безъ ссылокъ; впрочемъ, въ концѣ приведено 82 источника,—въ томъ числѣ фантастическіе рассказы Блаватской «Изъ пещеръ и дебрей Индостана», изъ коихъ авторъ извлекъ одного князя Долгорукаго (№ 117 б.), извѣстнаго, по словамъ князя Аргутинскаго, въ Персіи и Индіи, «какъ магъ и астрологъ (sic) знаменитый». О второй книжкѣ, изданной не для продажи, но любезно продаваемой за три рубля, мы даже затрудняемся что-либо сказать: этотъ «трудъ» можетъ подлежать разбору не столько историка, сколько психіатра, да служить укоромъ тѣмъ лицамъ, которыя, уча автора грамотѣ, не научили его сколько-нибудь сносно выражать свои мысли. Наконецъ, третья книжка лучше всего подтверждаетъ наше убѣжденіе въ томъ, что авторъ человѣкъ мало застѣнчивый: за 64 странички простыхъ перепечатокъ изъ книгъ князя П. В. Долгорукова, П. Н. Петрова, князя Лобанова-Ростовскаго и Дворянскаго Календаря Шапошниковова, почти безъ дополненій (во всякомъ случаѣ безъ многихъ необходимыхъ и вполне возможныхъ дополненій), а иногда съ искаженіями и съ тою же проглядывающею всюду всякаго рода безграмотностію,—цѣна имъ назначена пять рублей! Надѣмся, что наша замѣтка удержитъ читателей отъ приобретенія этихъ не только никуда негодныхъ, но даже прямо вредныхъ книгъ или, по крайней мѣрѣ, заставитъ ихъ крѣпче держаться за карманъ, когда, о, ужасъ! выйдутъ «въ ближайшемъ будущемъ» новые «труды» молодого, но уже столь прославившаго себя «ученаго»: «Русское дворянство (триста русскихъ титулованныхъ и старо-дворянскихъ родовъ)» и «Иностранное дворянство (триста

¹⁾ Приводимъ, для любителей юмористики, полный титулъ, какимъ именуетъ себя юный генеалогъ: «Федоръ Арсакидъ, князь Долгорукой-Аргутинской, князь Персіи, Арменіи, Грузіи, Всероссийской и Византійской имперіи, Храмыскій, Лорисскій и Саваніискій, князь (sic) Рюриковой крови». Для читателей, которые подумаютъ, что мы шутимъ, указываемъ страницу въ книгѣ «Извлеченіе изъ генеалогіи» и т. д., на которой все это пропечатано чернымъ по бѣлому; стр. 12.

титулованныхъ родовъ)», которые составляютъ двѣ части его изданія «Генеалогія знаменитыхъ родовъ». Князь Аргутинскій можетъ тѣшить себя какими угодно измышленіями и привѣшивать на себя хоть со всѣхъ сторонъ ярлыки съ не принадлежащими ему титулами, но торговать своими фантазіями и невѣжествомъ, да еще за столь дорогую цѣну,—дѣло совершенно недопустимое.

Б. Гарскій.

Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ «Словарию русскихъ граверовъ» Ровинскаго и «Описанію нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Составилъ Обольяниновъ. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва. 1913 г. Стр. 74.

Цѣна 4 р.

Книга эта интересна только для коллекціонеровъ и любителей старины. У Ровинскаго, конечно, было много пропусковъ. Е. Н. Тевяшовъ составилъ свое описаніе по собственному собранію. Первый томъ сочиненія А. В. Морозова «Описанія русскихъ портретовъ» тоже пополняетъ списокъ копіями съ оттисковъ, имѣющихся въ его коллекціяхъ. Г. Обольяниновъ вноситъ, съ своей стороны, тѣ дополненія, которыя удалось ему разыскать. Онъ приводитъ списокъ 160 литографовъ, работавшихъ до 1860 года. Работы нашихъ литографовъ онъ находитъ не только не хуже работъ заграничныхъ ихъ собратій, но въ значительной мѣрѣ лучше ихъ. Таковы «Дамскій Альбомъ» Шредера, изд. 1853 г., «Древности Россійскаго государства», «Историческое описаніе одежды и вооруженій російскихъ войскъ» и др., при чемъ онъ указываетъ, что нѣкоторые листы такъ выработаны, что трудно различить—хромолитографія ли это, или акварель ручной работы.

Къ сожалѣнію, внѣшность книги г. Обольянинова слабовата, гораздо слабѣе изданія Тевяшова. У насъ типографское искусство все-таки сдѣлало въ послѣднее время много шаговъ впередъ, и такія книги какъ «Русскіе граверы» можно было бы издавать съ большей тщательностью и вкусомъ, а такое размѣщеніе литографій, какъ на страницахъ 38, 39 и пр.,—прямо-таки ужасно.

Г—ъ.

А. Грищенко. О связяхъ русской живописи съ Византіей и Западомъ. XIII—XX вв. Мысли живописца. Съ 23 воспроизведеніями. Москва. 1913. Стр. 89.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Названіе этой книги легко можетъ ввести въ заблужденіе относительно ея содержанія; очеркъ г. Грищенко боевого характера и имѣетъ цѣлью доказать въ высокой степени сомнительное положеніе, что послѣднее слово живописнаго искусства, такъ называемый «кубизмъ» (авторъ выражается разнообразно и недостаточно опредѣленно: «новое движеніе Пикассо», «группа кубистовъ» или просто «группа художниковъ молодого искусства») націоналенъ по своимъ тенденціямъ и имѣетъ несомнѣнно преемственную связь съ лучшимъ прошлымъ русской живописи». Г. Грищенко обѣщаетъ въ подтвержденіе своей мысли привести непреложные факты, но искать ихъ въ потокѣ полемическаго красно-

рѣчія автора тщетно: на протяженіи около 50 страницъ (остальныя 40 отданы воспроизведеніямъ древнихъ русскихъ иконъ и картинъ художниковъ разныхъ временъ и народовъ, исполненныхъ, кстати сказать, очень хорошо), кромѣ восторговъ передъ своими и страстныхъ выпадовъ противъ другихъ (къ которымъ причисляются, помимо передвижниковъ, также и художники «Міра Искусства» и «Союза»), нельзя найти не только убѣдительнаго, но и вообще какого-либо довода въ пользу футуристическихъ принциповъ «дивизионизма», «динамизма» и «комплиментаризма». Наибольшую горячность проявляетъ г. Грищенко въ своихъ нападкахъ на «Міръ Искусства», видимо, ближайшаго врага, сводя дѣятельность художниковъ этой группы лишь къ графикѣ и театральнымъ постановкамъ, но неужели съ ними же спорить онъ, усиленно распространяясь на тему о развитіи національнаго искусства разнообразными вліяніями, полученными извнѣ? Да развѣ не замолкъ давно объ этомъ спорѣ въ передовыхъ кругахъ русскихъ художниковъ? А между тѣмъ тамъ, гдѣ нужны доказательства въ пользу малопонятнаго (хотя и расудочнаго) новѣйшаго искусства, гдѣ трудно уловить грани между искреннимъ, талантливымъ исканіемъ, добросовѣстнымъ заблужденіемъ и чистымъ шарлатанствомъ, тамъ г. Грищенко отдѣляется шумихой ничего не говорящихъ фразъ. По поводу, напримѣръ, принципа расчлененія предмета на части и составленія изъ нихъ цѣлаго авторъ лишь упоминаетъ, что снѣ не новый и приводитъ изъ «Исторіи искусства» Вермана историческіе примѣры, но онъ не говоритъ, почему этотъ принципъ художественнѣе, убѣдительнѣе и ближе къ истиннымъ задачамъ живописи, въ отсутствіи каковыхъ достоинствъ онъ упрекаетъ своихъ противниковъ. Но этого вопроса онъ по крайней мѣрѣ касается, тогда какъ другіе, какъ уже сказано, тонуть въ общихъ полемическихъ монологахъ и панегирикахъ. За г. Грищенка стоятъ его несомнѣнная любовь къ искусству и еще болѣе несомнѣнная молодость, но для ознакомленія общества съ новой художественной вѣрой нужны иныя силы, или же сама эта вѣра не имѣетъ подъ собою ни малѣйшей почвы.

Я—ъ.

В. Б. Бертенсонъ. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. Стр. IV+283. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Воспоминанія В. Б. Бертенсона хорошо знакомы не только читателямъ «Историческаго Вѣстника», на страницахъ котораго они были первоначально напечатаны, но и весьма широкимъ кругамъ нашей публики, такъ какъ болѣе или менѣе значительные отрывки изъ этихъ воспоминаній неоднократно помещались въ очень многихъ и широко распространенныхъ періодическихъ изданіяхъ. Это послѣднее обстоятельство краснорѣчиво доказываетъ, что воспоминанія имѣли несомнѣнный и, добавимъ, вполне заслуженный успѣхъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе отдѣльнаго изданія ихъ, тѣмъ болѣе, что ранѣе всѣмъ, не исключая даже и читателей нашего журнала, приходилось знакомиться съ воспоминаніями только по частямъ, а это неизбѣжно ослабляло впечатлѣніе. Не можемъ не позавидовать почтенному автору: за

разсмотрѣнный имъ тридцатилѣтній періодъ своей жизни (1874—1905 г.) ему довелось видѣть и слышать много любопытнаго, а также познакомиться съ массою интересныхъ и выдающихся дѣятелей почти на всѣхъ поприщахъ тогдашней умственной и общественной жизни Россіи и отчасти Западной Европы. Тутъ есть и высочайшія особы, и видные духовные дѣятели (митрополитъ Антоній, отецъ Іоаннъ Сергіевъ), и крупные сановники (графъ Лорисъ-Меликовъ, П. С. Ванновскій), и ученые (Груберъ, С. П. Воткинъ), и писатели (А. Н. Апухтинъ, графъ Соллогубъ), и композиторы (Чайковскій, Кюи), и оперные пѣвцы (Котони, Мазини) и т. д., и т. д. Къ этому слѣдуетъ добавить, что авторъ ведетъ свой рассказъ съ изящной простотой и живымъ остроуміемъ и своей манерой изложенія невольно внушаетъ полное довѣріе къ безусловной правдивости своихъ воспоминаній. Нѣкоторые отдѣльные факты могутъ, особенно при бѣгломъ чтеніи, показаться мелочными, но, помимо шаблоннаго возраженія на это, что вся наша жизнь составлена изъ мелочей, слѣдуетъ замѣтить, что и эти мелочи всегда даютъ нѣчто типичное и характерное. Поэтому будущій историкъ нашей общественности, несомнѣнно, долженъ привлечь къ своимъ матеріаламъ и настоящую книгу.

А. Малеевъ.

А. Е. Егоровъ (Конспаровъ). Страницы изъ прожитого. Одесса. 1914. Томы I и II. Стр. 254+317. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к.

«Страницы» г. Егорова исполнены семейныхъ, служебныхъ и общественныхъ воспоминаній. Онъ провелъ дѣтство въ Сѣверо-Западномъ краѣ и вспоминаетъ, между прочимъ, одного изъ своихъ репетиторовъ, гимназиста виленской гимназіи, еврея Тугенгольда, который былъ впоследствии правой рукой у перваго государственнаго контролера Татаринова и которому Россія обязана всей понынѣ дѣйствующей у насъ контрольной системой. Съ большимъ интересомъ читаешь также воспоминанія о наивности виленской администраціи въ лицѣ генераль-губернатора Назимова, который разрѣшилъ къ представленію на сценѣ революционную оперу Обера «Фенелла» и апплодировалъ изъ ложи прекрасному ея исполненію, не подозревая готовящагося возстанія по всей Польшѣ. У автора сохранились въ памяти яркіе факты о возбужденности общественной мысли повсемѣстно въ Россіи къ началу шестидесятыхъ годовъ. Очень живо воспроизведены имъ студенческіе беспорядки 1861 года въ Петербургѣ, чтеніе лекцій профессорами послѣ закрытія университета, пожары Апраксина двора и въ городѣ Симбирскѣ.

Описывая свою службу по цензурному вѣдомству въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, авторъ дѣлится богатыми воспоминаніями о судьбахъ русской печати, подкрѣпляя ея страданія цѣлымъ рядомъ подлинныхъ циркуляровъ цензуры, со включеніемъ архивныхъ справокъ за многіе годы. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ удѣляетъ вниманіе не только многимъ выдающимся администраторамъ, но и знаменитостямъ русской сцены: Щепкину, Шумскому, Садовскому, Живокини, Федотову, Никудину и другимъ. Въ заключеніе небезынтересны его страницы изъ хроники мирной и смутной жизни гор. Одессы ко времени 1905—1906 года.

А. Фаресовъ.

Е. Балобанова. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. Спб. 1913.

Стр. 80. Ц. 50 к.

Ея же. Изъ моихъ странствій и приключеній. I. Маръ-Ивонна. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. Стр. 137. Ц. 90 к. II. Пиренеи. Разказы дядюшки Бертрана. Съ двумя картинами. Спб. 1913. Стр. 90. Ц. 70 к. III. Шотландія. Изъ лѣтъ далекихъ. Съ тремя картинами. Спб. 1913. Стр. 154. Ц. 1 р. 10 к.

Авторъ названныхъ книгъ, Екатерина Вячеславовна Балобанова, получившая воспитаніе въ нижегородскомъ Маріинскомъ институтѣ, и затѣмъ въ первомъ выпускѣ окончившая петербургскіе высшіе женскіе курсы, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ у насъ знатоковъ кельтскаго языка и извѣстна въ литературѣ своимъ изслѣдованіемъ и переводомъ поэмъ Оссіана; кромѣ этого крупнаго труда, ею изданы сборники легендъ о старинныхъ замкахъ Бретани и Рейна, причеиъ всѣ эти легенды собраны авторомъ непосредственно на мѣстѣ.

Первая изъ вновь выпущенныхъ госпожой Балобановой книгъ представляетъ собой дѣтскія и дѣвическія воспоминанія ея о пребываніи въ родномъ имѣніи, о поступленіи сначала въ Екатерининскій институтъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ «нижегородскій Маріинскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ». Начиная съ разказа о жизни въ имѣніи, о дѣтскихъ невзгодахъ и шалостяхъ и описывая жизнь въ институтѣ съ его подчасъ осталяющимъ желать многоаго педагогическимъ персоналомъ, авторъ заканчиваетъ книгу 1862-мъ годомъ, т. е. годомъ окончанія курса въ институтѣ, попутно затрагивая великую реформу освобожденія крестьянъ и передавая то впечатлѣніе, какое произвело это событіе на души оканчивающихъ курсъ институтокъ.

Остальныя три книги, носящія одинъ общій заголовокъ: «Изъ моихъ странствованій и приключеній», представляютъ собою какъ бы части одного цѣлаго. Всѣ онѣ являются собраніемъ легендъ и повѣрій, записанныхъ авторомъ во время путешествій по Европѣ.

Первая книга, озаглавленная «Маръ-Ивонна», заключаетъ въ себѣ повѣрья и преданія Бретани: это переработанные авторомъ разказы туземцевъ.

Вторая книга—ширепейскія народныя преданія, записанныя со словъ мѣнаго старожилы—«дядюшки Бертрана».

Наконецъ, послѣдняя книга—наиболѣе удачная изъ трехъ—является сборникомъ кельтскихъ и шотландскихъ легендъ и преданій, разказанныхъ разными людьми, съ которыми автору приходилось сталкиваться во время своихъ путешествій по Шотландіи, въ странѣ Макферсоновскаго Оссіана. Въ эту же книгу включено нѣсколько бретонскихъ и финскихъ легендъ, записанныхъ авторомъ по пути изъ Шотландіи.

Всѣ книги написаны просто и живо, и интересующійся народными преданіями и легендами прочтетъ ихъ съ интересомъ.

А. В—зовъ.

Матеріали по історії Малороссії. Письма къ И. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713 гг.). Подъ редакціей В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1913. Стр. 60.

Изданныя музеемъ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ письма къ Ивану Петровичу Забѣлѣ, знатному войсковому товарищу (1665—1703 гг.), не имѣя опредѣленной исторической цѣнности, любопытны, какъ матеріалъ для характеристики времени. Они раскрываютъ интересныя подробности быта малорусскаго помѣщика конца XVII вѣка, его отношеній къ роднымъ, гетману и т. п. Частныхъ писемъ того времени въ литературѣ по історіи Малороссіи обнародовано немного, такъ какъ ихъ и сохранилось мало. Люди берегли универсалы, купчія и другіе документы, имѣвшіе юридическую цѣнность, но частнымъ письмамъ не придавали значенія. Рѣдко кто имѣлъ обыкновеніе хранить у себя «шпаргалы», какъ И. П. Забѣла, составившій изъ полученныхъ имъ писемъ двѣ книги, которыя онъ переплелъ въ красивые кожаные тисненныя переплеты.

Письма онъ получалъ отъ своего тестя Василя Дунинь-Борковскаго, генеральнаго обознаго, отъ гетмана Мазепы, святого Феоодосія Углицкаго, В. Кочубея, полковника Ивана Чарныша, содержавшагося одно время по дѣлу Павла Полуботка въ Петропавловской крѣпости; есть въ книжкѣ также письмо самого Полуботка ко вдовѣ И. П. Забѣлы, Аннѣ Васильевнѣ.

Для характеристики писемъ приводимъ въ переводѣ одно изъ нихъ. Тестъ И. П. Забѣлы, Дунинь-Борковскій предупреждаетъ зятя о прїѣздѣ къ нему гетмана Мазепы: «Завтрашняго дня,—пишетъ онъ,—жди самого господина пана гетмана съ самою панею, для которыхъ, ихъ милостей, приготовь верхнія свѣтлицы: одну для пана, другую—для самой пани, и постарайся, чтобы всѣмъ генеральнымъ старшинамъ, несмотря ни на кого, были приготовлены подходящіе покои; и мнѣ бы комнатку, если бы гдѣ близко къ вамъ, чтобы недалеко было ходить. Позаботься о напиткахъ, особенно о хорошемъ медѣ, хотя бы взявши его гдѣ-либо въ корчмѣ; на то время мы запретили продавать медъ: если бы у васъ его не стало, чтобы было чѣмъ подкрѣпитъ. Самъ ты, когда узнаешь, что панъ близко, выѣзжай съ паномъ Василиемъ встрѣчать его, приведя все во дворѣ въ должный порядокъ. Посылаю тебѣ по пять шгукъ осетрины и бѣлуги, полъ дежечки икры, боченокъ вина. Но всего мнѣ не предусмотришь: самъ думай, что необходимо для такой особы».

Знаменитому Василию Кочубею въ данномъ собраніи принадлежитъ десять писемъ. Въ одномъ изъ нихъ «богатый и славный» Кочубей сообщаетъ, что въ своемъ «убогомъ дому» «по судбахъ всесправуючого Господа Бога» онъ выдаетъ «милую дочку свою въ станъ малженскій». Дѣло идетъ не о пушкинской фантазіи—Маріи (Матренѣ), а объ Аннѣ Васильевнѣ Кочубей, вышедшей замужъ за нѣжинскаго полковника Ивана Обидовскаго. По этому поводу Кочубей проситъ Забѣлу «прібытіемъ своимъ актъ тотъ свадебный пріукрасить и присутствіемъ своимъ посодѣйствовать людямъ знатнымъ ихъ веселой компаніи».

В. В. Д.

В. В. Даниловъ. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по положенію 25 іюня 1912 г. Курсъ методики русскаго языка для учительскихъ институтовъ. Съ 13 рисунками. Изданіе «Сотрудника». Спб. 1914. Стр. VIII+188. Цѣна 1 руб.

Настоящая книга составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ и на курсахъ для учителей городскихъ учителей, и является однимъ изъ первыхъ опытовъ пособія по методикѣ русскаго языка, предназначеннымъ исключительно для учительскихъ институтовъ.

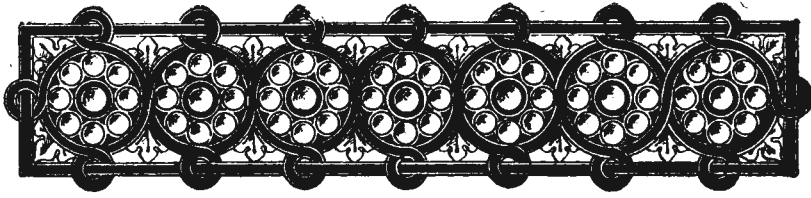
Не вдаваясь въ детальнѣйшій разборъ этого весьма цѣннаго труда, мы должны, однако, отмѣтить его достоинства, благодаря которымъ онъ выдѣляется изъ цѣлаго ряда изданій, посвященныхъ аналогичному вопросу. Прежде всего заслуживаетъ особеннаго вниманія широкая постановка вопроса, всесторонне освѣщеннаго авторомъ, отрешающагося отъ обычнаго шаблона, къ которому прибѣгаютъ составители пособій. Съ этой точки зрѣнія, рецензируемая книга является не простымъ пособіемъ по методикѣ русскаго языка, а серьезнымъ трудомъ, въ основу котораго легли послѣднія данныя науки. Вполнѣ научно и согласно съ данными психологіи разработанъ В. В. Даниловымъ вопросъ объ обученіи орфографіи и стилистическимъ работамъ; весьма убѣдительно глава въ защиту принятой орфографіи. Нельзя также не отмѣтить представляющихъ значительный интересъ главы: «Русская литература въ высшемъ начальномъ училищѣ» и «Обученіе церковно-славянскому языку», какъ намъ извѣстно, не существующихъ ни въ одной изъ принятыхъ методикъ.

Въ заключеніе добавимъ, что, излагая методы преподаванія, талантливый авторъ приводитъ различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, давая имъ оцѣнку съ педагогической точки зрѣнія, что крайне полезно, если принять во вниманіе, что въ настоящее время въ школьную практику стали проникать крайнія воззрѣнія, зачастую лишеныя практической основы.

Не сомнѣваемся, что трудъ В. В. Данилова встрѣтитъ успѣхъ, котораго онъ заслуживаетъ по своему достоинству.

Вит. Тк—ъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

(Обозрѣніе журналовъ).

А. Θ. Кони о русскихъ женщинахъ бывшей доблести.—Новое изъ переписки Гончарова.—Распря съ Тургеневымъ.—Стихотворное отраженіе столкновения двухъ писателей.—Бартеневскій «Пушкинъ въ южной Россіи».—«Старые Годы» и російское вандализмъ.—«Научный Историческій Журналъ» подъ редакціей Н. И. Карѣва.—«Украинская Жизнь» о Шевченкѣ.—Шевченко и Брюлловъ.—Какъ аукнулся процессъ декабристовъ среди хохловъ.—«Восточный Сборникъ».—Англичанинъ на дальнемъ русскомъ сѣверѣ.

В ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ «Русской Старины» талантливый А. Θ. Кони продолжаетъ свои интересныя записки судебного дѣятеля или зарисовываетъ портреты нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ стараго вѣка, сохранившихъ былую доблестъ женщины, какая теперь становится почти уже воспоминаніемъ.

Живыя строки посвящены А. В. Плетневой, женѣ извѣстнаго Плетнева, ректора университета и друга Пушкина. Мужественный характеръ этой женщины, умѣвшей быть настоящимъ другомъ и опорой человѣка, съ которымъ она связала жизнь, казался, между прочимъ, въ трагическую для Плетнева минуту разыгравшагося на его глазахъ и во вѣренномъ ему учрежденіи скандала.

«Когда 17-го февраля 1861 года на торжественномъ актѣ петербургскаго университета профессору Костомарову не было, по распоряженію министерства, дозволено прочесть свою рѣчь о Константиѣ Аксаковѣ, среди публики и студентовъ поднялись шумъ и крики, и произошла демонстрація, заставившая почетныхъ гостей, съ митрополитомъ во главѣ, покинуть залъ. Ректоръ Плетневъ, ни въ чемъ неповинный, былъ окруженъ негодующей молодежью, требовавшей объясненій. Узнавъ о положеніи мужа,

Александра Васильевна прибѣжала въ залъ, пробилась сквозь толпу, въ слезахъ обняла Плетнева и стала между нимъ и тѣснившими его. Ея разстроенный видъ и ея мужество подѣйствовали лучше всякихъ уговоровъ. Толпа отступила и тихо разошлась, причемъ, по рассказамъ современниковъ, многіе почтительно кланялись женѣ ректора».

Дитя романтическаго вѣка, воспитавшаяся на «Свѣтланѣ» Жуковскаго, дружившая и съ самимъ поэтомъ «Свѣтланы», Плетнева съ трезвымъ реальнымъ умомъ соединяла ту вѣру въ таинственное и любовь къ нему, которая исчезла у людей шестидесятыхъ годовъ. Ея устами Кони рассказываетъ одинъ характерный эпизодъ, типичный для людей ея времени.

«Чуждая предрасудковъ и суевѣрій, ясная умомъ и сознательная въ чувствѣ, она любила поэтическія сказанія о смерти и чутко прислушивалась къ разнымъ рассказамъ изъ таинственной области. Сама уже тяжело больная, она писала мнѣ: «мнѣ рассказывали про странное и граціозное видѣніе, бывшее у Н—аго незадолго до его кончины. Онъ сказалъ дочери, лежа на одрѣ болѣзни: «Зачѣмъ ты тутъ садишься? Здѣсь сейчасъ подлѣ меня сидѣла смерть».—Какая она?!—«Молодая дѣвушка съ длинными бѣлокурыми волосами, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тяжелымъ чернымъ крестомъ на шеѣ и съ лампадою въ рукахъ. Она мнѣ сказала, что я не буду больше смѣяться и что она въ слѣдующій разъ придетъ и возьметъ меня съ собою». Онъ говорилъ это спокойно, безъ всякаго страха, и больше не смѣялся до кончины, но однажды сказалъ, что гостя приходила во второй разъ, и онъ замѣтилъ, что креста уже нѣтъ, а лампада въ ея рукахъ едва теплится. Вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ...».

Кучка писемъ И. А. Гончарова къ извѣстному А. В. Никитенку даетъ много новыхъ чертъ для характеристики творца «Обломова», обыкновенно такого замкнутаго и сдержаннаго даже въ дружеской перепискѣ. Между прочимъ, письма касаются одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ жизни Гончарова, гдѣ она не безъ оттѣнка драматизма соприкасается съ жизнью другого большого мастера русскаго художественнаго слова—Тургенева. Передъ вами какъ разъ тотъ моментъ, когда Гончаровъ разрѣшаетъ съ Тургеневымъ свою тяжбу, возникшую изъ обвиненія, будто бы Тургеневъ использовалъ сообщенный ему планъ гончаровскаго романа.

«Тургеневъ, опираясь на общее расположеніе къ нему нѣкоторыхъ лицъ извѣстнаго кружка,—пишетъ Гончаровъ собрату-цензору,—настаиваетъ на объясненіи, съ тѣмъ, чтобы, конечно, пустить въ меня громы. Съ нимъ будетъ Анненковъ, потомъ Дружининъ, Дудышкинъ. Хотѣлъ онъ еще нагнать народу, но я не вижу въ этомъ надобности и потому устраняю. Онъ хочетъ сдѣлать торжество свое полигѣе и такъ какъ юридически дѣла рѣшить нельзя, то онъ, конечно, и выиграетъ».

Споръ этотъ, судъ, резолюція суда и размолвка, надолго разъединившая двухъ большихъ писателей, вещь давно извѣстная. Но едва ли кто-либо помнитъ теперь приводимое въ «Старинѣ» шуточное стихотвореніе «Обличительнаго поэта», извѣстнаго Жулева, «Парнасскій приговоръ», напечатанное въ «Искрѣ» и никогда болѣе не перепечатававшееся:

«Шумъ, волнение на Парнасѣ. На Парнасѣ всё въ тревогѣ, и, смущенные, толпами на совѣтъ собирались боги. Съ горъ заоблачнаго Пинда и съ вершины Геликона боги мчатся въ колесницахъ, по призыву Аполлона. Для чего жъ боговъ собранье на заоблачномъ Парнасѣ? Кто сей смертный, съ тусклымъ взглядомъ, прилетѣвшій на Пегасъ? Кто онъ,—вялый и лѣнивый, неподвижный, какъ Обломовъ, сталъ безмолвно и угрюмо, окруженный тучей гномовъ?.. И божественные гости, полукругомъ ставъ у трона, съ нетерпѣньемъ ждали рѣчи отъ красавца Аполлона. И сказали онъ:

«— Смертный! молви: у боговъ чего ты просишь? На землѣ своей далекой ты какое званье носишь?».

«И отвѣтилъ смертный:

«— Русскій я писатель! На собрата приношу доносъ вамъ, боги, и молю васъ—въ наказаньѣ съ обвиненнымъ будьте строги. Онъ, какъ я, писатель старый, издалъ онъ романъ недавно, гдѣ сюжетъ и планъ разсказа у меня украдъ безславно... У меня—герой въ чахоткѣ, у него—портретъ того же; у меня—Елена имя, у него—Елена тоже. У него всё лица такъ же, какъ въ моемъ романѣ, ходять, пьютъ, болтаютъ, спятъ и любятъ... Наглость эта превосходить мѣры всякія... Вы, боги, справедливы были вѣчно, и за это преступленье вы накажете, конечно».

«Смертный смолкъ... Вотъ спорятъ боги, шумъ и говоръ окрестъ трона, наконецъ громовый голосъ раздается Аполлона:

«— Мы, съ сестрой своей Минервой, такъ рѣшили, смертный! Право дѣло, и наказанъ будетъ недругъ твой лукавый. И за то онъ, нашей властью, на театрѣ будетъ вскорѣ роль купца играть нѣмую безсловесно въ «Ревизорѣ». Ты же,—такъ какъ для романа у тебя нѣтъ вновь сюжета,—на казенный счетъ побѣдешь путешествовать вокругъ свѣта. Вѣрно лучшее творенье ты напишешь на дорогѣ. Такъ рѣшаемъ на Парнасѣ я, Минерва и всё боги».

Отдавая много разъ свои досуги заграничѣ, русскій романистъ очень мало ассимилировался съ иноземцами и сохранялъ свой російскій обликъ во всей цѣлости. Характеренъ отзывъ Гончарова о католическихъ мистеріяхъ, на которыхъ онъ присутствовалъ. Рѣчь, надо думать, идетъ о спектакляхъ въ Оберъ-Аммергау, такъ какъ предыдущія письма помѣчены городами Баваріи.

«На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлый годъ комедію играли о св. Антоніи и о томъ, какъ его якобы бѣсъ искушалъ, представляютъ нынѣ иное богопротивное зрѣлище, а именно всю исторію Иисуса Христа, какъ Его ведутъ на распятіе, какъ Онъ молится въ вертоградѣ, потомъ несетъ крестъ, а потомъ выдмаютъ и распятіе, въ заключеніе же Онъ воскресаетъ. Все это представляютъ нѣкіе дюжіе мужики, а баба Божію Матерь представляетъ, другая же Марію Іаковлеву,—все въ живыхъ картинахъ и пантомимой. Зѣло грѣшно и противно; при семь и музыка играетъ, и бубны бьютъ»...

Угадывается, что въ Гончаровѣ здѣсь говорило не только оскорбленное эстетическое чувство при видѣ грубаго несоотвѣтствія образовъ тѣмъ, что сложились въ его воображеніи, но и нѣкоторый принципиальный консервативно-старорусскій протестъ.

Есть въ письмахъ Гончарова и цѣнные психологическія признанія, бросающія свѣтъ на то угнетенное душевное состояніе, какое болѣзненно захватывало творца «Обломова» даже въ самый расцвѣтъ его творческой способности, когда еще въ умѣ его зрѣла такая работа, какъ «Обрывъ». Оказывается, уже тогда Гончаровъ, встрѣтившій такъ мало удачъ и поддержки въ жизни, готовъ былъ считать себя почти поконченнымъ, никому не нужнымъ, даже едва ли къ чему пригоднымъ. Конецъ одного изъ его писемъ, относящихся всего лишь къ 1862 году, полонъ шемащаго лиризма, почти несвойственного его сдержанному и холодному перу.

«Ужъ я теперь,—жалуется И. А. изъ Симбирска,—окончательно рѣшилъ, что писанье мое минуло безвозвратно и что для меня опять настаетъ пора тяжелаго, служебнаго труда, если только съ вашею ли, или иною помощью найду случай пристроиться какъ-нибудь. Если же нигдѣ меня не возьмутъ, если никто изъ тѣхъ важныхъ друзей, которые такъ ласковы со мной, пока ихъ о чемъ-нибудь не попросишь, не призреть меня (!), то надо будетъ обречь себя на угасаніе, увы, можетъ быть, продолжительное, гдѣ-нибудь въ щели—и прощай благовонныя сигары, прощай Мариенбадъ, Дрезденъ и Булонь: независимое нищенство будетъ моимъ удѣломъ!

«Пиши» говорятъ, иные лицемѣрно, а другіе оттого, что не могутъ отличить канцелярскаго писанья отъ писанья литературнаго.—«Пиши» твердятъ, когда нельзя писать, когда на носу бури и пожары, отъ которыхъ искусство робко прячется, когда надо писать грязью или вовсе не писать: «пиши» твердятъ, когда все опротивѣло, на душѣ стоятъ слезы, когда чувствуешь, что пережилъ годы писанья, какъ пережилъ годы страстей и завялъ. Нельзя писать и не стану, развѣ только придется писать докладъ или записку. Забавно слушать, когда воображаютъ, что лѣнь можетъ удержатъ отъ творческаго дѣла, не лѣнь—а миллионъ другихъ психологическихъ, фізіологическихъ и просто логическихъ причинъ».

Въ видѣ бесплатнаго приложенія къ «Русскому Архиву» редакція обѣщала своимъ читателямъ сводъ статей покойнаго составителя этой замѣчательной сокровищницы матеріаловъ—П. И. Бартенева. Поколебалась ли редакція въ своемъ намѣреніи, или она намѣрена осуществить его въ нѣсколько пріемовъ, но пока подписчики получили только небольшую книжечку старика Бартенева «Пушкинъ въ южной Россіи» — точную перепечатку книжки, напечатанной въ 1861 году и ставшей библиографической рѣдкостью.

Цѣнность книжечки теперь, послѣ полувѣка новыхъ раскопокъ и изысканій, далеко уже не та, какова была въ свое время. Многое нужно было бы или оговорить, или поправить. Но книжечка и теперь производитъ доброе впечатлѣніе, какъ дань искренняго обожанія геніальнаго поэта своеобразнымъ русскимъ человѣкомъ.

За весь свой долгій вѣкъ Бартенева и естественно и искусственно культивировалъ въ себѣ Пушкинскій языкъ и складъ Пушкинской рѣчи. Переглядывая его старую книжку, въ самомъ дѣлѣ видишь, что его языкъ застылъ на томъ историческомъ моментѣ, какой датируется цифрой 1837 г. Кажется, ни одинъ позднѣйшій неологизмъ уже не вошелъ въ его языкъ. Пока Барте-

не въ былъ живъ, говорили, что онъ является послѣдній экземпляръ челоуѣка, обладающаго въ нашъ вѣкъ секретомъ Пушкинской прозы.

Ежемесячникъ «Старые Годы», направляемый редакціоннымъ комитетомъ, числящимъ такія имена, какъ Александръ Бенуа, Н. Н. Врангель, С. М. Маковский и друг., весьма удачно обслуживаетъ интересы тѣхъ настоящихъ любителей искусства и старины, число которыхъ возрастаетъ у насъ съ каждымъ годомъ.

Подборъ интереснаго матеріала и прекрасно исполненныхъ снимковъ съ знаменитыхъ и рѣдкихъ картинъ сдѣлали то, что всѣ раннѣйшіе годы ежемѣсячника уже стали цѣнною библиографическою рѣдкостью.

Въ послѣдней книжкѣ любитель съ интересомъ остановится на изслѣдованіи барона Н. Врангеля «Объ испанскихъ картинахъ Эрмитажа» и статьѣ С. Эрнста о Лосенкѣ, лучшемъ русскомъ академикѣ XVIII вѣка, выразителѣ художественныхъ запросовъ современности. Снимки съ лучшихъ картинъ дають читателю ясное представленіе объ его творчествѣ. Насколько было возможно, восстановлена и его біографія,—обычная біографія русскаго таланта былыхъ временъ, туго прокладывающаго дорогу, плохо признаваемаго и вкушающаго злую отраву интригъ, начиная съ той минуты, когда, наконецъ, къ нему приходитъ монаршее признаніе.

Самый выходъ талантливаго Лосенка на настоящую дорогу былъ дѣломъ чистѣйшей и обидной случайности. Не чудовищно ли, что изъ будущаго большаго художника пытались по началу сдѣлать придворнаго пѣвчаго? На счастье, онъ спалъ съ голоса. Чтобы куда-нибудь его приткнуть, юношу отдали въ обученіе живописи!..

Не меньшій, чѣмъ статьи, интересъ представляетъ и хроника «Старыхъ Годовъ», сводящаяся къ благородному протесту противъ современнаго вандальскаго разрушенія старины, идущаго притомъ же подъ флагомъ приношенія службы богу красоты. На каждой страницѣ хроники натыкаешься на свидѣтельство варварскаго посягательства современности на дорогое прошлое. Не характерны ли въ этомъ смыслѣ подробности послѣдней реставраціи многострадальнаго московскаго Кремля?

Триста лѣтъ наверху Спасской башни существовалъ орелъ, еще годный для реставраціи. Во всякомъ случаѣ, вполне было возможно буквальное повтореніе его. Но на башню взгромоздили новаго, аляповато-сусальнаго орла, уродующаго весь характеръ башни. Точно такъ же разрушены фигуры химеръ-медвѣдей наверху, хотя была возможность полнаго ихъ повторенія. «Столь ужасающее своимъ безвкусіемъ пошлой отшлифованности новое покрытие Набатной башни оказывается,—по словамъ «Старыхъ Годовъ,—было только пробой, которую даже комиссія признала неудачной. Не правильнѣе ли назвать такую «пробу» надъ одной изъ кремлевскихъ башенъ такъ же, какъ и пробу новаго орла, святотатствомъ?»

«Старые Годы» совершенно правы. Ошибка ихъ только въ томъ, что слово «святотатство» (воровство священнаго) они употребляютъ вмѣсто слова «кощунство» (оскорбленіе святыни).

Увы!—мысль о ремонтѣ перекрытій остальныхъ кремлевскихъ башенъ,

хотя и на иных уже основаниях, и сейчас не оставлена. Совершенно верно замѣчаніе, что ни о какой реставраціи Кремля у грамотныхъ людей не можетъ быть рѣчи. Необходимо только тотъ ремонтъ, который по возможности упрѣчилъ бы уже существующее.

Въ такой же мѣрѣ, въ какой «Старые Годы» преслѣдуютъ спеціальныи интересъ любителя, «Научный Историческій Журналъ» (изд. Брокгауза и Эфрона), подъ редакціей профессора Н. И. Карѣева имѣетъ въ виду чистаго изслѣдователя исторіи. Это, пожалуй, не столько журналъ, сколько справочникъ для серьезно интересующихся исторической наукой. Отсюда большее мѣсто въ журналѣ занято рецензіями историческихъ трудовъ.

Съ особеннымъ сочувствіемъ хочется принять отдѣлъ авторефератовъ—небольшихъ статейкъ объ извѣстной исторической книгѣ, сдѣланныхъ самими авторами. Само собой разумѣется, что вопросы критики въ такомъ случаѣ оставляются въ сторонѣ. Почему бы не пожелать такого вида рецензій и во всѣхъ остальныхъ журналахъ?

Изъ спеціальныхъ окраинныхъ журналовъ, поставившихъ своею задачей служеніе краю и изслѣдованіе его исторіи и быта, замѣтнѣе другихъ упрочиваетъ свое положеніе ежемѣсячникъ «Украинская Жизнь», до нѣкоторой степени приходящій на смѣну угасшей «Кіевской Старинѣ». Отстаивающій полную самобытность Украины, журналъ зорко слѣдитъ интересы ея, служитъ ей перомъ публициста и уже успѣлъ за два года существованія напечатать небезынтересные документы прошлаго. Чутко и освѣдомленно откликнулся онъ на всѣ выдающіяся явленія общественно-литературной жизни малорусскаго края,—на смерти и юбилеи «своихъ» (Леси Украинки, Коцюбинскаго, Франка-Цвѣтковскаго, Гринченка, Чубинскаго). Воспоминанія Познанскаго живописуютъ украинскіе студенческіе кружки шестидесятыхъ годовъ,—тема, почти вовсе не тронутая въ мемуарной литературѣ.

Въ канунъ Шевченковскаго юбилея журналъ съ особенной охотой возвращается къ этому имени, такъ много говорящему украинцу. Наступившій годъ, когда минетъ столѣтіе со дня его рожденія, уже задолго отмѣчался въ украинскіхъ кругахъ, какъ годъ незауряднаго значенія. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ уже сдѣланы любопытныя экскурсіи въ біографію многострадальнаго Тараса. Характерно описаніе его отношеній къ тогдашнему свѣтилу русской живописи—нашему Брюллову.

Послѣ выкупа Шевченка у помѣщика и поступленія въ академію художествъ Брюлловъ былъ его ближайшимъ наставникомъ и другомъ-покровителемъ. Описывая свой образъ жизни въ это время, Шевченко рассказываетъ, что у Брюллова онъ проводилъ большую часть своего времени, помогалъ ему въ работѣ, посѣщалъ съ нимъ музеи и театры, нерѣдко вмѣстѣ уѣзжалъ за городъ для изученія природы. Брюлловъ даже неоднократно предлагалъ Шевченку перейти къ нему на постоянное жительство. На такой неожиданный переходъ съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца начала XIX вѣка Шевченко смотрѣлъ какъ на какое-то чудо, и въ послѣдствіи ему трудно было представить себѣ, какъ могъ онъ передъ дивными произведеніями Брюллова лелѣять въ своемъ сердцѣ образы украинскіхъ гетмановъ, кобзарей и степи, усѣянной курганами.

Биографія самого Брюллова уже достаточно хорошо забыта, и изъ нея не-безынтересно почерпнуть нѣкоторыя подробности въ статьѣ К. Ш. Между прочимъ оказывается, что вкусившій европеизма Брюлловъ уже тогда, три четверти вѣка назадъ, прибѣгалъ къ тѣмъ искусственнымъ средствамъ вызова настроеній, какими прославили себя позднѣйшіе иноземные импрессионисты. «Наивнаго и простодушнаго Шевченка поражала сама обстановка, въ которой происходила работа Брюллова: его занятія сопровождались игрой музыкальнаго ящика, чтеніемъ вслухъ книгъ, устройствомъ особыхъ свѣтовыхъ эффектовъ. Шевченко выдаетъ секретъ, при посредствѣ котораго Брюлловъ писалъ свои фейерверки («Послѣдній день Помпеи»). Для этого была придумана красная обстановка мастерской. «Все красное. Комната красная, диванъ красный, занавѣси у окна красныя, халатъ красный и рисунокъ красный».

Въ послѣдней книжкѣ «Украинской Жизни» переданъ не лишенный комизма рассказъ-анекдотъ о томъ, какъ хохлы сохранили память о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Слишкомъ замѣтная печать интеллигентскаго остроумія и творчества лежитъ на этой страничкѣ, но нѣтъ невѣроятнаго, что утонченная фантазія вышивала по дѣйствительной канвѣ, сохраненной нехитрымъ хохлацкимъ умомъ.

«Лѣтъ тридцать пять назадъ,—рассказываетъ И. А. Л.,—одинъ изъ моихъ знакомыхъ узналъ, что вблизи Василькова, въ одномъ изъ селъ, еще живъ крестьянинъ, помнящій время декабристовъ (извѣстное васильковское возстаніе). Ъдетъ онъ въ Васильковъ, оттуда въ названное ему село и отыскиваетъ очевидца событій. Долго ему ничего не удавалось добиться отъ старика, отговаривавшагося тѣмъ, что онъ давно всѣ событія этого времени запаматовалъ. Знакомый былъ, однако, человѣкомъ опытнымъ въ обхожденіи съ народомъ. Заказалъ онъ полуштофъ, добрую тарань, солидныхъ размѣровъ паляницу и предложилъ старику роскошное угощеніе. Послѣ четвертой рюмки доброй горілки языкъ старикашки началъ развязываться и, пустившись въ рассказы о давно прошедшемъ, онъ мало-по-малу дошелъ и до декабрьскихъ дней въ Васильковѣ».

Для большого удобства перелагаемъ дальнѣйшій, переданный по-малорусски, рассказъ возницы на нашъ языкъ.

«— Вотъ какъ дѣло было. Пріѣзжаетъ какой-то панъ и выкрикиваетъ: «Кто тутъ у васъ за сотскаго?»—«Да я жъ, говорю, Карпо».—«Сбирай народъ!»—Собралъ.—«Веди до церкви!»—Привелъ.—«Присягайте!» говорить.—Присягнули. Только этакъ черезъ день или черезъ два пріѣзжаетъ какой-то другой панъ. Кричитъ: «Кто тутъ у васъ за сотскаго?»—«Да я жъ, говорю, Карпо».—«Сбирай народъ!»—Собралъ.—«Веди до церкви!»—Привелъ.—«Присягали?»—спрашиваетъ.—«Да уже присягали!»—«Кому присягали?»—«Да Константину жъ!»—«Дать имъ по пятьдесятъ!»—Дали.

Только этакъ черезъ день али черезъ два наѣзжаетъ третій панъ, какой-то генералъ—сердитый, не иначе, какъ звѣрь. Кричитъ съ сердцемъ:—«Кто тутъ у васъ за сотскаго?»—«Да я жъ, говорю, Карпо. Чего вы сердчаете, ваше превосходительство?»—«Присягали?»—кричитъ.—«Да ужъ присягали,—и Константину присягали, и Николаю присягали. Да ужъ я знаю, что вамъ надо»,—поднялъ свитку да и легъ...»

Можетъ быть, это было и не совсѣмъ такъ, но что декабрьскія событія аукнулись въ хохлацкомъ городкѣ крѣпкими лозами,—остается очень правдоподобнымъ по тѣмъ временамъ.

Общество русскихъ ориенталистовъ сдѣлало первый выпускъ «Восточнаго Сборника», не придавая пока ему характера періодическаго изданія, но разсчитывая выпускать книги по мѣрѣ накопленія матеріала.

Первый сборникъ носитъ характеръ вполне спеціальнаго изданія, не разсчитаннаго на болѣе широкій интересъ. Такія статьи, какъ «Русскій экспортъ на Близкій Востокъ», «Торговля Россіи съ Персіей», «Реформы въ Персіи», «Россійскій консульскій судъ въ Китаѣ», критическіе разборы пѣсни о Сеидъ-Аметѣ или оды на смерть такого-то хана—опредѣляютъ спеціальный характеръ книги.

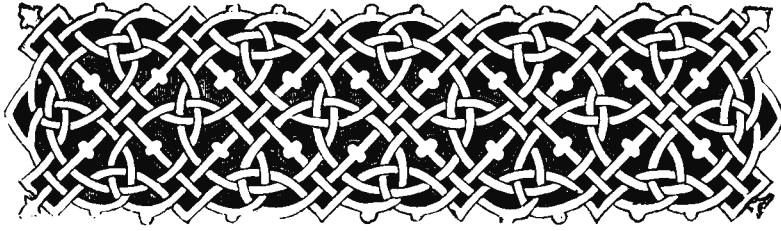
Имѣетъ другія статья о мусульманскихъ святыхъ въ художественномъ изображеніи шитовъ Персіи. Исламъ, какъ извѣстно, запрещаетъ всякія изображенія людей и животныхъ, и, однако, вопреки заповѣди, эти изображенія всегда были. Характерно, что къ шитамъ нашего Закавказья зашли даже христіанскія иконы. (Существуетъ повѣрье, что ребенку, только что оправившемуся отъ оспы и избѣжавшему слѣпоты, слѣдуетъ смотрѣть на изображеніе Дѣвы Маріи съ Младенцемъ, что способствуетъ будто бы сохраненію ребенкомъ зрѣнія. Снимки съ такихъ иконокъ мусульманской работы, съ явною печатью національнаго художества, очень любопытно видѣть въ сборникѣ.

Къ числу первыхъ ласточекъ серьезнаго мѣстнаго изученія Россіи относятся «Извѣстія» архангельскаго, олонецкаго и др. обществъ изученія русскаго сѣвера. Пока это—тоненькія брошюрки, но нѣсколько лѣтъ назадъ и этого еще не было, и трудно принять мысль, что разъ начатое дѣло не найдетъ на огромной сѣверной окраинѣ ни литературныхъ вкладчиковъ, ни особенно заинтересованныхъ читателей.

Служа дѣловымъ цѣлямъ и печатая полезныя статьи о положеніи русской экспортной торговли, о землеустройствѣ, о путяхъ сообщенія и т. д., журнальцы удѣляютъ мѣсто и исторіи и быту. Въ послѣднемъ номерѣ архангельскихъ «Извѣстій» небезынтересенъ переводъ изъ книги одного англичанина, совершившаго путешествіе по русскому сѣверу и подробно записавшаго свои впечатлѣнія. Прямо занимательно положеніе культурнаго туриста, заброшеннаго въ край великой запущенности, въ среду людей, не имѣющихъ понятія ни о комфортѣ, ни даже о вкусномъ обѣдѣ. Разсказъ о томъ, какъ въ домѣ сѣверной мѣщанки-старухи европеецъ-гость варитъ супъ и пуддингъ, потомъ приводяще всѣхъ въ изумленіе, цѣликомъ напоминаетъ анекдотъ о солдатѣ, сварившемъ супъ изъ топора.

Съ интересомъ англичанинъ слѣдитъ сѣверную свадебную церемонію, игру въ горѣлки, уличную гульбу, праздничное пьянство. Рельефно обрисовывается образъ горемычнаго сѣмьнаго, ночью, въ обстановкѣ, полной настроенія, играющаго на скрипкѣ. Вопреки ожиданіямъ и сложившемуся обычаю, какъ на зло, перевираетъ все слышанное и видѣнное въ странѣ скивоовъ,—добросовѣстный и умный англичанинъ положительно нигдѣ не дѣлаетъ погрѣшностей противъ нашей дѣйствительности.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 февраля
для отзыва слѣдующія книги.

М. Э. Никольскій. На зарѣ русской славы. Историческій романъ. Спб. 1913. Стр. 168. Цѣна не обозначена.

— Богомъ данный царь. Романъ. Спб. 1913. Стр. 365. Цѣна не обозначена.

Л. Коцевальская. Дѣти. Сборникъ разсказовъ. Харьковъ. 1913. Стр. 168. Ц. 75к.

М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. В. Быкова. Съ портретомъ, критико-біографическимъ очеркомъ и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1914. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Т. I. Стр. XIII+405. Т. II. Стр. 310. Т. III. Стр. 311. Цѣна каждого тома по 1 р. 25 к.

Владиміръ Келеръ. Браслетъ Изиды. Сборникъ разсказовъ. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1914. Стр. 246. Ц. 1 р. 25 к.

В. Э. Ромеръ. Въ средѣ образовъ звѣринныхъ. Повѣсти и разсказы. Сбраніе сочиненій Т. IV. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Стр. 347. Ц. 1 р. 25 к.

В. Я. Свѣтловъ. Сочиненія. Т. VI. «Внутри». Спб. 1914. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Стр. 318. Ц. 1 р. 25 к.

Фюрды. Сборникъ 13-й. Датскіе, норвежскіе и шведскіе писатели въ переводахъ А. и П. Ганзенъ. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1914. Стр. 306. Цѣна 1 р. 25 к.

Вѣра Жуковская. Марена. Разсказы. Книгоиздательство Н. И. Самоненко. Кіевъ, 1914. Стр. 191. Ц. 1 р.

П. Струве. Крѣпостное хозяйство. Исслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1913. Стр. IX+340. Ц. 2 р.

П. Струве. Теорія политической экономіи и исторія хозяйственнаго быта. Рѣчь на диспутѣ 10-го ноября 1913 г. Спб. 1913. Стр. 10. Цѣна не обозначена.

П. Н. Козловъ. Въ сердцѣ Азии. (Памяти Н. М. Пржевальскаго). «Знаніе для всѣхъ». № 1. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1914. Стр. 32. Ц. 50 к.

Книга полковника П. К. Козлова, посвященная памяти своего учителя, даетъ въ сжатомъ видѣ описание путешествій Н. М. Пржевальскаго и выясняетъ ихъ научное и политическое значеніе. Очень любопытны и личныя воспоминанія автора о Н. М., написанныя тепло и сердечно. Внѣшняя сторона изданія безукоризненна и дѣлаетъ честь издательской фирмѣ П. П. Сойкина.

Юбилейный земскій сборникъ. 1864—1914. Подъ редакціей Б. Б. Веселовскаго и З. Г. Френкеля. Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914. Стр. XVIII+467. Ц. 5 р.

А. А. Суворина. На автомобилѣ. Очеркъ. Спб. 1914. Стр. 99. Ц. 75 к.

Въ книжкѣ г-жи А. А. Сувориной разсказывается о путешествіи на ав-

томобилѣ по Бретани, описываются разные захолустные городки и мѣстечки съ остатками далекой рыцарской старины, со старинными храмами и замками; попутно сообщаются путевыя приключенія, большую часть курьезнаго характера. Читается книжка легко и съ интересомъ. По внѣшности изданіе изящно и снабжено многочисленными фотографическими снимками.

Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Сапчурскій, б. окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, Н. Дюмидова и И. Съдлатаго — инспекторовъ петербургскихъ гимназій Э. Кесслера и В. Марданова, преподавателей петербургскихъ гимназій. 5-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1914. Стр. VIII+267. Ц. 1 р. 25 к.

Въ новомъ изданіи этого полезнаго руководства сдѣланъ цѣлый рядъ довольно значительныхъ исправленій и дополненій, редактированныхъ проф. А. И. Маленинымъ. Кромѣ того, для облегченія справокъ къ книгѣ вновь присоединенъ указатель, отсутствовавшій въ ней, начиная съ 3-го изданія.

Александръ Герасимовичъ. Творящее въ религіи. Этюдъ материалистическаго истолкованія исторіи религіи. I. Религія на зарѣ культуры. Спб. 1914. Стр. 175. Ц. 1 р.

В. Я. Крюковскій и Н. Н. Товстолѣсъ. Мировой судья. Практическое руководство для мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. CVII+892. Ц. 6 р.

М. Моравская. Апельсинныя корки. Стихи для дѣтей. Рисунки С. Чехонина. Спб. 1914. Стр. 63. Ц. 1 р.

П. Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія. Н. И. Лихачевой. Съ 30-ю рис. Вып. IV. Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1913. Стр. 107. Ц. 60 к.

Юрій Озаровскій. Музыка живого слова. Основы русскаго художественнаго чтенія. Посobie для тѣцовъ, пѣвцовъ, драматическихъ и оперныхъ артистовъ, ораторовъ, педагоговъ. Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914. Стр. VI+316. Ц. 2 р.

Школьные годы. Календарь для учащихся на 1914 г. Составилъ Д. Д. Т. Изд. «Петербургскаго книжнаго магазина» «Учитель» и Д. А. Травина. Спб. 1914. Стр. 88. Ц. 15 к.

В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положенію 19-го февраля 1861 г. Историческій обзоръ. Изданіе И. А. Колесникова. Спб. 1913. Т. I. Стр. IV+327. Т. II. Стр. 406. Т. III. Стр. 260. Цѣна не обозначена.

Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. (Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). Москва. 1914. Стр. 463. Ц. 1 р. 50 к.

Д. И. Скворцовъ. Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ св. Димитрія, митрополита ростовскаго, съ предварительнымъ очеркомъ современнаго ему раскола въ Ростовской области. Москва. 1914. Стр. 31. Цѣна не обозначена.

Бузескуль, В., проф. Античность и современность. Современные темы въ античной Греціи. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1914. Стр. IV+210. Ц. 1 р. 25 к.

Пріятно видѣть, что эта изящная во всѣхъ отношеніяхъ книжка всего черезъ годъ выходитъ уже новымъ изданіемъ. Среди добавленій, внесенныхъ авторомъ, особенно любопытны замѣчанія объ антисемитизмѣ въ Александріи и о нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни греческихъ городовъ.

Общественныя работы 1911—1912 гг. Отчетъ управляющаго дѣлами комитета попечительства о трудовой помощи В. Д. Евреинова. Спб. 1913. Стр. CXC+VIII+314. Цѣна не обозначена.

Е. Желябужскій. Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій. 2-е изданіе. Г. Изяславль. 1914. Стр. 93+XI. Ц. 40 к.

Е. Желябужскій. Русскія историческія басни 1812—1815 гг. 4-е изданіе. Изяславль. 1914. Стр. 30. Ц. 10 к.

«Энергія». Подъ редакціей Александра Амфитеатрова. Сборникъ второй. Книгоиздательство типо-литограф. «Энергія». Спб. 1914. Стр. 327. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣра Рудичъ. Пятый сборникъ стиховъ. Съ предисловіемъ и портретомъ автора. Спб. 1914. Стр. 59. Ц. 50 к.

Т. Кузьминская. Вегетарианскій столъ. Съ 416 рецептами. Изд. 5-е т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 1914. Стр. 178. Ц. 40 к.

Систематическая роспись книгъ, брошюръ, атласовъ и картъ по всѣмъ отраслямъ исключительнаго морскаго дѣла. Изъ собранія книгоиздателя Н. Г. Мартинова. составленная имъ самимъ. Вып. 2-й. Елизаветинское время и Ломоносовъ съ 1741—1761. Библиографія морскаго дѣла, относящаяся ко времени 20-лѣтняго царствованія императрицы Елиза-

веты Петровны и ея сподвижниковъ. Спб. 1913. Стр. 22. Цѣна не обозначена.

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василя Ивановича Соболяшкова, старшаго библіотекаря и архитектора императорской публичной библіотеки. Москва. 1914. Изданіе Л. Э. Букреймъ. Стр. 59. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣй Городецкій. На землѣ. Разсказы. Спб. 1914. Стр. 229. Ц. 1 р.

И. М. Чериковеръ. Исторія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. (Культурно-общественныя теченія въ русскомъ еврействѣ). 1863—1913 гг. Подъ редакціей и съ предисловіемъ С. Н. Гинзбурга. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1913. Стр. XIV+254. Ц. 1 р. 50 к.

Нъ пятидесятилѣтію земскихъ учрежденій. Къ исторіи организаци и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. Изданіе саратовской губернской ученой архивной комисіи. Саратовъ. 1913. Стр. 74. Цѣна не обозначена.

В. Б. Бертенсонъ. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. Стр. IV+283. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Розингъ. Свѣтъ. Физика для всѣхъ. Съ 101 рисункомъ П. Бѣняша. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 176. Ц. 65 к.

В. П. Будановъ. Къ новой жизни. Разсказъ изъ китайскаго быта. Съ 17 рис. и картой. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 72. Ц. 30 к.

Эрн. Томпсонъ-Сетонъ. Рольфъ въ лѣсахъ. Приключенія мальчика скаута, индѣйца Квонаба и собачки Скукума. Съ 222 рис. автора. Перев. съ англ. Е. В. Лавровой. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 392. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Сибирскіе разсказы. Изданіе 4-е. Кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Т. III. Стр. 272. Ц. 1 р. Т. IV. Стр. 283. Ц. 1 р.

В. П. Авенариусъ. На Париж! Дневникъ юности, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 рис. худ. Н. Н. Болдырева. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Стр. 59. Ц. 35 к.

М. В. Шретеръ. Пѣсни чижика. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1914. Стр. 199. Ц. 90 к.

Итоги работъ за послѣднее пятилѣтіе. (1909—1913 гг.). Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Спб. 1914. Стр. 44. Цѣна не обозначена.

Жюль Таннери. Основныя понятія математики. Съ прибавленіемъ очерка Поля Таннери: Основныя свѣдѣнія изъ исторіи математики. Пер. съ франц. Н. Еврепова. Съ 184 рис. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. XVIII+406. Ц. 3 р.

С. Н. фонъ-Викъ. Путевыя замѣтки при зоологическихъ экспедиціяхъ на сѣверо-востокъ Индіи и на Голубой Пилъ. 1912—1913 гг. Спб. 1914. Стр. 145. Ц. 1 р.

Вѣра Рудичъ. Ступени. Изданіе второе. Спб. 1914. Стр. 79. Ц. 50 к.

Ученыя записки императорскаго лица въ память цесаревича Николая. Вып. 8-й. Москва. 1914.

Анатолій Павловъ. Ода на столѣтіе паровоза 1814—1914. Тифлисъ. 1914. Стр. 4. Цѣна не обозначена.

Ант. Гинкенъ. О чтеніи и книгахъ. Вып. II. Похвала книгаамъ. О чтеніи. О выборѣ книгъ. Спб. 1914. Стр. 157. Ц. 60 к.

В. Евгеньевъ. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Кн-во «Энергія». Спб. 1914. Стр. 128. Ц. 75 к.

Мих. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія. 2-е изданіе. Спб. 1914. Стр. V+448. Ц. 2 р.

Н. Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1914. Стр. 100. Ц. 60 к.

В. Воцининъ. Очерки новаго Туркестана. Свѣтъ и тѣни русской колонизаціи. Спб. 1914. Стр. 86. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Соколовъ. Въ сумеркахъ. Стихотворенія. Книга вторая. Спб. 1914. Стр. 157. Ц. 1 р.

Вик.—Ториневичъ. Повѣсть ненужнаго человѣка. «Мурадъ». Пѣсня о смерти. Спб. 1914. Стр. 165. Ц. 1 р.

Обзоръ развитія, организаци и дѣятельности петербургскихъ высшихъ коммерческихъ, счетоводныхъ и желѣзнодорожныхъ курсовъ М. В. Побѣдинскаго (1897—1914 гг.). Спб. 1914. Стр. 181. Цѣна не обозначена.

А. Ф. Радченко. Изъ затишья. Маленькіе разсказы. Книжка первая. Киевъ. 1914. Стр. 46. Ц. 25 к.

І. Понятовскій (Делавари). «Хризантемы». Стихотворенія. Ставрополь губ. 1913. Стр. 87. Ц. 25 к.

Мыслиборъ Сазавскій. Славянская письменность и литургія въ IX—XI вѣкѣ на Западѣ. (Введеніе въ исторію чешскаго

языка). Н.-Новгородъ. 1914. Стр. 27. Цѣна не обозначена.

Инжен. И. Д. Власовъ. Краткій курсъ электротехники слабыхъ токовъ. Телеграфія, телефонія и электрическая желѣзнодорожная сигнализация. Изданіе 2-е, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 96. Ц. 1 р.

С. В. Аверинцевъ. Руководство къ практическимъ занятіямъ по естествознанію. Книга для учащихся. Спб. 1914. Стр. VIII+264. Ц. 1 р. 60 к.

Ө. Крюковъ. Разказы. Т. I. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914. Стр. 261. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Вып. 47. Стр. 159. Съ 5 таблицами и 137 рис. въ текстѣ.—Вып. 48. (Вопросы реставраціи, вып. 11). Съ 2 табл. и 112 рис. въ текстѣ. Стр. 136.—Вып. 49. Съ 12 табл. и 54 рис. Стр. 140.—Вып. 50. (Вопросы реставраціи, вып. 12). Съ 126 рис. Стр. 162.—Прибавленіе къ вып. 50-му. (Хроника и библиографія, вып. 24). Стр. 179.—Прибавленіе къ вып. 48-му. (Хроника и библиографія, вып. 23). Стр. 224. Спб. 1914. Цѣна не обозначена.

Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1909 и 1910 годы. Съ 8 табл. и 293 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. Стр. 289. Цѣна не обозначена.

Библиотека для всѣхъ. №№ 1—9. Спб. 1914. Изданіе А. Л. Гарязина. Цѣна каждаго № 10 к.

Въ составъ «Библиотеки для всѣхъ» вошли слѣдующія произведенія: «Язычникъ» Евг. Свіягина, «Блудный сынъ» Л. Доброврова, «Эванъ» Д. Рудина, «Фаворитъ императора» Э. Шуберта, «Странички минувшаго о Гапонѣ» А. Филиппова, «Закрытая дверь» Ф. Эштей, «Идиллія» Г. Анненфейна, «Итоги» А. Влахтуцы, «Сирена» кн. Н. Войновича, «Гуземцы» Г. О—ва, «Невраста» А. Паронянъ, «На сѣверѣ дикомъ» В. Грязнова, «Соблазнъ» К. Теплова и «Маленькіе разказы» Пв. Лаврентьева.

Труды вятской ученой архивной комиссіи. Вып. 1-й. Вятка. 1914. Стр. 287+III. Цѣна не обозначена.

Владимиръ Горскій. Танго. Поэзы. Москва. 1914. Стр. 16. Ц. 25 к.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборниковъ по періодамъ. Періодъ третій. Вып. II. Спб. 1914. Стр. VI+314.

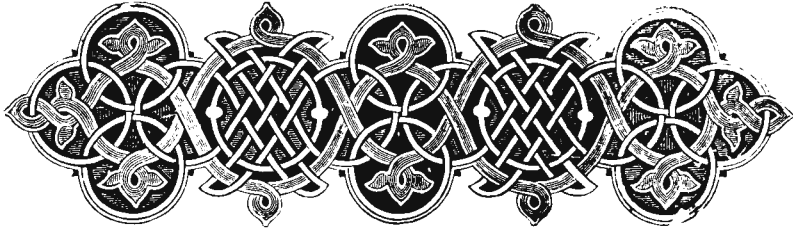
Б. Кубаловъ. Систематическій курсъ русской исторіи. Ч. I. Иркутскъ. 1914. Стр. 169. Ц. 85 к.

Д. Коновцовъ. Скрипка вѣдьмы. Третья книга стиховъ. Спб. 1913. Стр. 112. Ц. 80 к.

Г. Кушнырь-Кушныревъ. Историческій очеркъ возникновенія и развитія академическихъ организацій въ Россіи. Спб. 1914. Кн-во «Университетъ для науки». Стр. 149. Ц. 50 к.

Д. В. Скрынченко. Національная русская школа. Киевъ. 1914. Стр. 39. Цѣна не обозначена.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НЗЪ воспоминаній французскаго инженера.— Въ февральской книжкѣ «Revue de Paris» напечатаны любопытныя съ бытовой точки зрѣнія воспоминанія нѣкаго Августа Лаланса. Инженеръ по профессіи, эльзасецъ по происхожденію со стороны матери, Лалансъ большую часть жизни (1830—1914 гг.) провелъ внѣ родины, командуемый фирмами, гдѣ онъ служилъ, то въ Германію, еще не сложившуюся тогда въ Германскую имперію, то въ Англію, то въ Россію, гдѣ въ шестидесятихъ годахъ онъ участвовалъ на постройкѣ желѣзной дороги отъ Петербурга до Вильны. Когда вспыхнула франко-прусская война, Лалансъ бѣжалъ въ Парижъ, но послѣ франкфуртскаго мира, отдавшаго Эльзась въ руки пруссаковъ, онъ вернулся на родину и въ 1887 году былъ избранъ представителемъ отъ Мюльгауза въ германскій рейхстагъ. Членомъ рейхстага онъ оставался, впрочемъ, не долго. Эльзасскіе депутаты сообщили ему, что, по вѣрнымъ слѣдствіямъ, Бисмаркъ, желая предупредить возможное нападеніе Франціи, увлеченной нашествіемъ въ то время генераломъ Буланже, самъ готовится еще разъ разгромить своихъ недавнихъ враговъ. Лалансъ бросился въ Парижъ и предупредилъ кабинетъ Гобле. Когда онъ вернулся на родину, Бисмаркъ сталъ ему мстить и объявилъ, что онъ закроетъ торговое общество, во главѣ котораго стоялъ Лалансъ, если онъ будетъ оставаться его директоромъ. Выйдя поневолѣ въ отставку, Лалансъ подъ старость лѣтъ весь ушелъ въ дѣла благотворенія, устроилъ въ Эльзасѣ особыя колоніи для рабочихъ и санаторію для чахоточныхъ, которая носитъ его имя.

Переѣзжая въ поискахъ за заказами изъ страны въ страну, Лалансъ видѣлъ на своемъ вѣку немало всякихъ курьезовъ и испыталъ немало всякихъ приключеній. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія эльзасская фирма Кехлиппъ, гдѣ онъ служилъ, отправила его въ Аусбургъ устанавливать новыя прядильныя машины. Прибывъ къ мѣсту назначенія, молодой инженеръ остановился въ самой лучшей гостиницѣ города—«Drei Mohren», бывшемъ жилищѣ знаменитаго банкира императора Карла V Фужера. Рассказываютъ, что, задолжавъ банкиру и не имѣя возможности расплатиться съ нимъ, Карль V рѣшилъ его убить. Узнавъ объ этомъ, банкиръ бросился на колѣни передъ прибывшимъ въ Аусбургъ императоромъ и, какъ особой милости, просилъ его остановиться у него въ домѣ. Императоръ согласился. Фужеръ ввелъ его въ не топлённый залъ, и когда Карль V замѣтилъ, что здѣсь холодно, Фужеръ немедленно затопилъ каминъ долговыми обязательствами императора. Въ этой же самой комнатѣ произошло заочное вѣнчаніе Маріи-Антуанетты съ дофиномъ Людовикомъ XVI. Австрійцы сопровождали свою принцессу только до Аусбурга, гдѣ она была передана на попеченіе представителей короля Людовика XV. Самый обрядъ заочнаго вѣнчанія заключался въ томъ, что была предѣлана церемонія бракосочетанія въ присутствіи духовенства, юристовъ и довѣреннаго отъ жениха лица. Послѣ этой церемоніи невѣста въ полномъ одѣяніи легла на постель, а представитель жениха положилъ на постель только ногу. Этого было довольно для нотаріусовъ, которые и записали въ свои книги, что бракъ совершенъ правильно.

Сидя однажды въ этомъ историческомъ отелѣ, Лалансъ вдругъ увидѣлъ передъ собой гвардейскаго офицера, который отъ имени баварскаго короля Людовика, брата трагически погибшей австрійской императрицы Елизаветы, пригласилъ его на придворную охоту. «Принцъ очень любитъ французскій языкъ,—прибавилъ офицеръ, видя недоумѣніе и удивленіе Лаланса:—но не часто имѣеть случай говорить на немъ. Вотъ почему, узнавъ, что въ Аусбургъ пріѣхалъ французъ, онъ захотѣлъ доставить себѣ это удовольствіе».

Нѣсколько воскресеній подъ рядъ къ гостиницѣ «Три Араба» подкатывалъ бракъ, внутри котораго сидѣло нѣсколько офицеровъ, а на козлахъ король Людовикъ, самъ правившій экипажемъ. Лалансъ садился рядомъ съ нимъ, и они весело болтали, забывая раздѣлявшее ихъ разстояніе.

Не таково было настроеніе на сѣверѣ Германіи, въ Пруссіи. Еще въ 1854 году въ Дюссельдорфѣ прусскіе офицеры увѣряли Лаланса, что Пруссія хочетъ вызвать три войны: съ Австріей, чтобы заставить ее выйти изъ германскаго союза, затѣмъ съ Франціей, чтобы ослабить этого наслѣдственнаго врага и покрыть себя славой, и, наконецъ, съ Россіей, чтобы отбросить ее подальше отъ границъ Пруссіи.

Однажды, въ 1857 году въ Майнцѣ авторъ сошелъ какъ-то вечеромъ въ общую залу гостиницы, гдѣ онъ остановился. На этотъ разъ зала оказалась переполненной военными. Оказалось, что это былъ берлинскій генеральный штабъ на маневрахъ. Одинъ отрядъ атаковалъ Мецъ, другой его защищалъ. Каждый вечеръ офицеры сходились въ гостиницѣ и здѣсь докладывали о всемъ,

что сдѣлали, сухощавому генералу, сидѣвшему за отдѣльнымъ столикомъ. То былъ Мольтке.

Въ томъ же году основано было въ Россіи главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, пригласившее на службу французскихъ инженеровъ, въ томъ числѣ и Лаланса. До Кенигсберга Лалансъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а оттуда до Петербурга пришлось ѣхать трое сутокъ въ почтовомъ дилижансѣ. Русская столица встрѣтила его непривѣтливо: у него украли шубу, и полиція въ теченіе недѣли таскала его изъ участка въ участокъ, предъявляя ему разную рвань и спрашивая, не его ли это шуба. Пришлось дать въ участкѣ десять рублей, лишь бы его оставили въ покоѣ. Приѣзжіе французы оѣдали обыкновенно вокругъ французскаго посольства, во главѣ котораго въ то время стоялъ герцогъ Монтебелло.

«Однажды, **пищеть Лалансъ**, я шель съ сыномъ герцога, какъ вдругъ на встрѣчу намъ попался прусскій посланникъ Висмаркъ, который разсказалъ намъ курьезный случай, происшедшій недавно съ однимъ изъ его соотечественникомъ. Этотъ нѣмецкій ремесленникъ, взваливъ свои вещи на плечи, бодро маршировалъ по большой дорогѣ. Неожиданно ему повстрѣчалась партія арестантовъ, расположившихся у дороги отдохнуть. Пользуясь оплошностью конвойныхъ, одинъ арестантъ бросился бѣжать, и всѣ попытки настичь его остались тщетны. Такъ какъ арестанты сдавались конвойнымъ командирамъ по счету, то оплошавшіе солдаты, не долго думая, схватили ничего не подозревавшаго нѣмца и поволокли его съ партіей вмѣсто бѣжавшаго. Лишь съ трудомъ и послѣ длинной перениски удалось освободить бѣднягу».

Во время пребыванія Лаланса въ Россіи состоялось избраніе на греческій престолъ датскаго королевича Георга. Побывавъ въ Лондонѣ и Парижѣ, новоизбранный король прибылъ представиться и въ Петербургъ. На обратный проѣздъ въ его распоряженіе былъ предоставленъ императорскій поѣздъ. Это былъ единственный въ то время поѣздъ съ гармоникой, дававшей возможность безопасно переходить изъ вагона въ вагонъ. Къ поѣзду былъ прицѣпленъ, кромѣ обычныхъ, еще вагонъ для сопровождавшихъ его инженеровъ, гдѣ собралось человекъ пять-шесть французовъ. Компания весело и непринужденно болтала, какъ вдругъ дверь отворилась и появился король Георгъ. Онъ попросилъ всѣхъ садиться и не обращать вниманіе на его присутствіе.

«Вчера въ Петербургѣ въ одномъ изъ магазиновъ я видѣлъ превосходную трубку. Я ее купилъ, но у меня нѣтъ табаку. Нѣтъ ли у васъ?»—сказалъ онъ.

Закуривъ новую трубку, король усѣлся среди инженеровъ и принялся весело болтать. Прошло два часа.

«Я совсѣмъ забылъ, что я теперь король и что меня уже ждуть генералы и сановники»,—произнесъ онъ, поднимаясь, и привѣтливо простился со своими случайными спутниками.

Въ одно прекрасное утро въ 1867 году на петербургской квартирѣ Лаланса неожиданно появился какой-то генералъ, представшій передъ нимъ въ полной парадной формѣ. «Вы знаете, конечно,—началъ онъ:—что Святыя Мѣста въ Иерусалимѣ состоятъ подъ покровительствомъ Россіи и Франціи. Куполь надъ гробомъ Господнимъ грозитъ паденіемъ, и оба правительства желали бы

замѣнить его металлическимъ. Я говорилъ со всѣми русскими инженерами, но, кромѣ васъ, предложить эту работу некому».

Чтобы взяться за эту работу, надо было съѣздить въ Палестину. Оказалось, что до Москвы можно доѣхать по желѣзной дорогѣ. Оттуда до Одессы на лошадахъ. Отъ Одессы до Яффы моремъ, а тамъ дальше на верблюдахъ. Лалансъ испугался такого путешествія и отказался отъ работы. Заканчивая свои воспоминанія о Россіи, французскій инженеръ передаетъ одинъ характерный для того времени рассказъ, ходившій по городу. Министерство путей сообщенія хотѣло отдать подрядъ на поставку паровозовъ американской фирмѣ Уайменсъ. Такъ какъ цѣны были заявлены довольно высокія, то заказъ могъ сорваться. Надо было задобрить кое-кого. Предложить взятку прямо въ тѣ времена было рискованно, и вотъ находчивый представитель американской фирмы придумалъ такую хитрость. Однажды онъ явился въ кабинетъ къ пужному сановнику съ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ, несмотря на то, что былъ чудный лѣтній день. Сановникъ былъ удивленъ, но американецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, предложилъ ему на нѣсколько десятковъ тысячъ пари, что черезъ часъ пойдетъ сильный дождь. Пари, разумѣется, было проиграно, и деньги изъ рукъ американца честнымъ образомъ перешли въ карманъ сановника.

— Одинъ изъ правыхъ конвента¹⁾.—Почти всѣ главнѣйшіе герои великой революціонной драмы 1791 года нашли себѣ болѣе или менѣе обстоятельныхъ біографовъ, и мы знаемъ теперь довольно подробно если не внутреннюю, то, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю жизнь Дантона, Марата, Робеспьера и другихъ. Но вѣдь, кромѣ нихъ, въ конвентѣ было немало простыхъ статистовъ, людей, попавшихъ сюда, благодаря случайности избранія, людей безъ таланта, безъ большого самолюбія, скромно державшихся въ сторонѣ отъ большой политики. О нихъ исторія до сихъ поръ почти ничего не знаетъ, а между тѣмъ ихъ карьера заслуживаетъ изученія болѣе подробнаго. Стоитъ только вообразить себѣ этихъ маленькихъ людей, провинціальныхъ адвокатовъ или земледѣльцевъ, которыхъ судьба изъ глухихъ уголковъ вдругъ перебросила въ пышные дворцы царей и сдѣлала вершителями государственныхъ дѣлъ. Неуклюже вылѣзая изъ дилижансовъ, разодѣтые въ свои лучшія одѣянія, они не имѣли въ Парижѣ ни души знакомыхъ, не знали, куда пойти и что дѣлать.

Однимъ изъ такихъ третьестепенныхъ статистовъ конвента былъ, между другими, и Жанъ Кенекъ, депутатъ отъ Фанистерръ. Ткачъ по профессіи, Кенекъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства и, отправляясь въ страшный Парижъ, оставилъ свою жену въ ожиданіи седьмого ребенка. Онъ былъ малограмотенъ, ибо его орографія оставляла желать многого. Не безъ сожалѣнія оставилъ онъ свою деревушку и свой ткацкій станокъ, не безъ опасенія отправился онъ въ Парижъ, гдѣ творились такія вещи, отъ которыхъ замирала со страху провинція.

¹⁾ «Le Temps» № 19192.

Но вотъ, наконецъ, Кенекъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, среди элегантныхъ господъ изъ Жиронды и всякихъ краснобаевъ и дѣльцовъ. Онъ чувствуетъ себя совершенно одиноко: не съ кѣмъ перемолвиться словомъ. Онъ чувствуетъ смущеніе, и не потому, чтобы онъ былъ трусомъ. Напротивъ, въ 1793 году, во время процесса короля, когда терроризованное вожаками большинство слѣпо вотивировало за преданіе короля смертной казни, онъ простодушно и смѣло заявляетъ: «Я не судья и могу подать свой голосъ только за арестъ короля на время войны и за изгнаніе его, когда война будетъ кончена». Эта рѣчь, кажется, единственная, которую произнесъ Кенекъ въ конвентѣ, заставила отнести его къ партіи умѣренныхъ, т.-е. подозрительныхъ. 3-го октября его арестовали въ конвентѣ вмѣстѣ съ другими семьюдесятью четырьмя депутатами, виновными только въ томъ, что они протестовали противъ государственнаго переворота 31-го мая. И вотъ честный ткачъ-депутатъ въ тюрьмѣ, среди воровъ и фальшивомонетчиковъ.

Тринадцать мѣсяцевъ продолжалось это заключеніе. По всей вѣроятности, избиратели Кенека едва ли что понимали въ политической борьбѣ партій и, конечно, не разъ спрашивали себя съ изумленіемъ, какимъ образомъ ихъ депутатъ, чистокровный бретонецъ, вдругъ сталъ жирондистомъ. А когда въ глухомъ углу узнали, что Кенекъ попалъ въ тюрьму, то всѣ стали покачивать головой и жалѣть бѣдную женщину, мужъ которой, очевидно, совсѣмъ развратился въ Парижѣ и за хорошія дѣла угодили въ концѣ концовъ въ тюрьму. Все то, что произошло во Франціи послѣ паденія монархіи, осталось для этихъ людей чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Недаромъ одинъ изъ захолустныхъ комиссаровъ въ Лимузинѣ, наслышавшись о Вандеѣ, писалъ про человѣка, котораго хотѣлъ представить политически опаснымъ: это настоящій Вандей!

Послѣ термидорскаго переворота Кенека выпустили изъ тюрьмы, и онъ снова появился въ конвентѣ, твердо убѣжденный, что единственнымъ виновникомъ всѣхъ его злоключеній былъ уже казненный Робеспьеръ.

Несмотря на то, что Парижъ обернулся къ нему не съ веселой стороны, и вмѣсто всякихъ удовольствій на его долю пришла лишь одна тюрьма, Кенекъ, какъ и другіе, уже не хотѣлъ разставаться со столицей. Вкусивъ власти, эти бѣдняки изъ глухихъ угловъ не хотѣли разставаться съ нею и подъ ихъ давленіемъ было постановлено, что смѣнившее конвентъ законодательное собраніе должно на двѣ трети состоять изъ бывшихъ членовъ Конвента. Избиратели всѣми силами протестовали противъ такой узурпаціи ихъ правъ, и, несмотря на самую безстыдную агитацію, было выбрано всего 379 бывшихъ членовъ конвента, 121 изъ нихъ оказались забалотированными. Такъ какъ никто изъ этихъ неудачниковъ рѣшительно не желалъ разставаться съ Парижемъ, то пришлось устроить ихъ по разнымъ мѣстамъ: одного сдѣлали экзекуторомъ въ министерствѣ, другого—мелкимъ чиновникомъ какого-нибудь бюро, третьяго—судебнымъ приставомъ. За неимѣніемъ мѣстъ, говорить Тэнъ, они дѣлались и метельщиками улицъ.

Какъ извѣстно, во времена директоріи явилась мода подражать во внѣшности древнимъ римлянамъ. Волей неволей, Кенеку, которому посчастливи-

лось попасть въ совѣтъ пятисотъ, пришлось разстаться съ своей курткой и шляпой съ лентами и облачиться въ длинное бѣлое одѣяніе, перехваченное голубымъ кушакомъ, а на голову натянуть синій бархатный токъ. Это превращеніе въ римлянина все же не сдѣлало бывшаго ткача римскимъ ораторомъ, и на трибунѣ совѣта Кенекъ выступалъ столько же, какъ и на трибунѣ Конвента. Но это не мѣшало ему являться на всѣ официальные торжества, гдѣ отъ него не требовалось рѣчей. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ съ энтузіазмомъ описываетъ банкетъ, устроенный въ честь обоихъ совѣтовъ консуломъ генераломъ Бонапартомъ, «величайшимъ изъ людей, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ». Обѣдъ былъ назначенъ въ четыре часа пополудни въ большой залъ Лувра. Кенекъ аккуратно явился въ четыре часа, но, увидя, что никого еще нѣтъ, и напрасно прождавъ обѣда еще два часа, отправился вмѣстѣ со своими товарищами, закутанными, какъ и онъ, въ тоги, въ ближайшій кабачокъ. Только въ семь часовъ пушечные выстрѣлы извѣстили Парижъ о началѣ банкета. Бретонскіе законодатели пускаются бѣгомъ къ Лувру. Тамъ уже сервированъ огромный столъ на семьсотъ человѣкъ. На каждый пятокъ гостей поставленъ лакей, тысячи свѣчей освѣщаютъ огромный залъ, громко звучатъ фанфары, гремитъ при тостахъ артиллерія. Бывшій членъ конвента не скрываетъ, что это былъ счастливѣйшій день въ его жизни.

И вотъ съ высотъ этой жизни приходилось опять спускаться въ низину. Въ маѣ 1798 г. полномочія Кенека кончились, и простымъ смертнымъ вернулся онъ въ свою глухую деревеньку. Все миновало, но знаки своего былаго величія, бывшій членъ конвента хранилъ до конца жизни. Завѣтная римская тога и шляпа голубаго бархата вотъ что осталось ему отъ его законодательной карьеры.

Марія - Антуанетта, Барнавъ и Ферзенъ.—Въ числѣ историческихъ загадокъ, которыя до сихъ поръ окончательно не разгаданы, три относятся до Маріи-Антуанетты. На нихъ бросаетъ лучъ свѣта переписка королевы съ членомъ конституціоннаго собранія Барнавомъ и графомъ Акселемъ Ферзенемъ. Эти письма извлечены изъ архива замка Лофстадтъ въ Швеціи, принадлежащаго графинѣ Эмилии Пиперъ, двоюродной внучкѣ графа Ферзена. Онѣ сохранялись въ двухъ пакетахъ, въ одномъ политическія письма королевы, а въ другомъ простая переписка. Изъ этихъ писемъ Эрнестъ Додэ сдѣлалъ любопытное извлеченіе, которое напечатано въ январской книжкѣ «*Revue de deux Mondes*» ¹⁾.

Первая загадка состоитъ въ томъ, правда или клевета, что Марія-Антуанетта съ первой встрѣчи такъ очаровала Барнава, что онъ рѣшился спасти ее и короля и за это самъ погибъ. Вторая: открыла ли она ему свое намѣреніе обратиться къ иностраннымъ державамъ за помощью, и одобрилъ ли онъ этотъ планъ? Третья: была ли королева въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Ферзенемъ?

¹⁾ Autour de Marie-Antoinette. Par Ernest Daudet. «*Revue des deux Mondes*». 1 Janvier 1914.

Первая встрѣча Маріи-Антуанетты съ Барнавомъ произошла при печальныхъ обстоятельствахъ, во время бѣгства королевской четы изъ Парижа, въ ночь съ 20-го на 21-е іюня 1791 года. Какъ извѣстно, бѣглецы были арестованы въ Варениѣ и конституціонное собраніе успѣшило отправить трехъ своихъ членовъ для ихъ встрѣчи. Выборъ палъ на генерала Туръ-Мобура изъ партіи конституціоналистовъ, Петіона, мэра Парижа—пламеннаго республиканца, и Барнава, умѣреннаго, мечтавшаго дать Франціи монархическую конституцію наподобіе англійской. Къ нимъ присоединился еще генераль Матье Дюма.

Барнавъ и Песіонъ представляли два совершенно различные типа, съ которыми Маріи-Антуанеттѣ предстояло имѣть дѣло. Барнавъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ безукоризеннаго образа жизни. Несмотря на сравнительно молодой возрастъ,—ему было въ то время тридцать одинъ годъ,—онъ уже завоевалъ себѣ положеніе въ собраніи. Нѣсколько холодный, онъ отличался даромъ краснорѣчія, въ которомъ выдѣлялись искренность и прямота. Его считали соперникомъ Мирабо.

Песіонъ былъ человѣкъ съ черствымъ сердцемъ, и его рѣзкая грубость иногда переходила въ оскорбительность. Онъ былъ непримиримый врагъ короля, котораго ненавидѣлъ.

Марія-Антуанетта уже знала, что за человѣкъ былъ Барнавъ. Хотя онъ явился по отношенію короля и его семьи въ роли конвойнаго, но она не почувствовала въ немъ врага. Ея врагомъ былъ Песіонъ, и это она живо почувствовала съ перваго момента ихъ встрѣчи 23-го іюня между Тьери и Шалономъ на Марнѣ. Барнавъ, приблизясь къ экипажу короля, вручилъ ему декретъ конституціоннаго собранія. Прочитавъ его, король произнесъ:

— Очень радъ видѣть васъ, господа. Я не хотѣлъ выѣзжать изъ своего королевства. Я направлялся въ Манмэди, гдѣ намѣревался остаться до тѣхъ поръ, пока не просмотрю и не приму добровольно конституціи.

Генераль Матье Дюма въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ, что въ этотъ моментъ Барнавъ шепнулъ ему на ухо: «Если король не забудетъ повторить эти слова, то мы его спасемъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ тронулся по дорогѣ къ Парижу. Барнавъ сидѣлъ въ каретѣ между королемъ и королевой. Песіонъ напротивъ, между дочерью и сестрою короля. *madame Elisabeth*, и дочерью, *madame Royale*. Дофинъ помѣщался на колѣняхъ то у матери, то у сестры, то у тетки.

Барнавъ сочувствовалъ несчастью королевской семьи и старался оказывать вниманіе Людовику XIV и Маріи-Антуанеттѣ. Онъ ласкалъ дофина, шутилъ съ нимъ и завоевалъ симпатію королевы.

Барнавъ сначала притворялся, что не слышитъ разспросовъ королевы, но королева замѣтила его уловку, и это ее задѣло за живое.

— Скажите же вашему другу, прошу васъ, чтобы онъ не смотрѣлъ въ окно, когда я задаю ему вопросы,—сказала она Песіону.

Холодный Барнавъ былъ побѣжденъ: несчастная Марія-Антуанетта сумѣла растрогать его сердце. Оставаясь съ нимъ наединѣ, вдали отъ друзей и особенно Ферзена, она искала у него поддержки и просила спасти ихъ. Барнавъ обѣщалъ ей, но отклонилъ проектъ бѣгства, какъ предполагалъ Ферзень. Эти

добрыя отношенія вызвали сплетню, будто Барнавъ погибъ вслѣдствіе увлеченія Маріей-Антуанеттой.

Что произошло между Барнавомъ и королевой, до сихъ поръ оставалось не совсѣмъ выясненнымъ. Сплетники передавали, будто Барнавъ вполне одобрилъ намѣреніе королевы обратиться за помощью къ иностраннымъ державамъ,

Теперь эта клевета сама собой уничтожается, благодаря опубликованной перепискѣ Барнава съ королевой. Если у королевы и зародилась эта мысль, говорить Додэ, то она пришла ей въ голову лишь послѣ того, какъ были испробованы всѣ мирныя средства.

Переписка съ Барнавомъ началась по возвращеніи королевской семьи въ Парижъ. Марія-Антуанетта напомнила Барнаву черезъ надежнаго человѣка о его обѣщаніяхъ. Заручившись его согласіемъ вступить въ переписку, королева сообщила ему, что она приняла всѣ мѣры, къ тому, чтобы ихъ переписка оставалась въ тайнѣ. Для этого она нумеровала каждый листъ, и ея письмо каждый разъ возвращалось. Королева ставила первымъ условіемъ переписки, что она будетъ откровенно говорить все, что думаетъ, хвалить все, что находитъ достойнымъ похвалы, и порицать все, что достойно порицанія.

Марія-Антуанетта просила Барнава сообщить ей свои планы и общала отвѣтить ему откровенно на всѣ вопросы о томъ, что она можетъ сдѣлать ради народнаго блага.

Барнавъ отвѣтилъ только послѣ того, какъ посоветовался съ четырьмя товарищами, входившими вмѣстѣ съ нимъ въ комитетъ пяти. Онъ писалъ королевѣ, что короля давно обманывали и что онъ позволилъ себя уговорить сдѣлать необдуманные шаги, изъ которыхъ послѣдній привелъ его къ лишенію короны. Но не поздно спасти еще ее, но лишь при томъ условіи, что король и она постараются связать свои интересы съ интересами большинства націи. Французскій народъ, писалъ онъ, желалъ получить новое государственное устройство; важно, чтобы король безъ всякихъ проволочекъ подписался подъ конституціей. Это надо сдѣлать такъ, чтобы не могло быть сомнѣнія въ его желаніи ее соблюдать.

Барнавъ требовалъ, чтобы король приказалъ своимъ братьямъ и эмигрантамъ возвратиться во Францію. Король долженъ сдѣлать все возможное, чтобы Германія, признавъ конституцію, отнеслась къ Франціи дружественно и мирно.

Но мнѣнію Барнава, въ этомъ было единственное средство вновь завоевать довѣріе народа, а главное королевская семья должна была отказаться отъ мысли уѣхать изъ Франціи и сдѣлать это такъ, чтобы объ этомъ стало извѣстно всѣмъ.

Королева знала, что его предложеніе едва ли выполнимо; тѣмъ не менѣе она рѣшилась сдѣлать попытку. Относительно образа дѣйствій ея брата, германскаго императора, она замѣтила Барнаву, что уже давно не поддерживаетъ съ нимъ сношеній и не имѣетъ на него никакого вліянія. Личные интересы императора толкаютъ его на совершенной иной путь, чѣмъ тотъ, на которомъ комитетъ желалъ бы его видѣть. Тѣмъ не менѣе Марія-Антуанетта общала написать ему, если это можетъ принести пользу.

Было трудно уговорить братьевъ короля: они не хотѣли возвращаться въ Парижъ. Графъ Прованскій, съ согласія графа Артуа, рѣшилъ даже взять на себя регентство въ случаѣ, если король и дофинъ подвергнутся заключенію.

Людовикъ XVI думалъ, что умиротворить Францію можетъ только конгрессъ изъ представителей державъ, опирающихся на сильное войско. Междуусобная же война, да еще съ участіемъ чужихъ войскъ и регентство не помогутъ дѣлу. Напротивъ, регентство вызоветъ конфликтъ между принцами. Но это мнѣніе короля расходилось съ планомъ принцевъ, которые находили, что конгрессъ явится признакомъ униженія и слабости. Они требовали вторженія въ Парижъ, разгона собранія и т. д. Такимъ образомъ, между королемъ, его семьею и принцами создалась пропасть, въ которой предстояло погибнуть королевской власти.

Марія-Антуанетта боялась вмѣшательства эмигрантовъ, считая это «рабствомъ худшимъ, чѣмъ первое», и все болѣе склонялась къ совѣтамъ Барнава и его друзей. Но они потребовали отъ нея невозможнаго. Германскій императоръ, получивъ ея письмо, сообразилъ, что можно воспользоваться несчастьемъ Франціи и отнять у нея Эльзасъ и Франшъ-Конте.

Что касается братьевъ короля, то они даже не отвѣтили ей, и Марія-Антуанетта поняла, насколько всѣ ея попытки бесполезны.

Такимъ образомъ, сближеніе Маріи-Антуанетты съ Барнавомъ не дало ожидаемыхъ ею результатовъ. Вся отвѣтственность за несчастье короля падаетъ, по мнѣнію Дюма, на его братьевъ и особенно окружавшихъ ихъ эмигрантовъ, интриговавшихъ въ своихъ личныхъ интересахъ.

Въ своей перепискѣ съ Барнавомъ Марія-Антуанетта является совсѣмъ иной личностью,—говоритъ Дюма,—какой ее обыкновенно изображали. Она не обманывала себя иллюзіями относительно своей гибели; скорѣе Барнаву надѣялся, что еще можно поправить дѣло.

Барнаву не удалось однако спасти королевскую семью, и въ декабрѣ 1791 года онъ собрался на родину, въ Гренобль, въ надеждѣ возстановить потерянную популярность.

Послѣ 10-го августа у Людовика XVI нашли одно письмо изъ тайной переписки Барнава съ Маріей-Антуанеттой. Барнава обвинили въ измѣнѣ вмѣстѣ съ Александромъ Ламетомъ, которому удалось, благодаря Лафайету, укрыться въ сѣверной арміи. Барнава арестовали въ Греноблѣ, и 28-го ноября 1793 года, революціонный трибуналъ приговорилъ его къ смертной казни, которая и была совершена на другой день.

Въ это время Марія-Антуанетта уже сложила свою голову на эшафотѣ, и графъ Ферзенъ въ отчаяніи изливалъ свое горе въ письмахъ къ сестрѣ. Но ни въ одномъ изъ нихъ онъ, однако, не говоритъ о своей близости съ нею.

Передъ американской войной французская блестящая молодежь горѣла желаніемъ принять въ ней участіе. Желая прекратить толки объ его отношеніяхъ къ Версалю, Ферзенъ тоже рѣшилъ отправиться въ Америку.

Извѣстіе объ его отъѣздѣ въ Америку вызвало изумленіе. Ему приготовили ловушку, рассчитывая поймать его и вырвать у него признаніе въ интим-

ной близости съ королевой. Съ этой цѣлью герцогиня Фицъ-Джемсъ лукаво спрашивала его:

— Какъ, вы отказываетесь отъ вашихъ побѣдъ?

— Если бы у меня была побѣда, я не разстался бы съ нею; я отправляюсь въ Америку свободнымъ человѣкомъ и, къ несчастью, не оставляя ни у кого сожалѣнія.

На этомъ отвѣтѣ авторъ построилъ всю свою шаткую защиту Маріи-Антуанетты. По его мнѣнію, Ферзенъ, не скрывая своей любви къ королевѣ, этимъ отвѣтомъ подтверждалъ, что его любовь осталась безъ отвѣта. Но все это не обезоружило злые языки: печаль, которую не могла скрыть Марія-Антуанетта наканунѣ его отъѣзда, и слезы, выступившія у нея на глазахъ, когда она видѣла Ферзена въ послѣдній разъ, дали поводъ для новыхъ сплетенъ.

Графъ Ферзенъ поступилъ на службу во французскую армію, не покидая шведской службы, въ 1783 г. До 1789 г. онъ совершалъ постоянные переѣзды изъ Швеціи во Францію и обратно. Во время своего пребыванія въ Парижѣ Ферзенъ посѣщалъ Версаль, и это дало ему возможность ближе познакомиться съ королевой. Съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе ею увлекался и, въ свою очередь, самъ привлекалъ ее къ себѣ. «Но,—настаиваетъ Дюма,— нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, что между ними существовала преступная и пошлая связь».

Ужасные памфлеты, печатавшіеся обыкновенно въ Лондонѣ, возводили на нее всякія клеветы, даже послѣ ея смерти. Когда въ 1878 году двоюродный внукъ Ферзена, баронъ Клиноквостремъ, напечаталъ ея письма къ Ферзену, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались кѣмъ-то зачеркнуты мѣста. Это дало просторъ фантазіи врагамъ. Такимъ образомъ, эти пробѣлы явились доказательствомъ измѣны Маріи-Антуанетты.

Недавно еще въ «Intermediaire des Chercheurs et des Curieux» появилось сообщеніе неизвѣстнаго автора, что будто въ Монреалѣ находятся копии съ писемъ Маріи-Антуанетты къ Ферзену, которыя хранятся въ городской библиотекѣ.

Въ замѣткѣ къ этому извѣстію сказано, что часть изъ нихъ не можетъ быть напечатана изъ уваженія къ памяти Маріи-Антуанетты, ибо въ нихъ заключается неоспоримое доказательство виновности Маріи-Антуанетты; также не можетъ быть выставлена и миниатюра, данная королевой Ферзену. Э. Дюма, поручилъ компетентнымъ лицамъ навести справки въ Канадѣ, но до сихъ поръ самые тщательные поиски этихъ писемъ ни къ чему не привели.

Первый томъ переписки Маріи-Антуанетты, гдѣ находятся, между прочимъ, письма графа Ферзена къ его сестрѣ, служить, по мнѣнію Доде, лучшимъ доказательствомъ чистыхъ отношеній Маріи-Антуанетты къ графу Ферзену.

Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1791 года графъ Ферзенъ находился въ Брюсселѣ, куда онъ скрылся послѣ неудачной попытки королевской семьи спастись бѣгствомъ. Оттуда онъ слѣдилъ за ними, старался заинтересовать иностранные дворы ихъ судьбою, сообщалъ обо всемъ королевѣ, давалъ ей совѣты, ободрялъ ее. Онъ не зналъ объ ея сношеніяхъ съ Барнавомъ и не предвидѣлъ другого средства къ спасенію, какъ новыя попытки къ бѣгству. Сначала онъ думалъ о

конгрессѣ, послѣ чего конституціонная монархія нашла бы признаніе и поддержку у иностранныхъ державъ. Потомъ онъ бросилъ этотъ планъ и окончательно остановился на мысли о вооруженномъ вмѣшательствѣ державъ.

Въ 1792 году графъ Ферзенъ рѣшился отправиться въ Парижъ для переговоровъ съ королевской четой, находившейся уже въ заключеніи. Но королева сначала отклонила свиданіе съ нимъ, опасаясь за его жизнь. Ферзенъ настаивалъ и увѣрялъ, что пріѣдетъ во Францію въ качествѣ курьера шведскаго короля и его никто не узнаетъ.

13-го февраля онъ былъ уже въ Парижѣ и вечеромъ добился, чтобы его провели въ Тюльери къ королевѣ. На другой день онъ опять видѣлся съ нею и съ королемъ. Онъ уговаривалъ ихъ уѣхать, но король отвѣтилъ: «Я общалъ не искать возможности бѣжать и останусь. Пусть меня оставляютъ на произволъ судьбы, пусть мнѣ дадутъ дѣйствовать, какъ я самъ нахожу подходящимъ и нужнымъ».

Тогда Ферзенъ предложилъ другой планъ: бѣгство Маріи-Антуанетты съ дѣтьми. Но королева объявила, что она до конца раздѣлитъ судьбу мужа и безъ него не уѣдетъ. Не добившись ничего, Ферзенъ на другой день уѣхалъ въ Туръ, а оттуда обратно въ Брюссель. Но здѣсь въ немъ проснулось угрызеніе совѣсти, и онъ упрекалъ себя въ томъ, что недостаточно настойчиво убѣждалъ короля и королеву. Подъ вліяніемъ этого чувства онъ опять возвращается въ Парижъ, ночью видится съ королевской четой и снова предлагаетъ имъ бѣжать. Но они и на этотъ разъ отвергли это предложеніе. Прощаясь съ нимъ, Марія-Антуанетта рассказала ему, что у нея произошло съ Барнавомъ и при этомъ вручила ему на храненіе ся съ нимъ переписку.

Съ этого момента переписка между Маріей-Антуанеттой и графомъ Ферзенемъ становится трагически-трогательной. На другой день послѣ 20-го іюня одно изъ ея писемъ оканчивается фразой: «Я еще существую, но чудомъ; вчерашній день былъ ужасенъ». 3-го іюля она писала: «Наше положеніе ужасно; но не слишкомъ о насъ беспокойтесь; я чувствую бодрость и мнѣ что-то подсказываетъ, что мы будемъ спасены. Одна эта мысль поддерживаетъ меня».

На все это Ферзенъ могъ отвѣчать только словами утѣшенія. И такъ длилось до заключенія Маріи-Антуанетты въ Тамплъ. Съ этого момента Ферзенъ принялся изливать все свое горе и отчаяніе въ письмахъ къ своей любимой сестрѣ и другу графинѣ Пиперъ. Онъ никогда отъ нея ничего не скрывалъ и рассказывалъ ей все, что произошло между нимъ и королевой. Она знала весь его романъ съ самаго начала, и Ферзенъ не скрывалъ отъ нея, что эта любовь была совершенно безнадежна.

По мнѣнію Дюма, это была любовь Данте къ Беатриче, Петрарки къ Лаурѣ.

Послѣ казни короля въ письмахъ Ферзена слышится сплошной стонъ: «Королевская семья пока спасена,—писалъ онъ вечеромъ 10-го августа:—но нельзя быть увѣреннымъ за ея судьбу. Да хранитъ ее Богъ. Я отдалъ бы жизнь за то, чтобы ее спасти». Черезъ двѣ недѣли онъ писалъ: «Никакихъ извѣстій, дорогой другъ. Я въ отчаяніи. Пожалѣй меня, я страдаю». 28-го января 1793 года онъ еще не зналъ о казни короля и писалъ сестрѣ: «Моя нѣжная, добрая Софи, только у тебя я могу найти сколько-нибудь утѣшенія. Бѣдная, несчастная

семья, бѣдный король, бѣдная королева, зачѣмъ я не могу ихъ спасти цѣною собственной крови! Это было бы для меня счастьемъ, и я благословлялъ бы Небо за это».

Когда ему стало извѣстно о казни короля, «доброта котораго навсегда сохранилась въ его памяти», его образъ не покидалъ Ферзена.

Дюма увѣряетъ, что во всѣхъ письмахъ графа Ферзена нѣтъ ни строчки, которая давала бы основаніе «низвести королеву Франціи съ высоты пьедестала, куда ее помѣстила рыцарская любовь графа Ферзена». Она любила его взаимно и, обращаясь къ графу Эстергази въ 1791 году, просила: «Если вы будете ему писать, скажите ему, что никакое разстояніе, никакія страны никогда не могутъ разъединить наши сердца: съ каждымъ днемъ я чувствую все больше эту истину».

— Н е р а з р ѣ ш е н н а я и с т о р і е й з а г а д к а ¹⁾.— Въ 1830 году, едва новый король Франціи успѣлъ водвориться въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на окнахъ парижскихъ книжныхъ магазиновъ появилась объемистая книга, подписанная страннымъ именемъ: Марія Стелла. Книга эта сильно встревожила французское правительство, которое предприняло на нее цѣлую облаву. Едва удалось отобрать отъ книгопродавцевъ послѣдніе экземпляры книги, какъ въ 1839 году появилось второе, а черезъ девять лѣтъ и третье изданіе столь неприятной Людовику-Филиппу книги. Полиціи героическими усиліями удалось истребить и эти изданія, и съ тѣхъ поръ книга Маріи Стеллы надолго исчезла изъ обращенія и лишь недавно въ полномъ видѣ вышла въ Лондонѣ въ англійскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: «Мемуары лэди Ньюборо».

Кто была эта Марія Стелла, книга которой такъ обезпокоила орлеанскую династію? Дочь мелкаго полицейскаго служителя въ одномъ изъ тосканскихъ городковъ, родившаяся въ 1773 г., Марія Стелла начала свою жизненную карьеру актрисой какого-то мелкаго театра во Флоренціи. Тринадцати лѣтъ отъ роду, она вышла замужъ за лорда Ньюборо, старую развалину, плѣнившуюся красотой юной итальянки. Въ 1810 г. Ньюборо умеръ, и его вдова вновь вышла замужъ за нѣкоего графа Унгернъ-Штернберга, состоявшаго въ русскомъ подданствѣ. Въ 1821 году полицейскій служитель Лоренцо Чьяппини, считавшійся ея отцомъ, умирая, прислалъ ей письмо, въ которомъ свидѣтельствуется, что она не его дочь, а происходитъ отъ челоуѣка, который по знатности своего рода нисколько не уступаетъ ея первому мужу лорду Ньюборо. Поднявшіеся по поводу этого письма толки и догадки, а также дѣйствительно замѣчавшееся сходство въ чертахъ лица между Орлеанами и лэди Ньюборо съ одной стороны и между Людовикумъ-Филиппомъ и Чьяппини съ другой наводятъ эту странную особу на мысль, что отецъ Людовика-Филиппа, извѣстный герцогъ Филиппъ Эгалите и его жена, рожденная герцогиня Пантievръ, пу тешествуя въ 1773 г. по Италіи подъ именемъ графа и графини Жуанвиль, подмѣнили родившуюся у нихъ во время этого путешествія дѣвочку, которую оставили у Чьяппини, а вмѣсто нея взяли у этого полицейскаго его сына, котораго и стали выдавать за своего. Этимъ путемъ Филиппъ Эгалите и его жена, у которыхъ не было другихъ сыновей, хотѣли предупредить переходъ огром-

¹⁾ «Standart», 13 Febr. 1914.

наго состоянія герцога Пентіевра по наслѣдству въ боковую линію. Выходило, такимъ образомъ, что на французскомъ престолѣ сидѣлъ сынъ Лоренцо Чьяпинни, настоящая же наслѣдница Филиппа Эгалите скрывалась подъ именемъ графини Унгернъ-Штернбергъ, которая умерла въ 1843 г. въ Парижѣ въ крайней нищетѣ.

Нельзя сказать, чтобы бывшая итальянская актриса, превратившаяся потомъ въ англійскую лэди, а затѣмъ русскую графиню, выступила со своими разоблаченіями, не заручившись болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ простое физическое сходство. Напротивъ, въ 1824 году она возбудила цѣлое дѣло передъ духовными властями, и епископскій судъ въ Фаянсъ, не рѣшаясь признать полностью притязанія лэди Ньюборо, тѣмъ не менѣ согласился что основанія для такихъ притязаній у нея, дѣйствительно, имѣются. Въ ея же пользу высказался и англійскій историкъ Ральфъ Голлви, выпустившій свою солидную работу въ 1907 году. Напротивъ, французскій ученый изслѣдователь Витракъ, выступившій одновременно со своимъ англійскимъ коллегой, пришелъ къ обратнымъ выводамъ. Онъ прежде всего указываетъ, что въ 1773 году герцогъ Филиппъ Эгалите и его жена въ то время, какъ у нихъ родился ребенокъ, были въ Парижѣ, а не въ Италіи. Затѣмъ рожденіе ребенка въ королевской семьѣ при старомъ режимѣ было обставлено большими церемоніями, при которыхъ едва ли возможно было бы совершить подлогъ. Соображенія Витрака, какъ они ни убѣдительны на первый взглядъ, не остановили дальнѣйшихъ изслѣдователей. За дѣло недавно взялся французскій историкъ Буае д'Ажанъ, который въ поискахъ за истиной перерылъ ватиканскій архивъ, насколько онъ доступенъ для ученыхъ разысканій. Въ результатѣ своихъ поисковъ Буае д'Ажану удалось найти нѣсколько новыхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу. Не разрѣшая окончательно этого таинственного дѣла, найденныя бумаги вновь наклоняютъ вѣсы правды въ сторону притязаній Маріи Стеллы, и передъ историками, слѣдовательно, новая историческая загадка, ждущая пока своего разрѣшенія.

— Страницка изъ исторіи англійской общественной жизни.—Какъ извѣстно, Англія—классическая страна клубовъ. Нѣтъ такой даже маленькой кучки людей, объединенныхъ хотя бы простымъ чудачествомъ, которая не имѣла бы тамъ своего клуба. Въ послѣдней книжкѣ «Nineteenth Century»¹⁾ мы находимъ любопытную статью о прототипѣ этихъ специфически англійскихъ учрежденіяхъ, такъ называемыхъ coffee houses или кофейняхъ.

Первая кофейня въ Англіи была открыта въ 1650 году въ Оксфордѣ. «Въ этомъ году,—отмѣчаетъ одинъ изъ современниковъ этого собранія, нѣкій еврей Якобъ устроилъ въ приходѣ св. Петра кофейню, и это нововведеніе вызвало общій восторгъ». Мода на кофейни стала быстро распространяться особенно среди студентовъ мѣстнаго университета, и ихъ въ короткое время открылось еще нѣсколько. Насколько молодежь увлекалась посѣщеніемъ кофеенъ, быстро сдѣлавшихся мѣстами общественныхъ собраній, настолько старики ворчали,

¹⁾ Nineteenth Century. Febr. 1914.

утверждая, это эти зародыши клубовъ пріучаютъ молодежь попусту терять время и красноречиво.

Изъ Оксфорда новая мода была перенесена и въ столицу. Въ 1659 году общество джентльменовъ, носившее названіе Rota Club и собиравшееся подъ предводительствомъ Гаррингтона, стало собираться въ кофейнѣ «Голова Турка» недалеко отъ зданія парламента, гдѣ пили кофе и обсуждали текущіе вопросы политики. Съ легкой руки «Головы Турка» кофейни въ Лондонѣ стали размножаться съ такой быстротой, что уже въ 1675 году по приказанію Карла II въ официальномъ органѣ правительства «London Gazette» было напечатано объявленіе, что въ виду всякаго рода ложныхъ и скандальныхъ слуховъ и толковъ, которые возникаютъ въ кофейняхъ и могутъ повредить правительству, его величество желаетъ, чтобы всѣ такія заведенія были уничтожены. Но желаніе короля такъ и осталось однимъ желаніемъ, и къ началу слѣдующаго столѣтія въ одномъ Лондонѣ насчитывалось уже до трехъ тысячъ кофейенъ.

До насъ дошло нѣсколько описаній лондонскихъ кофейенъ. Большая комната, въ ней нѣсколько столовъ для чтенія и писанія и огромный, вѣчно горящій каминъ, надъ которымъ виситъ большой чайникъ съ кофе и чаемъ. По всѣмъ направленіямъ снуютъ прислужники, разнося горячіе напитки и трубки, а за прилавкомъ красуется дебелая хозяйка, «магнить всѣхъ посѣтителей». Это веселое мѣстечко, гдѣ можно обогрѣться, посмѣяться и поговорить, открыто цѣлый день съ утра до поздней ночи. «Эти дома чрезвычайно удобны, — пишетъ одинъ изъ современниковъ Карла II. — Здѣсь вы можете услышать всѣ городскія новости. Здѣсь весело горитъ огонь, около котораго вы можете сидѣть, сколько вамъ угодно. Здѣсь вы можете встрѣтиться со своими друзьями, для того, чтобы поболтать или переговорить о дѣлѣ». И дѣйствительно, въ кофейняхъ можно было встрѣтить людей всякаго общественнаго положенія, отъ поденщика до епископа. Особенно славилось въ Лондонѣ заведеніе нѣкоего Ллойда, находившаяся на Ломбардъ-стритѣ, въ центрѣ всѣхъ корабельныхъ новостей. Съ теченіемъ времени кофейни приняли характеръ чисто политическій и посѣщались лишь членами той или другой партіи. Такъ, кофейня «Какаоваго дерева» служила мѣстомъ встрѣчи для тори. Кофейня Сентъ-Джемской улицы превратилась въ клубъ виговъ. Очень популярна была кофейня въ Чельси, содержавшаяся нѣкимъ Джономъ Сольгеромъ и увѣковѣченная въ стихахъ Стиля. Содержателемъ ея былъ бывший лакей известнаго коллекціонера и основателя британскаго музея Слоона. При открытіи кофейни Слоонъ подарилъ ея хозяину нѣсколько рѣдкостей изъ своего музея, которымъ впоследствии былъ составленъ особый каталогъ. Въ числѣ этихъ рѣдкостей оказались и такія вещи, какъ шпага Вильгельма Завоевателя, вѣеръ царицы Савской или рубашки Пятницы и Робинзона Крузо и т. п.

Мало-по-малу функціи этихъ въ началѣ скромныхъ учрежденій расширились: въ нихъ стали продаваться билеты въ разныя увеселительныя мѣста, назначаться дѣловыя свиданія. Для писателей и поэтовъ кофейни стали служить своего рода кабинетами. Появились люди, которые дневали и ночевали въ кофейняхъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и знаменитый сатирикъ Свифтъ поражавшій окружающихъ рѣзкостью своихъ манеръ.

Эти зародыши клубовъ сыграли большую роль въ исторіи общественнаго развитія Англіи. «Ихъ посѣщеніе,—писалъ одинъ изъ англійскихъ публицистовъ того времени,—можетъ только измѣнить къ лучшему наши нравы, обогатить нашъ умъ познаніями, выучить умѣнью обращаться вѣжливо «другъ съ другомъ и отшлифовать нашъ языкъ». «Мы здѣсь шлифуемся другъ о друга,—говоритъ Шефтебери, —и стираемъ угловатость манеръ путемъ вѣжливыхъ столкновений». Сатира была здѣсь въ большомъ ходу, но такъ какъ очень трудно удержать смѣхъ въ извѣстныхъ границахъ, то онъ нерѣдко направлялся и на такія вещи, которыя вовсе не заслуживали осмѣянія или были слишкомъ интимными. Вотъ почему время развитія и распространенія этихъ клубовъ наложило характерную печать на современную имъ англійскую литературу, въ составѣ которой почти нельзя найти такъ называемой, переписки.

— Сынъ маркизы де-Севинье.—Личности, блестяще проявившія свой талантъ на томъ или другомъ поприщѣ, подобно небеснымъ свѣтиламъ освѣщаютъ своимъ свѣтомъ и близкихъ къ нимъ лицъ. То же можно сказать объ извѣстной французской писательницѣ маркизѣ де-Севинье: журналы до сихъ поръ заняты ея личностью и время отъ времени посвящаютъ ей статьи. Но, освѣщая ея жизнь, невольно приходится касаться и близкихъ къ ней лицъ—ея дѣтей. Эту задачу выполнила между прочими г-жа Мари Дюкло, помѣстившая въ «Revue des deux Mondes» ¹⁾ биографическую статью о сынѣ знаменитой маркизы баронѣ де-Севинье.

Насколько удачны были литературныя произведенія г-жи Севинье, настолько неудачны вышли ея дѣти. Ея дочь, г-жа Гриньянъ, отличалась холодностью, рѣзкостью, была крайне ревнива, но эти недостатки уравнивались въ ней прямымъ характеромъ, «римской добродѣтелью» и рѣшительностью. Напротивъ, сынъ писательницы былъ совсѣмъ неустойчивымъ и несерьезнымъ чловѣкомъ.

Баронъ Шарль де-Севинье представлялъ собою своеобразный типъ. Отъ природы неспособный направить свой умъ на что-нибудь опредѣленное, онъ былъ непостояненъ въ своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ и доставлялъ матери немало огорченій. Онъ былъ во всемъ дилетантомъ, настолько легкомысленнымъ, что его желанія мѣнялись съ поразительной быстротой; что бы онъ ни задумалъ, все заранѣе было осуждено на неудачу. А между тѣмъ Шарль Севинье обладалъ вѣрнымъ сужденіемъ и былъ несомнѣнно талантливъ.

Красивый, живой блондинъ съ открытой фізіономіей, баронъ Севинье внѣшностью, а особенно очаровательной улыбкой напоминалъ мать. Мягкій, веселый, онъ обладалъ изящнымъ вкусомъ и предпочиталъ бесѣды съ писателями, актерами и художниками праздной салонной болтовни съ царедворцами.

Вообще «дурное общество» поэтовъ, собиравшееся у красавицы Нинонъ де-Ланкло, было ближе его сердцу, чѣмъ балы въ Версалѣ, которыхъ онъ терпѣть не могъ. Самъ онъ великолѣпно декламировалъ Расина, «почти такъ же хорошо, какъ Мольеръ»,—говорила его мать. Музыка не была для него чуж-

¹⁾ «Charles de Sevigné» par Mary Duclaux. «Revue des deux Mondes». Fervier 1914.

дой областью, и къ его критикѣ прислушивались. Нерѣдко онъ принимался спорить съ матерью, которая изъ подражанія модѣ ставила моралиста и бого- слова Николая на одну доску съ Паскалемъ.

Превосходный человекъ, предупредительный братъ, наилучшій мужъ, баронъ былъ иѣжнымъ и преданнымъ сыномъ. Его заботливость о матери проявлялась даже въ мелочахъ; онъ не пользовался титуломъ маркиза, предоставляя этотъ болѣе блестящій титулъ матери, самъ же удовлетворился болѣе простымъ титуломъ барона. Когда г-жа де-Севинье случалось прихварывать, онъ не только за нею ухаживалъ, но и исполнялъ роль ея секретаря и чтеца. Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ красивые стихи, лѣса и свою мать. Но со всѣмъ тѣмъ онъ былъ своего рода «*mauvais sujet*», какъ выразилась г-жа Дюкло, и все потому, что обладалъ, по словамъ матери, «безумнымъ сердцемъ», бросавшимъ его отъ одного любовнаго увлеченія къ другому.

Немало тревоги доставлялъ онъ матери и ея старому дядѣ аббату Куланжъ своимъ періодическимъ исчезновеніемъ изъ родительскаго дома. А это случалось очень часто и подѣ влияніемъ какого-нибудь увлеченія. Мать сначала безпокоилась его отсутствіемъ, потомъ она приходила въ отчаяніе и наконецъ начинала сердиться и заранѣе готовила для сына грозныя рѣчи. Но стоило ему показаться, какъ все это забывалось, и грозная рѣчь превращалась въ веселую бесѣду.

Возвращаясь послѣ своихъ похожденій, блудный сынъ появлялся, какъ ни въ чемъ не бывало, напѣвая какую-нибудь игривую пѣсенку,—и гнѣвъ матери проходилъ. Иногда вмѣсто пѣсенки на выручку являлась другая уловка. Онъ объявлялъ матери, что намѣренъ жениться, но невѣстѣ шель только пятнадцатый годъ.

Простой человекъ въ душѣ, Шарль вздыхалъ въ Парижѣ по Бретани, по своему замкѣ, лѣсѣ и главное—по свободѣ. Нигдѣ не было ему такъ хорошо, какъ въ Рошѣ. Маркиза де-Севинье, урожденная баронесса Рабютонъ Шанталь, хотѣла, чтобы сынъ ея сдѣлалъ блестящую карьеру на военномъ поприщѣ. Но ея мечта такъ и осталась мечтой.

Шарль не былъ трусомъ, и Сень-Симонъ свидѣтельствовалъ, что онъ прекрасно несъ службу во время похода и не разъ отличался во время войны съ пруссаками. Но онъ не любилъ переносить утомленія, однообразныхъ занятій, вообще скуки и продолжительныхъ лишеній. Въ эти минуты имъ овладѣвала мысль во что бы то ни стало избавиться отъ службы и бѣжать изъ арміи, что онъ и сдѣлалъ въ 1677 году. Подѣ предлогомъ полученной раны, оказавшейся въ сущности незначительной царапиной на пяткѣ, онъ дезертировалъ и бѣжалъ въ Лиери къ матери.

Г-жа де-Севинье была безконечно рада его возвращенію, но вскорѣ была получена отъ командира бумага, въ которой баронъ вызывался обратно въ лагерь.

Маркиза встревожилась и поспѣшила въ Версаль. Она сдѣлала все возможное, чтобы уладить дѣло, но съ этого момента военная карьера Шарля была испорчена. Хотя король и не наложилъ на него взысканія, тѣмъ не менѣе ему, какъ офицеру, покинувшему армію безъ разрѣшенія, грозила полная немилость.

Ему предстояло на нѣсколько лѣтъ оставаться въ одномъ чинѣ въ то время, какъ другіе молодые офицеры могли дослужиться до полковника.

Шарль замѣтилъ, что сослуживцы относятся къ нему не особенно доброжелательно, и рѣшилъ продать свой военный патентъ. Онъ говорилъ объ этомъ всѣмъ и каждому, прибавляя, что было сумасшествіемъ такъ дорого заплатить за патентъ и что онъ готовъ продать его за двѣ трети прежней стоимости.

Эти толки дошли до маркизы. Тщетно уговаривала она сына остаться на военной службѣ. Шарля, какъ всякаго бретонца, тянуло на родину и препятствовать ему значило пытаться остановить теченіе Роны. Маркизу успокаивало только одно обстоятельство, что не такъ-то легко продать патентъ. Она надѣялась, что съ теченіемъ времени онъ перемѣнитъ свою фантазію. Ее особенно смущало, что онъ разболталъ о своемъ желаніи при дворѣ, а король не любилъ дворянчиковъ, не желавшихъ разставаться съ насыженными гнѣздами по провинціямъ. Но, несмотря на всѣ усилія, ей не удалось сдѣлать изъ сына придворнаго.

Шли годы, а ея сынъ оставался въ прежнемъ положеніи. Были моменты, когда ей улыбалась надежда вернуть сыну милость короля. Но Шарль не переставалъ писать ей мрачныя письма о «цѣпяхъ», «рабствѣ», о желаніи улетѣть въ Рошэ и т. д.

Отъ бездѣятельности и скуки, онъ принялся ухаживать за толстой кузиной, герцогиней В. вмѣсто того, чтобы ухаживать за королею и бывать во дворцѣ, онъ, какъ медвѣдь, прятался въ гостиной этой дамы. «Можно ли такъ плохо устраивать свои дѣла?—воскликнула г-жа Севинье съ нетерпѣливой улыбкой.—И вотъ со всѣми его талантами онъ слыветъ за грубаго мужика или медвѣдя, а, можетъ быть, и скрягу! Всѣ думаютъ, что у моего сына нѣтъ ни гроша,—писала она дочери.—Онъ не даетъ даже завтраковъ, не одѣляетъ подарками, у него нѣтъ даже лошади, чтобы принять участіе въ охотѣ короля и дофина. Онъ не смѣетъ играть въ карты. А если бы знали, сколько денегъ проходитъ черезъ его руки!»

Бѣдной маркизѣ Севинье приходилось постоянно выплачивать долги то за дочь, то за зятя, то за сына. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Бретань и вмѣсто милостей короля привезъ изъ лагеря Фонтенбло совсѣмъ другое. По словамъ г-жи Дюкло, нельзя громко говорить о томъ, что онъ нажилъ подъ балдахиномъ герцогини. Онъ вернулся къ матери совершенно больнымъ.

Маркиза была въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что Шарль разболталъ о своемъ несчастіи шестнадцати лицамъ. Теперь для него были закрыты всѣ карьеры, существовавшія для дворянина того времени. Военная и придворная ему были не по душѣ; послѣдняя же для него была закрыта.

Г-жа де-Севинье хотѣла его женить на миллионершѣ, юной шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ еврейскаго происхожденія, но Шарль слишкомъ любилъ свободу. Къ тому же въ это время онъ былъ увлеченъ Нинонъ де-Ланкло, которая въ то время была двѣнадцатью годами старше его матери.

Увлеченіе сына пятидесятилѣтнею женщиной сильно огорчило маркизу. Извѣщая дочь о своемъ горѣ, маркиза замѣчаетъ: «Она испортила и его отца; надо положиться на волю Бога».

Шарль былъ холодный любовникъ, и потому онъ вскорѣ надоѣлъ Нинонъ. Впрочемъ, это огорчило его ненадолго, и послѣ разрыва съ Нинонъ онъ превратился въ ея друга и, несмотря на подстрекательства своихъ родственниковъ, не хотѣлъ нанести ей какого-либо оскорбленія. Прошло нѣсколько недѣль, и легкомысленный Шарль снова увлекся и тоже «знаменитостью»—актрисой Шампле.

Урокъ, данный ему Нинонъ, не подѣйствовалъ на него,—а юная актриса искала любви. Но Шарль былъ сдѣланъ не изъ того матеріала, изъ котораго создаются страстные любовники. И здѣсь Шарлю не повезло: между любовниками вскорѣ послѣдовалъ разрывъ. На этотъ разъ баронъ поступилъ неблагородно относительно своей любовницы. Хитрая Нинонъ попросила его принести письма, написанныя имъ къ его новой пассии. Нинонъ, вообще, была ревнива и потому, услыхавъ пылкія страстныя излінія своего бывшаго любовника, воспыкала завистью и страшной ревностью къ своей соперницѣ, сумѣвшей разжечь въ этой ледяшкѣ такой огонь страсти. Она рѣшила отомстить Шампле. Выпросивъ у Шарля ея письма, Нинонъ отослала ихъ главному покровителю актрисы. Это было очень зло, но легкомысленный Шарль принялъ все за шутку. Возвратясь домой, онъ разсказалъ обо всемъ матери. Та возмутилась и растолковала ему всю низость его поступка. Подъ вліяніемъ этихъ упрековъ Шарль бросился къ Нинонъ и чуть не силой вернулъ отъ нея свои письма къ Шампле и сжегъ ихъ.

Былъ моментъ, когда г-жѣ де-Севинье улыбнулась было надежда на исправленіе ея сына. Онъ, дѣйствительно, какъ будто образумился и рѣшилъ жениться. Но выбрать невѣсту было не легко. Особенно боялась маркиза нѣкою тридцатилѣтней дѣвицы де-ла Кость, «некрасивой и безъ состоянія». Она всячески старалась удержать сына отъ новаго увлеченія.

Вскорѣ съ нимъ произошелъ кризисъ. Женщины ему опротивѣли, и онъ сталъ говорить, что никогда не женится. вмѣстѣ съ тѣмъ на него напалъ страхъ быть разореннымъ; ему казалось, что его состояніе разстроено.

Судьба наконецъ сжалилась надъ нимъ, и онъ нашелъ подходящую себѣ невѣсту, молодую бретонку, которой было шестнадцать лѣтъ, какъ она увѣряла, и двадцать шесть, какъ было записано въ церковной книгѣ. Богатая и набожная дочь совѣтника ренскаго департамента, она получила хорошее воспитаніе. Тестъ боялся дать ея приданое въ распоряженіе Шарля и потребовалъ, чтобы дядя г-жи де-Севинье, аббатъ Куланжъ, и г-жа Севинье со своей стороны также обезпечили Шарля. Мать передала ему фермы и свой экипажъ, а сама оставила себѣ только небольшое имѣніе и тысячу франковъ ежегодной ренты.

Къ всеобщему удивленію, легкомысленный и вѣтреный Шарль оказался совершенно поработаннымъ своей женой. Но г-жѣ Севинье не суждено было видѣть потомковъ своего сына. Бурно проведенная молодость отразилась на его здоровьи и, когда г-жа Севинье пріѣхала въ Ронэ въ 1684 году, то застала «молодыхъ» въ болѣзненномъ состояніи. Шарль изъ волокиты превратился въ образцоваго мужа, но впалъ въ противоположную крайность: онъ сдѣлался очень набожнымъ.

Впослѣдствіи бретонское дворянство избрало Шарля своимъ предводителемъ.

лемь. Въ то время французы опасались десанта англичанъ и по всей странѣ мобилизовались резервы, Шарль былъ назначенъ полковникомъ дворянскаго полка. У него зародилась честолюбивая мечта, что его пошлютъ въ Версаль депутатомъ отъ дворянства. Осуществленіе этой мечты зависѣло отъ мѣстнаго губернатора, который уже пятнадцать лѣтъ назначалъ депутатовъ вполне самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства короля. Какъ старинный другъ семьи Севинье, онъ поспѣшилъ исполнить желаніе Шарля. Но въ Версаль не забыли проступка барона Севинье; король, узнавъ о выборѣ губернатора, лишилъ его права назначать депутатовъ и вмѣсто Севинье приказалъ назначить другого.

Его жена не отказалась, однако, отъ мысли жить въ Парижѣ, но поселилась въ предмѣстьѣ Сень-Жакъ, среди монахинь. Послѣ смерти маркизы де-Севинье жена Шарля, которой было сорокъ лѣтъ, совершенно удалилась отъ свѣта.

Живя въ Парижѣ, Шарль не порывалъ связи со своей провинціей. У него было много крупныхъ неприятностей по службѣ и даже дуэль съ нантскимъ епископомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ жилъ, дѣля свое время между женою и Бретанью, пока окончательно самъ не поселился въ предмѣстьѣ Сень-Жакъ.

Прежній легкомысленный, вѣтреныи кутила теперь проводилъ время въ молитвѣ, въ духовно-нравственномъ чтеніи въ обществѣ людей, поглощенныхъ созерцаціемъ вѣчности, равнодушныхъ ко всему тому, что происходитъ вокругъ.

Но свойственная ему живость ума не покинула его, и онъ временами напоминалъ о своемъ существованіи. Такъ, въ 1711 году онъ вмѣшался въ одинъ литературный диспутъ, отстаивая Корнеля и Расина. Годъ спустя его заинтересовалъ вопросъ объ обращеніи въ христіанство всѣхъ евреевъ. Сынъ блестящей писательницы умеръ шестидесяти лѣтъ, ничѣмъ не подтвердивъ теоріи наслѣдственности. Его жена пережила мужа на двадцать пять лѣтъ.

Поль Деруледъ, какъ воинъ и патріотъ.—Въ краткомъ очеркѣ, посвященномъ памяти покойнаго основателя «лиги патріотовъ» Поля Деруледа, членъ французской академіи Морисъ Баррессъ даетъ своимъ читателямъ картинное изображеніе цѣлаго ряда событій, имѣвшихъ огромное вліяніе на постепенное развитіе патріотическихъ чувствъ юнаго Деруледа, въ трудную для Франціи эпоху франко-прусской войны.

Первыя свѣдѣнія о родѣ Деруледовъ, относящіяся къ семнадцатому столѣтію (приблизительно къ 1631 году), были найдены архиваріусомъ Леопольдомъ Оливье. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Деруледы принадлежали къ числу бѣдныхъ жителей Мелюка, но вели свое происхожденіе изъ Ангумуа. Они жили упорнымъ трудомъ, принимали участіе въ нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ Франціи, и потомокъ ихъ Поль Деруледъ въ апрѣлѣ 1870 года былъ молодымъ французомъ, унаслѣдовавшимъ отъ своихъ предковъ ихъ состояніе, ихъ качества и всѣ ихъ стремленія.

Рожденный съ природной склонностью къ славлѣ, съ желаніемъ, присущимъ всѣмъ гордымъ людямъ, выдѣлиться среди своихъ соотечественниковъ, Поль Деруледъ при объявленіи войны почувствовалъ необходимость стать на за

питу своего національнаго достоянія, своей французской гордости, своей среды, которая его создала, и поступилъ на военную службу... простымъ солдатомъ.

Высокія чувства Поля Деруледа, внушенныя ему отчасти семейными традиціями, вполне раздѣляла и его родная мать, что подтвердилъ въ 1899 году на судѣ присяжныхъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, генераль Эрве.

«Двигаясь въ направленіи къ непріятелю,—заявилъ онъ въ своемъ показаніи:—мы увидѣли приближавшуюся къ намъ карету, которая остановилась у начала нашей колонны. Изъ кареты вышла женщина и молодой человекъ, по виду почти ребенокъ. Женщина эта была госпожа Деруледъ; пріѣхавшій съ нею мальчикъ—лиценствъ Андрей Деруледъ. Призвавъ во мнѣ начальника, госпожа Деруледъ обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами:

«— У васъ уже есть мой старшій сынъ—Поль; теперь я привезла вамъ моего младшаго сына, Андрея. И если бы у меня былъ еще третій, я также, не задумываясь, отдала бы его вамъ для защиты родины».

Подвиги этихъ истинныхъ сыновъ Франціи строго соотвѣтствовали ихъ чувствамъ. Вечеромъ, послѣ битвы подъ Седаномъ зуавы заявили своимъ офицерамъ, что оба брата Деруледы были убиты вражескими пулями въ тотъ моментъ, когда, окруженные непріателемъ, они пытались прорваться сквозь линіи прусскаго расположенія. Въ дѣйствительности же Андрей Деруледъ былъ только раненъ пулей въ грудь и солдаты видѣли, какъ переносившій его на своей спинѣ Поль Деруледъ зашатался и упалъ на землю подъ тяжестью ноши.

Въ своемъ романѣ «Погромъ» Эмиль Зола достаточно краснорѣчиво описалъ ужасное состояніе походныхъ госпиталей въ Седанѣ. Такъ вотъ именно въ одномъ изъ такихъ госпиталей, въ одной изъ такихъ мертвецкихъ Поль Деруледъ, сидя у изголовья героя-брата и, прислушиваясь къ раздиравшимъ душу крикамъ и стонамъ раненыхъ, сказалъ себѣ послѣ недолгаго раздумья:

«Ты—плѣнникъ! Ты можешь, не заслуживая ничьихъ упрековъ, воспользоваться положеніемъ плѣнника и покорившись врагу, не подвергаться впредь никакимъ опасностямъ! Такъ поклянись же самому себѣ въ томъ, что ты сумеешь найти случай бѣжать изъ плѣна и снова вернуться на поле битвы!»

Онъ, дѣйствительно, бѣжалъ изъ Бреслава и снова поступилъ въ ряды арміи. Въ самыя тяжкія минуты онъ не отчаивался и вѣрилъ въ лучшее будущее. «Снѣ былъ силенъ нравственно», сказалъ о немъ генераль Ланъ, и эти прекрасныя слова служатъ лучшей характеристикой почившаго.

Съ небольшимъ отрядомъ солдатъ, наэлектризованныхъ его энергіей, Деруледъ овладѣлъ Монбельяромъ, защищавшимся значительными силами пруссаковъ. Изъ бывшихъ въ его распоряженіи пятидесяти человекъ онъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ двадцать—убитыми и ранеными. Его одежда была прострѣлена пятью пулями, но онъ замѣтилъ это только по окончаніи сраженія.

Послѣ долгихъ дней неслыханныхъ страданій генераль, подъ командой котораго находился отрядъ Деруледа, собралъ всѣхъ своихъ офицеровъ на гумнѣ и объявилъ имъ, что единственнымъ исходомъ для нихъ является теперь переходъ въ Швейцарію и признаніе себя плѣнными. Выслушавъ мнѣніе начальника, Деруледъ пришелъ въ страшное негодованіе.

— Такъ какъ пруссаки насъ преслѣдуютъ,—воскликнулъ онъ, обратившись къ присутствовавшимъ:—я заявляю, что они найдутъ меня и моихъ людей у входа въ деревню, твердо рѣшившимися умереть, но не спастись бѣгствомъ!

Генераль приказалъ ему замолчать и выйти вонъ. Онъ вышелъ, сѣлъ на придорожный камень и горько заплакалъ. Затѣмъ, подчинившись приказанію начальника и проводивъ свою роту до границы, онъ вернулся обратно, нашелъ способъ проскользнуть сквозь линію пруссаковъ, достигъ Бордо и представилъ себя въ распоряженіе военнаго министра.

Начались переговоры о мирѣ, а затѣмъ и подписаніе предварительныхъ статей мирнаго договора. Остановившись однажды по дорогѣ въ одномъ изъ деревенскихъ домовъ, Деруледъ услыхалъ гнѣвные, яростные крики хозяйки дома, лотарингской крестьянки, проклинавшей всѣхъ подлыхъ трусовъ, которые предали свою страну и не сумѣли защитить ее отъ нѣмецкаго нашествія.

Въ глубинѣ души Деруледъ сознавалъ, что онъ лично выполнилъ честно свой долгъ передъ родиной, но все-таки эти обвиненія, эти упреки касались и его, какъ принадлежавшаго къ тому обществу, къ тому поколѣнію французовъ, которое только что скомпрометировало репутацію Франціи и уничтожило безъ остатка долгіе труды многихъ столѣтій.

«Никогда въ продолженіе всей моей остальной жизни,—признавался онъ потомъ въ бесѣдахъ съ пріятелями,—я не могъ забыть гнѣвныхъ псалмовъ, брошенныхъ намъ въ лицо этой пламенной патріоткой. Я всегда и вездѣ вижу ея мстительный обликъ, возбуждающій во мнѣ угрызенія совѣсти и внушающій мнѣ мой долгъ. Мы отдали часть французской земли, мы вырвали съ корнемъ французскія сердца и теперь мы должны имѣть только одну цѣль, одно стремленіе...»

Вотъ какимъ образомъ создавалось патріотическое призваніе Поля Деруледа. Въ немъ надо любить не только одинъ его инстинктъ, однѣ способности, одну благородную и страстную душу, но и его строго обдуманная мысли. Среди литературныхъ произведеній Деруледа имѣется небольшая и тонкая книжка, которая со временемъ будетъ очень цѣнна въ исторіи французской націи. Этотъ небольшой трудъ носитъ заглавіе: «Книга лиги патріотовъ, выдержки изъ статей и рѣчей». Она сослужила неоцѣнимую службу французскому разуму, и, читая ее теперь, послѣ столькихъ уже прошедшихъ годовъ, невольно признаешь покойнаго Поля Деруледа героемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, столь же мудрымъ, какъ и храбрымъ.

— Исторія одного покушенія.—Съ тѣхъ поръ, какъ Лора Грувелль помнила себя дѣвочкой, въ ея памяти возставали суровыя лица, слышались суровые разговоры. Отецъ, котораго она едва помнитъ, былъ всегда мраченъ, и эта мрачность оправдывалась невзгодами его жизни. Филиппъ Грувелль началъ свою карьеру, какъ множество другихъ, сотрудникомъ «Альманаха Музъ». Это привело его въ тюрьму, а оттуда въ 1792 году къ мѣсту секретаря исполнительнаго комитета. Здѣсь его ждало большое несчастье:

¹⁾ «Le Temps», № 19.200.

20-го января 1793 года въ тюрьмѣ Тамплъ ему пришлось объявить Людовику XVI объ ожидавшей его смертной казни. Его руки тряслись, когда, кончивъ чтеніе бумаги, онъ положилъ ее на столъ передъ бывшимъ королемъ, который тщательно сложилъ ее и спряталъ въ свой портфель. На слѣдующій день Грувеллю пришлось играть важную роль: въ девять часовъ утра онъ прибылъ въ морское министерство и ждалъ здѣсь комиссаровъ, которые должны были присутствовать при казни. Всѣ бумаги, касавшіяся приготовленій къ этой казни, были скрѣплены его именемъ. Съ этого времени призракъ казненаго короля не давалъ ему покоя.

Вскорѣ Грувелль былъ назначенъ посланникомъ республики въ Копенгагенъ, но пробылъ тамъ не долго. Вернувшись на родину, Грувелль женится на дочери извѣстнаго ученаго, сенатора и члена института, Дарсе и углубляется въ изученіе исторіи. Онъ ставитъ даже свою кандидатуру въ академію, но тутъ вспоминаютъ его роль въ трагедіи 21-го января, и кандидатура проваливается. Огорченный неудачей, Грувелль уѣхалъ изъ Парижа въ Вареннъ, гдѣ у него было небольшое имѣніе и здѣсь въ 1806 году умеръ, преслѣдуемый общей ненавистью, какъ царубійца. Умирая, онъ завѣщалъ своей семьѣ свою ненависть къ властителямъ и примѣръ самоотверженнаго служенія дѣлу народа, какимъ, по его мнѣнію, могла служить его жизнь.

Маленькая Лора глубоко впитала въ себя отцовскія чувства и въ пятнадцать лѣтъ рѣшила, что, во что бы то ни стало, она будетъ героиней. Однажды она бросилась въ рѣку, чтобы спасти утопающаго; постоянно навѣщала больныхъ, погребала умершихъ.

Послѣдніе годы реставраціи Лора жила въ Мецѣ, куда послѣдовала за своимъ братомъ, искуснымъ инженеромъ, но трагедія Людовика XVI и здѣсь не давала имъ покоя, и полиція Карла X внимательно слѣдила за молодымъ людьми. Послѣ воцаренія Людовика-Филиппа они вернулись въ Парижъ, гдѣ Лора снова предалась дѣлу милосердія и благотворительности. Вспыхнувшая эпидемія холеры заставила ее поступить простой сидѣлкой въ больницу, гдѣ она заслужила даже названіе Notre Dame de Bon Secours.

Время было горячее. Правительство круто расправлялось со своими противниками. Тѣ, въ свою очередь, ожесточались. Возникло «общество телячьей голы», члены которой за этимъ блюдомъ ежегодно праздновали день 21-го января. Людовика-Филиппа сравнивали съ императоромъ Тиберіемъ и честили «самымъ жестокимъ сатрапомъ древнихъ и новыхъ временъ». На него охотились какъ на зайца, и, печатая программу какого-нибудь публичнаго праздника, газеты не забывали упомянуть о главной приманкѣ для публики—возможномъ покушеніи на короля. Планы погубить короля вырабатывались самые сложные. Одни предлагали взорвать посредствомъ подкопа всю площадь Согласія, когда Людовикъ-Филиппъ будетъ ѣхать въ законодательное собраніе. Другіе присылали на имя короля разныя губительныя посылки. Такъ, однажды былъ полученъ королемъ боченокъ, въ которомъ оказалось нѣсколько гремучихъ змѣй. Бѣдная королева Амалія жила въ вѣчномъ страхѣ.

Лора Грувелль не отставала отъ своихъ политическихъ единомышленниковъ. Послѣ казни Фіеско и двухъ его соучастниковъ Морэ и Пелина, устроив-

шихъ 28-го іюля 1835 года на бульваръ Тамплъ взрывъ, отъ котораго пострадало болѣе сорока человекъ, она принята изъ рукъ палача голову Морэ и хоронила тѣла казненныхъ, могила которыхъ вскорѣ стала мѣстомъ паломничества революціонно настроенныхъ женщинъ. Лорѣ удалось также пріобрѣсти окровавленную одежду Морэ, которую она хранила, какъ настоящую реликвію.

Революціонное направленіе скоро сблизило ее съ нѣкимъ Губеромъ. Въ 1836 году этотъ эльзасецъ былъ осужденъ за покушеніе на королевскую фамилію, въ которую онъ хотѣлъ бросить боченокъ съ порохомъ. Помилованный въ 1827 году, онъ поселился въ Парижѣ, готовя новыя покушенія. Губеръ привелъ къ своей новой знакомой нѣкоего Стебля, швейцарца, едва умѣвшаго сказать по-французски нѣсколько словъ. Стебль только что пріѣхалъ изъ Лондона, гдѣ тщетно пытался продать англійскому правительству новоизобрѣтенную имъ тридцатидвухствольную пушку.

Это разрушительное орудіе, существовавшее пока еще только въ проектѣ, какъ разъ пригодилось бы заговорщикамъ. Пушку рѣшено было отлить въ Англии и ввезти въ Парижъ по частямъ съ вѣрными людьми. Дальнѣйшій планъ состоялъ въ томъ, чтобы нанять на площади Бурбонскаго дворца какое-нибудь помѣщеніе, въ которомъ можно будетъ установить митральезу. Когда король съ семействомъ и свитой будетъ ѣхать на открытіе законодательнаго собранія, стоитъ только пустить митральезу въ ходъ, и Франція будетъ свободна.

Лора Грувелль взялась достать необходимыя для осуществленія этого плана деньги, но Стебль не хотѣлъ показать свои чертежи, пока эти деньги не будутъ переданы ему. Чтобы устранить медлительнаго швейцарца, Губеръ, не долго думая, рѣшается его убить. Сообразивъ опасность, Стебль бѣжитъ, оставивъ свои чертежи. Губеръ взламываетъ его письменный столъ и похищаетъ эти драгоценныя чертежи, спрятавъ ихъ подъ шляпой. Совершивъ все это, Губеръ отправляется въ Булонь, чтобы отсюда переправиться въ Англию, гдѣ должна изготовляться митральеза. Выслѣживая Стебля, Губеръ случайно теряетъ портфель съ драгоценными чертежами, который попадаетъ въ руки таможеннаго чиновника Поме. Въ ту же ночь Губера арестуютъ. Черезъ три дня схвачена Лора Грувелль, а нѣсколько поздне и Стебль, который, не зная, что произошло, вернулся изъ Англии въ Парижъ.

7-го мая 1838 году подсудимые предстали передъ судомъ по обвиненію въ покушеніи на убійство короля. Лору Гревелль защищаль Жюль Фавръ. Разбирательство этого дѣла потребовало девятнадцати засѣданій. Губера приговорили къ ссылкѣ, Лору Грувелль и Стебля къ пяти годамъ тюремнаго заключенія. По выслушаніи приговора Губеръ, выхвативъ перочинный ножъ, бросился на предсѣдателя суда. Жандармы едва успѣли схватить его. Поднялась свалка, залъ пришлось очистить.

Пять лѣтъ заключенія тяжело подѣйствовали на главную героиню этой драмы. Она сошла съ ума и въ 1856 году умерла.

Стебль въ тюрьмѣ перерѣзалъ себѣ горло. Но не такова была судьба Губера. Его безпрестанно переводили изъ одной тюрьмы въ другую, и въ мірѣ политическихъ преступниковъ онъ пріобрѣтаетъ громкую популярность. Въ 1848 году,

когда палъ Людовикъ-Филиппъ, Губеръ опять явился въ Парижъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ энтузіазмомъ. Но буржуазная республика не удовлетворяетъ Губера. Онъ составляетъ противъ нея заговоръ. 15-го мая 1848 г. онъ врывается съ толпой своихъ приверженцевъ въ палату депутатовъ, сваливаетъ ударомъ кулака президента, и объявляетъ собраніе распущеннымъ. Изъ Бурбонскаго дворца заговорщики отправляются къ городской думѣ, но здѣсь ихъ арестуютъ. Губеру, однако, удается скрыться.

На судѣ одинъ изъ обвиняемыхъ, извѣстный докторъ Распайль, заявляетъ, что все покушеніе 15-го мая было подстрено провокаторомъ и что провокаторъ этотъ не кто иной, какъ Губеръ. Открытіе это какъ громомъ поразило его соумышленниковъ. Чтобы опровергнуть это обвиненіе, Губеръ добровольно явился на судъ изъ Лондона. Но одинъ изъ свидѣтелей, Монье, представилъ два его письма къ префекту полиціи, несомнѣнно, уличавшія его въ провокаторствѣ и въ умышленной потерѣ имъ портфеля въ Булони. Это открытіе привело Стебля къ самоубійству, а Лору Грувелль къ сумасшествію. Губеръ былъ также привлеченъ къ суду и въ третій разъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, но и на этотъ разъ этотъ хамелеонъ остался на свободѣ: онъ примкнулъ къ перевороту 2-го декабря, пристроился къ новому императору и провелъ остатокъ своей жизни въ полной обезпеченности, питаясь секретными фондами имперіи. Умеръ онъ въ 1865 году.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Годовое общее собраніе членовъ литературнаго фонда состоялось 2-го февраля. Въ отчетномъ году скончались пятнадцать членовъ фонда. Собраніе почтило память ихъ вставаніемъ. Были прочитаны и утверждены отчеты по секретарской и казначейской части. Къ 1-му ноября 1913 года въ фондѣ числилось 458 членовъ. Просьбъ о пособіяхъ было подано 491 и удовлетворено 350. Пособія оказаны 36 лицамъ на сумму 8.395 рублей; пособій на воспитаніе и образованіе назначено 80 на 3,441 руб.; продолжительныя пособія оказаны 19 лицамъ на 3,145 рублей; ссуды даны 80 лицамъ—5,570 рублей; единовременныя пособія 141 лицу на сумму 3,839 рублей; на похороны 7 лицъ — 350 рублей; всего оказано пособій на 16,341 рубль. Неденежная помощь комитетомъ была оказана одному писателю выдачею бесплатнаго билета на проѣздъ въ Египетъ. При комитетѣ энергично работала особая комиссія по организаціи вечеровъ и спектаклей, отъ которыхъ въ пользу фонда поступило 5,462 рубля. Въ отчетномъ году Государь Императоръ соизволилъ пожаловать обществу 1,000 рублей и отъ особъ императорской фамилии получено 100 рублей. Л. Ф. Пантелѣевъ передалъ фонду свое издательское дѣло, которое при постепенной реализаціи можетъ дать не менѣе 20,000 рублей. По предложенію сенатора Н. С. Таганцева, члены фонда сдѣлали Пантелѣеву овацію. Изъ отчета по казначейской части видно, что литературный фондъ владѣетъ процентными бумагами на 852,025 рублей и наличными деньгами—13,631 рубль. Въ заключеніе вмѣсто выбывающихъ членовъ комитета: Я. Я. Гуревича, Н. И. Карѣева, Ф. Д. Крюкова, Е. В. Тарле и отказавшагося С. Я. Елпатьевского избраны въ члены комитета: Е. П. Султанова, А. А. Жижиленко, Л. З.

Слонимскій, Р. В. Ивановъ-Разумникъ и М. И. Ганфманъ. Въ совѣтъ по управленію домою писателей избраны: Лукьяновъ, Бердниковъ и Яковенко.

Открытіе церковно-археологическаго общества въ Симбирскѣ. 12-го января состоялось въ Симбирскѣ торжественное открытіе симбирскаго церковно-археологическаго общества въ парадномъ залѣ его преосвященства Веніамина, епископа симбирскаго и сызранскаго. Къ шести съ половиной часамъ вечера въ домъ его преосвященства собрались любители мѣстной старины: его преосвященство Назарій, епископъ алатырскій, начальникъ губерніи тайный совѣтникъ А. С. Ключаревъ, вице-губернаторъ А. В. Араповъ, замѣняющій губернскаго предводителя дворянства уѣздный предводитель дворянства М. Ф. Бѣляковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. Я. Яковлевъ многія лица изъ привилегированнаго сословія, городского духовенства и именитаго купечества, изъ коихъ весьма многіе состоятъ и членами симбирской ученой архивной комиссіи. Торжество началось молебномъ, который совершилъ самъ преосвященный владыка Веніаминъ съ соборнымъ причтомъ. Полный залъ собравшихся, около двухсотъ человѣкъ, свидѣтельствовалъ о глубокомъ интересѣ къ открывающемуся обществу. Собраніе открылъ рѣчью преосвященный Веніаминъ. Въ ней владыка отмѣтилъ давно назрѣвшую въ симбирской епархіи необходимость открытія церковно-археологическаго общества, указавъ при этомъ, что въ большинствѣ русскихъ православныхъ епархій подобныя общества давно уже существуютъ и своими трудами приносятъ огромную пользу дѣлу православно-церковной науки. Нѣкоторая запоздалость открытія церковно-археологическаго общества въ симбирской епархіи объясняется, по мнѣнію преосвященнаго, отчасти тѣмъ, что эта епархія принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ «молодыхъ» епархій, насчитывая не болѣе восьмидесяти лѣтъ своего существованія. Въ заключеніе владыка призывалъ собравшихся отнести къ новоначинаемому высокополезному дѣлу съ православно-христіанской отзывчивостью и сочувствіемъ и объявилъ симбирское епархіальное церковно-археологическое общество открытымъ. Затѣмъ секретарь духовной консерваторіи, дѣйствительный членъ императорскаго археологическаго общества А. Θ. Жуковъ, доложилъ собранію краткую историческую записку объ учрежденіи симбирскаго церковно-археологическаго общества, изъ которой выяснилось, что инициатива этого дѣла всецѣло принадлежитъ преосвященному симбирскому Веніамину, который изыскалъ основныя, и немалыя, средства для этого дѣла и расположилъ къ нему и подвѣдомое ему духовенство и другихъ лицъ своей епархіи. Епархіальный съѣздъ духовенства сочувственно отозвался на призывъ своего архипастыря и ассигновалъ въ постоянную субсидію обществу по одному проценту съ церковной суммы обложенія, т. е. по 670 р. ежегодно.

На состоявшихся затѣмъ выборахъ почетныхъ лицъ общества общимъ собраніемъ всѣхъ присутствовавшихъ были провозглашены: преосвященный епископъ Веніаминъ и епископъ Назарій, тайный совѣтникъ А. С. Ключаревъ (начальникъ губерніи и непремѣнный попечитель симбирской учебной архивной комиссіи), гофмейстеръ двора его императорскаго величества, губернский предводитель симбирскаго дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Н.

Поливановъ (предсѣдатель симбирской учебной архивной комиссіи), вице-губернаторъ А. В. Араповъ, симбирскій уѣздный предводитель дворянства М. Ф. Бѣляковъ (оба—дѣйствительные члены симбирской ученой архивной комиссіи). Тутъ же были избраны и назначены и лица, имѣющія потомъ составить, согласно утвержденному святѣйшимъ синодомъ уставу, полный комплектъ особаго комитета для завѣдыванія текущими дѣлами общества, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель комитета при рѣшеніи текущихъ дѣлъ инспекторъ семинаріи А. К. Яхонтовъ (правитель дѣлъ симбирской ученой архивной комиссіи и дѣйствительный членъ калужскаго церковно-археологическаго общества), редакторомъ изданій общества А. Θ. Жукъ, секретаремъ—преподаватель духовной семинаріи С. Д. Сотинъ, казначеемъ—священникъ В. П. Садовскій, бывшій епархіальнымъ миссіонеромъ. Тогда же собраніе единогласно избрало въ предсѣдатели торжественныхъ засѣданій общества преосвященнаго епископа Вениамина и товарищемъ предсѣдателя симбирскаго губернатора А. С. Ключарева. Въ заключеніе А. К. Яхонтовъ прочиталъ рефератъ на тему «Завѣты былого». Вотъ призывныя слова автора къ многочисленному собранію: «По какому направленію шла государственность въ нашемъ краѣ, по тому же направленію шла и ея православная церковность. Сюда, на эти мѣста и на ихъ священные старинные предметы и можетъ быть направлено вниманіе открываемаго церковно-археологическаго общества. Надо изучать эти памятники нашей церковной старины, эти села, эти церкви и въ нихъ находящіеся церковные предметы и по нимъ можно будетъ ознакомиться не только съ мѣстной церковной исторіей и съ мѣстной церковной археологіей, но и съ другими науками... Изъ высокаго назначенія самаго города при его основаніи можно выводить заключеніе о высокомъ назначеніи нынѣ открываемаго общества. Думаемъ, не допустимъ невѣрной мысли, если скажемъ, что и великій государь Алексѣй Михайловичъ, основывая Симбирскъ и симбирскую оборонительную линію съ ея сторожевыми городками и селеніями, и его служилые люди, и всѣ переведенцы, и послѣдующіе великіе государи, и послѣдующее населеніе видѣли въ устроеніи города и черты не одно ихъ военное значеніе, какъ центра въ системѣ общей государственной обороны отъ набѣга разныхъ кочевыхъ народовъ отъ Волги и изъ-за Волги, но видѣли во всемъ этомъ и культурно-религіозныя задачи: свѣтомъ Христова евангелія и силою креста честнаго просвѣщать эти кочевые народы; не даромъ же великій основатель города и другіе государи присылали въ него крестъ, святое евангеліе и другіе священные предметы; не даромъ «на знамени служилыхъ ратныхъ людей, ходившихъ изъ Симбирска на Яикъ, въ степь, за измѣнники башкирцы нашить былъ крестъ, а предъ отправленіемъ служили въ соборной церкви молебны». Соизволеніемъ Государя Императора Николая Александровича изъ Симбирска въ настоящее время проводится черезъ Волгу и за Волгу новая, правда, не оборонительная, а торгово-промышленная желѣзнодорожная линія также на Яикъ и въ другія восточныя страны. Въ религіозномъ отношеніи тамъ и до сего времени край едва початый. При одновременномъ съ устроеніемъ желѣзнодорожнаго моста черезъ Волгу и проведеніемъ дороги за Волгу изъ Симбирска учрежденіи въ немъ новооткры-

ваемаго церковно-археологическаго общества въ членахъ его мы думаемъ видѣть новыхъ служилыхъ людей, которые, узнавъ патріотическіе и церковные завѣты прежнихъ служилыхъ людей, не будутъ только здѣсь на мѣстѣ хранить «завѣты былого», но и быстро понесутъ ихъ за Волгу далеко «въ степь». Докладъ былъ конченъ теплой характеристикой заботливости преосвященнаго Веніамина объ учрежденіи общества, которому близокъ Симбирскъ и по мѣсту его первоначальнаго служенія, и по мѣстѣ его происхожденія, и по его духовному съ нимъ родству; къ тому же преосвященный Веніаминъ и умудренъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ: по его инициативѣ началось, при его заботахъ и подъ его руководствомъ возросло, окрѣпло и уже расцвѣло одно церковно-археологическое общество, калужское, въ бытность преосвященнаго Веніамина епископомъ калужскимъ, которое заявило себя глубокими, цѣнными церковно-археологическими трудами.

Присужденіе премій въ географическомъ обществѣ. 5-го февраля состоялось годовое собраніе русскаго географическаго общества, въ которомъ былъ заслушанъ отчетъ А. А. Достоевскаго о дѣятельности общества за 1913 годъ и былъ оглашенъ списокъ лицъ, которымъ присуждены обществомъ почетныя награды. Константиновская медаль присуждена почетному члену общества Д. Н. Апушину за его многолѣтнюю научную дѣятельность по географіи. Медаль графа Ѳ. П. Литке присуждена К. Д. Глинкѣ за труды по изученію происхожденія почвы, золотая медаль П. П. Семенова—Г. Ф. Морозову за труды по изученію природы лѣса, медаль имени Н. М. Пржевальскаго—В. К. Сукачеву за труды по геоботаникѣ Сибири, золотая медаль отдѣленія этнографіи—В. И. Юхельсону за труды по изученію народовъ Сѣверо-Восточной Азіи и сопредѣльныхъ странъ, серебряная медаль П. П. Семенова—А. Ф. Шидловскому за труды по изученію Архангельской и Олонецкой губерній. Премія Н. М. Пржевальскаго, за отсутствіемъ достойныхъ ученыхъ трудовъ, осталась не присужденной. Малыя золотыя медали выданы К. И. Подозерскому за труды по измѣренію площади современнаго оледенѣнія Кавказа, С. Е. Дмитріеву за труды по изученію ледниковъ въ Туркестанѣ. А. А. Шустикову за печатные и рукописные труды по этнографіи великорусскаго населенія Вологодской губерніи и г. Булгакову за труды по разбору матеріаловъ, оставленныхъ покойнымъ генераломъ Тилло. Малыя серебряныя медали получили г-жа Г. А. фонъ-Минквицъ, Е. Ф. Близнякъ, В. Г. Глушковъ, С. И. Руденко, И. И. Калининъ, г. Прохоровъ, М. В. Красноужева и Д. П. Ивановъ. Изъ отчета секретаря общества А. А. Достоевскаго видно, что въ истекшемъ году географическимъ обществомъ было организовано 15 научныхъ экспедицій, не считая мелкихъ этнографическихъ поѣздокъ со специальной цѣлью собирать сказки и другіе матеріалы для составленія этнографической карты Россіи. Обществу разрѣшено созвать въ Петербургѣ въ 1916 году XI международный конгрессъ, на организацию котораго отпущены правительствомъ особыя средства. Географическое общество возбудило ходатайство объ оказаніи помощи частнымъ экспедиціямъ Съдова и объ разысканіи частныхъ экспедицій Русалова и Бруслова, находящихся въ водахъ Ледовитаго океана. Затѣмъ въ засѣданіи были заслушаны сообщенія генераль-лейтенанта М. Е. Жданко о гидрографи-

«Истор. вѣстн.», мартъ 1914 г., т. сxxxv. 25

ческихъ работахъ по изслѣдованію береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкаго о гидрографической экспедиціи 1913 г. Переполнившая большой залъ общества публика наградила Б. А. Вилькицкаго шумными аплодисментами. Въ члены совѣта избраны Н. И. Анрусовъ, князь В. В. Голицынъ и В. В. Бартольдъ, а въ казначей—П. Г. Москалевъ.

Пятидесятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній¹⁾. Девятаго февраля текущаго года исполнилось пятидесятилѣтіе существованія названнаго музея, находящагося въ Солянѣмъ Городкѣ нашей столицы. Музей имѣлъ цѣлью не только просвѣщеніе военнаго сословія, но и популяризацию науки въ обществѣ и народныхъ массахъ. Своимъ существованіемъ онъ обязанъ Д. А. Милютину, прекрасно понимавшему, что съ раскрытіемъ народа и введеніемъ вмѣсто рекрутчины всеобщей воинской повинности должно наступить и просвѣщеніе солдатскаго быта. Въ первые годы своего существованія музей чрезвычайно обязанъ энергичному содѣйствію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакова и перваго директора музея В. П. Коховскаго. Музей устраивалъ постоянныя и временныя выставки, публичныя лекціи, снабжалъ пособиями военно-учебныя заведенія, войска и издавалъ книжки для чтенія солдатамъ. Изъ исторической записки о музеѣ нынѣшняго его директора З. А. Макшеева мы узнаемъ, что въ 1870 г. музей принимаетъ дѣятельное участіе во всероссійской мануфактурной выставкѣ въ Петербургѣ. На московской политехнической выставкѣ 1872 г. музей организовалъ курсы для сѣхавшихся на выставку учителей начальныхъ школъ и рядомъ своихъ чтеній открылъ въ Москвѣ народную аудиторію. Въ 1875 году музей впервые выступилъ за границей на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и въ 1876 г. на международной гигиенической выставкѣ въ Брюсселѣ. За музеемъ была признана заслуга успѣшнаго образовательнаго вліянія на народныя массы, что и побудило бельгійцевъ вотировать суммы на устройство педагогическаго музея въ Брюсселѣ. Последнее выступленіе музея на выставкахъ было въ 1912 г. въ Петербургѣ на международной выставкѣ «Устройство и оборудованіе школы». Послѣ организаціи въ 1871 г. при музеѣ чтеній для солдатъ начались и чтенія для народа. З. А. Макшеевъ совершенно вѣрно замѣчаетъ при этомъ, что если и въ настоящее время устройство чтеній требуетъ не мало заботъ и умѣнья, когда есть уже продолжительный опытъ, когда имѣются уже готовые чтенія и готовые картины, то легко понять, какія хлопоты приняли на себя Коховскій и его сотрудники, введившіе дѣло у насъ впервые, когда не было ни чтеній, ни приборовъ, ни какихъ бы то ни было приспособленій для чтеній. Въ распоряженіи устроителей были только волшебный фонарь далеко несовершеннаго устройства и очень посредственная коллекція картинъ заграничнаго производства. Но самымъ труднымъ и ответственнымъ дѣломъ въ организаціи чтеній было ихъ составленіе. У В. П. Коховскаго и его сотрудниковъ въ этой области не было никакихъ образцовъ—ни русскихъ, ни иностранныхъ. Приходилось все начинать съ корня, на свой страхъ. Надо было выяснитъ: и каковъ можетъ быть составъ аудиторіи, и ка-

¹⁾ Сообщено А. И. Фаресовымъ.

ково должно быть содержаніе чтеній, и какую придать имъ форму изложенія и т. д. Непремѣнную принадлежность чтеній, устраиваемыхъ музеемъ, составляютъ музыка и пѣніе. Музыкальные классы музея существуютъ понынѣ и, исполняя свое первоначальное назначеніе, являются вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ главныхъ источниковъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для существованія музея. Число обучающихся въ общедоступныхъ музыкальныхъ классахъ достигаетъ трехсотъ—трехсотъ пятидесяти человѣкъ въ годъ. При музеѣ учреждены курсы—одногодичные для подготовленія воспитателей (1900 г.) и двухгодичные—для подготовленія преподавателей въ кадетскіе корпуса (1904 г.). Музей обогащенъ также разнообразными коллекціями для нагляднаго ознакомленія по разнообразнымъ отраслямъ знанія. Въ настоящее время коллекціи музея распадаются на три большихъ группы: 1) школьныя пособия; 2) пособия для изученія человѣка, какъ предмета воспитанія; 3) пособия для виѣншкольнаго образованія. Дѣятельность подвижной части музея замѣтно растетъ съ годами, что подтверждается слѣдующими цифровыми данными: въ 1892—1893 гг. было удовлетворено 250 требованій на 6.700 картинъ; въ 1902—1903 г.—610 требованій на 13.000 картинъ; въ 1912—1913 г.—1.100 требованій на 34¹/₂ тысячи картинъ. При музеѣ имѣются бібліотека и читальный залъ. Бібліотека и читальный залъ открыты свободному доступу всѣхъ интересующихся вопросами обученія и воспитанія. Минувшаго 9-го февраля музей торжественно справилъ въ большомъ залѣ Соляного Городка свой полувѣковой юбилей въ присутствіи болѣе шестисотъ человѣкъ. Послѣ обычнаго молебствія и многолѣтія послѣдовалъ торжественный актъ. Епископъ Анастасій, ректоръ петербургской духовной академіи, прочиталъ ея адресъ и пожелалъ музею въ будущемъ работать въ томъ же плодотворномъ направленіи, «въ какомъ и солнце свѣтитъ въ природѣ»... Затѣмъ директоръ музея З. А. Макшеевъ, познакомивъ публику съ прошлымъ музея, между прочимъ, отмѣтилъ, что послѣдній былъ основанъ въ эпоху великихъ реформъ, когда просвѣтительный подъемъ русскаго общества коснулся и военныхъ сферъ. «Русское общество,—сказалъ онъ,—горячо отозвалось на призывъ военнаго министерства и выдвинуло изъ своей среды рядъ гуманныхъ, просвѣщенныхъ и энергичныхъ работниковъ, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ безукоризненно служили народной и военной школѣ. Въ числѣ первыхъ были, безспорно, Д. А. Милютинъ, Н. В. Исаковъ и В. П. Кожовскій. По ихъ адресу совершенно вѣрно было сказано въ «Новомъ Времени», что теперь осуждаютъ графа Милютина за уничтоженіе корпусовъ, за тогдашній слишкомъ штатскій характеръ военнаго образованія; но надо принять во вниманіе, что его нововведенія явились противовѣсомъ, реакціей того казарменнаго и грубаго духа, выросшаго на крѣпостной почвѣ, который не шелъ уже къ лицу свободнаго народа. Нужно было ввести образованіе и широкое умственное развитіе въ военную среду, и Милютинъ это сдѣлалъ въ то время, какъ министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Путятинъ былъ противникъ Милютина въ дѣлѣ образованія въ народѣ и замѣны рекрутчины общей воинской повинностью, съ сокращеніемъ срока военной службы. По свидѣтельству очевидцевъ, жизнь кипѣла въ музеѣ съ утра до вечера. Утромъ приходила публика осматривать коллекціи, учиться музыкѣ, пѣнію, гимнастикѣ, читать

книги въ бібліотекѣ; вечеромъ шли на народныя чтенія, лекціи-доклады, за-сѣданія. Да вѣдь какъ шли—на народныя чтенія! Тысячами—платили пятачки. Чтеніе начиналось въ восемь часовъ вечера съ туманными картинами. Это была новинка въ Петербургѣ. Но съ половины десятаго вечера приходилось повто-рять чтеніе, потому что новая толпа на улицѣ осаждала Городокъ. Педагоги-ческий музей былъ тогда народнымъ университетомъ. Все живое находило въ музей откликъ и объясненія. Здѣсь выступалъ Андреевъ со своей балалайкой, здѣсь извѣстный гомеопатъ Бразоль читалъ свои публичныя лекціи о гомео-патіи и велъ публичныя диспуты съ аллопатами. Здѣсь впервые въ Россіи про-изводились въ школьно-гигіенической комиссіи опыты надъ явленіями гипно-тизма, магнетизма, чтенія мыслей (Бишопъ, д-ръ Лихачевъ и др.). Медицинскія свѣтила и литература тогда безапелляціонно провозгласили гипнотизмъ и чтеніе мыслей шарлатанствомъ, а педагогическій музей по школьно-гигіенической комиссіи первый въ Россіи началъ научныя изслѣдованія гипнотизма. Чи-тали и лекціи, и цѣлые курсы по фізіологіи князь Тархановъ, д-ръ Руссовъ, г-жа Манасеева, они сидѣли въ комиссіяхъ и работали такъ же, какъ и здрав-ствующій Сикорскій, А. П. Никольскій (нынѣ членъ госуд. совѣта, сенаторъ), П. К. Шведовъ (нынѣ генераль-отъ-артиллеріи), тогда одинъ изъ популярнѣй-шихъ лекторовъ народныхъ чтеній протоіерей Пѣвцовъ, профессоръ Лестафъ, извѣстные врачи Малияревскій, Шанировъ, Смоленскій, Виреніусъ, химики генераль Флоренсовъ, Ковалевскій, Сентъ-Илеръ и др. Изъ музея пошли по Руси первыя народныя чтенія—это заслуга музея. Но тѣмъ не менѣе ему при-шло въ своей мирной дѣятельности встрѣтить немало препятствій, чини-мыхъ ему подозрительной бюрократіей. Министерства внутреннихъ дѣлъ, на-роднаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода были противъ чтеній. На-конецъ они состоялись... Въ большой аудиторіи педагогическаго музея,—го-ворилъ въ своей рѣчи генераль Макшеевъ,—состоялось 28-го декабря 1871 года первое въ Россіи народное чтеніе съ туманными картинами. Оно было соста-влено законоучителемъ первой военной гимназіи, протоіереемъ В. Г. Пѣвцо-вымъ и было озаглавлено «О Святой Землѣ». Духовное начальство не разрѣ-шило протоіерею Пѣвцову выступить въ качествѣ чтеца, а потому чтеніе про-износило лицо свѣтское—А. П. Поповичкій, редакторъ журнала «Русскій Паломникъ». На первое чтеніе собралось около двухсотъ слушателей; на даль-нѣйшія же слушателей собиралось въ числѣ, въ пять и болѣе разъ превышав-шемъ число мѣсть въ аудиторіи. Для того, чтобы удовлетворить всѣхъ жела-ющихъ попасть въ аудиторію, приходилось назначать въ одинъ и тотъ же день по три, по четыре и даже по пять чтеній послѣдовательно одно за другимъ. Послѣ рѣчи генерала Макшеева читались на эстрадѣ телеграммы и адреса около ста шестидесяти депутацій отъ всевозможныхъ министерствъ и вѣдомствъ, отъ государственнаго совѣта и государственной думы, отъ земствъ, отъ много-численныхъ просвѣдательныхъ обществъ и такихъ же курсовъ. Приемъ депу-тацій и произнесеніе поздравительныхъ рѣчей затянулись до поздняго вечера.

Чествованіе профессора В. Ф. Зѣлинскаго. Въ 9 часовъ утра 27-го января студенты IV курса историко-филологическаго института чествовали профессора В. Ф. Зѣлинскаго. Отъ имени студентовъ одинъ изъ нихъ произнесъ рѣчь, въ

которой отмѣтили, что Ѳаддей Францевичъ ближе студентамъ, чѣмъ кто-либо другой изъ профессоровъ. Ѳ. Ф. Зѣлинскій благодарилъ привѣтствовавшихъ его и отмѣтилъ особую простоту и искренность привѣтствія студентовъ, что ему очень дорого. 27-го января, въ двѣнадцать часовъ дня въ большой аудиторіи высшихъ женскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ курсовъ Раева состоялось чествованіе профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго по случаю тридцатилѣтія его учено-педагогической дѣятельности. Въ этотъ часъ должна была состояться лекція юбиляра. Большую аудиторію переполнили слушательницы всѣхъ курсовъ. Здѣсь же были и директоръ курсовъ Н. П. Раевъ и преподаватели курсовъ. Каѳедра была усыпана цвѣтами. Когда профессоръ вошелъ въ аудиторію, онъ былъ встрѣченъ шумными аплодисментами. Одна изъ слушательницъ обратилась къ нему съ привѣтствіемъ. Она выразила юбиляру горячее спасибо за его служеніе наукѣ и гуманности, которыя даютъ такъ много радости въ жизни. Преподаватель г. Карцевъ въ своемъ привѣтствіи отмѣтилъ, что юбилей профессора Зѣлинскаго—праздникъ культуры. Онъ, скромный преподаватель, счастливъ, что можетъ привѣтствовать профессора и высказать пожеланіе видѣть на каѳедрахъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи учениковъ и ученицъ юбиляра, которые продолжали бы нести тѣ идеи, посетителемъ которыхъ является Ѳаддей Францевичъ. Особенно тронули юбиляра привѣтствіе и цвѣты, поднесенные ему отъ кружка украинокъ. Курсистка-украинка закончила свое привѣтствіе на малорусскомъ языкѣ. Профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій горячо благодарилъ слушательницъ за вниманіе. Чествованіе продолжалось около часу. Затѣмъ состоялась очередная лекція.

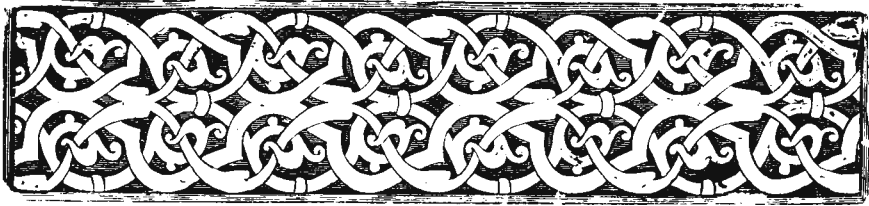
Чествованіе В. Н. Мамантова. 2-го февраля въ залѣ императорскаго коммерческаго училища состоялось чествованіе извѣстнаго дѣятеля въ области народнаго просвѣщенія первопріисутствующаго департамента герольдіи сената В. Н. Мамантова по случаю исполнившагося сорокалѣтія его служебной и общественной дѣятельности. На чествованіи присутствовали: членъ государственной думы Е. П. Ковалевскій, членъ государственнаго совѣта С. М. Лукьяновъ, лейбъ-педиатръ К. А. Раухфусъ, предсѣдатель петербургской земской управы С. М. Васильевъ, генераль-майоръ А. В. Черепановъ, Н. Н. Фигнеръ, А. Г. Небольсинъ, много народныхъ учителей и учительницъ и др. Послѣ молебствія, совершеннаго въ церкви училища, начались подношенія привѣтственныхъ адресовъ и личныя привѣтствія. Отъ имени постояннаго комитета по устройству народныхъ чтеній привѣтствовалъ юбиляра Е. П. Ковалевскій, отъ имени уѣзднаго земства, въ которомъ В. Н. Мамантовъ руководилъ просвѣщеніемъ пятнадцать лѣтъ, предсѣдатель земства С. М. Васильевъ. Послѣдній отмѣтилъ, что В. Н. Мамантовъ, вступивъ въ земство, имѣлъ дѣло всего съ 47 комплектами школъ, а довелъ число ихъ до 110, число учащихся возросло при немъ съ 1,068 до 6,000, бюджетъ по народному просвѣщенію съ 57 до 180 тысячъ. Слѣдовали привѣтствія отъ попечительства о народной трезвости, отъ ряда просвѣтительныхъ организацій, отъ уѣздныхъ обывателей и др. Народные учителя и учительницы поднесли юбиляру цвѣты. Телеграммами привѣтствовали В. Н. Мамантова его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, товарищи министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевяковъ

и баронъ М. А. Таубе, главный инспекторъ по учебной части министерства торговли А. Г. Малининъ и др.

Юбилей профессора Н. И. Каракаша. 10-го февраля на квартирѣ профессора Н. И. Каракаша собралась по случаю двадцатипятилѣтія его научно-педагогической дѣятельности профессоръ и преподаватель сельско-хозяйственныхъ курсовъ, депутація отъ профессоровъ психо-неврологическаго института съ исправляющимъ обязанности президента профессоромъ В. А. Вагнеромъ и А. В. Герверомъ отъ женскаго взаимно-благотворительнаго общества г-жи Слоцова и Самуилова, профессоръ Шохоръ-Троцкій, профессоръ Кравковъ и г-жи много друг. Н. И. Поляинскій въ своемъ привѣтствіи охарактеризовалъ дѣятельность юбиляра по организаціи сельско-хозяйственныхъ курсовъ и высказалъ пожеланіе, чтобы Н. И. Каракашъ и впредь стоялъ во главѣ курсовъ. Отъ имени совѣта психо-неврологическаго института юбиляра привѣтствовали профессоръ А. В. Герверъ. Въ привѣтствіи отъ имени женскаго взаимно-благотворительнаго общества была отмѣчена дѣятельность юбиляра, какъ поборника женскаго образованія. Юбиляромъ получены телеграфныя привѣтствія отъ декана физико-математическаго факультета петербургскаго университета профессора В. М. Шимкевича, директора высшихъ женскихъ курсовъ профессора С. К. Булича, директора женскаго медицинскаго института профессора В. В. Верховскаго, академика А. П. Каршинскаго, товарища предсѣдателя географическаго общества генерала Шохольскаго, отъ бывшихъ слушателей и слушательницъ курсовъ и много друг. 11-го февраля состоялось чествованіе профессора Н. И. Каракаша на курсахъ.

Юбилей профессора В. В. Мещерскаго. 2-го февраля профессоръ и преподаватели политехническаго института чествовали обѣдомъ профессора В. В. Мещерскаго по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности. Въ обѣдѣ приняло участіе до семидесяти человекъ. Былъ директоръ института и деканы всѣхъ отдѣленій. Предсѣдательствовалъ деканъ кораблестроительнаго отдѣленія профессоръ К. П. Боклевскій, отмѣтившій въ своей рѣчи высоконаучную и педагогическую дѣятельность юбиляра. Профессоръ Боклевскій вспоминалъ дѣятельность юбиляра съ момента возникновенія института и до директорства профессора Мещерскаго въ 1909 году. Говорили еще директоръ института профессоръ В. В. Скобельцынъ, директоръ лѣснаго института профессоръ А. П. ванъ-деръ-Флиътъ, профессоръ Н. И. Карѣвъ, профессоръ Шоульскій, генералъ Крыловъ и мн. др. Днемъ въ кабинетѣ теоретической механики, которымъ руководитъ профессоръ Мещерскій, профессорами былъ поднесенъ юбиляру адресъ и альбомъ съ фотографіями профессоровъ и преподавателей института.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕРБЕНКО, К. Д. 27-го января послѣ тяжелой шестимѣсячной болѣзни въ селѣ Княжевъ, близъ Софіи, скончался болгарскій корреспондентъ «Новаго Времени» Кирилль Дмитріевичъ Вербенко. Покойный происходилъ изъ болгарскихъ переселенцевъ, бѣжавшихъ въ началѣ прошлаго вѣка отъ турецкихъ преслѣдованій въ предѣлы Аккерманскаго уѣзда нашей Бессарабской губерніи. Онъ родился въ 1866 году въ Россіи и окончилъ нашу гимназію и юридическій факультетъ новороссійскаго университета. Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія онъ переселился въ Болгарское княжество, гдѣ тогда былъ особенный спросъ на хорошо подготовленныхъ юристовъ, и занялъ въ Софіи судебную должность. Какъ русскій воспитанникъ и горячій славянофилъ, онъ не могъ, однако, поладить со своимъ непосредственнымъ начальствомъ, которое требовало отъ него перемѣны его политическаго міровоззрѣнія. К. Д. Вербенко вскорѣ вышелъ въ отставку и занялся всецѣло публицистическимъ трудомъ. Въ 1897 году онъ былъ назначенъ софійскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени» и проработалъ въ газетѣ свыше пятнадцати лѣтъ. Въ своихъ корреспонденціяхъ онъ мѣтко характеризовалъ разныя уклоненія главы Болгаріи отъ славянскаго курса и находился вслѣдствіе этого подъ постояннымъ надзоромъ болгарской полиціи, которая особенно рѣзко придиралась къ нему во время перваго либеральнаго кабинета Радославова. Въ началѣ 900-хъ годовъ онъ по порученію редакціи «Новаго Времени» объѣхалъ Македонію, гдѣ въ то время подготовлялось возстаніе подъ руководствомъ Сарафова и генерала Тончева, и написалъ оттуда рядъ весьма цѣнныхъ для характеристики того времени корреспонденцій. Путешествіе по Македоніи подорвало его здоровье, и послѣ возвращенія въ Софію у него явились первые признаки бугорчатки легкихъ. Пребываніе въ Швейцаріи улуч-

шило его здоровье и, когда онъ затѣмъ изъ Софіи переселился на дачу въ Квяжево, у подножья горы Витоши, силы его снова возстановились, и онъ продолжалъ свою публицистическую дѣятельность. Имъ посылались статьи какъ въ «Новое Время», такъ и въ «Славинскія Извѣстія», а, кромѣ того, онъ работалъ и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ журналахъ. Последняя катастрофа Болгаріи не могла, конечно, не отразиться на здоровьѣ такого перваго и воспримчиваго человѣка, какимъ былъ покойный. Последнія его телеграммы въ «Новое Время», особенно о настроеніяхъ партіи земледѣльцевъ, навлекли на него снова подозрѣніе со стороны правительства Радославова и Гешадіева, которые не могли ему простить освѣщенія ихъ роковой роли въ катастрофѣ Болгаріи. Противъ него минушею осенью было начато слѣдствіе чуть ли не въ государственной измѣнѣ, которое по законамъ военнаго времени угрожало ему тяжелымъ наказаніемъ. Пережитыя имъ тревоги подорвали въ конецъ его слабое здоровье и вызвали его преждевременную кончину. Онъ умеръ 48 лѣтъ отъ роду. До самой своей кончины К. Д. Бербенко и его супруга находились подъ тщательнымъ наблюденіемъ болгарской полиціи. Славнофильскіе круги Балканскаго полуострова потеряли въ К. Д. Бербенкѣ одного изъ самыхъ преданныхъ и живыхъ дѣятелей. Его одинаково цѣнили въ Софіи и Вѣлградѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13608).

† **Боткинъ, М. П.** Въ ночь на 23-е января скончался академикъ исторической живописи М. П. Боткинъ. Покойный родился въ 1839 году въ Москвѣ, въ старинной купеческой семьѣ. Первоначальное воспитаніе М. П. получилъ дома, и затѣмъ въ гимназіи. 17-лѣтнимъ юношей онъ поступилъ въ академію художествъ, гдѣ занимался живописью подъ руководствомъ профессора Завьялова и Ѳ. Бруни. Пробывъ въ академіи всего лишь два года и неокончивъ ея, М. П. отправился продолжать образованіе за границу. До 1863 года онъ занимался подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ Италіи, Франціи и Германіи. Возвратившись изъ-за границы, М. П. выступилъ на соисканіе званія, и за картины «Плачь на рѣкахъ Вавилонскихъ» и «Вакханка» былъ удостоенъ званія академика. Покойный главнымъ образомъ былъ силенъ въ картинахъ историческо-библейскаго характера. Изъ наиболѣе его крупныхъ работъ извѣстны: «Жены, смотрящія на Голгоѳу», «Возвращеніе съ Голгоѳы», «Погребеніе мученика», «Бесѣда Христа на горѣ Элеонской». Кромѣ историческихъ картинъ, М. П. оставилъ послѣ себя также много жанровыхъ произведеній и портретовъ. Картины эти свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ ихъ, кромѣ превосходнаго знанія быта, въ совершенствѣ владѣлъ кистью. Въ 1879 году М. П. былъ избранъ членомъ совѣта академіи художествъ и въ этомъ званіи состоялъ до конца своей жизни. Преданный искусству, М. П. посвящалъ много времени на общественно-художественную дѣятельность. Онъ былъ ближайшимъ участникомъ въ дѣлахъ общества поощренія художествъ. Рѣдко какое крупное художественное предпріятіе обходилось безъ того, чтобы въ него не вложилъ свою долю труда всегда дѣятельный М. П. Въ 1882 году онъ завѣдывалъ художественными отдѣлами на всероссійской промышленной выставкѣ въ Москвѣ; въ 1888 году онъ устраивалъ русскій отдѣлъ на международной промышленной выставкѣ въ Копенгагенѣ. Участвовалъ покойный также въ комиссіи при министерствѣ им-

императорскаго двора по реставраціи историческаго Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, состоялъ членомъ императорской археологической комиссіи и съ 1869 г. членомъ германскаго археологическаго института въ Римѣ. Покойный много путешествовалъ и значительную часть своего времени отдавалъ археологіи. М. Ю. оставилъ послѣ себя, кромѣ значительнаго собранія своихъ картинъ, цѣлый музей памятниковъ искусства и предметовъ художественной промышленности, представляющій собою чрезвычайную художественную цѣнность. (Некрологъ его: «Россія», 1914 г., № 2513).

† **Бородовскій, В. А.** 28-го января скончался старшій инспекторъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ, приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета Василій Андреевичъ Бородовскій. Покойный — сынъ сельскаго священника, — увлекся по окончаніи курса духовной семинаріи изученіемъ химіи и поступилъ въ юрьевскій университетъ. Въ университетѣ онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе «Скорость кристаллизаціи» и по окончаніи курса былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ. Во время заграничной командировки В. А. работалъ въ лабораторіи профессора геттингенскаго университета Тамана и въ кембриджской лабораторіи профессора Томсона. Вернувшись покойный былъ приглашенъ читать въ юрьевскомъ университетѣ специальный курсъ по радиоактивнымъ веществамъ, защитилъ въ Москвѣ диссертацию «Поглощеніе бѣта-лучей радія» на степень магистра химіи и затѣмъ перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ на службу въ главную палату мѣръ и вѣсовъ въ качествѣ завѣдывающаго химической лабораторіей. Одновременно читалъ въ с.-петербургскомъ университетѣ курсъ по радиоактивнымъ веществамъ. Въ послѣдніе годы В. А. занялся подробной разработкой полученія радія изъ ферганскихъ рудъ. Умеръ онъ въ разгаръ своей производительной дѣятельности, не доживъ до 37 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914 г., № 13610).

† **Гольтисонъ, М. А.** 15-го февраля, въ десять часовъ утра, послѣ непродолжительной болѣзни сердца въ больницѣ Александровской общины Краснаго Креста скончался свободный художникъ, артистъ и композиторъ М. А. Гольтисонъ. Покойный музыкальное образованіе получилъ въ с.-петербургской консерваторіи по классу пѣнія и композиціи. Первое время по окончаніи консерваторіи онъ выступалъ пѣвцомъ въ одной изъ частныхъ оперныхъ антрепризъ, но вскорѣ за тѣмъ оставилъ сцену и занялся писаніемъ духовныхъ пѣснопѣній. Его духовныя пѣснопѣнія пользуются извѣстностью и вошли въ обиходъ почти всѣхъ духовныхъ хоровъ. М. А. Гольтисонъ много также работалъ въ комитетѣ по увѣковѣченію памяти русскихъ духовныхъ композиторовъ Бортиянскаго, Турчанинова, и Львова. Кромѣ того онъ, былъ основателемъ перваго русскаго мужскаго вокальнаго квартета, въ концертахъ котораго онъ неоднократно участвовалъ, и редактировалъ журналъ «Музыка и Пѣніе». Похороны состоялись 17-го февраля въ Петербургѣ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914 г., № 2193).

† **Никодзе, М. А.** 4-го февраля въ Кутаисѣ скончался хорошо извѣстный въ грузинскомъ обществѣ шестидесятникъ Моисей Аванасъевичъ Никодзе. Воспитанный подъ непосредственнымъ вліяніемъ великаго грузина епископа

Гавріила (Кикодзе), его родного дяди, и проникшись гуманитарными идеями шестидесятых годовъ, М. А. съ жаромъ принялся по окончаніи университета за проведеніе въ жизнь на своей родинѣ великихъ началъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Будучи сначала судьей, а затѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, онъ высоко держалъ знамя судебныхъ уставовъ Александра II и до конца жизни своей стоялъ на стражѣ законовъ и справедливости. Обладая блестящимъ краснорѣчіемъ и желѣзной логикой, онъ выступалъ съ честью во многихъ крупныхъ процессахъ, принималъ энергичное участіе въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ, состоялъ гласнымъ думы, и ни одно народное дѣло за послѣднее полстолѣтіе въ западной Грузіи не обходилось безъ его помощи и разумнаго вмѣшательства. Несмотря на преклонный возрастъ (онъ скончался на 70 году жизни), М. А. сохранилъ свѣжесть мысли и всегда находился въ рядахъ передовой прогрессивной интеллигенціи. Въ концѣ 1905 года, М. А. былъ арестованъ и вмѣстѣ со многими представителями интеллигенціи посаженъ въ кутаисскую тюрьму. Этотъ арестъ значительно подорвалъ его здоровье. Покойный принималъ участіе въ литературѣ. Его перу принадлежатъ очень интересныя письма въ журналъ «Мнатоби», а также составлена имъ цѣнная біографія епископа Гавріила. Рѣчи его изданы отдѣльной книгой. (Некрологъ его: «Закавк. Рѣчь», 1914 г., № 30).

† **Ковалевскій, В. А.** Въ ночь на 25-ое января скончался скоропостижно отъ паралича сердца В. А. Ковалевскій. Покойному едва минуло 42 года. Еще за нѣсколько часовъ до своей кончины В. А. присутствовалъ на засѣданіи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, членомъ ученаго комитета котораго онъ состоялъ, а за день передъ тѣмъ принималъ, какъ обычно, дѣятельное участіе въ занятіяхъ со студентами въ институтѣ. Покойный былъ сыномъ нашего знаменитаго зоолога и эмбриолога профессора и академика А. О. Ковалевскаго. Будучи съ ранняго возраста постояннымъ свидѣтелемъ непрерывной и страстной научной работы своего отца, покойный не могъ не заразиться этимъ высокимъ примѣромъ преданности изысканіямъ научной истины. Только что сказанное и опредѣлило, надо полагать, для В. А. выборъ физико-математическаго факультета, который онъ и окончилъ въ срединѣ 90-хъ годовъ. Пройдя хорошую химическую школу въ петербургскомъ университетѣ, В. А. не прекращалъ своихъ занятій химіей и вскорѣ былъ приглашенъ въ горный институтъ ассистентомъ къ профессору Шредеру, подъ руководствомъ котораго въ теченіе ряда лѣтъ протекала его научная и педагогическая работа. За этотъ періодъ времени В. А. былъ нѣсколько разъ съ научной цѣлью за границей, гдѣ работалъ вначалѣ у профессора Абега въ Бреславлѣ, а затѣмъ, уже въ качествѣ доцента политехническаго института, занимался у профессора Нёрнста въ Берлинѣ. Научные интересы покойнаго вращались въ области неорганической и физической химіи. Изъ трудовъ его слѣдуетъ отмѣтить изслѣдованіе электропроводности солей тяжелыхъ металловъ, претерпѣвающихъ гидrolитическое разложеніе, произведенное въ лабораторіи Абега. Вопросъ этотъ былъ тогда мало еще затронутъ, и изученіе его представляло большой научный интересъ. Избранный вскорѣ послѣ основанія политехническаго института экономическимъ отдѣленіемъ его доцентомъ по кафедрѣ химической технологіи и товаровѣдѣнія В. А.

Ковалевскій отнесся съ большимъ вниманіемъ и любовью къ поставленной ему отдѣленіемъ задачѣ—основать музей товаровѣднія при институтѣ. Это сложное и отвѣтственное дѣло поглотило у покойнаго много времени и силъ, что вмѣстѣ съ преподаваніемъ по занимаемой имъ кафедрѣ мало оставляло времени для чисто-научныхъ работъ его. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ въ свободные часы заниматься интересовавшими его вопросами. В. А. за послѣдніе годы собралъ много интересныхъ наблюденій по катодному распыленію металловъ и вызываемому имъ окрашиванію и измѣненію молекулярнаго строения поверхности твердыхъ тѣлъ. Къ большому сожалѣнію, этой работы своей покойный не успѣлъ напечатать. Въ кругъ научныхъ интересовъ покойнаго входилъ еще и вопросъ объ утилизаціи атмосфернаго азота и, въ частности, о техническомъ полученіи амміака изъ элементовъ. Тему эту онъ началъ разрабатывать подъ руководствомъ профессора Нёрста и не оставлялъ этого изслѣдованія до послѣдняго времени, несмотря на экспериментальныя трудности, связанныя съ изученіемъ этого вопроса. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914 г., № 26).

† **Меводій, епископъ.** 5-го февраля въ городѣ Сарapulъ скончался епископъ Меводій, викарій вятской епархіи. Необычна была жизненная доля почившаго. Сынъ мѣщанина, онъ родился въ 1852 году въ Саратовѣ и прозывался Михаиломъ Матвѣвичемъ Великановымъ. По окончаніи курса въ саратовской гимназіи ему удалось поступить съ 1874 года на историко-филологическій факультетъ московскаго университета и еще студентомъ въ 1877 году получить Исаковскую премію за сочиненіе «Русскіе сатирическіе журналы». Выпущенный со степенью кандидата (1879 г.), онъ состоялъ учителемъ русскаго языка въ московскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и нижегородской гимназіи, затѣмъ релетиторомъ въ первомъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ и преподавателемъ въ тверской учительской земской школѣ. По влеченію къ духовнымъ наукамъ молодой педагогъ, послѣ смерти жены, поступилъ въ петербургскую духовную академію (съ августа 1891 г.) и скоро, 22-го ноября того же года, принялъ монашество съ именемъ Меводія. По окончаніи академическаго курса кандидатомъ богословія (1895 года) покойному пришлось занимать должности преподавателя, инспектора и ректора въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. затѣмъ съ 1906 года, въ санѣ архимандрита, состоять предсѣдателемъ петербургскаго духовно-цензурнаго комитета и, наконецъ, послѣ посвященія во епископа сарapulьскаго (12-го апрѣля 1909 г.), быть до кончины викаріемъ вятской епархіи. Епископу Меводію принадлежали: съ одной стороны—два духовныхъ сочиненія: «Объ именахъ Божіихъ» («Христіанское Чтеніе» 1896 г., кн. 5—6) и «Къ вопросу о подлинности XIV главы книги пророка Даніила» (тамъ же, 1897 г., кн. 10), а съ другой стороны—одинъ филологическій трудъ: «Синтаксисъ русскаго языка», выпускъ первый, Тверь, 1890 г., IV+152 стр. и выпускъ второй, Спб., 1906 г., XI+99. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 31).

† **Модестовъ, С. С., протоіерей.** 11-го февраля скончался старѣйшій изъ приходскихъ пастырей Москвы, митрофорный протоіерей Сергѣй Сергѣевичъ Модестовъ, настоятель церкви св. Ермолая, что на Садовой улицѣ. Почившій,

сынъ священника Рязскаго уѣзда, родился 6-го сентября 1832 года и воспитывался въ виѣнскои семинаріи, а затѣмъ въ московскои духовнои академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1856 году со степенью магистра богословіи, онъ въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ вольнскаи духовнои семинаріи, но черезъ годъ (17-го мая 1857 г.) переведенъ въ московскую епархію и рукоположенъ во священника-настоятеля Клинскаго Троицкаго собора, а съ 5-го марта 1858 года возведенъ въ санъ протоіерея. Спустя пятнадцать лѣтъ, переведенный въ Москву (съ ноября 1873 г.), покойный занялъ настоятельское мѣсто при Ермолаевскомъ храмѣ на Садовой и служилъ тамъ свыше сорока лѣтъ до своей кончины, соединяя должность законоучителя четвертой московскои мужскои гимназіи (1879—1891 гг.) и званіе члена московскои духовнои консисторіи (1897—1914 гг.). Кромѣ проповѣдей и рѣчей, напечатанныхъ въ «Душеспольномъ Читаніи» и въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», покойному протоіерею принадлежали слѣдующіе труды: магистерская диссертация подъ заглавіемъ: «Св. Меѳодій, епископъ потарскій, отецъ и учитель III вѣка по Р. Х.» («Прибавленія» къ «Твореніямъ Св. Отцовъ» 1857 г., ч. XVI, стр. 158—209), «Воскресныя бесѣды», изданныя обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія отдѣльными листками для народнаго чтенія (1879—1893 гг., 52 листка ежегодно), «Путь вѣры и благочестія христіанскаго», по руководству слова Божія и свято-отеческихъ примѣровъ и наставленій (Москва 1898 г., IV+463 стр.) и «Духовная трапеза православнои христіанина» (Москва, 1902 г., XVIII+652 стр.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 36).

† **Недзвѣцкій, В. И.** 13-го декабря скончался Владимиръ Ивановичъ Недзвѣцкій. Литературой покойный началъ заниматься въ 1877 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ», гдѣ и состоялъ постояннымъ сотрудникомъ тридцать три года, ведя иностранное обозрѣніе. Сверхъ того, В. И. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ газетъ: «Голосъ», «Новости» и друг., гдѣ велъ военный отдѣлъ и писалъ передовыя статьи по военнымъ вопросамъ, а также участвовалъ въ журналахъ: «Историческій Вѣстникъ», гдѣ, между прочимъ, помѣщена его статья: «Борьба съ голодомъ въ будущую войну», обратившая на себя вниманіе знатоковъ военно-продовольственнаго дѣла, «Интендантскомъ Журналѣ», «Педагогическомъ Сборникѣ» и другихъ періодическихъ изданійхъ. Ближайшее участіе принималъ въ «Лѣтописи войны съ Японіей», а также составилъ военный обзоръ за XIX вѣкъ въ одноименномъ изданіи Маркса. Родился въ 1848 году, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Тульской губерніи. (Некрологъ его: «Вѣстникъ кассы взаимопомощи литераторамъ и ученымъ», 1913, № 5).

† **Петровъ, К. Ѳ.** 13-го февраля на Волковомъ кладбищѣ опустили въ могилу стараго педагога и преподавателя русскаго языка, составителя хрестоматіи «Звѣздочка» и русскои грамматики Константина Ѳедоровича Петрова. Съ шестнадцати лѣтъ онъ зарабатывалъ тяжелымъ учительскимъ трудомъ свой насущный хлѣбъ, всю свою жизнь до послѣдней минуты посвятилъ воспитанію юношества. Около тридцати пяти лѣтъ былъ учителемъ въ женскои гимназіи г-жи Ставнскои, почти столько же лѣтъ преподавателемъ ремесленнаго

училища цесаревича Николая, а потомъ воспитателемъ этого же училища. Болѣе пятнадцати лѣтъ преподавалъ въ гимназіи Турыгиной-Рыбаковой и друг. Покойный постоянно стремился развить у своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ любовь къ родинѣ и родному языку, проводя эту идею и на урокахъ, и въ своихъ распространенныхъ учебникахъ. Наканунѣ смерти, 11-го февраля, онъ былъ еще на урокѣ въ гимназіи г-жи Рыбаковой. Скончался К. Θ. отъ мозгового переутомленія, шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13624).

† **Розенкнопъ, Э. М.** Въ Витебскѣ скончался молодой беллетристъ Э. М. Розенкнопъ, авторъ рассказовъ, печатавшихся въ журналѣ «Образованіе», въ альманахѣ «Шиповникъ», въ «Еврейскомъ Мирѣ», «Современномъ Словѣ» и во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, перу его принадлежатъ еще пьеса «Слухи», ставившаяся на югѣ и вызвавшая противъ автора судебное преслѣдованіе. Свое скромное, но симпатичное дарованіе покойный посвящалъ изображенію еврейской среды въ мѣстечкахъ и городахъ Литвы. Основной характеръ его рассказовъ—напряженная безнадежность. Изображая только страданія народа, къ которому онъ принадлежалъ, Розенкнопъ проявлялъ въ этомъ почти болѣзненную чуткость, и потому слова у него были всегда мрачныя и скорбныя. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914, № 22).

† **Цвѣтковъ, П. И.** Въ Сергіевомъ посадѣ 4-го февраля похороненъ бывший заслуженный профессоръ императорской московской духовной академіи д. с. с. Петръ Ивановичъ Цвѣтковъ, скончавшійся 31-го января. Покойный, происходя изъ духовнаго званія, родился въ 1845 г. во Владимирской губерніи и воспитывался въ мѣстной семинаріи, изъ которой для дальнѣйшаго образованія съ 1864 года поступилъ въ московскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1868 г.) онъ состоялъ преподавателемъ латинскаго языка въ московской семинаріи (1869—1871 гг.), а затѣмъ занималъ въ родной академіи профессорскую кафедру по римской словесности (1871—1906 гг.); выйдя въ отставку (съ 24-го февраля 1906 г.), покойный получилъ званіе почетнаго члена академіи и до кончины проживалъ въ Сергіевомъ посадѣ. Къ научнымъ трудамъ П. И. Цвѣткова относились: магистерская диссертация—«Обозрѣніе апологетическихъ трудовъ отцовъ и учителей церкви въ IV и V вѣкахъ» («Прибавленія» къ «Твореніямъ Св. Отцовъ» 1872 г.), «Апологетическіе труды Θεодорита Кирскаго» («Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1875 г.), «Мысли Горация о поэзіи и условіяхъ совершенства поэтическихъ произведеній въ «Посланіи къ Пизонамъ», актовая рѣчь («Прибавленія» къ «Твореніямъ Св. Отцовъ» 1886 г.), ч. 37), «Аврелій-Пруденцій-Клементъ», докторская диссертация (Москва, 1890 г.), «Греко-римскій политизмъ и христіанство» («Богословскій Вѣстникъ» 1892 г., кн. 3), «Гимны св. Амвросія Медиоланскаго» (тамъ же, 1901 г., кн. 4) и «Пѣсни св. Романа Сладкопѣвца на Страстную седмицу» въ русскомъ переводѣ (Сергіева лавра, 1901 г.). Кромѣ того, состоялъ предѣвателемъ братства преподобнаго Сергія (съ конца 1903 г. до 8-го ноября 1905 г.), покойный составилъ «Обзоръ дѣятельности этого братства за первое двадцатипятилѣтіе» (Сергіева лавра, 1905 г. 104 стр.). (Некрологъ его: Московскія Вѣдомости, 1914, № 28).

† Эсадзе, Б. С. 31-го января въ два часа дня скончался штабъ-офицеръ для порученій при военномъ губернаторѣ Карсской области подполковникъ Борисъ Спиридоновичъ Эсадзе, въ послѣднее время, помимо исполненія порученій губернатора, занимавшій должность секретаря статистическаго комитета Карсской области. Покойный отличался рѣдкою трудоспособностью, поразительной энергіей, безграничной преданностью къ литературѣ и печати и искреннею неподдѣльною любовью къ своей маленькой родинѣ—Грузіи и къ великому отечеству—Россіи. Эту любовь онъ унаслѣдовалъ отъ отца, генерала Эсадзе (родомъ изъ гор. Озургеты), игравшаго въ Тифлисѣ въ свое время видную роль, и еще болѣе развилъ, благодаря вліянію братьевъ, лицъ талантливыхъ, посвятившихъ себя служенію наукъ и литературѣ. Будучи отъ природы способнымъ человѣкомъ, онъ рано привязался къ литературнымъ занятіямъ. Можно сказать, не возникало ни одного важнаго въ краѣ вопроса, который бы его не волновалъ и которому онъ не посвятилъ статьи, замѣтки или цѣлаго очерка. И военный мундиръ вовсе не мѣшалъ ему заниматься любимымъ дѣломъ. Онъ сотрудничалъ во многихъ тифлисскихъ изданіяхъ, выходящихъ на русскомъ языкѣ, и одно время самъ редактировалъ газеты: «Карсъ», «Кавказскій Край» и «Кавказскую Армію»; на изданіе двухъ послѣднихъ онъ положилъ все свое состояніе. Онъ составилъ и издалъ рядъ солидныхъ трудовъ и сборниковъ по кавказовѣдѣнію, какъ, напр., «Весь Кавказъ», «Лѣтопись Грузіи», а другимъ маленькимъ очеркамъ его нѣтъ числа. Онъ помѣщалъ цѣнныя статьи также и въ «Закавказской Рѣчи», постояннымъ сотрудникомъ которой онъ былъ съ начала основанія этого изданія. Его послѣдніе очерки, подъ общимъ названіемъ «Край св. Нины», привлекли всеобщее вниманіе и заинтересовали широкіе слои населенія. Покойный принималъ живое участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ и страстно, со всей пылкостью своей живой натуры предавался искреннему служенію на пользу общества. Онъ состоялъ также одно четырехлѣтіе и гласнымъ тифлисскаго городской думы. (Некрологъ его: «Закавказская Рѣчь», 1914, № 27).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

До меня дошли слухи, что близкія къ покойному генералу Духовскому лица высказываютъ неудовольствіе по поводу того, что въ моихъ воспоминаніяхъ о С. М. Духовскомъ («Истор. Вѣстн.» 1913 г., кн. № 12) я будто бы былъ пристрастно-одностороненъ, коснувшись лишь отрицательной стороны дѣятельности этого генераль-губернатора.

Не могу, по чувству справедливости, не признать подобное неудовольствіе до извѣстной степени уважительнымъ. Я говорю «до извѣстной степени» потому,

что если въ моихъ воспоминаніяхъ можно найти признаки односторонности, то ни въ какомъ случаѣ не пристрастной.

Если въ моихъ воспоминаніяхъ я подчеркнул и благотворную дѣятельность генерала Духовского въ бытность его приамурскимъ генераль-губернаторомъ, то тѣмъ болѣе мнѣ досадно, что я не указалъ положительной стороны его въ должности туркестанскаго генераль-губернатора, а потому по долгу безпристрастія обязываюсь добавить, что по общему мнѣнію лицъ, служившихъ въ Туркестанѣ при генералѣ Духовскомъ, онъ пользовался въ краѣ репутаціей безусловно честнаго и справедливаго человѣка, не причинившаго никому зла.

Г. Федоровъ.

II.

Для реабилитаціи имени моего покойнаго брата генерала Маціевскаго прошу помѣстить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нижеслѣдующую замѣтку на статью Г. П. Федорова «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», помѣщенную въ декабрьской книжкѣ журнала за 1913 годъ.

Если бы Г. П. Федоровъ былъ знакомъ съ послужнымъ спискомъ генерала Маціевскаго, то не написалъ бы того, что у него написано на стр. 871 по поводу назначенія генерала Маціевскаго помощникомъ Иванова. Генераль Маціевскій былъ сподвижникомъ генераловъ Черняева и Романовскаго въ Туркестанскомъ краѣ и товарищемъ генераловъ Абрамова и Иванова на службѣ въ пѣшей артиллеріи, въ это время въ чинѣ подпоручика и, говоря словами Г. П. Федоровъ по поводу службы Иванова, продѣлалъ всю экспедицію, закончившуюся взятіемъ Ташкента. Генераль Ивановъ при назначеніи Маціевскаго прислалъ ему самую любезную телеграмму, вспомнивъ о прежней со вмѣстной службѣ.

Но могло быть также неизвѣстно Г. П. Федорову, что ген. Маціевскій до назначенія на службу въ Туркестанскій край находился на посту губернатора Забайкальской области въ теченіе восьми лѣтъ и высочайше утверждень въ званіи почетнаго гражданина города Читы почетнымъ казакомъ и почетнымъ старикомъ двухъ станицъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Также долженъ быть извѣстенъ и его образовательный цензь, такъ какъ онъ числился по генеральному штабу.

Мнѣ извѣстно, что генераль Маціевскій передъ смертью, въ городѣ Кіевѣ, въ 1910 году, передалъ свои записки полковнику генеральнаго штаба Гаврилову. Надѣюсь, что онѣ вскорѣ увидятъ свѣтъ, а Г. П. Федоровъ, можетъ быть, ихъ и прочтетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пріятно было прочесть благопріятные отзывы о моемъ братѣ такого недоброжелателя генерала Маціевскаго, какъ Г. П. Федоровъ, помѣщенные на стр. 887 и 889 и свидѣтельствующіе о томъ, что мой братъ въ трудные дни, пережитые Ташкентомъ въ 1905 г., оставался на высотѣ своего при-

званія и наравнѣ съ генераломъ Сахаровымъ не растерялся. Кто твердо выполнилъ долгъ передъ отечествомъ и арміей, явилъ гражданскіе подвиги, тотъ не можетъ обладать тѣми отрицательными свойствами, каковыми наградить г. Федоровъ моего брата.

И. И. Маціевскій.

III.

Къ статьѣ г. И. Г. «Послѣдній изъ стаи славной».

Въ статьѣ г. И. Г. («Истор. Вѣстн.», 1913 г., № 3), посвященной графу А. А. Голенищеву-Кутузову, на стр. 917, между прочимъ, говорится: «...Въ качествѣ члена-корреспондента (академіи наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности) онъ (графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ) памятенъ тѣмъ, что, благодаря исключительно его отзыву, была присуждена Пушкинская премія Надсону».

Между тѣмъ, въ «Отчетѣ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году», составленномъ предѣдательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академикомъ Я. К. Гротомъ (т. 41—1887 г. Сборника отдѣленія, стр. 2) сказано слѣдующее: «Разборъ представленныхъ на соисканіе преміи стихотвореній С. Я. Надсона принялъ на себя одинъ изъ нашихъ поэтовъ, но за недоставленіемъ имъ отзыва въ назначенный срокъ разборъ этотъ написанъ составителемъ настоящаго отчета» (т.-е. Я. К. Гротомъ).

Правда, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ представилъ въ отдѣленіе русскаго языка и словесности порученный ему онимъ разборъ стихотвореній С. Я. Надсона, но уже послѣ присужденія премій и напечатанія рецензій, а посему отзывъ графа никакого вліянія на присужденіе Надсону преміи имѣть не могъ.

Тѣмъ не менѣе отдѣленіе признало полезнымъ приложить его разборъ къ отчету,—и это обстоятельство, по всей вѣроятности, и ввело въ заблужденіе составителя статьи «Послѣдній изъ стаи славной»—г-на И. Г.

И. О. Ивавайнень.

О П Е Ч А Т К А.

Въ февральской книжкѣ, на стр. 456 (въ восьмой строкѣ примѣчанія) вмѣсто: «въ *Ливавѣ*»—слѣдуетъ: «въ *Ливадіи*».

чѣмъ на каплю черной прозрачной жидкости. Подбородокъ у него былъ острый и слишкомъ маленькій, носъ—орлиный, но нѣсколько толстый, на кожѣ не замѣтно было того оливковаго оттѣнка, который обычно встрѣчается у уроженцевъ юга. Ротъ у него былъ красиво очерченъ, но верхняя губа была слишкомъ толста, а нижняя, наоборотъ, слишкомъ тонка. Такіе рты также сотнями встрѣчаются на улицахъ Рима и Неаполя, и по нимъ не трудно сдѣлать характеристику ихъ обладателей: они обыкновенно принадлежать людямъ, снисходительнымъ къ себѣ и съ низкимъ образомъ мыслей.

Въ Олибанумѣ былъ одинъ человекъ, который удивлялся Матону столько же, сколько и онъ самъ: то была рабыня Дидія. Она была года на три моложе Клодіи, но совершенно не походила на нее во всѣхъ отношеніяхъ. Она была миловидна, но не красива, ревнива и отличалась жестокостью и страстностью. Матонъ не любилъ ея, но ея явное преклоненіе передъ нимъ льстило ему, и онъ оказывалъ ей свое расположеніе. На самомъ дѣлѣ онъ втайнѣ любилъ Клодію, которая была къ нему равнодушна, и это равнодушіе еще больше разжигало его.

Клодія была не изъ тѣхъ, у кого на умѣ ухаживаніе и любовь: ея печальное прошлое излечило ее отъ этого: Ея слѣпая любовь къ Фавстулу перестала быть слѣпой, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ прекратилась. Осталось только горячее чувство къ Фавстулѣ.

Клодія держалась какъ можно дальше отъ Матона, но не могла не встрѣчаться съ нимъ.

Фавстулъ былъ правъ, предполагая, что у Матона есть деньги. Какъ онъ скопилъ эти деньги, было его секретомъ, Фавстулъ никогда не допытывался до секретовъ своихъ людей. Отецъ Матона былъ умнѣе его и не такъ занимался собственной своей особой. Ко времени своей смерти онъ могъ купить свободу себѣ, у него не хватило денегъ, чтобы купить ее для сына.

Онъ отложилъ это дѣло, но смерть постигла его внезапно, и его тайныя сбереженія перешли къ сыну.

Матонъ могъ бы сразу купить себѣ свободу, но онъ рѣшился подождать. Зачѣмъ тратить деньги, когда можно получить ее даромъ? Онъ уже былъ воспитателемъ маленькаго Тація и въ случаѣ успѣха могъ разсчитывать, что Фавстулъ отпуститъ его на волю—смерть Акціи и затѣмъ удаленіе въ Олибанумъ были не особенно пріятны для него. Ему хотѣлось оставаться въ Римѣ, гдѣ было больше способовъ зарабатывать деньги, если не держать ихъ подъ спудомъ.

Непріятно было также и то, что Тацій былъ такъ тупъ; онъ усердно занимался съ нимъ и училъ его, какъ только могъ. Разныя учителя, пріѣзжавшіе изъ Рима, не добились бы никакого успѣха, если бы не было Матона, и учителя это прекрасно знали.

Во время урока Матону позволялось оставаться въ комнатѣ, а затѣмъ, когда учителя уѣзжали, онъ долженъ былъ повторять ихъ урокъ съ ученикомъ. Такимъ образомъ, ему удалось усвоить многое, чего онъ самъ по себѣ никогда не могъ бы узнать. Тацій былъ вялъ и тупъ, и Матонъ сердился, что его ученикъ не поддерживаетъ его репутацію. Когда Фавстуль, по возвращеніи изъ путешествія, заѣхалъ единственный разъ въ Олибанумъ, Матонъ сразу понялъ, что Тацій уже не любимецъ отца, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ, и онъ рѣшился бы наконецъ купить свою свободу, не будь Клодіи. Она привязывала его къ Олибануму. Кромѣ того, Тацій долженъ былъ скоро ѣхать обратно, и Матонъ рѣшилъ выждать и уйти тогда, когда онъ вернется въ Сабинѣ.

Когда прекратятся его занятія съ Таціемъ, то Фавстуль, если у него есть хоть капля деликатности, потребуеъ за его свободу какіе-нибудь пустяки. Тогда же онъ выкупитъ на свободу и Клодію, и ея господинъ, по всей вѣроятности, не будетъ этому противиться.

Между тѣмъ оспа свирѣпствовала не только въ Олибанумѣ, но вспыхнула и въ самой виллѣ Сабинны. Заболѣла одна изъ ея рабынь, Дидія, на обязанности которой было убирать ея голову подъ руководствомъ другой, болѣе пожилой женщины, которая пріѣхала съ Сабинной изъ Рима еще въ то время, когда она была замужемъ. Хотя Дидія была изолирована, однако Сабина была сильно встревожена, хотя и не старалась обнаруживать этого.

Впрочемъ, все обошлось благополучно. Никто больше не заболѣлъ, да и сама Дидія вскорѣ объявлена была выздоровѣвшей. Въ тотъ самый день, когда всякая опасность уже миновала, Сабина получила письмо отъ брата, который сообщалъ ей, что онъ женится на Тулліи. Цѣлый день думала Сабина объ этой [новости] и на утро рѣшила отправиться въ Римъ и переговорить съ братомъ о дѣлахъ, о которыхъ въ письмѣ не было ни слова. Какъ ни неприятно было ей это путешествіе, но у нея самой были кое-какія дѣла въ Римѣ, и она надѣялась, такимъ образомъ, сразу убить двухъ, а, можетъ быть, и нѣсколькихъ зайцевъ.

Прежде всего она займется своими собственными дѣлами, потомъ познакомится съ Тулліей и сообразитъ, что этотъ бракъ дастъ для Фавстулы. Можетъ быть, придется теперь же отправить ее къ отцу. Наконецъ, надо будетъ подумать и о Таціи и предпринять что-нибудь для его будущаго. Пока что, Фавстуль присылалъ дѣтямъ лишь шутовскія посланія, безъ всякаго намека на будущее.

Ихъ пребываніе у Меланіи дѣлало эту поѣздку весьма удобной для Сабинны: они были въ хорошихъ рукахъ, и Сабина, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, постаралась себя увѣрить, что Меланіи ихъ пребываніе даже пріятно. На возвратномъ же пути изъ Рима она захватитъ ихъ съ собой.

На другой день раннимъ утромъ она тронулась въ дорогу. Дидія, которой до возвращенія госпожи нечего было дѣлать, почувствовала себя нѣсколько дней на свободѣ, тѣмъ болѣе, что съ госпожей уѣхалъ и управляющій рабами Танаквилъ. Во время болѣзни она страшно боялась, какъ бы оспа не обезобразила ея лица. Если бъ она и выздоровѣла, но лицо ея осталось изрыто оспинами, Матонъ тогда и не взглянулъ бы на нее. Поэтому, лежа въ постели, она давала многочисленные обѣты Венерѣ. Теперь, когда опасность миновала, Дидія стала колебаться: вѣдь всѣ эти обѣты были сдѣланы въ бреду, носили условный характеръ и едва ли были обязательны для нея, такъ какъ нѣсколько ямочекъ отъ оспы все-таки осталось.

Она отправила письмо Матону, который явился безъ промедленія. Ему надоѣло въ Цивителлѣ, къ тому же и съ Клодіей онъ былъ на ножахъ. Сначала ему было пріятно переселиться въ новое мѣсто, гдѣ, въ отсутствіе Сабины, можно было рассчитывать на легкія приключенія. Но хорошо налаженный и даже нѣсколько строгій христіанскій распорядокъ на виллѣ Ациліи скоро надоѣлъ ему. Дома, въ виду его занятій съ Таціемъ, онъ занималъ видное положеніе, котораго у него не было здѣсь. Кромѣ того, никто изъ рабовъ Меланіи не занималъ у него денегъ, а это отнимало у него возможность показывать свое превосходство надъ ними, какъ это онъ дѣлалъ въ Олибанумѣ. Единственно, что нравилось ему въ Цивителлѣ, это свобода отъ постоянного наблюденія за Таціемъ, которое такъ надоѣдало ему дома: онъ не имѣлъ ни малѣйшей любви къ своему питомцу и, лъстя ему, презиралъ его.

Побывать въ Олибанумѣ и повидаться съ Дидіей—вотъ чѣмъ хорошо было бы закончить свой вечеръ.

XVI.

Матонъ во всякомъ случаѣ принялъ бы приглашеніе Дидіи, но теперь онъ отправлялся въ Олибанумъ тѣмъ охотнѣе, что у него вышла ссора съ Клодіей.

Ему было бы гораздо легче видаться съ ней наединѣ на виллѣ Ациліи, чѣмъ дома: у Клодіи здѣсь было много свободнаго времени, такъ какъ Фавстула была при ней гораздо меньше, чѣмъ въ Олибанумѣ. Но Клодія не шла ни на какія свиданія, и если Матону удавалось остаться иной разъ съ ней наединѣ, то только случайно. Она, очевидно, сознательно избѣгала его, и это еще болѣе подзадоривало его. Въ концѣ концовъ онъ принялъ рѣшеніе, которое, по его расчетамъ, должно было сломить всякое сопротивленіе съ ея стороны.

Ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ ей не нравиться: онъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своей наружности и воспитаніи. И, несомнѣнно, когда она услышитъ о его предложеніи, она приметъ его съ благодарностью.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда Сабинны въ Римъ ему наконецъ удалось переговорить съ ней. Оставаясь наединѣ съ нимъ, Клодія обыкновенна держала себя холодно и замкнуто. Но за шесть недѣль, которыя пришлось прожить въ домѣ Меланіи, она успѣла присмотрѣться къ тому, какъ здѣшніе рабы относились другъ къ другу, и невольно стала мягче и привѣтливѣе. Это еще болѣе ободрило Матона, и онъ сталъ раскрывать свои карты раньше, чѣмъ хотѣлъ самъ.

Не пускаясь въ любовныя изъясненія, онъ сообщилъ Клодіи, что хочетъ ѣхать къ Фавстуду и выкупиться на волю.

— Пожалуй, я скажу лучше, что одна особа, принимающая во мнѣ участіе, желаетъ купить мнѣ свободу,—прибавилъ онъ дипломатично.—Это будетъ лучше, чѣмъ дать Фавстуду понять, что у меня есть деньги.

Клодія выслушала его съ холодной вѣжливостью и сказала слова два, поздравляя его. Матонъ, продолжая развивать свои планы, выразилъ увѣренность, что Фавстудъ, въ виду всего, что онъ сдѣлалъ для его сына, отпуститъ его за недорогую цѣну. Клодія не раздѣляла этихъ надеждъ, но предпочла не высказывать этого.

— Если онъ этого не сдѣлаетъ,—продолжалъ Матонъ:—то это будетъ низко съ его стороны. Не будь меня, его сынъ остался бы глупымъ, какъ лягушка. Но, какъ бы то тамъ ни было, у меня есть деньги, гораздо больше, чѣмъ ты предполагаешь.

Клодія поздравила его еще разъ, что доставило ему большое удовольствіе.

Краснорѣчіе Матона развернулось, и онъ далъ Клодіи понять о счастливой участи, которая ее ожидаетъ.

Клодія внимательно выслушала его, поблагодарила за его благородныя намѣренія и рѣшительно объявила, что она не можетъ оставить свою маленькую питомицу, а если бы даже и могла, все равно не выйдетъ за него замужъ.

Такой рѣшительный отказъ взбѣсилъ Матона, и онъ не считалъ нужнымъ этого скрывать. Онъ грубо сталъ объяснять ей, какимъ для нея счастьемъ было бы имѣть такого мужа, какъ онъ. Чтобы задѣть ее еще болѣе, онъ сталъ рассказывать ея исторію, пока она не ушла изъ комнаты.

Письмо Дидіи нисколько не охладило его пыла и, отправляясь въ Олибанумъ, онъ больше думалъ о глупомъ упрямствѣ Клодіи, чѣмъ о Дидіи. Для оскорбленнаго самолюбія лучшее лекарство—лечь, и онъ надѣялся услышать ее отъ Дидіи, которая постоянно

льстила ему. Его красота, его гений, его манеры и голос—она не пропускала случая сказать что-нибудь лестное о всемъ этомъ.

Въ этотъ вечеръ она была щедрѣе на похвалы, чѣмъ когда-либо. Страшное пятно, оставшееся около носа, заставляло ее не скупиться на комплименты. Было темно, и Матонъ не могъ видѣть ея уродства, но Дидія ни минуты не забывала о немъ.

Въ этотъ разъ Матонъ былъ особенно любезенъ съ нею, и она почувствовала, что онъ подпалъ подъ власть богини Венеры и рѣшилъ не сопротивляться ея велѣніямъ.

Послѣ однообразной и строгой жизни на дачѣ Ациліи свиданіе показалось Матону чрезвычайно пріятнымъ. Онъ даже сталъ находить, что Дидія вовсе не такъ безцвѣтна, какъ онъ думалъ прежде. Но обида, которую ему нанесла своимъ отказомъ Клодія, чувствовалась еще очень остро, и онъ все время не переставалъ думать о ней. Какъ извѣстно, отъ избытка сердца уста глаголютъ! Такъ и у него нечаянно сорвалось съ языка это имя.

Въ одно мгновеніе Дидія пришла въ ярость, хотя и не показывала этого наружно.

— Ты, стало быть, тамъ съ ней постоянно выдаешься?—промолвила она, насколько возможно холодно.

— О, нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ за нами тамъ не слѣдятъ такъ строго, какъ здѣсь.

Дидіи это было очень на руку.

— Не можешь ли ты передать ей отъ меня маленькій свертокъ?—спросила она съ напускнымъ равнодушіемъ.

— Небольшой?—въ свою очередь, спросилъ Матонъ, которому не хотѣлось обременять себя.

— О, совсѣмъ небольшой и легкой. Въ немъ чистое бѣлье для нея. Если ты не хочешь взять его съ собой, то я пошлю его ей завтра.

Матонъ колебался. Если бы ему пришлось нести узелъ денемъ, то, конечно, не могло произойти никакихъ недоразумѣній. Но теперь была ночь. Впрочемъ, этотъ узелъ дастъ ему лишній поводъ повидаться съ Клодіей.

— Хорошо,—сказалъ онъ. —Если онъ не очень великъ, я возьму его съ собой.

Получивъ узелъ, Клодія, которая вовсе не нуждалась въ бѣльѣ, была чрезвычайно удивлена. Не желая, однако, задерживаться съ Матономъ, она послѣшила отнести узелъ въ маленькую комнату, которую она занимала, рядомъ съ той, въ которой жила Фавстула во время карантина. Въ узлѣ оказалось бѣлье и шелковый шарфъ, который ей подарила Сабина во время послѣднихъ луперкалій. Нѣсколько времени тому назадъ онъ исчезъ у нея, и она думала, что его присвоила Дидія, которая теперь и возвращаетъ его. Какъ бы то ни было, она рѣшила никому не говорить объ этомъ.

Такимъ образомъ оспа перешла изъ Олибанума на виллу Ациліи.

Лишь только Меланія взглянула на Клодію, она сразу поняла, жертвой какой болѣзни она стала. Она ухаживала за рабыней съ такой нѣжностью, какъ будто Клодія была ея родной сестрой. Спокойно и весело дѣлала она свое дѣло, со стороны можно было подумать, что во всемъ мірѣ для Меланіи не существуетъ никого болѣе, кромѣ ея больной, и что къ оспѣ обѣ онѣ относятся, какъ къ простой шуткѣ.

— Когда поправишься, ты создашь мнѣ славу,—весело говорила Меланія. —Это для меня первый случай. Плацида будетъ разсержена моимъ успѣхомъ: она не любитъ, когда другіе ухаживаютъ за больными.

Клодія часто думала о Фавстулѣ, и ей хотѣлось поскорѣе выздороветь.

— Бѣдная Фавстула!—говорила Меланія.—Что съ ней будетъ, если тебя не станеть?

XVII.

Клодія умирала.

Меланія поняла это въ то самое время, когда почувствовала, что и она заразилась страшной болѣзью.

Она видѣла, что больная замѣтила это. Съ безпокойной благодарностью она видѣла, что это не испугало Меланію и не заставило ее падать духомъ.

— Когда я умру,—сказала она однажды:—я уже не буду никому принадлежать. Можно ли мнѣ сдѣлаться христіанкой? Это вѣдь никого не можетъ касаться?

Сердце Меланіи разрывалось отъ скорби, но она поборола себя и съ легкимъ смѣхомъ отвѣчала:

— Я боялась говорить объ этомъ раньше. Я знала, что ты хочешь принять христіанство. Но я рѣшила поговорить объ этомъ, когда ты будешь поправляться.

Она подѣла къ больной и стала говорить ей о Богѣ и человѣкѣ, о Христѣ, о настоящей и будущей жизни.

И, говоря о христіанскомъ всепрощеніи и любви, Меланія тихо опустилась на колѣни подлѣ Клодіи и покрыла ее поцѣлуями.

— Домина! Домина! Что ты дѣлаешь!—закричала Клодія, стараясь оттолкнуть ее отъ себя.

— Ничего. Мы пойдемъ вмѣстѣ къ Господу. Онъ соединилъ насъ здѣсь, чтобы мы вмѣстѣ пали къ стопамъ Его. Онъ не обратитъ вниманія на наши оспины,—продолжала она, звонко, по-дѣтски засмѣявшись.—Онъ излечитъ ихъ. Мы будемъ зеркаломъ другъ для друга. Если мой видъ будетъ гнусенъ, то и ты должна примириться съ своимъ.

— Неужели у меня такой безобразный видъ?—смѣясь спросила Клодія.

— Да, довольно безобразный.

Вся красота Клодіи пропала, но для Меланіи она только вошла внутрь.

Вмѣсто доктора при больныхъ былъ священникъ Домній. Онъ дважды въ день навѣщаль флигель, но Меланія не позволяла ему входить въ него. Флигель этотъ лежалъ ниже, чѣмъ главное зданіе и представлялъ собою остатокъ первоначальной виллы, которую при Неронѣ построилъ Ацилій Глабрій. Входъ въ него былъ изъ особаго садика, окруженнаго высокой стѣпой. За нѣсколько лѣтъ до обращенія Константина флигель служилъ чѣмъ-то въ родѣ женскаго монастыря, гдѣ жила бабка Ацилія Глабрія съ нѣсколькими женщинами, посвятившими себя молитвѣ.

Въ этотъ садикъ приносилось все, что нужно было для Меланіи и ея пациентки, и оставлялось у дверей. У дверей долженъ былъ останавливаться и Домній, сообщавшій всѣ новости и получавшій отъ нея распоряженіе. Здѣсь же онъ оставлялъ и свои лекарства, которыя онъ приготавливалъ, имѣя кое-какія свѣдѣнія въ медицинѣ.

На другой день послѣ того, какъ Клодія изъявила желаніе стать христіанкой, Меланія сообщила объ этомъ молодому священнику.

— Тогда позволь мнѣ войти къ вамъ и крестить ее.

— Нѣтъ. Я уже окрестила ее сама. Вчера ночью она была очень плоха, сердце ослабло и нельзя было ждать. Сегодня ей немного лучше, но она слабѣетъ съ каждымъ днемъ.

— Не хочеть ли она пособороваться?

— Хорошо,—отвѣтила, подумавъ, Меланія.—Зайди сюда черезъ часъ, она будетъ готова.

— А мнѣ можно будетъ войти къ ней въ комнату?

— Въ этомъ нѣтъ надобности. Она будетъ здѣсь за дверями. Пожалуйста, дотрагивайся только до одной ея руки и то стилемъ. Не забывай,—прибавила она съ веселымъ смѣхомъ, видя его нерѣшительность,—не забывай, что ты долженъ слушаться меня. Самъ папа сказалъ тебѣ это, отпуская тебя сюда. Кромѣ того, на лицо ея страшно взглянуть. Тебѣ извѣстно, конечно, что въ исключительныхъ случаяхъ достаточно помазать миромъ гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты остался здоровъ и могъ присматривать за моими сыновьями.

— Хорошо. Я заодно приобщу ее и св. тайнъ.

Вернувшись черезъ часъ, Домній увидѣлъ, что Клодія лежитъ на полу за дверями. Ее перенесла сюда Меланія. Больная была вся закутана въ чистыя простыни, лицо ея было совершенно закрыто и видна была только одна рука.

Домній совершилъ помазаніе только одной руки, на ладони ко-

торой не было оспенныхъ пятенъ, но не стелемъ, а прямо пальцемъ, какъ это обыкновенно дѣлалось. Затѣмъ Меланія, наклонившись надъ больной, откинула немного съ ея лица покрывало, оставивъ свободнымъ только ротъ, а Домній быстро положилъ ей на языкъ облатку съ причастиемъ и опустился на колѣни, читая установленныя молитвы.

Меланія снова взяла больную подъ руки и отвела обратно на ея постель. Она чувствовала, что ея болѣзнь усиливается съ часу на часъ, но ее поддерживала увѣренность, что Господь не отзоветъ ее къ себѣ, пока она нужна здѣсь для Клодіи.

Прошло нѣсколько дней.

Однажды Меланія, сидя около постели больной, тихо спросила ее, нѣтъ ли у нея враговъ, которыхъ она пожелала бы простить.

— Прости ты меня, — отвѣчала Клодія:—я знаю, что я для тебя сдѣлала.

Скоро ея не стало.

Въ эту ночь Фабианъ вдругъ проснулся. Вставъ съ постели, онъ подошелъ къ брату и дотронулся до него.

— Христофоръ!—шопотомъ произнесъ онъ.

— Что? Я не сплю.

— Я видѣлъ странный сонъ... Но не могу его хорошенько припомнить. Мнѣ казалось, что въ старомъ саду я вдругъ увидѣлъ какое-то сіяніе. Пойдемъ и посмотримъ.

Они пошли. Ночь была звѣздная, но луны не было. Кругомъ парила тишина. Слышно было только, какъ отдыхалъ усталый за день міръ. Горы въ темнотѣ сливались въ одну темную массу.

Въ старомъ саду было много цвѣтовъ. Словно живыя существа, они также закрыли на ночь глаза. Братьями показалось, что надъ однимъ мѣстомъ, недалеко отъ входной двери, стоялъ какой-то блѣдный свѣтъ, похожій на полоску свѣтлаго тумана...

Когда вошли въ комнату, гдѣ были мертвыя Клодія и Меланія, все оказалось въ полномъ порядкѣ и чистотѣ. Стоялъ какой-то особенный аромат, непохожій на аромат цвѣтовъ.

Больше въ Цивителлѣ случаевъ оспы не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVIII.

Въ 350 году императоръ Константинъ былъ убитъ въ Испаніи Магненціемъ. Это событіе, не имѣвшее, повидимому, никакого отношенія къ судьбѣ Фавстулы, тѣмъ не менѣе измѣнило ея исто-

рію, расчистивъ дорогу Юліану, который черезъ десять лѣтъ сдѣлался единымъ императоромъ.

Сильнѣе отозвалось на ея судьбѣ другое событіе. Весною того же 350 года умерла Сабина, когда ея племянницѣ не было еще и десяти лѣтъ.

Она до самой ея смерти продолжала жить съ теткой въ Олибанумѣ. Тацій давно уже служилъ въ легионѣ и лишь изрѣдка навѣщала тетку.

Не особенно хорошее впечатлѣніе вынесла Сабина отъ Тулліи, ѣздившая въ Римъ наканунѣ свадьбы своего брата. Молодая женщина довольно прозрачно дала ей понять, что она не желаетъ имѣть въ ея лицѣ свекровь, а отъ Фавстула она узнала, что и рѣчи нѣтъ о томъ, чтобы дѣти вернулись къ нему и жили при мачехѣ.

Сабина выразила свое крайнее неудовольствіе и уѣхала обратно къ себѣ. Надо отдать ей справедливость, — она также не хотѣла отдавать дѣтей мачехѣ, отъ которой, очевидно, не приходится ждать особой къ нимъ любви. Но все-таки она была разсержена и разочарована: Тацію предстояло служить въ арміи, а удерживать его сестру у себя ей не хотѣлось. Ей думалось, что новый бракъ ея брата дастъ ей удобный поводъ вернуть дѣвочку къ отцу.

Она не была ни особенно строга, ни особенно жестка съ племянницей. Ей только не нравилось ея присутствіе, въ которомъ она видѣла результатъ неисполненія другими своихъ обязанностей. Однако Фавстула была слишкомъ наблюдательна и не могла не понимать, что ее здѣсь только терпятъ. Старуха и ребенокъ никогда не любили другъ друга: у старухи не было для этого сердца, а у дѣвочки было странное сердце, которое могло платить любовью только за любовь. Пища и одежда и кровь не могли подкупить ея чувства.

Сабина, впрочемъ, воображала, что вся ея любовь сосредоточилась на Таціи. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ ей дорогъ, какъ наслѣдникъ ея состоянія.

Жизнь Фавстулы становилась все болѣе и болѣе одинокой въ тотъ самый періодъ, когда ребенокъ получилъ способность наиболѣе остро чувствовать это одиночество. Клодія любила ее, любила съ такимъ самоотверженіемъ, которое все яснѣе и яснѣе становилось ея душѣ. Но Клодія умерла. Меланія также не было уже въ живыхъ, и Фавстула росла безъ материнской ласки, не испытывая материнской нѣжности.

Сыновья покойной Меланіи поступили въ легионы, и Ацилія жила болшею частью въ Римѣ, гдѣ они сначала служили. Изрѣдка Христофоръ или Фабіанъ наѣзжали въ Олибанумъ, но они появлялись бы здѣсь чаще, если бы Сабина принимала ихъ нѣсколько радушнѣе и пріятливѣе. Они напоминали ей о великомъ

несчастіѣ, которое она внесла въ ихъ семью, и она чувствовала, что она никогда не загладитъ передъ ними причиненнаго имъ зла.

Когда пріѣзжалъ Тацій, Сабина устраивала ему пышную встрѣчу. Но эти пріѣзды рѣдко давали ей удовлетвореніе. Онъ почти всегда просилъ денегъ, а она такъ не любила разставаться съ ними. Она копила деньги для него же, но разстаться съ ними еще при жизни было для нея мукой. Она обыкновенно просила его обождать и желала, чтобы все ея состояніе перешло къ нему лишь послѣ ея смерти.

То, что она давала ему, бралось изъ части, отложенной на приданое Фавстулъ. Эти деньги она держала при себѣ. Выдавать ихъ по частямъ Тацію для нея было легче, чѣмъ уменьшать ежегодный, заранѣе ею высчитанный приростъ къ ея капиталу.

Когда его требованія начинали надоѣдать ей, она говорила съ горечью:

— Ты хоть бы постыдился. Вѣдь ты грабишь свою сестру.

Но Тацій, получивъ, сколько ему было нужно, не проявлялъ никакого интереса къ положенію своей сестры.

Когда онъ уѣзжалъ обратно въ Римъ, Сабина обыкновенно бывала не въ духѣ и становилась суше съ племянницей. Чѣмъ сильнѣе таяло ея приданое отъ хищническихъ набѣговъ брата, тѣмъ усерднѣе Сабина старалась находить въ ней всякіе недостатки.

Сабина умерла послѣ одного изъ такихъ визитовъ ея племянника. У нея была малярійная лихорадка, сильно отозвавшаяся на ея сердцѣ. Ея болѣзнь совершенно выбила ее изъ колеи: она пользовалась всегда превосходнымъ здоровьемъ и думала, что такъ будетъ продолжаться всегда. Вокругъ нея люда болѣли и умирали, но то были люди низшаго, въ сравненіи съ нею, положенія. А смерть Меланіи она въ глубинѣ души приписывала ея непростительной небрежности и слабости характера.

Когда ей случилось чувствовать себя нехорошо, она обыкновенно старалась не обращать на это никакого вниманія. Такъ поступила она и на этотъ разъ.

Въ этотъ пріѣздъ Тацій особенно раздражалъ ее своимъ назойливыми просьбами. Старуха не выдержала и стала осыпать его упреками въ томъ, что онъ не на высотѣ своего достоинства.

— Если бъ я зналъ, что ты больна, я бы подождалъ, — отвѣчалъ онъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое казалось ему особенно тактичнымъ. — Я бы тогда пріѣхалъ сюда черезъ мѣсяць.

— Что же ты думаешь? — въ гнѣвѣ воскликнула тетка: — сумма въ десять тысячъ сестерцій! будетъ меньше, что ли, черезъ мѣсяць? Больна! При чемъ тутъ моя болѣзнь! Я больна черезъ эти десять тысячъ. Если я тебѣ отдамъ ихъ, то больше, кажется, у Фавстулы ничего не останется.

Это, однако, нисколько не огорчило Тація: онъ считалъ эту сумму пустяками. Его тетка была очень богата, и притомъ онъ уже порядочно уменьшилъ размѣръ сестрина приданого, которое тетка всегда могла пополнить, если бы пожелала. Если же она этого не желаетъ, то это ея дѣло, и онъ чувствовалъ раздраженіе за то, что отвѣтственность за это взваливаютъ на него.

Всякій разъ, какъ онъ съ полнымъ кошелькомъ возвращался въ Римъ, Сабина становилась свирѣпой съ Фавстулой. Ей было уже десять лѣтъ, и ея сообразительный умъ развивался быстро. Она отлично понимала причину неудовольствія ея тетки и сердилась не столько на старуху, сколько на брата. Характеръ у нея былъ не изъ покорныхъ, но она умѣла его сдерживать и дѣлала все возможное, чтобы смягчить раздраженные чувства старухи-тетки.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Тація, онѣ остались однѣ. Сабина была въ такомъ мягкомъ настроеніи, въ какомъ племянница не видала ее уже нѣсколько лѣтъ.

— Твой братъ,—вдругъ воскликнула старуха,—надрываетъ мнѣ сердце. Денегъ, денегъ и денегъ! Онъ вѣчно нуждается въ деньгахъ.

Фавстула не знала, что отвѣчать. Ей не нравился этотъ разговоръ, и ей не хотѣлось сказать то, что она чувствовала, а именно что Тацій эгоистиченъ и жаденъ.

— Ты всегда была добра къ нему,—замѣтила она мягко.

— Къ нему! Я хотѣла быть доброй и къ тебѣ! Но онъ спустилъ почти все, что было отложено для тебя.

Сабина обвиняла во всемъ Тація. Упрекнуть въ чемъ-нибудь себя ей не приходило и въ голову.

Фавстула не могла понимать этого. Несмотря на свое преждевременное развитіе, ея умъ не направлялся, однако, въ эту сторону, и разговоръ о деньгахъ вызывалъ въ ней всегда отвращеніе.

— Пожалуйста, не безпокойся обо мнѣ,—сказала она и вдругъ покраснѣла.

— Это вздоръ,—гнѣвно воскликнула Сабина:—тутъ дѣло шло о твоёмъ приданомъ. Если у тебя не будетъ приданого, кто возьметъ тебя замужъ? Дочери одного изъ Фавстуловъ не нужно огромнаго богатства, и мое собственное приданое было невелико. Но я была красива, не хуже тебя. Но во всякомъ случаѣ неприлично явиться къ мужу съ пустыми руками.

Старуха, видимо, волновалась, и Фавстула замѣтила, какъ она вдругъ схватилась рукой за грудь какъ бы для того, чтобы заглушить сильную боль.

— Прошу тебя, не безпокойся о моемъ приданомъ,—серьезно сказала она, вплотную подходя къ теткѣ.—Заботься только о томъ, чтобы поскорѣе поправиться...

— Какъ не беспокоиться... Ты говоришь глупости. Ты еще ребенокъ. Пойди скажи, чтобы пришелъ Танаквилъ. Объ этомъ нужно заботиться. Такъ и скажи Тацію. Я тебѣ это приказываю. Онъ знаетъ, что онъ взялъ твои деньги. Стало быть, онъ и долженъ ихъ пополнить.

Фавстула тутъ же дала себѣ клятву, что, что бы ни случилось въ будущемъ, она никогда не скажетъ этого Тацію.

Когда она вернулась къ теткѣ съ Танаквиломъ, Сабина была уже мертва.

XIX.

Волей-неволей Фавстулѣ пришлось теперь прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ ея отца, — дѣваться ей было некуда, и она отлично это понимала. Въ теченіе четырехъ лѣтъ съ того времени, какъ Фавстулъ вернулся изъ своего путешествія, она едва видѣла своего отца. Только одинъ разъ на одинъ день пріѣзжалъ онъ въ Олибанумъ.

Сабина была холодно учтива съ Туллией. Та также не особенно старалась преодолѣть свое равнодушіе къ сестрѣ своего мужа. На Фавстулу она не обращала почти никакого вниманія, а ея отецъ, казалось, боялся даже замѣчать ее.

Туллія была гораздо красивѣ покойной Акціи, но далеко уступала ей въ любезности. Было странно, какимъ образомъ Фавстулъ, добродушный характеръ котораго былъ самой привлекательной въ немъ чертой, могъ оба раза взять себѣ въ жены женщинъ съ такимъ дурнымъ характеромъ. Акція, впрочемъ, была только капризна, какъ избалованный ребенокъ. Иногда она дѣлалась злой, но большей частью поддавалась на ласку. Но съ Туллией Фавстулу скоро пришлось убѣдиться, что ласкою ее не возьмешь: въ ней не было ничего ребяческаго, разныя глупости ее не занимали. Зато у нея было жесткое сердце и, благодаря ея скверному характеру, съ ней не только нельзя было шутить, но приходилось наблюдать особую осторожность.

Во время своего кратковременнаго визита въ Олибанумъ она сразу рѣшила показать, что она не считаетъ Фавстулу членомъ своей семьи, и сдѣлала это съ большимъ успѣхомъ. Она не стала уговаривать своего мужа, чтобы онъ не слишкомъ носился съ своей дочерью, а заставила его понять свое желаніе всѣмъ своимъ поведеніемъ. Фавстулу хотѣлось взять дочь къ себѣ на колѣни и, какъ прежде, поиграть и позабавиться съ нею, но его жена никогда не оставляла ихъ вдвоемъ. Онъ отлично понялъ ее: ему стало ясно, что, во-первыхъ, его дочь не нравится его женѣ, а, во-вторыхъ, что его жена хочетъ дать понять, что его второй бракъ не долженъ ничего измѣнить въ томъ положеніи, которое создалось до него.

— Очень уменъ твой отецъ,—сказала Сабина, когда ея братъ уѣхалъ съ своей женой.—Два раза женился, какъ нельзя глупѣе!

Фавстула не видала болѣе своего отца до самой смерти теткн. Это событіе поневолѣ заставило его взять ее къ себѣ. Цѣлыхъ четыре года дѣвочка ломала себѣ голову надъ тѣмъ, почему отецъ не обращаетъ на нее вниманія. Теперь слова Сабини пришли ей на память.

Въ одномъ сходились тетка и племянница—въ сильномъ и заслуженномъ нерасположеніи къ Тулліи. Не видать ее болѣе было ихъ горячимъ желаніемъ. Владѣлица Олибанума твердо рѣшила не приглашать ее къ себѣ на будущее время, а Туллія, какъ, очевидно, и сама не имѣла ни малѣйшаго желанія пріѣзжать сюда. Когда Фавстулу по временамъ приходило желаніе навѣстить сестру, она устраивала такъ, что это желаніе такъ и оставалось желаніемъ.

Фавстула лучше всѣхъ знала, какъ не рады ей въ отчемъ домѣ. Она не умѣла скрыть своихъ чувствъ, и это еще болѣе возбуждало мачеху противъ нея.

У Тулліи самой былъ теперь сынъ, некрасивый мальчикъ, весьма похожій на своего брата Тація. Мать ясно видѣла, что онъ будетъ нехорошъ собой. Будучи красавицей, она обвиняла въ этомъ Фавстулу тѣмъ болѣе, что ребенокъ былъ похожъ на его перваго сына, не блиставшаго красотой. А тутъ еще красота Фавстулы, чувствовавшаяся, какъ личная обида. Если у него могли быть красивыя дочери, то почему его сыновья были такъ некрасивы?

Когда оказалось, что деньги Фавстулы почти исчезли, ея мачеха была виѣ себя. Несправедливость Сабини не находила въ ея глазахъ никакого оправданія. Фавстулъ и самъ не особенно стремился къ справедливости, но и онъ почувствовалъ, какъ нехорошо поступила Сабина въ этомъ случаѣ.

— Тацій долженъ вернуть эти деньги!—въ гнѣвѣ кричала она.— У него будетъ огромное состояніе, и такъ какъ Флавія обезпечена, ему придется подумать объ одной Фавстулѣ.

— Онъ и подумаетъ о себѣ самомъ,—вставилъ ея мужъ.

— Онъ долженъ обезпечить Фавстулу. Не очень пріятно держать ее на своей шеѣ, пока она не выйдетъ замужъ, а вѣдь ей всего десять лѣтъ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ дать ей приличное приданое и заранѣе сказать о его размѣрѣ.

Ея мужъ зналъ своего сына лучше.

— Это не придетъ ему въ голову,—весело замѣтилъ онъ.

— Не придетъ въ голову! Въ такомъ случаѣ ты долженъ объяснить ему. Вѣдь онъ твой сынъ!

Тацій теперь былъ богатъ, и мачеха охотно вспоминала, что онъ ей родня. Относительно Фавстулы, у которой ничего не было, она предпочитала забывать объ этомъ обстоятельствѣ.

— Если ты этого не хочешь, то я это сдѣлаю, — сказала она рѣшительно.

— Дѣлай. Такъ будетъ даже лучше, — промолвилъ Фавстуль съ кривой улыбкой.

Туллія немедленно послала за Таціемъ, который, впрочемъ, явился, когда ему заблагоразсудилось. Мачеха обращалась съ нимъ до сего времени, какъ съ человѣкомъ неотесаннымъ, и онъ былъ немало удивленъ происшедшей теперь съ ней переменой. Богатство давало ему немало привилегій, но онъ хотѣлъ удержать эти привилегіи только для себя. Пока деньги принадлежали теткѣ, онъ тратилъ ихъ, не задумываясь. Теперь же, когда онѣ перешли въ его руки, онъ тщательно берегъ ихъ.

— Сабина, — серьезно начала Туллія, поздоровавшись съ пасынкомъ, — была такъ добра къ твоей маленькой сестрѣ.

— О да, въ теченіе столькихъ лѣтъ она дѣлала для нея такъ много .

— Она усыновила ее.

— О, нѣтъ. Этого она не сдѣлала. Когда моя мать умерла, моя сестра была у тетки только въ гостяхъ. И это продолжалось десять лѣтъ.

— Но она не оставила ей никакого приданого. Какъ можетъ твоя сестра разсчитывать выйти замужъ безъ приданого?

— Но вѣдь Фавстула не только племянница моей тетки, но и дочь моего отца. Вѣроятно, Сабина и имѣла это въ виду.

— Вѣроятно, она имѣла въ виду, что Фавстула твоя сестра и потому сдѣлала тебя единственнымъ наслѣдникомъ.

— Да, единственнымъ наслѣдникомъ. Но вѣдь и Флавія моя сестра.

— Флавія уже пристроена и о ней заботиться нечего.

— Однако, если Флавія пристроена и я обезпеченъ и даже очень недурно, то отцу остается позаботиться только о Фавстулѣ.

— Какъ только о Фавстулѣ! Ты забываешь, что и у меня есть сынъ.

— Нисколько не забываю. Но вѣдь это твой сынъ, не правда ли? Всѣ дѣти отъ тебя будутъ твоими сыновьями и твоими дочерьми. Я былъ очень радъ слышать, что у тебя есть хорошее состояніе. У моей бѣдной матери были кое-какія крохи...

— Да, я слышала объ этомъ, — съ неудовольствіемъ сказала Туллія.

— Ты слышала совершенно вѣрно. Слѣдовательно, моему отцу придется прежде всего подумать о Фавстулѣ.

— Но что онъ можетъ сдѣлать для нея? У насъ огромные расходы.

— Тогда научи его жить экономнѣе, — въ свою очередь прервала ее Тацій. — Ты пользуешься славой отличной хозяйки, и, я увѣренъ, это не пустыя слова.

Туллія едва сдерживала въ себѣ горячее желаніе выдрать его за его широкія уши.

Нельзя сказать, что мачеха особенно не правилась Тацію, но онъ твердо рѣшился отражать всякое съ ея стороны покушеніе на его карманъ.

Что касается Фавстулы, то вѣдь она была красавица, а онъ уродъ. Поэтому пусть кто-нибудь женится на ней ради ея красоты, а онъ, въ свою очередь, безъ труда найдетъ за деньги подходящую, для себя жену. До двадцати пяти лѣтъ онъ не могъ отчуждать своего имущества, но распоряжаться имъ онъ былъ въ правѣ.

Если бы бракъ Фавстулы зависѣлъ отъ того, дастъ ли за ней братъ приданое, то она вышла бы замужъ очень немолодой. Да и зачѣмъ ей выходить замужъ такъ рано? Да и зачѣмъ ей вообще выходить замужъ?

Вдругъ его осѣнила блестящая идея.

— Можетъ быть,—произнесъ онъ небрежно, поднимаясь и дѣлая видъ, что хочетъ идти:—для Фавстулы приданое и не понадобится вовсе.

— Развѣ она можетъ выйти замужъ безъ приданого?

— Благородныя римлянки не всегда выходятъ замужъ. Многія дѣлаются весталками.

XX.

Выйдя изъ отцовскаго дома, Тацій самодовольно улыбался. Ему казалось, что онъ отлично обдѣлалъ свое дѣло. Его мачеха слыла оборотливой женщиной, но не ей обойти его.

Дѣла у него не было, и идти ему было некуда. Поэтому онъ рѣшилъ побродить вокругъ фoрyма и кстати взглянуть на атриумъ Весты.

Домъ Фавстуловъ стоялъ между Люперкалиемъ и храмомъ Ромула, почти подъ самымъ Палатинскимъ холмомъ. Повернувъ направо и спустившись внизъ по направленію къ *Viscus Tuscus*, Тацій вышелъ между храмомъ Августа и храмомъ Кастора и Полукса на фoрyмъ. Дорога привела ее къ небольшому открытому пространству—*lacus jutiniae*—небольшому квадратному озеру, въ которомъ близнецы, по преданію, поили своихъ лошадей послѣ битвы при Региллѣ. Вода озера употреблялась въ храмѣ и считалась священной. Здѣсь стояли конныя статуи этихъ полубоговъ. Неподалеку находился круглый храмъ Весты, перестроенный послѣ пожара женою императора Септиміа Севера, Юліей Домной.

Къ нему примыкало общежитіе весталокъ атриумъ Весты. Тацій вдругъ почувствовалъ интересъ къ нему.

— *Vale*,—вдругъ произнесъ чей-то голосъ надъ самымъ его ухомъ,—какъ поживаешь?

Тацій быстро обернулся, но и не повертываясь онъ узналъ этотъ голосъ и слегка покраснѣлъ. Онъ не могъ говорить съ отцомъ иначе, какъ покраснѣвъ.

— Недурно, — отвѣчалъ онъ съ меньшимъ смущеніемъ, чѣмъ всегда. Въ немъ еще не успѣло испариться самодовольство отъ столь удачнаго исхода переговоровъ съ Тулліей. Съ видомъ, который казался ему веселымъ и безопаснымъ, онъ сообщилъ отцу, что онъ только что былъ у нея.

— Она, вѣроятно, въ восторгѣ отъ тебя, — замѣтилъ отецъ.

— Она посылала за мной. Главнымъ образомъ для того, чтобы жаловаться на Сабину.

— На Сабину! Полагаю, что теперь кончились всѣ ея провинности. Но она была богата, а зло, которое могутъ натворить люди богатые, остается и послѣ ихъ смерти. Какъ бы то ни было, тебѣ-то она, конечно, никакого зла не сдѣлала.

Фавстуль говорилъ безъ всякаго раздраженія, не такъ, какъ его жена. Напротивъ, въ его тонѣ слышалось самое любезное отношеніе.

— Она сдѣлала кое-что и для тебя, — возможно суше отвѣтилъ Тацій. Если бъ онъ не сознавалъ, что онъ теперь богаче отца, онъ никогда не рѣшился бы сдѣлать такой намекъ.

— Она вернула мнѣ приданое, которое она когда-то получила отъ нашего отца, — сказалъ Фавстуль, зная, что его сыну это отлично извѣстно.

— Говорила тебѣ Туллія о томъ, что ты долженъ позаботиться о приданомъ для Фавстулы? Она очень озабочена этимъ приданымъ.

Тацій отлично сознавалъ всю гнусность своего образа дѣйствій и не могъ взглянуть отцу въ лицо. Но его хватало на то, чтобы быть наглымъ. Это одно изъ преимуществъ богатства.

— Нѣтъ. Она еще не говорила объ этомъ, — отвѣчалъ Фавстуль.

— Можетъ быть, ты самъ завелъ съ ней этотъ разговоръ?

— Ну, нѣтъ. У меня на этотъ счетъ другіе планы.

Фавстуль самодовольно улынулся. Онъ теперь вывѣдалъ все, что ему хотѣлось знать.

— У тебя другіе планы, — повторилъ Тацій съ дѣланной беззаботностью.

— У меня всегда было много плановъ, — замѣтилъ ему отецъ, какъ бы говоря о томъ, что всѣмъ было извѣстно.

Тацій покраснѣлъ еще гуще.

— Хорошо имѣть хоть планы, когда нѣтъ ничего въ карманѣ, какъ у тебя, — угрюмо сказалъ онъ. — Ну, а у меня кое-что есть.

— Ты говоришь о деньгахъ? Ты такъ и блещешь отъ нихъ.

Лицо Тація попрежнему было красно, но возражать онъ не рѣшался. Онъ зналъ, что чѣмъ больше онъ будетъ раздражаться, тѣмъ больше удовольствія доставитъ онъ своему отцу.

Бесѣдуя такъ, они понемногу подвигались впередъ и скоро очутились передъ входомъ въ общежитіе весталокъ.

Здѣсь стояла толпа прохожихъ, и происходила какая-то суматоха: отъ священной дороги приближались носилки, въ которыхъ несли одну изъ весталокъ, сопровождаемую большой толпой служителей. Ворота атрія открылись, и носилки исчезли за ними.

Отецъ и сынъ дождались прибытія и исчезновенія за воротами весталки. Зрѣлище было для нихъ слишкомъ обычно, и они смотрѣли на него безъ всякаго любопытства. Однако Тацій былъ на этотъ разъ какъ-то особенно внимателенъ, и это не ускользнуло отъ его отца.

— Ты знаешь эту весталку?—небрежно спросилъ онъ.

— Я? Нѣтъ. Я даже не видѣлъ ея лица. Это, должно быть, великая весталка, насколько я знаю.

— Нѣтъ, это не великая весталка. Слишкомъ мало слугъ, да и ручки ея носилокъ изъ слоновой кости украшены только золотыми кольцами.

— Хорошее дѣло быть весталкой,—съ разстановкой промолвилъ Тацій.

— Я это давно говорилъ твоей теткѣ Сабинѣ. Вотъ было бы хорошо для меня.

— И она повѣрила тебѣ?—сказалъ милый сыночекъ, скорчивъ насмѣшливую улыбку. — Впрочемъ, я очень радъ, — продолжалъ, онъ:—что ты не послѣдовалъ твоей наклонности, иначе меня не было бы на свѣтѣ.

— Я, дѣйствительно, такъ думалъ,—промолвилъ невозмутимо Фавстуль.

— Ну, разъ существую я и есть на свѣтѣ Фавстула, — бросилъ вскользь Тацій:—то почему бы ей не сдѣлаться весталкой вмѣсто тебя?

XXI.

Бредя въ одиночествѣ домой, Фавстуль продолжалъ раздумывать о томъ, что съ такой неожиданностью сказалъ ему сынъ.

Только одно могло заставить его воспротивиться этому предложению: оно зародилось у его сына, который сильно ненавидѣлъ его. Это онъ отлично зналъ. Онъ не платилъ ему, въ свою очередь, ненавистью, ибо отъ ненависти можетъ разлиться желчь, а Фавстулу вовсе не хотѣлось страдать желчью ради существа, къ которому онъ чувствовалъ только холодное презрѣніе. Однако онъ былъ не изъ тѣхъ разборчивыхъ людей, которые отворачиваются отъ даровъ только потому, что они принесены греками. Онъ предпочиталъ обращать вниманіе на стоимость самихъ этихъ даровъ. Если они могутъ пригодиться, то не все ли равно, откуда они идутъ?

«истор. вѣстн.», мартъ 1914 г., т. сxxxv.

До тѣхъ поръ, пока Тацій не произнесъ: «А почему бы Фавстулъ не сдѣлаться весталкой?»—эта мысль не приходила ему въ голову. Несмотря на то, что она зародилась въ тупой головѣ его сына, изъ нея могло выйти кое-что толковое.

Будетъ приданое, или не будетъ приданаго—все равно въ ближайшемъ будущемъ Фавстула не могла выйти замужъ. Онъ уже успѣлъ хорошо изучить свою жену и ему не трудно было при его воображеніи представить ту петлю, въ которую мало-по-малу будетъ запутываться дѣвочка. А петля, которую онъ вынужденъ будетъ наблюдать самолично, была для него несносна. Насколько Туллія была эгоистично-зла, настолько онъ по своей природѣ былъ эгоистично-добръ. Онъ понималъ, что его жена могла дойти до жестокости, и чувствовалъ, хотя смутно, какъ отразится эта жестокость на такой натурѣ, какъ Фавстула. Онъ чувствовалъ, что въ этой борьбѣ между мачехой и падчерицей и для него не будетъ покоя и что это будетъ старить его.

Если Фавстула въ самомъ дѣлѣ сдѣлается весталкой, то, во-первыхъ, она окажется внѣ власти Тулліи, а, во-вторыхъ, и Туллія не будетъ злобствовать противъ нея. А Фавстула будетъ щедро снабжена всѣмъ, будетъ богата, получить вліяніе: теперь весталки были уже не таковы, какъ прежде: у каждой изъ нихъ накапливалось значительное состояніе, и за каждой сохранилось старинное вліяніе.

Для него будетъ великолѣпно, если его дочь, безъ всякаго съ его стороны самопожертвованія, сдѣлается богатой. Тогда онъ будетъ избавленъ отъ дурного расположенія духа своей жены: перспектива видѣть, какъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ жена будетъ точить дочь, была для него мучительна.

Когда Фавстулъ составлялъ планы на будущее, воображеніе его работало особенно сильно. Ему вдругъ пришло въ голову, что въ недалекомъ будущемъ, лѣтъ черезъ десять-двѣнадцать, весталки могутъ быть уничтожены. Если это случится, то, конечно, интересы теперешнихъ весталокъ отъ этого не пострадаютъ, и каждая изъ нихъ получитъ отъ учрежденія круглую сумму и будетъ вполнѣ свободна располагать далѣе собою. При такихъ условіяхъ Фавстула и ея двадцать двѣ товарки будутъ независимы и еще не успѣютъ лишиться своей красоты.

Туллія также обдумывала предложеніе пасынка, стараясь представить его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ мужу. Не зная, что они встрѣтились съ Таціемъ, она сочла нужнымъ скрыть, что эта идея принадлежитъ ему. Она знала, какъ мало довѣряетъ Фавстулъ всему, что исходитъ отъ его сына. Фавстулъ, съ своей стороны, не сказалъ, что онъ говорилъ съ Таціемъ, и такимъ образомъ предоставлялъ жены воображать, будто этотъ планъ явился въ ея мудрой головѣ безъ всякой посторонней помощи.

Туллія была не мало удивлена, видя, съ какой легкостью онъ соглашается съ ней, и, не встрѣчая съ его стороны возраженій, пустилась въ подробныя соображенія о преимуществахъ ея плана.

— Конечно,—замѣтилъ ей Фавстуль:—намъ придется ждать ваканцій.

— Ждать придется недолго. Еще вчера мой отецъ говорилъ, что великая весталка сильно больна—она, вѣдь, приходится мнѣ двоюродной сестрой. Она всегда была очень слабаго здоровья и не могла выйти замужъ. Вотъ почему она и стала весталкой. Удивительно еще, какъ она продержалась столько лѣтъ. Если она умретъ, ближайшая къ ней по лѣтамъ весталка займетъ ея мѣсто, и такимъ образомъ откроется вакансія.

Туллія была такъ убѣждена, что ея родственницѣ уже не поправиться, что Фавстуль смиренно замѣтилъ ей:

— Это, конечно, продолжится недолго. Фавстуль въ октябрѣ минетъ десять лѣтъ. Туда принимаютъ только въ возрастѣ отъ шести до десяти лѣтъ.

Туллію, очевидно, это не обезпокоило.

— Теперь только апрѣль. Впереди еще шесть мѣсяцевъ. Великая весталка не протянетъ шести мѣсяцевъ. Мой отецъ считаетъ это вопросомъ нѣсколькихъ дней, а ты знаешь, какъ онъ остороженъ.

Фавстуль, вспомнивъ о дѣловыхъ разговорахъ, которые ему приходилось вести съ нимъ передъ своей свадьбой, не сталъ спорить, что Корнелій Туллій, дѣйствительно, очень остороженъ.

Въ глубинѣ души онъ благодарилъ боговъ за то, что, освободившись отъ Фавстулы, онъ умилоставишь свою жену.

— Положеніе весталки,—продолжала Туллія, какъ бы завидуя этому положенію,—прекрасно.—Нѣтъ женщины, которая занимала бы столь высокое положеніе въ государствѣ. Моя двоюродная сестра—тоже весталка.

— О,—воскликнулъ Фавстуль, которому надоѣло уже слушать о двоюродной сестрѣ,—сестра моей покойной жены тоже весталка.

— Домиція?—спросила Туллія такимъ тономъ, какъ будто она сомнѣвалась, много ли выиграли весталки отъ того, что въ ихъ числѣ оказалась сестра Акціи.

XXII.

Великая весталка оправдала хорошее мнѣніе о ней Тулліи и умерла съ приличествующей быстротой. Ея мѣсто было занято одной изъ шести старшихъ по возрасту весталокъ, а на освободившуюся вакансію попала какъ разъ во-время Фавстула. Устроить это дѣло было не трудно. Несмотря на то, что весталки были богаты и занимали почетное положеніе, нелегко было во всей огром-

ной имперіи отыскать шесть дѣвицъ благороднаго, хотя бы и плебейскаго рода, которыя рѣшились бы принести себя въ жертву безбрачію, или, лучше сказать, римскіе отцы потеряли уже склонность заключать своихъ дочерей-подростковъ въ холодное одиночество храма Весты. По древнему закону, если не оказывалось желающихъ занять вакансію, отбирали двадцать дѣвочекъ въ возрастѣ отъ шести до десяти лѣтъ и метали жребій, кому изъ нихъ стать весталкой, не считаясь съ тѣмъ, желаютъ ли этого родители, или нѣтъ.

Фавстулу никто не спрашивалъ о ея желаніи: ее просто увѣдомили. Ей обрѣзали волосы въ знакъ того, что съ этого момента она освобождается отъ власти отца и можетъ располагать своимъ имуществомъ, какъ ей угодно. Это, конечно, не имѣло для нея никакого значенія, такъ какъ все имущество ея давно растаяло.

Сначала Фавстула горько плакала о томъ, что ей пришлось разстаться со своими роскошными волосами, но досматривавшая за ней бывшая весталка утѣшила ее и увѣрила, что они у нея опять скоро вырастутъ. Такія весталки, достигшія сорокалѣтняго возраста и не пожелавшія, подобно Домниціи, вернуться въ міръ, оставались при атриумѣ и смотрѣли за другими. Но, кромѣ нихъ, тамъ было множество рабынь, и онѣ вовсе не исполняли роль какихъ-то служанокъ. Частью онѣ вѣдали воспитательную часть, такъ какъ будущія весталки поступали къ нимъ еще дѣтьми, частью дѣлались компаньонками старшихъ весталокъ.

Весталка, приставленная специально къ Фавстулѣ, носила имя Плотины. Это была женщина лѣтъ пятидесяти, имѣвшая такой видъ, какъ будто она такъ сразу и родилась въ этомъ возрастѣ и никогда изъ него не выходила. Крайне некрасивая, она имѣла заячью губу, изъ-за которой слова вылетали со свистомъ, напоминавшимъ Фавстулѣ свистъ вѣтра въ замочной скважинѣ. Но она была добродушна, любила посплетничать и похлопотать и не обнаруживала ни малѣйшаго желанія промѣнять увядшее величіе сверхсрочной весталки на мірскую славу. Она происходила изъ хорошаго всадническаго рода и благоговѣнно удивлялась патриціанскому блеску родословной Фавстулы.

Ея отецъ былъ человѣкъ добродушный, но неисправимый игрокъ, и бѣдная Плотина смиренно покорилась своей судьбѣ, помня о своихъ пяти сестрахъ и своей заячьей губѣ.

— Стало быть, ты совсѣмъ не знала своей матери!—воскликнула она:—хорошо, я буду тебѣ вмѣсто матери, пока ты здѣсь. Помню я, какъ меня привели сюда, хотя это было уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, и, понимаю, какъ одиноко ты должна чувствовать себя. Постараюсь, чтобы ты чувствовала это одиночество возможно меньше.

Однако Плотина не проявляла къ Фавстулѣ той безконечной

заботливости и преданности, какую она встрѣчала со стороны Клодіи. Но въ своемъ одиночествѣ она сильнѣе чувствовала простую доброту этой женщины, чѣмъ всѣ углуги ея кормилицы-рабыни. Она привыкла, чтобы она была всегда у нея подъ руками, и только когда ея не стало, дѣвочка почувствовала, чего она лишилась въ лицѣ своей кормилицы.

Разставаясь съ отцомъ, Фавстула была огорчена больше, чѣмъ прежде, въ Олибанумѣ. Она знала, почему изъ нея рѣшили сдѣлать весталку, знала, что мачеха пожелала устранить ее съ своей дороги, знала, что отецъ не смѣлъ заступиться за нее. Простились они очень холодно. Фавстула не сочла нужнымъ прикидываться огорченной, и ея большіе глаза смотрѣли на отца съ такимъ выраженіемъ, что онъ едва выдерживалъ ея взглядъ.

— Ты будешь недалеко отъ насъ, всего за угломъ,—рѣшился онъ сказать, стараясь придать себѣ беззаботный видъ:—ты можешь часто навѣщать насъ.

— Никогда,—промолвила она безъ тѣни улыбки.

Съ Тулліей она простилась почти безъ гнѣва и раздраженія. Ей было ненавистно оставаться въ ихъ домѣ, и она была рада вырваться изъ него. Съ своей стороны, и Туллія, не питая любви къ дѣвочкѣ, считала такой исходъ совершенно естественнымъ.

Весталокъ было семь, считая въ томъ числѣ и ее. Кромѣ того, оставалось еще четыре сверхсмѣтныхъ весталки. Съ этими двѣнадцатю женщинами ей придется прожить много лѣтъ, и она внимательно приглядывалась къ нимъ.

Большой весталкѣ было тридцать четыре года, но она казалась старше своихъ лѣтъ. То было сухая, худощавая женщина съ цѣлой сѣтью бородавокъ, изъ которыхъ одна помѣщалась какъ разъ на носу. Низкаго роста, коренастая, съ короткими тупыми пальцами, она отличалась плоскою головою, которую покрывала такимъ образомъ, какъ будто на ней не было ни одного волоса. Звали ее Волюмпія, но въ атрій ее называли просто «великая». Она происходила изъ небогатаго всадническаго рода и держалась холодно по отношенію къ другимъ весталкамъ, превосходившимъ ее знатностью рода. Она была не особенно умна, но отличалась практичностью и скоро выказала себя хорошимъ администраторомъ обширныхъ имѣній, которыми ей приходилось управлять. Фавстулѣ она сразу показалась несообразительной и несимпатичной, твердой, но не тиранически поддерживавшей дисциплину. Полагаясь болѣе на свой постъ, чѣмъ на самое себя, она держалась вдали отъ другихъ.

Ничто не ускользало отъ ея вниманія: равнодушная къ внутреннему міру ввѣренныхъ ея попеченію весталокъ, она проявляла рысье зрѣніе, когда дѣло шло о соблюденіи внѣшнихъ приличій.

Никто не сталъ бы оспаривать, что изъ нея вышла отличная великая весталка, но никто и не полюбопытствовалъ бы, жива она еще, или уже умерла.

Относительно остальныхъ пяти весталокъ Фавстула скоро подмѣтила, что всѣ онѣ, за исключеніемъ одной, крайне эгоистичны. Такъ какъ всѣ онѣ были разнаго характера, то этотъ эгоизмъ проявлялся у нихъ различно. Кайя была эгоистична, но привѣтлива, Ливія—эгоистична и угрюма, Марція—эгоистична и жадна, Тацита—эгоистична и тщеславна. Только Клавдія была, повидимому, свободна отъ этого недостатка.

Сходство ея имени съ именемъ покойной кормилицы Клодіи заставило Фавстулу прежде всего обратить вниманіе на эту самую юную весталку. Моложе ея была только Фавстула. Она не отличалась такой красотой, какъ Клодія, но ея лицо носило отпечатокъ благородства и сдержанной любезности. Она происходила изъ знатной патриціанской семьи, но держалась очень скромно, въ противоположность Ливіи, безпрестанно говорившей о своихъ высокихъ связяхъ.

Когда Фавстула поступила въ атриумъ, Клавдіи не было еще тридцати одного года, но ея строгій видъ дѣлалъ ее старше. То была единственная изъ обитательницъ атриума, которая показалась Фавстулѣ красивой, хотя репутаціей красавицы пользовалась среди весталокъ не она, а двадцатилѣтняя Тацита.

XXIII.

Первое впечатлѣніе отъ весталокъ Фавстула вынесла изъ общаго ужина вечеромъ, въ день ея поступленія. Этотъ ужинъ удивилъ ее своей продолжительностью и великолѣпной сервировкой. Триклиніумъ былъ не великъ, но роскошно отдѣланъ. Блюда и кубки были изъ чистаго золота, великолѣпной работы. Пища отличалась изобиліемъ и изысканностью, вина были изъ лучшихъ виноградниковъ.

Фавстулѣ было отведено мѣсто на концѣ стола. Мѣсто противъ нея было свободно: оно принадлежало Клавдіи, которая была на дежурствѣ и поддерживала священный огонь на алтарѣ богини Весты.

Великая весталка возсѣдала въ самомъ центрѣ длинной части стола. По бокамъ ея сидѣли двѣ весталки. Напротивъ нея былъ другой, болѣе короткій столъ, за которымъ ѣли четыре бывшія весталки.

Великая весталка говорила немного и, видимо, не ожидала, чтобы кто-нибудь заговорилъ съ ней, если она не начнетъ разговора первая. Когда Ливія, сидѣвшая отъ нея справа, забывала это и обращалась къ ней съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ, та дѣлала

видъ, что не слышитъ, или молча кивала головой, не достаивая ее никакого отвѣта.

Фавстула подмѣтила, что это сердило Ливію. Видно было, что она не пользовалась здѣсь любовью и что всякій щелчокъ ей доставлялъ ей подругамъ большое удовольствіе. Отъ Фавстулы не укрылось, что, когда она обращалась къ Волумніи, великая весталка сейчасъ же дѣлала какое-нибудь замѣчаніе Марціи, сидѣвшей отъ нея налѣво.

Марція была очень довольна, когда всѣ ѣли безъ особыхъ разговоровъ. Ёда дважды въ день была для нея настоящимъ событіемъ. Ей было уже за тридцать лѣтъ, но она казалась гораздо моложе Ливіи и Волумніи. Она была довольно неуклюжа, и ея маленькіе заплывшіе глаза съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ округлялись ея щеки, дѣлались все уже и уже. Ливія, наоборотъ, была худа и поджара, хотя ѣла не меньше Волумніи. Пищу она проглатывала поспѣшно и нетерпѣливо, какъ будто старалась скрыть это. Свою порцію она всегда съѣдала раньше другихъ.

Великая весталка принимала пищу съ благоразумной умѣренностью. Умѣренность была ея конькомъ: она всегда дѣлала все не скоро, но и не медленно, не мало, но и не много. Ея рѣчь, мысли, характеръ—все носило отпечатокъ умѣренности. Если она обнаруживала за кѣмъ-нибудь промахъ, то хладнокровно исправляла его.

Ея манера ѣсть какъ нельзя болѣе обнаруживала ея характеръ. Она не жадничала и ѣла ровно столько, сколько могла переварить. Но она не относилась безразлично къ пищѣ и очень часто обращалась къ Марціи съ замѣчаніемъ по поводу именно ѣды.

— Это полезно,—говорила она: это значило, что кушанье ей нравилось. У нея, впрочемъ, все было полезно, ибо у нея былъ отличный желудокъ, и ей нравилось всякое кушанье.

Марція съ удовольствіемъ выслушивала эти одобренія: она завѣдывала хозяйствомъ, и всѣ кушанья изготовлялись по ея заказу.

Она была слишкомъ занята ужиномъ и не обращала вниманія на Фавстулу. Волумнія также оставила ее въ покоѣ, полагая, что она сказала ей уже все, что было нужно.

Ливія, быстро проглотивъ свою порцію, на досугъ упорно поглядывала на юную весталку съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать:

— Да, ты очень знатнаго рода, но я знаю о тебѣ всю подноготную.

И, бросивъ на нее колючій взглядъ, она тихо начинала говорить о чѣмъ-то Кайѣ. Фавстула была увѣрена, что рѣчь шла именно о ней.

Ближе всего къ Фавстулѣ сидѣла Тацита, время отъ времени

дѣлавшая ей короткія замѣчанія. То была поверхностная и добродушная особа, не особенно умѣвшая вести разговоръ.

— Не понравилось тебѣ, когда тебѣ остригли волосы?

— Не понравилось.

— Да, и мнѣ не понравилось. Волосы у меня были чудные. Но они опять у тебя скоро вырастутъ. Ихъ, вѣдь, обрѣзаютъ только одинъ разъ.

Когда, наконецъ, она замолчала, Фавстула стала разглядывать четырехъ бывшихъ весталокъ, сидѣвшихъ отъ нея налѣво. Одна изъ нихъ была очень стара, кожа ея была похожа на печеное яблоко. Другой было немного больше сорока лѣтъ, и будь она немного помоложе, ее выбрали бы великой весталкой вмѣсто Волюмніи. Третья была съ горбомъ, четвертое мѣсто занимала Плотина.

Когда Фавстула отвела отъ нихъ свой взглядъ, ея глаза встрѣтились съ глазами Тациты, которая улыбнулась и тихонько сказала ей:

— Онѣ недурныя, но ужъ стары. Старости не избѣжишь.

«Неужели и я буду когда-нибудь похожа на нихъ?» промелькнуло въ головѣ Фавстулы.

Стиснутый на застроенномъ форумѣ, артиумъ былъ все-таки довольно обширенъ. Онъ былъ даже огромень, если имѣть въ виду его назначеніе—служить жилищемъ горсточки женщинъ. Но послѣ обширнаго раздолья Олибанума онъ показался Фавстулѣ крохотнымъ. Она не привыкла сидѣть взаперти. Несмотря на то, что она была уроженкой Рима, она страстно любила деревню съ ея величавыми свободными горами. Ей казалось теперь, что здѣсь нѣтъ воздуха, и она чуть не задыхалась безъ деревенскаго вѣтерка.

Весталки были обставлены чрезвычайно уютно. Но какая можетъ быть прелесть въ ихъ жизни, когда она лишена любви. Хотя ихъ было немного, однако, между ними не было единства и взаимной привязанности. Онѣ носили одинаковую одежду и были заинтересованы въ богатствѣ своей коллегіи—и только. Другихъ, болѣе глубокихъ связей между ними не существовало.

Фавстула знала, что всѣ эти женщины были приведены сюда еще дѣтьми, когда имъ было шесть-семь лѣтъ. Она понимала, что ихъ не спрашивали, желаютъ ли онѣ попасть сюда, какъ не спрашивали и ее, и онѣ представлялись ей выброшенными изъ людскаго общества, одинокими, какъ и она, затвердѣвшими и одеревнѣлыми въ этомъ одиночествѣ.

XXIV.

Въ атриумѣ Весты было довольно много комнатъ: каждой весталкѣ полагалось по крайней мѣрѣ двѣ комнаты. Кромѣ того, былъ общій для всѣхъ таблинумъ, триклиніумъ, архивъ и каз-

начейство, Penus Vestae и священная комната, гдѣ хранился палладіумъ, не считая кухни, ваннъ и другихъ принадлежностей. Остальныя помѣщенія были заняты рабынями.

Послѣ ужина великая весталка направилась въ таблинумъ. Всѣ оставались съ нею, пока она находилась тамъ. Но она пробыла тамъ недолго и удалилась къ себѣ. Послѣ ея ухода разговоръ оживился и сталъ болѣе интереснымъ. Весталкамъ разрѣшалось по-сѣщать, въ случаѣ надобности, и городъ, и потому новостей было много.

Эти сплетни не интересовали Фавстулу, и она ушла отъ нихъ. Непривычный костюмъ стѣснялъ ея движеніе. Пока у нея были волосы, она не замѣчала ихъ. Теперь, когда ихъ обрили, ей стало казаться, что каждый волосъ зацѣпляется за покрывало.

Откинувъ великолѣпную занавѣсь, отдѣлявшую таблинумъ отъ другихъ комнатъ, она тихонько проскользнула въ сосѣдную комнату, съ красивыми мозаичными полами, отдѣляющуюся отъ внутренняго двора мраморной колоннадой. На внутреннемъ дворѣ росли какіе-то кусты, которые должны были служить напоминаніемъ о священной роцѣ Весты.

Было темно, хотя и не поздно, и отъ луннаго свѣта, пропикавашаго въ перистиллумъ, они казались металлическими.

Фавстула вышла на дворъ и стала разсматривать статуи великихъ весталокъ, которыхъ было, казалось, безконечное множество. Тѣ, которыя стояли на одной сторонѣ, были въ тѣни, другія же ярко сіяли какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. Эти статуи понравились ей больше, чѣмъ живыя весталки. Какъ ни холодны были ихъ бѣлыя мраморныя лица, они все-таки казались ей болѣе похожими на людей, и въ ихъ молчаніи было больше достоинства. На нѣкоторыхъ лежалъ отпечатокъ покоя и усталости, какъ будто имъ лучше было быть статуями, чѣмъ живыми весталками. На другихъ застыла полуулыбка, какъ будто, приподнявъ блѣдную занавѣсь смерти, онѣ удивились и спросили сами себя: «И это все?»

Среди этихъ статуй было одно лицо, удивительно прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо грустное. Маленькая Фавстула долго стояла передъ статуей, и ей стало казаться, будто ея полныя чувственныя губы вдругъ задрожали. Фавстула почувствовала, какъ будто она совершила низость, стараясь проникнуть въ душевную тайну этой весталки, и она поспѣшно перешла къ сосѣдней фигурѣ. Это была такая же прекрасная и молодая женщина, какъ и предыдущая, но на ея губахъ бродила горькая и гнѣвная улыбка, а брови были нахмурены надъ беззрячими глазами.

Фавстулѣ она не понравилась. Но что-то невольно притягивало ее къ статуѣ, и она долго простояла передъ ней.

— Она ненавидѣла все это,—прошептала она про себя:—

теперь ей уже не было стыдно того, что она вывѣдала чужой секретъ: онъ былъ ясенъ для всѣхъ.

Лицо этой весталки было красиво, но неправильно. Линіи его говорили о ея выдающейся натурѣ, но въ изгибѣ ея губъ, въ очертаніяхъ подбородка было что-то такое, что говорило о жестокой внутренней бородѣ, о враждѣ ко всему человѣческому роду и ожесточеніи противъ самой себя.

— Ей было ненавистно все это,—повторила Фавстула, все съ большей и большей симпатіей всматриваясь въ мраморный ликъ весталки.

На дворѣ послышался мягкій шумъ легкихъ шаговъ, и Фавстула быстро перешла къ сосѣдному пьедесталу.

Статуи на немъ не было, и надпись была стерта. Заинтересованная этимъ, Фавстула, чутко прислушиваясь къ легкимъ шагамъ, раздававшимся съ западнаго края атрія, тамъ, гдѣ было святилище Весты, продолжала стоять на своемъ мѣстѣ.

Ея высокая, но еще совершенно дѣтская фигура ярко выдавалась въ сіяніи луннаго свѣта.

— А, это ты, Фавстула,—сказалъ чей-то мягкій голосъ, и изъ темной колоннады вышла на дворъ весталка Клавдія.

Она была вся въ бѣломъ.

— Я иду изъ храма,—сказала она:—я была дежурной. Теперь я смѣнилась и иду ужинать.

Но она, видимо, не спѣшила.

— Ты одна?—спросила она своимъ низкимъ, пріятнымъ голосомъ.

— Да, одна.

Въ этомъ эхо ея собственныхъ словъ было что-то такое безотрадное, что молодая весталка почувствовала, что она задѣла ее за живое.

— Что же ты тутъ дѣлаешь одна?—спросила она, подвигаясь къ ней ближе.

— Смотрю на эти статуи. Почему на этомъ пьедесталѣ нѣтъ статуи? Почему на немъ нѣтъ имени?

— Потому,—неохотно отвѣчала Клавдія:—что для насъ ея имя должно быть вычеркнуто.

Ей, очевидно, не хотѣлось говорить больше.

— Почему же?—спросила было Фавстула, но въ эту минуту изъ перистилия совершенно беззвучными шагами вышла Волумнія?

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросила она съ обычной своей суровостью:—дѣвочкѣ уже давно пора въ постель. Я скажу, чтобы Плотина присмотрѣла за ней. Что значить это «почему же?»

— Почему на томъ пьедесталѣ уничтожено имя?—спокойно спросила Фавстула.

— Потому, что эта весталка вела себя дурно и обезчестила его.

А что еще важнѣе—обезчестила насъ. Клавдія, позови сюда Плотину.

Клавдія пошла дальше, и Фавстула осталась одна съ великой весталкой. Онѣ недружелюбно посмотрѣли другъ на друга, но Фавстула нисколько не боялась ея.

— Что же такое она сдѣлала?—продолжала свои разспросы дѣвочка.

— Сдѣлала то, чего весталка по обѣту не смѣетъ дѣлать. Ты не должна задавать такіе вопросы.

— Ты можешь не отвѣчать на нихъ. А ее наказали?

— Конечно.

— Какъ?

— Какъ всякую весталку, которая опозоритъ себя и насъ: закопали живую въ землю.

Этотъ отвѣтъ былъ страшень самъ по себѣ, и холодный, безстрастный тонъ Волюмніи нисколько не смягчилъ его. «Если ты ужъ такъ хочешь знать,—казалось, хотѣла она сказать,—то смотри сама, что можетъ ожидать и тебя.

Фавстулу это, впрочемъ, не испугало, и она холодно указала на слѣдующую статую.

— И эта также была закопана живой?—спросила она съ улыбкой, отъ которой Волюмніи захотѣлось ее побить.

— Конечно, нѣтъ.

— Но у нея такой видъ.

— Видъ ничего не значить. Совѣтую тебѣ не судить по виду.

— Я и не сужу по виду.

И Фавстула опять улыбнулась. Ей пришло на умъ, что самая старая изъ весталокъ имѣла хитрый видъ, а на самомъ дѣлѣ была почти глупа, а Волюмнія, въ лицѣ которой не было ничего рѣзкаго, была остра, какъ ножъ. Въ эту минуту великая весталка, вѣроятно, досадовала, что Плотина такъ замѣшкалась.

Великой весталкѣ показалось, что эта дѣвочка знатнаго патриціанскаго рода слегка подсмѣивается надъ ея плебейскимъ происхожденіемъ. А это былъ самый чувствительный для Волюмніи пунктъ.

— Ты говоришь со мною не такъ, какъ подобаетъ,—холодно замѣтила она:—ты недостаточно почтительна. Я много старше тебя.

— О, да. Я это знаю.

Замѣчаніе, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія на Фавстулу.

— Но у меня и власть большая,—знаменательно продолжала Волюмнія.

— Что же ты можешь сдѣлать?

Великая весталка покраснѣла отъ гнѣва.

— Я могла бы, напримѣръ, приказать высѣчь тебя. Что бы ты сказала, если бы я отдала такое распоряженіе?

— Я сказала бы, что у тебя это можетъ случиться, — безъ малѣйшаго колебанія отвѣчала Фавстула.

Въ той спокойной увѣренности, съ какой былъ данъ этотъ отвѣтъ, не было ни малѣйшей дерзости. Это было просто выраженіе своего мнѣнія, которое, къ тому же, понравилось Волюмніи.

— Въ этомъ отношеніи ты права,—сказала она:—что я сказала, то я и сдѣлаю. А вотъ и Плотина. Она уложитъ тебя.

Сдѣлавъ два-три указанія Плотинѣ, великая весталка удалась. Она хотѣла бы прибавить, чтобы Фавстула не распространялась о ихъ бесѣдѣ, но сочла это ниже своего достоинства. Фавстула догадалась объ этомъ и затаяла въ себѣ все то, что произошло между ними.

XXV.

Плотина, имѣвшая материнское сердце, была очень довольна, что ей приходится имѣть дѣло съ молодымъ и прекраснымъ существомъ. Несмотря на свою заячью губу, она сразу понравилась Фавстулѣ, которая оцѣнила не столько ея ухоть, сколько ея нѣжную къ ней привязанность.

Первые десять лѣтъ каждая весталка считается новичкомъ и занимается только тѣмъ, что изучаетъ свои обязанности и въ особенности сложный ритуаль служенія богинѣ. Обученіе такихъ новичковъ поручалось тѣмъ, которыя уже пробыли десять лѣтъ. Для этого Фавстула была прикомандирована къ Ливіи, но на самомъ дѣлѣ она больше училась у Клавдіи. Ливіи не нравилась дѣвочка. Ихъ семьи, одинаково знатныя, долгое время были политическими врагами и соперниками на другихъ поприщахъ. Ливія принадлежала къ роду Ливіи Друза Колидіана, отца той Ливіи, которая сначала была замужемъ за Тиберіемъ Нерономъ, а потомъ за императоромъ Августомъ. Она была очень невысокаго мнѣнія о Фавстулахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна изъ ея сестеръ собиралась выйти за отца Фавстулы, но Фавстулъ повелъ себя не особенно хорошо въ этомъ дѣлѣ и вмѣсто нея женился на Акціи.

Его дочь также не понравилась Ливіи по многимъ причинамъ. Весталка не допускала и мысли, чтобы кто-нибудь могъ равняться съ нею знатностью рода, но вмѣсто того, чтобы громко высказать это, дѣлала видъ, что ей скучно объ этомъ говорить.

Фавстула смотрѣла на нее во всѣ глаза, не моргая, и Ливіи, казалось, что она смѣется надъ нею. Она не удержалась и пожаловалась на нее Волюмніи.

— Едва ли это такъ,—строга замѣтила она:—если она и смѣется, то смѣется надъ чѣмъ-нибудь другимъ.

— Она очень упряма.

— Это обычный въ этомъ возрастѣ недостатокъ; но это дѣло поправимое. Гораздо хуже это въ женщинѣ уже пожилой.

— Я не вижу въ ней ни малѣйшаго благоговѣнія передъ богиней. Это возмутительно въ ребенкѣ.

— Въ ребенкѣ это объясняется невѣдѣніемъ. Почтеніе, какъ и обратное чувство, заразительно. Пусть она почерпнетъ у тебя это чувство благоговѣнія.

Ливія отправилась домой разстроенная, а Болюмнія вернулась къ себѣ очень довольная. Ей было пріятнѣе, чтобы острые глаза Фавстулы подмѣчали недостатки Ливіи, чѣмъ ея собственные.

— Ты ужъ очень много носишься со своей Фавстулой,—замѣтила она потомъ Клавдіи:—это, впрочемъ, естественно. Но не находишь ли ты, что она глупа?

— Глупа? Нисколько.

— Упряма?

— О, нѣтъ.

— Способна ли она освоиться со своими обязанностями?

— И очень даже.

— Есть у нея призваніе?

— Призваніе?—заколебалась Клавдія:—пожалуй, она немного равнодушна. Но во всякомъ случаѣ, у нея есть характеръ.

— По нашему уставу первыя десять лѣтъ весталка должна изучать свои обязанности, слѣдующія десять лѣтъ—исполнять ихъ безукоризненно, а потомъ въ теченіе десяти лѣтъ учить вновь поступающихъ. Я замѣтила, что второе десятилѣтіе многія стараются освободиться отъ своихъ обязанностей и переложить ихъ на другихъ. Ты скоро вступишь въ этотъ періодъ. Позволь дать тебѣ совѣтъ: исполняй свои обязанности сама, не проси никого замѣнить тебя и сама никого не замѣняй. Вотъ и все, что я тебѣ могу сказать.

Клавдія удалилась, понявъ, что великая весталка разсчитываетъ на нее, что она исправитъ и пополнитъ все то, чего не сумѣетъ дать Фавстулѣ Ливія. Подъ ея руководствомъ дѣвочка сдѣлала большіе успѣхи. На нее нельзя было бы пожаловаться, если бы она хоть немного болѣе интересовалась тѣмъ, что отъ нея требовалось.

Она запоминала все, о чемъ ей говорятъ, а ея быстрая наблюдательность помогала ей дѣлать то же, что дѣлали и другіе. Но въ ней чувствовался недостатокъ чего-то, и Клавдія не могла понять, чего именно.

Однажды вечеромъ,—было еще не поздно, но уже совсѣмъ темно, дѣло было зимой,—Фавстула сидѣла рядомъ съ Клавдіей. Другихъ весталокъ не было, онѣ по очереди охраняли священный огонь

— Что было бы,—спросила Фавстула какимъ-то страннымъ голосомъ,—если бы у тебя погасъ этотъ огонь?

— Меня подвергли бы бичеванію.

— Кто?

Блвдїя замаялась съ отвѣтомъ, такъ какъ сама хорошенько не знала этого.

— По уставу, великій жрецъ...

— Но великими жрецами уже давно стали императоры, а они теперь исповѣдуютъ христіанскую вѣру.

— Это я знаю. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ одинъ изъ фламинговъ.

Глаза Фавстулы были устремлены на огонь, который языкомъ поднимался вверхъ, слегка колеблясь изъ стороны въ сторону. Онъ отражался на ея красивомъ лицѣ, почти всегда задумчивомъ, хотя лукавая улыбка и говорила иногда о внутренней веселости.

— Не все ли равно, если бъ онъ даже совсѣмъ погасъ,—проговорила она, положивъ подбородокъ на руки.

— О, Фавстула! Послѣ того, какъ онъ горѣлъ тысячу лѣтъ?

— Это вздоръ. Онъ горитъ только съ прошлыхъ календъ. Каждый годъ его задуваютъ и снова зажигаютъ. Не лучше ли, если онъ погаснетъ какъ-нибудь случайно?

— Великія несчастія падутъ на государство, если огонь, вслѣдствіе небрежности, погаснетъ.

— Почему же несчастіе должно пасть на все государство, если огонь погаснетъ по винѣ одной весталки? Это несправедливо.

— Вотъ поэтому-то виновную и предають бичеванію. Богиня можетъ умилостивиться отъ этого, и невинные не пострадаютъ.

— Оттого, что ее будутъ бичевать, другіе не станутъ болѣе невинными. Мнѣ кажется, боги дѣйствуютъ несправедливо.

— Фавстула, ты не должна такъ разсуждать. Развѣ мы можемъ осуждать божества?

— Ты хочешь сказать, что это можетъ ихъ разгнѣвать? Если они сердятся отъ того, что подслушиваютъ людскіе разговоры, то пусть сердятся.

— Фавстула, Фавстула! И ты говоришь такъ здѣсь, въ самомъ храмѣ богини!

— Ну, она не моя богиня. Если она дѣйствительно все знаетъ, то ей извѣстно, какъ я ненавижу пребываніе здѣсь. Если она накажетъ меня за то, что я говорю правду, то пусть наказываетъ. Если ты бичуешь рабыню, которая не сдѣлала никакого вреда, то ты заслуживаешь гнѣва.

Весталка только головой покачала.

— Поистинѣ, ты дурная дѣвочка,—замѣтила она.

— Боюсь, что не только дурная, но и злая къ тебѣ. Но если богиня дѣлаетъ несправедливыя вещи, то я не могу не сказать ей этого.

Для меня всё эти богини одинаковы, а ихъ много. Если имъ всёмъ угождать, то это будетъ ужъ слишкомъ много. Къ тому же что нравится одной, то не нравится другой. Повидимому, онѣ живутъ не очень-то дружно между собой, если все то, что про нихъ говорятъ, правда. Поэтому, я держусь отъ нихъ подальше.

— Но, Фавстула, къ Вестѣ ты должна быть почтительна: ты ея жрица.

— Развѣ я виновата въ этомъ?

Она проговорила эти слова съ такою горечью, что Клавдія готова была оскорбиться, если бѣ они не были произнесены съ такой тоской.

— Ты знаешь, Клавдія, почему я здѣсь. А если не знаешь, то можешь догадаться. Моя семья тяготится мою. Почему старая Плотина стала весталкой? Потому, что она некрасива, у ней заячая губа. У нея нѣтъ денегъ, и ея отецъ зналъ, что никто не женится на ней. Тацита очень красива, но она косолапа. Этого никто не замѣчаетъ изъ постороннихъ, ибо ее всегда носятъ на носилкахъ. Старуха Скрибонія почти выжила изъ ума, Валерія—горбата, у Миниціи лицо какъ у волка. Всѣ онѣ пришли сюда, но развѣ кому-нибудь хоть немного нужна Веста?

— Мнѣ нужна, — тихо и важно сказала Клавдія, устремляя на Фавстулу свои большіе глаза.

— Я часто удивлялась, зачѣмъ ты здѣсь, — нѣсколько спокойнѣе сказала Фавстула. — Я знаю, твой отецъ тебя любитъ. Я помню тотъ день, когда мы встрѣтили его. Это было, когда мы шли назадъ, неся священную воду изъ источника Эгеріи. Какъ засіяло радостью его лицо, когда онъ узналъ тебя!

— Да, ни одинъ отецъ не любитъ свою дочь такъ, какъ онъ. У меня нѣтъ ни сестеръ, ни братьевъ. Моя мать умерла пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ я пришла сюда. Поэтому вся его любовь сосредоточивается на мнѣ. Я была счастлива дома.

Она хотѣла еще что-то сказать, но сдержалась. Ея природная деликатность подсказала ей, что для Фавстулы это, можетъ быть, будетъ слишкомъ тяжелымъ контрастомъ. Но Фавстула не думала о себѣ.

— Скажи же мнѣ, почему ты сдѣлалась весталкой? Неужели это твое собственное желаніе?

— Да. Мой отецъ и не думалъ о томъ, чтобы отдать меня сюда. Онъ долго не соглашался на это. Я постараюсь объяснить тебѣ все. Я думаю, что я должна это сдѣлать. Но ты, можешь быть, не поймешь меня и мои слова покажутся высококомѣрными...

— Ты всегда производила на меня впечатлѣніе высококомѣрной, — съ легкой улыбкой замѣтила Фавстула.

Нѣсколько минутъ Клавдія сидѣла безмолвно, устремивъ глаза

на слабо колыхавшееся передъ ней пламя. Она думала не столько о томъ, что она сейчасъ скажетъ Фавстулъ, сколько о самой Фавстулъ. Сколько у нея разнообразныхъ улыбокъ!

XXVI.

Фавстула не торопила ее и сидѣла смирно, опустивъ голову на одну руку, а другой лѣниво ухаживая за священнымъ огнемъ, отбрасывавшимъ на бѣлыя стѣны слабый, колеблющійся свѣтъ.

— Не легко сказать тебѣ то, что хотѣлось бы сказать. Правда кажется иногда нелѣпостью только потому, что она выходитъ изъ заурядныхъ устъ.

Фавстула перестала смотрѣть на священный огонь и тихонько положила свою руку на колѣни Клавдіи. Но та даже не шевельнулась.

— Я не такъ умна, какъ ты,—заговорила она.—Я могу говорить только правду. Хотя я и вдвое старше тебя, по подчасъ я чувствую себя ребенкомъ въ сравненіи съ тобой. Конечно, въ тебѣ говорить не желаніе дерзить противъ боговъ, а чувство справедливости, которое говоритъ противъ всего несправедливаго гдѣ бы это несправедливое ни совершалось, не исключая даже боговъ. Это я понимаю. Но мнѣ представляется, что твоя натура гдѣ-то надломлена. Теперь я знаю, отчего это. Вотъ поэтому-то я и хочу сказать тебѣ, зачѣмъ я стала весталкой.

— Разсказывай, я хочу это знать.

Клавдія покачала головой, но повиновалась.

— Наша жизнь такъ коротка, — начала было она...

— Коротка? Лѣтъ восемьдесятъ, если не больше. Скрибоніи за девяносто! Коротка!

Говоря это, Фавстула стала поворачивать голову во всѣ стороны, какъ птица, посаженная въ клѣтку. Клавдіи было труднѣе продолжать, чѣмъ начать. Ей не хотѣлось говорить.

— Что они сдѣлали, заключивъ тебя сюда насильно!—тихо прошептала она.

— Правда ли это, Клавдія, за нѣкоторыя вещи насъ закапываютъ живьемъ?—съ какимъ-то свирѣпымъ любопытствомъ спросила Фавстула.

— Правда.

— Закапываютъ въ землю? Сколько времени длится это? Это не можетъ продолжаться нѣсколько дней. Я предпочла бы умереть черезъ недѣлю, чѣмъ быть закопанной черезъ восемьдесятъ лѣтъ. Ибо черезъ недѣлю я не сдѣлаюсь такой слабоумной, какъ Скрибонія, и такой злой, какъ Ливія. Никто не можетъ черезъ недѣлю превратиться въ одинъ желудокъ, какъ Марція. Наша жизнь ко-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

- ВАКАНДАРЪ, Е., аббать. Вопросъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Кіевъ. 1912. Ц. 25 к.
- МОНАХЪ НЕОФИТЪ. О тайнѣ крови у іудеевъ въ связи съ ученіемъ каббалы. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- Поповъ, Н. Автографы митрополита Макарія, собирателя великихъ миней. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- РЫБАКОВЪ, А., ШВЕЦОВЪ, К. Старая вѣра. Старообрядческая хрестоматія. Ц. 1 р. 60 к.
- ХВОЛЬСОНЪ, Д., проф. Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь? Разсужденіе. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

- АБРАМОВИЧЪ, Н. Религія Толстого. М. 1914. Ц. 60 к.
- АСТРОВЪ, В. Не нашли пути. Изъ исторіи религіознаго кризиса. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- БОЛДУИНЪ, Д., проф. Духовное развитіе съ социологической и этической точки зрѣнія. Исслѣдованіе по социальной психологіи. Кн. 2-я. М. Ц. 1 р. 50 к.
- ВИВЕКАНАНДА, С. Карма-Йога. Спб. 1914. Ц. 60 к.
- МЕНДЕЛѢВЪ, И. Отъ критицизма къ этической гносеологіи. Клинь. 1914. Ц. 80 к.
- МИЛЛЪ, Д.Ж. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго исслѣдованія. М. 1914. Ц. 4 р. 50 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Не-периодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 14. Этика. I. Спб. 1914. Ц. 80 к.
- РАМАЧАРАКА, ЮГЪ. Жнани—Йога. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- РОБИНСОНЪ, Л. Метафизика Спинозы. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- СПАСОВСКІЙ, М. Большое творчество. Спб. 1914. Ц. 50 к.
- УСПЕНСКІЙ, П. Четвертое измѣреніе. Обзоръ главнѣйшихъ теорій и попытокъ исслѣдованія области неизмѣримаго. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ЧАЙКОВСКІЙ, М. Новѣйшее въ философіи. Физико-механической анализъ вещества. Четвертое измѣненіе. 1913. Ц. 30 к.
- ЧЕМБЕРЛЕНЪ, Х. Арийское міросозерцаніе. М. 1913. Ц. 50 к.
- ФІРСОВЪ, Н., проф. 1812 года въ социолого-психологическомъ освѣщеніи. М. 1913. Ц. 45 к.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1914 г., т. СХХХV.

1/26

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- БЪЛИНСКІИ, В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ прим. проф. С. А. Венгерова. Т. X. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ЕФИМОВЪ, Н. Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій и его посланія. Симбирскъ. 1913. Ц. 20 к.
- ЗАБОЛОТСКІИ, П. М. М. Ю. Лермонтовъ у славянъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- Гоголевскій музей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1912. Ц. 25 к.
- ЗЕЛЕНЕЦКІИ, А. Л. Эпитеты литературной русской рѣчи. Ч. 1-я. М. 1913. Ц. въ ланкѣ 75 к.
- СИМАКОВЪ, В. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль. 1913. Ц. 2 р.
- ЦЕРЕТЕ-ШИ, Г. Новая комедія Менандра. Юрьевъ. 1914. Ц. 3 р.
- ЧЕХОВЪ, А. Письма. Т. I. (1876—1887 гг.). М. Ц. 1 р. 60 к.
- ЧЕХОВЪ, А. Письма. Т. IV. (1892—1896 гг.). М. Ц. 2 р.
- ШЛЯНКИНЪ, П. Лекціи по исторіи русской литературы. Ч. 1-я. Вып. I и II. Спб. 1913. Ц. за оба выпуска 4 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АККОРДЫ ДУШИ. Стихи. Ц. 1 р.
- АМОРИ. Новѣйшія любовныя похиженія мадамъ Вербицкой. Въ погонѣ за ощущениями. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- АМОРИ, графъ. Возвращеніе Саннина. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- АУСЛЕНЦЕРЪ, С. Послѣдній спутникъ. Романъ. М. Ц. 1 р.
- БАЛЬМОНТЪ, К. Край Озириса. Египетскіе очерки. М. 1914. Ц. 2 р.
- БАЛЬМОНТЪ, К. Полное собраніе стиховъ. Т. II. Горяція зданія. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- БРЕШКО-БРЕШКОВСКІИ, Н. Подъ шрапнелью. Романъ. Спб. — М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- Рыцари «Лоскутной монархіи». Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- БРУСЯНИНЪ, В. Мужчина. Романъ и другіе рассказы. М. Ц. 1 р. 25 к.
- БУДИЩЕВЪ, А. Л. Изюмы любви. Рассказы. М. Ц. 1 р. 25 к.
- БХАВАГАДЪ-ГИТА или пѣснь Господія. 1914. Ц. 50 к.
- БЪЖЕЦКІИ, А. Невѣдомое... Фантастическіе рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- ВИТИНЪ, В. Земскій дѣятель Нератовъ. Сцены въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- ВОЛОШИНЪ, М. Лики творчества. Книга первая. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
- ГАРТЕВЕЛЬДЪ, М. Ночные соблазны. Стихи. Спб. Ц. 50 к.
- ГРИБОВЪДОВЪ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Академическая библиотка русскихъ писателей. Спб. 1913. Ц. 90 к., въ перепл. Ц. 20 к.
- ДОДЭ, А. Таргарнъ изъ Тараскона и Провансальскія легенды. М. 1914. Ц. 1 р.
- ЖЕРОМСКІИ, Ст. О Вальгернѣ Владомъ. Спб. Ц. 90 к.
- ИЗБРАННЫЕ стихи русскихъ поэтовъ. 1914. Ц. 1 р.
- КАРПОВЪ, Е. Зарево. Пьеса. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- КЕЛЛЕРМАНЪ, В. Собраніе сочиненій. Т. III. Ингеборгъ. Спб. Ц. 1 р.
- КНЯЗЕВЪ, В. Двунogie безъ перьевъ. Сатира и юморъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- КОЦЕВО-ТЬСКАЯ, Л. Дѣти. Сборникъ рассказовъ. Харьковъ. 1913. Ц. 75 к.
- КРЫЛОВЪ, И. Спасенная Россія въ басняхъ. Памяти героевъ російскихъ 1812—1814 гг. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- ЛЕТУЧИЕ АЛЬМАНАХИ. Сборникъ. № 13. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- ЛОМАЧЕВСКІИ, А. Небылицы въ лицахъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛОМШАКОВЪ, М. Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы «Человѣческая трагикомедія» Ч. 1-я. Спб. 1913. Ц. 1 р. 30 к., въ пер. 2 р.
- ТО ЖЕ. Ч. 2-я. Ц. 50 к., въ пер. 1 р. 20 к. Ч. 3-я. Ц. 50 к., въ пер. 1 р. 20 к.
- МАЛЫШЕВЪ, А. (А. СТАЛЬСКІИ). Васильи. СБОРНИКЪ стихотвореній 1906—1912 гг. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- МИКУЛИЧЪ, В. Паша красная. Рассказы. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- МОГУЧІИ, Н. Миражъ. Рассказы. М. 1914. Ц. 20 к.
- НАГРОДСКАЯ, Е. День и ночь и другіе рассказы. Спб. Ц. 1 р.
- НЕВЪЖИНЪ, П. Погибшій кумиръ. Повѣсти и другіе новеллы и рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- НИКИТИНЪ, И. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей А. Я. Кракова. Екатеринбургъ. 1914. Ц. въ перепл. 3 р.
- НЪМОЕВСКІИ, А. Листопадъ. Прометей и другіе рассказы. Спб. 1914. Ц. 75 к.
- ОСЕННИЕ ЛИСТЪЯ. Стихотворенія въ прозѣ. Г. Х. Д. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ПЕРЕСВѢТОВЪ, И. Змѣвикъ. Стихотворныя фантазіи. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- ПОМЯЛОВСКІИ, Н. Очерки бурсы. Спб. 1914. Ц. 20 к.
- РАФАЛОВИЧЪ, С. Театръ, пять пьесъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- Стихотворенія. Сборникъ четвертый. Спб. Ц. 1 р.
- РЕННИКОВЪ, А. Тихая заводь. Ироническій романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- РОМАНЪ Тристана и Изольды въ изложеніи Ж. Белье. М. 1913. Ц. 1 р.
- РУКАВИШНИКОВЪ, А. Аркадьевка. Романъ. М. Ц. 1 р. 25 к.
- САФОНОВЪ, С. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.
- СВѢЖІЯ СИЛЫ. Журналъ-сборникъ. Кн. 1-я. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- СИРИНЪ. Сборникъ второй. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- СКАЗКИ. Кружокъ мечтателей. Спб. 1914. Ц. 1 р.
- СЛОВАЦКІИ, Ю. Ангелли. Поэма. М. 1913. Ц. 50 к.

ФЛОБЕРЪ, Г. Собрание сочинений. Т. III. Искушение св. Антонія. II. 1 р.
ФОНВИЗИНЪ, С. Записки свободной женщины. Спб. 1914. II. 1 р. 50 к.
ЦВѢТНЫЕ сборники, вып. второй «Изумрудный». Рассказы. II. 60 к.

ЧИРИКОВЪ, Е. Житие-бытье. Романъ. М. 1913. II. 1 р. 25 к.
ШИЛДЕРЪ, Ф. Собрание сочинений, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Т. I. М. 1913. II. 2 р. 50 к. въ перепл.

Исторія, біографія и археологія.

БРЕЧКЕВИЧЪ, М. О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время. Казань. 1913. II. 15 к.

БЪЛІНСКІИ, Письма Т. I. 1829—1839 гг. Спб. 1914. II. 2 р. 50 к.

ВАЛИШЕВСКІИ, К. Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствование и смерть. Спб. 1914. II. 6 р.

ВИНКЛЕРЪ, Г. Вавилонъ, его исторія и культура. Спб. 1913. II. 1 р.

ГАЛАНІНЪ, Д. Леонтій Филипповичъ Магницкій и его арифметика. Вып. I. М. 1914. II. 50 к.

ГРАЦАНСКІИ, Н. Исторія Западной Европы въ средніе вѣка. Ч. I-я. Раннее средневѣковье. (Лекціи, читанныя въ 1912—13 учебномъ году на казанскихъ высшихъ яенскихъ курсахъ). Казань. 1914. II. 2 р. 75 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А. Мои воспоминанія. Т. IV. II. 4 р.

ДУБНОВЪ, С. Новѣйшая исторія еврейскаго народа. Спб. 1914. II. 3 р. 50 к.

КАШКІНЪ, Н. О родѣ Кашкинскихъ. Посмертное изданіе. Спб. 1913. II. 1 р.
— Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Два тома. Спб. 1913. II. за оба тома 3 р.

КОНИ, А. На жизненномъ пути. Т. I. Изъ записокъ судебного дѣятеля. М. 1914. II. 2 р.

КОРЕЛІНЪ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое послѣдованіе. Т. I. Историографическій обзоръ. Спб. 1914. II. 2 р.

ЛИХТЕНБЕРГЪ, Р. Допсторическая Греція. (Эгейская культура). Спб. 1913. II. 1 р.

МАКСИМОВИЧЪ, Г. Обученіе грамотѣ и воинской экзерциции въ Старой Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка. Кіевъ. 1913. II. 50 к.

ПАМЯТНИКИ русской исторіи. Русская правда. Подъ редакціей А. Яковлева. М. 1914. II. 35 к.

САБАНЪЕВА, Е. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770—1838 гг. Спб. 1914. II. 1 р.

СЕЛИВАНОВЪ, А. Материалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибей. Рязань. 1912. II. 2 р. 50 к.

СИНАЙСКІИ, В. Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ. II—V. Кіевъ. 1913. II. 3 р. 50 к.

СУХОТИНЪ, Л. Народныя движенія 1611 и 1612 гг. М. 1913. II. 25 к.

ХВОСТОВЪ, В., проф. Теорія историческаго процесса. Очерки по философіи и методологіи исторіи. Курсъ лекцій. М. 1914. II. 2 р.

ЧЕРНЫШЕВСКІИ ВЪ СИБИРИ. Перещика съ родными. В. III. (1878—1883 гг.) Спб. 1913. II. 2 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АНТАШ, П. Сборникъ постановленій шариата по семейному и наследственному праву. Вып. II. Объ опеку, даренія и признанія. Спб. 1913. II. 75 к.

БАЖАЕВЪ, В. Конспектъ курса сельско-хозяйственной статистики. Кіевъ. 1914. II. 1 р. 20 к.

БАРДЗСКІИ, А. Законы о несостоятельности торговой и неторговой и о личномъ задержаніи неисправныхъ должниковъ. Одесса. 1914. II. 3 р. 50 к.

БОГДАНЪ-СОКОЛЬСКІИ, А. Новый хлѣбъ Россіи. Съ рисунками и диаграммами. Кіевъ. 1913. II. 1 р. 50 к.

ВАВИНЪ, Н. Зачетъ обязательствъ. II. 75 к.

ВИЛЕЙШИСТЪ, Я. Систематическій сборникъ законовъ о мѣщанскихъ управленіяхъ, съ позднѣйшими разъясненіями. Херсонъ. 1914. II. 3 р. 50 к.

ВОРОНОВЪ, Д. Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ въ связи съ бытомъ населенія. Обслѣдованіе потребленія вина въ Пензенской губерніи въ 1912 году. II. 50 к.

ВУКИЧЕВИЧЪ, М., проф., и СЕМИЗЪ, Д. Сербія и болгары въ борьбѣ за свободу и культуру. Спб. 1913. II. 1 р.

ГОФШТЕТТЕРЪ, П. Убійство Ющинскаго и русская общественная совѣсть. Спб. 1914. II. 25 к.

ДЕМЕНТЬЕВЪ. Доходы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ связи съ экономическими явленіями русской жизни послѣднихъ лѣтъ. Спб. 1913. II. 3 р.

ДЕНИСОВЪ, В. Россія на Дальнемъ Востоку. Спб. 1913. II. 1 р. 50 к.

ДОВРОВОЛЬСКІИ, А. и ЗАВАДСКІИ, С. Сводъ общеперсикскихъ законоположеній о торговой и неторговой несостоятельности и объ администраціяхъ. Спб. 1913. II. 20 к.

ДОРМИДОНТОВЪ, Г., проф. Система римскаго права. Вещное право. Казань. 1913. II. 1 р. 50 к.

ЖИРКЕВИЧЪ, А. Гауптвахты Россіи должны быть немедленно же преобразованы на началахъ закона, дисциплины, науки, человеколюбія, евангельскихъ заветовъ, блага родины. II. 1 р.

ЗАМЫСЛОВСКІИ, Г. Убійство Андруши Ющинскаго. Спб. 1914. II. 30 к.

ЗМИРЛОВЪ, К. Уставъ гражданскаго судопроизводства для мѣстностей, въ которыхъ введенъ законъ о преобразованіи мѣстнаго суда въ неполномъ объемѣ. Спб. 1914. II. 1 р. 25 к.

КИТНИКОВЪ, П. Питейныя заведенія, ихъ права, обязанности и отвѣтственность за нарушенія акцизнаго устава. Житомиръ. 1913. II. 50 к.

КЛЕЙТЕЛСЪ, А. Нѣсколько словъ

1/2:6*

объ албанцахъ и весеннемъ возстаніи 1910 года. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЛИХТЕНБЕРГЪ, А. Современная Германия. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЪВОВИЧЪ, М. Последнія позиція. (Саратовское ритуальное дѣло въ освѣщеніи члена государственной думы Г. Замысловскаго). Спб. 1912. Ц. 30 к.

МАНАСЕИНЪ, П. Къ вопросу объ установленіи идеальной границы на западѣ Россіи. Спб. 1913. Ц. 35 к.

МУССЕ-ПУСЪ, В. Еврей и янцль. Спб. Ц. 25 к.

НИКИТИНЪ, В. Уставъ о воинской повинности. Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

ПАРЛАМЕНТСКІЯ рѣчи по еврейскому вопросу. Ч. 1-я. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ПОКРОВСКІИ, С. Методологическія различія въ направленіи главнѣйшихъ школъ французскаго государственнаго права. Ярославль. 1913. Ц. 65 к.

— Опытъ крестьянскаго самоуправленія въ началѣ XIX столѣтія. Самоуправленіе крестьянъ, приписанныхъ къ Демидовскому высшихъ наукъ училищу, нынѣ лицее, въ гор. Ярославлѣ (1804—1817 гг.). Ярославль. 1913. Ц. 30 к.

— Очеркъ австрійскаго государственнаго права. Ярославль. 1912. Ц. 65 к.

— Государственный совѣтъ во Франціи. какъ органъ административной юстиціи въ отношеніи административныхъ рѣшеній. Ярославль. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

РЕННЕНКАМПФЪ, Н. Юридическая энциклопедія. Кіевъ—Спб. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

РОЗЕНШТЕЙНЪ, М. Практическое руководство для веденія дѣлъ у мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ судахъ, верхнихъ сельскихъ судахъ, сѣздахъ, губернскихъ присутствіяхъ (болѣе 300 формъ различныхъ прошеній). Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

РЯБЧЕНКО, А. О борьбѣ съ хулиганствомъ, воровствомъ и бродягничествомъ. Спб. 1914. Ц. 15 к.

СБОРНИКЪ ЗАКОНЕНІИ и циркуляровъ по таможенному дѣлу за 1912 г. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

СЕВАСТЬЯНОВЪ, П. Инвизиція въ медицинѣ. Спб. 1914. Ц. 20 к.

СУВОРИНЪ, А. (АЛЕКСѢИ ПОРОШИНЪ). Дуэльный кодексъ. Спб. Ц. 1 р. 80 к.

ТАРАНОВСКІИ, Н. О судѣ для малолѣтнихъ и введеніи его путемъ судейской практики. Спб. 1913. Ц. 75 к.

УБИЙСТВО ЮЩИНСКАГО. Мифія иностранныхъ ученыхъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ФРАКЦІЯ ПРОГРЕССИВОВЪ въ четвертой государственной думѣ. Серія 1-я. 1912—1913 гг. Вып. III. Народное хозяйство. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ШАХТЪ, А. Система ликвидаціи пожарныхъ убытковъ. Спб. 1914. Ц. 6 р.

Искусство.

АПОЛЛОНСКАЯ, И. Христіанскій театр. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ВАГНЕРЪ, Р. Нibelунги. Всемирная исторія на основаніи сказаній. М. 1913. Ц. 50 к.

ВЕЛЬФЛИНЪ, Г. Ренессансъ и барокко. Изслѣдованіе о сущности и происхожденіи стиля барокко въ Италіи. Ст. 16 табл. и 19 рис. Ц. 2 р. 75 к.

ВОЛКОНСКІИ, С. Выразительное слово. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Pro Scena Sua. Режиссура. Липецки. Последнія проблемы театра. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

«ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ». 1913. Вып. 7-й. Ц. 1 р.

ГЕННИКЕ, Ф. Живопись масляными красками. Практ. руков. Спб. 1913. Ц. 80 к.

СЕФФЕРИ, О. Отчего у насъ падаетъ искусство пѣнія? Вокальные наброски. Ц. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. С. Театральные очерки. 1866—1876 гг. Спб. 1914. Ц. 3 р.

УСПЕНСКІИ, А. Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка. Т. III. М. 1914. Ц. 20 р.

ЭЖЕНЪ ФРОМАНТЭНЪ. Старые мастера. Бельгія—Голландія. Ст. 91 рис. М. 1913. Ц. 3 р. 25 к. и 3 р.

Естествознаніе и математика.

КОНСПЕКТЪ по физикѣ. Ч. 1-я. Составленъ примѣнительно къ «Курсу физики» проф. П. А. Зилова студентомъ И. П. М. 1913. Ц. 50 к.

КРЫЖАНОВСКІИ, Д. О максимальныхъ и минимальныхъ свойствахъ плоскихъ фигуръ. Одесса. 1913. Ц. 50 к.

МЕНЦЕРСКІИ, И. Сборникъ задачъ по теоретической механикѣ. Ст. 333 чертск. въ текстѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ АСТРОНОМИИ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. А. Иванова. Сборникъ № 5. Кометы. Ихъ природа и происхожденіе. Спб. 1914. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 6. Теорія ассамблей. I. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ПОЛЯНСКІИ, И. Сезонныя явленія въ природѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

УЛЬЯНИНЪ, П. Радиоактивность, какъ возможный процессъ минерало-образованія въ природѣ. Варшава. 1914. Ц. 25 к.

ШПРЯЕВЪ, Н. Руководство къ собранію и сохраненію насѣкомыхъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

АБРАМОВЪ, П. Подъ роднымъ солнцемъ. Экскурсіи по Россіи. Спб. 1914. Ц. 1 р.

БУШАНЪ, Г. Иллюстрированное народовѣдѣніе. Вып. I. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВОСТОЧНЫЙ СБОРНИКЪ. Изданіе общества русскихъ ориенталистовъ. Книга 1-я. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЗЕЛЕНИНЪ, Д. Библиографическій указатель русской этнографической литера-

туры о вишинемъ бытъ народовъ Россіи 1700—1910 гг. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
КОВАЛЕВСКІЙ, П. проф. Кавказъ. Т. I. Народы Кавказа. Спб. 1914. Ц. 2 р.

КОЗЛОВЪ, П. Николай Михайловичъ. Прижевальскій, первый изслѣдователь Центральной Азии. Спб. 1913. Въ перепл. Ц. 2 р.

Языковѣдніе.

БРАНДЪ, Р., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. М. 1913. Ц. 2 р.
ЗЕЛЕНИНЪ, Д. Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и переходнымъ

смягченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ, въ связи съ теченіемъ позднѣйшей великорусской колонизаціи. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

АЛЕКСАНДРОВА - ПИНАТЬЕВА, П. Практическія основы вегетарианскаго питанія. Спб. 1914. Ц. 2 р.

БОДИСКО, Д. Сухой жомъ и его значеніе при отгормѣ скота. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ВЛАДЕНКО, В. Хрестоматія по сельскому хозяйству. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕРАСИМОВЪ, Д. Основы промышленнаго птицеводства. Практическое руководство съ 157 рис. и черт. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.

ГОЛЫЦЪ, Т. Сельско-хозяйственная таксація. М. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ЕРМОЛОВЪ, А. Организація полевого

хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвооборота. Спб. 1914. Ц. 4 р. 50 к.

ЖУКЪ, Н. Краткія справочныя свѣдѣнія о хозяйствахъ, разводящихъ птицу, кроликовъ и козъ. Ц. 2 р.

КАЗАЧЕНКО, Б. Изъ практики по культурѣ болотъ. Спб. 1914. Ц. 50 к.

КУЛЕШОВЪ, П. Породы грубошерстныхъ овецъ. Съ мног. рис. Ц. 75 к.

НЕЧАЕВЪ, Я. Усовершенствованная сущилка простѣйшей конструкціи. М. 1913. Ц. 50 к.

РЫТОВЪ, М. Русское огородничество. Ц. 1 р. 50 к.

ТЮТЧЕВЪ, А. Правила о потравахъ и другихъ поврежденіяхъ земельныхъ угодій. Спб. 1914. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БЪЛАВЕНЕЦЪ, М. Глиновѣдніе, кирпичное производство. Сочиненіе № 28. Складываніе лопольной обжигательной печи изъ сырца-кирпича. Съ рис. и фотогр. Ц. 30 к.

— Кирпичное производство. Спб. 1914. Ц. 3 р.

ГОЛЪДАРБЕЙТЕРЪ, И. Крашеніе шелка въ черный цвѣтъ. Пособіе для химиковъ. Рига. 1913. Ц. 4 р. 80 к.

КОПНЯЕВЪ, П., проф. Курсъ электротехники. Т. I. Вып. II. Основы электричества и магнетизма. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р.

ЛЕВИЦКІЙ, П. Краткія практическія указанія по черченію плановъ, ихъ надписыванію и окраскѣ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

ПНЕВМАТИЧЕСКІЕ инструменты. Съ 133 рис. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ПОГРЕБОВЪ, Н. О результатахъ гидрогеологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ съ цѣлью выясненія вопроса о возможности снабженія Петербурга такою называемою включеной водой. Съ 4 табл. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СЕРЕБРЯКОВЪ, Г. Художественное вязаніе. Съ 40 рис. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ТРУДЫ русскаго общества испытанія матеріаловъ въ Москвѣ. Т. I—II. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. I—II. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ФЛЕТЧЕРЪ, Б. и ФЛЕТЧЕРЪ, Ф. Исторія архитектуры, составленная по сравнительному методу. вып. III. послѣдній. Спб. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ желѣзная дорога Миланъ—Варазъ (въ Италіи). Описаніе. Съ 21 рис. въ текстѣ и 5 табл. чертежей. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, фізіологія и хирургія. Ветеринарія.

АРНОЛЬДОВЪ, В. Краткій историческій очеркъ развитія общественной санитаріи въ Россіи. Саратовъ. 1913. Ц. 40 к.

БАРАНОВЪ, А. Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ИНГАЛЬ, Г. Сѣмявыводяще пути, сѣменные пузырьки и оперативный доступъ къ нимъ. М. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МЕДИЦИНѢ. Периодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. М. Левина. Сборникъ. № 2. Анафилаксія. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ПАППЕНГЕЙМЪ, А. Техника клиническаго изслѣдованія крови для студентовъ и врачей. Саратовъ. 1913. Ц. 60 к.

САМОПЛЕНКО, М. Деформаціи но-

совой перегородки и ихъ леченіе. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

СИКОРСКІЙ, И., проф. Экспертиза по дѣлу объ убійствѣ Андриуши Ющинскаго. Спб. 1913. Ц. 30 к.

СЛЕХ, д-ръ, проф. Краткій учебникъ глазныхъ болѣзней для студентовъ и врачей. М. 1914. Ц. 2 р.

ТУМАЛОВСКІЙ, А. Анализъ питьевой воды. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Одесса. 1913. Ц. 1 р.

ЦЕПТИНЪ, А. Примѣненіе рентгенодиагностики при заболѣваніяхъ внутреннихъ органовъ. М. 1912. Ц. 20 к.

ШТАНГЕ, А. Практическое руководство къ изслѣдованію пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

- НОВИЦКІЙ, В. Высшая стратегія. Спб. 1913. Ц. 1 р.
САВЕЛЬЕВЪ, А. Руководство учителями молодыхъ солдатъ, отдѣленными, взводными и офицерами для обученія гимнастики. Смоленскъ. 1913. Ц. 35 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АРХИЕРЕЕВЪ, Нособіе для учащихся. Диктанты для начального обученія русскому правописанію. Спб. 1913. Ц. 40 к.
БЪЛКОВЪ, Х., прот. По пути за Христомъ. (Чтеніе въ школѣ и дома). Ч. 1-я. Спб. 1914. Ц. 50 к.
ГЕОГРАФІЯ ВЪ ШКОЛѢ. Непериодическое издание, выходящее подъ редакціей Я. И. Руднева. Сборникъ № 2. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школахъ. Спб. 1914. Ц. 80 к.
ЖУКОВСКІЙ, П. Забѣты о преподаваніи и изученіи исторіи. Вып. I. Переяславъ. 1913. Ц. 25 к.
ИЛЬИНСКІЙ, Н. Гомеръ въ обработкѣ для школы. Вып. I. Илллада. Тифлисъ. 1912. Ц. 75 к.
— Софоклъ въ обработкѣ для школы. Тифлисъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
КУДРИНСКІЙ, О. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. I. Пушкинъ, Грибоевъ, Лермонтовъ. Вильна. 1913. Ц. 80 к.
LOUSSERT, J. Русско-французскіе разговоры. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
НИКОЛЬСКІЙ, С. Методика элементарнаго курса исторіи. Оренбургъ. 1913. Ц. 85 к.
НОВИКОВЪ, А. Д. В. Григоровичъ. Биографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Спб. 1913. Ц. 30 к.
ОЧАПОВСКІЙ, Л. Дробни, курсъ ариметики и задачникъ. Для младшихъ классовъ. Спб. 1914. Ц. 75 к.
ПЕРВОВЪ, П. Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. М. 1913. Ц. 3 р. 50 к.
ПОМЕРАНЦЕВЪ, В. Обзоръ русской литературы XVIII вѣка въ темахъ и планахъ. Курсъ VI класса мужск. и женск. средн.-учебн. завед. М. 1914. Ц. 65 к.
СОСУНЦОВЪ, Е., свящ. Законъ Божій и экспериментальная педагогика. Казань. 1914. Ц. 25 к.
— Указатель книгъ для чтенія на урокахъ Закона Божія. Курсъ начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 1914. Ц. 35 к.
ТУХОЛКА, С. Краткое руководство къ албанскому языку. Спб. 1913. Ц. 60 к.
ФЕРЕНСЪ, Б. Новѣйшій практическій самоучитель польскаго языка. Варшава. 1914. Ц. 75 к.
ЧИСТОВЪ, А. Опытъ постановки практическихъ занятій по физикѣ въ высшемъ начальномъ училищѣ. Спб. 1914. Ц. 35 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- АНДРЕЕВСКАЯ, В. Чужое счастье. Историческій рассказъ. Съ рис. Спб. 1914. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
БАРЧЕНКО, А. Водныя жизни. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Спб. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.
БОГОМОЛОВЪ, Б. Царевна Зоренька. Стихи дѣтскіе. Спб. Ц. 60 к.
ГЛАЗУНОВЪ, Н. Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра. Съ 6 рис. Изд. 4-е. Спб. 1913. Ц. 80 к.
ГОФМАНЪ, Ф. Что посѣешь, то пожнешь. Рассказъ для дѣтей и юношества. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 45 к.
— Дядя и племянникъ. Рассказъ изъ жизни негровъ-невольниковъ. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 45 к.
ДМОХОВСКІЙ, П. И. Рождество и елка. Сборникъ стихотвореній для чтеній на рождественскихъ литературныхъ вечерахъ. Шюта. 1913. Ц. 50 к.
ДѢТСКІИ ПЪСЕНКИ. Посвящается памяти Люсенки Молзалева. Слова Т. и Н. Молзалева. Музыка М. Эпель, въ обработкѣ Малько. Иллюстраціи художника Ив. Грабовскаго. Сборникъ нотъ. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 3 р.
КОЗА-ДЕРЕЗА. Сказка для дѣтей. Ц. 75 к.
МАКАРОВА, С. Отголоски старины. Историческіе рассказы для дѣтей. Спб. Ц. въ папкѣ 1 р. 35 к.
МИДЪ, Л. Первые шаги. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.
МОРАВСКАЯ, М. Апельсинныя корки. Стихи для дѣтей. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 1 р.
ПЛАМЕНЕВСКАЯ, М. Сказки тети Мани. Вып. V. Лѣсныя птицы. Для дѣтей средняго возраста. Спб. Ц. 35 к.
РОБЕРТЪ, Ч. Въ лѣсныхъ дѣбряхъ. Рассказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перел. 2 р.
ШВЕДЕРЪ, Е. Гимназистки въ гимназій, дома, на каникулахъ и въ деревнѣ. Записки гимназиста. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 1 р.
ЩЕРБАЧЕВА, З. Золотое время. Задушевные рассказы для дѣтей. Спб. 1914. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- АВТОМОБИЛЬНЫЙ СПУТНИКЪ. «Вечернее Время» и т-ва «Треугольникъ». Спб. 1914. Ц. въ перел. 2 р.
ЯНСОНЪ, Л. Охота на звѣря, лѣсную, водяную и болотную дичь. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

ГАВРИЛОВИЧЪ, А. Музыкальный календарь. Справочная и записная книжка на 1914 годъ. Ц. 1 р.

КАЗАНСКІЙ, С. Справочная книга и руководство для волостныхъ правлений, старшинъ, сельскихъ старостъ и писарей. Т. I—II. Спб. Ц. 3 р.

КАЛЕНДАРЬ «Гражданинъ» на 1914 г. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

МЯСНИКОВЪ, Н. и ПАШИНЪ, Л. Справочникъ по поступленію военноопредѣляющимися и охотниками въ армию и флотъ: учащихся, врачей, студентовъ военно-медицинской академіи и по проихожденію ими военной службы. Смоленскъ. 1913. Ц. 40 к.

ПРАВИЛА И ПРОГРАММЫ испытаній для лицъ, желающихъ получить званія: а) учителя новыхъ языковъ, б) учителя узбднаго училища, в) домашняго учителя,

г) учителя начальнаго училища, д) учителя рисованія, черченія и чистописанія, е) аптекарскаго ученика и ж) на первый классный читъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МОСКВѢ, иллюстрированный. Ч. I-я и 2-я. М. 1914. Ц. за обѣ части 50 к.

СБОРНИКЪ ПРАВИЛЪ со всѣми разясненіями и дополненіями объ опредѣленіи на службу на желѣзныхъ дорогахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ объ опредѣленіи на разныя должности въ казенныя, общественныя и частныя учрежденія. Спб. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Русскій календарь на 1914 годъ. Ц. въ бум. 1 р., въ перепл. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поразстоянію.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ **РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)**

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ; и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

